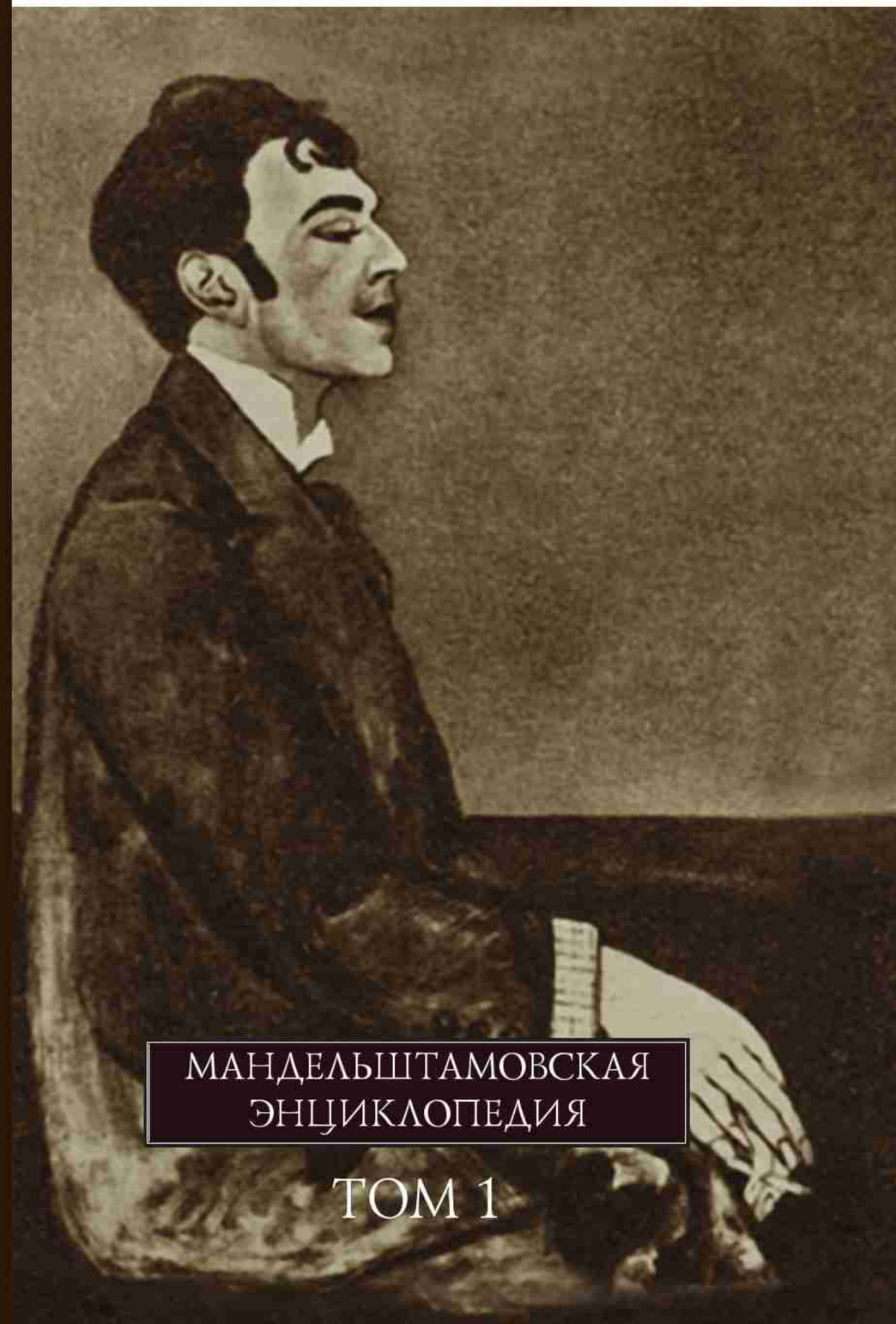
МАНДЕЛЬШТАМОВСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

1



МАНДЕЛЬШТАМОВСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

ТОМ 1

МАНДЕЛЬШТАМОВСКИЙ ЦЕНТР ШКОЛЫ ФИЛОЛОГИИ
НИУ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
МАНДЕЛЬШТАМОВСКОЕ ОБЩЕСТВО
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. В. И. ДАЛЯ
(ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ)
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

МАНДЕЛЬШТАМОВСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

В двух томах

Том 1

Редакционная коллегия:

С. С. Аверинцев, Д. П. Бак, Н. А. Богомолов,
С. В. Василенко (зам. гл. ред.), Л. М. Видгоф, М. Л. Гаспаров,
А. Д. Еськова, Г. А. Загянская, Д. В. Зуев (ученый секретарь),
А. В. Лавров, О. А. Лекманов (гл. ред.), А. В. Наумов, П. М. Нерлер (гл. ред.),
Е. Н. Пенская, В. А. Плунгян, И. С. Ряховская, М. В. Соколова,
А. К. Сорокин, Н. А. Струве, Р. Д. Тименчик, Ю. Л. Фрейдин,
С. Г. Шиндин, Г. В. Якушева

РОССПЭН
Москва
2017

УДК 929
ББК 63.2
М23

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 15-34-11210а, не подлежит продаже

Главные редакторы:
П. М. Нерлер, О. А. Лекманов

Научная редакция:
С. В. Василенко, Г. А. Загянская, Д. В. Зуев, И. С. Ряховская, С. Г. Шиндин, Ю. Л. Фрейдин

Вступительная статья:
В. Б. Микушевич

Подбор иллюстраций:
А. В. Наумов, П. М. Нерлер

Все статьи опубликованы в авторской редакции

Мандельштамовская энциклопедия : в 2 т. / [гл. ред. П. М. Нерлер, О. А. Лекманов]. — М. : Политическая энциклопедия, 2017.

М23

ISBN 978-5-8243-2096-1

Т. 1. – 574 с. : ил.
ISBN 978-5-8243-2176-0

Мандельштамовская энциклопедия – научно-справочное издание о жизни и творчестве О. Э. Мандельштама, многолетний труд архивистов и биографов, текстологов и комментаторов, искусствоведов и других специалистов-мандельштамоведов по описанию и анализу его текстов и его судьбы. В энциклопедии представлено более 600 словарных статей. Издание проиллюстрировано репродукциями автографов, прижизненных публикаций и биографических документов, произведений живописи и графики. Все статьи энциклопедии мандельштамоцентричны: темы и персонажи рассматриваются не сами по себе, но в тесной связи с личностью и творчеством Мандельштама.

Энциклопедия рассчитана на специалистов-филологов и на широкий круг любителей творчества поэта.

УДК 929
ББК 63.2

ISBN 978-5-8243-2176-0 (т. 1)
ISBN 978-5-8243-2096-1

© Коллектив авторов, 2017
© Политическая энциклопедия, 2017

О МАНДЕЛЬШТАМОВСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

Замысел Мандельштамовской энциклопедии (МЭ) сложился в середине 1990-х гг. Столетие со дня рождения поэта, отмечавшееся в 1991 году, как бы подводило к этой мысли – но не только юбилейно-парадной своей коннотацией. Стало ясно, что, начиная с 1955 года, когда в Нью-Йорке, в издательстве им. Чехова увидело свет первое посмертное издание поэта (составители Г. П. Струве и Б. А. Филиппов), мандельштамоведение проделало такой колоссальный путь, что появилась насущная потребность зафиксировать и осмыслить все наработанное, определить его структуру, помочь исследователям, комментаторам, издателям и всем заинтересованным лицам и читателям сориентироваться в поистине огромном материале. Лучше всего для этой цели подходила интегральная форма энциклопедического словаря.

Возникновение в том же 1991 году Мандельштамовского общества (МО), первыми двумя председателями которого были С. С. Аверинцев и М. Л. Гаспаров, объединившего пусть и не всех, но весьма многих из тех, кто мог бы всерьез поучаствовать в этом начинании, стало другой важной организационной предпосылкой всего проекта.

Еще одной такой предпосылкой стал союз с издательством «Политическая энциклопедия» (РОССПЭН). Подготовленные совместно с издательством грантовые заявки четырежды поддерживал Российский гуманитарный научный фонд, выделивший на подготовку энциклопедии гранты № 03-04-00164а (исследования 2003–2004 гг.), № 05-04-04361а (исследования 2005–2006 гг.), 07-04-00279а (исследования 2007 г.) и № 15-34-11210а (исследования и издание 2015–2017 гг.). Первым издательским редактором «МЭ» стала Инна Сергеевна Ряховская, разработавшая основные методические указания для авторов и редакторов.

Не оценить той поддержки, которую оказывали начинанию ныне покойные академики С. С. Аверинцев и М. Л. Гаспаров и члены главной редакции МЭ. Неизменным участником дискуссий по поводу МЭ и одним из основных ее инициаторов была Марина Вадимовна Соколова, секретарь МО и первый ученый секретарь редколлегии МЭ, которую с полным правом можно назвать подлинным мотором проекта.

В планы Аверинцева входило написание вступительной статьи «Осип Мандельштам и мировая культура» и десятка других ключевых текстов, а в планы Гаспарова – написание даже не десятков, а сотен статей, посвященных разбору каждого из стихотворений Мандельштама – буквально каждого (за исключением лишь шуточных, детских и переводных)! Но, увы, всем этим планам не суждено было осуществиться – М. В. Соколова умерла в 2002, С. С. Аверинцев – в 2004, а М. Л. Гаспаров – в 2005 г.

Кроме них, в состав редколлегии входят Д. П. Бак, Н. А. Богомолов, С. В. Василенко (зам. главного редактора), Л. М. Видгоф, А. Д. Еськова, Г. А. Загянская, Д. В. Зуев (ученый секретарь), А. В. Лавров, А. В. Наумов, Е. Н. Пенская, В. А. Плунгян, И. С. Ряховская, А. К. Сорокин, Н. А. Струве, Р. Д.Тименчик, Ю. Л.Фрейдин, С. Г. Шиндин и Г. В.Якушева.

Многие члены редколлегии вошли в авторский коллектив энциклопедии, насчитывающий около 150 человек. В основном это филологи, от признанных мэтров до талантливой аспирантской и даже студенческой молодежи, – представители России, Армении, Белоруссии, Бельгии, Венгрии, Германии, Израиля, Италии, Китая, Польши, Румынии, США, Украины, Франции, Швеции, Эстонии, Японии и др. Среди российских городов доминируют Москва и Санкт-Петербург, но есть коллеги из Владивостока, Воронежа, Гатчины, Новгорода, Новосибирска, Красноярска, Саратова, Смоленска и др.

Общее число статей МЭ превышает 600. Подавляющее большинство авторов написало для МЭ одну, от силы две-три статьи, как правило, соответствующие профилю их узкой специализации или повседневной деятельности. Костяк же авторского коллектива существенно уже: 20–25 человек, написавших от пяти статей и более. Это Эдуард Вайсбанд, Леонид Видгоф, Стефано Гардзонио, Евгений Голубовский, Елена Куранда, Татьяна Нешумова, Ольга Самойлова и Борис Фрезинский. Среди тех, чье участие свелось не к единицам, а к десяткам и более статей, – Сергей Василенко, Вера Калмыкова, Олег Лекманов, Павел Нерлер, Владимир Плунгян и Сергей Шиндин.

В коллективе научных редакторов большую часть выполненного труда пришлась на О. А. Лекманова, П. М. Нерлера и С. Г. Шиндина; нередко статьи посылались на экспертизу и др. членам редколлегии, а также внешним специалистам. Диспетчерские функции, обеспечивающие связь авторского и редакторского коллективов, а также издательства, осуществлялись главными редакторами во взаимодействии с ученым секретарем редколлегии: вслед

за М. В. Соколовой (2001–2002) ими были И. Б. Делекторская (2003–2005), Д. Н. Мамедова (2006), О. В. Шамфарова (2007–2010), О. В. Миронова (2010–2013) и, наконец, Д. В. Зуев (2014–2017).

МЭ задумана как компендиум сведений об О. Э. Мандельштаме, о его жизни и творчестве. Она призвана подытожить полувековые усилия близких и друзей поэта, архивистов и текстологов, комментаторов и литературоведов, хранителей и мемуаристов, всех тех, кто в течение многих лет собирал, изучал и издавал материалы о нем.

МЭ состоит из двух томов. В первый вошли материалы (настоящая заметка, вступительная статья В. Б. Микушевича «Осип Мандельштам и мировая культура», летопись жизни и творчества поэта, а также основной корпус словарных статей, данных в алфавитном порядке вместе с сопутствующими пристатейными иллюстрациями.

Во второй том включены разнообразные приложения: летопись жизни и творчества О. Э. Мандельштама, иконография поэта, характеристика поэтических и прозаических произведений метрический справочник, инскрипты и маргиналии, нотография, сводная библиография публикаций О. Э. Мандельштама и исследований его творчества на русском языке и избранная библиография переводов О. Э. Мандельштама, исследования и рецепция его творчества на иностранных языках, в частности, на английском, армянском, белорусском, болгарском, иврите, идише, испанском, итальянском, каталанском, китайском, корейском, латышском, литовском, нидерландском, норвежском, украинском, фарси, французском и японском. В случае переиздания Мандельштамовской энциклопедии перечень приложений будет расширен.

Издание проиллюстрировано портретами персонажей, репродукциями автографов, прижизненных публикаций и биографических документов, произведений живописи и графики. Базовым для МЭ изданием текстов поэта явилось четырехтомное собрание сочинений, выпущенное в 1993–1997 гг. МО и издательством «Арт-Бизнес-Центр» (под редакцией П. М. Нерлера, А. Т. Никитаева, а также С. В. Василенко и Ю. Л. Фрейдина).

Работа по созданию персональных энциклопедий, традиционно активизирует усилия научного сообщества, стимулирует новые исследования в избранном направлении. Многие статьи МЭ основываются на специальных разысканиях и поэтому поистине уникальны. Все статьи подчеркнуто «мандельштамоцентричны»: тот или иной персонаж, та или иная организация интересуют редколлегию не сами по себе, а постольку, поскольку их творчество или деятельность пересеклись с творчеством и судьбой великого поэта.

Сложность и масштабность самого проекта, некоторая эволюция его замысла и, соответственно, увеличение словника, а также смерть двух первых главных редакторов – С. С. Аверинцева и М. Л. Гаспарова – задержали эту, и без того непростую, работу. На заключительном этапе возникла еще и проблема превышения запланированного объема МЭ. Все остающиеся упущения и лакуны планируется ликвидировать при подготовке переиздания или электронной версии МЭ.

П. М. Нерлер

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЕМ – архив Е. Э. Мандельштама (в наст. время находится в разных частных собраниях)
Азадовский, Мец – О. Э. Мандельштам. Внутренние рецензии и предисловие для издательства «Время» / Публ., предисл. и примеч. К. М. Азадовского и А. Г. Меца // Слово и судьба: О. Э. Мандельштам: Сборник статей и материалов / Отв. ред. З. С. Паперный. М., 1991. С. 7–19.
АЛ – архив М. Л. Лозинского (в настоящее время собрание И. В. Платоновой-Лозинской)
Альбом Тарасенкова – машинописный список ст-ний О. Мандельштама 1930–1937 гг. (собрание М. В. Сеславинского).
АМ – архив О. Э. Мандельштама (Отдел редких книг и специальных коллекций Библиотеки Принстонского университета, США)
АН – Академия наук СССР
англ. – английский
антич. – античный
арм. – армянский
арх. – архивный
А. Э. – Александр Эмильевич Мандельштам

б. г. – без указания года
б. д. – без указания даты
б. м. – без указания места
б. п. – без подписи
Бабаев – Бабаев Э. Г. Воспоминания. СПб.: ИНАПРЕСС, 2000.
Бартель – Бартель М. Завоюем мир! Избранные стихи / Пер. с нем. и предисл. О. Э. Мандельштама. Л. – М.: Гос. изд-во, 1925.
б-ка – библиотека
болг. – болгарский
БП – Мандельштам О. Стихотворения / Вступ. ст. А. Л. Дымшица; Сост. и примеч. Н. И. Харджиева. Л.: Ленинградское отделение изд-ва «Советский писатель», 1973. (Б-ка поэта, Большая серия).

в.; вв. – век; века
венг. – венгерский
веч. – вечерний (выпуск)
Видгоф 2012 – Видгоф Л. М. «Но люблю мою курву-Москву»: Осип Мандельштам: поэт и город. М.: Астрель, 2012.
Видгоф 2015 – Прогулка по мандельштамовской Москве: Карта-экскурсия / Сост. и авторы текста Л. М. Видгоф и П. М. Нерлер. М.: Петровский парк, 2015.
ВК – Мандельштам О. Вторая книга. М. – Пб: Круг, 1923.
ВЛ – журнал «Вопросы литературы» (Москва)
вост. – восточный
ВП. Альм. II – Воздушные пути. Альманах II / Редактор-издатель Р. Н. Гринберг. Нью-Йорк, 1961.
ВП. Альм. III – Воздушные пути. Альманах III / Редактор-издатель Р. Н. Гринберг. Нью-Йорк, 1963.
ВП. Альм. IV – Воздушные пути. Альманах IV / Редактор-издатель Р. Н. Гринберг. Нью-Йорк, 1965.
ВР(С)ХД – журнал «Вестник русского (студенческого) христианского движения» [Париж – Нью-Йорк – (Москва)]
ВС – «Ватиканский список» (список ст-ний Мандельштама 1930–1935 гг. рукой Н. Я. Мандельштам).
вступ. ст. – вступительная статья
ВТ – *Мандельштам О.* Воронежские тетради / Подгот. текста, примеч. и послесл. В. А. Швейцер. Ann Arbor: Ardis, 1980.
вып. – выпуск

г.– год; город
газ. – газета
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации (Москва)
Гаспаров 1996 – Гаспаров М. Л. О. Мандельштам: Гражданская лирика 1937 года. М.: Изд. центр РГГУ, 1996. (Чтения по истории и теории культуры; вып. 17).
геогр. – географический
Герштейн 1998 – Герштейн Э. Г. Мемуары. СПб.: ИНАПРЕСС, 1998.
ГИХЛ – Государственное издательство художественной литературы
ГЛМ – Отдел рукописей Государственного литературного музея (Москва)
голл. – голландский
Горнунг – Горнунг Б. В. Поход времени: Статьи и эссе // Записки Мандельштамовского общества. М.: РГГУ, 2001. Т. 2.
гос. – государственный
Григорьев, Петрова – Григорьев А., Петрова Н. О. Мандельштам: Материалы к биографии // *RL*. 1984. Vol. XV. Iss. 1. P. 1–28.
груз. – грузинский

д. – дело (архивное), документ
Дейч 2000 – Дейч А. Две дневниковые записи / Публ. Е. Дейча // *СМР*. Вып. 3/2. М., 2000. С. 145–146.
ДН – журнал «Дружба народов» (Москва)
Дн Каблукова (с указанием даты) – дневник С. П. Каблукова (*РНБ*)
доп. – дополнительный, дополненный
ДП 1962 – Мандельштам О. [Стихотворения] // День поэзии. М., 1962. С. 285–286.

Е. Э. – Евгений Эмильевич Мандельштам
ед. хр. – единица хранения
ЕМ – Мандельштам О. Египетская марка. Л., 1928.

ЖиТМ – Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама: Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Комментарии. Исследования / Отв. ред. О. Г. Ласунский. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1990.
журн. – журнал, журнальный

зап. – записки
Захаренко, Мец – Осип Эмильевич Мандельштам: Библиография / Сост. Н. Г. Захаренко, А. Г. Мец // Русские советские писатели: Поэты. Биобиблиографический указатель. М.: Изд-во «Книжная палата», 1990. Т. 13. С. 116–207.
Зв – журнал «Звезда» (Ленинград, Санкт-Петербург)

избр. произв. – избранные произведения
избр. соч. – избранные соч.
изд. – издание
изд-во – издательство
ил. – иллюстрация, иллюстрированный
ИМЛИ – Отдел рукописей Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Москва)
ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН (Санкт-Петербург)
Искусство автографа – Искусство автографа: Инскрипты писателей и художников в частных собраниях российских библиофилов / Сост. и автор вступ. ст. М. В. Сеславинский; [худож. Б. В. Трофимов]. Т. 2. М.: БОСЛЕН, 2015.
исп. – испанский
испр. – исправленный
итал. – итальянский

К 1913 – Мандельштам О. Камень. СПб.: Акмэ, 1913
К 1916 – Мандельштам О. Камень. Пг.: Гиперборей, 1916 [1915].
К 1923 – Мандельштам О. Камень. М. – Пг.: Госиздат, 1923.
К 1990 – Мандельштам О. Камень / Подгот. Л. Я. Гинзбург, А. Г. Меца, С. В. Василенко, Ю. Л. Фрейдина. Л., 1990 («Лит. памятники»).
к/ф – кинофильм
кит. – китайский
кн. – книга
Князева, Мец – Рецензии О. Э. Мандельштама / Публ. Н. Г. Князевой и А. Г. Меца // *Зв*. 1991. № 1. С. 151–153.
коммент. – комментарий
кон. – конец
кор. – корейский
Кузин 1999 – Кузин Б. С. Воспоминания. Произведения. Переписка. Мандельштам Н. Я. 192 письма к Б. С. Кузину / Сост., предисл., подгот. текстов, примеч. и коммент. Н. И. Крайневой и Е. А. Пережогиной. СПб.: ИНАПРЕСС, 1999.

Л. – Ленинград
л. – лист, листы
л. д. – личное дело
ЛА – журнал «Литературная Армения» (Ереван)
Ласунский 1990 – Ласунский О. Г. Мандельштам и книга // Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама: Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Комментарии. Исследования / Отв. ред. О. Г. Ласунский. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1990. С. 393–405.
лат. – латышский
ЛГ – «Литературная газета» (Москва)
ЛГр – журнал «Литературная Грузия» (Тбилиси)
Лекманов 2000 – Лекманов О. А. Книга об акмеизме и др. работы. Томск: Водолей, 2000.
Лекманов 2009 – Лекманов О. А. Осип Мандельштам: Жизнь поэта. Изд. 3-е, доп. и перераб. М.: Молодая гвардия, 2009.
Листки из дневника – Ахматова А. Листки из дневника (О Мандельштаме) / Введен., публ. и коммент. В. Я. Виленкина // *ВЛ*. 1989. № 2. С. 178–217.
Лит. – Литература
ЛО – журнал «Литературное обозрение» (Москва)
ЛУ – журнал «Литературная учеба» (Москва)

М. – Москва
Мандельштам 2001 – Мандельштам О. Стихотворения. Проза / Сост. Ю. Л. Фрейдина; предисл., коммент. М. Л. Гаспарова; подгот. текста С. В. Василенко. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2001.
Мандельштам 2001 (Б-ка поэта) – Мандельштам О. Стихотворения. Проза / Сост., вступ. ст. и коммент. М. Л. Гаспарова. М.: ООО «Изд-во АСТ», Харьков: «Фолио», 2001. (Б-ка поэта).
Мандельштам в письмах Рудакова – О. Э. Мандельштам в письмах С. Б. Рудакова к жене (1935–1936) / Вступит. ст. Е. А. Тоддеса и А. Г. Меца; Публ. и подгот. текста Л. Н. Ивановой и А. Г. Меца; Коммент. А. Г. Меца, Е. А. Тоддеса, О. А. Лекманова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1993 год. Материалы об О. Э. Мандельштаме / Отв. ред. Т. С. Царькова. СПб.: Академический проект, 1997.
Мандельштам и античность – Мандельштам и античность / Под ред. О. А. Лекманова // М.: РГГУ, 1995. (Записки Мандельштамовского об-ва. Т. 7).
Мандельштам, его предшественники – О. Э. Мандельштам, его предшественники и современники: Сб. материалов к Мандельштамовской энциклопедии. М.: РГГУ, 2007. (Записки Мандельштамовского об-ва. Т. 11).
Мандельштамовские дни – Мандельштамовские дни в Воронеже: Материалы. Воронеж, 1994.
Маргвелашвили 1967 – Маргвелашвили Г. Об Осипе Мандельштаме // Лит. Грузия. Тбилиси, 1967. № 1.
Мец 1989 – О. Э. Мандельштам. Внутренние рецензии / Публ. А. Г. Меца // Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана. М.: Книга, 1989. С. 372–374.

Мец 2011 – Осип Мандельштам и его время: анализ текстов. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Интернет-издание, 2011 (http://www.ruthenia.ru/reprint/Mets_Mandelshtam.pdf).
Мец, Сажин – Книга: Исследования и материалы. 1988. Выпуск 56.
млн. – миллион
МК – газета «Московский комсомолец» (Москва)
МО – Мандельштамовское общество (Москва)
Молодая Германия – Молодая Германия: Антология современной немецкой поэзии / Ред. Г. Н. Петников. Харьков, 1926.
Молок 1988 – Молок Ю. А. Ахматова и Мандельштам (К биографии ранних портретов) // Творчество. 1988. № 6.
Молок 2000 – Молок Ю. А. Ахматова и Мандельштам (К биографии ранних портретов) // Поэзия и живопись: Сборник трудов памяти Н .И. Харджиева. М., 2000.
Морозов 1973 – Морозов А. А. Письма О. Э. Мандельштам к В. И. Иванову // Записки Отдела рукописей / Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина. 1973. Вып. 34. С. 258–274.
моск. – московский
Москва 1964 – Мандельштам О. Восемь неизданных стихотворений // Москва. 1964. № 8.
МЭ – Мандельштамовская энциклопедия
муз. – музыкальный, музыка (при имени)
Мурина 2011 – Мурина Е. О том, что помню про Н. Я. Мандельштам // Мир искусства. Альманах. Вып. 4. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 133–173.
МХАТ – Московский художественный академический театр

Н. М. – Надежда Яковлевна Мандельштам
н. ст. – новый стиль
н. э. – нашей эры
Н. Я. Мандельштам (с указанием тома и страниц) – Мандельштам Н. Я. Собр. соч.: В 2-х т. / Сост. С. В. Василенко, П. М. Нерлер, Ю. Л. Фрейдин; Подгот. текста С. В. Василенко при участии П. М. Нерлера и Ю. Л. Фрейдина; Вступ. ст. к 1-му т. П. М. Нерлера, ко 2-му Ю. Л. Фрейдина.
Н. Я. Мандельштам 1989 – Мандельштам Н. Я. Воспоминания / Текст подготовил Ю. Л. Фрейдин; Послесл. Н. В. Панченко; Автор примеч. и сост. раздела «Стихотворения» А. А. Морозов. М.: Книга, 1989.
Н. Я. Мандельштам 1987 – Мандельштам Н. Я. Книга третья. Paris: YMCA–Press, 1987.
Найман 1999 – Найман А. Г. Рассказы о Ахматовой. М.: Вагриус, 1999.
наст. – настоящий
нач. – начало
НБП – Мандельштам О. Полн. собр. стихотворений / Сост., подгот. текста и примеч. А. Г. Меца; Вступ. ст. М. Л. Гаспарова и А. Г. Меца. СПб.: Академический проект, 1995. (Новая библиотека поэта.)
нем. – немецкий
Немировский 1966 – Осип Мандельштам. Из «Воронежских тетрадей» / [Вступ. ст. и публ. А. И. Немировского] // Подъем (Воронеж). 1966. № 1. С. 91–97.
Нерлер 1987 – Осип Мандельштам: Стихи и переводы / Публ. [и вступ. ст.] П. М. Нерлера // Дружба народов. 1987. № 8. С. 133–139.
Нерлер 1988 – Осип Мандельштам: «Я, кажется, в грядущее вхожу» / Публ. и предисл. П. М. Нерлера // Неделя. 1988. № 45.
Нерлер 2010 – Нерлер П. М. Слово и «Дело» Осипа Мандельштама: Книга доносов, допросов и обвинительных заключений. М.: Петровский парк, 2010.
Нерлер 2014 – Нерлер П. М. Con amore: Этюды о Мандельштаме. М.: Новое литературное обозрение, 2014
Нерлер 2015 – Нерлер П. М. Осип Мандельштам и его солагерники / Научн. редактор О. А. Лекманов. М.: АСТ, 2015.
Нешумова 2008 – «Гуговна»: (Из писем А. Г. Усовой Л. В. и А. В. Горнунгам) / Подгот. текста, вступит. заметка и примеч. Т. Ф. Нешумовой // *СМР*. Вып. 4/1. М., 2008. С. 226–244.
НЖ – «Новый журнал» (Нью-Йорк)
НЛО – журнал «Новое литературное обозрение» (Москва)
НМ – журнал «Новый мир» (Москва)
норв. – норвежский
НРОП – наборная рукопись сб. О. Мандельштама «О поэзии» (1928) (*ИРЛИ*).
НРС – газета «Новое русское слово» (Нью-Йорк)
НРС ИРЛИ – наборная рукопись сб. О. Мандельштама «Стихотворения» (1928) (*ИРЛИ*).
НРС РНБ – наборная рукопись части сб. О. Мандельштама «Стихотворения» (1928) (*РНБ*)

О. М. – Осип Эмильевич Мандельштам
Об Ахматовой – Мандельштам Н. Я. Об Ахматовой / Сост. П. М. Нерлер. М.: Три квадрата, 2008. (Записки Мандельштамовского об-ва. Т. 13).
об. – оборот
ок. – около
оп. – опись
опубл. – опубликован, опубликованный
Осип и Надежда – Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников / Вступ. ст., подгот. текст., сост. и коммент. О. С. Фигурновой, М. В. Фигурновой. М.: Наталис, 2002.
«Отдай меня, Воронеж...» – «Отдай меня, Воронеж...»: Третьи международные Мандельштамовские чтения: Сб. статей. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1995.

Парнис, Тименчик – Парнис А. Е., Тименчик Р. Д. Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник, 1983. Л., 1985.
Пг. – Петроград
пер. – перевод
Письма Максимову – Письма Н. Я. Мандельштам к Д. Е. Максимову / Публ., вступ. ст. и коммент. Н. Т. Ашинбаевой // Дмитрий Евгеньевич Максимов в памяти друзей, коллег, учеников. К 100-летию со дня рождения. М.: Наука 2007.
ПН – газета «Последние новости» (Париж)
подгот. – подготовка
пол. – половина
полн. собр. – полное собрание
польск. – польский
пос. – поселок
послесл. – послесловие
Поэтика и текстология – Осип Мандельштам. К 100-летию со дня рождения: Поэтика и текстология. Материа-

лы научной конференции 27–29 декабря 1991 г. / Сост. Ю. Л. Фрейдин. М., 1991.
пр. – прочее, проспект
предисл. – предисловие
примеч. – примечание
Простор 1966 – Мандельштам О. [Стихотворения] / Публ. подготовила Н. Я. Мандельштам // Простор. Алма-Ата, 1966. № 11. С. 110.
ПС – Последние стихи. Рукописный сборник стихотворений 1920 г. (частное собр.)
ПССиП (с указанием тома и страниц) – Мандельштам О. Полн. собр. соч. и писем: В 3-х т. / Осип Мандельштам; [Сост., подгот. текста и коммент. А. Г. Меца]. – Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Издательский Дом «Гиперион», 2017. Т. 1. Стихотворения / [Сост., подгот. текста и коммент. А. Г. Меца]. Т. 2. Проза / [Сост. А. Г. Мец; подгот. А. Г. Меца, Ф. Лоэст (F. Lhoest), А. А. Добрицына, Г. Р. Ахвердян, Л. Г. Степановой, Г. А. Левинтона]. Т. 3. Проза. Письма / [Сост. А. Г. Мец; подгот. текста: А. Г. Мец, К. М. Азадовский, А. А. Добрицын, А. Зумпф (A. Sumpf), Т. В. Котова, Ф. Лоэст, С. В. Василенко, Л. М. Видгоф, Е. В. Иванова, М. А. Котова, Т. М. Двинятина].
публ. – публикация

р. – река
разг. – разговорный
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)
РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва)
РД – Мандельштам О. Разговор о Данте / Подгот. текста и примеч. А. А. Морозова; Послесл. Л. Е. Пинского. М., 1967.
ред. – редактор, редакция (кроме организации), редакционный
рец. – рецензия
рис. – рисунок
РЛ – журнал «Русская литература» (Санкт-Петербург)
РМ – газета «Русская мысль» (Париж), журнал «Русская мысль» (София – Прага – Париж)
р-н – район
РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург)
род. – родился
Ростов н/Д. – Ростов-на-Дону
РП (1800–1917) – Русские писатели. 1800–1917: Биограф. словарь / Гл. ред. П. А. Николаев. Т. 1–5. М.: Большая российская энциклопедия, 1989–2007.
РП XX в. – Русские писатели XX века: Биограф. словарь / Сост. П. А. Николаев. М.: Большая российская энциклопедия, 2001.
рукоп. – рукописный, рукопись
рум. – румынский
рус. – русский
Рюрик Ивнев 2008 – Неизвестная внутренняя рецензия О. Э. Мандельштама / Публ. Н. П. Леонтьева, вступ. заметка П. М. Нерлера // *СМР*. Вып. 4/1. М., 2008. С. 50–52.
Рюрик Ивнев 2012 – Рюрик Ивнев. Дневник. 1906–1980 / Сост Н. П. Леонтьев, подгот. текста А. П. Дмитриева, Н. П. Леонтьева и А. В. Леонтьева, коммент. А. П. Дмитриева. М.: Эллис Лак, 2012.
С 1928 – Мандельштам О. Стихотворения. М. – Л.: Гос. изд-во, 1928.
с. – страница, страницы; село
сб. – сборник
Сегал – Сегал Д. Осип Мандельштам: История и поэтика / Edited by Dimitri Segal, Roman Timenchik. Ч. I. Кн. 1, 2. Slavica Hierosolymitana. Vol. VIII, IX. Jerusalem – Berkeley: Berkley Slavic Specialties, 1998.
Семенко – Семенко И. М. Поэтика позднего Мандельштама: От черновых редакций – к окончательному тексту. Изд. 2-е, доп. / Предисл. Л. Я. Гинзбург; Сост. С. В. Василенко и П. М. Нерлера; Подгот. текста и примеч. С. В. Василенко. Библиогр.: П. М. Нерлер, Н. Л. Поболь // М.: Ваш Выбор ЦИРЗ, 1997. (Записки Мандельштамовского об-ва.Т. 8.)
сер. – серия; середина
СЗ – журнал «Современные записки» (Париж)
СК – Мандельштам О. Слово и культура / Сост. и примеч. П. М. Нерлера. М.: Советский писатель, 1987.
Слово и судьба – Слово и судьба: Осип Мандельштам: Исследования и материалы / Отв. ред. З. С. Паперный. М.: Наука, 1991.
Смерть и бессмертие – Смерть и бессмертие поэта: Материалы международной научной конференции, посвященной 60-летию со дня гибели О. Э. Мандельштама (Москва, 28–29 декабря 1998 г.) / Сост. М. З. Воробьева, И. Б. Делекторская, П. М. Нерлер, М. В. Соколова, Ю. Л. Фрейдин. М.: РГГУ, 2001. (Записки Мандельштамовского об-ва. Т. 11.)
Сморгунова, Фрейдин 1987 – «Новые стихотворения» Осипа Мандельштама / Публ. [и вступ. ст.] Е. М. Сморгуновой и Ю. Л. Фрейдина // Даугава. 1987. № 1. С. 110–117.
СМР – «Сохрани мою речь...»: Записки Мандельштамовского об-ва. Вып. 1–5. М., 1991–2011.
собр. – собрание
Собр. Ивича – собрание А. Ивича (И. И. Бернштейна)
Собр. Лесмана – собрание М. С. Лесмана (ныне собрание Н. Г. Князевой-Лесман)
Собр. Маршака – собрание Б. И. Маршака
Собр. Островского – материалы (два неполных экземпляра *К 1916* с поправками О. Э. Мандельштама) для подготовки неосуществленного издания сб. «Камень» в издательстве М. В. Аверьянова (собр. А. Г. Островского)
Собр. Поляковой – собрание С. В. Поляковой (некоторые материалы собрания находятся в частных коллекциях, местонахождение неизвестно)
Собр. Эткинда – собрание Е. Г. Эткинда
совр. – современный
сокр. – сокращенный
сост. – составитель, составление
Соч. (с указанием тома и страниц) – Мандельштам О. Соч.: в 2 т. Т. 1: Стихотворения / Сост., подгот. текста и коммент. П. М. Нерлера; Вступ. статья С. С. Аверинцева. Т. 2: Проза. Переводы / Сост. С. С. Аверинцева и П. М. Нерлера; Подгот. текста и коммент. А. Д. Михайлова и П. М. Нерлера. М.: Художественная литература, 1990.
соч. – сочинение
СПб. – Санкт-Петербург
спец. – специальный
ср.-век. – средневековый
СС 2 (с указанием тома и страниц) – Мандельштам О. Собр. соч.: в 2-х т. / Под ред. проф. Г. П. Струве и Б. А. Филиппо-

ва. Т. 1. Стихотворения / Вступ. статьи проф. Кл. Брауна, проф. Г. П. Струве и Э. М. Райса. Вашингтон: Международное Литературное Содружество, 1964. Том 2. Стихотворения. Проза / Вступ. ст. Б. А. Филиппова. Вашингтон: Международное Литературное Содружество, 1966.
СС 3 (с указанием тома и страниц) – Мандельштам О. Собр. соч.: в 3-х т. Изд. 2-е, доп. и пересмотр. / Под ред. проф. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. Том 1. Стихотворения / Вступ. статьи проф. Кл. Брауна, проф. Г. П. Струве и Э. М. Райса. Вашингтон: Международное Литературное Содружество, 1967. Т. 2. Проза / Вступ. ст. Б. А. Филиппова. Вашингтон: Международное Литературное Содружество, 1971. Том 3. Очерки. Письма / Вступ. статьи проф. Ю. П. Иваска, Н. А. Струве и Б. А. Филиппова. Вашингтон: Международное Литературное Содружество, 1969. Т. IV, дополнительный / Под ред. Г. П. Струве, Н. А. Струве и Б. А. Филиппова. Париж: YMCA–Press, 1981.
СС 4 (с указанием тома и страниц), например: Мандельштам О. Собр. соч.: В 4-х т. / Сост. П. М. Нерлер, А. Т. Никитаев (т. 4 также С. В. Василенко и Ю. Л. Фрейдин). Т. 1. Стихи и проза. 1906–1921. Т. 2. Стихи и проза. 1921–1929. Т. 3. Стихи и проза. 1930–1937. Т. 4. Письма. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993–1997.
ССП – Союз писателей СССР
ст. – строка, строки; статья; станция
ст. ст. – старого стиля
ст-ние – стихотворение
стихотв. – стихотворный
стлб. – столбец
Столетие Мандельштама – Столетие Мандельштама: Материалы симпозиума / Ред.-сост. Р. Айзелвуд, Д. Майерс. Тенафлай, 1994.
Струве 1970 – Из литературного наследия О. Мандельштама: Двадцать два неизданных стихотворения / [Вступит. заметка и примеч. Н. А. Струве] // *ВРСХД*. 1970. № 97. С. 107–117.
Струве 1974 – Из литературного наследия О. Мандельштама: Неизданные стихи / [Публ., сопроводит. заметка и примеч. Н. А. Струве] // *ВРСХД*. 1974. № 111. С. 172–179.
Струве 1990 – Струве Н. А. Осип Мандельштам. London, 1990.

т. – том, тома
т. н. – так называемый
т. о. – таким образом
т-во – товарищество
Темы и вариации – Темы и вариации: Сб. статей и материалов к 50-летию Лазаря Флейшмана / К. М. Поливанов, И. Д. Шевеленко, А. Б. Устинов // Stanford Slavic Studies. Vol. 8. Stanford, 1994.
тип. – типография
Третья книга – Мандельштам Н. Я. Третья книга / Изд. подготовил Ю. Л. Фрейдин. М.: Аграф, 2006.

укр. – украинский
ул. – улица
ун-т – университет

ф. – фонд
факс. – факсимильный
филол. – филологический
ф-п – фортепьяно
Фрейдин Ю. Л. 1987 – Осип Мандельштам. [Стихотворения] / Публ. [и вступ. заметка] Ю. Л. Фрейдина // Московский комсомолец. 1987. 13 марта.
ф-т – факультет

худ. – художник

ЦА МВД – Центральный архив Министерства внутренних дел Российской Федерации (Москва)
ЦА ФСБ – Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (Москва)
ЦГАЛИ СПб – Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга
ЦЕКУБУ – Центральная комиссия по улучшению быта ученых

ч. – часть
Чукоккала – Чукоккала: Рукописный альманах Корнея Чуковского / Предисл И. Л. Андроникова; Коммент. К. И. Чуковского; Сост., подгот. текста, примеч. Е. Ц. Чуковской. М.: Русский путь, 2006.

ШВ – Мандельштам О. Шум времени. Л.: Изд-во «Время», 1925.
Штемпель – Штемпель Н. Е. Мандельштам в Воронеже / Вступ. ст. Д. П. Заславского; Сост. В. Н. Гыдова, П. М. Нерлера; Подгот. текста и примеч. В. Н. Гыдова. М., 1992. (Записки Мандельштамовского общества. Т. [1].)

экз. – экземпляр
энц. – энциклопедия
эст. – эстонский
яз. – язык
яп. – японский

B – box
Bd. – Band
Books Abroad – Books Abroad. An International Literary Quarterly (Norman, Oklahoma, USA).
F – folder
Im – image
Iss. – issue
N. Y. – New York
P. – Paris
P., p. – page, pages
RL – Russian Literature. The Hague, Mouton.
S – subfolder
S. – Seite
Slavic Review – Slavic Review: American Quarterly of Soviet and East European Studies (USA).
Slavica Hierosolymitana – Slavica Hierosolymitana: Slavic Studies of the Hebrew University (Jerusalem; Stanford; Berkeley).
T – Мандельштам О. Tristia. Пб. – Берлин: Petropolis, 1922 (на обл. 1921).
The Russian Review – The Russian Review: An American Quarterly Devoted to Russia Past and Present (Hanover; New Hampshire, USA)
Univ. – University
Vol. – volume

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ И МИРОВАЯ КУЛЬТУРА

1

Высказывание, основополагающее для всей жизни и творчества Осипа Мандельштама, относится, по всей вероятности, к февралю 1935 года, когда ссыльного поэта вынудили выступить с докладом на собрании воронежских писателей[1]. Это устное высказывание дошло до нас в приблизительной записи, но настолько непреложно в своей чеканной отчетливости, что вполне достойно «Камня», как Мандельштам назвал первую книгу своих стихов, более того, оно-то и придает истинный смысл «Камню» – «Тоска по мировой культуре».

Так Мандельштам определял акмеизм, и это характеризует природу акмеизма точнее иных литературоведческих дефиниций. Но тоска по мировой культуре не может исчерпываться пределами одного, пусть значительного, литературного направления. С нею органически сочетается признание поэта: «Я не отрекаюсь ни от живых, ни от мертвых». Признание, конечно, касается акмеизма и акмеистов: «живые» – это А. А. Ахматова, «мертвые» – это расстрелянный Н. С. Гумилев, но, очевидно, мировая культура – тоже живые и мертвые, и при отречении от них мировая культура потеряла бы смысл[2].

Вполне возможно, что Мандельштам сказал – или сказал бы – то же самое и в Ленинграде, и в Воронеже. Но Воронеж существен для обоих высказываний: воронежской ссылкой предварена надвигающаяся гибель Мандельштама. Если бы Мандельштам умел вовремя «отрекаться», он, быть может, избежал бы и воронежской ссылки, и грядущей гибели. «Я не отрекаюсь ни от живых, ни от мертвых», – реплика трагического героя, который к тому же был трагическим поэтом. Существо Мандельштама в этом сочетании трагического героя и трагического поэта:

Где больше неба мне – там я бродить готов,
И ясная тоска меня не отпускает
От молодых еще воронежских холмов
К всечеловеческим, яснеющим в Тоскане[3].

Н. Я. Мандельштам утверждает, что эти стихи – о тоске по мировой культуре. В историческом контексте стих и высказывание одновременны. Они принадлежат эпохе, когда Перец Маркиш сказал Мандельштаму в редакции «Литературной газеты»: «Вы сами себя берете за руку и ведете на казнь»[4]. Ясная тоска не отпускает Мандельштама от «молодых еще» холмов его ссылки. Тоска по мировой культуре означает и тоску по этим холмам. Но «наши речи за десять шагов не слышны»[5], – не потому ли, что «ясная тоска не отпускает», все та же тоска по мировой культуре; не этой ли тоске принес Мандельштам в жертву свою жизнь, и не эта ли жертва – его поэзия? Так что вопрос в том, что значила для Мандельштама мировая культура?

Прежде всего, мировая культура для Мандельштама по своему элементарному смыслу не противостоит русской, а включает ее в себя, или, может быть, вернее: русская культура включает в себя мировую культуру, будучи ею сама. Здесь Мандельштам, несомненно, расходится с предельным западничеством, противопоставляющим культуру Запада культурам Востока (с такой точки зрения евразийство – тоже западничество). Ясная тоска не отпускает к холмам «всечеловеческим, яснеющим в Тоскане» не потому ли, что им еще предстоит «дояснеть» до этой ясной тоски, а тоска – Тоскана, и холмы там всечеловеческие, напоминающие пушкинскую всечеловечность, о которой говорил Ф. М. Достоевский[6].

В. М. Жирмунский писал о Мандельштаме в статье «На путях к классицизму»: «Как человек культурный и книжный, он вдохновляется не самой жизнью, а переработкой этой жизни в сложившемся до него культурном и художественном творчестве»[7]. Статья Жирмунского (опубли-

[1] СС 4. Т. 4. С. 419.

[2] А. Ахматова датирует выказывание Мандельштама 1937 г. (СС 4. Т. 1. С. 24). Н. Я. Мандельштам относит высказывание поэта вообще к 1930-м гг., допуская и датировку Ахматовой: «На вопрос, что такое акмеизм, О. М. ответил: “Тоска по мировой культуре”. Это было в тридцатых годах, либо в Доме печати в Ленинграде, либо на том самом докладе в воронежском Союзе писателей, где он заявил, что не отрекается ни от живых, ни от мертвых» (Мандельштам Н. Я. Т. 1. С. 336).

[3] СС 4. Т. 3. С. 112.

[4] Мандельштам Н. Я. Т. 1. С. 237.

[5] СС 4. Т. 3. С. 74.

[6] Достоевский Ф. М. Об искусстве. М., 1973. С. 367.

[7] Жирмунский. В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977. С. 138.

кована в 1921 году) – один из первых серьезных научных откликов на поэзию Мандельштама. Называя поэзию Мандельштама поэзией классического стиля, ученый отмечал не только ее классицистические установки, но и ее уровень, и с академической осторожностью предрекал ее будущее.

Однако история позволяет себе зловещие шутки, не щадя при этом и самых достойных. Грех сравнивать Жирмунского с П. А. Павленко, и все-таки в доносительской рецензии последнего, прямо противоположной по духу и по намерениям статье Жирмунского, мы читаем нечто весьма похожее: «Мне трудно писать рецензию на эти стихи. Не любя и не понимая их, я не могу оценить возможную их значительность или пригодность. Система образов, язык, метафоры, обилие флейт, аорий и проч., все это кажется давно где-то прочитанным»[1].

То, что вдохновляется «не самой жизнью, а переработкой этой жизни в сложившихся до него (до Мандельштама. – *В. М.*) культурном и художественном творчестве», не может не казаться давно прочитанным, и в мандельштамоведении сложилось целое направление, сводящее к «давно прочитанному» и саму поэзию Мандельштама, а это и считается в сознании образованного обывателя поэтической культурой. Мандельштам называл такую тенденцию культуропоклонством (явная аналогия с идолопоклонством), ощущая в ней явную опасность. Н. Я. Мандельштам свидетельствует: «О культуре, как таковой, Мандельштам говорил мало и главным образом о ее статической природе, о свойстве культуры “стоять” в любой момент текущего времени»[2].

Это свидетельство основывается на фрагментах, написанных самим Мандельштамом и не вошедших в «Разговор о Данте»: «Здесь уместно немного поговорить о понятии так называемой культуры и задаться вопросом, так ли уж бесспорно поэтическая речь целиком укладывается в содержание культуры, которая есть не что иное, как соотносительное приличие задержанных в своем развитии и остановленных в пассивном понимании исторических формаций». Мандельштам заходит еще дальше, вообще выводя поэтическую речь за пределы «культуры»: «Втискивать поэтическую речь в “культуру” как в пересказ исторической формации несправедливо потому, что при этом игнорируется сырьевая природа поэзии»[3]. В этом фрагменте, написанном примерно через десять лет после статьи Жирмунского, возможно, сказывается резкое несогласие Мандельштама с культурологическими трактовками его творчества, будто бы вдохновлявшегося переработкой жизни в сложившемся до него культурном и художественном творчестве. Такую переработку Мандельштам, вероятно, и называл «пересказом исторической формации», а сама возможность пересказа, по Мандельштаму, это «вернейший признак отсутствия поэзии»[4].

Тенденция противопоставить поэзию культуре, более того, опровергнуть культуру поэзией восходит к Полю Верлену, высоко ценимому Мандельштамом:

Смелее шею ты сверни
Изысканному красноречью!
Уподобляется увечью
Зануда рифма в наши дни...

Ты в стих благую неизвестность,
Вверяясь ветру, претвори, –
Дух мяты, чабреца, зари, –
Все остальное – лишь словесность.
(*Пер. В. Микушевича*)

Поэтические эскапады Верлена были настолько широко распространены в литературном обиходе fin de siècle, что Блок уже называет их вульгарными. «Говоря вульгарно, по-верлэновски, преобладание имело здесь éloquence», – писал Блок о семье своей матери[5]. Очевидно, «éloquence» как раз и входит в «понятие так называемой культуры», о которой говорит Мандельштам. Еще более радикальные противопоставления поэзии и общепринятой культуры встречаются у Мартина Хайдеггера и Готфрида Бенна. Но Мандельштам не останавливается на противопоставлении культуры и поэзии, подвергая понятие культуры еще более резкой критике: «[“Египетская культура” означает, в сущности, египетское приличие.] Любители понятия культуры [несогласные по существу с культом Амона-Ра или с тезисами Триентского собора] втягиваются поневоле в круг, так сказать, неприличного приличия. Оно-то и есть содержание культуропоклонства, захлестнувшего в прошлом столетии университетскую и школьную Европу, отравившего кровь подлинным строителям очередных исторических формаций и, что всего обиднее, сплошь и рядом придающего форму законченного невежества тому, что могло бы быть живым, конкретным, блестящим, уносящимся и в прошлое и в будущее знанием»[6].

Этим пафосом пронизан весь «Разговор о Данте», что не могло не насторожить записных дантологов. Критические суждения Мандельштама о культуре формируются, таким образом, в начале 1930-х годов, но к этому же времени относится и его заключительное трагическое высказывание о тоске по мировой культуре. Как соотносятся резкие выпады против «так называемой культуры» и «культуропоклонства» с тоской по мировой культуре? Не означает ли «тоска по мировой культуре», что Мандельштам пересматривал свои непримиримые суждения? Или «так называемая культура» не то же самое, что мировая культура, и тоска по мировой культуре как раз и есть противостояние культуропоклонству, враждебному культуре?

Слово «культура» в устах Мандельштама в тот период не чуждо шпенглеровским веяньям. Освальд Шпенглер вошел в культурное сознание России в 1920-е годы и сразу приобрел особую функцию, включился в особый русский шпенглеровский миф, так что следует говорить не только о русском Ницше, но и о русском Шпенглере. Не случайна роль, которую сыграли шпенглеровские штудии в высылке философов из России. «Закат Европы» (русское название, не вполне соответствующее немецкому «Der Untergang

[1] СС 4. Т. 4. С. 506.

[2] Мандельштам Н. Я. Т. 2. С. 493.

[3] СС 4. Т. 3. С. 399.

[4] Там же. С. 216.

[5] Блок А. Соч.: В 2 т. М., 1955. Т. 2. С. 207.

[6] СС 4. Т. 3. С. 399.

des Abendlandes»: Abendland – не Европа, а вообще Запад, включающий в себя и США, но не включающий Россию) наложился в русском сознании на закат России.

Мандельштам был внимательным читателем «Заката Европы», хотя читал его, по-видимому, исключительно в русском переводе. «Отзвук философии Шпенглера» слышала в словах Мандельштама Эмма Герштейн после его возвращения из Коктебеля, то есть в 1933 году. Тогда этот отзвук сочетался у Мандельштама с веяньями, исходившими от его главного коктебельского собеседника – Андрея Белого[1]. Эмма Герштейн вспоминала, как Мандельштам реагировал на Шпенглера: «...Но я хорошо помнила, как, читая "Закат Европы", Осип Мандельштам раздраженно бормотал: "Немецкий профессор!"». До написания своей знаменитой книги Шпенглер был, правда, всего лишь преподавателем математики в Гамбургской гимназии, а потом в Мюнхене, хотя и мог при этом именоваться профессором, но отношение Мандельштама к Шпенглеру отнюдь не было пренебрежительным: «Шпенглер, посвятивший Данту превосходные страницы, все же увидел его из ложи немецкой бург-оперы, и, когда он говорит "Дант", сплошь и рядом нужно понимать "Вагнер" в мюнхенской постановке»[2]. Замечание Мандельштама не лишено глубины. Вполне реальна перекличка между «Der Untergang des Abendlandes» и «Die Götterdämmerung» Вагнера («Сумерки», «Закат» или «Гибель богов» Вагнера), в этот ряд вписываются, быть может, и «Сумерки свободы» Мандельштама[3]. В «Разговоре о Данте» Мандельштам признавал, что он обязан Шпенглеру сопоставлением культур[4]. И только во внутренней рецензии на книгу Жан-Ришара Блока «Судьба века» он иронизировал над бесчисленной семьей так называемых закатов Европы, причем ирония относилась скорее к Жан-Ришару Блоку: «Фельетон с притязанием на пророческий размах». «В отличие от догматики и систематики Шпенглера», – добавлял Мандельштам, отдавая все-таки «немецкому профессору» должное[5].

Мартин Хайдеггер, скажем, позволял себе куда более язвительную иронию по отношению к Шпенглеру: когда Шпенглер утверждает, что в поэзии выражается душа той или иной культуры, то это относится также к изготовлению велосипедов и автомобилей. Это относится ко всему, то есть ни к чему. Но Шпенглер, в отличие от Хайдеггера, не разоблачал «бешенство современной техники», действительно полагая, что душа культуры выражается и в лирике, и в технике, в конце концов, даже в «технике вместо лирики», с чем соглашался вдохновитель Хайдеггера Райнер Мария Рильке[6], так что «роза в кабине рольс-ройса и масло парижских картин» у Мандельштама – вполне в духе Шпенглера.

Но и хайдеггеровская ирония по поводу души культуры, выражающейся в поэзии, не чужда Мандельштаму, отказывавшемуся «втискивать поэтическую речь в культуру». «Поэзию Мандельштам считал "внеположной культуре, как приличию"», – утверждала Н. Я. Мандельштам[7]. «Так называемая культура» явно сближается у Мандельштама с «так называемыми "закатами Европы"».

В этой связи приходит на ум иронический парадокс: «Слово "культура" возникает, когда перестает существовать то, что оно означало». Н. Я. Мандельштам настаивала на том, что «О. М. теорией Шпенглера не обольстился ни на миг»: «Прочтя "Закат Европы", он почти мельком сказал мне, что аналогии Шпенглера по всей вероятности к христианской культуре не применимы»[8].

Впрочем, по вопросу об отношении Мандельштама к Шпенглеру у Н. Я. Мандельштам наблюдаются некоторые противоречия. В своих «Воспоминаниях» она сближала Шпенглера скорее с Блоком, противопоставляя им обоим Мандельштама (помню, как нечто подобное она говорила и мне в 1966 году). «У него (у Мандельштама. – *В. М.*), – писала она, – никогда не было чувства конца». Но что такое христианская культура без чувства конца, и как можно согласиться с тем, что чувства конца не было у поэта, написавшего:

> И пред самой кончиною мира
> Будут жаворонки звенеть[9].

Между тем во «Второй книге», повторяя мысль поэта о неприложимости выводов Шпенглера к христианскому миру, Н. Я. Мандельштам писала: «Он был гораздо пессимистичнее Шпенглера, грозившего всего-навсего тем, что культура перейдет в цивилизацию и всем станет скучно». Можно ли говорить о пессимизме, когда нет чувства конца? Или оно все-таки появилось вместе с высказыванием о тоске по мировой культуре? Или мандельштамовский пессимизм, в отличие от Шпенглера, – лишь по отношению к цивилизации, понимаемой как желаемое? Но у Шпенглера цивилизация – не просто скука, а затяжная катастрофа, гибель Запада.

Не педантизм ли – слишком придирчиво интерпретировать иронию Н. Я. Мандельштам: «События показали, что ничего похожего на цивилизацию и на скуку не будет. Я обожаю цивилизацию и водопровод, но прожила жизнь без нее»[10]. Нечто подобное, по воспоминаниям Л. Я. Гинзбург, говорил и сам Мандельштам, причем его слова относились, вероятно, не только к символистам, но и к тому же Шпенглеру: «...Символисты ошибочно полагали, будто есть культура – и это хорошо, и есть цивилизация – и это дурно. Мандельштам говорил: "Цивилизация выдумала культуру"»[11].

---

[1] Герштейн Э. Г. Мемуары. СПб., 1998. С. 46. См. также: Мандельштам Н. Я. Т. 1. С. 234–235.

[2] СС 4. Т. 3. С. 230.

[3] Микушевич В. Опыт личного бессмертия в поэзии Осипа Мандельштама // Слово и судьба. С. 313.

[4] СС 4. Т. 3. С. 240.

[5] Там же. С. 367.

[6] Rilkes Sonette an Orpheus // Erläutert von Hermann Mörchen. Stuttg., 1958. P. 448.

[7] Мандельштам Н. Я. Т. 2. С. 493.

[8] Мандельштам Н. Я. Т. 1. С. 339.

[9] СС 4. Т. 3. С. 132.

[10] Мандельштам Н. Я. Т. 2. С. 502.

[11] Гинзбург Л. Человек за письменным столом. Л., 1989. С. 145.

В этом высказывании Мандельштама четче формулируется его несогласие со Шпенглером. Мандельштам принципиально отказывается противопоставлять культуру цивилизации. «Так называемая культура как приличие» не имеет с цивилизацией ничего общего. Тоска по мировой культуре может означать и тоску по цивилизации, в которой тоже акмеизм: «Бензина запах и сирени» у Анны Ахматовой предвосхищает «розу в кабине рольс-ройса»[1]. Для Мандельштама неприемлем наигранный в своей жесткости детерминизм Шпенглера, отдающий XIX веком, напоминающий скорее Геккеля, чем Гегеля, когда поэзия выводится не из непредсказуемого порыва, не из свободной игры, а из умозрительной, мнимо железной необходимости, с которой гипотетическая душа культуры выражается в поэзии. У Шпенглера Мандельштам ценит блестящие частности, не вписывающиеся в «догматику и систематику». Но, несомненно, Шпенглер, как и родственный ему Константин Леонтьев, был для Мандельштама «значительным писателем»[2].

Детерминизм вообще отталкивал Мандельштама, о чем Н. Я. Мандельштам упоминала в связи с его настороженностью по отношению к исламу, которому Мандельштам предпочитал христианское учение о свободе воли. Именно принудительность отвращала Мандельштама от «культуры как приличия», и в этом сказывается глубинное влияние Вячеслава Иванова, никогда не прекращавшееся для Мандельштама и усиливавшееся с чувством надвигающегося конца. Иванову писал 18-летний Мандельштам письмо, в котором тоска по мировой культуре совпадала с тоской по цивилизации: «У меня странный вкус: я люблю электрические блики на поверхности Лемана, почтительных лакеев, бесшумный полет лифта, мраморный вестибюль hotel'a и англичанок, играющих Моцарта с двумя-тремя официальными слушателями в полутемном салоне»[3]. Этим фрагментом явно предвосхищено стихотворение «Я пью за военные астры». Девятью годами позже Мандельштам мог прочитать у Вяч. Иванова: «О нынешней немецкой философии культуры и о самом достопримечательном термине "культура", немцами неспроста признанном за наиболее целесообразный, ввиду его чистой формальности, об этом подозрительном и внутренне опустошенном термине, которым они подменили старые и благородные означения: "гражданственность", "образованность", "просвещение", – который за последнее время почти навязали они, победив здоровое сопротивление латинских языков, и другим европейским народам, – здесь говорить, как предмет того заслуживает, не место и не время. Достаточно установить, что под "культурою" Германия разумеет формально соподчиненное и упорядоченное упражнение обособленных знаний, умений и деятельностей и приписывает культуру себе потому, что это расчленение проведено-де у нее наиболее последовательно и эти деятельности наиболее усовершенствованы»[4].

Книга Вяч. Иванова появилась в 1917 году, а год спустя вышел первый том шпенглеровского «Der Untergang des Abendlandes». Независимо от Иванова Шпенглер стремился преодолеть «формально соподчиненное и упорядоченное упражнение обособленных знаний, умений и деятельностей», но в определенном смысле остался ему верен: «Немецкий профессор!» Уже при жизни Вяч. Иванова старые благородные «означения»: «гражданственность», «образованность», «просвещение» – оказались подозрительными и внутренне опустошенными до такой степени, что нам странно, как он этого не предвидел. Зато термин «культура» Вяч. Иванов уже находил подозрительным, угадывая в нем угрозу тоталитаризма, сопряженную с мировой войной. О том, как Иванов был чувствителен к этой угрозе, свидетельствует и его статья «К идеологии еврейского вопроса», опубликованная в том же сборнике.

Летом 1920 года Вяч. Иванов писал Михаилу Гершензону, делившему с ним комнату в одной из московских здравниц: «И то умонастроение, которое вами в настоящее время так мучительно владеет, – обостренное чувство непомерной тяготы влекомого нами культурного наследия, – существенно проистекает из переживания культуры не как живой сокровищницы даров, но как системы тончайших принуждений. Не удивительно: ведь культура именно и стремилась к тому, чтобы стать системою принуждений. Для меня же она лестница Эроса и иерархия благоговений»[5].

Подспудный бунт против культуры как системы принуждений всегда таился в творчестве Вяч. Иванова при всей его традиционности. Этот бунт принял форму мистического анархизма, странно сочетавшегося с мистическим же монархизмом, что позволяет говорить об анархо-монархизме Иванова, или о софиократии.

Обе мистические крайности, в общем, чужды Мандельштаму, но культуру как тончайшую систему принуждений он изведал на собственном опыте и отвергал до конца жизни, который, собственно, и был предопределен этим отвержением. В «Разговоре о Данте» Мандельштам говорил о вколачиванье готовых гвоздей, именуемых «культурно-поэтическими» образами[6]. Эти гвозди напоминают если не распятие, то распинание живого поэта. Далее Мандельштам заклеймил «постыдное варварское равнодушие печальных наборщиков готового смысла»[7].

Н. Я. Мандельштам, десятилетиями хранившая в памяти написанное и сказанное Мандельштамом, цитировала это место несколько иначе: «В "Разговоре о Данте" О. М. говорит о "переводчиках готового смысла", выражая свое отношение и к переводческой работе, и к тем, кто пользуется формой стихов, чтобы излагать свои мысли»[8].

У Мандельштама речь идет не о переводческой работе (отношение Мандельштама к прозаическому и поэтическому переводу – особая проблема), а о переводе как о форме принуждения, культивируемого в советское время. Н. Я. Мандельштам сама приводит пример такого перево-

[1] Ахматова А. Стихотворения и поэмы. Л., 1979. С. 56.

[2] Мандельштам Н. Я. Т. 2. С. 492.

[3] СС 4. Т. 4. С. 15.

[4] Иванов В. Родное и Вселенское. М., 1917. С. 12.

[5] Иванов В. Собр. соч. Брюссель, 1979. Т. III. С. 386.

[6] СС 4. Т. 3. С. 217.

[7] Там же. С. 251.

[8] Мандельштам Н. Я. Т. 1. С. 149–150.

да, говоря с чрезмерной, может быть, резкостью о Маршаке: «Маршак исключительно умело избегал мысли и реальной действительности, которые были запрещены, предпочитая говорить обо всем “поэтическом”. Он разводил турусы на колесах, излагал на среднем языке шекспировские сонеты и писал мерзкие политические стишонки для газет»[1].

Вколачиванье готовых гвоздей и наборщики (или переводчики) готового смысла объединены у Мандельштама словом «готовый». На этом слове и основывается идеологическое принуждение, которое может принимать и форму культуропоклонства. «Готовое» неприемлемо для Мандельштама, выводящего искусство из порыва: «В поэзии, в пластике и вообще в искусстве нет готовых вещей»[2]. Навязывание готовой социальной или культурной формации и есть принуждение, ненавистное Мандельштаму. Примечательно, что Вячеслав Иванов писал о «системе тончайших принуждений», «в тихом раздумье» силясь «мыслью разгладить жесткие вековые складки Дантовых терцин», по выражению М. О. Гершензона[3]. И Мандельштам высказывал свое неприятие «готового» в «Разговоре о Данте». Очевидно, Вячеслав Иванов и Осип Мандельштам уловили у Данте один и тот же формообразующий импульс, выпускающий поэзию на волю, как сказал Мандельштам: «Ведь, если хотите, вся новая поэзия лишь вольноотпущенница Алигьери...»[4]. «Читая великого европейца... (сходное понимание Данте я нашла у Элиота) он не звуками наслаждался, не “прелестными двойчатками”, но входил в самую суть европейской культуры и поэзии», – добавляла Н. Я. Мандельштам, недооценивая, на мой взгляд, вкус Мандельштама к звукам и «прелестным двойчаткам» и без должных оснований противопоставляя их «сути», как будто суть – нечто готовое[5].

Современник вспоминал, что на вечере Мандельштама в редакции «Литературной газеты» 10 ноября 1932 года Б. Л. Пастернак сказал («пролепетал») ему: «Я завидую вашей свободе. Для меня вы новый Хлебников. И такой же чужой. Мне нужна несвобода»[6]. Даже если допустить, что последние слова не вполне точно выражают жизненную и поэтическую позицию Пастернака, их можно себе представить в его устах, ибо в них-то, может быть, и «дышит почва и судьба», а судьба и есть несвобода, но крайне затруднительно представить подобные слова в устах Мандельштама, ибо несвобода всегда и есть нечто готовое, а свобода никогда не готова в своем порыве, в самоопределении вольноотпущенника. По отношению к этим словам Пастернак и Мандельштам выступают как антиподы. Звоня Пастернаку по поводу Мандельштама, Сталин настоятельно спрашивал: «Но ведь он же мастер, мастер?» – на что Пастернак предпочел не отвечать. Известно, в какое бешенство приводила Мандельштама любая попытка назвать его мастером[7]. Мастерством для Мандельштама было умение более или менее искусно оформлять готовые мысли или идеологемы, что и называл он переводом готового смысла и что не имеет ничего общего с настоящим переводом, ибо поэтический смысл оригинала никогда не бывает готовым. Между тем в 1930-е годы вся советская поэзия превратилась в перевод готового смысла, так что оригинальные стихи перестали отличаться от переводных, как будто то и другое переводилось с одного и того же подстрочника.

Этим подстрочником было одно и то же социалистическое содержание культур, якобы национальных по форме, оставлявшейся на усмотрение «мастерству» в оригинале и в переводе: «Именно из-за этого разделения формы и содержания О. М. сразу оттолкнул от себя армянских писателей; в одну из первых встреч он обрушился на лозунг “национальная по форме, социалистическая по содержанию” культура, литература и тому подобное, не зная, впрочем, кому принадлежат эти слова»[8]. Слова принадлежали И. В. Сталину. Такая культура была для Мандельштама худшей разновидностью «так называемой культуры», включая и эрудированное культуропоклонство: «Однажды в Болшеве к нему пристали философские и литературоведческие дамочки – просили почитать стихи и уверяли его, что “вы наш поэт”... Он им ответил, что надо понимать: если существует его поэзия, значит, нет их науки, или наоборот, а поэтому миролюбивой всеядности нет места...»[9]

У Н. Я. Мандельштам есть свидетельство о том, по какой культуре Мандельштам тосковал: «Под культурой О. М. понимал идею, лежащую в основе исторического процесса; история же для него была путем испытания, действенной проверкой добра и зла»[10]. В целом ряде случаев есть основания принимать высказывания Н. Я. Мандельштам за высказывания самого Мандельштама, до такой степени они в его духе и соответствуют его идеям, известным нам по другим источникам. Среди этих источников книги Н. Я. Мандельштам, несомненно, заслуживают особого доверия. В эпоху, когда была опасна откровенность даже с близкими людьми, Мандельштам ни с кем не был так откровенен, как с ней, и без нее не сохранились бы не только его стихи, но и его идеи, а их значение мы только начинаем осознавать, и без этих идей нам уже трудно представить себе нашу духовную жизнь. Идеи Мандельштама в изложении Надежды Яковлевны несут явный отпечаток его личности и принадлежат ей лишь постольку, поскольку они принадлежат ему, как выразился ее брат, обращаясь к Мандельштаму: «Нади нет, она ваш подголосок»[11]. После гибели Мандельштама подголосок стал голосом, и, если этот голос многих задевал, примеры чему мы уже видели, точно так же современников и потомков задевал и задевает голос самого Мандельштама.

---

[1] Мандельштам Н. Я. Т. 2. С. 418.

[2] СС 4. Т. 3. С. 234.

[3] Иванов В. Указ. соч. Т. III. С. 386.

[4] СС 4. Т. 3. С. 401.

[5] Мандельштам Н. Я. Т. 2. С. 259.

[6] Мандельштам Н. Я. Т. 1. С. 529.

[7] Вдова поэта Сергея Клычкова, В. Н. Горбачева, рассказывает: «Я имела неосторожность назвать его мастером формы или мастером стиха, что-то вроде этого. Он так на меня орал, что я диву далась... Мандельштам мнил себя не мастером, а пророком» // НМ. 1989. № 9. С. 216.

[8] Мандельштам Н. Я. Т. 1. С. 267.

[9] Там же. С. 320.

[10] Там же. С. 339.

[11] Мандельштам Н. Я. Т. 2. С. 251.

2

Не исключено, что, называя Мандельштама человеком культурным, В. М. Жирмунский цитировал как раз Мандельштама, ибо статья «На путях к классицизму» начинается обширной цитатой из его статьи «Слово и культура», опубликованной в том же 1921 году. В этой статье была примечательная формулировка, на которую не мог не обратить внимания Жирмунский, автор монографии «Немецкий романтизм и современная мистика» (1914)[1]. И если Жирмунский не подверг фразу Мандельштама более пристальному анализу, то только потому, что время не благоприятствовало этому.

Мандельштам писал: «Христианин, а теперь всякий культурный человек – христианин, не знает только физического голода, только духовной пищи. Для него и слово – плоть, и простой хлеб – веселье и тайна»[2]. Фраза, характерная для голодного времени, но для Мандельштама «пища самая простая» всегда была празднеством, таинством, аналогом Святых Даров. При этом самое значительное в этой фразе: «...а теперь всякий культурный человек – христианин».

Быть может, Жирмунский называл Мандельштама человеком культурным именно под влиянием его высказывания, потаенно отсылая к нему. Мандельштам же писал о всяком культурном человеке как о христианине, словно это само собой разумеется, хотя подобное суждение не могло не быть проблематичным для него самого, вызывало яростное неприятие того безбожного времени, настораживало и неприятно поражало тех, кто считался и считал себя культурным человеком, не будучи христианином.

Фраза Мандельштама может показаться неприемлемой и даже оскорбительной представителю другой религиозной конфессии, оказавшемуся, по Мандельштаму, некультурным человеком. Но и верующий христианин, в особенности, православный христианин, может быть неприятно задет высказыванием Мандельштама, так как верует не ради культуры или «культурности», а, напротив, свою культуру обосновывает своей верой. Вспомним блаженного Августина, уверовавшего не благодаря, а вопреки своей латинской образованности: «Слова Писания показались мне слабыми и грубыми по сравнению с цицероновским стилем. Я был слишком заносчив, чтобы оценить его простоту, слишком поверхностен, чтобы проникнуть в сердцевину»[3]. (Кстати, у Мандельштама аббат именно «...Цицерона, на перине, / Читает, отходя ко сну»![4]) Не получается ли, что он христианин, потому что культурный человек, хотя «Так птицы на своей латыни / молились Богу в старину» (изысканный отсыл к провансальской и старофранцузской поэзии)?

Сентенция Мандельштама при всей своей непринужденной простоте сразу же приобретает иной парадоксальный смысл. Всякий культурный человек – христианин не потому ли, что христианин – культурный человек, а тогда спрашивается, христианин ли тот, кто не культурен? Лев Толстой яростно отверг бы такую постановку вопроса, и, действительно, как вписывается в традицию русского православия такое элитарное христианство?

Но вполне возможно, что для Мандельштама культурен протопоп Аввакум и не культурен Никон, без должных оснований исправляющий церковные обряды и книги. Напишет же Мандельштам в свое время:

> Как вода в новгородских колодцах должна быть
> черна и сладима,
> Чтобы в ней к Рождеству отразилась семью
> плавниками звезда.

Требовалось жертвенное мужество для того, чтобы провозгласить христианином всякого культурного человека в эпоху, когда крушили церкви и расстреливали священников. Этой фразой Мандельштам, несомненно, сделал заметный шаг по пути «гибельной свободы». Лишь в этом контексте раскрывается истинный, трагический и потому глубоко личный смысл сентенции о культурном человеке – христианине.

Анализируя духовную ситуацию молодого Мандельштама, С. С. Аверинцев упоминает его намерение «креститься в христианскую культуру»[5]. Но это выражение может быть отнесено скорее к Генриху Гейне и Людвигу Берне, чем к Осипу Мандельштаму. Гейне, действительно, называл свидетельство о крещении «входным билетом» («Entréebillet») в европейскую культуру[6].

В известной степени ироническая формулировка Гейне относится и к молодому Карлу Марксу, которого нельзя не упомянуть в этой связи, так как в том же 1908 году семнадцатилетний Мандельштам причисляет детское увлечение марксистской догмой к своим религиозным переживаниям и даже считает остальные свои религиозные переживания неотделимыми от этого увлечения [письмо к В. В. Гиппиусу 14(27).4.1908][7]. Отец Карла Маркса – Гиршель (Генрих) Маркс, советник юстиции в Трире, принял лютеранство и крестил своего сына Карла в 1824 году, кода тому было 6 лет[8].

Мыслитель и писатель Карл Маркс вряд ли мог назвать себя христианином даже в мандельштамовском смысле слова. Отсюда не следует, что крещение вообще не имело для него никакого значения. Сомнительно, чтобы, сохраняя даже формальную принадлежность к иудаизму, Маркс написал бы в 1843 году свою известную работу «К еврейскому вопросу», где встречается, например, такой пассаж: «Итак, мы обнаруживаем в еврействе проявление общего современного антисоциального элемента, доведенного до нынешней своей ступени историческим развитием, в кото-

---

[1] Этой монографией восхищался Александр Блок, записавший 3.3.1914: «Книга Жирмунского – дружеский подарок. – Серый день, освещенный ею» (Блок А. Записные книжки. 1901–1920. М., 1965. С. 210).

[2] СС 4. Т. 1. С. 212.

[3] Блаженный Августин. Об истинной религии. Минск, 1999. С. 552.

[4] СС 4. Т. 1. С. 111.

[5] Аверинцев С. С. Конфессиональные типы христианства у раннего Мандельштама // Слово и судьба. С. 291.

[6] Börnes Werke in zwei Bänden. Erster Band. B.; Weimar, 1981. P. 19.

[7] СС 4. Т. 4. С. 12.

[8] Меринг Ф. Карл Маркс: История его жизни. М., 1957. С. 31.

ром евреи приняли, в этом дурном направлении, ревностное участие; этот элемент достиг той высокой ступени развития, на которой он необходимо должен распасться»[1].

Отдаленную перекличку с подобными идеями Маркса мы находим и у Мандельштама в набросках к статье «Скрябин и христианство»: «Если победит Рим – победит даже не он, а иудейство – иудейство всегда стоит за его спиной и только ждет своего часа – и восторжествует страшный противуестественный ход истории – обратное течение времени – черное солнце Федры»[2].

В то же время, если теперь всякий культурный человек – христианин, такое христианство вряд ли требует крещения, ибо крещение само по себе не делает человека «культурным». В начале 1920-х годов среди русских мыслителей, подобных П. Я. Чаадаеву и К. Н. Леонтьеву, Мандельштам назовет М. О. Гершензона[3], а, как известно, Гершензон обошелся и вовсе без «крещения в христианскую культуру».

При этом за десять лет до того, как были опубликованы слова о культурном человеке – христианине, Мандельштам для самого себя выбрал крещение, хотя и не в православную веру, а в протестантизм. В 1911 году он был крещен в Выборге пастором Н. И. Розеном по обряду методистской епископальной церкви.

Даже если предположить, будто переход в христианство мог иметь отношение к желанию Мандельштама закрепить за собой «право жительства» в Петербурге, во всяком случае он вряд ли крестился лишь для того, чтобы поступить в Петербургский университет вне процентной нормы. Это слишком мало похоже на Мандельштама. В университете Мандельштам занимался преимущественно тем, что его интересовало, а потому университета он так и не закончил, что подтверждается выходным свидетельством, полученным 1.4.1917: «Имея шесть зачтенных семинаров из восьми прослушанных, государственных экзаменов не держал и полного учебного курса не кончил».

Университет блестяще закончил в свое время Михаил Гершензон, впоследствии Борис Пастернак; Мандельштам изучал в университете древнегреческий, старофранцузский, философию – без особого стремления получить диплом, тем более специализироваться в одной из этих областей. Трудно представить себе Мандельштама, профессионализирующегося в какой бы то ни было области, включая поэзию (вспомним его яростную неприязнь к слову «мастер»), так что крестился он, во всяком случае, не ради университетского диплома.

Совершенно чужда Мандельштаму и так называемая протестантская этика, как ее понимает Макс Вебер, с культом личной выгоды и преуспеяния. В связи с крещением Мандельштама Аверинцев затрагивал и немецкий культур-протестантизм, интеллектуальное приятие «христианских ценностей»[4], но не в этом ли Мандельштам впоследствии усмотрит отвратительное для себя культуропоклонство? Комфортабельные позиции в духовной жизни никогда его не привлекали, хотя он любил и даже воспевал европейский буржуазный комфорт.

Аверинцев замечал, что Мандельштам оказался «не внутри протестантизма», но это не значит, что протестантизм для него – только внешнее. Кроме прохладного рационализма в протестантизме были мистические глубины, не привлекавшие, правда, Мандельштама, так как они ведут к теософии, а теософия для него – «вязаная фуфайка вырождающейся религии»[5].

Стихи, посвященные Лютеру и лютеранству, потребуют от нас более обстоятельного анализа, но, по-видимому, протестантского происхождения критика, которой Мандельштам подверг литургию: «Литургия была занозой в теле восемнадцатого века». Не только просветительская, но и протестантская традиция сказалась в предшествующем пассаже: «Восемнадцатый век был веком секуляризации, то есть, обмирщения человеческой мысли и деятельности. Ненависть к жречеству, гиератическому культу, ненависть к литургии глубоко заложена в его крови»[6]. В пафосе обмирщения, действительно, чувствуется что-то похожее на протестантскую этику. Но у Мандельштама здесь речь идет, очевидно, только о западной католической литургии с ее изъянами. В поэзии Мандельштама литургия представлена совершенно иначе:

> И Евхаристия, как вечный полдень, длится –
> Все причащаются, играют и поют,
> И на виду у всех божественный сосуд
> Неисчерпаемым веселием струится[7].

«Здесь должен прозвучать лишь греческий язык», – свидетельствует поэт, не оставляя сомнений в том, что литургия – православная. Но это стихотворение написано через четыре года после того, как Мандельштам принял христианство, и за шесть лет до фразы: «Теперь всякий культурный человек – христианин».

Религиозная стихия проявлялась у Мандельштама поразному на разных этапах, но ощутимо и общее ядро, средоточие этой стихии в личности поэта. Письмо к Владимиру Гиппиусу (1908) остается уникальным документом, с точностью, невероятной для семнадцатилетнего юноши, характеризующим его духовную жизнь. В этом письме виден и корень мандельштамовского протестантизма, не имеющего ничего общего с культур-протестантизмом. Это «“quantum satis” Бранда[8] воли», – как скажет Александр Блок в предпоследней строке своей поэмы «Возмездие».

«Я прошел 15-ти лет через очистительный огонь Ибсена, – писал Мандельштам, – и хотя не удержался на “религии воли”, но стал окончательно на почву религиозного индивидуализма и антиобщественности». Конечно, в этих строках чувствуется и просто юношеская бравада в духе времени, но преобладает в них подлинное. В религиозном индивидуализме угадывается вдохновитель Г. Ибсена С. Кьеркегор, или Киркегард, едва ли знакомый тогда Ман-

---

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1954. Т. 1. С. 408.

[2] СС 4. Т. 1. С. 276.

[3] Там же. С. 223.

[4] Слово и судьба. С. 292.

[5] СС 4. Т. 2. С. 321.

[6] СС 4. Т. 2. С. 267.

[7] СС 4. Т. 1. С. 115.

[8] «В полную меру» (*лат.*) – цитата из драмы Г. Ибсена «Бранд».

дельштаму. «Киркегард прошел мимо России. Мне ни разу не пришлось ни в философских, ни в литературных кругах услышать даже имя его», – так начинает Лев Шестов свою книгу «Киркегард и экзистенциальная философия», вышедшую в Париже в 1936 году. Религиозный индивидуализм вел Мандельштама сквозь очистительный огонь Ибсена к протестантизму с кьеркегоровским протестом против самого протестантизма. Вот почему Мандельштам крестился у методистов и в духе своей антиобщественности не завязал никаких отношений с этой общиной.

Письмо Мандельштама обращено не только к настоящему или к прошлому, но и к будущему. Каждая его формулировка требует обстоятельного анализа. Так, религиозный индивидуализм юного поэта, несомненно, связан с безрелигиозной средой, в которой он воспитан, а среда эта – семья и школа, приравниваемые в этом смысле одна к другой: «...Я стремился к религии безнадежно и платонически, но все более и более сознательно»[1].

Такое стремление не может не быть индивидуалистическим и даже антиобщественным, так как не разделяется «средой». Юношу влекло дорогое и вместе враждебное начало, «причем двойственность этого начала составляла даже его прелесть», что весьма напоминает героев Достоевского, и сходство это реализуется в прозе Мандельштама почти через 20 лет. Но уже тогда, «на заре туманной юности», религия и культура определенно совпадали: «Теперь для меня ясно, что это начало не что иное, как религиозная культура, не знаю, христианская ли, но во всяком случае религиозная». В такой ситуации столкновение религиозного с безрелигиозным приобретало трагическую напряженность, что особенно заметно в отношениях Осипа Мандельштама с отцом.

В «Шуме времени» (1923–1924) Мандельштам приписал своему отцу безъязычие: «У отца совсем не было языка, это было косноязычие и безъязычие»[2].

Проблема языка не могла не быть мучительно актуальной для такой страны, как Россия. В 1914 году Александр Блок записал почти то же самое: «Приходил молодой человек С. Майзельс (Дмитрий Львович. – *В. М.*) – стихи. Языка нет – еврейская трагедия»[3]. Несмотря на отсутствие языка (вероятно, в стихах Майзельса), Блок все-таки добавляет, что молодой человек «рассказывал интересно об Америке», так что отсутствие языка, по-видимому, не означало для Блока незнания или недостаточного знания русского языка. В «безъязычии отца» Мандельштама Георгий Иванов усматривает одну из фантастических и стилистических вычур, художественный ход из «очаровательной “Египетской марки” – одного из редких образцов русской сюрреалистический прозы», хотя «безъязычие» относится скорее к «Шуму времени», чем к «Египетской марке». Н. Я. Мандельштам со своей лингвистической чуткостью улавливала в русской речи Э. В. Мандельштама некий изъян, отнюдь не сводящийся к неправильности или к акценту: «Он цитировал Спинозу, Руссо и Шиллера, но в таких невероятных сочетаниях, что все только ахали»[4]. Н. Я. Мандельштам здесь явно соприкасается с тем, что писал об отцовском языке сам поэт: «Русская речь польского еврея? – Нет. Речь немецкого еврея? – Тоже нет... Совершенно отвлеченный, придуманный язык, витиеватая и закрученная речь самоучки, где обычные слова переплетаются со старинными философскими терминами Гердера, Лейбница и Спинозы, причудливый синтаксис талмудиста, искусственная, не всегда договоренная фраза – это было все что угодно, но не язык, все равно – по-русски или по-немецки»[5].

Отцовское безъязычие для Осипа Мандельштама – далеко не только и не просто бытовая проблема. Это неизжитый, клокочущий исток, отчасти даже атмосфера его творчества, причем скорее позднего, чем раннего. В клокотании германизированного отцовского безъязычия трепыхается по меньшей мере начало стихотворения «К немецкой речи»: «Себя губя, себе противореча...»[6]. «В Армении О. М. вернулся к немцам и в тридцатых годах усиленно их покупал», – рассказывает Надежда Яковлевна[7]. Далее идет перечень имен, среди которых то же имя «Гердер», но и другие имена из культурного пространства, обозначенного Мандельштамом как отцовское безъязычие. «Дед на досуге писал невероятным почерком по-немецки воспоминания о своих странствиях и требовал, чтобы О. М. прочел их и издал», – сообщает Н. Я. Мандельштам[8].

Даже если Осип Мандельштам так и не прочитал целиком немецкие штудии своего отца, он испытывал их влияние, со временем, как ни странно, крепнувшее, и это значительнейшая глава в романе воспитания, прочитывающегося в его жизни и перекликающегося с романами И. В. Гете и Ж.-Ж. Руссо. Последний творческий период Мандельштама невозможно себе представить без пристальнейшего интереса к естественным наукам, и тон в этом интересе задает не только дружба с Б. С. Кузиным, но и пример отца, что изумляло самого Мандельштама. В декабре 1932 года он писал отцу: «Я все более убеждаюсь, что между нами очень много общего именно в интеллектуальном отношении, чего я не понимал, когда был мальчишкой. Это доходит до смешного: я, например, копаюсь сейчас в естественных науках – в биологии, в теории жизни, т. е. повторяю в известном смысле этапы развития своего отца. Кто бы мог это подумать!»[9]

Подобные размышления органично вписались бы в роман Томаса Манна «Иосиф и его братья», даже если там идет речь не о биологии, а о библейском предании. По профессии Э. В. Мандельштам был кожевник, точнее, специалист по выделке замши, но размышлял он преимущественно над философскими проблемами: «Он проповедовал детям деизм собственного изготовления и жаловался на покойную жену, что она отняла у него сыновей. Невозможно

[1] СС 4. Т. 4. С. 12.

[2] СС 4. Т. 2. С. 361.

[3] Блок А. Записные книжки. С. 241.

[4] Мандельштам Н. Я. Т. 2. С. 509.

[5] СС 4. Т. 2. С. 361–62.

[6] СС 4. Т. 3. С. 69.

[7] Мандельштам Н. Я. Т. 1. С. 329.

[8] Там же. С. 313.

[9] СС 4. Т. 4. С. 148.

себе представить, что у него были дети, с которыми он разговаривал о чем-либо, кроме своей философии»[1].

В письме Осипа Мандельштама к отцу, написанном в 1931 году, можно прочитать нечто еще более примечательное: «Мог ли я думать, что услышу от тебя большевистскую проповедь? Да в твоих устах она для меня сильней, чем от кого-либо. Ты заговорил о самом главном: кто не в ладах со своей современностью, кто прячется от нее, тот и людям ничего не даст, и не найдет мира с самим собой. Старого больше нет, и ты это понял так поздно и так хорошо. Вчерашнего дня больше нет, а есть только очень древнее и будущее»[2]. Для Мандельштама в его последний период это существеннейшая мысль – что есть только очень древнее и будущее. Разве не этой мыслью пронизаны в конце концов «Стихи о неизвестном солдате»? Она же распознается и в стихах «Чтоб, приятель и ветра и капель...», и «Гончарами велик остров синий...», и «Флейты греческой тэта и йота...». От отца Осип Мандельштам слышит большевистскую проповедь, но ее слышит только Осип Мандельштам, переводящий ее для себя с отцовского безъязычия, потому что, как пишет Н. Я. Мандельштам, «никто не понимал витиеватых оборотов деда и не разбирал готического почерка»[3].

В стихотворении, известном под условным названием «Ода» (1937), читаем:

И в дружбе мудрых глаз найду для близнеца,
Какого, не скажу, то выраженье, близясь
К которому, к нему – вдруг узнаешь отца
И задыхаешься, почуяв мира близость...

Художник, береги и охраняй бойца:
В рост окружи его сырым и синим бором
Вниманья влажного. Не огорчить отца
Недобрым образом иль мыслей недобором...

И я хотел бы стрелкой указать
На твердость рта – отца речей упрямых...[4]

«Ода» посвящена Сталину, а называть Сталина отцом – общее место советской поэзии и публицистики 1930-х годов.

Мандельштамовское обращение к Сталину трудно причислить к общим местам. Вряд ли «отца народов» можно узнать «вдруг», скорее его нельзя не узнать. Вдруг узнаешь собственного отца, и это «вдруг» придает узнаванию кровную интимность, непозволительную по отношению к Сталину. Столь же интимна или сокровенна боязнь «огорчить отца» с изысканной звукописью «недобрым образом иль мыслей недобором». «Большевистская проповедь» в письме 1931 года – вероятный вариант «отца речей упрямых»: «Ты говоришь об отвратительном себялюбии и эгоизме своих сыновей. Это правда, но мы не лучше всего нашего поколения. Ты моложе нас: пишешь стихи о пятилетке, а я не умею. Для меня большая отрада, что хоть для отца моего такие слова, как коллективизм, революция и пр., не пустые звуки»[5].

Н. Я. Мандельштам называла «Оду» насильственной[6]. Ирония обозначения «Ода» идет как раз от нее. Между тем стихотворение Мандельштама «Когда б я уголь взял для высшей похвалы...» принадлежит к значительнейшим его произведениям 30-х гг., чего не отрицала и Н. Я. Мандельштам: «Искусственно задуманное стихотворение, в которое О. М. решил вложить весь бушующий в нем материал»[7].

Стихотворению действительно не откажешь в подлинности, даже если эта подлинность вынужденная или «насильственная», но органично само насилие над собой в попытке спасти свою жизнь, и подобная органичность могла питаться чувством вины перед отцом, перед его навязчивой правотой, в которой Мандельштам ищет подтверждения «нашей» (своей) «правоте»[8] и для этого подчиняет свою правоту отцовской правоте как высшему оправданию «высшей похвалы», чем и увенчивается, в конце концов, отцовское безъязычие.

Не забудем, что о безъязычии Э. В. Мандельштама мы знаем только со слов его сына-поэта, лишь отчасти подтверждавшихся Н. Я. Мандельштам и вызвавших недоумение Георгия Иванова. Так что безъязычие отца – исключительно тема самого Осипа Мандельштама, немаловажная для исследователя среди других его тем.

Безъязычию аналогичны отпадение от языка, отлучение от языка, онемение, проблемы, весьма настоятельные для поэта. Сводя историософские искания П. Я. Чаадаева к сомнительному утверждению, будто у России нет истории, Мандельштам противопоставлял этому «одно обстоятельство – язык»: «Столь высоко организованный, столь органический язык не только дверь в историю, но и сама история».

С этим положением Осипа Мандельштама перекликается мысль Мартина Хайдеггера: «Язык есть основа возможности истории, а не изобретение, изготовляемое в ходе исторического культуротворчества»[9]. Но если язык – это сама история, отпадение или тем более отлучение от языка – угроза состояния, которое Чаадаев усматривал в прошлом, а Мандельштам не без влияния того же Чаадаева допускал в будущем: «“Онемение” двух, трех поколений могло бы привести Россию к исторической смерти. Отлучение от языка равносильно для нас отлучению от истории»[10]. Пока еще это только угрожающая возможность, но что такое тогда безъязычие, уже осуществившееся в лоне семьи?

Конечно, вряд ли уместен знак равенства между историей России и семейной хроникой Мандельштама, но одно с другим все же явно соприкасается. «Шум времени» на-

[1] Мандельштам Н. Я. Т. 2. С. 509.

[2] СС 4. Т. 4. С. 140–141.

[3] Мандельштам Н. Я. Т. 2. С. 508.

[4] СС 4. Т. 3. С. 112–13.

[5] СС 4. Т. 4. С. 140. Ср. стихи Пастернака, написанные в том же 1931 году: «И разве я не мерюсь пятилеткой, / Не падаю, не подымаюсь с ней?..»

[6] Мандельштам Н. Я. Т. 1. С. 288.

[7] Там же. С. 289.

[8] СС 4. Т. 1. С. 185.

[9] Микушевич В. Времена века // Комментарии. 1996. № 10. С. 59.

[10] СС 4. Т. 1. С. 222.

писан всего лишь двумя годами позже цитируемой статьи «О природе слова». В новом произведении Мандельштама безъязычие, несомненно, приобретало культурно-исторический и даже социальный смысл. Надвигался период, когда Осип Мандельштам изведает на собственном опыте, что такое онемение. «У О. М. был долгий период молчания, – повествует Н. Я. Мандельштам. – Он не писал стихов – прозы это не коснулось – больше пяти лет: с 1926 по 30 г.»[1].

В прозе Мандельштама и оформляется тема безъязычия! Не безъязычия ли требовала большевистская проповедь Э. В. Мандельштама? Он даже стихи писал о пятилетке, «а я не умею», – жаловался его сын. Для стихов о пятилетке Осипу Мандельштаму не хватало как раз... безъязычия. Недостаток официального патетического безъязычия воспринимается в стихах о Сталине как личная идеологическая ущербность, вызывая подозрения, губительные для автора. П. А. Павленко так и писал: «В целом же это стихотворение хуже своих отдельных строф. В нем много косноязычия, что неуместно в теме о Сталине»[2]. Отец Мандельштама отнюдь не преуспел при советской власти со своим безъязычием – он «...умирал в 38 году, совершенно брошенный младшим сыном, и все ждал в больнице, что появится старший и спасет его. Он не знал, что сын сидит на Лубянке и готовится к смерти»[3].

Трагедия отца и сына заключалась в том, что отец большевистской проповедью проецировал свою недоговоренную философию, свою заброшенность и неприкаянность в поэзию сына, а сын, создавая образ отцовского безъязычия, проецировал в него нечто грозящее его поэзии и ему самому вместе с комплексом вины: «Головою повинной тяжел»[4].

3

Слово «безрелигиозный» утратило в 1920-е годы свой изначальный смысл, вытесненный словом «антирелигиозным». И все же в «Шуме времени» Мандельштам никак не мог обойти вопрос об отцовской религиозности: «По существу, отец переносил меня в совершенно чужой век и отдаленную обстановку, но никак не еврейскую. Если хотите, это был чистейший восемнадцатый или даже семнадцатый век просвещенного гетто где-нибудь в Гамбурге. Религиозные интересы вытравлены окончательно. Просветительская философия претворилась в замысловатый талмудический пантеизм. Где-то поблизости Спиноза разводит в банках своих пауков. Предчувствуется Руссо и его естественный человек»[5].

Отец Мандельштама носит имя Эмиль, как герой Руссо. В прозе Мандельштама человек раскрывается через свою идею, что М. М. Бахтин находил у Достоевского: «Мы можем сказать, что у Достоевского человек преодолевает свою “вещность” и становится “человеком в человеке”, только войдя в чистую и независимую сферу идеи, то есть только став бескорыстным человеком идеи»[6]. Таким «человеком идеи» выступает отец как персонаж прозы Мандельштама и по крайней мере отчасти – в жизни, судя по воспоминаниям Н. Я. Мандельштам.

О Спинозе, забавлявшемся на досуге стравливанием пауков в банке, говорил П. А. Флоренский в комментариях к «Столпу и утверждению истины», усматривая в такой забаве вкус к агрессивности просветительского пантеизма при всей кротости и незлобии философа, кормившегося шлифованием линз. Идиллия естественного человека в духе Руссо привела к робеспьеровской гильотине. А Флоренский, по воспоминаниям Н. Я. Мандельштам, был для Осипа Мандельштама «последним “мужем совести”», «и весть об его аресте и последующем уничтожении он принял как полное крушение и катастрофу»[7]. Через Флоренского Мандельштам соприкасался с миром русской религиозной философии, и в этом контексте особого драматизма достигает фраза о том, что в мире отца «религиозные интересы вытравлены окончательно». Через эту фразу безрелигиозная среда из юношеского письма 1908 года сближается или даже совпадает с отцовским безъязычием.

Только так можно понять странное утверждение, будто в просвещенном гетто в XVII веке где-нибудь в Гамбурге обстановка никак не еврейская. Вероятно, это лишь потому, что религиозные интересы вытравлены совершенно. Должно быть, отсюда, по Мандельштаму, и безъязычие, возможно затрагивающее самого Спинозу с его латинским языком. Замысловатый талмудический пантеизм отца не находил своего языка, и сын принимал религиозную культуру, чтобы обрести язык, отождествляемый с нею. А швейцарка-кальвинистка, одна из гувернанток маленького Оси, не внушила ли ему вместе с французским языком подсознательный мотив перехода в протестантизм кальвинистского толка?

При этом в безрелигиозной среде мандельштамовской семьи была все-таки некая религия: религия интеллигентности. «Слово “интеллигент” мать и особенно бабушка выговаривали с гордостью», – пишет Мандельштам в «Шуме времени»[8]. Такая религия не просто уживалась с безрелигиозностью, но порождалась ею.

Мандельштам писал свое письмо В. В. Гиппиусу за год до опубликования знаменитого сборника «Вехи», всецело посвященного этой интеллигентской религии. С. Булгаков, один их веховских авторов, так характеризовал эту безрелигиозную религию: «Известная образованность, просвещенность есть в глазах нашей интеллигенции синоним религиозного индифферентизма и отрицания»[9]. Сборник «Вехи» не мог не оказать влияния на юного Мандельштама, – слишком много там проблем, мучительно животрепещущих для него. А на предыдущей странице «Вех» Булгаков писал: «В этом стремлении к Грядущему Граду, перед которым бледнеет земная действительность, интеллиген-

[1] Мандельштам Н. Я. Т. 1. С. 242.

[2] СС 4. Т. 4. С. 506.

[3] Мандельштам Н. Я. Т. 2. С. 242.

[4] СС 4. Т. 3. С. 118.

[5] СС 4. Т. 2. С. 362.

[6] Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972. С. 143.

[7] Мандельштам Н. Я. Т. 2. С. 88.

[8] СС 4. Т. 2. С. 356.

[9] Вехи. М., 1990. С. 34.

ция сохранила, быть может, в наиболее распознаваемой форме черты утраченной церковности».

В «Шуме времени» мы находим этому яркое подтверждение: «...особый вид людей эсеровской масти мы называли “христосиками” – согласитесь, очень злая ирония. “Христосики” были русачки с нежными лицами, носители “идеи личности в истории”, – и в самом деле многие из них походили на нестеровских Иисусов... На политехнических балах в Лесном такой “христосик” отдувался и за Чайльд-Гарольда, и за Онегина, и за Печорина»[1].

Печорин подсказывает, что ирония Мандельштама не просто и не однозначно злая. Это цитата из предисловия М. Ю. Лермонтова к «Журналу Печорина»: «Может быть, некоторые читатели захотят узнать мое мнение о характере Печорина? – Мой ответ – заглавие этой книги. – “Да это злая ирония!” – скажут они. – Не знаю»[2]. Так что уже заглавие романа «Герой нашего времени» вовлекает в диалог, который Бахтин приписывает Достоевскому. Злая ирония у Лермонтова от того, что «герой нашего времени» – слово, различное в устах автора и читателя и в то же время – то же самое слово.

У Мандельштама злая ирония пародирует Лермонтова, но это также ирония над самим собой. Ибо он сам, хотя и не походил внешне на нестеровского Иисуса, был среди этих «христосиков с нежными лицами», что припомнил ему НКВД уже после его смерти: «...в 1907 г. примыкал к эсерам»[3]. Не забудем: в 1907 году Осипу (Осе) – 16 лет. Правда, связи Мандельштама с эсерами не прерывались, о чем свидетельствуют его полулегендарные, но несомненные отношения с террористом, впоследствии чекистом Я. Г. Блюмкиным. О своем знакомстве с Блюмкиным с гордостью пишет и друг Мандельштама – Н. С. Гумилев:

Человек, среди толпы народа,
Застреливший императорского посла,
Подошел пожать мне руку,
Поблагодарить за мои стихи.

Александру Блоку о Блюмкине рассказал не кто иной, как Мандельштам, и Блок записал: «Интересен рассказ об убийце Мирбаха». А Георгий Иванов повествовал: «Ордера уже подписаны Дзержинским. Заранее. И печать приложена... Остается только вписать фамилии и... И вот над пачкой таких ордеров тяжело, но уверенно поднимается карандаш пьяного чекиста... И Мандельштам, который перед машинкой дантиста дрожит, как перед гильотиной, вдруг вскакивает, подбегает к Блюмкину, выхватывает ордера, рвет их на куски»[4].

Н. Я. Мандельштам, сама не присутствовавшая при этой сцене, оспаривала Георгия Иванова: «Георгий Иванов в угоду неприхотливым читателям так расцветил эту историю, что она потеряла всякий смысл». Но отношений Мандельштама с Блюмкиным и она не отрицала, поскольку сама была их свидетельницей: «Прошло немного времени, и мы прочли о расстреле Блюмкина. Распря с ним началась с вопроса о расстреле»[5]. Вопрос о расстреле многое определит в жизни и творчестве Мандельштама, а 16-летний Осип вращался среди христосиков-террористов, и обеспокоенные родители послали его учиться за границу, чтобы оторвать сына от этой среды: «Отправляя сына в Париж, Эмиль Вениаминович и Флора Осиповна явно рассчитывали на то, что в отдаленье от Петербурга сын их порвет с той не столь уж и безобидной эсеровской средой, в которую в домашней обстановке он все больше и больше втягивался»[6].

Итак, семья Осипа Мандельштама сделала для него ставку на образование, дабы укрепить его в «религии интеллигентности» и отсечь сектантские крайности в виде революционных увлечений. До этого Осип закончил Тенишевское училище, относя и этот питомник интеллигентности также к безрелигиозной среде. За границей Мандельштам учился сначала в Парижском, потом в Гейдельбергском университетах, причем проявлял в своих занятиях недюжинную целеустремленность.

И в Париже, и в Гейдельберге Мандельштам изучал романо-германскую филологию и философию, в Париже слушал лекции Ж. Бедье и А. Бергсона, чью философию, таким образом, воспринимал из первых рук.

Георгий Иванов вспоминал, как Мандельштам, уже вернувшийся из-за границы, упорно читал «Критику чистого разума» Канта, забросив под стол гегельянца Куно Фишера. Личность и философия Канта – особая поэтическая тема русского символизма. Стихотворение с подзаголовком «Иммануил Кант» есть у Блока. «Кант без Платона – туловище без головы», – последняя мысль философа, перед сном читавшего все ту же «Критику чистого разума» в «Драматической симфонии» Андрея Белого. Философия Канта задействована и в поэтическом цикле Андрея Белого «Философическая грусть», так что не только остроумием, но и несомненной философской квалификацией отличается замечание молодого Мандельштама в «Утре акмеизма»: «Символисты были плохими домоседами, они любили путешествия, но им было плохо, не по себе в клети своего организма и в той мировой клети, которую с помощью своих категорий построил Кант»[7]. Это замечание Мандельштама – прямое попадание в стихотворение Блока, которое так и начинается: «Сижу за ширмой», то есть в позе плохого домоседа.

Мысли Мандельштама о Бергсоне должны быть учтены академической историей философии, не говоря уже о значении, которое они приобретают для его собственного творчества. И все-таки, в отличие, например, от Бориса Пастернака, Мандельштам не предпринимал ни малейшей попытки стать философом «по профессии».

То же относится к филологической подготовке Осипа Мандельштама. Далеко не всякий профессиональный филолог обладает подобным кругозором, охватывающим французскую поэзию с Кретьеном де Труа, Франсуа Вий-

[1] СС 4. Т. 2. С. 382.

[2] Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 4 т. М., 1948. Т. 4. С. 54.

[3] Нерлер П. «С гурьбой и гуртом». М., 1994. С. 80.

[4] Иванов Г. Стихотворения. Третий Рим. Петербургские зимы. Китайские тени. М., 1989. С. 358.

[5] Мандельштам Н. Я. Т. 1. С. 181.

[6] Нерлер П. Парижский семестр Мандельштама // Ossip Mandel'štam und Europa. Heid., 1999. P. 259.

[7] СС 4. Т. 1. С. 179.

оном, Полем Верленом и Франсисом Жаммом. Мандельштам – не просто любитель, но незаурядный знаток немецкой поэзии, причем не только Гете, но и Эвальда Христиана фон Клейста, которого плохо помнили в самой Германии. В поздний период изыскания Мандельштама включат в себя Данте Алигьери.

Настало время признать, что «Разговор о Данте» имеет значение не только для творчества самого Мандельштама, но и проливает новый свет на самого Данте и его местоположение в европейской поэзии. Наконец, не только без поэзии Мандельштама, но и без мыслей Мандельштама о русской поэзии вряд ли сегодня возможно написать ее историю.

При этом, когда Мандельштама пытались в конце 1920-х годов пригласить в Эриванский университет для чтения лекций, поэт «испугался до смерти – он не представлял себе, что может кого-нибудь учить, и сознавал, что никаких систематических знаний у него нет»[1]. На протяжении всей своей жизни Мандельштам испытывал устойчивое отвращение к профессионализации.

Правда, Мандельштаму чужд и артистический дилетантизм, распространенный в салонах Серебряного века не только в России.

Поэзия Мандельштама многократно соприкасается с поэзией Ф. И. Тютчева, но к Мандельштаму никак не может быть отнесено то, что Юрий Тынянов говорил о Тютчеве: «Он сам сознает себя дилетантом»[2]. Складывается впечатление, что в Парижском, Гейдельбергском и Петербургском университетах Мандельштам учился именно на поэта, этот поэт и есть Осип Мандельштам.

Н. Я. Мандельштам писала: «Для Мандельштама – литература и поэзия несовместимые понятия. Поэт – лицо частное и “работает для себя”, а к литературе не имеет ни малейшего отношения»[3]. Поэзию литературе («красноречью») противопоставлял еще Верлен.

К началу 1930-х годов Мандельштам действительно оказался вне тогдашней советской литературы, но при всей своей парадоксальности имело основание утверждение, согласно которому поэт – лицо частное и работает для себя. Оно касается уже не только социального положения, но и творчества. В 1844 году в предисловии ко 2-му изданию своей книги «Мир как воля и представление» Артур Шопенгауэр писал: «Однако странным образом с философскими размышлениями обстоит дело так, что как раз исследованное и продуманное для себя самого идет впоследствии на благо другим, а не то, что изначально для других предназначалось»[4]. То, что Шопенгауэр говорит о философии, может относиться и к поэзии, с чем, вероятно, согласился бы и сам Шопенгауэр.

Но у мандельштамовского суждения имеется и другой, более близкий источник. В «Разговоре книгопродавца с поэтом» А. С. Пушкина читаем:

Тогда, в безмолвии трудов,
Делиться не был я готов
С толпою пламенным восторгом,
И Музы сладостных даров
Не унижал постыдным торгом.

«Безмолвие трудов» с «пламенным восторгом» и есть работа для себя. На свой счет мог Мандельштам принять и слова Пушкина в стихотворении «Из Пиндемонти», где обосновывается статус поэта – частного лица:

Иные, лучшие мне дороги права,
Иная, лучшая потребна мне свобода...
...Зависеть от царя, зависеть от народа
Не все ли нам равно. Бог с ними.
Никому
Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданьями искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья.
– Вот счастье! вот права!

Так юный Осип Мандельштам скитался из университета в университет, возможно посетив при этом Италию. Более позднее «путешествие в Армению» также вписывается в эти скитания.

К пушкинским скитаниям «Из Пиндемонти» восходит перечень поездок, как правило, несостоявшихся, в «Четвертой прозе»: «Поедем в Алма-Ату... Поедем в Азербайджан... я чуть не поехал в Эривань, с командировкой от древнего Наркомпроса, читать круглоголовым и застенчивым юношам в бедном монастыре-университете страшный курс-семинарий»[5].

Правда, к поэту – частному лицу, если это частное лицо – Мандельштам, нельзя отнести пушкинскую строку «блажен, кто молча был поэт». Мандельштам, работавший с голоса[6], не мог удержаться от того, чтобы не прочесть кому-нибудь, иногда первому встречному, только что написанное стихотворение. Так он читал стихи о кремлевском горце, пока его не арестовали, и уже незадолго до смерти, в лагере, его «отгоняли, когда он настырно со стихами приставал»[7].

Но и когда Мандельштам работал для себя, его работа с голоса оставалась трудом, а не случайным наитием, и в этом смысле Мандельштам ближе к Пушкину, если вспомнить, как Пушкина с Тютчевым сопоставлял Юрий Тынянов: «Для Пушкина-мастера тонкий дилетантизм Тютчева был сомнительным явлением»[8]. «Черновики никогда не уничтожаются», – говорил Мандельштам[9].

---

[1] Мандельштам Н. Я. Т. 1. С. 341.

[2] Тынянов Ю. Архаисты и новаторы. Л., Прибой, 1929. С. 356.

[3] Мандельштам Н. Я. Т. 2. С. 219.

[4] Die Welt als Wille und Vorstellung von Arthur Schopenhauer. Z., 197. S. 17.

[5] СС 4. Т. 3. С. 172.

[6] Там же. С. 171.

[7] Нерлер П. «С гурьбой и гуртом». С. 49.

[8] Тынянов Ю. Архаисты и новаторы С. 359.

[9] СС 4. Т. 3. С. 234.

Конечно, Тютчев не был сомнительным явлением для Мандельштама, и его должно было настораживать слово «мастер», принадлежащее в данном случае Тынянову и приводившее, как известно, Мандельштама в ярость.

Очевидно, когда поэт работает для себя, тогда-то он работает для других, как и философ, по Шопенгауэру. Отсюда, кстати, по-тютчевски небрежное отношение Мандельштама к записи своих стихов при уверенности, что «люди сохранят».

Поэзию, предназначенную для других и потому подавленную своей вынужденностью, Мандельштам отверг в самом начале своего пути: «Таковы ложногражданская поэзия и нудная лирика восьмидесятых годов (XIX века, но и XX тоже. – *В. М.*)»[1].

Ценность работе поэта для себя придается порывом. Порыв – весьма существенное для Мандельштама слово, возможно, подсказанное философией Бергсона (l'élan vital), но выходящее за пределы бергсоновского контекста. Н. Я. Мандельштам свидетельствует: «Если в молодости О. М. был скрытен и показывал читателю только отдельные вещи, то в зрелом и завершающем своем периоде он открывал весь поток и видел ценность в самом поэтическом порыве, а не в отдельных его проявлениях»[2].

Мандельштам воспевает «совестный деготь труда»[3], но есть у него и совсем другие стихи о труде:

– Изобрази еще нам, Марь Иванна,
Пусть это оскорбительно – поймите:
Есть блуд труда и он у нас в крови.

«Блуд труда» вызывает у Мандельштама омерзение, хотя он «у нас в крови», а следовательно, у него тоже. Это наука «профессорской толпы»[4]; это труд писателей, «которые пишут заведомо разрешенные вещи»[5], это всякий труд без порыва, труд якобы для других, а на самом деле не нужный никому и даже разрушительный:

Какой-нибудь изобразитель,
Чесатель колхозного льна,
Чернила и крови смеситель,
Достоин такого рожна[6].

«Блуд труда» вообще связан у Мандельштама с глаголом «изобрази» в повелительном наклонении.

«Блудом труда» пронизана не только советская литература, но и набирающая силу социалистическая действительность, которую разрушит тот же блуд труда. Поэзия Мандельштама говорит блуду труда категорическое «нет»:

Чур, не просить, не жаловаться! Цыц!
Не хныкать –
для того ли разночинцы
Рассохлые топтали сапоги, чтоб я теперь их предал?
Мы умрем как пехотинцы,
Но не прославим ни хищи, ни поденщины, ни лжи[7].

Этими строками предвосхищены «Стихи о неизвестном солдате»: «Хорошо умирает пехота»[8]. Не разночинец ли неизвестный солдат, хотя так и не назван.

Напрашивается предположение, что после «Шума времени» лирическим «я» Мандельштама всегда подразумевается «я разночинец». В «Шуме времени» намечалось определенное противостояние «интеллигента» и «разночинца», даже если оба они в одном лице. Разночинец предпочтительнее для Мандельштама и значит для него больше. Для Мандельштама «Дант – внутренний разночинец старинной римской крови»[9], почему Мандельштам и ощущал себя его «alter ego». Слово «интеллигент» в «Шуме времени», с гордостью выговариваемое матерью и особенно бабушкой, вяжется с «исаковским» Пушкиным «в ряске никакого цвета, в гимназическом коленкоровом переплете», но он вяжется также «с чахоточным румянцем и дырявыми башмаками», напоминавшими «рассохлые сапоги» разночинцев[10]. Пушкиным в издании Исакова представлен «книжный шкап раннего детства» – спутник человека на всю жизнь»[11].

Интересно, что в этом «книжном шкапу» с Пушкиным соседствует Надсон, и Мандельштам с бóльшим основанием, чем В. В. Маяковский, мог бы сказать Пушкину: «Между нами затесался Надсон», но Мандельштам не говорит при этом: «Жаль...» «Не смейтесь над надсоновщиной – это загадка русской культуры и в сущности непонятый ее звук», – говорит Мандельштам. Загадка, может быть, в том, что разночинец С. Я. Надсон – преждевременный и потому неудавшийся вариант Мандельштама. Вот почему Мандельштам так вчитывается в него: «Сколько раз, уже зная, что Надсон плох, я все же перечитывал его книгу и старался услышать ее звук...»[12] И далеко не просто шутка, когда, прочитав свое стихотворение «За гремучую доблесть грядущих веков», в ответ на восторженное восклицание С. И. Липкина: «Это лучшее стихотворение двадцатого века!» – Мандельштам «небрежно произнес»: «А в нашей семье это стихотворение называется "Надсоном"»[13]. Что если Мандельштам действительно слышал в своем стихотворении «непонятый звук» Надсона:

---

[1] СС 4. Т. 1. С. 186–87.

[2] Мандельштам Н. Я. Т. 1. С. 281.

[3] СС 4. Т. 3. С. 51.

[4] Мандельштам Н. Я. Т. 1. С. 320.

[5] СС 4. Т. 3. С. 171.

[6] Там же. С. 75.

[7] Там же. С. 53.

[8] Там же. С. 125.

[9] Там же. С. 224.

[10] СС 4. Т. 2. С. 356; СС 4. Т. 3. С. 53.

[11] СС 4. Т. 2. С. 355.

[12] СС 4. Т. 2. С. 357.

[13] СС 4. Т. 3. С. 24.

Чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязцы,
Ни кровавых костей в колесе...[1]

Мир устанет от мук, захлебнется в крови,
Утомится безумной борьбой...[2]

«Разночинцу не нужна память, ему достаточно рассказать о книгах, которые он прочел, – и биография готова», – писал Мандельштам[3]. «Шум времени» не сводится к рассказу о прочитанном, но выводится из того же «книжного шкапа»: «...в разрезе своем, этот шкапчик был историей духовного напряженья целого рода...» Мандельштам называет книжный шкап «странной маленькой библиотекой», подчеркивая, что «отцовское и материнское в нем не смешивалось, а существовало розно...»[4]. В этой розни намечается различие интеллигентского и разночинского, хотя ни то, ни другое не совпадает однозначно с материнским и отцовским.

Возможно, само название «Шум времени» происходит из «Вех», сборника статей о русской интеллигенции, где С. Франк так цитирует Фридриха Ницше: «...не вокруг творцов нового шума, а вокруг творцов новых ценностей вращается мир»[5]. Цитата, весьма актуальная для Мандельштама, многое объясняющая в его творчестве. «Шум времени» и есть новый шум, а «книжный шкап» – вместилище ценностей, вокруг которых вращается мир. Но в связи с этим шумом и с этим вращением Мандельштам возвращается к семейному косноязычью: «Что хотела сказать семья? Я не знаю. Она была косноязычна от рожденья, а между тем у ней было что сказать. Надо мной и над многими современниками тяготеет косноязычье рожденья. Мы учились не говорить, а лепетать – и лишь прислушивались к настоящему шуму века и, выбеленные пеной его гребня, мы обрели язык»[6].

Мандельштам с такой настоятельностью возвращается к проблеме языка, что нет сомнений: проблема не ограничивается семейной рознью между немецким языком отца («...отец пробивался самоучкой в германский мир из талмудических дебрей», предвосхищая «К немецкой речи» самого Мандельштама) и материнскими русскими книгами. Похоже, что правильный русский язык матери также был для Мандельштама формой косноязычия или безъязычия, выражающегося как раз в надсоновщине. Ведь не кто иной, как Надсон, писал:

Нет на свете мук сильнее муки слова:
Тщетно с уст порой безумный рвется крик,
Тщетно душу сжечь любовь порой готова:
Холоден и жалок нищий наш язык[7].

Холоден и жалок интеллигентский язык, вбирающий в себя и «материнского Пушкина» с надписью «Ученице III-го класса за усердие». Еще одна причина для Мандельштама бояться правильного, законченного образования. Отсюда исступленный конфликт с А. Г. Горнфельдом, описанный в «Четвертой прозе»: «Человек, способный назвать свою книгу “Муки слова”, рожден с каиновой печатью литературного убийцы на лбу»[8]. Но если у Горнфельда на лбу каинова печать, Мандельштам «Четвертой прозы» чувствует себя Авелем, что подтверждает его родство с Горнфельдом, да и название «Муки слова» взято из того же Надсона, то есть из того же «книжного шкапа». При этом книгу Горнфельда «Муки слова» (вместе с Надсоном) сочувственно рекомендует молодым писателям сам М. Горький[9]. Конфликт Мандельштама с Горнфельдом не исчерпывается литературным недоразумением, сыгравшим, правда, роковую роль в жизни Мандельштама. Для Мандельштама Горнфельд – интеллигент, выдающий свое безъязычие за литературный язык, тогда как сам Мандельштам – разночинец из тех, что обрели язык в нарастающем шуме века. Отсюда и «присяга чудная четвертому сословию», обязывающая принять не только Февральскую революцию, но и октябрьский переворот и не принять при этом «ни хищи, ни поденщины, ни лжи», что обрекает самого разночинца на неприкаянность и гибель.

4

Семье было что сказать, и «я не знаю» Мандельштама говорит о многом. По словам Н. Я. Мандельштам, Эмиль Вениаминович жаловался на жену, отнявшую у него сыновей. Мать от чего-то их ограждала, но только ли от отцовской философии? Надежда Яковлевна упоминает музыкальность Флоры Осиповны: она привила Осипу любовь к классической музыке, и свою музыкальность он унаследовал от матери. Н. Я. Мандельштам не знала лично Флоры Осиповны. Лишь через три года после ее смерти Надя Хазина встретилась с О. М., как она называет поэта в своей первой книге. То, что она пишет во «Второй книге» об отношениях отца и матери Мандельштама, имеет личный отпечаток. В жизни Эмиля Вениаминовича появилась другая женщина, и, узнав об этом, его жена умерла. И Осипу Мандельштаму встретилась другая («дичок, медвежонок, Миньона»[10]), когда Надежда Яковлевна была опасно больна («вспышка туберкулеза»). Жизнь отца зеркально повторилась в жизни сына: «Мне стало страшно – я вдруг почувствовала, что в сыне есть что-то отцовское», – пишет Н. Я. Мандельштам и тут же добавляет: «Это был совсем иной человек, и, если в нем были родовые черты, он сумел их победить»[11]. Надежда Яковлевна на десятилетия пережила свою обольстительную соперницу Ольгу Ваксель. Но от родовых черт поэт не ушел, превратив их в родовые окончания, напоминающие о роковом и о языковом:

[1] Там же. С. 46.

[2] Надсон С. Я. Стихотворения. СПб., 1898. С. 48.

[3] СС 4. Т. 3. С. 384.

[4] СС 4. Т. 2. С. 355.

[5] Вехи. С. 198. См. также: Соч. Т. 2. С. 384.

[6] СС 4. Т. 2. С. 384.

[7] Надсон С. Я. Стихотворения. С. 51.

[8] СС 4. Т. 3. С. 174.

[9] Горький М. О литературе. М., 1953. С. 327.

[10] СС 4. Т. 3. С. 98.

[11] Мандельштам Н. Я. Т. 2. С. 228.

Не у меня, не у тебя – у них
Вся сила окончаний родовых...

И для людей, для их сердец живых,
Блуждая в их извилинах, развивах,
Изобразишь и наслажденья их,
И то, что мучит их, – в приливах и отливах[1].

Именно своей жене Мандельштам рассказал о том, что он пережил, когда умерла его мать: «Он говорил иногда вещи, которых я ни от кого еще не слыхала. Лучше всего я запомнила его слова о смерти. Удивляясь самому себе, он сказал, что в смерти есть особое торжество, которое он испытал, когда умерла его мать»[2].

В 1916 году Мандельштам написал стихотворение:

Эта ночь непоправима,
А у вас еще светло.
У ворот Ерусалима
Солнце черное взошло.

Солнце желтое страшнее –
Баю баюшки баю, –
В светлом храме иудеи
Хоронили мать мою.

Благодати не имея
И священства лишены,
В светлом храме иудеи
Отпевали прах жены.

И над матерью звенели
Голоса израильтян.
Я проснулся в колыбели,
Черным солнцем осиян.

Стихотворение нельзя отнести к традиционным стихотворениям «на смерть матери». У Мандельштама представлено именно «особое торжество смерти». Стихотворение дает повод психоаналитику предположить многое, связывающее Мандельштама с его матерью, но и помимо психоанализа оно вызывает вопросы, и не столько для того чтобы ответить на них (ответа все равно нет, кроме самого стихотворения), сколько для того чтобы опять заглянуть в «книжный шкап раннего детства».

Из «книжного шкапа» происходит хаос иудейский, как его описывает Мандельштам в «Шуме времени». На это описание откликнулся известный литературовед Н. О. Лернер: «Тот “хаос иудейства”, который так тяжело, так болезненно переживал он (Мандельштам. – *В. М.*) в своих воспоминаниях, вошел какой-то далеко не безразличной функцией в историю России, но мало кем до сих пор был так отчетливо определен»[3].

Замечание, лестное для автора, но что это за хаос, если он может быть отчетливо определен? У Мандельштама при его нелюбви к громким словам это сначала всего лишь нижняя полка шкапчика: «Нижнюю полку я помню всегда хаотической: книги не стояли корешок к корешку, а лежали, как руины; рыжие Пятикнижия с оборванными переплетами, русская история евреев, написанная неуклюжим и робким языком говорящего по-русски талмудиста. Это был повернутый в пыль хаос иудейский»[4]. И опять все упирается в язык или в безъязычие, не это ли так тяжело и так болезненно переживает он? Не в этом ли кроется и роковой разлад между родителями, не согласными не потому ли, что они не совсем понимают друг друга?

Недаром глава, посвященная безъязычию, так и называется «Хаос иудейский», и это уже не только книжная полка: «Речь матери, ясная и звонкая, без малейшей чужестранной примеси», но «словарь ее беден и сжат, обороты однообразны... Мать любила говорить и радовалась корню и звуку прибедненной интеллигентским обиходом великорусской речи»[5]. Из этого интеллигентского обихода и непонятный звук Надсона, и даже недопонятый (до сих пор!) Пушкин. «Грамотная русская речь» «настоящего еврейского учителя» также «звучала фальшиво». Может быть, потому маленький Ося «всем существом восставал на книгу и науку»[6]. Мандельштам уверяет: «Сюда же (в пыль иудейского хаоса. – *В. М.*) быстро упала древнееврейская моя азбука, которой я так и не обучился»[7]. Некоторые исследователи, правда, полагают, что Мандельштам преуменьшил свои успехи в изучении древнееврейской традиции.

Само понятие «хаоса иудейского», возможно, восходит к Владимиру Соловьеву, которого Мандельштам внимательно читал: «Мы знаем, что возможность хаотического существования, вечно содержащаяся в Боге, вечно подавляется Его могуществом, осуждается Его истиной, проникается Его милостью. Но Бог любит хаос в его небытии, и Он хочет, чтобы хаос существовал, так как Он умеет приводить к единству мятежное существование»[8].

Тем не менее Мандельштам никогда не был поэтом хаоса не только в соловьевском, но и в тютчевском смысле слова. В 1911 году он пытался освоить хаос:

Разве я знаю, отчего я плачу?
Я только петь и умирать умею.
Не мучь меня: я ничего не значу
И черный хаос в черных снах лелею[9].

Мандельштам беспощадно вычеркнул эти строки вместе со строкой, чрезвычайно важной для него: «Я только петь и умирать умею», и от стихотворения в шестнадцать строк остаются четыре, едва ли не противоположные вычеркнутым по смыслу:

[1] СС 4. Т. 3. С. 100–101.

[2] Мандельштам Н. Я. Т. 2. С. 42.

[3] Соч. Т. 2. С. 381.

[4] Там же. С. 355.

[5] Там же. С. 361.

[6] Там же. С. 356.

[7] Там же. С. 355.

[8] La Russie et l'Eglise universelle. Par Vladimir Soloviev. P., 1922. P. 230–231 (пер. В. Б. Микушевича).

[9] СС 4. Т. 1. С. 238.

О небо, небо, ты мне будешь сниться;
Не может быть, чтоб ты совсем ослепло,
И день сгорел, как белая страница:
Немного дыма и немного пепла.

Хаос не привлекал Мандельштама, так как хаос для него – не брожение творческих сил, а недостаточность, неполноценность, незавершенность, как не завершен в его ощущении хаос иудейский, чье светило – черное солнце, а не из-за черного ли солнца «эта ночь непоправима»?

Психоаналитик не должен упускать из виду строки Мандельштама, написанные в 1915–1916 годах, да еще и тем же поэтическим размером:

И для матери влюбленной
Солнце черное взошло.

Стихотворение начато примерно за год до смерти матери, и в нем характерная обмолвка: Мандельштам не мог не знать, что Ипполит – пасынок, а не сын Федры, и все-таки он настаивает:

Бойся матери ты, Ипполит:
Федра-ночь – тебя сторожит
Среди белого дня[1].

Фрейдист не может не заинтересоваться такой обмолвкой, ибо сам Фрейд строил свою теорию, наблюдая, главным образом, интеллигентные еврейские семьи Вены, где наверняка было и свое безъязычие, и невротические драмы, и самое выражение «хаос иудейский», возможно, понравилось бы Фрейду.

«Черное солнце» упоминается в прозаическом наброске Мандельштама к статье «Скрябин и христианство». Там оно означает «обратное течение времени»[2]. Если бы течение времени не было обратным, строка «я проснулся в колыбели» означала бы, что младенец разбужен смертью матери, а при обратном течении времени последние строки стихотворения предшествуют дальнейшему, быть может, всей жизни, потому-то и «эта ночь непоправима» со своим черным солнцем. Но черное солнце выступает в стихотворении вместе с желтым, которое страшнее. Желтый цвет у Мандельштама – цвет прогресса, а «прогресс – это движение часовой стрелки, и при своей бессодержательности это общее место представляет огромную опасность для самого существования истории».

В подобном значении «желтый» встречается у Блока, например, в первом стихотворении, посвященном Флоренции:

Хрипят твои автомобили,
Твои уродливы дома,
Всеевропейской желтой пыли
Ты предала себя сама.

Расхожее выражение «желтая пресса» приобретало в устах Мандельштама особый роковой привкус, когда в «Правде» появилась статья о «Путешествии в Армению», а Мандельштам «заявил, что нельзя в центральных газетах печатать желтопрессные статейки»[3]. Мандельштама, собственно, и предупреждали: «Мы ему не позволим поносить развитие и прогресс...»[4] Солнце желтое страшнее... Так что черное и желтое солнце при своем противоположном направлении означают одно: умирание истории. «Как история родилась, так может она и умереть», – написал Мандельштам в другом наброске. «Эта ночь непоправима», так как смерть матери, быть может, совпадает с умиранием истории, и Федра – мать Ипполита, в которого она влюблена, ибо таков «страшный противуестественный ход истории», и солнце Федры – черное солнце.

В обратном течении времени оказывается и храм, где отпевают прах, «благодати не имея и священства лишены». Особое же торжество стихотворения в том, что «над матерью звенели голоса израильтян». Можно предположить, что израильтяне в стихотворении противопоставлены «иудеям», как они противопоставлены в Евангелии. Иудеи отрицают воскресение Христа: «И пронеслось слово сие между Иудеями до сего дня»[5]. С другой стороны, Иисус приветствует Нафанаила словами: «Вот, подлинно Израильтянин, в котором нет лукавства»[6]. Так что голоса израильтян звенели в чаяньи воскресенья, возвращающего истории ее истинный ход.

Так формируется глубинная идея Мандельштама. Хаос иудейский – это Ветхий Завет без Нового Завета. К стихотворению «Эта ночь непоправима» примыкает еще одно стихотворение, написанное годом позже, – «Среди священников левитом молодым...».

Оба стихотворения раскрываются одно в другом и друг на друга указывают. В стихотворении «Среди священников левитом молодым» «обратное течение времени» совпадает с «движением часовой стрелки», каким бы анахронизмом часовая стрелка не была. Желтизной в стихотворении окрашено будущее, а черно-желтый свет, двойственное излучение одной и той же катастрофы, принимается старцами за благоприятное знаменье. Страшный «противуестественный» ход истории в том, что «храм разрушенный угрюмо созидался»[7].

Храм этот неоднократно перестраивался, так что от прежнего храма «не осталось почти ничего»[8], и Мандельштам нашел точное слово для этих бесконечных перестроек, закончившихся окончательным разрушением: «...угрюмо созидался». Только как знаменье надвигающейся катастрофы можно понять, почему «ночь иудейская сгущалася» «на страже утренней» и почему «над Евфратом», то есть на Востоке, ночь, когда там должен был бы брезжить

[1] Там же. С. 118.

[2] Там же. С. 276.

[3] Мандельштам Н. Я. Т. 2. С. 425.

[4] Там же. С. 424.

[5] Матф., 28, 15.

[6] Иоанн, 1, 47.

[7] Очевидно, Второй иерусалимский храм, в свою очередь разрушенный римским императором Титом в 70 году.

[8] Библейская энциклопедия. М., 1991. Кн. 2. С. 260.

рассвет. В. В. Мусатов в интересном докладе, прочитанном на Третьих международных мандельштамовских чтениях в Воронеже (29 мая – 5 июня 1994 года), высказал предположение «об угрозе, надвигающейся с востока», связывая эту угрозу с «ассирийскими крыльями стрекоз» в стихотворении Мандельштама «Ветер нам утешенье принес», написанном в 1922 году, то есть пятью годами позже[1]. В стихотворении 1922 года действительно есть строки, дающие повод для такого толкования:

И военной грозой потемнел
Нижний слой помраченных небес...[2]

Но ведь это военная гроза, а не ночь. Военная угроза была бы за Евфратом или на Евфрате, но не над Евфратом, и военную угрозу поэт назвал бы «тьма», тогда как над Евфратом ночь. Очевидно, это одна и та же ночь, ночь иудейская над молодым левитом, «Ерусалима ночь и чад небытия», и «эта ночь непоправима», как умирание самой истории. Стихотворение посвящено Антону Владимировичу Карташеву (1875–1960), общественному и церковному деятелю, впоследствии автору монументальных исследований «Вселенские соборы» и «Очерки по Истории Русской Церкви». В предисловии к «Очеркам» Карташев писал: «Лишь во вселенском христианском водительстве заложено обетование истинной свободы человека и – мира всему миру. И вот на этом пути – достойное, высшее, святое место служения России и Русской Церкви, а не под знаменем “ветхозаветных”, ветшающих национализмов»[3].

Возможно, Мандельштам увидел бы в этих словах подтверждение своего посвящения Карташеву, но из этого не следует, что Карташев и есть молодой левит в стихотворении. Н. Я. Мандельштам вспоминала, что Карташев в разговоре с секретарем Религиозно-философского общества С. П. Каблуковым назвал молодым левитом самого Мандельштама[4]. Молодой левит «среди священников», угрюмо созидающих Второй храм, и «с нами», с теми, что «в драгоценный лен Субботу пеленали». Молодого левита можно уподобить Иосифу Аримафейскому и Никодиму, членам Синедриона и в то же время ученикам Христа, сначала тайным, но потом открыто участвовавшим в Его погребении. Пеленать Субботу значит в таком случае готовить Христа к погребению. По смыслу стихотворения молодой левит сначала участвует в погребении Христа, а потом на страже утренней предостерегает иереев от надвигающейся катастрофы.

Самое примечательное в образе молодого левита то, что, будучи «с нами» (верными Христу), он также и «среди священников», призывает их спасаться бегством, но не бежит от них сам, остается среди них, хотя видит «Иерусалима ночь и чад небытия» при тяжелом семисвечнике Христова погребения. Слово «Суббота» в стихотворении одновременно ветхозаветное и новозаветное, если Суббота – Христос. Таково и трагическое служение молодого левита, верного и Новому и Ветхому Завету, поскольку для него один Завет не истинен без другого.

В трагическом стихотворении Мандельштама есть свой катарсис, и этот катарсис в слове «пеленали». Бывают погребальные пелены, но глагол «пеленать» не вяжется с мертвым, негромко, но тем более убедительно возвещая Воскресение Христа-Субботы. Так молодым левитом преодолевается «хаос иудейский».

Мандельштам – внутренний разночинец в своем веке и молодой (вечно молодой) левит в истории. Религиозность молодого левита трагична, и к ней лишь отчасти могут быть отнесены слова С. Л. Франка: «...Мое христианство я всегда сознавал как наслоение на ветхозаветной основе, как естественное развитие религиозной жизни моего детства»[5]. Ветхозаветная основа была и у Мандельштама, но с «естественным развитием» он вряд ли согласился бы. «Скучное бородатое развитие»[6]всегда вызывало у Мандельштама тревожное недоверие. И в юные годы он всем своим существом переживал мучительные противоречия молодого левита:

Мне стало страшно жизнь отжить –
И с дерева, как лист отпрянуть,
И ничего не полюбить,
И безымянным камнем кануть;

И в пустоте, как на кресте,
Живую душу распиная,
Как Моисей на высоте,
Исчезнуть в облаке Синая[7].

Мандельштаму свойственно острое ощущение собственной личности, и его страшит исчезновение в безличном, в первобытном слитном единстве хаоса, по Владимиру Соловьеву. Но «исчезнуть в облаке Синая», даже уподобляясь при этом Моисею, поэту тоже страшно, как бы ни было свято это облако. Камень скоро станет краеугольным образом в его поэзии, но безымянным камнем кануть – еще одна, вернее, все та же невыносимая опасность, ибо безымянное – синоним безличного. Исчезнуть, живую душу распиная, – вот страшная угроза, так как это собственная душа. Пустота лишь уподобляется кресту, крестом не будучи: изъян бытия, которому, может быть, как раз креста и не хватает. Рифма «пустота – креста» встречается у Мандельштама в том же 1910 году:

В изголовьи черное распятье,
В сердце жар, и в мыслях пустота,
И ложится черное проклятье –
Пыльный след – на дерево креста[8].

Тогда же отчаянная попытка принять пустоту связана с болезненным, с бездыханным и мертвенным:

---

[1] Мандельштамовские дни в Воронеже. Воронеж, 1994. С. 61.

[2] СС 4. Т. 2. С. 40.

[3] Карташев А. В. Очерки по Истории Русской Церкви. М., 1993. С. 6.

[4] Мандельштам Н. Я. Т. 2. С. 135.

[5] Франк С. Л. Соч. М., 1990. С. 3.

[6] СС 4. Т. 3. С. 194.

[7] СС 4. Т. 1. С. 54.

[8] Там же. С. 59.

Я вижу месяц бездыханный
И небо мертвенней холста;
Твой мир, болезненный и странный,
Я принимаю, пустота![1]

И, может быть, самое страшное: «жизнь отжить – и с дерева, как лист, отпрянуть», отпрянуть в эту самую пустоту. «Жизнь отжить» значит не прожить ее, а изжить, расточить в бессмысленности. Страх оказаться таким опавшим, отпавшим листом чрезвычайно органичен для Мандельштама. Страх этот скажется через десять лет (или через семь?), но вместо листа отпадут уже листья:

Где ночь бросает якоря
В глухих созвездьях Зодиака,
Сухие листья октября,
Глухие вскормленники мрака,
Куда летите вы? Зачем
От древа жизни вы отпали?
Вам чужд и странен Вифлеем,
И яслей вы не увидали.

Октябрь – здесь явно не просто время года, но эпоха, представитель которой – «октябрьский временщик»[2]. А листьям выносится неожиданно беспощадный приговор, напоминающий прежнее «черное проклятье»:

Для вас потомства нет – увы! –
Бесполая владеет вами злоба,
Бездетными сойдете вы
В свои повапленные гробы,
И на пороге тишины,
Среди беспамятства природы,
Не вам, не вам обречены,
А звездам вечные народы[3].

Глухота для Мандельштама – еще один гибельный признак. Мандельштам укажет на нее только через 12 (или через 15) лет: «наступает глухота паучья»[4].

Листья, отпавшие от древа жизни, – вероятный отсыл к В. В. Розанову с его «Опавшими листьями», но Розанов себя с ними отождествляет, а поэт в стихотворении противопоставляет себя им. В розановском духе строка «бесполая владеет вами злоба», что несколько странно и не совсем естественно, если речь идет о безобидных листьях. Но в стихотворении «глухие вскормленники мрака» – не просто листья, а противники звезд, аллегория, не совсем свойственная Мандельштаму, и, следовательно, возвещающая нечто чрезвычайное, подчеркнутое в строке также ее протяженностью: в четырехстопном ямбе стихотворения строка длиннее на целую стопу. Для Розанова пол и религия едины: «При слиянии религии и пола только и является “благословенное рождение”...»[5] Бесполое значит безрелигиозное. Потому-то и «бездетными сойдете вы...». Для Розанова бесполое – начало злое, противобожественное.

Н. Я. Мандельштам полагала, что Мандельштам усматривал в бесполом историческое бесплодие новой идеологии: «Мандельштам понимал “новое” не как начало эры, а лишь как завершение прошлого, которое не имеет никакого будущего»[6]. Действительно, какое же начало эры без Вифлеема и без яслей, в которых новорожденный младенец? Вифлеему и яслям противостоят «повапленные гробы», как Иисус, лежавший в этих яслях, называет книжников и фарисеев[7]. Так стихотворение возвращает нас к ситуации молодого левита. «Повапленные гробы» вполне могут относиться к старцам, в ответ на увещевание молодого левита думавшим: «Не наша в том вина», причем эти старцы не обязательно должны быть старыми: не состарила ли их ночь, бросающая якоря «в глухих созвездьях Зодиака», так как «эта ночь непоправима»?

Неожиданный и, быть может, непреднамеренный, но тем более разительный отклик на стихотворение Мандельштама мы находим у Эдуарда Багрицкого:

От черного хлеба и верной жены
Мы бледною немочью заражены...

Мы – ржавые листья
На ржавых дубах...
Чуть ветер,
Чуть север –
И мы облетаем.
Чей путь мы собою теперь устилаем?
Чьи ноги по ржавчине нашей пройдут?
Потопчут ли нас трубачи молодые?
Взойдут ли над нами созвездья чужие?
Мы – ржавых дубов облетевший уют...
Бездомною стужей уют раздуваем...
Мы в ночь улетаем!
Мы в ночь улетаем!
Как спелые звезды, летим наугад...[8]

Стихи Багрицкого если не предвосхищены, то предсказаны стихами Мандельштама:

Не вам, не вам обречены,
А звездам вечные народы.

Что если эти звезды и есть «созвездья чужие» для того, кто причисляет себя к ржавым листьям, они же «сухие листья октября»? Любопытно, что в стихотворении Багрицкого «ТВС» даже появляется строка: «Под окнами тот же скопческий вид», не бесполая ли злоба, хотя дальше говорится: «Правильно в мире. Усни, сынок»[9]. Нет оснований утверждать, что Багрицкий читал стихотворение «Где ночь бросает якоря», но «Шум времени» он должен был прочесть. В стихотворении Багрицкого «Происхождение»

[1] Там же. С. 51.

[2] Там же. С. 130.

[3] Там же. С. 143–144.

[4] СС 4. Т. 2. С. 62.

[5] Розанов В. В. Люди лунного света. СПб., 1913. С. 71.

[6] Мандельштам Н. Я. Т. 2. С. 521–522.

[7] Матф., 23, 27.

[8] Багрицкий Э. Стихотворения и поэмы. М., 1956. С. 100.

[9] Там же. С. 147.

представлено нечто, весьма похожее на «хаос иудейский», хотя позиция поэта по отношению к нему совсем другая. Подобию «хаоса иудейского» Багрицкий противопоставляет «еврейское неверие мое» и заканчивает стихотворение строкой: «Уйти? Уйду! Тем лучше! Наплевать!»[1]

При перекличке Багрицкого с Мандельштамом эта строка показывает всю глубину их разобщения, доходящего до несовместимости. Не только еврейское неверие Багрицкого, но и такой уход от «хаоса иудейского» со словом «наплевать» совершенно чужды Мандельштаму и невозможны для него. В поэме Багрицкого «Смерть пионерки» «крестильный крест» отвергается не только пионерским, но и еврейским неверием, а для Мандельштама где Вифлеем, там и крест.

Молодой левит не только не уходит от иудейства, но, напротив, погружается в его интимнейшие глубины (что засвидетельствовано стихотворением «Вернись в смесительное лоно...»).

Стихотворение дает повод предположить, что хаос иудейский для Мандельштама включает в себя и смесительное лоно, то есть кровосмешение, на чем настаивала Н. Я. Мандельштам. Действительно, в наброске к статье о Скрябине иудейству сопутствует не солнце Илиона, а черное солнце Федры, и ее Мандельштам называет «матерью влюбленной», что возможно лишь в смесительном лоне хаоса. Иными словами, хаос иудейский – семья со всеми ее тайнами, мифами и комплексами, включая фрейдистские, когда эротические фантазии вдруг совпадают с фантастической действительностью.

«Он, как оказалось, окрестил Лией дочь Лота», – писала Н. Я. Мандельштам, продолжая свою мысль[2]. Дочь Лота приходит ночью на ложе к своему отцу, напоив его предварительно вином, чтобы зачать от него, так как она полагает, что на земле больше не осталось людей после гибели Содома[3]. Вместо Рахили ее отец Лаван приводит на ложе Иакову свою старшую дочь Лию, и тот в темноте принимает ее за Рахиль[4]. Не приходится спорить с Н. Я. Мандельштам, так как нечто весьма интимное вынуждает ее настаивать на том, что кровосмесительница-дочь и Лия в стихотворении Мандельштама – одно лицо.

Далеко не всегда «ошибки», находимые у Мандельштама, являются именно ошибками, а не тонкостями поэтической материи. Строго говоря, в стихотворении не сказано, что кровосмесительница-дочь – это «ты», которую «никто не тронет». Другое дело, что ты и она обречены одному и тому же смесительному лону, желтому сумраку исторического времени. Дочь Лота родит сына и называет его Моав (сын отца моего), от моавитянки Руфи, упомянутой в родословной Христа, происходит царь Давид, а сын Давидов – Царь Иудейский, как было написано над головой Христа, распятого на кресте. Не потому ли «царской крови тяжелее струиться в жилах, чем другой»? Не отсюда ли тема царственности в поэзии Мандельштама?

А. И. Немировский высказывал предположение, что «царский посох в скинии пророков»[5] – жезл из миндального дерева, его ствол, буквально «Mandelstamm»[6].

И в стихотворении «На розвальнях, уложенных соломой» «царевича везут... везут меня без шапки»[7]. Известно, с какой мистической осторожностью Мандельштам относился к слову «Бог». И вдруг в конце стихотворения «Вернись в смесительное лоно...» – «Нет, ты полюбишь иудея, Исчезнешь в нем – и Бог с тобой»!.. Это «Бог с тобой» можно принять за обиходный оборот, как у Пушкина: «С Богом в дальнюю дорогу!» Но в стихотворении Мандельштама прочитывается нечто иное: Исчезнешь, и Бог с тобой исчезнет?

Исчезновение Бога, Его отсутствие – трагический мотив Рильке[8]. Но у Мандельштама другое исчезновение. Ты исчезнешь в царской крови, и Бог с тобой, ибо в царской крови начинается вочеловеченье Бога задолго до Его воплощенья от Девы Марии, а в Ней та же царская кровь.

Молодой левит сознает себя христианином и чувствует себя иудеем. Через 10 лет после «Спасительного лона» Мандельштам провозгласит свое иудейство, обращая его теперь и против европейской литературной рутины: «Я настаиваю на том, что писательство в том виде, как оно сложилось в Европе, и в особенности в России, несовместимо с почетным званием иудея, которым я горжусь. Моя кровь, отягощенная наследством овцеводов, патриархов и царей, бунтует против вороватой цыганщины писательского отродья»[9]. Этот очередной выпад в прозе Мандельштама предвосхищен стихами, написанными в 1919 году:

> С висячей лестницы пророков и царей
> Спускается орган, Святого Духа крепость,
> Овчарок бодрый лай и добрая свирепость,
> Овчины пастухов и посохи судей.
>
> Вот неподвижная земля, и вместе с ней
> Я христианства пью холодный горный воздух,
> Крутое «Верую» и псалмопевца роздых,
> Ключи и рубища апостольских церквей[10].

Уникальная особенность Мандельштама: он не то чтобы избегал разлада между иудейством и христианством, этот разлад ему просто чужд, неведом или ведом только понаслышке. Гете сказал в свое время: «Христианство противоречит иудейству гораздо сильнее, чем язычеству»[11]. В этом высказывании характерная олимпийская ирония Гете. Он дистанцировался и от христианства, и от иудейства, втай-

---

[1] Там же. С. 121.

[2] Мандельштам Н. Я. Т. 2. С. 249.

[3] Быт., 19, 31–38.

[4] Быт., 29, 24–28.

[5] СС 4. Т. 1. С. 101.

[6] Именно так, с двумя «m» вписал себя Мандельштам в прошение о зачислении в студенты Гейдельбергского университета.

[7] Там же. С. 121.

[8] Микушевич В. Великий магистр отсутствий // Рильке Р. М. Сады. М., 2003. С. 292.

[9] СС 4. Т. 3. С. 175.

[10] СС 4. Т. 1. С. 140.

[11] Goethes Werke in zwölf Bänden. B.; Weimar. 1988. Bd. 7. S. 543 (пер. В. Б. Микушевича).

не или даже почти открыто предпочитая то, что называет язычеством.

Кажется, вся поэзия и проза Мандельштама направлены против гетевского высказывания. Противоречие между иудейством и христианством для него не просто не существует – оно безрелигиозно (с чем Гете в иные периоды своей жизни снисходительно согласился бы). Складывается впечатление, что для Мандельштама гордиться почетным званием иудея значит быть христианином. Иначе – безрелигиозность и безъязычие.

Вот почему «матушка филология была вся кровь, вся нетерпимость» – нетерпимость к безъязычию-безрелигиозности – «а стала пся-кровь, стала – все-терпимость»[1] – терпимость к мнимому, но непримиримому противоречию, из которого родится бесполая злоба идеологии. Поэтому Мандельштаму враждебны «петербургские буржуа, происходящие от раввинов патрицианской крови»[2]. Пусть Мандельштам юридически неправ перед Горнфельдом в споре об Уленшпигеле[3], но его инвектива против Горнфельда – тоже выпад против безрелигиозности и безъязычия: «Паралитический Дантес, этот дядя Моня с Бассейной, проповедующий нравственность и государственность, выполнил социальный заказ совершенно чуждого ему режима»[4].

И Парнок, герой «Египетской марки», – жертва собственной безрелигиозности и безъязычия. Парнок – египетская марка, потому что и он «Иосиф, проданный в Египет»[5], как ощущал себя и Мандельштам, назвавшийся Иосифом в том же гейдельбергском прошении. Н. Я. Мандельштам писала о кризисе 1920-х годов, когда «он (Мандельштам. – *В. М.*) почти спутал себя с Парноком, чуть не превратил его в своего двойника»[6]. Воспоминания Н. Я. Мандельштам подтверждаются восклицанием самого Мандельштама в «Египетской марке»: «Господи! Не сделай меня похожим на Парнока! Дай мне силы отличить себя от него»[7]. Это не просто риторическая фигура. «Господи» сказано здесь не по ошибке. От Парнока отличает Мандельштама его творческая религиозность. Не то чтобы Мандельштам обрел язык, приняв христианство, – он пришел к христианству, обретя язык.

Мандельштам был одинок в своей религиозности, что нельзя объяснить одним только юношеским религиозным индивидуализмом. Этот индивидуализм он всегда старался преодолеть. Но в духовной жизни тогда преобладало неприемлемое для Мандельштама противопоставление Ветхого и Нового Завета, на котором и основывалась культура Серебряного века.

Мандельштам и к акмеизму пришел потому, что Гумилев и Ахматова придерживались традиционной православной религиозности, утверждающей именно единство Ветхого и Нового Завета. И среди акмеистов Мандельштам оставался лишним, так как, по словам Н. Я. Мандельштам, у него христианство «лежало в основе миропонимания, но носило скорее философский, чем бытовой характер»[8]. Между тем философия Серебряного века противопоставляла Ветхому Завету Новый Завет, вернее, обоим Заветам – новейший, третий завет в духе Иоахима Флорского[9].

Вместе с чаяньями «третьего завета» распространялись древние гностические веянья, которым был родствен русский символизм. Андрей Белый писал о поэзии Блока, что она «низводит нам прямо в душу странные концепции Василида и Валентина, связывает туманнейшие искания древности с религиозно-философским исканием наших дней; специфические любители поэзии этой образуют кружок; в нем встречаются с поэтами-модернистами одинокие философы, мистики, представители старообрядства и сектантства...»[10].

Нельзя сказать, что Мандельштам совсем не затронут этими веяньями. Молодой поэт откликается даже на православное движение имябожцев:

> Но от ереси прекрасной
> Мы спасаться не должны[11].

Но Мандельштам чувствовал непреодолимое отвращение к оккультизму и теософии, поскольку они, как и символизм, размывают поэтическое слово «туманнейшими исканиями древности», то есть ведут к тому же безъязычию. Мандельштам испытывал устойчивый интерес к В. В. Розанову с его «чистой библейской привязанностью»[12]. Розанов, напротив, противопоставлял Ветхий Завет Новому Завету, доходя до прямых выпадов против Иисуса Христа, сочетая апологию еврейства с эпатирующими нападками.

Но, как справедливо замечает Л. Ф. Кацис, книга Розанова «Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови» становится «одним из очевидных источников “Египетской марки”»[13], в то время как Мандельштам задет фразой Блока из предисловия к поэме «Возмездие»: «...возник вопрос об употреблении евреями христианской крови»[14]. В ответ на все это Мандельштам руководствуется лишь своим религиозным опытом. Он принимает христианство в

---

[1] СС 4. Т. 3. С. 173.

[2] Там же. С. 168.

[3] Мандельштам считал, что его неправота заглажена принесенными им извинениями.

[4] Там же. С. 173.

[5] СС 4. Т. 1. С. 97.

[6] Мандельштам Н. Я. Т. 1. С. 252.

[7] СС 4. Т. 2. С. 481.

[8] Мандельштам Н. Я. Т. 2. С. 68.

[9] Калабрийский аббат Иоахим да Фиоре (Иоахим с Цветка) противопоставлял в XIII веке Ветхому Завету (Завет Отца) и Новому Завету (Завет Сына) грядущий Завет Святого Духа. Учение Иоахима да Фиоре, осужденное католической церковью, было подхвачено в интеллектуальных кругах. В России учение Иоахима да Фиоре проповедовал Д. Мережковский (см.: Микушевич В. Тайнопись Новалиса // Новалис. Гимны к Ночи. М., 1996. С. 37–39).

[10] Андрей Белый. О Блоке. М., 1997. С. 433.

[11] СС 4. Т. 1. С. 113.

[12] СС 4. Т. 4. С. 12.

[13] Кацис Л. Ф. Вокруг «Фагота» и «Египетской марки» // Смерть и бессмертие поэта. М., 2001. С. 73 (Записки Мандельштамовского общества).

[14] СС 4. Т. 2. С. 623.

маргинальной протестантской секте, позволяющей, как ему представляется, сочетать Ветхий и Новый Завет.

5

Мандельштам предостерегает поэтов от злоупотребления словом «Бог»[1]. Возможно, для него сохранял свою силу ветхозаветный запрет на произнесение имени Божьего. Таким запретом или его нарушением навеян один из первых поэтических шедевров Мандельштама:

Образ твой, мучительный и зыбкий,
Я не мог в тумане осязать.
«Господи!» – сказал я по ошибке,
Сам того не думая сказать.

Божье имя, как большая птица,
Вылетело из моей груди!
Впереди густой туман клубится,
И пустая клетка позади[2].

С. С. Аверинцев тонко заметил по поводу этого стихотворения: «Вполне возможно, хотя совершенно не важно, что образ – женский. Во всяком случае, в нем самом не предполагается ничего сакрального, иначе “твой” имело бы написание с большой буквы. Но по решающему негативному признаку – по признаку недоступности для воображения – он сопоставим с образом Бога; это как бы образ образа Бога»[3]. Но если бы «твой» по отношению к образу было написано с большой буквы, такое написание сделало бы излишним дальнейшее, заместив обращение к Богу «по ошибке». «Твой» с маленькой буквы затаивает проблематику стихотворения, неожиданно приобщая его к суфийской традиции, казалось бы, такой далекой от Мандельштама, так что остается говорить разве что о внутреннем суфизме его ранней лирики.

В суфийской поэзии «твой» может относиться к Богу, к возлюбленной и к возлюбленному, как будто они – одно. Кто или что это одно, суфийское стихотворение не говорит, а внушает. «Кто разгласил свою любовь, тому прощенья нет», – сказал индийский поэт Мир Таки Мир. Великий суфий Халладж, по преданию, был казнен за то, что сказал: «Я Истина», то есть назвав себя по имени Бога, таящегося в человеческой душе. Подобным образом суфийские мистики объясняли и последние слова Иисуса на кресте: «Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?»[4]. Согласно этому толкованию, Бог оставил Иисуса, так как Тот назвал Его тайное имя.

Аналогию со стихотворением Мандельштама не следует заводить слишком далеко, но перекличка, быть может, невольная, заметна. По-видимому, в молодости Мандельштам переживал религиозную драму, не подлежащую разглашению, но определившую в его поэзии очень многое. Эта драма засвидетельствована следующим стихотворением, написанным в 1912 году:

Я ненавижу свет
Однообразных звезд.
Здравствуй, мой давний бред –
Башни стрельчатой рост.

...Или, свой путь и срок
Я, исчерпав, вернусь:
Там – я любить не мог,
Здесь – я любить боюсь...[5]

Загадка этого стихотворения – в соотношении «здесь» и «там». Слово «там» одно из ключевых для Иннокентия Анненского. Ориентация молодого Мандельштама на его поэзию известна.

У Анненского «там» означает нездешнее, если не прямо потустороннее. У Мандельштама «там» и «здесь» меняются местами в зависимости от того, куда уйдет «мысли живой стрела». Слову «там» в значении Иннокентия Анненского противоречит прошедшее время глагола: «не мог». Если я был там, я там бы и остался, но тогда откуда же настоящее время глагола, последнего в стихотворении: «боюсь...»? Но «боюсь» рифмуется с «вернусь», так что можно было там побывать и опять оказаться здесь; по крайней мере допускается такая возможность через «или», первое слово последней строфы. «Там» и «здесь» повязаны неопределенной формой глагола «любить». То ли «здесь я любить боюсь», так как «там я любить не мог», или, напротив, там я любить не мог, так как здесь я любить боюсь. Наиболее парадоксально прошедшее время в том, что касается «там». Оно прямо выводит «из времени в вечность».

При этом начинается стихотворение словом «ненавижу»: «Я ненавижу свет однообразных звезд». Если бы не матовый мир раннего Мандельштама (С. С. Аверинцев)[6], эти строки могли бы прозвучать с футуристической дерзостью. По словам Н. Я. Мандельштам, поэта настораживало и даже отвращало слово «звезды», вероятно, как слишком отдающее литературным обиходом символизма: «Гумилев говорил, что у каждого поэта свое отношение к звездам, вспоминал О. М., а по его мнению звезды – это уход от земли и потеря ориентации»[7]. Такой отказ ориентироваться по звездам может означать и то, что звезды слишком близко соседствуют с Богом, предвещают Его. Спрашивается, «там – я любить не мог, здесь – я любить боюсь» кого? Не Бога ли?

Роман с Богом иронически приписывали Владимиру Соловьеву. А «образ твой мучительный и зыбкий» не восходит ли к словам Кириллова из «Бесов»: «Меня Бог всю жизнь мучил...»?[8] Не маскировалась ли внутренняя драма молодого поэта полемикой против символизма и запретом на отдельные слова? Не отсюда ли аскетическая бедность его словаря и «стускленный, неяркий вариант христианства», о котором писал Аверинцев? На духовные искания юного Мандельштама проливает свет едва ли не самое важное место из уже цитированного письма к Вл. В. Гиппиу-

[1] Слово и судьба. С. 297.

[2] СС 4. Т. 1. С. 73.

[3] Слово и судьба. С. 288.

[4] Матф., 27, 46.

[5] СС 4. Т. 1. С. 71.

[6] Слово и судьба. С. 291.

[7] Мандельштам Н. Я. Т. 1. С. 193.

[8] Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 10 т. М., 1957. Т. 7. С. 125.

су: «Я не имею никаких определенных чувств к обществу, Богу и человеку – но тем сильнее люблю жизнь, веру и любовь»[1].

«Там – я любить не мог, / Здесь – я любить боюсь», – напишет Мандельштам четыре года спустя. Не осмеливаясь любить Бога, молодой поэт, как в самой ранней юности, любит жизнь, веру и любовь, и на этой любви основывается поэтический мир его книги под знаменательным названием «Камень».

Свету «однообразных звезд» поэт противопоставляет «мой давний бред». Возможный отсыл к Тютчеву в этой строке включает в себя также и возможное возражение. У Тютчева в стихотворении «На новый 1855 год» – «Я не свое тебе открою, / Но бред пророческий духóв...»[2] Тютчев подчеркивает, что «бред пророческий духóв» для него «не свое».

Мандельштам, как ни в чем не бывало, говорит «мой давний бред» и приветствует его.

Но этот бред не случайный, а давний, может быть, кровный. По-своему он тоже пророческий, так как он реален: это «башни стрельчатой рост», а тогда бред ли это? «Стрельчатый» – признак и эпитет готического стиля, так что башня вполне конкретна и приобретает определенный художественный смысл. С этой башней в стихотворение входит готика. Она-то и противостоит однообразным звездам, чье однообразие также не чуждо бреду, не оно ли и есть настоящий бред или сон: «однообразно-звучно царство сна»[3].

Примечателен рост стрельчатой башни. Этот рост не есть просто высота как окончательная раз и навсегда данность. Башня, по-видимому, продолжает расти, то есть созидается, и ее созидание заложено в ней самой, оно не имеет ничего общего с будущим в поэзии Мандельштама угрюмым созиданием разрушенного храма в обратном течении времени. Известно, что готические соборы строились столетиями, при этом сменялись поколения строителей, но стиль выдерживался, что не могло не привлекать поэта. Кружево и паутина, которыми предлагается быть и стать камню, очень точно обозначают монументальную утонченность готики, которая ведет к заострению: «Неба пустую грудь тонкой иглою рань».

Мы помним, что пустота для Мандельштама болезненна, пустота – синоним безблагодатного распятия, пустая клетка остается, когда из груди вылетает Божье имя. Не Его ли возвращает пустой груди неба тонкая игла готики? Ранить пустую грудь не значит ли оплодотворить ее, изжив пустоту? В стрельчатом выявляется «мысли живой стрела». «Мой давний бред» (творческий?) и «мой черед» (осуществление?) соотносятся, предвещая строку: «И я когда-нибудь прекрасное создам»[4].

Не решаясь любить Бога или слишком любя Его, так, что эту любовь лучше таить, Мандельштам позволял себе любить веру в ее различных проявлениях, и его религиозный индивидуализм все больше начинал сказываться в неприятии других, распространенных, даже господствовавших религиозных индивидуализмов. Например, Блок писал в 1906 году:

> Ты дремлешь, Боже, на иконе,
> В дыму кадильниц голубых.
> Я пред Тобою на амвоне,
> Я – сумрак улиц городских[5].

Такое предстояние Богу вряд ли возможно для мандельштамовского смирения. В отличие от подобного религиозного индивидуализма, Мандельштам по-своему искал единения, включения в традицию. В этом смысле Мандельштам – поэт соборности, которую А. С. Хомяков провозглашал и обосновывал как мыслитель. Мандельштаму, не склонному к лирическим излияниям, в то же время чужда замкнутость, изоляция, обособление. Поэтическая соборность Мандельштама впоследствии оборачивается участью неизвестного солдата «с гурьбой и гуртом». Но и соборность – слово, слишком громкое для раннего Мандельштама. Поэтому он предпочитает отождествлять соборность с реальным строительством соборов.

Тем же 1912 годом датируется стихотворение Мандельштама «Айя-София».

И в «Notre Dame»:

> ...Но чем внимательней, твердыня Notre Dame,
> Я изучал твои чудовищные ребра, –
> Тем чаще думал я: из тяжести недоброй
> И я когда-нибудь прекрасное создам...[6]

Сопряженность этих двух стихотворений в поэзии Мандельштама знаменательна и говорит о многом. Анализируя стихотворение «Айя-София», обычно отмечают, что Мандельштам не бывал в Константинополе и не видел храма Святой Софии. Сам поэт прямо признает это в первой же строфе, ссылаясь на «слово очевидца». В то же время едва ли Византия – лишь эфемерная фантазия молодого человека, полного впечатлений, может быть, от лекции знаменитого византиниста Д. В. Айналова[7].

По свидетельству Н. Я. Мандельштам, поэт, действительно, полагал, что значение Византии для русского православия преувеличено: «Он мне когда-то сказал, что православие шло не от Византии, а от Афона»[8]. Это высказывание Мандельштама, возможно, содержит элемент полемики с П. Я. Чаадаевым. Чаадаев писал о «роковой судьбе» Руси, обратившейся в поисках нравственного принципа к «жалкой Византии», «предмету глубокого презрения для других народов»[9]. В 1910 году в стихотворении, посвященном С. П. Каблукову, Мандельштам находил «огонь духов-

---

[1] СС 4. Т. 4. С. 12.

[2] Тютчев Ф. И. Полн. собр. стихотворений. Л., 1987. С. 189.

[3] СС 4. Т. 1. С. 70.

[4] Там же. С. 80.

[5] Блок А. Соч. Т. 1. С. 195.

[6] СС 4. Т. 1. С. 79.

[7] Аверинцев С. С. Конфессиональные типы христианства у раннего Мандельштама // Слово и судьба. С. 292.

[8] Мандельштам Н. Я. Т. 2. С. 491.

[9] Чаадаев П. Я. Полн. собр. соч. и избранные письма: В 2 т. М., 1991. Т. 1. С. 97.

ной красоты» «в острых взорах византийца»[1]. Так что не совсем обосновано утверждение, будто «Айя-София» увидена как бы в стилизованной языческой перспективе – с точки зрения Артемиды Эфесской или ее поклонников, Юстиниан строил «для чужих богов». По крайней мере, это лишь одна из точек зрения в стихотворении, и поклонник Артемиды вряд ли в самом начале сказал бы: «Здесь остановиться судил Господь народам и царям».

Не менее значителен и многозначен «пример Юстиниана», данный «всем векам». Храм Святой Софии также относится к соборам, которые создавались не один век[2]. Стихотворение Мандельштама не противоречит этим позднейшим выводам искусствоведа. Хотя нельзя не признать, что суд Господа и позволение эфесской Дианы уравновешиваются в первых двух строфах, средоточием стихотворения является все-таки вопрос третьей строфы: «Но что же думал твой строитель щедрый...»

Самое главное, что у Святой Софии есть строитель и строитель земной. Деяние строителя раскрывается в точных архитектурных терминах (апсиды и экседры – разновидности выступов с полукуполом или полусводом). «Твой строитель» обращено к Софии, которая, стало быть, строится человеком. Здесь-то и заостряется суть стихотворения, в эпоху, когда выспреннее обожание Софии Премудрости Божией царило в поэзии символистов. Формируется учение о Софии как о Вечной Женственности в Боге, восходящее к Владимиру Соловьеву и разрабатываемое Сергием Булгаковым[3]. София Премудрость негласно, но более или менее отчетливо отождествляется с Прекрасной Дамой Блока: «Произнесено ее “имярек”, она – Дева, София, Владычица Мира...»[4]

Таким образом, культ Софии – средоточье гностических чаяний, чуждых молодому Осипу Мандельштаму. Для него Святая София – лишь «мудрое сферическое зданье». В этом здании не сами архангелы, а их образы, оцениваемые вместе с храмами с точки зрения художества.

Примечательно, что у позднего Мандельштама «Айя-София» приобретет более сложный, символический или даже бытийный смысл:

> И клена зубчатая лапа
> Купается в круглых углах,
> И можно из бабочек крапа
> Рисунки слагать на стенах.
> Бывают мечети живые –
> И я догадался сейчас:
> Быть может, мы Айя-София
> С бесчисленным множеством глаз[5].

Восьмистишие написано в 1933–1934 годах, и не к стихотворению ли «Айя-София» более чем 20-летней давности возвращает строка: «И я догадался сейчас»? «Из бабочек крапа» опять-таки можно «рисунки слагать на стенах», но «мы» не рисунок. Ключ к «Айя-Софии» в позднейшем восьмистишии дают, возможно, именно серафимы. «...Мир подобен человеческой постройке, – пишет М. Л. Гаспаров, – круглая крона (из угловатых листьев) подобна куполу; и наоборот, в купольной Айя-Софии многоочитые шестикрылые серафимы на стенах подобны крылатым бабочкам»[6].

Название следующего стихотворения еще более нейтрально, чем «Айя-София», и могло бы как раз этим эпатировать читателя в свое время. Подчеркнуто изглаживается прямой смысл названия «Notre Dame», «Наша Дама», а в этом словосочетании дама трубадуров, миннезингеров и, в конце концов, Прекрасная Дама Блока. Notre Dame в общепринятом понимании – Богоматерь.

Но в эзотерической традиции Notre Dame понималась иначе: «Для других она Магдалина с сосудом, наполненным целительным бальзамом. Посвященные знают ее настоящее имя: Нотр Дам де Кросс»[7]. К таким посвященным был близок Виктор Гюго, одно время едва ли не возглавлял их, и для него название «Notre Dame de Paris», по всей вероятности, включало и этот эзотерический смысл. Казалось бы, если бы в стихотворении Мандельштама присутствовал хотя бы намек на такие эзотерические тонкости, «твои чудовищные ребра» были бы вряд ли возможны, тем не менее именно в эзотерических источниках поминаются «готические соборы – величественные каменные символы чрева, посвященные “Notre Dame”»[8].

И все же стихотворение Мандельштама явно обращено к зданию, а не к Ней, уже поэтому примыкая к Айя-Софии. Кроме ребер в стихотворении мышцы и нервы, готика обрисовывается как своего рода физиология, которой предшествует «римский судия», но его правосудие – тоже архитектоника, элемент исторической архитектуры. Тайный план наводит на мысль о секретах вольных каменщиков или их средневековых предшественников, но в стихотворении тайное поистине становится явным: «Но выдает себя снаружи тайный план», и выдает он себя атрибутами зодчества, которые в конце второй строфы подытоживаются тараном. Через четверть века готическим в поэзии Мандельштама окажется мироздание, что подтверждается тем же тараном – созидательная эсхатология:

> И под каждым ударом тарана
> Осыпаются звезды без глав...[9]

Стенобитная твердь сродни твердыне Notre Dame, которую Мандельштам представлял уже не «по слову очевидца», а действительно изучал в Париже. С тех пор готика станет насущной, глубинной темой Мандельштама, объяснение чему мы находим в строке: «Души готической рассудочная пропасть».

---

[1] СС 4. Т. 1. С. 57.

[2] Лазарев В. Н. История византийской живописи. М., 1986. С. 36–37.

[3] Лосский В. Спор о Софии. М., 1996. С. 26.

[4] Андрей Белый. О Блоке. С. 433.

[5] С. 78–79.

[6] Гаспаров М. Л. Восьмистишия Мандельштама // Смерть и бессмертие поэта. С. 52.

[7] Бейджент М., Лей Р., Линкольн Г. Святая Кровь и Святой Грааль. М., 1997. С. 86–87.

[8] Там же. С. 410.

[9] СС 4. Т. 3. С. 129.

Строка эта разительно предвосхищает Освальда Шпенглера с его апологией фаустовской души. Существенна здесь и пропасть, и ее эпитет «рассудочная». Этот эпитет предварен и заранее прокомментирован анализом Виктора Гюго: «...Романское аббатство, философическая церковь, готическое искусство, искусство саксонское, тяжелые круглые столбы времен Григория VII, символика герметиков, где Никола Фламель предшествовал Лютеру, единовластие папы, раскол церкви, аббатство Сен-Жермен-де-Пре и Сен-Жак-де-ла-Бушри – все расплавилось, смешалось, слилось в Соборе (Notre Dame). Эта главная церковь, церковь-прародительница, является среди древних церквей Парижа чем-то вроде химеры: у нее голова одной церкви, конечности другой, торс третьей и что-то общее со всеми»[1].

Этими словами Виктора Гюго многое задано в стихотворении Мандельштама. Мандельштам, возможно, предвосхищает важнейшую строку своего старшего друга Н. С. Гумилева: «Я угрюмый и упрямый зодчий»[2], но, разумеется, «Notre Dame» далеко не исчерпывается манифестом акмеизма, которым многие были склонны считать это стихотворение.

Виктор Гюго проницательно усматривает в соборе Notre Dame единство папского единовластия и церковного раскола, то есть протестантизма, направленного против папского единовластия. По Шпенглеру, в обоих этих непримиримых началах сказывается одна и та же фаустовская душа. Но единство папы и Лютера, его яростного противника, – тоже тема «Камня», являющая и католичество, и протестантство в особом свете:

«Здесь я стою, я не могу иначе»,
Не просветлеет темная гора –
И кряжистого Лютера незрячий
Витает дух над куполом Петра.

Стихотворение начинается знаменитыми словами Мартина Лютера, произнесенными на рейхстаге в Вормсе в 1521 году, может быть, они что-то определяют в протестантизме юного Мандельштама и, несомненно, много или все значат для поэта в последний период его жизни. «Не просветлеет темная гора», – не та ли гора, внутри которой «бездействует кумир»?[3] Даже если такая параллель проблематична, очевидно, дух Лютера незрячий, потому что не видит, где он витает: над куполом Петра, которым представлено папство.

Лютер не видит архитектуры Микеланджело, но не может над ней не витать, что придает другой, мандельштамовский смысл словам: «Здесь я стою – я не могу иначе». Папа, считающий себя наместником Петра, и Лютер, отвергающий папство, неразлучны в рассудочной пропасти готической души. В «тяжести недоброй» поэт пока еще видит лишь сопротивление материала, необходимое художнику: «Сестры тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы»[4].

Заканчивается стихотворение строкой, простота которой переосмысливает не только «Notre Dame», но и предыдущее «Айя-София», возвращая к нему: «И я когда-нибудь прекрасное создам». Причем строка перспективнее в своем прямом грамматическом смысле: не то чтобы я создам прекрасное тоже, нет, «и» буквально относится к «я», включая меня в череду создававших и создающих прекрасное, что переходит в настоящее будущее время в отличие от обратного течения времени, когда «храм разрушенный угрюмо созидался». Угрюмому в превратном будущем здесь противостоит прекрасное, слово из «Айя-Софии»: «прекрасен храм... четыре архангела прекраснее всего...».

Таким образом, следующее стихотворение подключается к предыдущему. На подобном подключении основывается то, что Мандельштам называл книгой: «В юности О. М. употреблял слово “книга” в значении “этап”. В 1919 году он думал, что будет автором одной книги... Он не сразу заметил, как кончился дореволюционный “Камень” и началась книга войны, предчувствия и осуществления революции»[5]. Камень – это включение себя в преемственность созидания, восходящего, быть может, к Богу-Творцу, Которого возвещает все дальнейшее, каждое слово: «Но камень Тютчева, что “с горы скатившись, лег в долине, сорвавшись сам собой иль был низвергнут мыслящей рукой” – есть слово»[6]. Если каждое слово – камень, ссылающийся на мыслящую руку, отдельное упоминание Бога излишне и обесценивает Божье имя.

В 1907 году вышла первая часть «Новых стихотворений» Р.-М. Рильке, среди которых наиболее значительные также посвящены готической архитектуре. Можно отметить внешнее сходство стихов Мандельштама, например, с триптихом Рильке «Портал», но существеннее принципиальное различие между стихами Рильке и Мандельштама, даже в некотором смысле их несовместимость. У Рильке произведение архитектуры – данность, вещь, совершенная и завершенная, для которой высшая инстанция – смерть:

...и слышался с твердынь средневековых
над суетою сделок пустяковых
лишь бой часов, предупреждать готовых,
что, кроме смерти, будущего нет.
(*Пер. В. Микушевича*)

Для Мандельштама же произведение совершенно, ибо оно не завершено, ибо порыв созидания продолжается, даже если при этом созидается уже другое произведение, и если созидание (порыв) прекратится, значит больше не будет или, вернее, не было и предшествующего произведения, как не было бы готических соборов, если бы над ними не работали поколения зодчих. Слово «собор» означает для Мандельштама не только здание, но и собирание, единение созидающих, преемственность порыва.

В подобном смысле Мандельштам пишет о Блоке: «Великая работа собирания русского стиха, произведенная Блоком, еще не ясна для современников... Собирательная природа Блока, его стремление к централизации стиха и

[1] Гюго В. Собор Парижской Богоматери. М., 1959. С. 111.

[2] Гумилев Н. Стихотворения и поэмы. Л., 1988. С. 310.

[3] СС 4. Т. 3. С. 101.

[4] СС 4. Т. 1. С. 142.

[5] Мандельштам Н. Я. Т. 1. С. 272.

[6] СС 4. Т. 1. С. 178.

языка, напоминает государственное чутье исторических московских деятелей»[1]. Такой поэтической соборности Мандельштам остается верным до последних своих стихотворений, и в 1937 он будет писать:

Так соборы кристаллов сверхжизненных
Добросовестный свет-паучок,
Распуская на ребра, их сызнова
Собирает в единый пучок[2].

Борис Пастернак мог отрекаться от целых периодов своего творчества. За два года до смерти он написал: «Я давно и долго, еще во время войны, томился благополучно продолжающимися положениями стихотворчества, литературной деятельности и имени, как непрерывным накапливанием промахов и оплошностей...»[3]. Стоит сопоставить пастернаковское «накапливание» с мандельштамовским собирательством, чтобы увидеть в двух поэтах антиподов, как писала Н. Я. Мандельштам[4], хотя как раз Пастернак написал: «Не надо заводить архива», а у Мандельштама, работавшего «с голоса», архива при жизни и так не было. Мандельштам мог приходить в раздражение и даже в негодование по поводу того или иного своего старого стихотворения, как это было, например, со стихотворением «Я потеряла нежную камею», о чем рассказывает Н. Е. Штемпель[5], но невозможно себе представить Мандельштама, отрекающегося от своих стихов, и он «как-то сразу» успокоился, стоило Штемпель сказать ему: «Не виновата же я, что вы его написали».

Под стихотворениями Мандельштама можно нередко увидеть две весьма отдаленные друг от друга даты, скажем, 1912 и 1937. Изучая ранние стихи Мандельштама, мы затрагиваем очень многое и подчас весьма существенное в его поздних стихах. Мандельштам осуществляет преемственность в собственном творчестве и не представляет себе мировую культуру вне преемственности, которую для себя отождествляет с готикой далеко не только в искусствоведческом смысле.

В стихотворении «Notre Dame» в рассудочной пропасти готической души является вдруг не только «христианства робость», но и «египетская мощь». Можно предположить, что Мандельштам видел в ней тоже элемент преемственности, так как египетская тема не чужда ему в разные периоды его творчества. В 1913 он написал два стихотворения под одним и тем же названием «Египтянин». Первое стихотворение «Я избежал суровой пени» не без изящества выдержано в духе формирующегося акмеистического канона, напоминая при этом также М. А. Кузмина: «Дух мелочей прелестных и воздушных»[6]. Современников Мандельштама Египет соблазнял оккультными и теософскими глубинами. Известностью в заинтересованных кругах пользовалась книга Е. П. Блаватской «Isis unveiled» («Изида без покрова»).

Мандельштам подчеркнуто игнорировал подобную проблематику. Плаванье египтянина на юг лишь намекает на загробное путешествие. В следующем египетском стихотворении гробница строится вместе с домом благополучья, в которое входят и загробные радости:

В столовой на полу пес, растянувшись, лег,
И кресло прочное стоит на львиных лапах.
Я жареных гусей вдыхаю сладкий запах –
Загробных радостей вещественный залог[7].

Но египетская тема в ранних стихах Мандельштама обретает иное, трагическое, преломление:

Отравлен хлеб, и воздух выпит.
Как трудно раны врачевать!
Иосиф, проданный в Египет,
Не мог сильнее тосковать.

Трагизм этих строк усугубляется личной причастностью к травме, собственной незаживающей раной. «Мандельштам ведь всегда помнил о своем египетском тезке, в честь которого был назван», – писала Н. Я. Мандельштам.

Не исключено, что и в так называемой «Оде», посвященной Сталину, Мандельштам выяснял или, напротив, зашифровывал свои отношения с кремлевским тезкой, тоже в своем роде «Иосифом, проданным в Египет»: «Он родился в горах и горечь знал тюрьмы»[8]. Рифма «близнеца – отца» (с. 112) подтверждает возможность подобного толкования. Отсюда также «имя славное для сжатых губ чтеца», в котором явно узнается сам Мандельштам. Иначе кто же чтец, чьи губы сжаты? В таком случае в стихотворении Иосиф-поэт берет верх над Иосифом-тираном[9].

Отсюда резкий поворот, гневное снижение египетской темы в стихотворении, примыкающем к «Оде»:

Украшался отборной собачиной
Египтян государственный стыд,
Мертвецов наделял всякой всячиной
И торчит пустячком пирамид [10].

Это тот Египет, куда продан Иосиф. Наделение мертвецов всякой всячиной напоминает «шествия и мавзолеи, поклонений установленный статут» (В. Маяковский), что подтверждается и «пустячком пирамид». «Пустячок пирамид» никак не соотносится с египетской мощью готики, но готика все-таки соседствует с ним:

Рядом с готикой жил озоруючи
И плевал на паучьи права
Наглый школьник и ангел ворующий
Несравненный Виллон Франсуа.

[1] СС 4. Т. 2. С. 295.

[2] СС 4. Т. 3. С. 130.

[3] Пастернак Б. Об искусстве. М., 1990. С. 351.

[4] Мандельштам Н. Я. Т. 1. С. 228.

[5] Штемпель Н. Е. Мандельштам в Воронеже. М., 1992. С. 26.

[6] Жирмунский В. М. Теория литературы. Л., 1977. С. 108.

[7] СС 4. Т. 1. С. 96.

[8] СС 4. Т. 3. С. 113.

[9] Микушевич В. «Иосиф, проданный в Египет...» // Вестник Удмуртского университета. 1992. С. 59.

[10] СС 4. Т. 3. С. 132.

Под статьей Мандельштама «Франсуа Виллон» стоят три даты: 1910, 1912, 1927. Мандельштам, вероятно, работал над этой статьей в том же году, когда возникло стихотворение «Notre Dame». Мандельштам высказывает в статье мысль, над которой литературоведу следует задуматься, как и над «Разговором о Данте»: «Физиология готики – а такая была, и средние века именно физиологически гениальная эпоха – заменила Виллону мировоззрение и с избытком вознаградила его за отсутствие традиционной связи с прошлым»[1]. Мандельштам пишет «Виллон», как было принято в России в начале 20 в. Действительно, в «Балладе повешенных» физиология готики обнажается со всей откровенностью:

Дождь гложет нас, питатель тучных нив,
Нас вычернив, к нам с неба солнце льнет,
Клюет нас ворон, крыльев не сложив,
Бровей не оставляя и бород,
Пернатый нас расклевывает сброд,
И каждый клюв нам кажется копьем.
В глазницы дует ветер нам и в уши
Ваш смех мы нашей жалобой прервем.
Молите Господа за наши души.
(*Пер. В. Микушевича*)

Нервы, мышцы и ребра твердыни «Notre dame» располагаются неподалеку, но «египетская мощь» имеет все же другое происхождение.

Готику с архитектурой Древнего Египта сопоставил П. Я. Чаадаев в своей статье 1829–1931 годов. А. И. Герцен ссылался на соотечественника, которому «пришло в голову сравнить готизм с египетской архитектурой. Мысль чрезвычайно глубокая»[2]. Эта чрезвычайно глубокая мысль должна была произвести неизгладимое впечатление на молодого Мандельштама. В статье «Sur L'Architecture» («О зодчестве») Чаадаев находит общее между пирамидой фараонов и стрельчатым сводом (l'ogive)[3]. Речь идет, разумеется, не о влиянии одной архитектуры на другую, а об общем принципе, определяющем египетское и готическое зодчество. Этот принцип – вертикальная линия в отличие от горизонтальной линии, определяющей архитектуру эллинскую. В той и другой линии проявляются глубинные устремления человека: «В греческом стиле и во всех, более или менее сближающихся с ним, вы найдете жилище, дом, вкус к земле с ее благами; в стиле египетском и готическом монументе, мысль, устремление к небу и его блаженству». Отсюда у Мандельштама – «царь отвес», относящийся и к душе готической, и к египетской мощи. Отвес Мандельштам отнесет к самому Чаадаеву: «Мысль Чаадаева – строгий отвес к традиционному русскому мышлению»[4].

Нетрудно заметить, что Мандельштам принимает чаадаевскую вертикальность не безусловно. И в Египте он находит «благополучья дом» со вкусом к земным благам, продолжающимся и в загробном мире. В позднем стихотворении Мандельштама готика отнюдь не сближается с «пустячком пирамид», а, напротив, противопоставляется ему. Тем не менее философия Чаадаева остается для Мандельштама основополагающей. Можно с известным основанием утверждать, что Петр Чаадаев и Анри Бергсон – философы его жизни.

Философические письма (1, VI и VII) были опубликованы в переводе с французского М. О. Гершензоном в 1906 году. Гершензон написал о Чаадаеве обстоятельное исследование, вышедшее в 1908 году. В 1913 году при участии Г. А. Рачинского он подготовил «Сочинения и письма Чаадаева», на которые Мандельштам и откликнулся своим блистательным эссе «Чаадаев».

Долгое время Чаадаев считался чуть ли не проводником католического влияния в России, поскольку первое философическое письмо было опубликовано И. С. Гагариным в его книге «Tendances catholique dans la société russe». Между тем Чаадаев не может быть причислен к русским католикам, таким как сам Гагарин или В. С. Печерин. Перед смертью Чаадаев исповедался православному священнику, протоиерею Николаю Сергиевскому[5]. Из сочинений Чаадаева не явствует, что его привлекала собственно религиозная сторона западного католицизма, например догмат об исхождении Святого Духа от Отца и Сына (filioque) или непогрешимость папы. Чаадаева занимает в католицизме нечто иное. Чаадаев определенно усматривает катастрофические последствия в самом разделении христианской Церкви на Восточную и Западную. При этом он отнюдь не выступает как односторонний апологет Запада. Запад поплатился за разделение церквей Реформацией, когда было расколото нравственное единство, а сами реформаторы чувствовали, что нить священного предания разрывается[6]. Вот главная проблема Чаадаева. Он болезненно переживает все схизмы, расколы, разрывы.

Чаадаев – философ целостности, пушкинская всечеловечность – целостность, по Чаадаеву, переживаемая поэтом.

Тоска по мировой культуре – не что иное, как влечение к этой целостности. В этом смысле Чаадаев – философ Золотого века, отсюда его влияние на Пушкина. Для Чаадаева культура – форма, то есть универсальная целостность. А Константин Леонтьев – философ Серебряного века. для него культура – не универсальная форма, а историческая формация, и проблематично, допускает ли тоску по мировой культуре цветущая сложность, уже обладающая всей полнотой культуры по-своему.

Для Мандельштама главное в личности Чаадаева – потребность единства: «С этой глубокой, неискоренимой потребностью единства, высшего исторического синтеза родился Чаадаев»[7]. Поиски высшего исторического синтеза – действительно преобладающая тенденция Чаадаева. Именно единство он ищет и, как ему кажется, находит на Западе. Папа для Чаадаева – не столько первосвященник, сколько воплощение такого единства.

Мандельштам цитировал высказывание Чаадаева, вряд ли совместимое с католическим благочестием: «Но папа!

[1] СС 4. Т. 1. С. 175.

[2] Чаадаев П. Я. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 718.

[3] Там же. С. 274.

[4] СС 4. Т. 1. С. 198.

[5] Тарасов Б. Чаадаев. М., 1986. С. 441.

[6] Чаадаев П. Я. Указ. соч. Т. 1. С. 175–176.

[7] СС 4. Т. 1. С. 195.

папа! Ну, что же? Разве и он – не просто идея, не просто абстракция?.. поистине, где здесь человек? Не всемогущий ли это символ времени, – не того, которое идет, а того, которое неподвижно, через которое все проходит, но которое само стоит невозмутимо и в котором и посредством которого все совершается?»[1]Примечательный фрагмент: само время неподвижно, но посредством времени все совершается. В таком символе можно усмотреть и некоторую иронию.

Практически одновременно с очерком о Чаадаеве Мандельштам писал стихотворение «Encyclica». Стихотворение с таким же названием есть у Ф. И. Тютчева:

Был день, когда Господней правды молот
Громил, дробил ветхозаветный храм
И собственным мечом своим заколот,
В нем издыхал первосвященник сам.

На эту строфу, возможно, отчасти сошлется будущее стихотворение Мандельштама «Среди священников левитом молодым», но дальнейшие строфы Тютчева прямо направлены против чаадаевского образа папы:

Еще странней, еще неумолимей
И в наши дни – дни Божьего суда –
Свершится казнь в отступническом Риме
Над лженаместником Христа.

Столетья шли, ему прощалось много,
Кривые толки, темные дела,
Но не простится правдой Бога
Его последняя хула...

Не от меча погибнет он земного
Мечом земным владевший столько лет, –
Его погубит роковое слово:
«Свобода совести есть бред»[2].

Стихотворение Тютчева написано в ответ на подлинную энциклику Пия IX от 26 ноября 1864 года. Стихотворение поражает сочетанием высокого пафоса и сокрушительной иронии. В конце стихотворения Тютчев мастерски использует чужое слово, опровергая цитату цитированием. Мандельштам озаглавил свое стихотворение «Encyclica», явно имея в виду стихотворение Тютчева с таким же названием. Мандельштам отважился на полемику с Тютчевым в духе Чаадаева:

Есть обитаемая духом
Свобода – избранных удел.
Орлиным зреньем, дивным слухом
Священник римский уцелел[3].

Приписывая Чаадаеву молчаливое неприятие Третьего Рима, Мандельштам, возможно, опирается на стихи Владимира Соловьева:

И все твердят льстецы России:
Ты – третий Рим, ты – третий Рим [4].

Свобода для молодого Мандельштама устойчиво соотносится с личностью Чаадаева: «У России нашелся для Чаадаева только один дар: нравственная свобода, свобода выбора. Никогда на Западе она не осуществлялась в таком величии, в такой чистоте и полноте. Чаадаев принял ее, как освященный посох, и пошел в Рим»[5]. Мандельштам отождествлял с Чаадаевым себя в стихотворении «Посох»:

Посох мой, моя свобода –
Сердцевина бытия,
Скоро ль истиной народа
Станет истина моя?[6]

Чаадаев, по Мандельштаму, выбрал свободу, но его свобода не только в том, что он пошел в Рим, свобода и в том, что Чаадаев вернулся в Россию: «Чаадаев был первым русским, в самом деле, идейно, побывавшим на Западе и нашедшим дорогу обратно»[7]. Вдохновляясь примером Чаадаева, Мандельштам приписывает ему нечто свое, глубоко личное, и это личное связано опять-таки с готикой: «Или его готическая мысль смирилась и перестала возносить к небу свои стрельчатые башни[8]. «Там, в лесу социальной церкви, где готическая хвоя не допускает другого света, кроме света идеи, укрывалась и созревала главная мысль Чаадаева, его немая мысль о России»; «лес» – лес социальной церкви, нечто, действительно, чаадаевское. В Чаадаеве Мандельштам видел «нравственную архитектонику»: «...он пришел увидеть свой Запад, царство истории и величия, родину духа, воплощенного в церкви и архитектуре»[9]. Сама личность Чаадаева архитектурна: «Идея организовала его личность, не только ум, дала этой личности строй, архитектуру...»[10]Церковь для молодого Мандельштама – не учреждение, а здание, архитектура. Вот где коренятся католические мотивы его ранней поэзии. «Разве, вступая под своды Notre Dame, человек размышляет о правде католицизма и не становится католиком просто в силу своего нахождения под этими сводами?» – писал юный Мандельштам Вячеславу Иванову в 1909 году[11]. Строки эти окажутся пророческими: католиком, правда, станет Вячеслав Иванов, а не Мандельштам. Георгий Флоровский в своих «Путях русского богословия» напишет: «Всего точнее передавать здесь термин “католицизм” именно словом “соборность”...»[12] Для Мандельштама собор и соборность совпадают:

[1] Там же. С. 196.

[2] Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. Л., 1987. С. 215.

[3] СС 4. Т. 1. С. 105.

[4] Соловьев В. «Неподвижно лишь солнце любви». М., 1990. С. 89.

[5] СС 4. Т. 1. С. 200.

[6] Там же. С. 104.

[7] Там же. С. 200.

[8] Там же. С. 71, 197, 199.

[9] Там же. С. 197.

[10] Там же. С. 195.

[11] СС 4. Т. 4. С. 14.

[12] О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 320.

Соборы вечные Софии и Петра
Амбары воздуха и света,
Зернохранилища вселенского добра
И риги Нового Завета[1].

«Софии» здесь, возможно, анаграмма имени «Иосиф», а книга Иосифа (Осипа Мандельштама) – «Камень» (Petra), камень, предназначенный не для ваяния, а для строительства: «Средневековый человек считал себя в мировом здании столь же необходимым и связанным, как любой камень в готической постройке, с достоинством выносящий давление соседей и входящий неизбежной ставкой в общую игру сил»[2]. Мандельштам ощущал свою книгу и самого себя таким камнем в традиционной культуре.

Мандельштам противопоставлял «строй и архитектуру» великой славянской мечте о прекращении истории в западном значении слова, как ее понимал Чаадаев» однако не в России, а именно на Западе появилась в 1989 году работа Френсиса Фукуямы под названием «Конец истории?», правда, со знаком вопроса.

Мандельштам называл бесформенным раем цель прогресса, как ее представляет себе, по его мнению, русский интеллигент: «Навеки упраздняются, за ненадобностью, земные и небесные иерархии. Церковь, государство, право исчезают из сознания, как нелепые химеры...»[3] Мандельштам называл эту полутолстовскую, полукоммунистическую утопию бесформенным раем, он бежал от нее, но, как и Чаадаев, убежать не мог. Для Чаадаева история – целостность, а не линейная протяженность прогресса. Целью истории является она сама. Апокалипсис, по Чаадаеву, относится не к будущему и не к отдельным событиям, а определяет каждое мгновение бесконечной длительности (de la durée infini, одно из основополагающих понятий Бергсона)[4]. Апокалипсис начал сбываться в самом начале действия, и мы постоянные свидетели скрежета, производимого машиной мира и раздающегося также в «Стихах о неизвестном солдате».

6

Известно, что эллинская античность вызывала у Чаадаева неприязнь и даже некоторое отвращение, как он писал, например, об Аристотеле[5]. Даже в Гомере Чаадаев, следуя Платону, видел прельстителя, виновного в порче природы человеческой. Гомер своими очаровательными вымыслами запятнал священную традицию истины. На все античное искусство Чаадаев распространял то, что писал о греческой архитектуре: языческий мир льстил соблазнительными формами человеческой душе, напоминая безумные чувственные восторги и заставляя забыть сокровеннейшие верования и убеждения[6]. Мандельштам откликается на такую точку зрения, артистически цитируя в стихах мысль философа:

Там, где эллину сияла
Красота,
Мне из черных дыр зияла
Срамота[7].

Эта вольная цитата соответствует эпиграфу из Верлена: «мой голос едкий и неверный», – что дает поэту возможность дистанцироваться от высказанного. Мандельштам не может не чувствовать непоследовательности в подходе Чаадаева к античности. Отвержение Эллады противоречит высшему историческому синтезу, с потребностью которого, по слову Мандельштама, родился Чаадаев.

Полемизируя с негативными высказываниями Чаадаева о русской истории, Мандельштам напоминает одно обстоятельство, которое Чаадаев упустил из виду: «именно: язык»[8]. Не потому ли, кстати говоря, Чаадаев предпочитал писать на французском языке, и его философия неуловимо, но не к лучшему изменяется в русском переводе?

По Мандельштаму, «русский язык» – язык эллинистический»[9] и потому не вписывается в историософию Чаадаева. Парадоксальное высказывание Мандельштама опровергает не только Чаадаева, но и Г. П. Федотова: «И мы могли бы читать Гомера, философствовать с Платоном, вернуться вместе с греческой христианской мыслью к самым истокам эллинского духа и получить как дар («а прочее приложится») научную традицию древности. Провидение судило иначе... В грязном и бедном Париже 12 в. гремели битвы схоластиков, рождался университет – в “золотом” Киеве, сиявшем мозаиками своих храмов, – ничего, кроме подвига печерских иноков, слагавших летописи и патерики»[10].

Мандельштам утверждает нечто прямо противоположное: «В силу целого ряда исторических условий, живые силы эллинской культуры, уступив Запад эллинским влияниям и надолго загащиваясь в бездетной Византии, устремились в лоно русской речи, сообщив ей самоуверенную тайну эллинистического мировоззрения, тайну свободного воплощения, и поэтому русский язык стал именно звучащей и говорящей плотью»[11]. Это написано не ученым, а, как сказали бы в наше время, молодым поэтом, но не лишено поэтической правоты, которая для самого Мандельштама имела решающее значение и с которой не могут не считаться ученые.

Таким образом, носители русского языка, по Мандельштаму, не нуждались в чтении Гомера и философствовании с Платоном, чтобы «вернуться к самым истокам», ибо эти истоки вобрал в себя сам русский язык: «Русский номинализм, то есть представление о реальности слова как такового, животворит дух нашего языка и связывает его с эл-

[1] СС 4. Т. 1. С. 154.

[2] Там же. С. 176.

[3] Там же. С. 198.

[4] Чаадаев П. Я. Указ. соч. Т. 1. С. 212.

[5] Там же. С. 162.

[6] Там же. С. 277.

[7] СС 4. Т. 3. С. 45.

[8] СС 4. Т. 1. С. 222.

[9] Там же. С. 220.

[10] Федотов Г. П. Судьба и грехи России. СПб., 1991. Т. 1. С. 74.

[11] СС 4. Т. 1. С. 220.

линской филологической культурой не этимологически и не литературно, а через принцип внутренней свободы, одинаково присущей обоим»[1]. Конечно, поэт понимает номинализм по-своему. Представление о реальности слова как такового связано, скорее, со средневековым реализмом, чем с номинализмом, приверженным как раз назывательному и прикладному назначению. Вероятно, для Мандельштама номинализм подытоживается строками:

Нам остается только имя:
Чудесный звук, на долгий срок...[2]

И филология для него – не самоизоляция среди этимологических словарей, а по прямому смыслу слова – словолюбие. Но и словарь для Мандельштама, вдохновляющегося своим пониманием номинализма, не есть нечто общепринятое: «У нас нет Акрополя. Наша культура до сих пор блуждает и не находит своих стен. Зато каждое слово словаря Даля есть орешек акрополя, маленький Кремль, крылатая крепость номинализма, оснащенная эллинским духом на неутомимую борьбу с бесформенной стихией, небытием, отовсюду угрожающим нашей истории»[3].

Неожиданно Россия, вопреки Чаадаеву, вводится в историю именно своим органическим эллинизмом, апостолом которого выступает, как ни странно, В. В. Розанов: «Но мы хотим жить исторически, в нас заложена неодолимая потребность найти твердый орешек Кремля, Акрополя, все равно, как бы ни называлось это ядро, государством или обществом. Жажда орешка и какой бы то ни было символизирующей этот орешек стены определяет всю судьбу Розанова и окончательно снимает с него обвинение в беспринципности и анархичности»[4].

Это едва ли не самое глубокое из всего, что было когда-либо написано о Розанове. С Мандельштамом перекликается Виктор Шкловский в своей работе о Розанове («сознательность домашности как прием у Розанова»[5]), что, впрочем, не позволяет считать Виктора Шкловского единомышленником Мандельштама, как полагает С. М. Марголина[6], поскольку Шкловский, хотя и ценит поэзию Мандельштама, но решительно отмежевывается от его религиозно-философских исканий.

Скрытая полемика с Чаадаевым (и с самим собой) иногда граничит у Мандельштама с пророчеством: «Европа без филологии – даже не Америка; это цивилизованная Сахара, проклятая Богом, мерзость запустения. По-прежнему будут стоять европейские Кремли и Акрополи, готические города, соборы и куполообразные сферические храмы, но люди будут смотреть на них, не понимая их, и даже, скорее всего, станут пугаться их, не понимая, какая сила их возвела и какая кровь течет в жилах окружающей их мощной архитектуры». Такую Европу Мандельштам называет «пока что умопостигаемой», но уже оборачивается к Америке, которая «вдруг завела свою собственную филологию, откуда-то выкопала Уитмена, и он, как новый Адам, стал давать имена поэзии, под стать самому Гомеру»[7]. Здесь примечательно не только сопоставление Уитмена с Гомером. Стефан Симонек сближает именно через Гомера с Мандельштамом его американского современника, поэта Эзру Паунда[8]. Действительно, если Америка «завела свою собственную филологию», ярчайшим представителем этой филологии был Эзра Паунд, в своем роде тоже жертва тоски по мировой культуре, приговоренный американским судом к смертной казни, заточенный в психиатрическую больницу, где провел 13 лет, и сказавший о себе: «Я, очевидно, последний американец, переживающий трагедию Европы»[9].

Отходя от Чаадаева, Мандельштам опирается на философию другого мыслителя, авторитетного для него: «Эллинизм – это система в бергсоновском смысле слова, которую человек развертывает вокруг себя, как веер явлений, освобожденных от временной зависимости, соподчиненных внутренней связи через человеческое я»[10]. «И свои стихи, и Бергсона он помнил наизусть», – рассказывал о Мандельштаме Георгий Иванов[11].

К Бергсону в значительной степени относится то, что Н. Я. Мандельштам пишет о Владимире Соловьеве: «Отсутствие упоминания имени Соловьева в статьях объясняется более чем просто: большинство статей написано в советское время, а ни один редактор не пропустил бы слово о Соловьеве, кроме поношения и брани. Между тем следы формообразующего влияния Владимира Соловьева разбросаны у О. М. повсюду»[12].

Влияние Анри Бергсона также было для Мандельштама формообразующим. Если Чаадаев для него – философ исторического синтеза, то Бергсон – философ системы. При этом еще вопрос, может ли быть сама философия системы философской системой, скорее напротив, она должна выходить за пределы философских систем. Синтез и система соотносятся в творчестве Мандельштама. Синтез обозначен камнем в готической постройке, а система – Кремлем, Акрополем, причем такой Акрополь, как и камень, – сам человек, но в готической постройке он выносит давление соседей, а в системе эллинизма развертывает вокруг себя веер явлений, соподчиненных внутренней связи через человеческое я, так что твердый орешек Кремля, Акрополя – это я. Таким образом, «эллинизм» не противостоит «готизму», но отличается от него: «Эллинизм – это сознательное окружение человека утварью вместо безличных предметов, превращение этих предметов в утварь, очеловечивание окружаю-

[1] Там же. С. 221.

[2] Там же. С. 123.

[3] Там же. С. 225.

[4] Там же. С. 223.

[5] Шкловский В. Гамбургский счет. М., 1990. С. 126.

[6] Марголина С. Мировоззрение Осипа Мандельштама. Marburg; Lahn, 1988. P. 23.

[7] СС 4. Т. 1. С. 224–25.

[8] Simonek S. Homer-Lektüre bei Ossip Mandel'štam, Ezra Pound und Mykola Zerow // Ossip Mandel'štam und Europa. S. 304–305.

[9] Пробштейн Я. «Вечный бунтарь» // Паунд Эзра. Стихотворения и избранные Cantos. СПб., 2003. С. 50–55.

[10] СС 4. Т. 1. С. 227.

[11] Иванов Г. Стихотворения. Третий Рим. Петербургские зимы. Китайские тени. С. 347.

[12] Мандельштам Н. Я. Т. 1. С. 319–320.

щего мира, согревание его тончайшим телеологическим теплом»[1]. Могильную ладью египетских покойников, «в которую кладется все нужное для продолжения земного странствия человека», Мандельштам также относит к подобному эллинизму.

Очеловечивающей утварью населено известное стихотворение Мандельштама:

Ну, а в комнате белой, как прялка, стоит тишина,
Пахнет уксусом, краской и свежим вином из подвала.
Помнишь, в греческом доме любимая всеми жена –
Не Елена – другая – как долго она вышивала?

В этом стихотворении тоже находят ошибку, но и эта ошибка – поэтическая тонкость. «Любимая всеми жена» (Пенелопа), действительно, ткала, а не вышивала, но она ткала погребальное покрывало своему тестю Лаэрту и каждую ночь распускала сотканное, чтобы отсрочить свой ответ женихам. Белизна комнаты напоминает белизну погребального покрывала. Среди этой белизны прялка – принадлежность мойры Клото, прядущей нить человеческой жизни, пока другая мойра, Атропос, ее не перережет, вызывая смерть. Но прялка стоит, как тишина, потому что приближение смерти задерживает Пенелопа, вышивающая свой узор на белизне забвенья:

И покинув корабль, натрудивший в морях полотно,
Одиссей возвратился, пространством и временем
полный[2].

Это натруженное полотно и есть истинная ткань Пенелопы – находка поэта, тем более чарующая, если не преднамеренная.

Уже дважды мы видели, как в лирике Мандельштама имени «Елена» предшествует отрицательная частица «не»: «Не Елена, другая», «Ты будешь Лия, не Елена...» Таким повтором не может не быть засвидетельствовано нечто существенное. И еще в одном стихотворении имя Елена предварено частицей «не»: «Куда плывете вы? Когда бы не Елена, Что Троя вам одна, ахейские мужи?»

Здесь «не» перед именем «Елена» выступает скорее как усилительная, чем как отрицательная частица, но и здесь она противопоставляет Елену Трое, то есть истории, от которой Елена по-мандельштамовски неотделима. «Я список кораблей прочел до середины» – перечень кораблей во второй песни «Илиады» – настоящий пролог ко всей поэме, несущей сложную информацию, быть может, не в одних сведениях о вождях и героях, но и в самих звуках их имен. Быть может, «я» прочел список до половины и прервал чтение для того, чтобы слушать море, для чего стихотворение приводит весьма весомые основания. Но не исключено, что «я» прочел весь список, и это лишь его половина, так как другая половина – остальная история. В таком случае Елена предваряет и подытоживает «список кораблей», зачем он, «когда бы не Елена»?

С журавлиным клином в поэзию Мандельштама входит Данте задолго до «Разговора о Данте», а у Данте журавлиный клин тоже движется любовью, хотя это и любовь, приводящая в ад. Журавлям, гонимым ветром, Данте уподобляет души сладострастных, караемых во втором круге Ада, а среди них, между прочим, Елена и Парис, что подтверждает: «И море, и Гомер – все движется любовью». И море, и Гомер таят еще одну тайну мандельштамовской лирики: тайну звука. Оба слова включают в себя один и тот же звуковой комплекс: о-м-е-р – море. Таким образом, Гомер включает в себя море, а море означает Гомера. Кстати, у Батюшкова Гомер еще именуется «Омир» от французского «Homére», которое так и произносится «Омер». Стало быть, внимая Гомеру, «я» слушаю море, и море витийствует, ибо море – Гомер, так как движется любовью. Но от Елены все-таки неотделима частица отрицания, ибо Елена никому недоступна, что подтверждается повторяющейся рифмой: пена – Елена.

Отсюда проистекает еще одна тонкость Мандельштама, слывущая его ошибкой:

Греки сбондили Елену
По волнам,
Ну а мне – соленой пеной
По губам.

Прочитав какую-нибудь популярную мифологию, легко напомнить поэту, что Елену «сбондили» не греки, а троянцы, вернее, один из них – Парис. Но у Мандельштама «греками» представлен мир, которому принадлежит Елена. Грек – синоним эллина:

Там, где эллину сияла
Красота,
Мне из черных дыр зияла
Срамота.

В этом мире греки заодно с троянцами, так как Елену «сбондили» у меня: «Ну а мне – соленой пеной по губам». Частица «не», сопутствовавшая Елене, растворена в едкой горечи этого стихотворения:

По губам меня помажет
Пустота,
Строгий кукиш мне покажет
Нищета.

И остается только утешаться тем, что «все лишь бредни – шерри-бренди, – ангел мой». Лирическое стихотворение – не справочник по мифологии, и строка «греки сбондили Елену» обоснована внутренней логикой, обращающей стихотворение «ко мне», к лирическому «я».

В ранней лирике Мандельштама пена откровенно выдает свой мифический исток:

Останься пеной, Афродита,
И, слово, в музыку вернись,
И, сердце, сердца устыдись
С первоосновой жизни слито[3].

[1] СС 4. Т. 1. С. 227.

[2] Там же. С. 128.

[3] Там же. С. 51.

Стихотворение датировано 1910, 1935 годами, что подтверждает его значение для поэта в разные периоды его творчества. Трепетно нежным колоритом оно напоминает «Рождение Венеры» Боттичелли. Строка «И, слово, в музыку вернись» отдаленно перекликается с названием книги Фридриха Ницше «Рождение трагедии из духа музыки», хотя Мандельштам, как и Пастернак, определенно дистанцируется от влияния Ницше, которому подвержены скорее символисты. Если слову предлагается вернуться в музыку, значит, слово из музыки происходит, значит, музыка и есть первооснова жизни. Но в первой строфе стихотворения читаем:

Она еще не родилась,
Она и музыка, и слово
И потому всего живого
Ненарушаемая связь.

Но если «она и музыка, и слово», значит, она по преимуществу музыка, так как слово не может быть ничем, кроме как словом. Если бытие, или все живое, или красота (Афродита) родится из музыки, значит, оно родится не из хаоса, ибо музыка – не хаос, а в крайнем случае хаокосмос, как А. Ф. Лосев писал в своем «музыкальном мифе»[1]: «В музыке – сплошное и чистое бытие, без всяких мысленных и иных познавательных определений»[2]. Может быть, подобным пониманием музыки навеяна «первоначальная немóта» с названием стихотворения «Silentium», ссылающимся на Тютчева. Известно, что «немой молитвой души» называл музыку Лев Толстой и на недоуменный вопрос Сулержицкого: «Как же – немая?» ответил: «Потому что – без слов. В звуке больше души, чем в мысли. Мысль – это кошелек, в нем пятаки, а звук ничем не загажен, внутренно чист»[3]. Не подобным ли ощущением объясняется «кристаллическая нота, что от рождения чиста»? Не потому ли сердце должно устыдиться другого сердца, «с первоосновой жизни слито», ибо оно в своей отдельности утратило эту чистоту и может сказать «Господи» лишь по ошибке? Темная звериная душа у раннего Мандельштама «не умеет вовсе говорить», так как ее истинную суть не выскажешь: «Как сердцу высказать себя?» (Ф. И. Тютчев).

В то же время Мандельштаму на протяжении всей его жизни совершенно чуждо поэтическое чаянье А. А. Фета: «О если б без слова сказаться душой было можно!»[4] «Всего живого ненарушаемая связь», «и море, и Гомер – все движется любовью», – что это как не слово, представленное то музыкой, то Гомером, то самим собой, и это слово нельзя не высказать, но как его высказать?

В этом еще один аспект внутренней драмы, переживавшейся Мандельштамом. Отрицательная частица перед именем «Елена» как раз и показывает, что любовная драма поэта или вся в слове, или неотделима от слова, как бы ни уверял он, что «значенье – суета, и слово только шум»[5]. А в стремлении сказаться без слова угадывается все та же угроза безъязычия, которое иногда выспренне называют Несказанным. Вот почему природа слова коренится для Мандельштама во внутреннем домашнем эллинизме, в том же акрополе:

За то, что я руки твои не сумел удержать,
За то, что я предал соленые нежные губы,
Я должен рассвета в дремучем акрополе ждать.
Как я ненавижу пахучие древние срубы!

Ахейские мужи во тьме снаряжают коня,
Зубчатыми пилами в стены вгрызаются крепко;
Никак не уляжется крови сухая возня,
И нет для тебя ни названья, ни звука, ни слепка.

Очевидно, что «я руки твои не сумел удержать», так как «нет для тебя ни названья, ни звука, ни слепка»: Я не нашел слóва или утратил его, сказав по ошибке, в особенности, если само слово – ошибка, то есть слово не найдено, хотя оно где-то здесь, затерянное в домашнем эллинизме, пусть речь идет о Трое, которой упущенное, ненайденное слово грозит разрушением:

Где милая Троя? Где царский, где девичий дом?
Он будет разрушен, высокий Приамов скворешник,
И падают стрелы сухим деревянным дождем,
И стрелы другие растут на земле, как орешник.

Стрелы, падающие сухим деревянным дождем, и другие стрелы, растущие на земле, как орешник, – все тот же веер явлений, образуемый эллинизмом. Интересно, как меняется при этом ударение в слове «мужи»: «ахейские мýжи во тьме снаряжают коня» (это те, кому «только в битвах выпадает жребий»)[6], но они же «ахейские мужи», и что им Троя, «когда бы не Елена»?: «И трижды приснился мужáм соблазнительный образ»[7]. А в «Сумерках свободы» опять «мýжи», чей удел мужаться:

Земля плывет. Мужайтесь, мýжи,
Как плугом океан деля,
Мы будем помнить и в летейской стуже,
Что десяти небес нам стоила земля[8].

«Когда бы не Елена», то мужи́, и мýжи, когда не Елена (земля?).

Трагедия эллинизма также вызвана словом:

Я слово позабыл, что я хотел сказать,
Слепая ласточка в чертог теней вернется,
Не крыльях срезанных, с прозрачными играть,
В беспамятстве ночная песнь поется.

[1] Лосев А. Ф. Из ранних произведений. М., 1990. С. 265.

[2] Там же. С. 263.

[3] Горький М. О литературе. С. 194.

[4] Полное собрание стихотворений А. А. Фета. СПб., 1912. С. 331.

[5] СС 4. Т. 1. С. 80.

[6] Там же. С. 139.

[7] Там же. С. 150.

[8] Там же. С. 136.

Не слышно птиц. Бессмертник не цветет,
Прозрачны гривы табуна ночного.
В сухой реке пустой челнок плывет,
Среди кузнечиков беспамятствует слово

И медленно растет, как бы шатер иль храм,
То вдруг прокинется безумной Антигоной,
То мертвой ласточкой бросается к ногам
С стигийской нежностью и веткою зеленой[1].

В этом стихотворении тоже находят очередную ошибку поэта. Антигона, проводница слепого Эдипа, своего отца, хоронящая убитого брата, не может быть безумной. Но в стихотворении не сказано, что слово – Антигона, по Софоклу. В стихотворении безумной Антигоной прокидывается (не прикидывается!) слово, когда оно беспамятствует, настолько противоестественно для него забвение, худшее насилие для слова.

Забытое слово – безумная Антигона, которой как раз нельзя быть безумной. Кстати, прокидываться значит ошибаться, кидать или метать мимо, «прокинуться картой» (В. И. Даль). Слово то прокидывается Антигоной, то «мертвой ласточкой бросается к ногам», опять-таки «прокидывается», усугубляя свою особенную трагедию. Ласточка, то слепая, то живая, то мертвая, – сквозной образ в поэзии Мандельштама, залетевший из эллинского мифа. Царь Терей изнасиловал Филомелу, сестру своей жены Прокны, и вырезал у нее язык, чтобы она не могла рассказать об этом, но Филомела «в белоснежную ткань пурпурные нити воткала, о преступленье донос» (пер. С. В. Шервинского), и к ней мог бы относиться стих: «Не Елена, другая, как долго она вышивала!» «Прочитав злосчастную повесть», Прокна, разъяренная к тому же вакхическими радениями, зарезала своего маленького сына Итиса и его мясом накормила Терея, а Филомела бросила ему в лицо окровавленную голову съеденного им сына, после чего сестры превратились в птиц, точно неизвестно, кто в кого, и Филомела «прокидывается» то соловьем, то ласточкой. Не отсюда ли еще одна, более поздняя ошибка Мандельштама (опять-таки, если это ошибка):

Бог Нахтигаль, дай мне судьбу Пилада
Иль вырви мне язык – он мне не нужен[2].

Правда, Нахтигаль – соловей, и царь Терей превращается в удода, а не в соловья, но ведь и язык мог быть вырван у ласточки, а не у соловья, и не ласточке ли уподобляется поэт?

К. А. Свасьян писал: «Стихотворение начинается с признания невозможности высказаться (“Я слово позабыл, что я хотел сказать”) и все-таки оно высказывается. О чем? Поэт не знает сам: о чем; структура стихотворения – негативна, апофатична...»[3]. Но апофатика не есть нечто в принципе несказанное. Апофатика высказывает сама себя, а иначе не может быть обозначена, кроме как через отрицания, на что у Мандельштама отчасти указывает частица «не» в связи с Еленой. Стихотворение высказывает себя по-своему и не поддается пересказу, как вообще поэзия, по Мандельштаму: «...ибо там, где обнаружена соизмеримость вещи с пересказом, там простыни не смяты, там поэзия, так сказать не ночевала»[4]. Забытое слово напоминает о себе рыданьем:

О, если бы вернуть и зрячих пальцев стыд,
И выпуклую радость узнаванья,
Я так боюсь рыданья Аонид,
Тумана, звона и зиянья.

Мандельштам будто бы говорил, как запомнилось Ирине Одоевцевой: «Мне нужно это торжественное, это трагическое, рыдающее “ао”. Разве вы не слышите – аониды? Но кто они, эти проклятые аониды?.. А может быть, они вообще не существовали? Их просто-напросто гениально выдумал Пушкин? И почему я обязан верить вашей мифологии, а не Пушкину?»[5] Аониды (музы) встречаются не только у Пушкина, но и у Е. А. Баратынского. Мандельштам озвучивает в них «рыдающее «ао». Аониды оплакивают забвение или утрату слова, уничтожаемого, изглаживаемого «бесформенной стихией, небытием, отовсюду угрожающим нашей истории»[6]. Поэт боится тумана, звона и зиянья, потому что в них размыванье слова, его исчезновенье.

Словом «звон» известный индолог Ф. И. Щербатской переводил термин индийской поэтики «дхвани». Согласно учению о «дхвани», «то, что поэт хочет сказать, противоречит прямому смыслу слов: последние выражают нечто в действительности невозможное или не имеющее места...»[7]. Работа Щербатского «Теория поэзии в Индии» была опубликована в 1902 году, так что Мандельштам, с его интересом к филологии, мог читать ее, но и поэтическая интуиция могла внушить ему слово «звон», возвещающее угрозу небытия. Эту угрозу Мандельштам улавливал в символизме: «Ни одного ясного слова, только намеки, недоговаривания...»[8] В звоне таких недоговариваний Мандельштаму слышится мировая катастрофа. Зиянье тоже сопутствует рыданью аонид. С него начинается само слово «аониды». Это и есть рыдающее «ао», хиатус, «встреча двух гласных элементов»[9]. Такое же угрожающее «ао» встречается у позднего Мандельштама и перед самым трагическим концом: «Играй же на разрыв аорты»[10], «Наливаются кровью аорты»[11]. Так что наступление тумана (туманности), звона и зиянья может и должно страшить. Это наступление придает истинный смысл «безумной Антигоне»:

[1] Там же. С. 146.

[2] СС 4. Т. 3. С. 70.

[3] Свасьян К. А. Голоса безмолвия. Ереван, 1984. С. 21–22.

[4] СС 4. Т. 3. С. 216–17.

[5] Одоевцева И. На берегах Невы. М., 1988. С. 141.

[6] СС 4. Т. 1. С. 225.

[7] Избранные труды русских индологов-филологов. М., 1962. С. 280.

[8] СС 4. Т. 1. С. 227.

[9] Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. М., 1960. С. 111.

[10] СС 4. Т. 3. С. 87.

[11] Там же. С. 126.

Все не о том, безумная твердит,
Все ласточка, подружка, Антигона,
А на губах, как черный лед, горит
Стигийского воспоминанье звона.

Забытое слово напоминает стигийский звон, доносящийся из царства смерти, и оно так же противоестественно, как черный горящий лед.

Но трагедия забытого слова может быть искуплена или исцелена:

В Петербурге мы сойдемся снова,
Словно солнце мы похоронили в нем,
И блаженное бессмысленное слово
В первый раз произнесем.

Насколько это слово для поэта важно, явствует из повтора в следующей строфе:

За блаженное бессмысленное слово
Я в ночи советской помолюсь[1].

Впоследствии Мандельштам говорил, определяя свое положение в поэзии: «Мы – смысловики»[2]. Н. Я. Мандельштам также приводит «неуклюжие и странные слова» юного Мандельштама, как она говорит: «Если в этой жизни смысла нет, говорить о жизни нам не след»[3].

Противоречит ли «блаженное бессмысленное слово» этим словам Мандельштама? «Я научился вам, блаженные слова», – написал поэт в 1916 году, за четыре года до «блаженного бессмысленного слова»[4]. «Блаженные слова» в поэзии Мандельштама, очевидно, связаны с творчеством Эдгара По через имена «Лигейя» и «Ленор». Четырьмя годами раньше «фонетика – служанка серафима» была навеяна именем «Улялюм» и «арфой Эдгара»[5]. Перекличка ворона и арфы относится, таким образом, не только к Оссиану, но и к Эдгару По:

И не одно сокровище, быть может,
Минуя внуков, к правнукам уйдет,
И снова скальд чужую песню сложит
И как свою ее произнесет[6].

Из этих строк явствует, как сомнительна ориентация на чужое слово, когда речь идет о Мандельштаме[7]. По всей вероятности, чужое слово всецело относится лишь к прозе определенного типа[8], а для поэта никакое слово не чужое, как писал Батюшков, воспетый Мандельштамом: «Чужое – мое сокровище». Имя «Lenore» у Эдгара По накликано рифмой к «nevermore», из которого выводится вся поэма «Ворон».

У Мандельштама «рыданье аонид», конечно, не относится к «блаженным словам», но и оно предвосхищено тем же «nevermore», как и блаженные слова вызваны «фонетикой – служанкой серафима». Н. Я. Мандельштам не без ревности, но резонно противопоставляет блаженные слова, не относящиеся к ней, «блаженному бессмысленному слову»: «Блаженное бессмысленное слово надо сопоставить с “блаженным смехом” (“блаженный брызнет смех”), который вернется, если человек почувствует единение с миром. В нем радость не любви, а единения с людьми, с кругом близких, которые понимают друг друга с полуслова»[9]. Но за такое ли слово «я в ночи советской помолюсь», и возможна ли радость единения с миром без любви? Блаженное слово бессмысленное не потому, что оно лишено смысла, а потому что оно свободно от отдельных, разрозненных, готовых смыслов, обрело единый смысл; это слово – стих, а стих – совпадение смысла и звука.

В «Разговоре о Данте» Мандельштама читаем: «Всякий период стихотворной речи – будь то строчка, строфа или целая композиция лирическая – необходимо рассматривать как единое слово. Когда мы произносим, например, “солнце”, мы не выбрасываем из себя готового смысла – это был бы семантический выкидыш, – но переживаем своеобразный цикл»[10]. Такое единое слово поэзии и есть блаженное бессмысленное слово, так как «является пучком, и смысл торчит из него в разные стороны, а не устремляется в одну официальную точку»[11].

Не только слово – Мандельштаму знаком целый бессмысленный язык:

Друг Ариоста, друг Петрарки, Тассо друг –
Язык бессмысленный, язык солено-сладкий.
И звуков стакнутых прелестные двойчатки –
Боюсь раскрыть ножом двустворчатый жемчуг[12].

Поэт обращается к итальянскому языку, как недавно обратился к немецкой речи. Тема иностранного языка приобретает особое значение в поэзии Мандельштама в начале 1930-х годов. Тема эта подытоживается стихотворением: «Не искушай чужих наречий». Мандельштам принадлежал к поколению русских поэтов, знавших иностранные языки. Незнание иностранных языков его сердило, как рассказывает Эмма Герштейн: «Процитировал в разговоре со мной Клоделя и рассердился: “Вы не знаете Клоделя? Не понимаете по-французски?”»[13].

[1] СС 4. Т. 1. С. 149.

[2] Мандельштам Н. Я. Т. 1. С. 267.

[3] Мандельштам Н. Я. Т. 2. С. 33.

[4] СС 4. Т. 1. С. 125.

[5] Там же. С. 80. См. также: Кшондзер М. К. Реминисценции из Эдгара По в лирике Мандельштама // Смерть и бессмертие поэта. С. 94.

[6] СС 4. Т. 1. С. 103.

[7] Марголина С. М. Мировоззрение Мандельштама. Р. 21.

[8] Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. С. 409–410.

[9] Мандельштам Н. Я. Т. 2. С. 84.

[10] СС 4. Т. 3. С. 226.

[11] Там же. См. также: Микушевич В. Опыт личного бессмертия в поэзии Мандельштама // Слово и судьба. С. 317.

[12] СС 4. Т. 3. С. 72.

[13] Герштейн Э. Г. Мемуары. С. 45.

Новое поколение поэтов иностранных языков принципиально не знает, что накладывает отчетливый отпечаток на их стихотворную продукцию, причем это сказывается не только на так называемой поэтической культуре, но и на отношении к родному языку, обедненному неискушенностью в «чужих наречиях». Между знающими и не знающими иностранные языки произошло размежевание почти на уровне поэтической школы. Возможно, расхождение между Н. Клюевым и С. Есениным произошло также и потому, что Клюев «маракал по-басурманскому», читая немецких поэтов в подлиннике. А взаимная приязнь Клюева и Мандельштама известна. Мандельштам усматривает в Клюеве близкий ему эллинизм: «Клюев – пришелец с величавого Олонца, где русский быт и русская мужицкая речь покоится в эллинской важности и простоте»[1]. А Клюев, по преданию, сказал Мандельштаму: «Ты мало слов знаешь, но хорошо умеешь их употреблять, а тот много слов знает, все слова наизусть знает»... Тот был Пастернак, правда, тоже знавший иностранные языки; статус Мандельштама и Пастернака как антиподов подтвержден, таким образом, и Клюевым. Знание иностранных языков изолировало их обоих от остальной текущей советской поэзии, сближая с классово чуждыми предшественниками.

Мандельштам не просто объявляет итальянский язык бессмысленным, он называет его самым дадаистическим из романских языков и находит у Данта детскую заумь. Это говорит об интересе Мандельштама к западному и русскому поэтическому авангарду, но, говоря «бессмысленный», смысловик Мандельштам, вероятно, имеет в виду не заумь.

Бессмысленное в связи со словом влечет за собой блаженное, и нечто подобное предполагает бессмысленный язык. Бессмысленное в языке граничит с эротическим, как откровенно говорит поэт: «Чудесно здесь обилие брачующихся окончаний»[2]. Отсюда и прелестные двойчатки, не этим ли задевшие Надежду Яковлевну: «Он не звуками наслаждался, не “прелестными двойчатками”», а Мандельштам не о себе ли говорит: «неисправимый звуколюб» и не себе ли предрекает: «Получишь уксусную губку ты для изменнических губ». Прямо названы и «беззаконные восторги»[3]. Что такое «изменнические губы», проговаривается как раз Н. Я. Мандельштам, по-женски чувствительная к этому эпитету: «У него было острое чувство измены, и он мучался, когда появлялось изменническое, как он говорил, стихотворение»[4]. Известно, что и Лиля Брик, не придавая значенья изменам, не терпела лишь измен Маяковского в творчестве[5]. Н. Я. Мандельштам сближает себя с девочкой Европой, как она ее называет, из стихотворения «С розовой пеной усталости у мягких губ»[6], но у Мандельштама и Европу, как Елену, сбондили по волнам. Елена лишь возглавляет «красавиц тогдашних... тех европеянок нежных»[7].

Надежда Яковлевна тонко уловила личную ноту даже в переводах сонетов Петрарки, связав их с воспоминанием об Ольге Ваксель: «...Но мне кажется, что переводы Петрарки не случайность, а как-то связаны с Ольгой»[8]. Петрарка, действительно, занимает центральное место среди трех друзей «языка бессмысленного». Переводы Мандельштама пристрастно улавливают то, что может ускользнуть от обычного перевода. Так в сонете «Or che ’l ciel e la terra e ’l vento tace...» «лишь в одном ясном живом источнике движутся горечь и сладость, питающие меня», а у Мандельштама:

> Хоть ключ один, вода разноречива –
> Полужестка, полусладка, – ужели
> Одна и та же милая двулична[9].

Не узнается ли здесь «язык солено-сладкий» и одна из прелестных двойчаток? А в сонете «I dí miei piu’ leggier’ che nessun cervo» Мандельштам должен был узнать свое в том, что «отняло у меня мое сердце и все еще держит, но теперь уже земля не соединяет больше кость с жилой» (в оригинале «nervo»). Это напоминает «чудовищные ребра» Notre Dame, и как «распластывая нервы, играет мышцами крестовый легкий свод», но Мандельштам избегает сближения, ограничиваясь «бескостной землей», что И. М. Семенко называет трансформацией петрарковской потрясающей реалии:

> По милости надменных обольщений
> Ночует сердце в склепе скромной ночи
> К земле бескостной гнется. Средоточий
> Знакомых ищет, сладостных сплетений[10].

Но есть в переводах Мандельштама тонкости еще интимней. Его второй сонет заканчивается словами: «Вся прелесть мира ресничного недолговечней взмаха». Ресничный взмах привнесен Мандельштамом, в оригинале «моя жестокая судьба хочет, чтобы, живя и плача, я постиг, что ничего здесь не услаждает и не длится». Зато в том же сонете «I dí miei piú leggier’ che nessun cervo» благо виделось не дольше, чем «миг глаза» («un batter d’ occhio», «batter» буквально означает «падать»). В четвертом, едва ли не самом поэтичном, сонете Мандельштама почти дословно: «Срок счастья был короче, чем взмах ресницы»[11]. Как тут не вспомнить:

> Жизнь упала, как зарница,
> Как в стакан воды ресница...[12]

---

[1] СС 4. Т. 2. С. 238.

[2] СС 4. Т. 3. С. 219.

[3] Там же. С. 73.

[4] Мандельштам Н. Я. Т. 2. С. 259.

[5] Катанян В. В. Лиля Брик. М., 2002. С. 89.

[6] СС 4. Т. 2. С. 37; см. также: Мандельштам Н. Я. Т. 2. С. 139.

[7] СС 4. Т. 3. С. 43.

[8] Мандельштам Н. Я. Т. 2. С. 263.

[9] СС 4. Т. 3. С. 81.

[10] Там же. С. 82; см. также: Семенко. 1997. С. 72.

[11] СС 4. Т. 3. С. 81.

[12] СС 4. Т. 2. С. 55.

На это указывает Семенко, напоминая также строку из стихов «Памяти Андрея Белого»:

Как будто я повис на собственных ресницах...[1]

Мандельштам привносит ресничный взмах и тогда, когда его нет в оригинале, выдавая, на чем держатся его переводы Петрарки. От ресницы тянутся нити не только и не столько к Ольге Ваксель. В 1916 году Марина Цветаева писала Мандельштаму: «Чьи руки бережные трогали твои ресницы, красота...» «Лукавый певец захожий, с ресницами – нет длинней»[2]. Так, благодаря Петрарке, взмах ресницы приобщает к лику европеянок нежных и Марину Цветаеву.

В 1925 году в пограничной ситуации, накануне творческого кризиса, грозившего поэту, в его лирике появляется заресничная страна, посвященная Ольге. Эта заресничная страна не спасла ее от самоубийства в Норвегии (Мандельштам думал, что в Стокгольме), и от заресничной страны через 10 лет останутся ресницы: «На мертвых ресницах Исакий замерз». Ласточки на этот раз возвращаются к своему поэту из чертога теней, хотя его поздняя поэзия избегает подобных изысканных реминисценций:

И твердые ласточки круглых бровей
Из гроба ко мне прилетели
Сказать, что они отлежались в своей
Холодной стокгольмской постели[3].

Стихи, связанные с мертвой Ольгой, пронизаны музыкой. «Музыка была в ней самой, как ни трудно мне в этом признаться», – все-таки признается Н. Я. Мандельштам[4]. Эта музыка – Ф. Шуберт: «И Шуберта в шубе застыл талисман, движенье, движенье, движенье», хотя «мельниц колеса зимуют в снегу». В 1918 году стрельчатому лесу органа противостояла мельница Шуберта, домашний эллинизм родной колыбели, пусть генетически не очень эллинский. Но «и музыки зеленоглазый хмель» – далеко не только идиллия; это «сила страшная ночного возвращенья» – двойник, «бледный попутчик». Может быть, неслучайно «нотный виноградник Шуберта», расклеванный до косточек, исхлестанный бурей[5], упомянут в «Египетской марке» неподалеку от отчаянного заклинания: «Господи! Не сделай меня похожим на Парнока!»[6], а фамилия «Парнок» не происходит ли, быть может, ненамеренно, от слова «парный» – сниженная антиромантическая версия двойника?

Но мертвая женщина – также «дичок, медвежонок, Миньона», а у Лермонтова Миньона представлена так: «...Я вообразил, что нашел гетеву Миньону, это причудливое создание его немецкого воображения... те же загадочные речи, те же прыжки, странные песни...»[7], и не это ли имел в виду Мандельштам, называя Ольгу Миньоной? В «немецком воображении» Гете Миньона являет Италию, у Мандельштама:

И ты раскрывала свой аленький рот,
Смеясь, итальянясь, русея...[8]

«Итальянясь, русея» в таком интимном контексте – не есть ли это «блаженное бессмысленное слово»? Но «итальянясь, русея» можно отнести в поэзии Мандельштама не только к Ольге. «Успенье нежное – Флоренция в Москве», – писал Мандельштам в 1916 году. Высказывалось предположение, что Флоренция в этой строке означает по смыслу итальянского наименования «Fiorenza» также «Цветаеву». У Петрарки Лаура после смерти жалуется:

Зачем родиться не было дано
С тобою мне в гнезде твоем цветущем...
(«al tuo fiorito nido»)[9].

Так что Марина Цветаева дарила Мандельштаму Москву, «итальянясь». К слову сказать, кто же и европеянка, если не Цветаева, не только читавшая, но писавшая по-немецки и по-французски, переводившая на французский язык Пушкина.

«За Паганини длиннопалым» итальянская стихия вводится в стихотворение, где Цветаева узнается в скрипичной игре. С. Б. Рудаков открыл цветаевский темперамент в игре Г. В. Бариновой, с чем согласился Мандельштам, удивляясь, как мог угадать сходство с Цветаевой Рудаков, никогда ее не видавший. «А ритмы-то стихов», – говорил (или впоследствии писал) С. Б. Рудаков, имея в виду, вероятно, стихи Цветаевой[10]. В стихотворении Мандельштама сходство с Мариной Цветаевой выдается Мариной Мнишек:

На голове твоей, полячка,
Марины Мнишек холм кудрей,
Смычок твой мнителен, скрипачка.

Но Рудаков утверждал, что стихотворение начиналось заключительными строками:

Играй же на разрыв аорты
С кошачьей головой во рту,
Три чорта были – ты четвертый,
Последний чудный чорт в цвету[11].

Последняя строка озадачивает или даже эпатирует современного читателя, хотя «черт» если не в таком же, то в похожем смысле встречался в известном стихотворении Державина «К самому себе»:

[1] СС 4. Т. 3. С. 84.

[2] Цветаева М. Стихотворения и поэмы. Л., 1990. С. 87.

[3] СС 4. Т. 3. С. 97.

[4] Мандельштам Н. Я. Т. 2. С. 258.

[5] СС 4. Т. 2. С. 480.

[6] Там же. С. 481.

[7] Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 61.

[8] СС 4. Т. 3. С. 98.

[9] Petrarka F. Triofo delle Morte. P. 167 (пер. В. Б. Микушевича).

[10] Герштейн Э. Г. Мемуары. С. 136.

[11] СС 4. Т. 3. С. 87.

Но я тем коль бесполезен,
Что горяч и в правде черт, –
Музам, женщинам любезен
Может пылкий быть Эрот[1].

Но если в стихах Мандельштама присутствует Цветаева, стихи уводят к его стихотворению 1916 года, посвященному, как принято считать, Цветаевой:

Не три свечи горели, а три встречи –
Одну из них сам Бог благословил,
Четвертой не бывать, а Рим далече,
И никогда он Рима не любил[2].

В этих строках то же соотношение трех и четвертой (четвертого, если подразумевается четвертый Рим, которому не бывать). Нелюбовь к Риму высказана Мандельштамом в том же 1916 году, в наброске к статье о Скрябине: «Нужно спасти Элладу от Рима»[3], и все-таки вряд ли убедительно усматривать в трех встречах, лирически сопоставляемых со свечами, напоминающих «Три свидания» Владимира Соловьева, три Рима с четвертым. Напрашивается другое толкование.

Не является ли «четвертый, последний чудный чорт в цвету» той четвертой встречей, которой не бывать и которой не было, была лишь игра на скрипке: «Утешь меня игрой своей»? И эта последняя невозможная встреча, усугубляющая разлуку, заставляет увидеть в ином свете первые три? «Три чорта были...» Не отсюда ли приводимые С. И. Липкиным запальчиво резкие слова Мандельштама: «Я антицветаевец»?[4] И Цветаева без особой приязни отзывалась о стихах Мандельштама, ей посвященных: «Я всегда получала меньше, чем давала... – Мандельштама – несколько холодных великолепий о Москве (мной же исправленных, досозданных!»[5] Но, может быть, с «Парижем мощноодичалым» соотносится в стихотворении Мандельштама как раз Марина, которая в Париже, «дикая и яркая Марина», как пишет о ней Н. Я. Мандельштам[6].

А кошачья голова во рту – атрибут ведьмовского искусства. Демонское в Марине Цветаевой чувствовала ее собственная дочь, о чем рассказывает сама Цветаева: «Одно Алино замечательное слово накануне крестин: “Мама, а вдруг, когда он скажет “дунь и плюнь”, Вы ...исчезнете?” Робко, точно прося не исчезать. Я потом рассказывала о. Сергию (Сергию Булгакову, философу. – *В. М.*), слушал взволнованно, м. б., того же боялся»? (На то же втайне надеялся?)[7]. «Четвертый», «последний», «чудный», «в цвету» – не последняя ли встреча, которой не бывать и которая вызвана лишь игрой «на разрыв аорты»? Тогда само слово «чорт» (черт), по-державински горячее, не имеет отношения к нечистому духу, а всего лишь звукообраз четвертой встречи (блаженное бессмысленное слово?).

Почти одновременно Мандельштам писал:

И дирижер, стараясь мало,
Казался чортом средь людей.

Этим строкам предшествует Бетховен:

Бетховен и Воронеж – или
Один или другой злодей[8].

В 1914 году Мандельштам написал оду Бетховену, уподобив его Дионису:

О Дионис, как муж, наивный
И благодарный, как дитя!
Ты перенес свой жребий дивный
То негодуя, то шутя[9].

Противопоставление экстатического, сокрушительного дионисийства гармоническому аполлоническому началу было распространено в ту эпоху. С дионисийством Вяч. Иванов связывал эллинскую трагедию, видя в ней предвестие христианской литургии. В религии страдающего бога, то есть Диониса, Вяч. Иванов видел «Ветхий Завет язычников», мысль, которая не могла не быть близкой Мандельштаму. В «Оде Бетховену» Мандельштам высказал нечто весьма существенное для себя:

Огонь пылает в человеке,
Его унять никто не мог.
Тебя назвать не смели греки,
Но чтили, неизвестный бог!

В Афинах, перед жертвенником, на котором написано «неведомому Богу», апостол Павел говорил, что греки чтили истинного Бога, не зная Его, «как и некоторые из ваших стихотворцев говорили: “мы Его и род”»[10]. Стихотворцы, наверное, были трагическими поэтами, и на этих словах апостола Павла основывался Вяч. Иванов, когда говорил о «О Ветхом Завете язычников». В культе неведомого Бога для Мандельштама сочетался благоговейный запрет на произнесение Божьего имени с чаяньем истины, раскрывающейся в творчестве, поэтическом и мусическом, как у Бетховена:

О, величавой жертвы пламя!
Полнеба охватил костер –
И царской скинии над нами
Разодран шелковый шатер,
И в промежутке воспаленном,
Где мы не видим ничего, –
Ты указал в чертоге тронном
На белой славы торжество![11]

---

[1] Державин Г. Р. Стихотворения. М., 1958. С. 365.

[2] СС 4. Т. 1. С. 121.

[3] Там же. С. 276.

[4] СС 4. Т. 3. С. 30.

[5] Цветаева М. Сводные тетради. М., 1997. С. 349.

[6] Мандельштам Н. Я. Т. 2. С. 469.

[7] Швейцер В. Быт и бытие Марины Цветаевой. М., 1992. С. 326.

[8] СС 4. Т. 3. С. 87.

[9] СС 4. Т. 1. С. 109.

[10] Деян., 17, 23–28.

[11] СС 4. Т. 1. С. 110.

«Мы не видим ничего», так как Бога не видел «никто никогда»[1], и римляне не увидели ничего, ворвавшись в Святая Святых Иерусалимского храма. «Белой славы торжество» – для поэта присутствие Бога. Трагедию современного художника Скрябина Мандельштам обозначил в прозе так: «Эта радость Бетховена, синтез Девятой симфонии, сей “белой славы торжество” недоступно Скрябину. В этом он оторвался от христианской музыки...»[2] Н. Я. Мандельштам рассказывала: «О. М. горько жаловался, что статья о Скрябине пропала: “Это самое главное из написанного... потеряно... мне не везет”»[3].

Таким образом, в 1921 году Мандельштам придавал статье о Скрябине значение, которого не придавал даже своим стихам, хотя как раз «белой славы торжество» свидетельствует, что противопоставление стихов и статьи необоснованно. Впоследствии, когда черновик статьи нашелся, Мандельштам принимал ее уже не так безусловно, относясь к Скрябину не без иронии, что сказалось не только в «Египетской марке», но и в «Шуме времени», где «скрипичное чувство Чайковского» противопоставлялось «тщедушному Скрябину»[4].

Смысл статьи о Скрябине не столько в музыке самого Скрябина, сколько в соотнесении эллинизма и христианства. В статье Мандельштам впервые высказал свое отношение к смерти художника: «Мне кажется, что смерть художника не следует выключать из цепи его творческих достижений, а рассматривать как последнее, заключительное звено»[5]. Сюда восходит трагическая фраза самого поэта в последний период его жизни, зимой 1937/38 года: «Я готов к смерти»[6], вошедшая в «Поэму без героя» Анны Ахматовой. В статье 1917 года Мандельштам с одной стороны уподоблял Скрябина Пушкину, называл его смерть «соборной русской кончиной», и в то же время провозглашал Скрябина безумствующим эллином: «Через него Эллада породнилась с русскими раскольниками, сожигающими себя в гробах»[7].

В статье Мандельштама заметен поэтический парадокс. Он описывл страх эллинов перед музыкой как перед разрушительной стихией, несущей в себе смерть, и усматривал в христианстве эллинизацию смерти[8]. Встречаются в статье и высказывания, отчасти напоминающие «Философию общего дела» Н. Ф. Федорова, что Мандельштаму с его пафосом личного бессмертия, вообще говоря, не свойственно: «Приходится бороться с варварством новой жизни – потому что в ней, цветущей, не побеждена смерть!»[9].

Борьба с варварством новой жизни обнаружит иной, настоящий смысл в жизни и творчестве Мандельштама в 1930-е годы, сама же по себе эллинизация смерти восходит скорее к Новалису, чем к Федорову. Эллинской стихией пронизан 5-й гимн из «Гимнов к Ночи» Новалиса: «Ты смерть, и Ты целитель первый наш» (пер. В. Микушевича). «Гимны к Ночи» включают в себя разветвленную традицию Ф. Шиллера и Г. Лессинга с его исследованием «Как древние изображали смерть»[10]. На переклички Мандельштама с Новалисом указывает Виктор Террас (Victor Terras) в статье «Mandelstam and Novalis»[11]. В принципе эллинизация смерти означает, по Мандельштаму, синтез эллинизма и готизма на русской почве. «Ветхий Завет язычников» соединяется или совпадает в творчестве Мандельштама с Ветхим Заветом христиан, что для Мандельштама и есть Новый Завет, «само искупление мира Христом»[12]: «Вся наша двухтысячелетняя культура благодаря чудесной милости христианства есть отпущение мира на свободу – для игры, для духовного веселья, для свободного “подражания Христу”»[13].

Вот почему Мандельштам назовет себя, по-видимому, в 1920-е годы последним христианско-эллинским поэтом в России[14]. Это высказывание заключает в себе явную ссылку на Вяч. Иванова, находившегося с 1924 году уже вне России. Означает оно и приверженность Мандельштама к Средиземноморской культуре, сочетавшей в себе героический пантеизм эллинской трагедии с жертвенным искупительным персонализмом Ветхого и Нового Завета. Упоительный катарсис в строках стихотворения «Ариост» (в одном из вариантов):

> Любезный Ариост, быть может, век пройдет –
> В одно широкое и братское лазорье
> Сольем твою лазурь и наше черноморье.
> ...И мы бывали там. И мы там пили мед[15].

Здесь примечательно соотношение лазури и лазорья, также вовлекающее в «блаженное бессмысленное слово». Ариост, как и Тассо, – «чудовище с лазурным мозгом и чешуей из влажных глаз»[16]. «Лазурный мозг», «чешуя из влажных глаз», очевидно, присущи морю, но лазорье шире «твоей лазури». «Лазорье» уже появлялось в русской поэзии за 17 лет до стихотворения «Ариост», в 1916 году:

> ...мы,
> каторжане города лепрозория,
> где золото и грязь изъязвили проказу,
> мы чище венецианского лазорья,
> морями и солнцем омытого сразу[17].

---

[1] Иоанн, 1, 18.

[2] СС 4. Т. 1. С. 204.

[3] Мандельштам Н. Я. Т. 1. С. 254.

[4] СС 4. Т. 2. С. 364.

[5] СС 4. Т. 1. С. 201.

[6] Мандельштам Н. Я. Т. 1. С. 194.

[7] СС 4. Т. 1. С. 201–202.

[8] Там же. С. 203–204.

[9] Там же. С. 205.

[10] Новалис. Генрих фон Офтердинген / подгот. В. Микушевич. М., 2003. С. 151, 252 («Литературные памятники»).

[11] Osip Mande'štam und Europa. Heid., 1999. P. 327–43.

[12] СС 4. Т. 1. С. 202.

[13] Там же. С. 203.

[14] Мандельштам Н. Я. Т. 1. С. 340.

[15] СС 4. Т. 3. С. 71.

[16] Там же. С. 73.

[17] Маяковский В. Простое как мычание. Пг., 1916. С. 101.

Существенно, что у Маяковского лазорье венецианское, следовательно, и тринадцатый апостол был не чужд средиземноморским инспирациям. В 1933 году, когда Мандельштам писал своего «Ариоста» и когда, между прочим, в Германии пришли к власти нацисты, Средиземноморский университет в Ницце возглавлял Поль Валери, смещенный с этого поста после того, как в 1941 году выступил с речью, посвященной памяти Анри Бергсона, подвергшегося при немецкой оккупации расовым преследованиям, – тоже судьба средиземноморского гения. Мандельштама в 1941 году уже не было в живых.

7

В начале 1920-х годов в творчестве Мандельштама наметились радикальные изменения. Первоначально эти изменения преимущественно художественные. Георгий Иванов воспринимал их так: «1923 годом еще помечен ряд замечательных стихотворений. Мандельштам на перепутьи. Он пишет то акмеистический "Век", то его антипода, абстрактную "Грифельную оду". "Век" еще переливается всеми огнями былого мандельштамовского очарования. "Грифельная ода" – тусклая мозаика из колюче жестких, как сухая рыбья чешуя, слов, всякого "очарования" лишена. Но и там и тут безошибочное блестящее мастерство говорит само за себя»[1].

В суждении Георгия Иванова кое-что подмечено с редкой точностью. Такова «тусклая мозаика» «Грифельной оды», не исключающая в то же время блестящего мастерства. «Грифельная ода», действительно, характеризуется сочетанием тусклого и блестящего:

Звезда с звездой – могучий стык,
Кремнистый путь из старой песни,
Кремня и воздуха язык,
Кремень с водой, с подковой перстень[2].

В старой песне на слова Лермонтова «сквозь туман кремнистый путь блестит». Слово «стык» – одно из слов, жестких, как рыбья чешуя, раньше Мандельштаму не свойственных. Лермонтов сочетается в «Грифельной оде» с Новалисом, чья минералогическая символика останется Мандельштаму близкой навсегда: «Прелестные страницы, посвященные Новалисом горняцкому, штейгерскому делу, конкретизируют взаимосвязь камня и культуры, выращивая культуру как породу, высвечивают ее из камня-погоды»[3]. С новалисовской двойственностью дня и ночи связана двойная душа поэта, не без иронии называющего себя двурушником:

Двурушник я, с двойной душой,
Я ночи друг, я дня застрельщик[4].

Романтизм переосмысливается в стихотворении как своего рода историческая реальность, не затрагивая художественной структуры. Само стихотворение не становится романтическим, не впадает в символизм, претендующий на преемственность от немецкого романтизма. Над Лермонтовым и над Новалисом доминирует единственное восьмистишие из последней оды Гавриила Державина «Река времен в своем стремленьи...». Оду Мандельштама определяет звукоряд: кремень – крепь – кремль – время[5].

«Век», действительно, написан с меньшей жесткостью, и в нем прорывается лиризм раннего Мандельштама:

И еще набухнут почки,
Брызнет зелени побег,
Но разбит твой позвоночник,
Мой прекрасный, жалкий век![6]

Рецидивы раннего лиризма вряд ли делают стихотворение акмеистическим. Все стихотворение строится на аллегории – приеме, едва ли акмеистическом:

Век мой, зверь мой, кто сумеет
Заглянуть в твои зрачки
И своею кровью склеит
Двух столетий позвонки?[7]

Аллегория подтверждена лирическим рецептом:

Чтобы вырвать век из плена,
Чтобы новый мир начать,
Узловатых дней колена
Нужно флейтою связать[8].

В такой флейте трудно не узнать «флейту-позвоночник» В. В. Маяковского, но узнается в ней и дионисийская флейта, которой «эллины боялись»[9]. И одно из последних стихотворений Мандельштама будет посвящено флейте, которой не удалось «связать узловатых дней колена»:

И свои-то мне губы не любы –
И убийство на том же корню –
И невольно на убыль, на убыль
Равноденствие флейты клоню[10].

Примерно через 10 лет после того как была написана «Грифельная ода», Мандельштам скажет о стихах Пастернака из «Второго рождения»: «Советское барокко»[11]. Аллегория «Века», «Грифельная ода», «Нашедший подкову», «пиндарический отрывок», явно ссылающийся на Ф. Клопштока, свидетельствуют о повороте от классицизма к барокко, происходившем в поэзии Мандельштама в 1922–1923 годах.

[1] Иванов Г. Собр. соч.: В 3 т. М., 1993. Т. 3. С. 620.

[2] СС 4. Т. 2. С. 45.

[3] СС 4. Т. 3. С. 256.

[4] СС 4. Т. 2. С. 47.

[5] Mikuszewicz V. Zwei Seelen des Dichters in der «Griffelode» // Osip Mandel'štam und Europa. P. 247 256.

[6] СС 4. Т. 2. С. 42.

[7] Там же. С. 41.

[8] Там же. С. 42.

[9] СС 4. Т. 1. С. 203.

[10] СС 4. Т. 3. С. 135.

[11] Герштейн Э. Г. Мемуары. С. 29.

Барокко основывается на монаде, на единице-единстве бытия, на иерархии таких единств. Философом барокко был Г. Лейбниц, унаследованный Мандельштамом от отцовского безъязычия[1], но, судя по всему, освоенный, усвоенный им поэтически. И. М. Семенко видит в «неизвестном солдате» «человека, используя определение человека по Лейбницу как «монады, лишенной окон»[2]. У Мандельштама «океан без окна – вещество»[3], что ближе к Лейбницу.

Жиль Делез, выводящий барокко из монады, говорил: «Монада есть автономия интерьера, интерьер без экстерьера. Но с ней коррелирует самостоятельность фасада, экстерьер без интерьера»[4]. Подобное напряженное соотношение интерьера и экстерьера ощущается в «Грифельной оде». Ее интерьер – вложение перстов в язву времени, а «время – боль истории»[5]. Тогда экстерьер «Грифельной оды» – тусклая мозаика, не лишенная блеска, по Георгию Иванову. Отсюда же и жесткость рыбьей чешуи в ее словах.

Мандельштам сам должен был ощущать барочное соответствие-несоответствие внутри своих стихов 1922–1923 годов как симптом кризиса, вызванного утратой собеседника. «Нет лирики без диалога», – писал Мандельштам в одной из своих первых статей, но это не платоновский диалог и не диалог по Бахтину: «...Единственное, что толкает нас в объятия собеседника, – это желание удивиться своим собственным словам, плениться их новизной и неожиданностью»[6]. Иными словами, стихотворение, по Мандельштаму, предполагает своего адресата, как свою реализацию, и без такой реализации в собеседнике стихотворение не удалось. Поэтическая правота подтверждается лишь собеседником, в котором продолжается порыв поэта. отсюда отчаянный крик позднего Мандельштама:

Читателя! Советчика! Врача!
На лестнице колючей разговора б![7]

А «Грифельная ода» обращена внутрь себя с вложением перстов в собственную язву. Но чаянье собеседника не исчезает и при этом. Когда оно исчезает, наступает молчанье.

Н. Я. Мандельштам датировала период молчанья в жизни поэта 1926–1930 годами. «Прозы это не коснулось», – замечала она[8]. Но, как мы видели, главной темой этой прозы было именно безъязычие, все та же немота. Еще в 1923, в год «Грифельной оды», Мандельштам написал статью «Художественный театр». И в Художественном театре он видел «своеобразное стремление прикоснуться к литературе, как к живому телу, осязать ее и вложить в нее персты»[9]. Отсюда видно, что вложением перстов для Мандельштама подтверждается немота, в чем он и упрекает Художественный театр: «Он был расплатой целого поколения за словесную его немоту, за врожденное косноязычие, за недоверие к слову»[10]. Вероятно, Мандельштам имел в виду Художественный театр, когда писал в 1914 году:

Что делать вам в театре полуслова
И полумаск, герои и цари?[11]

Словесной немоте Художественного театра Мандельштам противопоставлял В. Ф. Комиссаржевскую: «В отличье от всех тогдашних русских актеров, да, пожалуй, и теперешних, Комиссаржевская была внутренне музыкальна... ее игра была на три четверти словесной... Создавая театр Ибсена и Метерлинка, она нащупывала европейскую драму, искренне убежденная, что лучшего и большего Европа дать не может»[12].

В 1920-е годы интеллигентское безъязычие осложнялось новыми, более тяжелыми формами. «Они не владели даром речи», – писал Борис Пастернак о друзьях доктора Живаго[13]. Н. Я. Мандельштам показывает, как разрушало человеческую личность и человеческую речь новаторское заигрывание интеллигенции с террором: «Ведь именно люди двадцатых годов разрушили ценности и нашли формулы, без которых не обойтись и сейчас: молодое государство, невиданный опыт, лес рубят – щепки летят»[14]. Подобные формулы были несовместимы с поэтической правотой, как ее понимал Мандельштам, но при этом они его лишали собеседника. Было еще одно трагическое обстоятельство, упоминаемое Н. Я. Мандельштам: «Я думаю, что в двадцатых годах заглохла вера в церковное начало... Отход от церкви, по-моему, объясняется не только общей глухотой тех лет, но и событиями в самой церкви, диспутами А. В. Луначарского и А. И. Введенского, пропагандой так называемой “живой церкви”»[15]. Н. Я. Мандельштам называет сознание Мандельштама антииндивидуалистическим[16]. Для сознания, ориентированного на соборность, отход от Церкви мог означать прекращение поэтического творчества.

«Присяга чудная четвертому сословию и клятвы, крупные до слез»[17], унаследованные от Герцена, явно не относились к тому, что происходило у Мандельштама на глазах. Слова «захребетник» и «двурушник», заимствованные из языка победителей, прозвучали в стихах Мандельштама с неожиданной лирической силой, но не от них ли он надорвался, как, по мнению Маяковского, надорвался Блок в поэме «Двенадцать»? Выходом из кризиса оказалась для Мандельштама не та или иная спасительная иллюзия, ко-

[1] СС 4. Т. 2. С. 362.

[2] Семенко 1997. С. 90.

[3] СС 4. Т. 3. С. 123.

[4] Делез Ж. Складка (Le pli. – *В. М.*). Лейбниц и барокко. М., 1998. С. 51. (пер. Б. Скуратова).

[5] Лосев А. Ф. Из ранних произведений. М., 1990. С. 473.

[6] СС 4. Т. 1. С. 187.

[7] СС 4. Т. 3. С. 119.

[8] Мандельштам Н. Я. Т. 1. С. 242.

[9] СС 4. Т. 2. С. 334.

[10] Там же. С. 335.

[11] СС 4. Т. 1. С. 101.

[12] СС 4. Т. 2. С. 385.

[13] Пастернак Б. Доктор Живаго. М., 1989. С. 465.

[14] Мандельштам Н. Я. Т. 1. С. 247.

[15] Мандельштам Н. Я. Т. 2. С. 399.

[16] Там же. С. 259.

[17] СС 4. Т. 2. С. 52.

торая все равно не спасла бы его, как не спасла его строка: «Чего тебе еще? Не тронут, не убьют»[1].

Гораздо убедительнее была другая строка из того же стихотворения: «И некуда бежать от века-властелина». Кризис молчания был преодолен чувством обреченности, сказавшимся сначала в «Четвертой прозе». Путешествие в Армению ничуть не обнадежило Мандельштама, но оно вернуло ему чувство поэтической правоты. Н. Я. Мандельштам, свидетельствуя, что у Мандельштама была своя святая земля, подтверждает: «В сферу Средиземноморья он включал Крым и Закавказье». «Земля, по которой учились первые люди», была местом настоящего паломничества О. М.», – писала она[2]. При этом Надежда Яковлевна знаменательно перефразировала стихотворение Мандельштама:

Я тебя никогда не увижу,
Близорукое армянское небо,
И уже не взгляну, прищурясь,
На дорожный шатер Арарата,

И уже никогда не раскрою
В библиотеке авторов гончарных
Прекрасной земли пустотелую книгу,
По которой учились первые люди[3].

Таким образом, Армения – не просто земля, это земля-книга. По Мандельштаму, Армения связывается с Библией через Арарат[4], и поэтому Арарат – дорожный шатер на пути рода человеческого, куща или скиния. Но главное переживание Мандельштама в том, что в Армении он увидел не единство природы и культуры, воспринятое Пастернаком в Грузии, а преобладание культуры над природой. Мандельштам и в этом – антипод Пастернака. Взаимосвязь камня и культуры[5] у позднего Мандельштама не только от Новалиса, но и от Армении, причем культура выращивается, как порода, то есть не только культура происходит от камня, но и камень от культуры, ибо уже ранний Мандельштам постиг, что камень Тютчева и есть слово[6].

Когда Мандельштам пишет: «Дикая кошка – армянская речь», это не значит, что речь – кошка («темная звериная душа», не умеющая говорить), это значит именно то, что сказано у Мандельштама: кошка образуется речью (словом), и, оказывается, дикую кошку породил «хищный язык городов глинобитных»[7]. Труд в армянском цикле «как бык шестикрылый и грозный» (еще ассирийский керубу или уже христианский херувим); роза – роза Гафиза; осьмигранные церкви[8] и осьмигранные соты[9]. Армения реальна, потому что она нарисована, «окрашена охрою хриплой»[10]:

Ах, Эривань, Эривань! Иль птица тебя рисовала,
Или раскрашивал лев, как дитя, из цветного пенала?[11]

И уже не преобладание культуры, а предшествование природе: «Якорные пни поваленных дубов звериного и басенного христианства... (бестиарии? – *В. М.*) и нахохленные орлы с совиными крыльями, еще не оскверненные Византией»[12]. Не отголосок ли Велимира Хлебникова с его «Зверинцем», «где орлы падают с высоких насестов, как кумиры во время землетрясений с храмов и крыш зданий»[13], но у Хлебникова «взгляд зверя больше значит, чем груды прочтенных книг», а для Мандельштама в грудах прочтенных книг таится и взгляд зверя, предвосхищенный книгой прекрасной земли.

В Армении возвращению к стихам или возвращению стихов предшествует как будто случайная встреча с Б. С. Кузиным, зоологом, одним из двух последних собеседников Мандельштама (вторым уже в воронежской ссылке был С. Б. Рудаков; два собеседника – два антипода: один Борис Сергеевич, другой Сергей Борисович).

Когда Кузин был арестован, Мандельштам писал Мариэтте Шагинян: «У меня отняли моего собеседника, мое второе “я”, человека, которого я мог и имел время убеждать, что в революции есть и “энтелехия”, и виталистическое буйство, и роскошь живой природы»[14]. «Это был диалог хорошо сговорившихся между собой людей», – писала Эмма Герштейн о разговорах Мандельштама с Кузиным[15]. Как и впоследствии Рудаков, Кузин не просто поддакивал поэту, у него «были претензии к языку Мандельштама». В «Путешествии в Армению» Мандельштам писал, что Кузин «пуще всего на свете любил музыку Баха»[16], а Бах для Мандельштама – тоже собеседник:

Высокий спорщик, неужели,
Играя внукам свой хорал,
Опору духа в самом деле
Ты в доказательстве искал?

И лютеранский проповедник
На черной кафедре своей
С твоими, гневный собеседник,
Мешает звук своих речей[17].

Можно предположить, что «виталистическое буйство» и «роскошь живой природы» идут от Кузина, а энтелехию в революции ищет Мандельштам, как ему предписывает

[1] С. 51.

[2] Мандельштам Н. Я. Т. 1. С. 340.

[3] СС 4. Т. 3. С. 39.

[4] Мандельштам Н. Я. Т. 2. С. 548.

[5] СС 4. Т. 3. С. 256.

[6] СС 4. Т. 1. С. 178.

[7] СС 4. Т. 3. С. 41.

[8] Там же. С. 35.

[9] Там же. С. 37.

[10] Там же. С. 36.

[11] Там же. С. 37.

[12] Там же. С. 38.

[13] Хлебников В. Творения. М., 1986. С. 186.

[14] СС 4. Т. 4. С. 150.

[15] Герштейн Э. Г. Мемуары. С. 23.

[16] СС 4. Т. 3. С. 189.

[17] СС 4. Т. 1. С. 84–85.

«присяга чудная четвертому сословью». Кузин был последователем Ламарка, и от него Мандельштам мог узнать слова, произнесенные Константэном в 1929 году, когда отмечалось столетие со дня смерти Ламарка: «Он был неизвестным солдатом истины»[1].

Отсюда линия Ламарка, несколько неожиданная в «Путешествии в Армению». Через Ламарка Мандельштам возвращается к Бергсону. Бергсон уделял пристальное внимание Ламарку в своей «Творческой эволюции»: «Известно, что Ламарк приписывал живому существу способность изменяться путем использования или не использования своих органов, а также передавать изменения, приобретенные таким образом, своим потомкам»[2]. А предшественник Ламарка, Джон Рэй, давший определение виду, прямо предполагал, что виды могут изменяться под влиянием культуры[3]. Мандельштам отстаивал культуру, дистанцируясь от этого слова, дискредитированного культуропоклонством. Механическому накоплению культурных ценностей Мандельштам предпочитал порождающий их порыв, совпадающий с бергсоновским «l'élan vital».

Согласно Бергсону, «l'élan vital» («жизненный порыв») – духовное начало, творящее бытие, высшее проявление которого – жизнь. «Этот порыв, – писал Бергсон, – сохраняясь в линиях эволюции, среди которых он распределяется, есть глубинная причина изменений, по крайней мере тех, которые передаются равномерно и, дополняя друг друга, творят новые виды»[4]. В этом смысл длительности: «Вселенная длится. Чем более мы будем углублять природу времени, тем более мы будем понимать, что длительность означает изобретение, сотворение форм, продолжающуюся выработку абсолютно нового»[5].

Такая выработка абсолютно нового и есть творческая эволюция. Эти теоретические положения Бергсона постоянно прослеживаются в творческой эволюции самого Мандельштама. Так, в эллинизме Мандельштам усматривал веер явлений. Этот веер он извлекал из философии Бергсона, характеризуя ее с редкой философской точностью: «Чтобы спасти принцип единства в вихре перемен и безостановочном потоке явлений, современная философия в лице Бергсона, чей глубоко иудаистический ум одержим настойчивой потребностью практического монотеизма, предлагает нам учение о системе явлений. Бергсон рассматривает явления не в порядке их подчинения закону временной последовательности, а как бы в порядке их пространственной протяженности. Его интересует исключительно внутренняя связь явлений. Эту связь он освобождает от времени и рассматривает отдельно»[6].

В такой внутренней связи явлений нетрудно узнать «всего живого ненарушаемую связь»[7]. По всей вероятности, мандельштамовское «теперь всякий культурный человек – христианин» имеет в виду также, если не в первую очередь, Бергсона, приверженного христианской культуре, хотя и не принимавшего при этом христианства в эпоху гонения на евреев.

При всей близости к Бергсону поэзию Мандельштама не следует рассматривать как иллюстрацию или изложение его философии. По Мандельштаму, все поддающееся пересказу к поэзии не относится. Бергсон, один из возможных прототипов прустовского Бергота, сам вовлечен в поэтическую стихию и в 1927 году был даже как стилист удостоен Нобелевской премии по литературе, которой не удостоился сам М. Пруст. Поль Валери писал о Бергсоне: «...он заимствовал у Поэзии ее магическое оружие... Самые живые и оригинальные образы и метафоры служили ему для того, чтобы воссоздать в сознании читателя то, что он открыл в своем собственном сознании... Родился новый стиль философии...»[8]. Исходя из метафоры Поля Валери, можно сказать, что в лице Мандельштама поэзия возвращает себе свое магическое оружие, побывавшее у Бергсона.

Культура, условно говоря, предшествует у Мандельштама природе, потому что в ней отчетливее проявляется порыв, творящий и природу, и культуру. Творческая эволюция – это сотворение новых форм, а не детерминистическое выведение одного из другого, называемое академической наукой развитием: «Растение в мире – это событие, происшествие, стрела, а не скучное бородатое развитие»[9].

К такой формулировке Мандельштам пришел в Армении или, точнее, вскоре после Армении. Армения для него – лаборатория творческой эволюции. Так что вполне естественно Мандельштам включил в свои армянские очерки «Французов», высказывая несколько блестящих идей, внушенных французской живописью, ибо порыв культуры выражается и в ней, свидетельствуя и о французской, и об армянской природе. Искусство не хуже, может быть, лучше природы: «Материал живописи организован беспроигрышно, и в этом его отличие от натуры»[10]. П. Сезанн для Мандельштама – «славный дедушка, великий труженик, лучший желудь французских лесов». Ему Мандельштам противопоставляет А. Матисса, «художника богачей»: «Ему незнакома радость наливающихся плодов», но и в Матиссе поэт не может не почувствовать художественной силы: «Его могущественная кисть не исцеляет зрения, но бычью силу ему придает, так что глаз наливается кровью»[11]. «Как бык, шестикрылый и грозный...» Скоро Мандельштам напишет, что «камень – импрессионистический дневник погоды»[12], а за год до этого «Импрессионизм»:

Художник нам изобразил
Глубокий обморок сирени
И красок звучные ступени
На холст, как струпья, наложил[13].

---

[1] Ламарк Ж.-Б. Философия зоологии. Л., 1937. С. IX.

[2] Bergson H. L'evolution créatrice. Qudrige, 1996. P. 77.

[3] Ламарк Ж.-Б. Указ. соч. С. XV.

[4] Bergson H. Op. cit. P. 88 (пер. В. Б. Микушевича).

[5] Ibid. P. 11.

[6] СС 4. Т. 1. С. 217.

[7] Там же. С. 50.

[8] Proust M. A la recherche du temps perdu. A l'ombre des jeunes filles en fleurs. M., 1982. P. 560.

[9] СС 4. Т. 3. С. 194.

[10] Там же. С. 200.

[11] Там же. С. 198.

[12] Там же. С. 256.

[13] Там же. С. 64.

Здесь природа пишется, как Армения, как... картина. Из импрессионизма происходит философия Бергсона, и его порыв, быть может, порыв импрессионизма. «Если мне суждено вернуться, часто повторял в Воронеже Мандельштам, я сразу пойду к “французам”», – рассказывает Н. Я. Мандельштам[1]. Едва вернувшись из ссылки, не успев разобрать вещи, он спешит в музей на Кропоткинской взглянуть на французскую живопись: «Надо насмотреться, пока еще чего-нибудь не случилось»[2]. И, вернувшись из Армении, Мандельштам идет «в вертепы чудные музеев, / Где пучатся кощеевы Рембрандты»[3]. Рембрандту он уподобит себя незадолго до конца: «Как светотени мученик Рембрандт, / Я глубоко ушел в немеющее время»[4]. У Мандельштама не искусство подтверждается природой, а природа искусством: «Дерев косматых именины – / Честь Рюисдалевых картин»[5], «а небо, небо – твой Буонарроти»[6].

В Армении Мандельштам чувствует и разрушительную силу, грозящую истории. Армянское горе прорывается с неожиданной силой в его поэзии:

Закутав рот, как влажную розу,
Держа в руках осьмигранные соты,
Все утро дней на окраине мира
Ты простояла, глотая слезы.

И отвернулась со стыдом и скорбью
От городов бородатых востока;
И вот лежишь на москательном ложе,
И с тебя снимают посмертную маску [7].

Опасность, грозящую Армении, Мандельштам воспринимает как угрозу самому себе, для чего есть более чем достаточно оснований:

Так, в Нагорном Карабахе,
В хищном городе Шуше,
Я изведал эти страхи,
Соприродные душе.

Сорок тысяч мертвых окон
Там видны со всех сторон,
И труда бездушный кокон
На горах похоронен[8].

Как показали события 1980–1990-х годов, эти строки из тех, что оказываются пророческими. С приверженностью Армении Н. Я. Мандельштам связывала неприятие Мандельштамом ислама: «Сам О. М., чуждый мусульманскому миру... искал лишь эллинской и христианской преемственности»[9].

Творчество самого Мандельштама не дает поводов для такого утверждения. Армения в его стихах «отвернулась со стыдом и скорбью от городов бородатых востока», но Мандельштам в то же время писал о персидской миниатюре: «Люблю мусульманские эмали и камеи»[10] («Эмали и камеи» – название книги Теофиля Готье в переводе Н. С. Гумилева). К. О. Трибл вполне резонно замечает: «То, что Надежда Мандельштам поняла как осуждение ислама Мандельштамом, на самом деле было направлено не против мусульманства, а против дикой новой религии коммунизма...»[11]

Так, одно из самых проникновенных и, быть может, самое загадочное среди восьмистиший обращено к мусульманке:

О бабочка, о мусульманка,
В разрезанном саване вся,
Жизняночка и умиранка,
Такая большая – сия!

С большими усами кусава
Ушла с головою в бурнус.
О флагом развернутый саван,
Сложи свои крылья – боюсь![12]

«Жизняночка» напоминает интимное обращение к Н. Я. Мандельштам в письмах, например «родная моя нежняночка»[13]. Признавая обоснованным утверждение Трибла: «Армянский цикл стал мандельштамовским “Западно-восточным диваном”, его синтезом (в похвалу Гете) Востока с Западом»[14], – следует подчеркнуть, что диалог с Гете продолжается также в восьмистишиях (в седьмом восьмистишии Гете прямо назван).

В третьем восьмистишии, посвященном бабочке-мусульманке, угадывается перекличка со стихотворением Гете из «Западно-восточного дивана» «Блаженное томление». В стихотворении Гете «в прохладе любовных ночей» тебя охватывает новое стремление к «высшему соитию» (auf zu höherer Begattung)[15]. Символом этого стремления становится бабочка или мотылек (по-немецки «der Schmetterling» мужского рода), стремящийся к огненной смерти («nach Flammentod») в пламени свечи. Огненная смерть предвещает некое становление (Dieses: stirb und werde! – Это: умри и стань!). Отсюда, возможно, жизняночка и умиранка, хотя у Гете наоборот: смерть – жизнь. «Сия» разительно напоминает гетевское «Dieses». Бабочка – мусульманка, ибо она «ушла с головою в бурнус», как в чадру, но ее чадра –

[1] Мандельштам Н. Я. Т. 1. С. 305.

[2] Там же.

[3] СС 4. Т. 3. С. 55.

[4] Там же. С. 119.

[5] Там же. С. 103.

[6] Там же. С. 89.

[7] Там же. С. 37.

[8] Там же. С. 58.

[9] Мандельштам Н. Я. Т. 1. С. 340.

[10] СС 4. Т. 3. С. 204.

[11] Osip Mandel’štam und Europa. P. 347.

[12] СС 4. Т. 3. С. 77.

[13] СС 4. Т. 4. С. 54.

[14] Osip Mandel’štam und Europa. P. 348.

[15] Goethe. Poetische Werke in 3 Bd. Aufbau-Verlag, 1985. Gedichte. Epen. P. 372.

«флагом развернутый саван». Если саван будет развернут окончательно, не исчезнет ли «жизняночка и умиранка», она же собственная душа поэта?

Восьмистишием обозначено направление, противоположное стихотворению «Вернись в смесительное лоно». Там было исчезновение Бога в человеческом существе, здесь – исчезновение существа в Божестве, не названном, как того требует мандельштамовская апофатика, на которую указывал К. А. Свасьян. Восьмистишие выдержано не столько в мусульманском, сколько в суфийском духе. Происходит «фана», что может переводиться и как «уничтожение»[1]. Отсюда заключительный возглас поэта: боюсь! (раньше было: «я так боюсь... тумана, звона и зиянья»). Нечто родственное, хотя и противоположное по смыслу было за 20 лет до восьмистишия в стихотворении «Лютеранин»:

И думал я: витийствовать не надо.
Мы не пророки, даже не предтечи,
Не любим рая, не боимся ада,
И в полдень матовый горим, как свечи[2].

Третья строка этого четверостишия почти дословно совпадает с дервишской фразой: «Мы не боимся ада и не желаем рая»[3]. Даже если это случайное совпадение, оно о многом говорит. Кусава у Мандельштама грозит не укусом, а искусом блаженного томления, сжигающего личность до небытия.

Аллюзии на ислам в творчестве Мандельштама редки, но не случайны. Следует различать чисто поэтические ходы, напоминающие суфийские наития или даже совпадающие с ними («Образ твой, мучительный и зыбкий»[4]) и настоящие отсылы к исламу, также художественно действенные, но функционально выверенные. Среди таких отсылов, несомненно, выделяются строки из стихов об Армении:

Я бестолковую жизнь, как мулла свой коран,
замусолил,
Время свое заморозил и крови горячей
не пролил[5].

На первый взгляд, Коран выступает здесь как совершенно бытовой предмет: книга, которой мулла пользуется в своей повседневной деятельности. Но сразу же проступает изначальный смысл слова «Коран»: чтение (вслух). В суре XCVI ангел велит читать Мухаммаду, по преданию, не умеющему читать; то, что Мухаммад прочтет, и есть Коран. Еще в 1919 году Мандельштам говорил, что лучший читатель тот, кто всю жизнь читает одну книгу, и неслучайно Н. Я. Мандельштам в этой связи «вспомнила прекрасных бородатых восточных стариков, читающих всю жизнь свой Коран, единственных, пожалуй, в наше время представителей древней породы, читающей одну книгу»[6]. «Читатель одной книги», действительно, мог означать в устах Мандельштама резкий выпад против читательской, академической всеядности, до которой докатилась выродившаяся продажная филология, обозначаемая в «Четвертой прозе» как всетерпимость[7]. Но в стихотворении Мандельштам сравнивает с Кораном свою жизнь, а не свою поэзию, которая для него, в отличие от символистов, «никогда не равна откровению»[8]. Жизнь бестолковая потому, что толкование ее несовершенно, но в таком несовершенстве – правда этой жизни. «Я» замусолил свою жизнь, «заморозил свое время», то есть отстал от века, но зато «крови горячей не пролил», что прочитывается двояко: «не расстреливал несчастных по темницам»[9] и «не волк я по крови своей»[10]. Таким образом, сравнение с Кораном возвращает к перекличке с Есениным в только что написанной «Четвертой прозе» и предвосхищает строку, которая будет написана через год. Поэт не только свою жизнь сравнивает с Кораном, но и себя самого – с муллой, с фигурой маргинальной и преследуемой в советском государстве, чем засвидетельствовано отщепенство поэта. В конце стихотворения поэт отказывается от замороженного винограда, ибо и в нем холодок времени, враждебного ему, как в стихотворении, написанном на восемь лет раньше:

Холодок щекочет темя,
И нельзя признаться вдруг, –
И меня срезает время,
Как скосило твой каблук[11].

Стихи об Армении открываются строкой: «Ты розу Гафиза колышешь»[12]. Слово «Гафиз» (Хафиз) означает того, кто читает Коран наизусть. Впрочем, в этой строке Гафиз, вероятно, представлен розой, а не Кораном. Строка с Гафизом дает основания сопоставить «Армению» Мандельштама с «Западно-восточным диваном» Гете, как это делает К. О. Трибл[13]. Правда, к Мандельштаму не может быть отнесено ироническое замечание А. В. Шлегеля, назвавшего Гете «язычником, обращенным в ислам»[14]. Ислам не становится для Мандельштама религиозной проблемой, как иудейство и христианство; его привлекает мусульманская культура, далеко не всегда приемлемая для строгого ислама. Известно, как настораживала Мухаммада поэзия. Согласно преданию, встретив поэта Зухайра, Мухаммад воскликнул: «О Аллах! Охрани меня от сидящего в нем джинна!»[15] Памятники древней арабской поэзии, знаменитые муалла-

[1] Шах Идрис. Суфизм. М., 1994. С. 336.

[2] СС 4. Т. 1. С. 78.

[3] Шах Идрис. Указ. соч. С. 293.

[4] СС 4. Т. 1. С. 73.

[5] СС 4. Т. 3. С. 37.

[6] Мандельштам Н. Я. Т. 1. С. 314.

[7] СС 4. Т. 3. С. 173.

[8] Мандельштам Н. Я. Т. 2. С. 316.

[9] СС 4. Т. 3. С. 173.

[10] Там же. С. 46.

[11] СС 4. Т. 2. С. 37.

[12] СС 4. Т. 3. С. 35.

[13] Ossip Mandel'štam und Europa. S. 351.

[14] Heine H. Werke in 5 Bd. B.; Weimar, 1972. Bd. 4. S. 232.

[15] Аравийская старина. М., 1983. С. 131.

ки, –доисламского происхождения. Ислам разве что терпел поэзию, но никогда особенно ее не поощрял. То же самое относится к персидской миниатюре, о которой Мандельштам писал не без отсыла к Т. Готье и к его переводчику Н. С. Гумилеву: «Люблю мусульманские эмали и камеи». И тут же тот, кто «крови горячей не пролил», возвращает читателя к своему стиху с Кораном: «Сколько крови пролито из-за этих недотрог!»[1] «Мусульманские эмали и камеи» влекут за собой «Фирдусси» (Фирдоуси), и Мандельштам говорит о нем с парадоксальной фамильярностью, на которую дает право только восхищение: «Земля и небо в книге “Шахнамэ” больны базедовой болезнью – они восхитительно пучеглазы»[2]. 15 апреля 1934, за месяц до ареста, поэт выступил в Ленинграде на обсуждении «Шахнаме» в переводе М. Лозинского. Современник так вспоминает об этом выступлении: «Заговорил один из глубочайших людей нашего времени, заговорил поэт, в котором тревога, для которого Фирдоуси целый мир, который он по-своему, своим миром ощущает, переживает, к которому у него свое отношение...»[3]

Тревога, «страхи» сопутствуют мусульманским мотивам в творчестве Мандельштама. В армянском цикле мусульманство оказывается на стороне смерти:

На высоком перевале
В мусульманской стороне
Мы со смертью пировали –
Было страшно, как во сне[4].

Трагедия Армении в том, что «она отвернулась со стыдом и скорбью от городов бородатых востока»[5], а это города «рыжебородых сардаров» и «казнелюбивых владык»[6], города ислама.

«Петербуржские буржуа», гонители поэта, «паломничают» на свои культурологические курорты, «как турок ездит к черному камню Каабы»[7]. Но «турчанка» сыграет в жизни и творчестве поэта другую роль. Анна Ахматова дала заглавие «Турчанка» стихотворению Мандельштама, написав о нем: «...Лучшее, на мой взгляд, любовное стихотворение 20 века»[8].

В «Турчанке» («Мастерица виноватых взоров» – первая строка стихотворения) обнаруживается подлинный лирический смысл мандельштамовского «мусульманства». Угрожающая интимность стихотворения ознаменована эмблемой ислама:

Маком бровки мечен путь опасный.
Что же мне, как янычару, люб
Этот крошечный, летуче-красный,
Этот жалкий полумесяц губ?..[9]

«Полумесяц губ» влечет за собой мотив «изменнических губ» из стихотворения «Не искушай чужих наречий» (1933), хотя тогда изменнические губы относились к звукам, а не к другим губам, но и страсть к звукам не лишена эротизма, отсюда «звуколюб», и в обоих стихотворениях практически одна и та же рифма: люб – губ, что лишь усугубляется словом «звуколюб» в более раннем стихотворении, где губы прямо названы «изменническими». Более отдаленная, но не менее осязаемая аналогия для изменнических губ – желание «бежать из русской речи», «как моль летит на огонек полночный» (тоже «полумесяц в своем роде) в стихотворении «К немецкой речи» (1932). Н. Я. Мандельштам, интимно затронутая ситуацией с «мастерицей виноватых взоров», писала об «остром чувстве измены» у Мандельштама, говорившем, по ее свидетельству, об «изменнических стихах»[10]. «Изменнические стихи» – это стихи, внушенные, посвященные другой, даже если другая – звук (пушкинское «для звуков жизни не щадить», и не отсюда ли «путь опасный»?). Отсюда же «за тебя кривой воды напьюсь» (кривизна – измена). «Полумесяц губ» и вообще мусульманский антураж стихотворения относится не столько к настоящему мусульманству, сколько к европейской традиции воспевать мусульманскую экзотику. Эта линия преломляется в мотиве «измены», эротического ренегатства, перехода в мусульманство ради возможности иметь гарем. Стоит упомянуть поэму Александра Полежаева «Гарем» с фрагментом под названием «Ренегат». Поэма Полежаева вышла в издательстве «Academia» в 1933 году, а «Мастерица виноватых взоров» написана в 1934 под знаком приближающегося ареста. Но «изменническое стихотворение» Мандельштама вовсе не похоже на традиционное ренегатство. «Я» в стихотворении («Янычар» – звуковой вариант этого «я») – никак не счастливый обладатель «гарема своего» (как у Полежаева; и у него, впрочем, «игра страстей опасных» тоже «в мечтаньях сладострастных»)[11]. «Я» в стихотворении Мандельштама готов разделить с «мастерицей виноватых взоров» вину и гаремную казнь: «Я с тобой в глухой мешок зашьюсь» (глубочайший эротизм стихотворения в этом). Такая гаремная казнь представлена в «Бахчисарайском фонтане» Пушкина:

Стареют жены. Между ними
Давно грузинки нет; она
Гарема стражами немыми
В пучину вод опущена[12].

Примечательно, как варьируется первая строка последнего четверостишия в стихотворении Мандельштама. Строка «Ты, Мария – гибнущим подмога» называет лирическое «ты» ее собственным именем (известно, что стихотворение посвящено поэтессе Марии Петровых); это также имя героини «Бахчисарайского фонтана», но оно может быть обращено и к Деве Марии, скорой помощнице в православной традиции, и сура XIX Корана озаглавлена «Марьям». Если

[1] СС 4. Т. 3. С. 204.

[2] Там же. С. 205.

[3] СС 4. Т. 4. С. 458.

[4] СС 4. Т. 3. С. 57.

[5] Там же. С. 37.

[6] Там же. С. 36.

[7] Там же. С. 168.

[8] СС 4. Т. 1. С. 13.

[9] СС 4. Т. 3. С. 86.

[10] Мандельштам Н. Я. Т. 2. С. 259.

[11] Белинский В. Г. Собр. соч.: В 3 т. М., 1948. Т. 2. С. 256–257.

[12] См. комментарий М. Л. Гаспарова в кн.: Мандельштам 2001 (Б-ка поэта). С. 660.

«Мария – гибнущим подмога», то она спасает гибнущих, помогает им спастись. Другой вариант строки «Наша нежность – гибнущим подмога», и очевидно, что в таком случае «наша нежность» помогает гибнущим гибнуть, «твои речи темные глотая», что приобретает особый смысл на пороге гибели: «Я стою у твердого порога».

Уже переживая драму с «мастерицей виноватых взоров», возможно, уже внутренне работая над этим стихотворением, Мандельштам завершает восьмистишие «О бабочка, о мусульманка», работа над которым длилась с ноября 1933 года. Восьмистишие предваряет «Мастерицу виноватых взоров» или даже примыкает к ней. «Я» уподобляется янычару, приверженцу полумесяца, но жалкий полумесяц губ означает измену супружеской верности, измену мусульманке, супруге, означая также вину перед возлюбленной, супругой другого, которую «наша нежность» обрекла на гибель в мешке, оборачивающемся саваном, чтобы вылетела устрашающая бабочка. Характерно, что «полумесяц губ» тоже «летуче-красный».

В другом восьмистишии, также завершенном в январе 1934 года, «крапом бабочек» предварены «мечети живые»[1]. Известно, что храм Святой Софии в Константинополе (Айя-София), которой Мандельштам посвятил стихотворение в «Камне» (1912), был превращен турками в мечеть, но восьмистишие, разумеется, не ограничивается констатацией этого исторического факта. Оно таит в себе и нечто глубоко личное. Во дворе мечети, вероятно, бывшей, так как во дворе подавали чай, что дает повод говорить о чайхане), Мандельштам познакомился с Б. С. Кузиным, чей интерес к живому совпал с творческим интересом поэта. О встрече с Кузиным Мандельштам сам рассказал в «Путешествии в Армению», тут же вводя неожиданную параллель в духе мусульманской мистики: «Не так давно один мулла – святой человек, похороненный на горе, – прислал ему (Б. С. Кузину. – *В. М.*) формальное извещение о своей кончине на чистом фарсидском языке. По мнению муллы, славный и ученый молодой человек, исчерпав запас здоровья и наплодив достаточно детей, – но не раньше – должен был с ним соединиться»[2]. Возможно, бывают мечети живые, когда бывает мулла, извещающий молодого ученого человека письмом о своей смерти и предрекающий ему соединение в бессмертии. Фарсидский язык соотносится с персидским чаем, который пили во дворе мечети «с маленьким кусочком сахару вприкуску»[3], но влечет он за собой и «Фирдусси», и «мусульманские эмали и камеи»[4]. А святой человек мулла – не тот ли, с чьим Кораном О. М. сравнивает свою жизнь? Такой Коран – символ верности своему призванию, исключающий что бы то ни было изменническое. Быть может, мечети живые, когда они таят в себе христианскую церковь и самое Софию Премудрость Божию «с бесчисленным множеством глаз», ибо это все мы (мандельштамовская соборность).

К янычарству Мандельштам возвращается уже в воронежской ссылке, в стихотворении «Бежит волна волной, волне хребет ломая» (1935)[5]. И в этом стихотворении «янычарская пучина молодая» кривеет («кривая вода» измены в «Мастерице виноватых взоров»). «С пенных лестниц падают солдаты султанов мнительных», подозревающих в измене их, солдат, и, очевидно своих жен. О султанском гареме напоминают хладные скопцы, происходящие не только из «Поэта и толпы» Пушкина, но из того же «Бахчисарайского фонтана»:

Там, обреченные мученью
Под стражей хладного скопца
Стареют жены...

Бабочка стабильно вписывается в мусульманские реминисценции у Мандельштама, вероятно, не без влияния «гетевского» суфизма. В «Разговоре о Данте» поэт писал: «Аристотель, как махровая бабочка, окаймлен арабской каймой Аверроеса». Бабочка относится скорее к Аристотелю, чем к Аверроэсу, но без Аверроэса она вряд ли бы появилась в связи с Аристотелем, что вполне достоверно исторически; распространение Аристотеля в Средние века и его влияние на схоластику и на самого Данте неразрывно связано с арабским комментарием Аверроэса, о котором и Данте говорит как о создателе великого комментария[6]. Согласно Мандельштаму, «араб Аверроес аккомпанирует греку Аристотелю. Они компоненты одного рисунка. Они умещаются на мембране одного крыла»[7]. Виден поразительный дар Мандельштама сочетать разные явления и разные культуры в едином образе, но при этом следует помнить, что Аверроэс (Ибн-Рушд, 1126–1198) принадлежит именно мусульманской культуре, а не религиозной традиции ислама, подвергавшей философа резкой критике и даже гонениям.

Мембрана крыла находит дальнейшее продолжение в «Разговоре о Данте», вписываясь в его главный мотив: «Жажда полета томила и изнуряла людей Дантовой эры не меньше, чем алхимия. То был голод по рассеченному пространству. Ориентация потеряна. Ничего не видно. Впереди только татарская спина – страшный шелковый халат Герионовой кожи... Еще не изобретена летательная машина, еще не было Леонардовых чертежей, но уже разрешена проблема планирующего спуска»[8]. Мандельштам подхватывает и реализует дерзновеннейший образ из Дантова «Ада». Герион – чудовище, согласно греческому мифу, обитавшее на острове Эрифия, убито Гераклом. В «Божественной комедии» Данте и Вергилий перемещаются на спине летящего Гериона из одного круга ада в другой. При этом комментаторы, включая и некоторых мусульманских, полагают, что полет Гериона представлен у Данте под влиянием коранического предания о полете Мухаммада через семь небес к престолу Бога: «Хвала Тому, Кто перенес ночью Своего раба из мечети неприкосновенной в мечеть отдален-

[1] СС 4. Т. 3. С. 78–79.

[2] Там же. С. 189.

[3] Мандельштам Н. Я. Т. 2. С. 536.

[4] СС 4. Т. 3. С. 204.

[5] Там же. С. 98.

[6] Dante Alighieri. La Divina Commedia. Inf. IV. P. 44.

[7] СС 4. Т. 3. С. 220.

[8] Там же. С. 232.

нейшую, вокруг которой Мы благословили, чтобы показать ему из Наших знамений. Поистине Он – всеслышащий, всевидящий!»[1] Этот полет отзовется в поздней поэзии Мандельштама. Может быть, к нему восходит безысходно-трагический полет в «Стихах о неизвестном солдате»:

И за Лермонтова Михаила
Я отдам тебе строгий отчет,
Как сутулого учит могила
И воздушная яма влечет[2].

Знаменательно здесь само имя Лермонтова, русского поэта, наряду с Пушкиным уделившего исламу в своей поэзии пристальнейшее внимание и откликнувшегося песней своего Демона и его полетом на то же самое кораническое предание. Не исключено, что и в следующем стихотворении Мандельштама вместе с Данте через Данте слышится Коран:

Заблудился я в небе – что делать?
Тот, кому оно близко, – ответь!
Легче было вам, Дантовых девять
Атлетических дисков, звенеть,
Задыхаться, чернеть, голубеть[3].

И, наконец, в том же контексте «Божественной комедии» исследуется мусульманская книга, переведенная в XIII в. по воле короля Альфонсо II (Мудрого) на кастильский язык, в итальянском переводе: «Il Libro della Scala» («Книга Лестницы»)[4], и посвященная тому же восхождению Мухаммада на небеса. Слово «Scala» в итальянском названии книги разительно напоминает стих Мандельштама: «Есть ценностей незыблемая ска́ла», а этой незыблемой ска́ле ценностей поэт пожертвовал жизнью.

С возвращением из Армении в поэзию Мандельштама проникает буддийская тема, до того разрабатывавшаяся преимущественно в прозе. Буддизм, проповедующий ненасилие, связывается Мандельштамом именно с насилием:

В год тридцать первый от рожденья века
Я возвратился, нет – читай: насильно
Был возвращен в буддийскую Москву.

Буддийской Москве подчеркнуто противопоставляется та же Армения:

А перед тем я все-таки увидел
Библейской скатертью богатый Арарат
И двести дней провел в стране субботней,
Которую Арменией зовут[5].

Обращает на себя внимание четкая датировка: «год тридцать первый от рожденья века», «двести дней в стране субботней», Арменией представлена история, буддийской Москвой – бессрочное выпадение из истории, остановившаяся стрелка часов: «Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето»[6]. Даже молоко в Москве «с буддийской синевой»[7].

Буддизм у Мандельштама весьма далек от реального буддизма, гораздо резче и отчетливее запечатленного в творчестве И. А. Бунина. Буддизм для Мандельштама – определенная тенденция, опровергающая историю, и судит Мандельштам о таком буддизме не по буддийским памятникам, а по Герцену и Н. Ф. Федорову, использовавшим буддизм для обозначения тенденции.

В статье «Буддизм в науке» Герцен писал: «Вина буддистов состоит в том, что они не чувствуют потребности этого выхода в жизнь – действительного осуществления идеи. Они примирение науки принимают за всяческое примирение, не за повод к действованию, а за совершенное, замкнутое удовлетворение. А там – хоть трава не расти за переплетом книги. Они все снесут за пустоту всеобщности»[8]. Далее Герцен упоминает буддистов индийских, стремящихся ценою бытия купить свободу в Будде: «Будда для них – именно отвлеченная бесконечность, ничего». Но буддисты в науке – это, разумеется, европейские, а не индийские буддисты. И Мандельштам в 1922 году писал о буддизме в искусстве: «В сущности, Япония и Китай совсем не Восток, а крайний Запад: они западнее Лондона и Парижа... Рассматривая аналитический французский роман как вершину западнического буддизма девятнадцатого столетия, убеждаемся в полном его бесплодии в литературном отношении»[9].

Напрашивается аналогия с 1920-ми годами, как их пережил Мандельштам: «Тынянов, заявивший об окончании эпохи поэзии и о приближении торжествующей прозы, совершенно забыл, что проза – это мысль. Неужели он принимал шебуршение двадцатых годов за мысль? Эпохи прозы не было. Была эпоха заказа. Она кончилась»[10]. Эпоха поэзии – это история, буддизм – проза лишь по отношению к поэзии, а в принципе это «пустота всеобщности», по Герцену. Мандельштама не утешает, когда «к Рембрандту входит в гости Рафаэль»[11], ибо вне истории оба утрачивают свое значение, оба «не у дел». Эта мысль подкрепляется Н. Ф. Федоровым: «Философия и религия Индии и Германии – пантеизм, т. е. такое учение, в котором зло составляет необходимое условие бытия и жизни. Поэтому единственное средство уничтожения зла здесь есть уничтожение самой жизни, самого бытия. Так и решают и к этому в конечном выводе и должны приходить как восточный буддизм, так и западный пантеизм»[12].

---

[1] Коран. Душанбе, 1990. Сура 17, 1. С. 189 (пер. И. Ю. Крачковского).

[2] СС 4. Т. 3. С. 123.

[3] Там же. С. 129.

[4] Dante Alighieri. Tuttele opere. Roma, 1997. P. 21.

[5] СС 4. Т. 3. С. 56.

[6] Там же. 52.

[7] Там же. С. 56.

[8] Герцен А. И. Соч.: В 9 т. М., 1955. Т. 2. С. 78.

[9] СС 4. Т. 2. С. 270.

[10] Мандельштам Н. Я. Т. 2. С. 419.

[11] СС 4. Т. 3. С. 53.

[12] Федоров Н. Ф. Соч. М., 1982. С. 530.

Это дает возможность Мандельштаму распространить подобный буддизм через западный пантеизм и на марксизм как на господствующую идеологию, чей принцип: свобода есть осознанная необходимость (необходимость зла или необходимость уничтожения самого бытия ради уничтожения зла?). Уже в 1917 году Мандельштам писал: «Время может идти обратно: весь ход новейшей истории, которая со страшной силой повернула от христианства к буддизму и теософии, свидетельствует об этом»[1]. Буддизм, по Мандельштаму, не противоречит, а способствует прогрессу в его негативности: «Буддизм в науке – подрумяненной личиной и озабоченной суетой позитивизма; буддизм в искусстве – в аналитическом романе Гонкуров и Флобера; буддизм в религии – глядящий из всех дыр теории прогресса, подготовляющий торжество новейшей теософии, которая не что иное, как буржуазная религия прогресса»[2].

«Путешествие в Армению» возмутило советских деятелей именно неприятием исторического прогресса: «Мы не позволим ему (Мандельштаму. – *В. М.*) поносить развитие и прогресс, пусть он это запомнит...»[3] Раздражали в этой связи «странные рассуждения о Гете и Ламарке»: «Зачем Мандельштам лезет в области, в которых ничего не понимает?» Между тем настораживало как раз понимание, поэтическая прозорливость. В стихотворении «Ламарк» Мандельштам прослеживает обратный ход самой эволюции:

Если все живое лишь помарка
За короткий выморочный день,
На подвижной лестнице Ламарка
Я займу последнюю ступень...
Он сказал: довольно полнозвучья, –
Ты напрасно Моцарта любил:
Наступает глухота паучья,
Здесь провал сильнее наших сил[4].

Это зловещее нисхождение живого организма остро почувствовал Юрий Тынянов. Эмма Герштейн вспоминает: «Мы с Надей однажды признались друг другу, что не любим такие стихотворения Мандельштама, как “Канцона”, “Рояль” и “Ламарк”». «Нет, о “Ламарке” так не говорите, – прервала меня Надя. – Тынянов мне объяснил, чем оно замечательно: там предсказано, как человек перестанет быть человеком. Движение обратно. Тынянов называл это стихотворение гениальным»[5].

С такой точки зрения знаменитое стихотворение Мандельштама «Мы живем, под собою не чуя страны» перестает быть простым антисоветским памфлетом, чуть ли не политической агиткой, как иногда полагал сам Мандельштам: «Это комсомольцы будут петь на улицах»[6]. В стихотворении представлено расчеловеченье, намеченное в «Ламарке». У «кремлевского горца» «тараканьи смеются глазища», и «он играет услугами полулюдей»[7]. А в стихотворении «Внутри горы бездействует кумир» расчеловеченье опускается уже на уровень минералов:

Он мыслит костию и чувствует челом
И вспомнить силится свой облик человечий[8].

При этом «движение обратно» не есть возврат к природе или к естественности в духе Руссо, напротив: «И от нас природа отступила»[9]. У Мандельштама природа не предшествует, а наследует культуре как носительнице порыва, порождающего и природу:

Быть может, прежде губ уже родился шопот,
И в бездревесности кружилися листы,
И те, кому мы посвящаем опыт,
До опыта приобрели черты[10].

Отсюда антипатия Мандельштама к раннему Заболоцкому, призывавшему «очищать предмет от мусора истлевших культур», смотреть «на предмет голыми глазами»[11]. По Мандельштаму, при взгляде голыми глазами не будет не только предмета, но и самих глаз. Предмет зрения создается культурой, как и само зренье, и глаз преодолевает природу:

Преодолев затверженность природы,
Голуботвердый глаз проник в ее закон...[12]

Природы нет, если «ты напрасно Моцарта любил», ибо «и Моцарт в птичьем гаме»[13]. Мандельштам и в этом – антипод Пастернака, усматривавшего в «движении обратно» поэтическую стихию:

Любимая – жуть! Когда любит поэт,
Влюбляется бог неприкаянный,
И хаос опять выползает на свет,
Как во времена ископаемых...

Он видит, как свадьбы справляют вокруг,
Как спаивают, просыпаются,
Как общелягушечью эту икру
Зовут, обрядив ее, – паюсной[14].

Спинозизму Пастернака перечит бергсонианство Мандельштама:

А квакуши, как шарики ртути,
Голосами сцепляются в шар...[15]

---

[1] СС 4. Т. 1. С. 201.

[2] СС 4. Т. 2. С. 269.

[3] Мандельштам Н. Я. Т. 2. С. 424.

[4] СС 4. Т. 3. С. 62.

[5] Герштейн Э. Г. Мемуары. С. 35.

[6] Там же. С. 51.

[7] СС 4. Т. 3. С. 74.

[8] Там же. С. 101.

[9] Там же. С. 62.

[10] Там же. С. 78.

[11] Гинзбург Л. Я. Человек за письменным столом. Л., 1989. С. 371.

[12] СС 4. Т. 3. С. 77.

[13] Там же. С. 78.

[14] Пастернак Б. Стихотворения и поэмы. М., 1988. С. 101–102.

[15] СС 4. Т. 3. С. 136.

При всей поэтической бесхитростности этих строк к ним имеют отношение Ламарк и Бергсон. В жизненном порыве совершенствования ртуть образует шарики, из шариков ртути, хотя это всего лишь голоса квакуш, образуется шар, а, согласно Ксенофану, сам Бог – сфероид, «потому что форма эта наилучшая или наименее неподходящая для того, чтобы представлять божество»[1]. Мандельштам называл гениальным стихотворение Пастернака «Лето», где крик птиц предваряет поэзию:

Пронзительных иволог крик и волненье
Китайкой и углем желтило стволы,
Но сосны не двигали игол от лени
И белкам и дятлам сдавали углы[2].

У Мандельштама птицы, в старину молившиеся Богу «на своей латыни»[3], 20 лет спустя в стихотворении, написанном в воронежской ссылке, получают университетское образование:

И есть лесная Саламанка
Для непослушных умных птиц![4]

В том же году и едва ли не в том же месяце Мандельштам пишет стихотворение, в котором проявляется глубинная тенденция его творчества:

Сосновой рощицы закон:
Виол и арф семейный звон.
Стволы извилисты и голы,
Но все же – арфы и виолы.
Растут, как будто каждый ствол
На арфу начал гнуть Эол
И бросил, о корнях жалея,
Жалея ствол, жалея сил,
Виолу с арфой пробудил
Звучать в коре, коричневея[5].

Не виолы и арфы напоминают о деревьях, а деревья – уже арфы и виолы, ибо такими делает их порыв, обозначенный как Эол. И соловей у Мандельштама в принципе отличается от стихийного пастернаковского соловья:

Разрывая кусты на себе, как силок,
Маргаритиных стиснутых губ лиловей,
Горячей, чем глазной Маргаритин белок,
Бился, щелкал, царил и сиял соловей[6].

У Мандельштама соловей – не просто соловей, а бог Нахтигаль, которому поэт вверяет свою судьбу и даже свой язык. Бог Нахтигаль воплощает немецкую речь, влекущую поэта, как бабочку-мусульманку влечет неназванное божество:

Себя губя, себе противореча,
Как моль летит на огонек полночный,
Мне хочется уйти из нашей речи
За все, чем я обязан ей бессрочно[7].

«Огонек полночный» из того же гетевского блаженного томления, хотя здесь вместо бабочки моль. А бог Нахтигаль происходит, как ни странно, от Иммануила Канта. В своей «Критике чистого разума» Кант в не свойственных ему поэтических выражениях говорит о воспетом поэтами, чарующем щелканье соловья (die Nachtigall) в уединенных кустах тихим летним вечером при нежном свете луны. Очарование соловьиного пения, по Канту, сразу исчезает, когда выясняется, что соловьиному пению в совершенстве подражает некий озорник с тростинкой или с камышинкой во рту, по заказу хозяина, чтобы гости тем полнее насладились пейзажем. «Должна быть природа или то, что мы считаем природой, для того, чтобы вызвать у нас непосредственный интерес к прекрасному», – делает вывод Кант[8]. На этот параграф из Канта ссылается Фридрих Шиллер, обосновывая различие между поэтом наивным и поэтом сентиментальным. Наивный поэт воздействует на читателя чувственной правдой природы, сентиментальный поэт трогает рефлексией или идеями[9]. Величайший наивный поэт нового времени – Гете, к сентиментальным поэтам Шиллер относит себя самого. Но сентиментальный поэт для него также Христиан Эвальд фон Клейст, которого Мандельштам вывел в своем стихотворении «К немецкой речи»:

Поэзия, тебе полезны грозы!
Я вспоминаю немца-офицера,
И за эфес его цеплялись розы,
И на губах его была Церера...[10]

Прусский офицер, поэт Христиан Эвальд фон Клейст был смертельно ранен во время Семилетней войны в 1759 году при штурме русской батареи, забытый в самой Германии, еще один прообраз неизвестного солдата наряду с Ламарком, который тоже «за честь природы фехтовальщик». Если Шиллер ощущал себя сентиментальным поэтом по отношению к Гете, Мандельштам мог ощущать себя сентиментальным поэтом по отношению к наивному поэту Пастернаку, чья поэзия «захлебывается от банальности классическим восторгом цокающего соловья»[11]. Желание «уйти из нашей речи» при готовности замолчать (судьба Пилада) или ценою вырванного языка – попытка избежать участи сентиментального поэта, неизвестного солдата:

[1] Борхес Х. Л. Соч.: В 3 т. М., 1994. Т. 2. С. 12.

[2] Пастернак. Б. Стихотворения и поэмы. С. 331.

[3] СС 4. Т. 1. С. 111.

[4] СС 4. Т. 3. С. 103.

[5] Там же. С. 104.

[6] Пастернак Б. Стихотворения и поэмы. С. 113.

[7] СС 4. Т. 3. С. 69.

[8] Kant I. Kritik der Urteilskraft. B. 2. § 42.

[9] Schiller F. Über Kunst und Wirklichkeit. Lpz., S. 507.

[10] СС 4. Т. 3. С. 69.

[11] СС 4. Т. 2. С. 301.

Бог Нахтигаль, меня еще вербуют
Для новых чум, для семилетних боен.
Звук сузился, слова шипят, бунтуют,
Но ты живешь, и я с тобой спокоен[1].

Бог Нахтигаль – гений наивной поэзии, уводящей за пределы истории, но и он создан поэтическим порывом, обрекающим сентиментального поэта на гибель.

Едва ли кто-нибудь из поэтов, сентиментальных в шиллеровском смысле слова, сформулировал свой символ веры с такой откровенностью, как Мандельштам: «В таком понимании поэзия не является частью природы – хотя бы самой лучшей, отборной – и еще меньше является ее отображением, что привело бы к издевательству над законом тождества, но с потрясающей независимостью водворяется на новом, внепространственном поле действия, не столько рассказывая, сколько разыгрывая природу при помощи орудийных средств, в просторечье именуемых образами»[2]. Орудия поэтической речи возникают на ходу в ее порыве, но порывом образуется и природа. Так обосновывается строка молодого Мандельштама: «Природа – тот же Рим»[3]. Определением поэзии начинается «Разговор о Данте», не трактат и не диалог, а именно разговор в гельдерлиновско-хайдеггеровском смысле, поскольку «мы разговор, и слышать можем друг о друге»[4]. «Разговор о Данте» нельзя причислить к «дантологическим исследованиям», хотя суждения и наблюдения над поэтической тканью Данте имеют и научное значение. Великолепен целостный образ «Божественной комедии», граничащий с настоящим поэтологическим открытием: «Вникая по мере сил в структуру “Divina Commedia”, я прихожу к выводу, что вся поэма представляет собой одну-единственную, единую и недробимую строфу. Вернее, не строфу, а кристаллографическую фигуру, то есть тело»[5]. Блистательно точен и следующий вывод: «В поэзии, в пластике и в искусстве нет готовых вещей...»[6] «Сохранность черновика – закон сохранения энергетики произведения»[7]. Очевидно, такие черновики существуют не только в виде «перманентных рукописей», но и в разговоре, в голосе, в энергии «губ шевелящихся»[8]. Таким образом, в эстетике Мандельштама переосмысливается само понятие «перевода». Дант не совместим с «варварским равнодушием печальных наборщиков (переводчиков? – *В. М.*) готового смысла»[9] именно потому, что он сам переписчик и переводчик[10]. Поскольку черновик, по определению не есть нечто окончательное, он переписывается, переводится, и поэзия есть последовательность таких черновиков-переводов, диктуемых порывом.

Склонность Мандельштама к парадоксальному синтезу приводит к тому, что «Разговору о Данте» предшествует и в нем участвует Ламарк: «В обратном, нисходящем движении с Ламарком по лестнице живых существ есть величие Данта. Низшие формы органического бытия – ад для человека»[11]. Ад находится там, где «наши речи за десять шагов не слышны», где «кто свистит, кто мяучит, кто хнычет»[12]. Почти за 20 лет до «Разговора о Данте» Мандельштам узнавал дантовского героя в Чаадаеве: «На него могли показывать с суеверным уважением, как некогда на Данте: “Этот был там, он видел – и вернулся”»[13]. Напрашивается интерпретация: он был не в аду и вернулся в ад?.. Если вспомнить другие строки Мандельштама:

Благословить тебя в далекий ад сойдет
Стопами легкими Россия[14].

Но, быть может, главное в «Разговоре о Данте» – найденный, наконец, синтез Чаадаева и Бергсона: «Время для Данта есть содержание истории, понимаемой как единый синхронистический акт, и обратно: содержание есть совместное держание времени – сотоварищами, соискателями, сооткрывателями его.

Дант – антимодернист. Его современность неистощима, неисчислима и неиссякаема»[15]. Так высказывается понимание истории, свойственное Мандельштаму. История – не протяженность во времени, а целостность, современность прошлого, будущего – и настоящего. По Чаадаеву, Апокалипсис начинает сбываться не в будущем, а уже при сотворении мира, прилагаясь к каждому моменту бесконечной длительности, и мысль Апокалипсиса позволяет увидеть все во все дни вокруг себя («autour de soi»)[16]. Не отсюда ли апокалиптический стих Мандельштама: «...и столетья / Окружают меня огнем»[17]. С другой стороны, что такое единый синхронистический акт истории, как не порыв, по Бергсону и Мандельштаму? А культура тогда – совместное держание времени как соборность сотоварищей, соискателей, сооткрывателей. В таком случае антимодернизм – простая последовательность в синхронии времен и культур, альтернатива как модернизму, так и постмодернизму. Примечательно, что антимодернистом назвал себя в 2002 году польский поэт, лауреат Нобелевской премии Чеслав Милош[18].

Синхронией или одновременностью истории и, шире, бытия вызвано ироническое отношение Мандельштама к развитию и эволюции. Творческий порыв предвосхищает, обгоняет и опровергает природу. Мандельштам позволял

[1] СС 4. Т. 3. С. 70.

[2] Там же. С. 216.

[3] СС 4. Т. 1. С. 102.

[4] Микушевич В. Б. Эстетика Осипа Мандельштама в «Разговоре о Данте» // Смерть и бессмертие поэта. С. 144.

[5] СС 4. Т. 3. С. 227.

[6] Там же. С. 234.

[7] Там же. С. 235.

[8] Там же. С. 94.

[9] Там же. С. 251.

[10] Там же. С. 253.

[11] Там же. С. 201.

[12] Там же. С. 74.

[13] 1. С. 200.

[14] Там же. С. 131.

[15] СС 4. Т. 3. С. 238.

[16] Чаадаев П. Я. Указ. соч. Т. 1. С. 212.

[17] СС 4. Т. 3. С. 126.

[18] Новая Польша. 2002. № 4. С. 17.

себе писать: «А по-моему, стыд за природу ожег смуглые щеки Ламарка. Он не прощал природе пустячка, который называется изменчивостью видов (пустячок пирамид? – *В. М.*).

Вперед! Aux armes! Смоем с себя бесчестие эволюции»[1]. В 1930-е годы такой призыв в сочетании с призывом «к оружию» из лексикона Великой французской революции вполне мог сойти за контрреволюционный.

Но истинным содержанием истории Мандельштам считает безостановочную формообразующую тягу, открытую им в «Божественной комедии»[2]. Эту формообразующую тягу, или энтелехию, опальный поэт упорно, иногда судорожно ищет в советской действительности, чему в основном посвящены Воронежские тетради. В поэзии Мандельштама прочитывается формула Г. Лейбница, столь близкого русской религиозной философии Н. А. Бердяева и Н. О. Лосского: «Пассивная сила собственно составляет материю, т. е. массу, активная – энтелехию... т. е. форму»[3]. Поиски энтелехии в воронежской ссылке производят странное впечатление при всех перипетиях знакомого нам ламаркизма:

Мир начинался страшен и велик:
Зеленой ночью папоротник черный,
Пластами боли поднят большевик –
Единый, продолжающий, бесспорный.

Того же плана «ленинско-сталинское слово – воздушно-океанская подкова»[4]. Но есть в Воронежском цикле и свои глубины, как, например, противостояние неназванного Иосифа из «Оды» и Осипа, представленного звукосимволом «Ось»[5]. Иосиф сдвигает мира ось, а Осип, «вооруженный зреньем узких ос, сосущих ось земную, ось земную», ее поддерживает (совместное держание времени). Но подобное противостояние не может не завершиться катастрофически, что и засвидетельствовано «Стихами о неизвестном солдате».

Мы помним настороженное, даже неприязненное отношение Мандельштама к звездам в стихах: «Звезды – это уход от земли и потеря ориентации... Звезды приходят в стихи, когда порыв кончается»[6]. В «Стихах о неизвестном солдате» звезды приходят, никуда не уходят и после истории, когда кончается творивший историю порыв. Звезды изветливы, «все им нужно глядеть – для чего?» Глядеть не для чего, смысл утрачен, его не покажет «океан без окна – вещество», пассивная сила, по Лейбницу, составляющая материю-массу. «Осужденье судьи и свидетеля» – онтологическая, мировая бессмыслица, при которой все величины обесценены молью нулей[7].

В этой бессмыслице ласточка хилая, разучившаяся летать, учит... летать, то есть совладать с воздушной могилой, что невозможно без руля и крыла, как пел Лермонтов, ибо рулем и ветрилами предоставлен порыв, без которого лишь «воздушная яма влечет». За четверть века до «Стихов о неизвестном солдате» Мандельштам написал: «Нет, не луна, а светлый циферблат»[8]. При этом циферблате звезды – аналог часовой стрелки, отмечающей время: «И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной, для отделения дня от ночи и для знамений, и времен, и дней, и годов...»[9] Если движение стрелки при своей бессодержательности представляло опасность для самого существования истории[10], бессмысленное движение звезд «сквозь эфир десятично-означенный» и есть прогресс, уничтожающий историю вестью о светлом будущем:

Весть летит светопыльной обновою:
Я не Лейпциг, я не Ватерлоо,
Я не Битва Народов, я новое,
От меня будет свету светло.

Это новое и есть «прообраз отсутствия события», которым нельзя считать длящееся уничтожение. «Для того ль должен череп развиться» («скучное бородатое развитие»), если я «свою голову ем под огнем?» Таково присловье мистера Гримуга из «Приключений Оливера Твиста», а мистер Гримуг – сниженный Йорик, чей череп – «чепчик счастья, Шекспира отец». Домби-сын и Оливер Твист – маленькие Гамлеты. От человечества осталась «костылей деревянных скамейка – эй, товарищество, шар земной». И «год рожденья с гурьбой и гуртом» заменяет неизвестному солдату имя, как лагерный номер. Но поэзия Мандельштама не завершается этой абсурдистской нотой. «Небо крупных оптовых смертей» целокупное, но целокупно и небо с бессмертными цветами, пока «есть женщины, сырой земле родные», чье призванье – «сопровождать воскресших»[11], как пишет Н. Я. Мандельштам. «И мне приходит в голову, что его незыблемая вера в воскресение, в будущую жизнь, основана на опыте, на действительно пережитой смерти и воскресении»[12].

Надежда Яковлевна вспоминала, как поэт «начал отходить от римско-католической концепции и склоняться к православию»[13]. О православии Мандельштам говорит в статье «Скрябин и христианство»: «Православная мистика энергично отвергает бесконечность во времени, принимая этот поперечный разрез, доступный только праведным, утверждая вечность, как сердцевину времени...»[14] Бесконечность во времени, лишенная своей сердцевины вечности, и есть «свет размолотых в луч скоростей»[15], ад постисториче-

[1] СС 4. Т. 3. С. 200.

[2] Там же. С. 227.

[3] Лейбниц Г. Соч.: В 4 т. М., 1984. Т. 3. С. 221.

[4] СС 4. Т. 3. С. 91.

[5] Микушевич В. Звукосимвол Мандельштама // СМР. Вып. 1. М., 1991. С. 69–74.

[6] Мандельштам Н. Я. Т. 1. С. 287.

[7] СС 4. Т. 3. С. 123–24.

[8] СС 4. Т. 1. С. 74.

[9] Быт., 1, 14.

[10] СС 4. Т. 1. С. 276.

[11] СС 4. Т. 3. С. 138.

[12] Мандельштам Н. Я. Т. 2. С. 333.

[13] Там же. С. 397.

[14] Мандельштам О. Собр. соч. Т. 1. С. 205.

[15] Там же. Т. 3. С. 124.

ского небытия. В ноябре 1917 года Мандельштам написал стихотворение:

Кто знает, может быть, не хватит мне свечи,
И среди бела дня останусь я в ночи,
И, зернами дыша рассыпанного мака,
На голову мою надену митру мрака, –

Как поздний патриарх в разрушенной Москве,
Неосвященный мир неся на голове,
Чреватый слепотой и муками раздора,
Как Тихон – ставленник последнего собора[1].

Мандельштаму в 1917 году было 26 лет. 6 лет назад он принял христианство, причем не православие. На чем было основано самоуподобление молодого поэта патриарху Русской православной церкви? Оно оказалось пророческим и в отношении Тихона, и в отношении Мандельштама. Тихон навлек на себя мученичество, отстаивая независимость Церкви от безбожного государства. «Культура стала церковью, – писал Мандельштам в 1921 году. – Отделение культуры от государства – наиболее значительное событие нашей революции»[2].

Эти слова изолировали Мандельштама среди современников и обрекли на мученичество в конце жизненного пути. Ибо современники Мандельштама после тягот военного коммунизма никак не хотели отделения от государства, а, напротив, искали сближения с ним, видя в таком сближении не только источник личного благополучия, но и творческий стимул. Именно тогда начала слагаться эстетика государственничества, весьма активная до сих пор. «Хор адептов новой религии и государственности, пользовавшийся в своих массах терминологией революции, знать не желал нового разночинца с его сомнениями и метаниями», – писала Н. Я. Мандельштам[3]. Выпадение Мандельштама из советской литературы Н. Я. Мандельштам датирует 1923 годом: «Имя его исчезло из списков сотрудников всех журналов, всюду стали писать, что он бросил поэзию и занялся переводами, за границей это доверчиво повторяли глубокомысленные газеты вроде “Накануне”, словом, началась официальная изоляция...»[4]

Между тем отделение культуры от государства вовсе не означало для Мандельштама самодовольной замкнутости в таком отделении. Если культура стала церковью, она вписалась в традиционный русский контекст, определяющий отношения государства и церкви. В романе Достоевского «Братья Карамазовы» обсуждается вопрос, церковь ли становится, в конце концов, государством или государство церковью: «...не церковь обращается в государство, поймите это. То Рим и его мечта... А напротив, государство обращается в церковь, восходит до церкви и становится церковью по всей земле»[5]. Разумеется, Мандельштам с его чуткостью к вопросам веры и религиозного опыта никогда не отождествлял буквально культуру и церковь, предлагая лишь поэтическую аналогию, но и эта аналогия оказалась пророческой. Культура, действительно, стала государством со ждановщиной и с министерством культуры, но перспектива государства, обращающегося в культуру, тем насущнее, чем она невероятнее.

8

В 1914, в год, когда началась Первая мировая война, Мандельштам написал:

Есть ценностей незыблемая скáла
Над скучными ошибками веков...[6]

Из этих скучных ошибок слагается прогресс: «миллионы убитых задешево». «Ценностей незыблемая скáла» – это и есть культура, висячая лестница пророков и царей, которой держится история.

В 1922 поэт пишет статью «Гуманизм и современность». Самое название статьи означает скрытую, но непримиримую полемику с Блоком[7]. По Блоку, гуманизм – исторически преходящее явление; гуманизм терпит крушение, так как утратил свой стиль[8]. Для Мандельштама гуманизм – основа социальной жизни, «социальная готика», как говорит он, верный поэтической традиции «Камня»[9]. «Крушение гуманизма» Блока оспаривается самим названием «Гуманизм и современность»: то, что присутствует в современности, не может не иметь и не определять будущего. Статья Мандельштама предвосхищена статьей С. Л. Франка в сборнике «Вехи»: «От непроизвольного противокультурного морализма мы должны перейти к творческому, созидающему культуру религиозному гуманизму»[10]. А в 1909 году, когда вышли «Вехи», Блок записал, вдохновляясь героическим пессимизмом Ницше: «Культуру нужно любить так, чтобы ее гибель не была страшна»[11]. В «Крушении гуманизма» встречаются высказывания, в принципе неприемлемые для Мандельштама: «Во всем мире звучит колокол антигуманизма; мир омывается, сбрасывая старые одежды; человек становится ближе к стихии; и потому – человек становится музыкальнее»[12]. Но при всей своей полемичности мысль Мандельштама близко соприкасается с мыслью Блока, иногда предвосхищает ее. Так, идея ритма появилась у Мандельштама за год до «Крушения гуманизма» в статье, которая так и называется «Государство и ритм». Но если Блок объявлял изначальным признаком гуманизма индивидуализм и противопоставлял ему «более свежие варварские массы»[13], то Мандельштам подверг

[1] СС 4. Т. 1. С. 131.

[2] Там же. С. 212–213.

[3] Мандельштам Н. Я. Т. 1. С. 255.

[4] Мандельштам Н. Я. Т. 2. С. 145.

[5] Достоевский Ф. М. Собр. соч. Т. 9. С. 86.

[6] СС 4. Т. 1. С. 101.

[7] См.: Мандельштам О. Стихотворения. Проза / коммент. М. Л. Гаспарова. М., 2001; Мандельштам 2001 (Б-ка поэта). С. 704.

[8] Блок А. Соч. Т. 2. С. 312.

[9] СС 4. Т. 2. С. 287.

[10] Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 199.

[11] Блок А. Соч. Т. 2. С. 410.

[12] Там же. С. 326.

[13] Там же. С. 310, 312.

критике самое понятие массы, причем его аргументы затрагивают и работу Х. Ортеги-и-Гасета «Восстание масс» появившуюся 8 лет спустя: «Солидарна масса. Ритмичен только коллектив. И разве не устарело это понятие массы, это чисто количественное измерение социальной энергии, разве оно не из потерянного рая сборщиков голосов?»[1] А в статье «Пшеница человеческая» само обозначение «масса» Мандельштам объявит косноязычным[2]. При этом индивидуалистической остается, скорее, позиция Блока, превозносящего «более свежие массы», в пику интеллигенции, хотя сам он к ней кровно принадлежал, отнюдь не смыкаясь при этом с массами. Напротив, для Мандельштама «всякое обособление было запретным»[3], и перед гибелью он воспел свой «год рожденья с гурьбой и гуртом»[4]. Блок готов принять разрушение ради духа музыки: «Музыка эта – дикий хор, нестройный вопль для цивилизованного слуха»[5]. Голос из этого хора не сулит ничего отрадного: «О если б знали, дети, вы, холод и мрак грядущих дней»[6]. Разрушительному духу музыки, дикому хору Мандельштам противопоставляет социальную архитектуру своего гуманизма, «воздушно-камерный театр времен растущих», куда включается «вполголосная органная игра»[7].

Блоковским «Крушением гуманизма» вполне подтверждается мнение, согласно которому символизм был предельным западничеством[8]. В духе своих западных современников Блок принимает противопоставление культуры и цивилизации. Между тем такое противопоставление совершенно чуждо Мандельштаму. Единство культуры и цивилизации, по Мандельштаму, входит в «незыблемую ска́лу» ценностей. Отдельные положения, выдвинутые Мандельштамом в начале 1920-х годов, позволяют считать его не только провозвестником, но настоящим идеологом европейского единства. В тогдашних статьях Мандельштама были страницы, которые кажутся написанными сегодня: «Всякая национальная идея в современной Европе обречена на ничтожество, пока Европа не обретет себя как целое, не ощутит себя как нравственную личность»[9].

В 1917 Андрей Белый писал:

> И ты, огневая стихия.
> Безумствуй, сжигая меня,
> Россия, Россия, Россия –
> Мессия грядущего дня![10]

Возможно, эти строки (и не только они) вызвали в 1922 году резкую отповедь Мандельштама: «Всякий мессианизм заранее недобросовестен, лжив и рассчитан на невозможный резонанс в сознании тех, к кому он обращается с подобным предложением. Ни один мессианствующий и витийствующий народ никогда не был услышан другим. Все говорили в пустоту, и бредовые речи лились одновременно из разных уст, не замечая друг друга»[11].

Из незыблемого мандельштамовского гуманизма вытекало категорическое неприятие смертной казни, погубившее его самого в эпоху террора. Трудно себе представить русского поэта, допускающего или, тем более воспевающего смертную казнь. «Отрицание смертной казни входит в русскую идею», – писал Бердяев[12]. У Мандельштама отвержение смертной казни – глубинная и потому откровенная суть его личности. В 1920-е годы, все еще пытаясь принять советскую власть, Мандельштам стоял на своем: «Все, кроме смертной казни». В 1928 году он послал Н. И. Бухарину книгу своих стихотворений с надписью: «В этой книге все протестует против того, что Вы хотите сделать», после чего был отменен смертный приговор шести членам правления «Общества взаимного кредита»[13]. А самому Мандельштаму, по всей вероятности, принесла смерть строка о «кремлевском горце»: «Что ни казнь у него – то малина»[14].

Размежевание с советской действительностью в «Четвертой прозе» происходит не столько по линии писательства, сколько по линии политических убийств. Мандельштам включает в «незыблемую ска́лу» ценностей символ веры, «поэтический канон настоящего писателя – смертельного врага литературы» «прекрасный русский стих»:

> ...Не расстреливал несчастных по темницам.

Но тот, кто написал этот стих, сам удавился, и веревку удавленника Сережи Есенина сторожит «филолог с головенкой китайца», «из той породы, что на цыпочках ходят по кровавой советской земле»[15]. «Четвертая проза» пронизана темой китайщины: «Ночью на Ильинке, когда Гумы и тресты спят и разговаривают на родном китайском языке, ночью по Ильинке ходят анекдоты. Ленин и Троцкий ходят в обнимку, как ни в чем не бывало»[16]. И о самом себе Мандельштам говорит: «Я китаец – никто меня не понимает»[17]. Кровавя китайщина в «Четвертой прозе» имеет с настоящим Китаем столько же общего, сколько буддийская Москва с настоящим буддизмом. О подлинной китайской культуре Мандельштам пишет как о драгоценности: «В персидской поэзии дуют посольские подарочные ветры из Китая»[18]. Позволительно предположить, что китайщиной в «Четвертой прозе» дает себя знать «Грядущий Хам» Д. С. Мережковского.

---

[1] СС 4. Т. 1. С. 209.

[2] СС 4. Т. 2. С. 250.

[3] Мандельштам Н. Я. Т. 1. С. 250.

[4] СС 4. Т. 3. С. 126.

[5] Блок А. Соч. Т. 2. С. 324.

[6] Там же. Т. 1. С. 354.

[7] СС 4. Т. 3. С. 116, 123.

[8] Мандельштам Н. Я. Т. 2. С. 313.

[9] СС 4. Т. 2. С. 250.

[10] Белый А. Стихотворения и поэмы. М.; Л., 1966. С. 382.

[11] СС 4. Т. 2. С. 248.

[12] Бердяев Н. А. О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 87.

[13] СС 4. Т. 4. С. 450.

[14] СС 4. Т. 3. С. 74.

[15] Там же. С. 173.

[16] Там же. С. 179.

[17] Там же. С. 172.

[18] Там же. С. 204.

С «Грядущим Хамом» Мандельштам полемизировал в той же статье «Гуманизм и современность». Мережковский писал: «...но когда современному христианству, переезжая за границу Европы, приходится обменивать свои кредитные билеты на чистое золото, то за них никто ничего не дает»[1]. В 1922 году Мандельштам оптимистически настаивал на противоположном: «Переход на золотую валюту – дело будущего, и в области культуры предстоит замена временных идей – бумажных выпусков – золотым чеканом европейского гуманистического наследства...»[2] В 1930 году Мандельштам негласно и, быть может, невольно отдал должное правоте Мережковского, писавшего: «Срединное царство – царство вечной середины, вечной посредственности, абсолютного мещанства – "царство не Божие, а человеческое", как определяет опять-таки Герцен общественный идеал позитивизма. Китайскому поклонению предкам, золотому веку в прошлом соответствует европейское поклонение потомкам, золотой век в будущем»[3]. С вечной посредственностью абсолютного мещанства и сталкивается герой «Четвертой прозы». Мережковский подытоживает: «Миоправитель тьмы века сего и есть грядущий на царство мещанин, Грядущий Хам»[4]. В «Четвертой прозе» московского китайца дополняет названный прямо по Мережковскому петербургский хам: «Я – скорняк драгоценных мехов, я – едва не задохнувшийся от литературной пушнины, несу моральную ответственность за то, что внушил петербургскому хаму желание процитировать как пасквильный анекдот жаркую гоголевскую шубу, сорванную ночью на площади с плеч старейшего комсомольца – Акакия Акакиевича»[5]. Культуропоклонство, отравившее кровь подлинным строителям очередных исторических формаций[6], – не что иное, как хамство, сторожащее веревку поэта-удавленника и цитирующее Гоголя, чтобы не замечать, как вокруг убивают.

Между советскими культуропоклонниками и Мандельштамом было не просто непонимание – была несовместимость. Культуре поклонялись и поклоняются потому, что она оправдана, освящена высшей инстанцией, историей, точнее исторической конъюнктурой. Таким образом, для культуропоклонников не было ничего незыблемого. Для Мандельштама же, напротив, история требовала творческого оправдания, и таким оправданием должна была быть культура, «ценностей незыблемая ска́ла».

В одном из своих последних выступлений С. С. Аверинцев говорил, что тоска Мандельштама по мировой культуре была именно тоской, а не обладанием или владением. Слово «владение» вообще не очень вяжется с личностью Осипа Мандельштама, никогда в своей жизни ничем не владевшего. Да и можно ли владеть порывом, когда тобой владеет порыв? Ясная тоска не отпускала Мандельштама «от молодых еще воронежских холмов к всечеловеческим, яснеющим в Тоскане», потому что тоска по мировой культуре и есть мировая культура.

В. Б. Микушевич

[1] Мережковский Д. С. В тихом омуте. М., 1991. С. 353.

[2] СС 4. Т. 2. С. 288.

[3] Мережковский Д. С. Указ. соч. С. 353.

[4] Там же. С. 376.

[5] СС 4. Т. 3. С. 177.

[6] Там же. С. 399.

А

«АБРАКСАС», лит. альманах, выходил в 1922–23 в Петрограде (вып. 1–3). В редколлегию входили М. А. *Кузмин*, А. Д. *Радлова* и О. Д. Тизенгаузен. «А.» должен был стать печатным органом эмоционалистов – лит. группы, основоположником к-рой выступил Кузмин. В «А.» публиковались произведения самых известных авторов того времени – А. А. *Ахматовой*, Б. Л. *Пастернака*, В. *Хлебникова*, а также К. К. *Вагинова*, С. Э. *Радлова*, Ю. *Юркуна* и др. Название альманаха восходит к учению раннехристианской гностич. секты Василида (2 в.) и отражает интерес авторов круга Кузмина к гностицизму [см. его стих. «Базилид» (1917), включенное в цикл гностич. стихов «София» (1917–18)]. Согласно учению гностиков, Абраксас – космологич. существо, верховный глава небес и эонов, совмещающий в себе их полноту, имя к-рого несет значение некоего исчерпания бытия. Выход альманаха был встречен критикой неоднозначно и преим. негативно; по свидетельству Кузмина, «“Абраксас” запретили за литературные непонятность и крайности». О. М. опубликовал в «А.» [Вып. 2 (ноябрь). 1922. С. 17] стихотворения «Как растет хлебов опара...» и «Ветер нам утешенье принес...» (оба 1921), к-рые мог передать в редакцию во время пребывания в Петрограде в кон. марта 1922 по пути из Киева в Москву.

С. Г. Шиндин.

АВВАКУМ Петров (20.11.1620, с. Григорово Закудемского стана Нижегородского у. – 14.4.1682, г. Пустозерск), протопоп, проповедник – учитель раннего старообрядчества, книжник. О. М. еще в отрочестве прочитал «Житие» А. П. (1672–75/76), написанное самим протопопом, о чем свидетельствуют упоминания в автобиографич. кн. О. М. «Шум времени» (1923). По словам Н. М., относящимся к 1930-м гг., «[с]тарорусскую литературу О. М. всегда хватал с жадностью и знал <...> Аввакума...». Поэт любил цитировать Н. М. вместо утешения слова из «Жития» А. П.: «“Сколько нам еще идти, протопоп?” – спросила изнемогающая жена. “До самой могилы, попадья», – ответил муж, и она встала и пошла дальше». А. П. для О. М. был одним из наиб. ярких воплощений рус. души с ее жаждой саморазрушения, жертвенности и с ее непреклонностью. В сюжете стих. О. М. «На розвальнях, уложенных соломой...» (1916) поездка героя в санях, ассоциирующаяся с пленением и перевозкой на место казни, и убиение/сожжение героя (одноврем. поэтич. двойника самого О. М., царевича и самозванца), по-видимому, проецируется на текст «Жития» А. П. (описание А. П. своего первого ареста, насильств. перевоза в телеге после осуждения на церк. соборе 1666–67 и т. д.). Строка О. М. «По улицам меня везут без шапки» соответствует не только развенчанию царя, лишению его монарших регалий (шапки Мономаха), но и поруганию и расстрижению старообрядца (ср. рассказ А. П. о расстрижении муромского протопопа Логина, у к-рого никониане отняли шапку. Соответствия «Житию» и судьбе его автора обнаруживаются и в др. строках стих. О. М. Евхаристич. символика хлеба – жертвы во имя веры, присутствующая в этом стихотворении (а также во мн. др. поэтич. текстах О. М.), встречается и в аввакумовской автоагиобиографии. Последняя строка стих. «На розвальнях, уложенных соломой...» – «И рыжую солому подожгли» – указывает не только на сожжение тела убитого «Димитрия» – Отрепьева, но и на сожжение старообрядцев (прежде всего А. П.). Аввакумовский подтекст присущ в стихотворении О. М. и образу трех свеч, теплящихся в часовне.

Лит.: Р а н ч и н А. М. Византия и «Третий Рим» в поэзии О. Мандельштама (К интерпретации стихотворений «Айя-София» и «На розвальнях, уложенных соломой...») // Смерть и бессмертие поэта: Материалы междунар. науч. конференции, посвященной 60-летию со дня гибели О. Э. Мандельштама (Москва, 28–29 декабря 1998 г.) / сост. М. З. Воробьева, И. Б. Делекторская и др. М., 2001. С. 208–210 (Записки Мандельштамовского об-ва. Т. 11).

А. М. Ранчин

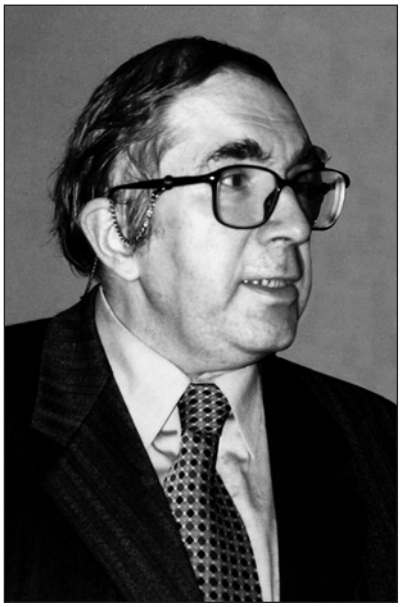
АВЕРБАХ Леопольд Леонидович (1903, Саратов – 14.8.1937), лит. критик. В 1922–24 редактировал журнал «Молодая гвардия», с 1924 вел партийную работу на Урале, где редактировал газету «Уральский рабочий». В 1926–32 ред. журнала «На литературном посту» (в 1923–25 *«На посту»*), ген. секр. *Российской ассоциации пролетарских писателей* (РАПП; с 1924). В 1926 выступил в журнале «Большевик» с заявлением об обострении классовой борьбы в культуре. 4.4.1937 арестован как свояк Г. Ягоды. Расстрелян. Реабилитирован посмертно.

Н. М. рассказывает историю знакомства О. М. с А.: О. М. обратился к А. с просьбой взять в рассыльные знакомого мальчишку-папиросника; за это А. попросил О. М. перевести «стишок какого-то революционного венгра». В редактировавшемся А. журнале «На литературном посту» (1929. № 13) была напечатана ст. О. М. «О переводах». А. – один из пятнадцати литераторов, подписавших в мае 1929 письмо в *«Литературную газету»* против фельетона Д. И. *Заславского* «О скромном плагиате и развязной халтуре». В письме в ЦК ВКП(б) (кон. 1929 – нач. 1930) О. М., в частности, писал: «Прошу допросить Л. Авербаха о моих с ним переговорах в апреле 1929 г.». Н. М. рассказывает о своей случайной встрече с А. в трамвае в 1930: отрицательно отозвавшись об «армянских» стихах О. М., А. объяснил Н. М. сущность «классового подхода» в оценке лит. произведения. «Я рассказала об этой встрече Мандельштаму <...> О. М. восхитился лапидарным величием Авербаха, который действительно верил в свою истину и упивался своеобразным изяществом своих логических построений».

Кроме того, Н. М. приводит иронич. слова О. М.: «Покончить с собой? Невозможно! Что скажет Авербах? Ведь это был бы положительный литературный факт!».

Е. А. Яблоков.

АВЕРИНЦЕВ Сергей Сергеевич (10.12.1937, Москва – 21.2.2004, Вена, похоронен в Москве), филолог, культуролог, библеист, академик РАН (2003). В 1961 окончил МГУ. Работал в Ин-те теории и истории искусств (1966–1969; ныне Гос. ин-т искусствознания), ИМЛИ (1969–92) в 1990-х гг. – в Ин-те высших гуманитарных исследований



Сергей Сергеевич Аверинцев

РГГУ, Ин-те мировой культуры МГУ, с 1994 проф. Венского ун-та. Первый пред. междунар. Мандельштамовского общества в 1991–2003, гл. ред. Мандельшт. энциклопедии. Гос. пр. СССР (1990), Гос. пр. РФ (1996). Тематически спектр науч. и обществ. интересов А. простирался от позднеантичной, раннехрист., визант., нем. и рус. культур и литератур, от сравнит.-ист. поэтики до истории богословской и филос. мысли и текущего лит. процесса. Характерными для науч. стиля А. были отталкивание «от текста» в сочетании с острой лит.-критич. аналитичностью и поистине ренессансной эрудицией, а также подчеркнутое внимание к проблемам взаимодействия разл. культур и религий. Превосходный знаток и ценитель творчества О. М., А. был в дружеских отношениях с Н. М. и неоднократно посещал ее. Однако к систематич. занятиям творчеством О. М. он приступил только в кон. 1980-х гг., когда по инициативе редактора изд-ва «Художественная литература» Т. Н. Бедняковой началась интенсивная работа над составлением 2-томного собр. соч. О. М. Для этого издания (М а н д е л ь ш т а м О. Соч.: В 2 т. Т. 1: Стихотворения. Переводы / сост. П. М. Нерлера; подгот. текста и коммент. А. Д. Михайлова и П. М. Нерлера; вступ. ст. С. С. Аверинцева. М., 1990; Т. 2: Проза. Переводы / сост. С. С. Аверинцев и П. М. Нерлер; подгот. текста и коммент. А. Д. Михайлова, П. М. Нерлера. М., 1990) А. написал вступ. ст. «Судьба и весть Осипа Мандельштама». Не отклоняясь от биографич. канвы, А. поставил в ней ряд принципиальных для изучения творчества поэта вопросов, в частности о его межконфессиональном позиционировании и «двойном равновесии» творчества О. М., основывающегося на непреходящем, почти инстинктивном осознании им внутр. поэтич. правоты. После этого А. неоднократно обращался к творчеству и личности поэта в публикациях и докладах, а также в лекциях и спецкурсах в Венском ун-те. Он оставил образцы как семантич. анализа отд. произведений поэта (в частности, стих. «Золотистого меда струя из бутылки текла...»), так и разработки сквозных тематич. (в частности, страха) или метрич. (в частности, хорея) комплексов. В статье с говорящим названием «Так почему же все-таки Мандельштам?» А. пытается одноврем. деканонизировать О. М. и заново канонизировать его, видя в нем как бы органический «позвоночник культуры – ту вертикаль неравноправных ценностей, которою культура держится в состоянии прямохождения». Впрочем, слова «Мандельштама так заманчиво понимать – и так трудно толковать», завершающие статью «Судьба и весть...», можно смело поставить эпиграфом ко всему циклу статей А. об О. М. в сб.: Аверинцев и Мандельштам. Статьи и материалы / сост. П. Нерлер, Д. Мамедова. М.: РГГУ, 2011. (Записки МО. Т. 17).

П. М. Нерлер.

АГРАНОВ Яков Саулович (наст. фам., имя, отчество Сорендзон Янкель Шмаевич) [12.10.1893, Чечерск Рогачевского у. Могилевской губ. – 1.8.1938, полигон «Коммунарка» Моск. обл. (ныне в Новомоск. адм. округе Москвы)], сотрудник спецслужб, комиссар госбезопасности 1-го ранга (1935). Окончил 4-классное гор. уч-ще в Чечерске (1911). В 1912–15 член Партии социалистов-революционеров, с 1915 большевик. В 1918–19 секр. СНК РСФСР. С 1920 в органах ВЧК – НКВД, в 1923–29 зам. нач., в 1929–31 нач. Секретного отдела ОГПУ СССР, в 1931 – Секретно-полит. отдела ОГПУ. В 1931–33 чл. Коллегии ОГПУ. 16.5.1934 как зам. пред. ОГПУ (1933–34) подписал ордер № 512 на производство ареста-обыска О. М. (выдан сотруднику оперативного отдела Герасимову). В 1934–37 1-й зам. наркома НКВД СССР. С 29.12.1936 нач. Гл. управления госбезопасности НКВД СССР. С нач. 1920-х гг. вращался в моск. лит. кругах, «разрабатывал» мн. литераторов. Участник подготовки моск. процесса эсеров (1922), фабрикации «дел» Петрогр. боевой организации (т. н. заговор В. Н. Таганцева, 1921), патриарха Тихона (1921), «Академического» (1929–1931), Трудовой крест. партии (1931–32), Ленингр. центра (1934–35); готовил процесс Г. Е. Зиновьева – Л. Б. Каменева (1936). 15.4.1937 понижен в должности до нач. 4-го отдела Гл. управления гос. безопасности, с 17.5.1937 нач. Управления НКВД Саратовской обл. (на посту зам. наркома его сменил М. П. Фриновский). 20.7.1937 арестован, расстрелян по приговору Воен. коллегии Верх. суда СССР. В реабилитации отказано.

Лит.: Лубянка: ВЧК – ОГПУ – НКВД – МГБ – МВД – КГБ. 1917–1960. Справочник / сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М., 1997. С. 158.

П. М. Нерлер.

АДАЛИС Аделина (наст. фам., имя, отчество Ефрон Аделина Ефимовна) (13.7.1900, С.-Петербург – 13.8.1969, Москва), поэт, прозаик и переводчица. С 1920 жила в Москве. Входила в круг моск. знакомых О. М. вместе с Э. Г. *Багрицким*, В. П. *Катаевым* и др. участниками одесского лит. кружка «Зеленая лампа». О. М. отозвался на поэзию А. в ст. «Литературная Москва» (1922), где, квалифицируя А. и М. И. *Цветаеву* как «пророчиц» в поэзии, ставит поэзию А. выше цветаевской, поскольку последняя не выходит за рамки «женской», а творчество А. «подчас достигает мужской силы и правды». Противопоставление «мужского» и «женского» начал, «мужей» и «жен» для О. М. – знаковое и оценочное.

В этом контексте положит. рец. О. М. на сб. стихов А. «Власть» (1934; написана для журнала *«Подъём»* в воронежской ссылке, 1935) является отчасти реакцией О. М. на добровольный отказ А. от жен. лирич. героини: подавляющее большинство стихов в сборнике написаны от лица мужчины. Гл. идея поэзии А. в интерпретации О. М. – необходимость соприсутствия поэта в потоке текущей жизни, порождающего убыстренный темп поэтич. речи. Тема поэта является в этом случае «всеобщей», а читатель погружается в атмосферу описываемого так, как если бы переживал события непосредственно: «Мы должны быть благодарны Адалис за то, что у нее нет собственнического отношения к теме». Переживание события, а не сопереживание индивидуальному лирич. состоянию поэта является реакцией читателя на поэзию А.: «Цель поэта – не только создать и поставить перед читателем образ, но также соединить впечатления, кровно принадлежащие читателю, но о связи которых он <...> еще не догадывается...»

В 1930-е гг., в частности в воронежской ссылке, О. М. обращается к мыслям об истории не как о повторяющихся кругах «вечного возвращения», но как к линейному движению, ранее им не воспринимаемому: «Теперь он представил себе прошлое, настоящее и будущее, взглянул на настоящее как на прошлое... и это стало оправданием настоящего». Подобная линейная протяженность и причинность во «Власти» А. является одним из образных лейтмотивов.

На нек-рые стихи из кн. А. «Власть» О. М. откликнулся. Так, в «Стихах о неизвестном солдате» задействованы образы из «Элегии» А. Это прежде всего «образы человечества – звездного неба, родства, связанного с пролитой кровью», напр.: «Как центр мирозданья и главная гордость его же, / Я полон сознаньем горячей, искрящейся дрожи... Но, видно, родство измеряется шире и шире / Не каплями слитой, то каплями пролитой крови!» Важнейший мотив «Стихов о неизвестном солдате» содержится в стих. А. «Песня о граде» (ср.: «От воров и от профанов / Охраняет ров / Этот град обетованный / Золотых паров»). «В воронежском заточении О. Мандельштама ров, охраняющий песнопевца от остального мира, выглядел достаточно выразительно». В «Элегии» А. находится и источник пассажа из рец. О. М. на кн. «Власть», ср.: «Так дико я близок с чужими людьми и делами, / Что часто мне кажется – мир есть мое продолженье» – у А. и призыв О. М.: «Подойти как можно ближе к тем людям и делам, ради которых и благодаря которым пишутся стихи». В приведенных словах А. заключен и один из мотивов «Оды» О. М., обращенной к И. В. *Сталину*. Подтексты к стих. О. М. «Не мучнистой бабочкою белой...» имеются в «Оде гордости» А., поднимающей как важную для О. М. тему «мастерства», так и тему «гибели летчиков», и в ее поэме «Кирову», в к-рой идея расширения пространства единичной человеч. личности, важная для О. М., дана в эпитафич. ключе: «Человеком ты кончил быть – / Будь же тысячами людей!». Тела летчиков из «Не мучнистой бабочкою белой...» О. М., также носящего характер надгробного плача, превращаются «в улицу, в страну».

В свою очередь, «Элегия» А. генетически восходит к стих. «Дано мне тело – что мне делать с ним...» О. М. Этот же самый текст О. М. отозвался и в др. стих. А. «Полуночный разговор», см.: «Он [туман] был надышан / Населением этих стран» (у О. М.: «На стекла вечности уже легло / Мое дыхание, мое тепло...»).

А. входила в круг читателей или слушателей «Четвертой прозы» вместе с А. А. *Ахматовой*, Н. Н. *Пуниным*, В. Б. *Шкловским*, В. Г. *Шкловской-Корди*, Е. Я. *Хазиным*, Э. Г. *Герштейн*, Г. А. *Шенгели*. Нередко А. посещала О. М. во флигеле «Дома Герцена», приводила в его квартиру начинающих литераторов, в частности В. С. Витковича. А. присутствовала при разговоре с И. Г. *Эренбургом* о политике СССР и социализме. Эренбург высказывал восхищение строительством социализма, остальные, в т. ч. и А., активно возражали ему. После его ухода А. высказалась следующим образом: «Чего вы хотите? Мужчина в 40 лет, вот и все». Общение с А. как представителем следующего, более молодого поэтич. поколения, было важно для О. М. с точки зрения связи лит. и поэтич. поколений.

Эта оценка позволяет уточнить образ А. как сталинистки, созданный Н. М. Стихи А., в к-рых эпоха кон. 1920-х – 1930-х гг. изображается в панегирич. ключе, следует воспринимать в контексте времени, как и тематически сходные произведения самого О. М. [напр., «Ода» («Когда б я уголь взял для высшей похвалы...»); «Если б меня наши враги взяли...»; «Стансы» (1937)]. Страх А. перед существующим социальным порядком побудил ее отказать Мандельштамам в ночлеге, когда они периодически приезжали в Москву из Калинина (ныне Тверь), однако общения с ними она не прерывала.

Во время работы Н. М. в газете «За коммунистическое просвещение» А. получала через нее заказы на ряд статей и заметок.

Соч.: Бессонница: Избр. стихи. СПб., 2002; Власть: Стихи. М., 1934.

Лит: Витковичъ В. С. Сто историй в дороге. М., 1967; Гаспаров М. Л. Воронежская поэзия О. Мандельштама // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. Воронеж, 1994. Вып. 2; Кацис Л. Ф. «Может быть, это точка безумия...»: Об одной воронежской рецензии О. Мандельштама и об одном стихотворении // «Отдай меня, Воронеж...». Сб. ст. Третьи междунар. Мандельштамовские чтения. Воронеж. 1995. С. 133–49; Герштейн Э. Г. Мемуары. СПб., 1998.

В. В. Калмыкова.

АДАМОВИЧ Георгий Викторович (псевд.: Сизиф, Ю. Сущев) (7.4.1892, Москва – 21.2.1972, Ницца, Франция), поэт, лит. критик, эссеист. В 1910–17 учился на ист.-филол. ф-те *Санкт-Петербургского университета*, где и познакомился с О. М. Участник собраний 1-го *«Цеха поэтов»* (в 1914), ор-

ганизатор и рук. 2-го «Цеха поэтов» (1916–17), активный участник и осн. критик 3-го «Цеха» (в 1921–22). С 1923 в эмиграции. Неоднократно выступал с докладами и лекциями, посв. О. М., писал о нем, всегда исключительно высоко оценивая его поэзию: «...Слышится такая музыка, которую трудно слушать без благоговения <...> если в русской поэзии за последнюю четверть века было что-нибудь действительно-первоклассное, высокое и бесспорное, то это только некоторые строфы Мандельштама»; «...это один из тех редчайших поэтов, в стихах которого есть проблески гениальности». Ср. также в беседе А. с Ю. П. *Иваском* в июне 1960: «Почти все люблю у М<андельшта>ма, особенно его бессвязные бормотания <...> у М[андельшта]ма виолончельно-бархатный звук... Это было у Тютчева». Меньше ценил А. прозу О. М.: «О мандельштамовском “Шуме времени” писали в свое время довольно много и очень восторженно. Охотно присоединяюсь к восторгам, поскольку они относятся к остроте мандельштамовской мысли. Но не могу скрыть уныния и скуки, вызываемых у меня мандельштамовским слогом». В статьях немало мемуарных вкраплений об О. М.: «Само-комментарии могли бы дать много чрезвычайно интересного, – наряду с ворохами вздора, конечно. Когда-то это предложил Мандельштам <...>: “Позвольте, я сам себя разберу”... Ему не дали этого сделать и почти что подняли на смех. Почему? Потому, что “не принято”, и только. <...> “самообъяснения” поэта столь трудного и ума столь причудливо-острого, как Мандельштам, a priori были бы интереснее всего, что до сих пор о нем написано»; «стихи, Мандельштам “пел” их демонстративнее, чем кто-либо другой, полузакрыв глаза, сам собой загипнотизированный». В 1913 «Георгий Иванов был неразлучен с Осипом Мандельштамом, одним из самых смешливых – и при том одним из самых умных – людей, которых мне приходилось встречать. Наперебой они сочиняли экспромты, пародии, стихотворные шутки, и Мандельштаму порой никак не удавалось свое очередное произведение прочесть, настолько сильно давил его смех». На собраниях «Цеха поэтов» «Мандельштам оживлялся, когда очередь чтения доходила до Ахматовой. Как поэты, они были влюблены друг в друга, и однажды Ахматова после собрания цеха сказала о Мандельштаме, что это, конечно, первый русский поэт».

С о ч.: Литературные беседы: О. Мандельштам // Звено. 1925. 1 июня. № 122. С. 2; Несколько слов о Мандельштаме // Воздушные пути. 1961. № 2. С. 87–101; По поводу собрания сочинений О. Мандельштама // Опыты. 1956. № 6. С. 92–94 (Подпись: А.); Мои встречи с А. Ахматовой // Воздушные пути. 1967. № 5. С. 101–105.

Ук.: H a g g l u n d R. G. Adamovich: An Annotated Bibliography – Criticism, Poetry, and Prose, 1915–1980. Ann Arbor, 1985.

О. А. Коростелев

АДМОНИ-КРАСНЫЙ Владимир Григорьевич (Вольдемар-Вольф Гойвишевич) (29.10.1909, С.-Петербург – 26.11.1993, там же), лингвист (общая теория грамматики, теория грамматики и история синтаксиса нем. яз.), литературовед (специалист в области нем. и скандинавской литератур), переводчик, поэт, прозаик. Оставил свидетельство своего отроческого увлечения поэзией нач. 20 в., в частности О. М., к-рого мог впервые видеть на его выступлении ок. 1921 в *Тенишевском училище*, посещая вместе с однокашниками – детьми К. И. *Чуковского* – общежитие *«Дома искусств»*, а также знакомился с его поэзией в сборниках «Дома искусств», «с упоением читая стихи» Н. С. *Гумилева*, А. А. *Ахматовой*, О. М.

Хотя А., по собств. замечанию, «последним, самым страшным испытаниям <...> не подвергся», в 1930 был арестован и подвергнут допросам по подозрению в связи с контррев. группами; при этом делались попытки «завербовать» его. Следствием этих событий стали разрыв с женой и тяжелая болезнь, а также ощущение в последующие более чем 20 лет постоянного страха и контроля со стороны «органов».

Именно в это время, по признанию А., «главным из всего» стали для него стихи: собственные, А. А. *Блока*, «который в 30-е годы заново приблизился», и «наряду с Блоком все более решающим становился для меня теперь Мандельштам». Ретроспективно оценивая свои экзистенциальные и эстетич. впечатления от поэзии О. М., обретенные в 1930-е гг., А. отмечал в ней провидч. дар поэта, воплотившийся в «мандельштамовском обостренном ощущении структуры и фактуры вещей, самых разных, больших и малых». Кроме того, А. «померещилось» в стихах О. М. предчувствие и осознание той великой ценности, к-рую простейшие предметы во всей своей реальности приобрели для людей в повторяющиеся годы голода и лишений.

А. оставил мемуарную зарисовку о двух выступлениях О. М. в Ленинграде 22.2 и 2.3.1933: «...Сильнее всего нас поразил облик Мандельштама. В нем сочетались гордость и обреченность, сила и хрупкость. Он двигался, стоял и говорил, вообще вел себя с такой естественной уверенностью в себе, словно в нем вместилась вся мощь человеческого духа, неиссякаемая и глубинная сила поэзии. И вместе с тем его маленькая фигурка казалась – и была – подчеркнуто непрочной и незащищенной. Когда Мандельштам читал свои стихи, его голова была закинута назад <...> И представлялось, что Мандельштам читает свои стихи откуда-то сверху».

Знаменитый ответ О. М. на записку из зала: «Тот ли Вы Мандельштам, который когда-то был акмеистом?» – [в передаче А.:] «Я все тот же Мандельштам, который был, есть и будет акмеистом», – А. комментирует, противополагая силу духовного сопротивления поэта-акмеиста («неиссякаемая и глубинная сила поэзии») и бессилия перед ней «гибели» и «черноты ленинградских зим <...> начала 30-х», как фразу, к-рой О. М. «утвердил в нас ощущение <...> того, что он сам знает об этой» своей «обреченности – и идет на нее. В его словах была гордость, звучал вызов. И хотя все это было не о реальной жизни, не о социальном, никак не относилось к политике, но <...> сама интонация гордости и вызова означала тогда гибель».

Друж. сближение А. с Н. М. произошло уже после гибели поэта через М. С. *Петровых* и Ахматову. Кроме того, А. связывали дружеские отношения и с др. людьми, в разное время входившими в круг непосредственного общения О. М.: В. М. *Жирмунским*, В. Н. *Яхонтовым*, М. М. *Зощенко*. В воспоминаниях и переписке Н. М. имя А. встречается в

связи с хлопотами по защите кандидатской диссертации (26.6.1956).

Лит.: Сильман Т. [И.], Адмони В. [Г.] Мы вспоминаем. СПб., 1993; Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой: В 3 т. М., 1997.

Е. Л. Куранда.

АЙХЕНВАЛЬД Юлий Исаевич (12.1.1872, Балта Подольской губ. – 17.12.1928, Берлин, Германия), лит. критик, публицист, педагог, переводчик. Публиковался в журнале «Русская мысль», газетах «Речь», «Утро России» и др. Приобрел популярность благодаря трем выпускам сборников статей «Силуэты русских писателей». С 1906 до 1917 два из них выдержали 4, а один – 3 переиздания, еще по разу каждый был опубликован в 1920-е гг. в Берлине. В 1922 А. отправился в эмиграцию на «философском пароходе», поселился в столице Германии; был постоянным критиком «Руля», где подписывался псевдонимом «Каменецкий», публиковался также в рижской газете «Сегодня». А. сформулировал концепцию «имманентной критики». Она отрицала науку, к-рая стремится сформулировать общие законы развития литературы, поскольку каждый творец уникален и до конца не познаваем. Альтернативой была галерея писательских портретов (силуэтов), каждый из к-рых неизбежно неполон и субъективен, но эта субъективность вытекает из самой природы искусства. Статьи А. об О. М. были опубликованы в эмигрантской прессе. В первой из них, рец. на «Шум времени» (1923), А. отметил, что «высокое своеобразие» этой книги заключается не в воспоминаниях, а в самом слове, «таком насыщенном и самозамкнутом и так исполненном великолепия, что страницы его или по крайней мере их отдельные тирады становятся похожи на пышное зодчество». Перед этой самодовлеющей словесностью, «империализмом слога с его умной и величественной красотой» отступает и нек-рая темнота мысли и выражения. Главным же недостатком книги А. считал то, что изысканность слова зачастую тратится на содержание «малое и мелкое». Признавая за каждым человеком право на субъективность, А. тем не менее замечал, что любая биография исторична, а О. М. пытается уложить историю «в притязательные рамки собственных воспоминаний». Сущность же их слагается гл. обр. из «Петербурга и еврейства». К тому же О. М. претендует как раз на то, что пишет не биографию, а «следит за веком, за шумом и прорастанием времени».

Однако уже в ст. «Шум истории» (Сегодня. Рига. 1926. 23 апр. С. 2), А., наоборот, писал о том, что О. М. хочет, чтобы его книга воспринималась как биография. Статья целиком посвящена ист. значению книги. По мнению А., О. М. не справился с «непомерной задачей», к-рую ставил перед собой, – услышать «как трава растет – трава истории». Вместо этого он услышал действительный «шум жизни», да и то тогда, когда его услышали все, а состоял он «из споров о Дрейфусе, о “Крейцеровой сонате”, о дирижерах и буффах дамских рукавов». Впрочем, критик замечал, что О. М. «прав в самом названии своей книги. Ибо время имеет действительно свой шум». А. А. *Блок* и М. Ю. *Лермонтов* в эпохи сильных потрясений писали о том, что их поколения прошли по земле бесшумно. Тому же фактически посвящена книга О. М. Откуда тогда взялись те «шумные и шумливые», устроившие революцию в России – вот вопрос, к-рый поэт, с т. зр. А., ставит перед историком.

А. обращается к фигуре О. М. также в ст. «Проблема писателя» (Руль. Берлин. 1928. 6 июня. С. 2–3). Критик назвал его «умным и тонким поэтом», к-рый придерживается, по. А., совершенно особого взгляда на задачу писателя. Для А. она состоит в том, чтобы найти название всем вещам в мире и тем самым сделать мир осмысленным. О. М. же слово с вещью не отождествляет, оно само уже есть «звучащая и говорящая плоть, запечатленный Факт, наибольшая реальность». Слово не дверь в историю, но сама история и культура.

О. М. был знаком со статьями А. и оставил об их авторе несколько резких замечаний. В заметке «А. Блок (7 августа 21 г. – 7 августа 22 г.)» (1922) он причислил статью А. о Блоке к тем образцам рус. критики, от к-рых исходит «тяжелый ядовитый туман». Очевидно, особо не по душе О. М. был возвышенный, иногда даже выспренний стиль А. С. И. *Липкин* в своих мемуарах об О. М. привел характерный эпизод, относящийся к периоду с 1932 до ареста О. М. в 1934: «В ответ на мое замечание, что в Хлебникове изумительно дерзкое соединение культур высокой и первобытной, например в “Шамане и Венере”, он сказал: – Айхенвальдовщина какая-то. (Т. е. это мои слова айхенвальдовщина)».

Д. В. Зуев.

АЙЧ (АЙЗИКОВИЧ) Натан Вольфович (1901, м. Десна Минской губ. – 1955, зимовка Черная Дудинского р-на Красноярского края), близкий знакомый О. М. по *Воронежу*. Киносценарист, литератор и цирковой артист (амплуа снайперская стрельба в цель). В 1930 в Москве был исключен из ВКП(б) за связь с троцкистами и выслан в Ср. Азию на 3 года. С 1934 находился в Воронеже вместе с женой и ее детьми (проживал по адресу: ул. Декабристов, д. 11). Неоднократно упоминается в письмах С. Б. *Рудакова* Л. М. *Финкельштейн*. В 1937 вместе с О. М., А. И. *Стефеном* и П. И. *Калецким* был постоянной мишенью для «критики» со стороны воронежских писателей (О. К. Кретовой, М. Я. *Булавина*, Н. В. *Романовского* и др.), обличавших их в троцкизме, классовой враждебности и одновременно аполитичности и почему-то маразме. При этом самого А. к этому времени уже не было в Воронеже: 9.12.1935 он был осужден Воронежским линейным судом Московско-Донецкой ж. д. по ст. 17–109 УК РСФСР на 4 года ИТЛ. Срок отбывал в Норильлаге, освободился 1.4.1938, но остался на севере, на зимовке Черная Дудинского р-на Таймырского нац. округа Красноярского края, где заведовал медпунктом и где женился вторым браком на Нине Петровне Сажновой, также быв. заключенной. В 1940 у них родился сын Игорь. 1.8.1941 А. вновь арестован и осужден по статье 58.10 (антисоветская агитация) и приговорен к высшей мере наказания, но 2.5.1942 спецколлегия Верх. суда СССР заменила ему расстрел на 10 лет ИТЛ и 5 лет поражения в правах. Срок отбывал снова в Норильлаге. Освободившись 11.4.1951 по зачетам, А. остался на прежнем месте на спецпоселении.

Архивы: Архив Управления ФСБ по Красноярскому краю. Арх.-след. дело П–22451.

Лит.: Кретова О. За литературу, созвучную эпохе! (К 5-постановления ЦК ВКП(б) о перестройке литературно-художественных организаций) // Коммуна. 1937. № 93. 23 апр. С. 3; Романовский Н., Булавина М. Воронежские писатели за 20 лет. Обзор // Литературный Воронеж. 1937. № 1. С. 232; Книга памяти жертв политических репрессий Красноярского края. Т. 1 (А–Б). Красноярск, 2004.

П. М. Нерлер, А. А. Бабий

АКМЕИЗМ (от греч. ακμή, вершина, высшая точка, цветение), поэтич. школа, выделившаяся в 1912 из первого *«Цеха поэтов»* по инициативе С. М. *Городецкого* и Н. С. *Гумилева*. Кроме этих поэтов, список акмеистов, к-рые первонач. также именовали себя адамистами (от Адам – первый человек), был представлен именами А. А. *Ахматовой*, М. А. *Зенкевича*, О. М. и В. И. *Нарбута*. В двух поэтических манифестах (Гумилева и Городецкого, во втором имя О. М., единственного среди акмеистов, не упоминалось), опубликованных в № 1 журнала «*Аполлон*», А. характеризовался как поэтич. направление, «требующее большего равновесия сил и более точного знания отношений между субъектом и объектом, чем то было в символизме», и возвращающее искусство к воспеванию земных ценностей: «У акмеистов роза опять стала хороша сама по себе, своими лепестками, запахом и цветом, а не своими мыслимыми подобиями с мистической любовью или чем-нибудь еще». Как и Гумилев, Городецкий в своей программной статье употреблял слово «равновесие» и противопоставлял А. символизму: «Стало ясно, что символизм не есть состояние равновесия, а потому возможен только для отдельных частей произведения искусства, а не для созданий в целом». Статья О. М. «Утро акмеизма», писавшаяся, как манифест нового направления, к печати принята не была; опубликовать ее удалось лишь в 1919.

В полемике, развернувшейся вокруг А. в печати в 1913, О. М., не выпустивший еще ни одной книги стихов, первоначально оказался в тени своих сотоварищей по объединению. О нем упоминалось 20 раз, тогда как о Городецком – 188, Гумилеве – 143, Нарбуте – 66, Ахматовой – 55, Зенкевиче – 52 раза. С течением времени ситуация изменилась: в статьях и заметках об А. 1916–17 об О. М. упоминается 48 раз – больше, чем о каждом из остальных акмеистов, кроме Ахматовой.

По свидетельству Гумилева, к-рое запомнилось Л. Я. *Гинзбург*, О. М. «уже после основания “Цеха поэтов”, еще упорствовал в символистической ереси. Потом сдался. Его литературным покаянием» стало стих. «Нет, не луна, а светлый циферблат...» (1912). Судя по этому, а также нек-рым др. стихотворениям О. М. 1912–14 А. в означенный период воспринимался им как словесный аналог архитектуры, соответственно, и себя самого поэт ощущал архитектором, создающим свои произведения по глубоко продуманному плану. По плану Создателя, согласно О. М. – акмеисту, был изначально организован природный мир (отсюда в стихотворениях поэта возникает аналогия «природа – архитектура»: «Природа – тот же Рим и отразилась в нем. / Мы видим образы его гражданской мощи / В прозрачном воздухе, как в цирке голубом, / На форуме полей и в колоннаде рощи», 1914), что привело О. М. к ощущению окружающей действительности как достигнутого «живого равновесия» между «земным» и «небесным», между посюсторонним и потусторонним. Это оптимистическое мироощущение отразилось в ряде стихотворений О. М., посвященных воспеванию (не без иронии) окружающего мира («Казино», 1912; «В спокойных пригородах снег...», 1913; «Американ бар», 1913; «Спорт» и др.). В 1913–14 поэт несколько раз принимал активное участие в публичных выступлениях группы акмеистов. Однако внутр. эволюция поэта, а также внеш. история России (участие в 1-й мировой войне, два переворота 1917) свели «акмеистическое» мироощущение О. М. почти на нет.

Гибель Гумилева в августе 1921 обессмыслила в глазах О. М. разговоры об А., как об актуальном поэтич. течении. Об этом в декабре 1922 он заявил поэтессе С. А. Укше: «Никаких акмеистов-москвичей нету, были и вышли питерские акмеисты». Об этом же О. М. писал в июле 1923 Л. В. *Горнунгу* (обыгрывая название рецензии В. Я. *Брюсова* на книгу критич. статей Гумилева – «Суд акмеиста»): «...Акмеизма нет совсем. Он хотел быть лишь “совестью” поэзии. Он суд над поэзией, а не сама поэзия».

В 1920–30-е гг. О. М. оценивал вклад А. в рус. поэзию по-разному (всего в его текстах слово «А.» и однокоренные производные от него встречается 21 раз: от определения акмеистов как «младших символистов» в заметке «Буря и натиск» (1922–23) до утверждения в ст. «О природе слова» (1920–22), что «вкусы акмеистов оказались убийственны для символизма»: «Идеи оказались отчасти перенятыми у символистов, и сам Вячеслав Иванов много способствовал построению акмеистической теории. Но смотрите, какое случилось чудо: для тех, кто живет внутри русской поэзии, новая кровь потекла по ее жилам. Говорят, вера движет горы, а я скажу, в применении к поэзии: горами движет вкус. Благодаря тому, что в России в начале столетия возник новый вкус, такие громады, как Рабле, Шекспир, Расин, снялись с места и двинулись к нам в гости. Подъемная сила акмеизма в смысле деятельной любви к литературе, ее тяжести, ее грузу, необычайно велика, и рычагом этой деятельной любви и был именно новый вкус, мужественная воля к поэзии и поэтике, в центре которой стоит человек, не сплющенный в лепешку лжесимволическими ужасами, а как хозяин у себя дома, истинный символизм, окруженный символами, то есть утварью, обладающей и словесными представлениями, как своими органами».

Итоговое определение А. О. М. сформулировал в феврале 1935. Его попросили выступить с докладом об акмеизме в редакции воронежской газеты «Коммуна» «с целью выявления отношения Мандельштама к своему прошлому» (формулировка секретаря партгруппы Воронежского ССП С. А. *Стойчева*), где О. М. определил А. как «тоску по мировой культуре» и заявил, что он не отрекается «ни от живых, ни от мертвых». Вместе с тем он «говорил, что» сам он «отошел от акмеизма» (свидетельство воронежского писателя М. Я. *Булавина*).

Лит.: Тименчик Р. Заметки об акмеизме // Russian Literature. 1974. № 7/8; Он же. Текст в тексте у акмеистов // УЗ Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1981. Вып. 567; Топоров В., Цивьян Т. Нервалианский слой у Ахматовой и Мандель-

штама (Об одном подтексте акмеизма) // Ново-Басманная, 19. М., 1990; Нерлер П. Он ничему не научился... (О. Э. Мандельштам в Воронеже: новые материалы) // ЛО. 1991. № 1; Гыдов В. О. Э. Мандельштам и воронежские писатели (по воспоминаниям М. Я. Булавина) // «Сохрани мою речь...». Мандельштамовский сб. № 2. М., 1993; Червинская О. Акмеизм в контексте Серебряного века и традиции. Черновцы, 1997; Шиндин С. Акмеистический фрагмент художественного мира Мандельштама: метатекстуальный аспект // Russian literature. 1997. Vol. XLII. № 2; Богомолов Н. Русская литература первой трети XX века. Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск, 1999; Гаспаров М. Сонеты Мандельштама 1912 г.: от символизма к акмеизму // Europa orientalis. 1999. Vol. XVIII. № 1; Лекманов О. Книга об акмеизме и др. работы. Томск, 2000; Мусатов В. Проблема акмеизма // Мусатов В. Лирика Осипа Мандельштама. Киев, 2000; Левин Ю., Сегал Д., Тименчик Р., Топоров В., Цивьян Т. Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма // Смерть и бессмертие поэта. М., 2001; Гинзбург Л. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб., 2002; Ронен О. Поэтика Осипа Мандельштама. СПб., 2002; Он же. О. Два образа «заумной» поэзии у акмеистов // Philologica. 2003/2005. № 8; Он же. Оправдание Петербурга у акмеистов // Эткиндовские чтения. II–III. Сб. статей по материалам чтений памяти Е. Г. Эткинда. СПб., 2006; Он же. Акмеизм // Ронен О. Чужелюбие. Третья книга из города Энн. СПб., 2010; Тырышкина Е. Акмеистская поэтика стихотворения О. Э. Мандельштама «Мороженно! Солнце. Воздушный бисквит...» // Проблемы литературных жанров. Томск, 2002. Ч. 2; Рубинс М. Пластическая радость красоты. Акмеизм и Парнас. СПб., 2003; Мец А. Осип Мандельштам и его время. СПб., 2005; Петров И. Акмеизм: поиски констант // Русская литература XX века: Закономерности исторического развития. Кн. I. Новые художественные стратегии. Екатеринбург, 2005; Налегач Н. Поэтика времени у акмеистов (на примере анализа стихотворения Н. Гумилева «Современность» и О. Мандельштама «Бессонница. Гомер. Тугие паруса») // ВТГУ. Серия: Материалы междунар., всерос. и региональных науч. конференций, семинаров, школ. Доклады и статьи междунар. науч. чтений «Д. С. Лихачев и русская культура». Томск, 2006. № 22. Декабрь; Заславский П. Вещь в стихотворении после акмеизма О. Э. Мандельштама. Воронеж, 2007; Кихней Л. «Художник» А. Блока и «Ласточка» О. Мандельштама: К трансформации символистской поэтики в акмеизме // Шахматовский вестник. Вып. 9. М., 2008; Он же. Ионическое и апокалипсическое время в поэтике акмеизма // Modernités russes 10. Le temps dans la poétique acméiste, Lyon. 2010; Золян С., Лотман М. Исследования в области семантической поэтики акмеизма. Таллин, 2012; Акмеизм в критике. 1913–1917. СПб., 2014; Жирмунский В. Преодолевшие символизм (1916) // Акмеизм в критике. 1913–1917. СПб., 2014; Ощепкова А. Ихтиологические образы в поэзии акмеистов (на основе стихотворения О. Э. Мандельштама «Реймс – Лаон» // Молодой ученый. 2016. № 4–1; Steiner P. Poem as manifesto: Mandelstam's «Notre Dame» // Russian literature. 1977. № 5; Mierau F. Acmeist and symbolist: O. Mandelstam's Requiem for Bely // Zeitschrift für slavische Philologie. 1987. № 32; Meyer H. Der Akmeismus Mandelstams als eine modernistische Neoklassik // Wiener Slawischer Almanach. 1991. № 28.

О. А. Лекманов.

АКСЕНОВ Иван Александрович (18.11.1884, Путивль Курской губ. – 3.9.1935, Москва), поэт, участник моск. футуристич. группы «Центрифуга», лит. и худож. критик, переводчик. В марте 1916 в письме к С. П. Боброву высказался о необходимости «отбить вкус читателей от» О. М. В июле 1922 в Москве на заседании Союза поэтов прочел доклад о В. В. *Хлебникове* (не опубл.), к-рый О. М. «проаннотировал» в заметке «Литературная Москва» (1922): А. «возложил на могилу ушедшего великого архаического поэта прекрасный венок аналитической критики, осветив принципом относительности Эйнштейна архаику Хлебникова и обнаружив связь его творчества с древнерусским нравственным идеалом шестнадцатого и семнадцатого веков». В 1920–30-х гг. О. М. и Н. М. регулярно общались с А. и его женой, Сусанной Георгиевной Мар: «По утрам часто заходил И. А. Аксенов. Очевидно, он был эрудитом во многих областях науки. Так, застав Мандельштама за чтением Палласа, он долго говорил с ним на географические темы. После его ухода Мандельштаму всегда хорошо думалось». В конфликте О. М. с А. Г. *Горнфельдом* А. выступал на стороне О. М.

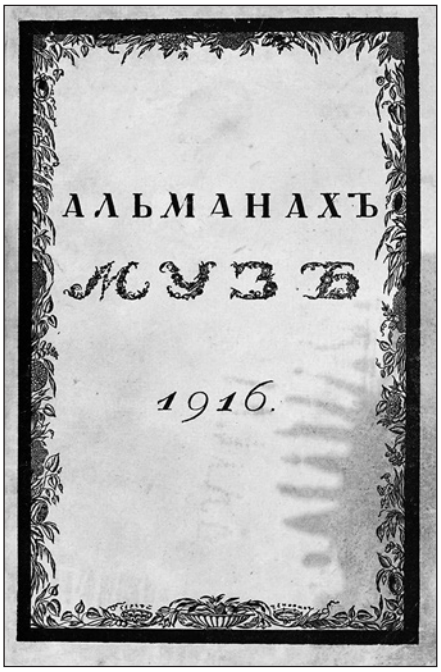
О. А. Лекманов

АЛЕКСЕЕВ-ГАЙ (наст. фам. Алексеев) Александр Николаевич (9.1.1917, Петроград – 2001, Санкт-Петербург), моряк, сотрудник Балт. пароходства, начинающий поэт и фотожурналист, один из участников ЛОКАФ (Литературное объединение Красной Армии и Флота). В 1929 посетил О. М. в редакции «Московского комсомольца»; О. М. опубликовал в газете отрывок из его поэмы «Машинист Ухтомский» и отговорил от псевд. «Разночинец» (против псевд. «Алексеев-Гай» О. М. возражать не стал). Кроме того, он рекомендовал А.-Г. кинооператору Б. Б. Цейтлину (1896–1960) следующей запиской: «Автор этого снимка ничего не просит, не домогается, но посмотрите, какая сила глаза!» После Великой Отечественной войны преподавал в Клайпедском мореходном уч-ще, капитан Экспедиции спецморпроводок судов в 1957–85. Автор неск. книг стихов и воспоминаний.

Лит.: Алексеев-Гай А. Встречи с Мандельштамом // МК. 1987. № 266. 18 нояб. С. 4.

П. М. Нерлер.

«АЛЬМАНАХ МУЗ», поэтический альманах (Петроград, «Фелана», 1916). Подготовлен и выпущен Е. Г. Лисенковым при ближайшем участии Н. В. *Недоброво*. Участники: И. Ф. *Анненский*, Б. В. Анреп, А. А. *Ахматова*, В. Я. *Брюсов*, С. Гедройц (В. И. Гедройц), А. К. *Герцык*, Н. С. *Гумилев*, Вяч. И. *Иванов*, Г. В. *Иванов*, Р. *Ивнев*, А. А. Кондратьев, М. А. *Кузмин*, К. А. Липскеров, Лисенков, К. Ю. Ляндау, О. М., Недоброво, В. Нелединский (Вл. В. *Гиппиус*), В. *Пяст*, Б. А. Садовской, А. Д. Скалдин, М. А. Струве, М. И. *Цветаева*, В. С. Чернявский, Т. В. Чурилин. В «А. м.» опубликованы стихотворения О. М. «От легкой жизни мы сошли с ума...», «В разноголосице девического хора...», «На розвальнях, уложенных соломой...». Два последних обращены к Цветаевой, публикующей в «А. м.» стихотворение «Откуда такая нежность?..», в свою очередь обращенное к



Обложка «Альманаха муз»

О. М. Т. о., издание становится полем лирич. диалога поэтов. После выхода «А. м.» О. М. написал ст. «О современной поэзии (К выходу “Альманаха Муз”)» (1916), к-рая осталась неопубликованной, по-видимому, из-за участия самого рецензента в издании.

В. В. Калмыкова

АЛЬПЫ (*Alpes*, *Alpen*, *Alpi*, *Alpe*). Горная система на ю.-з. Зап. Европы, расположена в Швейцарии, Австрии, Италии и др. странах. О. М. бывал на курортах в А. в Монтрё (санаторий l’Albri) и в Беатенберге в 1908 и 1909: «Приезжал к нам Ося и в Беатенберг, небольшой швейцарский курортик, расположенный в горах, на высоте 1200 метров над уровнем моря. Там мы с ним много бродили по альпийским лугам, любовались снеговыми вершинами, раскинувшимся внизу озером, видом чистенького игрушечного городка Интерлакена. <...> Осип <...> был улыбчатым и потом не раз вспоминал о Беатенберге». Описание санатория в Монтрё см. в письме В. И. Иванову от 13.8.1909. Через А. лежала дорога О. М. в Италию по долине Роны – письмо А. Э. Мандельштаму 24.8.1908.

Для О. М. А. – символ Европы, ее истории и культуры, ее ценностей, а также единства России и Европы. Ср. в статье 1914 «Петр Чаадаев»: «Уроженец равнины захотел дышать воздухом альпийских вершин и, как мы увидим, нашел его в своей груди, в статье 1922 «Пшеница человеческая»: «Альпам посвящены лучшие стихи Тютчева. Совершенно своеобразное, насквозь одухотворенное отношение русского поэта к геологическому буйству альпийского кряжа объясняется именно тем, что здесь буйной геологической катастрофой вздыблена в мощные кряжи своя родная, историческая земля – земля, несущая Рим и собор святого Петра, носившая Канта и Гете. <...> Альпийские стихи Тютчева одухотворены историческими ощущениями европейской почвы и двойной тиарой для поэта увенчаны европейские Гималаи». Рядом с именем Тютчева упоминаются А. и в рецензии на сб. А. Коваленкова «Зеленый берег» (1933): «Для Тютчева – Альпы, для Фета – усадьбы, а для нашей молодежи – хотя бы путевочный Крым – мощный возбудитель чувства». А. упоминаются и в «Стихах памяти А. Белого»: «И нежных Альп стесненная толпа», «И, машучи, ступал на тесных Альп тропы» (намек на швейцарское паломничество последнего к Р. Штайнеру. Вместе с тем А. – часть современной повседневности: «снег альпийский» – одежда спортсмена; ср. слова о «молочных Альпах» (т. е. о мороженом) и о «сливках альпийских». Ср. описание уроков нем. яз. в Тенишевском уч-ще: «Приносились молочные альпийские ландшафты с дойными коровами и черепицами домиков».

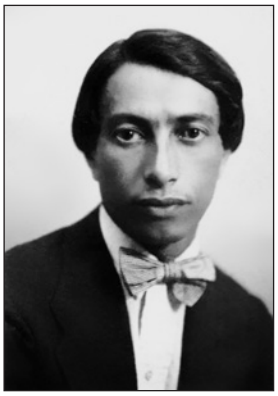
Также О. М. упоминает А. в связи с полит. ситуацией в Европе («шапка холода альпийского» в стих. «А небо будущим беременно...»). Частью обыденного пейзажа оказываются А. в сценарии радиопостановки «Молодость Гете» (1934): «За Бреннером в начале альпийского перевала он увидел первую лиственницу». Встречается слово «альпийский» и в значении «альпинистский»: «площадка для разговора создается альпийскими усилиями», спуск в долину Ломбардии альпийской вскормленницы – реки По. Особенно много упоминаний об А. в «Разговоре о Данте» (1933): «В “Аду” Данте читают лекцию по государственному значению для Италии альпийского водораздела». Или: «Все знают, что Дант “уважал” погоду и работал в этом смысле не хуже образцовой альпийской метеорологической станции с прекрасными наблюдателями и хорошим оборудованием». Там же есть и упоминание о весне, «растапливающей снега на Кьярентане (часть снеговых Альп)».

В «Шуме времени» образ А. выступает как символ художеств. мастерства при описании концертов И. Гофмана и Я. Кубелика: «Я никогда не слышал больше такого виртуозного, альпийского холода, как в скупости, трезвости и формальной ясности этих двух законников скрипки и рояля»; манеры В. В. Недоброво читать стихи Тютчева: «Казалось, чтец только что прополоскал горло холодной альпийской водой».

Лит.: Еськова А. Д. Альпы в поэзии О. Мандельштама // Корпусный анализ русского стиха. М., 2013. С. 56–67.

А. Д. Еськова

АЛЬТМАН Натан Исаевич (10.12.1889, Винница – 12.12.1970, Ленинград), живописец, график, книжный график, скульптор, театральный художник. Обучался в Одесском худож. уч-ще (1902–07) и в Париже (1910–11), в кон. 1912 переехал в Петербург. В 1913 дебютировал как участник объединения «Мир искусства», в 1910–20-х гг. принимал активное участие в худож. жизни России, получив высокую оценку современников, придерживавшихся самых разных живописных направлений. Широко известным стал выполненный А. живописный портрет А. А. *Ахматовой* (1914–15, Гос. Русский музей), ею самой, как и нек-рыми современниками, воспринимавшийся крайне негативно. С сер. 1920-х гг. А. сотрудничал с Гос. еврейским театром.



Натан Исаевич Альтман

Прямые свидетельства общения О. М. и А. отсутствуют, однако они вместе запечатлены на коллективной фотографии, сделанной после состоявшегося 10.12.1913 в артистическом кабаре *«Бродячая собака»* диспута, последовавшего за лекцией Н. И. *Кульбина* о *футуризме*. С большой долей вероятности можно предположить, что оба присутствовали на проходившем там же во второй пол. марта 1914 вечере франц. поэта П. Фора: А. запечатлен на коллективной фотографии участников встречи, а О. М. именно в этот период регулярно посещал кабаре. В 1913–16 О. М. был тесно связан с лит.-худож. кружком, участником к-рого среди прочих был и А. и собрания к-рого проходили у братьев Л. А. *Бруни* и Н. А. *Бруни* в т. н. квартире № 5 в Академии художеств (где О. М. часто выступал на «четвергах» с чтением своих стихов) и по «средам» – в редакции «Нового журнала для всех». В 1914–15(?) О. М. бывал в мастерской А., когда тот писал портрет Ахматовой. 4.12.1920, возможно, оба были слушателями на поэтич. вечере В. В. *Маяковского*, состоявшемся в «Доме искусств» К. И. *Чуковский* записал в дневнике: «У нас (у членов Дома Искусств) было заседание – скучное, я сбежал, – а потом началась Ходынка: перла публика на Маяковского. <...> Дм. Цензор, Замятин, Зин. Венгерова, Серафима Павловна Ремизова, Гумилев, Жоржик Иванов <...> Альтман <...> Пунин, Мандельштам, художник Лебедев и проч., и проч., и проч.».

Известен обращенный к А. мандельшт. инскрипт на первом изд. «Камня» (1913): «Дорогому Натану Исаевичу с глубоким уважением. Автор. 27 июня 1915. Петербург». В это же время творчество обоих авторов парадоксальным образом было соединено в заметке Л. Бруни – искушенного в поэзии и живописи современника, сопоставившего мандельшт. стремление к худож. «латинизации» с абстракционистской тенденцией А.: «Как в поэзии Мандельштам сделал из русского языка латынь <...> потому, что еврейская кровь требует такой чеканки <...> такое же желание вылить свое живописное чувство в абстрактные, т. е. органические формы есть и у Альтмана». Опосредованная, но эмоционально ярко окрашенная мандельшт. оценка творчества А. содержится в очерке <«Михоэльс»>(1926), однако она относится к театральным работам художника. О. М. упоминает «впечатление от Гос[ударственного] еврейского театра», выступление к-рого «видел незадолго в первый раз»; отличительной чертой театра О. М., вероятно, считал его реалистическую жизнеподобность, и, возможно, одним из гл. факторов этого стали работы А.: «На киевской улице я готов был подойти к <...> почтенному бородачу и спросить его: “Не Альтман ли делал вам костюм?”. Я спросил бы так без всякой насмешки, очень искренне: у меня перепутались планы...» А. посвящено шуточное мандельшт. восьмистишие «Это есть художник Альтман...»; по мнению комментаторов, датировка текста разнится: или 1910-е гг. (по версии А. Г. Меца), или 1920-е гг. (по версии П. М. Нерлера и А. Т. Никитаева). Смысловой строй стихотворения соответствует традиции построения такого типа текстов на введении абсурдного начала: в нем пародируется «подчеркнуто сниженная русская калька немецкой фразы», а представитель «левого искусства» А. именуется «художником старой школы».

С. Г. Шиндин.

АМЕРИКА, часть света, объединяющая два материка – Южную А. и Северную А. со всеми прилегающими островами. Др. название А. как части света – Новый Свет. Вместе с тем А. и американцами нередко обозначается лишь одно из 36 государств А. как части света, а именно США и его граждане. Именно так воспринимал А. и О. М. И хотя он лично за пределами Старого Света не бывал, но ясное и вполне живое представление об А. у него было, как и интерес к ней. На страницах его произведений А. встречается десятки раз, но отношение О. М. к А. поначалу было отчетливо ироническим и снисходительным (стих. и статьи 1913 «Американка», «Американ бар», рецензия на Д. Лондона и др.). Это было обусловлено тем органическим европоцентризмом и европеизмом О. М., упрощенно задающим противопоставление «культурной Европы» «цивилизованной Америке». Американские романы или фильмы, да и сами живые американцы где-нибудь в Лувре или на Елисейских полях и вправду давали сколько угодно поводов для подобной иронии. Интересно, что представления О. М. о самой А. не всегда поверхностны: так, строчка «а красных небоскребов трубы» выдает точные его представления о никогда не виданном им Манхэттене начала века. А. всплывает и в ст. «Государство и ритм» (1918), но особенно многозначит. является высказывание из программной ст. «О природе слова» (1920), когда О. М. был близок к тому, чтобы отказать в культурности и самой Европе: «Европа без филологии – даже не Америка; это – цивилизованная Сахара, проклятая Богом, мерзость запустения. По-прежнему будут стоять европейские Кремли и Акрополи, готические города, соборы, похожие на леса, и куполообразные сферические храмы, но люди будут смотреть на них, не понимая их, и даже скорее всего станут пугаться их, не понимая, какая сила их возвела и какая кровь течет в жилах окружающей их мощной архитектуры. / Да что говорить! Америка лучше этой, пока что умопостигаемой, Европы. Америка, истратив свой филологический запас, свезенный из Европы, как бы ошалела и призадумалась – и вдруг завела свою собственную филологию, откуда-то выкопала Уитмэна, и он, как новый Адам, стал давать имена вещам, дал образец первобытной, номенклатурной поэзии, под стать самому Гомеру. / Россия – не Америка, к нам нет филологического ввозу: не прорастет у нас диковинный поэт вроде Эдгара Поэ, как дерево от пальмовой косточки, переплывшей океан с пароходом. Разве что Бальмонт, самый нерусский из поэтов, чужестранный пере-

водчик эоловой арфы, каких никогда не бывает на Западе: переводчик по призванию, по рождению, в оригинальнейших своих произведениях».

Уловив в 1920-е гг. глубинную общность моложавой А. и молодой – и как бы отвернувшейся от Европы – Советской России, О. М. постепенно отошел от своего предвоен. взгляда на Д. Лондона и на А. И о переводном Майне Риде в ст. «О переводах» (1928) он пишет уже совсем не так, как о переводном Лондоне в 1913: «Теперь о “Молодой Гвардии”. У нее монополия на юношество. Она ее очень своеобразно понимает: молодежь-де слопает все <...> Нам нужен свой приключенческий роман для юношества с этнографической и прочей начинкой. В настоящее время Майн-Рид имеет только ретроспективное значение. Это – здоровая романтика. Живучесть Майн-Рида объясняется тем, что он учел великую жадность молодежи к познанию географического пространственного мира. Он – блестящий педагог, сочетавший в своих образовательных путешествиях научные сведения своего времени с бесхитростной фабулой. За создание “советского Майн-Рида”!» Над «советским Майн-Ридом» О. М., кстати, немало поработал, отредактировав переводы неск. томов его собр. соч. Немногим раньше, в 1926, состоялась встреча О. М. и с «другой» А.– с Америкой еврейской иммиграции. В изд-ве «Прибой» ему дали на рецензию книгу амер. писательницы Розы Коген (наст. фам. Гэллап) «Американская ночь». Знакомиться с романом ему помогала, очевидно, жена, прекрасно знавшая англ. язык. «Книга “Роза Коген” – любопытнейший памятник массовой еврейской эмиграции в Америку и, безусловно, один из основных документов по этому вопросу. По форме это увлекательная повесть, по содержанию – глубокий и непреднамеренный социальный памфлет. <...> Вообще книга “Роза Коген” необычайно богата материалом по американскому лицемерию: на бельевой фабрике работницам по случаю возвращения хозяина из Европы раздают в конвертиках золотые безделушки, стоимость которых вычитается из заработной платы, и т. д. Книгу, с некоторыми сокращениями, можно рекомендовать массовому читателю: она органически вводит в быт современной Америки, заинтересовывая в то же время личностью самой рассказчицы». И уже в самом конце жизни еще две встречи с А., причем не с диковатой «американкой в двадцать лет», а с совершенно др. А. и др. американцами. Первая встреча произошла в Воронеже, когда поэт замер под уличным радиорепродуктором, из к-рого лились негритянские спиричуэлсы и завораживающий тембр «певицы с низким голосом» – Мариам Андерсон. Из этого уличного «концерта» родились дивные стихи: «Не ограничена еще моя пора: / И я сопровождал восторг вселенский, / Как вполголосная органная игра / Сопровождает голос женский» («Я в львиный ров и в крепость погружен...», 12.02.1937). Вторая «американская» встреча этой же поры – с Чарли Чаплиным: «А теперь в Париже, в Шартре, в Арле / Государит добрый Чаплин Чарли – / В океанском котелке с растерянною точностью / На шарнирах он куражится с цветочницей...» («Я молю, как жалости и милости, Франция, твоей земли и жимолости...»). В Воронеже О. М. уже больше «не задирал» А. и не настаивал на исчерпавшем себя противопоставлении культуры и цивилизации, а стало быть – и Европы с А.

Но и А. никогда не «сердилась» на О. М. Исторически сложилось так, что в процессе мирового освоения и изучения творчества О. М. совершенно исключит. роль принадлежит США. Именно здесь был издан первый посмертный однотомник поэта (1955, Нью-Йорк, изд-во им. Чехова) и первое многотомное собрание сочинений (1964–71, Вашингтон, изд-во «Междунар. лит. содружество»). Эти издания стали своего рода «гарантом» того, что великая поэзия, с риском для жизни сохраненная его вдовой, друзьями и читателями, не погибнет. На основе собрания сочинений в 1974 в США, в Корнелльском ун-те (Итака) был издан первый конкорданс к произведениям О. М. Именно в США сложились целые исследоват. школы и направления, в значит. степени ориентированные на изучение творчества О. М. (см. *Интертекстуальность*). Наконец, судьбе было угодно, чтобы именно в США попал на вечное хранение и осн. массив документов о жизни и творчестве О. М. – его домашний архив, в 1976 подаренный Н. М. *Принстонскому университету*. В США состоялось несколько крупных конференций, посвященных О. М. Первая из них в связи со 100-летием со дня рождения поэта прошла в ноябре 1991 в Нью-Йорке, в Хантер-колледже (устроитель А. Д. Глезер, среди участников – И. А. *Бродский*, Е. А. Сидоров, Е. А. Рейн, А. С. Кушнер, П. М. Нерлер и др.). Вторая, приуроченная к 25-летию передачи архива О. М. Принстонскому ун-ту, состоялась 5–7.10.2001 в Принстоне (устроитель М. Вахтель, среди участников – К. Браун, М. Л. *Гаспаров*, Ю. Л. Фрейдин, Н. А. Богомолов, Нерлер, О. А. Лекманов и др.). Наконец, серия круглых столов, докладов и презентаций, посвященных 125-летию со дня рождения О. М., состоялась 18–20.12.2016 в рамках ежегодной Конвенции Амер. ассоциации славистических, вост.-европейских и евразийских исследований (устроитель Э. Рейнольдс).

Лит.: Нерлер П. Осип Мандельштам и Америка. 2-е изд., испр. и доп. М.: Вердана, 2012. 254 с. (Записки МО. Т. 21).

П. М. Нерлер.

АММАНН ВЕРЛАГ, одно из лучших изд-в Швейцарии. Осн. Эгоном Амманом и Марией-Луизой Фламмерсфельд в 1981 в Цюрихе. За заслуги перед лит-рой награждалось Цурлаубенской лит. премией Фонда Ландис и Гир (1993) и Премией им. Макса Петипье (1997). В программу изда-ва входят произведения классич. модерна и соврем. литры (Ф. М. *Достоевский*, Ф. А. Н. Пессоа, А. Мачадо Руис, К. Кавафис и др.). Исключит. место в этой программе занимают произведения О. М.: начиная с 1985 вышло 10 изысканно оформленных томов, с поэтич. текстами на двух языках (рус. и нем.), подготовленных (сост., ред., пер., вступит. статьи и примеч.) Р. *Дутли*; здесь же опубл. и 3 книги самого Дутли об О. М. Кроме того, к 50-летию смерти О. М. изд-во выпустило кн. «В воздушной могиле» («Im Luftgrab», 1988) — сборник эссе И. А. Бродского, П. Целана, П. Пазолини и Ф. Жаккотэ, а также «Историю одного посвящения» М. И. *Цветаевой*, составленную из ее стихов и восп. об О. М. (1994).

Р. Дутли.

АНАГРАММА, в совр. филологии – специфич. способ организации литературного, преим. поэтич. произведения

или его части, при к-ром некое ключевое слово, актуальное в плане содержания, «распыляется» в плане выражения т. о., что фонетич. строй текста оказывается полностью или частично ориентирован на набор фонем, составляющих это ключевое слово (чаще всего имя собственное). А. следует отличать от собственно худож. приема – аллитерации, представляющей собой явное устойчивое повторение в строке или строфе одного или неск. согласных звуков; классич. примерами аллитерационного построения являются стихи К. Д. *Бальмонта* и А. А. *Блока*.

Основоположником концепции А. считается Ф. де Соссюр, к-рый в своих неопубл. при жизни записях нач. 20 в. впервые высказал предположение о возможности присутствия в архаич. текстах анаграмматических структур, отражающих сакральные имена и понятия. Теоретич. развитие взгляды Соссюра получили у целого ряда совр. исследователей (прежде всего Ж. Старобинского), в т. ч. и отечественных (Иванов Вяч. Вс.), следствием чего стало выявление анаграмматич. моделей и в индивидуальных худож. текстах. В более широкую перспективу А. была включена в исследованиях К. Леви-Строса, предложившего понятие «анаграмматических возможностей» текста, к-рые он трактовал как основополагающие и исключит. архаичные. Гл. проблемой при выявлении А. является невозможность бесспорного определения факта присутствия А. и степени ее осознанности как самим автором лит. произв., так и его читателями. В совр. *мандельштамоведении* концепция А. стала актуальной с нач. 1970-х гг., при этом характерно, что именно анализ произведений О. М. во многом стимулировал ее развитие в отеч. науке. Можно предположить, что сам О. М. осознавал анаграмматич. потенции фонетич. организации поэтич. текста; во всяком случае, в устной шуточной «строке» он совершенно явно обыграл А. фамилии А. А. *Ахматовой* – ср. в ее воспоминаниях, относящихся к 1934: «Осип <...> бегал по комнате и кричал: “Как оторвать Ахматову от МХАТа?”». Еще отчетливее подобный подход проявился в обращенном к Н. В. *Недоброво* шуточном мандельшт. четверостишии (1913–14), содержащем совершенно прозрачную А. имени адресата: «Сюда пришел Недоброво – / Несдобровать мохнатым соснам». К подобным смысловым построениям можно отнести и фонетически совершенно симметрич. каламбурные А. – ключевое «Лев Гумилев» в: «Марию Лев преследовал в пустыне»; ср.: «– Наташа, как писать: “балда”? / – Когда идут на бал, – то: “да!”» и т. п., – вплоть до прямого иноязычного анаграммирования (ключевое слово нем. Blut «кровь»: «Есть блуд труда, и он у нас в крови». При этом в большинстве случаев «объектом» А. становится имя собственное, относящееся или к сфере личной биографии автора, или к широкой культурно-ист. традиции.

Отд. анаграмматич. модели в текстах О. М. выявлялись Р. О. *Якобсоном* (стих. «Возьми на радость из моих ладоней...», ключевое слово «Харон»), Н. О. Нильссоном (стих. «Бессонница. Гомер. Тугие паруса...», «зеркальная» А. «Гомер» – «море», В. В. Ивановым (стих. «Пусти меня, отдай меня, Воронеж...», ключевое слово «Воронеж»), О. Роненом (название первого поэтич. сб. О. М. «Камень», ключевое слово «акме», ведущее к «акмеизму»; стих. «Раковина», ключевое слово «Ницше», М. Ю. Лотманом (стих. «Твой зрачок в небесной корке...», ключевое слово «роговица»; «Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья и дыма...», ключевое слово «топор», фрагмент «Стихов о неизвестном солдате», ключевое слово «яблоко»), В. Н. *Топоровым* (стихотворения о Риме, ключевое слово «Рим»; фрагмент «Стихов о неизвестном солдате», ключевое слово «Филомела»), Д. И. Черашней (стих. «Я молю, как жалости и милости...»; ключевое слово – франц. вариант имени Ч. *Чаплина* «Шарль») и мн. др.

Лит. Иванов Вяч. Вс. Два примера анаграмматич. построений в стихах позднего Мандельштама // RL. 1972. № 2 [То же в: Иванов Вяч. Вс. Избр. труды по семиотике и истории культуры: В 2 т. М., 2000. Т. 2]; Ронен О. Лексич. повтор, подтекст и смысл в поэтике О. Мандельштама // Slavic Poetics: Essays in Honor of Kiril Taranovsky. P., 1973 [То же в: Ронен О. Поэтика Осипа Мандельштама. СПб, 2002. С. 16–18]; Лотман М. Ю. О соотношении звуковых и смысловых жестов в поэтич. текстах // УЗ Тартуского ГУ. Вып. 467: Тр. по знаковым системам. Вып. XI. 1979. С. 104–110; Топоров В. Н. К исследованию анаграмматических структур (анализы) // Исследования по структуре текста. М., 1987. С. 210–211, 229–232; Ежова Е. Н. К вопросу об анаграммировании имени собственного в поэтических текстах О. Мандельштама // Текст как объект многоаспектного исследования. СПб., 1998. Вып. 3. Ч. 2.

С. Г. Шиндин.

Леонид Николаевич Андреев

АНДРЕЕВ Леонид Николаевич (9.8.1871, Орел – 12.9.1919, д. Нейвала, близ Мустамяки, Финляндия), прозаик, драматург, публицист. О. М. последовательно и бескомпромиссно отвергал творчество А., к-рого считал «неуклюжим посредником» между «всей плеядой бытописателей пятого года» и «Русским модернизмом». Отрицат. отношение к А. поэт разделял с др. акмеистами. В 1913 О. М. в рец. на собр. соч. Дж. *Лондона* с предисл. А. назвал последнего «настоящим профессором “дурного вкуса”», «как всегда беспомощным в выборе своих эпитетов» (Аполлон. 1913. № 3. С. 72). В ст. «Литературная Москва. Рождение фабулы» (1922) О. М. открыл именем А. ряд отеч. прозаиков, повинных в том, что «язва психологического эксперимента проникла в литературное сознание». В «Шуме времени» (1923) О. М. назвал

программную филос. трагедию А. «Анатэма» (1908) «дребеденью», самого А. изобразил в виде литератора в черной косоворотке, торговавшего «и богом, и дьяволом», а «тупую польку» из драмы А. «Жизнь человека» (1907) объявил «символом мерзкого, уличного символизма». В письме к Б. С. *Кузину* от 10.3.1938 О. М. неодобрительно уподобил польке из «Жизни человека» 5-ю симфонию Д. Д. Шостаковича. Заглавие рассказа А. «Красный смех» (1905) обыграно в финальной строке стих. О. М. «Ламарк» (1932): «Красное дыханье, гибкий смех...». Поклонником творчества О. М. был младший сын А., Вадим Андреев, впервые познакомившийся со стихами поэта «в отцовской библиотеке» по № 9 «Аполлона» за 1910.

О. А. Лекманов.

АНДРОНИКОВА Саломея Николаевна (наст. фам. Андроникашвили; в первом браке Андреева, во втором Гальперн) (октябрь 1888, Баку – 8.5.1982, Лондон, Великобритания), груз. княжна, дочь ген.-губернатора Баку, внучка поэта А. Н. Плещеева; в 1910-х гг. – хозяйка петерб. лит.-худож. салона. Современники отмечали красоту и образованность А. В частности, А. А. *Ахматова* в стих. «Тень» (1940) назвала ее «красавицей тринадцатого года». Время первой встречи и знакомства О. М. с А. неизвестно. Это произошло в сер. 1910-х гг., когда А. после неудавшегося первого брака жила в Петербурге и Париже с поэтом С. Л. *Рафаловичем*. Именно тогда А. вошла в лит.-худож. мир Петербурга: «Я подружилась с поэтами. Мы постоянно собирались, спорили, пили, читали стихи. Ходили из дома в дом. Помню Ахматову, Шилейко, Анну Радлову, Палладу. Помню, Мандельштам читал стихи про меня».

Цикл О. М. «Соломинка», о к-ром вспоминает А., был создан в декабре 1916. Помимо двух редакций существовал и отброшенный вариант, к-рый А. привела в беседе с Л. Н. Васильевой: «...Там были строки: “Я запечатаю на много поколений твой маленький багрянородный рот”. Шилейко говорит: “Непонятно, род или рот? Мандельштам страшно обиделся, но строчки эти убрал». По словам А., «легенду» о любви О. М. к ней придумала Ахматова. Сохранилась, впрочем, реплика О. М. в передаче Н. М., противоречащая этой версии: «Сам он говорил о себе, что часто восхищался женщинами, но действительно влюблен был только дважды – в Саломею Андроникову и в Зельманову. По его словам, влюбленность была из тех, когда бродят стихи, т. е. не таящая в себе никаких опасностей – без тяги к обладанию». Сама Н. М. не понимала и не принимала «культа красавиц», к-рый наблюдала у Ахматовой, а отношения О. М. с «красавицами тогдашними», «европеянками нежными» определила категорично: «“Красавицы” ценили любовную лирику и плевали на Мандельштама».

Последнее утверждение верно лишь наполовину: А. действительно не было дела до молодого поэта (в рассказе Лимонова она так вспоминает О. М.: «Неопрятный, скорее мрачный молодой человек, плюгавый и некрасивый. <...> Я бы не взяла его в любовники»), однако и стихотворение О. М. не было ею оценено по достоинству: « – Поэт, – вздыхает Саломея Николаевна, – воображение. Стихотворение пустенькое, но в нем божественная музыка»; « – Однако, где они все, ваши блестящие поклонники? А он сделал вас

Саломея Николаевна Андроникова

бессмертной... – Некрасивый маленький еврей... Старуха пожала плечами».

Имя «Саломея» для О. М., помимо ветхо- и новозаветных коннотаций с иудейской царевной, потребовавшей за свой танец голову Иоанна Крестителя, было сопряжено с ярким образом танцующей Саломеи из «Танца семи вуалей» Р. Штрауса, к-рый О. М. и М. М. Карпович вместе видели в Париже.

Соломинка – домашнее прозвище, данное А. ее фактич. мужем Рафаловичем: «Саломочкой ее зовут другие. / Не так, как все, я называл ее. / <...> Сбылся мой сон, соломинка моя». Р. Д. Тименчик отмечает, что «петербургские “красавицы тогдашние” входят в стихи Мандельштама в ореоле своих отражений», в частности через «образ “соломинки” в мадригалах соломенного вдовца С. Рафаловича (отметим и имя Лигейи в его ранних стихах)». О. М. использовал в стихах двойное написание: с большой и с маленькой буквы («А та соломинка...» – «Нет, не Соломинка...»), имя героини множится и претерпевает бесконечные изменения («Не Саломея, нет, соломинка скорей!», «Нет, не соломинка в торжественном атласе...», «Нет, не Соломинка – Лигейя, умиранье...»). Эта вариативность свидетельствует о том, что у мотива «Соломинки/соломинки» могут быть и другие подтексты, напр. известное стих. Ахматовой – хорошей знакомой А.: «Как соломинкой, пьешь мою душу...» – ср. у О. М.: «...соломинка сухая, / Всю смерть ты выпила...».

В этом же 1916 (пик влюбленности в А.) О. М. посвятил ей стих. «Мадригал»: «Дочь Андроника Комнена, / Византийской славы дочь!». Возводить род А. к визант. царям позволяла фамилия А.: Андроник I – император Византии из рода Комненов. Однако дочь, прославившаяся не менее своего отца, – Анна – была не у Андроника I, а у другого визант. императора – Алексея I (ср. пародию К. В. *Мочульского* на «крымско-эллинские» стихи О. М.: «Вы перепутались, святые имена!»). Сочинение Анны Комненой (1083 – ок. 1148) «Алексиада» принадлежит к лучшим ист. произведениям византийцев. Последняя встреча О. М. с А. состоялась летом 1917 в Алуште. В предрев. лето в «Профессорском уголке» (так назывался пансион под Алуштой, принадлежавший жене филолога А. А. Смирнова, быв. актрисе Е. П. Магденко) собрались филологи (Смирнов, Мочульский, В. А. *Чудовский*, А. Л. Слонимский, В. М. *Жирмунский*, С. Э. Радлов), поэты (О. М., Рафалович, А. Д. *Радлова*), художники

(В. И. Шухаев, А. М. *Зельманова*) и др. Гости участвовали в разл. интеллектуальных забавах, напр. в конкурсе триолетов, посвященных А., или в сочинении шуточной пьесы в честь именин А. – к 3.8.1917. Герои этой пьесы, получившей название «Кофейня разбитых сердец» и написанной при участии О. М., – отдыхающие в «Профессорском уголке», в т. ч. сама А. (Суламифь) и О. М. (дон Хозе Тиж д'Аманда – перевод на франц. яз. нем. слова Mandelstamm («ствол миндаля») – tige d'amande). В пьесе Суламифь обращается с доном Хозе сурово: «Куда ты лезешь? Ишь какой проворный! / Проваливай!» и т. п. А., изображенная Лимоновым в рассказе «Красавица, вдохновлявшая поэта», подтверждает репутацию жестокой светской львицы: «Я так своих любовников мучала, кровь из них пила <...> Я, знаете ли, была злодейски красива в молодости <...> Он меня боялся, Ваш поэт».

Мемуаров А. не оставила. Однако она всегда откликалась на просьбы об интервью, отвечала на письма литературоведов. Так, в архиве Г. П. *Струве* хранится св. 50 писем А., где «много интересного и о Мандельштаме, и о Цветаевой, и об Ахматовой».

Лит.: Карпович М. Мое знакомство с Мандельштамом // Новый журнал. Нью-Йорк. 1957. № 49. С. 258–261; Ахматова А. А. Листки из дневника // Ахматова А. А. Requiem. М., 1989; Васильева Л. Соломинка, не согнутая веком // Васильева Л. Избр. произведения: В 2 т. М., 1989. Т. 2; Лимонов Э. В. Красавица, вдохновлявшая поэта // Лимонов Э. В. Смерть современных героев. М., 1993; Письма М. Цветаевой С. Н. Андрониковой // Разумовская М. Марина Цветаева: Миф и действительность. М., 1994; Жолковский А. К. Лимонов на поэтических Олимпикс // Жолковский А. К. Инвенции. М., 1995; Кофейня разбитых сердец: Шуточная пьеса в стихах при участии О. Э. Мандельштама // Stanford Slavic Studies. 1997. Vol. 12; Тименчик Р. Д. Предисловие // Кофейня разбитых сердец: Коллективная шуточная пьеса в стихах при участии О. Э. Мандельштама. Stanford, 1997.

С. Ф. Данилова.

АННЕНКОВ (псевд. Б. Темирязев) Юрий Павлович (11.7.1889, Петропавловский порт – 12.7.1974, Париж, Франция), живописец, график, портретист, театр. художник и режиссер, иллюстратор, критик, писатель. С 1924 в эмиграции. О. М. неоднократно упоминается в мемуарах А. в ряду др. поэтов, посещавших *«Бродячую собаку»*, участвовавших в заседаниях *«Цеха поэтов»*, а затем уничтоженных в годы сталинского режима. По свидетельству А., в сер. 1910-х гг. О. М. бывал у него на даче в Куоккале. Сохранилась фотография: О. М., А., К. И. *Чуковский* и Б. К. *Лившиц* в день проводов последнего на фронт в самом нач. 1-й мировой войны 1914–18. История ее появления описана А. и Лившицем, на обороте экземпляра к-рого О. М. «набросал первую редакцию стихотворения» «Европа». В «Повести о пустяках» А. присутствуют многочисл. аллюзии на стих. О. М. «Домби и сын» и цитаты из того же текста, а также парафраз из стих. О. М. «Петербургские строфы», сопровождающийся упоминанием имени поэта: «...Ветер шумит в ушах стихами Мандельштама».

Соч.: Дневник моих встреч. Цикл трагедий: В 2 т., Л., 1991; (Б. Темирязев). Повесть о пустяках / коммент. А. А. Данилевского. СПб., 2001.

Лит.: Горенко А. Беллетристические мемуары художника пуст-модерниста // Электронный ресурс: URL: www.russ.ru/krug/20011226.html; Лившиц Б. К. Полутораглазый стрелец. М., 1991.

А. Н. Анисова.

АННЕНСКИЙ Иннокентий Федорович (20.8.1855, Омск – 30.11.1909, Петербург; похоронен в Царском Селе), поэт, критик, драматург, переводчик, педагог. Поэзия А. оказала колоссальное влияние на следующее за *символизмом* поэтич. поколение акмеистов (О. М., Н. С. *Гумилев*, А. А. *Ахматова*). Более молодые поэты увидели в поэзии А. уникальный в символистской поэтике «импульс антиутопизма <...> Недаром имя Анненского выделялось акмеистами с полемической эмфазой» (Аверинцев С. С. Судьба и весть Осипа Мандельштама // Аверинцев С. С. Поэты. М., 1996. С. 217). Влияние А. на поэтику *акмеизма* осознавали уже современники, в частности Э. Ф. Голлербах в эссе «Поэзия фарфора» (1920-е гг.) в связи со стих. О. М. «На бледно-голубой эмали...» говорил, что глубокое понимание одушевленности предметов внеш. мира и мистики вещей, свойственное акмеистам, впервые проявилось в поэзии А. Важнейшей для акмеистов особенностью творчества А. стала особая семантич. организация его стихов, показавшая, что «ресурсы русского языка допускают существование аллюзивного стиля <...> Анненский стал первооткрывателем выразительных возможностей такого стиля в русской поэзии» (Чекалов И. И. Поэтика Мандельштама и русский шекспиризм XX века: Исторически-литературный аспект полемики акмеистов и символистов. М., 1994. С. 91). Этот стиль получил впоследствии название «семантической поэтики», и ключевой фигурой в нем является О. М.

Наиб. близкие О. М. черты А. – совесть как этич. категория, определяющая эстетич. позицию и способность не сополагать свой мир со сверхчувственной реальностью (Богомолов Н. А. Иннокентий Анненский // Анненский И. Ф. Кипарисовый ларец. М., 1992), а вместо этого «облечь свои мысли и переживания в слово, которое тем самым становилось побеждающим жестокую бессмыслицу жизни и ужас грядущей гибели» (Там же. С. 32). Особенно важным для А., равно как впоследствии и для О. М., являлось «будничное» слово со всеми его возможностями. По А., человек связан со словом родного языка «не только физически, но и нравственно», и благодаря этой связи возможно эстетич. развитие носителя языка на материале поэзии (Чекалов И. И. Указ. соч. С. 54–55). О. М. лично встретился с А. единств. раз, по-видимому, в июне–июле 1909, когда проводил лето с родителями в Царском Селе. А. принял О. М. «очень дружественно и внимательно и посоветовал заняться переводами, чтобы получить навыки [поэтического мастерства] <...> К Анненскому он прикатил на велосипеде и считал это мальчишеством и хамством». В тот период следование совету повлекло за собой курьезный случай с переводом стих. С. Малларме: «У него получилось “молодая мать, кормящая со сна (сосна)”, и он со смехом об этом рассказывал» (Там же; в дошедшем до нас фрагменте перевода «Плоть опечалена и книги надоели...» эта строка изменена). Однако впоследствии, в зрелые годы, занимаясь поэтич. переводом, О. М. все же «с опозданием выполнил совет Анненского и на этих переводах чему-то учился»

(Там же. С. 138–139). 17.8.1909 О. М. отправил А. письмо, в к-ром сообщал свой адрес «на случай, если он будет нужен редакции “Аполлона”...». При выработке идейной программы журнала *«Аполлон»* в 1909 имела место подспудная борьба двух идеологов издания – Вяч. И. *Иванова* и А. Позиция А. выражалась в программном стих. «Поэзия»: имеется в виду «оппозиция образов “мудрецов, уступающих храм” [т. з. самого А.] <...> и “жрецов” [т. з. Иванова]». Данная оппозиция составила гл. сюжетную линию стих. О. М. «Необходимость или разум...» (1910), отсылающего ко 2-й строфе стих. А. «Поэзия». Идея А. о том, что храм искусства не принадлежит его жрецам, оказалась близка Н. С. *Гумилеву*, М. А. *Кузмину* и О. М. Близкие идеи проявляются в стих. О. М. «Вечер нежный, сумрак важный...», «Змей». В стих. О. М. «Медленно урна пустая...» есть реминисценция из стих. А. «Пробуждение».

3.12.1911 О. М. выступил на заседании Об-ва ревнителей худож. слова, посв. памяти А., с речью, в к-рой говорил об А. как о «поэте отливов дионисийского чувства». В беседах с С. П. *Каблуковым* О. М отзывался об А. как о великом поэте. Будучи ориентирован в ранние годы, вследствие влияния Вл. В. *Гиппиуса*, преим. на поэзию И. *Коневского* и А. М. Добролюбова, О. М. органично воспринял близкую им поэтику А. и выбрал «его себе в учителя». Впоследствии, когда О. М. и Н. М. жили в Нащокинском пер., среди книг О. М. были и стихи А.

В работе над программной ст. «О собеседнике» (1913) О. М. обратился к ст. А. «Бальмонт-лирик». Несмотря на то что отношение О. М. к К. Д. *Бальмонту* подчеркнуто негативно и полемично по отношению к т. з. А., его слова о том, что «прелесть и сущность поэзии» в России приносились в жертву идеи общедоступности поэтич. произведения, благодаря чему возникли «ложногражданская поэзия и нудная лирика восьмидесятых годов», явно перекликаются с постулатами А. Ст. О. М. «О собеседнике» (1913; 1927) перекликается также со ст. А. «Что такое поэзия?». Мысль А. о поэтич. гипнозе, к-рый «оставляет свободной мысль человека и даже усиливает в ней ее творческий момент» (Анненский И. Ф. Избранное. М., 1987. С. 425) и является осн. действенным средством произведения, О. М. продолжает, говоря о не известном поэту восприемнике его творчества и о свободе контакта поэта с читателем: «Воздух стиха есть неожиданное. Обращаясь к известному, мы можем сказать только известное». Смысловое приращение, возникающее благодаря неожиданности, с одной стороны, и свободной игре случая при выборе «провиденциального собеседника», с другой, дает поэзии возможность существовать в сменяющихся ист. эпохах, не устаревая: «Ни одно великое произведение поэзии не остается досказанным при жизни поэта» (Там же. С. 428), а сам поэт стремится к тому, чтобы его душу, заключенную в стихах, разгадали читатели. Поучение и соответствие совр. запросам общества, являющиеся обязанностью «литератора» (О. М.), не может быть источником «силы внушения» поэтич. произведения: «Грубый факт <...> диккенсовского героя напрасно надевал маски то археологии, то медицины, то этнографии, то психологии, то истории <...> Куда, в самом деле, девалась пресловутая фотография действительности и где все эти протоколы, собственные имена, подобранные из газетных хроник и т. д.?» (Там же. С. 429). В ст. А. «Что такое поэзия?» поэтич. произв. сравнивается с облаком. У О. М. это сравнение приобретает знаковый характер (ср. «облако» у Бальмонта и у Е. А. *Баратынского*). Также А. предлагает концепцию «золотого века в прошлом» (Там же. С. 423) и локализует это «прошлое», имея в виду поэтич. культуру Эллады, что оказывается важным для системы ценностей О. М. В связи с А. О. М. поднимает одну из важнейших тем, связанную с эллинизмом и его проявлениями в рус. и мировой культуре, тему согласованности и единства муз. произведения и, шире, музыки как вида искусства. Поэтич. слово уподобляется музыке благодаря способности поэта передать с его помощью все, относящееся к невербальной сфере: «Голос и хор в какой-то степени отождествляли для Мандельштама соборное начало в музыке».

В 1913 О. М. писал в рец. на драму А. «Фамира Кифаред»: «Вера Анненского в могущество слова безгранична», т. е. приписывал А. те же качества, к-рые тот видел в поэзии Бальмонта, и отмечал жанровое сходство трагедии А. с др.-греч. текстами. В прозаич. отрывке, хронологически близком к ст. «Петр Чаадаев» (1915) («нового исторического “события”»), образ движения часовой стрелки по циферблату как эмблема умирающей бессобытийной истории соотносим с критич. прозой А., в частности – ст. «Умирающий Тургенев», где есть слова: «Самая жизнь привыкла сливаться <...> с движением часовой стрелки». Важный для стихов и прозы О. М. 1914–15 образ Федры, связанный с образом Ахматовой, возник также благодаря А., воспринятому через посредство Гумилева: «Мандельштам как бы подчеркивал, что и еврипидовская Федра, и стихи Ахматовой стали неотъемлемой частью рус. поэзии благодаря Анненскому». Так же, как О. М. воспринимал многие образы Ф. И. *Тютчева* через их прочтение В. Я. *Брюсовым*, он прочитал и фрагмент из переведенной А. трагедии Еврипида «Геракл», к-рый отразился в стих. «Как овцы, жалкою толпой...»: на сей раз «посредником» служило творчество Гумилева.

7.3.1922 в Киеве состоялась лекция О. М. «Акмеизм или классицизм? (Внутренний эллинизм в русской литературе. В. Розанов, И. Анненский, А. Блок, лжесимволисты, акмеисты, имажинисты. Выход из акмеизма и классицизма)», положения к-рой сходны с высказанными в ст. «О природе слова».

В ранний период творчества для О. М. была важна концепция поэзии, согласно к-рой «поэзия представлялась ему преображением мира в красоту» (Терапиано Ю. К. Осип Мандельштам // Терапиано Ю. К. Встречи: 1926–1971. М., 2002. С. 240). Эта концепция в высокой степени определяет лит. и эстетич. позицию А. (напр., см. ст. А. «Символы красоты у русских писателей»). Упрекая в ст. «Утро акмеизма» (1912–14) рус. символистов в презрении к реальному миру, О. М. употребил выражение «искренний пиэтет к трем измерениям пространства», а чуть ниже добавил: «Строить можно только во имя “трех измерений”», восходящее к строкам из стих. А. «Поэту»: «Всегда над нами – власть вещей / С ее триадой измерений».

Фигура А. для О. М. являлась эстетич. выражением идеи рус. эллинизма (см. *Эстетика*) и филол. духа отеч. литературы. В сравнении с В. В. *Розановым* А. – «представитель эллинизма героического, филологии воинствующей» (ст. «О природе слова»). О. М. обрисовывает способность А. трагически видеть, понимать и интерпретировать

мироздание в поэзии, а саму поэзию трактует как защиту от хаоса. А. – поэт-собиратель, способный усвоить все достижения мировой культуры и претворить их средствами родной речи. Именно благодаря способности к концентрации общечеловеч. опыта А. принадлежит к европ. поэтам. Делая мировую поэзию достоянием русской, он тем самым расширял границы отеч. культуры и ее способности воспринимать все созданное на др. языках, при этом не выходя за пределы собств. дома, т. е. гл. обр. языка: «для Анненского поэзия была домашним делом, и Еврипид был домашний писатель, сплошная цитата и кавычки». Цитируя перевод стих. П. *Верлена* «Вечером» («Вечерние раздумья»), сделанный А., О. М. трактует Верлена как представителя эллинизма в поэзии и приводит по памяти цитату из стих. А. «Кошмары» («Трилистник кошмарный»). Характерно, что творчество А. соотнесено в статье с дикими, возможно, крымскими растениями, к-рые шелестят, шуршат (см. об этом: Г а с п а р о в М. Л. «Сеновал» О. Мандельштама: история текста и история смысла // Тыняновский сб. М., 2002. Вып. 11. С. 386; П а н о в а Л. Г. «Мир», «пространство», «время» в поэзии Осипа Мандельштама. М., 2003. С. 644). Почти одноврем. со ст. «О природе слова» О. М. создал стих. «Холодок щекочет темя...» (1922), в к-ром строки «...Как ты прежде шелестила, / Кровь, как нынче шелестишь» перекликаются со стих. А. «Кошмары» (ср.: «И жалобы, и шепоты, и стуки – / Все это “шелест крови”, голос муки...»).

В ст. «Письмо о русской поэзии» (1922) О. М. называл А. генетич. предшественником Ахматовой в области «высокого лирического прозаизма», передающего психологию поэтич. личности. О. М. противопоставлял поэзию А. общему контексту символистской поэзии: «Во время расцвета мишурного русского символизма и даже до его начала Иннокентий Анненский уже являл пример того, чем должен быть органический поэт: весь корабль сколочен из чужих досок, но у него своя стать». Сформулированное понятие органич. поэта О. М. мог с полным правом применить и к себе самому (Т а р а н о в с к и й К. О поэзии и поэтике. М., 2000. С. 16). Обладая трагич. даром, А. предпочитал развивать трагич. тематику на материале ничтожных и уничижаемых объектов, поскольку, в интерпретации О. М., он чужд пафосу высоких страстей, свойств. символистам и для О. М. неорганичных.

В ст. «Буря и натиск» (1923) О. М. говорил о том, что А., равно как и Ф. *Сологуб*, не принимал участия в волевом формообразующем движении рус. символизма, направленном на создание символистской школы и контекста. А. стоял особняком в поэзии, вводя в нее «исторически объективную тему» – «психологический конструктивизм». В основе психологич. конструктивизма лежит «двуплановость вещи», при к-рой «вещь предстает одновременно в двух планах: предметном (ибо значение вещи в конце концов загадано в метафорах-перифразах) и плане психологического восприятия» (Г и т и н В. Иннокентий Анненский // История русской литературы: XX век: Серебряный век. М., 1995. С. 177). Эта черта поэтики А. оказалась воспринята самим О. М.

Влияние А. О. М. распространял как на творчество Н. Н. *Асеева*, так и на творчество Б. Л. *Пастернака*. Сетуя на неизвестность поэзии А. для совр. ему читателя, О. М.

Иннокентий Федорович Анненский

говорил о ней: «Это один из самых настоящих подлинников русской поэзии». Такое утверждение необходимо рассматривать в контексте рассуждений О. М. о нек-рых поэтах как о «переводчиках» с неизвестного языка (ср. Бальмонт). При этом и А. в определенной степени трактован как поэт, адаптирующий общеевроп. ценности в рус. культуре.

В целом значимый для О. М. образ *Петербурга* соотносим с Петербургом у А. (Тарановский К. Указ. соч. С. 88). На этом же уровне – не конкретного подтекста, но, в терминологии А., «отражения» (ср. «Книги отражений»), в «Шуме времени» О. М. (гл. «В не по чину барственной шубе») использовано стих. А. «Стальная цикада» (Там же. С. 118).

О. М. в контексте мировоззрения акмеизма воспринял понимание филологии как домашнего занятия, свойств. А. как профессиональному филологу, и его идею «рабочей комнаты». В этом смысле «филология» противопоставляется «литературе».

В стих. «На бледно-голубой эмали...» (1909) строки: «Узор отточенный и мелкий, / Застыла тоненькая сетка, / Как на фарфоровой тарелке / Рисунок, вычерченный метко...» – соотносятся со строками А. из стих. «Неживая»: «На бумаге синей... / Но в тончайшей сетке, / Разметались ветки...». Из этого и др. стихотворений А. со сходными образами («Офорт» и «Nox vitae») О. М. заимствовал мотив «прорисованных линий ветвей». Первые строки стих. «Дано мне тело – что мне делать с ним, / Таким единым и таким моим?» (1909) перекликаются со стихом А. из стих. «У гроба» («Сказать, что это *я*... весь этот ужас тела...»). Лексически, синтаксически и ритмически первая строка стихотворения О. М. «На бледно-голубой эмали...» (1909) сходна с первым же стихом «Тоски» А. (ср.: «По бледно-розовым овалам...»).

Рефлексии по поводу собств. личности, ее открытости, неустойчивых границ и ее связанности с окружающим миром встречаются в ранних стих. О. М. [«Я и садовник, я же и цветок, / В темнице мира я не одинок»; «Дано мне тело – что мне делать с ним...»; «Неужели я настоящий / И действительно смерть придет?»: «Отчего душа так певуча» (1911) и др.] так же, как в ряде произведений А. («Когда ж наконец нас разлучат, Каким же я буду один?»: «Двойник»; «Открой же хоть сердцу поэта, / Которое создал ты *я*»: «Который?»). Та же самая мысль выражена и в статьях А.: так,

в его изложении проза Л. Н. Толстого разуверяет человека «в возможности сохранить свою особость, свою мысль – быть собою... Нет... будь конем и бубенцами, будь белой пургой... живи за всех, думай за всех, только не за себя...» (Анненский И. Ф. Избранное. С. 346). «Я» современного человека для А. – «не то *я*, которое противопоставляло себя целому миру, будто бы его не понявшему, а то *я*, которое жадно ищет впитать в себя этот мир и стать им, делая его собою» (Там же. С. 430).

В стих. «Двойник» А. и «Дано мне тело – что мне делать с ним...» О. М. задействован мотив овеществл. и остановл. дыхания. Стих. О. М. «Невыразимая печаль...» (1909) ритмически и образно соотносится со стих. А. «Зимний поезд» (ср. О. М.: Невыразимая печаль / Открыла два огромных глаза... – А.: «Снегов немую черноту / Прожгло два глаза из тумана...»).

В стих. «В огромном омуте прозрачно и темно...» (1910) строка «И ласков будь с надменной скукой...» сравнима со строкой А.: «Оставь меня. Мне ложе стелет Скука» из стих. «О нет, не стан, пусть он так нежно-гибок...» (Гинзбург Л. Я., Мец А. Г., Василенко С. В., Фрейдин Ю. Л. Комментарий // Камень. 1990. С. 291). В стих. О. М. «Мне стало страшно жизнь отжить...» (1910) 2-я строфа перекликается с зачином стих. А. «Поэзия»: «Над высью пламенной Синая / Любить туман ее лучей...» (Там же. С. 321). В стих. О. М. «Отчего душа так певуча...» (1911) строка «“Я забыл ненужное “я”» отсылает к строкам «И нет конца, и нет начала / Тебе, тоскующее “я”» А. (стих. «Листы»), в к-рых «тоже речь идет о растворении личности в мире» (Гаспаров М. Л. Поэт и культура: Три поэтики Осипа Мандельштама // De visu. № 10. 1993. С. 42). Ритмически и тематически сходны стих. А. «В открытые окна» и О. М. «На перламутровый челнок...» (1911) (ср.: «...Что, розовея, уголек / В открытый глаз его нацелен» А. и «...То гаснет, к теням тяготея, / То в розовый уйдет огонь!..» О. М.). Стих. О. М. «Я вижу каменное небо...» (см.: «И паруса трилистник серый, / Распятый, как моя тоска!») содержит в себе творч. переосмысление гл. формально-тематич. и образных величин поэтики А. (слова «тоска», «трилистник», употребляемые А. в названиях стихотворений, вводят как жанровый, так и языковой и смысловой прием).

Выражения «земную разрушь клеть» («Сегодня дурной день...», 1911) и «[символистам] было <...> не по себе в клети своего организма и в <...> мировой клети...» («Утро акмеизма», 1912–14) восходят к стих. А. «Тоска маятника» (ср.: «Да по стенке ночь и день, / В душной клетке человечьей, / Ходит-машет сумасшедший, / Волоча немую тень»). К тому же самому стихотворению восходят и образы маятника из стих. О. М. «Когда удар с ударами встречается...» (1910) и «Сегодня дурной день...» (1911). Частый в поэзии А. образ часов, отмеряющих жизн. время, трактован в одном из его стихотворений значимым для О. М. способом: «Цикада жадная часов, / Зачем твой бег меня торопит?» («Бессонные ночи»). Под влиянием «часовых» образов А. написаны также стих. О. М. «Нет, не луна, а светлый циферблат...» (1912) и «Адмиралтейство» (1913).

В «Тоске маятника» использован также «черно-желтый мотив» (см.: «Точно вымерло все в доме... / Желт и черен мой огонь...»; см. также в стих. А. «Сентябрь»: «И желтый шелк ковров, и грубые следы, <...> / И парков черные, бездонные пруды...»), характерный для поэзии и прозы О. М. Желтый цвет у А. вообще трактуется как обозначение мертвенного мира (ср.: «Желтый пар петербургской зимы, / Желтый снег, облипающий плиты...», «Петербург», 1910) (см. об этом: Сендерович С. Мандельштам и Розанов // НЛО. 1995. № 16. С. 104).

Метафора «мысль – стрела» в стих. О. М. «Я ненавижу свет...» (1912), равно как и мотив «укола» из стих. «Я вздрагиваю от холода...» (1912), связаны с метафорой «мысли – иглы», заявленной в прозаич. вступлении «Мысли-иглы» к книге А. «Кипарисовый ларец». Стих. «Я вздрагиваю от холода...» отсылает также к стих. А. «Сверкание» (ср. О. М.: «Я вздрагиваю от холода – / Мне хочется онеметь! / А в небе танцует золото – / Приказывает мне петь!)» – А.: «Лишь не смолкла бы медь, / Только ей онеметь, / Только меди нельзя не звонить».

В сонете «Пешеход» (1912) «поэтическая структура <...> и характерные для нее логические переломы <...> задана сонетом Бодлера “Старый колокол” в переложении Анненского (“О, я не тот, увы! Над кем бессильны годы...”)» (Ронен О. Поэтика Осипа Мандельштама. СПб., 2002. С. 195). Прямой подтекст из стих. А. «Идеал» (стихи «...Решать на выцветших страницах / Постылый ребус бытия») обнаруживается в строках «Пешехода» «...Но я не путник тот, / Мелькающий на выцветших листах...». Смысловая кульминация стих. «На площадь выбежав, свободен...» (1914), обнаруживающаяся в 3-й строфе, связана со стих. А. «Петербург». В стихотворениях 1913–14, написанных в форме «рассказов в стихах» (ср. «Домби и сын»), О. М. опирался на поэтику А. (см. об этом: Громов П. П. А. Блок, его предшественники и современники. М.; Л., 1966. С. 389).

Тему связи музыки и поэзии, звуковой стороны поэтич. слова с его смысловой наполненностью О. М. разрабатывал вслед за А., учитывая особенности его поэтики (см. об этом: Барзах А. Е. «Рокот фортепьянный»: Мандельштам и Анненский // Звезда. 1991. № 11. С. 161–165).

В стих. «Я не увижу знаменитой Федры...» (1915) строки «Я в этой жизни жажду только мира...» являются реминисценцией из трагедии А. «Меланиппа-философ»: «Мы ж мира, бог, мы жаждем только мира...» (Левинтон Г. А. «На каменных отрогах Пиэрии» Мандельштама: Материалы к анализу // РЛ (Амстердам). 1977. Т. 5. Вып. 2. С. 167). Стихотворение «Бессонница. Гомер. Тугие паруса...» (1915) – отклик не только на перечень кораблей во 2-й кн. «Илиады», но и на фразу А.: «И каталог кораблей был настоящей поэзией, пока он внушал» (из ст. А. «Что такое поэзия?», 1903).

В качестве одного из источников образов стих. «Собирались эллины войною...» (1916) О. М. использовал комментарий А. к «Вакханкам» Еврипида. В стих. О. М. «Когда, соломинка, не спишь в огромной спальне...» (1916) словесная тема развивается сюжетно: употребленное слово выдвигает тему. Этот прием характерен для поэзии А., в частности для его стих. «Невозможно», где вынесенное в заглавие слово является «сюжетным героем» и «Моя Тоска», где Тоска трактуется как имя собственное и «сложно и противоречиво персонифицировано» (см. об этом: Гофман В. В. О Мандельштаме: Наблюдения над лирическим сюжетом и семантикой стиха // Звезда. 1991. № 12. С. 180–181). Благодаря этому приему возникают «стихи о стихе», в

к-рых жизнь слова и его способность вызывать ассоциации обретают сюжетный статус (у А. «Перебои ритма», «Пэон второй – поэн четвертый») (Там же. С. 181).

Стих. «В Петербурге мы сойдемся снова...» (1920) с культурой как смысловым центром, взятым в «исторический момент ее смерти-возрождения», в обратной перспективе обращено, среди прочих источников, и к поэзии А.; о раскрытии О. М. и А. образа Петербурга см.: М а р г о л и н а С. М. Мировоззрение Осипа Мандельштама. Марбург, 1988). В качестве прямого подтекста здесь использовано стих. А. «Смычок и струны». О. М. развивал заявленный А. мотив «механического» и «мертвого» начал, маленького и слабого человеч. «я», сталкивающегося с механич. роком, задействует идею творч. рефлексии, звучащую в «Смычке и струнах».

Возникшая в стих. О. М. «Умывался ночью во дворе...» (1921) метафора «Звездный луч – как соль на топоре» восходит к стих. А. «То и это», в к-ром холод, распространяющийся в ночном мире, охватывает явления разного порядка, ср.: «Если тошен луч фонарный / На скользоте топора».

Пародийное противопоставление муж. и жен. начал выражено в стих. О. М., посвященных О. Н. *Арбениной* (1920): здесь пародируется и «лучший сон» А. («Мой лучший сон – за тканью Андромаха»), о к-ром говорится в стих. А. «Другому». Также в стих. «Я по лесенке приставной...» (1922) тема птенца заимствована из «Фамиры-кифареда» А.

В стих. «Концерт на вокзале» (1921) «родная тень в кочующих толпах» является скорее всего тенью А. (т. з. И. А. Бродского), поскольку смерть А. в подъезде Царскосельского вокзала в Петербурге для акмеистов, в частности для О. М., являлась знаковым моментом. Также и связь мотивов музыки, смерти и вокзала сама по себе может быть прочитана как указание на фигуру А.: при сравнении этого стихотворения О. М. со стих. А. «После концерта» видно, что «У Анненского все гаснет, спускается, катится вниз: небеса, огни, звуки, аметисты... В “Концерте на вокзале” Мандельштам сплетает железнодорожные стихи и биографию Анненского с прощальным поклоном всей европейской культуре». При этом О. М. обращается еще и к стих. А. «Тоска вокзала», в к-ром вокзальный мир нарочито недвижен и беззвучен: в свой реквием А. О. М. ввел звуковое изобилие (скрипка, фортепиано, ночной хор), характерное для поэзии А. Тот же прием – говорить о поэте на языке образов этого поэта – О. М. применил позже, обращаясь к поэзии А. *Белого*. Беззвучный вокзальный мир стихотворения А. отзывается в творчестве О. М. и несколько позже (ср. «Шум времени»: «Музыка в Павловске»).

Связана с поэзией А. и «Грифельная ода» (1923) О. М. Стих. А. «О нет, не стан» (строка «Не влажный блеск малиновых улыбок») отзывается в стих. О. М. «Жизнь упала, как зарница...» (1924) («Как дрожала губ малина...»), а «Сиреневая мгла» А. – в «Мы с тобой на кухне посидим...» (Лекманов О. А. Книга об акмеизме и другие работы. Томск, 2000. С. 635). Стих. О. М. «Неправда» («Я с дымящей лучиной вхожу», 1931) восходит к одной из сюжетных линий стих. А. «Старая усадьба», ср. О. М.: «– Захочу, – говорит, – дам еще... – <...> // Вошь да глушь у нее, тишь да мша...» – А.: «Не сфальшивишь, так иди уж: у меня // Не в окошке, так из кошки два огня. // Дам и брашна – волчьих ягод, белены...». Обращает внимание звуковое сходство обоих стихотворений.

В стих. О. М. «О, как мы любим лицемерить...» (1932) 3-й и 4-й стихи («...То, что мы в детстве ближе к смерти, // Чем в наши зрелые года») сопоставимы с А.: «В детстве тоньше жизни нить / Дни короче в эту пору...» («Дети»), а строка из «Стихов о неизвестном солдате» (1937) «Дождь, неприветливый сеятель» – с «Расе» А. Связь образов «звезд» и «виноградин» в «Стихах о неизвестном солдате» О. М. выстроена по подобию примененного А. приема, к-рый трактовал звезды как агрессивное явление, относясь к ним «с недоверием, граничащим с отвращением» (ср. стих. А. «Лишь тому, чей покой таим»: «Пчелы в улей там носят мед, // Пьяны гроздами... // Сердце ж только во сне живет // Между звездами...»). Строка стих. О. М. «Заблудился я в небе – что делать?» (1937): «Всех живущих прижизненный друг...» отсылает к стих. А. «Желание», ср.: «Где бы каждому был я слуга // И творенью господнему друг...».

Свойственные О. М. темы сострадания и вины за несовершенство мира созвучны подобным настроениям А., причем «сострадание И. Анненский рассматривал как силу, способную восстановить разрушенную гармонию». А. выдвигает идею объединения индивидуальностей и их нравств. опыта в противовес абсурду бытия.

Прозаич. произведения О. М. также создаются под влиянием произведений А., в частности его критич. прозы из «Книги отражений» и «Второй книги отражений». Так, на способ создания образа Парнока из «Египетской марки» (1927) оказал влияние метод А., проявившийся в ст. из «Книги отражений» «Проблема гоголевского юмора» («Нос», «Портрет») и «Достоевский до катастрофы» («Виньетка на серой бумаге к “Двойнику” Достоевского», «Господин Прохарчин»). Строя свое критич. повествование как «пересказ» эпизодов из произведений Н. В. *Гоголя* и Ф. М. *Достоевского*, при этом монтируя эти эпизоды и формулируя опущенные писателями логические и психологич. мотивировки, А. добивается наличия в повествовании одновременно двух точек зрения: повествователя и критика. При этом автор не исключает из текста и собств. читательскую личность – не столько критика, сколько эмоционально воспринимающего произведение человека. Подобный субъективизм А. обозначает в предисловии к «Книге отражений»: «Я же писал здесь только о том, что *мной владело*, за чем я *следовал*, чему я *отдавался*, что я хотел сберечь в себе, сделав собою» (Анненский И. Ф. Избранное. С. 176). Это придает произведению специфич. объем. По тому же стереоскопич. принципу написана и «Египетская марка». Наблюдая за своим героем со стороны, оценивая его как явление культуры, сочувствуя ему и отождествляя его с собой, О. М. создает прозу, в к-рой писатель (он же – читатель книг др. авторов, шире – воспреемник культуры), критик и герой оказываются едины. Субъективистская манера А. оказывается для О. М. важной и в контексте его диалога с представителями формальной школы. Отчуждение вещи от ее хозяина (визитка у Парнока) восходит столько же к «Носу» Гоголя, сколько и к интерпретации произведения, данной А. Взгляд А. на предмет его описаний формулируется в его ст. «Умирающий Тургенев. Клара Милич»: «Аратов – это наше изменившееся *я*, изменившееся, но от меня

все же не отделимое, и которому, в сущности, ничего не нужно, кроме его: тик-так, тик-так <...> только бы подольше». Ср. в «Египетской марке» мотив времени: «Мы считаем на годы; на самом же деле в любой квартире на Каменноостровском время раскалывается на династии и столетия»; «Время, робкая хризалида, обсыпанная мукой капустница, молодая еврейка, прильнувшая к окну часовщика, – лучше бы ты не глядела». Также отмечено взаимодействие героя произведения и авторской личности: «Господи! Не сделай меня похожим на Парнока! Дай мне силы отличить себя от него».

Эстетический идеал для А. заключен в образах эллинизма так же, как и для О. М. В ст. «Проблема Гамлета. Гамлет» А. говорит о драме героя как имеющей прежде всего эстетическую и лишь во вторую очередь нравств. подоплеку: «...Убийца (отца Гамлета. – *В. К.*) <...> не столько оскорбил христианского бога правды, сколько помрачил эллинский богов красоты» (Анненский И. Ф. Избранное. С. 386). Восстание против несправедливости жизни, по А., есть прежде всего стремление опротестовать ее антиэстетизм. Свойственное А. чувство катастрофичности жизни, его тяготение к эстетике и к культуре античности повлияло на формирование эстетич. взглядов О. М., отозвавшись в его эссеистике концептом «тоски по мировой культуре».

Лит.: Громов П. П. А. Блок, его предшественники и современники. М.; Л., 1966; Левинтон Г. А. «На каменных отрогах Пиэрии» Мандельштама: Материалы к анализу // РЛ (Амстердам). 1977. Т. 5. Вып. 2; Тименчик Р. Д. Поэзия И. Анненского в читательской среде 1910-х годов // УЗ. Тартуского ун-та. 1985. Вып. 680: Блоковский сб. VI; Марголина С. М. Мировоззрение Осипа Мандельштама. Марбург, 1988; Ахматова А. А. [Иннокентий Анненский] // Ахматова А. А. «Узнают голос мой...». М., 1989; Гинзбург Л. Я. «Камень» // Мандельштам О. Э. Камень. Л., 1990; Мандельштам Н. Я. Вторая книга. М., 1990; Барзах А. Е. «Рокот фортепьянный»: Мандельштам и Анненский // Звезда. 1991. № 11; Гофман В. В. О Мандельштаме: Наблюдения над лирическим сюжетом и семантикой стиха // Звезда. 1991. № 12; Богомолов Н. А. «Кипарисовый ларец» и его автор // Анненский И. Ф. Кипарисовый ларец. М., 1992; Тоддес Е. А. Заметки о Мандельштаме // Шестые тыняновские чтения. Рига; М., 1992; Гаспаров М. Л. Поэт и культура: Три поэтики Осипа Мандельштама // De visu. № 10. 1993; Он же. «Сеновал» О. Мандельштама: история текста и история смысла // Тыняновский сб. Вып. 11. М., 2002; Петрова Г. В. На пути поисков оправдания мира в творчестве И. Анненского (Анализ двух стихотворений из сборников «Тихие песни» и «Кипарисовый ларец») // Художественный текст и культура: Тезисы докладов на Всерос. худож. конференции: Владимир, 1993; Рейфилд Д. Мандельштам и звезды // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. Вып. 2. Воронеж, 1994. С. 58; Чекалов И. И. Поэтика Мандельштама и русский шекспиризм XX века. Историко-литературный аспект полемики акмеистов и символистов. М., 1994; Гитин В. Иннокентий Анненский // История русской литературы: XX век: Серебряный век. М., 1995; Аверинцев С. С. Судьба и весть Осипа Мандельштама // Аверинцев С. С. Поэты. М., 1996; Бройтман С. Н. «В Петербурге мы сойдемся снова...» О. Мандельштама в свете исторической поэтики // Сохрани мою речь. Вып. 3. Ч. 1. М., 2000; Лекманов О. А. Книга об акмеизме и другие работы. Томск, 2000; Тарановский К. О поэзии и поэтике. М., 2000; Левин Ю. И., Сегал Д. М., Тименчик Р. Д., Топоров В. Н., Цивьян Т. В. Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма // Смерть и бессмертие поэта: Материалы науч. конф. М., 2001; Ронен О. Поэтика Осипа Мандельштама. СПб., 2002; Терапиано Ю. К. Осип Мандельштам // Терапиано Ю. К. Встречи: 1926–1971. М., 2002; Панова Л. Г. «Мир», «пространство», «время» в поэзии Осипа Мандельштама. М., 2003; Ronen O. An Appoach to Mandelstam. Jerusalem, 1983; Tucker J. G. Innokentij Annenskij and the acmeism doctrine. Columbus, 1986; Kelly C. [Rec.: Tucker J. G. Innokentij Annenskij and the acmeism doctrine. Columbus, 1986] // Slavjnic a East Europ. Rev. L., 1988. Vol. 66. № 2; Krys M. B. [Rec.: Tucker J. G. Innokentij Annenskij and the acmeism doctrine. Columbus, 1986] // Slavic rev. Standford, 1988. Vol. 47. № 2.

В. В. Калмыкова.

АНТИЧНОСТЬ И АНТИЧНЫЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА представлены в неск. планах. Во-первых, это стандартный, как бы «гимназический», набор образов, мотивов и тем, восходящих к обобщенному культурному достоянию Вост. Средиземноморья и Сев. Причерноморья, как их понимал образованный рус. разночинец посл. четверти 19 в. Во-вторых, это явные и скрытые цитаты и реминисценции из конкретных авторов, поэтич. загадки разл. степени сложности, а также внутрицеховой диалог об античности (А.), например с В. И. *Ивановым*, образы и мотивы, к-рые поэт наблюдал непосредственно и воспринимал как имеющие отношение не столько к древности – от Гомера до Данта, – сколько к постоянно присутствующему в самом рус. языке «эллинизму», или «эллинистичности». Последний (см. в ст. «О природе слова»), в понимании О. М., включает в себя и Рим императорский, и Рим республиканский, и Рим папский, как бы заново открывший «эллинизм». Этот план А. постоянно присутствует и в стихах, и в прозе, и в критике О. М. В ряде статей сб. «О поэзии» (1928) он дает несколько определений «эллиннистичности» рус. языка. Во-первых, это язык, замещающий всякую социальность, во-вторых, это преображение эллинства на рус. культурной и языковой почве. «Эллинистичность» для О. М. тем самым – понятие и эстетическое, и историческое, а А. понимается О. М. как большая филол. задача и как загадка поэзии. Такое живое отношение к античным мотивам (А. м.) как к источнику постоянного обновления поэзии и непосредств. существования было присуще и нек-рым др. современникам О. М., напр. Н. А. *Заболоцкому* («Читайте, березы, стихи Гезиода»), но оно же вызывало протест и, возможно, зависть у многих др. поэтов, напр. у В. Я. *Брюсова*, неприязненно и упрощенно воспринимавшего античные реминисценции и интуиции О. М. В стих. «К немецкой речи» О. М. подает античный контекст как сложную загадку, в к-рой античные герои – мифологические и исторические – и реалии могут внутри стихотворения несколько раз менять направление движения мысли читателя, переводя его из греч. трагедии в нем. поэзию 18 в., а оттуда – в трагедию рус. поэзии первой четв. 20 в. – от Эсхила через Клейста и Гете – к Гумилеву. Наконец, в-третьих, А.– это и самостоят. сегмент поэтич. мира О. М., в к-ром отд. слова, синтагмы и изобразит. комплексы являются собств. находками поэта, иногда омонимичными традиционным и кажущимися вполне понятными, а иногда – так и оставшимися загадочными для читателя, напр.

Москва-Мойра с «пряжей на руках» («Сегодня можно снять декалькомани...», 1931). Так, омонимом греч. «акрополя» («верхнего города», «кремля») является «акрополь» мандельштамовский (темница, иногда сруб). Этот третий план сложился, по-видимому, после 1912, когда О. М. начал брать уроки др.-греч. языка у К. В. *Мочульского*. В некрологе, написанном в 1945, Мочульский, в частности, вспоминает, что «чтение Гомера превращалось в сказочное событие; наречия, энклитики, местоимения преследовали его во сне, и он вступал с ними в загадочные личные отношения. Когда я ему сообщил, что причастие прошедшего времени от глагола “пайдево” (воспитывать) звучит “пепайдевкос”, он задохнулся от восторга и в этот день не мог больше заниматься. На следующий урок пришел с виноватой улыбкой и сказал: “Я ничего не приготовил, но написал стихи” <...> Он превращал грамматику в поэзию и утверждал, что Гомер – чем непонятнее, тем прекраснее. Я очень боялся, что на экзамене он провалится, но и тут судьба его хранила, и он каким-то чудом выдержал испытание. Мандельштам не выучил греческого языка, но он отгадал его. Впоследствии он написал гениальные стихи о золотом руне и странствиях Одиссея: “И покинув корабль, натрудивший в морях полотно, / Одиссей возвратился, пространством и временем полный”. В этих двух строках больше “эллинства”, чем во всей “античной” поэзии многоученого Вячеслава Иванова». В этом «чем непонятнее, тем прекраснее» важное указание на вариант «ученого незнания» – как развития темы «ангел, а не литератор». Наиб. интерес исследователей вызывает присутствие в стихах О. М. А. эхолалической – имен, названий, появляющихся по случайному созвучию, напоминающему испорченное и как бы ошибочное чтение с позднейшим подбором вместо него оправданного чтения («аониды» вместо «нереид»). Здесь А. конструируется, точнее, лепится из едва ли не любого попутного материала – как поиск «телеологического тепла» в процессе конструирования, лепки собственной А., что появляется и в «Воронежских стихах», когда О. М. прямо пересказывает содержание краснофигурной росписи греческой вазы: очутившись в Средиземье, в черноземном Воронеже, поэт воссоздает свой «Крит зеленый» и свое Средиземноморье. Античная география у О. М. так же идиоматична, как и отд. образы и мотивы, поэт не только никогда не стремится к учен. акрибии, но и часто вполне сознательно помещает под один топоним либо неск. топографич. объектов («Средиземье/Черноземье» и «Средиземноморье», гомеровская Троя как ось, вокруг к-рой размещены Таврида и Эллада), либо неск. ист. эпох (Рим – императорский и папский). Рим в стихах О. М. является в неск. обличьях и, по мнению Р. Пшибыльского, образует рамку, без к-рой даже невозможно понимание динамики изменений его поэтич. языка. «Природа – тот же Рим и отразилась в нем» – эту строчку Пшибыльский считает ключевой, объясняющей все оппозиции, на к-рых держится мандельштамовский Рим. Однако, поэтич. язык О. М. сопротивляется прямолинейной рационализации, он истово бьется в треугольнике русской, греческой и латинской фонетик, и эта тройственность превосходна видна в одном из самых цитируемых стих. О. М. – «Бессонница. Гомер. Тугие паруса»: «божественная пена» на головах царей понятна здесь только в случае одновр. чтения перевода слова с греческого и латыни на русский и собственно рус. значения слова «пена» – метафоры нарядного оперения, вздымающегося украшения доспехов и т. п. Игра в анаграммы, и без того присутствующая в этом стихотворении («Гомер» = «море»), излюбленный О. М. гендиадис, построенный на многозначности слова и предстающий как плеоназм или тавтология («висит руно тяжелою волною», где руно – мех, а волна – шерсть), делает подобную интерпретацию принудительной.

Психолого-географич. измерение «смысловой организации» поэзии О. М. характеризуется чрезвычайной интенсивностью и контрастностью лично переживаемого пространства сев.-вост. пределов эллинского мира – от Крыма до Черноземья и пространства культурно-историч., некогда покинутого поэтом знакомого и приютного мира Средиземноморья, где А. мыслится поэтом все еще живой. Ю. И. Левин проследил явление «глоссолалии фактов», о к-ром О. М. писал в «Разговоре о Данте», и показал, что О. М. намеренно переносит А. в свой психич. мир как пространство со сбитыми ориентирами, где Пенелопа не ткет, а вышивает, Одиссей плавает за золотым руном, Таврида отождествляется с Колхидой и т. д. Подлинное, настоящее эллинство и не может совпасть с мертвым начетничеством, его надобно надломить, чтобы из этого надлома забил настоящий источник узнавания. Таким надломом оказывается для О. М. либо размер (в частности, «тягучий и долгий» 5-стопный анапест или 5-стопный амфибрахий из стихотворений 1920), либо передача атрибутов от одних богов и богоподобных сущностей – другим («пчелы Персефоны», «стигийская нежность», «стигийского воспоминанье звона»), либо вынужденное обращение читателя и исследователя к таким пластам поэтики О. М., к-рые едва ли удастся верифицировать. По мнению М. Л. *Гаспарова*, здесь мы имеем дело с «приглашением к сотворчеству: автор как бы предлагал читателю на опыте воспринять стихотворение в буквальном смысле, в реальном плане, убедиться, что это ни к чему не ведет, и тогда, осознав, что перед ним не реальные образы, а условные, вспомогательные, попытаться реконструировать по ним реальный план (разумеется, лишь более или менее приблизительно) – или же признаться в своем бессилии». Т. о., все исследователи А. м. в творчестве О. М. исходят из того, что греко-римский субстрат в поэзии О. М. – это область сознательно разбросанных тут и там загадок и шарад, из них складывается в конечном счете центральный для его поэтики инструмент – создание текста, буквальное значение к-рого на одном языке является метафорой на других. Эту технику О. М. берет, напр., у Пиндара и воспроизводит ее в «воронежских стихах», перенося ее на свои биографич. обстоятельства. Исследование А. и А. м. в творчестве О. М. – одна из стержневых тем *мандельштамоведения*.

Лит.: Мандельштам и античность. Сб. статей / под ред. О. А. Лекманова. М.: Радикс, 1995 (Записки Мандельштамовского об-ва. Т. 7).

Г. Ч. Гусейнов.

«АОНИДЫ», название не вышедшей книги О. М. Предположит. соответствовала «Tristia» и «Второй книге». Договор с *Госиздатом* об ее издании О. М. заключил 11.5.1922. Рукопись объемом в 1805 стихотв. строк была представлена в тот же день (ГА РФ. Ф. Р-395. Оп. 10. Д. 53. Л. 47).

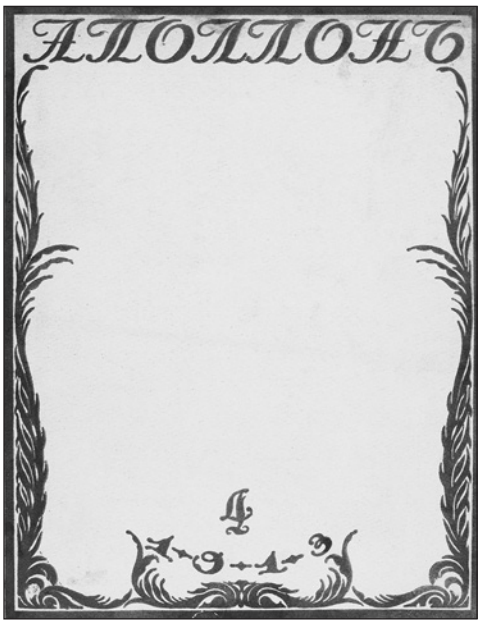
27.5.1922 книга прошла полит. цензуру, отзыв полит. редактора Госиздата К. Лавровой: «Никаких препятствий с политической стороны не встречается. Если Государственное издательство вообще печатает стихи, то, конечно, есть все основания издать книжку Мандельштама»; тем же днем датирована и резолюция Л. Д. Троцкого: «Печатать» (ГА РФ. Ф. Р-395. Оп. 9. Д. 6. Л. 129). Книга анонсировалась в бюллетене петрогр. отд. Госиздата «Новая книга» (1922. № 5), в газетах «*Известия*» (5.9.1922) и «*Накануне*» (1.10.1922. Литературное приложение № 1). Эта же книга, по всей видимости, имелась в виду в сообщении о подготовке О. М. сб. «Слепая ласточка» (Корабль. Калуга. 1923. № 1/2. С. 48). Тем не менее ни под таким названием, ни под названием «А.» книга стихов О. М. так и не вышла. Достоверные причины этого не установлены, но есть немало оснований связывать это с давлением *цензуры*, резко усилившимся после образования 6.6.1922 Главлита. По предположению А. Г. Меца, планы издательства были скорректированы после того, как О. М. начал подготовку «Второй книги» в изд-ве «*Крут*», а Госиздат выпустил новое издание кн. «Камень».

П. М. Нерлер.

«АПОЛЛОН», лит.-худож. журнал модернистского направления. Выходил в Петербурге (адрес редакции – ул. Мойка, д. 24) в 1909–1917. Инициатором создания «А.», а также редактором был литератор и худож. критик С. К. *Маковский*. Он привлек к выработке концепции И. Ф. *Анненского*, В. И. *Иванова* и А. Н. Бенуа, целый ряд идей к-рых лег в основу редакц. программы журнала. По замыслу создателей, «А.» должен был стать преемником крупнейших периодич. изданий модернизма и явиться знаком начала нового этапа в развитии культуры России. Образцом послужил журнал «Мир искусства», отличавшийся широтой эстетической платформы (к этому изданию Маковский был близок с 1898).

Задача журнала мыслилась как консолидация лучших творч. сил нового искусства России, невзирая на несходство эстетич. позиций разл. течений и направлений. Центром объединения послужила идея «аполлонизма» – свободного, сознат. творчества, к-рое опирается на живую традицию и ставит перед собой сугубо худож. задачи вне идеологич. ограничений. Важнейшим мерилом провозглашались эстетич. вкус и чувство меры. Т. о., «А.» открещивался, с одной стороны, от декадентства и от религ.-мистич. направления в культуре, а с другой – от «слепого новаторства, не признающего никакой преемственности» (Маковский С. К. Ответ Н. Пунину. Аполлон. 1913. № 9. С. 9). Одной из наиб. определенных манифестаций «аполлонизма» был «кларизм» М. А. *Кузмина* (см. его ст. «О прекрасной ясности» в: Апполон. 1910. № 4). В таком контексте естественно сближение «аполлонизма» и нарождающегося *акмеизма* при том, что на страницах издания публиковались и произведения символистов (см. *Символизм*).

Равное внимание в «А.» уделялось литературе, изобразит. искусству, музыке. Среди ближайших сотрудников – С. А. Ауслендер (ведущий рубрики «Петербургские театры»), А. А. *Ахматова*, Бенуа, А. А. *Блок*, Л. П. Брюллова, Е. И. Васильева (Черубина де Габриак), С. М. Волконский,



Обложка журнала «Аполлон»

М. А. *Волошин*, Н. Н. Врангель, А. Л. *Волынский*, С. М. *Городецкий*, Н. С. *Гумилев*, И. фон Гюнтер, М. В. Добужинский, Е. А. Зноско-Боровский, В. И. *Иванов*, Г. В. *Иванов*, В. Г. Каратыгин, В. Г. Князев, В. А. Комаровский, Кузмин (рубрика «Заметки о русской беллетристике»), М. Л. *Лозинский*, М. Л. Моравская, К. С. Петров-Водкин, А. Н. *Толстой*, В. А. Чудовский (секр. редакции), К. И. *Чуковский*, Г. И. Чулков и др. На страницах «А.» впервые увидели свет такие важные статьи-манифесты, как «О прекрасной ясности: Заметки о прозе» Кузмина (1910. № 4), «Наследие символизма и акмеизм» Гумилева, «Некоторые течения в современной русской поэзии» Городецкого (оба текста 1913. № 1) и др.

Литераторов привлекала не только свобода «А.» от тенденциозности или партийности, но и особая атмосфера, сложившаяся в редакции и в кружке авторов. Обсуждение и критика произведений, разработка планов ближайших номеров и программы в целом производились коллективно (приблизительно так же, как на заседаниях «*Цеха поэтов*»). При редакции действовал ряд лит. объединений («Общество ревнителей художественного слова», «Общество изучения современной поэзии», «Общество для всестороннего изучения риторики как художества»).

Эстетич. позиции «А.» оказали существ. влияние на творчество О. М., в частности на его понимание поэтич. свободы. В «А.» № 9 за 1910 состоялся поэтич. дебют О. М.; стихотворения «Дано мне тело – что мне делать с ним...», «Невыразимая печаль...», «Когда удар с ударами встречается...», «Медлительнее снежный улей...», «Истончается тонкий тлен...», «Silentium», без заглавия). С появлением О. М. в редакции связан анекдот о том, как его привела туда мать. Впоследствии О. М. регулярно печатал в «А.» как стихи, так и статьи, имевшие программный характер и для его творчества, и для формирования эстетики акмеизма в целом

(«О собеседнике» 1913. № 2; «Франсуа Виллон». 1913. № 4; «Петр Чаадаев». 1915. № 6–7). На страницах «А.» публиковались «Письма о русской поэзии» Гумилева, касавшегося в ряде случаев поэзии О. М. (1914. № 1–2), и его же рецензия на второе издание «Камня» (1916. № 1).

В. В. Калмыкова.

АРБЕНИНА (сценич. псевд., наст. фам. Гильдебрандт) Ольга Николаевна (25.12.1897, С.-Петербург – 27.6.1980, Ленинград), актриса, художник-акварелист; адресат неск. стихотворений О. М. и автор мемуаров о нем. В 1919–23 выступала на сцене Александринского театра, в 1920 эпизодически посещала лит. студии при *«Доме искусств»*; автор лирич. стихов. С сер. 1920-х гг. занялась живописью, как график-акварелист входила в группу художников «13», была участницей ряда худож. выставок. Особую красоту и обаяние личности А. отмечали мн. современники и мемуаристы; в разное время к ее образу обращались в поэзии А. А. *Ахматова*, Н. С. *Гумилев*, М. А. *Кузмин*, Б. К. *Лившиц*. В нач. 1921 А. вошла в ближайшее окружение Кузмина, с этого же времени связала свою жизнь с Ю. *Юркуном*.

По свидетельству А., в нач. 1900-х гг. ее семья нек-рое время проживала в Петербурге по соседству с семьей Мандельштамов по адресу: Литейная, 15, но ее знакомство с О. М., согласно одной из т. зр., предположительно могло произойти 14.5.1916 в *Тенишевском училище* на лекции В. Я. *Брюсова* о средневековой армянской поэзии. По др. версии (основанной на устных воспоминаниях А. в 1974), оно состоялось после мандельшт. выступления в Клубе поэтов 20.10.1920, но, возможно, речь должна идти об импровизированном концерте в *Доме литераторов* 24.10.1920. Осенью 1920, вернувшись в Петроград после более чем 2-летнего отсутствия, О. М. испытал глубокое увлечение А., находившейся в близких отношениях с Гумилевым. Позднее она вспоминала: «Его стихи до этого не особенно любила (“Камень”), они мне казались неподвижными и сухими. <...> Когда произошло его первое выступление <...> я была потрясена!». Вскоре встречи стали регулярными: 4.12.1920 О. М. пропустил проходившее в «Доме искусств» поэтич. выступление В. В. *Маяковского*, проведя это время в обществе А., однако из дневниковой записи К. И. *Чуковского* об этом вечере можно сделать др. вывод: «У нас (у членов Дома Искусств) было заседание – скучное, я сбежал, – а потом началась Ходынка: перла публика на Маяковского. <...> Дм. Цензор, Замятин, Зин. Венгерова, Серафима Павловна Ремизова, Гумилев, Жоржик Иванов <...> Альтман <...> Пунин, Мандельштам, художник Лебедев и проч., и проч., и проч.» Тогда же О. М. и А. посетили премьеру возобновл. спектакля «Петрушка» из репертуара «Русских сезонов» С. П. Дягилева. Чувства О. М. к А. носили глубоко лирич. характер, позднее она вспоминала: «Он любил детей и как будто видел во мне ребенка. И еще – как это ни странно, что-то вроде принцессы <...>. Потом он сказал, что я представляюсь ему в трех образах: “Мечта молодого Бальзака – Римские встречи Гете – самая младшая из подруг Сафо”»; позднее А. признавалась, что «доверяла М. свои стихи».

Симпатия О. М. к А. явилась причиной его серьезного конфликта с Гумилевым; А. вспоминала позднее: «Я <...> была ни жива ни мертва, опасаясь потасовки. Но этого не было!». Данный эпизод отразился в шуточном стих. Г. В. *Иванова* «Баллада о дуэли» («Сейчас я поведаю, граждане, вам...»); ср. свидетельство Э. Г. *Герштейн*, относящееся к сер. 1930-х гг.: «Ревность, соперничество были священными атрибутами страсти в понимании Мандельштама. <...> У него кружилась голова от разбуженных <...> воспоминаний о Николае Степановиче, когда в голодную зиму они оба домогались любви Ольги Николаевны Арбениной». После разрыва отношений в январе 1921, под сильнейшим давлением Юркуна, А. перестала общаться с О. М.: «Юра был <...> железный. Выбросил из моей жизни и Гумилева, и Мандельштама» (Гильдебрандт-Арбенина О. Н. Гумилев // Гильдебрандт-Арбенина О. «Девочка, катящая серсо...»: Мемуарные записи. Дневники / сост. А. Дмитриенко. М., 2007. С. 142). По свидетельству П. Н. *Лукницкого* известно воспоминание О. М. об этом периоде: «...За 12 лет знакомства и дружбы у него с Н. С. один только раз был разговор в биографическом плане, когда О. Э. пришел к Н. С. (О. М. говорит, что это было 1 января 1921 года) и сказал: “Мы оба обмануты” – (О. Арбениной) – и оба они захохотали». Вероятно, именно окончат. разрыв с А. повлиял на решение О. М. о поездке к Н. М. в Киев. Позднее О. М. и А. эпизодически виделись в домах Радловых и Лившица; как вспоминала А., в 1937 в Москве О. М. безуспешно искал встречи с ней.

Чувства О. М. стали источником написания цикла лирич. стихов, прямо или опосредованно обращенных к А. (сохранилось свидетельство о чтении одного из них на вечере в «Доме искусств»): «В Петербурге мы сойдемся снова...», «Возьми на радость из моих ладоней...», «За то, что я руки твои не сумел удержать...», «Когда городская выходит на стогны луна...», «Когда Психея-жизнь спускается к теням...», «Ласточка («Я слово позабыл, что я хотел сказать...»)», «Мне жалко, что теперь зима...», «Чуть мерцает призрачная сцена...», «Я в хоровод теней, топтавших нежный луг...», «Я наравне с другими...» (все – ноябрь–декабрь 1920). Преобладающие в этих стихах театр. и антич. образы отчасти мотивированы сценич. занятиями, культурными интересами А. и беседами О. М. с ней; сама она отмечала: «Как ни странно, – у меня к “греческому” циклу было отношение... какого-то отцовства <...> этот цикл я считаю почти своим. После того как я прекратила “бегать к Мандельштаму” – стихи прекратились. Если б я не кончила своих посещений, уверена, что их было бы еще много». В таком контексте особое значение приобретает тот факт, что мандельшт. стих. «С розовой пеной усталости у мягких губ...» (май 1922), навеянное известной картиной В. А. Серова «Похищение Европы», по утверждению Н. М., имеет прямые личностные коннотации с нею. Вместе с тем этот текст обнаруживает более чем «типологические параллели» худож. предпочтениям А., к-рой из серовских работ особенно нравилась «“Европа на быке” (море)»; те же содержат. «координаты» привлекли ее при знакомстве с новой мандельшт. поэзией: «Когда произошло его первое выступление <...> я была потрясена! Стихи были на самую мне близкую тему: Греция и море!.. <...> Это был шквал». (Строго говоря, с биографической точки зрения именно А. была «похищена» у О. М. – сначала Гумилевым, а затем Юркуном, что выступает дополнит. основанием для предположе-

ния о присутствии в тексте следов этого личного «сюжетного хода». Культурологич. интерпретация мандельшт. стих. была ранее предложена Р. Дутли).

Возможно, А. подразумевалась в посв. Юркуну иронич. мандельшт. дистихе «Двое влюбленных в ночи...», входящем в «Антологию античной глупости», большинство фрагментов к-рой совр. комментаторы связывают с «периодом “Дома искусств”»; согласно др. т. зр., датировка отнесена к нач. 1910-х гг. Именно по мемуарам А. известно иронич. определение, данное Кузминым О. М.: «водопроводчик – высовывает голову из люка и трясет головой», а также гумилевское шутливое именование А. и О. М. «язычниками», ищущими «мрамор и розы». По предположению Л. М. Видгофа, в последней строке обращенного к М. С. *Петровых* стих. О. М. «Мастерица виноватых взоров...» (1934) «Уходи. Уйди. Еще побудь» отражены «воспоминания о другой, более ранней любви – к Ольге Александровне Гильдебрандт-Арбениной».

Обширный архив А. хранится в ЦГАЛИ СПб. (Ф. 436. Ед. хр. 107) и включает в себя, в частности, ее дневники (1917–78), воспоминания о Юркуне (1946), письма к ней Гумилева, В. А. *Милашевского*, Г. В. Полонского и др., многочисл. фотографии А., индивидуальные и в группах с Кузминым, Юркуном, Д. И. *Митрохиным* и др. (1910–70), рисунки и акварели Юркуна, в т. ч. автопортреты, портреты А. и др. (1920–38), письма к Юркуну О. М. *Брика*, Д. Б. Дарана, И. С. Зильберштейна и др. (1920–30), фото Юркуна, индивидуальные и с Кузминым (1920–34), портреты Юркуна работы Милашевского (1922–23) и др.

Соч.: Гильдебрандт-Арбенина О. Н. О Мандельштаме // Гильдебрандт-Арбенина О. «Девочка, катящая серсо...»: Мемуарные записи. Дневники / сост. А. Дмитриенко. М., 2007.

Лит.: Швейцер В. А. К вопросу о любовной лирике О. Мандельштама // Мандельштам и античность. М.: Радикс, 1995; Мусатов В. В. Лирика О. Мандельштама. К., 2000. С. 208–223; Морозов А. Записка О. Н. Арбениной // «Сохрани мою речь». Вып. 3. Ч. 1. М., 2000; Судейкина В. А. Дневник: 1917–1919 (Петроград – Крым – Тифлис) / подгот. текста, вступ. ст., коммент. И. А. Меньшовой. М., 2006; Мандельштам Н. «В Петербурге мы сойдемся снова...» // Мандельштам Н. Собр. соч.: В 2 т. Т. 2: «Вторая книга» и др. произведения (1967–1979) / сост. С. В. Василенко, П. М. Нерлер, Ю. Л. Фрейдин, подгот. текста С. В. Василенко при участии П. М. Нерлера и Ю. Л. Фрейдина, коммент. С. В. Василенко и П. М. Нерлера. Екатеринбург, 2014; Видгоф Л. М. О последней строке и скрытом имени в стихотворении О. Мандельштама «Мастерица виноватых взоров...» (1934) // Видгоф Л. Статьи о Мандельштаме. М., 2015. С. 176–182.

С. Г. Шиндин.

«АРГУС», ежемесячный иллюстриров. худож.-лит. журнал (1913–17). Выходил в Петрограде (адреса редакции – Наб. р. Мойки, 14; Б. Конюшенная ул., 5) в изд-ве «Огни». Гл. редактором «А.» был Василий Александрович Регинин (наст. фам. Раппопорт; 1883–1952), ранее издававший «Синий журнал», в к-ром печатались А. И. Куприн, ряд писателей-«сатириконцев» и др.

«А.» была свойственна броско-завлекательная манера, призванная заинтересовать взыскат. читателя. На страницах журнала печатались Л. Н. *Андреев*, Ю. П. *Анненков*, А. А. *Ахматова*, А. *Грин*, Н. С. *Гумилев*, Б. К. Зайцев, Г. В. *Иванов*, Куприн, В. И. *Нарбут*, Г. В. *Иванов*, А. Н. *Толстой*, Тэффи, Саша Чёрный и др. О. М. публиковался в «А.» наряду с др. акмеистами и членами «Цеха поэтов» (в частности, здесь были опубликованы стих. «Заснула чернь. Зияет площадь аркой» под заглавием «Дворцовая площадь» и «Американ бар»).

Лит: Аргус. 1913. № 7; 1917. № 4.

В. В. Калмыкова.

АРДОВ (Зигберман) Виктор Ефимович (8.10.1900, Воронеж – 26.2.1976, Москва), писатель, и его жена Ольшевская Нина Антоновна (13.8.1908, Владимир – 25.3.1991, Москва), актриса (тогда – Художественного театра), режиссер, познакомились с О. М. и Н. М., поселившись в 1933 в писательском доме-кооперативе в Нащокинском пер. (ул. Фурманова, 5). Между ними, со слов А., «возникли добрососедские отношения. Помнится, Анна Андреевна даже навестила нас вместе с Мандельштамом. Но никакой дружбы из этого, разумеется, не возникло, да и не могло возникнуть... А тут в самом конце 33-го вместе с матерью приехал в Москву и Лева Гумилев. В квартирке Мандельштама ему решительно не было места на ночь. Мы с женой узнали о том и предложили Леве переночевать у нас... и не только переночевать, а прожить все его пребывание в столице» (Ардов В. Этюды к портретам. М., 1983. С. 45–46). У Ардовых Л. Н. Гумилев гостил и в момент ареста О. М. 16.5.1934. По рассказу А. В. Д. Дувакину, знакомство с О. М. и Н. М. поначалу не выходило за рамки добрососедства: «Он иногда читал мне свои стихи, причем без просьбы с моей стороны. Иногда он приносил какие-то странные шутки, которые были для него характерны. Ведь он автор таких эпиграмм, типа – юмор нелепостей. И вот он приходил и читал мне свою шутку. Помню, раз он пришел ко мне и стал мне читать свой перевод сонета Петрарки. Сперва он его прочитал по-итальянски, а затем свой перевод и указал мне на то, что он старался не только по ритму и, так сказать, по складу стихов, но и фонетически возможно ближе перевести к подлиннику. Это было, действительно, очень интересно <...> из этого эпизода возникла уже наша дружба» (Анна Ахматова в записях Дувакина. М., 1999. С. 144). Вместе с А. А. *Ахматовой* и Е. С. Булгаковой, Ольшевская поддерживали Н. М. после ареста О. М. и собирали для них деньги накануне ее отъезда вместе с О. М. в ссылку в Чердынь. Со временем она стала ближайшим другом Ахматовой, и Н. М. часто навещала Ахматову, подолгу жившую у Ардовых в их квартире на Ордынке (д. 17, кв. 13).

М. Б. Мейлах.

АРЕНС (урожд. Пионткевич) Елена Михайловна (домашнее имя Люля) (3.6.1902, Житомир – 6.11.1988, Москва), подруга Н. М., с к-рой они познакомились в 1923 в доме у Е. М. *Фрадкиной* и Е. Я. *Хазина*. Жена Ж. Л. Аренса, сов. дипломата, работавшего во Франции, Италии и США (16.8.1937 арестован в Москве, 4.1.1938 расстрелян). Получив в 1937(?) известие о собств. ссылке и зная о том, что О. М. и Н. М. находились в Калинине, А. вместе с двумя малолетними сыновьями Виктором и Алексеем и матерью выбрала Калинин в качестве места отбытия ссылки. После

гибели О. М. Н. М. вновь поселилась в Калинине в мае 1939 и жила в одном доме с А. и ее детьми (дер. Старая Константиновка, д. 78). Они вместе работали надомницами в артели дет. игрушки. После войны А. жила в Москве, преподавала иностр. языки в школе. Хранила один из списков стихотворений О. М. А. и ее сыновья дружили с Н. М. до самой ее смерти.

С о ч.: Пятая заповедь: Документальнач хроника семьи. М., 2004.

Лит.: Из писем Н. Я. Мандельштам к Е. М. Аренс // Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников / вступ. ст. подгот. текста, сост. и коммент. О. С. Фигурновой, М. В. Фигурновой. С. 311–12; А р е н с А. Ж. [Интервью] // Там же. С. 337–359.

П. М. Нерлер.

Лудовико Ариосто

АРИОСТО (Ariosto) Лудовико (8.9.1474, Реджио Эмилия – 6.7.1533, Феррара), итал. поэт, автор поэмы в октавах «Неистовый Роланд» (1516), являющейся как бы продолжением «Влюбленного Роланда» М. Боярдо. В России А. начали переводить с 18 в. (переложения и подражания К. Н. *Батюшкова*, А. С. *Пушкин*а, В. С. Раича, И. И. Козлова и др.). Об А. и Т. *Тассо* написал свою программную статью «Ариост и Тасс» Батюшков. О. М. пришел к А. через Батюшкова и проблему «физиологической прелести» итал. фонетики и стиха. Зимой 1932 – весной 1933 О. М. интенсивно занимался итал. языком и изучал А. и др. итал. классиков в процессе работы над своим «Разговором о Данте» (1933). О. М. владел франц. изданием: A r i o s t e. Roland Furieux traduit de l Arioste: Édition épurée / ed. P. C. Lehuby. P., 1847. В это время О. М. пережил опасность измены родному языку (см. его стих. «Не искушай чужих наречий...»). Представление о том, что «Батюшков погиб оттого, что вкусил от Тассовых чар, не имея к ним Дантовой прививки», привело О. М. к созданию образов А. и Тассо – страшных морских чудовищ в стих. «Не искушай чужих наречий...» (1933).

Специально А. посвящена «двойчатка» О. М. «Ариост», распадающаяся на крымскую (1933) и воронежскую (1935) редакции. В 1-й ред., по определению М. Л. Гаспарова, «морской», содержатся многочисл. прямые отсылки к «Неистовому Роланду» А. («Он наслаждается перечисленьем рыб» – ср.: песнь VI, 35 и след.; эпизод Альцины, заманивающей к берегу рыб; «дева на скале» – ср.: песнь XI, 54 и след.; эпизод красавицы Олимпии, освобожденной Роландом: «Orlando dal rio mostro Olimpia scioglie», – здесь же и отзвук стих. Пушкина «Буря»). Во 2-й ред., где тему моря сменяет тема степи, появляется образ гиппогрифа (крылатой лошади), напоминающий о взлете Астольфа на Луну (у О. М. «И прямо на луну взлетает враль плечистый») в XXXVI песне и возможную ссылку к X песне, где степная тема соотносится с путешествием Руджера по песку мимо соблазнов к Логистилле. В воронежской ред. О. М., называя А. «посольской лисой», намекал на его дипл. деятельность (поэт был на службе у феррарского герцога Альфонса II д'Эсте). Здесь же встречаем намек на семью поэта: «От ведьмы и судьи таких сынов / Рожала Феррара черствая» (отец А., Никколо, имел важные служебные поручения в Ферраре, образ «ведьмы» в этой строке следует отнести на счет фантазии О. М.), хотя последующее утверждение – «и на цепи держала» – относится уже к Тассо, к-рый был посажен в сумасшедший дом Альфонсом II. Т. о., О. М. создает в своем стих. синтетич. образ ренессансного поэта-эпика. От 1-й ред. стих. О. М. «Ариост» откололось 4-стишие «Друг Ариоста, друг Петрарки, Тасса друг...» (1933, 1935). В стих. О. М. «Бежит волна-волной, волне хребет ломая...» (1935), в строках «Неначатой стены мерещатся зубцы / А с пенных лестниц падают солдаты», – возможен намек на осаду Бизерты у А. в песне XLI.

Лит.: Г а с п а р о в М. Л. «Ариост» Мандельштама: редакция морская и редакция степная // Russica Romana. 1998. № 5.

С. Гардзонио.

АРИСТОТЕЛЬ (Aristotélçs) Стагирит (384, Стагир – 322 до н. э., Халкид, о-в Эвбее), др.-греч. философ и ученый. В 367 в Афинах стал учеником *Платона*, вплоть до смерти к-рого в 347 в течение 20 лет был участником его Академии, сначала на правах ученика, затем в качестве преподавателя. В своих трудах обращался почти ко всем доступным для его времени отраслям знания – философии, логики, этики, космологии, физики, биологии, оставил социально-полит. и ист. сочинения, работы об искусстве и литературе, в т. ч. дошедшую не полностью «Поэтику» (первый полный рус. пер. – 1885). Научное наследие А. стало одним из гл. интеллектуальных достижений древнего мира, оказавшим существенное влияние как на античную философию, так и на филос. традицию *Средневековья*.

Прямые свидетельства о знакомстве О. М. с трудами А. неизвестны, хотя имя его, несомненно, входило в программы преподавания истории античной философии, прослушанные О. М. в период обучения в *Санкт-Петербургском университете*. Так, весной 1912 и весной 1914 он, очевидно, посещал лекции по истории древней философии проф. А. И. Введенского, а 7.9.1916 сдавал экзамен по этому курсу проф. И. И. Лапшину. Вероятно, О. М. было известно об издании в этот период под ред. проф. Ф. Ф. Зелинского и с его вступ. ст. фрагментов из аристотелевских произведений в монографии (Педагогические воззрения Платона и Аристотеля / пер. С. В. Меликовой и проф. С. А. Жебелева. Пг., 1916). Источником и доп. знаний об А., и активи-

зации интереса к его учению могло стать посещение О. М. заседаний Религ.-филос. об-ва (РФО), во время докладов и дискуссий на к-рых имя античного философа звучало неоднократно. Очевидно, натурфилос. взгляды А. были одной из тем общения О. М. с Б. С. *Кузиным* и его окружением: «С каждым приходящим к нам в дом у О. М. был особый разговор. Кузин и биологи разговаривали о генетике, бергсоновской жизненной силе и Аристотелевой энтелехии. Все они принадлежали к разряду рассказчиков, а не разговорщиков, и О. М. больше прислушивался к их рассказам, чем разговаривал». [Энтелехия наряду с энергией – один из двух важнейших терминов философии А. («Метафизика», «Физика»), форма, осуществляющаяся в материи, внут. сила, потенциально заключающая в себе цель и результат; душа человека, распоряжающаяся формированием, изменениями и деятельностью его тела. Это понятие предполагается всеми телеологич. системами (в частности, у И. В. *Гете* энтелехия есть тот момент вечности, к-рый наполняет тело человека жизнью), под определенным углом зрения оно близко категории жизненной силы А. *Бергсона*, при нек-рой коррекции актуально для естественнонауч. взглядов.]

Явные следы заинтересованного отношения к трудам А. в худож. мире О. М. не отражены, само его имя встречается только как исключительно значимая величина в определенном ценностном ряду в «Разговоре о Данте» (1933) в связи с фигурой Аверроэса, его знаменитым комментарием А. и «дантовской эрудицией»: «Аристотель, как махровая бабочка, окаймлен арабской каймой Аверроеса. <...> В данном случае араб Аверроес аккомпанирует греку Аристотелю. Они компоненты одного рисунка. Они умещаются на мембране одного крыла». По предположению Л. Г. Степановой и Г. А. Левинтона, образный строй данного фрагмента, как и обнаруживающее явные содержат. параллели ему мандельшт. стих. «О бабочка, о мусульманка...» (1933–34), могут быть мотивированы метафорич. трактовой аристотелевской энтелехии, принадлежащей В. В. *Розанову* и описываемой им в подглавке «О страстях мира» «Апокалипсиса нашего времени» реальную или вымышленную ситуацию, когда на его вопрос: «Господа, в гусенице, куколке и бабочке – которое же я их?» – П. А. *Флоренский* отвечает: «Конечно, бабочка есть энтелехия гусеницы и куколки», – после чего следует розановский комментарий: «“Энтелехия” есть термин Аристотеля, и – один из знаменитейших терминов, им самим придуманный и филологически составленный. Один средневековый схоласт прозакладывал черту душу, только чтобы хотя в сновидении он объяснил ему, что в точности Аристотель разумел под “энтелехиею”». Еще раз имя А. появляется в «Разговоре о Данте» в связи с метафорическим утверждением о том, что «Дант и его современники не знали геологического времени. <...> Однако средневековье не помещалось в системе Птоломея – оно прикрывалось ею. – К библейской генетике прибавили физику Аристотеля. Эти две плохо соединяемые вещи не хотели сращиваться». В примыкающих к «Путешествию в Армению» (1931–32) черновых набросках «Читая Палласа» А. упоминается в связи с образом «демона чтения», сополагаемым с одной из важнейших в худож. мире О. М. категорий путешествия: «Древние его не знали. В процессе чтения они не искали иллюзию. Аристотель читал бесстрастно. Лучшие из античных писателей были географами. Кто не дерзал путешествовать – тот и не смел писать». Показательно, что именно в этот период в письме М. С. *Шагинян* 5.4.1933 О. М. в предельно «экзистенциальном» контексте опосредованно соединяет имя А. с естественнонауч. темой: «...Для того, чтобы действовать, нужно бытие густое и тяжелое, как хорошие сливки, – бытие Аристотеля и Линнея, бытие Гегеля, бытие Ленина».

Согласно комментарию А. Г. Меца, содержащееся в мандельшт. докладе «Скрябин и христианство» [др. назв. «Пушкин и Скрябин»; сохранившиеся фрагменты в наст. время публикуются как ст. <«Скрябин и христианство»>, 1917(?)] суждение «Эллины боялись флейты и фригийского лада» восходит, в частности, к «Политике» А., где тот, возражая Сократу, утверждал: «Ведь фригийский лад в ряду других занимает такое же место, какое флейта – среди музыкальных инструментов: тот и другая имеют оргиастический, страстный характер. Доказательством этого служит поэзия: для выражения вакхического экстаза и тому подобных состояний возбуждения из всех инструментов преимущественно нужна флейта, а среди ладов такая поэзия для соответствующего выражения прибегает к фригийскому ладу».

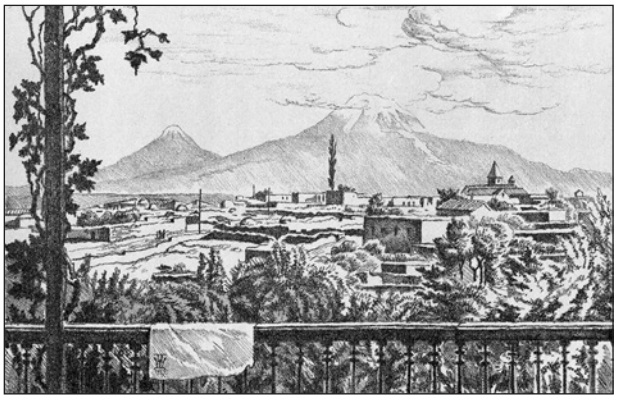
С. Г. Шиндин.

АРМЕНИЯ. Своим первым прикосновением к арм. культуре О. М. обязан лекции В. Я. *Брюсова*, об арм. поэзии в Политехн. музее в Москве, прочитанной 28.1.1916. Впрочем, сама лекция, на к-рой он был вместе с Л. А. Бруни и Н. К. Бруни-Бальмонт, оставила его равнодушным (см. шуточное стих. «Мне скучно здесь...»). В более серьезном контексте А. упоминается в 1922, в ст. «Кое-что о грузинском искусстве», где отмечается, что не Армения, а Грузия стала для рус. поэзии «обетованной страной». В 1921 в Тбилиси О. М. познакомился с *Кара-Дарвишем* – единственным арм. поэтом, стих. к-рого («Пляска на горах») он перевел. В 1929 О. М. едва не уехал в А. на продолжит. время. По его просьбе Н. И. Бухарин 14.6.1929 обратился к председателю Совнаркома Армянской ССР С. М. Тер-Габриэляну (1886–1837): «Дорогой тов. Тер-Габриэлян! Один из наших крупных поэтов, О. Мандельштам, хотел бы в Армении получить работу культурного свойства (напр., по истории армянского искусства, литературы в частности, или что-либо в этом роде). Он очень образованный человек и мог бы принести вам большую пользу. Его нужно только оставить на некоторое время в покое и дать ему поработать. Об Армении он написал бы работу. Готов учиться армянскому языку и т. д. Пожалуйста, ответьте телеграфом на ваше представительство. Ваш Бухарин». 23.6.1929 телеграфировал А. А. Мравьян, нарком просвещения и зам. пред. Совнаркома Армянской ССР: «Москва, Закпредство. Просьба передать поэту Мандельштаму возможно предоставить в Университете лекции по истории русской литературы, также русскому языку в Ветеринарном институте». О. М. немедленно начал готовиться к отъезду – читать книги об Армении и самостоятельно изучать арм. язык, причем не современный, а древний (грабар). Однако подтверждение и конкретные детали приглашения все не приходили (а 23.10.1929 Мравьян скоропостижно умер), и, предположительно, в августе О. М. принял др. работу – в редакции «*Московского комсомольца*» в Москве. Так или иначе, но поездка расстроилась,

а сама коллизия вошла в одну из главок «Четвертой прозы». Все это время шла, то затихая, то вспыхивая, травля О. М. в связи с переводом «Тиля Уленшпигеля», и, когда зимой 1930 работа в молодежной газете вдруг пресеклась, у О. М. возникло сильнейшее желание уехать из Москвы. Обратившись к Бухарину, О. М. снова назвал Армению как наиболее предпочтит. место. Бухарин, чье положение пошатнулось, действовал не сам, а через других: скорее всего, именно Бухарин дал совет написать Молотову. «Бухарин нашел “приводной ремень” – путешествие было устроено через Молотова, как потом и пенсия. Устроено оно было по второму сорту – без блеска, как для настоящих писателей, но и то “по вашим грехам хорошо”». «Куратором» этой поездки был Анатолий Николаевич Гусев (1899–1939), в 1929–33 сотрудник Отдела агитации (с 1930 – культуры) и пропаганды ЦК ВКП(б). Когда выяснилось, что А. примет О. М., но не раньше мая 1930, он предложил в апреле, по пути в А., отдохнуть на правительств. даче в Сухуме. 5 мес. – с мая по сентябрь – пришлись на саму А. Первые недели и вообще большую часть путешествия в А. О. М. с женой провели в Ереване: сначала в гостинице «Интурист» на ул. Абовяна, куда его устроил М. Сарьян. Круг общения О. М. в Ереване – армянском, а не интернациональном городе, как Тифлис или Баку, был довольно мал: кроме Сарьяна в него входили архитектор А. О. Таманян, археолог и историк арм. архитектуры Т. А. Тораманян, географ и филолог С. Д. Лисициан, его учительница арм. языка М. Вартарьян и ее отец, обществ. деятель Г. М. Вартанян, директор гос. публичной библиотеки А. М. А. Геворкьян, М. С. Шагинян и ее муж, переводчик Я. С. Хачатрянц и нек-рые др. Зато определенно не заладился контакт с арм. писателями, за исключением Е. Чаренца и Г. Маари. Но именно в Ереване судьба подарила О. М. знакомство и пожизненную дружбу с биологом Б. С. *Кузиным*, к-рому поэт посвятил стих. «К немецкой речи».

О. М. и Н. М. совершили из Еревана несколько поездок по А. Самым длительным было месячное пребывание в июле 1930 в первом в А. профсоюзном доме отдыха на острове на оз. Севан, дополненное экскурсиями в Норадуз, Цовак, Еленовку и др. места. Здесь круг общения поэта заметно расширился, гл. обр. за счет ученых и партийных деятелей: этнограф, историк и археолог А. Х. Хачатурьян, советский гос. и партийный деятель, историк и литературовед А. Б. Кариньян, краевед, юрист и быв. депутат Думы первых трех созывов И. Т. Сагателян и его племянник – драматург Л. М. Сагателян, химик С. П. Гамбарян, психиатр Р. Х. Герцбер, 1-й секретарь КА(б)А А. Ханджян с женой Р. Виндзберг, студентка истфака А. А. Худавердян и ее подруга З. И. Ясинская. Кроме того, короткие поездки совершались в Эчмиадзин и Звартноц, Араратскую долину, Аштарак и на Алагез. Более продолжительной была поездка в Нагорный Карабах в сентябре 1930, к-рой путешествие О. М. в А. хронологически и завершилось.

На обратном пути О. М. и Н. М. остановились в Тифлисе, где к О. М. вернулись стихи, разбуженные этим путешествием в А. В творческом плане общение поэта и страны обернулось стихотворным циклом «Армения» и несколькими сопутствующими ему др. стихотворениями, написанными в 1930–31 (общим числом ок. 20), а также прозой «Путешествие в Армению», над к-рой О. М. работал в 1931–32,



«Страна субботняя, которую Арменией зовут...»

и соответствующими записными книжками. Поразительно, но и цикл «Армения», и «Путешествие в Армению» были напечатаны довольно скоро после того, как были написаны (Новый мир. 1931. № 3; Звезда. 1933. № 5 соответственно). Цикл «Армения» и сам по себе феноменален для О. М. именно тем, что это классич. цикл, т. е. семантическое единство нескольких примыкающих друг к другу стихотворений, написанных, как правило, в разное время и собранных по тематическому, а не хронологическому принципу. Проза О. М. об А. была встречена партийной критикой в штыки, а Ц. Вольпе, ее журнального редактора, выгнали с работы.

Тем не менее «для Мандельштама приезд в Армению был возвращением в родное лоно – туда, где все началось, к отцам, к истокам, к источнику. После долгого молчания стихи вернулись к нему в Армении и уже больше не покидали <...> В последний год жизни – в Воронеже – он снова вспоминал Армению, и у него были стихи про людей “с глазами, вдолбленными в череп”, которые лишились “холода тутовых ягод” <...> Эти стихи пропали. Но и так армянская тема пронизывает зрелый период его труда». Память о «стране субботней, которую Арменией зовут» и арм. образность надолго и прочно напитали собой сознание поэта.

Лит.: К у б а т ь я н Г. Место армянской темы в творчестве Мандельштама (Уроки Армении) // Вестник Ереванского гос. ун-та. Серия: Общественные науки. 1989. № 6. С. 19–20. Н е р л е р П. «Путешествие в Армению» и путешествие в Армению Осипа Мандельштама: попытка реконструкции // Знамя. 2015. № 11. С. 123–151.

П. М. Нерлер

АРХИТЕКТУРА в т в о р ч е с т в е О. М. В произведениях О. М. разных лет встречаются образы архитектуры разных эпох и стран: петербургской (см. *Петербург*), московской (см. *Москва*), византийской, армянской, западноевропейской (в осн. готической), античной (см. *Античность*). Петерб. архитектурные образы присутствуют в стих. «Адмиралтейство», «Петербургские строфы», «На площадь выбежав, свободен...» и в нек-рых др., в ст. «Кровавая мистерия 9 января». О моск. А. говорится в стих. «В разноголосице девического хора», «О, этот воздух, смутой пьяный...», «Сегодня можно снять декалькомании...», «Квартира тиха, как бумага...». Непосредственно о византийской А. речь идет

в стих. «Айя-София». В стих. «Как растет хлебов опара» содержится сравнение, одной из частей к-рого являются купола Софии (им уподоблено поднимающееся тесто). Еще раз, но уже как «мечеть живая», Айя-София упоминается в стих. «И клена зубчатая лапа...». В стих. «Бежит волна-волной, волне хребет ломая...» метафорически, через сопоставление с набегающими друг на друга волнами изображено взятие Константинополя турками. В письме С. Б. *Рудакова* к жене 25.6.1935 это стихотворение названо десятистишием «о море и Стамбуле». Образы арм. А. содержатся в «Путешествии в Армению», в цикле «Армения». Зап.-европ. А. преим. представлена в стихотворениях О. М. готикой (за исключением стихов, в к-рых дан образ собора Святого Петра в Риме: «На площадь выбежав, свободен», «Здесь я стою – я не могу иначе...» и стих. «Язык булыжника мне голубя понятней...», где изображены улицы совр. Парижа). О готическом зодчестве говорится в стих. «Я ненавижу свет...», «Notre Dame», «Реймс и Кёльн», «Я видел озеро, стоявшее отвесно...», в ст. «Франсуа Виллон», «Утро акмеизма», «Пётр Чаадаев», «О природе слова». Обобщенный образ католических и православных соборов дан в стих. «Люблю под сводами седыя тишины...». Образ купола, держащегося «на собственной тяге», встречается в «Восьмистишиях». Античный образ, образ «милой Трои», создан в стих. «За то, что я руки твои не сумел удержать...». Повторяющимся на протяжении всего творчества архитектурным образом является акрополь. Это не только акрополь Афинский, но и акрополь как часть античного города вообще. Так, в стих. «Tristia» лирич. герой или Овидий видит огонь, горящий в акрополе, в стих. «Адмиралтейство» здание Адмиралтейства названо «фрегат или акрополь», в стих. «За то, что я руки твои не сумел удержать...» Троя названа «дремучим акрополем». В ст. «О природе слова» акрополь – символ культуры, связи и единства, структурированности, к-рым противопоставлены «расплывчатость, безархитектурность».

П. Стайнер полагает, что любовь О. М. к А. «была следствием реакции на литературную среду, из которой вышла его поэзия», на символистское отношение к слову: «Неприятие безграничной загадочности, которой слово наделяли символисты, и акцент на динамичной конкретности стали причиной того, что Мандельштам создал новое представление о слове – как о *материале* для поэзии». Л. Я. *Гинзбург* характеризует ранние стих. О. М. 1909–11 как произведения ученика символистов, но при том лишенные «“потусторонности”, всей положительной идеологии и философии символизма», и связывает его интерес к А. с переходом на позиции акмеизма в 1912 со стремлением «вернуться к земному источнику поэтических ценностей», к отображению трехмерного мира, к-рое объединяло составлявших эту группу молодых поэтов А. *Ахматову*, Н. *Гумилёва*, С. *Городецкого*, В. *Нарбута* (см. *Акмеизм*). Буквальным выражением трехмерного мира для О. М. была А. В это время О. М. написал ст. «Утро акмеизма» (вторая пол. 1913 – нач. 1914), отражающую полемику с символистами и футуристами (см. *Символизм, Футуризм*), содержащую направленный им упрек в невнимании к «сознательному смыслу как материалу творчества», провозглашающую «равноправие» Логоса, этого «сознательного смысла», с др. элементами слова. Сознание поэтом своей правоты, посюсторонность, упорядоченность, единство объявляются неотъемлемыми условиями поэтич. творчества. Слово уподобляется камню, поэт – строителю, мысль – острию шпиля, акмеизм – готике. Эти метафоры повторяются: поэт – строитель в «Notre Dame», в ст. «О природе слова»; мысль – шпиль в ст. «Пётр Чаадаев», в стих. «Я ненавижу свет...». Полемика с символистами отчетливо звучит в ранних петерб. стихотворениях, в т. ч. в стих. «Адмиралтейство»: «...красота не прихоть полубога, / Но хищный глазомер простого столяра...».

А. Г. Мец пишет, что намерение О. М. издать свой первый сборник стихотворений относится к нач. 1912, о ходе его подготовки известно лишь, что первоначальным было название «Раковина», повторявшее заглавие одного из включенных в книгу стихотворений. Название «Камень» сборник получил непосредственно перед выходом, по сообщению Р. Д. Тименчика, оно было дано книге Н. С. Гумилевым. Мец объясняет это название тем, что оно не только отражает мотивы нескольких последних стихотворений (1912), но также «внутренней мотивировкой»: «камень» – анаграмма «акме», и между этими словами существует этимологическая связь. М. Л. *Гаспаров* объясняет замену названия так: «Раковина» подразумевает, что поэт, «как шумящая раковина доносит до людей туманный голос стихии», а название «Камень», что «поэт, как зодчий, как вольный каменщик, умудренный веками созидает свои произведения прочно и на века».

Слово «раковина» не отражает стремления строить, но оно отражает стремление бороться с пустотой: в одноименном стихотворении раковина, отвергнутая стихией, вторит ее звукам, и стихия принимает ее. Однако для О. М. значимо такое качество слова, как посюсторонность, прочность, неизменность, роднящее его с камнем. Е. А. Кантор полагает, что именно неизменность слова дает О. М. «ощущение непосредственного контакта с прошлым» при чтении гомеровского списка кораблей. В ст. «О природе слова» (1922) язык предстает последним оплотом рус. культуры, явлением, благодаря к-рому она наделена ист. развитием: «Чаадаев, утверждая свое мнение, что у России нет истории, то есть что Россия принадлежит к неорганизованному, неисторическому кругу культурных явлений, упустил одно обстоятельство – именно: язык. Столь высоко организованный, столь органический язык не только – дверь в историю, но и сама история», для России «отлучение от языка равносильно отлучению от истории».

П. Стейнер обращает внимание на то, что готическая А. и в особенности готический собор привлекли О. М. абсолютной гармонией материала и идеи, тяжести и легкости. Готический собор, представляющий собой «одновременно и выверенное архитектурное сооружение и место богослужения», «единение рассудка и веры», стал воплощением его новых идей о поэзии. О важности гармонии материала и организующей идеи О. М. пишет в ст. «Петр Чаадаев» (1915): «Россия, в глазах Чаадаева, принадлежала еще вся целиком к неорганизованному миру. Он сам был плоть от плоти этой России и посмотрел на себя как на сырой материал. Результаты получились удивительные. Идея организовала его личность, не только ум, дала этой личности строй, архитектуру, подчинила ее себе всю без остатка и, в награду за абсолютное подчинение, подарила ей абсолютную свободу».

Готика привлекала О. М. как воплощение не только неизменности, гармонии идеи и материала, но и единства, всеобщей связи. В ст. «Франсуа Виллон» (1913) О. М. подчеркивает такое качество готики, как иерархичность и подвижное единство всех элементов постройки, что роднит собор со средневековым обществом. Мысль о единстве как неотъемлемой составляющей культуры выражена в ст. «Пётр Чаадаев»: «Мало одной готовности, мало доброго желания, чтобы начать историю. <...> Не хватает преемственности, единства. Единства не создать, не выдумать, ему не научиться. Где нет его, там в лучшем случае – “прогресс”, а не история, механическое движение часовой стрелки, а не священная связь и смена событий». Цитируя эти строки в «Воспоминаниях», Н. М. пишет, что они относятся к Чаадаеву, но мысли «несомненно близки» О. М. Гаспаров полагает, что О. М. привлекала романская Европа, готика, Рим, поскольку «в католичестве это единство осязаемое»: «двухтысячелетнюю цельность европейского мира» воплощает в себе фигура папы. О единстве, воплощенном в фигуре понтифика, о преемственности как о неотъемлемом качестве истории и культуры О. М. говорит в ст. «Пётр Чаадаев».

Идея преемственности и связи (сродни подвижной связи элементов готической постройки) нашла выражение во многих стихотворениях, напр. «О временах простых и грубых» (1914), «Европа» (1914), «Encyclica» (1914), «С веселым ржанием пасутся табуны...» (1915), «Я не слыхал рассказов Оссиана» (1914), а также в ст. «Слово и культура», «О природе слова». Она напрямую выражена в стих. «Tristia» («Всё было встарь. Всё повторится снова / И сладок нам лишь узнаванья миг»). В стих. «Пою, когда гортань сыра, душа – суха...» (1937) чувство «Колхиды колыханья» называется О. М. как одно из условий творчества. Идея повторения присутствует также в стихотворении о кремлевских соборах, о чем пишет Н. М. в «Воспоминаниях»: «В кремлевских соборах он заметил их итальянскую природу: “И пятиглавые московские соборы / С их итальянскою и русскою душой” и “Успенье нежное – Флоренция в Москве...”».

Также эта идея отражена в стих. о петерб. А. периода «Камня». И. З. Сурат пишет, что Петербург О. М. – это не проклятый и обреченный Петербург символистов, но город «прекрасный и благословенный», потому что пушкинский. В петерб. стихотворениях этого периода присутствуют многочисл. пушкинские реминисценции. Сурат обращает внимание на слово «опять» в строке «И правовед опять садится в сани...» из стих. «Петербургские строфы» (1913). Оно, как считает исследователь, указывает на повторяемость, но это не безысходная повторяемость А. А. *Блока*, а «радостная и желанная», свидетельствующая о том, что жизнь продолжается.

Желание радостного повторения звучит в ст. «Слово и культура» (1921): «Часто приходится слышать: это хорошо, но это вчерашний день. А я говорю: вчерашний день еще не родился. <...> Я хочу снова Овидия, Пушкина, Катулла, и меня не удовлетворяет исторический Овидий, Пушкин, Катулл». О подобном отношении к традиции, выраженном в поэзии О. М., пишет И. А. *Бродский*: «Возможно, более чем кто-либо в этом столетии, он был поэтом цивилизации: он обогатил то, что вдохновляло его. <...> Цивилизация есть суммарный итог различных культур <...> и основным ее проводником – выражаясь одновременно метафизически и буквально – является перевод. Перенос греческого портика на широту тундры – это перевод» (И. А. Бродский «Сын цивилизации» // Набережная неисцелимых: тринадцать эссе / пер. с англ.; сост. В. П. Голышев. М., 1992. С. 43). Подобным «переводом» можно, вероятно, назвать сравнение здания Адмиралтейства с акрополем в стих. «Адмиралтейство». Оно также названо здесь фрегатом и ковчегом. Адмиралтейство как «целомудренно построенный ковчег» Сурат считает главной из этих метафор. Петербург в представлении О. М. является ковчегом «спасения у начала новой истории». Эта метафора также употреблена в статье «Кровавая мистерия 9-го января» (1922): «Первое шествие рабочих от кирпичных и деревянных застав к гранитной чаше Невы, к цельному, как дарохранительница, архитектурному слитку с ковчегом Адмиралтейства и саркофагом Исаакия, не удалось». Уподобление Исаакиевского собора саркофагу также присутствует в статье «Скрябин и христианство» (1915). Сурат отмечает, что Исаакиевский собор в творчестве О. М. связан со смертью.

Идеей культурной преемственности открывается стихотворение «Notre Dame». Впервые напечатанное в 1913 (*Аполлон*. № 3), оно завершало подборку стихотворений акмеистов, к-рым было предпослано примечание о том, что они могут в какой-то степени служить иллюстрациями к теоретич. соображениям, высказанным в ст. Гумилева и Городецкого, напечатанных в январском выпуске журнала. Помимо «Notre Dame» в эту подборку была включено еще стих. «Айя-София».

Источниками «Notre Dame» были и личные впечатления О. М., путешествовавшего по Зап. Европе в 1907–10, обучавшегося в это время сначала в Сорбонне, затем в Гейдельбергском ун-те; произведения П. Я. Чаадаева и Н. В. Гоголя, открытия Виолле-ле-Дюка; роман Ж. К. Гюисманса «Собор» и, по предположению Е. А. Кантор, «История Франции» Ж. Мишле. О. А. Лекманов пишет, что «ключевой для “Notre Dame” образ готической души восходит к заметке Вячеслава Иванова “Экскурс I. О Верлене и Гейсмансе”», опубл. в его «По Звездам». В ней говорится, что Гюисманс «показал впервые, под лупою своей повышенной чувствительности, тончайшие ткани готической души». Исследователь обращает внимание на то, что впервые О. М. упоминает о соборе Нотр-Дам в письме Иванову от 13 (26).8.1909 в связи с этой книгой Иванова. Превознося книгу Иванова, О. М. сравнивает ее с собором, а впечатление, производимое ею на читателя, с впечатлением, производимым Notre Dame на входящего под его своды: «Разве, вступая под своды Notre Dame, человек размышляет о правде католицизма и не становится католиком просто в силу своего нахождения под этими сводами?» Мысль о том, что не только собор обязан своим возникновением вере, но и вера собору высказана также в стих. «Пешеход» (1912).

В 1908 была опубликована как 4-е «философическое письмо» заметка Чаадаева «О зодчестве» (1832), повлиявшая на восприятие готики О. М. В данной заметке прослеживается связь между духом египетской и готической А. Рассуждения о готике, о вере, устремлявшей шпили соборов выше и выше, высказывал Гоголь в сб. «Арабески» (в фантазии «Архитектура нынешнего времени»). Возможно, определение, данное Гоголем шпилю готического собо-

ра, «прозрачный, почти кружевной шпиц» – было источником мандельштам. строки «Кружевом, камень, будь...» из стих. «Я ненавижу свет...».

Гаспаров отмечает, что в «Notre Dame» впервые в литературу попадает «архитектурно-технический аспект»: Чаадаев и Гоголь в своих произведениях говорят о готике «с точки зрения праздного зрителя», ведь для того чтобы понять механизм готики, представить собор как «не как стихийный романтический взлет, а как результат трудной борьбы между форсами и контрфорсами, – для этого понадобилась работа историков и теоретиков архитектуры середины XIX в. во главе с Виоле Ле Дюком...». Знакомство с принципом устройства крестового свода заметно в первой и в особенности во второй строфе этого стих.: «Где римский судия судил чужой народ, / Стоит базилика – и, радостный и первый, / Как некогда Адам, распластывая нервы, / Играет мышцами крестовый легкий свод. / Но выдает себя снаружи тайный план: Здесь позаботилась подпружных арок сила, / Чтоб масса грузная стены не сокрушила, / И свода дерзкого бездействует таран». Для того чтобы назвать крестовый свод «радостным и первым», играющим «мышцами», нужно было знать о роли ребер-нервюр в его конструкции и каркасной системе, с помощью к-рой был усовершенствован предшественник готического свода – романский крестовый свод.

Кантор пишет, что в стих. «Айя-София» есть и другая модификация данной системы – сферический купол, и заключает, что «соборы, похожие на леса» и «куполообразные сферические храмы» стали для О. М. моделями А. и творчества в целом, а понятие «состоявшегося в творчестве бытия» связано с представлением о выпуклости, вытесняющей пустоту, о чем сказано в «Восьмистишиях» (стих. «Люблю появление ткани...» 1933, «Когда, уничтожив набросок...» 1933).

П. Стейнер полагает, что О. М., будучи автором рец. на «Парижские арабески» Гюисманса (Аполлон. 1913. № 3), вероятно, был знаком и с др. его произведениями, в т. ч. с романом «Собор», к-рый содержит подробное рассмотрение готического искусства, центр. место в нем занимает образ Шартрского собора. Исследователь отмечает, что «образный ряд Гюисманса имеет сильное сходство с тем, который использовал Мандельштам. Например, Гюисманс рассматривает собор как живой организм». У О. М. такое видение готического собора отражено в «Утре акмеизма»: «Любовь к организму и организации акмеисты разделяют с физиологически-гениальным средневековьем. В погоне за утонченностью XIX век потерял секрет настоящей сложности. То, что в XIII веке казалось логическим развитием понятия организма – готический собор – ныне эстетически действует как чудовищное». Соборы предстают живыми существами в стих. «Реймс и Кёльн», «Notre Dame». Словосочетание «чудовищные ребра» в «Notre Dame» Кантор прочитывает как «ребра чудовищ» и считает этот образ общим для этого стихотворения и «Утра акмеизма», видит в нем отражение процесса «умирания», «опредметчивания» культуры, к-рый изображен в ст. «О природе слова». Сурат высказывает предположение, что этот образ восходит к образу из романа Д. С. Мережковского «Антихрист (Петр и Алексей)»: «Игла Адмиралтейства в тумане тускло рдела от пламени пятнадцати горнов. Недостроенный корабль чернел голыми ребрами, как остов чудовища». Источником сопоставления готического собора и леса в «Notre Dame» («Стихийный лабиринт, непостижимый лес...») мог также послужить содержащийся в романе Гюисманса образ «леса храма».

В уже процитированном высказывании из «Утра акмеизма» о любви к организму и организации, присущей акмеизму и средневековью, Гаспаров видит объяснение строки «Notre Dame»: «Души готической рассудочная пропасть». Исследователь пишет о противопоставлении понятий «организм» и «организация» в этом стихотворении. В «Notre Dame» для О. М. важнее организация, рациональность, мастерство; «но лазейку для природы, для стихии он оставляет, ссылаясь на разницу во времени», в восприятии готики современным и средневековым человеком.

Видение слова О. М. со временем меняется, оно иное уже в сб. «Tristia» (1922). Как пишет Гаспаров, «“Логос”, которым так гордился Мандельштам-акмеист, превращается в “блаженное, бессмысленное слово”». Меняются метафоры, при помощи к-рых в статьях О. М. описывается поэтич. речь. В ст. «Слово и культура» О. М. сравнивает слово с наименее материальным предметом – душой, летающей вокруг покинутого тела. «Архитектурные» метафоры в описании поэтич. речи вытесняются также «растительной» метафорикой (в ст. «О природе слова», 1921, «Литературная Москва. Рождение фабулы», 1922).

В ст. «Письмо о русской поэзии», написанной в кон. 1921, О. М. снова использует метафору «поэзия – архитектура», но уже в иронич. контексте: произведения рус. *символизма* сопоставляются в этой статье с помпезными, но однодневными архитектурными постройками, возводимыми для выставок.

Уподобление слова камню присутствует в измененном виде в «Разговоре о Данте» (1933), где поэтич. речь сравнивается с горной породой (Глазова Е. Ю. «Подсказано Дантом». О поэтике и поэзии Мандельштама. М., 2012. С. 62). Стоит обратить внимание на преломление этой метафоры: в «Разговоре о Данте» «камень» – уже не элемент созданной человеком совершенной постройки, воплощающей собой структурированность и единство, как это было в ранних статьях, а кристалл, над к-рым трудились пчелы, «одаренные гениальным стереометрическим чутьем».

В позднем стих. «Я видел озеро, стоявшее отвесно...» природа и культура, организм и организация противопоставлены друг другу, но теперь природа предстает более совершенной. Гаспаров полагает, что в подобном отношении отразилась «новая программа позднего Мандельштама: новая культура должна вырастать не столько из старой культуры, сколько непосредственно из природы»; природа оказывается более структурированной и гармоничной, чем созданная человеком хрупкая культура, социальная организация – структура, иерархия, созданная человеком.

Лит.: Гинзбург Л. Я. Камень // Осип Мандельштам. Камень. Л., 1990; Мец А. Г. «Камень» (к творческой истории книги) // Осип Мандельштам. Камень. Л., 1990; Кантор Е. А. В толпокрылатом воздухе картин: Искусство и архитектура в творчестве О. Э. Мандельштама // ЛО. 1991. № 1; Гаспаров М. Л. Две готики и два Египта в поэзии О. Мандельшта-

ма. Анализ и интерпретация // О русской поэзии. СПб., 2001; Он же. Осип Мандельштам. Три его поэтики // О русской поэзии. СПб., 2001; Лекманов О. А. Об одном стихотворном манифесте акмеизма // Литература. Еженедельное приложение к газете «Первое сентября». 2003. № 40; Сурат И. З. Поэт и город. Петербургский сюжет Мандельштама // Звезда. 2008, № 5; Глазова Е. Ю. «Подсказано Дантом». О поэтике и поэзии Мандельштама. М., 2012; Steiner P. Poem as manifesto: Mandelstam's «Notre Dame» // Russian Literature. Amst., 1977. T. 5. Vol. 3.

А. И. Пенкина.

АСЕЕВ (до 1911 Ассеев) Николай Николаевич (28.6.1889, Льгов Курской губ. – 16.7.1963, Москва), поэт. Начинал вместе с С. П. *Бобровым* и Б. Л. *Пастернаком* как футурист. С 1914 соратник В. В. *Маяковского*, что предопределило всю его дальнейшую поэтич. судьбу. В. И. Рындзюн – рецензент «Четвертой книги стихов» (1916) А., «Бубна» Божидара и «Камня» (1916) О. М., неодобрительно сблизил все эти три издания через образ «засушенного nature mort»'а (Приазовский край. 1916. 11 авг. С. 5). Р. О. *Якобсон*, откликаясь на смерть Маяковского и ставя его в первый ряд рус. поэзии (вместе с В. В. *Хлебниковым*, Н. С. *Гумилевым* и С. А. *Есениным*), поместил О. М. и А. (вместе с И. Л. *Сельвинским* и Пастернаком) во второй ее ряд.

Отношение самого О. М. к стихам А. претерпело эволюцию. В ст. «Литературная Москва» (осень 1922), отдавая должное «блестящей рассудочной образности» языка поэзии А., О. М. назвал ее «рационалистической», «изобретательской» и «машинной» и, сближая с поэзией Маяковского и А. Е. *Кручёных*, в целом осудил как «не рациональную, бесплодную и бесполую». Однако вскоре О. М. изменил свое отношение к поэзии А. и в ст. «Буря и натиск» (нач. 1923), уже противопоставляя А. Маяковскому, провел прямую параллель между «Стальной цикадой» И. Ф. *Анненского* и «Стальным соловьем» А. Называя А. «поэтом-инженером, специалистом, организатором труда», О. М. сдержанно хвалил его за то, что «он исключительно лиричен и трезв в отношении к слову. Он никогда не поэтизирует, а просто прокладывает лирический ток, как хороший монтер, пользуясь нужным материалом». В ст. «Выпад» (1924) О. М. назвал А. в ряду рус. поэтов «не на вчера, не на сегодня, а навсегда». Возможно, на подобную смену оценки повлиял Пастернак, восхищавшийся творчеством А. и тесно общавшийся в это время с обоими поэтами [к стих. А. «О нем» восходит характеристика стихов Пастернака, к-рую О. М. дал в эссе «Vulgata» (Заметки о поэзии», 1923].

Осенью 1923 оба поэта неск. раз участвовали в совм. мероприятиях. Так, 26 окт., вместе с В. Я. *Брюсовым*, Есениным, Маяковским, Пастернаком и др., они выступали на большом поэтич. празднике в Москве (Известия. 1923. 26 окт.), а 20 нояб., вместе с Брюсовым, Маяковским, Пастернаком, В. В. Каменским и др., на собрании по случаю 5-летия *«Всероссийского союза поэтов»* (Художественный труд. 1923. № 3. С. 65). В том же году А., составляя сб. «Лёт», посвященный авиации, поместил в нем цикл О. М. «Война. Опять разноголосица».

К сер. 1920-х гг. О. М. несколько охладел к стихам А., как и Пастернак, к-рый именно в письме к О. М. от 31.1.1925 охарактеризовал лит. политику Маяковского и

Николай Николаевич Асеев

А. как основанную на «ложных долголетних допущениях». Тем не менее именно на квартире А. в мае 1927 с участием О. М., Б. К. *Лившица*, Б. В. *Горнунга* и А. И. *Ромма* состоялось обсуждение идеи создания нового широкого поэтич. объединения. О. М. следил за публикациями А. и в 1928, открывая дискуссию о халтурных переводах худож. прозы, упомянул А. как единственного из крупных писателей, не побрезговавшего высказаться по этому вопросу (подразумевается заметка: Асеев Н. Н. Об иностранцах. Заметки читателя // Вечерние известия. 1927. 30 янв.). Р. Д. Мессер, рецензируя кн. А. «Проза поэта», сопоставлял ее с прозой О. М. (Звезда. 1930. № 6. С. 267).

Личные отношения двух поэтов в нач. 1930-х гг. осложнил конфликт О. М. с советскими писательскими организациями, не принявшими его сторону в споре с А. Г. *Горнфельдом*: «Да, забыл: писателям не подаю руки: Асеев, Адуев, Лидин и т. д. Асеев не обиделся. Смутился. Долго расспрашивал: "Ну, пока не подаем руки друг другу"»; в заметке «Ритм, рифма, синтаксис. Материалы нашей лаборатории» А. противопоставил «новую» поэзию Маяковского, А. И. *Безыменского*, Сельвинского, С. И. *Кирсанова*, И. П. *Уткина* «старой» поэзии А. А. *Ахматовой* и О. М. (ЛГ. 1933. 23 мая); см. также более раннюю оценку творчества О. М. у А.: Асеев Н. Н. О «тараканьих» тенденциях в современной литературе // Коммунист. [Харьков]. 1922. 17 сент.

Интерес к поэзии А. у О. М. сохранился и в 1930-х гг.: «Что-то привлекательное слышалось ему в некоторых строчках Асеева». Имя А. неоднократно встречается в сохранившемся конспекте речи Б. М. *Эйхенбаума*, во многом посвященной вопросам поэтич. мастерства, с к-рой он выступил на моск. вечере О. М. 14.3.1933. По свидетельству Н. М., в воронежской ссылке, работая над своим «сталинским» стих. «Когда б я уголь взял для высшей похвалы...» (1937), «О. М. вдруг вскакивал и начинал проклинать себя за отсутствие мастерства: "Вот Асеев – мастер. Он бы не задумался и сразу написал"». Реминисценции из стих. А. «Заржавленная лира», «Интервенция веков» и «Твердый марш» выявлены в программных «Стихах о неизвестном солдате» (1937) О. М.

Вернувшись из ссылки и пытаясь организовать в сер. июля 1937 свой поэтич. вечер в ССП в Москве, О. М. позвонил А. чтобы узнать, получали ли члены поэтич. секции

приглашения: «Асеев ответил, что как будто что-то мельком слышал, но что разговаривать он не может: занят, торопится в Большой театр на “Снегурочку”». Это, не в последнюю очередь, спровоцировало Н. М. в своих мемуарах утверждать, что по отношению к ее мужу и его стихам «Асеев до конца жизни был неколебим и проклинал всех, кто смел упомянуть при нем Мандельштама».

Лит.: Липкин С. И. « Угль, пылающий огнем...» // Мандельштам и его время; Н. Я. Мандельштам. Т. 1; Ронен О. Поэтика О. Мандельштама. СПб., 2002. С. 110, 115, 116; Ronen O. An approach to Mandelstam. Jerusalem, 1983.

О. А. Лекманов, П. М. Нерлер.

АХМАТОВА (ур. Горенко, в замужестве Гумилева) Анна Андреевна (11(23).06.1889, Большой Фонтан, близ Одессы – 5.03.1966, Домодедово, под Москвой), поэтесса. Знакомство состоялось на «Башне» Вяч. И. *Иванова* 14.03.1911, когда они в числе других поэтов читали свои стихи. А., видимо, «Я живу, как кукушка в часах...», и мотивы этого стихотворения (заводная игрушка, плененная птица) впоследствии отражались в мадригалах и эпиграммах О. М., обращенных к А. Первое знакомство оказалось для О. М. незапоминающимся («Второй раз я видела его у Толстых на Старо-Невском, он не узнал меня, и А<лексей> Н<иколаевич> стал его расспрашивать, какая жена у Гумилева, и он показал руками, какая на мне была большая шляпа. Я испугалась, что произойдет что-то непоправимое, и назвала себя» – *Листки из дневника*. С. 100), и по времени совпало с первой в ряду его последующих обид на Ахматову – 6.04.1911 О. М. сообщил С. П. *Каблукову*, что «стихотв<орный> отдел “Аполлона” отдан в безраздельное ведение <...> Н. С. *Гумилева*. <...> Стих<отворения> Мандельштама отложены на май <...>, а апрельская книга дает стихи жены Гумилева <...>, наивные и слабые в техническом отношении» (Мандельштам в записях дневника С. П. Каблукова // Мандельштам О. Э. Камень. Л., 1900. С. 244–245) – речь о ст-ниях «Мне больше ног моих не надо...», «Сероглазый король», «Над водой», «В лесу». При этом редактор внес мотив соперничества дебютантов: «С. Маковский напечатал нас почти одновременно в “Аполлоне”. Мне Маковский по этому поводу сказал: “Он смелее Вас” и причем-то еще было слово “дерзает”» (Ахматова А. Requiem. М., 1989. С. 146), который иногда встречался в критике и позднее, напр., в статье В. М. *Жирмунского* «Преодолевшие символизм» («В искусстве владения словом он едва ли уступает Ахматовой; но круг его поэтических интересов слишком своеобразен, он требует от слушателя слишком больших книжных знаний и слишком повышенных культурных интересов для того, чтобы можно было предсказать его стихам широкую популярность» (*Жирмунский В. М.* Преодолевшие акмеизм // Акмеизм в критике. 1913–1917. СПб., 2014. С. 463–464) или в статье Вас. В. Гиппиуса «Цех поэтов» («М., кажется, стал популярен. <...> стихи его часто производят впечатление не подлинной поэзии, а поэтических препаратов. Особенно ясно это – при сравнении с непосредственно одаренной лирическим даром Анной Ахматовой» цит. по: Ахматова А. Десятые годы. М., 1989. С. 85) и неизбежно проник в мандельштамоведение: «Ахматова была ближе к жизни, чем Мандельштам. Она прямо пишет о своих личных переживаниях. Поэзия Мандельштама – отражение жизни, увиденной в отражениях прошлого, увиденной в самом искусстве. Ахматова быстрее Мандельштама описала ужасные события 1917–1923 гг.» (Russel. P. 52). Осенью 1911 они стали регулярно видеться на собраниях Цеха поэтов, «где Мандельштам очень скоро стал первой скрипкой» (Листки из дневника. С. 126). После оглашения ахматовского «В Царском селе» («А теперь я игрушечной стала, как мой розовый друг какаду»), вероятно, сочинена эпиграмма на нее: «Вы хотите быть игрушечной, но испорчен Ваш завод, к Вам никто на выстрел пушечный без стихов не подойдет». Эпиграмма подчеркивала стихоманию юной А. Сближение ее с О. М. не вытекало из сходства происхождения и воспитания, хотя их в каких-то моментах сближало петербургское детство 1890-х, она вспоминала об описанных О. М. «высочайших проездах», а также отмечала эпизод увлечения революцией у О. М., напоминающий о народовольческих связях ее родителей. Общим был скорее интерес к новой французской поэзии (позднее – к фигуре Данте), недолгое пребывание обоих в Париже и, что немаловажно, вкус к изысканному остроумию. Впоследствии для их творческого дуумвирата была существенна мимолетная биографическая связь каждого с И. Ф. *Анненским* (у А.– его свойство с ее старшей сестрой, у О. М. – визит летом 1909). Мотив «завода» в эпиграмме отсылал к сонету И. Анненского «Человек» («Я завожусь на тридцать лет...», «Иль в механизме был подвох...»). «С Осипом я говорила об Анненск<ом> несколько раз. И он говорил об Анненском с неизмененным пиететом» (Зап. кн. С. 282). Монолог «О Мандельштаме и Анненском» следовал в разговоре с И. Г. *Эренбургом* в 1941 после чтения «Поэмы без героя» (Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Т. 2. М., 1990. С. 424), а О. М. в 1916 писал об эффекте поэтики А.: «Сочетание тончайшего психологизма (школа Анненского) с песенным ладом поражает в стихах Ахматовой наш слух» (1. С. 207). Их поэтический диалог происходил отсылками к Анненскому – например, «шелест крови», перенесенный из «Кошмаров» Анненского в ст-ние «Что поют часы-кузнечик» (Тарановский К. Ф. Разбор одного «заумного» стихотворения Мандельштама// RL 1977. Vol. 11); Изысканная перекличка двух поэтических миров отражала характер их общения в быту, о которой свидетель (Н. Н. *Пунин*) вспоминал: «...Это было блестящее собеседование, вызывавшее во мне восхищение и зависть: они могли говорить часами; может быть, даже не говорили ничего замечательного, но это была подлинно-поэтическая игра в таких напряжениях, которые мне были совершенно недоступны» (см.: *Парнис* А. Е. Мандельштам в Петрограде в 1915–1916 годах. Материалы к иконографии поэта // Литературное обозрение. 1991. № 6. С. 28). Вероятно, они рано полуосознали взаимодиалогичный характер своих лирических опытов, в двуединстве обладающих сугубой эстетической влиятельностью, о чем А. впоследствии говорила: «Весь акмеизм рос от его <Гумилева> наблюдения за моими стихами тех лет, так же как над стихами М.» (Самый непрочитанный поэт. Заметки Анны Ахматовой о Николае Гумилеве // НМ. 1990. № 5. С. 221). Их внимание друг к другу уже в Цехе поэтов замечалось очевидцами: «Он ценил ее не меньше, чем она его <...>. Помню собрание «Цеха», на котором Ахматова прочла только что ею написанное стихотворение

«Бесшумно бродили по лому...» [осень 1914 г.], вызвав лихорадочно-восторженный монолог Мандельштама в ответ, к удивлению Ахматовой, признавшейся потом, что вовсе не считает эти стихи особенно ей удавшимися» (Адамович Г. В. Мои встречи с Анной Ахматовой // Звезда. 1989. № 6. С. 51); «Осип в Цехе (это было у Лозинского) сказал мне: “У меня от Ваших стихов иногда впечатление полета. Сегодня этого не было, а должно быть. Следите, чтоб всегда было!”. И другой раз: (Цитата). “Эти ваши строки можно удалить из моего мозга только хирургическим путем” (О чем-то из “Четок”)» (Ахматова А. Записные книжки. С. 566); «Помню обстоятельнее и тверже то, что он говорил о действительно чудесном ахматовском восьмистишии [«Когда о горькой гибели моей»]. Но это было не в “Цехе”, а в бесконечном, верстой в длину, университетском коридоре. Он ходил взад и вперед, то и дело закидывал голову и все нараспев повторял эти строчки, особенно восхищаясь расстановкой слов, спондеической тяжестью словосочетания “весть поздняя”...» (Адамович Г. В. Мои встречи с Анной Ахматовой. С. 51); на своем вечере в Ленинграде весной 1933, когда ему предложили определить значение поэтов, дошедших от предреволюционной поры: «– Чего вы ждете от меня? Какого ответа? (Непреклонным певучим голосом): – Я – друг моих друзей! Полсекунды паузы. Победным восторженным криком: – Я – современник Ахматовой! И – гром, шквал, буря рукоплесканий» (Тагер Е. М. О Мандельштаме // Осип Мандельштам и его время. М., 1995. С. 239); «Что-то в отношении ко мне другого Иосифа [Бродского] напоминает мне Мандельштама» (Ахматова А. Записные книжки. С. 523).

Ахматова говорила, после одного из собраний «Цеха»: «Сидит человек десять-двенадцать, читают стихи, то хорошие, то заурядные, внимание рассеивается, слушаешь по обязанности, и вдруг какой-то лебедь взлетает над всеми – читает Осип Эмильевич!»» (Адамович Г. В. Мои встречи с Анной Ахматовой. С. 51).

Отношение А. к О. М. оставалось с тех пор неизменным до самого конца ее жизни: «Ахматова говорит про него, что он величайший поэт» (В. Шкловский в 1923 (Шкловский В. Б. Сентиментальное путешествие // Шкловский В. Б. «Еще ничего не кончилось». М., 2002. С. 231); в 1927 г. она говорила П. Н. Лукницкому: «Мандельштам превосходно знает, что АА считает его прекрасным, одним из лучших, если не лучшим современным поэтом, и знает, что она всегда и везде, всем говорит об этом» (Мандельштам в архиве П. Н. Лукницкого // Слово и судьба. Осип Мандельштам. М., 1991. С. 129); «Любил говорить: Наденька, наши стихи любят только твоя мама да Анна Андреевна» (Струве Н. А.); в 1950-е И. С. Поступальскому «про акмеистов говорила – ну, они изжили себя очень скоро. У Гумилева лучшие книги “Колчан” и “Огненный столп”... Вот Мандельштам – это большой поэт, хороший» (Про книги. 2011. № 10. С. 110); А. Г. Найману – «Он оживлял все, к чему ни прикасался, на что ни бросал взгляд» (Найман А. Г. Рассказы о Анне Ахматовой. М., 1989. С. 84); Г. В. Глёкину – «Очень нужный мне поэт. Нужнее, конечно, чем Пастернак» (Глёкин Г. В. Встречи с Ахматовой. Из дневниковых записей 1959–1966 годов // Вопросы литературы. 1997. № 2), И. Берлину – «лучшего поэта нашей эпохи, которого я любила и который любил меня» (Берлин И. История свободы. Россия. М., 2014). «М., о котором она

Анна Андреевна Ахматова

отзывается неизменно с какой-то просветленной улыбкой» (Глёкин Г. В. Встречи с Ахматовой. Из дневниковых записей 1959–1966 годов).

Осознание обоими поэтам своей выделенности проявилось в шуточном эпизоде начала 1914 года: «Мы стали тяготиться “Цехом” и даже дали Городецкому и Гумилеву составленное Осипом и мной прошение о закрытии “Цеха”. С. Городецкий наложил резолюцию: “Всех повесить, а Ахматову заточить”» (*Листки из дневника*. С. 129). На исходе шестилетия их присутствия в картине литературной жизни их стали воспринимать как замкнутую филиацию в постсимволизме, направление, «пытающееся воскресить классическую точность выражения и художественную законченность построения, – то, которое нашло свое самое лучшее выражение в поэзии Ахматовой и Мандельштама» (Выгодский Д. И. О новых стихах // Новая жизнь. 1917. 2 декабря).

В экспромтах и стиховых комплиментах О. М., адресованных А., реплицировались сигнатуры лирической героини ее ранней лирики и обращенных к ней мадригалов («никто... без стихов не подойдет»). Мотивы ст-ния «Где высокая, твой цыганенок...» и блоковского посвящения, «испанизировавшего» Ахматову («Красота страшна, вам скажут...») сплелись в образ «гитаны гибкой», чьи «черты лица искажены какой-то старческой улыбкой». Инфернальное будущее адресата амбивалентного мадригала вторит финалу ахматовского стихотворения о «Бродячей собаке» («А та, что сейчас танцует, непременно будет в аду»), где предшествующую строчку («Не смертного ль часа жду») Ахматова считала поводом для отголоска в черновике «Соломинки»: «Что знает женщина одна о смертном часе?» (ЗК. С. 131). Цыганочья гибкость из экспромта об А. в телефонной будке на царскосельском вокзале выступает как контрастное предвестье загробного окамененья. Это же окамененье, начиная с шали, проявляется в статуаризованном портрете А. в другом «моментальном снимке», другом «наброске с натуры» (определения А.) «Вполоборота, о печаль...». «Я стояла на эстраде и с кем-то разговаривала. Несколько голосов из залы стали просить меня почитать стихи. Не меняя позы, я что-то прочла. Подошел Осип: “Как вы стояли, как вы читали”. Тогда же возникли строки». (Записные книжки. С. 277). Театрализованная мизансцена со-

листки и хора «равнодушных» на заднем плане увековечивает публику подвала «Бродячей собаки», исполнителями стихов на шатком помосте которого бывали «гибкий призрак татарской княжны – Ахматова, вихрастый поэт Мандельштам с ритмичным воем бронзовых стихов» (Л е в и н с о н А. Я. Три подвала // Ахматова А. Поэма без героя. М., 1989. С. 136).

Словесное изображение Ахматовой как остановленный, застывший миг соответствует общераспространенному читательскому ощущению от ее ранней лирики (Л у р ь е С. «Оркестр веселое играет» // Аврора. № 6. С. 14–17). Эта форсированная статика компенсируется динамикой культурной генеалогии портретируемой поэтессы. Она предстает преломленной анфиладой культурных зеркал: Дантовского «Ада», героинь Гюго и Мериме, расиновской трагедии, французского романтического театра и – по созвучию имени и генеалогии – библейской истории о Иакове и Рахили. Ахматова-Рашель-Рахиль появляется в то же время, как в лирику О. М. приходит «Мандельштам – Иосиф». Поэтическая система О. М. оперативно реагирует параллелизмами с ахматовскими тематическими новациями – напр., за гимном «Бессоннице» («Где-то кошки жалобно мяукают...») у Ахматовой следует «Бессоница. Гомер...» (L a c h m a n n R. Сопричастность чужому тексту: «Бессонница» Мандельштама// Studia Russica. Vol. XXIV. Budapest, 2011). Происходит и взаимообучение: А. учится у О. М., его, как сказано в предисловии Кузмина к «Вечеру», «необыкновенно изощренному анализу нарочито-причудливых переживаний» (А х м а т о в а А. А. Вечер. СПб., 1912. С. 9), а О. М. – смелому разрыву логических связей в строфе на манер частушки – все это приводит к впечатлению близости их манер как «суггестивной лирики» (Томашевский Б. Теория литературы: Поэтика. Л., 1925. С. 193]), закрепленной демонстративной реминисценцией – «Да будет так: прозрачная фигурка На чистом блюде глиняном лежит, Как беличья распластанная шкурка, Склонясь над воском, девушка глядит» (Tristia, 1918) из ахматовского «Высоко в небе облако серело, как беличья расстеленная шкурка» (1911), каковая сознательная перекличка, по-видимому, подсказала В. Б. Шкловскому метафору в его речи на вечере «Цеха поэтов» в 1922: «“Беличья распластанная шкурка”, <...> стала “знаменем” для пришедшей поэтической поры, – послужив ключом для некоего возникающего направления...» (П я с т В. Встречи. М., 1929. С. 156; Т и м е н ч и к Р. Д. Виктор Шкловский, филолог: Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой// Литературная жизнь. Статьи. Публикации. Мемуары. Памяти А. Ю. Галушкина. М., 2017. С. 278–279). О ст-нии «Ахматова», восславлявшем расковывающий недра души голос (А. в набросках к «Поэме без героя» приложила эту формулу к Шаляпину), его адресатка говорила в 1940 в связи с утверждением одного критика «героиня ахматовской поэзии – героиня расиновского театра»: «Осип имел здесь в виду вовсе не мою поэзию, <...> и он просто написал о женщине, которая ему нравилась» (Ч у к о в с к а я Л. Записки об Анне Ахматовой. М., 1997. Т. 1. С. 129). Но и в 1910-е, и позднее стихотворение воспринималось как «лирический портрет» ее поэзии, который корректировался читателями: «Поза Рашели мало характерна для автора “Четок” и “Белой стаи”. Иногда голос Ахматовой хочет быть пророческим и властным. Иногда ему, действительно, удаются спокойно-зловещие ноты <...> Но очарование ее лирики не здесь. Мы любим другой ее голос, слегка придушенный, изнемогающий...» (Коковцев Д. Анна Ахматова // Вечерний звон. 1917. 20 декабря). Стихотворение имело долгую читательскую судьбу – от удивления сближением: «Вопреки грозному призыву автора “о печаль!”, чрезвычайно забавен бессознательный комизм стихов, посвященных г-же Ахматовой» (Лернер Н. О. Рец. на кн.: Мандельштам О. Камень. П.1916 // Речь. 1916. 2 мая) до безоговорочного усвоения и присвоения: «На эстраду вышла стройная женщина с красивым скорбным и каким-то византийски-строгим лицом. “Ахматова...“. Все жадно слушали звук этого сурового и в то же время невыразимо нежного голоса. <...> Казалось, что именно так, как Ахматова, должна была некогда говорить стихи Расина Рашель» (П а с т у х о в В. Глаза Нелли // Сегодня вечером. Рига. 1940. 5 марта). На упоминание классика классицизма А. отреагировала через год: «Летом 1915 в Слепневе читала Расина» (Ахматова А. Записные книжки. С. 667), что отразилось у нее обращением к александрийскому стиху.

Доминирующее среди сверстников и захватившее также О. М. ощущение «остроты» дебютных сочинений А. (см.: Т и м е н ч и к Р. Заметки об акмеизме. I // RL. 1974. № 7/8) выделило среди образного инвентаря ее ранних стихов называние пчел и ос, и это вошло в состав «образа Ахматовой» у О. М.: «Вся эта форма <...> приспособлена для переноса психологической пыльцы с одного цветка на другой» (1922) (2. С. 222). «Ахматовой уколы» (1934). Впоследствии О. М. ценил в своей подруге по Цеху именно преодоление ею стилистики сборников «Вечер» и «Четки» («много острот и эпиграмм»), обеспечившей ей широчайшую популярность («Очень ему не нравилось, когда молодые женщины любили “Четки”» – Листки из дневника. С. 142). По мере появления стихотворений, составивших сборник «Белая стая», О. М. стал разглядывать в ней черты, сближающие ее с вершинами золотого века русской поэзии («как властительно, по-тютчевски звучит») и этосом лирики Пушкина – «голос отречения» (который находил у Пушкина Влад. Гиппиус («Пушкин и христианство», 1913) и величие: «...Для Ахматовой настала иная пора. В последних стихах Ахматовой произошел перелом к гиератической важности, религиозной простоте и торжественности: я бы сказал, после женщины настал черед жены. Помните: “смиренная, одетая убого, но видом величавая жена”. Голос отречения крепнет все более и более в стихах Ахматовой, и в настоящее время ее поэзия близится к тому, чтобы стать одним из символов величия России» [«О современной поэзии (К выходу «Альманаха Муз»)», 1916; не окончено и не напечатано (1. С. 208)].

Поздней осенью 1917 начинается сближение, которое ознаменовано стихотворениями «Что поют часы-кузнечик...» («непонятное, правда? а это мы просто топили печь» (Ч у к о в с к а я Л. Записки об Анне Ахматовой. М., 1997. Т. 2. С. 257–258), «Твое чудесное произношенье» и «Кассандра»). Позднее тогдашняя болезнь Ахматовой («лихорадка шелестит», «больная, тихая» Кассандра, в другом варианте: «Касатка, милая Кассандра Ты стонешь, ты горишь...»), возможно, была одним из толчков к апокалиптической формуле О. М. об осени 1917: «...Перед концом, когда температура эпохи вскочила на тридцать семь и три...» («Египетская

марка»). Нарастающая лирическая линия этих зимних стихов была оборвана: «После некоторых колебаний решаюсь вспомнить в этих записках, что мне пришлось объяснить Осипу, что нам не следует так часто встречаться, что это может дать людям материал для превратного толкования наших отношений» (Листки из дневника. С. 131). «Он неожиданно очень грозно обиделся на меня и совсем перестал бывать на Боткинской. Однако тогда все вокруг было так раздрызганно <...> что исчезновение О. М. меня не удивило» (Листки из дневника. Вариант. С. 196); «Осип два раза пробовал и в меня влюбиться, но оба раза это казалось мне таким оскорблением нашей дружбы, что я немедленно прекращала» (*Чуковская* Л. К. Записки об Анне Ахматовой. Т. 1. С. 239); «Было время, когда О. Мандельштам сильно ухаживал за нею. – "Он был мне физически неприятен. Я не могла, например, когда он целовал мне руку". Одно время О. М. часто ездил с ней на извозчиках. А. А. сказала, что нужно меньше ездить, во избежание сплетен. – "Если б всякому другому сказать такую фразу, он бы ясно понял, что он не нравится женщине... Ведь если человек хоть немного нравится, женщина не посчитается ни с какими разговорами. А Мандельштам поверил мне прямо, что это так и есть..."» (Мандельштам в архиве П. Н. Лукницкого. С. 115); «Успеха у дам не имел никакого. В меня он был влюблен три раза» (Струве Н. А.).

В августе 1918 О. М. навещал Ахматову и В. К. *Шилейко* в их комнате в 3-ем Зачатьевском переулке в Москве. В 1920 он, появившись в Петрограде, рассказал А. о смерти Н. В. *Недоброво* в Крыму.

В 1922 в «Письме о русской поэзии», напечатанном в провинциальных газетах, но оставшемся неизвестным столичным читателям, в т. ч. и А., он утверждал в перечислении поэтов 20 в., канонизировавших «далекие» линии: «Ахматова принесла в русскую лирику всю огромную сложность и психологическое богатство русского романа девятнадцатого века. Не было бы Ахматовой, не будь Толстого с "Анной Карениной", Тургенева с "Дворянским гнездом", всего Достоевского и отчасти даже Лескова. Генезис Ахматовой весь лежит в русской прозе, а не поэзии. Свою поэтическую форму, острую и своеобразную, она развивала с оглядкой на психологическую прозу» (2. С. 239). «Даже Лескова» позволяет предположить, что в ст-нии «Ахматова» отразился образ девочки-танцовщицы на первой странице лесковских «Островитян» и присущее «что-то трагическое этому бледному профилю, напоминавшему длинный профиль Рашели, когда эта пламенная еврейка одевалась в костюм Федры».

Позднее, в беседе с Э. Г. *Герштейн,* О. М. «заговорил не о любовных мотивах ее лирики, а о ее описаниях природы. Он сравнивал стихи Ахматовой с пейзажами русских классиков, но не находил в них ни сходства ни с Тургеневым, ни с Чеховым. Бормотал, перечисляя имена писателей, пока не было найдено единственное определение, выдерживающее сравнение с ее стихами: – Аксаковская степь...» (Герштейн Э. Г. Мемуары. СПб., 1988. С. 16–17) – возможно, отталкиваясь, от строки в ст-нии «Судьба ли так моя переменилась...»: «Степь трогательно зелена».

Попав в Москву и переопределяясь в текущем литературном контексте, О. М. радикально изменил оценки наследия А. Если в «Письме о русской поэзии» ахматовская «форма» выводилась частично из «высокого лирического прозаизма Анненского», то год спустя в статье «Буря и натиск» он обернул наблюдение неодобрительной стороной: «Анненский до сих пор не дошел до русского читателя и известен лишь по вульгаризации его методов Ахматовой» (2. С. 294), а орнитоморфные образы, прежде сопутствовавшие теме «Ахматовой» (ласточка, касатка, «горячий посвист хищных птиц»), трансформировались в уничижительную метафору: «Этот "вчерашний день" – легко усваиваемая поэзия, отгороженный курятник, уютный закуток, где кудахчут и топчутся домашние птицы. Это не работа над словом, а скорее отдых от слова. Границы такого мира, уютного отдохновения от деятельной поэзии, сейчас определяются приблизительно Ахматовой и Блоком» (2. С. 293). А. отмечала эту черту как постоянную в О. М.: «Трудно будет его биографу разобраться во всем этом, если он не будет знать этого его свойства – с чистейшим благородством восстать на то, чем он сам занимался, или что было его идеей» (Мандельштам в архиве П. Н. Лукницкого. С. 128), а статью в целом не приняла: «...Концы с концами не сходятся. <...> Это нисколько не мешает быть хорошим поэтом, еще лишнее доказательство, что можно быть хорошим поэтом и плохим теоретиком» (Лукницкий П. Н. Acumiana. Встречи с Анной Ахматовой. Том I: 1924–1925. Paris: YMCA–Press, 1991. С. 195). Еще более резкий выпад содержался в следующей его статье «Vulgata (Заметки о поэзии)»: «Воистину русские символисты были столпниками стиля: на всех вместе не больше пятисот слов... Но это по крайней мере были аскеты, подвижники. Они стояли на колодах. Ахматова же стоит на паркетине – это уже паркетное столпничество» (Русское искусство. Кн. 2/3, 1923. С. 69). Этот выпад запомнился А.: см., например, ее монолог, записанный Лукницким в 1927: «М. не любит АА. Не любит ее стихов. Об этом он говорит всегда и всюду, и об этом он написал в статье в журнале "[Русское] Искусство"» (Лукницкий П. Н. Acumiana. Встречи с Анной Ахматовой. Том II: 1926–1972. М.; Париж: YMCA–Press–Русский путь, 1977. С. 267); разговор в 1940: «Мне нисколько не мешает, если человек не любит моих стихов. Что писал обо мне Мандельштам! "Столпник паркета"! Уж, кажется, куда обидней. – Но ведь вас он любил? – Да, вероятно. А я его очень любила» (Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. Т. 1. С. 104); «Ахматова сказала, благосклонно улыбаясь: «В двадцатых годах Осип был очень радикально настроен. Он тогда написал про меня: «столпничество на паркете»" (*Гинзбург Л. Я.* Литература в поисках реальности. Л. 1987. С. 211); «Его высказывания в начале 1920-х годов против А. А. («столпница на паркете») соответствовали кратковременному настроению – боязни устареть. Это он не включил в свою книгу» (Будыко М. Рассказы Ахматовой // Звезда. 1989. № 6. С. 75).

При первой после двухлетнего перерыва встрече осенью 1923 «Ахматова спросила М. про стихи и сказала: "Читайте вы первый – я люблю ваши стихи больше, чем вы мои". Вот они – "ахматовские уколы": чуть-чуть кольнуть, чтобы все стало на место. Это был единственный намек на статьи Мандельштама» (*Н. Я. Мандельштам.* Т. 2. С. 455).

В «Листках из дневника» Ахматова перечислила встречи 1920-х годов: жизнь в пансионе в Царском Селе (1925), когда О. М. прочел «совершенно по секрету» «Жизнь упа-

ла, как зарница», которое она всегда высоко ценила (Струве Н.А.), осенью 1926 в Царском Селе и в феврале 1928 там же. В июле 1932 она навещала О. М. в Москве, а затем встретилась с ним в Ленинграде в феврале 1933, когда присутствовала на его вечере. «Стихи становились все лучше, проза тоже» (Листки из дневника. С. 204), обмен новыми стихами продолжался, например «Привольем пахнет дикий мед» О. М. считал одним из лучших ее стихотворений (Зап. кн. С. 700), а, прочитав ей «Полночь в Москве...», назвал его «узловым». Ахматовской «Последней сказке Пушкина» (Звезда. 1933. № 1) О. М. сказал изысканный комплимент.

В феврале 1934 в Москве А. гостит у О. М., он читает «Мы живем, под собою не чуя страны...». 25.5.1934, в показаниях под арестом он сообщил, что «со свойственной ей лаконичностью и поэтической зоркостью Анна Ахматова указала на “монументально-лубочный и вырубленный характер” этой вещи» (Нерлер П. Слово и «дело» Осипа Мандельштама. Книга доносов, допросов и обвинительных заключений. М., 2010. С. 47). В том разговоре с Ахматовой О. М. процитировал «Гондлу» Н. Гумилева: «Я к смерти готов» (Тименчик Р., Топоров В., Цивьян Т. Ахматова и Кузмин // RL. Vol. 6, Issue 3. 1978, July. P. 300). «Вот уже двадцать восемь лет я вспоминаю эту минуту, когда проезжаю мимо этого места» (Листки из дневника С. 203). В ночь на 17.05.1934 А., приехавшая погостить у О. М., присутствует при его аресте, затем участвует в попытках облегчить его участь. В феврале 1936 она приезжает к О. М. в Воронеж. В разговорах с ней он произносит: «Поэзия – это власть» (Н. Я. Мандельштам), и эти мотивы триумфа проникли в ее стихотворение «Воронеж» – победительный пафос Куликовской битвы (одно из главных для А. событий русской истории), память о Петре I, основателе российского флота, сияние церковных куполов. Дружеский союз двух поэтов обозначен символикой брачного пира (подробный разбор стихотворения см.: Basker M. «“Fear and the Muse”: An Analysis and Contextual Interpretation of Anna Achmatova’s “Voronež”». RL. 1999. Vol. XLV. No. 3. P. 245–360) В мае 1937 «в моей Москве [кровавой]» (Ахматова) М. читает ей новые стихи. «С Осипом я дружна была смолоду, но особенно подружилась в 37-м году. Да, в 37-м» (Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. Т. 1. С. 105). В октябре они встречаются в Ленинграде на квартире В. И. *Стенича*. «Все было, как в страшном сне» (Листки из дневника. С. 215). Последняя встреча – в феврале 1938 О. М. прочел «Как по улицам Киева-Вия», Ахматова – «Немного географии» и «Уводили тебя на рассвете» из будущего «Реквиема».

В начале 1939 она узнала о смерти О. М., рассказала Ю. Н. *Тынянову* на улице («...помолчав, она сказала: “Осип умер”. И ушла» (*Каверин В. А.* Счастье таланта. М., 1989. С. 305). В феврале 1939 Л. К. Чуковская видела у нее «зеленую тетрадь» со стихами О. М. Перелистав ее, А. сказала: «Много он сделал, особенно после 28 года» и прочитала «Как по улицам Киева-Вия» и «Еще не умер ты...» (Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. Т. 1. С. 21); про первое А. спустя 20 лет говорила, что «интересно следить за эпитетом у Мандельштама. Сначала эпитет особенный: “простоволосая трава”; а в последнем стихотворении: “и на щеки ее восковые” уже совсем просто» (Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. М., 1997. Т. 2. С. 432) Уже посмертно литературная солидарность О. М. с А. приводила к поиску похожести ее поздних стихов на мандельштамовские – так в 1940 Пастернак воспринял «Путем всея земли» (Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. Т. 1. С. 103).

В последнюю неделю декабря 1940 А. стала писать «петербургскую поэму» (будущую «Поэму без героя») и на протяжении последующих 25 лет своей жизни старалась обнаружить в ней присутствие О. М. – она сочла значимым совпадение «прихода» поэмы со второй годовщиной его смерти, отметила в реестре цитат финальный стих первой главки исходного варианта: «Лестницы плоской ступени, / Вспышки газа и в отдаленьи / Ясный голос: “Я к смерти готов”», а в дописанном в Ташкенте в начале 1942 – цитату из стих. «Ахматова»: «И как будто припомнив что-то, / Повернувшись вполоборота, / Тихим голосом говорю...») (Записные книжки. С. 276); она могла бы прибавить и «шаль не снимая». «Вспышки газа», соседствующие с вложенной в уста драгунского корнета гумилевской цитатой из О. М., возможно, порождены памятью об инскрипте О. М. на «Камне» «Анне Ахматовой – вспышки сознания в беспамятстве дней» (1913), ибо впоследствии это припоминание сказалось в ее стихотворении «Этой ивы листы в девятнадцатом веке увяли...» (1957): «Я в беспамятстве дней забывала теченье годов».

Подправленная дата над первым посвящением (27.12.1940) и упоминание ресниц, которыми был славен О. М. (слова Ахматовой: «У Осипа были ресницы пушистые, в полщеки...» (Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. М., 1997. Т. 2. С. 235) и которые воспеты в стихах М. И. *Цветаевой* к нему, в строках «И темные ресницы Антиноя / Вдруг поднялись, и там зеленый дым / И ветерком повеяло родным» заставили Н. М., несмотря на проставлявшееся А. посвящение памяти Князева, заподозрить О. М. в качестве адресата посвящения и искать в мотивировку «снежинки» в смежных строках «И вдруг чужое слово проступает / И, как снежинка на моей руке / Доверчиво и без упрека тает». Ахматова ответила ей на этот вопрос: «Ося знает» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 439). Одним из предположительных толкований ахматовского ответа может быть указание на цитату из стихотворения Анненского «Небо звездами в тумане не расцветится...»: «Меж ресниц твоих снежинки закидавшие / <...> И мучительно снежинкам я завидую, / Потому что ими плачешь ты...». Эпиграф из стихотворения «В Петербурге мы сойдемся снова...» к третьей главе появился в редакции 1962 г. (Записные книжки. С. 173) – предсказанный или подсказанный Г. В. Адамовичем в отзыве на первую публикацию ранней редакции поэмы: «Ахматова, например, вспоминает дореволюционный Петербург. Думаю, что все этот Петербург помнящие, связаны круговой порукой, тем, что магически выражено в стихотворении Осипа Мандельштама:

В Петербурге мы сойдемся снова,
Словно солнце мы похоронили в нем...»

(Адамович Г. В. Подарок Пастернаку. Альманах «Воздушные мосты» <sic!> // Новое русское слово. 1959. 6 декабря; ранее этот эпиграф взят в стихотворении Г. Иванова «Четверть века прошла заграницей...» (1950) – впервые: Новый журнал. 1951. № 25; Иванов Г. 1943–1958. Стихи. Нью-Йорк. 1958; в 1922 Ахматова выписывала эти строки

в инскрипте В. К. Шилейко). В это время О. М. появляется в ахматовской прозе о «Поэме» в связи с возращением стихов О. М. к сегодняшнему читателю и восстановлением памяти о его судьбе: «...Само Время увело ее почти к волнам Тихого океана. Могила поэта» (Записные книжки. С. 138) и в самооценке генезиса и ареала поэмы: «По духу она близка “Огненному столпу” и позднему Мандельштаму (может быть, даже его прозе)» (Записные книжки.С.148). Усиление «мандельштамовского начала» на протяжении дописывания поэмы детально рассмотрено Н. И. Крайневой (см.: Ахматова А. А. «Я не такой тебя когда-то знала...». Поэма без героя. Проза о поэме. Наброски балетного либретто. Материалы к творческой истории / Изд. подг. Н. И. Крайневой. СПб., 2009).

В 1956 Ахматова начинает писать ст-ние памяти М. «О как пряно дыханье гвоздики...», перебирающее «заветные заметки», пронзившие ее некогда острые образы из поэзии О. М., например «Бык Европу везет по волнам» из стихотворения «С розовой пеной усталости», которое она увидела рядом со своим стихотворением в журнальной публикации 1922.

В 1957 А. включают в *Комиссию по литературному наследию О. М.* Она начинает писать воспоминания о нем, во многом в полемике со штампами, ходовыми в советской писательской среде. «Конечно, самое простое отмахнуться от Мандельштама, назвав его чудаком, и в этом будет какая-то доля правды, но разве это объясняет такого большого поэта и человека? (Записные книжки. С. 311). На протяжении восьми лет работы над «Листками из дневника» она наблюдала постепенное наполнение самиздатского репертуара стихами О. М. и предполагала включить в этот очерк коду: «Он писал для своих правнуков. И вот эти правнуки, выросшие в крови, в грязи, в нужде, в неправде чистыми, умными и полными сил. Они пришли и сказали: “Вот он – не хотим никого другого”. Песня... минуя внуков, к правнукам уйдет. / И новый бард чужую песню сложит / И как свою ее произнесет, – писал еще юношей О. М., провидя, что случится в 60-ых годах 20 стол[етия]» 27.12.1963 А. писала Н. М. в Псков: «Думали ли мы с Вами, что доживем до сегодняшнего Дня – Дня слез и Славы <...>. У Вас, то есть у Осипа Эмильевича, все хорошо» (Мандельштам Н. Об Ахматовой. М., 2008. С. 248).

До самых последних дней жизни А. обдумывала вставки в «Листки из дневника» – например, «Я с М<андельштама>ми на блинах у Тышлера (1934)» об эпизоде, напомненном ей художником: «Они смотрели вещи по-разному. Ахматова все виденное как бы вбирала в себя с присущей ей тишиной. Мандельштам, наоборот, бегал, подпрыгивал, нарушал тишину... Я подумал: как это они сумели мирно и благополучно дойти до меня?» (*Тышлер* А. Г. Я помню Анну Ахматову // Воспоминания об Анне Ахматовой. М., 1991. С. 401).

Рукопись книги Н. М. «Воспоминания» Ахматова не читала, но с некоторыми моментами концепции биографии О. М., изложенными в книге, была знакома и их оспаривала: «И не надо изображать его выпускником университета, когда он сходил в лучшем случае на восемь лекций. И не надо связывать его с Соловьевым и делать из него и Блока каких-то близнецов, Додика и Радика» (*Найман* А. Г. Рассказы о Анне Ахматовой. С. 84; сиамские близнецы – Radhika&Doodica Nayak – родились в 1888 в Индии). В образе О. М. А. постоянно подчеркивала его уникальность. 19.10.1965 в своем последнем публичном выступлении на торжественном вечере в Большом театре, посвященном 700-летию Данте, она говорила: «И для тех, кто был тогда со мною рядом, величайшим недосягаемым Учителем был суровый Алигиери, между двух флорентийск<их> костров Гумилев видит, как “Изгнанник бедный Алигиери/ Стопой неспешной сходит в ад”. [А другой мой друг и товарищ] А Осип Мандельштам, положивший годы на изучен<ие> Д<анте>, пишет в стихах (цитата) и в прозе (цитата) замечательный трактат “Разговор о Данте”, уже переведенный на англ<ийский> язык» (Зап. кн. С. 678). Готовя текст выступления к печати, она записала: «...И когда недоброжелатели насмешливо спрашивают: “Что общего между Гум<илевым>, Манд<ельштамом>и Ахм<атовой>?” – мне хочется ответить: “Любовь к Данте”» (Там же).

Лит.: Ахматова А. Листки из дневника [самый полный свод фрагментов, относимых к замыслу, составлен В. Я. Виленкиным] // ВЛ. 1989. № 2; Ахматова А. Записные книжки. Torino; М., 1996; Ахматова А. Requiem. М., 1989; Бельская Л. Диалог трех поэтов... об ахматовской шали // Рус. речь. 1997. № 1. С. 27–33. Двинятина Т. Мандельштам и «Ахматова»: Анализ одного стихотворения // Europa Orientalis. Roma, 1996. № 2. С. 97–118; Левин Ю., Сегал Д., Тименчик Р., Топоров В., Цивьян Т. Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма // Смерть и бессмертие поэта: материалы международной научной конференции, посвященной 60-летию со дня гибели О. Э. Мандельштама. М., 2001; Левинтон Г. Литературная шутка у акмеистов // Северо-Запад. Историко-культурный региональный вестник. Вып. III. Сб. памяти В. А. Сапогова. Череповец. 2000, с. 145–169; Лекманов О. Мандельштам и Ахматова. Четыре фрагмента диалога //Филологические записки. 1994. Вып. 2. Мусатов В. Ахматова и Мандельштам // RL. 1991. Vol. XXX. № 3. P. 357–372; Струве Н. Восемь часов с Анной Ахматовой // Звезда. 1989. № 6; Тименчик Р. Ахматова и Пушкин. Заметки к теме. III. «Невидимых звон копыт...» // Пушкин и русская литература. Рига, 1986. С. 127–134; Тименчик Р. Дядя из Риги, или К анатомии литературной шутки // Даугава. 1995. № 6. С. 136–137. Тименчик Р. Еще раз о поэтическом диалоге Ахматовой и Мандельштама // Корни, побеги, плоды...: Мандельштамовские дни в Варшаве: В 2 ч. Ч. 2. М.: РГГУ, 2014. С. 328–350. Хазан В. О. Мандельштам и А. Ахматова: Наброски к диалогу. Грозный.1992; Хазан В. «...Одна великолепная цитата»: (О некоторых параллелях в творчестве О. Мандельштама и А. Ахматовой) // Филолог. науки. М., 1993. № 1; Хазан В. Опыт реконструкции некоторых библейских подтекстов в поэтическом диалоге О. Мандельштама и А. Ахматовой // Jews and Slavs. Vol. 4. Jerusalem, 1995; Цивьян Т. В. Античные героини — зеркала Ахматовой // Russian literature. 1974. № 7–8; Шиндин С. «Акмеистический» фрагмент художественного мира Мандельштама: метатекстуальный аспект // «Russian Literature». 1996. Vol. XLII. № 2; Basker, Michael. “‘Fear and the Muse’: An Analysis and Contextual Interpretation of Anna Achmatova’s ‘Voronež’,” Russian Literature 45.3 (1999): 245–360.

Р. Д. Тименчик.

Б

БАБАЕВ Эдуард Григорьевич (30.7.1927, Ташкент – 11.3.1995, Москва), поэт, филолог и мемуарист. В 1961–69 зав. науч. частью Гос. музея Л. Н. Толстого в Москве, с 1969 доцент, затем проф. ф-та журналистики МГУ. Во время Великой Отечественной войны 1941–45, когда в Ташкент эвакуировались мн. писатели и ученые из Москвы и Ленинграда, Б., в то время школьник, познакомился с Н. М., к-рая вела кружок англ. яз. в Центр. доме худож. воспитания детей, а также с А. А. *Ахматовой,* К. И. *Чуковским*, Н. Д. Леоновым, Б. С. *Кузиным*, а позднее – со мн. др. близкими О. М. людьми, в частности с Н. И. *Харджиевым* и Э. Г. *Герштейн*. Там же Н. М., опасаясь неожиданно оказаться в больнице, часто передавала Б. на хранение чемодан с рукописями О. М., завещая в случае ее смерти отвезти его в Москву Харджиеву. Покидая Ташкент, Н. М. оставила Б. на хранение автографы О. М., возвращенные им через брата Н. М. – Е. Я. *Хазина* в 1961. В марте 1959 Н. М. сама приезжала к Б. в Ташкент и составила в пользу Б. и его первой жены, Л. В. *Глазуновой*, свое офиц. завещание. В 1943–44 в Ташкенте в самодельной тетради из плотной бумаги оливкового цвета Б. вместе с Н. М. составили список поздних стихов О. М. под загл. «Новая книга» (т. н. Ташкентский список в собр. Б.; чудом уцелел во время ташкентского землетрясения 1966). Н. М. сама записала стихи цикла «Армения» и позднее авторизовала каждую страницу, скопированную Б. Эдиционно-текстологич. значение этого списка значительно: сделанный по источникам, непосредственно восходящим к прижизненным, он был ценен сочетанием авторитетности и доступности. Вдумчивый текстолог Л. Н. Толстого, Б. глубоко интересовался текстологией О. М. и изложил свои представления об этом в аналитич. статье-рец. на сб. «Слово и культура». В нач. 1990-х гг. Б. написал очерк «Диотима» – воспоминания о Н. М. (опубл. в 1993).

Соч.: Мандельштам как текстологическая проблема // ВЛ. 1987. № 4; Диотима // ВЛ. 1993. № 6; Воспоминания. СПб., 2000.

Лит.: Глазунова Л. В. Не хочу вспоминать // Бабаев Э. Г. Воспоминания. СПб., 2000; Терехов А. Г. Бабаев // Знамя. 2003. № 1.

П. М. Нерлер.

БАБЕЛЬ Исаак Эммануилович (1.7.1894, Одесса – 27.1.1940, Москва), прозаик, драматург. Автор сб. новелл «Конармия», «Одесские рассказы», пьес «Закат», «Мария» и др. По мнению А. А. *Ахматовой*, «из писателей-современников Мандельштам высоко ценил Бабеля и Зощенко». По свидетельству Н. М., в 1922 В. И. *Нарбут* «часто приходил к Мандельштаму с рукописями Бабеля и Багрицкого и умоляюще твердил: "Ведь они же настоящие акмеисты..."» и «упорно прочил Бабеля в неоакмеистическую группу во главе с Мандельштамом, но без Ахматовой», однако О. М. «категорически отказывался от нового акмеизма в союзе с одесситами». Но после того, как Бабель завоевал Москву в 1924 рассказами из «Конармии» и Одесского цикла, отношение О. М. к Б. резко переменилось. Одновременно с «Шумом времени» (март 1925) и в непосредств. перекличке с О. М. Б. развивает новую тему «еврейского детства» на закате Рос. империи в «Истории моей голубятни» (апрель 1925) и «Первой любви» (май 1925). О. М., в свою очередь, очевидно не мог не иметь в виду рассказов «Конармии» и их автора, когда в главе «Комиссаржевская» писал о современниках, к-рые, в отличие от своих косноязычных родителей (первое поколение едва ассимилированных евр. мещан), «обрели язык» – создали большую литературу благодаря своему участию в рев-ции. Центр. тема для Б. – рус. еврейство, его эмансипация через рус. просвещение – интриговала и притягивала О. М., намагниченного этой темой во 2-й пол. 1920-х гг. Отсюда и появление Бабеля «на полях» «Египетской марки», новелле о пришельце, пытающемся соединить полярности отчужденности и участия: «Перо рисует усатую греческую красавицу и чей-то лисий подбородок. Так на полях черновиков возникают арабески и живут самостоятельной, прелестной и коварной жизнью. Скрипичные человечки пьют молоко бумаги. Вот Бабель: лисий подбородок и лапки очков». Пассаж построен на «иконическом» для того времени «автопортрете» Б. в рассказе «Мой первый гусь»: «Ты из киндербальзамов, – закричал он, смеясь, – и очки на носу. Какой паршивенький!.. А здесь режут за очки». «Режут за очки», т. е. «бьют жидов» – подспудная тема «Египетской марки». В свою очередь, Б. был внимат. читателем О. М. С «Грифельной одой» перекликается один из самых ярких рассказов Б. – в глубоком плане автобиографич. «Дорога» (1920–30) – о судьбе рус. еврея, этого «писателя-чужака» в рус. рев-ции («египетской марки», с легкой руки О. М.): «Невский Млечным путем тек вдаль. Трупы лошадей отмечали его как верстовые столбы. Поднятыми ногами лошади поддерживали небо, упавшее низко». Как и О. М в «Грифельной оде», Б. соединяет здесь лермонтовскую тему «кремнистого пути» с жестом Фомы, вложившего персты, – для беспартийных современников таких, как Б. и О. М., расхожая в то время аллегория участия в рев-ции. О. М. ссылался на прозу Б. как эталон сказа во внутр. рец. на кн. Н. Огнева (М. Г. Розанова) «Разбойничий форпост (Дневник Кости Рябцева)» (изд-во «Федерация», 1929): «Писатель Бабель делает по-своему то же самое, когда ведет повествование на языке бойцов гражданской войны». О встрече с Б. заходит речь в письме О. М. (сер. февраля 1929) к Э. В. *Мандельштаму:* «Проживающий здесь писатель Бабель свел меня с громадной украинской Кинофабрикой Вуфку. Он умолял меня бросить переводы и не глушить больше мысли и живой работы. Пользуясь интересом,

к-рый вызвал мой приезд, и теплыми заметками в местных газетах, Бабель, очень влиятельный в Кино человек, вызвался определить меня туда редактором-консультантом. Сегодня от него пришла записка: директор фабрики дал принципиальное согласие. Он уехал на два дня в Харьков. Вернется и оформит» (см. *Всеукраинское фотокиноуправление*). Оплата труда на кинофабриках во много превышала лит. заработки и оставалась гл. статьей дохода Б. до его ареста в мае 1939. «Лисий подбородок» и выступления Б. о поездке в Италию в 1933 позволяют предположить ассоциацию образа Б. с образом Ариосто («Ариост», 1933, 1935) в позднем варианте этого стихотворения, к-рое О. М. восстанавливал по памяти в Воронеже в 1935: «А он вельможится все лучше, все хитерее <...> Любезный Ариост, посольская лиса». По наблюдению О. Ронена, в речи Б. на 1-м Всесоюзном съезде советских писателей в 1934 («посмотрите, как Сталин кует свою речь») слышится отзвук крамольного стих. О. М. об И. В. *Сталине* «Мы живем, под собою не чуя страны...» (1933): «Как подкову кует за указом указ». Как ни заманчива такая интерпретация, вероятнее, что оба текста восходят к единому источнику: типичной для времени аллегории кузнеца, ковки и перековки. Трудно предположить, что Б., будучи одним из гл. соратников М. *Горького* на съезде, решился бы подорвать авторитет и линию Горького такой выходкой. Временами О. М. возвращался к своему петерб. снобизму в отношении «одессита» Б. 1.6.1935 С. Б. *Рудаков*, близкий воронежский знакомый О. М., передавал в письме к жене реакцию О. М. на кн. В. Б. *Шкловского* «Гамбургский счет» (1929): «...О Бабеле – Мандельштам почитал-почитал и говорит (еще раньше Мандельштам хвалил Бабеля, говоря: он из лучших) – “что Зозуля, что Бабель – одно и то же, только один получше, другой похуже, а оба не очень хороши – не по-русски” (?)!». Однако на личных отношениях это суждение не отразилось. Осенью 1938 О. М. и Н. М. по совету Б. сняли комнату в Калинине. Эхом диалога между поэтом и прозаиком («Грифельная ода» – «Дорога») представляется записанная по памяти беседа между Б. и О. М. в 1938, когда О. М. заинтересовался, «почему Бабеля тянет к “милиционерам”. Распределитель, где выдают смерть? “Нет, – ответил Бабель, – пальцами трогать не буду, а так потяну носом: чем пахнет?”...». В такой ревции Б. не желал участвовать. В написанных под давлением следств. органов собственноручных показаниях Б. признавал, что им и писателями его круга «выпячивалось значение людей, в живой литературной жизни не участвующих, – Мандельштама, Заболоцкого, Пришвина». Такие разные и, казалось бы, противоположные фигуры, после рев-ции во многом шли сходными путями, особенно в 1930-е гг. Оба имели могуществ. покровителей, рано сошедших со сцены (Б. – Горького, О. М. – Н. И. *Бухарина*); оба числились у Сталина «в долгу»: О. М. – эпиграммой, а Б. – «Конармией», к-рая шла вразрез с мифом о Сталине-полководце из-за его роковой роли в польской войне; оба пытались найти стиль, одновременно и искренний, и «созвучный эпохе», и для обоих этот поиск окончился творч. тупиком. Оба рус. евреи, обретшие, по выражению О. М., язык в рев-ции, пали жертвами ее торжества в годы Большого террора. Посмертно оба – «щелкунчик» и «конармеец» – получили самые почетные места в воображаемом парижском пантеоне ведущих рус. поэтов и писателей 20 в. – в «Алмазном венце» у В. П. *Катаева*.

Исаак Эммануилович Бабель

С о ч.: Детство и другие рассказы / подгот. текста, коммент. и библ. Э. Зихера; послесл. С. Маркиша. Библиотека-Алия. Иерусалим, 1979; Петербург 1918 / ред. Э. Зихера. Анн Арбор, Мичиган, 1989; Собр. соч.: В 4 т. / вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. И. Н. Сухих. М., 2006.

Лит.: Н. Я. Мандельштам. Т. 1.; Ее же. Т. 2; П о в а р ц о в С. Н. Причина смерти – расстрел: Хроника последних дней И. Бабеля. М., 1996; Р о н е н О. Поэтика О. Мандельштама. СПб., 2002; Ж о л к о в с к и й А. К. Полтора рассказа Бабеля: «Гюи де Мопассан и «Справка/Гонорар»: Структура, смысл, фон. М., 2006; A n d r u c z k o С. Жизнеописание Бабеля Исаака Эммануиловича // Ser. Filologia Rosyjska. №. 28. Poznań, 1993; F r e i d i n G. A Coat of Many Colors: Osip Mandelstam and His Mythologies of Self Presentation. Berkeley, Los Angeles; L., 1987; I d e m. Isaak Babel // European Writers: The Twentieth Century. N. Y., 1990. P. 1885–1914; Two Aphrodites: Autobiographical Subtext in Isaac Babels' Play Maria and Babel's Petersburg Myth (1916–1939) / ed. G. Freidin // Enigma of Isaac Babel: Essays In Biography, History, Context. Stanford, CA, 2007.

И. Е. Лощилов, Ю. Л. Фрейдин.

БАБИН (псевд. Корень) Борис Вячеславович (19.7.1886, г. Ардаган Карской обл. – Магадан, 30.6.1945), публицист, полит. деятель. Из дворян, отец – кадровый военный, вышел в отставку в чине полковника. С 1905 студент физ.-мат. ф-та СПб. ун-та. В 1905– 20 принадлежал к эсерам, участник рев-ции 1905–07, член боевой дружины. В 1905–06, наряду с др. студентом-революционером, социал-демократом С. И. Белявским, Б. был репетитором О. М., позднее занимался и с его братьями, причем младший брат Евгений характеризовал Б. как человека большой душевной стойкости и благородства. За рев. деятельность Б. неоднократно подвергался арестам и ссылкам. В 1913 женился на Берте Александровне Змойро (1894–1983). В 1917 избран гор. головой Александровска-Грушевского (ныне г. Шахты) и делегатом Учред. собр. по Донецкому избир. окр. Во время Гражд. войны входил в состав Юго-Вост. комитета членов Учред. собр. и редакции газеты «Родная земля» (Екатеринодар). Новый 1925 год Б. и Б. А.Змойро встречали вместе с О. М.

и Н. М. С 1920 в Москве, сотрудник Центр. ин-та труда, организатором и директором к-рого был поэт и революционер А. К. *Гастев*. В 1930-х гг. преподавал в Моск. инж.-экон. ин-те. Арестован в апреле 1937, вместе с Гастевым; постановлением ОСО при НКВД от 20.5.1938 приговорен к 8 годам ИТЛ. Отбывал наказание на Колыме, умер во время одного из этапов.

Лит.: Бабина Б. А. Февраль 1922 // Минувшее. Ист. альманах. Вып. 2. Париж, 1986, С. 39–43; Бабин Б. Из писем жене [Берте Александровне Бабиной-Невской], [16 октября 1938 – кон. 1944] // Доднесь тяготеет / сост. С. С. Виленский. М.: Возвращение, 2004. Т. 2. С. 340–348.

Я. В. Леонтьев, П. М. Нерлер.

БАГРИЦКИЙ Всеволод Эдуардович (19.4.1922, Одесса – 26.2.1942, д. Дубовик около Любани), сын Э. Г. *Багрицкого*, поэт. Был уличен К. И. *Чуковским* в плагиате у О. М. (см. в его письме Н. К.*Чуковскому* от 29.7.1938: «...Сын Багрицкого, к-рый “тоже пишет стихи”, прочитал мне вчера: До чего щегол ты, До чего ты щегловит! – то есть выдал стихи Мандельштама за свои!!!! Я уличил его. Он не сконфузился....». Это не остановило его мать, Л. Г. Багрицкую (Суок), от включения того же «Щегла» О. М. в подборку стихов ее сына в сб. «Имена на поверке» (М., 1963). Лишь после того, как начали поступать письма с протестом, Багрицкая была вынуждена признать свою «ошибку» (Багрицкая Л. Досадное недоразумение: Письмо в редакцию. // ЛГ. 1964. 5 мая). Несмотря на это, перепечатано в том же виде в сб. «Бессмертие» (М., 1978).

П. М. Нерлер.

БАГРИЦКИЙ Эдуард Георгиевич (наст. имя, отчество и фам. Эдуард Годелевич Дзюбин) (22.10.1895, по др. данным, 23.10.1895, Одесса – 16.2.1934, Москва), поэт, переводчик. О. М. всегда был в числе наиб. высоко ценимых Б. поэтов («Я лечу свою астму, читая вслух Мандельштама», – говорил Б. С. И. *Липкину*). По свидетельству Липкина, «Б., можно сказать, боготворил» О. М. Личное знакомство поэтов состоялось после переезда Б. в Москву из Одессы (август 1925). О. М. бывал у Б. в Кунцево. Б. был среди писателей, поддержавших О. М. в скандале, связанном с А. Г. *Горнфельдом*. В. И. *Нарбут*, друг и родственник Б., предлагал О. М. принять участие в формировании новой акмеистич. группы, куда, кроме самого Нарбута и О. М., должны были входить Б. и И. Э. *Бабель*.

По мнению Липкина, О. М. не слишком высоко оценивал поэзию Б.: «У него в мозгу фотографический аппарат <...>. Выйдет на Можайское шоссе, так непременно увидит Наполеона. Лучшее у него от Нарбута». Согласно воронежскому письму С. Б. *Рудакова* к жене (1935), О. М. называл Б. «подпоэтом».

Тем не менее исследователи отмечают интертекстуальную связь между стих. О. М. «1 января 1924» и поэмой Б. «ТВС» или даже усматривают наличие «литературного диалога» между О. М. и Б.

Лит.: Колычев О. Я. Встречи у Багрицкого. [Черновая ред. воспоминаний]. ОР Одесского лит. музея; Олеша Ю. К. Личность и творчество // Э. Багрицкий: Воспоминания современников. М., 1973; Липкин С. И. Квадрига. М., 1997; Ronen O. Approach to Mandel'shtam. Jerusalem, 1983; Reynolds A. «Кому не надоели любовь и кровь»: The Uses of Intertextuality in Mandelshtam's «Za gremuchuiu doblest' griadushchikh vekov» // Столетие Мандельштама: Материалы симпозиума / ред.-сост. Р. Айзелвуд, Д. Майерс. Тенафлай, 1994.

В. Г. Беспрозванный.

БАЛТРУШАЙТИС Юргис Казимирович (20.4.1873, с. Паантвердис Россиенского у. Ковенской губ. – 3.1.1944, Париж), лит. и рус. поэт-символист, переводчик, дипломат. Своими книгами стихов «Земные ступени: Элегии, песни, поэмы» (1911) и «Горная тропа» (1912) внес весомый вклад в формирование канона символистской поэтич. книги, от к-рого отталкивался и с к-рым сверялся О. М., составляя свою первую кн. «Камень». В нач. 1921, будучи чрезвыч. посланником и полномочным предст. Лит. респ. в РСФСР, «уговаривал О. М. принять литовское подданство. Это было возможно, потому что отец О. М. жил когда-то в Литве, а сам О. М. родился в Варшаве. О. М. даже собрал какие-то бумаги и снес показать их Балтрушайтису, но потом раздумал». Узнав об аресте О. М. от А. А. *Ахматовой* в мае 1935, Б. «на съезде журналистов <...> метался <...>, умоляя всех одного за другим спасти О. М. и заклиная людей сделать это памятью погибшего Гумилева».

Лит.: Лекманов О. А. Книга стихов как «большая форма» в русской поэтической культуре начала XX в.: О. Э. Мандельштам. «Камень» (1913) // Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995.

О. А. Лекманов.

БАЛЬЗАК (Balzac) Оноре де (20.5.1799, Тур – 18.8.1850, Париж), франц. писатель. В 1-й пол. 1820-х гг. опубликовал неск. романов, реальным нач. худож. карьеры считал роман «Шагреневая кожа» (1830–31), с 1834 свою лит. деятельность посвятил созданию романной эпопеи, озаглавленной позднее «Человеческой комедией». В России произведения Б. стали известны с нач. 1830-х гг. Несмотря на исключит. значимость творчества Б. для европ. культурной традиции, оно не получило широкого отражения в критич. текстах О. М. В то же время не представляется возможным допускать, что он не учитывал худож. опыта Б. в своей развернутой концепции зап.-европ. романа 19 в., формировавшейся в 1-й пол. 1920-х гг.: уже в рец. на прозу Ж. К. Гюисманса (1913) содержится утверждение о бальзаковском приятии «физиологической аксиомы» относительно столкновения «беззащитных, но утонченных внешних органов восприятия с оскорбительной действительностью». Именно в связи с Б. в мандельшт. ст. «Конец романа» (1922) отмечена гл. особенность европ. романа 19 в., героем к-рого «становится обыкновенный человек с обыкновенными чувствами и мыслями, и центр тяжести переносится на социальную мотивировку». Там же «Шагреневая кожа» Б. названа в ряду наиб. значит. европ. романов 19 в., к-рые «были столько же художественными событиями, сколько и событиями в общественной жизни», а жанровая специфика бальзаковских текстов поставлена «в прямую генетическую зависимость от наполеоновской эпопеи», когда «биография захватчика и удачника Бонопарта расплылась у Бальзака в десятки, так

называемых “roman de reussite” – “романов удачи”». Вместе с тем в 1920-е гг. бальзаковское творчество выступает в худож. сознании О. М. как своеобразный иронич. «термин сравнения»: в заметке «Литературная Москва. Рождение фабулы» (1922) он уподобляет читательскую рецепцию Ф. М. Достоевского восприятию Б. и утверждает, что в недалеком будущем «вместо того, чтобы плакать и умиляться над ним, подобно тому, как горничные умиляются над Бальзаком и отличными бульварными романами, будут воспринимать его чисто литературно». В противоположность этому в «Шуме времени» (1923–24) герою Б. в трагич. освещении уподобляется один из эпизодических второстепенных персонажей: «Смерть Юлия Матвеича была ужасна. Он умер, как бальзаковский старик, почти выгнанный на улицу хитрой и крепкой гостинодворской семьей». Имя Б. появляется в иронич. контексте и в повести «Египетская марка» (1927) в связи с лит.-ист. ассоциациями гл. героя Парнока в эпизоде, когда «промелькнули в мозгу его горячечные образы романов Бальзака и Стендаля: молодые люди, завоевывающие Париж и носовым платком обмахивающие туфли у входа в особняки». В то же время в период мандельшт. увлечения в кон. 1920 О. Н. *Арбениной* та образно представлялась ему как «мечта молодого Бальзака» (Арбенина-Гильдебрандт О. Н. О Мандельштаме // Арбенина-Гильдебрандт О. «Девочка, катящая серсо...»: Мемуарные записи. Дневники / сост. А. Дмитриенко. М., 2007. С. 162).

С. Г. Шиндин.

БАЛЬМОНТ Константин Дмитриевич (3.6.1867, д. Гумнищи Шуйского у. Владимирской губ. – 23.12.1942, Нуазиде Гран, близ Парижа), поэт, критик, эссеист, переводчик. Автор поэтич. сб. «Горящие здания. (Лирика современной души)», 1900; «Будем как солнце», 1903 и др. С 1920 жил во Франции.

В ранний период творчества О. М. пережил влияние поэзии Б. наряду с влиянием В. Я. *Брюсова*, А. А. *Блока*, Вяч. И. *Иванова*. Свойств. Б.-символисту идея связи фонетич. стороны стиха с сокровенным смыслом, присущим этим звукам, и понимание музыки стиха как его смыслового единства не могло не быть воспринято О. М. Однако уже в 1910 О. М. квалифицировал Б. как «поэта для толпы», рассуждая о нем как о «новом Надсоне». При этом подразумевалось не непосредственное сходство, а функциональное: степень воздействия на формирование вкусов «толпы». Это наблюдение особенно ценно, учитывая, что тираж первой поэтич. книги Б., в к-рой было весьма явно влияние С. Я. *Надсона*, почти полностью уничтожен автором, и вряд ли книга была известна О. М. Однако думать, что отрицат. отношение к поэзии Б. преобладает в размышлениях О. М., ошибочно: поэзия и личность Б. мыслится О. М. как связующее звено между рус. поэзией 1880-х гг. и европ. литературой того же периода. Преемств. линия Надсон – Б. была учтена О. М. и значительно позже, в стих. «За гремучую доблесть грядущих веков...».

В рецензиях на «Камень» А. С. (А. Н. Тихонов) (Летопись. 1916. № 5. Май. С. 288–290) и В. Рындзюна (Приазовский край. 1916. 11 авг. С. 5) отмечалось сходство мотивов в поэзии О. М. и Б.: «...Даже в лучших его стихах, – писал А. С., – чувствуется несамостоятельность, чужие настроения (Бальмонт)», и далее цитируется стих. «Скудный луч холодной мерою...»; Рындзюн видел в «Камне» «отсутствие вкуса к жизни, истинного, “переливающегося” лиризма, постоянно встречающихся у символистов “первого призыва” (Бальмонта, Блока и др.)». В «Шуме времени» О. М. фиксирует особое внимание к поэзии Б., проявлявшееся среди молодежи в *Тенишевском училище*, и пишет о подражателях его поэзии.

Нападки на поэзию Б. в критич. статьях О. М. начались в ст. «О собеседнике» (1913), в к-рой 8 стихов стих. «Я не знаю мудрости, годной для других...» поданы как свидетельство мировоззрения, непозволит. для подлинного поэта. О. М. усматривал заискивание поэта перед читателями, завуалир. нарочитой позой отторжения «других», и одноврем. порицал поэтич. декларацию, при к-рой читатель объявлялся неинтересным поэту. Противопоставлены два творч. типа – Е. А. *Баратынский* как поэт, открытый читателю и готовый к диалогу с ним, и Б., дистанцирующийся от читателя. О. М. в этой статье именно в связи с анализом личности Б. сделал программные заявления, характерные для него в течение всей последующей творч. жизни: «Поэзия есть сознание своей правоты <...> Отказ от “собеседника” красной чертой проходит через поэзию, к-рую я условно называю бальмонтовской». Концепт «собеседника», «ты», важность адресата, с к-рым поэт, в частности сам О. М., готов разговаривать, так важен потому, что является своеобр. критерием истинности поэтич. произведения. Впоследствии, при переизд. ст. «О собеседнике» в 1928, О. М. смягчил ряд полемич. выпадов, направл. против Б. В ст. «О природе слова» (1921–22) О. М. отмечал своеобразие поэтич. фонетики Б. и его особое положение среди рус. поэтов: за счет пристрастия к фонетич. стороне стиха в ущерб другим (напр., смысловой) Б. для О. М. – «самый нерусский из поэтов, чужестранный переводчик эоловой арфы», причем переводч. манера сказывается прежде всего в его оригинальных произведениях. Вместе с тем О. М. придавал большое значение переводч. деятельности Б. Недаром в письме к Н. М. от 15.10.1925 он сообщал, что собирается предложить изд-ву «Прибой» Э. По в переводах Б., а в ст. «Жак родился и умер» именно в связи с работами Б. в этой области он писал, что «высшая награда для переводчика – это усвоение переведенной им книги русской литературой».

В ст. «Письмо о русской поэзии» (1922) О. М. говорит об искусств. масштабе тематики поэзии Б. и о скромности его подлинно хороших стихов. В это же время, по свидетельству Н. М., готовилась несостоявшаяся антология рус. поэзии, для к-рой О. М. выбрал стих. Б. «Песня араба, чье имя ничто». Вместе с тем Б. – редкий в России тип поэта-филолога, наподобие В. В. *Розанова*: т. о. ряд Бальмонт – Розанов оказывается знаковым.

В ст. «Буря и натиск» (1923) О. М. отмечал несоответствие фактуры стиха Б. избираемым им грандиозным космич. темам и жанру гимнов. Здесь же он назвал именно Б. отцом рус. *символизма* и возложил вину за ложный путь развития его поэзии на читателей, требовавших от него жанровой и тематич. экзотики, вульгарной музыкальности. Отмечая подлинную экзотику поэзии Б. – восприятие им согласных звуков, – О. М., уже с т. зр. историка литературы, говорил о том, что представляет истинную поэтич. ценность: «То, что уцелело, воистину превосходно и по фонетич. яркости и по глубокому чувству корня и зву-

ка выдерживает сравнение с лучшими образцами заумной поэзии. <...> В лучших своих стихотворениях – “О ночь, побудь со мной”, “Старый дом’ – он извлекает из русского языка новые и вовсе не повторявшиеся звуки иностранной, какой-то серафической фонетики».

Общность поэтики Б. и О. М. – в культурологич. интересе, усвоенном *акмеизмом* у *символизма*. Недаром и Б. и О. М., говоря о произведениях *Данте Алигьери*, причем принципиально расходясь во мнениях по вопросам типологии (так, для Б. Данте – предтеча поэтики Возрождения, для О. М. – идеальное и наиб. полное воплощение поэта *Средневековья*), отмечали своеобразие языка его произведений. В ст. «Мысли о творчестве. Эпоха Возрождения и заря новой жизни» (1920) Б. писал, что Данте «одел напевную мечту не в пышную латынь, недоступную для народа, а избрал именно народный язык, бывший тогда еще неопытным наречием, скромным volgare, языком черни, и тем совершил чудо пресуществления, создал векам итальянский язык, сладчайший из европейских языков» (Бальмонт К. Д. Где мой дом? М., 1992. С. 304). Ср. у О. М. в «Разговоре о Данте» (1933): «Творенье Данта есть прежде всего выход на мировую арену современной ему итальянской речи – как целого, как системы». Подтексты из произведений Б. встречаются во мн. зрелых стихотворениях О. М.

Лит.: Н. Я. Мандельштам. Т. 1; Ее же. Т. 2; Гофман В. В. О Мандельштаме: Наблюдения над лирическим сюжетом и семантикой стиха // Звезда. 1991. № 12; Лекманов О. А. Книга об акмеизме и другие работы. Томск, 2000; Ронен О. Поэтика Мандельштама. СПб., 2002.

В. В. Калмыкова.

БАРАТЫНСКИЙ (Боратынский) Евгений Абрамович (19.2.1800, с. Мара Кирсановского у. Тамбовской губ. – 29.6.1844, Неаполь, Италия; похоронен в С.-Петербурге на Тихвинском кладб. Александро-Невской лавры), поэт, прозаик. Поэзия Б., не имеющая черт яркой и очевидной традиции в творчестве О. М., тем не менее вошла в его поэтич. мышление неотъемлемой составляющей. В произведениях О. М. упоминания о Б. встречаются неоднократно. Высказывания о нем относятся уже к раннему периоду творчества О. М., к 1-й пол. 1910-х гг. Суждение О. М. «о значении Баратынского» зафиксировал в дневниковой записи от 18.8.1910 С. П. *Каблуков*. В ст. «О собеседнике» (1913), разрабатывая тему провиденциального собеседника, О. М. привел стих. Б. «Мой дар убог, и голос мой не громок...» и выделил в нем тему «читателя в потомстве»: «Проницательный взор Боратынского устремляется мимо поколения, – а в поколении есть друзья, – чтобы остановиться на неизвестном, но определенном “читателе”. И каждый, кому попадутся стихи Боратынского, чувствует себя таким “читателем” – избранным, окликнутым по имени...».

Это стих. Б. остается в оперативной памяти О. М. и в 1920-е гг. В ст. «Буря и натиск» (1922–23), отмечая развитие В. Ф. *Ходасевичем* тематики Б., О. М. писал: «Ходасевич культивировал тему Боратынского: “Мой дар убог, и голос мой негромок”, – и всячески варьировал тему недоноска»; О. М. отсылал здесь также к программному стих. Б. «Недоносок»). В 1922 в ст. «Письмо о русской поэзии» О. М. подчеркнул «ямбический дух Боратынского», к-рый он уловил в поэтич. творчестве своего современника, Н. А. *Клюева*.

Евгений Абрамович Боратынский

В письме к жене от 17.4.1935 С. Б. *Рудаков* сравнивал с Б. самого О. М. и сравнение это – в пользу О. М.

В мае 1932 О. М. обратился к созданию поэтич. образа Б. в стих. «Дайте Тютчеву стрекозу...». Этому стихотворению и стих. «Батюшков» (18.6.1932) Н. М. дала определение: «Первый подход к “Стихам о русской поэзии”». В 1932 в Москве О. М. увлекся поэтами Н. М. *Языковым*, В. А. Жуковским, К. Н. *Батюшковым*, Г. Р. *Державиным*, Б. Он не только перечитывал их произведения, но и собирал в это время их прижизн. издания. Говоря об этом увлечении, Н. М. сделала вывод: «Словом, 32-й год был периодом пересмотра русской поэзии XIX в.».

В окончат. редакции стих. «Дайте Тютчеву стрекозу...» в строфе, посвященной Б., возник «мотив победы поэтического слова над прахом и тленом»: «Боратынского подошвы / Изумили прах веков, / У него без всякой прошвы / Наволочки облаков». Эта строфа насыщена реминисценциями из поэтич. произв. Б.: «Отрывок из Поэмы: Воспоминания», стих. «Чудный град порой сольется...». В «Отрывке из Поэмы: Воспоминания», разрабатывая центр. тему своего творчества – тему торжества смерти, гибели и всеобъемлющего разрушения земного бытия, Б. создал образ идущего человека, к-рый наблюдает окружающие его следы иссякающей жизни, «прах дряхлеющей вселенной»: «Я всюду шествую, минувшим окруженный. / Я вопрошаю прах дряхлеющей вселенной»; «Как волны дымные бегущих облаков, / Мелькают предо мной события веков. / Печать минувшего повсюду мною зрима...». Контаминируя образы Б., О. М. создал собственные («прах веков»), к-рые в сгущенном виде воссоздают центр. тему лирики Б. Образ идущего человека при использовании метонимии превратился у О. М. в строку: «Баратынского подошвы». Инструментом характеристики поэтич. мышления Б. в стих. «Дайте Тютчеву стрекозу...» стал образ облаков, осмысленный им как символ преходящих событий, от к-рых под воздействием гибельного начала в мире ничего не остается (см. стих. Б. «Последняя смерть»; «Толпе тревожный день приветен, но страшна...»). Для создания образа Б. младший поэт привлек также его стих. «Чудный град порой сольется...», образный строй к-рого направлен на разработку темы поэтич. творчества – «Поэтической мечты». О реминисценциях в строках из этого стих. О. М., посвященных Б., из стих. Б. «Чудный град порой сольется...» и приписывавшегося Б. стих. П. А. Плетнева «Быть может, милый друг, по воле Парки

тайной...». А в связи со строкой О. М. «Ну а перстень – никому» из этого стихотворения исследователи вспоминают повесть Б. «Перстень».

«Присутствие» Б. ощутимо в «римских» стихах О. М. (ср. со стих. Б. «Рим»). Строка «С притворной нежностью у изголовья стой» из стих. О. М. «В огромном омуте прозрачно и темно...» (1910) представляет собой цитату из стих. Б. «Признание» («Притворной нежности не требуй от меня»). Во 2-й строфе стих. О. М. «Я знаю, что обман в видении немыслим...» (1911), – скрытая цитата из «Рифмы» Б. По наблюдениям О. Ронена, реминисценции из стих. Б. «Толпе тревожный день приветен, но страшна...» присутствуют в «Грифельной оде» (1923). Имеются отчетливые переклички между стих. Б. «Еще, как патриарх, не древен я; моей...» и стих. О. М. «Еще далеко мне до патриарха...» (ср. с развитием этой темы в стих. С. М. Гандлевского, 1980: «Еще далеко мне до патриарха, / Еще не время, заявляясь в гости, / Пугать подростков выморочным басом: “Давно ль я на руках тебя носил!”»). «...На суперобложке к Баратынскому» О. М. переписал для Н. Е. *Штемпель* свои стихи, обращенные к ней: «К пустой земле невольно припадая...» (1937) и «Есть женщины сырой земле родные...».

Лит.: Мандельштам Н. Я. Комментарий к стихам 1930–1937 гг. // Н. Я. Мандельштам. Т. 2; Мец А. Г. Комментарий // Камень. 1990; Мусатов В. В. Лирика О. Мандельштама. К., 2000; Ронен О. Поэтика О. Мандельштама. СПб., 2002; Черашняя Д. И. Поэтика О. Мандельштама: Субъектный подход. Ижевск, 2004; Ronen O. An approach to Mandelstam. Jerusalem, 1983.

Т. В. Игошева.

БАРИНОВА Галина Всеволодовна (20.10.1910, Петербург – 20.9.2006, Москва), скрипачка, педагог. Засл. артистка РСФСР (1955). Дочь пианистки М. Н. Бариновой. Училась у Ж. Тибо в Париже (1924–25). С 1925 концертировала в Ленинграде. В 1934–58 солистка Моск. филармонии, гастролировала за рубежом. 3-я премия на Всес. конкурсе скрипачей и виолончелистов в Москве (1937; незадолго до этого был репрессирован ее муж). С 1956 преподавала в Моск. консерватории (с 1967 проф. по классу скрипки). Сталинская пр. СССР (1949).

В апреле 1935 приезжала на гастроли в Воронеж (вместе с пианистом А. Делюхиным и певцом Л. Луговским). Вместе с С. Б. *Рудаковым* О. М. побывал на ее концерте 5.4.1935. После концерта были написаны первые строчки стих. «За Паганини длиннопалым...» (домашние заглавия: «Скрипачка» и «Баринова»), законченного в июле 1935. Работа над этим стихотворением ознаменовала собой начало т. н. Первой воронежской тетради. По сообщению Н. Е. *Штемпель*, О. М. послал стихотворение самой Б., а также в редакцию одного из толстых журналов (ответ не был получен).

Лит.: Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 764; Штемпель Н. Е. Мандельштам в Воронеже / вступ ст. В. Н. Гыдова, П. Нерлера; предисл. Д. Заславского. М., 1992. С. 42; О. Э. Мандельштам в письмах С. Б. Рудакова к жене (1935–1936) / вступ. ст. Е. А. Тоддеса, А. Г. Меца; публ. и подгот. текста Л. Н. Ивановой, А. Г. Меца; коммент. А. Г. Меца и др. // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1993 год. СПб., 1997. С. 34–35, 66 (письма от 6 апр., 4 и 18 июня 1935).

П. М. Нерлер.

БАРТЕЛЬ (Barthel) Макс (17.11.1893, Лошвиц, близ Дрездена – 17.6.1975, Вальдбрель, ФРГ), нем. поэт и прозаик. Входил в писательское объединение «Нюландский кружок» (сер. 1910-х гг.). Чл. группы «Спартак» (1918), участник Ноябр. рев-ции. Автор неск. поэтич. сб-ков: «Аргоннские стихи» («Verse aus der Argonnen». Йена, 1916), «Революционные стихи» («Revolutinäre Gedichte». Штуттгарт, [1919]; 2-е перераб. изд. Берлин, [1921]), «Душа рабочего» («Arbeiterseele». Йена, 1920), «Кулак» («Die Faust». Потсдам, 1920), «Свобода!» («Freiheit!». Йена, 1920), «Завоюем мир!» («Lasset uns die Welt gewinnen!» Гамбург; Берлин, 1920), «Утопия» («Utopia». Йена, 1920). Будучи чл. Компартии Германии, совершил в 1920–21 длит. поездку по Сов. России, летом 1920 участвовал в 3-м Конгрессе Коминтерна в Москве. Результатом поездки явились три книги очерков («Путешествие в Россию», «Красный Урал» и «От красной Москвы до Черного моря», все – Берлин, 1921). После 1923 Б. перешел из Компартии в Социал-демократич. партию Германии, а с приходом к власти Гитлера сблизился с национал-социализмом. После войны жил в ФРГ, в 1950 выпустил автобиографию «Нет нужды в мировой истории» («Kein Bedarf an Weltgeschichte»), к-рую принято считать неудачной попыткой самооправдания.

О. М. переводил стихи Б. весной и летом 1924, взявшись за эту работу, по всей видимости, по заказу. С его собств. поэзией стихи Б. имеют мало общего как по тематике, так и по поэтике. Большинство переведенных им стихотворений тяготеет к песенным интонациям и посвящено войне, борьбе, восстанию и лишь во вторую очередь природе и любви. Договор, заключенный О. М. с *Госиздатом* 29.4.1924 на книгу переводов из Б. предусматривал сдачу рукописи к 1.8.1924. Начиная с мая 1924 переводы О. М. из Б. выходили в периодике – в журналах *«Звезда», «Ленинград»*, «Красная Нива», «Красный журнал для всех», а также в *«Красной газете»* и газете «Красное знамя» (Томск). Всего О. М. перевел 52 стихотворения Б., составивших кн. Б. «Завоюем мир!», вышедшую не позже апреля 1925 тиражом 4000 экз. В «Жизни искусства» указан и автор рисунка, воспроизведенного на обложке, – худ. Ф. Шольте. Назв. сборника, хотя и восходит к назв. одной из книг Б. и одновременно к заглавию одного из помещенных в него стих. «Lasset uns die Welt gewinnen!», мало связано с его содержанием. По существу, это избр. стихотворения, причем сами оригиналы восходят не к одному, а ко всем указанным выше сборникам 1919–21. Позднее часть этих переводов (с нек-рыми изменениями) напечатана в антологии «Молодая Германия» ([Харьков], 1926), а также в газете «Комсомольская правда» (15.5.1927) и *«Московский комсомолец»* (3.10.1929). Известны и др. переводы Б. на рус. яз., в частности С. М. *Городецкого* (в сб. «Молодая Германия») и А. Р. (А. И. Ромма?) в сб. «Ленин в европейской поэзии: Отклики на смерть Ленина» (М., 1925).

В неподписанном предисл. к кн. «Завоюем мир!» О. М. подчеркивал «пролетарский» и «революционный» характер поэзии Б., однако одновременно указывал и на такие ее черты (действительные или мнимые), к-рые могли бы сблизить позицию Б. с *акмеизмом*: учебу у *символизма*, «отщепление» от него и «преодоление» его, «чувство природы», «мужественность» и даже «тоску по обетованной стране культуры», что очень близко к позднейшему опреде-

лению акмеизма как тоски по мировой культуре, данному О. М. Переводя Б., О. М. не всегда строго придерживался текста оригинала, и сквозь ткань бартелевских стихов в его переводе просвечивают образы и лексика самого О. М. (напр.: «холодок смертельных градин», «купол лицемерной римской церкви», «вольный камень», «соты слова», «горючее сухое имя», «кузнец, кующий подкову-время» и др.).

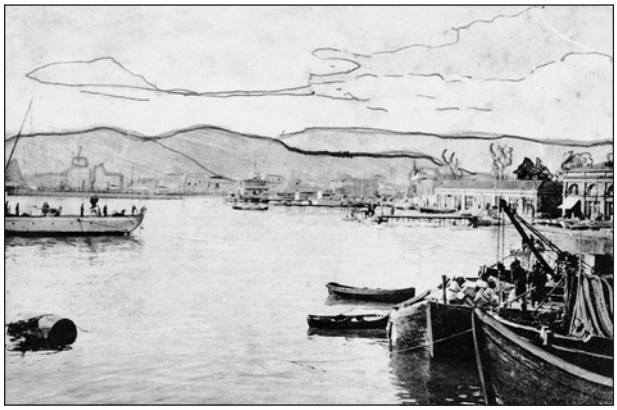
По-видимому, это заставило литературоведа Д. С. Усова с нек-рой долей преувеличения отметить в письме к К. Я. Архиппову от 2.7.1925: «Очень интересна книга переводов О. Э. Мандельштама из Макса Бартеля под названием “Завоюем мир”. Это, собственно, новая книга стихов Мандельштама» (РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Д. 78. Л. 80 об.). Та же причина лежала в основе разноречивых до противоположности печатных отзывов на эту книгу. Так, М. А. Гершензон писал: «Стихи Бартеля в переводе О. Мандельштама перестали быть стихами Бартеля. Переводчик мастерски владеет своим искусством, – местами он дает образцы точного стихотв. перевода. <...> Но в то же время он не дает себе труда довести до конца свою работу. Перевод О. Мандельштама – черновой набросок, полный отсебятины, ненужных отступлений от текста, искажений, пропусков и т. д. Смысловой костяк целого ряда стихотворений изломан до неузнаваемости. <...> Стихи, помещенные в сборнике, порою хороши, но читатель по ним не узнает того, как пишет один из крупнейших пролетарских поэтов Запада – Бартель» (Печать и революция. 1925. № 8 С. 252–254). По мнению критика из лагеря РАПП, кн. «Завоюем мир!» «поражает беспринципностью и бессистемностью подбора стихотворений. <...> По переводам Мандельштама мы узнаем и можем узнать самого переводчика, но отнюдь не Бартеля, к-рый интересует нас как певец, шедший вместе с пролетариатом в определенной стадии пролетарской борьбы в Германии» (З а п р о в с к а я А. Перевод... бумаги // На литературном посту. 1926. № 3. С. 55). В отзыве И. Гагена (псевд. И. И. Анисимова), напротив, говорилось, что Б. в этом издании «представлен достаточно полно и всесторонне. Переводы О. Э. Мандельштама сделаны тщательно. Нужно только приветствовать это издание, открывающее широкому рус. читателю возможность познакомиться с творчеством интересного и близкого нам художника» (Книгоноша. 1925. № 20. С. 16).

С о ч.: Завоюем мир! Избранные стихи / пер. с нем. и предисл. (без подписи, атрибутировано А. Мецем) О. Э. Мандельштама. Л.; М., 1925; Barthel M. Dortmund, 1959.

Лит.: З а п р о в с к а я А. Бартель, Макс // БСЭ. 1-е изд. М., 1926. Т. 24. Стб. 788; О. Мандельштам: Из творческой биографии / подгот, текста и вступ. заметка А. Меца // Ленинградский рабочий. 1986. 26 дек. С. 13; M e y e r H. Eine Episode aus Mandelstams “stummen Jahren”: Die Max-Barthel-Übersetzungen. // Die Welt der Slaven. 1991. Jg.36. № 1–2. S. 72–98.

А. Т. Никитаев.

БАТУМ (Батуми), город и порт в Грузии, столица Аджарии. После Брестского мира между османской Турцией и меньшевистской Грузией шла упорная борьба за Б. Ок. 12.9.1920, когда О. М. вместе с младшим братом впервые оказался в Б., приплыв из врангелевского Крыма (из Феодосии), город находился под груз. юрисдикцией. Братьев в Б. арестовали



Батумская гавань

и после серии хлопот с участием груз. поэтов выпустили на свободу. 16.9.1920 в батумском «Обществе деятелей искусства» состоялся поэтич. вечер О. М. Сам поэт написал об этом в очерках «Возвращение» и «Меньшевики в Грузии», по сути, в отброшенных О. М. главках «Шума времени» (1923). В августе 1921 О. М. (на этом раз вместе с Н. М.) вновь оказывается в Б., где жил почти до конца декабря. Именно здесь по подстрочникам, сделанным Т. Табидзе и П. Яшвили, О. М. публикуется в батумских газетах и упорно занимается переводами поэмы Важа Пшавела «Гоготур и Апшина» и стихотворений совр. груз., а также арм. поэтов. Впечатления этого времени (а О. М. провел в Б. около 4 мес.) отразились в двух разл. очерках под названиями «Батум», а также в ст. «Кое-что о грузинском искусстве». Вспоминая в апреле 1934 Грузию, О. М. писал стихотворение, от к-рого сохранился только фрагмент с упоминанием Б.: «В оцинкованном влажном Батуме...».

П. М. Нерлер.

БАТЮШКОВ Константин Николаевич (18.5.1787, Вологда – 7.7.1855, там же), поэт, прозаик. 8-летним потерял мать (урожд. А. Г. Бердяева). Обучался в двух частных пансионах в С.-Петербурге. После них Б. – ученик и воспитанник М. Н. Муравьева (они были в родстве), просвещенного сановника и писателя, в стихах к-рого намечались пути сентименталистских и предромантич. новаций. Для Б. он навсегда остался лит. и моральным авторитетом. Тогда же началась дружба с Н. И. Гнедичем и связи с кругом А. Н. Оленина, где культивировали изучение античности, поддерживали драматургию В. Озерова («торжественную боль» его трагедий О. М. воспел в стих. «Есть ценностей незыблемая скала...»). Позднее (1810) Б. сближается с П. А. Вяземским и В. А. Жуковским; в 1815 посещает царскосельский лицей и знакомится с А. С. Пушкиным, для к-рого он был, наряду с Жуковским, учителем поэтич. искусства. Первые лит. опыты Б. относятся к нач. 1800-х гг. Печатать стихи начал с 1805; в 1808–09 перевел отрывки из поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим». Первонач. успех принесла распространявшаяся в списках сатира на совр. литераторов, прежде всего архаистич., антикарамзинистского толка, – «Видение на берегах Леты» (1809); в том же духе и столь же популярен в кругу будущего об-ва «Арзамас» был «Пе-

вец в Беседе славенороссов» (1813, написан при участии А. Е. Измайлова). Однако осн. жанры Б. иные: анакреонтика, элегия, дружеское послание. Центр его работы – стихотворный язык, при том что он немало писал прозой. Будучи привержен «легкому роду поэзии», т. е. прежде всего лирике интимных переживаний и эротики, он стремился создать и свой извод высокого строя. В таких стих., как «Надежда», «К другу», а также в последних дошедших до нас стих. Б. «Жуковский, время все проглотит...» (полемич. вариация на державинскую предсмертную тему), «Ты знаешь, что изрек...» (автополемика с «Надеждой») само понимание лирического претерпевало существ. эволюцию. Итоговое авторское издание (единственное прижизненное) – «Опыты в стихах и прозе» (СПб., 1817. В 2 ч.; 2-е изд. 1834 вышло без авт. участия) стало, как и «Стихотворения» Жуковского (1815–16), крупнейшим лит. событием. Значит. стихотворения были написаны и после «Опытов», но в 1821–22 путь поэта прервала наследств. душевная болезнь (ею была поражена не только мать Б., но и его сестры); она проявлялась и в уничтожении рукописей, и в попытках самоубийства. Более 30 лет Б. провел вне общества, под присмотром врачей и родственников. Умер от тифа.

Из писателей пушкинской эпохи О. М. обращался более всего и по разнообразным основаниям к Е. А. *Боратынскому* и Б., о к-ром – единственном в этом ряду – написал и стихотворение («Батюшков», 1932; одно из последних опубл. при жизни О. М.). При несомненном отношении к Б. как индивидуальной фигуре О. М. часто мыслит его в том или ином соотнесении с Пушкиным и в качестве представителя «золотого века» первонач. (еще целиком стихотворной) рус. классики. Первое вовлечение Б. в текст О. М. обнаруживается уже в начале его лит. пути – в стих. «Есть целомудренные чары...» (1909). Как это и вообще характерно для раннего О. М., классическое соседствует и прямо взаимодействует с современным. Сама актуализация поэзии «золотого века», согласно ретроспективному толкованию О. М. (ст. «Буря и натиск»), являлась существ. чертой лит. рефлексии времени позднего символизма. В данном случае сильная отсылка к Б. – к его знаменитому посланию Жуковскому и Вяземскому «Мои пенаты» содержится в 7-м стихе, а следующий реминисцирует, видимо, строку «Сладострастия» В. Я. *Брюсова* (из кн. «Urbi et Orbi», 1903) «Тише! приветствуй восторг тишины!»: «Я слушаю моих пенатов / Всегда восторженную тишь». При этом стихотворение Брюсова явно перекликается с «Вакханкой» Б. (подражание Парни, к-рое Пушкин ставил выше оригинала; пушкинские оценки в его маргиналиях на 2-й, стихотворной, части «Опытов» Б., опубл. в 1890-х гг. акад. Л. Н. Майковым, ранее, в 1885–87, издавшего фундамент. собр. соч. и писем Б., стали известны О. М., вероятно, не позднее 1910, когда были воспроизведены в т. IV собр. соч. Пушкина под ред. С. А. Венгерова). «Есть целомудренные чары...» тесно связано с соседними стихотворениями «Камня»; мои пенаты в этом контексте – «домашнее» (интерьер, а не экстерьер) ответвление господствующего у раннего О. М. мира звучащей тишины (символистского происхождения мотив, глубоко им усвоенный), «смутно-дышащей» природы, тумана, сумерек (здесь – «закаты»), «полусна и полуяви». Существенны также близость и взаимопроницаемость реального и искусственного – игрушечного либо созданного художником; таковы и «мной установленные лары» в «Есть целомудренные чары...»; я – перед той же коллизией телесности и телесного существования, к-рая выражена в «Дыхании», при том что «восторженная тишь» соответствует «радости тихой», а строка «Они [«боги»] как равные с тобой» – формуле «Я и садовник, я же и цветок». [Ср. др. мнение (Ронен О.), согласно к-рому – по аналогии с «каталогами» в стихотворении Б. и написанном в подражание ему пушкинском «Городке» – под пенатами подразумеваются поэты прошлого]. Любовная ситуация почти полностью исключена в этой лирике, и «целомудренные чары» противопоставляются как эротике Б., столь увлекавшей Пушкина, так и новейшей, декадентской, к-рую усиленно и эпатажно культивировал Брюсов. Но наряду с этими противопоставлениями заметно еще одно – вытекающее из 3-й строки: существование протекает «далёко от эфирных лир», не устремлено ввысь, к небу, но замкнуто в собственном «я» и ограничено стенами дома. Тем самым, возможно, 3-й стих еще до отсылки к Б. намечает отношение к Жуковскому, проводит границу между ним с его «эфирной лирой» – Эоловой арфой, тягой к «очарованному там» – и своим экзистенциальным миром (косв. подтверждение такого прочтения можно видеть в упоминании Жуковского в «Шуме времени», гл. «Эрфуртская программа»).

Не менее прихотливо введен Б. в стих. «Нет, не луна, а светлый циферблат...» (1912), написанном при отходе от прежней лирич. манеры и соединявшем черты экспромта и лит. манифеста. Б. прямо назван, но говорится не о к.-л. его произведениях или приметах стиля – воспроизведена реплика, известная по врачебному описанию одного из эпизодов его психич. болезни. О. М. выдает эту реплику за романтич. афоризм и тут же отвергает романтич. пафос. Связь всей конструкции, направленной против символистского неоромантизма и одновременно намечавшей пути собств. слова (а также, возможно, отражавшей рефлексию внутри группы акмеистов), с фигурой Б., к-рому приписана некая высокопарная «спесь», достаточно произвольна, однако не исключено, что ход был все-таки подсказан его же текстом, периферийным, но вошедшим в «Опыты», где раздел «Эпиграммы, надписи и прочее» заканчивался следующим образом: «На книгу под названием “Смесь”. По чести это смесь: / Тут проза, и стихи, и авторская спесь». Условность силуэта Б. позволяла осмыслять текст как говорящий вообще о положении поэта среди людей – таково было прочтение М. И. *Цветаевой*, к-рая цитировала стих. «Нет, не луна, а светлый циферблат...» в «Повести о Сонечке» и ст. «Поэт и время». Но и сам О. М. в позднейших стихах актуализировал заявленную, казалось бы «на случай», связь между именем Б. и темой вечности.

Для О. М. первых акмеистич. лет характерны, в частности, сниженно-комические, с обыгрыванием бытовых реалий, «нелирические» тексты – очевидная и акцентируемая альтернатива прежней лирике. Одно из таких стих. «“Мороженно!” Солнце. Воздушный бисквит...». Здесь «тесная беседка», «пыльные акации», «булочные грации» и рифма «акаций/граций» пародируют «Беседку муз» Б., пародированную еще в «Евгении Онегине» (6, VII). Совр. поэзия и здесь вовлечена в игру – благодаря перекличке с Игорем Северяниным.

Во второй кн. прямое отношение к Б. имеет «Tristia» («Я изучил науку расставанья...»), 1-я строфа, к-рая содержит реминисценцию Овидия («Скорбные элегии», I, 3) и «Элегии из Тибулла» Б. – вольный перевод (авт. подзаголовок) элегии 3 из кн. I; здесь же рифма груз/муз из «Беседки муз». В 3-й строфе – два мотива «Элегии из Тибулла»: стихи 17–18 имеют источником эпизод прядения (в тексте Б. ст. 120–127); стихи 19–20 еще более определенно, чем два предыдущих, восходят к Б. и основаны на следующем, заключит. эпизоде элегии (ст. 129–132). О. М. в этом фрагменте отказывается от типичного для Б. эротического портрета героини (кратко переданного и в пассаже о Тибулле в его ст. «Нечто о поэте и поэзии»), оставляя лишь одну деталь, идущую от латинского оригинала, – «босую Делию». В обоих фрагментах он неявно проецирует в свой текст Пушкина, опираясь как на общие презумпции рус. лит. сознания, так и на конкретные детали: прядение, веретено в «Зимнем вечере», этими и нек-рыми др. чертами сравнимом со стихотворением Б.; финальное явлении Делии – распространенное в нач. 19 в., неоднократно использованное и Пушкиным условно литературное, но в данном случае взятое из Тибулла имя – О. М. разыгрывает с помощью сравнения, отсылающего к балетному эпизоду «Евгения Онегина» («словно пух лебяжий» – ср. «Летит, как пух от уст Эола»). Присутствие Пушкина усилено в заключит. строфе благодаря легко распознаваемой реминисценции «Онегина» (Пушкин, в свою очередь, опирался на Жуковского), где «Татьяна любопытным взором / На воск потопленный глядит» (5, VIII); гадание есть и в стихотворении Б., но не над воском.

«Элегия из Тибулла» построена на контрастных переходах от элегических излияний к идиллическим картинам, от Элизия к Аиду и снова к «мирной хижине». Это движение резко сменяющих друг друга пластически-предметных фрагментов О. М. останавливает, гасит контрасты и абстрагирует изображения, делая их символами панхронного всечеловеч. обыкновения. Осн. символ, открывающий вторую половину стихотворения и отвечающий на вопрошания предыдущей строфы, – обыкновенье пряжи, с подразумеваемыми (но не поименованными) Мойрами – Парками и Ананке (необходимостью, судьбой). Предшествующий в этом отношении текст – «Золотистого меда струя...», где Таврида с ее «русско-античным» ореолом дается так, что различим лит. прообраз – жанр идиллии, к-рый был основой «Тавриды» Б. (его лучшей, согласно оценке Пушкина, элегии); ср.: «Там, там нас хижина простая ожидает, / Домашний ключ, цветы и сельский огород» и гостеприимный дом, виноградник, «благородные, ржавые грядки» у О. М. Природно-культурная вечность, обнимающая пространство идиллии, означена у Б. зачином: «Где волны кроткие Тавриду омывают / И Фебовы лучи с любовью озаряют / Им древней Греции священные места». Это – хронотоп и крымского стихотворения О. М. В отличие от Баратынского, к-рого О. М. уже в 1913 в ст. «О собеседнике» декларативно ввел в свой поэтич. мир, Б. оставался вне его открытой лит. рефлексии (если не считать возможную реминисценцию сказки Б. «Странствователь и домосед» в гл. III «Утра акмеизма») вплоть до 1922 или нач. 1923, когда он, вслед за «О природе слова», набросал картину истории рус. поэзии. На первом плане ее он поместил представившийся ему сюжет борьбы за «великое обмирщение языка, его секуляризацию». Хотя О. М. упоминает «церковнославянскую грамоту», тем самым претендуя на использование реальных фактов истории рус. лит. языка, само рассуждение очевидным образом имеет целью интерпретировать эволюцию поэзии 1-й четв. 20 в., включая текущий момент, когда только что умер В. *Хлебников* и начались слава и влияние Б. *Пастернака*. Секуляризация мыслится по отношению к «интеллигентской словесности» последних десятилетий 19 в., т. е. гл. обр. прозе, особенно журнальной. Здесь у О. М. довольно тугой узел филол. интересов, идущих от университетских лет, худож. пристрастий и гражд. раннесоветских страстей. Этот «исторический очерк» у О. М. столь же личностно конвенционален, как «очерк поэтики» в «Разговоре о Данте».

Ряд «работников» обмирщения выстроен такой: «Это – Тредьяковский, Ломоносов, Батюшков, Языков и, наконец, Хлебников и Пастернак» (поэт обошел вниманием Карамзина, а в первой ред. «Заметок о поэзии» и Пушкина). Первое имя наиболее понятно, сближение 2-го и 3-го, возможно, подсказано пушкинским наброском «Причинами, замедлившими ход нашей словесности...», где сказано: «...Батюшков, счастл[ивый] сподвижник Ломоносова, сделал для русского языка то же самое, что Петрарка для итальянского». И Пушкин, и О. М., говоря о роли Б., разумели создание нац. традиции лирич. поэзии, языка индивидуального чувства – отличных от традиции и языка высокого патетич. стихотворства. Объяснение пушкинской мысли о сподвижничестве О. М. мог найти в «Речи о влиянии легкой поэзии на язык», где Б. постарался представить Ломоносова своим предшественником и союзником, подчеркивая, что тот, «испытуя русский язык в важных родах, желал обогатить его нежнейшими выражениями Анакреоновой музы». Вообще, в этой программной «Речи...» О. М. легко мог усмотреть подтверждение своей схемы.

Труднее понять ход от Б. к Пастернаку в концовке ст. «Буря и натиск», тем более что утверждение «Именно этому [«синтаксису... стиха», воскрешению «логического строя предложения»] удивлялся в Батюшкове Пушкин» не имеет прямого соответствия в высказываниях Пушкина, а представляет собой резюмирующую интерпретацию, вероятно, маргиналий на «Опытах» либо пушкинской формулы (1830) «гармонической точности, отличительной черты школы, основанной Жуковским и Батюшковым» (из нее вышел и сам Пушкин). Ход от нач. 19 в. в современность объясняется из других (и прежних, и хронологически близких) концептуализирующих суждений О. М. Апология логики (к-рая «есть царство неожиданности»; «логическая связь – для нас не песенка о чижике, а симфония с органом и пением») – существ. звено манифеста «Утро акмеизма» (гл. V). При этом следует учитывать не только то, что манифест 1-й пол. 1910-х гг. попал в печать лишь в 1919, но и то, что в измененном виде – как инкорпорированная часть вышедшего отд. изданием эссе «О природе слова» – он был заново обнародован в 1922, причем акмеизм здесь трактован как направление, адекватное новому миру. «Мастер Сальери» вместо «романтика, идеалиста» – порев. и гиперболизированная до эмблемы в духе стих. «Актер и рабочий» вариация апологии логики в «Утро акмеизма». Поскольку Б. был включен в позитивный «генеалогический» ряд, постольку он был наделен и желательным в доктринальном плане

признаком, с апелляцией к авторитету Пушкина. Однако еще важнее, чем «платформа», чем адаптация акмеистических представлений к рев. реальности, тот «метаисторический» и культурологический порыв (в смысле «Разговора о Данте» О. М.), к-рый выразился в ст. «Слово и культура», где О. М. (с подразумеваемой опорой на циклическое «вечное возвращение» по Ницше) прокламировал: «Я хочу снова Овидия, Пушкина, Катулла, и меня не удовлетворяет исторический Овидий, Пушкин, Катулл». Он мог бы на тех же основаниях назвать Тибулла и перелагавшего его Б., но осуществил подобную возможность позднее и иначе, восхищаясь явлением кн. «Сестра моя – жизнь»: «Со времен Батюшкова в русской поэзии не звучало столь новой и зрелой гармонии»; и последние слова ст. «Буря и натиск», сталкивающие ист. факт пушкинских высказываний о Б. и «неудовлетвор[енность] историческим Пушкиным»: «своего Пушкина ждет Пастернак».

Вскоре Ю. Н. Тынянов, уже в собственно филол. ключе, сблизил самого О. М. с Б., касаясь «трудного понятия» старых теоретиков и «одной из труднейших задач стихового языка» – гармонии. Через 40 лет А. *Ахматова* в «Листках из дневника» поставит вопрос об истоках О. М.: «Откуда донеслась до нас эта новая божественная гармония?», как будто припомнив его же фразу о Пастернаке и Б.

Стих. О. М. «Батюшков» (1932) разыгрывает, даже «инсценирует» вечность, представленную 20 лет назад в «Нет, не луна, а светлый циферблат...» под лит. маской «спеси». Оно знаменательно и в плане эволюции «возобновленной» после 5-летнего молчания лирики. С кон. 1930 в стихах О. М. на первый план вышла социальная рефлексия – отношения с устоявшимся советским обществом. Но в 1932–33 рядом с лирикой социального «я» возникает, по видимости неожиданно, новая «поэзия поэзии» (формула Ф. Шлегеля, примененная В. М. Жирмунским для характеристики акмеистич. части «Камня»), повлекшая, как и в 1912, обращение к Б. (К 1932 относится и увлечение О. М. покупкой первоизданий рус. поэтов. Известны его слова: «Словно Батюшков сам дотронулся»; контекст этого фрагмента воспоминаний позволяет думать, что среди приобретенных книг могли быть «Опыты». Жанровые очертания стихотворения подобны обрисовавшимся в таких акмеистич. текстах, как «Бах», «Ода Бетховену» или «Аббат» (воспринятый в качестве некоего живого персонажа литературы и истории; на фоне жанровой общности нелишне учесть и фоническую – через бат – перекличку; заметная черта сходства – «прогулки» того и др. персонажа, с к-рым в обоих случаях заговаривает автор, поклонившись). Жанровая специфика заключалась, в частности, в том, что «величие», культурный авторитет персонажей остранялись «фамильярностью» (первоначально в противовес «понятиям с большой буквы» символизма): Бах – «несговорчивый старик», «неуклюжий сюртук» Бетховена – как в «Автопортрете» О. М. Стихотворение о Б. корреспондирует и с такими медитациями (также акмеистич. периода) об отношениях прошлого и современного искусства, как «Я не слыхал рассказов Оссиана...» (явная перекличка – в концовке стихотворения о Б., где «вечные сны» восходят к: «Я получил блаженное наследство – / Чужих певцов блуждающие сны»), «Есть ценностей незыблемая скала...» и «Я не увижу знаменитой “Федры”...».

В зачине «я» сближает себя с Б. По поводу 1-й строфы комментатор пояснил, что у О. М. дома висела репродукция автопортрета Б. [но помимо самой реалии следует учитывать фразеологически близкий ход в строке (метрически тождественной) из «Сестры моей – жизни»: «Я живу с твоей карточкой, с той, что хохочет»], и указал на прозу Б. «Прогулка по Москве», а также на цитату из Баратынского во 2-м стихе («Батюшков нежный»; ср. в первом лицейском послании Пушкина к Б.: «певец Тиоский [т. е. Анакреон] / В тебя влиял свой нежный дух»; Б. в своих статьях прилагал этот эпитет к Тибуллу и Петрарке). Следует учитывать, что ст. 1 представляет гуляку (не прогуливающегося наблюдателя) в расчете на читательские ассоциации с «маленькой трагедией», чем сразу придвигает Б. к Пушкину, менее прозрачно намекает на «жезл волшебника Ариоста» в др. прозе Б. (стих. «Ариост и Тасс») и скрыто связан с «белорукой тростью» (палка самого О. М. из неопубл. тогда стих. «Еще далеко мне до патриарха...» – о собств. прогулках по моск. улицам (в поисках контакта с советской реальностью), уже ранее (1923) описанным в очерке «Холодное лето» (контакт с красной Москвой тогда казался состоявшимся или по крайней мере достижимым). Иного плана обстоятельство, помогающее понять обращение к полузабытой прозе Б. (моск. зарисовка, а также упоминание о картинах, «изображающих Каменный мост, Кремль и проч.», есть и в его петерб. «Прогулке в Академию художеств»): О. М. усматривал связь между сочинением стихов и ходьбой, о чем писал вскоре в «Разговоре о Данте» («Стопа стихов – вдох и выдох – шаг»; ср. в стих. о Тбилиси: «Еще он помнит башмаков износ – / Моих подметок стертое величье»). Б. шагающий (3-й стих) может читаться и как Б. сочиняющий, тем более что в следующей строке названа героиня его стих. (переложение прозы Парни) «Источник»; ошибка в имени ее – Дафна вместо Зафна – объясняется широкой распространенностью отражений мифа о Дафне и Аполлоне в европ. искусстве (ср. и у Б. в «Ответе Т[ургене]ву»: «Все Нимфы строги к нам <поэтам> / За наши псалмопенья, / Как Дафна к богу пенья»). Стихотворение о Б. написано тем же размером (4-стопный дактиль) и с той же схемой рифмовки, что «Источник».

В двух средних строфах величанье следует понимать на фоне элегии Б. «Умирающий Тасс»; это слово (ст. 18) и фраза-отсылка (предыдущий) подразумевают судьбу Торквато Тассо и ее финал (по преданию, Тассо умер, когда готовилась санкционированная папой римским церемония триумфа – увенчания поэта лавровым венком, – сюжет, вошедший в европ. лит. сознание), о чем Б. рассказал в особом повествоват. примечании к элегии (по сути дела, еще одна прозаич. элегия). «Все горести, все бедствия, какими только может быть обременен человек», включая помрачение рассудка и длительное пребывание в больнице для умалишенных (будущее самого Б.), привело Тассо «по терниям к ранней могиле», – говорилось в этом примечании (ср. фрагмент о Тассо в тексте О. М. для радиокомпозиции «Молодость Гете», 1935). Как считают исследователи, Б. тяготел к самоотождествлению с судьбой глубоко им чтимого итал. поэта; и у О. М. он намекает на то, что не получил подобающего признания. О. М. чествует Б. прежде всего (ст. 11) за звучание стиха, за эвфонию – как если бы следовал своему афоризму 1910-х гг. о «фонетике – служанке

Константин Николаевич Батюшков

серафима» или приписал общий смысл восторженной пушкинской маргиналии по поводу 9-й строфы стих. «К другу» (ср. в этой строфе: «Чело открытое одной из важных муз» и у О. М. в «Черепахе»: «И холодком повеяло высоким / От выпукло-девического лба» – здесь видят портретную черту, указывающую на жену поэта): «Звуки италианские! Что за чудотворец этот Б[атюшков]». По свидетельству С. Липкина, О. М. назвал «К другу» (обращено к П. А. Вяземскому) в качестве своего «любимого стихотворения» и сказал, что хотел бы быть его автором. Следующий, 12-й, ст. развивает тему так, чтобы указать на конкретный текст или тексты, – и как раз вопрос о том, разумеет О. М. одно или два стихотворения, где есть говор валов, представляет нек-рый филол. казус (оба раза синтагма располагается в конце строки и соседствует с причастной формой). Эти два текста – «Тень друга» (1814): «И кормчего на палубе взыванье / Ко страже, дремлющей под говором валов» и «Есть наслаждение и в дикости лесов...» (вольный перевод из «Странствований Чайльд-Гарольда» Байрона): «И есть гармония в сем говоре валов, / Дробящихся в пустынном беге». Во втором случае (формально О. М. ближе к нему, чем к «Тени друга», поскольку воспроизводит указат. местоимение) автоцитата представляет собой локальный ход. В первом случае «говор валов» – часть развитого маринистич. описания, включающего ряд визуальных и слуховых деталей и обрамляющего явление тени, причем в концовке текста, «под кровом тишины», умолкает и «говор валов»: «Стихии грозные казалися безмолвны», и следует рифма волны. Одна из пейзажных деталей в начале описания: «За кораблем вилася Гальциона» – может быть поставлена в связь именно со словами О. М. «этих звуков изгибы», если сблизить вилася и изгибы и включить в сферу действия его метафоры изысканную рифму (первой пары нечетных строк стихотворения Б.) Альбиона/Гальциона, где два зияния напоминают про «звуки италианские». Что эта строка была не только на слуху, но и на особом счету у О. М. – почти в статусе аллегории, видно из «Разговора о Данте», где поэт цитировал ее, иллюстрируя мысль о том, что «комментарий (разъяснительный) – структурная часть самой “Комедии”» – «он неизбежен, как Альциона, вьющаяся за батюшковским кораблем». Повторяющиеся вопросы и восклицания в монологе, обращенном к тени, – поэт называет здесь погибшего друга (И. А. Петина) «милый брат» (то же в последней строке стихотворения) – О. М. мог наименовать «колокол братства», выйдя в тональности «величания» за пределы чисто биографич. отсылки к дружбе Б., Жуковского, Вяземского, молодого Пушкина и к жанру дружеского послания, к-рый они культивировали. О. М. мог опереться при этом на прозаич. «Воспоминание о Петине» Б., с описанием могилы вблизи сельской колокольни. С др. стороны, в 4-й строфе О. М. по-своему распорядился анакреонтич. (казалось бы, здесь не применимой) рисовкой смерти и вечности в «Моих пенатах», где автор послания вопрошает, раздумывая о смерти: «К чему рыданья слезны <...> И колокола вой?» – эмблемой могил своей и друга он видит «две чаши, две цевницы». Эти символы О. М. литературоцентрически амплифицирует – ход, сравнимый с указанной комментаторами реминисценцией пушкинского послания «Кривцову» в стих. «В Петербурге мы сойдемся снова...». Второй «говор валов» – не пейзажный, а как часть построения, в к-ром противопоставлены гармоничная природа и «человек, сей суетный тиран», – предвосхищал тютчевский «разлад» («Певучесть есть в морских волнах...»); ср. у О. М. ту же, что в стих. о Б. (и незадолго до него), но иначе примененную и направленную метафору: «И не глядеть бы на изгибы / Людских страстей, людских забот». Однако заключающий «величанье» 16-й ст. с ритмически доминирующим эпитетом скорее выдержан в духе «школы гармонической точности». Этот эпитет говорит и о человеч. природе (слово «проливень» акцентирует признак естественности, стихийности, чем сближает эмоциональную жизнь с «говором валов»), и о поэзии. Реминисценция из пушкинской «Элегии» (1830) здесь очевидна («гармонией упьюсь, / Над вымыслом слезами обольюсь»; не столь очевидны связи с текстами Б.: «гармонические стихи» безутешного Петрарки он приводил в ст. «Нечто о поэте и поэзии»; слезы в нескольких характерных стихотворениях – деталь женского эротич. портрета («На развалинах замка в Швеции», «Радость. Подражание Касти», «В Лаисе нравится улыбка на устах...»), а в послании «К творцу «Истории Государства Российского» – кульминация со(творческого) акта. Можно предположить, что в рефлексии О. М. о гармонии как представлении, актуальном в словесном искусстве «золотого века», маргиналии Пушкина о Б., где оно встречается часто, служили ориентиром, хотя с нек-рыми из них он не соглашался. Оценка «Тени друга» была: «Прелесть и совершенство – какая гармония!». О «Радости»: «Вот батюшковская гармония»; отзыв примечателен тем, что стихотворение писано без рифм и 3-сложным размером – то и другое редкость у Б.; в этом стихотворении роза «с главой, отягченною / Бесценными каплями» Авроры, должна быть учтена к «тяжелым нежным розам» в «Сестры – тяжесть и нежность...».

В 1970-х гг. В. В. Вейдле выдвинул концепцию, согласно к-рой между Б. и О. М. существует прямая связь «через сто лет» в том, что касается применения излюбленного обоими 6-стопного ямба и организации его, а также сочетания в строфе ямба 6-стопного и 4-стопного. Гл. значение Вейдле придавал «дактилической цезуре», т. е. третьему слева от метрической цезуры ударению в строке 6-стопного ямба. «Она-то и есть тот звуковой “изгиб” внутри длинного стиха, что приближает его к певучести, свойственной трех-

сложным размерам более, чем двусложным. Не звуковой, собственно говоря, а ритмико-мелодический “изгиб”...» Наиб. разработанные образцы этой «ямбической музыки» и «цезуропевучих стихов» у Б. – начальные строки перевода из Байрона (соответственно, Вейдле убежден, что «говор валов» процитирован у О. М. именно отсюда; в «Тени друга» рисунок не столь четок, поскольку встречаются 5-стопные строки; впрочем, он подкреплял свои соображения воспоминанием об авторском чтении 5-стопных «Петербургских строф»), «Ты пробуждаешься, о Байя, из гробницы...», «Подражание Ариосту», «Когда в страдании девица отойдет...». «Б. помог Мандельштаму вслушаться в Мандельштама», к-рому «уже с самых первых неуверенных его шагов милы были дактилические эти цезуры и полустишия, занятые одним длинным словом» – «В непринужденности творящего обмена...», «Мы напряженного молчанья не выносим...», «В разноголосице девического хора...» и далее, включая «На страшной высоте блуждающий огонь...», «Люблю под сводами седыя тишины...». Критически настроенный к Тынянову, Вейдле соглашается с ним относительно батюшковского звучания «Я в хоровод теней, топтавших нежный луг...».

Средние строфы стихотворения 1932 объявляют Б. предтечей рус. поэзии двух веков, а не только непревзойденным мастером («наше мученье» – ср. именование «мучителем» героя акмеистич. «Оды Бетховену» и «Лермонтов – мучитель наш» в «Дайте Тютчеву стрекозу...»). В именовании косноязычный пересекаются снижающий план («фамильярность») и высокий, с библейской аллюзией (Моисей) – «высокое косноязычье», к-рое, согласно Гумилеву («Восьмистишие»), даруется поэту свыше. Это соотнесение подхвачено в предпоследней строфе, где высокий план дан перифразой «оплакавший Тасса», а снижающий – описанием поэтич. творчества через признаки биологического (характерно для всего позднего О. М. нач. с 1921) и случайного (автореминисценция из раннего «Отчего душа так певуча...»: «И мгновенный ритм – только случай»). Эпитета «виноградный» у Б. нет; в 19-м стихе квазиметафорич. синтагме стихов виноградное мясо придан – в отличие от панегирической предыдущей строфы – суггестивный характер по отношению к ряду текстов и локальных тем Б. (причем различение телесного и духовного снято наподобие оксюморона самого Б.: «Найти умел в одном добре / Души прямое сладострастье!»; «Душ великих сладострастье, / Совесть! ... »). С одной стороны, эта синтагма дает кратчайшую схему анакреонтики с ее воспеванием вина, любви, чувственных наслаждений – от вкусового до художественного. Ср. у Б.: «И уста, в которых тает / Пурпуровый виноград» («Вакханка»); «...как лозы винограда / Обвивают нежный вяз, / Так меня, моя отрада, / Обними в последний раз! <...> Съедини уста с устами» («Элизий»). «Стихи о русской поэзии» – цикл, по сути дела, открываемый стих. о Б., – это в нек-ром смысле собств. анакреонтика О. М., где элиминирован эротич. элемент, но активна семантика вкуса, напитка, пирушки (поэтов); и природная стихия (гроза, гром), и поэтическая берутся «на язык, на вкус, на цвет», при том что Б. сначала был взят на слух, а затем, в предфинальной синтагме – «на язык, на вкус». С др. стороны, в стих. Б. «Явор к прохожему», где реализовано и перенесено в этический план цитированное сравнение из «Элизия», виноград – аллегория, «басенное» олицетворение вернейшей дружбы, хранимой и после смерти одного из двух («И пепел твой любил, оставшись на земли»), так что максима явора оказывается подобна «колоколу братства».

Финал также построен на игре высокого и снижающего планов, но они не локализованы в разных строках, как в предпоследней строфе, а совмещены в смежных стихах, как ранее совмещались в одном слове «косноязычный»: высокий обозначен синтагмой «вечные сны», снижение намечено благодаря «медицинской», т. е. опять-таки биологической, ассоциации с анализом крови (здесь же напоминание по поводу предыдущего стиха – горожанином назвал Гумилев самого О. М. в рец. на второй «Камень»). Но она же проецирует силуэт больного, маниакально или лунатически повторяющего одно и то же действие, – и тем самым замыкает стихотворение «вечной темой» высокого безумия.

С Б. оказалась связана для О. М. коллизия иноязычия. Биографически он столкнулся с нею в детстве, о чем можно судить по «Шуму времени» (гл. «Книжный шкап»), литературно – в период «Камня», когда и Гумилев, и Городецкий писали о нек-рой нехватке «природного знания» рус. языка у автора книги; тогда же в критике возникла характеристика его стиля как «русской латыни» (от этой репутации О. М. постарался отмежеваться в ст. «О природе слова»). Согласно мемуарному свидетельству, передающему слова О. М. нач. 1930-х гг., Б. имеют в виду 4 стиха в «Чуть мерцает призрачная сцена...»: «Слаще пенья итальянской речи / Для меня родной язык, / Ибо в нем таинственно лепечет / Чужеземных арф родник». Это «признание» амбивалентно отождествляет родные и чужеродные языковые ресурсы, а полемич. оттенок связан скорее с собств. рефлексией «о природе слова». Б., видимо, в определ. мере посредник при обращении О. М. к итал. языку и поэзии в 1932–33, строку «Батюшков нежный со мною живет» правомерно понимать и в этом спец. смысле. Через год после стихотворения о нем О. М. пишет об одном из его кумиров, и сделан «Ариост» в том же панегирически-фамильярном жанре (восходящем к акмеистич. опыту). В стих. «Ариост и Тасс» Б. восславил не только авторов «Неистового Орланда» и «Освобожденного Иерусалима», но и итал. язык (защищая его от упреков в «изнеженности»), что было созвучно с настроениями О. М., к-рый пропел ему хвалу в «Ариосте» (эта строфа, построенная на мотивах гедонистич. наслаждения словом из «Батюшкова» и «Стихов о русской поэзии», выделилась в отд. опус). Пушкинские мотивы в «Ариосте» – кроме девы на скале, следует учесть перекличку предыдущей строки «И морю говорит: шуми без всяких дум» с элегией «Погасло дневное светило...» – введены с менее заметной реминисценцией давней игры вокруг Б.: использована пара смесь/спесь, знакомая по стих. «Нет, не луна, а светлый циферблат...», но не как собственно рифма, а как часть рифменной цепочки из четырех концевых слов строфы, с совпадающим ударным гласным между двумя мягкими согласными; эта цепочка, видимо, мотивирована данной здесь же характеристикой поэмы Ариосто – «с Орландом куролеся» – синтагма, не только перелагающая заглавие «Orlando furioso», но и претендующая на некую его паронимич. передачу, как раз и поддержанную рифменной «смесью». В воронежском варианте мотивировка усилена за счет строки «Как плющ

назойливый, цепляющийся весь». В обоих редакциях фигурирует «Феррара черствая», что ведет к биографии Тассо и «Умирающему Тассу» Б. («Феррара... Фурии... и зависти змия!..»).

Между тем в 1932, вскоре после стих. о Б., возникла совершенно новая лирич. тема, к-рая сначала оказалась связана с нем. словесностью (тем самым и с биографически ранним аспектом коллизии иноязычия, т. к. немецкий был лит. языком отца поэта), уже затем, иначе повернутая – с итальянской. Эта тема, резко заявленная зачином стих. «К немецкой речи», проистекала из двух источников: опять-таки мотивы акмеистич. периода с их филол. ореолом – «Свое родство и скучное соседство / Мы презирать заведомо вольны», «И снова скальд чужую песню сложит / И как свою ее произнесет» (стих. «Я не слыхал рассказов Оссиана...», отразившееся в «Батюшкове»); социально обусловл. изменения в «нашей речи» в советское время. Но и сама новация разрабатывалась с учетом Б. и стихотворения о нем. Так, «колоколу братства» соответствует строка «Я дружбой был, как выстрелом, разбужен», усиленная апелляцией к мифу об Оресте и Пиладе; у Б. они упоминаются в стих. «Дружество»; в «Воспоминании о Петине» он писал о могиле друга: «В ней сокрыто было навеки лучшее сокровище моей жизни – дружество». Нем. идиллик – герой неск. строф (первоначально – сонета «Христиан Клейст») воспринимался, как видно особенно по цитате из Клейста, предполагавшейся для эпиграфа, в духе анакреонтики Б. (к к-рому легко могла бы быть отнесена строка «И за эфес его цеплялись розы») и юного Пушкина. «Стихов виноградное мясо» обратилось в «виноградную строчку» (визуальный образ готич. шрифта?), а замечат. вариает читается: «И я стою в беседке виноградной / Так высоко, весь будущим прореян» – рифма Рейн. Здесь и в др. вариантах Рейн и сопутствующие воен. детали могли и даже должны были ассоциироваться у О. М. с Б. – автором «Перехода через Рейн» (к-рый Пушкин считал лучшим его стихотворением), проделавшим спустя полвека после Клейста несколько кампаний в 1805–07 и 1813–14. В образном строе этого стихотворения на первом плане буквы, страницы альманаха, строчка – письменность и печать тематически приглушают «шум стихотворства» и «звуков изгибы». Последняя строфа, сетующая на то, что «Звук сузился. Слова шипят, бунтуют», даже намекает как будто на извне поэзии действующие силы, но бог Нахтигаль из Гейне дает поэту надежду, хотя коллизия зачина – тяга прочь из родного языка этим не снимается. Именно поэтому выделившаяся из «Ариоста» маленькая ода итал. языку и итал. поэтам – любимцам Б. вызывает самоувещевание, самозаклинание. «Не искушай чужих наречий...» говорится, конечно, не о трудностях переводч. искусства и даже не о невозможности приобщения к чужой культуре – продолжается рефлексия о возможности или невозможности «уйти из нашей речи». Это не новое обращение к опыту Б., но следующий шаг собств. лирич. сюжета «неисправимого звуколюба», чье звуколюбие со времени стихотворения о Б. окрасилось эскапистски, как будто в преддверии бунтарских, тираноборч. стихов осени 1933 и разразившейся вслед за ними катастрофы («уйти из нашей речи», «И некуда больше бежать» – высказывания взаимосвязанные). В контексте этого сюжета нем. и итал. языки эквивалентны. Можно предполагать, что и суждение в одном из фрагментов, относящихся к «Разговору о Данте»: «Батюшков (записная книжка нерожденного Пушкина) погиб оттого, что вкусил от Тассовых чар, не имея к ним Дантовой прививки», – представляет собой некую проекцию стих. «Не искушай чужих наречий...» (или вообще коллизии иноязычия, как она была переживаема в 1932–33). Достаточно далека от ист. адекватности и вся рисуемая в этом фрагменте картина традиционного небрежения рус. поэтов, включая Б., творчеством Данте. Совр. филол. штудии фиксируют «сдвиг интересов» Пушкина с конца 1820-х гг. от Ариосто и Тассо к Данте, и «тем же путем до Пушкина шел Б.», но «не успел завершить задуманное».

Б. был горячим «ревнителем славы божественного Петрарки», видя в нем классич. образец «легкой поэзии», т. е. личной, интимной лирики, предназначенной влиять на умы, вкусы и язык не менее, чем влияла высокая, эпическая, дидактич. словесность. В «Опыты» он включил статью о нем, но не два своих переложения. Эти стихотворения вряд ли были значимы для О. М. – переводчика Петрарки, к-рый осознавал себя в ситуации, противоположной Б., – не в начале, а в конце традиции «петраркизма» на рус. почве (вплоть до Вяч. Иванова) и, несомненно, решал задачу преодоления ее. Лучшим из рус. переводов сонетов Петрарки он считал «Задумчивость» Державина и, вероятно, рассчитывал найти в допушкинской, «догармонической» поэзии средства, нужные для работы такого преодоления. Интересно, что начало стихотворения Державина: «Задумчиво, один, широкими шагами / Хожу, и меряю пустых пространство мест» – содержит синтагму, к-рая (в слегка измененном виде) нашла широкое применение в стихах уже следующей лит. эпохи, в т. ч. у Б. (лирич. эпизод в батальном «Переходе через Рейн», сопровожденный пометой Пушкина «Прелесть!»: «Там всадник, опершись на светлу сталь копья, / Задумчив и один на береге высоком» и т. д.). Тщательно подыскивая соответствия оригиналу, О. М., однако, последовательно – и метрически, и особенно стилистически – заменял батюшковски-пушкинский «гармонический проливень слез» дисгармоническим или даже какофоническим, «сладостного», «небесного» Петрарку – «косноязычным». Если Б. утверждал, что Петрарку «не должно переводить ни на какой язык», то у О. М. переводы четырех сонетов стали опытом расподобления со всеми мыслимыми на тот момент модификациями его лирич. речи и даже осуществлением замысленной ранее попытки «уйти из нашей речи» – в некое новое, хотя бы ограниченное вербальное пространство, где-то между подстрочником, над к-рым думал еще Б., и преобразованным языком рус. лирики будущего.

В воронежских стихах яркую реминисценцию из Б. содержит стих. «Я нынче в паутине световой...». Здесь О. М. стремится привести рефлексию о поэте и читателе, поэзии и народе к некоему программному иносказанию, соотносимому с требованиями советского социума. Во фразе, начинающей последнюю строфу, – «Народу нужен стих таинственно-родной, / Чтоб от него он вечно просыпался» – несомненна цитата из стихов безумного Б.: «Я просыпаюсь, чтоб заснуть, / И сплю, чтоб вечно просыпаться» (ср. у М. Н. Муравьева о посмертном существовании: «Сон будет ли тогда иль вечно разбужденье?»). Столь же несомненна связь составного эпитета со стихами 1920 (где подразумевался Б.) о родном языке, таинственно заключающем в

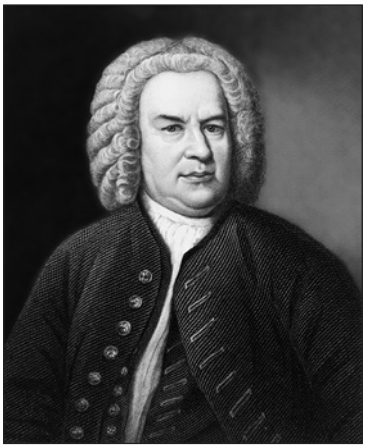
себе богатства языков чужих. В то же время эта конструкция следует статьям О. М. нач. 1920-х гг. Так, в «О природе слова»: «Все спали, когда Анненский бодрствовал. Храпели бытовики». Статья о Пастернаке (к-рого О. М. столь неожиданно сопоставил с Б.) включает пассаж о человеке, внешне не вполне нормальном, – и дает такое «определение» поэзии: «блаженно очумелая и все-таки единственная трезвая, единственная проснувшаяся из всего, что есть в мире».

Соч.: Батюшков К. Н. Соч. Т. 1–2. М., 1989.

Лит.: Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М., 1941; Фридман Н. В. Поэзия Батюшкова. М., 1971; Харджиев Н. И. Примечания // Мандельштам О. Стихотворения. Л., 1973; Вейдле В. Батюшков и Мандельштам // Вейдле В. Эмбриология поэзии. Введение в фоносемантику поэтической речи. Париж, 1980; Кац Б. А. «Звуки италианские!» // Временник Пушкинской комиссии. 1981. Л., 1985; Семенко И. Поэтика позднего Манднельштама. Roma, 1986; Кошелев Вяч. Константин Батюшков. Странствия и страсти. М., 1987; Струве Н. Осип Мандельштам. L., 1988; Баевский В. С. Не луна, а циферблат (Из наблюдений над поэтикой О. Мандельштама) // Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама. Воронеж, 1990; Фрейдин Ю. Л. «Остаток книг»: библиотека О. Э. Мандельштама // Слово и судьба. Осип Мандельштам. М., 1991; Вацуро В. Э. Записки комментатора. СПб., 1994; Тоддес Е. А. К теме: Мандельштам и Пушкин // Philologia. Рижский филол. сб. Рига, 1994; Она же. Наблюдения над текстами Мандельштама // Тыняновский сб. Вып. 10. М., 1998; Мец А. Г. Примечания // Мандельштам О. Полн. собр. стихотворений. СПб., 1995; Нерлер П. М. «К немецкой речи»: попытка анализа // «Отдай меня, Воронеж...» Воронеж, 1995; Клинг О. А. Влияние символизма на постсимволистскую поэзию в России 1910-х годов (проблемы поэтики). М., 1996; Липкин С. Угль, пылающий огнем // Квадрига. М., 1997; Бухштаб Б. Я. Поэзия Мандельштама [1928] // Бухштаб Б. Я. Фет и другие. СПб., 2000; Лекманов О. А. Книга об акмеизме и другие работы. Томск, 2000; Гаспаров М. Комментарии // Мандельштам Осип. Стихотворения. Проза. М., 2001; Майков Л. Н. Батюшков, его жизнь и сочинения. М., 2001; Сергеева-Клятис А. Ю. Певец Дафны (к прочтению одной строки стихотворения Мандельштама «Батюшков») // Смерть и бессмертие поэта. М., 2001; Ронен О. Поэтика Осипа Мандельштама. СПб., 2002; Пильщиков И. А. Батюшков и литература Италии. М., 2003; Богомолов Н. А. Батюшков, Гумилев, Мандельштам. Заметки к теме // Богомолов Н. От Пушкина до Кибирова. М., 2004; Сурат И. Опыты о Мандельштаме. М., 2005; Гардзонио С. «Феррара черствая» О. Э. Мандельштама // Стих, язык, поэзия. Памяти Михаила Леоновича Гаспарова. М., 2006. Кушнер А. Заметки на полях стихотворений Батюшкова // НМ. 2006. № 9; Мандельштам Н. Я. Комментарий к стихам 1930–1937 гг. // Н. Я. Мандельштам. Т. 2; Ronen O. An approach to Mandel'stam. Jerusalem, 1983; Pollak N. Mandelstam the Reader. Baltimore; L., 1995.

Е. А. Тоддес.

БАХ (Bach) Иоганн Себастьян (21.3.1685, Айзенах – 28.7.1750, Лейпциг), композитор. В стих. «Бах» (1913) О. М. рассматривал музыку Б. в контексте эстетики нем. протестантизма, продолжая линию «Лютеранина» (1912). Аскетич. сдержанность церкви находится в контрасте с буйством в миру, но и в самом лютеранском богослужении, в основе к-рого лежит соединение музыки и слова, О. М. слышал кричащую дисгармонию: музыка Б. смешивается



Иоганн Себастьян Бах

со словами проповеди. Б. ликует, несмотря на царящую разноголосицу: «А ты ликуешь, как Исайа!» Ликование Б. не свидетельство упрямства, а знак верности себе, неотъемлемая вера художника в свою правоту. Проясняющие параллели к стихотворению в ст. О. М. «Утро акмеизма»: «Как убедительна музыка Баха! Какая мощь доказательства! Доказывать и доказывать без конца: принимать в искусстве что-нибудь на веру недостойно художника, легко и скучно...», и «Сознание своей правоты нам дороже всего в поэзии <...> мы вводим готику в отношения слов, подобно тому как Себастьян Бах утвердил ее в музыке». Эстетика Б. приравнивается к эстетике готики, на интерпретации к-рой О. М. выстраивает свои постсимволистские поэтологич. установки. Понимание ср.-век. искусства и готики, в частности как «благородной смеси рассудочности и мистики» – корреспондирует с определениями Б. как художника «рассудительнейшего» и одноврем. охваченного религ.-творч. ликованием. «Характеристика музыки Баха проходит эволюцию от ликования к гневу (ликуешь как Исайя – гневный собеседник), суммируя <...> представление о немецком протестантизме как об одиноком предстоянии человека Богу». Протестантский принцип соединения слова и музыки воспринимался О. М. не как взаимодополняющий и конструктивный «диалог», а как диссонирующая разноголосица. Музыка Б. выступает воплощением риторико-эстетич. принципов протестантизма. В ее основе лежит парадоксальное соединение экстатич. порыва и рационалистски строгой выверенности форм.

В дальнейшем О. М. использовал намеченные в «Бахе» идейные и образные ресурсы (готич. монументальность, многоголосие, проповедничество): в стих. «В тот вечер не гудел стрельчатый лес органа...» (1918) лирич. герой О. М. отталкивается от муз. переживаний, связанных с восприятием произведений Б., для перехода к худож. миру Ф. *Шуберта*, в песнях к-рого музыка и слово достигают гармонич. единства. Внешние причины появления баховской темы в стих. «А небо будущим беременно...» (1923): в нач. 1923 С. Е Фейнберг исполнял «хорошо темперированный клавир», о чем писали «Известия ВЦИК» (27.2.1923), в прессе велись дискуссии по поводу религиозности и/или революционности Б., концерты Б. транслировались по радио. Газетный фон: обоюдные признания в солидарности между

побежденной Германией и рев. Россией, нападки на Францию как источник воен. угрозы в Европе, особенно на фоне оккупации Рейнланда и Рура в нач. 1923, призывы к созданию Красного Воздушного Флота. Внутр., контекстуально-лексич. мотивация: стихотворение начинается с описания «войны разноголосицы», а «разноголосица» – ключевое слово стих. «Бах». Если в стих. 1913-го образ «внуков» Б. как деталь биографии Б. имела декоративную функцию, то в «Опять войны разноголосица...» он преобретает метафорич. смысл: современники оказываются наследниками, «внуками Себастьяна Баха». Призыв поставить «и на востоке и на западе» «органные крылья» и вслушаться в «грома проповедь» метонимически соотносим с размышлениями об ассирийско-египетской «монументальности надвигающейся социальной архитектуры» и ее «гуманистическом оправдании» (ст. «Гуманизм и современность») Воинственность, к-рой одноврем. соответствует и противостоит музыка Б., в дальнейшем переходит и на самого Б.: в «Египетской марке», описывая впечатление от нотного письма разл. композиторов, О. М. говорил о «воинственных страницах Баха» Любовь к Б. объединяла О. М. и Б. С. *Кузина* («Путешествие в Армению», 1933): «Б. С. <...> пуще всего на свете любил Баха, особенно одну инвенцию, исполняемую на духовых инструментах и взвивающуюся кверху, как готич. фейерверк». В «Разговоре о Данте» (1933) О. М. связывал монументальность дантовской «Божественной комедии» с Б.: «Задолго до Баха, и в то время, когда еще не строили больших монументальных органов, но лишь очень скромные эмбриональные прообразы будущего чудища, когда ведущим инструментом была еще цитра, аккомпанирующая голосу, Алигьери построил в словесном пространстве могучий орган и уже наслаждался всеми его мыслимыми регистрами и раздувал меха, и ревел, и ворковал во все трубы». По ходу «Разговора о Данте» О. М. вновь возвращался к Б. Приведя в качестве примера «метафорич. приемов» *Данте Алигьери*, превосходящих «наши понятия о композиции», отрывок из 26-й песни Ада, О. М. замечал: «Если у вас не закружилась голова от этого чудесного подъема, достойного образных средств Себастьяна Баха, то попробуйте указать, где здесь второй, где здесь первый член сравнения, что с чем сравнивается, где здесь главное и где второстепенное, его поясняющее». Многосложность дантовского сравнения перекликается с тем, что О. М. в «Бахе» назвал «органа многосложный крик». Отдаленно баховско-органная образность, контекстуально выводимая из «Баха», звучит в стих. «В хрустальном омуте какая крутизна!..» (1919), «Я в львиный ров и в крепость погружен...» (1937), «Разрывы круглых бухт, и хрящ, и синева...» (1937).

Лит.: Кац Б. А. [Вступ. ст. и коммент.] // Мандельштам О. Э. «Полон музыки, музы и муки...» Л., 1991. С. 13, 110; Киршбаум Г. Э. «Валгаллы белое вино». Немецкая тема в поэзии О. Мандельштама. М., 2010; Кузин – Н. Мандельштам. С. 216; Сегал Д. Осип Мандельштам: история и поэтика. Ч. I. Кн. 1–2 // Slavica Hierosolymitana. Vol. VIII–IX. Berkley; Jerusalem, 1998; Schlott W. Das Hohelied der deutschen Sprache. Osip Mandel`štam // Deutsche und Deutschland in der russischen Lyrik des frühen XX. Jahrhunderts. Münch., 1988. С. 288–289.

Г. Э. Киршбаум.

БЕАТЕНБЕРГ (Beatenberg), горный курорт на возвышенной террасе у Тунского оз. в Бернском кантоне, в 5 км от Интерлакенского оз. в *Швейцарии*. Славился лучшими в Швейцарии климатич. условиями и прекрасным видом на Бернские Альпы. Вместе с матерью и мл. братом Е. Э. *Мандельштамом* О. М. провел здесь 2 нед. в августе 1909 (упом. в письме В. И. *Иванову* от 13(26).8.1909), отсюда они перебрались позднее в *Монтрё*.

П. М. Нерлер.

БЕДНЫЙ Демьян (наст. фам., имя и отчество Придворов Ефим Алексеевич) (1.4.1883, с. Губовка Александрийского у. Херсонской губ. – 25.5.1945, Москва), поэт. Образ «вождя» в стих. О. М. «Прославим, братья, сумерки свободы...» находит себе соответствие в стих. Б. «Вождю».

Н. М. приводит в своих мемуарах эпизод с кухаркой, служившей у них в Детском Селе. Та была глубоко верующей женщиной, и знакомый плотник надоумил ее, что жить у О. М. опасно, т. к., во-первых, тот пишет стихи, а во-вторых, по слухам, он и есть антирелигиозник Б. Однако слух о «Демьяне Бедном» в итоге оказался ложным, и кухарка осталась. По мнению Н. М., одна из характерных деталей в стих. «Мы живем, под собою не чуя страны...» – «жирные пальцы» И. В. *Сталина* – «несомненный отголосок истории Демьяна»: «Он имел неосторожность записать в дневнике, что не любит давать книги Сталину, потому что тот оставляет на белых страницах отпечатки жирных пальцев. Секретарь Демьяна решил выслужиться и переписал для Сталина эту выдержку из дневника».

По воспоминаниям Н. М., в 1928 О. М. обратился к Б. с просьбой принять участие в судьбе пяти пожилых банковских служащих, над к-рыми нависла угроза расстрела. Встреча с Б. состоялась в магазине антикварной книги. Б. отказался помочь, но пообещал, что если нечто подобное случится с самим О. М., то он заступится за него. Когда после ареста О. М. в 1934 Б. Л. *Пастернак* и А. А. *Ахматова* решили обратиться «наверх», Н. М. вспомнила про это обещание. Пастернак позвонил Б. с просьбой о помощи, однако тот ответил: «Ни вам, ни мне в это дело вмешиваться нельзя».

Е. А. Яблоков.

БЕДЬЕ (Bedier) Жозеф (28.1.1863, Париж – 29.8.1938, Ле-Гран-Серре), выдающийся франц. филолог, специалист по средневековой франц. литературе. В 1883 закончил Высшую всеобщую школу в Париже (École Normal Supérieur), в 1893 защитил канд. дис. В 1903, после работы в университетах Фрибура (*Швейцария*) и Каена, а также в Высшей всеобщей школе, возглавил кафедру средневековой франц. литературы в *Коллеж де Франс*. Гл. труды Б. – вольная реконструкция романа о Тристане и Изольде, относящегося к 12 в. (1903), и критическое изд. «Песни о Роланде» (1921). В зимнем семестре 1907/08 Б. завершил свой многолетний цикл лекций «Формирование эпических легенд», а в летнем семестре 1908 – «Лирическая поэзия во Франции – с самого начала до Франсуа Вийона» (семинары Б. были посвящены средневековому роману и старофранц. эпосу). В 1920 избран во Франц. Академию; в 1929 назначен администра-

тором Коллеж де Франс, в 1937 получил Орден Почетного легиона.

О. М. посещал лекции Б. во время обучения в *Сорбонне* в кон. октября 1907 – мае 1908 и, видимо, от него почерпнул как основат. знания, так и любовь к средневековой франц. поэзии, в первую очередь к творчеству Ф. *Вийона* и к старофранц. эпосу. Можно предполагать, что под влиянием Б. формировалась и общая мандельшт. концепция *Средневековья* как самостоят. ист.-культурного феномена. В рец. на кн. А. Э. Свентицкого «Книга сказания о короле Артуре и о рыцарях круглого стола» (1923) О. М. прямо упомянул Б., к-рый «воссоздал по Кретьену и другим источникам утраченную фабулу <...>. “Тристан и Изольда” Бедье – настоящее чудо реконструкции, почти подлинник – и, безусловно, заслуживает перевода на русский язык». Исследователями уже была отмечена фактографическая ошибка О. М. [см.: Левинтон Г. А. Город как подтекст (из «реального» комментария к Мандельштаму) // ΠΟΛΥΤΡΟΠΟΝ: К 70-летию Владимира Николаевича Топорова. М., 1998. С. 752]: к моменту написания мандельшт. рец. реконструкция Б. была переведена А. А. Веселовским (сыном А. Н. Веселовского) (см.: Бедье Ж. Тристан и Изольда / пер. с франц. А. А. Веселовского под ред. и с введ. акад. А. Н. Веселовского. СПб., 1903). В рец. Б. определен О. М. в качестве «главаря теперешней романтики», по убедительному предположению Г. А. Левинтона, данная фраза содержит опечатку и вместо «романтики» должна читаться «романистики». Вероятно, труды Б. учитывались О. М. при работе над переводами фрагментов «Песни о Роланде».

С. Г. Шиндин, П. М. Нерлер.

БЕЗЫМЕНСКИЙ Александр Ильич (6.1.1898, под Житомиром, – 20.6.1973, Москва). поэт. Активный деятель РАПП, постоянный автор журнала *«На посту»*, один из ведущих «комсомольских» поэтов 1920-х гг. Гротескный «портрет» Б. создан в «Путешествии в Армению» (гл. «Сухум»): «Безыменский, силач, поднимающий картонные гири, круглоголовый, незлобивый, чернильный купец <...> Концертно-садовая, боржомная бодрость никогда его не покидала. Байбак с мандолиной в душе, он жил на струне романса, и сердцевина его пела под иглой граммофона». Данный фрагмент упомянут в негативной рецензии Н. Оружейникова «На полях журналов» (ЛГ. 1933. 17 июня). Через нек-рое время крайне резкий отзыв о «Путешествии в Армению» появился в «Правде»; в нем, в частности, говорилось: «Можно с брезгливостью пройти мимо острот Мандельштама о Безыменском. В них неуемная злоба человека, не понимающего пролетарской литературы» (Розенталь С. Тени старого Петербурга: «Звезда», № 1–7 за 1933 год // Правда. 1933. 30 авг.).

По мнению Л. С. Флейшмана, фраза о «картонных гирях» восходит к характеристике В. В. *Маяковского*, к-рую дал Л. Д. *Троцкий* в кн. «Литература и революция» (М., 1923. С. 108): «Маяковский <...> сплошь и рядом с героическим напряжением поднимает заведомо пустые гири». «Привлечение Мандельштамом этого афоризма для характеристики Безыменского выглядит естественным, если принять во внимание <...> репутацию Безыменского как “пролетарского” двойника и “наследника” Маяковского, закрепленную Троцким <...> оба абзаца “о Безыменском” можно рассматривать как субститут темы гибели поэта» (Флейшман Л. С. Эпизод с Безыменским в «Путешествии в Армению» // Slavica Hierosolymitana. 1978. V. 3. P. 194–195). В явном виде «тема гибели поэта» в связи с образом Б. присутствует в черновых набросках «Четвертой прозы»: «Три недели я просидел за столом напротив Безыменского, [и так и не разгадал, о чем с ним можно разговаривать].

Однажды, столкнувшись со мной на лестнице, он сообщил мне о смерти Маяковского. <...> Безыменский изобрел интересный способ общаться с людьми при помощи сборной граммофонной пластинки, приноровленной к его настроению.

Наливая себе боржому в стакан, он мурлыкал из “Травиаты”. То вдруг огреет из “Риголетто”. То расхохочется шаляпинской “Блохой”...».

Н. М. вспоминала эпизод, относящийся к маю 1934: «Наутро после ареста, очень рано, нам позвонил Безыменский. Я объяснила – конечно, очень иносказательно, но этот язык был понятен всем, – что случилось ночью. Безыменский присвистнул и повесил трубку. Ни до, ни после этого он нам никогда не звонил».

Е. А. Яблоков.

БЕККЕРМАН Александр Герцевич (17.12.1903, Минск – не ранее 11.02.1959, Москва), врач, музыкант, прототип героя стих. О. М. «Жил Александр Герцович...» (1931). Проживал в той же коммунальной квартире (Москва, Старосадский пер., д. 10 кв. 3), что и А. Э. *Мандельштам* – брат О. М. Комнаты Б. и А. Э. Мандельштама соседствовали; т. о., бывая и живя в комнате брата, О. М. мог неоднократно слышать музыку в исполнении Б. Осн. сведения о Б. содержатся в воспоминаниях Р. Л. Сегал: «Среди многочисленных жильцов нашей квартиры было два брата, оба – музыканты: Григорий и Саша Беккерманы. Саша был старшим, он не стал профессиональным музыкантом потом, хотя, по-моему, играл лучше младшего. Он стал врачом-гинекологом, работал в платной клинике. <...> У них была небольшая комната, почти всю ее занимал колоссальный рояль. Я очень любила сидеть на маленькой скамейке и слушать, как Саша играет Шопена, Шуберта, Листа...» (Сегал. С. 27–28). Р. Сегал запомнила Б. играющим именно на рояле (что подтвердила в беседе с автором данной статьи); сын *А. Э. Мандельштама*, А. А. Мандельштам, сообщает о Б., игравшем на скрипке (Мандельштам А. С.166). В качестве врача-уролога Б. упомянут в справочнике «Вся Москва» на 1929 (С. 225). По свидетельству С. И. *Липкина*, в стих. «Жил Александр Герцович...» была еще одна строфа, к-рую О. М. исключил: «Он музыку приперчивал, / Как жаркое харчо, / Ах, Александр Герцович, / Чего же вам еще?» «Между тем, – замечает Липкин, – строфа говорит о характерной подробности быта. Музыканты из консерватории направлялись по короткому Газетному переулку до Тверской, в ресторан “Арагви”, помещавшийся тогда не там, где теперь, а в доме, отодвинутом во двор новопостроенного здания, брали одно лишь харчо, на второе блюдо им денег не хватало, но жаркое, острое харчо им наливали щедро, полную тарелку...» (Липкин. С. 19). Исключенная строфа не связана напрямую с Б., она имела отношение в первую очередь к его брату-музыканту Григорию. Видимо,

это могло послужить одной из причин ее удаления. Высказывались разл. мнения относительно того, какую именно «сонату вечную» играет герой стих. «Жил Александр Герцович...». Д. И. Черашняя предполагает, что в стихах говорится о сонате Ф. *Шуберта* си-бемоль мажор – одной из трех последних сонат композитора (1828). А. Фэвр-Дюпэгр считает, что у О. М. речь идет о последней серии экспромтов Шуберта (опус 142); особенно близок стихотворению, с ее т. зр., ритм 4-й пьесы данного опуса. По мнению Б. А. Каца, есть основания полагать, что в стихах подразумевается шубертовская песня «Маргарита за прялкой»; кроме того, Кац указывает и на возможную связь стихотворения с евр. песенкой «Идл мит а фидл».

Лит.: Кац Б. А. В сторону музыки: Из музыковедческих примечаний к стихам О. Э. Мандельштама / ЛО. 1991. № 1; Его же. Песенка о еврейском музыканте: шутка или кредо? К подтекстам и интерпретациям стихотворения «Жил Александр Герцович...» // Кац Б. А. Музыкальные ключи к русской поэзии. СПб., 1997; Липкин С. И. Угль, пылающий огнем. М., 1991; Сегал Р. Л. Из воспоминаний // СМР. Вып. 2; Черашняя Д. И. Автор и герой: кто и что *играл наизусть* в стихотворении «Жил Александр Герцевич...»? [В соавт. с Ю. Толкачем] // Черашняя Д. И. Поэтика Осипа Мандельштама: субъектный подход. Ижевск, 2004; Видгоф. 2006; Фэвр-Дюпэгр А. Осип Мандельштам – поэт-музыкант: Представление новой книги доклад на Мандельшт. чтениях во Владивостоке, 18–20 сент. 2006]; Faivre Dupaigre A. Poètes-musiciens. Cendrars, Mandelstam, Pasternak. Rennes, 2006.

Л. М. Видгоф.

БЕЛИНСКИЙ Виссарион Григорьевич (30.5.1811, Свеаборг, ныне Суоминлинна, Финляндия – 26.5.1848, Санкт-Петербург) рус. лит. критик, публицист. Изучение творчества и биографии Б. входило в нач. 20 в. в программу *Тенишевского училища* по литературе. Тетрадь с конспектами О. М. по истории рус. литературы, писавшаяся со 2-й пол. 1905, включает конспект «Белинский о Пушкине» («Борис Годунов», «Домик в Коломне»). В эту же тетрадь входит и сочинение «Преступление и наказание в “Борисе Годунове”» (1906). Пятнадцатилетний О. М. спорит с трактовкой образа Годунова, предложенной Б.: «Вся личность Годунова, весь он целиком, все свойства его характера в своей совокупности толкали Бориса к печальному концу, а не одна только больная совесть и не одно только отсутствие гениальности. К особенностям характера Годунова, на которые указал Белинский, следует еще прибавить – болезненное самолюбие, раздражительность, неумение владеть собой и заставить себя уважать».

Б. упоминается О. М. в «Шуме времени» (1923), при описании настроений учеников Тенишевского уч-ща: «Ни слова, ни звука, как по уговору, о Белинском, Добролюбове, Писареве <...>. Повторяю: Белинского мои товарищи терпеть не могли за расплывчатость мироощущенья». Высказывание, свидетельствующее о высокой оценке О. М. Б. как критика. сохранилось в романе-воспоминании Р. Ивнева «Богема»: «Трагедия русской поэзии в том, что у нас нет Белинского. Читатели, как бы образованны они ни были, – это стадо овец, которые не могут без пастуха. Эту роль в литературе играл Виссарион Григорьевич» (Ивнев Р. Богема. М., 2006. С. 113).

Виссарион Григорьевич Белинский

В творчестве О. М. выявлено неск. подтекстов из Б. Так, строки «Если все живое лишь помарка / За короткий вымороченный день, / На подвижной лестнице Ламарка / Я займу последнюю ступень» из мандельшт. стих. «Ламарк» (1932) перекликаются с письмом Б. к В. П. Боткину от 1.3.1841: «Благодарю покорно, Егор Федорыч (Гегель) <...> но, со всем подобающим вашему философскому филистерству уважением, честь имею донести вам, что если бы мне и удалось влезть на верхнюю ступень лестницы развития, – я и там попросил бы вас отдать мне отчет во всех жертвах условий жизни и истории, во всех жертвах случайностей, <...> иначе я с верхней ступени бросаюсь вниз головою». Оценки Озерова и Сумарокова в мандельшт. стих. «Есть ценностей незыблемая скала...» (1914) во многом сходны с оценками Б. О. Ронен считает одним из подтекстов стих. «Квартира тиха, как бумага...» (1933) стих. Н. А. *Некрасова* «В. Г. Белинский» (1855): «В то время как в родном краю / Открыто зло торжествовало, / Ему лишь “баюшки-баю” / Литература распевала».

Лит.: Ронен О. Поэтика Осипа Мандельштама. СПб., 2002. С. 41; Мец А. Г. Осип Мандельштам и его время: Анализ текста. СПб., 2005; Веселова А. Стихотворение О. Э. Мандельштама «Есть ценностей незыблемая скала...» и репутация русских трагиков XVIII века // Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia X: «Век нынешний и век минувший»: культурная рефлексия прошедшей эпохи: В 2 ч. Тарту, 2006. Ч. 2. С. 282–296; Видгоф Л. М. Цитата из Белинского в «Ламарке»? // Видгоф Л. М. Статьи о Мандельштаме. М., 2010. С. 83–89; Еськова А. Д. Мандельштам и Белинский // Корни, побеги, плоды... Мандельштамовские дни в Варшаве: В 2 ч. Ч. 2. М., 2015. С. 488–499.

А. Д. Еськова.

БЕЛЫЙ Андрей (наст. фам., имя и отчество Бугаев Борис Николаевич) (14.10.1880, Москва – 8.1.1934, там же), поэт, прозаик, критик, теоретик *символизма*, литературовед, мемуарист. В начале творч. пути О. М. проявлял интерес к произведениям Б. При разборе произведений Б. в *«Цехе поэтов»* Н. С. *Гумилев* давал им высокую оценку, что не могло не сказаться на восприятии О. М. Б. утверждал, что термин «акмеизм» был придуман именно им в присутствии Вяч. И. *Иванова*, а Гумилев охотно подхватил его. Б. отзывался об О. М. как о «пэоннейшем из поэтов», несмо-

тря на презрит. оценки О. М. А. А. *Блоком* в переписке с Б. (Блок А. А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 8. С. 344).

«Эстетический эксперимент» Б. повлиял на О. М. так же, как на В. В. *Хлебникова,* В. В. *Маяковского,* Б. Л. *Пастернака,* М. И. *Цветаеву*. Гл. обр. воздействие Б. обусловливалось его стиховедч. работами, равно как и подтверждавшими теоретич. разработки поэтич. экспериментами в оригинальном творчестве. Как заметил Ронен О., растущая тревога «самого чуткого» из теоретиков *символизма* «при виде все более последовательного и сознательного нарушения целостной связи между звуком и смыслом в поэтическом слове» не прошла мимо внимания О. М. как теоретика культуры и стихотворца.

Влияние поэтики Б. на поэтич. произв. О. М. затронуло прежде всего их фонетич. сторону. В рец. на стихи, помещенные в журнале *«Аполлон»* (1910, № 9), В. *Пяст* связывал «обдуманность» ритма стих. «Истончается тонкий тлен» с теоретич. исследованиями Б. («Символизм»). К. Ф. Тарановский отмечает стих. Б. «Зима» как прототип стих. О. М. «Медлительнее снежный улей».

Стихи О. М хранят следы чтения им произведений Б. Так, сравнение неба с эмалью («На бледно-голубой эмали...») неоднократно встречается у Б. (ср. у Б.: «Опять посылает мне даль / Вздыхающий, тающий отдых: / Свою голубую эмаль, / Свой кроткий, пурпуровый воздух» – «В весенние волны зари», 1902; «И темно-тусклая / Эмаль / Суровым мороком окрепла» – «Пепел», 1903; «Так в бирюзовую эмаль / Над старой, озлащенной башней...» – «Паук», 1906). Стих. О. М. «Я слово позабыл, что я хотел сказать...» отсылает к стих. Б. «Все забыл» (1906) (ср. у Б.: «Я без слов: я не могу... / Слов не надо мне» и «Знал – забыл – забыть не жаль – / Все забыл: давно...»). Один из важнейших для поэзии О. М. образ ласточки в сходном контексте связи с загробным миром встречается и у Б. (ср. у Б.: «В страну гробов, весенние предтечи, / Щебечущие ласточки, – летите!» – «Старинный друг», 1903).

Стих. О. М. «Золотой» (1912), принадлежащее к созданным в творч. полемике с символизмом, написано с опорой на одну из сцен «Петербурга» Б.: «Персонажи и декорации антисимволистского стихотворения Мандельштама позаимствованы из произведения символиста» (Лекманов О.) Еще неск. реминисценций из «Петербурга» Б. проявились в стих. О. М. «Я ненавижу свет...» (1912), «Мадригал» (1913), в ст. «Девятнадцатый век».

В статьях нач. 1920-х гг. О. М. неоднократно высказывается о творчестве Б. Так, в ст. «Слово и культура» (1921) «глоссолалия» Б. трактуется как такая модель понимания слова, при к-рой оно обретает значительно большие возможности («слово стало не семиствольной, а тысячествольной цевницей, оживляемой сразу дыханием всех веков»), чем в обычном языковом контексте. Одноврем. такое слово служит средством общения при том, что ни с каким конкретным языком среди мертвых или действующих в современности оно не соотносится. Не служа средством передачи широких знаний о мире («эрудиция»), так понятое слово тем не менее является элементом языка, хотя и неизвестного. Вопрос о бытовании такого несуществующего языка занимал О. М. и в связи с К. Д. *Бальмонтом*, к-рый мыслится в таком плане как «переводчик» с неизвестного языка.

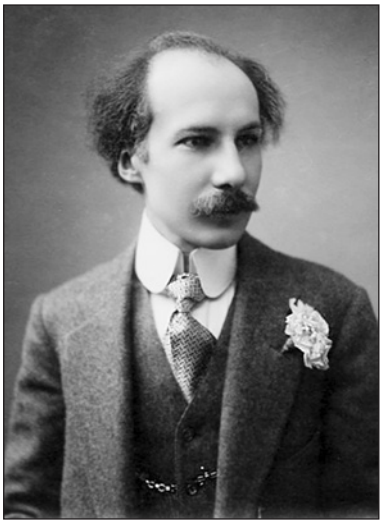
Отношение к «глоссолалии» повлияло на характер последующих критич. выступлений О. М. в адрес Б. Так, в ст. «О природе слова» (1921– 22) О. М. упрекал Б.-прозаика в утилитарном отношении к языку. Выпад против Б. настолько силен, что в рец. А. Бема в журнале «Воля России» (Прага. 1923. № 6/7. Апрель. С. 159–160) квалифицирован как жест отлучения Б. от литературы. О. М. трактует прозаич. метод Б. как смещение психологич. и фабульного планов (ст. «Конец романа», 1922), при этом проза Б. в целом оценивается как не имеющая отношения к ритму и психофизиологии человеч. жизни, деятельности, занятий (ст. «Литературная Москва. Рождение фабулы», 1922).

Творчество Б. враждебно «ритму» в понимании О. М. Если для Б. метрич. организация текста равно возможна и в поэтич., и в прозаич. произведении, то О. М. настаивал на асимметричности прозы, такой органике словесного движения, при к-рой взаимодействие слов в прозаич. произведении возникает благодаря спонтанности метрич. организации. С т. зр. О. М., влияние Б. на рус. прозу скорее, тормозило ее развитие, хотя его прозаич. работа начата «с изумительной силой». Именно потому, что «Андрей Белый – вершина русской психологической прозы», приемы его творчества лишь продолжают беллетристич. линию развития литературы (ст. «Литературная Москва. Рождение фабулы»). При этом опыт Б.-прозаика О. М. учитывает как в худож., так и в нехудож. прозе, а те же «Записки чудака» отзываются в аллитерациях «Разговора о Данте».

Наиб. резко негативную реакцию О. М. вызвала кн. Б. «Записки чудака» (Берлин, 1922). Статья О. М. направлена, во-первых, против писательской манеры Б. как символиста. Приемы книги трактованы как декламационные, ее фабула расценена как нелепая и безвкусная, самый стиль объявляется признаком самовлюбленности, от чего отсутствует всякая стилистич. мысль, многоголосие. Проза лишь кажется сложной: по мысли О. М., она элементарна. Описываемые события заставляют читателя отшатнуться «от этой дамской ерунды» (Андрей Белый. Записки чудака. Т. II. Издание «Геликон». Берлин, 1922). Хотя в основе книги – повествование о важных для автора событиях, их описание не способно вызвать у читателя доверия, желания стать его собеседником: «Если у человека три раза в день происходят колоссальные душевные катастрофы, мы перестаем ему верить, мы вправе ему не верить – он для нас смешон».

В ст. «Письмо о русской поэзии» (1922) О. М. писал о творчестве символистов, в т. ч. и Б., как явлении своего времени, обреченном исчерпаться вместе с эпохой. Здесь снова содержится выпад против полной приверженности Б. антропософии, в связи с чем теософия объявляется мировым шарлатанством, а о самом Б. говорится, что он «неожиданно оказался дамой». В мандельшт. концепции литературы и особенно поэзии как мужского дела и долга теософ. устремления Б., безусловно, понимаются как недостойные его собств. поэтич. мастерства.

Вместе с тем нек-рые черты поэтики Б., хотя и помещенные в негативный контекст, весьма точно отмечаются О. М.: это прежде всего трансцендентальный характер поэзии, связ. с метафизич. способом мышления (ст. «Буря и натиск», 1923). Вклад Б. в рус. лирику заключается в обогащении поэтич. словаря за счет филос. терминов (в кн. Б.



Андрей Белый

«Урна» и «Пепел»), в музыкальности гражд. поэзии Б. и ее многоголосии. На примере этой статьи ясно, что О. М. «вполне сознавал, какую роль играет подтекст в полифонизации стиха».

Не случайно в период критич. отношения к Б. О. М. вводит подтекст из его «Первого свидания» в стих. «Я по лесенке приставной», где взаимодействуют «космический» и «волосяной» метафорич. ряды. Именно связь образов Б. с метафизикой и трансцендентальным пониманием мира привлекают О. М. гораздо больше, чем идеологич. умопостроения Б.

Неприятие О. М. личности Б. связано с его общим негативным отношением к символизму не только как к худож. методу, но и как способу построения модели человеч. личности, ее отношения к миру и с миром (см. *Символизм*). Вместе с тем впечатление от личности Б. и О. М. при общении с ними современников нередко оказывается сходным. Так, Д. И. *Выгодский* писал о них обоих как о людях единственно «настоящих», т. е. обладающих подлинным личностным пафосом и глубиной и вследствие этого отличающихся дикостью и отсутствием спокойствия. То же сходство отмечает и Н. Н. *Берберова*, говоря об исключит. способности обоих с юмором относиться к самим себе.

Более того: существует ряд культурных позиций, к-рые в силу сходных условий формирования худож. приоритетов в юности, оказываются общими для Б. и для О. М. – даже при формальном отсутствии знакомства или лит. отторжения. Так, к ним относятся увлечение нем. культурой, также арм. культурой. Эти же условия определяют и социальную позицию, выраженную в прозе, тем или иным образом касающейся понимания «народа». Прозаич. произведения О. М., как и у Б., характеризуются зыбким сюжетом, сквозными темами, ориентацией на законы муз. композиции. Пассаж из «Египетской марки», противопоставляющий туфельки балерин галошам литераторов, восходит к «Штемпелеванной калоше» Б. Культурное самоощущение как поэта, близкого к Б., было свойственно и самому О. М., проявившись в последние месяцы его жизни: так, в лагерных разговорах о литературе О. М. говорил о себе как о первом поэте после Б. (свидетельство В. М. Меркулова, солагерника О. М.: Н е р л е р П. М. Осип Мандельштам и его солагерники. М., 2015. С. 264–266).

В своей прозе О. М. и Б. равно ориентированы на гоголевскую традицию лит. гротеска. Парнок в «Египетской марке» генетически связан как с прозой Н. В. *Гоголя*, так и с автобиогр. героем Б. Есть основания полагать, что О. М. воспринимал творчество Гоголя сквозь призму произведений Б. так же, как А. А. *Фета* через поэтич. осмысления его у Б., Блока и В. Я. *Брюсова*.

Вместе с тем осознание того, сколь роковым являлось внимание, уделенное в свое время Белому Л. Д. *Троцким* (свою статью о Б. он опубл. в газете «*Правда*» и в кн. «Литература и революция», 1923), отзывается в «Четвертой прозе» О. М. такими образами, как газета-саван, ред.-гробовщик. Способ осознания себя как «умершего» и «убитого» («Я очень рад, что мой убийца жив и что он в некотором роде меня пережил»), смешение живых в реальности персонажей с умершими («Сама певица Бозио будет петь в моем процессе»), в дальнейшем оборачивается в «Четвертой прозе» снятием характеристик разл. жанров и их намеренным гротесковым смешением («...в буйном восторге выводя, как плясовую, “Вечную память”»).

Б. и О. М. независимо друг от друга и в разное время используют метафору «слово – камень», свойств. поэтам рубежа 19–20 вв. Как и Б., О. М. в своей прозе воспроизводит т. зр. ребенка, целостно воспринимающего пространство и время, реальность и миф. Эта же модель миропонимания воспроизводится и в поэзии О. М. (см. *Время*).

Позднейшие исследователи отмечают также взаимосвязь воззрений Б. и О. М. на природу слова. Несмотря на разницу исходных теоретич. посылок («символистской» и «акмеистской»), слово понимается обоими поэтами сходным образом – как новая эстетич. и содержат. категория, отражающая в звучащей (в частности, поэтической) речи «природу вещей», как эстетич. событие, преодолевающее инерцию обыденного словоупотребления, как постоянно развивающийся организм. Обоим поэтам свойственны историософ. размышления, схожие, несмотря на антропософскую окраску их у Б.

При всем программном неприятии символизма О. М. тем не менее доброжелательно отзывался о поэзии Б. в разговорах с С. Я. *Липкиным*. Инерция общего теоретич., мировоззренч. и человеч. противостояния символизма и *акмеизма* исчерпала себя к нач. 1930-х гг.

Личные отношения с Б. начались в 1933 (хотя одно время оба поэта были жителями *«Дома искусств»* в Петрограде. В мае–июне 1933 О. М. и Б. встретились в писат. Доме творчества в Коктебеле, где, несмотря на устойчивое неприятие О. М. антропософ. и теософ. тематики, с одной стороны, и на нежелание Б. сближаться с четой Мандельштамов – с другой, все же состоялись личные контакты. Б. о тягостном для него общении с О. М. писал Ф. В. Гладкову и П. Н. Зайцеву. При этом О. М. читал Б. «Разговор о Данте» и фиксировал его замечания, а в разговорах возникали образы, к-рые использовались «каждым из писателей для собств. нужд». Б. в этот период своей жизни увлекался формой очерка, и мн. его замечания, по достоинству оцененные О. М., диктовались именно этим лит. приоритетом. При этом летом 1933 Б. вел дневник, в к-рый занес и негатив-

ное впечатление от общения с О. М. Впоследствии сам Б., а вслед за ним и его жена, вымарали резкие слова, и запись стала частично доступна благодаря дешифровке.

В черновых записях к «Разговору о Данте» О. М. фиксирует принадлежащую Б. мысль о проблематике «Ада» Данте: в этой части «Божественной комедии», по мнению Б., художественно исследуются и словесно воплощаются свойства физич. (человеческого) тела (плотность, тяжесть, вес) при разных видах движения (падение, вращение и др.). Ходьба и походка в этом ключе трактуются как «самый сложный вид движения, регулируемый сознанием». Окончат. текст «Разговора о Данте» хранит следы бесед с Б. на тему связи текста Данте с естеств.-науч. проблематикой, близкой как Б., так и О. М., последний уподобляет поэзию Данте веществу (проблематика естеств. наук, в частности физики), и как веществу ей свойственны все изв. человеку виды энергии (единство света, звука, материи и др.). Читатель «Божественной комедии» затрачивает на ее понимание столько же усилий, сколько затратил сам Данте, авт. усилия к-рого сравнимы лишь с усилиями путешественника-пешехода. Чтение уподобляется долгой и изнурит. пешей ходьбе, сопровождающейся износом подметок и подошв, к-рый, в свою очередь, служит О. М. метафорой процесса проникновения в чужой текст. По свидетельству Э. Г. *Герштейн*, О. М. после бесед с Б. много раздумывал о «Коперниковом видении мира».

Впечатление, произведенное Б. на О. М., зафиксировано в обеих книгах Н. М. Так, они разговаривали о возвращении первой волны репрессированных в нач. 1930-х гг.. Б. представлялся фигурой трагической, вызывавшей у О. М. сочувствие и уважение. Особенность Б. запоминать и представлять себе каждого автора в виде «сборной цитаты», обобщающей все его осн. мысли и приемы их выражения, также была отмечена О. М.

Несмотря на весь трагизм личности Б., он был полон неиссякаемой творч. энергией, к-рую Н. М., по-видимому, отражая стилистику тогдашних бесед, называет энергией света личности и непрекращающейся мысли. Его присутствие побуждало к интеллектуальной деятельности. При этом сам он нуждался в людях, к-рые бы понимали его и испытывали бы на себе продуктивное влияние его размышлений.

По свидетельству С. Б. *Рудакова*, воспроизводящему собств. рассказ О. М., поэт стоял в последнем карауле над гробом Б., и в суматохе на спину ему упала крышка гроба Б.. В янв. 1934 О. М. создал цикл стихов памяти Б., хотя, по его собств. признанию Зайцеву, никогда ранее не писал стихов по поводу чьей-нибудь смерти (вероятно, сам поэт не относил свои предыдущие «залетейские» стихи к тому же типу, к к-рому относится цикл памяти Б.; признание О. М. следует трактовать как свидетельство неиспользования им жанра «на смерть поэта». Стихи были посланы вдове Б., к-рой они не понравились, что глубоко опечалило О. М.

Н. М. выделяет в стихах памяти Б. гл. тему – сопереживание чьей-либо смерти, предшествующее следующей ступени – сопереживанию массовым смертям. По ее свидетельству, в тексте был задействован элемент из давно утерянного стих. О. М. о св. Алексее. Сопереживание чужой смерти воспринимается самим автором как соумирание, подготовка к своему собств. концу. Вероятно, не случайны в этой связи слова О. М., позже сказанные им А. А. *Ахматовой*: «Я к смерти готов». Образ «смерти поэта» как факта его жизни конструируется О. М. на основе творч. переосмысления жизни и смерти Б. Цикл стихов памяти Б. сам О. М. трактовал как тему и вариации, а не варианты одного и того же стих., рассматривал весь цикл как созданный по модели муз. произв. – оратории.

В основу стихотворного цикла легли как непосредственные переживания внешности Б., так и обычные для О. М. культурологич. и историософ. рефлексии. Библ. образы Рахили и Лии, символизирующие созерцат. и деят. жизнь, О. М. заимствует у Данте. Т. о., в стих. воплощен след бесед с Б. в Коктебеле на тему «Разговора о Данте» О. М.

Вместе с тем описание внешности Б. (голубые глаза) разворачивается в образной системе стихов («синеглазы[е]» стрекозы смерти), а сам образ смерти сопоставляется и с вечной молодостью, и с бессмертием.

В первом стих. О. М. на смерть Б. («Голубые глаза и горячая лобная кость...») использованы цитаты из «Петербурга» (напр., «из совершеннейшей пустоты, чистоты» и др.) и «Начала века» Б. («...Я – ребенок, отрок, студент, писатель, мировоззритель...», отсылки к приведенному отрывку из «Петербурга» содержатся уже в ст. О. М. о П. Я. *Чаадаеве*). Во многом именно эти фрагменты определяют звуковой облик стих. О. М. Черно-голубой мотив, определяющий цветовую гамму произв. О. М., также встречается в некрологе Блоку. Ряд образов прямо восходит к поэзии Б. Так, «образы стрекоз смерти и черной лазури» отсылают к симфонии Б. «Кубок метелей», задействованный мотив стоп, шагов, подошв также соотносится с произведениями Б. Также следует учитывать стих. Б. «На буграх» (1908), сообщающего дополнит. смыслы понятию «лазурь» у О. М. Отметим, что и «гоголек» не что иное, как обращение В. И. Иванова к Б., приведенное Б. в его воспоминаниях о Блоке 1922–23 (см.: Андрей Белый. О Блоке. М., 1997. С. 350).

Цикл стихов памяти Б. характеризуется своеобр. открытой композицией, при к-рой речевой и смысловой поток не подвергается сокращению, несмотря на многочисл. повторы разного типа и создающееся впечатление избыточности. Однако именно благодаря активности одних и тех же стихов при дальнейшем развитии темы осуществляется захват новых мотивов. Так, тексты «А посреди толпы стоял гравировальщик» и «А посреди толпы, задумчивый, брадатый» различаются внутр. ситуацией и сюжетом. В первом поэт отождествляет себя со слезой, готовой сорваться с ресниц, и возникает осн. метафора – метафора смерти. Во втором осмысленность человеч. жизни, ее значительность выступают на первый план, создавая атмосферу торжественности. Т. о., сходные тексты не могут быть вариантами, а представляют собой два разл. стихотворения.

О. М. при создании цикла стихов памяти Б. применил принцип, свойств. поэтике самого Б. Имеется в виду тот же самый «монтажный принцип», по к-рому сам Б. формировал свой сб. «Стихотворения» (1923) с целью создания новых худож. единств (см. об этом: Л а в р о в А. В. О книге А. Белого «Стихотворения» // Белый А. Стихотворения. М., 1988; С. 541). Роль приема, монтирующего отд. стихотворения в целостный цикл, несут на себе повторяющиеся строки. Не случайно самая природа цикла не сразу была ясна О. М.: ему понадобилось выложить листки с текстами

отд. стихотворений, чтобы осознать характер нового произведения.

Одноврем. О. М. вводит в свое произведение мотивы поэзии Б., достигая тем самым сложного поэтич. эффекта: «реквием» по умершему поэту исполняется на собств. языке этого поэта, транслированном через призму восприятия другого. Так, «соумирание» как подготовка к собств. смерти – мотив, свойств. Б. Ср. последовательность стих. в заключит. части отдела «Золото в лазури» («Стихотворения», 1923): «На буграх» (соумирание природе), «Арлекинада» (похороны человека, соумирание и протест умершего, умерший трактуется как живой и требующий ответа); «Демон» (прочувствование бестелесности), и, наконец, стих. «Друзьям», обращенное к Н. И. Петровской («Золотому блеску верил...»). В последнем стих. идея «Я, быть может, не умер, быть может, проснусь – / Вернусь...» сопрягается с данным О. М. образом «вечной молодости» и бессмертия. Слова О. М. «собиратель пространства» также отсылают читателя к творчеству Б., у к-рого «пространство» – одно из наиб. часто употребляемых и семантически важных слов.

Позднее, в Воронеже, О. М. продолжал размышлять о своих отношениях с Б., осознавая человеч. и профессиональную близость. Так, по свидетельству Рудакова, у него были сходные с Б. критерии мастерства (из письма Рудакова к жене от 20.6.1935 // ВЛ. 1980. № 12. С. 242).

Поэтич. диалог с Б. продолжался в творчестве О. М. и в дальнейшем. Так, в «Стихах о неизвестном солдате» заключены образы и мотивы, присутствующие в поэме Б. «Христос Воскрес[е]». Это «голова» (в др. произведениях Б. – «Чело Века») у Б. и «череп» у О. М., образ «земного шара», эфира, идеи «света», вневременности описываемых событий и воскресения, апокалиптич. интонация обоих произведений, апелляция к 19 в. (см. у Б.: «Эти проткнутые ребра, / Перекрученные руки, / Препоясанные чресла – / В девятнадцатом столетии провисли: / – Господи! / И это / Был / Христос?»). Воздух как могила неизв. солдата у О. М. соотносится с Россией как могилой Христа у Б. (ср.: «Страна моя / Есть / Могила, / Простершая / Бледный / Крест, – / В суровые своды / Неба, / И – / В неизвестности / Мест»). Если у Б. мертвое человеч. тело («Оно») соотносимо с мертвым телом Христа, и за счет этого идея мучит. смерти уравнивает Христа и любого человека, то у О. М. такую же связующую роль несет образ неизв. солдата. Массовость смертей противопоставлена в обоих произведениях индивидуальности человеч. жизни.

В целом сближение О. М. и Б. в биографич. плане вызвано обстоятельствами, благоприятствующим их, пусть и неск. одностороннему, сближению: оба они были «изгнаны» из совр. им лит. процесса и за счет изоляции смогли увидеть друг в друге общие для обоих черты. Поэтич. сближение, начавшееся задолго до личного знакомства и продолжившееся после смерти Б., являлось результатом движения О. М. как поэта.

Лит.: Блок А. А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 8; Тарановский К. Три заметки о поэзии Мандельштама // International Journal of Slavic Linquistics and Poetics. Mouton. 1969; Он же. О поэзии и поэтике. М., 2000; Харджиев Н. И. Примечания // Стихотворения. 1973; Андрей Белый: Проблемы творчества: Статьи, восп., публ.: Сб. М., 1988; Марголина С. М. Мировоззрение Осипа Мандельштама. Марбург, 1988; Она же. О. Мандельштам и А. Белый: Полемика и преемственность // RL. 1991. Vol. XXX. № 4; Н. Я. Мандельштам. Т. 1; Ее же. Т. 2; Лукницкая В. К. Н. Гумилев: Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. Л., 1990; Гинзбург Л. Я. «Камень» // Мандельштам О. Камень. Л., 1990; Полякова С. В. «Беловский субстрат» в стихотворениях, посв. памяти А. Белого // Блоковский сб. X. Тарту, 1990; Она же. Мандельштам о творчестве А. Белого // Полякова С. В. «Олейников об Олейникове» и др. работы по русской литературе. СПб., 1997; Путлина И. В. Опыт современного прочтения О. Мандельштама // ВЛ. 1991. № 5; Тоддес Е. А. Заметки о Мандельштаме // Шестые Тыняновские чтения. Рига; М., 1992; А. Белый: Дневник месяца. Август 1933 / публ., вступ. ст. и примеч. С. М. Мисочник // ЛО. 1995. № 4/5; Гаспаров М. Л. Белый-стиховед и Белый-стихотворец // Гаспаров М. Л. Избр. статьи. М., 1995; Зайцев П. Н. Московские встречи (Из воспоминаний об А. Белом) // Воспоминания об А. Белом: Сб. М., 1995. С. 387; Кацис Л. Ф. И.-В. Гете и Р. Штейнер в поэтическом диалоге А. Белый – О. Мандельштам // ЛО. 1995. № 4/5; Берберова Н. Н. Курсив мой. М., 1996; Пяст Вл. Встречи. М., 1997; Семенко И. М. Стихи А. Белому // Семенко И. М. Поэтика позднего Мандельштама. 2-е изд. М., 1997. С. 82–85; Герштейн Э. Г. Мемуары. СПб., 1998; Мариенгоф А. Б. Бессмертная трилогия. М., 1999; Лекманов О. А. Белым по Белому: О стихотворении Мандельштама «Золотой» // Лекманов О. А. Книга об акмеизме и др. работы. Томск, 2000; Он же. Коктебельские камушки // Там же; Спивак М. Л. На склоне Серебряного века: Последняя осень А. Белого: Дневник 1933 / подгот. теста, вступ. ст., коммент. // НЛО. 2000. № 46; Фрейдин Ю. Л. Мандельштамоведческий комментарий к воспоминаниям П. Зайцева об А. Белом // СМР. М., 2000. С. 238; Орлицкий Ю. Б. Стиховое начало в прозе О. Мандельштама (к постановке проблемы) // Смерть и бессмертие поэта. М., 2001. С. 174–182; Ронен О. Поэтика Мандельштама. СПб., 2002; Липкин С. Я. «Угль, пылающий огнем...» // Собр. соч.: В 3 т. 2-е изд. М., 2017. Т. 3; Freidin G. A Coat of Many Colors. O. Mandelstam and His Mithologies of Self-Presentation. Berkeley, 1987; Sippl, Carmen. Reisetexte der russischen Moderne. Andrey Belyj und Osip Mandelstam im Kaukasus. Münch., 1997 (Slavistische Beiträge. Bd. 347).

В. В. Калмыкова.

БЕРБЕРОВА Нина Николаевна (26.7.1901, С.-Петербург – 26.9.1993, Филадельфия, США), мемуарист, прозаик, поэт, лит. критик. С 1921 чл. Всерос. союза поэтов в Петрограде, тогда же познакомилась с О. М. С июня 1922 в эмиграции. Личных воспоминаний об О. М. Б. не оставила, если не считать этот фрагмент: «Обиталище Осипа Мандельштама представляло собою нечто столь же фантастическое и причудливое, как и он сам» (это описание дословно совпадает с изображением комнаты О. М. из мемуаров мужа Б. – В. Ф. *Ходасевича*). О. М., как и Н. С. *Гумилева*, А. А. *Ахматову*, М. А. *Кузмина*, Б. не включала в число «десяти непогрешимых поэтов»: «Но они идут сейчас же за ними, как большие поэты нашего века, наши бессмертные забытые, наши великие запретные». «Традиционный стих Гумилева и Мандельштама как-то не вяжется с той революционностью, которую, казалось бы, они несли с собой. Ставя Гумилева и Мандельштама очень высоко, я все же не могу не удивляться, как эти два больших поэта прошли мимо новых возможностей ритма».

С о ч.: Ключи к настоящему // НЖ. 1961. № 66. С. 117; Курсив мой: Автобиография. М., 2001.

Лит.: Х о д а с е в и ч В. Ф. Собр. соч.: В 4 т. М., 1997. Т. 4. С. 280.

О. А. Коростелев.

БЕРДЯЕВ Николай Александрович (18.3.1874, Киев – 24.3.1948, Кламар, близ Парижа, Франция), рус. философ, представитель персонализма, один из предшественников экзистенциализма. В нач. 1920-х гг. формально пребывал в должности товарища председателя Рос. союза писателей, а фактически являлся его руководителем в статусе председателя. В 1922 в группе философов Б. был выслан из СССР.

Упоминания личности Б. и его филос. воззрений в худож. мире О. М. отсутствуют; не известны и прямые свидетельства факта их знакомства. Биографически подтвержден лишь единичный случай общения: по воспоминаниям Н. М., весной 1922 О. М. пытался добиться у Б. выделения для В. Хлебникова комнаты в «Доме Герцена», однако тот, несмотря на исключительную мандельшт. активность, остался к этой просьбе безучастным. Можно лишь предположить, что в 1919–22 О. М. во время своих эпизодич. визитов и последующего переезда в Москву бывал в организованной Б. и С. Л. Франком Вольной академии духовной культуры (1919–22). Вместе с тем в мемуарах Н. М. содержится указание на то, что О. М. огорчала невозможность получить книги Б.; при этом она же обращается к филос.-религ. взглядам Б. довольно часто, что может являться косвенным отражением соответствующих мандельшт. оценок. С т. зр. совр. комментатора, в стих. «И поныне на Афоне...» (1915) выражено сочувственное мандельшт. отношение к учению «имябожия» (имяславства), в 1-й пол. 1910-х гг. признанному Рус. правосл. церковью еретическим и подавленному карательной экспедицией: «Всенародно, громогласно / Чернецы осуждены; / Но от ереси прекрасной / Мы спасаться не должны». Этот факт вызвал широкий обществ. резонанс, что отразилось в ряде публикаций. в т. ч. и в статье Б. «Гасители духа» (Русская молва. 1913. 5 авг. С. 2–3).

Лит.: М е ц А. Г. Комментарий // Камень. Л., 1990. С. 308; П о л и в а н о в М. К. Примечания // Мандельштам Н. Я. Вторая книга. М., 1990. С. 512; П а п е р н о И. О природе поэтического слова. Богословские источники спора Мандельштама с символизмом // ЛО. 1991. № 1. С. 30–31.

С. Г. Шиндин.

«БЕРЕЗИЛЬ» (укр. «Березіль»), укр. театр, организованный реж. Л. Курбасом в 1922 в Киеве (рук. до 1933), на основе его же Киевского драм. театра; с 1926 в Харькове, существовал до 1935; ныне – Укр. театр. им. Т. Г. Шевченко. В 1920-е гг. «Б.» – один из самых интересных театров страны, наиб. известны его постановки киевского периода «Джимми Хиггинс» (1923, по одноим. роману Э. Синклера), «Гайдамаки» (1924, по одноим. поэме Шевченко), «Газ» (1924, по пьесе Г. Кайзера), «Жакерия» (1925, по одноим. хронике П. Мериме), «Шпана» (1926, по пьесе Б. Ярошенко).

Достоверно известно только об одном мандельшт. посещении «Б.» – 4.5.1926 он присутствовал на прощальном выступлении, посв. переезду театра в Харьков, – «мозаичном праздничном спектакле, составленном из отрывков», что свидетельствует о пребывании О. М. в Киеве в это время и объясняет факт появления его первого газетного отзыва о «Б.» лишь 7.5.1926. К творчеству театра О. М. обратился в двух заметках: более благожелат. – «Березіль» и отчасти критич. – «“Березіль” (Из киевских впечатлений)» (обе 1926). Восприятие «Б.» происходило на фоне знакомства О. М. с укр. театр. традицией, общая оценка укр. театра содержится во вступ. части первой заметки и в заключит. части второй. Отд. высказывания О. М. дают основания считать, что он знал предысторию «Б.», связанную с ранними опытами Курбаса: «“Березіль” <...> родился в эпоху летучих <...> постановок в прифронтовой полосе, окруженный армейскими и клубными театриками». Мандельшт. замечание о том, что «Б.» «не теряет связи с революционным уличным карнавалом», позволяет предположить, что О. М. было известно о регулярном участии труппы театра в уличных постановках, приуроч. к гос. праздникам. В качестве специфич. черт худож. манеры «Б.» О. М. выделял три начала – «течение, прямо идущее от непрофессионального клубного театра», «влияние, идущее от театральной Москвы», и «некоторые приемы старой украинской оперетки и мелодрамы»; единств. упрек, высказанный О. М. в адрес «Б.», заключался в том, что «молодой и глубоко рассудочный театр, осторожно увлекающийся биомеханикой, никак не может <...> освободиться от обезьяньих лап экспрессионизма и театрального лжесимволизма». Называя «Б.» основоположником «украинской театральной культуры», О. М. предрекал ему «почетный и благотворный распад: из него выйдут основные типы будущего украинского театра и, работая раздельно, продолжат его дело».

Лит.: Краткая летопись жизни и творчества Л. Курбаса // Лесь Курбас: Статьи и восп. о Лесе Курбасе. М., 1987. С. 423; К о р н і є н к о Н. Лесь Курбас: Репетиція майбутнього. К., 1998.

С. Г. Шиндин.

БЕРЕСТОВ Валентин Дмитриевич (1.4.1928, г. Мещовск Калужской обл. – 15.4.1998, Москва), поэт, прозаик, детский писатель. Один из первых помощников Н. М. – собирателей творчества О. М. Автор мемуаров об Н. М., с к-рой Б. познакомился в 1942 в эвакуации в Ташкенте, в Центр. доме худож. воспитания детей, эвакуированном в столицу Узбекистана, где Н. М. руководила кружком англ. яз., к-рый посещал Б. Вместе с др. участниками кружка (в частности, Э. Г. *Бабаевым*) Б. посещал дом, где Н. М. жила вместе с А. А. *Ахматовой*. Б. и его друг Бабаев всерьез увлеклись поэзией О. М., часто обсуждали с Н. М. его стихи. Б. писал: «Может, от нас шла надежда: сегодня мы, а завтра целое поколение молодежи воспримет поэзию Мандельштама». В годы войны, находясь в эвакуации, подросток выискивал в старых журналах и переписывал стихи О. М. Когда в 1944 Б. возвращался в Москву, Н. М. дала ему рекомендательные письма, в т. ч. к Б. Л. *Пастернаку*. Однако вскоре она без видимых причин разочаровалась в юноше, о чем сообщила Пастернаку. В ранних стихах Б., по его собств. признанию, пытался подражать О. М. Затем «лечился от влияния Мандельштама, от его поворотов и интонаций, на какие не имел

права». Отчетливее всего влияние О. М. проявилось в шуточных стихах Б.

Соч.: Мандельштамовские чтения в Ташкенте во время войны // «Отдай меня, Воронеж...». 1995. С. 333–359; Сразу после войны // Воспоминания о Борисе Пастернаке. М., 1993. С. 511–517.

Лит.: Бабаев Э. Г. Воспоминания. СПб., 2000.

Л. Л. Горелик.

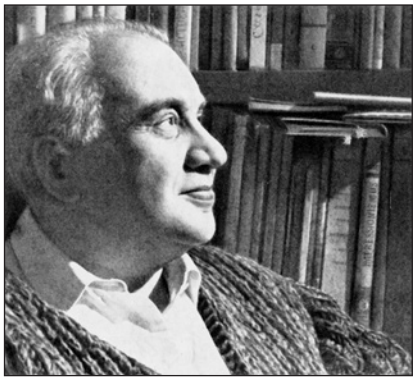
БЕРИЯ Лаврентий Павлович (17.3.1899, с. Мерхеули Сухумского окр. – 23.12.1953, Москва), гос. и партийный деятель. 29.9.1938 нач. Гл. управления гос. безопасности (ГУГБ) НКВД СССР, 25.11.1938 сменил Н. И. *Ежова* на посту наркома внут. дел СССР (до 1945). 19.1.1939 Н. М., не знавшая о том, что О. М. уже нет в живых, направила на имя Б. письмо с просьбой «содействовать пересмотру дела», «проверить психическое здоровье О. Э. Мандельштама и выяснить, закономерной ли в этом смысле была ссылка».

Лит.: Нерлер П. «С гурьбой и гуртом»: Хроника последнего года жизни О. Э, Мандельштама // Записки Мандельштамовского об-ва. М., 1994. Т. 5.

Е. А. Яблоков.

БЕРКОВСКИЙ Наум Яковлевич [1.4.1901, Вильна (ныне Вильнюс, Литва) – 19.6.1972, пос. Комарово Ленингр. обл.), филолог, философ культуры, лит. и театр. критик. Знаки раннего его интереса к творчеству О. М. – стихи из «Камня» и «Tristia», переписанные им в тетрадь еще по старой орфографии, упоминания О. М. в его рукописных работах 1920–21, поры студенч. юности Б. в Екатеринославе. С 1922 он продолжает обучение уже в Петрогр. ун-те, затем, во 2-й пол. 1920-х гг. под рук. В. М. *Жирмунского* – в аспирантуре при ИЛЯЗВ, и тогда же энергично начинает заниматься лит. критикой, публикуя в периодике (в т. ч., в журнале РАПП «На литературном посту») десятки статей. Внутр. установка Б., предопределившая этот прорыв в мир, как ему представлялось, социально необх. и актуально-жизн., сказалась и в тех трактовках и оценках, к-рые давались им творчеству О. М. Его первое печатное высказывание об О. М. было полемичным, оспаривавшим финальный тезис ст. «Слово и культура» (исх. варианта 1921): «...Вопреки поэту Мандельштаму, классицизм – не искусство революции, уравновешенность, безмятежная настроенность – не стиль страны, где все “в лесах”, в стройке, в планах и наметках...» (О традиции // Ленинградская правда. 1927. 11 сент.; с изм.: Стилевые проблемы пролетарской прозы // На литературном посту. 1927. № 22–23, 24). Апологией «уравновешенности» и «безмятежности» фраза О. М. «классическая поэзия – поэзия революции» никак не являлась, но критик, захваченный азартом борьбы с эстетически-созерцат. мироотношением (к-рому, судя по его сочинениям екатеринославских лет, был недавно привержен сам), смысловой ее напряженностью пренебрег. След. работой Б., где возникал мандельшт. мотив, стала ст. «О тяжести недоброй» (Красная газета. 1928. 4 мая. Веч. вып.). Тут осуждались две крайности, усматривавшиеся Б. в становящейся советской литературе: оторванный от реальности «эстетизм» и приземл. натурализм «бытовиков». Б. звал писателей к преодолению этих односторонностей, к освоению методов, как он писал, «высокого реализма», призванного осуществить трудный синтез начал. Назван О. М. в статье не был; знаком соотнесенности – и теперь уже солидарности с поэтом (неназванность к-рого это ощущение, м. б., только усиливала) – стала цитатная отсылка к финалу стих. «Notre Dame»: «...из тяжести недоброй / И я когда-нибудь прекрасное создам». Взятая в заглавие, повторялась цитата и в тексте: «Нужно, чтоб замешались в литературу “огромная” тематика, “огромные” реальности, чтоб свою огромность и свое преобладание они удержали в литературной “композиции” – мы хотим “тяжести недоброй”, бремени проблем и смыслов». Подобный же пафос творч. освоения «огромных реальностей» ощутим в напечатанной год спустя (и содержавшей прямые текстовые переносы из ст. «О тяжести недоброй») работе Б. «О прозе Мандельштама» (Звезда. 1929. № 5; с изм.: Берковский Н. Текущая литература. М., 1930), единственной у него, прямо посвященной творчеству О. М., – книгам 1928 «Египетская марка» и «О поэзии». Одним из исходных моментов статьи было положение об обращенности О. М. к началу объективному, к «трехмерному миру культурных ценностей». В журнальном варианте работы это трактовалось – в созвучии с концепцией Жирмунского, как преодоление символизма, его «идеологий», «хаотических» и «смутных». В книжном варианте своеобразие прозы О. М. выявлялось уже через сопоставление с прозой Б. *Пастернака* («Детство Люверс»), но здесь также подчеркивался контраст между лирич. «волнообразностью» пастернаковского повествования, передававшего природную «хаотику» души маленькой героини, и веществ. «твердостью» культурных миров, входивших в поле зрения О. М. Однако с установкой на «вещественность» спорила, согласно Б., др. приверженность О. М. «артистической» стихии свободной «игры», состоявшей в умышл. «несообразностях», в назывании «предметов» «невпопад», в неожиданности их сопоставлений. При этом «игра» не была у О. М. самоцельной: лишая образы «вещей» эмпирич. однозначности, она, утверждалось в статье, давала автору возможность ассоциативно связывать их с другими, дальними, возвращать их в «культурные “гнезда”», осуществляя тем самым широчайшие ист. охваты (этим оправданием «игры» давался, возможно, помимо прочего, ответ Ан. *Тарасенкову*, однозначно осудившему прозу О. М. (На литературном посту. 1929. № 3) за ее, как он писал, «стилевую “бредовость”». Воссоединяясь с культурным контекстом, «вещь» у О. М., обретала, по Б., способность знаменовать эпоху, становилась ее «символом». Указание на «символичность» мандельшт. образности возникало в статье не раз: символизм мистически «смутный», будучи «снят» установками О. М. на «игру» и «трехмерность», по существу, обращался у него, согласно Б., в символизм масштабно-«историософский» (О. М. представал тут уже как бы «преодолевшим акмеизм»). «Мандельштам, – резюмировал Б., – философ истории, мыслящий исторический процесс сжатою символикой словесных образов». Поясняя свою «символистскую» версию, он писал: «Мандельштам работает в литературе как на монетном дворе. Он подходит к грудам вещей и <...> приводит материальные ценности, громоздкие, занимающие площадь, к удобной монетной аббревиатуре. Образы его “монетны”, мне кажется, в этом их суть» [здесь очевиден спор с Ю. *Тыняновым*, писавшем в ст. «Промежуток» (1924): «У Ман-

дельштама нет слова – звонкой монеты. У него есть оттенки, векселя, передающиеся из строки в строку», – метафора, в свою очередь, отсылавшая к «монетному» иносказанию самого О. М. в финале ст. «Гуманизм и современность», 1923]. «Монетность» при этом характеризовалась Б. противоречиво: представив ее как способ компактного запечатления ист. времен, он вдруг заявлял: «Мандельштамовский образ изъят из времени, длительность вынута из вещей. <...> “Монета” образа изготовляется как *постоянный* эквивалент». Эта двойственность могла порождаться и реальными колебаниями автора статьи в оценке историзма О. М. (в первую очередь, в оценке его отношений с актуальной историей – с советской современностью), и стремлением Б. внести в свои рассуждения интригующую коллизионную остроту. Присутствовала эта намеренность обострений и в характеристиках, дававшихся творч. личности О. М. в целом: «Эстетствующий разночинец, навьюченный филологическим богатством буржуазии. Точка. <...> Пожалуй, такая характеристика останется для Мандельштама правильной до конца, но дальнейший анализ покажет в этом разночинце, по мезальянсу родственном пышной культуре былых правительствующих классов, писателя нужного и во многом “примерного” для текущей советской литературы». Использование вульгарно-социологич. клише было ходом провокативно-игровым (сопоставимым с той «игрой» в «несообразные называния», к-рую он обнаруживал у О. М.), в соседстве с ними позитивность итога должна была обозначиться еще явственней (подобного рода рискованные приемы Б., стилизовавший себя под боевого «пролеткритика», применял в кон. 1920-х гг. нередко, и однажды – еще до публикации ст. «О прозе Мандельштама» – вызвал возмущение самого О. М.: в заметке «Веер герцогини» (Киевский пролетарий. 1929. 25 янв.) тот назвал тон рецензии Б. на прозу В. Каверина «безобразным»; фамилия Б. в заметке не фигурировала, дошел ли до него этот отзыв, неизвестно. Общая оценка, дававшаяся О. М. в статье Б., была очень высокой [на что резко отреагировал Тарасенков (Печать и революция. 1930. № 1)], а учитывая развернувшуюся рядом – в ходе «переводческого скандала» – газетную травлю О. М., еще и весьма своевременной: «Преломление быта культурой, центральный принцип мандельштамовской прозы, нам сейчас, в дни обсуждения культурной революции, безмерно дорого». Во внутреннем же отношении Б. к творчеству О. М. сложности присутствовали. В 1933 он записал в тетради: «Читал “Путешествие в Армению” О. Мандельштама <...> – очень приторно, сначала нравится, потом кажется отвратительным – праздная проза. Мне урок – так не писать больше». Резкость отталкивания прямо обусловливалась тут ощущением зависимости от предмета, глубокой с ним связанности (об этой связи, о своего рода автопортретировании Б. в ст. «О прозе Мандельштама» писали впоследствии И. Борисова и Г. Белая). В печатных работах Б. после 1930 О. М. был упомянут только однажды (Таиров и Камерный театр. 1962, опубл. в 1969), но в переписке имя поэта возникает многократно. По письмам к Н. *Харджиеву* видно, с какой деятельной увлеченностью следит Б. с 1957 за подготовкой издания О. М. в БС «БП» пишет по просьбе Харджиева набросок комментария к стих. «Сестры – тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы...», намечает возможные аналоги поэтике О. М.



Наум Яковлевич Берковский

(Рильке, Гельдерлин, Тютчев, Хлебников); продолжается обсуждение «гельдерлиновской» параллели и в переписке с Н. М., с к-рой Б. знакомится в 1961. В 1966 в Вашингтоне вышел второй том собр. соч. О. М., где работа Б. «О прозе Мандельштама» обширно цитировалась в примечаниях. «Скрывал, но был доволен, – отмечала в позднейшей записи вдова Б., Е. Лопырева, – когда в американском издании Мандельштама оказались перепечатанными большие куски из его статьи». В письме к Н. Роскиной от 25.2.1969 Б. назвал эту свою работу единственной, за к-рую ему «не стыдно» из всех «упражнений аспирантских лет».

Архивы: РГАЛИ. Архив М. Н. Виролайнен: Ф. 3145; Ф. 3120. Оп. 1. Д. 39. Л. 4 об.

Лит.: Тарасенков А. Н. Берковский. Текущая литература (рец.) // Печать и революция. 1930. № 1; Горбачев Г. Критический обоз // Красная новь. 1930. № 12; Борисова И. «Вольный стрелок культурной истории» // ВЛ. 1986. № 12; Белая Г. Дон-Кихоты 20-х годов. М., 1989; Парамонов Б. Добычин и Берковский // Звезда. 2010. № 10; «Я всегда вас помнила...» (Письма Н. Я. Мандельштам к Н. Я. Берковскому) // СМР. Вып. 4/1. М., 2008; Кацис Л. К проблеме чтения и восприятия критической статьи в газете, книге, посмертном сборнике: Берковский. Мандельштам. Пастернак // Вестник РГГУ. 2012. № 13(93); Иванов Вяч. Вс. Как построена «Египетская марка» Мандельштама? // История литературы. Поэтика. Кино: Сб. в честь М. О. Чудаковой. М., 2012.

Л. С. Дубшан.

БЕРНШТЕЙН Сергей Игнатьевич (15.1.1892, Тифлис – 28.10.1970, Москва), выдающийся лингвист, один из основателей *ОПОЯЗ*'а, инициатор и создатель отеч. аудиоархивистики, автор трудов, посв. вопросам эксперимент. фонетики и фонологии, лексикологии и лексикографии, общему языкознанию и синтаксису, истории лит. языка и стилистике, исследователь теории звучащей худож. речи. Выпускник славяно-рус. отделения ист.-филол. ф-та Петерб. ун-та, Б. специализировался по рус. языку и общей фонетике. С 1919 работал в Петрогр. (Ленингр.) ун-те при кафедре общего языкознания в качестве ст. ассистента и хранителя Кабинета эксперимент. фонетики, в Ин-те Живого слова, Ин-те истории искусств, Ин-те литератур и языков Запада и Востока. В Ин-те истории искусств создал фонетическую лабораторию (Кабинет изучения худож. речи), где для постановки и разработки проблем звучащей

Сергей Игнатьевич Бернштейн

поэтич. речи с помощью фонографа и диктофона записал на более чем 700 восковых валиков чтение прибл. 100 поэтов-современников, в т. ч. и О. М. Анализируя их, Б. пришел к выводу, что закон исполнения в стихотворении не заложен, но в нек-рых случаях заложен эмоциональный стиль речи. В частности, ученый утверждал, что «театрально-трагический пафос Мандельштама» надо признать особенностью декламации поэта в большей степени, чем его поэзии. В 1930 деятельность Кабинета изучения худож. речи подверглась невежеств. критике, работу Б. объявили «научным шарлатанством», а самого ученого – подлежащим «чистке». Его уволили, коллекцию, над созданием к-рой он работал 10 лет, отобрали под тем предлогом, что валики являются «собственностью института». В дальнейшем из-за небрежного хранения они неуклонно разрушались, пока в 1938 не были перевезены В. Д. Дувакиным в Москву в *Государственный литературный музей*.

Чтение О. М. Б. записывал дважды: в ноябре 1920 – 8 стихотворений («Образ твой, мучительный и зыбкий...», «Сегодня дурной день...», «Я ненавижу свет...», «Почему душа так певуча...», «Домби и сын», «Я не увижу знаменитой Федры...», «Эта ночь непоправима», «Соломинка»), в марте 1925 – еще 10 («Нет, никогда ничей я не был современник...», «Я по лесенке приставной...», «Я буду метаться по табору улицы тёмной...», «Цыганка», «Исакий под фатой молочной белизны», «Париж», «Вы, с квадратными окошками...», «Я наравне с другими...», «Век мой, зверь мой», «Холодок щекочет темя...»). Впоследствии Б. подчеркивал, что «с точки зрения теоретического исследования» записи стихотворений О. М. в чтении автора «представляют колоссальную ценность». Валики с записью голоса О. М. считаются наиб. качеств. из всей коллекции Б., т. к. они реже других прослушивались студентами Ин-та живого слова, но даже при сравнительно удовлетворит. сохранности можно говорить лишь о «тени», «эхе» голоса поэта. В наст. время идет активная работа по восстановлению всей коллекции Б., очистки валиков от плесени.

В 1931 Б. переехал в Москву, в течение 4-х лет вел исследоват. и методологич. работу в разл. учреждениях, занимающихся вопросами учеб.-образоват. радиовещания, а с 1935 в качестве профессора преподавал последовательно: в Моск. гор. педагогич. ин-те, Моск. ин-те иностр. языков, Моск. гос. педагогич. ин-те, Моск. обл. педин-те, где заведовал кафедрой рус. языка и был деканом ф-та рус. языка и литературы, с 1947 – в МГУ. В 1949 приказом ректора МГУ на основании решения Ученого совета ф-та и приказа министра высшего образования был уволен «за антипатриатические выступления, выразившиеся в проповеди буржуазного идеалистического языкознания и открытого выступления против советского материалистического языкознания – учения академика Н. Я. Марра». В 1950 восстановлен в должности профессора МГУ. С 1950 в течение 10 лет работал в Ин-те языкознания АН, являясь одним из составителей «Словаря языка Пушкина».

В августе 1946 Н. М. передала Б. машинопись полн. собрания известных ей к тому времени «Московских» и «Воронежских» стихов, а также 58 автографов О. М. и 19 стихотворений в прижизненной машинописи. Архив О. М. в течение короткого времени находился в квартире Б. (Столешников пер., д. 11, кв. 17), но вскоре переместился к его брату И. И. *Ивичу-Бернштейну* (Руновский пер., д. 4, кв. 1), где хранился в течение последующих 11 лет. Ежегодно, когда Н. М., приезжая в Москву, работала в доме Ивича, дополняя текст и внося в него исправления, Б. неизменно участвовал в обсуждении и составлении корпуса ненапечат. стихов О. М., к-рый Н. М. по завершении определила как «единственный проверенный и правильный» (Письмо к С. И. Богатыревой от 9.8.1954). Передавая архив брату, Б. оставил у себя сделанную им рукописную копию большей части «Московских» и «Воронежских» стихов.

До последних дней жизни Б. помогал Л. А. Шилову в работе по восстановлению сделанных им записей голосов поэтов. Однако все издания появились уже после его кончины (см. *Звукозапись голоса О. Э. Мандельштама*).

Лит.: Левин В. Сергей Игнатьевич Бернштейн. (Некролог). Труды по знаковым системам. ТГУ. 1973. С. 515–520; Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 282, 367, 443; Т. 2. С. 857; Шилов Л. Голоса, зазвучавшие вновь. М., 2004. С. 161–180.

С. И. Ивич-Богатырева.

БЕТХОВЕН (Beethoven) Людвиг ван (крещен 17.12.1770, Бонн – 26.3.1827, Вена), нем. композитор, создатель героико-драм. типа симфонизма, автор 9 симфоний, 11 увертюр, 5 концертов для фортепьяно с оркестром, 2 месс и др. Бетховенская тема устойчиво присутствует в худож. мире О. М. и его биографии с сер. 1910-х гг.; наследие Б., наравне с творчеством И. С. *Баха*, В. А. *Моцарта*, А. Н. *Скрябина* и Ф. П. *Шуберта*, составляло «ценностное ядро» мандельшт. муз. предпочтений.

Можно предполагать, что О. М. знал отд. произведения Б. наизусть; комментируя строки шуточного стих. нач. 1930-х гг.: «Старик Моргулис на бульваре / Нам пел Бетховена...», Н. М. пишет, что речь идет о совм. с О. М. «высвистывании» Б. Это подтверждается и мандельшт. изображением нотных рукописей Б., профессионализм к-рого ощущается, даже несмотря на его исключит. метафоричность: «Сотни фонарщиков с лесенками мечутся по улицам, подвешивая бемоли к ржавым крюкам, укрепляя флюгера диезов <...> кавалерия восьмых и шестнадцатых <...> рвется в атаку». При этом произведения Б., очевидно, являлись для О. М. своеобр. эталоном, с к-рым сравнивалось твор-

чество др. композиторов, напр., в письме Б. С. *Кузину* от 10.3.1938 О. М. так охарактеризовал «Славянские танцы» А. Дворжака: «Бетховен[ская] обработка народных тем, богатство ключей, умное веселье и щедрость». С др. стороны, отношение к бетховенскому творчеству, вероятно, могло выступать и как своего рода основание для личностной оценки, ср. шутливую характеристику эпизодического персонажа в черновых материалах к «Путешествию в Армению» (1931–32): «Вкус у него был горький, миндальный. Раз как-то он сказал: – Бетховен для меня слишком сладок – и осекся...» По мнению совр. исследователя, О. М. был хорошо знаком и с конкретными фактами биографии Б., а ряд мандельшт. образов навеян бетховенской «иконографией».

Мемуарные свидетельства современников позволяют установить, что О. М. постоянно посещал концертные исполнения произведений Б. Так, 30.3.1912 он специально приехал в С.-Петербург из Мустамяки, чтобы прослушать «Missa solemnis» – «наилучшее из творений глухого Бетховена», 14.11.1916 был на исполнении 4-й и 5-й симфоний Б. С высокой долей вероятности можно предположить, что О. М. слушал произведения Б. в период регулярных посещений артистич. кабаре *«Бродячая собака» и «Привал комедиантов»*. В первом из них он мог присутствовать на «бетховенских вечерах» – 15.11.1912 (исполнялись «Струнный квартет № 1» и «Крейцерова соната»), 26.11.1913 и 1.12.1913 (исполнялись, очевидно, трио № 1–3, 5, 7, 11) (Парнис А. Е., Тименчик Р. Д. Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник. 1983. Л., 1985. С. 193, 216–217). 31.11.1916 О. М. мог быть на состоявшемся в «Привале комедиантов» муз. вечере, посв. Б., на к-ром исполнялись два его трио. Регулярно посещал О. М. концерты, включавшие произведения Б., в Воронеже во 2-й пол. 1930-х гг. В нач. октября 1935 он присутствовал на репетиции итал. дирижера В. Ферреро и Воронежского симф. оркестра, где, в частности, мог прослушать 7-ю симф. Б.; 7.4.1936 О. М. посетил исполнение 4-й симфонии Б., 12.4.1936 – 2-й симфонии, 7.5.1936 – 9-й симфонии. Впечатления от посещения концертов, где исполнялась музыка Б., нашли свое отражение в мандельшт. стих. «Тянули жилы, жили-были...» (1935); в частности: «Бетховен и Воронеж – или / Один или другой – злодей». По воспоминаниям И. Д. *Ханцын*, она нередко исполняла для О. М. произведения Б. (вероятно, во 2-й пол. 1920-х гг.).

В своих произведениях О. М. напрямую обращался к личности Б. на протяжении всего творч. пути; ему посвящена «Ода Бетховену» («Бывает сердце так сурово...», 1914), к-рую в откликах на выход 2-го изд. «Камня» (1915) высоко оценили мн. современники – М. А. *Волошин*, В. А. *Пяст*, анонимный рецензент и др. В максимальной степени это проявилось в рец. Г. О. Гершенкройна, где он прямо указал именно на христианизированную форму мандельшт. восприятия творчества Б.: «В глубоко задуманной “Оде Бетховену” слышишь уже настоящую хоровую лирику, где в восходящих ритмических волнах растет, достигая предела, все просветленное ликование – чистой радости причащающегося духа». Вместе с тем в тексте парадоксальным образом акцентировано «языческое», дохристианское начало бетховенской музыки: «О, Дионис, как муж, наивный / И благодарный, как дитя! / <...> Тебе в пророческом весе-

Людвиг ван Бетховен

льи / Огнепоклонники поют». По мнению Р. Д. Тименчика, мандельшт. стих. «очевидно перекликается с написанной той же осенью 1914 года статьей Лурье “Бетховен и Вагнер”». Как считает А. Г. Мец, дионисийская линия в восприятии творчества Б. могла формироваться под воздействием взглядов Вяч. И. *Иванова*, в частности изложенных в его кн. «По звездам» (СПб., 1909). Несколько позже во фрагментах ст. <«Скрябин и христианство»> (1917) О. М., характеризуя новую, т. е. христ. музыку, выделяет в ней «уверенность в окончательном торжестве личности цельной и невредимой», к-рая «входит в христианскую музыку своего рода обертоном, окрашивая звучность Бетховена в белый мажор синайской славы». Именно по этому признаку О. М. разграничивает «радость Бетховена, синтез Девятой симфонии, сей “белой славы торжество”» и музыку Скрябина. Мандельшт. восприятие творчества Б. в «католическом» аспекте происходило в 1910-х гг., вероятно, под влиянием С. П. *Каблукова*, исключительно высоко ценившего произведения Б.; 31.3.1912 он записал в дневнике: «Как чужда, как далека эта музыка “православному”, восточному христианству. Как чужд восточному христианству дух, внутреннее западного христианства. Какой иной, непонятный и странный “католический Бог”».

Др. особенность мандельшт. восприятия Б. связана с «революционным» аспектом его творчества, смысловым эквивалентом к-рого становится образ бетховенской сонаты. Именно в такой связи О. М. упоминает А. И. *Герцена*, «чья бурная политическая мысль всегда будет звучать, как бетховенская соната», а нотную страницу, следующую после описания рукописей Б., он уподобляет рев-ции «в старинном немецком городе». Отчетливее всего гражд. начало творчества Б. выражено во внутр. рец. нач. 1930-х гг. на кн. Ж.-Р. Блока «Судьба века»: «Наполеон и Бетховен – европейские мифы. Ленин – тоже. А большевики – изнанка наполеонизма»; ср. редуциров. соединение бетховенской, наполеоновской и рев. линий в ст. «Конец романа» (1922): «“Жан Кристоф” приводится в действие тем же мощным толчком наполеоновского революционного удара (роль личности в истории), как и весь европейский роман, через бетховенскую биографию Кристофа, через соприкосновение с мощной фигурой музыкального мифа, рожденного тем же наполеоновским половодьем личности в истории». Показательно, что «политический» аспект восприятия лич-

ности Б. присутствует даже в шуточном стих. сер. 1920-х гг. «Тетушка и Марат»: «У тетушки моей стоял в гостином зале / Бетховен гипсовый на лаковом рояле – / <...> И, гордая собой, упрямая старуха / Перед Бетховеном проговорила глухо: / – Вот, душенька, Марат, работы Мирабо!».

Бетховенская линия имеет и отчетливые личностные связи, формирующиеся вокруг признака глухоты как своеобр. положит. качества и индивид. характеристики самого лирич. героя мандельшт. текстов. Вспоминая в «Египетской марке» (1927) о дет. зимних прогулках, О. М. писал: «Мальчиков снаряжали на улицу, как рыцарей на турнир: гамаши, ватные шаровары, башлыки, наушники. От наушников шумело в голове и накатывала глухота <...> и шестилетнего ватного Бетховена в гамашах, вооруженного глухотой, выталкивали на лестницу». [Н. М. в письме Н. И. *Харджиеву* (15.4.1957) косвенно отметила «инфантильную» основу мандельшт. восприятия бетховенского творчества, определив «Оду Бетховену» как форму выражение стремления «к новому – не детскому – пониманию Бетховена».] Особый ценностный статус глухоты как следствия или метафорич. «платы» за творч. потенциал прямо выражен в вариантах к «Путешествию в Армению», где О. М. пишет о Ж. Б. *Ламарке*, к-рый «выплакал глаза в лупу. Его слепота равна глухоте Бетховена». При этом в стих. «Ламарк» («Был старик, застенчивый как мальчик...», 1932) содержится метафорич. противопоставление Б. и Моцарта, строящееся на основе оппозиции глухота – полнозвучие: «Ты напрасно Моцарта любил: / Наступает глухота паучья», др. характерологич. противопоставление этих авторов содержится в «Египетской марке», где говорится, что «висячие парки с куртинами Моцарта <...> ничего не имеют общего с низкорослым кустарником бетховенских сонат». Очевидно, образ глухоты являлся для О. М. своеобр. «синонимом» бетховенской музыки, см. о концерте в Воронеже: «На базе мелких отношений / Производили глухоту».

Лит.: Тименчик Р. Музыка и музыканты на жизненном пути Ахматовой (Заметки к теме) // Кац Б., Тименчик Р. Анна Ахматова и музыка: Иссл. очерки. Л., 1989. С. 33; Кац Б. В сторону музыки: Из музыковедческих примечаний к стихам О. Э. Мандельштама // ЛО. 1991. № 1. С. 69–70; Шиндин С. Г. Бетховенская тема в контексте художественного мира Мандельштама // Мандельштамовские дни в Воронеже. Материалы. Воронеж, 1994; Shlott W. Zur Funktion antiker Gottermythen in der Lyrik Osip Mandel'stams. Fr/M.; Bern, 1981. S. 84–105.

С. Г. Шиндин.

БИБЛИОТЕКА ИМ. О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА, публичная библиотека Северо-Вост. округа Москвы (см. местоположение в: *Москва*, карта «Мандельштамовская Москва»). Создана в 1936. 21.1.1991 библиотеке присвоено имя О. М. В ней имеется мандельшт. картотека; а также постоянная экспозиция, посвященная О. М., проводятся мероприятия, посв. творчеству О. М.

П. М. Нерлер

«БИБЛИОТЕКА МАНДЕЛЬШТАМОВСКОГО ОБЩЕСТВА» (Б. М. О), серийное издание *Мандельштамовского общества* (МО). Идея основания серии возникла в Совете МО в 1994 в ходе дискуссии, связанной с выходом в «*Записках Мандельштамовского общества*» книги С. Д. Кржижановского, не имеющей прямых перекличек ни с творчеством, ни с биографией О. М. Тогда же было решено основать новую серию – Б. М. О., в к-рую входили бы книги как современников поэта, так и совр. авторов, продолжающих традиции О. М. Типич. элементы серии: многожанровость осн. корпуса, наличие предисловия и послесловия, характеризующих автора и издание, а также аппарата в виде комментария, библиографии (хотя бы избранной) и т. п. Единое серийное оформление отсутствует. В серии вышли четыре тома: Т. 1: Сопровский А. А. Правота поэта: Стихотворения. Статьи / сост. Т. Н. Полетаева, предисл. Н. М. Коржавин, послесл. Г. С. Померанц. М.: Ваш выбор ЦИРЗ, 1997. 240 с.; Т. 2: Горнунг Б. Поход времени: В 2 ч. Ч. 1: Стихи и переводы. 192 с.; Ч. 2: Статьи и эссе. 510 с. / сост. М. З. Воробьева. М.: Изд-во РГГУ, 2001; Т. 3: Горнунг Л. Упавшие зерна. Горнунг А. Бегущие ландыши: Избр. стихотворения / сост. М. З. Воробьева. М.: Балтрус (при участии изд-ва «Вердана»), 2004. 174 с.; Т. 4: Собеседник на пиру: памяти Николая Поболя / ред.-сост. П. М. Полян. М.: Мандельштамовское общество; О.Г.И., 2013. 624 с.

П. М. Нерлер.

БЛАГОЙ Дмитрий Дмитриевич (21.2.1893, Москва – 14.2.1984, там же), литературовед, пушкинист, поэт, переводчик, чл.-корр. АН СССР (с 1953), Сталинская пр. (1951). С О. М. познакомился, вероятно, в 1919–20 в *Феодосии*, где Б. нек-рое время преподавал в ин-те нар. образования и был ректором нар. ун-та. В 1922 переехал в Москву, где до 1923 жил по соседству с О. М. в *«Доме Герцена»*. С 1926 занимался организацией Лит. музея при Всерос. союзе писателй, а также комиссии по изучению творчества С. А. *Есенина*. После открытия музея в 1928 (на 2-м этаже «Дома Герцена») был его первым директором. В музее располагался отдел памяти Есенина, где экспонировалась, в частности, веревка, на к-рой повесился поэт. В «Четвертой прозе» О. М. с яростью изображен «один молочный вегетарианец – филолог с головой китайца», «из той породы, что на цыпочках ходят по кровавой советской земле, некий Митька Благой – лицейская сволочь, разрешенная большевиками для пользы науки», к-рый «сторожит в специальном музее веревку удавленника Сережи Есенина». В Воронеже, летом 1935, О. М. пользовался изданием «Сочинения» (1934) К. Н. Батюшкова под ред. Б.

О. А. Лекманов.

БЛО Жан (Blot Jean; наст. фам. и имя Блох Александр Арнольдович) (род. 31.3.1923, Москва), писатель и литературовед. С 1923 в эмиграции, сначала в Берлине, Париже. Выпускник Сорбонны, д-р права (1951), д-р литературы (1974). Сотрудник ООН (1946–62), ЮНЕСКО (1962–82), ген. секретарь междунар. Пен-клуба (1982–98), предс. Франц. Пен-клуба (1998–2006). Автор многочисл. романов и эссе, в т. ч. о И. Гончарове, А. *Блоке*, В. Набокове и др. Состоя в родстве с М. Гринбергом, редактором альманаха «Воздушные пути» (Нью-Йорк), Б. познакомился с поздними стихами О. М. несколько раньше др. рус. эми-

грантов. В 1960-е гг. Б. переводил на франц. яз. отд. стихи и статьи О. М. Автор одной из первых в мире монографий об О. М. (1972), вышедшей тиражом ок. 10 тыс. экз. и удостоенной премии франц. критики.

С о ч.: Ossip Mandelstam. P.: P. Seghers, 1972 (Monographies Seghers. Poètes d'aujord'hui, 206).

П. М. Нерлер.

БЛОК Александр Александрович (16.11.1880, С.-Петербург – 7.8.1921, Петроград), поэт. Увлечение поэзией Б. началось у О. М. в 1910-е гг., хотя О. М. был знаком с произведениями Б. и до этого и воспринимал их в едином контексте эпохи нач. 1900-х гг., включавшем поэзию С. Я. Надсона и посредств. стихотворную продукцию из популярных журналов. Это связано с влиянием лит. пристрастий В. В. Гиппиуса, оценившего творчество Б. довольно поздно. В «Шуме времени» О. М. отмечал внимание А. Я. Острогорского к поэзии Б. Уже в стих. «В огромном омуте прозрачно и темно» (1910) возникает реминисценция из стих. Б. «Обреченный», ср. у О. М.: «А сердце, отчего так медленно оно / И так упорно тяжелеет? / То всею тяжестью оно идет ко дну» и т. д.; у Б.: «...сердце хочет гибели, / Тайно просится на дно». В целом неяркий колорит ранней поэзии О. М. не имеет ничего общего ни с многозначительно-мрачными красками, использованными Б., ни с такой же мрачной самоиронией последнего. Однако присутствие Б., его поэзии и лит. личности как составной части мировоззрения интеллигенции 1900-х гг. О. М. ощущал и до возникновения самостоят. интереса к блоковскому творчеству (Шум времени).

Отношения О. М. с Б. начались в 1911 по настойчивому желанию О. М. и не были теплыми со стороны Б. Весной 1911 О. М. сблизился с В. А. *Пястом*, через него познакомился с С. М. *Городецким* и Б. Со слов О. М. Н. М. записала, что Б. был приглашен председателем *«Цеха поэтов»*, но несмотря на в целом доброжелат. отношение к «молодым», он уклонился и более не посещал собрания «Цеха». О. М. упомянут в записях Б. 29.10.1911 о докладе Пяста в «Академии стиха» («Общество ревнителей художественного слова», ОРХС) и чаепитии после доклада в «Квисисане» в присутствии О. М. Сравнение поэзии Б. и О. М. в докладе проводилось явно в пользу младшего поэта (см.: Из дневника И. В. Евдокимова // А. Блок: Новые материалы и исследования // ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 426). В записи от 3.12.1911 об очередном заседании ОРХС среди присутствовавших упомянут О. М. и сделана характерная помета: «Мандельштамье».

10.12.1911 в петерб. ресторане «Вена» Б. избран «королем поэтов». В коллективном послании «Мы и Блок», направленном ему по этому поводу, О. М. принадлежат строки: «Блок – король / И маг порока; / Рок и боль / Венчают Блока» (см.: Письмо Пяста к Б. от 10.12.1911 // А. Блок: Новые материалы и исследования. С. 211). 21.4.1912 О. М. беседовал с Б. на вечере в Петровском уч-ще. 13 июня того же года и в 1913 встречался с ним у Пяста. На лекции Пяста «Гороскоп новорожденным футуристам» (7.12.1913), где О. М. был назван «поэтом-философом» и сравнивался с Б. (Речь. 1913. 9 дек.), в числе прочих присутствовали О. М. и Б. с матерью. Пяст сравнивал О. М. и Б. также в рец. на 1-ю публ. произв. О. М. в журнале *«Аполлон»*.

Ранние стихи О. М., написанные в самом начале поэтич. деятельности и в период создания «Камня», содержат блоковские подтексты. Так, ср. строку О. М.: «Я не хочу души своей излучин...» в стих. «Змей» (1910) с блоковской: «И все души моей излучины...» в «Незнакомке». В стих. О. М. «Я вздрагиваю от холода...» (1912) стих «Какая беда стряслась!» – реминисценция из пьесы Б. «Балаганчик» (ср. у Б.: «И мы пели на улице сонной: / "Ах, какая стряслась беда"...»). «Балаганчик» Б. повлиял также и на стих. О. М. «Казино»: произведения связаны, в частности, образом «окна», к-рое в широком смысле является панорамой действительности. В 1913 при создании стих. «Петербургские строфы» О. М., по примеру Б., ввел в свой поэтич. словарь лексему «мотор». Прочтение О. М. стих. Б. «Венеция» отозвалось в стих. «Адмиралтейство». Стих. «Аббат» («О, спутник вечного романа...», 1915) содержит реминисценцию из стих. Б. «Женщина» (1914): ср. О. М.: «Я поклонился, он ответил / Кивком учтивым головы / И, говоря со мной, заметил: / "Католиком умрете вы!"» – Б.: «Я извинилась, выражая / Печаль наклоном головы; / А он, цветы передавая, / Сказал: "Букет забыли вы"». Ст. О. М. «Утро акмеизма» (1913) содержит скрытую полемику с символистами, в частности с Б. Говоря о круге поэтов, к к-рым принадлежал, О. М. заметил: «Мы не летаем», что отсылает, в частности, к стих. Б. «Очарованный вечер мой долог...». 7.4.1914 О. М., по всей вероятности, был на представлении «Балаганчика» Б. в *Тенишевском училище*. 25.1.1915 О. М. и Б. в числе прочих читали свои произведения на благотворит. вечере в пользу Лазарета деятелей искусств в Александровском зале Гордумы. 14.4.1915 О. М. посетил Б. с целью пригласить его принять участие в благотворит. вечере в Тенишевском уч-ще, организованном Е. Э. *Мандельштамом* в пользу лазарета Вольного экономич. об-ва (вечер состоялся 18.4.1915).

Тон записей Б. о встречах с О. М. – раздраженный, а его отношение к поэзии О. М. отразилось в письме к А. *Белому* от 6.6.1911, где совр. состояние искусства оценивалось как имеющее четкие критерии собственно искусства и «не искусства». В этой связи собирание различных антологий как «смотров», по выражению Белого, представлялось Б. бессмысленным, а поэты квалифицировались автором письма по «сортам», причем О. М. отнесен к лучшему «сорту» по сравнению с другими: «Отчего Рубанович второго сорта, когда у нас есть Рубанович лучшего сорта (по имени Мандельштам)?».

С кон. 1912 начался конфликт между символистами и акмеистами (см. *Акмеизм*, *Символизм*), положивший конец доброжелат. отношению Б. к младшим поэтам. Так, после телефонного разговора с А. Н. *Чеботаревской*, сообщившей Б., в частности, что «Мандельштам ходит и говорит: "Отныне ни одна строка Сологуба, Брюсова, Иванова или Блока не будет помещена в "Аполлоне" – он скоро... будет журналом акмеистов"» (А. Блок: Новые материалы и исследования. С. 409–410), Б. стал крайне агрессивно относиться к акмеистам и их творчеству. В 1915, в момент наиболее острого конфликта акмеистов с символистами (в конфликт были втянуты, в частности, В. Я. *Брюсов* и Ф. *Сологуб*), в к-ром О. М. вел себя подчеркнуто непримиримо по отно-

Александр Александрович Блок

шению к «старшим», Б. в письме Чеботаревской от 9.2.1915 даже выразил нежелание читать в ее доме свою драму «Роза и крест», открыто ставя в упрек хозяйке дома ее неразборчивость при подготовке и проведении лит. вечеров.

В 1918 поэты также встретились неск. раз, однако отношение Б. к О. М. и к необходимости видеться с ним попрежнему негативно. Тогда же О. М. рассказал Б. об убийце В. Мирбаха Я. Г. *Блюмкине*, отношения с к-рым у О. М. были весьма напряженными. Негативное отношение Б. к О. М. объяснялось неск. причинами. Во-первых, это общий фон усталости от общения, к-рый со 2-й пол. 1900-х гг. преобладал в записях Б. о разных собеседниках. Во-вторых, это общесимволистское неприятие акмеизма как лит. школы, отчасти основывающееся на эпатаже как черте поведения членов группы, в частности О. М.

Через 2 года отношение Б. к поэзии О. М. радикально изменилось. О вечере в клубе поэтов на Литейной ул. 21.10.1920 Б. записал: «Гвоздь вечера – И. Мандельштам, который приехал, побывав во врангелевской тюрьме. Он очень вырос. Сначала невыносимо слушать общегумилевское распевание. Постепенно привыкаешь, [«жидочек» прячется,] виден артист. Его стихи возникают из снов – очень своеобразных, лежащих в области искусства только. Гумилев определяет его путь: от иррационального к рациональному (противуположность моему). Его “Венеция”» (имеется в виду стих. О. М. «Веницейской жизни, мрачной и бесплодной...»). Далее Б. пересказывал слова Н. С. *Гумилева* о поэзии О. М., фиксируя внимание на иррациональной природе, к-рой обладает в мире только слово, концентрирующее в себе все возможные элементы невыразимого. Именно этой особенностью отличаются произведения О. М. Впечатление, оказанное О. М. на Б. во время этого выступления, пересилило и предубеждение против акмеистов, и антисемитские взгляды Б. Фрагмент дневниковой записи, содержащий слова «жидочек прячется» перед «виден артист», был исключен из изданий дневника Б. Однако, судя по словам Н. М., такая реакция Б. не осталась от О. М. в тайне. При всем этом стихи О. М. о Венеции напомнили Б. его собственные, а лицо во время чтения стихов показалось «лицом ясновидца и пророка». Б. вспоминал о чтении О. М. спустя неск. дней (в разговоре с Н. А. Павлович), говоря о совпадении впечатлений от Венеции, поражавшей «стеклярусом и чернотой» (П а в л о в и ч Н. Воспоминания // Феникс. 1922. Кн. 1. С. 156).

Определение стихов О. М. как возникающих из сновидения, данное Б., совпадает с формулировкой самого О. М. из стих. «Батюшков» – «вечные сны». Знаменательность совпадения доказывает родство «внутреннего слуха» обоих поэтов, позволявшего одному услышать «музыку революции», а другому – «шум времени». Тем не менее, когда 8.12.1920 О. М. хотел прийти к Б., последний, по собств. признанию, «отговорился делом».

Характерно, что ст. Б. «Без божества, без вдохновенья» (апрель 1921) не содержит ни одной отсылки к поэзии О. М. Критика Б. направлена в осн. на Гумилева и Городецкого. Упомянутая статья Б. отозвалась в названии ст. О. М. «Буря и натиск» (1923), ср. у Б.: «Русский футуризм бесконечно значительнее, глубже, органичнее, жизненнее, чем “акмеизм”; последний ровно ничего в себе не отразил, ибо не носил в себе никаких родимых “бурь и натисков”, а был привозной “заграничной штучкой”».

Упоминавшийся выше конфликт между символистами и более молодыми поэтами основывался, в частности, на противопоставлении двух типов творч. личностей – «Моцарта» (к этому типу был отнесен Б.) и «Сальери» (в этой ипостаси выступал Гумилев). В 1921 О. М. в ст. «О природе слова» отдал предпочтение второму типу: «строгий ремесленник мастер Сальери» для него – воплощение предметной эстетики слова, конкретного подхода к языку и поэзии.

Известие о смерти Б. застигло О. М. в Грузии и было воспринято драматически: «Блок <...> не выиграл от ранней смерти. И, говорят, был безобразным в гробу. А ведь он всегда был красив. <...> мне его еще больше жаль, чем Николая Степановича. Я по нем, когда узнал, что он умер, плакал, как по родному. Никогда с ним близок не был. Но всегда надеялся, что когда-нибудь потом... А теперь поздно» (приведено в воспоминаниях Одоевцевой И.). В августе 1921 в Батуме он прочитал доклад о поэзии Б., а 7.2.1922 принял участие в вечере памяти Б. в Харькове. Через год О. М. написал ст. «Барсучья нора» [позднее заглавие изменено на «А. Блок (7 авг. 21 г. – 7 авг. 22 г.)»; в кн. «О поэзии» (1928) О. М. вернул заголовок «Барсучья нора» и убрал подзаголовок о годовщине смерти Б.], в к-рой отразились положения прочитанного доклада. Тема статьи – посмертная жизнь Б. в культуре и читат. сознании. Ее О. М. трактует в историософском ключе. О. М. выделил этот новый статус поэта как особое существо, имеющее «свой возраст», в первую годовщину смерти – «младенческий возраст». Отделяя творчество Б. от интерпретаций его, с т. зр. О. М., неадекватных (таковыми являлись упомянутые здесь статьи Р. В. *Иванова-Разумника*, Ю. В. *Айхенвальда*, В. А. *Зоргенфрея*), говорил о необходимости проникновения в тексты поэта. В этом ключе статьи Б. М. *Эйхенбаума* и В. М. *Жирмунского* виделись О. М. весьма важными.

Б. для О. М. – явление, воедино сплавляющее линии рос. и европ. культуры. О. М. видел истоки поэтич. личности Б. в 1880-х гг. как специфической культурной эпохе, получившей свое отображение в поэме Б. «Возмездие». Преодолевая мучит. для рус. культуры «отпадение от единства европейской культуры, отторгнутость от великого лона», Б. одноврем. проявлял ист. любовь, ист. объективность к «домашнему периоду русской истории, который прошел под знаком интеллигенции и народничества». Рус. история не как науч. дисциплина, но как психологич. данность, формирующая нац. сознание, движет и организует, наполняет поэзию Б., умевшего слушать «подземную музыку русской истории».

Как и в др. местах, О. М. подчеркивал здесь культурно-типологич. отнесенность Б. к 19 в. В концепции О. М. век как культурно-ист. эпоха – замкнутое пространство (здесь – «барсучья нора»), к-рое личность обустраивает как для наиб. комфортного существования внутри, так и для выходов за его пределы. Обживая свой век, Б. преломлял историософские черты и вспышки сознания в худож. творчестве: «Здесь пласты времени легли друг на друга в заново вспаханном поэтич. сознании, и зерна старого сюжета дали обильные всходы».

При этом Б., в интерпретации О. М., продолжает не одну из поэтич. линий 19 в., но весь век существования поэзии как единое целое, – здесь наследие В. С. *Соловьева*, А. А. *Фета*, А. С. *Пушкина* и Н. А. *Некрасова* одинаково получают пространство для освоения блоковской поэтикой (об этом же и в ст. «Выпад», 1924, где о Б. говорится как о поэте, вышедшем за пределы школы символизма). Особое значение придавал О. М. поэме «Двенадцать» как своеобр. монумент. попытке переосмысления жанра частушки. В отличие от «хищнической» поэзии других рус. символистов, поэзия Б. «была интенсивной, культурно-созидательной». Поскольку развитие блоковского поэтич. мира шло «от культа к культу», когда культ понимался как подчиненный единой цели разряд поэтич. энергии, постольку же неизбежна трагич. сущность поэзии Б. и осознание им рус. рев-ции. Рев-ция, в свою очередь, понималась как высшее муз. напряжение и катастрофич. сущность культуры. Предрасположенность к катастрофич. мироощущению преодолевалось культурой как любовью: «Поэтическая культура возникает из стремления предотвратить катастрофу, поставить ее в зависимость от центрального солнца всей системы, будь то любовь, о которой сказал Дант, или музыка, к которой в конце концов пришел Блок». Посмертная жизнь для О. М. – естеств. составляющая ист. процесса. Не случайно О. М. говорил о блоковском историзме как способе воспринимать культуру в целом, равно как и частные культуры или отдельные стили (Гинзбург Л. Я. «Камень» // Мандельштам О. Камень. Л., 1990. С. 269).

В ст. «Письмо о русской поэзии» (1922) О. М. противопоставлял Б. др. поэтам рус. символизма, говорил о его нормальном, преемств. пути развития не только в нац., но и в общеевроп. русле. При этом акцентировалась специфич. культурная роль Б. для читателя: «Блоком мы измеряли прошлое, как землемер разграфляет тонкой сеткой на участки необозримые поля. Через Блока мы видели и Пушкина, и Гете, и Боратынского, и Новалиса, но в новом порядке, ибо все они предстали нам как притоки несущейся вдаль рус. поэзии, единой и неоскудевающей в вечном движении».

В ст. «Буря и натиск» О. М. вновь говорил о связи Б. с 19 в. Одноврем. поэт – снова в историософском ключе – трактовался как современник своего собств. времени, неотрывный от его специфич. особенностей. Ср. у Н. М.: «Блок, представляющий синтез двух слоев русской интеллигенции, низовой или, по терминологии Бердяева, революционной, и высшего слоя элиты, остро ощущал болезнь эпохи, но пытался излечить ее прививкой шестидесятых годов прошлого века». Будучи типологически един со своей эпохой, Б. в плане поэтич. языка абсолютно автономен и благодаря этому его стихотворения воспринимаемы читателем любой эпохи при условии живого чувства языка у самого читателя. Подчеркивается генетич. связь Б. с гражд. поэзией и в «Шуме времени». Не случайно постановку «Балаганчика» О. М. квалифицировал как злую шутку Б. «над театральным чудом».

О. М. из всего написанного Б. наиболее ценил 1-ю строфу стих. «Как тяжело ходить среди людей...» (1910), он – один из немногих современников, высоко оценивших поэму «Двенадцать». Как бы критически ни относился О. М. к символизму и символистам, он всегда выделял Б. из их среды. В то же время в 1930-е гг. его взгляд на поэзию Б. переосмысливался. Указывая на манеру О. М. говорить о стихах «ослепительно пристрастно», А. А. *Ахматова* отмечала его чудовищную несправедливость по отношению к Б. В этой связи весьма характерен эпизод осени 1931, описанный Э. Г. *Герштейн*: на принадлежавшем ей экз. «Возмездия» О. М. сделал несколько заостренно-гневных и «ядовитых», по утверждению мемуаристки, пометок, начинавшихся словами: «И возник вопрос...», представляющими собой цитату из прозаич. «Предисловия» к поэме: «В Киеве произошло убийство Андрея Ющинского, и возник вопрос об употреблении евреями христианской крови» (принадлежавшая Герштейн книга пропала). Реакция О. М. вызвана, по-видимому, антисемитским выступлением Б. – сходным образом он негативно реагировал в своих стихах на отказ от еврейства у Фета. В «Разговоре о Данте» О. М. вступил в скрытую полемику с Б., критически подойдя к его типу творчества. С этой т. зр. «Разговор о Данте» можно назвать «разговор против символизма» (Слово и культура). Вместе с тем в 1935 О. М. подготовил для Воронежского радио передачу о Б.

В личностном плане судьбы Б. и О. М. совпадали по мн. важным аспектам. Так, для них обоих чрезвычайно важен образ матери (мать Б. происходила из семьи Бекетовых, мать О. М. была родственницей С. А. *Венгерова*), передавшей сыновьям свое отношение к рус. культуре. В этом смысле понимание культуры как изначального, материнского, лона приобретает еще и очень конкретный смысл. Начало творч. пути у обоих поэтов так или иначе связано с фигурой З. Н. *Гиппиус* (Б. сотрудничал с журналом «Новый путь» с 1903) и с философией В. С. Соловьева. В раннем стих. О. М. «Как облаком сердце одето...» (1910) предпоследний стих «И дышит таинственность брака...» соотносится с гностич. мифом о Софии Премудрости Божией, к-рый в творчестве Б. имел огромное значение (цикл «Стихи о Прекрасной Даме»). Впоследствии этот концепт в самостоят. виде не был развит в творчестве О. М., однако образ «брака» отчасти преломился в идее «бесполости» к.-л. явления действительности как его бесплодности.

Естественный для поэтов нач. 20 в. сплав религиозности и эротизма по-своему отразился в творчестве и О. М. (особенно в период, предшествующий «Камню», 1913), и Б. Единый круг общения (театр В. Ф. *Коммиссаржевской*, «среды» Вяч. И. *Иванова* и др.) формировал в 1900-х гг. сходство эстетич. установок, не получивших, однако, полного развития в зрелом творчестве О. М. В рец. на «Камень» Городецкий указывал, что О. М. «учился писать не у Верлена и Блока». Противопоставленность типов творчества О. М. и Б. со своей т. зр. отмечал и В. И. Рындзюн.

Если на опред. этапе (1907, кн. «Снежная маска») для Б. характерны агностич. настроения и потребность в этич. бунте против сковывающих неподвижных начал жизни, стремящихся к покою, то для О. М. подобный этич. бунт невозможен ни на раннем этапе, ни в более зрелые периоды творчества. Декадентская модель поведения, ставшая одной из причин семейной драмы Б. и Л. Д. Менделеевой-Блок, также неприемлема для О. М., равно как и свойств. Б. общесимволистская раздвоенность, уверенность в наличии «лучшего» мира, чем данный человеку, земной. Отсюда – наличие поэтич. двойников у Б. и их принципиальное отсутствие у О. М.

Характерно сравнение личной жизни О. М. и Б.: если первый понимал женщину, жену как «мое ты» и стремился к ситуации, когда в совм. жизни достигается личностная свобода («Я с тобой свободен»), то для второго образ «Прекрасной Дамы», по сути – двойник земной женщины, заслонял ее человеч. черты и сущность.

При этом оба поэта сходно понимали сущность поэтич. слова как зерна, заключающего в себе огромное количество свернутых сюжетов. Эти сюжеты реализуются Б. и О. М. в собств. творчестве, восходят к мировой культурной традиции (у Б. – Прекрасная Дама, Кармен и др., у О. М. – Рим, ласточка и др.) Если у Б. смысл слова несводим к логич. началу, то О. М. уже прямо говорит о себе и близких поэтах: «мы – смысловики» (см. *Поэтический язык*).

Обоим близка идея «мужественности» носителя культуры (о трактовке муж. начала творчества О. М. см. в ст. *Эстетика*). В этой связи понимание необходимости профессиональной работы над поэтич. словом, внимание к эстетич. стороне стиха соседствует с идеей гражданственности поэзии как поступка. И здесь важно, что стих. О. М. «Tristia», развивающее мотив муж. судьбы, содержит отсылку к стих. Б. «На островах». При этом с формальной т. зр. метод обоих поэтов позволяет им пренебрегать фабульностью, последовательностью изложения содержания (это касается и собственно поэзии, и прозы); плодотворными представляются хаос и отрывочность.

Неслучайна параллель публицистич. выступлений Б. и О. М., касающихся существования гуманистич. начала культуры в России. Б. выразил свою концепцию в ст. «Крушение гуманизма» (1919, 1921), «Стихия и культура» (1911), О. М. – в ст. «Гуманизм и современность» (1921), «Слово и культура» (1921), «Девятнадцатый век» (1922). У Б. хаос преодолим посредством вмешательства «стихии» и мессианской идеи, воплощающейся в следовании духу музыки, носителем к-рого является народ. Для О. М. при отсутствии мессианской идеи гос-во, лишенное культуры и ист. памяти, обречено на гибель, и его спасение осуществляется через культуру церкви и евхаристическое начало.

Отдав дань ощущениям «fin de siècle» в ст. «Гуманизм и современность» и в стихах кон. 1910-х – 1920-х гг., О. М. в дальнейшем благодаря свойственному ему циклич. переживанию времени оказался чужд эсхатологич. настроениям, пронизывавших философию искусства Б. и служивших причинами его мн. жизненных кризисов. Введенная О. Шпенглером метафора «конца истории» Запада для Б., вкупе с его собств. генетич. позитивизмом, приводила к ощущению неминуемой гибели цивилизации и ее эстетич. ценностей. Напротив, О. М. чужды апокалиптич. предчувствия, поскольку для него в основе ист. процесса находится идея действенной проверки гуманистич. сил.

Хотя, по словам Ахматовой, О. М. попрекал Б. «красивостью», его воздействие проявлялось во мн. случаях. Так, стих. «Стрекозы быстрыми кругами» совпадает по размеру, характеру рифмовки, принципу группировки ключевых слов с «Балаганом» Б. Стих. «Ты прошла сквозь облака тумана» (1911) отсылает к «Незнакомке» Б. Огромное значение имели для ряда стих. О. М. «Итальянские стихи» Б., в частности «Венеция» (см. у О. М.: «Когда мозаик никнут травы...», «Когда в листве сырой и ржавой...», наконец, «Веницейской жизни мрачной и бесплодной...»; последнее стих. хранит следы влияния стих. Б. «Три желания», «О доблестях, о подвигах, о славе...», «Осенняя воля»). Здесь особенно важна обозначенная Б. тема креста. Порой О. М. переносил в свой текст элементы структуры источника, использовал ту же рифмовку (О. М.: «Мне стало страшно жизнь отжить...») и образно-метафорич. ряд (ср.: «черный бархат» как метафора ночного неба у Б.). Стих. О. М. «В Петербурге мы сойдемся снова» связано и с образом Кармен, и с «Тремя посланиями» Б. «За то, что я руки твои не сумел удержать...» и «Tristia» восходят к блоковской образности и словоупотреблению (стих. «Шаги командора», «На островах»). «Шаги командора» Б. также находят отклик в стих. О. М. «Как этих покрывал...» и «Чуть мерцает призрачная сцена...». На ряд стих. повлиял цикл Б. «Страшный мир». Также связаны «Стансы» О. М. и «Скифы» Б.

Поэтика Б. использовалась О. М. в разработке принципов существования его собств. поэтич. мира. Найденное Б. соотношение индивидуально-конкретного и общего – двух рядов, по к-рым выстраиваются отношения мира реалий и мира абстракций, проявилось в его циклах «На поле Куликовом» и «Итальянские стихи». Здесь эти ряды поставлены в отношения взаимопроникновения и даны в ист. перспективе. О. М. пользовался этим качеством как готовым, уже найденным, «ничейным». Оно способствовало решению худож. задач в его стих., трактующих историю («Царское Село», «Лютеранин», «Айя-София», «Notre Dame»). Ряд стихотворений носят характер «рассказа в стихах», форма к-рого также восходит к поэтике Б.

Поэтич. темы Б. звучат в стих. О. М., посв. рус. речи, причем О. М. выступал как в согласии с блоковским началом жертвенности, так и в борьбе с ним. Мотив «века», концептуально важный для порев. поэзии О. М., также перекликается с идеей железного века у Б. В «Стихах о неизвестном солдате» О. М. повторял интонацию Б. из стихов, относящихся к теме полета и гибели авиаторов («В неуверенном, зыбком полете», 1910, «Авиатор», 1912) и содержащих в себе апокалиптич. мотивы, пророчества грядущих катастроф и образ «летуна», к-рому в таких катастрофах отводится роковая роль предвестника и причины. О. М. через посредство поэзии и личности Б. воспринимал идею жертвенности и апокалиптичности рус. поэзии в целом.

В стихотворениях на смерть Белого встречаются блоковские подтексты. Так, звуковой рисунок последней строки 1-го стих. помимо др. источников включает «Ты оденешь меня в серебро...», ср. у Б.: «Но зловещий восходит угар – / К небесам, к высоте, к чистоте». В этом стихотворении Б. помимо темы смерти разрабатывается также мотив паяца с

его «бубенцом». Этот мотив разрабатывался как самим Белым, так и Сологубом. Характерный для О. М. образ «черной лазури» имеет помимо общесимволистского генезиса конкретный адрес в творчестве Б. Так, в речи «О современном состоянии русского символизма» Б. цитировал как раз подобное словоупотребление в «Серебряном голубе» Белого. Также характерен мотив и для поэтич. творчества Б.: «Ты прижималась все суеверней, / И мне казалось – сквозь храп коня – / Венгерский танец в небесной черни / Звенит и плачет, дразня меня!» («Дух черный марта...»). Поэтому не случайно, что черно-голубой мотив вошел в некролог Белого о Б.

Восприятие О. М. поэзии и поэтич. личности Б. было динамичным и противоречивым. Этим объясняется, в частности, постоянное присутствие образа Б. в разговорах с С. Б. *Рудаковым* в Воронеже.

С о ч.: Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963.

Лит.: А х м а т о в а А. А. Листки из дневника // Ахматова А. А. Requiem. М., 1989; Г е р ш т е й н Э. Г. Мемуары. СПб., 1998; А в е р и н ц е в С. С. Судьба и весть Осипа Мандельштама // Соч. Т. 1; Г р и ш у н и н А. Л. Блок и Мандельштам // Слово и судьба. Осип Мандельштам. М., 1991; Мандельштам в письмах Рудакова; И в а с к Ю. Венеция Мандельштама и Блока // НЖ. 1976 (Н.-Й.). Кн. 122. С. 112–26; Ц ы б у л е в с к и й А. Читая поэта / публ. А. Вольфензон, коммент. П. Нерлера // ЛО. 1980. № 11; А. Блок: Новые материлы и исследования // ЛН. Т. 92. Кн. III. М., 1980–1992; П а р н и с А. Е., Т и м е н ч и к Р. Д. Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры: Новые открытия: Ежегод. 1983. Л., 1985; Г р о м о в П. П. А. Блок: его предшественники и современники. Л., 1986; М а р г о л и н а С. Мировоззрение О. Мандельштама. Марбург, 1988; О д о е в ц е в а И. На берегах Невы. М., 1988; Б у х ш т а б Б. Я. Поэзия Мандельштама // ВЛ. 1989. № 1; Б р о й т м а н С. Н. Венецианские строки Мандельштама, Блока и Пушкина // Творчество Мандельштама и вопросы исторической поэтики: Межвуз. сб. науч. тр. Кемерово, 1990; К у ш н е р А. Заметки на полях // ВЛ. 1990. № 4; Н. Я. Мандельштам. Т. 2; П у т и л и н а И. Опыт современного прочтения О. Мандельштама // ВЛ. 1991. № 5; Т о д д е с Е. А. Заметки о Мандельштаме // Шестые Тыняновские чтения. Рига; Москва, 1992; Г а с п а р о в М. Л. Поэт и культура: Три поэтики О. Мандельштама // De visu. 1993. № 10; Г а с п а р о в Б. М. Смерть в воздухе // Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы: Очерки русской литературы XX в. М., 1994; Ф е т и с е н к о О. Л. Блоковские реминисценции в поэзии О. Мандельштама // Russian Studies. Ежеквартальник русской филологии и культуры. Т. II. № 4. СПб., 1996 (1998); П я с т В. А. Встречи. М., 1997; С е г а л Д. Осип Мандельштам: история и поэтика. Ч. I. Кн. 1–2 // Slavica Hierosolymitana. Vol. VIII–IX. Berkley; Jerusalem, 1998; Л е к м а н о в. 2000; О н ж е. 2003; Р о н е н О. Поэтика О. Мандельштама. СПб., 2002; T a r a n o v s k y K. Essays on Mandelstam. Camb.; L., 1976; C r o v e A.-L. Blok's "Veneeija" and Molnii iskusstva as Inspiration to Mandelstam: Parallels in the Italian Materials // A. Blok: Contennial Conferens / Columbus, Ohio, 1984. P. 78–88; F r e i d i n G. A Coat of Many Colors. O. Mandelstam and Its Mythologies of Self-Presentation. Berkeley; Los Angeles; L., 1987. P. 27.

В. В. Калмыкова.

БЛОК Георгий Петрович (24.3.1888, Санкт-Петербург – 26.2.1962, Ленинград), писатель, историк, архивист, литературовед, переводчик; двоюродный брат А. А. *Блока*. С 1923 гл. редактор частно-кооперативного изд-ва «Время» (1922–1934) – издательской артели работников науки, литературы, книжной графики и издательского дела (среди членов-пайщиков: М. Л. *Лозинский*, А. А. Смирнов). Написанный Б. в 1922 очерк «Из петербургских воспоминаний» и предназначавшийся для несостоявшегося в Н. Новгороде журнала воплощает в себе эстетич. программу «культурного архаизма». В центре мемуарного этюда Б. – 1893 год. Ср. начало воспоминаний Б., предваренное эпиграфом из поэмы «Возмездие» А. А. *Блока*: «И не было ни дня, ни ночи, / А только тень огромных крыл»: «Эти годы принято называть "временем реакции"», – и первую фразу «Шума времени» О. М. «Я помню хорошо глухие годы России – девяностые годы, их медленное оползание...». Именно по инициативе Б. в издательство «Время» была принята рукопись «Шума времени» О. М.: «Заинтересовался Георгий Блок».

С о ч.: Из петербургских воспоминаний / публ. Ю. М. Гальперина; послесл. Р. Д. Тименчика, Е. А. Тоддеса, М. О. Чудаковой // Тыняновский сб. Вторые Тыняновские чтения. Рига, 1986. С. 157–180; Из семейных воспоминаний // Александр Блок в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 1. М., 1980. С. 99.

Лит.: Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 349; Т е л е т о в а Н. К. «Дело лицеистов» 1925 года // Звезда. 1998. № 6. С. 123, 126; Ш н е й д е р м а н Э. Бенедикт Лившиц; арест, следствие, расстрел // Звезда. 1996. № 1. С. 198–200.

Е. Л. Куранда.

БЛЮМКИН Яков Григорьевич (наст. фам., имя Симха-Янкель Гершев; 27.2.1900, Одесса – 3.11.1929, Москва), чекист, деятель партии левых социалистов-революционеров (ПЛСР), затем коммунист, убийца посла Германии В. Мирбаха (6.7.1918). Сотрудничал с поэтами-имажинистами, подписав устав «Ассоциации вольнодумцев» (1919). В мае 1918 был направлен по рекомендации ЦК ПЛСР в Секретное отделение Отдела по борьбе с контрреволюцией ВЧК для организации «контрразведки по шпионажу» (Красная книга ВЧК. Т. 1. М., 1989. С. 256). При каких обстоятельствах Б. познакомился с О. М., не установлено, но известно, что он предлагал О. М. сотрудничать «в новом, еще только организующемся учреждении, которому он предсказывал великую будущность». В июне или нач. июля имел первое столкновение с О. М. По словам Ф. Э. Дзержинского: «За несколько дней, может быть за неделю, до покушения я получил от Раскольникова и Мандельштама (в Петрограде работает у Луначарского) сведения, что этот тип в разговорах позволяет себе говорить такие вещи: "Жизнь людей в моих руках, подпишу бумажку – через два часа нет человеческой жизни. Вот у меня сидит гражданин Пусловский, поэт, большая культурная ценность, подпишу ему смертный приговор", но, если собеседнику нужна эта жизнь, он ее "оставит" и т. д. Когда Мандельштам, возмущенный, запротестовал, Блюмкин стал ему угрожать, что если он кому-нибудь расскажет о нем, он будет мстить всеми силами» (Красная книга ВЧК. С. 257). Сведения о возможном времени и месте события (у входа в гост. «Эллит») сообщал знакомый Б. П. А. Зайцев, представленный чекистом О. М. [Л е о н т ь е в Я. Человек, застреливший императорского посла (к истории взаимоотношений Блюмкина и Мандельштама) // СМР. Вып. 3/1. М., 2000. С. 135].

20.10.1918 О. М. имел разговор о Б. с А. А. *Блоком*, к-рый зафиксировал в записной книжке: «Вечером почему-то, пока Л[юба] была в театре, приходил Мандельштам <...> Интересен рассказ об убийце Мирбаха» (Блок А. А. Записные книжки. 1901–1920. М., 1965. С. 432). След. «столкновение» О. М. с Б. произошло в Киеве весной 1919. По словам Н. М., когда они с О. М. стояли на балконе гост. «Континенталь» (1-й Дом Советов), то «вдруг увидели кавалькаду, мчавшуюся по широкой Николаевской улице. Она состояла из всадника в черной бурке и конной охраны. Приближаясь, всадник в бурке поднял голову и, заметив нас, резко повернулся в седле и тотчас в нашу сторону вытянулась рука с наставленным револьвером. О. М. быстро отпрянул, но тут же, перегнувшись через перила приветственно помахал всаднику рукой...». И это «приветствие», и описание сцены знакомства с О. М. Зайцевым свидетельствуют, если и о не благосклонности О. М. к Б., то по крайней мере о беззлобном к нему отношении. Н. М. несколько раз встречала Б. в Киеве и около Киева, благодаря знакомству с его тогдашней возлюбленной Л. Ш. Соркиной – своей соученицей по Киевскому мед. ин-ту. Вероятно также ее знакомство с будущей женой Б. Т. И. Файнерман, также слушательницей мед. ин-та, позднее окончившей Высш. лит.-худ. ин-т им. В. Я. Брюсова. Осенью 1920 в моск. Доме печати, где Б. состоял членом ист. секции, у него произошел очередной инцидент с О. М. Очевидец эпизода И. Г. *Эренбург* вспоминал: «Он (Мандельштам) сидел в другом углу комнаты. Вдруг выскочил Блюмкин и завопил: “Я тебя сейчас застрелю!” Он направил револьвер на Мандельштама. Осип Эмильевич вскрикнул. Револьвер удалось вышибить из руки Блюмкина, и все окончилось благополучно» (Эренбург И. Г. Люди, годы, жизнь: Воспоминания. М., 1990. Т. 1. Кн. 2. С. 323). «Игра» чекиста с О. М., метко названная Н. М. «кавказской», закончилась в январе 1926, когда, уезжая от жены из Крыма, О. М. случайно оказался с ним в одном купе: «Блюмкин, увидав “врага”, демонстративно отстегнув кобуру, спрятал револьвер в чемодан и протянул руку. Всю дорогу они мирно разговаривали».

Я. В. Леонтьев.

БОБРОВ Сергей Павлович (27.10.1889, Москва – 1.2.1971, там же), поэт, прозаик, критик, переводчик, стиховед, литературовед, художник. Активный участник лит. жизни 1900–10-х гг., организатор поэтич. кружка «Лирика» (1913, совм. с Н. Н. *Асеевым* и Б. Л. *Пастернаком*) и футуристич. группы «Центрифуга» (1914, с одноим. изд-вом при ней); ее глава. Оценивая совр. поэзию с позиций младшего *футуризма*, к *акмеизму* относился пренебрежительно. «Камень» О. М. не нравился Б.: «...Любой сейчас может такие вещи делать». Однако в вышедшей в изд-ве «Центрифуга» кн. стихов Б. «Алмазные леса» (1917) содержится возможная аллюзия на финал стих. «Адмиралтейство» из «Камня» (1916): «И будет сон, как некий червь, раздавлен, / И примут нас не-сущие моря». В 1922 в рецензии на «Туркестанские стихи» К. А. Липскерова Б. упоминал об О. М. как об изобретат. версификаторе: «Если бы хоть немножечко свежего и живого, до чего еще не додумались Адамович с Мандельштамом» (Бик Э. П. [Бобров С. П.] К. Липскеров: Туркестанские стихи (рец.) // Печать и революция. 1922. № 2. С. 363). Для этого же журнала В. П. Полонский заказал Б. объективную («по совести, без полемики») рецензию на «Tristia» (1922) О. М. Сам Б. впоследствии считал, что именно в этой рецензии (к-рую С. С. *Аверинцев* охарактеризовал как «неглупую и задорную») стихи О. М. были впервые печатно оценены по достоинству. Называя акмеизм «глубочайшим декадансом символизма», Б. выделяет среди акмеистов только О. М. Его раннюю лирику рецензент критикует («каталог греческой фантазии», «снобистская болтовня», «бессмыслица»). Однако в «Tristia» Б. отмечает новые качества: живую разговорную стихию, искреннюю грусть, юмор. Несмотря на акмеистич. наследство, «мы все-таки вот слышим этот чистый голос, – ведь это поэзия» [О. Мандельштам: «Tristia» (рец.) // Печать и революция. 1923. № 4. С. 261]. В этой же рецензии содержится сравнение О. М. с А. С. *Пушкиным*, о чем иронически упоминает Н. М. в своих мемуарах: «Сергей Бобров, ругаясь, требовал Пушкина, непременно Пушкина, которого жаждал до слез». В 1925 Пастернак в письме сообщил О. М. об одобрит. устном отзыве Б. о «Шуме времени». Н. М. иронически отмечала, что в 1920–30-х гг. Б. был среди тех «прилефовских деятелей», к-рые «дружески старались помочь Мандельштаму “перестроиться” <...>, преодолеть себя и стать человеком». Личные отношения между Б. и О. М. всегда оставались достаточно далекими. «Он был чудак <...> которому Господь Бог обронил в сердце поэтический дар», – вспоминал Б. об О. М. Однако арест О. М. вызвал у Б. живое сочувствие к поэту («Мандельштам, конечно, очень решительный был человек»). Фактически ничего не известно об отношении О. М. к Б. Представления об этом не дает и загадочное шуточное двустишие О. М.: «Но я люблю твои, Сергей Бобров, // Почтово-телеграфные седины». Н. М. вспоминала о Б. как об умном, честном и наивном человеке.

Сергей Павлович Бобров

Лит.: Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников / вступ. ст., подгот. текста, сост. и коммент. О. С. Фигурновой, М. В. Фигурновой. М., 2001; Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 246, 317, 405 (по им. ук.); Пастернак Б. Л. Собр. соч.: В 5 т. Т. 5. М., 1992.

А. Ю. Сергеева-Клятис.

БОДЛЕР (Baudelaire) Шарль (9.4.1821, Париж – 31.8.1867, там же), франц. поэт, предшественник европ. декадентства, своим творчеством во многом определивший его характерные черты. Наиб. изв. произведения Б. собраны в кн. стих. «Цветы зла» (1857; рус. пер. 1895), ставшей своего рода его творч. «программой» и оказавшей исключит. влияние на развитие совр. европ. поэзии.

В биографич. справке, сост. Д. С. *Усовым* со слов самого О. М. и позднее одобренной им, сообщалось: «В 1907 совершил 1-е путешествие в Париж, к тому же времени относится поворот к модернизму, сильное увлечение Бодлером и особенно Верленом» (Писатели современной эпохи: Биобиблиографич. словарь рус. писателей XX в. Т. 1. М., 1926. С. 178; цит. по: Мандельштам О. Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. Приложение: Летопись жизни и творчества / сост. А. Г. Мец при участи С. В. Василенко, Л. М. Видгофа, Д. И. Зубарева, Е. И. Лубянниковой. М., 2014. С. 333). Нек-рые аспекты восприятия молодым О. М. творчества Б. могли находиться в опред. зависимости от взглядов Вяч. И. *Иванова*, излож. в его кн. «По звездам» (1908). При этом в 4-й главке программной ст. О. М. «Утро акмеизма» (1912, 1913 или 1914) образ «леса символов» из стих. Б. «Соответствия» ассоциируется с рус. *символизмом* и наделяется негативной семантикой. Творчество Б. оставалось для О. М. одной из составляющих мировоззренч. системы рус. символизма, и в нач. 1920-х гг. в ст. «Буря и натиск» (1922–23) он назван в ряду европ. авторов, чьи темы и понятия «с большой буквы» заимствовали рус. символисты. Определенное воздействие на О. М. творчества Б. отмечал позднее С. М. *Городецкий* [Городецкий С. М. Французское влияние в новой русской поэзии: Бодлэр. Верлэн. Верхарн // Кавказское слово. (Тифлис). 1918, 16 февр.]. 18.12.1920 Гумилев организовал в петрогр. *Доме литераторов* вечер, посв. Б., на к-ром мог присутствовать О. М. Как вспоминала Н. М., в нач. 1930-х гг. О. М., пытаясь частично восстановить свою библиотеку, приобрел и соч. Б. По свидетельству В. Л. *Меркулова* (возможно, имеющему легендарную основу), Б. был в числе авторов, чьи стихи О. М., находясь в октябре–декабре 1938 в заключении во *Владивостокском пересыльном лагере*, читал вслух в оригинале своим новым знакомым (Нерлер П. Слово и «Дело» Осипа Мандельштама: Книга доносов, допросов и обвинительных заключений. М., 2010. С. 141).

Влияние на мандельшт. оценку поэзии Б. с 1-й пол. 1910-х гг. мог оказывать Н. С. *Гумилев*, высоко отзывавшийся о нем, чем, вероятно, мотивировано отражение в рец. О. М. на кн. прозы Ш. *Гюисманса* «Парижские арабески» (1913) типичного восприятия Б. как «парижского поэта», для к-рого город предстает адом. В «неоакмеистической» ст. «Слово и культура» (1921) О. М. парадоксальным образом соединил личность и творчество Б. с христ. началом (в его культурологич. понимании): «Декаденты были христианские художники, своего рода последние христианские мученики. Музыка тления была для них музыкой воскресения»; там же он дал характеристику стих. «Падаль»: «“Charogne” Бодлэра – высокий пример христианского отчаяния» и определил Б. как «подвижника, в самом подлинном христианском смысле слова». Строка из стих. Б. «Альбатрос» использована О. М. в ст. «Девятнадцатый век» (1922) при обобщающей метафорич. характеристике

Шарль Бодлер

19 в., к к-рому «применимы слова Бодлэра об альбатросе: “Шатром гигантских крыл он пригвожден к земле”». Тогда же в ст. «Кое-что о грузинском искусстве» (1922) О. М. негативно отозвался о преклонении груз. поэтов перед франц. модернизмом, «воспринятым из вторых рук через русские переводы», и назвал творчество представителей группы «Голубые Роги», «дешевой риторической настойкой на бодлэрианстве». Свидетельством высокой оценки Б. поздним О. М. может служить содержащееся в «Разговоре о Данте» (1933) указание на близость поэтики Б. худож. методу *Данте Алигьери*. С. Б. *Рудаков* упоминал о неожиданных параллелях творчеству франц. поэта, к-рые О. М. находил в стихах К. К. *Вагинова*.

В худож. мире О. М. обнаруживается целый ряд прямых и скрытых перекличек с творчеством Б. Так, поэтич. структура акмеистич. мандельшт. сонета «Пешеход» (1912) и «характерные для нее логич. переломы» «заданы сонетом Бодлера “Старый колокол” в переложении И. Ф. Анненского» (Ронен О. Поэтика О. Мандельштама. СПб., 2002. С. 193), а акмеистич. стих. О. М. «Природа – тот же Рим и отразилась в нем...» (1914) перекликается с начальными строками «Соответствий» Б. (Мусатов В. В. Лирика О. Мандельштама. К., 2000. С. 111–112). По предположению Н. И. *Харджиева*, набор романтич. имен («Ленор, Соломинка, Лигейя, Серафита») в стих. О. М. «Соломинка» («Я научился вам, блаженные слова...»; 1916) может восходить к известной кн. Т. *Готье* о Б. (рус. пер.: Готье Т. Шарль Бодлер. Пг., 1915. С. 34). Образ звезды из стих. О. М. «За гремучую доблесть грядущих веков...» (1931, 1935) генетически связан с образом «звезды совести» из стих. Б. «Неотвратимое» (см.: Гаспаров М. Л. Избр. статьи. М., 1995. С. 356).

Лит.: Dutli R. O. Mandelstam: «Als riefe man mich bei meimen Namen»: Dialog mit Frankreich. Z., 1985 (по им. ук.).

О. А. Лекманов, С. Г. Шиндин.

БОЗИО (Bozio) Анджолина (28.8.1830, по др. данным, 1824, Турин, Италия – 30.3.1859, С.-Петербург), итал. оперная певица. С 1856 выступала в Итал. опере в С.-Петербурге; в октябре 1856 исполнила партию Виолетты в опере Дж. Верди «Травиата» – это была, по мнению современников, ее лучшая роль, кульминацией к-рой зрители (в т. ч. И. С. Тургенев) считали последний эпизод – сцену смерти

героини. Весной 1859 Б. поехала в Москву, чтобы дать неск. концертов; на обратном пути она простудилась, заболела воспалением легких и через 3 нед. умерла. Похороны певицы в С.-Петербурге были необычайно многолюдными.

По мнению Н. М., «первая мысль» о пов. «Смерть Бозио» пришла О. М. еще зимой 1920/21. (Письма Надежды Яковлевны Мандельштам к Лидии Яковлевне Гинзбург // Звезда. 1998. № 10. С. 147.) «К отдельной повести он не приступал, а просто думал об этой смерти: “смерть искусства в этом городе”». В последних номерах журнала «Звезда» за 1929 и в первых за 1930 анонсировалась «Смерть Бозио: Повесть» О. М. Но, по свидетельству Н. М., «повесть “Смерть Бозио” превратилась в несколько строчек “Египетской марки”, они все вышли из двух строчек Некрасова “Но напрасно ты кутала в соболь / Соловьиное горло свое”» (Там же; цит. стих. Н. А. *Некрасова* «Крещенские морозы» из цикла «О погоде»). Как писал О. Ронен, упоминание «маленьких некрасивых ушей» Б. в «Египетской марке» заключает намек на фамилию Некрасова. По мнению Ронена, Б. и звучание органа связаны с темой музыки в чужой стране – эти мотивы отразились в двух стих. на смерть О. А. *Ваксель* – «На мертвых ресницах Исакий замерз...» и «Возможна ли женщине мертвой хвала?..» (оба 1935); в первом «выжлятник-пожар» отсылает к «Псовой охоте» Некрасова (1846), где встречается слово «выжлятник», и к циклу «О погоде», где заходит речь о столичных пожарах; исследователь отмечает навязчивые мотивы пожара в «Египетской марке». Возможно, к теме Бозио примыкает и фраза из «Шума времени»: «Захрустит ли снегом? Развеселится ли на морозной некрасовской улице?», перекликающаяся с «Покуда снег хрустит» из стих. «Жил Александр Герцович...».

По мнению Л. Я. *Гинзбург*, строки из стих. «Чуть мерцает призрачная сцена...» (1920): «И живая ласточка упала // На горячие снега» отражают обстоятельства смерти Б.; «“Призрачная сцена” первых строф – это сцена 1850-х годов. Мандельштам варьирует Некрасова (“Розу кутают в меха”) и как бы возражает ему: “Ничего, голубка Эвридика, / Что у нас студеная зима”».

С судьбой Б. сближает строки «И живая ласточка упала / На горячие снега» Б. А. Кац. Это прочтение стих. «Чуть мерцает призрачная сцена...» вызвало возражения С. В. Поляковой. «Бозио у Некрасова – соловей, у Мандельштама же говорится о ласточке <...> У Мандельштама ласточка, в отличие от Бозио, не умирает <...> падать значит здесь не умирать, а внезапно являться».

По мнению А. С. Ласкина (Ангел, летящий на велосипеде // Звезда. 2001. № 10) сама фигура Б. у О. М. тесно связана с Ваксель. В повести названы неск. публикаций, посвященных Б., – ст. Б. Л. Модзалевского «Анджелина Бозио: К 60-летию ее кончины» (Бирюч Петроградских гос. театров. 1918. 1–7 дек. № 5. С. 30–34); книги М. К. «История оперы в лучших ее образцах» (1874) и барона Б. А. Фитингофа-Шеля «Мировые знаменитости» (1899). По мнению Ласкина, у О. М. встречаются скрытые цитаты из этих исследований.

Лит.: Гинзбург Л. Я. О лирике. Л., 1974; Кац Б. А. [Вступ. статья] // Мандельштам О. Э. «Полон музыки, музы и муки...». Л., 1991; Он же. Песенка о еврейском музыканте: «шутка» или «кредо»? // НЛО. № 8. М., 1994; Полякова С. В. Олейников и об Олейникове» и другие работы по русской литературе. СПб., 1997; Ronen O. An Approach to Mandelstam. Jerusalem, 1983.

А. Л. Соболев.

БОНЧ-БРУЕВИЧ Владимир Дмитриевич (28.6.1873, Москва – 14.7.1955, там же), гос. и полит. деятель, историк и литератор. Член РСДРП с момента ее основания (1895). До рев-ции Б. был журналистом марксистского толка, большим знатоком рус. раскола и сектантства. В 1908–18 и 1920–26 руководил изд-вом «Жизнь и знание». В 1917–20 – управляющий делами СНК, один из гл. организаторов переезда пр-ва из Петрограда в Москву. С 1921 на науч. работе. В 1933 организовал и до марта 1940 возглавлял *Государственный литературный музей* (ГЛМ) в Москве. Несмотря на то что тестем Б. был репрессированный Л. Л. Авербах, а его дочь оказалась в ссылке, для самого Б. видимых неприятностей не последовало. Все же в марте 1940 он был отстранен от руководства ГЛМ, оставшись редактором музейных изданий [Б. основал и редактировал серии «Звенья. Сб. материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века» (1932–51), «Летописи Государственного литературного музея» (1936–48), «Бюллетени (последние три вып. наз. «Каталоги») Государственного литературного музея» (1935–49)]. Однако начавшаяся война прервала и эту работу. После войны, с 1945 до смерти Б. – директор Музея истории религии и атеизма АН СССР.

Начало контактов с О. М. относится к 17.2.1934, когда Б. прислал ему стандартное письмо с просьбой содействовать комплектованию музейного собрания. 3.3.1934 О. М. принес в ГЛМ свой архив и заполнил бланк т. н. «Предложения» (РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 3045. Л. 297). В тот же день Б. поручил Фондовой комиссии ГЛМ рассмотреть «Предложение» О. М. Вопрос рассматривался 16.3.1934 на комиссии экспертов. Об архиве О. М. доложил Н. К. Гудзий, присутствовали Ю. А. Бахрушин, Н. Н. Гусев, И. С. Зильберштейн, А. М. Еголин, А. А. Сабуров, И. А. Успенская, Н. П. Чулков. Из протокола заседания следует, что Гудзий предложил приобрести архив за 600 р., постановлено же было приобрести его за 500 р. Вопрос об архиве О. М. значился в протоколе под № 45, всего же в повестке дня было 83 пункта. На полях протокола пометка рукой секретаря комиссии Н. А. Дилевской: «Владелец отказался, взял обратно» (РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 3510. Л. 17. Дублетный экз. протокола имеется также в фонде Б. в РГБ (РГБ. Ф. 369. Кар. 105. Д. 7. Л. 240). После решения Фондовой комиссии между Б. и О. М. состоялся телефонный разговор и обмен письмами. Возмущение О. М. выразилось в том, что «покупку писательского архива Вы превратили в карикатуру на посмертную оценку. Без всякого повода с моей стороны Вы заговорили со мной так, как если бы я принес на утильпункт никому не нужное барахло, скупаемое с неизвестной целью. Все это прозвучало тем более дико, что Литературный музей обнаружил в данном случае самую простую и наивную неосведомленность». 27.3.1934 О. М. выдал своей жене доверенность: «Отказываясь от передачи в Гослитмузей моих рукописей, доверяю жене моей, Надежде Яковлевне Мандельштам, получить обратно предложенные мною в Литмузей, согласно описи, материалы». 27.4.1934 Б. ответил О. М. письмом, к-рое было перепечатано и отправлено

только 8.5.1934, где писал: «Конечно, Вы можете не соглашаться с моей оценкой Вас, но думаю, что переоценка себя весьма свойственна многим писателям нашего времени, и в частности поэтам. Мы все Вас любим и уважаем, но никак не можем Вас ставить на одну доску с классиками нашей поэзии. Каждому дано свое. <...> Я просил бы Вас не счесть за обиду ни мой разговор с Вами по телефону, ни это мое письмо к Вам и твердо знать, что Ваши автографы мы хотели бы иметь в нашем музее. Никаких личных мотивов мы отнюдь никогда не имели и иметь не будем. Но вот в денежной оценке мы с Вами разошлись». Эти события послужили поводом к написанию О. М. ядовитой эпиграммы «На берегу Эгейских вод...».

Лит.: Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич (1873–1955). Библиография трудов. М., 1958; Шумихин С. Судьба архива О. Э. Мандельштама // ВЛ. 1988. № 3. С. 275–280.

С. В. Шумихин.

БОРИСОВ Вадим Михайлович (9.2.1945, Москва – 29.7.1997, Апшуциемс, Рижское взморье, Латвия), историк, литературовед, правозащитник. Окончил ист. ф-т МГУ (1968) и аспирантуру Ин-та истории АН СССР; в 1973 был лишен возможности защитить диссертацию об истории отношений рус. и визант. церквей и работать как историк. 13.5.1965 выступил с чтением стихов О. М. на вечере поэзии О. М. на мехмате МГУ, где обратил на себя внимание Н. М., пославшей И. Г. *Эренбургу* записку: «Эренбургу (лично). Илья Григорьевич! По-моему, такой уровень и такое чтение, как читал этот черный мальчик, в тысячу раз выше, чем могло бы быть в Союзах всех писателей. Скажи мальчику, как он чудно читал. Надя» (Архив Б. Я. Фрезинского). После того как в мае 1967 Н. М. возвратила себе архив О. М., находившийся у Н. И. *Харджиева*, Б. вместе с И. М. *Семенко* и А. А. Морозовым участвовал в работе по его разбору, описанию и науч. публикации; впоследствии отошел от этой работы. В архиве Б. отложился ряд материалов об О. М. и Н. М. Б. входил в число лиц, назначенных Н. М. 30.6.1967 ее наследниками. В 1988–92 сотрудник и зам. гл. редактора журнала «Новый мир», в 1988–91 – представитель А. И. Солженицына в России.

Соч.: Статьи. Документы. Воспоминания / сост. А. Карельская, М. Алхазова. М.: Новое издательство, 2017. 465 с.

Архивы: Собрание Исторического архива Центра по исследованию Восточной Европы при Бременском университете. Ф. 104 (В. М. Борисов).

П. М. Нерлер.

БОРИСОВ Леонид Ильич (24.5.1897, С.-Петербург – 4.12.1972, Ленинград), прозаик, мемуарист. Его воспоминания об О. М., описывающие встречу Б. с поэтом в Ленинграде, в 1924 (Родители, наставники, поэты...: Книга моей жизни. М., 1962), Н. М. назвала «наивно-глупой» «брехней».

Лит.: Корнеев А. В. [Борисов Л. И.] // Русские писатели 20 в. Биографический словарь. М., 2000.

О. А. Лекманов

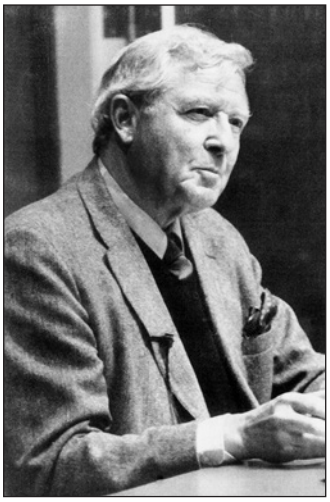
БОЯДЖИЕВА (Бояджиева-Ценина) Христина Феофановна (1898–1987, Москва), актриса, в 1920–45 артистка Камерного театра под рук. А. Я. Таирова. Впервые Б. и О. М. встретились в Коктебеле летом 1915. 4.4.1921 между О. М. и В. М. *Шершеневичем*, приревновавшем Б. к О. М., произошла ссора, едва не завершившаяся дуэлью (Нерлер П. Мандельштам и Шершеневич // Михаил Кузмин и русская культура XX века. Тез. и материалы конференции. 15–17 мая 1990 г. Л., 1990. С. 28–31). След. встречи состоялись 20 и 21.7.1935 в Воронеже, во время гастролей Камерного театра. В 1975 Б. написала воспоминания о своих пяти встречах с О. М, опубл. в 1990: «Чуть мерцает призрачная сцена...» (Статья О. Мандельштама «Революционер в театре». Воспоминания о нем артистки Христины Бояджиевой) / вступит. заметка и публ. // Поэзия. Альманах. Вып. 57. 1990. С. 186–195.

П. М. Нерлер.

БРАУН Кларенс (Brown Clarence; 31.5.1929, Андерсон, штат Ю. Каролина, США – 18.7.2015, Сиэттл, США), амер. славист, профессор сравнит. литературы Принстонского ун-та, один из гл. первооткрывателей творчества О. М. для англоязычного читателя. В кон. 1940-х гг. изучал др.-греч. и рус. яз. в Duke University, в это же время начал публиковаться в периодике. Выпускник Defense Language Institute (1952) в Presidio of Monterey, California. По окончании ун-та в 1950 впервые ездил в Европу, откуда был срочно отозван телеграммой о призыве в армию в связи с войной в Корее; в 1952–54 в Берлине, работает воен. переводчиком с нем. и рус. языков. После демобилизации в 1954 поступил в аспирантуру Мичиганского ун-та, где изучал лингвистику, а после женитьбы (на Жаклин Дукень, астрофизике, бельгийке по происхождению) перевелся в Гарвардский ун-т, где учился у Р. Якобсона, Вс. Сечкарева, Р. Поггиоли и др. В 1962 в Гарварде защитил дис. «Жизнь и творчество Осипа Мандельштама» – первую квалификационную работу об О. М. в мире. В 1959–99 в Принстонском ун-те (сначала в отделе романских, затем славянских языков, с 1972 в отделе сравнит. литературоведения).

В 1962–66 Б. неоднократно бывал в Москве и Ленинграде, где встречался с Н. М., А. *А. Ахматовой* и др. В 1962 получил в дар от Е. Г. *Эткинда* автограф стих. О. М. «Под грозовыми облаками...», долгие годы украшавшего его рабочий кабинет в Принстонском ун-те. В декабре 1965 вывез на Запад машинопись «Воспоминаний» Н. М. 23.3 и 23.4.1966 взял аудиоинтервью у Н. М.

В кон. 1960-х гг. неоднократно вел семинары по акмеизму, в значит. степени посвященные поэзии О. М. В 1960-е и 1970-е гг. много переводил из О. М. (в осн. прозу, но также и стихи). Первое же книжное издание (The Prose of Osip Mandelstam, 1965) было удостоено престижной премии National Book Award. Автор ряда многочисл. трудов о его творчестве, в т. ч. монографии «Mandelstam» (1973, с посвящением Н. М.) – первой науч. биографии поэта (удостоена премии им. Кристиана Гаусса в области лит. критики). Кроме О. М., изучал творчество и переводил произведения также В. *Набокова*, Е. И. *Замятина* и др. В 1976, отказавшись принять осн. архив О. М. в дар от Н. М. лично, Б. содействовал его передаче во Файерстоунскую библиотеку Принстонского ун-та, став фактически его первым



Кларенс Браун

куратором. В 1991 участвовал во 2-х Мандельшт. чтениях в Москве (свои впечатления изложил в серии репортажей «Moscow Journal» в газете «The Times of Trenton»), тогда же был избран в Совет *Мандельштамовского общества*. С 1991 вел регулярную рубрику «Ink Soup (суп из чернил)» в газете «Trenton Times». В 1999 вышел на пенсию и поселился в Сиэттле (штат Вашингтон). В 2013 передал П. М. Нерлеру аудиокассеты с записями интервью с Н. М. (опубл.: Браун К. Воспоминания о Н. Я. Мандельштам и беседы с ней / публ. и предисл. П. Нерлера // «Посмотрим, кто кого переупрямит...». Надежда Яковлевна Мандельштам в письмах, воспоминаниях, свидетельствах. М.: АСТ, 2015. С. 434–483). Помимо упом. автографа О. М. (после переезда в Сиэттл затерявшегося), в личном архиве Б. имеются также письма Н. М.

С о ч.: On Reading Mandelstam // CC=I(1). 1964. P. i-xxvi. (Introd.); Тайная свобода Осипа Мандельштама // НЖ. 1965. Кн. 80. С. 86–104; Into the Heart of Darkness: Mandel'stam's Ode to Stalin // SR. December 1967. Vol. 26. No. 4. P. 584–604; Mandel'stam's Notes towards a Supreme Fiction: the Vos'mistishija // Delos. A Journal on and of Translation (Austin, Texas). 1968. No. 1. P. 32–48; Introduction // Mandelstam Nadezda. Hope against hope. A memoir. New York: Atheneum, 1970. P. v-xiii; Osip Mandelstam's. Fourth Prose // Hudson Review. 1970. No. 1. P. 49–52; Mandelstam. Cambridge University Press, 1973. 320 p. (Dedicated to N. Ja. Mandelstam); A few Celebrations and Cautions. (Introd.) // Kouburlis, 1974. P. ix-xiii; Osip Mandelstam // Brown Clarence. The Portable twentieth-century Russian reader / ed., with an introduction and notes, by C. Brown. N. Y.: Viking, 1976; Rev. on: Mandelstam Osip. Selected poems / McDuff, David (tr.; introd.; notes). N. Y.: Farrar, Straus and Giroux, 1975 // SR. 1976. No 3. P. 580–581; O. E. Mandelstam // Columbia Dictionary of Modern European Literature. 1980. 2nd ed. P. 504–505; Osip Mandelstam // Brown Clarence. The Portable twentieth-century Russian reader / ed., with an introduction and notes, by C. Brown. N. Y.: Viking, 1985. 615 p. P. 169–186; От собеседника // СМР. Вып. 2. М., 1993. С. 3–10; Moscow Journal // The Times (Trenton). 27.1.1991 and 24.2.1991.

Переводы из О. М.: The Prose of Osip Mandelstam: The Noise of Time. Theodosia. The Egyptian Stamp. Princeton: Princeton UP, 1965. 209 p. 1st ed. (2nd ed., with corrections 1967); The Morning of Acmeism // RR. January 1965. Vol. 24. No. 1. P. 46–51 (reprinted in: RLT. 1971. Vol. 1. P. 150–153); Talking About Dante // BA (Special issue: «A Homage to Dante: 1265–1965»). 1965, May. P. 25–47 (Together with R. Hughes); An Interview with Ho Chi Minh // Commentary. August 1967. P. 80–81; The Vos'mistishija // Delos. 1969. No. 1. P. 32–48 [в порядке, указанном Н. М.]; Fourth prose // Hudson Revue. Spring 1970. No. 1. P. 53–66; «A Penny Pad of Mandelstam». Four poems of Osip Mandelstam // TriQuarterly. Spring 1970. No. 18; Storm and Stress // RLT. 1973. Nr. 3–4. P. 154–162; Talking About Dante // Delos. 1971. No. 6. P. 65–108. (Together with R. Hughes); [A poem № 288] // RLT. Fall 1972. Vol. 4. P. 63; Five poems [№ 24, 111, 312, 317, 375] // Antaeus (Tangier, Morocco). Summer 1972. P. 92–98 (Together with W. S. Merwin); Journey to Armenia // Quarterly Review of Literature (Princeton, New Jersey). 1973. Vol. 17. No. 3–4; Selected poems of Osip Mandelstam. N. Y.: Atheneum, 1973. xix. 102 p. 1st ed. (2nd ed. 1974) (Together with W. S. Merwin); Six poems of Osip Mandelstam [№ 360, 366, 380, 383, 387, 385] // NYRB. 25.1.1973 (Together with W. S. Merwin); [№ 121, 304, 308a, 395, according numbering in CC–II(2)]. [«At the hour when the moon...», «Now I lodge in the cabbage patches of the important...», «How dark it gets along the Kama...», «Through Kiev, through the streets of the monster...»] // New Yorker. 1974; Theodosia / transl. by Cl. Brown; The Admiralty and other poems / transl. by Cl. Brown and W. S. Merwin // Brown Cl. The Portable twentieth-century Russian reader / N. Y.: Viking, 1976 (Revised and updated edition 1985); Converstaion about Dante // Osip Mandelstam. Selected Essays / Monas, Sidney (tr.; preface; introd.; notes). Austin a. London: U of Texas Press, 1977. xxvi. 245 p. (The Dan Dancinger Publication Series); Osip Mandelstam: Journey to Armenia // Bananas. No. 11. Russian Issue. Summer 1978. P. 6–14; The Noise of Time. San-Francisco: North Point Press, 1986. 249 pp. 1st ed. (revised and greatly enlarged version of «The Prose of Osip Mandelstam», 1965, 1967; 2nd ed. 1993); The noise of time and other prose pieces. L.: Quartet Books, 1988. 249 p.; Journey to Armenia / Chatwin, Bruce (introd.). L. : Redstone, 1989. 67 p.

П. М. Нерлер.

БРАУНЭ (Braune) Теодор-Вильгельм (20.2.1850, Гростхимиг, Саксония – 10.11.1926, Гейдельберг, Германия), проф. *Гейдельбергского университета,* германист. Выпускник Лейпцигского ун-та (1869), где проработал до 1880, защитив там обе свои диссертации; в 1880–88 проф. Гиссенского ун-та, с марта 1888 проф. и директор романо-германского семинара в Гейдельберге, где проработал до 1919 (в 1920–23 возглавлял университетскую библиотеку). Редактор журнала «Сообщения по истории немецкого языка и литературы», член академий наук Страсбурга, Мюнхена и Гейдельберга. Важнейшие работы выходили в Галле: «Готтская грамматика» (1880; до 1953 выдержала 14 изданий) и «Древневерхненемецкая грамматика» (1886; 8 изданий). В зимнем семестре 1909/1910 О. М. записался на курс Б. «История средневерхненемецкой литературы» (фамилия О. М. в списке слушателей, однако, зачеркнута) и на семинар Б. «Разбор поэмы "Майер Хельмбрехт" (упражнения по древневерхнегерманской литературе для начинающих)». [Майер Хельмбрехт (Meier Helmbrecht) – герой сатирич. поэмы Вернхера фон Гартенаэра, поэта 2-й пол. 13 в., в совершенстве владел искусством дворцового стихосложения; в поэме повествуется о крест. сыне, ставшем разбойником.]

Лит.: Prüll D. Heidelberger Gelehrtenlexikon. 1803–1932. Bd. 1–3. Berlin [u. a.]: Springer Verlag, 1986. S. 268; Нерлер П. Осип Мандельштам в Гейдельберге. М., 1994.

П. М. Нерлер.

БРИК Осип Максимович (Меерович) (4.1.1888, Москва – 22.2.1945, там же), теоретик литературы, критик, прозаик. Один из основателей и рук. (вместе с Н. Н. *Асеевым*, В. В. *Маяковским*, В. Б. *Шкловским* и др.) журналов «ЛЕФ» («Левый фронт искусств»; 1923–25) и «Новый ЛЕФ» (1927–28). Согласно мемуарам Н. М., в салоне Б. и его жены Лили Юрьевны Брик (1891–1978) О. М. считали «чуждым элементом. «В доме у Брика, где собирались литераторы и сотрудники Брика по службе вплоть до Агранова, – они там зондировали общественное мнение и заполняли первые досье – О. М. и Ахматова уже в 22 году получили кличку “внутренние эмигранты”. Это сыграло большую роль в их судьбе, а Брик едва ли не первый начал употреблять нелитературные средства в литературной борьбе». В печатных работах Б. имя О. М. не упоминается ни разу. О. Ронен отмечает, что слово «стык», употребленное в нач. строке «Грифельной оды» (1923) О. М. находит себе соответствие в программной работе Б. «Звуковые повторы» (1919) (Ronen O. An approach to Mandelstam. Jerusalem, 1983. P. 74).

О. А. Лекманов.

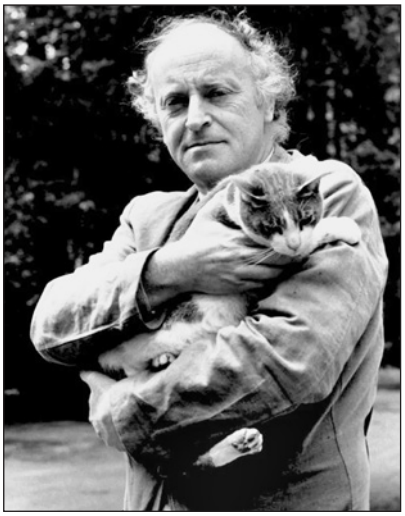
БРОДСКИЙ Иосиф Александрович (24.5.1940, Ленинград – 28.1.1996, Нью-Йорк, США), поэт, эссеист. По свидетельству самого Б., его знакомство с поэзией О. М. относится к 1960 или 1961, когда Б. прочитал «Камень» (1916) и «Tristia», произведшие на него исключительно сильное впечатление: в библиотеке Ленингр. ун-та (Б. работал в это время на кафедре кристаллографии) он «взял Мандельштама “Камень” (потому что слышал звон о книге с таким названием) и “Tristia”. Ну и, конечно, тут же отключился. Особенно сильное впечатление на меня об ту пору произвели “Лютеранин”, “Петербургские строфы”; неск. стихотворений тогда крепко засели. Вообще есть что-то совершенно потрясающее в первом чтении великого поэта. Ты сталкиваешься не просто с интересным содержанием, а прежде всего – с языковой неизбежностью. <...> После этого ты уже говоришь другим языком». Др. стихотворения О. М. стали известны Б. через 2–3 года; эти же сведения приводятся в интервью Б., данном Е. Б. Рейну (опубл. 1996) и А. Михнику (опубл. 1995).

Творчество О. М. младший поэт неизменно оценивал чрезвычайно высоко и отзывался о его поэзии восторженно и с пиететом. По свидетельству хорошей знакомой поэта, Д. Абаевой-Майерс, «что бы он сам не говорил и другие не говорили о его поэтических пристрастиях, ни одно имя он не произносил с таким трепетом, как “Александр Сергеевич”. Разве что иногда “Осип Эмильевич”. Он мог восхищаться кем угодно, но эти поэты были частью его плоти. В поэзии 20 в. Б. выделял «большую четверку»: О. М., М. И. *Цветаева*, Б. Л. *Пастернак*, А. А. *Ахматова*. Называя первым поэтом в этом ряду Цветаеву он вместе с тем признавал О. М. «самым крепким» из всей четверки.

Б. принадлежит ряд эссе об О. М.: самое раннее из них – написанная по-русски и опубликованная по-английски статья («По ту сторону утешения», «За пределами утешения», 1974), в к-рой рецензируются сборники переводов поэзии О. М. на англ. яз. и анализируются сложности, стоящие перед переводчиком. В написанном по-английски эссе «The Son of Civilization» («Сын цивилизации», 1977; переизд. под назв. «The Child of Civilization», «Дитя цивилизации») поэзия О. М. рассматривается в аспекте эволюции от тем Рима, античности и христианства к экзистенц. ужасу. Поэтич. творчество О. М. рассматривается как рус. версия эллинизма и как попытка преодоления времени посредством стихотв. форм. В текст эссе включен англ. перевод стих. О. М. «Tristia» (1918), выполненный Б. (существующие переводы стихов О. М. на англ. яз. Б. признавал крайне неудачными.

В написанном по-русски эссе «“С миром державным...”» (1991, зачитано как доклад на Междунар. конференции 1991 в Лондоне, посвященной 100-летию со дня рождения О. М.; опубл. 1994) анализируется стих. О. М. «С миром державным я был лишь младенчески связан...» (1931). Б. отмечает и «ребяческое» начало, детскость миросозерцания и кинематографичность как черты поэтики стихотворения и отчасти поэтики О. М. в целом, рассматривает интертекстуальную соотнесенность этого текста и стих. «Золотистого меда струя из бутылки текла...».

Н. М., к-рую Б. знал лично, посвящено его эссе «Nadezhda Mandelstam (1899–1980)» (1981). Вместе с И. Берлином Б. был одним из патронов конференции, посвященной 100-летию со дня рождения О. М., проходившей в Ин-те слав. и вост.-европ. исследований Лондонского ун-та 1–5.7.1991. Он выступал с замечаниями и наблюдениями в дискуссии практически по всем докладам, прочитанным участниками. В частности, при обсуждении докладов им были высказаны соображения о связи образа ласточек в стихах на смерть О. А. *Ваксель* «Возможна ли женщине мертвой хвала?..» и об ассоциативной связи ласточек с вантами корабля в стих. О. М. «Сумерки свободы». Б., оспорив идеи Г. А. Левинтона и М. Б. Мейлаха, критически оценил интерпретацию «Стихов о неизвестном солдате» как текста, содержащего апокалиптич. мотивы. Попытки О. М. приспособиться к советской действительности, по его мнению, неизменно заканчивались «полным поворотом на 180 ». Стих. О. М. «Еще не умер ты, еще ты не один...» и «Еще далёко мне до патриарха...» Б. соотнес по ритмич. рисунку и семантике со строкой своего любимого поэта 19 в. Е. А. *Баратынского* «Еще, как патриарх, не древен я...». В одной из реплик, превратившейся в своеобр. «мини-доклад», Б. проанализировал стих. О. М. «Когда б я уголь взял для высшей похвалы...», сходство ее поэтики с поэтикой кинематографа и живописи. Высокая оценка стих. О. М. «Когда б я уголь взял для высшей похвалы...» характерна и для более ранних (1980-х гг.) высказываний Б. в интервью С. М. Волкову: о И. В. *Сталине* «[н]а уровне “Оды” Мандельштама ничего больше нет. Ведь он взял вечную для русской литературы замечательную тему – “поэт и царь”. И, в конце концов, в этом стихотворении тема эта в известной степени решена». В то время, когда было высказано это мнение, такая оценка являлась, несомненно, оригинальной, т. к. стих. «Когда б я уголь взял для высшей похвалы...» воспринималось в



Иосиф Александрович Бродский

мандельштамоведении преим. как произв. «несвободное» и несоизмеримое по своим худож. достоинством с подавляющим большинством стихов О. М. (возможно, реминисценция из этого стих содержится в стих. Б. «Рождественская звезда».

По воспоминаниям одного из участников мандельшт. конференции в Лондоне, средой мандельштамоведов «Бродский был сразу воспринят – и принят – как человек, владеющий в подходе к Мандельштаму некой отдельной и целостной системой координат, с которой можно спорить, но нельзя не считаться – другими словами, как человек, который "знает не хуже, но по-другому". Преимущество этой позиции <...> заключалось в том, что она представляла собой даже не позицию, а единую жизненную систему, в которую эрудиция и научная компетентность (чрезвычайно высокая, особенно для непрофессионала) включались составной частью – вероятно, важной, но отнюдь не единственной и наверняка не самой важной». Замечания и наблюдения Б. «в большинстве случаев... были очень точны».

Многочисл. суждения о творчестве О. М. рассеяны в интервью Б. Он рассматривал О. М. скорее как символиста, нежели как акмеиста. По поводу ст. В. М. *Жирмунского* «Преодолевшие символизм» Б. заметил: «Жирмунский говорит о Гумилеве, Мандельштаме и Ахматовой и приходит к выводу, что Гумилев и Мандельштам так и остались символистами. В конечном счете, Мандельштам – это гиперсимволист. С т. зр. Жирмунского, единственным подлинным акмеистом являлась Ахматова. И я думаю, это справедливый тезис». Одноврем. в рус. поэзии 20 в. для Б. – «[с]амый пушкинский поэт среди русских поэтов двадцатого века по тональности – Мандельштам. Это совершенно очевидно». Отмечая как отличит. признак поэтики О. М. «экономность» слова, Б. находит в этом отношении сходство его поэзии с поэзией Баратынского, утверждая: «как сильна в Мандельштаме "баратынская" струя».

Исключительно высоко Б. оценивал прозу О. М.: «[Я] полагаю, что лучшая русская. проза двадцатого века была создана исключительно поэтами: Мандельштамом и Цветаевой». В эссе и интервью Б. часто прибегал к понятиям и характеристикам, восходившим к лит. критике О. М.: «тоска по мировой культуре», «эллинизм» рус. культуры и поэзии. Поэтика эссеистики Б. напоминает поэтику статей О. М. о литературе: «В своей эссеистике Бродский ориентируется именно на Мандельштама <...> развивая философскую и стилистичекую линию, намеченную в таких его манифестах и статьях, как "Утро акмеизма", "Слово и культура", "О природе слова". Эссе обоих суть узнаваемая "проза поэта" – аристократичная и дистанцированная, не лишенная иронии и юмора, уснащенная метафорами, афоризмами, эллипсисами, инвективами, постоянно сбивающаяся на абстрактные наукообразные – и одновременно резко индивидуальные – рассуждения».

Поэзия Б. отличается намеренной установкой на риторичность и аналитич. самоотстраненность автора от выражаемых в тексте эмоций, приверженностью к филос. суждениям, высокой цитатностью. Обыгрывание омонимии и полисемии слова в поэзии Б. родственно творчеству О. М. Творчество Б. глубоко укоренено в рус. и мировой поэтич. традиции, представляя собой своеобр. воссоздание и синтез разл. поэтич. стилей. Ориентацией на т. н. мировой поэтич. текст, цитатным и автоцитатным характером поэзия Б. во многом родственна акмеизму и, в частности, поэзии О. М.

Поэзию Б. и О. М. сближают темы времени и выпадения из времени и истории, «одичания», немоты, мотив поэта как хранителя культуры. Петерб. и антич. темы в поэзии Б. имеют отчетливый мандельшт. подтекст. Во многом сходна у Б. и О. М. поэтика цитирования: любовь к «сборным», комбинированным цитатам из разных поэтов, зашифрованность смысла стихотворения посредством системы аллюзий на собств. поэтич. тексты и стихотворения др. авторов. Набор поэтич. образов у Б. и О. М. обнаруживает несомненное сходство. Совпадают образы «Я – птица», «безмолвие уст», «молчащий телефон / телефон, по которому некуда позвонить», «время – мышь», «пчела как знак поэтического творчества». Хотя ряд этих образов и входит в достояние поэтич. традиции, эта общность свидетельствует о сходстве элементов поэтич. мира Б. и О. М. Сближает Б. и О. М. и «риторичность», приверженность к повторяющимся поэтич. выражениям, к устойчивым поэтич. формулам.

В поэзии Б. много реминисценций и подтекстов из стихов О. М. Уже образ «равнодушной отчизны» из стих. Б. «Ни судьбы, ни погоста...» (1962) представляет собой реминисценцию из стих. О. М. «Воздух пасмурный влажен и гулок...» (Л е к м а н о в О. А. О равнодушной отчизне Мандельштама и Бродского // Лекманов О. Книга об акмеизме и др. работы. Томск, 2000. С. 354–357). Нек-рые стихи Б. представляют в изв. мере вариации, «подражания» стихам О. М., как напр. стихотворная «эпитафия» «Памяти Геннадия Шмакова» (1989), по ритмико-синтаксич. рисунку сходная со стих. «Голубые глаза и горячая лобная кость...» О. М., написанном на смерть А. *Белого*. «Остановка в пустыне» (1965) Б. ритмически и синтаксически напоминает стих. О. М. «Я не увижу знаменитой "Федры"...» и представляет своеобр. поэтич. «продолжение» мандельшт. текста.

Образом «мыши точат / жизни тоненькое дно» из стих. «Что поют часы-кузнечик...» О. М. (этот образ восходит, вероятно, через посредство «Исповеди» Л. Н. *Толстого* и стих. В. А. Жуковского «Две повести» к инд. сборнику «Панчатантра») в сочетании с образами мышей из стихотворений

ряда др. рус. модернистов (К. Д. *Бальмонта*, М. А. *Волошина*, Б. Л. *Пастернака*, В. *Хлебникова*, В. Ф. *Ходасевича*) навеян образ мыши как олицетворения всеистребляющего времени в поэзии Б. (стих. «...И при слове “грядущее” из русского языка...» из цикла «Часть речи», 1975–76). Образ с трудом шевелящегося языка стихотворца у Б. («Сжимающий пайку изгнанья...», 1964) отсылает к строке «Губ шевелящихся отнять вы не могли...» из стих. О. М. «Лишив меня морей, разбега и разлета...». Метафора «человек-часы-кузнечик» («Загадка ангелу», 1962, «Восходящее желтое солнце следит косыми...», 1980 и еще ряд стихов Б.) – это вариация метафоры «часы-кузнечик» из стих. М. «Что поют часы-кузнечик...». Строки «Только срубы колодцев торчат, / как дома на татарских могилах» из «Полевой эклоги» (1963 [?]) Б. восходит к строкам «Обещаю построить такие дремучие срубы, / Чтобы в них татарва опускала князей на бадье» из «Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья и дыма...» О. М. Образы «глухонемого простора» в стих. Б. «Вид с холма» (1992) и «глухонемой вселенной» в стих. «На столетие Анны Ахматовой» (1989) отсылают к «морю черному и глухому» (стих. О. М. «Не веря воскресенья чуду...») и к строке «Глухое море как вино кипит» (стих. О. М. «Над алтарем дымящихся зыбей...»). В строке Б. «Гортань исходит грифелем и мелом» («Разговор с небожителем», 1970) варьируются образы грифеля и мела из «Грифельной оды» О. М. Выражение ««Водяное мясо» из стих. Б. «Одиссей Телемаку» (1972) восходит к «хвойному мясу» из «День стоял о пяти головах...» (Z u b o v a L. «Odysseus to Telemachus» // Joseph Brodsky: The Art of a Poem. Houndmills, Basingstoke, Hampshire and London; N. Y., 1999. P. 39) и к «виноградному мясу» из «Батюшкова» О. М., причем цитирование текста О. М., что характерно для поэтики цитации у Б., полемично: О. М. пишет о причастности и о причастии поэзии, Б. – о глухоте мира и одиночестве. Большое число перекличек с поэзией О. М. встречается в стихотворном цикле Б. «Часть речи» (1975–1976), для к-рого характерна особенно высокая мера цитатности. Так, в стих. «Это – ряд наблюдений. В углу тепло» из этого цикла мандельшт. строки «Человеческие губы, которым больше нечего сказать, / Сохраняют форму последнего сказанного слова» (стих. «Нашедший подкову») отражены в строфе «Через тыщу лет из-за штор моллюск / извлекут с проступившем сквозь бахрому / оттиском “доброй ночи” уст, / не имевших сказать кому» (Б е з н о с о в Э. О смысле некоторых реминисценций в стихотворениях Иосифа Бродского // Иосиф Бродский: Творчество, личность, судьба: Итоги трех конференций. СПб., 1998. С. 187–188).

В поэзии Б. часто встречаются комбинированные, «сборные» цитаты и аллюзии, восходящие одноврем. к текстам О. М. и др. поэтов. В поэме «Петербургский роман» (1961) образ гл. героя соотнесен одновременно и с «чудаком Евгением» из стих. О. М. «Петербургские строфы», и с Евгением Онегиным из одноименного романа в стихах А. С. Пушкина и с Евгением из поэмы Пушкина «Медный всадник». Образ менады, пляшущей с закушенной губой («Горение», 1981) соотнесен с образом вакханки, в устах к-рой «тает пурпуровый виноград» («Вакханка» К. Н. *Батюшкова*), и с образом вишневого рта (ассоциативно связанного с виноградом из батюшковского стихотворения) и «искусанного <...> вишневого нежного рта» из стих. О. М. «Мне жалко, что теперь зима...» и «Я наравне с другими...». В поэме Б. «Горбунов и Горчаков» (1965–68) образ не говорящей звезды, полемический по отношению к лермонтовскому «Выхожу один я на дорогу...», заимствован из «Концерта на вокзале» О. М.; образ из поэмы Б. соотнесен со стихотворением Лермонтова через посредство мандельшт. текста.

В поэзии Б. встречаются переклички и с прозой О. М. Так, мотив невозможности телефонного звонка в мир далекого прошлого в поэзии Б. («До сих пор, вспоминая твой голос, я прихожу...», 1982, «Корнелию Долабеле», 1995) соотнесен с мотивом невозможного звонка в царство мертвых «Египетская марка» О. М. (звонок в царство мертвых).

В поэзии Б. нет стихов, непосредственно посвященных О. М. Но аллюзия на судьбу О. М. – узника, ассоциативно соотнесенного с изгнанником *Данте Алигьери*, содержится в стих. «Декабрь во Флоренции» (1976): образ щегла в клетке, восходящий к идентификации «Я» со щеглом в стих. О. М. «Мой щегол, я голову закину...», «Когда щегол в воздушной сдобе...».

С о ч.: Соч. [2-е изд., испр. и доп.]. СПб., 1997–2001. Т. 1–7 (изд. продолжается); «“С миром державным...”» // Столетие Мандельштама: Материалы симпозиума / ред.-сост. Р. Айзелвуд, Д. Майерс. Тенафлай, 1994. С. 9–17 (переизд.: в кн.: Бродский И. А. Соч. СПб., 2001. Т. 7. С. 170–178); Большая книга интервью / сост. В. П. Полухина. М., 2000; Ответ на анкету Мандельштамовского общества // СМР. Вып. 3/2. М., 2000. С. 64; Beyond Consolation / tr. by B. Rubin // The New York Review of Books. 1974. Vol. 1. No 1. February 7. P. 13–16; Nadezhda Mandelstam (1899–1980) // Brodsky J. Less than One: Selected Essays. N. Y., 1986. P. 145–156 (авториз. пер. Л. Лосева в кн.: Бродский И. А. Соч. СПб., 1999. Т. 5. С. 107–114; The Child of Civilization // Brodsky J. Less than One: Selected Essays. N. Y., 1986. P. 123–144 (авториз. пер. Дм. Чекалова в кн.: Б р о д с к и й И. А. Соч. СПб., 1999. Т. 5. С. 123–144).

Лит.: П а в л о в М. Бродский в Лондоне, июль 1991 // СМР. М., 2000. С. 12–62 (публ. магнитофонной записи выступлений Б. в дискуссии на конференции, посвященной столетию со дня рождения О. М., проходившей в Ин-те слав. и вост.-европ. иссл. Лондонского ун-та 1–5 июля 1991 г.); М е д в е д е в а Н. Г. И. Бродский и О. Мандельштам: Об одном поэтическом мотиве // Вестник Уральского ун-та. Ижевск, 1992. Спец. выпуск. С. 68–73; А б а е в а - М а й е р с Д. «Мы гуляли с ним по небесам...» (Беседа с Исайей Берлином) // Иосиф Бродский: Труды и дни. М., 1998; В о л к о в С. Диалоги с Иосифом Бродским. М., 1998 (по ук.); Г а л у ш к о А. «Пилигрим» Мандельштама и «Пилигримы» Бродского: Теория и практика «следующего шага» // Иосиф Бродский и мир. Метафизика. Античность. Современность. СПб., 2000. С. 185–189; К о в а л е в а И. «Греки» у Бродского: От Симонида до Кавафиса // Там же. С. 138, 139, 144, 147–150; М и х н е н к о в а Т. Три Евгения русской литературы // Там же. С. 211–220; Л е к м а н о в О. А. «Рождественская звезда»: Текст и подтекст // НЛО. 2000. № 45. С. 162–165; Р а н ч и н А. М. «На пиру Мнемозины»: Интертексты И. Бродского. М., 2001 (по ук.); В е н ц л о в а Т. Бродский о Мандельштаме // RL. Amsterdam, 2000. Vol. XLVII–III/IV. P. 357–367 [переизд. в кн.: 1) Поэтика Иосифа Бродского: Сб. науч. трудов Тверь, 2003. С. 386–398; 2) Венцлова Т. Статьи о Бродском. М., 2005. С. 82–96]; Л о с е в Л. «На столетие Анны Ахматовой» (1989) // Как работает стихотворение Бродского: Из исследований славистов на Западе. М., 2002. С. 220, примеч. 28; С е р г е е в а - К л я т и с А. Ю., Л е к-

манов О. А. «Рождественские стихи» Иосифа Бродского. Тверь, 2002; Безносов Э. «...Одна великолепная цитата» // Мир Иосифа Бродского: Путеводитель / сост. Я. А. Гордин. СПб., 2003. С. 38–40, 46–47; Куллэ В. А. Путеводитель по переименованной поэзии // Там же. С. 55–87; Петрушанская Е. Музыкальный мир Иосифа Бродского. СПБ., 2004. С. 91, 157, 154, 169–170; Knox J. E. Iosif Brodskij's Affinity with Osip Mandel'štam: Cultural Links with the Past. Ph. D. Diss. University of Texas at Austin, 1978; Polukhina V. Joseph Brodsky: A Poet for Our Time. Camb.; N. Y.; Port Chester; Melbourne; Sydney, 1989 (по ук.); Burnett L. The Complicity of the Real: Affinities in the Poetics of Brodsky and Mandelstam // Brodsky's Poetics and Aesthetics / ed. L. Loseff and V. Polukhina. L., 1990; Bethea D. Joseph Brodsky and the Creation of Exile. Princeton; New Jersey, 1994 (по ук.); Moranjak-Bamburać N. Иосиф Бродский и акмеизм // RL. Amsterdam, 1996. Vol. XL. No 1. P. 57–76.

А. М. Ранчин.

«БРОДЯЧАЯ СОБАКА» (офиц. назв. «Художественное общество Интимного театра»), лит.-артистич. кабаре (кафе), излюбл. место встреч петерб. поэтов-модернистов, художников, артистов и околоартистич. богемы. Открыто 31.12.1911 в С.-Петербурге (в подвале дома на углу Итальянской ул. и Михайловской пл.; совр. адрес – пл. Искусств, 5); закрыто в марте 1915 по распоряжению полиции за нарушение сухого закона; его преемником стало лит.-артистич. татральное кабаре *«Привал комедиантов»*. Организатор и владелец «Б. с.» – Б. К. Пронин. Члены-учредители – А. Н. *Толстой*, М. В. Добужинский, Н. Н. Сапунов, Н. Н. *Евреинов* и др. Интерьер был выполнен худ. С. Ю. *Судейкиным*. Кабаре работало в понедельник, среду и субботу с 23.00 (в 1912 работало в среду и субботу). Имелся оркестр, гимны, написанные В. Г. Князевым (к открытию кабаре) и М. А. *Кузминым* (к 1.1.1913), эмблема («лохматый пуделек») работы Добужинского. Цель создания «Б. с.» – объединение художников новых направлений и практич. осуществление идеи синтеза искусств, актуальной в нач. 20 в. Основой эстетики «Б. с.» были экспромты. Программно противопоставление артистич. публики и «улицы», далекой от искусства. Обычные посетители, не принадлежавшие миру искусства, назывались здесь «фармацевтами» и платили за вход от 3 до 25 руб., а девизом кабаре было франц. выражение «les artistes chez soi» («артисты у себя»). Однако конфликт «художника» и «среды» носил отчасти игровой характер. В «Б. с.» происходили значит. культурные события – поэтич. выступления А. А. *Ахматовой*, Н. С. *Гумилева*, Кузмина, О. М., В. В. *Маяковского* (вообще всех акмеистов и футуристов), танцевальные вечера, спектакли, науч. доклады (напр., В. Б. *Шкловского,* Н. И. *Кульбина*, И. М. Зданевича и др.). 19.12.1912 С. М. *Городецкий* читал доклад об *акмеизме*, а О. М. участвовал в состоявшихся после лекции прениях. В «Б. с.» отмечались юбилеи, проходили всевозможные праздники. У входа лежала огромная, переплетенная в синюю кожу «Свиная книга», в к-рой делались записи (в т. ч. О. М.). Отчеты о мероприятиях, проходивших в кабаре, регулярно публиковались в прессе. Воспоминания о «Б. с.» оставили Г. В. *Иванов*, Б. К. *Лившиц,* В. *Пяст*, В. В. *Хлебников*, Шкловский и др.

«Б. с.» сыграла заметную роль в творч. становлении О. М. Впервые прочитав здесь свои стихи 13.1.1912, он сразу же стал завсегдатаем кабаре, а с осени 1912, поселившись в Петербурге, начал бывать здесь постоянно. В «Б. с.» он был действительно «у себя», принимал участие в поэтич. вечерах и спектаклях и даже пытался петь. «Нам (мне и Мандельштаму, и многим другим тоже) начинало мерещиться, что весь мир, собственно, сосредоточен в "Собаке", что и нет иной жизни, иных интересов – чем "Собачьи"!» (Пяст). На одном из вечеров О. М. познакомил Маяковского и Ахматову, к-рая вспоминала такой эпизод: «Как-то раз в "Собаке", когда все ужинали и гремели посудой, Маяковский вздумал читать стихи. О. Э. подошел к нему и сказал: "Маяковский, перестаньте читать стихи. Вы не румынский оркестр". Это было при мне, остроумный Маяковский не нашелся, что ответить». С «Б. с.» связаны и нек-рые отрывки из «Антологии античной глупости». Особенная легкость и веселье, пронизывавшее атмосферу кабаре, отразились и в прозе О. М., в частности в очерке «Гротеск»: «Что это было, что это было! Из расплавленной остроумием атмосферы горячечного, тесного, шумного, как улей, но всегда порядочного, сдержанного беснующегося гробик-подвала в маленькие сенцы, заваленные шубами и шубками, где проходят последние объяснения, прямо в морозную ночь, на тихую Михайловскую площадь; взглянешь на небо, и даже звезды покажутся сомнительными; остроумничают: ехидничают, мерцают с подмигиванием. И не освежает морской воздух, не успокаивают звезды. Скрипит снег под легенькими полозьями извозчичьих санок, и, как "бесы невидимкой при луне", в снежной пыли кувыркаются последние петербургские остроты, нелепость последнего скетча сливается с снежной нелепицей, и холодок остроумия, однажды попав в кровь, "как льдинка в пенистом вине", будет студить и леденить ее, пока не заморозит», – писал он о зиме 1913. По прошествии лет отношение поэта к происходившему в «Б. с.» менялось. Так, в 1923, в ст. «Армия поэтов» он писал о «снобизме» «бродячих собак». Однако время помогло О. М. оценить гротескный смысл духовных процессов, концентрировавшихся в «Б. с.» и оказавшихся важными для его творчества кон. 1910-х – 1920-х гг. В нояб. 1913 в «Б. с.» произошел знаменитый конфликт О. М. с Хлебниковым. Последний прочел в «Б. с.» откровенно антисемитское стих., солидаризируясь в нем со сторонниками «кровавого навета», что вызвало его ссору и несостоявшуюся дуэль с О. М. и конфликт с др. посетителями подвала. О. М. вызвал Хлебникова на дуэль. Инцидент удалось уладить Шкловскому и худ. П. Н. Филонову (Парнис А. Е. О метаморфозах мавы, оленя и воина: К проблеме диалога Хлебникова и Филонова // Мир Велимира Хлебникова... Статьи. Исследования (1911–1998). М., 2000. С. 643). В тот же день О. М. принимал участие в вечере поэтов (среди выступавших – Ахматова, Городецкий, Гумилев, Г. В. *Иванов*, Пяст и др.). 7.12.1913 в «Б. с.» состоялась лекция Пяста «Поэзия вне групп», говорившего в ней об О. М «с восторгом». Вечер лирики с участием О. М. прошел в «Б. с.» 26.1.1914. Участвовали музыканты, актеры, поэты Ахматова, Кузмин, Пяст, Р. *Ивнев*, Гумилев, Г. Иванов, Тэффи и др. 23.2.1914 состоялся «Вечер великопостной магии, устраиваемый факиром Хаджи-Фезиром (без заражения крови)», впоследствии описанный О. М. в очерке «Гротеск» (1922): «Простой петербуржец из трамвая, банка, министерства ничего не понимал в этом, но мы сходили с ума от факира, кото-

рый, показывая бритву перед каким-то фокусом, пояснял, что она бреет растительность, “и даже на лице”». Выступление факира проходило с участием музыкантов и поэтов, в т. ч. и О. М. 31.3.1914 он принял участие в прениях после лекции Пяста «Театр слова и театр движения». 21.11.1914 выступал на «Вечере поэтов Петроградского Парнаса» (в числе выступавших обозначены И. *Северянин*, М. А. *Зенкевич*, Г. В. *Адамович*, К. А. Липскеров, В. К. *Шилейко* и др.). Поэтич. вечер 27.1.1915, в к-ром О. М. также был заявлен как один из участников, был посвящен в осн. воен. теме. Выступления и пребывание в «Б. с.» дали О. М. многое и в чисто творч. плане. Именно здесь он получил подлинное признание публики, питавшее его в последующие периоды жизни: О. М. читал, «задирая голову, рассыпая свои оригинальные стихи периода первого расцвета его таланта, – и всегда встречался публикой не с меньшим вниманием, чем представители футуристич. лагеря. В этот период он написал и свою забавную эклогу неразменному золотому, и свое, ставшее тогда знаменитым “Адмиралтейство” <...> Но там же он был автором и ряда таких стихотворений, которые впоследствии отверг. Во-первых, “Футбола Второго” <...> образ Юдифи в котором был вызван одной из постоянных посетительниц “Собаки”, имевших прозвание “Королевы Собаки” (таких было несколько)» (Пяст). Вечером 3.1.1914 в «Б. с.» написано стих. «Вполоборота, о печаль...», посвященное Ахматовой.

Лит.: Парнис А. Е., Тименчик Р. Д. Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник. 1983. Л., 1985; Ахматова А. А. Requiem. М., 1989; Иванов Г. В. «Бродячая собака» // Иванов Г. В. Собр. соч.: В 3 т. Т. 3: Мемуары. Литературная критика. М., 1993; Пяст В. А. Встречи. М., 1997; Шульц мл. С. С., Скляр-ский В. А. Бродячая собака: Век нынешний – Век минувший. СПб., 2002.

В. В. Калмыкова.

БРУНИ Лев Александрович (20.7.1894, с. Алексеевка Новгородской губ. – 26.2.1948, Москва), художник. Брат Н. А. *Бруни*. Род. в семье потомств. художников, среди его предков – акад. живописи Ф. А. Бруни, худ. П. Ф. Соколов; родств. отношения связывали семейство Бруни с Брюлловыми. Учился в *Тенишевском училище* (1903–08; не окончил). Знакомство Б. с О. М. произошло, видимо, при посредничестве старшего брата, также «тенишевца» и ровесника О. М. В 1913 в Петербурге Б. завязал друж. отношения с худ. Н. И. *Альтманом*, Н. А. *Тырсой*, В. В. Лебедевым, П. В. *Митуричем*, искусствоведом Н. Н. *Пуниным*, к-рые вместе с О. М., поэтами Н. А. *Клюевым*, Н. Бруни, композитором А. С. *Лурье*, поэтом и музыкантом Н. К. Бальмонтом (сыном К. Д. *Бальмонта*) образовали лит.-худож. кружок, собиравшийся в квартире-мастерской Б. (кв. 5 Деламотского флигеля Академии художеств). О. М. бывал на этих собраниях у Б. по четвергам во 2-й пол. 1914 – 1-й пол. 1915. Б. отмечал в стихах О. М. точность, «классичность» языка и стремление к строгости формы. «В поэзии Мандельштам сделал из русского языка латынь не потому, что язык нашел свои законченные формы и перестал развиваться, а потому, что еврейская кровь требует такой чеканки, что вялостью кажется еврею гибкость русского языка...» – писал Б. о стихах О. М., сравнивая их и живопись Альтмана (Бруни Л. А. Н. Альтман // Новый журнал для всех. 1915. № 4. С. 37). Портрет О. М. работы Б. (1915 или 1916, до сер. 2010-х – собрание семьи Шкловских) – одно из самых значит. воплощений образа поэта в изобр. искусстве. Портрет впервые экспонировался на «Выставке современной русской живописи» в апреле 1916 г. в Петрограде (Молок Ю. А. Ахматова и Мандельштам (к биографии ранних портретов) // Поэзия и живопись: Сб. трудов памяти Н. И. Харджиева. М., 2000. С. 301).

С 1923 Б. жил и преподавал в Москве на графич. ф-те, а затем на монументальном отд. Вхутемаса. (В Москву Б. приехал по приглашению В. А. *Фаворского*, ректора ВХУТЕМАСа.) О. М. бывал у Б. в доме Вхутемаса (Мясницкая ул., д. 21, кв. 99), где жила в это время семья художника. «Каторжный двор ВХУТЕМАС’а» упомянут в очерке О. М. «Холодное лето» (1923). По устным воспоминаниям вдовы художника, Н. К. Бруни-Бальмонт, в этой квартире Б. написал еще один «великолепный портрет» О. М. «в кресле, гуашью... сепией рыжей», но бумага «оказалась негодной... И... как перегретая солома, по кусочкам... рассыпалась в войну». Портрет, по словам Бруни-Бальмонт, «не был репродуцирован».

В 1932 семья Б. переехала на ул. Б. Полянка, д. 44, кв. 57, где также бывали О. М. и Н. М.; супруги Бруни посещали Мандельштамов во флигеле *«Дома Герцена»*, где поэт жил в 1932–33. 14.3.1933 Б. присутствовал на вечере О. М. в Политехнич. музее.

В 1930-е гг. Б. создал пейзажи и натюрморты, выполнил ряд работ в жанре монумент. живописи (с 1935 Б. с Фаворским руководил Монументальной мастерской при Академии архитектуры), занимался книжной иллюстрацией. По свидетельству вдовы художника, Б. показывал поэту, помимо др. работ, свои иллюстрации к «Дон-Кихоту» и др. лит. произведениям. Возможно, впечатления О. М. от работ Б. отозвались в строках из «Стихов о неизвестном солдате» (1937–38): «Хорошо умирает пехота, / И поет хорошо хор ночной / Над улыбкой приплюснутой Швейка / И над птичьим копьем Дон-Кихота, / И над рыцарской птичьей плюсной».

В 1937–38, после возвращения О. М. из воронежской ссылки, Б. пытался помочь устройству Мандельштамов в Малоярославце и субсидировал их поездку туда (в Малоярославце Б. принадлежала небольшая дача – полдома, купленная им для жены и детей репрессированного в 1934 брата Николая).

Б. характеризуется в мемуарах Н. М. как «чистейший человек, наш общий любимец».

Лит.: Выставка произведений Л. А. Бруни, Н. И. Купреянова, П. В. Митурича. Каталог. М., 1958; Либединская Л. Б. Зеленая лампа. М., 1966; Ракитин В. И. Л. А. Бруни. М, 1970; Бруни Л. А. Выставка произведений: Каталог выставки. М., 1979; Пунин Н. Н. Квартира № 5 // Панорама искусств. М., 1981. Вып. 4; Рейн Т. М. Годы учения. Воспоминания // Там же. М., 1988. Вып. 11; Некрасова В. Б. О семье Бруни // СМР. Вып. 3/2. С. 186–220; Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников / вступ. ст., подгот. текста, сост. и коммент. О. С. Фигурновой, М. В. Фигурновой. М., 2001; Л. А. Бруни: Ретроспектива. М., 2000; Сарабьянов А. Д. Жизнеописание художника Льва Бруни. М., 2009; Видгоф Л. М. «“Но люблю мою курву-Москву”. Осип Мандельштам: поэт и город». М., 2012. С. 411–435.

Л. М. Видгоф, С. Г. Шиндин.

Николай Александрович Бруни

БРУНИ Николай Александрович (28.4.1891, С.-Петербург – 1938), рус. живописец, музыкант, поэт, прозаик, лётчик, Георгиевский кавалер, священник и авиаконструктор. Брат художника Л. А. *Бруни*. Выпускник *Тенишевского училища* (1909) и С.-Петерб. консерватории (1913, по классу пианино). В 1911–14 входил в первый *Цех поэтов*, публиковался в журнале «*Гиперборей*» и др. изданиях. В 1914 ушел добровольцем на фронт и стал санитаром, а затем воен. летчиком; был награжден тремя Георгиевскими крестами и произведен в прапорщики. 29.9.1917 сбит под Одессой, во время аварийной посадки чудом уцелел, после чего дал обет стать священником. 22.12.1918 женился на Анне Александровне Полиевктовой (свадьба происходила в доме К. Д. *Бальмонта*). В июле 1919 был рукоположен в дьяконы, затем в священники: служил в с. Буды Харьковской губ., затем в церкви Николы-на-Арбате в Москве (здесь в августе 1921 отслужил панихиду по А. А. *Блоку*), в с. Косынь Калужской губ. и в Клину. Под своим именем («отец Николай Бруни») Б. выведен в повести О. М. «*Египетская марка*» (1928, писалась в 1927). В сер. 1928 Б. сложил с себя сан и устроился переводчиком с 4 языков сначала в Науч.-испытат. ин-т ВВС, а затем в Центр. аэрогидродинамич. ин-т (ЦАГИ), где вскоре переквалифицировался в конструкторы. 8.12.1934 арестован, обвинен в шпионаже в пользу Франции и приговорен к 5 годам ИТЛ в пос. Чибью в Ухтпечлаге. Его семью – жену и шестеро детей – в мае 1935 выслали за 105-й км в Малоярославец, где Л. Бруни купил для них дом (осенью 1937 сюда, в поисках жилища за 105-м км, приезжали О. М. с Н. М.). Зимой 1937, к юбилею гибели А. С. *Пушкина*, Б. соорудил из бетона и кирпичей памятник поэту, простоявший до наших дней. 25.12.1937 Б. был вторично арестован, 21.12.1938 приговорен к расстрелу и 29.1.1938 (по др. данным – 4.4.1938) расстрелян в урочище возле р. Ухтарка. 10.8.1956 Б. реабилитирован.

Лит.: Нерлер П. [Николай Александрович Бруни. 100 лет со дня рождения] // Памятные книжные даты. 1991. М.: Книга, 1991. С. 130–132.

П. М. Нерлер.

БРЮСОВ Валерий Яковлевич (1.12.1873, Москва – 9.10.1924, там же), поэт, прозаик, драматург, критик, литературовед, переводчик, лит.-обществ. деятель, один из лидеров рус. *символизма*. В ранний период О. М. испытывал серьезное влияние Б. как поэта. Нек-рые современники (в частности, М. А. Волошин) видели в О. М. поэтич. преемника Б. Творчество Б. воспринималось О. М. еще и сквозь призму отношения В. В. Гиппиуса (Шум времени) Б. в 1890-х гг. мечтал о лит. сотрудничестве с Гиппиусом. В 1908 О. М. писал своему учителю из Парижа о том, что его не привлекают религ. и обществ. проблематика, он предпочитает чистые непосредств. эмоц. состояния («люблю жизнь, веру и любовь»). В этой связи О. М. нашел в поэзии Б. музыку жизни, в ней его привлекала «гениальная смелость отрицания, чистого отрицания». (Камень). О. М. декламировал в присутствии М. М. Карповича стих. Б. «Грядущие гунны». В творчестве О. М. отразились не только оригинальные стихи Б., но и его поэтич. переводы: так, среди подтекстов стих. О. М. «Адмиралтейство» обнаруживается почти дословная цитата из брюсовского перевода «Лебедя» С. Малларме. Стих. О. М. «Notre Dame», носящее характер манифеста, восходит к предисл. Б. к кн. Н. А. Клюева «Сосен перезвон».

Начиная поэтич. путь как преемник рус. символизма в момент распада и перерождения этого направления, О. М. характером своего творчества отчасти возрождал эстетич. установки молодого Б. С. П. *Каблуков* записал 18.8.1910, что в гостях у него О. М. читал вслух стихи, в т. ч. Б. Чуть позже, 24.10.1910, Каблуков обратился к З. Н. *Гиппиус* с просьбой ознакомиться со стихами О. М. и дать ему рекомендацию в журнал «*Русская мысль*», где в то время Б. заведовал лит. отделом (1910–11). 5.2.1911 О. М. сообщил Каблукову, что стихи отклонены Б. Это вызвало раздраженную реакцию Каблукова: «Вообще Брюсов стал безобразничать <...> Я надеюсь, что Мандельштам устроится и без Брюсова...». Реакция О. М. на брюсовский отказ была смягчена одновременно согласием журнала «*Аполлон*» принять к печати ряд стихов. Однако позже, в 1916, О. М. болезненно воспринял критику Б. (вероятно, прозвучавшую в одном из разговоров или устных выступлений Б.), о чем вспоминала М. И. *Цветаева*: «Помнится Вы, уже известный тогда поэт, в 1916 г. после нелестного отзыва о Вас Брюсова – плакали».

О. М. был знаком со всеми поэтич. книгами Б., использовал мотивы или непосредств. подтексты из каждой из них, применял способы поэтич. самоописания, свойственные Б. В отд. стихах О. М., написанных в 1900-х гг. и в период подготовки 1-го изд. «Камня», заметно влияние поэзии Б. Так, стих. О. М. «Среди лесов, унылых и заброшенных...» и «Тянется лесом дороженька пыльная...» (1906) перекликаются со стих. «Грядущие гунны» (1904–05), «Довольным» (1905). В стих. «О, красавица Сайма, ты лодку мою колыхала...» (1908) противопоставляются два временных пласта – прошлое и настоящее – подобно тому, как они противопоставлены в стих. Б. «Мы в лодке вдвоем, и ласкает волна...» (1905).

Стих. О. М. «В морозном воздухе растаял легкий дым» (1909) ритмически и тематически сходно с «L'Ennui de vivre» Б. (1902). Стих. «Озарены луной ночевья...» отсылают к стих. «Когда твой поезд, с ровным шумом...» (1901) так же, как «Что музыка нежных» (1909), к изв. и одному из

программных для молодого Б. стих. «Творчество» («Тень несозданных созданий...», 1895). В стих. О. М. «На темном небе, как узор...» (1909) задействованы образы из цикла Б. «На Сайме», ср.: О. М.: «На темном небе, как узор, / Деревья траурные вышиты...» – Б.: «Желтым шелком, желтым шелком / По атласу голубому / Шьют невидимые руки» («Желтым шелком...», 1905); «Качались волны, шитые шелками...» («Я – упоен! мне ничего не надо!», 1905). Также на структуру и организацию этого текста явно воздействовало стих. Б. «Целение» (1904), сходное по принципам рифмовки и поэтич. синтаксиса. Образ орла, задействованный в стих. Б. «Угрюмый час» (1906), получает у О. М. творч. развитие в стихах «Над алтарем дымящихся зыбей...» (1910) и «В самом себе, как змей, таясь...» (1910). Такая же ситуация – в стих. О. М. «Когда укор колоколов...», отсылающем к стих. Б. «Голос часов».

Стих. Б. «Наполеон» (1901, кн. «Tertia vigilia»), в к-ром образная система построена по принципу синкретич. олицетворения (ср., напр.: «И стало, наконец, вселенной / Невмоготу носить тебя» и далее), вместе со стих. «Где подступает к морю сад» (1898) на уровне концентрир. приема отражены в стих. О. М. «Где вырывается из плена» (1910). Та же самая ситуация – в стих. О. М. «Под грозовыми облаками» (1910), явно написанном под влиянием текстов кн. «Tertia vigilia», при том, что импульсом здесь явилась одна из ключевых для Б. метафор «история как книга».

Стихи «Мне стало страшно жизнь отжить» (1910) перекликаются с целым рядом стихов Б. на уровне метра и тематики. Это «Господи! Господи!..» 1894 (ср.: О. М.: «Мне стало страшно жизнь отжить...» – Б.: «О, страшно стоять одному / На кручи заоблачной»; О. М.: «И безымянным камнем кануть» – Б.: «Есть блаженство – скалой неоформленной быть»); «Наполеон», 1901 (О. М.: «И с дерева, как лист, отпрянуть...» – Б.: «Земля дохнула полной грудью, / И ты, как лист в дыханье гроз, / Взвился...»); «Строгое звено», 1899 (ср. О. М.: «И я слежу – со всем живым / Меня связующие нити...» – Б.: «Одна судьба нас всех ведет / И в жизни каждой – те же звенья!»). Ср. также «книжную» метафору в конце стихотворения. В стих. О. М. «О небо, небо, ты мне будешь сниться...» (1911) последние строки перекликаются со стих. Б. «Настал заветный час дремотный...» (1900), развивая «книжную» метафору. Также существует параллелизм в текстах: О. М. «Скудный луч холодной мерою...» (1911) – Б. «Волны приходят, и волны уходят...» (1899); О. М. «В непринужденности творящего обмена...» (1909) – Б. «Измена» (1895). Два стих. Б. из кн. «Все напевы» (1909), следующие одно за другим в отделе «На гранитах» (собственно «На гранитах» и «В море»; оба 1906), повлияли на также смежные стих. О. М. «Я вижу каменное небо...» и «Вечер нежный. Сумрак важный...» (оба 1910). Др. пример текстовой близости: О. М.: «И небо падает, не рушась, / И море плещет, не пенясь» («Я вижу каменное небо...») – Б.: «Небо хочет быть прекрасным. / Море хочет быть – как небо!» («На гранитах»), равно как и многочисл. лексико-синтаксич. повторы в стихах О. М. в тех же позициях, что и у Б. Повтор как поэтич. прием Б. применил и в стих. «Висби», метрически сходном со стих. О. М. «Вечер нежный. Сумрак важный». Явным отзывом стих. Б. «Поэту» (1907, открывает кн. «Все напевы») является «Как облаком сердце одето» (1910) О. М., ср.: О. М.: «И дышит таинственность брака / В простом сочетании слов» – Б.: «И ты с беспечального детства / Ищи сочетания слов». Предшествующее ему стих. О. М. «Убиты медью вечерней...» – попытка освоения метрич. рисунка, оно также содержит в себе брюсовские подтексты: ср.: О. М.: «Убиты медью вечерней / И сломаны венчики слов. / И тело требует терний, И вера – безумных цветов» – Б.: «В снах утра и в бездне вечерней / Лови, что шепнет тебе Рок, / И помни: от века из терний / Поэта заветный венок» («Поэту»), а также «Звезды мерцают, и кротки и пышны, / Как пред иконами венчики свеч» («У гроба дня», 1907). По свидетельству Н. М., впоследствии О. М. отзывался о стих. «Поэту» как о непонятном для себя: «О. М. выходил из себя: “Что это значит – «ты должен быть жарким, как пламя, ты должен быть острым, как меч»?” – раздраженно спрашивал он». «Зимняя красота» (1902) Б. послужила источником образности для стих. О. М. «Из омута злого и вязкого...» (1910; см. стихи 1-й, 2-й), также и ритмики – для «Неумолимые слова...» (1910). Ср. О. М.: «Как венчик, голова висела / На стебле тонком и чужом» – Б.: «Я буду сам как стебель явлен, / Омою в зное венчик свой...». Оба стих. содержат метафору «человек – растение, цветок», словоупотребления «лилия», «глубина», важные для обоих поэтов и отсылающие к поэзии Ф. И. *Тютчева*, во мн. воспринятой О. М. через призму прочтения Б. В стих. О. М. «Темных уз земного заточенья...» (1910) мотив «презрения» к самому себе также отсылает к тексту Б. – имеется в виду стих. «Презрение» (1900), в к-ром также есть значимый для поэзии раннего О. М. образ древесного листа, несущегося в потоке.

Словоупотребление поэзии Б. вошло в поэтику О. М. отд. понятиями и лексическими единицами, ср.: О. М.: «...и, несозданный мир лелея...» («Отчего душа так певуча?», 1911) – Б.: «Тень несозданных созданий» («Творчество», 1895). Отозвалось в стихах О. М. и знаково важное для Б. «беспристрастие», ср. О. М.: «Там в беспристрастном эфире...» («Душу от внешних условий...», 1911). В отд. случаях опора на стихи Б. проступает не на уровне метрич. организации стихов О. М., а в рифмовке и ключевых словах: ср.: О. М.: «Воздух пасмурный влажен и гулок; / Хорошо и нестрашно в лесу. / Легкий крест одиноких прогулок / Я покорно опять понесу» (1911, 1935) – Б.: Приду ли в скит уединенный, / Горящий главами в лесу, / И в келью бред неутоленный / К ночной лампаде понесу?» (1902, кн. «Urbi et orbi»).

Программная для Б. тема унизительности природной мощи и красоты для человека отразилась и в произв. О. М., ср.: «Я ненавижу свет / Однообразных звезд». Характер откликов О. М. на стихи Б. мог быть и полемическим – как в стих. О. М. «Пешеход» (1912) и Б. «Любовь» (1900). Зачастую О. М. впитывал те мотивы поэзии Б., к-рые являлись провозвестниками акмеистич. мировоззрения, ср.: Б.: «Холод», 1906, «Покорность», 1911 – О. М.: «Я вздрагиваю от холода...», 1912; Б.: «Орфей и Эвридика», 1903–04 – О. М.: «Как этих покрывал и этого убора...», 1915; Б.: «Венеция», 1902 – О. М.: «И поныне на Афоне...», 1915. К брюсовской поэзии восходит также «экзотический и единичный» образ дротика в руках дикаря (Б. «Жизнь», 1907) (см.: Л е к м а н о в О. А. Брюсов и акмеисты: эпилог и пролог // Лекманов О. А. Книга об акмеизме и другие работы. Томск, 2000. С. 99–101).

Отд. приемы Б. при создании кн. стихов как целого также были восприняты О. М. Так, парные стихи, носящие одно и то же название: «Египтянин» («Я избежал суровой пени...», 1913) и «Я выстроил себе благополучья дом...», 1913), «Аббат» («О, спутник вечного романа...», 1915 и «Переменилось все земное...», тогда же) отсылают к парным стихам Б., напр. «Одна», «Жрице Луны». Впоследствии этот прием существенно трансформировался и расширился: О. М. стал употреблять не только идентич. заголовки, но и идентич. строки в разных стих., что вовсе не делало их «вариантами» одного и того же произведения. Ряд стих. О. М. («Когда удар с ударами встречается...», «Когда укор колоколов...», «Когда мозаик никнут травы...», «Когда подымаю...», «Когда показывает восемь...», «Когда, пронзительнее свиста...») начинаются по аналогии с рядом стихотворений Б.

Заглавие кн. «Камень» среди подтекстов, помимо отсылки к поэзии Тютчева, содержит и брюсовский – см.: «Камни, камни! о вас сожаление!» (1903), строки «Вы ли пребудете вне воскресенья, / Как хаос косный и грубый?». Метафора «камень – человеческое тело» с этой т. зр. вызвана у О. М. как этим стих., так и генетически связанными со стих. «Поэту». См. также «Город и камни люблю...» («Я люблю большие дома...» – «Tertia vigilia»).

Включенность в поэзию О. М. классич. подтекстов часто происходит через соотнесение с совр. ему поэзией, и таким соотносящим явлением могут быть произв. Б. В частности, строки: «Душный сумрак кроет ложе, / Напряженно дышит грудь... / Может, мне всего дороже / Тонкий крест и тайный путь» (1910), – связанные с пушкинским «Буря мглою небо кроет»), одноврем. отсылают к следующим стих. Б.: «Мерно вьет дорога...», 1899 («Мерно вьет дорога / Одинокий п у т ь. / Я в руках у Бога, / Сладко дышит грудь»); «Раб», 1900 («И было все на бред похоже! / Я был свидетель чар ночных, / Всего, что тайно кроет ложе, / Их содроганий, стонов их») и др. У самого Б. стих. «Душный сумрак кроет ложе...» строится как вариация на тему лермонт. финала «Выхожу один я на дорогу...». Тематич. отличие стихов Б. в этом и др. сходных случаях не мешает текстам вступать во взаимоотношения – не только благодаря ярким лексич. совпадениям, но и именно благодаря семантич. контрасту, несходству. Эротику, важную для Б., О. М. в подавляющем большинстве случаев переводит в духовный, филос. план. Актуальная для обоих поэтов идея всеобщей связи явлений мира решается у Б. средствами любовной лирики и тематики, связанной со «сладострастием», у О. М. – медитативной лирики и тематики, связанной с филос. раздумьями поэта как ведущим жанром поэзии. Так, строки О. М. из стих. «Есть целомудренные чары...» («Я слушаю моих пенатов / Всегда восторженную тишь») противопоставлены стих. Б. «Сладострастие», где строка «Тише! Приветствуй восторг тишины!» относится к эротич. описанию.

Взаимодействие поэтики О. М. с поэзией Б., помимо переноса эротич. пласта в медитативный, имеет еще значение и при разработке существенной для *эстетики* О. М. проблемы перевода. В данном случае О. М. выступает как переводчик значимых для него брюсовских мотивов на собств. поэтич. язык, что сопровождается разработкой и углублением лексико-семантич. связей в его собств. словаре.

Подавляющее большинство стихов, в к-рых особенно заметно влияние Б., О. М. не включил в издания «Камня». Ученичество у Б. не отрицала и Н. М., говорившая о дани, отданной О. М. в ранней молодости брюсовской поэзии. Однако генетич. связанность первых произведений О. М. с брюсовскими текстами критики все же отмечали: так, для С. М. *Городецкого* «поэтич. оружие» О. М. носит марку "делано по Брюсову", что само по себе является гарантией его качества. В 1913 Гиппиус писал о поэзии О. М. как о «стилизации в манере Брюсова». В. И. Рындзюн, говорящий об отсутствии в «Камне» подлинного поэтич. дара автора, упрекает его в чрезмерной гладкости текста и напоминает совет Б.: «Пишите шершавые стихи».

После провозглашения *акмеизма* лит. школой, сменившей символизм, эпатирующее поведение акмеистов прямо связывали с именем О. М., и Б. сконцентрировал на нем свое негативное отношение к новому лит. течению: см. в письме Ан. Н. Чеботаревской Б. от 20.1.1913 (В. Брюсов // ЛН. М., 1976. Т. 85. С. 703). Свое отношение к первым выступлениям акмеистов Б. высказал в ст. «Новые течения в русской поэзии». Отмечая индивид. своеобразие стихов Гумилева, Ахматовой, Городецкого, М. А. *Зенкевича*, В. И. *Нарбута* и выражая надежду на их дальнейшее самостоят., внегрупповое существование в поэзии, Б. ни слова не сказал о поэзии О. М. По свидетельству Г. В. *Иванова*, Б. в ответ на оценку В. Ф. *Ходасевича*, считавшего О. М. «хорошим поэтом», «иронически пожимал плечами».

Брюсовские реминисценции содержатся также и в последующих текстах О. М., относящихся к 1910-м гг. Так, 2-я строфа стих. «Автопортрет» (1913–14) перекликается со стих. Б. «Кому-то» (1908): «Над поколением пропела / Свой вызов пламенная медь, / Давая знак, что косность тела / Нам должно волей одолеть».

Оба поэта разрабатывали два значительных для них блока тем: один – связанный с античностью, именно: с Грецией и Римом, другой – с культурой и мировоззрением эпохи Средневековья. В частности, в романе Б. «Огненный ангел» дается близкий О. М. подход к описываемой эпохе, при к-ром делалась попытка реконструкции ее специфики изнутри, как бы глазами ее современника, одновременно героя произв. Этот метод просматривается в ст. О. М. «Франсуа Виллон». Еще один общий объект серьезного внимания Б. и О. М. – Данте (см.: С. Бэлза. Брюсов и Данте // Данте и славяне. М., 1965). Такой же подход проявился и в стих. О. М. «Tristia», также связанном с источником из поэзии Б.: имеется в виду стих. «Ахиллес у алтаря» (1905). Это произв. Б. вызвало восторженную реакцию А. А. *Блока* и Гумилева. В связи со стих. О. М. обращают на себя внимание следующие строки из текста Б.: «Всем равно в глухом Эребе / Годы долгие скорбеть. / Но прекрасен ясный жребий – / Просиять и умереть!» (ср. О. М.: «Не нам гадать о греческом Эребе, / Для женщин воск, что для мужчины медь. / Нам только в битвах выпадает жребий, / А им дано гадая умереть»), равно как мотивы жертвы, обряда, неотвратимости известной заранее судьбы и др.

Идея мужественности и мужского долга как одной из поэтич. задач, естественная в поэзии О. М., является также одной из ведущих для поэзии Б. и его системы ценностей.

Несмотря на отсутствие печатной реакции на «Камень» О. М., Б., по всей вероятности, был знаком с этой книгой.

В книгах Б. кон. 1900 – нач. 1910-х гг. проявляется одна из гл. черт его поэтич. лексики – непосредств. введение в произв. науч. терминологии. При том, что само понятие «науч. поэзия» чуждо О. М., этот прием нашел применение и у него, хотя использовался в свойств. ему манере кодировки и метафоризации.

Разрабатывая собств. концепцию поэтич. языка, О. М. опирался на положения, сформулир. Б. (см. *Поэтический язык*). Следы этого влияния заметны в ст. «Утро акмеизма», где говорится о привлекательности для читателя произв. иск-ва как работы мироощущения художника, самого произв. – как самостоят. реальности. Сходный с брюсовским круг идей высказан и много позже, в «Разговоре о Данте», а также в более ранней ст. «О собеседнике» (1913), где содержится пассаж о поэтич. необходимости «обменяться сигналами с Марсом – задача, достойная лирики, уважающей собеседника и сознающей свою беспричинную правоту», восходящий к ряду поэтич. и прозаич. текстов Б., посв. космич. и межпланетным диалогам (ср.: «С кометы», 1895). Понимание О. М. кн. стихов как единого худож. целого также восходит к концепции Б. В ст. «О современной поэзии (К выходу “Альманаха муз”)» (1916) О. М. говорил о поэтич. манере Б. как о нехарактерной для текущего момента. Отмечая слабость помещенных в издании произведений Б., О. М. тем не менее говорит о свойственной им энергии при том, что рефлексии по поводу поэтич. творчества и отсылки к словоупотреблениям символизма он оценивал негативно.

Общение обоих поэтов в годы рев-ции носило поверхностный характер. Так, О. М. рассказывал об одной из «шалостей» Б., к-рый пригласил его к себе в служебный кабинет и стал хвалить его стихи, обильно цитируя при этом киевского поэта В. Н. *Маккавейского*. При этом «мэтр» не произнес ни одной строчки стихов самого О. М. Ср. в письме Н. М. к Д. Е. Максимову от 25.11.1969 оценку суждений о Б. поэтов-современников: «Отчасти – этикет (Мандельштам), потому что Брюсов – старше» (Дмитрий Евгеньевич Максимов в памяти друзей, коллег, учеников. М., 2007. С. 338).

Н. М. сообщает, что при распределении академич. пайка писателям Б. добился предоставления О. М. пайка 2-й категории. При этом Б., по словам Н. М., притворился, что перепутал поэта с его состоят. однофамильцем. Н. М. была возмущена тем, что у них «вырывают изо рта кусок мяса и кулек крупы», а О. М. этот эпизод лишь позабавил. Вместе с тем М. М. *Пришвин* вспоминает о резком и публ. возмущении О. М. результатами распределения пайковых норм, выглядевшем как «настоящий бунт».

Характерно, что в мемуарных очерках Б. и О. М. выступают как гл. действующие лица в одних и тех же сюжетах, рассказанных разными авторами. Таков эпизод получения писателями материальной помощи от амер. благотворит. организации «АРА». Процедура включала необходимую подпись писателя и слова о том, что он благодарит отправителя. При этом Н. М. сообщает, что Б. «счел унижением национального, что ли, или своего брюсовского достоинства поблагодарить Ара за банку бледно-белого жира и мешочек муки», а Пришвин указывает, что не Б., а О. М. квалифицировал этот вопрос как принципиальный: «Не обидно ли так получать помощь русскому поэту».

Брюсовские подтексты проступают в поэзии О. М. и в это время. Так, стих. О. М. «Вернись в смесительное лоно...» ритмически идентично 1-й и 3-й ч. «Habet illa in alvo» Б. (1902), а во 2-й ч. брюсовского стих. возникает тема «плода», «утробы» библ. Лии: «Ребекка! Лия! Мать! С любовью или злобой / Сокрытый плод нося, ты служишь, как раба, / Но труд ответственный дала тебе судьба: / Ты охраняешь мир таинственной утробой...». Как и в ряде др. случаев, стих. О. М. построено «от противного», диаметрально противоположно расставляя акценты и оценивая явление.

Одна из наиб. значимых для О. М. семантич. единиц – «бесполость» в разных грамматич. вариантах – содержится в стих. Б. «Цепи» (1905) именно в том оценочном смысле, в к-ром употребляет слова этого круга О. М.: «Но вы безвольны, вы б е с п о л ы, / Вы скрылись за своим затвором».

Фигура Б. рассматривалась О. М. в выстроенной им линии преемственности рус. поэзии, когда старший по возрасту поэт признает младшего и тем открывает ему дорогу в лит-ру: Самого О. М. признал Гумилев, а того признал Б. В этом контексте отношение О. М. к Б. вряд ли было однозначно негативным, как это представляет Н. М.

Н. М. вспоминает, что при подготовке антологии рус. поэзии О. М. не смог найти для нее ни одного стих. у Б. Б. упорно не желал признать О. М. самостоят. крупным поэтом. Вскользь он говорил о его приверженности к традиц. формам поэтики символизма в ст. «Смысл современной поэзии» (1920), в ст. «Альманах Цеха поэтов. Кн. вторая. Петроград, 1921» и «Вчера, сегодня и завтра русской поэзии» (1922).

В статьях 1920-х гг. О. М. дал оценку творчества Б. уже со своей сформировавшейся т. зр. на лит. процесс и лит. произведения. Так, в ст. «Письмо о русской поэзии» он говорил о Б. как о поэте, пережившем свою отошедшую в прошлое эпоху при том, что сам этот факт не может однозначно указать на поэтич. ценность его произведений. И о журнале «Весы», к-рым в 1904–08 руководил Б. С т. зр. О. М., совпадающей и с т. зр. Б., соотнесенность поэзии с религ.-филос. проблематикой точно так же снижает ее самоценность, как подчинение поэтич. творчества любой др. тематике и идеологии.

В ст. «Буря и натиск» О. М. писал об «урбанизме» Б., квалифицируя его как тему, изначально не соответств. характеру изобразит. средств поэзии Б. Здесь же О. М., в отвлечении от «урбанизма», заслоняющего, по его мнению, от читателей осн. корпус брюсовской поэзии и ее достоинства, отмечал последовательность и умелость поэта в подходе к поэтич. теме как эстетич. задаче и категории поэтики, сравнивая его в этом смысле с И. Ф. *Анненским*. Власть над темой, умение ее разрабатывать адекватными для нее средствами языка ставят Б. в позицию наиб. яркого среди всех представителей символизма. Среди лучших стих. Б. названы «Орфей и Эвридика», «Тезей и Ариадна», «Демон самоубийства». Особо отмечены последние кн. Б. – «Дали» и «Последние мечты», к-рые представляют образцы «емкости стиха и удивительного расположения богатых смыслом, разнообразных слов в скупо отмеренном пространстве», что дает возможность поэтам учиться у Б. (2. С. 291).

Вместе с тем О. М. подверг суровой критике один из постулатов мировоззрения Б., а именно – свойственные ему неолейбницианские настроения множественности и равноправия истин в мире, к-рые и являются залогом неиссякаемости жизн. силы. В ст. «О природе слова» приве-

Валерий Яковлевич Брюсов

дены (неточно) строки Б. из стих. «З. Н. Гиппиус», и акцент на всеобщность восприятия квалифицирован не как способность все принять и вместить, а как «убогое “ничевочество”». Такое же резкое неприятие вызывалось сравнением ист. эпох с «фонариками», употребленное в кн. Б. «Στέφανος».

Наиб. полный отзыв о поэзии О. М. Б. дал в ст. «Среди стихов» (1923). Здесь отмечалась известность О. М. как поэта, правда, только «в некоторых кругах» (среди «неоакмеистов», называемых так самим Б. Далее говорится о несовременности всего круга поэтич. образов О. М. Привлечение в поэзию массива исторических, знаковых для культурного читателя имен и собств. наименований, по Б., не достигает цели поэзии, т. е. передачи собств. ощущений от жизн. событий и реалий. Отсутствие прямых отсылок к событиям 1-й мир. войны, обществ. жизни, к соц.-полит. обстоятельствам и проблемам совр. науки делает поэзию О. М. предельно субъективной, с одной стороны, и столь же предельно отвлеченной – с другой. Б. категорически отрицал не только действенность, но и саму возможность осн. приема метафоризации кн. «Tristia» – создание особого культурного кода, единицами к-рого служат явления антич., ср.-век. культуры и вообще культуры прошлого. При этом ясно, что сущность этого приема понятна Б. Парадоксальность мышления и мастерство О. М. как поэта сами по себе не являются для Б. способом преодоления отвлеченности в его поэзии. Более того, об осн. смысловых узлах «Tristia» он высказаля однозначно негативно: они «в своем метафорич. аспекте... стали давно пустыми, лишенными реального содержания». Отзыв Б. нарочито поверхностен. Он принципиально не видел в «Tristia» книги стихов, логично продолжающих «Камень»: иначе от его внимания не ускользнуло бы то, что вторая кн. являлась непосредств. ответом на предложение представить, «Когда бы грек увидел наши игры», заканчивающее первую. Б. продолжал прочитывать О. М. как наследника символизма. При всем этом отторжение Б. слишком демонстративно, чтобы позднейший критик принимал его на веру. Характерно также, что весь объем демонстрируемого неприятия и непонимания все же не помешал Б. заметить в кн. «Tristia» стих., к-рое, подобно «Я не увижу знаменитой “Федры”...» в «Камне», знаменовало новый этап становления поэтики О. М., а именно «Грифельную оду». В дальнейшем О. М. в большинстве случаев употреблял средства, впервые найденные именно в этом стих.

В 1923 О. М. выступил на 5-летии Всерос. союза поэтов (Тверская, 18) на «академич. собрании» под председательством Б.

В ст. О. М. «Художественный театр и слово» (1923) МХТ оценивался по критериям, сходным с выраженными в ст. Б. «Ненужная правда» (1902) (см. *Театр*). Если Б. считал, что стремление к худож. правде в МХТ заменилось всего-навсего механич. воссозданием действительности, то О. М. то же самое квалифицировал еще жестче, говоря о «На дне»: «Ситцевый и трущобный маскарад» (О природе слова).

В своей прозе О. М. также опирался на систему оценок явлений действительности, разработанную Б.: так, интонация описания ушедшей эпохи в «Шуме времени» идентична с брюсовской, звучащей в стих. «Мир» («Я помню этот мир, утраченный мной с детства...», 1903).

Совпадение культурных интересов характерно для О. М. и Б. Так, в 1909 Б. выступил со своей оценкой творчества Н. В. *Гоголя* как писателя, далекого от реалистич. поэтики. Заметно, что гоголевские реминисценции у О. М. строятся по пути возможно большего отхода от реалистич. традиции и приближения к лит. условности как приему и цели даже тогда, когда реалистич. трактовка образа уместна (ср.: «Египетская марка»).

С 1890-х гг. Б. занимался творчеством Тютчева, чрезвычайно существенного и для О. М.. Оба поэта уделяли особое внимание образу грозы в тютч. поэзии: для О. М. она служила «прообразом исторического события – в природе...», для Б. – своеобр. «окном» в мир хаоса (Брюсов В. Я. Ф. И. Тютчев: Смысл его творчества // Брюсов В. Я. Собр. соч. Т. 6. С. 201).

С 1915 Б. занимался изучением истории и культуры Армении, переводами и публикациями арм. поэтов, подготовкой антологии «Поэты Армении». В 1916 он написал стихотв. цикл «Армения». О. М. стремился в Армению, совершил важное для него путешествие в эту страну, посвятил ей стихотв. цикл. Между циклами поэтов никаких перекличек нет, кроме единств. словоупотребления – значимого для обоих эпитета «лазурный». По свидетельству Н. В. *Соколовой*, на своем вечере 14.3.1933 О. М. упомянул о брюсовских исследованиях в обл. арм. яз. и дал понять, что в своих штудиях в этой области идет по пути, проложенному им.

Помимо столь явно общих моментов, между системами ценностей обоих поэтов существовали и непреодолимые антагонистич. противоречия: так, идея культа искусства у Б. несовместима с концепцией искусства как игры «Отца с детьми», свойств. О. М.

Оценке О. М. подвергалась переводч. деятельность Б. Так, в ст. «О переводах» О. М. негативно оценивал сделанный Б. перевод «Фауста» И. В. Гете. Однако в целом Б.-переводчик, с т. зр. О. М., достоин высшей награды, к-рая есть «усвоение переведенной им книги русской литературой».

Брюсовский подтекст проявляется и в стихах О. М. памяти А. Белого: ср. Б.: «И, глуби черные покинув, / В лазурный день из темноты / Взлетает яркий рой павлинов, / Раскрыв стоцветные хвосты» («Охотник», 1904) – О. М.:

«О Боже, как жирны и синеглазы / Стрекозы смерти, как лазурь черна».

В целом можно сказать, что «синтетич. поэт современности» и будущего, чей образ формируется последовательно в ст. О. М., складывался в его сознании по модели лит. личности Б. периода символизма и книг 1920-х гг. Одна из поздних ст. Б. называлась «Синтетика поэзии» (1924). Б., в свою очередь, также занимался моделированием подобной универс. поэтич. личности и поэзии в целом как познават. метода, имеющего «синтетическую», т. е. образно-универс., природу.

Соч.: Собр. соч.: В 7 т. М., 1975; Среди стихов: 1894–1924: Манифесты, статьи, рецензии. М., 1990.

Лит.: В. Брюсов // ЛН. М., 1976. Т. 8; Тоддес Е. А. Статья «Пшеница человеческая» в творчестве Мандельштама 20-х гг. // Тыняновский сб. Третьи Тыняновские чтения. Рига, 1988; Он же. Заметки о Мандельштаме // Шестые Тыняновские чтения. Рига; М., 1992; Лукницкая В. К. Н. Гумилев: Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. Л., 1990; Цветаева М. И. Мой ответ Осипу Мандельштаму // Цветаева М. И. Собр. соч.: В 7 т. М., 1994–1995. Т. 5; Лекманов О. А. Книга об акмеизме и другие работы. Томск, 2000; Ронен О. Поэтика О. Мандельштама. СПб., 2002.

В. В. Калмыкова.

БУДДИЗМ И БУДДИЙСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА.

Буддизм (Б.) – одна из мировых религий, оказавших опред. влияние на О. М. Являясь органической частью особого метафорического мира поэта, буддийские аллюзии составляют нерасторжимое целое с другими поэтическими аллюзиями О. М. Буддийские мотивы (Б. м.) у О. М. свидетельствуют как об искреннем и постоянном интересе поэта к проблемам сознания, а в этих рамках и к Б. в целом, так и о достаточно глубоком знании опред. спектра явлений культуры Востока. Б. в произведениях О. М., своеобразно истолкованный им в соответствии с рус. худож. традицией кон. 19 – нач. 20 в. и собственными творч. задачами, – скорее не реальное религ.-филос. учение, но изобретенная поэтом и в идеологическом отношении предвзятая синтетическая «категория»: это касается прежде всего культурологич. и историософского «двойника» этого учения – «западнического буддизма», с самыми разнообразными и неожиданными составляющими – от франц. импрессионизма до бюрократич. марксизма советского образца.

Первое прямое упоминание Б. появляется у О. М. в ст. «[Скрябин и христианство]», [1917]. До 1931 Б. м. присутствуют в его творчестве как в прозе («Слово и культура», «Пшеница человеческая», «Литературная Москва», «Девятнадцатый век», «Заметки о Шенье», «Vulgata. (Заметки о поэзии)», рецензия на «Записки чудака» А. *Белого*, «Прибой у гроба», «Татарские ковбои», «Жак родился и умер!», «Четвертая проза»), так и в стихах («Дано мне тело...», 1909; «Я изучил науку расставанья...», 1918; «В Петербурге мы сойдемся снова...», 1920; «Грифельная ода», 1923, и др.). Как в перечисленных, так и в др. стихотворениях активную роль играют постоянные для творчества О. М. худож. образы: пустота, колесо, раковина, острова-сферы, вневременность узнавания, камень, веретено, цветы и т. д. Все они также являются важными идеологемами Б., с к-рыми достаточно хорошо были знакомы предшественники и современники поэта. Это позволяет, не зачеркивая др. аллюзий, указать на буддийский подтекст и нек-рых ранних произведений О. М. (см., напр.: «Соломинка», 1916). С 1931 буддийские образы становятся доминантой мн. стихов О. М., а сам Б. является важной составляющей худож. концепции поэта (см., напр., «Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето...», 1931). Буддийский контекст – не случайные аллюзии нек-рых произведений О. М., он имеет в его творчестве глубокие корни.

Б., возникший в Азии в кон. 6 – нач. 4 в. до н. э., был заново открыт пораженной кризисом сознания Европой 2-й пол. 19 в. и воспринят в качестве религ.-филос. доктрины, способной дать ответы на вопросы, к-рые, казалось, не могли быть разрешены в рамках традиц. христ. мысли и зап. философии. Европ. интеллектуалам особенно импонировала предлагаемая Б. филос. концепция нелинейности, цикличности развития об-ва и нравств. самоусовершенствования человека – гаранта такого развития – как альтернатива идее линейного прогресса, доминировавшей в Европе 18–19 вв. Разл. идеологемами Б. оперировали представители новых филос. школ – позитивизма, интуитивизма, неокантианства и т. д., а также теоретики «экстранауч.» познания (в частности, теософии). Такие направления европ. искусства, как модернизм, импрессионизм, символизм и др., также испытывали на опред. этапах серьезное влияние Б., причем не только декоративное или формально-стилистическое, но и идеологическое. К нач. 20 в. весомый вклад в мировую буддологию внесли рус. ученые. В стенах *Санкт-Петербургского университета*, где О. М. учился в 1911–17, сложилась новаторская науч. школа Ф. И. Щербатского, создавшая объективно-ист. метод изучения Б. Фундаментальные работы о Б., а также переводы классич. поэзии Востока и нек-рых памятников буддийской литературы выходили в России как до, так и после 1917. По-видимому, О. М. обратил внимание на появление в 1913 выполненного К. Д. *Бальмонтом* стихотворного перевода поэмы «Жизнь Будды» («Буддачарита») инд. поэта Ашвагхоши (1 в. н. э.). Косв. свидетельством знакомства О. М. с мировой буддологией можно считать его заметки о труде П. С. Палласа «Путешествия по разным провинциям Российской Империи» (1799), к-рый и сегодня остается традиционным источником для исследователей «ламаизма».

Обрядовую сторону Б. О. М., возможно, наблюдал в дацане («ламаистском» храме), действовавшем в Петербурге – Петрограде – Ленинграде в 1913–37; храм был построен в Старой Деревне, на сев. оконечности Каменноостровского просп.; современников поражала его цветовая гамма: все оттенки красного и желтого спектров (см.: Андреев А. И. Буддийская святыня Петрограда. Улан-Удэ, 1992). По свидетельству С. И. *Липкина*, О. М. питал уважение к личности будды Сакьямуни – поэта и философа, и, по-видимому, был знаком с приписываемыми ему традицией сутрами – канонич. текстами Б.

На открытых заседаниях Имп. Рус. геогр. об-ва с популяризаторскими лекциями регулярно выступали как ученые-буддологи, так и выдающиеся путешественники-исследователи Азии. Размышления и дискуссии на животрепещущую тогда тему Востока, и в ее рамках – Б., были неотъемлемой чертой жизни культурной элиты Рос-

сии нач. 20 в. В ближайших к О. М. кругах активный интерес к Востоку и его религ.-филос. учениям испытывали Н. С. *Гумилев*, В. К. *Шилейко*, М. А. *Волошин* и др. Кроме того, в среде интеллигенции существовали ярко выраженное «оккультно-мистическое» отношение к Б. и увлечение тибетской медициной [см. упоминания лечебных порошков лейб-медика П. А. Бадмаева в кн. воспоминаний Б. К. *Лившица* «Полутораглазый стрелец» (М., 1991. С. 127, 226)].

По-видимому, опред. влияние на буддийские образы О. М. 1930-х гг. оказал приезд в Москву в 1926 Н. К. и Е. И. Рерихов, неутомимых исследователей буддийского Востока, с миссией передачи советскому пр-ву послания, составленного в соответствии с положениями их Учения живой этики. Вплоть до сер. 1930-х гг. Рерихи видели в Октябрьской рев-ции символ зарождения долгожданной Мировой общины – легендарной Шамбалы, а в ее вождях – В. И. *Ленине* и И. В. *Сталине* – эманации бодхисатв, пророков новой эпохи.

Вместе с тем влияние сугубо церк. т. зр. на Б. во мн. определяло обществ. мнение России 1-й пол. 20 в. В противовес гуманистич. учению Христа Б. нередко характеризовался как религия пессимизма и демонопоклонства. Так, и к сер. 20 в. Н. М. сохраняла сформировавшееся в его начале мнение о Б.: «В христианстве есть призыв к активности – хотя бы в притче о талантах – в отличие от буддизма и теософских течений, завоевавших умы в начале века, как и пантеистические течения. Символисты подверглись сильному влиянию Востока...»

Первые буддийские аллюзии в поэзии О. М. относятся еще к петерб. поре его жизни. Тогда же у О. М. – публициста складывается сложное отношение собственно к Б. и негативное – к теософии как яркому образцу его европ. «разновидности». В ст. «[Скрябин и христианство]» он писал: «Время может идти обратно: весь ход новейшей истории, которая со страшной силой повернула от христианства к буддизму и теософии, свидетельствует об этом... Единства нет! “Миров много, они располагаются в сферах, бог царит над богом!” Что это: бред или конец христианства? Личности нет! “«Я» – это переходное состояние – у тебя много душ и много жизней!” Что это – бред или конец христианства? Времени нет! Христианское летоисчисление в опасности, хрупкий счет годов нашей эры потерян – время мчится обратно с шумом и свистом, как прегражденный поток, – и новый Орфей бросает свою лиру в клокочущую пену: искусства больше нет...». Это программное заявление с его импровизированными «цитатами» отражает отношение О. М. к Б. в 1-й четв. 20 в. и указывает на знакомство поэта не только с теософскими трудами, но и с нек-рыми из христиански-ориентированных рус. работ по Б. (вероятней всего: К о ж е в н и к о в В. А. Буддизм в сравнении с христианством: В 2 т. Пг., 1916).

Характерно, что статья посвящена памяти А. Н. *Скрябина*, разделявшего мн. из теософ. идей. Ее пафос – в противопоставлении идеи христ. спасения (как творч. акта) нравств. «всеядности» теософии и тех явлений современности, к-рые О. М. объединял термином «Б»., используя его в культурологич. смысле. Суждения поэта нач. 1920-х гг. о Б. и теософии исполнены полемич. резкости: «Дурная бесконечность... отсутствие позвоночника в учении о перевоплощении – “карма”, грубый и наивный материализм в вульгарном понимании сверхчувственного мира... интерес ко всему, граничащий с равнодушием, – всепонимание, граничащее с ничегонепониманием». В статьях О. М. Б. характеризуется как основа либо позитивистского, либо релятивистского, либо марксистского, либо дарвинистского, либо теософ. миропонимания – этот список можно продолжить. В поисках ответов на жгучие вопросы современности и, до времени не находя их во множестве новых «буддийских» теорий, объясняющих и дробящих мир, поэт нередко обращается к объединяющей идее Творца-Логоса. Признавая «холодную» правду достижений науки и культуры Нового времени, О. М. 1920-х гг., вслед за «колонизатором» и «конквистадором» Гумилевым, ратует за сохранение в сознании человечества «те[ле]ологической», «нежной» морали Старого Света (в частности, в статье «Пшеница человеческая», 1922). В целом мандельшт. концепция Б. до 1924 – бездействие, противопоказанное плодотворности и внутр. свободе иудео-христ. морали и культуры как неотъемлемой части цельного, европ. по своей сути, сознания.

Отказ от устойчивого мировоззренч. комплекса («ребяческий империализм») был сопряжен для О. М. с мучительными раздумьями и страхом, что нашло выражение и в образе могущественного, но «чужого бога». Грандиозные изменения в привычном О. М. «классич.» мироустройстве, происходившие на рубеже 19–20 вв., не совпадали с ожиданиями поэта и его современников. Больнее всего он чувствовал, по-видимому, разрушение нравств. основ совр. ему общества, определив это разрушение как травму позвоночника эпохи. Радикально меняющаяся науч. картина мира (радиоактивный распад, теория относительности, превращение материи в энергию, корпускулярно-волновой дуализм и т. д.), новаторские «странности» европ. искусства (импрессионизм, авангардизм, атональность и т. д.) – и социальные катаклизмы – требовали «гносеологического» объяснения.

1-я мировая война разрушила эфемерное единство Европы. В 1917 пришел конец (на какое-то время) рус. гос-ву из учебников классич. гимназии, «оперным мужикам» и нац.-правосл. идее. Гражд. война завершила крах социальных устоев многонац. империи. На улицы обеих столиц с окраин России хлынула этнически и социально пестрая толпа. «Желтая угроза», о к-рой так много рассуждали теософы и правые, кажется, осуществлялась не только в сфере политико-идеологической, но и в практике повседневной жизни. Так, в Москве китайцы и др. «нацмены» стали повседневностью, подчас приветствуемой («китайские прачечные», «татарские спины» рабочих и т. д.). Мн. представители рус. интеллигенции тогда впервые открывали для себя неизвестную им страну «скифов» – Россию «без креста», угаданную А. А. *Блоком*.

Однако, чтобы объяснить катастрофич. бытие начавшегося 20 в., одной гамлетовой метафоры «вывихнутого времени» уже было недостаточно. В поисках такого объяснения поэт 1920-х гг. вновь и вновь возвращался к Б., возобновив дискуссию *акмеизма* с *символизмом*, ставшим, по О. М., основой большевистского искусства. Поэтому в его статьях в ходу дискуссионные приемы и лексика «буддийских» оппонентов – символизма, теософии, марксизма, советской газеты. Пользуясь приемами худож. контаминации и деструкции их осн. идеологем и филос. концепций,

О. М. вынес нелицеприятный приговор Б. «аптекаря Гомэ». С наиб. ясностью о своей интерпретации формирования совр. сознания О. М. заявил в ст. «Девятнадцатый век» (1922): «Девятнадцатый век был проводником буддийского влияния в европ. культуре. <...> Он был колыбелью Нирваны, не пропускавшей ни одного луча активного познания... <...> Век не исповедовал буддизма, но носил его в себе как внутреннюю ночь, как слепоту крови, как тайный страх и головокружительную слабость».

Буддийское мироздание О. М. альтернативно экуменически-классическому: старый мир умирает, уступая место очередному буддийскому «колесу», и поэт, «осколок» этого мира, оказывается «лишним человеком», несмотря на упорные попытки принять новое, не-«векторное», мироустройство. В несовместимости этих традиций, возможно, и выражались гл. мировоззренч. противоречия О. М., мучившие его на протяжении двух десятилетий, отразившиеся в его отношении к Б. и разрешившиеся в опред. степени в его филос. поэзии 1930-х гг.

Зарождение «большевизации» нового европ. сознания и об-ва он возводит к 18 в., «буддийский» девиз к-рого, в изложении О. М., предвосхищал механистич. лозунг 1-й советской пятилетки: «Техника в период реконструкции решает все!» «Из мечты о всемирном блаженстве, воплощаемом как перманентное фойе с буфетом...», как зал ожидания на циклопич. вокзале, на глазах поэта вырастает новое общество и новое сознание, отказавшееся от свободы нравств. выбора во имя мифич. торжества мнимого «духа», на деле оборачивающегося «буддийской» пустотой и «непрерывной конторой».

Важным связующим звеном между концепцией Б. раннего О. М. и ее последующим развитием представляется образ буддийской мельницы – ритуального предмета, состоящего из полого цилиндра и пропущенного сквозь него стержня, соединенных т. о., чтобы цилиндр вращался вокруг оси, производя негромкий ритмичный шум (каждый поворот «мельницы» соответствует прочитанной молитве): «По линии наименьшего сопротивления: туда, где дают. Застрекотали пишущие машинки, заскрипели перья в розовых и подагрических пальцах... Вертелись буддийские мельницы, листы подсчитывала бухгалтерия». Если в поэзии О. М. 1910-х гг. образ исторического времени был представлен роковым веретеном («Когда удар с ударами встречается...» и др.), в 1917 – молчащей прялкой («Золотистого меда струя из бутылки текла...»), то в прозе 1922 символом альтернативного русла европ. времени и «схоластической казуистики» стала молитвенная мельница. Марксистское (т. е. вульгарно-материалистическое, по О. М.) манипулирование содержанием и лексикой свободы уподобляется буддийской мантре.

Незаинтересованность монументальной «пролетарской идеи» в конкретном человеке порождает новое искусство и новый язык, превращенные его создателями в «китайщину» или в «волапюк газеты». Рус. яз. – «позвоночник», критерий единства культуры, в своей гибкости и изменчивости был для О. М. наследием эллинской культуры, «звучащей и говорящей плотью», разрешающейся в событие: теперь и он тоже – «огромная тяжелая жвачка, рассчитанная на тысячи желудков».

Со временем поэт найдет новые грани понимания Б., сохранив при этом позицию активного противостояния «буддийскому» бездействию, заявленную в статье о Скрябине. Мужество поэта и его героя заключалось в преодолении нетерпимости к кардинальным изменениям сознания, раздвоенности собственной этич. и эстетич. позиции, неустанном поиске синтеза старого и нового.

В 1908–20 творчество О. М. испытывало опред. влияние дальневост. (в частности, классич. японской) поэзии (см.: «Дано мне тело...», «Бесшумное веретено...», 1909). Тантрич. принцип дзен-Б. – прорыв из плена обыденного сознания к вечному, т. е. к природе будды, путем медитации парадокса и шока – присутствует во мн. стихах этого времени наряду с соответствующими формально-стилистич. характеристиками (функции опорных слов, импрессионизм, «бессюжетность» и т. д.).

Безусловно, значительно повлияли на мандельшт. восприятие Б. этого периода и нек-рые новые идеи европ. философии: бергсонианства, экзистенциализма, неокантианства и др., а также антропософии Р. Штейнера (ср.: «Государство и ритм», 1918).

В 1908–10 Б. м. у О. М. еще не обладают конкретной, аутентич. семантикой: это, очевидно, определялось тем, что знание идеологем и реалий Б. было воспринято юным поэтом «из третьих рук» (ср.: образы веретена и окна-занавеси) – популярных изданий, устных пересказов, текстов на иностр. яз. К тому же подавляющее большинство опубл. до 1917 переводов дальневост. поэзии на рус. яз. было сделано с европ. яз. [см., напр., следующие антологии: Китай и Япония в их поэзии. СПб., 1896; Песни ста поэтов: Японская антология (XIII в.). СПб., 1905; Душа Японии. СПб., 1905; Японская лирика. СПб., 1912]. Буддийские аллюзии О. М. до 1920 активно проецируются сквозь призму европ. декаданса, в частности П. Верлена, С. *Малларме*, Т. *Готье* (см.: «В морозном воздухе растаял легкий дым...», 1909; «Когда удар с ударами встречается...», 1910). С 1910–11, формально и содержательно изменившись в соответствии с программой акмеизма, стихи поэта отражают значит. концептуальные изменения в образе Б. («Соломинка», 1916), но одноврем. свидетельствуют и о лучшей фактографич. осведомленности поэта («В Петербурге мы сойдемся снова...», 1920). Однако концепция «буддийской» истории О. М. часто ограничена перевоплощениями «бездушных» существ, жертв верленовского рока-«кармы», стремящихся к нирване («Душу от внешних условий...», 1911), сохраняя «тайные слияния» Б. и с рус., и с антич. поэтич. аллюзиями («Я в хоровод теней...», 1920).

Б. в статьях 1920-х гг. – закрытая идеологич. система, удовлетворенная отсутствием времени в европ. понимании истории, нирвана же – это «дурная бесконечность» без масштаба и горизонта, предел, небытие. Большевистская мечта о создании гос-ва всеобщего счастья на развалинах старого мира дала О. М. толчок к прямой аналогии между советским устройством об-ва и тибетским гос-вом, управляемым ламами.

Закреплению «ламаистского» образа способствовала и логика мировой истории, представленная в статьях О. М. 1920-х гг. преим. в образах мифологии, литературы и искусства. В них Б. генеалогически связан, во-первых, с дохрист. цивилизациями, Египтом, Вавилоном и Ассирией.

Затем мир не-свободы, включив в себя Византию (христ. традиционализм также почти равен Б.: образ монашеской Византии у О. М. близок образу теократич. Тибета) и старые, но совр. поэту цивилизации Азии – Японию и Китай, достигнув границ Тибета, «свертывается». Тут, у самого основания «азиатской» ист. дуги О. М. – обрыв, обозначенный заимствованными у А. С. *Пушкина* и Н. В. *Гоголя* образами бесовской свадьбы и Вия. Этот инвариантный хтонический мир, с неизменностью его законов, по-видимому, является воплощением не только до-«европейской» или до-«христианской», но внеисторической не-свободы. Каждый «круг вращений» истории, социума, судеб сообщается с др. посредством мирового океана – одновременно океана европ. худож. традиции и др. «океана, в котором, как волны из глубины, постоянно откуда-то выкатываются элементы жизни. Эта волнующаяся поверхность представляет собою, однако, не хаос, а повинуется строгим законам причинности. <...> Учение о “совместно-зависимом рождении элементов” является самым центральным пунктом всего буддийского мировоззрения».

Однако контрапунктный для О. М. образ «вывихнутого» времени неразрывен с европейским «отпадением от истории», к-рое в 1922 он связывает с притоком «буддийско»-антропософской «чужой крови» и превращением океана в хаос. Тем не менее в мандельшт. концепции единства сознания и мира в «безвременьи» хаоса заключена возможность дальнейшего развития человеч. истории и культуры. В этот первичный хаос-океан и должна была отправиться снаряженная поэтом «египетская» ладья культурного наследия человечества – в поисках «новой земли».

Парадоксальным образом в статьях О. М. 1920-х гг. с их протестом против влияния Б. создается стройный образ «волновой» цикличности Земли как части буддийского макрокосма и мега-истории. Интересно, что Индия – родина Б., в произведениях О. М. долгое время не упоминается, оставаясь в контексте (по-видимому, типологически роль Индии в Азии во многом совпадала для поэта с ролью древних эллинов в европ. культуре – ср. с «индийской радугой» в стих. «Внутри горы бездействует кумир...», 1936). Зато загадочная и утонченная Япония тождественна Зап. Европе Нового времени. Важен для буддийской темы О. М. и образ Китая – Поднебесной империи. Срединное царство изображалось на др.-кит. картах центром мироздания. Целью кровавого Боксерского восстания 1899–1901, приведшего к длит. гражд. войне, было устранение растущего влияния Запада и в перспективе правящей династии. Пекинская резиденция императоров, Запретный Город, была недоступна простым смертным. Эти и др. факты позволили О. М. 1920-х увидеть ассоциативную связь между Срединным царством и созданием коммунистич. гос-ва. Советская Москва, по О. М., это закрытый (или добровольно закрывшийся) для живой европ. традиции город.

В стихах 1930-х гг., отталкиваясь от осн. характеристик господствующей идеологии, О. М. как бы проверяет верность ранее найденного типологич. «сходства» большевизма и Б. Но к 1931, после крушения последних надежд, связанных с построением нового общества, мировидение О. М. претерпевает колоссальные изменения. Они коснулись и образов Б., в частности дзен-буддийских танки и хокку, с такой любовью перенесенных им в рус. поэтич. мир в 1900–10 гг. и с таким негодованием в качестве «поэзии небытия» отвергнутых в 1922. Так, в стихах об Армении появляется цепочка стихотворений, отдаленно напоминающих хокку – яп. стихотв. жанра, выросшего из жанра танки (хокку состоит из 17 слогов, заключенных в трех строках: по 5, 7, 5 слогов в каждой соответственно). «Снежный конус излюбленной горы, покровительницы японских граверов», вновь был переложен О. М. в «русский размер». О. М. сам указывает на происхождение стих. «Холодно розе в снегу...» в его развязке: «Снега, снега, снега на рисовой бумаге, / Гора плывет к губам. / Мне холодно. Я рад...».

Специфич. характеристики яп. поэзии – «зашифрованность» и контаминация текста, обилие образных ассоциаций, обслуживающих каждое слово, и раньше были отличит. чертой его творчества. 1930-е гг. привнесли в стихи О. М. качественно новый уровень подтекста: каждый «буддийский» стихотворный текст поэта несет ярко выраженное содержание рус. гражд. поэзии. Завершилось и формирование «буддийской» концепции единства мирового сознания и преемственности – «вспоминаемости» – «перерождаемости» его гл. носителей – поэтов («Не мучнистой бабочкою...», 1935; «Стихи о неизвестном солдате», 1937).

Характерно, что к 1931 осн. символы советской государственности и идеологии стали для О. М. неотделимы от символов «ламаизма». Новая поэтич. сверхзадача привела О. М. к поэтич. образу Москвы и Красной пл. как центра «европ.» Б. Символом Красной пл. 1930-х гг. были не Иверские ворота и часовня (уже снесенные), им стал мавзолей Ленина. Образ Ленина – личности, порожденной новой эпохой, и вместе с тем сына старого века – не оставлял поэзию О. М. с 1917. В творчестве поэта нач. 1930-х гг. он получает свое развитие сначала в образе Вия («Четвертая проза», 1930), затем становится сморщенным зверьком в тибетском храме («Полночь в Москве...», 1931).

В 1930 состоялся перенос тела Ленина из врем. деревянного мавзолея в пост. каменное здание, что завершило архит. ансамбль площади – гл. «идеологич.» кладб. страны. Темно-красный гранит, использовавшийся и для здания дацана в Петербурге, и для мавзолея в Москве, а также близость архитектурных форм последнего и тибетских ступ, несомненно, уточнили «буддийскую» метафорическую карту столицы. К сер. 1930-х гг. образ незахороненного мертвеца-Ленина, продолжающего жить на Красной пл., также приобретает явные буддийские черты в усыпленном кумире («Внутри горы бездействует кумир...», 1936). При этом помещенный в гору кумир вызывает в памяти не только образы гигантских статуй, высеченных в горах Азии, но также гору Сумеру – центр земного мироздания в Б. («На Красной площади всего круглей земля / И скат ее твердеет добровольный»), и «автохтонные» сооружения «ламаистов» – «обо», или кумирни.

В СССР не было принято обсуждать этнич. происхождение Ленина. Но, напр., раскосые глаза были неотъемлемой частью как изобразит., так и словесных его портретов. Поэтому современникам О. М. довольно просто было увидеть соответствие между кумиром, лежащим в храме-пещере, и мавзолеем с его содержимым (о возможности знания О. М. калмыцких корней Ленина см.: Г а с п а р о в М. Л. Метрическое соседство «Оды» Сталину // Столетие Мандельштама: Материалы симпозиума / ред.-сост. Р. Айзелвуд,

Д. Майерс. Тенафлай, 1994. С. 101–02). Функцию хранителей сна поэт отдает «жирным ожерельям», т. е. богатству, перенасыщенности жертвоприношений. Завязанные узлом кости (знаменитая поза лотоса) и просветленное лицо кумира закрепляют «буддийскую» скульптурность стихотворения.

Но покой нирваны, где не должно быть места страданию, житейской суете, ощущению времени и пространства, не принес успокоения тому, кто прежде был человеком. Его сны наполнены всеми признаками чувств. бытия и неизбывным желанием прервать оберегаемый некими силами сон, вернуть утраченное. Поэт находит черты, связывающие «истукана» с недавним существованием в человеч. облике – непрекращающиеся, упорные попытки мыслит. и эмоц. деятельности: «Он мыслит костию и чувствует челом / И вспомнить силится свой облик человечий». Функции мозга и сердца кумира отданы традиционно несоответствующим «органам», т. к. нужные отсутствуют, причем не по воле самого кумира. Он – обожествл. человек, жертва мумификации, насильственно «сотворенный» кумир.

О. М. в стихах 1930-х гг. воссоздал на Красной пл. идеальное «буддийское» сооружение: «молиться» со своими «глиняными» обидами люди шли к Ленину, а поклонялись Сталину – бывшему послушнику, к-рый стал «настоятелем» и главой нового теократич. гос-ва. Получают дальнейшее развитие и «буддийские» константы-спутники образа Ленина, найденные О. М. в сер. 1920-х гг. – «женственные» образы преходящести, флюидности, потери (уголь, грифель, смола, вода, равнинность и др.), противопоставленные «мужским» и твердым (кремень, железо, гора и т. д.). Семантика Красной пл. 1930-х гг. закрепляет и ранее сложившуюся у поэта палитру Б., к-рая включает 3 цвета-доминанты: черный, золотой (рыжий и желтый, как его варианты) и гл. цвет – красный (или малиновый). Преобладание красного спектра на фоне др. глубоких цветов характерно для буддийской иконографии, кроме того, осн. цвета одежды буддийских монахов – желтый и красный.

Однако к кон. 1930-х гг. «буддийская» палитра О. М. расширяется, отразив изменения в поэтич. пространстве. Если в 1917 противостояние смерти и бессмертия разрешается для поэта и его лирич. героя победой христ. Спасения, то 1930-е гг. приносят мучит. сомнения – «буддийские» стихи содержат немало «если», «может быть» и т. п. («Заблудился я в небе – что делать?», 1937, и др.). В то же время мн. стихи О. М. с аллюзиями Б. уже лишены подтекста, связанного с сомнениями или страхом («Я скажу это начерно...», «Стихи к Н. Штемпель», 1937, и др.).

Лирич. герой О. М. переосмысливает мироздание Б., к-рое из альтернативного, параллельного европейскому, становится не только его неотъемлемой частью, но расширяет горизонт мандельшт. Европы 1910-х гг. до размеров земного шара. Небо поэзии О. М., непобедимая ранее нирвана, сообщается теперь с земным миром посредством дантовой диффузии. Стихи 1930-х гг. несут в себе многослойно инкорпорированные образы: напр., можно отметить интенсивную взаимозаменяемость «буддийских» сфер с традиционными для 1920-х гг. эсхатологич. образами О. М. – библейскими («Тайная вечеря», 1937, и др.), эллинистическими («Гончарами велик остров синий...», 1937, и др.), русскими («На откосы, Волга, хлынь...», 1937, и др.), германскими («К немецкой речи», 1932, и др.) и т. д.

В связи с приятием мн. аспектов «буддийского» космоса и целостности нового мира к герою О. М. постепенно возвращается уверенность в победе юношеского идеала Земли – золотого шара, равноправного остальным «звездам», идеала золотого сечения – «золотой меры» («Век», 1922), имеющей силу «очеловечивать» холодные «буддийские» сферы, вливая в них горячую кровь: «...Чтобы белые звезды обратно / Чуть-чуть красные мчались в свой дом». Соответственно, усложняются образы Б., напр., центр. образ пустоты-нирваны, теряя прямолинейную символику злого неба 1920-х, вновь приобретает универсальные черты мир. океана как первозданного хаоса-мироздания (океан без окна, вещество, водяная гора, отвесное озеро и т. д.).

Концепция любви-сострадания ко всему живущему постоянно присутствует в стихах 1930-х гг. О. М. попрежнему нужна любовь созидающая, любовь-строительство: «...счастливое небохранилище – / Раздвижной и прижизненный дом». Жить (подобно человеку-Будде) и умирать (подобно человеку-Христу) следует только ради маленького земного Человека: именно такое единство и составит «Чистых линий пучки благодарные». Так в 1937 к О. М. возвращаются изменившие форму, но сохранившие юношеский пафос «чисто русская жажда спасения» из статьи о Скрябине и «эллинское безумие», с к-рым он выразил эту жажду: «Торжествует память – пусть ценою смерти... Вспомнить во что бы то ни стало!»

Лит.: Щербатской Ф. И. Философское учение буддизма. Пг., 1919; Померанц Г. С. Басё и Мандельштам // Теоретические проблемы изучения литератур Древнего Востока. М., 1970. С. 195–202; Он же. Слово-Психея // Слово и судьба: Осип Мандельштам. М., 1991. С. 395; Маргвелашвили Г. Г. «Не разнять меня с жизнью...» (об О. Мандельштаме) // Маргвелашвили Г. Г. «Когда на нас глядит поэт...». М., 1990. С. 45; Мец А. Г., Василенко С. В., Фрейдин Ю. Л., Никитин В. А. Примечания: О. Мандельштам. «Скрябин и христианство» // РЛ. 1991. № 1. С. 75–76; Нерлер П. О. Мандельштам в Гейдельберге. М., 1994; Ермакова Т. В. Буддийский мир глазами российских исследователей XIX – первой трети XX века. СПб., 1998; Низова И. И. К проблеме художественной рефлексии Мережковского и Мандельштама // Д. С. Мережковский: Мысль и слово. М., 1999. С. 296; Черашняя Д. И. Тема мавзолея в творчестве О. Мандельштама // Известия АН. Серия литературы и языка. 2000, Т. 59. № 4. С. 36–48; Аверинцев С. С. Страх как инициация: Одна тематическая константа поэзии Мандельштама // Смерть и бессмертие поэта. Материалы междунар. конференции, посв. 60-летию со дня гибели О. М. Мандельштама. М., 2001. С. 17–23; Видгоф Л. М. Москва Мандельштама: Книга-экскурсия. М., 2006; Мачерет Э. О некоторых источниках «буддийской Москвы» Осипа Мандельштама // Acta Slavica Iaponica. Vol. 24. 2007. P. 166–187.

Э. Мачерет

БУЛГАКОВ, Сергей Николаевич (о. Сергий Булгаков) (16.6.1871, г. Ливны Орловской губ. – 12.7.1944, Париж, Франция), философ, богослов, экономист и литератор. В своих богословских трудах развивал учение о Софии и Богочеловечестве В. С. *Соловьёва*. Основные работы: «Философия хозяйства» (1912), «Свет Невечерний» (1917),

Сергей Николаевич Булгаков

«Философия имени» (1920, 1953), «Трагедия философии» (1927) и др. Н. М. отмечала булгаковский подтекст идеи О. М. о чуждости друг другу актёрского и поэтич. творчества.

О. Г. Самойлова.

БУЛГАКОВ Михаил Афанасьевич (3.5.1891, Киев – 10.3.1940, Москва), писатель, драматург, театральный режиссер. О. М. лишь однажды встречается в текстах Б. – в основанных на биографич. материале «Записках на манжетах», в главе «Сквозной ветер» среди множества литераторов, проезжавших через Владикавказ в 1920. «Сквозняк подхватил. Как листья летят. Один – из Керчи в Вологду, другой – из Вологды в Керчь. <...> Третий – Осип Мандельштам. Вошел в пасмурный день и голову держал высоко, как принц. Убил лаконичностью: – Из Крыма. Скверно. Рукописи у вас покупают? – ...но денег не пла... – начал было я и не успел окончить, как он уехал. Неизвестно куда...» (Собр. соч. Т. 1. С. 483). О. М. попал во Владикавказ по пути из Тифлиса в Москву. В мемуарах И. Эренбурга описано их общее путешествие с советской диппочтой (Эренбург И. Г. Люди, годы жизнь. Воспоминания: В 3 т. М., 1990. Т. 1. 321–322). По свидетельству С. Ермолинского, основанному на позднейших разговорах с Б., именно там писатель впервые познакомился со стихами О. М., оценил их, но манера чтения поэта ему не понравилась.

Немногим больше известно о встрече Б. и О. М. в Батуме летом 1921. Осн. источник сведений – письмо Н. М. к Е. С. Булгаковой от 3.7.1962. Жены литераторов познакомились, очевидно, уже в 1942 в эвакуации в Ташкенте. «К нам несколько раз на улице подходил молодой человек и спрашивал О. М., стоит ли писать роман, чтобы послать его в Москву на конкурс. О. М. говорил мне, что у этого незнакомого юноши, интересующегося конкурсом, вид, внушающий доверие (“В нем что-то есть – он, наверное, что-нибудь сделает”), и что у него, вероятно, накопился такой материал, что он уже не в состоянии не стать писателем. Вскоре в Москве мы встретились с Булгаковым – автором рассказов и “Белой гвардии”. Шумный успех “Турбиных” не был для нас неожиданностью». По мнению С. Боброва, встреча могла произойти только во 2-й пол. августа. Оба покинули Батум до конца последней декады месяца.

Можно с уверенностью предполагать, что в 1922 Б. и О. М. не раз сталкивались в Москве в Доме Герцена («Дом Грибоедова» в «Мастере и Маргарите»), во флигеле которого в марте 1922 поселился О. М. с женой. В тот год контакты Б. с моск. лит. средой (а Дом Герцена – центр ее сосредоточения) особенно интенсивны. 6.10.1922 Б. рассылает в отеч. и заруб. журналы и газеты свое сообщение о том, что «работает над составлением полного библиографического (подразумевался, конечно, биобиблиографический. – *М. Ч.*) словаря современных русских писателей с их силуэтами» и «просит всех русских писателей во всех городах России и за границей присылать автобиографический материал» (Новая русская книга. 1922. № 11–12. С. 35) прямо на его домашний адрес. Вскоре Б. в условиях становящегося советского режима вынужден был отказаться от этих планов. Но понятно, что прежде этого именно в 1922 он должен был активно общаться с упомянутыми целями с москвичами-литераторами. Лично сталкиваться время от времени Б. и О. М. должны были и в редакции «Накануне», где в апреле–мае 1922 Б. завязал уже прочные связи. Одно по крайней мере стих. О. М. («Холодок щекочет темя...») в эти первые моск. годы могло быть Б. прочитано – поскольку в альманахе «Возрождение», где печатались «Записки на манжетах», оно было помещено прямо перед ними.

В 1934 Б. и О. М. неск. месяцев жили в одном доме, выстроенном кооперативом «Советский писатель» в Нащокинском пер. 5–6 (ул. Фурманова), где получили квартиры в разных подъездах. О. М. с женой переехал туда осенью 1933 и пробыл до ареста в мае следующего года, а Булгаковы – 18.2.1934 из квартиры на Б. Пироговской ул., д. 35а. Посредником между двумя семьями была знакомая с Булгаковыми А. А. *Ахматова*, останавливавшаяся у Мандельштамов во время приездов в Москву. В дневнике Е. С. Булгаковой упоминаются семь посещений Ахматовой. Неодобрит. реакция О. М. на известие об одном таком визите зафиксирована в «Воспоминаниях об О. Э. Мандельштаме»: «“Вас хотят сводить с московской литературой?!” Чтобы его успокоить, я неудачно сказала: “Нет, Булгаков сам изгой. Вероятно, там будет кто-нибудь из МХАТа”. Осип совсем рассердился. Он бегал по комнатам и кричал: “Как оторвать Ахматову от МХАТа?”». Очевидно, О. М. не представлял себе, что Б. в тот момент уже почти не имел связей с «московской литературой». Позднее Б. бывал в квартире Мандельштамов по приглашению Ахматовой, когда ее пребывание в Москве совпадало с короткими наездами в столицу Н. М. Во время этих встреч, безусловно, обсуждалось положение ссыльного О. М. На одной из них Н. М. напомнила Б. эпизод их знакомства в Батуме, описанный позднее в письме к Булгаковой (см. запись в ее дневнике от 13.4.1935).

Арест О. М. в мае 1934 в дневнике Булгаковой, естественно, не отмечен, хотя можно с уверенностью утверждать, что они вскоре узнали о нем от Ахматовой, присутствовавшей при шедшем всю ночь обыске. Трудно судить, сказала ли она им тогда же о стихотворении, послужившем причиной ареста. В конце мая, когда следствие закончилось и О. М. в сопровождении жены отправляли на поселение в Чердынь, Н. Ольшевская пошла по квартирам собирать

деньги на отъезд. К Булгаковым, видимо, пришла вместо нее Ахматова, поскольку, как она же написала в воспоминаниях, Елена Сергеевна «заплакала и сунула мне в руку все содержимое сумочки».

Эти события 1 июня отражены в дневнике Булгаковой в такой форме: «Была у нас Ахматова. Приехала хлопотать за Осипа Мандельштама – он в ссылке», и далее упоминание о пощечине А. Толстому.

Б. М. Гаспаровым высказано предположение, что Мастер может быть поставлен в прототипическую связь «с личностью и судьбой Мандельштама. Судьба Мандельштама в середине 30-х годов – это арест и ссылка в Чердынь», следствие этого – «временное психическое расстройство, приведшее к попытке самоубийства (Мандельштам выбросился из окна больницы в Чердыни)». Значимым для сопоставления Гаспаров считает сон Маргариты, «в котором она видит Мастера в безотрадной местности, в жалком виде, а также мотив безумия Мастера»; он отмечает и разговор его с Иваном «в клинике о возможности выпрыгнуть с балкона и убежать», а также предполагает амбивалентность буквы «М» на колпаке Мастера: «Она выступает в качестве двойной анаграммы: с одной стороны, “Михаил” (Булгаков), с другой – возможно, также “Мандельштам”».

Это, несомненно, возможная и узловая точка соприкосновения двух писат. биографий.

Однако уже в рукописях, датированных нач. января 1934, внеш. облик героя («Ватная мужская стеганая кацавейка была на нем. Солдатские штаны, грубые высокие сапоги...». «Весь в грязи, руки изранены...») и нек-рые его реплики («Я предупреждаю, что у меня нет паспорта, что меня схватят сейчас же...») дают основание видеть в нем лагерника. Т. е. герой романа попадает в лагерь за 4 с лишним месяца до первого моск. ареста О. М.

И только на тех страницах романа, к-рые пишутся, вероятно, не ранее 2-й пол. ноября, герой впервые появляется в палате Ивана, т. е. в клинике для душевнобольных, и рассказывает ему, что только один человек знает, что он мастер. Вхождение этого слова в роман как именования безымянного героя, а затем и в само заглавие было связано, среди прочего, с одной из бесед Ахматовой, только зафиксированной, но не раскрытой в записи Булгаковой от 17.11.1934. «Вечером приехала Ахматова. Ее привез Пильняк из Ленинграда на своей машине. Рассказывала о горькой участи Мандельштама. Говорили о Пастернаке». Можно предполагать, что о том, как О. М. выбросился из окна больницы в Чердыни, Б. узнал только из рассказа Ахматовой о его «горькой участи», и тогда помещение Мастера в клинику Стравинского не связано с судьбой О. М. Но нельзя исключить и того, что Б. узнал об этом раньше от кого-то из москвичей, и тогда предположение Гаспарова частично подтверждается. Но несомненно то, что именно в этот день Б. узнал от Ахматовой о телефонном разговоре Б. *Пастернака* со И. В. *Сталиным*. Иначе нечем объяснить появление имени Пастернака рядом со словами «о горькой участи» О. М. Из уст Ахматовой Б. скорей всего услышал в этот вечер и фразу Сталина о О. М.: «Но ведь он мастер, мастер?» Что, по-видимому, поставило последнюю точку в выборе названия романа.

Соч.: Булгаков М. А. Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. М., 1989.

Лит.: Чудакова М. О. Булгаков – читатель // Книга. Исследования и материалы. М.: Книга, 1980. С. 164–185; Она же. М. Булгаков и О. Мандельштам: материалы к теме // Корни, побеги, плоды... Мандельштамовские дни в Варшаве: В 2 ч. Ч. 1. М., 2014. С. 249–280; Дневник Елены Булгаковой. М., 1990; Гаспаров Б. М. Из наблюдений над мотивной структурой романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. М., 1993. С. 28–82; Громова Н. А. Все в чужое глядят окно. М., 2002 (по имен. указ.); Ермолинский С. О времени, о Булгакове и о себе. М., 2002; Нерлер П. М., Зуев Д. В. Маргарита и Маргарита: письмо Н. Я. Мандельштам к Е. С. Булгаковой // Наше наследие. 2016. № 118. С. 62–63.

М. О. Чудакова.

БУРЛЮК Давид Давидович (9.7.1882, хутор Семиротовщина Лебединского у. Харьковской губ. – 15.1.1967, Лонг-Айленд, США), поэт, художник, лит. деятель, один из основателей рус. *футуризма*. В ноябре–декабре 1913 акмеисты О. М. и М. А. *Зенкевич* на короткое время сблизились с возглавлявшейся Б. группой кубофутуристов «Гилея», причем в роли посредника между акмеистами и футуристами выступал участник «Гилеи» и 1-го *«Цеха поэтов»*, родной брат Б., Николай Давидович Бурлюк [1890–1920(?)], учившийся «в СПБ. университете вместе с Мандельштамом, автором “Камня”» (Бурлюк Д. Д. Фрагменты из воспоминаний футуриста. СПб., 1994. С. 44). Соответственно, 3.11.1913 О. М. присутствовал на лекции Б. «Пушкин и Хлебников», а 10.12.1913 вместе с Б. и нек-рыми др. футуристами – на докладе Н. И. *Кульбина* «Футуризм и отношение к нему современного общества и критики» в зале петерб. Шведской церкви.

Нач. строка («Нельзя дышать, и твердь кишит червями») программного стих. О. М. «Концерт на вокзале» (1921) содержит реминисценцию из стих. Б. «Мертвое небо» (1913) («“Небо труп”!! не больше! / Звезды – черви – пьяные туманом») (источником образа «звезд-червей» для обоих поэтов, возможно, послужила настольная книга акмеистов и футуристов «Так говорил Заратустра» Ф. *Ницше*, где возникает сравнение «светящиеся звездочки» – «червячки»).

Лит.: Бурлюк М. Г. Записи о нашей жизни в САСШ в 1931-м году // Color a. Rhyme. 1964/1965. № 55. С. 58, 68; Карпович М. М. Мое знакомство с Мандельштамом // Мандельштам и его время; Лекманов О. А. Книга об акмеизме и другие работы. Томск, 2000; Тарановский К. Ф. О поэзии и поэтике. М., 2000; Зенкевич М. А. [Устные воспоминания об О. Мандельштаме] // Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников / вступ. ст., подгот. текста, сост. и коммент. О. С. Фигурновой, М. В. Фигурновой. М., 2001.

О. А. Лекманов.

БУХАРИН Николай Иванович (27.9.1888, Москва – 15.3.1938, там же), полит. и гос. деятель, ученый-экономист, социолог, акад. АН СССР (с 1929), публицист, лит. критик, художник-любитель. Чл. РСДРП(б) (с 1906, с 1917 чл. ЦК). Участник рев-ции 1905–07 в Москве. С 1907 учился на экон. отд. юрид. ф-та Моск. ун-та (исключен в феврале

Николай Иванович Бухарин

1911), учебу сочетал с работой подпольщика, неоднократно подвергался арестам. В 1911–17 в эмиграции, где познакомился с В. И. *Лениным* и др. лидерами большевистской партии; занимался самообразованием, автор 2 монографий по теоретич. экономике, ряда др. работ. Человек живого ума, широких науч. интересов, общит. и веселого характера, Б. стал одной из гл. фигур партии, заслужив вскоре «звание» ее любимца. Один из рук. Окт. вооруж. восстания 1917 в Москве. В 1917–18 лидер «левых коммунистов»; в 1918–29 гл. ред. газеты «Правда»; в 1919–29 чл. Исполкома Коминтерна; в 1919–24 канд., а в 1924–29 чл. Политбюро; в 1925 поддержал большинство Политбюро против Л. Д. *Троцкого*; в 1927 поддержал И. В. *Сталина* в его борьбе с левой оппозицией. В 1928–29 выступил против линии Сталина на применение чрезвычайных мер при проведении коллективизации и индустриализации (в т. ч. форсирования этих процессов и планов раскулачивания крестьян), что было объявлено «правым уклоном в ВКП(б)»; Б. подвергся массированной атаке сталинского большинства, в 1929 исключен из Политбюро с оставлением чл. ЦК (с 1934 канд. в чл. ЦК). В 1934–36 гл. ред. газеты «*Известия*». 27.2.1937 арестован на пленуме ЦК ВКП(б), 2–13.3.1938 на инсценировв. судебном процессе по делу «Антисоветского правотроцкистского блока» отрицал свою причастность к к.-л. конкретным преступлениям, но признал свою полит. и юрид. ответственность за них; приговорен к расстрелу Воен. коллегией Верховного суда. Реабилитирован 4.2.1988.

Проблемы культуры – третья, помимо политэкономии и социологии, область интеллектуальных интересов Б., как общепризнанного в 1920-е гг. теоретика большевистской партии. Б. – единственный в верхнем эшелоне партийного руководства сторонник концепции пролетарской культуры [см. Фрезинский Б. Я. Утопии и реальность (Н. И. Бухарин о культуре) // Бухарин Н. Революция и культура. М., 1993]. Выступая 9.5.1924 на совещании, посв. политике партии в области худож. литературы (на нем было оглашено коллективное письмо крупнейших беспартийных писателей, в т. ч. и О. М. против их огульной травли журналом «*На посту*»), Б. выдвинул лозунг обязат. «состязательности литературы» и поддержал резолюцию, осуждавшую практику «На посту».

Значит. резонанс вызвали выступление Б. на диспуте о формальном методе искусства (Красная новь. 1925. № 3) и его «Злые заметки» (Правда. 1927. 12 янв.), направленные против т. н. есенинщины (пьянство, хулиганство, дебоши, моральная распущенность, культ самоубийства в молодежной среде), получившей распространение под воздействием самоубийства С. А. *Есенина*. Внимание и интерес О. М. к публ. выступлениям Б. проявились в ст. «Веер герцогини» (январь 1929) о небрежении и безразличии критики к достижениям совр. литературы (на примерах повестей В. А. *Каверина* и Ю. К. *Олеши*); отметив в связи с огромным успехом романа И. Ильфа и Е. Петрова «12 стульев», «позорный и комический пример “незамечания” значительной книги <...> брызжущей веселой злобой и молодостью», О. М. подчеркнул, что «единственным откликом» на нее «было несколько слов, сказанных т. Бухариным», и добавил: «Бухарину книга Ильфа и Петрова для чего-то понадобилась, а рецензентам пока не нужна».

В 1922–34 О. М. неоднократно обращался к Б. за помощью и неизменно ее получал. Первопричиной обращения именно к Б. в руководстве СССР была, скорее всего, информация о его человеч. качествах, к-рую О. М. получил в 1920 от И. Г. *Эренбурга*, товарища Б. по г-зии и большевистскому подполью. Возможно, Эренбург, встретившись с Бухариным в октябре 1920, говорил с ним и об О. М. Осн. источником информации об участии Б. в лит. и человеч. судьбе О. М. служат воспоминания Н. М., поскольку все хранившиеся у О. М. записочки Б. («чуть-чуть витиеватые, украшенные латинской цитатой») были изъяты при обыске в 1934. Б. и его заступничеству за О. М. посвящена прочувствованная глава «Приводные ремни».

В 1923 О. М обратился к Б. в связи с арестом в Петрограде Е. Э. *Мандельштама*; «исключительно хороший прием» и 20-мин. беседа с Б. подробно описаны в письме О. М. отцу (Н. М. писала, что через 2 дня Б. сам приехал к О. М. сообщить, что его брат будет на днях отпущен).

По словам Н. М., «всеми просветами в своей жизни О. М. обязан Бухарину. Книга стихов 28 года никогда бы не вышла без активного вмешательства Николая Ивановича, который привлек на свою сторону еще и Кирова. Путешествие в Армению, квартира, пайки, договора на последующие издания... все это дело рук Бухарина».

Письмо Б. директору ГИЗа А. Б. *Халатову* 10.8.1927, в к-ром О. М. назван «одним из крупнейших наших художников пера», констатировало, что поэту «не дают издаваться в ГИЗе» и что это, «по моему глубокому убеждению, неправильно. Правда, он отнюдь не “массовый” поэт. Но у него есть – и должно быть – свое значительное место в нашей литературе» (Галушкин А. Николай Бухарин и Осип Мандельштам // РМ. 2000. № 4321. 8–14 июня). Содержавшаяся в письме просьба оказать О. М. «Ваше просвещенное содействие» сработала безотказно, и 18.8.1927 был подписан договор с Ленгизом на книгу стихов О. М.

14.4.1928 О. М. направил Б. ходатайство о помиловании группы приговоренных к расстрелу престарелых членов правления «Об-ва взаимного кредита» и получил от Б. телеграмму о смягчении приговора (Н. М. об этой встрече О. М. с Б. писала: «В 28 году в кабинетике, куда сходились нити грандиозных сдвигов двадцатого века, два обреченных человека высказались о смертной казни. Оба шли к гибели, но разными путями. О. М еще верил, что “присяга чудная четвертому сословью” обязывает к примирению с советской действительностью – “все, кроме смертной казни!”...

У Николая Ивановича был совсем иной путь. Он ясно видел, что новый мир, в построении которого он так активно участвовал, до ужаса не похож на то, что было задумано...»). Последним заступничеством Б. за О. М. (после того как Б. Л. *Пастернак* сообщил ему об аресте О. М.) стало письмо Сталину в июне 1934 об аресте и высылке О. М. и об отсутствии сведений о причине этого ареста. В письме Б. фактически повторил прежнее суждение об О. М.: «Моя оценка Мандельштама: он – первоклассный поэт, но абсолютно несовременен; он безусловно не совсем нормален; он чувствует себя затравленным и т. д. ...», приписав в конце: «P. S. О Мандельштаме пишу еще раз потому, что Борис Пастернак в полном умопомрачении от ареста М-а и никто ничего не знает» (Максименков Л. Очерки номенклатурной истории советской литературы... // ВЛ. 2003. № 4. С. 239). На этом письме Б. Сталин в характерно иезуитской манере начертал: «Кто дал им право арестовывать Мандельштама? Безобразие...» (Там же. С. 240). В результате письма Б. режим изоляции О. М. был ослаблен, а ссылка в *Чердынь* заменена поселением в *Воронеже*. Узнав от Г. Г. *Ягоды*, что причиной ареста О. М. явилось антисталинское стихотворение поэта, и услышав его текст, Б., впервые, по выражению Н. М., «испугавшись, отступился».

Став гл. редактором «Известий», Б. привлек к работе лучшие лит. силы страны; сделав за короткое время «Известия» лучшей газетой СССР. 28.8.1934 Б. выступил на 1-м Всес. съезде сов. писателей с докладом «Поэзия, поэтика и задачи поэтического творчества в СССР», в к-ром проблемы совр. поэзии рассматривал на фоне ее развития начиная от античности и Др. Востока. В таком контексте успехи соцстроительства (гл. пропагандистский козырь того времени) уже не определяли однозначно успехов литературы, и вопрос систематич. повышения мастерства писателей становился центральным. Иллюстрацией общих положений доклада служило фактич. объявление крупнейшим явлением совр. советской поэзии творчества Пастернака, профессиональная критика большинства партийных сочинителей и неупоминание проблем пролетарской поэзии. Доклад вызвал резкую полемику задетых в нем литераторов (А. А. *Сурков*, Д. *Бедный*, С. И. *Кирсанов*, А. А. Жаров и А. И. Безыменский), к-рым Б. в заключит. слове 30 авг. ответил весело, едко и убежденно. Оглашенное на следующий день А. А. *Фадеевым* заявление Б. отражало, скорее всего, оказанное на него сильное давление: оно содержало извинения за резкость сказанного и признание, что характеристики, данные им, не являются «директивными», вместе с тем на необходимости «широкой свободы соревнования и творческих исканий» Б. продолжал настаивать. Сделанный Б. 3.4.1936 в Париже доклад «Основные проблемы современной культуры» вызвал большой интерес левых франц. интеллектуалов; его текст опубликован на франц. яз. в переводе А. Мальро.

Лит.: Полонский В. П. Очерки литературного движения революционной эпохи. Гл. 8: Н. И. Бухарин о художественной литературе. М., 1928. Коэн С. Бухарин: Политическая биография. 1888–1938. М., 1988. Ларина-Бухарина А. М. Незабываемое. М., 2002.

Б. Я. Фрезинский.

БУХШТАБ Борис Яковлевич (5.12.1904, С.-Петербург – 17.11.1985, Ленинград), историк литературы. Наряду с Л. Я. *Гинзбург*, был причислен А. А. *Ахматовой* к тем «ленинградским литературоведам», к-рые «всегда хранили верность Мандельштаму». В 1926, в рец. на сб. стихов К. К. *Вагинова* «Опыты соединения слов посредством ритма» (при жизни Б. не опубл.) связывал стихи Вагинова «с последним и высшим достижением акмеизма – с поэзией Мандельштама». В 1928 посвятил разбору стихов О. М. периода кн. «Tristia» спец. ст. «Поэзия Мандельштама», написанную в полемике с концепцией мандельшт. творчества, предложенной В. М. *Жирмунским*, и в продолжение филол. идей Ю. Н. *Тынянова*. Основной аналитич. итог ст. Б. (в СССР впервые опубл. в 1989): «Мандельштам говорит слоями культуры, эпохами. В его стихах эпохи культуры, легшие пластами в языке, предстают перед сознанием. Их может вызвать отдельное слово, не наделенное никаким особым значением» [«земледельческая» образность этого фрагмента восходит к заметке О. М. об А. А. *Блоке* (1922): «...пласты времени легли друг на друга в заново вспаханном поэтич. сознании»; ср. с более ранним высказыванием О. М.: «Поэзия – плуг, взрывающий время так, что глубинные слои времени, его чернозем, оказываются сверху»]. По мнению Е. А. Тоддеса, Б. в своей ст., отметив «в поэтике Мандельштама “доминирующие над темой ассоциации”», «этим предвосхитил» «понимание в ней роли подтекста, выясненной в позднейших исследованиях». Ключевые положения своей статьи Б. излагал и развивал в семинарии по творчеству О. М. и Б. Л. *Пастернака*, к-рый он вел в 1929 на Высш. гос. курсах искусствоведения при Ин-те истории искусств, в Ленинграде (одним из участников этого семинария был С. Б. *Рудаков*). Согласно свидетельству М. Д. Эльзона, в 1960-е гг. Б. «как личную трагедию» воспринимал злосчастную издат. «судьбу “Харджиевского Мандельштама” с отвергнутой ст. Л. Я. Гинзбург».

Соч.: Фет и другие: Избр. работы. СПб., 2000.

О. А. Лекманов.

БУШМАН (урожд. Сидорова-Евсеева) Ирина Николаевна (1921, Царское Село – между 8 и 18.2.2006, Грёбенцелль, Германия), поэт, литературовед и переводчик. Ее мать – Евгения Алексеевна Сидорова (1899–1981) – писательница, печаталась под псевдонимами Е. Мор и д’Актиль. Гражд. жена Б. А. *Филиппова*, солагерница И. В. *Иванова-Разумника* по Конице. Автор первой в мире монографии об О. М. – кн. «Поэтическое искусство Мандельштама» (Мюнхен: Ин-т по изучению СССР, 1964. 75 с.). Жила в Мюнхене, работала на радиостанции «Свободная Европа», переводила стихи О. М. на нем. язык.

П. М. Нерлер.

В

ВАГИНОВ Константин Константинович (до 1915 В а г е н г е й м; фам. семьи изменена по решению отца) (21.9.1899, С.-Петербург – 26.4.1934, Ленинград), поэт, прозаик. Автор трех стихотворных сборников, двух повестей и четырех романов, из к-рых наиб. известен «Козлиная песнь» (полностью опубл. в 1928). Активный участник ряда науч. и филос. кружков (АБДЕМ, круг «формалистов», Невельский кружок М. М. Бахтина) и лит. объединений («Аббатство гаеров», «Кольцо поэтов им. К. М. Фофанова», «Островитяне», группа эмоционалистов М. А. *Кузмина*, ОБЭРИУ и др.); чл. студии «Звучащая раковина» Н. С. *Гумилева*, к-рый в авг. 1921 принял В. в восстановл. (третий) *«Цех поэтов»*.

Прямые свидетельства о знакомстве О. М. и В. неизвестны; лаконичное указание на их личное общение содержится только в воспоминаниях Н. М., относящихся к одному из эпизодов проживания О. М. в Детском Селе; ей же принадлежит и единственная характеристика В.: «Костя – прелестный человек» («Любил, но изредка чуть-чуть изменял»: Заметки Н. Я. Мандельштам на полях американского «Собрания сочинений» Мандельштама / подгот. текста, публ. и вступит. заметка Т. М. Левиной // Philologica. 1997. № 4. С. 185). Предполагаемое знакомство могло состояться в Петрограде в сер. октября 1920 – сер. марта 1921 на занятиях «Звучащей раковины» или в «Цехе поэтов»; тогда же оба публиковались в альманахе *«Абраксас»*. Косвенно это подтверждается опосредованным свидетельством С. Б. *Рудакова*, в письме Л. С. *Финкельштейн* 29.12.1935 вспоминавшего встречу у них дома совместно с В. и А. И. Вагиновой нового, 1931: «Мы сидели до утра, и он с Алей рассказывал о Гумилеве, “Звучащей раковине”, О. М[андельштаме]! Они показывали, как кто читал»; но и этот факт не является безусловным доказательством личного общения поэтов. Возможно, в 1925–27 и В., и О. М. одновременно работали над внутр. рецензиями для Ленингр. отделения Гос. издательства СССР [см.: Герасимова А. Г. Предисловие к публ.: «Вагинов К. К. Рецензии / публ. и подгот. текста А. Г. Герасимовой» // De visu. 1993. № 6(7). С. 24]. В мае 1929, во время «дела А. Г. *Горнфельда*», В. был в числе ленингр. писателей, подписавших письмо в редакцию одной из центр. газет в защиту О. М. В. подарил О. М. только что вышедшую из печати книгу своих стихотворений «Опыты соединения слов посредством ритма» (Л., 1931) с краткой, но выразит. надписью: «Осипу Эмильевичу Мандельштаму / от очень любящего его / стихи автора».

Отношение О. М. к творчеству В. отличалось крайней противоречивостью; гл. свидетельства об этом приходятся на весну 1926, когда он проживал в Китайской деревне по соседству с Б. К. *Лившицем* и активно общался с ним; в частности, 27.2.1926 О. М. сообщал Н. М. в письме в Ялту: «Бываю я, Надичка, нигде. Раза 2–3 у Бена и Выгодского». В свою очередь, 24.3.1926 К. И. *Чуковский* записал в дневнике: «Был вчера у милого Бена Лившица. <...> Очень ему нравится Вагинов», а ровно через месяц дополнил свое свидетельство конкретными деталями: «Был я у Бена Лившица. <...> В его представлении – если есть сейчас в России замечательные люди, то это Пастернак, Кузмин, Мандельштам и Константин Вагинов. Особенно Вагинов. Он даже сочинил о Вагинове манифестальную статью для чтения в Союзе Поэтов и – читал ее мне. Он славит Вагинова за его метафизические проникновения» (Чуковский К. Собр. соч.: В 15 т. Т. 12: Дневник. 1922–1935 / сост., подгот. текста и коммент. Е. Чуковской. М., 2013. С. 286, 292). Соответственно, есть все основания предполагать, что мандельшт. восприятие творчества В. формировалось в этот период именно под непосредств. влиянием Лившица (очевидно, лично знакомого с В.; ср.: Лукницкий П. Н. Acumiana: Встречи с Анной Ахматовой. Т. II: 1926–1927. Париж; М., 1997. С. 150), если в письме Н. М. 5.3.1926 О. М. критически отозвался о сб. [«Стихотворения»] (Л., 1926): «Вышла книжка Вагинова. Какая-то беспомощная. <...> Многое смешно», то 12.3.1926 он, очевидно, отправил ей это издание, а в сопроводит. письме сочувственно процитировал строку из стих. В. «В селеньях городских, где протекала юность...»: «Посылаю тебе <...> книжку Вагинова. Знаешь, там есть строчка: “О море – нежный братец человечий”».

В это же самое время поэзия В. была предметом бесед О. М. с А. А. *Ахматовой*, так же характеризовавшихся его определ. непоследовательностью. 20.3.1926 П. Н. *Лукницкий* (неделей ранее записавший в своем дневнике: «Я подарил АА книгу К. Вагинова) оставил подробный пересказ диалога с ней: «“Мандельштам, мне говорили, в восторге от этой книжки, говорит, что Вагинов чуть ли не второй Тютчев <...>”. АА ответила, что Мандельштам говорил с ней как-то – еще до выхода книжки – о Вагинове и что из его слов не было видно, чтоб он Вагинова ставил очень высоко», но уже 23.3.1926 Ахматова так передала ему свой телефонный разговор с О. М. о книге В.: «“Оська задыхается!” Сравнил стихи Вагинова с итальянской оперой, назвал Вагинова гипнотизером. Восхищался безмерно. Заявил, что напишет статью о Вагинове, в которой будут фигурировать и гипнотические способности Вагинова, и итальянская опера, и еще тысяча других хороших вещей. <...> АА сказала, что написанная Мандельштамом статья о Вагинове будет, вероятно, одной из его блестящих, но ни к чему не обязывающих “causeries”» (Лукницкий П. Н. Acumiana: Встречи с Анной Ахматовой. Т. II: 1926–1927. С. 63, 79, 82–83); статья написана не была. В 1926 (?) О. М. высоко оценил поэзию В. в телефонном разговоре с Б. М. *Эйхенбаумом* [см.: Г и н з б у р г Л. Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб., 2002. С.16)], а в 1927 при подготовке сб. стихов «О поэзии» предполагал упомянуть его во фрагменте ст. «Выпад» (1924) среди лучших рус. поэтов нач. 20 в., к-рые «не на вчера, не на сегодня, а навсегда».

Весной–летом 1935 в Воронеже творчество В. было предметом частых бесед О. М. с Рудаковым, причем первоначально О. М. отзывался о В. крайне отрицательно. По предположению Г. А. Левинтона, негативная оценка могла быть вызвана «той трактовкой, которую получили в “Козлиной песни” отношения Ахматовой и Лукницкого» (сокращ. журнальный вариант романа был опубл. в 1927, полный – отд. изданием в 1928). Под целенаправл. воздействием Рудакова, согласно его собств. оценке, критич. мандельшт. восприятие неизд. цикла стихов В. «Звукоподобие» (1929–34) постепенно менялось: если первонач. реакция была негативной (см. запись 8.4.1935: «Читал О[сипу] Э[мильевичу] Вагинова, он страшно протестовал против сего, кроме последнего стихотворения (про ветер, снег и умиранье соловья), которое ему чрезвычайно понравилось: “Вот это настоящие посмертные стихи”»), то вскоре (13.5.1935): «“Преподобие” “оказывается” замечательной книгой. Я читаю ему <...> – он вслушивается – запоминает, хвалит и наслаждается. Расспрашивает о нем». 21.5.1935 Рудаков фиксирует: «О Вагинове разговоры нескончаемы. Сегодня <...> он видел во сне Вагинова. Видел, что он утверждается как гениальный поэт. И сам добавляет: “<...> Это так и есть”. Его сравнивает с Бодлером, Новалисом»; вместе с тем в письме 4.6.1935 описан эпизод, когда О. М. «ругал Вагинова и Тихонова» (М е ц А. Г. Из писем С. Б. Рудакова к жене // Memento vivere: Сб. памяти Л. Н. Ивановой. СПб., 2009. С. 365).

По дневниковой записи Лукницкого (23.3.1926) известны ахматовские слова о том, что «она нисколько не удивлена таким мнением Мандельштама о стихах Вагинова, тем более понятно восхищение Мандельштама, что Вагинов – его ученик. – И мнение АА о книжке Вагинова таково полная несамостоятельность – дурно понятые и дурно взятые Мандельштам и Вячеслав Иванов» (Л у к н и ц к и й П. Н. Acumiana: Встречи с Анной Ахматовой. Т. II: 1926–1927. С. 83). Опред. близость разл. аспектов поэтич. творчества В. поэтике О. М. отмечали мн. современники (Б. Я. *Бухштаб*, Д. И. *Выгодский*, В. А. *Каверин*, Л. Н. *Лунц*); вместе с тем большинство из них подчеркивало, что В. не столько следует принципам акмеистич. традиции и собственно мандельшт. поэтики, сколько отталкивается от них, методом от противного создавая в своем глубоко индивидуальном поэтич. мире совершенно новую систему отношений на формальном и содержат. уровнях текста. Общим для обоих авторов являлось понимание специфики семантич. трансформаций, происходящих со словом внутри стихотв. строки; напр., Бухштаб: «У Вагинова нет своих слов. Все его слова вторичны. Он берет чужие отработанные слова, слагающиеся в чужие образы. Иногда Вагинов прямо говорит голосом Мандельштама». При этом утверждаемый В. в стихах и прозе принцип «соединения слов» близок мандельшт. теории «знакомства слов» (см.: Т о п о р о в В. Н. Стихи И. Игнатова. Представление читателю // УЗ Тартуского ГУ. Вып. 857: Блоковский сб. Вып. IX. 1989. С. 41); ср.: «В Вагинове разложение акмеистической системы достигло предела. Не строфы, не двустрочия, но каждое слово отталкивается здесь от соседнего» (Бухштаб).

Объединяет В. и О. М. и включенность их творчества в «петербургский текст» рус. культуры; по свидетельству Рудакова (письмо жене 12.5.1935), именно в таком ракурсе воспринимал О. М. эксперимент. прозу В.: «Похожим ему мерещится любое упоминание Петербурга (Петербурга в широком смысле, и с целым пластом, ему присущим)». В данном контексте более чем симптоматично определ. совпадение характеристик творчества В. Н. *Яхонтова*, принадлежащих обоим поэтам и относящихся к его гастролям весной 1927 в Детском Селе. Если О. М. в очерке «Яхонтов» (1927) отмечает, что монтажная в своей структурно-семантической основе постановка «Петербург» – «лучшая работа Яхонтова, сплетенная из обрывков “Шинели” Гоголя, “Белых ночей” Достоевского и “Медного всадника”», то В. в своей записи в книге отзывов, не называя конкретных лит. произведений, определяет гл. смыслопорождающий механизм спектакля: «“Петербург” ценен как метаморфозирующая цепь типов, прикрепленных к одной точке, как переход одного героя в другого <...> и потому, что метаморфозе подчинены не только актеры, но и предметы» (РГАЛИ. Ф. 2440. Оп. 1. Ед. хр. 262; цит. по: М е ц А. Г. Комментарии // Мандельштам О. ПССиП: В 3 т. Т. 3: Проза. Письма / сост. А. Г. Мец; том подготовили А. Г. Мец, К. М. Азадовский, А. А. Добрицын и др. М., 2011. С. 689; там же содержится данное сопоставление). [Кажется вполне допустимым предположение о том, что именно к этому периоду относится описываемый Н. М. эпизод несостоявшегося визита В. к О. М. в Детском Селе, упоминавшийся выше.] В такой связи показательно, что имена О. М. и В. неоднократно присутствовали в публиковавшихся под видом лит. критики полит. доносах (см., напр.: Р о з е н т а л ь С. Тени старого Петербурга // Правда. 1933. 30 авг.; В и т е н с о н М. О «правде жизни», о классовой борьбе в литературе и о задачах критики // Звезда. 1934. № 2), где они фигурировали в ряду идеологически неприемлемых авторов. Еще раз, уже в совершенно трагич. контексте, имена О. М. и В. соединятся в протоколе допроса Лившица 11.1.1938 (см.: З а б о л о ц к и й Н. Н. Жизнеописание [Н. А. Заболоцкого] // Заболоцкий Н. А. «Огонь, мерцающий в сосуде» / сост. Н. Н. Заболоцкого. М., 1995. С. 367–368).

Лит.: С е г а л Д. М. Литература как охранная грамота // Slavica Hierosolymitana. Vol. V/VI. 1981. С. 203, 211 (= С е г а л Д. М. Литература как охранная грамота. М., 2006); Ч е р т к о в Л. Поэзия К. Вагинова // Вагинов К. Собр. стих. München., 1982; Б у х ш т а б Б. Я. Вагинов / публ. Г. Г. Шаповаловой, вступ. ст. и примеч. А. Г. Герасимовой // Тыняновский сб.: Четвертые Тыняновские чтения. Рига, 1990; П у р и н А. Опыты Константина Вагинова // НМ. 1993. № 8. С. 221–227, 232; Л у к н и ц к и й П. Н. Acumiana: Встречи с Анной Ахматовой. Т. II: 1926–1927. Париж; М., 1997. С. 79, 82–83, 141; Н и к о л ь с к а я Т. Жизнь и поэзия К. Вагинова // Звезда. 1999. № 10; К о з ю р а Е. О. Вокруг себя: Мандельштам и Вагинов // Вестник Удмуртского ун-та. Серия: История и филология. 2008. № 5(3).

С. Г. Шиндин.

ВАКСЕЛЬ Ольга Александровна (5/18.3.1903, Поневеж Ковенской губ. – 26.10.1932, Осло, Норвегия), поэтесса, мемуарист, пробовала себя как актриса и художник, автор ок. 200 стихотворений и мемуарной прозы, посв., в частности, О. М., Н. М., М. А. *Волошину* и Н. С. *Гумилеву*, адресат четырех стих. О. М. Мать В. – пианистка и композитор Ю. Ф. Львова, ученица А. К. Лядова и А. К. Глазунова, принадлежала старинному роду Львовых, из к-рого вышли

Ольга Александровна Ваксель

скрипач и композитор, автор гимна «Боже, царя храни» А. Ф. Львов и архитектор Н. А. Львов. Отец – А. А. Ваксель, потомок С. Вакселя, сподвижника В. Беринга, кавалергард, после отставки – предводитель дворянства Ковенской губ.

Училась в частных царскосельских учеб. заведениях – г-зии Е. С. Левицкой и школе С. Р. Тизенгольд, затем в Екатерининском ин-те благородных девиц в Петрограде (не закончила из-за того, что в 1917 ин-т был закрыт). Осенью 1920 поступила на ораторское отделение вечерних курсов Ин-та живого слова, где занималась в кружке молодых поэтов «Лаборэмус» (лат. «Давайте потрудимся») под рук. Гумилева. С 1924 по кон. 1925 участница «учебно-творческой» студии «Фабрика эксцентрич. актера» (ФЭКС) под рук. Г. М. Козинцева и Л. З. Трауберга. Снималась в эпизодич. ролях и массовых сценах [в частности, в к/ф «Мишка против Юденича» (1925), «Кастусь Калиновский» (1928)]. Весной 1925 писала заметки о кино для «Ленинградской правды». В разные годы работала продавщицей в книжном магазине, табельщицей на стройке, манекенщицей на пушных аукционах, корректором в академич. издательствах, кельнершей кафе при гостинице «Астория». В мае 1921 В. вышла замуж за А. Ф. Смольевского (1883–1967) – своего преподавателя по царскосельской г-зии Левицкой. Сразу же после рождения в 1923 сына Арсения начинается долгий бракоразводный процесс. Зимой 1930–31 В. выходит замуж за штурмана флота Л. А. Ржевского, но и этот брак оказывается недолгим. На встрече нового 1932 в гостинице «Европейской» в Ленинграде В. знакомится с вице-консулом Норвегии дипломатом Х. Иргенсом-Вистендалем. Весной 1932 они совершают путешествие по Крыму и Кавказу, во время к-рого В. отчасти записывает, а отчасти надиктовывает Вистендалю свои мемуары. Осенью 1932 было получено разрешение на брак, а 28 сент. молодожены уезжают в Норвегию. Сына В. оставляет на попечение бабушки. Прожив всего месяц в семье Вистендалей, В. застрелилась из револьвера мужа. Через полтора года, от болезни сердца, умер и Вистендаль.

Знакомство О. М. с В. состоялось в доме Волошина в Коктебеле летом 1916 (по др. версии, летом 1915), там же они встречались летом 1917; позднее в С.-Петербурге О. М. навещал В. в Ин-те ордена св. Екатерины, где она училась. Новая встреча произошла в Ленинграде, по одним источникам, осенью 1924, по др., в нач. 1925; тогда же О. М. познакомил В. и с Н. М. Исключит. красоту и обаяние личности В. в этот период отмечали мн. мемуаристы, в т. ч. Н. М. и А. А. *Ахматова* [последняя, например, считала, что В. «была хороша “как Божье солнце”» (М а н д е л ь ш т а м Н. Я. Из воспоминаний // Воспоминания об Анне Ахматовой. М., 1991. С. 316)]. Симпатия О. М. к В. быстро переросла в глубокое чувство. История лирич. взаимоотношений О. М. с В. передавалась участниками этого эпизода по-разному, но всеми отмечалось их исключит. эмоц. напряжение. О. М. снял номер в гостинице «Астория», но свидания ограничились одной встречей и привели к взаимному раздражению. Окончат. разрыв произошел весной 1925, после этого О. М. и В. встречались, очевидно, лишь однажды, во время ее посещения Мандельштамов в Детском Селе (где В. находилась на киносъемках), вероятно, зимой или весной 1928. В письме к О. М. (сентябрь 1926), в ответ на его упоминание о том, что он был на киносъемках, Н. М. иносказательно вспоминала В., скрыв ее за аббревиатурой ФЭКС: «Какая съемка была во дворе? Надеюсь, не Фэкс? Если увидишь Фэкс, пожалуйста, закрой глаза». Летом 1926 В. ездила на Кавказ вместе с Е. Э. *Мандельштамом* (а не с О. М., как это предполагалось), но и эти отношения оказываются столь же непрочным, как и др. ее союзы. О смерти В. (якобы в Стокгольме, а не в Осло) О. М. узнал через год после ее ухода – зимой 1933.

Память о В. сохранялось у О. М. на протяжении всей жизни; как позднее свидетельствовала Н. М., «Ольгу он помнил всегда». К В. прямо обращены четыре стих. О. М.: «Жизнь упала, как зарница...», «Я буду метаться по табору улицы темной...» (оба 1925), «На мертвых ресницах Исакий замерз...», «Возможна ли женщине мертвой хвала?..», к ним же опосредованно примыкает «Римских ночей полновесные слитки...» (все 1935); об обстоятельствах написания трех последних стих. см.: М а н д е л ь ш т а м Н. Я. Комментарий к стихам 1930–1937 гг. // ЖиТМ. С. 258–261. По предположению Н. М., с личностью В. глубинно связаны и мандельшт. переводы сонетов Ф. *Петрарки* (1933–34) а также радиопьеса «Молодость Гете» (1935).

Архив В. хранился у ее сына, А. А. Смольевского (1923–2003). В 1965 он пополнился «норвежскими» материалами – рисунками, рукописями стихов и воспоминаний В., а также рукописью перевода воспоминаний на норвежский, сделанном Вистендалем. В последние годы жизни Смольевский передал материалы архива в Пушкинский дом (ИРЛИ), в музей А. А. Ахматовой в Фонтанном доме, а также А. С. Ласкину, исследователю жизни и творчества В. В 1980-е гг. автограф стих. «Отравлен хлеб и воздух выпит...» (1913), переписанного О. М. по просьбе Львовой (матери В.) и хранившегося в ее архиве, был передан в РНБ.

С о ч.: Воспоминания О. А. Ваксель о встречах с Мандельштамом // П о л я к о в а С. В. О. Мандельштам: Наблюдения, интерпретации, неопубл. и забытое. Ann Arbor, 1992. С. 180–181; Отрывок из воспоминаний / публ. А. А. Смольевского // Н. Гумилев: Иссл. Мат-лы. Библ. Л., 1994. С. 489–491; Небывший день за тучами погас...: Стихи / публ. А. А. Смольевского // Петрополь: Литературная панорама. 1998. № 8. С. 98–101; «Как много встреч за краткий год...», Царское Село, «Деревья срублены, разрушены дома...», Детское Село, «Немного солнца и немного меда» // Царское село в поэзии: 122 поэта о Царском Селе: Антология. СПб. 1999. С. 210–212; ««Возможна ли женщине мертвой хвала?..»: Стихи и воспоминания Ольги Ваксель /

сост. и автор послесл. А. С. Ласкин; предисл. П. М. Нерлера; науч. редакция А. С. Ласкина, П. М. Нерлера. М. 2012. 434 с.

Лит.: Смольевский А. А. О. Ваксель – адресат четырех стихотворений О. Мандельштама // ЛУ. 1991. № 1; Полякова С. В. О. Мандельштам: Наблюдения, интерпретации, неопубл. и забытое. Ann Arbor, 1992. С. 181–188, 200–201; Она же. Олейников и об Олейникове и другие работы по русской литературе. СПб. 1997. С. 171–179; Мандельштам Е. Э. Воспоминания // НМ. 1995. № 10. С. 171–174; Кац Б. А. Музыкальные ключи к русской поэзии. СПб., 1997. С. 212–214; Мандельштам Н. Вторая книга. М.: Согласие, 1999. С. 216–226; Смольевский А. А. Ольга Александровна Ваксель // И. П. Львова, Н. П. Бочкарева. Род Львовых. Торжок. 2003. С. 261–266; Чурилова Е. Б. «...Прочесть, припоминая». П. П. Чистяков в Царском Селе. СПб., 2007. С. 140–142, 148, 205–206, 209, 264, 280; Ласкин А. Ангел, летящий на велосипеде: Документальная повесть об О. Ваксель и О. Мандельштаме. Время, назад! Документальные повести. М., 2008. С. 5–132; Нерлер П. Тата и Лютик // В поисках концепции: Книга Надежды Мандельштам об Анне Ахматовой на фоне переписки с современниками. Мандельштам Н. Об Ахматовой. М., 2008. С. 30–43.

А. С. Ласкин, С. Г. Шиндин.

ВАРЕЙКИС Иосиф Михайлович. (18.10.1894, с. Варейкяй Ковенской губ. – 29.7.1938), партийный руководитель Воронежской обл. во время воронежской ссылки О. М. Член ВКП(б) с 1913. В 1928–34 1-й секретарь обкома ВКП(б) Центрально-Черноземной обл., 1-й секретарь Воронежского обкома ВКП(б) в июне 1934 – марте 1935. 1-й секретарь в марте 1935 – декабре 1936 Сталинградского, с января 1937 – Дальневосточного крайкомов ВКП(б). Арестован 10.10.1937, обвинялся в участии в контррев. террористич. организации, осужден 28.7.1938, приговорен к расстрелу. Похоронен на кладб. «Коммунарка» (пос. Бутово Моск. обл.). Реабилитирован 26.5.1956.

П. М. Нерлер

ВЕРГИЛИЙ (Виргилий) (Vergilius) Марон Публий (15.10.70 до н. э., Мантуя – 21.9.19 до н.э., Неаполь), римский поэт. В произведениях и переводах О. М. всегда упоминается рядом с др. античными и новоевроп. авторами: *Гомером*, Горацием, *Овидием*, Лукианом и *Данте*. В CLXXXVIII строфе «Песни о Роланде», в отрывках, переведенных О. М., встречаем строку: «Старше Вергилия и Гомера времен». В заметке О. М. «Буря и натиск» (1922–1923) обнаруживаем сравнение: «У российского символизма были свои Вергилии и Овидии». Эту же пару имен находим в «Разговоре о Данте» (1933) О. М., где дана сверхсжатая характеристика поэтики В.: «Овидиев гул» был ближе Данте, «чем французское красноречие Вергилия». «Разговор о Данте» и черновики к нему содержат серию изображений В. как проводника Данте. В этом эссе О. М. также описывается дантовский «Гомер <...> в сообществе Виргилия, Горация и Лукиана», выступающий «из тусклой тени приятных орфеевых хоров, где они вчетвером коротают бесслезную вечность в литературной беседе».

О. Ронен отмечает, что «вергилианский пласт у Мандельштама всегда специализирован. За исключением отдельных случаев перелицовки риторических приемов или

Публий Вергилий

простого каламбурного обыгрывания крылатых слов <...> он, в первую очередь, связан с сюжетно с мотивом загробной памяти и нисхождения в царство теней, а в отношении выборочных деталей – с темой троянской войны».

По мнению Р. Пшибыльского, образ «недоноска» из предпоследней строки стих. О. М. «Ни триумфа, ни войны...» (1914) есть пародия на «чудесного мальчика из IV “Эклоги” Вергилия, маленького спасителя, который после всех возможных войн предназначен открыть эпоху мира и справедливости». Начальная строка стих. О. М. «Я в хоровод теней, топтавших нежный луг...» (1920) содержит реминисценцию из «Энеиды» В. (VI. 638, 644) как и строка «Еще в древесину горящий топор не вгрызался» из стих. «За то, что я руки твои не сумел удержать...» (по мнению О. Ронена, из «Энеиды» взяты и некоторые детали стих. О. М.). По наблюдению К. Ф. *Тарановского*, «ночной табун» в еще одном «летейском» стих. О. М. «Я слово позабыл, что я хотел сказать...» (1920) – это «кони, пасущиеся в Аиде» (“Энеида”, VI, 652–655)». Зачин строфы «Трижды блажен» из стих. О. М. «Нашедший подкову» (1923) «возможно, восходит к “Энеиде” Вергилия (I, 94), которая входила в программное гимназическое чтение (отмечено М. Л. Гаспаровым)». Также указывалось на отсылки к В. в стих. О. М. «Грифельная ода» (1923), «1 января 1924» (1924) и «День стоял о пяти головах. Сплошные пять суток...» (1935).

Лит.: Тарановский К. Ф. О поэзии и поэтике. М., 2000; Панова Л. Г. «Мир», «пространство», «время» в поэзии Осипа Мандельштама. М., 2003; Пшибыльский Р. Рим Осипа Мандельштама // Мандельштам и античность; Ронен О. Поэтика Осипа Мандельштама. СПб., 2002; Он же. Вергилий у акмеистов // Античная и русская культура серебряного века. К 85-летию А. А. Тахо-Годи. М., 2008; Ronen O. An approach to Mandelstam. Jerusalem, 1983.

О. А. Лекманов, Г. С. Зобин.

ВЕРЛЕН (Verlaine) Поль (30.3.1844, Мец – 8.1.1896, Париж), франц. поэт-символист; популярность в России получил в нач. 20 в., его стихи переводили И. Ф. *Анненский*, Б. К. *Лившиц*, Б. Л. *Пастернак*, Ф. Сологуб и др.

Глубокий и разносторонний интерес О. М. к творчеству В., сформировавшийся очень рано, безусловен, его начало относится к сер. 1900-х гг. В личной библиотеке О. М. хранился сб. стихов В. «Романсы без слов» (б. м., б. г.) на франц. языке. По воспоминаниям Н. М., в нач. 1930-х гг. О. М., пытаясь частично восстановить свою библиотеку, приобрел и соч. В. По достоверному мемуарному свидетельству М. М. Карповича, в «парижский» период О. М. читал ему вслух стихотворения В. по-французски и в собств. переводах, тогда же была написана несохранившаяся статья о В. Не исключено, что в Киеве 1.5.1919, в день знакомства с Н. М., О. М. кроме собств. стихотворений читал и верленовские. По воспоминаниям современника (возможно, легендарным), В. был в числе авторов, чьи стихи О. М. читал вслух в оригинале, находясь в 1938 в лагере «Вторая речка» (Нерлер П. Новые свидетельства о последних днях О. Э. Мандельштама // ЖиТМ. С. 48).

Уже в стих. 1908 «В непринужденности творящего обмена...» (одном из первых дошедших мандельшт. текстов) задан риторич. вопрос: «Суровость Тютчева – с ребячеством Верлена – / Скажите – кто бы мог искусно сочетать, / Соединению придав свою печать?». 27.4.1908 в письме из Парижа В. В. Гиппиусу О. М., очевидно, упоминает о статье, посв. В. и пишет: «Вам будет понятно мое увлечение музыкой жизни, которую я нашел у некоторых французских поэтов». Упоминание о верленовских текстах присутствует и в кратком, но содержат. письме В. И. Иванову от 30.12.1909, где речь идет о специфике ритмич. организации поэтич. текста. С сер. 1910-х гг., в акмеистич. период В. становится устойчивым элементом мандельшт. системы культурных ценностей, проецируемых в экзистенциальный, худож. и творч. планы. С именем В. связывали творчество О. М. уже современники: прямо – Н. С. Гумилев в рец. на 2-е издание «Камня», и опосредованно С. М. Городецкий в рец. на 1-е издание. В этой связи показателен перевод фигуры В. в шуточно-ценностную сферу при иронич. характеристике Гумилева (1915): «Забыл о бесхарактерном Верлэне / И Теофиля принял в сонм богов»; чуть ранее его имя упоминается в типичной «жанровой сценке» [«Старик» («Уже светло, поет сирена...», 1913, 1937)]: «Старик, похожий на Верлэна, / Теперь твоя пора!». Более серьезным семантич. ореолом фигура В. окружена в ранней прозе О. М. – ст. «Франсуа Виллон» [(1910 (1912?), 1927], где В. уподоблен Ф. Вийону и дано развернутое сравнение их худож. манеры, что может восходить к данной Гумилевым аналогичной характеристике. И в более поздний период О. М. продолжает рассматривать поэзию В. как специфич. и продуктивный тип отношения к худож. творчеству. В принципиальной для О. М. ст. «Слово и культура» (1921) автор возвращается к семантич. ореолу фигуры В., отмечая: «Синтетический поэт современности представляется мне <...> каким-то Вэрленом культуры. <...> В нем поют идеи, научные системы, государственные теории»; там же О. М. прямо цитирует строки В. Др. цитата из поэзии В. имплицирована в ст. «Девятнадцатый век» (1922). Контаминированная цитата из двух верленовских стихотворений завершает и ст. «Слово и культура», вводя актуальный для мировоззрения О. М. образ песенки как метафорич. эквивалента худож., поэтич. текста, сохраняющегося на протяжении всего мандельшт. творчества. В частности, именно в связи с фигурой В. этот образ повторится в «Заметках о Шенье» (1922), когда его «ироническую песенку» О. М. рассматривает как одну из форм утверждения романтич. поэзией поэтики неожиданности. В «Разговоре о Данте» (1933) В. отнесен к числу авторов, близких в европ. поэзии худож. методу Данте Алигьери. Эпиграф из В. взят для иронич. стих. «Я скажу тебе с последней...» (1931).

Непосредственно с творчеством В. в мадельшт. мире связан ряд интертекстуальных контекстов. По предположению совр. комментаторов, стих. «Довольно лукавить: я знаю...» и, возможно, «Дождик ласковый, мелкий и тонкий...» (оба 1911) содержат реминисценции из «Silence» («Un grand sommeil noir...») В. Реконструкция системы сложных структурно-семантич. связей поэзии О. М. с парадоксальным набором авторов (В., Овидий, Вийон, А. С. Пушкин, Анненский), строящаяся прежде всего на сопоставлении мандельшт. «С веселым ржанием пасутся табуны...» (1915) и верленовскими «Вечерними раздумьями», предложена О. Лемновым.

Лит.: Карпович М. Мое знакомство с Мандельштамом // Даугава. 1988. № 2. С. 111; Фрейдин Ю. Л. «Остаток книг»: Библиотека О. Э. Мандельштама // Слово и судьба. С. 234; Лекманов О. А. «То, что верно об одном поэте, верно обо всех» (вокруг античных стихотворений Мандельштама) // Мандельштам и античность.

С. Г. Шиндин.

ВЕРХОВСКИЙ Юрий Никандрович [22.6.1878, с. Гришнево Смоленской губ. – 23.9.1956, Москва], поэт, переводчик, историк литературы, автор воспоминаний об А. А. *Блоке*. Ученик А. Н. Веселовского. Автор пяти прижизненных поэтич. книг, ряда публикаций в периодике, биографич. и библиографич. исследований творчества Е. А. *Баратынского*, А. А. Дельвига и др. поэтов пушкинской поры.

В. как поэт являлся одним из наиб. последоват. сторонников эстетики *неоклассицизма*. Этим объясняется нек-рая творч. общность В. и О. М. при отсутствии человеч. близости. Круг знакомств в 1900–10-е гг. (Вяч. И. *Иванов*, А. А. *Ахматова*, Блок, В. Я. *Брюсов* и др.) повлиял на появление сходных черт поэтики обоих авторов. Так, напр., О. М. и В. используют один и тот же образ из поэзии Данте – любви, движущей всем в мире. В. пишет: «L'Amor che move il sole e l'altre stelle. L'Amor – сила движущая, вдохновительная, певучая, ею движутся: il sole – сила творящая, дающая свет, и цвет, и образ, живописующая; и – l'altre stelle – силою, дающей свет, засвеченные – силы, дающие познание и правящие волей живущего. И как Любовию движется солнце, так Солнцем воспламеняются – как и оно движимые любовью – Другие Звёзды. Одна из этих звёзд – звезда Поэта. Луч её – слова его». Здесь явная перекличка с образным строем стих. О. М. «Бессонница. Гомер. Тугие паруса...» (1915). Следует обратить внимание и на сам факт интереса О. М. и В. к поэзии Баратынского, а также А. А. *Фета* и Ф. И. *Тютчева*. Можно также предположить, что произведения В. оказали влияние на «Стихи о русской поэзии» и на «[Восьмистишия]» О. М. В. и О. М. публиковались в альманахе *«Лирический круг»*. С нач. 1920-х гг. В., как и О. М., перебирается на жительство из Ленинграда в Москву. О. М. не было безразлично мнение В. о своей поэзии, по свидетельству Н. М., «Сам О. М. очень хотел при-

знания символистов и лефовцев, главным образом Верховского и Кирсанова, но это ему не удалось... Оба держались стойко на своих позициях, и все друзья дразнили О. М. его полным фиаско...»

Соч.: О символизме Боратынского //Труды и дни. 1912, № 3; [О символизме Боратынского]: Письмо к Вяч. И. Иванову // Верховский Ю. Н. Струны. М.: Водолей, 2008.

В. В. Калмыкова.

«ВЕСЕННИЙ САЛОН ПОЭТОВ», поэтич. сб., составл. И. Г. *Эренбургом* и выпущенный в 1918 книгоизд-вом «Зёрна» [владелец М. О. Цетлин (амари)] в видах «отражения движения русской поэзии». В сб. были включены стихи 1915–17 гг. поэтов самых разных направлений, в т. ч. А. А. *Ахматовой*, Ю. К. *Балтрушайтиса*, К. Д. *Бальмонта*, А. А. *Блока*, В. Я. *Брюсова*, И. А. Бунина, А. *Белого*, М. А. Волошина, З. Н. Гиппиус, Н. С. Гумилева, С. А. Есенина, Вяч. И. Иванова, Н. А. *Клюева*, М. А. *Кузмина*, В. В. *Маяковского*, С. Я. *Парнок*, Б. Л. *Пастернака*, С. Л. *Рафаловича*, Ф. *Сологуба*, В. Ф. *Ходасевича,* М. И. *Цветаевой* и мн. др. Часть произведений, написанных незадолго до выхода сборника, содержали рефлексию рев. событий 1917 (Волошин, Г. Иванов, Ходасевич, Цветаева, Эренбург). О. М. напечатал в сборнике 4 стих. «В разноголосице девического хора...»; «Образ твой, мучительный и зыбкий...», Европа («Как средиземный краб или звезда морская...») и «Я не слыхал рассказов Оссиана...» (С. 114–116).

Лит: Родченко А. М. [Рецензия] // Анархия. 1918. № 54 (9 мая) [псевд. Анти].

В. В. Калмыкова.

«ВЕСТНИК РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ» (до 1974 «Вестник Русского студенческого христианского движения»), ежеквартальный печатный орган Рус. студенч. христ. движения на рус. языке (на франц. языке: журнал «Le Messager», выходит с 1959). Возник в декабре 1925 в Париже в форме бюллетеня на ротаторе тиражом в 300 экз. В 1936 и 1940–47 не выходил; в 1937–39 выходил номинально в Париже (фактически в Эстонии), в 1948 в Мюнхене, а с 1948 снова в Париже. Начиная с 1960-х гг. через франц. посольство в Москве был установлен контакт с рос. интеллигенцией, в частности с той, что группировалась вокруг отца А. Меня. В 1953 на титуле В. был добавлен «Нью-Йорк», что символизировало участие в работе вестника богословов, переехавших в США, в частности о. А. Шмемана; в 1974, с № 112–113, и по совету А. И. Солженицына название журнала было изменено на более обобщающее, а на титуле в качестве места издания появилась и «Москва», что подчеркивало установление связи с Е. В. Барабановым и др. авторами из СССР. До 1991 был одним из осн. печатных органов рус. эмиграции. С 1992 впервые издается в Москве – сначала в «Христианском изд-ве», а с 1995 в изд-ве «Русский путь» (при участии изд-ва YMCA-Press и Рус. обществ. фонда А. И. Солженицына). С 1956 осн. редактором В. становится Н. А. *Струве*. Значит. массив творч. наследия О. М., равно как и биографич. материала о нем, впервые был введен в науч. оборот именно им и именно на страницах вестника. Начиная с 1962, когда в № 64 впервые увидели свет 5 неизд. стихотворений О. М.,

Поэтический сборник «Весенний салон поэтов»

его творчество и судьба, а также творчество и судьба Н. М. стали одной из сквозной тем журнала, при этом стержнем этой деятельности стала именно публикация Струве неизданного наследия поэта (№ 64, 72–73, 75–76, 97, 98, 111, 120). Если в 1962–73 эти публикации базировались на списках, полученных из Москвы или США, то с 1974 (№ 111), после того как Струве получил на хранение и изучение осн. Архив О. М., именно архив стал одним из гл. источников публикаций О. М. в вестнике, причем публикаторская деятельность Струве не пресеклась и после передачи Архива О. М. в *Принстонский университет*. Кроме того, на страницах вестника впервые увидели свет ряд воспоминаний об О. М., в частности А. А. *Ахматовой* (№ 93, фрагмент) и Б. С. *Кузина* (№ 140), биографич. материалы, в частности «Мандельштам в записях дневника С. П. Каблукова», публ. А. А. Морозова (№ 129), а также письма к О. М., в частности от Б. Л. *Пастернака* (№ 104, 105) и Ахматовой (№ 116). В вестнике публиковались и многочисл. произведения критико-эссеистич. жанра, посв. О. М., в частности Н. Кишилова (№ 75–76, 160), Ю. Карабчиевского (№ 111), Г. Беневича и А. Шифрина (№ 160), А. Давидчика (№ 162–163), В. Микушевича (№ 165), Р. Дутли (№ 165), К. Сигова (№ 166) и др. Журнал оперативно откликался и на лит. события в СССР и эмиграции, в частности на выход книг О. М. (№ 75–76, 97, 111, 160) или Н. М. (№ 99, 104–105, 108–110, 141), юбилейные даты, события и конференции (№ 162–163, 182). В отд. номерах публикации, связанные с О. М., составляли целые рубрики. Особого внимания заслуживает № 160, выпущенный к 100-летию О. М. и содержащий помимо др. материалов также ответы на анкету вестника о нем. В вестнике впервые увидели свет и отд. произведения Н. М., в частности «Мое завещание» (№ 100) и «Моцарт и Сальери» (№ 103). Большой блок материалов, включая ее письма к Струве, письма А. А. Любищева к Н. М., воспоминания о ней Кривошеиной, был посвящен ее смерти и похоронам (№ 133).

Лит.: «“Вестник” несет определенную весть...». Интервью с гл. редактором [Н. А. Струве] в связи с 80-летием журнала // ВРХД. 2005(II)–2006(I). № 190. С. 3–18.

П. М. Нерлер.

«ВЕЧЕРНЯЯ ЗВЕЗДА», газета. Издавалась в Петрограде социал-демократич. объединением журналистов «Авангард» в январе–мае 1918, после запрещения большевистскими властями в нач. 1918 газеты «Звезда», органа меньшевистской партии. Фактическим редактором «В. з.» являлся В. П. Полонский. Полного комплекта выпусков «В. з.» нет ни в одном библиот. или архивном хранилище России. В феврале–марте 1918 О. М. опубликовал в «В. з.» стих. «Собирались эллины войною...» (3/16 фев.), «Мне холодно! Прозрачная весна...» (19 фев. / 4 марта); (21 фев.); 1918, 9 марта (24 фев.); 1918, 15(2) марта.), «На страшной высоте блуждающий огонь!..» (6 марта), «Пусть имена цветущих городов...» (9 марта) и «В Петрополе прозрачном мы умрем...» (15 марта)

В. А. Калмыкова.

ВИЛЬДРАК (Vildrac) Шарль (наст. фам. Мессаже, Messager) (22.11.1882, Париж – 25.6.1971, там же), франц. поэт, прозаик, критик, участник лит. группы «Аббатство», предст. лит. течения «унанимизм» (см. в ст. Ж. *Ромен*). В сер. 1920-х гг. О. М. в целом сочувственно отзывался о данной лит. группе и о В. в частности. Возможно, работая над своим верлибром («пиндарическим отрывком») – стих. «Нашедший подкову» («Глядим на лес и говорим...», 1923), О. М. учитывал кн. В. и Ж. *Дюамеля* «Теория свободного стиха (Заметки о поэтической технике)» (М., 1920); позднее это могло отозваться в 7-м из стих. цикла «Армения» («Не развалины – нет, – но порубка могучего циркульного леса...», 1930) и комбинированном с метрико-ритмич. т. зр. стих. «Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето...» (1931). В 1926 О. М. написал внутр. рец. для изд-ва *«Прибой»* на кн. В. «Открытия» (1923; опубл в 1927: Прибой / пер. Т. Тургеневой); судя по его письму Н. М. нач. ноября 1926, первонач. планировалось, что перевод будет осуществлен им самим. В рец. О. М. дал довольно высокую оценку творчеству В.: «Один из виднейших представителей литературной школы унанимистов, преследующей задачу изучения человека как социальной особи и подчеркивающей в обществе гл. обр. его органическую природу»; столь же благосклонно он оценил и кн. «Открытия», выделив в ней обращение «к обнаженной проблеме социального общения», к-рую В. решал, создавая «новую вежливость – непосредственную, опирающуюся на живой интерес человека к человеку, построенную на свободе и непринужденности социальных прикосновений». Тема эта была, безусловно, актуальна и для самого О. М. на протяжении всего его творчества. Содержащееся в кн. В. (Открытия. Л., 1927. С. 64) в миниатюре «Завещание» описание образа черепа и производимых над ним операций («Я тебе завещаю и поручаю мой череп. Тебе придется украсть мою голову. И сейчас же, вываривaньем, едкими солями, ты уничтожишь все, что от меня осталось») м. б. сопоставлено с соответствующими фрагментами «Стихов о неизвестном солдате» (1937).

Шарль Вильдрак

Лит.: Шиндин С. Г. Мандельштам и творчество французских унанимистов // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2005. Т. 64. № 6.

С. Г. Шиндин.

ВИШНЕВЕЦКАЯ Софья Касьяновна (2.2.1899, Киев – 4.3.1962, Москва), театральная художница и киносценаристка, подруга молодости Н. М. Первая жена Е. Я. *Хазина*, жена и вдова В. В. *Вишневского*. Будучи, как и Н. М. и Л. М. *Козинцева*, ученицей А. А. Экстер, в 1918–19 вместе с ними оформляла массовые рев. празднества в Киеве, в 1920 окончила школу живописи Н. И. Мурашко и Гос. живописные мастерские в Киеве. С 1921 в Москве, художник в Моск. Камерном театре, где оформила неск. спектаклей вместе с Е. М. Фрадкиной. Вместе с мужем помогала О. М. материально во время воронежской ссылки. Упоминается во всех книгах Н. М. как представительница писательской элиты и в то же время с симпатией.

Архивы: РГАЛИ. Ф. 2441.

Лит.: Катанян В. В. Софья Вишневецкая, или Вдовьи страсти // Прикосновение к идолам. М., 1997.

П. М. Нерлер.

ВИШНЕВСКИЙ Всеволод Витальевич (8.12.1900, С.-Петербург, – 28.2.1951, Москва), драматург, прозаик, журналист. В письме к Н. М. от 28.12.1935 О. М. просил передать В. привет. В последний год жизни в Воронеже О. М. и Н. М. получали от В. материальную помощь – 100 руб. в месяц. Н. М. дружила с женой В. – С. К. *Вишневецкой*.

Е. А. Яблоков.

ВЛАДИВОСТОК, город и порт на берегу Амурского зал. Японского моря в Тихом океане. Основан в 1860 как форпост России на Дальнем Востоке. С 1872 гл. база Тихоокеанского флота России; с 1880 город. Центр совр. Приморского края. До 1992 В. был закрыт для иностранцев, а его посещение гражданами СССР или РФ осуществлялось по спец. пропускам. Начиная с 1929, когда во В. был создан первый лагерь ГУЛАГа, В. играл выдающуюся роль в системе организации массовых советских репрессий. На протяжении 1931–41 В. как конечный пункт Транссибирской железной дороги являлся транзитно-перевалочной узлом

на пути сотен тысяч заключенных на Колыму (через бухту Нагаево), а также в др. зоны ГУЛАГа в Дальневосточном крае. Практически этот узел состоял из ж/д станции Вторая Речка на берегу Амурского зал., южнее В. (в наст. время густонасел. район в черте города), неск. лагерей в непосредств. близости от нее, в т. ч. и *Владивостокский пересыльный лагерь* в 4 км к югу от ж/д ст. Вторая Речка, а также причалов всего в 1 км от лагеря, откуда заключенных перевозили и перегружали на пароходы, стоящие на рейде (позднее, особенно после 1937, практиковалась и погрузка прямо на пришвартованные пароходы в бухте Золотой Рог на мысу Чуркина, но это требовало от заключенных тяжелого и многокилометрового пешего перехода). Выгрузка прибывших ж.-д. эшелонов с заключенными продолжалась ок. 4–5 час. Построенную колонну вели под конвоем по следующему маршруту: по ул. Великорусской (ныне ул. Русская), затем правый поворот на ул. Областную (ныне ул. Гамарника) и, пересекая ул. Куринскую (ныне ул. Вострецова), с выходом на ул. Печорскую, к северным воротам лагеря. Мн. реалии В. (море, сопки, топонимы и т. п.) сохранились в памяти заключенных и отражены в многочисл. воспоминаниях и мемуарах.

12.10.1938, вместе с 700 др. заключенными из Москвы, во В., на ж.-д. ст. Вторая Речка был доставлен и О. М. Здесь, в пересыльном лагере, он провел последние 77 дней своей жизни (в 11-м бараке, а также в больничке).

В 1989 во В. вышел один из первых в СССР сборников избр. стихотворений, а в 2005 – 2-том. соч. О. М. В 1990 общественность В. предложила переименовать ул. Печорскую в ул. Мандельштама, депутаты городского Совета решением № 119 от 22.2.1991 постановили создать аллею Мандельштама на месте его предполагаемого захоронения близ ул. Вострецова и передать обществу «Мемориал» и Гос. объединенному музею им. В. К. Арсеньева земельный участок на ул. Вострецова (общей пл. 1600 кв. м) для установки памятника О. М. и создания мемориала жертвам сталинских репрессий во В. Однако Президиум Владивостокского гор. совета народных депутатов (предс. Соловьев) это решение не утвердил. Тем не менее борьба за увековечение памяти О. М. в В. продолжалась, и в 1998 здесь был установлен первый в мире памятник О. М. (работы скульптора. В. Г. *Ненажживина*). К его открытию был приурочен лит. вечер в Доме офицеров флота (см. *Мандельштамовские дни во Владивостоке в 1998 г.*). Вторые по счету *Мандельштамовские дни во Владивостоке в 2006 г.* были ознаменованы междунар. конференцией, организованной Владивостокским гос. ун-том экономики и сервиса (в парке которого с 2001 находится памятник О. М.) и *Мандельштамовским обществом*, книжной выставкой, организованной краевой публичной библиотекой им. А. М. Горького, и др. мероприятиями.

Лит.: Марков В. М. «Здравствуй, Владивосток!». Владивосток: Дальиздат, 1988; Он же. Путеводитель по Владивостоку. Владивосток: Дальиздат, 1993; Он же. Владивосток. Из века в век. Путеводитель-справочник. Владивосток, 2002 (2-е изд. 2004); Он же. «Где обрывается Россия...» (О. Э. Мандельштам во Владивостоке) // Прикоснувшись к истории. Еврейская диаспора Дальнего Востока России. XIX–XX века. Владивосток: Еврейский религ.-культурный общинный центр, 2000. С. 103–129; Он же. Владивосток. Путеводитель. Владивосток: Дальпресс, 2004. С. 134; О. Мандельштам. Личность, творчество, эпоха / предисл. Н. И. Великой. Владивосток, Советский фонд культуры, Приморское отделение. Владивосток, 1989; Матвеев Н. П. Краткий очерк истории г. Владивостока. Владивосток: Уссури, 1990; Нерлер П. «С гурьбой и гуртом...». Хроника последнего года жизни Мандельштама / Записки Мандельштамовского об-ва. Т. 5. М.: Радикс, 1994 [1995]; Старый Владивосток / сост. Б. Дьяченко. Владивосток: Утро России, 1992; Нерлер П., Поболь Н. Дело Мандельштама // Смерть и бессмертие поэта. Материалы междунар. науч. конференции, посв. 60-летию со дня смерти О. Э. Мандельштама (Москва, 28–29 дек. 1998 г.) / Записки Мандельштамовского об-ва. Т. 11. М.: РГГУ, 2001. С. 162–173; Мандельштам О. Стихи и проза. В 2 т. Т. 1; Стихи / сост., коммент. и вступ. ст. Л. Г. Кихней; Т. 2: Шуточные стихи. Проза. Статьи и эссе / сост. Л. Г. Кихней и Т. В. Прудкогляд; коммент. Л. Г. Кихней при участи Е. Н. Костериной. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та. 2005.

В. М. Марков, П. М. Нерлер.

ВЛАДИВОСТОКСКИЙ ПЕРЕСЫЛЬНЫЙ ЛАГЕРЬ («Пересылка», «Транзитка», «Транзитная командировка», «Шестой километр»). Владивостокский отд. лагерный пункт Управления Сев.-Вост. исправит.-трудовых лагерей Нар. комиссариата внутр. дел СССР (Влад. ОЛП УСВИТЛ НКВД) находился на ул. Печорской в районе нынешнего Морского городка, в 4 км от ж.-д. ст. Вторая Речка. ВПЛ был объектом особой гос. важности, созданным в августе 1931 по личному указанию И. В. *Сталина* (после посещения В. наркомом по воен.-мор. делам К. Е. Ворошиловым). С этого времени стал гл. транзитным пунктом по пути на Колыму (см. *Владивосток*). Территория лагеря (ок. 7000 м^2) находилась на сев. продуваемом склоне Саперной сопки (высота 74 м); склон сопки был достаточно крутым, внизу протекала р. Саперка. Юж. граница ВПЛ проходила по совр. ул. Днепровской, сев. – по ул. Печорской и Куринской. С востока территория лагеря была ограничена ул. Областной, служившей гл. выездом из города. С запада – естеств. границей служил обрывистый берег Амурского зал., видимый практически из любой точки лагеря. Территория лагеря делилась на четыре зоны, разграниченные двумя рядами колючей проволоки: две большие – мужскую и женскую, а также общую (смесь «бытовиков» и «блатных») и хозяйственную. Со временем в ВПЛ были построены адм. здания, пищеблок, баня, лазарет и деревянные бараки – приземистые сооружения из плах, набитых на вкопанные в землю столбы и покрытых снаружи брезентом; внутри – на земляном полу – 3-этажные нары, в центре – небольшая печка-«буржуйка».

Эшелон с О. М. прибыл в ВПЛ 12.10.1938, когда стояла теплая, почти летняя погода. Его поместили в 11-й барак, находившийся в вост. части лагеря (занимал вторую от вершины сопки площадку в самом последнем ряду выше по склону), к-рый был заселен преим. интеллигенцией из Москвы и Ленинграда, осужденной по 58-й статье. Осужденные в ВПЛ, как правило, не работали, если не считать легких работ внутри зоны или в непосредств. близости от нее. Однажды на такую работу выходил и О. М. (в паре с «физиком Л.»): погрузив в карьере два-три камня, физик и поэт везли их за полкилометра, после чего отдыхали и раз-

Владивостокский пересыльный лагерь

говаривали. Однажды, присев на кучу камней, О. М. произнес: «Первая моя книга называлась “Камень”, а последняя тоже будет камнем...» Добытый камень использовался для укрепления откосов и вымостки площадок под новые бараки. Поэт и физик носили камни для «своего» барака. Он располагался в юго-зап. части пересылки чуть ниже женской зоны, рядом с «бытовой». Карьер, откуда заключенные брали камень, был уничтожен только в 2005.

После посещения Владивостока А. А. Ждановым в 1939 было принято решение о переносе транзитного лагеря в порт Находку. Передача дел воинской части Тихоокеанского флота началась в 1940 и продолжалась целый год. Все это время ВПЛ «работал», принимая этапы. Только после июня 1941 здесь, в еще не остывших бараках, разместилось особое воинское подразделение – 21-й флотский экипаж, войсковой части № 15110, в ведении к-рого территория быв. ВПЛ находилась вплоть до 2004–07. При этом сам ВПЛ сохранился почти в первозданном виде. 7.12.1990 на территории быв. ВПЛ была отслужена первая в ее истории панихида по всем невинно замученным в ГУЛАГе. В 1990-е гг. здесь было снято более десятка телефильмов и репортажей. В сер. 1990-х гг. в ин-те «Приморгражданпроект» начались проектные работы по застройке «экипажа». С учетом ист. значимости этой территории арх. И. Б. Самойленко предоставила план, где был предусмотрен сквер Памяти жертв сталинских репрессий с перспективой установки памятника О. М. и памятных досок с именами тех, кто прошел этот ад. Однако под адм. давлением проект был пересмотрен, и на месте предполагаемого сквера был выстроен 10-этажный жилой дом. В кон. 2007 одним из последних было уничтожено и то место, где стоял 11-й барак.

В. М. Марков.

ВОЛОШИН Максимилиан Александрович (наст. фам. Кириенко-Волошин) (16.5.1877, Киев – 11.8.1932, Коктебель, Крым), поэт, критик, переводчик, художник. Знакомство В., уже составившего себе лит. имя, с учеником *Тенишевского училища* О. М. датируется кон. 1906 – нач. 1907, по В. П. Купченко – 2-й пол. февраля 1907. В. вспоминал: «...Это было у сестры Зинаиды Венгеровой – Изабеллы Афанасьевны (певицы). <...> Сопровождая свою мать <...> там был мальчик с темными, сдвинутыми на переносицу глазами, с надменно откинутой головой, в черной курточке частной гимназии <...> Он держал себя очень независимо. В его независимости чувствовалось очень много застенчивости. Вот растет будущий Брюсов, – формулировал я <...> свое впечатление».

Фраза из письма О. М. (1909) к В. – «С Вами я только встретился» – говорит о том, что следующая встреча состоялась, очевидно, весной 1909: В. находился в С.-Петербурге 27.1–20.3 и 27.3–12.4 Судя по характеру реплики О. М., встреча была мимолетной, кратковрем., возможно, она имела место на к.-л. обществ. мероприятии, напр. на лекции В. «Аполлон и мышь» 3.3.1909 в «Салоне» (Университетская наб., д. 1, Кадетский корпус). По словам Н. М., «кто-то, кажется Волошин, сказал Мандельштаму, что в греческой. мифологии белая мышь символизирует время». В апреле 1909 О. М. начал посещать «Про-Академию» В. И. *Иванова*, а 26.4.1909 Е. И. Дмитриева сообщила В. о заседании от 23.4.1909: «Потом читали стихи, – все, даже безмолвные. <...> Был еще поэт Мандельштам». Почувствовав внимание и участие старшего поэта, О. М. избрал В. (вместе с Вяч. Ивановым) адресатом и судьей своих стихов, однако ни тот, ни другой не ответили О. М. на письма, посланные из *Гейдельберга* (В. было отправлено письмо с 5 стихотворениями во 2-й пол. сент. и письмо-поправка в нач. октября 1909). Позднее В. оправдывал свое молчание тем, что, несмотря на своеобразие стихов О. М., они ему «не очень понравились». К заочным пересечениям О. М. и В. можно отнести и тот факт, что в № 9 журнала *«Аполлон»* за 1910 состоялся лит. дебют О. М., а также был опубликован волошинский перевод «Муз» П. Клоделя. Подтекст из ст. В. «Пророки и мстители» (1906) О. Ронен усматривает в сонете О. М. «Паденье – неизменный спутник страха...» (1912).

Впервые посетив Коктебель (30.6.1915 – кон. августа 1915), О. М. не застал хозяина (В. находился в Париже, Биаррице), зато познакомился с М. И. *Цветаевой*. Имя О. М. постоянно мелькает в переписке Е. О. Волошиной (Пра) и В.: 1.7.1915 Пра писала В. о совм. ужинах с А. Н. *Толстым* и «со вчерашнего дня <...> поселившимся у нас поэтом Мандельштамом»; 14 июля упоминала о живших у нее О. М., А. И. и М. И. Цветаевых, «сестрах Парнок» и др.; 10 авг. жаловалась на неряшливость и бесцеремонность О. М. (устраивавшего «полный беспорядок» в библиотеке В.); 26.1.1916 уже из Москвы писала В. о состоявшемся у нее 25 янв. приеме, на к-ром присутствовал и О. М. В. отвечал Пра 31.7.1915: «Мандельштама очень люблю как поэта». Ср. с позднейшим коммент. М. С. Волошиной: «Я Мандельштама люблю... Не как поэта, а как судьбу. Ему все время надо было прощать <...> не потому, что он был поэт – а такой, обиженный Богом». Ср. с совершенно противоположным отношением О. М. к поэзии В., по слова Н. М.: «...Читая поэтов, он искал у них удачи <...> При мне он как-то перелистал Волошина – книгу и тетради – и со вздохом отложил в сторону».

Однако любовь В. к поэту О. М., неоднократно им декларированная (см., напр., письмо 1920: «Вместе с Ахматовой он является самым талантливым представителем последнего поколения петербургских поэтов»), не могла примирить В. с привычками и поведением О. М., особенно с его отношением к книгам. Так, 29.4.1916 В. пишет М. С. Цетлиной: «...Укладываюсь, привожу в порядок мастерскую и библиотеку», в к-рой «варварски хозяйничали

Мандельштам и Толстой». Эта разница в обращении поэтов с книгами отмечена мн. мемуаристами: В. «...Книги любил непередаваемо. <...> И как он берег всякую! Если видел книгу перегнутую, волновался...» – О. М. в Коктебеле даже с единств. экземпляром книги любимого им М. А. *Кузмина* «обращался ужасно, держал <...> в пиджачном кармане свернутой трубкой, поминутно вынимал и читал стихи»; у В. была идеально подобранная и ухоженная библиотека, к-рой он гордился: «И свои книги он знал на ощупь – доставал с полки не глядя», а Н. М. писала про мужа: «...Ведя бродячий образ жизни, роскошными изданиями не соблазняются, а предпочитают портативные, легкие на вес». Поэтому не удивительно, что ссора между О. М. и В. в 1919 произошла в т. ч. на «книжной» почве.

В 1915 О. М. написал в Коктебеле стих. «Бессонница. Гомер. Тугие паруса...», «С веселым ржанием пасутся табуны...», «Обиженно уходят на холмы...». Последнее Пра послала В. в Париж: «Прилагаю при сем стихотворение Мандельштама, которое он просил прислать тебе как привет свой. Оно хорошо, только “как жердочки, мохнатые колени” не соответствуют портрету овец, здешних по крайней мере». Кроме того, в стих. «У моря ропот старческой кифары...» (октябрь 1915) О. М. также вспоминал «глухую деревню», «где воют псы» и живут «бедные татары». Все эти 4 стих. объединяет антич. образность, с помощью к-рой О. М. воссоздал коктебельский дух и ландшафт. Исследователи видят здесь влияние В., «первым услышавшего в “хорах” коктебельских волн “напевы Одиссеи”». О воздействии поэзии В. на О. М. писали мн. современники: С. П. *Бобров* полагал, что О. М. «использовал... мало-заметных на общем фоне символизма М. Волошина и Ю. Балтрушайтиса» (Б о б р о в С. П. О. Мандельштам. «Tristia» // «Печать и революция». 1923. Кн. 4. С. 260), Г. В. *Иванов* настаивал, что только Цветаева и В. «помогли Мандельштаму создать «Tristia» (И в а н о в Г. И. О. Мандельштам // НЖ. Нью-Йорк, 1955. Кн. 43. С. 277).

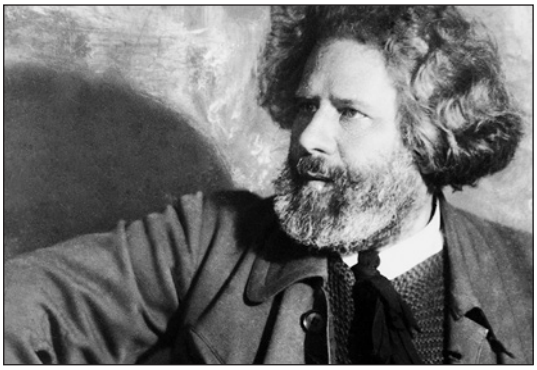
Что касается коктебельского пейзажа, существует мнение, что О. М. изобразил его в «Грифельной оде»: «Стихотворение многопланово <...> один из его планов – это простая последовательность фабульных пейзажных картин, допускающих реконструкцию некоторого реального события, которое могло послужить толчком для создания “Грифельной оды”. <...> с одной стороны, можно реконструировать крымский, коктебельский пейзаж...» (С е г а л Д. М. Смысловая структура «Грифельной оды» // RL. 1972. № 2. С. 51).

Вторично О. М. побывал в Коктебеле в 1916 (7 июня – 25 июля). В. Ф. *Ходасевич*, встретивший на пляже приехавшего в этот день О. М., писал жене: «Здесь просто. Ходят в каких-то отрепьях, купаются в чем попало». В 1916 Коктебель был переполнен: поэты, художники, артисты и др., несмотря на войну, устраивали концерты, разыгрывали спектакли, придумывали розыгрыши. «В Коктебеле <...> становится все более и более тесно от людей», – жаловался В. в письме к Цетлин.

19.6.1916 В. выступал с О. М. на даче певицы С. Г. Поповой в лит. отделении спектакля, устроенного петрогр. актером В. И. Сергеевым. 10 июля В. с О. М. и Ходасевичем участвовали в концерте, устроенном предводителем дворянства Феодосии В. А. Княжевичем в пользу коктебельского Об-ва курортного благоустройства на даче моск. предпринимателя И. В. Харламова (в нач. 1920 О. М. вместе с братом снимал у него комнату). 14 июля художница Ю. Л. Оболенская написала художнице М. М. Нахман об этом концерте: «Макс ухитрился потрясти сердца, а Мандельштаму устроили кошачий концерт <...> Ходасевича приняли сухо». 18 июля Ходасевич писал своему приятелю, юристу Б. А. Диатроптову) о предстоящем 18 июля очередном концерте и язвительно характеризовал тех, кто должен в нем участвовать: «Мандельштам. <...> Посмешище всекоктебельское» (Х о д а с е в и ч В. Ф. Собр. соч.: В 4 т. М., 1997. Т. 4. С. 404). Оболенская 2 авг. изобразила в письме Нахман поездку коктебельцев на этот концерт (устроен правлением Феодосийского округа Рос. об-ва спасания на водах) с юмором: «Везли нас в Феодосию на катерах, автомобилях, а нам с М. Ал. и Мандельштамом достался автобус, где мы на империале тряслись в обществе урядника, сгибая головы под телеграфной проволокой».

В творч. плане 1916 оказался для О. М. менее плодотворным, чем предыдущий год, однако стих. «Не веря воскресенья чуду...» относится к александровско-коктебельскому периоду (С. П. *Каблуков* получил его в нач. июня). Купченко, сопоставляя «коктебельские» стихи О. М. (включая стих. «Меганом», 1917) с творчеством В., пришел к выводу, что Крым О. М. – «каменистый», «каменный» «край земли», где «обрывается Россия / Над морем черным и глухим»; «глухие» деревни, к-рые затягивает «горький дым жилищ» и освещает «ветреная» луна, – «в традиции восприятия Киммерии Волошиным», у к-рого «Киммериян печальная область», как и у древних греков, «была не солнечным Югом, а далеким Севером, краем земли, неведомым и опасным».

Сам В. 3.9.1916 рекомендовал стихи О. М. и Ходасевича в письме предпринимателю и поэту М. О. Цетлину для задуманной последним антологии, а жене Цетлина, М. С. Цетлиной, в тот же день писал о стихах О. М.: «Ни у кого не встречал такой сосредоточенной звучности». О «таинстве речи и голоса» В. рассуждал и в рец. на «Камень» (1916) «Голоса поэтов» – одном из первых серьезных откликов на стихи О. М. (экз. «Камня» О. М. подарил Пра летом 1916 с «нежной дружеской надписью»). Ключевое понятие рец. – голос поэта – это «попытка охарактеризовать звучащие стихи, включающая впечатление от авторского чтения» (К у п ч е н к о и др. М. А. Волошин – литературный критик // Волошин М. А. Лики творчества. Л., 1988. С. 580). В сохранившемся плане статьи В. так характеризовал голос поэта: «Быть может, наиболее музыкальный и богатый мелодическими оттенками из всех современных поэтов, но еще слишком молодой голос, постоянно пробующий себя, любующийся округлостью собств. звука и сам себе удивляющийся» (Там же. С. 770). Несмотря на возникшую после ссоры в 1919 взаимную неприязнь, сохранявшуюся до конца жизни обоих поэтов, исследователи говорят о существ. воздействии статьи В. на О. М. Ключевые положения статьи В. отразились в позднейших стихах и статьях О. М. Так, тема «голоса» стала ведущей в поэзии зрелого О. М. (см., напр., «Грифельную оду»); важна также тема «я один в России работаю с голоса», отразившаяся и в повторяющемся мотиве «шевеления губ». Выявлено множество перекличек, носящих не такой основополагающий характер – напр., ха-



Максимилиан Александрович Волошин

рактеристика, к-рую дают В. и О. М. поэтич. речи Кузмина (Там же. С. 771–776).

Непременно должен быть учтен и биогр. подтекст статьи: мистификатор и «душемутитель», В. намеренно соединил в своей рец. имена О. М. и С. Я. *Парнок*, упоминая при этом Цветаеву и ее кн. «Версты». Посвященный читатель сразу улавливал намек на отношения между тремя поэтами, к-рые встретились и познакомились в доме В. в Коктебеле в 1915. В. был не только свидетелем, но и доверенным лицом Цветаевой, что позволило ему придать традиционному жанру рец. скандально-эротич. оттенок.

Третье посещение О. М. Коктебеля пришлось на лето 1917 (22 июня – кон. июля). В августе, перебравшись в Алушту, О. М. написал стих.-воспоминание «Меганом»: «И раскрывается с шуршаньем // Печальный веер прошлых лет...». Трагич. события, толчок к-рым был дан в 1915–16 там, в Коктебеле, за «мысом туманным», – смерть матери, о к-рой О. М. узнал в Коктебеле 24.7.1916 [ср. тему похорон в стих. «Эта ночь непоправима...» (1916) и «Меганом»] и исчерпавшие себя отношения с Цветаевой: «Пока еще на самом деле / Шуршит песок, кипит волна» (1917) – «Прими ж ладонями моими / Пересыпаемый песок» (1916), «Столь памятный моим ладоням песок Коктебеля!» (Цветаева. С. 95); «И в царстве мертвых не бывает / Прелестных загорелых рук» (1917) – «Не веря воскресенья чуду, / На кладбище гуляли мы. /...Целую локоть загорелый. /... Целую кисть, где от браслета // Еще белеет полоса. /...Как скоро ты смуглянкой стала...» (1916); «...Над аметистовой водой? /...В песок зарылся амулет» (1917) – «...радужные камушки, между которыми и аметист, и сердолик... Коктебельские камушки... Лежу на берегу, рою, рядом роет Волошин Макс. – Макс, я выйду замуж только за того, кто из всего побережья угадает, какой мой любимый камень» (Там же). Однако надежды О. М. на то, что можно воскресить прошлое («Туда душа моя стремится, / За мыс туманный Меганом...»), окончательно развеяла встреча с Цветаевой осенью 1917 в Феодосии: «Мандельштам был тут – и Марина сказала: “пожалуйста, не оставляйте нас вдвоем”». По мнению Д. М. Сегала, важным фоном перехода О. М. от поэтики «Камня» к поэтике «Tristia» послужила ст. В. «Театр и сновидение».

В следующий раз О. М. приехал в Крым через 2 года – в сентябре 1919. Первое упоминание о его появлении в доме В. обнаруживается в письмах С. Я. Эфрона к В. от 2 и 11.9.1919, а 5 нояб. В. сообщал писателю Л. П. Гроссману: «Дом наш полн <...> Пока живет Мандельштам, но скоро собирается ехать в Одессу». По предположению Купченко, стих. О. М. «В хрустальном омуте такая крутизна!..» было написано в этот период: образ «сумасшедших скал колючие соборы» навеян, скорее всего, вулканич. нагромождением Кара-Дага. Перекликаются с ранними коктебельскими стихами О. М. и др. образы: воздух, «где шерсть и тишина», «овчины пастухов»...

В. вместе с О. М. печатался в ряде феодосийских изданий («К искусству!», *«Ковчег»*), неоднократно выступал в *Феодосийском литературно-артистическом кружке* (ФЛАКе), в частности на вечере «Богема», выручка от к-рого и позволила опубликовать альманах «Ковчег». Э. Л. *Миндлин*, также принимавший участие в деятельности ФЛАКа, приводит высказывание В. об О. М.: «“– Ну разумеется! Мандельштам нелеп, как настоящий поэт!” Это была первая услышанная мною фраза Волошина, с к-рой он спустился в подвал», где находился ФЛАК.

И В., и О. М. оставили воспоминания о том, как они воспринимали друг друга в этот период. У О. М. – лаконичный портрет В. в «Феодосии» (1923–24): «А когда Волошин появился на щербатых феодосийских мостовых в городском костюме: шерстяные чулки, плисовые штаны и бархатная куртка, – город охватывало как бы античное умиленье, и купцы выбегали из лавок». Ср. у И. В. *Одоевцевой*: «Ах, сколько вы потеряли! Не знать Волошина! – Мандельштам искренне огорчен за меня. – Волошин – представьте себе – бородатый шар в венке и в хитоне. Едет на велосипеде по горной, залитой солнцем каменистой тропинке. Кажется, что не едет, а летит по воздуху, что он – воздушный шар. А за ним стая пестрых собак с лаем несется по земле» (Одоевцева И. В. На берегах Невы // Мандельштам и его время. С. 149). Воспоминания В. об О. М. также ироничны, в них последовательно перечислены «нелепости» поэта: «курьезный умывальник» и прозвище «Mademoiselle Fifi», к-рых он стеснялся; не менее курьезная влюбленность О. М. в М. П. *Кудашеву*; «полное забвение чувств» при встрече с казацким есаулом; беззастенчивое требование «Божественной комедии» *Данте Алигьери*, к-рую сам же О. М. потерял 3 года назад.

Более подробно В. остановился на истории своей ссоры с О. М. (сер. июля 1920) из-за подаренного Пра и «похищенного» впоследствии «Камня». Признавая частичную правоту О. М. – «похитил со стола у Майи книжку не он, а Эренбург», В. не мог простить поэту потребительски небрежного, презрительно-высокомерного отношения к коктебельским книгам, к коктебельской библиотеке. Ср. об этом у Волошиной: «У Макса было возмущение непорядочностью... Обиды не было. Макс снисходительно прощал ему очень многое... Макс говорил: “Мне надоел Мандельштам”». Позднее В., вспоминая свою ссылку в Ср. Азию, писал в январе 1924 Е. И. *Замятину*: «Я был начальником каравана из 22 верблюдов, из которых каждый был похож профилем, повадкой и нравом на Мандельштама: представляете, какое наслаждение!» Несмотря на обиду и «ругательное письмо» О. М. к В. от 25.7.1920, В. принял участие в освобождении поэта из тюрьмы, куда О. М. был посажен врангелевской контрразведкой (август 1920).

Ссора двух поэтов описана неск. мемуаристами (Миндлин, И. Г. *Эренбург*), к-рые старались быть объективными; существуют и пристрастные мнения – к ним можно отнести воспоминания Н. М., к-рая не была свидетельницей ссоры, и устные высказывания А. А. *Ахматовой*, к-рая «обвиняла Волошина в тысяче сплетен-анекдотов про Мандельштама...». Самая точная оценка этого неприятного для обоих поэтов эпизода: «Недоразумения с Мандельштамом Волошин не касался, и Мандельштам тоже о нем неохотно говорил» – дана Волошиной, к-рая в разговоре с Купченко настаивала на том, что поведение В. и О. М. во время ссоры не было для них характерно вообще: «Фактически так... а по духу неверно».

История закончилась отъездом О. М. в Батум, однако за ней еще долго тянулся шлейф разговоров и пересудов, тем более что В. не делал из этой истории тайны: «...Я, на первом же чтении стихов, что я устраивал в мастерской, сказал слушателям: “А вот если кто из Вас потеряет <...> книжку, взятую из моей библиотеки, то рекомендую Вам <...> писать мне ругательное письмо”. И, как образец стиля, прочел им письмо Мандельштама». «Непристойные рассказы из Коктебеля, распространяемые поклонницами Волошина» (Н. М.), вынудили О. М. ответить одной из них – писательнице С. З. *Федорченко* – резким письмом от 9.7.1924. В дневниковой записи от 12.5.1926 П. Н. *Лукницкий* привел рассказ Ахматовой о том, как Парнок и Федорченко, к-рых она видела в изд-ве «Узел», восхваляли В. и как последняя «в отместку за плохое мнение Мандельштама о Волошине обозвала Мандельштама чуть ли не жуликом» (Слово и судьба. С. 127).

О злопамятности одного поэта и чистосердечной забывчивости другого свидетельствует и последняя встреча В. и О. М. марте того же 1924 в Москве, в редакции журнала *«Красная новь»*. В. иронично комментирует ее в своих воспоминаниях: «Мандельштам встретил меня радостно и, видимо, “все простил” из того, что между нами было: и зачитанного у меня Данта, и спасение из-под ареста. Он это все мне высказал». Именно неизбывной обидой на О. М. в какой-то степени было продиктовано письмо В. директору изд-ва *«Творчество»* С. А. Абрамову от 3.12.1923 по поводу ст. О. М. «Записки о поэзии. Vulgata» (1923, опубл. в издававшемся Абрамовым журнале «Русское искусство», № 2–3 за 1923). В. в резких выражениях отозвался о статье О. М., допустившем ошибку в использовании термина «Vulgata»: «Очень только меня неприятно поразила своим невежеством статья О. Мандельштама “Vulgata”. <...> Неужели Мандельштам – филолог, ритор и латинист, настолько невежествен <...> Позор». Судя по тому, что при последней встрече разговор зашел о «Vulgata», О. М. ознакомился с письмом В. По свидетельству самого В., неудовольствие О. М. вызвала не форма и не суть его отзыва, а нарушение В. «интересов корпорации»: «Ведь все-таки наши интересы – поэтов, равнодейственны, а редакторы наши враги. Нельзя же было Абрамову выдавать меня в случае “Vulgata”». Ведь эти подробности только вы знаете, а публика и не заметит».

Н. М., к-рая О. М. рядом с В. «не видела никогда», в 1926 (сер. сентября – декабрь) одна отдыхала в Коктебеле, где В. «однажды зазвал ее “к себе”». Однако общения не получилось из-за предвзятого отношения Н. М. к В.: «Я не люблю всеобщих баловней и кумиров типа Волошина, мнимых мудрецов и пророков для истерических женщин с неустроенной любовной жизнью».

В воспоминаниях вдовы В. есть эпизод, к-рого не могло быть в действительности: О. М. с женой приезжают в Коктебель в 1932, когда В. при смерти (на самом деле лето 1932 О. М. провел в доме отдыха «Болшево»). В. отказывает им в приюте, т. к. дом переполнен, а «Мандельштам начнет выкамаривать, как он любит – требовать, надеяться <...> Он очень был непростой в жизни...». Вспомнив неловкость ситуации, Волошина оговаривается: «Иногда мне кажется, что этого даже ничего не было...», но затем опять противоречит себе: «Но в данном случае я хорошо помню: я им сказала, что мы их принять не можем». Очевидно, здесь мы имеем дело с аберрацией памяти: жена Волошина знала О. М. – тенишевца: «Он ходил весь такой опущенный. Ему кричали: “Ёська! Застегни штаны!”», дальнейшее только со слов В., не желавшего больше никогда иметь дело с бытовыми проявлениями О. М. Несмотря на сложные отношения между В. и О. М., Волошина после смерти О. М. передала Н. М. «трогательное, но неприемлемое» предложение: поселиться с ней в Коктебеле.

В последний раз О. М. с Н. М. посетил Коктебель в 1933 (кон. мая – кон. июня), уже после смерти В. Жили они в писательском доме отдыха, О. М. работал над «Разговором о Данте». В этом эссе строки о геологич. структуре «Божественной комедии» навеяны лицезрением «дивной геологической случайности, именуемой Коктебель». По собств. «автобиографическому признанию» О. М., «черноморские камушки, выбрасываемые приливом, оказали» ему «немалую помощь, когда созревала концепция этого разговора». В черновых набросках к «Разговору о Данте» есть фрагмент, посв. памяти В. В нем В. предстает не поэтом, а спецом «в делах зоркости», «почетным смотрителем» Коктебеля, всю жизнь посвятившим «намагничиванию» вверенной ему бухты. Он вел ударную дантовскую работу по слиянию с ландшафтом и был премирован отзывом плотника» (ср. в «Разговоре о Данте»: «Нет синтаксиса – есть намагниченный порыв...»).

Несмотря на противоречивые и не всегда достоверные свидетельства современников о взаимоотношениях О. М. и В., см., напр., мнение Ахматовой о воспоминаниях Цветаевой: «Отношения Мандельштама и Волошина она приукрашает из преданности Волошину» (Ахматова А. А. Записные книжки. М.; Torino, 1996. С. 486), отношения двух поэтов можно реконструировать по их собств. высказываниям и воспоминаниям. Мнение друг о друге сложилось у О. М. и В. в начале их знакомства и практически не менялось на протяжении всей жизни. Поэты парадоксальным образом оценивали друг друга с точностью до наоборот: В. терпеть не мог О. М. – человека и любил О. М. – поэта. См. его ответ на анкету Е. Я. Архиппова 30.6.1932: «Любите ли Мандельштама? Какую книгу более <...>?» – «Люблю. “Камень”»; О. М. же, напротив, ценил в В. его человеч. призвание – быть коктебельским «гением места» – и не принимал В.-поэта. См. высказывание О. М. летом 1937 по поводу ареста математика Д. Д. Жуковского за распространение стихов В.: «Так ему и надо – Макс плохой поэт!».

С о ч.: Голоса поэтов // Речь. 1917. 4 июня; Лики творчества / примеч.: Т. Л. Никольская, Г. А. Левинтон. Л., 1988; Путник по вселенным. М., 1990.

Лит.: Мандлин Э. Л. Необыкновенные собеседники. М., 1979; Купченко В. П. О. Мандельштам в Киммерии // ВЛ. 1987. № 7; Он же. Ссора поэтов (к истории взаимоотношений О. Мандельштама и М. Волошина) // Слово и судьба; Он же. Труды и дни М. Волошина: Летопись жизни и творчества (1877–1916). СПб., 2002; Он же. Жизнь М. Волошина: Док. повествование. СПб., 2003; Кацис Л. Ф. Мандельштам и Волошин (Заметки к теме) // Поэтика и текстология. 1991; Цветаева М. И. История одного посвящения // цит. по: Осип Мандельштам и его время; Сегал; Ронен О. Поэтика О. Мандельштама. СПб., 2002; Волошина М. С. О Максе, о Коктебеле, о себе: Воспоминания. Письма. Феодосия, М., 2003.

С. Ф. Данилова.

Аким Львович Волынский

ВОЛЫНСКИЙ Аким Львович (наст. фам., имя и отчество Хаим Лейбович Флексер) (21.4.1861, Житомир – 6.7.1926, Ленинград), лит. и балетный критик, историк и теоретик искусства. В 1889–99 критик и идеолог петерб. журнала «Северный вестник», на страницах к-рого не только печатал произведения «старших символистов» (Д. С. *Мережковский*, З. Н. *Гиппиус*, Ф. *Сологуб*), но и стремился выработать идеалистически ориентированную эстетич. теорию. Будучи идеологически близок к предст. народничества, В. тем не менее последовательно отстаивал т. зр. свободы искусства от служения внеэстетич. целям.

Такая позиция делала его близким не только к отдельным символистам (в частности, к В. Я. *Брюсову*), но и к более молодым литераторам их круга, к к-рым принадлежал О. М. В 1910-х гг. В. выказывал интерес к *акмеизму*, посещал собрания *«Цеха поэтов»*. В письме от 7.12.1916 О. М. пригласил В. на заседание «Цеха поэтов» на квартиру к Г. В. *Адамовичу*. Судя по тексту письма, об этом существовала предварит. договоренность. В. по достоинству оценил акмеизм, что было очень важно для поэтов «Цеха», поскольку «похвала Волынского дорого стоила».

После Окт. рев-ции, к-рую В. принял вполне лояльно, в нач. 1920-х гг., он, как и мн. др. литераторы, в частности О. М., жил в Петрограде, в *«Доме искусств»*: «В комнате с амурами на потолке жил Аким Волынский. Он сидел в пальто и в шапке и читал Отцов церкви по-гречески». Он был членом совета Дома и в этом качестве занимался, в частности, распределением пайков писателям; пред. петрогр. отд. Союза писателей. Выступал на юбилейном чествовании Сологуба. Об этом событии О. М. написал очерк «К юбилею Ф. К. Сологуба» (1924). В 1920–26 В. заведовал итал. отд. изд-ва *«Всемирная литература»*.

О. М. и В. не были связаны сколько-нибудь близкими отношениями. Однако налицо общность их интересов и пристрастий, среди к-рых типичный для культуры 1900–10-х гг. интерес к творчеству Ф. *Ницше*, особенно к его работам «Рождение трагедии из духа музыки» и «Аполлон и Дионис»; концептуализация Эллады как источника европ. искусства и идеи органики в искусстве; идея синтеза искусств; сходное понимание сущности поэзии; интерес к итал. культуре; внимание к творчеству *Рембрандта*; наконец, общность в отношении к культурной ситуации 1910-х гг. Причем не только В. как «старший современник» оказывал влияние на О. М.: происходило и обратное влияние. Постановка вопроса о необходимости «ритмизации» социальной жизни в ст. О. М. «Государство и ритм» (1918) отразилась в ст. В. «Героический человек» (1922) с ее идеей организации гос. жизни не ср-вами социального аппарата, а методами искусства.

Ст. О. М. «Михоэлс» (1923–26) во многом опирается на концептуальный аппарат, разработанный В. в статьях 1923 «Еврейский театр. Статья 1-я. Ипокрит» и «Еврейский театр. Статья 2-я. Походный ковчег». Представления об особой евр. пластике, выработанной в условиях европ. гетто и влияющей на пластику театр. искусства С. М. *Михоэлса*, О. М. заимствовал из работ В. Важно и то, что О. М. вслед за В. нашел источники евр. жеста и танца в античности.

Завершая в 1926 ст. «Михоэлс», О. М. применил в тексте один из характерных приемов – описание умершего человека, к-рый был ему в той или иной степени близок (ср.: И. Ф. *Анненский*, А. *Белый*), род анонимного некролога, в к-ром имя покойного не обозначено. Из-под изборожденного морщинами лица Михоэлса проступает лицо В., в воображении О. М. похожее на маску еврипидовского актера: «слепое лицо, изборожденное зрячими морщинами <...> Иногда опущенное веко видит больше, чем глаз, и ярусы морщин на человеческом теле глядят, как скопище слепцов». Впоследствии слепое лицо со зрячими морщинами стало портретной характеристикой портного Мервиса в «Египетской марке» О. М., насыщенной балетной темой, связанной с В. как крупнейшим балетным критиком из современных О. М.

Лит.: Красовская В. М. Две жизни Вагановой: Балетная повесть // Нева. 1985. № 9; Шкловский В. Г. Гамбургский счет. М., 1990; Тоддес Е. А. Поэтическая идеология // ЛО. 1991. № 3; Чуковский К. И. Дневник (1901–1929). М., 1991; Толстая Е. Аким Волынский в литературных зеркалах // ЛО. 1997. № 4; Она же. А. Л. Волынский через 100 лет // Солнечное сплетение. 1999. № 9; Она же. Аким Волынский и Еврейский театр // Там же. 2003. № 16–17.

В. А. Калмыкова

«ВОЛЯ НАРОДА», газета (Петроград, 1917), печатный орган правых эсеров. С 27 по 30 нояб. «В. н.» поместила ряд откровенно антибольшевистских выступлений. 30 нояб. в «В. н.», как и в целом ряде др. изданий, было опубликовано Обращение быв. Временного правительства, после чего большевистский Воен.-рев. комитет приостановил их выпуск и арестовал группу сотрудников. В «В. н.» дважды публиковались стихи О. М., к-рого лидеры ПСР называли «наш поэт» (передавала Б. А. Бабина, устное свидетельство

Ю. Л. Фрейдина): «Кассандре» (15 нояб.) и «Когда октябрьский нам готовил временщик...» (31 дек.). 22.10.1917 в «В. н.» была опубликована ст. «Зверь-толпа», возможно, использованная О. М. при создании образа самосуда толпы в «Египетской марке».

В. В. Калмыкова.

ВОРОНЕЖ – г., столица Воронежской обл. Ок. 25.6.1934 О. М. и Н. М. приехали в В. в трехлетнюю ссылку из *Чердыни*, где ссылка началась. Здесь он провел 35 последующих месяцев, лишь ненадолго отлучаясь в непродолжительные поездки – в частности, в Воробьевский район (две командировки от газеты – 24.10–28.11.1934 и 22–23.7.1935), на дачу (предположительно в Сосновку) в 1935, в санаторий в Тамбов (на стыке 1935 и 1936 гг.) и еще раз на дачу, в Задонск (20.6. – нач. сентября 1936). Поначалу все складывалось относительно удачно (работа лит. консультантом в журн. «Подъем» и в Большом Советском театре, подработки на радио), но постепенно над О. М. стали сгущаться тучи: сначала – бытовые, денежные, медицинские, а под конец пребывания в В. он столкнулся и с политическими обвинениями. Будучи по природе очень открытым человеком, О. М. столкнулся в В. и с острейшим дефицитом человеческого общения. Но изоляция эта никогда не была абсолютной. Уже через пару недель после прибытия в В. его проведал И. Г. *Эренбург*. Позднее к нему приезжали, пользуясь гастролями, М. В. *Юдина* и В. Н. *Яхонтов* (и не раз!). Заходили и другие гастролеры: летом 1935 – артисты Камерного театра, например, 23.11.1935 – пианист Лео Гинзбург. Дважды на майские праздники приезжала Э. Г. *Герштейн*, по разу, но на день оба брата – А. М. и Е. М. На неделю – А. А. *Ахматова* (5–11.2.1936) и на месяц – Д. М. Бутман (сентябрь 1934). И, наконец, дважды, его теща, В. Я. Хазина (в августе 1934 и в апреле-мае 1937).

Медленно и постепенно складывались добрые отношения О. М. с жителями В., такими как Ф. Я. Маранцем, К. Швабом, Н. Е. *Штемпель*, П. Н. Загоровским или М. В. Ярцевой.

Первый – он же и самый ранний, и самый ближний – круг общения составили репрессированные москвичи и ленинградцы: врачи, писатели, журналисты. Из них – по интенсивности общения и воздействию на поэта – выделялись двое: П. И. *Калецкий* и С. Б. *Рудаков*. Второй круг – жители В.: те же категории лиц, но с добавлением разве что газетного и писательского начальства. Но ни с кем из писателей О. М. по-настоящему не сблизился: ближе других к нему оказались Б. Г. Песков и П. Н. Прудковский (прозаики), а также В. А. Покровский (поэт). Зато Наташа Штемпель заменила их всех и прочно вошла в жизнь поэта – как его друг, читатель и слушатель. Близким человеком стал и Маранц, добрый знакомый Н. М. еще по Киеву. (*Н. Я. Мандельштам*. Т. 1. С. 147–148).

По признаку преобладающего общения воронежское трехлетье О. М. можно разбить на три неравные трети, или, условно, – на три «г да»: «год» с Калецким, «год» с Рудаковым и «год» со Штемпель. «Год Павла Калецкого», если считать его от приезда О. М. в В. и до отъезда Калецкого в июле 1935, продлился чуть больше 12 месяцев: в это время О. М. осваивался в В. и приходил в себя после ареста, тюрьмы и Урала. На «Год Сергея Рудакова», вобравший в себя 15 месяцев (с апреля 1935 по июль 1936), выпали стихи т. н. «Первой воронежской тетради». Точнее, стихи пришлись на несколько месяцев, «общих» для двух «годов» – и Калецкого, и Рудакова (лишь «Летчики», стоящие особняком, дописывались уже в отсутствие первого). Но стихи вернулись буквально на глазах – и даже в присутствии именно Рудакова, активно пытавшегося повлиять на их дальнейшее «прохождение» сквозь автора и на их финальные редакции.

Если Калецкий в «свой» год относился к Мандельштаму скорее равнодушно, будучи связан смертельной болезнью жены, то Рудаков в «свой», напротив, был нацелен на общение с поэтом, о чем чуть ли не ежедневно, а нередко и дважды в день отчитывался в письмах перед женой. Эти письма – ценнейший источник свидетельств об О. М. в В. Самым коротким (с конца сентября 1936 и до середины мая 1937) был «Год Натальи Штемпель». Это самый изгойский и самый трудный период за все время в В. Но именно отношение к Штемель, «ясной Наташе», отношения с ней, как и с теми, кого она с собой «привела», впервые были по-настоящему и двусторонне дружескими. И не случайно именно на эти восемь месяцев пришлись две «воронежские тетради» из трех! Встреча и дружба со Штемпель – настоящее чудо и величайший подарок в жизни О. М.

В то время как О. М. отбывал свою ссылку, историческое время напрягалось и ужесточалось. Репрессии набирали обороты, и разворачивание Большого Террора началось лишь спустя несколько недель после возвращения О. М. в Москву в сер. мая 1937.

Но самое поразительное – те дивные стихи, которые Мандельштам написал в Воронеже, вершинные во всем творчестве. Трижды – с апреля по июль 1935, с декабря 1936 по февраль 1937 и с марта по май 1937 гг., – его накрывал невероятный творческий прилив, а когда волна уходила, «на берегу» всякий раз оставалась стопка листков с новыми стихами. Воронежский период – время высочайшей творческой активности поэта: четверть всего, что он написал, приходится на его воронежские годы: излучаемое ими чувство просветленного оптимизма, замешанного на человеческой трагедии, – потрясает.

Это то, что Мандельштам именно отсюда, из Воронежа, привнес в русскую и мировую поэзию, – «кое-что изменив в ее строении и составе» (4, 177).

Благодаря своим воронежским стихам Мандельштам – окольцованный и раскрепощенный – навсегда «прописался» в этом городе: «Я около Кольцова / Как сокол закольцован, / И нет ко мне гонца, / И дом мой без крыльца...». Вот перечень его конкретных адресов в В.: гостиница «Центральная» на пр. Революции (июнь 1934), терраска в доме повара возле Бринкмановского сада (предположительно на Федеративной ул., 18 или 16; нач. июля – сер. октября 1934; «комната-каюта» в доме в «яме» на 2-й Линейной, 4 (ныне пер. Швейников, 4б; сер. Окт. 1934 – 21.4.1935); смежные комнаты в «меблирашке» у «мышебойца» на пр. Революции (угол с ул. 25 октября; 21.4.1935 – 14.3.1936) и в доме ИТР на ул. Энгельса, 13б (14.3 – окт. 1936); комната у театральной портнихи в «доме без крыльца» по ул. 27 февраля, 50 (окт. 1936 – 16.5.1937).

15.1.1991 – одновременно с Москвой и Ленинградом – в В., в доме по ул. Энгельса 13, открылась мемориальная доска; затем, в 2006, – вторая, посвященная приезду к нему Ах-

матовой. А в 2008 открыли памятник поэту, а сквер, в котором он стоит, неофициально (а со временем и официально) стал именоваться Мандельштамовским. В В. неоднократно проходили различные вечера, фестивали (в частности, с 2015, фестиваль поэтич. искусства «Мандельштам-фест» и фестиваль «Улица Мандельштама» в 2016), конференции и чтения, посвященные О. М., в т.ч. в 2016 – в год 125-летия со дня рождения поэта – чтения, посвященные созданию музея О. М. В Воронежском литературном музее им. И. С. Никитина открыта первая в мире музейная экспозиция (в формате специального зала), посвященная О. М.

П. М. Нерлер

ВОРОНСКИЙ Александр Константинович (27.8.1884, с. Хорошавка Кирсановского у. Тамбовской губ. – 13.8.1937, Москва), лит. критик, писатель, публицист. Член партии коммунистов с 1904. В 1921–27 ред. журнала *«Красная новь»*, в 1921–27, организатор и глава изд-ва артели писателей *«Круг»*, ред. его альманаха, в 1922–23 ред. альманаха *«Наши дни»*, в 1923–27 один из ред. (совм. с Н. И. *Бухариным*) журнала «Прожектор», организатор лит. группы «Перевал» (1923–32). Автор кн. «На стыке» (1923), «Искусство как познание жизни и современность» (1924), «Литературные записи» (1926) и др. В редактируемых им изданиях В. печатал И. Э. *Бабеля*, Е. И. *Замятина*, М. М. *Зощенко*, Б. А. *Пильняка*, В. Ф. *Ходасевича* и др. Хотя Н. М. отметила в мемуарах, что В. в 1922 «отвергал все» и, «как и все другие, отказывался печатать О. М.», стихи О. М., с к-рым В. познакомился не позднее июля 1922, неоднократно появлялись в «Красной нови», напр. в № 4 (июль) за 1922, № 1, 5 за 1923. В списках предполагавшихся членов артели писателей «Круг», составл. В., О. М. значился с пометкой «Книги стихов» в группе «[Классики] “Старые” писатели» [Поливанов К. М. К истории «артели» писателей «Круг» // De Visu. 1993. № 10(11). С. 10]. 25.11.1922 О. М. сдал в изд-во «Круг» рукопись «Второй книги», к-рая в кон. мая 1923 была напечатана. 31.3.1921 – 9.6.1924 В. работал в *Госиздате*, возглавляя «то Отдел художественной литературы, то редакцию современной литературы, одновременно выполняя обязанности зам. пред. Редколлегии и члена Распорядительной комиссии». 11.5.1922 О. М. заключил договор с Госиздатом на издание кн. стихов «Аониды», а в июле 1923 в изд-ве вышло 3-е изд. кн. «Камень». Летом–осенью 1924 О. М. предполагал также издать у В. повесть «Шум времени» (1923–24), о чем и сообщал редактору в письме с прилож. «выправленным текстом» повести. Однако «Шум времени» был издан в 1925 в изд-ве «Время». В. напечатал неск. стих. О. М. в альманахе «Наши дни», изд. Госиздатом (1922, № 2; 1923, № 3; 1924, № 4). В 1923–24 В. публиковал переводы О. М. с франц. яз. в «Прожекторе» (1923, № 12, 13; 1924, № 7). В 1-й пол. 1920-х гг. В. занимал видное положение в лит.-изд. кругах и нередко публиковал стихи О. М.: «Опора на ценности классической литературы <...> должна была, по его [Воронского] мысли, стать фундаментом нового подхода к искусству». Реализуя эту идею на практике, В. собирал вокруг себя талантливых дорев. писателей, призывая их идеологически самоопределяться. Сохранившиеся отзывы В. об О. М. свидетельствуют о его симпатии к поэту. Напр., в сентябре 1922 в ответ на запрос Л. Д. *Троцкого* о Дон-Аминадо, О. М. и В. Г. *Лидине* В.

Александр Константинович Воронский

писал: О. М. «Охотно сотрудничает в советских изданиях. Настроен к нам положительно. Пользуется большим весом как хороший знаток стиха. Талантлив. Стихи индивидуалистичны». Во 2-й пол. 1920-х гг. О. М. упомянул В. в письмах к Н. М. от 16 и 17.3.1926 в связи с «Шумом времени». На этом сотрудничество О. М. с В. закончилось. В 1928, причисленный к троцкистско-зиновьевской оппозиции за открытую поддержку Троцкого и Г. Е. Зиновьева и протесты против их исключения из партии в 1927, В. был исключен из ВКП(б) и в янв. 1929 сослан в Липецк; осенью того же года вернулся в Москву, восстановлен в партии. В нач. 1935 вторично исключен из ВКП(б), 13.2.1937 арестован и обвинен в «организации антисов., троцкистской террористич. группы»; расстрелян. Реабилитирован в 1954.

Лит.: Белая Г. А. Дон Кихоты 20-х годов: «Перевал» и судьба его идей. М., 1989; Динерштейн Е. А. А. К. Воронский: В поисках живой воды. М., 2001.

М. А. Котова.

«ВРЕМЯ» (офиц. назв.: Кооперативное т-во «Изд-во “Время”»), кооперативное изд-во «Издательской артели работников науки, литературы, книжной графики и издат. дела». Организовано в Москве в 1922, в 1923–34 в Пг. – Л. Учредители: осн. пайщик и первый пред. правления И. В. Вольфсон и Г. П. Блок, двоюродный брат А. А. *Блока*, писатель и литературовед, гл. ред. и зам. зав изд-вом в 1923–24. Члены-пайщики: ученые А. Е. Ферсман, С. Ф. Ольденбург, Г. А. Дюперрон, Я. И. Перельман, А. А. Смирнов, Ю. П. Скалдин, поэты и переводчики М. Л. *Лозинский*, В. А. *Зоргенфрей*, М. А. *Кузмин*, Б. К. *Лившиц* (большинство учредителей ранее сотрудничали с изд-вом *«Всемирная литература»*); большинство из них участвовали в редакторской и редакц. работе, привлекались также В. А. Десницкий, Б. Н. *Эйхенбаум*, А. А. Франковский и др. Деятельность изд-ва энергично поддерживал М. *Горький*. Адреса конторы «В.» в Петрограде (Ленинграде) менялись; в сер. 1920-х гг. располагалась на Троицкой ул., д. 4, кв. 3 (возможно, это адрес самого Вольфсона; здесь бывал О. М.).

«В.» специализировалось на издании науч.-популярной и худож. литературы, в осн. западной. Среди зап. авторов, к-рых публиковало «В.», – С. Цвейг и Р. *Роллан*, чье творчество стало широко известным в СССР благодаря осуществленным «В.» собр. сочинений этих писателей.

О. М. был связан с «В.» уже в год его создания. Его стихи были помещены в 1-м (1922) и 2-м (1923) вып. «Возрождения» – лит.-худож. и науч.-популярного иллюстрир. альманаха, изданного «В.». Более тесные отношения с изд-вом завязались в 1924, когда О. М. и Н. М. переехали в Ленинград. Наиб. крупная публикация О. М. во «В.» – книга автобиогр. прозы «Шум времени» (1925). Вдова поэта вспоминала, что именно гл. ред. Блок «заинтересовался» судьбой этой книги и способствовал ее изданию. Помимо «Шума времени», О. М. в том же году удалось издать кн. дет. стихов «Примус» с рис. М. В. *Добужинского*, а также – принять участие в работе над двумя переводными книгами: Лефевр Сент-Оган. Тудиш / пер. под ред. О. Мандельштама и Г. П. Федотова; Истрати Панаит. Дядя Ангел; Рассказы Адриана Зограффи / пер. Изабеллы Шерешевской под ред. О. Мандельштама и Г. П. Федотова. К роману «Тудиш» О. М. написал также предисл., напечатанное под псевд. «О. Колобов». [Г. П. Федотов (1886–1951), известный впоследствии мыслитель, историософ, культуролог и публицист, покинул Россию в сент. 1925; его личное знакомство и лит. сотрудничество с О. М. до наст. времени документально не подтверждено].

Для «В.» О. М. писал и внутр. рецензии. В фонде изд-ва (ИРЛИ. Ф. 42) обнаружены две рец. такого рода – на франц. издание ист. романа Ж. Лефевра Сент-Огана «Тудиш» и на нем. издание фантастич. романа австр. писателя К. Г. Штробля «Призраки на болоте» (рус. пер. не состоялся); отзыв на книгу Штробля сохранился в 2 экз. Подобно прочим внутр. рецензиям О. М., эти тексты «сохраняют все особенности авт. стиля». Др. рецензентом обеих книг для «В.» был Н. Н. Шульговский; представленные им отзывы датированы 28.10.1924, что позволяет уточнить датировку рецензий, написанных О. М.: октябрь–ноябрь 1924 (см. подробно: Мандельштам О. Э. Внутренний рецензии и предисловия для изд-ва «Время» / публ., предисл. и примеч. К. М. Азадовского и А. Г. Меца // Слово и судьба. С. 7–19; там же – атрибуция и обоснование псевдонима «О. Колобов»).

В составе фонда «В.» сохранился, кроме того, план дет. книги О. М. под загл. «Трамваи» вместе с машинописью 3 стихотворений (два из них, ранее не известные, опубликованы Е. О. Путиловой в кн.: День поэзии – 1984. М., 1985. С. 152). О сотрудничестве О. М. с изд-вом «В.» после 1925 сведений не обнаружено.

К. М. Азадовский.

ВРЕМЯ, одна из ключевых категорий худож. мира О. М. и одна из безусловных доминант его мировосприятия. Темпоральная символика устойчиво присутствует на протяжении всего творч. пути О. М. в авторских худож. произведениях и переводах, лит.-критич. текстах и переписке и формируется как комбинация собственно хронологич., культурно-ист. и личностно-экзистенциального начал. Конкретная образность, выражающая категорию В., исключительно широка, хотя и остается в рамках стандартных смысловых единиц: секунда, минута, час, день, месяц, год, век (столетие), эра (эпоха), история, вечность.

Острота мандельшт. восприятия В. зафиксирована в мемуарах Н. М., свидетельствовавшей, что он «почти физически ощущал протяженность времени, каждую минуту этой жизни». На эту же особенность, но уже в собственно культурном аспекте, обратил внимание в рец. на 1-е изд. «Камня» (1913) Н. С. *Гумилев*, отметивший, что со стихов акмеистич. периода О. М. «открыл двери в свою поэзию для всех явлений жизни, живущих во времени, а не только в вечности или мгновении» (Гумилев Н. С. Собр. соч.: В 3 т. Т. 3: Письма о русской поэзии. М., 1991. С. 132); в письме к С. М. *Городецкому* (опубл. в 1920) он метафорически сформулировал, что О. М. – «свой во всех временах и пространствах» (цит. по: Мец А. Г. Комментарий // Камень. 1990. С. 298). Согласно т. зр. совр. исследователя, О. М. – «поэт, остро чувствующий пространство и враждебно сопротивляющийся времени» (Гаспаров. 1996. С. 93). Сам О. М. в ст. «Конец романа» (1922) писал про чувство В., «принадлежащего человеку для того, чтобы действовать, побеждать, гибнуть, любить». С подобным восприятием В. прямо связано и характерное для О. М. особенное отношение к *истории* и современности как ее естеств. составляющей, что проявилось, в частности, в повышенном чувстве историзма; см., напр.: Сегал Д. История и поэтика у Мандельштама // «Cahiers du Monde russe et sovietique». 1992. Vol. XXXIII. № 4; и др.

Существеннейшее, если не основополагающее, влияние на мандельшт. систему представлений о В. оказала концепция эволюции А. *Бергсона*, чьи лекции О. М. посещал в Коллеж де Франс в период своего пребывания в *Париже* в кон. октября 1907 – мае 1908; многочисл. эксплицитные свидетельства этого содержатся в статьях нач. 1920-х гг. Др. источником для формирования воззрений О. М. на В. могли стать прослушанные им в период обучения в *Гейдельбергском университете* (1909–10) лекции нем. философов Г. В. Виндельбанда и Э. Ласка, посв. истории философии и, в частности, учению И. *Канта*; ср. во фрагментах ранней ст. [«Скрябин и христианство»] (1917): «христианская вечность – это кантовская категория, рассеченная мечом серафима». Определенное воздействие на мандельшт. восприятие В. могли оказать высоко оцененные им с 1-й пол. 1910-х гг. труды П. Я. *Чаадаева*, в частности, в одном из своих отрывков писавшего: «Начало и причину всякого явления следует искать во времени, вне времени – ничего» (Чаадаев П. Я. ПСС и избр. письма [В 2 т.]. М., 1991. Т. 1. С. 446). В ст. «Петр Чаадаев» (1914) О. М. так передал чаадаевское восприятие истории: «Понимание Чаадаевым истории исключает возможность всякого вступления на исторический путь. В духе этого понимания на историческом пути можно находиться только ранее всякого начала. История – это лестница Иакова, с которой ангелы сходят с неба на землю». Нельзя исключать, что известное влияние на худож. мировоззрение О. М. оказал темпоральный аспект теории относительности А. *Эйнштейна*. Сознательное формирование собств. концепции В. приходится у О. М. на сер. 1910-х гг., что явно отразилось в его статьях этого периода. Применительно к худож. миру О. М. можно говорить о существовании 2 осн. форм В. – динамической и статичной, сосуществующих параллельно. Подобные представления были выражены уже в первой мандельшт. ст. «Франсуа Виллон» [1910 (1912?), 1927]: «Настоящее мгновенье может выдержать напор столетий и сохранить свою цельность, остаться тем же “сейчас”. Нужно только уметь вырвать его из почвы времени, не повредив корней». В этой

связи показательна приводимая О. М. в ст. «Петр Чаадаев» чаадаевская характеристика папы римского, содержащаяся в письме А. И. Тургеневу (20.4.1833), где папа определен как «всемогущий <...> символ времени – не того, которое идет, а того, которое неподвижно, через которое все проходит, но которое само стоит невозмутимо и в котором и посредством которого все совершается» (Чаадаев П. Я. Указ. соч. Т. 2. С. 80).

Соответственно, исключительно маркированной формой В. оказывается в худож. мире О. М. категория вечности, актуальная на протяжении всего творч. пути поэта. Уже в раннем стих. (1909) О. М. писал: «Не говорите мне о вечности – / Я не могу ее вместить. <...> // Я слышу, как она растет / И полуночным валом катится, / Но слишком дорого поплатится, / Кто слишком близко подойдет»; ср. в первом собственно «акмеистич.» тексте «Нет, не луна, а светлый циферблат...» (1912): «И Батюшкова мне противна спесь: / Который час, его спросили здесь, / А он ответил любопытным: вечность!», – и примыкающем к нему сонете «Пешеход» (1912): «Я слушаю, как снежный ком растет / И вечность бьет на каменных часах». Данная категория (и, соответственно, та форма В., к-рую она отображает), не зависимо от своей оценочности, носит предельно высокий ценностный статус: «Метафизическая сущность гармонии теснейшим образом связана с христианским пониманием времени. Гармония – кристаллизовавшаяся вечность, она вся в поперечном разрезе времени, <...> к-рый знает только христианство». Одновременно с этим, категория вечности связана с личностным началом, в частности – образом *дома* как одной из главных форм его проявления; см. в автобиографическом контексте «Египетской марки» (1927): «как оторваться от тебя, милый Египет вещей? Наглядная вечность столовой, спальни, кабинета. <...> Мы считаем на годы; на самом же деле в любой квартире на Каменноостровском время раскалывается на династии и столетия». Соответственно, вечность и настоящее оказываются в определ. смысле взаимообратимы и, более того, изоморфны друг другу: по свидетельству мемуариста, при обсуждении с О. М. поэзии футуристов на «замечание, что я “предпочитаю корабль вечности кораблю современности” <...> он ответил мне <...>: “Вы не понимаете, что корабль современности и есть корабль вечности”» (Карпович М. Мое знакомство с Мандельштамом // Воспоминания о серебряном веке. М., 1993. С. 267).

Как и в случае с *пространством*, одной из гл. семантич. характеристик В. выступает его способность к пребыванию в компрессированном, «сжатом» состоянии – см. об Армении: «Как люб мне натугой живущий, / Столетьем считающий год, / <...> К земле пригвожденный народ»; ср. о Каме: «Я б с ней сработался – на век, на миг один». Смысловой (и отчасти натурфилософской) основой для этого является мандельшт. представление о синхронии В., отчетливо выраженное в «Разговоре о Данте» (1933): «Немыслимо читать песни Данта, не оборачивая их к современности. Они для этого созданы. Они снаряды для уловления будущего. Они требуют комментария в Futurum. – Время для Данта есть содержание истории, понимаемой как единый синхронистический акт, и обратно: содержание есть совместное держание времени – сотоварищами, соискателями, сооткрывателями его»; ср. там же: «Соединив несоединимое, Дант изменил структуру времени, а может быть, и наоборот: вынужден был пойти на глоссолалию фактов, на синхронизм разорванных веками событий, имен и преданий именно потому, что слышал обертона времени»; об идее синхронии в худож. сознании О. М. см., напр.: Левин Ю. Заметки к «Разговору о Данте» // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1972. Vol. XV. С. 186 сл.; Левин Ю. И., Сегал Д. М., Тименчик Р. Д., Топоров В. Н., Цивьян Т. В. Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма // RL. № 7/8. 1974. С. 50–51 сл. Одной из наиболее употребительных метафорич. форм выражения компрессированности В. становится образ дня: «День стоял о пяти головах. Сплошные пять суток»; см. в «Шуме времени» (1923–24): «Оглядываясь на весь девятнадцатый век русской культуры <...>, я хочу окликнуть столетие, как устойчивую погоду, и вижу в нем единство “непомерной стужи”, спаявшей десятилетия в один денек, в одну ночку, в глубокую зиму»; ср.: «Евхаристия, как вечный полдень, длится». Если день осознается как более темпоральная характеристика, то др. устойчивая форма компрессированного В. – образ века – наполняется самым широким содержанием преимущественно историч., культурного и соц. плана; ср. определение Н. Волькенау, опубликованное в июле 1924 в № 4 машинописного журнала «Гермес» рец. на «Вторую книгу» О. М.): «Прекрасное стихотворенье “Век”, исключительно сильно и оригинально выражающее монолитность века как всю жизнь проникающего единства».

Признак компрессированности распространяется О. М. и на историю (в т. ч. и на историю культуры), понимаемую не столько как «координата» В., сколько как своего рода основа его «семантизации»; см. пассаж из ст. «О природе слова» (1920–22), начинающийся с постановки вопроса о единстве рус. лит-ры («является ли русская литература современная – той же самой, что литература Некрасова, Пушкина, Державина или Симеона Полоцкого?»), и продолжающийся рассуждениями о внутр. движущем начале истории: «Преувеличение считать каждый год нынешней истории за век, но нечто вроде геометрической прогрессии, правильного и закономерного ускорения, замечается в бурной реализации накопленных и растущих потенций исторической силы, энергии. <...> Чтобы спасти принцип единства в вихре перемен и безостановочном потоке явлений, современная философия, в лице Бергсона <...> предлагает нам учение о системе явлений <...> связанные между собой явления образуют как бы веер, створки которого можно развернуть во времени, но в то же время он поддается умопостигаемому свертыванию». В непосредств. связи с идеей синхронии В. находится представление о его цикличности, «замкнутости», что опять-таки оказывается ассоциативно связано с универсумом культуры – как, напр., при характеристике «музейного» В. в «Путешествии в Армению» (1931–32): «Время в музее обращалось согласно песочным часам. Набегал кирпичный отсевочек, опорожнялась рюмочка, а там из верхнего шкапчика в нижнюю скляницу та же струйка золотого самума». Идее цикличности близка и др. индивидуальная мандельшт. характеристика В. – его обратимость, возможность обратного течения, что отчетливо осознавалось самим автором. В ст. [«Скрябин и христианство»] О. М. писал: «Время может идти обратно: весь ход новейшей истории, которая со страшной силой повернула от христианства к буддизму и теософии, свидетельствует об

этом». К этой образности О. М., уже соотнося ее с личностным началом, возвращался и позднее, причем в предельно значимых для себя контекстах – повести «Египетская марка» (см. в черновых набросках: «Я понял, что все мы живем обратно, как всегда бывает во сне») и «Четвертой прозе» (1930): «Мне и годы в прок не идут: другие с каждым годом почтеннее, а я наоборот: обратное течение времени»; о подобных смысловых моделях см.: Shlott W. Zur Funktion antiker Gottermythen in der Lyrik Osip Mandel'stams. Frankfurt am Main; Bern, 1981.

Категория В. в творчестве О. М. отчетливо соотнесена с пространственным началом; так, говоря о *Данте Алигьери*, он упоминает «злополучное шестивековое расстояние»; во многом это определяется бергсоновской концепцией эволюции – см. в ст. «О природе слова»: «Бергсон рассматривает явления не в порядке их подчинения закону временной последовательности, а как бы в порядке их пространственной протяженности». Возникающая как следствие определенная «материализация» В. находит широкое худож. воплощение прежде всего в поэтическом образном строе: «Воздушно-каменный театр времен растущих»; «[Все] смоет времени река»; «Сухое золото классической весны / Уносит времени прозрачная стремнина»; «На стекла вечности уже легло / Мое дыхание»; «Эра звенела, как шар золотой, / Полная, литая, никем не поддерживаемая»; «Я слышу Августа и на краю земли / Державным яблоком катящиеся годы»; «Идут года железными полками»; «Как тяжелые бочки, спокойные катятся дни» и др., вплоть до предельно метафоризированных ситуаций: «двойка конвойного времени парусами неслась хорошо»; «стучит по околицам века / Костылей деревянных семейка»; «Большая вселенная в люльке / У маленькой вечности спит» и т. п. Максимальной формой «материализации» В. можно считать его метафорич. уподобление земле – см. о мгновеньи, к-рое нужно «уметь вырвать <...> из почвы времени»; ср. характеристику «Шагов командора» А. А. *Блока*, где «пласты времени легли друг на друга в заново вспаханном поэтическом сознании», – и близкое: «вечность – как морской песок». Данная метафорика предопределяет формирование индивидуального мандельшт. мотива «вспаханного В.»: «Время вспахано плугом»; «Поэзия – плуг, взрывающий время так, что глубинные слои времени, его чернозем, оказываются сверху» и т. п. В непосредственной связи с «материализацией» В. находится др. специфич. черта его худож. образа у О. М. – наделение В. звуковыми характеристиками, – как в предельно личностном фрагменте «Шума времени»: «Мне хочется говорить не о себе, а следить за веком, за шумом и прорастанием времени <...> и между мной и веком провал, ров, наполненный шумящим временем <...>. Мы <...> лишь прислушивались к нарастающему шуму века»; ср. метафорическое: «время мчится обратно с шумом и свистом, как прегражденный поток»; «шум – когда взревели реки / Времен обманных и глухих» и др.

Подобно ситуации с пространств. категориями, важной отличит. чертой мандельшт. восприятия В. является наделение его антропо- и зооморфными характеристиками (однако такие формы менее распространены, чем в случае с пространством, и носят более метафорич. характер): «Время, робкая хризалида, обсыпанная мукой капустница, молодая еврейка, прильнувшая к окну часовщика»; «Кто время целовал в измученное темя, – / <...> Он будет вспоминать, как спать ложилось время / В сугроб пшеничный за окном. <...> / Два сонных яблока у века-властелина / И глиняный прекрасный рот»; «На вокзалах и пристанях / Смотрит века могучая веха»; «Отверженное слово “мир” / В начале оскорбленной эры» и др., – вплоть до прямого соположения В. с одним из самых сильных эмоц. состояний человека: «Страх – координата времени и пространства». Особенно широко антропоморфные признаки и качества распространяются на образ дня (очевидно, как на наиболее близкую человеку форму В., «аутентичную» его психофизиологическим доминантам): «На босу ногу день пришел»; «Узловатых дней колена / Нужно флейтою связать»; «Сегодня дурной день»; «Нынче день какой-то желторотый»; «День бушевал, как день бушует»; «как безумный, светел день»; ср. в фольклорном «варианте»: «День стоял о пяти головах. Сплошные пять суток». С др. стороны, сам человек оказывается способен становиться «вместилищем» В. (как «Одиссей <...> пространством и временем полный») и испытывать на себе его «физическое», «материальное» воздействие: «Время срезает меня, как монету»; «И меня срезает время, / Как скосило твой каблук»; см. о Чаадаеве: «Время своим тупым напильником коснулось и его мысли». Применительно ко В. зооморфная символика более представлена в опосредов. метафорич. плане, в качестве «термина сравнения» практически для всех темпоральных образов: «Уж до чего шероховато время, / А все-таки люблю за хвост его ловить»; эпоха «у нас постыдно прижилась / Как маленький зверек в тибетском храме»; «Бал-маскарад. Век-волкодав»; «налетит пламенных лет стая»; «Промчались дни мои – как бы оленей / Косящий бег»; «И медленный день, как в соломе проснувшийся вол, / На стогнах, шершавых от долгого сна, шевелится»; «медные, золотые и бронзовые лепешки / <...> лежат в земле, / Век, пробуя их перегрызть, оттиснул на них свои зубы» и мн. др. Развернуто отражена зооморфная символика в связи с образом века как «субститута» В. в стих. «Век» («Век мой, зверь мой, кто сумеет...», 1922): «Век мой, зверь мой, кто сумеет / Заглянуть в твои зрачки <...>? / И с бессмысленной улыбкой / Вспять глядишь, жесток и слаб, / Словно зверь когда-то гибкий, / На следы своих же лап».

Наконец, специфич. особенностью худож. мира О. М. выступает возможность отсутствия В. как такового вообще; см.: «мы вне времени вздохнули / О луговине той, где время не бежит», а также во фрагментах [«Скрябин и христианство»]: «Времени нет!»; ср. явно негативный образ «в безвременьи летающих / Под хлыст войны, за власть немногих» – и предельно метафорическое: «В ком сердце есть – тот должен слышать, время, / Как твой корабль ко дну идет»; «И день сгорел, как белая страница»; см. случаи имплицитной антропоморфизации В., проводящие идею его возможной «смерти»: «И в жаркой комнате, в кибитке и в палатке / Век умирает, – а потом / Два сонных яблока на роговой облатке / Сияют перистым огнем»; «О, глиняная жизнь! О, умиранье века!». Соответственно, свойство отсутствия может распространяться и на такую «координату» В., как история: «Есть великая славянская мечта о прекращении истории в западном значении слова <...>. Это – мечта о всеобщем духовном разоружении, после которого наступит некоторое состояние, именуемое “миром” <...> рядовой русский интеллигент иначе и не представляет себе конечной цели прогресса, как в виде этого неисторического

“мира”»; ср.: «Хрупкое летоисчисление нашей эры подходит к концу».

Столь широко представленная метафорика, прямо и опосредованно соотнесенная с категорией В., определяет содержат. широту и структурно-семантич. разнообразие худож. отображения авторского «диалога» с ним, вплоть до эксплицитных форм; ср.: «Я говорю с эпохою» – и: «Эра звенела, как шар золотой, / <...> На всякое прикосновение отвечала “да” и “нет”. / Так ребенок отвечает». В этом смысловом пространстве наиб. значимой выступает экзистенциальная соположенность В., максимальная «близость» к нему: «Я в сердце века – путь неясен»; «Я глубоко ушел в немеющее время»; «В дощатом воздухе мы с временем соседи»; «столетья / Окружают меня огнем»; «На стекла вечности уже легло / Мое дыхание, мое тепло», – вплоть до: «И свое находит место / Черствый пасынок веков»; «Попробуйте меня от века оторвать, – / Ручаюсь вам – себе свернете шею!»; ср. соответствующие формы прямого обращения ко В.: «О, время, завистью не мучай / Того, кто вовремя застыл»; «Ты, время, незаконно. Как мальчишка <...>, / Я, кажется, в грядущее вхожу»; «Век мой, зверь мой, <...> / Мой прекрасный жалкий век!» и др. Возможным оказывается прямой «контакт» со В., где «активным началом» может выступать как оно само, так и автор; см.: «Мне на плечи кидается век-волкодав»; «Время срезает меня, как монету, / И мне уж не хватает меня самого...»; «некуда бежать от века-властелина...», – и: «Я <...> / Время свое заморозил и крови горячей не пролил»; «в кулак зажимая истертый / Год рожденья – с гурьбой и гуртом / Я шепчу»; «Я с веком поднимал болезненные веки».

Отчетливо осознавалась О. М. смысловая специфика В. худож. текста. В ст. «Конец романа» (1922) он писал о 19 в., что «чувство времени составляло основной тон самочувствия европейского романа», поскольку принадлежало человеку «для того, чтобы действовать, побеждать, гибнуть»; там же с совершенно явной отсылкой к философии Бергсона говорится: «Человек, действующий во времени старого европейского романа, является как бы сторожем всей системы явлений, группирующихся вокруг него». В этот же период в «Заметках о Шенье» (1922) О. М. выделил В. как специфич. самостоят. составляющую александрийского стиха: «Время – чистая и неприкрашенная субстанция александрийца. Распределение времени по желобам глагола, существительного и эпитета составляет автономную внутреннюю жизнь александрийского стиха, регулирует его дыхание, его напряженность и насыщенность. При этом происходит как бы “борьба за время” между элементами стиха, причем каждый из них подобно губке старается впитать в себя возможно большее количество времени, встречаясь в этом стремлении с притязаниями прочих». Аналогичным образом О. М. оценил творчество Данте: «Соединив несоединимое, Дант изменил структуру времени, а может быть, и наоборот: вынужден был пойти на глоссолалию фактов, на синхронизм разорванных веками событий, имен и преданий именно потому, что слышал обертона времени». Одноврем. с этим и само В. оказывается предрасположено к семантизации; см. характеристику А. *Белого*: «Выпрямитель сознанья еще не рожденных эпох»; ср. метафорическое: «Как бы цезурою зияет этот день»; «Время – царственный подпасок – / Ловит слово-колобок», при том что О. М. мог обыгрывать один из своих псевдонимов 1920-х гг. – «Колобов».

Показательно, что в ст. «Буря и натиск» (1922–23) при характеристике творчества В. *Хлебникова* О. М. не только связал лингвистич. и хронологич. аспекты его худож. сознания («Хлебников мыслил язык как государство, но отнюдь не в пространстве, не географически, а во времени»), но и наделил их качеством компрессированности: «Хлебников не знает, что такое современник. Он гражданин всей истории, всей системы языка и поэзии». Данная метафорика, вероятно, напрямую зависит от темпоральной образности Хлебникова, в манифесте «Труба марсиан» (1916) писавшего: «Изобретатели в полном сознании своей особой породы <...> отделяются от приобретателей в особое государство времени (лишенное пространства)» (Хлебников В. Творения. М., 1987. С. 603). Вместе с тем в «Разговоре о Данте» О. М. использовал близкую семантич. модель при прямых смысловых ассоциациях с названием его первого поэтич. сб. «Камень» (1913): «Камень – импрессионистский дневник погоды, накопленный миллионами лихолетий; но он не только прошлое, он и будущее: в нем есть периодичность». В таком понимании личность оказывается в известном смысле «свободна» от В., от его довлеющего и ограничивающего экзистенциальную свободу человека начала, что метафорически сформулировано в ст. «О природе слова»: «Эллинизм – это система в бергсоновском смысле слова, которую человек развертывает вокруг себя, как веер явлений, освобожденных от временной зависимости, соподчиненных внутренней связи через человеческое я».

Лит.: Левин Ю. И. Заметки о «крымско-эллинских» стихах О. Мандельштама // RL. 1975. № 10/11 (То же // Мандельштам и античность); Фэвр-Дюпэгр А. Бергсоновское чувство времени у раннего Мандельштама // Поэтика и текстология; Эткинд Е. Г. О. Мандельштам – трилогия о веке // Слово и судьба; Седых О. М. Философия времени в творчестве О. Э. Мандельштама // Вопросы философии. 2001. № 5; Ахапкина Я. Э. Семантика времени в поэтическом тексте (на материале лирики Анны Ахматовой и Осипа Мандельштама акмеистического периода творчества). Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ин-т лингвистич. исследований РАН (СПб.). СПб., 2003; Панова Л. Г. «Мир», «пространство», «время» в поэзии О. Мандельштама. М., 2003; Черашняя Д. И. Частотный словарь лирики О. Мандельштама: субъектная дифференциация словоформ. Ижевск, 2003; Шапир М. И. Время и пространство в поэтическом языке раннего Мандельштама // Евразийское пространство: Звук, слово, образ. М., 2003; Пак Сун Юн. Органическая поэтика Осипа Мандельштама. СПб., 2008; Terras V. Time Philosophy of Osip Mandel'stam // Slavic and East-European Review. 1969. Vol. 47. № 109; Freidin G. The Whisper of History and the Noise of Time in the Writings of Osip Mandelstam // The Russian Review. 1978. Vol. 37. № 4.

С. Г. Шиндин.

«**ВСЕМИРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ**», лит.-худож. журнал (С.-Петербург – Петроград – Ленинград, 1869–1898, 1903–1920-е гг.). По замыслу своего создателя Г. Д. Гоппе, должна была служить иллюстриров. хроникой совр. жизни. Среди сотрудников в разное время – рус. художники и граверы, литераторы Д. В. Аверкиев, П. В. Быков, В. В. Крестовский, А. И. Леман, В. И. Немирович-Данченко, Я. П. Полонский, К. К. Случевский и др. В XIX – нач. XX в. выходили приложения к журналу, иллюстрирующие ряд ист. событий [«Иллюстриров. хроника войны» (1877–78), «Всерос. худож.-пром. выставка в Москве» (1882) и др.]. В 1922

здесь публикуются произведения О. М.: «Когда городская выходит на стогны луна...» (№ 3) и «С розовой пеной усталости у мягких губ...» (№ 5, под загл. «Европа»).

В. В. Калмыкова.

«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА», петрогр. изд-во, созданное при Наркомпросе и специализировавшееся на выпуске заруб. худож. литературы. Просуществовало с 1918 по 1924 (вар. названия кон. 1910-х гг. – Изд-во всемирной литературы), располагаясь по адресу: Моховая ул., д. 36. Руководителем являлся А. Н. *Тихонов*, в число сотрудничавших с «В. л.» литераторов входили А. А. *Блок*, М. Л. *Лозинский*, Е. И. *Замятин*, К. И. *Чуковский*, В. К. *Шилейко* и др.

Изд-во было образовано при участии М. *Горького*, и поэтому представителями культурной среды воспринималось по-разному; радикально настроенная часть творч. интеллигенции расценивала подобные организации как своего рода полит. ловушку: «“Дом ученых”, “Дом искусств”, “Всемирная литература” – содействуют <...> одной цели: срывать забастовку интеллигенции и литературный саботаж. Нащупывать в литературной среде слабость, хилость, неустойчивость, которые <...> пойдут на компромиссы с торжествующей политической истерией» (Амфитеатров А. В. Дом Литераторов в Петрограде 1919–1921 гг. // Встречи с прошлым. М., 1996. Вып. 8. С. 148). Сам О. М. в ст. «О переводах» (1929) иронически определил факт появления изд-ва: «Началась “Всемирная Литература”, детище Горького, двоюродная бабушка ЦЕКУБУ. Получился новый тип голодного, но в то же время “квалифицированного” академического перевода». Вместе с тем из ближайшего мандельшт. окружения с «В. л.» активно сотрудничал Н. С. *Гумилев*, в определ. смысле придававший этому статус гражд. позиции; ср. его неопубл. ответ на оскорбит. выпад Д. С. *Мережковского* в адрес изд-ва: «“Всемирная литература” – издательство не политическое <...> в коллегии экспертов <...> есть люди самых разных убеждений <...>. Однако все они сходятся на убеждении, что в наше трудное и страшное время спасенье духовной культуры страны возможно только путем работы каждого в той области, которую он свободно избрал себе прежде» (Гумилев Н. Собр. соч.: В 3 т. М., 1991. Т. 3: Письма о русской поэзии. С. 234). Вне прямого политизированного контекста Гумилев отстаивал деятельность «В. л.» после печатного упрека издва С. М. *Городецким* в уходе от нужд современности; см.: Тименчик Р. Д. Примечания // Гумилев Н. Собр. соч.: В 3 т. М., 1991. Т. 3: Письма о русской поэзии. С. 336.

Отношения О. М. с «В. л.» стали формироваться, вероятно, с сер. 1922; в письме Е. Э. *Мандельштаму* 11.12.1922 он писал: «Я взял во “Всемирной” перевести драму за 3 миллиарда». Очевидно, речь, идет о пьесе в стихах Ж. *Ромена* «Кромдейр-старый», вышедшей только в 1925 в Ленингр. отделении *Госиздата*. В нач. 1923 О. М. передал законченный в ноябре 1921 перевод поэмы (эпического сказа) В. Пшавела «Гоготур и Апшина» во «В. л.», но он появился только в журнальной публикации. В результате, взаимоотношения О. М. с изд-вом не привели к появлению его публикаций во «В. л.», следствием чего, видимо, и является комментарий Н. М.: «Во “Всемирной[”] не работал» («Любил, но изредка чуть-чуть изменял»: Заметки Н. Я. Мандельштам на полях американского «Собрания сочинений» Мандельштама / подгот. текста, публ. и вступ. заметка Т. М. Левиной // Philologica. 1997. № 4. С. 184). Именно в этот период изд-во было упомянуто в иронически звучащем финале мандельшт. ст. «Литературная Москва» (1922): «Смешно говорить о московской литературе, так же точно, как и о всемирной. Первая существует только в воображении обозревателя, так же как вторая – только в названии почтенного петербургского издательства». Вместе с тем реальная деятельность «В. л.», в отличие от др. аналогичных организаций, нашла в прозе О. М. худож. отражение, в к-ром явно прослеживаются личностные коннотации.

Развернутый фрагмент, посвященный «В. л.», содержится в ст. «Жак родился и умер!» (1926); при этом обращает на себя внимание сдержанно-негативная, саркастически направленная общая оценка изд-ва: «Годунов, когда в Москве был мор, велел строить Сухареву башню. И безработным семнадцатого века, верно, кстати пришелся государев паек и медная гривна. – “Всемирная литература” – Сухарева башня голодных интеллигентов девятнадцатого года. <...> По линии наименьшего сопротивления: туда, где дают. Застрекотали пишущие машинки, заскрипели перья». Как следствие – проекция личного опыта О. М. на несостоятельность изд-ва в целом: «Не знаю – добром ли тебя помянуть или предать проклятью? Чуть ли не на веленевой бумаге, с именинной грандиозной роскошью отпечатаны были одни имена авторов мирового Пантеона, подлежащих переводу. В закромах “Всемирной” было скудное зерно: его расклевывали, и до потолка набухали кипы ненапечатанных рукописей»; очевидно, что О. М. совершенно отчетливо осознает причину краха «В. л.»: «Никто не спрашивал себя – захочется ли ему переводить Стендаля и захочет ли кто-нибудь читать его перевод». Именно поэтому, очевидно, в полемической ст. «О переводах» О. М. замечает: «Кое-кто и сейчас мечтает о Ренессансе “великолепия” “Всемирной”».

Ук.: Каталог издательства «Всемирная литература» / вступ. ст. М. Горького. П., 1919; «Всемирная литература»: Каталог книг. М.; Л., 1927.

С. Г. Шиндин.

ВСЕУКРАИНСКОЕ ФОТОКИНОУПРАВЛЕНИЕ (ВУФКУ), респ. организация в 1922–30 в Киеве, ведавшая производством и прокатом фильмов на Украине. Организовано 13.3.1922 путем преобразования Всеукр. кинок-та, (создан 27.1.1919 в отд. искусств Наркомпроса Украины); под началом В. ф. в разное время находились Киевская, Одесская и Ялтинская кинофабрики, при нем издавался журнал «Кіно» (Корниенко И. Киноискусство Советской Украины: Страницы истории. М., 1975. С. 30–96).

Живя в Киеве в кон. декабря 1928 – нач. апреля(?) 1929, О. М. рассчитывал по рекомендации И. Э. *Бабеля* стать сотрудником В. ф. В письме к отцу (сер. февраля 1929) он сообщал: «Бабель свел меня с громадной укр. кинофабрикой Вуфку. <...> Бабель, очень влиятельный в Кино человек, вызвался определить меня туда редактором-консультантом. <...> Это будет очень легкая и чистая работа <...> что-то писать, кажется, отзывы о сценариях». Видимо, в письме О. М. сознательно преувеличил степень влияния Бабеля на руководство В. ф.: в сер. марта 1929 последний сам покинул город из-за бесперспективности пребывания в нем. Вспоминая данный эпизод, Н. М. вообще не упоминает имени Бабеля: «Однажды в Киеве работники кинофабрики попробовали втиснуть в нее Мандельштама в качестве консультанта или редактора». Планы О. М. получить работу на

В. ф. не осуществились (возможно, из-за происходившей в это время существ. реорганизации укр. киноиндустрии и, в частности, создания на базе Киевской кинофабрики к/ст «Украинфильм»), их результатом стало только написание и публикация рецензий [«Магазин дешевых кукол»] (1929; на фильм «Кукла с миллионами», к/ст «Межрабпомфильм», 1928) и «Шпигун» (1929; на фильм «Знакомое лицо»; др. назв. – «Шкурник», «Цыбала», «История одного обывателя», «Приключения Шмыгуева»; ВУФКУ, Киев, 1929). В «Шпигуне» О. М. упомянул В. ф., отметив, что «в последних своих фильмах и ВУФКУ, и др. фабрики в плену у больших масштабов. Война, революция, фронты – это фон». В период мандельшт. пребывания в Киеве и его возможного интереса к укр. *кинематографу* в прокат были выпущены три фильма, к-рые могли быть ему знакомы: «Ванька и Мститель» [ВУФКУ (Киев), 1928; вышел на экраны 4.3.1928], «Джальма» [ВУФКУ (Киев), 1928; вышел на экраны 26.2.1929], «Приключение полтинника» [ВУФКУ (Киев), 1928; вышел на экраны 15.2.1929].

С. Г. Шиндин.

ВЫБОРГ (*фин.* Viipuri, *швед.* Viborg, *нем.* Wiburg), г. (с 1403) в 68 км от С.-Петербурга, центр Выборгской губ. Великого княжества Финляндского, порт Финского зал. при впадении в него Сайменского канала. 50 тыс. жителей (1910), большую часть к-рых составляли финны и шведы. Климатич. курорт. Популярное место среди революционеров, благодаря сочетанию близости к столице и либеральности местного Автономного законодательства.

С В. для семьи Мандельштам многое было связано. В юности О. М. с родными любил там бывать: «Зимой, на Рождество, – Финляндия, Выборг, а дача – Териоки». Ср.: «В Выборге мы обыкновенно жили у друзей родителей – Кушаковых. <...> Они были клиентами отца и добрыми друзьями нашей семьи». (Мандельштам Е. Э. Воспоминания // НМ. 1995. № 10. С. 126) В «Шуме времени» О. М. заменил фамилию Кушаковы на Шариковы: «В Выборг ездили к тамошним старожилам, выборгским купцам – Шариковым <...>. Шариковы, по-фински “Шарики”, держали большую лавку разных товаров: “Sekatavarakaupra”». Для О. М. и семьи В. был прежде всего местом отдыха: «Из Выборга наша семья совершала путешествие по Сайменскому каналу до Вильманстранда, а оттуда до водопада Иматра» (Там же. С. 127).

Охранное отделение полагало, что О. М. вел антиправит. деятельность и бежал из пансиона Линде во время налета полиции в августе 1911 (см.: Нерлер П. М. Слово и «Дело» Осипа Мандельштама: Книга доносов, допросов и обвинительных заключений / при участии Д. Зубарева и Н. Поболя. М., 2010. С. 7). Однако в это время О. М. находился в сан. Конкала под В. В августе 1913 О. М. живет в В. (Патаула, дача Корнер), в кон. мая 1914 в Котаниеми близ В.

В В. О. М. обычно останавливался в гостинице «Бельведер», одной из лучших в городе (ныне угол наб. 40 лет

Выборг

ВЛКСМ и Ленинградского просп.): «Гостиница “Бельведер”, где потом собиралась Первая Дума, славилась чистотой и прохладным, как снег, ослепительным бельем. Все тут была иностранщина – и шведский уют». О. М. характеризует В. через быт: «Упрямый и хитрый городок, с кофейными мельницами, качалками, гарусными шерстяными ковриками и библейскими стихами в изголовии каждой постели». Парк Монрепо, разбитый в нач. 19 в. бароном Николаи на о-ве под В., упоминается в осн. тексте «Египетской марки» (1927) – диалог ворон и воробья и в черновиках.

Здесь О. М. пережил и любовное увлечение: «Ему было 17–18 лет, а у Кушаковых были две прелестных дочери-невесты. За одной из них брат не на шутку ухаживал...» (Мандельштам Е. Э. Воспоминания. С. 126) Ср.: «Волей-неволей я попал в самую гущу морозного зимнего флирта высокогрудых выборгских красавиц»; «Где-то в кондитерской Фацера с ванильным печеньем и шоколадом, за синими окнами санный скрип и беготня бубенчиков...». В В. не было кондитерской Фацера, м. б., здесь имеется в виду такая кондитерская в Хельсинки.

В В. О. М. принял *христианство*, крестившись в Епископско-методистской церкви. Обряд совершил 14.5.1911, очевидно, в Методистском молельном доме на Торккелинкату, 7 (ныне просп. Ленина, 7) или в часовне методистского прихода Тиилирууки, Вилхонкату, 7 (ныне 3-я Южная ул., 7) пастор Нильс Розен из Хельсинки вместе с Г. Сундбломом, вторым свидетелем. Ср. упоминание о мадам Шредер, ревностной протестантке, в черновиках «Египетской марки».

В О. М. была задумана проза о Выборге (см.: Морозов А. А. Примечания // Мандельштам О. Шум времени. 2002: 277), отрывки из к-рой, м. б., вошли в текст «Египетской марки».

Лит.: Hellman Ben. Osip Mandelstam and Finland // Slavica Helsingiensia, 36. Helsinki 2009. P. 161–175; Коробова Т. А. Осип Мандельштам и Финляндия, http://www.aalto.vbg.ru/Unit3/contacts4.shtm

А. Д. Еськова.

Г

ГАБРИЧЕВСКИЙ Александр Георгиевич (24.8.1891, Москва – 3.9.1968, там же), теоретик и историк искусства, философ, филолог, переводчик-полиглот, художник, музыковед, пробовал свои силы как писатель. В общий с О. М. круг знакомых входили Б. К. *Лившиц,* М. А. *Волошин,* М. А. *Кузмин,* В. К. *Шилейко* и др.

В конфликте между О. М. и А. Г. *Горнфельдом* в 1929 Г. принял сторону О. М. См. в передаче М. В. Ардова слова Г.: «Мандельштам все-таки поэт, а Горнфельд вообще неизвестно что такое». Будучи свидетелем на суде со стороны О. М., Г., по его признанию, в перерыве между заседаниями за столиком ближайшего кафе выслушал своего рода устную версию «Четвертой прозы» (А р д о в М. В. Легендарная Ордынка. М., 2001. С. 198). См. также оценку, к-рую Г. дал стих. О. М. «Люблю появление ткани...» (1933): «Это то же самое и почти такими же словами мне говорил Фальк. Он этого добивался в живописи» (Там же). Г. сохранил и передал Н. М. автограф стих. О. М. «Все чуждо нам в столице непотребной...» (1918).

Е. Л. Куранда.

ГАМБАРОВ (Гамбарян) Степан Павлович (Погосович) [23.6.1879, г. Коджоры Тифлисского у. Тифлисской губ. (ныне г. Коджори, Грузия) – 7.3.1948, Москва], химик. Окончил Мюнхенский, Лейпцигский и Гейдельбергский ун-ты (1899–1906), работал в Германии. В 1911 приехал в Баку, затем переехал в Тифлис, а позднее в Эривань. Проф. (1926), чл.-корр. АН АрмССР (1944), руководитель кафедр и лабораторий органической химии в Ереванском гос. ун-те, Ереванском политехн. ин-те. Принимал участие в создании ряда вузов в советской Эривани.

О. М. встречался с Г. в 1930 на оз. Севан, что нашло отражение в «Путешествии в Армению» (1931–32): «На Севане подобралась, на мое счастье, целая галерея умных и породистых стариков», именно в этом контексте упоминается «жизнерадостный химик Гамбаров». Описание Г. подчеркнуто метафорично: «Был он помазан каким-то военным елеем, словно только что вернулся из полковой церкви». По словам Н. П. Гамбарян (племянницы Г.), никакого отношения ни к воен. службе, ни к военным Г. не имел, вырос и жил в атеистич. среде, был атеистом и с нек-рым удивлением и веселым скептицизмом воспринимал умножающиеся случаи «обращения» среди знакомых. В 1920-е гг. положительно относился к советской власти. В мандельшт. очерке уделено значит. внимание облику Г., его манерам: «Химик Гамбаров говорит по-армянски с московским акцентом. Он весело и охотно обрусел». По свидетельству Н. Гамбарян, родным языком Г. был русский, армянский учил (из патриотич. чувств) как иностранный. В Москве Г. никогда не работал (сообщено М. С. Гамбарян, дочерью Г.). Возможно, в сравнении Г. с фехтовальщиком «из франкской земли» отразился факт его пребывания в Германии; ср. также: «У него молодое сердце и сухое поджарое тело. Физически это приятнейший человек и прекрасный товарищ в играх. <...> Горный воздух его молодил, он засучивал рукава и кидался к рыбачьей сетке волейбола». Как вспоминает М. Гамбарян, Г. действительно был физически крепким человеком, что косвенно подтверждает один из эпизодов очерка: «...Соревнуясь с комсомольцем Х., Гамбаров затеял обогнуть вплавь всю тушу Севанского острова». [Н. П. Гамбарян полагает, что это было не соревнование, а просто «прогулка» вдвоем (вплавь).] «Шестидесятилетнее сердце не выдержало, и, сам обессилевший, Х. вынужден был покинуть товарища <...>. – То-то поднялась тревога. <...> Люди заметались по острову, гордые сознанием непоправимого несчастья». О. М. исключительно эмоционально воспринял произошедшее; современница запомнила его как «возбужденного, возмущенного случившимся. Он подходил к каждому, хватал за рукав и с жаром говорил: “А ведь человек погиб зря, беды бы не случилось, если бы лодка и пловцы были у нас здесь, у причала”» (из воспоминаний А. А. Худавердян, Нерлер П. М. Комментарии // Осип Мандельштам. Стихотворения. Переводы. Очерки Статьи. Тб., 1990. С. 396). «Непрочитанная газета загремела жестью в руках» – «Телеграмма правительству Армении о смерти проф. Гамбаряна была уже отправлена» (Н е р л е р П. М. Там же). По свидетельству Н. Гамбарян, Г. остался в живых потому, что под ногами у него оказался пик подводной скалы, и он дождался помощи, стоя чуть не по горло в ледяной воде. Эпизод завершается почти ликующим финалом: «Когда экспедиция <...> привезла окоченевшего, но улыбающегося Гамбарова, подобранного на камне, его встретили аплодисментами. Это были самые прекрасные рукоплескания, какие мне приходилось слышать в жизни: человека приветствовали за то, что он еще не труп».

Лит.: Е с ь к о в а А. Д. «Жизнерадостный химик Гамбаров» // СМР. Вып. 5/1. Записки Мандельштамовского об-ва. Т. 19. М., 2011. С. 260–272.

А. Д. Еськова.

ГАПРИНДАШВИЛИ Валериан Иванович (21.12.1888, Кутаиси – 31.1.1941, Тбилиси), груз. поэт и переводчик, член группы «Голубые роги». Писал и на рус. языке. «Пятый закат» – единств. стихотворение Г., переведенное О. М. и вошедшее в антологию «Поэты Грузии» [Тифлис, 1921. С. 20; сохранился список рукой Г. (Гос. лит. музей ГССР. Д. 25569–6. Л. 1)]. Перевод стих. «Куафер» (Там же. С. 19) атрибутирован О. М. без достаточных оснований.

П. М. Нерлер.

Михаил Леонович Гаспаров

ГАСПАРОВ Михаил Леонович (13.4.1935, Москва – 7.11.2005, там же), литературовед, культуролог, переводчик, д-р филол. наук (1979), акад. РАН (1992). Крупнейший специалист в области классич. и совр. филологии, древней истории, общей поэтики и стиховедения, а также теории и практики худож. перевода. Участник Моск.-Тартуской семиотич. школы и мат.-филол. кружка академика А. Н. Колмогорова, сотрудник ИМЛИ РАН (1957–90), Ин-та рус. языка РАН (1990–2005), Ин-та высших гуманитарных исследований РГГУ (1992–2005). В 1991–2003 зам. пред. и в 2003–05 пред. *Мандельштамовского общества* (МЭ). Гл. редактор «Мандельштамовской энциклопедии», член редкол. многочисл. периодич. и непериодич. изданий. Из трудов по поэтике и стиховедению широкую известность получили его работы «Античная литературная басня» (1971), «Современный русский стих: Метрика и ритмика» (1974), «Очерк истории русского стиха: метрика, ритмика, рифма, строфика» (1984), «Очерк истории европейского стиха» (1989), «Русские стихи 1890–1925 годов в комментариях» (1993), «Метр и смысл: Об одном механизме культурной памяти» (1999) и др. С именем Г. ассоциируется понятие о «русской стиховедческой школе», неотъемлемым атрибутом к-рой являются масштабные статистич. обсчеты и количеств. методы. Свою первую ст. об О. М. «“За То, что я руки твои...”: стихотворение с отброшенным ключом» Г. опубл. в Таллине в 1986 (сб. «Преподавание литературного чтения в эстонской школе»). Начиная с 1990 и до конца жизни его интерес к поэзии О. М. все нарастал, и последние годы жизни Г. прошли в значит. мере под ее знаком. Как мандельштамоведа Г. выделяли широта и универсализм. Начав со статей, непосредственно связавших О. М. с привычными для самого Г. темами метрики и античности, уже в нач. 1990-х гг. он выработал свой излюбленный в мандельштамоведении «жанр» – своего рода этюд с монографич. разбором одного или неск. стихотворений. Однако в 1993 отошел от этого жанра и написал обобщающую статью о «трех поэтиках», оказавшуюся необычайно востребованной в качестве вступит. к целому ряду изданий О. М. Один из этюдов Г. разросся в небольшую книжку «О. Мандельштам: Гражданская лирика 1937 года» (1996), к-рая породила серьезную дискуссию о характере отношений поэта и советской власти. Г. интересовали не только семантич. и поэтич., но и текстологич. проблемы анализируемых произведений. Анализу смысла у него всегда предшествовал критич. анализ источников. Г. подготовил собств. корпус примечаний к стихотворениям О. М. и составил однотомное собрание его избр. произведений: М а н д е л ь ш т а м О. Стихотворения. Проза / сост., вступ. ст., коммент. М. Л. Гаспарова. М.; Харьков, 2001 (Библиотека поэта). При этом примечания Г., не являясь аналитич. этюдами как таковыми, были самым тесным образом связаны с ними как жанром. Их правильнее всего уподобить экстрактам, или квинтэссенциям, написанных или ненаписанных статей Г., посвященных отд. произведениям О. М., в первую очередь стихам.

Синтезируя в себе знание и чувство, Г. разработал понятия «конспективной лирики» и «конспективного перевода». Тот же подход он применил и к комментированию поэзии, в частности, О. М., стремясь привести в систему и «законспектировать» семантику стихотворения. Именно такого рода «конспекты» для всего корпуса стихов Г. начал готовить для МЭ. О том, какая филол. работа стоит за каждым таким «конспектом», свидетельствуют позднейшие монографич. этюды Г., как написанные им самим, так и в соавторстве с О. *Роненом*. В гаспаровское понимание филологии и мандельштамоведения составной частью входило активное уважение к предшественникам, проявлявшееся не только в тоне дискуссии с ними, но и в прекрасном знании их творчества, что неизменно приводило самого Г. к написанию обзоров их жизни и деятельности и к участию в издании их произведений (К. Ф. Тарановский, Ронен, С. А. Ошеров). Гос. премия РФ (1995), Малая премия Букера (1997), премия им. Андрея Белого (1999), Пастернаковская премия (2004).

С о ч.: О. Мандельштам: Гражданская лирика 1937 года. М.: РГГУ, 1996; Статьи для «Мандельштамовской энциклопедии»: стихотворения сб. «Камень» / публ. П. Нерлера // М. Л. Гаспаров. О нем. Для него / сост. М. Тарлинской; под ред. М. Тарлинской и М. Акимовой. М.: НЛО, 2016. С. 13–103.

Лит.: Стих, язык, поэзия. Памяти Михаила Леоновича Гаспарова. М.: РГГУ, 2006; Н е р л е р П. Михаил Леонович Гаспаров // СМР. Вып. 4. М., 2008. С. 19–26; О н ж е. Михаил Гаспаров и Мандельштамовская энциклопедия // НЛО. 2016. № 139. С. 127–150; Гаспаров М. Л. Труды об О. Э. Мандельштаме и о его исследователях / сост. О. Лекманов, Д. Мамедова, П. Нерлер // СМР. Вып. 4. М., 2008. С. 27–33.

П. М. Нерлер.

ГАСПРА, поселок на Юж. берегу Крыма, в 12 км западнее *Ялты*. В августе–сентябре 1923 О. М. и Н. М. отдыхали здесь в Доме отдыха ЦЕКУБУ. Здесь была написана значит. часть прозы «Шум времени».

П. М. Нерлер.

ГАСТЕВ Алексей Капитонович (26.9.1882, Суздаль – 15.4.1939), поэт, прозаик, активный участник Пролеткульта, профсоюзный деятель, ученый, один из основателей науч. организации труда в СССР. Идеи Г. о новом профобразовании нашли свое воплощение в созданном и руководимом им Центр. ин-те труда при ВЦСПС (ЦИТ; 1921–38).

В нач. сентября 1938 арестован, 14.9.1939 Воен. коллегией Верховного суда по обвинению в участии в контррев. террористич. организации приговорен к расстрелу. Реабилитирован посмертно.

Наиб. известность ему как литератору принесла книга стихов «Поэзия рабочего удара» (Пг.: Издательство Пролеткульта, 1918), изданная тиражом 10 тыс. экз., получившая широкий набор самых разнообразных откликов и в 1918–26 выдержавшая 6 изданий (см.: Литературная жизнь России 1920-х годов: События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1. Ч. 1: Москва и Петроград. 1917–1920 гг. / отв. ред. А. Ю. Галушкин. М., 2006. С. 126–128).

Знакомство О. М. с Г., вероятно, состоялось во время его пребывания в феврале–апреле 1919 в *Харькове* (в тот момент столице Украины), где после освобождения города в декабре 1918 от частей Белой армии при Наркомпросе Врем. рабоче-крест. пр-ва (Совнаркома) Украины был создан Всеукр. совет искусств, руководителем к-рого стал Г. В свою очередь, при этом «органе управления» худож. жизнью на освобожденных территориях был организован Всеукр. лит. комитет, заведующим поэтич. секции к-рого был назначен О. М. Согласно позднему свидетельству Г. Н. *Петникова* (1963), Г. «кандидатуру эту поддержал, хотя он, мне кажется, был знаком с поэзией М[андельштама] отчасти, но считал его мастером своего дела, кот[орый] может передать свой опыт другим» (Петников Г. Страничка воспоминаний (Осип Мандельштам) / публ., примеч. П. Поберезкиной // Toronto Slavic Quarterly. 2012. № 40. С. 322). В нач. 1920-х гг. Г. сотрудничал с харьковским журналом «Пути творчества» (см.: Григорьев В. П., Парнис А. Е. Примечания // Хлебников В. Творения / сост., подгот. текста и коммент. В. П. Григорьева, А. Е. Парниса; общ. ред. М. Я. Полякова. М., 1987. С. 710), где в тот же период печатался О. М., опубл., в частности [1920. № 6/7 (февраль–март)], ст. «Государство и ритм» (1920), связанную с его участием в организации Ин-та ритмич. воспитания. Вероятно, текст содержит прямую полемику с концепцией Г., в профессионально.-техн. подготовке выдвигавшего на первый план ритмико-механистич. тренинг и выступавшего против долгосрочных форм обучения и присутствия в них общего образования («гуманитарности»). Мандельшт. понимание ритмич. воспитания, в отличие от прагматич. теории Г., отрицало собственно утилитарный подход: «Ритм требует синтеза <...> духа и тела <...> работы и игры <...> не тяните ритмику ни в ту, ни в другую сторону, не сватайте ее ни за физическую культуру, ни за психологию, ни за трудовые процессы. Наше тело, наш труд, наша наука еще не таковы, чтобы принять в себя без оговорок ритм. Мы еще должны готовиться к его приятию». В сер. 1920-х гг. О. М. мог хорошо знать о работах Г. от Б. В. *Бабина-Корня* – уч. секр. ЦИТа и давнего своего знакомого (см.: Мандельштам Е. Э. Воспоминания / публ. Е. П. Зенкевич // НМ. 1995. № 10. С. 133). Вероятно, именно с мандельшт. неприятием деятельности Г. связано иронич. упоминание в кинорец. [«Магазин дешевых кукол»] (1929) ЦИТа, где «Гастев учит, как гвозди молотком загонять по Тэйлору».

Лит.: Шиндин С. Категория ритма в художественном мировоззрении Мандельштама // СМР. Вып. 5/2. С. 306–309, 332–336.

С. Г. Шиндин.

ГАУПТМАН (Hauptmann) Герхарт (15.11.1862, Оберзальцбрунн – 6.6.1946, Агнетендорф, Германия), нем. писатель и драматург; Нобелевская пр. по литературе (1912). В письме к В. В. *Гиппиусу* из Парижа от 1.4.1908 О. М. признался, что «Толстой и Гауптман – два величайших апостола любви к людям – воспринимались» им «горячо, но отвлеченно». В сонете О. М. «Пешеход» (1912) использованы образы, восходящие к «Потонувшему колоколу» Г. (Ронен О. Поэтика О. Мандельштама. СПб., 2002. С. 195). В 1923, подводя промежуточные итоги своему юношескому увлечению модернизмом, О. М. резко отрицательно высказался о Г. в рец. на его роман «Еретик из Соаны» (два перевода на рус. язык в 1923): «...Не годится даже для вагонного чтения. Здесь германская новелла-модерн окончательно отяжелела и заплыла жиром» (Печать и революция. 1923. Кн. 5. С. 304); приведенный фрагмент рецензии содержит иронич. автореминисценцию из стих. О. М. «Американка» (1913): «Не понимая ничего, / читает “Фауста” в вагоне». Лучшей из всех книг Г. О. М. назвал в своей рец. пьесу «Ткачи» (1892).

О. А. Лекманов.

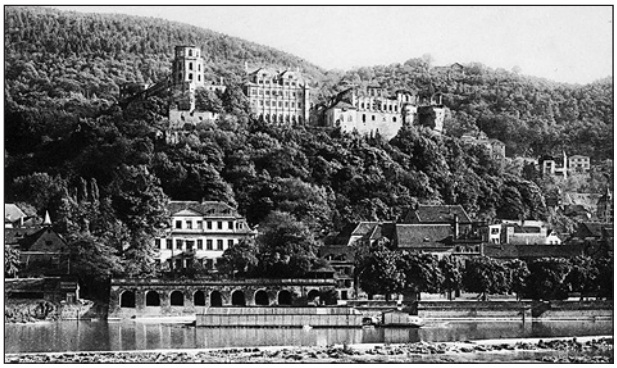
ГЕДРОЙЦ Вера Игнатьевна (псевд. Сергей Гедройц) (26.3.1876, Киев – лето 1932, там же), поэтесса, врач-хирург. Познакомилась с О. М., вероятно, в *«Цехе поэтов»* (его член с 1911). В 20-х числах января 1929 О. М. писал М. А. *Зенкевичу* из Киева в Москву о предстоящей Н. М. операции: «Лечит В. Гедройц – ставшая здесь хирургом-“профессором”. Аппендицит». В сер. февраля О. М. сообщал отцу о Г.: «Это моя старая знакомая, случайно оказавшаяся в Киеве царскоселка. Член “Цеха поэтов” в давние времена. Придворный хирург. Когда-то оперировала Вырубову. Теперь ей простили прошлое и сделали здесь профессором» (ординатором Царскосельского дворцового госпиталя Г. служила в 1909 – мае 1917).

Лит.: Новое о Сергее Гедройц / предисл., публ. и коммент. А. Г. Меца // Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1992.

О. А. Лекманов.

ГЕЙДЕЛЬБЕРГ, Хайдельберг (Heidelberg), город в Германии, земля Баден-Вюртемберг, на р. Неккар у подножья Оденвальдских гор. Известен с кон. 12 в. В средние века резиденция князей и курфюрстов Рейнского Пфальца, живописный замок к-рых (13–17 вв.) стал символом города. В нач. 19 в. здесь существовал кружок т. н. гейдельбергских романтиков (Л. Ф. фон Арним, К. Брентано, бр. Гримм, Й. фон Эйхендорф и др.), оказавший серьезное влияние на нем. литературу. Местонахождение старейшего в Германии *Гейдельбергского университета*, осн. в 1386 при курфюрсте Рупрехте I. С 1803 в составе герцогства Баденского. Рус. колония в Г. существовала с сер. 19 в. В 1862 рус. студенты рев. направления основали Рус. читальню [находилась по адресу: Плёк (Plöck), 52, в 1909 Мерцштрассе (Merzstraße), 4], с 1881 им. Н. И. Пирогова. В 1914, ко времени своего закрытия, читальня насчитывала св. 3 тыс. томов и многочисл. подшивки рус. периодики, в т. ч. и запрещенной в России.

Одним из ее читателей в бытность свою студентом Гейдельбергского ун-та был О. М. Приехав, предположительно, в сер. сентября 1909, он прожил в Г. до сер. марта 1910,



Гейдельберг

поселившись в семейном пансионе «Континенталь» г-жи Харри Джонсон, капитанской вдовы [Леопольдштрассе (Leopoldstrasse), 30; у улицы имелось и др. назв., к-рое хоть и указывалось в справочниках в скобках, но было употребительнее основного: Анлаге (Anlage), по-русски: «бульвар», «аллея»; О. М. в письмах из Г. обычно писал свой адрес так: Anlage, 30]. Местоположение пансиона было одноврем. центральным и окраинным. С одной стороны, из здания открывался вид на небольшой бульвар, с другой – на подножье поросшей корабельным лесом горы Гайсберга, с третьей – на соседний дом и с четвертой – на Старый город, точнее, на небольшую рыночную пл. Врельплатц [Wrehl-Platz, ныне Фридрих-Эберт-платц (Friedrich-Ebert-Platz)]. До вокзала, реки, ратушной площади или ун-та – всего лишь неск. сотен метров пешком. Столовался О. М., скорее всего, в этом же пансионе: ресторанчик г-жи Джонсон был популярен у рус. студентов. Его соседями по пансиону были 7 нем. студентов (в осн. медики). Жизнь О. М. в Г. была хотя и замкнутой, но не сводилась единственно к учеб. процессу в ун-те. В сер. сентября 1909 О. М. мельком виделся с Д. С. *Мережковским*; той же осенью по дороге из *Монтрё* в Россию его посетили мать и мл. брат. Немногим более интенсивной была переписка О. М. (сохранились письма к М. А. *Волошину* и В. И. *Иванову*), но адресаты, судя по всему, не отвечали ему. К письмам, как правило, прилагались стихи О. М. Сохранилось по меньшей мере 15 стих. О. М., о к-рых можно с определенностью сказать, что они написаны в Г.: «В холодных переливах лир...», «Твоя веселая нежность...», «Не говорите мне о вечности...», «На влажный камень возведенный...», «В безветрии моих садов...», «Озарены луной ночевья...», «Бесшумное веретено...», «Если утро зимнее темно...», «Пустует место. Вечер длится...», «В смиренномудрых высотах...», «Дыханье вещее в стихах моих...», «Нету иного пути...», «Что музыка нежных...» и «Ни о чем не нужно говорить...» (из них только последнее включалось О. М. в поэтич. книги). Еще о 9 стих., написанных в 1909–10, место рождения их в Г. можно предполагать: «Нежнее нежного...», «Есть целомудренные чары...», «Дано мне тело – что мне делать с ним...», «В морозном воздухе растаял легкий дым...», «Сквозь восковую занавесь...», «Здесь отвратительные жабы...», «Музыка твоих шагов...», «Пилигрим» и «Когда мозаик никнут травы...». В любом случае поэт пережил в Г. период интенсивного творч. подъема. Содержание нек-рых из стихов наводит на мысль о сильном и неразделенном лирич. чувстве. О. М. посещал Пироговскую читальню и однажды принял участие в дискуссии после доклада А. З. *Штейнберга* «Искусство и критика», состоявшегося 29.1.1910. О. М. отстаивал тогда право критики на принадлежность к искусству. 27.2.1910 О. М. записался и на летний семестр 1910, оставив за собой ту же комнату. Однако, уехав на каникулы (т. е. вскоре после 15.3.1910) в Италию, он возвратился в С.-Петербург (возможно, с заездом в Г.) и более в Г. не приезжал.

16.1.1993 на фасаде здания, в к-ром О. М. снимал комнату в Г., обербургомистр города Б. Вебер открыла медную мемориальную доску с текстом на нем. яз. Вслед за цитатой из ст. О. М. «Слово и культура»: «Поэзия – плуг, взрывающий время» следует: «Во время учебы в Гейдельбергском университете в 1909–1910 в этом доме жил русский поэт Осип Мандельштам. Родился 15 января 1891 в Варшаве, умер 1938–1939? в неизвестном лагере в СССР». Установка доски инициирована проф. В. Биркенмайером, г-жой Калов и *Мандельштамовским обществом* (МО). Г. – один из пяти нем. городов, ставший в 1993–94 местом проведения Мандельшт. выставки, причем в Г. под назв.: «Осип Мандельштам: от Гейдельберга до ГУЛАГа». Выставка экспонировалась в фойе гор. библиотеки 14.12.1993 – 15.1.1994. В 2016, в ознаменование 125-летия со дня рождения О. М., в Г., в помещении мемориала Ф. Эберта, экспонировалась выставка «Осип Мандельштам. Слово и судьба» (Osip Mandelstam. Wort und Schicksal), подготовл. ГЛМ и МО (14.5–17.7.2016). Позднее выставка экспонировалась в Центре им. Ф.-Г. Лорки в *Гранаде* (9.9–6.11.2016). К выставке был подготовлен каталог на нем. и исп. языках.

Лит.: Нерлер П. О. Мандельштам в Гейдельберге. М., 1994; Kasack W. Heidelberger russische Periodika: Alphabetisches Verzeichnis der 154 russischen Periodika des Slavischen Instituts und der Universitatsbibliothek Heidelberg. Heid., 1952. S. 17; Brown Cl. Mandelstam. L.; N.-Y., 1973. P. 46; Buselmeier M. Literarische Führungen durch Hetidelberg: Eine Kulturgeschichte im Gehen. Heid., 1991. S. 29; Nerler P. O. Mandelstam in Heidelberg // Mandelstam und sein Heidelberger Umfeld. Russica Palatina: Skripten der Russischen Abteilung des Instituts für Übersetzen und Dolmetschen der Universität Heidelberg. Heid., 1992. Nr. 21. S. 3–69; Birkenmaier W. Das russische Heidelberg: Zur Geschichte der deutsch-russischen Beziehungen im 19. Jahrhundert. Heid., 1995; Ossip Mandelstam. Wort und Schicksal. Ósip Mandelstam Palabro y Destino. [Каталог выставки]. Heidelberg: Wunderhorn, 2016. 316 s.

П. М. Нерлер.

ГЕЙДЕЛЬБЕРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. Его Высочества вел. герцога Баденского Карла Рупрехта (Carolina Ruperto), старейший (осн. в 1386) ун-т в Германии. Один из центров европ. гуманизма в 15–16 вв., дважды разорялся в 17 в. Возрождение его как учеб. и науч. учреждения началось после присоединения *Гейдельберга* к Бадену в 1803: вел. герцоги Баденские по традиции считались его ректорами. В 19 в. Г. у. стал одним из ведущих учеб. заведений Германии, среди его профессоров – философы Г. Гегель и К. Фишер, химик Р. Бунзен, физик Г. Кирхгоф, естествоиспытатель Г. Гельмгольц и др. Начиная с сер. 19 в. сюда устремились рус. студенты, преимущ. натуралисты (в т. ч. Д. И. Менделеев). В кон. 19 в. поток студентов из России

усилился, причем большинство составляла молодежь из евр. семей, в силу антисемитской внутр. политики России не имевшая возможности получить университетское образование на родине. Б. ч. их обучалась на мед. и юрид. ф-тах, тем не менее наиб. изв. представители рус. студенчества в Г. у. оказались именно гуманитарии (Н. А. Бердяев, Ф. А. Степун, С. И. Гессен, А. З. Штейнберг, С. Г. Сватиков, Н. Н. Бубнов и др.), часть из них ушли в «революцию» и полит. деятельность [В. А. Зензинов, Б. М. Кац (Камков), И. З. Штейнберг, А. Р. Гоц, Б. В. Савинков и др., см. *Социалистов-революционеров партия*]. Ко времени обучения О. М. профиль Г. у. определяли юриспруденция, медицина, естеств. науки с математикой, философия и теология, а общее число студентов составляло ок. 2000 чел. Во главе ун-та стоял проректор проф. В. *Виндельбанд*, декан филос. ф-та – проф. Ф. Болль. В распоряжении студентов имелись университетская библиотека, антич. археол. и египтологич. коллекции, а также ботанич. сад и обсерватория. Обучение в Г. у. делилось на 2 семестра: летний (15.4–15.8) и зимний (15.10–15.3). Для поступления иностранцам требовались аттестат зрелости, свидетельство об образовании опред. образца, а также свидетельство о добронравном поведении, а в иных случаях – полицейское свидетельство о благонадежности и паспорт. Обучение в Г. у. было платным.

Поселившись в Гейдельберге в сер. сентября 1909, О. М. офиц. имматрикулировался (записался в студенты Г. у.) только 12.11.1909 и после оплаты сборов и пошлин был 13.11.1909 зачислен на зимний семестр 1909/1910 (матрикул № 838). Он записался в общей сложности на 6 курсов трех профессоров, в частности романиста Ф. Г. *Неймана*. («История ср.-век. франц. литературы», «Интерпретация старофранц. текста» и «Упражнения по старофранц. и провансальским текстам»), профессора новейшей истории искусств Г. Р. *Тоде* («Великие венецианские художники 16 в.» и «Основы истории искусства») и германиста Т. В. *Брауне* «Разбор поэмы “Мейер Хельмбрехт”» (упражнения по др.-верхнегерм. литературе для начинающих)»; имя О. М. значится и среди записавшихся на осн. курс Брауне «История ср.-верхненем. литературы», но оно вычеркнуто. По свидетельству А. Штейнберга, О. М. посещал также лекции Виндельбанда («Введение в философию» или, возможно, семинар «Кантовская критика силы суждения») и Э. *Ласка* («История новейшей философии до Канта включительно»). О. М., по словам А. Штейнберга, находил лекции Ласка чудесными и поэтичными; они во многом повлияли на складывавшееся в те годы мировоззрение поэта. В общей сложности расписание занятий О. М. в Г. у. предполагало 4–6 ч. лекций или семинаров в будние дни и 2 ч. в субботу. 27.2.1910 он записался на летний семестр 1910 (матрикул № 662), но к занятиям в апреле так и не приступил. Следуя призыву Тоде посвятить каникулы знакомству с шедеврами искусства, О. М. уехал в Италию, откуда возвратился уже в С.-Петербург; если он и заехал в Гейдельберг, то лишь для того, чтобы забрать свои вещи. 25.2.1911 О. М. был исключен из Г. у. как не внесший плату за обучение.

Лит.: Бейер Т. О. Мандельштам и Гейдельбергский университет // Минувшее. Париж, 1988. Вып. 5 (с факсимиле); Штейнберг А. Друзья моих ранних лет (1911–1928). Париж, 1991; Нерлер П. О. Мандельштам в Гейдельберге. М., 1994; Prüll D. Heidelberger Gelehrtenlexikon. 1803–1932. Bd. 1–3. B., 1986–2002; Beyer Th. R. O. Mandelstam and the University Heidelberg // The Slavonic and East European Review. 1987. Vol. 65. № 2; Rock G. Studenten des Russisches Reichs an der Universität Heidelberg (1862/63–1914): Diplomarbeit. Heid., 1991. S. 234–239; Nerler P. O. Mandelstam in Heidelberg // Mandelstam und sein Heidelberger Umfeld. Russica Palatina. Skripten der Russischen Abteilung des Instituts für Übersetzen und Dolmetschen der Universität Heidelberg. Heid., 1992. № 21. S. 3–69.

П. М. Нерлер.

ГЕНКИН Максим Исаевич (29.9.1886, Одесса – 10.1.1938), партийный работник Воронежской (Центрально-Черноземной) обл. во время воронежской ссылки О. М. В 1904–1908 член РСДРП (меньшевик), с 1917 в ВКП(б). В 1931–1935 зав. отделом культуры и пропаганды, в 1935–37 зав. отд. школ, науки, научно-техн. изобретений и открытий (позднее отдел школ и вузов) Воронежского обкома ВКП(б). С 1934 чл. редколлегии, с 1935 отв. ред. журнала «Ленинский путь». В ноябре 1934 по поручению зав. этим отделом А. И. Стецкого П. Ф. *Юдин* обратился к Г. с просьбой оказать всяческое содействие О. М. в его воронежском устройстве. Арестован 2.8.1937 УНКВД Воронежской обл. по обвинению в активном участии начиная с 1935 в антисоветской право-троцкистской террористич. организации. Осужден в Воронеже 10.1.1938 по ст. 58–8, 58–11. Реабилитирован 18.8.1956. Папка с перепиской Юдина и Г. хранилась в Партархиве Воронежского обл. (Ф. 428. Оп. 1. Д. 70. Л. 14–28). В 1988 ее случайно обнаружил С. В. Сухарев, но в результате перефондизации дело в 1989 получило др. сигнатуру (ГАОПИВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2382. Л. 14–18), после чего заново найти оригинал не удалось. Ок. 14.4.1936 Н. М. обращалась к Г. и А. Г. *Магазинеру* за помощью в организации освидетельствования и лечения О. М.

Лит.: Воронеж, весна 1936 года. (Неизвестное письмо Н. Я. Мандельштам) / публ. П. М. Нерлера // Осип Мандельштам. Поэтика и текстология. К 100-летию со дня рождения. Материалы науч. конференции 27–29 дек. 1991 г. М.: 1991. С. 108; Нерлер П. «Он ничему не научился...». О. Э. Мандельштам в Воронеже: новые материалы. // ЛО. 1991. № 1. С. 91–95.

П. М. Нерлер.

ГЕНУЯ (Geneva), г. в Сев. Италии на берегу Генуэзского зал. Лигурийского моря, центр одноим. провинции и обл. Лигурия. Г. возникла на месте поселения легуров, в 3 в. до н. э. завоеванном римлянами. Древнейшие памятники архитектуры Г. – ц. Санта-Мария ди Кастелло (11 в.) и собор Сан-Лоренцо (11–12 вв.). Гл. достопримечательности Г. – дворцы и виллы 16–17 вв.: палаццо Пароли (1567), виллы Камбьязо (1548) и Паллавичино делле Пескьере (1560–1572), палаццо Муничипале (1564), Дураццо-Паллавичини (1618), дель Университа (1634–36) и др. Гл. музеи – галереи Палаццо Россо, Палаццо Бьянко, Палаццо Спинола, гор. Музей лигурийской археологии и др. Очевидно, О. М. посетил Г. 24.7.1908 во время однодневной поездки в *Италию*, совершенной в тайне от родных, к-рые находились в *Швейцарии*. В письме А. Э. *Мандельштаму* от того же числа он писал: «Я еду в Италию! Это вышло само собой. <...> Один день в Генуе, несколько часов у моря <...>. Поезд вьется по узкой долине Роны». В противоположность этому, Н. М.

свидетельствовала: «В Италию О. М. ездил дважды, когда учился в Гейдельберге и в Сорбонне. Но эти одинокие юношеские поездки, краткие – всего на несколько недель – и поверхностные, оставили чувство неудовлетворенности: “Все равно что не ездил...”». Веской причиной мандельшт. путешествия могло оказаться восприятие Италии как своего рода средоточия европ. культуры, бытовавшее среди преподавателей и студентов *Гейдельбергского университета*. Конкретные обстоятельства поездки неизвестны, как и причины выбора в качестве объекта посещения именно Г.; возможно, сказалось ее расположение на мор. побережье, что нашло свое отражение в стих. «Европа» («Как средиземный краб или звезда морская...», 1914): «Немножко женственны заливов очертанья: / Бискайи, Генуи ленивая дуга». Впечатления от поездки, вероятно, актуализировались при посещении *Крыма* – в *Феодосии* и *Судаке* О. М. мог познакомиться с развалинами генуэзских крепостей Кафа и Солдайя; ср. восприятие Феодосии в одноим. очерке (1923–24): «В старину <...> город походил не на Геную, гнездо военно-торговых хищников, а скорей на нежную Флоренцию»; ср.: «Феодосию он полюбил не только за ее своеобразный пейзаж, но и за имя, и за остатки генуэзской крепости, и за порт со средиземноморскими кораблями». Генуэзскими ассоциациями могло быть навеяно и образное уподобление в очерке «Холодное лето» (1923) моск. дворика итальянскому: «Люблю <...> путешествовать <...> в трущобу <...> подворотня, потом налево, грубая, почти монастырская лестница, две открытых каменных террасы; гулкие шаги, потолок давит, плиты разворочены <...> настоящий итальянский двор». Вскользь упоминаются в текстах О. М. наиб. известные в истории генуэзцы – путешественник Христофор Колумб (1451–1506) и скрипач и композитор Никколо Паганини (1782–1840).

С. Г. Шиндин.

ГЕРМАНИЯ, собират. название нем. гос-ва. В Г. О. М. дважды находился продолжит. время: в первый раз – с кон. сентября 1909 по март 1910 – в *Гейдельберге*, где он учился в *Гейдельбергском университете*; второй – с кон. июля по сер. октября 1910 – в Берлине вместе с матерью, лечившейся в одной из клиник района Целендорф. Судя по письмам и стихам, О. М. побывал также в Кельне, Франкфурте-на-Майне и Баденвайлере. О. М. хорошо знал нем. язык, переводил нем. поэтов и писателей (М. Бартеля, Ф. Верфеля, А. Лихтенштейна, Э. Толлера), испытал на себе сильнейшее влияние нем. культуры, музыки и литературы.

П. М. Нерлер.

«ГЕРМЕС», ежегодник «искусства и гуманитарного знания». Первый и единств. номер был выпущен в Киеве в апреле 1919 (Обложка работы А. А. *Экстер*). Первоначально заявлен как орган киевских постсимволистов, однако там опубликованы и сочинения А. *Блока*, Вяч. *Иванова*, Н. Н. *Евреинова*, В. Б. *Шкловского*. Основатель, издатель, гл. редактор «Г.» – В. Н. *Маккавейский*, «киевский Вячеслав Иванов» (И. Эренбург), переводчик, поэт, писатель. О. М. опубл. в «Г.» стих. «Я изучил науку расставанья...» (с. 11).

Лит.: Гермес. Киев, 1919. Апрель. Сб. 1.

А. В. Косарева.

ГЕРЦЕН (осн. псевд. Искандер) Александр Иванович (25.3.1812, Москва – 9.1.1870, Париж), прозаик, публицист, мемуарист, полит. мыслитель. По мнению Н. М., для О. М. произведения Г. – «это одно из формообразующих влияний его жизни». Сама она указывала на «следы активного чтения Герцена», присутствующие в «Шуме времени» (1923) О. М., в его стих. «Язык булыжника мне голубя понятней...» (1923), где образ «нежных львят» Великой франц. рев-ции восходит к образу «львенка исполинской революции» из 13-й главы «Былого и дум» Г., а также – «в переводах» О. М. «из Барбье и в понимании» О. М. «роли искусства» в жизни общества. Описание во 2-й строфе стих. О. М. «Ахматова» (1914) голоса этой поэтессы, подобного голосу франц. актрисы Э. Рашель, перекликается со следующими строками Г. о Рашель: «А голос – удивительный голос! – он умеет приголубить ребенка, шептать слова любви и душить врага, голос, который походит на воркование горлицы и крик уязвленной львицы» (Герцен А. И. ПСС. Т. 5. М., 1955. С. 53; ср. с «цеховым» прозвищем А. А. *Ахматовой* – «Гумильвица»). Многочисл. отсылки к произв. Г. в стих. О. М. «1 января 1924» зафиксированы О. Роненом. По его же наблюдению, назв. города «Малинов» из «Египетской марки» (1927) О. М. до этого встречается в «Истории одного молодого человека» Г. Первое упоминание о Г. в произведениях О. М. приходится на 1922, когда в ст. «Пшеница человеческая», обыгрывая известную формулу К. Маркса «Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма», О. М. предложил читателю вспомнить «Герцена, не мировоззрение его, а его европейскую домовитость – он бродил по странам Запада, как хозяин по огромной родной усадьбе». В 1923 О. М. завершил свою заметку о поэзии Б. Л. *Пастернака* отсылкой к знаменитому эпизоду 4-й главы 1-й ч. «Былого и дум»: «Герцен и Огарев, когда стояли на Воробьевых горах мальчиками, испытывали физиологически священный восторг пространства и птичьего полета. Поэзия Пастернака рассказала нам об этих минутах». В этом же году в «Шуме времени» «патетический в своем западничестве Герцен, чья бурная политическая мысль всегда будет звучать, как бетховенская соната», изображен в качестве предвестника рев. деятельности Б. Н. и Б. Б. *Синани* (ср.: Шиндин С. Г. Бетховенская тема в контексте художественного мира Мандельштама // Мандельштамовские дни. С. 90–91). В «Четвертой прозе» (1930) О. М., спровоцированной его затяжным конфликтом с писат. организациями, Г. предстает сразу в неск. ипостасях. Во-первых, в ипостаси символич. хозяина *«Дома Герцена»*, где селили советских литераторов и где жил сам О. М. (отсюда в «Четвертой прозе» пассаж с иронич. реминисценцией из либретто к «Евгению Онегину»: «Кажется, в вашем доме... Вы как хозяин в некотором роде отвечаете...»). Во-вторых, в ипостаси предшественника О. М. в литературе (отсюда в «Четвертой прозе» отсылка к реплике В. В. *Маяковского*, обращенной к А. С. *Пушкину* из стих. Маяковского «Юбилейное»: «Александр Иванович Герцен!.. Разрешите представиться...»). В-третьих, в ипостаси писателя, в полный голос сформулировавшего вопрос «Кто виноват?», ключевой для «Четвертой прозы» (ср. с заглавием мемуарной заметки, излагающей обстоятельства, положенные в основу «Четвертой прозы»: Мандельштам Н. Я. Кто виноват? // Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 839–841). В-четвертых, в ипостаси барина-западни-

ка, к к-рому тщетно апеллирует с жалобами традиционно унижаемый автор-еврей: «Александр Иваныч! Барин! Как же быть? Совершенно не к кому обратиться...». Скрытую автополемику с «Четвертой прозой» содержит стих. О. М. «Жил Александр Герцович...» (1931), в к-ром имя и образ А. Г. *Беккермана*, реального евр. музыканта, современника О. М., «юмористически» и «травестийно» совмещены с именем и образом Г.

Лит.: Толкач Ю. Л., Черашняя Д. И. Кто и как играл наизусть в стихотворении О. Мандельштама «Жил Александр Герцович...»? // Известия АН. Серия литературы и языка. 2003. Т. 62. № 5; Ronen O. An approach to Mandelstam. Jerusalem, 1983.

О. А. Лекманов.

ГЕРЦЫК (Лубны-Герцык) Евгения Казимировна (30.9.1878, г. Александров Владимирской губ. – 20.1.1944, хутор Зеленая Степь Курской обл.), переводчица, критик. Сестра поэтессы А. К. Герцык (1874–1925). Г. с сестрой входила в окружение В. И. *Иванова*, на «башне» у к-рого в 1909–10 встречалась с О. М., в частности, на ивановских лекциях о стихе. Согласно мемуарам Г., писавшимся в 1935–41, О. М. впервые привела «на суд к Вячеславу Иванову» бабушка, С. Г. *Вербловская*, «и мы очень веселились на эту поэтову бабушку и на самого мальчика Мандельштама, читавшего четкие фарфоровые стихи» (эта характеристика раннего творчества О. М. находит соответствия в его стих. «На бледно-голубой эмали...», 1909 и в «Фарфоровом павильоне» Н. С. *Гумилева*). Летом 1916 и в сентябре–июле 1920 сестры Герцык эпизодически встречались с О. М. в Крыму: в Коктебеле у М. А. *Волошина* и на своей даче в *Судаке*.

Соч.: Воспоминания. Paris, [1973].

Лит.: Гаспаров М. Л. Лекции Вяч. Иванова о стихе в Поэтической Академии 1909 г. // НЛО. 1994. № 10.

О. А. Лекманов.

ГЕРШЕНЗОН Михаил Осипович (1.7.1869, Кишинев – 19.2.1925, Москва), историк литературы, философ, публицист. Его кн. «П. Я. Чаадаев: Жизнь и мышление» (1908), а также вышедшее под ред. Г. в 1913–14 собр. соч. Чаадаева в 2 т. повлияли на концепцию ст. О. М. «Петр Чаадаев», писавшуюся осенью 1914, и на стих. О. М. «Посох» (1914). В своей программной ст. «О природе слова» (1921–22) О. М. называет имя Г. среди имен тех рус. мыслителей (Чаадаев, К. Н. *Леонтьев*, В. В. *Розанов*), к-рые не могли «жить без стен, без “акрополя”».

Е. Ю. Литвин.

ГЕРШЕНКРОЙН Габриэль Осипович (Авраам Иосев) (27.2.1890, Одесса – 1943), литературный критик. В 1909–1914 студент словесного (славяно-русского) отделения ист.-филол. ф-та С.-Петерб. ун-та, где, в частности, посещал заседания *романо-германского кружка*, на которых с чтением докладов и собств. стихотворений выступал О. М., а также Д. И. *Выгодский*, Вас. В. *Гиппиус*, Н. С. *Гумилев*, В. М. *Жирмунский*, Г. В. *Иванов*, М. Л. *Лозинский*, К. В. *Мочульский*, В. *Пяст*, Б. М. *Эйхенбаум* и др. После окончания в мае 1914 университета Г. вернулся в Одессу, где до кон. 1910-х гг. оставался одним самых активных представителей худож. среды города: принимал участие в деятельности Лит.-артистич. клуба (ЛАК), был близок кругу поэтов, сформировавшемуся вокруг изданного в Одессе в 1914 альманаха «Шелковые фонари», с кон. 1918 по январь 1920 вместе с А. А. Биском и Н. О. Инбером составлял исполнит. бюро существовавшего при ЛАКе лит. кружка «Среда». (Именно в этот период происходившего в Одессе культурного подъема туда предполагал переехать из Крыма О. М., к-рый 5.12.1919 в письме Н. М. в Киев сообщил: «Теперь отсюда один путь открыт: Одесса; все ближе к Киеву. Выезжаю на днях. Адрес: Одесский Листок, Мочульскому. Из Одессы, может, проберусь: как-нибудь, как-нибудь дотянусь...».) В нач. марта 1919 Г. вошел в число литераторов, подписавших составленное М. А. *Волошиным* открытое письмо в редакцию газеты «Одесский листок» в защиту арестованной добровольческими властями Е. Ю. *Кузьминой-Караваевой* (см.: Волошин М. Собр. соч. Т. 12: Письма 1918–1924 / сост. А. В. Лавров, подгот. текста Н. В. Котрелева, А. В. Лаврова, Г. В. Петровой, Р. П. Хрулевой, коммент. А. В. Лаврова и Г. В. Петровой. М., 2013. С. 206). Вероятно, в нач. 1920 эмигрировал во Францию; систематич. документально и мемуарно зафиксированные сведения об этом периоде его жизни не известны, но его присутствие в лит.-обществ. жизни рус. диаспоры не вызывает сомнений. 3.4.1915 в ЛАКе состоялось выступление Г. о совр. поэзии, развернутый анонимный газетный отчет о к-ром дает ясное представление о его месте в лит.-худож. мире Одессы этого периода: «Последний “четверг”, посвященный лекции Г. О. Гершенкройна о современной русской поэзии, был очень интересен. – Г. Гершенкройн – увлечен поэзией, и именно новой» («Четверг» в Литературно-артистическом клубе [Одесские новости. 1915. 25 апр. № 9688. С. 3] // Акмеизм в критике: 1913–1917 / сост. О. А. Лекманов, А. А. Чабан. СПб., 2014. С. 409). В пересказе хроникера следует подробное перечисление четырех тематич. звеньев доклада – *символизм*, *акмеизм*, *футуризм* и «свободная поэзия» вне групп и течений, – содержание к-рых обнаруживает явные параллели взглядам и оценкам О. М., выходящим за границы типологич. совпадений. Более чем высокая оценка дана была акмеизму; по словам Г., «его ценность – в отдельных поэтах, наиболее талантливые из которых – Анна Ахматова и Мандельштам – “самая прекрасная надежда молодой поэзии”» («Четверг» в Литературно-артистическом клубе. С. 411). Годом позже Г. отозвался глубокой и исключительно доброжелат. рец. на 2-е изд. «Камня», в к-рой отнес его к числу «тех редких книг, значительность которых уже заранее надолго предопределяет их судьбу». Этот текст явно выходит за структурно-семантич. границы традиционного жанра рецензий и, в известном смысле, может быть отнесен к одному из первых проявлений науч. освоения мандельшт. творчества (ср.: Никольская Т. Л., Левинтон Г. А. Примечания // Волошин М. Лики творчества / сост. А. В. Мануйлов, подгот. текстов А. В. Лавров, коммент. под ред. А. В. Лаврова. Л., 1988. С. 771). Г. прямо отмечает ориентацию ранней поэзии О. М. на символистскую традицию и сменившее ее мировоззренческое и худож. обращение к актуальным для акмеизма категориям вещности, предмет-

ности (ассоциативно называя в этой связи значимые для О. М. имена С. Малларме и Т. Готье) и подробно останавливается на наиб. ярких примерах проявления этого. Как следствие, общее гершенкройновское определение О. М.: «Поэт, обратившийся от смутной “первоосновы жизни” к ее реальнейшим воплощениям, он сумел это многообразное, всечасно видимое и “слышимое” бытие почувствовать всей глубиной и цельностью своего художественного восприятия». Своего рода итоговая оценка содержится практически в самом начале текста рецензии, и в ней явно доминирует констатация исключит. индивидуальности О. М.; обоснованным и верным представляется отнесение Г. к числу «тех молодых критиков второй половины 1910-х годов, которые прозорливо распознали в творчестве акмеистов и участников “Цеха” начало нового этапа в развитии русской модернистской поэзии» (Лекманов О. Акмеизм в зеркале критики // Акмеизм в критике: 1913–1917 / сост. О. А. Лекманова, А. А. Чабан; вступ. ст., примеч. О. А. Лекманова. СПб., 2014. С. 22).

С о ч.: О современной поэзии: Мандельштам – «Камень» // Одесские новости. 1916. 20 марта. С. 2.

С. Г. Шиндин.

Эмма Григорьевна Герштейн

ГЕРШТЕЙН Эмма Григорьевна (12.10.1903, Москва – 29.06.2002, там же), литературовед и мемуарист, близкий друг О. М. и Н. М, с к-рыми познакомилась в октябре 1928 в сан. «Узкое» (тогда под Москвой). Навещала их в мае 1936 во время Воронежской ссылки поэта. Осн. литературоведч. специализация (с легкой руки О. М., познакомившего Г. с Б. М. Эйхенбаумом) – жизнь и творчество М. Ю. *Лермонтова*: Г. – автор книг «Судьба Лермонтова» (1964, 1986) и «“Герой нашего времени” М. Ю. Лермонтова» (1976). В разные годы работала в редакциях ряда газет, архивах, редакции «Литературного наследства». Автор публикаций и воспоминаний о О. М., Н. М, А. А. *Ахматовой*, Л. Н. *Гумилеве*, С. Б. *Рудакове* и др. Значит. часть этих воспоминаний представляет собой ответ Г. на оценки и обвинения в ее адрес, содержащиеся в мемуарах Н. М. За свои мемуары Г. была удостоена премий «Малый Букер» (1998) и «Антибукер» (1999).

С о ч.: Новое о Мандельштаме. Париж: Эрмитаж, 1986; Мемуары. СПб.: Инапресс,1998.

П. М. Нерлер.

ГЁТЕ (Goethe), Иоганн Вольфганг (28.8.1749, Франкфурт-на-Майне – 22.3.1832, Веймар, Германия), нем. поэт и естествоиспытатель. Интерес к творчеству Г. был заложен уже в детстве О. М.: книги Г. входили в библиотеку отца, к-рый «пробивался самоучкой в германский мир из талмудических дебрей». Мотивы из произведений Г. впервые появляются в стих. «В тот вечер не гудел стрельчатый лес органа...» (1918): при создании синтетич. сюжета нем. романтизма О. М. использовал образ «лесного царя» из одноим. баллады Г. («Erlkönig»), положенной на муз. Ф. *Шубертом*. Впоследствии, в «Разговоре о Данте», О. М. охарактеризовал историю Уголино как «балладно общеизвестный факт, подобно <...> «Erlkönig'у»: «Лесного царя» и историю Уголино роднит данный «в скрытом виде» ритм-мотив смертоносной скачки.

В 1920-е гг. О. М. читал и перечитывал Г., о чем свидетельствуют многочисл. «гетевские» реминисценции в статьях и стихотворениях этого периода. В критич. прозе 1921–23 О. М. выдвигал утопию нового европ. сознания, хранительницей к-рого выступает Россия. Европа же характеризуется как «своя родная, историческая земля <...> носившая Канта и Гёте». В процессе критики *символизма* О. М. прибегал к «старым» акмеистич. выпадам против центр. понятия символизма – символа. В качестве отправной точки критики приводится формула Г.: «Alles Vergängliche ist nur ein Gleichnis» («Все преходящее – лишь подобие [притча]»). Цитата из Г. не случайна: выстраивая свою генеалогию, символисты провозглашали жизнь и творчество Г. идейно-поэтологич. прецедентом символизма (Иванов В. И. Родное и вселенское. М., 1994. С. 236–268). Общесимволисткому «хищническому» освоению культуры Запада противопоставлен опыт А. А. *Блока*, приобщившего рус. поэзию 1900-х гг. к европ. поэтич. культуре. По мысли О. М., Блок глубоко связан как с поэзией нем. романтизма, так и с традицией его восприятия в рус. лит-ре: «Через Блока мы видели и Пушкина, и Гете, и Боратынского, и Новалиса, но в новом порядке...». О. М. дважды привел в качестве культурнопоэтич. кредо Блока отрывок из «Скифов» («Лимонных рощ далекий аромат...»), содержащий реминисценцию гетевской Миньоны – формулы «блаженной тоски» Севера по Югу. В рамках разговора о судьбах совр. прозы О. М. упомянул «синтетический роман восемнадцатого века», а в качестве образца привел роман Г. «Вильгельм Мейстер». Размышления о путях развития совр. литературы продолжились в ст. «Буря и натиск»; уже само ее название отсылает к нем. лит. течению «Sturm und Drang», в к-ром произошло становление Г. Оглядываясь на творч. эволюцию Г., О. М. применил к рус. поэзии схемы развития нем. литературы кон. 18 – нач. 19 в. В «Шуме времени» О. М. внедрил в повествование гетевские аллюзии: гротескными сравнениями О. М. передал «невежественную ночь» и «мразь» тревожно-болезн. атмосферы 1900-х гг.: так, графоман Гольдберг и его «шиллерообразный помощник» – пародия на веймарскую «чету». По О. Ронену, подтекстом зачина «Грифельной оды» («Звезда с звездой могучий стык») являются стихи из 2-й ч. «Фауста». В предисловии к переводам из М. *Бартеля* О. М. говорил о связи поэзии Бартеля с Г. не только через символизм, но и через «тягу к блаженному югу», Г. назван родоначальником вековой мудрости герм. символизма. В переводе стих. М. Бартеля

«Петербург» и стих. «Опять войны разноголосица...» реминисцируется стих. Ф. И. *Тютчева* «На древе человечества высоком...», написанное на смерть Г. В ст. «Конец романа» О. М. назвал «Страдания молодого Вертера» Г. в числе романов, к-рые «были столь же художественными событиями, сколько и событиями в общественной жизни». «Вертер» Г. служил для О. М. образцом «синтетического романа восемнадцатого века». В «Египетской марке» Г. метонимически представляет всю европ. культуру, распадающуюся в хаосе рев-ций.

В ст. «Потоки халтуры» (1929, «О переводах» (1930), говоря о совр. переводах классиков, О. М. раскритиковал намеченное к 100-летию со дня смерти Г. амбициозное 18-томное издание его сочинений. В то же время известно, что начиная с 1929 О. М. и сам подумывал о работе над переводами из Г. (письмо Е. Г. *Полонской* М. С. *Шагинян* от 13.6.1929). По мнению П. М. Нерлера, в стих. «К немецкой речи» под уходом в чужую речь О. М. имел в виду именно намерение заняться переводами Г. В 1930 в Армению О. М. взял с собой «Итальянские путешествие» Г., описывающее бегство нем. поэта из Веймара. В Ереване О. М. брал у Шагинян «томик Г.». То духовное и худож. обновление, к-рое Г. пережил в Италии, О. М. проецировал на свое путешествие в Армению. Идентификация стимулировалась и тем фактом, что О. М. в момент путешествия был приблизительно в том же возрасте, что и Г. во время своих итал. странствий. «Через увлечение Арменией пришла тяга к Гете» (Н. М.). Решающим фактором вновь пробудившегося интереса к Г. явилась встреча с Б. С. *Кузиным* – знатоком нем. литературы и творчества Г. Интерес О. М. к геологии и биологии был во многом инициирован естеств.-науч. штудиями Г. Вместе с Кузиным О. М. перечитывал «Фауста», «Вильгельма Мейстера» и «Вертера». Идейные переклички со статьями 1920-х гг. обнаруживаются в утверждении О. М., что «биография сельского учителя может стать в наши дни настольной книгой, как некогда “Вертер”». Как и в ст. «Буря и натиск», развитие нем. литературы в 18–19 вв. оказывается мерилом лит. процессов и запросов современности. В стих. «Сегодня можно снять декалькомани...» образ Мефистофеля («Фауста бес») дополняет фантасмагорич. картину *Москвы*. Образ пряхи-Москвы сопряжен с образом пряхи Гретхен из песни Шуберта на слова Г. В центре ист.-лит. медитаций стих. «К немецкой речи» находится образ Г., столетие со дня смерти к-рого широко отмечалось в 1932. Отброшенный вариант зачина – «Когда пылают веймарские свечи» – содержал метонимич. отсылку к веймарским годам Г. Среди подтекстов образа губительно-спасит. полета моли «на огонек полночный» – ночной мотылек Гафиза, известный европ. читателю по стих. Г. «Блаженное томление» («Selige Sehnsucht»). Этот гетевский образ многократно варьировался в рус. поэзии, от Тютчева («Тени сизые смесились...») до В. Я. *Брюсова* («Я – мотылек ночной...» и «О да! Я темный мотылек»). В 4-й строфе стих. «К немецкой речи» передаются картины купеч. Франкфурта, в к-ром прошло детство Г. Если в «К немецкой речи» Г. выступает образцом этико-поэтич. независимости поэта, то в «Восьмистишиях» О. М., ищущий пути выхода из обнажившегося противоречия между собств. поэтич. поисками и вкусами и чаяниями советского народа, включил Г., наряду с Шубертом, В. А. *Моцартом* и Гамлетом (У. *Шекспиром*), в список тех,

Иоганн Вольфганг Гёте

кто «считали пульс толпы и верили толпе». Согласно О. М., Г. «претила отгороженность искусства от жизни».

В 1935 О. М. написал радиопьесу «Молодость Гете», в к-рой синтетически переработал разл. источники к биографии Г. По мнению Н. М., для радиопьесы О. М. «подбирает эпизоды из жизни Гете, к-рые считает характерными для становления каждого поэта». Если в «Разговоре о Данте» О. М. частично переносит на Данте свои поэтологич. воззрения, то в «Молодости Гете» на Г. – детали своей биографии. Так, в ходе работы над пьесой О. М. поразило сходство женщин, встретившихся на жизн. пути Г., с О. А. *Ваксель*, памяти к-рой были посв. стих. «Возможна ли женщине мертвой хвала...» и «На мертвых ресницах Исаакий замерз...», наполненные образами из Г.: Миньона – «маленькая дикарка с арфой <...> Южанка, потерявшая свою родину. Воплощение тоски по цветущему югу, но не итальянка». В свою очередь, самоидентификация с Г. сопровождается и дистанцированием: в записях вокруг «Молодости Гете» О. М. называет себя «человеком исключительного понимания» в противоположность Г. и Б. Л. *Пастернаку* – людям «всепонимания». В четверостишии «Римских ночей полновесные слитки...», предвещающем предсмертное возвращение О. М. к римско-эллинским темам стихов 1936–37, Рим определяется как «юношу Г. манившее лоно». Ср. привязку Г. к «римским ночам» в черновиках «Египетской марки».

Произведения Г. явились для О. М. богатым источником образности, а жизнь и творч. путь нем. поэта – предметом самоидентификации. В свете постоянного появления в контексте Г. мотива блаженной тоски, можно предположить, что и воронежское определение О. М. акмеизма как «тоски по мировой культуре» – гетевских корней: «тоска» соответствует «томлению» немецкого (пред)романтизма («Sehnsucht»), а «мировая культура» представляет собой метонимически расширенное словосочетание «мировая литература» («Weltliteratur»), введенное в обращение Г.

Лит.: Майерс Д. Гете и Мандельштам: Два эпизода из «Молодости Гете» // Столетие Мандельштама. 1994; Нерлер П. М. «К немецкой речи»: Попытка анализа. // «Отдай меня, Воронеж...». 1995; Он же. П. М. Гете и Мандельштам (Заметки к теме) // Гете в русской культуре XX века. М., 2004; Трибл К. Поиски единства и цельности у Гете и Мандельштама // «Отдай меня, Воронеж...». 1995; Кацис Л. Ф. И. В. Гете и Р. Штейнер в поэтическом диалоге Андрей Белый – Осип

Мандельштам // Кацис Л. Русская эсхатология и русская литература. М., 2002; К и р ш б а у м Г. Э. «Валгаллы белое вино». Немецкая тема в поэзии О. Мандельштама. М., 2010; R o n e n O. An Approach to Mandel`štam. Jerusalem 1983; S i m o n e k S. Osip Mandel`štams Dialog mit Ewald Christian Kleist (zu Mandel`štams Gedicht «K nemeckoj reči») // Zeitschrift für Slavische Philologie. Heid., 1994. Bd. LIV. S. 62–88; K i r s c h b a u m H. Mandel'štam und Goethe. Wahlverwandtschaft und «Sehnsucht nach Weltkultur» // Perchenok-Fadina, A. et al. (Hg.). Russische Gegenwartsliteratur im deutschsprachigen Europa. Halle (Saale); B., 2013. S. 79–96.

Г. Э. Киршбаум.

ГЕХТ Семен (псевд.; наст. имя и отчество Авраам Гершевич; 14.3.1903, Одесса – 10.6.1963, Москва), рус. писатель и журналист, переводчик с идиша. Сотрудник газеты «Гудок», журналов «Огонек» и «Советский экран», автор повести «Человек, который забыл свою жизнь» (1927), романов «Поучительная история» (1939) и «Опасность» (в сокращенном виде и под назв. «Вместе» вышел в 1941). Лейтмотивом прозы Г. была евр. тема. Близкий знакомый Н. Н. Асеева, Э. *Багрицкого*, В. С. Гроссмана, С. И. Липкина, К. Г. Паустовского. С О. М. познакомился в 1920-е гг. 16.3.1933 Г. опубликовал в «Вечерней Москве» отчет о вечере О. М. 14.3.1933 в Политехн. музее в Москве. 22.5.1944 был арестован за проведение «активной пораженческой линии», на допросе 19.6.1944 среди арестованных писателей, к-рых очень любил и ценил, Г. первым назвал имя О. М., наряду с Бабелем и И. П. Катаевым (Петровым). Был приговорен к 8 годам исправит.-трудовых лагерей, срок отбывал в пос. Вожаель в Коми АССР. Освобожден в 1951, реабилитирован в 1955.

С о ч.: На вечере Осипа Мандельштама. Вечерняя Москва. 16.3.1933; «Простой рассказ о мертвецах» и др. произведения / сост., предисл. и примеч. М. Вайнштейна. Иерусалим, 1983.

Архивы: РГАЛИ. Ф. 2800.

Лит.: Ш у л ь м а н Э. Опасность, или поучительная история. Из архива ФСБ. По материалам одного следственного дела. Тексты и комментарии // ВЛ. 2006. Март–апрель. С. 262–297.

П. М. Нерлер.

ГИНЗБУРГ Лидия Яковлевна (6.3.1902, Одесса – 17.7.1990, Ленинград), литературовед, эссеист, мемуаристка, прозаик. Об О. М. и его стихах, по-видимому, впервые узнала из лекций Н. С. *Гумилева*, в петрогр. студии к-рого занималась в 1920–21. Очень рано оценив масштаб дарования О. М., Г. в своих записях зафиксировала рассказы и суждения о нем А. А. *Ахматовой*, В. М. *Жирмунского*, Н. А. *Заболоцкого*, Н. М., В. В. *Маяковского*, Ю. Н. *Тынянова*, К. И. *Чуковского*, Б. М. *Эйхенбаума*. 6.4.1924 присутствовала на обсуждении поэмы Н. С. *Тихонова* «Лицом к лицу» и цикла «Юг» в Ин-те совр. литературы Гос. ин-та искусств, где выступал О. М. Личное знакомство Г. и О. М. благодаря посредничеству Ахматовой состоялось в кон. 1920-х гг. В сентябре 1933 Г. слушала чтение О. М. «Разговора о Данте» у Ахматовой, о чем оставила подробные аналитич. воспоминания: «Он полон ритмами, мыслями и движущимися словами. Он делает свое дело на ходу, бесстыдный и равнодушный к соглядатаям. Было жутко, как будто подсматриваешь биологически конкретный процесс созидания». Будучи ученицей участников *ОПОЯЗ*а, Г. развивала в своих записях (а позднее в опубл. статьях) об О. М. концепцию его творчества, намеченную в работах Тынянова и Эйхенбаума (ср., в частности, со- и противопоставление поэтич. миров О. М. и Б. Л. *Пастернака* в ст. Тынянова «Промежуток» (1924) и в заметке Г. «Мандельштам – Пастернак и читатель 1920-х годов). Важнейшим этапом в развитии отеч. мандельштамоведения стал очерк творчества О. М. (см.: Письма Н. Я. Мандельштам к Л. Я. Гинзбург // Звезда. 1998. № 10), написанный Г. по просьбе Н. М. в качестве одного из не использованных изд-вом литературоведческих предисловий к длительно готовившемуся изданию стихотворений О. М. в Большой сер. «Библиотеки поэта» и впервые опубл. в 1972 (Г и н з б у р г Л. Я. Поэтика О. Мандельштама // Известия АН СССР. Серия литературы и языка 1972. Т. 31. Вып. 4. С. 309–327). В этой работе в качестве доминанты поэтики О. М. выдвигалась «напряженная ассоциативность, неотъемлемо ему свойственная» (Г и н з б у р г Л. Я. Поэтика О. Мандельштама // Гинзбург Л. Я. О лирике. М., 1997. С. 334). Точную обобщенную оценку вклада Г. (и ее многолетнего друга Б. Я. *Бухштаба*) в дело изучения творчества О. М. содержат «Листки из дневника» Ахматовой: «Из ленинградских литературоведов всегда хранили верность Мандельштаму – Лидия Яковлевна Гинзбург и Борис Яковлевич Бухштаб – великие знатоки поэзии Мандельштама» (Листки из дневника. С. 135).

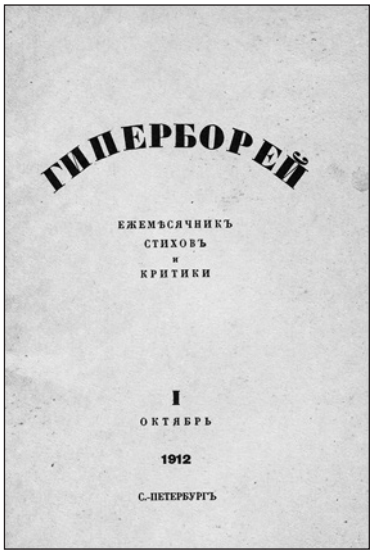
С о ч.: Поэтика О. Мандельштама // Гинзбург Л. Я. О лирике. М., 1997; Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб., 2002.

О. А. Лекманов.

«ГИПЕРБОРЕЙ».

1. Лит. журнал «Цеха поэтов» и акмеистов, созданный по инициативе Н. С. *Гумилева* и основанный им вместе с С. М. *Городецким*. Подзаголовок – «Ежемесячник стихов и критики». Выходил в 1912–13. Издано фактически девять номеров (последний выпуск имеет сдвоенный номер 9–10). Редакция располагалась на квартирах М. Л. *Лозинского* по адресам в Петрограде: Волховской пер., д. 2; с осени 1913 – Малый просп. Петроградской Стороны, д. 26/28.

При создании журнала Гумилев учел предыдущий юношеский опыт работы над изданиями «Сириус» и «Остров», осн. программой к-рых стала взаимная интеграция разл. лит. течений. Вдобавок «Г.» являет собой синтез форматов журнала, альманаха и книги стихов как целостного текста, выраж. единую худож. идею, был призван стать связующим звеном между лит. группировками. Поэтому был провозглашен принцип «внепартийности», хотя В. М. *Жирмунский* в ст. «Преодолевшие символизм» и отождествил гиперборейцев с акмеистами. Одной из важных идейных черт «Г.» стало тяготение к античной культуре и эстетике. С идеологией издания связан разнородный состав авторов: это акмеисты (Гумилев, Городецкий, А. А. *Ахматова*, О. М., В. И. *Нарбут*, М. А. *Зенкевич*); символисты [А. А. *Блок*, Вл. Бестужев (Вл. В. *Гиппиус*)]; неоклассики (Лозинский, М. А. *Кузмин*, В. К. *Шилейко*); новокрест. поэты (Н. А. *Клюев*, П. А. Радимов); эгофутуристы [*Г. В. Иванов*, Грааль Арельский (Петров С. С.)]; поэты младшего поколения,



Обложка журнала «Гиперборей»

тяготевшие к символизму (Е. Ю. Кузьмина-Караваева, Вас. В. Гиппиус, Н. А. Бруни, И. Г. Эренбург); поэты-мистики [В. Д. Гарднер, С. *Гедройц* (В. И. Гедройц)]; поэты вне групп (Н. Н. Пунин, Б. М. Эйхенбаум, В. Я. Парнок, М. Л. Моравская, А. Горчаков (А. В. Подановский), С. Ю. Судейкин)].

В «Г.» О. М. первоначально выступил как рецензент (1912. № 3. С. 30; 1913. № 6. С. 28), его тексты отвечали общей идейной направленности журнала. Так, в рец. на книгу Эренбурга «Одуванчики» он отмечал, что автор использует «тютчевский» прием, а его настроения имеют литературные «корни» и «корни <...> настроений» – характеристики, подчерк. преемственность поэтики молодого автора у классич. поэзии. В след. рец., на книгу Северянина «Громокипящий кубок», О. М., хотя и считает автора поэтом, выступает за чистоту рус. языка и осмысленность словоупотреблений, против необдуманного новаторства, отмечая «чудовищные неологизмы» и нечувствительность к законам русского языка. В дальнейшем О. М. опубликовал в «Г.» целый ряд стих., относящихся к его акмеист. лирике: «Отчего душа – так певуча...»; «Образ твой, мучительный и зыбкий...»; «Сегодня дурной день...»; «Я вздрагиваю от холода...»; «Я не поклонник радости предвзятой...»; «Когда показывают восемь...»; «Тысячеструйный поток...»; «Петербургские строфы» («Над желтизной правительственных зданий...»); «В душном баре иностранец...»; Лютеранин («Я на прогулке похороны встретил...»); «Паденье – неизменный спутник страха...»; «Пусть в душной комнате, где клочья серой ваты...»; «В таверне воровская шайка...»; «Анне Ахматовой» («Вполоборота, о печаль!..»); «Бах» («Здесь прихожане – дети праха...»); «...Мы напряженного молчанья не выносим...», [1912. № 1 (октябрь). С. 20–22; 1912. № 3 (декабрь). С. 9–11; 1913. № 5 (февраль). С. 21–24; 1913. № 8 (октябрь). С. 23–25; 1913. № 9/10 (ноябрь–декабрь). С. 30–32].

2. Изд-во (1914–18), находившееся по адресу: Петроград, Разъезжая ул., 3. К моменту его основания журнал «Г.» прекратил существовать. Специализировалось на выпуске исключительно поэтич. сборников. «Г.» выпустило 12 книг; среди его авторов – Адамович, Ахматова, Городецкий, Гумилев, Зенкевич, Г. Иванов, Лозинский, О. М.: в «Г.» вышло 2-е изд. «Камня» (1916[15]).

Лит.: Тименчик Р. Д. Заметки об акмеизме (I) // RL. 1974. № 7–8; Он же. «Заметки на полях» // Гиперборей. 1912. № 1 (репр. изд. 1990) Он же. «Заметки на полях – 2» // Гиперборей. 1912. № 2 (репр. изд. 1991); Он же. К изучению круга авторов журнала «Гиперборей» // Тыняновский сб. Т. 5. Рига, 1994; Жирмунский В. Преодолевшие символизм // Поэтика русской поэзии. М., 2001. С. 364–405; Бунатян Г. Г., Чарная М. Г. Петербург Серебряного века: Дома, события, люди. СПб., 2002. С. 173–179; Махонина С. М. История русской журналистики XX в. М., 2002. С. 99; Муравьева И. А. Былой Петербург. Век модерна. СПб.: Изд-во Пушкинского фонда, 2004; Чабан А. Журнал «Гиперборей»: своеобразие и роль в системе акмеизма. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. М., 2011.

В. В. Калмыкова.

ГИППИУС Владимир (Вольдемар) Васильевич (псевд.: Вл. Бестужев, В. Нелединский, В. Белкин) (15.7.1876, Химки Моск. обл. – 5.11.1941, Ленинград), поэт, прозаик, критик, педагог, по словам З. Н. *Гиппиус* (1895), «первый» (см.: Гиппиус З. Н. Дмитрий Мережковский // Мережковский Д. С. 14 декабря. Гиппиус З. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 322) стяжал славу «одного из самых выдающихся преподавателей русской словесности», «Грановского средней школы». О. М., поступивший в *Тенишевское училище* в 1899, 3 года являлся учеником Г. (см.: Тименчик. С. 27–28; Сконечная О. Ю. Набоков в Тенишевском училище // Наше наследие. 1991, № 1. С. 109–11, а также характеристику, к-рую Г. дал ученику О. М., с его оценкой из матрикула: Мандельштам О. Э. Соч. М., 1990. Т. 2. С. 393, 400). Уроки словесности, домашняя доступность Г. для учеников, внеш. облик [ср. впечатление А. А. *Блока*: «Волчья челюсть» (Гиппиусовская) («Дневник 1911 г.»), см.: Блок А. А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7. С. 95], манера речи и преподавания, а также поэтич. творчество (см.: Набоков В. В. Другие берега // Набоков В. В. Собр. соч.: В 4 т. М., 1990. Т. 4. С. 241) и эстетич. концепции Г. стали предметом необычайно глубокой и долговрем. рефлексии О. М.; свидетельство из дневника С. П. *Каблукова* о чтении О. М. наизусть стихов Г. Ср.: «К поэзии его толкнули уроки символиста Вл. В. Гиппиуса» (Гаспаров. С. 327). Поэтич. деятельность и первую славу своего ученика Г. встретил скептически, назвав его стихи «мертвенными». Вместе с тем он отдавал должное дару О. М., хотя воспринимал его поэзию как «стилизацию в манере Брюсова». Несмотря на то что манифесты акмеистов Г. характеризовал как «безжизненный эстетизм» (Речь. 1913. № 89. 3 апр.), он опубликовал именно в журнале акмеистов «*Гиперборей*» (1912. № 2. С. 2) подборку своих стихов, посвященных Блоку. В 1912, после более чем 10-летнего отсутствия Г. в литературе, под эгидой «Цеха поэтов» вышел сб. стихов Г. «Возвращение» (см. рец. Н. С. *Гумилева*: Аполлон. 1912. № 9). На последней странице кн. Г. анонсировалась «Раковина» О. М. – такое назв., отсылавшее к широко известному ницшеанскому образу со ссылкой на наблюдение О. Ронена над анаграмматич. (см. *Анаграмма*) трансформацией «Ницше – оценишь» в стих. «Раковина»), предполагал О. М. дать своему 1-му сб. стихов, возможно, не без влияния Г., поскольку

в ранний период тот, подобно мн. рус. поэтам-декадентам, пережил страстное увлечение филос.-эстетич. концепциями и творчеством Ф. *Ницше*. Худож.-бытийств. совпадения поэтич. миров О. М. и Г. выразились, в частности, в ориентации на общий семантически богатый подтекст – ницшеанско-мифотворческий, а также использование Г. и ранним О. М. трактата «Так говорил Заратустра» как текстуального прототипа ряда образов и мотивов в сб. «Возвращение» Г. и «Камень» О. М. (ср. подтекстово-ассоциативный слой «Раковины» и сходную, но явленную в тексте, а не в подтексте у Г. трансформацию имени «Ницше» в рифмовке строк.: «...Мне был ли другом – нищий?.. / <...> / Чьим именем – божился?.. Нитцше, Нитцше!..» – «Лик человеческий»). Собственно, и роль Г. как «учителя», возможно, проецировалась у О. М. на ницшеанские персонажно-ролевые сценарии из «Так говорил Заратустра». Это нашло выражение в письме из Парижа от 14.4.1908, отд. фразы из к-рого читаются как стилизации в духе диалогов ученика с Заратустрой: «С давнего времени я чувствовал к Вам особенное притяжение <...> Вы были для меня тем, что другие называют: «друго-врагом». Ряд общих мотивов и текстовых перекличек в стихах Г. и О. М. этого периода соотносится с Ф. И. *Тютчевым* – одним из важных, «подтекстообразующих» для О. М. поэтов. У Г. в «Возвращении» тютчевский авторитет, манифестированный в эпиграфах к разделам книги и к отд. стихам, создает архитектонику сборника и подтекст преодоления смерти с «согласия жизни», подготовленный эпиграфом из Шопенгауэра. Ср. худож. прием взгляда в свое школьное прошлое героя-повествователя в «Шуме времени» (1923–25), где имя Тютчева неотделимо для него в сознании от имени, личности и эстетических приоритетов учителя Г.: «То был человек с пересохшим горлом. Тютчев ранним склерозом, известковым слоем ложился в жилах». М. Л. Гаспаров определяет процесс становления художнич. мировоззрения О. М. как «книжный путь к культуре». Медиатором этого процесса, возможно, и становится для О. М. фигура Г. Создавая образ «В. В. Г.», в автобиогр. прозе «Шум времени», О. М. наделил его совершенно особой ролью в сознании автора-повествователя – «формовщика душ», «наставника», посредника между лит. эпохами («Первая литературная встреча непоправима»). Ср. в «Разговоре о Данте» (гл. VI; X) (1933), где О. М., прибегая к обобщенно-символич. образу учителя-поэта, созданному в «Шуме времени», через проекцию на него осмыслял одну из собств. авт. ипостасей – владение «кошничным богатством» культуры и заботу о том, «чтобы щедрость изливающейся поэтической материи не протекла между пальцами». Одно из проявлений «силы личности» своего учителя автобиогр. герой «Шума времени» усматривает в «энергии и артикуляции его речи». Чтение Г. на уроках стихов А. А. *Фета* – одно из самых ярких – «радостных» – впечатлений о юношеском проникновении в стихию «внешнего неблагоразумия русской речи», маркированное у О. М. редким для его повествоват. практики подстрочным примечанием, касающимся Н. В. *Недоброво*, чье чтение Тютчева в той же мере, как и у Г., являлось «предстательством» за поэта: «С легкой руки В. В. и поныне я мыслю ранний символизм как густые заросли ... “щ”»; «Весь девятнадцатый век русской культуры – разбившийся, конченый, неповторимый», как явствует из опосредованно-ретроспективного итога повествователя в «Шуме времени», предстает через «уроки В. В. Гиппиуса». В спектре упомянутых – имена А. Н. Радищева, Н. И. Новикова, К. Н. *Леонтьева*, Фета, Тютчева, К. К. *Случевского*, В. Г. Короленко. Не явленная внешне, но глубинно соотносимая типология творч. биографий О. М. и Г. выразилась в обращении в 1922 (Г. – «Лик человеческий») и в 1923 (О. М. – «Шум времени») к худож. формам, автобиографическим в своей основе. У обоих писателей эта потребность возникла в момент осознания своего разрыва с «веком» как экзистенциального выбора. Отсюда возникновение на страницах «Шума времени» многократно подвергнутого худож. рефлексии образа Г. Но, ознакомившись с воспоминаниями О. М. о себе, Г. отнесся к ним крайне отрицательно: «Этот мой частный Плутарх – поэт <...> он – словоблуд. / Стихи его мне чужды. Не русского, а еврейского, что ли звучания (?) <крещеного> Еврея...» (ИРЛИ. Ф. 77. Д. 150. Л. 48–48 об.).

Лит.: Ямпольский И. Г. Иван Коневской. Письма к Вл. Гиппиусу // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С. 79–98; Русская литература и журналистика начала XX века. М., 1984 (по им. ук.); Мордерер В. Я. Блок и Иван Коневской // А Блок: Новые материалы и исследования // ЛН. Кн. 4. М., 1987. С. 151–178; Тименчик Р. Д. Владимир Гиппиус // Родник (Рига). 1988. № 4. С. 27–28; Лавров А. В. Гиппиус Вл. В. // РП (1900–1917). Т. 1. 1989. С. 565–566; Гумилев Н. С. Письма о русской1 поэзии. М., 1990. С. 161–162; Гаспаров М. Л. Избр. статьи. М., 1995. С. 221–223, 327–371; Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 328, 346; Ронен О. Поэтика О. Мандельштама. СПб., 2002 (по им. ук.); Морозов А. А. Примечания // Мандельштам О. Э. Шум времени. М., 2002; Лекманов. 2003. С. 26–27, 22–23, 49–51; Куранда Е. Л. «...От непобежденного учителя»: Пушкинский миф в жизни и творчестве Владимира Васильевича Гиппиуса // Беллетристическая пушкиниана XIX–XXI веков. Псков, 2004. С. 287–300.

Е. Л. Куранда.

ГИППИУС Зинаида Николаевна (в замужестве Мережковская; 8.11.1869, г. Белёв Тульской губ. – 9.9.1945, Париж), поэтесса, лит. критик, прозаик. Отец Г. юрист, из обрусевшей нем. семьи (с 16 в. в России); мать, урожд. Степанова, родом из Сибири, дочь уездного полицмейстера. В 1889 г. вышла замуж за Д. С. *Мережковского*. В 1900–10-х гг. Г. – одна из центр. фигур эпохи Серебряного века. В нач. 20 в. квартира Мережковских в доме, известном как «дом Мурузи» (Литейный пр., д. 24), – один из центров лит. и религ.-филос. жизни Петербурга. В дорев. время они неоднократно выезжали за границу, где, предположительно, и состоялось знакомство с ними О. М., к-рый в учеб. сезон 1907/1908 жил в Париже, посещая лекции на словесном ф-те Сорбонны. Мережковские вместе с публицистом Д. В. Философовым проживали в это время в доме на ул. Теофиля Готье (rue Théophile Gautier, 15), готовя к выпуску, в частности, сб. ст. «Le Tsar et la Révolution» (вышел в 1907 на франц. яз.).

Впервые предположение о парижском знакомстве О. М. с «мэтрами» было высказано первопубликаторами «парижской ажанды» Г., где под датой 7.2.1908 фигурирует следующая запись: «Завтрачище с Ознобишиным и Мандельштамом (Gemier) у нас. Ужас! Племянница. Дождь. Ринулись мы с Димой и ездили на автомобиле по всему городу» (РГБ. Ф. 743. Карт. 116. Д. 18). В том же феврале

«штаб-квартиру революции» Мережковских, к-рую посещали эсеры-террористы, анархисты и прочие революционеры-эмигранты, посетил и парижский знакомый будущего поэта, Михаил Карпович.

Следующий визит О. М. к Мережковским (и, возможно, не единственный) состоялся уже в Петербурге, осенью–зимой 1908, на что указывает вполне репрезентативное свидетельство – дневниковая запись секретаря Религ.-филос. об-ва (РФО) С. П. *Каблукова*, сделанная летом 1910, вскоре после знакомства с О. М. в Финляндии. Каблуков, в частности, записал, что О. М. «теперь стыдится своей прежней революционной деятельности и призванием своим считает поприще лирического поэта. Его стихи были приветствуемы Вячеславом Ивановым. Бывал он и у Мережковских, и в Религиозно-философском обществе, членом-соревнователем которого числится и теперь». Имя О. М. есть в списке членов-соревнователей РФО и по состоянию на 1913 год. Посещать Мережковских в Петербурге О. М. мог лишь с осени 1908 по весну 1909, поскольку летом 1909 уехал на курорт в *Швейцарию* и затем на учёбу в *Гейдельберг* – до весны 1910. Вполне вероятно, что именно Г. помогла О. М. оформиться в «члены-соревнователи» РФО (Мережковские вошли в Совет РФО осенью 1908, сразу по возвращении из-за границы). Собрания РФО были «закрытыми»: на них можно было попасть только по повестке, а повестки рассылались только действит. членам и «членам-соревнователям».

Осенью 1909 О. М. предпринимал попытку встретиться с Мережковскими в Гейдельберге. В письме к Максимилиану *Волошину* (сентябрь 1909) он жаловался: «Мережковский, который на этих днях, проездом в Гейдельберге, не пожелал выслушать ни строчки моих стихов». При этом имени Г. в своем письме О. М. почему-то не упомянул. В кон. октября 1910, спустя два месяца после дебютной публикации О. М. в «*Аполлоне*», Каблуков обратился к Г. с просьбой оказать О. М. протекцию. В его дневниковой записи от 24.10.1910: «Я просил Зин[аиду] Ник[олаевну] Гиппиус обратить внимание на его стихи и дать ему рекомендацию в “Русскую Мысль”, т. е. к Брюсову. Сегодня он читал мне те из своих 44 стихотворений, которые он намерен послать ей. Их 10 – все мною одобрены...». На следующий день Г. обратилась письмом к В. Я. *Брюсову*, в то время гл. редактору «Русской мысли»: «Дорогой Валерий Яковлевич. Некий неврастенический жидёнок, который года два тому назад ещё плёл детские лапти, ныне как-то развился и бывают у него приличные строки. Он приходил ко мне с просьбой рекомендовать его стихи Вашему вниманию. Я его не приняла (уж очень он устанный [так в источнике. – *В. Д.*), но стихи велела оставить, прочла и нахожу, что “вниманию” Вашему рекомендовать я их могу, а что Вы дальше будете с ними делать – это меня уже не трогает, и Вы лучше знаете. У него в прошлом году были в “Аполлоне” тоже ничего себе стихи (на самом деле первая публикация О. М. в “Аполлоне” состоялась два месяца назад. – *В. Д.*). В стихе, на мой взгляд, много невыдержанностей, и “роковисто”, но попадаются недурные строки». И уже в постскриптуме напомнила: «Ну, до свидания, поглядите все-таки жиденочка» (РГБ. Ф. 386. Карт. 82. Д. 41. Л. 29–30). Брюсов, получив это письмо Г. с приложенными к нему стихотворениями О. М., к публикации их не принял.

«Протекционную» записку Каблукова О. М., судя по всему, принес Г. лично и был, очевидно, крайне обижен тем, что и на этот раз его «не приняли» (как уж «очень устанного»). Вдова поэта, со слов О. М., написала об этом визите в своих мемуарах так: «Однажды Мандельштам без всякого предупреждения пришел к Мережковским. К нему вышла Зинаида Гиппиус и сказала, что, если он будет писать хорошие стихи, ей об этом сообщат; тогда она с ним поговорит, а пока что – не стоит, потому что ни из кого не выходит толку. Мандельштам молча выслушал и ушел. Вскоре Гиппиус прочла его стихи и много раз через разных людей звала его прийти, но он заупрямился и так и не пришел. Это не помешало Гиппиус всячески проталкивать Мандельштама. Она писала о нем Брюсову и многим другим, и в ее кругу Мандельштама стали называть “Зинаидин жидёнок”». Об этом же визите сохранилась и запись Рудакова: «В 1910 году Мережковские, отказываясь слушать оного Осипа, сказали: “Если Вы напишите хорошее – нам скажут”».

Сама Г., уже в эмиграции, в одном из мемуарных очерков, историю своего «протежирования» О. М. представила в достаточно вольной и изрядно припудренной интерпретации, позволив себе «забыть» о визитах «юнца» в 1908–09, про рекомендации Каблукова и прочие невыигрышные подробности, не добавлявшие плюсов к ее образу «чуткой» покровительницы юных талантов: «Кто-то прислал ко мне юного поэта, маленького, тёмненького, сутулого, такого скромного, такого робкого, что он читал едва слышно, и руки у него были мокрые и холодные. Ничего о нём раньше мы не знали. Кто его прислал – не помню (может быть, он сам пришёл), к юным поэтам я имею большое недоверие, стихи его были далеко не совершенны, и – мне всё-таки, с несомненностью, показалось, что они не совсем в ряд тех, которые приходится десятками слушать каждый день (приходилось бы сотнями, не положи я предела). В стихи этого юнца “что-то попало”, как мы тогда выражались. Решаю про себя, что мальчик не без способностей, и вызываюсь (в первый раз в жизни, кажется, без просьбы) где-нибудь напечатать стихи: “В ‘Русской мысли’, например, – я пошлю их Брюсову”. Ответ получился не очень скоро, и даже, между прочим, в письме по другому поводу. Ответ насмешливый, небрежный и грубоватый: что до Вашего юнца “со способностями”, то таких юнцов с такими же, и даже большими, способностями у меня слишком достаточно и в Москве. Советую этому не печататься... Еще что-то было в том же роде, если не хуже. Однако из юнца вышел, и необыкновенно скоро, – поэт, во всяком случае всеми за такового признаваемый, и даже по тщательности формы, по отделке ее, поэт в сорте Брюсова. Это был О. Мандельштам».

Утверждение вдовы поэта о том, что в 1910-е гг. Г. «всячески проталкивала Мандельштама», документального подтверждения не находит. В 1913, после выхода «Камня», стихи О. М. не получат от нее оценки выше, чем приватное «так себе»: «Мандельштама я получила, спасибо, хотя я им продолжаю не быть очарованной, – оповещала она Каблукова. – Очень и очень “так себе”. Чем он Вас пленил? Я читаю старые книги, опротивел модерн».

В архивном собрании поэтессы М. М. Шкапской сохранилась эпиграмма Г. на Каблукова и О. М., ядовито обыгрывающая вторую строфу лермонтовского «Нищего»: «Раз петербургский старожил / Решил стихом развеять скуку, /

И кто-то “Камень” положил / В его протянутую руку (Альбом М. М. Шкапской // РГАЛИ. Ф. 2182. Оп. 1. Д. 140).

Тем не менее как минимум дважды Г. «вспоминала» в 1910-е гг. о «не очаровавшем» ее поэте. Весной 1915 три его стих. «О временах простых и грубых», «На площадь выбежав, свободен...», «Посох» с подзаголовком «Из цикла “Рим”» при посредничестве Каблукова и ее непосредств. участии были опубл. в еженедельнике «Голос жизни» (1915. № 14. 1 апр.). По предположению Н. А. Богомолова, «виртуальный цикл Мандельштама “Рим” должен был представлять “западническую” точку зрения» в тогдашней полемике военного времени между условными западниками и славянофилами.

Спустя два года, составляя сб. «Восемьдесят восемь современных стихотворений, избранных З. Н. Гиппиус» (Пг., 1917), наряду с 11 стихотворениями Ф. *Сологуба*, десятью – А. А. *Блока*, семью – *Андрея Белого*, шестью – А. А. *Ахматовой*, тремя Брюсова и т. д., Г. включила в него и 3 стих. О. М.: «Образ твой, мучительный и зыбкий», «В огромном омуте прозрачно и темно», «О временах простых и грубых».

В кон. 1919 Мережковские и Философов бежали из России в Польшу, где Философов проживал до конца жизни, инициировав, по предположению польских исследователей, в 1930–35 в качестве почетного председателя варшавского «Лит. содружества» первые переводы неск. стих. О. М. («Декабрист», «На страшной высоте блуждающий огонь...» и др.) на польский язык (Поморский А. Мандельштам в Польше // Корни, побеги, плоды... Мандельштамовские дни в Варшаве: В 2 ч. Ч. 2 / сост. П. М. Нерлер, А. Поморский, И. З. Сурат. М., 2015. С. 63–64).

С о ч.: Живые лица. Воспоминания. Тб., 1991; Собр. соч. Т. 8. Дневники: 1893–1919. М., 2003.

Лит.: М о р о з о в А. А. Мандельштам в записях дневника С. П. Каблукова // ЛО. 1991. № 1; О. Э. Мандельштам в письмах С. Б. Рудакова к жене (1935–1936) / публ. и подгот. текста Л. Н. Ивановой и А. Г. Меца // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1993 год. СПб., 1997; С е р к о в А. И. «Парижская ажанда» Зинаиды Гиппиус // РГБ. Записки отдела рукописей. Вып. 51. М., 2000; Д р а н и ц и н В. Осип Мандельштам и З. Н. Гиппиус: к истории знакомства и происхождения прозвища «Зинаидин жидок» // СМР. Вып. 6 (В печати); Е р м и ч ё в А. А. Религиозно-философское общество в Петербурге (1907–1917): Хроника заседаний. СПб., 2007; Н. Я. Мандельштам. Т. 1–2; Б о г о м о л о в Н. А. Об актуальном контексте одного цикла О. Мандельштама // Созидающая верность: К 90-летию А. А. Тахо-Годи / отв. ред. и сост. Е. А. Тахо-Годи. М., 2012.

В. Н. Драницин.

ГЛАДКОВ Александр Константинович (30.3.1912, г. Муром Владимирской губ. – 11.4.1976, Москва), драматург, сценарист, эссеист, мемуарист, автор воспоминаний о В. Э. *Мейерхольде*, В. В. *Маяковском*, Б. Л. *Пастернаке* и др. деятелях рус. культуры 1930–60-х гг., в т. ч. незавершенных воспоминаний об О. М., составивших кн. «Поздние вечера» (1980). Небольшой очерк Г. об О. М. отличается от др. его мемуарных текстов тем, что в самом начале сообщается: эти заметки не принадлежат к мемуарному жанру, поскольку их автор не был лично знаком с О. М. и никогда не общался с поэтом. «Я видел Мандельштама несколько раз в жизни, однажды слушал, как он читает стихи и ни разу с ним не разговаривал», – вспоминал Г. По приглашению театр. критика И. И. Юзовского, случайно встреченного на улице, он присутствовал 11.11.1932 на чтении О. М. в ред. *«Литературной газеты»*. Характеризуя внеш. облик О. М. и манеру его поведения посредством ряда парадоксальных определений («Мандельштам одновременно величественен и забавен, горделив и уязвим, невозмутим и нервен, спокоен и беззащитен – настоящий поэт»), Г. далее пытается «вывести» «генеалогию» лирики О. М. и в этом контексте обращается к творчеству А. И. *Герцена* и К. Н. *Батюшкова*. Имя О. М. встречается также в очерке Г. «О прозе Катаева», вошедшем в «Поздние вечера» и в его кн. «Встречи с Пастернаком» (осн. часть текста была написана в кон. 1960-х гг.). В 1930-х гг. Г. писал театр. рецензии в моск. газеты, работал зав. лит. частью в студии Н. П. Хмелева и заведовал Науч.-иссл. лабораторией в Гос. театре им. Мейерхольда. В эти годы в дневнике Г. – лишь три упоминания имени О. М.: «Рассказывают, что закончился срок ссылки и у Мандельштама» (запись от 28.4.1937); «Где-то в провинции снова арестован сосланный Мандельштам» (11.6.1938); «Вечером у меня Иван Пулькин. <...> Он слышал, что Мандельштам не умер, как об этом говорили, а жив» (запись от 15.12.1939). В 1948 Г. арестован «за антисов. деятельность» и провел в лагерях 6 лет. Там он руководил лагерным театром, в к-ром силами заключенных была поставлена его пьеса «Давным-давно» («Питомцы славы», в киноверсии «Гусарская баллада»). Осенью 1960, живя в Тарусе, Г. познакомился с Н. М. С этого момента общение с ней и через нее с творчеством О. М. поглощало почти все свободное время Г. 29.9.1960 он записал: «Все свободное время – Мандельштам. Он значителен и огромен. Большую часть я знал раньше, но теперь, в том реальном бытовом и историческом контексте, который представляют из себя воспоминания Ахматовой и Н. Я., все еще вырастает. <...> Почему-то мне интересны эти рассказы о погибшем поэте, как давно уже ничего не было так интересно. В его судьбе фокус времени и др. параллельных судеб». Об Н. М. Г. записал: «Н. Я. редкая умница и тонкий человек с широким историческим кругозором. Для того, чтобы перестать ей волноваться и продолжать жить всем этим, вероятно, нужно все записать, и тогда это, уйдя из души на бумагу, перестанет ее тревожить и бередить».

Попытки Г. в сентябре 1964 опубликовать полученный им в подарок от Н. М. «Разговор о Данте» в *«Новом мире»* успеха не имели. Дальнейшее общение с Н. М. продолжалось в Москве, также через общих знакомых (в частности, В. Т. *Шаламова*). С нач. 1970-х гг. отношения Г. и Н. М. становились все прохладнее и вскоре совсем прекратились. Как атеист, Г. скептически относился к православию Н. М. и к ее кругу общения. Ср. в дневниковой записи от 29.3.1973: «По моей просьбе, мне выписали из “Второй книги” Н. Я. Мандельштам два места, где я упоминаюсь. Ничего порочащего меня в них нет, хотя несколько удивляет тон. <...> Во втором отрывке маразматическая путаница. Во “Встречах с Пастернаком” я писал, что первый арест Мандельштама не произвел большого впечатления в обстановке очередной литературной весны, и у нас с Н. Я. шла речь о

том, чтобы уточнить это и написать подробнее, что я обещал ей в моем незаконченном эссе о Мандельштаме. А его второй арест прошел малозамеченным (как и известие о его гибели – впрочем, о ней долго никто не знал), потому что в разгаре террора такие вещи уже никого не удивляли: привыкли ко всему. А Н. Я. перепутала одно с другим. Как я мог точно знать о гибели Мандельштама, когда я и о судьбе Мейерхольда, которая меня близко касалась, ничего не знал до 1955 года?».

Большой комплекс писем Н. М. к Г. хранится в его фонде в РГАЛИ. В них обсуждается широкий круг вопросов: кроме биографии О. М. и издат. судьбы его произведений, это «дело» И. А. *Бродского*, книжные, театр. и кинематографич. новинки. Ответные письма Г. не сохранились.

С о ч.: Поздние вечера. М., 1996; «Я не признаю историю без подробностей...» (Из дневниковых записей 1945–1973) / публ. С. Шумихина // In memoriam: Ист. сб. памяти А. И. Добкина. СПб.; Париж, 2000; Встречи с Пастернаком. М., 2002.

Архивы: РГАЛИ. Ф. 2590.

Лит.: «Мандельштам был не по плечу современникам...» (Письмо Н. Мандельштам к А. Гладкову) / публ. С. Шумихина // РМ. Париж. 1997. № 4178. 12–18 июня.

С. В. Шумихин, О. Ю. Казмирчук.

ГЛАЗУНОВА Лариса Викторовна (род. 10.4.1926, Ташкент), первая жена (1946–62) Э. Г. *Бабаева*. В «Воспоминаниях» Н. М. выведена как «Лариса, дочь ташкентского самоубийцы». Во время пребывания Н. М. в Ташкенте отец Г., Виктор Васильевич Глазунов был ст. оперуполномоченным НКВД, покончил жизнь самоубийством. После прочтения мемуарных книг Н. М. Г. была возмущена тем, как несправедливо и лживо, по ее мнению, в ней были выведены она сама, ее отец и др. знакомые лица. В нач. 1990-х гг. Г. написала воспоминания «Не хочу вспоминать», в к-рых ответила на обвинения Н. М.

С о ч.: Не хочу вспоминать // Б а б а е в. С. 321–328.

П. М. Нерлер.

ГЛАУБЕРМАН Семен Борисович (26.5.1897, Воронеж – 30.7.1971, там же), воронежский врач-отоларинголог, доцент Воронежского мед. ин-та. О. М. был его пациентом и в письмах называл «крупнейшим здесь ларингологом». Начиная с 1935 Г. жил в «итээровском» доме по ул. Ф. Энгельса, 13б (кв. 2); где в соседнем подъезде с февраля по осень 1936 жили и О. М. с Н. М.

Лит.: Г л а у б е р м а н А. «Крупнейший здесь ларинголог...» // СМР. Вып. 4. 2008.

А. С. Глауберман.

ГЛЮК (Gluck) Кристоф Виллибальд (2.7.1714, Эрасбах, – 15.11.1787, Вена, Австрия), нем. композитор богемского происхождения, реформатор оперного жанра. Как сообщает Н. М., в воронежской ссылке О. М. «часто писал вступительное слово к концертам, в частности к “Орфею и Эвридике” Глюка. Его обрадовало, что, когда он шел по улице, из всех рупоров неслась его рассказ про голубку Эвридику» (подразумевается стих. О. М. «Чуть мерцает призрачная сцена...», 1920). Судя по письму С. Б. *Рудакова* к жене от 3.4.1936, О. М. вынашивал планы переделать свое вступ. слово в прозаич. произв. о Г. В своих «Заметках о поэзии» («Vulgata») слова «когда великий Глюк явился и открыл нам новы тайны» О. М. приводит в качестве примера пушкинского «выражения для новаторов в поэзии». «Всякий, кто поманит родную поэзию звуком и образом чужой речи, будет новатором первого толка, т. е. соблазнителем». В «Путешествии в Армению» (гл. «Вокруг натуралистов») О. М. упомянул Г. в одном ряду с Й. Гайдном и В. А. *Моцартом*: «Кто не любит Гайдна, Глюка и Моцарта – тот ни черта не поймет в Палласе». [Петр Паллас – петерб. академик, автор 3-томного соч. «Путешествие по разным провинциям Российского государства» (1770–80), выходец из Германии]. Там же О. М. отметил «телесную круглость и любезность немецкой музыки». А в своей рец. «Читая Палласа» О. М. снова вспоминал Г.: Паллас «мурлычет из Глюка». В стих. «В Петербурге мы сойдемся снова...» и «Чуть мерцает призрачная сцена...» (оба 1920) упоминаются Орфей и Эвридика – образы, навеянные оперой Г. «Орфей и Эвридика» (1762). О. М. видел знаменитую постановку этой оперы В. Э. *Мейерхольдом* (1911). После рев-ции 1917 эта постановка была возобновлена в Петрограде и шла неск. раз на сцене Мариинского театра в 1919 и 1920. Поначалу стих. «Чуть мерцает призрачная сцена...» имело заглавие «Эвридика», а в черновом варианте первые две строки его читались так: «Снова Глюк из жалобного плена / Вызывает сладостных теней». Текст, сходный со строкой «Ты вернешься на зеленые луга», – звучит не в арии, а в хоре блаженных теней из 2-го акта оперы Г. О том же глюковском спектакле говорит начало др. стих. О. М. «Я в хоровод теней, топтавших нежный луг...» (1920). В стих. О. М. «Концерт на вокзале» (1921) связь с оперой Г. проступает в строке «Ночного хора дикое начало». Стихи эти можно понять как указание на «начало» 2-го действия оперы Г. В 1-м акте, после погребения Эвридики, Орфей решается отправиться в подземный мир. Когда поднимается занавес 2-го действия, на сцене, во мраке подземного мира, находится хор фурий, охраняющих вход в загробное царство; они встречают появившегося Орфея угрожающим пением, преграждая ему дорогу. В своих поисках правдивых драматич. эффектов Г. применил в этом хоре необычный прием: фурии поют в унисон. Отсутствие гармонии сообщает музыке повышенную напряженность и в то же время странность («дикость»), производя огромное впечатление на слушателей.

А. Л. Футорян.

«ГНОЗИС», амер. ежеквартальный религ., филос. и лит. журнал на рус. и англ. яз. Выходил в Нью-Йорке в 1978–1979 (всего вышло 6 номеров, из них 2 сдвоенных). Гл. ред. Аркадий Ровнер, зам. гл. ред. Виктория Андреева. В «Г.» была опубл. ст. Ю. П. Иваска «Мандельштам о Белом» (на англ. яз.).

Лит.: I v a s k G. Mandelstam on Belyj // Гнозис/Gnosis. I. N. Y., 1978. P. 93–105.

П. М. Нерлер.

ГОГОЛЬ Николай Васильевич (20.3.1809, с. Большие Сорочинцы Миргородского у. Полтавской губ. – 21.2.1852, Москва), писатель. Творчество Г. на рубеже 19–20 вв. оказалось в центре внимания рус. лит. модернизма. Старшие

и младшие символисты декларировали свою приверженность гоголевской традиции, переосмысленной в духе их собств. филос.-эстетич. поисков. Для акмеистов, несмотря на их полемич. отталкивание от символистских ценностей, наследие Г. оставалось чрезвычайно важным. О. М. неоднократно обращался к имени Г., к гоголевским образам и персонажам. «Петербургский текст» (см. *Петербург*) в творчестве О. М. опирается на ряд произведений рус. классич. литературы 19 в., в т. ч. в первую очередь на «петербургские повести» Г., особенно на «Шинель». Впервые мотив «шинели» возникает у О. М. в «Петербургских строфах» (1913). В прозаич. очерке «Шуба» (1922) О. М. обращается к одной из осн. коллизий гоголевской повести: «Отчего ж неспокойно мне в моей шубе? Или страшно мне в случайной вещи, – соскочила судьба с чужого плеча на мое плечо и сидит на нем, ничего не говорит, пока что устроилась». «Не по чину барственная шуба» была процитирована О. М. позднее в «Шуме времени». В «Четвертой прозе» этот образ возникает в ином контексте – как ответ на обвинения А. Г. *Горнфельда*: «Я – скорняк драгоценных мехов, я – едва не задохнувшийся от литературной пушнины, несу моральную ответственность за то, что внушил петербургскому хаму желание процитировать как пасквильный анекдот жаркую гоголевскую шубу, сорванную ночью на площади с плеч старейшего комсомольца – Акакия Акакиевича. Я срываю с себя литературную шубу и топчу ее ногами». Отголоски темы «Шинели» обнаруживаются и в одном из программных стих. О. М. «За гремучую доблесть грядущих веков» (1931): «Запихай меня лучше, как шапку, в рукав // Жаркой шубы сибирских степей...». Тема «петербургской повести» Г. «Записки сумасшедшего» отражена в «Египетской марке» (1927): «Парнок оживлялся. Концертный морозец пробегал по его коже и – матушка, пожалей своего сына – забирался под воротник». Эта же цитата, трансформированная в самост. мотив, прослеживается в 1-й строке стих. О. М. «Холодок щекочет темя...» (1922). Ср. также строки «И гораздо глубже бреда // Воспаленной головы» из стих. «...Дев полуночных отвага» (1913). По мнению В. В. Мусатова, к повести Г. «Нос» восходят образы «в треугольках носачи» и «руки брадобрея» из «Стихов о русской поэзии» (1932) О. М. и его «Ариоста» (1933) соответственно. В поэзии О. М. 1910-х гг. значит. место занимает образ Вечного города. Для О. М. воплощение темы Рима прежде всего связано с историей и архитектурой. «Римский текст» рус. литературы, обогащенный целым рядом стих. О. М. («Рим», «Природа – тот же Рим...», «Пусть имена цветущих городов...» и мн. др.), формировался не в последнюю очередь под влиянием повести Г. «Рим». Одним из источников взглядов О. М. на архитектуру, отразившихся в поэзии этого периода, является ст. Г. «Об архитектуре нашего времени». К ней, в частности, восходят архит. образы стих. О. М. «Я ненавижу свет...» (1912). Др. образ-цитата из Г., проходящий через ряд произведений О. М., – Вий. В стих. О. М. «1 января 1924» (1924, 1937) с Вием сложно соотносится образ *времени*, «века»: «Кто веку поднимал болезненные веки». В последней части «Четвертой прозы» О. М. использует образ Вия в ряду персонажей, к-рыми населена фантасмагория «советской ночи». И, наконец, в стих. «Как по улицам Киева-Вия...» (1937) «Вий» по сходству звучания с «Киевом» сближает эти понятия, а в тексте стихотворения использованы украинизмы (прием, характерный и для поэтики Г.). В цикле О. М. [«Стихи памяти Андрея Белого»] (1934) гоголевская тема возникает отраженно: и как характерная примета биографии А. *Белого*, и как один из важных элементов его творчества (прозвище «гоголек», данное Белому на «башне» у Вяч. И. *Иванова*, постоянный интерес Белого к творчеству Г. Творчество Г. ассоциировалось у О. М. еще и с дет. кругом чтения, а также со временем учебы О. М. в *Тенишевском училище* – как примета школьной программы [«Была пора Тараса Бульбы // И наступающей грозы» – стих. О. М. «Когда в далекую Корею...», 1932 (отмечено Н. М.); см. также: Г а с п а р о в. С. 652; А м е л и н, М о р д е р е р. С. 138–144)] и как лит. классик, чье чествование входило в обязательный перечень юбилейных собраний Лит. фонда, проходивших в аудитории уч-ща (в качестве обязательного номера программы на этих собраниях О. М. упоминает «разговор дам, приятных во всех отношениях из “Мертвых душ”»). Один из его одноклассников видится О. М. в качестве «человека из сожженной Гоголем второй части “Мертвых душ”». И, наконец, образы произведений Г. или упоминание его имени часто используются О. М. как отсылка к лит. классике или просто общекультурное клише. В таком качестве гоголевские цитаты и аллюзии часто встречается в лит.-критич. статьях О. М. (напр., заметки О. М. «Ж. К. Гюисманс. Парижские арабески», «Литературная Москва») или эпистолярных текстах [напр., письмо О. М. к Н. М. от 4.5.1937 из Воронежа: «По поводу нападенья курицы на маму. Никакой царапины серьезной нет. Шрам заживает. Черт знает, какой вздор пишу. Гоголь такого не выдумает»; ср. в воронежском письме С. Б. *Рудакова* 1935 к жене: «Надька называла его “мой Гоголь” (в смысле уничтожения “порочащих” рукописей...]».

Лит.: П о л я к о в а С. В. «Шинель» Гоголя в «Египетской марке» Мандельштама // Слово и судьба. С. 457–459; Л е к м а н о в О. А. Из комментариев к мандельштамовским текстам // Мандельштамовские дни; Н е м и р о в с к и й А. И. Путь к Риму // Там же; Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 133, 204, 329, 363, 734; М у с а т о в В. В. Лирика О. Мандельштама. К., 2000; Г а с п а р о в М. Л. Комментарий // Стих. Проза / сост. Гаспаров; А м е л и н Г. Г., М о р д е р е р В. Я. Сталин и Тарас Бульба // Амелин Г. Г., Мордерер В. Я. Миры и столкновения О. Мандельштама. М.; СПб., 2001; Р о н е н О. Поэтика О. Мандельштама. СПб., 2002; I d e m. Approach to Mandel'shtam. Jerusalem, 1983.

В. Г. Беспрозванный.

ГОДУНОВ Борис (ок. 1552 – 13.4.1605, Москва), рус. царь с 1598 (избран Земским собором 17.2.1598, венчан на царство 1.9.1598). Сын боярина Федора Годунова. О. М. упоминает о Б. Г. как о персонаже трагедии А. С. *Пушкина* «Борис Годунов» и как об ист. личности в заметке «Преступление и наказание в “Борисе Годунове”» (1906; при жизни О. М. не публиковалась), к-рая, по-видимому, является соч. на тему, заданную на занятиях в *Тенишевском училище*. Приводя мнения Н. М. Карамзина (терзания больной совести) и В. Г. *Белинского* (слабоволие и отсутствие союзников) о причинах падения Б. Г., О. М. в этой заметке предлагает собств. трактовку: крушение власти Б. Г. и неудачи его преобразований он объясняет «болезненным самолюбием, раздражительностью, неумением владеть собой и заставить себя уважать». В первонач. варианте ст. «Петр Чаадаев» (1914, опубл. в 1915) Б. Г. упоминается как предшественник *Петра I* в европеизации России; О. М. пишет об отправке молодых рус. дворян за границу по приказанию

Б. Г. и о том, что ни один из них не вернулся из Европы (к-рую О. М. в западнич. духе оценивает как мир свободы и жизни) в Россию, охарактеризованную как мир «небытия», по-видимому, опираясь на информацию, содержащуюся в таких популярных изложениях отеч. истории, как «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей» Н. И. Костомарова (отдел 1, гл. 23, к 1915 вышло 7 изд.) и «Лекции по русской истории» С. Ф. Платонова (к 1917 вышло 10 изд.). При переизд. ст. «Петр Чаадаев» в составе кн. «О поэзии» (1928) этот фрагмент (несомненно, по ценз. причинам) был исключен.

А. М. Ранчин.

ГОЛЛЕРБАХ Эрих Федорович (11.3.1895, Царское Село – 4.3.1942, Вологда), искусствовед, худож. и лит. критик. Окончил *Санкт-Петербургский университет* (1912–17), работал науч. сотрудником Отдела по охране памятников искусства и старины в Петрограде (1919–20), Русского музея (1921–24), с 1923 заведовал худож. отделом Петрогр. отделения *Госиздата*. Автор значит. числа искусствоведч., литературоведч. и лит.-критич. публикаций, в частности о разл. аспектах творчества Н. И. *Альтмана*, Д. Д. *Бурлюка*, А. Я. Головина, М. В. *Добужинского*, Г. И. Нарбута, В. А. Серова и др. В круг его общения входили М. А. *Волошин*, Н. С. *Гумилев*, М. А. *Кузмин*, В. А. *Рождественский*, В. В. *Розанов*, Ф. *Сологуб* и мн. др. Время и обстоятельства личного знакомства О. М. и Г. неизвестны, мемуарные свидетельства Г., содержащиеся в его неоконч. воспоминаниях «Переписка из двух миров», относятся, очевидно, к кон. 1920 и связаны с эпизодом посещения *Дома литераторов* (Мандельштам в архиве Э. Ф. Голлербаха. С. 104–105). Вероятно, их наиболее интенсивное общение пришлось на сер. 1920-х гг., в марте–апреле 1925, в период проживания О. М. в *Царском (Детском) Селе*, но из дневниковых записей П. Н. *Лукницкого*, к-рого О. М. познакомил с Г., 12.4.1925 (Лукницкий П. Н. Acumiana: Встречи с Анной Ахматовой. Т. I: 1924–1925. Paris, 1991. С. 126) известно о мандельшт. попытках избежать общения с Г. (Мандельштам в архиве П. Н. Лукницкого / публ. В. К. Лукницкой, пред. и примеч. П. М. Нерлера // Слово и судьба. С. 115). Позднее А. А. *Ахматова* именно в связи с «топосом» Царского Села писала, что О. М. «люто ненавидел так называемый царскосельский сюсюк Голлербаха и Рождественского» (Ахматова А. Листки из дневника // Ахматова А. Победа над Судьбой. I: Автобиографическая и мемуарная проза. Бег времени. Поэмы / сост., подгот. текстов, примеч. Н. И. Крайневой. М., 2005. С. 109; ср.: Н. М. Т. 1. С. 605; в обоих случаях речь идет, очевидно, об издании: Голлербах Э. Царское Село в поэзии. СПб., 1922). Вместе с тем, по мнению А. Г. Меца, наблюдение Г., сделанное в работе над царскосельской историографией (см.: Голлербах Э. Город муз. Л., 1927. С. 69), стало причиной исправления О. М. фактической неточности в стих. «Царское Село» («Поедем в Царское Село!..», 1912, 1927?) – заменой фигурировавшего там образа улан образом гусаров (ср.: Ахматова А. Листки из дневника. С. 110). [В дневниковой записи 27.11.1927 Лукницкий зафиксировал развернутую ахматовскую оценку этого издания, вряд ли неизвестную О. М.: «Книжка Голлербаха “Город муз” вредна прежде всего потому, что в ней торжествующая пошлость. Вредна еще и потому, что в ней нет ни одной мысли – какое-то сплошное желе (куда ни ткнуть пальцем – всюду будет одинаково неприятно). А кроме всего – образы поэтов, даваемые в ней, совершенно неверны» (Лукницкий П. Н. Acumiana: Встречи с Анной Ахматовой. Т. II: 1926–1927. П.; М., 1997. С. 319). Оставленные самим Г. мемуарные записи об О. М. практически не содержат фактографич. информации и носят исключит. эмоциональный характер. В своих беллетризованных воспоминаниях он иронически передал свои впечатления от общения с О. М.: «К нему бы нужно приставить хорошую русскую няню, которая мыла бы его и кормила <...>. А он читал бы ей за это стихи» (Мандельштам в архиве Э. Ф. Голлербаха. С. 107–108), возможно, ассоциативно связывая их с мандельшт. характеристикой Ф. *Вийона*: «Через всю свою беспутную жизнь он пронес непоколебимую уверенность, что кто-то должен о нем заботиться, ведать его дела и выручать его из затруднительных положений». Одновременно с этим мемуаристу принадлежит противоречивая оценка О. М. как собеседника: «Он немножко бестолковый, иногда точно отсутствующий, иногда панически-озабоченный, но если бывает “в настроении”, то остроумен и весело-гиперболичен. Он на лету схватывает суть вещей, умеет их “узнавать” и каждую осветить по-своему. Он жонглирует парадоксами и метафорами, за которыми не чувствуется ничего устойчивого, если не считать какой-то постоянной “филологической тревоги”» (Мандельштам в архиве Э. Ф. Голлербаха. С. 107). В нач. 1920-х гг. Г. неоднократно обращался к поэзии О. М. в лит.-критич. работах, в частности в заметках «В саду поэзии (О новых книгах стихов)» (Новый мир. [Берлин] 1921. 30 окт. С. 7) и «Дары поэтов (Из петербургских впечатлений)» (Веретено: Лит.-худож. альманах. Кн. 1. Берлин, 1922). В неопубл. эссе «Поэзия фарфора» (1920-е гг.) в связи с одной из основополагающих для поэтики *акмеизма* категорией вещности Г. привлек мандельшт. стих. «На бледно-голубой эмали...» (1909) в качестве примера отражения победы «над темным временем и косным веществом, которая сообщает художественному произведению своеобразную одушевленность» (ГРМ. Ф. 32. Д. 75. Л. 3). 7.5.1928 Г. откликнулся стих. «О. Мандельштаму (на издание его “Стихотворений”, 1928)» на выход 3-го поэтич. сб. О. М. (Мандельштам в архиве Э. Ф. Голлербаха. С. 103–104). Развернутая неподцензурная оценка поэтич. дарования О. М. присутствует в дневниковой записи Г. нач. марта 1939, сделанной в связи с распространившимся известием о смерти О. М.: «Это был, бесспорно, выдающийся поэт, в исключительном даровании которого были проблески гениальности. Стихи его были – “для немногих”. Да и “немногим” они были не до конца ясны. <...> Но дыхание гения в них так явственно!» (Мандельштам в архиве Э. Ф. Голлербаха. С. 110).

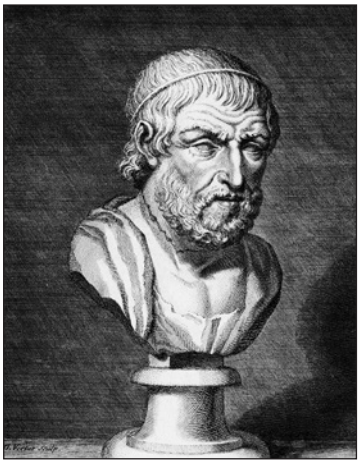
Соч.: Мандельштам в архиве Э. Ф. Голлербаха / публ. и предисл. Е. А. Голлербаха // Слово и судьба.

Архив: РГБ. Ф. 207.

Лит.: Голлербах Е. Латынь советская // Звезда. 1992. № 2.

С. Г. Шиндин.

ГОМЕР (между 1200 и 700 до н. э.), легендарный др.-греч. поэт. Будучи студентом ист.-филол. ф-та *Санкт-Петербургского университета*, О. М. читал «Илиаду» и «Одиссею» как программные произведения по-русски



Гомер

(в переводе Н. И. Гнедича и В. А. Жуковского соответственно) и пытался читать «Илиаду» на языке оригинала (Пиотровский А. И. Театр, кино, жизнь. Л., 1969. С. 361). По воспоминаниям К. В. *Мочульского*, «[ч]тение Гомера превращалось в сказочное событие; наречия, энклитики, местоимения преследовали его во сне и он вступал с ними в загадочные личные отношения <...> Он превращал грамматику в поэзию и утверждал, что Гомер – чем непонятнее, тем прекраснее» (Мочульский К. В. О. Э. Мандельштам // Мандельштам и его время. С. 66). Под влиянием этого чтения написаны два стихотворения, вошедшие в «Камень», 1916, в к-рых прямо названо имя Г.: «Есть иволги в лесах, и гласных долгота...», 1914; «Бессонница. Гомер. Тугие паруса...», 1915 (подробнее см.: Нильссон Н. «Бессонница...» // Мандельштам и античность; Тарановский. С. 98; Террас В. Классические мотивы в поэзии О. Мандельштама // Мандельштам и античность). Во втором из этих стихотворений подразумевается перечисление наварх, приведших свои корабли под Трою (из 2-й песни «Илиады»). В эссе «О природе слова» (1921–22) О. М. дополнил именем Г. представленный в манифесте Н. С. *Гумилева* «Наследие символизма и акмеизм» (1912) список авторов, повлиявших на становление поэтики *акмеизма*: «Акмеистический ветер перевернул страницы классиков и романтиков, и они раскрылись на том самом месте, какое всего нужнее было для эпохи <...> Раскрылись ямбы Шенье и гомеровская “Илиада”» (здесь поэт намекает не только на собств. произведения, но и на стих. Гумилева «Современность», 1911). В набросках к «Заметкам о Шенье» (1922) О. М. упоминает стих. А. *Шенье* «L'Aveugle», написанное о Г. Еще одним посредническим звеном между О. М. и Г. послужили ст. В. И. *Иванова* «Эпос Гомера» (1912) (Левинтон Г. А. «На каменных отрогах Пиэрии» Мандельштама: материалы к анализу // RL. 1977. Vol. 2), а также две книги Ф. Ф. Зелинского: «Древнегреческая религия» (1918) и «Религия эллинизма» (1922) (Тарановский. С. 97). Мотивы, восходящие к античной мифологии в изложении Г., встречаются в стих. О. М. «Золотистого меда струя из бутылки текла...», 1917 [не только финал, но и строка «Всю дорогу шумели морские тяжелые волны», отсылающая к «Илиаде» (Аверинцев С. С. «Золотистого меда струя из бутылки текла...» // Столетие Мандельштама. С. 19; см. также: Левин Ю. И. Заметки о «крымско-эллинских» стихах О. Мандельштама // Мандельштам и античность)] и в его стих. «Вернись в смесительное лоно...», 1920 (подробнее см.: Тарановский. С. 91), «Я в хоровод теней, топтавших нежный луг...», 1920 (подробнее см.: Ронен О. Поэтика Осипа Мандельштама. СПб., 2002. С. 23), «Нашедший подкову», 1923 (подробнее см.: Черашняя Д. И. Поэтика Осипа Мандельштама. Субъектный подход. Ижевск, 2004. С. 73), «1 января 1924» (подробнее см.: Ronen O. An approach to Mandelstam. Jerusalem, 1983. P. 327), «Я скажу тебе с последней прямотой...», 1931 и «Гончарами велик остров синий...», 1937. Полемично по отношению к гомеровскому варианту троянского мифа стих. О. М. «За то, что я руки твои не сумел удержать...», 1920 (Гаспаров М. Л. «За то, что я руки твои...» – стихотворение с отброшенным ключом // Мандельштам и античность). В CLXXXVIII строфе «Песни о Роланде», в отрывках переведенной О. М., встречаем строку: «Старше Вергилия и Гомера времен». Г. подразумевается в следующих строках стих. О. М. «На каменных отрогах Пиэрии...», 1919: «Чтобы, как пчелы, лирники слепые // Нам подарили ионийский мед» (Тарановский. С. 127). В мотиве «Народа-Гомера» из стих. О. М. «Когда б я уголь взял для высшей похвалы...», 1937 отразился «культ фольклора в сталинской культурной программе» (Гаспаров. 1996. С. 98). В набросках к «Разговору о Данте» (1933) О. М. формулирует, в чем состоял гл. вклад Г. в сокровищницу мировой культуры: «Сила культуры – в непонимании смерти, – одно из основных качеств гомеровской поэзии. Вот почему средневековье льнуло к Гомеру и боялось Овидия». В качестве провозвестника мировой культуры рядом с *Овидием* и А. С. *Пушкиным* (как ярчайшим представителем рус. культуры) Г. фигурирует в эссе О. М. «Слово и культура» (1921): «Зато сколько радостных предчувствий: Пушкин, Овидий, Гомер». Традиционное восприятие автора «Илиады» как родоначальника европ. культуры и литературы позволило О. М. в статьях и рецензиях сопоставлять с Г. поэтов и прозаиков самых разных направлений, школ и масштабов. В ст. «О природе слова» констатируется, что У. Уитмен «стал давать имена вещам» и «дал образец первобытной, номенклатурной поэзии, под стать самому Гомеру»; в заметке «Новые произведения Жюля Ромэна» (1924) упоминается «“Гомер производственной техники”, ее эпический изобразитель – Пьер Амп», а во внутренней рец. О. М. (1926) на роман Ж. Жироду «Эльпенор» определяется как «ироническая прогулка современного француза по морям и гротам “Одиссеи”, как бы попытка расслышать в рокоте Гомера диссонансы и полутона». См. также в «Путешествии в Армению» (1931–32) о Севане: «Весь остров по-гомеровски усеян желтыми костями – остатками богомольных пикников окрестного люда». В личной библиотеке О. М. имелось издание: Гомер. Илиада / пер. Н. И. Гнедича. СПб., 1861 (см.: Фрейдин Ю. Л. «Остаток книг»: Библиотека О. Э. Мандельштама // Слово и судьба. С. 238; Н. М. Т. 1.).

Лит.: Тарановский К. Ф. О поэзии и поэтике. М., 2000.

О. А. Лекманов, при участии Г. С. Зобина.

ГОРЛИН Александр Николаевич (1878–1938), издательский деятель, редактор, журналист и переводчик. Доктор естеств. наук Льежского ун-та (Бельгия). В 1918–21 редактор в журнале Коминтерна «Коммунистич. интерна-

ционал», затем в *Госиздате* и изд-ве «Academia»; в сер. 1920-х гг. гл. ред. отдела иностр. литературы Ленгиза, где печатал свои переводы и О. М., с к-рым Г. связывали приятельские отношения. Впоследствии Н. М. вспоминала о «петербургских идиллиях с хождениями к Горлину». О. М. считал Г. «крупнейшим специалистом по переводческому делу», сумевшим «поднять переводческий отдел Ленинград-Гиза на должную высоту». Г. посвящена шуточная «Баллада о горлинках», написанная О. М. в соавт. с Б. К. *Лившицем*: «Князь Гиза, слышишь: к переменке / Поет бухгалтер соловьем: / “Кто на кредитки пялит зенки? / Мы только горлинки берем!”». Под «горлинками» здесь подразумеваются гонорары, к-рые после закрытия изд-ва *«Всемирная литература»* выдавались авторам по распоряжению Г. В 1928 Г. попытался выступить посредником в конфликте между О. М. и А. Г. *Горнфельдом*, однако успеха не имел.

О. Я. Алексеева, П. М. Нерлер.

ГОРНУНГ Борис Владимирович (25.12.1899, Москва – 2.10.1976, там же), лингвист, литературовед, поэт, переводчик. В 1920-х гг., в период работы науч. сотрудником Гос. академии худож. наук, один из создателей неофиц. лит.-филос. изданий (машинописные журналы «Гермес», «Гиперборей», альманах «Мнемозина»). Личное знакомство с О. М. произошло в 1923 во время подготовки семинара по поэтике в Моск. лингв. кружке (МЛК; Г. – учен. секретарь). Сохранилась записка 1924 О. М. к Г. об участии в заседаниях МЛК. В дальнейшем их встречи продолжались до нач. 1930-х гг., в частности, в связи с неосуществившимися общими (с участием Б. К. *Лившица*, А. И. *Ромма* и др.) планами выпуска в *Госиздате* библиотеки переводов шедевров мировой литературы. По делу об обвинении О. М. в плагиате у А. Г. *Горнфельда* и В. Н. Карякина Г. выступал в нарсуде как офиц. эксперт от Союза писателей, доказывая отсутствие плагиата в переводах О. М. В своих стихах Г. неоднократно обращался к образу О. М. (см. стих. Г. «С утра вино, а с вечера похмелье...», «Вариации собственных тем на чужих инструментах», «Мы снова встретились, учитель мой унылый...», «Послание А. И. Ромму»; «Весна 1966 года»). В обзорах и рец. в изданиях 1920-х гг., сохранившихся рукописях и более поздних статьях много внимания уделено поэтике О. М., к-рого Г. считал своим учителем в стихосложении. О. М. посвятил братьям Г. шуточное стих. «У вас в семье нашел опору я...».

Соч.: Поход времени. М., 2001.

Лит.: Горнунг М. Б. Материалы к биографии О. Э. Мандельштама в архиве Б. В. Горнунга // СМР. Вып. 3/2. С. 151.

М. З. Воробьева.

ГОРНУНГ Лев Владимирович (7.10.1902, Москва – 14.10.1993, там же), поэт, переводчик, мемуарист, фотограф-художник. В нач. 1920-х гг. Г. первым в Москве, наряду с П. Н. Лукницким в Петрограде, начал детально изучать жизнь и творчество Н. С. *Гумилева*. Это способствовало знакомству Г. с А. А. *Ахматовой*. Знакомство с О. М. состоялось в кон. июля 1923, когда Г. принес О. М. домой, на Тверской бул., свои стихи. Сохранилось письмо О. М. к Г. этого времени, содержащее отзыв о стихах Г., а также размышления об *акмеизме* [анализ этого письма О. М. см.: Лекманов О. А. Письмо о русской поэзии (К теме «Мандельштам и Гумилев») // Смерть и бессмертие поэта. С. 131–33]. Позже они встречались неоднократно как в дом. обстановке, так и на вечерах поэзии. Дневники Г., к-рые он вел почти 30 лет начиная с 1920-х гг. – ценный источник сведений о культурной жизни Москвы тех лет. С кон. 1970-х гг. под диктовку Г. был записан и затем опубликован ряд его воспоминаний, в т. ч. об О. М., к-рому Г. посвятил два стих. («Высокое косноязычие» и «Встречались мы случайно и немного...»).

Соч.: Немного воспоминаний об О. Мандельштаме // ЖиТМ. Горнунг Л. В. Упавшие зерна. Горнунг А. В. Бегущие ландыши. М., 2004.

М. З. Воробьева.

ГОРОД, одна из центр. категорий худож. мира О. М., важнейший элемент в мандельшт. системе образов, выступающий как форма конкретного выражения категорий *пространства*, истории и культуры. Образ Г. устойчиво присутствует на протяжении всего творч. пути О. М. и формируется как комбинация топографич., культурно-ист. и личностно-экзистенц. составляющих.

Г. в худож. модели мира О. М. выступает как главный медиатор, «посредник» между человеком и пространственно-врем. континуумом, выполняя функцию упорядоч., космич. начала. Исключит. роль при формировании урбанистич. составляющей худож. мира О. М., безусловно, сыграла биогр. «география», формировавшаяся как под воздействием ист.-социальных реалий, так и под влиянием его личностной индивидуальности. Неслучайно именно конкретные формы прямого «диалога» с Г. определены О. М. в качестве одной из гл. характерологич. черт уже человека европ. *Средневековья*; см. (с безусловной допустимостью автобиогр. проекции) в «Разговоре о Данте» (1933): «Городолюбие, городострастие, городоненавистничество – вот материя inferno. <...> Для изгнанника свой единственный, запрещенный и безвозвратно утраченный город развеян всюду – он им окружен». Сам О. М. отчетливо осознавал свою связь с Г., оставаясь убежденным горожанином, см. относящееся к осени 1928 свидетельство мемуариста о его реакции на сельский пейзаж: «слякоть, уныние, убогие здания <...> – он ненавидел все это! “Я – горожанин”, – заявил он» (Герштейн. С. 11). Е. Э. *Мандельштам*, вспоминая об относящемся к весне–лету 1918 эпизоде создания студенч. сельскохозяйств. артели под Лугой, упомянул приезд туда О. М., охарактеризовав его как «сугубо городского человека», к-рый «с трудом, страшно уставая, выдержал три дня и, вконец измученный, уехал в Петроград». Симптоматична и оценка совершенно стороннего наблюдателя – молодого воронежского поэта после поездки с О. М. по районам области (очевидно, в июле 1935), так охарактеризовавшего его: «Урбанист он, не примет <...> деревенского, нет, не примет» (Кретова О. К. Горькие страницы памяти // ЖиТМ. С. 37). Как логическое следствие – высокий при всей его амбивалентности ценностный статус мотива возвращения в родной город: «Я вернулся в мой город, знакомый до слез»; «Я возвратился, нет – читай: насильно / Был возвращен в буддийскую Москву». Формирование урбани-

стич. начала в худож. мировоззрении О. М. явно определяется биографич. факторами; обращаясь в «Шуме времени» (1923–24) к самым первым своим дет. впечатлениям, О. М. писал о *Павловске*: «Вышло так, что мы <...> круглый год на зимней даче жили в старушечьем городе, в российском полу-Версале, городе дворцовых лакеев, действительных статских вдов, рыжих приставов, чахоточных педагогов». Инфантильная форма восприятия Г. отражена в повести «Египетская марка» (1927) в связи с ее «главным героем», к-рый «думал, что Петербург – его детская болезнь и что стоит лишь очухаться, очнуться – и наваждение рассыплется»; ср. в стих. «С миром державным я был лишь ребячески связан...» (1931): «Так отчего ж до сих пор этот город довлеет / Мыслям и чувствам моим по старинному праву?»; сюда же может быть отнесено и определение *Батуми* как «маленького, почти игрушечного городка». «Детскую» основу мандельшт. восприятия *Петербурга* отметила и А. А. *Ахматова*, выделившая в «Шуме времени» «великолепие военной столицы, увиденное сияющими глазами пятилетнего ребенка» и назвавшая О. М. «последним бытописателем Петербурга – точным, ярким, беспристрастным, неповторимым» (Ахматова А. [Дополнения к «Листкам из дневника»] // Ахматова А. Победа над Судьбой. I: Автобиографическая и мемуарная проза. Бег времени. Поэмы. М., 2005. С. 128). Как урбаниста О. М. воспринимал Н. С. *Гумилев*, в XXVI «Письме о русской поэзии» (1916), писавший об авторе «Камня»: «Силой вещей, как горожанин, он стал поэтом современного города» (Гумилев Н. С. Собр. соч.: В 3 т. М., 1991. Т. 3: Письма о русской поэзии. С. 159). Подобной оценке придерживались и др. современники; так, в рец. на 2-е изд. «Камня» (1915) Г. О. *Гершенкройн* отметил, что в своих стихах О. М. «чаще становится художником современного города, с его изменившимся пейзажем и обстановкой, кинематографом, блестящей оперой, “вереницей моторов”». Наиб. ценность в этом ряду характеристик приобретает оценка Н. П. Анцыферова: «Вполне чистый образ города, свободный от всяких идей, настроений, фантазий, передает один О. Мандельштам» (Анцыферов Н. П. Душа Петербурга. Пб., 1922. С. 208).

Соответствующие фрагменты мандельшт. творчества органично встраиваются в «петерб.», «моск.», «римский» и «воронежский» тексты рус. культуры, не просто вбирая в себя обязат. характерологич. признаки этих культурных моделей (в т. ч. и пространственные), но и во многом формулируя и программируя их. Собственно говоря, и человек в худож. мире О. М. – прежде всего горожанин; см. «программное»: «Невольно говорим: всемирный гражданин, – / А хочется сказать: всемирный горожанин» (как возможную игру слов ср. старослав. «гражданинъ» “горожанин”); см. характеристику К. Н. *Батюшкова*: «Ты, горожанин и друг горожан». Показательно, что, по относящемуся, вероятно, к кон. 1920-х гг. свидетельству Э. *Герштейн*, во время прогулки по *Москве* О. М. жаловался «на Москву, на ритмы ее уличной жизни, не созданные для духовной жизни человека». С др. стороны, и элементы космоса могут осознаваться как наделенные «городской» природой: «городская выходит на стогны луна»; «Луна, – без Рима, жалкое явленье» и др. Именно в силу этих причин образ Г. входит в число важнейших смысловых категорий мандельшт. поэтики и «выступает не как реалия, подлежащая описанию, но изначально как самостоятельный текст со своей структурой и семантикой, подлежащий не описанию, а “цитированию”» (Левинтон Г. А. Маргиналии к Мандельштаму // Поэтика и текстология. С. 98).

Худож. образу Г. свойственны практически все признаки и качества, к-рыми обладает в модели мира О. М. пространство. Как урбанистич. форма последнего Г. оказывается исключительно способным к пребыванию в динамич. состоянии, – такова Москва, к-рая «то сжимается, как воробей, / То растет, как воздушный пирог». Именно этим качеством Г. может объясняться его способность быть «вместилищем» пространства, – как, напр., Москва в очерке «Холодное лето» (1923): «Город раздается у Спасителя ступенчатыми меловыми террасами, меловые горы врываются в город вместе с речными пространствами»; см. о *Киеве*: «Пространство врывается в город со всех сторон»; ср.: «Сухум <...> всасывает в себя <...> большую дуговину моря, раздышавшись своей курортно-колониальной грудью». Такая оценка находит предельное выражение в черновых набросках к «Разговору о Данте», содержащих «наглядный пример, охватывающий почти всю “Комедию” в целом. – Inferno – высший предел урбанистических мечтаний средневекового человека. Это в полном смысле слова мировой город. <...> Если на место Inferno мы выдвинем Рим, то получится не такая уж большая разница»; ср. транспонирование подобных семантич. качеств образа Г. в сферу астральной метафорики: «И висят городами украденными <...> / Растяжимых созвездий шатры, / Золотые созвездий жиры».

Потенциальную «компрессированность» гор. пространства О. М. осознавал совершенно явно: в очерке «Шуба» (1922) он наделил этим признаком обобщ. образ рос. Г., наполнив его положит. семантикой: «Хочется мне на Крещатик, на Арбат, на Пречистенку. Хочется и в Харьков, на Сумскую, и в Петербург на Большой проспект, на какую-нибудь Подрезову улицу. Все города русские смешались в моей памяти и слиплись в один большой небывалый город <...> где Крещатик выходит на Арбат и Сумская на Большой проспект. – Я люблю этот небывалый город больше, чем настоящие города порознь <...> словно в нем родился, никогда из него не выезжал»; ср. в «Разговоре о Данте»: «Inferno – это ломбард, в котором заложены без выкупа все известные Данту страны и города». Способность Г. к «сжиманию» проявляется именно в пространств. формах – см. самоощущение автора в «Путешествии в Армению» (1931–32): «Конец улицы, как будто смятый биноклем, сбился в прищуренный комок, – и все это <...> было напихано в веревочную сетку»; ср. метафорич. «сужение» Петербурга: «В Петербурге жить – словно спать в гробу»; *Батума*: «Бегаешь по нему, как по комнате», – и *Воронежа*: «И переулков лающих чулки, / И улиц перекошенных чуланы». Собственно архит. аспект «сворачиваемости» Г., его центростремит. организации отражен при характеристике Петербурга в заметке «Кровавая мистерия 9-го января» (1922): «Архитектурная идея Петербурга неизбежно приводит к представлению мощного центрального единства. Всеми своими улицами <...> Петербург естественно течет в мощный гранитный водоем Дворцовой площади»; и там же: «весь Петербург, грязный, желтый, кирпичный, с домами-ящиками, с лачугами, фабриками и пустырями <...> со всех сторон пошел <...> к Дворцовой площади».

Одноврем. с этим Г. в мандельшт. мире обладает способностью к расширению, разрастанию; именно так представлен в поэзии О. М. Рим, к-рый «всегда с поэтом, он как бы разлит в мире и в любом месте может быть вызван, стать. <...> Рим не только и не столько город, сколько вселенная, мир, природа» (Т о п о р о в В. Н. К исследованию анаграмматической структур (анализы) // Исследования по структуре текста. М., 1987. С. 210–211; ср.: П ш и б ы л ь с к и й. С. 35 сл.); см., напр.: «Не город Рим живет среди веков, / А место человека во вселенной»; «Природа – тот же Рим и отразилась в нем. / Мы видим образы его гражданской мощи / В прозрачном воздухе, как в цирке голубом, / На форуме полей и в колоннаде рощи» и др. Наиб. полным отображением подобных представлений становится урбанистич. пассаж в «Разговоре о Данте», где Г. практически уравнивается с космосом, становится равновелик ему. Итальянские города у Данта – Пиза, Флоренция, Лукка, Верона – эти милые гражданские планеты – вытянуты в чудовищные кольца, растянуты в пояса, возвращены в туманное, газообразное состояние». Характерна в этом контексте и характеристика центра Москвы: «Здесь сердце города раздувает мехи»; ср. передачу близких детских впечатлений в «Шуме времени»: «весь массив Петербурга, гранитные и торцовые кварталы, все это нежное сердце города, с <...> кариатидами Эрмитажа <...> я считал чем-то священным и праздничным».

Глубоко индивидуальным признаком образа Г. в мандельшт. модели мира выступает наделение его качеством пустоты (характерным и для пространства в целом), что находит прямые биографич. параллели; так, по свидетельству Н. М., во 2-й пол. 1921 в Закавказье О. М. «твердо решил не возвращаться в Петербург – этот город для него внезапно опустел». В абсолютном большинстве случаев признак пустоты прямо или опосредованно соотносится с категориями смерти, ущербности, недостатка, направл. на человека, как, напр., в главе «Москва» «Путешествия в Армению»: «Я благодарил свое рождение за то, что я лишь случайный гость Замоскворечья и в нем не проведу лучших своих лет. Нигде и никогда я не чувствовал с такой силой арбузную пустоту России» (ср. изображение торг. района Батуми: «Целые кварталы мертвы, как пустыня. Это специальные кварталы лавок у моря. Целые улицы, потухшие, во тьме, с наглухо закрытыми – железными тяжелыми висячими замками – ставнями». Данный признак прямо и опосредованно переносится в сферу культуры, см. характеристику моноспектакля В. Н. *Яхонтова* в одноим. очерке (1927): «Основная тема “Петербурга” – это страх “маленьких людей” перед великим и враждебным городом <...> страх пространства, стремление заслониться от набегающей пустоты»; ср. ощущения героя пов. «Египетская марка» Парнока: «Он подходил к разведенным мостам, напоминающим о том, что все должно оборваться, что пустота и зияние – великолепный товар». Отчетливее всего негативная природа пустоты проявляется в случаях «поглощения» ею пространства и его объектов – петерб. Дворцовой пл. в очерке «Кровавая мистерия 9-го января» («царь рухнул, дворец стал гробом и пустыней, площадь – зияющим провалом») или России в картине мира одного из героев «Феодосии» (1923–24) («в этом ландшафте был провал, образовавшийся на месте России. Черное море надвинулось до самой Невы; густые, как деготь, волны его лизали плиты Исаакия». Даже в ситуации, объективно испытывающей воздействие «культурософской», в т. ч. и внетекстуальной, семантики, пустота через категорию утраты связывается с негативным началом, см. о т. н. периоде «*Дома искусств*»: «Это была суровая и прекрасная зима 20–21 года <...> и я жалею о ней, вспоминая о ней с нежностью. Я любил этот Невский, пустой и черный, как бочка, оживляемый только глазастыми автомобилями и редкими, редкими прохожими, взятыми на учет ночной пустыней». Качество пустоты может переноситься и в событийный план – см. в черновых набросках к «Молодости Гете»: «События? Какие могут быть события в феодальном немецком городке?»

Важной содержат. особенностью худож. мира О. М. является повыш. степень антропоморфизации Г., наделение его качествами и признаками, присущими только человеку, что находит широкие соответствия в мифопоэтич. традиции. Эта смысловая модель может достигать у О. М. предельных форм, когда Г. прямо именуется человеком: «морщинистых лестниц уступки <...> / Поднял медленный Рим-человек»; ср. более опосредованное: «И ты, Москва, сестра моя, легка, / Когда встречаешь в самолете брата»; «Твой брат, Петрополь, умирает», – и именование Батуми: «город без национальности». (Ср. зеркальную ситуацию метафорич. «отождествления» человека с Г., отображенную в максимально личностном контексте – мандельшт. письме Н. М. 28.4.1937: «Я завидую всем, кто тебя видит. Ты моя Москва и Рим <...> Я тебя наизусть знаю»). Развернутые случаи полного уподобления пространств. форм человеку встречаются довольно редко – см., напр., характеристику Каменноостровского просп. в «Египетской марке» (1927): «Это легкомысленный красавец, накрахмаливший свои две единственные каменные рубашки, и ветер с моря свистит в его трамвайной голове. Это молодой и безработный хлыщ, несущий под мышкой свои дома, как бедный щеголь свой воздушный пакет от прачки». Как правило, уподобление Г. человеку происходит и по сходству «совершаемых» им действий: «Весь Петербург <...> пошел <...> к Дворцовой площади»; см. о Киеве: «Глубоким тройным дыханием дышит украинско-еврейско-русский город», – и о Риме: «Город, любящий сильным поддакивать»; ср.: «Пусти меня, отдай меня, Воронеж: / Уронишь ты меня иль проворонишь, / Ты выронишь меня или вернешь»; «Не город Рим живет среди веков, / А место человека во вселенной»; «Спящий город в сияньи луны» и т. п. В макс. степени это качество свойственно Москве, по отношению к к-рой оно выступает в роли своего рода «дифференциального признака»: «Москва слышит, Москва смотрит, / Зорко смотрит в явь»; Москва «сегодня в няньках. / Все мечется. На сорок тысяч люлек / Она одна – и пряжа на руках»; «Все, чем Москва омоложена, / Чем молодая расширена, / Чем мировая встревожена, / Грозная утихомирена». В этот смысловой ряд встраивается и метафорич. «наделение» Г. душой – см.: «город без души немыслим – и освобожденная новая душа Петербурга <...> уже бродила на снегах»; у Киева «большая и живучая коллективная душа» <...> и др.

Признак схожести может затрагивать только отд. аспекты, когда опред. антропоморфные, «телесные» признаки, свойства и качества распространяются на Г. и его пространств. составляющие: «Как на Каме-реке глазу темно, когда / На дубовых коленях стоят города»; «Ах, Эривань, <...> / Улиц твоих большеротых кривые люблю вави-

лоны»; «Рафаэль <...> в Москве души не чает / За карий глаз»; «жить нам в Москве, сероглазой и курносой»; см. о *Ессентуках*: «Лицо города спрятано в густой листве, как женское лицо за покрывалом. Такое впечатление, во всяком случае, производит большинство улиц»; ср. образ «городов бородатых востока», а также: «Мне Тифлис горбатый снится»; «чувствует город свои деревянные ребра» и т. п.; см. в «детском» стих.: «Городок внутри рояля. / Целый город костяной». Еще более слабая форма антропоморфизации – наделение Г. характеристиками, устойчиво применяемыми только по отношению к человеку (в т. ч. и признаками родства), см. о *Париже*: «Течет рассказ подков / По звучным мостовым прабабки городов»; о Петербурге: «Самолюбивый, проклятый, пустой, моложавый» (ср. образ петербургской «бесстыжей [весенней] мостовой» в черновых вариантах «Египетской марки»); о *Воронеже*: «А город от воды ополоумел: / Как он хорош, как весел, как скуласт», «Открытый город сумасбродно цепок»; ср. образ «города немого» и т. п. Прямым следствием антропоморфизации Г. является придание ему статуса своеобр. участника диалога с лирич. героем текста, см. многочисл. случаи прямого обращения к Г.: «Ах, Эривань, Эривань! Иль птица тебя рисовала»; «Пусти меня <...> Воронеж»; «И ты, Москва» и особенно: «Петербург! Я еще не хочу умирать» из стих. «Ленинград» («Я вернулся в мой город, знакомый до слез...», 1930), строящегося как диалог лирич. героя, собеседником к-рого выступает сам Г. (если второе и третье двустишия интерпретировать как «реплики» Петербурга). Такого рода смысловые конструкции связаны еще с одним индивид. качеством, к-рым обладает Г. в худож. мире О. М., – семантизацией, наделением смыслом и, как следствие, собств. «языком», см. метафорич.: «Язык булыжника мне голубя понятней, / <...> течет рассказ подков / По звучным мостовым»; «Хищный язык городов глинобитных, / Язык голодающих кирпичей»; ср.: «И вы, часов кремлевские бои, – / Язык пространства, сжатого до точки».

Глубоко переосмысленная, максимально метафоризир. форма антропоморфизации Г. может рассматриваться как специфическая для мандельшт. мира смысловая модель «наделения» улиц именами реальных людей, связанных с миром культуры, что объективно повышает семиотич. статус гор. пространства (ср.: «Пусть имена цветущих городов / Ласкают слух значительностью бренной»). Первонач. такого рода «номинация» происходит в шуточных стихах; см. обращенное к В. А. *Рождественскому*: «Пушкин имеет проспект, пламенный Лермонтов тоже. / Сколь же ты будешь почтен, если при жизни твоей / Десять Рождественских улиц!..», а позднее приобретает личностный характер: «Это какая улица? / Улица Мандельштама. / Что за фамилия чортова – / <...> Криво звучит, а не прямо. // <...> И потому эта улица / Или, верней, эта яма / Так и зовется по имени / Этого Мандельштама...» [последний фрагмент из текста апреля 1935, возможно, восходит к 6-му «парусу» «Детей Выдры» В. *Хлебникова*: «На острове вы. Зовется он Хлебников» (Х л е б н и к о в В. Творения. М., 1987. С. 453); именно это произведение приблизительно одноврем. с написанием «Это какая улица...» читал О. М. С. Б. *Рудаков* (письмо жене от 1.6.1935)]. В таком контексте допустимым представляется сопоставление метафорич. номинации Киева: «по улицам Киева-Вия» с предельно значимым для О. М. именем Ф. *Вийона*, особенно учитывая, какое место занимал образ последнего в мандельшт. поэзии 1930-х гг. В этом же контексте может быть рассмотрена реакция О. М. на акцентирование «анонимности» улицы, присутствующая в его письме Н. М. 27.2.1926: «Лекарство почти достал на проспекте Юных Пролетариев (?)».

В отличие от пространства как такового, практически всегда имеющего в мандельшт. мире положит. значение, образу Г. свойственна исключит. оценочная амбивалентность, что мотивирует формирование устойчивого набора семантич. операторов, способных переводить Г. с одного полюса ценностной шкалы на другой. Можно выделить три наиб. общих класса таких элементов, к-рые определяют пространств., культурно-ист. и экзистенц. аспекты «городского текста» О. М. Сферу пространств. характеристики Г. составляют, во-первых, «диалог» Г. и космоса и, во-вторых, система отношений между элементами собственно гор. пространства; т. о., первый тип отношений можно рассматривать как отражение внешних, а второй – внутр. свойств и признаков Г. «Диалог» Г. и остального пространства, при всем многообразии своих конкретных воплощений, сводится к двум взаимосвяз. противопоставлениям: центр – периферия и часть – целое, в худож. модели мира О. М., относящимся не столько к пространств., сколько к идеологич., ценностным характеристикам. В тех случаях, когда Г., как и в широкой культурной традиции, выступает в качестве своеобр. центра универсума, он неизменно наполняется сакральным значением: таков Рим, оправдывающий существование остального мира, «семантизирующий» его; такова Москва, ощущаемая как управляющее миром начало («Она, дремучая, всем миром правит»); одновременно с этим, в собственно космологич. плане, Г. – «центр и посредник стихий» (П е т р о в а Н. А. Литература в неатропоцентрическую эпоху. Опыт О. Мандельштама. Пермь, 2001. С. 195).

В соответствии и с реальной топографией, и с универс. мифопоэтич. представлениями, в худож. мире О. М. город-центр вселенной почти обязательно или расположен на горе, некоей возвышенности, или соседствует с ними. Более всего в этой связи показательно соотношение Голгофы и Рима, к-рый «железным кольцом окружил Голгофу: нужно освободить этот холм, ставший греческим и вселенским»; см. о Москве: «На Красной площади земля всего круглей, / И скат ее нечаянно раздольный, / Откидываясь вниз». Соотнесенность с некой возвышенностью обязательно сохраняется для образа Г. и в тех случаях, когда он представлен «малым» центром, – локальным, временным для героя; такой Г. лишь наделен потенц. способностью быть сакральным локусом универсума, что отражено, напр., в развернутом описании *Феодосии*: «Город <...> натягивал воздушные фланги журавлиного треугольника, предлагая мирное посредничество и земле, и небу, и морю. Подобно большинству южнобережных городов-амфитеатров, он бежал с горы овечьей разверсткой, голубыми и серыми отарами радостно-бестолковых домов» (см. так же: «Севастополь предоставлен самому себе <...> от кургана до кургана»; Железноводск «карабкается на высокую гору»; Батуми – Г. «нежных японских холмов»; а также явную проекцию этого признака в сферу культуры: «За нас сиенские предстательствуют горы, / И сумасшедших скал колючие соборы / Повисли в воздухе»; «ясная тоска меня не отпускает / От молодых еще

воронежских холмов / К всечеловеческим, яснеющим в Тоскане» и др. При этом в мандельшт. мире нередки прямые указания на то, что «малый центр» расположен на периферии, чем, с одной стороны, отчасти снимается ее противопоставление центру и, с др. стороны, повышается значимость «осн.» центра», от к-рого герой в силу к.-л. причин оторван или к-рый оказывается для него недосягаем: «Недалеко до Смирны и Багдада, / Но трудно плыть»; «А Москва / так близко, хоть влюбись / В дорогую дорогу»; «Пусти меня, отдай меня, Воронеж». Г. может не только отстоять от сакрального центра универсума, но находиться на границе, конечном рубеже мира – именно так располагается «город-государство» *Армения*: «Все утро дней на окраине мира / Ты простояла, глотая слезы. // И отвернулась со стыдом и скорбью / От городов бородатых востока»; ср.: «Здесь, Капитолия и Форума вдали, <...> / Я слышу Августа и на краю земли / Державным яблоком катящиеся годы». В обоих случаях – и при периферийном, и при окраинном местонахождении «малого центра» – моделируется отстраненная т. зр. на Г., осознаваемый в качестве центра универсума. Подобный взгляд со стороны – одна из форм реализации идеи удаленности, вынужденной оторванности от Г., символизирующего собой квинтэссенцию мирового начала (пространственного, культурно-ист. и т. п.).

Осмысление Г. и как центра универсума, и как его свернутой модели, сокращенного отображения предопределяется двумя обстоятельствами. Во-первых, безусловно сопричастный миру культуры, он выступает как средоточие ценностей культурного порядка, на к-рые ориентирован худож. мир О. М. Культурная топография Рима, Петербурга, Москвы, Парижа вбирает в себя самые значимые дифференц. признаки каждого из городов, лежащие в сфере религии, истории, архитектуры, литературы, чем актуализируется идея включенности Г. в культурно-ист. перспективу. [Образ Г. используется О. М. и для выражения оторванности амер. цивилизации от широкой культурной традиции; см. в рец. на прозу Д. *Лондона* (1913): «Болезнь Нового Света, тайный недуг больших городов – культурное одичание <...> так легко заблудиться в лабиринте Нью-Йорка или С[ан]-Франциско, в стихийном лесу молодой цивилизации, мощная растительность к-рого непроницаема для живительных лучей культуры».] Во-вторых, в целом ряде ситуаций Г. и отд. его пространств. составляющие наполняются природной семантикой, «деурбанизируются», в результате чего универс. для всех традиций противопоставление природы и культуры в изв. степени нейтрализуется. В подобной ситуации образ Г. испытывает амбивалентное семантич. наполнение, при к-ром его оценочные характеристики оказываются двуаспектны; см. изображение послерев. Петербурга в ст. «Слово и культура» (1921): «Трава на петербургских улицах – первые побеги девственного леса, к-рый покроет место современных городов. Эта яркая, нежная зелень <...> принадлежит новой одухотворенной природе. Воистину Петербург самый передовой город мира <...> веселой травкой, к-рая пробивается из-под городских камней». Т. о., Г. в модели мира О. М. оказывается своего рода квинтэссенцией двух важнейших начал – природного и культурного, что практически безгранично расширяет смыслопорождающие возможности этого образа и переводит в макс. высокий ценностный ранг.

Деурбанизация Г., являющаяся важной отличит. чертой худож. мира О. М., осуществляется посредством прямого соединения этого образа с орнито- и зооморфной метафорикой. Широко представлены случаи использования орнитоморфной символики (вообще исключительно актуальной для мандельшт. творчества), когда отд. элементы гор. пространства наделяются птичьими признаками: «Здесь камни – голуби»; «разъезды скворчащих трамваев», а Г. в целом уподобляется птице: Москва «сжимается, как воробей»; «Воронеж – ворон». Присутствие птиц становится обязат. признаком Г.: в Москве «птичьих стай густые перелеты»; «Я к воробьям пойду»; «посмотрю, как живет в Эривани синица», – вплоть до введения образов птиц, не соотносящихся с гор. пространством: «плачет кукушка на каменной башне своей»; «скоро / Безумный петел прокричит». В результате меняется и восприятие Г., приобретающего черты «обиталища» птиц: Троя – «высокий Приамов скворешник»; «дома – как голубятни»; ср. характерное описание поездки по Москве: «По переулочкам, скворешням и застрехам»; более того, образ птицы может наделяться своего рода демиургич. по отношению к Г. природой, см. о Риме: «Город, ласточкой купола лепленный» и о *Ереване*: «Эривань! Иль птица тебя рисовала». Использование зооморфной (в самом широком смысле слова) символики также охватывает все уровни восприятия Г.: от наполнения гор. пейзажа зооморфной семантикой: «в Нагорном Карабахе, / В хищном городе Шуше»; «лягушки фонтанов, расквакавшись <...> больше не спят»; «торчат, как щуки, ребрами / Незамерзшие катки»; ср.: «Если дать базару волю, он перекинется в город и город обрастет шерстью» до метафорич. сближения Г. с образом животного: «Дикой кошкой горбится столица»; Москва «в торговле хитрая лисица» и др. вплоть до образа «ремесленного города-сверчка». Соответственно, в такой ипостаси Г. становится местом «обитания» представителей животного мира; см. о Феодосии: «Теплый и кроткий овечий город»; «средиземный радостный зверинец»; ср. «Крутые козьи города, / <...> Овечьи церкви и селенья»; «город ящериц, в котором нет души» и др. В данный смысловой ряд могут быть включены и немногочисл. случаи соединения образа Г. с вегетативным началом; ср., Москва, «дремучая, всем миром правит»; «городская выходит на стогны луна, / И медленно ей озаряется город дремучий»; «гранит зернистый тот / Тень моя грызет очами, / Видит ночью ряд колод, / Днем казавшихся домами».

Конкретные образы, в к-рых субстантивируется внутр. гор. пространство, достаточно устойчивы и многообразны, но набор их не выходит за рамки нормативной гор. топики (площадь, проспект, улица, переулок). Началом, организующим разрозн. элементы гор. пространства, становится образ пути, чья структурообразующая природа в мифопоэтич. традиции проявляется в способности к «интеграции» универсума (см.: Т о п о р о в В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983). Практически во всех случаях пространство Г., в к-ром осуществляется перемещение, или называется прямо, или легко атрибутируется за счет вводимых в текст доминантных признаков или реальных топографич., архит., ист.-культурных ориентиров. Путь, совершаемый героем лирич. текста, актуализирует динамич. аспект восприятия внутригор. пространства: герой-реципиент получает возможность практически «ра-

зом» охватить Г. и все его пространств. составляющие. Идея полного, целостного охвата Г. исключительно важна для О. М.; см., напр.: «Река Москва в четырехтрубном дыме / И перед нами весь раскрытый город: / Купальщики-заводы и сады / Замоскворецкие»; «Весь Батум, как на ладони. Не чувствуется концов-расстояний»; ср. мотив объезда Москвы на трамвае в стихах и прозе нач. 1930-х гг. Каждая из форм перемещения в гор. пространстве имеет самостоят. эмоц. окрашенность, т. к. субъективная оценка Г. начинает распространяться на мир в целом и наоборот, мироощущение героя накладывает свой отпечаток на восприятие единиц гор. топографии.

Мотив пешего движения, как правило, связан с положит. формой пути, выражающей чувство внутр. свободы, независимости, жизн. силы: «Бывало, я, как помоложе, выйду <...> / В широкую разлапицу бульваров»; «То усмехнусь, то робко приосанюсь / И с белорукой тростью выхожу». Несмотря на то что путь героя в таких ситуациях целенаправлен, он кажется свободным движением, прогулкой без опред. цели, выражающей состояние абсолютной свободы, независимости. В противоположность этому конная поездка по Г. почти всегда характеризуется чувством незащищенности, прямо или скрыто грозящей опасности: «Как кони медленно ступают <...> / Чужие люди, верно, знают, / Куда везут они меня»; «Спина извозчика и снег на поларшина: / Чего тебе еще? Не тронут, не убьют». Именно конная поездка оформляется устойчивыми образами, субстантивирующими гор. пространство (мостовая, асфальт и т. п.), и воспринимается исключительно в урбанистич. плане; напр.: «Асфальта черные озера / Изрыты яростью копыт»; «мостовая праздничная глухо / Ленивые подковы отражала»; «течет рассказ подков / По звучным мостовым». Нейтрален по своей оценочности мотив движения по Г. на трамвае, поскольку сам этот образ амбивалентен, а его семантич. наполненность определяется в каждом конкретном случае. Она варьируется достаточно широко (ср.: «Люблю разъезды скворчащих трамваев, / И астраханскую икру асфальта»; «Бестолковое, последнее / Трамвайное тепло» и: «Еще меня ругают за глаза / На языке трамвайных перебранок»; «Я трамвайная вишенка страшной поры / И не знаю, зачем я живу», т. к. трамвай выступает не столько реальным средством передвижения, видом транспорта, сколько одним из характерных классификаторов исторически узнаваемой эпохи, во-первых, и специфич. объектом гор. пространства, его обязат. компонентом, во-вторых (ср. место и функциональную наполненность образа трамвая в стихах О. М. для детей).

Устойчиво закрепл. на протяжении всего творчества О. М. связь образов пути и приводит к тому, что последний, оставаясь пространств. формой, начинает восприниматься как динамич. система, потенциально способная к движению в пространстве, перемещению, см. о Москве: «Мильонами скрипучих арб она / Качнулась в путь»; ср. о Феодосии: «Овечьим стадом ты с горы сбегаешь» и др. На эту же особенность гор. пространства косвенно указывает устойчиво соединяемый с ним образ табора, своего рода компромисс между динамич. и статич. началами (чья неподвижность ощущается как промежуточное, врем. состояние): «Я буду метаться по табору улицы темной»; «Черным табором стоят кареты» и т. п. В свою очередь, идея нестатичности Г. возвращает к типично мандельшт. представлению о возможности «пульсации», уплотнения и расширения гор. пространства.

Лит.: Топоров В. Н. Петербург и «петербургский текст» русской культуры // УЗ Тартуского гос. ун-та. Вып. 664. Тарту, 1984. 18: Семиотика города и городской культуры; Шиндин С. Г. Город в художественном мире Мандельштама: пространственный аспект // RL. 1991. Vol. XXX. № 4; Пшибыльский Р. Рим Осипа Мандельштама // Мандельштам и античность; Фрейдин Ю. Л. Заметки о хронотопе московских текстов Мандельштама // Лотмановский сб. М., 1997. Т. 2; Левинтон Г. А. Город как подтекст (Из «реального» комментария к Мандельштаму) // ΠΟΛΥΤΡΟΠΟΝ: К 70-летию В. Н. Топорова. М., 1998; Гаспаров М. Л., Ронен О. Похороны солнца в Петербурге: О двух театральных стихотворениях Мандельштама // Звезда. 2003. № 5; Черашняя Д. И. Частотный словарь лирики О. Мандельштама: субъектная дифференциация словоформ. Ижевск, 2003; Видгоф Л. М. Москва Мандельштама: Книга-экскурсия. М., 2006; Лекманов О. О трех акмеистических книгах: М. Зенкевич, В. Нарбут, О. Мандельштам. М., 2006. С. 89–93, 104–107; Сурат И. Мандельштам и Пушкин. М., 2009. С. 47–89; Leiter S. Mandel'shtam's Moscow: Eclipse of the Holy City // RL. 1980. Vol. VIII. № 2; Crone A. L., Day J. My Petersburg // Myself: Mental Architecture and Imaginative Space in Modern Russian Letters. Bloomington, 2004.

С. Г. Шиндин.

ГОРОДЕЦКИЙ Сергей Митрофанович (5.1.1884, С.-Петербург – 7.6.1967, Обнинск Калужской обл.), поэт, прозаик, критик, синдик 1-го *«Цеха поэтов»*, лидер *акмеизма*. В 1911–14 регулярно встречался с О. М. на заседаниях «Цеха» и частых совм. выступлениях акмеистов. Ни разу не назвав имени О. М., единственного из акмеистов, в своей программной ст. «Некоторые течения в современной русской поэзии» (1913), дважды отрецензировал 1-е изд. «Камня» (1913; Гиперборей. 1913. № 6. С. 27; Речь. 1913. 17 июня. С. 3). Поощряя «сдержанность и скромность» стихов О. М., оттеняемую авторским «непоколебимым сознанием своей силы», Г. в то же время отмечал, что «словарь» О. М. «не особенно богат», а «синтаксис, при общей архитектурности, кажется несколько капризным». Архит. образностью насыщено посв. «О. Э. Мандельштаму» стих. Г. «Он верит в вес, он чтит пространство...» (1913). О. М. в 1900 – нач. 1920-х гг. внимательно читал произв. Г. и откликался на них в стихах и критич. прозе (см. перечень реминисценций из Г. в стихах О. М.: Лекманов. 2000. С. 12, 60–61). Свой манифест «Утро акмеизма» (1913?) О. М. завершил чуть переиначенной цитатой из стих. Г. «Я созерцал тебя, туманность Андромеды...». В рецензиях на сб. повестей и рассказов Г. «Старые гнезда» О. М. констатировал, что «свободный полет душевной жизни, пламенная и зрелая любовь к России уживаются» в прозе Г. «с унылой покорностью трафаретам отечественной беллетристики» (День. 1913. 21 окт. С. 3). Эта рец. послужила одной из причин постеп. охлаждения взаимоотношений между поэтами. Спустя год после ее опубликования, 21.10.1914, состоялось заседание «Цеха», на к-ром О. М. был временно избран синдиком объединения (вместо отсутствовавшего Г.). «Вдруг является Городецкий. Пошла перепалка, во время которой М[андельшта]м и

Г[ородецкий] наговорили друг другу массу дерзостей и расстались врагами» (Из письма М. А. Долинова Б. А. Садовскому). В заметке «Стихи о войне (*«Аполлон»*)» (Речь. 1914. 3 нояб.) Г. подверг резкой критике воен. стихи О. М., хотя до этой рец. Г., по свидетельству Долинова, «постоянно хвалил» О. М., «где было только можно». Тем не менее интерес к стихам Г. у О. М. сохранился. Так, строка «На крутом зеленом склоне» из стих. О. М. «И поныне на Афоне...» (1915), вошедшего во 2-е изд. «Камня» (1916), представляет собой вариацию строки из стих. Г. «Весна (Монастырская)» (1906): «Крутосклоны зелены». На «Камень» (1916) Г. откликнулся рец., сочетавшей в себе двусмысл. похвалы с двусмысл. личными выпадами: «Он изучил язык. И хотя никаким изучением не заменить природного знания языка, тем не менее стихи Мандельштама вполне литературны» (Лукоморье. 1916. № 18. 30 апр. С. 20). Антисемитская подоплека этого фрагмента отчетливо выявляется при сопоставлении с письмом Г. к В. И. *Иванову* от 3.3.1916, где, по предположению Р. Д. Тименчика, речь идет об О. М.: «О любом жиденке ты говоришь с большим пиэтетом за глаза, чем со мной в лицо». Весной 1916 Г. уехал на Кавказ, где постоянно жил вплоть до осени 1921. Прибыв в Батум в августе 1919, О. М. в переговорах с местными властями о выдаче ему паспорта назвал имя Г. в числе своих друзей («Возвращение»). В июне 1921 О. М. вместе с Н. М. посетил Г. в Баку, и это свидание произвело на обоих супругов удручающее впечатление: Г. «все время балагурил, но так, что показался мне законченным маразматиком» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 58). Вместе с тем, О. М. «явно сочувствовал Городецкому» и в том же 1921 обратил к нему следующие слова: «Вопреки всему-всему я утверждаю, что Городецкий остался верен себе. Узнаю во всем старого Городецкого времен Цеха и акмеизма и с любовью жду и прозреваю будущего Городецкого». В эссе «О природе слова» (1921–22) О. М. ретроспективно полемизировал с Г., попытавшимся «в свое время» «привить акмеизму литературное мировоззрение, “адамизм”, род учения о новой земле и о новом Адаме. Попытка не удалась, акмеизм мировоззрением не занимался». В 1920–30-х гг. в Москве О. М. и Н. М. время от времени обменивались визитами с Г. и его женой, Анной Алексеевной Городецкой. В 1929 в энциклопедич. заметке об акмеизме Г. указал на О. М. как на одного из основателей этой «литературной школы» [Энциклопедический словарь «Гранат». М., 1929. Т. 1-й (доп.). Стб. 289].

Лит.: Тименчик Р. Д. Городецкий С. М. // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1; Он же. Еврейские мотивы в русской поэзии начала XX в. (Три предварительных заметки) // Тыняновский сб. Пятые Тыняновские чтения. Рига; М., 1994. С. 179; Он же. О трудах и днях Ахматовой // НЛО. 1998. № 29; Мец А. Г. Эпизод из истории акмеизма // Пятые Тыняновские чтения: Тез. докладов и материалы для обсуждения. Рига, 1990; Лекманов О. А. Книга об акмеизме и др. работы. Томск, 2000; Аверинцев С. С. Хорей у Мандельштама // СМР. Вып. 3/1; Поликарпов Л. К. Городецкий С. М. // Русские писатели 20 в.: Биографический словарь. М., 2000; Бикбулатова К. Ф. Городецкий С. М. // Русская литература XX века. Прозаики. Поэты. Драматурги. Биобиблиографический словарь. Т. 1. М., 2005.

О. А. Лекманов.

ГОРЬКИЙ Максим (наст. имя, отчество и фам. Алексей Максимович Пешков) (16.3.1868, Н. Новгород – 18.6.1936, пос. Горки Моск. обл.), писатель, публицист, обществ. деятель. В апреле 1917 – июле 1918 ред. газеты *«Новая жизнь»*. В годы Гражд. войны один из инициаторов лит.-обществ. и издат. начинаний (изд-во *«Всемирная литература»*, *Дом литераторов*, *«Дом искусств»* и др.). В 1920 по инициативе и под председательством Г. создана *Центральная комиссия по улучшению быта ученых* (ЦЕКУБУ). В 1921–33 жил в Германии, Чехословакии, затем в Италии. В 1928 посетил родину и с тех пор ежегодно приезжал в СССР (кроме 1931); в 1933 окончательно переехал в Москву. В 1934 усилиями Г. подготовлен и проведен 1-й Всесоюзный съезд советских писателей. В 1930-х гг. Г. стал «официальным классиком» советской литературы. Н. М. вспоминает, что, когда О. М. приехал из врангелевского Крыма в Петроград, у него не было теплой одежды. «В те годы одежду не продавали – ее можно было получить только по ордеру. Ордера на одежду санкционировал Горький. Когда к нему обратились с просьбой выдать Мандельштаму брюки и свитер, Горький вычеркнул брюки и сказал: “Обойдется”».

После пощечины, к-рую О. М. в мае 1934 дал А. Н. *Толстому*, тот ездил жаловаться к Г. в Москву. По воспоминаниям Н. М.: «Вскоре до нас дошла фраза: “Мы ему покажем, как бить русских писателей”... Эту фразу безоговорочно приписывали Горькому».

В нач. 1930-х гг. Н. И. *Бухарин*, желая улучшить положение О. М., намеревался просить помощи у Г. «О. М. тщетно убеждал его, что от обращения к Горькому никакого прока не будет. <...> Бухарин не поверил О. М. и решил предпринять рекогносцировку. Вскоре он нам сказал: “А к Максимычу обращаться не надо”. Сколько я ни приставала, мне не удалось узнать почему» (Н. М.). Однако в письме к Н. М. от 29.12.1935 О. М. спрашивал у нее совета – не следует ли ему обратиться с письмом или телеграммой к Г.

С. Б. *Рудаков* замечает, что строка «воздушно-океанская подкова» в стих. О. М. «Мне кажется, мы говорить должны...» появилась под впечатлением от катастрофы самолета «Максим Горький», произошедшей 18.5.1935. Судя по всему, данное событие отразилось и в стих. «Не мучнистой бабочкою белой...», законченном 30.5.1936; ср. его строки: «Шли товарищи последнего призыва / По работе в жестких небесах...».

Кроме того, Рудаков пишет о реакции О. М. на смерть Г. (к-рая случилась накануне полного солнечного затмения): «В 9 часов вечера слушали передачу о смерти Горького. Век уходит. Много о нем говорили, и очень глубоко и проникновенно. <...> “И как умер – накануне затмения. Горький в гробу – и затмение”. Потом хватает меня за руку и тащит к окну: “Смотрите: босяк. Горький умер – и идет босяк: таких теперь нет...”».

Вопрос, посылать ли телеграмму. Сочтут, что хочет о себе напомнить. Решил послать брату: “Дни траура Горького прошу снять все личные вопросы. Осип”. Но опять испугался, что звучит как коммерция: “де, придержи”. А выразить хотел свое уважение. Еще давно, в октябре, когда я вспомнил о препирательстве Брюсова с Толстым, он сказал: “Глупо. Это то же, что я с Горьким стал бы – то да се, вот мы не поделили...” Для него Горький (как вообще настоящий писатель) – вне вопроса о том, “хорошо ли писал”. Горь-

кий – это Горький. Об этом же, где рифма “горький – дальнозоркий”» (Рудаков имеет в виду стих. О. М. «Мир начинался страшен и велик...»).

В ст. «Литературная Москва (Рождение фабулы)» О. М. заявлял, что «великолепного Брет-Гарта» предпочитает «беллетристике с психологией», в ряду подобных «беллетристов» назван и Г. В ст. О. М. «Пьер Гамп» о Г. говорится, что тот «своих “босяков” посадил в почетном углу барского дома русской литературы». В ст. «О переводах» О. М. вспоминал об изд-ве «Всемирная литература», называя его «детищем Горького, двоюродной бабушкой ЦЕКУБУ». Кроме того, Г. посвящено двустишие из «Антологии житейской глупости»: «Алексей Максимыч Пешков...».

Е. А. Яблоков.

«ГОСТИНИЦА ДЛЯ ПУТЕШЕСТВУЮЩИХ В ПРЕКРАСНОМ», журнал (Москва, 1922–24), организованный «Орденом имажинистов». Издание задумывалось как регулярный печатный орган, призванный доносить до читателей последние изыскания имажинистов в области философии искусства, освещать актуальные вопросы культуры. В основе названия – идея «метафизических путешествий» по области гуманитарного знания (филология, искусствоведение, философия). Официально журналом руководил Н. П. Савкин, хотя фактически издание редактировал А. Б. Мариенгоф. За время существования журнала было выпущено четыре номера. Среди авторов: С. А. *Есенин*, Р. *Ивнев*, С. Д. Кржижановский, О. М. [стихотворный цикл «Сеновал», ст. «Девятнадцатый век» (1922. № 1. С. 4, 8–11)], Н. Р. *Эрдман* и др.

В. В. Калмыкова.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ («Государственный музей истории литературы им. В. И. Даля»), крупнейший в СССР и России музей истории отеч. литературы. Образован по инициативе В. Д. *Бонч-Бруевича*. В мае 1931 Наркомпрос РСФСР учредил спец. Комиссию по подготовке и организации Центр. лит. музея в Москве (пред. А. С. Бубнов, зам. пред. Бонч-Бруевич) 3.7.1933 организован Центр. музей худож. литературы, критики и публицистики, к-рый в 1934 объединен с Лит. музеем при Всесоюзной библиотеке им. В. И. Ленина под общим назв. Гос. лит. музей (ГЛМ; первый дир. Бонч-Бруевич, до 1940). Всего за неск. лет архивное собрание ГЛМ превратилось в крупнейшее в СССР. В этом успехе свою роль сыграли не только активность и целеустремленность директора, но и общая обстановка в стране в 1930-х гг., когда люди старались избавиться от личных архивов. Кроме того, ГЛМ вел издат. деятельность: опубл. ряд серий – «Звенья.: Сб-ки материалов и документов по истории литературы, искусства и обществ. мысли XIX в.» (1932–51), «Летописи Гос. лит. музея» (1936–48), «Бюллетени Гос. лит. музея» (1935–49; последние 3 вып. под назв. «Каталоги»), выпускал открытки с портретами писателей; вел выставочную и экскурсионную работу. В мае–июне 1941 441 личный фонд (ок. 3 млн ед. хр.) из архивного собрания ГЛМ передан в специально для этого созданный Центр. гос. лит. архив при Гл. архивном управлении НКВД РСФСР, на их основе создан Центр. гос. архив литературы и искусства (ЦГАЛИ, ныне *Российский государственный архив литературы и искусства*, РГАЛИ). В фондах ГЛМ св. 700 тыс. ед. хр., охватывающих историю рус. литературы с древнейших времен, рукописные и первопечатные книги, прижизн. издания и книги с автографами писателей, личные архивы и фонды деятелей рус. литературы и культуры и др., архивы изд-в, творч. объединений, уникальные фотографии, работы виднейших рус. художников, предметы прикладного искусства, памятники культуры, быта, собрание мемориальных вещей, разл. коллекции, в т. ч. фоно- и видеозаписей. В 1991, год 100-летия со дня рождения О. М., в ГЛМ состоялась первая в мире выставка, посв. жизни и творчеству О. М. 125-летний юбилей поэта ГЛМ такде отметил выставкой под названием «Осип Мандельштам: Я скажу тебе с последней прямотой...»

С. В. Шумихин, И. С. Ряховская, А. Э. Рудник.

ГОТИКА (от *итал.* gotico, букв. готский, *лат.* Gothi – назв. герм. племени готов, вторгшихся в Римскую империю), готический стиль, худож. стиль, ставшийся заключит. этапом в развитии ср.-век. искусства стран Зап., Центр. и частично Вост. Европы (сер. 12 – 16 в.). Термин введен гуманистами эпохи Возрождения как уничижительно-негативное обозначение всего искусства *Средневековья*, по происхождению, мировоззрению и худож. идеологии считавшегося варварским. В искусстве Г. присутствовало неск. типологич. направлений, различаемых по эстетич., технол. особенностям и терр. локализации: «высокая» Г., «цветущая», «пламенеющая», «перпендикулярная», «кирпичная» и др. С нач. 19 в. ист.-искусствоведч. наукой в Г. были выделены ранняя, зрелая (высокая) и поздняя хронологич. фазы.

В мировоззрении и собственно худож. мире О. М. понятие Г. и связанные с ним разнообразные содержат. модели присутствуют в двух формах: с одной стороны, «терминологически» обусловленной, как отражение конкретного социально-ист. периода и фрагмента христ. (католич.) традиции, с др. стороны, в метафорической, предельно расширительной, в качестве культурной парадигмы, проецируемой на современность. Личностным импульсом для формирования такого смыслового комплекса в первую очередь могли выступить биографич. реалии и детские и юношеские впечатления 1900-х гг., связанные с посещениями Латвии, Франции, *Швейцарии*, *Германии* и *Италии*. Понимание Г. не только как завершающего этапа Средних веков европ. цивилизации, но и как органичного перехода в эпоху Ренессанса и затем Просвещения предопределяет мандельшт. наделение ее статусом «нац. сокровищницы», применительно к Франции прямо выраженное в стих. «Франсуа Виллон» [1910 (1912?), 1927]. Более того, с высокой долей вероятности допустимо считать, что категория Г. в худож. мире О. М. синонимична всем формам проявления положит., гуманистич. природы Средневековья.

Восприятие Г. в качестве одного из важнейших социально-культурных феноменов могло напрямую зависеть от филос. взглядов П. Я. *Чаадаева*, в частности изложенных в известном фрагменте [«Об архитектуре»] [при жизни О. М. опубл. как четвертое «Философическое письмо (о зодчестве)»] (см.: Тоддес Е. А. Поэтическая идеология // ЛО. 1991. № 3. С. 33; Гаспаров. С. 26; Ямпольский М. История культуры как история духа и естественная история // НЛО. 2003. № 59. С. 58; Ronen O.

An Approach to Mandel'stam. Jerusalem, 1983. P. 205–207). В нем Чаадаев предпринял попытку доказать «особенную связь между духом египетской архитектуры и духом архитектуры немецкой, которую обыкновенно называют готической <...> как ни удалены друг от друга эти два фазиса искусства <...> между ними есть разительное сходство» (Соч. и письма П. Я. Чаадаева. Т. 2. М., 1914. С. 172). Показательно, что в ст. «Утро акмеизма» (1912, или 1913, или 1914) для выражения акмеистич. мировоззрения О. М. неоднократно употребил образ готической башни, и этой же символикой он воспользовался для метафорич. характеристики чаадаевского мышления: «Или Чаадаев устал? Или его готическая мысль смирилась и перестала возносить к небу свои стрельчатые башни?» Данный образ, очевидно, был навеян упомянутым фрагментом, в к-ром Чаадаев писал: «Среди разнообразных форм, в которые попеременно облекалось искусство, есть одна, заслуживающая <...> особенного внимания, именно готическая башня <...> сильная и прекрасная мысль, одиноко рвущаяся к небесам, не обыденная земная идея, а чудесное откровение <...> увлекающее вас из этого мира и переносящее в лучший мир» (Соч. и письма П. Я. Чаадаева. Т. 2. С. 173–174). Готическая метафорика (образ готической хвои) применительно к чаадаевскому мировоззрению использована О. М. в ст. «Петр Чаадаев» (1914) и сохранена при переиздании в сб. «О поэзии» (М.; Л., 1928), когда текст претерпел значит. авторское редактирование (Слово и культура. 1987. С. 91).

На протяжении всего мандельшт. творчества категория Г. не только остается важнейшим семантическим элементом архитектурной топики, но и используется в самом широком культурно-ист. наборе значений. Л. Я. *Гинзбург* так определила это смыслообразующее явление: «“Готическая динамика” важна Мандельштаму не устремленностью в бесконечность (романтическая трактовка готики), а победой конструкции над материалом». Сам О. М. дал развернутую интерпретацию этого понятия как комбинации физиологич. и динамич. в широком смысле слова начал в связи с фигурой Ф. *Вийона*: «Физиология готики <...> заменила Виллону мировоззрение и с избытком вознаградила его за отсутствие традиционной связи с прошлым. Более того – она обеспечила ему почетное место в будущем <...>. Скажут: что имеет общего великолепная ритмика “Testaments” <...> с мастерством готических зодчих? Но разве готика не торжество динамики? Еще вопрос, что более подвижно, более текуче готический собор или океанская зыбь?» В более общем социально-ист. плане понятие Г. становится для О. М. метафорич. формой выражения понятия «социальной архитектуры», в его положит. ипостаси сформулированного в ст. «Гуманизм и современность» (1922): «Не новая социальная пирамида соблазняет нас, а социальная готика: свободная игра тяжестей и сил, человеческое общество, задуманное как сложный и дремучий архитектурный лес, где все целесообразно, индивидуально и каждая частность аукается с громадой». С др. стороны, в совпадающей по времени написания ст. «Пшеница человеческая» (1922) О. М. отмечал: «Нынешняя Европа – огромный амбар человеческого зерна, настоящей человеческой пшеницы, и мешок с зерном сейчас монументальнее готики». Своего рода комментарий этому содержится в близком по времени написания стих. «Люблю под сводами седыя тишины...» (весна 1921, весна 1922), из к-рого следует, что в метафорич. освещении подобной социально-ист. ситуации началом, «противостоящим готике», становится романский стиль архитектуры: «У Исаака отпеванье. <...> // Соборы вечные Софии и Петра, / Амбары воздуха и света, / Зернохранилища вселенского добра»; ср.: Тодес Е. А. Статья «Пшеница человеческая» в творчестве Мандельштама 20-х годов // Тыняновский сб.: Третьи Тыняновские чтения. Рига, 1988.

Как следствие, устойчивой содержат. моделью становится не только практически обязательное фиксирование готического начала в архитектурных памятниках, но и предельное расширение семантич. границ самого понятия Г. на др. виды искусства, вплоть до определения его в ст. «Утро акмеизма» в качестве основополагающего принципа акмеистич. поэтики: «Сознание своей правоты нам дороже всего в поэзии <...> мы вводим готику в отношения слов». В собственно архитектурном контексте через духовную составляющую Г. определена в мандельшт. стих. «Notre Dame» («Где римский судия судил чужой народ...», 1912) в изображении Собора Парижской Богоматери как формы комбинации природного и культурного начал и соединения древнеегип. и христ. (католич.) традиций: «Стихийный лабиринт, непостижимый лес, / Души готической рассудочная пропасть, / Египетская мощь и христианства робость». Эта формулировка получает расширит. трактовку в ст. «О природе слова» (1920–22), в автокомментарии автоцитаты: «“Души готической рассудочная пропасть” глядит из физиологического понимания искусства»; ср. метафорич. определение «Большого завещания» Вийона: «Архитектурно обоснованное восхождение, соответственно ярусам готического собора». Духовный аспект восприятия Г. сохраняется и при метафорич. изображении зап.-европ. религ. и филос. традиций в связи с личностью Чаадаева: «В лесу социальной церкви, где готическая хвоя не пропускает другого света, кроме света идеи, укрывалась и созревала главная мысль Чаадаева, его немая мысль о России». В неск. ином семантич. ореоле близкая образность повторится позднее в ст. «Vulgata (Заметки о поэзии)» (1922–23) как форма сравнения с чтением стихов Б. Л. *Пастернака*: «Так радовались немцы в своих черепичных домах, впервые открывая свеженькие, типографской краской пахнущие, свои готические библии». Проявление Г. как мировоззренч. и худож. начала О. М. фиксирует и в др. видах искусства, в частности в *музыке* в связи с фигурой И. С. *Баха*, к-рый «утвердил ее в музыке»; в «Путешествии в Армению» (1931–32) в связи с характеристикой Б. С. *Кузина* О. М. отмечал, что он «пуще всего на свете любил Баха, особенно одну инвенцию, исполняемую на духовых инструментах и взвивающуюся кверху, как готический фейерверк». К числу ассоциативно переосмысленных, исключит. метафоризированных форм отражения этой семантич. связи можно отнести и описание музыкальных рукописей: «Нотная страница – это революция в старинном немецком городе».

Лит.: Гаспаров М. Л. Поэт и общество: Две готики и два Египта в поэзии О. Мандельштама // СМР. Вып. 3/1.

С. Г. Шиндин.

ГОТЬЕ (Gautier) Теофиль (31.8.1811, Тарб – 22.10.1872, Нёйи, близ Парижа), франц. прозаик, поэт и критик, духовный лидер «парнасской» школы; одним из первых обосновал теорию «искусства для искусства».

Творчество Г. входило в круг самых активных ист.-лит. интересов Н. С. *Гумилева*; как отмечают совр. комментаторы, он «явился едва ли не главным популяризатором творчества и, главное, имени Готье в русской культуре начала XX века: его усилиями во многом объясняется тот факт, что имя французского писателя <...> стало для читателей 1910-х годов легко “узнаваемым”, благодаря устойчивой связи с реалиями современной им культуры» (Баскер М., Вахитова Т. М., Зобнин Ю. В. и др. Примечания // Гумилев Н. ПСС: В 10 т. Т. 7: Статьи о литературе и искусстве. Обзоры. Рецензии / подгот. текстов и примеч. М. Баскера и др. М., 2006. С. 397). Осенью 1911 Гумилев опубл. ст. «Теофиль Готье» (Аполлон. 1911. № 9), написанную в жанре биографич. очерка, в 1914 перевел и издал сб. его стихов «Эмали и камеи» (1852), названный О. М. в ст. «Жак родился и умер!» (1926) в ряду лучших образцов совр. ему переводов на рус. язык. [Этому факту предшествовал прочитанный Гумилевым в нач. февраля 1913 на заседании *романо-германского кружка* в *С.-Петербургском университете* доклад «“Эмали и камеи” Теофиля Готье» (см.: Отчет о состоянии и деятельности Имп. С.-Петербургского университета за 1913 год. СПб., 1914. С. 384; ср. об этом эпизоде в переписке современников: Мочульский К. В. Письма к В. М. Жирмунскому / вступ. ст., публ. и примеч. А. В. Лаврова // НЛО. 1999. № 35. С. 160), к-рый О. М. вряд ли мог пропустить.] В акмеистич. манифесте Гумилева «Наследие символизма и акмеизм» (1913) Г. упомянут среди четырех «краеугольных камней» *акмеизма* – У. *Шекспира*, Ф. *Рабле* и Ф. *Вийона* – и охарактеризован как поэт, к-рый «для этой жизни нашел в искусстве достойные одежды безупречных форм» (Гумилев Н. ПСС: В 10 т. Т. 7: Статьи о литературе и искусстве. Обзоры. Рецензии / подгот. текстов и примеч. М. Баскера и др. М., 2006. С. 150).

Вероятно, О. М. воспринимал фигуру Г. именно в связи с личностью Гумилева – в шуточном стих. (1915), обращенном к последнему, встречается единств. у О. М. упоминание Г.: «На рубеже двух славных поколений / Забыл о бесхарактерном Верлэне / И Теофиля принял в сонм богов» (1, 160). В свою очередь, интересной типологич. параллелью выступает факт устойчивого соединения имен Г. и О. М. нек-рыми современниками. Так, в рец. на 2-е изд. «Камня» (1915) Г. О. *Гершенкройн* писал, что как поэт О. М. «силен и независим, чтобы, по слову Готье, чеканить монеты своим собственным штампом»; тогда же М. А. *Волошин* в ст. «Голоса поэтов» (1917), открывающейся обширным пассажем о Г. и завершающейся фрагментом о мандельшт. поэзии, упомянул «юношеский, патетически расплавленный голос “Альбертюса”» Г. и отметил, что О. М. признает «только патетическую декламацию; его идеал <...> когда “расплавленный страданьем крепнет голос...”»; статья эта, возможно, отозвалась позднее в творчестве О. М.; см.: Никольская Т. Л., Левинтон Г. А. Примечания // Волошин М. Лики творчества / отв. ред. Б. Ф. Егоров, А. В. Мануйлов. Л., 1988. С. 771–775. Позднее, в статье «Французские влияния в новой русской поэзии. Бодлэр. Верлэн. Верхарн», опубл. 16.2.1918 в тифлисской газете «Кавказское слово», «преодолевший акмеизм» С. М. *Городецкий* писал: «Я говорю о парнассизме. Он свил себе гнездо в цехе поэтов, где <...> появилось течение, выдвигавшее как образец поэзию Теофиля Готье (Гумилев, Мандельштам). После перевода Гумилевым книги “Эмали и Камеи” это течение несколько распространилось. Его сторонники противопоставили верленовской музыке требование внешней скованности стиха, лиризм они заменили продуманностью, искренность – искусственностью, от образа они требовали не музыкальной эмоции, а пластической неподвижности» (цит. по: Мандельштам О. ПССиП: В 3 т. Приложение: Летопись жизни и творчества / сост. А. Г. Мец при участии С. В. Василенко и др. М., 2014. С. 135). Вероятно, образность 1-й редакции мандельшт. стих. «Когда удар с ударами встречается...» (1910; 1, 233) семантически зависима от стих. Г. «Часы»; см.: Тименчик Р. Д. Еще раз о поэтическом диалоге Ахматовой и Мандельштама // Корни, побеги плоды... Мандельштамовские дни в Варшаве: В 2 ч. Ч. 2. М., 2015. С. 331. По предположению Н. И. *Харджиева* (Примечания // Стих. 1973. С. 272), набор романтич. имен («Ленор, Соломинка, Лигейя, Серафита») во втором «двустишии» стих. О. М. «Соломинка» («Я научился вам, блаженные слова...»; 1916) может восходить к кн. Г. о Ш. *Бодлере* (см. рус. пер.: Готье Т. Шарль Бодлер. Пг., 1915. С. 34). Возможно, встречающийся в открывающем «Эмали и камеи» «Предисловьи» образ роз Гафиза [«Гете на свою тахту / В Веймаре убегал от прозы / Гафизовы лелеять розы» (Готье Т. Эмали и камеи. М., 1989. С. 31)] отозвался в первом стих. мандельшт. цикла «Армения» (1930): «Ты розу Гафиза колышешь» (3, 35). Название этого сборника может быть скрыто и в «Путешествии в Армению» (1931–32) во фрагменте: «Люблю мусульманские эмали и камеи» (3, 204), окруженном отчетливым набором ассоциативных связей с творчеством Гумилева; см.: Левинтон Г. А. Ремизовский подтекст в «Четвертой прозе» // Лотмановский сб. 1. М., 1995. С. 603–604; более широкий типологич. ряд см. в: Богомолов Н. А. Батюшков, Мандельштам, Гумилев. Заметки к теме // Богомолов Н. А. От Пушкина до Кибирова: Статьи о русской литературе, преимущественно о поэзии. М., 2004. С. 114–115. Встраивающееся в данный контекст «Путешествие в Армению» не может не ассоциироваться с др. смысловыми составляющими творчества Г., о к-ром Гумилев писал: «Видное место среди его произведений занимают его “Путешествия”. Италия, Испания, Россия, Константинополь, Восток ожили в них с их природой, искусством, памятниками, со всеми запахами и красками» (Гумилев Н. ПСС: В 10 т. Т. 7: Статьи о литературе и искусстве. Обзоры. Рецензии. С. 104). Так, в частности, экземпляр кн. Г. «Путешествие в Италию» на франц. яз. (Gautier Th. Voyage en Italie. Nouvelle ed. P., 1912) хранился в личной библиотеке О. М. (см.: Фрейдин Ю. Л. «Остаток книг»: библиотека О. Э. Мандельштама // Слово и судьба. С. 234); именно это соч. могло повлиять на формирование актуального в мандельшт. худож. мире мотива путешествия, к-рое, «отрываясь от географических или биографических ориентиров, преобразуется в путешествие по пластам мировой культуры» (Петрова Н. Литература в неантропоцентрическую эпоху. Опыт О. Мандельштама. Пермь, 2001. С. 107).

С. Г. Шиндин.

ГРАНАДА, город в Испании, в юж. части Андалузии, последний оплот ислама на Иберийском п-ве. Место подписания в 1492 Изабеллой Кастильской и Фердинандом II

Арагонским эдикта об изгнании евреев. В Г. прошло детство исп. поэта Ф. Г. Лорки. В 2016, в ознаменование 125-летия со дня рождения О. М., в Г., в помещении Центра им. Ф. Г. Лорки экспонировалась выставка «Осип Мандельштам. Слово и судьба», подготовленная *Государственным литературным музеем* и *Мандельштамовским обществом* (9.9–6.11.2016), до этого выставлявшаяся в *Гейдельберге* (14.5–17.7.2016). К выставке был подготовлен каталог на нем. и исп. языках: Ossip Mandelstam. Wort und Schicksal. Ósip Mandelstam Palabro y Destino. [Каталог выставки]. Heidelberg: Wunderhorn, 2016. 316 S.

П. М. Нерлер.

ГРИБОЕДОВ Александр Сергеевич [4.1.1795, по др. сведениям (в т. ч. все послужные списки с 1818) – 1790, Москва – 30.1.1829, Тегеран], рус. писатель и дипломат. Изучение биографии Г., его творчество и оценка совр. ему критикой (ст. И. А. Гончарова «Мильон терзаний») входили в программу 13-го семестра *Тенишевского училища* (М е ц А. Г. Осип Мандельштам и его время: Анализ текста. СПб., 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2011. С. 82). В личной библиотеке О. М. хранился экземпляр 1-го полн. изд. «Горя от ума» Г. (40-е изд. / под. ред. И. Д. Гарусова. СПб., 1875, см.: Фрейдин Ю. Л. «Остаток книг»: Библиотека О. Э. Мандельштама // Слово и судьба. С. 237). Заметка О. М. «Художественный театр и слово» (1923) содержит фрагмент, позволяющий предположить, что ему был известен спектакль «Горе от ума» Моск. худож. театра (пост. В. И. Немировича-Данченко и К. С. Станиславского, 1906): «Не проще ли было заменить текст “Горе от ума” собственными “психологическими” ремарками и домыслами?». Есть основания считать, что О. М. воспринимал Г. более как «художественный образ», в частности зависимый от творчества Ю. Н. *Тынянова*: в мае 1927 О. М. был на авт. чтении романа «Смерть Вазир-Мухтара» и положительно отозвался о нем (Ц и в ь я н Ю., Т о д д е с Е. «Не кинограмота, а кинокультура»: Кино и литература в творчестве Ю. Тынянова // Искусство кино. 1986. № 7. С. 97; на уровне «слуха» упоминается в: Г и н з б у р г Л. Я. О старом и новом. Л., 1982. С. 373, где датируется 1927; см. также: Л е в и н т о н. С. 21–23). [О возможном опосредованном отражении тыняновского текста в мандельшт. творчестве и возникающих в этой связи параллелях с биографией и личностью Г. см.: Ронен О. Поэтика Осипа Мандельштама. СПб., 2002. С. 143–149).] При этом сам О. М., по свидетельству Н. М., в опред. смысле «отождествлял» фигуру Г. с Тыняновым, считая, что тот «себя вообразил Грибоедовым». Творчество Г. могло быть предметом бесед О. М. с В. Н. *Яхонтовым*, к-рый в нач. 1930-х гг. работал над созданием моноспектакля «Горе от ума» (1932) в собств. театре одного актера «Современник». Сам Яхонтов записал в дневнике 23.2.1931: «Были Мандельштамы. <...> Показывали им сцену из “Горе от ума” (Фамусов и Скалозуб, II акт). Мандельштам отметил в ней греческое начало (козел и игра с козлом)» и «определил “Горе” как зрелость и классику» (цит. по: Н е р л е р П. Примечания // Слово и судьба. С. 308). Биографич. параллелью является и тот факт, что во внутр. рец., вероятно, на представленный в 1932 в *Госиздат* сб. теоретич. статей или 2-томное собр. соч. О. М. автор (В. Ц. Гоффеншефер) прямо цитирует Г.: «В своей философской концепции Мандельштам соединил “французское с нижегородским” <...> а именно, мистический российский эллинизм <...> с интуитивизмом Анри Бергсон[а]» (Заключение об издании критических статей О. Мандельштама / публ. П. Нерлера // СМР. Вып. 2. С. 29). Единств. упоминание у О. М. имени Г. присутствует в вариантах стих. «Дикая кошка – армянская речь...» (1930): «везли на арбе Грибоеда», встраиваясь в самый широкий контекст актуальной для него темы «смерти поэта», в данном случае представленной не в «высокой», а почти в профанич. ипостаси и связываемой с именами А. С. *Пушкина*, Н. В. *Гоголя*, А. *Белого* (см. С у р а т И. З. Мандельштам и Пушкин. М., 2009. С. 42–43). Значительно чаще импликация имени Г. представлена в худож. мире О. М. в форме явных, перефразируемых или скрытых цитат из «Горя от ума». Так, в ст. «О собеседнике» [1913 (1912?), 1927] О. М. прямо сравнивает поэзию «с “огромного размера дистанцией”, какая предполагается между нами и неизвестным другом – собеседником», используя для этого известный «афоризм» Скалозуба о Москве: «Дистанции огромного размера» (действие II, явл. V). В ст. «Vulgata» («Заметки о поэзии)» (1922–23) О. М. писал о том, что «русские поэты один за другим стали глохнуть к шуму языка, становились тугими на ухо», и проиллюстрировал это прямой цитатой из Г.: «Пример: глухому старцу в “Горе от ума” кричат: “Князь, князь, назад”» (действие III, явл. VII). Иронич. фраза в «Шуме времени» (1923–24), относящаяся к дет. воспоминанию: «К Кубелику меня возили на поклон», даже ритмически сопоставима с фрагментом монолога Чацкого: «меня еще с пелен / Для замыслов каких-то непонятных / Дитёй возили на поклон» (действие II, явл. V). Явные аллюзии на «Горе от ума» Г. содержит мандельшт. кинорец. [«Магазин дешевых кукол»] (1929), где упомянуты физкультурники, выступающие «в усладу “французикам из Бордо”»; см. у Г.: «Французик из Бордо, надсаживая грудь, / Собрал вокруг себя род веча» (действие III, явл. XXII); туже уничижит.-иронич. лексич. форму О. М. неоднократно употребил и вне контекста прямых цитат. Именование рецензируемого фильма «примером подлейшей экзотики», м. б., соотнесено с др. фрагментом монолога Чацкого: «не воскресят клиенты-иностранцы / Прошедшего житья подлейшие черты. / Да и кому в Москве не зажимали рты / Обеды, ужины и танцы?» (действие II, явл. V); при этом ситуация «зажимания ртов» иностранцам роскошными приемами находит точное соответствие в послерев. действительности (ср.: Шиндин С. Г. Мандельштам и творчество французских унанимистов // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 64. № 6. 2005. С. 42–43). Характеризуя фильм в целом, О. М. писал, что его авторы «сжигают Москву», с чем сопоставимы слова Скалозуба о Москве: «Пожар способствовал ей много к украшенью» (действие II, явл. V). Вероятно, с грибоедовской линией связано и мандельшт. самопротивопоставление в «Четвертой прозе» (1930): «Французику – шер мэтр – дорогой учитель, а мне – Мандельштам, чеши собак»; близкая смысловая модель представлена в черновых набросках к «Путешествию в Армению» (1931–1932): «Никто не посылал меня в Армению, как, скажем, граф Паскевич грибоедовского [чиновника] немца»; ср. в примыкающем к «армянским стихам» «Дикая кошка – армянская речь...» (1930): «Страшен чиновник <...> / Командированный – мать твою так! – / Без подорожной в ар-

мянские степи». Как отмечал О. Ронен (см.: R o n e n O. An Approach to Mandel'stam. Jerusalem, 1983. P. 306), в строках из мандельшт. стих. «Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето...» (1931): «То слышится гармоника губная, / То детское молочное пьянино» содержится цитата из Г.: «То флейта слышится, то будто фортепьяно» (действие I, явл. II).

С. Г. Шиндин.

ГРУЗДЕВ Илья Александрович (1.8.1892, С.-Петербург – 11.12.1960, Ленинград), филолог, лит. критик, биограф М. *Горького*. Член группы *«Серапионовы братья»* (с 1921). Доброжелательно отозвался об О. М. в обзоре «Русская поэзия в 1918–1923 гг.: (К эволюции поэтических школ)» (Книга и революция. 1923. № 3. С. 41). 6.4.1924 вместе с О. М. участвовал в обсуждении поэмы Н. С. *Тихонова* «Лицом к лицу» и цикла «Юг» в Ин-те совр. лит-ры Гос. ин-та искусств и оставил об этом стенографич. отчет (см.: Тыняновский сб.: Вторые Тыняновские чтения. Рига, 1986. С. 100). См. инскрипт О. М. от 13.4.1925 на «Шуме времени» (1923): «Илье Александровичу Груздеву дружески» (Л а с у н с к и й О. Г. Мандельштам и книга // ЖиТМ. С. 403). В феврале 1926 в качестве работника «*Госиздата*» Г. пытался включить в план изд-ва кн. стихов О. М. Заполняя вместе с К. А. *Фединым* бланк предложений по изданию книг, он назвал О. М. «одним из лучших совр[еменных] поэтов». Будучи сотрудником изд-ва «Недра» и «Изд-ва писателей в Ленинграде», Г. оказывал О. М. содействие при печатании «Египетской марки» (1927), был одним из инициаторов коллективного письма ленингр. литераторов, протестующего против шельмования О. М. Д. И. *Заславским*. Это письмо было составлено 28.5.1929 и «увезено И. Груздевым в Москву <...> с целью помещения его в “Известиях” или “Комсомольской правде”» (Мандельштам в архиве П. Н. Лукницкого // Слово и судьба. С. 139). Свою книгу «Горький» (1933) Г. подарил О. М. со следующим инскриптом: «Осипу Эмильевичу Мандельштаму, первому поэту, автору прекраснейшего эпоса – на отповедь, а может быть, и на сочувствие от Ильи Груздева. 5/IV 33 г.» (см.: Ф р е й д и н Ю. Л. «Остаток книг»: Библиотека О. Э. Мандельштама // Слово и судьба. С. 236). Вероятно, во время этой же моск. встречи О. М. вручил Г. деньги для передачи отцу, Э. В. *Мандельштаму*, в Ленинграде.

О. А. Лекманов.

ГУМИЛЁВ Лев Николаевич (1.10.1912, Царское Село – 15.6.1992, С.-Петербург), историк, географ, этнолог, востоковед. Сын А. А. *Ахматовой и* Н. С. *Гумилева*. Арестовывался в 1934, 1937 и 1949. Знал О. М. с раннего детства, в 1933–34 неоднократно гостил у О. М. и Н. М. в Москве по их приглашению (в квартире в писат. доме в Нащокинском пер.), в т. ч. одноврем. с Ахматовой. У О. М. он не только виделся и общался с матерью, но часто был первым слушателем стихов О. М. и его доверенным собеседником. Н. М. писала: «Первое чтение как бы завершает процесс работы над стихами, и первый слушатель ощущается как его участник <...> Первым слушателем часто оказывался... Лева Гумилев – он жил у нас зимой 33–34 гг.». «“Где мой дорогой мальчик!” – восклицал О. М., не заставая Леву дома. Он почти не расставался с ним, они постоянно куда-то убегали вместе» (Г е р ш т е й н. С. 46). «Вернулись домой возбужденные и оживленные: только что заходили к Клюеву» (Там же). «Он привел с собой Леву в Госиздат, где <...> читал <...> “Разговор о Данте”. “Интересно было?” – “Очень!” <...> “Обсуждали?” – “Нет”. – “Почему же?” – “Никто ничего не понял. И я тоже ничего не понял”. – “Так что ж хорошего?” – “Все равно интересно”» (Там же). О. М. вовлек Г. в распрю с А. Н. *Толстым*. «Лева должен был подстерегать его, чтобы вовремя подать сигнал О. М. Тогда О. М. должен был возникнуть перед “графом” и дать ему пощечину» (Там же).

В квартире О. М. в Нащокинском пер. Г. впервые встретился с М. С. *Петровых* и Э. Г. *Герштейн*. Тогда же у О. М. возникла идея хлопотать (при содействии Герштейн) о приеме Г. в члены профсоюза, чтобы обеспечить ему определенный соц. статус и возможность получить образование (Там же. С. 49). В этот период Г. часто обсуждал с Герштейн творчество и поэтику О. М. (Там же. С. 314), а также его мироощущение («Разговор перешел на религиозное чувство смерти. Лева говорил о монистическом сознании О. М., а христиане – дуалисты. Дух – это одно, плоть – другое. Только при таком понимании могло явиться учение о бессмертии души» (Там же. С. 249). В соавторстве Г. и О. М. написали неск. шуточных стихов (Там же. С. 53). Стихотворные (и не только) шутки О. М. вызывала влюбленность Г. в Герштейн и Петровых (Там же. С. 205).

Когда Н. М. «легла в больницу на обследование, О. М. и Л. Г. <...> убеждали и просили» Петровых «пожить у них – как же они, мол, просуществуют <...> без хозяйственной женщины в доме <...> она охотно навещала их в Нащокинском, видимо, ей было интересно» (Г е р ш т е й н. С. 419).

По слова Н. М., Г. стал одним из первых посетителей квартиры О. М. после ареста поэта в мае 1934. О. М. вменяли в вину то обстоятельство, что Г. был временно прописан у него (см.: Г е р ш т е й н. С. 54). Г. было известно крамольное стих. О. М. о И. В. *Сталине* («Мы живем, под собою не чуя страны...»). «В деле остался текст мандельштамовского стихотворения, записанный Левиной рукой», Г. также читал это стих. вслух (Там же. С. 328). О реакции Г. на стих. «Мы живем, под собою не чуя страны...» О. М. сообщил следователю на допросе 25.5.1934: «ЛЕВ ГУМИЛЕВ – одобрил вещь неопределенно-эмоциональным выражением вроде “здорово”, но его оценка сливалась с оценкой его матери Анны Ахматовой, в присутствии которой эта вещь ему была зачитана» (См.: П о л я н о в с к и й Э. Гибель Осипа Мандельштама. СПб.; Париж, 1993. С. 91; ср.: А х м а т о в а. Листки из дневника. С. 145).

Н. М. поддерживала теплые отношения с Г. и после гибели О. М. [см.: Осип и Надежда Мандельштамы (по им. ук.)]. В 1955 она старалась привлечь внимание А. А. *Суркова* к судьбе Г. и помирить Г. с матерью (Г е р ш т е й н. С. 473) в последний год жизни Ахматовой.

А. Н. Анисова.

ГУМИЛЁВ Николай Степанович (15.4.1886, Кронштадт – 25.8.1921, ок. Петрограда), поэт, прозаик, лит. критик, один из руководителей («синдиков») 1-го *«Цеха поэтов»*, основатель и теоретик *акмеизма*.

Влияние Г. на личность О. М. было во многом формообразующим; сам он в письме к А. А. *Ахматовой*, отправленном в августе 1928 (предположительно, в день смерти Г.), констатировал: «Беседа с Колей не прервалась и никогда не прервется»; ср. предельно откровенную формулировку в записной книжке Ахматовой в 1966: «и когда недоброжелатели насмешливо спрашивают: “Что общего между Гум[илевым], Манд[ельштамом] и Ахм[атовой]?” – мне хочется ответить: “Любовь к Данте” <...> Я, наверно, упомянула об одной сотой несмолкаемой переклички, облагораживающей мир, и которая не смолкнет никогда» [Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966). М.; Torino, 1996. С. 678–679]. Отношения Г. и О. М. «в творческом плане (в повседневной жизни их связывала ничем не омраченная дружба)», по свидетельству осведомленного современника, «были настоящая любовь-ненависть» (Иванов Г. В. Собр. соч.: В 3 т. М., 1994. Т. 3: Мемуары. Литературная критика. С. 618). Согласно и более позднему мемуаристу, О. М. относился к Г. «как к другу, близкому человеку с трагической судьбой. Стихов его он не хвалил и никогда не ругал» (Штемпель. С. 111).

О. М. сообщил в 1925 П. Н. *Лукницкому*, что «познакомился с Н. С. весной 1909 на квартире у Волошина (куда Гумилев приезжал в тот раз) <...>. О. Э.: “Встречались не особенно часто...”» (Мандельштам в архиве П. Н. Лукницкого // Слово и судьба. С. 121). Свидетельство Лукницкого нуждается в уточнении, поскольку собств. квартиры в столице у Максимилиана *Волошина* в то время не было. Высказывалось аргументированное мнение, что знакомство поэтов состоялось на квартире А. Н. *Толстого*, у к-рого в нач. февраля 1909, по возвращении из Парижа, остановился его друг Волошин: в доме № 15 по Глазовской ул. (Здесь же обосновалась вскоре и редакция поэтич. журнала «Остров», к сотрудничеству в к-ром О. М. привлечен не был). Еще в нач. января 1909 Толстой сообщал Волошину: «Мы [с С. И. Дымшиц] устроились на квартире, ты увидишь, удобно ли тебе будет жить у нас». А весной того же года сообщал А. А. Бострому: «Поселился я в Питере на “Глазовская ул., д. 15, кв. 18” на квартире, устроили мы с Сонечкой ателье для нее и кабинет для меня и заработали» (Переписка А. Н. Толстого: В 2 т. Т. 1. М., 1989. С. 147, 151). (См.: Драницын В. Н. Осип Мандельштам и Николай Гумилев: к истории первых лет знакомства (1908–1912) // Осип Мандельштам и XXI век: материалы междунар. симпозиума. М., 2016. С. 198–199).

Весной 1909 Г. и О. М. посещали лекции о теории стиха (стихосложении) в Поэтич. Академии на «башне» В. И. *Иванова* в Петербурге; см.: Гаспаров М. Л. Лекции Вяч. Иванова о стихе в Поэтической Академии 1909 г. // НЛО. 1994. № 10. С. 89–105. По предположению А. А. Морозова, участию Г. «обязано первое появление стихов Мандельштама в “Аполлоне” в августе 1910» (ЛО. 1991. № 1. С. 81). Нач. апреля 1911 ознаменовалось краткой размолвкой между О. М. и Г., на месяц отодвинувшего публикацию очередной стихотворной подборки О. М. в *«Аполлоне»*, хотя незадолго до этого, очевидно, предполагалось их совм. участие в возобновлении гумилевского альманаха «Остров». Очень скоро произошло решит. сближение двух поэтов, и осенью 1911 Г. привлек О. М. к участию в *«Цехе поэтов»*. По воспоминаниям современницы, О. М. стал бывать в доме Г. в *Царском Селе* после женитьбы последнего на Ахматовой (Делла-Вос-Кардовская О. Л. Воспоминания о Н. С. Гумилеве // Жизнь Николая Гумилева: Воспоминания современников. Л., 1991. С. 34). Вероятно, тогда же Г. впервые всерьез заинтересовался творчеством О. М.

Поэты одновременно обучались на ист.-филол. ф-те *Санкт-Петербургского университета* (О. М. с 10.9.1911, Г. с сентября 1912), где оба, в частности, посещали семинар В. Ф. *Шишмарева*, посв. романистике [см.: Азадовский К. М., Тименчик Р. Д. К биографии Н. С. Гумилева (вокруг дневников и альбомов Ф. Ф. Фидлера) // РЛ. 1988. № 2; Лавров А. В. Вступительная статья // Письма К. В. Мочульского к В. М. Жирмунскому // НЛО. 1999. № 35. С. 123–24]. Это, вероятно, позднее нашло отражение в мандельшт. ст. «О природе слова» (1920–22): «филология – университетский семинарий, <...> где пять человек студентов, знакомых друг с другом, называют друг друга по имени и отчеству, слушают своего профессора, а в окно лезут ветви знакомых деревьев университетского сада». В относящихся к данному периоду воспоминаниях Ю. Г. *Оксман* говорит о «студенческих вечерах поэтов, где <...> читали свои стихи Гумилев, Осип Мандельштам» [цит. по: Чудакова М. О., Тоддес Е. А. Тынянов в воспоминаниях современника (Сообщение) // Тыняновский сб.: Первые Тыняновские чтения. Рига, 1985. С. 92]. Возможно, 13.11.1913 оба выступали с чтением стихов на вечере романо-герм. кружка. В ноябре–декабре 1912 Г., наряду с О. М. и др. поэтами, пытался создать собств. лит. объединение «Кружок изучения поэтов» (См.: Письма К. В. Мочульского к В. М. Жирмунскому / вступ. ст. и публ. А. В. Лаврова // НЛО. 1999. № 35. С. 146). Своеобразная «штаб-квартира недавно возникшего акмеизма» стихийно образовалась между тем на романо-герм. отделении, в кружке под руководством филолога-романиста, проф. Д. К. Петрова (см. подробнее: Сальман М. Г. Несостоявшийся «Кружок для изучения поэзии» // Звезда. 2013. № 2. С. 170–173; Адамович Г. Гумилев (1921–1971) // Новое русское слово. Нью-Йорк. 1971. 5 сент.). По ретроспективному мнению Г. В. *Иванова*, «стройное совершенство “Камня”» – «прямой результат» влияния Г.-синдика «Цеха поэтов» на О. М. (Иванов Г. В. Собр. соч. Т. 3. С. 618). Отчасти эта т. зр. подтверждается фактами ред. работы Г. над мандельшт. текстами, в частности над стих. «Айя-София» («Айя-София – здесь остановиться...»; 1912) при подготовке их к публикации в *«Аполлоне»*. Посвящением «Н. Гумилеву» сопровождаются вошедшие в мандельшт. «Камень» (1913) «Петербургские строфы» («Над желтизной правительственных зданий...»; 1913). Вместе с тем к позднейшему свидетельству Н. М. о том, что заглавие «Камень» предложил дать книге именно Г. [см.: Тименчик Р. Д. «Камень» (1913) // Памятные книжные даты. 1988. М., 1988. С. 186], следует отнестись с осторожностью.

На период с 1912 по август 1914 приходится интенсивное общение О. М. с Г. и Ахматовой, обусловл. взаимной глубокой симпатией и общностью лит. интересов: все наиб. значит. события данного периода, в к-рых принимали участие О. М. и Г., были прямо или косвенно связаны с формированием *акмеизма* как худож. направления. Чаще всего в это время они виделись в доме Г. и Ахматовой в *Царском*

Селе, а также в петерб. «ресторане бывш. “Кинши”» и в артистич. кабаре «*Бродячая собака*», где оба постоянно выступали вместе на поэтич. вечерах и диспутах. Так, 13.1.1912 оба читали стихи на вечере, посв. 25-летию поэтич. деятельности К. Д. *Бальмонта*. 19.12.1912 оба принимали участие в прениях после лекции С. М. *Городецкого* «Символизм и акмеизм»; и О. М., и Г. выступали с чтением стихов на «Вечере поэтов» 27.11.1913 (когда у О. М. произошел широко известный конфликт с В. *Хлебниковым*) и «Вечере лирики» 26.1.1914. Вероятно, 31.3.1914 оба участвовали в диспуте после доклада В. А. *Пяста* «Театр слова и театр движения», 27.1.1915 – в «Вечере поэтов». Вероятно, в эти годы Г. был первым слушателем новых стихов О. М.

В этот период становления и развития акмеизма Г. и О. М. вырабатывали и нек-рые совм. не только теоретич., но и худож. воззрения; оба, в частности, откликнулись на «античную» драму И. Ф. *Анненского* «Фамира-кифаред» (1913): О. М. – в соответствующей рец. (1913), Г. – в XXIII «Письме о русской поэзии» (1914). По свидетельству С. К. *Маковского*, и О. М., и Г. были небезразличны к распространенной в это время одной из ключевых для культуры рус. модернизма идее противопоставления аполлонич. и дионисийского начал в искусстве: «“Аполлонизм” <...> целиком восприняла “молодая редакция” с Гумилевым, Кузминым и Осипом Мандельштамом». Это не исключало противоположных оценок наиб. значит. явлений совр. культурной жизни, в частности творчества В. В. *Маяковского*. По свидетельству М. А. *Зенкевича*, «мы его первые стихи читали с Мандельштамом и говорили Гумилеву, что вот интересный поэт, – он отвечал: «“Ерунда <...>”».

Своего рода «репрезентацией» акмеизма можно считать активное совм. соприсутствие О. М. и Г. в лит.-худож. жизни этого периода. Так, 16.1.1914 О. М. вместе с Г. и Городецким выступал в защиту акмеизма в *Тенишевском училище* после доклада Г. И. *Чулкова* «Пробуждаемся мы, мертвецы, или нет?». 18.4.1914 оба были избраны членами Всерос. лит. об-ва (ВЛО), а уже 25.4.1914 они вместе с Городецким и Зенкевичем выступили на заседании ВЛО со своей декларацией акмеизма («Утро акмеизма»). Весной 1914 оба читали стихи в салоне А. М. *Зельмановой*.

После нач. 1-й мировой войны, поступления Г. на воен. службу и отбытия его в действующую армию личные встречи Г. и О. М. приобрели эпизодич. характер, в частности 27.1.1915 они вместе выступали на поэтич. вечере в «Бродячей собаке» (Биржевые ведомости. 1915. 28 янв.). Осенью–зимой 1915 после врем. возвращения Г. с фронта О. М. принимал участие в лит. собраниях, устраиваемых Г. и частично заменявших распавшийся 1-й «Цех поэтов». По воспоминаниям Г. В. *Адамовича*, когда В. И. Иванов на заседании Об-ва ревнителей худож. слова 12.12.1915, «публично восхитившись бледными виршами Пяста, снисходительно поморщившись, разобрал затем как “довольно любопытный опыт” великолепнейшее стихотворение Осипа Мандельштама о Расине», «на Гумилеве лица не было!» (Последние новости. [Париж]. 1938. 13 янв.). В этот же период портретные изображения обоих поэтов были запечатлены в силуэтах Е. С. Кругликовой: Г. – не ранее января 1915, О. М. – в 1916. Свидетельств о встречах О. М. и Г. после отъезда последнего из Петрограда в нач. апреля 1916 и вплоть до сер. октября 1920 сохранилось немного: по-видимому, поэты эпизодически виделись в 20-х числах декабря 1916 в Петрограде, куда Г. приезжал во время своего короткого отпуска с фронта. В марте 1917 О. М. посетил Г. в 208-м гор. лазарете на Английской наб. в Петрограде, где тот лежал, заболев бронхитом. Вероятно, 13.4.1917 оба выступали на «Вечере свободной поэзии» в Тенишевском уч-ще. 13.5.1918 Г. и О. М., очевидно, участвовали в первом собрании об-ва «Арзамас», проводившем «Вечер петербургских поэтов». Сохранилась датированная 14.7.1918 дарственная надпись Г. на сб. стихов «Костер» (СПб., 1918): «Дорогому Осипу Эмильевичу / от / Н. Гумилева» (РГАЛИ. Библиотека. № 18246).

Интенсивное общение О. М. и Г. возобновилось после мандельшт. возвращения в Петроград с юга в сер. октября 1920 и продолжалось до отъезда О. М. из города в сер. марта 1921. В этот период О. М. и Г. были соседями по «*Дому искусств*» и регулярно встречались на заседаниях восстановленного Г. «Цеха поэтов». Регулярными были их встречи в *Доме литераторов*, где, в частности, 24.10.1920 О. М. выступил с докладом «О новых путях в акмеизме». За три дня до этого, 21.10.1920, Г. говорил о стихах О. М. на вечере в клубе поэтов на Литейной: «Гумилев определяет его путь – от иррационального к рациональному» [Блок А. А. Дневник. М., 1989. С. 305; в этой же дневниковой записи А. А. *Блок* охарактеризовал манеру чтения О. М. как подражат. по отношению к Г.: «общегумилевское распевание» (Там же. С. 304)]. В «Доме искусств» оба посещали «литературно-танцевальные вечера».

В Доме литераторов при участии Г. состоялись вечера, посв. Л. де Лилю (21.11.1920) и Ш. *Бодлеру* (18.12.1920), на к-рых мог присутствовать О. М. Кроме того, О. М. эпизодически посещал занятия в руководимой Г. студии «Звучащая раковина» (см.: Наппельбаум И. М. Мэтр // Жизнь Николая Гумилева: Воспоминания современников. Л., 1991. С. 181; Ходасевич В. Ф. Гумилев и Блок // Ходасевич В. Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. М., 1997. С. 86–87). 15.1.1921 оба, вероятно, посетили состоявшийся «Доме искусств» маскарад. 2.2.1921 прошло первое заседание возобновленного «Цеха поэтов», на к-ром присутствовал Г. и, очевидно, О. М. 5.2.1921 оба принимали участие и в маскараде в Ин-те истории искусств («Зубовский ин-т»), где О. М. присутствовал загримированным и одетым «под Пушкина», что зафиксировали в своих мемуарах мн. современники. 9.2.1921 О. М. и Г. присутствовали на заседании «Цеха поэтов», где читали свои стихи: «Вылетает сумасшедшая Кассандра Мандельштам, она уже ласточка, беженка, все что хотите. Страшная толпа московского Геркуланума хоронит “ночное солнце” <...> Гум провозглашает свою Эльгу» [имеются в виду стих. О. М. «Кассандра» («Я не искал в цветущие мгновенья...», 1917), «Когда в теплой ночи замирает...» (1918) и Г. «Ольга» («“Эльга, Эльга!’ – звучало над полями...»)]. 4.12.1920 О. М. и Г. присутствовали в «Доме искусств» на вечере Маяковского (Чуковский К. И. Дневник (1901–1929). М., 1991. С. 150; иную версию данного эпизода, не согласующуюся с общепринятой, см. в ст. О. Н. *Арбенина*). В апреле 1921 «Цех поэтов» выпустил изготовленный на стеклографе сб. «*Новый Гиперборей*» [Журнал Цеха поэтов. № 1. Пг., 1921 (23 экз.)], где авторы сами иллюстрировали свои стихотворения, О. М. – стих. «Троянский конь» («За то, что я руки твои не сумел удержать...»,

1920). При этом вряд ли О. М. мог не знать рукописный сб. Г. «Персия» (1921) (Гумилев Н. Стихотворения и поэмы. Л., 1988. С. 317–328). Как позднее отмечала Ахматова, воспоминанием о пребывании О. М. в 1920 в Петрограде «остались еще живые, выцветшие <...> афиши того времени – о вечерах поэзии, где имя Мандельштама стоит рядом с Гумилевым и Блоком».

В этот же период О. М. увлекся Арбениной, находившейся в близких отношениях с Г., к-рый, по ее воспоминаниям, и познакомил их в Доме литераторов [по значит. более позднему свидетельству современника, О. М. отмечал, что «не знает женщины, которая оставалась бы к Г[умилеву] равнодушна, ему шла даже раскосость» (Штемпель. С. 111)]. Симпатия О. М. к Арбениной и, возможно, ее высокая оценка мандельшт. стихов [«Стихи (неожиданно) меня ошеломили. Может быть, мой восторг перед этими стихами был ударом в сердце Гумилеву?» (Гильдебрандт-Арбенина О. Н. Гумилев // Николай Гумилев: Исследования. Материалы. Библ. Л., 1994. С. 456)] явились причиной его едва ли не единств. биографич. серьезного конфликта О. М. с Г. Арбенина позднее свидетельствовала: «Помню, как на Бассейной <...> Гумилев при мне выговаривал Осипу, а я стояла ни жива ни мертва и ждала потасовки» (Там же. С. 456); данный эпизод отразился в шуточном стих. Г. В. Иванова «Баллада о дуэли» («Сейчас я поведаю, граждане, вам...»). Но после того, как Арбенина вышла замуж за Ю. *Юркуна*, конфликтная ситуация была ликвидирована: по воспоминаниям самого О. М., «за 12 лет знакомства и дружбы у него с Н. С. один только раз был разговор в биографическом плане, когда О. Э. пришел к Н. С. (О. М. говорит, что это было 1.1.1921) и сказал: “Мы оба обмануты” – (О. Арбениной) – и оба они захохотали» (Мандельштам в архиве П. Н. Лукницкого. С. 122). Ср. относящееся к сер. 1930-х гг. свидетельство Э. Г. *Герштейн*: «Ревность, соперничество были священными атрибутами страсти в понимании Мандельштама. – “Как это интересно! У меня было такое же с Колей”, – восклицал Осип Эмильевич. У него кружилась голова от разбуженных <...> воспоминаний о Николае Степановиче, когда в голодную зиму они оба домогались любви Ольги Николаевны Арбениной» (Герштейн. С. 50). В мемуарах Арбениной зафиксировано гумилевское шутливое именование ее и О. М. «язычниками», ищущими «мрамор и розы» (Гильдебрандт-Арбенина О. Н. Гумилев. С. 458). В это же время Г. читал О. М. свою «Сказку о Золотой Свинке», текст к-рой не сохранился.

По свидетельству Герштейн, относящемуся к осени 1928, известно о последней встрече О. М. с Г. – «где-то в пути, чуть ли не на железнодорожной станции. <...> Помню <...> тон любви и уважения, каким он говорил о поэте-друге, и заключительную фразу: “Это была наша последняя встреча”» (Герштейн. С. 11). Позднее Н. М. вспоминала о «возобновившемся» в 1925 году «знакомстве» О. М. с Ахматовой: «Они говорили о Гумилеве, и она рассказывала, будто нашли место, где его похоронили». Гибель Г., о к-рой О. М., находившийся тогда в *Тифлисе*, узнал от полпреда РСФСР в Грузии Б. В. *Леграна*, была воспринята О. М. как личная трагедия, по свидетельству Н. М., во 2-й пол. 1921 в Закавказье О. М. «твердо решил не возвращаться в Петербург – этот город для него внезапно опустел». По воспоминаниям Н. М., поэтич. откликами на гибель Г. стали стих. О. М. «Умывался ночью на дворе...» (1921) и отчасти «Кому зима арак и пунш голубоглазый...» (1921), с его центр. мотивом «заговорщиков» (Ronen O. A Beam Upon the Axe: Some Antecedents of Osip Mandel'stam's «Umyvalsja noc'ju na dvore...» // Slavica Hierosolymitana. 1977. Vol. I; Гаспаров М. Л. «Кому зима – арак». Мандельштамовское «Мы пойдем другим путем» // Гаспаров М. Л. Избр. труды. Т. IV. М., 2012. С. 586–597).

Именно известие о гибели Г. спровоцировало О. М. на коренной пересмотр взглядов на положение дел в совр. рус. поэзии. Подведя итоги достижениям акмеизма как школы в программном эссе «О природе слова» [1922; при первой публикации эссе сопровождалось эпиграфом из стих. Г. «Слово» («В оный день, когда над миром новым...»; 1921)], О. М. тем самым решительно перевел акмеизм из области актуальной словесности в область истории литературы. С этого периода любые попытки «возродить» акмеизм встречались им с категорическим отрицанием: в кон. декабря 1922 О. М. ответил моск. поэтессе С. А. Укше, пригласившей его возглавить неоакмеистическую группу: «Никаких акмеистов-москвичей нету, были и вышли питерские акмеисты, прощайте» (цит. по: Богомолов Н. А. Русская литература первой трети XX века. Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск, 1999. С. 587).

Можно предположить, что в нач. 1920-х гг. акмеизм осознавался О. М. не столько как лит. течение, взаимодействующее в активном контексте с совр. ему участниками «диалога», «литературного процесса», сколько как некая метода формирования, модуляции и применения в реальности системы нравств. и культурологич. ценностей. Фраза из письма О. М. июля 1923 Л. В. *Горнунгу* о том, что акмеизм «хотел быть лишь “совестью” поэзии», явственно соотносится с мандельшт. высказыванием, запомнившимся В. К. *Шилейко*: «Мандельштам очень хорошо говорил в эпоху первого “Цеха Поэтов”: “Гумилев – это наша совесть”» (цит. по: Лукницкая В. К. Николай Гумилев. Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. Л., 1990. С. 125). Очевидно, и в формуле О. М. акмеизм – «суд над поэзией, а не сама поэзия» – подразумевались «Письма о русской поэзии» Г., рец. на издание к-рых отд. книгой В. Я. *Брюсов* озаглавил «Суд акмеиста» [см.: Лекманов О. А. Письмо о русской поэзии (к теме «Мандельштам и Гумилев») // Смерть и бессмертие]. С декабря 1924 по 1928 О. М. оказывал многообразное содействие Лукницкому, собиравшему материалы для будущей (так и не написанной им) биографич. книги о Г., см. ахматовские воспоминания о совм. пребывании в 1925 в Царском Селе, когда О. М. «диктовал П. Н. Л[укницкому] свои воспоминания о Гумилеве» (Листки из дневника), и запись самого Лукницкого в дневнике 22.1.1925: «Читал АА [Ахматовой] воспоминания О. Мандельштама об Н. Г[умилеве]» (Лукницкий П. Н. Об Анне Ахматовой // Наше наследие. 1988. № 6. С. 64). Со слов Ахматовой, Лукницкий зафиксировал в дневнике реплику О. М.: «М. хочет, чтоб Вы стали нашим общим биографом» (Мандельштам в архиве Лукницкого. С. 115). Судя по письмам С. Б. *Рудакова*, творчество Г. было постоянным предметом и его бесед с О. М. в воронежский период.

Согласно мемуарным записям Ахматовой, «весь акмеизм рос» от наблюдений Г. над ее стихами, «так же как над стихами Мандельштама» (Самый непрочитанный поэт. Заметки Анны Ахматовой о Николае Гумилеве // НМ. 1990. № 5. С. 221); она же свидетельствовала, что он «рано и хорошо оценил Мандельштама» (Листки из дневника. С. 126). Г. отозвался рецензиями на 1-е и 2-е изд. «Камня», где, в частности, восхитился отвагой О. М. – акмеиста, к-рый «вытравил в себе романтика, не затронув в то же время поэта» (Аполлон. 1914. № 1–2. С. 127); ранее в «Аполлоне» (1913. № 2) он осудил составителей киевской «Антологии современной поэзии», в к-рой «не нашлось места для <...> Мандельштама» (Г у м и л е в Н. С. Собр. соч.: В 3 т. Т. 3: Письма о русской поэзии. М., 1991. С. 191). При этом Г. сразу же почувствовал мировоззренч. доминанты О. М., выделив в своих рецензиях гл. категории его худож. мира – культуру, *пространство*, *время*, *город*, музыку, *архитектуру*, – и отметив, что со стихов акмеистич. периода О. М. «открыл двери в свою поэзию для всех явлений жизни, живущих во времени, а не только в вечности или мгновении» (Г у м и л е в Н. Собр. соч. Т. 3. С. 132). В рец. на 2-е изд. «Камня» гл. качеством мандельшт. поэтики Г. назвал «полную самостоятельность стихов Мандельштама; редко встречаешь такую полную свободу от каких-нибудь посторонних влияний. Если даже он наталкивается на тему, уже бывшую у другого поэта (что случается редко), он перерабатывает ее до полной неузнаваемости» (Там же. С. 158). По определению Г., единств. «вдохновителями» О. М. были «только русский язык, сложнейшим оборотам которого ему приходилось учиться, и не всегда успешно, да его собственная видящая, слышащая, осязающая, вечно бессонная мысль» (Там же. С. 158).

Подобную оценку мандельт. творчества Г. сохранил до конца жизни. Так, в августе 1920 в письме к Городецкому он говорил об О. М. «как о поэте, творящем “ценности вечные”: “Он свой во всех временах и пространствах”». В кон. февраля 1921 Г. высоко оценил стихи О. М. в разговоре с Ахматовой, причем «особенно восхищался стихами о Трое (“За то, что я руки твои...”)» (А х м а т о в а . Листки из дневника. С. 146), обращенными к Арбениной. Н. М. так зафиксировала мандельшт. свидетельство о деталях гумилевского отношения к его поэзии: «Мандельштам говорил, что в разговорах он был гораздо сильнее, чем в статьях. <...> Все замечания Гумилева о стихах Мандельштама (чаще всего в форме шутки) относились к частностям, к какой-нибудь неточности эпитета или сравнения». Чрезвычайно высоко ценил Г. и дарование О. М. как филолога, ср. зафиксированное в дневнике Лукницкого мемуарное свидетельство Ахматовой: «А. А. рассказывает: “Все люди, окружавшие Николая Степановича, были им к чему-то предназначены... Например, О. Мандельштам должен был написать поэтику”» (Мандельштам в архиве Лукницкого. С. 116).

Мандельшт. оценка творчества Г. была более дифференцированной. На протяжении всей жизни считавший Г. своим другом и единомышленником, О. М. в первую очередь отмечал его поэтич. культуру. По свидетельству Н. М., он «постоянно вспоминал высказывания Гумилева о том или др. стихотворении или примеривал, как бы он отозвался о новых стихах»; см. относящуюся к сер. 1930-х гг. мандельшт. оценку Г.: «Понимал он стихи лучше всех на земле» (Мандельштам в письмах Рудакова. С. 59). Вспоминая период активного общения О. М. и Ахматовой в сер. 1920-х гг., Н. М. отмечает: «Все эти годы они часто вспоминали Гумилева: “Коля сказал... Коля хотел, чтобы... Но стихов Гумилева не касались”». В то же время в дневнике Лукницкого зафиксировано иронич. воспоминание О. М. о Г. как об оценщике прозы Франса и Стендаля. Как субъективно свидетельствовал Рудаков в письмах жене весной 1935, О. М. «хорохорится, но смертельно боится Гумилева»; «боится как конкурента он только Гумилева, но это дико скрывает». С его же слов, известна мандельшт. оценка раннего творчества Г., в частности 1-го сб. Г. «Путь конквистадоров» (1905): «Книга первая не такая плохая, я ему всегда говорил, что он хорошо начал». Показательно и включение О. М. имени Г. уже в 1924 в ст. «Выпад» в число тех, кто, по его выражению, «русские поэты не на вчера, не на сегодня, а навсегда».

Если судить по письмам Рудакова, значительно чаще О. М. отзывался о гумилевском творчестве негативно (возможно, в силу полемич. характера общения с Рудаковым); при этом его оценка была диаметрально противоположной самооценке Г. Так, О. М. вспоминал: «Я говорил, что “Колчан” очень плохая книга, а он – что лучшая». Столь же критически отнесся О. М. и к одному из гл. произведений Г. – стих. «Заблудившийся трамвай» («Шел я по улице незнакомой...», 1921): «Иллюзия, “представим себе”, – значит, уже ничего нельзя представить. Все время помнишь, что действие в П[етрограде] – путешествие за гривенник. А он считал, что это лучшее», а также и к недописанной «Поэме начала»: «Вещь плохая». Негативно воспринимал О. М. и присутствие в творчестве Г. религ. тематики: «Я говорил ему – поменьше Бога в стихах трогай». Вообще, как отмечал Рудаков: «Кроме “У цыган” (условно), он не похвалил ни одной строки Гумилева». Аналогично и свидетельство встречавшегося с О. М. в 1933–34 С. И. *Липкина,* согласно к-рому О. М. «по-корнелевски высокогласно, чуть ли не как сам Тальма, произносил “Николай Степаныч”, но я полагаю, что в Гумилеве он видел, прежде всего, друга, авторитетного умного вожака былой литературной группы и, конечно, жертву разбойного деспотизма. Не помню, чтобы Мандельштам читал его стихи».

В определ. противоречие с подобными свидетельствами современников вступают воспоминания Н. М., в частности считавшей, что «Артур Лурье, пожалуй, слишком решителен, когда говорит, что Мандельштам не мог скрыть скуки, слушая Гумилева. Вопрос в том, что он слушал»; говоря о стих. Г. «Слово» («В оный день, когда над миром новым...», Н. М. отметила, что «строчку “дурно пахнут мертвые слова” – Мандельштам любил и часто повторял. И в “Восьмистишьях” есть реминисценции из Гумилева. Мандельштаму нравились куски из “Звездного ужаса” (“Что за жертва с теменем разбитым”) <...> Мандельштам искал у Гумилева удач. Такой удачей он считал “На Венере, ах, на Венере...”». Даже передавая мандельшт. неприятие «Заблудившегося трамвая» Г., Н. М. лишь фиксирует его эмоционально нейтральное дистанцирование, являющееся следствием иронич. отношения к гумилевскому увлечению жанром баллады: «Я <...> не сразу поняла, почему Мандельштам равнодушен к “Трамваю” (баллада!)».

Исключит. высоко оценивал О. М. деятельность Г.-переводчика: в статье «Жак родился и умер» (1926) он совершенно прозрачно скрыл имя Г. в перечне высших достижений рус. переводч. практики нач. 20 в.: «Высшая награда для переводчика – это усвоение переведенной им вещи русской литературой. Много ли мы можем назвать таких примеров после Бальмонта, Брюсова и русских “Эмалей и камей” Теофиля Готье?»; при этом, очевидно, имена Г. и Т. *Готье* в целом устойчиво связывались в сознании О. М. Из др. представителей заруб. литературы, интерес к творчеству к-рых проявляли оба автора, – упомянутые Г. в акмеистич. манифесте «Наследие символизма и акмеизм» (1913) наравне с Готье Ф. *Вийон, Ф. Рабле* и У. *Шекспир* (Гумилев Н. Собр. соч. Т. 3. С. 19).

Специфич. чертой мандельшт. отношения к лит. деятельности Г. выступает его реакция на широко распространен. гумилевский статус «мэтра», «учителя»: «Учительский темперамент Гумилева понукал его окружить себя учениками. <...> Мандельштам в противоположность Гумилеву, не нуждался в учениках и не переносил подражателей»; с т. зр. Н. М., находящейся, возможно, в зависимости от мнения О. М., «психологическим толчком к разрыву Гумилева с символистами была его потребность в учительской деятельности. При символистах он сам состоял в учениках». Показательно, что, рецензируя уже в 1933 готовящийся к печати поэтич. сб. А. А. Коваленкова «Зеленый берег», О. М. отметил, что автор «буквально оглушен ученической газетно-журнальной лирикой. Любопытно, что его нельзя назвать ни учеником Пастернака, ни Гумилева, ни Асеева, ни даже Багрицкого: он ученик их безответственных оборотней. <...> Я утверждаю, что множество молодых поэтов учились у “Огонька” <...> в гораздо большей степени, чем у так называемых классиков и мастеров».

Специфич. особенностью худож. и личностных взаимоотношений Г. и О. М. выступает факт их явного сближения современниками. Эта закономерность отчетливо проступает уже в рецензиях на 1-е (1913) и 2-е (1915) издания «Камня» даже при упоминании мандельшт. книги в интеллектуально и эмоционально разнящихся контекстах – от уничижительно-негативного [«не могу припомнить, принадлежал ли О. Мандельштам к славной плеяде поэтов-акмеистов (просто у меня нет под рукой “криминального” номера “Аполлона” с программными статьями <...> С. Городецкого и Н. Гумилева), но, читая книгу стихов “Камень”, я почувствовал в поэзии г. Мандельштама что-то акмеистское, – короче сказать, неживое» (А. И. *Дейч*)], через относительно нейтральный констатирующий [с присвоением статуса «самого талантливого ученика Гумилева» (В. Г. *Шершеневич*)] к констатирующему превосходство над гумилевским сб. «Колчан» (1916) [«Более значительна с художественной точки зрения книга О. Мандельштама “Камень”, поэта наиболее талантливого из всех гиперборейцев. Еще более неподвижный и холодный, чем Гумилев, <...> он, однако, больше, чем первый, обладает способностью импонировать своей торжественностью» (Д. И. *Выгодский*); ср.: «После некоторой легкой расплывчатости Гумилева приятны графически-четкие и твердые линии мандельштамовского стиха» (К. А. Ликсперов)]. Стилистич. близость О. М. и Г. фиксировали и искушенные читатели, 31.12.1915 Каблуков записал в дневнике: «Подобно “Камню” Мандельштама и новый сборник стихов Н. Гумилева “Колчан” <...> не содержит стихотворений плохих: есть только более или менее хорошие».

Исследователям «не удалось пока выявить тематическую общность или общую тему гумилевских подтекстов у Мандельштама» (Левинтон. Мандельштам и Гумилев. Предварительные заметки. С. 30). Тем не менее в стихах О. М., написанных при жизни Г., цитаты из Г.-поэта и Г.-критика весьма многочисленны. Ограничимся лишь неск. примерами.

Наиб. количество явных перекличек между текстами обоих поэтов приходится на 1-ю пол. 1910-х гг. Так, образ «раковины без жемчужин» из «Раковины» (1911) О. М. восходит к строке «Раковина я, но без жемчужин» из гумилевской поэмы «Открытие Америки» (1910). Вероятно, образ поющей крови из поэмы Г. «Блудный сын» (1911), имеющей отчетливый личностный фон [«О счастье! О пенье бунтующей крови» (Гумилев Н. Собр. соч. Т. 1. С. 150)], почти дословно повторился в мандельшт. стих. «Душу от внешних условий...» (1911): «Пенье – кипение крови – / Слышу и быстро хмелею».

Стих. О. М. «Айя-София» вместе с «Notre Dame» («Где римский судия судил чужой народ...»; 1912), открывающее цикл т. н. архитектурных стихов, в частности, проводящих акмеистич. постулат о конкретности и вещности худож. произведения (см. *Архитектура*). В рец. на 2-е (1916) изд. «Камня» Г. отмечал, что О. М. «чаще всего думает об архитектуре, о твердынях парижской Notre-Dame и Айя-Софии, и это – жадный взгляд ученика на творение мастера». Отличающая эти тексты точность изображения архитектурных объектов и их деталей приводит к мысли о наличии конкретных источников описания, к-рыми для «Айя-Софии» могли послужить рассказы Г. о его посещениях мечети в Константинополе во время путешествий 1908, 1909–10 и 1910–11. Так, подробное описание внутр. пространства Айя-Софии содержится в «Африканском дневнике» Г. (посв. последнему путешествию 1913 и не опубликованном при жизни) и обнаруживает довольно явные параллели с мандельшт. «Айя-Софией». Можно предположить, что при написании «Айя-София» О. М. опирался на личные впечатления Г. (как на доп. или единств. источник), к-рый, в свою очередь, при работе над «Африканским дневником» учитывал существование мандельшт. текста. Косвенным подтверждением гумилевского влияния на создание «Айя-Софии» служит и уже упоминавшийся факт редактирования мандельшт. текста Г. при подготовке к публикации в «Аполлоне». Не менее значительно присутствие гумилевских подтекстов в стихах О. М. 1920-х и 1930-х гг. Так, основание для выявления цитатного диалога дает биографич. параллель, представленная в мандельшт. записи от 2.5.1931, где цитируется некрасовская строка «Черный тигр шестикрылат», к-рая явно перекликается с мандельшт.: «Как бык шестикрылый и грозный, / Здесь людям является труд», из четверостишия 1930, примыкающего к циклу «Армения» (1930). Вполне вероятно, что источником данного образа (помимо прямых собственно ист. параллелей) могло послужить гумилевское стих. «Юдифь» [см.: «Поднялся ассирийский бык крылатый» (Гумилев Н. Собр. соч. Т. 1. С. 182)], включающееся в акмеистич. перспективу мандельшт. творчества и, в частности, эксплицирующее существ. для «армянских

стихов» ассиро-вавилонскую тему. Гумилевский подтекст, возможно, присутствует в двух поздних стих. О. М. «Заблудился я в небе – что делать...» и «Может быть, это точка безумия...» (оба 1937), содержащих довольно прозрачную цитату из стих. Г. «Смерть» (1915); см.: «Свод небесный будет раздвинут / Пред душою <...>. / Но и здесь, на земле, не хуже / Та же смерть» (Гумилев Н. Собр. соч. Т. 1. С. 192), «расслаивающееся», соответственно, на: «И под временным небом чистилища / Забываем мы часто о том, / Что счастливое небохранилище – / Раздвижной и прижизненный дом» и ритмически близкое гумилевскому: «Чистых линий пучки благодарные, / <...> Соберутся, сойдутся когда-нибудь, <...> / Только здесь, на земле, а не на небе, / Как в наполненный музыкой дом». Можно предположить, что реальный биографич. подтекст, связанный с фигурой Г. и фактом его трагич. гибели, присутствует в стих. «Как по улицам Киева-Вия...» (1937): «Как по улицам Киева-Вия / Ищет мужа не знаю чья жинка, / И на щеки ее восковые / Ни одна не скатилась слезинка». Данный текст обнаруживает явные содержат. параллели с гумилевским стих. «Из логова змиева» (1911), обращенным к Ахматовой: «Из логова змиева, / Из города Киева, / Я взял не жену, а колдунью» (Гумилев Н. Собр. соч. Т. 1. С. 131). Как отмечала Н. М., «“Из города Киева, из логова змиева” превратилось в “Киев-Вий” в одном из последних стихотворений Мандельштама». Гумилевский пласт отчетливо присутствует в главном поэтическом произведении О. М. – «Стихах о неизвестном солдате». По воспоминаниям Н. М., в период работы над их «небесной» частью О. М. «вспомнил слова Гумилева о том, что у каждого поэта свое отношение к звездам». По предположению Ю. И. Левина [Заметки о поэзии О. Мандельштама тридцатых годов. II. («Стихи о неизвестном солдате») // Slavica Hierosolymitana. 1979. Vol. IV. С. 198], в тексте содержатся отголоски «Звездного ужаса» Г. Смысловая мандельшт. цепочка виноград – города – созвездия может быть ассоциативно связана с гумилевским стих «Нигер»: «Я на карте моей <...> / Замечаю, как что-то чернеющей веткой, / Виноградной оброненной веткой ползет. / А вокруг города, точно горсть виноградин» (Гумилев Н. Собр. соч. Т. 1. С. 286).

Лит.: Тименчик Р. Д. Заметки об акмеизме // RL. 1974. № 7/8; Степанов Е. Николай Гумилев. Хроника // Гумилев Н. Соч.: В 3 т. Т. 3: Письма о русской поэзии. М., 1991; Шиндин С. Г. Мандельштам и Гумилев: о некоторых аспектах темы // Н. Гумилев и русский Парнас: Материалы науч. конференции. СПб., 1992; Он же. Акмеистический фрагмент художественного мира Мандельштама: метатекстуальный аспект // RL. 1997. Vol. XLII. № 2; Он же. Фрагмент поэтич. диалога Мандельштама и Гумилева: к рецепции образа Айя-Софии в культуре «серебряного века» // В. Я. Брюсов и рус. модернизм. М., 2004; Оношкович-Яцына А. И. Дневник 1919–1927 // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 13. М.; СПб., 1993; Иванов Г. В. Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. М., 1994; Левинтон Г. А. Мандельштам и Гумилев: предварительные заметки // Столетие Мандельштама: материалы симпозиума. Тенафлай, 1994; Лекманов О. А. Книга об акмеизме и другие работы. Томск, 2000; Осипова Н. «Оссианские» мотивы в русской поэзии XX века (О. Мандельштам, Н. Гумилев) // Костровский сб. Киров, 2002. Вып. 1; Налегач Н. Поэтика времени у акмеистов (на примере анализа стихотворения Н. Гумилева «Современность» и О. Мандельштама «Бессонница. Гомер. Тугие паруса») // ВТГУ. Серия: Материалы междунар., всерос. и региональных науч. конференций, семинаров, школ. Доклады и статьи междунар. науч. чтений: Д. С. Лихачев и русская культура. Томск, 2006. № 22. Декабрь; Десятов В. «Чужого неба волшебство»: фрагмент диалога Николая Гумилева и Осипа Мандельштама // Филология и человек. Барнаул. 2011. № 4; Он же. Логос и музыка в диалоге Н. Гумилева и О. Мандельштама // Там же. 2012. № 3; Хлыстова А. М. Лермонтов, Н. Гумилев, О. Мандельштам: три стихотворения о преодолении пространства и времени // Русская словесность. 2014. № 3; Драницын В. Н. Осип Мандельштам и Николай Гумилев: к истории первых лет знакомства (1908–1912) // Осип Мандельштам и XXI век: материалы междунар. симпозиума. М., 2016; Ronen O. An Approach to Mandel'stam. Jerusalem, 1983.

О. А. Лекманов, С. Г. Шиндин.

ГУРВИЧ Элеонора Самойловна (6.10.1890, Феодосия – 13.4.1989, Москва), невестка О. М., художник-график, ученица худ. К. Ф. Богаевского, М. А. *Волошина*, В. А. *Фаворского* и др. О. М. впервые увидела летом 1915, когда он читал стихи в Феодосии. В 1927 вышла замуж за А. Э. *Мандельштама*. Их единств. сын – А. А. *Мандельштам*. Поселились в большой коммунальной квартире в Старосадском пер. (д. 10, кв. 3), где обыкновенно останавливался и О. М., наезжая из Ленинграда. Член Моск. отделения ССХ, выставлялась в 1957, но 1-я персональная выставка состоялась в апреле 1989, уже после ее смерти. Картины Г. имеются в Гос. Третьяковской галерее и др. местах. В 1986 записала на магнитофонную пленку небольшие воспоминания об О. М. Семейный архив передан в *Государственный литературный музей*.

Соч.: Что помнится // СМР. Вып. 1. С. 38–40.

Лит.: Лисенкова Е. [Вступ. ст.] // Элеонора Гурвич. Ирина Завадская. Графика. Каталог. М., 1989.

П. М. Нерлер.

ГУСЕВ Константин Михайлович (18.1.1916, Воронеж – 9.11.1980, Москва), воронежский писатель. В 1936, когда состоялась его единственная, судя по всему, встреча с О. М., Г. был молодым поэтом и студентом географич. ф-та Воронежского ун-та. Узнав от Т. А. Русановой, своей однокурсницы, о том, что в Воронеж приехала А. А. *Ахматова*, Г. вместе со своим лучшим другом – математиком и поэтом Яковом Гершановичем, отправился навестить ее и О. М.: «Молодые дарования <...> задиристые и не очень выдержанные, затеяли спор с великими о смысле, целях, задачах и судьбах поэзии вообще и советской поэзии, на данном этапе в частности. Но ушли недовольные, не обретя единомышленников. Причем, по молодости, недовольство свое выразили и осудили великих решительно и не слишком стесняясь в выражениях. Я думаю, что Надежда Яковлевна Мандельштам не менее решительно выставила их за дверь» (Русанова А. А., Русанова Т. А. Встречи с Ахматовой и Мандельштамом. Воронеж, 1991. С. 5–6). Впоследствии Г. – сотрудник Воронежского книжного изд-ва, газет «Коммуна» и «Правда», активист движения эсперанто.

П. М. Нерлер.

ГЮГО (Hugo) Виктор Мари (26.2.1802, Безансон – 22.5.1885, Париж), франц. писатель, поэт, драматург, один из основоположников романтизма. Впервые Г. упомянут О. М. в заметке «Огюст Барбье» (1923) в контексте Парижской рев-ции 1830, где он метафорически связан с образом Собора Парижской Богоматери и группой «молодых писателей романтического толка, горячих театралов, восхищенных Гюго, поклонников живописной средневековой старины». В повести «Шум времени» (1923–24) Г. включен в набор имен, перечисляемых как объекты «культа великих людей» гувернанток-француженок наравне с *Наполеоном I Бонопартом* и Ж. Б. *Мольером*. Близким образом в «Разговоре о Данте» (1933) Г. метафорически противопоставлен *Данте Алигьери*, к-рый «вместо того чтобы взгромоздить свою скульптуру на цоколь, как сделал бы, например, Гюго <...> обволакивает ее сурдинкой, окутывает сизым сумраком, упрятывает на самое дно туманного звукового мешка». Вместе с тем в 1927 О. М. выступил как автор предисловия к рус. изданию ром. Г. «Девяносто третий год» (М.; Л., 1927), содержащего характеристику специфики его мировоззрения, гл. место в к-ром «занимает вера в прогресс и цивилизацию», что усиливается следами «полурелигиозной морали, корни которой восходят к деизму философов, подготовивших Великую французскую революцию». Там же в качестве одного из гл. признаков худож. манеры Г. отмечено и живописное начало его прозы, проявляющееся как авторская попытка «показать, что революция – лишь могучая игра светотени, что контрасты ее оправдываются общей картиной и необходимы для сильнейшего эффекта. <...> В этих прямолинейных и донельзя упрощенных зарисовках революции есть нечто общее с картинами художника Давида: в них театральный гнев лже-историка и желчь и боль почти современника». В «Путешествии в Армению» (1931–32) упоминается герой, к-рый «вмурован в плоскостенный дом свой, как несчастный персонаж в романе Виктора Гюго»), но с уверенностью сказать, о каком именно романе Г. идет речь, не представляется возможным. Метафорич. определение Франции «безбожница / С золотыми глазами козы» в стих. «Я молю, как жалости и милости...» (1937), по предположению Г. А. Левинтона (Маргиналии к Мандельштаму // Поэтика и текстология. С. 39), связано с романом Г. «Собор Парижской Богоматери»; др. возможные подтексты из этого произведения были предложены М. Л. Гаспаровым (Поэт и общество: Две готики и два Египта в поэзии О. Мандельштама // СМР. Вып. 3/1. С. 32) для стих. «Реймс – Лаон» («Я видел озеро, стоявшее отвесно...», 1937), при этом хронологически мандельшт. тексты следуют друг за другом.

С. Г. Шиндин.

ГЮИСМАНС (Huysmans) Шарль Мари Жорж (лит. имя Жорис Карл) (5.2.1848, Париж – 12.5.1907, там же), франц. писатель-романист, чл. Академии Гонкуров. Один из представителей «натуралистической» школы, от принципов к-рой впоследствии отошел; стоял у истоков европ. лит. декаданса. Творчество Г. вызывало большой интерес в рус. об-ве нач. 20 в.; показательно, что в одном из вариантов «Поэмы без героя» А. А. *Ахматовой* в ряду символич. для культуры этого периода персонажей фигурирует Дез Эссент – герой романа Г. «Наоборот» («A rebours», 1884; см.: Тименчик Р. Д., Топоров В. Н., Цивьян Т. В. Ахматова и Кузмин // RL. 1978. Vol. VI. № 3. С. 295). Этот же роман, воспринятый современниками как отражение декадентского мировоззрения и мировосприятия и как его своеобразная программа, сочувственно упомянут К. В. *Мочульским* в письме В. М. *Жирмунскому* 9.01.1912: «Я прочел “A rebours”, и мне чрезвычайно понравилась эта книга», чуть позже, в июле он писал тому же адресату: «За твою фразу, что Гюисманс (A rebours) – книга исключительная и ни с чем не сравнимая – я хотел бы нежно взять в свои руки твою голову и бережно и медленно тебя поцеловать в благодарность» (Мочульский К. В. Письма к В. М. Жирмунскому / вступ. ст., публ. и примеч. А. В. Лаврова // НЛО. 1999. № 35).

Отзывом О. М. на творчество Г. стала рец. (Аполлон. 1913. № 3. С. 74) на «Парижские арабески» (Гюисманс Ж. К. ПСС: В 3 т. М., 1912. Т. 3), входящая в цикл небольших рец. 1912–13. Ее написание, возможно, было связано с происходившим в это время активным формированием идеологии *акмеизма* и стало для О. М. способом выражения «акмеистического» взгляда на опред. культурные явления. Этим может объясняться его попытка найти у Г. прямые параллели гл. худож. ориентиру акмеизма – вещности: «Декаденты не любили действительности, но знали ее <...> Она была нужна им, как берег, чтобы оттолкнуться от него. Гюисманс особенно ценный декадент, т. к. его “другой берег”, la-bas, – несомненная вещность». В целом О. М. так охарактеризовал книгу Г.: «Столкновение беззащитных, но утонченных внешних органов восприятия с оскорбительной действительностью – вот главная ее тема. Париж есть ад. Уже Бальзак соглашается с этой аксиомой. Бодлер и Гюисманс сделали из нее последние выводы. Для обоих поэтов жить в аду – великая честь». Как это свойственно прозе О. М. вообще, даже такие незначит. по объему тексты, как рец. на «Парижские арабески», содержат смысловые модели, актуальные на протяжении всего его творч. пути. Впервые появившийся в связи с именем Г. образ столпника повторился в «Заметках о поэзии» («Vulgata»; 1922–23), где О. М. назвал рус. символистов «столпниками стиля». Др. положение рец., широко отразившееся в творчестве О. М., – связь европ. *Средневековья* с физиологич. началом: «Для восприятия бесконечной сложности средневековья необходима физиологическая изощренность – качество, которое Гюисманс <...> вырабатывает в “Парижских арабесках”». Совр. исследователи также высказывали предположения о присутствии цитат из прозы Г. в стих. О. М. «Notre-Dame» («Где римский судия судил чужой народ...», 1912), «На площадь выбежав, свободен...» (1914) (см.: Steiner P. Poem as Manifesto: Mandel'stam's «Notre-Dame» // RL. 1977. Vol. V. № 3. P. 243) и «Стансы» («Я не хочу средь юношей тепличных...» (1935) (см.: Тименчик Р. Д. Текст в тексте у акмеистов // УЗ Тартуского гос. ун-та. Вып. 567; Вып. XIV. 1981. С. 70). Для стих. «Notre-Dame» был предложен и опосредующий образность Г. подтекст из прозы Вяч. И. *Иванова* (см.: Лекманов. 2000. С. 123).

С. Г. Шиндин.

Д

ДАЛЬКРОЗ (Жак-Далькроз; Jaques-Dalcroze) (наст. фам. Жак) Эмиль (6.7.1865, Вена, Австрия – 1.7.1950, Женева, Швейцария), швейцарский композитор и педагог. Автор 7 опер, произведений для симфонич. оркестра, 3 кантат, 2 концертов для скрипки с оркестром и др. В 1892–1910, преподавая в Женевской консерватории, создал систему муз.-ритмич. воспитания (ритмич. гимнастика), разработал систему развития муз. и ритмич. способностей. К сер. 1910-х гг. его методика широко распространилась в Европе, а затем в России; в 1920-е гг. институты ритма на основе далькрозовской системы были организованы в *Москве* и Петрограде. Значение идей Д., в культуре этого периода воспринимавшихся как яркое новаторское начало, отражено в глубоко эмоциональной дневниковой записи К. И. *Чуковского* 15.4.1914, где далькрозовская концепция парадоксальным образом сближается, в частности, с *акмеизмом*: «Завыть бы по-собачьи, завизжать. Исцарапать себе ногтями лицо, закричать: перестаньте, не надо, не так! Все это очень благополучно. Танцы Далькроза, Мейерхольд... Все ищут... Сатирикон выходит... Как же! Акмеизм в пустяке переделался, а в крупном такой же ужас» (Чуковский К. Собр. соч.: В 15 т. Т. 11: Дневник 1901–1921 / сост., подгот. текста и коммент. Е. Чуковской. М., 2013. С. 191).

Проводниками идей Д. в России выступали С. М. *Волконский* и Н. Г. Александров, причем первый из них с сер. 1910-х гг. входил в круг устойчивого мандельшт. общения. С далькрозовской концепцией ритма и деятельностью Волконского, по мнению А. Г. Меца, связано мандельшт. стих. «Зверинец» («Отверженное слово “мир”...»; 1916); ср. мемуарное свидетельство: «В начале 1916 года, отбивая такт рукой, <...> Мандельштам читал свой “Зверинец”» (Розенталь Л. Мандельштам // СМР. Вып. 1. С. 34). Вряд ли только совпадением можно объяснить тот факт, что в газетном отчете о состоявшемся в Батуми 16.9.1920 поэтич. вечере О. М. была упомянута ритмич. методика Д.: «Читка стихов у поэта очень своеобразна. Когда поэт читает, он отдается только мерности, только ритму. Точно далькрозовское упражнение. И логические ударения, и значимость слов, и словесная инструментовка стиха – все приносится в жертву ритму» (цит. по: Тименчик Р. Осип Мандельштам в Батуми в 1920 году // СМР. Вып. 3/2. С. 149). В связи с этим весьма существенно то обстоятельство, что внимат. отношение О. М. к поэтич. ритму отмечали уже мн. рецензенты 1-го (1913) и 2-го (1915) издания «Камня»: «И ритм, и метр стиха О. Мандельштам знает великолепно» (В. И. *Нарбут*); «Поэт достигает истинной виртуозности ритма» (С. Я. *Парнок*); «Обладая острым чувством ритма <...> поистине кладет прочный камень в угол созидаемого им мира» (С. М. *Городецкий*); «поэт силен и своеобразен. Хрупкость вполне выверенных ритмов <...> есть в полной мере и в его первых стихах» (Н. С. *Гумилев*); «он выткал сложный узор стиха во всем великолепии и разнообразии ритмики» (Г. О. *Гершенкройн*); «есть несомненное чувство красоты, ритма» (А. Н. *Тихонов*). Особое внимание О. М. к поэтич. ритму сохранялось и в дальнейшем (см., напр.: Липкин С. «Угль, пылающий огнем...». Воспоминания // Липкин С. «Угль, пылающий огнем...»: Воспоминания о Мандельштаме. Стихи, статьи, переписка. Материалы о Семене Липкине / сост. П. Нерлер, Н. Поболь, Д. Полищук. М., 2008. С. 24–26); см. свидетельство Н. М. о мандельшт. отношении к чтению его стихов: «Он требовал, чтобы я читала их, не подчеркивая ритма, ровным голосом, без подъемов и спадов. Этот обычай был у нас с самого начала, но в тридцатых годах он окончательно укрепился»; ср. о работе над «Шумом времени»: (1923–24): «Когда накапливалась кучка бумаг, он просил, чтобы я прочла ему их вслух: “Только без выражения...” Он хотел, чтобы я читала, как десятилетняя школьница, пока учительница не научила ее “со слезой” поднимать и опускать голос». В данном контексте показательно, что сам О. М. проецировал смысло- и стилеобразующее начало ритма на прозаич. произведения и на др. виды искусства, в первую очередь на *кинематограф*.

О. М. был напрямую связан с методикой Д. в кон. 1918 в период работы в *Народном комиссариате просвещения* (Нерлер П. Осип Мандельштам в Наркомпросе в 1918–1919 гг. // ВЛ. 1989. № 9. С. 277–279. Судя по фрагментарным свидетельствам Н. М., он придавал большое значение популяризации идей Д.: «Требовал, чтобы вся страна занималась ритмической гимнастикой Далькроза» и сам способствовал этому: «Спасал институт Далькроза и церковный хор. Это была его служба» («Любил, но изредка чуть-чуть изменял»: Заметки Н. Я. Мандельштам на полях американского «Собрания сочинений» Мандельштама / подгот. текста, публ. и вступ. заметка Т. М. Левиной // Philologica. 1997. № 4. С. 174). О. М. стал одним из инициаторов создания Ин-та ритмич. воспитания, 10.11.1918 на коллегии ритмистов сделав доклад «Общественное значение ритмики и роль ритма в искусстве»; предполагалось, что он выступит редактором сб. «Ритм». Как сохранившийся интерес к системе Д. можно рассматривать то, что 11.1.1921, находясь в Петербурге, О. М. участвовал в маскараде в Школе ритмич. танца Ауэра. По свидетельству Е. М. *Тагер*, в нач. 1930-х гг. О. М. посетил отчетный вечер студии худож. движения Гептахор, чья работа «сливалась с ритмической школой Далькроза» и «в тридцатых годах в Ленинграде имела хорошую репутацию» (Тагер Е. М. Штудии о Мандельштаме // ЛУ. 1991. № 1. С. 158), но в беседе отдал предпочтение классич. балету.

Развернутая характеристика взглядов Д. дана в ст. «Государство и ритм» (1918), написанной на основе предисловия к неизданному сб. «Ритм»: «Нет никакой системы Далькроза. Его открытие принадлежит к числу гениальных

находок, вроде открытия пороха или силы пара»; в мандельш. оценке системе Д. «свойственен дух геометричности и строгого рационализма: человек, пространство, время, движение – четыре основных ее элемента». Возможно, текст содержит полемику с концепцией А. К. *Гастева*, типологически близкой далькрозовской: О. М. отрицал только утилитарный подход к ритмич. воспитанию: «Ритм требует <...> синтеза духа и тела, синтеза работы и игры. Он родился из синкретизма <...> не тяните ритмику ни в ту, ни в другую сторону, не сватайте ее ни за физическую культуру, ни за психологию, ни за трудовые процессы». В развитии идей Д., в ритмике О. М. видел предложенное гос-ву «могущественное средство, завещанное <...> гармоническими веками: ритм как орудие социального воспитания. <...> – Новое общество держится солидарностью и ритмом».

Лит.: Мусатов В. В. Лирика Осипа Мандельштама. Киев, 2000. С. 184–85; Шиндин С. Категория ритма в художественном мировоззрении Мандельштама // СМР. Вып. 5/2. С. 302–306, 330–332.

С. Г. Шиндин.

ДАНТЕ Алигьери (Durante di Alighiero degli Alighieri, между 21.05–21.06.1265 – 13/14.09.1321; известен под диминутивом «Данте», или, в мандельштамовском написании, восходящем к одной из норм, «Дант») – итал. писатель, первый по времени и значению, основоположник литературного итал. языка.

Д. принадлежал к аристократическому, но не знатному флорентийскому роду. Известность получил как автор «Новой жизни» (между 1293–1295) – истории любви к Беатриче (чьим прототипом считается Б(еатр)иче Портинари), редких встречах с ней и предчувствии ее смерти (1290). Излагая эту историю и в прозе, и в стихах – в виде выдержанных в новом сладостном стиле сонетов и канцон, придал традиционной для Средневековья куртуазной лирике новые, автобиографические, формы. Подхваченное Ф. *Петраркой*, это направление было продолжено сначала европейской, а с середины XVIII – нач. XIX вв. – и русской литературой.

Самое знаменитое сочинение Д. – «Комедия» (1304–1321), поэма в жанре «видения». С подачи Дж. Боккаччо она получила эпитет «божественная». Перу Д. принадлежат также трактаты, на латинском и итальянском языках. Один из них – «Пир» (1304–1307; не окончен, на итал. языке), с комментариями к стихам, элементами автобиографии и учеными заметками.

Славу Д.-писателя упрочила его биография. Как политический деятель Флоренции из партии белых гвельфов он в 1300 избирался приором, что, по его словам, положило начало его бедствиям. В 1302, во время посольской миссии в Рим, был лишен гражданства пропапской партией черных гвельфов, совершившей переворот во Флоренции. Вынужденный в течение двух следующих десятилетий скитаться по разным городам Италии, поначалу вел борьбу за реставрацию прежней власти в родном городе, но не преуспел в этом. На предложение вернуться, принеся публичное покаяние за антифлорентийские действия, ответил отказом. Умер в Равенне, где и был похоронен.

Такой образ Д., наряду с академической дантологией, пушкинской трактовкой Д., культом Д.-мистика, сложившимся у русских символистов, и общеакмеистическим образом Д., о котором свидетельствовала поздняя *Ахматова*, послужил О. М. отправной точкой для создания «своего Данте» (Панова, 2009). К наследию Д. и легендам о нем О. М. обращался и раньше, но лишь самостоятельное изучение итальянского языка (1932) и последующее чтение «Божественной комедии» в оригинале позволили ему увидеть в итал. писателе родственную душу и родственную судьбу, а в «Божественной комедии» – родственную поэтику. В поэзии и невымышленной прозе О. М. сориентировал свой образ – гениального поэта, маргинализованного обществом и отстаивающего право литературы на то, чтобы быть собой, а не прислуживать власти, – на самообраз Д. из «Божественной комедии». В эссе «Разговор о Данте» (1933) О. М. выступил еще и в квазифилологической роли: знатока подлинного Д. и ниспровергателя его помпезного культа.

Изучение итал. языка проложило О. М. путь не только к Д., но и к другим великим итальянцам: Петрарке, Л. *Ариосто* и Т. *Тассо*. Д. в этой плеяде отведено явно привилегированное положение, и тому было несколько причин. Д. – единственный итал. писатель, с которым О. М. себя открыто идентифицировал. Кроме того, в глазах О. М. он перерос рамки итальянской литературы тем, что создал «Божественную комедию» – предтечу и квинтэссенцию всей европейской литературы (Мандельштам Н. Я. Т. 2. С. 259–260). Возможно, последним обстоятельством и объясняется отсутствие Д. в списке друзей итальянского языка, представленном в стихотворении «Друг Ариоста, друг Петрарки, Тассо друг...» (1933, 1935).

В распоряжении О. М. в разное время побывали разные издания «Божественной комедии» и «Новой жизни». Три из них известны. Это собрание сочинений Д. карманного формата «Tutte le opere di Dante Alighieri» под редакцией Э. Мура (Oxford, 1904), «Dante Alighieri. La Divina Comedia» (Milano, U. Hoepli, s.a.) под ред. Дж. Ванделли (о которых см. Степанова, Левинтон, 2010. С. 531) и «Данте Алигьери. VITA NOVA. Пер. А. Эфроса» (М., Academia, 1934). Среди «безымянных» изданий мемуаристы упоминают переводы «Божественной комедии» на русский язык и издания «Божественной комедии», находившиеся в библиотеке М. *Волошина*.

В том, что касается переводов Д., у О. М. были совершенно определенные вкусы. Согласно Н. М., он низко ставил стихотворные переводы «Божественной комедии», но ценил прозаические – очевидно, за их точность и отсутствие художественных претензий (Мандельштам Н. Я. Т. 1. С. 329, с упоминанием одного такого переводчика – М. А. Горбова). Из писем С. Б. Рудакова к жене стал известен тот факт, что в Воронеже Мандельштамы ругали присланный им эфросовский перевод «Новой жизни» (Герштейн, 1998. С. 174).

Обширный корпус текстов О. М., написанных поверх Д., демонстрирует, что писатель явно предпочитал «Божественную комедию» «Новой жизни». Именно она воплощала для него «мужское» и «гражданское» начало и тем самым отвечала проводимой им акмеистической идеологии, а именно: мир, культура и история XX в. трудны, и требуют к себе ответственного и сознательного, т. е. мужского,

Данте Алигьери

гражданского, отношения, а не мистического заигрывания, будь то культ Вечной Женственности à la Беатриче или же «загробный» опыт à la Д., воспетный символистами. Тем не менее, «вечно-женственная» «Новая жизнь» фигурирует в нескольких его стихотворениях, а также в эссе-некрологе «А. Блок». Еще одно произведение Д., «Пир», под итальянским названием, “Convivio”, цитируется в черновиках к «Разговору о Данте». О. М. рассуждает о том, что этот трактат донес до нас «крупицы личного разговорного стиля Данте» (3. С. 408) и свидетельствует об «экономических» взглядах Д.: нелюбви к земледелию, любви к пастушеству и виноделию и поощрению купцов (3. С. 409).

В хронологическом порядке упоминания Д. в творчестве О. М. идут по нарастающей, и хрестоматийный Д. постепенно вытесняется «своим Данте». На пути к «своему Данте» О. М. прошел несколько этапов: игнорирование Д. в период, когда им писались символистские стихи; появление «хрестоматийного Данте» в период с акмеистического 1913 по 1925; «Д. как мера собственной правоты» в критических эссе и рецензиях 1920–1930-х гг.. Оригинальный, ни на кого не похожий взгляд на Д. О. М. выработал в «Разговоре о Данте» и лирике, написанной до и после этого эссе.

Начать с того, что в символистской поэзии О. М. Д. блистает своим отсутствием – и это при том, что у символистов включая *Вяч. Иванова*, В. *Брюсова* и А. *Блока* он входил в обязательный цитатный репертуар. Впоследствии к стихотворениям Брюсова и Блока, в которых фигурирует Д., О. М. отнесся резко отрицательно. Так, когда в 1922 ему заказали антологию русской поэзии (не реализована) и встал вопрос о включении в нее брюсовского стихотворения «Поэту» (1907), его реакция, по свидетельству Н. Я., была отчаянной: «Что это значит – “ты должен быть жарким, как пламя, ты должен быть острым, как меч?”», а когда дело доходило до строк про Данте, которому подземное пламя обожгло щеки, О. М. бросался к издателям отказываться от работы» (Мандельштам Н. Я. Т. 1. С. 327). В 1933 году полемика с Блоком послужила одним из стимулов к написанию «Разговора о Данте». Это обстоятельство стало известно благодаря черновикам к этому эссе, в которых комментируется блоковская «Равенна» (1909): «У Блока: “Тень Данта с профилем орлиным о новой жизни мне поет”. // Ничего не увидел, кроме гоголевского носа! // Дантовское чучело из девятнадцатого века! Для того, чтобы сказать это самое про заостренный нос, нужно было обязательно не читать Данта» (<Вокруг «Разговора о Данте»> <18> (3. С. 405)).

Впервые дантовская образность появляется в творчестве О. М. акмеистического периода (1912–1914). Что Д. не был в то время авторитетом для О. М., понятно хотя бы из «Утра акмеизма» (1912 (1913?)), в котором Д. не включен в большой список предшественников акмеизма. Зато Д. находится место в одном шуточном мадригале и одном эссе. Все это заставляет отнестись cum grano salis к мемуарному свидетельству Ахматовой о том, что акмеисты – О. М., Н. *Гумилев*, М. Лозинский и она сама – сплотились под знаменем Д. (Ахматова, 2000; Ахматова, 2001).

Так или иначе, первое известное нам упоминание Д. в творчестве О. М. имело место в обращенном к Ахматовой мадригале «Черты лица искажены...» (1913), сохранившемся в ее альбоме. Поэтесса прокомментировала это стихотворение так: «наброском с натуры было четверостишие “Черты лица искажены”. Я была с Мандельштамом на Царскосельском вокзале (10-е годы). Он смотрел, как я говорю по телефону, через стекло кабины. Когда я вышла, он прочел мне эти четыре строки» (Ахматова, 2001. С. 32; обсуждается в Виленкин, 1990. С. 55–56). В «Черты лица искажены...» автор «Божественной комедии» метонимически замещает собой адские муки, полагающиеся Ахматовой как прекрасной цыганке, т. е. грешнице по определению: «Кто скажет, что гитане гибкой / Все муки Данта суждены?» (1. С. 97).

Присущую О. М. экстраполяцию Д. и дантовских образов на русских писателей стоит отсчитывать, однако, не от этой миниатюры, где Ахматова фигурирует в нелитераторской роли красавицы-цыганки, а от эссе «Петр Чаадаев» (1914): «Чаадаев был первым русским, в самом деле, идейно, побывавшим на Западе и нашедшим дорогу обратно... На него могли показывать с суеверным уважением, как некогда на Данта: “Этот был там, он видел – и вернулся”» (4. С. 200). Д.-посетитель загробного мира был как раз той фигурой, которую символисты – особенно Брюсов – канонизировали как истинного творца, постигшего и реальность, и запредельное.

«Бессонница. Гомер. Тугие паруса...» (1915) открывает, в сущности, новую страницу в мандельштамовской работе с наследием Д. В этом стихотворении содержатся скрытые отсылки к «Божественной комедии». Одна его строка, «И море, и Гомер – всё движется любовью» (1. С. 115) – переиначенный финал дантовской поэмы («l’amor che move il sole e l’altre stele» [Любовь, которая движет солнцем и остальными звездами], «Рай», XXXIII, 145) (Nilsson, 1974. С. 42); другая, «Я список кораблей прочел до середины», вступает в перекличку со стихотворением Пушкина «Зорю бьют... из рук моих...» (1829) на тему ночного чтения Д. (Безродный, 2006): «из рук моих / Ветхий Данте выпадает»; наконец, идущее дальше сравнение «Как журавлиный клин» вторит образам и синтаксической конструкции строки 26 знаменитой песни V «Ада» (46), о сладострастниках (Nilsson, 1974. С. 39): «E come i gru van cantando lor lai» [И как журавли выпевают свои жалобы].

Не афишированные дантовские формулировки проникли и в более позднюю элегию «Tristia» (1918). Когда О. М. пишет: «И на заре какой-то новой жизни, / Когда в сенях лениво вол жует, / Зачем петух, глашатай новой жизни, / На городской стене крылами бьет?» (1. С. 138), то он выносит в позицию тавтологической рифмы итал. заглавие Д. «Vita nuova» или открывающее это произведение предложение на лат. языке: «Incipit vita nova» (Ronen, 1983. С. 200). В результате овидиевская «наука расставанья», появляющаяся в «Tristia» с самого начала стихотворения, проецируется вдобавок на пару «Д. – Беатриче».

Стимул к более интенсивной переработке образа Д. и его «Божественной комедии» дало пребывание О. М. в Крыму летом 1920 года, завершившееся ссорой с Волошиным. У нее было несколько поводов. Старый состоял в том, что за три года до нее О. М. потерял принадлежавшее Волошину итало-французское издание «Божественной комедии» и теперь, поселившись в волошинском Коктебеле, брал почитать другое издание из его библиотеки. А новый – временная пропажа из коктебельской библиотеки Волошина сборника «Камень», вина за которую была возложена на О. М., видимо, безосновательно (Волошин, 1995; Мандлин, 1968. С. 25–30; Мандельштам Н. Я. Т. 2. С. 108–109). Следующая после коктебельской, московская, встреча поэтов, согласно Волошину, была мирной: «М. ... “все простил” из того, что было между нами: ... зачитанного у меня Данте» (Волошин, 1995. С. 117). Что касается О. М., то в черновиках к «Разговору о Данте» он не вспомнил о ссоре 1920 с недавно умершим Волошиным (1932), а любовно описал его могилу. За оптимальный художественный выбор ее местоположения он даже наградил Волошина почетным эпитетом «дантовский» (3. С. 411).

Освеженная в памяти «Божественная комедия» и осмысление советского времени как неприспособленного для людей искусства подтолкнули О. М. к написанию в целом не очень понятного «Извозчика и Данте». В единственной прижизненной публикации («Красная газета», 1925) это стихотворение сопровождалось подзаголовком «басня», что проливает некоторый свет и на его содержание. Д. появляется здесь как историческая фигура, но не сам по себе, а в опошляющих его речах извозчика.

Новый дантовский период в творчестве О. М. отмечен тем, что в качестве критика он стал апеллировать к Д. как к автору «Божественной комедии». Если Д., разместив исторических, мифологических и литературных героев, включая своих современников, по кругам Ада, кругам Чистилища и небесным сферам Рая, тем самым перенял полномочия Бога, то О. М., верша аналогичный суд над писателями-современниками (а также О. Барбье), выступил как бы наместником Д. от литературы. Так для О. М. Д. превратился в мерило собственный правоты.

Первый такой случай – «А. Блок» (1922). Это эссе открывается и завершается хрестоматийными дантовскими цитатами: «Первая годовщина смерти Блока должна быть скромной... Посмертное существование Блока, новая судьба, Vita Nuova, переживает свой младенческий возраст» (2. С. 252); «Душевный строй поэта располагает к катастрофе. Культ же и культура предполагают скрытый и защищенный источник энергии, равномерное и целесообразное движение: “любовь, которая движет солнцем и остальными светилами”. Поэтическая культура возникает из стремления предотвратить катастрофу, поставить ее в зависимость от центрального солнца всей системы, будь то любовь, о которой сказал Дант, или музыка, к которой... пришел Блок» (2. С. 256). Употребляя дантовское «Vita Nuova» метафорически, О. М. вроде бы обещает недавно умершему Блоку посмертное существование в русской литературе, а сталкивая блоковское влечение к катастрофе с заданной Д. максимой о любви, движущей солнцем и остальными звездами, эту заявку на бессмертие отзывает.

Рецензия «Андрей Белый. Записки чудака» (1923) – суд над еще одним символистом и тоже за любовь к катастрофе. Мерой катастрофичности, как и в случае с Блоком, выступает Д.: «Отсутствие меры и такта, отсутствие вкуса – есть ложь... У Данта одного душевного события хватило на всю жизнь. Если у человека три раза в день происходят колоссальные душевные катастрофы, мы перестаем ему верить... – он для нас смешон» (2. С. 322).

В «Огюсте Барбье» (1923) учеба этого мастера французской политической поэзии непосредственно у автора «Божественной комедии» – а политика составляет аллегорический план поэмы Д. – оценивается со знаком плюс: «Силе поэтических образов Барбье учился непосредственно у Данта, ревностным почитателем которого он был, а не следует забывать, что “Божественная комедия” была для своего времени величайшим политическим памфлетом» (2. С. 304).

В «Путешествии в Армению» (1931–1932) О. М. использует красочный эпизод с Пьеро делла Винья («Ад», XIII, 31–37, 43–44) для осуждения неназванного М. Э. Козакова: «[О]дин писатель принес публичное покаяние в том, что был орнаменталистом... ему уготовано место в седьмом кругу дантовского ада, где вырос кровоточащий терновник. И когда какой-нибудь турист из любопытства отломит веточку этого самоубийцы, он взмолится человеческим голосом, как Пьетро де Винеа: “Не тронь! Ты причинил мне боль! Иль жалости ты в сердце не имеешь? Мы были люди, а теперь деревья...” И капнет капля черной крови» (3. С. 194).

Серию судов О. М. над писателями завершает критическая статья <О Чехове> (1935), посвященная «Дяде Ване». Согласно этой статье, действующие лица А. Чехова по сравнению с «воронкообразным чертежом дантовской Комедии, с ее кругами, маршрутами и сферической астрономией», выглядят «мелко-паспортной галиматьей» (3. С. 414).

Последний и главный период мандельштамовского увлечения Д. начался с того, что «Божественная комедия» была им прочитана в оригинале и на всю оставшуюся жизнь сделалась настольной книгой. Благодаря этому в пантеоне чтимых О. М. писателей Д. занял место рядом с А. С. *Пушкиным* и Ф. *Вийоном* – давнишними кумирами и ролевыми моделями (Мандельштам Н. Я. Т. 2. С. 113, 317–318; Ахматова, 2001. С. 39, 40–41; Штемпель, 2008. С. 36 сл.). Из дружеского круга О. М. его любовь к Д. разделялась Ахматовой. Так, во время своего воронежского визита к ссыльному О. М. они читали «Божественную комедию» по-итальянски на два голоса (Ахматова, 2001. С. 40–41; Мандельштам Н. Я. Т. 1. С. 318).

Основательное погружение в оригинальный текст «Божественной комедии», продумывание отдельных ее пассажей и устройства в целом способствовали отходу О. М.

от хрестоматийного Д. и восстанию против всего того, что в первой трети XX в. составляло дантовский канон. Это и дантология, сузившая «Божественную комедию» до аллегорической поэтики; и символисты, почитавшие в Д. поэта милостью Божьей и мудреца, чей жизненный опыт был окрашен запредельным – Вечной Женственности (через поклонению Беатриче) и путешествием по загробному миру; и Д. в интерпретации европейских романтиков, О. Шпенглера и художников. По О. М., дантовский канон заслонил подлинного Д. – мастера слова («колебателя смысла»), мастера конструкции и творца поразительного по своей мощи и жизнеспособности шедевра, чьей «вольноотпущенницей» стала вся европейская поэзия. Именно на такого Д. в своей поэзии 1930-х гг. О. М. и спроецировал свою личность, свою изгнаническую судьбу, свою ностальгию по родному Петербургу.

«Четвертая проза» (1930) и «Путешествие в Армению» были теми двумя произведениями, в которых совершился переход от «хрестоматийного Данте» к «своему Данте». В «Четвертой прозе» Мандельштам-повествователь выступает как судья над советскими писателями, что напоминает рассматривавшиеся выше критические эссе, а Мандельштам-персонаж – как их подсудимый и жертва по делу А. Г. Горнфельда. В первой ипостаси к дантовским образам О. М. не обращается, но обращается во второй. Создавая свой самообраз по модели Д.-пилигрима, он использует хрестоматийную завязку «Божественной комедии» («Ад», I, 1–63) и позаимствованным оттуда дантовским языком рассказывает о гонениях со стороны советских писателей: «In mezzo del cammin del <sic!> nostra vita – на середине жизненной дороги я был остановлен в дремучем советском лесу разбойниками, которые назвались моими судьями» (3. С. 176). В «Путешествии в Армению» эпизод «Божественной комедии» с Пьеро делла Винья был спроецирован на ситуацию с другим писателем, Козаковым (о чем см. выше); кроме того, там лестница живых существ Ламарка сопоставлена со ставшей хрестоматийной дантовской схемой «Божественной комедии», а именно с нижним и воронкообразно уходящим в землю Адом, срединным, в виде земной горы, Чистилищем и небесным Раем: «В обратном, нисходящем движении с Ламарком по лестнице живых существ есть величие Данта. Низшие формы органического бытия – ад для человека» (3. С. 201).

Обратная по отношению к «Путешествию в Армению» метафора, как показал Б. М. Гаспаров, легла в основу стихотворения «Ламарк» (1932). Там лестница живых существ Ламарка, от высших – к низшим, обращает устройство «Божественной комедии», в которой, напротив, происходит восхождение от грехов – к добродетелям. От дантовской поэмы и скрытое двойничество Ламарка с Вергилием, «вожатым» Д. по Аду и Чистилищу, и адские пейзажи как интертекстуальная параллель к «разломам» с рептилиями и насекомыми (Гаспаров Б., 1994 [1992]. С. 204–206; Ivanov, 1994. С. 288, 291). Еще раньше Д. Рейфилд предположил связь между Ламарком в восприятии О. М. и Д., а также ламарковской теорией видов и дантовским Адом с его 9 кругами. В качестве текста-посредника, цементирующего эти ассоциации, он выдвинул «Мнимости в геометрии» П. А. *Флоренского* (1922). Там структура дантовского загробного мира и стоящая за ней птолемеева система были соотнесены с новыми теориями физики – Римана и *Эйнштейна*; там же рассматривалась обратная траектория движения по дантовскому загробному мир (Rayfield, 1987. P. 92–93).

Что касается апроприации неканонических эпизодов Д., в том числе с проекцией их на себя, то начало ей было положено в трех стихотворениях, выросших из песни XV «Ада». Посвященная загробной встрече Д. с его учителем, Брунетто Латини, она привлекла Мандельштама-поэта не столько изображением этой встречи (хотя и этим тоже, судя по тому, что пейзаж из этой песни разбирается в «Разговоре о Данте»), сколько темой трудной судьбы поэта и его текстов в страшную эпоху. «Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья и дыма...» (1931) развивает топику середины песни XV (Crone, 1986. С. 94–99; Панова, 2009. С. 95–98), а именно: как поэту сохраниться в своей эпохе и не дать своим стихам исчезнуть. В свою очередь, стихи-двойчатки с общим началом, «Вы помните, как бегуны...» (1932, 1935) и «Новеллино» (1932), подхватывают заключительные строки песни XV (121–125), живописующие возвращение Латини в строй грешников после разговора с Д. (Струве Г., 1962. С. 610–611 и др.): «Poi si rivolse, e parve di coloro / che corrono a Verona il drappo verde / per la campagna; e parve di costoro / quelli che vince, non colui che perde» [Он обернулся и бегом помчался, / Как те, что под Вероною бежит/ К зеленому сукну, причем казался // Тем, чья победа, а не тем, чей стыд (пер. М. Лозинского; Данте, 1961. С. 105)]. В «Вы помните, как бегуны...» О. М. вольно пересказывает этот эпизод, развертывая его в состязания под Вероной за отрез зеленого сукна, из которых Латини выходит победителем. В «Новеллино» эпизод веронских состязаний в беге вводится аналогичным образом. Идущие дальше «зеленые камзольчики», по мысли Вяч. Вс. Иванова, сшиты из выигранного на состязаниях зеленого отреза (Иванов, 2000 [1998]. С. 426). «Новеллино», кроме того, фонетически и семантически итальянизирует звучание стиха: «ВЕРЕ» напоминает «VERdE» [зеленый] и в то же время перекликается с «ВЕРоной» (Иванов, 2000. С. 426).

После такой поэтической «разминки» О. М. создает свое главное дантоцентрическое произведение – «Разговор о Данте». Работа над ним велась во время крымского отдыха весной–летом 1933. В Старом Крыму О. М. вынашивал концепцию «Божественной комедии», а в Коктебеле ее записывал, обсуждая с не очень расположенным к нему *Белым* (см. Мусатов, 2000. С. 435), А. Мариенгофом и морскими камушками.

«Разговор о Данте» был опубликован с опозданием на тридцать с лишним лет, потому что в советской печати для него не нашлось ниши. В 1933 журнал «Звезда», прежде охотно печатавший О. М., это эссе отклонил (Faccani, 1994. P. 7–9; Дутли, 2005. С. 267 и др.), и точно так же, согласно воспоминаниям Э. Г. *Герштейн*, поступило одно из центральных издательств (вопрос о том, был ли это «Госиздат» или «Советский писатель», остается открытым): рукопись «Разговора о Данте» вернулась к О. М. с вопросительными знаками, возможно, сделанными рукой А. Живелегова, и без единого комментария (Герштейн, 1998. С. 44; Вокруг «Разговора о Данте», 1991. С. 151; Faccani, 1994. P. 8). В период до воронежской ссылки устраивались домашние вечера, на которых О. М. читал

«Разговор о Данте» поэтам и филологам. В Ленинграде у Ахматовой О. М. выступил перед В. М. *Жирмунским*, Ю. Н. *Тыняновым*, Л. Я. *Гинзбург*, Б. К. Лившицем, а в Москве – перед Б. Л. *Пастернаком* и В. Е. *Татлиным* (Дутли, 2005. С. 267). В Воронежской ссылке О. М. поручил Рудакову написать комментарий к «Разговору о Данте». Все, что дошло от этой работы, содержится в письмах Рудакова к жене (Герштейн, 1998). Известность пришла к «Разговору о Данте» после четырех первых публикаций середины 1960-х гг., последовавших одна за другой. В 1965-м – юбилейном году Д. – это эссе вышло в английском переводе К. *Брауна* и Роберта Хьюза, в 1966 – в третьем томе американского Собрания сочинений О. М. под ред. Б. А. Филиппова и *Г. П. Струве*; наконец, в 1967, в Италии и СССР – в СССР отдельным изданием и с послесловием Л. Е. Пинского (история этой публикации – (Вокруг «Разговора о Данте», 1991)). Из всех комментариев к «Разговору о Данте» наибольшей проработанностью и полнотой отличается последний: (Степанова, Левинтон, 2010).

Послесловие Л. Е. Пинского – сокращенный вариант его статьи «Поэтика Данте в освещении поэта» (Пинский, 1989) – на несколько десятилетий вперед задало парадигму исследования «Разговора о Данте». Л. Е. Пинский рассмотрел эссе О. М. по аналогии с тем, как рассматривается «Божественная комедия», выделив в нем четыре пласта смыслов: дантологический, общетеоретический, автокомментаторский и программно-полемический (Пинский, 1989. С. 368; см. продолжение – Левин, 1998 [1973]. С. 142; Панова, 2009. С. 100–103). Вот как с точки зрения этих четырех смыслов «Разговор о Данте» осмысляется сегодня.

В собственно дантологических прорывах «Разговору о Данте» обычно отказывают (Пинский, 1989; Баткин, 1994 [1972]; Илюшин, 1990. С. 371–372). «Разговор о Данте» – это не что иное как «антикомментарий» к «Божественной комедии» (Machiedo, 1984. P. 367), в том смысле, что целью О. М. было представить не столько подлинного Д., сколько другого Д. (Machiedo, 1984. P. 368). Прежде всего, О. М. отрицает три плана «Божественной комедии», буквальный (или реальный), аллегорический и анагогический (или символический), и игнорирует четвертый – моральный. Так, присущее «Божественной комедии» реалистическое правдоподобие он заменяет сходством дантовской поэтики с новой французской живописью, удлиняющей тела (Баткин, 1994), а ее аллегоризм и – шире – средневековую поэтику – нацеленностью на будущие эпохи. В развитие этой последней идеи О. М. комментирует «Божественную комедию» исходя из будущих по отношению к ней достижений (в частности, новой французской живописи), минуя ее исторический контекст. Далее, полную символизма архитектонику «Божественной комедии», мистику числа в основе симметричной трехчастной композиции ее кантик, равно как и сложившиеся представления о всей поэме как о соборе, а об «Аде» – как о скульптуре, О. М. пытается отменить своими геологическими и музыкальными мотивировками ее единства и неделимости на части (Пинский, 1989. С. 369).

Одним из программных пунктов реконцептуализации «Божественной комедии» стал акцент на творческом порыве. Он был привнесен извне, из «Творческой эволюции» Анри Бергсона, с развиваемой там идеей биологических видов как результата «élan vital» – жизненного порыва (Левин, 1998. С. 144; Струве Н., 1990 [1982]. С. 238; Пак Сун Юн, 2008. С. 71–91 и мн. др.).

Самое любопытное в дантологическом отношении замечание О. М. состоит в том, что «комментарий (разъяснительный) – неотъемлемая структурная часть самой “Комедии”» (Machiedo, 1984. P. 368), а самые несостоятельные – настояние на отсутствии явной структуры «Божественной комедии», влекущее за собой необходимость ее реструктурировать (Machiedo, 1984. P. 368); именование Д. разночинцем; и противопоставление Д., не прижившегося в своем времени, Боккаччо, который в том же самом времени «резвился» (Colucci, 1984. P. 65). Кроме того, в «Разговоре о Данте» допущено некоторое количество ошибок (к примеру, Лукиан спутан с Луканом, Machiedo, 1984. P. 371), описок и «очиток» (см. комментарии в Mandel'štam, 1994. С. 41–152; Степанова, Левинтон, 2010).

Мандельштамовское ниспровержение культа Д. оказалось созвучным движению в дантоведении по освобождению Д. от идеологических клише, которое началось через 50 лет (Colucci, 1984. P. 66) и заслужило похвалу Шеймаса Хини, ирландского поэта и лауреата Нобелевской премии. В эссе “The Government of the Tongue” [Власть языка/ над языком] (1986) Ш. Хини писал, что «Разговор о Данте» – «восхитительная фантазия» на тему поэтического творчества, которая возвращает Д. из пантеона обратно к нёбу (Heaney, 1988. С. 94–96; обсуждается в Дутли, 2005. С. 377, 413).

В общетеоретическом плане «Разговор о Данте» освещается как ars poetica О. М. (Пинский, 1989. С. 368; Баткин, 1994. С. 125; Левин, 1998; Струве Н., 1990. С. 240; Van der Eng-Leidemeier, 1983. P. 238; Harris, 1988. P. 112; Gifford, 1992. P. 674; Cavanagh, 1995; Glazov-Corrigan, 2000. P. 69–110; Кихней, 2000. С. 111–118 и др.). Рассуждения О. М. о природе творчества, технических аспектах создания произведений, их бытования и понимания, которые должны были бы служить ключом к «Божественной комедии», на деле уводят читателя от ее сути, но в то же время раскрывают основы мандельштамовской поэтики.

Автокомментаторское начало «Разговора о Данте» создается благодаря тому, что в «Божественной комедии» О. М. прозревает свою поэтику, в личности Д. – свое «я» – разночинца и гениального писателя, маргинализованного обществом (Левин, 1998. С. 142; Faccani, 1994 и мн. др.), а в жестах главного героя поэмы и в его поведении – свои собственные жесты и реакции. Так, имея привычку держать голову закинутой, О. М. берет эпиграфом к своему эссе строку «Così gridai con la faccia levata» [Так я закричал с поднятым кверху лицом] («Ад», XVI, 76) (Левин, 1998. С. 143; Черашняя, 1992. С. 97). Далее, психологический портрет Д. пишется О. М. с себя: «Мандельштам отмечает у Д. неуверенность в себе, внутреннюю неуравновешенность, измученность и загнанность – чисто автобиографические черты» (Левин, 1998. С. 143). Согласно Клэр Кэвена, Д. приписан и авторский комплекс еврея, осваивающегося в новой для него культуре и на каждом шагу испытывающего неловкость (Cavanagh, 1995. С. 210–214). Сходными в

описании О. М. оказываются и эпохи – его и дантовская: за акцентированием тюремных кошмаров Италии просматривается жуткая сталинская реальность (Левин, 1998. С. 143).

Программно-полемическое содержание «Разговора о Данте» по сравнению с черновиками сведено к минимуму. Из русских писателей-современников О. М. дискутирует с Блоком и – шире – русскими символистами, не только апроприировавшими Д. и дантовские образы, но и придавшими им помпезное величие, торжественность, монументальность, т. е. то, против чего направлено очеловечивающее Д. мандельштамовское эссе.

На образ Д.-разночинца из «Разговора о Данте» некоторые мандельштамоведы пробовали спроецировать и личность Белого, поскольку в Крыму именно в его компании О. М. размышлял о Д. (Gifford, 1992. С. 68; Kahn, 1994). Такая интерпретация представляется натяжкой. Зато несомненно другое: О. М. поставил Белого в связь с Д. в цикле <Стихи памяти Андрея Белого>. Стихотворение «Голубые глаза и горячая лобная кость...» (1934) трактовалось как продолжение крымского диалога (Kahn, 1994. С. 25). Дантовские образы были выявлены в финале еще одного стихотворения цикла: «Он дирижировал кавказскими горами...» (1934): «Рахиль глядела в зеркало явлений, / А Лия пела и плела венок» (3. С. 85). Это – не что иное, как сцена из сна Д., описанного в «Чистилище» (XXVII, 97–103) (Тарановский, 2000 [1976]. С. 104]; Глазова, 2000 [1984]. С. 85).

Д. появляется в воронежских стихах ссыльного О. М., но не сразу. В 1935–1936 гг., когда О. М. пробовал влиться в соцреалистическую поэзию и писать по-советски, нон-конформистский опыт Д. едва ли мог ему пригодиться. Предположение о том, что «<Ода>» Сталину эзоповым языком и зашифрованными дантовскими подтекстами кодирует антисоветские настроения (Глазова, 2000. С. 81–82 и др.), вряд ли оправдано. К жизненному опыту и творческому наследию Д. О. М. обратился позже, в 1937, когда стал писать, не без риска для жизни, своим языком и о своем трагическом положении нон-конформиста, противостоящего враждебному и холодному миру.

Дантовской образностью слегка окрашена гражданская эпика 1937 – «Стихи о неизвестном солдате», с их гуманистическими установками и протестом против тоталитаризма, который погребает под собой человека. Там к «Божественной комедии» восходит лучевая тематика и – но это уже в черновых редакциях – Южный Крест (Глазова, 2000; Гаспаров М., 1996. С. 30).

Та же световая топика дантовского «Рая» послужила стимулом и для двух других стихотворений, отпочковавшихся от «Стихов о неизвестном солдате» (Глазова, 2000. С. 75–77). В «Может быть, это точка безумия...» световая точка – средоточие бытия, но в то же время и эмблема совести. Лирический герой этого стихотворения совсем по-дантовски размышляет о природе лучей, для чего привлекает метафорику кристалла (в «Разговоре о Данте» с ее помощью описывалась «Божественная комедия») (Гаспаров М., 1996. С. 60). В «О, как же я хочу...», обращенном к Н. Я., ситуация иная. Лирический герой тянется за световым лучом в небо и туда же приглашает адресата стихотворения – свое «дитя».

Насквозь пропитаны дантовской образностью четыре другие стихотворения, трактующие о двойничестве с Д., в частности по линии ностальгии по покинутому родному городу; горькой судьбы поэта на ее финальном этапе; и прощания с миром перед переходом в мир иной. Во всех этих ситуациях Д. был экспертом, а потому О. М., просветленный и умудренный «Божественной комедией», попав в них, пользуется дантовской призмой.

«Не сравнивай: живущий несравним...» составлено из дантовских элементов: это и «круг» неба, и «тосканские» «холмы», «яснеющие» в дантовской Флоренции, и «тоска», из мандельштамовской формулы «тоска по Флоренции», введенной в «Разговор о Данте», и – тоже из «Разговора о Данте» – мотив сравнения (Cavanagh, 1995. P. 274–278; Жолковский, 2005 [1999]. С. 84, 534). «Ясная тоска» по тосканским холмам, которая тем не менее не отпускает к ним поэта, имеет «итальянскую и русскую душу» (Cavanagh, 1995. P. 277). Ее русская составляющая – это не только русские народные формулы типа «печаль-тоска», но и знаменитое пушкинское стихотворение «На холмах Грузии лежит ночная мгла...» (1829), с формулой «печаль моя светла» (Жолковский, 2005. С. 87). Пушкинский подтекст позволяет А. К. Жолковскому сформулировать как общую тональность стихотворения, по-советски «примиренческую», так и принимаемое лирическим «я» решение: «поэт с ласковым испугом не отпускает себя в Тоскану, ибо отпустить ему себя не по чину, а потому тайно кивает на Пушкина» (Жолковский, 2005. С. 93).

В «Слышу, слышу ранний лед...» проводится параллель между лирическим героем, высланным из Петербурга-Ленинграда, и Д., изгнанным из Флоренции (Струве Г., 1962. С. 611; Baines, 1976. P. 185; Глазова, 2000. С. 94–95; Гаспаров М., 1996. С. 59; Панова, 2009. С. 105–109): «С черствых лестниц, с площадей / С угловатыми дворцами / Круг Флоренции своей / Алигьери пел мощней / Утомленными губами» (3. С. 116). Есть в этом стихотворении и «горечь изгнания» из знаменитого пророчества Каччагвиды («Рай», XVII, 58–60) (Baines, 1976. P. 185–186; Глазова, 2000. С. 94–95; Илюшин, 1990. С. 370): «Tu proverai sì come sa di sale / lo pane altrui, e come è duro calle / lo scendere e 'l salir per l'altrui scale» [Ты будешь знать, как горестен устам / Чужой ломоть, как трудно на чужбине/ Сходить и восходить по ступеням (пер. Лозинского, Данте 1961. С. 534)]. В «Слышу, слышу ранний лед...» из пророчества Каччагвиды попали «лестница» («scala»), определяемая хлебным эпитетом «черствый», и «хлеб» («pane»). Последний О. М. сопровождает эпитетом «несладкий» вместо «соленый» – а все потому, что, согласно Стефано Гардзонио, эти дантовские строки пришли к О. М. через посредство Пушкина, переложившего их в черновом отрывке к «Цыганам»: «[Не испытает] м<альчик> мой <...> / Сколь черств и горек хлеб чужой – / Сколь тяжко <медленной> [ногой] / Всходить на чуждые ступени» (Гардзонио, 2006. С. 82). При таком объяснении возникает хронологическая проблема: черновой отрывок впервые был опубликован в IV томе Полного собрания сочинений Пушкина, который вышел из печати 4 февраля 1937, а свое стихотворение О. М. написал 22 января 1937.

Стихотворения-двойчатки с общим зачином «Заблудился я в небе – что делать?..» (1-е написано 9, 2-е –

9–19 марта), в свою очередь, разрабатывают тему смерти как перехода из мира реального – в мир потусторонний, совершаемого в небе. Тут-то и возникает потребность в Д. – знатоке идеального, райского, неба. В 1-м «Заблудился я в небе...» после такого вступления разворачивается параллелизм между Д. и лирическим «я». Это – вслед за «Слышу, слышу ранний лед...» – мотив ностальгии изгнанника по родному городу. Соответственно, лирический герой О. М. в момент своей смерти испытывает приступ «флорентийской» – т. е. дантовской – тоски (Гаспаров М., 1996. С. 59). Еще один атрибут изображаемой смерти лирического героя – лавр, ибо Д., лаврового венка при жизни не получивший, тем не менее изображался в нем в посмертных изданиях (Гаспаров М., 1996. С. 59) и живописи. Во 2-м «Заблудился я в небе – что делать?..» происходит переход к петербургской топике, что также напоминает «Слышу, слышу ранний лед...»: «“тучу ведут под узцы”, как клодтовских коней на петербургском мосту, под которым шелестит ранний лед» (Гаспаров М., 1996. С. 59).

Последнее обращение к творческому наследию Д., а также Петрарки, самое неожиданное, ибо отчетливо символистское, происходит в <Стихах к Н. Штемпель> (1937). При вручении этого диптиха адресатке, О. М. дал им максимально высокую оценку: «Это лучшее, что я написал». Но важнее другое: он назвал их «любовной лирикой» (Штемпель, 2008. С. 44, 62–63). Традиционно в <Стихах к Н. Штемпель> видят иной, философский, жанр – прощание с жизнью, слегка оркестрованное дантовскими мотивами и структурами (Глазова, 2000. С. 99; Седакова, 2016). Если же отнестись к интенциям О. М. с доверием, которого они несомненно заслуживают, то вырисовывается следующая картина. Оказавшись в ситуации неразделенной и тем самым платонической любви, О. М. обратился к Д. и Петрарке, непревзойденным авторитетам в области платонического почитания Прекрасных дам. Из эпизодов «Новой жизни», «Божественной комедии» и «Книги песен» он выстроил сценарий, подхватывающий дантовско-петрарковский канон в одном и порывающий с ним в другом. Диптих организован как палимпсест, верхний слой которого – мандельштамовская история любви и ее главное действующее лицо: Наталья Штемпель, шествующая в весеннем пейзаже. Поскольку слегка хромающая Наталья – не чета Беатриче и Лауре, красавицам без единого изъяна, то снять это противоречие призван лирический сюжет. В нем «неравномерная походка» платонической возлюбленной сначала поражает наблюдателя тем, что Е. А. *Баратынский* назвал «лица необщим выраженьем», а затем выравнивается в «поступь» (3. С. 138). С устранением этого «недостатка» Наталья причисляется к лику Прекрасных дам и, в таком качестве, если не на земле, так на небе, готовится составить достойную пару воспевшему ее поэту (Панова, 2013; Панова, 2016, с максимально полным выявлением итальянской топики; отдельные наблюдения см. также в Павлов, 1994. С. 179).

Популяризатором мандельштамовского Д. стала Ахматова. 19 октября 1965 на праздновании 700-летия Д. в московском «Большом театре» она произнесла речь о нем, в которую ввела имена своих товарищей по акмеистическому цеху, поклонявшихся великому итальянцу (Ахматова, 2002; обсуждается в Дутли, 2005. С. 369). По традиции, идущей от Н. Я., мандельштамовское увлечение Д. приравнивают к ахматовскому увлечению Пушкиным (Мандельштам Н. Я. Т. 1. С. 318–319; Van der Eng-Liedmeier, 1983; Барили, 1992; и др.). При этом у произведений О. М. и Ахматовой на дантовской (дантовско-пушкинской) подкладке отмечается общий прием: тайнопись.

Корпус текстов О. М., написанных поверх Д., поставил его в один ряд с такими европейскими поэтами его поколения, как Т. С. Элиот, Эзра Паунд и Георгос Сеферис, во многом ориентировавшихся на Д. (Corti, 1984; Иванов, 2000; Gifford, 1992. P. 68–69).

Лит.: Ахматова А. Листки из дневника. Мандельштам // Ахматова А. Собрание сочинений. Т. 5. М.: Эллис Лак, 2001. С. 21–59; Ахматова А. Данте // Ахматова А. Собрание сочинений. М.: Эллис Лак, 2002. Т. 6. С. 7–10; Барили Г. Статьи о Пушкине Ахматовой и «Разговор о Данте» Мандельштама. Из наблюдений // Тайны ремесла. Ахматовские чтения. Вып. 2. М., 1992. С. 39–47; Баткин Л. Данте в восприятии Мандельштама // Баткин Л. Пристрастия. М.: Курсив-А, 1994. С. 123–128; Безродный М. «Бессонница. Гомер...» Материалы к комментарию // Стенгазета, 2 апреля 2006, http://www.stengazeta.net/article.html?article=1279; Виленкин В. В сто первом зеркале. Воспоминания об Анне Ахматовой. М.: Советский писатель, 1990; Вокруг «Разговора о Данте» (из архива Л. Е. Пинского) / Публ. Е. М. Лысенко, прим. П. М. Нерлера // Слово и судьба. Осип Мандельштам. Исследования и материалы. М.: Наука, 1991. С. 149–152; Волошин М. Воспоминания // Осип Мандельштам и его время / Сост. В. Крейд и Е. Нечепорук. М.: L'Age d'Homme*Наш дом, 1995. С. 113–117; Гардзонио С. Об одном «дантовском» эпитете Мандельштама (Стихотворение «Слышу, слышу ранний лед...») // Гардзонио С. Статьи по русской поэзии и культуре XX века. М.: Водолей Publishers, 2006. С. 77–82; Гаспаров Б. Ламарк, Шеллинг, Марр // Гаспаров Б. Литературные лейтмотивы. Очерки русской литературы XX века. М.: Наука, 1994; Гаспаров М. О. Мандельштам: Гражданская лирика 1937 года. М.: РГГУ, 1996; Герштейн Э. Мандельштам в Воронеже (по письмам С. Б. Рудакова) // Герштейн Э. Мемуары. СПб.: Инапресс, 1998. С. 74–192; Глазова М. Мандельштам и Данте: «Божественная комедия» в поэзии Мандельштама тридцатых годов // Сохрани мою речь: Записки Мандельштамовского общества. М.: РГГУ, 2000. Вып. 3. Ч. 1. С. 73–100; Данте Алигьери. Божественная комедия / Пер. М. Л. Лозинского. М.: Художественная литература, 1961; Дживелегов А. Данте Алигиери // Литературная энциклопедия: В 11 т. [Москва]: Издательство Коммунистической Академии, 1930. С. 147–163; Дутли Р. Век мой, зверь мой. Осип Мандельштам / Биография. Пер. с нем. К. Азадовского. СПб.: Академический проект, 2005; Жолковский А. Клавишные прогулки без подорожной («Не сравнивай: живущий несравним...») // Жолковский А. Избранные статьи о русской поэзии. М.: РГГУ, 2005. С. 83–99; Захариева И. Модель литературного комментария О. Мандельштама («Разговор о Данте») // Захариева И. Аспекты формирования канона в русской литературе XX века. София, 2008. С. 64–72; Иванов Вяч. Вс. «Вы помните, как бегуны...»: Данте, Мандельштам и Элиот // Иванов Вяч. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. II. Статьи о русской литературе. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 423–434; Илюшин А. Данте и Петрарка в интерпретациях Мандельштама // Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама: Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Комментарии. Исследования. Воронеж, Издательство

Воронежского университета, 1990. С. 376–382; Левин Ю. Заметки к «Разговору о Данте» // Левин Ю. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 142–153; Кихней Л. Осип Мандельштам. Бытие слова. М.: Диалог-МГУ, 2000; Купченко В. Ссора поэтов (к истории взаимоотношений О. Мандельштама и М. Волошина) // Слово и судьба. Осип Мандельштам. Исследования и материалы. М.: Наука, 1991. С. 176–183; Миндлин Э. Максимилиан Волошин // Миндлин Э. Необыкновенные собеседники. М.: Советский писатель, 1968. С. 7–95; Мусатов В. Лирика Осипа Мандельштама. Киев: Эльга-Н., Ника-Центр, 2000; Павлов М. К теме движения в поэзии Мандельштама: семантика шага в стихах к Н. Е. Штемпель. Ред.-сост. Робин Айзелвуд и Диана Майерс // Столетие Мандельштама: Материалы симпозиума. Tenafly, NJ: Эрмитаж, 1994. С. 173–182; Пак Сун Юн. Органическая поэтика Осипа Мандельштама. СПб.: Пушкинский дом, 2008; Панова Л. «Друг Данте и Петрарки друг...». Статья 1. Мандельштамовское освоение «Божественной комедии» и судьбы Данте // Миры Осипа Мандельштама. IV Мандельштамовские чтения: материалы международного научного семинара, 31 мая – 4 июня 2009 г. Пермь – Чердынь. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2009 (b). С. 76–116; Панова Л. (Не)музыкальное приношение, или Allegro affettuoso: Сборник статей к 65-летию Б. А. Каца/ Ред.-сост. А. Долинин et al. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013 (b). С. 548–565; Панова Л. Стихи Осипа Мандельштама к Наталье Штемпель, или ода неравномерной походке // Звезда. 2016. № 1. С. 128–141; Пинский Л. Поэтика Данте в освещении поэта // Пинский Л. Магистральный сюжет: Ф. Вийон, В. Шекспир, Б. Грасиан, В. Скотт / сост. Л. Лысенко. М.: Советский писатель, 1989. С. 367–396; Седакова О. Прощальные стихи Мандельштама. «Классика в неклассическое время» // Осип Мандельштам и XXI век. Материалы международного симпозиума. Москва. 1–3 ноября 2016 г./ Ред.-сост Л. Видгоф, Д. Зуев, О. Лекманов, П. Нерлер. М.: ООО «Армполиграф», 2016. С. 23–50; Степанова Л., Левинтон Г. Комментарии <к «Разговору о Данте», «Разговору о Данте. Первой редакции» и «Разговору о Данте. Из черновиков» // Мандельштам Осип. Полное собрание сочинений и писем. В 3 т. Т. 2. М.: Прогресс-Плеяда, 2010. С. 530–629, 714–744; Струве Г. Итальянские образы и мотивы в поэзии Осипа Мандельштама // Studi in onore di Ettore Lo Gatto e Giovanni Mayer. Roma, 1962. С. 601–614. Струве Н. Осип Мандельштам. London, "Overseas Publications Interchange Ltd", 1988; Тарановский К. Черно-желтный свет. Еврейская тема в поэзии Мандельштама // Тарановский К. О поэзии и поэтике / сост. М. Л. Гаспаров. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 77–105; Черашняя Д. Субъектный строй «Разговора о Данте» // Черашняя Д. Этюды о Мандельштаме. Ижевск, 1992. С. 94–102; Штемпель Н. Воспоминания // «Ясная Наташа». Осип Мандельштам и Наталья Штемпель / под. ред. П. Нерлера и Н. Гординой. М., Воронеж: Кварта, 2008. С. 21–74; Baines J. Mandelstam: The Later Poetry. Cambridge, London, New York, Melbourne, Cambridge UP, 1976; Cavanagh C. Osip Mandelstam and the Modernist Creation of Tradition. Princeton: Princeton University Press, 1995; Colucci M. Nota alla "Conversazione su Dante" di Mandel'štam // Dante i slavenski svijet. Dante e il mondo slavo. Zagreb, 1984. Vol. I. P. 63–70; Corti M. Quattro poeti leggono Dante: Riflessioni // Il Lettore di Provincia. Dec. Vol. 5 (59), 1984. P. 3–18; Crone A. L. Woods and Trees: Mandel'shtam's Use of Dante's "Inferno" in "Preserve My Speech" // Studies in Russian Literature in Honor of Vsevolod Setchkarev / Ed. by J. Connolly, S. Ketchian. Columbus, Slavica Publishers, 1986. P. 87–101; Faccani R. Nello specchio della Divina Commedia. Appunti in margine alla "Conversazione su Dante" di Osip Mandel'štam // Mandel'štam Osip. Conversazione su Dante. Genova, Il melangolo. 1994. P. 7–36; Gifford H. Mandelstam's "Conversation about Dante" // Literature, culture and society in the modern age. Part II. Stanford. 1992. P. 67–81; Glazova M. Mandel'štam and Dante: "The Divine Comedy" in Mandel'štam's Poetry of the 1930s // Studies in Soviet Thought, 1984, Vol. 28. P. 281–335; Glazov-Corrigan E. Mandel'shtam's Poetics: A Challenge to Postmodernism. Toronto, Buffalo, London: University of Toronto Press, 2000; Harris J. G. Osip Mandelshtam. Boston: Twayne Publishers, 1998; Heaney S. The Government of the Tongue // Heaney Seamus. The Government of the Tongue: selected prose, 1978–1987. New York. Farrar, Straus and Giroux, 1989. P. 91–108; Ivanov V. V. Mandelstam and Biology // Столетие Мандельштама. Материалы симпозиума. Сост. Р. Айзелвуд и Д. Майерс. Tenafly NJ: Эрмитаж, 1994. С. 280–298; Kahn A. Andrei Belyi, Dante and "Golubye glaza i goriashchaia lobnaia kost'": Mandel'shtam's Later Poetics and the Image of the "Raznochinets" // Russian Review, 1994, Vol.53 (1). P. 22–35; Machiedo M. In margine al Dante di Mandelštam // Dante i slavenski svijet. Dante e il mondo slavo. Zagreb, 1984. Vol. I. P. 367–375; Mandel'štam O. Conversazione su Dante. A cura di Remo Faccani. Genova: Il Melangolo, 1994; Nilsson N. A. Osip Mandel'štam. Five Poems. Stockholm: Almqvist&Wiksell International, 1974; Nivat G. Essai sur la rencontre poétique d'Andreï Biély et d'Ossip Mandelstam // De la littérature russe: mélanges offerts à Michel Aucouturier / Publiés sous la direction de Catherine Depretto. Paris, Institut d'études slaves, 2005. P. 91–99; Rayfield D. Lamarck and Mandelstam // Scottish Slavonic Review 1987, 9. P. 85–101; Ronen O. An Approach to Mandel'štam. Jerusalem: The Magnes Press, 1983; Schiaffino G. L'episodio di Farinata nel "Discorso su Dante" di Osip Mandel'štam // Dantismo russo e cornice europea / A cura di Egidio Guidubaldi. Firenze, Leo S. Olschki editore, 1989. V. I. P. 325–339; Sedakova O. Ispirazione dantesca nella poesia russa // Semicerchio. Rivista di poesia comparata. Rewriting Dante. Le riscritture di Dante. A cura di Maurizio Bossi, Antonella Francini, Francesco Stella e Lucia Tonini. XXXVI, 2007, 1. P. 19–24; Van der Eng-Liedmeier J. Some Aspects of Mandel'štam's "Razgovor o Dante" and Axmatova's "O Puškine" // Miscellanea Slavica: To Honour the Memory of Jan M. Meijer / Ed. by B. J. Amsenga, A. H. van den Baar, F. Suasso, M. D. de Wolff. Amsterdam: Rodopi, 1983. P. 235–252.

Л. Г. Панова

«ДАУГАВА», лит.-худож. и обществ.-полит. ежемесячный русскоязычный журнал (Рига, 1977–2008). В момент возникновения – орган ЦК КП Советской Республики Латвия. После 1986 в «Д.» впервые печатались мн. произведения, ранее запрещенные в СССР. В 1987 в «Д.» впервые в СССР были опубл. самые ранние из дошедших до нас стихов О. М. (1988, № 2), а также ряд стих. О. М. 1930-х гг. (1987. № 1), многие ценные биографич. материалы о поэте (1988, № 2).

Лит.: «Новые стихотворения» Осипа Мандельштама / публ. Е. Сморгуновой и Ю. Фрейдина // Даугава. 1987. № 1; С. 110–117; Мец А. Г. Неизвестные стихотворения Мандельштама [1907 года]; Забытые воспоминания о Мандельштаме [М. Карповича и К. Мочульского] / публ. Р. Д. Тименчика // Там же. 1988. № 2. С. 94–114; Македонов А. Из воспоминаний об Ахматовой // Там же. 1992. № 2. С. 165–167; Лекма-

н о в О. Об одном «ерундовом» стихотворении Мандельштама: [О стих. «От легкой жизни мы сошли с ума...»] // Там же. 1992. № 6. С. 149–152; О н ж е. О стихотворении Мандельштама «Заснула чернь. Зияет площадь аркой...» // Там же. 1994. № 5. С. 153–159; О н ж е. О возможном «реальном» подтексте стихотворения О. Мандельштама «Телефон» // Там же. 1996. № 2. С. 116–118; О н ж е. Осип Мандельштам: портреты словами [сост., послесл. и примеч.] // Там же. 1995. № 1; О н ж е. [Публ. и вступ. заметка к ст.:] Сергей Маковский. Об Осипе Мандельштаме // Там же. 1997. № 2. С. 131–132; О н ж е. О двух «дурацких баснях» Осипа Мандельштама // Там же. 2001. № 1–2. С. 150–156; Осип Мандельштам: портреты словами (1906–1938) // Там же. 1995. № 1. С. 136–160; Т и м е н ч и к Р. Дядя из Риги, или К анатомии литературной шутки // Там же. 1995. № 11/12. С. 136–137; О н ж е. О некрологии Осипа Мандельштама // Там же. 1997. № 2. С. 132–138; М а к о в с к и й С. Об Осипе Мандельштаме (со слов Э. М. Райса) // Там же. 1997. № 2. С. 131–132.

В. В. Калмыкова.

ДЕЙЧ Александр Иосифович (1.5.1893, Киев – 8.4.1972, Москва), писатель, литературовед, лит. и театральный критик, д-р филол. наук (1945), д-р искусствознания (1947). Публиковался с 1910, с сер. 1910-х гг. занимал заметное место в культурной жизни Киева; в частности, широкий резонанс получила его эпатажная ст. «Крах пролетарского искусства» (Театральная жизнь. 1918. № 18). Во 2-й пол. 1910-х – нач. 1920-х гг. в круг его общения входили Л. Курбас, К. А. Марджанов, И. М. Рабинович, А. Г. Тышлер, А. А. Экстер, И. Г. *Эренбург* и мн. др. представители худож. среды того периода. В поздних мемуарах «Арабески времени» Д. вскользь упоминал о выступлении О. М. в *«Бродячей собаке»* (Д е й ч А. День нынешний и день минувший: Литературные впечатления и встречи. М., 1969. С. 308). В 1916 Д. иронически отозвался на 2-е изд. «Камня», в рец. с характерным названием «Неживой поэт» писал: «Возвышенные стихи, ложно-классический пафос, ходульная поза пленяют О. Мандельштама. И все в его поэзии деланное, неживое, книжное. – Его ассоциации – тоже книжные» [см. полемич. возражения А. К. Лозины-Лозинского (Журнал журналов. 1916. № 16. С. 13)]. Три года спустя Д. оценивал свою рецензию как «во многом субъективную и задиристую» (Д е й ч. С. 146); вместе с тем, не помня о мандельшт. «следовании» *акмеизму*, он отметил в его стихах «что-то акмеистское, – короче сказать, неживое». В 1919 опубликовал рец. на «Вторую книгу» О. М. [Веселые эквилибристы // Жизнь (Киев). 1919. 1–7 сент.]. Возможно, О. М. познакомился с Д. 1.5.1919 (или ранее) в Киеве в артистич. кафе «ХЛАМ» на праздновании его дня рождения, тогда же состоялось знакомство О. М. с Н. М. (см.: Д е й ч. С. 146). Встречи О. М. и Д. во время его пребывания в Киеве могли быть регулярными – оба являлись завсегдатаями «ХЛАМа»; ср. относящиеся к этому времени воспоминания О. М. о круге своего общения: «Мы ежедневно встречались в кафе на Николаевской улице» (О д о е в ц е в а И. На берегах Невы: Литературные мемуары. М., 1989. С. 146). С 1925 Д. жил в Москве, заведовал иностр. отделом Журн.-газетного объединения, выпускавшего неск. десятков изданий, в т. ч. и те, в к-рых публиковался О. М. Бывая в Ленинграде, Д. встречался там с О. М. у Б. К. *Лившица* и помогал поэту в получении переводч. работы.

С о ч.: Неживой поэт // Журнал журналов. 1916. № 13 (март). С. 14; Веселые эквилибристы // Жизнь (Киев). 1919. 1–7 сентября; Две дневниковые записи / публ. Е. Дейча // СМР. Вып. 3/2.

Лит.: Высокое посредничество: Воспоминания об А. И. Дейче // Егупец (Киев). 2000. № 6. С. 170.

С. Г. Шиндин, П. М. Нерлер.

ДЕЛАКРУА (Delacroix) Фердинанд Виктор Эжен (26.4.1798, Сен-Морис, близ Парижа – 13.8.1863, Париж, Франция), франц. живописец и график. Практически с самого начала творч. пути обратившись к романтизму, Д. вскоре стал главой романтич. школы, наиб. заметным и последоват. выразителем ее прогрессивных, новаторских тенденций в живописи.

Прямые свидетельства отношения О. М. к творчеству Д. отсутствуют, но мандельшт. заинтересованность его графикой отражена в воспоминаниях Н. Е. *Штемпель*, относящихся к «воронежскому периоду»: «Восторгался <...> иллюстрациями Делакруа к гетевскому “Фаусту” (как-то, будучи у меня, он внимательно их рассматривал)» (Ш т е м п е л ь Н. Мандельштам в Воронеже // «Ясная Наташа»: Осип Мандельштам и Наталья Штемпель: К 100-летию со дня рождения Н. Е. Штемпель / сост. П. Нерлер, Н. Гордин. М.; Воронеж, 2008. С. 45); речь, очевидно, идет о цикле графич. работ, выполненном в 1828. Имя Д. упоминается О. М. в связи с кн. П. Синьяка «От Эж. Делакруа к неоимпрессионизму» (1899; рус. пер.: М., 1913) в гл. «Москва» «Путешествия в Армению» (1931–32): «Автор изъяснял “закон оптической смеси”, прославлял работу мазками и внушал важность употребления одних чистых красок спектра. – Он основал свои доказательства на цитатах из боготворимого им Эжена Делакруа. То и дело он обращался к его “Путешествию в Марокко”, словно перелистывая обязательный для всякого мыслящего европейца кодекс зрительного воспитания». Учитывая тот факт, что кн. Синьяка содержит широкий обзор как положительных, так и негативных оценок творчества Д. современниками, значит. количество цитат из его монографии и подробное описание и анализ целого ряда его произведений, можно говорить о косвенном, опосредованном знакомстве О. М. с теоретич. взглядами Д. и их отражением в худож. практике. Вероятно, мандельшт. формулировка: «Синьяк <...> звал в ясные лагеря, к зуавам, бурнусам и красным юбкам алжирок», – прямо связана, в частности, с детальным обращением Синьяка к картине Д. «Алжирские женщины в гареме» («Алжирские женщины»; 1834, Лувр, Париж) и др. (гл. 2). С высокой степенью вероятности можно допустить, что в черновых набросках к этой главе в одном из фрагментов идет речь именно о кн. Синьяка и его описании «марокканских» картин Д.: «Он учил, как избежать коричневых соусов. [При этом он с живостью француза защищался от врагов. В кратком изложеньи убедительно мелькали бурнусы, красные юбки, шаровары, шелковые пояса и, кажется, еще тыквы...]». Не исключено, что неоднократно возникающий у О. М. в связи с поэзией О. Барбье образ Свободы восходит к знаменитой картине Д. «Свобода на баррикадах. 28 июля 1830» (др. назв. «Свобода, ведущая народ»; 1830–31, Лувр); по предположению совр. исследователя, данный живописный образ мог получить отражение в мандельшт. «Сумерках свободы» («Про-

славим, братья, сумерки свободы...»; 1918) через опосредующее воздействие стих. В. Хлебникова «Свобода приходит нагая...» (1917); см.: Парнис А. Е. Мандельштам: «...Весь корабль сколочен из чужих досок...» (О хлебниковском подтексте стихотворения «Сумерки свободы») // Поэтика и текстология. С. 88, 92–93.

С. Г. Шиндин.

ДЕЛЬТЕЙ (Delteil) Жозеф (20.4.1894, близ Каркассона, деп. Од – 12.4.1978, Тюильри де Массан, Франция), франц. прозаик. Начинал как поэт, затем обратился к жанру авантюрного романа; позднее, примкнув через дадаистов к сюрреалистам, Д. сформировал свой индивидуальный стиль и язык. Широкую известность ему как писателю принес роман «Жанна д'Арк» (1925; см.: История французской литературы. Т. 4: 1917–1960 гг. М., 1963. С. 205–206), в 1928 переведенный на рус. язык. Очевидно, именно Д. в «буквальной транскрипции» подразумевается в иронич. пассаже мандельшт. кинорец. [«Магазин дешевых кукол»] (1929; рец. на к/ф «Кукла с миллионами», 1928): «Переводной романчик в железнодорожном киоске. Парижская штучка. Дэль-Тэйль. Жанна д'Арк без мистики с трюфелями. Есть еще мир светящихся реклам. "Из страны блаженной, незнакомой, дальней слышно пенье петуха". Петуха фирмы Пате и К°, горластого любителя курочек, темпераментного кино-петуха». При этом Д. считается создателем своеобразного жанра лит. лубка, что отмечала уже совр. О. М. критика (см.: С. Р. Дельтей Ж. // Литературная энциклопедия: В 11 т. [М.], 1930. Т. 3. Стб. 193), тогда как сам О. М. устойчиво выделял лубочное начало в *кинематографе*.

С. Г. Шиндин.

«ДЕНЬ ПОЭЗИИ», ежегодные поэтич. альманахи, выходившие в *Москве* и Ленинграде с 1956. Инициатором издания был В. А. *Луговской*. В «Д. п.» были традиционно представлены не только произведения авторов 1950–90 (Б. А. Ахмадулина, Е. М. Винокуров, Е. А. Евтушенко, Р. А. *Рождественский*, Б. А. Слуцкий, А. А. *Тарковский*, А. Т. Твардовский и др.), но и поэтич. классика «золотого» и «серебряного» веков. В частности, в «Д. п.» были впервые в СССР опубл. такие стихотворения О. М., как «После полуночи сердце ворует...», «Ариост» («Во всей Италии приятнейший, умнейший...»), цикл «Восьмистишия» и др., ст. «О современной поэзии (К выходу «Альманаха муз»)», мемуары В. К. Лукницкой, в к-рых цитировался текст О. М.

Лит.: Мандельштам О. Ариост («Во всей Италии приятнейший, умнейший...»); Стансы («Я не хочу средь юношей тепличных...»); «После полуночи сердце ворует...»; «Да, я лежу в земле, губами шевеля...» // ДП. М. 1962. С. 285–286; Он же. Первая международная крестьянская конференция; Нюэн Ай-Как: [Хо Ши Мин]: В гостях у коминтерщика // Там же. 1972. С. 241–244; Он же. Восьмистишия: 1. «Люблю появление ткани...»; 2. «Люблю появление ткани...»; 3. «Когда, уничтожив набросок...»; 4. «О, бабочка, о, мусульманка...»; 5. «И Шуберт на воде, и Моцарт в птичьем гаме...»; 6. «Скажи мне, чертежник пустыни...»; 7. «И клена зубчатая лапа...»; 8. «Шестого чувства крохотный придаток...»; 9. «Преодолев затверженность природы...»; 10. «В игольчатых чумных бокалах...»; 11. «И я выхожу из пространства...» // Там же. 1981. С. 199–201; Он же. О современной поэзии: (К выходу «Альманаха муз»); Письмо о русской поэзии // Там же. 1981. С. 194–198; Он же. Заморские дети («Дети негры. Мальчики малайцы...»); Одеяльная страна («Лег в постель. Закутался. Согрелся...»): с англ.: (из Р. Стивенсона); Мальчик в трамвае («Однажды утром сел в трамвай...»); Буквы (« – Я писать умею: отчего же...») // Там же. М., 1985. С. 152; Он же. «Голубые глаза и горячая лобная кость...»; 10 января 1934 года («Меня, преследуют две-три случайных фразы...»); «Когда душе и торопкой и робкой...»; «Ему кавказские кричали горы...»; «Он дирижировал кавказскими горами...»; «А посреди толпы задумчивый, брадатый...»; «Откуда привезли? Кого? Который умер?..» // Там же. 1986. С. 107–108; Лукницкая В. П. «Так они начинали» [О. М. В Правление Ленинградского отделения Всероссийского союза поэтов: [Заявление] // Там же. Л., 1987. С. 182.

В. В. Калмыкова.

ДЕРЖАВИН Гавриил Романович (3.7.1743, Казань – 8.7.1816, имение Званка Новгородской губ.), поэт. Воспринимался О. М., автором «Камня», в первую очередь как посредник между 18 и 19 в. рус. словесности, сочетавший в своем творчестве и мировоззрении особенности, характерные для обеих эпох: «Державин на пороге девятнадцатого столетия нацарапал на грифельной доске несколько стихов, которые могли бы послужить лейтмотивом всего грядущего столетия <...> Здесь на ржавом языке одряхлевшего столетия со всей мощью и проницательностью высказана потаенная мысль грядущего – извлечен из него высший урок, дана его моральная основа. Этот урок – релятивизм, относительность: "а если что и остается" и т. д.» (из статьи О. М. «Девятнадцатый век», 1922). Подразумевается и цитируется набросок оды Д. «На тленность» («Река времен в своем стремленьи...») – последние строки поэта, записанные им вчерне на грифельной доске свинцовой палочкой (доска хранится в РНБ). Этот набросок стал ключевым для младшего поэта стих. Д., он упоминается еще в эссе «Слово и культура» (1921): «Время хочет пожрать государство. Как трубный глас звучит угроза, нацарапанная Державиным на грифельной доске»; к нему восходит ряд образов стих. О. М. «С веселым ржанием пасутся табуны...» (1915) и его «Грифельная ода» (1923), писавшаяся как бы в полемике с более ранним утверждением самого О. М.: «...Теперь никто не напишет державинской оды» (из статьи «О природе слова», 1920–22); в свою очередь, это суждение, возможно, полемично по отношению к аттестации «молодой Державин», к-рую М. И. *Цветаева* дала О. М. в стих. «Никто ничего не отнял...» (1916); о подтекстах из Д. в «Грифельной оде» и в «Слове и культуре» см. прежде всего: Ronen. (по им. ук.); см. также: Гаспаров М. Л. С. 768–769; Гинзбург. 362–364; Черашняя. 79–92). По утверждению Н. М., к стих. Д. «Счастлив золотой кузнечик, что в лесу куешь один...» восходит образ цикады из стих. О. М. «На каменных отрогах Пиэрии» (1919).

К шуточной оде Д. «Похвала комару» восходит образ «комариного князя» из стих. О. М. «Я не знаю, с каких пор...» (1922), использованный также в его повести «Египетская марка» (1927) (Тарановский. С. 47–49; см. также: Левинтон, Тименчик. С. 407). В заметке «Буря и натиск» (1922–23) О. М. определил творчество Д. как «мощно неуклюжее» и предшествующее поискам рус. футуристов [ср. с позднейшим суждением Ю. Н. *Тынянова*: «Ма-

Гавриил Романович Державин

яковский возобновил грандиозный образ, где-то утерянный со времен Державина» (Тынянов Ю. Н. Промежуток (1924) // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 176)]. Строка «Да эрзерумский стакан лимонаду» из чернового варианта стих. О. М. «Дикая кошка – армянская речь...» (1930) перекликается со строками Д.: «Поэзия тебе любезна, / Приятна, сладостна, полезна, / Как летом вкусный лимонад» (Мусатов. С. 342). Со стихами Д. и его образом предлагалось соотнести образ «начальника евреев» из стих. О. М. «Канцона» (1931) (Амелин, Мордерер. С. 36–63).

Словесным портретом Д. начинаются «Стихи о русской поэзии» (1932) О. М., во 2-й строфе к-рых содержится иронич. намек на расхожее представление о лит. эволюции и обязат. передаче старшим поэтом «лиры» младшему («лира» симптоматически заменяется у О. М. «бутылкой»). Такое представление опровергается уже в ранней заметке О. М. «О современной поэзии» (1916): «Разве Пушкин усовершенствовал Державина, то есть в некотором смысле отменил его?» (ср. также в «О природе слова»: «В самом деле, является ли русская литература современная – той же самой, что литература Некрасова, Пушкина, Державина или Симеона Полоцкого?»). Среди подтекстов «Стихов о русской поэзии» называют басню Д. «Лисица и Лев» (Ронен. С. 65); о «державинской составляющей» в «Стихах о русской поэзии» см. также: Гаспаров Б. М. С. 127, 131–134, 136, 145; Гаспаров М. Л. С. 786; Мец. С. 589; Мусатов. С. 404–407).

В воронежской библиотеке О. М. имелось издание: Державин Г. Р. Стихотворения / ред. и примеч. Гр. Гуковского; вступ. ст. И. А. Виноградова. Л., 1933. 11.4.1935 О. М. читал и обсуждал с С. Б. *Рудаковым* его стих. «Державинская нощь» (Там же. С. 39; текст стих. Рудакова не сохранился). Со стихами Д. о птичьей неволе, по-видимому, связан образ «щегла» из воронежского стих. О. М. «Когда щегол в воздушной сдобе...» (1936) (Перельмутер. С. 195–98). К «ласточке» из одноим. стих. Д. возводят образ «ласточки хилой» из итоговых «Стихов о неизвестном солдате» (1937) О. М. (Ронен. С. 107).

Лит.: Гаспаров Б. М. Сон о русской поэзии (О. Мандельштам. «Стихи о русской поэзии», 1–2) // Гаспаров Б. М. Литературный лейтмотивы: Очерки по русской литературе XX века. М., 1994; Мец А. Г. Комментарий // Полн. собр. стих. 1995; Перельмутер В. Г. Полет щегла // «Отдай меня Воронеж...»; Гинзбург Л. Я. Поэтика ассоциаций // Гинзбург Л. Я. О лирике. М., 1997; Левинтон Г. А., Тименчик Р. Д. Книга К. Ф. Тарановского о поэзии Мандельштама // Тарановский К. Ф. О поэзии и поэтике. М., 2000; Мусатов В. В. Лирика Осипа Мандельштама. К., 2000; Тарановский К. Ф. О поэзии и поэтике. М., 2000; Амелин Г. Г., Мордерер В. Я. Философия и литература. «Канцона» // Амелин Г. Г., Мордерер В. Я. Миры и столкновения Осипа Мандельштама. М.; СПб., 2001; Гаспаров М. Л. Комментарий // Стих. Проза; Ронен О. Поэтика Осипа Мандельштама. СПб., 2002; Черашняя Д. И. О двух «Грифельных одах» в русской поэзии // Черашняя Д. И. Поэтика Осипа Мандельштама: субъектный подход. Ижевск, 2004; Ronen O. An approach to Mandelstam. Jerusalem, 1983.

О. А. Лекманов.

ДОБЫЧИН Леонид Иванович (5.6.1894, Люцин Витебской губ. – после 28.3.1936), прозаик. Автор сб. рассказов «Встречи с Лиз» (1927), «Портрет» (1931), романа «Город Эн» (1935), неопубл. при жизни повести «Шуркина родня» (1934–36?). С лета 1934 в Ленинграде. С сер. 1920-х гг. друж. поддержку Д. оказывали К. И. *Чуковский*, М. Л. *Слонимский*, Е. Л. Шварц, В. А. *Каверин* и др. Весной 1936 в рамках разворачивавшейся кампании по борьбе с лит. формализмом творчество Д. стало первым и гл. объектом нападок со стороны офиц. критики, обвинившей его, в частности, в подражании Д. Джойсу. Тяжело переживавший это событие, Д. в конце марта исчез из Ленинграда и, предположительно, покончил жизнь самоубийством.

Сказать определенно, знал ли О. М. произв. Д., невозможно. Единств. свидетельство о чтении им романа «Город Эн» в Воронеже принадлежит С. Б. *Рудакову*, 31.3.1936 купившему эту книгу; см. его письмо к жене от того же числа: «Днем зашел в книжный магазин. “Город Эн” Добычина <...> Пришлось ее взять». Очевидно, Рудаков и познакомил О. М. с текстом романа, к-рый, по-видимому, не понравился О. М.; 2.4.1936 Рудаков писал: «О[сип] вопит, что Добычин написал под него. А “Литературная газета” – что под Джойса. О[сип] заключает: “Этакую мерзость от Джойса производить”». Можно предположить, что «Город Эн» показался О. М. своеобр. «подражанием» «Шуму времени» (1925); генетич. связь романа Д. с мандельшт. прозой почувствовал и Рудаков, еще 31.3.1936 отмечавший: «Вроде “Шума времени”, смешанного с прозой Вагинова, – но сухо и малоестественно; но фотографично, т. е. наблюдательно».

С. Г. Шиндин.

ДОЛИНОВ (сценич. псевд. отца, наст. фам. Котляр) Михаил Анатольевич (25.7.1892, Одесса – 20.10.1936, Париж), поэт, театральный деятель. В 1911–16 студент юрид. ф-та *Санкт-Петербургского университета*. С нач. 1910-х гг. принимал активное участие в лит. жизни С.-Петербурга, сотрудничал в журналах *«Аргус»*, *«Лукоморье»*, *«Новый Сатирикон»* и др.; в этот же период входил в ближайшее окружение одного из самых последоват. противников акмеизма Б. А. Садовского, в частности был членом редколлегии несостоявшегося альманаха «Галатея» (1913), получившего широкий обществ. резонанс (Лекманов О. А. О «Цехе

поэтов» // Лекманов О. А. Книга об акмеизме и другие работы. Томск, 2000. С. 27, 613). Вместе с тем в сер. 1910-х гг. Д. был близок кругу *«Цеха поэтов»* и, по свидетельству О. Н. *Арбениной*, с исключит. симпатией относился к Н. С. *Гумилеву* (Гильдебрандт-Арбенина О. Н. Гумилев // Гильдебрандт-Арбенина О. «Девочка, катящая серсо...»: Мемуарные записи. Дневники / сост. А. Дмитриенко. М., 2007. С. 107). В 1911 совм. со своим ближайшим другом А. А. Конге (участником 1-го *«Цеха поэтов»*) выпустил книгу стихов «Пленные голоса», в 1915 – индивидуальный поэтич. сб. «Радуга. Элегии, идиллии, буколики, оды и мадригалы». На оба издания рецензиями отозвался Гумилев (Аполлон. 1911. № 10; 1915. № 10), согласно формулировке к-рого у Д. «есть предвзятая мысль – писать, как писали французские поэты XVIII века и их русские эпигоны. <...> М. Долинов бесспорно культурен, умеет писать стихи, но <...> в этом море промахов тонут действительно удачные строфы, показывающие, что не поэтом назвать Долинова нельзя» (Гумилев Н. С. ПСС: В 10 т. Т. 7: Статьи о литературе и искусстве. Обзоры. Рецензии / подгот. текстов и примеч. М. Баскера и др. М., 2006. С. 186). В нач. 1920-х гг. Д. эмигрировал в Берлин, в 1923 переехал в Париж, где принимал участие в разл. театральных проектах и там же стал членом Союза рус. писателей и журналистов.

Несмотря на то что прямые указания на знакомство О. М. и Д. неизвестны, с высокой долей вероятности можно утверждать об их активном общении именно в 1-й пол. 1910-х гг., в частности в артистич. кабаре *«Бродячая собака»*. Так, 13.1.1912 оба выступали там с чтением стихов на первом вечере, посв. 25-летию поэтич. деятельности К. Д. *Бальмонта* (Парнис А. Е., Тименчик Р. Д. Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология. Л., 1985. С. 180–181; отчет об этом собрании под более чем прозрачным псевдонимом оставил и сам Д.: «Бродячая собака» о Бальмонте // Обозрение театров. 1912. 18 янв. С. 13; см.: Акмеизм в критике. 1913–1917 / сост. О. А. Лекманова и А. А. Чабан; примеч. О. А. Лекманова. СПб., 2014. С. 27). В «Бродячей собаке» 19.12.1912 предполагалось (и, очевидно, состоялось) выступление О. М. при обсуждении доклада С. М. *Городецкого* «Символизм и акмеизм» (Парнис А. Е., Тименчик Р. Д. Программы «Бродячей собаки». С. 201); известно, что в прениях принял участие Д., см.: Л. [Рабинович И. Я.] Символизм и акмеизм // Русская молва. 1912. № 14. 22 дек. С. 5; И. К. [Клейнершейхет И. С. (?)] Символизм и акмеизм (Лекция Сергея Городецкого в подвале «Бродячей Собаки») // Речь. 1912. № 353. 24 дек. С. 2. И О. М., и Д. 7.12.1913 присутствовали в концерном зале *Тенишевского училища* на ставшей широко известной и отраженной в многочисл. откликах современников и мемуарных свидетельствах лекции В. *Пяста* «Поэзия вне групп» (см.: Мандельштам О. ПССиП: В 3 т. Приложение: Летопись жизни и творчества / сост. А. Г. Мец при участи С. В. Василенко, Л. М. Видгофа, Д. И. Зубарева, Е. И. Лубянниковой. М., 2014. С. 70–72). Оба являлись участниками объединения «Об-во поэтов» («Физа») и, судя по всему, 23.1.1914 присутствовали на докладе Вяч. И. *Иванова* о поэзии Алкея и *Сапфо* (Т. Ш[енфельд]. Письма из Петербурга. II // Музы [Киев]. 1914. № 4. 15 февр. С. 9).

Летом–осенью 1914, очевидно, вместе регулярно бывали в гостях в В. В. Алперс в период ее увлечения Д. (к-рый в 1915 в течение неск. месяцев был ее мужем); 14.8.1914 она записала в дневнике: «Только что разошлась компания, были все Бонди, Долинов, Мандельштам», а 17.11.1914 оставила более развернутое свидетельство: «У нас были Долинов и Мандельштам. <...> Я играла сегодня Баха – скверно. <...> Шумана довольно хорошо, а зато этюд Шопена очень хорошо. Долинов говорил, что это “Chef’d’oeuvre”, что я замечательный талант, Мандельштам говорил, что лучше сыграть – невозможно» (цит. по: Степанов Е. Поэт на войне: Николай Гумилев. 1914–1918. М., 2014. С. 47). Именно из письма Д., отправленного 21.10.1914 Садовскому, стало известно о состоявшемся у Н. А. *Бруни* заседании «Цеха поэтов» (1-я пол. октября 1914?), на к-ром из-за отсутствия Гумилева, находившегося на фронте, О. М. был выбран «временным синдиком» объединения. Там же рассказывалось о последовавшем за этим конфликте между О. М. и Городецким (см. ст. С. *Городецкий*). 15.4.1916 О. М. и Д. принимали участие в проходившем в Тенишевском уч-ще «Вечере современной поэзии и музыки». Позднее оба, возможно, сотрудничали в *Наркомпросе* в Москве и, в частности, 29.11.1918 участвовали в заседании коллегии отдела реформы школы (см.: ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 6. Ед. хр. 4. Л. 258). Тогда же О. М., заведовавший подотделом эстетич. воспитания, среди предполагаемых к переизданию книг назвал монографию А. И. Долинова (отца Д.) «Практическое руководство к художественному чтению» (Пг., 1916) (Нерлер П. «Москва, сестра моя...»: Мандельштам и Москва // Нерлер П. Con amore: Этюды о Мандельштаме. М., 2014. С. 387). Сохранилось первое издание мандельшт. сб. стихов «Камень» (1913) с немногочисл. маргиналиями Д. в тексте; в частности, на с. 31 им записано: «Книга слаба, ждал гораздо большего, для Мандельштама это крах» (частное собрание).

С. Г. Шиндин.

ДОМ, одна из важнейших категорий худож. мира О. М., объединяющая значения жилища как такового, вместилища личностного и семейного начала и активного «участника» диалога лирич. героя (автора) и остального мира в его пространств., социальной и ист.-культурной ипостасях.

Как в случае и с др. социокультурными категориями, семантич. образа Д. определяется реальными биографич. факторами, «наполнение корректируемыми» конкретными культурными моделями. Индивидуальной особенностью худож. сознания О. М., очевидно, можно считать тот факт, что он не воспринимал Д. как полное и абсолютно адекватное отражение личностного начала человека, во всяком случае при опред. стечении внеш. обстоятельств. Практически начиная с сер. 1918 в силу самых разных причин как объективного, так и субъективного характера О. М. регулярно меняет место своего жительства, переезжая из одного города в другой и не имея в течение продолжит. периода собств. Д. [В определенном отношении данное обстоятельство было «предвосхищено» уже в детские годы О. М., см. свидетельство его брата Е. Э. *Мандельштама*: «Немаловажной особенностью нашего семейного быта была постоянная смена квартир. В давние годы моего детства в Петербурге легко было снять квартиру, отвечающую любым требовани-

ям нанимателя. <...> Но как бы ни хороша была квартира, мать никогда не бывала удовлетворена. Ее буквально терзала страсть к перемене мест. Причины были самые неожиданные, но выяснялись они обычно только к весне, после очередного осеннего переезда. То ее не устраивал этаж, то детям было далеко ездить в школу на Моховую, то мало было солнечных комнат, то неудобной оказывалась кухня и т. п. По моим подсчетам, до Февральской революции мы сменили в Петербурге семнадцать адресов» (Мандельштам Е. Э. Воспоминания / публ. Е. П. Зенкевич, предисл. А. Г. Меца // НМ. 1995. № 10. С. 125).] Как специфику мандельшт. отношения к Д. большинство мемуаристов отмечало его постоянное пребывание в «неосвоенном» домашнем пространстве, что распространялось на любые биографичес. ситуации: по воспоминаниям одного из современников, О. М. «не нуждался в обстановке: в столовой, в секретере и т. п., – для создания стихов ему было достаточно кухонного стола или подоконника» (Ханцын И. О Мандельштаме // СМР. Вып. 3/2. С. 69); см. о комнате в *«Доме искусств»*: «Обиталище Осипа Мандельштама представляло собой нечто столь же фантастическое и причудливое, как и он сам» (Ходасевич В. «Диск» // Ходасевич В. Колеблемый треножник. М., 1991. С. 420). Н. М. позднее так описывала одно из их с О. М. пристанищ: «Зиму 23/24 года мы провели в наемной комнате на Якиманке. Московские особнячки казались снаружи уютными и очаровательными, но изнутри мы увидели, какая в них царит нищета и разруха. <...> Мы жили в большой квадратной комнате <...> с холодной кафельной печкой и остывающей к утру времянкой». Вместе с тем в мандельшт. худож. сознании Д. как упорядоченная форма *пространства*, микрокосм отчетливо противопоставлен хаосу внеш. мира. Так, в ст. «Гуманизм и современность» (1922), характеризуя современность, О. М. писал: «Хаотический мир ворвался – и в английский home, и в немецкий Gemüt; хаос поет в наших русских печках»; там же он определил исключит. высокий ценностный статус Д. (как ист.-социальный, так и экзистенциальный): «Как оградить человеческое жилье от грозных потрясений, где застраховать его стены от подземных толчков истории, кто осмелится сказать, что человеческое жилище, свободный дом человека не должен стоять на земле, как лучшее ее украшение и самое прочное из всего, что существует?». Источником подобных представлений, очевидно, послужили дет. впечатления, к-рые сам О. М. передал в «Шуме времени» (1923–24) следующим образом: «Весь стройный мираж Петербурга был только сон <...> а кругом простирался хаос иудейства, не родина, не дом, не очаг, а именно хаос <...> Иудейский хаос пробивался во все щели каменной петербургской квартиры угрозой разрушения»; там же присутствует и предельно метафорич. «экзистенциализация» образа Д.: «Как крошка мускуса наполнит весь дом, так малейшее влияние юдаизма переполняет целую жизнь. <...> Разве я мог не заметить, что в настоящих еврейских домах пахнет иначе, чем в арийских? До сих пор помню, как меня обдало этим приторным еврейским запахом в деревянном доме <...> в немецкой Риге, у дедушки и бабушки». Противопоставление Д. и внеш. мира сохраняется даже в случае наделения форм последнего положит. оценкой, см. относящиеся к самому раннему детству воспоминания: «Уже отцовский домашний кабинет был непохож на гранитный рай моих стройных прогулок».

Мандельшт. образ Д. обладает довольно высокими смыслообразующими возможностями, распространяющимися на сферу культуры. Так, именно Д. выступает в качестве окультуривающего природу и формирующего *город* начала, см. мандельшт. замечание о крымских домах, к-рые «впервые сделали городской эту шершавую землю». В ст. «Слово и культура» (1921) О. М. использовал одну из ипостасей Д. для метафорич. определения предшествующей культурной традиции: «Как комната умирающего открыта для всех, так и дверь старого мира настежь распахнута перед толпой». Позднее в «Шуме времени» он ввел понятие «Дом литературы»: «Литература века была родовита. Дом ее был полная чаша. За широким раздвинутым столом сидели гости с Вальсингамом»; см. там же воспоминания о занятиях с В. В. *Гиппиусом*: «Я приходил к нему разбудить зверя литературы <...> Вся соль заключалась именно в хожденьи “на дом”, и сейчас мне трудно отделаться от ощущенья, что тогда я бывал на дому у самой литературы. Никогда после литература не была уже домом, квартирой, семьей». Вместе с тем встречаются и более сложные случаи; так, характеристика киевской квартиры в очерке «Киев» (1926): «Киевский дом это ковчег, шатаемый бурей, скрипучий, жизнелюбивый <...> ковчег паники и злословия», через образ ковчега сопоставима с метафорами мира как корабля (стих. «Сумерки свободы, 1918) и стихотворения как др.-егип. ладьи мертвых (ст. «О природе слова», 1921–1922). При этом неявно ощущаемая в подобных смысловых конструкциях связь Д. с категорией *времени* отчетливо представлена в его соотнесенности с образом вечности в предельно личностном контексте «Египетской марки» (1927): «Как оторваться от тебя, милый Египет вещей? Наглядная вечность столовой, спальни, кабинета. <...> Мы считаем на годы; на самом же деле в любой квартире на Каменноостровском время раскалывается на династии и столетия»; ср. метафорич. описание *Феодосии*, где «дома, несколько казарменного и даже бастионного характера, дают приятное впечатление <...> естественного, равного человеческой жизни, возраста».

В худож. мире О. М. можно выделить 4 наиб. общих смысловых модификации образа Д., каждая из к-рых выражает опред. аспект его восприятия и устойчиво закреплена за конкретным периодом мандельшт. творчества, отчетливо соотносясь с биогр. реалиями этих периодов. Первой из смысловых форм Д. выступает образ комнаты (т. е. обособл. части дом. пространства), широко представленный в ранних стихах О. М. [ср. о «комнатном» цикле 1-й ред. «Камня» (1913) в: Лекманов О. О трех акмеистических книгах: М. Зенкевич, В. Нарбут, О. Мандельштам. М., 2006. С. 82–85, 97–100]: «Вся комната напоена / Истомой»; «Вся комната в табачной синеве»; «В огромной комнате над черною Невой». Комната ощущается как вместилище личностного начала человека, отражение его индивидуальности, что подчеркивается особой функцией вещей в изображении интерьеров: «Мерцают в зеркале подушки, чуть белея, / И в круглом омуте кровать отражена»; «в душной комнате, где клочья серой ваты / И склянки с кислотой, часы хрипят и бьют». Несмотря на нек-рую схематичность этого образа, практически во всех случаях довольно явно прослежи-

вается его смысловая связь с отрицат. эмоц. состоянием и смертью: «В огромной комнате над черною Невой, / Двенадцать месяцев поют о смертном часе»; «И лихорадочный больной, тоской распятый, / <...> с отвращением глядит на круг минут»; см. темпорализацию образа комнаты в близком негативном контексте: «И в жаркой комнате, в кибитке и в палатке / Век умирает»; ср. метафорич. распространение редуцированного негативного начала на город (*Батуми*): «Бегаешь по нему, как по комнате; к тому же воздух всегда какой-то парной, комнатный». Наиб. отчетливо все эти признаки проявляются в случае перехода от собственно «поэтических» смысловых координат к отображению социально-ист. реалий, как, напр., в главе «Москва» «Путешествия в Армению» (1931–32) при описании пребывания О. М. в Замоскворечье: «Рядом со мной проживали суровые семьи трудящихся. Бог отказал этим людям в приветливости <...> Внутри их комнаты были убраны, как кустарные магазины, различными символами родства, долголетия и домашней верности. <...> Им не был чужд культ умерших, а также некоторое уважение к отсутствующим. Казалось, эти люди с славянски пресными и жестокими лицами ели и спали в фотографической молельне»; как следствие, негативно окрашенная метафорика в подобной ситуации переносится и на Д. в целом: «Кругом были не дай бог какие веселенькие домики с низкими душонками и трусливо поставленными окнами».

Вторая форма образа Д. связана со специфич. мандельшт. понятием «домашнего эллинизма», определяемым в ст. «О природе слова» как «сознательное окружение человека утварью вместо безразличных предметов, превращение этих предметов в утварь, очеловечивание окружающего мира <...> это всякая печка, около к-рой сидит человек и ценит ее тепло, как родственное его внутреннему теплу. Наконец, эллинизм – это могильная ладья египетских покойников, в которую кладется все нужное для продолжения земного странствия человека». Использование для выражения столь глубоко индивидуального понятия, в значит. степени определяющего особенности поэтики О. М. 1920-х гг., именно образа Д., своеобразным «эквивалентом» к-рого становится дом. утварь, не может не демонстрировать его исключит. значимости для худож. сознания автора. «Эллинистическая» (в собственно мандельшт. понимании) ипостась Д., появляющаяся в текстах с сер. 1910-х гг., положительна по своей оценочности, поскольку предстает как отражение идеи античной гармонии, идеального равновесия между космосом и дом. миропорядком, природой и культурой, ремеслом и искусством, см. характерное стих. «Египтянин» (1913; 1914?): «Я выстроил себе благополучья дом, / Он весь из дерева <...> / В нем виноградники, цветник и водоем»; ср.: «Высокий дом построил плотник дюжий»; «Где милая Троя? Где царский, где девичий дом?» и особенно: «в комнате белой, как прялка, стоит тишина, / Пахнет уксусом, краской и свежим вином из подвала. / Помнишь, в греческом доме: любимая всеми жена – / Не Елена, другая, – как долго она вышивала». Данная форма Д., как правило, не имеет прямого отношения к лирич. герою текста, а остается в границах «культурного пространства», что подчеркивает ее абстрактно-идеальную эллинистич. природу; более того, в этой ипостаси образ Д. сохраняет свою положит. семантику и в случае прямой проекции на актуальную современность: «Вы, с квадратными окошками / Невысокие дома <...> / Шоколадные, кирпичные / Невысокие дома, – / Здравствуй, здравствуй, петербургская / Несуровая зима!»; ср. в первом из очерков «Батум» (1922) развернутое описание с пожеланием, «чтобы соленый морской ветер освежил наш трудовой дом через окна здоровых гаваней Одессы, Новороссийска, Севастополя, Петербурга, где в добрый час уже выставлена первая рама».

Следующая ипостась Д. представлена образом избы, появляющимся в стихах нач. 1920-х гг. и претерпевающим по мере развития мандельшт. мира существ. смысловую трансформацию. Первонач. этот образ по своей оценочности относительно нейтрален: «жестоких звезд соленые приказы / В избушку дымную перенести дано», но постепенно он наполняется явно негативной семантикой, во многом близкой фольк. значению образа избы. В полной мере это отражено в стих. «Сегодня ночью, не солгу...» (1925) и «Неправда» («Я с дымящей лучиной вхожу...», 1931): «Гляжу – изба, зашел в сенцы, / Чай с солью пили чернецы, / И с ними балует цыганка»; «Я с дымящей лучиной вхожу / К шестипалой неправде в избу», причем связь с категорией смерти в данном случае присутствует уже на сюжетном уровне текстов и явно направлена на лирич. героя. Это семантич. качество данного образа оказывается парадоксально соотнесенным и с культурным началом, см. в повести «Египетская марка» (1927): «Театр мне страшен, как курная изба, как деревенская банька, где совершалось зверское убийство»; ср. как имплицитную форму относительно нейтральное: «стеклянные дворцы на курьих ножках», с учетом того, что данный образ близок изображению избушки яги в вост.-слав. фольк. традиции (ср.: Струве Н. Осип Мандельштам. Томск, 1992. С. 56 и др.). В определ. смысле образу избы семантически изоморфен образ сруба, чья негативная оценочность распространяется как на культурную сферу [см. в относящейся к нач. 1930-х гг. заметке о романе А. С. *Серафимовича* «Город в степи» (1912): «Работа у Серафимовича кондовая, по-своему добротная. Он деловито ставит беллетристический сруб. Но краше в гроб кладут слово, чем оно бывает на казенной службе»; ср. более раннее в стих. «Декабрист» («– Тому свидетельство языческий сенат...», 1917): «Честолюбивый сон он променял на сруб / В глухом урочище Сибири»], так и на собственно личностный план [«Я должен рассвета в дремучем акрополе ждать. / Как я ненавижу пахучие древние срубы!»].

Наконец, представления о Д. реализуются в возникающем в текстах нач. 1930-х гг. образе квартиры, оценочность к-рого только отрицательна: «Давнишнего страха струя / Ворвется в халтурные стены / Московского злого жилья»; «У меня еще есть адреса, / По которым найду мертвецов голоса. / Я на лестнице черной живу, и в висок / Ударяет мне вырванный с мясом звонок»; ср.: «Когда подумаешь, чем связан с миром, / То сам себе не веришь: ерунда! / <...> Полночный ключик от чужой квартиры». Подобное негативное восприятие образа квартиры предвосхищено уже в кон. 1920-х гг. в очерке «Киев»: «Каждая киевская квартира – романтический мирок, раздираемый ненавистью, завистью, сложной интригой», в черновых набросках к «Египетской марке»: «Законсервированная квартира, зловеще солнечная и праздничная, сулила недоброе»; ср. там же в окончат. редакции: «Бензиновый дух и жирный запах до-

бряка керосина стерегут квартиру, уязвимую с кухни, куда врываются дворники с катапультами дров». Показательно в подобном контексте неявное противопоставление квартиры образам комнаты и Д. как такового, см. в «Египетской марке»: «В еврейских квартирах стоит печальная усатая тишина», с одной стороны, и «За плечами <...> стоял миф о разорении Пергамента. У него была квартира в сорок комнат на Крещатике в Киеве. “Дом – полная чаша”», с другой. В то же время во втором из очерков «Батум» (1922) эти образы в редуцированном негативном наполнении соединены в социально-ист. «контексте»: «В Батуме нет квартир, нет даже “жилищного вопроса кризиса”. Он устранен очень просто – комнат настолько бесповоротно нет, что никому даже не приходит в голову их искать». Неспособность Д. в подобной ипостаси служить оберегающим, защищающим человека началом мотивирует появление темы смерти, устойчивым проводником к-рой в этот период мандельшт. творчества выступает образ телефона – неотъемлемого элемента внутр. дом. пространства: «Квартира тиха, как бумага <...> / Лягушкой застыл телефон»; «Я, как щенок, кидаюсь к телефону»; «В Москве черемухи да телефоны, / И казнями там имениты дни».

Как и в случае с городом, важной особенностью образа Д. оказывается его динамич. аспект, проявляющийся в соотнесенности с образом пути. Эта смысловая модель, формирующаяся в худож. мире О. М. с нач. 1920-х гг., связана с мотивом грозящей опасности, гибели – отчетливое стремление лирич. героя покинуть дом объясняется необходимостью перехода в безопасное, охраняющее пространство: «Мне хочется бежать от моего порога»; «веревок собери / Завязать корзину до зари, / Чтобы нам уехать на вокзал, / Где бы нас никто не отыскал»; «Видавшие виды манатки / На улицу просятся вон». Дальнейшее развитие этот мотив получает в опосредованно соотнесенной с Д. ситуации невозможности осуществления побега; неспособность героя перейти в безопасное пространство, гарантирующее чувство отъединенности от жестокого, угрожающего и гибельного начала, обусловлена тем, что такого локуса в окружающей героя современности не существует. Вместе с тем, динамич. аспект восприятия Д. связан и с ситуацией «бездомности», характерной для биографии О. М., но не получившей широкого отражения в его творчестве.

Непосредственно с этой ипостасью Д. связан образ двора, внеш. домашнего пространства, медиатора между Д. и внеположным ему универсумом; ср. в очерке «Шуба» (1922): «Хорошо мне в моей стариковской шубе, словно дом свой на себе носишь. Спросят – холодно ли сегодня на дворе, и не знаешь, что ответить, может быть, и холодно, а я-то почем знаю?» Являясь с формальной т. зр. в большей степени элементом собственно гор. пространства, этот образ тем не менее наполняется в худож. мире О. М. личностным значением, при этом его оценочность оказывается более поливариантна, чем эмоционально содержат. компоненты образа Д. Первонач. в мандельшт. творчестве образ двора практически не встречается, а редкие случаи его использования не выходят за традиц. смысловые границы и, как правило, обусловлены биогр. реалиями: «на дворе военной школы / Играют мальчики в футбол» [внетекстовый «акмеистический» комментарий см. в: А х м а т о в а А. Дополнения к <«Листкам из дневника»> // Ахматова А. Победа над Судьбой. I: Автобиографическая и мемуарная проза. Бег времени. Поэмы. М., 2005. С. 124]; ср. в очерке «Холодное лето» (1923): «Тот не любит города <...> кто не заглядывался в каторжном дворе Вхутемаса <...> на живую, животную прелесть аэроплана»; ср. в «Путешествии в Армению» (1931–32): «Не ворота, а длинный прохладный туннель, прорубленный в дедовском доме, и в него, как в зрительную трубу, брезжил дворик».

С нач. 1920-х гг. данный образ начинает нести в себе отчетливую негативную семантику; впервые в этом качестве он появляется в стих. «Умывался ночью на дворе...» (1921), навеянном известием о трагич. гибели Н. С. *Гумилева*: «Умывался ночью на дворе. / <...> Звездный луч – как соль на топоре. / Стынет бочка с полными краями». Представляется неслучайным, что для содержат. строя этого текста, занимающего особое место в худож. мире О. М. (см., напр.: Л е в и н Ю. И. Разбор одного стихотворения Мандельштама // Slavic Poetics: Essays in Honor of Kiril Taranovsky. The Hague-Paris, 1973; R o n e n O. A Beam Upon the Axe: Some Antecedents of Osip Mandel'stam's «Umyvalsja noc'ju na dvore...» // Slavica Hierosolymitana. 1977. Vol. I; и др.), исключит. релевантным оказывается образ двора. Дополнит. смысловые коннотации возникают в связи с внетекстовыми реалиями: стих. написано во время проживания О. М. в тифлисском «Доме искусств» в начале нов. биогр. этапа, и двор в такой ситуации выступает, с одной стороны, как индивидуальный локус, противопоставленный «чужому» пространству, и, с др. стороны, становится своеобразным вместилищем новых экзистенциальных ориентиров; см. комментарий Н. М. к конкретным обстоятельствам: «Переломное стихотворение с новым голосом <...> было написано в Доме искусств. Мандельштам действительно умывался ночью во дворе – в роскошном особняке не было водопровода», и собственно к тексту: «В эти двенадцать строчек в невероятно сжатом виде вложено новое мироощущение возмужавшего человека, и в них названо то, что составляло содержание нового мироощущения: совесть, беда, холод, правдивая и страшная земля <...> правда как основа жизни <...> смерть, и грубые звезды на небесной тверди...» (Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 808–809); нельзя не заметить, что приводимые Н. М. семантич. координаты прямо коррелируют именно с образом двора.

В дальнейшем негативная семантика образа двора в мандельшт. мире дифференцируется, в частности он может возникать лишь как структурный компонент сюжетной модели; см. в стих. «Сегодня ночью, не солгу...»: «Хотели петь – и не смогли, / Хотели встать – дугой пошли / Через окно на двор горбатый»; ср.: «О, если бы поднять фонарь на длинной палке <...> / И с петухом в горшке прийти на двор к гадалке». Реальную биографич. мотивацию опосредованной соотнесенности с отрицательным, гибельным началом образ двора получает в цикле очерков «Феодосия» (1923–24), где О. М. описывает свои впечатления от пребывания в *Крыму* периода Гражд. войны: «Если выйти на двор в одну из тех ледяных крымских ночей и прислушаться к звуку шагов на бесснежной глинистой земле <...> если хлебнуть этого варева притушенной жизни, замешанной на густом собачьем лае и посоленной звездами, – физически ясным становится ощущенье спустившейся на мир чумы – тридцатилетней войны, с моровой язвой». Возможны и более

сложные случаи, когда образ двора наполняется отрицат. семантикой посредством введения в текст элементов внутр. пространства, или эксплицитно негативных, или испытывающих внешнее негативное воздействие; ср. амбивалентное по своей оценочности описание двора в Замоскворечье в «Путешествии в Армению»: «Две черствые липы, оглохшие от старости, подымали на дворе коричневые вилы. Страшные какой-то казенной толщиной обхвата, они ничего не слышали и не понимали» и т. п. Вероятно, проявлением индивидуальных черт худож. сознания О. М. можно считать ситуации положит. оценки явно сниженно описываемого внутр. пространства; см. изображение моск. дворика в очерке «Холодное лето» (1923): «Люблю <...> путешествовать <...> в трущобу. О ней стоит рассказать: подворотня, потом налево, грубая, почти монастырская лестница, две открытых каменных террасы; гулкие шаги, потолок давит, плиты разворочены <...> настоящий итальянский двор».

Постеп. утрата Д. своих обязат. признаков и качеств приводит к разрушению привычного семантич. ореола этого образа. Во-первых, в роли его своеобразного заместителя оказываются способны выступать маргинальные элементы дом. пространства: «Я на лестнице черной живу»; «На лестнице колючей разговора б!»; см. как возможные редуцированные формы: «Мы с тобой на кухне посидим»; «Я живу на важных огородах. / <...> И богато искривилась половица – / Этой палубы гробовая доска»; ср.: «Я по лесенке приставной / Лез на всклоченный сеновал». [В связи с последним примером интересно косв. свидетельство современницы о том, что в период пребывания в Воронеже во время поездки по районам (очевидно, в июле 1935) О. М. воспринял сеновал как исключительно чужеродную, враждебную среду (см.: К р е т о в а О. К. Горькие страницы памяти // ЖиТМ. С. 37; о негативном смысловом наполнении этого образа в целом см.: Г а с п а р о в М. Л. «Сеновал» О. Мандельштама: история текста и история смысла // Тыняновский сб. Вып. 11: Девятые Тыняновские чтения. М., 2002). Во-вторых, образ Д. испытывает воздействие природной символики, что может оборачиваться его полной трансформацией, при к-рой сохраняется его положительная оценочность, см. о Париже: «Здесь камни – голуби, дома – как голубятни»; ср.: «На луне не дома – / Просто голубятни»; «Где царский, где девичий дом? / Он будет разрушен, высокий Приамов скворешник»; «дом мой без крыльца. // К ноге моей привязан / Сосновый синий бор»; «гранит зернистый тот / Тень моя грызет очами, / Видит ночью ряд колод, / Днем казавшихся домами». В то же время, наполнение образа Д. природной (в широком смысле слова) семантикой иногда делает жилище опасным и гибельным: «Падают вниз с потолка светляки, / Ползают мухи по липкой простыне»; «Вошь да глушь у нее, / Тишь да мша, – / Полуспаленка, полутюрьма»; ср.: «В огромной комнате тяжелая Нева».

Доминирующее практически на протяжении всего творч. пути О. М. негативное смысловое наполнение образа Д., отчасти нейтрализуется в стихах последних лет, где он становится элементом космич., астральной символики и в опред. смысле уравнивается с универсумом: «счастливое небохранилище – / Раздвижной и прижизненный дом»; «белые звезды обратно / Чуть-чуть красные мчались в свой дом». Подобная метафорика (с ее очевидными религ. мировоззренч. ассоциациями; ср.: Г а с п а р о в. 1996. С. 58–61) была предвосхищена О. М. ранее: «Ощущение земли как дома, а неба как купола – постоянная тема» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 759) и, возможно, ассоциативно связана с фигурой *Микеланджело* Буонарроти.

Лит.: Ч е р а ш н я я Д. И. Частотный словарь лирики О. Мандельштама: субъектная дифференциация словоформ. Ижевск, 2003; В и д г о ф Л. М. Москва Мандельштама: Книга-экскурсия. М., 2006.

С. Г. Шиндин.

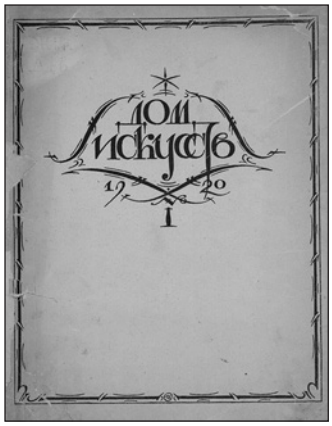
«ДОМ ИСКУССТВ» (ДИСК, Диск), организация деятелей искусства, образованная в Петрограде в кон. 1919 К. И. *Чуковским* и А. Н. *Тихоновым* при активной поддержке М. *Горького* для оказания социальной помощи представителям творч. и науч. интеллигенции. «Д. и.», включая общежитие, находился в быв. доме купцов Елисеевых (он же дом Чичерина, одно из самых изв. зданий С.-Петербурга и старейших на Невском просп.) и представлял собой комплекс строений (Невский просп., д. 15, наб. р. Мойки, д. 59, Б. Морская ул., д. 14). Управление деятельностью и организацией ее обеспечения осуществлял совет «Д. и.». Неофиц. название – ДИСК – появилось вскоре после создания «Д. и.» и в короткий срок стало общеупотребительным.

Практически сразу после организации общежития «Д. и.» был заселен писателями, поэтами, учеными, художниками и др., получившими в нем пристанище и мин. обеспечение продовольствием, что было исключительно важно во время голода 1919–21. Вместе с тем «Д. и.» стал уникальным для рус. культуры примером творч. «коммуны», своеобразной «микромоделью» платоновского гос-ва поэтов. В разное время здесь жили (нек-рые эпизодически) литераторы А. С. *Грин,* Н. С. *Гумилев,* М. М. *Зощенко,* М. Л. *Лозинский,* Л. Н. *Лунц,* С. Е. Нельдихен, Н. А. Павлович, В. А. *Пяст,* М. Л. *Слонимский,* Н. С. *Тихонов*, О. Д. Форш, В. Ф. *Ходасевич,* В. А. Чудовской, К. И. *Чуковский,* М. С. *Шагинян,* ученые А. Л. *Волынский,* В. Б. *Шкловский,* художники В. А. *Милашевский*, Е. В. Щекотихина и др. Мн. представители творч. интеллигенции Петрограда, не проживая в «Д. и.», проводили в нем немало времени – О. Н. *Арбенина*, Н. Н. *Берберова*, Г. В. *Иванов,* И. В. *Одоевцева,* Ю. Н. *Тынянов,* Б. М. *Эйхенбаум,* члены лит. объединения *«Серапионовы братья»*, начинающие авторы – участники лит. студий и др. Оценивая значение первых лет существования «Д. и.», Шкловский в октябре–ноябре 1921 писал Горькому: «Звери, спасенные Вами на ковчеге, могут быть выпущены» (Ш к л о в с к и й. В. Б. Письма М. Горькому (1917–1923 гг.) / публ. А. Ю. Галушкина // De Visu. 1993. № 1. С. 29); еще более откровенен он в своеобразном «коллективном манифесте» – записке от 1.11.1921 Д. И. *Выгодскому* (также проживавшему в «Д. и.» в этот период): «Мы учимся, сами таская мешки за плечами. Проклятая жизнь. Посмотрим, что выйдет. Но когда нашу работу умножат на нашу биографию, то получится бесконечность» (цит. по: Ф а т х у л л и н а Р. Материалы к биографии Давида Выгодского // Лица: Биографический альманах. 1. М.; СПб., 1992. С. 88).

Создание «Д. и.» было положительно воспринято не всей петрогр. интеллигенцией, ее радикально настроенная часть расценивала организации, созданные при участии Горького, как своего рода полит. ловушку: «Все

эти – “Дом ученых”, “Дом искусств”, “Всемирная литература” – содействуют <...> одной цели: срывать забастовку интеллигенции и литературный саботаж. Нащупывать в литературной среде слабость, хилость, неустойчивость, которые, при необычном нажиме обстоятельств <...> пойдут на компромиссы с торжествующей политической истерией» (Амфитеатров А. В. Дом Литераторов в Петрограде 1919–1921 гг. // Встречи с прошлым. М., 1996. Вып. 8. С. 148). Тем не менее, по свидетельству современника, «Д. и.» «в короткий срок, стал подлинным центром интеллектуально-артистической жизни Петербурга» (Анненков Ю. Дневник моих встреч: Цикл трагедий: В 2 т. М., 1991. Т. 1. С. 107); положение это сохранялось на протяжении всего времени существования «Д. и.», закрытого осенью 1922. В «Д. и.» сформировалось лит. объединение «Серапионовы братья», были созданы разнообр. семинары и студии (лит. студия под рук. Чуковского, при к-рой был образован семинар Лозинского по стихотв. переводу, семинар по стихосложению, изв. как студия «Звучащая раковина», к-рой руководил Гумилев, и др.), проходили науч., лит. и муз. вечера; при нем издавался журнал «Дом искусств». Короткий, но исключительно яркий и насыщ. событиями период существования «Д. и.» широко запечатлен в мемуарах: от худож. (роман Форш «Сумасшедший корабль», 1930) и предельно беллетризованных (Милашевский, Одоевцева) до вполне достоверных.

О. М. жил в «Д. и.» с сер. октября до кон. 1920(?) после возвращения из Крыма, чему способствовало содействие занимавшегося вселением в «Д. и.» Шкловского, а также Е. И. *Замятина* и Чуковского (см.: Шкловский. С. 230; Чукоккала: Рукописный альманах К. Чуковского. М., 1999. С. 256). О. М. была отведена комната 30а, в к-рой «в разное время жили Форш, Ходасевич, Милашевский, Павлович, Щекотихина, Нельдихен, Пунин, Лозинский» (Берберова Н. Курсив мой: Автобиография: В 2 т. Нью-Йорк, 1983. Т. 2. С. 649) и о к-рой сохранились скупые и противореч. свидетельства современников: «Комната большая, наискось от входной двери, у стены – большой диван» (Арбенина-Гильдебрандт. С. 160); «Мандельштаму <...> отвели “кособокую комнату о семи углах” в писательском коридоре» (Одоевцева. С. 121); «Обиталище Осипа Мандельштама представляло собой нечто столь же фантастическое и причудливое, как и он сам» (Ходасевич. С. 420); ср. передачу впечатлений самого О. М.: «Комната у меня маленькая и безобразная. Но главное – крыша и печка» (Одоевцева. С. 129). В современном мандельштамоведении нет единой т. зр. на окончание времени пребывания О. М. в «Д. и.»; согласно мнению большинства биографов, он оставался там до сер. марта 1921. По воспоминаниям брата, О. М. в кон. 1920 переехал в общежитие Дома ученых (см.: Мандельштам Е. Э. Воспоминания // НМ. 1995. № 10); на этом свидетельстве, очевидно, основывается др. биограф; см.: Мягков Б. С. Осип Мандельштам: дни и события (1891–1938). Краткая биохроника // Мандельштам О. Э. «Сохрани мою речь...»: Лирика разных лет. Избранная проза. М., 1994. С. 520. О переезде Мандельштама в Дом ученых воспоминал и Н. К. *Чуковский*: «Из Дома искусств он переехал в Дом ученых, где Горький дал ему комнату, и я как-то зимой был там у него» (Чуковский Н. О Мандельштаме // Чуковский Н. Литературные воспоминания. М., 1989. С. 152).



Обложка журнала «Дом искусств»

О. М., безусловно, был одним из самых ярких и оригинальных обитателей «Д. и.»: по словам совр. исследователя, его портрет этого времени «превратился в едва ли не обязательный атрибут многочисленных мемуаров о литературном быте Петрограда начала двадцатых годов. Именно тогда в сознании большинства современников за Мандельштамом окончательно закрепилась репутация “ходячего анекдота”» (Лекманов. 2003. С. 92). Хронологически самые близкие воспоминания об О. М. в «Д. и.» содержатся в «Сентиментальном путешествии» (1923) Шкловского: «По дому, закинув голову, ходил Осип Мандельштам. Он пишет стихи на людях. Читает строку за строкой днями. <...> Осип Мандельштам пасся, как овца, по дому, скитался по комнатам, как Гомер <...> Живя в очень трудных условиях, без сапог, в холоде, он умудрялся оставаться избалованным» (Шкловский. С. 231). Эти черты – сочинение стихов на ходу, в движении и пост. посещения др. обитателей «Д. и.» – отмечают в поведении О. М. практически все мемуаристы (обзор лит. портретов О. М. данного периода см. в: Лекманов О. А. Осип Мандельштам: Биография в портретах // Лекманов. 2000. С. 413–15). Сам О. М. отразил эпизод проживания в «Д. и.» в очерке «Шуба» (1922): «Жили мы в убогой роскоши Дома Искусств, в Елисеевском доме, что выходит на Морскую, Невский и на Мойку, поэты, художники, ученые, странной семьей, полупомешанные на пайках, одичалые и сонные»; там же упоминается «возвращение с обледенелым пайком в руках в комнатку Дома Искусств, жгучие железные перила черной лестницы».

Из обитателей «Д. и.» О. М. упоминает Шкловского, Шагинян и Ходасевича; последнего он именует соседом «по камчатке бывших меблированных комнат, куда сплавили нас за неимением места в хоромах Дома Искусств». Известная ситуация поиска топлива находит отражение в мандельшт. описании Шкловского: «Вот он возвращается с огромным мешком картона на спине из экспедиции по дрова. Комнаты нам недотапливали, зато тут же в доме находились девственные залежи топлива: брошенный банк, около сорока пустых комнат, где по колено навалено толстых банковских картонов. <...> Шкловский, бывало, пойдет в этот лес и вернется с несметной добычей. Затрещит затопленный канцелярским валежником камин», что перекли-

кается с его собств. воспоминаниями: «В доме был прежде Центральный банк <...> войдешь в него, и начинает кружиться голова. <...> Отворенные несгораемые шкафы, весь пол усеян бумагами, квитанционными книжками, папками. Топил печку почти год папкой» (Шкловский. С. 229); близкие детали воспроизвел Милашевский в своем беллетризованном изображении похода в банк со Шкловским и Грином; см.: Милашевский. С. 210–213. В целом О. М. положительно оценивал время, проведенное в Петрограде, определяя его как «суровая и прекрасная зима 20–21 года. Последняя страдная зима Советской России, и я жалею о ней, вспоминаю о ней с нежностью».

В «Д. и.» О. М. активно общался с друзьями и знакомыми прежних лет – Гумилевым, Ивановым, Лозинским, Ходасевичем, Шкловским и др.; стал участником 3-го *«Цеха поэтов»*, вместе с др. чл. к-рого посещал вечера студийцев «Звучащей раковины», неоднократно бывал на переводч. семинаре Лозинского. На осень 1920 – январь 1921 приходится мандельшт. увлечение Арбениной, вдохновившее его на написание цикла лирич. стихов кон. 1920. В этот период в «Д. и.» состоялся ряд событий общекультурной и лит. жизни, к к-рым О. М. имел непосредств. отношение. 26.10 и 2.11.1920 он посетил переводч. семинар Лозинского в «Д. и.», при втором посещении выступив с чтением стихов (см. фрагмент дневника М. Н. Рыжкиной в: Оношкович-Яцына. С. 387). 18.11.1920 в «Д. и.» состоялся вечер поэзии О. М., на к-ром вступ. словом сказал В. М. *Жирмунский* и к-рый, вероятно, характеризует Е. Э. *Мандельштам* как прошедший с большим успехом. 4.12.1920 О. М. пропустил проходившее в «Д. и.» выступление В. В. *Маяковского*, проведя это время в обществе Арбениной (см.: Арбенина-Гильдебрандт. С. 159–160). 11.2.1921 в Исаакиевском соборе О. М. была организована панихида по А. С. *Пушкину* с участием группы обитателей «Д. и.» (см.: Оношкович-Яцына. С. 402; Павлович. С. 122). 17.2.1921 состоялись лекция Пяста «Новые побеги» и ее обсуждение, сопровождавшиеся «литературным скандалом» с участием О. М. (см.: Оношкович-Яцына. С. 404–405; фрагмент газетной публикации об этом инциденте воспроизведен в: Богомолов Н. А. Мандельштам и Ходасевич: неявные оценки и их следствия // Поэтика и текстология. С. 50–51). Кроме того, совр. хроника жизни О. М. включает в себя вечер поэзии «Цеха поэтов» в «Д. и.» 14.3.1921 (см.: Нерлер П. Даты жизни и творчества. С. 443; ср.: Степанов Е. Н. Гумилев. Хроника // Гумилев Н. Соч.: В 3 т. М., 1991. Т. 3: Письма о русской поэзии. С. 422), однако, по др. источникам, из-за Кронштадтского восстания вечер был перенесен на 20.4.1921, когда и состоялся (см.: Телетова Н. К. Примеч. к: Оношкович-Яцына. С. 453), но уже, очевидно, без участия О. М.

С уверенностью можно утверждать, что именно во время проживания О. М. в «Д. и.» им были написаны стихи «В Петербурге мы сойдемся снова...», «Возьми на радость из моих ладоней...», «За то, что я руки твои не сумел удержать...», «Когда городская выходит на стогны луна...», «Когда Психея-жизнь спускается к теням...», «Ласточка (“Я слово позабыл, что я хотел сказать...”)», «Мне жалко, что теперь зима...», «Чуть мерцает призрачная сцена...», «Я в хоровод теней, топтавших нежный луг...», «Я наравне с другими...» (все ноябрь–декабрь 1920), а также ряд фрагментов «Антологии античной глупости», в одном из к-рых прямо упомянут «Д. и.», и шуточные стихи «В альбом спекулянтке Розе», «Умеревший офицер» и «Я вскормлен молоком классической Паллады...». 5.11.1921 О. М. заключил договор с изд-вом «Петрополис» на издание кн. стихов «Новый камень» (см.: Нерлер П. Даты жизни и творчества. С. 443), к-рое не было осуществлено. Как позднее отмечала Ахматова, воспоминанием о пребывании О. М. «в Петербурге в 1920 году, кроме изумительных стихов к Арбениной в “Tristia”, остались еще живые, выцветшие <...> афиши того времени – о вечерах поэзии, где имя Мандельштама стоит рядом с Гумилевым и Блоком».

Лит.: Милашевский В. Вчера, позавчера...: Воспоминания художника. М., 1989. С. 182–223; Одоевцева И. На берегах Невы: Литературные мемуары. М., 1989. С. 119–160; Чуковский Н. Дом искусств, Клуб Дома искусств, Литературная студия Дома искусств // Чуковский Н. Литературные воспоминания. М., 1989; Ходасевич В. «Диск» // Ходасевич В. Колеблемый треножник. М., 1991; Оношкович-Яцына А. И. Дневник 1919–1927 // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1993. Вып. 13; Иванов Г. Китайские тени // Иванов Г. Собр. соч.: В 3 т. М., 1994. Т. 3. С. 263–269; Тимина С. Культурный Петербург: Диск. 1920-е годы. СПб., 2001; Павлович Н. А. [Воспоминания] // О. и Н. Мандельштамы. С. 122–123; Шкловская-Корди В. Г. [Воспоминания]// Там же. С. 102–107; Шкловский В. Сентиментальное путешествие // Шкловский В. «Еще ничего не кончилось...». М., 2002. С. 229–231; Арбенина-Гильдебрандт О. Н. О Мандельштаме // Арбенина-Гильдебрандт О. «Девочка, катящая серсо...»: Мемуарные записи. Дневники. М., 2007.

С. Г. Шиндин.

ДОМ ЛИТЕРАТОРОВ, лит.-просвет. организация, существовавшая в Петрограде 1.12.1918 – ноябрь 1922 (ликвидирована по решению гор. руководства). Д. л. возник на основе кооператива (кассы взаимопомощи) при Союзе журналистов и «литературной столовой», получив в свое распоряжение отд. помещение (особняк на Бассейной ул., д. 11); с лета 1920, сохранив самоуправление, перешел в ведение Наркомпроса. Гл. роль в создании Д. л. сыграли литераторы Н. М. Волковыский и Б. О. Харитон. Руководство осуществляло общее собр. чл. Д. л., в промежутках – ежегодно переизбираемый комитет: акад. Н. А. Котляревский (бессменный пред.), А. В. Амфитеатров, А. А. *Ахматова*, А. А. *Блок*, Н. С. *Гумилев*, В. Я. Ирецкий, А. М. *Ремизов*, Ф. *Сологуб*, В. Ф. *Ходасевич*.

Вспоминая Петербург – Петроград 1920–22, Ходасевич отмечал: «Культурная жизнь Петербурга сосредоточивалась вокруг трех центров: Дома Ученых, Дома Литераторов и Дома Искусств, которые для нее служили прибежищем не только в отвлеченном, но и в самом житейском смысле, потому что при каждом из них были общежития, где разместились многие люди, сдвинутые революцией с насиженных мест» (Ходасевич В. «Диск» // Ходасевич В. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4: Некрополь. Воспоминания. Письма / сост., подгот. текста И. П. Андреевой и др., коммент. И. П. Андреевой и др. М., 1997. С. 273–274). Первонач. Д. л. занимался преимущ. проблемами материальной поддержки и помощи литераторам (организация столовой и отапливаемых комнат для работы; выдача пайков и т. п.); этим имели возможность пользоваться д. ч. Д. л. (в января 1922 их было св. 600).

Краткую, но емкую характеристику Д. л., основанную на личном опыте, дал в небольшой заметке «Литераторы и литература в Петербурге» (Голос России. Берлин. 1922. № 978. 31 мая) В. Б. *Шкловский*: «В 1918–1919 гг. в его комнатах было достаточно тепло, чтобы не замерзнуть, и можно было достать форшмак из селедки. Я думаю, что Дом литераторов спас много жизней. – В него привозили и детей и оставляли их на целый день, а в углу сидели и иногда спали, сидя, измученные люди, а на стенах висели каждый день новые фамилии умерших. Жили мы ужасно, я знаю писателя, с большим, очень большим именем, который не топил своей квартиры с 1918 года по 1 января 1922 года. Спал в пальто и в перчатках (М. А. *Кузмин*. – *С. Ш.*) <...> Дом литераторов сберег несколько писателей, но литературной жизни в нем не было» (Шкловский В. Письма. Статьи / подгот. текста и примеч. А. Ю. Галушкина // Тыняновский сб.: Пятые Тыняновские чтения. Рига; М., 1994. С. 288). Это «охранительное начало» Д. л. отражено в большинстве воспоминаний о нем, см., напр.: «В Петрограде в бедном ресторане Дома литераторов голодные писатели говорят только о пайках хлеба, о керосине, о возможности найти что-нибудь на черном рынке» (Оцуп Н. Николай Гумилев: Жизнь и творчество. СПб., 1995. С. 112); ср.: Мандельштам в архиве Э. Ф. Голлербаха. С. 104–106.

Постепенно сфера деятельности Д. л. расширялась, и уже с 1920 в нем проходили лит. собрания, лекции, муз. вечера, действовали лит. студия для начинающих писателей, библиотека-читальня (важный аспект деятельности Д. л., особенно актуальный в период реквизиции гос-вом частных библиотек, формирование книжного собр.: к нач. 1922 св. 70 тыс. томов); в городе было открыто 3 книжных магазина. При Д. л. в 1921–22 издавался лит.-исследоват. и критико-библиографич. журнал «Летопись Дома литераторов» (вышло 9 номеров), в 1922 – журнал «Литературные записки» (3 номера). Д. л., явно ориентир. на пассивное неприятие нового строя, в изв. смысле противопоставлял себя организациям, созданным при участии М. *Горького*, – «Дому искусств», Дому ученых, изд-ву *«Всемирная литература»*. В своих поздних (1963) мемуарах Г. Н. *Петников*, упоминая об эпизодич. встречах с О. М., так определил Д. л.: «Место, где собирались интеллигенты, предчувствовавшие катастрофу старого Петрограда <...> пацифиствующие и захваченные военным угаром мировой войны... Другие слышали музыку грядущей революции (Маяковский, Александр Блок)...» [*Петников Г.* Страничка воспоминаний (Осип Мандельштам) / публ., примеч. П. Поберезкиной // Toronto Slavic Quarterly. 2012. № 40. С. 319]; ср.: «Здесь не видно пролетарских писателей – они подвизаются в Пролеткульте, в клубах, в редакциях <...> И приютившийся на Бассейной "оплот оппозиции" рухнет еще не скоро» (Голлербах. С. 106). В свою очередь, обитатели «Дома искусств», по мемуарному свидетельству современника, «презирали Дом литераторов. Презирали дружно, но по разным причинам. Сторонники Горького и Блока презирали их по мотивам политическим, как пособников саботажа и союзников эмигрантов. Сторонники "Цеха поэтов" <...> презирали их, как всегда эстеты презирают газетчиков. Студисты унаследовали это презрение от старших» (Чуковский. С. 78). Подобные сложности во взаимоотношениях не исключали одноврем. членства представителей лит. среды в этих организациях как в форме получения материальных преимуществ, так и в форме участия в культурной жизни. [На это обстоятельство обратил внимание заруб. читателей Шкловский: «Оба этих "дома" состоят при Комиссариате Народного просвещения, который, впрочем, сейчас им средств не дает. – В России к этому относятся спокойней, чем за границей, хотя идеология обоих "домов" не большевистская. – Видите ли, мы стараемся жить мимо большевиков» (Шкловский В. Письма. Статьи. С. 287).] Деятельность Д. л. была по-своему более «академична» и систематизирована, чем работа «Дома искусств», а мн. проходившие в нем мероприятия оставили заметный след в истории послерев. культурной жизни и Петрограда, и России.

Так, 24.10.1920 состоялся поэтич. вечер О. М., к-рый он предварил чтением доклада «О новых путях в акмеизме» (см.: Мандельштам О. ПССиП: В 3 т. Приложение: Летопись жизни и творчества / сост. А. Г. Мец при участи С. В. Василенко и др. М., 2014. С. 182; ср. поздние воспоминания О. Н. *Арбениной*: «Когда произошло его первое выступление (в Доме литераторов), я была потрясена!» (Гильдебрандт-Арбенина О. Н. О Мандельштаме // Гильдебрандт-Арбенина О. «Девочка, катящая серсо...»: Мемуарные записи. Дневники / сост. А. Дмитриенко. М., 2007. С. 159). 21.11.1920 в Д. л. прошел вечер Леконта де Лиля, на к-ром выступали Гумилев, М. Л. *Лозинский* и В. А. *Рождественский* (см. фрагмент дневника М. Н. Рыжкиной в: Оношкович-Яцына. С. 388), 11.2.1921 – вечер, приуроч. к 84-й годовщине смерти Пушкина, на к-ром, в частности, Блок произнес речь «О назначении поэта» (см.: Ходасевич В. Гумилев и Блок // Ходасевич В. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4: Некрополь. Воспоминания. Письма / сост., подгот. текста И. П. Андреевой и др., коммент. И. П. Андреевой и др. М., 1997. С. 83–85). Тогда же Б. М. *Эйхенбаум* в своем выступлении говорил о возникновении из недр символизма «нового классицизма», в к-ром присутствует «новое ощущение классического Пушкина, утвержденное в своей парадоксальности красивым афоризмом Мандельштама: "Классическая поэзия – поэзия революции"» (см.: Мандельштам О. ПССиП: В 3 т. Приложение: Летопись жизни и творчества. С. 192). После вечера О. М. присутствовал на экстренном собрании по поводу публикации в заруб. печати обвинений К. И. *Чуковского* в организации фальсификаций при посещении Г. Уэллсом *Тенишевского училища* во время его визита в Петроград; см. дневниковую запись (в к-рой вечер отнесен к 12.2.1921): «Заседание "Всероссийского Союза Писателей" – о моем письме по поводу Уэльса. <...> Каждый сочувствовал мне и хотел меня защитить. Очень горячо говорил Шкловский, Губер, Гумилев. Я и не ожидал, что люди вообще могут так горячо отозваться на чужую обиду. Губер живо составил текст постановления, и я ушел с заседания в восторге» (Чуковский К. Собр. соч.: В 15 т. Т. 11: Дневник 1901–1921 / сост., подгот. текста и коммент. Е. Чуковской. М., 2013. С. 320); более поздний комментарий этой ситуации содержится в мемуарном очерке «Фантасмагория Герберта Уэллса» (1964), см.: Собр. соч.: В 15 т. Т. 4: Живой как жизнь: О русском языке. О Чехове. Илья Репин. Приложение / сост., коммент. Е. Чуков-

ской. М., 2012. 16.2.1921 в Д. л. состоялось заседание 2-го Цеха поэтов; см.: О н о ш к о в и ч - Я ц ы н а. С. 404.

Лит.: М а р т ы н о в И. Ф., К л е й н Т. П. К истории литературных объединений первых лет Советской власти (Петроградский Дом литераторов. 1918–1922) // РЛ. 1971. № 1; Ч у к о в с к и й Н. Дом искусств. Клуб Дома искусств. Литературная студия Дома искусств // Ч у к о в с к и й Н. Литературные воспоминания. М., 1989; Мандельштам в архиве Э. Ф. Голлербаха / публ. и предисл. Е. А. Голлербаха [Переписка из двух миров (Фрагмент)] // Слово и судьба. С. 104–108; О н о ш к о в и ч - Я ц ы н а А. И. Дневник 1919–27 // Минувшее: Исторический альманах М.; СПб., 1993. Вып. 13; И в а н о в Г. Китайские тени // И в а н о в Г. Собр. соч.: В 3 т. Т. 3: Мемуары. Литературная критика / сост., подгот. текста Е. В. Витковского, В. П. Крейда; коммент. В. П. Крейда, Г. И. Мосешвили. М., 1994. С. 257–263; Ш к л о в с к и й В. Письма. Статьи / подгот. текста и примеч. А. Ю. Галушкина // Тыняновский сб.: Пятые Тыняновские чтения. Рига; М., 1994; А м ф и т е а т р о в А. В. Дом Литераторов в Петрограде 1919–1921 гг. // Встречи с прошлым. М., 1996. Вып. 8; Мандельштам О. ПССиП: В 3 т. Приложение: Летопись жизни и творчества / сост. А. Г. Мец при участи С. В. Василенко и др. М., 2014. С. 182–183, 186–188, 190–192, 198.

Ук.: Вестник литературы (1919–1922); Летопись Дома литераторов (1921–1922); Литературные записки (1922): Аннотир. ук. / отв. ред. А. Ю. Галушкин. М., 1996.

С. Г. Шиндин.

ДОМБАЛЬ (Dąbal) Томаш Францевич [29.12.1890, д. Лобув (вариант Собув), Тарнобрегский округ. Жешувского воеводства, Польша – 21.8.1937?, Москва], активный участник рев. движения в Польше, позднее советский науч. и партийный деятель. Акад. АН БССР (1933), д-р экон. наук (1934), проф. (1932). В 1911 вступил в Польскую нар. партию, в 1919 организовал Крест. радикальную партию, в сентябре 1920 вступил в Компартию Польши. В июле 1921 стал одним из участников формирования в Сейме фракции коммунистов, после чего в ноябре 1921 был арестован и осужден на 10 лет тюремного заключения. В 1923 в процессе обмена полит. заключенными выехал в СССР, где занимался созданием Крест. интернационала (см.: Домбаль Т. Ш. Задачи и достижения Крестинтерна. М., 1925). Окончил Моск. сельскохоз. академию (1927), Институт красной профессуры (1932), основал науч.-исследоват. Междунар. аграрный ин-т (1926). В 1932–35 вице-президент АН БССР и директор Ин-та экономики АН БССР, в 1932–37 член ЦК КП(б) Белоруссии и ЦИК БССР и т. п. (см.: Т о к а р е в Н. В. Возвращенные имена. Мн., 1992. С. 42–44). 29.12.1936 арестован по делу «Польской военной организации», расстрелян. Реабилитирован в 1955. Очевидно, именно он упоминается в иронич. контексте заметки (очерка) О. М. «Генеральская» (1923) в сцене просмотра низкопробного фильма, смонтированного из польской и рос. кинолент: «В зале кто-то заговорил по-польски, объясняя королевские достопримечательности. – Кто-то крякнул: – Даёшь Домбаля!.. <...> – Дальше – настоящее представление <...> русская драма из семейной жизни генералов». Возможно, этот фрагмент ассоциативно связан и с кинодокументальным началом, т. к. год написания мандельшт. текста совпадает со временем прибытия Д. в СССР, что могло найти свое отражение в текущей кинохронике.

Томаш Домбаль

Лит.: В и д г о ф Л. М. «Но люблю мою курву-Москву»: Осип Мандельштам: поэт и город. М., 2012. С. 62–63.

С. Г. Шиндин, Л. М. Видгоф.

ДОРОХОВ Прокофий Меркулович (1891, с. Никольское Россошанского у. Воронежской губ. – ?), председатель колхоза, к-рый О. М. посетил в кон. июля 1935 и о к-ром намеревался писать очерк или даже книгу. В 1906–14 Д. занимался крест. трудом, в 1914–17 в царской, в 1917–21 в Красной Армии (быв. партизан). С 1921 на руководящих должностях в родном селе: в 1921–22 пред. волостного земельного комитета, в 1922–28 земельный уполномоченный; в 1928–29 пред. сельсовета с. Никольское, с 1929 пред. кредитного т-ва и зам. пред. сельскохоз. артели «Новый путь». Летом 1935 пред. колхоза «Пламя революции». Член ВКП(б) с 6.1.1930. Имя Д. многократно встречается в набросках О. М. к документальной книге о деревне, сделанных им летом 1935 во время и после поездки в Воробьевский р-н Воронежской обл. Неск. дней О. М. ходил за ним буквально по пятам, стараясь запомнить или записать каждый поступок и каждое его слово: «Речь Дорохова, распаханная под научную экономику, под газетную передовицу, – была все-таки крестьянская. Он сколачивал ее годами как политический стиль, как орудие, как богатство и умело ею пользовался». Н. М. вспоминает Д. в своей книге об А. А. *Ахматовой*, называя его «остаточным для тридцатых годов явлением: одним из последних людей, больных волей к власти. <...> Дорохов управлял совхозом как собственной трепещущей семьей и издавал один приказ за другим. За неисполнение карал. <...> За самоуправство его несколько раз снимали с его поста. <...> Дорохов для 35-го года был человеком вчерашнего дня. Централизация, сопутствующая вождизму, уже не нуждалась в местных вождях и воспитателях».

Архивы: ГАОПИВО. Ф. 48 (Воробьевский районный комитет КПСС). Оп. 1. Д. 21. Л. 144; Ф. 2. Оп. 1. Д. 1344. Л. 126 об.; Д. 1224. Л. 32, 34.

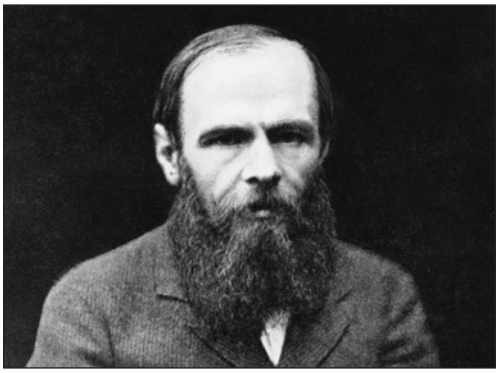
Лит.: Н. Я. Мандельштам. Т. 1.

П. М. Нерлер.

ДОСТОЕВСКИЙ Федор Михайлович (30.10.1821, Москва – 28.1.1881, С.-Петербург), писатель. Вспоминая детство в «Шуме времени» (1923–24), О. М. описывает «материнские русские книги» в родительской библиотеке: «А что

такое Тургенев и Достоевский? Это приложение к “Ниве”. Внешность у них одинаковая, как у братьев. <...> На Достоевском лежал запрет, вроде надгробной плиты, и о нем говорили, что он “тяжелый”...». В др. месте О. М. называет одного из своих товарищей по *Тенишевскому училищу* «начетчик по Достоевскому». И усвоенная в детстве характеристика «тяжелый», и иронич. определение «начетчик» подтверждают мнение Н. М. о том, что О. М. «чурался» Д.: «В стихах и в прозе (О. М. – *Е. С.*) есть реминисценции из Достоевского, но он никогда не писал и не говорил о нем. Боялся ли он его выводов или его отталкивали теории Достоевского-публициста? <...> Люди наших поколений делились на приверженцев Толстого и Достоевского. Мандельштам тяготел скорее к Толстому, чем к Достоевскому, но в общем был свободен от обоих, потому что чувствовал в них ересиархов». Вместе с тем упоминаемые Н. М. реминисценции из Д. и просто переклички с его произведениями присутствуют в творчестве О. М. на всем его протяжении [сверх того О. Ронен атрибутирует О. М. изобретение полифонич. концепции, легшей затем в основу книги М. М. Бахтина о Д. (Ронен. 2000. С. 105), а также вменяет О. М. рефлексию др. теоретич. работы о Д., принадлежащей Ю. Н. *Тынянову* (Ронен. 2002. С. 150)]. В стих. «Домби и сын» [1913 (1914?)], по мнению С. И. *Липкина*, «Диккенс воспринят Мандельштамом через Россию, через Достоевского <...> лондонский Сити – это и Петербург Достоевского». Идея возвращения к земле, к метафизич. «почве» Д., усвоенная в контексте орфич. модели В. И. *Иванова*, различима в стих. «Как этих покрывал и этого убора...» (1915) (Freidin. P. 94). Ронен цитирует пассаж из «Идиота» (1868) как один из источников «Сумерек свободы» (1918) (Ронен. 2002. С. 140). В «Письме о русской поэзии» (1922) О. М. писал, что в «космической» поэзии Иванова «даже минерал произносит несколько слов», намекая на аллегорич. поэму Степана Трофимовича из «Бесов» (1871–72), где «даже <...> пропел о чем-то один минерал» («Бесы») (см. Василенко С. В., Фрейдин Ю. Л. Примечания // ДП. М., 1981. С. 196; ср.: Лекманов. 2000. С. 561–564). При анализе стих. О. М. «1 января 1924» (1924) Ронен обращается к тексту «Идиота» и полемизирует с Дж. Бэйнс, возводящей паука из этого стих. к пауку, к-рый снился Свидригайлову в «Преступлении и наказании» (1866). В рец. [«Магазин дешевых кукол»] (1929), О. М., критикуя советскую кинокомедию «Кукла с миллионами» (1928), объявляет картину продолжением рассказа Д. «Бобок» (1873), а ниже ей присуждается «вузовская стипендия имени господина Свидригайлова, в чьем сизом мозгу только и мог зародиться весь этот бред». Как полагает Р. Пшибыльский, желток, упоминаемый в стих. «Ленинград» (1930), маркирует апокалиптич. желтизну, к-рой отмечен Петербург Н. В. *Гоголя* и Д. (Przybylski. P. 145). Г. М. Фрейдин привлекает религ.-этич. модель Д. как релевантную для прочтения стих. «Ламарк» (1932) (Freidin. P. 227). Слово «жизняночка» из 8-стишия «О, бабочка, о, мусульманка...» (1933), возможно, имеет источником обращение «жизненочек» в «Бедных людях» (1846) (Черашняя Д. И. Этюды о Мандельштаме. Ижевск, 1992. С. 120–121). В «Еще не умер ты, еще ты не один...» (1937) слова «спокоен и утешен» отсылают к «Братьям Карамазовым» (1879–80). С. Ф. Кузьмина проводит параллель между стих. «Где связанный и пригвожденный стон?» (1937) и финалом «Братьев Карамазовых» (Кузьмина. С. 390–391). Воздействием Д. отмечены последние воронежские стихи (1937), обращенные к Н. Е. *Штемпель*: «Я к губам подношу эту зелень...» и «Клейкой клятвой пахнут почки...», варьируют мотив «клейких листочков» из «Братьев Карамазовых» (а также из пушкинского «Еще дуют холодные ветры...», 1828) (см.: Петрова. С. 194); в [«Стихах к Н. Штемпель»] мотив жен. хромоты, уподобление шага – рыданью и упоминание сырой земли идут от «рассказа старицы о тождественности Марии-Богородицы и “сырой земли”, которую надо напоить слезами, пересказанного Шатову Марией Лебядкиной в гл. “Хромоножка” “Бесов”» (Мец А. Г. Комментарий // Полн. собр. стих. С. 635).

Но обилием подтекстов из Д. не исчерпывается его значение для О. М. Как считает Г. А. Левинтон, эти подтексты объединяет «проблема взаимоотношения православия и иудаизма, русского и еврейского начал и т. п.» (Левинтон. С. 30). Л. Я. *Гинзбург* делает еще более широкое обобщение, отмечая, что поэзию О. М. водила «по дорогам мировой культуры» «потребность исторически понять разные культуры и найти им место в объемлющем их русском культурном сознании. Концепция эта, вероятно, сложилась в какой-то мере под воздействием идей Достоевского о всемирности, всечеловечности как неотъемлемом свойстве русского национального сознания...». В том же ракурсе рассматривает эстетич. стратегии О. М. и Г. М. Фрейдин; в его понимании О. М., сталкивающий далекие друг другу культурно-ист. пласты, является последователем утопич. мысли П. Я. *Чаадаева*, А. И. *Герцена* и Д., к-рый в своей речи «Пушкин» (1880) определяет архетипич. рус. поэта как гения метаморфозы, способного имитировать сущность всех культур, являя собой прообраз объединения человечества (Freidin. P. 141). Подтверждением такой программы может служить отражение пушкинской речи Д. в ст. «А. Блок (7 августа 21 г. – 7 августа 22 г.)» (1922), где О. М. вслед за Д. упоминает «Пир во время чумы» (1830) как пример способности поэта к тому, что Д. назвал «всемирной отзывчивостью». Одна из двух цитат, приводимых О. М. в этой связи, взята не из «Пира во время чумы», как полагает О. М., а из «Каменного Гостя» (1830). Подобные неточности вообще характерны для О. М. и, в частности, нередки при его обращениях к творчеству Д. Так, в «Шуме времени» упоминается «желанье Неточки Незвановой у Достоевского услышать скрипичный концерт за красным полымем шелковых занавесок», хотя в «Неточке Незвановой» (1849) фигурируют портьеры из пунцового бархата (гл. IV); в очерке «Яхонтов» (1927) мелькает «Машенька из “Белых ночей”», тогда как героиню Д. зовут Настенька; в гл. V «Египетской марки» (1927) о самом Д. сказано: «Бесенок скандала вселился в квартиру на Разъезжей», между тем Д. жил не на Разъезжей ул., а поблизости; в гл. VIII «Египетской марки» герой возводит свою родословную к «капитану Голядкину», наделяя Голядкина из пов. «Двойник» (1846) чином др. персонажа Д. с похожей фамилией – капитана Лебядкина из «Идиота» (см. Кузьмина. С. 388); А. Е. Барзах рассматривает этот пример как частный случай мандельшт. «поэтики неточности» (Барзах. С. 386). «Египетская марка» не просто изобилует аллюзиями на произведения Д., но и подчеркнуто воспроизводит сюжетную модель «петер-



Федор Михайлович Достоевский

бургского текста» рус. литературы, ориентируясь, в частности, на «Медного всадника» (1833) Пушкина, «Нос» (1836) и «Шинель» (1842) Гоголя и ряд произв. Д., прежде всего на «Двойника» и «Идиота». В очерке «Яхонтов», написанном одноврем. с «Египетской маркой», О. М. приветствует опыт подобного комбинирования на сцене: «... “Петербург” – лучшая работа Яхонтова, сплетенная из обрывков “Шинели”, “Белых ночей” Достоевского и “Медного всадника”». Как отметил Н. Я. Берковский, «фабульная ситуация («Египетской марки». – *Е. С.*) <...> повторяет ситуацию двух Голядкиных, из которых второй, двойник-удачник, бредово присваивает все преимущества, дразнящие оригинала-неудачника, первого Голядкина» (Берковский Н. Я. Мир, создаваемый литературой. М., 1989. С. 301). Определяя стержневую коллизию «Египетской марки», М. Л. Гаспаров пишет, что в основе ее – «тема маленького человека XIX в., который лишается самой дорогой вещи (как в “Шинели”) и сталкивается с двойником-соперником, который без всякого права перехватывает у него все самое нужное в жизни (как в “Носе” Гоголя и “Двойнике” Достоевского)». Но мотивы произведений Д. проникают в «Египетскую марку», преломляясь в текстах старших современников О. М., именуемых Барзахом «вторичными» источниками, в частности в этюдах И. Ф *Анненского* из «Книги отражений» (1906) (см. Тименчик Р. Д. Из комментариев к мандельштамовским текстам: Артур Яковлевич Гофман // Поэтика и текстология. С. 67; Барзах. С. 398). В гл. V О. М. заводит речь о «скандале» как особой категории рус. менталитета, идущей от молодого Д. и его эпохи [в «Разговоре о Данте» (1933) О. М. указывает на *Данте Алигьери* как на далекого предшественника Д. в обл. поэтики скандала], и помещает на одном повествоват. уровне сотрудников «Современника» (антагонистов автора «Бедных людей») и персонажа романа «Идиот» юного Ипполита, с к-рым О. М. отождествляет его создателя: «Вечером на даче в Павловске эти господа литераторы отчехвостили бедного юнца – Ипполита. Так и не довелось ему прочесть свою клеенчатую тетрадку...» [подробнее см.: Толстая Е. Д. Мир после конца. Работы о русской литературе XX века. М., 2002. С. 63–64). Как отметил Ронен, в подтексте фразы: «Пропала крупиночка: гомеопатическое драже, крошечная доза холодного белого вещества... В те отдаленные времена <...> эта крупиночка именовалась честью» – эпизод с Ипполитом, забывшим положить порох в пистолет («Идиот», а фраза: «Рояль – это умный и добрый <...> зверь» отсылает к словам кн. Мышкина: «Осел добрый и полезный человек» («Идиот») (см.: Ronen. P. 277, 307)].

Д. постоянно присутствует в устных и письм. высказываниях О. М. в связи с волновавшей его темой ист. динамики лит. жанров. Уподобляя стихи Н. А. *Заболоцкого* сочинениям капитана Лебядкина из «Идиота», О. М. отказывает этим стихам в к.-л. достоинствах, но тем не менее подразумевает, что в ходе лит. процесса пародия на литературу может занять место литературы как таковой. Лирика А. А. *Ахматовой*, по мысли О. М., наследует рус. психологич. роману, включая «всего Достоевского». Роман Д., в свой черед, выступает формой бытования трагического в эпоху, когда трагедия на сцене стала невозможна (это воззрение сформировалось под прямым влиянием работы В. Иванова «Достоевский и роман-трагедия», ср.: Барзах. С. 417–418). По свидетельству Н. М., О. М. «твердо знал, что всякий жанр непрерывно исчерпывает себя и тот, кто берется за него, начинает с полной перестройки. <...> Достоевский разворачивает действие наподобие трагедии. <...> Мандельштам часто говорил о трагедии, но не как о лит. жанре, а об ее сути...». Применительно к своей эпохе О. М. сомневался в жизнеспособности жанра романа, и в этом контексте Д. наряду с Л. Н. *Толстым* предстал образцовым романистом. В ст. «Литературная Москва. Рождение фабулы» (1922) О. М., критикуя писателя-современника (А. *Белого*) за неадекватность его прозы жизн. ритму реального читателя, в качестве позитивной альтернативы указывает, в частности, на Д.: «Достоевский – отличное застольное чтение, если не сейчас, то в очень недалеком будущем, когда вместо того, чтобы плакать и умиляться над ним <...> будут воспринимать его чисто литературно и тогда в первый раз прочтут и поймут».

Лит.: Н. Я. Мандельштам. Т. 2; Кузьмина С. Ф. Достоевский в восприятии Мандельштама // ЖиТМ. С. 382–393; Левинтон Г. Достоевский и «низкие» жанры фольклора // ЛО. 1991. № 11. С. 50; Он же. Мандельштам и Гумилев: Предварительные заметки // Столетие Мандельштама. С. 30; Фарыно Е. Археопоэтика Мандельштама (На примере «Концерта на вокзале) // Там же. С. 200; Симонек С. Египетские марки О. Мандельштама и К. Чапека // «Отдай меня, Воронеж...». С. 65; Барзах А. ...Без фабулы (Вблизи «Египетской марки» О. Мандельштама) // Барзах А. Обратный перевод. СПб., 1999; Мусатов В. Лирика О. Мандельштама. К., 2000. С. 108–109, 386; Петрова Н. А. Семантика черемухи в поэзии О. Мандельштама // Смерть и бессмертие. С. 194; Ронен О. Серебряный век как умысел и вымысел. М., 2000; Он же. Поэтика О. Мандельштама. СПб., 2002; Brown C. The Prose of Mandelstam // The Prose of O. Mandelstam. Princeton UP, 1965. P. 3–65; Baines J. Mandelstam: The Later Poetry. Camb., 1976. P. 44–45; Ronen O. An Approach to Mandelstam. Jerusalem, 1983; Freidin G. A Coat of Many Colors: O. Mandelstam and His Mythologies of Self-presentation. Berkeley; Los Angeles; L., 1987; Przybylski R. An Essay on the Poetry of Osip Mandelstam: God's Grateful Guest. Ann Arbor, 1987. Crone A. L. Mandelstam's Rozanov // Столетие Мандельштама. С. 65; Isenberg Ch. Mandelstam's Egipetskaia Marka as a Work in Progress // Там же. С. 228–243; Gifford H. Mandelstam and Soviet Reality // Там же. С. 261.

Е. Г. Сошкин.

ДРЕЙФУС (Dreyfus) Альфред (9.10.1859, Мюлуз, Эльзас – 12.7.1935, Париж, Франция), франц. офицер Ген. штаба, капитан. В 1894 было сфабриковано судебное дело Д. по его обвинению воен. министерством в шпионаже в пользу Германии; оно стало предметом ожесточ. полит. борьбы во Франции в 1890-х гг. между блоком монархистско-аристократич. группировки военных и клерикалов и буржуазными демократами. Несмотря на полное отсутствие доказательств, воен. суд в декабре 1894 приговорил Д. к пожизн. каторге. Вскоре обнаружились новые материалы, подтверждавшие его невиновность, но правящие круги Франции всячески противились реабилитации Д.; 11.1.1898 был оправдан реальный предатель – майор М. Ш. Ф. В. Эстергази, действительно передавший секретные франц. документы нем. разведке. 9.9.1899 воен. суд, пересмотревший дело Д., вновь признал его виновным. 19.9.1899 президент Франции по представлению пр-ва помиловал Д., в июле 1906 он был полностью реабилитирован. Для обществ. сознания Европы с сер. 1890-х гг. Д. стал своего рода олицетворением противостояния личности социально неблагополучному обществу, что вошло в историю обществ.-полит. отношений кон. 19 в. как «дело Д.»; см.: Reinach J. Histoire de l'affaire Dreyfus. Vol. 1–6. P., 1901–1908.

Имя Д. впервые появляется в самом нач. автобиографич. повести О. М. «Шум времени» (1923–24) и вместе с сопутствующими его известности обстоятельствами выступает как одна из гл. отличит. черт 1890-х гг. и эпохи окончания века в целом: «За утренним чаем разговоры о Дрейфусе, имена полковников Эстергази и Пикара <...>. Все чаще и чаще слышал я выражение <...> "конец века" <...>. Как будто, оправдав Дрейфуса и расквитавшись с чертовым островом, этот странный век потерял свой смысл. – У меня впечатленье, что мужчины исключительно были поглощены делом Дрейфуса, денно и нощно». Данный фрагмент прямо свидетельствует о широкой мандельшт. осведомленности реалиями «дела Д.», в нем фигурируют имена и др. участников, а упоминаемый «чертов остров», очевидно, подразумевает реальный Чертов остров во Франц. Гвиане, где располагалась тюрьма, в к-рой Д. находился в заключении. Подобно большинству прогрессивно ориентированных современников, О. М. оценивал «дело Д.» как проявление кризисного состояния общества, завершение конкретного этапа социально-ист. развития Европы; именно так определен этот период истории во внутр. рец на роман А. Эрмана «Скипетр» для Гос. изд-ва РСФСР (*«Госиздат»*) (1924–25): «Девяностые годы – эпоха политических скандалов в республиканской и конституционной Европе: дело Дрейфуса, похождения коронованных особ, развязка Панамы, знаменитые парламентские побоища»; это же получило отражение и в рец. на роман А. Люнеля «Николо-Пеккави» для издательства *«Прибой»* (1926–27), где 1899 характеризуется как «разгар "дрейфусиады"».

В целом О. М. отчетливо осознавал не только социально-полит., но и националистич., антисемитскую составляющие «дела Д.», проявившиеся в самом широком контексте. В предисловии к роману Б. Лекаша «Радан Великолепный» (1926) О. М. лаконично охарактеризовал скрытые обществ. механизмы этого события: «Дело изображалось просто: евреи, подкупив изменника Зола, разрушают армию, чтобы отдать Францию пруссакам», и сравнил относящийся к 1-й пол. 1920-х гг. «идейный поход реакционной Франции на новую французскую интеллигенцию и ее социалистический авангард <...> с антисемитским и шовинистическим походом эпохи "дрейфусиады"». На этих же аспектах останавливается О. М. при пересказе содержания романа «Николо-Пеккави», где гл. герой, живущий в Провансе, определен как «лидер местных антисемитов, горячий католик и ханжа <...> который по традиции в базарный день <...> выйдя на середину площади, плюет в сторону евреев»; вместе с тем он ночью приходит к суконщику-еврею и «неожиданно объявляет себя тайным дрейфуссаром и другом евреев»; одновременно в качестве примера присутствия в книге «очаровательной выдумки» приведено «паломничество старых евреек к Дрейфусу». В целом О. М. так сформулировал ист.-социальную оценку дела Д.: «Первая волна антисемитизма закончилась полным банкротством. Дрейфусиада, со своим политическим треском, была последним сражением, где обе стороны оперировали традиционными ценностями».

На особый ценностный статус «дела Д.» для О. М., как и на окрашенность личным началом косвенно указывает его эксплицитная автопроекция в мандельшт. письме Н. М. 24.2.1930, где он определил откровенную лит. травлю, начавшуюся в связи с обвинениями его Д. И. *Заславским* в плагиате, как «дело "Дрейфуса"».

С. Г. Шиндин.

ДУКЕЛЬСКИЙ Семен Семенович (13.8.1892, г. Бобринец Херсонской губ. – 30.10.1960, Москва), нач. Воронежского обл. управления НКВД в годы воронежской ссылки О. М. Закончил 3-классное казенное евр. уч-ще в Елисаветграде и частную муз. школу. С 1908 тапер в кинотеатрах Елисаветграда, Киева, Бобринска и Радомысля. В 1915–18 в армии, в муз. команде. Член ВКП(б) с 1917, с 1920 в органах ВЧК на Украине: в 1921–26 во главе чекистских органов в Одессе, Житомире и Екатеринославе. В 1926–30 на хоз. работе. С 1930 вновь в ОГПУ: зампред и пред ОГПУ по Центр.-Черноземной обл, с июня 1934 и по июнь 1937 пред. УНКВД по Воронежской обл. Вскоре после освобождения от этой должности (14.6.1937) попал в автокатастрофу и после длит. лечения работал сотрудником для особых поручений при наркоме Н. И. Ежове. После увольнения из НКВД, с 23.3.1938 по 1939, председатель Комитета по кинематографии при СНК СССР. В 1939–42 нарком Мор. флота СССР, в 1943–48 зам. наркома юстиции РСФСР, с 1953 на пенсии. Предположительно, именно Д. звонил из телефона-автомата О. М. и читал ему свои стихи.

П. М. Нерлер.

ДЮАМЕЛЬ (Duhamel) Жорж (30.6.1884, Париж – 13.4.1966, Вальмондуа, Франция), франц. поэт, драматург и прозаик, чл. Франц. академии (1935), один из основателей лит. группы «Аббатство» и течения унанимизм (см. в ст. Ж. *Ромен*). Для ориентированной на модернизм рус. среды нач. 20 в. Д. был типич. представителем новой европ. поэзии, знаком авангардного начала в искусстве (см.: Белый А. Начало века / подгот. текста и коммент. А. В. Лаврова. М., 1990. С. 78 и др.). В 1923 (?) О. М. перевел стих. Д. «Ода нескольким людям», к-рое, по воспоминаниям современников (Л. В. *Горнунг*, Л. В. Розенталь), читал во время публ. выступлений наравне с собств. произведениями.

Для «Оды...» обнаруживаются параллели с творчеством самого О. М., в частности почти одноврем. с ней написано стих. («пиндарический отрывок») «Нашедший подкову» («Глядим на лес и говорим...», 1923), так же как и «Ода...» верлибр; при этом О. М. мог быть знаком с кн. Ш. *Вильдрака* и Д. «Теория свободного стиха (Заметки о поэтической технике)» (М., 1920); позднее это могло отозваться в седьмом из стихотворений цикла «Армения» («Не развалины – нет, – но порубка могучего циркульного леса...», 1930) и в комбинированном с метрико-ритмич. т. зр. стих. «Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето...» (1931). Данные тексты содержат и близкие образы: слепок голоса в первом и слепок лица во втором. Фигурирующий в «Оде...» в архит. контексте образ каменных ребер актуален на протяжении всего творчества О. М., а содержащаяся там же комбинация образа линзы и мотивов взгляда, зрения и их насыщения станет устойчивой смысловой конструкцией в мандельшт. мире начиная с 1930 (см.: Ш и н д и н С. Г. Фрагмент поэтического диалога Мандельштама и Хлебникова // Смерть и бессмертие. С. 258–259). В 1927 в переводе О. М. вышла кн. Д. «Письма к моему другу патагонцу».

Отношение О. М. к Д. претерпело существ. изменение: если в сер. 20-х гг. О. М. в целом сочувственно отзывался о нем, как об одном из видных представителей унанимизма и определял как «малую планету» Ромена, то уже в 1929 О. М. так характеризовал ситуацию с переводной литературой: «Мелькают одни и те же благонадежные, но и посредственные имена. Идеал такой золотой середины – Дюамель». Книгу Д. «Сердечная география Европы» (1931) во внутр. рец. (очевидно, для изд-ва *«Земля и фабрика»*) О. М. подверг уничижит. критике, назвав ее примером «социального ожирения у несомненного, хотя и не крупного художника» и отметив, что Д. «все время шел на помочах у перворазрядных творцов и законодателей французской литературы». Возможно, О. М. был известен факт появления летом 1927 в редакциях эмигрантских и европ. газет анонимного письма из Москвы «Писателям мира», в к-ром говорилось о подавлении свободы слова в СССР и жестокой цензуре; там же упоминались бывшие унанимисты – Д. (как автор кн. «Путешествие в Москву», 1927) и Л. Дюртен (автор

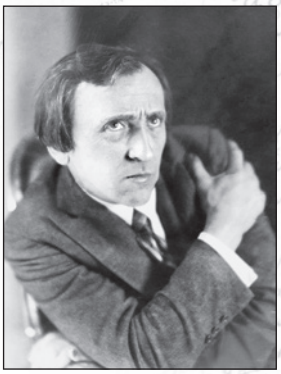
Обложка сборника произведений Жоржа Дюамеля

кн. «Москва и ее вера», 1928), упрекавшиеся в сознат. игнорировании данных процессов при передаче впечатлений от поездки в СССР (см.: Б е р б е р о в а Н. Курсив мой: Автобиография: В 2 т. Нью-Йорк, 1983. Т. 1. С. 267–271). На это письмо было опубликовано опровержение Федерации объединений советских писателей (Правда. 1927. 13 авг.), называвшее его откровенной провокацией. Именно эти обстоятельства могли столь резко изменить т. зр. О. М., в своей рец. подчеркнувшего аполитизм Д. и сравнившего его с туристом: «Дюамель не хочет быть “гражданином” и политиком <...> публицистом или избирателем, – он хочет быть туристом даже в собственной стране», и далее: «Проповедник уважения к маленькому человеку – объявил себя другом порядка». Как возможную проекцию отношения О. М. к Д. на офиц. лит. критику см.: «Наша критика всегда <...> была к Дюамелю слишком близорука и снисходительна».

Лит.: Ш и н д и н С. Г. Мандельштам и творчество французских унанимистов // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 64. № 6. 2005.

С. Г. Шиндин.

Е



Николай Николаевич Евреинов

ЕВРЕИНОВ Николай Николаевич (13.2. 1879, Москва – 7.9.1953, Париж, Франция), режиссер, драматург, теоретик и историк театра, один из создателей и гл. реж. петерб. Старинного театра (сезоны 1907/08 и 1911/12) и театра «Кривое зеркало» (1910–14), с к-рым сотрудничал и позднее. С 1925 в эмиграции.

Присущий «апологии театральности» Е. имморализм (эстетич., а не этич. «оправдание» жизни) и громогласная декларативность вряд ли вызывали сочувствие у О. М., однако представляется вероятным прямое или опосред. воздействие филос.-эстетич. концепции Е., демифологизировавшего *античность* с позиций сравнит. фольклористики и даже зоологии, на «театральные» и нек-рые др. («Веницейской жизни мрачной и бесплодной...») стихи О. М. [ср.: Сегал. С. 619; в этой же работе обращено внимание на то обстоятельство, что «происшествие, послужившее затравкой для» театр. теории Е., впервые излож. им 28.8.1918 в докладе «Театр и эшафот», «это – то же самое событие (самосуд!), которое легло в основу центрального сюжетного эпизода “Египетской марки” Мандельштама» (Там же. С. 607)]. Тем не менее, в гл. «Сухум» «Путешествия в Армению» О. М. отзывается о Е. с нескрываемой иронией. Упоминание Е. косвенно характеризует «провансальскую фигуру» пред. Академии абхаз. яз. Дмитрия Иосифовича Гулиа (1874–1960), говорившего «с почтением о петербургском гаере Евреинове, который увлекался в Абхазии культом козла, и сетовал на недоступность серьезных научных исследований ввиду отдаленности Тифлиса» (3. С. 197). В нач. 1920-х гг. Е. издал неск. исследований, посв. генезису драмы, в к-рых отстаивал «семитическую теорию» происхождения греч. трагедии и совр. европ. театра из др.-евр. обряда «козлоотпущения» и праздника Всепрощения (Иом-Киппур). Козлоподобный демон «Азазел располагал всеми данными, чтобы сыграть в истории евреев роль “Диониса”, т. е. бога Сцены. Если этого не случилось, надо винить не потенцию Азазела, а мощную ревность к “иным богам” Яhbe, упорно добивавшегося у Израиля монотеизма. <...> Но виновник сцены не умер! <...> Он воскрес под именем Диониса, сел на свой священный корабль <...> и приплыл, торжествующий, из Азии в Европу, чтобы здесь добиться полного расцвета своего сценического культа! <...> Так мстит Дионис, он же Азазел, он же великий Эа!» (Евреинов Н. 1924. С. 186–187). Пребывание Е. на Кавказе относится к 1917–20, кроме того, известно о совм. с А. А. Кашиной-Евреиновой поездке в марте–июне 1923. 18.7.1916 Е. и О. М. приняли участие в концерте, устроенном правлением Феодосийского общества спасения на водах, о чем днем раньше сообщалось в газете «Вестник Феодосии» (см.: Купченко. С. 191). Пути Е. и О. М. могли пересекаться в Куоккале (1914–16; см. Чукоккала: Рукоп. альм. К. Чуковского / предисл. и пояснения К. И. Чуковского. М., 1999. С. 45–46 [разворот 70–71 альм.]). Имя О. М. систематически встречается среди посетителей и выступавших в петерб. артистич. кабаре *«Бродячая собака»* (1911–15; см. Парнис А. Е., Тименчик Р. Д. Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры: Новые открытия. 1983. М., 1985. С. 160–257) и в артистич. кабаре *«Привал комедиантов»* (1916–19), одним из основателей к-рых был Е. Шуточное стих. О. М. «Актеру, игравшему испанца» (1917; Собр. соч.-2. Т. I. С. 160–61) посв. актеру «Кривого зеркала» С. И. Антимонову (1880–1954), исполнившему роль матадора дона Фернандо Поганеца в поставл. Е. пьесе В. О. Трахтенберга «Загадка и разгадка, сцены из испанской жизни», к-рая игралась в февр.–апр. 1917 в «Привале комедиантов» (см.: Конечный А. М. и др. Артистическое кабаре «Привал комедиантов» // Памятники культуры: Новые открытия. 1988. М., 1989. С. 134–135). По мнению М. Л. Гаспарова, тема двойничества художника и его модели в стих. О. М. «Когда б я уголь взял для высшей похвалы...» (1937) сложилась под влиянием кн. Е. «Оригинал о портретистах» (1922), «где демонстрировалось, как разные художники привносят черты собственного облика в один и тот же оригинал» (Гаспаров. С. 105). Интерпретация поэзии О. М., близкая к евреиновским концепциям «мистериальности» и «театра для себя», содержится в монографии: Freidin G. A Coat of Many Colours. O. Mandelstam and his mythologies of self-presentation. Berkeley; Los Angeles; L., 1987.

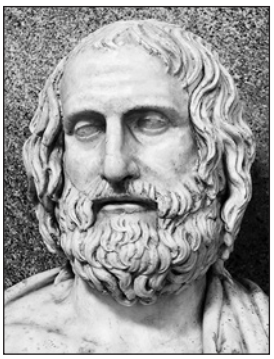
Соч.: Азазел и Дионис: О происхождении сцены в связи с зачатками драмы у семитов. Л., 1924; Театр и эшафот: К вопросу о происхождении театра как публичного института / публ. В. В. Иванова // Мнемозина: Документы и факты из истории русского театра XX в. М., 1996. С. 14–44; Демон театральности // Николай Евреинов / сост., общ. ред. и коммент. А. Зубкова и В. Максимова. М.; СПб., 2002.

Лит.: Сегал; Гаспаров М. Л. Метрическое соседство «Оды» Сталину // Столетие Мандельштама; Кашина-Ев-

реинова А. Н. Н. Евреинов и мировой театр XX в. П., 1964; Купченко В. П. О. Мандельштам в Киммерии // ВЛ. 1987. № 7; Галоци-Комьяти К. «Рыцарь театральности»: Влияние Ницше на эстетическое кредо Н. Н. Евреинова // Studia Slavica Hung. Budapest, 1989. № 35(3–4). P. 393–402; Бабенко В. Г. Арлекин и Пьеро: Николай Евреинов. Александр Вертинский: Материалы к биографиям, размышления. Екатеринбург, 1992.

И. Е. Лощилов.

ЕВРИПИД, Эврипид (др.-греч. Εὐριπίδης; Euripidēs) (485, по др. данным 484 или 480 до н. э., о. Саламин – 406 до н. э., Пелла, Македония), др.-греч. поэт-драматург, младший из трех великих афинских трагиков (после Эсхила и Софокла). По одним сведениям, создал 22 тетралогии (т. е. 3 трагедии плюс сатировская драма), по другим – 92 трагедии; до нас дошли 17 трагедий Е., 18-я – «Рес» – ему приписывается; Е. также принадлежит единств. сохранившаяся целиком сатировская драма «Киклоп». Особой популярностью Е. стал пользоваться в связи с появлением в 1906 1-го тома его произведений в переводе И. Ф. *Анненского*.



Еврипид

«След» Е. обнаруживается в заключит. стих. кн. «Камень» О. М. («Я не увижу знаменитой “Федры”...») (1915). Хотя лит.-театр. поводом для стихотворения является трагедия Ж. *Расина* «Федра», созданная на основе трагедии Е. «Ипполит», заключит., маркированный пробелом стих: «Когда бы грек увидел наши игры...» – отсылает к первоисточнику, что подтверждается единств. числом слова «грек». Поскольку в стихотворении речь идет о деградации ист.-культурного восприятия эстетич. ценностей, «грек» как их основа оказывается знаком высокой, но трагически невозвратимой культуры.

К этому стихотворению хронологически примыкает нач. стих. из кн. «Tristia» «Как этих покрывал и этого убора...» (1915–16), где сюжетные ходы той же трагедии Е. передаются в расиновской транскрипции, но подчеркнутый греко-рим. антураж всей книги предполагает прочтение данного стихотворения именно в антич. контексте, т. е. с учетом вышеуказ. источника Е.

Образно-метафорич. ряд в ст. «Скрябин и христианство» (1915) подтверждает существенность именно еврипидовского образа Федры для О. М.: говоря о похоронах А. С. *Пушкина*, он замечал, обращаясь к читателю: «Я вспомнил картину пушкинских похорон, чтобы вызвать в вашей памяти образ ночного солнца, образ поздней греческой трагедии, созданный Еврипидом, – видение несчастной Федры». Чуть ниже, в этом же тексте, в недовершенном предложении О. М., поднимая на культурно-ист. уровне тему любви-предательства и любви-самоотверженности на фоне мировой войны, говорит о «Федре-России» (там же, Т. 2. С. 157). В той же статье О. М., перекликаясь с Ф. *Ницше* («Рождение трагедии»), знаковой фигурой начала 20 в., использовал наиб. популярные образы греч. трагиков (Е. и Софокла): «Дух греческой трагедии проснулся в музыке. Музыка совершила круг и вернулась туда, откуда она вышла: снова Федра кличет кормилицу, снова Антигона требует погребения и возлияний для милого братнего тела» (Там же. С. 160).

Г. С. Зобин.

ЕЖОВ Николай Иванович (19.4.1895, С.-Петербург, – 4.2.1940, Москва), гос. и парт. деятель. Секр. ЦК ВКП(б) и пред. Комиссии парт. контроля при ЦК ВКП(б) в 1935–39, канд. в чл. Политбюро ЦК в 1937–39. 26.9.1936 – 25.11.1938 нарком внутр. дел СССР, ген. комиссар гос. безопасности (1937). Именно на это время пришелся абсолютный пик массового террора в СССР. 10.4.1939 Е. был арестован по обвинению в шпионаже и руководстве заговорщич. организацией в НКВД СССР. Расстрелян.

По предположению Н. Я. *Мандельштам*, она и О. М. встречались с Е. в 1930 во время пребывания на правительств. даче в Сухуме: «Сухумский Ежов был скромным и довольно приятным человеком» (Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 415). «В день смерти Маяковского мы гуляли по саду с надменным и изящным грузином, специалистом по радио. В столовой собрались отдыхающие, чтобы повеселиться. По вечерам они обычно пели и танцевали русскую, любимую пляску Ежова. Наш спутник сказал: “Грузинские наркомы не стали бы танцевать в день смерти грузинского национального поэта”. О. М. кивнул мне: “Пойди, скажи Ежову”... Я вошла в столовую и передала слова грузина разгоряченному весельем Ежову. Танцы прекратились, но, кроме Ежова, по-моему, никто не понял почему» (Там же. С. 386).

Кроме того, Н. М. приводит фразу О. М. при виде фотографии в журнале, на к-рой И. В. *Сталин* протягивает руку Е.: «“Где это видано, – удивлялся О. М., – чтобы глава государства снимался с министром тайной полиции...” Но дело было не только в том, кто был снят, но в выражении лица Ежова: “Посмотри, он способен на все ради Сталина”...» (Там же. С. 402).

16.3.1938 В. П. *Ставский*, ген. секр. СП, отправил Е. письмо-донос на О. М., зарегистрированное в НКВД только 13.4.1938. По предположению П. М. Нерлера, эта задержка была связана с возможными консультациями Е. со Сталиным по этому вопросу. Еще через 2 недели (27.4.1938) М. П. Фриновский, зам. Е., распорядился об аресте О. М.

Лит.: Нерлер. 2015.

Е. А. Яблоков.

ЕЛОЗО Сергей Васильевич (20.6.1899, г. Чериков Могилевской губ. – 13.4.1938), ответственный ред. газеты «Коммуна» в 1935 – 4.10.1937. Чл. ВКП(б) с 1926. Арестован 14.11.1937, обвинялся в активном участии с 1936

в правотроцкистской террористич. организации, в поощрении проникновения на страницы «Коммуны» «всякого рода контрреволюционных ошибок и опечаток». Осужден 13.4.1938 по статьям 58–8, 58–11; расстрелян Реабилитирован 9.4.1957.

Е. упоминается в шуточном стих. О. М. «Карлик-юноша, карлик-мимоза...» (февр. 1936).

Лит.: Л а п п о Д. Сергей Елозо // Воронежский курьер. 1990. 31 окт.

П. М. Нерлер.

ЕСЕНИН Сергей Александрович (21.9.1895, с. Константиново Рязанского у. Рязанской губ. – 28.12.1925, Ленинград), поэт. С О. М. познакомился не ранее марта 1914, в С.-Петербурге. В мемуарах В. Л. Пастухова изображен поэтич. вечер в квартире Р. *Ивнева*, среди участников к-рого – Е. и О. М. (см.: Русское зарубежье о Есенине: Воспоминания, эссе, очерки, рецензии: В 2 т. М., 1993. Т. 1. С. 88–89); в мемуарах В. С. Чернявского – поэтич. вечер в редакции петрогр. «Нового журнала для всех», состоявшийся 30.3.1915, где Е. читал стихи после О. М. (см.: Ч е р н я в с к и й. С. 141); в «Нездешнем вечере» М. И. *Цветаевой* – чтение Е. и О. М. стихов в редакции журнала «Северные записки» в 1915 (Ц в е т а е в а. С. 287). Имена Е., О. М., А. А. *Ахматовой* и Н. А. *Клюева* соседствуют в том газетном отчете, где говорится об их совм. участии в «Вечере современной поэзии и музыки», состоявшемся 15.4.1916 в *Тенишевском училище* (Речь. 1916. 17 апр.; перепечатано в: С е г а л. С. 398–99).

Отношение Е. к О. М. и его стихам не было ровным и в значит. степени определялось состоянием, в к-ром находился Е. в ту или иную минуту. В своих «Ключах Марии» (1918) Е., неодобрительно рассуждая о Клюеве, процитировал, не называя имени автора, стих. О. М. «Золотистого меда струя из бутылки текла...» (1917), тем самым приписав это стих. Клюеву (Е с е н и н. Т. 5. С. 206). Согласно недружеств. по отношению к О. М. мемуарам А. А. Коваленкова, «Сергей Есенин однажды даже пытался бить Мандельштама» (К о в а л е н к о в. С. 12). В восп. И. В. Грузинова зафиксирована такая реплика Е., обращенная к О. М. в 1921: «– Вы плохой поэт! Вы плохо владеете рифмой! У вас глагольные рифмы» (Г р у з и н о в. С. 365; ср.: С. Есенин разговаривает о литературе // Звено. [Париж], 1926. 21 нояб. С. 10; см. также: Р о й з м а н. С. 117). Однако Э. Я. Герману Е. говорил «в хмелю»: «Нас, русских, только трое: я, ты, да Мандельштам. Не спорь! Вы русский лучше меня знаете» (Г е р м а н. С. 174). Ср. также в письме (1957) Н. Я. *Мандельштам* к Ахматовой: А. А. Осмеркину «Есенин говорил, что он “этого жида любит”; встретили мы его чуть ли не накануне самоубийства, он звал в трактир, и Ося долго каялся, что не пошел» (Письма Н. Я. Мандельштам к А. А. Ахматовой // ЛО. 1991. № 1. С. 99). Двойственность отношения Е. к творчеству О. М. отчетливо обнажена в устных мемуарах Н. Д. Вольпин о 1921: «Есенин подошел и крикнул ему: “Вы пишете плохие стихи”, а через несколько дней объяснял мне, что Мандельштам пишет прекрасные стихи» (О. и Н. Мандельштамы. С. 89; ср.: В о л ь п и н).

Отношение О. М. к Е. также нельзя назвать однозначным. В 1921 О. М. «объяснял» Вольпин, что «Есенину не о чем говорить. “О чем он пишет?! «Я – поэт». Стоит перед зеркалом и любуется – «Я поэт». И чтоб мы все любовались, что он поэт”» (Там же. С. 89). Констатируя, в заметке «Буря и натиск» (1923), что «грубо подслащенный фольклор» «продолжает существовать в поэзии Есенина и отчасти Клюева», О. М. тем не менее признавал «значение этих поэтов», к-рое заключается «в их богатых провинциализмах, сближающих их с одним из основных устремлений эпохи» (2. С. 297).

9.5.1924 Е. и О. М. подписали (вместе с 34 др. литераторами-«попутчиками») обращение в Отд. печати ЦК РКП(б) (см.: Е с е н и н. Т. 7. Кн. 2. С. 246–247).

Своей жене О. М. «говорил, что Есенина сгубили, требуя с него поэму, “большую форму”, и этим вызвали перенапряжение, неудовлетворенность, потому что он, лирик, не мог дать полноценной поэмы» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 394). Кардинальным образом переменило отношение О. М. к Е. известие о его самоубийстве. В своей «Четвертой прозе» (1929–30) О. М. процитировал «прекрасный русский стих» «Не расстреливал несчастных по темницам» (из стих. Е. «Я обманывать себя не стану...», 1922) и сопроводил его следующим комментарием: «Вот символ веры, вот поэтический канон настоящего писателя – смертельного врага литературы» [3. С. 173; ср. у Ахматовой об О. М.: «...когда я что-то неодобрительное говорила о Есенине – возражал, что может простить Есенину все что угодно за строку: – “Не расстреливал несчастных по темницам”» (А х м а т о в а. С. 135)]. См. в «Четвертой прозе» далее: «В Доме Герцена <...> Митька Благой <...> сторожит в специальном музее веревку удавленника Сережи Есенина» (3. С. 173; подразумевается Лит. музей при Всерос. СП, располагавшийся в *Доме Герцена*; организатором и дир. этого музея был Д. Д. *Благой*. О полемике с В. В. *Маяковским* в процитированном фрагменте «Четвертой прозы» см.: Л е к м а н о в. С. 571–72). О сопоставлении О. М. стихов Маяковского со стихами Е. в пользу первого в 1933 см.: С о к о л о в а. С. 90. Развернутое суждение О. М. о стихах Е., относящееся к нач. 1930-х гг., находим в мемуарах С. И. *Липкина*: «Ему нравились ранние стихи Есенина (“Хотя Кольцову больше доверяешь”), нравились “Пугачев” и “Черный человек”, отрицательно отзывался о “Персидских мотивах”: “Не его это дело, да и где в Тегеране теперь менялы? Там банки, как и всюду в Европе. А если и есть, то почему меняла выдает рубли взамен местных денег? Надо бы наоборот”» (Л и п к и н. С. 28). В июне 1935, пребывая в воронежской ссылке, О. М. сетовал в разговоре с С. Б. *Рудаковым*: «Вот Есенин, Васильев имели бы на моем месте социальное влияние? Что я? – Катенин, Кюхля...» (Мандельштам в письмах Рудакова. С. 62).

В стих. О. М. «А небо будущим беременно...» (1923) строка «Пшеницей сытого эфира», возможно, восходит к «Отчарю» (1917) Е. (Т а р а н о в с к и й. С. 36). «Волчьи» мотивы стих. О. М. «За гремучую доблесть грядущих веков...» (1931) перекликаются с соответствующими образами «Волчьей гибели» Е. (Р о н е н. С. 55). По наблюдению Б. А. Каца, целый ряд образов 4-й строфы стих. О. М. «Жил Александр Герцович...» (1931) восходит к поэзии Е. (К а ц. С. 259–60). Строка «Словно розу или жабу» из стих. О. М. «На высоком перевале...» (1931), как это многократно отмечено, содержит реминисценцию из стих. Е. «Мне осталась одна забава...» (1923). Строка «Тише: тучу ведут под уздцы»

Сергей Александрович Есенин

из стих. О. М. «Заблудился я в небе, – что делать?..» (1937) перекликается со строками «За ровной гладью вздрогнувшее небо // Выводит облако из стойла под уздцы» из стих. Е. «Голубень» (1916) (Хазан. С. 56). А «Стансы» (1937) О. М. ориентированы на «Стансы» Е.: «...У обоих поэтов “Стансы” представляют собой прямую отсылку к тому виду гражданской лирики примирения с государственным порядком вещей, который основал Пушкин» (Ронен. С. 66; об О. М. и Е. см. также: Там же. С. 82).

Соч.: Полн. собр. соч.: В 7 т. М., 1997–2000.

Источники: Ройзман М. Д. То, о чем помню // Памяти Есенина. М., 1926; Чернявский В. С. Первые шаги // Воспоминания о С. Есенине. М., 1965; Коваленков А. А. Хорошие, разные... Литературные портреты. М., 1966; Грузинов И. В. Есенин // С. А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1986. Т. 1; Вольпин Н. Д. Осип Мандельштам // ЛО. 1991. № 1; Герман Э. Я. Из книги о Есенине // С. А. Есенин: Материалы к биографии. М., 1992; Цветаева М. И. Собр. соч.: В 7 т. М., 1994. Т. 4; Липкин С. И. «Угль, пылающий огнем...» // 3; Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 321, 330, 394, 421, 461, 628, 638, 670, 742–43, 994.

Лит.: Хазан В. И. О. Мандельштам и С. Есенин: к вопросу о типологических творческих параллелях // Воронежский период в жизни и творчестве О. Э. Мандельштама: Материалы. Воронеж, 1991; Кац Б. А. Песенка о еврейском музыканте: «шутка» или «кредо»? // НЛО. № 8 (1994); Синельников М. По времени высок: К 100-летию со дня рождения С. Есенина // Московские новости. 1995. 24 сент. – 4 окт. С. 20; Сегал; Лекманов. 2000; Соколова Н. В. 14 марта 1933 г. Вечер Осипа Мандельштама // «Сохрани мою речь»-3(1); Тарановский К. Ф. О поэзии и поэтике. М., 2000; Ронен О. Поэтика О. Мандельштама. СПб., 2002.

О. А. Лекманов.

Ж

ЖАГОРЫ (после 1917 Жагаре), местечко в Шавельском у. Виленской губ., с 1842 Ковенской губ., на р. Швете (ныне город в Ионишском р-не Литвы). Состояло из двух обществ – Старо-Ж. и Ново-Ж., в к-рых в 1897 проживало соответственно 2527 и 5602 чел., из них евреев – 1629 и 3814. Из Ж. происходит семья О. М. по муж. линии; оттуда же родом физик-ядерщик И. К. Кикоин (1908–1984), знаменитый евр. чаеторговец и филантроп К. З. Высоцкий (1824–1904) и др. В 1941 евр. население Ж. было уничтожено: в июле собрано в гетто, а 2.10.1941 расстреляно.

П. М. Нерлер.

ЖАММ (франц. Jammes) Франсис (2.12.1868, Турне – 1.11.1938, Аспаррен), франц. поэт. Н. С. *Гумилёв* находил в его творчестве «уклон к католицизму и величавой простоте средневекового ощущенья жизни» (Гумилёв Н. С. Соч.: В 3 т. Т. 3. М., 1991. С. 206). На рус. яз. Ж. переводили И. Ф. *Анненский*, В. Я. *Брюсов*, Б. М. *Лившиц*, И. Г. *Эренбург*. К фразе из предисловия Ж. к его кн. «Стихи и проза» (М., 1913, перевод Эренбурга): «...мои друзья и я, мы полюбили скромность и простоту. К простоте и скромности идет искусство», – восходит характеристика этого поэта в одном из вариантов стих. О. М. «Аббат» (1915): «И самый скромный современник, / Как жаворонок, Жамм поет:/ Ведь ка-

Франсис Жамм

толический священник / Ему советы подает» [см.: Сегал. С. 282; здесь же обращено внимание «на парономическую аттракцию этих слов: “Жамм” и “жаворонок”» (Там же); по мнению М. Л. Гаспарова, к образу Ж. из этого стихотворения, возможно, отсылает «концовка с жаворонками» в стих. О. М. «Чтоб приятель и ветра и капель...» (1937)]. К образу «замученных ласточек» из стихотворения Ж. (перевод Эренбурга) восходит образ «ласточки хилой» из «Стихов о неизвестном солдате» (1937) О. М. (Ронен. С. 107).

Лит.: Сегал; Ронен О. Поэтика О. Мандельштама. СПб., 2002.

О. А. Лекманов.

ЖАННА Д’АРК (франц. Jeanne d’Arc) (ок. 1412, Домреми – 30.5.1431, Руан), нац. героиня Франции. В февр. 1429 в ходе Столетней войны (1337–1453) убедила дофина Карла (будущего франц. короля Карла VII) начать воен. действия против англичан. Возглавляемые Ж. д’А. франц. войска 8.5.1429 освободили осажденный англичанами Орлеан, что принесло ей исключит. популярность (соотечественники стали называть ее «Орлеанской девой», это имя укоренилось в ист. и культурной традициях). Попав весной 1430 в плен к англичанам, была предана церк. суду, обвинена в ереси и колдовстве и сожжена на костре. В 1456 во Франции Ж. д’А. была торжественно реабилитирована, в 1920 канонизирована Католич. церковью.

Косв. источником худож. внимания О. М. к фигуре Ж. д’А. могли стать его детские впечатления – в «Шуме времени» (1923–24), вспоминая о своих гувернантках, он иронически замечает: «... все эти француженки и швейцарки <...> сами впадали в детство. В центре мировоззрения, вывихнутого хрестоматиями, стояла фигура великого императора Наполеона <...>, затем следовала Жанна д’Арк»; при этом характерно, что он фиксирует конфессиональную специфику подобного восприятия: «...одна швейцарка, впрочем, попалась кальвинистка...», – что подкрепляется впоследствии при отражении образа В. Ф. *Комиссаржевской*, столь же отмеченного католич.-протестантским противоречием: «В чем секрет обаянья Комиссаржевской? Почему она была вождем, какой-то Жанной д’Арк? <...> В сущности, в Комиссаржевской нашел свое выражение протестантский дух русской интеллигенции, своеобразный протестантизм от искусства и от театра» (2. С. 353, 385). Дополнит. худож. импульсом для актуализации фигуры Ж. д’А. в сознании О. М. во 2-й пол. 1920-х гг. могли стать внеш. факторы – получивший самый широкий отклик франц. к/ф «Страсти Жанны д’Арк», поставл. в 1928 известным дат. кинореж. К. Т. Дрейером с Р. Фальконетти в гл. роли, очередное изд. ром. А. *Франса* «Жизнь Жанны д’Арк» (ПСС. Т. 14. М.; Л., 1928) и ром. Ж. *Дельтея* «Жанна д’Арк» (1925), к-рый был переведен на рус. яз. в 1928. Очевидно, последний из этих романов парадоксальным образом определил соединение в мандельшт. прозе личности Ж. д’А. с «Ж.-д’А.» символикой, – см. в кинорец. <«Магазин дешевых кукол»> (1929): «Переводной романчик в железнодорожном киоске. Парижская штучка. Дэль-Тэйль. Жанна д’Арк без мистики с трюфелями» (2. С. 502). Вместе с тем нельзя исключить, что на формирование подобного семантич. комплекса могла косвенно повлиять поэма Б. Сандра-

Жанна д'Арк

ра «Проза Транссибирского экспресса и Маленькой Жанны Французской» (1913), изд. к-рой было оформлено франц. худ.-авангардистами и, возможно, представлено на состоявшемся 22.12.1913 в артистич. кабаре *«Бродячая собака»* вечере; см.: Парнис А. Е. Примечания // Лившиц Б. Полутороглазый стрелец: Стихотворения, переводы, воспоминания / Состав. Е. К. Лившиц и П. М. Нерлера, подгот. текста П. М. Нерлера и А. Е. Парниса, примеч. П. М. Нерлера, А. Е. Парниса и Е. Ф. Ковтуна. Л., 1989. С. 676–77. Сам О. М. в 1925 в предисловии к кн. Л. Сент-Органа «Тудиш» прямо отметил: «Работа по идеализации исторического прошлого, по "канонизации" его, ведется академической частью французской литературы в течение прошлого века и по сегодняшний день с исключительным упорством и настойчивостью (Жанна д'Арк и пр.)» (2. С. 423).

С. Г. Шиндин.

ЖАНРЫ. Изучение творчества О. М., как правило, сосредоточено на семантике его произведений, проблема жанра остается вторичной, и, возможно, единственным, целиком посв. ей исследованием является дис. О. Ронена «O. Mandelshtam: An Ode and Elegy» (1983).

Со времени первых критич. откликов О. М. принято считать «одическим» поэтом, что обусловлено не столько присутствуем жанрового определения в заголовках «Ода Бетховену», «Грифельная ода», в подзаголовке «Нашедшего подкову («Пиндарический отрывок»)» и «домашнем» назв. стих. «Когда б я уголь взял для высшей похвалы...», сколько «витийственным» характером интонации и лексики. Заголовок кн. «Tristia», рефлексивность и дистанцированность субъекта от момента переживания позволяют отнести его и к поэтам элегическим. Нек-рые стихотворения О. М., не имеющие авторского жанрового обозначения, определяются исследователями как ода (напр., «1 января 1924») или элегия (напр., «Я буду метаться по табору улицы темной...») по их смысловому наполнению, что вполне обоснованно, поскольку изначально взаимообратимые ода и элегия, утратив жанровую форму, но сохранив присущее жанру мироотношение, образуют ощутимый жанровый фон. Для О. М. архитектоника важнее композиции, о чем свидетельствует подвижность и стансовая автономность его строфики, а также характерная для позднего творчества «фрагментарность "вариативного" типа». Нек-рые стихи О. М. могут быть отнесены к жанрам эпитафии, послания, надписи. Кроме оды, жанровое обозначение заявлено в нек-рых заглавиях («Песенка», «Мадригал», «Канцона»), но сами стихотворения не соответствует канону ни по объему, ни по строфике, ни по рифмовке. Зато канон нередко строго выдержан в шуточных стихах: «Балладе о горлинках», «Сонете» и, частично, газелле, где указание жанра фиксирует акт пародийного подражания, превращая форму в условность, равную выдуманным поэтом «жорам» и «маргулетам» или «эпиграмме в терцинах». Исключением из этой игры смысла и формы остаются сонеты: шесть – 1912–13, четыре – переводы Ф. *Петрарки* (1933–34). Одно из распространенных строфич. построений О. М. – «восьмистишие», весьма популярное в поэзии и др. акмеистов (А. А. *Ахматовой* и С. *Городецкого*). В качестве жанра с особым «движением темы» («два четверостишия, связанные одной мыслью, но отдельно развитые...») оно было осмыслено Н. С. *Гумилёвым* (рец. на сб. восьмистиший «Цветущий посох» Городецкого), чье стихотворение с таким назв. могло служить для О. М. прецедентом (Н. Богомолов).

Проза О. М. состоит из статей, очерков, рецензий и больших произведений, лишь одно из к-рых имеет отчетливое жанровое обозначение – «Путешествие в Армению». В редакц. аннотациях и откликах на публикацию проза О. М. называлась записками, мемуарами, биографией, культурно-ист. картинами («Шум времени»); рассказами («Феодосия»), повестью, романом («Египетская марка»). Наиб. точным представляется синтетич. обозначение, данное самим О. М., – проза. Так «Четвертая проза» включает в себя элементы исповеди, открытого письма, инвективы, памфлета, лит. манифеста, но ни к одному из этих Ж. не может быть отнесена. «Разговор» в «Разговоре о Данте» также содержит намек на жанровое обозначение, но, несмотря на присущую О. М. диалогич. установку, это разговор не «с» «провиденциальным» собеседником (ср.: «Воображаемый разговор с Александром I» А. С. *Пушкина*), а «о» – о худож. тексте, перерастающий в изложение собств. поэтич. концепции (Л. Пинский).

Лит.: Берковский Н. Я. О прозе Мандельштама // Мир, создаваемый литературой. М., 1989; Гаспаров М. Л. «Соломинка» Мандельштама и генезис стихов-двойчаток // Мандельштамовские дни в Воронеже. Воронеж, 1994. С. 37–38; Петрова Н. Трансформация жанра // Литература в неантропоцентрическую эпоху: Опыт О. Мандельштама. Пермь, 2001. С. 63–89; Семенко И. М. Поэтика позднего Мандельштама. М., 1997; Федотов О. Сонеты О. Мандельштама // Воронежский период в жизни и творчестве О. Мандельштама. Воронеж, 1991; Черашняя Д. И. Этюды о Мандельштаме. Ижевск, 1992; Шварцбанд С. «Восьмистишия» 1932–1934 гг. О. Мандельштама // Столетие Мандельштама. Лондон, 1991; Ronen O. An approach to Mandelshtam. Jerusalem, 1983.

Н. А. Петрова.

ЖИВОПИСЬ в индивидуальном худож. мире О. М. – совокупность всех видов изобразит. искусства (живописного, графич. и др.) во всем многообразии их проявления в широкой культурной традиции.

Прямые источники формирования худож. предпочтений О. М. неизвестны, но внеш. биографич. фактор, несомненно, сыграл в их становлении существенную роль. Так, находясь в *Гейдельбергском университете*, О. М. в зимнем семестре 1909–10 прослушал курс лекций Г. Р. *Тоде* «Великие венецианские художники XVI века» и «Основы истории искусства. VII: Ренессанс в северных странах»; см.: Нерлер. 1994 (1). В круг постоянного и эпизодич. общения О. М. входили мн. заметные живописцы и графики (и профессионалы, и любители) 1-й трети 20 в. – Н. И. *Альтман*, Ю. П. Анненков, О. Н. *Арбенина*, Н. И. *Кульбин*, М. С. Сарьян, С. Ю. *Судейкин*, В. Е. *Татлин*, В. А. *Фаворский*, Ю. *Юркун*, Ф. Б. Якулов и др., в т. ч., вероятно, и киевское окружение А. А. *Экстер* и И. М. *Рабиновича*. Заметную роль в формировании и развитии мандельшт. представлений о Ж., очевидно, сыграло и становление его «иконографии»: авторами портретов О. М., выполненных в различной, преим. графич., технике, начиная с 1-й половины 1910-х гг., были Л. А. *Бруни*, А. М. *Зельманова*, Е. С. Кругликова, В. А. *Милашевский*, П. В. *Митурич*, А. Г. *Тышлер*, А. А. *Осмеркин* и др. Регулярно общался О. М. с известными искусствоведами и худож. критиками, среди к-рых можно выделить таких, как А. В. *Луначарский*, Н. Н. *Пунин*, С. Э. *Радлов*, А. М. *Эфрос*. Вероятным источником активизации мандельшт. интереса к Ж. могло стать его знакомство и интенсивное общение с Б. С. *Кузиным*.

С самыми разнообразными аспектами худож. жизни и значимыми для отеч. живописной традиции личностями связаны отд. моменты мандельшт. биографии. Со 2-й пол. 1913 О. М., заинтересовавшийся теоретич. построениями и поэтич. практикой футуризма, активно общался с художником, теоретиком и критиком искусства Кульбиным; см.: Парнис А. Е. Штрихи к футуристическому портрету О. Э. Мандельштама // Слово и судьба. С. 183–187. Очевидно, тогда же О. М. познакомился с Б. К. Лившицем, дружеские отношения с к-рым поддерживал долгие годы и через к-рого мог ближе узнать новаторские искания рус. и зап.-европ. авангарда (работы мн. известных живописцев входили в частную коллекцию Лившица). В 1914 нередко бывал в салоне Зельмановой (см.: Лившиц Б. М. Полутораглазый стрелец: Стихотворения, переводы, восп. Л., 1989. С. 520–21). Во 2-й пол. 1914–1-й пол. 1915 гг. О. М., очевидно, посещал по четвергам регулярные собрания художников у Бруни (см.: Мец А. Г. Избранные даты жизни О. Э. Мандельштама // Камень. 1990. С. 367), общение с к-рым активно поддерживалось и в 1930-е гг. (см.: Видгоф. С. 151–58, 164–65). С лета 1915 О. М. бывал в Коктебеле в гостях у М. А. *Волошина*, известного и как график-акварелист, и как худож. критик. В этот же период вполне вероятно участие О. М. в тех эпизодах худож. жизни, к-рые были связаны с артистич. кабаре «*Бродячая собака*»; так, 22.12.1913 он мог присутствовать на получившем широкий резонанс докладе А. А. Смирнова о новом направлении во франц. Ж. и, отчасти, лит-ре – симультанизме (Р. Делоне, С. Делоне-Терк, Б. Сандрар, Г. Аполлинер и др.); см.: Парнис А. Е., Тименчик Р. Д. Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник. 1983. Л., 1985. С. 221; Парнис А. Е. Примечания // Лившиц Б. Полутораглазый стрелец. С. 676–77).

Летом 1917 в Алуште О. М. навещал, живших там же Судейкиных; В. А. *Судейкина* вспоминала беседы «об искусстве, о литературе, о живописи» [Судейкина В. А. Дневник: 1917–1919 (Петроград – Крым – Тифлис). М., 2006. С. 392]. Определ. содержат. импульс могло иметь краткосрочное общение О. М. осенью 1920 в Батуми с И. М. Зданевичем, знакомым ему с 1-й пол. 1910-х гг.; см.: Тименчик Р. Осип Мандельштам в Батуми в 1920 году // «Сохрани мою речь...»-3 (2). С. 147, 149. Незадолго до встречи с О. М. Зданевич узнал о новом худож. течении в Зап. Европе – дадаизме (см.: Парнис А. «...Ни один Париж не видал такого скандала»: Элементы прото-дада в русском футуризме // Русский авангард в кругу европейской культуры: Международная конференция: Тезисы и материалы. М., 1993. С. 112), чья лит. составляющая была сочувственно упомянута в мандельшт. предисловии к ром. Б. Лекаша «Радан Великолепный» (1926). Критикуя «идейный поход реакционной Франции на новую французскую интеллигенцию», О. М. отмечал: «Даже литературных кубистов и дадаистов не миновал гнев разнузданной шовинистской критики: и почтенный <...> Гильом Аполлинер, и молодой дадаист Блэз Сандрар оказались повинны в тайной разрушительной работе» (2. С. 449). В очерке «Шуба» (1922) О. М. описывает период проживания в петрогр. *Доме искусств* в кон. 1920 – нач. 1921 и, в частности, отмечает: «Жили мы в убогой роскоши Дома Искусств <...> поэты, художники, ученые, странной семьей» (Там же. С. 246). В 1-й пол. 1920-х гг. О. М. поддерживал знакомство с Якуловым и близко воспринял его смерть; см.: Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 142; с этого же периода регулярный характер принимают мандельшт. встречи с Осмеркиным. Находясь в авг.–сент. 1923 в Доме отдыха Центр. комиссии по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ) в Гаспре, О. М. мог общаться с Б. М. Кустодиевым, к-рый, по восп. Н. Я. *Мандельштам*, делал ее портретные наброски – «милые акварельки девчонки в глупой пестрой кофте» (Там же. С. 162).

Во время пребывания в мае–июне 1930 в Армении О. М. и Н. М. встретили Сарьяна – «чудного художника»: «Он пришел к нам еще в первый день в гостиницу» (Там же. Т. 1. С. 844). Довольно заметным для 1930-х гг. событием в мандельшт. биографии стало его выступление 3.4.1933 в Моск. клубе художников под председательством Тышлера, творчество к-рого О. М. «оценил очень рано, увидав на первой выставке ОСТа серию рисунков» (Там же. С. 305). На вечере был прочитан фрагмент «Путешествия в Армению» (1931–32) О. М. – посв. *французской живописи* (импрессионизму и постимпрессионизму) гл. «Французы» – и собств. стихотворения; см.: Горнунг Л. В. Немного воспоминаний об О. Мандельштаме // ЖиТМ. С. 32–33. Постоянным собеседником О. М. на тему Ж. был, очевидно, В. Б. *Шкловский* [автор, в частности, ст. «Конец барокко» (1932), расшир. вариант – «Путь к сетке» (1933) – рец. на «Путешествие в Армению»]; так, Е. Е. *Попова* записала в дневнике 18.7.1937: «Неожиданно приехал О. Э. и увез меня к Шкловскому. <...> Запомнился разговор Осипа Эм.<ильевича> со Шкловским об искусстве. Очень сложно, запутанно» (РГАЛИ. Ф. 2440. Оп. 1. Ед. хр. 425. Л. 20; цит. по: Видгоф. С. 147).

С Ж. была связана и Н. М. (см.: Фрейдин Ю. Л. Примечания // Мандельштам Н. Я. Третья книга: Вос-

поминания. М., 2006. С. 488–90), что не могло не оказать определ. влияния на О. М., – позднее она констатировала: «Мою любовь к живописи, очевидно неискоренимую, он сразу забрал себе» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 251). После рев-ции 1917 Н. М. посещала в Киеве своеобразную худож. студию Экстер (см.: Лившиц Е. Воспоминания // ЛО. 1991. № 1. С. 89), о чем Л. В. *Горнунгу* рассказывал сам О. М. (см.: Горнунг Л. В. Немного воспоминаний об О. Мандельштаме. С. 30). Н. М. так охарактеризовала этот период: «В те дни я бегала в одном табунке с несколькими художниками. Кое-кто из них потом вышел в люди. У нас были жесткие малярные кисти, мы тыкали их в ведра с клеевой краской и размазывали грубыми пятнами невероятные полотнища, которые потом протягивали поперек улицы» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 39). Именно данный период нашел отражение в первом из сохранившихся писем О. М. к Н. М. от 5.12.1919: «Твоя детская лапка, перепачканная углем, твой синий халатик – все мне памятно, ничего не забыл...» (4. С. 25). Л. В. Горнунг в своих мемуарах в связи с первым визитом к О. М. в сер. 1923 так описал его моск. квартиру: «В одном углу комнаты на стене прикреплены кнопками картины явно левого направления. Такие же красочные листы с какими-то фигурами, написанными гуашью в коричневых тонах, были прикреплены на окнах вместо занавесок <...>. Поймав мой взгляд на эти своеобразные занавески, Осип Эмильевич сказал, что это работа его жены» (Горнунг Л. В. Немного воспоминаний об О. Мандельштаме. С. 29–30). Определ. представление о худож. манере Н. М. сер. 1920-х гг. дает выполненный ею на черновике «Египетской марки» (1927) рисунок (2-я пол. 1920-х гг., собрание Ю. Л. Фрейдина); см.: 2. С. 680.

Насколько можно судить по косвенным свидетельствам, в своих живописных предпочтениях Н. М. придерживалась «левых» взглядов, что, впрочем, не исключало ее интереса к классич. традиции: позднее она вспоминала о том, как «в Москве летом 1922 года <...> бегала смотреть знаменитую коллекцию икон Остроухова» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 462). Характеризуя нач. 1920-х гг., она, в частности, отмечала: «К тому времени уже изрядно надоел и “Бубновый валет”, и все “Ослиные хвосты”, а про “Мир искусства” я и слышать не хотела»; подобная точка зрения проявлялась и при общении с Кустодиевым, у к-рого Н. М. отказывалась просить наброски своих портретов: «...я была авангардистка, футуристка, бубновалетчица и презирала все прочее...» (Там же. С. 458, 213). К этому же периоду, вероятно, относится сохранившийся фрагмент искусствоведч. ст. Н. М. «Установка на чистую форму», содержащий характеристику экспериментальных опытов Татлина и практики супрематизма [и, возможно, учитывающий монографию Пунина «Татлин» (1921)]; см.: Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 838– 40 (при этом есть основания предполагать ее личное знакомство с ним, косвенное свидетельство чего принадлежит брату О. М.; см.: Мандельштам Е. Э. Воспоминания // НМ. 1995. № 10. С. 173.)]. В комментариях, относящихся к воронежскому периоду, Н. М. косвенно упомянула о своих графич. пейзажах: О. М. «разложил на полу мои задонские акварельки и долго шагал по ним. Там все снопы были и холмики» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 779); вероятно, об этих же работах пишет Н. Е. *Штемпель*, вспоминая свой первый приход к Мандельштамам осенью 1936, когда они «рассматривали осенние акварели Надежды Яковлевны, разложив их в два ряда вдоль всей комнаты прямо на полу. Запомнилось золото деревьев и синева Дона» (Штемпель. С. 26). Вместе с тем, судя по мемуарным свидетельствам, в сер. 1930-х гг. в круг живописных предпочтений Н. М. явно входило творчество импрессионистов и постимпрессионистов («французов»): С. Б. *Рудаков* в письме к жене от 2.11.1935 сообщил, что во время беседы с его знакомым художником-любителем Н. М. «стала ему показывать Ван-Гогов и говорить, что нужно этакое в кончиках пальцев иметь» (Мандельштам в письмах Рудакова. С. 100); любовь Н. М. к Ж. импрессионистов уже при первой встрече отметила Штемпель (см.: Штемпель. С. 26); многократные упоминания о художниках этих направлений в прямом соположении с личностью О. М. присутствуют в переписке Н. М. с Кузиным; см.: Кузин – Н. М. С. 550, 559, 644 и др.

К числу главных для О. М. источников культурной информации вообще и о живописной традиции, в частности, безусловно, являлись худож. *музеи*; текстуально и в биографич. свидетельствах зафиксировано его особое внимание к экспозиции Гос. Эрмитажа (ГЭ) и собранию франц. живописи Гос. музея нового зап. иск-ва (ГМНЗИ). По мемуарам современников известно заинтересованное мандельшт. отношение к личным живописным коллекциям; так, посещая летом 1917 в Алуште Судейкиных, О. М. «долго стоял перед комодом, рассматривая эскизы, пришпиленные к стене» [Судейкина В. А. Дневник: 1917–1919 (Петроград – Крым – Тифлис). С. 392]. По относящимся, вероятно, к нач. 1930-х гг. восп. Е. К. Осмеркиной-Гальперн, О. М. был у нее в гостях и, «прохаживаясь по комнате, стал благосклонно рассматривать висевшие на стенах картины» (Осмеркина-Гальперн Е. К. Мои встречи // Наше наследие. 1988. № 6. С. 105); посетив ок. 1930 мастерскую Тышлера, О. М. смотрел его работы и во время просмотра «бегал, подпрыгивал, нарушал тишину» (Тышлер А. Я помню Анну Ахматову // Панорама искусств–1977. М., 1978. С. 282). В 1930 в Армении О. М. и Н. М. «были у Сарьяна <...> в мастерской. Кажется, он показывал тогда свой “голубой период”» (Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 844).

Др. источником для формирования теоретич. и фактографич. представлений О. М. о Ж. стали искусствоведч. издания, к к-рым он обращался постоянно. Исключит. интеллектуальным импульсом для расширения теоретич. воззрений О. М. на Ж. нач. 20 в., очевидно, стала кн. П. Синьяка (1863–1935) «От Эж. Делакруа к неоимпрессионизму» (1899; рус. пер.: М., 1913). Характеризуя в гл. «Москва» «Путешествия в Армению» «оборванную книжку Синьяка в защиту импрессионизма», О. М. отметил: «Автор изъяснял “закон оптической смеси”, прославлял работу мазками и внушал важность употребления одних чистых красок спектра» (3. С. 185); по наблюдению совр. исследователя, теория Синьяка для О. М. опосредованно связана с «учением о цвете» И.-В. *Гёте*; см.: Трибл К. Поиск единства и цельности у Гёте и Мандельштама // «Отдай меня, Воронеж...». С. 110– 12. Вместе с тем, О. М. отмечает ориентацию Синьяка на худож. практику известного франц. живописца Ф. В. Э. Делакруа (1798–1863): «Он основал свои доказательства на цитатах из боготворимого им Эжена Делакруа. То и дело он обращался к его “Путешествию в Марокко”,

словно перелистывая обязательный для всякого мыслящего европейца кодекс зрительного воспитания» (Собр. соч.-2. Т. 3. С. 185–86). Соответствующая литература входила в круг чтения О. М. и в Воронеже – см. письмо Рудакова к жене от 15.11.1935: «В университетской библиотеке <...> взял <...> Вельфлина “Историю искусств” (название как-то иначе). Об этой книге с О<сипом> разговоры, сводящиеся к проклятиям Запада, как системы наций» (Мандельштам в письмах Рудакова. С. 111); имеется в виду книга: Вельфлин Г. Основные понятия истории искусства: Проблемы эволюции стиля в новом искусстве. М, 1930 (см.: Лекманов О. А., Мец А. Г., Тоддес Е. А. Комментарии // Мандельштам в письмах Рудакова. С. 111).

Не меньшее внимание проявлял О. М. и к альбомам репродукций произведений разл. живописцев. Среди единичных мемуарных данных об этом можно отметить его интерес к личной б-ке семьи Наппельбаумов: «В их квартире было много книг, особенно по искусству», и О. М. «любил их рассматривать» (Видгоф Л. М. О. Э. Мандельштам в Москве: Новые материалы // «Отдай меня, Воронеж...». С. 313). Штемпель так вспоминала одну из воронежских квартир О. М. и Н. М.: «В шкафу <...> хранились те немногие книги, с которыми Осип Эмильевич не расставался. Помню <...> альбомы живописи и архитектуры <...>. Мы рассматривали <...> эти альбомы» (Штемпель. С. 31); по ее же словам, среди книг, «привезенных из Москвы, были альбомы импрессионистов» (Штемпель Н. Е. <Встречи с О. Мандельштамом>. С. 261). Речь, вероятно, идет об изд. «Музей нового западного искусства» (М., б. г. <не ранее 1935>), хранившемся в б-ке О. М.; см.: Фрейдин Ю. Л. «Остаток книг»: Библиотека О. Э. Мандельштама // Слово и судьба. С. 238. 25.9.1935 Рудаков писал жене, что взял у О. М. книгу «Сильвестра Щедрина (пейзажиста половины XIX века) – письма, с Эфросом – наподобие Ван-Гога» (Мандельштам в письмах Рудакова. С. 86); имеются в виду издания: Щедрин С. Ф. Письма из Италии / Вступит. ст., ред. и прим. А. Эфроса. М.; Л., 1932; Ван-Гог В. Письма: В 2 т. / Предисл. и ред. А. Эфроса. М.-Л., 1935 (см.: Лекманов О. А., Мец А. Г., Тоддес Е. А. Комментарии. С. 86).

Ряд биографич. ситуаций свидетельствует о том, что О. М. глубоко проникал в существо структурно-семантич. особенностей живописного искусства. Так, напр., в дневнике П. Н. *Лукницкого* в записи от 19.4.1925 сохранилась своего рода характерологич. «жанровая сценка»: «... я, Мандельштам и Пунин сидели на диване втроем. Царило молчание полное и безутешное. Вдруг О. Э. с самых задворок тишины громко произнес – про нас – “Как фамильный портрет”» (Мандельштам в архиве П. Н. Лукницкого // Слово и судьба. С. 123). Интерес к живописной традиции, безусловно, сказался и в гл. смысловых координатах мандельшт. мироощущения, – прежде всего, в свето- и цветовосприятии. Внешне это отчетливо проявилось во время выступления О. М. в Моск. клубе художников, к-рое он начал с того, что «сказал довольно странную, во всяком случае, экстравагантную речь о реализме, о глазе художника. Он сказал, что никто не может быть реалистом, что действительности как данности нет, есть действительность как искомое» (Горнунг Л. В. Немного воспоминаний об О. Мандельштаме. С. 32). Проблема взаимоотношений живописного начала и внеположной ему реальности отчетливо сформулирована в одном из вариантов письма О. М. к М. С. Шагинян марта – нач. апреля 1933, где она встроена в худож.-экзистенциальный контекст: «Право смотреть на солнце и на картину – одного порядка; художник, как и всякий, оплачивает его рождением и смертью» (цит. по: Василенко С. Восстановленное письмо О. Э. Мандельштама М. С. Шагинян // «Сохрани мою речь»-3 (1). С. 20). Сходные представления о специфике худож. видения были отражены О. М. уже в заметке «А. Блок (7 августа 21 г. – 7 августа 22 г.)» (1922), где он призывал для адекватной рецепции творчества А. А. *Блока* «бороться с оптическим обманом восприятия, с неизбежным коэффициентом искажения» (2. С. 252). В ст. того же периода «Девятнадцатый век» (1922) О. М. затронул принципиальную для него тему освещения, светотени: «В живописной композиции существует один вопрос, обусловливающий движение и равновесие красок: где источник света?» Она же метафорически развита в черновых набросках к «Путешествию в Армению» при описании экспозиции ГМНЗИ: «Каждый дворик, подергивавшийся светотенью, продавали из-под полы»; ср. в позднем стихотворении: «светотени мученик Рембрандт» (2. С. 267; 3. С. 384, 119). Предельно развернутую констатацию зависимости индивидуального мировосприятия от визуального начала и его соотнесенности с худож. сознанием содержат метатекстуальные фрагменты «Египетской марки», гл. «Французы» «Путешествия в Армению» и др.

В худож. мире О. М. среди живописных доминант отчетливо прослеживается преобладание итал., фламанд. и франц. школ, понимаемых в их довольно широком толковании. В мандельшт. прозе и стихах неоднократно упоминаются выдающиеся итал. художники эпохи Возрождения: Джотто (1266–1337), Леонардо да Винчи (1452–1519), Микеланджело Буонарроти (1475–1564), Джорджоне (ок. 1477–1510), Тициан (1476/77–1576), Рафаэль Санти (1483–1520), Тинторетто (1519–1594), однако развернутых характеристик тексты не содержат. Живописной традиции поздней ренессансной Италии О. М. касается в «Молодости Гёте» (1935) при описании «комнаты итальянской живописи, где на фоне ярко-синего неба среди остроконечных скал и тонкоствольных деревьев изображались пастухи с ягнятами, женщины с удлиненными <лицами>, держащие цветок в вытянутой руке или же склоненные <к> колыбели пухлого мальчика. – Все это прекрасно» (3. С. 291–92). В текстах О. М. прямо упомянуты две известнейших картины Джорджоне: в ст. «Письмо о русской поэзии» (1922) – «Концерт», определяемый как своеобразная нач. точка музыкальности «старой европейской культуры» [очевидно, подразумевается картина «Сельский концерт» (около 1509, в настоящее время автором считается Тициан)]; в «Египетской марке» и черновых набросках к ней – «Юдифь» (1504); отчасти худож. ориентация на эту работу, вероятно, была предвосхищена в одном из вариантов стих. «Футбол» («Телохранитель был отравлен...», 1913): «Неизъяснимолицемерно / Не так ли кончиком ноги / Над теплым трупом Олоферна / Юдифь глумилась...» (1. С. 94).

В этом же ряду может быть рассмотрено стих. «Улыбнись, ягненок гневный, с Рафаэлева холста...» (1937), обращенное не столько к творчеству самого Рафаэля, сколько к некоемому обобщенному образу итал. Ж. В ней О. М., в первую очередь, отчетливо фиксирует пространственную

символику (в определ. смысле переходящую из собственно плана содержания в план выражения): «На холсте уста вселенной, но она уже не та <...>, / В синий, синий цвет синели океана въелась соль. // <...> На скале черствее хлеба – молодых тростинки рощ, / И плывет углами неба восхитительная мощь» (3. С. 107–08). При этом, по восп. Н. М., у них с О. М. во время пребывания в Воронеже «не было репродукций ни Леонардо, ни Рафаэля» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 785), что прямо свидетельствует о мандельш. обращении к живописной тематике по памяти. Как считала Штемпель, О. М. «вспомнил репродукцию с картины Рафаэля “Мадонна с ягненком”. Там есть и ягненок, и “складки бурного покоя” на коленях преклоненной мадонны, и пейзаж, и какой-то удивительной голубизны общий фон картины» (Штемпель. С. 42); речь, очевидно, идет о картине «Святое семейство с ягненком» (1504, Музей Прадо). В целом можно полагать, что творчество Рафаэля входило в активный ассоциативный фонд О. М., – см. письмо Рудакова от 6.4.1935: «Пишу сейчас у Мандельштама. Балконная дверь раскрыта, против нее стоят облака. О<сип> Э<мильевич> говорит, что это ненаписанная картина Рафаэля – готов фон» (Мандельштам в письмах Рудакова. С. 44).

Остальные случаи обращения к итал. Ж. в худож. мире О. М. носят имплицитный характер. Так, использование в стих. «Венецейская жизнь» («Венецейской жизни, мрачной и бесплодной...», 1920) библейского сюжета о Сусанне и старцах могло учитывать две посв. ему известных работы Тинторетто (см.: Михайлов А. Д., Нерлер П. М. Комментарии // Соч. Т. 1. С. 488); одноврем. нельзя исключить, что стихотворение ассоциативно связано и с одноим. картиной неизвестного итал. художника (17 в., ГЭ). Согласно комментарию Н. М., в стих. «Я должен жить, хотя я дважды умер...» (1935) в строке: «А небо, небо – твой Буонарроти...» (3. С. 89), – подразумевается плафон Сикстинской капеллы в Ватикане: «О плафоне Микель-Анджело (так в источнике. – *Ред.*) – он похож на небо с тучами. И обратно: небо – это плафон, где тучи – мощные фигуры» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 759); ср.: Михайлов А. Д., Нерлер П. М. Комментарии. С. 540. По мнению комментаторов (Там же. С. 566), стих. «Тайная вечеря» («Небо вечери в стену влюбилось...», 1937) навеяно знаменитой фреской Леонардо да Винчи в церкви Санта-Мария делле Грацие (1495–97, Милан); с точки зрения М. Л. Гаспарова, это же произведение получает смысловую проекцию и в хронологически следующем стих. «Я скажу это начерно, шепотом...» (1937); см.: Гаспаров. 1996. С. 58–59.

Индивидуальной чертой худож. мира О. М. становится неожиданная контаминация итал. Ж. с Ж. нидерландской – «Вхожу в вертепы чудные музеев, / Где пучатся кащеевы Рембрандты, / Достигнув блеска кордованской кожи, / Дивлюсь рогатым митрам Тициана / И Тинторетто пестрому дивлюсь»; «Шумят сады зеленым телеграфом, / К Рембрандту в гости входит Рафаэль» (3. С. 55, 53). В более метафорич. форме связь итал. и фламанд. культурных традиций представлена в «Разговоре о Данте» (1933), где упоминается «“уличная” песнь “Чистилища”», к-рая «идет на приманке жанра, на типичной фламандской дудочке, которая стала живописью только триста лет спустя» (Там же. С. 259). Без разграничения ценностного статуса эти школы в определ. смысле противопоставлены в эпизоде посещения музея в «Юности Гёте», где после описания залов итал. Ж. следует авторское: «Все это прекрасно, но не сейчас, после! Скорей к голландцам, к бессмертным северным мастерам», – и содержится своего рода «каталог» жанровых, сюжетных и формальных признаков нидерландской Ж. (в восприятии к-рой для О. М. безусловно доминирует творчество Х. Ван Р. *Рембрандта*): «... яблоки, рыбы, бочонки, крестьяне, плясшущие под дубом <...>. Женщины в тяжелых бархатных платьях и большеголовые дети, цепляющиеся за их подол. Лудильщики и бочары, косматые, всецело поглощенные работой, и, наконец, семья сапожника: спальня, жилая комната, она же и мастерская <...>, кусок хлеба с воткнутым ножом на столе, молоток <...>, раскрытый шкаф с мерцающей посудой» (Там же. С. 292). Именно голл. зимний пейзаж по принципу отрицания косвенно выступает своеобразным «термином сравнения» для Воронежа в стих. «На доске малиновой, червонной...» (1937). Пейзажная основа использована и при упоминании голландского живописца Я. ван Рейсдаля (1628/29–1682): «Вы, именитые вершины, / Дерев косматых именины, / Честь Рюисдалевых картин» (Там же. С. 103), – в стих. «Пластинкой тоненькой жиллета...» (1936); интересен тот факт, что создание данного текста опосредованно связано с графикой Н. М. (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 779).

Более фрагментарно представлена в творчестве О. М. франц. Ж. (за исключением импрессионизма и постимпрессионизма). В ст. «Слово и культура» (1921) вскользь упомянут Ж. Л. Давид (1748–1825) – художник Великой Франц. рев-ции: «Революция в искусстве неизбежно приводит к классицизму. Не потому, что Давид снял жатву Робеспьера, а потому, что так хочет земля»; применительно к ром. В. Гюго «Девяносто третий год» (М.; Л., 1927) О. М. проводит параллель «с картинами художника Давида: в них театральный гнев лже-историка и желчь и боль почти современника» (2. С. 213, 463). Можно предполагать, что живописная символика стала сопровождающим изобразит. элементом при обращении О. М. к этой теме, – напр., в стих. «Париж» («Язык булыжника мне голубя понятней...»; 1923): «Большеголовые там руки подымали / И клятвой на песке, как яблоком, играли» (Там же. С. 48), – могут быть отражены впечатления от давидовской картины «Клятва в Зале для игры в мяч» (1791); см.: Сегал Д. М. Память зрения и память смысла: (Опыт семантической поэтики. Предварительные заметки) // Сегал Д. М. Литература как охранная грамота. М., 2006. С. 351. Не исключено, что неоднократно возникающий в связи с поэзией О. Барбье образ Свободы восходит к знаменитой картине Делакруа «Свобода на баррикадах. 28 июля 1830» (др. назв. – «Свобода, ведущая народ»; 1830–31, Лувр); по предположению совр. исследователя, данный живописный образ мог получить отражение в мандельшт. «Сумерках свободы» («Прославим, братья, сумерки свободы...»; 1918) через опосредующее воздействие стих. В. *Хлебникова* «Свобода приходит нагая...» (1917); см.: Парнис А. Е. Мандельштам: «...весь корабль сколочен из чужих досок...»: (О хлебниковском подтексте стихотворения «Сумерки свободы») // Поэтика и текстология. С. 88, 92–93. В заметке «Новые произведения Жюля Ромэна» (1924) пьеса «Кромдейр» сопоставлена с живописью участника Парижской коммуны Г. Курбе (1819–1877): «Все кряжисто в пьесе <...> – и люди, и предметы. Такое

впечатление производили приблизительно картины художника Курбе, когда впервые появились в живописи толстые деревянные башмаки и крестьянские блузы» (2. С. 413). Развернутую метафорич. характеристику, окрашенную личностными тонами, получает в прозе О. М. т. н. «барбизонская школа»; см. в «Египетской марке»: «Эрмитажные воробьи щебетали о барбизонском солнце, о пленэрной живописи, о колорите <...>, – одним словом, обо всем, чего не хватает мрачно-фламандскому Эрмитажу. – А я не получу приглашения на барбизонский завтрак <...>. – Мать заправляла салат желтками и сахаром. <...> Барбизонское воскресенье шло <...> к зенитному завтраку <...>. К барбизонским зонтам стекались гости в широких панталонах» (2. С. 478–79).

Значительно уже европейской представлено в худож. мире О. М. отражение рус. живописной традиции, что, видимо, определено ее явной «вторичностью» по отношению к традиции западноевропейской и отсутствием в ней авторов, чье творчество было бы сопоставимо с наследием самых известных художников Ренессанса. В мандельшт. мире явно зафиксировано внимание к др.-рус. *иконописи*; с большой долей вероятности можно предположить, что оно было намного значительнее, чем нашло свое текстуальное отражение. О. М., безусловно, был хорошо знаком с творчеством В. А. Серова (1865–1911), образность одной из самых известных картин к-рого «Похищение Европы» [1910, Гос. Третьяковская галерея (ГТГ)] прямо воспроизведена в стих. «С розовой пеной усталости у мягких губ...» (1922). Биографически текст связан с Н. М.; согласно ее свидетельству, по словам О. М. внешне она «была чем-то похожа на Европу со слабой картинки Серова – скорее всего, удлиненным лицом и диким испугом» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 139). Появление этой картины было обусловлено раскопками, проведенными на Крите А. Эвансом, открывшим фрески минойской культуры, что было широко освещено в отеч. печати; см.: Немировский А. И. Обращение к античности // ЖиТМ. С. 459 и сл.; ср.: Гаспаров. 1996. С. 63–64; попытку вывести текст О. М. за пределы собственно живописных ассоциаций и встроить в перспективу его «европейского мифа» см. в: Дутли Р. «Нежные руки Европы...»: О европейской идее Осипа Мандельштама // «Отдай меня, Воронеж...». С. 15–18. Гипотетически можно предположить редуцированное отражение и др. картины Серова «минойского» цикла – «Одиссей и Навсикая» (1910, ГТГ) в стих. «Золотистого меда струя из бутылки текла...», посв. Судейкиным, т. е. внетекстуально соотнесенного с живописной тематикой. Симптоматично появление имени Серова и в предельно автобиографич. контексте «Шума времени» при упоминании *Тенишевского училища*, где «были хорошие мальчики. Из того же мяса, из той же кости, что дети на портретах Серова. Маленькие аскеты, монахи в детском своем монастыре» (2. С. 370); подразумевается, очевидно, картина «Дети» (1899, Гос. Рус. музей). Показательно, что в таких случаях положительно оцениваются не столько сами живописные произведения, сколько метафорически стоящие за ними «прототипы».

Среди немногих прямо упоминаемых живописных работ отеч. художников – известная картина В. В. Верещагина (1842–1904) «Апофеоз войны» (1871): «...капустные заготовки огородников как ядра с зелеными фитилями. Эти бледно-зеленые капустные бомбы <...> отдаленно мне напоминали пирамиду черепов на скучной картине Верещагина» (3. С. 191). [Интересно то обстоятельство, что данный фрагмент не может не ассоциироваться со стих. Н. С. *Гумилёва* «Заблудившийся трамвай» (1921): «Вывеска... кровью налитые буквы / Гласят – зеленная, – знаю, тут / Вместо капусты и вместо брюквы / Мертвые головы продают» (Гумилёв Н. Собр. соч.: В 3 т. Т. 1: Стихотворения. Поэмы. М., 1991. С. 298); здесь же м. б. названо «Письмо двум японцам» (1916) Хлебникова: «Когда даяк, охотник за черепами, прибьет к хижине открытку Верещагина “Похвала войне”, он присоединится к нам» (Хлебников В. Творения. М., 1987. С. 605).] В рец. 1912 на кн. стихов И. Г. *Эренбурга* «Одуванчики» (П., 1912) О. М., характеризуя ее, отметил: «Острая парижская тоска растворяется в безнадежной “левитановской” влюбленности в русскую природу» (1. С. 181); речь в качестве «прототипа» явно может идти о получившей широкую популярность пейзажной тематике И. И. Левитана (1860–1900). Уничижительно упомянут в заметке «Художественный театр и слово» (1923) Г. И. Семирадский (1843–1902) в связи с поставленной МХТ трагедией Аристофана «Лизистрата», где «все женщины читают по-старому, по актерской азбуке <...>, и не случайно движения всех женщин плохи, будто сошли с картины Семирадского» (2. С. 335). Так же метафорически упоминает О. М. в «Шуме времени» творчество М. В. Нестерова (1862–1942): «... особый вид людей эсеровской масти мы называли “христосиками” <...>, – и в самом деле многие из них походили на нестеровских Иисусов» (Там же. С. 382). Очевидно, речь идет об обобщенной правосл.-др.-рус. образности, характерной для нестеровского творчества вообще. Подобным средством выражения отрицательного начала выступает и упоминание А. Г. Венецианова (1780–1847) в «Четвертой прозе» (1930), когда метафорически описывается «тренировка вихрастого малютки комсомола»: «Мальчик, в козловых сапожках, в плисовой поддевочке, напомаженный, с зачесанными височками, стоит в окружении мамушек, бабушек, нянюшек, а рядом с ним стоит поваренок или кучеренок – мальчишка из дворни. <...> Что это? Жанровая картинка по Венецианову? Этюд крепостного живописца?» (3. С. 169, 168–69). Живописная тематика присутствует в цикле <«Стихи памяти Андрея Белого»> (1934): «Как стрекозы садятся, не чуя воды, в камыши, / Налетели на мертвого жирные карандаши. // На коленях держали для славных потомков листы, / Рисовали, просили прощенья у каждой черты»; «А посреди толпы стоял гравировальщик, / Готовясь перенесть на истинную медь / То, что обугливший бумагу рисовальщик / Лишь крохоборствуя успел запечатлеть» (Там же. С. 83, 84). В стихах зафиксированы рисовавшие умершего А. *Белого* графики и, в частности, Фаворский, упоминаемый позднее в стих. «Как дерево и медь – Фаворского полет...» (1937). При этом в одном из вариантов стих. «10 января 1934» («Меня преследуют две-три случайных фразы...», 1934) метафорически воспроизведено авторское впечатление от «неконкретизируемых» живописных произведений: «Как будто я повис на собственных ресницах / В толпокрылатом воздухе картин / Тех мастеров, что насаждают в лицах / Подарок зрения и многолюдства чин!» (Там же. С. 333).

Заметный интерес вызывала у О. М. с нач. 1920-х гг. груз. Ж., для к-рой он фиксировал продолжение европ. традиции и считал, что «работы безымянных живописцев – настоящая победа грузинского искусства над Востоком»; неслучайно в связи с экспозицией худож. музея в Тифлисе упомянута «длинная вереница строгих портретов, преимущественно женских, по своей технике и глубокому статическому покою напоминающих старую немецкую живопись»; ср. применительно к этой коллекции упоминание груз. фрески «с ее <...> огромными малярийными глазами» (2. С. 234; 3. С. 383). Как следствие подобной точки зрения – высокая оценка старой груз. Ж., перед к-рой ничтожны «танцующие осколки скрипки, некогда разбитой Пикассо, пленившей новую грузинскую живопись» (2. С. 234–35). Возможно, уничижительная мандельшт. характеристика, содержащаяся в первом из очерков «Батум» (1922), обращена именно к совр. ему груз. живописцам [«русских в Батуме почти совсем нет» (Там же. С. 228)]. Она возникает при описании батумского Общества деятелей искусства (где 16.9.1920 состоялся вечер О. М.; см.: Нерлер П. Даты жизни и творчества <О. Э. Мандельштама> // 4. С. 442): «Здесь устраиваются смехотворные выставки макулатурных живописцев, скупаемые оптом заезжими греками, а местные эстеты и снобы расхаживают под раскрашенными олеографиями, воображая себя на настоящем вернисаже» (Собр. соч.-2. Т. 2. С . 229). Автором, привлекшим особое внимание О. М. в груз. традиции, стал художник-любитель Н. Пиросмани (Пиросманишвили); с известной осторожностью можно предположить, что это произошло во время мандельшт. поездки в Грузию в 1921–22 под влиянием Зданевича, «чье имя теперь неотделимо от биографии Нико Пиросманишвили» (Тименчик Р. Осип Мандельштам в Батуми в 1920 году. С. 147). Подробную характеристику работам Пиросмани О. М. дал в заметке «Кое-что о грузинском искусстве»: «Пиросманошвили (так в источнике. – *Ред.*) был простой и неграмотный живописец вывесок. Он писал на клеенке в три цвета <...>. Его заказчики, тифлисские духанщики, требовали интересного сюжета, и он шел им навстречу»; в целом оценка художника очень высока: «Нельзя не преклониться перед величием его “безграмотных” (не анатомических) львов, великолепных верблюдов <...>, победивших плоскость силою одного цвета. Если бы французы знали о существовании Пиросманошвили, они бы ездили в Грузию учиться живописи» (2. С. 235). Именно под впечатлением от творчества Пиросмани О. М. предполагал написать исследование «Вывески Москвы»; см.: Нерлер П. Примечания // Слово и культура. С. 300.

Из более локальных живописных предпочтений О. М. можно выделить перс. миниатюру, одним из гл. дифференцирующих признаков к-рой он определял плоскостную перспективу: «Горизонт упразднен. Нет перспективы»; ср. характеристику груз. Ж.: «плоскостное восприятие формы и линейная композиция (ритм линий) дышат приемами персидской миниатюры» (3. С. 204; 2. С. 234). В данной связи нельзя не учитывать, что в программу «Бродячей собаки» входила т. н. «Кавказская неделя», прошедшая 22–29.4.1914 (см.: Парнис А. Е. Примечания. С. 693) и запомнившаяся современникам, в частности, «выставкой персидских миниатюр, майолики, тканей» (Лившиц Б. Полутороглазый стрелец: Стихотворения, переводы, воспоминания. С. 510). Поскольку упоминание перс. миниатюры впервые появляется в очерке «Кое-что о грузинском искусстве» (опубл. в янв. 1922) и соседствует с именем Пиросмани, есть основания предполагать, что на интерес О. М. к ним косвенным образом могли повлиять живописные ориентиры Л. Гудиашвили, в число к-рых входили и перс. миниатюры, груз. фрески и живопись Пиросмани (см.: Никольская Т. Ладо Гудиашвили и русский авангард // Русский авангард в кругу европейской культуры: Международная конференция: Тезисы и материалы. М., 1993. С. 42); об этом О. М. мог узнать в Батуми от Зданевича, к-рый в 1917–19 поддерживал интенсивное общение с Гудиашвили. Одноврем. с этим, образ перс. миниатюры возникает вскоре после полученного О. М. в Тифлисе известия о смерти Гумилева (вероятно, в сент. 1921; см.: Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 807); допустимо предположить ассоциативную связь мандельшт. образа с одноим. гумилёвским стих. «Персидская миниатюра». Окрашенное личностным началом метафорич. описание миниатюры содержится в «Путешествии в Армению»: «Персидская миниатюра косит испуганным грациозным миндалевидным оком. – Безгрешная и чувственная, она лучше всего убеждает в том, что жизнь – драгоценный неотъемлемый дар. – Люблю мусульманские эмали и камеи» (3. С. 204). При этом и в данном контексте возможна импликация имени Гумилёва; см.: Левинтон Г. А. Ремизовский подтекст в «Четвертой прозе» // Лотмановский сб. 1. М., 1995. С. 603–604.

Источники: Осмеркина-Гальперин Е. К. Мои встречи // Наше наследие. 1988. № 6.

Лит.: Шкловский В. Б. Конец барокко [1932] // Шкловский В. Гамбургский счет: Статьи – воспоминания – эссе (1914–1933). М., 1990; Флакер А. Путешествие в страну живописи: (Мандельштам о французской живописи) // Wiener Slawistischer Almanach. 1984. Bd. 14; Кантор Е. В толпокрылатом воздухе картин: Искусство и архитектура в творчестве О. Э. Мандельштама // ЛО. 1991. № 1; Добромиров В. Д. «Верблюдик» и его авторское повторение: Портрет О. Мандельштама в собрании Воронежского художественного музея им. И. Н. Крамского // Филологические зап.: Вестник литературоведения и языкознания. Воронеж, 1994. Вып. 2; Харрис Д. Мандельштам, Синьяк и «Московские тетради» // Русская литература XX века: направления и течения. Вып. 3. Екатеринбург, 1996; Молок Ю. А. Ахматова и Мандельштам (К биографии ранних портретов) // Поэзия и живопись: Сб. трудов памяти Н. И. Харджиева. М., 2000; Видгоф Л. М. Москва Мандельштама: Книга-экскурсия. М., 2006. С. 151–65; Meijer J. M. Pictures in Mandel'stams Oeuvre // Dutch Contributions to the Eight International Congress of Slavist. Lisse, 1979.

С. Г. Шиндин.

«ЖИЗНЬ» (Петроград, 1914–18), газета. Изд., близкое к эсеровским кругам, закрытое большевиками по соображениям полит. неблагонадежности. На страницах «Ж.» были опубл. стих. О. М. «Когда в теплой ночи замирает...» [30(17).6.1918] и «Фрагмент» («Всё чуждо нам в столице непотребной...») (1–7.9.1919).

В. В. Калмыкова.

ЖИРМУНСКИЙ Виктор Максимович (21.7.1891, С.-Петербург – 31.1.1971, Ленинград), филолог. Познакомился с О. М. в *Тенишевском училище*, где проходил курс наук в 1900–08. В кон. 1900-х – 1910-х гг. регулярно встречался с О. М. в *Санкт-Петербургском Императорском университете* (на ист.-филол. ф-те к-рого Ж. учился в 1908–12) и в петерб. (петрогр.) артистич. кабаре *«Бродячая собака»* (открылось в янв. 1912) (см. Пяст В. А. Встречи. М., 1997. С. 169). В 1912–13 Ж., О. М. и Н. С. *Гумилёв* также виделись на заседаниях Кружка романо-германистов (см. *Романо-германский кружок*), организованного на романо-герм. отделении ун-та [см.: Азадовский К. М., Тименчик Р. Д. К биографии Н. С. Гумилёва (вокруг дневников и альбомов Ф. Ф. Фидлера) // РЛ. 1988. № 2; Лавров А. В. Вступительная статья / Письма К. В. Мочульского к В. М. Жирмунскому // НЛО. № 35. [1999]. С. 123–24; об О. М. см. также: С. 146, 149, 153, 154, 162, 200, 204]. 31.10.1916 на собрании Неофилол. общества Ж. прочитал доклад «О новой поэзии» (в присутствии А. А. *Ахматовой* и др. акмеистов) [см.: Эткинд Е. Г. Память и верность (вместо предисловия) // Жирмунский В. М. Творчество Анны Ахматовой. Л., 1973. С. 7; Гинзбург Л. Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб., 2002. С. 401], к-рый затем опубликовал в кн. 12 *«Русской мысли»* за 1916 под заглавием «Преодолевшие символизм». Эта статья на мн. годы предопределила пути изучения *акмеизма* как лит. школы. Разговору о ранней поэзии О. М. в этой статье был посв. раздел III: «Пользуясь терминологией Фридриха Шлегеля, можно назвать его стихи не поэзией жизни, а поэзией поэзии (die Poesie der Poesie), т. е. поэзией, имеющей своим предметом не жизнь, непосредственно воспринятую самим поэтом, а чужое художественное восприятие жизни» (Жирмунский В. М. Преодолевшие символизм // РМ. 1916. Кн. 12. С. 43–44; чуть позже в газетной рец. Ж. отмечал влияние О. М. на творчество Г. В. *Иванова*, см.: Русская воля. 1917. 16 янв.). Свою точку зрения на поэзию О. М. как на книжную Ж. впоследствии развил в заметке: Жирмунский В. М. На путях к классицизму // Вестник литературы. 1921. № 4/5. С. 3–5 [расширенный вариант: Жирмунский В. М. На путях к классицизму: (О. Мандельштам «Tristia») // Жирмунский В. М. Вопросы теории литературы: Статьи 1916–1926. Л., 1928. С. 327–32]. Летом 1917 в Алуште ко дню именин С. Н. *Андрониковой* (3 авг.) Ж., О. М., К. В. *Мочульский* и С. Э. *Радлов* сложили шуточную пьесу «Кофейня разбитых сердец» (см. ее текст: Кофейня разбитых сердец: Коллективная шуточная пьеса в стихах при участии О. Э. Мандельштама. Stanford, 1997).

Виктор Максимович Жирмунский

О. М. в заметке «А. Блок (7 августа 21 г. – 7 августа 22 г.» одобрительно противопоставил «работы, именно “работы” Эйхенбаума и Жирмунского» об А. А. *Блоке* «болотным испареньям русской критики» (Собр. соч.-2. Т. 2. С. 252; подразумевалась ст. Ж. «Поэзия Александра Блока» (в кн.: Об Александре Блоке: Статьи Н. Анциферова, Ю. Верховского, В. Жирмунского, Вл. Пяста, А. Слонимского, Ю. Тынянова, Б. Эйхенбаума, Б. Энгельгардта. Пб., 1921. С. 65–105). В заметке «Литературная Москва» О. М. назвал имя Ж. в ряду виднейших представителей формальной школы рус. литературоведения (Собр. соч.-2. Т. 2. С. 257; о действительном отношении формалистов к Ж. в эту эпоху см.: Постоутенко К. Ю. «Академический эклектизм» // Материалы международного конгресса «100 лет Р. О. Якобсону». М., 1996. С. 43–45). В свою очередь, Ж. рассказывал об О. М. студентам Ленингр. ун-та, где Ж. с 1919 по 1949 числился профессором и заведовал кафедрой герм. филологии и зап.-европ. литератур (см.: Гинзбург Л. Я. Указ. соч. С. 41).

Ж. был науч. руководителем Н. Я. *Мандельштам* в написании ею канд. дис., защищенной в 1956 при его значит. содействии. В 1960-е гг. Ж. принимал активное участие в продвижении в печать книги стихотворений О. М. в серии «Большая библиотека поэта» (см.: Академик Виктор Максимович Жирмунский: Библиографический очерк. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. СПб., 2001. С. 159).

Соч.: Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977.

Источники: Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 51, 166, 393, 446, 732, 875.

О. А. Лекманов.

З

«ЗА АВТОМОБИЛЬНО-ДОРОЖНЫЕ КАДРЫ» (Москва, с 1931), еженед. многотиражная газета Моск. автодорожного ин-та (МАДИ). Усилиями сотрудников (прежде всего, Ю. А. Кувалдина, редактировавшего газету в 1972–80, а также А. А. Никитина-Перенского) изд. имело не только специальный, но широкий лит.-культурный характер; в т. ч. здесь публиковались произведения поэтов рус. Серебряного века. В номере от 7.1.1988 впервые в СССР было опубл. стих. О. М. «Мы живем, под собою не чуя страны...» (публ. А. А. Мандельштама, племянника О. М., преподававшего в то время в МАДИ).

В. В. Калмыкова.

ЗАБОЛОЦКИЙ Николай Алексеевич (24.4.1903, Казань – 14.10.1958, Москва), поэт, переводчик. Осенью 1928 выступил, наряду с Д. И. Хармсом, А. И. Введенским, К. К. Вагиновым, И. В. Бахтеревым, в качестве одного из организаторов лит. группы ОБЭРИУ (Объединение реального иск-ва), от участия в к-рой отошел к нач. 1929. 19.3.1938 по сфабриков. обвинению в «троцкистской» деятельности арестован органами НКВД и приговорен к 5 годам исправит.-трудовых лагерей (ст. 58–10 и 58–11), однако из-за начавшейся Великой Отеч. войны 1941–45 освобожден лишь через 8 лет, в янв. 1946. Вернулся к лит. деятельности и поселился в Москве.

В 1920-х гг. восторженно относился к поэзии и эстетич. позиции О. М., о чем свидетельствуют два упоминания в письмах из Петрограда в Уржум, адресованных другу и земляку М. И. Касьянову: «Здесь Мандельштам пишет замечательные стихи. Послушай-ка <...>» (11.11.1921; далее приводится стих. «Возьми на радость из моих ладоней...»; З а б о л о ц к и й Н. А. Собр. соч. Т. 3. С. 301). «Но чувствую непреодолимое влечение к поэзии Мандельштама (“Камень”) и пр. Так хочется принять на веру его слова: “Есть ценностей незыблемая скала...”, “И думал я: витийствовать не надо...” И я не витийствую» (7.11.1921; Там же. С. 303). Согласно восп. И. М. Синельникова, З. «с великим торжеством» показывал ему сборник стихотворений О. М., к-рого ставил в один ряд с Ф. И. *Тютчевым* и Е. А. *Баратынским* («Это большие поэты, но у них короткое дыхание») (Восп. о Заболоцком. С. 112). Полемика с *символизмом* у молодого З. разворачивалась в направлении «левого искусства», футуристич. и постфутуристич. «антиэстетизма» и «аналитизма» (В. В. *Хлебников*, П. Н. Филонов и его школа); из поэтов акмеистского круга ему ближе В. И. *Нарбут* и М. А. *Зенкевич*, нежели О. М. и А. А. *Ахматова*, к к-рой З. относился резко отрицательно. В 1933 З. отвергал уже и О. М.: «Это бормотание, утверждал он, в искусстве надо говорить определенные вещи» (Г и н з б у р г. С. 137).

О. М. не принял поэтику первого сб. стих. З. «Столбцы» (1929). По свидетельству, относящемуся к событиям 1931, О. М. «неожиданно стал нападать на “Столбцы” Заболоцкого» (Л и п к и н. С. 377). «17.IV. [1935]: “О Заболоцком молчит, а потом мрачно ругается”» (Мандельштам в письмах Рудакова. С. 42) Поэзия З. 1930-х гг. привлекала внимание О. М. («Говорили о Заболоцком, Ходасевиче и Цветаевой, он (и я) очень хочет их перечесть» [Там же. С. 135]), но была ему чужда получившей впоследствии развитие тенденцией к дидактизму. 27.6.1935 О. М. услышал «Осенние приметы» З. (Известия. 1934. 18 нояб.; в позднейших изд. – «Осень») в исполнении С. Б. *Рудакова*: «Он и Н. охали и оживлялись. В конце... он стал многословно ругать. <...> Обращение к читателю, как к идиоту, поучение (“и мы должны понять”) – тоже, Тютчев нашелся... Многословие... Подробности... <...> Тоже, Гете нашелся... Это капитан Лебядкин, а не стихи... В хвост и в гриву использован формалистический прозаический прием отстранения (я поправил: остранения)... Все на нездоровой основе» (Там же. С. 70). См. также в мемуарах Н. К. *Чуковского* о неприятии О. М. «Второй книги» З.: «Мандельштам, со свойственной ему прямотой, сказал, что ему не нравятся ни прежние стихи Заболоцкого, ни новые» (Ч у к о в с к и й. С. 170). В ст. С. Розенталя «Тени старого Петербурга» (Правда. 1933. 30 авг. С. 4.), направл. против «Путешествия в Армению» и названной О. М. «желтопрессной» (см. Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 425), имя З. венчает список «остатков старых классов и литературных школ»: «В. Шкловский, О. Мандельштам, Вагинов, Заболоцкий». Рудаков был склонен полагать, что неприятие З. связано с внеэстетич. причинами: «1.III.[1936] – ...жаль, что нового Заболоцкого не знаю еще наизусть. Его Осипу Эмильевичу не показывал, так как биографические психованья так глубоки, что переключиться он не в силах. Жалко комкать Заболоцкого» (Мандельштам в письмах Рудакова. С. 154). Возможно, имеются в виду обстоятельства работы над переложением кн. Дж. Свифта: 26 сент. – «...Хотя финансы налаживаются, он взялся делать передачу Гулливера у великанов (образы лилипутов сделаны Н. Заболоцким!). <...> Ругается злобными словами: мерзость, пошлость, отвращение и все такое...» (Там же. С. 87). В 1937 «Гулливер у великанов» вышел в обработке З. (Москва, Ленинград). Резко отрицат. было отношение О. М. к попыткам социальной мимикрии З. в 1930-х гг.: 4.4.1936 на речь З. о «Статьи “Правды” открывают нам глаза» (Литературный Ленинград. 1936. 1 апр.) «последовала рецензия: “Врет. Написал памфлет на сухотку мозга, а объясняет как... Это вроде Зощенки (так в источнике. – *Ред.*), который пишет *памфлеты* невероятной силы, а выдает их за душеспасительное чтение”». (Мандельштам в письмах Рудакова. С. 117). Тем не менее есть все основания для сопоставления стих. З. «Горийская симфония» (1936) и стих. О. М. «Когда б я уголь взял для высшей похвалы...» (1937) об И. В. *Сталине*. Назв. включавшего 17 стихотворений сб. З. «Вторая книга»

Николай Алексеевич Заболоцкий

(1937) отсылает к одноим. сборнику О. М. (М., 1923); оба поэта переводили груз. классиков, в частности Важа Пшавела (см.: Цыбулевский А. С. Русские переводы поэм Важа Пшавела: Проблематика, практика, перспективы. Тбилиси, 1974; Он же. Высокие уроки: Поэмы Важа Пшавела в переводах русских поэтов. Тбилиси, 1980). В лит-ре о З. распространены параллели между натурфилос. лирикой З. и стих. О. М. «Ламарк» (см.: Ростовцева И. И. Н. Заболоцкий: Литературный портрет. М., 1978. С. 171–172; Goldstein D. N. Zabolotskij: Play for Mortal Stakes. Cambridge University Press, 1993. P. 284). О. М. (наряду с Б. Л. *Пастернаком*) – один из возможных адресатов стих. З. «Читая стихи», написанного в 1948, в разгар «борьбы с космополитизмом», и опубл. лишь в 1956. Основания для такой параллели дают строки «Но возможно ли русское слово / Превратить в щебетанье щегла?», находящие соответствие в «щеглиных стихах» О. М. из «Воронежских тетрадей» (1937). Это может свидетельствовать как о кризисе, наступившем в отношении З. к поэзии и личности О. М. после лет, проведенных в лагерях (см.: Шром. С. 120–22), так и об усложнении стратегии поэта, пародирующего расхожие «истины» и газетные штампы в расчете на то, что идеологич. инстанции примут пародию за «чистую монету» и прямую артикуляцию социальных и эстетич. установок автора. Согласно восп. Б. А. Слуцкого, даже в конце жизни З. «чтил Мандельштама и с доброй улыбкой рассказывал, как тот разделывал под орех его стихи» (Слуцкий Б. А. О друзьях и о себе // ВЛ. 1989. № 10. С. 205).

Соч.: Собр. соч.: В 3 т. / сост. Е. В. Заболоцкая, Н. Н. Заболоцкий. М., 1983–84; Вешних дней лаборатория: Стихотворения (1926–37 гг.) / сост., вступ. ст., и примеч. Н. Н. Заболоцкого. М., 1987.

Источники: Воспоминания о Заболоцком. Изд. 2-е, доп. / сост. Е. В. Заболоцкая, А. В. Македонов и Н. Н. Заболоцкий. М., 1984; Чуковский Н. К. Литературные воспоминания. М., 1989; Липкин С. И. «Угль, пылающий огнем...» // Липкин С. И. Квадрига: Повесть, мемуары. М., 1997.

Лит.: Райс Э. Новые издания О. Мандельштама и Н. Заболоцкого // Грани. Fr/M, 1966. № 60; Гинзбург Л. Я. Литература в поисках реальности. Л., 1987; Эткинд Е. Два «Движения» – две эстетики // ЛУ. 1990. № 6. 155–57; Шром Н. И. «...Возможно ли русское слово превратить в щебетанье щегла»: (К проблеме адресата стихотворения Н. А. Заболоцкого «Читая стихи») // Philologia: Рижский филологический сб. Вып. 1: Русская литература в историко-культурном контексте. Рига, 1994; Заболоцкий Н. Н. Жизнь Н. А. Заболоцкого. М., 1998; Кобринский А. А. Поэтика ОБЭРИУ в контексте русского литкратурного авангарда: В 2 ч. М., 2000 (по именному ук.); Muchnic H. Three Inner Emigres: A. Akmatova, O. Mandelshtam, N. Zabolotsky // Russian Review. Vol. 26. 1967. № 1.

И. Е. Лощилов.

«ЗАВЕТЫ» [С.-Петербург (Петроград), 1912–14], ежемес. лит.-полит. журнал, легальный орган Партии социалистов-революционеров (эсеров). Вышло 28 номеров. Редакция располагалась в Косом пер., 11. Инициатор изд. – лидер Партии социалистов-революционеров В. М. Чернов, впоследствии осуществлявший идейное руководство журналом. Издатель – А. И. Иванчин-Писарев, редакторы – С. Д. *Мстиславский* (наст. имя С. Д. Масловский) и С. П. Постников. Ред. отдела «Литература и общественность» – Р. В. *Иванов-Разумник*. В «З.» печатались А. А. *Блок*, И. А. Бунин, Е. И. *Замятин*, Н. А. *Клюев*, А. М. *Ремизов*, М. М. *Пришвин*, А. Н. *Толстой*, Ю. К. *Балтрушайтис*, Ф. *Сологуб* и др.

«З.» неоднократно подвергались преследованиям цензуры, в сент. 1914 были закрыты постановлением Петрогр. судебной палаты из-за публикации антивоен. повести Замятина «На куличках» (номер журнала конфискован, автор привлечен к суду и выслан из Петрограда).

О. М. опубликовал в «З.» стих. «Египтянин» («Я избежал суровой пени...») (1913. № 5. С. 11).

Источники: Балтрушайтис Ю. К. Письма к В. С. Миролюбову и Р. В. Иванову-Разумнику // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977. Л., 1979.

Лит.: Морозов К. Н. Журнал «Заветы» и идейные поиски партии эсеров в годы нового революционного подъема в России (1912–1914) // Проблемы отечественной и зарубежной истории... Самара, 1991.

В. В. Калмыкова.

ЗАГОРОВСКИЙ Павел Леонидович (26.8.1892, с. Пенязевичи Радомышльского у. Киевской губ. – 27.11.1952, Воронеж), психолог, педагог и поэт, канд. пед. наук; близкий воронежский знакомый О. М. В 1920–23 в Курске, чл. Курского союза поэтов. С 1923 в Воронеже, преподаватель (1923–27), доцент (1927–31) пед. ф-та Воронежского ун-та, проф. Воронежского пед. ин-та (с 1931). Автор работ по вопросам психологии и педагогики. В 1920-е гг. активно участвовал в культурной и обществ. жизни В., возглавлял с 1925 лит. группу «Чернозем» (в нее входили И. Д. Беляев, В. А. Кораблинов и др.).

Науч. руководитель и близкий друг Н. Е. *Штемпель*, благодаря к-рой познакомился (в кон. марта или нач. апр. 1936) и часто встречался с О. М. и Н. Я. *Мандельштам*. З. был одним из немногих воронежцев, кто, рискуя своим положением, не боялся общаться с опальным поэтом и время от времени помогал О. М. и материально. По восп. Штемпель, симпатия между З. и О. М. «...возникла сразу, как будто они были давно знакомы. Наконец-то Осип Эмильевич обрел равного себе собеседника. Я сидела на кушетке, вжавшись в угол, и тихо радовалась, молча слушая их оживленный разговор, – они буквально дорвались друг до друга и, казалось, забыли обо всем на свете. <...> Тонкий,

остроумный и в то же время очень мягкий, удивительно скромный, он никогда не подчеркивал своей буквально энциклопедической образованности. Память у него была феноменальная» (Штемпель. С. 36). Встречаясь, З. и О. М. говорили о стихах, беседовали на филос., психологич. темы. О. М. называл его «бархатный профессор» и включил его имя в одно из шуточных стих.: «Наташа, ах, как мне неловко! На Загоровского, на маму – То бишь на божию коровку / Заказывает эпиграмму!» (1936–37; 3. С. 157). З. писал стихи, он автор неопубл. поэмы, целиком посв. Штемпель (см. *Нерлера П. М. собрание*, в к-рой, в частности, есть такие строчки: «Храните строк рифмованных богатство / И, их читая, вспоминайте с грустью / Москву и Дмитров, долгие прогулки, / Влюбленность вдохновенную поэта, / Его причуды, неуменье сжиться / С действительностью жесткой и жестокой. / Через десяток лет засесть Вам надо / За медленно писанье мемуаров – / Мешать не буду этому занятью – / И Мандельштам в записках Ваших / Вновь голову поднимет дерзко».

Источники: Штемпель.

Лит.: Ласунский О. «Бархатный профессор» // Утро. 5.9.1992.

П. М. Нерлер.

ЗАМЯТИН Евгений Иванович (20.1.1884, г. Лебедянь Тамбовской губ. – 10.3.1937, Париж, Франция), прозаик. В окт. 1920 – февр. 1921 часто встречался с О. М. в петрогр. *Доме искусств*, где З. читал лекции о технике худож. прозы и психологии творчества. Согласно не слишком достоверным мемуарам И. В. *Одоевцевой*, О. М. посетил по крайней мере одну из этих лекций: «Замятин встает и под аплодисменты – Мандельштам аплодирует особенно громко – <...> уходит, послав отдельную улыбку и поклон Мандельштаму» (см.: Мандельштам и его время. С. 149). Тем не менее в заметке «Литературная Москва: Рождение фабулы» (1922) О. М. высказался о З. пренебрежительно и с иронией: «...Тысячу раз я брошу беллетристику с психологией Андреева, Горького, Шмелева, Сергеева-Ценского, Замятина ради великолепного Брет-Гарта» (2. С. 261). Сомнительного свойства комплименты, к-рые О. М. расточал З. в своей заметке далее, не слишком корректируют смысл приведенного высказывания: «“Премного разных трав и вер” у <...> Замятина <...>. Милый анекдот, первое свободное и радостное порхание фабулы, освобождение духа из мрачного траурного куколя психологии <...> Все различия серапионовцев – Пильняка, Замятина, Пришвина, Козырева и Никитина следует простить за объединяющий их общий фольклорный признак, залог жизненности. Все они, как подлинные дети фольклора, сбиваются на анекдот» (Там же. С. 263, 264; З. был не участником, но наставником группы «*Серапионовы братья*»). Тайная ирония, по-видимому, сквозила в репликах О. М. в его разговоре с З., состоявшемся весной 1925 (общее содержание разговора не представляется возможным реконструировать). П. Н. *Лукницкий* в своем дневнике записал: «...Я читал из своего литературного дневника выдержки, касающиеся разговора О. Э. с Е. И. Замятиным у ворот “Всемирной литературы”, а О. Э. громко смеялся, причем весь вид его вполне совпадал с видом птенца, высунувшего из гнезда голову и до глубины своей души счастливого <...>. Когда АА <А. А. *Ахматова*> усомнилась, был ли действительно в этом разговоре такой – тайный – смысл, О. Э. подтвердил, что был в самом деле, и именно такой» (Мандельштам в архиве П. Н. Лукницкого // Слово и судьба. С. 117, 118). В дневнике Лукницкого описывается также локальный конфликт О. М. с З., предшествовавший вечеру памяти Ф. *Сологуба*, состоявшемуся в Ленингр. отд. Всерос. СП 5.3.1928 (З. был организатором этого вечера). После того как З. передал О. М. список стихов Сологуба, к-рые О. М. должен был, по замыслу З., читать на вечере, О. М. «обиделся и воспылал возмущением – на то, что поэту, ему, Осипу Мандельштаму – писатель Замятин посмел выбирать, назначать стихи» (Там же. С. 131). Конфликт был вскоре улажен, свидетельством чего может служить вполне дружеское письмо О. М. к З., отправленное 2.3.1928 и содержавшее предложения по устройству вечера (см.: 4. С. 97).

По гипотезе В. В. Мусатова, заявление З. о выходе из организации советских писателей, поданное после травли, развязанной *«Литературной газетой»* в сент.–окт. 1929 в связи с публикацией романа З. «Мы» за границей, спровоцировало решение О. М. «о разрыве с писательской средой» [Мусатов В. В. Лирика О. Мандельштама. К., 2000. С. 314; см. «Открытое письмо советским писателям» (1930) О. М.: 4. С. 125–31].

О. А. Лекманов.

ЗВЕНИГОРОДСКИЙ Андрей Владимирович [26.6.1878, г. Ардатов Нижегородской губ. (ныне Нижегородской обл.) – 1.1.1961, Москва], князь; поэт. Автор трех книг стихотворений: «На память» (Н. Новгород, 1898), «Delirium Tremens» (М., 1906), «Sub Jove frigido» (М., 1909). Немногочисл. стихи, написанные после выхода этих книг, З. объединил в рукоп. сб. «Чуть на крылах» (в наст. время издается силами родственников – в печати).

В 1920-е гг. занимался ист.-лит. разысканьями (круг П. Я. *Чаадаева*, А. С. *Пушкина* и их эпоха); в 1930-е гг. служил в музее Л. Н. Толстого, участвовал в деятельности Пушкинской комиссии (эти его работы направлял М. А. Цявловский), занимался лит. редактированием. Н. Я. *Мандельштам* называет З. в числе людей, к-рые, по мнению О. М., «в стихах хоть как-то приблизились к поэзии», и вспоминает: З. «пришел к нам в начале тридцатых годов и прочел милые, старомодные и очень чистые стихи» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 343–44; ср. отзыв М. О. *Гершензона* о самом З. – «чистый, как горная вода», но и отмечаемую даже сочувственно относящимся к стихам З. Д. С. *Усовым* присущую З. «известную немощность в литературном проявлении»). Чутким современникам была очевидна непосильность для З. социализированного существования в принципе [ср. строки из письма З., приводимого в статье Е. Я. Архиппова о его поэзии: «Моя душа проникнута вечно-женственным: Лизою Тургенева, Лам<м>ермурской невестой Скотта, усадьбами, старыми садами с гротами, саксонским фарфором, залами с хорами, кружевами старыми, библиотеками с древними рукописями, тайными дверями, ведущими к склепам и подвалам, – что мне становится трудно, очень трудно жить среди людей и в днях» (РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Д. 15. Л. 41–42)], близкая к катастрофической в послерев. годы: З. был выселен из родового

имения, лишен должности учителя за то, что в советской школе г. Ардатова преподавал рус. историю, по Н. М. Карамзину и С. М. Соловьеву; к хромоте – следствию болезни, перенесенной в отрочестве, – в 1920-е гг. добавилась и начинающаяся глухота. О «несчастном, разрушенном и все еще живом и страдающем кн. Андрее» в 1920-е гг. пытались хлопотать Усов [«сколько я прочитал в нем и сколько я увидел сквозь него. Его шамкающий, приглушенный, проникновенный голос будет слышен мне всегда, и всегда я буду видеть его худощавую высокую фигуру с палкой, в изломанных, фантастических движениях хромоты», – из письма Усова к Архиппову (нач. сент. 1923); автограф в личном собрании М. Ю. Гоголина], Гершензон, В. Е. Чешихин-Ветринский, В. Б. *Шкловский*. Познакомившись со З. в нач. 1930-х гг., «Мандельштам почуял, что старику живется очень туго, и бурно признал его... заварил хлопоты о пенсии... раздобыл ему и пропуск в писательскую столовую» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 344). О. М. привлекали в З., по-видимому, не только схожесть переживаемого обоими опыта концентрированной маргинальности существования в советскую пору и не только своеобразие лит. мнений (З. любил перечитывать Г. Р. *Державина*, называл в числе своих «постоянных преклонений» Чаадаева, признавался, что внутренне отошел ото «всей школы символистов», но в юности им «долго владел» П. *Верлен*, называл В. Я. *Брюсова* «фальшивомонетчиком русской поэзии», Б. Л. *Пастернака* – «аберративным», А. А. *Блока* – «поэтом с малой толикой сердца» и не находил в его поэзии «почвенного», считал, что А. *Белый* не имеет «никаких устоев» и в последнее время «весь изолгался», но ценил Ф. *Сологуба*, М. И. *Цветаеву*, М. А. *Волошина* (см. ответы на лит. анкету Архиппова 25.6.1932: РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Д. 46), но и парадоксальная современность поэтики поздних стихотворений З., словно не заметившего стилевых исканий модернизма: «теперь живут по-человечески / Только одни поэты, / Эти странные люди с другого света. / Сквозь хаос и ужас, / Нагие и голодные, / Идут себе своей дорогою, / Словно под вальс или мазурку, / Движутся навстречу неизвестности / В печальную для вас бесконечность» (из стих. З. «Бедные мои сограждане, вы не знаете...», 1920-е гг.?). До знакомства с О. М. З., занятый «исключительно... перечитыванием вечных произведений и сном» (письмо З. Архиппову; собрание Гоголина) и признающий только «людей с мистикой и метавизикой (так! – *Т. Н.*)». (РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Д. 78. Л. 48), оставался к лирике О. М. «совершенно безучастным» (слова Усова, читавшего З. стихи О. М. – из письма к Архиппову от 19.11.1924; собрание Гоголина). Это мнение переменилось после личного знакомства поэтов, произошедшего у А. Саргиджана 21.6.1932. З. писал об О. М.: «Очень талантливый и с большой эрудицией поэт. Полюбил его как человека» (ответ на вопрос об О. М. в лит. анкете Архиппова: РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Д. 46. Л. 57). 11.9.1932 Усов писал Архиппову, что З., живший в то время в маленькой полуподвальной квартире в 5-м Монетчиковском пер., «очень и очень часто посещает О. Мандельштама и однажды встретился там с А. А. Ахматовой, о которой отзывается более чем сдержанно. В записной книжке... он заставил (форменным образом!) ее записать ему ее стих<отворен>ие “Не бывать тебе в живых”, и она нацарапала его карандашом, с явным нежеланием» (РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Д. 78. Л. 165–166 об.). «Осип вместе с Надей вдруг увлеклись» З. «и объявили вторым Тютчевым» (Гершейн. С. 36; ср. характерное признание З.: «Из миллиона книг я выбираю три: / Фет, Тютчев, Пушкин – вечно-юные цари»). Вывод, делаемый мемуаристкой: «Это свело с ума старика, последнего Гедеминовича в России, живущего тут трудовой жизнью малоприспособленного к современности интеллигента» (Там же), – мало соответствовал реальности, но отражал мотив «последнего в роде», характерный не столько для мироощущения самого З., сколько для его восприятия современниками, и нашедший отголосок в шутливом стихотворении О. М., посв. З., – «Звенигородский князь в четырнадцатом веке...» (анекдотич. сюжет стихотворения, возможно, находится в какой-то связи с рассказом Н. С. Лескова «Железная воля»; род же Звенигородских и в самом деле ведет свое начало от жившего в 14 в. князя Андрея Мстиславича).

После войны З. пришел к Шкловским, где остановилась Н. М., «чтобы перед смертью отдать» записанный под диктовку О. М. в 1932 вариант стих. «К немецкой речи» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 345; ныне: *Архив О. Э. Мандельштама*, Принстонский ун-т; др. известный авторизованный список, выполненный З., – «Христиан Клейст» – там же). Н. М. в недатированном письме к З. радовалась встрече со старым знакомым и хвалила присланные ей стихи З.: «... Они очень хороши. Я понимаю, почему их так ценил Осип Эмильевич» [Ист. архив Центра по исследованию Вост. Европы при Бременском ун-те (Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen / Historisches Archiv). F. 104. (Борисов В. М.)].

Прозрачный импрессионизм поэзии З. не имеет непосредств. связи с творчеством О. М., отдаленное эхо мандельшт. мотива можно расслышать лишь в одном стих. З. – «Закат» (1933): «И заревом багряным залита, / Клубящаяся по низинам речка, / И на коне гуртовщика уздечка, / И пыль, и шерсть овечьего гурта».

Архивы: Архиппов Е. Я. Иерофант ужаса и страсти (статья о творчестве А. В. Звенигородского) // РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Д. 15; Он же. Поэзия кн. Андрея Звенигородского // Там же. Д. 14; Он же. Библиография А. В. Звенигородского (1924) // Там же. Д. 28; Звенигородский А. В. Письма к Е. Я. Архиппову // Там же. Д. 66.

Источники: Гершензон М. О. Письма к брату. Избранные места / вступ. ст. и примеч. М. Цявловского. [М.], 1927. С. 162.

Лит.: Богомолов Н. А. Звенигородский // РП. Т. 2. С. 333; Сорокоумова Е. А. Князь Звенигородский // Свободная мысль. 2007. № 11; Подборка стихотворений и краткая биогр. справка на сайте «Поэзия Московского университета»: http://www.poesis.ru/poeti-poezia/zvenigorod/verses.htm#41.

Т. Ф. Нешумова.

ЗЕЛЬМАНОВА (в 1-м браке Чудовская, во 2-м – Белокопытова) Анна Михайловна (1891, Москва – 1952, США), художница. Чл. группы «Союз молодежи». Хозяйка лит. салона, где в 1913–14 часто бывал О. М. (см.: Лившиц Б. К. Полутораглазый стрелец. Л., 1989. С. 520–522).

Автор портретов А. А. *Ахматовой*, А. Д. *Радловой*, а также первого портрета О. М., над к-рым работала в 1914 [утрачен, известен только по фотографиям, подкрашенным, возможно, самой З.). По мнению позднейшего исследователя, этот портрет «очень манерен» (Молок. С. 292). Тем не менее, «к портрету своему поэт не остался безучастен, именно с ним, вероятно, связано стих. О. М. «Автопортрет» (1914), а также его шуточные стихи «Барон Эмиль хватает нож...» (Там же. С. 292, 293). В 1914 О. М. был влюблен в «красавицу-художницу» З. (Ахматова. С. 292), о чем кроме Ахматовой он рассказывал своей жене (см.: Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 271) и О. Н. *Арбениной* (см.: Арбенина. С. 549). К З., вероятно, обращено стих. О. М. «Приглашение на луну» (1914) (Лекманов. 2000. С. 517–18). Летом 1917 в Алуште О. М. принял участие в сочинении ко дню именин С. Н. *Андрониковой* коллективной шуточной пьесы «Кофейня разбитых сердец, или Савонарола в Тавриде». В облике гл. героини этой комедии, обозначенной в подзаголовке, – женщины-Савонаролы Беллы Капиты, изображена З. (Тименчик. С. 17).

Источники: Арбенина О. Н. О Мандельштаме // Тыняновский сб.: Шестые – Седьмые – Восьмые Тыняновские чтения. М., 1998;

Лит.: Тименчик Р. Д. Предисловие // Кофейня разбитых сердец: Коллективная шуточная пьеса в стихах при участии О. Э. Мандельштама. Stanford, 1997; Молок Ю. А. Ахматова и Мандельштам: (К биографии ранних портретов) // Поэзия и живопись: Сб. тр. памяти Н. И. Харджиева. М., 2000.

О. А. Лекманов.

«ЗЕМЛЯ И ФАБРИКА» (ЗиФ), кооперативное изд-во, существовавшее в 1922–30, образованное *Госиздатом* и др. организациями как акционерное общество ЦК Всерос. профсоюза рабочих-бумажников. Основатель и пред. правления – В. И. *Нарбут* (до 1928), стараниями к-рого изд-во к кон. 1920-х гг. превратилось в одно из крупнейших и едва ли не монопольных в стране: «Свое издательство “ЗиФ” (“Земля и фабрика”) он взял нищим, а отдал процветающим, с большим капиталом в банке» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 78). ЗиФ выпускало худож. лит-ру, в т. ч. и детскую.

Деловые отношения О. М. с ЗиФ начались весной 1927. В это время среди сотрудников изд-ва – О. М. Бескин (ответств. работник) и М. А. *Зенкевич* (ред.). Вместе с Б. К. *Лившицем* и Б. В. *Горнунгом* О. М. стремился заключать с ЗиФ договоры на разл. издания. В то время существовали планы слияния ЗиФ с изд-вом ГИЗ, и О. М. считал, «что в ЗиФе надо укрепляться как можно прочнее» (Горнунг. С. 159, 161). О. М. ходил в нач. мая к Нарбуту с планами издания массовой серии сокр. переводов зап. классиков (4. С. 449), возникшими, вероятно, в пору сотрудничества поэта с изд-вом *«Прибой»*. Одноврем. существовали планы подготовки и издания многотомной хрестоматии по лит-ре от Средневековья до нач. 20 в. (с.: Горнунг. С. 161). В результате встречи был подписан договор О. М. с ЗиФ, согласно к-рому поэт начал готовить для публикации новое изд. романа Ш. де Костера «Легенда о Тиле Уленшпигеле». Договор с изд-вом был подписан 3.5.1927; срок сдачи рукописи – 10.6.1927; см. письмо О. М. к Зенкевичу (2-я пол. 1927) (4. С. 96–97). Одноврем. были заключены договоры о подготовке О. М. к изд. романа В. Скотта «Антикварий» (Собрание сочинений, т. 7; пер. с англ., под ред. и в обработке Лившица и О. М.; вышел в дек. 1928) и Майна (Т. М.) *Рида* «На дне трюма» (Собрание сочинений, т. 21; пер. под ред. и с примеч. О. М.; вышел в июле 1929). Чуть позже О. М. подготовил к изд. роман Майна Рида «Ямайские мароны» (Собрание сочинений, т. 25; пер. под ред. и с примеч. Лившица и О. М.; вышел в дек. 1929). В общей сложности по этому договору в ЗиФ вышло 8 томов Собрания сочинений Майна Рида (под ред. и с примеч. О. М. при участии Лившица, сент.–дек. 1929, 1930) (см.: 4. С. 394, 452).

К 1927 О. М. уже разработал для себя концепцию переводных изданий, сформулированную им в ст. «Жак родился и умер!» (1926) и в ряде более поздних статей. Идеи О. М. не могли не войти в противоречие с издат. концепцией Нарбута, к-рый «по призванию... был издателем – зажимистым, лукавым, коммерческим. Ему доставляло удовольствие выторговывать гроши из авторского гонорара, составлявшего в двадцатые годы, когда он управлял издательством, совершенно ничтожный процент в калькуляции книги. <...> Издательскую деятельность Нарбут представлял себе на манер американских издателей детективов: массовые тиражи любой дряни в зазывающих пестрых обложках...» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 77). Конфликтная ситуация О. М. и ЗиФ 1928–30 была заложена в изнач. положении дел и предопределена ред. политикой Нарбута.

Несмотря на масштаб издат. деятельности ЗиФ, работа в области публикации произведений иностр. авторов не была должным образом организована. В изд-ве не отслеживалось качество сдаваемых в печать переводов, не учитывалось изменение объема текста перевода после худож. редактирования, произвольно приостанавливалось печатание той или иной книги, выплаты гонораров переводчикам и редакторам осуществлялись в крайние сроки и др. Эти недостатки организации производства О. М. заметил с самого начала сотрудничества с изд-вом (см.: 4. С. 99) и, по его более позднему свидетельству, обсуждал их с Нарбутом (Там же. С. 108). По сути дела, предложенные О. М. изменения могли привести к издат. реформе ЗиФ (Там же. С. 131).

Между тем к подготовке текстов для издания О. М. отнесся как к заслуживающему уважения лит. труду: «Выполняя для ЗИФа крупные работы, я отнюдь не ограничиваюсь формальными требованиями договоров и, нередко в ущерб себе, значительно усложняю литературное задание» (Там же. С. 101).

В. В. Калмыкова.

ЗЕНКЕВИЧ Евгения Павловна (род. 9.8.1919, Херсон), театровед и иск-вед, канд. иск-ведения (1953). 3-я жена Е. Э. *Мандельштама*. В 1921 переехала с родителями в Москву. В 1937–41 училась в Гос. ин-те театр. иск-ва (ГИТИС). В 1941–44 в эвакуации, в 1944–48 работала в ГИТИСе и в Гл. управлении уч. заведениями (инспектор театр. вузов). В 1948–52 аспирант Ин-та истории иск-в АН СССР. С 1953 сотрудник Изогиза, Ин-та истории АН СССР (отвечала за подбор иллюстраций к 10-томной «Всемирной истории»), Ин-та технич. эстетики и Ин-та истории и теории архитектуры. Автор статей по вопросам технич. эстетики. С будущим мужем знакома с детства; в 1946 он начал ухаживать

за ней, в 1963 они поженились (общих детей не было). После смерти Е. Э. Мандельштама (1979) и выхода на пенсию (1985) З. разбирала семейный архив, готовила к печати хранившиеся в нем восп. мужа, письма и автографы О. М.

Соч.: Когда я была девчонкой. М., 1998.

П. М. Нерлер.

ЗЕНКЕВИЧ Михаил Александрович [9.5. 1886, с. Николаевский Городок Саратовской губ. – 14.9.1973, Москва], поэт, переводчик, издат. работник. Участник 1-го *«Цеха поэтов»* (с 1911, одноврем. с О. М.); в сер. 1912 примкнул к *акмеизму*. В 1912 издал книгу стихов «Дикая порфира». Ключевые мотивы этой книги, а также стихотворений З. 1910-х гг. (гл. тема к-рых – натуралистич. скрупулезное изображение жизнедеятельности человеч. организма) перекликаются с физиологич. окрашенными образами стих. О. М. «Необходимость или разум...», «За то, что я руки твои не сумел удержать», «Холодок щекочет темя...», «Ламарк», «Стихи о неизвестном солдате» (см.: Лекманов. С. 41–42; Корецкая. С. 82–83). «Дикая порфира» была подарена О. М. с инскриптом: «Осипу Эмильевичу Мандельштаму Мих. Зенкевич. 3.IV.1912. СПБ» (Книги и рукописи в собр. Лесмана. М., 1989. С. 101). В 1911–14 О. М. и З. регулярно виделись на заседаниях «Цеха...», совм. выступали на страницах периодич. изданий и на публич. поэтич. чтениях (в последний раз – 25.4.1914 на заседании Всерос. лит. об-ва в Петрограде; см.: Мец). В нояб.–дек. 1913 З. и О. М., при посредничестве Н. Д. *Бурлюка*, стали инициаторами лит. союза трех акмеистов (З., О. М., В. И. *Нарбут*) с кубофутуристами (в итоге союз не осуществился; см.: Зенкевич М. А. [Устные воспоминания об О. Мандельштаме] // О. и Н. Мандельштамы. С. 28–29).

В первые послерев. годы З. отчасти изменил свое отношение к акмеизму и акмеистам, что нашло отражение в его оценке стих. О. М. «Люблю под сводами седыя тишины...», в к-ром использован заглавный образ книги З. «Дикая порфира», восходящий к стих. Е. А. *Баратынского* «Последняя смерть» (см.: Тоддес. С. 90): «Мандельштам так увлекается, что даже, как некогда Собакевич, писавший “Елизавет Воробей”, пишет славянизмы – “под сводами седыя тишины”» (Саратовские известия. 1922. № 141. 24 июня. С. 2). В свою очередь, О. М. в 1920–30-х гг. иронически и настороженно отнесся к попыткам З. вписаться в советскую действительность. «Зенкевич одним из первых съездил на канал и, выполняя заказ, написал похвальный стишок преобразователям природы. За это О. М. пожаловал ему право называться Зенкевичем-Канальским» (НМ–1. 1999. С. 56). Исключением являются оппозиционно звучавшие переводы З. из А. Шенье (1922), к-рые, по свидетельству самого З., «страшно понравились» О. М. (из неопубл. письма З. к М. Л. Лозинскому; февр. 1923). Участие З. предполагалось в «инициативе» О. М. «организовать “семинар по поэтике” для группы членов Московского Лингвистического кружка <...> Было (весной 1923 г.), кажется, два собрания, и на этом дело кончилось» (Материалы к биографии О. Э. Мандельштама в архиве Б. В. Горнунга // «Сохрани мою речь»-3(2). С. 157). Неодобрительно О. М. судил о поэзии З. в письме к жене от 3.1.1936: «...Купил <“>Кр<асную> Новь<”> с дрянными стихами доброго Зенкевича» (4. С. 169; подразумевается стих. «С оказией на Кавказе», 1935). Однако интенсивное общение поэтов в 1920–30-х гг. продолжилось: они регулярно встречались семьями, вместе посещали Э. Г. *Багрицкого* в Кунцеве. 2.5.1927 О. М. вручил и надписал З. свою книгу «Шум времени» (см. этот инскрипт в: О. Э. Мандельштам, его предшественники и современники: Сб. материалов к Мандельштамовской энциклопедии. М., 2007. С. 299). «В окт. 1928 З. и О. М. участвовали в обсуждении статьи о поэзии О. М., написанной И. С. Поступальским (не опубл.). Будучи ред. изд-ва *«Земля и фабрика»* (в 1925–35), З. содействовал О. М. в получении заказов на переводы. Как сотрудник журнала *«Новый мир»* в нач. 1930-х гг. вместе с Багрицким выступил в роли посредника между О. М. и гл. ред. журнала В. П. Полонским, пытаясь в июле 1932 устроить публикацию подборки из 10 стихотворений О. М. (Полн. собр. стих. С. 583). З. пользовался рекомендациями О. М., отбирая для «Нового мира» стихи начинающих поэтов, в частности, С. И. *Липкина*. В 1933–34 З. вместе с В. И. Нарбутом бывали в гостях у О. М. и Н. Я. *Мандельштам* в их новой квартире (см.: НМ–2. С. 422). 11.2.1936, находясь в воронежской ссылке, О. М. вместе с женой и С. Б. *Рудаковым* читал и обсуждал ст. В. А. Дынник «Поэт и спец» (Красная новь. 1936. № 1) «о Зенкевиче и частично о» самом О. М. (см.: Мандельштам в письмах Рудакова. С. 145). В нач. марта 1938 О. М. с женой заходили к З. перед отъездом в *«Саматиху»*.

В нач. 1960-х гг. З. работал над стихотворением памяти О. М. (сохранилось в набросках; см.: Зенкевич М. А. Сказочная эра. Стихотворения. Повесть. Беллетристические мемуары. М., 1994. С. 336).

Соч.: Семь карандашных строк (к истории взаимоотношений О. Мандельштама и М. Зенкевича) // Дом Остроухова в Трубниках: Альманах. М.; СПб., 1998.

Источники: Поступальский И. С. Встречи с Мандельштамом // Тыняновский сб. М., 1998. Вып. 10: Шестые – Седьмые – Восьмые Тыняновские чтения.

Лит.: Мец А. Г. Эпизод истории акмеизма // Пятые Тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига, 1990; Тоддес Е. А. К теме: Мандельштам и Пушкин // Philologia. Рижский филологический сб. Вып. I. Рига, 1994; Корецкая И. В. Над страницами русской поэзии и прозы начала века. М., 1995. С. 82–83; Лекманов О. А. Акмеисты: поэты круга Гумилева (Статья третья) // НЛО. № 20. 1996.

О. А. Лекманов.

«ЗЛАТОЦВЕТ» (С.-Петербург, 1914), еженед. журнал литературы, художества, театра, сатиры. Печатались статьи и стихи Н. С. *Гумилёва*, М. А. *Кузмина*, А. И. Куприна, О. М., А. С. Рославлева, А. И. Ширяевца, А. А. Ярославцева и др. О. М. опубликовал в «З.» стих. «Воздух пасмурный влажен и гулок...» (№ 1. С. 7), «Футбол» («Рассеен утренник тяжелый...») (№ 4. С. 6), «Скудный луч, холодной мерою...» (№ 10. С. 6).

В. В. Калмыкова.

«**ЗНАМЯ**» (Москва, с 1931), ежемес. лит.-худож. и обществ.-полит. журнал. Первоначальное назв. – «ЛОКАФ» (изд. Лит. Объединения КрТрифонов и др.). В «З.» опубл.

целый ряд материалов, связанных с судьбой и творчеством О. М. Это статьи С. С. Аверинцева, письма О. М., подготовленные П. М. Нерлером и Ю. Л. Фрейдиным [Осип и Надежда Мандельштам: Из писем 1936–1938 гг. [Письма О. М. Б. С. Кузину, А. Э. Мандельштаму, Н. Я. Мандельштам, В. П. Ставскому, В. Я. Хазиной, Е. Я. Хазину. 1936–1938] (1991. № 1. С. 194–200)] и др.

Источники: Брик Л. Ю. Маяковский и чужие стихи: (Из воспоминаний) // Знамя. 1940. № 3. С. 181–182; Данин Д. С. Пути романтики: (Заметки о поэтах-архаистах, порочном романтизме и революционной романтике) // Там же. 1947. № 5. С. 166; Коваленков А. А. Письмо старому другу // Там же. 1957. № 7. С. 167–168; Шкловский В. Б. Жили-были... // Там же. 1961. № 8. С. 190, 191; Дымшиц А. Л. Модернизм – враг творчества // Там же. 1963. № 3. С. 194–196, 197; Карякин Ю. Ф. Стоит ли наступать на грабли?: (Открытое письмо одному инкогнито) // Там же. 1987. № 9. С. 207, 208; Цветаева А. И. Драгоценная достоверность // Там же. № 11. С. 235–37; Гроссман В. С. Добро вам!: (Из путевых заметок) // Там же. 1988. № 11. С. 19–20; Иванов Вяч. Вс. Встречи с Ахматовой // Там же. 1989. № 6. С. 202, 203; Аверинцев С. С. Ранний Мандельштам // Там же. 1990. № 4. С. 207–12, 218; Иванова Н. Б. Возвращение к настоящему // Там же. № 8. С. 231, 232; Нерлер П. [Послесловие: К публ. «Осип и Надежда Мандельштам. Из писем 1936–1938 гг.»] // Там же. 1991. № 1. С. 201–203; Руденко М. С. Мелкие неприятности в ночь перед страшным судом: (Крик души молодого литератора) // Там же. 1992. № 1. С. 220, 224; Шаламов В. Т. Из письма к Наталье Ивановне Столяровой. 1965 год // Там же. № 2. С. 172, 173–74, 175–76; Рассадин С. Б. Из жизни кентавров: Интеллигент – обыватель – люмпен // Там же. № 3/4. С. 223; Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 783–829; Арьев А. Ю. Правда как ложь, или Человек-артист эпохи Москвошвея // Знамя. 1994. № 2. С. 190, 194, 196, 197–198; Айзенберг М. Н. Возможность высказывания // Там же. № 6. С. 192, 194, 204; Самойлов Д. Поденные записи: (Из дневников) / Подгот. к печати и публ. Г. Самойловой-Медведевой; коммент. Н. Мирской // Там же. 1995. № 2. С. 150; № 3. С. 142; Парамонов Б. М. Зощенко в театре // Там же. № 7. С. 208, 209; Герштейн Э. Г. Анна Ахматова и Лев Гумилев: Размышления свидетеля // Там же. № 9. С. 142–144, 145, 146, 147–149; Она же. Надежда Яковлевна // Там же. 1998. № 2. С. 160; Она же. Поэт поэту – брат // Там же. 1999. № 10. С. 132–157; Айзенберг М. Н. Читая мемуары // Там же. 2000. № 1. С. 214–217; Эдельштейн М. Ю. Выбор судьбы // Там же. 2005. № 3. С. 228–229.

В. В. Калмыкова.

«ЗНАМЯ ТРУДА» (Петроград, 1917; Москва, 1918), ежедневная полит. и лит. газета, одно из осн. изданий Партии социалистов-революционеров (эсеров), центр. орган, выражавший позицию левых эсеров. Редакторы – В. В. *Иванов-Разумник*, Б. Д. Камков, М. А. Спиридонова и др. «З. т.» критиковала Временное правительство и руководство правых эсеров как буржуазные, одобряла декреты большевиков, но осуждала идею установления диктатуры пролетариата в России. С весны 1918 газета выступала против партии большевиков и В. И. Ленина, против подписания Брестского мира. Закрыта 6.7.1918 после левоэсеровского мятежа.

В «З. т.» печатались программные произведения А. А. *Блока* («Двенадцать», «Скифы») и С. А. *Есенина* («Инония», «Преображение»). О. М. опубликовал здесь ряд стихотворений: «Сумерки свободы» («Восславим, братья, сумерки свободы...») [11(24).5.1918]; «Золотистого меда струя из бутылки текла...» [26.5(8.6).1918].

В. В. Калмыкова.

ЗОРГЕНФРЕЙ Вильгельм Александрович [30.8.1882, Аккерман Бессарабской губ. – 21.9.1938, Ленинград], поэт, переводчик; ближайший друг А. А. *Блока*. В окт. 1920 – февр. 1921 сосед О. М. по петрогр. *Дому искусств*. Две его мемуарные новеллы – «Блок» (Записки мечтателей. 1922. № 5) и «А. А. Блок. (По памяти за 15 лет, 1906–1921 г.)» (Там же. № 6) – О. М. подразумевал в своей заметке «А. Блок (7 августа 21 г. – 7 августа 22 г.)», когда писал о «болотных испареньях русской критики, тяжелом и ядовитом тумане Иванова-Разумника, Айхенвальда, Зоргенфрея и др.» авторов восп. о Блоке (2. С. 252). По приговору Воен. коллегии Верховного суда СССР З. расстрелян вместе с Б. К. *Лившицем*, В. О. (И.) *Стеничем*, Ю. И. *Юркуном* и др. по обвинению в участии в антисоветской правотроцкистской террористич. организации (т. н. дело об антисоветской организации ленингр. писателей).

О. А. Лекманов.

ЗОЩЕНКО Михаил Михайлович (28.7.1894, С.-Петербург – 22.7.1958, Сестрорецк Ленингр. обл.), писатель-сатирик, драматург. Автор небольших сатирич. рассказов и крупных повестей «Возвращенная молодость» (1933), «Голубая книга» (1935), «Перед восходом солнца» (1943) и др. З. входил в лит. группу *«Серапионовы братья»* (образована в 1921).

Познакомился с О. М., вероятно, в 1920–21 в *Доме искусств*, где З. жил с 1919 (с небольшими перерывами); в течение неск. лет там же (в комнате М. Л. *Слонимского*) собирались «Серапионовы братья» (см.: Хронологическая канва жизни и творчества Михаила Зощенко / сост. Ю. В. Томашевский // Лицо и маска М. Зощенко. С. 343–345). Сам О. М. не позднее 15.10.1920 получил комнату в общежитии Дома искусств и периодически принимал участие в разл. поэтич. вечерах (напр., 18.11.1920; см.: Нерлер П. Даты жизни и творчества <О. Э. Мандельштама> // 4. С. 442–443). О. М. достаточно тесно общался с «Серапионовыми братьями»; размышляя о свежих веяниях в совр. лит-ре, он упомянул группу в ст. «Литературная Москва: Рождение фабулы» (1922; см.: Стих. Проза / сост. Гаспаров. С. 535–536). Вероятно, О. М. воспринимал «Серапионовых братьев» не как кружок друзей-писателей, а как новую лит. школу с единым направлением. Из этого направления неск. выбивался З., поэтому О. М. пропустил его имя при перечислении участников общества, но зато включил в его ряды В. Г. *Лидина* и М. Я. Козырева (см.: Там же).

В 1920-е гг. З. с О. М. связывала искренняя дружба. По свидетельству А. А. *Ахматовой*, О. М. «высоко ценил Бабеля и Зощенко. Михаил М<ихайлович> знал это и очень этим гордился» (Ахматова. С. 135; см. также: Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 164, 371). Н. Я. *Мандельштам*, вспоминания «честного и глубокого», «чистого духом и сердцем» З., писала: «Не потому ли Мандельштам так любил Зощенко, что у него в сентиментальных повестях человек обрастает шерстью и роет нору в лесу, чтобы завыть зверем, и толь-

ко потому, что пытался “построить” не лиру даже, а самую простую человеческую жизнь» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 206, 207, 317; см. также: Там же. С. 367–68). Ср. слова З., приведенные в дневнике К. И. *Чуковского* (30.10.1927): «Знаете, Осип Мандельштам знает многие места из моих повестей наизусть – м. б. потому, что они как стихи. Он читал мне их в Госиздате» (Чуковский К. И. Дневник: 1901–1969. 3-е изд. Т. 1: [Дневник. 1901–1929]. М., 2003. С. 491). Весной 1924 О. М. и З. вместе с И. Э. *Бабелем*, С. А. *Есениным*, В. П. *Катаевым*, А. Н. *Толстым* и др. подписали коллективное письмо в Отд. печати ЦК РКП(б) с протестом против «огульных нападок» на них критиков журнала «*На посту*» (см.: 4. С. 202–203). Хотя З. в своих произведениях ни разу не упоминал О. М., сам он дважды появился в прозе О. М. В рец. (1929) на к/ф «Кукла с миллионами» О. М. привел слова обобщенного героя З., к-рому «скучно жить в трудовой республике» и на непритязат. вкус к-рого и рассчитан рецензируемый фильм (2. С. 502). В финале рец. О. М. отсылает читателя к популярному рассказу З. «Аристократка»: «Сорок тысяч героев Зощенки (так в источнике. – *Ред.*) с подтяжками в одной руке и пирожным, на котором сделан “надкус”, в другой – приветствуют “Куклу с миллионами”». В «Четвертой прозе» (1930) О. М. так пишет о З.: «У нас есть библия труда, но мы ее не ценим. Это рассказы Зощенки (так в источнике. – *Ред.*). Единственного человека, который нам показал трудящегося, мы втоптали в грязь. Я требую памятников для Зощенки по всем городам и местечкам...» (З. С. 178–179). В «Четвертой прозе» еще немаловажно, наверное: «Если б я поехал в Эривань, <...> я бы <...> читал в дороге самую лучшую книжку Зощенки (так в источнике. – *Ред.*), и я бы радовался, как татарин, укравший сто рублей» (Там же. С. 172). О. М. привлекала, вероятно, современность писателя и его близость к простому, «трудящемуся» читателю. В мае–июне 1931 О. М. выразил свое стремление шагать в ногу с эпохой в следующих строках: «Пора вам знать: я тоже современник, / Я человек эпохи Москвошвея <...> Попробуйте меня от века оторвать, / Ручаюсь вам – себе свернете шею!» («Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето...») (Стих. Проза / сост. Гаспаров. С. 175).

На протяжении 1920-х гг. З. не только дружески общался с О. М., но и помогал ему в трудных ситуациях. Он был одним из 15 писателей, подписавших письмо в защиту О. М., несправедливо обвиненного А. Г. *Горнфельдом* в плагиате (ЛГ. 1929. 13 мая; подробно об этом см. в: Лекманов. 2003. С. 127–136). Н. М. и О. М. в письме к Ахматовой от 11.6.1929 описали тяжелое положение поэта и попросили ее сообщить «об этом безобразии Федину, и Козакову, и Зощенко» (4. С. 121). В 1930-е гг. О. М. и З. сохранили прежние теплые отношения: в янв. 1930 З. вместе с В. Э. *Мейерхольдом*, Ю. К. Олешей и др. писателями побывал в гостях у О. М. (см.: Лицо и маска М. Зощенко. С. 350), а в мае 1933 жена писателя (В. В. Зощенко) отдыхала в Коктебеле с Н. М. и О. М.; она, в частности, вспоминала: «...С последним я часто болтала, сидя за домом или у себя на крылечке, и по прощании он написал мне на память стихи в крошечной моей записной книжечке» (М. Зощенко: Материалы к творческой биографии. СПб., 2003. Кн. 3. С. 20). Б. С. *Рудакову* принадлежит свидетельство об относящемся к 6.4.1936 мандельшт. определении выразит. специфики

Михаил Михайлович Зощенко

З., к-рый «пишет памфлеты невероятной силы, а выдает их за душеспасительное чтение» (Мандельштам в письмах Рудакова. С. 167). Незадолго до этого (3.1.1936) О. М. писал Н. М. из Тамбова о покупке журнала «Красная новь» с «Талмудом Зощенки» (4. С. 169). В 1937 в гостях у А. А. *Осмеркина* О. М. «задумчиво сказал: “Сейчас выставки персонажей Зощенко уже не смешны. Они или мученики, или все герои”» (Осмеркина-Гальперн Е. К. Мои встречи // Наше наследие. 1988. № 6. С. 106). Последняя встреча З. с О. М. состоялась летом или ранней осенью 1937: О. М. приезжал в Ленинград, и З. (вместе с Ю. Н. *Тыняновым*, В. О. (И.) *Стеничем* и Чуковским) оказывал ему материальную поддержку, пытаясь облегчить бедств. положение поэта (см. протокол допроса О. М. от 17.5.1938 в кн.: Шенталинский В. А. Рабы свободы: В литературных архивах КГБ. М., 1995. С. 247).

М. А. Котова.

ЗУБАКИН Борис Михайлович (19.4.1894, С.-Петербург – 3.2.1938, Москва), поэт-импровизатор. По его собств. позднейшему свидетельству, др. источниками не подтвержд., «был при основании Цеха поэтов с поэтами С. Городецким, Н. Гумилевым, Б. Верхоустинским, А. Ахматовой и др.» (цит. по: Немировский, Уколова. С. 126).

С О. М. познакомился через В. А. *Пяста*, с к-рым З. учился в одной гимназии. В 1922 сосед О. М. по Дому Герцена (см.: 4. С. 31). О. М. – персонаж шуточных стихов З. 1910–20-х гг.: «Дорогой Борис Александрович...» (см.: Шестые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига; М., 1992. С. 126) и «Дм. Шепеленке. Икспромт (так! – *О. Л.*) о его тетради» (см.: «Сохрани мою речь»-3(2). С. 273). После своего возвращения из ссылки в февр. 1932 З. эпизодически встречался с О. М. в Москве и беседовал с ним о судьбе сосланного в Вологду Пяста (см.: Новое о Мандельштаме // Филологические записки. [Воронеж], 1994. Вып. 3. С. 159–164). В 1930-х гг. О. М. и Н. Я. *Мандельштам* безосновательно считали З. «агентом» НКВД (см.: Немировский, Уколова. С. 73). Репрессирован, расстрелян.

Лит.: Немировский А. И., Уколова В. И. Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер. М., 1994.

О. А. Лекманов.

И

ИВАНОВ Вячеслав Иванович (16.2.1866, Москва – 16.6.1949, Рим, Италия), поэт, мыслитель, филолог, переводчик. В апр.–мае 1909 в лит. салоне своего петерб. дома, известного как «башня» (т. к. квартира – Таврическая ул., 25 – находилась в угловой башне), И. организовал занятия по стиховедению, названные им «Про-Академией». Скорее всего, именно на этих занятиях О. М. познакомился с И.: его первое появление на «башне» может быть датировано 23.4.1909, по письму Е. И. Дмитриевой к М. А. *Волошину* (см.: К у п ч е н к о. С. 187). Согласно восп. Е. К. *Герцык*, О. М. представила И. бабушка (С. Г. *Вербловская*), с родственником к-рой – пушкинистом С. А. *Венгеровым*, хозяин «башни» был неплохо знаком: «Однажды бабушка привела внука на суд к Вячеславу Иванову, и мы очень веселились на эту поэтову бабушку и на самого мальчика Мандельштама» (Г е р ц ы к. С. 60; ср.: Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 55). В протоколе заседаний «Про-Академии» (его вела М. М. Замятнина, подруга покойной жены И., Л. Д. Зиновьевой-Аннибал) при перечислении участников заседаний О. М. неоднократно упоминается как Мендельсон (см.: Г а с п а р о в. С. 94, 97, 101). 16.5.1909 состоялся поэтич. дебют О. М. на «башне». В. А. *Пяст* вспоминал о реакции И. на выступление юного поэта: «Вяч. Иванов, конечно, очень хвалил, – но ведь это было его всегдашним обыкновением» (П я с т. С. 101). И. В. *Одоевцева* в своих мемуарах со слов О. М. воспроизвела похвалы И.: «Он очень хвалил мои стихи: “Прекрасно, прекрасно. Изумительная у вас оркестровка ямбов, читайте еще. Мне хочется послушать Ваши анапесты и амфибрахии”» (О д о е в ц е в а. С. 147). Ср. с полемич. перехлестом у А. А. *Ахматовой*: «Вяч. Иванов <...> не расслышал Мандельштама» (А х м а т о в а. С. 146).

О степени друж. близости И. и начинающего О. М. судить сложно. 13.8.1909, находясь в загран. путешествии, О. М. отправил из Монтрё письмо И., в к-ром отзывался о сб. И. «По звездам» (СПб., 1909) восхищенно: «Ваша книга прекрасна красотой великих архитектурных созданий и астрономических систем» (4. С. 14), – но дерзко: «Вы самый непонятный, самый темный, в обыденном словоупотреблении, поэт нашего времени» (Там же). Не удивительно, что переписка не была поддержана И. [ср. в письме О. М. к Волошину (сент.–окт. 1909): «...Милый Вячеслав Иванович <...> при искреннем ко мне доброжелательстве не ответил мне на письмо, о котором просил однажды» (Там же. С. 16)]. Поэтому письма О. М. становились все более краткими, в осн. младший поэт отправлял И. свои стихи [по предположению О. Ронена, на одно из этих стихов («Как тень внезапных облаков...», 1910) И. ответил стих. «Парус» (1912) (R o n e n. P. 90)].

Вместе с тем известно, что в сент. 1909 И. искал комнату для О. М. в С.-Петербурге, о чем оставил запись в своем дневнике (см.: И в а н о в В. И. Собр. соч. Т. 2. С. 801–03). По нек-рым сведениям, 1-ю публикацию О. М. в журнале *«Аполлон»* С. К. *Маковского* в 1910 устроил именно И. (см.: Камень. 1990. С. 346; И в а н о в В. И. Там же).

С осени 1909 заседания поэтич. академии продолжились в редакции «Аполлона» под назв. «Общество любителей художественного слова» (ОРХС). Согласно записям дневника С. П. *Каблукова* (близкого приятеля обоих поэтов), в 1910 на заседаниях ОРХС присутствовали как И., так и О. М. (см.: Камень. 1990. С. 245).

В сюжетной и образной структуре стихов О. М. 1909–1910 обнаруживается воздействие эстетич. теории И. (см.: М е ц. С. 277; Л е к м а н о в. Мотивы... С. 119–128; М у с а т о в. С. 34–54) и (в меньшей степени) – влияние его поэтич. творчества. Присланные О. М. стихи (всего 24) содержат явные и инверсированные отсылки и к поэтич. книгам И. «Прозрачность», «Cor Ardens» и к сб. филос.-эстетич. трактатов «По звездам». Так, образ змея в поэтике раннего О. М. во многом восходит к ст. И. «Две стихии в современном символизме» (И в а н о в В. И. Собр. соч. Т. 2. С. 537), представляя собой разл. реализации космогонич. мифа И. (см. стихи О. М. «Змей», «В самом себе, как змей, таясь...», «Когда мозаик никнут травы...», все – 1910). С образами из статей и стихов И. также перекликаются ключевые мотивы стихов О. М. «Silentium» (1910) (см.: M a l m s t a d), «Когда удар с ударами встречается...» (1910) (см.: М е ц. С. 290), «Необходимость или разум...» (1910) (Там же. С. 320), «Раковина» (1911) (см.: Л е к м а н о в. Осип Мандельштам и Вячеслав Иванов... С. 108), «Сегодня дурной день...» (1911) (см.: О н же. Мотивы... С. 119–120). О поэтике О. М.-символиста и поэзии И. см. также: Л е к м а н о в. 2004. С. 28.

В нач. сент. 1911 О. М. в разговоре со случайным собеседником (критиком В. Ф. Боцяновским) высказался об И. восторженно: «Иванов в своем уборе из старых слов точно пышный ассирийский царь. Он весь красота. Мне кажется, что если бы Иванова не было, – в русской литературе оказалось бы большое пустое место» (цит. по: Т и м е н ч и к. С. 186; ср. со строкой «На головах царей божественная пена» из стих. О. М. «Бессонница. Гомер. Тугие паруса...» (1915), перекликающейся со строками из стих. И. «Поэты духа»: «Мы – всплески рдяной пены / Над бледностью морей. / Покинь земные плены, / Воссядь среди царей»).

Тем не менее к 1912 в личных отношениях О. М. и И. произошло охлаждение, прежде всего, в связи с участием О. М. во враждебном И. *«Цехе поэтов»*, плавно перешедшем в *акмеизм*. Хотя О. М. именно на «башне» у И. 14.3.1911 познакомился с Ахматовой (здесь же произошло сближение О. М. с Н. С. *Гумилёвым*), в дальнейшем члены «Цеха...» и И. взаимно дистанцировались друг от друга. В восп. Н. Я. *Мандельштам* воспроизведено остро оппозиц. неприятие О. М. личности и творчества И. в период формирования акмеизма как независимого лит. направления: «Он ни разу в жизни не вспомнил, что говорил про стихи Вячеслав Иванов, Сологуб, Волошин и др. поэты старших поколений.

К ним у него было смешное отношение – внешняя почтительность и скрытое внешнее озорство» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 103). Однако есть все основания полагать, что подобные суждения Н. М. были во многом инициированы ретроспективными высказываниями О. М. 1920-х гг., а еще в большей степени – поздней Ахматовой, к-рая даже писала, что к 1911 «никакого пиетета к Вяч. Иванову в Мандельштаме уже не было» (Ахматова. С. 125; ср. с приведенной выше характеристикой И., данной О. М. как раз в 1911).

Так или иначе, но в своем манифесте «Утро акмеизма», О. М. действительно вступил в полемику с И.: «Символизм томился, скучал законом тождества, акмеизм делает его своим лозунгом и предлагает его вместо сомнительного a realibus ad realiora» (1. С. 180; подробнее см.: Блинов; Мец. С. 336–337; Лекманов. Мотивы... С. 121–122; о перекличках эссеистики О. М. 1910-х гг. с эссеистикой И. см. также: Мец. С. 331–334). Полемич. (но не только полемич.) отсылки к статьям и стихам И. содержат акмеистич. стихи О. М. «Казино» (1912) (см.: Лекманов. Осип Мандельштам и Вячеслав Иванов. С. 108–109), «Notre Dame» (1912) (см.: Он же. Мотивы... С. 123), «В таверне воровская шайка...» (1913) (см.: Тарановский. С. 149), «Ода Бетховену» (1914) (см.: Сегал. С. 325–327, 330–338), «И поныне на Афоне...» (1915) (см.: Лекманов. Осип Мандельштам и Вячеслав Иванов. С. 109). Чтобы правильно оценить творч. взаимоотношения И. и акмеистов, необходимо вспомнить ретроспективное признание О. М. из его ст. «О природе слова» (1921): «...Сам Вячеслав Иванов много способствовал построению акмеистической теории» (1. С. 229). См. также два инскрипта О. М. на первом, «акмеистическом» изд. «Камня» (1913): «Вячеславу Иванову с радостным восхищением. Автор. 13 мая 1913»; «Вячеславу Ивановичу Иванову с глубокой признательностью и настоящей любовью. Автор. 2 октября 1913. Петербург» (цит. по: Ласунский. С. 401).

Новый этап взаимоотношений О. М. с И. наметился осенью 1914, после начала 1-й мировой войны 1914–18. О. М. присутствовал при произнесении в зале *Тенишевского училища* исполненной «ура-патриотизма невысокого стиля» (по характеристике Ф. Гозиассона, см.: Борис Пастернак. Пожизненная привязанность. Переписка с О. М. Фрейденберг. М., 2000. С. 11) речи И., обличающей нем. завоевателей (Там же; о возможном влиянии воен. «доктрины» И. на «военные» стихи О. М. см.: Лекманов О. А. Кто исчез в «священном сумраке»? // Лекманов. 2000. С. 521–525; Сегал. С. 358). 7.2.1916 Каблуков записал в дневнике, что О. М. вернулся из Москвы «после свидания с Вяч. Ивановым, признавшим его “Камень”. Особенно В. И. понравились “Имя божие”, “Бессонница. Гомер...”» (Камень. 1990. С. 252). Возможно, что тогда же (1915, Петроград, или же 1916, Москва) О. М. слушал доклад И. «Взгляд Скрябина на искусство» (Иванов В. И. Собр. соч. Т. 3. С. 175). В своем докладе «Скрябин и христианство» (1915–16) О. М. полемизировал с И. в определении творчества А. Н. *Скрябина* через призму мистич. пути посвящения. Дар Скрябина, в противовес концепции И., он определял как дар художника христ. культуры. Несмотря на это, оба доклада во многом перекликались: мандельшт. определение Скрябина как «солнца-сердца» рус. культуры (1. С. 201) восходило не только к докладу И., где С. назван «солнечным художником», но и к соответствующему разделу кн. И. «Cor Ardens». В равной мере можно указать и на то, что «образ ночного солнца» у О. М. восходит к ст. И. «Мысли о символизме» (1908), где речь идет о Дионисе-Никтелиосе, или «ночном Солнце»; др. источником этого образа является ст. И. «Орфей» (1912), где указывается на то, что Орфей в др. мистич. культах представлял собой единство дневного Аполлона и ночного Диониса (см.: Ронен). Синонимич. коррелятом к мотиву «ночного солнца» О. М. служит мотив «черного солнца», напр., в стих. «Эта ночь непоправима...» (1916), «Сумерки свободы» (1918), «Когда в теплой ночи замирает...» (1918), «В Петербурге мы сойдемся снова...» (1920). Одним из возможных источников этих мотивов служит доклад О. М. «Взгляд Скрябина на искусство», а также лирика И. (стих. «Ночное Солнце», «Сердце Диониса», «Солнце-двойник», «De Profundis».) (Terras).

В оставшейся не опубл. при жизни обоих поэтов заметке О. М. «О современной поэзии (К выходу “Альманаха Муз”)» (1916?), творчеству И. этого периода ставился неутешит. диагноз (в унисон с оценками стихов И., высказанными в рецензиях др. акмеистов: Гумилёва, С. М. *Городецкого*, В. И. *Нарбута*): «В стихах В. Иванова какая-то пресыщенность, все заранее известно. Поэт достиг, очевидно, того величия, когда ему позволено и сонному прикасаться к кифаре, чуть касаясь ее перстами» (далее О. М. цитирует строки из стих. И. «Весна») о прохладной оценке И. стих. О. М. «Я не увижу знаменитой “Федры”...», высказанной 12.12.1915, см.: А[дамович Г. В.] По поводу собрания сочинений Осипа Мандельштама // Опыты. Н.-Й., 1956. Кн. 6. С. 93).

В период увлечения О. М. греч. *античностью* для него актуализировалась роль И. как знатока, переводчика и интерпретатора соответствующих текстов: в стих. «На каменных отрогах Пиерии...» (1919) О. М. «тщательно использовал книгу Иванова» «Алкей и Сафо» (1914) (где представлены переводы И. из Сафо и Алкея) (см.: Тарановский. С. 125 и далее; см. также: Левинтон). «Литературным источником» стих. О. М. «Возьми на радость из моих ладоней...» (1920) послужил «отрывок из “Послания на Кавказ” Вячеслава Иванова» (см.: Тарановский. С. 140 и далее).

В последний раз О. М. (вместе с Н. М.) посетил И. в Баку в июне 1921 (в 1924 И. навсегда покинул СССР). В дневнике М. С. Альтмана зафиксирована весьма сдержанная оценка И. тогдашней поэзии О. М. [«...стихи, очень сильные технически, чем он и славится» (Альтман. С. 69); ср. с отзывом И. об О. М. (лето 1924), приведенным в дневнике П. А. Журова: «Ну скажите, кто есть в поэзии? Один Кузмин. Кузмина я люблю. Немного Мандельштам» (см.: Субботин. С. 228)]. В дневнике Альтмана со слов И. пересказан монолог, обращенный к нему О. М.: «Я думал <...>, что Вы мне скажете обо всем происходящем, и вот Вы говорите мне, что решительно ничего не знаете, не видите и не понимаете. Я называю это священным катарактом» (Альтман. С. 69). По-видимому, бакинская встреча с И. внесла определ. коррективы в чувства, к-рые по отношению к нему испытывал О. М.: в серии статей и заметок О. М. нач. 1920-х гг., оценивавших вклад модернизма (и *символизма*, в частности) в отеч. поэзию, об И. говорилось хотя и с уважением, но не без едкости (ср. в мемуарах об О. М., написанных С. И. *Липкиным*: «...поругивал Вяч. Иванова» – Мандельштам и его время. С. 309).

Включив в заметке «Выпад» (1923) И. в список рус. поэтов «не на вчера, не на сегодня, а навсегда» (2. С. 409), О. М. дал развернутую характеристику его творчества в ст. этого же года «Буря и натиск»: «Вячеслав Иванов более народен и в будущем более доступен, чем все другие русские символисты. Значительная доля обаяния его торжественности относится к нашему филологическому невежеству. Ни у одного символического поэта шум словаря, могучий гул наплывающего и ждущего своей очереди колокола народной речи не звучит так явственно, как у Вячеслава Иванова, – “Ночь немая ночь глухая”, “Мэнада” и проч. Ощущение прошлого как будущего роднит его с Хлебниковым. Архаика Вячеслава Иванова происходит не от выбора тем, а от неспособности к относительному мышлению, то есть сравнению времен. Эллинистические стихи Вячеслава Иванова написаны не после и не параллельно с греческими, а раньше их, потому что ни на одну минуту он не забывает себя, говорящего на варварском родном наречии» (2. С. 292; отзвук этой мандельшт. характеристики И. присутствует в позднейшем стих. О. М. «Батюшков» (1932): «Наше мученье и наше богатство, / Косноязычный, с собой он принес / Шум стихотворства и колокол братства».

Однако в написанной годом раньше заметке с «гумилёвским» заглавием «Письмо о русской поэзии» (1922) О. М. высказался об И. куда более иронично: «От космической поэзии Вячеслава Иванова, где “даже минерал произносит несколько слов”, осталась маленькая византийская часовенка, где собрано уцелевшее великолепие многих сгоревших храмов» (Там же. С. 237). Источник цитаты внутри этой характеристики И. был впервые установлен С. В. Василенко и Ю. Л. Фрейдиным (см.: День поэзии. М., 1981. С. 194) – О. М. использовал издеват. цитату из «Бесов» Ф. М. *Достоевского*, пересказывающего сумбурную поэму Степана Верховенского [подробнее см.: Лекманов О. А. По поводу источника одной цитаты (к теме: «Мандельштам и Вячеслав Иванов») // Лекманов. 2000. С. 561–64]. Эта параллель также ясно прослеживается в поэтике воспоминаний Н. М., в тех ее частях, к-рые касаются образа И. (см. об этом: Аверинцев. С. 240).

Реминисценции из статей и стихов И. встречаются в поэзии О. М. 1920–30-х гг. (см.: Ronen. P. 45–48, 173–174 (о «Грифельной оде», 1923, О. М. и «Бороздах и межах» И.; см. также: P. 349–350 – об И. и стих. О. М. «1 января 1924»); Лекманов. Осип Мандельштам и Вячеслав Иванов. С. 109–110), а также в его поэтологич. эссе «Разговор о Данте» (1933) (см.: Ronen. P. 48; Лекманов. Мотивы... С. 127). Вероятно, в творч. полемике с И. создавались переводы О. М. из Ф. *Петрарки* (см.: Венцлова). Неск. неожиданно отзвуки знаменитой «Менады» И. обнаруживаются в одном из последних дошедших до нас стихотворений О. М. «На откосы, Волга, хлынь, Волга, хлынь...» (1937) (И. В. Кукулин – устное наблюдение).

Соч.: Собр. соч.: В 4 т. Брюссель, 1979–87; Письма О. Э. Мандельштама к Вячеславу Иванову / подгот. текста, вступ. ст. и примеч. А. А. Морозова // Зап. ОР ГБЛ. М., 1973. Вып. 34.

Источники: Герцык Е. К. Воспоминания. П., 1973; Одоевцева И. В. На берегах Невы // Звезда. 1988. № 3; Альтман М. С. Разговоры с Вячеславом Ивановым. СПб., 1995; Пяст В. А. Встречи. М., 1997.

Лит.: Герцык Е. К. Воспоминания. П., 1973; Левинтон Г. А. «На каменных отрогах Пиэрии: материалы к анализу» // RL. 1977. Vol. 2. P. 123–170; Vol. 3. P. 201–237; Купченко В. П. Осип Мандельштам в Киммерии // ВЛ. 1987. № 7; Блинов В. Вячеслав Иванов и возникновение акмеизма // Cultura e memoria: Atti del terzo Simposio Internationale dedicato a V. Ivanov. II. Testi in Russo. Firenze, 1988; Тименчик Р. Д. «Камень», 1913 // Памятные книжные даты. 1988. М., 1988; Ласунский О. Г. Мандельштам и книга // ЖиТМ; Мец А. Г. Комментарий // Камень. 1990; Аверинцев С. С. Были очи острее точимой косы... // НМ. 1991. № 1; Венцлова Т. Вячеслав Иванов и Осип Мандельштам – переводчики Петрарки (на примере сонета CCCXI) // РЛ. 1991. № 4; Гаспаров М. Л. Лекции Вяч. Иванова о стихе в Поэтической Академии 1909 г. // НЛО. 1994. № 10; Субботин С. И. «...Мои встречи с вами нетленны...»: Вячеслав Иванов в дневниках, записных книжках и письмах П. А. Журова // НЛО. № 10. 1994; Сегал; Лекманов О. А. Осип Мандельштам и Вячеслав Иванов: заметки к теме // «Свое» и «чужое» слово в художественном тексте. Тверь, 1999; Он же. Мотивы эссеистики Вячеслава Иванова в творческом сознании Осипа Мандельштама // Лекманов. 2000; Мусатов В. В. Две перспективы // Мусатов В. В. Лирика Осипа Мандельштама. К., 2000; Тарановский К. Ф. О поэзии и поэтике. М., 2000; Ронен О. Похороны солнца в Петербурге: О двух театральных стихотворениях Мандельштама // Звезда. 2003. № 5; Ronen O. An approach to Mandelstam. Jerusalem, 1983; Malmstad J. Mandelstam's «Silentium»: A poet's response to Ivanov // V. Ivanov: poet, critic and philopsopher. New Haven, 1986; Terras V. The black sun: Orphic imagery in the poetry of Osip Mandelstam // Slavic & East European Journal. 2001. Vol. 45. № 1. P. 45–60.

Е. В. Глухова, О. А. Лекманов.

ИВА́НОВ Георгий Владимирович (29.10.1894, имение Пуки (Пуке) Сядской вол. Тельшевского у. Ковенской губ. – 26/27.8.1958, Йер, департамент Вар, Франция), поэт, прозаик, мемуарист, критик. Печататься начал в янв. 1910, чуть раньше О. М. (если не принимать в расчет подпис. инициалами два стих. О. М. в журнале «Пробужденная жизнь», 1907). В том же году прочитал в журнале *«Аполлон»* (№ 9, авг.) неск. «“качающихся” туманных стихотворений, подписанных незнакомым именем, и почувствовал толчок в сердце: – Почему это не я написал?» (Иванов Г. В. Собр. соч. Т. 3. С. 88). Однако первая книга И. «Отплытье на о. Цитеру», напечатанная в изд-ве эгофутуристов «Ego» (кон. 1911, на титуле – 1912), следов знакомства со стихами О. М. не содержит. Ее подзаголовок – «Поэзы» – свидетельствует, что к И. *Северянину* И. нек-рое (непродолжит.) время испытывал слабость бóльшую, чем к О. М. Но уже весной 1912 И. официально вышел из «Ректората Академии Эгопоэзии» ради членства в *«Цехе поэтов»*. А после одного из «поэзоконцертов» Северянина сочинил вместе с О. М. пародию: «Кушает сено корова, / А герцогиня – желе...»

На вечере, посв. 25-летию поэтич. деятельности К. Д. *Бальмонта*, 13.1.1912 в кабаре *«Бродячая собака»*, где И. впервые встретился с Н. С. *Гумилёвым*, он должен был видеть и О. М., читавшего там стихи. Официально представил младшего поэта старшему, согласно не всегда достоверным «Петербургским зимам» И., «в своей царскосельской гостиной» Гумилёв (Там же. С. 89) «недели через две» после выхода «Аполлона» с «первыми стихами» О. М. (И. писал о «ноябрьской книжке», очевидно путая № 9 за 1910, в

к-ром опубл. стихотворение О. М., с цитировавшимися им по памяти строчками, с появившимся в нояб. 1911 «Литературным альманахом» изд-ва «Аполлон» за 1912 также со стихами О. М.). Скорее всего, дата непосредств. знакомства – янв. 1912.

Впервые И. упомянул имя О. М. в печати в еженед. «Весна» (1911, № 25), защищая его и поэтов «Аполлона» от нападок П. И. Карпова. Эта позиция отражена и в его частной переписке. 5.9.1912 он писал А. Д. *Скалдину*: «Кроме Ахматовой, Нарбута, Зенкевича, есть в цехе еще хорошие поэты <...>. Это Мандельштам, Моравская...» (НЖ. 2001. № 222. С. 68). Сами стихи О. М. представлялись И. в это время неск. сделанными, но не топорно, как у Скалдина, к-рому в том же письме, оценивая одно из его стихов, И. замечал: «Деланность его не украшена необычайностью или каким-нибудь хитрым выпадом, как деланные стихотворения Мандельштама» (Там же. С. 69). В самом «Аполлоне» обзор «Стихи в журналах 1912 г.» И. заканчивал лестным отзывом о журнале «*Гиперборей*» и, перечисляя лучших его авторов, приводил список 6 канонич. акмеистов: «А. Ахматова, Гумилев, Городецкий, Мандельштам, Нарбут, Зенкевич» (янв. 1913, № 1). Ретроспективно И. (в «Петербургских зимах») о «деланности» стихов О. М. судил неск. иначе: «Стихи были удивительные. Именно удивительные. Они, прежде всего, удивляли» (И в а н о в Г. В. Собр. соч. Т. 3. С. 89). И дальше: ранние стихи О. М. «...переливались, сияли, холодели, как звезды в воде» (Там же).

В «Гиперборее» вышел 2-й сб. И. «Горница» (1914). Он пронизан смутной тревогой молодого человека, попавшего на «пир богов», но не уяснившего вполне, каким образом и зачем он там оказался. Адекватно этот образ поэта уловлен О. М. в стих. «От легкой жизни мы сошли с ума...», завершенном узнаваемым портретом И.: «Тот, у кого тревожно-красный рот / И на глаза спадающая челка». Сомнения в имени адресата этого стихотворения напрасны: дата в автографе (10.11.1913) указывает на день рожденья И. (по новому стилю), а зачеркнутое посвящение «Юрочке милому» – на имя, к-рым называли поэта его домашние и близкие (Георгий и Юрий – одно и то же), не говоря уже о челке и красных (часто еще и подкрашенных) губах, упоминаемых мемуаристами, встречавшими И. в 1910-е гг. Точно так же неатрибутированное письмо О. М. 1913, начинающееся обращением «Юрочка!», надо полагать, адресовано И. (4. С. 21). Еще раньше (1912) написано посв. «Георгию Иванову» стих. О. М. «Царское Село». И. посвятил О. М. стих. «Заезжие балаганщики» (Гиперборей. 1913. № VIII, окт.; в сб. «Вереск», 1916 – под назв. «Болтовня зазывающего в балаган»; в «Горнице» и «Лампаде», 1922 – без посвящения).

Начиная с 1913–14 фиксируются переклички стихов И. со стихами О. М. – диалог, не прекратившийся до конца жизни И. Из ок. 600 стихов И., написанных с той поры, ок. 60 (т. е. каждое десятое) в той или иной степени связаны со стихами О. М. Первое стих. И. с отчетливой параллелью к О. М. – «Все дни с другим, все дни не с вами...» (Гиперборей. 1913. № IX–X, нояб.–дек.): «Но в ресторане и в пролетке, / В разнообразных сменах дня, / Ваш образ сладостно-нечеткий / Не отступает от меня». Это звучит как реминисценция из только что написанного мандельшт. «Кинематографа»: «В дорожном платье, с саквояжем, / В автомобиле и в вагоне, / Она боится лишь погони, / Сухим измучена миражем». Стихотворение О. М. опубл. позже стихотворения И. (в 1914), что может навести на мысль о заимствовании со стороны ст. поэта. Вопрос окончат. решению вряд ли поддается, но степень близости обоих поэтов в эти годы позволяет утверждать возможность знакомства И. со стихами О. М. до их публикации. Как, напр., в аналогич. случае – со стих. «Старинный сервиз» (Литературное приложение к «Ниве». 1914. Т. 3. № 10), в поздних изд. без заглавия: «Кофейник, сахарница, блюдца...» И.: 1-я строфа стихотворения и строки: «Сначала тоненькою кистью / Искусный мастер, от руки, / Чтоб фон казался золотистей, / Чертил кармином завитки», – являются соревновательной реминисценцией из стих. О. М. «На бледно-голубой эмали...»: «Узор отточенный и мелкий, / Застыла тоненькая сетка, / Как на фарфоровой тарелке / Рисунок, вычерченный метко». Стихотворение О. М. опубл. опять же позже ивановского (в 1915), но написано в 1909 и должно было быть известно И. В эти годы оба поэта встречались постоянно: на собраниях «Цеха поэтов», в «Бродячей собаке», в коридорах *Санкт-Петербургского Императорского университета*, куда И. записался вольнослушателем, в редакциях «Аполлона» и «Гиперборея», выступали на одних и тех же лит. вечерах и настолько сошлись, что имели общую визитную карточку: «Георгий Иванов и О. Мандельштам». «Конечно, – комментировал И., – заказать такую карточку пришло в голову Мандельштаму, и, конечно, одному ему и могло прийти это в голову» (И в а н о в Г. В. Собр. соч. Т. 3. С. 320). Однако близость обоих поэтов известную черту не переходила. В приводимых О. А. Лекмановым (Л е к м а н о в. 2000. С. 491–492) «Мемуарах» Р. *Ивнева* гомоэротич. пошиба строфа из стихотворения И., игриво привязанная мемуаристом к О. М., отношения к нему не имеет. Процитированная неточно (у И.: «А спутник мой со мною рядом / Лелеет безнадежный сон. / Не хочет слов, не верит взглядам / И дружбою не утолен»), строфа эта, завершающая стих. «Все дни с другим, все дни не с вами...», напечатана только в «Гиперборе» (1913. № IX–X, нояб.–дек.) и посв. конкретному лицу – А. Г. (А. Л. Грипичу, режиссеру школы В. Э. *Мейерхольда*), близкому приятелю И. тех лет. Если, как утверждает Ивнев, И. в присутствии О. М. «часто читал в “Бродячей собаке” и в других местах» эти стихи, то тут же мог присутствовать «А. Г.», и вообще все это могло быть «комедией», как тот же мемуарист и предполагает (в сб. «Вереск» и посвящение, и строфа убраны). Тем не менее жизнь обоих поэтов была взаимно обозримой, что отражалось и в стихах. Напр., в стих. И. «Французский говор. Блеск эгреток...» («Павловск», 1915) автор слышит ту же речь, что и О. М. в «Летних стансах» двумя годами ранее: «В аллее колокольчик медный, / Французский говор, нежный взгляд...» Схожие размер и тема обоих стихотворений побудили Е. А. *Тоддеса* (Т о д д е с. С. 300) назвать стих. И. «Осенними стансами». Еще раньше обративший внимание на оба стихотворения В. П. Крейд находит, что у О. М. в «Шуме времени» гл. «Музыка в Павловске» «чрезвычайно напоминает» ивановское стихотворение (К р е й д. С. 156–157). Для поэтики И. характерно, что его «заимствования» чаще всего носят «остраняющий» характер: в данном стихотворении – при всем его сходстве со стихотворением О. М. – изменяется направление движения сюжета, смещается действие (из С.-Петербурга в пригород), сдвигается время года (от лета к осени) и т. п.

Соревновательная подтекстовая перекличка – неотъемлемое свойство поэтики И., развитое и усиленное с годами, – выковывалась в диалоге с О. М. В стих. «Какая-то мечтательная леди...» из «Горницы» строчка: «В окне – закат роняет пепел серый», – упрощает образ из стих. О. М. «Поговорим о Риме – дивный град!» (1914): «На дольный мир бросает пепел бурый / Над Форумом огромная луна» (Т о д д е с. С. 301). Однако, поскольку в первой ред. стихотворения О. М. (1913) было: «На дольный мир глядит сквозь облак хмурый», – возможно говорить и об учете О. М. стилистич. достижений И. Не исключено, что в стих. О. М. «Твое чудесное произношенье...» (1917) строчка: «Пусть говорят: любовь крылата...», – напоминает о самом раскритикованном стих. раннего И. «Все в жизни мило и просто...» (из «Вереска»), живописавшем «праздную» жизнь поэта: «Он начал: “Любовь – крылата...” / И строчки не дописал...» Тоддес (см.: Там же. С. 300, 329) указывает на возможную связь образа из «Песни» (1913) И. («...фигуры ветел, / Обрызганных луной») с «Футболом» (1913, опубл. в 1914) О. М. В данном случае усложнен уже образ у И., т. к. у О. М. всего лишь «мундир обрызган» (у «фигуры», играющей в мяч). Сложнее подтекстовая перекличка И. с О. М. в «Литографии» (из сб. «Вереск»), начинающейся строчками: «Америки оборванная карта / <...> / Румяный шкипер спорит без азарта...». Тоддес (см.: Там же. С. 300) предлагает сравнить этого «шкипера» с др. «румяным шкипером» – из «Спорта» О. М. (1914). Какое стихотворение написано раньше, не ясно, скорее всего – мандельштамовское: появление «румяного» лица на «литографии» без дополнит. худож. импульса сомнительно. В таком случае реминисценция полемич., своего рода «контрреминисценция», как и в большинстве случаев у И.: если спорт сам по себе «азартный спор», то у И. одна из сторон «спорит без азарта». Интересен в этом стихотворении еще один подтекстовый диалог И. с О. М.: румяность «шкипера» говорит о его юном возрасте, и сам этот персонаж оказывается дублером образа из др. «спортивного» стих. О. М. – «Теннис» (1913) – «англичанина вечно юного», смирившего свой «грубый пыл». В 1915 И. сам написал стих. «Теннис» (Огонек. 1915. № 25. 21 июня; в сб. «Лампада», 1922, И., убрав заглавие, связь с О. М. приглушил: теперь это стих. «Сквозь зеленеющие ветки...») со строчкой: «Твоя забава не груба», – явно вторящей строчке О. М.: «Кто, смиривший грубый пыл». И это стихотворение написано как в согласии с О. М., так и в оппозиции к нему: игра, напоминающая у О. М. о воен. упражнениях, превращается у И. в игру любовную. Интерес И. к «играм» в годы 1-й мировой войны метонимически замещает саму тему войны, к-рую все же возможно экстраполировать и по стих. «Литография». Заглавие принципиально подразумевает отстраненность автора от изображаемого им события. В то же время в дни войны естествен повыш. интерес к «географии», через к-рую и раскрывается в финале потаенный сюжет: «И жалобно скрипит земная ось». Это адекватно настроению, выраженному в мандельшт. «Европе» (1914): «...на глазах моих / Меняется твоя таинственная карта». Тоддес отмечает (см.: Т о д д е с. С. 302) также мировоззренч. перекличку в стихах И. со ст. О. М. «Утро акмеизма» (1913?), несомненно знакомой И. до ее публикации. «Легки оковы бытия...» – писал И. в стих. «В широких окнах сельский вид...» (1916), что с очевидностью близко к завершающей статью О. М. вольно воспроизвед. цитате из С. М. *Городецкого*: «...Научимся носить “легче и вольнее подвижные оковы бытия”».

В период 1-й мир. войны И. выпустил сб. «Памятник Славы» (1915) в изд-ве журнала суворинского направления «Лукоморье» и много печатался в самом этом журнале, утвердившись в нем как один из ведущих поэтов «русского стиля» (носивший черты экзальтированной возбужденности больше, чем откровения, «style russe» с его тягой к лубочной народности у поэтов-модернистов 1910-х гг. стал общим поветрием). В стихах «лукоморской» ориентации диалог с О. М. затих, точнее говоря, ограничился стилистич. частностями. Так, в стих. «Петроградские волшебства» (Лукоморье. 1915. № 21. 23 мая) строчка: «Священный сумрак белой ночи» – явная реминисценция из «Encyclica» (1914) О. М.: «В священном сумраке исчез»; стих. из «Памятника Славы» «Столица спит. Трамваи не звенят...» в строчках: «Под тусклою недвижною луной / Мерцающего сонно циферблата» – содержит переиначенную метафору из «Нет, не луна, а светлый циферблат / Сияет мне...» О. М. (1912). В то же время начало данного стихотворения И. можно расценить как провозвестие позднего мандельшт. «Не слышно птиц. Бессмертник не цветет» из «Я слово позабыл, что я хотел сказать...» (1920). Все же и на страницы «Лукоморья» по мере утверждения в нем позиций И. прорывалось «петербургское веяние», общее для творцов Серебряного века апокалиптич. настроение людей, «скользящих над бездной». Стих. «Верхарн» (Лукоморье. 1916. № 50. 10 дек.) И. начинает: «Мы все скользим над некой бездной, / Пока не наступает час...» Это близко к мандельшт. «Казино» (1912): «И бездыханная, как полотно, / Душа висит над бездною проклятой» («полотно», хотя и в ином словарном значении, также упомянуто у И.). Конечно, у стихотворения И. есть и более осязаемые пушкинские, тютчевские и блоковские подтексты, но стих. «Казино» вообще входит в подтекстообразующий состав лирики И. (особенно сб. «Сады»).

В год издания сб. «Вереск» И. напечатал в «Аполлоне» в одном номере (1916, № 9/10) со стих. О. М. «Не веря воскресенья чуду...» свои «Имена», открывшие потом (без заглавия) сб. «Сады»: «Где ты, Селим, и где твоя Заира...» Оба стихотворения важны для уяснения филос. смысла постсимволистской конвенции, заключенной против средневек. «реализма» символистов в пользу ср.-век. же «номинализма». Филос. взгляды О. М., писавшего о «русском номинализме», неотчетливы, о филос. взглядах раннего И. вообще говорить затруднительно, но культурная интуиция направляла их именно на этот путь: обращением к единичным сущностям, к «реальному» «преодолевался» мир априорных истин символистов, их «реальнейшее». «Жестокий луч полуденного мира / Оставил сердцу только имена», – писал И. То же самое провозглашал и О. М.: «Нам остается только имя: / Чудесный звук на долгий срок». Оба поэта выражали свойств. всему постсимволизму номиналистич. мысль «universalia post rem» («универсалия после вещи»), противопоставленную символистскому «universalia ante rem». Номиналисты утверждали, что любая универсалия лишь знак, имя – nomen; универсалия бесплотна, она – имя, лишенное «тела», в него не воплотившееся. Из цитируемых стихотворений О. М. и И. составляется единая фраза: «На кладбище гуляли мы, <О. М.> / Где ветер над гробницею Селима <И.>...» Но очень характерно и для И., и для О. М., что их акмеистич. «преодоление символизма» наст.

преодолением не было, оба как минимум об отстраненном (но не утраченном, как свидетельствует их поздняя поэтич. практика) изначальном универс. смысле тосковали. Отсюда – «имена», остающиеся «в сердце», отсюда их «чудесный звук», и в целом – признание правды символистского «реализма», обучение «блаженным» словам, восходящим к Слову.

Все же во времена «Вереска» онтологич. ценностью для И. была мировая культура, а не религ. откровение. Посв. О. М. стих. «Болтовня зазывающего в балаган» написано в точном соответствии с формой франц. баллады, и для И. выдержать ее стиль много важнее, чем выразить ее «вечный смысл». Оживляет текст в таких случаях сарказм, ирония, словом, «игра», дух соревнования. И в данном случае обязательную в балладе «Посылку», содержащую обращение к тому, кому баллада посв., завершает шутка: «лицо» оказывается котом.

Отстраненность от действительности ради поэзии, ставка на долговечность поэтич. слова нек-рое время после прихода большевиков к власти помогали И. сохранять эстетич. корректность. В этом отношении первый вышедший в советское время сб. И. «Сады» (1921) – своего рода шедевр лирич. герметизма, рекордная для рус. поэзии демонстрация отключенности от презренной реальности: «Сходила ночь, блаженна и легка. / И сумрак розовый сгущался в синий, / И мне казалось, надпись по-латыни / Сейчас украсит эти облака». Наст. время этого стихотворения – «Еще шумит адмиралтейский тополь» – подключено к уже свершившемуся в поэзии О. М.: «В столице северной томится пыльный тополь» («Адмиралтейство», 1913). Реальность представлена в «Садах» как театрализ. действо: «Небо точно занавес. Природа / Театральной нежности полна» («В середине сентября погода...»). Но еще более театрализован появившийся вслед за «Садами» сб. О. М. «Tristia» (1922).

Насыщенность культурными подтекстами «Садов» обнажается, если прочитать их как скрытый диалог с О. М. Полно параллелей к стихам О. М. стих. «Наконец-то повеяла мне золотая свобода, / Воздух полный осеннего солнца и ветра и меда...». Эхо стих. «Сестры – тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы...» (1920), с «золотой заботой», «солнцем» и подразумеваемым «медом» («тяжелые соты»), слышится здесь сразу. В стих. «Уже бежит полночная прохлада...» строчки: «Но я люблю лучи иной Авроры / <...> / Туманный луч, позолотивший горы, / И дальний вид в широкое окно» – едва ли не парафраз строчек: «Но я люблю на дюнах казино, / Широкий вид в туманное окно / И тонкий луч на скатерти измятой...» Важно и другое: мандельшт. «тонкий луч», мелькнув у И. в стих. «Легкий месяц блеснет над крестами забытых могил, / Тонкий луч озарит разрушенья унылую груду...», функционально освещает совершенно разл. сцены. По замечанию Крейда (см.: К р е й д. С. 127), И. рисует романтич. пейзаж во вкусе художников нач. 19 в., у О. М. речь идет о мимолетных прелестях совр. бытия. Обыгрываются в «Садах» и общие для обоих поэтов лермонтовско-оссианич. мотивы («перекличка вороны и арфы» у О. М. в «Я не слыхал рассказов Оссиана...» и «кличет ворон – арфе отвечая» у И. в «Я слушал музыку, не понимая...»), обновленные подтекстами из Э. *По*, и т. д. Причем в книге реминисценции иногда приглушеннее, чем в первонач. вариантах. Это относится, напр., к образу «зеленой звезды», отсылающей к «На страшной высоте блуждающий огонь...» (1918) О. М. В стих. «Я не пойду искать изменчивой судьбы...» фраза: «...в холодной синеве / Далекая звезда трепещет и пылает», – корректирующая мотив из О. М., в 1-й ред. (Ипокрена. 1918. № 2–3) имела в тексте именно «зеленую» (а не «далекую») звезду. Доминирующий в «Садах» интертекстуальный мотив становления как «превращения форм» (или «феноменов»), как и у О. М., является рецепцией обуявшего поэтов Серебряного века под влиянием Ф. *Ницше* чувства «вечного возвращения».

Последней собств. книгой И., изданной на родине, стала «Лампада». Открывающее сборник стих. «Из белого олонецкого камня...» написано как «подводящее итоги», «программное». Уже упоминание «камня» настраивает увидеть в стихотворении перекличку с О. М. Декларация И. определялась популярной в рус. иск-ве вообще (и актуализированной М. А. *Кузминым* с акмеистами в частности) мечтой об «опрощении», а также принципиальной дистанцированностью от современности. В лит. отношении текст И. являлся рефлексией на стих. А. А. *Ахматовой* «Я научилась просто, мудро жить...» (1911, опубл. в 1913), но еще в большей степени – на стих. О. М. «Я не увижу знаменитой “Федры”...» (1915), завершающее «Камень». «Удивительные стихи», – сказал о них сам И., живописуя их чтение автором на вечере в *Тенишевском училище* (см.: И в а н о в Г. В. Собр. соч. Т. 3. С. 203). В мандельшт. 5-стопный нерифмованный ямб И. вкладывал смысл, продолжавший и опровергавший образец: «Когда бы грек увидел наши игры», он обнаружил бы едва ли не то же, что видел у себя: «простые образцы» «высокого и ясного искусства». Этот патриотич. подтекст сильно отзовется в ностальгич. всплесках лирики И. эмигрантского периода.

Своевольно и произвольно стилизов. «жизнь» в ранних текстах И. всегда носит несколько романич. характер. Если О. М. «Тучков Буян» в «Петербургских строфах» (1913) видится «складом пеньки», то И. – непременно мрачным «дворцом Бирона» («Тучкова набережная», 1916; «Не время грозное Петра...», 1916). Кристаллизовалась эта тенденция в «полубеллетристических фельетонах», по аттестации самого И., «Китайских теней» и «Петербургских зим», но заметна с первых лит. шагов. Наглядно она проявилась в «мемуарных» изображениях О. М. как смешного, нелепого существа, но зато пишущего «божественные» стихи. Вызвавшие самые резкие, уничижит. по отношению к И. отповеди Ахматовой, М. И. *Цветаевой*, Н. Я. *Мандельштам*, «мемуары» поэта направлены на упрочение пушкинского тезиса о художнике как человеке, ничтожнейшем «меж детей ничтожных мира», но лишь до того мгновения, когда «божественный глагол / До слуха чуткого коснется...» Эта старая, разрабатывавшаяся, в частности, нем. романтиками концепция, явила себя и в эссеистике, и в стихах И. довольно резко. Отзывы И. о самих строчках О. М. («божественных по-моему», как отозвался о них поэт в письме к В. Ф. Маркову от 9.8.1956), выражают тот же постулат: «...О Мандельштаме как-то особенно позаботилась недобрая фея, ведающая судьбами поэтов. Она дала ему самый чистый, самый “ангельский” дар и бросила в мир вполне голым, беззащитным, неприспособленным...» (Там же. С. 88). И дальше: «Такого беспримесного проявления всего существа поэзии <...> (во всем, во всем, даже в клетчатых штанах), – я еще не видал в жизни» (Там же. С. 90). Даже и

о внешности О. М.: «Закроет глаза – аптекарский ученик. Откроет – ангел». Надо ли продолжать? «При всем этом он был похож чем-то на Пушкина...» (Там же. С. 201).

Цветаева была раздосадована в своей «Истории одного посвящения» тем, что появление «одного из лучших русских стихотворений» («Не веря воскресенья чуду...»), как его определил И. в «Китайских тенях», якобы навеяно сомнит. флиртом, а не ею самой, не Цветаевой. В любых комментариях это должно быть учтено – и учтено давно. Но для И. «стихи» – в соответствии с обозначенной концепцией – всегда выше «биографии». И главное в его «фельетоне» – тезис: «одно из лучших русских стихотворений» создано в стане «детей ничтожных мира». Исходя из подобного представления о правде, И. отвечал своим критикам в 1930: «Ни одного слова о Мандельштаме я не выдумал...» (Там же. С. 319).

Критич. замечания И. о главном, о стихах О. М. редки и носят оценочно-профессиональный характер. В рец. на альм. 3-го «Цеха поэтов» «Дракон» (1921) И. писал: «Стихи О. Мандельштама неровны. Рядом с отличными строчками попадаются довольно плохие. В “Черепахе” больше хороших, чем плохих, строк, а в “Tristia” перевес на стороне неудачных. Неосмотрительно со стороны поэта печатать рядом два стихотворения, в каждом из которых попадается эпитет “простоволосый”, оба раза в неожиданном сочетании (“простоволосые жалобы” и “простоволосая трава”). Из-за этого не только пропадает эффект неожиданности, но и оба эти образа приобретают, как всякое механическое, хотя бы и редкое, соединение, привкус фальши. Неприятна своей дешевой риторичностью последняя строфа “Черепахи”» (О новых стихах // Дом искусств. 1921. № 2).

Диалог И. с О. М. не прекращался и даже усиливался И. в поздние годы, когда О. М. уже не было рядом, а потом и не стало в живых. О зависимости лирики И. от чужих образцов, о ее «цитатности» писали практически все рецензенты его книг, всегда – отрицательно. Или, в лучшем случае, как С. Я. *Парнок*, сообщившая в рец. на «Вереск», что О. М. приходится И. «почтенным дядюшкой» [Северные записки. 1916. Июль–авг. С. 238 (под псевд. Андрей Полянин)]. Важнее отметить другое: вслед за старшими – И. Ф. *Анненским*, М. А. *Кузминым* и А. А. *Блоком* – О. М. занимает первое место среди совр. ему поэтов, с к-рыми «переимчивый» И. вступал в диалог.

При всей беллетризованности «мемуарных» очерков И. несомненно одно: не только дорев., но и порев. жизнь И. в Петрограде тесно сплеталась с жизнью О. М. Круг общения сохранился прежним, «обогатившись» заработками в изд-ве *«Всемирная литература»*, общим бытом *Дома искусств*, выступлениями в *Доме литераторов*, в Доме ученых, в театре-кабаре *«Привал комедиантов»*, участием в сб. нового «Цеха поэтов» и *«Нового Гиперборея»*... Именно на квартиру к И. пришел О. М. в первую очередь, когда вернулся из странствий по Крыму, Кавказу и после эпизода с Я. Г. *Блюмкиным* в Москве (рассказанным И. в «Петербургских зимах» все-таки не «с чужих слов», как уверяет Н. М., а «со слов» самого О. М., даже если это «со слов» приходится брать в кавычки). Совм. с И. создавались нек-рые юмористич. экспромты О. М. (напр., «Умеревший офицер», записанный в «Чукоккалу»), да и собственно мандельшт. тексты такого рода сохранились отчасти благодаря И., вынесшему их в парижских газетах на страницы «Китайских теней» и «Петербургских зим»: «Сын Леонида был скуп. Говорил он, гостей угощая...» [«принимая» – в публ. «Сатирикона» (1931, № 12); обе редакции отличаются от печатающихся в сочинениях О. М. по др. источникам], «Путник, откуда идешь? – Я был в гостях у Шилейки...» (также разночтение в изданиях О. М.), «В девятьсот двенадцатом, как яблоко румян...», «Это есть художник Альтман...», «Не сожалей, что тебе задолжал я одиннадцать тысяч...» (все в: Звено. 1924. № 87. 29 сент.), «Не унывай...» (Дни. 1926. 4 апр.). И сам О. М. становился объектом шутливых сочинений И., фигурирует в стих. «Сейчас я поведаю, граждане, вам...» (дек. 1920), «Басня» (нач. 1921), «Баллада об издателе» (1921). И. (совм. с Гумилёвым) принадлежит также шуточный моностих об О. М.: «Пепли плечо и молчи – вот твой удел, Златозуб». Не менее существенно, что благодаря ст. И. «Осип Мандельштам» (1955) атрибутировано одно из двух первых, опубл. под псевд., стихов О. М.: «Тянется лесом дороженька пыльная...» (1907).

«Петербургского» О. М. ценил И. прежде всего, твердо предпочитая его ранние стихи поздним: «Творческую смерть, приближающуюся к нему в советской Москве, он как бы заклинает именем былого нашего Петербурга, где им были созданы самые просветленные, самые чудесные стихи» [о стих. «Я вернулся в мой город, знакомый до слез...» в ст. «Осип Мандельштам» (Иванов Г. В. Собр. соч. Т. 3. С. 623)]. Безошибочно определяя авторство О. М. уже в поздние годы, в эмиграции, куда доходили неавториз. списки его стихов (напр., стих. «За гремучую доблесть грядущих веков...»), И. писал С. К. *Маковскому* в 1955: «По моему твердому убеждению, это стихотворение отнюдь не “приписывалось”, а очень мандельштамовское (хотя и слабое, но характерное его)». И тут же обобщал: «И, мне кажется, я прав – лучший Мандельштам – это нашего времени, а потом все было хуже и хуже...» (РГАЛИ. Ф. 2512. Оп. 1. Ед. хр. 243. Л. 5–6). Эта концепция отчетливо проведена в подводящей итоги суждениям И. об О. М. ст. «Осип Мандельштам»: «Творчество Мандельштама после “Tristia” из года в год, как со ступеньки на ступеньку, неизменно понижается... 1923 годом еще помечен ряд замечательных стихотворений. Мандельштам на перепутье. Он пишет то акмеистический “Век”, то его антипода, абстрактную “Грифельную оду”. <...> Но и там и тут безошибочное блестящее мастерство говорит само за себя» (Иванов Г. В. Собр. соч. Т. 3. С. 620). Причины «нисхождения» О. М. объяснены так: «Мандельштама физически уничтожила советская власть. Но все же он вышел на большую литературную дорогу одновременно с укреплением этой власти. <...> “Героика” взятия Зимнего дворца и всевозможных планетарных планов сливалась в одно с торжеством кубизма и футуризма. От Мандельштама, ставшего в этой атмосфере одним из учителей поэзии, его новая аудитория, естественно, ждала революционного искусства. Ждала как раз того, что Мандельштам, прирожденный классик, органически не мог дать. Это было плохо. Еще гораздо хуже было то, что это неисполнимое требование к своей поэзии со все возрастающим упорством стал проявлять он сам. <...> Мандельштам – это видно из каждой его строчки – как был, так и остался целомудренно честен в творчестве. Обманывать он и не хотел и органически не был способен. Зато со все возрастающей энергией упорства он старался обмануться сам» (Там же. С. 620, 622–623).

После отъезда О. М. в Москву, а – главное – после смерти Блока и гибели Гумилёва всякая лит. деятельность в Петрограде потеряла для И. смысл. И хотя его положение в послерев. годы было сравнительно не самым дурным (он продолжал печататься, зарабатывал переводами, стал секр. Союза поэтов), И. искал пути на Запад. Издав «Посмертные стихи» Гумилёва (1922), заехав в нач. осени 1922 в Москву, где последний раз встретился с О. М., поэт добился «командировки» в Берлин «для составления репертуара государственных театров».

В 1923 И. переселился в Париж, жил сравнительно обеспеченно, печатался в ведущих эмигрантских изданиях, состоял неизменным секр. «Зеленой лампы» Мережковских. Однако все вокруг представлялось ему «не тем»: «Читателей у нас нет, Родины нет, влиять мы ни на что не можем...» Лишь оставленный в последних числах сент. 1922 Петроград годами насылал из тумана живительные образы. «В то же время, – продолжал И., – самый простодушный из нас “блажен”, “заживо пьет бессмертие” и не только вправе – о б я з а н глядеть на мир “со страшной высоты”, как дух на смертных; <...> ключи страдания и величия России даны эмигрантской литературе...» («Без читателя», 1931) (Там же. С. 539).

«Страшная высота» – это из лексики О. М. и Блока. С их тенями и ведется диалог. Выпущенный в 1931 в Париже сб. «Розы» весь насыщен обоими поэтами, и «Летит зеленая звезда...» («Когда-нибудь и где-нибудь...») в нем – из того же стих. «На страшной высоте блуждающий огонь...». В стих. «Теплый ветер веет с юга...» из сб. «Розы» есть «обычная» фраза: «Умирает человек». Но для стихов она совсем не обычна, отсылает к оставшемуся в России О. М., к его «На театре и на праздном вече / Умирает человек» («Веницейской жизни, мрачной и бесплодной...», 1920; тут же спародирована И.: «Милицейской жизни, мрачной и бесплодной...»). В стих. «Прислушайся к дальнему пенью...» «печальная дочь океана», бывшая в 1-й ред. (Дни. 1926. № 1057. 18 июля) «прекрасной», тоже явилась из О. М.: «...океана дочь / Стоит прекрасная» («Американка», 1913).

Тоддес отметил (см.: Т о д д е с. С. 305, 329) синхронность переживаний обоих навсегда разделенных границей поэтов: «Как скучно и все же как хочется жить...», – начинается стихотворение в сб. «Розы»; «Душно – и все-таки до смерти хочется жить», – писал О. М. в «Колют ресницы. В груди прикипела слеза...». Дата, поставленная под стихотворением О. М., – «4 марта 1931» – практически совпадает со временем выхода «Роз». Эта синхронность – следствие стремления И., быть может, бессознательного, к встрече с О. М. В сердце автора «Роз» «Вдруг чудным загорается огнем / Навстречу звездному лучу – ответный» («От синих звезд, которым дела нет...»). Этот «чудный огонь» «...холодно скользит к границе мира, / Чтобы скреститься там с лучом другим», – лучом, направленным из стих. О. М. «Как кони медленно ступают...» (1911): «Подбросило на повороте / навстречу звездному лучу» (см.: Там же. С. 303).

Выпустив в 1937 «Отплытие на остров Цитеру», избранное, с назв., отсылающим к первой книге, И. замолк как поэт на 7 лет – как бы перенимая «эстафету молчания» от О. М., не писавшего стихов неск. лет в кон. 1920-х гг. Главное в «Отплытии...» автор все же сказать успел: «И полною грудью поется, / Когда уже не о чем петь» («Душа человека. Такою...»). Предпоследнее стихотворение сборника – рефлексия на названные позже «божественными» строки О. М.: «Все исчезает – остается / Пространство, звезды и певец!» («Отравлен хлеб, и воздух выпит...», 1913). Через 20 лет предпоследнее стихотворение последней, уже не увиденной поэтом, книги («1943–1958. Стихи»), отсылало к тем же самым мандельшт. строкам: «Стихи и звезды остаются, / А остальное – все равно!» («Туман. Передо мной дорога...», 1957).

Звучащая в «Отплытии...» христ. тема спасения не имеет у И. положит. решения: не спасает «музыка», вообще «гармония». Жизнь художника обречена именно потому, что это жизнь художника. В иное, «соборное», измерение она не переходит. В стих. «Музыка мне больше не нужна...» (1931) «музыка» «и не может ничему помочь». После «И не надо помогать» из «Хорошо, что нет Царя...» эта сентенция становится сопутствующей лирич. переживанию И. данностью, отличной от обычного объективного суждения, каким оно представлено у О. М. в «Домби и сыне» (1913): «На стороне врагов законы: / Ему ничем нельзя помочь!» Много ближе она более позднему стихотворению О. М.: «Потому что смерть невинна / И ничем нельзя помочь, / Что в горячке соловьиной / Сердце теплое еще» («Что поют часы-кузнечик...», 1918). И, конечно, финалу «Пешехода» (1912): «И музыка от бездны не спасает!» Даже и тогда, когда И. использует стихи др. авторов, напр. С. Я. *Надсона*: «Непроглядная ночь, как могила, темна!..» – из стих. «Умерла моя муза!.. Недолго она...», то его «В непроглядную ночь мировой пустоты» («...Облетают белила, тускнеют румяна...», 1930) обращены скорее к «бархату всемирной пустоты» из «В Петербурге мы сойдемся снова...» О. М., чем к цитируемому в этом стихотворении не только косвенно, но и прямо Надсону. Тут важен уже не подтекст, а контекст, и «черный бархат советской ночи» из того же стихотворения О. М. в др. стихотворении И. – «Гаснет мир. Сияет вечер...» (1932) – переосмысляется так: «Черным бархатом на плечи / Вечность звездная легла». Вообще обращение И. в поздних стихотворениях к России есть чаще всего и обращение к О. М. Так, в стих. из «Отплытия...» «Россия счастие. Россия свет...» строчка: «И не растают никогда снега» – отсылает к «Посоху» (1914) О. М.: «А снега на черных пашнях / Не растают никогда». Соль, однако, в том, что сюжетное движение начинается у И. ровно в ту минуту, в к-рую герою «Посоха» оно представляется завершенным: «Мне, увидевшему Рим!» И. демонстрирует взгляд «из Рима». Перекличка с О. М. сохраняется в «Отплытии...» и на лексич. уровне. В следующем же стих. «Только всего – простодушный напев...» строка: «В тысячу раз тяжелей и нежней», – по наблюдению Тоддеса (см.: Там же. С. 305), эхо из «Сестры – тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы...» О. М. В таком содержат. понятии, как понятие о «душе», символика И. тоже продолжает оставаться в границах символики О. М. В стих. из «Отплытия...» «Я тебя не вспоминаю...» у него «Вьется ласточкой душа». Восходя к «Ласточке» Г. Р. *Державина*, к «Ласточкам» А. А. *Фета* и т. д., – в интертекстуальной бесконечности – ближайшим образом представление о «душе-ласточке» опирается на О. М. Как и у него, являясь «жилицей двух миров», «ласточка» в контексте «Отплытия...» еще сильнее, чем у автора «Когда Психея-жизнь спускается к теням...» и «Ласточки» («Я слово позабыл, что я хотел сказать...»), акцентирует

рискованную для христианина тему «смертности» «души-христианки».

В «Распаде атома» (Париж, 1938) – книге, любимой самим И., его «поэме в прозе» – автор писал о неизбежной границе, к-рой 20 в. отделил совр. иск-во от традиции прошедших веков: художник теперь не вправе утешать зрителя вымышл. красотой и заставлять его проливать слезы над вымышл. судьбами. «Парижская нота», объявленная Г. В. *Адамовичем* во Франции новой мерой рус. стихов и извлекавшаяся из ивановской лирики par excellence, предполагала возврат к первоосновам бытия, к мандельшт. «тяжести недоброй»: «Тишина благодатного юга, / Шорох волн, золотое вино... // Но поет петербургская вьюга / В занесенное снегом окно, / Что пророчество мертвого друга / Обязательно сбыться должно» («Четверть века прошло за границей...», 1950). Не нужно заглядывать в эпиграф («В Петербурге мы сойдемся снова...»), чтобы установить имя этого «мертвого друга». Видение «мертвого друга» преследовало И. с нач. 1930-х гг., с той поры, когда в Париж перестали поступать достоверные сведения об О. М.: «Тише, тише. За полярным кругом / Спят, не разнимая рук, / С верным другом, с неразлучным другом, / С мертвым другом, мертвый друг» («Только звезды. Только синий воздух...», 1931). «Друг» в поздних стихах И. – это и есть О. М., как понятно уже по сб. «Розы». В стих. «Грустно, друг. Все слаще, все нежнее...» (1926, со специально измененным «брата» на «друга» в «Розах») финал – «И в последний раз в пустые очи / Звезд бессмертных – погляди» – отчетливо ориентирован на образы из «В Петербурге мы сойдемся снова...»: «ночи» – «очи», «пустые очи» – «всемирная пустота», «звезды бессмертные» – «бессмертные цветы», там и там – «розы».

Непосредств. связи были утрачены, кажется, к счастью для И. Ни одного доброго слова о себе от друзей юности он не услышал бы. На родине суждения о деятельности И. были категоричными. «Г. Иванов пишет в парижских газетах “страшные пашквили” про нее и про меня», – сообщает О. М. жене 11.11.1925 со слов Ахматовой (Собр. соч.-2. Т. 4. С. 48). Дальнейшие отзывы и того хуже. Ахматовские приговоры ни обсуждению, ни отмене не подлежали.

В разгар Великой Отеч. войны 1941–45 первое, о чем спрашивал И. в письме к перемещенному из СССР в Германию *Иванову-Разумнику*, – это о судьбе О. М. От него в 1942 он и узнал о смерти поэта. И вся его новая, в 1943–44 поднявшаяся – и до смерти докатившаяся лирич. волна держится во многом на воображаемом диалоге с «мертвым другом» (см. стихи «Голубизна чужого моря...», «Мне весна ничего не сказала...», «Паспорт мой сгорел когда-то...» и др.).

После войны И. выпустил лишь один сб. – «Портрет без сходства» (1950). Жил совсем плохо. Последние три с половиной года (с февр. 1955 до смерти) провел с женой, И. В. *Одоевцевой*, в интернациональном пансионате на юге Франции, в Йере. После изысков Серебряного века жизнь в стихах И. послевоен. периода предстала обескураживающе понятной. Эта лирика воистину не страшится быть «глуповатой» – настолько ее создатель свободен и умен. На самом деле она, конечно, ничуть не «глуповата», а пленительно, горестно проста: «Что-то сбудется, что-то не сбудется. / Перемелется все, позабудется... // Но останется эта вот, рыжая, / У заборной калитки трава...» Такими элементарными строчками открывается «Портрет...» – об оставленных берегах Невы, о С.-Петербурге с его «...травкой, которая пробивается из-под городских камней», как его описывал О. М. в ст. «Слово и культура» (1921). «Но черемуха услышит / И на дне морском простит», – поставил И. эпиграф из О. М. к стих. «Это было утром рано...» (1954).

В последней книге И., вышедшей через неск. дней после его смерти, – «1943–1958. Стихи» – «Скрипящая в трансцендентальном плане, / Немазанная катится телега» («Полутона рябины и малины...»). Катится, можно сказать, «среди скрипучего похода мирового», описанного О. М. Место поэта здесь – высшее. И – несчастное: «Только слабо блеснула корона / На несчастной моей голове» («Мне весна ничего не сказала...»). Корону И. примерял не как действующий «королевич» поэзии рус. рассеяния, но погружаясь в прошлое, вызывавшее в памяти Царскосельский вокзал С.-Петербурга, судьбу и стихи Анненского, Блока... Г. И. Мосешвили видит здесь отсылку к стих. О. М. «О свободе небывалой...» (1915); в нем «верность» возлагает корону на «свободу» (Собр. соч. Т. 1. С. 410). Аллегорий И. не любил. Но «мертвого друга», оставившего ему «пророчество», любил. Так что не ложно истолковать все стихотворения И. как диалог между поэтом, оставшимся верным «Петербургу», и поэтом, обручившимся со «свободой как законом».

В 1911 О. М. написал стих. «Дождик ласковый, мелкий и тонкий...» с таким финалом: «Полон музыки, Музы и муки / Жизни тающей сладостный плач!» Стихотворение не было напечатано ни при жизни О. М., ни при жизни И. Если И. не помнил его с юных лет, то тем значительней представляется его, конгениальный этим строчкам, последний «сладостный плач»: «Что угодно – только кончи разом / С мукою и музыкой земли!» («Все на свете пропадает даром...», 1954).

Есть в последнем сборнике И. стих. «Голубизна чужого моря...», из двух строф, с такой последней: «...Фитиль, любитель керосина, / Затрепетал, вздохнул, потух – / И внемлет арфе Серафима / В священном ужасе петух». Очевидная аллюзия на пушкинское стих. «В часы забав иль праздной скуки...» показалась критикам И. «кощунственной». Это не так. «Кощунства» этого стихотворения направлены против «кощунств» истории. Оно – такой же ответ высокому адресату, как стихотворение А. С. *Пушкина* – ответ на обращенное к нему послание митрополита Филарета о смысле жизни. Но еще существеннее в стихотворении И. аллюзия на др. стихотворение Пушкина – «Так море, древний душегубец...». Неназванный конфидент стихотворения И. – О. М. Постоянная внутр. перекличка с ним подкреплена здесь аллюзией на отношения Пушкина с П. А. Вяземским, на их диалог о судьбе Н. И. Тургенева, по слухам, арестованного за границей и морем отправленного в Россию. Море у И. стало «эмблемой горя», точь-в-точь как у Пушкина воспетая им и Вяземским «свободная стихия» превратилась в «древнего душегубца». Шокирующая замена пушкинского «поэта» на «петуха» в данном случае знак синонимичности этих слов. «Петух» И. отсылает к мандельшт. «петуху, глашатаю новой жизни», равно как и передает манеру поэта читать стихи, по-петушиному запрокинув голову. «Петух» этот вообще не простой, он «кричал уже в Овидиевых тристиях», по выражению О. М. в ст. «Слово и культура». И без всяких иносказаний: «Фитиль» – первый лит. псевд. О. М.

Как никакого др. поэта, его можно было бы назвать и «любителем керосина», постоянно поминаемого в его стихах, где «переулочки коптили керосинкой». Спорно, известны ли были И. в 1954–55, когда было написано его стихотворение, «главные» стихи О. М. о «керосине», прежде всего, стих. «Мы с тобой на кухне посидим...» (1931, опубл. в 1961 – за границей). Списки мандельшт. поздних стихов ходили по рукам, и И. специально, как явствует из его писем, ими интересовался. Похоже, что стих. «Голубизна чужого моря...» явилось рефлексией именно на стих. «Мы с тобой на кухне посидим...». Стихотворение О. М. – об исчезновении, о бегстве «...на вокзал, / Где бы нас никто не отыскал». Чем ему может – и хочет – ответить тот, кому бегство удалось? Конечно, дружеским утешением. Но смысл этого утешения печален. Печален по-пушкински: «Судьба людей повсюду та же...» Повторяющиеся вздохи О. М. о «нереидах на Черном море», о пространствах, «Где обрывается Россия / Над морем черным и глухим», его почти крик: «На вершок бы мне синего моря, на угольное только ушко!» – доносились до И. на берегах гибельного «чужого моря». На эти, некогда интимно ведомые ему самому, стенания он и отвечает. Диалог с О. М. на подтекстовом уровне отражен у И. в отсылке ко времени их последней встречи, когда было написано стих. «Я слушал музыку, не понимая...»: в нем арфе отвечает не петух, но ворон – близнец мандельшт. ворона из «Я не слыхал рассказов Оссиана...».

Соседствуя со слегка велеречивой, «петушиной» торжественностью О. М., семантически преднамеренно обедненная строфа позднего И. выигрывает в акустике и вся держится на звучании раскатов культурного эха, отзвуках Анненского, Блока и О. М. Напоминая о боли и скрывая ее, его лирика как бы оправдывает нашу грешную жизнь и грешную плоть. Именно грешную, а не просто жизнь и не просто плоть. Его поздние стихи продиктованы жаждой апофатич. доказательства осязаемости живой воды божественного Слова и навсегда затмили сверкание тех «стекляшек», к-рыми блистала его ранняя лирика: «То, о чем искусство лжет, / Ничего не открывая, / То, что сердце бережет – / Вечный свет, вода живая... // Остальное пустяки. / Вьются у зажженной свечки / Комары и мотыльки, / Суетятся человечки, / Умники и дураки».

Эти переживания и образы адекватны тем, что возникли у О. М. в «Четвертой прозе»: «Только дикое мясо, только сумасшедший нарост». «Ворованный воздух» изгнания.

Соч.: Собр. соч.: В 3 т. М., 1994; Стихотворения. СПб., 2005 (НБП); Georgij Ivanov / Irina Odojevceva. Briefe an Vladimir Markov. 1955–1958. Köln; Weimar; Wien, 1994.

Источники: Одоевцева И. На берегах Невы. Washington, 1967; Она же. На берегах Сены. П., 1983; Н. Я. Мандельштам. Т. 1; Лукницкий П. Н. Acumiana: Встречи с А. Ахматовой. 1924–25. П., 1991. Т. 1; О. Мандельштам в «Мемуарах» Рюрика Ивнева // «Сохрани мою речь»-1; Цветаева М. История одного посвящения // Цветаева М.. Собр. соч.: В 7 т. М.. 1994. Т. 4; Встреча с эмиграцией: Из переписки Иванова-Разумника 1942–1946 годов. М.; П., 2001.

Лит.: Герман Эм. Георгий Иванов. «Сады» // Новый путь. Рига, 1922. 15 янв.; Марков В. Русские цитатные поэты: Заметки о поэзии П. А. Вяземского и Г. Иванова // To Honor Roman Jakobson. The Hague, 1967; Богомолов Н. А. Талант двойного зренья // Иванов Г. Стихотворения. Третий Рим. Петербургские зимы. Китайские тени. М., 1989; Крейд В. Петербургский период Георгия Иванова. Tenafly, 1989; Витковский Е. В. «Жизнь, которая мне снилась» // Иванов Г. В. Собр. соч.: В 3 т. / коммент. В. К. Крейда и Г. И. Мосешвили. М., 1994; Тименчик Р. Д. Георгий Иванов как субъект и объект // НЛО. 1995. № 16; Тоддес Е. А. Наблюдения над текстами Мандельштама // Тыняновский сб.: Шестые–Седьмые–Восьмые Тыняновские чтения. М., 1998. С. 300–305; Лекманов О. А. По сравнению с 1913-м годом: Об одном «ерундовом» стихотворении Мандельштама // Лекманов. 2000; Ронен О. Поэтика О. Мандельштама. СПб., 2002; Арьев А. «К несуществующим, но золотым полям...» // Эткиндовские чтения: Сб. I. СПб., 2003; Он же. Пока догорала свеча: Примеч. // Иванов Г. Стихотворения. СПб., 2005 (НБП); Agushi I. The poetry of Georgij Ivanov // Harvard Slavic Studies. Vol. V. 1970; Markov V. Georgy Ivanov: Nihilist as light-bearer // The Bitter Air of Exile: Russian Writers in the West 1922–1972. Berkley; Los Angeles; London, 1977.

А. Ю. Арьев.

ИВАНОВ-РАЗУМНИК (наст. фам. и имя Иванов Разумник Васильевич) [13.12.1878, Тифлис (ныне Тбилиси, Грузия) – 9.6.1946, Мюнхен, Германия], критик, публицист, журналист, историк рус. лит-ры и обществ. мысли, мемуарист. В своей деятельности пытался совмещать народнич. мировоззрение с веяниями модернизма. В журнале *«Заветы»* (фактически руководимом И.-Р.), в № 5 за 1913, была помещена представит. подборка стихов акмеистов, в т. ч. О. М. (впрочем, в этом же номере устами лит-веда А. С. Долинина об О. М. говорилось, что он «еще под сомнением»; см.: Заветы. 1913. № 5. С. 162).

«Злободневную аллюзию, направленную против группы “Скифы”», к-рую возглавлял И.-Р., содержит стих. О. М. «Кассандре» (1917): «На скифском празднике, на берегу Невы» (см.: Тоддес Е. А. Поэтическая идеология // ЛО. 1991. № 3. С. 35). Поворот О. М. к признанию Окт. рев-ции 1917, совершившийся в нач. 1918, ознаменовался публикацией его стих. «Прославим, братья, сумерки свободы...» (под заглавием «Гимн») в левоэсеровской газете *«Знамя труда»* (24.5.1918), лит. отделом к-рой заведовал И.-Р.

Мемуарно-аналитич. статью И.-Р. об А. А. *Блоке*, помещенную в сб. «Памяти Александра Блока. Андрей Белый. Иванов-Разумник. А. З. Штейнберг» (Пг., 1922), О. М. подразумевал в своей заметке «А. Блок (7 августа 21 г. – 7 августа 22 г.)», когда писал о «болотных испареньях русской критики, тяжелом и ядовитом тумане Иванова-Разумника» и др. авторов блоковских некрологов (2. С. 252).

В 1926 И.-Р. и О. М. с Н. Я. *Мандельштам* нек-рое время были соседями по Детскому (бывшему Царскому) Селу, о чем И.-Р. с иронией сообщал в письме к А. *Белому* от 15.11.1926: «...В лицее живет (заходил возобновить знакомство) Мандельштам, по-прежнему считающий себя первым поэтом современности» (цит. по: Андрей Белый и Иванов-Разумник: Переписка. СПб., 1998. С. 410). Во время этого единств. визита между И.-Р. и О. М. состоялся идеологич. спор о допустимости террора: «Иванов-Разумник <...> преисполнился чем-то очень похожим на презрение, узнав, что Мандельштам последовательно отрицает всякий террор, против кого бы он ни направлялся. Как это ни странно, но в те годы отрицание террора воспринималось как переход на позиции большевиков» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 44).

Разумник Васильевич Иванов-Разумник

В 1928–29, в конфликте О. М. с бывшим народником А. Г. *Горнфельдом*, И.-Р. безоговорочно встал на сторону Горнфельда, к-рому он, в частности, 8.4.1929 отослал, напечатанный в «Известиях» фельетон О. М. «Потоки халтуры», сделав к этому фельетону след. комментарий: «Осип Мандельштам пишет pro domo mea (в свою защиту. – *О. Л.*), не вспоминая, однако, истории с романом де-Костера» (цит. по: Мусатов В. В. Лирика О. Мандельштама. К., 2000. С. 305).

О. А. Лекманов.

ИВАСК Юрий Павлович [1.9(по др. сведениям, 12.11). 1907(по др. сведениям, 1910), Москва – 13.2.1986, Амхерст, штат Массачусетс, США], рус. эмигр. поэт, эссеист и педагог. Отец – Павел Георгиевич И. – из эстонских немцев; дядя – известный книговед У. Г. Иваск [см. о нем: Удо Георгиевич Иваск (1878–1922): Библиография / 2-е, доп. изд. / сост. Е. У. Кульпа-Иваск. Таллинн: Aleksandra, 2001]; мать (урожд. Евгения Александровна Фролова, 1878–1965) – из моск. купцов (см.: НРС. 1965. 5 дек.). В 1920 семья переехала в Эстонию, в Ревель (ныне Таллин, Эстония), а потом в Юрьев (ныне Тарту,), где И. в 1926 закончил гимназию, а в 1932 – юрид. ф-т Тартуского ун-та. Работал налоговым инспектором в Печорском р-не. Состоял в таллинской «Гильдии поэтов»; вместе со С. Л. Шлифштейн основал лит. журнал «Русский магазин», в единств. выпуске к-рого (1930) участвовали А. М. *Ремизов* и Б. Ю. Поплавский. В 1932 был арестован и впоследствии выслан из Таллина. Встречался: в Эстонии – с И. *Северяниным*, в Латвии – с И. В. Чинновым, в Париже (1938) – с М. И. *Цветаевой*, З. Н. *Гиппиус* и Д. С. *Мережковским*. Переписывался со мн. рус. писателями. В очерке «Новь» (Современные зап. 1923. Кн. 23) Гиппиус использовала письма И., не называя его имени (см.: Богомолов Н. А. От Пушкина до Кибирова. М., 2004. С. 343; там же опубл. два ее письма к И. 1924 и 1925). В 1938 в Варшавском изд-ве «Священная лира» тиражом 100 экз. выпустил свою первую поэтич. книгу «Северный берег. Стихи 1933–1936». По одним сведениям, во время Великой Отеч. войны 1941–45 находился в Эстонии и был мобилизован в эстонскую дивизию СС (см.: То, что вспоминается: Из семейных воспоминаний Николая Ефремовича Андреева. Таллинн, [1986]. Т. II. С. 173), по другим – служил в эстонской полиции и сотрудничал в таллиннской газете «Северное слово» (см.: Ковалёв Б. Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941–1944. М., 2004. С. 342). В кон. войны, вместе с отступавшими немцами, попал в Германию; в лагере для перемещенных лиц работал пом. санитара (сам И. утверждал, что был вывезен в Германию накануне войны). В 1943 женился на Тамаре Георгиевне Межак (1916–1982). В 1945 поступил на отделение славистики Гамбургского ун-та, где проучился до 1949.

В 1949 эмигрировал в США и начал свою академич. карьеру в Гарварде (дис. на тему «Вяземский как литературный критик», 1954). В 1955 получил гражданство США и степень PhD в Гарвардском ун-те. Преподавал рус. литературу в Калифорнийском, Беркли (1956), Канзасском (1956–60), штата Вашингтон, Сиэттл (1960–68) и Вандербильтском (1968–69) ун-тах, проф. и руководитель отд. славистики в Массачусетском ун-те, Амхерст (1969–77, летний семестр 1974 – гостящий проф. Фрайбургского ун-та, ФРГ). Автор поэтич. и литературоведч. книг, многочисл. статей, эссе и рецензий на самые разные темы, ред. антологии эмигрант. поэзии «На Западе» (1953) и сочинений Г. П. Федотова (1952), К. Н. *Леонтьева* (1955) и В. В. *Розанова* (1956). Активно сотрудничал с изд-вом им. Чехова, в 1955–58 редактировал журнал «Опыты» (Нью-Йорк); постоянный сотрудник НЖ, НРС, РМ, «Современника», Slavic Review, SEEJ, «Zeitschrift für Slavishe Philologie», а также радиостанций «Свобода» и «Радио Ватикан».

О. М. был любимым поэтом И. Еще в кон. 1940-х гг. в Гамбурге он переписал для себя 2-е изд. «Камня». Им написана вступит. ст. «Дитя Европы» к т. 3 изд.: Мандельштам О. Э. Собр. соч.: В 3 т. (Т. 4 дополнит.). Ваш.; Мюнх.; П., 1967–81; ряд др. статей, посв. О. М., а также рецензии на издания его сочинений и литературу о нем. В неопубл. ст. «Триады в стихотворениях Б. Пастернака, М. Цветаевой и Мандельштама» вводит понятие «триады», понимая под ними тройные повторы существительных (типа «туманом, ветром и дождем»). В 1959 И. задумал и, заручившись финанс. поддержкой Канзасского ун-та, в течение лета и осени 1960 осуществил уникальную для того времени экспедицию по сбору данных по устной истории – т. н. проект «Акмеизм», суть к-рого сводилась к магнитофонной записи и расшифровке интервью с писателями и др. видными представителями рус. эмиграции (сами интервью брались в Париже, Мюнхене, Базеле, Стокгольме и Ницце; собранные в ходе экспедиции магнитофонные записи до сих пор не обнаружены). О. М. был одной из гл. тем переписки И., в частности с такими корреспондентами, как Г. В. *Адамович*, А. В. Бахрах, Г. П. *Струве* и др. (одной из подробно обсуждавшихся и лишь отчасти отразившихся в опубл. текстах тем было влияние Ж. де *Нерваля* на О. М., о чем впоследствии писалось в: Топоров В. Н., Цивьян Т. В. Нервалианский слой у Ахматовой и Мандельштама (об одном подтексте акмеизма) // Ново-Басманная, 19. М., 1991. С. 420–447). И. особенно дорожил и гордился единств. письмом, полученным им осенью 1976 от Н. Я. Мандельштам, а также копией ее более раннего письма к Н. А. *Струве*, где она называла И. в качестве одного из возможных хранителей *Архива О. Э Мандельштама* в США, куда, согласно ее воле, архив переправлялся из Франции (см. ст. *Принстонский университет*). По одной из легенд, И. умер, разволновавшись на чьей-то лекции об О. М.: «Последний раз хотел что-то сказать, не смог и упал без чувств» (см.: Блинов. С. 292).

Соч.: Рец. на: О. Мандельштам. Собрание сочинений / Под ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. 1955 // Опыты (Н.-Й.), 1956. № 6. С. 89–92; То же: Вестник Института по изучению СССР. Мюнх., 1956. № 2/19; Rev.: To же // Books Abroad. Vol. XXX. № 3. С. 294–295. С. 127–130; [Мандельштам]. Стихи. // По Советскому Союзу: Еженедельный обзор Комитета Радио Свобода. 14.8.1964. С. 9 (перепеч.: Содружество. Из современной поэзии Русского зарубежья / сост. Т. Фесенко. Ваш.: Изд. В. П. Камкина, 1966. С. 220; Иваск Ю. Хвала. Стихи. Ваш.: Изд. В. П. Камкина, 1967. С. 53); Рец. на: О. Мандельштам. Собр. соч. под редакцией Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. 1964. Т. 1. // НЖ. 1966. № 82. С. 287–290; Рец. на: О. Мандельштам. Собр. соч. под редакцией Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. 1966. Т. 2. // Там же. 1967. № 88. С. 223–227; Дитя Европы. О поэзии Осипа Мандельштама // Мандельштам О. Собр. соч. под редакцией Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. 1966. Т. 3. С. I–XXI; Rev.: Brown C. The Prose of Osip Mandelshtam // The Slavonic and East European Journal. Vol. X. 1966. P. 341–342; Эпоха Блока и Мандельштама: (О новой русской поэзии) // Мосты. Мюнх., 1968. Кн. 13/14. С. 109–227; Rev.: Sobranie sochinenii. By Osip Mandelstam. Ed. by G. P. Struve and B. A. Filippov. 2nd. Ed. Vol. 1 // Slavic Review. 1970. Vol. 29. P. 155–156; Христианская поэзия Мандельштама // НЖ. 1971. № 103. С. 109–123; Антология петербургской поэзии эпохи акмеизма. München: W. Fink Verlag, 1973 (совм. с W. H. Tjalsma); Исповедь горячего сердца: О воспоминаниях Н. Я. Мандельштам // НЖ. 1973. № 111. С. 36–46; Рец. на: D. Koubourlis. A Concordance to the Poems of O. Mandelstam // Там же. 1975. № 119. С. 287–288; Венеция Мандельштама и Блока // Там же. 1976. № 122. С. 113–126; Воронежский Мандельштам (стихи) // Там же. 1978. № 132. С. 113; «Воронежские тетради» Осипа Мандельштама // НРС. 1980. 18 мая; Повесть о стихах. N. Y., 1987; Похвала российской поэзии: Эссе / Сост. Уно Шульц; пред. Д. Бобышева. Tallinn: Aleksandra, [2002]. С. 149–156; Письма, записи из дневника // Письма запрещенных людей: Литература и жизнь эмиграции 1950 – 1980-е годы: По материалам архива И. В. Чиннова. М., 2003. С. 602–628; Mandelstam on Belyj [Мандельштам о Белом] // Гнозис/Gnosis. I. N. Y., 1978. P. 93–105 (на англ. яз.).

Архивы: Amherst College. Center for Russian culture. Jurii (George) P. Ivask papers; Beineke Rare Books and Manuscripts Library, Yale University, New Haven, USA. George Ivask Papers GEN MSS 93.

Лит.: Дукельский В. Ю. П. Иваск и его работы // НРС. 1965. 20 июня; Евдокимов В. Игра пера и подвиг вдохновенья: «маньеризм» и трагизм «играющего человека» // ВР(С)ХД. 1978. № 127. С. 131–141; Бобышев Д. Слово об Иваске; Блинов В. Памяти Ю. П. Иваска; Перелешин В. Юрий Иваск // НЖ. 1986. Кн. 163. С. 282–295; Небольсин А. Юрий Павлович Иваск; Чиннов И. В. Памяти Иваска // НРС. 1986. 2 марта; Письмо [Н. М.] Ю. П. Иваску // НМ–3. П., 1987. С. 332; Пономарева Г. Проблема национального самоопределения писателей-оптантов (случай Юрия Иваска) // Культура русской диаспоры: Саморефлексия и самоидентификация / Материалы международного семинара. Tartu, [1997]. С. 339–353; Нерлер П. М. Материалы об О. Э. Мандельштаме в американских архивах // Россика в США: 50-летию Бахметьевского архива Колумбийского университета посвящается / Материалы к истории русской политической эмиграции. Вып. VII. М., 2001. С. 90–123; Богомолов Н. А. Проект «акмеизм» // НЛО. 2003. № 58. С. 140–180 [см. также: Бобышев Д. О ненормативной этике (открытое письмо Н. А. Богомолову); Богомолов Н. А. В редакцию «Нового литературного обозрения» // НЛО. 2003. № 63. С. 437–439); Из архива редактора «Опытов» / публ. А. Н. Богословского, комм. О. А. Коростелева // Литературоведческий журнал. 2003. № 17. С. 182–227; Сто писем Георгия Адамовича к Юрию Иваску (1935–1961) / публ. Н. А. Богомолова // Диаспора. П.; СПб., 2003. [Т.] V. С. 402–557; Dienes, Laslo. On the poetry of Yurii Ivask // World Literature Today. 1979. Vol. 53. P. 234–237.

Н. А. Богомолов, П. М. Нерлер.

ИВИЧ Александр (наст. фам. и имя Ивич-Бернштейн Игнатий Игнатьевич) [18(30).8.1900, Хабаровск – 18.12.1978, Москва], писатель, критик, литературовед, очеркист, издатель. Благодаря ст. брату, лингвисту С. И. *Бернштейну*, еще в гимназич. годы вошел в круг филологов, создателей формального метода, выступил с докладом в Обществе изучения поэтич. языка (ОПОЯЗ) (1916), был дружен с В. Б. *Шкловским*, Б. М. *Эйхенбаумом*, Ю. Н. *Тыняновым*. После Февр. рев-ции 1917 служил в охране Временного правительства, был пом. коменданта Гос. думы.

К кон. 1910-х – нач. 1920-х гг. относятся его первые лит. знакомства: с О. М. (в *Доме искусств*), В. Ф. *Ходасевичем*, М. А. *Кузминым*, А. А. *Ахматовой*, В. В. *Маяковским*, М. М. *Зощенко* и др. В 1920 И. основал в Петрограде изд-во «Картонный домик», за 3 года своего существования выпустившее неск. значит. книг, в т. ч. сб. «Об Александре Блоке» (1921), что явилось первой попыткой осмыслить роль А. А. *Блока* в истории рос. словесности, неизданные стихотворения И. Ф. *Анненского*, поэму «Аврора» Г. Маслова. После закрытия изд-ва работал в Ин-те истории искусств (1923–27). В 1930–40-х гг. занимался журналистикой, печатал очерки в газетах «За индустриализацию» и «Экономическая жизнь». В то же время заинтересовался детской литературой, выступал в печати с критич. статьями на эту тему. И. – автор ряда книг для детей и подростков: «Приключения изобретений» (1930), «Художник механических дел» (1958, 2007), а также критич. работ и монографий, посв. истории и теории литературы для детей. С первого до последнего дня Великой Отеч. войны 1941–45 находился в действующей армии в качестве воен. корреспондента, награжден боевыми орденами и медалями. В 1949 объявлен космополитом, а на одном из закрытых писательских собраний был назван А. А. Фадеевым «врагом № 1 в детской литературе», что в обстоятельствах того времени означало гражд. смерть.

Дружеские отношения И. с О. М. и Н. Я. *Мандельштам*, возникшие в 1920-х гг., не прерывались на протяжении всей его жизни. В 1937 О. М. и Н. М. тайно ночевали у И. в запрещенной для них Москве (см.: Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 443). В авг. 1946, после опубликования «Постановления о журналах “Звезда” и “Ленинград”», вызвавшего панику в лит. кругах, Н. М. передала И. через Бернштейна б. ч. архива О. М. – машинопись полного собрания его стихов 1930-х гг., известных ей к тому времени, а также 58 автографов и 19 стихотворений в машинописи. Архив О. М. хранился у И. в течение последующих 11 лет – «все опасные годы послевоенного периода» (Там же. С. 857). Всякий раз, приезжая в Москву, Н. М. работала в доме И., дополняя корпус материалов и внося в него исправления, в результате чего был составлен, по ее выражению, «единственный проверенный и правильный экземпляр ненапечатанных стихов» О. М. (из письма Н. М. к автору от 9.8.1954; архив С. И. Богатыревой). Сохранился рабочий экз., в к-ром на-

Александр Ивич

считывается 126 сделанных Н. М. поправок (т. н. «Список Ивича»). Его ценность в том, что он дает уникальную возможность восстановить процесс работы Н. М. над созданием корпуса, к-рый впоследствии был предложен издателям, зафиксировал последовательность вносимых ею в текст изменений, отразил ее колебания и сомнения, что, в свою очередь, позволяет исследователям анализировать характер сделанных исправлений. 9.8.1954 Н. М. составила 2 письма-завещения на имя дочери И. (С. И. Богатыревой), передающие ей права распоряжаться хранившимися в доме текстами О. М. «Я хотела бы, чтоб вы считали себя полной собственницей их, как если бы вы были моей дочерью или родственницей. Я хочу, чтобы за вами было закреплено это право», – писала она (Богатырева. 1992. С. 270; факсимильно воспроизведено в: О. и Н. Мандельштамы. С. 380–381). В 1957, когда возникла надежда на издание книги стихов О. М., Н. М. телефонным звонком распорядилась передать архив Н. И. *Харджиеву*. И. счел такой путь недостаточно надежным и передал сохраненный им архив в Комиссию по лит. наследию О. М. через ее секр. Е. Я. *Хазина* по описи, что поначалу вызвало неудовольствие Н. М., а впоследствии – благодарность за проявленную предусмотрительность (экз. описи, заверенный Хазиным, находится в архиве Богатыревой и опубл. в: ВЛ. 1992. № 2. С. 259).

Лит.: Богатырева С. И. Завещание // ВЛ. 1992. № 2. С. 250–76; Она же. Воля поэта и своеволие его вдовы // «Отдай меня, Воронеж...». С. 360–77; Об Ахматовой.

С. И. Богатырева.

ИВНЕВ Рюрик (наст. фам. и имя Ковалев Михаил Александрович) [11.2. 1891, Тифлис (ныне Тбилиси, Грузия) – 19.2.1981, Москва], поэт, переводчик, мемуарист. В юности примыкал к футуристам, в 1920-х гг. – к имажинистам. С О. М. познакомился «в 1913 году на одном из литературных вечеров» (Ивнев Р. Образ, временем сожженный. С. 143). В 1910-х гг. поэты регулярно встречались в *«Бродячей собаке»* (подробнее см.: О. Мандельштам в «Мемуарах» Рюрика Ивнева. С. 40–42). 2-е изд. своей кн. «Камень» (1916) О. М. подарил И. с надписью: «Рюрику Ивневу с нежным увещанием быть поэтом – Осип Мандельштам Москва 25 янв. 1916» [Камень. 1990. С. 280; эту книгу И. позднее оценивал как лучшее, что было написано О. М.: «“Камень” – это безукоризненное» ([Беседа В. Д. Дувакина с Рюриком Ивневым] // О. и Н. Мандельштамы. С. 65).

В отличие от О. М., И. сразу и безоговорочно принял Окт. рев-цию 1917, что не помешало О. М. поддерживать с ним вполне дружеств. отношения (см.: Минувшее. Вып. 16. М.; СПб., 1994. С. 140). 16.12.1917 О. М. и И. участвовали в «Вечере поэтов» в пользу комиссии по устройству общедоступных бесед об иск-ве при Союзе деятелей иск-ва (Наш век. 1917. 15 дек. Хроника). В Москве, летом 1918, О. М. и И. были соседями по гостинице «Метрополь». В сер. февр. 1919 О. М. уехал из Москвы в Харьков, где встретился с И. Оттуда поэты в кон. марта – нач. апр. 1919 перебрались в Киев, где вместе посетили Киево-Печерскую лавру (О. Мандельштам в «Мемуарах» Рюрика Ивнева. С. 46). Впоследствии И. подарил О. М. свою имажинистскую кн. «Солнце во гробе» (1921), заглавие к-рой знаменательно перекликается с соответствующими мотивами стих. О. М. «В Петербурге мы сойдемся снова...» (1920), со следующей дарств. надписью: «Дорогому Осипу Эмильевичу в память украинской эпопеи с братской любовью. Рюрик Ивнев. 26.11.21. М<осква>» [«Сохрани мою речь»-3(2). С. 83; нач. строки «Какая боль. Какая тишина» из стих. «Как все пустынно...», вошедшего в эту книгу, совпадает с зачином строки «Какая боль – искать потерянное слово» из «1 января 1924» О. М. (Ronen. P. 258)]. Прибыв в Батум в авг. 1919, О. М. в переговорах с местными властями о выдаче ему паспорта назвал имя И. в числе своих друзей (см.: Мандельштам О. Э. Возвращение // Собр. соч-2. Т. 2. С. 314).

В 1920–30-х гг. И. встречался с О. М. в Батуми и в Москве, о чем оставил беллетризованные, часто расходящиеся с действительностью, восп.

Соч.: У подножия Мтацминды. М., 1973. С. 44, 51; Воспоминания о Н. А. Клюеве // Байкал. 1984. № 4. С. 136–138; Первопутье // Дружба. 1986. № 2. С. 98, 104; № 3. С. 115–117, 122, 123; Образ, временем сожженный. М., 1991.

Лит.: Цветаева А. И. Драгоценная достоверность [О. М. в пов. Р. Ивнева «Пережитое»] // Знамя. 1987. № 11. С. 235–237; О. Мандельштам в «Мемуарах» Рюрика Ивнева // «Сохрани мою речь»-1; Ronen O. An approach to Mandelstam. Jerusalem, 1983.

О. А. Лекманов.

«**ИЗВЕСТИЯ**» [с 28.2(13.3).1917 в Петрограде, с 1918 в Москве], ежедн. обществ.-полит. газета. Назв. менялось. Издавалась ЦИК и Петросоветом, с 1922 – ЦИК СССР и ВЦИК под назв. «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», с 1938 – Президиумом Верховного Совета СССР под назв. «Известия Советов депутатов трудящихся СССР», в 1977–91 – «Известия Советов народных депутатов СССР». С 1991 учредитель – журналистский коллектив газеты «И.». С 1960 имела 2 выпуска – вечерний и утренний. В советское время, наряду с «*Правдой*», являлась ведущим в стране печатным органом, имела репутацию более либеральной газеты, нежели «Правда».

В 1922–23, когда редакция «И.» располагалась на Тверской ул., 48 (совр. № 18) и гл. ред. был Ю. М. Стеклов, и в 1929, когда редакция переехала в свое нынешнее здание по Б. Путинковскому пер., 5 (совр. Пушкинская пл., 5) и временно исполняющим обязанности ред. был И. М. Гронский, О. М. неоднократно печатался в «И.». Впервые О. М. упомянут в «И.» 5.9.1922 в анонсе готовившейся в *Госиздате*, но так и не вышедшей книги стихов О. М. «*Аониды*». «И.»

рецензировали две книги О. М., вышедшие в 1928, – «Стихотворения» (6.7.1928, рецензент – В. Василенко) и «О поэзии» (27.9.1928, рецензент – М. Зингер). Наиб. известная публ. О. М. в «И.» – его ст. «Потоки халтуры» (7.4.1929), посв. катастрофич. положению в деле перевода иностр. худ. лит-ры на рус. яз. и необходимости радикальных перемен в этом деле. Однако 7.5.1929 в «Литературной газете» появился фельетон Д. И. Заславского «О скромном плагиате и развязной халтуре», преподносящий дело так, что все то, что так не по нраву О. М.-критику, является обычной практикой самого О. М.-переводчика, якобы «воспользовавшегося» предшествующими переводами А. А. *Горнфельда* и В. Н. Карякина в выпущенном под своим именем переводе ромена Ш. де Костера «Тиль Уленшпигель». Тем самым критика издат. дела в целом, с к-рой выступил О. М., была переадресована ему самому. 13.5.1939 «Литературная газета» поместила два письма в редакцию: одно – самого О. М. (где, в частности, говорится: «Опубликование же всякого рода заведомо ложных, неполных, неточных или подтасованных сведений, а также порочащих человека немотивированных сопоставлений называется клеветой в печати. Так называется поступок со мной гр. Заславского...»), а другое – в защиту О. М., подписанное пятнадцатью изв. писателями (Н. А. Адуев, Л. Л. *Авербах*, Э. Г. *Багрицкий*, К. Л. Зелинский, Вс. В. Иванов, М. М. *Зощенко*, В. П. *Катаев*, М. Э. Козаков, Л. М. Леонов, Ю. К. Олеша, Б. Л. *Пастернак*, Б. А. Пильняк, И. Л. *Сельвинский*, А. А. Фадеев, К. А. *Федин*). Заславский ответил новым «Письмом в редакцию», где полностью процитировал «Переводческую стряпню» Горнфельда, а также некое частное письмо О. М., где тот просил у Горнфельда снисхождения и предлагал ему деньги – во избежание огласки (ЛГ. 1929. 20 мая). Одноврем. дело было передано в Конфликтную комиссию Федерации объединений советских писателей (ФОСП), занявшую сначала примирительную, а затем враждебную по отношению к О. М. позицию; разбирательство переросло со временем в травлю поэта, несмотря на то что Моск. губсуд отказал Карякину в его иске к изд-ву *«Земля и фабрика»* и к поэту на том основании, что мандельшт. обработка «является совершенно самостоятельным произведением» (Вечерняя Москва. 1929. 17 июня). 5 июля Заславский напечатал в «Правде» новую статью против О. М. («Жучки и негры»), где описывалась эксплуатация одних писателей («негров») другими («жучками»). Созданная ФОСП Комиссия для разбора обвинений, предъявленных О. М. «Литературной газетой», выработала свое заключение лишь в дек. 1929, признав ошибочность публикации фельетона Заславского и одноврем. моральную ответственность О. М. Взбешенный таким заключением, О. М. написал «Открытое письмо советским писателям», по существу являющееся первой ред. «Четвертой прозы»; в нем, в частности, говорилось: «Какой извращенный иезуитизм, какую даже не чиновничью, а поповскую жестокость надо иметь, чтобы после года дикой травли, пахнущей кровью, вырезать у человека год жизни с мясом и нервами, объявить его “морально ответственным” и даже ни словом не обмолвиться по существу дела... Я ухожу из Федерации советских писателей, я запрещаю себе отныне быть писателем, потому что я морально ответственен за то, что делаете вы» (4. С. 130).

Др. публикации О. М. в «И.» – «Как растет хлебов опара...» (23.9.1922), «Севастополь» (2.11.1923), «Крымские впечатления» (15.11.1923).

В 1931 в «И.» нек-рое время подрабатывала Н. Я. *Мандельштам* (см. письмо О. М. Е. Э. *Мандельштаму* от июля–авг. 1931 в: Собр. соч.-2. Т. 4. С. 144). В нач. 1934, когда гл. ред. «И.» стал Н. И. *Бухарин*, с к-рым О. М. был хорошо знаком, поэт неоднократно посещал его в редакции (А. П. Короткова, секр. Бухарина, выведена О. М. в «Четвертой прозе» в качестве «белочки-секретарши»).

После ареста О. М. 14.5.1934 в «И.», к Бухарину, бросился Б. Л. *Пастернак* просить за О. М.

Источники: [Б. п.]. Художественная литература [в Госиздате] // Известия. 1922. 5 сент. [О готовящемся сб. стихов О. М. «Аониды»]; [Б. п.]. Памяти поэта: [Вечер в ЦДЛ] // Там же. 1987. 23 марта; Полянов ский Э. Как умирал Осип Мандельштам // Там же. 1991. 22 февр.; «Пусти меня, отдай меня, Воронеж....»: 70 лет назад началась воронежская ссылка Осипа Мандельштама: Интервью с П. Нерлером / страницу подготовил С. Нехамкин // Там же. 2004. 25 июня.

П. М. Нерлер.

ИЛЬФ И. и ПЕТРОВ Е. (псевдонимы), писатели, соавторы в 1927–37, Илья Ильф (наст. фам. и имя Файнзильберг Илья Арнольдович) (4.10.1897, Одесса – 13.4.1937, Москва) и Евгений Петров (наст. фам. и имя Катаев Евгений Петрович) (30.11.1903, Одесса – 2.7.1942, погиб в авиакатастрофе при возвращении из Севастополя в Москву). П. – родной брат В. П. *Катаева*. С О. М. познакомился в 1923–24 в Москве, возможно, в редакции газ. *«Накануне»*, где оба печатались (знакомство О. М. с И. также состоялось в Москве, во 2-й пол. 1920-х гг.).

В заметке «Веер герцогини» (1928) О. М. сетовал на недооценку критикой романа И. и П. «Двенадцать стульев»: «Широчайшие слои сейчас буквально захлебываются книгой молодых авторов Ильфа и Петрова, называемой “Двенадцать стульев”. Единственным откликом на этот брызжущий веселой злобой и молодостью, на этот дышащий требовательной любовью к советской стране памфлет было несколько слов, сказанных т. Бухариным на съезде профсоюзов. Бухарину книга Ильфа и Петрова для чего-то понадобилась, а рецензентам пока не нужна. Доберутся, конечно, и до нее и отбреют как следует» (2. С. 501–502; в действительности доклад был прочитан Н. И. *Бухариным* на совещании рабселькоров; см.: Нерлер П. М., Никитаев А. Т. Комментарий // 3. С. 641). Ср. также в мемуарах Э. Г. *Герштейн* о восприятии О. М. книги И. и П.: «Ему не надо было заглядывать в нее, чтобы цитировать. Он знал наизусть, что оркестр, игравший в московской пивной, состоял из “Галкина, Палкина, Малкина, Чалкина и Залкинда” <...> Он повторял и повторял эти фамилии (Галкина, Палкина, Малкина, Чалкина и Залкинда), выделял на разные лады слог “да” и хохотал, хохотал» (Герштейн. С. 20; у И. и П. речь идет не об оркестре из пивной, а о театр. оркестре).

Целый ряд мотивов «Двенадцати стульев» перекликается с соответствующими образами произведений О. М. Среди них, напр., мотивы стульев и цветочков, старухиной птицы, мороженщика с сундуком (Щеглов. // Двенадцать стульев. С. 26, 495, 598; см. также: Лурье. С. 161–162). По не слишком достоверным сведениям, исходящим от

Илья Ильф и Евгений Петров

А. А. Коваленкова, именно О. М. подал И. и П. «мысль включить в их сатирическую эпопею образ создателя современной “Гаврилиады”» – поэта-халтурщика Ляписа Трубецкого (Коваленков. С. 10; подразумевается шуточное стих. О. М. «Любил Гаврила папиросы...»; обоснованные сомнения см. в: Щеглов. // Двенадцать стульев. С. 592, 595). Ср. также мотив спрятанных драгоценностей, общий для «Двенадцати стульев» и заметки О. М. «Я пишу сценарий» (1927) (2. С. 458; С. Г. Шиндин – устное наблюдение).

Еще более значимы и многочисленны совпадения между произведениями О. М. и романом И. и П. «Золотой теленок». Это и перекличка шутки о братьях Гонкурах из предисловия к «Золотому теленку» с альбомным стих. О. М. «Скажу ль...» (1925), и параллель между «интеллигентскими» рассуждениями Лоханкина и Парнока (из «Египетской марки» О. М.), и выражение «узник частного капитала» из «Золотого теленка», восходящее к формуле «мученики частного капитала» из очерка О. М. «Киев», и описания прокуренной комнаты в «Золотом теленке» и прозе О. М. «Шум времени» (Щеглов. // Золотой теленок. С. 331, 482, 544, 593; см. также: Жолковский), и сходство фам. «акушерки» «Медузы-Гаргонер» в «Золотом теленке» с фам. «женщины-врача Страшунер» из 6-й главки «Египетской марки».

Весной 1937 П. материально помог О. М. и Н. Я. *Мандельштам*, страдавшим от хронич. безденежья. Н. М. вспоминала: «Нам не на что было жить, и мы вынуждены были ходить по людям и просить помощи. Часть лета мы прожили на деньги, полученные от Катаева, Жени Петрова и Михоэлса» (Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 392).

Источники: Герштейн.

Лит.: Коваленков А. А. Хорошие, разные...: Литературные портреты. М., 1966; Лурье Я. С. «Летит кирпич...»: Последние годы жизни И. Ильфа // Звезда. 1990. № 4; Жолковский А. К. Замятин, Оруэлл и Хворобьев: О снах нового типа. Попытки «зависти» у Мандельштама и Булгакова // Жолковский А. К. Блуждающие сны: Из истории русского модернизма. М., 1992; Щеглов Ю. К. Комментарий // Ильф И. А., Петров Е. П. Двенадцать стульев. М., 1995; Он же. Комментарий // Ильф И. А., Петров Е. П. Золотой теленок. М., 1995.

О. А. Лекманов.

ИМКА-ПРЕСС («YMCA-Press») (YMCA Press publishing house; YP), изд-во, созданное для публикации плодов общерос. религ.-филос. творчества: размещалось первонач. в Пшерове (Чехословакия, 1920); затем в Берлине (1923), Париже (1925–40 и с 1944 по наст. время). Его родоначальница – ассоциация Y. M. C. A. (Young Men's Christian Association – христ. Союз Молодых людей) – возникла в последней четверти 19 в. как волонтерская организация, по выражению А. В. *Карташева*, «протестантского миссионерского пафоса». Мощный импульс для усиления творч. и издательской деятельности YP дала беспрецедентная высылка из СССР осенью 1922 почти всего цвета рос. религ.-филос. мысли (т. н. «философский пароход»), что надолго предопределило профилирование YP как рус. религ. эмигрантского изд-ва с широким спектром представленных направлений мысли; его фактич. руководителем стал Н. А. *Бердяев*. После окончания 2-й мировой войны 1939–45, в связи с читательскими запросами «перемещенных лиц» и представителей второй волны эмиграции, усилился и общекультурный акцент издательской программы YP, в к-рую вошли рус. классич. и новая эмигрантская литература. В 1961 было приобретено помещение в Латинском квартале (на rue St. Genievi ve), где YP и принадлежащий ему рус. книжный магазин «Les Editeurs Reunis» находятся и в наст. время. В 1962 руководство YP, до этого находившееся преим. в амер. руках, было передано самой жизнеспособной организации Y. M. C. A. во Франции – Рус. Студенч. Христ. движению; его первым дир. стал И. В. Морозов (в 1962–1977), вторым – В. Е. Аллой (в 1978–1980), но фактически с нач. 1960-х гг. издательская деятельность велась Н. А. *Струве*.

Значит. оживление в деятельности YP принесло становление в СССР диссидентского движения и, как следствие, т. н. *самиздата*: рукописи потекли как бы сами, как с ведома, так и, нередко, без ведома авторов. YP сумело занять прочные позиции на пути превращения «самиздата» в «тамиздат», при этом особую роль для коммерч. успеха YP сыграли произведения А. И. Солженицына и установление с ним эксклюзивных отношений: в 1971 вышел «Август четырнадцатого», а 28.12.1973 – «Архипелаг ГУЛАГ», разошедшийся неслыханным 50-тысячным тиражом. Др. «знаковым» изданием YP стала «Вторая книга» Н. Я. *Мандельштам*, полученная Струве в дек. 1970 и выпущенная в 1972 (переиздана в 1978 и 1983; всего, по оценке Струве, было продано более 3000 экз.). В YP выходили и др. книги Н. М., в частности, ее «Воспоминания» (1982 и 1985, изд. 3-е и 4-е). В 1987, уже после смерти Н. М., Струве собрал и выпустил собрание ее остальных произведений и писем, дав им назв. *«Н. Я. Мандельштам 1987»* (1987).

В 1980-е гг. ист.-лит. профиль изд-ва еще более усилился. В 1981 в YP вышел завершающий том 4 Собр. Соч. О. М. (под ред. Г. П. Струве, Н. А. *Струве* и Б. А. Филиппова; фактич. составитель – Н. А. Струве), а в 1983 – том избранных стихотворений О. М., составленный Н. А. Струве по указаниям Н. М. и с его предисловием.

Еще в 1970-е гг. YP взяло на себя выпуск журнала *«Вестник русского студенческого христианского движения»*, к-рый, сочетая религ. вопросы с литературными, быстро выдвинулся на самые передовые позиции в периодике рус. эмиграции, много внимания уделяя при этом творчеству О. М., а также Н. М. (см. также ст. *Струве* Н. А.).

В 1991 YP открыло филиал в России, став гл. соучредителем еще одного изд-ва – «Русский путь».

Лит.: А. В. Карташев – Н. А. Струве. 70 лет Издательства «YMCA–Press». 1920–1990. Базанов П. Н., Кремнев С. С., Кузнецова Т. В., Шомракова И. А. Издательства и издательские организации Русской эмиграции. 1917–2003 гг.: Энциклопедический справочник. СПб., 2004;

П. М. Нерлер.

ИМПРЕССИОНИЗМ (*франц.* impressionnisme, от impression – впечатление), направление в иск-ве последней трети 19 – нач. 20 в., сложившееся во франц. живописи кон. 1860-х – нач. 1870-х гг. Традиционно И. связывается с именами К. Моне, О. Ренуара, Э. Дега, К. Писсарро, А. Сислея и др.; Э. Мане, во многом предопределивший направленность этого течения, формально в группу не входил. Гл. целью И. стала борьба за обновление иск-ва и преодоление офиц. салонного академизма; назв. течения возникло после выставки 1874, на к-рой экспонировалась картина Моне «Впечатление. Восходящее солнце» («Impression. Soleil levant», 1872). В своих пейзажах, портретах, многофигурных композициях художники-импрессионисты стремились сохранить спонтанность «первого впечатления», к-рое позволяет запечатлеть в увиденном неповторимо характерное, свободное от деталей. Познание и отображение мира в И. основывалось, прежде всего, на субъективном визуальном опыте автора, использующего для достижения худож. убедительности законы естеств. оптич. восприятия. Это, в свою очередь, определяет особую светоносность и колорит произведения и активно направляет ход восприятия картины зрителем. К сер. 1880-х гг. И., во многом исчерпав свои возможности целостной худож. системы и единого направления, стал импульсом для последующей эволюции иск-ва.

Гл. худож. особенности, сформировавшиеся в И., получили дальнейшее развитие в неоимпрессионизме и постимпрессионизме. Первое из течений возникло во Франции ок. 1885, его гл. представителями стали Ж. Сера и П. Синьяк. Развивая повышенный интерес позднего И. к оптич. явлениям, неоимпрессионисты в свой практике стремились приложить к иск-ву совр. открытия в области оптики, придав методичный характер приемам разложения сложных тонов на чистые цвета. Сформировавшийся в 1880-е гг. постимпрессионизм не был единым течением, это – собират. обозначение осн. направлений *французской живописи* этого периода, стремящихся преодолеть эмпиризм худож. мышления и перейти от свойственной И. фиксации отд. мгновений жизни к воплощению ее неких длительных состояний – духовных и материальных. Наиб. яркие представители постимпрессионизма – П. Сезанн, В. Ван Гог, П. Гоген, А. де Тулуз-Лотрек – во многом определили основу живописи 20 в.

В России работы художников-импрессионистов стали хорошо известны на рубеже 19–20 вв. благодаря частным собраниям И. А. Морозова и С. И. Щукина. В кон. 1918 эти коллекции были национализированы и на их основе открылись первый и второй музеи новой зап. живописи (Москва), в 1922–28 постепенно объединенные в Гос. музей нового зап. иск-ва (ГМНЗИ), собрание к-рого после его ликвидации в 1948 было поделено между Гос. Эрмитажем (ГЭ) и Гос. Музеем изобразит. иск-в (ГМИИ) им. А. С. Пушкина.

Хотя близкое знакомство О. М. с творчеством представителей и последователей И. могло состояться еще в *Париже* в период с осени 1907 по весну 1908, прямые и косвенные следы интереса О. М. к этому течению обнаруживаются только с нач. 1930-х гг. Текстуально они отразились в гл. «Французы» и ряде фрагментов (в т. ч. и черновых) «Путешествия в Армению» (1931–32) и стих. «Импрессионизм» (1932). Реальной основой этих текстов стали впечатления от богатейшей коллекции импрессионистич. и (в широком смысле) постимпрессионистич. живописи ГМНЗИ. Др. период, для к-рого прослеживается устойчивая связь с И., – воронежская ссылка; см. свидетельство современника: «В книгах, привезенных из Москвы, были альбомы импрессионистов» (Штемпель Н. Е. <Встречи с Осипом Мандельштамом> // О. и Н. Мандельштамы. С. 261); вероятно, имеется в виду изд. «Музей нового западного искусства» (М., б. г. <не ранее 1935>), хранившееся в б-ке О. М. В первый же день своего возвращения из воронежской ссылки в Москву, свалив вещи посреди комнаты, О. М. и Н. Я. *Мандельштам* «сразу пошли к “французам”, в маленький музей на улице Кропоткина». Интерес О. М. к И. мог быть стимулирован знакомством и общением с Б. С. *Кузиным*: «импрессионистическая тема» впервые вводится в связанной с ним гл. «Москва» «Путешествии в Армению», где О. М. упоминает «оборванную книжку Синьяка в защиту импрессионизма». Речь идет о книге «От Эж. Делакруа к неоимпрессионизму» (1899; рус. пер.: М., 1913), к-рую О. М. прямо ассоциирует с науч. занятиями Кузина: «При первых же звуках этой <...> теории я почувствовал дрожь новизны <...>. За всю мою долгую жизнь я видел не больше, чем шелковичный червь» (3. С. 186), – а восприятие живописных полотен далее изображает в «биологических» терминах: аккомодация, кислотные реакции, внутр. секреция, апперцепция. Упоминания об И. в прямом соположении с личностью О. М. присутствуют в переписке Н. М. с Кузиным.

Содержащееся в гл. «Французы» «Путешествия в Армению» описание просмотра экспозиции художников-импрессионистов в ГМНЗИ позволяет с достаточной степенью достоверности определить картины, к-рые произвели наиб. сильное впечатление на О. М. Ряд работ был атрибутирован комментаторами (А. Д. Михайлов, П. М. Нерлер) абсолютно точно – «Ночное кафе» Ван Гога (1888; продана за рубеж в 1933, в наст. время – Музей Йельского ун-та, США) и «Сирень на солнце» Моне (1873, ГМИИ). Значительно большее количество картин скрыто за предельно метафорич. описанием. Так, именование Сезанна: «Лучший желудь французских лесов» (Там же. С. 198) – может быть связано с полотнами 1875–90, центр. место на к-рых занимает изображение деревьев, фрагментов лесов, парков и аллей («Дорога в Понтуазе», «Деревья в парке (Жа де Буффан)», «Акведук», «Берега Марны», «Мост над прудом», все – ГМИИ; «Берега Марны (Вилла на берегу реки)», ГЭ). Упоминание в связи с Сезанном образа стола [«Его живопись заверена у деревенского нотариуса на дубовом столе» (Там же. С. 198)], возможно, мотивировано картинами 1895–1900 «Мужчина, курящий трубку» (ГМИИ) и, в меньшей степени, «Курильщик» (ГЭ), герои к-рых опираются на простой массивный стол. Кроме того, описываемый О. М. натюрморт: «Розы, плотные и укатанные, особенно молодые чайные. Ни дать ни взять – катышки желтоватого сливочного мороженного» (Там же) – явно подразумевает картину Сезанна «Цветы» (ок. 1900, ГМИИ), композиционную основу правой части к-рой составляет изображение

нераскрытых (круглых) бутонов чайных роз. Фрагмент о живописи Матисса построен на характеристике колористич. доминанты его произведений: «Красная краска его холстов шипит содой. <...> Его могущественная кисть не исцеляет зрения, но бычью силу ему придает, так что глаз наливается кровью» (Там же). Основой для такого восприятия могли стать как работы с исключит. преобладанием красного колорита [«Вид Коллиура» (ок. 1905, ГЭ) и «Красная комната» («Гармония в красном. Десерт», 1908–09, ГЭ)], так и работы, фрагменты к-рых, выполненные в красных тонах, составляют композиционный каркас картины [«Семейный портрет» (1911, ГЭ) и два декоративных панно «Танец» и «Музыка» (оба – 1910, ГЭ)]. Употребляемое в адрес Матисса восклицание: «Уж мне эти ковровые шахматы и одалиски! Шахские прихоти парижского мэтра!» (Там же) – навеяно, вероятно, работой «Семейный портрет», на к-рой, в частности, изображена игра в шашки (причем в перспективе картины шахматная доска расположена ближе всего к зрителю), а композиционным «фундаментом» в целом выступает персидский ковер. Именование Матисса «художником богачей» может подразумевать как особую любовь к его живописи Щукина, так и довольно высокую, по сравнению с работами др. совр. художников, цену произведений Матисса. Фрагмент о живописи Ван Гога: «А его огородные кондукторские пейзажи! С них только что смахнули мокрой тряпкой сажу пригородных поездов» (Там же. С. 199), – мотивирован, очевидно, работой «Пейзаж в Овере после дождя» (1890, ГМИИ), на заднем плане к-рой за ярким сельским пейзажем изображен ж.-д. состав, моделирующий горизонтальную композиционную основу полотна.

Вместе с тем в передаче своих впечатлений от живописи художников, связанных с И., О. М. не избежал контаминаций и неточностей. В частности, он характеризует Синьяка как художника, к-рый «придумал кукурузное солнце» (Там же); возможно, появление этого образа обусловила картина Ван Гога «Красные виноградники в Арле» (1888, ГМИИ), где образ солнца является гл. цветовым элементом композиции, а манера его изображения короткими прерывистыми мазками вполне сопоставима с пуантелистской техникой Синьяка. Упоминая «серо-малиновые бульвары Писсарро» (Там же), О. М., вероятно, имеет в виду и сходную по сюжету картину Моне «Бульвар Капуцинок в Париже» (1873, ГМИИ), т. к. только она, в отличие от трех парижских пейзажей Писсарро, входивших в собрание ГМНЗИ, соответствует обозначенной гамме. Вместе с тем, описывая «бульвары Писсарро, текущие как колеса огромной лотереи, с <...> лоскутьями разбрызганного мозга на киосках и каштанах» (Там же), О. М., видимо, соединяет картину «Оперный проезд в Париже» (1890, ГМИИ), на переднем фоне к-рой изображены два круглых «колесообразных» фонтана и такие же основания двух уличных фонарей, и полотно «Площадь Французского театра в Париже» (1898, ГЭ), б. ч. к-рого занимает изображение двух цветущих каштанов. Единств. работа, к-рая могла подразумеваться при характеристике Ренуара: «Глядя на воду Ренуара, чувствуешь волдыри на ладонях, как бы натертые греблей» (Там же), – это «Купанье на Сене (“Лягушатник”)» (ок. 1869, ГМИИ). Вместе с тем в черновых набросках к гл. «Французы» говорится о Моне: «В комнате Клода Моне [и Ренуара] воздух речной. [Входишь в картину по скользким подводным ступеням дачной купальни]» (Там же. С. 384), что может быть мотивировано неоднократным обращением Моне к изображению самых разнообразных водных источников в картинах «Уголок сада в Монжероне» (1876–77, ГЭ), «Пруд в Монжероне» (1876–77, ГМИИ), «Белые кувшинки» (1899, ГМИИ), «Городок Ветей» (1901, ГМИИ).

Даваемые О. М. характеристики франц. художников демонстрируют его глубокое проникновение в существо И. и живописной традиции, сформировавшейся на основе этого течения. При всей своей исключит. метафоричности и ассоциативности осмысление этих произведений идет по гл. направлениям: индивидуальная манера наложения мазка, колористич. специфика каждого автора, особенности композиционного строения (в т. ч. и нового, перцептивного, типа перспективы), закономерности зрительского восприятия нереалистич. живописи. Четыре этих смысловых линии соединены при передаче впечатлений от картин Ван Гога: «Дешевые овощные краски Ван-Гога (так в источнике. – *Ред.*) куплены по несчастному случаю по двадцать су. – Ван-Гог харкает кровью, как самоубийца из меблированных комнат. Доски пола в ночном кафе наклонены и струятся как желоб <...>. И узкое корыто биллиарда напоминает колоду гроба. – Я никогда не видел такого лающего колорита. <...> Его холсты, на которых размазана яичница катастрофы, наглядны, как зрительные пособия» (Там же. С. 198–199). По этим же признакам строятся живописные ассоциации и в стих. О. М. «Импрессионизм», навеянном картиной Моне «Сирень на солнце». [Основываясь, видимо, на присутствии составляющих парижского гор. пейзажа в тексте О. М., совр. комментаторы (Михайлов, Нерлер) видят в нем отражение впечатления и от работ Писсарро. Однако эти же пейзажные элементы присутствуют в картине Моне «Бульвар Капуцинок в Париже», лиловый колорит к-рой совпадает с двукратным упоминанием этого оттенка в стихотворении.] О. М. отмечены пастозная манера письма («Художник <...> красок звучные ступени / На холст, как струпья, положил. // Он понял масла густоту...»), цветовая специфика («А тень-то, тень все лиловей...») и импрессионистич. особенности «расплывчатой» композиции («Угадывается качель, Недомалеваны вуали»), передано индивидуальное зрительское восприятие, строящееся на предельно ассоциативной основе [«...Глубокий обморок сирени <...>, – Ты скажешь: повара на кухне / Готовят жирных голубей» (Там же. С. 64–65)].

Творчество авторов круга И. становилось предметом худож. рефлексии О. М. и позднее, но уже в не столь явных формах. Очевидно, живописью Гогена навеян образ таитянок в стих. «Я в львиный ров и в крепость погружен...» (1937): «И таитянок кроткие корзины» (Там же. С. 122) (Т. Лангерак, см.: Langerak T.). По предположению совр. исследователя (Е. Кантор), в стих. «Реймс – Лаон» (1937) отражены впечатления не столько от реального архитектурного памятника, сколько от одного из вариантов «Руанского собора» Моне; две работы из этого цикла входили в собрание ГМНЗИ. Такую точку зрения отчасти подтверждает свидетельство Н. Е. *Штемпель* о совм. просмотре книг о живописи и архитектуре: «...Как-то под впечатлением готических соборов Реймса и Лаона Мандельштам написал стихотворение: “Я видел озеро, стоявшее отвесно <...>...”» (Штемпель. С. 31); ср.: Гаспаров М. Л. Поэт и общество: две готики и два Египта в поэзии О. Мандельштама //

Сохрани мою речь. Вып. 3. Ч. 1: Публикации. Статьи. М., 2000. С. 30–33. Если принимать данное предположение (а его косвенно подтверждает и устойчиво проходящая в стихах февр.–марта 1937 «живописная» тема, строящаяся на предельно широкой «упоминательной клавиатуре»), то «вторичное» отражение живописи И. можно увидеть и в хронологически близком стих. «Я молю, как жалости и милости...» (1937); ср. с образом готич. соборов: «...с розой на груди в двухбашенной испарине / Паутины каменеет шаль...» (3. С. 127). В таком случае с восприятием импрессионистич. гор. пейзажей может быть связан образ воздушной карусели, к-рая «оборачивается, городом дыша» (Там же), а образ «скаредных роз» может возвращать к описанию роз на картине Сезанна «Цветы» в «Путешествии в Армению».

Лит.: Кантор Е. «В толпокрылатом воздухе картин»: Искусство и архитектура в творчестве О. Э. Мандельштама // ЛО. 1991. № 1. С. 66–68; Meijer J. M. Pictures in Mandel'stams Oeuvre // Dutch Contributions to the Eight International Congress of Slavist. Lisse, 1979; Langerak T. Mandel'stams «Impressionizm» // Возьми на радость: To Honor Jeanne van der Eng-Liedmeier. Amsterdam, 1980.

С. Г. Шиндин.

ИМЯСЛАВЦЫ, последователи имяславия – одного из направлений «катакомбного» христианства. Возникло в 1912 в Пантелеймоновом монастыре на Афоне под руководством иеросхимонаха Антония Булатовича. И. обожествляли имя Иисуса Христа, к-рое в виде божественной энергии проявляется в мире. В России И. было осуждено Рус. Правосл. Церковью как ересь в 1913. Взгляды И. в некоторой степени разделяли В. Ф. Эрн, С. Н. *Булгаков*, П. А. *Флоренский*, М. А. Новоселов, В. А. Кожевников и др.

Ист. аспект имяславия отражен в стих. О. М. «И поныне на Афоне...» (1915). Поэт отождествляет Божие Имя с Любовью. Любовь, утратившая Имя, погибает вместе с ним; с др. стороны, любя, мы возрождаем и Божественное Имя. В более раннем стих. «Образ твой, мучительный и зыбкий...» (1912) возникает тема именования как воплощения. Слово, получившее озвучание, получает и плоть. Однако слово рождается из пустоты, небытия, сам по себе акт рождения слова, мистич. по своей природе, сопровождается метафизич. страхом (см об этом: Марголина. С. 37). Идеи стихотворения получили развитие в ст. О. М. «О природе слова» (1922). О. М. видит «эллинистическую природу» рус. яз. в его способности к воплощению, достижению полноты бытия (см. об этом: Кихней. С. 67).

Лит.: Марголина С. М. Мировоззрение Осипа Мандельштама. Marburg / Lahn, 1989; Кихней Л. Г. Осип Мандельштам: бытие слова. М., 2000.

О. Г. Самойлова.

ИНТЕРНЕТ, междунар. (всемирная) компьютерная сеть, предоставляющая своим клиентам виртуальный доступ к размещенной в ней информации и возможность виртуального общения. Существует с кон. 1969, с 1991 общедоступна.

Большинство упоминаний О. М. в И. – справочно-информационные статьи об О. М., подборки стихов О. М. или предложения электронных книжных магазинов. Вместе с тем в И. находится и корпус электронных изданий О. М. в составе ряда электронных б-к или сайтов в форматах html, doc или pdf. Начиная с 2004 получает распространение «факсимильное» воспроизведение книг – фотографич. копия реальной книги (отсутствие функции автоматич. поиска по такому файлу компенсируется уверенностью в идентичности электронного издания бумажному). Начиная с 2010 все большее распространение получают гибридные pdf-файлы, в к-рых «факсимильность» сочетается с возможностью поиска и копирования.

Первым сетевым изданием О. М. в И. является собрание его стихов, подготовленное С. Виницким (S. Winnitzki) на базе изданий: Соч. и Собр. соч-2 (без переводов, б. ч. промежуточных редакций и комментария) и размещенное в 2000 в «Библиотеке Максима Мошкова» (lib.ru/POEZIQ/MANDELSHTAM). Наиб. полные и выверенные коллекции электронных версий прижизн. и посмертных изданий О. М. представлены на официальном сайте Мандельштамовского общества (МО) на портале «Русской виртуальной библиотеки» (http://rvb.ru/mandelstam/index.htm – Собрания сочинений в 2 и 4 тт., ук. словоформ, конкорданс поэзии О. М.) и в электронной б-ке А. А. Никитина-Перенского б-ке «ImWerden». В б-ке «ImWerden» можно найти записи 10 из 11 стихотворений в авторском исполнении О. М., а также стихотворения О. М. в исполнении Л. К. Чуковской, И. Л. Лиснянской и др. Тексты стихотв. произведений О. М. из собрания сочинений в 4 томах включены в поэтич. подкорпус Нац. корпуса рус. языка: http://search1.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&text=meta&mode=poetic&sort=gr_tagging&lang=ru&doc_te_header=&doc_t_cyclus=&doc_t_liber=&doc_te_author=%CE.+%CC%E0%ED%E4%E5%EB%FC%F8%F2%E0%EC&doc_sex=&doc_g_birthday=&doc_l_birthday=&doc_te_original=&doc_g_created=&doc_l_created=&doc_g_verses=&doc_l_verses=&doc_genre_fi=&doc_language=&doc_meter=&doc_feet=&doc_clausula=&doc_strophe=&doc_gr_strophe=&doc_rhyme=&doc_formula=&doc_extra=&doc_g_crevision=&doc_l_crevision.

В И. можно встретить мемуарную и критич. лит-ру об О. М. (см.: http://imwerden.de/razdel-202–str-1.html и др.). Циркулируют и коллекции переводов из О. М. на англ. и др. иностр. языки; см., напр.: http://wikilivres.ca/wiki/Osip_Mandelstam, http://en.wikisource.org/wiki/Author:Osip_Mandelstam, lib.ru/POEZIQ/MANDELSHTAM/tristia_engl.txt, http://poetryintranslation.com/PITBR/Russian/Mandelstam.htm, poetryloverspage.com/poets/mandelshtam/mandelshtam.html, www.todayinliterature.com/biography/osip.mandelstam.asp, home.arcor.de/berick/illeguan/mandel1.htm и др.

Первый мандельштамовский сайт в И. появился в 1999 – страница МО на сайте книжного магазина «Графоман» (ныне не существует). Самостоят. сайт МО (ныне не существует) был создан И. Б. Делекторской в 2002. В 2002–2013 веб-дизайнером и оператором сайта являлся В. Б. Литвинов (http://rvb.ru/mandelstam/m_o). На сайте размещалась информация о деятельности МО и Мандельштамоведения Кабинета РГГУ, об изданиях, конференциях и др. событиях, связанных с О. М. С передислокацией МО в НИУ ВШЭ и организацией там при Школе филологии Мандельштамовского центра (МЦ) возник его собств. офиц. сайт – https://philology.hse.ru/mandelstam/ .

В 1999 П. М. Нерлер высказал идею междунар. проекта «Воссоединенный виртуальный архив Осипа Мандельштама». Над его реализацией в сер. 2000-х гг. работали Д. Бэйнз, А. В. Козьмин, Литвинов и Нерлер. Его промежуточный результат см.: http://www.mandelstam-world.info/ . В наст. время на базе этого сайта и сайтов МО и МЦ планируется создание объединяющего портала «Мир Мандельштама». В блогосфере циркулируют и др. проекты, напр. группа в «Живом журнале» (http://ru-mandelshtam.livejournal.com/275.html#comments , с 2005 и по наст. время), группа в «В контакте» (http://vk.com/board181515 , с 2008 и по наст. время), мемориальный проект Нерлера и А. Б. Носика «Мандельштам 1938» (http://1938.livejournal.com/, 2013–2014; зеркально отражался на портале «Заметки по еврейской истории»: http://club.berkovich-zametki.com/?p=8000). Для составления коллективного комментария к *«Египетской марке»* О. А. Лекманов создал группу «Журнал eg_marka» (http://eg_marka.livejournal.com/profile , 2009–11). См. также блог Э. Штатланда, посв. критике Н. Я. *Мандельштам* и ее произведений (http://nmandelshtam.blogspot.ru/). В связи со 125-летием со дня рождения О. М. редакция «Нового мира» и МО провели на сайте журнала конкурс эссе, посв. поэту (см.: http://novymirjournal.ru/index.php/news/156–konkurs-mandelshnam).

Лит.: Нерлер П., Шапиро Н. Русские литературные сайты в Интернете и дигитальный проект «Воссоединенный архив Осипа Мандельштама» // РМ (Париж). 2000. 18–24 мая. № 4318. С. 15; Осип Мандельштам. Египетская марка. Пояснения для читателя / сост.: Лекманов О., Котова М., Репина О., Сергеева-Клятис А., Синельников С. М.: ОГИ, 2012; Нерлер П Глобус Мандельштама: Материалы о поэте в архивах мира и их встреча в сети // Нерлер П. Con amore. М., 2014. С. 41–46.

П. М. Нерлер, А. А. Никитин-Перенский.

«ИПОКРЕНА» [место издания обозначено как «Россия»; офиц. адрес редакции указан в Петрограде (Лиговка, д. 44, кв. 602), но фактически она находилась в Харькове, а затем в Полтаве, окт. 1917 – лето 1919], журнал (выходил с подзаголовком «Поэзия. Статьи по вопросам искусства. Критика»); первоначально планировался как ежемесячник, вышли 4 номера (из них один двойной) в изд-ве «Ипокрена». № 1 (1917), 2–3 (1918) «И.» вышли под ред. П. Б. Краснова, являвшегося также соредактором журнала *«Камена»*, и М. С. Штромберга; № 4 (1919) – под ред. Штромберга. В «И.» опубл. стихи, статьи и рецензии Ф. И. *Тютчева*, В. Я. *Брюсова*, М. А. *Волошина*, Г. В. *Иванова*, Р. *Ивнева*, Краснова, В. С. Рожицына, Л. Н. Столицы, В. Ф. *Ходасевича*, Г. А. *Шенгели*, Штромберга, И. Г. *Эренбурга* и др.

Иппокрена (Гиппокрена) – в греч. мифологии источник вдохновения, возникший от удара копыта Пегаса на горе муз Геликоне (см.: Тахо-Годи А. А. Гиппокрена // Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. 1. А–К. М., 1991. С. 305). В 1799–1801 в Москве выходил журнал «Иппокрена, или Утехи любословия» (ред. – П. А. Сохацкий, приложение к «Московским ведомостям»), в к-ром печатались Г. Р. *Державин*, В. А. Жуковский, А. Н. Радищев и др. Иппокрена неоднократно упомянута в поэзии А. С. *Пушкина*; на обложке «И.» помещен эпиграф из его стих. «Батюшкову» (1815): «И светлой Иппокреной / С издетства напоенный / Под кровом вешних роз / Поэтом я возрос». Ср. в стих. О. М. «Квартира тиха, как бумага...» (1933): «И вместо ключа Ипокрены...»

О. М. указан в перечне постоянных сотрудников в № 2–3 и 4 «И.». В № 2–3 (с. 28) опубл. его стих. «Мне холодно. Прозрачная весна...» (в первонач. ред. 1916 включающей 3 строфы: «Мне холодно! Прозрачная весна...», «Не фонари сияют нам, а свечи...», «В Петрополе прозрачном мы умрем...») и «В тот вечер не гудел стрельчатый лес органа...» (1918), что отметила критика: «Наиболее интересные вещи принадлежат М. Волошину, О. Мандельштаму, Г. Иванову, Г. Шенгели и В. Брюсову» (Вен. Б<абаджан>. [Рец. на:] «Ипокрена». – Ежемесячник, кн. II–III, – Россия. – Редакторы П. Б. Краснов и М. С. Штромберг. Ц. 3 р. 75 к. // Южный огонек. Одесса, 1918. № 13. Авг. С. 15; см. также: Астров С. [Рец. на:] «Ипокрена», ежемесячник, кн. II–III, 1918, Россия // Объединение. Одесса, 1918. № 3–4. Нояб.–дек. С. 264–265).

Лит.: Ротач П. Літературна Полтавщина: Матеріали до українського біографічного словника // Архіви України. 1971. № 3. С. 125; Поберезкина П. Е. Вокруг Ахматовой. М., 2015. С. 210, 238–239, 252–253.

П. Е. Поберезкина.

К

«К ИСКУССТВУ!», альманах ФЛАКа (Феодосийский лит.-артистич. кружок). Известно о существовании двух его номеров. Первый появился в августе 1919, до сих пор не обнаружено ни одного его экземпляра. Второй вышел 10.11.1919 (16 с. малого формата) и сохранился в архиве М. А. *Волошина*. Среди авторов «К. и.» был и О. М., представленный в нем 2 стих.: «Меганом» (в альманахе название с ошибкой – «Меганон»), «Образ твой мучительный и зыбкий».

Е. М. Голубовский.

КАВЕРИН (наст. фам. Зильбер) Вениамин Александрович (6.4.1902, Псков – 2.5.1989, Москва), прозаик. К. с детства писал стихи. С 1920 жил в Петрограде, куда переехал по совету своего быв. однокашника и родственника Ю. Н. *Тынянова*. После обсуждения своих стихов с Тыняновым и В. Б. *Шкловским* решил показать их О. М., к-рый сказал автору: «От таких, как вы, надо защищать русскую поэзию» (К а в е р и н. С. 300). После отповеди О. М. К. оставил поэзию и занялся прозой. Впоследствии К., будучи рук. семинара по совр. прозе в Ин-те истории искусств, был свидетелем спора о совр. поэзии между О. М. и Н. С. *Тихоновым* (1926). О. М. отстаивал т. зр., согласно к-рой прямое называние вещей и явлений в поэтич. произведении невозможно, т. к. это отнимает у поэтич. слова присущий ему смысл (см. об этом: Там же. С. 299–305). Точность, свойственная К. при передаче эстетич. воззрений О. М., отсутствует в случае пересказа им фактов биографии поэта. Так, известный в передаче Тынянова рассказ К. об экзамене по классич. литературе, к-рый О. М. не смог сдать в *Санкт-Петербургском университете*, беллетризирован К. с целью показать «отказ поэта-чудака идти на контакт с жесткой современностью» (Л е к м а н о в. 2003. С. 65). Худож. опыт О. М., в частности его укорененность в зап. эстетике и культуре, К. учитывал при создании собств. произведений, хотя и квалифицировал «семантическую затрудненность его произведений как “загадывание загадок”» (Р о н е н. С. 28).

Произведения К. «Конец хазы» (Ковш. Кн. 1. 1925) и «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове» (Звезда. 1928. № 2–7) получили положит. оценку О. М. В ст. «Веер герцогини» (1929) О. М. говорил о серьезности романа К. «Скандалист», присущей ему большой культуре слова, называл крупным достижением «Конец хазы». Произведения К. послужили поводом для О. М. резко негативно отозваться о манере Н. Я. *Берковского* – критика.

В годы репрессий К. неизменно предпринимал попытки защитить того или иного литератора. В частности, Н. М. вспоминает, что К. собирал подписи под письмом в защиту одного из критиков от нападок РАППа. О. М. отказался подписать это письмо, мотивировав свой отказ следующим образом: «В вопросах литературы они должны спрашивать у нас, а не мы у них».

Однако в иной ситуации подписи О. М. и К. соседствуют под аналогич. документом, имеется в виду коллективное письмо группы писателей в отдел печати ЦК РКП(б), содержащее протест против травли журналом *«На посту»* т. н. писателей-«попутчиков». 13.8.1987 в связи с реабилитацией О. М. К. дал Прокуратуре СССР письменный отзыв об О. М.

С о ч.: Счастье таланта. М., 1989.

Архивы: ЦА ФСБ. Следственное дело 33487. Л. 73–75.

Лит.: К вопросу о политике РКП(б) в художественной литературе. М., 1925; К о с т а н д и О. Г. О западничестве «Серапионов» // Культура русской диаспоры: саморефлексия и самоидентификация: Материалы междунар. семинара. Тарту, 1997; О н ж е. Раннее творчество В. Каверина как литературный и культурный феномен. Tallinn, 2001; Р о н е н О. Поэтика О. Мандельштама. СПб., 2002; Л е к м а н о в. 2003.

В. В. Калмыкова.

КАЛЕЦКИЙ Павел Исаакович (январь 1906, Могилев – 5.2.1942, Ленинград), литературовед, фольклорист, лит. и театральный критик, канд. филол. наук (1941). С 1923 жил в Москве. Окончил лит. отд. 1-го МГУ (1930). Работал в библиотеке Коммунистич. ун-та им. Я. М. Свердлова (библиотекарь), а по окончании ун-та – в *Госиздате* (библиограф и редактор). В 1931–32 работал в краевом изд-ве в Н. Новгороде, по возвращении снова работал в университетской библиотеке (ст. науч. сотрудник). Собственно науч. работой К. занимался еще с 1928, когда сделал доклад о фольклоре в Гос. академии худож. наук. Весной 1933 был выслан в Воронеж. Здесь он писал диссертацию о «Записках охотника» И. С. Тургенева и физиологич. очерках 1840-х гг., преподавал в ВГПИ, читал заочникам курсы по фольклору и истории рус. литературы. Одновременно преподавал в школе-девятилетке, работал в изд-ве «Коммуна» редактором лит.-худож. и дет. книг и «рецензентом по зрелищам» в газете «Коммуна». К. принимал непосредств. участие в жизни писательской организации Воронежа, публиковал статьи и рецензии в журнале «Подъем»: «Эдуард Багрицкий» (1933. № 2), «Лейтенант Глан на фашистской службе» (1933. № 7), «О реализме Тургенева» (1933. № 8–9), «Орловские очеркисты» (1934. № 4–5), «Алексей Кольцов» (1934. № 4–5), «Избранные произведения Н. Лескова» (1934. № 7–8), рецензия на постановку «Вишневого сада» в воронежском Большом Советском театре (1935. № 2). В нач. 1934 К. редактировал книги в книгоизд-ве «Коммуна», напр. альманах «Писатели ЦЧО», «Альманах молодых писателей» (оба Воронеж, 1934), а также готовил для «Ком-

муны» массовое издание избр. стихов А. В. *Кольцова*. Тогда же был принят кандидатом в чл. СП СССР; избирался в ряд органов Воронежского отделения ССП, в частности в редсовет драматич. секции при Оргкомитете ССП ЦЧО, в Комиссию по уточнению издательского плана изд-ва «Коммуна» на 1934 и т. п. (Подъем. 1934. № 1. С. 130; № 2. С. 128). В нач. 1935 К. и А. И. *Стефен* написали пьесу на материале рус. сказочного фольклора. Тогда же К. женился на Зое Георгиевне Каниной, начинающей писательнице. 20.7.1935 К. переехал в Ленинград, где работал в Библиотеке АН СССР, с февраля 1936 консультант-библиограф сценарного отд. «Ленфильма». Публиковался в журнале «Литературный критик», «Литературный современник», сб. «Советский фольклор». Перед Великой Отечественной войной доцент ЛГПИ им. А. И. Герцена, науч. сотрудник ИРЛИ, где занимался фольклором. 25.10.1936 К. защитил канд. дис. по теме «Исторические песни XVI–XVIII веков», однако степень канд. филол. наук ему присудили лишь 19.2.1941. С начала войны К. в штабе МПВО педин-та, читал в госпиталях лекции о рус. литературе. Умер от дистрофии во время блокады (5.2.1942) похоронен в одной из братских могил на Каменном о-ве.

В Воронеже К. познакомился и близко сошелся с О. М. и Н. М., с к-рыми у них оказалось немало общих знакомых (в частности, Л. Я. *Гинзбург*, Г. А. Гуковский, Б. В. Томашевский, В. Б. *Шкловский*), а также со Стефеном, С. Б. *Рудаковым* (с последним, по свидетельству Н. М., К. находился в дружески-полемич. отношениях) и др. К., Рудаков и Н. М. нередко играли в шахматы, устраивали тройств. турниры. О. М. очень ценил знания и юмор К. В ноябре 1935, когда К. приезжал в Воронеж за оставленными вещами, Рудаков расспрашивал его о первых месяцах пребывания О. М. в Воронеже: К. сообщил ему об утопич. планах О. М. по созданию в Воронеже рабочего ун-та по литературе и организации работы по фольклору. В письме своему другу М. А. Гецову от 18.1.1935 К. писал: «...Ты спрашиваешь о Мандельштаме? Рассказывать о нем надо много и долго. Очень умный, путаный человечек, с гениальными иной раз высказываниями, говорящий о стихах как о своем хозяйстве, практически неумелый – как ребенок, вспыльчивый, взрывающийся как бомба при легчайшем споре – он очень трудный и обаятельный человек. Иной раз его замечание – это чистый клад, над которым надо сидеть и сидеть, иной раз остроумный афоризм, которым прикрывается все же бессодержательность. Живет он неважно, хотя ему в лечении идут навстречу. Числится он консультантом при “Подъеме” и получает жалованье. Его по существу жалко, впрочем, он и сам в этом виноват. Встречи с ним бывают интересны и представляются ярким пятном на фоне серости человеческого материала в Воронеже». В кон. 1937, защищаясь от нападок И. С. *Черейского*, Н. В. *Романовского* и М. Я. Булавина с обвинениями в «троцкизме», в письме, адресованном отв. секретарю Ленингр. отд. ССП, К. писал: с Мандельштамом «...я познакомился ближе в последние месяцы моей жизни в Воронеже, когда он и его жена оказались единственными людьми, которые оказали мне большую и добрую человеческую поддержку во время болезни и при смерти моей жены, в то время как никто из моих воронежских коллег по ССП не счел нужным заинтересоваться моим положением, и за эту поддержку я Мандельштамам глубоко и искренне благодарен».

Архивы: ИРЛИ. Разряд, кол. 17, п. 10, № 1–4 (неопубл. работы К., в частности монография «Исторические песни» и ст. «Частушка»).

Лит.: Ленинградские писатели-фронтовики, 1941–1945: Автобиографии. Биографии. Книги. Л., 1985. С. 469–470; Нерлер П. М. Павел Калецкий и Осип Мандельштам // ЖиТМ. С. 60–71.

П. М. Нерлер.

«КАМЕНА», журнал; выходил с подзаголовком «Поэзия. Теория. Критика»; первоначально планировался как ежемесячник, вышли 2 книги в 1918 – нач. 1919 в Харькове (на книге 1: Харьков – Москва – Петербург) в изд-ве «Камена» (адрес редакции и изд-ва: г. Харьков, ул. Садовая, д. 3, кв. 17). Название: от камен (Camenae), нимфы ручья в римской мифологии, отождествлявшиеся с музами. Журнал был близок к харьковскому Лит.-худож. кружку. Книга 1 под ред. П. Б. Краснова, Г. А. *Шенгели*; книга 2 под ред. Краснова, являвшегося также соредактором журнала *«Ипокрена»*. В «К.» были опубл. т. ч. стихи М. А. *Волошина*, Г. В. *Иванова*, Р. *Ивнева*, С. Я. *Парнок*, Шенгели, А. А. *Фета*, Р. М. Рильке (в пер. А. А. Биска), статьи и рецензии Волошина, Краснова, Шенгели, И. Г. *Эренбурга*.

О. М. указан в перечне постоянных сотрудников в 1-й книге «К.», в анонсах 2-й книги [Южный огонек. Одесса, 1918. № 15, 16. Август; Литературная хроника // Русский голос. К., 1918. № 75. 31(18) авг. С. 6] и в списке участников двух книг во 2-й книге. В 1-й книге (1918. С. 9) напечатано стих. О. М. «Я потеряла нежную камею...» (1916), что было отмечено критикой: «В литературном отделе журнала мы находим стихи, подписанные именами М. Волошина, О. Мандельштама...» (А. Ф. [Анатолий Фиолетов?] [Рец. на:] «Камена». Еженедельник. Харьков. 1918. Ред. П. Краснов и Г. Шенгели // Южный огонек. Одесса, 1918. № 6. 9 июня (27 мая). С. 14); «Есть еще в “Камене” стихи столичных гастролеров: М. Волошина, Георгия Иванова, Рюрика Ивнева и Осипа Мандельштама, стихи как стихи, ничего нового для этих, более или менее определившихся поэтов не дающие...» (Ал. Д[ейч]. Новые книги стихов // Куранты искусства, литературы, театра и общественной жизни. К., 1918. № 6. Август. С. 14). В книге 2 (1919. С. 35) помета: «От редакции: вследствие целого ряда технических затруднений в настоящую книжку не вошли статьи Венедикта [sic!] Лившица и Осипа Мандельштама».

Лит.: «Камена» // Вечерний телеграф. Х., 1918. № 41. 24(11) мая. С. 4; Станкевич Ал. Камена // Южный край: Вечерний вып. Х., 1918. № 77. 19 июля. С. 1; Шоломова С. Осип Мандельштам на страницах харьковской печати: (К 100-летию со дня рождения поэта) // Панорама. Х., 1991. № 4. Январь. С. 6; Поберезкина П. Е. Вокруг Ахматовой. М., 2015. С. 210–212, 239, 245–246.

Ук.: Литературно-художественные альманахи и сборники. Библиографический указатель. Т. 3. 1918–1927 годы / сост. Н. П. Рогожин. М., 1960. С. 18–19 [«К.», книга 1]; Богомолов Н. А. Материалы к библиографии русских литературно-художественных альманахов и сборников. 1900–1937. Т. 1. М., 1994. С. 86 [«К.», книга 2].

П. Е. Поберезкина.

КАМЕНЕВ (наст. фам. Розенфельд) Лев Борисович (6.7.1883, Москва – 25.8.1936, там же), партийный и гос. деятель. В 1923–26 председатель СНК СССР, в 1924–26 председатель СТО. В 1923–26 директор Ин-та Ленина. В 1925–27 участник «новой (ленинградской) оппозиции». С 1933 директор изд-ва *«Academia»*. В 1934 директор Ин-та мировой литературы АН СССР. В 1935 осужден по делу «Моск. центра» на 15 лет, затем по «Кремлевскому делу» на 10 лет; расстрелян по делу «Троцкистско-зиновьевского объединенного центра». Реабилитирован в 1988.

Н. М. воспроизводит рассказ О. М. о том, как летом 1917 он служил в «Союзе городов» и во время Июльской демонстрации, наблюдая ее с балкона, говорил двум своим сослуживцам, что партия, организовавшая эту демонстрацию, устроена как «перевернутая церковь». Как выяснилось позже, «сослуживцами» были Г. Е. Зиновьев и К.; этот разговор навсегда определил их неприязненное отношение к О. М. Сведения Г. В. *Иванова* о том, что после ссоры с Я. Г. *Блюмкиным* (лето 1918) О. М. обратился за содействием к жене К. (Иванов Г. В. Собр. соч.: В 3 т. М., 1994. Т. 3. С. 96), не соответствуют действительности.

Э. Г. *Герштейн*, к-рая в 1929–30 была секретарем О. Д. Каменевой, вспоминает: «Осип Эмильевич сочувствовал мне, понимая, что положение личного секретаря, в домашней обстановке к тому же, унизительно и совершенно мне не подходит <...> Но как ни поносил он эту мою работу, он не мог пройти мимо искушения заинтересовать своей судьбой такое видное лицо, как Л. Б. Каменев. Ведь шел только 1930 год, и Каменев еще действовал на культурном и литературном фронте. Мандельштам задумал получить через меня протекцию Ольги Давыдовны к Каменеву. Она согласилась, и Каменев принял Мандельштама <...> Мандельштам отозвался о Каменеве сдержанно: “Gelehrter” (нем. схоласт, начетчик. – *Е. Я.*). Мне было странно слышать такую характеристику о недавнем члене правительства, но он настаивал, указывая на ограниченность мышления Каменева и немецкую аккуратность в его кабинете.

Для Осипа Эмильевича Каменев не сделал ничего. Но Ольга Давыдовна пыталась найти Мандельштаму какое-нибудь занятие в обществе “Техника – массам”» (Герштейн. С. 396).

Е. А. Яблоков.

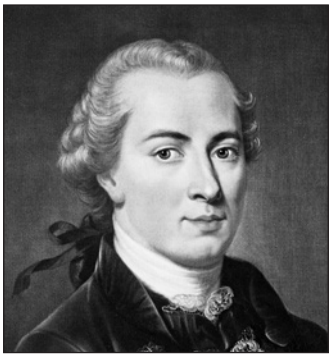
КАММЕРЕР (Kammerer) Пауль (17.8.1880, Вена – 23.9.1926, Пухберг-ам-Шнеберг, Австрия), австр. зоолог, один из самых заметных представителей материалистич. направления в биологии, известного как механо-ламаркизм, или неоламаркизм. Окончил Венский ун-т (1904), где затем читал курс экспериментальной морфологии. В 1902–23 сотрудник Ин-та экспериментальной биологии Австрийской АН, организованного при его участии. Являясь последователем учения Ж. Б. *Ламарка*, направил свою науч. деятельность на экспериментальное доказательство наследования приобретенных признаков – изменений, происходящих в живых существах под воздействием внеш. среды. Приверженность К. материалистич. мировоззрению в сочетании с его активной атеистич., антирасистской и пацифистской позицией вызывала активное неприятие со стороны традиционной науки. Весной 1926 был приглашен в СССР для работы в Коммунистич. академии, дал согласие и переехал в *Москву*. В сер. лета выехал за оборудованием для новой лаборатории в Зап. Европу, где началась широкая кампания по обвинению его в науч. фальсификациях, вследствие чего К. покончил жизнь самоубийством.

Прямое знакомство О. М. с исследованиями К. даже в рамках его интереса в нач. 1930-х гг. к биологии представляется маловероятным. Вместе с тем в сер. 1920-х гг. на рус. язык были переведены осн. труды К. – «Общая биология» (М.; Л., 1925), «Пол, размножение и плодовитость: Биология воспроизведения» и «Загадка наследственности: Основы общей теории наследственности» (оба 1927), что вряд ли прошло мимо О. М. Активным сторонником науч. деятельности К. как неоламаркиста выступал Б. С. *Кузин*, к-рый по данной ему О. М. в «Путешествии в Армению» (1931–32) характеристике «имел какое-то прикосновение к саламандрам знаменитого венского самоубийцы – профессора Каммерера», что свидетельствует о присутствии имени К. в контексте общения О. М. и Кузина. Дополнит. источником информации для О. М. о биографии К. мог стать посвященный последнему к/ф «Саламандра» (СССР – Германия, Межрабпомфильм – Прометеусфильм, 1928; авторы сценария Г. Э. Гребнер, А. Н. *Луначарский*, реж. Г. Л. Рошаль, оператор Л. Форестье). Фильм вызвал противоречивый, но широкий обществ. отклик; в частности, в 1928 группа ученых-биологов, среди к-рых был и Кузин, подписала письмо в редакцию газеты *«Известия»* с утверждением о его ист. и фактографич. недостоверности. Позднее, в стих. «Ламарк» («Был старик, застенчивый, как мальчик...», 1932), О. М., метафорически изображая обратное «движение» человека в эволюционном ряду («лестница Ламарка»), употребит образ др.-греч. мор. божества Протея: «К кольчецам спущусь и к усоногим, / Прошуршав средь ящериц и змей, / По упругим сходням, по излогам / Сокращусь, исчезну, как Протей», тогда как в своих ставших наиб. известными опытах К., в частности, экспериментировал с уникальными хвостатыми земноводными (амфибиями) – представителями семейства протеев (Proteidae). В свою очередь, по нек-рым античным версиям, у Протея, царствовавшего в египетском Мемфисе, «находилась настоящая Елена (в то время как Парису достался только ее призрак, поскольку Зевс или Гера подменили подлинную Елену»; сам же он в одной из ипостасей представал нерасторопным, сонным стариком; ср. мандельшт.: «Был старик, застенчивый, как мальчик, / Неуклюжий, робкий патриарх».

Лит.: Луначарский А. В. Как возник сценарий «Саламандра» // Советский экран. 1929. № 1; Гусейнов Г. Ч. Протей // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. Т. 2: Корибанты – Яяти. М., 1980.

С. Г. Шиндин, П. М. Нерлер.

КАНТ (Kant) Иммануил (22.4.1724, Кёнигсберг, Германия – 12.2.1804, там же), нем. философ, родоначальник классич. нем. филос. науки, внес существ. вклад в логику, математику, астрономию, естествознание, этику, эстетику. Основу филос. мировоззрения К., излож. в его гл. трактатах «Критика чистого разума» (1781), «Критика практич. разума» (1788) и «Критика способности суждения» (1790), составляет учение о явлениях и вещах, как они существуют сами по себе – «вещах в себе».



Эммануил Кант

О. М. мог близко познакомиться с философией К. уже во время обучения в *Гейдельбергском университете* (1909–1910), являвшимся одним из центров неокантианства. О. М. посещал лекции философов-неокантианцев фрайбургской (баденской) школы В. *Виндельбанда* и Э. *Ласка*, посв. истории философии и, в частности, учению К. По воспоминаниям А. З. *Штейнберга* (к-рый сам в этот период активно занимался изучением кантовского наследия), зафиксированным К. *Брауном*, курс Виндельбанда о К. не заинтересовал О. М.; присутствовал ли он на заявленном на зимний семестр курсе лекций Ласка «История новейшей философии до Канта включительно», с уверенностью утверждать невозможно. Тем не менее кажется вполне допустимым предполагать, что в круг филос. знаний О. М. входили не столько воззрения самого К., сколько их развитие и преломление в нем. неокантианстве, интерес к к-рому, очевидно, проявлял и С. П. *Каблуков*; так, 21.11.1910 он записал в своем дневнике: «Сегодня вечером до 1 часу пополуночи я был у Вяч. Ив. Иванова. Много говорили <...> о значении неокантианства, о символизме. <...> Был разговор и о И. Э. Мандельштаме, которого В. И. ценит». Одновременно с этим имя К. и обращение к его трудам постоянно присутствовали в докладах и дискуссиях в *Религиозно-философском обществе*, мандельшт. интерес к деятельности к-рого, вероятно, возрос под влиянием Каблукова.

Дальнейшее знакомство О. М. с философией К. могло происходить во время его обучения в *Санкт-Петербургском университете*, где преподавал один из наиболее известных рос. философов-неокантианцев магистр философии проф. А. И. Введенский: весной 1912 и весной 1914 О. М., очевидно, прослушал курсы его лекций по истории древней философии. Ср. свидетельство Ю. Г. *Оксмана* о студенч. настроениях сер. 1910-х гг.: «Лекции и книги проф. А. И. Введенского проповедовали неокантианство, а потому почти все студенты-филологи были яростными противниками вульгарного материализма <...> Историю новой философии мы знали по Виндельбанду» [цит. по: Чудакова М. О., Тоддес Е. А. Тынянов в воспоминаниях современника // Тыняновский сб.: Первые Тыняновские чтения. Рига, 1985. С. 93]. Эти же имена соединены О. М. в письме к матери из Коктебеля 20.7.1916 в связи с предстоящей сдачей экзамена: «Обязательно осенью сдаю свои экзамены; узнай, пожалуйста, сроки и пришли древнюю философию Виндельбанда или Введенского». Др. заметным представителем неокантианства, с к-рым О. М. как студент общался неоднократно, был И. И. Лапшин – приват-доцент, а затем профессор кафедры философии: как следует из зачетной книжки, О. М. сдавал ему экзамены по логике (5.9.1913), введению в философию (24.4.1914) и древней философии (7.9.1916). Возможно, учение К. каким-то образом входило в круг акмеистич. тем сер. 1910-х гг., см. более позднее свидетельство Вас. В. *Гиппиуса*: «Новой школы из акмеизма не родилось потому, что школы творятся только мировоззрениями <...> акмеисты не знали, куда пристать (искренние старания Гумилева насадить нечто вроде нового кантианства не привели ни к чему)».

В целом говорить о безусловном приятии О. М. философии К., очевидно, нельзя, см. относящееся к нач. 1930-х гг. свидетельство Н. М.: «С германской философией явно не ладилось: однажды купил томик Канта, понюхал, сказал: “Наденька, это не для нас” – и закинул за книги, чтобы не соблазняться». Прямые текстуальные отражения учения К. у О. М. практически не встречаются, их присутствие представлено, как правило, в метафорич. форме. Так, в акмеистич. манифесте О. М. «Утро акмеизма» (1912; или 1913, или 1914) появляется образ «мировой клети, которую с помощью своих категорий построил Кант». Свидетельство высокой оценки личности и философии К. – включение его имени в предельно значимый для О. М. ценностный ряд в ст. «Пшеница человеческая» (1922), где упоминается ист. (т. е. европ.) земля, «несущая Рим и собор святого Петра, носившая Канта и Гете». Отражением влияния учения К. можно, вероятно, считать неоднократное соотнесение его имени с категорией *времени*, см. во фрагментах ранней ст. [«Скрябин и христианство»] (1917): «Христианская вечность – это кантовская категория, рассеченная мечом серафима»; ср. в «Разговоре о Данте» (1933) об одной из песен дантовской «Божественной комедии»: «Временны́е глагольные формы изготовлял для десятой песни в Кенигсберге сам Иммануил Кант». Возможно, в худож. мире О. М. зафиксированы следы знакомства с космологич. гипотезой К., излож. в соч. «Всеобщая естеств. история и теория неба» (1755) и ставшей одной из основ совр. науч. представления о *пространстве*. Согласно этой концепции, образование планетной системы происходило из рассеянной материи благодаря вращат. движению пылевого облака вокруг Солнца; см. в этой связи описание итал. городов в «Разговоре о Данте»: «Кольца ада не что иное, как сатурновы круги эмиграции. <...> Пиза, Флоренция, Лукка, Верона – эти милые гражданские планеты – вытянуты в чудовищные кольца, растянуты в пояса, возвращены в туманное, газообразное состояние»; как возможное перенесение этой концепции на атомарный уровень см. характеристику японской танки в ст. «Девятнадцатый век» (1922): «Она <...> есть сама мир и постоянное внутреннее вихревое движение внутри атома».

По предположению совр. исследователя, в относящемся к раннему периоду стих. «Не говорите мне о вечности...» (1909) отражены следы мандельшт. знакомства с кантовской «Критикой способности суждения». С присутствующим в этом сочинении фрагменте о соловьином пении, по мнению др. исследователя, связано формирование в худож. мире О. М. образа бога Нахтигаля.

Лит.: О. Э. Мандельштам в записях дневника и переписке С. П. Каблукова / подгот. текста и примеч. А. Г. Меца // Камень. 1990. С. 241–258; Павлов Е. «...Тем звучащим слепком

формы...»: опыт Мандельштама // НЛО. 2003. №. 63 С. 59–82; Он же. Шок памяти: Автобиографическая поэтика Вальтера Беньямина и Осипа Мандельштама. М., 2005 (по им. ук.); Именной указатель // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907–1917: В 3 т. Т. 3: 1914–1917 / сост. и подгот. текста О. Т. Ермишина и др. М., 2009; Сальман М. Г. Осип Мандельштам: годы учения в Санкт-Петербургском университете (по материалам Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга) // RL. 2010. Vol. LXVIII. № 3–4. P. 447–499; Микушевич В. Бог Нахтигаль (Эстетика Канта и Шиллера в стихотворении Осипа Мандельштама «К немецкой речи») // СМР. Вып. 5. С. 383–389; Нерлер П. М. «На западе, у чуждого семейства...»: семестр в Гейдельберге // Нерлер П. Con amore: Этюды о Мандельштаме. М., 2014. С. 275–331; Brown C. Mandelstam. Camb., 1973.

С. Г. Шиндин.

КАРА-ДАРВИШ (наст. фам., имя и отчество Генджян Акоп Минаевич; 12.4.1872, Ставрополь – 16.12.1930, Тифлис), арм. журналист, прозаик и поэт, переводчик на арм. язык Ф. *Сологуба* («Золотая лестница»), В. Г. Гаршина («Четыре дня»), У. Уитмена и др.

Пробовал укоренить футуризм в арм. литературе и, дружа с рус. поэтами-футуристами В. В. *Маяковским*, В. В. Каменским, А. Е. *Крученых* и др., выступал в Тифлисе с лекциями о футуризме, с чтением футуристич. стихов как своих, так и друзей. Его стихотворение в прозе оказалось первым и единств. поэтич. переводом О. М. с арм. языка. Знакомство О. М. и К.-Д. произошло во время пребывания О. М. с Н. М. в Тифлисе в 1921, тогда же и был сделан перевод. Как сообщает А. Е. Парнис, в личном архиве К.-Д. (Музей литературы и искусства им. Е. Чаренца, Ереван, 547, № 36) сохранился неполный беловой автограф перевода «Пляски на горах», представляющий собой текст без заглавия и одиннадцати последних строк, с разночтением в первой строке, а также – арм. подлинник этого стихотворения, датированный 11.8.1919. Рукописный текст перевода написан О. М. чернильным карандашом по смешанной орфографии. Добавим, что этот текст находится на оборотной стороне листа с машинописью перевода на рус. язык Александром Лишком стих. К.-Д. «Челнок». В том же фонде К.-Д. хранится и почтовая открытка с переводом О. М. «Пляски на горах», изданная в нач. 1922 в Тифлисе, уже после отъезда оттуда О. М. Нельзя исключить вероятность общения О. М. и К.-Д. в 1930 во время путешествия О. М. в Армению.

У силлабо-тонич. перевода в стихах О. М. (в отличие от силлабич. оригинала) появляется не только название – «Пляска на горах» с подзаголовком «Ночной хоровод», но и посвящение Г. *Робакидзе*. Название и подзаголовок вызваны, очевидно, значимой датой рукописи – 11.8.1919: по др.-арм. языческому календарю это первый день месяца Навасарда, открывающего Новый год, что и означает название месяца. Древняя мистерия, ритуал встречи Навасарда образуют не только лирич. ситуацию ст-ния, но и ритмику пляски, особенно подчеркнутую О. М. рифмой и строфикой в переводе.

Лит.: Парнис А. Е. Заметки о пребывании Мандельштама в Грузии в 1921 году // L avanguardia a Tiflis. Venezia, 1982; Нечаев В. Муза 41 // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 10. М., 1992; Никольская Т. Л. Фантастический город. Русская культурная жизнь в Тбилиси (1917–1921). М., 2000; Овакимян Б. М. Словарь армянских псевдонимов. Ереван, 2005. С. 586 (на арм. яз.); Ахвердян Г. Р. О стихотворении в прозе Кара-Дарвиша в переводе с армянского О. Мандельштама // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество. Крымский Ахматовский науч. сб. Вып. 11. Симферополь, 2013. С. 162–177.

Г. Р. Ахвердян.

КАРАМЗИН Николай Михайлович (1.12.1766, с. Михайловка Симбирской губ. – 25.5.1826, Санкт-Петербург), писатель, историк, глава рус. сентиментализма. Одним из первых в рус. литературе поставил проблему отношений России и Европы, синтеза европеизма и нац. традиций.

Эта проблема рассматривается в ст. О. М. «Пшеница человеческая» (1922), в к-рой дважды упоминается К.: «Вспомним отношение Карамзина и Тютчева к земле Запада, к европейской почве. <...> Здесь, в Швейцарии, Карамзин пролил сентиментальные слезы русского путешественника». В творчестве К. воплотился образ рус. европейца. Образ является центральным и в ст. О. М. «Петр Чаадаев» (1914). Важнейшим направлением деятельности К. и его сторонников было преобразование рус. языка: он избегал в своих произведениях церковнославянизмов и архаизмов, использовал неологизмы и европ. заимствования, сближая лит. язык с разг. языком образованной части общества. Взгляды О. М. на соотношение церковнослав. и рус. языков перекликаются со взглядами К. В ст. «Vulgata (Заметки о поэзии)» (1922–23) О. М. называет церковнослав. речь враждебной «русской, то есть мирской бесписьменной речи». В лирике О. М. встречаются карамзинские подтексты.

Лит.: Бухаркин П. Е. Н. М. Карамзин – человек и писатель – в истории русской литературы. СПб., 1999. С. 13; Еськова А. Д. Мандельштам и карамзинизм // Слово. Словарь. Словесность: Петербургский контекст русистики. Материалы Всерос. науч. конференции 14–16 нояб. 2007. СПб., 2008.

А. Д. Еськова.

КАРЛАЙЛ (Carlisle) (Андреева-Карлайл, Andreyev-Carlisle; урожд. Андреева) Ольга Вадимовна (род. 22.1.1930, Париж), писательница и художница, дочь Д. Л. Андреева и внучка Л. Н. *Андреева* и В. М. Чернова. Весной 1962 К. познакомилась с Н. М., в 1960-е гг. поддерживала с ней тесные друж. отношения. Еще до знакомства с Н. М. К. начала переводить стихи О. М.; она единственная из всех переводчиков О. М., переводившая его на два языка – английский и французский. Автор ряда заметок об О. М. и Н. М. В 1968 К. составила двуязычную антологию рус. поэзии 20 в. «Поэты на уличных углах». В ее архиве сохранились копии автографов О. М. и А. А. *Ахматовой*, завещание, рукописи и письма Н. М., а также материалы о работе К. над переводами из О. М. и статьями о нем. Живет в Сан-Франциско.

Соч.: A Note on Mandel'stam // The Atlantic Monthly. June 1963. P. 63; Voices in the Snow: Encounters with Russian Writers. N. Y., 1964; Des Voix dans la neige. Preface de Claude Bourdet. P., 1964; St. Péterbourg, mon amour. Rev. of: The Prose of Osip Mandel stam, translated, with a critical essay, by Clarence Brown // WP. Book Week. 9.1.1966. P. 5, 19; Osip

Emilievich Mandelstam // Carlisle O. A. (comp.) Poets on the Street Corners: Portraites of Fifteen Russian Poets. N. Y., 1968. 1st ed. (2nd ed. – 1969). P. 115–125; Brave Poet, Wise Wife. Nadezda Mandelstam: her spirit, her life in Soviet Russia // Vogue. 1973, Oct. P. 186, 229, 231; Osip Mandelstam: his courage, his death in exile. (Ibid. P. 187). Переводы: Poems // Pans Review. 1961. No. 26. P. 127–133. (англ.; совм. с Rose Styron); Andreyev-Carlisle O. Voices in the Dark. N. Y.; L., 1962. P. 95, 120, 143, 160 (англ.); Un des plus grands poètes de notre temps // Poèsie Vivante. Le journal des poètes édité à Gen., Avril-Mai. 1964. No 2/3. P. 3–5. (франц.); Nine Poems of Ossip Mandelstamm // Ossip Mandelstamm. A Special Supplement: Robert Lowell [and Olga Carlisle] // NYRB. 23.12.1965. Vol. 5. No. 10 (англ.; совм. с Robert Lowell); Ahmatova A. A Portrait of Mandelstam / Adapted by Olga Carlisle. // Ibid.; [Four poems] // Merwin W. S. Selected translations 1948–1968. N. Y., 1968 (англ.; совм. с W. S. Merwin); What can we learn from antiquity? Two poems by Osip Mandelstam // Vogue. 1973, Oct. P. 187 (англ.).

Архивы: Hoover Institution Archivs. Papers of O. V. Carlisle.

П. М. Нерлер.

КАРТАШЕВ (Карташёв, Карташов), Антон Владимирович (30.6.1875, Киштьма, Пермской губ. – 10.9.1960, Париж), историк православной церкви, активный участник и в 1909–17 председатель Российского философского общества *(РФО)*. При Врем. пр-ве помощник обер-прокурора, затем обер-прокурор Святейшего синода, министр вероисповеданий (1917). Одним из важнейших направлений деятельности К. был вопрос о восстановлении патриаршества в России. О. М. посвятил К. стих. «Среди священников левитом молодым...». О. М. познакомился с К., предположительно, в РФО, заседания к-рого периодически посещал и с секретарем к-рого С. П. *Каблуковым* он дружил.

О. Г. Самойлова.

КАТАЕВ Валентин Петрович (16.1.1897, Одесса – 12.4.1986, Москва), прозаик, поэт, драматург, мемуарист, Герой социалистич. труда (1974). Гос. премия СССР (1946). Брат Е. П. Петрова. Познакомился с О. М. в 1922 в Харькове. В Москве, куда К. перебрался в том же году, знакомство упрочилось, К. бывал у О. М., жившего во флигеле Дома Герцена, где читал ему свои стихи, в частности стих. «Опера» (1923). «Мандельштам браковал все, что я написал, но находил одну-две настоящие строчки, и это было праздником и наградой» (НМ. 1986. № 8. С. 250). В 1929 в статье «Веер герцогини» О. М. тепло отозвался о повести К. «Растратчики» (1926): «Вместо разбора произведений Катаева были в свое время устроены никому не нужные, кустарные суды над самими “растратчиками” – его героями. Проглядели острую книгу». В 1929–30 К. поддерживал О. М. в его конфликте с А. Г. *Горнфельдом*. Тем не менее в 1933 К. негативно высказался об О. М. в советской печати: «Проза Мандельштама – проза декадента» (ЛГ. 1933. 17 мая); в свою очередь, О. М. отрицательно оценивал «абсолютно аполитичные» очерки К. в неопубл. при жизни обоих литераторов обзоре «Коминтерн Зифовской периодики: этнография, колониальный быт» (1929–30), написанном в соавт. с В. И. Нарбутом. Отношение О. М. к личности К. было двойственным: в «Четвертой прозе» (1929–30), не называя имени К., поэт обозвал его «мерзавцем»; однако Н. М. сообщает, что «О. М. хорошо относился к Катаеву: “В нем есть настоящий бандитский шик”», – говорил он». В 1930-х гг. К. помогал О. М. материально. По свидетельству К., письма О. М. к К., в т. ч. из воронежской ссылки, не сохранились. В одном из них, отзываясь на выход в «Красной нови» в 1936 повести К. «Белеет парус одинокий», О. М. сердито писал: «У вас разбойничий глаз... Второй раз не хочется перечитывать» (из интервью П. М. Нерлера с К. 13.7.1980). К. был одним из первых, с кем Мандельштамы встретились после возвращения О. М. из этой ссылки. К. вспоминал о том, как О. М., стоя на балконе писательского дома в Лаврушенском пер., накричал на него из-за Фета. В письме-доносе к Н. И. Ежову от 16.3.1938 В. П. Ставский назвал К. среди тех литераторов, к-рые «открыто выступали» «в защиту» О. М., «выступали остро». К. изобразил свои встречи с О. М. в беллетризованных мемуарных кн. «Святой колодец» (1962–65), «Трава забвения» (1962–67), «Алмазный мой венец» (1975–77). В последней О. М. выведен под прозвищем «щелкунчик». Прозвище «колченогий», под к-рым спрятан в кн. «Алмазный мой венец» Нарбут, по-видимому, отсылает внимат. читателя к характеристике Кржижановского из «Египетской марки» О. М.: «колченогий ротмистр». По наблюдению А. К. Гладкова, худож. проза О. М. существенно повлияла на формирование поэтики позднего К.

Соч.: Святой колодец // Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. М., 1984; Трава забвения // Там же; Алмазный мой венец // Там же. Т. 7. М., 1985.

Лит.: Гладков А. К. Поздние вечера. Воспоминания, статьи, заметки. М., 1986; Поляновский Э. Л. Гибель О. Мандельштама. СПб.; Париж, 1993; Шкловская-Корди В. В. [Устные воспоминания об О. Мандельштаме] // О. и Н. Мандельштамы.

О. А. Лекманов.

КАТУЛЛ Гай Валерий (87 или 84 до н. э., Catullus – после 54 до н. э., Верона) римский лирик, представитель кружка неотериков, «новых поэтов», культивировавших малые жанры по эллинистич., в осн. александрийскому, образцу. Эпизод, связанный с К., описан в дневнике С. П. Каблукова: «Был И. Э. Мандельштам, 29-го сентября неудачно сдававший экзамен по латинским авторам у Малеина. Малеин требует знания Катулла и Тибулла, Мандельштам же изучил лишь Катулла. Тибулла переводить отказался, за что и был прогнан с экзамена. При этом у него похитили чужой экземпляр Катулла с превосходными комментариями». Экзамен О. М. пересдал 18 окт. 1916. В 1920 в батумской тюрьме О. М. сказал: «Я – поэт, пишу стихи и <...> теперь меня занимают Тибулл, Катулл и римский декаданс» (Нерлер П. М. «Мне Тифлис горбатый снится...» Осип Мандельштам и Грузия // Мандельштам О. Стихотворения. Переводы. Очерки. Статьи. Тб., 1990. С. 378.)

О значимости поэзии К. для О. М. в 1930-е гг. свидетельствует Н. М.: «Латинских поэтов накопилось довольно много – Овидий, Гораций, Тибулл, Катулл... Почти все они покупались в изданиях с немецкими переводами, потому что немцы как переводчики точнее французов». По

свидетельству Ю. Л. Фрейдина, сохранилось входившее в личную библиотеку О. М. нем. издание К.: Catullus. Die Gedichte des Catullus. Leipzig, 1884.

В ст. «Буря и натиск» (1923) К. фигурирует как образцовый представитель «младшей линии» в лит. процессе: «У российского символизма были свои Вергилии и Овидии, у него же были и свои Катуллы, не столь по возрасту, сколь по типу творчества». В ст. «Слово и культура» (1921–22) К. упоминается в связи с мандельшт. концепцией культуры как вечного возвращения: «Я хочу снова Овидия, Пушкина, Катулла, и меня не удовлетворяет исторический Овидий, Пушкин, Катулл»; «Серебряная труба Катулла: – Ad claras Asiae volemus urbes [К знаменитым летим азийским градам, пер. С. В. Шервинского.] – мучит и тревожит сильнее, чем любая футуристическая загадка». «Серебряная труба Катулла» – анаграмма катуллов. строки, «латинское claras urbes переделано в русское *серебряная труба*» (Сегал), О. Ронен видит в созвучии *urb*es – *труб*ы «пример “двуязычного анаграммирования”» (Р о н е н О. Лексический повтор, подтекст и смысл в поэтике О. Мандельштама [1973] // СМР. Вып. 3/1. С. 262). Цитата из 46-го стих. К. встретилась и в 6-м стих. цикла «Армения» (1930): «К трубам серебряным Азии вечно летящая – / Армения, Армения!» (Р о н е н О. Указ. соч. С. 248). И у К., и у О. М. речь идет о Малой Азии, К. «радуется случаю побывать в знаменитых малоазийских городах, Смирне и Эфесе». Образы сосен и мачт в стих. «Нашедший подкову» (1923) могут быть связаны с 4-м стих. К., в к-ром челнок рассказывает, как он был лесом на горной вершине.

Д. П. Святополк-Мирский в 1922, говоря о стихах О. М., упомянул К: «В эпиграмматическом складе его стихов, в тяжелой их поступи слышны Катулл, Лукреций и Вергилий».

И. Бушман отмечает сходство между стих. «Возьми на радость из моих ладоней...» и 5-м стих. К. (Бушман Ирина. Поэтическое искусство Мандельштама. Мюнхен, 1964. С. 46).

Большинство любовных стихов К. обращены к Лесбии; это имя упоминается в двух стихотворенийх О. М. из «Антологии античной глупости» (1910-е гг.), написанной элегич. дистихом, к-рым активно пользовался К. «– Лесбия, где ты была? – Я лежала в объятьях Морфея. / – Женщина, ты солгала: в них я покоился сам!»; «Ветер с высоких деревьев срывает желтые листья. / Лесбия, посмотри: фиговых сколько листов!». Соединение элегич. размера с шутливым содержанием может быть подражанием катулловской иронии, ср.: Гаспаров М. Поэзия Катулла // Гай Валерий Катулл Веронский. Книга стихотворений. М., 1986. С. 182.

Лит.: Л е к м а н о в О. А. Студент (Эпизод биографии Осипа Мандельштама) // РМ. 2000. № 4334. С. 13.

А. Д. Еськова

КАУТСКИЙ (Kautsky) Карл (16.10.1854, Прага – 17.10.1938, Амстердам, Нидерланды), один из лидеров и теоретиков герм. социал-демократии, участвовавший в выработке ее т. н. Эрфуртской программы (1891), автор кн. «Комментарии к Эрфуртской программе» (1892; в России 1-е изд.: 1906), выдержанной в духе марксизма. В гл. «Эрфуртская программа» «Шума времени» (1923) О. М. сначала уподобляет К. протопопу Аввакуму Петрову, а затем, задавшись парадоксальным вопросом: «Разве Каутский Тютчев? Разве дано ему вызывать космические ощущения?», отвечает на этот вопрос утвердительно: «А представьте, что для известного возраста и мгновенья Каутский (я называю его, конечно, к примеру, не он, так Маркс, Плеханов, с гораздо большим правом) тот же Тютчев, т. е. источник космической радости, податель сильного и стройного мироощущенья» (далее О. М. изображает себя – юношу «с Эрфуртской программой в руках»).

В очерке О. М. «Меньшевики в Грузии» (1923) ожидание «лавочниками и воскресными буржуа» в батумском порту в августе 1920 прибытия делегации нем. социал-десократов во главе с К. изображено остро иронически, как и само это прибытие, опечалившее обывателей отсутствием К.: «Каутский заболел, Каутский очень жалеет, шлет привет – приехать не может. Тут же передается другая версия: чересчур откровенный флирт грузинских правителей с Антантой оскорбил немецкие чувства Каутского» (К. все же прибыл в Грузию 30.9.1920 и провел в ней ок. 4 мес.).

О. А. Лекманов.

КИБАЛЬЧИЧ Виктор-Наполеон Львович (Леонидович) (псевд. Виктор Серж) (30.12.1890, Брюссель – ок. 10.11.1947, Мехико), дальний родственник рус. революционера Н. И. Кибальчича, писатель и публицист, в юности эсер и анархист. В 1919 (по др. сведениям, 1917) приехал в Россию, где примкнул к большевикам и работал в Коминтерне, одновременно посылая корреспонденции в левый франц. журн. «Clarté» (ред. А. Барбюс). В 1922–26 представитель пресс-службы Коминтерна в Берлине и Вене. С 1926 в Ленинграде, работал в Ленгизе, состоял в Союзе советских писателей и примыкал к левой оппозиции. В 1928 за симпатии и связи с левой (троцкистской) оппозицией исключен из ВКП(б) и арестован; в 1932 арестован вторично; сидел в Крестах. 9.3.1933 арестован в Ленинграде и по постановлению Особого совещания при ОГПУ СССР от 28.5.1933 на основании ст. 58–10 выслан в Оренбург на 3 года. Именно К. отводилась роль гл. заруб. организатора правотроцкистского заговора писателей под рук. Тихонова и И. *Эренбурга* с целью убить И. В. *Сталина*. Дело получило междунар. огласку: ряд франц. участников Междунар. конгресса в защиту культуры, состоявшегося в Париже 21–25.7.1935 (Ж. Дюамель, А. Жид, А. Мальро, Р. Роллан и др.), обратились к Сталину с просьбой выпустить К. В СССР об этом же хлопочут: Р. Роллан на встрече со Сталиным 28.6.1935 (Московский дневник Ромена Роллана // ВЛ. 1989. № 3. С. 217), М. *Горький*, чье вмешательство, возможно, оказалось решающим (12.11.1935 он пишет Р. Роллану: «Серж будет выслан из Союза, это – решено», ВЛ. 1957. № 1. С. 188). 12.4.1936 К. освобожден и в апреле 1936 с женой, Л. А. Русаковой-Кибальчич, и сыном Владимиром, выслан в Бельгию. Оказавшись в Европе, К. пишет поздравит. открытки своим ленингр. знакомым и родным (в т. ч. Б. К. *Лившицу*) и одновременно разоблачит. статьи об СССР во франц. прессе; в 1939, за повесть «Il est minuit dans le siècle» («Полночь века») ему присудили Гонкуровскую премию. После занятия Парижа немцами К. переезжает в Марсель. В Мексике, куда он эмигрировал в 1940, спасаясь от нацистской оккупации, К. написал свои луч-

шие произведения – «Записки революционера» и «Дело Тураева», роман об эпохе чисток (рус. пер.: Урал. 1989. № 1, 3). Сын К., художник Вл. Кибальчич, передал его архив в Йельский ун-т (Nota Bene. 1996. Vol. X. No. 2).

Знакомство О. М. с К. было связано с деятельностью О. М. в качестве переводчика франц. прозы и состоялось, предположительно, в 1926 (а не в 1924–25, как полагал сам О. М. в 1934, отвечая на вопрос следователя о характере своих встреч с К.) К., в частности, написал предисл. к книге Ж. *Дюамеля* «Письма к моему другу патагонцу», вышедшей в 1927 в переводе О. М. Знакомство О. М. с К. едва ли было столь поверхностным, как он это пытался представить следователю, иначе он не пригласил бы К. в числе очень немногих лиц в гостиницу «Европейская» в Ленинграде на читку «Путешествия в Армению» в 1932. Во время ареста О. М. в 1934 следователь расспрашивал его об отношениях с К.: «Вопрос: Расскажите о характере ваших встреч с Кибальчичем. Ответ: С Кибальчичем я встречался исключительно на деловой почве, не более трех раз. Один раз в 1924–1925 гг. я зашел к нему на службу в Ленгиз за получением переводной работы. Второй раз я был у него на квартире, это посещение также было вызвано необходимостью получения переводной работы. И третий раз в 1932 г. я, будучи в Ленинграде, пригласил к себе в гостиницу нескольких ленинградских писателей, в том числе и Кибальчича, которым прочел свое произведение “Путешествие в Армению”. Больше никогда с ним не встречался». Сам К. (на допросе 7.3.1933) назвал О. М. среди своих близких знакомых, подчеркнув одновременно эпизодичность их встреч.

Лит.: Ш н а й д е р м а н Э. Бенедикт Лившиц: арест, следствие, расстрел // Звезда. 1996. № 1. С. 82–126; Н е р л е р. 2015 (по им. ук.).

П. М. Нерлер.

«КИЕВСКИЙ ПРОЛЕТАРИЙ», ежедневная газета (Киев, 1920–29; объединена с газетой «Пролетарская правда»). Среди сотрудников – карикатурист Б. Е. Ефимов. В качестве приложения был создан сатирический журнал «Бич» (вышло 4 номера). В нем печатались В. Г. Шершеневич, Ю. К. *Олеша* и др.

В К. п. опубликованы прозаич. произведения О. М. «Березіль» (7.5.1926) и «Сухаревка: (Московский очерк)» (16.5.1926).

В. В. Калмыкова.

КИНЕМАТОГРАФ, один из видов искусства, сформировавшийся в кон. 19 в., а с нач. 20 в. получивший широкое распространение во всем мире как один из самых массовых и новаторских. В отличие от др. видов искусств (литература, *архитектура*, *музыка*) К. не нашел в творчестве О. М. широкого отражения, однако то немногое, что обращено у него к кинематографич. проблематике, в полной мере передает специфику мандельшт. восприятия этого вида искусства. Отношение О. М. к К. можно рассматривать как комбинацию трех составляющих – кинозритель, кинокритик и кинотеоретик и (несостоявшийся) сценарист, с каждой из к-рых связан опред. набор произведений, отражающих его «кинематографич.» взгляды. Собственно К. посвящены девять текстов: стих. «Кинематограф» («Кинематограф. Три скамейки...», 1913), «От сырой простыни говорящая...» (1935) и «Чарли Чаплин» («Чарли Чаплин вышел из кино...», 1937), заметки (очерки) «Генеральская» (1923) и «Я пишу сценарий» (1927), кинорец. «Татарские ковбои» (1926) [на к/ф «Песнь на камне»; 1-я фабрика Госкино, 1926; автор сценария Х. Н. Херсонский, реж. Лео Мур (Л. И. Мурашко), оператор Г. Б. Гибер], [«Магазин дешевых кукол»] (1929) (на к/ф «Кукла с миллионами»; Межрабпомфильм, 1928; авторы сценария О. Л. Леонидов, Ф. А. Оцеп, реж. С. П. Комаров, операторы К. А. Кузнецов, Е. Ф. Алексеев) и «Шпигун» (1929) [на к/ф Н. Г. *Шпиковского* «Знакомое лицо» (др. названия «Шкурник», «Цыбала», «История одного обывателя», «Приключения Шмыгуева»); ВУФКУ, Киев, 1929; авторы сценария В. И. Охрименко, Шпиковский, Б. Розенцвейг, реж. Шпиковский, оператор А. А. Панкратьев] и предисл. к кн. франц. писателя А. Эрмана «Марионетка (Роман из жизни киноактеров)» (Л., 1927). Кроме того, отд. замечания о К. и кинематографические в своей основе образы начиная с 1913 присутствуют в творчестве О. М. постоянно.

Реальные взаимоотношения О. М. с К. в качестве кинозрителя были, безусловно, гораздо шире, чем отражено в его собств. текстах, однако достоверные свидетельства о виденных им фильмах немногочисленны. Кроме 3 кинолент, на к-рые О. М. откликнулся своими рецензиями, с уверенностью можно говорить о просмотре еще 4 кинокартин. По воспоминаниям современника, О. М. (очевидно, в кон. 1929) был на показе к/ф «Потомок Чингисхана» (Межрабпомфильм, 1928; автор сценария О. М. *Брик*, реж. В. И. *Пудовкин*, оператор А. Д. Головня; фильм вышел на экраны 10.11.1929): «Мы отправились в кино смотреть “Потомок Чингиз-хана ”. <...> Но знаменитый фильм Пудовкина вовсе не понравился Осипу Эмильевичу. <...> Мандельштам пожимал плечами: “Гравюра...”. Он объяснял недовольно: кинематографу нужно движение, а не статика. Зачем брать предметы из др. области искусства? Какая-то увеличенная гравюра» (Г е р ш т е й н. С. 17). Активно посещал кинопросмотры О. М. в период воронежской ссылки; ср. его письмо Н. М. кон. мая 1935: «Сейчас иду в кино». В апреле 1935 в Воронеже О. М. смотрел к/ф «братьев» Васильевых «Чапаев» («Ленфильм», 1934; авторы сценария и реж. С. Д. Васильев, Г. Н. Васильев, операторы А. И. Сигаев, А. С. Ксенофонтов); ср.: «Сильное впечатление <...> произвела на Осипа Эмильевича одна из первых звуковых картин – “Чапаев”» (Ш т е м п е л ь. С. 43). Впечатления от фильма отразились в стих. «День стоял о пяти головах. Сплошные пять суток...» и «От сырой простыни говорящая...» (оба 1935). Видимо, 19.11.1935 О. М. смотрел кинокартину «Вражьи тропы» («Мосфильм», 1935; авторы сценария И. П. Шухов, И. К. Правов, реж. О. И. Преображенская, Правов, операторы В. Е. Павлов, Н. Н. Власов), см. письмо С. Б. *Рудакова* к жене 20.11.1935: «С Мандельштамами были в кино. На “Вражьих тропах”. <...> В целом – ложно и надуто. А впечатлительный О[сип], по окончании <...> на весь зал изумился: “Надюша, как же это может быть такой конец... это плохая фильма?.. Как же?”». Не позднее 3.3.1937 О. М. был на показе к/ф Ч. *Чаплина* «Огни большого города» (1931), современница так вспоминала этот эпизод: «С большим интересом мы смотрели картину Чарли Чаплина “Огни большого города”. Мандельштам очень лю-

бил и высоко ценил Чаплина и созданные им кинофильмы» (Ш т е м п е л ь. С. 43); впечатления от фильма отразились в стих. «Я молю, как жалости и милости...» (1937).

Знакомство с рядом к/ф предположительно реконструируется по текстам О. М. и косвенным свидетельствам. Возможно, что опред. мотивы к/ф Ж. Мельеса «Путешествие на Луну» (Франция, 1902) нашли отражение в стих. «Приглашение на луну» (1914). В очерке «Батум» (1922) упоминается «итальянский фильм из русской жизни: “Ванда Варенина” <...>. Я был на этом представлении»; установить, о каком именно фильме идет речь, не удается (в т. ч. и по итал. источникам), но с учетом фонетич. и номинативного строя его названия допустимо предположить, что О. М. прямо или метафорически подразумевает экранизацию романа Л. Н. *Толстого* «Анна Каренина». Анализ сохранившихся описаний к/ф, произведенных до 1923, позволяет рассматривать в качестве возможного «киноподтекста» заметки «Генеральская» к/ф «Позор дома Орловых» (др. название «Бесчестие дома Орловых»; АО «Биофильм», 1917–18; автор сценария Л. В. Никулин, реж. В. К. Туржанский, оператор Г. Б. Гибер), к-рый повествует о жизни генеральской семьи и в к-ром действуют генерал, его жена и двое детей; ср. у О. М.: «Русская драма из семейной жизни генералов. <...> Сначала генерал был показан в семейном кругу <...>. Все его любили и спасали его честь от одного пройдохи (тоже очень симпатичного) <...>. Когда доброе имя генерала все-таки погибло, он не перенес и свалился в параличе на руки любящих детей». В этой же заметке косвенно упоминается к/ф «Доктор Мабузе-игрок» (Германия, 1922; реж. Ф. Ланг) – один из наиб. ярких образцов нем. киноэкспрессионизма. В кон. марта 1924 этот фильм при участии С. М. *Эйзенштейна* был перемонтирован Э. Шуб и вышел на экраны под назв. «Позолоченная гниль» (см.: Летопись жизни и творчества С. М. Эйзенштейна // Эйзенштейн С. Избр. произведения: В 6 т. Т. 1. М., 1964. С. 576), что увеличивает вероятность мандельшт. знакомства с этой кинокартиной. Кроме того, там же описан еще один неустановл. фильм, возможно виденный О. М. в самом нач. 1920-х гг. (если только этот фрагмент не является худож. вымыслом автора): «На Тверской показывают рыцарей. <...> Те обедают вроде как в церкви. Кушанья им несут крестным ходом человек двести, по четыре на блюдо, цельных баранов, а пироги башнями»). О том, что в этот период О. М., находившийся в Москве, посещал кинопросмотры, свидетельствует, напр., письмо к Л. М. *Рейснер* ее матери 28.12.1922 (см.: Богомолов Н. А. К изучению литературной жизни 1920-х годов // Тыняновский сб.: Седьмые Тыняновские чтения: Материалы для обсуждения. Рига; М., 1995–1996. С. 293). Тогда же О. М. регулярно бывал в редакции еженедельной газеты *«Накануне»*, располагавшейся в т. н. доме Нирнзее, на крыше к-рого (в самой высокой архитектурной точке Москвы) проходили киносеансы (см.: В и д г о ф Л. М. Москва Мандельштама: Книга-экскурсия. М., 2006. С. 66); ср. в ст. «Литературная Москва» (1922): «Здесь на плоской крыше небольшого небоскреба показывают ночью американскую сыщицкую драму».

По свидетельству совр. исследователя Зоркой Н., Е. К. *Лившиц* рассказывала о совм. с О. М. просмотре (очевидно, в нач. 1926) картины «Кирпичики» (МежрабпомРусь, 1925; автор сценария Г. Э. Гребнер, реж. Л. Л. Оболенский, М. И. Доллер, оператор Головня; фильм вышел на экраны 25.12.1925) и одного из фильмов с участием известного нем. киноактера К. Фейдта. Включение в заметку «Я пишу сценарий» имени Эйзенштейна в сочетании с точной «имитацией» его киноязыка делает вполне достоверным предположение о знакомстве О. М. с уже снятыми к 1927 его к/ф «Стачка» (др. названия «Чертово гнездо», «История стачки»; 1-я ф-ка Госкино, Пролеткульт, 1924; сценарий – коллектив Пролеткульта, реж. Эйзенштейн, операторы Э. К. Тиссэ, В. В. Хватов) и «Броненосец “Потемкин”» (1-я ф-ка Госкино, 1925; автор сценария Н. Ф. Агаджанова, реж. Эйзенштейн, сореж. Г. В. Александров, оператор Тиссэ). Также можно считать, что заключит. пассаж заметки «Шпигун»: «Все сценарии выходят похожими один на другого. Получается какой-то общесоветский Пудовкин – мать всех российских фильмов», содержит иронич. аллюзию на самый известный к/ф Пудовкина «Мать» (Межрабпом-Русь, 1926; автор сценария Н. А. Зархи, реж. Пудовкин, оператор Головня); данный факт позволяет включить эту кинокартину в число предположительно знакомых О. М. По свидетельству Н. М. (1931), пришедший в гости Б. М. *Лапин* принес фрагмент киноленты, к-рый рассматривали на свет; установить, о каком к/ф идет речь (как и исключить факт его принадлежности к жанру кинодокументалистики), невозможно, но, по предположению комментаторов (см.: В а с и л е н к о, М я г к о в, Ф р е й д и н. С. 162), именно этим эпизодом навеян образ «целлулоид фильмы воровской» в стих. «Еще далеко мне до патриарха...» (1931). В Воронеже О. М., очевидно, смотрел комедию «Петер» (Австрия, 1934; реж. Г. Костер; в гл. роли Ф. Гааль); ср. в письме Рудакова жене 26.9.1935 об О. М. и Н. М.: «Он получил немного денег, и они отправились на “Петьку”». Стих. «Чарли Чаплин» позволяет с высокой степенью вероятности предположить факт знакомства О. М. с к/ф Чаплина «Новые времена» (1935) – фрагмент: «Чарли Чаплин <...> ролики надень», очевидно, навеян сценой катания гл. героя фильма на роликах; этот же образ может отсылать и к др. фильму с участием Чаплина – «Скетинг-ринг» (1916).

Ряд возможных «киноподтекстов» реконструируется более гипотетично. Допустимым представляется предположение о просмотре О. М. к/ф «Саламандра» (СССР – Германия, Межрабпомфильм – Прометеусфильм, 1928; авторы сценария Гребнер, А. Н. *Луначарский*, реж. Г. Л. Рошаль, оператор Луи Форестье), вышедшего на экраны в период макс. активизаций его интереса к отеч. кинопродукции. В основу фильма, имевшего противоречивый, но довольно широкий обществ. резонанс, была положена биография австр. биолога и зоолога, ученого-материалиста, П. *Каммерера*, покончившего жизнь самоубийством. Дополнит. смысловой параллелью является тот факт, что исполнявшие в картине вторые роли С. П. Комаров и В. П. Фогель упоминаются в мандельшт. заметке 1929 [«Магазин дешевых кукол»]. В воспоминаниях Н. М. присутствует фрагмент о К., представляющий собой своего рода «сборную цитату» из раннего советского кино, связанного «со знаменитой одесской лестницей, по которой катится детская коляска с младенцем, засухой, овцами, высунувшими от жажды воспаленные языки, яблоками, падающими в рот счастливому хохлу, бесславным концом Санкт-Петербурга,

червями, копошащимися в говядине <...>. Особенно мне запомнилась садистская коляска на лестнице и шикарный крестный ход во время засухи». Кроме к/ф «Броненосец “Потемкин”» в данном ряду могут атрибутироваться кинокартины «Конец Санкт-Петербурга» (Межрабпом-Русь, 1927; автор сценария Зархи, реж. Пудовкин, сореж. Доллер, оператор Головня), «Старое и новое» («Генеральная линия»; Моск. ф-ка Совкино, 1926–29; авторы сценария и реж. Эйзенштейн, Александров, оператор Тиссэ), «Земля» (ВУФКУ, Киев, 1930; автор сценария и реж. А. П. Довженко, оператор Д. П. Демуцкий); возможно, эти фильмы Н. М. смотрела вместе с О. М. Кроме того, в ее переписке с Н. И. *Харджиевым* в сер. июня 1943 упоминается известная психологич. драма Чаплина – к/ф «Парижанка» (1923), что не исключает и его совместного с О. М. просмотра. По предположению М. Л. Гаспарова, в [«Оде Сталину»] («Когда б я уголь взял для высшей похвалы...», 1937) присутствует опосредованное использование кинодокументалистской модели: «Герой крупным планом на трибуне и мелкоголовая толпа без края внизу – это схема популярнейшей картины А. Герасимова “Ленин на трибуне” (1928–30, в основе кадр из кинохроники)».

Существует неск. разрозн. свидетельств о несостоявшихся попытках О. М. начать работу в сфере киносценаристики, что подтверждается, в частности, неопубликованными фрагментами его сценарных набросков; см.: Левинтон Г. А. Мандельштам и Тынянов // Четвертые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига, 1988. С. 22. Обратиться к подобному виду «окололитературной» деятельности предлагал О. М. (очевидно, в 1926) В. Б. *Шкловский*; сам О. М. иронически изобразил этот эпизод в заметке «Я пишу сценарий»: «Шкловский посоветовал мне написать сценарий и скрылся <...>. Больше я его не видел, но <...> я проклял Шкловского до седьмого колена». Еще одна попытка творч. контакта О. М. с К. состоялась в 1929 в Киеве, где он хотел устроиться на работу на *Всеукраинское фотокиноуправление*; данные планы не осуществились, их результатом стало лишь написание и публикация рецензий на к/ф «Шпигун» и «Кукла с миллионами». Согласно поздним воспоминаниям быв. редактора к/с «Мосфильм» В. К. Фартучного, сценарист Б. Л. Леонидов пытался привлечь О. М. (возможно, в самом нач. 1930-х гг.) к сценарной работе для «Мосфильма», однако никаких подтверждений этому не существует. Косвенным, но довольно достоверным свидетельством реальности мандельшт. обращения к сценарной работе может служить определение, данное им в кинорец. «Шпигун» и весьма точно воссоздающее особенности генезиса сценариев эпохи раннего К.: «У киносценария есть свои необоримые физиологические законы. <...> Быть может, прообразом всякого сценария была погоня, преследование, бегство»; ср. о героине стих. «Кинематограф»: «Она боится лишь погони» и там же: «И по каштановой аллее / Чудовищный мотор несется». Реконструируя несостоявшуюся деятельность О. М. в качестве киносценариста, следует учитывать, что уже в 1923 в отеч. печати широко обсуждалось отсутствие сценариев, отвечающих требованиям совр. К.; для решения этой проблемы с осени 1925 кинофабрики через периодику и напрямую постоянно обращались к литераторам с предложением активизировать сценарную работу.

Хронологически взаимоотношения О. М. с К. можно разделить на три этапа. Первый (1913–25) включает в себя эпизодич. обращение к кинематографич. тематике; мемуарные свидетельства о мандельшт. контактах с К. отсутствуют. Наиб. заметное для этого периода худож. событие – стих. «Кинематограф», отмеченное мн. современниками, в т. ч. и рецензентами 2-го изд. «Камня» (1915). При этом оценка варьировалась – от сдержанно-негативной «черствые, явно надуманные стихи» (Е. А. Зноско-Боровский) до положительной «пленяют, однако, едва ли не более всего незатейливые гротески <...> вроде “Кинематографа”» (В. Я. *Пяст*), принимающей макс. возможную форму: «Все для него чисто, все предлог для стихотворения: <...> и лубочный романтизм кинематографических пьес (“Кинематограф”)» (Н. С. *Гумилев*); «диапазон его тем очень широк, и он, нисколько не понижая густого тембра своего стиха, может говорить и <...> о кинематографе» (М. А. *Волошин*); показательно и собственно читательское восприятие сюжетного строя мандельшт. текста: «Точно – до прозаизма. А дальше – нарастающий гул урагана» (Тагер Е. М. Штудии о Мандельштаме // ЛУ. 1991. № 1. С. 150). Тогда же, посещая «салон» В. А. *Чудовского* и А. М. *Зельмановой*, О. М., вероятно, общался с одним из самых известных актеров эпохи «немого кино» И. И. Мозжухиным (Лившиц Б. Полутороглазый стрелец: Стихотворения, переводы, воспоминания. Л., 1989. С. 520–521).

Второй период (1926–29) является ключевым. В самом нач. 1926 с предложением сотрудничать в сфере кинематографии обратился к О. М. Шкловский. Эта ситуация полностью восстанавливается по письмам О. М. к Н. М. февраля–марта 1926; 5.2.1926: «Сейчас говорил по телефону с Шкловским. Он здесь. Приедет ко мне завтра. “У меня, – говорит, – есть дело к вам!”»; 7, [8].2.1926: «Вчера договорил со Шкловским. Он предлагает мне съездить в Москву. Его кино-издательство будто бы само догадалось, что меня нужно подкормить»; 9–10.2.1926: «Еду в Москву, где Шкловский подготовил мне почву»; 17.3.1926: «Мне все очень легко удалось. <...> В Кино-печати <...> дают фантастические деньги: 150–200 р. – ни за что». Этот процесс совпал со временем близкого общения О. М. с Б. К. *Лившицем* и его женой, активно интересовавшимися К., что также отражено в письмах к Н. М.; 17.2.1926: «Я был у Бенов: они повели меня в кино. Они ходят по понедельникам, как в баню...»; 23.2.1926: «Решил 3 дня отдохнуть. Посидеть с Татькой, хоть в кино пойти с Бенами»; 28.2.1926: «Завтра поведу Бена знакомить в Прибой, а вечером мы пойдем в кино». И именно в этот период О. М. в письме Н. М. 23.2.1926 сообщал о совместных с Лившицем сценарных планах: «Мы с Беном решили написать сценарий по “делу Джорыгова”» (имеется в виду уголовное дело, развитие к-рого в то время отражала бульварная пресса, работа не осуществлена). Т. о., нач. 1926 можно считать своеобразным рубежом в мандельшт. отношении к К.: в этот период О. М мог рассматривать его как вполне реальную замену своей переводч. деятельности, к-рой, безусловно, тяготился. Показательно относящееся к данному периоду посещение в период пребывания в Ленинграде киносъемок, отраженное в адресованной Н. М. открытке от 26.9.1926, где О. М. писал: «Был на съемке Совкино, во дворе дома на Каменноостр[овском]». Значит. (если не основную) роль в формировании у О. М. практич.

интереса к киноискусству сыграл Шкловский; он же, вероятно, стал и «проводником» О. М. в сферу кинотеории и кинокритики. Также можно предположить, что мандельшт. обращение к К. было отчасти «предсказано» его общением в 1925 с О. А. *Ваксель*: в это время она занималась в известной учеб.-творч. студии ФЭКС, снималась в кино в массовых сценах, писала критич. заметки о кинофильмах. Наконец, прямые и разносторонние контакты со сферой К. имел брат О. М., Е. Э. *Мандельштам,* в сер. 1920-х – кон. 1930 гг. сотрудник *Московского общества драматических писателей и композиторов,* а затем непродолжит. время сценарист науч.-популярных фильмов на к/с «Ленфильм», что также могло оказать определ. влияние на формирование мандельшт. представлений о К. В третий период (1930–37) кинематографич. проблематика вновь возникает эпизодически, однако уже в более глубоко осмысляемом преломлении.

Отношение О. М. к К. в целом можно определить как сдержанно-иронич. приятие: К. практически никогда не стимулировал появление в его творчестве прямого положительно окрашенного худож. отражения и явно воспринимался более как «легкое», развлекат. искусство. Подобная субъективная оценка не помешала О. М. глубоко проникнуть в существо этого искусства и осознать его социальную значимость, формальную и худож. специфику и тот потенциал, к-рый в нем заложен (в т. ч. и на границе с др. видами искусства). Уже первая худож. реакция О. М. на совр. ему кинопродукцию – стих. «Кинематограф» – выявляет осн. оценочную характеристику в восприятии им этого искусства в 1910-х гг. – связь К. с «низовыми» жанрами и видами искусства: «Кинематограф. Три скамейки. / Сентиментальная горячка. <...> / Так начинается лубочный / Роман красавицы графини». Негативно-пренебрежит. отношение к К. содержится и в опубл. в том же 1913 рец. на прозу Д. *Лондона,* отражающей нек-рые взгляды О. М. на К.: «Джек Лондон никогда не поднимается выше мудрости кинематографа, и роман как-то сам принимает у него очертание мелодрамы с добродетельным финалом на лоне природы и “головкой героини на плече героя”». Подобное понимание «низового» характера К. сохраняется на протяжении всего творч. пути О. М.; так, мотив низкокачеств. кинопродукции устойчиво проводится в мандельшт. прозе 1920-х гг. В иронич. заметке «Генеральская» О. М. нарисовал язвит. картину совр. ему «кинорынка»: «Пошли ребята в кинематограф. Долго не выбирали. Зашли наобум. <...> На стенах – плакаты: то головорез в кепке <...> другого за горло хватает, то девушка с распущенными волосами и дикими глазами, словно яд сейчас приняла, и прочие изображения энергичных и бритых мошенников. – Это всё ребята уже перевидали и каждого Мабузу как свои пять пальцев знают». Симптоматично, что изображение киноплакатов у О. М. точно передает агрессивно-экспрессивную манеру соответствующей рекламной продукции нач. 20 в. Вместе с тем мандельшт. оценка могла встраиваться в смыслопорождающую парадигму визуальных видов искусства в целом – включение в данный контекст прозрачной отсылки к к/ф «Доктор Мабузе-игрок» дает определ. основания для предположения о знакомстве О. М. и с формально-изобразит. поисками К. С. Малевича, лежащими в сфере К. и проявившимися, в частности, в худож. реакции на этот фильм: «Художественный результат теоретических рассуждений Малевича о новом жанре “выявителей” – киноплакат “Доктор Мабузо” (ГТГ). Эталон-проект супрематического киноплаката, киноплаката как такового» (Ш а т с к и х А. Малевич и кино // Русский авангард в кругу европейской культуры: Междунар. конференция: Тезисы и материалы. М., 1993. С. 56).

В качестве гл. негативных качеств массового отеч. К. 1920-х гг. О. М. (более как зритель, нежели собственно кинорецензент) определял пошлость и ист. недостоверность, о чем он прямо писал в заметке «Генеральская»: «Настоящее представление: ну что бы вы подумали – русская драма из семейной жизни генералов. Это было даже интересно посмотреть, особенно кто генералов видел. <...> Вдоволь насмотрелись мы на генеральское житье – с сигарами и пальмами». Примером «подлейшей экзотики» назван в заметке [«Магазин дешевых кукол»] к/ф «Кукла с миллионами»: «Это военный клич, это славный боевик, это веселая советская комедия – это вторая часть другой замечательной картины по сценарию Федора Михайловича Достоевского <...>. “Бобок” – называлась та фильма». Показательно, что обращение к кинематографич. тематике ассоциативно связывается у О. М. с изображающим «новый быт» 1920-х гг. творчеством М. М. *Зощенко* – в случае с к/ф «Кукла с миллионами» это присутствует в форме прямой отсылки к зощенковскому рассказу «Аристократка» (1923): «Сорок тысяч героев Зощенки с подтяжками в одной руке и пирожным, на котором сделан “надкус”, в другой – приветствуют “Куклу с миллионами”»; в заметке «Я пишу сценарий» эта связь представлена опосредованно, как возможное обращение к тому же рассказу в одном из «вариантов» мандельшт. сценария см.: «Главный пожарный дежурит в фойе театра, а в это время его товарищ угощает чужую жену пирожными». Крайне негативно О. М. оценивал и низкопробную продукцию зап. кино, что близко его же взгляду на переводную иностр. литературу, ср. хронологически близкие заметки [«Потоки халтуры»] и «О переводах» (обе 1929); см. в последней ст. критич. пассаж: «В данную минуту ходовая иностранная беллетристика – явление, смежное с кинопродукцией <...> это особый мир, стоящий вне литературы» и вывод: «Никто нам не мешает бороться с автором самой книги, как это делают с кадрами в кино». В [Предисловии к роману А. Эрмана «Марионетка»] упоминается «упадочное кино Запада» «с его Людовиками XV, перезрелыми актрисами из французской комедии и слезоточивыми катушками в пять тысяч метров...»; ср. в рец. на «Куклу с миллионами»: «Родченко <...> даст павильоны эпохи ампирного Пате-Людовика». В ориентации на подобную иностр. киноиндустрию О. М. видит одну из причин низкого худож. уровня отеч. К.: «друзья мои, не дают нам виз на выезд, так нельзя ли как-нибудь приспособить на парижский манер Петровку?»; см. собственно о к/ф «Кукла с миллионами»: «Переводной романчик в железнодорожном киоске. Парижская штучка. <...> Жанна д’Арк без мистики с трюфелями. Есть еще мир светящихся реклам. “Из страны блаженной, незнакомой, дальней слышно пенье петуха”. Петуха фирмы Пате и К°, горластого любителя курочек, темпераментного кино-петуха». В этом контексте необходимо учитывать, что в первые послерев. годы значит. часть «отеч.» кинокартин представляла собой перемонтированные заруб. фильмы, полностью изменившие свой содержат. строй и, соответственно, идеологич. направленность.

В менее полемич. и не столь явной форме О. М. поставил в зависимость от заруб. киноискусства «этнографическую» и ист. недостоверность кинофильмов, о к-рой впервые упоминал в очерке «Батум» в связи с итал. к/ф «из русской жизни» «Ванда Варенина»: «В этом изумительном сценарии русские женщины, как турчанки, ходят под черной фатой <...> русские “князья” ходят в оперных костюмах из “Жизни за Царя”, катаются на тройках <...> причем сани напоминают замысловатый корабль скандинавских викингов». Эта же тема повторится в язвит. рец. «Татарские ковбои»: «Так говорить о Крыме, о татарах, о моменте, отстоящем от нас на какие-нибудь 10–15 лет, может только иностранец. У нас создается впечатление, что сценарий составлен интеллигентным парагвайцем или аргентинцем». Общая оценка к/ф ввиду его сознат. оторванности от реальности крайне негативна: «Режиссеру, конечно, не удалось избегнуть кино-вампуки. Массовые сцены поражают своей безалаберностью и опереточной фальшью. <...> Растет поколение, которое по таким фильмам будет создавать свое представление о вчерашнем дне. Стыдно перед детьми». Интересно то обстоятельство, что мандельшт. рец. появилась на фоне борьбы с «кинохалтурой», посвященной нац. («экзотической») тематике, и, в частности, в период разгромной критики к/ф В. К. Висковского «Минарет смерти» (1925), пришедшейся на самый кон. 1925 – нач. 1926. Этот к/ф в пренебрежит. тоне упомянут в заметке Шкловского «5 фельетонов об Эйзенштейне» (1926; см.: Шклов с к и й В. За 60 лет: Работы о кино. М., 1985. С. 106), опубл., как и мандельшт. рец., в журнале «Советский экран» (1926. № 3 и № 14 соответственно). С назв. к/ф «Минарет смерти» ср. мандельшт.: «Чебуречно-минаретный Крым сам по себе является заманчивой областью для кино-налетов». Данный период вообще был временем активного производства фильмов, построенных на эксплуатации нац. колорита, поэтому можно предположить, что в рец. на к/ф «Песнь на камне» О. М. выступал не столько против конкретного фильма, сколько против тенденции, отчетливо ощущаемой в сов. киноиндустрии этого периода. Как начало, губительное для специфики К., О. М. воспринимал и гипертрофированную историчность – см. замечание о «больших масштабах» в заметке «Шпигун»: «Война, революция, фронты – это фон. Но нехорошо, когда этот фон глушит медными трубами голос рассказчика <...> когда нет смычки между исторической тематикой и скромной повестью или сказкой. История, могучая хроника глушит органические сюжетные ростки».

Если положение о «низовом» характере К. характеризует его содержат. признаки, то отчетливо ощущавшаяся О. М. монтажная организация киноповествования воспринималась им как гл. формальный признак. Короткий монтаж, отличавший совр. О. М. К., воспринимался как его неотъемлемая черта и обозначался через понятие мелькания, см. в рец. на прозу Лондона: «Лучшее в кинематографе – т. н. “видовые картины”: и Лондон развертывает бесконечную ленту монотонного северного пейзажа, аляповатого, как панорама, и мелькающего, как живая фотография»; ср. заметку «Революционер в театре» (1922), в к-рой применительно к пьесе Э. Толлера «Человек-масса» упоминается «сцена банкиров, где в кинематограф. темпе показана биржа». Крайне негативно характеризуя в кон. 1920-х гг. к/ф «Кукла с миллионами», О. М. тем не менее выделял в качестве ее единств. достоинства отчетливую монтажную организацию, ассоциировавшуюся у него с более ранними кинофильмами: «Любопытен все же в этой картине ее звериный атавизм, ее мышиная гонка, младенческое ощущение кинотемпа не как скорости, а как спешки, столь памятной нам по тому времени, когда в иллюзионах шел сухой целлулоидный дождь». Доминантное положение монтажного принципа в раннем киноязыке с прямой отсылкой к творчеству Эйзенштейна явно обозначено и в заметке «Я пишу сценарий»: «Вся суть в композиции кадров и в монтаже. Вещи должны играть. <...> Кино – не литература. Надо мыслить кадрами».

К сер. 1920-х гг. относится и процесс сближения литературы и К., происходивший в худож. мировоззрении О. М. В мае 1927 Ю. Н. *Тынянов* так передавал Шкловскому мандельшт. впечатления от чтения «Смерти Вазир-Мухтара»: «Он говорит, что это сценарий – как комплимент». В одной из внутр. рецензий (1926–27) О. М. писал: «Похороны мошенника-сенатора <...> описанные с реализмом кинематографа, являются как бы отправной точкой романа. <...> Наглая фигура президента, робкий испуг инвалидов-стариков опять-таки передан с живостью фирмы “Патэ”»; ср. в хронологически близком предисл. к роману Эрмана «Марионетка»: «Абель Эрман <...> сам заражен духом французского кино, и вся его история о маленьком Бебере – не что иное, как замаскированный сценарий». Несколько позднее и в связи с иным – научным – материалом в очерке «К проблеме научного стиля Дарвина» (1932) О. М. упомянул дарвиновские «захватывающие снимки животного или насекомого» и отмечает «небывалую свежесть <...> описания, которое так и просится на пленку кино». Можно предположить, что возникающий в мандельшт. мире с сер. 1920-х гг. мотив кинопрозы был непосредственно связан и с творчеством франц. писателей-унанимистов Ж. *Ромена* и Ж. *Дюамеля* в заметке «Новые произведения Жюля Ромэна» (1924) О. М. упомянул известный «кинотекст» Ромена «Доногоо-Тонка». Уже для совр. этим авторам киноведч. науки опред., в большей степени внеш., зависимость ряда их произведений от К. была несомненна. «Кинотексту» Ромена была посвящена ст. Д. И. *Выгодского* «Кинематографический рассказ Ж. Ромэна “Доногоа Тонка”» (Россия. 1922. № 2), с к-рой мог быть знаком О. М., активно общавшийся с ним в период своей переводч. деятельности сер. 1920-х гг. Вместе с тем безусловна зависимость всего комплекса мандельшт. представлений о «новой (кино)прозе» от «Творческой эволюции» А. *Бергсона*, в 4-й главе к-рой («Кинематографический механизм мышления и механистическая иллюзия») содержатся близкие воззрения на соотношение реальности с интуицией и интеллектом и др.

Реконструируя мандельшт. представления о «кинопрозе», к ее гл. дифференц. признаку необходимо отнести монтажный принцип организации текста. Сам О. М. прокомментировал это в почти «сценарном», по-кинематографически «визуализированном» фрагменте повести «Египетская марка» (1927): «Я не боюсь бессвязности и разрывов. – Стригу бумагу длинными ножницами. – Подклеиваю ленточки бахромкой... <...> Не боюсь швов и желтизны клея»; ср. в примыкающих к повести записях: «Я не хочу думать о плане и композиции». С определ. допущением можно предположить, что мандельшт. организация текста (в т. ч. и гра-

фическая) складывалась не без влияния происходившего в это время общения со Шкловским, всесторонне и последовательно культивировавшим комбинаторный принцип построения прозы; это начало он отметил при характеристике самого «монтажного» фрагмента «Египетской марки»: «Книга, составленная как будто из кусков, как будто нарочно разбитая и склеенная, обогащенная приклейками» [Шкловский В. Гамбургский счет: Статьи – воспоминания – эссе (1914–1933). М., 1990. С 476]. Вместе с тем монтажный способ работы самого Шкловского с текстом был отмечен О. М. уже в очерке «Шуба» (1922): «Шкловский <...> разбросает по <...> столам и на кровати, и на стульях, и чуть ли не на полу листочки с выписками из Розанова и начнет клеить свою удивительную теорию». Соответственно, именно текст Шкловского стал для О. М. крайним проявлением «кинопрозы», в к-рой лит. начало полностью вытеснено кинематографическим, см. свидетельство Рудакова в письме жене 3.11.1935: «Читали “Марко Поло” Шкловского. Оська говорит, что это начало отмены всякого чтения, вроде кино».

Здесь же должно быть названо творчество В. Н. *Яхонтова*, чей драматич. монтаж лит. текстов воспринимался О. М. по контрасту с кинематографич. началом, ср. содержащуюся в заметке «Яхонтов» (1927) характеристику его театр. действия, к-рое «течет непрерывно и органически, без мелькания кино, потому что спаяно словом и держится на нем». Краткое определение новой прозы дано О. М. методом «от противного» в заметке «Шпигун», где он пишет: «Чем совершеннее киноязык, чем ближе он к тому еще никем не осуществленному мышлению будущего, которое мы называем кинопрозой с ее могучим синтаксисом, – тем большее значение получает в фильме работа оператора». «Расшифровка» этого фрагмента содержится в более позднем наброске «Читая Палласа», примыкающем к «Путешествию в Армению» (1931–32), где О. М. дал определение «хорошей» прозы: «Действительность носит сплошной характер. – Соответствующая ей проза <...> всегда образует прерывистый ряд <...> прозаический рассказ не что иное, как прерывистый знак непрерывного». С учетом содержащегося в «Шпигуне» опред. противопоставления новой прозы К. данный фрагмент может рассматриваться как полемика со Шкловским, писавшим в связи с К. в нач. 1920-х гг.: «Человеческое движение – величина непрерывная, человеческое мышление представляет собой непрерывность в виде ряда толчков <...>. Мир непрерывный – мир видения. Мир прерывистый – мир узнавания. – Кино – дитя прерывистого мира» (Шкловский В. Литература и кинематограф. Берлин, 1923. С. 24). Вместе с тем отсутствие в мандельшт. фрагменте прямого противопоставления прозы и К. позволяет говорить об их опред. «уравниваемости» по признаку наиб. адекватного отражения действительности, дискретного по признаку своей формальной организации. Подобное понимание прозы содержалось уже в рец. на «Записки чудака» А. *Белого* (1923): «Проза ассимметрична: ее движения – движения словесной массы – движение стада, сложное и ритмичное в своей неправильности; настоящая проза – разнобой, разлад, многоголосье, контрапункт». В таком контексте могут быть упомянуты мандельшт. наброски 1935 к докум. книге о деревне, во многом строящиеся по законам кинематографич. текста; см.: «День начальника политотдела и директора совхоза разворачивается в богатейшую кинофильму: обозрение зернового океана, машин и людей. Две машины мчатся по бархату грейдерных дорог. С комбайнов снято шесть магнето».

Характеристика «новой прозы» как динамич. семантич. начала сближается с содержащимся в «Разговоре о Данте» (1933) противопоставлением поэзии и К.: «Современное кино с его метаморфозой ленточного глиста оборачивается злейшей пародией на орудийность поэтической речи, потому что кадры движутся в нем без борьбы и только сменяют друг друга». Мандельшт. высказывание, в сущности, содержит противопоставление динамич. (семантич.) монтажа раннего советского кино более поздней кинопродукции; в своем понимании монтажных принципов О. М. ближе к Эйзенштейну с его «монтажом аттракционов», нежели к повествоват. кино нач. 1930-х гг. с его постепенным отказом от доминирующей роли монтажа («синтаксиса»); ср. содержащееся в рец. на сб. стихов А. Е. *Адалис* (1935) сопоставление формирующейся реальности, действительности с ее лит. и кинематографическим отображением: «Прелесть стихов Адалис <...> в том, что на них видно, как действительность, только проектируемая, только задуманная <...> набегает, наплывает на действительность уже материальную. – В литературе и в кино это соответствует сквозному плану, когда через контур сюжета или картины уже просвечивает то, что должно наступить». Вместе с тем позиция О. М. близка и концепции поэтич. речи Тынянова, излож. в работах 1920-х гг., и соотносящимся с нею его киноведч. взглядам (см., напр.: Тынянов Ю. Н. Об основах кино // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 335–339).

Лит.: Василенко С. В., Мягков Б. С., Фрейдин Ю. Л. [Вступ. заметка к публ. «Осип Мандельштам и кинематограф»] // Памир. 1986. № 10; Зоркая Н. «...Страшное, правдивое и мстительное искусство»: Осип Мандельштам о кинематографе // Искусство кино. 1988. № 3–4; Багратиони-Мухранели И. Кинематографическая стилистика «Египетской марки» О. Мандельштама // Там же. 1991. № 12; Шиндин С. Г. К проблеме «Мандельштам и кинематограф» // Киноведческие записки. 1991. № 10; Он же. «Очень тонкий идеологический гротеск...»: О кинорецензии «Магазин дешевых кукол» Мандельштама // Гротеск в литературе. М.; Тверь, 2004; Румянцева В. Н. «От сырой простыни...»: Осип Мандельштам и кино // «Отдай меня, Воронеж...»; Гаспаров М. Л. Техника мозаического монтажа у раннего Мандельштама // История кино: Методология киноведения. Кино и другие искусства. Кино в пространстве культуры. М., 1999; Лекманов О. А. О луне, «милой царевне» и «высокой лейке» (три редакции одного стихотворения Мандельштама) // Лекманов. 2000. С. 516–517; Петрова Н. Литература в неатропоцентрическую эпоху. Опыт О. Мандельштама. Пермь, 2001. С. 248–264; Тоддес Е. Несколько слов в связи с комментариями Н. Я. Мандельштам (in medias res) // Шиповник: Ист.-филол. сб. к 60-летию Романа Давидовича Тименчика. М., 2005. С. 441–444.

С. Г. Шиндин.

КИРСАНОВ Семен Исаакович (5.9.1906, по др. данным 1907, Одесса – 10.12.1972, Москва), поэт. В 1920-х гг. входил в лит. группу «ЛЕФ» (ближайшее окружение В. В. *Маяковского*) и редакцию одноименного журнала. В августе

1929 в *Москве* посетил О. М. в комнате, к-рую тот снимал в Спиридоньевском пер., и читал ему свои стихи. Среди них О. М. особо выделил строки о Робин Гуде из «Сельской гравюры» (1928) К. (Герштейн. С. 20). По воспоминаниям Н. М., сам О. М. «очень хотел признания <...> Кирсанова, но это ему не удалось»: на закрытом вечере О. М. в редакции *«Литературной газеты»* 10.11.1932 К. выступил с критикой его стихов с позиции представителей молодой левой поэзии. Это обстоятельство было обыграно осведомл. Б. М. *Эйхенбаумом*, к-рый, выступая на вечере О. М. в Политехн. музее 14.3.1933, заявил: «Не забывайте, что мастерство термин ремесленный. Вот Кирсанов – тот мастер. А Мандельштам не мастер, о нет!» (СМР. Вып. 2/3. С. 91).

С октября 1933 по 14.5.1934 К. был соседом О. М. и Н. М. по писательскому дому в Нащокинском пер. В ночь с 13 на 14 мая, во время обыска в квартире О. М., завершившегося арестом хозяина, «за стеной, у Кирсанова, играла гавайская гитара» (Ахматова. Листки из дневника. С. 137). Из мемуаров А. А. *Ахматовой* эта деталь позднее попала в начальные строки песни А. А. Галича «Возвращение на Итаку. Памяти Осипа Эмильевича Мандельштама»: «Всю ночь за стеной ворковала гитара, / Сосед-прощелыга крутил юбилей». В 1935 К. включил фрагмент стих. О. М. «Сегодня дурной день...» (1911) в свою «Поэму о роботе» в качестве образца автоматич. лирики робота. Антивоен. мотивы «Баллады о неизвестном солдате» (1928) К. перекликаются с соответствующими образами «Стихов о неизвестном солдате» О. М.

О. А. Лекманов.

КИШИЛОВ Николай Борисович (24.9.1934, Раненбург Воронежской обл. – 25.9.1973, Амбуаз, Франция), художник, искусствовед, реставратор, поэт. По окончании заочного отделения ист. ф-та МГУ (1956) работал в реставрац. мастерских Моск. Кремля и Гос. Третьяковской галереи, автор работ по истории др.-рус. живописи. В 1959 познакомился и подружился с А. Д. Синявским, по делу к-рого неоднократно допрашивался КГБ. В 1959–60 написал 3 стих. об О. М. В 1963 поместил в ВСРХД под псевд. С. А. Смирнов статью «Судьба Мандельштама: К выходу первого тома полного собрания сочинений» (№ 75–76. С. 92–98; перепечатана под наст. фам.: Там же. 1991. № 160. С. 213–220), в к-рой одним из первых дал высокую оценку поздним стихам О. М. и нарисовал образ поэта-юродивого, теряющего лит. одежды – акмеиста, эллиниста, классициста – и остающегося в конце жизни нагим перед лицом музы и смерти: «Иудей по рождению и эллин по призванию, Мандельштам исполнил таинственный евангельский завет: “Возьми крест свой и следуй за мной”». В 1964 женился на Анне Карив-Кишиловой, франц. стажерке, оставшейся с ним в Москве; именно она в нач. 1960-х гг. первой привезла в Париж экземпляр списка стихов О. М., ходивших в университетской среде. После инфаркта в 1972 К. в апреле 1973 выехал во Францию, где вскоре умер.

Соч.: Стихи // ВРСХД. 1973. № 108–110. С. 279–284; «И приснившихся друзей больше нет. Только крутит карусель белый свет...». [Стихи. Илл. альбом]. Париж, 1987 (изд. подгот. П. Н. Кишиловым).

Лит.: Струве Н. А. Памяти Н. Б. Кишилова // ВРСХД. 1973. № 108–110. С. 277–278 (То же // Струве Н. Православие и культура. М., 1992. С. 143–145).

П. М. Нерлер.

КЛЫЧКОВ Сергей Антонович (24.6 или 5.7.1889, дер. Дубровки Калязинского у. Тверской губ. – 8.10.1937, Москва), поэт, прозаик, нештатный редактор Гослитиздата, член ССП. Из старообрядч. семьи. Отец – башмачник. В 1900–1907 учился в моск. реальном уч-ще И. И. Фидлера, в декабре 1905 участвовал в восстании. Поступил в Моск. ун-т, но в 1913 был исключен, как не внесший платы за обучение. 1-я публикация в 1906, 1-й поэтич. сб. «Песни: Печаль-Радость, Лада, Бова» в кон. 1910 (на титуле – 1911) в изд-ве «Альциона». В. *Брюсов*, М. *Волошин*, С. *Городецкий*, Н. *Гумилев*, Вл. Волькенштейн, А. Золотарев отметили появление нового поэта. В 1912 вышел в свет «Литературный альманах книгоиздательствава “Аполлон”», в к-ром были опубл. стихи К. и О. М. В 1913 в изд-ве «Альциона» вышел в свет 2-й поэтич. сб. К. «Потаенный сад». В это же время К. близко сошелся с С. *Городецким*, к-рый посвятил К. и О. М. по восьмистишию в своем сб. «Цветущий посох» (М., 1914). Бывая в СПб., К. «посещает собрания акмеистов, хотя и не разделяет их эстетические положения» (Клычков С. Собр. соч. Т. 2. С. 630, 584). Можно предположить, что знакомство О. М. с К. произошло в это время.

Поселившиеся в Доме Герцена К. (с нач. 1921) и О. М. (с апреля 1922 по август 1923 и в 1931) стали часто общаться: «Из соседей-писателей к Мандельштаму заходил один Клычков, живший в другом корпусе Дома Герцена» (Герштейн. С. 29). Б. *Кузин* вспоминает: «С явной симпатией, может быть, правильнее было бы даже сказать – с любовью, относился О. Э. к своему соседу по квартире в доме Герцена С. А. Клычкову». В качестве лит. секретаря отдела прозы «Красной нови» (1922–26) К. поддерживает О. М., стихи к-рого отвергал А. К. Воронский: «Что я с ним сделаю? – жаловался секретарь редакции Сергей Антонович Клычков, – он говорит: не актуально», вспоминала Н. М. Но в «Красной ниве» (1923. № 4. 28 янв.) стих. К. «Пылает за окном звезда...» (1-я публикация: Известия ВЦИК. 1922. 23 сент.) напечатано за ошибочной подписью «О. Мандельштам». Оно попало в СС 3 (С. 145), хотя и с оговоркой (С. 482), а оттуда было взято (как стихотворение О. М.) группой «Чёрный кофе» и в исполнении Д. Варшавского вошло в альбом «Переступи порог». В мае 1924 К. и О. М. подписали коллективное письмо «попутчиков» в Отдел печати ЦК РКП(б) против нападок журнала *«На посту»*.

С переезда О. М. в Москву в нач. 1931 возобновляется общение с К., переходящее в настоящую дружбу. С октября 1933 О. М. с женой живет в том же писательском доме в Нащокинском пер. (ул. Фурманова), что и К. (с октября 1932): О. М. на пятом, К. на первом этаже. В 1963 В. Н. Горбачева (жена К. с октября 1930) вспоминала: «Меня радовала дружба Сергея Антоновича с Осипом Мандельштамом. Оба вспыльчивые, горячие, они за 8 лет ни разу не поссорились. Беседы их были изумительны. Высокий строй души, чистота, поэтическая настроенность объединили их» (НМ. 1989. № 9. С. 222). Со своей стороны Н. М. пишет: «Сергей Клычков долгие годы был нашим соседом и по Дому Герцена, и на Фурмановом переулке, и мы всегда дружили с

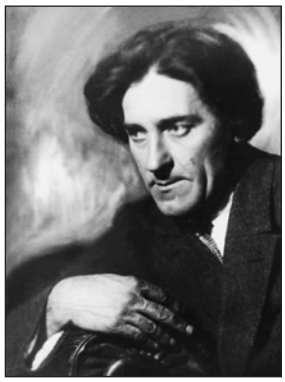
ним». В нач. июля 1932 в квартире К. произошла встреча четырех поэтов: О. М., *П. Васильева*, С. *Липкина*, *Н. Клюева*. Отметив по поводу стихов Липкина, что «еврей [т. е. неправославный] не может быть русским поэтом», К. сделал оговорку для О. М.: «Мандельштам – исключение, люблю Осипа крепко, ценю его, не то, что Пастернака, тот – спичечный коробок без спичек» (Липкин. С. 335). «Однажды в каком-то споре с Мандельштамом он [К.] сказал ему: – А все-таки, О. Э., мозги у вас еврейские. На это Мандельштам немедленно отпарировал: – Ну что ж, возможно. А стихи у меня русские. – Это верно. Вот это верно! – с полной искренностью признал Клычков» (Кузин. С. 174).

Отношения О. М. с К. происходят не только в личном плане, но и в поэтическом и идейном. После сближения в Москве с «крестьянскими поэтами» (Клюев, К., Васильев) у О. М. под их влиянием укрепляется «русский голос» и «народность» (Ронен. С. 52). «Их [О. М. и К.] роднило отношение к фольклору <...> и пантеистическое, священное отношение к природе» (Солнцева. С. 79) и сочувствие к бедам крестьянства. «Вашей судьбе завидую», – говорил О. М. К.

К. «Мандельштама очень уважал и выслушивал его резкую критику со вниманием, всегда следовал его советам (только в поэзии). Мандельштам, в свою очередь, очень ценил "волчий вой" последних стихов: "...пОсиди сО мнОй, ради БОга, пОсиди" и др.» (Клычков С. Собр. соч. Т. 1. С. 255, 527). В концовке стих. «За гремучую доблесть грядущих веков...» («Волк», 17–28.3.1931) О. М., по замечанию О. Ронена, «вторит замечательным строкам Клычкова, уверившегося, «что человек страшней / И злей любого зверя» («Меня раздели донага...», 1929), и все-таки пообещавшего: «Средь человечья стада / Умру, как человек» («Должно быть, я калека...», 1929)».

Стих. О. М. «Там, где купальни-бумагопрядильни...» (апрель 1932) посвящено К., как и третья часть «Стихов о русской поэзии» («Полюбил я лес прекрасный...», 3–7.7.1932). По поводу стиха «Там без выгоды уроды / Режутся в девятый вал» К. сказал: «Это про нас с Вами, Осип Эмильевич... В карты ни тот, ни другой не играли – у них был другой "девятый вал" и ставки крупнее всякой карточной» (Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 349). В выражении «хвой павлинья кутерьма» Н. В. Серебренников усматривает намек на К., поскольку в стих. «Клеветникам искусства» (1-ая пол. 1932) Клюев соотносил стихи К. с еловыми шишками (Николай Клюев: образ и судьба. Вып. 2. Томск, 2005. С. 145). Слышал ли О. М. о замысле поэмы К. «Китежский павлин»? Стих. О. М. «Это какая улица?» (апрель 1935, Воронеж) показалось К. нескромным: «Он считал, что Мандельштам преувеличивает свое значение» (Герштейн. С. 61).

Критика ставила О. М. в один ряд с «кулацкими» поэтами. По словам А. Архангельского, И. Сельвинский жаловался на то, что «в "Новый мир" проникают Мандельштам и Клычков. – Это наводит на грустные мысли» (ЛГ. 1933. 11 мая). Готовя 3-й пленум Правления СП А. Сурков предлагал классификацию поэтов, в к-рой Клюев, К. и О. М. значились советскими «только по паспорту, а не по духу» (письмо Горькому от 28.11.1935). В стихотворной «Речи о деревне» (НМ. 1935. № 2. С. 49–55) Лев Длигач атаковал О. М. вместе с крест. поэтами (Ронен. С. 52–53).



Сергей Антонович Клычков

В своих показаниях О. М. (май 1934) и К. (август 1937) не оговорили друг друга и даже не упоминали о своей связи (хотя К. был одним из слушателей эпиграммы о Сталине. Ее строка «Что ни казнь у него – то малина» перекликается с образом Рысачихи, помещицы-палача из романа К. «Князь мира» (1928), прозванной «калиной-малиной».

К. был арестован 31.7.1937 и через два с небольшим месяца расстрелян. По словам Н. М., «после смерти Клычкова люди в Москве стали как-то мельче и менее выразительны».

Соч.: Собр. соч.: В 2 т. М., 2000; Сергей Клычков: Переписка, сочинения, материалы к биографии // НМ. 1989. № 9. С. 193–224.

Лит.: Коненков С. Мой век. М., 1972; Клычков Г. С. Медвяный источник (Очерк биографии и творчества С. А. Клычкова) // Наше наследие. 1989. № 5(11). С. 93–97; Азадовский К. М. Клычков Сергей Антонович // Русские писатели 1800–1917. Т. 2. М. 1992. С. 553–555; Солнцева Н. Последний Лель. О жизни и творчестве Сергея Клычкова. М., 1993; Она же. Сергей Клычков // Русская литература 1920-х – 1930-х годов: Портреты поэтов. М.: ИМЛИ РАН, 2008. Т. 1. С. 100–130; Липкин С. Квадрига: Повесть. Мемуары. М., 1997; Ронен О. Поэтика Осипа Мандельштама: Сб. статей. СПб. 2002; Кравченко Т., Михайлов А. Наследие комет. Неизвестное о Николае Клюеве и Анатолии Яре. М; Томск, 2006.

Ук.: Русские советские писатели. Поэты. Т. 11. М. 1988. С. 4–31.

Мишель Никё.

КЛЮЕВ Николай Алексеевич (10.10.1884, предположительно дер. Мокеево Кирилловского у. Новгородской губ. либо одна из дер. Коштугского у. Олонецкой губ. – между 23 и 25.10.1934, Томск), поэт. 1-я публикация в 1904, 1-й поэтич. сб. «Сосен перезвон» в 1911 (на титуле – 1912; сборник посвящен А. А. *Блоку*, предисл. В. Я. *Брюсова*). В 1900-е гг. жил преим. с родителями в дер. Желвачево Вытегорского у. Олонецкой губ. С осени 1911 регулярно приезжал в С.-Петербург и Москву. Знакомство – через Блока – с С. М. *Городецким* привело к сближению с журналом *«Аполлон»* и 1-м *«Цехом поэтов»*. Тогда же К. познакомился с Н. С. *Гумилевым* и А. А. *Ахматовой* (Гумилев приветствовал в «Аполлоне» появление сб-ков «Сосен перезвон» и «Братские песни»). В ноябре 1911 вышел в свет «Литературный альманах книгоиздательства "Аполлон"», в к-ром были опубликованы «Песни» К. («Девичья» и «Теремная»)

и 3 стих. О. М. Непосредственно соседствуют три стихотворения К. со стихами О. М. в 1-м вып. журнала *«Гиперборей»* (октябрь 1912). Акмеисты выделяли К. среди совр. поэтов, видели в его поэзии «адамизм», первобытную «силу» и т. д. «К. хранит в себе народное отношение к слову как к незыблемой твердыне, как к Алмазу Непорочному» (Городецкий С. Некоторые течения в современной русской поэзии // Аполлон. 1913. № 1. С. 47). Недолгая близость с акмеистами не прошла для К. бесследно: влияние их эстетики явственно ощутимо в его творчестве 1910-х гг.

Что касается личных встреч, можно с большой долей уверенности предположить, что К. и О. М. встречались в кон. 1912 – нач. 1913 (К. находился тогда в С.-Петербурге) на заседаниях «Цеха поэтов» либо в кабаре *«Бродячая собака»* (возможно, 19.12.1912 на докладе Городецкого «Символизм и акмеизм»). Присутствовал К. и на заседании Всерос. лит. об-ва 15.2.1913, где выступал О. М., наряду с др. акмеистами. О. А. Лекманов полагает, что нек-рые образы из предисл. Брюсова к сб. «Сосен перезвон» нашли отражение в стих. О. М. «Notre Dame», 1912. Позднее, в 1915–16, К. и О. М. могли встречаться в Деламотском флигеле Академии художеств, где жили братья Л. А. и Н. А. *Бруни*. Перечисляя завсегдатаев лит.-худож. кружка, собиравшегося в их квартире, мемуаристы, кроме О. М., называют и К. (см.: Пунин. Н. Н. Квартира № 5. Глава из воспоминаний // Панорама искусств. М., 1989. Вып. 12. С. 181; и др.). Однако прямых подтверждений личного знакомства О. М. с К. в 1910-х гг. не обнаружено.

В отношении О. М. к поэзии К. усматривается известная непоследовательность. С одной стороны, О. М. разделял весьма распростран. взгляд на К. как на поэта «из народа», олонецкого сказителя, чье творчество носит «первозданный» характер. В ст. «Письмо о рус. поэзии» (1921) О. М. писал: «Клюев – пришелец с величавого Олонца, где русский быт и русская мужицкая речь покоится в эллинской простоте и важности. Клюев народен потому, что в нем сживается ямбический дух Боротынского с вещим напевом неграмотного олонецкого сказителя».

Тем не менее в ст. «Буря и натиск» (1923) О. М. отзывался о «фольклоризме» К. скорее в критич. духе. Называя «народными» поэтами В. В. *Маяковского* и В. *Хлебникова*, О. М. подчеркивал, что их творчество противостоит «подслащенному фольклору», к-рый еще «продолжает существовать в поэзии Есенина и отчасти Клюева».

О встречах поэтов в 1920-е гг. в Ленинграде (К. окончательно перебрался из Вытегры в Петроград осенью 1923) известно немного. Писатель Л. И. *Борисов* вспоминал об одной из «пятниц» в квартире Н. В. Баршева летом 1924, где среди прочих гостей были О. М. и К.; оба читали свои стихи.

Осенью 1930 и в 1931 К., наезжая в Москву, неоднократно навещал С. А. *Клычкова* и его жену В. Н. Горбачеву, проживавших в *Доме Герцена* на Тверском бул. «Рюрик Ивнев, Николай Клюев – одно время ежедневные гости», – отмечено в записях Горбачевой 13.4.1931, познакомившейся тогда с О. М. (НМ. 1989. № 9. С. 209–210). Вероятно, именно весной 1931 состоялась длительная (4-часовая) встреча К. с О. М. у Клычковых, подробно описанная в воспоминаниях поэта С. И. *Липкина* (рассказывается о знакомстве поэтов разных поколений: Клычков представлял П. Н. *Васильева*, а О. М. – Липкина). Память мемуариста сохранила колоритные детали той встречи, говорящие, в частности, о близком знакомстве К. с О. М.: «К. привстал, крепко обнял М., они троекратно поцеловались...» (Липкин С. Квадрига: Повесть. Мемуары. М., 1997. С. 334).

Об отношении К. к О. М. свидетельствует приведенная мемуаристом деталь: комментируя сомнит. реплику Клычкова, к-рую можно было истолковать как антиеврейскую, К. произнес: «Проснись, Сергунька, рядом с тобой – Мандельштам (именно так, через о)» (Там же. С. 335). По сообщению Липкина, К. в тот вечер читал «Погорельщину» (1928; впервые опубл. в 1954; в СССР – в 1987). Липкин сказал: «О. М. отозвался восторженно» (запись беседы от 10.1.1985; о реакции О. М. на «Погорельщину» не сообщается). О. М., безусловно, продолжал ценить талант К.: «Относился к Клюеву почтительно» (из беседы от 10.1.1985). Перечисляя поэтов, к-рых О. М. в его присутствии «хвалил всегда», Липкин называл и К. (Липкин С. Квадрига. С. 394). Ахматова вспоминала, что О. М. читал ей на память отрывки из стих. К. «Клеветникам искусства» (у Ахматовой «Хулители искусства»), 1932 (Ахматова. Листки из дневника, С. 135), в к-ром содержатся строки, посвященные ей («Ахматова – жасминный куст...» и т. д.).

Говоря о клюевских мотивах, реминисценциях и «подтекстах» в поэзии О. М. О. Ронен усматривает, в частности, отзвук поэм «Деревня» (1927) и «Погорельщина» (1928) в стих. О. М. «о шестипалой неправде» («Я с дымящей лучиной вхожу...», 4.4.1931). Ряд параллелей между поздними стихами О. М. («Если б меня наши враги взяли...», 1937) и поэзией К. выявлен также в заметке О. Лекманова «О двух “гражданских” стихотворениях О. Мандельштама».

В мае–июне 1931 К. навещал О. М. и Н. М. в Старосадском пер., позднее – в Доме Герцена. Общение К. с О. М. стало регулярным после окончат. переезда К. в Москву (1932). Э. Г. *Герштейн* сообщает, что О. М. навещал К. в его квартире в Гранатном пер., д. 12 (дом не сохр.) вместе с Л. Н. *Гумилевым*: «Вернулись домой оживленные и возбужденные: только что заходили к Клюеву О. М. цитировал его стихи и показывал, как гордо К. читал их». Положение К. и О. М. в ту пору было во многом сходно: оба оказались вне офиц. литературы, стали объектами яростных нападок в печати.

2.2.1934 К. арестован в своей моск. квартире. Его дело вел следователь Н. Х. *Шиваров*, тот же, что позднее вел дело О. М. Признав на допросе 15.2.1934, что он читал «Погорельщину» у Клычкова и др. своих знакомых, К., однако, не назвал среди них О. М. (Огонек. 1989. № 43. С. 10).

Сначала сосланный в г. Колпашев (Зап. Сибирь), К. в октябре 1934 был переведен в Томск. Там он получил известие о О. М. В письме к Горбачевой от 25.10.1935 он спрашивал: «Как поживает Осип Эмильевич? Я слышал, что будто он в Воронеже?» (НМ. 1988. № 8. С. 187). О. М. знал о пребывании К. в Томске (Ахматова, навестившая О. М. в Воронеже в феврале 1936, наверняка сообщила ему обстоятельства ссылки К., поскольку постоянно виделась в то время с Клычковыми). В июне 1937 К. вторично арестован, заключен в Томскую тюрьму, расстрелян по постановлению «тройки».

Лит.: Борисов Л. За круглым столом прошлого. Л., 1971; Азадовский К. М. Клюев и «Цех поэтов» // ВЛ. 1987. № 4.

С. 269–278; Он же. «Меня назвал “Китежанкой”»: А. Ахматова и Н. Клюев // ЛО. 1989. № 5. С. 66–71; Ахматова. Листки из дневника; Герштейн; Лекманов. 2000; Никё М. О. Мандельштам и Н. Клюев. Томск, 2005.

К. М. Азадовский.

КОВАЛЕНКОВ Александр Александрович (15.3.1911, Новгород – 8.11.1971, Москва), поэт, преподаватель Лит. ин-та им. А. М. Горького. Автор 35 книг, в т. ч. 24 поэтических. Встречался с О. М. в нач. 1930-х гг. О. М. был внутр. рецензентом 1-го поэтич. сб. К. «Зеленый берег». В 1957 К. выступил в журнале «Знамя» со ст. «Письмо старому другу», содержавшей, наряду с выдержками из этого отзыва О. М. и искаженными цитатами из его неопубл. стихотворений 1931 («Я скажу тебе с последней прямотой...», «Я пью за военные астры...», «Довольно кукситься! Бумаги в стол засунем...»), ложные и оскорбит. упоминания о нем. В частности, К. писал: «Мне довелось неоднократно встречаться с Мандельштамом. <...> Запомнились не только его желчные вздохи о невозможности реставрировать на буржуазный лад принципы античного искусства <...> но и попытки найти контакт с современностью, эстетизировать то, что для нас было самой жизнью, а для него – объектом для самонаблюдения. <...> Думается, что “капиталистические пережитки в сознании” нашли после революции наиболее прочную поддержку у поэтов-акмеистов. Мандельштам был одним из крупнейших представителей этого направления. Предметность, отточенность его стихов была соблазнительным противодействием абстрактному пафосу, которым грешили многие поэты тех лет. Но за каждой строкой этого оказавшего настолько заметное влияние на литературные течения начала тридцатых годов поэта, что даже появился термин “мандельштамп”, стоял призрак буржуазной цивилизации Запада. Сергей Есенин однажды даже пытался бить Мандельштама. И было за что» (Знамя. 1957. № 7. С. 168–169). При этом столь же уничижительно К. отозвался и об А. А. *Ахматовой* («Влияние Ахматовой на литературную молодежь тридцатых годов было равно нулю. Оно неожиданно проявилось значительно позднее, в конце войны и первые послевоенные годы. Наряду с ее патриотическими стихами ленинградские журналы опубликовали и ряд упадочных, проникнутых религиозной символикой стихов, а в списках вновь появились ранние и неопубликованные произведения поэтессы»), сумев при этом противопоставить ее поэзию творчеству О. М.: «У Анны Ахматовой, литературная биография которой, так же как и у Мандельштама, неразрывно связана с развитием и угасанием акмеистической школы, таких стихов не найдешь. Чувство родины спасло ее от музейной пыли и читательского равнодушия» (Там же. С. 169). Н. М. обратилась с негодующим письмом в СП СССР: «Некий Коваленков в № 7 журнала “Знамя” позволил себе непристойный выпад против покойного О. Мандельштама. Коваленков пишет: “Есенин пытался даже бить Мандельштама – и было за что”. Далее Коваленков приводит искаженную цитату из стихотворения О. Мандельштама, написанного в 1931 г., считая, что этим он разоблачает буржуазный характер поэзии Мандельштама и тем самым обосновывает свой призыв к кулачной расправе. Этот призыв достаточно характеризует автора статьи, судя по статье, оскорбленного лет тридцать назад отрицатательной рецензией Мандельштама на его книгу. Выходка Коваленкова квалифицируется как заурядное хулиганство и поэтому меня не интересует. Гораздо существеннее, что это хулиганство имело место на страницах советского журнала. Печатая такие статьи, ответственный редактор журнала “Знамя” пропагандирует насилие и хулиганство как методы литературной борьбы. Поэтому я требую, чтобы Кожевников был снят с поста ответственного редактора журнала “Знамя” и чтобы о причинах этого снятия было сообщено в печати.

Прибавлю, что за всю мою жизнь с Мандельштамом (с 1921 по 1938 г.) никаких столкновений между Мандельштамом и Есениным не было, тем более, что Мандельштам не посещал кабаков, где литературные споры могут принимать формы, рекомендуемые журналом “Знамя”. Накануне или за два дня до смерти Есенина я была свидетельницей его дружеской встречи с Мандельштамом. Это я сообщаю для реабилитации Сергея Есенина.

Что же касается до Коваленкова, то я предоставляю Союзу писателей решить, совместимо ли глумление над могилами со званием члена Союза советских писателей. Надежда Мандельштам». В проекте открытого письма *Комиссии по литературному наследию О. Э. Мандельштама* в ред. журнала «Знамя», набросанном рукой Н. М. и с небольшой правкой А. А. *Суркова* говорится: «Комиссия по литературному наследству О. Мандельштама считает, что любой писатель имеет право на оценку другого писателя, но только в пределах его творчества и методами, принятыми в литературной практике. Между тем журнал “Знамя” опубликовал в № 7 статью Коваленкова, содержащую недопустимые выпады против покойного О. Мандельштама, призывая к кулачной расправе над ним. Кроме того, Коваленков позволил себе цитировать в грубо искаженном виде нигде раньше не публиковавшиеся стихи Мандельштама. Комиссия по литературному наследству О. Мандельштама считает выпад Коваленкова недопустимым и несовместимым с практикой советской прессы» (РГАЛИ. Ф. 1899. Оп. 1. Д. 721). Этот протест, судя по всему, в печать не передавался: ср. в письме Н. М. к Ахматовой (не ранее 23.7.1957): «Кстати, по поводу “Знамени”. Он хотел написать от имени комиссии письмо (открытое) с протестом в “Знамя”. Просил меня написать проект. Но я, когда писала, поняла, что у меня нет слов, способных быть напечатанными, по этому поводу. Сначала я говорила ему, что не оставлю этого так, но теперь у меня появилась глубокая апатия. Посмертная травля Оси со стороны “Знамени”, вероятно, “Литгазеты” и, может быть, “Звезды” прольет свет на какие-то черты биографии. Мы расстались с Сурковым во вторник. Он хотел отредактировать мой проект письма, чтобы его подписали члены комиссии по наследству. А я – что мне достаточно его отношения, которое меня успокоило, и что впредь я просто не буду читать журналов, которые печатают Коваленкова... Мне действительно стало все равно. Никакая комиссия не сможет действовать грязными методами Коваленкова (кстати, это клевета и на Есенина; отношения были странные, но дружественные. Осмеркину Есенин говорил, что он “этого жида любит”; встретили мы его чуть ли не накануне самоубийства, он звал в трактир, и Ося долго каялся, что не пошел). Если писать письмо, придется повторять и мусолить Коваленковские перлы “собирался бить” и “было за

что”. Я этого не могу, а Ося, слава богу, умер» («В этой жизни меня удержала только вера в Осю...» Письма Н. Я. Мандельштам А. А. Ахматовой. / публ., вступ. заметка, подгот. текста и коммент. Н. И. Крайневой // ЛО. 1991. № 1. С. 99).

С о ч.: Зеленый берег. М., 1935; Письмо старому другу. Знамя. 1957. № 7. С. 165–171; Хорошие, разные...: Литературные портреты. М., 1966.

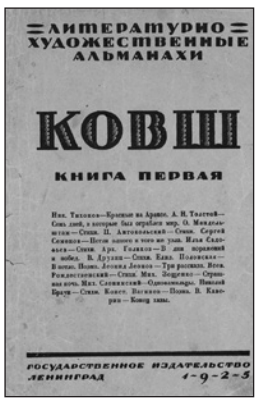
Лит.: Р а с с а д и н Ст. Что сказал бы Маяковский?.. // НМ. 1966. № 11. С. 271; Особый жанр [Внутр. рец. О. Мандельштама на кн. стихов А. Коваленкова] / предисл. К. Ваншенкина; публ. С. Коваленкова; примеч. П. Нерлера // ВЛ. 1981. № 3. С. 300–304.

П. М. Нерлер.

«КОВЧЕГ», «альманах поэтов», вышедший в *Феодосии* весной 1920. 27.3.1920 местная «Крымская газета» анонсировала выход 6.4.1920 50 нумерованных экз. Редколлегия «К.»: В. С. Бабаджан, Э. Л. *Миндлин* и А. С. Соколовский. Также в «К.» участвовали Э. Г. *Багрицкий*, А. А. Биск, М. А. *Волошин*, А. Б. Гатов, Ф. Гиз, Е. Кранцфельд, М. П. *Кудашева*, О. М., С. Я. *Парнок*, Г. В. Полуэктова, Г. С. Томилин, А. Фиолетов, М. И. *Цветаева*, А. В. *Цыгальский*, Г. А. *Шенгели* и И. Г. *Эренбург* (в анонсе упоминалась также А. Герцык, стихов к-рой в «К.» нет). «К.» – самое значит. издание ФЛАКа (Феодосийский лит.-артистич. кружок), где объединились поэты Москвы и Крыма, Петербурга и Одессы. Тираж «К.» составлял от 100 до 150 экз. О. М. представлен в К. 5 стих.: «Только детские книги читать...», «Когда. соломинка, ты спишь в огромной спальне...», «Сестры тяжесть и нежность...», «Среди священников левитом молодым...» и «Зверинец» (Ода). На титуле экземпляра «К.», принадлежавшего Миндлину, имеется инскрипт О. М.: «Что я скажу? Осип Мандельштам»» (РГАЛИ. Ф. 2552. Инв. № 11879а). В мире сохранилось ограниченное число экземпляров «К.», что побудило Всемирный клуб одесситов в 2002 переиздать его таким же тиражом в 150 нумерованных экземпляров репринтно (по экземпляру из коллекции Б. Я. Фрезинского, с правками от руки Эренбурга и Цветаевой). Это издание дополнено очерками О. М. «Феодосия», воспоминаниями Миндлина и комментариями В. П. Купченко (сост. и автор предисл. Е. М. Голубовский).

Е. М. Голубовский.

«КОВШ», лит.-худож. альманах, к-рый выходил в Ленинграде (ГИЗ, 1925–26). Вышло четыре книги «К.». Ответств. ред. С. Семенов. «К.» известен как первое место работы писателя А. П. Гайдара. Здесь публиковались П. Г. Антокольский, Н. Н. Браун, Н. Н. Гладилов, М. *Горький*, Л. И. Добычин, В. А. *Каверин*, Б. Л. *Пастернак*, Л. И. Раковский, Л. Н. Сейфулина, И. С. Соколов-Микитов, Н. С. *Тихонов* и др. Альманах упомянут в стих. М. М. Шкапской «В ковше каверинскую “Хазу”...». О. М. опубликовал в «К.» (1925. Кн. 1. С. 34–35) два стих. «Вариант» («Нет, никогда, ничей я не был современник...») и «Московский дождик» («Он подает куда как скупо...»).


ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ АЛЬМАНАХИ

КОВШ

КНИГА ПЕРВАЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАД 1-9-2-5

Обложка литературно-художественного альманаха «Ковш»

В. В. Калмыкова.

КОЗИНЦЕВА-ЭРЕНБУРГ (Козинцова-Эренбург) Любовь Михайловна (30.12.1899, Киев – 7.6.1970, Москва), художница, ученица А. А. *Экстер*, в студии к-рой в 1918–19 училась вместе с Н. М. (Хазиной). В августе 1919 вышла замуж за И. *Эренбурга*. Знакомство с О. М. состоялось в Киеве в том же году; подруга К.-Э. по студии Экстер, С. К. *Вишневецкая*, тогда же, в 1919, стала женой Е. Я. *Хазина*. В кон. 1919 вместе с Эренбургом и Я. И. Соммер К.-Э. уехала из Киева в Коктебель к М. А. *Волошину*; где вскоре заболела тифом (среди помощников Эренбурга в спасении жены был и А. Э. Мандельштам (см. Э р е н б у р г И. Собр. соч.: В 8 т. М., 2000. Т. 7. С. 92). После выздоровления общалась с О. М. В сентябре 1920 вместе с Эренбургом и Соммер на барже добралась до Грузии, где в Тифлисе встречалась с О. М., а затем с ним вместе отправилась в *Москву*, где в связи с арестом мужа обратилась за помощью к Н. И. *Бухарину*. В Москве училась у А. М. *Родченко*. По свидетельству Н. М., «Мандельштам вернулся в Москву с Эренбургами. Он поехал в Петербург и, прощаясь, попросил Любу, чтобы она узнала, где я. В январе Люба написала ему, что я на месте, в Киеве, и дала мой новый адрес – нас успели выселить. В марте он поехал за мной – Люба и сейчас называет себя моей свахой». [В кон. 1960-х гг. Б. М. Сарнов записал рассказ К.-Э.: «“Я знала, что Ося влюблен в Надю, что у них все давно сговорено. Но Надя томилась в Киеве, а он болтался то в Москве, то в Питере, и делать решительный шаг не спешил”. И вот, страдая за подругу, Любовь Михайловна однажды не выдержала и сказала ему: “Ося, по-моему, вам надо поехать в Киев за Надей и привезти ее сюда”. Осип Эмильевич послушался. Поехал, и привез. А совсем недавно, – закончила свой рассказ Любовь Михайловна, – вспомнив про это, я сказала Наде: “Ты должна проклинать меня. Ведь это я обрекла тебя на твою ужасную, кошмарную жизнь!”. “И что она вам ответила?” – спросил я. – Она сказала: “За всю жизнь у меня не было ни одного дня, когда я пожалела бы об этом”» (Архив Б. М. Сарнова).] В марте 1921 вместе с Эренбургом К.-Э. уехала на Запад; в 1921–23 жила в Берлине, в 1924–40 в Париже. Приезжая в СССР вместе с Эренбургом в 1924, 1926, 1932, 1934, 1935 и 1937, К.-Э. поддерживала дружеские отношения с О. М. и Н. М. В письме из Парижа Вишневецкой от 23.10.1934 она писала: «Привет горячий Лене [Е. М. Фрадкина] и Жене [Е. Я. Хазин]. Как Надя и О. Э.?» (РГАЛИ. Ф. 2441. Оп. 1. Ед. хр. 323. Л. 3). 11.1.1938 на допросе арестованного в Ленинграде 21.10.1937 Б. К. *Лившица* К.-Э. была отведена роль «троцкистского эмиссара» парижского «центра»; в протоколе допроса

значится: «Ее возмущало отношение советской власти к писателям, в частности “расправа” с О. Мандельштамом» (Шнейдерман. С. 95). После 1940 К.-Э. встречалась и переписывалась с Н. М. («Пути наши [с Эренбургом] разошлись, но добрые отношения сохранились – особенно с его женой Любой».) В кон. 1966 – нач. 1967 Н. М. писала К.-Э. «У меня ощущение, что я начала жить с тех пор, когда мы встретились – очень важными девочками – в мастерской у Мурашко. И с тех пор у меня всегда было светлое чувство любви к вам и ощущение вашей дружбы. Оно не изменяло мне, хотя судьба разводила нас на неслыханные расстояния, но я всегда была уверена в вашем отношении и никогда не отходила от вас. Мы обе скупы на добрые слова и на признания, обе прожили трудную и разную жизнь, но всегда, по-моему, ценили наши редкие встречи вдвоем, и всегда нам обеим было хорошо во время этих встреч (не то, чтобы я не ценила Илью Григорьевича [Эренбурга] – я люблю его и уважаю; но наши немногословные отношения – они “отдельные”)» (Архив Б. Я. Фрезинского). На подаренной К.-Э. после смерти Эренбурга кн. О. М. «Разговор о Данте» Н. М. сделала надпись: «Любе Эренбург – эту книжку, за выход которой так боролся Илья Григорьевич. Н. Мандельштам».

Лит.: Купченко В. Ссора поэтов (к истории взаимоотношения О. Мандельштама и М. Волошина) // Слово и судьба. Осип Мандельштам: Исследования и материалы. М., 1991. С. 176–183; Шнайдерман Э. Бенедикт Лившиц: арест, следствие, расстрел // Звезда. 1996. № 1. С. 82–126.

Б. Я. Фрезинский.

КОМАРОВСКИЙ Василий Алексеевич (21.3.1881, Москва – 8.9.1914, Царское Село), поэт, прозаик, был близок к 1-му *«Цеху поэтов»*. По мнению М. Л. Гаспарова, «позднейшая поэтика (не только “царскосельская”) Гумилева, Ахматовой и Мандельштама», вопреки прочно устоявшемуся мнению, «гораздо больше опирается на Комаровского, чем на Анненского» (Русская поэзия серебряного века: Антология. М., 1993. С. 687). Среди общих черт поэтики, объединяющих О. М. и К., в частности, «сродство двусоставной фигуры с “приложением”» и «пристрастие к сочетанию ярко-светлого с темным, черным» (Топоров. С. 310). Конкретные точки схождения с К. исследователи обнаруживают в стихах О. М. «Царское Село», «Пусть в душной комнате, где клочья серой ваты...», «Старик», «От вторника и до субботы...» (Там же. С. 308–309; см. также: Устинов. С. 104, 108), «Золотистого меда струя из бутылки текла...» (Тименчик. С. 67). Прямую оценку творчества К. находим в письме О. М. к Н. М. от 27.2.1926: «...Поэт Комаровский “тот самый”. Он очень хороший. Достань стихи». См. также в письме С. Б. *Рудакова* к жене, отправленном из Воронежа в 1935 о себе и об О. М.: «...Зачитываемся Комаровским <...> он, по моей концепции, является одним из очень чистых в типовом смысле акмеистов (!) раннего периода этого течения. (Биографически Комаровский был чужд, а может быть, и враждебен акмеизму). М[андельштам] ворчит (“не приемлет” Комар[овского] в акмеисты), а я свое – и неопровержимое. Он после пары оговорок сдается» (Мандельштам в письмах Рудакова. С. 40).

Лит.: Тименчик Р. Д. Текст в тексте у акмеистов // УЗ Тартуского гос. ун-та. Вып. 567. Труды по знаковым системам. 1981. Вып. XIV; Топоров В. Н. Поэзия и проза В. А. Комаровского // Комаровский В. А. Стихотворения. Проза. Письма. Материалы к биографии. СПб., 2000; Устинов А. Б. Поэтические прогулки В. Комаровского или частный случай «антиномичности поэтики русского модернизма» // В. Я. Брюсов и русский модернизм. М., 2004.

А. М. Галашина, О. А. Лекманов.

КОМИССАРЖЕВСКАЯ Вера Федоровна (27.10.1864, С.-Петербург – 10.2.1910, Ташкент), актриса. Для О. М. фигура К. символична, что видно по трактовке образа актрисы в посв. ей отд. главе («Комиссаржевская») в «Шуме времени». Личность К. рассматривается здесь в контексте рассуждений О. М. о специфике памяти и биографии рус. интеллигента-разночинца, к-рому присуще стремление к самоописаниям на материале прочитанного, а не прожитого. Знаковая фигура актрисы соотнесена с рев-цией как явлением: К. понята поэтом как ее предтеча.

О. М. трактует личность и творчество актрисы не в контексте ее причастности к символистской театр. и культурной эстетике, а в русле ее соотнесенности с народнически-разночинской проблематикой времени. Известно, что К. перед тем, как обратиться к символистскому театру, уделяла большое внимание драматургии М. *Горького* (постановка пьесы «Дачники») и авторов изд-ва «Знание». О. М. передает конкретные черты ее индивидуальной пластики, сценич. поведения: «Ходить и сидеть она скучала»; «у Комиссаржевской были все данные большой трагической актрисы, но в зародыше», и сравнивает К. с Жанной д’Арк, отмечает ее роль как одного из духовных лидеров поколения. Специфика сценич. искусства К., по мнению О. М., способствовала введению рус. театра в общеевроп. культурное пространство.

В 1904 К. организовала собств. театр. труппу и собств. драм. театр. В «студии на Офицерской» (с 1906) спектакли ставились в соответствии с ее пониманием театр. эстетики, к-рая для О. М. также являлась одним из знаков эпохи, передававших внутр. потребность зрителя: «Для начала она выкинула всю театральную мишуру: и жар свечей, и красные грядки кресел, и атласные сукна лож. Деревянный амфитеатр, белые стены, серые сукна – чисто, как на яхте, и голо, как в лютеранской кирке». Несовпадением эстетич. принципов О. М. объяснял уход К. из петерб. Александринского театра, в труппе к-рого она была занята в 1896–1902.

Особое внимание О. М. уделяет голосу актрисы, к-рый, с его точки зрения, подчинен законам и требованиям «словесного строя» драм. произведения. Именно голос, при всей мгновенности и неповторимости этой составляющей спектакля, является для О. М. залогом жизнеспособности театра как искусства.

В главе «Шума времени» О. М. конкретно говорит о двух спектаклях театра К. – «Гедда Габлер» Г. Ибсена и «Балаганчик» А. А. *Блока*. Пьеса Ибсена – «комнатная драма» – в трактовке К. приобрела все черты трагедии, а

Вера Федоровна Комиссаржевская

произведение Блока явилось насмешкой над «ложным и невозможным кислородом театрального чуда», ставя его, К. «посмеялась над собой».

Пригласив в свой театр В. Э. *Мейерхольда* в качестве режиссера, К. начала устраивать «субботы», на к-рых присутствовал весь лит. Петербург, в частности поэты и литераторы, в чей круг входил и О. М.

Образ К. оставался знаковым для современников, в частности, для О. М., и после ее смерти. Так, в 1914 на сцене театра-студии им. К. была поставлена трагедия В. А. Озерова «Дмитрий Донской», чему посвящено стих. О. М. «Есть ценностей незыблемая скáла...». Кабаре *«Бродячая собака»*, завсегдатаем к-рого являлся О. М., организовано Б. К. *Прониным*, быв. актером театра К. при ее жизни.

Фигура К. связана для О. М. как с ролью Нины Заречной в «Чайке» А. П. Чехова, благодаря чему образ летящей чайки возникает с стих. «Казино» (см. об этом: Лекманов. 2000. С. 471), так и с судьбой худ. Н. Н. Сапунова, трагически погибшего летом 1912. Мотив внезапной смерти в расцвете сил, непрочности и ненадежности земного бытия при том, что оно, безусловно, прекрасно, составляет одну из смысловых линий «Камня», см.: «Но если ты мгновенным озабочен, / Твой жребий страшен и твой взор непрочен!» («Паденье – неизменный спутник страха», 1912).

В системе ценностей О. М. фигура К. связана еще с неск. темами. Так, его рассуждения о голосе актрисы и тексте в ее исполнении отразились впоследствии в ст. «Художественный театр и слово». Трагич. дарование К. вызвало внимание О. М. к трагедии как театр. жанру и шире – к театр. эстетике рус. и зап. классицизма, несмотря на то что К. в своем театре выступала против влияния зап. эстетики, и О. М. сам отмечал противостояние обеих эстетич. позиций.

Лит.: Рудницкий К. Л. Мейерхольд. М., 1981; Лекманов О. А. Стихотворение Мандельштама «Казино» как манифест и некролог // Лекманов. 2000. С. 470–471.

В. В. Калмыкова.

КОМИССИЯ ПО ЛИТЕРАТУРНОМУ НАСЛЕДИЮ О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА, впервые создана постановлением Секретариата СП СССР от 28.2.1957 (протокол № 9. § 16. По заявлению Н. М.) в следующем составе: А. А. *Ахматова*, Н. М., З. С. Паперный, А. А. *Сурков* (пред.), Н. И. *Харджиев*, Е. Я. Хазин (секр.) и И. Г. *Эренбург*. 15.3.1957 о создании К. было сообщено Хазину, немедленно телеграфировавшему об этом Н. М. в Чебоксары (АМ. Короб 3. Д. 104. Л. 12). Офиц. извещения о создании К. были разосланы ее членам в нач. апреля 1957, 16.6.1957 сообщение об этом появилось в многотиражке СП СССР «Московский литератор». Само создание такой комиссии, призванной от имени советской власти посмертно воздать должное писателю, репрессированному советской властью и к тому же никогда не бывшему членом СП СССР, может быть понято только в контексте преломления разоблачений и решений XX съезда КПСС в области литературы. Комиссии по лит. наследию стали учреждать посмертно, их секретарями назначали, как правило, к.-л. из уцелевших родственников или друзей, членами – писателей и литературоведов, а председателями – больших лит. начальников. Такой симбиоз сторон – семьи и дружеского круга, коллег по писательскому цеху и лит.-издат. официоза – неплохо зарекомендовал себя, особенно в годы хрущевской оттепели. Они являлись как бы инфраструктурой для проталкивания инициатив по сбору соответствующих творч. и биографич. материалов, по изданию и переизданию произведений, по проведению вечеров и юбилеев, иногда по увековечению памяти или решению бытовых проблем наследников писателя. Именно К. настояла на включении в план подготовки изд-ва «Советский писатель» тома стихов О. М. в Большой серии «Библиотеки поэта»: по этому поводу имелись намерения пригласить на 1-е заседание К., намечавшемся на кон. апреля или нач. мая 1957, гл. ред. «Библиотеки поэта» В. Н. *Орлова* (см.: Стихотворения. 1973). Сведений о том, состоялось это заседание или нет, не имеется, но, даже если оно состоялось, оно было первым и последним. Деятельность К. сводилась к переписке, телефонным разговорам и встречам Н. М. или Хазина с Сурковым и его последующим хлопотам в СП СССР или наверху по поднятым при этих контактах вопросам. Однако на протяжении почти 10-летия ни один из вопросов, за к-рые брался Сурков [напр., о полной реабилитации и об изданиях О. М., прописке Н. М. и предоставлении ей квартиры в Москве и даже об офиц. отповеди от имени К. на нападки на О. М. в текущей периодике (см.: А. А. *Коваленков*)], до конца решен не был. Смерть Ахматовой и Эренбурга послужила поводом, а конфликт между Н. М. и Харджиевым причиной для создании К. «второго созыва»: она была утверждена постановлением Секретариата СП СССР от 11.6.1968 (протокол № 21. § 11. Докладчик К. М. Симонов) в следующем составе: Л. Я. *Гинзбург*, Е. С. Левитин, Н. М., З. С. Паперный, И. М. Семенко, К. М. Симонов (пред.), Н. Л. Степанов, Сурков, Хазин (секр.), Харджиев. Единств. заседание К. состоялось в 1968 (см.: По Советскому Союзу. Еженедельный обзор, составленный комитетом «Радио Свобода». 12.9.1969. № 307). От имени К. Симонов приложил немало усилий для выхода в свет «Стихотворений» (1973), а также сборника критич. прозы О. М. «Слово и культура». Однако после смерти Н. М. в 1980 и Симонова эта комиссия продолжала существовать только на бумаге. В то же время сб. «Слово и культура» продвигался к печати настолько медленно и трудно, что воссоздание К. стало насущным делом. В 1985 этот вопрос обсуждался на Секретариате СП СССР, и уже в 1986, совпав с волной горбачевской гласности и перестройки, была конституирована К. «третьего созыва» под председательством Р. И. *Рождественского*. Постановлением Секретариата правления СП СССР

от 13.1.1986 (протокол № 3) был утвержден следующий ее состав: И. М. Бузылев (гл. ред. изд-ва «Советский писатель»), Гинзбург, М. А. Дудин, В. А. *Каверин*, А. С. Кушнер, А. П. Межиров, П. М. Нерлер (Полян) (секр.), Л. А. Озеров, Паперный, Рождественский (пред.), Семенко, Вл. Н. Соколов и Н. К. Старшинов. Постановлением Секретариата правления СП СССР от 8.1.1987 (протокол № 1) в состав К. дополнительно введены О. В. Андрианова (представитель ЦГАЛИ, ныне *РГАЛИ*), О. Г. Ласунский, Г. Г. Маргвелашвили, Л. М. Мкртчян, А. А. Тарковский и Н. Е. *Штемпель*. Постановлением Секретариата правления СП СССР от 9.2.1990 (протокол № 3, п. 1) в состав комиссии дополнительно введены: С. С. *Аверинцев*, М. Л. Гаспаров, Е. Ю. Сидоров, У. И. Рижинашвили (гл. ред. изд-ва «Мерани») и Р. Д. Тименчик. Среди событий и мероприятий, организованных этой К., стали вечер памяти О. М. в ЦДЛ в 1987, первые Мандельштамовские чтения в Москве (1988), реабилитация О. М. по его «первому делу», получение и введение в науч. оборот тюремно-лагерного и следств. дел О. М., в т. ч. тюремного автографа стих. «Мы живем под собою не чуя страны», позднее переданного в К., к-рая, в свою очередь, передала его в ЦГАЛИ, а также организация в январе 1991 «*Мандельштамовских дней*» – целой серии событий и мероприятий в Москве, Ленинграде и Воронеже, приуроченных к 100-летию со дня рождения О. М. Среди них Вторые Мандельштамовские чтения, открытие мемориальных досок и выставок, посв. поэту, во всех трех городах, а также учредит. собрание *Мандельштамовского общества* (МО) 16.1.1991, первым председателем к-рого стал Аверинцев. В дальнейшем именно в МО переместился координационный центр разл. инициатив и организац. действий, предпринимавшихся с целью исследования и популяризации творчества О. М., а также увековечения его памяти.

Архивы: Текущий архив Отдела кадров СП СССР. Регистрационная карточка.

Лит.: Нерлер П. Председатель Мандельштамовской комиссии // Роберт Рождественский: удостоверение личности. М., 2002. С. 407–414.

П. М. Нерлер.

«**КОМСОМОЛЬСКАЯ ИСКРА**», газета ЦК ЛКСМ Украины, распространявшаяся на юге Украины (в Одесской, Крымской, Николаевской и Херсонской обл.). Выходила в Одессе в 1961–91 с периодичностью 3 раза в неделю на укр. языке, с ежеквартальными лит. номерами (стихи и проза на языке оригинала). Гл. редакторы: в 1966 И. Н. Лисаковский, в 1967 О. Г. Приступенко. В 1966–67 в «К. и.» дважды печатались подборки из трех стихотворений О. М.: 6.3.1966 («Вооруженный зреньем узких ос...», «На мертвых ресницах Исакий замерз...» и «Куда мне деться в этом январе...») и 21.5.1967 («Флейты греческой мята [sic!] и йота...», «Как светотени мученик Рембрандт...» и «Люблю появление ткани...»). Первая из них учтена в комментариях к изданию: Мандельштам О. Стихотворения / вступ. ст. А. Л. Дымшица; сост. и примеч. Н. И. Харджиева. Л., 1973 (Библиотека поэта, Большая серия). Материалы и разрешение Н. М. на обе публикации были получены журналистом газеты и автором вступ. заметок к ним Е. М. Голубовским.

Е. М. Голубовский.

КОНЕВСКОЙ Иван (наст. фам., имя и отчество Ореус Иван Иванович) (19.9.1877, С.-Петербург – 8.7.1901, близ ст. Зегевольд, Лифляндия, ныне Сигулда, Латвия), поэт-символист, критик. О. М. узнал о К. от своего учителя по *Тенишевскому училищу* В. В. *Гиппиуса*. Характеризуя Гиппиуса в «Шуме времени», О. М. назвал его «товарищем Коневского и Добролюбова – воинственных молодых монахов раннего символизма»; ср. здесь же упоминание о «Коневце раннего символизма», стих. К. «С Коневца»). Также в «Шуме времени» О. М. писал о К. и о его трагич. смерти: «В тот год в Зегевольде, на курляндской реке Аа стояла ясная осень с паутинкой на ячменных полях. Только что пожгли баронов, и жестокая тишина после усмиренья поднималась от спаленных кирпичных служб <...> Жители хранят смутную память о недавно утонувшем в речке Коневском. То был юноша, достигший преждевременной зрелости и потому не читаемый русской молодежью: он шумел трудными стихами, как лес шумит под корень. И вот в Зегевольде, с Эрфуртской программой в руках, я, по духу был ближе к Коневскому, чем если бы я поэтизировал на манер Жуковского и романтиков». Возможно, данный текст полемически направлен против В. Я. *Брюсова*, к-рый приезжал на место гибели поэта и читал стихи на его смерть. По наблюдению О. Ронена, строка «Кровь строительница хлещет» из стих. О. М. «Век» восходит к образу «Строительницы жизни крови» из стих. К. «Наброски оды» (Ronen. P. 153; ср. также: Мордерер. С. 154–156). А целый ряд образов стих. О. М. «Прославим, братья, сумерки свободы...» перекликается с мотивами «Праздничной кантаты» К. (Ронен. С. 138–139). Согласно свидетельствам С. Б. *Рудакова*, он читал К. вместе с О. М. в Воронеже [у Рудакова было посмертное его собр. соч. «Стихи и проза» (М., 1904, с предисл. Брюсова)], а также вел с О. М. споры о творчестве К. и о его месте в истории рус. литературы. Согласно этим записям, О. М. «по прочтении заново Коневского вполне присоединился ко мне в части связи К. с Гумилевым...».

Лит.: Мордерер В. Я. Блок и Иван Коневской // ЛН. М., 1987. Т. 92. Кн. 4. Ронен О. Поэтика О. Мандельштам. СПб., 2002; Ronen O. An approach to Mandelstam. Jerusalem, 1983.

А. А. Кобринский.

КОСТАРЕВ Николай Константинович (10.1.1893, Пермь – 1941), поэт, прозаик. Участник 1-й мировой войны. Член ВКП(б) с 1917. С 1918 участник Гражд. войны: в Приуралье (в отряде В. К. Блюхера), Забайкалье (при штабе С. Лазо), Приморье (под псевд. Туманов командир штаба партизанских отрядов в р-не Спасска-Яковлевки). Член областкома и Воен. совета партизанских отрядов Приморья. Первые стихи написал в тюрьме (1915). С 1918 во Владивостоке, с прозвищем «поэт Никола», работает в порту, вступает в Лит.-худож. об-во, знакомится с поэтами группы «Творчество» (Н. Н. Асеев, С. М. Третьяков и др.). В 1919–24 печатает во Владивостоке первые произведения – поэмы «Идея-фикс», «Белый флаг» и «Аэропоэма». Живет в Ленинграде и Москве. В 1924–26 с В. Матвеевым (под псевд. Никэд Мат) в Ленинграде издает приключенч. романтрилогию «Желтый дьявол». С кон. 1920-х гг. перешел на документально-худож. (очерковый) жанр. В 1929–37 регулярно публиковался в журнале «Знамя»; автор очерко-

вых книг «Мои китайские дневники» (1928), «Граница на замке» (1930), «Сахалинские записи» (1937). Был хорошо знаком и переписывался с В. П. Ставским, А. А. Фадеевым, М. М. Шкапской и др. В 1939 году арестован; погиб в 1941(?). Так же бесследно исчезли его жена и дочь.

В мемуарах Н. М. К. – это «писатель-генерал» Костырев, «временный жилец», к-рому Н. М. по просьбе и под поручительство Ставского сдала одну комнату в своей квартире. Н. М. не сомневалась в том, что К. был агентом НКВД, «спланировавшим из органов в литературу». В обход всех правил К. получил постоянную, а не врем. прописку, в квартире О. М. он чувствовал себя не жильцом, а хозяином, рылся в бумагах О. М., «самолично переписывал на собственной машинке – тогда почти ни у кого не было такой роскоши – все стихи О. М.».

Лит.: Владиславлев И. В. Литература великого десятилетия. М.; Л., 1928; Якимова Л. П. Многонациональная Сибирь в русской советской литературе. Новосибирск, 1962; Рачков Д. А. Николай Костарев и его книга «Сахалинские записи» // Межвузовская науч. конференция по проблемам советской литературы, фольклора и говоров Дальнего Востока. Хабаровск, 1968. С. 27–30; Пузырев В. Г. Костарев Н. К. (1893–1941): К вопросу метода и стиля писателя // Вопросы стиля и метода в советской литературе. Рязань, 1976. С. 77–107; Крившенко С. Ф. Возвращение Николая Костарева // Дальний Восток. 1991. № 1. С. 145–156.

В. М. Марков.

КОСТРОВ Григорий (1914–?), поэт-метростроевец, сын рабочего. После окончания 7-летки работал на моск. з-де «Красный штамповщик». В сентябре 1933 по комсомольской путевке мобилизован на строительство Моск. метрополитена, был проходчиком на шахте № 13–14. Участник лит. кружка при Метрострое, публиковал стих. в альманахе «Литературное творчество рабочих авторов Союза железнодорожного строительства и метрополитена» (М., январь и май 1935; в обоих вып. его фото) и в сб. «Стихи о метро» (М., 1935). Победитель конкурса на создание гимна Метростроя (стих. «Песня»). Дальнейшая судьба неизвестна.

В рец. на сб. «Стихи о метро» О. М. выделил К. как автора с «наиболее четкой поэтической индивидуальностью», назвал его стих. «Да здравствуют / Товарищи мои...» «лирической вершиной сборника», заметив при этом, что К. «наделал много поэтических ошибок».

Лит.: Батрак И. Поэзия строительства. // Литературное творчество рабочих авторов Союза железнодорожного строительства и метрополитена. М., 1935. Январь. С. 13–14; Мандельштам О. Стихи о метро: Сб. литкружковцев Метростроя. М., 1935 // Подъем. Воронеж. 1935. № 5. С. 76–78.

П. М. Нерлер.

КОЧИН Николай Иванович (2.7.1902, с. Гремячая Поляна Нижегородской губ. – 31.5.1983, Горький), прозаик, выходец из крест. сословия. Дебютный роман К. «Девки» (1928) О. М. отрецензировал в *«Московском комсомольце»* (МК) 3.10.1929 в форме стилизованного под речь пролетария-интеллигента письма к К. Отмечая, что при чтении «Девок» ему было «и досадно и радостно», О. М. далее указывал, что главная «слабость и одновременно сила» К. в его «зоологическом подходе» к изображаемым героям и явлениям. Лично О. М. и К. познакомились в редакции МК через посредничество А. А. Фадеева в кон. 1929 (эта встреча с О. М. подробно описана в мемуарной заметке К. в 1980). В нач. 1930-х гг. О. М. и К. эпизодически виделись в моск. *«Доме Герцена»*.

Соч.: Мандельштам в «Московском комсомольце» // Мандельштам О. Э. «И ты, Москва, сестра моя, легка...». Стихи, проза, воспоминания, материалы к биографии. Венок Мандельштаму. М., 1990.

О. А. Лекманов.

«КРАСНАЯ НОВЬ», ежемесячный лит.-худож. и обществ.-публицистич. журнал (Москва, 1921–42). Первый советский «толстый» лит. журнал, организованный А. К. Воронским. Издание объединило лучшие лит. силы страны, печатая наиб. значит. произведения при условии лояльности их авторов к советской власти. Т. о., на страницах «К. н.» оказывались произведения и т. н. писателей-«попутчиков», и даже авторов, далеких от идеологии большевизма, – В. В. Вересаева, А. Веселого, М. А. *Волошина,* С. М. *Городецкого,* С. А. *Есенина,* М. М. *Зощенко,* Вс. В. Иванова, О. М., А. Б. Мариенгофа, В. И. *Нарбута,* Б. Л. *Пастернака* и др. «К. н.» подвергалась постоянным нападкам со стороны радикальных лит. групп («Октябрь», «МАПП» и др.). В 1927 Воронский был обвинен в троцкизме, смещен с поста гл. редактора. В числе следующих руководителей журнала был и А. А. Фадеев.

О. М. опубликовал в «К. н.» ряд произведений: «Декабрист», «Уничтожает пламень...» (1922. № 4. С. 16–17); «Век», «Феодосия», «Чуть мерцает призрачная сцена...», «Что поют часы-кузнечик...» (1923. № 1. С. 47–50); «Нашедший подкову (Пиндарический отрывок)» (1923. № 2. С. 135–137); [Рец. на кн.: Белый А. Записки чудака. Берлин, 1922] (1923. № 5. С. 399–400).

В. В. Калмыкова.

КРЕПС Евгений Михайлович (19.4.1899, С.-Петербург – 4.10.1985, Ленинград), известный сов. ученый-физиолог и биохимик, чл.-корр. АН СССР (1946), академик (1966), Герой социалистич. труда (1969). Осенью 1938 находился вместе с О. М. во *Владивостокском пересыльном лагере*. Один из последних, кто видел О. М. живым. Как и О. М., К. заканчивал *Тенишевское училище*. Перед первым арестом – слушатель Воен.-мед. академии в Петрограде. Впервые арестован 8.6.1919 в Бирске, после добровольного перехода на сторону красных. Обвинен в шпионаже, этапирован пешком в Бугульминский лагерь. В Симбирске взят на поруки, потом освобожден (документы на проезд в Петроград получил 25.8.1919). После окончания Воен.-мед. академии сотрудник И. П. Павлова и Л. А. Орбели. С 1921 работал на Мурманской биостанции (пос. Полярное). В июне–июле 1933 Полярное посетили И. В. *Сталин*, К. Ворошилов, Медведь и Дроздов. После статьи в мурманской газете о «вредителях» на биостанции в Полярном был увезен в Ленинград, но примерно через месяц освобожден. Станцию закрыли, и на ее месте организовали воен.-мор. базу. Вновь арестован 28.6.1937 в Ленинграде, будучи зам. директора Физиологич. ин-та им. И. П. Павлова и сотрудником Ин-та эволюционной физиологии и патологии центр. нервной системы

АН СССР. Летом осужден ОСО на 5 лет ИТЛ. В августе–ноябре этапирован во *Владивосток*, затем на Вторую Речку. Находился там до конца 1939, одно время работал раздатчиком пищи. В декабре 1939 отправлен на Колыму. До 1940 на общих работах (на прииске Тоскан). Ранней весной 1940 переведен в Магадан для работы в госпитале. На Колыме дважды находился на грани смерти: один раз от сыпного тифа (его посчитали умершим и даже должны были проткнуть железным прутом, спасен проходившим мимо врачом, заметившим, что у трупа шевелятся ресницы). Из заключения вызволен стараниями Орбели, добившегося по этому поводу приема у В. М. Молотова. 27.2.1940 дело К. было пересмотрено, и в марте 1940 он был освобожден с запретом проживания в Москве, Ленинграде и Киеве (это ограничение с него сняли 7.10.1944).

Лит.: Перченок Ф. Ф. К истории Академии наук: снова имена и судьбы... Список репрессированных членов Академии наук // In Memoriam. Исторический сб. памяти Ф. Ф. Перченка. М.; СПб., 1995. С. 174–176; «На почве ложного доноса или судебной ошибки». Письма в защиту репрессированных / публ. В. Гончаров // Источник. 1998. № 4. С. 67–73 [Письма Л. А. Орбели в защиту Е. М. Крепса].

П. М. Нерлер.

КРОЛЬ Петр Михайлович (1911, Одесса? – 1941, Одесса), поэт, член одесской лит. группы «Перевал». При жизни не опубликовал ни одного стихотворения, хотя современники считали его самым талантливым из литераторов, оставшихся в Одессе. В нач. 1930-х гг. в *Москву* приехал и К. Здесь он познакомился с О. М., к-рый прочитал его стихи, высоко их оценил, но посоветовал К. уехать из Москвы, чтобы не попасть в руки НКВД, что К. и сделал. В 1941 попал в одесское гетто, где и погиб. В 2001 увидела свет 1-я и единств. публикация стихов К., составленная из текстов, восстановленных по памяти его друзьями В. Азаровым, С. Бондариным и С. Кирсановым (оригиналы машинописи – в Одесском лит. музее и в собр. Е. М. Голубовского).

Соч.: «Он не покинул свой виноградник» / публ. Е. Голубовского // Дерибасовская-Ришельевская. Альманах. Одесса, 2001. С. 146–150.

Лит.: Азаров В. Ветры нашей молодости. Л., 1987. С. 256–257; Давыдов Ю. Бестселлер. М., 1999. С. 19.

Е. М. Голубовский.

«КРУГ», изд-во одноим. артели рус. советских писателей. Основан в августе 1922 в *Москве* по инициативе А. К. *Воронского*. Располагалось в Кривоколенном пер. Пред. правления Воронский, члены орг. бюро Н. Н. *Асеев*, И. Э. *Бабель*, А. Веселый, Вс. В. Иванов, Л. М. Леонов, Н. Н. Ляшко, А. С. Новиков-Прибой, Б. Л. *Пастернак*, Б. А. *Пильняк*, И. Л. *Сельвинский*, К. А. *Федин*. Сотрудничали и публиковались А. *Белый*, М. А. *Булгаков*, Е. И. *Замятин*, М. М. *Зощенко*, В. А. *Каверин*, В. П. *Катаев*, Ю. К. *Олеша*, М. М. *Пришвин*, А. Н. *Тихонов*, А. Н. *Толстой*, И. Г. *Эренбург* и др. В 1929 «К.» влился в изд-во «Федерация».

В «К.» издавались произведения совр. советских и заруб. писателей, мемуары, критич. литература. Во 2-й пол. 1920-х гг. изд-во публиковало небольшую тематич. серию «Романы приключений». Осн. упор делался на т. н. писателей-«попутчиков», принимавших советскую власть, но с иной т. зр., чем офиц. коммунистическая. Большинство «попутчиков» исповедовали идеологию «неонародников». Разнообразие лит. тенденций, характеризовавшее издат. политику «К.», отразилось на отношении к нему партийно-ангажир. журнала *«На посту»* (1923–25), начавшего систематич. травлю «попутчиков». Оспаривая право «попутчиков» на выход к читателю, «напостовцы» тем самым оспаривали и право на к.-л. интерпретацию политики коммунистич. партии, отличную от собственно партийной (ЛН. Т. 93. С. 535–540). Между тем в декларации «артели» было особо отмечено, что «“Круг” не имеет в виду придать русской литературе служебное или агитационное значение <...> но утверждает своей отправной литературно-общественной программой художественные преломления и отображения русской революции, русской деятельности, русской жизни».

Артель «Круг» стала первым подконтрольным власти писательским объединением, сохранявшим нек-рую свободу и идеологич. независимость от власти. В связи с этим интересен выход в «К.» «Второй книги» О. М., выпущенной как бы в противовес берлинской книге «Tristia».

Описание атмосферы в изд-ве оставил К. И. *Чуковский*: «Маленькая квартирка, две комнатки, четыре девицы, из коих одна огненно-рыжая. Ходят без толку какие-то недурно одетые люди – как неприкаянные – неизвестно зачем – Буданцев, Казин, Яковлев и проч. Все это люди трактирные, Пильняк со всеми на ты, рукописей ихних он не читает, не правит, печатает что придется». Об атмосфере, царившей в изд-ве в 1920-е гг. и знакомой О. М., вспоминал и Вс. Иванов.

Уже в самом начале существования артели О. М. фигурировал в составленном Воронским списке «безусловно... сочувствующих» писателей как автор, сотрудничество с к-рым желательно для изд-ва. Он отнесен к первой группе, к разряду «[Классики] “Старые” писатели» вместе с В. В. Вересаевым, Асеевым, В. Я. *Брюсовым*, С. М. *Городецким*, Г. А. *Шенгели* и др. Согласно списку Воронского, «К.» предполагал выпустить неск. книг стихов О. М. Однако «Вторая книга» осталась единственной. Причиной этому, вероятно, послужили ценз. препоны (Н. М. вспоминала о постоянных спорах О. М. с цензором) и общее охлаждение изд-в и критики к творчеству О. М.

Рукопись «Второй книги» была сдана в «К.» 25.1.1.1922, вышла свет в кон. мая 1923. Берлинское издание «Tristia», вызвавшее более чем благожелат. отклики критики, сам О. М. встретил с негодованием, ибо книга была составлена без учета авторской воли. В этом смысле «Вторая книга» в «К.» была непосредств. изъявлением этой воли. В августе–сентябре 1924 О. М. планировал публиковать «Шум времени» в журнале *«Красная новь»*, редактором к-рой являлся Воронский, или в «Альманахе артели писателей “Круг”».

Лит.: Литературные манифесты: От символизма к «Октябрю». М., 1929; Краткая литературная энциклопедия. М., 1966. Т. 3. Стб. 842; ЛН. Т. 93. М., 1983; Иванова Т. В. Мои современники, какими я их знала. М., 1987; Московские и ленинградские издатели и издатели двадцатых годов: Ч. 1. М., 1990 (по им. ук.); Поливанов К. М. К истории артели писателей «Круг» // De Visu. 1993. № 10(11); Чуковский К. И. Дневник 1901–1929. М., 1997; Лекманов. 2003.

В. В. Калмыкова.

КРУЧЁНЫХ Алексей Елисеевич (9.2.1886, пос. Оливское Вавиловской вол. Херсонской губ. – 17.6.1968, Москва), поэт, теоретик кубофутуризма, коллекционер. В кон. апреля 1913 выпустил листовку «Декларация слова как такового», в к-рой впервые возвестил рождение заумного языка. С этой листовкой О. М. полемизировал в 1-й главке своего программного эссе «Утро акмеизма», причем в персонифицир. образе «футуриста» из этой главки совр. исследователи угадывают облик К. Наметившееся в ноябре–декабре 1913 сближение О. М. с кубофутуризмом отразилось в сочувств. упоминании его имени в брошюре Н. И. *Кульбина* «Что есть слово (II-я декларация слова, как такового)» (кон. января 1914), выпущенной как приложение к кн. К. и Кульбина «Буква, как таковая».

Однако в эссе «Слово и культура» (1921) О. М. вновь вернулся к полемике с манифестом К. «Слово как таковое», «в то же время ассимилируя его метафорику, переосмысливая ее» (Ронен. С. 16–17; в частности, к ст. К. восходит ключевой для эссе О. М. образ «слова-Психеи»).

На мандельшт. выпад К. косвенно ответил в своем трактате «Сдвигология русского стиха» (1922), издевательски обращаясь к читателю от лица условного поэта (в к-ром угадывается О. М.): «Нам немедленно надо разрешить все мировые вопросы, да пожалуй еще поговорить по душам с Марсом – вот задача, достойная магов и поэтов, а на меньшее мы не согласны». Ср. у О. М. в статье «О собеседнике» (1913): «...Обменяться сигналами с Марсом – задача, достойная лирики». Кроме того, в своем трактате К. иронически цитировал (на этот раз называя имя автора) стих. О. М. «А. Блок».

Вскоре О. М. посвятил К. полуиздеват., полууважит. фрагмент своей заметки «Литературная Москва» (1922): «...Если откинуть совершенно несостоятельного и невразумительного Крученых, и вовсе не потому, что он левый и крайний, а потому, что есть же на свете просто ерунда (несмотря на это, у Крученых безусловно патетическое и напряженное отношение к поэзии, что делает его интересным как личность)».

Во 2-й пол. 1920-х – 1930-х гг., когда борьба между *акмеизмом* и *футуризмом* утратила актуальность, между О. М. и К. установились поверхностные приятельские отношения. По воспоминаниям Л. Я. *Гинзбург*, на вечере О. М. в «Литературной газете» 10.11.1932 К. без особого успеха и отклика «стал наставлять Мандельштама».

Благодаря собирательской деятельности К. сохранился целый пласт биогр. и творч. материалов, связанных с О. М. (см. краткий обзор фондов К. в РГАЛИ в: Королева.) .

Соч.: Наш выход: К истории русского футуризма. М., 1996 (по им. указ.); Сдвигология русского стиха. М., 1922. С. 3.

Лит.: Королева Н. Г. Сто альбомов (Коллекция А. Е. Крученых) // Встречи с прошлым. М., 1980. Вып. 3. С. 294–308; Лапн Ж.-К. Мандельштам и футуризм: Вопрос о зауми в поэтической системе Мандельштама // Столетие Мандельштама. С. 216–227; Мец А. Г. Эпизод истории акмеизма // Пятые Тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига, 1990. С. 125; Парнис А. Е. Штрихи к футуристическому портрету О. Э. Мандельштама // Слово и судьба. С. 183–204. Гинзбург Л. Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб., 2002; Ронен О. Поэтика О. Мандельштама. СПб., 2002.

О. А. Лекманов.

КУДАШЕВА Мария (Майя) Павловна (урожд. Кювилье, во втором браке Роллан) (1895, С.-Петербург – 1985, Париж), поэтесса, переводчик. Вступила в лит.-худож. круг благодаря М. А. *Волошину*, с к-рым познакомилась в январе 1913. Посещала Коктебель летом 1913 и 1914, О. М. же в первый раз приехал туда в отсутствие К. и Волошина летом 1915. Однако, имея множество общих знакомых по Коктебелю, О. М. и К. знали о существовании друг друга и гипотетически могли встретиться зимой 1915 в Петербурге на одном из многочисл. вечеров, лекций и т. д. Так, в письме к Волошину от 26.1.1916 Е. О. Волошина описала вечер, к-рый состоялся у нее: были Ю. Л. Оболенская, М. М. Нахман, М. И. *Цветаева* с мужем, О. М., Е. А. и М. С. Фельдштейны. Все приглашенные (кроме О. М.) – т. н. коктебельские «обормоты», и присутствие К. на этом вечере было бы уместно и естественно.

О. М. не пересекался с К. в Коктебеле и летом 1916: К. не смогла навестить Волошина – 1 июня она вышла замуж за князя С. А. Кудашева, а О. М., напротив, «сбежал» от Цветаевой в Коктебель. Рождение ребенка весной 1917 отвлекло К. от участия в лит. жизни Петербурга, и ни устных, ни письм. свидетельств о возможных встречах К. и О. М. в период 1917–19 нет. Однако 8.10.1919, собираясь переезжать в Коктебель из Новочеркасска и зная о том, что у Волошина гостит О. М., К. писала: «Пра попроси Мандельштама выставить с низа, а то он не съедет оттуда, а я его не хочу». 5 нояб. Волошин сообщал писателю Л. П. Гроссману: «Дом наш полн: с нами зимует одна моя давнишняя приятельница, французская поэтесса (очень талантливая – Майя), теперь княгиня Кудашева (с семьей)... Пока живет Мандельштам, но скоро собирается съехать в Одессу».

О. М. прожил в Коктебеле по крайней мере до декабря 1919. Перебравшись в Феодосию, он часто посещал Коктебель, и одной из причин этого стала его влюбленность в К.: «В ту зиму М-м был влюблен в Майю. Однажды он просидел у нее в комнате довольно долго за полночь. Был настойчив. Не хотел уходить. Майя мне говорила: Ты знаешь, он ужасно смешной и неожиданный. Когда я ему сказала, что я хочу спать и буду сейчас ложиться, он заявил, что теперь он не уйдет: “Вы меня скомпрометировали. Теперь за полночь. Я у Вас просидел подряд 8 часов. Все думают про нас... Я рискую потерять репутацию мужчины”».

О. М. так и не смог добиться от К. – на редкость эмоциональной и влюбчивой натуры – взаимности. Волошин объяснял это тем, что «Майя всю осень 1919 года была бурно влюблена в И. Г. *Эренбурга*, топилась, травилась и т. д. Весь ритуал майиной влюбленности. Она ездила в конце лета в Бусалак и со всеми уже там перезнакомилась. Увлеклась Валькой (Паничем)».

И К., и О. М. принимали участие в деятельности *Феодосийского литературно-артистического кружка* (ФЛАКа). Во 2-й пол. апреля 1920 вышел из печати Альманах поэтов *«Ковчег»*, в к-ром среди прочих были стихи К. и О. М. Деньги на «Ковчег» были выручены на вечере «Богема», где выступали поэты «во главе с Мандельштамом» (Миндлин. С. 85).

К. невольно стала участницей ссоры, вспыхнувшей между О. М. и Волошиным летом 1920 из-за того, что волошинский экземпляр «Камня» был «похищен» О. М. Из письма Волошина А. А. *Новинскому* от 2.8.1920 выясняется,

что «Александр Мандельштам, по поручению своего брата, украл у Майи экземпляр “Камня”, причем нагло сказал об этом самой Майе: Если хотите, расскажите: “брат не хочет, чтобы его стихи находились у М. А., т. к. он с ним поссорился”».

Истинная цена дружбы К. – «маленькой легкой и изящной женщины» (М и н д л и н. С. 31) – выяснилась во время ареста О. М. в августе 1920. Тот факт, что К. в этой ссоре приняла сторону Волошина, не помешал ей стать инициатором мандельшт. освобождения. Узнав от А. Э. *Мандельштама* о том, что О. М. схвачен врангелевской контрразведкой, К. прибежала к Э. Л. *Миндлину*, и они вместе с Эренбургом отправились уговаривать Волошина принять участие в освобождении О. М. Добившись от Волошина письм. ходатайства, К. вместе с Вересаевым отнесла его начальнику контрразведки: «Заявление это [письмо Волошина] вкупе с княжеским титулом Майи, славой Вересаева и энергичными хлопотами полковника-поэта А. В. Цыгальского произвели впечатление. Мандельштам был освобожден» (М и н д л и н. С. 35).

Уехав из России в 1920-х гг., К. больше не видела О. М. Однако через 18 лет у нее появился еще один шанс поучаствовать в судьбе поэта. К. посетила Россию вместе с мужем Р. *Роллaном* в 1938. О. М. в это время находился в ссылке в Воронеже и надеялся на помощь знаменитого писателя-гуманиста: «Майя бегает по Москве. Наверное, ей рассказали про меня. Что ему [Роллану] стоит поговорить обо мне со Сталиным, чтобы он меня отпустил...». Ср. также в поздних записях Н. М. не соответствующую действительности информацию о том, что О. М. «Ромен-Роллана никогда не читал. Но Майя Кудашева, очаровательная женщина – его жена, и О. М. верил, что она зря замуж бы не вышла». Освобождение из тюрьмы Добровольческой армии, вероятно, вселило в О. М. столь сильную веру в могущество К., что он не терял ее даже в лагере: по свидетельству Ю. А. Казарновского, «О. М. тешил себя надеждой, что ему облегчат жизнь, потому что Ромен Роллан напишет о нем Сталину». Однако этого не произошло. К. по каким-то причинам не хотела вспоминать о своем прошлом. Эренбург писал о позднейшей встрече с ней: «О Коктебеле мы не поговорили, хотя было что вспомнить...» (Э р е н б у р г И. Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1966. Т. 8. С. 306).

Лит.: М и н д л и н Э. Л. Необыкновенные собеседники. М., 1979; К у п ч е н к о В. П. О. Мандельштам в Киммерии // ВЛ. 1987. № 7; О н ж е. Ссора поэтов (к истории взаимоотношений О. Мандельштама и М. Волошина) // Слово и судьба. С. 176–183; О н ж е. Труды и дни М. Волошина: Летопись жизни и творчества (1877–1916). СПб., 2002; В о л о ш и н М. А. О Мандельштаме, Эренбурге и других: Мое последнее пребывание в Париже // Волошин М. А. Путник по вселенным. М., 1990.

С. Ф. Данилова.

Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева

КУЗЬМИНА-КАРАВАЕВА [урожд. Пиленко, в первом браке Кузьмина-Караваева (с 1910), во втором браке Скобцова (с 1919), монашеское имя – Мария (с 1932); псевд. Юрий Данилов, Ю. Д.] Елизавета Юрьевна (8.12.1891, Рига – 31.3.1945, концлагерь Равенсбрюк, Германия), поэтесса, прозаик, общ.-религ. деятель и публицист. С 1906 жила в *Санкт-Петербурге*, в 1909–11 слушательница Высших женских (Бестужевских) курсов. В 1910 вышла замуж за юриста Д. В. *Кузьмина-Караваева*, близко знакомого с литераторами-модернистами, в т. ч. и членами будущего 1-го *«Цеха поэтов»*, участником к-рого она была, по свидетельству А. А. *Ахматовой*, «с начала до весны [19]12 г.» (Записные книжки Анны Ахматовой. С. 447).

В гимназические годы К.-К. начала писать стихи, по мнению современников, отличавшиеся яркой индивидуальностью; так, ее одноклассница Ю. Я. Эйгер-Мошковская вспоминала: «Она не подражала даже Блоку, единственному поэту, который, как она выражалась, “в ее кровь вошел”» (РГБ. Ф. 218. К. 1399. № 23; цит. по: Ш у с т о в. С. 127). В 1912 вышел первый сб. стихов К.-К. «Скифские черепки» (оцененный критикой неоднозначно, но, в частности, сочувственно принятый А. А. *Блоком* и С. М. *Городецким*), в 1915 – повесть «Юрали», в 1916 – сб. стихов «Руфь». Весной 1917 вступила в *партию социалистов-революционеров*, идеями к-рых была увлечена ранее; в 1918 избрана городским главой Анапы, в должности к-рого пребывала недолгое время. Весной 1920 эвакуировалась из Крыма в Грузию, затем с семьей эмигрировала в Константинополь, откуда переехала в Сербию, в 1924 в Париж, где заочно закончила Свято-Сергиевский православный ин-т. В 1932, приняв монашеский постриг, начала нетрадиционное монашеское служение в миру, посвятив себя благотворит. и проповеднич. деятельности. В годы 2-й мировой войны стала активной участницей движения Сопротивления, в феврале 1943 арестована, затем отправлена в концлагерь Равенсбрюк, где, по одной из версий, погибла, спасая жизнь обреченной на смерть заключенной.

О. М., безусловно, был близко знаком с К.-К. по «Цеху поэтов»; наиб. интенсивное их общение пришлось на зиму 1911–12. Так, 10.12.1911 оба принимали участие в происходившем в ресторане «Вена» хорошо известном эпизоде шуточного коллективного избрания Блока «королем русских поэтов». 28.12.1912 О. М., очевидно, присутствовал на «заседании» «Цеха поэтов», когда, судя по письму М. Л. *Лозинского* С. Граалю-Арельскому, состоялось «полуцеховое собрание в честь приехавшей в ПБ (Петербург. – *С. Ш.*) на праздники Е. Ю. Кузьминой-Караваевой» (РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 761. Л. 3). Именно на нем было сочинено знаменитое шуточное стих. «По пятницам в “Гиперборее...”» (где в иронич. контексте упомянут и О. М.), а перед этим – обращенное к К.-К. «Они сидели в полутьме...». В этот же период оба регулярно посещали Поэтическую Академию

(«Академию стиха»), заседания к-рой проходили на «Башне» Вяч. И. *Иванова*.

С о ч.: Встречи с Блоком // Александр Блок в воспоминаниях современников: В 2 т. / сост., подгот. текста и коммент. Вл. Орлова. М., 1980. Т. 2.

Лит.: Ш у с т о в А. Н. Блок в жизни и творчестве Е. Ю. Кузьминой-Караваевой // Александр Блок: Исследования и материалы. Л., 1991. Г а с п а р о в М. Л. Лекции Вяч. Иванова о стихе в Поэтической Академии 1909 г. // НЛО. 1994. № 10. С. 92–97; Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / сост. и подгот. текста К. Н. Суворовой. М.; Torino, 1996; Т и м е н ч и к Р. Комментарии // Пяст Вл. Встречи. М., 1997; «Транхопс» и около (по архиву М. Л. Лозинского). Ч. III / публ. И. В. Платоновой-Лозинской, сопроводит. текст, подгот. и примеч. А. Г. Меца // Toronto Slavic Quarterly. 2012. № 41. С. 129–137.

С. Г. Шиндин.

КУЛЬБИН Николай Иванович (3.5.1868, С.-Петербург – 18(31).3.1917, Петроград), живописец, график, теоретик левого искусства. воен. врач, приват-доцент Воен.-мед. академии (с 1907), В нач. 1910-х гг. регулярно встречался с О. М. в «*Бродячей собаке*» в С.-Петербурге и Куоккале. 1-е изд. своей кн. «Камень» (1913) О. М. подарил К. со следующим инскриптом: «Н. И. Кульбину, визионэру и другу поэтов – Автор. 6 окт. 1913. Петербург». 10.12.1913 О. М. присутствовал на докладе К. «Футуризм и отношение к нему современного общества и критики» в зале петерб. Шведской церкви (диспут продолжился в «Бродячей собаке»). В нач. феврале 1914 К. напечатал в виде листовки футуристич. декларацию «Что есть слово», один из тезисов к-рой («Слово – имя») сопровождался подстрочным примечанием К.: «Это положение выработано мною совместно с Осипом Мандельштамом». Программная ст. О. М. «Утро акмеизма» находится с листовкой К. «в сложном взаимодействии». Черты личности К., возможно, отразились в центр. образе стих. О. М. «Старик» (1913).

Лит.: М е ц А. Г. Эпизод истории акмеизма // Пятые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига, 1990; П а р н и с А. Е. Штрихи к футуристическому портрету О. Э. Мандельштама // Слово и судьба; К а л а у ш и н Б. М. Н. Кульбин: Поиск. СПб., [1994]. С. 96, 150, 206, 208, 214, 221–222, 228, 459, 460.

О. А. Лекманов.

КУРБАС Лесь (Александр-Зенон Степанович) (25.2.1887, Самбор, Австро-Венгрия, ныне Украина – 3.11.1937, урочище Сандармох, близ Медвежьегорска, Карельская АССР), укр. режиссер, актер, театр. педагог, драматург, публицист, переводчик; основоположник совр. укр. театра. Учился на филос. ф-тах Венского (1907–08) и Львовского (1908–10)

Лесь Курбас

ун-тов, позднее преподавал в Киевском (1916–19) и Харьковском (1926–33) муз.-драматич. ин-тах. Создатель студии-труппы «Тернопольские театральные вечера» (1915–1916), на основе к-рой организовал «Молодой театр» (Киев, 1916–19), затем Киевский драматич. театр «Кийдрамте» (1920–21), в 1922 театр «Березиль». В 1933 отстранен от руководства театром, арестован, 9.4.1934 по постановлению судебной тройки при Коллегии ГПУ УССР осужден на 5 лет исправит.-трудовых лагерей. 9.10.1937 в местах лишения свободы (Соловецкий лагерь особого назначения) решением особой тройки УНКВД осужден повторно, приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 3.11.1937 в группе узников Соловков (т. н. соловецкий этап) в числе «украинских буржуазных националистов». В 1957 реабилитирован.

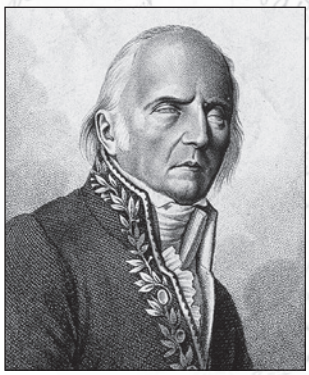
Прямые свидетельства о знакомстве К. с О. М. отсутствуют; возможно, они встречались в период пребывания О. М. в Киеве в апреле–мае 1919. Оба в это время регулярно посещали кафе «ХЛАМ», где А. И. *Дейч* познакомил К. с А. А. *Экстер*, ученицей к-рой считала себя Н. М.; там же 1.5.1919 на праздновании дня рождения Дейча состоялось знакомство О. М. с Н. М. Встреча О. М. с К. могла также произойти в Киеве 4.5.1926 на прощальном выступлении «Березиля» перед переездом в Харьков. О. М., очевидно, побывал на этом спектакле и, в целом высоко оценивая работу театра, вскользь упомянул К. в черновых набросках к очерку «Березіль» (1926).

Лит.: Краткая летопись жизни и творчества Л. Курбаса // Лесь Курбас: Статьи и воспоминании о Л. Курбасе. Литературное наследие. М., 1987; Д е й ч А. По ступеням времени: Воспоминания и статьи. К., 1988; О н ж е. Две дневниковые записи / публ. Е. Дейча // СМР. Вып. 3/2; К о р н і є н к о Н. Лесь Курбас: репетиція майбутнього. Київ, 1998.

С. Г. Шиндин.

Л

ЛАМАРК (франц. Lamarck) Жан Батист Пьер Антуан де Моне (1.8.1744, Базантен, Пикардия, Франция – 18.12.1829, Париж), франц. естествоиспытатель, создатель первой целостной эволюц. теории (ламаркизм), чл. Парижской АН (1783). В 1794 впервые разграничил животный мир на две группы – позвоночных и беспозвоночных; ему принадлежит и термин «беспозвоночные». Определ. признаком для разделения на две группы животных, по Л., является наличие или отсутствие позвоночного столба. Функция нервной системы у беспозвоночных определяется не позвоночником, а продольным мозгом, отсутствующим у позвоночных. Будучи в зоологии преемником К. Линнея, выделившего два класса беспозвоночных, Л. создал классификацию из 10 классов беспозвоночных: инфузории, полипы, лучистые, черви, насекомые, паукообразные, кольчецы, ракообразные, усоногие, моллюски. Нек-рые из классов беспозвоночных открыты впервые именно Л. Так произошло с кольчецами – классом животных, к-рый Л. отделил от класса собственно червей. В своем гл. труде – «Философии зоологии» (1809) – Л. впервые представил идею последовательности органич. форм, расположив позвоночных и беспозвоночных на «лестнице существ» по принципу деградации так, что живые существа от совершенных до простейших образовывали единый нисходящий ряд. Именно прием деградации дал возможность Л. продемонстрировать не столько мысль о статичном сосуществовании разл. биологич. ступеней, сколько идею развивающихся друг из друга животных форм, т. е. эволюц. теорию. В «Философии зоологии» Л. дважды последовательно рассмотрел «лестницу существ»: сначала сверху вниз, по вектору деградации, а затем снизу вверх, следуя эволюц. вектору развития организмов. Нисходящий ряд наиб. ярко демонстрировал путь, к-рым шла природа, последовательно создававшая животных разл. уровней организации. Т. о., прием деградации «от противного» работал на утверждение картины градации органич. форм, последовательно повышавших уровень биологич. организации. Восходящий ряд живых существ у Л. воспроизводил, с его точки зрения, естеств. порядок творч. развития самой природы, к-рая, «создав с помощью длительного времени всех животных и растения, действительно образовала в том и др. царстве подлинную лестницу в смысле непрерывного и возрастающего усложнения организации этих живых тел» (Л а м а р к Ж.-Б. Избр. произв.: В 2 т. М., 1955. Т. 1: Философия зоологии С. 260). Одним из важных факторов эволюции Л. считал влияние внеш. среды. Внеш. среда действует непосредственно на существа, лишенные дифференцир. нервной системы, вызывая у них приспособит. изменения. Животные, обладающие нервной системой, испытывают косв. влияние среды. Главным в их эволюц. развитии, по Л., остается не приспособление к внеш. среде, а внутр. потребность к саморазвитию.



Жан Батист Ламарк

О. М. познакомился с идеями Л. в нач. 1930-х гг. Путешествуя по Армении, он встретился с молодым биологом-неоламаркистом Б. С. *Кузиным*. Кузин заинтересовал О. М. личностью и эволюц. идеями Л. Интерес О. М. к Л. сформировался в контексте обширной полемики между «дарвинистами» и «неоламаркистами», развернувшейся в нач. 20 в. Особую остроту она приобрела в СССР после 1925 в связи с публикацией на рус. яз. неоконч. кн. Ф. Энгельса «Диалектика природы» (см.: Г а с п а р о в. С. 189–191). Скорее всего, О. М. был знаком только с 1-й ч. «Философии зоологии» – либо по рус. изд. 1911 (ср.: Г е р ш т е й н. С. 14, 30), либо по, видимо, наиб. доступному для О. М. франц. изд. 1908 (до этого на франц. яз.: 1809, 1830, 1873), где излагалась эволюц. концепция Л. Не исключено, что с нек-рыми идеями франц. биолога, излож. им во 2-й и 3-й ч. этого труда, О. М. мог быть знаком со слов Кузина, т. к. следующее изд. «Философии зоологии» на рус. яз. (в 3 ч.) вышло только в 1935–37. Оценка личности и науч. идей Л. представлена в прозаич. очерке О. М. «Путешествие в Армению» (1931–32, опубл. в 1933), в гл. «Вокруг натуралистов», и в стих. «Ламарк» (1932). В письме к М. С. Шагинян поэт писал, что Л. стоит в ряду тех, кто данность превращает в действительность, воскрешая ее: «...Для того, чтобы действовать, нужно бытие густое и тяжелое, как хорошие сливки, – бытие Аристотеля и Ламарка, бытие Гегеля, бытие Ленина» (Собр. соч.-2. Т. 4. С. 150). В естествознании Л. для О. М. – «единственная шекспировская фигура» (2. С. 122). В набросках к «Путешествию в Армению» О. М. признавался: «Ламарк, Бюффон и Линней окрасили мою зрелость» (Там же. С. 363).

Из комплекса идей ученого О. М. выделял, прежде всего, идею деградации: важной для него оказалась мысль Л. о взаимоотношении организма и внеш. среды, в к-рой на первый план О. М. выдвигал идею внутр. творч. потенциала организма: «Среда для организма – приглашающая сила. Не столько оболочка, сколько вызов» (Там же. С. 122).

Стих. «Ламарк» (7–9.5.1932, Москва; опубл. в: НМ. 1932. Кн. 6) – одно из первых стихотворений О. М. нач. 1930-х гг., в к-ром отразились новые, естественнонауч., интересы поэта. Как известно, О. М. импонировала неоламаркистская позиция Кузина, с к-рой он активно критиковал дарвиновскую теорию естеств. отбора. Беседы с Кузиным, как и чтение трудов Л., П. С. Палласа, Ч. Дарвина, подготовили почву для создания новой поэтич. концепции О. М., утвердившейся в его стихах 1930-х гг.

Источники: Герштейн.

Лит.: Завадская Е. В. Поэзия и природа: О. Э. Мандельштам о значении естественных наук для поэзии // Простор. 1990. № 4; Мандельштам Н. Я. Комментарий к стихам 1930–1937 гг. // Н. Я. Мандельштам. Т. 2; Черашняя Д. И. О двух нисхождениях по лестнице Ламарка в стихотворении О. Мандельштама // Проблема автора в художественной литературе: Тезисы докладов региональной межвузовской научной конференции, посвященной памяти профессора Б. О. Кормана (Ижевск, 14–16 ноября 1990). Ижевск, 1990. С. 56–58; Иванов Вяч. Вс. Мандельштам и биология // Поэтика и текстология; Кацис Л. Ф. О. Мандельштам и биологические теории его времени // Натура и культура. М., 1993; Он же. «Ламарк» О. Мандельштама // Натура и культура. Славянский мир. М., 1997; Гаспаров Б. М. Ламарк, Шеллинг, Марр: (Стихотворение «Ламарк» в контексте «переломной» эпохи) // Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы: Очерки русской литературы XX в. М., 1994; Серман И. З. О. Мандельштам в начале 1930-х годов: (Биология и поэзия) // Столетие Мандельштама; Рейфилд Д. Мандельштам и звезды // Там же; Игошева Т. В. О «Ламарке» О. Мандельштама // Известия АН. Серия литературы и языка. 2000. Т. 59. № 5; Лекманов О. А. У кого зеленая могила... // Лекманов. 2000. С. 542–545; Мусатов В. В. Лирика О. Мандельштама. К., 2000. С. 392–397; Шиндин С. Г. Фрагмент поэтического диалога Мандельштама и Хлебникова // Смерть и бессмертие; Богомолов Н. А. Еще раз о мандельштамовском «Ламарке»: (Заметки о русском модернизме, 18) // Богомолов Н. А. От Пушкина до Кибирова: Статьи о русской литературе, преимущественно о поэзии. М., 2004. С. 311–318; Slott W. Zur Funktion antiker Gottermythen in der Lyrik Osip Mandelstams. Fr/M; B., 1981; Rayfield D. ‘Lamark and ‘Mandel’shtam’ // Scottish Slavonic Review. 1987. 9.

Т. В. Игошева.

ЛАНДСБЕРГ Леонид Эммануилович (1898, Феодосия – 28.4.1957, Ростов-на-Дону), юрист, преподаватель кафедры гражд. процесса юрид. ф-та Ростовского ун-та, чл. гор. коллегии адвокатов. Личное знакомство О. М. с семьей Ландсбергов (отец Л. – Эммануил Александрович – врач и провизор) состоялось в Крыму в 1919. В янв.–февр. 1922 О. М. и Л. встречались в Ростове-на-Дону и в Харькове, а затем, возможно, в Москве. У Л. хранился экз. «Камня» (1916), к-рый после его смерти достался ростовскому поэту Л Г. Григорьяну, в кон. 1960-х гг. передавшему этот экземпляр Н. Я. *Мандельштам.*

Л. В. Санкин.

ЛАПИН Борис Матвеевич [17(30).5.1905, Москва – сент. 1941, под Киевом], поэт, прозаик, переводчик. Род. в семье врача; в 1920 с отцом выезжал на фронт; в 1921–24 учился в Высшем лит.-худож. ин-те им. В. Я. Брюсова. Стихи писал с 1921; посещал занятия по стихосложению у Вяч. *Иванова* в ЛИТО Наркомпроса; входил в поэтич. группу «Молодая Центрифуга», руководимую С. П. *Бобровым*; в кон. 1921 перешел в группу «Экспрессионисты» наряду с С. Спасским и Е. Габриловичем; тогда же в сб. «Экспрессионисты» были впервые напечатаны его стихи. В качестве «экспрессиониста» печатался (стих. «Спит тютин. Не движется осина...») во 2-м сборнике стихов Всерос. союза поэтов, где О. М. (стих. «Сестры – тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы...») представлял «акмеистов», Б. Л. *Пастернак* – «Центрифугу» и М. И. *Цветаева* – поэтов вне групп (Н. А. *Оцуп* отметил в рец.: «В сборнике есть интересные стихи трех поэтов О. Мандельштама, Б. Пастернака и М. Цветаевой» – Цех поэтов. Пг., 1922. Кн. 3). В 1922 Л. организовал литгруппу и изд-во «Московский Парнас». Во 2-м сб. «Московский Парнас» (1922) напечатаны стихи Л. и его переводы из нем. экспрессионистов. В изд-ве «Московский Парнас» в 1922 вышла книга «Молниянин» (14 стихотворений Л. и рассказ Габриловича «Ламентация»), а в 1923 – сб. из 47 стихотворений Л. «1922 книга стихов». Следующие книги стихов Л. – «Гимны против века» (стихи 1923, написанные в его первую поездку в Таджикистан) и «Бессонная ночь» (стихи 1924–25) – изданы не были.

В ранних стихах Л. ощущается влияние В. *Хлебникова*, к к-рому было обращено два его стихотворения 1921 и 1922, а также нем. романтиков 19 в. В. Я. *Брюсов*, оценивший своеобразие таланта Л. по его первой книге стихов, резко раскритиковал вторую за оригинальничанье и малую вразумительность. Соавт. Л. нач. 1920-х гг., Габрилович, отмечал, что Л. «писал стихи тонкие, словно вздувавшиеся на ветру. Это была поэзия редких слов, скорбных образов, одна из самых сильных в те годы» (Габрилович Е. Вторая четверть // Искусство кино. 1968. № 5. С. 44). В 1934 Л. называл свои ранние стихи «книжными, туманными и оторванными от жизни», однако перед последней поездкой на фронт в сент. 1941, из к-рой он не вернулся, переписал набело по памяти свои неопубл. стихи 1920-х гг. Легко осваивавший языки, Л. нашел себя в прозе, как писатель-путешественник; предметом его интереса стал преим. Восток: он объездил Среднюю Азию, Чукотку, Кавказ, Японию, Турцию и Ближний Восток. Первые очерки Л. в 1925 печатались в «Красной газете» под псевд. Пьер Дюкаж, затем – Пограничник. Постепенно вырабатывалась его прозаич. манера – точная, строгая, документальная и вместе с тем сюжетная и увлекательная («Повесть о стране Памир», 1929; «Тихоокеанский дневник», 1929; «Подвиг», 1933; «1869», 1935). С 1932 ряд книг были написаны Л. в соавт. с З. Л. Хацревиным («Америка граничит с нами», 1932; «Дальневосточные рассказы», 1935; «Путешествие», 1937; «Рассказы и портреты», 1939). «Они оба любили Восток, и мягкость, лиризма Хацревина дополняли точность, эрудицию, волю Лапина» (И. Г. *Эренбург*). До конца дней Л. продолжал писать стихи (гл. обр., сюжетно связанные с материалом его прозы) и включал их в свои повести как составную часть; одноврем. переводил ирано-таджикскую поэзию. Л. вместе с Хацревиным был воен. корреспондентом «Красной звезды» в 1939 в районе боевых действий у Халхин-Гола (Монголия) и на Зап. фронте с нач. Великой Отеч. войны 1941–45 (1941);

погиб при наступлении нем. войск на Киев, отказавшись оставить тяжело заболевшего Хацревина.

Знакомство Л. с О. М. состоялось в 1922. Л., не пропускавший поэтич. вечеров в Москве, наверняка присутствовал на выступлениях О. М. в июле 1922. В кон. 1922, когда О. М. готовил «Антологию русской поэзии XX века» (не вышла), стихи Л. привлекли его внимание, и он переписал от руки 2–3 его стихотворения, полученных от автора. Ими, в частности стих. «1920» и «Лес живет», антология должна была завершаться (см.: Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 327) Стих. «Лес живет», вошедшее впоследствии в «1922 книгу стихов» Л., переписанное О. М. от руки, в 1960-е гг. передано Н. М. И. И. Эренбург – дочери И. Г. Эренбурга и вдове Л.; автограф О. М. стих. Л. «1920» из книги «Молниянин», видимо, утрачен (см.: *Собрание Фрезинского Б. Я.)*. Встречи Л. с О. М. продолжались и в 1930-е гг. (см.: Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 157, 539; Г е р ш т е й н. С. 22). Умный и содержат. рассказчик, Л. навещал О. М. в его наезды в Москву, неизменно интересовался его новыми стихами, подчас перепечатывал их на машинке, с к-рой приходил к О. М. Глубокий интерес к поэзии, образованность и увлекат. впечатления о многочисл. путешествиях Л., наряду с его несомненной человеч. порядочностью, привлекали к нему О. М. Так, в дек. 1928 Л. посетил О. М. и Н. М. на квартире брата О. М. в Москве, в Старосадском пер., и «удивительно точно и интересно» рассказал им, как он «только что летал на самолете и делал мертвую петлю» (Г е р ш т е й н. С. 22). Впечатления Л. о его полетах на аэроплане и ощущениях от мертвой петли позднее отразились в «Путешествии в Армению» (1933) О. М., а также, возможно, в его стих. «– Нет, не мигрень, но подай карандашик ментоловый...» (1931) (см.: Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 157, 475). И. М. Басалаев в «Записках для себя» пишет о присутствии Л. и Хацревина на творч. вечере О. М. в ленингр. Капелле 23.2.1933 (см.: Минувшее. Вып. 19. СПб., 1996. С. 436). Последняя встреча Л. с О. М. состоялась в Москве в 1938 перед его отъездом в *«Саматиху»*, когда Л. передал О. М. новое изд. стихов Т. Г. *Шевченко* (см.: Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 451).

Б. Я. Фрезинский.

ЛАСК (Lask) Эмиль (25.9.1875, Владовице, Австро-Венгрия – 25.5.1915, Турца Мата, Галиция, Австро-Венгрия), нем. философ-неокантианец. Окончил Страсбургский и Фрайбургский ун-ты как правовед и философ. В 1901–04 преподавал в Берлинском ун-те. Свою первую докт. дис. («Идеализм Фихте и история») защитил в 1902 во Фрайбурге, вторую («Гегель и мировоззрение Просвещения», под руководством В. Виндельбанда) – в *Гейдельберге*, где жил и работал. С 1905 приват-доцент, с 1910 – проф. *Гейдельбергского университета*. В своих воззрениях Л. оставался приверженцем неокантианства и, в известном смысле, противостоял представителю «баденской школы» Г. Риккерту (1863–1936) и его последователям, внеся значит. вклад в развитие феноменологии Э. Гуссерля и философию 20 в. в целом [см.: H o b e. Emil Lask's Rechtsphilosophie // Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie LIX/2 (1973). S. 221–235].

В период обучения в Гейдельбергском ун-те (1909–10) О. М., очевидно, прослушал в зимнем семестре лекционный курс Л. «История новейшей философии до Канта включительно»; см.: Н е р л е р. 1994 (1). С. 36–38, 72–73. Одноврем. с О. М. курс посещал А. А. *Штейнберг*, позднее писавший у Л. докт. дис. «О понятии реального». К этому времени уже вышли две книги Л. – «Идеализм Фихте и история» (1902) и «Философия права» (1905), в 1910 опубл. «Логика философии и учение о категориях». Прямые следы влияния концепции Л. на О. М. явного выражения не нашли; вместе с тем есть основания предполагать, что именно его лекции, посв. истории философии и, в частности, учению И. *Канта*, могли оказать заметное формообразующее воздействие на мандельшт. натурфилос. взгляды. Также немаловажен тот факт, что концепция Л. в определ. смысле была актуальна для окружения издававшегося в 1-й пол. 1910-х гг. журнала «Логос», посв. проблемам философии культуры и возникшего по инициативе т. н. «гейдельбергского философского содружества» – группы обучавшихся у Риккерта выходцев из России; см.: Б е з р о д н ы й М. В. Из истории русского неокантианства (журнал «Логос» и его редакторы) // Лица: Биографический альманах. 1. М.; СПб., 1992. С. 372 и сл. В данной связи характерен портрет С. И. Гессена, содержащийся в одном из неопубл. вариантов восп. А. *Белого*: «Выговаривал он положительно, сухо и веско, оформливая (так! – *П. Н., С. Ш.*) простые житейские обстоятельства разговора лишь терминами философа Ласка, преодолевшего Риккерта и Москве неизвестного» (Б е з р о д н ы й М. В. Указ. соч. С. 374.). Актуальность филос. воззрений Л. могла сохраняться для О. М. и позднее, во время его обучения в *Санкт-Петербургском Императорском университете*, где преподавал один из наиб. известных рос. философов-неокантианцев проф. А. И. Введенский. Если сам факт и обстоятельства трагич. гибели в бою блестящего проф. (еврея по национальности) Л. на фронте, куда он записался добровольцем, были известны О. М., то есть основания предполагать, что судьба и образ Л. косвенно отразились в стих. О. М. «К немецкой речи» («Себя губя, себе противореча...», 1932).

Лит.: Н е р л е р. 1994 (1). С. 36–38, 72–73; Он же. «К немецкой речи»: попытка анализа // «Отдай меня, Воронеж...». С. 177–92.

П. М. Нерлер, С. Г. Шиндин.

ЛАФОНТЕН (франц. de La Fontaine) Жан де (8.7.1621, Шато-Тьерри, Франция – 14.4.1695, Париж), франц. поэт и баснописец, автор 3 стихотв. сборников и 12 книг басен; в 1683 избран чл. Франц. академии. Последоват. сторонник классицизма (в круг его близкого общения входили Н. Буало, Ж.-Б. Мольер, Ж. *Расин*), Л. получил известность как создатель более сюжетной, «повествовательной» разновидности басни (ориентированной на ср.-век. лит. перспективу), практически избегающей традиционного дидактич. начала и сатирич. направленности.

Очевидно, именно в силу этого в мандельшт. худож. мире Л. присутствует как автор, канонизировавший жанр басни для европ. литературы и культурной традиции в целом, и в этом качестве выступает в роли своеобразного «обратимого термина сравнения», в т. ч. и для нелит. составляющих. В предисловии к кн. Л. Перго «Рассказы о животных» (1927) О. М. опосредованно охарактеризовал худож. манеру Л., отнеся его к числу абсолютного большинства авторов, не способных написать рассказ о животных

так, чтобы «у зверей не было человеческих свойств, чтобы они не говорили литературным языком или не подделывались под детский лепет, чтобы это были действительно звери, а не очеловеченные животные» (2. С. 463). Вместе с тем неск. позднее, в «Путешествии в Армению» (1931–32), зооморфная тематика и образность басен Л. получает исключительно высокую оценку и парадоксальным образом прямо связывается с достижениями естеств. наук, в первую очередь с теорией эволюции: «Лафонтен <...> подготовил учение Ламарка. Его умничающие, морализующие рассудительные звери были прекрасным живым материалом для эволюции. Они уже разверстали между собой ее мандаты»; соответственно, этой характеристике предшествует «зеркальное» определение: «У Ламарка басенные звери. Они приспосабливаются к условиям жизни по Лафонтену» (3. С. 202). Очевидно, ввиду столь высокого оценочного статуса Л. в семантич. окружение его фигуры включается имя И. А. Крылова, более того, оба автора в определ. смысле отождествляются именно посредством их метафорич. «причастности» к теории эволюции: «Уже расположились дети играть в песочек у подножья эволюционной теории дедушки Крылова, то бишь Ламарка-Лафонтена» (Там же. С. 203); о металит. ореоле этого фрагмента см.: Ш и н д и н С. Г. Фрагмент поэтического диалога Мандельштама и Хлебникова // Смерть и бессмертие. С. 265. В более общем плане фигуру Л. в мандельшт. мире можно связать с устойчиво присутствующим в актуальных контекстах мотивом басни и ее жанровых и содержат. составляющих.

Из опосредованных смысловых звеньев, гипотетически связывающих О. М. с творчеством Л., может быть назван ср.-век. «Роман о Лисе», относящийся к числу ранних произведений гор. литературы и, в частности, выступавший в качестве одного из культурных ориентиров поэтики Л.; сюжетная схема этого текста, по мнению М. Л. Гаспарова, отражена в мандельшт. стих. «Реймс – Лаон» («Я видел озеро, стоявшее отвесно...», 1937), причем в качестве опосредующего содержат. элемента, по предположению О. Ронена, могла выступить басня Крылова «Лев, серна и лиса»; см.: Г а с п а р о в М. Л. Поэт и общество: Две готики и два Египта в поэзии О. Мандельштама // «Сохрани мою речь»-3(1). С. 33.

С. Г. Шиндин.

ЛАХУТИ Абулькасим Ахмед-заде (Гасем Ахмедович) [дек. 1887, Керманшах, Персия (Иран) – 16.3.1957, Москва], поэт, писавший на перс. (фарси) и тадж. языках. В 1934–38 секр. СП. Происходил из старинного, но сильно обедневшего рода перс. ученых-богословов. В детстве Л. писал духовно-мистич. стихи, чему и обязан своим поэтич. именем Л. (Лахут – духовный, небесный мир), но рано отошел от религии. Участник рев. движений в Персии в 1905–11 и 1921–22; в 1918–21 в эмиграции в Стамбуле. В февр. 1922 возглавил восстание в Тебризе, после чего с отрядом сторонников пробился на советскую территорию. Чл. ВКП(б) с 1924. В 1926–30 зам. наркома просвещения Тадж. ССР.

Приблизительно к кон. 1920-х гг. относится шуточное стих. О. М. о Г. А. *Шенгели* (переводившем стихи Л.) «Кто Маяковского гонитель?..» с упоминанием Л. (см.: 2. С. 87). В 1937, после возвращения О. М. из ссылки, Л. «изо всех сил старался наладить что-нибудь для» О. М., хлопотал о вечере его стихов, организовал творч. командировку на канал Москва – Волга, при этом «... доброжелательный перс надеялся», что О. М. «что-нибудь сочинит и тем самым спасет себе жизнь» (Н. Мандельштам-1. С. 121–122, 392, 394–395). В нач. 1939 Л. попал в опалу: переданная им в кон. 1938 И. В. *Сталину* «Поэма о цветке» (под цветком подразумевался С. М. *Михоэлс*), вызвала неудовольствие вождя; Л. на нек-рое время оказался в изоляции. Оставаясь чл. правления ССП, Л. был фактически отстранен от всякого участия в его делах.

Источники: С о с ю р а В. Третья рота. М., 1990. Гл. LVI; Существованья ткань сквозная. Борис Пастернак. Переписка с Евгенией Пастернак. М., 1998. С. 224–226.

Лит.: В о р о ж е й к и н а З. Н. Абулькасим Лахути // Лахути. Стихотворения и поэмы. Л., 1981. С. 5–40.

Д. Г. Лахути, Л. Г. Лахути

ЛЕВИН Юрий Иосифович (14.6.1935, Москва – 14.4.2000, там же), рос. математик и логик (канд. физ.-матем. наук), семиотик, лингвист и литературовед; представитель моск.-тартуской семиотич. школы; чл. Совета Мандельштамовского общества. Сын философа И. Д. Левина (1901–1984), племянник литературоведа В. Д. Левина. Доцент, преподаватель математич. дисциплин в разл. вузах, в т. ч. в 1966–2009 в Моск. Инж.-строит. ин-те (ныне Моск. Гос. строит. ун-т).

Как филолог Л. публиковался с 1963. Диапазон интересов Л. как филолога был весьма широк – от фольклора до Вен. В. Ерофеева, но центр. темой его исследоват. деятельности в данной сфере, несомненно, была поэтика О. М., в изучение к-рой он внес огромный вклад.

С о ч.: О некоторых чертах плана содержания в поэтических текстах: Материалы к изучению поэтики О. Мандельштама // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1969. Vol. 12. P. 106–164; Заметки о поэзии О. Мандельштама 30-х годов // Slavica Hierosolymitana. Vol. 3. P. 110–173; Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма // RL. 1974. No 7/8. P. 47–82 (совм. с Д. М. Сегалом, Р. Д. Тименчиком, В. Н. Топоровым и Т. В. Цивьян); Избр. тр. Поэтика. Семиотика. М., 1998.

П. М. Нерлер.

ЛЕГРАН Борис Васильевич (Вильгельмович) (13.2.1884, Москва – 22.2.1936, Ленинград), дипломат и гос.-парт. деятель. В 1903 окончил 1-ю Тифлисскую муж. гимназию, где учился вместе с Д. С. Гумилёвым (одноклассник) и Н. С. *Гумилёвым*, переведенными в нее в янв. 1901. «...В Тифлисской гимназии оказалось много прекрасных юношей, с которыми просто невозможно было не подружиться. Борис и Сергей Леграны привлекали своей начитанностью, у них в доме было много интересных, серьезных книг...» (В ы с о ц к и й. С. 43). В 1901 Л. вступил в Тифлисскую организацию РСДРП, где работал вместе с И. В. *Сталиным*, С. Г. Шаумяном и др. [см.: Архив Гос. Эрмитажа (АГЭ). Ф. 1. Оп. 13. № 470. Л. 7]. В 1903 поступил на ф-т вост. языков, а затем на юрид. ф-т *Санкт-Петербургского Императорского университета*. Осенью 1907 выслан из С.-Петербурга под гласный надзор полиции на 2 года; перевелся в Казанский ун-т (см.: ЦГИА СПБ. Ф. 14. Оп. 3. № 40559. Л. 15 и 1), к-рый окон-

чил в 1909. Работал пом. присяжного поверенного в Тифлисе, С.-Петербурге и Москве. В период 1-й мировой войны 1914–18 в 1915 призван в армию, до лета 1917 на фронте, по распоряжению командования дивизии отправлен под надзор штаба Двинского воен. округа в Витебск в связи с обвинением в большевизме; осенью 1917 вернулся в Петроград.

После окт. 1917 Л. занимал ответств. гос. посты: зам. наркома Наркомата воен.-мор. дел РСФСР, чл. коллегии по руководству быв. Воен. министерством, чл. Совета нар. комиссаров РСФСР, пред. Петрогр. окружного нар. суда. С нояб. 1918 чл. Реввоенсовета Юж. фронта и 10-й армии, в мае 1919 пред. Рев. воен. трибунала при Реввоенсовете, в февр. 1920 зам. пред. Киевского губ. ревкома.

С мая 1920 полномоч. представитель РСФСР в Арм. республике, с дек. – во всем Закавказье. По др. сведениям, уже в сент. 1920 он сменил С. М. Кирова на посту полпреда РСФСР в Грузии; в таком случае именно он помог О. М. выехать в РСФСР в сент. 1920 вместе с Эренбургами и средним братом – в качестве курьера Постпредства (Архив внеш. политики РФ. Ф. 209. Оп. 1. Портф. 2. Папка 1. Л. 104). Л. с женой познакомился с О. М. и Н. Я. *Мандельштам* в июне 1921 в Тифлисе. Н. М. вспоминала: Л. «назначил Мандельштама в штат посольства (РСФСР в Грузии. – *Т. И.*), и нам ежедневно выдавали два обеда по типу московских пайковых столовых. Мы приходили в посольство, болтали со скучающими Легранами, а затем уносили посольские судки с обедом и пачку газет, из которых Мандельштаму полагалось по долгу службы делать вырезки. Посольству хотелось иметь референта, но и посольство, и референт, и обеды были не настоящими, а липовыми, газеты же приходили с севера и из-за границы со скоростью черепахи» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 91–92); в кон. авг. Л. «обычно равнодушный и сдержанный, выскочил к нам навстречу из кабинета и увел нас к себе в квартиру. Там он рассказал о расстреле Гумилева. Он не на шутку испугался, хотя говорил искусственно дипломатическим голосом» (Там же. С. 92). Особенно сильное впечатление на Н. М. произвела реакция «приятной и приветливой» жены Л. – Ольги Владимировны, к-рая «поспешно сказала, что ей никогда не нравился Гумилев – заносчивый, резкий, непонятный, чужой и чуждый человек. Жена Леграна оказалась первооткрывательницей и пионеркой: в те ранние годы еще не научились с ходу отрекаться от погибших, обвиняя их в дурном характере и чуждой настроенности – и притом совершенно искренно (в этом весь фокус). Потом только так и поступали с завидной прямотой и честностью» (Там же). Н. М. проецировала модель поведения жены Л. на тех «честных советских людей», которые впоследствии считали погибшего О. М. «нелепым и надменным чудаком», а его «внутреннюю свободу, глубину, независимость и прямоту» воспринимали «(совершенно искренно) как петушиную дурь...». Впечатление Мандельштамов «от первого выпада против расстрелянного оказалось таким сильным», что им «не захотелось возвращаться в посольство за обедом и газетами». Н. М. вспоминала: «Мы ушли с судками, но в посольство больше не заглядывали. Вскоре к нам явился солдат, рассыльный посольства, и забрал посольскую жестяную посуду. На этом отношения с Легранами кончились» (Там же. С. 92–93).

В июне 1922 Л. – уполномоченный Наркомата иностр. дел в Ср. Азии, чл. Туркест. комиссии ВЦИК. С осени того же года вновь в Петрограде: зав. Петрогр. обл. отделом Главлита Наркомпроса, с янв. 1923 пред. Петрогр. губ. отдела Союза работников просвещения, с мая 1925 зав. культотделом Ленингр. губ. союза профсоюзов, в окт. 1926 пред. Ленингр. треста «Графическое дело». В дек. 1926–1927 ген. консул СССР в Китае (Харбин). С апр. 1930 зам. дир. по науке, с сент. временно исполняющий обязанности дир., в янв. 1931 – мае 1934 дир. Гос. Эрмитажа (ГЭ). На годы работы Л. в ГЭ пришлись значит. потери эрмитажных коллекций: подпись Л. стоит на актах о «передачах», т. е. продажах, картин С. Боттичелли, Х. ван Р. *Рембрандта*, Ф. Хальса, П. Перуджино. С 1934 зам. ректора АХ СССР.

Архивы: ЦГИА СПБ. Ф. 14. Оп. 3. № 40559; Архив Гос. Эрмитажа (АГЭ). Ф. 1. Оп. 13. № 470; Оп. 17. № 205; Оп. 5. № 20, 32.

Источники: Высоцкий О. Николай Гумилёв глазами сына: Воспоминания современников о Н. С. Гумилёве. М., 2004. С. 43, 45–46.

Лит.: Леман Н. Борис Васильевич Легран: (К столетию со дня рождения) // Сообщения Государственного Эрмитажа. Л., 1984. Вып. 49. С. 67–70; То же // Пиотровский Б. Б. История Эрмитажа. М., 2000. С. 333–337.

Т. Д. Исмагулова.

ЛЕЖНЁВ (наст. фам. Альтшулер) Исай Григорьевич (22.6.1891, Николаев Херсонской губ. – 9.10.1955, Москва), литератор, лит. критик. В 1922 организовал журнал *«Новая Россия»*, в к-ром выступал как идеолог национал-большевизма; ред. В 1926 журнал был закрыт, а Л. выслан из СССР в Эстонию; затем служил в советском торгпредстве в Берлине. В 1930 вернулся в СССР. В 1935–39 зав. отд. лит-ры и иск-ва газ. *«Правда»*.

В журнале «Новая Россия» были опубл. стихи О. М. «Кому зима – арак и пунш голубоглазый...» (1922, № 1), «Век» (1922, № 4), «Концерт на вокзале» (1924, № 3). Как сообщает Н. Я. *Мандельштам*, именно Л. заказал О. М. пов. «Шум времени» – «а потом отклонил: ему мерещились совсем иные воспоминания и совсем иное детство, о котором впоследствии он написал сам. Это была история еврейского местечкового подростка, открывшего для себя марксизм» (Мандельштам Н (1). 1999. С. 291; Мандельштам Н (2). 1999. С. 278); имеется в виду кн. Л. «Записки современника».

В 1934 Л. принес в подарок О. М. кн. Ф. Энгельса «Диалектика природы». Однако О. М. не принял ее, сославшись на «авторитет» Н. М., к-рая вспоминала: «“Не надо, – сказал он, показывая на меня. – Она читала и говорит, что мне не надо...” Лежнев только ахнул: разве можно доверять жене выбор литературы по таким коренным идеологическим вопросам! “Можно, – сказал О. М. – Она лучше знает. Она всегда знает, что мне читать”» (Мандельштам Н (1). С. 292).

Е. А. Яблоков.

ЛЕОНОВ Леонид Максимович [19(31).5.1899, Москва – 7.8.1994, там же], прозаик, драматург, лит. и обществ. деятель. Весной 1929 вошел в число 15 литераторов, обратив-

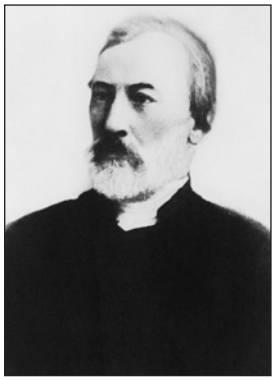
шихся с открытым письмом в редакцию *«Литературной газеты»* в защиту О. М., обвиненного Д. И. *Заславским* в плагиате (см.: ЛГ. 1929. 7 мая). Прямые сведения как о возможном знакомстве и общении О. М. с Л., так и об отношении к его творчеству отсутствуют. Позднее А. А. *Ахматова*, характеризуя манельшт. оценку современных ему прозаиков, вспоминала: «Больше всего М<андельштам> почему-то ненавидел Леонова» (Ахматова А. Листки из дневника (О Мандельштаме) // Ахматова А. Победа над Судьбой. I: Автобиографическая и мемуарная проза. Бег времени. Поэмы. М., 2005. С. 112); ср. относящееся к 1937 свидетельство Н. Я. *Мандельштам* о том, что, обсуждая с О. М. возможность его самоубийства, Ахматова сказала: «Знаете, что они сделают? Начнут еще больше беречь писателей и даже дадут дачу какому-нибудь Леонову» (Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 133). Вместе с тем сам О. М. в письме к М. С. Шагинян от 5.4.1933 доброжелательно упомянул Л. в связи с его романом «Скутаревский» (1932): «Большинство наших писателей думают, что идеология – это дрожжи, которые завернуты в пакетик и без которых никак нельзя. <...> У нас между наукой и поэзией подлейшее разделение труда. (Хороша была смычка у Леонова в “Скутаревском”.)» (4. С. 150–151). Эта лаконичная характеристика (чье положит. звучание могло быть обусловлено и специфич. «социально ориентированным» контекстом письма) органично встраивается в относящийся к кон. 1920 – нач. 1930-х гг. набор прямых и опосредованных оценок О. М. ряда писателей, данных с учетом худож.-идеолог. мировоззрения, в частности, В. П. *Катаеву*, Н. *Огневу* (М. Г. Розанов), А. С. *Серафимовичу*, С. Н. Сергееву-Ценскому, К. А. *Федину* и др.; наиб. полно они отразились в неоконч. заметке нач. 1930-х гг. об очередном переиздании ром. Серафимовича «Город в степи» (1912).

Лит.: Тименчик Р. Анна Ахматова в 1960-е годы. М.; Toronto, 2005. С. 346–347.

С. Г. Шиндин.

ЛЕОНТЬЕВ Константин Николаевич [13.1.1831, с. Кудиново Мещовского у. Калужской губ. – 12.11.1891, Сергиев Посад Моск. губ.], полит. и религ. мыслитель, публицист, прозаик, лит. критик. Эволюционировал от либерализма в духе 1840-х гг. к эстетич. консерватизму, от пантеизма – к идеалу строгого монашеского православия.

В краткой биографич. справке, составленной Б. П. Козьминым в 1928 со слов самого О. М., особо оговаривается, что «к 1913 г. относится увлечение» поэта «католическим универсализмом, к 1914 г. – Леонтьевым» (см.: Писатели современной эпохи: Биобиблиографический словарь русских писателей XX в. М., 1992. С. 177). Результаты и степень этого увлечения могут пониматься и трактоваться совершенно по-разному: по мнению одного исследователя, О. М. чтил Л., прежде всего, «за эстетский культ старинной сословности» (Гаспаров. С. 202–203); по мнению другого – именно обращение «к кругу идей К. Н. Леонтьева» поспособствовало переходу О. М. «от католического универсализма к православной “вселенскости”» (Морозов. С. 507; подобными мотивами пронизано стих. О. М. «В белом раю лежит богатырь...», 1914). Многое в дальнейшем творчестве О. М. предопределила и задала параллель между биологич. и иными (обществ., гос., культурными) «организмами», развиваемая Л. в филос.-ист. трактате «Византизм и славянство» (1875).



Константин Николаевич Леонтьев

В 1920-х гг. отношение О. М. к Л. стало более критическим. По свидетельству Н. Я. *Мандельштам*, «он считал Леонтьева значительным писателем, но причислял его к лжеучителям» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 492). В ст. «О природе слова» (1921–22) О. М. назвал имя Л. среди имен тех «русских мыслителей», к-рые не могли «жить без стен, без “акрополя”» (1. С. 223). «Величавое проплывание тени Леонтьева» (Аверинцев. С. 219) происходит на финальных страницах «Шума времени» (1923) О. М. Обыгрывая здесь знаменитую формулу Л. «надо подморозить хоть немного Россию» (Леонтьев. Т. 7. С. 124; О. М. знакомился с творчеством Л. именно по этому изд.), автор «Шума времени» объявляет основополагающим качеством Л. «литературную злость» (2. С. 387), отмечает, что «из всех русских писателей» Л. «более других склонен орудовать глыбами времени. Он чувствует столетия, как погоду, и покрикивает на них», а в итоге – сквозь призму леонтьевской метафорики О. М. дает целостную характеристику всему 19 в.: «...Я хочу окликнуть столетие, как устойчивую погоду, и вижу в нем единство “непомерной стужи”, спаявшей десятилетия в один денек, в одну ночку, в глубокую зиму, где страшная государственность – как печь, пышущая льдом» (Там же. С. 391–392). К той же метафоре Л. восходит метафора «кусочек “государственного льда”» из пов. О. М. «Египетская марка» (1927), чье заглавие отчасти перекликается с заглавием ром. Л. «Египетский голубь» (см.: Там же. С. 485; перекличка двух метафор отмечена в: Кацис. С. 321).

По восп. современницы, в нач. 1930-х гг. О. М. иногда беседовал об Л. с М. О. *Чечановским* (Гершейн. С. 407).

Источники: Гершейн; Н. Я. Мандельштам. Т. 2.

Лит.: Морозов А. А. <Мандельштам О.> // Русские писатели, 1800–1917: Биографический словарь. М., 1994. Т. 3; Аверинцев С. С. Так почему же все-таки Мандельштам? // НМ. 1998. № 6; Гаспаров М. Л. О русской поэзии: Анализы. Интерпретации. Характеристики. СПб., 2001; Кацис Л. Ф. О. Мандельштам: мускус иудейства. М., 2002.

О. А. Лекманов.

ЛЕРМОНТОВ Михаил Юрьевич (3.10.1814, Москва – 15.7.1841, подножие горы Машук, близ Пятигорска), поэт, прозаик. В «Шуме времени» (1925) О. М., выступая против

известной традиции, намеренно разводит А. С. *Пушкина* и Л., подчеркивая свое разное к ним отношение: «никогда» Л. «не казался мне братом или родственником Пушкина» (2. С. 356). Однако одна и та же «солдатская» метафора сопровождает описание и лермонт., и пушкинских томов: в исаковском изд. Пушкина «...Колонки стихов текут свободно, как солдаты летучими батальонами, и ведут их, как полководцы, разумные, четкие годы...» (Там же) – «...У Лермонтова переплет был зелено-голубой и какой-то военный, недаром он был гусар» (Там же). Это сближение особенно интересно в контексте «Стихов о неизвестном солдате», где упомянут Л., а в черновой ред. также содержится цитата из пушкинского «Памятника». В заметке «Кое-что о грузинском искусстве» (1922) О. М. тоже сближает Л. и Пушкина: «...В русской поэзии есть свой грузинский миф, впервые провозглашенный Пушкиным... и разработанный Лермонтовым в целую мифологию» (Там же. С. 233). Л., как и Пушкин, был для О. М. воплощением лит-ры, ее высшим измерением. В письме к Н. Я. *Мандельштам* от 7.5.1937 О. М. передает отзыв Н. Е. *Штемпель* на стих. «Клейкой клятвой липнут почки...» (1937): «..."что-то знакомое – вроде Лермонтова"», – и поясняет: «Т. е. вторичны, литература» (4. С. 196). Во внутр. рец. для изд-ва *«Земля и фабрика»* на ром. С. Н. Сергеева-Ценского о Л. поэт с возмущением пишет о «вульгаризации биографий знаменитых людей, заменяющей у нас бульварные романы» (Там же. С. 607).

Однако с Л. поэт был более «на короткой ноге» (С т р у в е. С. 188), нежели с Пушкиным. С. Б. *Рудаков* рассказывал в письме к жене от 7.2.1936, как О. М. приписал Л. строки из стих. Козьмы Пруткова «На мягкой кровати...» (Мандельштам в письмах Рудакова. С. 140). В мандельшт. сознании Л. сближается скорее с Ф. И. *Тютчевым* (см. «Огюст Барбье»: 2. С. 304–305). В. Ф. *Ходасевич* в рец. на «Камень» (1916) назвал О. М. продолжателем лермонт. лирич. традиции наряду с Тютчевым и А. И. *Фетом* (Утро России. 1916. 30 янв. С. 5; цит. по: Камень. 1990. С. 219). Напротив, Н. О. Лернер, автор отрицат. рец. на тот же «Камень», оценивал стихи О. М. лермонт. цитатой из «Не верь себе»: «...Все, что им сказано, плод "раздражения пленной мысли" – мысли, подчиненной чужим, более ярким мыслям и образам» (Речь. 1916. № 119. 2 мая. С. 3; цит. по: Камень. 1990. С. 229). По мнению В. В. Мусатова, О. М. соотносил Л. с Н. С. *Гумилёвым* (судьба поэта и офицера, погибшего от пули в расцвете творч. сил): «...В "Стихах о неизвестном солдате" именно Лермонтов станет символом "смерти поэта"» (М у с а т о в. С. 239). Штемпель вспоминала, как в Воронеже на пушкинской выставке в фундаментальной б-ке в янв. 1937 О. М. заметил, что из стих. «Смерть поэта» Л. организаторы выбросили строки о Божьем суде. «Осип Эмильевич устроил настоящий скандал и успокоился только тогда, когда директор библиотеки обещала восстановить пропущенный текст» (Ш т е м п е л ь. С. 27).

Л. упоминается в перечислении поэтов в стих. О. М. «Дайте Тютчеву стрекозу...» (1932): «А еще над нами волен / Лермонтов, мучитель наш...». Одно из разночтений этого стиха – «учитель наш» (М а н д е л ь ш т а м О. Пятьдесят семь стихотворений // ВП: Альм. 2. Н.-Й., 1961) – отчасти поясняет его смысл: мастерство Л. недостижимо, и это вызывает мучения. «Лермонтов "мучил" непостижимым даром слышать, как "звезда с звездою говорит"» (М у с а т о в. С. 239; ср.: Ч е р а ш н я я. С. 223–225).

Л. также один из персонажей «Стихов о неизвестном солдате» (1937) О. М.: «И за Лермонтова Михаила / Я отдам тебе строгий отчет...» – в этих строках содержится двусмысленность: то ли «вместо» Л., как его преемник, то ли «о» Л.; «сутулый» употреблено вместо фразеологич. «горбатый» – это намек на Л. и его стремление к смерти (Г а с п а р о в. 1996. С. 70). Выражение «строгий отчет» заимствовано О. М. из новеллы Л. «Максим Максимыч», входящей в состав «Героя нашего времени» (Г о р е л и к. С. 7). Слова о могиле («как сутулого учит могила») можно соотнести с отрывком «Ты, могила, не смей учить горбатого – молчи!» (1931; см.: Х а з а н. С. 268–313). В названном отрывке также звучит тема отчета за других («я говорю за всех с такою силой»). А. Гелих считает, что в стихах о могиле и воздушной яме скрыта цитата из Л.: «...разрытою могилой / Над юной жизнью воздух там дышал» («Сказка для детей») (Г е л и х. С. 81). Инверсия «Лермонтова Михаила» напоминает воен. перекличку (Г а с п а р о в. С. 213–240). Первые 6 строф стихотворения соотносятся с лермонт. «Демоном»: «На воздушном океане / Без руля и без ветрил / Тихо плавают в тумане / Хоры стройные светил». По мнению И. М. *Семенко*, «с темой гибели Лермонтова связана в стихотворении и тема оборвавшейся в полете поэзии», а в сочетании «строгий отчет» звучит тема «ответственности, единства, связанности... всеобщей судьбой» (С е м е н к о. С. 89–90). В трактовке В. М. Живова, в «Стихах о неизвестном солдате» говорится о Л. как борце за победу против смерти, впавшем в демонизм, к-рого нужно «исправить» могилой (Ж и в о в. С. 411–433).

Помимо прямых упоминаний о Л., в текстах О. М. содержатся многочисл. лермонт. реминисценции. Одна из самых частых – из хрестоматийного стих. Л. «Выхожу один я на дорогу...» (ср.: I č i n, J o v a n o v i č. S. 27–46). Так, «Концерт на вокзале» (1921) О. М. открывается антицитатой из Л.: «И ни одна звезда не говорит» (ср.: «И звезда с звездою говорит»), полемич. характер к-рой, однако, сглаживается упоминанием Бога в следующей строке: «Но, видит Бог, есть музыка над нами» (ср.: «Пустыня внемлет Богу»). Этот подтекст из Л. соседствует с ницшеанским, что заставляет вспомнить мнение В. С. Соловьева (эссе «Лермонтов»), считавшего Л. провозвестником Ф. *Ницше* (см.: Л е к м а н о в. 2000. С. 537–538). То же стихотворение Л. служит подтекстом к «Грифельной оде» (1923, 1937) О. М.: «Звезда с звездой – могучий стык, / Кремнистый путь из старой песни...». «Кремень и воздух неразрывно связаны в мандельштамовской модели русской поэзии с Лермонтовым, чья жизнь – "кремнистый путь" и чья смерть – "воздушная могила"» (R o n e n. P. 81. Ср.: Т а р а н о в с к и й. С. 27–29; Ф а р ы н о. С. 193–196). Тема «кремнистого пути» совр. поэта, продолжающего традицию «Реки времен» Г. Р. *Державина* и «Пророка» Л., по мнению О. Ронена, звучит в ст. О. М. «Слово и культура» (1921): «Сострадание к государству, отрицающему слово, – общественный путь и подвиг современного поэта». (R o n e n. P. 75). Вероятно, по модели «Выхожу один я на дорогу...» выстроено раннее стих. О. М. «Ты прошла сквозь облако тумана...» (1911), написанное тем же размером, где «кремнистый путь» заменен на «дней сияющую рану» (Ibid. P. 220).

Михаил Юрьевич Лермонтов

Образ воздушного корабля, связанный и с морем, и с воздушным океаном, в стих. О. М. «На страшной высоте блуждающий огонь...» (1918; «Чудовищный корабль на страшной высоте / Несется, крылья расправляет...») навеян одноим. стих. Л.: «Корабль одинокий несется, / Несется на всех парусах» (смю: Г е л и х. С. 1). Ронен отмечает, что «основной подтекст сюжета “Стихов о неизвестном солдате” содержит в себе ссылки» на «Воздушный корабль» Л. (Р о н е н. С. 100).

В стих. «Все чуждо нам в столице непотребной...» (1918) О. М. солидаризировался с Л. в его восприятии современников («Дума» Л.: «И перед властию – презренные рабы»), метонимически перенося эту оценку на Москву: «А перед князем – жалкая раба» (Г е л и х. С. 72). Ритмика стих. О. М. «Жил Александр Герцевич...» (1931) повторяет «Молитву» Л. (подробнее см.: Г а с п а р о в. 1979. С. 292–293). Многократно замечены цитатные совпадения этих текстов: «Одну сонату вечную / Играл он наизусть» у О. М. – «Одну молитву чудную / Твержу я наизусть» у Л. Н. И. *Харджиев* описывал эту реминисценцию как «пародический перепев» Л. (Х а р д ж и е в. С. 288). Противоположно объяснял ее смысл Н. А. *Струве*: «Соната Шуберта... наделена той же жизненной ценностью, что и “чудная молитва” Лермонтова... Музыка побеждает страх смерти» (С т р у в е. С. 59–60; ср.: Ч е р а ш н я я. С. 123–125).

Цитату из «Валерика» Л., созвучную мысли О. М., находим в его ст. «Петр Чаадаев» [1. С. 198; в черновике этой цитате предшествует следующий текст: «...Вспомним слова Лермонтова, в которых русская нравственная философия нашла чрезвычайно удачное выражение» (цит. по: Камень. 1990. С. 339)]. В «Стихах о неизвестном солдате» в качестве скрытого лейтмотива, возможно, тоже присутствуют образы «Валерика»: «свод небес», под к-рым разворачивается картина многотысячных бессмысленных смертей (О. А. Лекманов – устное наблюдение).

Перекличка со стих. Л. «Как в ночь звезды падучей пламень...» обнаруживается в раннем стих. О. М. «Кузнец» (1911, 1922; см.: R o n e n. P. 83). Один из «синтаксических» подтекстов сонета О. М. «Казино» (1912) – это хрестоматийная «Родина» Л. (см.: Л е к м а н о в. С. 464). Переклички с «Родиной» Д. М. Сегал усматривал в стих. О. М. «Обиженно уходят на холмы...» (1915) (С е г а л. С. 295–297). По мнению Ронена, в стих. О. М. «Я не слыхал рассказов Оссиана...» (1914) зашифрован образ «ворона степного» из «Желания» Л. (Р о н е н. С. 21). По наблюдению Г. А. Левинтона (Лотмановские чтения), строки О. М. «В черном омуте столицы / Столпник-ангел вознесен» из его стих. «Императорский виссон...» (1915) восходят к рисунку Л., изобразившему С.-Петербург, погибший от наводнения, с едва видимой оконечностью Александровской колонны (рисунок был описан в мемуарах В. А. Соллогуба). Ритмич. совпадениями с «Парусом» Л. отмечены строки О. М. из «1 января 1924»: «Белеет совесть предо мной. <...> Вся полость трется и звенит» (см.: R o n e n. P. 280); своим назв. это стихотворение О. М. обязано двум текстам Л. – «1831-го января» и «1 января» («Как часто пестрою толпою окружен...»), общий лейтмотив к-рых – также «память о прошлом» (см.: Ibid. P. 232–233). А в стих. О. М. «Мне кажется, мы говорить должны...» (1935) содержатся две реминисценции из Л. – из «Как часто пестрою толпою окружен...» («И дерзко бросить им в глаза железный стих...») и «Демона» («На воздушном океане...»). В воронежском стих. О. М. «Не сравнивай: живущий несравним» (1937) звучит лермонт. тема из стих. «Мой дом везде, где есть небесный свод...» (см.: Ibid. P. 126). По мнению Л. Ф. Кациса, при написании стих. «Когда б я уголь взял для высшей похвалы...» и «Средь народного шума и спеха...» О. М. использовал прием «небесного портрета» Л. из стих. В. В. *Хлебникова* «На родине красивой смерти Машуке...» (см.: К а ц и с. С. 49).

Источники: Ш т е м п е л ь.

Лит.: Х а р д ж и е в Н. И. Примеч. // Стих. 1973; Г а с п а р о в М. Л. Семантический ореол метра: К семантике русского трехстопного ямба. М., 1979; О н ж е. 1996; К а ц и с Л. Ф. Поэт и палач: О «сталинских» стихотворениях О. Мандельштама // ЛО. 1991. № 1; Х а з а н В. И. «Это вроде оратории»: Попытка комментария лирического цикла, посвященного памяти А. Белого, и «Стихов о неизвестном солдате» О. Мандельштама // Проблемы вечных ценностей в русской культуре и литературе 20 в. Грозный, 1991; Ж и в о в В. М. Космологические утопии в восприятии большевистской революции и антикосмологические мотивы в русской поэзии 1920–30-х гг. («Стихи о неизвестном солдате» О. Мандельштама) // Сб. статей к 70-летию профессора Ю. М. Лотмана. Тарту, 1992; С т р у в е Н. А. Осип Мандельштам. Томск, 1992; М а р к о в и ч В. М. О лермонтовских реминисценциях в поэзии О. Мандельштама // «В Петербурге мы сойдемся снова...»: Материалы Всероссийских Мандельштамовских чтений. 1991, декабрь. СПб., 1993; Г а с п а р о в Б. М. Смерть в воздухе: К интерпретации «Стихов о неизвестном солдате» // Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы. М., 1994; М у с а т о в В. В. Лирика О. Мандельштама. К., 2000; О б у х о в а Э. Мандельштам и Лермонтов // Русская филология. Х., 1994. № 1; Ф а р ы н о Е. Архепоэтика Мандельштама: (На примере «Концерта на вокзале») // Столетие Мандельштама; Г е л и х А. «Звезда с звездою говорит»: Диалог Мандельштама с Лермонтовым // «Отдай меня, Воронеж...»; С е м е н к о; Г о р е л и к Л. Л. Отчет о «правосудии Божием» в «Стихах о неизвестном солдате» О. Мандельштама. Смоленск, 1998; С е г а л; Л е к м а н о в. 2000; Т а р а н о в с к и й К. Ф. О поэзии и поэтике. М., 2000; Р о н е н О. Поэтика О. Мандельштама. СПб., 2002; Ч е р а ш н я я Д. И. Поэтика О. Мандельштама: Субъектный подход. Ижевск, 2004; R o n e n O. An approach to Mandelshtam. Jerusalem, 1983; I č i n R., J o v a n o v i č V. «Выхожу один я на дорогу» Лермонтова и поэзия Мандельштама // Wien. Slaw. Alm. 1992. Bd. 30.

А. Ю. Сергеева-Клятис.

ЛЕСМАН Моисей Семенович [14.11.1902, Екатеринослав – 30.11.1985, Ленинград], пианист-концертмейстер, коллекционер книг и рукописей. Во время своих поездок по стране с концертными бригадами на рубеже 1960–70-х гг. разыскал солагерников О. М., очевидцев последних дней жизни поэта (В. Л. Меркулова, Е. М. *Крепса*, В. А. Баталина), и записал их рассказы, ныне опубл. в сб.: Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама: Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Коммент. Исследования / отв. ред. О. Г. Ласунский. Воронеж, 1990. С. 45–52. В собрании Л. находились рукописи О. М., издания его сочинений, документы, относящиеся к жизни и творчеству О. М., а также книги с дарств. надписями поэту. В наст. время мандельшт. материалы, собранные Л., переданы в МААФД.

Лит.: О. Э. Мандельштам. Внутренние рецензии / публ. А. Г. Меца // Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана: Аннотированный каталог. Публикации. М., 1989 (по ук.).

С. В. Друговейко-Должанская.

ЛИДИН (наст. фам. Гомберг) Владимир Германович (3.2.1894, Москва – 27.9.1979, там же), прозаик, мемуарист. В заметке «Литературная Москва. Рождение фабулы» (1922) О. М. охарактеризовал Л. как «серапионовца, почему-то не записанного в братство» (2. С. 263; см. также ст. *«Серапионовы братья»*). В нач. 1920-х гг. Л. пригласил О. М. в моск. редакцию газ. *«Накануне»*, предложив ему печататься в Лит. приложении. Л. и О. М., подобно мн. авторам «Накануне», одноврем. сотрудничали и в журнале *«Новая Россия»*. По наблюдению Д. М. Сегала, ключевые мотивы стих. О. М. «Кому зима – арак и пунш голубоглазый...» (1922) перекликаются с образами очерка Л. «Ковыль скифский» (Сегал. С. 687–688). Сохранился экз. «Камня» 1916 с инскриптом рукой О. М.: «Дорогому Владимиру Германовичу Лидину – книгу, которой у меня нет, дружески. Осип Мандельштам. 25 / IV 22. Москва» [Устинов А. Б. Письма Ю. Г. Оксмана к Л. Л. Домгеру // Themes and variations (Темы и вариации): Сб., посвященный 50-летию Л. С. Флейшмана. Stanford, 1994. P. 538]. В конфликте О. М. с А. Г. *Горнфельдом* Л. занял нейтральную позицию, за что был подвергнут О. М. остракизму (см. в его письме к Н. Я. *Мандельштам* от 24.2.1930): «Да, забыл: писателям не подаю руки: Асеев, Адуев, Лидин и т. д.» (4. С. 134). М. Л. Гаспаров отмечает переклички программных «Стихов о неизвестном солдате...» (1937) О. М. с романом Л. «Могила неизвестного солдата» (1932): «...Неизвестный солдат там – еврей, это должно было быть небезразлично для Мандельштама» (Гаспаров. С. 22).

Источники: Мындлин Э. Л. Необыкновенные собеседники. М., 1979. С. 130–140.

Лит.: Федорова О. П. Журнальная публицистика 20-х годов как источник по истории советской интеллигенции. М., 1985. С. 20.

О. Я. Алексеева.

ЛИНДЕ Фридрих Михаил Фридрихович (Федор Федорович) (9.2.1881, Выборг – 25.8.1917, под Луцком), математик. В 1902–04 учился на матем. отделении физико-математ. Ф-та *Санкт-Петербургского Императорского университета*; отчислен за неуплату [см.: Сальман М. Г. Осип Мандельштам: годы учения в Санкт-Петербургском университете (по материалам Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга) // Russian Literature. 2010. Vol. LXVIII. Iss. III/IV. С. 474]. Л. интересовался матем. логикой, написал вступит. ст. к книге Л. Кутюра «Философские принципы математики» (СПб., 1913) и издал собств. книгу «Строение понятия. Логическое исследование» (Пг., 1915). Л. участвовал в Рус. рев-ции 1905–1907 в рядах большевиков, не будучи членом партии; ок. полугода провел в заключении в петерб. тюрьме «Кресты» (см.: Канторович. С. 229–230). У его матери, Паулины Фелициановны (урожд. Жанковской), был участок земли и дом, где она открыла пансион, в дер. Лембияла (или, в др. написании, Лемпияля) Новокирковского округа, Выборгской губ. (см.: Сальман М. Г. Указ. соч. С. 474). Пансион Линде был примерно в 12 км от Мустамяк (ныне станция Горьковская Финл. ж. д.), там «находили приют все скомпрометированные в глазах петербургской жандармерии лица. Это был ближайший центр политической эмиграции. <...> Меньшевики, большевики, бундовцы, социалисты-революционеры, анархисты – все перебывали на правах пансионеров в скромном, населенном, как улей, мустамякском доме. Пансион стал популярен среди всей демократической интеллигенции Петербурга» (Канторович. С. 230). 31.7(13.8).1911 [см.: Hellman B. Osip Mandelstam and Finland / Ben Hellman. Встречи и столкновения. Статьи по русской литературе. Meetings and clashes. Articles on Russian Literature. Helsinki 2009. (SLAVICA HELSINGIENSIA 36). P. 168] Л. и его младший брат Иоганн Альберт, студент, исключенный из ун-та 10.2.1911 в период студенч. волнений (см.: Сальман М. Г. Указ. соч. С. 476), были арестованы во время полицейского налета на пансион (см.: Некий еврей Мандельштам / публ., пред. и прим. Д. Зубарева и П. Нерлера // «Сохрани мою речь...». [Вып.] 3. Ч. 2. М., 2000. С. 105). Благодаря хлопотам одной из сестер Л. адм. высылка была заменена ему выездом за границу. Л. сначала жил в Швейцарии, потом в Италии, вернулся в Россию по амнистии 1913 (см.: Канторович. С. 235–236). Не ранее 11.7.1916 Л. поступил вольноопределяющимся (см.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 39883. Л. 38) в лейб-гвардии Финл. полк, расквартированный в Петрограде. Принимая активное участие в Февр. рев-ции 1917, «Линде отбил где-то грузовой автомобиль и созвал первый революционный летучий отряд» (Канторович. С. 238). Был избран солдатами Финл. полка в Совет солдатских депутатов (Там же. С. 239), вошел в состав Исполнит. комитета Петрогр. Совета. Организатор (20.4.1917) «первой вооруженной демонстрации <...> против Временного правительства» (Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 496) с лозунгом «Милюкова в отставку!». В мае 1917 (см.: Некий еврей Мандельштам. С. 123) Л. был назначен пом. комиссара Б. Н. Моисеенко в Особую армию на Юго-Зап. фронте (см.: Канторович. С. 246). Убит взбунтовавшимися солдатами в деревне под Луцком (см.: Краснов П. Н. Атаман. Воспоминания. М., 2006. С. 301–302, 304). Перезахоронен в Мустамяках спустя почти месяц после гибели, 21.9.1917 [см.: Сальман М. Г. Об одном фрагменте в «Шуме времени» О. Э. Мандельштама // Корни, побеги, плоды...: Мандельштамовские дни в Варшаве: В 2 ч. / сост. П. М. Нерлер, А. Поморский, И. З. Сурат. М., 2014 (на титульном листе –

2015). С. 142]. Л. – прототип комиссара Гинца в «Докторе Живаго» Б. Л. *Пастернака* (см.: Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 51).

О знакомстве О. М. с Л. известно по мемуарам Н. Я. *Мандельштам*: О. М. «хорошо знал Линде, вероятно, по дому Синани» (Там же. Т. 1. С. 233). «Однажды какая-то женщина рассказала Мандельштаму про гибель Линде, комиссара Временного правительства на фронте. <...> О Линде Мандельштам вспоминал с уважением и нежностью, как обо всех, кто так или иначе был связан с его другом Борисом (Синани. – *М. С.*)» (Там же. Т. 2. С. 51). «Чтобы характеризовать его (т. е. О. М. – *М. С.*) отношение к этой гибели, достаточно привести следующие строчки, хотя они о Керенском: “Благословить тебя в глубокий ад сойдет / Стопами легкими Россия...”» (Там же. Т. 1. С. 233).

Лит.: Канторович В. А. Федор Линде // Былое. 1924. № 24.

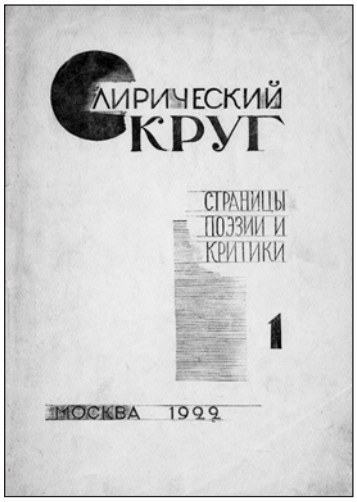
М. Г. Сальман.

ЛИПКИН Семен Израилевич (6.9.1911, Одесса – 31.3.2003, Переделкино Моск. обл.), поэт и переводчик. Чл. Совета Мандельштамовского общества с 1991. Премия «За гражданское мужество писателя» им. А. Д. Сахарова (1992), Пушкинская премия (1995), премия Президента РФ (2003, посмертно) и мн. др. Лит. деятельность начал в Одессе, в кружке Э. Г. *Багрицкого*. С 1929 в Москве. Как поэт начал печататься в кон. 1920-х гг. в журналах «Новый мир», «Октябрь», «Молодая гвардия», в альм. «Земля и фабрика».

Знакомство с О. М. произошло летом или осенью 1929, после того как Анатолий Кудрейко (наст. имя – Анатолий Алексеевич Зеленяк, 1907–1984), зав. отделом поэзии журнала «Молодая гвардия», не раскрывая авторства, дал О. М. прочесть три стихотворения – свое, И. П. Уткина и Л. – с вопросом: какое лучше? О. М. указал на стих. Л. «Пригород» (позднее напечатано в «Молодой гвардии») и написал Л. в Одессу письмо с приглашением посетить его в редакции газ. «*Московский комсомолец*» в Москве (письмо не сохр.; в восстановл. по памяти виде см. в: 4. С. 122). Приехав в Москву, Л. сразу же пришел к О. М. Ближайшие друзья Л. – это хорошо знакомые О. М. М. С. *Петровых*, А. А. *Штейнберг*, А. А. *Тарковский*. С сер. 1930-х гг. Л. занялся поэтич. переводом, гл. обр. вост. лит-ры.

Общение с О. М., пришедшееся в осн. на 1931–34, запечатлено в восп. Л. «Угль, пылающий огнем...» (1980 или 1981), написанных в разгар травли Л. и его жены И. Л. Лиснянской (в связи с их участием в альм. «Метрополь», опубл. на Западе в 1979, и выходом из СП СССР). Устная версия мемуаров Л. была известна А. А. *Ахматовой* и Н. Я. *Мандельштам* и высоко ценима ими (см.: Ахматова. С. 142; Шумихин; см. также: Рыленков. С. 148–149); фрагмент аудиозаписи этих восп. воспроизведен на CD-ROM: «О. Мандельштам. Звучащий альманах. Из выступлений на вечерах в Колонном зале, ЦДЛ, ИМЛИ в дни празднования 100-летия поэта, 1991»; полная аудиозапись восп.: собрание В. Сойфера, США. Л. посвятил О. М. стих. «Молдаванский язык». В изд.: Мандельштам О. Стихотворения (Л., 1973; БПбс) – Л. ошибочно приписано владение автографом стих. О. М. «Ода Бетховену».

П. М. Нерлер.



Обложка альманаха «Лирический круг»

«ЛИРИЧЕСКИЙ КРУГ» (Москва, 1922, вып. I), альманах. Назв. альманаху дала лит. группа, в к-рую входили В. Ф. *Ходасевич*, С. М. Соловьев, К. А. Липскеров, С. В. *Шервинский*, А. М. *Эфрос*, Ю. Н. *Верховский*, В. Г. *Лидин*, С. Я. *Парнок* и др. Среди авторов альманаха – А. А. *Ахматова* и О. М., к-рых, по-видимому, привлекала лишь возможность напечатать свои произведения. О. М. поместил в нем стих. «Умывался ночью на дворе...» и «Когда Психея-жизнь спускается к теням...» (С. 16–17). Установка на эстетику неоклассицизма и декларированная авторами «Л. к.» верность рос. поэтич. традиции сами по себе оказались неспособны обеспечить изданию высокий худож. уровень. Это отразилось на реакции как критиков, так и читателей. В результате члены содружества вынуждены были отказаться от второго выпуска альманаха, а группа распалась.

В. В. Калмыкова.

«ЛИТЕРАТУРНАЯ АРМЕНИЯ» (Ереван, с 1958), лит.-худож. журнал. В советские годы играл роль культурного моста между рус. и армян. народами. Как и мн. «периферийные» издания, находившиеся в отдалении от центр. цензурных органов, имел возможность изредка публиковать на своих страницах произведения авторов, в той или иной мере не угодных советской власти (среди них – А. А. *Ахматова*, Л. П. Гроссман, О. М., М. И. *Цветаева*, а также восп. об Э. Г. *Багрицком*, Т. Л. Щепкиной-Куперник и др.).

В «Л. А.» опубл. цикл О. М. «Армения», состоящий из частично опубл. ранее, частично неопубл. произведений (варианты, с искажениями).

Источники: Гроссман В. С. Добро вам: Из путевых заметок // Литературная Армения. 1965. № 6. С. 40; Мандельштам О. Э. Армения («Ты розу Гафиза колышешь...»; «Ты красок себе пожелала...»; «Ах, ничего я не вижу, и бедное ухо оглохло...»; «Закутав рот, как влажную розу...»; «Руку платком обмотай и в венценосный шиповник...»; «Орущих камней государство...»; «Не развалины – нет, – но порубка могучего циркульного леса...»; «Холодно розе в снегу...»; «О порфирные цокая граниты...»; «Какая роскошь в нищенском селенье!..»; «Я тебя никогда не увижу...»; «Лазурь да глина, глина да лазурь...») // Там же. 1966. № 1. С. 48–51; Он же. Путешествие

в Армению // Там же. 1967. № 3. С. 83–99; Саакянц А. А. [Вступительная заметка к публикации воспоминаний М. Цветаевой «История одного посвящения»] // Там же. 1966. № 1. С. 47, 52–53; Мандельштам Н. Я. [О поездке в Армению] // Там же. 1967. № 3. С. 99–101; Кубатьян Г. И. Солнечные часы поэзии: Армянская тема в творчестве О. Э. Мандельштама // Там же. 1974. № 10. С. 103–116.

В. В. Калмыкова.

«ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ» (Тбилиси, с 1957), лит.-худож. журнал. В советские годы играл роль культурного моста между рус. и груз. народами. В 1970–80 гг. в «Л. Г.» появлялись подборки произведений А. А. *Ахматовой*, Вяч. И. *Иванова*, Б. Л. *Пастернака* и др. В «Л. Г.» состоялась одна из первых в СССР публикаций большой подборки стихов и переводов О. М. (1967, № 1), вызвавшая серьезное неудовольствие Н. Я. *Мандельштам* из-за высокой дефектности «бродячих» списков, легших в ее основу. Ряд произведений О. М. цитируется во вступит. статье Г. Г. Маргелашвили. В нек-рых текстах допущены искажения. В «Л. Г.» публиковались также статьи об О. М.: Маргвелашвили (1967, № 1), П. М. Нерлера (1987, № 9), М. К. Кшондзер (1990, № 1).

В. В. Калмыкова, П. М. Нерлер.

«ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВОРОНЕЖ» (Воронеж, 1937–56), сборник (альм.) Воронежского Союза советских писателей. Выходил как замена журналу «Подъем». В 1-м вып. «Л. В.» (вышел в нояб. 1937: сдано в набор 22.10.1937, подписано к печати 4.11.1937) содержались материалы, направленные против О. М., в частности стих. Г. Н. Рыжманова «Лицом к лицу» и ст. Н. В. Романовского и М. Я. Булавина «Воронежские писатели за 20 лет. Обзор». Ответств. ред. вып. 1 – М. М. Подобедов.

П. М. Нерлер.

«ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОСОБНЯК», лит. общество в Москве, объединяло поэтов и писателей неоклассич. направления. Возникло 8.2.1919 как секция классич. и неоклассич. поэзии при Всерос. союзе поэтов (Тверской бул., 18). С июля 1921 собрания общества проходили на квартире у инициатора его создания О. Л. Леонидова-Шиманского на Арбате (Денежный пер., 12, кв. 14). Пред. «Л. о.»: Леонидов-Шиманский (1919–23) и поэт В. П. Федоров (1923–29). Первонач. в общество входили 47 чел., в т. ч. К. Д. *Бальмонт*, В. Я. *Брюсов*, В. И. *Иванов*, Ю. К. *Балтрушайтис*, В. А. Ковалевский; Арго (А. М. Гольденберг), Н. В. Бенар (читала стихи вместе с В. В. *Маяковским*), А. Ф. Насимович, Н. Л. Манухина, В. А. Бутягина, Е. Д. Волчанецкая, Дир Туманный (Н. Н. Попов) и др. Заседания «Л. о.» проходили каждую среду. На них, как правило, слушались доклады о совр. поэзии и поэзии прошлых лет. На одном из заседаний «Л. о.» в апр. 1922 выступал и О. М.; тема выступления неизвестна (см.: ГА РФ. Ф. А. 2306. Оп. 22. Д. 57. Л. 28 об.).

«Л. о.» устраивал конкурсы «для побуждения к творчеству беднейших поэтов и переводчиков» с денежными премиями, проводил бесплатные лекции, спектакли и концерты в нар. домах, помогал поэтам издавать свои произведения. При нем работали бесплатные курсы иностр. языков, б-ка и дешевая столовая, в к-рой нуждавшиеся писатели обедали часто бесплатно. Общество выпускало альм. «Литературный особняк» (М., 1922; М., 1929) и сб-ки «Лирика. Неоклассики» (М., 1923; М., 1925).

Распоряжением НКВД от 1.3.1928 столовая общества закрыта, а постановлением НКВД от 2.4.1929 «Л. о.» ликвидирован за отсутствием «какого-либо общественного значения».

Лит.: Гринько Е. Д. «Не расскажу себя банальными словами»: (О деятельности поэтов «Литературный особняк» (1919–1929 гг.) // Лепта. 1992. № 2–3. С. 75–76; Она же. Документы о деятельности объединения поэтов и критиков «Литературный особняк» // Отечественные архивы. 1999. № 3.

Е. Д. Гринько.

«ЛИТЕРАТУРНЫЙ СОВРЕМЕННИК», лит.-критич. журнал (Мюнхен, 1951–52, № 1–4) и альманах (Мюнхен, 1954) «второй волны» рус. эмиграции. Зародился в среде участников «Литературных суббот» в Рус. б-ке в Мюнхене. Журнал выходил с намеченной периодичностью 2 раза в месяц. Издавался при поддержке Фонда интеллектуальной свободы (Fund for intellectual Freedom), осн. А. Кестлером и др. зап. писателями для помощи писателям-беженцам. В редколлегии – В. Завалишин, Б. Ростова, В. Рудольф (США) и Б. Яковлев (гл. ред.); среди сотрудников – Ф. Степун, С. Юрасов, И. Елагин, А. Явленский, Н. Бернер и др.

Имя О. М. встречается уже в № 1 – в публикации «Голоса погибших. Траурный список литераторов, убитых или сосланных на каторгу советской властью», с пометой: «Умер в заключении» (С. 45). В № 3 и 4 (1952), в рубриках «Голоса погибших» и «Умолкнувшие голоса», помещены стихи О. М., предваренные заметками без подписи: в № 3 – «Уничтожает пламень» и «Как тень внезапных облаков...» (С. 51; в заметке, написанной, скорее всего, лицом, лично знавшим О. М., цитируется 4-стишие «Я на лестнице черной живу, и в висок...» как найденное у О. М. при аресте), в № 4 – 4 стихотворения О. М. из книг «Tristia» и «Камень»: «На страшной высоте блуждающий огонь...», «Возьми на радость из моих ладоней...», «В разноголосице девического хора...» и «О временах простых и грубых...» (С. 52–53).

В единств. выпуске альманаха «Л. с.» (1954) материалов об О. М. нет, но помещено стих. В. Сумбатова «Гиперборей», начинающееся так: «Ахматова, Иванов, Мандельштам – / Забытая тетрадь “Гиперборея” – / Приют прохожим молодым стихам – / Счастливых лет счастливая затея» (С. 146).

П. М. Нерлер.

ЛОЗИНСКИЙ Михаил Леонидович [8.7.1886, Гатчина С.-Петерб. губ. (ныне Ленингр. обл.) – 1.2.1955, Ленинград], поэт, переводчик. Знакомство О. М. с Л., «элегантным петербуржцем и восхитительным остряком» (Ахматова. С. 62), «необыкновенно тонким, умным, блестящим человеком, всегда бывшим в самом центре поэтической “элиты” и всегда, намеренно, <...> остававшимся в тени» (Иванов. С. 316), по всей вероятности, состоялось в *Санкт-Петербургском Императорском университете*, где оба учились на ист.-филол. ф-те (Л. – с 1909, а О. М. – с 1911) и принимали участие в деятельности *Романо-германского кружка* [см.: Азадовский К. М., Тименчик Р. Д. К биографии Н. С. Гумилёва: (Вокруг дневников и альбо-

мов Ф. Ф. Фидлера) // РЛ. 1988. № 2. С. 183]. «Каждый год 8 февраля, в день основания Петербургского университета, романо-германское отделение устраивало традиционный обед, на котором участники произносили речи на всевозможных “живых” и “мертвых” языках и диалектах». Для одного такого обеда Л. «перевел на латинский» стих. А. В. Кольцова «Что ты спишь, мужичок». «Начинался перевод так: “Quid vernis sephiris dormis rustice vir...” Мандельштам тут же за обедом перевел это обратно на русский: “Под зефиры весны / Что ты спишь, сельский муж...” – и так далее, до конца» (восп. Я. Н. Блоха в записи Ю. Офросимова; см.: О ф р о с и м о в). Вместе с Н. С. *Гумилёвым* О. М. и Л. присутствовали на заседании кружка, посв. 350-летию Лопе Ф. де Веги Карпьо, и сочиняли во время выступления докладчика акростихи и сонеты [см.: К. В. Мочульский: Письма к В. М. Журмунскому // НЛО. № 35 (письмо от 1.11.1912)]. По всей вероятности, Л. присутствовал на том заседании кружка, где О. М. читал свой доклад о Ф. *Вийоне* в февр. или марте 1913. К осени 1912 имена Л. и О. М., наряду с В. К. *Шилейко*, Вас. В. Гиппиусом, В. А. *Пястом*, появились среди участников задуманного Гумилёвым «кружка изучения поэтов» (Там же. С. 146)

Завязавшиеся в ун-те связи укрепились в 1-м *«Цехе поэтов»*, где О. М. дебютировал 2.12.1911, Л. же был активным участником этого лит. объединения с осени 1911. Здесь О. М. впервые обрел тот круг «людей, с которым он мог объединить себя словом “мы”» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 50). С осени 1912 на петерб. квартире Л. (Волховский пер., 2, кв. 27) происходили не только собрания «Цеха...», но и заседания редколлегии издававшегося и редактировавшегося Л. журнала *«Гиперборей»* (всего в 1912–13 вышло 10 номеров), на страницах к-рого были опубл. мн. стихи О. М., вошедшие позднее в «Камень» (1916): «Отчего душа так певуча...», «Образ твой, мучительный и зыбкий...», «Сегодня дурной день...», «Я вздрагиваю от холода...» (все – в № 1, окт. 1912); «Казино» («Я не поклонник радости предвзятой...» – в № 3, дек. 1912, без назв.); «Когда показывают восемь...», «Тысячеструйный поток...» (в № 2); «Петербургские строфы», «...Дев полуночных отвага» (с первым, позднее опущенным 4-стишием), «В душном баре иностранец», «Лютеранин» (в № 5, февр. 1913); «В таверне воровская шайка...» (в № 8, окт. 1913); «Вполоборота, о печаль...», «Мы напряженного молчанья не выносим...», «Бах» (в № 9–10, нояб.–дек. 1913). Беловые автографы большинства этих стихов хранятся в личном архиве Л. Несмотря на друж. близость и активное сотрудничество в акмеистич., по сути, издании, Л. не захотел формально называться акмеистом – «даже от Бальмонта» он «не хотел отречься» (А х м а т о в а. С. 65).

На заседаниях «Цеха...» царила друж. атмосфера, создавались коллективные шуточные стихи. По словам А. А. *Ахматовой*, О. М. «был щедрым сотрудником, если не соавтором “Антологии античной глупости”, которую члены “Цеха” сочиняли... за ужином» (Там же. С. 24). Пяст же местом возникновения «Антологии...» называл подвал кабаре *«Бродячая собака»* [П я с т. С. 174; см. там же коммент. Р. Д. Тименчика: С. 361–362; ср. мнение Блоха о том, что «Антология...» возникла в среде Романо-герм. кружка (О ф р о с и м о в)]. Подобное несовпадение свидетельств мемуаристов указывает на то, что «Антология...» не была связана с конкретной «площадкой», но следовала за перемещением ее создателей: «“Античные глупости”, “Транхопс”, “Жора” – так назывались эти стихи. Они сочинялись, вернее, импровизировались повсюду – в “Бродячей собаке”, на извозчике, в редакции, после революции – в Доме литераторов или во “Всемирной литературе”» (И в а н о в. С. 226). В «Бродячей собаке», по словам П. Н. Лукницкого, О. М. разыграл по случаю дня ангела М. А. *Кузмина* шуточную пьесу «Изгнание из рая», авторами к-рой были также Л., Гумилёв, М. А. *Зенкевич* и П. П. Потёмкин (см.: Л у к н и ц к и й П. Н. Acumiana. Т. 1. П.. 1991. Запись от 20.12.1924. С. 13). В числе других О. М. и Л. были приглашены на празднование юбилея Б. К. Пронина, дир. «Бродячей собаки» (см.: Ш и л е й к о. С. 8).

Изысканная лит. шутка постоянно сопутствовала друж. общению Л. и О. М., являясь одной из существ. форм отношений [ср. в воспоминании Н. Я. *Мандельштам* о дачном обеде у Л. в 1938 – в наиб. сложное для О. М. время: «...Оба хохотали, как в дни Цеха поэтов» (Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 398)]. Мотив дружбы объединяет написанные в разное время «античные эпиграммы» О. М. на Л. 1910-х гг. (по др. мнению, 1920–21, см.: 1. С. 281) «Сын Леонида был скуп, и кратеры берег он ревниво...» (см.: Русская эпиграмма. С. 510; см. также коммент. К. А. Кумпан в этом изд.: С. 665), «Сын Леонида был скуп, и когда он с гостем прощался...» (Собр. соч.-2. Т. 1. С. 157) и экспромт Л. «За жизнь свою медной полушки не даст...» (1921), представляющий собой пародийное перефразирование строк баллады Ф. Шиллера «Кубок» в переводе В. А. Жуковского, в к-ром О. М. награжден прозвищем «ужас друзей, Златозуб» (см.: Там же; ср. иной вариант: О д о е в ц е в а И. В. На берегах Невы // Одоевцева. С. 358). В этих стихотв. шутках проявилась склонность Л. и О. М. к импровизации, сочинению «стихов на случай». Оба поэта не оставляли этот жанр и позже. Для Л., полностью посвятившего себя переводу и переставшему писать оригинальные стихи вскоре после гибели Гумилёва, создание виртуозных экспромтов и друж. надписей-посланий стало едва ли не единств., кроме перевода, поэтич. формой, к-рую он себе разрешил. К советам Л., к-рый, по словам Ахматовой, «был образованнее всех в Цехе», прислушивались и Гумилёв, и Ахматова, и О. М. Так, по совету Л. в стих. «Вполоборота, о печаль...» О. М. исправил стих «И отравительница Федра», «потому что Федра никого не отравляла, а просто была влюблена в своего пасынка» (ср. запись свидетельства В. М. *Жирмунского*, приведенную в: Г и н з б у р г Л. Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб., 2002. С. 46; А д а м о в и ч Г. В. Мои встречи с Анной Ахматовой // Воспоминания о Серебряном веке. М., 1993. С. 258–259). В стих. О. М. «Не веря воскресенья чуду...» (1916), обращенном к М. И. *Цветаевой*, Л., в 1915–17 ред. журнала *«Аполлон»*, написал 6-ю и 7-ю строки (А. 1916. № 9–10. С. 75), замененные в последующих изданиях отточиями (см. коммент. Н. И. *Харджиева* в кн.: М а н д е л ь ш т а м О. Э. Стихотворения. Л., 1973. С. 271; ср. полемич. реплику Н. М. в: Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 468). Исследователь отмечает у Л. и О. М. схожую манеру чтения стихов: «мелодическое раскачивание гласных звуков» (Б е р н ш т е й н С. И. Голос Блока // 2-й Блоковский сб. Тарту, 1972. С. 495).

Л. посв. в «Камне» (1916) О. М. стих. «Пешеход» (1912) (о его перекличке со стих. Л. «Путник» см.: Сегал. С. 402–403). На нагружающее «негативной семантикой» ключевые понятия *символизма* стих. «Пешеход», к-рое можно считать «своеобразной попыткой обратить» Л. в *акмеизм*, Л. отозвался стих. «Есть в мире музыка безветренных высот...» (1913), «“восстанавливающим в правах” развенчанные О. М. символы» (Лекманов. 2000. С. 37–38). Исследователи отмечают несомненную близость нек-рых мотивов «Камня» и стихов Л., б. ч. вошедших в его сб. «Горный ключ» (СПб., 1916; 2-е изд. – Пг., 1922), при разительном несходстве двух поэтич. систем: «Отдельные мандельштамовские темы встречаются в “Горном ключе” в контексте, так сказать, не акмеистическом, а символическом, то есть обобщенно-абстрактном» (Сегал. С. 408). Несмотря на разницу установок Л. и О. М., выявляются важные как для Л., так и для О. М. мотивы: 1) мотив беспамятства, выражения невыразимого (у О. М. остающегося невыразимым, но выраженным ассоциативно): «В отверженных садах...» Л. и «Я слово позабыл...» и «Silentium» О. М.; 2) мотив «звездного влияния» на человека: «Каменья» Л. и «Я вздрагиваю от холода...» О. М.; 3) мотив кругообразного движения: «Круг» Л. и «На перламутровый челнок...» О. М.; 4) мотив лестницы, связывающей горний и дольний миры: «Нерукотворный град» Л. и «В хрустальном омуте такая крутизна...» О. М.; 5) мотив хрупкости, нежности, истомы, сна, сквозной для «Камня» О. М. и в «Хрупком сне» Л., а также нек-рые др. (подробнее см.: Сегал); 6) мотив молчания как сознат. выбора: «Молчание» (1907) Л. и «Silentium» О. М. Можно выявить не только переклички мотивов, но и тематические («петербургские» стихи О. М. и стих. «Петербург» Л.; стихотв. портреты Ахматовой «Вполоборота, о печаль...» О. М. и «Не забывшая» Л.).

Принципиальная несхожесть творч. позиций О. М. и Л. выявилась в важнейшем для каждого из них интересе к итал. культуре, а особенно к творчеству *Данте Алигьери*. На разных этапах своей жизни и О. М. (1933), и Л. изучали итал. яз., читали Данте, размышляли о нем. Поэтич. хозяйство Данте обладало равной и для Л., и для О. М. притягательностью: Ахматова вспоминала, как Л. говорил ей: «Я бы хотел видеть “Божественную комедию” с совсем особыми иллюстрациями. Чтобы изображены были знаменитые дантовские развернутые сравнения» (Ахматова. С. 66). В «Разговоре о Данте» О. М. с восхищением говорит об автономной ценности дантовских развернутых сравнений (см.: 2. С. 377–378, 386–387). Но способы претворения этого увлечения Данте в новый созидат. жест были у О. М. и Л. различны: в 1933 О. М. создал «Разговор о Данте», а Л. уже после гибели О. М. приступил к переводу «Божественной комедии» (1939–45). Перевод Л. и эссе О. М. – полярные полюса диалога с Данте – являются итогом расхождения их пути в иск-ве. Антагонистичность, контрастность мгновенного поэтич., эмоц. постижения материала О. М. и выверенного и поэтому зачастую суховатого, «объективного» переводч. труда Л., с максимально отстраненным, спрятанным лицом переводчика, была заметна и современникам. Так, 16.4.1934 Д. И. *Выгодский* записал в своем дневнике: «Вчера вечером встреча восточников с писателями. Бартельс час говорил о Фирдоуси. Потом Лозинский читал перевод. Когда заговорил Мандельштам, он десятью словами перечеркнул и холодные слова иранисте, и стихи Лозинского <...> Мандельштам сразу подлил на сто градусов того разговора, которого писатели уже не могли поддержать. Хватал... папиросу, делал одну затяжку, бросал, вскакивал со стула, подбегал к Лозинскому... весь вдруг загорался, запылал подлинной тревогой. О том, что надо делать разные попытки, что нельзя так просто, надо придумать строфу» (Памятные книжные даты. 1991. М., 1991. С. 139). Тот способ творч. существования в стихии поэтич. перевода, к-рый избрал Л. после 1921, был чужд О. М. – «врагу стихотворных переводов», считавшему, что в них «утекает творческая энергия» (Ахматова. С. 39). Вернувшись в Петроград из Крыма осенью 1920, О. М. читал в квартире Гумилёва на заседании возобновленного (3-го) «Цеха поэтов» в присутствии Л., а также Н. А. *Оцупа*, Г. В. *Иванова*, И. В. *Одоевцевой* свои новые стихи, как и раньше, согласуясь с мнением Л. в выборе той или иной редакции поэтич. строки (Одоевцева. С. 335–338). Совм. участие в занятиях 3-го «Цеха...», куда кроме названных поэтов входили В. Ф. *Ходасевич*, В. А. *Рождественский*, А. И. *Оношкович-Яцына*, для О. М. и Л. продолжалось на протяжении зимы 1920–21 (см.: Оношкович-Яцына. Запись от 10.2.1921. С. 398–400). В это время (27.10, 2.11.1920) О. М. бывал на занятиях в студии переводного слова в *Доме искусств*, к-рые вел Л., выступал там с чтением стихов [см. выдержки из дневника М. Н. Рыжкиной: Минувшее. М., СПб., 1993. Вып. 13. С. 387; ср. в ее же дневнике о взаимоотношениях О. М. и Л.: «с maitre’ом они большие приятели» (РО РНБ. Ф. № 1000. Оп. 2. Ед. хр. 1187; источник указан О. А. Лекмановым)]. 18.11.1920 состоялся вечер О. М. в Доме иск-в, на к-ром присутствовал Л. 10.2.1921 Л. принял участие в панихиде по А. С. *Пушкину*, заказанной О. М. (Оношкович-Яцына. С. 402; Н. А. Павлович // О. и Н. Мандельштамы. С. 122). 17.2.1921 Л. слушал лекцию Пяста «Новые побеги», в обсуждении к-рой принял участие О. М. (Оношкович-Яцына. С. 405). Одоевцева вспоминала относящееся к этой зиме шутливое объяснение Л. сочетания в характере О. М. «невероятной трусости» и «невероятной смелости»: «Осип Эмильевич – помесь кролика с барсом. Кролико-барс или барсо-кролик» (Одоевцева. С. 347). Практически ежедн. встречи Л. и О. М. зимой 1920–21 объясняются еще их ближайшим соседством: как и Л., поселившийся в Доме иск-в, О. М. тоже занял там одну из комнат (№ 30) в подвальном этаже. Весной 1921 О. М. привез в Петроград Н. М., тогда же состоялось ее знакомство с Л.

5.8.1921 Л. был арестован ПетроЧК на квартире Гумилёва, но через 5 дней освобожден. Н. М. вспоминала: «Еще в середине двадцатых годов Лозинский показал нам приготовленный на случай ареста мешок с вещами» (Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 153). 20.3.1932 Л. арестован вторично; 17.6.1932 осужден на 3 года условно по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде (реабилитирован посмертно в 1989). По словам Н. М., арестован Л. был «за то, что его ученики – он вел где-то семинар по переводу – дали друг другу клички» (Там же. С. 366). Летом 1937 Л. дал О. М. 500 руб., что позволило О. М. оплатить до осени дачу в Савелове. Щедрость и верность Л. попавшим в беду друзьям – качество, отмечавшееся всеми знакомыми с ним людьми. Последняя встреча Л. с О. М. состоялась осенью 1937 на квартире Л. Это произошло вскоре после

ареста В. О. (И.) *Стенича*, у к-рого О. М. и Н. М. во время своего предыдущего приезда в Ленинград той же осенью провели день. По словам Н. М., Л. ошибочно казалось, что причиной ареста Стенича стало его гостеприимство. «Лозинский, когда мы к нему зашли, испугался... И нам пришлось сразу уйти, даже не попросив у Лозинского денег» (Там же. С. 376). Поведение Л. в этом эпизоде, столь для него не характерное, можно объяснить серьезно осложнившейся личной ситуацией: 23.10.1937 Л., в числе нек-рых др. работников Публич. б-ки, был подвергнут остракизму «за развал научные работы» после закрытого заседания актива б-ки, посв. обсуждению статьи стенгазеты «Организаторы саботажа в ГПБ» о забастовке в Публич. б-ке в окт. 1917. После подобной проработки арест Л. мог последовать в любую минуту, и его гостеприимство могло лечь тенью и на судьбу О. М.

Источники: Оношкович-Яцына А. И. Дневник // Минувшее. М.; СПб., 1993. Вып. 13; Одоевцева И. В. Избранное. М., 1997. С. 231, 350–351, 357–358, 371, 373, 375, 410; Пяст В. А. Встречи. М., 1997; Н. Я. Мандельштам. Т. 1, 2; Ахматова А. А. Лозинский // Ахматова А. А. Собр. соч.: В 6 т. М., 2002. Т. 5.

Лит.: Офросимов Ю. О Гумилёве, Кузмине, Мандельштаме... // НРС. [Н.-Й.], 1953. 13 дек.; Сегал Д. М. Поэзия Михаила Лозинского // RL. Amsterdam, 1983. № XIII–XIV; Русская эпиграмма. Л., 1988. С. 509–510; Русские советские поэты. М., 1990. Т. 13 (по именному ук.); Тименчик Р. Д. Заметки на полях // Гиперборей. СПб., 1990. Репринт; Иванов Г. В. Собр. соч.: В 3 т. М., 1994. Т. 3; Шилейко В. К. Заметки на полях. Стихи. СПб., 1999; Лекманов О. А. Концепция «серебряного века» и акмеизма в записных книжках А. Ахматовой // НЛО. 2000. № 46.

Т. Ф. Нешумова.

ЛОМОНОСОВ Михаил Васильевич (8.11.1711, дер. Денисовка Куростровской вол. близ с. Холмогоры Архангельской губ. – 4.4.1765, С.-Петербург), поэт, ученый-естествоиспытатель, художник, историк, филолог; акад. (проф.) С.-Петерб. АН (1745), почетный чл. АХ (1763). О. М. упоминал Л. и его оды в ст. «Девятнадцатый век» (1922). Здесь, иллюстрируя «высокий пафос утилитаризма» 18 в., О. М. привел первое двустишие из «Послания о пользе стекла» (1752) Л. и определил послание как «согревающее поэтическое размышление о судьбах обрабатывающей промышленности» (2. С. 266). В своей заметке «Vulgata» (1922–23) О. М. писал о роли рус. классициста в процессе секуляризации рус. яз. (Там же. С. 299), в «Разговоре о Данте», анализируя образную систему *Данте Алигьери*, О. М. привел известное выражение Л. о «далековатости» образов и идей (3. С. 237). Посвящение «М. Ломоносову» носит 2-я неполная ред. «Стихов о неизвестном солдате» О. М. В этом посвящении И. М. Семенко увидела намек на роль Л. – «апологета мира» (стихи: «Царей и царств земных отрада, / Возлюбленная тишина...») (Семенко. С. 98), а М. Л. Гаспаров полагал, что Л. «в загадочном посвящении появляется, вероятно, по контрасту, как адресат-оппонент: во-первых, как химик, еще не знающий о губительных возможностях своей науки, и, во-вторых, как автор хрестоматийного “Вечернего размышления о Божием величии” при виде звездного неба, еще верящий в гармонию мироздания» (Гаспаров. 1996. С. 32). В. В. Мусатов считал, что «Стихи о неизвестном солдате» О. М. намеревался посвятить Л. как поэту, «который открыл в русской литературе тему “звездной бездны”» (Мусатов. С. 539). В свою очередь, Ю. И. Левин выразил мнение, что первонач. посвящение Л. «Стихов о неизвестном солдате» подразумевало намек на его «Вечернее размышление о Божием величестве...» (Левин. Р. 185–213). Стоит также отметить, что, пребывая в воронежской ссылке, О. М. вместе со своим приятелем филологом С. Б. *Рудаковым* читал и устно комментировал «томик с Сумароковым и Ломоносовым» (Мандельштам в письмах Рудакова. С. 160; письмо от 21.3.1936; подразумевается изд.: Тредиаковский В., Ломоносов М., Сумароков А. Стихотворения. Л., 1935).

Поэтич. влияние Л. на творчество О. М. проявилось в интересе поэта к ломоносовской и державинской (си. также ст. *Державин* Г. Р.) одич. традиции. Одич. элементы присутствуют как в стихах, к-рые О. М. сам определял как оды («Ода Бетховену», «Зверинец», «Грифельная ода»), так и в ряде др. текстов, среди к-рых О. Ронен выделял стих. «Нашедший подкову» (подзаголовок: «Пиндарический отрывок»), «Аббат», «А небо будущим беременно...» и т. д. (Ronen. P. 18–21). Н. Нильссон возводит к поэзии Л. формулу «Мужайтесь, мужи...» из стих. О. М. «Прославим, братья, сумерки свободы...» (Nilsson. P. 63). Вообще интерес О. М. к поэзии классицизма отмечен еще В. М. *Жирмунским* в 1921 в рец. на кн. «Tristia». При явном стремлении к монументальному, «высокому стилю» поэзия О. М. лишена всякой стилизации, в ней одич. тоны передают реальную трагичность совр. катаклизмов. Ср. в рец. О. М. 1916 на «*Альманах муз*»: «Державинской или ломоносовской оды никто теперь не напишет, несмотря на все наши “завоевания”» (1. С. 206).

Лит.: Левин Ю. И. Заметки о поэзии О. Мандельштама тридцатых годов. II («Стихи о неизвестном солдате») // Slavica Hierosolymitana. 1979. Vol. IV. P. 185–213; Мусатов В. В. Лирика О. Мандельштама. К., 2000; Ратгауз Г. И. Проблема классицизма в творчестве Мандельштама // «Сохрани мою речь»-3(1). М., 2000. С. 229–232; Nilsson N.-A. Osip Mandelstam: Five Poems. Stockholm, 1974; Ronen O. An Approach to Mandel'štam. Jerusalem, 1983.

С. Гардзонио, при участии О. А. Лекманова.

ЛОНДОН (London) Джек [наст. фам. и имя Джон Гриффит Чейни (англ. John Griffith Chaney) Джон] (12.1.1876, Сан-Франциско, США – 22.11.1916, Глен-Эллен, близ Сан-Франциско), амер. писатель, автор рассказов, драм. произведений, романов и публицистики. С 1905 его произведения начали переводиться в России, издат. пик пришелся на нач. 1910-х гг.

Отзывом О. М. на творчество Л. стала рец. (см.: А. 1913. № 3. С. 72–74) на продолжавшееся изд.: Лондон Д. Собр. соч. / предисл. Л. Н. Андреева; пер. с англ. Под ред. А. Н. Кудрявцевой. СПб., 1912 (в окончат. виде: В 18 т. СПб., 1912–15; в 1912 изданы т. 1–11, 13, в 1913 – т. 12, 15, 16; см.: Д. Лондон: Библиографический ук. М., 1969. С. 31–33; там же – содержание томов). Текст входит в небольшой цикл рецензий О. М. 1912–13, появление к-рых, возможно, стало для него способом выражения активно формировавшегося в этот период «акмеистического» мировоззрения (см. *Акмеизм*). В лаконичной рец. О. М. дал исчерпывающую

аналитич. характеристику структурно-семантич. особенностей стиля Л., затронув практически все его составляющие. Идеологию Л. поэт определил как «последовательный и хорошо усвоенный дарвинизм, <...> прикрашенный дешевым и дурно пахнущим ницшеанством» (1. С. 190). Называя Л. «мнимым дикарем», связанным «с новейшим, чисто американским развитием техники» (Там же. С. 188), вслед широкой филос. и худож. традиции, О. М. противопоставил культуру и цивилизацию и ввел понятие дикарства, дикости, нередко используемое в его худож. мире для выражения начала, не соотносящегося с европ. – в ее широком понимании – культурой. На основе этих понятий О. М. дал развернутое определение «дикарского» сознания совр. ему Америки, актуальное для него и впоследствии, – см. ст. «О природе слова» (1920–22); в нач. 1930-х гг. он связывал это противопоставление с идеологией рус. *символизма* (см.: Гинзбург Л. Человек за письменным столом: Эссе. Из воспоминаний. Четыре повести. Л., 1989. С. 145). В таком контексте неслучайно упомянут «похвальный отзыв Леонида Андреева. Если бы издатель пожелал заручиться мнением настоящего профессора “дурного вкуса”, он не мог бы сделать лучшего выбора» (1. С. 188). Др. положение рец.: «Джек Лондон никогда не поднимается выше мудрости кинематографа» (Там же. С. 189) – определило присутствующее в мандельшт. критич. прозе с сер. 1920-х гг., с одной стороны, выявление у «низовой» кинопродукции связи с ложно понятыми «экзотикой» и «этнографизмом» и, с др. стороны, сравнение низкопробной, «бульварной», преим. зап.-европ. лит-ры с такого рода *кинематографом*. Именно в кинематографич. ореоле в это же время в одной из внутр. рец. (1926–27) О. М. выделил гл. сюжетную составляющую прозы Л.: «...Сильно дегенерировавший Джек Лондон. Клондайкские приключения, драки, свирепые ситуации – все это путь к обладанию экзотической красавицей – “кинозвездой”» (2. С. 588). Тогда же в заметке «Пьер Гамп» (1923) О. М. в оценочном ряду определил творчество Л. как уступающее прозе П. Гампа (см.: Там же. С. 345–346).

Лит.: Лекманов О. А. Мандельштам и Маяковский: взаимные оценки, переклички, эпоха... (наблюдения к теме) // Лекманов. 2000. С. 73–74, 569–70.

С. Г. Шиндин.

ЛОПАТТО Михаил Осипович (Иосифович) [6.9.1892, Вильна (ныне Вильнюс, Литва) – 26.1.1981 Флоренция, Италия], поэт, лит-вед. В 1910 поступил на ист.-филол. ф-т *Санкт-Петербургского Императорского университета*, окончил его в 1917. Участник Пушкинского семинара С. А. *Венгерова*. С 1920 в эмиграции, в Италии. В 1977 опубликовал во Флоренции под псевд. Ашина мемуарный роман «Il figlio del diavolo, Russia: 1904–1928» – итал. перевод 1-й ч. утраченной трилогии «Чертов сын. Россия: 1904–1928».

С О. М. общался в Петрограде. Ср. в письме Л. к В. Эджертону от 14.6.1972: «В Петербурге в “Бродячей Собаке” в одну из осенних ночей <1>914 года я сидел на ступеньке в углу с Мандельштамом. Было время нелепой риторики и ура-патриотизма. Мне уже тогда было видно и поражение, и разрушение старого мира (многие так думали, но не осмеливались высказать вслух). Поэмка моя как раз высмеивала пустую риторику о доблести русского солдата: “На границе ради шутки / Охраняли мы две будки. / Жил в одной наш командир, / Был в другой его сортир” и т. д. Бедный Мандельштам выслушал до конца, сжимая себе голову руками не то в ужасе, не то в отчаянии. Вот кто шуток не понимал. Все же мы остались друзьями. Позже он приходил ко мне, когда все давно спали, кроме петухов, приходилось одеваться, будить прислугу и ставить самовар. Нельзя было не любить Мандельштама за его кротость, за беспредельную любовь к поэзии и романтическую возвышенность духа, хотя, к сожалению, его творческие способности не соответствовали его стремлениям. Поэт в жизни, как это обычно бывает, он не был поэтом создателем. Он мучительно выжимал из себя стихи, эффектностью стараясь покрывать внутреннюю неуверенность в себе самом. Однажды в Цехе поэтов он прочел последнее стихотворение, где то тут, то там не хватало стиха и невымученные стихи он заполнял мычанием. Бедный друг! Как и другие из моих тогдашних друзей (Гумилев, Кузмин), ничего не понял в России и слушать не хотел, когда я говорил, что надо уехать и где-нибудь на счастливом острове создать монастырь поэтов нового Возрождения» (см.: Эджертон. С. 227–228).

Об О. М. говорится также в том фрагменте мемуарного романа Л., где речь идет о театре-кабаре *«Привал комедиантов»*. Гл. герой, Чертков, вспоминает, что «рассеянный и бессонный стихотворец Осип Мандельштам будил знакомых и после трех ночи. Это было очень мило и оригинально, и его поклонники, проснувшись, вставали, будили служанку и приказывали ставить самовар. Казалось, быть пиру во время чумы».

Лит.: Эджертон В. Ю. Г Оксман, М. И. Лопатто, Н. М. Бахтин и вопрос о книгоиздательстве «Омфалос»: (Переписка и встреча с М. И. Лопатто) // Пятые Тыняновские чтения. Рига, 1990; Гардзонио С. Новое о Михаиле Лопатто // Седьмые Тыняновские чтения. М.; Рига, 1995–96.

С. Гардзонио.

ЛУБОК, нар. картинка, графич. (в т. ч. и печатное) произведение, предназначенное для массового распространения. Подобная функц. направленность определяет осн. признаки Л.: смысловую открытость, доходчивость изобразит. ряда (содержат. уровень) и технич. простоту, ориентированную на не искушенное культурными образцами восприятие (формальный уровень); нередко Л. отличала взаимодополняемость изображения и вербального комментария (подписи). Европ. Л. известен с 15 в., отечественный начал широко распространяться в 18 в. В 19 в. к образам Л. чаще обращались мастера профессионального иск-ва, чему отчасти способствовал выход монумент. издания, посв. Л.: Ровинский Д. А. Русские народные картинки. Т. 1–5 (текст), 1–3 (атлас). СПб., 1881. В нач. 20 в. приемы Л. были творчески использованы мн. представителями рос. живописного авангарда, что было воспринято современниками как актуальные худож. искания. К Л. как этнокультурному феномену примыкает и лубочная лит-ра – массовые печатные издания, появившиеся в России во 2-й пол. 18 в.; ее характерные жанры – «пересказы» сказок и былин, рыцарских романов, ист. сказаний, авантюрных повестей, житий святых; песенники, сборники анекдотов, оракулы, сонники. Выпуск лубочной лит-ры в России был полностью прекращен в 1918.

С сер. 1910-х гг. стилистически-содержат. особенности Л. вошли в самый широкий общекультурный оборот;

в частности, сохранилось свидетельство об исполнении сценки «Русский лубок» с участием артисток Имп. балета в артистич. кабаре *«Привал комедиантов»*; см.: Конечный А. М., Мордерер В. Я., Парнис А. Е., Тименчик Р. Д. Артистическое кабаре «Привал комедиантов» // Памятники культуры. Новые открытия. 1988. М., 1989. С. 149. Исключительно активизировались уже не столько в собственно культурном, сколько в обществ.-полит. отношении функции и качества живописного и лит. Л. с началом 1-й мировой войны 1914–18; см.: Хелльман Б. Первая мировая война в лубочной литературе // Hellman B. Встречи и столкновения: Статьи по русской литературе. Helsinki, 2009.

О. М., безусловно, воспринимал Л. как форму визуального отображения массового сознания, с одной стороны, и как способ его формирования – с другой. В очерке «Пивные» (1923) он прямо подчеркнул низовой характер этого вида нар. иск-ва: «Где сейчас лубки, куда перешли они со стен московских трактиров?»; близкая образность содержится и в материалах «Первая международная крестьянская конференция (Набросок)» (1923): «Горой пухнет лестница, ведущая в Андреевский зал, и упирается в лубочную живопись: Александр III принимает волостных старшин. Огромное полотно, царь, похожий на лихача, окруженный старшими дворниками в поддевках и бляхах» (4. С. 362; 2. С. 324). 17.11.1937 в письме к Б. С. *Кузину* из Калинина О. М. близким образом описал местный музей: «На стенах эрмитажные фото <...>, а также рядком как лубки: в красках извозчик Монэ, девушка в кафе Ренуара и мужчина Сезана (так в источнике. – *Ред.*)» (Два письма О. Э. Мандельштама Б. С. Кузину / публ. П. Нерлера // «Сохрани мою речь»-4(1). С. 80). В этот же смысловой ряд использования лубочных форм в функции «термина сравнения», отражающего формы низовой культуры, встраиваются мандельшт. наброски к документальной книге о деревне (1935), где возникает «коллажный» в своей основе образ – «веялка, попугайно-пестрая, размалеванная, как обклеенный лубками органчик» (3. С. 427). [Своеобразной проекцией подобного образного ряда в собственно худож. смысловое пространство можно считать фрагмент черновой ред. второго эпизода радиокомпозиции «Молодость Гёте» (1935), передающий детские впечатления героя от уличной торговли книгами на церк. площади: «...За два крейцера на ларях, <...> где спокон века отведено место для ручного торга и всегда толпится народ, – продают картинки с раскрашенными и раззолоченными зверями и ходкие книжки» (Там же. С. 283).] Вместе с тем в качестве сравнения О. М. обратился к словесным формам Л. при негативной оценке кн. А. Э. Свентицкого «Книга сказания о короле Артуре и о рыцарях круглого стола» (1923), к-рая – «полное недоразумение. На первый взгляд, сделана под “романтическое средневековье”»: «Рыцарский роман русской ярмарки и лубка неизмеримо выше» (2. С. 329). Позднее, в записи 2.5.1931, О. М. дал иронич. характеристику некрасовским стихам: «Чтенье Некрасова. “Влас” и “Жил на свете рыцарь бедный”. <...> Картина ада. Дант лубочный из русской харчевни» (3. С. 370–371).

Индивидуальной чертой мандельшт. поэтики выступает сближение Л. с *кинематографом*: уже первая худож. реакция О. М. на совр. ему кинопродукцию – стих. «Кинематограф» («Кинематограф. Три скамейки...»; 1913) – выявляет ее связь с низовыми жанрами и видами «народного искусства» (причем не только визуальными, но и, видимо, литературными): «Кинематограф. Три скамейки. / Сентиментальная горячка. / <...> Так начинается лубочный / Роман красавицы графини» (1. С. 91). [Показательна оценка этого теста Н. С. *Гумилёвым* в рец. на 2-е изд. «Камня» (1915), где он пишет об О. М.: «Все для него чисто, все предлог для стихотворения: <...> и лубочный романтизм кинематографических пьес (“Кинематограф”)» (цит. по: Камень. 1990. С. 221). Своеобразной параллелью этому эпизоду, имеющей совершенно противоположную эмоциональную окрашенность, выступает данная А. А. *Ахматовой* характеристика стих. «Мы живем, под собою не чуя страны...» (1933) как «монументально-лубочного» текста; см.: Шенталинский В. Рабы свободы. М., 1995. С. 235–236).] Устойчивая связь кинематографа с Л. прослеживается в мандельшт. мире и в переосмысл. формах, где семантич. эквивалентом Л. выступают «живые фотографии» (о восприятии «лубочной основы» кинематографа представителями лит. среды, в т. ч. и О. М., см.: Лотман Ю. М., Цивьян Ю. Г. «SVD»: жанр мелодрамы и история // Тыняновский сб.: Первые Тыняновские чтения. Рига, 1985. С. 72–73). Характеризуя прозу Д. *Лондона*, О. М. писал: «Лучшее в кинематографе – так называемые “видовые картины”: и Лондон развертывает бесконечную ленту монотонного северного пейзажа, <...> мелькающего, как живая фотография» (Собр. Соч.-2. Т. 1. С. 189). Образы видовой картины и живой фотографии объединяются в оценке киевского театра *«Березиль»*, дополняясь упоминанием Л. и явными кинематографич. параллелями: «В “Гайдамаках” есть “живые картины”, великолепные, как старый украинский лубок. И эта постановка принадлежит театру, который в “Шпане” показал, как театральное движение преображает сырой чаплинизм»; вместе с тем одна из постановок театра сер. 1920-х гг. – «“Жакерия” по Мериме» – в оценке О. М., «производит впечатление оперной роскоши. Сама пьеса неузнаваема: актеры играют ее так, как у нас играли бы “Царя Максимилиана”» (2. С. 440, 441). [Нет оснований утверждать, но можно предположить, что О. М. было известно об имевший широкий обществ. резонанс постановке в кон. 1911 в Моск. лит.-худож. кружке спектакля «Царь Максимилиан», к-рый оформлял В. Е. *Татлин*.]

В известном смысле на мандельшт. интерес к Л. как форме низовой культуры могло повлиять творчество Ж. *Дельтея*, считающегося одним из создателей своеобразного жанра лит. Л., что отмечала уже современная О. М. критика.

С. Г. Шиндин.

ЛУГОВСКОЙ Владимир Александрович (1.7.1901, Москва – 5.6.1957, Ялта), поэт, испытавший серьезное влияние *акмеизма* [см. сб. «Сполохи» (М.: «Узел», 1926)]. А. Лежнев впоследствии характеризовал поэзию Л. как «лефоакмеизм» (Новый мир. 1929. № 11; Лежнев А. О литературе. М., 1987. С. 107). В доме его отца, педагога-словесника и инспектора 1-й Моск. гимназии А. Ф. Луговского, царил культ поэзии. Л. был участником ряда моск. лит. кружков («Никитинские субботники», Моск. цех поэтов). В 1926 секр. изд-ва «Узел» (преобразованного в артель поэтов из кружка П. Н. Зайцева – редактора изд-ва «Недра»), пытавшегося привлечь О. М. в число своих авторов.

В 1928 О. М. подарил Л. сб. «Стихотворения» со следующей дарительной надписью: «Потому что поэзия – этой война!» (ранее – собрание Т. Могилевской, ныне – Архив Квебекского ун-та. Оттава, Канада). Л. опубликовал ст. «Черная квадрига» под псевд. В. Груберт (от фам. жены – Т. Э. Груберт), в к-рой, высоко оценивая поэзию и прозу О. М., писал: «Проза “Египетской марки” – это биографическое и социально-понятное обрамление поэзии Мандельштама. После нее он кажется значительно более зорким и влитым в эпоху». При этом Л. упрекал О. М. в самоизоляции: «Поэзия О. Мандельштама равно поражает исключительной лирической остротой, мастерски поднятой на какую-то совершенно рафинированную высоту, и в то же время полной оторванностью от захватывающей тематики событий. Почти без усилий О. Мандельштам отгораживает себя от всего, что могло бы отвлечь от философского, но пышного стоицизма его творчества. Он растекается во времени и пространстве» (Читатель и писатель. 1928. 18 нояб. № 46). В 1932 Л. и О. М. были соседями по Дому Герцена. Отрицательно отозвавшись о Л., Н. Я. *Мандельштам* тем не менее противопоставила его Н. С. *Тихонову*, отмечая более наивный и чистый склад его натуры и неучастие в лит. войнах (Н. Мандельштам (1). Л. Копелев в автобиографич. повести «Утоли мои печали» (М., 1989) вспоминал о том, как в 1940 на именинах своей ученицы Евгении Ласкиной (жены К. М. *Симонова*) Л. публично прочел стих. О. М. «Мне на шею бросается век-волкодав».

Н. А. Громова.

ЛУНАЧАРСКИЙ Анатолий Васильевич (11.11.1875, Полтава – 26.12.1933, Ментона, Франция), гос. и парт. деятель, литератор, лит. критик, иск-вед. В 1917–29 нарком просвещения. С 1929 пред. Ученого комитета при СНК СССР. В 1933 назначен полпредом в Испании, но по дороге тяжело заболел и вскоре скончался.

В 1918–19 «Мандельштам служил в Комиссариате просвещения у Луначарского, но по свойственному ему легкомыслию приказов по армии не издавал, а главным образом бегал от своей секретарши, сторонницы диктатуры, презиравшей своего начальника» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 408). «В работе он не участвовал, только в заседаниях» (Л у н д б е р г Е. Г. Записки писателя. Л., 1930. С. 167; см. также: Н е р л е р П. М. О. Мандельштам в Наркомпросе в 1918–1919 гг. // ВЛ. 1989. № 9). В черновых вариантах «Путешествия в Армению» создан эскизный «портрет» Л.: «скорбное мясистое личико измученного в приказах посольского дьячка» с «вороньей бороденкой» (3. С. 379). В 1933 секретный сотрудник (сексот) записал реплику О. М. о стихах Л.: «Ну что же, читали мы стихи Луначарского, скоро, наверно, услышим рапсодии Крупской» (Cahiers du monde russe. 2002. № 43. P. 626).

Анализируя «парикмахерские» мотивы в поэзии О. М. нач. 1930-х гг., Р. Д. Тименчик предполагает аллюзионную связь темы парикмахера с образом Л. – автора драмы «Королевский брадобрей» (1906); в частности, имеется в виду фраза из стих. «Ариост»: «Власть отвратительна, как руки брадобрея» (см.: Т и м е н ч и к Р. Д. Руки брадобрея, или Шесть подтекстов в поисках утраченного смысла // НЛО. 2004. № 67. С. 135).

Е. А. Яблоков.

ЛУНЦ Лев Натанович (19.4.1901, С.-Петербург – 9.5.1924, Гамбург, Германия), прозаик, драматург, киносценарист. Дебютировал в 1919; в 1921–24 идеолог и один из самых активных участников лит. объединения *«Серапионовы братья»*, вместе с В. А. *Кавериным* составлял его т. н. зап. крыло.

Знакомство Л. с О. М. могло состояться в кон. 1920 в Петрограде, когда они были соседями по *Дому искусств*; там же в это время могли происходить их регулярные встречи (ср.: И в и ч А. <Бернштейн И. И.> <Воспоминания> // О. и Н. Мандельштамы. С. 131).

Мандельшт. оценка творчества Л. не известна, но в полемич. ст. «Литературная Москва. Рождение фабулы» (1922), практически посв. «Серапионовым братьям», О. М. не подвергал критике именно их «западное», фабульное, крыло. Л. написал об О. М. в заметке «Цех поэтов» (Книжный угол. 1922. № 8. С. 53–54): «Я не люблю стихов Мандельштама. Не люблю этого логически-бессмысленного сочетания разнородных фраз, но я восхищаюсь этим сочетанием <...>. Именно у Мандельштама, а не у футуристов настоящее торжество звука над смыслом. Здесь, а не у А. Белого настоящая музыка стиха». Акцентирование фонетич. строя мандельшт. текстов присутствует и в неопубл. ст. Л. «Новые поэты» (1922), где он, характеризуя творчество К. К. Вагинова, писал, что тот, вслед за О. М., «тоже отметает логическое движение стиха, заменяя его фонетическим... Вагинов тоже пытается управлять большими звуковыми массами, строить бессмысленное, но стройное фонетическое здание. Для этого надо быть Мандельштамом» (цит. по: Ч е р т к о в Л. Поэзия К. Вагинова // Вагинов К. Собр. стихотворений. München., 1982. С. 219).

Лит.: И в а н о в Вяч. Вс. Лунц и Мандельштам: Фабула у Серапионовых братьев // И в а н о в Вяч. Вс. Избр. тр. по семиотике и истории культуры. М., 2000. Т. 2.

С. Г. Шиндин.

ЛУППОЛ Иван Капитонович (1.1.1896, Ростов-на-Дону – 26.5.1943, погиб в неустановл. лагере в Мордовии), советский историк, философ и лит-вед; проф. МГУ (1925–31), акад. АН СССР (1939). Основатель и первый дир. Ин-та мировой лит-ры им. М. Горького (1935–40), во 2-й пол. 1930-х гг. гл. ред. Гослитиздата.

Упоминается в шуточном стих. О. М. «Не надо римского мне купола...» (1934 или 1935), написанном в Воронеже (после того как он увидел в газете фотографию Л. и Ж. Р. Блока на 1-м съезде советских писателей в авг. 1934) и прочитанном Н. Я. *Мандельштам* самому Л. (см.: Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 350). В 1934 Л. заключил с О. М. договор на перевод пов. Г. де Мопассана «Иветта» (см.: Там же. С. 153), а в дек. 1935 отклонил уже готовый перевод (фактически его делала Н. М.) (см.: 4. С. 166). Летом 1937 в СП Л. спорил с О. М. о допустимости смертной казни в СССР (см.: Ш т е м п е л ь. С. 15). В нач. марта 1938 О. М. жаловался В. П. *Ставскому* на заявление Л. поэту, «что никакой работы в Гослитиздате для» него «в течение года нет и не предвидится» [4. С. 199; согласно мемуарам Н. М., Л. «сказал, что, пока сидит за редакторским столом, Мандельштам не получит ни строчки переводов и вообще никакой работы», хотя ранее именно он обеспечивал О. М. переводами и делал «это с большой охотой» (Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 372, 209)].

О. А. Лекманов.

ЛУРЬЕ Артур Винсент (или Артур Сергеевич) (наст. фам., имя и отчество Лурья Наум Израилевич) [1.5.1892, Пропойск (ныне Славгород Могилевской обл., Белоруссия) – 12.10.1966, Принстон, штат Нью-Джерси, США], рус. и амер. композитор, муз. критик. С 1922 в эмиграции. Был близок с А. А. *Ахматовой*.

С О. М. познакомился не позднее 1912. О дружбе О. М. и Л. в «Листках из дневника» упоминала Ахматова: «Артур Сергеевич Лурье, который близко знал Мандельштама и который очень достойно написал об отношении Осипа Мандельштама к музыке, рассказывал мне (10-е годы), что как-то шел с Мандельштамом по Невскому, и они встретили невероятно великолепную даму. Осип находчиво предложил своему спутнику: “Отнимем у нее все это и отдадим Анне Андреевне”» (Ахматова. С. 142; речь идет о мемуарно-аналитич. очерках Л. «Чешуя в неводе» и «Детский рай», рассказывающих об отношении О. М. к музыке). Еще одно из восп. об О. М. было связано для Ахматовой с музицированием Л. в ее доме в Царском Селе; в набросках к «Листкам из дневника» она записала фразу Н. С. *Гумилёва*: «Осип, отойди. Артур Сергеевич, играйте!» (цит. по: Кац, Тименчик. С. 25). В 1910-е гг. О. М. и Л. встречались также в *«Бродячей собаке»*, в доме у А. А. Попова, в частности 31.10.1914 (см.: Камень. 1990. С. 263), а также в квартире № 5 АХ, где жили братья Л. А. и Н. А. *Бруни* (см.: Парнис А. Е. Штрихи к футуристическому портрету О. Э. Мандельштама // Слово и судьба. С. 187–188). В очерке «Чешуя в неводе» (1961) Л. сообщает, что О. М. «страстно любил музыку, но никогда об этом не говорил», а также вспоминает о процессе создания «Оды Бетховену» (1914) О. М. (см.: Лурье А. С. Осип Мандельштам). В эссе «Детский рай» (1963) Л. пишет об особенностях поэтики и своеобразии личностей Ж. де *Нерваля*, В. В. *Хлебникова* и О. М.: «Все трое были безумцами», однако О. М. «был при всех своих чудачествах нормален, и только в контакте с поэзией впадал в состояние священного безумия <...> Эсхатологическое сознание было главной движущей силой Мандельштама, подлинной творческой интуицией в ее высшей категории и на большой глубине» (Он же. Детский рай. С. 274, 279). Можно предположить нек-рый взаимообмен идеями между композитором и поэтом: напр., «Ода Бетховену» (1914) О. М. значимо перекликается с написанной той же осенью ст. Л. «Бетховен и Вагнер» (см.: Кац, Тименчик. С. 33). Свою ст. «Голос поэта (Пушкин)» (1922) Л. снабдил эпиграфом из стих. О. М. «Silentium» (1910): «Останься пеной, Афродита, и слово в музыку вернись», а закончил ее повторением этого призыва О. М. и цитированием еще одного фрагмента «Silentium» [см.: Там же. С. 172; в этой же работе высказывается предположение, что эпиграф из «Silentium» О. М. к стих. Ахматовой «Самой поэме» (1960) связан «с получением Ахматовой известия о том, что находящийся в Америке Артур Лурье написал музыку на фрагмент из “Поэмы без героя”» (Там же)].

Соч.: Осип Мандельштам // Воспоминания о Серебряном веке. М., 1993; Детский рай // Там же.

Лит.: Кац Б. А., Тименчик Р. Д. Анна Ахматова и музыка: Исследовательские очерки. Л., 1989.

А. Л. Футорян, О. А. Лекманов.

Основоположник лютеранства Мартин Лютер

ЛЮТЕР (нем. Luther) Мартин (10.11.1483, Айслебен, Саксония – 18.2.1546, там же), христ. богослов, вождь Реформации, основоположник лютеранства, выступил против тирании папской власти. По преданию, будучи принуждаем во время диспута в Вормсе отречься от своих взглядов, ответил: «...Я ни от чего не могу и не хочу отрекаться <...> На том стою. Я не могу иначе. Да поможет мне Бог. Аминь» (Порозовская Б. Д. Мартин Лютер: Его жизнь и реформаторская деятельность; ср. стих. О. М. «Здесь я стою. Я не могу иначе...», 1915 (1913?), и нем. эпиграф к нему. О вариантах датировки стихотворения и о ст. Ф. И. *Тютчева* «Римский вопрос» как его подтексте см. в: Мец А. Г. Комментарии // Мандельштам О. Э. Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. М., 2009. С. 545–546; в списке Каблукова имеет заглавие «Лютер в Вормсе», ср. назв. картины А. фон Вернера (1877), изображающей суд в Вормсе. Разл. интерпретации стихотворения и образа Л. в нем см. в: Киршбаум. С. 46–49. Об образе Л. в стих. О. М. «Паденье – неизменный спутник страха...» (1912) см. в: Сегал. С. 118. В ст. «О природе слова» (1920–22) отразилась легенда о том, что Л. неск. раз являлся дьявол и Л. запустил в него чернильницей: «Лютер был уже плохой филолог потому, что, вместо аргумента, он запустил в черта чернильницей» (1. С. 224). Слова Л. о том, что он воюет с чертом чернильницей (создавая перевод Евангелия) см. в: Катаев В. А. Кубик, 1975. Л. перевел Библию на нем. яз. Ср. в ст. О. М. «Vulgata (Заметки о поэзии)» 1922–23: «Когда я читаю “Сестру мою жизнь” Пастернака – я испытываю ту самую чистую радость освобожденной от внешних влияний мирской речи, черной поденной речи Лютера. Так радовались немцы в своих черепичных домах, впервые открывая свеженькие, типографской краской пахнущие, свои готические библии» (2. С. 300). См. также упоминание Л. в характеристике мадам Шредер из повести «Египетская марка» (1927–28): «Она как Лютер, [1 нрзб] окруженный внучатами. <...> Это – Лютер в юбке, это гренадер Евангелья, это – капитанша благодати» (Там же. С. 580).

Лит.: Киршбаум Г. «Валгаллы белое вино...»: Немецкая тема в поэзии Мандельштама. М., 2010. С. 46–49; Еськова А. Реформация вместо Преображения? // Филологический класс. Екатеринбург, 2014. № 2(36). С. 78–80.

А. Д. Еськова.

М

МАГАЗИНЕР Александр Григорьевич (1898, с. Краснопавловка Павлоградского у. Екатеринославской губ. – 10.1.1938), областной партийный и профсоюзный деятель во время пребывания О. М. в ссылке в Воронеже. Член ВКП(б) с 1918. С 1929 зам. зав. орготдела обкома ВКП(б) ЦЧО, в 1929–33 пред. облколхозсоюза; в 1936–37 зав. культпросветотделом Воронежского обкома ВКП(б), в 1937 пред. Воронежского областного Совета профсоюзов. Арестован 10.9.1937 по обвинению в участии в правотроцкистской террористич. диверсионной вредит. организации, осужден 10.1.1938 по ст. 58–8, 58–11 (вместе с М. И. *Генкиным*). Реабилитирован 8.2.1956. Ок. 14.4.1936 Н. М. обращалась к М. и Генкину за помощью в организации освидетельствования и лечения О. М.

Лит.: Воронеж, весна 1936 года. (Неизвестное письмо Н. Я. Мандельштам) / публ. П. М. Нерлера // Осип Мандельштам. Поэтика и текстология. К 100-летию со дня рождения. Материалы науч. конференции 27–29 дек. 1991 г. М., 1991. С. 108.

П. М. Нерлер.

МАККАВЕЙСКИЙ Владимир Николаевич (1893, по др. данным, 1891, Киев – 1920, там же), поэт, переводчик, критик, художник-график. Братья Маккавейские – «чудачливые и добрые приятели» Н. М. по Киеву. Знакомство О. М. с М. состоялось весной 1919 в Киеве и описано Ю. К. *Терапиано* в кн. «Встречи». По свидетельству Терапиано, когда они с М. впервые увидели О. М., он в одиночестве сидел в кафе *«Хлам»,* «мучительно-трудно» работая над стих. «На каменных отрогах Пиэрии...». Тогда же М. «с присущей ему формальной находчивостью» подсказал О. М. две заключит. строки. Приведенный Терапиано факт опубликования этого стих. в сб. «Гермес» (К., 1919. Сб. 1) – аберрация памяти: оно было напечатано в альманахе «Пути творчества» (Х., 1920. № 6–7), а в «Гермес», где М. был автором и редактором, О. М. дал только стих. «Tristia».

Нек-рые расхождения с воспоминаниями Терапиано обнаруживаются во «Второй книге» Н. М., к-рая признает за «показаниями Терапиано» «частичную правду», указывая дату написания «наших брачных стихов» – 2.5.1919, и отмечает, что М. предложил О. М. только одно слово – «колесо». Др. несовпадения: О. М. был не один, а с Н. М.; не в «Хламе», а в греч. кофейне; не работал над стих., а отдыхал вместе с Н. М. «после хорошо проведенной ночи». Также в той же кн. Н. М. есть эпизод, отсутствующий у Терапиано (как отсутствует у него все, связанное с Н. М.): в тот же день (2 мая) «нас благословил в греческой кофейне мой смешной приятель М., и мы считали это вполне достаточным, поскольку он был из семьи священника».

Факт участия М. в сочинении финальных строк «Tristia» не вызывает сомнений (ср. резонное замечание М. С. Петровского о том, что М., возможно, успел познакомиться со стих. О. М. «Прославим, братья, сумерки свободы...» (1918) и «всего лишь “вернул” О. М. его собственные перефразированные строки» (П е т р о в с к и й. 1991. С. 213): «Ну что ж, попробуем: огромный, неуклюжий / Скрипучий поворот руля»). Однако встреча О. М. с М. и Терапиано не могла состояться в первый день пребывания О. М. в Киеве, поскольку он еще не был знаком со своей будущей женой, к-рой и посвящены «брачные стихи».

Имя М. упоминается во «Второй книге» еще раз в связи с взаимоотношениями В. Я. *Брюсова* и О. М. В нач. 1920-х гг. Брюсов «зазвал О. М. в свой служебный кабинет... и долго расхваливал стихи» О. М., цитируя при этом «киевского поэта Маккавейского, чудака, вставлявшего целые латинские фразы в свои ученые стихи...». «Забава» (Н. М.) Брюсова укладывалась в рамки его теории о существовании «нео-акмеистической» школы, главой к-рой Брюсов провозгласил О. М., а в его последователи записал бр. Маккавейских. Отличит. особенностями творчества неоакмеистов он считал парадоксальность, внеш. технику стиха, оторванность от общ. жизни и т. д. «Их стихи – четки из максим, нанизанных на образы» (Б р ю с о в. 1990. С. 588). «Такая поэзия, чтобы прикрыть свою скудость, нуждается в каких-то внешних прикрасах, и поэт находит их в пышных мантиях античности и библии» (Там же. С. 642).

Однако в отличие от поэзии М., создававшего намеренно сложную систему культурно-ист. ассоциаций и тяготевшего в последние годы ко все большей усложненности и герметизму (М. намеревался издать неск. томов комментариев к своим стихам), творчество О. М. развивалось в противоположном направлении: происходил «постепенный выход за рамки имманентной семантической поэтики, построенной по “мифологическому” принципу» (Л е в и н Ю. И. и др. Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма // Смерть и бессмертие. С. 300).

Лит.: Б р ю с о в В. Я. Вчера, сегодня, завтра русской поэзии // Печать и революция. 1922. № 7; О н ж е. Среди стихов: О. Мандельштам и др. // Там же. 1923. № 6; О н ж е. Среди стихов: 1894–1924: Манифесты, статьи, рецензии. М., 1990; Т е р а п и а н о Ю. Встречи. Нью-Йорк, 1953; П е т р о в с к и й М. С. Киевский роман О. Мандельштама // Слово и судьба; Г л е б о в Ю. И. Маккавейский В. Н. // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 3. М., 1994; Н. Я. Мандельштам. Т. 2; Р у с с о в а С. Н. К истории одного кощунства (О. Мандельштам и В. Маккавейский) // Смерть и бессмертие.

С. Ф. Данилова.

МАКОВСКИЙ Сергей Константинович (15.8.1877, С.-Петербург – 13.5.1962, Париж), поэт, искусствовед, издатель, критик, мемуарист. В 1909–17 ред. журнала *«Аполлон»*.

По воспоминаниям М., в редакции в кон. 1909 он и познакомился с О. М., к-рого привела мать, Ф. О. *Мандельштам*, прося оценить стихи сына. Как современники, так и исследователи сомневаются в достоверности этого эпизода. А. Г. Мец считает, что знакомство следует отнести к маю – июню 1909. Н. М. вспоминала, что гротескный рассказ М. о знакомстве с О. М. в ред. «Аполлона» каким-то образом дошел до О. М. и «глубоко его возмутил» (в свою очередь, эти сведения нуждаются в проверке, поскольку мемуары М. об О. М. были впервые опубликованы уже после смерти О. М.). Тем не менее М. неоднократно публиковал стихи и статьи О. М. в своем журнале (впервые: Аполлон. 1910. № 10), хотя именно М., вероятно, воспротивился публикации программной ст. О. М. «Утро акмеизма» в «Аполлоне» (см.: Лекманов О. А. «Аполлон» и акмеизм // ВЛ. 1997. Сентябрь–октябрь. С. 328–330).

С 1919 в эмиграции. Консультировал первые тома амер. собр. соч. О. М. под ред. Г. П. *Струве* и Б. А. *Филиппова*.

Соч.: Портреты современников. Нью-Йорк, 1955. С. 375–398; Об Осипе Мандельштаме / публ. и вступ. заметка О. А. Лекманова // Даугава. Рига, 1997. № 2. С. 131–132.

Архивы: РГАЛИ. Ф. 2512.

О. А. Коростелев.

МАЛЛАРМЕ (Mallarmé) Стефан (18.3.1842, Париж – 9.9.1898, Вальвен, Франция), франц. поэт; в 1896 признан главой франц. символистской школы. Оказал существ. влияние на рус. символистов (см. *Символизм*), прежде всего на И. Ф. *Анненского*, В. И. *Иванова*, Ф. *Сологуба* и В. Я. *Брюсова*. В юности О. М. высоко оценивал творчество М. и признавал его «великим поэтом». По совету Анненского О. М. пробовал переводить стих. М. «Brise marine» («Морской ветер», 1865), но «из этого ничего не вышло <...> и он со смехом об этом рассказывал». Со временем отношение О. М. к поэтике М., с т. зр. ее влияния на Анненского, меняется, и он старается не акцентировать его связи с франц. корнями: «Неспособность Анненского служить каким бы то ни было влияниям, быть посредником, переводчиком, прямо поразительна. <...> И орел его поэзии, когтивший Еврипида, Малларме, Леконта де Лиля, ничего не приносил нам в своих лапах, кроме горстки сухих трав». Если имя М. и ставилось О. М. рядом с близкими ему по духу поэтами – Ш. *Бодлером*, Э. *По*, А. Суинберном, как, напр., в ст. «Буря и натиск» (1923), то скорее оно вызывает отторжение. Однако признаки влияния тем М. на стихи сб. «Камень» (1916) О. М. отмечались уже его современниками. Хотя Г. О. *Гершенкройн* и подчеркивал «исчерпывающее “искусство аналогии”», свойств. стихам О. М., к-рое отличается от темной манеры М. (Одесские новости. 1916. 20 марта. С. 2), Б. М. *Эйхенбаум* решительно указывал на близость символизма О. М. символизму М. и Анненского. Г. В. *Адамович* считал О. М. единств. поэтом среди современников, по-настоящему уловившим «сущность техники Маллармэ».

Между стихами О. М. нач. 1910-х гг. и творчеством М. просматривается опред. тематич. и стилистич. сходство. Четверостишие О. М. «О, небо, небо, ты мне будешь сниться!» (1911) затрагивает сразу неск. центр. тем творчества франц. символиста. Это и одиночество поэта, и его сложные отношения с Богом, и столь мучавшая М. проблема поэтич. бессилия, выражавшаяся постоянно через символ чистой белой страницы. «Спокойная ирония вечной лазури» из поэмы М. «Лазурь» («L Azur», 1864) перекликается с мотивом лазури «ледяной» из стих. О. М. «Медленно урна пустая» (1911). И в том и в др. случае небо остается равнодушным и безучастным к судьбе и страданиям поэта («небо обманет»; «простор безучастен» у О. М. и «небо умерло» у М.; ср. также «И неживого небосвода // Всегда смеющийся хрусталь» из стих. «Сусальным золотом горят», 1908).

Сходным образом М. и ранний О. М. использовали в своих стихах прием отсутствия и символику пустоты. В поэзии М. предметы чаще всего присутствуют лишь гипотетически, в виде предположения, соответственно, происходит отдаление от материальной реальности предметов, их описание сводится исключительно к Идее. Напр., в программном «Sonnet en x» («Сонете на “икс”», 1868, 1887) М. представил царство предметов, а лирич. герой отсутствует. Все построено на безличном отражении звезд, к-рые созерцают себя в глубине зеркала, висящего в комнате. Подобная ситуация наблюдается в стих. О. М. «Медлительнее снежный улей» (1910), где резкий контраст между холодной белизной застывшей вечности за окном и озаренной светом тканью, напоминающей легкое движение синеглазых стрекоз, создает впечатление эфемерности и хрупкости бытия. Образ брошенной вуали сближает это стих. О. М. с еще одним сонетом М. «Une dentelle s’abolit» («Кружево исчезает», 1887), где возникает мотив колебания кружевной занавески, обрамленной окном, сквозь к-рое проникает свет зарождающегося утра.

Используемое в стих. «Медлительнее снежный улей» сочетание цветов также любил М. Иродиада, героиня одноименной поэмы М., сравнивает прозрачную поверхность зеркала с глубиной воды, скованной льдом. И если она и вспоминает о теплой летней лазури, то это воспоминание быстро отступает перед неотвратимостью холодной вечности: «И все вокруг меня живет в идолопоклонничестве перед зеркалом, в сонном спокойствии которого отражается Иродиада со сверкающими как алмазы глазами».

Символика пустоты в поэзии М. многозначна и переживает неск. этапов. Первое значение – это символ внутр. пустоты поэта, осознающего свое творч. бессилие: «моя пустая душа», «мой пустой ум» («Лазурь», «L’Azur»), «пустой лист бумаги» («Морской ветер», «Brise marine»). Постепенно из причины переживания пустота становится объектом желания поэта, разочаровавшегося в возможности обретения идеала. Ср. у О. М. в стих. «Слух чуткий парус напрягает» (1910): «Твой мир, болезненный и странный // Я принимаю, пустота!».

В своем постоянном преклонении перед тишиной и молчанием М. также отчасти совпадает с ранним О. М. 2-я строфа стих. О. М. «Silentium» (1910) перекликается со стих. М. «Salut» («Привет», 1893), где возникает мотив морской пены и сравнение волн с женской грудью. Отождествление музыки с тишиной было очевидным и для М., как, напр., в стих. «Sainte» («Святая», 1865), где поэт воспевает музыку тишины, совершенную, с его т. зр., поскольку несет в себе чистую красоту Небытия. «Объективную параллель»

между «Silentium» (1910) О. М. и «творческими поисками Стефана Малларме, для которого лежащая в основе всех вещей надличная Идея полнее всего может быть выражена лишь молчанием», усматривает В. В. Мусатов.

Иногда стихотворения обоих поэтов, абсолютно разные по тематике, объединяет общий мотив. В стих. «На бледно-голубой эмали» (1909) вид чернеющих на фоне вечернего апрельского неба веток напоминает О. М. тонкий рисунок на фарфоре. В момент его создания художник забывает о мимолетности своего бытия. У М. постоянные поиски новых поэтич. форм чистого искусства вызывают желание подражать китайцу, к-рый, творя свой кружевной рисунок, соприкасается с вечностью [«Las de l'amer repos...» («Устав от горького отдыха»), 1864].

Первонач. вариант последней строфы стих. О. М. «Адмиралтейство» (1913), согласно гипотезе совр. исследователей, был забракован на заседании *«Цеха поэтов»* «предположительно из-за слишком явных символистских обертонов (брюсовский перевод «Лебедя» Малларме)» (Амелин, Мордерер; А. Февр-Дюпегр находит сходство с сонетом М. «Лебедь» в тематике всего стих. О. М.).

Мн. зап. исследователи творчества О. М. иногда называют его рус. М.: «Стремление к магии слов, к их колдовской силе, к проникновению в их внутреннюю жизнь, к тем возможностям, которые открывает их свободное сочетание, их взаимное влияние, вот, что основательно соединяет русского и француза» (Dutli. P. 103). М. пытался «передать инициативу словам», чтобы выявить это взаимное влияние и достичь, т. о., последовательного изменения в смысле и звучании слов, тогда как ранний О. М. самый смысл склонен был считать формой слова, «такой же прекрасной, как и музыка для символистов» (Мандельштам О. Э. Утро акмеизма).

Тем не менее, согласно концепции Ж.-К. Ланна, О. М. всецело принадлежит «к течению новой европейской поэзии, отмеченной именами Рембо и Маллармэ», продолжая «богатую традицию поэзии "замкнутой манеры", зашифрованную поэзию трубадуров и новейших "заумных" поэтов, великих колебателей и разрушителей смысла, Рембо и Маллармэ».

Лит.: Эйхенбаум Б. М. А. Ахматова: Опыт анализа. СПб., 1923; Адамович Г. В. Лирический беспорядок // ПН. 1937. 28 янв.; Ланн Ж.-К. Мандельштам и футуризм: Вопрос о зауми в поэтической системе Мандельштама // Столетие Мандельштама; Террас В. Классические мотивы в поэзии О. Мандельштама // Мандельштам и античность; Дубровкин Р. М. С. Малларме и Россия. Lang, 1998; Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 104; Мусатов В. В. Лирика О. Мандельштама. К., 2000; Амелин Г. Г., Мордерер В. Я. Миры и столкновения О. Мандельштама. М.; СПб., 2001; Freidin G. M. A Coat of Many Colors. O. Mandelstam and His Mythologies of Self-Presentation. Berkely; Los Angeles; L., 1987 (по им. ук.); Dutli R. O. Mandelstam «Als riefe man mich bei meinem Namen»: Dialog mit Frankreich: Ein Essay über Dichtung und Kultur. Fr/M, 1990; Crone A. L. Echoes of Nietzsche and Mallarmé in Mandelstam's Metapoetic «Peterburg» // RL. 1991. Vol. XXX–IV. № 15. P. 405–534; Faivre-Dupaigre A. Génèse d'un poète. O. Mandelstam au seuil du XX siècle. Presses Univ. de Valenciennes, 1995.

Я. С. Линкова.

МАНДЕЛЬШТАМ Исай Бенедиктович (1885, Киев – 29.6.1954, Алма-Ата), переводчик нем., франц. и англ. прозы и поэзии, его переводы печатаются до наст. времени. Вероятно, был дальним родственником О. М. В 1918, после убийства Л. И. *Каннегисером* (сын его двоюродного брата) М. С. Урицкого, пред. Петрогр. ЧК, М. был арестован и провел в тюрьме 4 мес.; отпущен на свободу вместе с др. родственниками, но этот арест, как и брак одной из его падчериц с нем. физиком-теоретиком Р. Пайерлсом (и последовавший их отъезд за границу), сыграли свою роковую роль в его судьбе. В апреле–мае 1928 О. М. участвовал в хлопотах за родственника М. – Льва Исаевича Гуревича, в ночь с 13 на 14.4.1928 приговоренного к расстрелу по т. н. банковскому делу (вместе с др. членами правления «Об-ва взаимного кредита» Винбергом, Ратнером, Капцовым, Синелобовым и Кимом, а также бывшим ответств. работником Николаевским). Обратившись к Н. И. *Бухарину*, О. М. добился смягчения приговора. Самого М. О. М. издевательски изобразил в «Четвертой прозе» (1929–30): «Исай Бенедиктович был хорош только в начале хлопот, когда происходила мобилизация и, так сказать, боевая тревога. Потом он слинял, смяк, высунул язык, и сами родственники вскладчину отправили его обратно в Петербург». В дальнейшем жизнь М. сложилась трагически. В 1935 он был вторично арестован и выслан на 5 лет в Уфу вместе с женой и мл. падчерицей. В 1938 в Уфе арестован вновь и провел в тюрьме 8 мес., переводя по памяти произведения А. С. Пушкина на нем. язык. Без суда отправлен на 3 года в лагерь в Соликамскбумстрой. В 1941, после выхода из лагеря, поселился в Осташкове, и только случай помог ему избежать нем. оккупации и попасть в Мелекес (Куйбышевская обл.). В 1946 переехал в Малоярославец – тогдашнее прибежище мн. репрессированных в 100-километровой зоне от Москвы. Здесь арестован в 1951. После 8 мес. в калужской тюрьме отправлен в ссылку в с. Михайловка Джамбульской обл. сроком на 10 лет (впоследствии срок сокращен до 5 лет). В нач. мая 1954 ему был разрешен переезд к падчерице в Алма-Ату, где он вскоре умер. Реабилитирован в 1962 посмертно.

С именем М. оказалась связанной одна из известных издат. ошибок, возникшая в сер. 1960-х гг. в процессе публикации творч. наследия О. М и время от времени повторяющаяся и в наши дни. Так, в 1-м издании 1-го т. собр. соч. под именем О. М. вышли переводы стих. Д. фон Лилиенкрона «Колыбельная», «К музыке» и «Моя душа», а также стих. Г. Гейне «Диспут», принадлежащих М. и впервые опубл., соответственно, в журналах «Вестник Европы» (1910. Кн. 4. С. 88–89) и «Летопись» (1917, кн. 5–6) за подписью «И. Мандельштам». Своим появлением в издании эта ошибка обязана Б. Н. *Филиппову*. В письме к Г. П. *Струве* от 5.10.1965 он даже отстаивал свою правоту: «Теперь о переводе "Диспута" Г. Гейне. Да, подписано И. Мандельштам, но на то, что это не Исай Бенедиктович, а И(осиф) Эмильевич есть немало указаний. Я не помню сейчас, где именно я нашел эту ссылку. Кроме того, И. Б. Мандельштам, насколько мне известно, переводил ТОЛЬКО прозу. А ОЭМ называли иногда И. Мандельштамом. Так, напр., его называл Блок (том 7, стр. 371). Перевод "Диспута" плохой, вернее, сама вещь паршивая, но помню хорошо, что и Борис Бухштаб, и многие др. знатоки и поклонники ОЭМ всегда говорили, что это – его перевод. Да, и в изданиях сочинений Гейне иници-

ал – И, а не О. Может быть, это и ошибка. Но не думаю. Думаю, что это все-таки перевод ОЭМ. Может, он и отрекся от него. Что вдова М-ма сердится – это ее дело...» В письме от 1.8.1966 он все еще продолжал настаивать на этом: «СЕЙЧАС Я ПОЛУЧИЛ СВЕДЕНИЯ, ЧТО И. Б. МАНДЕЛЬШТАМ СТИХОВ НЕ ПЕРЕВОДИЛ. Вместе с тем иногда ОЭМ называли и И. Мандельштамом (напр., в записных книжках и дневниках Блока)» (Hoover Institution Archives, Collection G. Struve, Box 83, Folder 1965, 1966).

Лит.: Герой «Четвертой прозы» // Вечерний Ленинград. 1991. 14 янв.; Володарская Л. И. Цель в жизни – мыслить и страдать // Минувшее: Исторический альманах. № 11. P., France, 1991. С. 382–413; Она же. Первый переводчик Лео Перуца // Перуц Л. Шведский всадник и другие магические романы. Екатеринбург, 1998. С. 649–652; Она же. Материалы к библиографии И. Б. Мандельштама // СМР. Вып. 3/2. С. 260–263; Она же. Эскиз к портрету переводчика (Приложение: Мандельштам И. Б. Материалы к библиографии) // Альманах переводчика. М., 2001.

Л. В. Володарская, П. М. Нерлер.

МАНДЕЛЬШТАМ (Хазина) Надежда Яковлевна (18.10.1899, Саратов – 29.1.1980, Москва), жена О. М., художница, филолог, преподаватель англ. языка, канд. филол. наук, доцент («Автобиографию», сведения о работе см.: О. и Н. Мандельштамы. С. 409–415); хранительница осн. части творч. архива О. М., автор мемуарных книг, заметок, эссе. Отец – Яков Аркадьевич Хазин, присяжный поверенный (адвокат), из семьи кантониста, ум. в 1930. Мать Вера Яковлевна, по образованию врач, ум. в 1943. Старшие братья: Александр, пропал без вести в 1920-е гг.; Евгений, литератор (1893–1974); сестра Анна, ум. в 1939. Росла в Киеве, окончила г-зию, занималась живописью (нек-рое время в мастерской А. А. *Экстер*), с перерывами продолжала рисовать до 1937.

Познакомилась с О. М. 1 мая 1919. Знакомство и завязавшиеся отношения отразились в стих. О. М. «На каменных отрогах Пиэрии...» (1919) и «Вернись в смесительное лоно...» (1920). Расстались осенью 1919 в связи с отъездом О. М. из Киева в Крым. В обстановке Гражд. войны переписка прервалась после выселения Н. М. с родителями в др. квартиру, адрес к-рой О. М. узнал от Л. М. Козинцевой. В апреле 1921 О. М. приехал за Н. М. в Киев. С этого времени надолго не разлучались. В нач. 1922 в силу формальной необходимости зарегистрировали брак, в загс с ними ходил Б. *Лившиц*. Сб. стих. «Вторая книга» (1923), сданный в печать в ноябре 1922, посвящен «Н. Х.» – Наде Хазиной. Позднее Н. М. стала носить фамилию мужа. Брачное свидетельство не сохранилось, и в сер. 1950-х гг. Н. М. «через суд была оформлена в законные жены». Это позволило ей в 1957 в качестве вдовы закрепить свои права на лит. наследие О. М.

С самой Н. М., с касающимися ее деталями, эпизодами, пережитыми совместно, целиком или строчками связаны также стих. «С розовой пеной усталости у мягких губ...» (1922), «Вы, с квадратными окошками, невысокие дома...» (1924), «Куда как страшно нам с тобой...» (1930), «Мы с тобой на кухне посидим...» (1931), «Я скажу тебе с последней...» (1931), «Нет, не спрятаться мне от великой муры...» (1931), «– Нет, не мигрень, но подай карандашик ментоловый...» (1931), «Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето...» (1931), «На высоком перевале...» (1931), «Как на Каме-реке глазу тёмно, когда...» (1935), «Пластинкой тоненькой жиллета...» (1936), «Твой зрачок в небесной корке...» (1937), «Еще не умер ты, еще ты не один...» (1937), «На доске малиновой, червонной...» (1937), «Может быть, это точка безумия...» (1937), «О, как же я хочу...» (1937), «На меня нацелилась груша да черемуха...» (1937), «Чарли Чаплин» (1937).

А. А. *Ахматова* в «Листках из дневника» подытоживает: «Осип любил Надю невероятно, неправдоподобно <...> не отпускал <...> от себя ни на шаг, не позволял ей работать, бешено ревновал, просил ее советов о каждом слове в стихах. Вообще я ничего подобного в жизни не видела. Сохранившиеся письма Мандельштама к жене подтверждают это мое впечатление». Ок. 1922 М. начинает записывать под диктовку О. М. стихи и прозу, переписывать его произведения. Подробно вникает в лит., издательские, обществ. дела. С 1925 помогает поддерживать дружеские отношения с Ахматовой, в 1929–30 активно участвует в организационных и адм. хлопотах в период затяжного конфликта вокруг выполненного О. М. переложения романа Ш. де *Костера* «Легенда об Уленшпигеле» (Мандельштам в архиве П. Н. Лукницкого. С. 117–123, 128, 137–141). Следит за хранением рукописи «Четвертой прозы» (1930), в к-рой отразилась эта скандальная лит.-обществ. ситуация, заучивает текст наизусть и время от времени по просьбе О. М. читает в кругу друзей. Весной 1934, когда О. М. широко читал антисталинское стихотворение, М., боясь грядущего ареста и обыска, составила первый из многочисл. в дальнейшем списков стихов О. М., спрятала часть автографов в домашних тайниках, они там остались нетронутыми. После первого обыска и ареста О. М. (май 1934) с помощью друзей вынесла из дома, сохранив тем самым от повторной выемки, еще часть рукописей.

Отправляется под конвоем вместе с мужем в ссылку в *Чердынь*, затем, после замены места ссылки, в *Воронеж*. Наездами из Воронежа бывает в Москве, тщетно пытается в руководящих писательских и партийных органах облегчить участь ссыльного О. М., добиться большей свободы передвижения за пределами Воронежа и области, относит в редакции журналов новые стихи, получает помощь для проживания в Воронеже от родных и близких.

Помогает в работе над радиокомпозициями («Молодость Гёте» и др., лето 1935). Участвует с С. Б. *Рудаковым* в его трудах по текстологии и комментированию произведений О. М. Едет вместе с О. М. в командировку по колхозам Воронежской области (июль 1935). По ее инициативе создаются два авторизованных списка: стихотворений 1930-х гг. и стихов, написанных в Воронеже, один их них дарится Н. Е. *Штемпель*. Стихи 1937 в значит. части записаны М. под диктовку О. М. В нач. 1937 показывает воронежские стихи Б. Л. *Пастернаку*, конспектирует для передачи О. М. его отзыв.

В мае 1937, по окончании трехлетнего срока ссылки, вместе с О. М. возвращается в Москву, где выясняется, что О. М., как пораженный в правах после ссылки, не имеет права жить в столице, а М. во внесудебном порядке лишают моск. прописки (восстановить ее удастся с большим тру-

дом в 1964). Живут в *Савелове* Моск. обл., Калинине, неофициально наездами бывают в Москве, дважды навещают в Ленинграде Ахматову. В марте 1938 по направлению Союза писателей едут в подмоск. дом отдыха «Саматиха», где 2 мая происходит последний арест О. М. Из Саматихи М. заезжает в Калинин, где они поселились с О. М. до отъезда в дом отдыха, чтобы забрать оставшиеся у хозяев вещи; позднее она узнала, что в ту же ночь за ней приходили с арестом, но, к счастью, уже не застали. Угрозу ареста она ощутила и позднее, в Струнине, где начала было работать на ткацкой ф-ке и где ее вызвали в отдел кадров для углубленного расспроса – процедура, для простой ткачихи чрезвычайно подозрительная, оттуда ей пришлось срочно уехать. Больше попыток ее арестовать не предпринималось, хотя атмосферу сыска и надзора вокруг себя она ощущала вплоть до смерти И. В. *Сталина*, это побуждало предпринимать дополнит. усилия по сохранению текстов О. М. В Москве М. пыталась узнать о судьбе арестованного, передала для него деньги в тюрьму.

В декабре 1938 А. Э. *Мандельштаму* приходит единств. письмо из лагеря. В конце письма О. М., считая, что М. тоже арестована, всё же обращается к ней: «Родная Наденька, не знаю, жива ли ты, голубка моя. Ты, Шура, напиши мне о Наде сейчас же». В ответ М. посылает телеграфом деньги по указанному в письме адресу. В январе 1939 обращается с резким заявлением на имя нового наркома НКВД Л. П. *Берия*, настаивая на пересмотре дела О. М. и привлечении ее самой «в качестве соучастницы или хотя бы свидетельницы» (Шенталинский В. Улица Мандельштама. Досье Осипа Мандельштама // Шенталинский В. Рабы свободы. В литературных архивах КГБ. М., 1995. С. 249–250). В феврале 1939 денежный перевод вернулся с пометой «за смертью адресата». М. обращается в управление лагерей с просьбой проверить это сообщение и выдать ей свидетельство о смерти О. М. В июне 1940 А. Мандельштаму вручают для передачи М. офиц. свидетельство о смерти О. М. с указанием даты – 27.12.1938. Сведения о факте гибели О. М. и дате смерти, распространившиеся в узком кругу современников, исходили от М.

С этого времени сохранение творч. наследия О. М. становится гл. жизн. задачей М. В трудных условиях предвоен. лет и эвакуации она возит с собой чемодан с рукописями произведений О. М., заучивает наизусть тексты неизданных стихов и прозы, мелким убористым почерком переписывает стихи по памяти, создавая т. н. альбомы. Благодаря усилиям Ахматовой попадает в Ташкент, где живет и работает до 1949, изредка приезжая в Москву. Переписывает стихи О. М. по прижизн. рукописям, отдает списки на хранение немногим доверенным лицам – Ахматовой, Э. Г. *Бабаеву*. Книги М. и воспоминания младших современников (Бабаева, В. Д. *Берестова*, С. И. Богатыревой и др.) передают атмосферу постоянного страха за сохранность архива О. М. и заботы о его спасении от исчезновения или уничтожения, в к-рой живет М. в воен. и послевоен. годы. Поддерживает переписку с друзьями и знакомыми, помнящими О. М.: вернувшейся в Ленинград Ахматовой, Э. Г. *Герштейн*, В. М. *Жирмунским*, Б. С. *Кузиным*, Пастернаком, Н. И. *Харджиевым*, В. Г. *Шкловской-Корди*, Штемпель, И. Г. *Эренбургом*. В 1946 передает рукописи ранних стихов О. М. на

Надежда Яковлевна Мандельштам

хранение С. И. Бернштейну и его брату И. И. *Бернштейну*, во время приездов в Москву с их помощью выверяет копии стихов 1930-х гг. Заканчивает экстерном Среднеазиатский гос. ун-т, преподает англ. язык в этом ун-те, а в 1950 – 1960-е гг. в пед. ин-тах Ульяновска, Читы, Чебоксар, Пскова. В 1955 при поддержке Жирмунского защищает канд. диссертацию.

В 1956, на общей реабилитационной волне, подает заявление в Прокуратуру СССР о реабилитации О. М. и добивается ее, но только по делу 1938 (характеристики, реабилитирующие О. М., направили в Прокуратуру А. А. *Сурков*, К. И. *Чуковский*, Эренбург). С этого времени начинается борьба за восстановление места О. М. и его творчества в поэзии и литературе 20 в., борьба, за исход к-рой М. все в большей степени осознает свою личную ответственность. Показательно в этом плане ее письмо в СП с протестом против публ. в журнале «Знамя» мемуарной заметки А. *Коваленкова*, в к-рой автор «позволил себе непристойный выпад против покойного О. Мандельштама». М. участвует в организации комиссии СП по лит. наследию О. М., что сделало возможным заключение договора о плановом издании однотомника стихотворений О. М. в Большой серии «Библиотеки поэта» (1957). По предложению М. составление книги было доверено Харджиеву, к-рому она предоставила необходимую для этой работы часть сохраненного ею архива.

С помощью Ахматовой распространяет в «самиздате», а затем и «тамиздате» машинописные копии стихов О. М. 1930-х гг., к-рые к нач. 1960-х гг. попадают в заруб. альманахи и журналы (ВП. Вып. II–IV. 1961–1965; ВРСХД. № 64, 72–73, 75–76. 1962–1965), в издаваемое Г. П. *Струве* и Б. А. *Филипповым* собр. соч. О. М. Постепенно М. становится центром расширяющегося с годами круга людей, интересующихся творчеством О. М., а также рус. поэзией, литературой, историей в тех аспектах, к-рые десятилетиями находились под спудом, официально не освещались или замалчивались. Работала над кн. «Воспоминания», по-видимому, в Тарусе, в 1958–61, когда оставила кафедру в Чувашском педин-те (Чебоксары) и еще не приступила к преподаванию в Псковском педин-те. Стремясь глубже осмыслить творчество О. М., истоки его миросозерцания, идейные и нравств. причины краха рус. интеллигенции на фоне всего трагич. опыта нашей страны, читала книги из круга чтения О. М., а также труды рус. религ. философов –

Н. *Бердяева*, Н. Лосского, В. *Соловьева*, П. *Флоренского*, С. Франка, П. *Чаадаева* и др.. В 1960-е гг. стала активно исповедовать православие; вопреки распростран. мнению, это не было обращением: внучка кантониста, М. была крещена в младенч. возрасте.

Всё это отразилось на внутр. концепции мемуаров М., на ее оценке О. М. как иудео-христ. поэта, основывающейся на широком круге стихотворений разных лет и на ст. «Скрябин и христианство», «Чаадаев», «Пшеница человеческая», «Гуманизм и современность» и др.

Противостояние и столкновение европ. гуманистич. ценностей и О. М. как их активного носителя и хранителя с лишенной реального внутр. гуманистич. содержания социалистич. утопией и абсолютно бесчелов. методами ее осуществления – гл. трагич. сюжет книги М., позволяющий совершенно по-новому, не так, как это делалось раньше, взглянуть на образ поэта, увидеть тесную связь между его творчеством, взглядами, убеждениями и душевным обликом. Отсутствие такой связи, как правило, подчеркивалось разными поколениями современников О. М. и мемуаристов (З. *Гиппиус*, С. *Маковским*, Г. *Ивановым*, И. *Одоевцевой*, Э. *Миндлиным* и мн. др.), предпочитавших, даже признавая дарование поэта, выделять и усиливать контраст между высоким строем стихов и прозы О. М. и смешными, а порой и нелепыми сторонами его поведения. М. удалось, не скрывая и даже не затушевывая этих особенностей, показать внутр. накал, объединявший высокий поэтич. дар и его носителя.

Книга, начинающаяся описанием ареста О. М. за антисталинскую эпиграмму и кончающаяся сопоставлением разных версий его лагерной гибели, закономерно спрямляет достаточно сложный и неустойчивый характер собственно полит. взглядов поэта в ту эпоху, когда выбор полит. воззрений был жестоко ограничен реалиями жизни. Но и эта сложность не проходит мимо внимания М. и ее читателей.

Воспоминания М. помимо др. достоинств стали первой содержат. биографией О. М., что заслуженно сделало их необходимым источником сведений для неск. поколений мандельштамоведов.

Сформулированный ею принцип цельности творчества О. М., последоват. мотивированности даже наиб. сложных и темных его произведений провиденциально оказался соответствующим тому направлению изучения его творчества, к-рое начало складываться в 1960–1970-е гг. в работах К. Ф. Тарановского и его последователей, и до сих пор является доминирующим.

«Воспоминания» М. закончила к 1962, с большими предосторожностями давала читать близким друзьям. Донесенный до нас мл. современником не слишком одобрит. устный отклик Ахматовой (Найман А. Г. Рассказы о Анне Ахматовой. М., 1989. С. 81–83), возможно, в дальнейшем дошел до М. и стал одним из стимулов для постеп. переосмысления образа «поздней» Ахматовой как в посвященном ей мемуарном некрологе ([Об Ахматовой]), так и в еще большей мере во «Второй книге».

Неустойчивая полит. и идеологич. обстановка, с подспудным партийно-бюрократич. и низовым недовольством развенчания роли Сталина и периодич. попытками вновь возвеличить его образ, в немалой степени отражалась на посмертной офиц. судьбе О. М. и его произведений в нашей стране. Так, 1957 в реабилитации О. М. по делу 1934 было отказано, как считала М., в связи с недавними венгерскими событиями. Дело Ю. Даниэля и А. Синявского 1965–66, часто упоминаемое М. в ее очерке об Ахматовой, и последовавшие вскоре события в Чехословакии, возможно, воспрепятствовали изданию однотомника О. М. с предисл. Л. Я. *Гинзбург* в «Библиотеке поэта», хотя макет книги в 1967 был уже полностью подготовлен. То обстоятельство, что дирекция изд-ва сама не в силах решить связанные с этим идеологич. вопросы, косвенно отметил А. Т. Твардовский в письме к М. от 9.2.1968; нечто аналогичное писал Харджиеву В. Н. Орлов в нач. 1970-х гг., уже после того, как был снят с поста гл. ред. «Библиотеки поэта».

Тем не менее произведения О. М. постепенно прорывались и к достаточно широкой аудитории отеч. читателей.

Значит. роль тут сыграли мемуары Эренбурга «Люди. Годы. Жизнь», 14-я гл. 2-й книги этих воспоминаний, опубл. в журн. «Новый мир» (1961. № 1), содержала сочувств. рассказ о поэте с обширными цитатами из его стихов и не опубл. при жизни «Разговора о Данте». Сама М. считала, что мемуары Эренбурга стали важным этапом подготовки нового поколения читателей О. М., а также тех, кому оказались интересны ее собств. книги.

Положит. трактовка Эренбургом творч. наследия О. М. и его роли для рус. поэзии была подвергнута идеологич. критике, повторявшей демагогич. обвинения, звучавшие в адрес поэта в 1920-е и 1930-е гг. Это не помешало публикации в «Краткой литературной энциклопедии» (Т. 4. 1967. Стб. 568–570) ст. А. Морозова об О. М., написанной с совершенно иных позиций.

Примерно в эти же годы начались публикации не изданных при жизни произведений О. М. сначала за рубежом (ВП. Альм. 2. 1961; ВРСХД, вып. 1960–1970-х гг.; издаваемое Междунар. лит. содружеством в Нью-Йорке под ред. Струве и Филиппова собр. соч. в 2, 3, а затем и в 4 т., с испр. и доп. переизданиями 1 и 2 т., 1964–81), а затем, значит. медленней, и в нашей стране (ДП. 1962; Москва. 1964. № 8; Простор. 1965. № 4; Подъем. 1966. № 1; ЛГ. 1967. № 1 и др.). Эти публ. основывались на сохраненных М. текстах и распространявшихся в ее окружении списках стихов 1930-х гг.

13.5.1965 в аудитории мех.-мат. ф-та МГУ состоялся единственный за 30 с лишним предыдущих и более чем на 20 последующих лет публичный вечер поэзии О. М., в к-ром приняли участие Н. *Чуковский* (чтение опубл. в журнале «Москва» воспоминаний), В. *Шаламов* (чтение посв. памяти О. М. рассказа «Шерри-бренди» из так и не изданной при советской власти кн. «Колымские рассказы»), В. Борисов (чтение стихов О. М.) и др. Когда председательствующий Эренбург объявил, что в зале присутствует вдова поэта, присутствующие встали и устроили ей овацию, а М. негромко напомнила им, как в стих. «Батюшков» О. М. писал: «Я к величаньям еще не привык...», и сказала, что относит эту овацию к тому, кому посвящен вечер.

В 1965 М. передала амер. слависту Кларенсу Брауну рукопись для публ. за рубежом, после чего стала свободней относиться к распространению «Воспоминаний» в самиздате, где книга была встречена с большим интересом.

Получив – спустя три бездомных десятилетия – отд. квартиру, М. активней общается, обсуждает с новыми и

старыми друзьями и знакомыми проблемы поэтики и текстологии О. М. Вокруг нее формируется круг людей, участвующих в зарождении совр. мандельштамоведения (Левинтон Г. А., Тименчик Р. Д. и др.). Лично и в письмах ей задают вопросы о биографии и творчестве О. М., обсуждают свои готовящиеся публикации, статьи, комментарии и монографии С. *Аверинцев*, Борисов, Браун, Дж. Бэйнс (Смит), Л. *Гинзбург*, А. Жолковский, Ю. Левин, А. Македонов, А. Мец, А. Морозов, Н. Нильссен, Р. Пшибыльский, Д. Сегал, И. *Семенко*, Н. Струве, К. Ферхейль, В. Швейцер и др.

В 1966, после смерти Ахматовой М. пишет посвященный ей большой мемуарный некролог – первый вариант следующей книги своих воспоминаний.

В 1967 в изд-ве «Искусство» вышел «Разговор о Данте», подготовл. к публикации Морозовым по рукописи, сохраненной М.

Тогда же состоялись две отеч. публикации самой М. – послесловие. к републикация «Путешествия в Армению» (ЛА. 1967. № 3) и коротенькая заметка к подборке стихов О. М. для детей (Детская литература. 1967. № 6).

Недовольная тем, что Харджиев затягивает, по ее мнению, подготовку однотомника стихов, не намерен готовить текстологически выверенных текстов для неподцензурных заруб. изданий, мало советуется с ней по вопросам текстологии, состава, композиции и комментария своего издания, М. требует возвращения временно предоставленных ему для работы рукописей и в 1967, с трудом добившись этого, порывает связывавшие их многолетние дружеские отношения. История разрыва изложена ею летом 1967 в заметках «Архив» и «Конец Харджиева», не предназначавшихся для публикации и опубликованных посмертно в составе «Книги третьей». Обрываются давние дружеские отношения и с рядом лиц, принявших в этом разрыве сторону Харджиева (Герштейн, Гинзбург и др.).

Разрыв с Харджиевым побуждает М. пересмотреть концепцию мемуарного некролога, посв. Ахматовой, где значит. место было отведено описанию дружеских отношений между нею, Харджиевым и др. людьми их круга того времени, т. е. до 2-й пол. 1960-х гг.

По-видимому, прежде чем завершить переработку этого некролога во «Вторую книгу», М. создает новое для нее по жанру произведение – эссе «Моцарт и Сальери», в к-ром стремится проанализировать и систематизировать свои впечатления о процессе стихотворчества у О. М. и Ахматовой, определить роль спонтанного, интуитивного («вдохновенного», «моцартианского») и рационального («ремесленного», «сальерианского») в этом процессе, опираясь на ст. О. М. «Слово и культура», «О собеседнике», «О природе слова» и на «Разговор о Данте».

По ходу работы над «Второй книгой» (ее название напоминает о «Второй книге» стихотворений О. М., посв. в 1922 «Н. Х.» – Наде Хазиной – Надежде Яковлевне Мандельштам) М. составляет «биографическую канву» О. М. – первую в своем роде, используя материал «Воспоминаний» и конспектируя др. запомнившиеся ей, но не отраженные в первой книге эпизоды. Пишет также не предназначенный для публикации («для будущих мандельштамоведов») комментарии к стихам 1930-х гг., отчасти полемический по отношению к харджиевскому (с ним М. познакомилась в полном объеме, получив из др. источников макет подготовл. издания), отчасти отражающий беседы о стихах О. М., к-рые она вела с Семенко, Морозовым и др. В комментариях гл. обр. реконструируются реально-биографич., ист., а иногда и идейно-лит. «подтексты» стихотворений 1930–37. Обсуждаются и текстологич. вопросы, преим. полемически по отношению к текстологич. решениям, предлагавшимся Харджиевым, причем выводы М., нередко основанные на воспоминаниях о вариантах чтения и бытования стихов, в ряде случаев корректируются последующими работами текстологов (Семенко и др.). Характерно, что сама М. на своей текстологии этих лет не слишком настаивала, полагая, что решение всех текстологич. вопросов станет задачей будущих изданий. Тем не менее, как отмечалось позднее (Богатырева), нек-рые из отмеченных М. разночтений могут отражать не сохранившиеся в текстологич. источниках, но запомнившиеся ей авторские варианты.

Заруб. русскоязычное издание «Воспоминаний» в 1970 сопровождалось одноврем. выходом перевода книги на осн. европ. яз., что сразу принесло М. широкую известность за рубежом. Книга получила сочувств. отклик и вызвала волну интереса к творчеству О. М., к-рое, по свидетельству амер. слависта, именно в 1970-е гг. стало активно изучаться заруб. славистами. Мн. произведения О. М. именно в эти годы были переведены на европ. языки.

К этому времени М. заканчивает работу над «Второй книгой», к-рая выходит в свет в русском издании и переводах в 1973. Атмосфера «застоя», как принято сейчас характеризовать эту эпоху, отразилась в мрачной, безнадежной интонации М. в этой книге, а также в резких оценках, даваемых ею собств. молодости, всем поколениям своих современников. Реакция одних не заставила себя ждать (см.: К а в е р и н. С. 189–191), реакция др. стала известна лишь годы спустя (см.: Г е р ш т е й н; Ч у к о в с к а я).

В 1973 М. при посредстве С. Н. Татищева переправляет архив О. М. за рубеж, предназначая ему место в *Принстонском университете* (США), где проф. Браун изучает творчество О. М., работает над переводом его прозы. На нек-рое время архив задерживается во Франции у Струве, к-рый на основе материалов архива готовит 4-й том заруб. собр. соч. О. М. (вышел в свет в 1981). После размещения в Принстоне архив стал предметом изучения для заруб. славистов (Е. В. Алексеевой, Брауна, Фрейдина, Швейцер), а с 1990-х гг. и для отеч. исследователей (С. В. Василенко, М. Л. Гаспарова, Ю. Л. Фрейдина).

После выхода «Второй книги», трехтомного варианта заруб. собр. соч. О. М. и передачи архива за рубеж М. считает свою жизн. задачу выполненной. Теперь она пишет лишь отд. очерки (главы) для того, что называет своей «Третьей книгой», неск. заметок, обращается к администрации Принстонского ун-та с письмом, отражающим ее планы касательно дальнейшей судьбы переданного ею архива.

Последние годы М. живет в ожидании ареста за неподцензурные заруб. издания своих произведений и в надежде, что ее преклонный возраст и известность удержат власть от этого шага. Сердце ее слабело, она скончалась во сне через 2 дня после даты, к-рая 40 лет была известна как офиц. дата смерти О. М. (в чем она всегда сомневалась). На следующий день ее тело было насильственно вывезено из квартиры, где собрались друзья почтить ее память, и под милицей-

ским конвоем отправлено в морг. Похороны М. вылились в последнюю при «развитом социализме» не разогнанную властями демонстрацию оппозиционной интеллигенции.

Согласно воле М., скульптор Д. М. Шаховской установил над ее могилой на Старо-Кунцевском кладб. деревянный крест, а рядом гранитный кенотаф – памятный знак поэту О. М.

В статье-некрологе, посв. М., И. *Бродский* говорит: воспоминания М. являются не столько мемуарами и комментариями к биографиям двух великих поэтов (он подразумевает Ахматову и О. М.), что, как ни превосходны они в этом качестве, они все-таки и прежде всего растолковали сознание рус. народа. По крайней мере той его части, к-рой удавалось раздобыть экземпляр. Нечего удивляться в таком случае, что это растолкование обернулось осуждением режима. Эти два тома М. действительно могут быть приравнены к Судному дню на земле для ее века и для литературы ее века, особенно если учесть, что этот век провозгласил строительство на земле рая. Еще менее удивительно, что эти воспоминания, особенно второй том, вызвали негодование по обе стороны кремлевской стены. Бродский подчеркивает, что реакция властей была честнее, чем реакция интеллигенции: власти просто объявили хранение и распространение этих книг преступлением против закона. В интеллигентских же кругах, особенно в Москве, поднялся страшный шум по поводу выдвинутых М. обвинений против выдающихся и не столь выдающихся представителей этих кругов в фактическом пособничестве режиму.

В 1987, почти к 50-й годовщине гибели О. М., Струве выпускает все дошедшие до него и «не собранные в книги» статьи, заметки, главы и письма М. под удачным заголовком «Н. Я. Мандельштам 1987», не авторским и в то же время явно напоминающим авторский.

Отеч. издания и переиздания произведений и писем М. стали возможны лишь с кон. 1980-х гг., после отмены цензуры.

В 1988, 1998 и 1999 гг. друзья М. собирали небольшие публичные конференции, посв. ее памяти.

В октябре 2002 Принстонским ун-том была организована междунар. конференция, посв. памяти М., приуроченная к 25-летней годовщине размещения в стенах ун-та архива О. М..

Соч.: Т. 1; Т. 2; Воспоминания / текст подгот. Ю. Л. Фрейдин; послесл. Н. В. Панченко; автор примеч. и сост. раздела «Стихотворения» А. А. Морозов. М.: Книга, 1989; Воспоминания / подгот. текста Ю. Л. Фрейдина; предисл. Н. В. Панченко; примеч. А. А. Морозова. М.: Согласие, 1999; Вторая книга / предисл. и примеч. А. А. Морозова; подгот. текста С. В. Василенко. М.: Согласие, 1999; Вторая книга / подгот. текста, послесл., примеч. М. К. Поливанова. М.: Моск. рабочий, 1990; Н. Я. Мандельштам 1987; [“Мое завещание” и другие эссе] / сост. Г. Поляк; предисл. И. Бродского. Нью-Йорк, 1982 («Серебряный век»); [Об Ахматовой] / подгот. текста, публ. и коммент. П. М. Нерлера // ЛУ. 1989. № 3. С. 134–151; [Комментарий к стихам 1930–1937 гг.] / публ. С. В. Василенко и Ю. Л. Фрейдина; послесл. Ю. Фрейдина // ЖиТМ; «В этой жизни меня удержала только вера в Вас и в Осю...»: Письма Н. Я. Мандельштам А. А. Ахматовой / публ., вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н. Крайневой // ЛО. 1991. № 1; Моцарт и Сальери / публ., вступ. ст., коммент. Ю. Фрейдина. // Знамя. 1993. № 9; Письма Надежды Яковлевны Мандельштам к Лидии Яковлевне Гинзбург / подгот. текста Н. К. Цендровской (при участии А. Г. Меца); коммент. Л. Я. Гинзбург) // Звезда. 1998. № 10.

Лит.: Письмо В. Каверина к Н. Я. Мандельштам [от 20.3.1973] // ВРСХД 1973. № 108/110. С. 189–191; Струве Н. А. По поводу письма В. А. Каверина // Там же. С. 192. (подпись: Н. С.); Твардовский А. Т. Письмо к Н. Я. Мандельштам от 9.2.1968 // Там же. С. 187–188; Бродский И. Надежда Мандельштам (1899–1980) // Надежда Мандельштам. «Мое завещание» и другие эссе / сост. Г. Поляк; предис. И. Бродского. 2-е изд., доп. Нью-Йорк, 1982. С. 7–18; Ахматова. Листки из дневника; Мень А., протоиерей. Н. Я. Мандельштам. Воспоминания. М., 1989; Панченко Н. В. «Какой свободой мы располагали...» // Мандельштам Н. Я. Воспоминания. М.: Книга, 1989. С. 378–396; Пастернак Е. В., Пастернак Е. Б. Координаты лирического пространства. // ЛО. 1990. № 3; Поливанов М. К. Предисловие // Мандельштам Н. Я. Вторая книга. М.: Моск. рабочий, 1990. С. 3–9; Мандельштам в архиве П. Н. Лукницкого / публ. В. К. Лукницкой; предисл. и примеч. П. М. Нерлера. // Слово и судьба. С. 111–148; Штемпель; Бабаев Э. Г. Диотима. [Воспоминания о Н. М.] // ВЛ. 1993; О. Э. Мандельштам в письмах С. Б. Рудакова к жене (1935–1936 гг.) / вступит. ст. А. Г. Меца, Е. А. Тоддеса; коммент. О. Лекманова, А. Меца, Е. Тоддеса // Ежегодник РО ПД. 1993; Браун К. От собеседника. // СМР. Вып. 2. С. 3–9; Берестов В. Д. Мандельштамовские чтения в Ташкенте во время войны // «Отдай меня, Воронеж...»; Богатырева С. И. Воля поэта и своеволие его вдовы: апроблема текстологии позднего Мандельштама // «Отдай меня, Воронеж...»; Гаспаров; Герштейн; Морозов А. А. «Без покрова, без слюды...»: Вместо предисловия // Мандельштам Н. Я. Вторая книга. М.: Согласие, 1999. С. I–XVI; Бабаев. 2000; Левинтон Г. А., Тименчик Р. Д. Книга К. Ф. Тарановского о поэзии Мандельштама: Вместо послесловия // Тарановский К. О поэзии и поэтике / сост. М. Л. Гаспаров. М., 2000; О. и Н. Мандельштамы; Мурина Е. О том, что помню про Н. Я. Мандельштам // Мир искусств: Альманах. Вып. 4. СПб., 2001. С. 133–173; Чуковская Л. Дом поэта (Из архива. Незавершенное) // Чуковская Л. Соч.: В 2 т. Т. 2: Публицистика; отрывки из дневника; открытые письма и др. / сост. Е. Ц. Чуковская. М., 2001; Дадашидзе И. Ю. Надежда Яковлевна // Дадашидзе И. Ю. Всего лишь гость... М., 2003. С. 209–224; Бычков С. Отмывание жемчужин. Из кн. Воспоминаний // Истина и жизнь. 2004. № 6. С. 17–19; Лекманов. 2004; Он же. «Досадное недоразумение» или нечто другое? // Лекманов О. А. Русская литература XX века: журнальные и газетные «ключи». Этюды. М., 2005. С. 45–48; Гладков А. К. Встречи с Пастернаком. М., 2005; Ронен О. Из города Энн: Сб. эссе. СПб., 2005. С. 103; Holmgren B. Women’s Works in Stalin’s Time: On Lidiia Chukovskaia and Nadezhda Mandelstam. Bloomington, 1993; Brown C. Memories of Nadezhda // The Russian Review. Vol. 61. № 4. October 2002; Remembering Nadezhda Iakovlevna Mandel’shtam (1899–1980) // The Russian Review. Vol. 61. № 4. October 2002.

Ю. Л. Фрейдин.

МАНДЕЛЬШТАМОВЕДЕНИЕ.

Традиция изучения худож. творчества О. М. условно может быть разделена на четыре периода. Первый из них относится к сер. 1910-х – сер. 1930-х гг. и охватывает время собственно творч. пути поэта. Специфич. чертой мандельшт. поэтики выступает тот факт, что она потребовала серьезного науч. освоения уже с самого начала ее присут-

ствия в лит. традиции России 1910-х гг. Параллельно с лит.-критич. откликами на стихи О. М., обильно появлявшимися со времени 1-го издания «Камня» и лишь отчасти сократившимися с нач. 1920-х гг., мандельшт. творчество стало объектом исследования серьезной «академической» науки. Характерно, что интерес к особенностям худож. метода О. М. проявился у ученых круга ОПОЯЗа – В. *Жирмунского*, Ю. *Тынянова*, В. *Шкловского* и Б. *Эйхенбаума*, каждый из к-рых в той или иной форме (фрагменте статьи, развернутой рецензии, доклада) откликнулся на мандельшт. творчество. Наиб. вклад в развитие науч. традиции М. был, безусловно, внесен Тыняновым, посвятившим О. М. отд. главку в ст. «Промежуток» (1924), где рассматривается творчество совр. ученому поэтов. Гл. объектом анализа, предпринятого Тыняновым, стал собственно смысловой, семантич. строй мандельшт. поэтич. творчества, рассматриваемый в его динамич., операционном аспекте. Так, исследователь отмечал особую смыслообразующую роль отд. ключевых образов в контексте худож. целого О. М.: «Смысловой строй у Мандельштама таков, что решающую роль приобретает для целого стихотворения один образ, один словарный ряд и незаметно окрашивает все другие – это ключ для всей иерархии образов». Анализируя такую специфич. черту мандельшт. поэтики как семантич. «затемненность», ассоциативность, Тынянов выделял конструктивную роль словесно-смыслового контекста: «Странные смыслы оправданы ходом всего стихотворения, ходом от оттенка к оттенку, приводящим в конце концов к новому смыслу. Здесь главный пункт работы Мандельштама – создание особых смыслов. Его значения – кажущиеся, значения косвенные, которые могут возникать только в стихе, которые становятся обязательными только через стих. У него не слова, а тени слов».

С сер. 1930-х и до сер. 1960-х гг. мандельшт. наследие, практически исключенное из активного лит. фонда, почти полностью исчезло из поля зрения исследователей. Отд. попытки науч. рассмотрения поэзии и прозы О. М. в России носили «неофициальный», «приватный» характер, а в зап. науке не создавали пространства, достаточного для формирования традиции изучения в целом.

Существ. изменения произошли в М. во 2-й пол. 1960-х гг., что можно считать границей 3-го периода в истории изучения худож. творчества О. М. Большое значение для формирования мандельштамоведч. традиции имела статья Л. Я. Гинзбург «Поэтика Осипа Мандельштама», написанная в 1966 и опубл. несколькими годами позже. Это обширное по объему и содержащемуся материалу исследование стало первым офиц. науч. откликом на мандельшт. творчество в России после почти 40-летнего перерыва и ознаменовало собой его определ. «реабилитацию» для науки. В целом работа Гинзбург строилась на соединении биографич. материала и собственно литературоведч. анализа и затрагивало самые разные аспекты мандельшт. поэтики. Методологически статья находилась в русле тыняновской концепции поэтич. языка и ее проекции на поэзию О. М., что легко выявляется в гл. авторских положениях: «Многообразие языковых пластов Мандельштама особенно ощутимо тогда, когда они существуют в пределах одного стихотворения. Специфика “Камня”, отделяющая раннего Мандельштама от тех, у кого он учился, – в резкой структурности. Стихотворение для него – единство, элементы которого не только совмещены, но активно взаимодействуют и борются между собой». Особое внимание было уделено Гинзбург ассоциативности мандельшт. худож. мышления, понимаемой как одно из важнейших отличит. качеств поэтики О. М.: «Если мы говорим об ассоциативности Мандельштама, о его поэтике сцеплений, то потому, что в его системе эти общепоэтические свойства достигают предельной напряженности». Вероятно, важнейшим для всего последующего М. может считаться предпринятый Гинзбург анализ ассоциативно-семантич. метода О. М.: «Ассоциативные сцепления Мандельштама располагаются на разных уровнях. Есть уровень, так сказать, рабочий, не предназначенный для читателя, – уровень импульсов, толчков и внутренних заготовок. И есть уровень доступных читателю значений, но доступных в разной степени. Читатель получит текст разной смысловой насыщенности в зависимости от того, в какой мере он расшифрует его культурные реминисценции. То же относится и к реалиям; именно конкретность частного случая – если он неизвестен читателю – иногда и приводит к непонятности». Особое значение для последующих исследований имел предпринятый Гинзбург анализ отд. ключевых образов и сквозных, константных мотивов, присутствующих в худож. мире О. М. (образы звезд, дерева, крови, мотив сухости и др.). Именно рассмотрение такого рода смысловых конструкций стало в дальнейшем одним из самых продуктивных методов интерпретации мандельшт. поэтики.

Именно в нач. 1970-х гг. происходит активное науч. освоение худож. наследия О. М. Гл. объектом анализа в этот период становится мандельшт. семантика в ее предельно индивидуализированной форме. Так, ряд работ Ю. И. Левина был посвящен рассмотрению особенностей семантич. строя как отд. мандельшт. текстов, так и более сложных образований – циклов стихов или мандельшт. лексики в целом; позднее в поле внимания автора оказалась поэтич. система О. М. вообще.

Одновременно с этим, прямым продолжением методов Тынянова стали работы Д. М. Сегала, в к-рых подробно анализировалась специфика семантич. строя как отд. мандельшт. текстов, так и ряда сквозных мотивов и тем. Говоря о специфике собств. метода, исследователь отмечает: «Стихотворение всегда входит в различные творческие “поля”, от него тянутся нити ко многим другим стихотворениям – и не только стихотворениям, но и прозаическим произведениям, критическим и философским статьям и т. п. Отсюда возможность различных прочтений, богатство динамического существования поэтического произведения, которое делает его поистине живым организмом. Многообразные смысловые ассоциации одного стихотворения с другим внутри творчества поэта проецируются друг на друга, образуя сложное полифоническое единство интерпретации». В дальнейшем данный подход был расширен автором как за счет привлечения при анализе мандельшт. текстов внетекстовых реалий, так и более широкой культурно-ист. перспективы.

Вероятно, не без обоюдонаправленного влияния находились актуализировавшиеся в этот период исследования не только худож. мира О. М., но и истории *акмеизма* вообще.

К этому же периоду относится возникновение науч. интереса к мандельшт. творчеству в зап. филологии. Одним из первых авторов, серьезно обратившихся к изучению поэзии О. М., стал Н. Нильсен, в чьих работах рассматривались как отд. мандельшт. тексты, так и нек-рые темы, характеризующие худож. мир поэта в целом. Самым разным аспектам мандельшт. творчества были посвящены исследования Р. Пшибыльского, В. Терраса, Дж. Энг-Лиидмейер, Дж. Мальмстада, Л. Силард и др.

Осн. событиями, сыгравшими определяющую для 3-го этапа М. роль, стали публикация ст. «Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма» и появление теории интертекстуальности К. Тарановского. Так, коллективное исследование Левина, Сегала, Р. Д. Тименчика, В. Н. Топорова и Т. В. Цивьян «Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма» ознаменовало собой наступление периода структурно-семиотич. изучения творчества О. М.: построенная на материале ахматовского и мандельшт. поэтич. и прозаич. наследия, эта работа на мн. годы определила целый ряд теоретич. положений и методологич. установок, вне к-рых науч. рассмотрение поэтики О. М. было невозможным (при том что это же исследование содержало целый ряд конкретных текстуальных находок, вошедших в активный науч. фонд). Одним из важнейших методологич. положений следует считать предложенный авторами способ рассмотрения мандельшт. творчества как единого текста (в семиотич. понимании последнего): «Подобно корпусу мифов, мандельштамовское творчество образует единое смысловое пространство, из одной точки которого в другую можно перейти посредством дискретного набора смысловых кодовых преобразований»; это положение было впоследствии детально разработано как авторами статьи, так и др. учеными (особенно А. К. Жолковским, расширившим предложенную методологию за счет собств. теоретич. положений, сформировавшихся в рамках исследований по поэтике выразительности текста. Др. важнейшим положением статьи стал анализ монтажных принципов организации худож. текста, применявшихся Ахматовой и О. М.: «Вводя сюжетность в лирическое стихотворение, Ахматова избрала совершенно новый путь. <...> Первый принцип построения поэтического аналога сюжета состоял в том, чтобы ориентироваться не на последовательности наиболее существенных и положительно выраженных элементов сюжета, а на последовательности стыков между ними <...>. Второй принцип <...> заключается в том, что <...> последовательность (пусть даже стыков) разбивается, ее куски перемешиваются <...>. Наконец, третий принцип построения состоит в том, что с самого начала все эти операции (выявление переходов, образование из них цепи, перемешивание элементов этой цепи и т. п.) ориентированы <...> на одну или несколько наиболее репрезентативных частей сюжета <...>. Поэтому реально сюжет сгущается в одну сцену». Наконец, одним из гл. выводов данного исследования можно считать положение о создании Ахматовой и Мандельштамом «особой – семантической – поэтики, в которой гетерогенные элементы текста, разные тексты, разные жанры (поэзия и проза), творчество и жизнь, все они и судьба – все скреплялось единым стержнем смысла, призванного восстановить соотносимость истории и человека. Эта поэтика, выработанная сознательно, явилась, с другой стороны, как бы естественной реакцией самого языка на судьбу и как таковая встала в ряд ценностей, образующих потенциальную культурно-историческую парадигму».

Если данное исследование в большей степени представляло собой опыт семиотич. постижения худож. мира О. М. как такового, то работы Тарановского, не менее значимые для истории формирования совр. М., предлагали довольно надежный и совершенно новый методологич. аппарат, позволяющий вполне адекватно приблизиться к нек-рым принципиальным аспектам мандельшт. смыслообразования. Так, уже в самых первых работах автора были введены два ключевых для понимания специфики мандельшт. поэтики понятия – контекст и подтекст, теоретически развитые и практически апробированные в дальнейших работах исследователя. Первое из этих понятий означало сумму конкретных употреблений тех или иных лексем, образов или мотивов, образующих единое смысловое целое, в границах к-рого в полной мере раскрывается специфика их семантич. наполненности. Конкретными примерами таких контекстов, детально проанализированными Тарановским, стали образ воздуха и мотив дыхания, мотив черно-желтого цвета и образ ночного (черного) солнца, мотивы ходьбы, молчания и др. В свою очередь, понятие подтекста подразумевало под собой текст иного автора, репрезентируемый в тексте самого О. М. в форме цитаты, аллюзии или реминисценции и определяющий семантич. основу этого текста или его фрагмента. Обе категории, выявленные исследователем на материале творчества О. М., оказались как нельзя более применимы именно к его поэтике, т. к. явились тем науч. инструментом, к-рый позволил наиболее адекватно дешифровать предельно сложные мандельшт. тексты и образы. Особое значение работам Тарановского придает еще и тот факт, что методология, выработанная на материале одного автора, оказалась вполне «работоспособна» и для целого ряда др. поэтов, в первую очередь – поэтов-акмеистов.

Широкий науч. резонанс, к-рый имела теория Тарановского, отчасти объяснялась и тем, что она была плодотворно продолжена и развита в целом ряде исследований его учеников, прежде всего О. Ронена и С. Бройда. Помимо этого, в рамках методологии, предложенной Тарановским, вели свои исследования и др. ученые, напр. Тоддес, Левинтон и др. Одним из частных аспектов этого направления можно считать интерес к анаграмматич. построениям в творчестве О. М., проявившийся в исследованиях самых разных авторов: Иванова, Ронена, Лотмана, Топорова и др. Степень науч. актуальности этой методологии ничуть не уменьшилась, и в последние годы работы по интертекстуальности мандельшт. творчества продолжают активно выходить в России и на Западе. Работы этого направления выявили исключит. по объему фонд текстов иных авторов, к к-рым О. М. обращается самыми разнообразными способами – в виде явных цитат, в диалог с к-рыми вступают его собств. тексты, в форме скрытых аллюзий, расширяющих смысловое пространство мандельшт. текстов, в виде реминисценций, степень достоверности к-рых более или менее удовлетворительна. При этом оказалось, что такого рода интертекстуальные конструкции оказываются обращены к самым разным культурно-ист. сферам, кроме очевидной в данном случае рус. литературы 19 – нач. 20 в., источником

для цитирования выступали античная литература, западноевроп. поэзия, литература советского периода, а также нелит. «тексты» – архитектура, живопись, собственно история, философия.

Кроме формирования двух этих направлений в науч. М. конец 1970-х гг. был ознаменован появлением ряда исследований, в к-рых творчество О. М. рассматривалось с иных точек зрения. Так, не потеряла своей науч. актуальности работа Г. Фрейдина, где, в частности, рассматривались нек-рые проблемы мандельшт. историософии. И по сей день образцовым остается текстологически-семантич. исследование Семенко, посв. наиб. сложным поэтич. текстам Мандельштама – «Грифельной оде», «Стихам о неизвестном солдате», циклам памяти Андрея Белого и «Армения». Значит. количество нового биографич. материала, впервые вводимого в широкий науч. оборот, содержали мемуары Э. Герштейн.

Новый этап в изучении творчества О. М. начался с кон. 1980-х гг., что обусловлено по меньшей мере двумя обстоятельствами: возможностью более широкого обращения к его наследию в России и столетним юбилеем со дня рождения поэта. Именно с нач. 1990-х гг. количество публикаций, существенно расширяющих область реального знания поэтич. системы О. М., неуклонно возрастает в России и на Западе. При этом обращает на себя внимание тот факт, что при анализе мандельшт. поэтики все более начинают использоваться методы, выходящие за границы собственно интертекстуального анализа, а творчество О. М. встраивается исследователями в самые широкие культурные ряды.

Т. о., совр. ситуация в области изучения поэтич. и прозаич. наследия О. М. характеризуется сосуществованием неск. методологич. концепций. Во-первых, до сих пор не потерял своей актуальности сложившийся под влиянием работ Гинзбург и Тарановского контекстуально-интертекстуальный метод анализа мандельшт. текстов, центр внимания к-рого лежит на семантич. аспекте их функционирования. Работы этого направления явно ориентированы на дешифровку, смысловое «распознавание» текста, а потому являются одной из наиб. адекватных форм приближения к авторской позиции. По своим задачам и используемому науч. аппарату работам этого направления близки исследования метафорич. строя мандельшт. творчества, во многом продолжающие и развивающие труды Семенко. Во-вторых, в последние годы все большее значение в М. приобретает метод рассмотрения филос.-мировоззренч. структуры худож. мира О. М. (в т. ч. и в сопоставлении с иными авторами), носящий более интерпретационный характер и не всегда позволяющий приблизиться к выявлению стоящих за текстом реалий. В-третьих, все чаще творчество О. М. становится своего рода материалом при апробации разл. рода методологич. концепций, уже вне прямой зависимости от того, насколько продуктивным оказывается их употребление в применении именно к мандельшт. поэтич. системе. В то же время именно многообразие конкретных методов исследования творчества О. М., обусловленное спецификой его природы, позволяет говорить о постепенном приближении к выявлению как общих закономерностей его организации и функционирования в культурной традиции, так и отд. смысловых составляющих, образующих набор гл. «дифференциальных признаков» поэтики О. М.

С. Г. Шиндин.

МАНДЕЛЬШТАМОВСКАЯ ПРЕМИЯ, премия-стипендия им. О. М. за поэзию. Учреждена изд-вом «ПИК» в числе трёх премий (им. Андрея Платонова за прозу, им. Михаила Булгакова за драматургию), инициатор – Александр Рекемчук. Вручалась в 1991–92 в Лит. ин-те по итогам конкурса, в жюри к-рого входили руководители поэтич. семинаров (Т. Бек, Г. Седых и др.) и студенты. Лауреаты: Виталий Пуханов (1991), Максим Амелин (1992). Составляющие премии-стипендии: денежное выражение – 1800 руб., разделённое на ежемес. дополнения к стипендии в течение года; публикация книги (Пуханов) и в газете «Московский комсомолец» (Амелин). С 1993 не вручалась.

М. А. Амелин.

МАНДЕЛЬШТАМОВСКИЕ ДНИ В МОСКВЕ 15–17 ЯНВАРЯ 2001 (МД–2001), организованы *Мандельштамовским обществом* (МО), Рос. гос. гуманитарным ун-том (РГГУ), Об-вом «Мемориал» и Рус. Пен-центром и посвящены 110-летию со дня рождения О. М. и 10-летию МО. Начались 15.1.2001 торжеств. открытием в аудитории 425 (рядом с помещением МО) *Мандельштамовской аудитории* в РГГУ. На открытии выступили проректор РГГУ Н. И. Басовская, зав. библиотекой РГГУ Л. Л. Батова, пред. МО С. С. *Аверинцев* и П. М. Нерлер. К МД–2001 изд-вом РГГУ были изданы буклет (тираж 500 экз.) и приглашение на конференцию (тираж 250 экз.), а также очередной (3-й) выпуск альманаха МО «*Сохрани мою речь*». Презентацию изданий и проектов МО открыл ректор РГГУ Ю. Н. Афанасьев, говоривший о важной роли, к-рую играет МО в РГГУ и об особой ценности серийных изданий и малотиражных «университетских монографий». Новые мандельшт. проекты представили директора осуществляющих иди планирующих их изд-в: «Мандельштамовскую энциклопедию» – А. П. Горкин («Большая Российская энциклопедия»), переиздание Собрания сочинений О. М. – М. Г. Яковенко («Арт-Бизнес-Центр»), Б. Г. Власов – серийные издания МО (изд-во РГГУ). Кроме того П. М. Нерлер представил интернет-проект МО виртуального воссоединенного архива О. М. (о нем же говорил и С. В. Василенко, рассказавший о письме О. М. к М. Шагинян, отд. фрагменты к-рого обнаружились в разл. архивах), В. Б. Литвинов из г. Снежинска Челябинской обл. – проект интернет-издания полного текста произведений О. М., профессор Удмуртского ун-та Д. И. Черашняя – свой «Частотный словарь лирики О. Мандельштама: субъектная дифференциация словоформ». В тот же день у Соловецкого камня на Лубянке ок. 100 чел. собрались для того, чтобы возложить цветы и почтить память О. М. минутой молчания и неск. речами (правозащитник С. А. Ковалев, адвокат Г. М. Резник, Ю. Л. Фрейдин, А. С. Кушнер, Нерлер). Автобусную экскурсию по мандельшт. *Москве* провел краевед и автор книги «Москва Мандельштама» Л. М. Видгоф. У мемориальной доски О. М. выступил ректор Лит. ин-та С. Н. Есин, заметивший, что Москве недостает памятного знака в честь Н. М. и предложивший создать в Литинституте мемориальную комнату в честь четы Мандельштамов. У могилы Н. М. на Старо-Кунцевском кладб. еще неск. слов произнес Ю. Л. Фрейдин. Завершил день вечер поэзии О. М. под назв. «Сохрани мою речь...», состоявшийся в переполненном Большом зале Центр. дома литераторов (ведущие Нерлер и Кушнер). Его открыл стих. «Нет, никогда ничей я не

был современник...», прозвучавшее в записи в исп. О. М. Участники вечера – Аверинцев, А. Г. Битов, Е. А. Бунимович, А. А. Вознесенский, С. М. Гандлевский, Т. Ю. Кибиров, В. Н. Леонович, В. Б. Микушевич и Е. Б. Рейн – читали одно стихотворение О. М., сопровождая его короткими рассуждениями или, если хватало смелости, своими произведениями. 16.1.2001 в Моск. гордуме состоялся круглый стол на тему «Поэт и город: Москва и Мандельштам» (ведущие Бунимович и Нерлер, среди выступавших – М. А. Айвазян, Видгоф, Фрейдин, Н. И. Клейман, В. И. Циммерлинг, Д. М. Шаховской и др.). На обсуждение были вынесены три вопроса: 1) Поэт города: урбанизм поэзии О. М.; 2) Город поэта: мандельшт. краеведение и 3) Поэт в городе: мемориальные следы. Дискуссия сконцентрировалась вокруг 3-го вопроса, воспринятого аудиторией как проблема мандельшт. музея или памятника О. М. в столице. Большинство высказалось против и того, и другого в случае, если они будут представлены в своих традиционных ипостасях. Так, персональному музею в Москве (в отличие от Петербурга или Воронежа) собравшиеся предпочли бы активно действующий Мандельшт. центр с архивом и библиотекой (именно в этом направлении и развивается Кабинет мандельштамоведения в РГГУ), а фигуративному памятнику нечто совершенно иное, оригинальное по замыслу и исполнению. 17.1.2001 в РГГУ состоялись конференция и круглый стол, посв. начавшейся работе над «Мандельштамовской энциклопедией» (МЭ). Конференция (под назв. «Век Мандельштама») открылась докладом Аверинцева «Мандельштам, символизм, сегодняшний день...»: символизм, по его словам, был неудавшимся проектом; его оппоненты и антагонисты могли быть даже вернее символистской ориентации, чем сами символисты. Сегодняшний постмодернизм, по сравнению с тогдашним символизмом, является даже не кощунством, а безоговорочной капитуляцией. Фрейдин посвятил свой доклад («Опыт анализа семантической композиции стихотворений Мандельштама») проблеме простоты и сложности. Ключи к ней – не в кажущейся зауми, не в непонятности отд. фраз, а в их порядке и характере связи между предложениями. Затемняющими смысл «приемами» О. М. были фрагментация текста, отбрасывание строф, отбрасывание заглавий и др. Нерлер говорил о довольно грустной истории архива поэта, в настоящее время разбросанного по десяткам хранилищ по всему свету; способом нового собирания воедино того, что не пропало, и мог бы стать виртуальный архив О. М. в интернете. Лекманов представил словарную энциклопедич. ст. «Михаил Зенкевич» и сформулировал требования, к-рым должна бы соответствовать любая персональная статья, подготовляемая для этого издания: минимум общих, немандельштамоцентричных сведений и по возможности полная, фиксация всех биографич. и творч. пересечений О. М. и героя статьи. Ю. П. Орлицкий в докладе «Свободный стих у Мандельштама: проект словарной статьи» уточнил предметную базу мандельшт. свободного стиха, содержащего внутри себя немало метризованных строк и отнюдь не сводящемуся к одному лишь «Нашедшему подкову». О частных текстологич. трудностях и проблеме соотношения осн. текста и вариантов в стихах «Андрею Белому» говорил Василенко: мандельшт. правка, по его убеждению, всегда была не стилистической, а смысловой. По мнению Кациса, посвятившего свой доклад объему и структуре возможных статей иудаистич. свойства в МЭ, следовало бы заказывать две совершенно разные статьи – «Иудаизм» и «Еврейство». На обсуждение круглого стола «Персональная энциклопедия: проблемы жанра», организованного МО совместно с Ин-том высших гуманитарных исследований РГГУ (ведущие Фрейдин и С. Д. Серебряный) были вынесены следующие вопросы: 1) Именные энциклопедии: критерии удачи; 2) Энциклопедия: подведение итогов? новые открытия? 3) Приоритеты словника: творчество? биография? эпоха? 4) Архитектоника энциклопедии: основной текст vs справочный аппарат (сколько указателей может «выдержать» энциклопедия?); 5) Энциклопедия и стиль словарной статьи: норма vs свобода. Обсуждение открыл Гаспаров, указавший на явный дефицит в энциклопедич. изданиях систематич. указателей. По мнению Г. В. Якушевой, критерии удачи персональной энциклопедии во многом зависят от самой «фигуры». Энциклопедия не жанр, а вид издания: отсюда и мыслимое разнообразие стилей составляющих ее статей, но самое нежелательное – это смешение разных стилей. Г. С. Кнабе напомнил о выдающейся роли, к-рую в творчестве О. М. играла античность: ее представленность в будущей энциклопедии должна быть адекватной. По мнению Лекманова, в энциклопедии не должно быть ни эссеистичности, ни откровенных, чрезмерно дискуссионных самих по себе новаций. Критерием энциклопедии, по мнению А. Д. Михайлова, является единственно ее качество: она обязана быть хорошей: надо ни на день не прекращать работать над словником, дополняя и развивая его, в т. ч. за счет разработки проблемы «круга чтения» поэта. Горкин призвал с самого начала отдавать себе отчет в том, что мы делаем: энциклопедию или словарь. МЭ должна быть более о О. М., чем о мандельштамоведении, не забывая при этом и того, что О. М. стоит к нам гораздо ближе, чем Лермонтов или Пушкин, и многое еще не зажило или не устоялось. Нерлер рассказал более детально о замысле именно МЭ, в т. ч. и о ее CD-ROM-версии: он заметил, что первоначально заявленный объем (90 л.), явно недостаточен. Гиндин и Д. Лахути поддержали идею такой версии, при этом Гиндин подчеркнул, что делать ее надо не по завершении работы над книгой, а параллельно с ней. Завершивший дискуссию Аверинцев поддержал Лекманова, но переформулировал критерии энциклопедичности статей следующим образом: приближение к объективности и артикулированность субъективизма, если он имеет место. Все должно быть по возможности равномерно и занудно (хотя и не занудным слогом), как это принято в энциклопедиях нем. типа, к-рые он так любит (в отличие от франц. типа, от к-рого стоит держаться подальше, несмотря на его жанровый приоритет).

Лит.: Архангельский А. Улица Мандельштама. 15 января – 110 лет самому трагическому поэту русского XX века // Известия. 2001. № 4. 15 янв. С. 1, 8; Бунимович Е. О памятнике О. Мандельштаму // Междунар. еврейская газета. 2001. № 3. С. 1; Нерлер П. Мы выжили // МН. № 1. 3–15.1.2001. С. 23; Он же. Мандельштамовские дни в Москве // Книжное обозрение. 2001. № 44. С. 22; Радзишевский В. Держу пари, что я еще не умер // ЛГ. 2001. № 4. 24–30 янв. С. 9; Мандельштамовские дни в Москве (15–17 января 2001 г.) // ВРХД. № 182. 2001. С. 255–268; Новопрудский С. Мандельштамп, мандельштамб, мандельштат // Известия. 2001.

17 янв.; Мандельштамовские дни в Москве // Вестник еврейского агентства в России. 2001. № 6(47). Февраль. С. 5; Мирошкин А. Скамейка Мандельштама // Книжное обозрение. 2001. № 3. С. 1–2.

П. М. Нерлер.

МАНДЕЛЬШТАМОВСКИЕ ДНИ ВО ВЛАДИВОСТОКЕ 29 СЕНТЯБРЯ – 1 ОКТЯБРЯ 1998 (МД–1998), состоялись 29.9–1.10.1998 под назв. «Мандельштамовские чтения» во *Владивостоке* (по инициативе пред. Владивостокского отд. рос. Пен-центра и гл. ред. альманаха «Рубеж» писателя А. В. Колесова, а также Приморского об-ва любителей книги). 29.9.1998 состоялся лит. вечер в Доме офицеров флота с участием А. Г. Битова, А. И. Ткаченко, Е. М. Чигрина, Б. И. Черных (ведущий Колесов). 1.10.1998 был открыт *памятник О. М.* Первоначально МД–1998 задумывались в ином формате: в частности, планировалась большая междунар. конференция, посв. О. М. (собственно Мандельштамовские чтения), выставка о жизни и творчестве О. М., обсуждался вопрос и о создании в городе музея памяти всех репрессированных.

П. М. Нерлер.

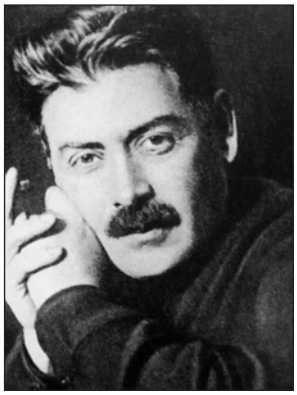
МАНДЕЛЬШТАМОВСКИЕ ДНИ ВО ВЛАДИВОСТОКЕ В 2006 (МД–2006), прошли под назв. «Мандельштамовские чтения» (МЧ) 18–20.9.2006. В рамках МД–2006 под эгидой Владивостокского гос. ун-та экономики и сервиса и *Мандельштамовского общества* состоялась междунар. конференция, (с участием П. М. Нерлера, Н. Л. Поболя, А. Фэвр-Дюпэгр, А. А. Гусевой и др.), была открыта книжная выставка, организованная краевой публичной библиотекой им. А. М. Горького, прошли др. мероприятиями. Вновь выдвигалась идея о присвоении имени О. М. одной из улиц или площадей Владивостока, об организации в этом городе лит. музея или музея репрессированных писателей, а также о проведении МЧ на регулярной основе.

П. М. Нерлер.

МАНУЙЛОВ Виктор Андроникович (22.8.1903. Новочеркасск – 1.3.1987, Ленинград), филолог, специалист по истории рус. литературы нач. 19 в., автор монографий, посв. творчеству А. С. *Пушкина*, М. Ю. *Лермонтова*, В. Г. *Белинского*. Был лично знаком с А. Н. *Толстым*, В. И. *Ивановым*, М. А. *Волошиным*, В. В. *Маяковским*, С. А. *Есениным*, А. А. *Ахматовой*. С О. М. встречался в 1927–28 в Ленинграде, в доме давних друзей О. М., пианистки И. Д. *Ханцын* и журналиста А. О. *Моргулиса*. Зимой 1930/31 О. М. и Н. М. виделись с М. в доме отдыха Центр. комиссии по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ) «Заячий ремиз» в Старом Петергофе. В архиве М. сохранилась почтовая открытка, написанная им совм. с О. М. и Н. М. и адресованная их общей знакомой Ханцын (открытку не отправили, поскольку Ханцын сама приехала в Старый Петергоф). М. посвящено шуточное стих. О. М.: «Посреди огромных буйволов / Ходит маленький Мануйловов». В автобиографич. кн. «Записки счастливого человека» (СПб., 1999) М. упоминал О. М., рассказывая об Ахматовой и Волошине (С. 296, 303).

Лит.: Григорьев А., Петрова И. Мандельштам на пороге 30-х годов // RL. 1977. Vol. V. С. 186–187, 192.

О. Ю. Казмирчук.



Константин Александрович Марджанов

МАРДЖАНОВ (Марджанишвили) Константин (Котэ) Александрович (28.5.1872, Кварели – 17.4.1933, Москва), театр. режиссер. С 1897 работал в рус. театрах (в т. ч. в 1910–13 в МХТ), организатор Свободного театра (1913–14, Москва), Театра комич. оперы (1920, Петроград), с 1922 работал в Грузии. Поставленный М. в 1919 в *Киеве* к первомайским праздникам спектакль «Фуэнте овехуна» по пьесе Лопе де Вега «Овечий источник» стал одним из самых ярких послерев. театр. событий (см. его оценку в: Дейч А. И. Легендарный спектакль // Дейч А. И. По ступеням времени: Воспоминания и статьи. К., 1988). Прямое отношение к оформлению спектакля имела Н. М., вспоминавшая: «Марджанов ставил пьесу испанского классика: деревня взбунтовалась против сеньора, потому что он нарушил старинные права. <...> Для апофеоза художник Исаак Рабинович придумал неслыханное изобилие: через всю сцену протягивалась гирлянда бутафорских фруктов, овощей, рыбьих и птичьих тушек подозрительно фаллического вида. <...> Исаак выходил раскланиваться. Он вел за руку двух своих помощниц: одна была я, другая – моя подруга Витя <...>. Это мы с Витей раскрашивали фруктообразные фаллосы». Очевидно, в кон. мая 1919 О. М. и Н. М. вместе смотрели марджановскую постановку, 23.5.1919 А. И. *Дейч* записал в своем дневнике: «Надя хотела повести его на “Овечий источник”. Успех спектакля поразительный» (Дейч А. И. Две дневниковые записи // СМР. Вып. 3/2. С. 146).

С. Г. Шиндин.

МАРР Николай Яковлевич (25.12.1864, по др. сведениям 25.5 или 4.6, Кутаис – 20.12.1934, Ленинград), языковед, востоковед, археолог. Изучил и опубликовал ряд др.-груз. и др.-арм. памятников. Академик (1912) Российской АН, позднее акад. и вице-президент (1924–30) АН СССР. Предложил т. н. яфетическую теорию, или «новое учение о языке». В противоположность последователям индоевроп. теории полагал, что сходство между языками обусловлено не их родством, а тождеством стадий общ. развития носителей. С точки зрения М., каждый язык есть результат скрещения разл. слоев. С кон. 1920-х гг. учение М. было признано истинно марксистским и получило офиц. поддержку. В 1950 было объявлено ложным, с его резкой критикой выступил И. В. *Сталин*.

О. М. мог встретиться с М. в Армении, куда тот прибыл 19.8.1930 «для чтения лекций по языкознанию и знакомства с новооткрытыми памятниками армянской культуры». В «Путешествии в Армению» (1931–32) встречается неск. упоминаний о М. Так, в беседе в стенах Ин-та по изучению языков и этнич. культур вост. народов СССР (Москва) «был упомянут академик Марр, только что промчавшийся через Москву из Удмуртской или Вогульской области в Ленинград». Там же косвенно упоминается и кн. М. «Грамматика древнеармянского языка. Этимология» (СПб., 1903): «Иногда я просыпаюсь ночью и твержу про себя спряжения по грамматике Марра».

Отношение О. М. к учению М., судя по всему, было неоднозначным. Свидетельство увлечения О. М. идеями М. содержится в письме Н. М. Б. С. *Кузину* от 22.5.1944: «Я теперь знаю, что такое Марр. Жаль, что во время Осиного увлечения – не знала. Но это все равно бы не помогло», сама Н. М. в 1940-е гг. была ярой противницей и теории М., и его самого как личности. Первонач. М. считал яфетическими только языки кавказского региона, позднее называл яфетической первую стадию развития любого языка, но всегда признавал Кавказ колыбелью европ. культуры и мировой культуры в целом. Такой взгляд оказался близок мандельшт. мировоззрению: «Путешествие в Армению <...> может быть, одна из самых глубоких струй мандельштамовского историософского сознания. <...> Традиция культуры для Мандельштама не прерывалась никогда: европейский мир и европейская мысль родились в Средиземноморье – там началась та история, в которой он жил, и та поэзия, в которой он существовал» (Мандельштам Н. Я. Мандельштам и Армения // Мандельштам Н. Третья книга. М., 2006. С. 467). В работе «Путешествие в Армению» взгляды М. названы «яфетическим любомудрием»: «Был похвален дух яфетического любомудрия, проникающий в структурные глубины всякой речи». По мнению Б. М. *Гаспарова*, это наименование «раскрывает связь, существовавшую в сознании Мандельштама между марровской “яфетической теорией” и “любомудрами” – русскими романтиками 1820–1830-х годов, адептами “органической” метафизики Шеллинга» (Гаспаров Б. М. Развитие или реструктурирование: Взгляды академика Т. Д. Лысенко в контексте позднего авангарда (конец 1920-х – 1930-е годы) // Логос. 1999. № 11/12). М. считал, что развитию звукового языка предшествует длительный этап ручного, т. е. жестового языка. Вероятно, это положение М. отразилось в описании внешности Кузина в «Путешествии в Армению»: «Я изучал живую речь ваших длинных, нескладных рук, созданных для рукопожатия в минуту опасности». Отрицат. оценка идей М. выражена в эпизоде «Путешествия в Армению», посв. профессору А. Х. Хачатурьяну: «Приглашенный на кафедру в советскую Эривань, он перенес сюда и свою преданность индоевропейской теории, и глухую вражду к яфетическим выдумкам Марра...»

Учение М. становится предметом образного осмысления в «яфетической новелле»: «Голова по-армянски: глух’, с коротким придыханием после “х” и мягким “л”... Тот же корень, что по-русски <...> Видеть, слышать и понимать – все эти значения сливались когда-то в одном семантическом пучке. На самых глубинных стадиях речи не было понятий, но лишь направления, страхи и вожделения, лишь потребности и опасения. Понятие головы вылепилось десятком тысячелетий из пучка туманностей, и символом ее стала глухота». Термин «семантический пучок» активно использовался М.; ср. в «Разговоре о Данте» (1933): «Любое слово является пучком, и смысл торчит из него в разные стороны, а не устремляется в одну официальную точку».

Вероятно, к идее М. о скрещении языков восходят и образы «скрещения» в «Разговоре о Данте»: «Поэтическая речь есть скрещенный процесс»; в этой речи слышится «лишь скрещиванье двух линий»; Данте «стратег превращений и скрещиваний»; «страданье скрещивает органы чувств, создает гибриды, приводит к губастому глазу». Идеи М. отразились и в лирике О. М. [о марровских подтекстах в стих. «Ламарк» («Был старик, застенчивый как мальчик...», 1932) см.: Гаспаров. С. 204; Он же. Развитее или реструктурирование. С 33]. В стих. О. М. «Гончарами велик остров синий...» (1937) есть переклички со ст. М. «Иштарь (от богини любви матриархальной Афроевразии до героини средневековой Европы)» (Яфетический сб. V. Л., 1927) (о близости образов этого стих. воззрениям М. см.: Террас В. И. Классические мотивы в поэзии Осипа Мандельштама // Мандельштам и античность. С. 26–27). В указанной статье М. присутствуют упоминания о горшечнике, горшке и лепке (Яфетический сб. V. С. 109), а также о том, что значения «птица» и «рыба» в древности входили в один семантич. комплекс (Там же. С. 162–168). Традиц. индоевроп. лингвистика считает такие объединения случайными. В статье М. приводится также версия о возможном критском происхождении образа птицы-рыбы (Там же. С. 169), ср. в стих. О. М.: «Крит летучий»; «И летучая рыба – случайность».

Лит.: Гаспаров Б. М. Ламарк, Шеллинг, Марр (стихотворение «Ламарк» в контексте переломной эпохи) // Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы, М., 1994.

А. Д. Еськова.

МАРШАК Самуил Яковлевич (22.10.1887, Воронеж – 4.7.1964, Москва), поэт, переводчик, лит. деятель; Сталинские премии (1942, 1946, 1949, 1951), Ленинская премия (1963). В его ранних, окраш. пафосом сионизма стихах исследователь находит переклички с поэзией О. М. (Кацис). В 1924–26, будучи рук. дет. отдела *Госиздата*, М. активно привлекал О. М. к сочинению и редактированию стихов для детей. Имя М. в качестве работодателя регулярно мелькает в письмах О. М. к Н. М. 1926 (фразу «Детский *договор* отвергнут. *Не люблю Маршака!*» из письма О. М. к Н. М. от 22.2.1926 следует понимать не как окончат. приговор, а как ситуативную характеристику, т. к. уже в письме к жене от 9–10.10.1926 О. М. рассказывал о своей встрече с М. вполне благожелательно). Хотя Н. М. в своих мемуарах отмечала, что М.-редактор «сильно испортил» дет. поэтич. книжки О. М. «Два трамвая» (1925) и «Шары» (1926), стихи М. «о простых вещах и простых отношениях между ними» (Гаспаров М. Л. Маршак и время // Даугава. [Рига]. 1987. № 11. С. 103) оказали несомн. и существ. влияние на поэтику дет. стихов О. М.

В нач. 1960-х гг. М. принимал участие в хлопотах, связанных с получением Н. М. постоянной прописки в Москве.

Самуил Яковлевич Маршак

Лит.: Путилова Е. О. Детские стихи О. Мандельштама // ДП–1984. М., 1985. С. 151–152; Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 217, 411; Кацис Л. Ф. О. Мандельштам: мускус иудейства. М., 2002 (по им. ук.).

О. А. Лекманов.

МАЯКОВСКИЙ Владимир Владимирович (7.7.1893, с. Багдади Кутаисской губ. – 14.4.1930, Москва), поэт, драматург, лит. деятель. С кон. 1912 член группы кубофутуристов. Тогда же в Петербурге «подружился с О. М., но их быстро растащили в разные стороны» (Н. М.). Тем не менее в 1910-х гг. поэты регулярно встречались в *«Бродячей собаке»* (где О. М., в частности, познакомил М. с А. А. *Ахматовой*). В период краткого сближения О. М. с кубофутуристами М. и О. М. дважды солидарно выступали: после лекции К. И. *Чуковского* о футуризме (ноябрь 1913) и в «Бродячей собаке» (декабрь 1913). Тогда же О. М. «начал писать» «собственного “Лейтенанта Шмидта” рублеными рифмами Маяковского» (Иванов Г. В. Собр. соч.: В 3-х т. Т. 3. М., 1994. С. 619; текст не сохр.). Этим же годом датируется стих. О. М. «Американка», перекликающееся с ранними урбанистич. опытами М. (Харджиев Н. И. Примечания // Стихотворения. 1973. С. 262).

В свою очередь, на М. произвели сильное и длит. впечатление стихи О. М. 1910-х. гг. Н. М. вспоминала, что М. в присутствии О. М. однажды продекламировал наизусть строки из его стих. «Теннис» (1913). Согласно Л. Ю. Брик, М. иногда читал на память отд. строки из стих. О. М. «Сегодня дурной день...» (1911), «Петербургские строфы» (1913) и «Аббат» (1915) (В. Маяковский в воспоминаниях современников. М., 1963. С. 352). 1-е из этих трех стих. сам О. М. считал ритмич. прообразом программного стих. М. «Левый марш» (1918). Заглавие стих. М. 1925 совпадает с заглавием мандельшт. «Notre Dame» (1912).

Считая О. М. стихотворцем, чуждым магистральным устремлениям советской литературы, после Окт. рев-ции 1917 М. в кругу своих соратников судил о нем подчеркнуто пренебрежительно. «Ж[аров] наиболее печальное явление в современной поэзии. Он даже хуже, чем О. Мандельштам» (это высказывание М., относящееся к 1929, приведено в мемуарах: Крученых А. Е. Наш выход: К истории русского футуризма. М., 1996. С. 150). М. участвовал в конфликтной комиссии по «делу об Уленшпигеле» и занял резко-враждебную по отношению к О. М. позицию: «Из членов комиссии особенно ругал Мандельштама Маяковский – едва ли по принципиальным, верно по личным мотивам» (Из письма А. Г. Горнфельда к Р. М. Шейниной от 27.5.1929 // РО РНБ. Ф. 211. Ед. хр. 267. Л. 17–17 об.). Однако А. Б. Гатову в сер. 1920-х гг. М. говорил, что О. М. хороший поэт. (О случайной встрече двух поэтов и немного ироничном восхищении М. стихами О. М. см.: Катаев В. П. Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. М., 1984. С. 388–390.)

О. М. высказался о порев. творчестве М. в своих заметках «Литературная Москва» (1922) и «Буря и натиск» (1923), подвергая ревизии акмеистич. иерархию лит. оценок и отчасти вслед «за громкой “чисткой поэтов”», к-рую М. устроил в Политехн. музее 19.1.1922. Признание грандиозности поэтич. и идеологич. задач, поставленных перед собой М., соседствует здесь с негативной и иронич. оценкой сознат. стремления М. предельно упростить свои стихи: «Маяковским разрешается элементарная и великая проблема “поэзии для всех, а не для избранных” <...> Подобно школьному учителю, Маяковский ходит с глобусом, изображающим земной шар, и прочими эмблемами наглядного метода», однако его «стихи весьма культурные: изысканный раешник, чья строфа разбита тяжеловесной антитезой, насыщена гиперболическими метафорами и выдержана в коротком паузнике. Поэтому совершенно напрасно Маяковский обедняет себя. Ему грозит опасность стать поэтессой, что уже наполовину совершилось». Обыгрывая шутку О. М., Ф. *Сологуб* в 1925 говорил В. В. Смиренскому: «Мандельштам и Маяковский – не поэты, а поэтессы» (Неизданный Ф. Сологуб. М., 1997. С. 407). В заметке «Выпад» (1923) О. М. назвал М. в ряду поэтов «не на вчера, не на сегодня, а навсегда».

В 1920–23 М. и О. М. эпизодически виделись на заседаниях Моск. лингвистич. кружка [Jakobson R. An Example of Migratory Terms and Institutional Models (On the fiftieth of the Moscow Linguistic Circle) // Seleckted Writings. P., 1971. Vol. II. P. 532].

Резкая полемика между М. и Г. А. *Шенгели* нашла отражение в эпиграмме О. М. на Шенгели «Кто Маяковского гонитель...» (ок. 1927). Образ «дырки от бублика» из финальной главки «Четвертой прозы» (1930) О. М. восходит к реплике Француза из 2-го действия «Мистерии-буфф» (1920–21) М. (см.: Гаспаров Б. М. «Извиняюсь» // Культура русского модернизма. Статьи, эссе и публикации. В приношение В. Ф. Маркову. М., 1993. С. 119).

О. М. узнал о самоубийстве М. от А. И. *Безыменского* в Сухуме, 14.4.1930. «Человек устроен наподобие громоотвода. Для таких новостей мы заземляемся, а потому и способны их выдержать» (Из черновиков к «Путешествию в Армению», 1931–32). Хотя фрагмент о смерти М. в итоговый вариант «Путешествия в Армению» О. М. не включил [возможно, избегая слишком отчетливых перекличек с «Охранной грамотой» (1930) Б. Л. *Пастернака*], исследователи обнаруживают в «Путешествии в Армению» весьма многочисл. реминисценции из произв. М. и скрытые отсылки к его образу (Кацис. С. 465–482; Ронен. С. 163). В «Стихах о русской поэзии» (1932) О. М. «к смерти Маяковского» «относятся строки о “кровавом белке” и “страшном колесе” лабораторной центрифуги, крутящем ту “поэтическую белку”, которая описана в поэме “Про это”» (Ронен. С. 66).

Предваряя чтение своих стихов на вечере в моск. Политехн. музее 14.3.1932, О. М., спровоцированный вступит. словом Б. М. *Эйхенбаума*, «минут тридцать пять (без преувеличения)» восторженно говорил о М. [Соколова Н. А. 14 марта 1933 г.: Вечер О. Мандельштама: (Из старых записей) // «И ты, Москва, сестра моя, легка...». С. 441. С. И. *Липкину*, присутствовавшему на этом вечере, запомнилась формула О. М.: «Маяковский – точильный камень русской поэзии» (Липкин С. И. Угль, пылающий огнем: Зарисовки и соображения. М., 1991. С. 20)].

В «Ариосте» (1933) О. М., посв. воссозданию образа идеального поэта, реминисценции из А. С. *Пушкина* многозначительно соседствуют с неологизмом «лазорье», впервые употребл. М. в «Облаке в штанах» (1914–15). В одном из вариантов финальной строфы итоговых «Стихов о неизвестном солдате» (1937) О. М. пушкинские подтексты также совмещены с микроцитатами из произведений М. (Лекманов. С. 573–574).

Лит.: Флейшман Л. О гибели Маяковского как литературном факте (постскриптум к статье Б. М. Гаспарова) // Slavica Hierosolymitana. 1979. № 4; Ивлев Д. Стихотворения О. Мандельштама и В. Маяковского «Notre Dame»: Опыт анализа // Филологические науки. 1981. № 6; Гатов А. Б. Уроки мастерства // ЖиТМ; Кривулин В. От немоты к немотству (Маяковский и Мандельштам) // Звезда. 1991. № 1; Петрова Н. Мотив «флейты»: Маяковский и Мандельштам // ЛО. 1993. № 9/10; Кацис Л. Ф. Маяковско-Пастернаковские эпизоды в «Путешествии в Армению» и «Разговоре о Данте» О. Мандельштама (К проблеме «Вторая проза» «первых поэтов») // Russian Literature. Vol. XLI. (1997); Бабаев Э. Г. Рассказы без легенды // Поэзия и живопись: Сб. тр. памяти Н. И. Харджиева. М., 2000; Лекманов О. А. Мандельштам и Маяковский: взаимные оценки, переклички, эпоха (наблюдения к теме) // Лекманов О. А. Книга об акмеизме и др. работы. Томск, 2000; Ронен О. Поэтика О. Мандельштама. СПб., 2002.

О. А. Лекманов.

«МЕЖДУНАРОДНОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ СОДРУЖЕСТВО» (МЛС) (Inter-Language Literary Associates. Book publishers and distributors), амер. изд-во, 1950–91, Нью-Йорк, фактически в Вашингтоне, существовало на гос. дотации и частные пожертвования. Специализировалось на выпуске литературы на рус. языке, издание к-рой в СССР было невозможно по цензурным соображениям. Наряду с худож. литературой, издавало книги по искусству, философии, истории и общ. наукам. Помимо предания публикуемых текстов гласности изд-во стремилось к научности их подготовки и сопровождению предисловиями, комментариями и др. видами научно-справочного аппарата. Инициатором и руководителем МЛС являлся Б. А. *Филиппов*, вместе с проф. Г. П. *Струве* (Калифорнийский университет, Беркли) они возглавляли редсовет МЛС. Руководителем худож. части был С. Л. Голлербах. Среди сотрудников – Е. В. Жиглевич и др. Выпустило ок. 60 книг, в т. ч. собрания сочинений А. А. *Ахматовой* (в 2 т., 1965 и 1967–68), М. Волошина, Н. А. Заболоцкого (1965), Н. А. Клюева, О. М., а также книги Ю. П. Анненкова (1966), Ю. Н. Аржака (псевд. Ю. Даниэля), И. Бродского (1965), И. Гунделича, А. Терца (Синявского), О. Форш, С. Л. Франка и др. В 1964–71 в МЛС вышли т. 1–3 собр. соч. (1-е изд.; т. 1 – 1964 и 1968, т. 2 – 1966 (2-е изд.: в 1971), т. 3 – 1969 (т. 4 – 1981, в изд-во *YMCA–Press*).

Библ.: Мандельштам О. Собр. соч.: В 3 т. / Струве Г. П. и Филиппов Б. А. (ред. и вступ. ст.). Ваш.: Международное литературное содружество (МЛС) Т. 1: Стихотворения. 1964. 556 + CV с.; Т. 2: Стихотворения. Проза / Струве Г. П. (ред.), Филиппов Б. А. (ред.; вступ. ст.). 1966. 632 р.; Т. 3: 1969. 552 с.; Т. 2: Проза. 2-е изд., пересмотр. и доп. 1971.

Лит.: Базанов П. Н., Кремнев С. С., Кузнецова Т. В., Шомракова И. А. Издательства и издательские организации Русской эмиграции. 1917–2003 гг. Энциклопедический справочник. СПб., 2004. 432 с.

П. М. Нерлер.

МЕЙЕРХОЛЬД Всеволод Эмильевич (наст. имя и фам. Карл-Казимир-Теодор Мейергольд) (28.1.1874, Пенза – 2.2.1940, Москва), актер, театр. режиссер, педагог, теоретик театра, нар. арт. Республики (1923). В сезон 1906/07 О. М. видел в режиссуре М. спектакль «Гедда Габлер» по драме Г. Ибсена в Театре В. Ф. *Комиссаржевской* в Петербурге [вероятно, также спектакли по драмам М. Метерлинка с участием Комиссаржевской и «Балаганчик» А. А. Блока; декорации Н. Н. Сапунова к этим спектаклям О. М., возможно, подразумевал, создавая свое стих. «Казино» (1912) (См.: Лекманов. 2000. С. 470–471)]. Позже в гл. «Комиссаржевская» «Шума времени» (1923), описывая игру актрисы, О. М. не упоминает имени режиссера, приписывая Комиссаржевской идущую от М. идею театра-храма, атмосферу «исключительно сектантской приверженности», ожидание «театрального чуда». 31.3.1914 в кабаре «*Бродячая собака*» в Петербурге после лекции В. А. *Пяста* «Театр слова и театр движения» О. М. принимал участие в диспуте, на к-ром, по предположению Р. Д. Тименчика, председательствовал М. (Тименчик. С. 358). 7.4.1914 О. М. присутствовал на премьере блоковского «Балаганчика» в зале *Тенишевского училища* (реж. спектакля М.). По наблюдению А. Г. Меца, неодобрит. характеристика О. М. совр. ему театра как театра «полуслова / И полумаски» в стих. «Есть ценностей незыблемая скала...» (1914) создает аллюзию на возрождавшуюся M. Commedia del'arte». Тем не менее в дневниковой записи 30.11.1915 актрисы-студийки В. В. Алперс зафиксирован интерес О. М. к петерб. студии М.: О. М. «очень хочется опять попасть к нам, слушать музыку, читать свои стихи». (Алперс. С. 303).

Стих. О. М. «В Петербурге мы сойдемся снова...» (1920) было пронизано «музыкальными ассоциациями, навеянными оперой Глюка “Орфей и Эвридика“ (постановка В. Э. Мейерхольда 1911 года, возобновленная на сцене Мариинского театра в 1919–1920 годах)» (Мусатов В. В. Лирика О. Мандельштама. К., 2000. С. 206). В 1-й пол. 1920-х гг., по воспоминаниям Н. М., О. М. в Москве бывал на спектаклях М. (вероятно, О. М. видел их на разных сценах – Театра РСФСР – 1, Вольных мастерских М. при Гос. высших театр. мастерских, Театра им. Мейерхольда – ГосТИМ, Театра Революции): «...Ходили и на постановки Мейерхольда, иногда с отвращением, иногда с интересом смотря одну за другой невероятно разные постановки. <...> И театр был внутренне пуст и страшен, несмотря на

Всеволод Эмильевич Мейерхольд

внешний блеск. Все твердили одно слово: “биомеханика”. Это было модно и пышно». 30.1.1923 в Театре Революции, к-рый возглавлял в то время М., состоялась премьера спектакля «Человек-масса» по пьесе Э. Толлера в пер. О. М. (реж. А. Б. Велижев). Постановка (в ее реж. части) была признана неудачной и довольно быстро исчезла из репертуара. В спектакле М. «Ревизор» (1926), по свидетельству Н. М., О. М. «понравился длинный стол и немая сцена» (подразумевается эпизод «Господин Финансов» и финал спектакля). ГосТИМ, возглавляемый М., упоминается в очерке О. М. «Киев» (1926) в связи с киевскими гастролями театра. Влияние режиссуры М. на спектакли харьковского театра *«Березиль»* (худ. рук. Л. *Курбас*) О. М. отмечал в ст. «Березíль» (1926). Имя М. как одного из учителей актера В. Н. *Яхонтова* О. М. называл в ст. «Яхонтов» (1927). Между 8.1.1938 (закрытием ГосТИМа) и нач. февраля О. М. ночевал в доме М. (свидетельство М. Я. Шагинян). М. узнал о смерти О. М. в кон. 1938 от Б. Л. *Пастернака*. (Есенина. С. 136).

Лит.: Блок в неизданной переписке и дневниках современников (1898–1921) // А. Блок: Новые материалы и исследования // ЛН. Т. 92. Кн. 3. М., 1982. С. 431; Нерлер П. М. «С гурьбой и гуртом...»: Хроника последнего года жизни О. Мандельштама // Записки Мандельштамовского об-ва. Т. V. М., 1994. С. 67; Тименчик Р. Д. Комментарии // Пяст Вл. Встречи. М., 1997. С. 358; Алперс В. В. Из дневников. 1912–1916 // Мейерхольд и другие: Мейерхольдовский сб. М., 2000. Вып. II. С. 303; Видгоф Л. М. Москва: Материалы к мандельшт. энциклопедии // Параллели. Альманах. М., 2003. Вып. 2/3. С. 246; Есенина Т. С. О Вс. Мейерхольде и Зинаиде Райх. М., 2003. С. 136.

О. Н. Купцова.

МЕРЕЖКОВСКИЙ Дмитрий Сергеевич (2.8.1865, С.-Петербург – 7.12.1941, Париж), поэт, прозаик, религ. мыслитель, один из первых рус. символистов, муж З. Н. *Гиппиус*. В сент. 1909, будучи «проездом в Гейдельберг[е]» М. «не пожелал выслушать ни строчки» из стихов О. М. (Из письма О. М. к М. А. *Волошину*). В последующие годы О. М. и М. эпизодически виделись на заседаниях *Религиозно-философского общества* в Петербурге.

Образ «облака тумана» из стих. О. М. «Ты прошла сквозь облако тумана...» (1911) взят из романа М. «Антихрист. Петр и Алексей» (Низова. С. 289–290). Реминисценция из программного стих. М. «Дети ночи» в стих. О. М. «Я знаю, что обман в видении немыслим...» (1911) (Мец. С. 642). Финальная строфа стих. О. М. «Лютеранин» (1912) по наблюдению Г. А. Морева также полемически соотносится с «Детьми ночи» (Там же. С. 530), как и образность позднейшего стих. О. М. «Что делать нам с убитостью равнин...» (1937) (Там же. С. 621–622).

Влияние историософ. концепции, базирующейся на вольном толковании Апокалипсиса и полож. в основу трилогии М. о рус. царях и заговорщиках, а также целого ряда его статей, отразилась в «гражданских» стихах О. М. 1910-х гг. Среди них «Заснула чернь. Зияет площадь аркой...» (1913; Ronen. P. 86; Немзер. С. 228; Лекманов. С. 496–504, 683–684), «Когда октябрьский нам готовил временщик...» (1917; Лекманов. С. 503) и «Прославим, братья, сумерки свободы...» (1918; Ronen. С. 142). Ср. также заметку О. М. «Кровавая мистерия 9-го января» (1922) со ст. М. «Пророк русской революции (К юбилею Достоевского)» (Лекманов. С. 684). По-видимому, именно из романа М. «Александр I» О. М. узнал анекдот о К. Н. *Батюшкове*, полож. в основу программного мандельшт. стих. «Нет, не луна, а светлый циферблат...» (1912; Там же. С. 499). В этом же романе М. дважды (гл. 3 ч. 4 и гл. 1 ч. 6) возникает образ «черно-желтого тумана» – ключевой для воплощения имперской темы у О. М. (см. его стих. «Императорский виссон...», 1915). В этом же романе М. (гл. 3 ч. 4) описание того, как петерб. «чухны с кудлатыми клячами везли с прорубей колотый лед, сверкавший на солнце прозрачно-зелеными глыбами», предсказывает сходную сцену во 2 главке повести О. М. «Египетская марка» (1927; о др. реминисценциях из М. в этой повести О. М. см.: Низова. С. 297–299). По наблюдению Д. И. Черашней, строка «Было страшно, как во сне» из стих. О. М. «На высоком перевале...» (1931) восходит к ст. М. «Зимние радуги» (Черашняя. С. 145).

Лит: Черашняя Д. И. Этюды о Мандельштаме. Ижевск, 1992; Немзер А. С. Несбывшееся // НМ. 1993. № 4; Мец А. Г. Комментарий // Мандельштам О. Э. Полн. собр. стихотворений. СПб., 1995; Низова И. И. К проблеме худож. рефлексии Мережковского и Мандельштама // Д. С. Мережковский: Мысль и слово. М., 1999; Лекманов. 2000; Ронен О. Поэтика О. Мандельштама. СПб., 2002; Ronen O. An approach to Mandelstam. Jerusalem, 1983.

О. А. Лекманов.

МЕРКУРЬЕВА Вера Александровна (23.8.1876, Владикавказ Терской обл. – 20.2.1943, Ташкент), поэт, переводчик. Предположительно, М. могла познакомиться с О. М. в первые летние месяцы 1918, когда поэт вместе с др. чиновниками Наркомпроса перебрался из Петрограда в Москву и жил в гостинице «Метрополь». М., только что вступившая в Союз моск. писателей, соседствовала с ним на страницах выпущенного в Москве стихотворного сб. «Весенний салон поэтов» (М., 1918). В круг лит. общения М. этого времени входили хорошие знакомые О. М.: В. И. *Иванов*, И. Г. *Эренбург*, М. И. *Цветаева*. Знакомство с О. М. возобновилось через 15 лет в Москве, куда М. приехала после 12 лет жизни во Владикавказе (в родном городе М. жила частными уроками и, хотя вокруг нее возник небольшой лит. кружок «Вертеп», фактически была выключена из участия в офиц. лит. жизни). 10.8.1933 она сообщала в письме К. Л. Архипповой: «Ну вот познакомилась (возобновила знакомство) с Мандельштамом, на днях буду иметь его новые (для меня, за последние годы) стихи, с Державиным (по-видимому, цикл стих. «О русской поэзии». – *Т. Н.*) (его стихи, переписанные мною для Евгения [Архиппова – мужа Архипповой и

друга М. – *Т. Н.*], задержал Усов)» (РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Д. 123. Л. 23 об.). О. М., остро чувствовавший беспомощность человека предыдущего поколения в советских условиях и стремившийся посильно помочь, не мог не видеть бедств. положения, в к-ром оказалась М. (ее автохарактеристика в письме Архипповой от 21.1.1933 – «Человек без места в жизни, инвалид без пенсии, иждивенец без семьи»; цит. по: Гаспаров. С. 76). Несмотря на то что у М. почти не было опубл. стихов (исключение – небольшая подборка во владикавказском альманахе «Золотая зурна», 1926), осенью 1933 ее по рекомендации известных литераторов, в числе к-рых были О. М. и Б. Л. *Пастернак,* приняли в Моск. горком писателей. О. М. также помог ей получить заказ на стихотворный перевод с туркм. языка. 16.11.1933 М. писала Архипповой: «Была несколько раз у Мандельштама (переводы эти он мне нашел), он очарователен, забавен, желчен, высокомерен и трогателен. Должен был наконец-то показать мне свои стихи последних лет, – как раз заболела его жена, к которой он болезненно даже как-то привязан. Она славная, простая, грустная, заботливая. Анна Ахматова у них останавливалась в свой приезд последний. Я ее видела одну минуту – она мне открыла дверь и ослепила... Я смотрела на нее и молчала (тщетно вспоминая, как зовут Мандельштама, о кот[ором] спросить)» (Гаспаров. С. 70). 1.11.1933, вместе с близким другом, поэтом А. С. *Кочетковым*, так же зарабатывавшим худож. переводом, М. сочинила эпиграмму: «Заданья ставят нам – балды, / Подстрочник правят нам – балды, / За перевод такой балдами / Потом ославят там – балды. // И в Академии – дурды – / Лишат нас премии – дурды, / А в завершенье – Мандельштамы // Нас клюнут в темя, и – дурды!» (Цит. по: Гаспаров. С. 77–78). Шутливое послание Е. Я. Архиппову, сочиненное М. также вместе с Кочетковым 31.1.1934, содержит один из немногих юмористич. поэтич. портретов О. М. в краткий относительно благополучный период его жизни в Нащокинском пер.: «Поэт же Мандель укрепил свой штамм / в писательской уютной новостройке, / в аду быв с Дантом, очертел и сам, / его словарь: “отстаньте” и “задам”, / и вообще он шпынь и не по-летам бойкий» (Автограф: РГАЛИ. Ф. 2209. Оп. 1. Д. 11. Л. 41–41 об.; список рукою Е. Я. Архиппова: Там же. Д. 16. Л. 88–89). Здесь же дана беглая и ироничная характеристика поэтики О. М. («шифр и морок мандельштамный»), а также упомянуто о пребывании в гостях у О. М. Ахматовой: «но узко стало ей у Мандельштама, / и в “Узкое” сбежала Ваша дама». По-видимому, взаимной симпатии М. и О. М. способствовали равно присущие обоим юмор и легкость в создании остроумных и изящных стихотворений «на случай». Самобытный характер дарования М., географич. и биогр. обстоятельства ее жизни сформировали совершенно особый худож. мир, отстоящий от известных путей развития рус. поэзии, в частности символистич. наследие в нем преодолено иным, нежели у акмеистов, способом. Наследуя романтич. представление о поэзии как о священном даре, М. защищала ценности частного мира «маленького человека», была внимательна к нюансам психологии и обыденным деталям жизни. Микрокосм дружеского лит. кружка, органически сопутствующий М. стал одним из способов противостояния насаждаемым после 1917 ценностям. Присущие М. стихотворная виртуозность, песенная музыкальность строя, любовь к словесной эквилибристике при почти полном равнодушии к сложной метафорике определили своеобразие ее поэтич. голоса. Отвечая в 1932 на вопрос лит. анкеты Архиппова «Любите ли Вы Мандельштама? какую книгу более?», М. писала: «Да – “Tristia”» (цит. по: Гаспаров. С. 32). У М. хранилась рукописная книга, составленная Архипповым в 1934, в к-рую входили неск. стихотворений О. М. (из «Антологии античной глупости»; эпиграммы на Вермеля; «Я с дымящей лучиной вхожу...»; РГАЛИ. Ф. 2209. Ф. 2209. Оп. 1. Д. 16). Однако М. практически не испытала влияния О. М. Совпадая в самом широком смысле тематически (оба писали о голоде периода Гражд. войны, Москве, создали портреты Ахматовой, разрабатывали восходящий к М. Ю. Лермонтову мотив «говорящих» звезд), стихотворения О. М. и М. фактически не имеют точек пересечения. Но отд. замеченные схождения тем не менее представляют опред. интерес для дальнейших сопоставлений: так, сходные с разрабатываемыми в мандельшт. стих. «Бессоница. Гомер. Тугие паруса...» мотивы бессонницы, парусов (у М. не гомеровских, но тоже греческих – Арго), красоты (Елены у О. М. и «блаженные колени / пеннорожденной» у М.), моря развиваются средствами совершенно иной поэтики, во многом еще находящейся в символистском плену – в стих. М. «В темной темнице заточнику не спится» (1916; цит. по: Гаспаров. С. 12). «Стихи о неизвестном солдате» перекликаются со стих. М. «Могила неизвестного поэта» (29.3.1933), рассказывающем о судьбе тех, кто «пришел на исходе века, / Угодил на этот самый стык» и от кого остается «звук и отзвук, отсвет и свет» (цит. по: Гаспаров. С. 76–77). Опред. параллелизмом обладают и автохарактеристики О. М. и М., неизменно самоироничные (при бросающейся в глаза декларируемой разнице биологич. внутр. времени: О. М. свои 40 лет считает «полупочтенным возрастом», а М. в 42 называет себя «бабушкой русской поэзии», см.: Гаспаров. С. 5), но и обнаруживающие вместе с тем непреклонную уверенность в важности своего поэтич. дела. Сведений об общении М. и Н. М. в Ташкенте, где обе оказались во время Великой Отечественной войны, не обнаружено.

Соч.: Тщета: Собр. стихотворений / сост., подгот. текста и примеч. В. А. Резвого. М., 2007; «Умейте жить минуткой» / публ. Т. Ф. Нешумовой) // Toronto Slavic Qaurterly. 2008. № 24.

Лит.: Гаспаров. М. Л. Вера Меркурьева (1876–1943): Стихи и жизнь // Лица: Биографический альманах. Вып. 5. М.; СПб., 1994. С. 5–97.

Т. Ф. Нешумова.

МЕТАФОРА, одна из разновидностей тропов, – перенос по сходству. Ее обычно анализируют с точки зрения того, (1) что сравнивается (определяемая реалия и называющее ее слово), (2) с чем сравнивается (вспомогательный образ сравнения и называющее его слово) и (3) какие основания для сравнения (tertium comparationis). У метафоры много подтипов, как грамматических, так и смысловых (Левин, 1998 [1965] и др.).

Метафоризм – яркая особенность как прозы, поэзии и статей О. М., так и его мышления о мире в целом. О. М. оттачивал свое мастерство метафориста довольно долго, пройдя через искусы символизма, затем через акмеистический отказ от символов и чересчур пышных метафор, но закончив все-таки возвратом к метафорическому изображению мира.

Критическое наследие О. М. демонстрирует, что он много рефлектировал над устройством метафор своих современников и предшественников. Так, статья «О природе слова» (1920–1922) содержит полемику с русскими символистами по поводу символа. Он, в свою очередь, разложен на означаемое и означающее, как если бы речь шла о метафоре или каком-то другом тропе: ««Все преходящее есть только подобие». Возьмем, к примеру, розу и солнце, голубку и девушку. Для символиста ни один из этих образов сам по себе не интересен, а роза – подобие солнца, солнце – подобие розы, голубка – подобие девушки, а девушка – подобие голубки. Образы выпотрошены, как чучела, и набиты чужим содержанием. Вместо символического «леса соответствий» – чучельная мастерская. Вот куда приводит профессиональный символизм. Восприятие деморализовано. Ничего настоящего, подлинного. Страшный контрданс «соответствий», кивающих друг на друга... Ни одного ясного слова, только намеки, недоговаривания. Роза кивает на девушку, девушка на розу. Никто не хочет быть самим собой» (1. С. 227). В статьях о литературе 1921–1923 встречаются насмешки над имажинистами и московскими поэтессами за неумелое обращение с метафорой: «Молодые московские дикари открыли еще одну Америку – метафору, простодушно смешали ее с образом и обогатили нашу литературу целым выводком ненужных растерзанных метафорических уподоблений» («Письмо о русской поэзии», 1922; 2, 239–240); «Большинство московских поэтесс ушиблены метафорой. Это бедные Изиды, обреченные на вечные поиски куда-то затерявшейся второй части поэтического сравнения, долженствующей вернуть поэтическому образу, Озирису, свое первоначальное единство» («Литературная Москва», 1922; 2, 257; подробный разбор скабрезной метафоры «бедные Изиды» см. в Ронен, 2002 [1991]). А в «Разговоре о Данте» (1933) сначала разбираются мастерски выполненные метафоры «Божественной комедии»: «Дантовские сравнения никогда не бывают описательны, то есть чисто изобразительны. Они всегда преследуют конкретную задачу дать внутренний образ структуры, или тяги. Возьмем обширнейшую группу «птичьих» сравнений – все эти тянущиеся караваны то журавлей, то грачей, то классические военные фаланги ласточек, то неспособное к латинскому строю анархически беспорядочное воронье, – эта группа развернутых сравнений всегда соответствует инстинкту паломничества, колонизации, переселения» (3. С. 228–229); «Иногда Дант умеет так описывать явление, что от него ровным счетом ничего не остается. Для этого он пользуется приемом, который мне бы хотелось назвать гераклитовой метафорой, – с такой силой подчеркивающей текучесть явления и такими росчерками перечеркивающей его, что прямому созерцанию, после того как дело метафоры сделано, в сущности, уже нечем поживиться» (3. С. 236).

Внимание к мандельштамовскому «таланту зоркого метафориста» привлек еще В. Ф. *Ходасевич*. В рецензии на сборник «Tristia. Стихи. Петербург–Берлин, 1922» он отделил О. М. с его «чистым метафоризмом» от акмеистов, перенявших метафору из символистского арсенала: «Расстаться с символическим приемом акмеисты не сумели, – или не решились. Как рудимент символистской двусмысленности, «двузначимости» реального мира, они сохранили любовь к метафоре. Этот метафоризм широко разросся в акмеизме, что вполне естественно, так как никакие другие задачи перед акмеистами не возникли. Поэзия Мандельштама – благородный образчик чистого метафоризма» (Ходасевич, 2010). Наблюдениям Ходасевича вторят выполненные через восемь десятилетий подсчеты М. Л. Гаспарова, согласно которым коэффициент метафоричности в поэзии О. М. выше, чем в поэзии Б. Л. *Пастернака*, общепризнанного метафоротворца (Гаспаров, 2000).

Метафоры О. М. вдохновили русских филологов на построение общей теории метафоры. Так, на них опирался Ю. И. Левин, когда выделил метафору-сравнение («колоннада рощи», т. е. колоннада как роща) и метафору-загадку («били копыта по клавишам мерзлым», т. е. по булыжникам, переименованным в «клавиши»). Третий тип метафор – приписывание одному объекту свойств другого – Ю. И. Левин проиллюстрировал уже примером из русского языка («ядовитый взгляд») (Левин, 1998).

Собственно мандельштамоведение ставит перед собой противоположные задачи: найти то, что делает метафору О. М. особенной, т. е. не похожей на метафоры других поэтов. Предлагаемых решений насчитывается по меньшей мере пять.

И. М. Семенко по данным сохранившихся черновиков О. М. определила типичный для него процесс создания поэзии и переводов как «безудержно метафорический»: «Мандельштам... идет путем разветвления и все большего уточнения метафоры... Отсюда – пропуски (в окончательных редакциях) опосредствующих звеньев, загадочность некоторых мест в его стихах, сугубая вещественность образов, зачастую являющихся до предела реализованной и уточненной метафорой. Отсюда же и еще одна мандельштамовская черта: отброшенные боковые ответвления переходят в другое стихотворение, становясь в нем главным стволом, вокруг которого, в свою очередь, вырастают новые ветви» (Семенко, 1997. С. 7).

Углублением тезиса И. М. Семенко стало исследование Н. А. Кожевниковой (Кожевникова, 1995). В нем на многих примерах прослежено, как одно и то же слово сначала употребляется в прямом смысле («И колокольни я люблю полет»), а затем – как вспомогательный образа тропа («И вся моя душа в колоколах»). Это явление встречается и в пределах одного ст-ния (как в только что процитированном «Пешеходе»), в ст-ниях-двойчатках, в разных ст-ниях.

О. Ронен подметил в творчестве Мандельштама наличие акмеистической метафоры-метонимии, она же – «эллиптическая цитата-загадка», расшифровка которой требует знания подтекста: «Доминирующим тропом образного языка акмеистов стал некий гибрид метафоры и метонимии, позволяющий создавать сложные системы интеллектуальных аналогий, сопрягающих подобное в наиболее отдаленном и одновременно обнаруживающих скрытое сходство частей и целого. Когда Мандельштам в одном из ранних стихотворений назвал судьбу цыганкой [«Ломовика судьба-цыганка / Обратно в степи привела». – Л. П.], то объяснить этот троп можно двояким образом: судьба столь же непостоянна, как цыганка, и – цыганки предсказывают судьбу. Третья мотивировка лежит уже за пределами стихотворения: это поэма Пушкина «Цыганы», завершающаяся словами: «И от судеб защиты нет»» (Ронен, 1992. С. 518).

Б. А. Успенский в качестве «анатомии» мандельштамовской метафоры выдвинул принцип парономасии, или фонетического сходства слов: «Для того, чтобы объяснить порождение метафоры, мы должны, констатировав необычное, переносное употребление того или иного слова, подобрать то слово, которое отвечало бы прямому употреблению и при этом было бы фонетически созвучным и, по возможности, изоритмичным» (Успенский, 1996. С. 315). Так, в строчках «И расхаживает ливень / С длинной плеткой ручьевой» в качестве фонетического и изоритмического субститута метафорического «ливня» предлагается «парень» (Успенский, 1996. С. 313).

Л. Г. Панова, реконструируя поэтическую картину мира О. М. на основе его языка, обратила внимание на устройство тропов, составляющих одно метафорическое высказывание. Это случаи типа «Мелколесья колется щетина»; [об Армении] «И нянчишь зверушек-детей»; «Тает в бочке, словно соль, звезда»; «Ты каждый раз, как иностранец, / Сквозь рощу портиков идешь»; «И над Римом диктатора-выродка / Подбородок тяжелый висит». В каждом из приведенных цитат метафоры и/ или сравнения, принадлежащие к разным частям речи и занимающие разные синтаксические позиции, выдержаны в одном коде (щетина колется; нянчат обычно детей; соль имеет свойство таять и т. д.), что и обеспечивает им мощное семантическое сцепление (Панова, 2003. С. 50–66). Подобные метафорические высказывания складываются в целые парадигмы (парадигме ‘движение’ посвящена статья Панова, 2001). В картине мира О. М. у такого приема имеется свое назначение – натурфилософское: вскрыть природу вещей и общее устройство мира.

В мандельштамоведении также рассматривалась метафорика, свойственная О. М. в разные периоды творчества. Ольга Фореро-Франко в своей немецкоязычной монографии «Метафора в ранней лирике Осипа Мандельштама. Исследование по употреблению метафор в циклах «Камень» и “Tristia”» (Forero-Franco, 2003) проанализировала метафоры двух первых поэтических сборников О. М. на фоне смены художественных парадигм, от символистской – к акмеистической. Тропеическим употреблением таких ключевых для О. М. слов, как «музыка», «воск», «камень», «стекло» и мн. др., передается процесс восприятия и распознавания мира, а сам мир оказывается воспроизведенным повторно и при том по акмеистическим правилам: во всей своей материальности и трехмерным. Ранее Питер Зееман указал на трехчленность метафоры позднего Мандельштама (Zeeman, 1988. С. 66–72), заместившей привычную двухчленность. В качестве одного из примеров он привел ст-ние «Как народная громада...» (1931): первый член – толпа/ скопление людей («народная громада», «баловники», «священники»), второй – стадо («стадо», «телки», «быки» и проч.), а третий – флот («армада», «плывет», «корабли»). Остальные его примеры не всегда отвечают критерию трехчленности.

Таким образом, интерпретация каждой метафоры О. М. требует учета сразу многих факторов и представляет собой особое герменевтическое искусство. Посвященная отдельным метафорам О. М. научная литература исчисляется сотнями и здесь не рассматривается.

Лит.: Гаспаров М. Л. Тропы в стихе: попытка измерения // Онтология стиха. Сб. памяти В. Е. Холшевникова. СПб., 2000. С. 13–21; Кожевникова Н. А. О тропах в стихотворениях О. Мандельштама // «Отдай меня, Воронеж...». Третьи международные мандельштамовские чтения. Воронеж, 1995. С. 250–264; Левин Ю. И. Структура русской метафоры // Левин Ю. И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М., 1998. С. 457–463; Панова Л. Г. «Метафора движения в поэзии О. Мандельштама» // Смерть и бессмертие поэта. Материалы международной мандельштамовской конференции 1998 г. Сост. М. З. Воробьева, И. Б. Делекторская и др. М., 2001. С. 182–189; Панова Л. Г. «Мир», «пространство», «время» в поэзии Осипа Мандельштама. М., 2003; Ронен О. Осип Мандельштам // Мандельштам О. Собрание произведений. Сост. С .В. Василенко, Ю. Л. Фрейдин. М., 1992; Ронен О. «Бедные Изиды». Об одной вольной шутке Осипа Мандельштама // Ронен О. Поэтика Осипа Мандельштама. СПб., 2002. С. 150–157; Семенко И. М. Поэтика позднего Мандельштама. От черновых редакций к окончательному тексту. М., 1997; Успенский Б. А. Анатомия метафоры у Мандельштама // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 2. М., 1996. С. 306–340; Ходасевич Вл. Собрание сочинений в восьми томах. Под редакцией Дж. Мальмстада и Роберта Хьюза. Т. 2. М., 2010. С. 283; Forero-Franco O. Die Metapher in Osip Mandel’štams lyrischem Frühwerk. Untersuchungen zum Metapherngebrauch in den Zyklen Kamen′ und Tristia. Heidelberg, 2003; Zeeman P. Metaphor // Zeeman P. The Later Poetry of Osip Mandelstam. Text and Context. Studies in Slavic Literature and Poetics. Vol. XI. Amsterdam: “Rodopi”, 1988. Pp. 56–88.

Л. Г. Панова

МИКЕЛАНДЖЕЛО (Michelangelo) Буонарроти (6.3.1475, Капрезе, ныне Капрезе-Микеланджело, Тоскана – 18.2.1564, Рим), итал. скульптор, художник, архитектор, поэт, один из самых ярких представителей культуры европ. Ренессанса. Наиб. значит. место в худож. наследии М. занимают росписи Сикстинской капеллы в Ватикане (1508, 1541), создание купола собора св. Петра в Риме (1546), ряд монументальных скульптур – «Давид» (Флоренция, 1501–1504), «Моисей» (Рим, 1515–16), скульптурные изображения капеллы Медичи, в частности, «День» и «Ночь» (Флоренция, 1532–34) и др.

Прямых мандельшт. высказываний о М. и его творчестве не зафиксировано, фрагментарные упоминания содержатся только в стихах, но и они позволяют говорить о высокой оценке О. М. микеланджеловского творчества. Авторитетным источником знаний О. М. о М. мог выступать Г. Р. *Тоде* – профессор новейшей истории искусств *Гейдельбергского университета*, среди работ к-рого монография «Микеланджело и конец Ренессанса» (в 2 т., 1902–1903); в зимнем семестре 1909–10 О. М. посещал его курсы лекций «Основы истории искусства» и «Великие венецианские художники XVI века». Весной 1912, осенью 1914 и весной 1915, очевидно, прослушал курсы лекций доктора теории и истории искусств проф. Д. В. Айналова «Высокий ренессанс» (Леонардо да Винчи, Микеланджело, Рафаэль), осенью 1913 – курс «Эпоха Возрождения» (преим. Италия и Франция) ректора С.-Петерб. ун-та д-ра всеобщей истории проф. Э. Д. Грима (см.: Сальман М. Г. Осип Мандельштам: годы учения в Санкт-Петербургском университете // Russian Literature. 2010. Vol. LXVIII. № 3–4. С. 456, 465, 463). Отличит. чертой мандельшт. восприятия наследия М. является высокая степень его смыслоформирующих воз-

можностей, проявляющаяся вплоть до предельно личностного контекста, см. как явную отсылку к творчеству М. его письмо Н. М. 28.4.1937: «Я завидую всем, кто тебя видит. Ты моя Москва и Рим и маленький Давид». С известными оговорками в этот типологич. ряд встраивается самоощущение С. Б. *Рудакова* от общения с О. М., отраженное в письме жене 20.4.1935: «На расстоянии это несоизмеримо и нерассказуемо. Я стою перед работающим механизмом (может быть, организмом – это то же) поэзии. <...> Больше нет человека – есть Микель Анджело».

Первое у О. М. упоминание М. появляется в стих. «Я должен жить, хотя я дважды умер...» (1935): «А небо, небо – твой Буонарроти...». Согласно комментарию Н. М., в данной строке подразумевается плафон Сикстинской капеллы в Ватикане: «О плафоне Микеланджело – он похож на небо с тучами. И обратно: небо – это плафон, где тучи – мощные фигуры». С высокой долей вероятности можно предположить, что актуальный для стихов нач. 1937 образ неба опосредованно связан именно с фигурой М., см. с возможными флорентийскими «коннотациями» (при безусловных ассоциациях с *Данте Алигьери*): «Где больше неба мне – там я бродить готов, / И ясная тоска меня не отпускает / От молодых еще воронежских холмов / К всечеловеческим, яснеющим в Тоскане»; см. также «Я скажу это начерно, шопотом...», «Тайная вечеря» («Небо вечери в стену влюбилось...»), «Заблудился я в небе что делать?..», «Может быть, это точка безумия...» и др. (все 1937).

Развернутая характеристика скульптурного наследия М. содержится в стих. «Рим» («Где лягушки фонтанов, расквакавшись...», 1937): «Все твои, Микель Анджело, сироты, / Облеченные в камень и стыд, – / Ночь, сырая от слез, и невинный / Молодой, легконогий Давид, / И постель, на которой несдвинутый / Моисей водопадом лежит, – / Мощь свободная и мера львиная / В усыпленьи и в рабстве молчит». По свидетельству Н. М., О. М. «быстро вспомнил, что Моисей не лежит, а сидит, но менять не захотел». Согласно наблюдению совр. комментаторов (Д. Михайлова, П. Нерлера), подтекстом образа «сырой от слез Ночи» может являться четверостишие самого М., переведенное Ф. И. *Тютчевым*; по мнению М. Л. Гаспарова, эти факты объединены: О. М. «придает Моисею позу знаменитой “Ночи”, за которой стоят столь же знаменитые стихи» (Гаспаров. 1996. С. 57). Здесь же можно указать случай опосредованного соположения искушенным современником имен О. М. и М. в связи с личностью А. А. *Ахматовой,* Н. И. *Харджиев* прямо сравнил ее графич. портрет работы А. Модильяни (1911) с мандельшт. восьмистишием «Ахматова» («Вполоборота, о печаль...», 1914), определенным как «“скульптурный” стиховой образ Ахматовой», а затем – с аллегорической фигурой Ночи М. (см.: Харджиев Н. И. О рисунке Модильяни // Ахматова А. Победа над Судьбой. I: Автобиографическая и мемуарная проза. Бег времени. Поэмы / сост., подгот. текстов, примеч. Н. И. Крайневой. М., 2005. С. 409–410). Согласно точке зрения Л. Г. Степановой и Г. А. Левинтона, присутствующая в гл. 5 «Разговора о Данте» (1933) скульптурная топика, обращенная к фигуре Данте, прямо соотносится с биографией и творчеством М., включенными в самый широкий культурно-ист. контекст. В частности, к его известному афоризму может восходить иронич. мандельшт. характеристика восприятия дантовской поэзии современниками: «В лучшем случае ему дают в руки резец и позволяют скульптурничать, или, как любят выражаться, “ваять”. При этом забывают одну маленькую подробность: резец только снимает лишнее и черновик скульптора не оставляет материальных следов»; см.: Комментарии // Мандельштам О. ПССиП: В 3 т. Т. 2: Проза / сост. А. Г. Мец; подгот. А. Г. Мец, Ф. Лоэст и др. М., 2010. С. 576–577).

Еще одна устойчивая семантич. модель, обнаруживающая в худож. мире О. М. смысловые параллели с творчеством М., связана с темой *архитектуры* и одним из ее важнейших содержат. компонентов – образом купола. Это, очевидно, мотивировано исключительно высоким ценностным культурным статусом для О. М. собора св. Петра в Риме – гл. церк. сооружения в христ. традиции, соединенного с именем М. (ср.: Пшибыльский Р. Рим Осипа Мандельштама // Мандельштам и античность. С. 52–56); см: «И кряжистого Лютера незрячий / Витает дух над куполом Петра» и др. Данная особенность прямо соотнесена с итал. топосом, что выступает как его своеобразный «дифференциальный признак»; см.: «Поговорим о Риме – дивный град! / Он утвердился купола победой» и др.; ср. ст. «Пшеница человеческая» (1922), где упоминается ист. (т. е. европ.) земля, «несущая Рим и собор святого Петра». В таком контексте особое значение приобретает факт соединения образов неба и купола [см. предваряющее появление имени М. замечание Н. М.: «Ощущение земли как дома, а неба как купола – постоянная тема» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 759)]; даже при обоснованности этого широкой культурной традицией возможно предполагать, что для худож. мировоззрения О. М. подобное сближение или было ассоциативно связано с фигурой М. и его творчеством, или прямо актуализировано им.

С. Г. Шиндин.

МИЛАШЕВСКИЙ Владимир Алексеевич [1893, Тифлис (ныне Тбилиси, Грузия) – 1976], живописец, акварелист, график; автор трех графич. портретов О. М. и мемуарной прозы. Искусству рисования учился в Саратове (1903–10), Харькове (1911–13), С.-Петербурге (1913–15), работал в «Новой художественной мастерской» под руководством М. В. Добужинского, Е. Е. Лансере, А. Е. Яковлева. В нач. 1920-х гг. входил в ближайший круг М. А. Кузмина, долгие годы был дружен с О. Н. *Гильдебрандт-Арбениной* и Ю. Юркуном. Один из организаторов и активных участников группы художников «13», в к-рую в разное время входили такие мастера, как А. Д. Древин, Н. В. Кузьмин, Т. А. Маврина, Б. Ф. Рыбченков, Н. А. Удальцова.

Знакомство с О. М. произошло, очевидно, в кон. 1920 в петрогр. *Доме искусств* (там же в 1921 состоялось первое экспонирование работ М. на выставке произведений художников – членов Дома искусств). Об этом периоде и встречах с О. М. М. рассказал в своих исключительно беллетризованных (и вряд ли достоверных) мемуарах. Ему принадлежит свидетельство о непродолжит. посещении О. М. летом 1921 дома отдыха (колонии) Дома искусств в имениях Холомки и Бельское Устье в Псковской губ., однако данное сообщение не подтверждается ни биографич. хроникой жизни О. М., ни свидетельствами современников, О. М. не упомянут среди отдыхавших в Холомках др. мемуаристами (см., напр., Чуковский Н. Холомки // Чуковский Н. Литературные воспоминания. М., 1989).

Существуют три графич. портрета О. М. работы М. Два из них сделаны летом 1932 в Доме отдыха писателей в Голицыно, традиционно они именуются «Раввин из Толедо» и «Верблюдик» (картон, тушь, спичка). По предположению совр. исследователя, третий из портретов О. М. (картон, карандаш, тушь, спичка) является более поздней авторской копией (В. Добромиров). Мандельшт. оценка работ М. не известна; Н. М. позднее негативно отозвалась об одном из портретов («Раввин из Толедо»): «бедный рисунок Милашевского <...> ни на одну сотую долю на Мандельштама не похож».

С о ч.: Вчера, позавчера... Воспоминания художника. 2-е изд., испр. и доп. М., 1989. С. 114–115, 213–215, 227, 231, 235; Мандельштам // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. Вып. 2. Воронеж, 1994.

Лит.: Художники группы «Тринадцать» (Из истории художественной жизни 1920–1930-х гг.). М., 1986. Д о б р о м и р о в В. Д. «Верблюдик» и его авторское повторение. Портрет О. Мандельштама в собр. Воронежского худож. музея им. И. Н. Крамского // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. Вып. 2. Воронеж, 1994.

С. Г. Шиндин.

МИЛЮТИН Иван Корнильевич (23.4.1906, Ярославль – 3.10.1973, Таллин, Эстония), инженер-гидравлик, до ареста (26.1.1938, по ст. 58) инженер Наро-Фоминского воен. гарнизона. Прибыл во *Владивостокский пересыльный лагерь* незадолго до О. М., жил с ним в одном бараке. В конце ноябре или нач. декабря 1938 пароходом «Дальстрой» был отправлен на Колыму. Освобожден в 1946, но 25.6.1949 вновь арестован и отправлен в ссылку в с. Богучаны Красноярского края. Реабилитирован 24.4.1956 (в это время жил в Минусинске). В 1957 М. вместе с женой и тещей переехал в Эстонию, где в 1958 по просьбе жены записал свои воспоминания о встрече с О. М., содержавшие и упреки в его адрес (в частности, по поводу симуляции О. М. сумасшествия и его контактов с блатными). Через С. Г. Спасскую и А. А. *Ахматову* эти воспоминания были переданы Н. М., но отражения в ее «Воспоминаниях» не нашли.

С о ч.: [«Вспоминает Иван Корнильевич Милютин...»] // Милютина Т. П. Люди моей жизни. Тарту, 1997. С. 342–344.

Лит.: М и л ю т и н а Т. П. Люди моей жизни / предисл. С. Г. Исакова. Тарту, 1997.

П. М. Нерлер.

МИНДЛИН Эмилий Львович (25.5.1900, г. Александровск Екатеринославской губ. – август 1981, Москва), писатель, журналист, мемуарист. Начинал как поэт. С творчеством О. М. впервые познакомился в 1919: прочел стих. «Tristia» – «настоящее чудо поэзии» (М и н д л и н. С. 89) – в харьковском журнале *«Пути творчества»*. Встреча с О. М. состоялась осенью 1919 в *Феодосии*. Увидев первый номер альманаха *Феодосийского литературно-артистического кружка* (ФЛАКа) *«К искусству!»* со стихами О. М., М. А. *Волошина*, М. И. *Цветаевой* и др., М. послал туда свои стихи. В 1920 М. с поэтом А. С. Соколовским издали альманах *«Ковчег»* на средства, вырученные от вечера «Богема» во Флаке: в этом вечере участвовала группа поэтов во главе с О. М.. В «Ковчеге» были напечатаны 6 стих. О. М. («Сестры, тяжесть и нежность...» впервые). На титуле принадлежащего М. экземпляра «Ковчега» имеется инскрипт О. М.: «Что я скажу? Осип Мандельштам»» (РГАЛИ. Ф. 2552. Инв. № 11879а). В мемуарах М. описана история ссоры О. М. и Волошина, а также ареста и освобождения О. М. из врангелевской тюрьмы (август 1920). Наличие др. мемуаров и документальных свидетельств, во многом совпадающих с воспоминаниями М. об О. М., не помешали Н. М. назвать их «глупейшей главкой». Ахматова включила М. в число «мемуаристов известного склада», к-рые «бережно и любовно собирают и хранят любые сплетни, вздор, главным образом обывательскую точку зрения на поэта». В 1922–24 М. встречался с О. М. в моск. редакции газеты *«Накануне»*, где работал секретарем и спецкором: «Он стал частым посетителем нашей редакции и довольно много печатался в литературных приложениях к “Накануне”» (М и н д л и н. С. 102). Действительно, за период с 7.6.1922 по 7.10.1923 в газете и приложениях появилось 9 стих. и 3 статьи («Пшеница человеческая» и «Гуманизм и современность» впервые). М. принимал участие в публикации стихов (посылал А. Н. *Толстому* в Берлин) «Ветер нам утешенье принес...», «С розовой пеной усталости у мягких губ...», «Нашедший подкову». В нач. 1920-х гг. О. М. и М. посещали собрания лит. об-ва *«Литературный особняк»* в *Доме Герцена*. Последняя случайная встреча произошла в моск. метро после воронежской ссылки О. М. М. начал ругать метро, мол, нечего человеку уходить под землю, а О. М., наоборот, восхищался и защищал метро: «Мы никогда не понимаем современников. И что, в конце концов, делать людям, которых становится все больше и больше?» (сообщено П. Нерлеру 13.7.1980).

С о ч.: Необыкновенные собеседники. М., 1979.

Архивы: РГАЛИ. Ф. 2252.

С. Ф. Данилова.

МИНСКИЙ (наст. фам. Виленкин) Николай Максимович (15.1.1856, м. Глубокое Дисненского у. Виленской губ. – 2.7.1937, Париж, Франция), поэт, религ. философ, драматург, переводчик, критик. В текстах О. М. имя М. встречается лишь однажды – в письме юного поэта к своему учителю словесности в *Тенишевском училище* В. В. *Гиппиусу* от 14.4.1908. Указывая в письме на то обстоятельство, что «связь религии с общественностью» для него «порвалась уже в детстве» и что, «пятнадцати лет» пройдя через «очистительный огонь Ибсена», он «стал окончательно на почву религиозного индивидуализма и антиобщественности», О. М. констатирует пантеистич. характер своего «религиозного сознания», противопоставляя собств. наивное поклонение «Пану», т. е. «несознанному Богу» (в духе Кнута Гамсуна) религ.-обновленч. теориям М.: «О, успокойтесь, это не “мэонизм”, и вообще с Минским я не имею ничего общего».

Данное письмо свидетельствует как о знакомстве О. М. с программной поэмой М. «Холодные слова» (1895), откуда и взято перефразированное выражение «несознанному Богу» (у М. «неведомому Богу»; впервые формула использована Д. С. *Мережковским* в одном из эпиграфов к сб. «Символы», 1892), так и о чтении О. М. трактатов М. «При свете совести: Мысли и мечты о цели жизни» (1890; 2-е изд.: 1897) и «Религия будущего: Философские разго-

воры» (1905), в к-рых изложены основы религ. учения М. – «мэонизма». Вероятно, эти произведения М. вошли в круг умств. интересов юного гимназиста во многом благодаря тесному общению с Гиппиусом, к-рый во 2-й пол. 1890-х гг., будучи причастным к религ.-филос. течению *символизма*, тесно общался с Мережковским и М. Однако, как следует из контекста письма, О. М. в 1908, взяв за ориентир поэтич. мечты гл. героя романа Гамсуна «Пан» (1894), скорее склонялся к обновл. «религии Природы» Ж.-Ж. Руссо, чем к обновл. «религии общественности» М.

Мемуаристами не зафиксировано сколько-нибудь значимых встреч О. М. и М., и это, несмотря на то что внешних поводов для таких контактов в биографии обоих было достаточно: они оба были в Париже зимой 1907 – весной 1908, когда посещали собрания леворадикальных кругов рус. эмиграции, в Петербурге весной 1914, когда проявляли интерес к публ. лекциям в Тенишевском уч-ще (причем М. бывал там не только в качестве слушателя, но и лектора). Не помогло установлению личного знакомства и дальнее родство О. М. по материнской линии с семейством С. А. *Венгерова* и З. А. *Венгеровой*, с к-рым М., в свою очередь, был связан узами тесной дружбы, а затем и родства (в 1925 Венгерова стала женой М.). Скорее всего, гл. причиной этих «невстреч» стала безнадежно испорченная уже к 1908 репутация М. как религ. мыслителя, к-рый, пытаясь связать идеи религ. рев-ции с экономич. программой марксизма, поплатился за свое сотрудничество с большевистской газетой «Новая жизнь» (1905) не только длительной эмиграцией, но и разрывом всех духовных связей в среде отеч. интеллигенции, воспринявшей его союз с В. И. *Лениным* и М. *Горьким* как идейное ренегатство (см.: Философов Д. В. История одного легкомыслия // Наша жизнь. 1906. № 407. 30 марта. С. 2). К тому же «мэонизм» М. отошел в область культурного предания раньше, чем О. М. успел состояться как зрелая творч. личность. Наконец, в восприятии О. М., выпускника Тенишевского уч-ща, поэзия М., вероятно, относилась к культурному наследию 1880–90-х гг., прочно ассоциировавшемуся с творчеством С. Я. *Надсона*. В понимании О. М., ни М., ни его единомышленникам так и не удалось, в отличие, напр., от Ф. *Сологуба*, вдохнуть новую жизнь в «приемы старой русской лирики упаднического периода, включая Надсона, Апухтина и Голенищева-Кутузова, очистив эти приемы от мусорной эмоциональной примеси...» («Буря и натиск») Судя по ретроспективному контексту кн. «Шум времени», поэзия М. причислялась О. М. к разряду второсортной стихотворной продукции многочисл. альманахов и сборников рубежа веков: «Ужасные “Чтецы-декламаторы”, всякие “Русские музы” с П. Я., Михайловым и Тарасовым, где мы добросовестно искали поэзии и все-таки иногда смущались». Здесь названы именно те сборники, в к-рых часто перепечатывались нек-рые стихи и поэмы М. в 1880–90-х гг. К.-л. следов поэзии М. в виде отчетливых реминисценций или аллюзий в лирич. наследии самого О. М. не обнаружено.

Лит.: Струве Н. О. Мандельштам. Томск, 1992. С. 88–90.

С. В. Сапожков.

МИТРОХИН Дмитрий Исидорович (15.5.1883, Ейск Ейского отдела Кубанской обл. – 7.11.1973, Москва), мастер станковой и книжной графики, иллюстратор, гравер. В 1901–04 в Москве занимался в Уч-ще живописи, ваяния и зодчества и Строгановском худож.-пром. уч-ще, в 1905–06 в частных рисовальных школах в Париже, посещал мастерскую Е. С. *Кругликовой*, в 1916 стал членом объединения «Мир искусства». С нач. 1910-х гг. работал в сфере книжного оформления, позднее обращался к разл. графич. техникам – ксилографии (1923–34), литографии (1925–1934), гравюрам резцом и сухой иглой на металле (с 1927), станковому рисунку и акварели (преим. в жанре пейзажей и натюрмортов). С 1908 сотрудничал с журналами «Сатирикон» и *«Аполлон»*, изд-вами «И. Н. Кнебель», «М. и С. Сабашниковы» (для к-рого выполнил издательскую марку), «Парус» и др., после 1918 с ведущими советскими изд-вами (*Наркомпроса*, *«Земля и фабрика»*, «Красная новь», «Academia», *Госиздат*, *Гослитиздат*, Детгиз и др.) и, в частности, с журналом *«Сирена»*. Один из инициаторов создания Об-ва любителей худож. книги (1922). В 1919–30 преподавал в Высшем ин-те фотографии и фототехники и Высшем худож.-техн. ин-те.

Знакомство с О. М. могло произойти в доме М. А. *Кузмина*, в круг постоянного общения к-рого входил М. (см.: Гильдебрандт-Арбенина О. Н. Воспоминания о белизне (Д. Митрохин) [1976] // Гильдебрандт-Арбенина О. «Девочка, катящая серсо...»: Мемуарные записи. Дневники / сост. А. Дмитриенко. М., 2007. С. 66). Вместе с тем в 1913–16 О. М. был тесно связан с лит.-худож. кружком, участником к-рого, среди прочих, был и М. и собрания к-рого проходили у братьев *Л. А. Бруни* и *Н. А. Бруни* в т. н. «квартире № 5» в Академии художеств, где О. М. часто выступал с чтением своих стихов по «четвергам», а по «средам» в редакции «Нового журнала для всех» (см.: Пунин Н. Н. «Квартира № 5»: Глава из воспоминаний / публ. и коммент. И. Н. Пуниной // Панорама искусств. 12. М, 1989. С. 181). М. – автор обложек мандельшт. сб-ков «Стихотворения» (М.; Л.: ГИЗ. 1928) и «О поэзии» (Л.: Academia, 1928). Возможно, именно ему в письме в Госиздат 25.6.1928 О. М. передавал «благодарность за отличное “оформление” “Стихотворений”» и в связи с готовящейся к печати повести «Египетская марка» (1927) отмечал: «Обложку я просил бы поручить Митрохину» (издание не состоялось). Насколько можно судить, это единственный случай, когда О. М. проявил прямую заинтересованность в работе с конкретным книжным графиком. В то же время и сам М., видимо, был небезразличен к возможному творч. сотрудничеству с О. М., 13.9.1924 в письме известному коллекционеру П. Д. Эттингеру он отмечал: «Слышал, что М. Добужинский делает рисунки к детской книжке О. Мандельштама “Примус” в изд-ве “Время”» (Письма Д. И. Митрохина // Книга о Митрохине: Статьи, письма, воспоминания / сост. Л. В. Чаги, подгот. текста и примеч. И. Я. Васильевой. М., 1986. С. 142).

С. Г. Шиндин.

МИТУРИЧ Петр Васильевич (12.9.1887, С.-Петербург – 27.10.1956, Москва), художник-график; работал также в области живописи, книжной иллюстрации, литографии. В 1909–15 учился в петерб. АХ в мастерской батальной живописи Н. С. Самокиша. Член объединений «Мир искусства» (с 1915) и «Четыре искусства» (1925–29). Преподавал в моск. Вхутемасе – Вхутеине (1923–30).

С О. М. познакомился в 1914–15 во время встреч молодых деятелей искусства (поэты К. Д. *Бальмонт*, М. А. Зенкевич, Г. Н. Петников, Н. А. *Клюев*, Р. *Ивнев*, Г. В. *Иванов*, художники Л. А. *Бруни*, П. И. Львов, В. Е. *Татлин*, Н. А. Тырса, Н. И. *Альтман* и М., критик Н. Н. *Пунин*, музыканты А. С. *Лурье* и Н. К. Бальмонт), собиравшихся на квартире помощника хранителя Музея АХ С. Н. Исакова (П у н и н Н. Н. Квартира № 5: Глава из воспоминаний / предисл., публ. и коммент. И. Н. Пуниной // Панорама искусств. № 12. М., 1989. С. 187–190. В опубл. А. Е. Парнисом фрагменте воспоминаний М. «Мое первое знакомство с Велимиром Хлебниковым» сохранилось свидетельство об одном из вечеров нач. января 1916, где В. *Хлебников* прочитал стих. «Где волк воскликнул кровью...», а О. М. – ранний вариант стих. «Звринец»: «Я трепетал от волнения, когда мне сказали, что придет Хлебников. <...> Пришел Артур Лурье – пианист-композитор, Осип Мандельштам, Георгий Иванов или Ивнев (не помню)» (П а р н и с. С. 26). В 1915 М. сделал графич. портрет О. М., опубл. в журнале *«Аполлон»*, на вклейке между с. 12 и 13 [П у н и н Н. Н. Рисунки нескольких «молодых» (Н. И. Альтман, П. И. Львов, П. В. Митурич, Н. А. Тырса, Л. А. Бруни, М. К. Соколов) // Аполлон. 1916. № 4–5]. Впервые экспонировался (как и портрет О. М. работы Бруни) в апреле 1916 на Выставке совр. рус. живописи в Худож. бюро Н. Е. Добычиной (Петроград). Работа выставлялась также на 1-й гос. свободной выставке произведений искусств (Петроград, 1919). Первые впечатления от знакомства с поэтом С. Б. *Рудаков* позднее сравнивал в письме к жене с воспоминаниями о датируемом по памяти (ошибочно) портрете работы М.: «Ему 43 года, выглядит гораздо старше (и старее), но, когда спокоен, – это тот Мандельштам, который нарисован в “Аполлоне” 21-го года и с хохолком (бороды нет, он бреется!)» (Мандельштам в письмах Рудакова. С. 33–34). Портрет сросся в культурной памяти с представлением об облике О. М. в предрев. годы и многократно воспроизводился в последующие годы. О важности места, занимаемого портретом М. в иконографии О. М., свидетельствует и упоминание во фрагменте IV из «Прозы к поэме» А. А. *Ахматовой* (декабрь 1961): «У правой кулис[ы] – край полосатой сол[датской] будки. Угол Марсова поля. Дом Адмони, в который было прямое попадание авиабомбы в 1942 г. (Бюро Добычиной). Новогодняя мятель. <...> В окна “Бюро Добычиной” смотрят, ненавязчиво мелькая, ожившие портреты: Шаляпин в шубе, Мейерхольд (Григ[орьева]), А. Павлова – Лебедь, Тамара Карсавина, Саломея [неразб.], Ахматова Альтмана, Лурье Митурича, Кузмин, Мандельштам Митурича, Гумилев Гончаровой, Блок Сомова, молодой Стравинский, Велимир I, Маяковский на мосту, видно, как Городецкий, Есенин, Клюев, Клычков пляшут “русскую”, там “башня” Вяч[еслава] Ива[анова] (есть, Фауст, казн[ь]), будущая bienheureuse Marie – Лиза Карав[аева] читает “Скифские черепки”» (А х м а т о в а А. А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 3: Поэмы. Pro domo mea. Театр. М., 1998. С. 263–264). Сохранилось свидетельство Н. М. (из письма Ю. А. Молоку 28.9.1970): «К сожалению, я ничего не слышала от О. М. о его портрете работы Митурича. Он как бы забыл о нем (и о портрете Л. А. Бруни он тоже никогда не упоминал). Петра Васильевича мы иногда встречали в редакциях, останавливались, разговаривали. О. М. всегда говорил: “Он хороший художник”» (Цит. по: М о л о к. С. 4–5).

С о ч.: Записки сурового реалиста эпохи авангарда: Дневники, письма, воспоминания, статьи. М., 1997 («Архив русского авангарда»).

Лит.: Митурич Петр Васильевич (1887–1956): Выставка произведений: Живопись. Графика: Каталог / вступ. ст. М. В. Алпатова и М. П. Митурича, М., 1968; Петр Митурич: Альбом / вступ. ст. Н. Н. Розановой. М., 1973; М о л о к Ю. А. Ахматова и Мандельштам (К биографии ранних портретов) // Творчество 1988. № 6. С. 3–5; П а р н и с А. Е. Мандельштам в Петрограде в 1915–1916 годах: Материалы к иконографии поэта // ЛО. 1991. № 6. С. 25–30; Петр Васильевич Митурич (1887–1956): К 90-летию со дня рождения: Каталог выставки / вступ. ст. и сост. Е. М. Жуковой. М., 1978; Ч е г о д а е в а М. А. Заповедный мир Митуричей – Хлебниковых. Вера и Петр. М., 2004 (Серия: Символы времени).

И. Е. Лощилов.

МОЛОТОВ (наст. фам. Скрябин) Вячеслав Михайлович (25.2.1890, слобода Кукарка Нолинского у. Вятской губ. – 8.11.1986, Москва), партийный и гос. деятель. С 1906 большевик. В 1921–30 секр. ЦК ВКП(б), одноврем. в 1928–29 1-й секр. МГК партии. В 1926–57 член Политбюро (Президиума) ЦК КПСС. В 1930–41 пред. СНК СССР и (до 1937) СТО СССР. По сообщению Н. М., поездку в Армению, а также пенсию для О. М. Н. И. *Бухарин* устраивал через М. Кроме того, Н. М. предполагала, что с М. связан один из гротескных образов в стих. «Мы живем, под собою не чуя страны...» – «сброд тонкошеих вождей»: «Тонкую шею О. М. приметил у Молотова – она торчала из воротничка, увенчанная маленькой головкой. “Как у кота”, – сказал О. М., показывая мне портрет».

Е. А. Яблоков.

МОЛЧАНОВ Борис Евгеньевич (10.1.1907, г. Короча Белгородской обл. – 13.12.1978, Воронеж), воронежский знакомый О. М., инженер-строитель, сотрудник «Воронежгражданпроекта», доцент кафедры Инж.-строит. ин-та. В кон. апреля 1937 М. женился на Н. Е. *Штемпель*, но уже в конце 1937, после ее отказа переехать в Москву, где М. предлагали работу, они разошлись. Это краткое замужество отразилось в стихотворении О. М. «Клейкой клятвой пахнут почки...».

П. М. Нерлер.

МОЛЬЕР (Molière; псевд.; наст. фам. Поклен; Poquelin) Жан Батист (15.1.1622, Париж – 17.2.1673, там же), франц. драматург, актер, театральный деятель. В драматургич. практике являлся сторонником классицизма (в круг его близкого общения входили Н. Буало, Ж. *Лафонтен*, Ж. *Расин*), соединяя опыт к-рого с традициями франц. нар. театра выступил последоват. создателем нового типа «высокой» комедии. Переводы пьес М. на рус. язык стали появляться с нач. 18 в., многие переводились неоднократно. Уже современная О. М. филол. наука отмечала заметное влияние мольеровской драматургии на А. П. Сумарокова, Д. И. Фонвизина, В. Я. Капниста, И. А. *Крылова* и др., но в наиб. степени на А. С. Грибоедова; см., напр.: Ф р и ч е В. М. Мольер. М., 1913; П и к с а н о в Н. К. Грибоедов и Мольер (Переоценка

традиции). М., 1922; Мокульский С. Мольер: Проблемы творчества. Л., 1935.

Одним из источников актуализации мандельшт. интереса к творчеству М. могло стать профессионально подготовленное издание его комедий, вышедшее в серии «Библиотека великих писателей» (в 2 т.; СПб., 1912–13) под ред. С. А. *Венгерова*, чей семинар О. М. посещал в период обучения в 1913–14 на ист.-филол. ф-те *Санкт-Петербургского университета*. С известным допущением можно предположить, что элементы худож. метода М. нашли прямое или косв. отражение в написанной летом–осенью 1917 в Алуште коллективной шуточной пьесе в стихах «Кофейня разбитых сердец», одним из авторов к-рой и «прообразом» одного из персонажей был О. М. (Кофейня разбитых сердец: Коллективная шуточная пьеса в стихах при участии О. Э. Мандельштама / публ. Т. Л. Никольской и др. // Stanford Slavic Studies. 1997. Vol. 12). При явной доброжелательности мандельшт. отношения к М., отзывы о нем предельно лаконичны и проявляются в форме авторской иронии. В повести «Шум времени» (1923–24) М. наравне с В. *Гюго*, А. М. Л. де Ламартином и *Наполеоном I Бонапартом* включен в набор имен, перечисляемых как «объекты культа» гувернанток-француженок. Упоминание М. содержится в иронич. контексте внутр. рец. О. М. на книгу Ж. *Дюамеля* «Сердечная география Европы» (1931), автор к-рой «умиляется корешками французских книг в библиотеке новогреческого поэта – куда не приедешь – всюду Расин и Мольер». К собственно драматургич. «ореолу» мольеровской фигуры О. М. обратился в заметке «“Березиль” (Из киевских впечатлений)» (1926), где констатировал: «Украинский театр хочет быть рассудочным и прозрачным, чтобы на него изливалось румяное солнце Мольера. <...> Украинская комедия движется вокруг Мольерова солнца». Один из самых известных персонажей М. – герой комедии-балета «Мещанин во дворянстве» (пост. 1670, изд. 1671) Журден – появляется в мандельшт. ст. «О природе слова» (1920–22) в связи с критич. освещением традиций рус. *символизма*: «Русский лжесимволизм действительно лжесимволизм. Журдень открыл на старости лет, что он говорил всю жизнь прозой. Русские символисты открыли такую же прозу».

С. Г. Шиндин.

МОНТРЁ (Montreux), город в кантоне Во, близ Лозанны, на берегу оз. Леман (Женевского оз.) в *Швейцарии*. Климатич. и бальнеологич. курорт. Известен мягким, и стабильным умеренно-влажным микроклиматом, высящимся над М. величеств. пиком Рошерш-де-Найе (2045 м), а также лучшими сортами столового винограда. В нач. 20 в. М. – маленькая деревушка с живописным видом на горы, озеро и опоясанный пальмовым променадом мыс, на к-ром расположилось собственно М. с казино и роскошными отелями. За алтарем англиканской церкви находилась нижняя станция фуникулера, ведущего в деревушки Глион (Glion) и Ко (Caux).

В это время М. был средоточием оживленной муз., театр. и лит. жизни: здесь жили и работали Г. Доре, Р. Роллан и др. Вместе с матерью и мл. братом Е. Э *Мандельштамом* О. М. провел в М. 2–3 нед. в кон. августа – нач. сентября 1909. Отсюда он отправил письма В. И. *Иванову* [13(26).8.1909] и И. Ф. *Анненскому* [17(30).8.1909]. Мандельштамы остановились в М.-Террите (Montreux-Territet), в 50-местном санатории L'Abri (от франц.: приют, прибежище, укрытие), к-рый, по сообщению Л. Бинигиссер (Лозанна), построен в 1895 арх. Клерком (Clerc), перестроен в 1905–06; директор – д-р Лой (Loy). Внушит. размеров, с двумя башнями замкового типа санаторий должен был создавать у больных и постояльцев ощущение уверенности и надежды. Здание сохранилось почти без изменений (в наст. время жилой дом). В М.-Террите находились корты теннисного клуба. О. М. переехал из М. в *Гейдельберг*, где записался в *Гейдельбергский университет* на зимний семестр 1909–10.

П. М. Нерлер.

МОСКВА в жизни и творчестве О. Э. Мандельштама. Начиная с 1916 жизнь О. М. теснейшим образом была связана с М. Первые приезды О. М. в М. относятся к периоду кон. января – нач. июня 1916 и связаны с М. И. *Цветаевой* [1; 2; 3; I]. В это время созданы адресованные ей стихи, в к-рых начала звучать моск. тема: «В разноголосице девического хора...», «На розвальнях, уложенных соломой...», «О, этот воздух, смутой пьяный...», «Не веря воскресенью чуду...». В это же время О. М. по меньшей мере дважды посещал в М. и В. И. *Иванова* [4]. Будучи работником *Наркомпроса*, О. М. не позднее июня 1918 переехал в Москву и поселился в гостинице «Метрополь» [11], к-рая тогда именовалась «2-м Домом Советов», в ней жили советские служащие. Воспоминания о жизни в «Метрополе» отразились в очерке «Холодное лето» (1923). В 1918 О. М. был работником отдела реформы школы, числился зав. подотделом эстетич. воспитания. О. М. виделся с А. А. *Ахматовой* [14] и, вероятно, с Цветаевой, встречался с поэтами и писателями у мецената М. О. Цетлина [10]. Непосредственно с М. связаны стихи этого времени: «Все чуждо нам в столице непотребной...», «Когда в теплой ночи замирает...», «Прославим, братья, сумерки свободы...» (опубл. в газете «Знамя труда» [12]) и, очевидно, «Телефон». В июне или самом нач. июля произошло столкновение О. М. с Я. Г. *Блюмкиным* [16, 17, 129]: опасаясь его мести, О. М. бежал из М. в Петроград, но вскоре возвратился. В феврале 1919 вместе с А. Э. *Мандельштамом*, О. М. уехал из М. в Харьков. В октябре 1920, возвращаясь с Кавказа в Петроград, О. М. остановился в М. Так же – транзитом – О. М. неоднократно проезжал через М. в 1921–22, задерживаясь в ней на неск. дней. При этом весной 1921, направляясь в Киев к Н. М., О. М. оказался вовлеченным в ссору с В. Г. *Шершеневичем* [21] и вызвал его на дуэль (не состоялась). Весной 1922 О. М. и Н. М. переехали в М. на постоянное жительство. С сер. апреля до нач. мая они жили у Цветаевой, готовившейся к отъезду за границу [1]. Не позднее 11.5.1922 О. М. и Н. М. получили комнату во флигеле *«Дома Герцена»* [24] на Тверском бул. (на стене здания установлена мемориальная доска). Тяжелое и сильное впечатление на О. М. произвело изъятие церк. ценностей в соседнем с «Домом Герцена» храме. В «Доме Герцена» они прожили примерно 14 мес.; творч. активность О. М. в это время была очень высокой: он писал статьи, очерки, рецензии, занимался переводами со старофранц. и нем. языков, публиковал стихи и прозу в десятках журналов и газет, выходивших гл. обр. в М. или имевших в М. свои редакции

(как, напр., берлинская газета «*Накануне*») [31]. В М. в 1923 вышли книги О. М. – «*Вторая книга*» (в изд-ве «*Круг*») [47] и 3-е изд. «*Камня*» (в *Госиздате*) [30]. В нач. августа 1923 О. М. и Н. М. уехали в Крым и фактически покинули «Дом Герцена»: протестуя против неуважения к лит. труду в писательском общежитии, О. М. вышел из Всерос. союза писателей и отказался от своей комнаты. По возвращении в М. в нач. октября 1923 О. М. и Н. М. жили ок. 3 недель у Е. Я. *Хазина*, брата Н. М., в Савельевском пер. у Остоженки [53]. Отсюда они переселились на др. квартиру – в Замоскворечье, где провели всю зиму 1923/24 [55] (на сам Новый год они ездили в Киев). Это время отмечено возвращением стихов (в частности, пишется «1 января 1924», начатое в Киеве) и погружением в переводы совр. иностр. литературы. В июне–июле О. М. получил путевку в дом отдыха *Центральной комиссии по улучшению быта ученых* (ЦЕКУБУ) в Апрелевке, где шла работа над «Шумом времени» (начатым в Крыму). В кон. июля О. М. и Н. М. переехали в Ленинград и Детское (быв. Царское) Село, и на неск. лет М., по-прежнему играя важную роль в получении О. М. заказных переводных работ, стала не более чем транзитным городом между Ленинградом и курортами Крыма, где Н. М. поправляла свое здоровье. Относительно длит. время О. М. и Н. М. провели в М. во 2-й пол. октябре–ноябре 1928, когда жили в санатории ЦЕКУБУ «Узкое» (ныне в черте М.) [68]. В декабре 1928 О. М. и Н. М. покинули Детское Село и окончательно поселились в М. (хотя жили здесь не постоянно). Сначала они остановились у Мандельштама в Старосадском пер.[77] (здесь О. М. и Н. М. будут останавливаться еще не раз). Уехав в Киев, к родителям Н. М., в кон. декабря 1928 на Новый год, О. М. и Н. М. возвратились в М. только в марте 1929. О. М. временно поселился в общежитии ЦЕКУБУ на Кропоткинской наб. [69]. Планам перехода на преподават. работу в Ереванский ун-т не суждено было осуществиться, и с сер. июля до 2-й пол. августа О. М. и Н. М. жили в Ялте. Возвратившись в М., они поселились на М. Бронной ул., в комнате, к-рую, по словам Э. Г. *Герштейн*, снимали у «ИТРовского работника» [72]. В августе О. М. поступил на службу в газету *«Московский комсомолец»* (МК) [73], где работал с молодыми поэтами и вел «Литературную страницу». В газете появились «Письмо тов. Кочину» и ряд анонимных публикаций О. М. В январе 1930, в связи с прекращением издания МК, О. М. перешел в газету «Вечерняя Москва» и журнал «Пятидневка» [73]. Немало сил и времени отнял у О. М. в 1928–30 конфликт в связи с публикацией изд-вом *«Земля и фабрика»* перевода романа «Тиль Уленшпигель» Ш. де Костера; конфликт послужил одной из причин написания «Четвертой прозы» (1929–30). В апреле 1930 О. М. и Н. М. уехали на Кавказ, жили в Абхазии, Грузии, Армении. В ноябре 1930, по возвращении с Кавказа, они приехали в Ленинград с намерением там обосноваться. Однако и этим планам не суждено было сбыться, и не позднее февраля 1931 О. М. с женой вернулись в М. О. М. жил в Старосадском пер., у своего брата, а Н. М. – по большей части на Страстном бул. у своего [54]. В июне 1931 они перебрались в Замоскворечье, на Б. Полянку, в квартиру юриста Ц. Г. Рысса [80]; осенью, когда Н. М. лежала в Боткинской больнице, О. М. снимал комнату на ул. Покровка [81]. Период весны–осени 1931 – время высокой творч. активности О. М., при этом и в стихах, и в прозе «моск.» мотив является одним из ведущих. В это время написаны «Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето...», «Еще далеко мне до патриарха...», «Сегодня можно снять декалькомани...» и др. стихи. Конец 1931 О. М. и Н. М. провели в доме отдыха «Болшево», недалеко от М. В конце января или нач. февраля 1932 они вновь поселились в «Доме Герцена», на этот раз в др. флигеле. В 1932–33 в М. прошло неск. вечеров О. М., в частности в редакции *«Литературной газеты»* (10.11.1932) [24], Политехн. музее (14.3.1933) [95] и Клубе художников Мособласткомрабиса (3.4.1933) [96]. 1931–32 – время активного общения О. М. с Б. С. *Кузиным* [85, 86], Б. Л. *Пастернаком* [63], В. Н. *Яхонтовым* [88, 89], Герштейн [76]. Осенью 1933 О. М. и Н. М. переехали в новую 2-комнатную квартиру в писательском кооперативе на ул. Фурманова [119]. В разное время здесь у них останавливались А. А. *Ахматова,* Л. Н. *Гумилев*, В. А. *Пяст*, Э. В. *Мандельштам*, Н. Н. *Грин*. Среди частых посетителей – Яхонтов, Е. Е. *Попова,* В. И. *Нарбут,* С. А. *Клычков,* М. А. *Зенкевич,* Г. А. *Шенгели,* Герштейн, Кузин и др. В 1933–34 О. М. был увлечен М. С. *Петровых* [99]; к ней обращено стих. «Мастерица виноватых взоров» и, возможно, «Твоим узким плечам под бичами краснеть...». В сер. апреля 1934 О. М. и Н. М. уехали в Ленинград, где О. М. дал пощечину А. Н. *Толстому*, в свое время несправедливо, по мнению О. М., рассудившему конфликт между О. М. и А. Саргиджаном (С. П. Бородиным). Вскоре после этого эпизода О. М. и Н. М. вернулись в М. 13 (или 16).5.1934 к ним вновь приехала Ахматова, и в эту же ночь, с 13 на 14 (по данным ОГПУ – с 16 на 17) мая на квартире О. М. был произведен обыск, а сам О. М. арестован. Согласно приговору, 29.5.1934 О. М. был отправлен в ссылку на 3 года в г. Чердынь Пермской обл.; Н. М. разрешили сопровождать его. После того как в Чердыни О. М. пытался покончить жизнь самоубийством, его дело было пересмотрено, и О. М. было разрешено выбрать др. место ссылки: он выбрал Воронеж. Ок. 20.6.1934, на пути из Чердыни в Воронеж, О. М. и Н. М. приехали в М. и провели здесь 2–3 дня. По истечении 15.5.1937 3-летней ссылки О. М. запрещалось проживание в М., Ленинграде и еще 10 крупных городах СССР. Однако, вернувшись из ссылки в М., О. М. фактически задержался в ней из-за случившегося в нач. третьей декады мая приступа стенокардии. В кон. июня он получил предписание покинуть столицу в 24 часа. О. М. и Н. М. уехали в г. Савелово на Волге, а затем перебрались в Калинин, откуда они нередко (и нелегально) наезжали в М., где останавливались у В. Б. *Шкловского* [111, 114], Л. М. Наппельбаума [118], Н. И. *Харджиева* [111], Яхонтова, И. И. Бернштейна (А. *Ивича*) [115] и, вероятно, др. Летом 1937 О. М. написал обращенные к Поповой стихи, в к-рых нашло выражение его видение М. этого периода: «С примесью ворона – голуби...», «На откосы, Волга, хлынь, Волга, хлынь...» и «Стансы» («Необходимо сердцу биться...»). 2.3.1938 О. М. и Н. М. получили в Литфонде денежное пособие и путевки с 8.3.1938 на 2 мес. в профсоюзный пансионат «*Саматиха*» (Шатурский р-н Моск. обл.), 3.5.1938 опергруппа НКВД арестовала О. М. и доставила его на Лубянку, во внутр. тюрьму НКВД [19], откуда (приблизительно через неделю) его перевели в Бутырскую тюрьму [122].

2.8.1938 О. М. за контррев. деятельность был приговорен к 5 годам исправит.-трудового лагеря. 8.9.1938 эшелон с заключенными, среди к-рых был и О. М., отправился из М. на Дальний Восток, где 27.12.1938 в пересыльном лагере под *Владивостоком* О. М. умер. Сразу же после ареста О. М. Н. М. поехала в Калинин и забрала архив О. М.: с этого начался долгий период ее скитаний по стране. В нач. 1960-х гг. она часто проводила лето в Тарусе на Оке; приезжая в М., останавливалась у друзей, чаще всего у Шкловских. В 1965 ей удалось с помощью друзей и СП СССР прописаться в М.; тогда же она купила (с денежной помощью К. М. *Симонова*) 1-комнатную кооперативную квартиру в Черемушках [123], в к-рую переехала осенью того же года. Именно в этой квартире в осн. были написаны ее воспоминания. Н. М. умерла 29.12.1980, похоронена на Старокунцевском кладб. [125]: на ее могиле установлен деревянный крест и кенотаф (памятный камень над пустой могилой) в напоминание об О. М. (скульп. Д. М. Шаховской). Сюда же привезена земля с места братской могилы заключенных лагеря *«Вторая речка»*, где умер О. М. 15.1.1991 на стене левого флигеля «Дома Герцена» (Тверской бул., 25), где О. М. и Н. М. жили в 1922–23, была установлена памятная доска в честь 100-летия со дня рождения поэта (скульп. Шаховской). 28.11.2008 в М., на ул. Забелина, напротив окон комнаты А. Э. Мандельштама в доме по Старосадскому пер., где О. М. часто бывал, жил и писал этапные стихи нач. 1930-х гг., установлен памятник поэту (скульп. Шаховской и Е. В. Мунц, арх. А. С. Бродский).

Москва в творчестве Мандельштама.

Моск. тема, моск. образность ярко и разносторонне представлена в творчестве О. М.; при этом образу М. присуща несомненная динамика. Сохраняя опред. исходные черты, со временем он приобрел новые краски и новые акценты. Можно выделить следующие этапы формирования образа М. в творчестве О. М.

1-й этап – стихи 1916 с их приятием – отталкиванием М., осознанием ее первонач. чуждости автору, глубинным ощущением исходящей от этого города угрозы и в то же время стремлением стать «причастным» М., олицетворяющей Россию и ее ист. судьбу. В кремлевских соборах, построенных итал. зодчими в 15 в., «с их итальянскою и русскою душой» О. М. опознал влияние средиземномор. цивилизации, к-рую он всегда воспринимал как неиссякаемый животворящий источник всей европ. культуры. Если в 1914 в ст. «Петр Чаадаев» О. М., вслед за Чаадаевым, мог увидеть в идее о М. – третьем Риме «только чахлую выдумку киевских монахов», то в стихах 1916 его снедает печаль «по русском имени и русской красоте», кремлевский холм воспринимается как «укрепленный архангелами» вал, «Успенье нежное» видится «Флоренцией в Москве», а идея М. – третьего Рима, несомненно, присутствует уже не в иронич. контексте. В первых моск. стихах О. М., обращенных к Цветаевой, М. представлена в контексте трагич. рос. истории. Отсюда – сквозь призму пушкинского «Бориса Годунова» – и мотивы смуты, разбоя, мятежа в восприятии О. М. реальной М. Роман с Цветаевой, чье имя и характер, очевидно, также провоцировали «борисо-годуновские» ассоциации, как бы назначал поэту в этой паре роль Димитрия – роль жертвы: то ли настоящего, помнящего Углич царевича, то ли везомого сквозь моск. враждебную толпу пленника-самозванца. Так возникла у О. М. тема роковой связи его лирич. героя и М. – влекущей и губительной.

Улица Арбат

2-й этап – стихи 1918. Еще в ноябре 1917 О. М. назвал Москву «разрушенной» («Кто знает, может быть, не хватит мне свечи...»). В 1918 он резко отозвался о допетровской столице, вернувшей себе прежний статус, как о «непотребной». Тонкая пленка европ. культуры прорвана, смута, угроза к-рой разлита в стихах 1916, случилась и расползлась по стране, к власти пришли смутьяны («страшный вид разбойного Кремля»). «Азиатская» М. с ее необозримыми базарами «качнулась в путь» «мильонами скрипучих арб»; впервые у О. М. начинает звучать тема моск. одичания: хранилища Святого духа, «церквей благоуханных соты» – уже «как дикий мед, заброшенный в леса». В моск. небе парят угрожающие птичьи стаи, также впервые увиденные еще в 1916. На М. опустилась ночь; театральное действо воспринимается как похороны культуры; ночная М. «как новый встает Геркуланум» – образ, наделенный, вероятно, двойным смыслом: очевиден возврат к дохристианскому и языческому, но, с др. стороны, не возникает ли на развалинах старой жизни, утратившей созидат. силу (в прочность мира, кончившегося в 1917, О. М. никогда не верил), подлинно новый мир («Еще в теплой ночи замирает...»)? Этот новый мир угрожает антиевроп., антикультурным хаосом; но он же и привлекает возможностью радикального переустройства жизни, пафосом обновления, и М. олицетворяет страх и надежду, разрушит. и творч. стихию рев-ции («Прославим, братья, сумерки свободы...»).

3-й этап – это стихи и проза 1-й пол. 1920-х гг., периода нэпа. С одной стороны, они развивают тему одичания, азиатской угрозы, «китайщины», отпадения от европ. прародины. Нэповской М. угрожает, по выражению О. М. – переводчика «Собачьей склоки» О. *Барбье,* «обрастание шерстью». С ужасом смотрит О. М. назад, на перебитый рев-цией «позвоночник» «прекрасного жалкого века», сыном к-рого он себя ощущает: но «...некуда бежать от века – властелина...» («1 января 1924»). Верный разночинской «присяге чудной четвертому сословью», О. М. тем не менее принимает наступивший век и ту М., в к-рой ему выпало жить. М. вызывает у О. М. и чисто художнич. интерес – она живет сложной и пестрой жизнью, не похожей на жизнь по-

мертвевшего Петербурга; О. М. любуется ее ярким колоритом, его неподдельный интерес вызывают бульвары и пивные, «воробьиная, курносая армия московских девушек», «папиросные мальчишки» и моск. поэты. В М., по сравнению с Петербургом, есть нечто неистребимо провинциальное, доморощенное, отсюда и мандельшт. определение М. той поры: «лапчатая». Эта провинциальность, по мнению О. М., проявляется и в безоглядном пристрастии моск. поэтов к новаторству, «изобретательству» во что бы то ни стало. С др. стороны, именно М. дала рус. поэзии обновляющее явление Пастернака, чью органич. связь со стихией моск. речи О. М. хорошо понимал.

4-й этап – 1929–34, период «отщепенства» и противостояния, период «Четвертой прозы» и пришедших вслед за ней новых стихов. В т. н. «Московских стихах», написанных после того, как закончилась долгая поэтич. немота, О. М. восхищается красочностью и сложностью «воробьиной» моск. жизни и не перестает зарисовывать все новые и новые подробности, одна выразительнее другой. Однако вся эта живописность и динамизм советской М. не скрывают от О. М. внутр. ущербности и антиевроп. (в культурном смысле) духа столицы новой России. В этот период М. у О. М. получает устойчивое определение «буддийская», ей противопоставляется освященная библ. традицией «страна субботняя» – Армения. Недоброжелат. косность обывательской моск. жизни устояла и оказалась сильнее рев. порыва. «Вий читает телефонную книгу на Красной площади» («Четвертая проза»), а в Кремле правит «кремлевский горец», окруженный «полулюдьми», отнимающий главное, что отличает человека, – дар речи («Мы живем, под собою не чуя страны...»). Испытанное в 1916 чувство угрозы, исходящей от М., возвращается во всей силе.

Наконец, 5-й этап – стихи 1935–38. В эти воронежские и послеворонежские годы в стихах О. М. складывается новый образ М. – сталинской, советской державной столицы. В стихи прорывается стремление жить, «дыша и большевея», сделаться в М. «своим». Попытка безоговорочного принятия советской действительности была, несомненно, очень мучительна для О. М., ибо требовала от него внутр. оправдания многочисл. «казней», несправедливостей и жестокостей. Подобно тому, как в 1916 М. для О. М. открыла Цветаева, так и в 1930-е гг. (в особенности в 1937–38, после возвращения из воронежской ссылки) образ новой, советской М. олицетворила для него Попова, первая жена Яхонтова. Ее офиц. фамилия в это время, Цветаева (по второму мужу, композитору М. А. Цветаеву), несомненно, должна была вызывать у О. М. соответствующие ассоциации. Молодая, полная сил и в то же время наделенная уже степенностью, присущей зрелости, советская М. находит свое воплощение в героине «Стансов» (1937) – в Лиле Поповой. Однако стремление принять действительность такой, как она есть, и тем самым оправдать ее отвратительные, в сущности, черты как неизбежные, наталкивалось у О. М. на яростное внутр. сопротивление, также нашедшее отражение в его поэзии: в стихах о Ф. Вийоне пирамидам деспотического Египта (несомненна ассоциация с мавзолеем Ленина) противопоставлены изящество готики и франц. поэт, который «плевал на паучьи права».

Мандельштамовская Москва.

Перечень объектов «Мандельштамовской Москвы» состоит из трех частей. В первую включены адреса О. М. и Н. М., адреса их знакомых и друзей, а также адреса разл. организаций, учреждений, редакций, музеев и т. п., с к-рыми так или иначе была связана жизнь О. М. или Н. М. (они обозначены араб. цифрами). Указания на адреса редакций и изд-в, в к-рых бывал О. М. и печатались его произв., даются с учетом соответствующих годов. Во 2-й части собраны те места в М., к-рые нашли свое отражение в творчестве поэта (рим. цифры). Наконец, в 3-й содержатся сведения о местах, где в той или иной форме увековечена память об О. М. (буквы). Для удобства предпочтение отдается совр. названиям улиц и площадей (старые названия в случае необходимости также приводятся в описаниях). Звездочками отмечены адреса, о которых нет точных сведений о том, сохранились здания или нет.

Адреса О. Э. Мандельштама, его родных, друзей и знакомых; адреса учреждений и организаций, с которыми он был связан.

[1]. Борисоглебский пер., д. 6, кв. 3. Здесь в 1916 О. М. бывал у Цветаевой. У готовившейся к эмиграции Цветаевой О. М. и Н. М. жили здесь в апреле – нач. мая 1922. Ныне Дом-музей М. Цветаевой.

[2]. Кремль. Сюда, на Соборную пл. и к Благовещенской ц. (не сохр.) приводила О. М. Цветаева в 1916. В 1918 после переезда из Петрограда в М. О. М. короткое время жил в Кремле у секр. Совнаркома Н. П. Горбунова. В 1923 О. М. посетил 1-ю междунар. крест. конференцию, проходившую в Б. Кремлевском дворце.

[3]. Иверская часовня у Красной пл. Вероятно посещение этой часовни Цветаевой и О. М. в 1916. Часовня была разрушена в советское время; восстановлена на прежнем месте.

[4]. Зубовский бул., д. 25. Поэт Вяч. Иванов. В январе–феврале 1916 О. М. по меньшей мере дважды посетил здесь Иванова.

[5]. 7-й Ростовский пер., д. 11, близ Плющихи. Вероятно, О. М. посетил здесь 30.1.1916 В. Ф. *Ходасевича*. Дом не сохр.

[6]. Ул. Плющиха, д. 37. Квартира врача Т. Е. Сегалова. Его жена М. Р. Сегалова хлопотала о получении О. М. места в банке в М. или Петербурге. О. М. бывал у них в 1916.

[7]. Кузнецкий мост, д. 12 (в «пассаже Джамгаровых»). Кафе «Сиу». О. М. бывал здесь весной 1916.

[8]. Ул. Б. Лубянка, д. 21. Гостиница «Селект». О. М., возможно, жил в ней в один из первых приездов в М. Упомянута в повести О. М. «Египетская марка».

[9]. Вспольный (быв. Георгиевский) пер., д. 7, кв. 2 (по др. данным – 1). Квартира А. М. *Эфроса*, к-рого О. М. навещал в 1922–23. Дом не сохр. (У Эфроса, проживавшего тогда на Пресне, О. М. останавливался летом 1917, по пути из Петрограда в Крым.)

[10]. Поварская ул., д. 9. Дом поэта М. О. Цетлина (Амари). Зимой 1917–18 здесь устраивались лит. вечера, в к-рых принимали участие А. Белый, Цветаева, Маяковский, Толстой, Ходасевич, О. М. и др. Но после Окт. рев-ции 1917 Цетлины, лишившись дома на Поварской, жили на квартире родственников Высоцких (Трубниковский пер., д. 11,

сохр.). Поэты, включая О. М., бывали у Цетлиных в это время там.

[11]. Театральная пл. Гостиница «Метрополь» (в 1918 2-й Дом Советов). Здесь, в номере 253, О. М. как работник Наркомпроса поселился не позднее июня 1918, по переезде в М. В «Метрополе» в 1918 О. М. видел Ленина. В 1922–23 О. М. бывал в «Метрополе» у Бухарина в связи с хлопотами об освобождении арестованного Е. Э. Мандельштама (Бухарин жил в номере 229).

[12]. Леонтьевский пер., д. 18. Левоэсеровская газета «Знамя труда». Ныне здание посольства Украины.

[13]. Ул. Остоженка, д. 53 (быв. «Катковский лицей»). В 1918–19 здесь помещался Наркомпрос, в к-ром в то время работал О. М.

[14]. 3-й Зачатьевский пер., д. 3. Врем. квартира Шилейко и Ахматовой (не ранее 15.8.1918). Здесь в 1918 О. М. по меньшей мере один раз побывал у Ахматовой.

[15]. М. Казенный пер., д. 16. Квартира худ. Б. Л. Лопатинского, с к-рым О. М. работал в 1918–19 в Наркомпросе, в 1921 – в Центроэваке.

[16]. Петровские линии, гостиница «Элит-отель». Здесь в 1918 нек-рое время проживал Блюмкин; в первых числах июля, незадолго до левоэсеровского мятежа, здесь состоялась одна из встреч О. М. с Блюмкиным. При гостинице находилось лит. кафе «Трилистник» – одно из возм. мест столкновения О. М. с Блюмкиным в кон. июня или нач. июля 1918.

[17]. Тверская ул., д. 18 (по старой нумерации; напротив совр. здания Центр. телеграфа, на противоположной стороне Тверской). Кафе Всерос. союза поэтов («Кафе поэтов», «Кафе СОПО», кафе «Домино»). О. М. бывал в нем и читал здесь свои стихи. Возможно, здесь произошло столкновение О. М. с Блюмкиным в кон. июня или нач. июля 1918. Дом не сохр.

[18]. Тверская ул., д. 3. Гостиница «Красный флот» (быв. «Лоскутная») – общежитие Наркомата по мор. делам. Здесь летом 1918 жила писательница Л. М. Рейснер, к к-рой О. М. обратился за помощью после столкновения с Блюмкиным (мужем Рейснер был известный революционер Ф. Ф. Раскольников). Здание не сохр. Особняк, в к-ром, по рассказу О. М., фактически жили Рейснер и Раскольников, – это, очевидно, здание Наркомата по мор. делам (д. 9 на ул. Воздвиженка – до рев-ции особняк Ш. Асадуллаева).

[19]. Лубянская пл. Здание ВЧК – ОГПУ – НКВД. Незадолго до убийства Блюмкиным герм. посла В. Мирбаха О. М. побывал у Ф. Э. Дзержинского, главы ВЧК. Следующий раз О. М. был на Лубянке в 1922, ходатайствуя об освобождении арестованного мл. брата. Тут же, на Лубянке, содержался и сам О. М. во время арестов в 1934 и 1938. Ныне здание ФСБ РФ.

[20]. Никитский бул., д. 8. Дом печати. Осенью 1920 О. М., вернувшийся с Кавказа, зашел в Дом печати; оказавшийся там Блюмкин вновь ему угрожал. В 1923 О. М. бывал здесь в редакции журнала «Печать и революция». Ныне Дом журналиста.

[21]. Тверской бул., д. 23. Камерный театр. Здесь весной 1921 О. М. вступил в конфликт с поэтом Шершеневичем и вызвал его на дуэль. О. М. бывал в Камерном театре и позднее. Ныне Драматич. театр им. А. С. Пушкина.

[22]. Б. Знаменский пер., д. 8. Квартира филолога Н. К. Гудзия. У него остановились на нек-рое время О. М. и Н. М., приехав весной 1922 в М. Дом сохр.

[23] Ул. Огарева (ныне Газетный пер.), д. 3, кв. 7. Лит. объединение «Никитинские субботники». О. М. выступал на собрании объединения 8.4.1922. Дом. сохр.

[24]. Тверской бул., д. 25. «Дом Герцена». О. М. и Н. М. жили здесь в левом флигеле с весны 1922 по нач. августа 1923. Позднее они жили в противоположном, примыкающем к гл. дому быв. усадьбы правом флигеле (январь или нач. февраля 1932 – осень 1933). 13.9.1932 здесь проходил товарищеский суд (под пред. Толстого) по делу о конфликте О. М. с А. Саргиджаном (С. П. Бородиным). Здесь же находилась редакция журнала «На литературном посту». 10.11.1932 здесь же, в редакции «Литературной газеты», состоялся поэтич. вечер О. М. Ныне Лит. ин-т им. А. М. Горького. На стене левого флигеля в 1991 установлена мемориальная доска (скульп. Шаховской).

[25]. Тверская ул., д. 17 (по прежней нумерации 37). Поэтич. кафе «Стойло Пегаса», где в 1922–23 О. М. иногда бывал. Дом не сохр.

[26]. Сретенский бул., д. 6. «Дом “России”» (страхового об-ва «Россия»). Главполитпросвет, где в 1923 (вероятно) О. М. был с В. П. *Катаевым* у Н. К. Крупской. В этом здании О. М. бывал у зав. Главлита П. И. Лебедева-Полянского. Здесь же нек-рое время размещалась редакция журнала *«Красная новь»* (позднее в Кривоколенном пер., д. 14).

[27]. Ул. Воздвиженка, д. 1. Коминтерн. Во время 1-й междунар. крест. конференции О. М. интервьюировал здесь Нгуен Ай Куока (Хо Ши Мина).

[28]. Ул. Б. Молчановка, д. 32, кв. 6. По меньшей мере однажды О. М. был в 1923 в кафе-клубе «Странствующий энтузиаст». Быв. директор петерб. лит. кабаре *«Бродячая собака»* Б. Н. Пронин устроил кафе-клуб в своей квартире. Ранее литераторы собирались у Пронина по адресу Крестовоздвиженский пер., д. 9, кв. 12.

[29]. Казино «Монако». Во время нэпа рядом с Театром им. Мейерхольда (ГосТИМ) на Садовом кольце (здание перестроено; ныне на этом месте Концертный зал им. П. И. Чайковского) помещалось казино. Имеются указания на то, что О. М. бывал в казино в нач. 1920-х гг. Дом не сохр.

[30]. Ул. М. Никитская, д. 6/2. В 1919–23 *Госиздат* РСФСР размещался в быв. особняке С. П. Рябушинского. Здесь же в 1922 О. М. бывал в редакции газеты «Московский понедельник». В 1923 Госиздат переехал по адресу ул. Рождественка, д. 4/8 (дом не сохр.). О. М. нередко бывал и там.

[31]. Б. Гнездниковский пер., д. 10. «Дом Нирнзее». В 1922–23 на 1-м этаже помещалась моск. редакция берлинской «сменовеховской» газеты «Накануне». В 1923 редакция журнала «Россия». В этом же доме в 1931 у Рюрика Ивнева (кв. 608) О. М. слушал стихи поэтов А. Тарковского, Н. С. Берендгофа и А. А. Штейнберга. (Ранее, в 1920-е гг., О. М. бывал у Ивнева в Трехпрудном пер. д. 10, кв. 5.) Кв. 609 занимал М. Долинов, представитель урал. журнала «Товарищ Терентий», в к-ром О. М. печатался в 1923–24.

[32]. *Ул. Б. Полянка, д. 15, кв. 7. Квартира И. Г. Лежнева, гл. редактора журнала «Россия». (В 1923 редакция помещалась в «доме Нирнзее», в 1924 по адресу Страстной бул., 4).

[33]. Тверская ул, д. 17 (по прежней нумерации 37). Имажинистский журнал «Гостиница для путешествующих в прекрасном». Дом не сохр.

[34]. Благовещенский пер., д. 3. Журнал «Огонек». Нек-рое время редакция находилась в этом доме, и О. М. бывал здесь.

[35]. *Трехпрудный пер., д. 5/15, кв. 17. Изд-во «Творчество». Выпускало журналы «Русское искусство» и «Москва».

[36]. Тверская ул., д. 38 (старая нумерация). Журнал «Всемирная иллюстрация» (при изд-ве «Книгопечатник»). Дом не сохр.

[37]. Тверская ул., д. 18 (по старой нумерации 48). Редакции газет «Известия», «Правда» и журнала «Прожектор». В 1929, когда в «Известиях» вышла ст. О. М. «Потоки халтуры», редакция находилась уже в доме по адресу Б. Путинковский пер., д. 5 (ныне Пушкинская пл., д. 5).

[38]. *Старопименовский пер., д. 8, кв. 6. Журнал «Сегодня».

[39]. Неглинная ул., «Александровский пассаж, № 38–41» (на месте нового здания ЦУМа). Журнал «Театр и музыка». Дом не сохр.

[40]. Охотный ряд, д. 7. «Рабочая газета» и журнал «Экран "Рабочей газеты"». Дом не сохр.

[41]. Козицкий пер., д. 2. Газета «Трудовая копейка». Дом не сохр.

[42]. *Долгоруковская (быв. Каляевская) ул., д. 35, кв. 37. Альманах «Возрождение».

[43]. *Мясницкая ул., д. 2–4. Журнал «Русский современник».

[44]. Леонтьевский пер., д. 4. Журнал «Культура и жизнь». 24.5.1922 здесь, на собрании «Литературного особняка», О. М. читал стихи и произвел на слушателей «исключительное впечатление» (из отчета). Ныне посольство Греции.

[45]. Сытинский пер., д. 4, кв. 10. Журнал «Рупор».

[46]. Китайгородский проезд, д. 9/5. (Воспитательный дом, в 1920-е гг. Дворец труда). Газета «На вахте».

[47]. Леонтьевский пер., д. 23. Изд-во «Круг». Другой адрес изд-ва – Кривоколенный пер., д. 14.

[48]. Красная пл., д. 1, кв. 3. Квартира С. М. Городецкого в старинном здании Монетного (Денежного) двора, к-рое он считал палатами Б. Годунова. О. М. бывал здесь в 1920-х гг.

[49]. Леонтьевский пер., д. 16. Книжная лавка писателей. Весной 1922 О. М. приходил сюда к Н. А. Бердяеву с намереньем добиться жилья для В. Хлебникова прив «Доме Герцена».

[50]. Чистый (быв. Обухов) пер, д. 5, кв. 2. Квартира литератора и искусствоведа И. А. *Аксенова,* у к-рого в 1923 О. М. нередко бывал.

[51]. *Ул. Верх. Масловка, д. 86, кв. 2. Квартира психиатра Е. К. Краснушкина. О. М. был знаком с ним и по крайней мере один раз посетил его (с худ. Г. Б. Якуловым). (Позднейший адрес психиатра: Старый Петровско-Разумовский пр-д, д. 25). В 1938 О. М. пришлось снова встретиться с ним: Краснушкин входил в комиссию, к-рая осматривала О. М. 24.6.1938 во внутр. тюрьме НКВД на предмет душевного здоровья.

[52]. Мясницкая ул., д. 21 (здание ВХУТЕМАСа), кв. 99. Начиная с 1922 О. М. бывал здесь у художников Л. А. Бруни и А. А. Осмеркина.

[53]. Савельевский (с 1990 Пожарский) пер., д. 9. Квартира Е. Я. Хазина, брата Н. М. Здесь О. М. и Н. М. жили ок. трех недель в октябре 1923.

[54]. Страстной бул., д. 6, кв. 14. Квартира Е. Хазина в 1920–30-е гг. Одно из тех мест, где хранились рукописи О. М. после его ареста и гибели в 1938.

[55]. Ул. Б. Якиманка, д. 45, кв. 8. Здесь Мандельштамы снимали комнату зимой 1923–24 и в 1-й пол. 1924. Дом не сохр.

[56]. Ул. Пречистенка, д. 32. Гос. академия худож. наук (ГАХН). В 1922 (?) О. М. заявил на Лит. секции ГАХН доклад «Андре Шенье и жанр газетной статьи в эпоху Франц. революции».

[57]. Лубянский проезд, д. 3/6, кв. 10. Моск. лингвистич. кружок, членом к-рого О. М. был в нач. 1920-х гг. Кружок собирался в осн. на квартире Р. О. Якобсона (и после его отъезда за границу) в «доме Стахеева» на Мясницкой ул. (ныне Музей В. Маяковского; у Маяковского в этом доме с 1919 была комната – кв. 12).

[58]. Б. Дмитровка, 1. Дом союзов. О. М. и Н. М. побывали здесь во время прощания с умершим В. И. Лениным, встретились с Б. Л. Пастернаком.

[59]. Ул. Пречистенка, д. 11. Квартира С. З. Федорченко, у к-рой О. М. побывал в июле 1924. С 1920 и по наст. время в доме располагается Лит. музей Л. Н. Толстого.

[60]. Мертвый пер. (ныне Пречистенский пер.), д. 20, кв. 6. Квартира поэта Д. В. Петровского. Здесь (предположительно зимой 1925) состоялась встреча литераторов, в т. ч. и О. М., с капитаном-революционером В. А. Кукелем.

[61]. Мясницкая ул., д. 24, кв. 82. Квартира худ. А. Г. Тышлера. О. М. бывал у него в 1920–30-е гг.

[62]. Б. Никитская ул., д. 19. Театр Революции. Ныне театр им. В. Маяковского.

[63]. Ул. Волхонка, д. 14, кв. 9. Квартира Б. Л. Пастернака. О. М. не раз бывал здесь в 1920–30-е гг. Дом не сохр. (Н. М. и О. М. бывали у Пастернака и на его даче в Переделкине.)

[64]. Тверская ул., д. 16 (по старой нумерации 42). Журнал «Советский экран».

[65]. Садовническая наб., д. 1, кв. 7. Квартира братьев Б. В., Л. В. и Ю. В. Горнунгов. Дом не сохр.

[66]. Мясницкая ул., д. 21, кв. 18. Квартира Н. Н. Асеева. В мае 1927 О. М., Б. К. Лившиц, Б. В. Горнунг и А. И. Ромм обсуждали здесь возможность создания «нового, очень широкого поэтического объединения».

[67]. Кузнецкий мост, д. 13. Изд-во «Земля и фабрика» (ЗиФ), с к-рым О. М. тесно сотрудничал как переводчик. Нек-рые службы ЗиФа располагались на Ильинке, д. 15 и в Псковском пер. в Зарядье.

[68]. Профсоюзная ул., д. 123 «А». Санаторий ЦЕКУБУ (Центральная комиссия по улучшению быта ученых) «Узкое». О. М. и Н. М. жили здесь дважды – в 1928 и 1932. Санаторий существует.

[69]. Кропоткинская наб., д. 5. Общежитие ЦЕКУБУ. Весной 1929 О. М. нек-рое время жил здесь (упомянутый в «Четвертой прозе» «караван-сарай ЦЕКУБУ»). Здание не сохр.

[70]. *Сытинский пер., д. 6, кв. 3. Квартира И. Л. Сельвинского. О. М. встречался с Сельвинским в 1929 в связи с «делом о плагиате».

[71]. Поварская ул. (быв. ул. Воровского), д. 13. Мосгубсуд. В июне 1929 Моск. губ. суд не счел убедительными претензии В. Н. Карякина к О. М. в связи с «делом о плагиате» и отказал ему в иске. Дом перестроен.

[72]. М. Бронная ул., д. 18/13. С осени 1929 по нач. 1930(?) О. М. и Н. М. жили в квартире «ИТРовского работника» (Герштейн).

[73]. Тверская ул., д. 5 (по старой нумерации 15). Газета «Молодой ленинец» (затем «Московский комсомолец»), где О. М. работал с кон. лета 1929 по январь 1930. (О. М. консультировал молодых поэтов и на Стар. Басманной ул. в д. 20.) В январе 1930 в связи с прекращением издания «Московского комсомольца», О. М. перешел в журнал «Пятидневка» и газету «Вечерняя Москва», редакции к-рых находились в том же здании на Тверской. В газете «Вечерняя Москва» О. М. вел рабкоровский кружок. Ныне в этом здании Театр им. М. Н. Ермоловой.

[74]. Берсеневская наб., д. 18. Ин-т этнич. и нац. культур народов Востока. После поездки на Кавказ (Абхазия – Грузия – Армения, весна–осень 1930) О. М. побывал в этом инте. Бывал Мандельштам и в постоянном представительстве Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики (ЗСФСР) при Правительстве СССР [«армянский особняк на самой чистой посольской улице Москвы» («Четвертая проза»)]: Малый Ржевский пер., д. 6.

[75]. Манежная ул., д. 9, кв. 5. Квартира Л. Б. Каменева. О. М. побывал у него в 1930.

[76]. *Ул. Щипок, д. 6–8. Э. Г. Герштейн. Вернувшись из Армении, О. М. и Н. М. в ноябре–декабре 1930 жили у нее в служебной квартире ее отца, гл. врача больницы. О. М. бывал здесь и позднее.

[77]. Старосадский пер, д. 10, кв. 3. Комната А. Э. Мандельштама в коммунальной квартире. В кон. 1920-х – 1930-е гг. О. М. и Н. М. часто жили или бывали здесь. Одно из важнейших мандельшт. мест в Москве. Здесь создан целый ряд этапных стихотворений 1931, в частности проделана осн. работа над т. н. «Волчьим циклом». В 2008 рядом с домом открыт памятник О. М. (скульп. Шаховской и Мунц, арх. Бродский).

[78]. Брестские пер. (?). В одном из них, по свидетельству Герштейн, в 1931 О. М. и Н. М. нек-рое время жили. Точный адрес неизвестен.

[79]. Петровский пер, д. 5, кв. 16. Квартира поэта М. В. Талова. О. М. побывал здесь в 1931.

[80]. Ул. Б. Полянка, д. 10, кв. 20. Квартира знакомого юриста Ц. Рысса. В июне 1931 О. М. и Н. М. переехали сюда из Старосадского пер. Здесь был написан ряд стихотворений 1931. Дом не сохр.

[81]. Ул. Покровка, д. 29, кв. 23. Комната Н. Л. Фельдман, сестры Е. Л. Каранович – адресата эпиграммы О. М. («Ох, до сибирских мехов охоча была Каранович...», 1931). Осенью 1931 О. М. продолжил здесь работу над «Путешествием в Армению».

[82]. Б. Путинковский пер. (с 1928 пр-д Скворцова-Степанова), д. 5 («старое» здание «Известий»). Журнал «Новый мир». Ныне Пушкинская пл., д. 5.

[83]. Ул. Воздвиженка, д. 9. «Крестьянская газета», где одно время работала Герштейн.

[84]. Б. Власьевский пер., д. 3, кв. 1. Квартира криминалистки О. А. Овчинниковой (с к-рой О. М. познакомился в санатории «Узкое») и ее мужа, юриста Б. М. Овчинникова. Дом не сохр.

[85]. Ул. Б. Якиманка, д. 22, кв. 155. Квартира Б. С. Кузина. Дом, упоминаемый в «Путешествии в Армению», не сохр.

[86]. Б. Никитская ул., д. 6. Зоологический музей. О. М. и Н. М. часто бывали у служившего здесь Кузина.

[87]. Ул. Б. Полянка, д. 44, кв. 57. Две комнаты в коммунальной квартире, в к-рых жил Л. Бруни с семьей. О. М. бывал здесь начиная с 1932.

[88]. Варсонофьевский пер, д. 8, кв. 2. Квартира В. Н. Яхонтова.

[89]. Тимирязевская ул. (тогда Новое шоссе), д. 1, кв. 1. Комната Е. Е. Поповой, жены и позднее подруги Яхонтова и адресата неск. стих. О. М. 1937. Дом не сохр.

[90]. Смоленский бул., д. 8. Квартира Г. И. Чулкова. О. М. бывал у Чулкова в 1930-е гг. Дом не сохр.

[91]. Мясницкая ул., д. 24, кв. 105. Квартира худ. А. А. Осмеркина, где О. М. бывал в 1930-е гг. Здесь в 1937 были созданы известные карандашные портреты О. М.

[92]. Ул. Багрицкого (быв. Пионерская), д. 5. Квартира Э. Г. Багрицкого в Кунцеве. О. М. бывал у него в 1920-е гг. Дом не сохр. С нач. 1930 гг. до своей смерти в 1934 Багрицкий жил в доме писательского кооператива (д. 2) в пр-де Худож. театра (в 1992 возвращено прежнее название Камергерский пер.). Возможно, О. М. бывал у него и здесь.

[93]. Ул. Б. Никитская, д. 12. Газета «За коммунистическое просвещение», где работал А. О. Моргулис и где в 1931 начала работать Н. М.

[94]. Мосфильмовская ул. (быв. Потылиха). Фабрика «Союзкино». В 1932 или 1933 О. М. побывал здесь со сценаристом Б. Л. Леонидовым. Ныне киностудия «Мосфильм».

[95]. Новая пл., д. 3/4. Политехн. музей. 14.3.1933 здесь состоялся поэтич. вечер О. М.

[96]. Ветошный проезд, д. 2. Клуб художников. 3.4.1933 здесь состоялся поэтич. вечер О. М.

[97]. Борисоглебский пер., д. 15, кв. 10. Квартира Г. А. Шенгели. О. М. бывал у него здесь в нач. 1930-х гг.

[98]. Ул. Остоженка, д. 41, кв. 1. Квартира поэта М. А. Зенкевича.

[99]. Гранатный пер., д. 2/9, кв. 22. В 1933–34 О. М. многократно бывал здесь у М. С. Петровых и ее сестры Екатерины.

[100]. Гранатный пер., д. 12, кв. 3. Квартира Н. А. Клюева. О. М. бывал у него в нач. 1930-х гг. Дом не сохр.

[101]. Померанцев пер., д. 8, кв. 1. Квартира поэта и переводчика С. В. Шервинского. Здесь О. М. и Ахматова слушали чтение трагедии Софокла «Эдип в Колоне» в пер. В. О. Нилендера.

[102]. Поварская ул., д. 50. Оргкомитет Союза советских писателей. 9.1.1934 здесь состоялась гражд. панихида по Андрею Белому, на к-рой присутствовал О. М., его впечатления отражены в цикле стихотворений на смерть Андрея Белого. Ныне Центр. дом литераторов.

[103]. Ул. Воздвиженка, д. 6. Кремлевская больница. В феврале 1934 О. М. посетил в ней К. И. Чуковского.

Лубянская площадь

[104]. Ул. Рождественка, д. 5. Отдел рукописей и фольклора Центр. музея худож. литературы, критики и публицистики. В феврале–марте 1934 О. М. вел переговоры с директором музея В. Д. Бонч-Бруевичем о продаже музею своего архива.

[105]. М. Бронная ул., д. 4. Гос. евр. театр (ГОСЕТ). Ныне Театр на Малой Бронной.

[106]. Триумфальная пл., д. 4/31. Гос. Театр им. Мейерхольда (ГосТИМ). Здание сохранилось в перестроенном виде, в наст. время Концертный зал им. П. И. Чайковского.

[107]. Ул. Пречистенка (быв. Кропоткинская), д. 21. Музей нового зап. искусства. С посещениями музея связано стих. «Импрессионизм» («Художник нам изобразил...», 1932) и гл. «Французы» из «Путешествия в Армению». В наст. время Академия художеств.

[108]. Ул. Волхонка, д. 12. Музей изобр. искусств (до 1932 Музей изящных искусств; с 1937 Музей изобр. искусств им. А. С. Пушкина). Впечатления от живописи музея отразились в стих. «Еще далеко мне до патриарха...» (1931).

[109]. Лаврушинский пер., д. 10. Третьяковская галерея. Отмечен интерес О. М. к иконам А. Рублева.

[110]. Ул. Б. Никитская, д. 13. Консерватория. Здесь О. М. слушал А. Ф. Гедике, В. В. Софроницкого, М. В. Юдину, Г. Г. Нейгауза и др. музыкантов.

[111]. Октябрьский (быв. Александровский) пер., д. 43, кв. 4. Здесь в Марьиной Роще жили литературоведы В. Б. Шкловский (до 1937) и Н. И. Харджиев. Дом не сохр.

[112]. Октябрьская (быв. Александровская) ул., д. 8, кв. 18. Квартира В. И. Нарбута. О. М. бывал у него в 1920–30-х гг. Дом не сохр. Позднее (до ареста в 1936) В. Нарбут жил в Курсовом пер. (д. 15, кв. 17), неподалеку от О. М. (см. [119]).

[113]. Страстной бул., д. 11. Редакция издания «Литературное наследство». По свидетельству литературоведа С. А. Макашина, О. М. был у него в редакции в 1930-е гг.

[114]. Лаврушинский пер., д. 17, кв. 47. Квартира В. Б. и В. Г. Шкловских в «писательском» доме. В 1937–38 О. М. и Н. М., а после смерти О. М. и одна Н. М. всегда находили здесь приют и помощь. По этому адресу Н. М. вновь прописали в М. в 1965. В этом же доме О. М. и Н. М. бывали у В. П. Катаева и нек-рых др. писателей.

[115]. Руновский пер., д. 4, кв. 1. Квартира писателя И. И. Ивича-Бернштейна (А. Ивича) – одного из тех, кто предоставил приют не имеющему права жить в М. после воронежской ссылки О. М. Дом не сохр. С 1946 тут хранились рукописи О. М., отданные Ивичу Н. М., с 1948 и те рукописи, к-рые ему передал Е. Я. Хазин.

[116]. Николо-Воробинский пер., д. 4. кв. 3. Квартира И. Э. Бабеля. О. М. и Н. М. приходили к нему в 1937, и он посоветовал им поселиться в Калинине. Дом не сохр.

[117]. Брюсов пер., д. 12, кв. 11. Квартира В. Э. Мейерхольда. О. М. побывал здесь по меньшей мере однажды – в 1937. Ныне в кв. 11 музей Мейерхольда.

[118]. Поварская ул. (быв. ул. Воровского), д. 12, кв. 1. Квартира арх. Л. М. Наппельбаума, сына известного фотографа. Дом не сохр.

[119]. Нащокинский пер. (быв. ул. Фурманова), д. 3–5, кв. 26. Первая и последняя собств. квартира О. М. в М. Мандельштамы въехали в нее осенью 1933. Вероятно, уже здесь было написано стих. «Мы живем, под собою не чуя страны...»; здесь создан и ряд др. стихотворений. Место ареста О. М. в мае 1934. Дом не сохр.

[120]. Поварская (быв. ул. Воровского) ул., д. 52. Дом Союза советских писателей. О. М. бывал здесь у В. П. Ставского, А. А. Суркова и др. руководителей писательского союза.

[121]. Никольская ул. (быв. ул. 25 Октября), д. 10/2. Государственное издательство художественной литературы (ГИХЛ). В 1930-е гг. О. М. неоднократно бывал здесь и однажды выступал на диспуте о т. н. науч. поэзии.

[122]. Новослободская ул., д. 45. Бутырская тюрьма. Здесь О. М. пробыл ок. месяца в 1938. Ныне Следств. изолятор (СИЗО) № 2.

[123]. Б. Черемушкинская ул., д. 14, корп. 1 (по нумерации до нач. 1970 д. 50), кв. 4. Моск. квартира Н. М., где она жила с 1965 и до смерти.

[124]. Фестивальная ул., д. 6. Церковь Знамения Богородицы, где 2.1.1981 отпевали Н. М.

[125]. Рябиновая ул. Кунцевское кладб. (старая часть). Могила Н. М. и памятный камень (кенотаф) О. М.

[126]. Малая Молчановка, д. 8, кв. 27. 25.1.1916 О. М. был в гостях у Е. О. Кириенко-Волошиной, матери поэта М. А. Волошина.

[127]. Пречистенка, д. 28. В марте 1916 О. М. слушал в числе др. литераторов пьесу Т. В. Чурилина «Последний визит». Чтение состоялось в квартире Д. Горбова, впоследствии лит. критика.

[128]. Пречистенка, д. 9. В 1918 (май или июнь) О. М. с писательницей Л. М. Рейснер посетил пианиста и композитора А. Б. Гольденвейзера в связи с муз. работой Наркомпроса.

[129]. Ул. Петровка, д. 5 (на углу с Кузнецким мостом). Дом не сохр. В марте 1918 здесь открылось кафе «Музыкальная табакерка». Др. популярное у литераторов кафе – «Питтореск» (с октября 1919 «Красный петух»; Кузнецкий мост, д. 13). Возможные места столкновения О. М. с Я. Блюмкиным в 1918. О. М., по словам актрисы Х. Бояджиевой, читал стихи «в кафе на Кузнецком мосту».

[130]. Ул. Пречистенка, д. 24, кв. 5. В 1919 О. М. нек-рое время жил по этому адресу.

[131]. Ул. Варварка, д. 24 (старая нумерация улицы), кв. 18. Квартира поэта, переводчика, шахматиста В. И. Нейштадта. В конфликтной комиссии, разбиравшей дело о переводе «Тиля Уленшпигеля», Нейштадт выступил в поддержку О. М. Дом не сохр.

[132]. Ул. Арбат, д. 20, кв. 70. О. М. бывал здесь в квартире журналиста М. Ю. Левидова (не ранее 1928 – год постройки здания).

[133]. Денежный пер., д. 12, кв. 14. Квартира литератора О. Леонидова. О. М. бывал здесь и выступал на собраниях писательского объединения «Литературный особняк».

[134]. Старая пл., д. 4. ЦК ВКП(б). Посещение ЦК ВКП(б) в связи с помещенной в «Правде» порочащей статьей С. Розенталя. После 30.8.1933.

Места, упоминаемые в произведениях О. Э. Мандельштама.

[I]. Кремль. Наиб. значимые упоминания в стихах: «В разноголосице девического хора...» (1916), «О, это воздух, смутой пьяный...» (1916), «Все чуждо нам в столице непотребной...» (1918), «Сегодня можно снять декалькомани...» (1931), «Мы живем, под собою не чуя страны...» (1933), «Средь народного шума и спеха...» (1937). Проза: очерки «Первая международная крестьянская конференция. Набросок» и «Международная крестьянская конференция» (оба 1923).

[II]. Красная площадь. Стихи: «Наушнички, наушники мои!..» (1935), «Да, я лежу в земле, губами шевеля...» (1935), «Когда б я уголь взял для высшей похвалы...» (1937). Проза: «Четвертая проза» (1929–30).

[III]. Воробьевы горы. Стихи: «На розвальнях, уложенных соломой...» (1916), «Сегодня можно снять декалькомани...» (1931). Проза: «Борис Пастернак» (1922–23).

[IV]. Театральная пл. Стихи: «Когда в теплой ночи замирает...» (1918). Проза: «Холодное лето» (1923).

[V]. Сухаревская пл. Стихи: «Все чуждо нам в столице непотребной...» (1918). Проза: «Сухаревка» (1923).

[VI]. Бульварное кольцо (в особенности Тверской бул.). Стихи: «Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето...» (1931), «Нет, не спрятаться мне от великой муры» (1931). Проза: «Холодное лето» (1923), «Четвертая проза» (1929–1930).

[VII]. Музей нового зап. искусства (Пречистенка, д. 21). Стихи: «Импрессионизм» (1932). Проза: «Путешествие в Армению» (1931–32).

[VIII]. Музей изящных искусств (Волхонка, д. 12). Стихи: «Еще далеко мне до патриарха...» (1931).

[IX]. Замоскворечье. Проза: «Путешествие в Армению» (1931–32).

[X]. Парк культуры и отдыха им. А. М. Горького. Стихи: «Там, где купальни, бумагопрядильни...» (1932).

[XI]. Москва-река. Стихи: «Все чуждо нам в столице непотребной...» (1918), «Довольно кукситься! Бумаги в стол засунем!..» (1931), «Сегодня можно снять декалькомани...» (1931), «Там, где купальни, бумагопрядильни...» (1932). Проза: «Холодное лето» (1923), «Четвертая проза» (1929–1930), «Путешествие в Армению» (1931–32).

[XII]. Станции первой линии метро (от «Сокольников» до «Парка культуры»). Стихи: «Наушнички, наушники мои!..» (1935). Проза: «Стихи о метро» (1935).

[XIII]. Последняя квартира О. М. в Москве. Ул. Фурманова (ныне Нащокинский пер.), д. 3–5. Стихи: «Квартира тиха, как бумага...» (1933).

Мемориальные места и собрания рукописей.

[А]. Ул. Забелина (вблизи перекрестка со Старосадским пер.). Памятник О. Э. Мандельштаму (скульп. Шаховской и Мунц, арх. Бродский). Открыт 28.11.2008.

[Б]. Тверской бул., д. 25. Мемориальная доска О. Э. Мандельштаму на здании Лит. ин-та им. А. М. Горького (скульп. Шаховской). Открыта 15.1.1991.

[В]. Кунцевское кладб. (у Рябиновой ул.). Могила Н. М. и кенотаф О. М. Деревянный надгробный крест на могиле Н. М. и камень – кенотаф О. М. (скульп. Шаховской). Поставлены в 1981. Сюда привезена и захоронена земля, извлеченная из братской могилы заключенных лагеря «Вторая речка», в к-ром умер О. М.

[Г]. Библиотека № 97 им. О. Э. Мандельштама. Звездный бул., д. 4.

[Д]. Ул. Чаянова, д. 15, корп. 6, комн. 423. Гл. корпус РГГУ. Мандельштамовское общество и Кабинет мандельштамоведения при Науч. библиотеке РГГУ (1992–2014). С 2015 Мандельштамовское общество и Мандельштамовский центр при Школе филологии НИУ «Высшая школа экономики» находятся по адресу: Старая Басманная ул., д. 21/4.

[Е]. Выборгская ул., д. 3, к. 2. Российский государственный архив литературы и искусства. Крупнейшее в России место хранение рукописей О. М. Имеется личный фонд поэта.

[Ж]. Денежный пер., д. 9/5. Отдел рукописных фондов Государственного литературного музея РФ. Место хранения рукописей О. М. Имеется личный фонд поэта.

[З]. Ул. Поварская, д. 25а. Отдел рукописей Ин-та мировой литературы им. А. М. Горького РАН. Место хранения рукописей О. М. Имеется личный фонд поэта.

[И]. Ваганьковский пер., д. 16. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки («Дом Пашкова»). Большая коллекция рукописей О. М.

Лит.: Мандлин Э. Л. Необыкновенные собеседники. М., 1979; Цветаева М. И. История одного посвящения // Цветаева М. И. Проза. Кишинев, 1986. С. 161–191; Кузин; Струве Н. А. Дела и дни Мандельштама // Струве Н. А. Осип Мандельштам. Лондон, 1988; Ахматова А. А. Листки из дневника. 1989; ЖиТМ; Швейцер В. А. Мандельштам после Воронежа // ВЛ. 1990. № 4; Слово и судьба; Штемпель; Гыдов В. Н., Нерлер П. М. Последние годы Осипа Мандельштама. Хроника. 1934 // Филологические записки. Вестник литературоведения и языкознания. Воронеж, 1994. Вып. 2. С. 95–111; Мягков Б. С. Осип Мандельштам. Дни и события: Краткая биохроника 1891–1938 // Мандельштам О. «Сохрани мою речь...»: Лирика разных лет. Избр. проза. М., 1994. С. 504–550; Нерлер. 1994. (2); Мандельштам Е. Э. Воспоминания // НМ. 1995. № 10. С. 119–178; Мец А. Г. О поэте (очерк биографии) // Мандельштам О. Полн. собр. стих. 1995. С. 65–86; Мандельштам и его время; Липкин С. И. Угль, пылающий огнем // Липкин С. И. Квадрига. М., 1997; О. и Н. Мандельштамы; Лекманов. 2003; Видгоф Л. М. «Но люблю мою курву-Москву». Осип Мандельштам: поэт и город. М., 2012; Мандельштам О. Э. Полн. собр. соч. и писем. В 3 т. Приложение. Летопись жизни и творчества / сост. А. Г. Мец при участии С. В. Василенко и др. М., 2014.

Л. М. Видгоф, П. М. Нерлер.

МОСКОВСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КРУЖОК, объединение рос. филологов и литераторов, 1915–24. Членами-учредителями М. л. к. выступили студенты ист.-филол. ф-та Моск. ун-та (Ф. Н. Афремов, П. Г. Богатырев, С. С. Рогозин, П. П. Свешников, Р. О. *Якобсон* и др.), это начинание поддержали акад. Ф. Е. Корш и акад. А. А. Шахматов; первым председателем избран Якобсон (1915–20), затем М. Н. Петерсон (1920), А. А. Буслаев (1920–22), Г. О. Винокур (1922–23) и Н. Ф. Яковлев (1923–24).

Осн. направление науч. работы кружка определяли профессиональные филологи – лингвисты и литературоведы, в число действит. членов входили С. И. Бернштейн, С. М. Бонди, О. М. *Брик*, Н. И. Жинкин, В. М. *Жирмунский*, М. М. Кенигсберг, Е. Д. Поливанов, А. И. *Ромм*, Ю. М. Соколов, Б. В. *Томашевский*, Ю. Н. *Тынянов*, В. Б. *Шкловский*, Г. Г. Шпет, Б. И. Ярхо и др. М. л. к. «с первых шагов своей деятельности поставил задачей разработку вопросов лингвистики, понимая под этим термином науку о языках различных функций (sic! – *С. Ш.*), в т. ч. особенно анализ языка поэтического. <...> Всестороннее исследование поэтики, в частности стихосложения, и соотношение между письменным и устным словесным творчеством входило в основную программу занятий, а от работ по народной словесности пути естественно вели к этнологическим разысканиям большего охвата» [Якобсон Р. О. Московский лингвистический кружок [1976] / подг. текста, публ., вступ. заметка и примеч. М. И. Шапира // Philologica. 1996. № 3. С. 365–366; ср.: Jakobson R. An Example of Migratory Terms and Institutional Models (On the Fiftieth Anniversary of the Moscow Linguistic Circle) // Jakobson R. Selected Writings. Vol. 2: World and Language. The Hague; P., 1971]. В известной степени науч. направленность М. л. к. ориентировалась на методологию и практич. деятельность *ОПОЯЗ*а, одновременно с ним «была выдвинута проблема лингвистической поэтики <...> поэтики как чисто лингвистической дисциплины» (Горнунг Б. В. Поход времени: В 2 кн. Кн. 2: Статьи и эссе / сост. и примеч. М. Воробьева. М., 2001. С. 366). Заметным явлением науч. и культурной жизни было основанное членами кружка машинописное издание («журнал») *«Гермес»* («Ἑρμῆς»). В ноябре 1922 руководство М. л. к. обращалось в *Госиздат* с предложением подготовить к выпуску серию книг по истории рус. поэзии после *символизма*: «Петербургский классицизм», «Центрифуга», «Футуризм», «Имажинисты» (не осуществлено). В своей работе М. л. к. поддерживал связи с представителями лит. среды: в 1918 (1919?) в него вступил В. В. *Маяковский*, регулярно посещавший заседания, активным членом был С. П. *Бобров*; в 1921 на одном из заседаний выступил с докладом А. Е. *Кручёных*, в 1923 Б. Л. *Пастернак* и Н. Н. *Асеев*.

Утверждать, что теоретич. и практич. исследования участников М. л. к. оказали прямое влияние на худож. мировоззрение О. М., оснований нет. Мандельшт. интерес к работе кружка можно предположить исходя из широкого круга его филологич. предпочтений: важнейшее место среди них занимали исследования представителей формализма и ОПОЯЗа (с наиб. заметными из к-рых – Шкловским Тыняновым и Эйхенбаумом – он близко общался и к-рые, в свою очередь, проявляли внимат. профессиональное отношение к его творчеству; см.: Тоддес Е. А. Мандельштам и опоязовская филология // Тыняновский сб.: Вторые Тыняновские чтения. Рига, 1986). Очевидно, именно руководство М. л. к. выступило с инициативой обращения к О. М. с предложением о сотрудничестве; данный факт зафиксирован 4.5.1923 в протоколе заседания президиума, на к-ром обсуждался вопрос «о предложении поэтов О. Э. Мандельштама и Б. Л. Пастернака войти в контакт с МЛК для совместной работы в области поэтики», в результате чего было принято постановление, в частности предполагавшее: «Принять предложение и выделить для переговоров с поэтами и для организации совместно с ними соответствующих занятий комиссию <...>. Будущую работу Президиум представляет себе в виде: а) участия поэтов в заседаниях кружка и обсуждении читаемых докладов; б) устройства, совместно с ними, особых заседаний <...> в) заслушания и обсуждения в Кружке докладов поэтов; г) заслушания и, по возможности, обсуждения их стихов. Помимо того, признано желательным привлечь к работе и других поэтов, при чем просить О. Э. Мандельштама и Б. Л. Пастернака, а также избранных в настоящем заседании членов Комиссии взять это привлечение на себя» [Ин-т рус. языка РАН. РО. Ф. 20 (Московский лингвистический кружок). Л. 255–255 об.; цит. по: Шапир М. И. Примеч. к публ.: Якобсон Р. О. Московский лингвистический кружок // Philologica. 1996. № 3. С. 371].

Результаты этой инициативы отражены в мемуарах современников, в частности в представляющемся вполне достоверным свидетельстве Б. В. *Горнунга* (видимо, выступавшего своего рода «связующим звеном» между О. М. и М. л. к. как ученый секретарь и зам. председателя последнего в 1919–22) о мандельшт. желании «организовать “семинар по поэтике” для группы членов Московского Лингвистического кружка с участием кроме него самого Пастернака, Асеева, Зенкевича, Бернера и Антокольского. Было (весной 1923 г.), кажется, два собрания, и на этом дело кончилось» (Горнунг Б. Заметки к биографии О. Э. Мандельштама / публ., предисл. и примеч. М. Горнунга // СМР. Вып. 3/2. С. 157). По воспоминаниям Якобсона, одно из заседаний М. л. к. в 1923, «открытое Пастернаком и Мандельштамом, было посвящено дискуссии о наиболее плодотворных методах анализа поэтической речи» (Якобсон Р. О. Московский лингвистический кружок. С. 367). Это обоюдное, видимо, начинание не принесло желаемых результатов; 23.7.1923 в заявлении его президиуму Ромм констатировал: «Попытки вспрыснуть Кружку шприц Мандельштама и Пастернака – камфарма [sic!] для все равно умирающего» [Ин-т рус.языка РАН. РО. Ф. 20 (Московский лингвистический кружок). Л. 335; цит. по: Шапир М. И. Примеч. к публ.: Якобсон Р. О. Московский лингвистический кружок. С. 371). Возможно, отчасти следствием этого стало нежелание О. М. присутствовать на заседании, предполагавшем, вероятно, чтение его доклада, что отражено в лаконичном письме Горнунгу в нач. 1924, завершающемся просьбой, в которой упоминается М. л. к.: «Передайте мои извинения Л. К.».

С. Г. Шиндин.

«МОСКОВСКИЙ ПОНЕДЕЛЬНИК», еженедельная газета (Москва, 1922), одна из предшественниц *«Литературной газеты»* (наряду с изданиями «Газета футуристов», Москва, 1918; «Ирида», Петроград, 1918; «Литературный понедельник», Москва, 1922 и др.). Редактор П. И. Лебедев-Полянский. Газета была переименована в «Новости», с отделом телеграмм и хроники, однако издание оказалось убыточным и вскоре было закрыто.

В «М. п.» публиковались стихотворения О. М.: «Декабрист» (1922. 14 авг. С. 2); «Золотистого меда струя из бутылки текла...» (под загл. «Виноград»; 1922. 11 сент. С. 2).

В. В. Калмыкова.

МОЦАРТ (Mozart) Вольфганг Амадей (27.1.1756, Зальцбург – 5.12.1791, Вена, Австрия), композитор. В письме В. И. Иванову от 13.8.1909 О. М. косвенно упомянул о своем посещении концерта М. в Беатенберге, однако музыка М., в отличие от *Баха*, *Бетховена* и Шуберта, полноправно вошла в худож. мир О. М. лишь в 1920-е гг. В эссе «О природе слова» (1922) образ М. появляется в пушкинском контексте («Моцарт и Сальери») и служит лишь для иллюстрации поэтич. установок *акмеизма*: «идеалистумечтателю» М. противопоставляется «суровый и строгий ремесленник мастер Сальери» (ср. очерк «Моцарт и Сальери» в «Книге третьей» Н. М.). Знаменательно и отсутствие М. в списке композиторов, партитуры к-рых О. М. описал в «Египетской марке». То место в «Египетской марке», где в рамках рассказа о смерти А. Бозио речь идет о музыке М., носит амбивалентный характер: с одной стороны, упоминается партия Церлины из оперы М. «Дон Жуан», входившая в репертуар Бозио; с другой – музыка М., названная в одном ряду с «плюмажами» и «жандармами», – часть того сюрреалистич. Петербурга, в обстановке к-рого гибнет итал. певица. Ср. в связи с «Египетской маркой» «птичий воздух <...> квартиры Парнока» с моцартовским «птичьим гамом» в «Восьмистишиях» О. М. В стих. О. М. «Полдень в Москве. Роскошно буддийское лето...» (1931) М. – часть образа «неугомонной» *Москвы*. Изменение отношения О. М. к М. произошло, по-видимому, под воздействием знатока нем. музыки и литературы Б. С. *Кузина*: в «Путешествии в Армению» (1931–32) М. связывается с «натуралистской» образностью: «Какой Бах, какой Моцарт варьирует тему листа настурции?», «Паллас насвистывает из Моцарта». «Кто не любит Гайдна, Глюка и Моцарта – тот ни черта не поймет в Палласе. Телесную круглость и любезность немецкой музыки», неотъемлемой частью к-рой теперь является для О. М. и М., Паллас «перенес на русские равнины». Продолжение музыковедческо-ламаркистского диалога с Кузиным – в стих. О. М. «Ламарк» (1932): музыка М., олицетворяющая муз.-поэтич. «полнозвучье», противопоставляется наступающей «глухоте паучьей». Предположительно в том же 1932 О. М. «в необычно быстром темпе», с трагически-стремит. интонацией исполнил в присутствии Э. Г. *Герштейн* «сонатину Моцарта». В стих. «И Шуберт на воде, и Моцарт в птичьем гаме...» атрибут Моцарта – «птичий гам» – отсылает как к птицелову Папагено из оперы М. «Волшебная флейта», так и, возможно, к привычке композитора держать дома певчих птиц, о чем О. М. мог знать из книги В. Д. Корганова «Моцарт». Появление М., наряду с Шубертом, И.-В. *Гете* и Гамлетом (метонимом У. Шекспира) среди тех, кто «считали пульс толпы и верили толпе», – намек на разнообразие жанровых пристрастий М.-композитора, писавшего не только музыку для церкви и двора, но и «легкие» оперы для нар. театров. Предположителен и отдал. намек на сцену с трактирным скрипачом в «Моцарте и Сальери» А. С. *Пушкина*. Образ «волшебной трости» в стих. О. М. «Батюшков» в сочетании с мандельшт. обращением к поэту («гуляка» – ср. в пушкинском «Моцарте и Сальери» о М.: «гуляка праздный»), возможно, содержит отсылку к опере М. «Волшебная флейта»; ср. разновидность флейты – тростевая флейта (О. А. Лекманов; устное замечание). В письмах С. Б. Рудакова к жене из Воронежа дважды (14 и 27.10.1935) сообщается о музыке М., к-рую Рудаков слушал вместе с О. М.. В сохранившемся отрывке стих. О. М. «И пламенный поляк – ревнивец фортепьянный...» (1937) через М. характеризуется П. И. Чайковский: «Чайковского боюсь – он “Моцарт на бобах”».

Лит.: Киршбаум Г. Э. «Валгаллы белое вино». Немецкая тема в поэзии О. Мандельштама. М., 2010; Н. Я. Мандельштам 1987; Кац Б. А. [Вступ. ст. и коммент.] // Мандельштам О. «Полон музыки, музы и муки...» Л., 1991; Он же. В сторону музыки: Из музыковедческих примечаний к стихам О. Мандельштама // ЛО. 1991. № 1. С. 68–69; Герштейн; Simonek S. Osip Mandel'štam und Mozart. Zur Neubewertung einer literarischen Figur // Die Welt der Slaven. Halbjahresschrift für Slavistik. Jahrgang XXVIII. N. F. XVII. Münch., 1993. P. 12–27.

Г. Э. Киршбаум.

МРЕЖЕН (Mrejen) Пьер (род. 2.12.1960, Мекнеш, Марокко), франц. типограф и издатель уникальных худож. книг, в т. ч. и книг О. М. В 1988 основал в Париже изд-во «Rouleau Libre», с 1994 переселился в Марсель, где в 1998 основал изд-во «Harpo & Chemin du Mauvais Pas». Книги (как правило, билингвы, иногда трилингвы) выпускаются малыми тиражами (часто с нумерацией части тиража), в нестандартных форматах и по полиграфич. технологиям нач. 20 в.; продаются в осн. неразрезанными (напр., в Париже, в «Libraire Plon»). Среди выпущенных М. книг О. М. встречаются как поэтические – «Железо», «Воронежские тетради», «Камень» (в пер. Кристиана Муза), так и эссеистические – «Утро акмеизма» (в его же пер.) и «Гуманизм и современность = Петр Чаадаев» (в пер. Н. Пигетти; у этой книги нет начала и конца, каждое из двух эссе начинается с противоположной другому стороны и течет ему как бы навстречу). Такой полиграфич. артефакт является беспрецедентным в истории книгоиздания О. М.

Издания: Natre des nuages [Истончается тонкий плен...] / пер. не указан. [Билингва]. Париж, 1-й день весны 1990. 12 с., илл. 7 нумеров. и подп. экз.; Humanisme et contemporanéité. [Гуманизм и современность] = Piotr Tchaadaev [Петр Чаадаев] / пер. Н. Пигетти. Harpo & [б/нумерации]. [Октябрь 1900]. 24 с., илл. 67 экз.; Silentium / пер. с нем. П. Целана, с франц. К. Муза [Трилингва]. Париж, 3 и 4 июля 1991. 36 с., илл. 44 нумеров. и подп. экз.; Poéme [«Где связанный и пригвожденный стон?..»] / пер. К. Муза [Билингва]. Париж, 19 янв. и 4 февр. 1992. 20 с., илл. 26 нумеров. и подп. экз.; Fer [Железо] / пер. К. Муза [Билингва]. Париж, февраль 1992. 32 с., илл. 145 нумеров. экз. (2-е изд.: июнь 1992); Je vois [«Я вижу...»] / пер. К. Муза [Билингва]. Париж, декабрь 1993. 20 экз., илл.; Р. [Париж] [Билингва] /

пер. К. Муза. Париж, декабрь 1993. 20 экз.; То же. Марсель, 29 февр. 1996. 28 с., илл. 33 экз., из них 9 нумеров. и подп.; Le Cahiers de Voronej [Воронежские тетради.]. 3 т. / пер. К. Муза [Билингва]. [Марсель], сентябрь 1999. (40 + 56 + 56 с.), илл. 450 экз.; Pierre [Камень]. Le Matin d l'Acmeisme [Утро акмеизма] / пер. К. Муза [Билингва]. [Марсель], август 2002. 64 с., илл.; Le Cahiers de Voronej. [Воронежские тетради.]. 3 т. / пер. К. Муза [Билингва]. [Марсель], сентябрь 2005. 144 с., илл. 700 экз. (переиздание в одном томе издания 1999); Humanisme et contemporanéité [Гуманизм и современность] = Piotr Tchaadaev [Петр Чаадаев] / пер. Н. Пигетти. Harpo & [б.нумерации]. [Конец лета 2006].

П. М. Нерлер.

МСТИСЛАВСКИЙ (наст. фам. Масловский) Сергей Дмитриевич (23.8.1876, Москва – 22.4.1943, Иркутск), прозаик, публицист, обществ. деятель, член партии левых эсеров. Весной–летом 1919 сосед О. М. по гостинице в *Киеве* на Николаевской ул. «Мстиславский заглядывал в чужие номера и повествовал об аресте царя. Он всегда напоминал, что он рюрикович, и подчеркивал древность своего рода по сравнению с Романовыми. Мандельштам морщился» (Н. М.).

О. А. Лекманов.

МУЗЕИ, безусловно, относились к числу гл. для О. М. источников культурной информации и были окружены исключительно положительным эмоциональным ореолом, обусловленным мандельшт. отношением к *живописи* как к виду искусства и актуальной составляющей широкой культурной традиции. Это отразилось, в частности, в обобщенной, семантически суммирующей образности стих. «Еще далеко мне до патриарха...» (1931): «Вхожу в вертепы чудные музеев, / Где пучатся кащеевы Рембрандты, / <...> Дивлюсь рогатым митрам Тициана / И Тинторетто пестрому дивлюсь». Еще выразительнее в данном контексте метафорич. отображение «Божественной комедии» *Данте Алигьери* в «Разговоре о Данте» (1933): «Если бы все залы Эрмитажа вдруг сошли с ума, если бы картины всех школ и мастеров вдруг сорвались с гвоздей, вошли друг в друга <...> то получилось бы нечто подобное Дантовой "Комедии"». Доминирующее положение для О. М. безусловно занимали худож. М., что определялось не только внетекстовыми реалиями, но и его собств. приоритетами; мандельшт. отношение к ним. отчетливо проявляется в письме к Н. М. из Воронежа 26.4.1937: «Надик, ты кроме дел в Москве живи. Смотри картины. Все, что я хочу видеть, – ты смотри». Косвенным подтверждением глубоко личностного начала в посещении М. может выступать и отказ Н. М. от подобных визитов без участия в них О. М., содержащийся в письме С. Б. *Кузину* от 18.1.1939: «В музеи не хожу. Без Осипа не могу».

В текстах О. М. и мемуарных свидетельствах зафиксировано устойчивое присутствие неск. М., с к-рыми он был биографически связан. Так, Н. М. отмечала особое внимание О. М. к Гос. Эрмитажу (ГЭ): «Эрмитаж вошел в плоть и в кровь О. М.»; «Живя в Ленинграде, мы постоянно ходили в Эрмитаж»; ср. данную ею же характеристику стих. «Улыбнись, ягненок гневный с Рафаэлева холста...» (1937): «Это скорее всего тоска по Эрмитажу». В круг интересов О. М. входила и коллекция декоративно-прикладного искусства; 4.5.1937 он писал Н. М. из Воронежа: «Сейчас был в книжном магазине <...>. Там изумительные "Металлы Сассанидов" Эрмитажа <...> эти блюдечки персов мы все-таки купим»; ср. в письме 7.5.1937: «На персов я только облизываюсь»; по свидетельству Н. М., позднее М. В. *Юдина* прислала этот альбом О. М. в подарок; см.: «Любил, но изредка чуть-чуть изменял»: Заметки Н. Я. Мандельштам на полях американского «Собрания сочинений» Мандельштама / подгот. текста, публ. и вступ. заметка Т. М. Левиной // Philologica. 1997. № 4. С. 181. ГЭ выступает наиб. широко представленным в мандельшт. худож. мире образом М., прямо связанным с биографич. реалиями, в «Шуме времени» (1923–24) О. М. так описал свои детские впечатления: «весь массив Петербурга, гранитные и торцовые кварталы, все это нежное сердце города, с <...> кариатидами Эрмитажа <...> я считал чем-то священным и праздничным». Сходная образность отражена в повести «Египетская марка» (1927): «Эрмитажные воробьи щебетали о барбизонском солнце, о пленэрной живописи, о колорите <...> одним словом, обо всем, чего не хватает мрачно-фламандскому Эрмитажу»; «Юдифь Джорджоне улизнула от евнухов Эрмитажа»; «На бумаге верже <...> могли бы переписываться кариатиды Эрмитажа».

Исключительно значим своей коллекцией *французской живописи* был для О. М. Гос. музей нового зап. искусства (ГМНЗИ), созданный на основе сформированных на рубеже 19–20 вв. частных собраний И. А. Морозова и С. И. Щукина. В кон. 1918 обе коллекции были национализированы гос-вом и на их основе открылись 1-й и 2-й Музеи новой зап. живописи (Москва), в 1922–28 постепенно объединенные в ГМНЗИ; см.: Каталог Гос. музея нового зап. искусства. М., 1928. Коллекция ГМНЗИ – единств. худож. собрание, к-рое получило развернутое отображение в мандельшт. прозе, ее описание содержится в гл. «Французы» «Путешествия в Армению» (1931– 32). Характерно имплицитное метафорич. отражение мандельшт. оценки этого М.: «Я вышел на улицу из посольства живописи. – Сразу после французов солнечный свет показался мне фазой убывающего затмения, а солнце – завернутым в серебряную бумагу». По воспоминаниям Н. М., оказавшись после возвращения из Воронежа в Москве, они с О. М. «свалили среди комнаты вещи и сразу пошли к "французам", в маленький музей на улице Кропоткина. <...> О. М. <...> побежал в музей к самому открытию».

Существует ряд менее развернутых отражений мандельшт. посещения худож. М. в разл. периоды. Вероятно, он бывал в них во время обучения в Париже в 1907–08; косв. подтверждением этого может служить стих. «Я пью за военные астры...» (1931), где упоминается «масло парижских картин»; иную т. зр., связывающую данный образ с ГМНЗИ (что не представляется абсолютно убедительным из-за соответствующего семантич. контекста) см. в: Гаспаров М. Л. Комментарии // Стих. Проза. В худож. мире О. М. формирование музейного «топоса», включающего в себя отображение реальных впечатлений от посещений М. и мотивацию этим конкретных произведений, формируется с нач. 1920-х гг., уже в очерке «Кое-что о грузинском искусстве» (1922) он писал: «Войдите в национальный музей грузинской живописи в Тифлисе». Вероятно, О. М. побы-

вал в Нац. музее Грузии во время приезда в Тифлис осенью 1920 или летом 1921, т. к. в очерке упомянута «длинная вереница строгих портретов, преимущественно женских, по своей технике и глубокому статическому покою напоминающих старую немецкую живопись»; применительно к этой коллекции позднее упомянута груз. фреска «с ее упаси меня боже какими огромными малярийными глазами». (С этим М. связана и биогр. параллель: в нач. 1930-х гг. в черновых набросках к главе «Сухум» «Путешествия в Армению» фигурирует эпизодич. персонаж – «Анатолий К., директор тифлисского национального музея», прототипом к-рого послужил А. Какабадзе, директор Нац. музея Грузии в 1929–31). По воспоминаниям Н. Е. *Штемпель*, во время пребывания в Воронеже О. М. «часто посещал воронежский Музей изобразительных искусств» (Штемпель Н. Е. [Встречи с О. Мандельштамом] // О. и Н. Мандельштамы. С. 261–262); это подтверждает и свидетельство Н. М. о том, что стих. «Длинной жажды должник виноватый...» (1937) вызвано «посещением воронежского музея – мы часто ходили туда – в античный зал (черно-красный период) и к Рембрандту». Во время приезда Штемпель в Москву летом 1937 они с О. М. посетили Гос. Третьяковскую галерею (ГТГ).

Ряд эпизодов биографии О. М. связан не с худож. собраниями, а с М. иной направленности. В сер. 1920-х гг. О. М. от В. Б. *Шкловского* поступило предложение написать киносценарий [очевидно, этот эпизод приходился на период проживания О. М. и Н. М. в Царском (Детском) Селе с лета 1926 по весну 1928], для чего он посетил Екатерининский дворец, ставший М.. Вместе с тем, по свидетельству одного из «периферийных» современников, существовало раннее стих. О. М. «после посещения Екатерининского Дворца и прогулок по Пушкину» (Овчинникова О. Мои воспоминания о поэте Осипе Эмильевиче Мандельштаме // СМР. Вып. 3/2. С. 100), однако отсутствие указаний на к.-л. источники и подтверждений др. мемуаристами не придает ему статуса абсолютной достоверности. В «Путешествии в Армению» содержится мандельшт. воспоминания об Эриванском музее, где автор видел «скрюченный в сидячем положении скелет, помещенный в большую гончарную амфору». К нач. 1930-х гг. относится регулярное посещение Зоологич. музея Моск. ун-та, в к-ром работал Кузин и где О. М. было написано стих. «Я скажу тебе с последней...» (1931). Сам О. М. иронически изобразил подобные посещения: «В зоологическом музее: – Кап... кап... кап... – кот наплакал эмпирического опыта. – Да заверните же, наконец, кран!».

По свидетельствам мемуаристов, О. М. при посещении М. обращался не к экспозиции как таковой в целом, а к конкретным работам предпочитаемых им авторов (ср. метафорич. отображение экспозиции ГМНЗИ: «Каждая комната имеет свой климат»). Так, напр., по свидетельству Н. М., каждый поход О. М. в ГЭ обязательно включал просмотр картин Х. ван Р. *Рембрандта* (1606–69): «В Ленинграде мы часто ходили посмотреть то одно, то другое и всегда заходили в комнаты Рембрандта и смотрели “Блудного сына”». В воронежском худож. музее О. М. «стоял перед полотнами Дюрера и Рембрандта»; ср.: «Картина Рембрандта находилась в Воронеже <...>. О. М. часто ходил ее смотреть». [В действительности экспонированная в М. работа «Шествие на Голгофу», автором к-рой считался Рембрандт, принадлежит кисти его ученика Я. В. де Вета (1610 – ок. 1671), что было установлено позднее; см.: Лангерак Т. «Как светотени мученик Рембрандт...» (Разговор поэта с художником) // Поэтика и текстология. С. 84.] Соответствует подобной традиции и описание посещения О. М. ГТГ: «Осмотр оказался <...> очень коротким. Осип Эмильевич, не останавливаясь, пробежал через ряд залов, пока не разыскал Рублева, около икон которого остановился. За этим он и шел» (Штемпель. С. 18).

Развернутое описание «методики» трехэтапного освоения худож. музейной экспозиции, основывающегося не только на интеллектуальном и эмоциональном, но и на физиолог. начале, содержит «Путешествие в Армению» (рекомендация предназначена для всех «выздоравливающих от безвредной чумы наивного реализма» и подразумевает, очевидно, экспозицию ГМНЗИ): «Я посоветовал бы такой способ смотреть картины. – Ни в коем случае не входить, как в часовню. Не млеть, не стынуть, не приклеиваться к холстам... – Прогулочным шагом, как по бульвару, – насквозь! <...> Стояние перед картиной, с которой еще не сравнялась телесная температура вашего зрения <...> – все равно что серенада в шубе за двойными оконными рамами. – Когда это равновесие достигнуто <...> – начинайте второй этап реставрации картины <...>. Тончайшими кислотными реакциями глаз <...> поднимает картину до себя, ибо живопись в гораздо большей степени явление внутренней секреции, нежели апперцепции, то есть внешнего восприятия. <...> Я вышел на улицу из посольства живописи. Сразу после французов солнечный свет показался мне фазой убывающего затмения <...>. И тут только начинается третий и последний этап вхождения в картину – очная ставка с замыслом». Близкое описание содержится в радиокомпозиции «Молодость Гете» (1935) при изображении посещения Гете картинной галереи: «Он твердым шагом прошел через комнаты итальянской живописи <...> Все это прекрасно, но не сейчас, после! Скорей к голландцам, к бессмертным северным мастерам». Возможно, именно таким восприятием специфики структурно-семантич. организации музейного пространства мотивировано иронически-негативное отношение О. М. к фигуре экскурсовода; см. в «Молодости Гете» эпизод, в к-ром по картинной галерее «семенил музейный проводник, присяжный объяснитель картин. – Молодой человек <...> всемерно старался отделаться от проводника, который <...> сыпал, как горохом, названиями живописных школ, именами художников; юношу явно раздражали хвалебные возгласы»; ср. о посещении ГМНЗИ: «Объяснительница картин ведет за собой культурников. Посмотришь – и скажешь: магнит притягивает утку. <...> В дверях уже скучает обобщение».

С. Г. Шиндин.

Н

НАБОКОВ Владимир Владимирович (псевд. В. Сирин) [10(22/23).4.1899, С.-Петербург – 2.7.1977, Лозанна, Швейцария], рус. и амер. прозаик, поэт, литературовед, натуралист. По всей видимости, Н. никогда не встречал О. М., но был знаком с его сочинениями как по сборникам, так и по избранным публикациям в периодике. В свои «русские годы» Н. отмечал за О. М. «холодное изящество», выражающееся «в особых, как бы стеклянных стихах, в нежности к вещественным мелочам, в чувстве веса, весомости» и подчеркивал, что у того «прилагательные, выражающие легкость или тяжесть, почти совершенно вытесняют прилагательные чувственные, преобладающие у других поэтов» (Набоков В. [Неопубликованная рецензия на книги стихов «Песни без слов» Дм. Шаховского, «Оттепель» Льва Гордона и «Разноцвет» Ильи Британа] // New York Public Library. Berg Collection. Vladimir Nabokov Archives. Box 1, folder 8; цит. по: Долинин А. Комментарии [к «Дару»] // Набоков В. Собр. соч. русского периода: В 5 т. Т. 4. С. 647).

Не рецензируя произведений О. М., Н. тем не менее ссылался на поэта в своих сочинениях. Реминисценции из О. М. отмечают в набоковской прозе тему «мнимости» и «театральной» условности бытия. Так, напр., к реминисцентным текстам романа «Приглашение на казнь» (1935–1936) относится стих. О. М. «Веницейской жизни мрачной и бесплодной...» (1921) (ср. у Н.: «Цинциннат не спал, не спал, не спал – нет, спал, но со стоном опять выкарабкался, – и вот опять не спал, спал, не спал, – и все мешалось, *Марфинька, плаха, бархат*,– и как это будет, – что? Казнь или свидание?» – и у О. М.: «И горят, горят в корзинах свечи, / Словно голубь залетел в ковчег. / На театре и на праздном вече / Умирает человек. // Ибо нет спасенья от любви и страха: / Тяжелее платины Сатурново кольцо! / Черным *бархатом завешанная плаха / И прекрасное лицо*»). «Театральность» исходного текста вторит теме «театра» в романе, достигающей апофеоза в знаменитом открытом финале (ср. у Н.: «Свалившиеся деревья лежали *плашмя, без всякого рельефа*, а еще оставшиеся стоять, тоже *плоские, с боковой тенью по стволу для иллюзии круглоты*, едва держались ветвями за *рвущиеся сетки неба*. Все расползалось. Все падало. Винтовой вихрь забирал и крутил пыль, *тряпки, крашеные щепки, мелкие обломки позлащенного гипса, картонные кирпичи, афиши*; летела сухая мгла; и Цинциннат пошел среди пыли, и падших вещей, и трепетавших полотен, направляясь в ту сторону, где, судя по голосам, стояли существа, подобные ему»),

В рассказе «Весна в Фиальте» (1936) обнаруживается реминисценция др. «театрального» стих. О. М. – «Я не увижу знаменитой “Федры”...» (1915) (ср. у Н.: «Именно в один из таких дней раскрываюсь, как глаз, посреди города на крутой улице, сразу вбирая все: и прилавок с открытками, и витрину с распятиями, и *объявление заезжего цирка, с углом, слизанным со стены*, и совсем еще желтую *апельсинную корку* на старой, сизой панели, сохранившей там и сям, *как сквозь сон*, странные следы мозаики»; ср. у О. М.: «Вновь шелестят *истлевшие афиши*, / И слабо пахнет *апельсинной коркой*, / *И словно из столетней летаргии*...»). Как и в романе «Приглашение на казнь», мандельшт. след в данном тексте отмечает собой релевантность темы «призрачности» городка, послужившего местом, где скрещиваются судьбы гл. героев рассказа.

Реальный адресат обоих текстов – эмигрантский читатель Н. – понимал О. М. сквозь призму работы В. М. *Жирмунского* «Преодолевшие символизм» (1916). В ней говорилось, что «ненастоящий, призрачный мир, в котором мы живем, вместе с подлинностью и реальностью теряет в поэзии Мандельштама правильность своих размеров и очертаний. Мир кажется кукольным, марионеточным, это царство смешных, забавных игрушек» (Жирмунский В. М. Преодолевшие символизм // Жирмунский В. М. Теория литературы: Поэтика: Стилистика. Л., 1977. С. 122). Отбор подчеркнуто «условных», «театральных», «ирреальных» писаний поэта для Н. был, по всей видимости, продиктован желанием сблизить горизонт своих знаний с возможными ожиданиями аудитории. Отказ от этой практики наметился в романе «Дар» (1937–38 / 1952), где О. М. введен как автор текста чуждого «условности». По наблюдению Г. А. Левинтона, в романе «Дар» присутствует цитата из стих. «Вы с квадратными окошками...» (1925), сочетающаяся с реминисценцией из поэмы «Про это» (1923) В. В. *Маяковского* (ср. у Н.: «Он выбрался на площадку вагона. Тот час же ветер грубо его обыскал, после чего Федор Константинович потуже затянул поясок макинтоша, поправил шарф, – но небольшое количество *трамвайного тепла* было у него уже отнято»; ср. у О. М.: «После бани, после оперы – все равно, куда ни шло, / – Бестолковое, последнее *трамвайное тепло*!»; ср. у Маяковского: «Был в ворох-ветром мальчишка обыскан»). В английской же редакции романа (1963) Н. разъяснил своим читателям худож. метод О. М. (ср.: «Mandelshtam's *neoclassicism*»), компенсируя тем невозможность передать по-английски наличие мандельшт. подтекста.

В системе взглядов зрелого Н. на советскую лит-ру О. М. принадлежит чрезвычайно заметное место. В 1941, говоря о возможном составе антологии рус. поэзии, он поместил О. М. в одном ряду с Н. А. *Заболоцким*, оговариваясь, что О. М. уступает «куда более примечательным поэтам современности» – Б. Л. *Пастернаку* и В. Ф. *Ходасевичу* (см.: Nabokov V. To: James Laughlin, 10–II–1941 // Nabokov V. Selected Letters: 1940–1977 / Edited by Dmitri Nabokov and Matthew J. Bruccoli. San Diego, N. Y., L., 1989. P. 36–37). В 1950–60-е гг. О. М. открылся Н. как автор «изумительных, душераздирающих» стихов постакмеистич. периода

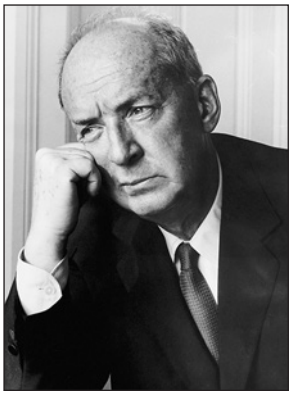
(см.: Набоков В. [Письмо к Г. П. Струве от 4 октября 1965] // Hoover Institution Archives. Gleb Struve Collection. Box 108, folder 18; цит. по: Набоков В. Письма к Глебу Струве / публ. Е. Б. Белодубровского // Звезда. 1999. № 4. С. 36; ср. первую публикацию письма: Nabokov V. To: Prof. Gleb Struve, October 4, 1965 // Nabokov V. Selected Letters: 1940–1977. P. 378). Н. был знаком с подборкой «57 стихотворений», появившейся в альманахе *«Воздушные пути»* (1961) и с собраниями сочинений поэта под ред. Г. П. *Струве* и Б. А. *Филиппова* (1955, 1964–69). Н. дал высокую оценку творчеству О. М. в телевизионном интервью с Р. Хьюзом (1965), подчеркнув, что О. М. был «величайшим поэтом из тех, кто силился выжить в России при Советах» (см.: Nabokov V. Strong Opinions. N. Y., 1990. P. 58). Неск. более сдержанно об О. М. он отозвался в беседе с Г. Голдом и Дж. Плимптоном (1967), в к-рой уверял, что через призму трагич. судьбы О. М. «его поэзия кажется более значительной, чем она есть на самом деле» (см.: Ibid. P. 97). В 1969 Н. перевел стих. «За гремучую доблесть грядущих веков...» (1931/1955) и включил этот текст в выступление против практики перевода, представленной в «переложениях» мандельшт. стихотворений, выполненных Р. Лоуэллом по подстрочникам О. В. Андреевой-Карлайль [см.: Nabokov V. On Adaptation // Nabokov V. Strong Opinions. P. 280–283; также см. описание набоковских помет на полях двуязычной антологии Андреевой-Карлайль «Poets on Street Corners: Portraits of Fifteen Russian Poets» (1968), содержащих негативную оценку стих. О. М. «На розвальнях, уложенных соломой...», «С миром державным я был лишь ребячески связан...», «Мастерица виноватых взоров...» и «День стоял о пяти головах...»: Струве Г. П. Письма Глеба Струве Владимиру и Вере Набоковым 1942–1985 годов / вступит. ст., подготовка текста, комм. и пер. М. Э. Маликовой // РЛ. 2007. № 1. С. 222]. Переводы Лоуэлла послужили объектом пародии и в романе Н. «Ada or Ardor: A Family Chronicle» (1969); заметка же «On Adaptation» (1969) вызвала резкую отповедь Н. Я. *Мандельштам* [см.: Wachtel M., Cravens C. Nadezhda Iakovlevna Mandel'shtam: Letters to and about Robert Lowell / publication by Michael Wachtel and Craig Cravens // The Russian Review. 2002. No. 2 (61). P. 519–520].

Свидетельств о знакомстве О. М. с сочинениями Н. на сегодняшний день не обнаружено.

Соч.: Собр. соч. русского периода: В 5 т. СПб., 1999–2000; Ada or Ardor: A Family Chronicle. N. Y., 1969; The Gift. N. Y., 1963.

Лит.: Левинтон Г. Душа ведь женщина: Из комментариев к «Летейским стихам» Мандельштама: «Когда Психея-жизнь спускается к теням» // Studia metrica et poetica: Сб. статей памяти Петра Александровича Руднева. СПб., 1999. С. 265–277; Он же. Заметки о парономазии. I: Парономазии и подтексты у Набокова // «На меже меж Голосом и Эхом»: Сб. статей в честь Татьяны Владимировны Цивьян. М., 2007. С. 60–69; Амелин Г. Г., Мордерер В. Я. Миры и столкновения Осипа Мандельштама. М.; СПб., 2000; Долинин А. Примечания [к «Дару»] // Набоков В. Собр. соч. русского периода: В 5 т. СПб., 2000. Т. 4. С. 634–768; Лекманов О. Примечания [к заметке «“Память любит ловить во тьме”: К истокам мандельштамовской образности»] // Лекманов О. Книга об акмеизме и другие работы. Томск, 2000. С. 698–699; Сконечная О. Примечания [к «Посещению музея»] // Набоков В. Собр. соч. русского периода: В 5 т. СПб., 2000. Т. 5. С. 738; Двинятин Ф. Пять пейзажей с набоковской сиренью // В. В. Набоков: Pro et contra: Материалы и исследования о жизни и творчестве В. В. Набокова: Антология. СПб., 2001. Т. 2. С. 291–314; Он же. Набоков, модернизм, постмодернизм и мимесис // Империя N.: Набоков и наследники: Сб. статей / пед.-составители: Юрий Левинг, Евгений Сошкин. М., 2006. С. 442–481; Маслов Б. Поэт Кончеев: Опыт текстологии персонажа // НЛО. 2001. № 1(47). С. 172–186; Ронен О. Идеал: О стихотворении Анненского «Квадратные окошки» // Звезда. 2001. № 5. С. 226–232; Он же. «Véra» // Звезда. 2002. № 1. С. 233–238; Он же. Исторический модернизм, художественное новаторство и мифотворчество в системе оценок Владимира Набокова // Philologica: Двуязычный журнал по русской и теоретической филологии / Под ред. И. А. Пильщикова и М. И. Шапира. Т. 7 (17/18). М., 2003. С. 247–260; Янгиров Р. Друзья, бабочки и монстры: Из переписки Владимира и Веры Набоковых с Романом Гринбергом // Диаспора: Новые материалы: [Вып.] I. П.; СПб., 2001. С. 477–556; Дзядко Ф., Утгоф Г. «The Undercurrents of Suggestion»: К проблеме «Набоков и Мандельштам» // Русская филология: Сб. научных работ молодых филологов: [Вып.] 13. Тарту, 2002. С. 140–144; Левинг Ю. Вокзал – гараж – ангар: Владимир Набоков и поэтика русского урбанизма. СПб., 2004; Утгоф Г. «Бархат» как «рогожа» // Studia Slavica: Сб. научных трудов молодых филологов: [Вып.] V. Таллинн, 2005. С. 100–110; Он же. «13» в «Приглашении на казнь» // Arbor Mundi: Мировое древо: Международный журнал по теории и истории мировой культуры: Вып. 13. М., 2007. С. 76–96; Он же. «Audiatur et altera pars»: К проблеме «Набоков и Лоуэлл» // Культура русской диаспоры: Эмиграция и мифы: Сб. статей / ред.-составители А. Данилевский, С. Доценко. Таллинн, 2012. С. 219–238; Он же. Синтактические исследования. Тарту, 2015; Boyd B. Vladimir Nabokov: The Russian Years. Princeton, 1990; Idem. Vladimir Nabokov: The American Years. Princeton, 1991; Idem. Annotations to Ada // The Nabokovian. 1993. No. 2(31). P. 21–22.

Ф. В. Дзядко, Г. М. Утгоф.



Владимир Владимирович Набоков

«НАКАНУНЕ» (Берлин, 1922–24), газета. Идеологически явилась преемником пражского сборника и парижского журнала «Смена вех», распространяющих идеи возвращения эмигрантов в Советскую Россию. Использовалась советским пр-вом как орган внешнеполит. пропаганды и единственная среди эмигрант. изданий разрешалась ко ввo-

зу в страну. По воскресеньям под ред. А. Н. *Толстого* выходило лит. приложение, в к-ром публиковались советские и эмигрант. писатели М. А. *Булгаков*, С. А. *Есенин*, В. П. *Катаев*, К. А. *Федин*, А. С. Неверов, М. М. *Зощенко*, Б. Пильняк, А. С. Яковлев, В. Г. *Шершеневич*, З. А. Венгерова и др. Моск. редакция «Н.» располагалась в «доме Нирнзее» (Большой Гнездниковский пер., 10). Гонорары «Н.» за публ. помогли мн. писателям восстановить приемлемый уровень жизни после Гражд. войны. Помимо лит. приложения существовали также экон., кинообозрение и др. В рубрике «Литературная хроника» и тематически близких освещались важные лит. события в жизни Москвы, в частности публикации, участие в коллектив. сборниках, издат. планы О. М. и его выступления на поэтич. мероприятиях.

О. М. опубликовал в лит. приложении к «Н.» стих. «Люблю под сводами седыя тишины...»; «Умывался ночью на дворе...»; «Я в хоровод теней, топтавших нежный луг...»; «С розовой пеной усталости у мягких губ...»; «Летейские стихи» («Я слово позабыл, что я хотел сказать...»; «Возьми на радость из моих ладоней...»; «Когда Психея-жизнь спускается к теням...»); «Нашедший подкову» (Пиндарический отрывок); ст. «Гуманизм и современность» и «О природе слова» (под заглавием «О внутреннем эллинизме в русской литературе»); переводы стих. О. Барбье «Кобыла» («О, корсиканский зверь с прямыми волосами...») и «Это зыбь» («Это зыбь, это зыбь – спокойная моряна...»).

Источники: Накануне. 1922. 28 мая. № 5. С. 1; 1922. 18 июня. № 8. С. 1; 1922. 25 июня. № 9. С. 1; 1922. 30 июля. № 11. С. 1; 1923. 8 апр. № 47. С. 1; 1923. 7 окт. С. 7; 1923. 21 янв. № 36. С. 6; 1923. 10 июня. № 56. С. 3–7; 1924. 17 февр. № 40. С. 1; 1924. 9 марта. № 58. С. 1.

Лит.: Захаров-Мэнский Н. Литературная Москва: (Письмо из Москвы) // Накануне. 1922. № 42. 17 мая. С. 5; [Б. п.] Московская хроника // 1922. № 8. 18 июня. С. 11; [Б. п.] Союз поэтов // 1922. № 83. 18 июля. С. 4; [Б. п.] Литературная хроника // 1922. № 11. 30 июля. С. 11; [Б. п.] Литературная хроника // 1922. № 13. 13 авг. С. 7; [Б. п.] Литературная хроника // 1922. № 1. 1 окт. С. 12; [Б. п.] Литературная хроника // 1922. № 22. 15 окт. С. 12; [Б. п.] Литературная хроника // Там же. № 24. 29 окт. С. 7; Петровская Н. [Рец. на кн.: Наши дни. Кн. 2. М., 1922] // 1922. № 29. 3 дек. С. 11; Дроздов А. [Рец. на альм.:] Кольцо // 1922. № 32. 24 дек. С. 8; [Б. п.] Литературная хроника // 1923. № 37. 28 янв. С. 7; [Б. п.] Литературная хроника // 1923. № 49. 22 апр. С. 8; Пришвин М. Сопка Маира // 1923. № 344. 29 мая. С. 2–3; [Б. п.] Новости в литературе и искусстве // 1923. № 62. 22 июля. С. 8; [Б. п.] Литературная хроника // 1923. № 397. 29 июля. С. 12; [Б. п.] Литературные новости. Работа издательств // 1923. № 478. 4 нояб. С. 8; [Б. п.] [Заметки в хронике] // 1923. 2 дек. С. 6; [Б. п.] Жизнь писателей // 1924. № 81. 6 апр. С. 6; [Б. п.] Жизнь писателей // 1924. № 90. 20 апр. С. 9; Катаев В. Мои частные издатели: (Нечто автобиографическое) // 1924. № 102. 7 мая. С. 2; ЭРГ. [Гуль Р.] [Рец. на кн.:] «Русская лирика». Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака. Сост. кн. Д. Святополк-Мирский. Изд-во «Франко-русская печать». Париж, 1924 (211 стр.) // 1924. № 112. 18 мая. С. 6; Миндлин Э. «Накануне»; Двадцатые годы // Миндлин Э. Необыкновенные собеседники. М., 1968. С. 77–95, 123, 124, 203–204, 256–257 и др.

В. В. Калмыкова.

НАДСОН Семен Яковлевич (14.12.1862, С.-Петербург – 19.1.1887, Ялта), поэт. «Надсоновщина» успела «положить свою тень на» «полудетские стихотворные опыты» О. М. (Аверинцев. С. 194) – «Среди лесов, унылых и заброшенных...» (1906) и «Тянется лесом дороженька пыльная...» (1906). «В ту пору в моей голове как-то уживались модернизм с самой свирепой надсоновщиной», – вспоминал О. М. в «Шуме времени» пору своей учебы в *Тенишевском училище* (2. С. 381).

Как и большинство его сверстников и ст. современников-модернистов, поэт решительно пересмотрел в последующие годы свое отношение к Н Неодобрительно говорил О. М. летом 1910 С. П. *Каблукову* о К. Д. *Бальмонте* «как о новом Надсоне» – «“поэте для толпы” » (Мандельштам в записях дневника и переписке Каблукова. С. 241). В ст. «О собеседнике» (1913) О. М. критически оценивал стремление Н. «бесконечно нудно буравить собственную душу» (Камень. 1990. С. 180).

Вместе с тем в это время О. М. напряженно стремился осмыслить «надсоновщину» как «загадку русской культуры» (2. С. 357). «Сколько раз, уже зная, что Надсон плох, я все же перечитывал его книгу и старался услышать ее звук, как слышало поколенье, отбросив поэтическое высокомерие настоящего и обиду за невежество этого юноши в прошлом. Как много мне тут помогли дневники и письма Надсона» (Там же. С. 357). Возможно, именно под впечатлением от первопрочтения юбилейного издания Н. (см.: Надсон С. Я. Проза. Дневники. Письма. СПб., 1912) был написан сонет О. М. «Паденье – неизменный спутник страха...» (1912), строки к-рого «И деревянной поступью монаха / Мощеный двор когда-то мерил ты» варьируются в портрете Н. из «Шума времени»: «Кто он такой – этот деревянный монах с невыразительными чертами вечного юноши, этот вдохновенный истукан учащейся молодежи» (2. С. 357; подробнее см.: Лекманов О. А. Язык булыжника. О стихотворении «Паденье – неизменный спутник страха...» // Лекманов. 2000. С. 473–79; ср.: Гаспаров М. Л. Сонеты Мандельштама 1912 г.: От символизма к акмеизму // Europa Orientalis. Vol. XVIII. 1999. № 1. С. 153; Ронен. С. 191–192).

О длит. и живом интересе О. М. к поэзии Н. свидетельствуют посв. ему страницы «Шума времени» (1923), а также тот факт, что «осознанным ритмическим подтекстом» (Гаспаров М. Л. Поэт и культура: Три поэтики О. Мандельштама. М., 1995. С. 356) для гражд. стих. О. М. «За гремучую доблесть грядущих веков...» (1931), имевшего в домашнем обиходе О. М. и Н. Я. *Мандельштам* прозвище «Надсон» (Липкин С. И. «Угль, пылающий огнем...» // ЛО. 1987. № 12. С. 99), послужило программное стих. Н. «Друг мой, брат мой, усталый, страдающий брат...» (1880).

Летом 1935, находясь в воронежской ссылке, в ответ на суждение собеседника о том, что у Н. «были хорошие строчки, а потом он ведь был очень молод», О. М. сначала шутливо заявил: «Надо немедленно написать в литературные организации, что нужно многое пересмотреть у Надсона. <...> Потом остановился <...> и сказал: <...> А может не стоит?» (Рогинский Я. Я. Встречи в Воронеже // ЖиТМ. С. 43).

Лит.: Аверинцев С. С. Поэты. М., 1996; Лекманов. 2000; Мусатов В. В. Лирика О. Мандельштама. К., 2000.

О. А. Лекманов.

НАЛЬДИ-ОЛЬКЕНИЦКАЯ (Naldi-Olkenitskaia) Раиса (1886, С.-Петербург –1978, Рим, Италия), итал. переводчица и поэтесса рус.-евр. происхождения, первая переводчица стихов О. М. на итал. яз. К переводам рус. поэзии, прозы и драмы приступила в 1920-е гг. Сама Н.-О. писала стихи и пьесы для театра (комедии).

С. Гардзонио.

НАПОЛЕОН I (франц. Napoléon) (Наполеон Бонапарт) (15.8.1769, г. Аяччо, Корсика – 5.5.1821, о. Св. Елены), франц. полководец, полит. деятель, имп. Франции в 1804–1814 и в марте–июне 1815. В «Шуме времени» (1923) в гл. «Бунты и француженки» О. М., вспоминая о постоянно меняющихся гувернантках-француженках, писал, что у них «в центре мировоззрения» «стояла фигура великого императора Наполеона и война двенадцатого года». «Эти бедные девушки были проникнуты культом великих людей: Гюго, Ламартина, Наполеона и Мольера» (2. С. 353).

В стих. О. М. «В изголовье черное распятье...» (1910) присутствует, раскрытая самим автором в подстрочном примечании, реминисценция из стих. Ф. И. *Тютчева* «Наполеон». В 1914 О. М. написал стих. «Европа», в к-ром затронуто сразу неск. ист. пластов. Здесь имя Н. связано с воен. темой, причем он предстает «отрицательным» героем, противостоящим Священному Союзу, вдохновленному К. Меттернихом (Сегал. С. 196–197). В стих. этого же года «Polacy!» назв. и 1-я строфа связаны с известным ист. фактом – призывом ген. Я. Г. Домбровского, обращенным к польск. легионерам, прикрывавшим неудачный переход Н. через р. Березину, в результате к-рого погибло множество народа, но Польша так и не обрела независимость (Там же. С. 257). В стихотв. наброске О. М. «Какая вещая Кассандра...» (1915) упоминается «Рукопожатье роковое // На шатком неманском плоту». Подразумевается встреча имп. Александра I и Наполеона 25.6.1807 на специально сооруженному устойчивом плоту посредине Немана, к-рая закончилась подписанием мирного соглашения, а после тильзитских переговоров – союзом с Францией. Один из вариантов 4-й строфы стих. О. М. «Собирались эллины войною...» (1916) читался: «На священной памяти народа // Англичанин другом не слывет, // Развенчать хотела их свобода // Бонапарта за великий год». «...В этих стихах могут подразумеваться военные столкновения с англичанами во время Египетского похода Бонапарта» (Мец. С. 314). Реалии антинаполеоновского европ. похода рус. армии 1812 воссоздает «Декабрист» (1917) О. М.

В ст. «Конец романа» (1922) О. М. указывает на значение фигуры Н. для его современников и потомков. «Расцвет романа в XIX веке следует поставить в прямую зависимость от наполеоновской эпопеи, чрезвычайно повысившей акции личности в истории <...> Типическая биография захватчика и удачника Бонапарта распылилась у Бальзака в десятки так называемых “романов удачи (romain de reussite)”» (2. С. 273).

Летом 1923 О. М. сделал неск. переводов стихов О. Барбье. Их публ. предшествовала ст. «Огюст Барбье (Поэт Парижской революции 1830 г.)», в черновиках к к-рой О. М. писал: «В ненависти своей к Наполеону Барбье одинок во всей романтической школе. Для Наполеона приберегает он самые сокрушительные дантовские образы. Для него Наполеон еще жив. Яд наполеоновского культа, разлагающий демократию того времени, яд, приготовленный в лабораториях лучших поэтов и художников, он рассматривает как опаснейший токсин» (Там же. С. 557). В. В. Мусатов отмечает, что проблематика переводов из Барбье была крайне злободневной в связи с «революцией, завершившейся дележом власти» (Мусатов. С. 281). Обращение О. М. к Барбье было мотивировано острой потребностью осознать сущность ист. перехода, случившегося в России. О. М. видел «после-наполеоновские» черты в «после-революционной» столице. По мнению Д. М. Сегала, В. И. Ленин для О. М. мог являться рус. «неудавшимся» Н. (Сегал. С. 742). Перевод из 3-й гл. сатиры Барбье «L`Idole», направл. против Н. (сб. «Ямбы») у О. М. звучит как «Кобыла» (1923). Здесь изображена картина гибели Франции по вине «революционного тирана» – Н.

Глубже всего наполеоновская тематика раскрыта в итоговых «Стихах о неизвестном солдате» (1937) О. М., где она отчасти перекликается с разработкой этой же тематики в «Войне и мире» Л. Н. *Толстого*. Посв. 1-й мировой войне 1914–18, стихотворение О. М. густо насыщено реалиями из 19 в. Как подметил О. Ронен, наполеоновские битвы и кампании перечислены в обратном порядке: Ватерлоо, «Битва народов» (Лейпцигское сражение), Аустерлиц, Египет (Ронен. С. 100). Ронен предполагает, что объяснит. подтекстом сюжета может служить книга франц. астронома К. Фламмариона «Рассказы о бесконечном» (1872), к-рая сочетала метафизику и этику *Платона*, представления о физике и астрономии 19 в., а также была резко пацифистски направлена и горячо осуждала Н. В лит-ре об О. М. принято считать, что строка «Аравийское месиво, крошево» относится к Египетскому походу Н. В черновиках упоминается также «чумный Египта песок». По мысли О. М., именно в Египте Н. заразился идеей абсолютной власти, совершенно чуждой для европ. сознания (Мусатов. С. 531). Наполеоновская тема была заострена в редакции от 3.3.1937. С образом Н. связана и «черномраморная устрица»: гробница Н. в Доме Инвалидов в Париже действительно напоминает устрицу, но сделана она из красного порфира (см.: Левин). Ронен предполагает, что здесь «черномраморная устрица» есть метафора ночи, ее «космическая раковина» (Ронен. С. 107). Но Мусатов, возражая ему, говорит, что О. М. мог не знать цвета гробницы, но ему был важен черный цвет как символ ночи и смерти (Мусатов. С. 532). Античеловеч. суть войны уравнивает войны Н. и 1-ю мировую войну, но О. М. видел между ними большую разницу. «Перед безликим светопреставлением будущего наполеоновские войны кажутся едва ли не культурной ценностью» (Гаспаров. С. 364).

Лит.: Сегал; Левин Ю. И. Заметки о поэзии О. Мандельштама 30-х гг. II: «Стихи о неизвестном солдате» // Slavica Hierosolymitana. 1979. Vol. 4; Мец А. Г. Комментарий // Камень. 1990; Гаспаров М. Л. Избр. статьи. М., 1995; Мусатов В. В. Лирика О. Мандельштама. К., 2000; Ронен О. Поэтика О. Мандельштама. СПб., 2002.

А. И. Бузылева.

НАППЕЛЬБАУМ Ида Моисеевна [14.6.1900, Минск (ныне Белоруссия) – 2.11.1992, С.-Петербург], фотограф, поэтесса, участница поэтич. студии в Доме искусств (1920–21) и

кружка «Звучащая раковина», организованного Н. С. *Гумилёвым* весной 1921. Дочь М. С. *Наппельбаума*. Впервые увидела О. М. в петрогр. Доме иск-в в 1920 (Наппельбаум. С. 92). Очевидно, именно после занятий в «Звучащей раковине» происходили встречи Н. с О. М., – как вспоминала она позднее, «поэтические игры продолжались и после конца официального конца часа занятий <...>; примыкали к нам и уже “взрослые” поэты из “Цеха поэтов”: Мандельштам» и др.» (Наппельбаум И. М. Мэтр // Жизнь Н. Гумилёва: Воспоминания современников. Л., 1991. С. 181). Также Н. встречалась с О. М. и Н. Я. *Мандельштам* в Детском (Царском) Селе летом 1926, о чем написала краткие восп. (см.: Наппельбаум И. М. Слепая ласточка).

Соч.: Слепая ласточка // Наппельбаум И. М. Угол отражения: Краткие встречи долгой жизни. СПб., 2004. С. 92–94.

О. А. Лекманов.

НАППЕЛЬБАУМ Моисей Соломонович [26.12.1869, Минск (ныне Белоруссия) – 13.6.1958, Москва], фотограф-портретист, отец И. М. *Наппельбаум*. Н. снимал О. М. и Н. Я. *Мандельштам* в 1925. Н. М. эти фотографии не нравились: «На портретах Наппельбаума я – приличная дама с застывшим лицом, чего никогда не было, а Мандельштам – утонченный молодой человек, чем даже не пахло» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 223).

О. А. Лекманов.

НАРБУТ Владимир Иванович (2.4.1888, хутор Нарбутовка Глуховского у. Черниговской губ. – 14.4.1938, репрессирован, место гибели не установлено), поэт, лит. критик, издат. работник. Происходил из старинного укр. дворянского рода, имевшего литовские корни. Участник 1-го *«Цеха поэтов»* (с 1911, одноврем. с О. М.); в 1912 примкнул к *акмеизму*. В апр. 1912 издал поэтич. кн. «Аллилуйя», стихи к-рой, не в последнюю очередь, имел в виду О. М., когда в программном эссе «Утро акмеизма» [впервые опубл. Н. в журнале *«Сирена»* (Воронеж, 1919. № 4/5)] писал о воспеваемой акмеистами «божественной физиологии, бесконечной сложности нашего темного организма» (цит. по: Собр. соч.-2. Т. 1. С. 179; отмечено в: Тименчик Р. Д. <Владимир Нарбут> // РП. Т. 4. 1999. С. 228). В стих. самого О. М. 1910-х гг. «Летние стансы» (1913), «На площадь выбежав, свободен...» (1914) (см.: Лекманов О. А. О книге В. Нарбута «Аллилуйя» (1912) // НЛО. 2003. № 63. С. 121) и «Я не слыхал рассказов Оссиана...» (1914) (см.: Смирнов И. П. Смысл как таковой. СПб., 2001. С. 147) обнаруживаются значимые образные переклички со стихами кн. «Аллилуйя».

В 1911–13 Н. и О. М. регулярно виделись на заседаниях «Цеха...», совм. выступали на страницах периодич. изданий и на публич. поэтич. чтениях. Возглавив в марте 1913 «Новый журнал для всех», Н. одним из первых отрецензировал здесь «Камень» (1913) О. М.: «И ритм, и метр стиха О. Мандельштам знает великолепно <...> В заслугу О. Мандельштаму следует поставить <...> включение в его поэтический словарь живой повседневной речи» (Новый журнал для всех. 1913. № 4. Стб. 175–176; цит. по: Камень. 1990. С. 213). В свою очередь, творчество Н. привлекало О. М. «как надежный образец изысканного в своей естественности “низкого слога”» (Ронен. С. 48).

Владимир Иванович Нарбут

Покинув С.-Петербург в июне 1913, Н. вплоть до нач. 1920-х гг. не виделся с литераторами обеих столиц. С О. М. (и его будущей женой Н. Я. Хазиной – см. Н. Я. *Мандельштам*) он впервые после долгого перерыва встретился в Киеве в мае 1919. Однако в сохранившихся письмах Н. к М. А. *Зенкевичу* 1913–15 имя О. М. («Манделя») появляется регулярно. Заочно одобряя наметившийся в нояб.–дек. 1913 союз трех акмеистов (Зенкевич, О. М. и сам Н.) с кубофутуристами, Н. в то же время отрицательно отнесся к идее Зенкевича издать корпоративный сборник стихов втроем с О. М.: «Мандель мне не особенно улыбается для этой именно затеи... Лучше Маяковский или Крученых, или еще кто-либо, чем тонкий (а Мандель, в сущности, такой)» (Арион. 1995. № 3. С. 49).

Завязав в 1920 тесные дружеские и деловые отношения с группой молодых одесских прозаиков и поэтов, Н., переехавший на постоянное жительство в Москву в 1922, пытался «воскресить акмеизм – в обновленном, конечно, виде» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 79). На его предложение войти в «неоакмеистическую группу» с участием И. Э. *Бабеля* и Э. Г. *Багрицкого* О. М. ответил отказом (см.: Там же. С. 79). Тогда же О. М. познакомился с созданными после «Аллилуйи» стихами Н., в частности его тетраптихом «Большевик» (1920) и стих. «Щука» (1921), чьи ключевые образы позднее отразились в стихах О. М. «За гремучую доблесть грядущих веков...» (образ «волкодава») и «1 января 1924» (образ «щучьего суда») соответственно (см.: Ронен. С. 56–57, 48).

Чл. РКП(б) с 1919, Н. в течение 6 лет работал в Москве на видных адм. постах: в Наркомпросе, зам. зав. Отд. печати при ЦК РКП(б), один из руководителей Всерос. ассоциации пролет. писателей; в 1922 Н. – основатель и пред. правления (до 1928) изд-ва *«Земля и фабрика»*. Все это время он тесно сотрудничал с О. М., предоставляя ему возможности для регулярного заработка лит. трудом (Материалы к биографии О. Э. Мандельштама в архиве Б. В. Горнунга // «Сохрани мою речь»-3(2). С. 153). Согласно свидетельству Н. М., в 1925 Н. сказал О. М.: «Тебя печатать не могу, а переводов дам сколько угодно» (Н. Я. Мандельштам. Т. 1.

С. 217). Н. – инициатор заказа О. М. лит. редактирования и сведения в единый текст двух переводов (А. Г. *Горнфельда* и В. Н. Карякина) романа Ш. де Костера «Легенда об Уленшпигеле и Ламме Гудзаке» для «Земли и фабрики» (договор заключен 3.5.1927). С окт. 1928, когда Н. исключили из партии и сняли со всех постов, уже О. М. взял на себя моральное обязательство «делиться с» Н. переводч. «работой» (из письма О. М. к Зенкевичу, датированного 20-ми числами янв. 1929; цит. по: 4. С. 104). «У Нарбута образовался в это время “простой” в заработках. Мандельштамы делились» с семьей Н. «тем, что у них было» (Г е р ш т е й н. С. 43).

В 1932 Н., после долгого перерыва, возвратился к поэтич. работе. В это время он создал, посвятил О. М. и читал ему программное стих. «Ты что же камешком бросаешься...» (Н а р б у т В. И. Стихотворения. С. 263). «Развиваясь из собственного нарбутовского метода, стихотворение вместе с тем близко и по стилю, и по замыслу поэзии Мандельштама этих лет, его попыткам осмыслить и принять советскую действительность» (Ч е р т к о в Л. Н. Судьба В. Нарбута // Н а р б у т В. И. Избр. стихи. С. 26). Косв. оценку творчества Н. нач. 1930-х гг. содержит приводимое в мемуарах С. И. *Липкина* высказывание О. М. о поэзии Багрицкого: «Лучшее у него от Нарбута» (Мандельштам и его время. С. 308). Личные взаимоотношения О. М. и Н. этого времени охарактеризованы в восп. Б. С. *Кузина*: «Ближе других, пожалуй, был В. И. Нарбут» (Там же. С. 289).

Тем не менее осенью 1933 Н. решительно вывел себя из круга тех доверенных друзей О. М., к-рым читалось антисталинское стих. О. М. «Мы живем, под собою не чуя страны...» (нояб. 1933): «НАРБУТ В. И. сказал мне “Этого не было”, что должно было означать, что я не должен никому говорить о том, что я читал ему этот пасквиль» (из протокола допроса О. М. в НКВД от 25.5.1934; цит. по: П о л я н о в с к и й. С. 91). Последовавшую ссылку опального поэта Н. воспринял как оправданную меру гос-ва по защите своих интересов [М а н д е л ь ш т а м Н. (2). С. 114], однако С. И. Нарбут – жена поэта – нашла в себе мужество посетить Н. М. при ее сборах в *Чердынь* (см.: Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 114).

24.10.1935 в воронежской ссылке О. М. вместе с С. Б. *Рудаковым* приобрел в книж. магазине ныне не поддающийся идентификации поэтич. сборник Н. (Мандельштам в письмах Рудакова. С. 96). В «Стихи о неизвестном солдате» (февр.–март 1937*)*, освещающие коллективную трагич. судьбу его поколения, О. М. включил реминисценции из стихов арестованного 26.10.1936 Н.: «Шевелящимися виноградинами / Угрожают нам эти миры, / И висят городами украденными, / Золотыми обмолвками, ябедами, / Ядовитого холода ягодами – / Растяжимых созвездий шатры» – у Н.: «Звезды – в злате виноград» (из стих. «У старой мельницы», 1909) и: «В посиневшем небе виснут / Золотые гроздья звезд» (начало стихотворения 1909).

С о ч.: Избр. стихи. Р., <1983>; Стихотворения. М., 1990. М а н д е л ь ш т а м О. Э., Н а р б у т В. И. Коминтерн Зифовской периодики: Этнография, колониальный быт / публ. А. Т. Никитаева и П. М. Нерлера, предисл. П. М. Нерлера // «Сохрани мою речь»-2. С. 12–19.

Источники: Г е р ш т е й н; Мандельштам в письмах Рудакова; Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 58, 63–64, 74–80, 142, 223, 246, 252, 278, 319, 421, 485.

Лит.: «Сохрани мою речь»-3(2); П о л я н о в с к и й Э. Л. Гибель О. Мандельштама. СПб.; П., 1993; Мандельштам и его время; Р о н е н О. Поэтика О. Мандельштама. СПб., 2002.

О. А. Лекманов.

«НАШИ ДНИ» (Москва, 1921–24**)**, непериодич. худож. альманах под ред. В. В. Вересаева, своеобразное продолжение одноим. издания, выходившего в Петрограде до рев-ции 1917. Издавался ГИЗом. На № 5 изд. прекратилось, поскольку ряд произведений воспринимался большевистской критикой и цензурой как «контрреволюционные». В «Н. д.» публиковались произведения М. М. *Зощенко*, В. И. *Иванова*, Н. Н. *Асеева*, Вересаева, М. А. *Волошин*, В. В. Казина, С. А. *Клычкова*, Б. Л. *Пастернака*, А. П. Платонова, Н. С. *Тихонова*, В. Ф. *Ходасевича* и др. Начиная с № 2 в «Н. д.» принимал участие и О. М., напечатавший здесь стихи и переводы.

Источники: М а н д е л ь ш т а м О. Э. «Зверинец», «Золотистого меду струя из бутылки текла...», «Когда на площадях и в тишине келейной...» // Наши дни. 1922. № 2. С. 195–200; О н ж е. «Сыновья Аймона» // Там же. 1923. № 3. С. 27–33; О н ж е. «1793» (Из Барбье) // Там же. 1924. № 4. С. 17–18.

В. В. Калмыкова.

НГУЕН АЙ КУОК [Nguyễn Ái Quốc] (наст. имена Н г у е н Ш и н ь К у н г, Н г у е н Т а т Т х а н ь и мн. др.; с 1942 носил псевд. Х о Ш и М и н, под к-рым и вошел в историю) (19.5.1890, дер. Кимлиен, провинция Нгеан – 2.9.1969, Ханой), вьетнамский революционер, коммунист, полит. и гос. деятель. Участник 5-го (1924) и 7-го (1935) конгрессов Коминтерна. С сер. 1923 жил и работал в Москве. В 1934–38 учился в Коммунистич. ун-те трудящихся Востока и работал в Москве. В дек. 1923 для журнала «Огонек» О. М. взял у Н. А. К. интервью (очевидно, по-французски), в к-ром сквозит явная симпатия к собеседнику. Н. А. К. показан не просто как борец с франц. колонизацией, но как носитель нового типа культуры: «Врожденным тактом и деликатностью дышал весь облик Нюэн-Ай-Кака (так в источнике. – *Ред.*). <...> Нюэн-Ай-Как дышит культурой, не европейской культурой, быть может, культурой будущего. <...> В благородстве манер, в тусклом, матовом голосе Нюэн-Ай-Кака слышен завтрашний день, океанская тишина всемирного братства» (2. С. 342, 343).

Лит.: Рябинин А. [Л.] Нюэн-Ай-Как в Москве. Осип Мандельштам о Хо Ши Мине // Родина. 2004. № 7. С. 32–36.

А. Д. Еськова.

«НЕВСКИЙ АЛЬМАНАХ. ПИСАТЕЛИ, ХУДОЖНИКИ, АРТИСТЫ: ЖЕРТВАМ ВОЙНЫ» (Петроград, 1915, вып. I), альманах. Сбор от продажи был направлен на благотворит. цели (в пользу союза «Артист – солдату»). Среди участников и организаторов – Л. Н. *Андреев*, С. Н. Дурылин, А. И. Куприн, О. М., И. *Северянин* и др. В 1917 состоялся 2-й вып. издания. В «Н. а.» опубл. стих. О. М. «Encyclyca».

В. В. Калмыкова.

НЕДОБРОВО Николай Владимирович (1.9.1882, Раздольное Харьковской губ. – 3.12.1919, Ялта), поэт, прозаик, филолог, критик. В 1911–16 активный участник Общества ревнителей худож. слова, один из основателей Общества поэтов [С.-Петербург (Петроград), 1913–15; был товарищем (зам.) пред. Общества Е. Г. Лисенкова)].

О личном отношении Н. к О. М. можно говорить лишь предположительно. По мнению Р. Д. Тименчика, оно «было вряд ли уважительным». Так, в письме к А. Д. *Скалдину* от 23.12.1916 «он писал по поводу издателя “Альманаха муз” К. Ю. Ляндау: “Вы знаете, с чьей рекомендацией Л<яндау> пришел к В. И. <Иванову>? Мандельштамма (так в источнике. – *Ред.*)”» (см.: Т и м е н ч и к. С. 151). Тот же исследователь приводит письмо А. А. Кондратьева к Б. В. Никольскому от 4.4.1914: «Недоброво очень интересно выступал по поводу доклада Иосселя Мандельштама “О гражданской поэзии”. <...> С помощью блестящих парадоксов и с большой эрудицией Недоброво доказывал, что гражданская поэзия лишь тогда хороша, если она – консервативного направления» (Там же. С. 83). Доклад О. М. «Несколько слов о гражданской поэзии» состоялся 30.3.1914 на заседании Общества поэтов. Отношение же Н. к *акмеизму* в 1913–14 претерпевает нек-рую эволюцию: от иронич. оценки его как «вероисповедания “гладеньких пустячков”» (см. его письмо к Э. К. Метнеру в: О р л о в а. С. 127) к обсуждению доклада Лисенкова об акмеизме в Обществе поэтов 14.4.1914. Об интересе к акмеизму Н. как участника лит. жизни 1910-х гг. говорит и его намерение присутствовать на докладе Н. С. *Гумилёва* и С. М. *Городецкого* 14.2.1914 во Всерос. лит. обществе (см. его письмо к А. Г. *Горнфельду*: Там же). Все же отношение Н. к акмеизму в целом оставалось сдержанным.

С именем Н. связана эпиграмма О. М. (1913–14?): «Что здесь скрипением несносным / Коснулось слуха моего? / Сюда пришел Недоброво – / Несдобровать мохнатым соснам» (Собр. соч-2. Т. 1. С. 159). Н. приводит стих А. А. *Фета* «Все сорвать хочет ветер, все смыть хочет ливень ручьями» («Истрепалися сосен мохнатые ветки от бури...») в своей ст. «Ритм, метр и их взаимоотношение» (Труды и дни. 1912. № 2) в доказательство того, что понятия метра и ритма не совпадают и что возможны совершенные в худож. отношении стихи с нарушениями метра. Участвовавший в дискуссиях 1910-х гг. о теории стиха, Н. мог цитировать Фета и в своих устных выступлениях, в осн. в 1911–16. Особая манера Н. читать стихи запомнилась мн. мемуаристам, однако она оценивалась слушателями неоднозначно. О. М. в «Шуме времени» (1923–24) вспоминал о «домочадце литературы и чтеце стихов, чья личность с необычайной силой сказывалась в особенностях произношения, – о В. Недоброво (Так! – *Е. О.*). Язвительно-вежливый петербуржец, говорун поздних символических салонов, непроницаемый, как молодой чиновник, хранящий государственную тайну, Недоброво появлялся всюду читать Тютчева, как бы представительствовать за него. Речь его, и без того чрезмерно ясная, с широко открытыми гласными, как бы записанная на серебряных пластинках, прояснялась на удивленье, когда доходило до Тютчева...» (Собр. соч-2. Т. 2. С. 390). Суждение О. М. о связи личности Н. с особенностями чтения им стихов соотносится с записью А. А. *Ахматовой* о том же Н.: «Трудно писать о нем и не впасть в его тон, трудно думать о нем и не слышать его интонации» [Записные книжки Анны Ахматовой. (1958–1966). М.; Torino, 1996. С. 204].

О. М. был первым, кто разыскал в 1920 могилу Н. на старом Аутском кладб. в Ялте (до наших дней не сохр.) и сообщил об этом Ахматовой.

С о ч.: Милый голос / сост., примеч. и послесл. М. Кралина. Томск, 2001.

Лит.: Т и м е н ч и к Р. Д. Из поздней переписки Н. В. Недоброво: Биография и филологическая деятельность Н. В. Недоброво // Шестые Тыняновские чтения. Рига; М., 1992; О р л о в а Е. Литературная судьба Н. В. Недоброво. Томск; М., 2004.

Е. И. Орлова.

Генрих Густавович Нейгауз

НЕЙГАУЗ Генрих Густавович [31.3.1888, Елизаветград Херсонской губ. (ныне Кировоград, Украина) – 10.10.1964, Москва], пианист, педагог, муз. писатель. В детстве учился у отца, пианиста-педагога Г. В. Нейгауза, затем в Берлине и Вене (1912–14), в 1915 экстерном окончил Петрогр. консерваторию. Концертировал с 9 лет; в 1904, 1906 и 1909 гастролировал в Германии и Италии, в 1922 дебютировал в Москве. Пед. деятельность начал в 1916, преподавал в Тбилисском муз. уч-ще Имп. Рус. муз. общества (до 1918), в Киевской (1918–22) и Моск. (1922–64) консерваториях. Создал всемирно известную пианистич. школу, автор монографии о фортепианном исполнительстве «Об искусстве фортепьянной игры» (1958). В его репертуар как пианиста романтич. направления входили преим. произведения Л. ван *Бетховена*, И. Брамса, Ф. Листа, Ф. Шопена, Р. Шумана, А. Н. *Скрябина*, С. С. Прокофьева, т. е. авторов, в большинстве своем включенных в «активный фонд» мандельшт. муз. предпочтений.

К кругу личного общения Н. относились А. А. *Ахматова*, Б. Л. *Пастернак* и др. литераторы, в т. ч., очевидно, и О. М.: в сер. 1910-х гг. он, в частности, мог встречаться с музыкантом в доме у В. В. Алперс, на страницах дневника к-рой они соседствуют вместе с др. представителями худож. среды Петрограда; см.: С т е п а н о в Е. Поэт на войне: Николай Гумилёв. 1914–1918. М., 2014. С. 42; в 1930-е гг. оба, вероятно, одноврем. бывали у Л. А. *Бруни*; см.: В и д г о ф. С. 422. Согласно версии Н. Я. *Мандельштам* (см. ее комментарий: Т. 2. С. 717), к Н. опосредованно обращено мандельшт. стих. «Рояль» («Как парламент, жующий фронду...», апр. 1931), построенное на отображении концертного выступления, сорванного исполнителем, что нередко случалось в этот период. Именно к личности Н. относятся

строки: «И вскочил, отряхая фалды, / Мастер Генрих – конек-горбунок. // Не прелюды он и не вальсы, / И не Листа листал листы, / В нем росли и переливались / Волны внутренней работы» (3. С. 311). Сам О. М. вскользь упомянут в мемуарах Н.; см.: Нейгауз Г. Борис Пастернак в повседневной жизни // Воспоминания о Борисе Пастернаке. М., 1992. С. 581.

Лит.: Горностаева В. В. Мастер Генрих // Генрих Нейгауз: Воспоминания о Г. Г. Нейгаузе. Статьи. М., 2002; Видгоф Л. М. «Но люблю мою курву-Москву»: Осип Мандельштам: поэт и город. М., 2012. С. 233–235.

С. Г. Шиндин.

НЕЙМАН (нем. Neumann) Фридрих Генрих Георг (1.7.1854, Мангейм – 3.2.1934, Гейдельберг), нем. филолог, специалист по романской филологии, чл. Гейдельбергской АН (1909). Учился в Берлине и *Гейдельберге*, где защитил две диссертации (1876 и 1878). Автор капитального труда «Очерк романской филологии» (Лейпциг, 1886) и ред. журнала «Литературный листок германской и романской филологии». Проф. Фрайбургского ун-та (1882–90) и *Гейдельбергского университета* (1882 и 1890–1923, вплоть до выхода на пенсию). В зимнем семестре 1909/10 О. М. записался на три курса Н.: «История средневековой французской литературы», «Интерпретация старофранцузского текста» и «Упражнения по старофранцузским и провансальским текстам». По свидетельству А. З. *Штейнберга*, О. М. лекций Н. никогда не пропускал (см.: Brown C. Mandelstam. Camb., 1973. P. 46). Вместе с лекциями А. Бедье они заложили у О. М. основы знаний по старофранц. лит-ре, к переводам из к-рой он обратился в нач. 1920-х гг.

Лит.: Нерлер П. О. Мандельштам в Гейдельберге. М., 1994; Meier H. F. Neumann zum 100. Geburstag. // Ruperto-Caroliana. 1955. Bd. 17. S. 73f.; Prüll D. Heidelberger Gelehrtenlexikon. 1803–1932. Bd. 1–3. Berlin [u. a.], 1986. S. 191–192.

П. М. Нерлер.

НЕЙШТАДТ Владимир Ильич (16.7.1898, Москва – 16.4.1959, там же), поэт, переводчик, лит-вед, стиховед-теоретик. В 1915–19 учился на ист.-филол. ф-те Моск. ун-та. В первые послерев. годы занимался спасением дворянских книж. собраний, по заданию Библиотеч. отдела Нар. комиссариата просвещения (Наркомпроса) комплектуя ими моск. б-ки. С нач. 1920-х гг. одним из первых в России обратил внимание на поэзию нем. экспрессионизма, выступал с переводами и теоретич. осмыслением экспрессионистской поэтики [сб. «Чужая лира» (М., 1923)]. Чл. Моск. лингвистич. кружка (вместе с Г. О. Винокуром, Б. В. *Горнунгом*, Б. И. Ярхо и др.). Перевел сб-ки И. Бехера («Асфальт», 1936), Э. Вайнерта («Избранные стихи», 1935), пьесы Б. Брехта, стихи А. Лихтенштейна и др. немецкоязычных авторов. В 1937–41 опубликовал ряд работ о мировом значении рус. лит-ры («Пушкин в мировой литературе», 1938; «Лермонтов на Западе», 1939; и др.). В 1950 осуществил издание сочинений А. С. *Пушкина* на нем. яз. Н. принадлежат также статьи по истории и теории шахмат.

По устному свидетельству И. Р. Фальк, дочери Н., О. М. с женой бывали в доме Н. О. М. и Н. встречались в изд-ве «*Земля и фабрика*», где оба сотрудничали как переводчики. О. М. считал Н. одним из лучших переводчиков (см. письмо Н. Я. *Мандельштам* и О. М. к А. А. *Ахматовой* от 11.6.1929: 4. С. 120–121). В конфликтной ситуации кон. 1920-х гг. Н. встал на сторону О. М., активно выступил на Конфликтной комиссии против травли О. М. (см.: Там же).

Архивы: РГАЛИ. Ф. 1525 (В. И. Нейштадт).

В. В. Калмыкова.

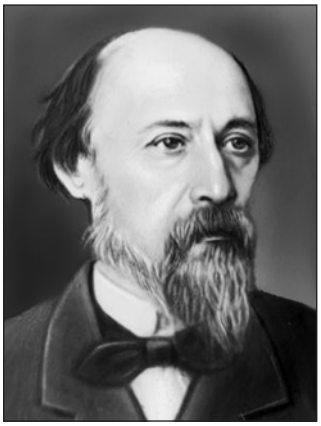
НЕКРАСОВ Всеволод Николаевич (24.3.1934, Москва – 15.5.2009, там же), поэт, один из лидеров т. н. «Второго русского авангарда» и основателей «московского концептуализма». Впервые познакомился с поздними стихами О. М. зимой 1954/55, находил его самым важным рус. поэтом 20 в. Хотя имя О. М. и встречается в отд. стихотворениях Н., бросающегося в глаза воздействия О. М. на поэзию самого Н. не прослеживается. В статьях Н., напротив, часто встречаются цитаты из прозы О. М. Важнее всего для Н., по собств. признанию, были общеэстетич. принципы, лит. поведение и гражд. позиция О. М. Размышления Н. о творчестве О. М. приводят к рассмотрению логики истории рус. поэзии 20 в. в целом (см., напр., расшифровки доклада, читавшегося в 1981 на т. н. «квартирниках» [см.: http://vsevolod-nekrasov.ru/; см. там же ст. «Серебряный век в двадцатом» (1999) и концептуалистские эстетич. манифесты].

Лит.: Нерлер П. Минутный разговор со смертью: (Вспоминая Георгия Померанца) // Лехаим. 2013. Май; Зыкова Г. В. «Разговор о Мандельштаме» как эстетический манифест Вс. Н. Некрасова: (История развития замысла и проблема границ между произведениями) // Toronto Slavic Quaterly. 2017. № 61.

Г. В. Зыкова, Е. Н. Пенская.

НЕКРАСОВ Николай Алексеевич (28.11.1821, с. Синьки Балтского у. Подольской губ. – 27.12.1877, С.-Петербург), поэт. В «Шуме времени» О. М. (1923–24) Н. назван в числе писателей, дни смерти и рождения к-рых отмечались Лит. фондом – «главным съемщиком тенишевской аудитории»; там же иронически описана программа подобных мероприятий, включавшая декламацию хрестоматийных текстов, среди них – «Дедушка Мазай и зайцы» (1870) и «Размышления у парадного подъезда» (1858) Н. (см.: 2. С. 367–368). В письме к С. П. *Каблукову* от 9.7.1913 З. Н. *Гиппиус* отдает предпочтение стихам Н. перед стихами О. М. как старому перед новым в поэзии (см.: Камень. 1990. С. 248). По свидетельству Н. Я. *Мандельштам*, О. М. «помнил небольшие отрывки и строчки из “Кому на Руси жить хорошо” <...>» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 432). В дневниковой записи К. И. *Чуковского* от 14.3.1928 зафиксирован отзыв О. М. о его кн. «Некрасов» (1926) (см.: Чуковский К. И. Дневник. 1901–1929. М., 1991. С. 440). Возможно, О. М. был в курсе разысканий Э. Г. *Герштейн*, к-рая в 1937 специально занималась Н. и «Современником» (см.: Герштейн. С. 247–248).

В восприятии О. М. творчество Н. располагается на стыке прошлого и настоящего рус. поэзии, определяя ее пе-



Николай Алексеевич Некрасов

риодизацию. В брошюре «О природе слова» (1922) О. М. задается вопросом: «<...> Является ли русская литература современная – той же самой, что литература Некрасова, Пушкина, Державина или Симеона Полоцкого?» (1. С. 217). Перечисление поэтов разных эпох в обратном хронологич. порядке подразумевает, что вопрос о тождестве между совр. лит-рой и наследием одного из классиков становится труднее с каждым следующим именем; следовательно, применительно к Н. этот вопрос решается О. М. без колебаний положительно. По-видимому, О. М. ставил в заслугу Н. то, что он модернизировал рус. поэтич. традицию, адаптировав ее к новым ист. условиям. По восп. С. И. *Липкина*, О. М. видел в некрасовском ямбе одну из исторически значимых модификаций этого размера в рус. поэзии (см.: 3. С. 22). Интерес О. М. к Н. обостряется одноврем. с увлечением творчеством др. гражд. лирика – О. Барбье, к-рого О. М. переводил в 1923; в ст. «Огюст Барбье (Поэт Парижской революции 1830 г.)» (1923) О. М. упоминает стих. «Пророк» (1874) – переложение Н. из Барбье. В статьях О. М. 1922–23 неоднократно высказывается мысль о преемственности по отношению к Н. совр. поэтов – А. А. *Блока* в ст. «Письмо о русской поэзии» и «А. Блок (7 августа 21 г. – 7 августа 22 г.)» (обе – 1922) и А. *Белого* в ст. «Буря и натиск» (1922–23); о первом из них сказано, в частности, что «тяжелый трехдольник Некрасова был для него величав, как “Труды и дни” Гесиода» (2. С. 253), о втором – что в его кн. «Пепел» «искусно вводится полифония, то есть многоголосие, в поэзию Некрасова, чьи темы подвергаются своеобразной оркестровке» (Там же. С. 291–92) (ср.: Ронен. 2002. С. 187; Он же. 2000. С. 105). В черновой записи от 2.5.1931 О. М. сопоставляет два четверостишия из «Власа» (1854) Н. и «Жил на свете рыцарь бедный» (1829) А. С. *Пушкина* («Та же фигура стихотворная, та же тема отозвания и подвига») и дает общую характеристику «Власу»: «<...> Картина ада. Дант лубочный из русской харчевни <...>» (3. С. 371) (ср.: Тарановский. С. 31; Ронен. 2002. С. 39; Шиндин. С. 233). О. Ронен устанавливает зависимость между этой записью и привед. выше замечанием о полифонии Белого, вменяя О. М. идею своеобразной эстафеты в истории рус. поэзии (см.: Ronen. P. XIII). В ст. «О собеседнике» (1913) О. М. третирует «ложногражданскую поэзию и нудную лирику восьмидесятых годов» за ее конкретную обществ.-полит. адресность, недопустимую для истинной поэзии, указывает в качестве альтернативы на «гражданское и тенденциозное направление», представленное Н., и для примера цитирует его стих. «Поэт и гражданин» (1856), обращенное «к провиденциальному собеседнику» (1. С. 186–187) (ср. рассуждение Ронена о нейтрализованной в гражд. лирике О. М. оппозиции «поэт / гражданин»: Ronen. P. 23). В критич. работе «О природе слова» О. М. комментирует отзыв В. В. *Розанова* (из его кн. «Уединенное», 1912) о зачине известного стих. Н.: «<...> Розанов <...> увязнет с головой в строчке любого русского поэта, как он увяз в строчке Некрасова. “Еду ли ночью по улице темной” – первое, что пришло в голову ночью на извозчике. Розановское примечание – вряд ли сыщется другой такой русский стих во всей русской поэзии» (1. С. 224; ср.: Розанов В. В. Уединенное // Розанов В. В. Собр. соч. Т. 2. М., 1990. С. 203). В гл. 15 «Четвертой прозы» (1930) цитируется стих. Н. «Эй, Иван!» (1867), в персонаже к-рого О. М. узнает себя самого. В нач. «Разговора о Данте» (1933) встречается выражение «поэзия не ночевала», употребленное И. С. Тургеневым по отношению к стихам Н. (см.: Гаспаров М. Л. Комментарии // Стих. Проза / сост. Гаспаров. С. 708). Фам. Н. фигурирует в варианте стих. «Зашумела, задрожала» из цикла «Стихи о русской поэзии» (1932): «У Некрасова тележка / На торговой мостовой». Как отмечает Б. М. Гаспаров, «в основном варианте имя Некрасова исчезло из текста, но весь набор мотивов, вызвавший появление этого имени, сохранен» (Гаспаров Б. М. С. 143; ср.: Мусатов. С. 408); в частности, беловая ред. содержит отсылки к стих. Н. «Вчерашний день, часу в шестом» (1848) (см.: Гаспаров Б. М. С. 143), «Зеленый шум» (1862) (см.: Кацис. С. 82) и «Дядюшка Яков» (1867) (см.: Ронен. 2002. С. 65). В стих. «Квартира тиха, как бумага» (1933), где «явственно раздаются голоса Блока, Некрасова и Ходасевича, спорящие друг с другом и с официальной поэзией производства 1933 г., иронически оспариваемые авторским голосом <...>» (Там же. С. 40), Н. вновь упоминается прямо – «как неподкупный протестант-разночинец 70-летней давности» (Гаспаров М. Л. Комментарии. С. 658): «И столько мучительной злости / Таит в себе каждый намек, / Как будто вколачивал гвозди / Некрасова здесь молоток. // Давай же с тобой, как на плахе, / За семьдесят лет начинать <...>». Ронен выявил в строфе о Н. реминисценции из его цикла «О погоде» (I:3) (1859) и стих. «Дешевая покупка» (1861) (см.: Ронен. 2002. С. 41–42) (о параллелях к этой строфе в творчестве О. М. см.: Шиндин. С. 231). Среди др. источников мандельшт. текста – стих. Н. «В. Г. Белинский» (1855) (см.: Ронен. 2002. С. 41). Подтексты из Н. в творчестве О. М. весьма многочисленны. Конкретная некрасовская реминисценция (из «Рыцаря на час», 1860) появляется уже в стих. «Тянется лесом дороженька пыльная» (<1906>) (см. Мец А. Г. Комментарий // Полн. собр. стих. С. 637) – одной из «двух полудетских попыток в духе Некрасова и поздненароднической революционной традиции вплоть до Сологуба» (Ронен. 2002. С. 47; ср.: Морозов А. История – биография – образ: (Заметки читателя) // Даугава. 1988. № 2. С. 104). По наблюдению Н. М., «Я наравне с другими» (1920) ориентировано на некрасовского «Пьяницу» (1845) (см.: Из писем Н. Я. Мандельштам к Л. Я. Гинз-

бург / публ. А. Г. Меца // Страницы. Иерусалим, 1992. № 1. С. 89); «Концерт на вокзале» (1921) О. М. развивает метафорику «Железной дороги» (1864) Н. (см.: Ronen. P. XVII, XIX); в стих. «Я по лесенке приставной» (1922) введена тема птенца из «Кому на Руси жить хорошо» (1863–77) (см.: Ронен. 2002. С. 87); «Поэт и гражданин» – в подтексте стих. «Век» (1922) (см.: Смирнов И. П. Цитирование как историко-литературная проблема: Принципы усвоения древне-русского текста поэтическими школами конца XIX – начала XX в. (на материале «Слова о полку Игореве») // Наследие А. Блока и актуальные проблемы поэтики: Блоковский сб., IV. Тарту, 1981. С. 274) и «Грифельной оды» (1923) (см.: Ronen. P. 192); круг источников «1 января 1924» (1924) включает в себя такие произведения Н., как «Поэт и гражданин» (Ibid. P. 249), «Что ни год – уменьшаются силы» (1861) (Ibid. P. 251), «Еду ли ночью по улице темной» (Ibid. P. 269–270; ср.: Ibid. P. 226), «Мороз, Красный нос» (1863) (Ibid. P. 290). Строка «Пылает на снегу аптечная малина» из «1 января 1924» и фраза «И сейчас горят там зимой малиновые шары аптек» из «Шума времени» варьируют некрасовский образ пожарных, отразившихся в разноцветных шарах – атрибутах аптечной витрины («О погоде», II:2) (Ibid. P. 296–297) (ср. «пожарные» глаголы: «пылает», «горят»). В нач. строке стих. «Нет, никогда, ничей я не был современник» (1924) – варианта «1 января 1924» – Ронен видит намек на назв. пушкинского и некрасовского журнала (Ibid. P. 333). В «Египетской марке» (1927) рассказывается, как «однажды бородатые литераторы <...> снялись на отличном дагеротипе» (1. С. 483), – речь идет о Н. и др. сотрудниках «Современника», запечатленных на литографии В. Ф. Тимма (1857) (о подоплеке этого места «Египетской марки» см.: Толстая. С. 63–64). Р. Д. Тименчик отмечает, что под влиянием эссе И. Ф. *Анненского* «Умирающий Тургенев» из «Книги отражений» (1906) «мотив “похорон Тургенева” <...> входит в подтекст “Египетской марки”, присоединяясь к сквозному варьируемому мотиву “похорон писателя” – Бодлера, Некрасова, Анатоля Франса <...>» (Тименчик. С. 68). По мнению А. К. Жолковского, сцена самосуда в «Египетской марке» (гл. IV) прослеживается к стих. «Вчерашний день, часу в шестом», а также к «О погоде» (I:2:2) Н. (см.: Жолковский. С. 146–149). Строка «Желтуха, желтуха, желтуха» из стих. «Как люб мне натугой живущий...» (1930), по наблюдению А. А. Дикмана, сочетает в себе ритмико-синтаксич. реминисценцию из цикла «О погоде» (I:2) («Все холеру – холеру – холеру») с цитатой из поэмы Н. «Мороз, Красный нос» (Дикман. С. 210). В основе «Неправды» (1931) – образ купца Семипалова из некрасовской «Думы» (1861) (см.: Ронен. 2002. С. 58); аллюзию на «Вчерашний день, часу в шестом» представляет собой стих. «Твоим узким плечам под бичами краснеть» (1934) (см.: Нерлер П. М. Комментарий // Соч. Т. 1. С. 538). Строки из «Рыцаря на час» Н.: «Уведи меня в стан погибающих / За великое дело любви», к-рые О. М. парафразировал в юношеском опыте «Тянется лесом дороженька пыльная» (см. выше), отозвались и в стих. «За гремучую доблесть грядущих веков» (1935) (см.: Ронен. 2002. С. 55; Reynolds. С. 147–148), где, кроме того, анаграммируется назв. стих. «Влас» и воспроизводится лексика стих. «Поэт и гражданин», за счет чего, как полагает исследователь, О. М. иронически приписывает Н. полемику с Э. Г. *Багрицким* (см.: Там же. С. 147–149; ср.: Там же. С. 153). По наблюдению Н. И. *Харджиева*, стих. «Клейкой клятвой пахнут почки» (1937) «конструктивно и стилистически <...> близко к “Песне” Некрасова (в “Медвежьей охоте”) <...>» (Стих. 1973. С. 305).

Как показал Б. М. Гаспаров, насыщенный образный ряд, связ. со строительством ж. д. в «Стихах о неизвестном солдате» (1937), тесно корреспондирует с «поэтико-мифологическим образом этого строительства в поэме Некрасова “Железная дорога”»; у Н. ж. д. «оказывается братской могилой <...>. Такая трактовка позитивистского идеала “прогресса” <...> оказалась созвучной основной теме “Стихов о неизвестном солдате”» (Гаспаров Б. М. С. 228). В подтексте мандельшт. фразы «сутулого учит могила» – «больной белорус» из поэмы Н. – «типичный “неизвестный солдат”, могила которого служит символом общей могилы» (Там же. С. 230). Трехдольный размер «Стихов о неизвестном солдате» маркирует обращение О. М. к традиции Н.: О. М. «второй раз в истории русской поэзии совершает поворот от “ямбов” как заглавного ритма эпохи романтических и неоромантических подъемов и катастроф – к обиходной, разговорно-романсной фактуре трехсложных размеров <...>» (Там же. С. 229). Согласно Б. М. Гаспарову, для О. М. в данном случае некрасовский трехдольник противопоставлен ямбу поэмы Блока «Возмездие» (1910–1921) (Там же), к-рый из-за ритмич. сходства с пушкинским ямбом воспринимался О. М. как поэтич. анахронизм (см: Липкин С. И. «Угль, пылающий огнем...» // Собр. соч.-2. Т. 3. С. 22–23) (ср. выше мысль О. М. о зависимости Блока от Н., высказанную в двух статьях 1922).

Сквозной для творчества О. М. образ певицы А. *Бозио* (1830–1859), чья смерть от простуды потрясла петерб. общество, тесно связан с посв. ей некрологич. отрывком в цикле Н. «О погоде» (II:1). О. М. признавался Н. М., что связ. с Бозио фрагменты «Египетской марки» прямо восходят к строкам Н.: «Но напрасно ты кутала в соболь / Соловьиное горло свое» (см.: Из писем Н. Я. Мандельштам к Л. Я. Гинзбург. С. 89). В прочтении Л. Я. *Гинзбург*, к-рое было ей подсказано Н. М. (см.: Там же), стих. «Чуть мерцает призрачная сцена» (1920) представляет собой ответную реплику на стихи Н. (см.: Гинзбург. С. 384–385) (см. также полемику с Гинзбург: Полякова. С. 109–112). По версии Ронена, во фразе о «маленьких некрасивых ушах» Бозио в «Египетской марке» (2. С. 490) слово «некрасивых» парономастически намекает на фам. Н. (см.: Ronen. P. 274). Бозио выступает олицетворением музыки в чужой стране в стих. «Жил Александр Герцевич» (1931), а также в двух стих. на смерть О. А. *Ваксель* – «На мертвых ресницах Исакий замерз» и «Возможна ли женщине мертвой хвала?» (оба – 1935), в первом из к-рых фигурирует «выжлятник-пожар», отсылающий к «Псовой охоте» (1846), где встречается слово «выжлятник», и к циклу «О погоде» (II:2), где заходит речь о столичных пожарах. Тот же лит. прототип имеют навязчивые мотивы пожара в «Египетской марке» (см.: Там же). Возможно, к теме Бозио примыкает фраза из «Шума времени»: «Захрустит ли снегом? Развеселится ли на морозной некрасовской улице?» (2. С. 387; см.: Кац. С. 259).

Лит.: Гинзбург Л. Я. О лирике. Л., 1974. С. 384–385; Кацис Л. «Дайте Тютчеву стрекозу...» // «Сохрани мою речь...»-1; Тименчик Р. Д. Из комментариев к мандельштамовским текстам. А. Я. Гофман // Поэтика и текстология; Гаспаров Б. М. Сон о русской поэзии // Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы. М., 1994. С. 124–161; Он же. Смерть в воздухе (к интерпретации «Стихов о неизвестном солдате») // Там же. С. 213–240; Жолковский А. К. Блуждающие сны и другие работы. М., 1994. С. 146–150; Кац Б. Песенка о еврейском музыканте: «шутка» или «кредо»? // НЛО. М., 1994. № 8; Шиндин С. Г. О некоторых аспектах метатекстуальной образности в творчестве Мандельштама двадцатых годов // «Отдай меня, Воронеж...»; Дикман А. А. Мандельштам и Некрасов (заметка по поводу одного стихотворения) // Седьмые Тыняновские чтения: Материалы для обсуждения. Рига; М., 1995–96. С. 209–211; Полякова С. В. «Олейников и об Олейникове» и другие работы по русской литературе. СПб., 1997. С. 99, 109–112; Ронен О. Серебряный век как умысел и вымысел. М., 2000; Он же. Поэтика О. Мандельштама. СПб., 2002 (по именному ук.); Мусатов В. Лирика О. Мандельштама. К., 2000; Тарановский К. Ф. О поэзии и поэтике. М., 2000; Толстая Е. Д. Мирпослеконца. М., 2002; Гаспаров М. Л., Ронен О. Похороны солнца в Петербурге: О двух театральных стихотворениях Мандельштама // Звезда. 2003. № 5. С. 207–219; Ronen O. An Approach to Mandel'stam. Jerusalem, 1983 (по именному ук.); Hesse P. Mythologie in moderner Lyrik: O. E. Mandel'stam vor dem Hintergrund des "Silbernen Zeitalters". Bern, 1989, S. 134–138; Reynolds A. W. M. «Кому не надоели любовь и кровь»: The Uses of Intertextuality in Mandelstam's "Za gremuchuiu doblest' griadushchikh vekov" // Столетие Мандельштама. С. 136–153.

Е. П. Сошкин.

НЕРВАЛЬ (франц. Nerval) Жерар де [псевд.; наст. фам. и имя Лабрюни (франц. Labrunie) Жерар] (22.5.1808, Париж – 26.1.1855, там же), франц. прозаик, поэт, драматург и критик. Испытал сильное влияние нем. романтиков; своей визионерской, фрагментарной прозой и герметичной, усложненно-ассоциативной поэзией (прежде всего, цикл «Химеры») предвосхитил нек-рые тенденции франц. символизма и сюрреализма. Не признанный при жизни и долгое время после смерти заслоняемый своей «романтической» биографией (несчастная любовь, скитания, смерть любимой, приступы душевной болезни, нищета, самоубийство), только с 1910-х гг. Н. начал привлекать к себе серьезное исследоват. внимание. Для поэтов-акмеистов посредником в восприятии творчества Н. был И. Ф. *Анненский*. В его ст. «О современном лиризме» (1909) Н., наряду с А. С. *Пушкиным* и Т. Г. *Шевченко*, противопоставлялся рус. поэтам-символистам: если первые «никаких легенд не изображают, но они сами – легенды», то «ни одной легенды не возникнет вокруг современных поэтических имен» (см.: Анненский И. Ф. Книги отражений. М., 1979. С. 361). В его же ст. «Что такое поэзия?» (опубл. в 1911) Н. вместе с Т. *Готье* и Ш. *Бодлером* представлен как один из образчиков собират. «идеального поэта» (Там же. С. 201–202). В отличие от своего друга Готье, Н. не вошел в узкий круг авторов, чье творчество Н. С. *Гумилёв* провозгласил наиб. близким акмеистам, но подспудное пропагандирование Анненским творчества Н., вероятно, не прошло мимо внимания его учеников. Так, М. Ф. Ларионов в письме к Г. П. *Струве* от 22.10.1952 вспоминал о пребывании Гумилева в Париже в

Жерар де Нерваль

1917: «Половина наших разговоров проходила об Анненском и о Жераре де Нервале» (см.: Струве Г. П. Из моего архива // Мосты. 1970. № 15. С. 406). На этом основании Струве писал о влиянии Н. на позднее творчество Гумилёва (см.: Он же. Творч. путь Гумилёва // Гумилёв Н. С. Собр. соч.: В 4 т. Ваш., 1964. Т. 2. С. XXXII–XXXIII). И. В. *Одоевцева* констатирует, что в нач. 1920-х гг. О. М. говорил с ней о Н. (см.: Одоевцева И. На берегах Невы. М., 1988. С. 155). А. С. *Лурье* пишет о бытовании образа Н. в топографии Петрограда нач. 1920-х гг.: на стене дома, напротив к-рого жила А. А. *Ахматова*, «был отчетливо виден силуэт», напоминающий Н., и «О. А. Глебова-Судейкина говорила <...>: "Вот опять маленький Нерваль бежит по Парижу". Все друзья, бывавшие в доме на Фонтанке, знали и любили призрачного поэта в призрачном Петербурге» (Лурье. С. 163).

Впервые в России отд. изд. Н. было осуществлено П. П. Муратовым в 1912 (см.: Нерваль Ж. 1912). Во вступ. статье были напечатаны в оригинале два сонета Н. – «El Desdichado» (варианты назв.: «Обездоленный», «Отверженный») и «Ver dorés» («Золотые стихи») (Там же. С. 24–25, 28–29). Оба эти стихотворения интертекстуально и тематически отзовутся в творчестве О. М. Так, возможно, противопоставление в последнем сонете пифагорейского понимания осмысленного существования неживой природы самомнению «мыслителя дерзостного» (см.: Он же. 2001. С. 481) об уникальности человеч. сознания проецируется в ст. «Утро акмеизма» на отношение акмеистов к земной «тяжести», к-рую поэт «радостно принимает <...> чтобы разбудить и использовать <...> спящие в ней силы» (1. С. 178), и символистов – неск. свысока – «к трем измерениям пространства» (Там же. С. 179). Ж.-К. Ланн считает, что фраза из этой статьи: «Голос материи <...> звучит как членораздельная речь» (Там же. С. 178), – это «явная реминисценция» (Ланн Ж.-К. Мандельштам и футуризм. Вопрос о зауми в поэтической системе Мандельштама // Столетие Мандельштама. С. 218) из «Золотых стихов» Н. (см.: «A la matière meme un verbe est attaché» – «В самой материи глагол до срока спит» – Нерваль Ж. 2001. С. 481). Центральный в статье О. М. образ камня-слова, к-рый «сам обнаружил скрытую в нем потенциальную способность динамики» и к-рый «кладут <...> в основу своего здания» акмеисты (1. С. 178), может соотноситься также с последней

строкой сонета Н.: «Un pur esprit s'acrroît sous l'écorce des pierres!» («Так в камне чистый дух растет и ввысь стремится» – Нерваль Ж. 2001. С. 481).

Исследователями высказывалось предположение о возможном влиянии образа «черного солнца» из сонета «El Desdichado» на аналогич. тематич. комплекс черного / ночного солнца в стихах О. М. «Эта ночь непоправима...» (1916), «Как этих покрывал и этого убора...» (1916), «Когда в теплой ночи замирает...» (1918), «В Петербурге мы сойдемся снова...» (1920) (см.: Иваск. С. X–XI; Топоров, Цивьян. 1990. С. 428–429). Образ «черного солнца» появляется также в «Аврелии» Н. (Нерваль Ж. 1912. С. 221). И в первом, и во втором случае этот образ сопряжен с мифом об Орфее – центральном в мифопоэтике Н. (см., напр.: Strauss W. Descent and Return: The Orphic Theme in Modern Literature. Camb., 1971. P. 50–80). Знаменательно, что и в поэзии О. М. «черное солнце» несет орфич. ореол (см.: Terras V. The Black Sun: Orphic Imagery in the Poetry of Osip Mandelstam // Slavic and East European Jornal. 2001. № 45/1), а «ночное солнце» в стих. «В Петербурге мы сойдемся снова...» входит в тематич. ряд оперы К. *Глюка* «Орфей и Эвридика», эпиграф из к-рой взял для 2-й ч. «Аврелии» Н. (см: «Эвридика! Эвридика!»; Нерваль Ж. 1912. С. 199). В. Н. Топоров и Т. В. Цивьян, считающие, что в «El Desdichado» отразились «программные мотивы» (Топоров, Цивьян. 1990. С. 427) поэзии О. М. и Ахматовой (взявшей эпиграф из этого сонета для своей «Предвесенней элегии», 1963), приводят и др. тематич. и интертекстуальные переклички этого сонета с творчеством обоих поэтов. В «Египетской марке» эпизод, иронически отсылающий к «El Desdichado»: «Я князь невезенья – коллежский асессор из города Фив...» (2. С. 492; см.: Anna Lisa Crone and Jenifer Day. My Petersburg/Myself: Mental Architecture and Imaginative Space in Modern Russian Letters. Bloomington, 2004. С. 198), – м. б., связан с тем, что прототип повести – В. Я. *Парнах*, в переводе к-рого отрывки из романа Н. «Восточное путешествие» публиковались в 1910-е гг. («Северные записки», авг. и сент. 1913), в 1923 – во время совм. проживания с О. М. в Доме Герцена – безуспешно пытался напечатать роман Н. в полном переводе (см.: Неизвестные материалы Луначарского / вступ. заметка, публ. и коммент. Ю. Фединского // ВЛ. 1973. № 6. С. 190–191). Лурье объединял Н., В. В. *Хлебникова* и О. М. по их «ноуменальному ощущению "детского рая"» (см.: Лурье. С. 162). О родств. чертах поэтик Н. и О. М. писал также Ю. П. *Иваск* (см.: Иваск. С. X–XIII). На эти сопоставления Н. и О. М. отозвалась Н. Я. *Мандельштам*: «Нерваля любила Ахматова и часто его поминала. Особого отношения к Нервалю у Мандельштама я не заметила» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 133).

Соч.: Сильвия. Октавия. Изида. Аврелия / пер. с франц.; ред. и вступ. ст. П. Муратова. М., 1912; Мистические фрагменты. СПб., 2001.

Лит.: Грифцов Б. Об искреннем романтизме // РМ. 1912. № 11 (рец. на кн. Нерваль. Сильвия. Октавия. Изида. Аврелия...); Иваск Ю. Дитя Европы // Собр. соч.-1. Т. 3; Лурье А. Детский рай // ВП. 1963. № 3; Струве Г. Из моего архива // Мосты. 1970. № 15. С. 396–412. Топоров В. Н., Цивьян Т. В. О нервалианском подтексте в русском акмеизме (Ахматова и Мандельштам) // RL. 1984. № XV; Они же. Нервалианский слой у Ахматовой и Мандельштама: (Об одном подтексте акмеизма) // Ново-Басманная, 19. М., 1990.

Э. С. Вайсбанд.

НЕМИРОВСКИЙ Александр Иосифович (8.11.1919, Тирасполь – 8.2.2007, Москва), историк Др. мира (этрусколог), поэт, писатель, д-р ист. наук, проф. Друг Н. Е. *Штемпель*. В 1937–41 студент ист. ф-та МГУ и Лит. ин-та им. М. Горького. Участник Великой Отеч. войны 1941–45. В 1946–49 аспирант МГУ, в 1950–57 доцент Пензенского пед. ин-та, в 1958–77 доцент и проф. Воронежского ун-та, где основал кафедру древней истории.

Летом 1961, случайно познакомившись со Штемпель в поезде Москва – Воронеж, Н. открыл для себя мир поэзии О. М. Стал публикатором стихотворений О. М. в воронежском журнале «Подъем» (1966, № 1) и автором вступит. статьи к ним. Творчеству О. М., в частности, антич. и воронежской темам, посв. ряд статей Н. и два его стих. – «Прощание с Воронежем» («Гудок. Качнулось здание вокзала...», 1995; опубл. в: Немировский А. Избранное. М., 2000. С. 46) и «Отросток миндального корня...» (2002; опубл. в: Вторая муза историка: Неизданные страницы русской культуры XX столетия / сост. и коммент. А. А. Сванидзе. М., 2003. С. 310). Активно способствовал написанию Штемпель восп. об О. М.

Соч.: [Публ. и предисл.] Мандельштам О. Из «Воронежских тетрадей» // Подъем. 1966. № 1; Мандельштам в Воронеже // Молодой коммунар. 1966. 19 авг.; Обращение к античности // ЖиТМ. С. 452–465; Образ и прототип [Н. Е. Штемпель и О. Э. Мандельштам] // Слово и судьба. С. 222–31; [Публ. и примеч.] // Борис Зубакин: Стихи и письма // НМ. 1992. № 7. С. 96–116; [Предисл., публ., коммент. (совм. с Л. С. Ильинской)] Новое об О. Мандельштаме [Письма Б. М. Зубакина В. А. Пясту] // Филологические записки (Воронеж). 1994. № 3. С. 159–164; Путь к Риму // Мандельштамовские дни в Воронеже: Материалы. Воронеж, 1994; «От молодых еще воронежских холмов...»: Завтра – 104-я годовщина со дня рождения О. Э. Мандельштама / Интервью В. Силина // Коммуна. 1995. 13 янв.; Поговорим о Риме... // Мандельштам и античность. С. 129–141.

Архивы: РГАЛИ. Ф. 3201 (Материалы к публикации в «Подъеме», экземпляр «Разговора о Данте» с дарственной надписью Н. Я. Мандельштам и др.).

Лит.: Анчиполовский З. Я. Царапины на памяти // Воронежский курьер. 1999. № 48. 30 апр.; Александр Иосифович Немировский // Библиографический указатель. Воронеж, 2000; Александр Иосифович Немировский / Беседует В. В. Тейгер // О. и Н. Мандельштамы. С. 224–240. Встречи с Осипом Мандельштамом [Воспоминания Н. Е. Штемпель в записи А. И. Немировского]. С. 248–266; Уколова В. И. Паломник в страну прошлого // Норция. Воронеж, 2004. Вып. IV. С. 18–25.

П. М. Нерлер.

НЕНАЖИВИН Валерий Геннадьевич (25.10.1940, Уссурийск Приморского края – 16.5.2017, Владивосток), скульптор, чл. Союза художников СССР (1974), Заслуж. художник России (2004). Мастер активно-напряженной и эмоционально-насыщенной пластич. формы, автор мн. ра-

Валерий Геннадьевич Ненаживин

бот монументальной и станковой пластики, в т. ч. памятника О. М. во Владивостоке.

Со стихами О. М. познакомился в нач. 1970-х гг. и, по собственному выражению, «утонул в них». Свою работу над пластич. образом О. М. считал ключевой в своем творчестве. К ней Н. приступил в 1985, когда создал три скульптурных портрета поэта (гипс, бетон и армированный бетон), в т. ч. композицию «Тиски» (голова поэта, зажатая в металлич. тиски). В 1985 Н. впервые изваял О. М. в полный рост как основу будущего памятника (гипс). Затем скульптура была переведена в армированный бетон и в 1987 приобретена Тихоокеанско-азиатским кооперативно-акционерным центром иск-в (пред. В. П. Королев) с целью его установки на Второй Речке в 1988 (год 50-летия со дня гибели О. М.). В дек. 1988 Н. впервые выставил его в Приморской картинной галерее во Владивостоке и получил высокую оценку специалистов. После этого 13 лет памятник простоял во дворе мастерской Н. (по адресу: Русская ул., 27, где снималось и большинство телефильмов о Н. и о его памятнике О. М.).

Скульптура: О. Э. Мандельштам. 1985, бетон, 36 х 23 х 30 см (авторская копия – собрание В. М. Маркова); О. Э. Мандельштам. Тиски. 1985, бетон, металл, 50 х 72 х 45 см. (Приморская государственная картинная галерея); О. Э. Мандельштам. 1985, гипс, 26 х 27 х 30 см; Памятник О. Э. Мандельштаму. 1998, армированный бетон, ганозис (установлен в 1998–99 на ул. Ильичева); Памятник О. Э. Мандельштаму. 2001, чугун (установлен в 2001–02 на ул. Ильичева; с 2003 и по наст. время – в сквере Владивостокского гос. ун-та экономики и сервиса: ул. Гоголя, 39а–41).

Лит.: Скульптор Валерий Ненаживин: [Каталог]. Владивосток: Галерея современного искусства Артэтаж, 2000; С и м С. Первая персоналка скульптора Ненаживина // Ежедневные новости. 2000. 1 февр.; Б и т о в А. Текст как поведение: (Воспоминание о Мандельштаме) // Осип Мандельштам. Шум времени. М., 2002. С. 5; Ф и л и п п о в а С. Мастер и мастерская // Ежедневные новости. 2003. 21 нояб.; Шествие с Востока: Каталог. Art Gallery Portmay. Владивосток, 2005.

Видеография: Мой Мандельштам (Владивосток, 1985, реж. Б. В. Кучумов); Скульптор Ненаживин (Владивосток, 1986, реж. Б. В. Кучумов); Осип Мандельштам: Конец пути (Москва, 1999, канал «Культура», реж. Г. А. Самойлова, сценарий А. Г. Битов); О скульпторе Ненаживине (Владивосток, 2000, канал «Лица»); Настоящие приморцы (Владивосток, 2000, реж. В. Подлесная); Битов у Ненаживина; Шум времени (Владивосток, 2002, 5-й канал ПТР, реж. Г. Г. Телешов).

В. М. Марков, П. М. Нерлер.

НЕСОХРАНИВШИЕСЯ ПРОИЗВЕДЕНИЯ О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА.

Стихи и проза О. М. сохранились далеко не полностью. Кроме неск. сотен дошедших до нас произведений О. М., существовало немало стихотворений, статей и др. произведений, тексты к-рых навсегда утрачены. О нек-рых из них, однако, сохранились свидетельства современников. Самым ранним из них, по-видимому, является стих. «Колесница», прочитанное О. М. на вечеринке в *Тенишевском училище* 14.9.1907. Ср.: «Потом Мандельштам вызвал гром аплодисментов своим стихотворением “Колесница”, действительно по художественности своей далеко превосходящим большинство произведений школьной беллетристики, да и многое, пожалуй, в современной беллетристике вообще. Впрочем, несколько неясная дикция автора отчасти испортила впечатление от его стихов» [Тенишевец. 1907. Год 2-й. № 1 (15 окт.). С. 30]. На следующей вечеринке, 16.10.1907 (в день отъезда О. М. в *Париж*) А. Надежин, в 1906 редактировавший «Пробужденную мысль», «прочел стихи Каменского и Мандельштама, вызвавшие сильные аплодисменты» [Там же. С. 61]. Подробнее см.: М е ц 2005. С. 49–50. Само назв. «Колесница» вызывает в памяти одноим. стих. Г. Р. *Державина* с аллегорией Франц. рев-ции.

Пребывание О. М. в Париже сопровождалось всплеском творч. активности, но плоды этого всплеска практически не дошли до нас. Так, в письме к В. В. *Гиппиусу* от 19–27.4.1908 О. М. упоминает свои – несохранившиеся – статьи о П. М. *Верлене*, Ж. Роденбахе и Ф. *Сологубе*, собирался писать о К. Гамсуне (см.: Собр. соч.-2. Т. 4. С. 4–12). А М. М. Карпович, с к-рым О. М. в то время близко дружил, упоминает такие не дошедшие до нас тексты О. М., как переводы из Верлена и стихи на сюжет верленовского стихотворения о Каспаре Хаузере, стихи о Саломее (библейской), а также стихотворение, посв. самому Карповичу (приводится строка из него: «...поднять скрипучий верх соломенных корзин»); кроме того – статью о Снегурочке (1912). В 1913, по свидетельству Г. В. *Иванова*, О. М. написал некую поэму *«Старцы»* и начал писать поэму типа пастернаковского «Лейтенанта Шмидта» (И в а н о в Г. С. 277). Первая могла быть как-то связана с увлечением О. М. имябожцами, вторая – быть данью рев. увлечениям самого О.

Называя «Турчанку» (так называла А. А. *Ахматова* стих. О. М. *«Мастерица виноватых взоров»*, обращенное к М. С. *Петровых*) «лучшим любовным стихотворением XX века», Ахматова сообщала, со слов Петровых, еще об одном – не дошедшем до нас – и обращенном также к Петровых стихотворении О. М. о белом цвете (см.: Собр. соч.-2. Т. 1. С. 13). Н. Я. *Мандельштам* и Н. Е. *Штемпель* вспоминали об утраченном стихотворении О. М. о смертной казни, написанном в 1937.

Лит.: И в а н о в Г. Осип Мандельштам [Отклик на: О. Мандельштам. Собр. соч. Под ред. Г. Струве и Б. Филиппова. Изд. им. Чехова. Н.-Й., 1955] // НЖ. 1955. № 43. С. 273–284;

Он же. Ответ гг. Струве и Филиппову // Там же. 1956. № 45. С. 301–304; Карпович М. М. Мое знакомство с Мандельштамом // Там же. 1957. № 49. С. 258–261.

Лит.: Мец 2005. С. 49–50.

П. М. Нерлер.

НИКИТИНА Евдоксия Федоровна (16.2.1895, Ростов-на-Дону – 1973, Москва), литературовед, хозяйка лит. салона. По инициативе профессоров Моск. ун-та И. Н. Розанова, П. Н. Саккулина и А. Н. Веселовского Н. организовала в своей квартире в Москве (Газетный пер., 3) лит.-худож. кружок (1914–33), названный в ее честь «Никитинские субботники». Среди участников – писатели и литературоведы разл. творч. ориентации, артисты, художники, студенты-выпускники Моск. ун-та и Высш. жен. курсов. О. М. посещал заседания кружка в 1922. С 1922 при кружке существовало одноим. книж. изд-во; издавался альм. «Свиток» (1922–26, № 1–4). В «Свитке», в № 3 за 1924, напечатано стих. О. М. «Золотистого меда струя из бутылки текла...». В том же альманахе опубл. ст. Н. «Поэты и направления (Пути новейшей поэзии)», где об О. М. говорится как о поэте, увлеченном классич. традицией, а его «Камень» характеризуется как книга «замечательных холодно-певучих стихов» (Никитина Е. Ф. Поэты и направления // Свиток. М.; Л., 1924. № 3. С. 126). Оценивая второй поэтич. сб. О. М., «Tristia», Н. отмечает, что при богатой образности и «тончайшей» музыкальности стихи О. М. иногда кажутся слишком «громоздкими» и «неряшливыми» (Там же. С. 136). Соотнесенность О. М. с классич. традицией Н. считала определяющей чертой поэтики О. М. Не случайно в составленном Н. пособии, предназнач. для студентов филол. ф-тов, посв. О. М. главка названа «Элементы классики в творчестве Мандельштама». Н. предлагает студентам подумать над следующими проблемами: словесное мастерство О. М., лаконизм, эстетич. восприятие жизни, обилие мифологич. и ист.-лит. реминисценций (Она же. Русская литература от символизма до наших дней. М., 1926. С. 92). В мемуарах Н. Я. *Мандельштам* имя Н. упоминается в негативном контексте (см.: Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 464).

Лит.: Фельдман Д. М. Салон-предприятие: писательское объединение и кооперативное издательство «Никитинские субботники» в контексте литературного процесса 1920–1930-х годов. М., 1988.

О. Ю. Казмирчук.

«НОВАЯ ЖИЗНЬ» (Петроград, 1914–18), еженед. газета лит.-публицистич. направления. С 1917 издавалась М. *Горьким*, к-рый опубликовал здесь первую статью из цикла «Несвоевременные мысли». Закрыта как политически неблагонадежная. Среди сотрудников – И. Э. *Бабель*, В. В. *Маяковский* и др. В «Н. ж.» опубл. рец. В. Гальского (псевд. В. Г. *Шершеневича*) на «Камень» (1916) О. М., а также стих. О. М. «Отравлен хлеб и воздух выпит...», «Декабрист», «Зверинец».

Источники: Мандельштам О. Э. Отравлен хлеб и воздух выпит... // Новая жизнь. 1914. № 1. С. 6; Он же. Зверинец // Там же. 1917. 18 июня. С. 5; Он же. Декабрист // Там же. 24 декабря. С. 6.

В. В. Калмыкова.

«НОВАЯ РОССИЯ» (Москва, 1922–26), обществ.-лит. и науч.-популярный ежемес. журнал. Выходил в под ред. публициста И. Г. *Лежнёва*. Неформальный орган т. н. «сменовеховцев», т. е. интеллектуалов, ставших в нач. 1920-х гг. на путь сотрудничества с советской властью в надежде на ее перерождение в процессе реформ («смена вех»). «Н. Р.» – «первый беспартийный публицистический орган» в Советской России, авторы к-рого требовали «невмешательства» государства в духовную жизнь интеллигенции. Первые два номера журнала вышли в марте–мае 1922, после чего изд. было прекращено по распоряжению одного из большевистских лидеров Г. Е. Зиновьева. Однако по приказу В. И. Ленина, искавшего поддержки для советской власти у интеллигенции, изд. было возобновлено под назв. «Россия». В 1926 журнал вернул себе первонач. назв., но был окончательно закрыт по распоряжению Политбюро ЦК ВКП(б), расценившего одну из статей Лежнева как нелояльную по отношению к власти.

О. М. опубликовал в «Н. Р.» стих. «Вы, с квадратными окошками, невысокие дома...».

Источники: Новая Россия. 1926. № 1. Стб. 67–71.

В. В. Калмыкова.

«НОВЫЙ ЖУРНАЛ» (Нью-Йорк, начиная с 1942 по наст. время), ежеквартальный журнал и изд-во, осн. эмигрантами «первой волны» М. О. Цетлиным и М. А. Алдановым – как бы взамен «старого» журнала, под к-рым подразумевались «Современные записки» (Париж), переставшие выходить с весны 1940. К инициаторам создания НЖ относят также и И. А. Бунина. Гл. редакторы – Алданов и Цетлин (1942–43), Цетлин и М. М. Карпович (1943–45), Карпович (1945–59), Р. Б. Гуль, Ю. П. Денике, Н. С. Тимашев (1959–66), Гуль (1966–86), редколлегия (1986–90), Ю. Д. Кашкаров (1990–1994), В. П. Крейд (1995–2005), М. Адамович (с 2005 по наст. время).

В 1990-е гг. журнал начал легально распространяться в России.

Материалы об О. М. в НЖ впервые появляются в 1955–1956 в связи с выходом в 1955 в Изд-ве им. Чехова 1-томного собрания сочинений О. М. – первого книж. издания поэта после его смерти. В своем пространном отзыве Г. В. *Иванов* (№ 43) обрушился на редакторов (Г. П. *Струве* и Б. А. *Филиппова*) за те текстологич. и биографич. оплошности, к-рые они, по его мнению, допустили. Редакторы ему отвечали на каждый пункт, он отвечал им (№ 45). Эта полемика, видимо, и подвигла Карповича (в ту пору гл. ред. НЖ) написать собственные восп. об О. М., с к-рым он был очень коротко знаком в 1907–08 в *Париже* (1957, № 49). Следующий всплеск публикаций об О. М. связан с выходом в свет в 1964 1-го тома многотомного собрания сочинений поэта под ред. Г. П. Струве и Филиппова. Рец. Ю. П. *Иваска* (1966, № 82) была сугубо положительной («драгоценный подарок читателю») и даже хвалебной, при этом впервые высоко оценивалось именно позднее творчество О. М., к-рого Иваск называл «волшебной флейтой русской поэзии». Академич. характер издания рецензент связывал не с советскими, а с дорев. традициями (издания М. Ю. *Лермонтова*, Е. А. *Баратынского* и др.). Иваск высоко оценил и

англ. предисловие К. *Брауна*, особо выделяя расшифровку им личности Саломеи в «Соломинке»; в то же время наблюдения Э. Райса – автора др. предисловия – он нашел интересными, но не всегда обоснованными. Иваск сообщил, что в СССР тоже хотели издать О. М., но теперь это предприятие отложено на неопредел. время. В своей реплике на рец. Иваска В. Крестовская (№ 84) указала на оплошность редакторов в случае со «Стихами о русской поэзии», текст к-рых отличается от первопубликации (см.: ВП. 1961. Т. 2. С. 28). Интересно, что рус. перевод упомянутой статьи Брауна (точнее, ее докладной версии, прочитанной автором на вечере, посв. творчеству О. М. и устроенному Центром писателей в изгнании Междунар. Пен-Центра в Доннэл-Сентре в Нью-Йорке 13.3.1964) появился в НЖ еще до выхода рец. Иваска (1965, № 80). В 1970-е гг. Иваск еще неск. раз обращался к творчеству О. М., в частности в ст. «Христианская поэзия Мандельштама» (1971, № 103), в стих. «Воронежский Мандельштам», где он пытался подражать «позднему» Мандельштаму (1978, № 132), а также в рец. на кн. О. Ронена «Подступы к Мандельштаму» (1986, № 163). В рец. он с огорчением отмечал, что ученый не разделяет его подхода к О. М. как к поэту христианскому, но, заключал он, О. М. – великий поэт, и разные подходы оправданы живым интересом к его жизни.

Интересный случай являет собой псевдорец. Н. Я. *Мандельштам* на кн. Т. С. Элиота «К определению понятия культуры», вышедшую на рус. яз. в 1968 (1973, № 111; фактически это фрагмент ее «Второй книги»). В 1981, уже после смерти Н. М., в изд-ве «*Серебряный век*» вышла ее кн. «Мое завещание»: Г. Поляк, ее составитель и владелец изд-ва, ответил на реплику Н. А. *Струве* по поводу ее выхода (РМ. 1986. 11 апр.) на страницах НЖ (1986, № 165). По его мнению, дух Н. М. противостоит любой лит. монополии. Единственной, не считая инвектив Иванова, публикацией об О. М. в НЖ, имеющей текстологич. значение, стала заметка В. Крейда о шуточных стихотворениях О. М. (1988, № 170). Наконец, в НЖ была опубл. статья Г. Кружкова (1992, № 188), где О. М. сравнивается гл. обр. с Б. Л. *Пастернаком*.

Следует отметить и отд. трудно находимые упоминания О. М. в публикациях НЖ: напр., в восп. А. Штейгера (1984. № 151. С. 127), отзыв В. Перелешина в письме к П. П. Лапиену об О. М. – переводчике (2004. № 234. С. 181) или разбор статей Г. В. Адамовича и Ю. Марголина об О. М., опубл. во 2-м вып. альм. «*Воздушные пути*», в рец. В. Варшавского на этот альманах (1961. № 65. С. 287–289).

Источники: Иванов Г. Осип Мандельштам [Отклик на: О. Мандельштам. Собр. соч. Под ред. Г. Струве и Б. Филиппова. Изд. им. Чехова. Н.-Й., 1955] // НЖ. 1955. № 43. С. 273–284; Он же. Ответ гг. Струве и Филиппову // Там же. 1956. № 45. С. 301–304; Струве Г., Филиппов Б. О рецензии Г. Иванова на «Собрание сочинений» Осипа Мандельштама: (Письмо в редакцию) // Там же. 1956. № 45. С. 296–300; Карпович М. Мое знакомство с Мандельштамом // Там же. 1957. № 49. С. 258–261; Браун К. Тайная свобода Осипа Мандельштама // Там же. 1965. № 80. С. 86–104 [Текст выступления на вечере, посв. творчеству О. М., устроенному Центром писателей в изгнании Междунар. Пен-Центра в Доннэл-Сентре в Нью-Йорке 13.3.1964. Пер. с англ. Т. О. Федоровой и Г. С. Ермолова]; Тагер Е. О Мандельштаме. Воспоминания / публ. и комм. Г. П. Струве // Там же. № 81. С. 172–189; Иваск Ю. Рец. на: Осип Мандельштам. Собр. соч. в двух томах. Т. 1. Под ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. Вашингтон, 1964 // Там же. 1966. № 82. С. 287–90; Он же. Христианская поэзия Мандельштама // Там же. 1971. № 103. С. 109–123; Он же. Воронежский Мандельштам [Стихотворение] // Там же. 1978. № 132. Он же. Рец. на: Omry Ronen. An Approach to Mandelstam. Jerusalem, 1983. 396 p. // Там же. 1986. № 163. С. 295–297; Крестовская В. О томе I Собрания сочинений О. Мандельштама. // Там же. 1966. № 84. С. 301; Мандельштам Н. [Фрагмент из «Второй книги» – в качестве отзыва на кн.: Т. С. Элиот. К определению понятия культуры. Заметки. Пер. с англ. Е. Жиглевич. Вступит. ст. и примеч. М. Корякова. Overseas Publication Interchange Ltd. London, 1968. 167 с.] // Там же. 1973. № 111. С. 279–283; Поляк Г. Еще раз о книге Надежды Мандельштам «Мое завещание» // Там же. 1986. № 165. С. 341–343; Крейд В. Неизвестные строки О. Мандельштама // Там же. 1988. № 170. С. 293–296; Кружков Г. «Как бы резвяся и играя...» // Там же. 1992. № 188. С. 206–233.

Лит.: Базанов П. Н., Кремнев С. С., Кузнецова Т. В., Шомракова И. А. Издательства и издательские организации Русской эмиграции. 1917–2003 гг.: Энциклопедический справочник. СПб., 2004. С. 204–205.

П. М. Нерлер.

«НОВЫЙ РОБИНЗОН» (Петроград, 1923–25), детский журнал. В основе – детский альманах «Воробей». В свою очередь, «Н. Р.» по инициативе М. (А. М.) *Горького* оказался преобразован в Детский отд. Госиздата («Детгиз»), к-рый возглавил С. Я. Маршак. «Н. Р.» – одно из первых изданий, сыгравших роль в формировании в советской культуре «большой литературы для маленьких». Среди сотрудников – В. В. Бианки, Б. С. Житков, О. И. Капица, Е. П. Привалова и др. члены кружка детских писателей, образовавшегося в 1922 при петрогр. б-ке детской лит-ры Пед. ин-та дошкольного образования.

О. М. опубликовал в «Н. Р.» стих. «Одеяльная страна. Из Стивенсона».

Источники: Новый Робинзон. 1924. № 12.

Лит.: Кон Л. Ф. «Новый Робинзон» // Советская детская литература. 1917–1923. М., 1960; Маршак С. Я. «Дом, увенчанный глобусом»: Заметки и воспоминания // Маршак С. Я. Собр. соч.: В 4 т. М., 1990. Т. 4.

В. В. Калмыкова.

О

Овидий

ОВИДИЙ (лат. Ovidius) Публий Назон (20.3.43 до н. э., Сульмон – 17 н. э., Томы), др.-римский поэт. В детстве О. М., по-видимому, увлекался его «Метаморфозами»: «Детям скучно читать Корнелия Непота, зато Овидиевы “Превращения” проглатываются с жадностью» (из радиокомпозиции О. М. «Молодость Гёте» (1935): 3. С. 283; впрочем, текст радиокомпозиции создавался с опорой на автобиографию И. В. *Гёте*). Тщательно и насквозь О. был впервые прочитан О. М. во время обучения на ист.-филол. ф-те *Санкт-Петербургского Императорского университета* в качестве автора, чьи произведения входили в обязат. программу (классич. лит-ру О. М. преподавал А. И. Малеин). Первый текст О. М., в к-ром встречается имя О. и возникают мотивы из его стихов («Скорбные элегии», кн. III, элегии 10, 12), – это стих. «О временах простых и грубых...» (1914) (см.: М е ц. С. 303). В 1915 О. М. от лица сосланного О. и с проекцией на стих. А. С. *Пушкина* «К Овидию» написал оптимистич. стих. «С веселым ржанием пасутся табуны...» (см.: Т е р р а с; П ш ы б ы л ь с к и й; Л е к м а н о в). Пессимистич. вариант последнего послания О. Августу Октавиану, вероятно, представляет собой тогда же написанное стих. О. М. «Негодованье старческой кифары...» (окт. 1915).

М. Л. *Гаспаров* и О. Ронен находят параллели у О. к строкам «Мы в легионы боевые // Связали ласточек» (ср. у О.: Amor., ср. кн. I, элегия 2, стр. 25–26) и «Земля плывет. Мужайтесь, мужи» (ср. у О.: Trist., кн. I, элегия 4, стр. 3–4; Trist., кн. V, элегия 2, стр. 62) из стих. О. М. «Прославим, братья, сумерки свободы...» (1918) (Р о н е н. С. 139). Заглавие программного стих. О. М. «Tristia» (1918) повторяет заглавие «Скорбных элегий» О., мотивы к-рых, особенно элегии 3 (из кн. I), варьируются в 1-й строфе стих. О. М. (заглавие для второй книги О. М., названной по этому стих., было предложено М. А. *Кузминым*; ср., впрочем, со свидетельством К. И. *Чуковского*, к-рый утверждал, что О. М. сам хотел «назвать свою вторую книгу “Tristia” (то есть, по Овидию, “Скорбные песни”)» (Мандельштам и его время. С. 200); подробнее о стих. О. М. «Tristia» и его связях с поэзией О. см.: О ш е р о в; Г а с п а р о в. С. 759). Своеобразный комментарий к своему стих. «Tristia» О. М. дал в ст. «Слово и культура» (1921), где фрагмент «Цыган» Пушкина, изображающий О., цитируется рядом с 1–4-й строками 3-й элегии I кн. «Скорбных элегий» (1. С. 212), а также перечисляются ключевые образы всей этой элегии О.: «любовник в тишине путается в нежных именах», «слова и волосы», «петух, который прокричал за окном» (Там же. С. 214). В эссе «О природе слова» (1921–22) О. М. вновь варьирует посв. О. строки пушкинских «Цыган», говоря о том, что И. Ф. *Анненский* возложил «с нежностью, как подобает русскому поэту, звериную шкуру на все еще зябнущего Овидия» (Там же. С. 226). Автору «Скорбных элегий» О. М. уподобил Анненского в заметке «Буря и натиск» (1922–23) (см.: 2. С. 293). Строка «Кремень с водой, с подковой перстень» из «Грифельной оды» (1923) О. М. восходит к «Письмам с Понта» О. (письмо IV, стр. 3–8), а строки «Плод нарывал. Зрел виноград. / День бушевал, как день бушует» из этого же стихотворения О. М. – к «Скорбным элегиям» (кн. IV, vi. 9–15) (R o n e n. P. 83, 152).

В нач. 1930-х гг. последователя автора «Скорбных элегий» О. М. увидел в *Данте Алигьери*: «Овидиев гул ему ближе, чем французское красноречие Вергилия» (3. С. 257); см. также в черновиках к «Разговору о Данте»: «Сила культуры – в непонимании смерти, – одно из основных качеств гомеровской поэзии. Вот почему средневековье льнуло к Гомеру и боялось Овидия» (Там же. С. 405).

Согласно свидетельству Н. Я. *Мандельштам*, «изгнанические послания» О. перечитывались О. М. в кон. 1933 – нач. 1934 (Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 312). В личной б-ке О. М. имелось изд.: O v i d e P. Garnier-fréres, 1866. T. 1: Les amours; T. 2: Les tristes; T. 3: Les metamorphoses (см.: Ф р е й д и н. С. 238). Многочисл. параллели между стихами сосланного в 1934 в Воронеж О. М. и изгнанника О. выявлены в работе: И ч и н. По наблюдению М. Л. Гаспарова, в посв. И. В. *Сталину* стих. О. М. «Когда б я уголь взял для высшей похвалы...» (1937) «отношение между поэтом и правителем строится Мандельштамом по хорошо известному историческому образцу – отношению между Овидием и Августом. Овидий тоже виноват (как представлял себе Мандельштам его вину – не так уж и важно), тоже безоговорочно признает свою вину, тоже сослан и тоже надеется на искупление вины и воссоединение со своим судьей и карателем в мире единой для них культуры <...> Сталинская “Ода” была палинодией <...> стихов об Овидии 1915 г.» (Г а с п а р о в. 1996. С. 95). Шутливое сравнение участи любимой жены с судьбой О. находим в письме О. М. к Н. М. от 1.10.1926: «Зачем я тебя сослал к морю, как Овидия какого-нибудь?» (4. С. 83). В свою очередь, судьбу самого О. М. с

судьбой О. сопоставляли К. В. *Мочульский* (см.: Мандельштам и его время. С. 65), С. Б. *Рудаков* (Мандельштам в письмах Рудакова. С. 81) и С. И. *Липкин* в стих. «Ломовая латынь» (1952). Известна также фраза А. А. *Ахматовой*, обращенная к О. М.: «Никто не жалуется – только вы и Овидий жалуетесь» (Гинзбург Л. Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб., 2002. С. 83).

Лит.: Мец А. Г. Комментарий // Камень. 1990; Фрейдин Ю. Л. «Остаток книг»: Библиотека О. Э. Мандельштама // Слово и судьба; Ошеров С. А. «Tristia» О. Мандельштама и античная культура // Мандельштам и античность; Пшыбыльский Р. Рим Осипа Мандельштама // Там же; Террас В. Классические мотивы в поэзии О. Мандельштама // Там же; Лекманов О. А. «То, что верно об одном поэте, верно обо всех». О стихотворении Мандельштама «С веселым ржанием пасутся табуны...» // Лекманов. 2000; Гаспаров М. Л. Комментарий // Мандельштам О. Э. Стихотворения. Проза / сост. Гаспаров; Ронен О. Поэтика Осипа Мандельштама. СПб., 2002; Ичин К. Рим – мечта изгнанника: Овидий и Мандельштам // Toronto Slavic Quarterly. 2008. № 21 (то же: http://www.utoronto.ca/tsq/21/ichin21.shtml); Ronen O. An approach to Mandelstam. Jerusalem, 1983; Dutli R. Europas zarte Hände. Essays über O. Mandelstam. Zürich, 1995. S. 7–25.

О. А. Лекманов, при участи Г. С. Зобина.

ОГНЕВ Николай (псевд.; наст. фам. и имя Розанов Михаил Григорьевич) (14.6. 1888, Москва – 22.6.1938, там же), прозаик, драматург, поэт, публицист, педагог, участник рев. движения вне всяких партий. Наиб. известные произведения – повесть «Дневник Кости Рябцева. Третья группа (1923/24 учебный год)» (1926–28) и ее продолжение «Исход Никпетожа» (1928), в целом исключительно высоко оценивавшиеся современными автору критиками (в число к-рых, в частности, входили А. К. *Воронский*, А. *Лежнев*, А. П. *Селивановский*).

К первому из этих произведений О. обратился О. М. в заметке «Сквозь розовые очки» (1929), написанной в рамках его работы в качестве автора «Литературной страницы» в *«Московском комсомольце»*; см.: Нерлер П. Осип Мандельштам в «Московском комсомольце» // ЛУ. 1982. № 4. Мандельшт. текст представляет собой рец. на публикацию повести «Разбойничий форпост (Дневник Кости Рябцева)» в изд.: Огнев Н. Собр. соч. Т. 3. М., 1929. Уже в самом начале заметки О. М. дает характеристику жанровой принадлежности повести О. и формального способа ее организации: с его точки зрения, «автор хорошо сделал, что выбрал форму дневника и ведет свой рассказ <...> своеобразным, ломающимся, задорным языком московского школьника», – но в целом негативно оценивает рецензируемый текст, отмечая у О. «свое представление о мальчике-герое, заимствованное из барской литературы» (2. С. 524). Соответственно, О. М. делает следующий вывод: «Художник-наблюдатель борется в Огневе с педагогом-любителем <...> и читать его нужно критически, отсеивая ложь от правды» (Там же. С. 525). Кроме собственно лит., худож. оснований, для критич. оценки повести О. можно предположить и др. мотивацию. Вряд ли О. М. рассматривал это произведение вне структурно-семантич. координат «детского текста» рус. лит-ры, органичной составляющей к-рого выступал и «Шум времени» (1923–24). В подобном контексте повесть О. становилась очередной попыткой искаженного отражения действительности: «“Дневник Кости Рябцева”, так поразительно похожий на подлинный документ, в значительной мере является подделкой»; очевидно, именно поэтому одним из гл. недостатков книги О. М. называет «ее благодушие, розовые педагогические очки» (Там же. С. 525, 524).

Одноврем. с этим, к кон. 1920-х – нач. 1930-х гг. относится появление в критич. прозе О. М. прямых и опосредованных оценок ряда современных ему писателей, данных с учетом худож.-идеологич. мировоззрения (в частности, В. П. *Катаеву*, А. С. *Серафимовичу*, С. Н. Сергееву-Ценскому, К. А. *Федину* и др.). Одним из положений мандельшт. концепции «новой прозы» стал вывод о неприемлемости приложения приемов дорев. «психологической прозы» к совр. лит-ре, и именно этого лит. направления («бытовиков», по определению О. М.) придерживался О. в 1910-е гг., на что неоднократно указывала и совр. ему критика.

С. Г. Шиндин.

ОДЕССА, город-порт в Новороссии, ныне областной центр на юге Украины; крупный культурный центр, давший рус. лит-ре мн. известных прозаиков и поэтов. О. М. не бывал в О., хотя и собирался приехать туда в 1919 из Феодосии и звал Н. Я. *Мандельштам* приехать к нему туда же (см. в письме к Н. М. от 5.12.1919: «Теперь отсюда один путь открыт: Одесса; все ближе к Киеву. Выезжаю на днях. Адрес: Одесский Листок, Мочульскому. Из Одессы, может, проберусь: как-нибудь, как-нибудь дотянусь... Колачевский едет обратно. Умоляю его взять тебя до Одессы. Пользуйся случаем!!» – Собр. соч-2. Т. 4. С. 26). При жизни О. М. его произведения неоднократно публиковались в одесских изданиях, но эти публикации, как правило, были перепечатками. Так, в сб. *«Посев. Одесса – Поволжью»*, изданный в О. в 1921 в помощь голодающим Поволжья, О. М. дал стих. «Меганон» и «Золотистого меда струя из бутылки текла...» (см.: Посев. Одесса – Поволжью: Литературно-критический и научно-художественный сборник. Одесса, 1921. С. 5–6). Ряд произведений, впервые опубл. в ростовских и харьковских изданиях в нач. 1922, были перепечатаны в О. – в журнале «Театр» (1922. № 1. С. 1 – стих. «Дом актера») или газете «Моряк» (25.2.1922 и 9.3.1922 – оба очерка «Батум»). В 1926 газета «Театральная неделя» (1926. № 10. С. 4–5; с редакц. подзаголовком «К спектаклям в Одессе») перепечатала сокр. вариант очерка О. М. «Березіль», до этого (7.5.1926) опубл. в киевской газете «Киевский пролетарий». В О. выходили и отд. отклики на стихи О. М. Так, Г. Гершенкройн отозвался на «Камень. 1916» (Одесские новости. 1916. 20 марта / 2 апр.), В. В. *Гиппиус* (под псевд. «В. Галахов») – на альманах «Цех поэтов» (Жизнь. Одесса, 1918. № 5. С. 12), а Б. Д. Флит (под псевд. «Б. Ф.») – на вышедшую в журнале «Искусство» (Баку, 1921. № 2/3) подборку стихов О. М. («Эвридика» и «Конь») (Моряк. 1922. 3 марта). В 1966–67 в О. – в газ. *«Комсомольская искра»* – увидели свет одни из первых посмертных публикаций поэзии О. М. В 1971 в О. имел место единств. случай репрессии за самиздат стихов О. М. (дело Рейзы Палатник – см. в ст. *Самиздат*). В 2001 в О. в изд-ве «Друк» вышел сб. стихотворений, посв. О. М. (Венок Мандельштаму / сост.: Е. М. Голубовский и С. Б. Кобринская; вступ. ст.: Е. М. Голубовский).

Е. М. Голубовский, П. М. Нерлер.

Ирина Владимировна Одоевцева

ОДОЕВЦЕВА Ирина Владимировна (наст. фам., имя и отчество Гейнике Ираида Густавовна) [15.6.1895, по др. данным, 1901, Рига (ныне Латвия) – 14.10.1990, С.-Петербург], поэт, прозаик, мемуаристка. В 1918–20 ученица Н. С. *Гумилёва* в Ин-те живого слова и Лит. студии при изд-ве *«Всемирная литература»* в Петрограде. С 1920 чл. петрогр. *Дома литераторов*; чл. 3-го «Цеха поэтов». В своих восп. рассказывала, что познакомилась с О. М., недавно вернувшимся с юга, осенью 1920 на квартире Гумилева и потом много раз встречалась с ним в Петрограде зимой 1920–21 и в Москве в авг. 1922. С 1922 в эмиграции.

В первой мемуарной кн. О. «На берегах Невы» О. М. посв. большая глава. Н. Я. *Мандельштам*, весьма скептически относившаяся к этим мемуарам, считала, что О., «подарившая Мандельштаму голубые глаза и безмерную глупость» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 53), вместе с ее мужем Г. В. *Ивановым* – «чудовищные вруны» (Там же. С. 121; целый ряд эпизодов в мемуарах О. и Иванова об О. М. совпадает почти дословно). Однако О. в своих мемуарах упоминает не «голубые», а «сияющие ангельские» глаза О. М. (Одоевцева. С. 124), добавляя, что он «как будто даже стеснялся своей “чрезмерной эрудиции” <...> под легкомыслием старался скрыть <...> свое глубоко трагическое мироощущение» (Там же. С. 154–155).

Соч.: На берегах Невы. М., 1989. С. 119–164.

О. А. Коростелев.

ОНОШКОВИЧ-ЯЦЫНА Ада Ивановна (6.1.1896, С.-Петербург – 18.10.1935, Ленинград), поэтесса, переводчица. Ученица М. Л. *Лозинского* по студии в *Доме искусств* (с 1920). 10.2.1921 выступала со своими стихами на заседании 3-го «Цеха поэтов», как и О. М., прочитавший, в частности, стих. «Кассандре» (1917) и «Когда в теплой ночи замирает...» (1918) (Оношкович-Яцына. С. 400). 11.2.1921 вместе с Лозинским (ставшим к этому времени возлюбленным О.-Я.) и др. поэтами присутствовала на панихиде по А. С. *Пушкину* в Исаакиевском соборе, инициатором к-рой был О. М. (Там же. С. 401). 17.2.1921, как и О. М., слушала в Доме искусств лекцию В. А. *Пяста* «Новые побеги», в к-рой Пяст провозгласил, что В. А. *Рождественский* «превзойдет Мандельштама» (обсуждение лекции сопровождалось «литературным скандалом» с участием О. М. – см.: Там же. С. 405). В сб. «Цеха...» «Новый гиперборей» и «Альманахе Цеха поэтов. Кн. 2-я» О.-Я., как и О. М., печатала свои стихи.

Соч.: Дневник 1919–1927 // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1993. Вып. 13.

О. А. Лекманов.

«ОПЫТЫ» (Нью-Йорк, 1953–58), эмигрантский лит. журнал. Издавался под ред. В. Л. Пастухова и Р. Н. Гринберга; с № 4 за 1955 – под ред. Ю. П. *Иваска*. Всего вышло 9 номеров. В журнале появились первые в эмиграции послевоен. публикации стихотворений О. М. («Язык булыжника мне голубя понятней...» и «Рояль») со вступит. заметкой Ю. К. *Терапиано* «Неизвестные в эмиграции стихи Осипа Мандельштама» (1953. № 1. С. 31–33) и «Жил Александр Герцевич...» (1956. № 7. С. 5), письмо О. М. к Ф. К. *Сологубу* (1953. № 1. С. 188–189), а также отзывы Иваска (1956. № 6. С. 89–92) и Г. В. *Адамовича* (1956. № 6. С. 92–94) на «Собрание сочинений» О. М. в 3 т. (т. 4 дополнит.; Ваш.; Мюнх.; П., 1967–81). 12.8.1953 Адамович писал Гринбергу: «Очень рад, что в “Опытах” будет Мандельштам. Какой бы он ни был, это всегда кусочки чистого золота» (Литературоведческий журнал. 2003. № 17. С. 114). Стих. «Жил Александр Герцевич...» прислал Иваску Адамович, написав 1.6.1956: «Прилагаю стихи О. Мандельштама, которые получил в письме от неизвестного мне лица, с указанием, что во время войны он записал их со слов какого-то советского офицера-поэта. Документов нет, но по “фактуре” трудно сомневаться, что это подлинник, что не подделка» (Диаспора. 2003. № 5. С. 483). Кроме того, имя О. М. встречалось во мн. др. материалах: восп. Н. Н. *Берберовой*, Ю. П. *Анненкова*, Е. А. Извольской, В. Л. Пастухова, статьях Адамовича, Г. П. *Струве*, Иваска, Ф. А. Степуна, В. В. Вейдле, Д. И. Кленовского, В. Ф. Маркова и др.

Лит.: Журнал «Опыты» (Нью-Йорк, 1953–1958): Исследования и материалы // Литературоведческий журнал. 2003. № 17.

О. А. Коростелев.

ОСМЕРКИН Александр Александрович [8.12.1892, Елизаветград Херсонской губ. – 25.6.1953, Плесково, близ Москвы], живописец, сценограф. Учился в Киевском худож. уч-ще под рук. Н. К. Пимоненко (1909–11; по др. данным – 1911–13), затем в школе-студии И. И. Машкова в Москве (1912–15). Чл. худож. объединений: «Бубновый валет», «Московские живописцы», «Общество московских художников», Ассоциация художников рев. России (АХРР). С осени 1918 преподавал как ассистент П. П. Кончаловского в 1-х и 2-х Гос. свободных худож. мастерских (с 1920 – Вхутемас, с 1927 – Вхутеин), с кон. 1932 – в ленингр. Ин-те живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина, позднее – в моск. Гос. худож. ин-те (с 1948 им. В. И. Сурикова). Автор портрета А. А. *Ахматовой* «Белая ночь» (1939–40, ГЛМ).

Время и обстоятельства знакомства О. М. и О. неизвестны, но уже не позднее нач. 1920-х гг. они встречались у Л. А. *Бруни*, проживавшего в здании Вхутемаса в одной квартире с О. (см.: Видгоф. С. 431); ср. в очерке О. М. «Холодное лето» (1923): «Тот не любит города, <...> кто не заглядывался в каторжном дворе Вхутемаса <...> на живую, животную прелесть аэроплана» (Собр. соч.-2. Т. 2. С. 308). Общение продолжалось до второго ареста О. М., незадолго до к-рого (сер. или 2-я пол. 1937) О. «сделал с Мандельштама два карандашных рисунка. Осип Эмильевич даже не позировал. Это были наброски» (Осмеркина-Гальперина. С. 106). [Ахматова позднее вспоминала: «У Осмеркина был

Александр Александрович Осмеркин

портрет-рисунок Мандельштама (очень хороший), который он обещал подарить мне» (Ахматова А. Победа над Судьбой. I: Автобиогр. и мемуарная проза. Бег времени. Поэмы. М., 2005. С. 131).]. Прямые мандельшт. оценки худож. манеры О. не зафиксированы, однако по нек-рым эпизодам можно определить, что они были небезразличны самому автору. Е. К. Осмеркина-Гальперина описала в восп. ситуацию, «когда замечание Мандельштама было высказано как приказ, и этот приказ», к ее удивлению, «был выполнен беспрекословно. В мастерской стоял на мольберте холст – незаконченная картина Осмеркина. Это был заказ Моссельпрома: у витрины разнообразных хлебных и кондитерских изделий стояла продавщица. <...> “Этот типаж продавщицы не годится”, – сказал Осип Эмильевич. “Это булочная в Киеве или в Ростове, а вам заказана Москва. Надо типаж менять”, – приказал Мандельштам. Осмеркин не выносил, когда ему делали замечания или давали советы по неоконченной работе, но тут он промолчал. На другое утро он встал необычно рано и, ничего не говоря, ушел. Вернулся он радостный и сообщил... что нашел натурщицу – “полную, белокурую сдобную бабу”» (Осмеркина-Гальперина. С. 106).

Сам. О., по свидетельству современника, первонач. относившийся к фигуре О. М. неск. иронически, постепенно изменил свою точку зрения, и с весны 1930, когда «атмосфера вокруг Мандельштама оживилась, особенно после продолжения публикаций последних стихов в “Новом мире”», «стал говорить о нем с уважением. Он высоко оценил новое стихотворение Мандельштама “За гремучую доблесть грядущих веков”» (Герштейн Э. Г. Мемуары. С. 21). Близкая ситуация отражена в связи с чтением Э. Г. *Герштейн* стих. «Холодная весна. Бесхлебный, робкий Крым...» (1933): «“«Войлочная земля», как это точно!” – воскликнул Александр Александрович Осмеркин, когда я прочла ему эти стихи. <...> Он узнавал Крым, в котором бывал, писал там с натуры» (Она же. О гражданской поэзии Мандельштама // ЖиТМ. С. 348); речь идет о строках: «На войлочной земле голодные крестьяне / Калитку стерегут, не трогая кольца...» (3. С. 73). Она же, прочитав «Стихи о русской поэзии» (1932) Осмеркиной-Гальпериной и О., стала свидетелем того, как последний прямо сопоставил метафорич. отождествление рус. поэтич. традиции и леса [«Полюбил я лес прекрасный / Смешанный, где козырь – дуб» (Там же. С. 67)] со стих. А. В. Кольцова на смерть А. С. *Пушкина* «Лес» («Что, дремучий лес, призадумался?», 1837) (см.: Она же. Мемуары. С. 459). Осмеркина-Гальперина вспоминала: «...Уже гораздо позднее, может быть, в военные годы у нас была Анна Андреевна Ахматова. Она читала много своих стихов. И уже совсем поздно, после ужина, когда мы попросили ее почитать еще, она сказала: “Только не свои. Сейчас прочту я стихи Мандельштама”. Она прочла несколько стихотворений. Вдруг Осмеркин вскочил и стал возбужденно ходить по комнате, все время повторяя: “Вот это стихи! Вот это действительно стихи!”» (Осмеркина-Гальперина. С. 106). По свидетельству Н. Я. *Мандельштам*, именно со слов О. известна высокая оценка, данная С. А. *Есениным* О. М.; см.: Об Ахматовой. С. 227.

Источники: Осмеркина-Гальперина Е. К. Мои встречи // Наше наследие. 1988. № 6; О. и Н. Мандельштамы.

Лит.: Видгоф Л. М. «Но люблю мою курву-Москву»: Осип Мандельштам: поэт и город. М., 2012. С. 431–433.

С. Г. Шиндин, Л. М. Видгоф.

ОЦУП Николай Авдеевич (23.10.1894, Царское Село С.-Петерб. губ. – 28.12.1958, Париж, Франция), поэт, исследователь творчества Н. С. *Гумилёва*. С 1922 в эмиграции. Будучи участником петрогр. 3-го «Цеха поэтов», с окт. 1920 по февр. 1921 регулярно встречался с О. М. на заседаниях этого объединения, а также в *Доме искусств* [см.: Оцуп Н. А. Океан времени. Стихотворения. Дневник в стихах. Воспоминания и статьи о писателях. СПб., 1994. С. 286, 521; Осип Мандельштам и его время. М., 1995 (по именному ук.)]. В качестве представителя нового акмеистич. поколения одобрительно отозвался в печати о программной ст. О. М. «О собеседнике» (Оцуп Н. А. Собеседник // Жизнь искусства. 1920. 17 сент.), а также о стихах О. М. 1910-х – нач. 1920-х гг. (см.: Цех поэтов. Пг., 1922. Кн. 3. С. 71; То же. [Берлин], 1923. Кн. 2/3. С. 111–113). Рецензент дебютной книги стихов О. «Град» (1921) отмечал: «...Ледяная корочка лежит на строфах этих, порою напоминающих Мандельштама, порою Гумилева» (Сполохи. [Берлин], 1922. № 9. С. 34).

О. М. относился к стихам О. иронически, свидетельством чего может послужить шуточное стих. О. М. «Умеревший офицер» (кон. 1920). См., впрочем, следующий инскрипт О. М. от 23.2.1921 на первом издании «Камня» (1913): «Дорогому Николаю Авдеевичу с истинной дружбой» (собр. Я. С. Сидорина, С.-Петербург; воспроизведен в.: Ласунский О. Г. Мандельштам и книга // ЖиТМ. С. 402; атрибуцию см. в: Осип Эмильевич Мандельштам: Библиография // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1993 год. СПб., 1997. С. 255).

Высокая оценка прозе О. М. была дана в рец. О. на «Египетскую марку» и «Шум времени» (см.: Оцуп Н. А. Проза поэта // Последние новости. [Париж], 1929. 6 июня). В своей книге-диссертации о Гумилёве, написанной в нач. 1950-х гг., О. назвал О. М. «блестящим поэтом» (Он же. Николай Гумилёв. Жизнь и творчество. СПб., 1995. С. 118).

О. А. Коростелев.

П

«PETROPOLIS», книжная артель (кооперативное изд-во и книготорговая фирма), организованная в янв. 1918 в Петрограде Яковом Ноевичем Блохом, Григорием Леонидовичем Лозинским (пред.) и А. С. Каганом, проректором Сельскохозяйств. академии, занимавшаяся продажей антиквариата и изданием неприбыльных лит. книг (Каган А. С. Воспоминания / публ. О. Р. Демидовой // Архив еврейской истории. Т. 1. М., 2004. С. 39–40, 62, 63). Собственно издательская деятельность Р. началась в кон. 1920 в Петрограде (Надеждинская ул., 56 – снятое помещение) возобновилась весной 1921 в Берлине.

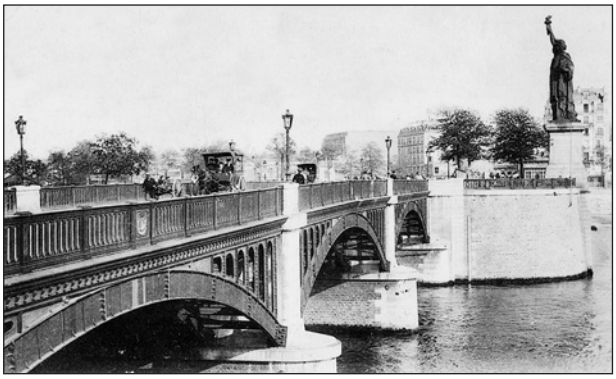
Первыми вышли книга «Sept estampes amoureuses» («Семь любовных портретов») А. де Ренье (в пер. М. А. *Кузмина* с илл. Д. Митрохина) и переиздание «Подорожника» А. А. *Ахматовой*. Именно успех «Подорожника» побудил руководителей «Р.» обратить особое внимание на издательскую деятельность. Была образована ред. комиссия под председательством Кузмина и издательский комитет в составе Блоха, Кагана и Лозинского при секр. Е. П. Струковой. К осени 1921 «Р.» выпустил «Вторник Мэри» и «Нездешние вечера» Кузмина,«Сады» Г. В. *Иванова* и «Огненный столп» Н. С. *Гумилева*, а также «Эписин, или Молчаливая женщина» Б. Джонсона (под ред. Блоха, с рисунками Рыкова). За последние месяцы 1921 и в течение 1922 были изданы «Книжные знаки русских художников» и «Портрет» Ю. П. Анненкова, «Эринии» Л. де Лилля, «Двойники» Э.-Т.-А. Гофмана с рисунками Л. Л. Головина [см.: Лозинский Г. Л. Petropolis // Временник Общества друзей русской книги. Вып. 2. Париж, 1928. С. 33–37 (по перепечатке в: Книга: Исследования и материалы. Сб. 59. М., 1989. С. 158–162); см. также письма к Блоху и воспоминания Головина о сотрудничестве с «Р.»].

Источники: Головин Л. Л. Встречи и впечатления. Письма. Воспоминания о Головине. Л.; М., 1960. С. 134–139; Кузмин М. Дневник 1921 года / публ. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина // Минувшее-12. М.; СПб., 1993. С. 476; Каган А. С. Воспоминания / публ. О. Р. Демидовой // Архив еврейской истории. Т. 1. М., 2004. С. 39–40.

Лит.: Офросимов Ю. О Гумилеве, Кузмине, Мандельштаме... Встреча с издателем // Новое русское слово. 1953. 13 дек/; Книга: Исследования и материалы. Сб. 59. М., 1989; Юниверг Л. Евреи-издатели и книготорговцы Русского зарубежья // ЕКРЗ. Т. 1. Иерусалим, 1992. С. 136; Рейтблат А. Я. Н. Блох и издательство «Петрополис» // ЕКРЗ. Т. 3. Иерусалим, 1994. С. 170–171; Незабытые могилы. Т. 1.

О. Р. Демидова, П. М. Нерлер.

ПАРИЖ (франц. Paris), город, столица Франции, расположен на р. Сене; признанный мировой центр иск-в; один из любимых городов О. М. Осенью 1907 родители отправили его в П. учиться, преследуя при этом побочную цель – оторвать его от увлечения рев-цией. О. М. приехал в П., видимо, не ранее 5.10.1907, в сопровождении Ю. М. *Розенталя*. В П. он записался на ф-т словесности Ун-та Сорбонны (учился в 1907–08; в 1992 К. *Пигетти* обнаружила во франц. Нац. архиве заполненный О. М. имматрикуляционный формуляр – см.: Archives Nationales, AJ[16] 5002). В качестве цели обучения, обозначенной О. М. в матрикуле, значилось совершенствование во франц. яз. Наряду с Сорбонной, О. М. посещал лекции, а возможно, и др. занятия также и в Коллеж де Франс (Collège de France). Все лекции в Коллеж де Франс были публичными и бесплатными, и послушать иных профессоров собирался буквально весь культурный П. Для О. М. особый интерес представляли лекции двух профессоров – философа А. *Бергсона* и филолога-медиевиста Ж. *Бедье*. Поселился О. М. в Латинском квартале – первонач. по адресу: ул. Сорбонн, 14, позднее – в соседнем доме – ул. Сорбонн, 12 – напротив входа в ун-т и поблизости от бульвара Сен-Мишель и Люксембургского сада, где он проводил немало времени. Ок. 30.11.1907 он писал своему младшему брату: «Чем больше привыкаешь, тем больше скучаешь. Я никуда не хожу – разве только музыку послушать – все читаю, да пишу, да мечтаю – чего никому не желаю». Тем не менее в П. состоялось знакомство с Н. С. *Гумилёвым*, а 24.12.1907, в католич. сочельник, в кафе – с М. М. Карповичем, к-рый так описал этот эпизод: «По соседству с нами, за отдельным столиком, сидел какой-то юноша, привлекший мое внимание своей не совсем обычной наружностью. Больше всего он был похож на цыпленка, и это сходство придавало ему несколько комический вид. Но вместе с тем в чертах его лица и в красивых грустных глазах было что-то привлекательное. Услышав, что мы говорим по-русски, он нами заинтересовался. Было ясно, что среди происходившего вокруг него шумного веселья он чувствовал себя потерянным и одиноким. Мы предложили ему присоединиться к нам, и он с радостью на это согласился. Мы узнали, что его зовут Осип Эмильевич Мандельштам. В этот вечер мы разговорились и быстро установили общность наших литературных интересов...” (Карпович. С. 258). С этого момента и до самого отъезда в Россию весной 1908 Карпович и О. М. виделись очень часто. Карпович вспоминал: «...Обычно он приходил ко мне или вернее – за мной, так как беседы свои мы вели либо сидя в кафе, либо бродя по парижским улицам. Иногда мы ходили вместе на концерты, выставки, лекции... Помню, как он с упоением декламировал “Грядущих гуннов” Брюсова. Но с таким же увлечением он декламировал и лирические стихи Верлена и даже написал свою версию Gaspard Hauser’a. Как-то мы были с ним на симфоническом концерте из произведений Рихарда Штрауса, под управлением самого композитора.



Мост Гренель и статуя Свободы у восточного мыса Лебединого острова Парижа

Мы оба (каюсь!) были потрясены “Танцем Саломеи”, а Мандельштам немедленно же написал стихотворение о Саломее» (Там же. С. 258, 260). 23.1(5.2).1908 О. М. послал матери открытку с изображением похорон париж. архиепископа кардинала Ришара (1.2.1908): траурная процессия движется мимо собора Парижской Богоматери, в сторону от фотографа; на переднем плане – О. М., единственный обернувшийся назад, в сторону фотокамеры. Наверняка О. М. участвовал и еще в одной траурной процессии – в похоронах Г. А. Гершуни на Монпарнасском кладб. 29.3.1908. В тот же или на следующий день состоялся вечер памяти Гершуни с выступлением Б. В. Савинкова: Карпович описал сильнейшее волнение, охватившее на вечере О. М. Эти события, по-видимому, произвели качеств. скачок в настроении О. М. 7(20).4.1908 он писал матери: «...Сейчас у меня настоящая весна, в самом полном значении этого слова... Период ожиданий и стихотворной горячки... Время провожу так. Утром гуляю в Люксембурге. После завтрака устраиваю у себя вечер, – т. е. завешиваю окно и топлю камин и в этой обстановке провожу два-три часа... Потом прилив энергии, прогулка, иногда кафе для писания писем, а там и обед... После обеда у нас бывает общий разговор, который иногда затягивается до позднего вечера». А 14(27).4.1908 О. М. писал В. В. *Гиппиусу*: «В Париже я прочел Розанова и очень полюбил его... Живу я здесь очень одиноко и не занимаюсь почти ничем, кроме поэзии и музыки. Кроме Верлэна (так в источнике. – *Ред.*), я написал о Роденбахе и Сологубе и собираюсь писать о Гамсуне. Затем немного прозы и стихов». Если в письме к матери примерно очерчен распорядок дня школяра, то в письме к Гиппиусу – круг его занятий и интересов.

В мае или нач. июня 1908 О. М. покинул П. Не позднее 9 июня он уже был под С.-Петербургом, в имении Дубки близ станции Преображенской Варшавской ж. д., куда ему и младшему брату, Е. Э. *Мандельштаму*, написала мать (скорее всего, из Халлензее под Берлином). 24 июня О. М. с братом приехали к ней в Берлин. Об этом она написала А. Э. Мандельштаму в Раволу: «Ося милый, хороший, только очень слаб. Париж его извел». Что именно имеется в виду – не ясно, но одно обстоятельство упомянуто: «Ося возится с зубами – еще хуже, чем у тебя, Шурушка, – нельзя откладывать было...»

В 1926 В. Я. *Парнах* писал об О. М. и П.: «Очарование этого прекрасного города, который некоторыми своими сторонами напоминает Рим, Венецию и Лондон, задело его на всю жизнь» (Собр. соч.-1. Т. 3. С. 399). П. для О. М. был тем же, что и для Ф. *Вийона* 5 веков назад, – «...морем, в котором можно было плавать, не испытывая скуки и позабыв об остальной вселенной. Но как легко натолкнуться на один из бесчисленных рифов праздного существованья!..» (1. С. 171–172).

Имя О. М. нечасто, но звучало в рус. и франц. П. и до 2-й мировой войны 1939–45, а его произведения, напечатанные при жизни, эпизодически переводились на франц. яз.; после войны о нем писали статьи и книги, делали доклады; представители всех волн рус. эмиграции в П. (Е. Г. *Эткинд*, Н. А. *Струве* и мн. др.) много сделали для сохранения и публикации его произведений. В 1974–76 в П. хранился Архив О. Э. Мандельштама, переданный затем в *Принстонский университет*. Значимым результатом усилий рус. эмиграции и франц. литераторов по увековечению памяти О. М. в П. стало открытие 1.2.1992 мемориальной доски (скульп. Б. Лежен) на доме № 12 по ул. Сорбонн. В тот же день состоялся коллоквиум «Мандельштам и Франция» с участием Н. А. Струве, А. Фэвр-Дюпэгр, Эткинда и Р. *Дутли*.

Источники: Карпович М. М. Мое знакомство с Мандельштамом // НЖ. 1957. № 49. С. 258–261.

Лит.: Н. С. Мандельштам в Париже // Вестник. 1990 (III). № 160. С. 255–257; Нерлер П. Доска в честь О. Мандельштама в Париже // Там же. 1991. № 2–3. С. 339–341; Он же. В честь Осипа Мандельштама [Об открытии мемориальной доски в Париже] // НРС. 1992. 18 февр. С. 15; Он же. Парижский семестр Осипа Мандельштама // Osip Mandelstam und Europa / Hrsg. von W.Potthoff. Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter, 1999. S. 257–279.

П. М. Нерлер.

ПАРНАХ (наст. фам. Парнох) Валентин Яковлевич (15.7.1891, Таганрог – 29.1.1951, Москва), поэт, переводчик с франц., исп., порт., итал. и нем. языков, джазовый музыкант и эксцентрич. танцовщик, мл. брат С. Я. *Парнок* и брат-близнец Е. Я. Тараховской. В 1914–31 много путешествовал по Европе и Ближнему Востоку, часто переезжая с место на место и подолгу живя только в *Париже*, где П. основал содружество русскоязычных литераторов – «Палату поэтов». В Париже вышли и первые его сборники – «Набережная», «Самум» (оба – 1919) и «Словодвиг. Motdinamo» (1920), «Карабкается акробат» (1922). Сб. «Самум» открывается стих. «Рестораны», посв. О. М.

Во 2-й пол. авг. 1922 П. в очередной раз возвратился в Россию, в Москву. 30.8.1922 он писал А. М. *Ремизову* в Берлин: «Сейчас сплю на скамье в Союзе Писателей: Тверской бульвар, 25, где меня на несколько дней устроил О. Э. Мандельштам» (Центр Рус. Культуры Амхерст-колледжа, шт. Массачусетс, США: фонд А. М. Ремизова). О. М. и Н. Я. *Мандельштам* сами приехали в *Москву* из Киева незадолго до этого, в апр. 1922. Они не только устроили П. у себя на неск. дней, но и добились выделения ему отд. проходной комнаты в том же левом флигеле писат. общежития на Тверском бул. (Дома Герцена), где проживали и сами (при этом у самого П. не раз ночевал, а в кон. 1923 фактически и жил А. Э. *Мандельштам*). Как О. М., так и П. начали

здесь работу над своими «мемуарами 30-летних» – «Шумом времени» и «Пансионом Мобер» соответственно [подробное сопоставление прозы О. М. и П. см. в: К а ц и с Л. Ф. Осип Мандельштам: Мускус иудейства. М., 2002 (по именному ук.)]. «Мандельштам любил Парнаха, находил, что они похожи, называл его “мое альтер эго”» (Н. В. *Соколова* со слов самого П. – см.: «Сохрани мою речь»-3(2). С. 93).

В 1925–31 П. жил в Париже. В 1926 в амер. евр. 2-месячнике «The Menora Journal» опубликовал ст. «В русском литературном мире», посв. М. О. *Гершензону*, Б. Л. *Пастернаку*, О. М., П. Г. Антокольскому и Б. М. *Лапину*. Об О. М. он, в частности, написал, что тот – «...дитя Санкт-Петербурга – весь принадлежит 19 в., а иногда и средневековью. Несмотря на свои попытки приспособить метод Б. Пастернака, он все время отстает от своего времени» (P a r n a c h V. In the Russian World of Letters // The Menorah Journal (N. Y.). June–July 1926. Vol. 12. No. 3. P. 304).

Свое близкое знание П. и знакомство с ним О. М. использовал при написании «Египетской марки», наделив гл. героя повести – неудачника Парнока – не только узнаваемыми чертами и как бы бессвязными цитатами из П. («Самум. Арабы») (2. С. 486), но и самим именем П.: «Господи! Не сделай меня похожим на Парнока! Дай мне силы отличить себя от него» (Там же. С. 481), на что П. смертельно обиделся. Фам. «Парнок» О. М. «очень нравилась, он говорил, что она округленная, замкнутая в себе, как змея, которая держит свой хвост во рту. И еще напоминает о прекрасном звучном слове “парнокопытные”» (Соколова со слов самого П. см.: «Сохрани мою речь»-3(2). С. 94). По мнению О. Ронена, строки П. «о “ладе” “египетского поворота” (Нога перед ногой, каблук / Перед носком)» «подсказали Мандельштаму пляску полотеров “с египетскими телодвижениями”» в «Египетской марке» (Р о н е н О. Поэтика О. Мандельштама. СПб., 2002. С. 146).

В 1931–51 П. занимался переводами. Гл. и бесспорным его достижением в этой области стала кн. «Испанские и португальские поэты, жертвы инквизиции» (М.; Л.: «Academia», 1934; серия «Испанская и португальская литература»). Впечатление на современников она произвела сильнейшее; этой книгой в воронежской ссылке восторгался О. М. Из письма О. М. к С. Б. *Рудакову* (кон. авг. 1936) известно, что поэт был потрясен ею настолько, что начал учить исп. яз. (см.: 4. С. 172).

Архив П. хранится в РГАЛИ (Ф. 2251), частично – в собрании его сына, А. В. Парнаха.

С о ч.: Жирафовидный истукан. 50 стихотворений. Переводы. Очерки, статьи, заметки / сост. и предисл. («Изобретатель строф и танцев...») М. Е. Арензон. М., 2000; Пансион Мобер // Диаспора. 2005. Вып. 7 (публ. П. М. Нерлера и А. В. Парнаха).

Лит.: Б а х р а х А. В. «Египетская марка» и ее герой // РМ (Париж). 1979. № 3230. 5 апр. С. 10; Б а т а ш е в А. Египетский поворот // Театр. 1991. № 10. С. 114–29; Н е р л е р П. М. [В. Я. Парнах. 100 лет со дня рождения] // Памятные книжные даты. 1991. М., 1991. С. 143–146; О н ж е. «Я метался в поисках родины...»: Вступит. заметка к публ. фрагментов из воспоминаний В. Я. Парнаха «Пансион Мобэр» // Еврейская газета (Берлин). 2003. Янв. С. 30.

П. М. Нерлер.

ПАРНОК Софья Яковлевна [наст. фам. П а р н о х; псевд. Андрей Полянин] (30.7(11.8).1885, Таганрог – 26.8.1932, с. Каринское Звенигородского р-на Моск. обл.), поэтесса, лит. критик, переводчик. Сестра В. Я. *Парнаха* и Е. Я. Тараховской. Адресат цикла М. И. *Цветаевой* «Подруга». С 1913 постоянный сотрудник журнала «Северные записки», газеты «Русская молва». В 1916 вышел ее первый сб. «Стихотворения». Творчество П. было свободно от влияния лит. течений и школ, однако иногда творч. манеру поэтессы ставят в один ряд с поэзией ранних Цветаевой и О. М. (см.: Б у р г и н. С. 42). М. А. *Волошин* в 1917 оценил дарование П. выше таланта О. М.: «Рядом с этим гибким и разработанным женским контральто, хорошо знающим свою силу и умеющим ею пользоваться, юношеский бас О. М. может показаться неуклюжим и отрочески ломающимся» (В о л о ш и н. С. 547).

Лето 1915 П., Цветаева и О. М. проводили вместе в Коктебеле. Начало любовных отношений Цветаевой с О. М. послужило одним из поводов к разрыву между ней и П. (см.: Ш е в е л е н к о. С. 113). Вероятно, О. М. является прототипом «грозного короля» из стих. П. «Гадание» (см.: Б у р г и н. С. 176–177). По свидетельству Тараховской, О. М. «очень любил стихи» Цветаевой «и не любил стихов» П.: «Однажды мы разыграли его, прочитав стихи моей сестры, выдали их за стихи М. Ц. Он неистово стал расхваливать стихи моей сестры. Когда розыгрыш был раскрыт, он долго на всех злился» (цит. по: Там же. С. 164–165).

Несмотря на отсутствие личной симпатии, П. высоко оценила второе изд. книги стихов О. М. «Камень» (1916), признав в нем сформировавшегося поэта, «мастера слова» (П а р н о к С. О. Мандельштам. «Камень». Стихи // Северные записки. 1916. № 4–5. С. 243). Подобно др. критикам (см.: Г о р о д е ц к и й С. М. Музыка и архитектура в поэзии // Речь. 1913. № 162. С. 3; Г у м и л ё в Н. С. О. Мандельштам. «Камень». Стихи // А. 1916. № 1. С. 32), П. также использует «архитектурные» метафоры и вместе с тем отмечает музыкальность сборника: «Слово, как материал стихотворного искусства – в гармонии с творческой личностью поэта; оно – насыщенная, прочная, твердая масса. Творчество О. Мандельштама – в ваянии из слова. И вместе с тем, поэт не только не во вражде с музыкой, а, наоборот, в крепком союзе с нею: его “Камень” – поющий камень» (П а р н о к С. Указ. соч. С. 243).

В 1922 П. входила в группу «Литературный круг», выпустившую одноим. альманах с ее участием. На сборник вышла рец. О. М., к-рый, в частности, написал в ней: «Как от Таганки до Плющихи, раскинулась необъятно литературная Москва от “Мифа” до “Литературного круга”. На одном конце как будто изобретенье, на другом – воспоминанье: Маяковский, Крученых, Асеев – с одной, с другой – при полном отсутствии домашних средств – должны были прибегнуть к петербургским гастролерам, чтобы наметить свою линию. В силу этого о “Литературном круге” как о московском явлении говорить не приходится» (Россия. 1922. № 2). Поэтич. творчество П., как и Цветаевой, поэт назвал «рукоделием» [ср. с назв. статьи С. М. *Городецкого* «Женское рукоделие» (Речь. 1912. № 117)]. Сборник успеха не имел (см.: П о л я к о в а. С. 27).

Будучи участником «Московского цеха поэтов» (1923), П. не поддержала кандидатуру О. М. (см.: Б у р г и н.

С. 257). В ст. 1924 «Борис Пастернак и другие» (Русский современник. 1924. № 1) П. «первой назвала “большую четверку” постсимволистской поэзии» – О. М., Б. Л. *Пастернак*, А. А. *Ахматова*, Цветаева (Н и к о л ь с к а я. С. 535). Несмотря на это, в статье О. М., как и Цветаевой, был сделан упрек в чрезмерном желании соответствовать «искусству сегодняшнего дня» и Пастернаку, в частности.

Лит.: В о л о ш и н М. Лики творчества. Л., 1988; П о л я к о в а С. Поэзия Софии Парнок // София Парнок. Собрание стихотворений. СПб., 1998; Б у р г и н Д. Л. София Парнок: Жизнь и творчество русской Сафо. СПб., 1999; Н и к о л ь с к а я Т. Л. Парнок Софья Яковлевна // Русские писатели. Т. 4. М., 1999; Ш е в е л е н к о И. Литературный путь Цветаевой. М., 2002.

А. А. Чабан.

ПАСТЕРНАК Борис Леонидович (29.1.1890, Москва – 30.5.1960, Переделкино Моск. обл.), поэт, прозаик, переводчик. По неподтвержд. версии, первая встреча П. и О. М. состоялась в 1915 в Петрограде (см.: В и л ь я м - В и л ь м о н т. С. 19–20). По словам Н. Я. *Мандельштам*, поэты познакомились весной 1922, в год выхода в свет кн. П. «Сестра моя жизнь» и кн. О. М. «Tristia» (см.: П а с т е р н а к Е. В., П а с т е р н а к Е. Б. Координаты лирического пространства. № 2. С. 47). Между П. и О. М. установились отношения как между младшим и старшим, хотя они были почти ровесниками и их лит. дебюты совпадали по времени, но О. М. был уже общепризн. мастером, а П. чувствовал себя начинающим поэтом. Однако О. М. читал П. задолго до этого. Г. В. *Адамович* утверждал, что в юности О. М. «бредил» стих. П. «В посаде, куда ни одна нога...» (опубл. в сб. «Весеннее контрагентство муз», 1915; см.: А д а м о в и ч Г. В. «Лейтенант Шмидт» Б. Пастернака // А д а м о в и ч. С. 111). Еще до первой личной встречи П. и О. М. связало событие, оказавшее сильное влияние на обоих поэтов, – смерть А. Н. *Скрябина* (1915). И для П., и для О. М., по рождению и воспитанию особенно тесно связанных с муз. средой, «музыка Скрябина была больше чем музыкой – заклинанием и предсказанием судьбы поколения» (К а ц Б. А., Т и м е н ч и к Р. Д. А. Ахматова и музыка: Исследовательские очерки. Л., 1989. С. 54). В незаконч. ст. «Скрябин и христианство» О. М. сравнивал А. С. *Пушкина* и Скрябина: «...Их личность, умирая, расширилась до символа целого народа, и солнце-сердце умирающего остановилось навеки в зените страдания и славы» (1. С. 201). «Скрябин не только композитор, но повод для вечных поздравлений, олицетворенное торжество и праздник русской культуры», – писал П. (П а с т е р н а к Б. Л. Люди и положения // Пастернак Б. Л. Т. 4. С. 308).

Не существует никаких достоверных свидетельств интереса П. к творчеству О. М. до 1922. Н. Н. Вильям-Вильмонт упоминал ранний (1920) пренебрежит. отзыв П. о поэзии О. М. (В и л ь я м - В и л ь м о н т. С. 19), однако это событие маловероятно.

По мнению К. Ф. *Тарановского*, в нач. 1920-х гг. в поэзии О. М. («Я не знаю, с каких пор...», 1922; «Я по лесенке приставной...», 1922) появились образы, заимств. из кн. П. «Сестра моя жизнь» (T a r a n o v s k y. 1971. P. 43–48). В стих. О. М. «Париж» (1923) строка «И клятвой на песке, как яблоком, играли...» тематически (Франц. рев-ция) и образно связана с «Драматическими отрывками» П. (1918): «И в голову твою, как в мяч, играют...» (см.: R o n e n. P. 314). Тогда же, в 1922–23, О. М. написал ряд статей о поэзии («Литературная Москва», «Буря и натиск», «Заметки о поэзии», «Б. Пастернак»), в к-рых высоко оценил достижения П.: «Величественная домашняя русская поэзия Пастернака уже старомодна. Она безвкусна потому, что бессмертна...» (2. С. 301). «Со времен Батюшкова в русской поэзии не звучало столь новой и зрелой гармонии» (Там же. С. 298). Вероятно, именно к этому времени относится известное высказывание О. М. о П.: «Я так много думал о нем, что даже устал» (цит. по: А х м а т о в а. С. 122). Похвалы О. М. казались П. незаслуженными, в нояб. 1924 он писал О. М.: «Милый мой, я ничего не понимаю! Что хорошего Вы нашли во мне! <...> Да ведь мне в жизнь не написать книжки, подобной “Камню”!» (П а с т е р н а к Б. Л. Т. 5. С. 159).

Читатели 1920-х гг. воспринимали П. и О. М. как поэтов близких и родственных, несмотря на разницу их поэтич. пути (футуристич. истоки П. и символистские О. М.). В творчестве П. и О. М. родилась «безоговорочно новая логика стиха», отрицающая старый принцип рациональной связи мотивов (Г и н з б у р г. С. 216). Имена П. и О. М. воспринимались в паре и рус. эмигрантами, продолжавшими интересоваться новейшей поэзией Советской России. По восп. Адамовича, на лит. вечерах за границей чтение стихов О. М. часто продолжалось чтением стихов П. (А д а м о в и ч Г. В. Несколько слов о Мандельштаме // Мандельштам и его время. С. 188–189). Парадокс о «видимой близости» О. М. и П. (Т ы н я н о в Ю. Н. Промежуток // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 187) вошел в обиход: «Матери обоих были профессиональными пианистками. Жены обоих занимались живописью <...> Обоих поэтов упрекали во внешней технической изощренности, маскирующей внутреннюю пустоту» (Л е к м а н о в. 2003. С. 106). Даже во враждебном отзыве (1938) П. А. *Павленко* на воронежские стихи О. М. содержалось характерное сопоставление: «Язык стихов сложен, темен и пахнет Пастернаком» (П а в л е н к о П. А. О стихах О. Мандельштама // «Сохрани мою речь»-1. С. 59). Возможно, именно обилие параллелей заставило П. отнестись и к О. М., и к его стихам «чрезвычайно доброжелательно, но и с определенной долей настороженности» (Л е к м а н о в. 2003. С. 107).

Летом и осенью 1924 П. и О. М. виделись в Ленинграде (семья П. жила на даче в Тайцах, а О. М. занимал квартиру на Морской ул.; о визите сюда П. см.: Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 178). В стих. О. М. «1 января 1924 г.» строка «Присягу чудную четвертому сословью» восходит к «1 Мая» П. (1923): «О том, что не быть за сословьем четвертым / Ни к пятому спуска, ни отступа вспять» (см.: R o n e n. P. 315–316). После отъезда П. регулярно переписывался с О. М. и обращался с просьбами о помощи в публикации своих работ, плохо представляя себе ситуацию и надеясь на несуществующее влияние О. М. в издат. кругах. О. М. безуспешно пытался содействовать изданию переводов П. из Г. Гервега («Стихи живого человека») в антологии «Революционная поэзия Запада» (вышла в 1930).

Зимой 1924 О. М. и П. встретились на похоронах В. И. Ленина, о чем вспоминала Н. М. (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 223). В нач. 1925 П. сообщал О. М. о своей работе над ром. в стихах «Спекторский» и послал ему рукопись 1-й гл. (письмо от 31.1.1925), весной–летом 1924 П. подарил О. М.

сб. своей прозы «Рассказы». В том же году вышел в свет «Шум времени» О. М., о к-ром П. отозвался: «“Шум времени” доставил мне редкое, давно не испытанное наслажденье» (письмо от 16.8.1925: Пастернак Б. Л. Т. 5. С. 171). В стих. О. М. «Я буду метаться по табору улицы темной...» (1925) Тарановский видит пастернаковскую параллель: образ «ветки черемухи», по его мнению, восходит к стих. П. из кн. «Сестра моя жизнь» «Девочка» и «Ты в ветре, веткой пробующем» (Taranovsky. 1976. P. 80).

Тогда же П. и О. М. высказывают противоположные мнения о совр. романе. П. удивлялся: «Отчего Вы не пишите большого романа? Он Вам уже удался. Надо его только написать» (письмо от 16.8.1925: Пастернак Б. Л. Т. 5. С. 172). Сам П. уже давно делал подступы к роману, считая его своим жизн. призванием («Детство Люверс», 1922). В т. ч. и жанр «Спекторского» П. определял как «роман в стихах». О. М., напротив, видел в романе исчерпавшую себя форму: «Человек без биографии не может быть тематическим стержнем романа» («Конец романа», 1922: 2. С. 274). По его мнению, роман гибнет из-за «распыления биографии как формы личного существования» (Там же. С. 273). Гл. темой ром. «Доктор Живаго» П. стали через 30 лет именно сломанные судьбы и неудавшиеся биографии его современников.

В течение следующих неск. лет О. М. виделся с П. эпизодически, проездами бывая в *Москве*. В 1928 П. восторженно отозвался о кн. О. М. «Стихотворения» (1928), стараясь одноврем. отвлечь поэта от недоброжелат. оценок критики (письмо от 24.9.1928: Пастернак Б. Л. Т. 5. С. 249); упоминал об «устыжающем наслаждении» от чтения стихов О. М., объяснявшимся характерным для П. недовольством собой: в это время он готовил для переизд. стихи 1912–16 («Близнец в тучах», «Поверх барьеров»), к-рые вызывали у него раздражение темными и избыточными фрагментами. В ответ О. М. послал ему кн. своих «Стихотворений» с надписью: «Дорогому Борису Леонидовичу с крепкой дружбой, удивленьем и гордостью за него» (цит. по: Пастернак Е. В., Пастернак Е. Б. Указ. соч. № 2. С. 51).

Отношения двух поэтов изменились в течение рокового для О. М. 1929, отмеченного «делом А. Г. Горнфельда». 14.6.1929 П. писал Н. С. *Тихонову*: «...Мандельштам превратится для меня в совершенную загадку, если не почерпнет ничего высокого из того, что с ним стряслось в последнее время» (Пастернак Б. Л. Т. 5. С. 277). И хотя П. официально встал на сторону О. М. (подписал петицию в его защиту, см.: ЛГ. 1929. 13 мая), но действий О. М. не одобрял и на заседании Конфликтной комиссии (11.6.1929) «признал его виновным» (письмо Тихонову от 14.6.1929: Пастернак Б. Л. Там же), т. е. высказался о необходимости подтверждения О. М. моральной ответственности перед А. Г. *Горнфельдом*. О. М. чувствовал себя оскорбленным. Эти обстоятельства способствовали охлаждению, произошедшему между О. М. и П.

Во время своей поездки в Армению летом 1930 О. М. в беседе с Б. С. *Кузиным* говорил о точности детали в стихах П. (см.: Кузин Б. С. Об О. Э. Мандельштаме // Мандельштам и его время. С. 285). Огромное впечатление произвела на обоих поэтов гибель В. В. *Маяковского*. П. откликнулся на нее автобиографич. прозой – «Охранной грамотой», а О. М. – «Путешествием в Армению». Однако фрагмент о Маяковском, первонач. входивший в гл. «Севан», О. М. впоследствии исключил, возможно, стараясь избежать перекличек с «Охранной грамотой». Тем не менее и в окончат. тексте «Путешествия в Армению» нек-рые исследователи находят отзвуки диалога с П. [см.: Кацис Л. Ф. Маяковско-Пастернаковские эпизоды в «Путешествии в Армению» и «Разговоре о Данте» О. Мандельштама: (К проблеме «Вторая проза» «первых поэтов») // RL. Vol. XLI. (1997). P. 465–482].

В нач. 1930-х гг. П. и О. М. разошлись относительно понимания задач творчества. После кризиса, связанного с делом Горнфельда, О. М. вновь начал писать стихи в 1930 – сознат. отщепенство стало гл. тенденцией его поэзии. П. в это время, тоже переживший творч. и личный кризис в нач. 1930-х гг., пытался преодолеть его иным способом: трудом «со всеми сообща и заодно с правопорядком» («Столетье с лишним – не вчера...», 1931). По-видимому, именно к 1931 относятся две заметки о П. в «Записных книжках» О. М., в к-рых возникает титанич. образ П. – поэта, обреченного на молчание: «Набрал в рот вселенную и молчит» (3. С. 371). По мнению Э. Рейнолдса, в стих. О. М. «Волк» (1931) содержатся отсылки к строкам П. из стих. «О, знал бы я, что так бывает» (1931), см.: Reynolds A. W. «Кому не надоели любовь и кровь»: The uses of intertextuality in Mandelstam's «Za gremuchuiu doblest' griadushchikh vekov» // Столетие Мандельштама. С. 136–154.

В 1931 О. М. получил комнату в писательско-жилищном флигеле Дома Герцена. В 1932 в Дом Герцена переехала первая семья П., к-рую он часто навещал. В том же году вышла кн. стихов П. «Второе рождение», гл. настроением к-рой стала попытка ощутить в современности «вкус больших начал» («Когда я устаю от пустозвонства...»). П. говорил в ней о своем открытии – простоте отношения к миру. О. М. не принял новые стихи П. По словам Э. Г. *Герштейн*, он характеризовал их как «советское барокко». Однако в др. месте своих восп. Герштейн приводит восторж. отзыв О. М. – «гениальные стихи!» – о стих. П. «Лето» (1931) (см.: Герштейн. С. 37, 39). О влиянии этого текста П. на стих. О. М. «Сохрани мою речь навсегда...» (1931) см.: Видгоф Л. М. О. Мандельштам в начале 1930-х гг.: выбор позиции // Известия АН: Серия литературы и языка. 2003. Т. 62. № 5. С. 21–32). Резкий по тону текст О. М. «Ночь на дворе. Барская лжа!» (1932) был реакцией на далекие от политики рассуждения П. из стих. «Красавица моя, вся стать...» (см.: Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 229). Это стихотворение, как и большинство текстов «Второго рождения», посв. обстоятельствам семейной драмы П. и попытке оправдать ее поэзией бессмертия («загробный гул корней и лон»). В это время П. активно занимался переводами, стремясь т. о. обеспечить две семьи. О. М., сам много переводивший для заработка, был идеологич. противником лит. переводов. А. А. *Ахматова* вспоминала, как он говорил П.: «Ваше полное собрание сочинений будет состоять из двенадцати томов переводов и одного тома Ваших собственных сочинений» (Ахматова. С. 136).

Однако, несмотря на все несовпадения, поэзия П. была по-прежнему актуальна для О. М. Так, в «Разговоре о Данте» (1933) содержится реминисценция из раннего стих. П. «Весна»-I (1914): образ поэзии – «влажной губки» восхо-

дит к стиху П. «Поэзия! Греческой губкой в присосках / Будь ты...» (Ronen. P. 162).

10.11.1932 П. посетил закрытый творч. вечер О. М. в ред. «Литературной газеты». «Зрелище было величественное. Мандельштам, седобородый патриарх, шаманил в продолжение двух с пол<овиной> часов. Он прочел все свои стихи (последних двух лет) – в хронологическом порядке! Это были такие страшные заклинания, что многие испугались. Испугался даже Пастернак, пролепетавший: “Я завидую вашей свободе. Для меня вы новый Хлебников. И такой же чужой. Мне нужна несвобода”» [Хардджиев Н. И. Письмо Б. М. Эйхенбауму (цит. по: Эйхенбаум. С. 532)]. Сопоставление с В. В. *Хлебниковым* переводит это высказывание П. из сферы политической в область поэзии. П. имел в виду собств. стремление к классич. ясности «неслыханной простоты». Гениальная «заумь» была ему чужда (ср. характеристику Хлебникова в восп. К. Г. Локса: «Его словесное шаманство привело “заумь” к “безумию”»: Локс К. Г. Повесть об одном десятилетии // Воспоминания о Б. Пастернаке. М., 1993. С. 46).

О. М. неск. раз бывал у П. на Волхонке, где вместе с П. поселилась З. Н. Нейгауз (Пастернак) с детьми. По ее словам: «Он [О. М.] был как избалованная красавица – самолюбив и ревнив к чужим успехам. Дружба наша не состоялась, и он почти перестал у нас бывать» (Пастернак З. Н. Воспоминания. М., 1993. С. 290). С. И. *Липкин* вспоминает, что застал однажды О. М. в плохом настроении: был день рождения П., «но Мандельштамы не были приглашены» (Липкин С. «Угль, пылающий огнем...» // Мандельштам и его время. С. 308). Н. М. подчеркивала холодность П.: «Возможно, что Пастернак не искал отношений с равными и даже не подозревал, что существует равенство. Он всегда чувствовал себя отдельным и особенным» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 247). «...Они не были близки» – характеризует отношения двух поэтов Е. С. Петровых (О. и Н. Мандельштамы. С. 165). С. С. *Аверинцев* говорил о «страстной, неразделенной, драматической влюбленности» О. М. в П. (Аверинцев С. С. Пастернак и Мандельштам: опыт сопоставления // «Быть знаменитым некрасиво...». С. 5).

Однако, по восп. Е. Я. *Хазина*, в нач. 1930-х гг. П. часто вступал с О. М. в «бесконечные взволнованно-отчужденные разговоры» (Пастернак Е. В., Пастернак Е. Б. Указ. соч. № 3. С. 94). «...Обсуждались новые стихи Николая Асеева <...> Помню, с какой великолепной язвительностью разругались в тот вечер Мандельштам с Пастернаком и как рассердился на них Асеев, когда оказалось, что спорят они уже не о его стихах, а о чем-то своем, о чем разговор у них был начат давным-давно», – констатировал современник (Мунблит Г. Н. Рассказы о писателях. М., 1989. С. 52). Очевидно, П. пытался вытащить О. М. из отщепенства – О. М. яростно сопротивлялся.

В 1934 О. М. рассердила реплика П. при посещении последним полученной, наконец, О. М квартиры на ул. Фурманова (Нащокинский пер.): «Ну, вот, теперь и квартира есть – можно писать стихи» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 229). О. М. пришел в бешенство: «Я не могу иметь ничего общего с Борисом Леонидовичем – у него профбилет в кармане» (Гинзбург Л. Я. Из записей 20–30-х гг. // Нева. 1988. № 12. С. 153–154). Состояние «приемлющего интеллигента» (Там же. С. 154) было чуждо О. М. Отчасти как ответ на реплику П. писалось стих. «Квартира тиха, как бумага» (1934). Поэт проклинал полученную квартиру, потому что опасался неминуемой платы, к-рую за нее придется отдать. В этом тексте Ронен отмечал пастернаковский подтекст: «В квартире прохлада усадьбы» («Кругом семенящейся ватой», 1931; Ронен. С. 41).

В это же время О. М. написал стихи о И. В. *Сталине* и в числе прочих прочитал их П., к-рый не одобрил услышанного: «Это не литературный факт, но акт самоубийства...» (Пастернак Е. В., Пастернак Е. Б. Из истории отношений О. Мандельштама и Б. Пастернака // Knjizevna storma. 1985. № 57/58. С. 111). После ареста О. М. в ночь с 13 на 14.5.1934. П. обратился за помощью к Д. *Бедному*, а получив от него отказ, – к Н. И. *Бухарину*. К своей записке Сталину об О. М. Бухарин сделал постскриптум: «Б. Пастернак в полном умопомрачении от ареста Мандельштама» (цит. по: ВЛ. 2003. Июль–Авг. С. 239). На письмо Бухарина Сталин наложил резолюцию: «Кто дал им право арестовывать Мандельштама? Безобразие...» (цит. по: Там же. С. 240).

Очевидно, благодаря ходатайству П. и Ахматовой, в следствии по делу О. М. наступил перелом, появилось предписание «изолировать, но сохранить». Вскоре после этого состоялся звонок Сталина П. Существует неск. версий разговора П. со Сталиным, их приводят в своих восп. З. Н. Пастернак, О. В. Ивинская, З. А. Масленникова, Вильям-Вильмонт, Г. Н. фон Мекк [Фон Мекк Г. Н. Такими я их помню // «Сохрани мою речь»-3(2)], Герштейн. Чтобы избежать кривотолков в связи с клеветой, пущенной Э. Триоле (ст. Триоле «Пастернак и Маяковский»: Lettres Françaises. 1958. 3–9 июля; ср.: Ахматова. С. 138), П. в 1958 сам передал содержание своего разговора Р. О. *Якобсону*, В. В. Иванову, М. Окутюрье, Масленниковой и Е. Б. Пастернаку. По свежим следам разговор был записан Ахматовой и Н. М. В нач. разговора Сталин сообщил, что дело О. М. пересматривается и с ним все будет хорошо, а также спросил, почему П. не обратился с ходатайством за О. М. в писат. организации. П. ответил: «Писательские организации не занимаются такими делами с 27-го г., а если бы я не хлопотал, вы бы ничего не узнали». «Но ведь он ваш друг?» – спросил Сталин. П. ответил, что поэты, как женщины, ревнуют друг к другу. «Но ведь он же мастер, мастер!» – продолжал Сталин. П. ответил: «Не в этом дело». П. боялся, что Сталин пытается выяснить, известны ли ему крамольные стихи О. М. и насколько широко они разошлись. «Да что мы все о Мандельштаме, да о Мандельштаме, я давно хотел с вами встретиться и поговорить серьезно». – «О чем же?» – «О жизни и смерти». Сталин повесил трубку (изложено по: Пастернак Е. В., Пастернак Е. Б. Координаты лирического пространства. № 3. С. 95). П. пробовал вновь соединиться со Сталиным, но попал на секретаря. Сталин трубку больше не взял (о разговоре со Сталиным см.: Кацис Л. Ф. К поэтическим взаимоотношениям Б. Пастернака и О. Мандельштама // Пастернаковские чтения. С. 267–287). Хотя, по словам П., ему никогда не хотелось ни слова изменить в этом разговоре, его задел открыто лицемерный упрек Сталина в том, что он плохо защищал своего друга. «Однажды Вы упрекнули меня в безразличии к судьбе товарища», – писал он Сталину 1.11.1935 в письме в защиту Н. Н. *Пунина* и Л. Н. *Гумилёва* (ПСС с приложениями. Т. 9. М., 2005. С. 55). Исследователи датируют разговор П. со Сталиным 13 июня, днем получения изве-

стия о пересмотре дела, однако в письме к Е. В. Пастернак 11.6.1934 П. намекал на загадочное обстоятельство, задержавшее его в Москве и помешавшее приезду на дачу. Вероятно, речь шла о разговоре со Сталиным, к-рый состоялся на неск. дней раньше и послужил одним из обстоятельств, способств. пересмотру (см.: «Существованья ткань сквозная»: Б. Пастернак: Переписка с Е. Пастернак... С. 389).

По восп. Н. М., О. М. на следствии не назвал П. среди людей, слышавших стихи о Сталине. Уже в ссылке узнав о разговоре П. со Сталиным, О. М. заволновался: «Зачем запутали Пастернака? Я сам должен выпутываться – он здесь ни при чем...» (Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 227). Ответы П. во время разговора со Сталиным понравились О. М., особенно его отказ говорить о мастерстве [«дело не в мастерстве» (Там же)]. Смысл разговора О. М. видел в том, что Сталин хотел распространения сведений о милости, проявл. к нему. Со своей стороны П. широкой огласки разговора избегал, понимая, как «легко поддается этот факт эксплоатации, даже помимо воли заинтересованного, то есть в такую линию искусственной легкости можно попасть, этого не скрыв» (Пастернак Б. Письма к родителям и сестрам. С. 98).

О. М. упоминается в письме П. к О. Г. Петровской-Силловой (22.2.1935) в связи с Хлебниковым и давним разговором о поэтич. свободе: «Мандельштамам кланяйтесь. Они замечательные люди. Он художник неизмеримо больший, чем я. Но, как и Хлебников, того недостижимо отвлеченного совершенства, к которому я никогда не стремился. Я никогда не был ребенком, – и в детстве, кажется мне. А они... Впрочем, верно, я несправедлив» (Пастернак Б. Л. Т. 5. С. 355). В февр. 1936 П. участвовал в работе 3-го пленума правления СП в Минске. На заключит. банкете П. в частной беседе предложил тост за О. М.: «Выпьем за прекрасного поэта!» [Гыдов В. Н. О. Мандельштам и воронежские писатели: (По воспоминаниям М. Я. Булавина) // «Сохрани мою речь»-2. С. 35].

Вскоре после этого П. вместе с Ахматовой предприняли попытку облегчить участь О. М., решившись на разговор с прокурором Р. П. Катаньяном. Они просили о «переводе в какой-нибудь другой город» (Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 223). П. сказал, в частности: «Как можно арестовывать такого прекрасного поэта, такого далекого от политики. Тогда и нас всех надо арестовать» (Пастернак Е. В., Пастернак Е. Б. Координаты лирического пространства. № 3. С. 96). «Но тогда уже начался террор, и все было напрасно» (Ахматова. С. 140). Сложившись, П. и Ахматова послали О. М. 1000 руб., что позволило ему уехать из Воронежа, снять дачу и провести лето в Задонске. В ответном письме от 28.4.1936 О. М. высказал опасение, что больше никогда не увидит П., и предлагал навестить его в ссылке (4. С. 171).

В апр. 1936 в журнале «Знамя» напечатано стих. П. «Все наклоненья и залоги...», 2-я ч. к-рого (изначально – самостоят. текст) может читаться как диалог с О. М. В стихотворении утверждалась необходимость просто и открыто говорить с миром, не уходя в сложную область запутанных ассоциаций и вокализма (см.: Левин Ю. И. Заметки к стихотворению Б. Пастернака «Все наклоненья и залоги...» // «Быть знаменитым некрасиво...»: С. 67–76; Кацис Л. Ф. Эсхатологизм и байронизм позднего Мандельштама // Столетие Мандельштама. С. 128–130). На публикацию в «Знамени» О. М. отозвался восторженно. С. Б. *Рудаков*, не принимавший поэзию П., писал жене: «Как и ждал, у Мандельштама судороги от восторга (“Гениально! Как хорош!”) <...> Стихи у Пастернака глубочайшие, о языке особенно... Сколько мыслей...» (Мандельштам в письмах Рудакова. С. 178). Стихи П. словно вернули О. М. творч. силы: после 8-мес. перерыва он снова начал писать. «Из своих современников Мандельштам больше всех ценил Пастернака, которого постоянно вспоминал», – свидетельствовала Н. Е. *Штемпель* (Штемпель. С. 32). Поздравляя П. с Новым годом, О. М. писал ему: «Когда вспоминаешь весь великий объем вашей жизненной работы, весь ее несравненный жизненный охват – для благодарности не найдешь слов» (письмо от 2.1.1937: 4. С. 174). Судя по всему, в это время О. М. читал все выходившее из-под пера П. – не только оригинальные произведения, но и переводы. Так, в финале «Оды» (1937) О. М. использовал конечную рифму из перевода П. стих. Н. Мицишвили «Сталин» (1934): «Будь гордостью еще особой нам / И нашей славой, человек из стали» (Гаспаров М. Л. Метрическое соседство «Оды» Сталину // Столетие Мандельштама. С. 108).

В 1937 Н. М привезла из Воронежа на чтение и отзыв П. стихи 2-й воронежской тетради. В разговоре с ней П. подтвердил собств. определение иск-ва как «дерзости глазомера»: «Я хотел принести в поэзию мастерство почти слесаря. У меня рабочие руки» (Пастернак Е. В., Пастернак Е. Б. Координаты лирического пространства. № 3. С. 97). П. вместе с Н. М. подробно разобрал тексты О. М., восхищаясь «чудом становления книги» стихов (Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 269) и слышавшимся в них голосом прозы («главное в поэзии – это проза»: Пастернак Е. В., Пастернак Е. Б. Координаты лирического пространства. № 3. С. 97). Тогда же П. послал О. М. в Воронеж записку со своим отзывом о стихах: «В самых счастливых вещах (а их немало) внутренняя мелодия предельно матерьялизована в словаре и метафорике, и редкой чистоты и благородства» (весна 1937; см.: Там же. С. 97).

Весной 1937, после окончания срока ссылки, О. М., лишенный моск. прописки, поселился в *Савелове* под Москвой, часто приезжал в столицу и неск. раз посещал П. в *Переделкине* (Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 391).

После гибели О. М. между П. и Н. М. сохранились теплые отношения. П. навещал Н. М. в Лаврушинском пер., где она подолгу жила у В. Г. *Шкловской-Корди*. Н. М. писала, что П. был «единственный человек», к-рый пришел к ней, «узнав о смерти» О. М. (Там же. С. 155). При переводе «Гамлета» У. *Шекспира* в кон. 1930-х гг., П., возможно, вспомнил неск. мандельшт. образов: 1-я сцена 5-го акта – «Стоило ли давать этим костям воспитание, чтобы потом играть ими в бабки?» [«А в Угличе играют дети в бабки...» – «На розвальнях, уложенных соломой», 1916 (указано в: Ronen. P. 155); «Дети играют в бабки позвонками умерших животных» – «Нашедший подкову», 1923 (устное наблюдение Ю. Л. Фрейдина)]; очевидно, аллюзия на О. М. содержится и в 5-й сцене 1-го акта: «Век вывихнул сустав. Будь проклят год, / Когда пришел я вправить вывих тот» («Век», 1922).

В нач. 1946, когда рухнули надежды на послевоен. изменение внутр. полит. ситуации в СССР, П. вспоминал об О. М. в письме к Н. М. в связи с переменой собств. мировоззрения: «...Теперь мне больше нельзя оставаться и тем, что

я есть, и как недостает мне сейчас Осипа Эмильевича, он слишком хорошо понимал эти вещи, он, именно и сгоревший на этом огне!» (Пастернак Б. Л. Т. 5. С. 448).

Через 20 лет после смерти О. М. в автобиогр. очерке П. причислил его к тем поэтам, к-рые умели писать без «побрякушек» и «выкрутасов» и к-рых, в силу приверженности новому стилю, он сам недооценил (4. С. 339).

Соч.: Собр. соч.: В 5 т. М., 1992; Письма к родителям и сестрам. Stanford, 1998. Vol. 18, 19; Полн. собр. соч. с приложениями: В 11 т. М., 2003–05.

Источники: Вильям-Вильмонт Н. Н. О Б. Пастернаке: Воспоминания и мысли. М., 1989; Ивинская О. В. Годы с Б. Пастернаком: В плену времени. М., 1992; Штемпель; Воспоминания о Б. Пастернаке. М., 1993; Пастернак З. Н. Воспоминания. М., 1993; О. и Н. Мандельштамы; «Существованья ткань сквозная»: Б. Пастернак: Переписка с Е. Пастернак, доп. письмами к Е. Б. Пастернаку и его воспоминаниями. М., 1998; Герштейн; Масленникова З. А. Б. Пастернак: Встречи. М., 2001; Н. Я. Мандельштам. Т. 1, 2;

Лит.: Видгоф; Материалы о Мандельштаме; Эйхенбаум Б. О литературе: Работы разных лет. М., 1987; Мунблит Г. Н. Рассказы о писателях. М., 1989; Пастернак Е. Б. Б. Пастернак: Материалы для биографии. М., 1989; Они же. Координаты лирического пространства // ЛО. 1990. № 2, 3; Гинзбург Л. Я. Претворение опыта. Рига; Л., 1991; «Быть знаменитым некрасиво»: Пастернаковские чтения. М., 1992. Вып. I; Поляновский Э. Гибель О. Мандельштама. СПб., 1993; Столетие Мандельштама; Мандельштам и его время; Видгоф; Материалы о Мандельштаме; «Сохрани мою речь»-1; «Сохрани мою речь»-2: «Сохрани мою речь»-3(2); Адамович Г. В. С того берега. М., 1996; Пастернаковские чтения. М., 1998. Вып. II; Миры и столкновенья О. Мандельштама. М.; СПб., 2001; Ронен О. Поэтика О. Мандельштама. СПб., 2002; Лекманов. 2003; Флейшман Л. С. Б. Пастернак в двадцатые годы. СПб., 2003; Taranovsky K. Mandel'stam's Monument Not Wrought by Hands // California Slavic Studies. Vol. 6. 1971; Idem. Essays on Mandel'stam. Camb.; Mass.; L., 1976; Ronen O. An approach to Mandelshtam. Jerusalem, 1983.

А. Ю. Сергеева-Клятис.

ПЕРЕДЕЛКИНО, подмоск. дачный поселок на р. Сетуни, по Киевской ж. д. В 1935 здесь, в сосновом бору, был осн. дачный поселок СП (первонач. состоял из 24 коттеджей) – т. н. «Городок писателей». Первонач. из близких или знакомых О. М. писателей в П. жили Б. Л. *Пастернак*, И. Э. *Бабель*, Б. А. Пильняк, В. В. *Вишневский*, В. В. Иванов, И. Л. *Сельвинский*, К. А. *Федин*; позднее – К. И. *Чуковский*, В. П. *Катаев*, В. А. *Каверин*, В. Ф. Асмус, А. А. Фадеев и др. Мн. из упомянутых писателей, в т. ч. Пастернак и Чуковский, похоронены на местном кладбище.

В 1930 О. М. и Н. Я. *Мандельштам* отдыхали в переделкинском детском санатории. В 1936 Н. М. привозила в П. Пастернаку последние стихи О. М.

Лит.: Шилов Л. Пастернаковское Переделкино (из истории городка писателей). М., 1999.

П. М. Нерлер.

ПЕТРАРКА Франческо (Francesco Petrarca; 20.7.1304–18/19.1374) – великий итальянский поэт, писавший на лат. языке и, впервые в истории итал. литературы, на стилистически чистом итальянском; первый в европейской истории гуманист; филолог, изучавший античную литературу.

П. был флорентийцем по крови, но не по рождению. Он появился на свет в Ареццо после того, как его отец был изгнан черными гвельфами из родного города (согласно П. – на основании того же закона, что и *Данте* Алигьери). Молодость провел во французском Авиньоне – новом месте папского престола. Там в 1326 он принял духовный сан и там же 6 апреля 1327, в церкви Св. Клары, встретил ту, которую увековечил под именем Лауры. Согласно так называемой «Книге песен» (“Canzoniere”, 1335–1374), состоящей из сонетов, канцон, баллад, секстин и мадригалов, преимущественно на тему платонической страсти к Лауре, известно, она умерла от чумы в 1348.

В 1337–1353 жил в Воклюзе – имении неподалеку от Авиньона, в уединении. Там он не только выработал свои гуманистические идеалы (гуманистические – в смысле нового, ренессансного, интереса к человеку), но и следовал им, культивируя в себе частного человека. В 1353 переселился в Италию. Флоренции, пригласившей его вернуться и создавшей специально для него университетскую кафедру, он предпочел Милан. Впоследствии жил в Венеции и Падуе. Умер в Аркуа в относительном благоденствии и окруженный беспрецедентной славой.

Сигнатурных эмблем у П. две: Лаура и лавр. Первая – Прекрасная Дама его стихов, второй, иногда идущий в паре с Лаурой (“lauro” того же корня, что и “Laura”), – аллегория славы. Слава была заботой всей жизни П. Завоевав репутацию лучшего поэта своего времени, он первым в истории европейской цивилизации удостоится лаврового венка. Для проведения этой церемонии П. были предложены на выбор разные города. Он предпочел Рим. Увенчание состоялось в 1341 на Капитолийском холме.

П. делал ставку на вергилианскую поэму «Африка», на лат. языке, в гекзаметрах, о Сципионе Африканском (не окончена), однако европейская поэзия (а с сер. XVIII в. – и русская) подхватила сонеты и канцоны его «Книги песен», которые П. называл «безделками», но тем не менее продолжал отделывать до самой смерти. Написанные даже не столько в соревновании с «Новой жизнью», сколько в порядке следования «Божественной комедии» с ее культом Беатриче, ст-ния «Книги песен» отчасти удержали аллегорическую поэтику Данте. В то же время, Прекрасная Дама П., в полном согласии с его гуманистическими идеалами, из аллегории высших ценностей превратилась в смертную женщину, вызывающую у поэта богатейшую гамму психологических переживаний. Другое отличие «Книги песен» П. от сочинений Данте – стилистическое: безупречный итальянский язык, без диалектных слов и латинизмов.

В мандельштамовскую орбиту П. попал не в дореволюционные десятилетия, когда русская литература переживала сильнейшее увлечение «Книгой песен», а только в 1933–1937, благодаря изучению О. М. итальянского языка (1932) и приобретению им тома П. в оригинале. Этим томом было издание “Il Canzoniere di Francesco Petrarca” (Milan, U. Hoepli, 1908) с академическим комментарием Дж. Ригутини и М. Скерилло. О. М. брал его с собой повсюду, включая тюрьму и ссылку. А. *Ахматова*, Н. *Штемпель*, С. *Липкин* и др. вспоминали, что О. М. любил декламировать сонеты П. по-итальянски и разъяснять тонкости их

поэтики. По легенде, идущей от В. Меркулова, в ГУЛАГе перед смертью О. М. читал сонеты П. у костра своим солагерникам.

В отличие от Данте, личность и произведения которого отразились в творчестве Мандельштама в широком объеме и в нетрадиционной трактовке, П. отразился в сильно редуцированном объеме и хрестоматийной трактовке – преимущественно как певец «жара любви» (Илюшин, 1990. С. 367). Асимметрия между мандельштамовской трактовкой Данте и П. захватывает и их Прекрасных Дам. Если Беатриче в творчестве О. М. почти полностью табуируется, так что Данте оказывается проводником «мужественной» и «гражданской», т. е. акмеистической, позиции, то П. понадобился ему как поэт любовного переживания, мастер жанра эпитафии, в т.ч. любовной, и – в одном случае – как блестящий ритор.

Имя «Лаура» упоминается О. М. единожды – при рецензировании трилогии Г. А. Санникова «Восток» (1935): «Санников охотно прибегает к пародии, к едкой лирической иронии. Так, сравнивает он растерявшегося от личных и общественных неудач Кречетова с тенью Петрарки, вздыхающего по Лауре в долине реки Сарги [должно быть: Сорги, т. е. реки, берущей свое начало в Воклюзе, где жил П. – Л. П.], и говорит о “кречетовской луне”» (3. С. 272). В четырех поэтических переводах из «Книги песен», главном вкладе О. М. в русский петраркизм и признанных шедеврах его лирики, Лаура остается неназванной. При этом исходящий от нее «жар любви» усиливается и эротизируется.

От «жара любви» О. М. отклоняется, и то не сильно, в ст-нии «Друг Ариоста, друг Петрарки, Тасса друг...» (1933, 1935): «Друг Ариоста, друг Петрарки, Тасса друг –/ Язык бессмысленный, язык солено-сладкий» (3. С. 72). Здесь П. с его «сладкой» – ит. “dolce” – лирой, а не Данте, что соответствовало бы истории итальянской литературы, хронологически открывает список классиков итал. языка (Струве, 1962. С. 612; Baines, 1976. С. 77). Отдал Мандельштам дань П. и как блестящему ритору. В эпитафии Андрею Белому «10 января 1934» (1934) – «Где первородство? где счастливая повадка? / Где плавкий ястребок на самом дне очей? / Где вежество? где горькая украдка? / Где ясный стан? Где прямизна речей» (3. С. 83) – серия признаков покойного писателя восходит к аналогичной конструкции петрарковского сонета 299 с анафорическим «где» – “ove”, вводящим отличительные черты Лауры, которые мир и поэт утратили с ее смертью (Bonola, 2003. С. 29–73; Панова. 2016а. С. 116–118). Все прочие характеристики итальянского поэта, включая гуманизм, профессиональный интерес к античности, желание славы, мандельштамовская трактовка П. игнорирует.

Ядро мандельштамовского петраркизма – переводы из «Книги песен». Из раздела «На жизнь Мадонны Лауры» он выбрал сонет 164, а из раздела «На смерть Мадонны Лауры» – еще три: 301, 311 и 319. Переводы выполнялись в Москве в ноябре 1933 – январе 1934. В 1935, находясь в воронежской ссылке и полагая, что перевод сонета 319 утрачен, О. М. перевел его заново, и ныне он существует в двух редакциях, во многом пересекающихся. Эти тексты были опубликованы лишь три десятилетия спустя, сначала в американском Собрании сочинений О. М. под ред.

Франческо Петрарка

Б. А. Филиппова и Г. П. Струве (1962–1967), а затем – в СССР, Н. И. Харджиевым (1973). Тогда же началось их научное осмысление.

Пионером и признанным классиком исследования этих переводов стала И. М. Семенко. В статье «Мандельштам – переводчик Петрарки» (1970) она проанализировала соотношение между мандельштамовским переводом и оригиналом, показав, где и как перевод сохраняет образную, лексическую, фонетическую, композиционную и синтаксическую верность оригиналу, а где от него отклоняется. Кроме того, она первая привлекла внимание к русским подтекстам мандельштамовских опытов (Семенко, 1997а). Во второй своей работе, о черновиках мандельштамовских переводов (1986), И. М. Семенко проследила движение от ранних редакций к окончательной (Семенко, 1997б). Популяризацией ее идей в западной славистике, без отдачи ей должного, стали работы Д. Муредду (Mureddu, 1980, о чем см. Венцлова, 2012 [1997]. С. 129) и Пьеро Каццола (Cazzola, 2005). М. Л. Гаспаров повторно, после И. М. Семенко, обследовал перевод сонета 319, существующий в двух редакциях и по этой причине представляющий текстологическую проблему. Он подсчитал коэффициент лексической точности на всех трех стадиях перевода, и, продемонстрировав его поэтапное понижение, закончил свою статью выводом о том, что О. М. не удовлетворял исторический П. и он создал нового (Гаспаров, 2002. С. 336–337). Тогда же мандельштамовский перевод был проанализирован Анной Бонолой с точки зрения русских источников и жизненных импульсов (Bonola, 2003). В развитие идей И. М. Семенко о месте мандельштамовских переводов в традиции русского петраркизма Д. Муредду и Т. Венцлова сопоставили мандельштамовские переводы сонетов П. с переводами его современников (Юрия Верховского, см. эскизное описание в Mureddu, 1980. С. 75, и Вяч. Иванова, см. статью Венцлова, 2012).

Еще один важнейший параметр обследования мандельштамовских переводов из П. – стиховедческий. Д. Рейфилд, А. А. Илюшин и Т. Венцлова указали на уклонение мандельштамовского 5-стопного ямба с женскими окончаниями в силлабику и связали эту черту со следованием петрарковскому одиннадцатисложнику (Rayfield, 1970. С. 23, для сонета 164; Илюшин, 1990, для всех 4-х сонетов; Венцлова, 2012. С. 134–135, для сонета 311).

Место мандельштамовских переводов из П. на шкале «перевод – оригинальное (авторское) творчество» не получило однозначного осмысления. Прежде всего, как свидетельствовала Н. Я., О. М. «собирался их печатать не среди переводов, а в самом тексте [т. е. корпусе оригинальных ст-ний. – Л. П.], но вполне это решено не было» (Мандельштам Н. Я. Т. 2. С. 749). Далее, эти переводы никак нельзя назвать образной, мотивной, лексической или композиционной калькой с сонетов П. Так, у О. М. пропадают куртуазные лексика и риторика, а также элегичность, присущие оригиналу (Rayfield, 1970. С. 22 и др.). Вместо них появляется сюрреалистическое овеществление *метафор* (Семенко, 1997б. С. 78) и повышенный герметизм, в результате которого П. перестает быть понятным (Илюшин, 1990. С. 376–377). В то же время искажая эти – в сущности, наиболее броские – черты, О. М. сохраняет верность другим – почти незаметным, но оттого не менее значимым: метрике, фонике и ритмико-синтаксическому рисунку (Семенко, 1997а; и др.). Как отмечалось выше, его 5-стопный ямб приобретает силлабическое звучание итальянского одиннадцатисложника. Согласно подсчетам А. А. Илюшина, на 56 строк 4-х сонетов приходится 8 хориямбических, а «Промчались дни мои...» существует в двух редакциях: ямбической и силлабической (Илюшин, 1990). Согласно наблюдениям И. М. Семенко, О. М. старается соблюсти тематические контуры строф, а также поддерживает фонику оригинала (Семенко, 1997а, б). Внимание к структурным особенностям оригинала отвечает той программе перевода, которую О. М. сформулировал в «<Потоках халтуры>» (1929): «Перевод – ...это создание самостоятельного речевого строя на основе чужого материала»; он требует «филологического чутья, большой словарной клавиатуры, умения вслушиваться в ритм, схватить рисунок фразы, передать ее – всё это при строжайшем самообуздании. Иначе – отсебятина» (2. С. 511; обсуждается в Mureddu, 1980. С. 64–65).

Взвешивая пропорции сохраненных свойств оригинала и того, что О. М. назвал «отсебятиной», И. М. Семенко пришла к выводу о том, что поэт работал в жанре «вольного перевода» (Семенко, 1997а. С. 121; см. продолжение в Cazzola, 2005. С. 294). Т. Венцлова, в свою очередь, назвал мандельштамовские переводы экспериментальными и антибуквалистскими. Кроме того, он показал, что О. М. «насыщает сонеты Петрарки собственными, острохарактерными “словами-психеями”» (Венцлова, 2012. С. 133–134). Согласно Л. Г. Пановой, подробно проанализировавшей переводы сонетов 164 и 311, они сопоставимы с джазовой импровизацией, варьирующей классическую мелодию. Это значит, что, следуя П. в передаче отдельных структур, образов и риторических фигур, О. М. в то же время вступает с ним в соавторские отношения. Так, в переводе сонета 164, написанного поверх целого ряда образцов античной поэзии, он демонстрирует свое родство с П. тем, что в качестве подтекста привлекает свою собственную казиантичную элегию «Tristia» (Панова, 2017), а в переводе «соловьиного» сонета 164 задействует лексику различных стилистических регистров, указывая тем самым на Бориса *Пастернака* – по меркам О. М., образцового русского поэта-соловья (Панова, 2015).

В исследованиях мандельштамовских переводов из П. много внимания привлекалось к возможным причинам их отклонений от оригинала. Одна причина – недоверие к поэтическим переводам. Мемуарное свидетельство С. И. *Липкина* донесло до нас аргументацию О. М. против переводимости П.: «– Его сонеты скучно переводят пятистопным ямбом или театральным александрийцем, и беззаконная страсть монаха превращается в переводах в адвокатскую напыщенность. Послушайте его почти уличную итальянскую речь. // Он прочел несколько сонетов Петрарки в подлиннике, один или два наизусть, другие – глядя в книгу, прочел так, как обычно читал собственные стихи. То было почти пение. // – Мне кажется, – сказал я, имея в виду размер – что русской кальки не получится. // – И пусть не получается! Вообще стихи переводить не надо. В переводе можно читать только прозу, стихи следует читать только в подлиннике» (Липкин, 2008. С. 33–34; Петрарка в русской литературе, 2006. Т. 2. С. 146). Вразрез с этой устно высказанной программой О. М. не только переводил сонеты Петрарки, но и использовал 5-стопный ямб.

Другая мотивировка отклонений – разрыв с традицией русского петраркизма, в XVIII–XIX вв. представленной А. П. Сумароковым, Г. Р. Державиным, К. Н. Батюшковым и мн. др., а в начале XX-го – Вяч. Ивановым, Ю. Верховским и др. (Семенко, 1997а. С. 106–107; Mureddu, 1980. С. 75; Франческа Петрарка, 2004; Cazzola, 2005. С. 293–294; Петрарка в русской литературе, 2006, см. особенно предисловие И. А. Пильщикова «Петрарка в России (Очерк истории восприятия)», Т. I. С. 15–40). Как показала И. М. Семенко, Мандельштам постарался снять с П. академический лоск, чтобы он не походил на своих эпигонов – петраркистов (Семенко, 1997а. С. 107). В развитие идей И. М. Семенко Т. Венцлова указывает на идиосинкратический фонетический уровень мандельштамовских переводов. Если К. Н. Батюшков завещал русским переводчикам П. обходиться без русских «варварских» звуков, а именно шипящих и стечений согласных, а такой последовательный петраркист, как Вяч. Иванов, этим заветам следовал, то О. М. вопреки сложившемуся канону насыщает свои переводы «щелканьем», скоплениями согласными – правда, сохраняя (особенно в рифмах, начале сонетов и строф) и верность звуковой матрице оригинала (Венцлова, 2012. С. 135–136).

Применительно к переводам О. М. из «Книги песен» Т. Венцлова поставил вопрос о том, какую переводческую школу они представляют. В связи с сонетом 311, переведенным сначала Вяч. Ивановым, а затем О. М., ученый отмечает появление в Серебряном века двух переводческих эстетик: субъективной, Анненского–Пастернака (когда перевод осуществляется с явными отступлениями, мотивированными творческой позицией самого переводчика), и объективной, Брюсова–Гумилева (или, в идеале, научной реконструкции оригинала). Придерживаясь теоретических высказываний Вяч. Иванова и О. М. о переводе, Т. Венцлова отнес Вяч. Иванова к первому направлению, а О. М. – ко второму (Венцлова, 2012). Высказывалась и противоположная точка зрения, основанная на представленной О. М. практике переводов из П.: О. М. продолжил субъективные начинания Вяч. Иванова (Панова, 2015. С. 392–396).

Еще одна причина перекройки П. называлась Н. Я. В переводе сонеты сменили адресата: вместо Лауры им стала Ольга *Ваксель* (1903–1932), любовь Мандельштама 1925 года. В 1932 О. *Ваксель* вместе со своим третьим мужем, норвежским дипломатом, переехала в Осло, где довольно скоро свела счеты с жизнью (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 262–263, 441; Полякова, 1997. С. 176–177; Венцлова, 2012. С. 128, 134; Bonola, 2003). Когда именно известие о ее самоубийстве достигло четы Мандельштамов, не представляется возможным установить (Панова, 2016б. С. 357–365). Судя по тому, что переводившиеся О. М. с ноября 1933 по январь 1934 сонеты П. претерпели сильную эротизацию, а также усиление темы смерти, О. М. вполне мог узнать о смерти бывшей возлюбленной в конце 1933. Другими адресатками переводов в разное время назывались Мария Петровых (Дутли, 2005. С. 272–273; ранее Д. Рейфилд высказал предположение о том, что образ Лауры был перенесен Мандельштамом на изображение Марии *Петровых*, Rayfield, 1970. С. 23) и Ольга Гильдебрандт-*Арбенина* (Muredda, 1980. С. 55–56; об ошибочности такой атрибуции см. Венцлова, 2012. С. 138).

Наконец, вытеснение поэтики П. из мандельштамовских переводов его сонетов связывались с особого рода фильтром – поэтикой О. М. и его картиной мира, импрессионистической в своей основе (Семенко, 1997а, Семенко, 1997б; Илюшин, 1990. С. 380; Венцлова, 2012. С. 133–136). Так, идиллические пейзажи П., тождественные горько-сладким переживаниям лирического героя по линии сладости, но одновременно контрастирующие с ними по линии горечи, О. М. преображает в хаотические, буйствующие и отвечающие силе его собственных любовных переживаний. Далее, если П. в своих сонетах сосредотачивается на напряженной духовной жизни, самоанализе и раздвоенности, то О. М., напротив, акцентирует внешний мир. В его исполнении мир вторит сильнейшему накалу любовной страсти и не менее сильной горечи от потери любимой (Семенко, 1997а. С. 107–108 и др.). Одним из наиболее заметных результатов переписывания П. в своем ключе становится то, что из переводов О. М. пропадает инвариантная петрарковская оппозиция «сладкий–горький» [dolce-amaro] (Семенко, 1997а). Соавторское отношение О. М. к П. позволило мандельштамоведам поставить вопрос о том, как в переводах из «Книги песен» переданы контуры поэтического мира О. М., его поэтика и идиолект (Семенко, 1997б; Венцлова, 2012; Гаспаров, 2002; Панова, 2003. С. 39 сл.; Панова, 2017).

Место переводов из П. в творчестве Мандельштама определила Н. Я.: «Над этими сонетами он работал дольше, чем над другими стихами – массы вариантов и при том на бумаге – в черновиках. Иначе говоря, он чему-то на них, как мне кажется, учился, искал “мастерства”, они как бы ближе к “искусству”, чем другие стихи... [Э]ти сонеты как бы подготовка к стихам о мертвой женщине» (Мандельштам Н. Я., Т. 2. С. 749–750). Речь здесь идет о ст-нии «Возможна ли женщине мертвой хвала?..» (1935), которое, будучи прочитано в контексте «Канцоньере» и четырех мандельштамовских переводов из этого сборника, предстает ничем иным, как петраркистской эпитафией Ольге Ваксель (Панова, 2016 б).

В дантовско-петрарковском каноне выдержана и такая жемчужина любовной лирики позднего О. М., как <Стихи к Н. Штемпель> (1937). В жизни платоническая страсть О. М. к Наталье Штемпель была сродни тому чувству, которое Данте испытывал к Беатриче, а П. – к Лауре. Со слов А. И. *Немировского* известно, что О. М. писал ей письма (не дошедшие до нас), в которых она представала «новой Лаурой». После этой биографической преамбулы уже не покажется удивительным, что в <Стихах к Н. Штемпель> задействована вся гамма художественных средств – от лирического сюжета до отдельных словечек и звукописи, – при помощи которой Данте и П. воспели своих Прекрасных Дам (см. Павлов, 1994. С. 179, о петрарковском эпитете «сладкий»; Панова, 2013, 2016в, с максимально полной экспликацией итальянской топики).

Лит.: Венцлова Т. Вячеслав Иванов и Осип Мандельштам – переводчики Петрарки. (На примере сонета CCCXI) // Венцлова Т. Собеседники на пиру. Статьи о русской литературе. М., 2012. С. 127–139; Гаспаров М. Л. 319 сонет Петрарки в переводе О. Мандельштама: История текста и критерии стиля // Человек – Культура – История. В честь семидесятилетия Л. М. Баткина. М., 2002. С. 323–337; Дутли Р. Век мой, зверь мой. Осип Мандельштам. Биография / Пер. с нем. К. Азадовского. СПб., 2005; Илюшин А. А. Данте и Петрарка в интерпретациях Мандельштама // Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама: Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Комментарии. Исследования. Воронеж, 1990. С. 376–382; Липкин С. «Угль, пылающий огнем...». Воспоминания о Мандельштаме. Стихи, статьи, переписка / Сост.: П. Нерлер, Н. Поболь и Д. Полищук. М.: РГГУ, 2008. 456 с. Павлов М. С. К теме движения в поэзии Мандельштама: семантика шага в стихах к Н. Е. Штемпель // Столетие Мандельштама: Материалы симпозиума. Tenafly, NJ, 1994. С. 173–182; Панова Л. Г. «Мир», «пространство», «время» в поэзии О. Мандельштама. М., 2003; Панова Л. Г. <Стихи к Н. Штемпель> Осипа Мандельштама: к прояснению герметичного сюжета // (Не)музыкальное приношение, или Allegro affettuoso: Сборник статей к 65-летию Б. А. Каца. СПб., 2013. С. 548–565; Панова Л. Г. «Друг Данте и Петрарки друг». Статья 2. Русские трели итальянского соловья (еще раз о 311-м сонете Петрарки в переводе Мандельштама) // Корни, побеги, плоды... Осип Мандельштам и Польша. Кн. 2. М., 2015. С. 364–410; Панова Л. Г. Запоздалая попытка петраркизма в русском модернизме: рецепция «Канцоньере». Статья 2 // Русская литература, 2016 (а), № 1. С. 99–124; Панова Л. Г. Итальянясь, германясь, русея: о любовной эпитафии Мандельштама «Возможна ли женщине мертвой хвала?..» // Услышать ось земную. Festschrift for Thomas Langerak. Pegasus Oost-Europese Studies 26. Amsterdam: Pegasus. 2016 (б). P. 351–398; Панова Л. Г. Стихи Осипа Мандельштама к Наталье Штемпель, или ода неравномерной походке // Звезда, 2016 (в), № 1. С. 128–141; Панова Л. Г. «Друг Данте и Петрарки друг...». Статья 3. Мандельштам – соавтор 164-го сонета Петрарки // Verba volant, scripta manent: Фестшрифт к 50-летию Игоря Пильщикова. Зборник Матице Српске за славистику, № 92, 2017; Петрарка Ф. Сонеты / Сост., комм., предисл. Б. А. Романов. М., 2004; Петрарка в русской литературе / Сост. В. Т. Данченко. В 2-х кн. М., 2006; Полякова С. В. «Олейников и об Олейникове» и другие работы по русской литературе. СПб., 1997; Семенко И. М. Мандельштам – переводчик Петрарки // Семенко И. М. Поэтика позднего Мандельштама: От черновых редакций – к окончательному тексту. 2-е изд. М., 1997 (а). С. 106–

123; Семенко И. М. Мандельштам в работе над переводами сонетов Петрарки // Семенко И. М. Поэтика позднего Мандельштама (От черновых редакций к окончательному тексту) // Семенко И. М. Поэтика позднего Мандельштама: От черновых редакций – к окончательному тексту. 2-е изд. М., 1997 (б). С. 59–81; Струве Г. Итальянские образы и мотивы в поэзии Осипа Мандельштама // Studi in onore di Ettore Lo Gatto e Giovanni Mayer. Roma, 1962. P. 601–614; Bonola A. Traduzione e impulso creativo. Un sonetto di Petrarca nella versione russa di Osip E. Mandel'štam // L'analisi linguistica e letteraria, 11, 2003. P. 29–73; Cazzola P. Osip Mandel'štam, traduttore russo del Petrarca // Cazzola P. Scrittori russi nello specchio della critica XIX–XX secolo. Alessandria, 2005. P. 293–307; Garzonio S. Il petrarchismo in Russia nei secoli XVIII–XX // Petrarca in Europa, 4, t. 2. Bologna, 2004. P. 601–628; Mureddu D. Mandel'štam and Petrarch // Scando-slavica, tomus 26, 1980. P. 53–84; Rayfield D. A Winter in Moscow (Osip Mandel'shtam's poems of 1933–34) // Stand 14, 1970, nº. 1.1. P. 18–23.

Л. Г. Панова

ПЕТРОВ Сергей Владимирович (7.4.1911, Казань – 31.10.1988, Ленинград), поэт, переводчик, прозаик. В 1931 окончил ист.-филол. ф-т Ленингр. ун-та. Специализировался на скандинав. языках, преподавал в вузах швед. яз. В 1930-е гг. вместе с А. М. Шадриным, С. П. *Рудаковым*, Д. Д. Обломиевским и Б. В. *Томашевским* входил в содружество «ШПРОТ» (назв. составлено из первых букв их фамилий). П. присутствовал на вечере О. М. 22.2.1933 в Капелле; в ту же ночь был арестован по обвинению в нем.-фашистском заговоре (донос был написан женой писателя М. Ф. Чумандрина). После кратковрем. пребывания в тюремном заключении сослан в Красноярский край. В нач. 1938 арестован повторно. До 1954 жил в Сибири (г. Бирилюссы Красноярского края, затем Ачинск), работал учителем, лесником, счетоводом. В 1954 поселился в пос. Спирово Калининской обл., с 1955 – в Новгороде, где преподавал в Пед. ин-те. С кон. 1950-х гг. публиковался как поэт-переводчик. С 1964 чл. Ленингр. отд. СП СССР. В 1976 переехал в Ленинград, где переводил швед., нем., франц., польск. и англ. поэзию.

Как поэт П. сформировался еще в 1930-х гг., но расцвет его творчества приходится на 2-ю пол. 1960-х и 1970-е гг., когда он сблизился с молодыми ленингр. поэтами, участвовавшими в андеграундном лит. движении (Е. Шварц и др.) и сам публиковался в *самиздате* (под псевд. «Ярослав Азумлев» и «П. Каменев»). В частности, в журнале «Часы» № 19 (1979) была опубл. его ст. «Осип Мандельштам» (под псевд. «П. Каменев»). Начиная с 1983 стихи П. печатались в периодич. изданиях, в 1997 в С.-Петербурге вышла его первая кн. «Избранные стихотворения». В ранних стихах П. заметно влияние О. М. По свидетельству А. А. Петровой, вдовы П., «святую троицу» любимых поэтов П. составляли О. М., Р. М. Рильке и М. И. *Цветаева*.

В. И. Шубинский.

ПЕТРОВЫХ Мария Сергеевна [13(26).3.1908, пос. Норский Посад Ярославской губ. – 1.6.1979, Москва], поэт, переводчик. Еще учась в ср. школе в Ярославле, вступила в ярославский Союз поэтов. В коллективном сб. стихов «Ярославские понедельники» (1926) были напечатаны два стихотворения П. После окончания школы в 1925 П. переехала в Москву, где поступила на Высшие лит. курсы. Училась вместе с А. А. *Тарковским*, добрые отношения с к-рым сохранила на всю жизнь. Учебу на курсах не завершила, т. к. они были закрыты; в 1930 П. экстерном окончила лит. ф-т МГУ. В 1928 познакомилась с Б. Л. *Пастернаком*, в 1933 – с А. А. *Ахматовой*. С 1927 по 1934 П. была замужем за П. А. Грандицким, специалистом по сельскому хозяйству, позднее профессором; в 1935 вторым мужем П. стал филолог В. Д. Головачев (погиб в заключении в 1942). В 1934 П. по совету Г. А. *Шенгели* занялась худож. переводом поэзии (с литовск., польск., еврейск., болгарск., индийск. и др. языков, но особенно – с армянского).

В 1942 вступила в СП; однако рукопись сборника стихов П., представленная в изд-во «Советский писатель», одобрения не получила. Первый (и единств. прижизн.) сб. поэзии П. – «Дальнее дерево» – вышел только в 1968 в Ереване. За ним последовали «Предназначенье» (М., 1983), «Черта горизонта» (Ереван, 1986), «Костер в ночи» (Ярославль, 1991) и «Избранное» (М., 1991). «Малопишущий» и очень требовательный к себе автор, П. создала всего немногим более 150 стихотворений. Ее поэзию любили и ценили Пастернак и Н. А. *Заболоцкий*, а стих. «Назначь мне свиданье на этом свете...» Ахматова в интервью 1965 назвала «шедевром лирики последних лет» («Грядущее, созревшее в прошедшем»: (Беседа с Анной Ахматовой) // ВЛ. 1965. № 4. С. 187).

П. с О. М. и Н. Я. *Мандельштам* познакомила Ахматова: «Мандельштамы относились к ней серьезно. Осип Эмильевич... признал ее хорошей переводчицей стихов» (Герштейн. С. 48). Сама Ахматова писала об этом так: «В 1933–34 гг. Осип Эмильевич был бурно, коротко и безответно влюблен в Марию Сергеевну Петровых. Ей посвящено, вернее, к ней обращено стихотворение "Турчанка" (заглавие мое), лучшее, на мой взгляд, любовное стихотворение 20 века. ("Мастерица виноватых взоров...")». Мария Сергеевна говорит, что было еще одно совершенно волшебное стихотворение о белом цвете. Рукопись, по-видимому, пропала. Несколько строк М. С. знает на память» (Ахматова). По свидетельству Н. М., П. «было написано два стихотворения, одно из которых потеряно, и три письма – "о любви и смерти", как сказал Мандельштам. По ее словам, письма она уничтожила» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 233). Зимой 1933/34 О. М. неоднократно посещал П.: «Влюбленность Осипа Эмильевича в Марусю была чрезвычайна, – пишет Е. С. Петровых, сестра П. – Он приходил к нам на Гранатный [Гранатный пер., д. 2/9, кв. 22. – *Авт.*] по три раза в день. Прислонялся к двери, открывавшейся вовнутрь, и мы оказывались как бы взаперти. Говорил он, не умолкая, часа по полтора-два. Глаза вдохновенно блестели, голова – запрокинута, говорил обо всем: о стихах, о музыке, живописи» (Петровых Е. С. С. 150). И П. была нередким гостем О. М. и Н. М., особенно после того, как Мандельштамы переехали в новый дом в Нащокинском пер. П. запечатлена и на сделанных здесь фотографиях. Наряду с Пастернаком и В. Б. *Шкловским*, П. была одним из немногочисл. слушателей на чтении О. М. «Разговора о Данте» у Е. Я. *Хазина* (см.: Герштейн. С. 408). Вместе с П., ее сестрой и Л. Н. *Гумилёвым* О. М. ходил в Консерваторию на «Страсти по Матфею» И. С. *Баха* (см.: Петровых Е. С.

С. 151). Сама П. вспоминала о том, как она читала свои стихи Ахматовой, Пастернаку и О. М.: «...В 1934 году вместе с А. А. Ахматовой и О. Э. Мандельштамом я была приглашена к бывшей жене Б. Л. [Пастернака. – *Авт.*] – Евгении Владимировне (Твер. бульвар, 25). Там я читала и слышала драгоценные слова Б. Л.» (Петровых Е. С. С. 351).

Стих. О. М. «Мастерица виноватых взоров...» датируется 13–14.2.1934; к П. имеют отношение шуточные стих. О. М.: «Мне вспомнился старинный апокриф...», «Марья Сергеевна, мне ужасно хочется...», «Уста запеклись и разверзлись чресла...», «Большевикам мил элеватор...» (1933–1934). Шутливые упоминания Л. Н. Гумилёва и условного «соперничества» между ним и О. М. связаны с тем, что и Гумилёв был тогда увлечен П.

В стих. «Мастерица виноватых взоров...» героиня предстает как воплощение соблазна; ее влекущая прелесть губительна. В то же время говорится о ее слабости и хрупкости («ребрышки худые», «жалкий полумесяц губ»). К П., предположительно, обращено и стих. «Твоим узким плечам под бичами краснеть...» (1934). «Узкие плечи» героини соотносятся с «маленькими плечами» из «Мастерицы виноватых взоров...». Явное чувство вины по отношению к героине стихотворения («Ну а мне за тебя черной свечкой гореть, / Черной свечкой гореть да молиться не сметь») объясняется тем, что О. М. назвал имя П. на допросе после ареста в мае 1934 в числе тех, кому он читал стих. «Мы живем, под собою не чуя страны...». Более того, О. М. указал на следствии на П. как на единств. человека, к-рый записал крамольное стихотворение. О. М. «...сообщил, что у следователя были стихи, они попали к нему в первом варианте со словом “мужикоборец” в четвертой строке: “Только слышно кремлевского горца – душегубца и мужикоборца” // <...> А единственный человек, которому О. М. разрешил записать стихи, имел первый вариант, но, судя по всей жизни, этот человек вне подозрения. Может, кто-нибудь похитил у него эти стихи?» (Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 107, 169). О подозрениях Н. М. упоминает и Э. Г. *Герштейн*: «По Надиным словам, у следователя был список того варианта, который был известен только Марии Петровых и записан ею одной. <...> Она обвиняла Марусю в том, что еще до ареста Мандельштама она забыла на подоконнике машинописный список его “Новых стихов”, подаренный ей Надей» (Герштейн. С. 55). В следств. деле О. М. 1934, однако, текста со строкой «...душегубца и мужикоборца» нет (см.: Нерлер П. Слово и «дело» Осипа Мандельштама: Книга доносов, допросов и обвинительных заключений. М., 2010). П. всегда категорически отрицала, что она записала прочитанное ей О. М. антисталинское стихотворение. Разговор О. М. с Ахматовой в февр. 1936 в Воронеже убедил обоих в невиновности П. в аресте поэта: «Но после того, как Анна Андреевна повидалась с ним в Воронеже и выслушала от него самого историю следствия, подозрения относительно Маруси Петровых были раз навсегда сняты. До самой своей смерти Анна Андреевна встречалась с нею, и дружба их все последующие тридцать лет осталась неомраченной» (Герштейн. С. 55). Не подтверждается и утверждение Е. С. Петровых о том, что во время следствия в 1934 О. М., находясь в состоянии психич. расстройства, специально оговорил П. в надежде, что ее «тоже вышлют в Чердынь, и там в уединении она оценит и полюбит его» (Петровых Е. С. 2005. С. 152–153).

Понимая всю значительность поэзии и прозы О. М., П. признавалась, что О. М. – не самый близкий ей поэт: «Меня поражает и восхищает поэзия Мандельштама, но почему-то никогда не была она “кровно моей”» (Петровых М. С. Избранное. С. 350). П. не оставила восп. об О. М., но собиралась это сделать (Там же. С. 363). Она назвала его имя в стих. «Ахматовой и Пастернака...» (1962): «Ахматовой и Пастернака, / Цветаевой и Мандельштама / Неразлучимы имена. / Четыре путеводных знака – / Их горний свет горит упрямо, / Их связь таинственно ясна. / Неугасимое созвездье! <...> Их правотой наш век отмечен» (Там же. С. 112).

Соч.: Черта горизонта. Стихи и переводы. Воспоминания о Марии Петровых. Ереван, 1986; Избранное. М., 1991.

Источники: Петровых Е. С. Мои воспоминания // Моя родина – Норский Посад. Ярославль, 2005.

Лит.: Мкртчян Л. М. Так назначено судьбой. Заметки и воспоминания о Марии Петровых. Ереван, 2000; Видгоф Л. М. «Но люблю мою курву-Москву»: Осип Мандельштам: поэт и город. М., 2012.

Л. М. Видгоф.

ПЛАТОН (др.-греч. Πλάτων) (428 или 427 до н. э., Афины – 348 или 347, там же), др.-греч. философ. Ок. 407 познакомился с Сократом и стал одним из его учеников, позднее основал собств. школу – «платоновскую Академию», одним из участников к-рой был Аристотель. Центр. место в философии П., не изложенной в единой системе, составляет учение о триаде – трех основополагающих онтологич. субстанциях: едином, уме и душе, к к-рому примыкает учение о космосе. Науч. наследие П. считается гл. интеллектуальным достижением *античности*, оказавшим определяющее влияние на развитие всей зап.-европ. философии.

Прямые указания на факт знакомства О. М. с трудами П. неизвестны, хотя имя его, несомненно, входило в программы преподавания истории антич. философии, прослушанные О. М. в период обучения в *Санкт-Петербургском Императорском университете*. Так, весной 1912 и весной 1914, он, очевидно, посещал лекции по истории древней философии проф. А. И. Введенского, а 7.9.1916 сдавал экзамен по этому курсу проф. И. И. Лапшину; см.: Сальман М. Г. Осип Мандельштам: годы учения в Санкт-Петербургском университете (по материалам Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга) // RL. 2010. Vol. LXVIII. № 3–4. С. 456, 465, 468. Вероятно, О. М. было известно об издании в этот период под ред. проф. Ф. Ф. Зелинского и с его вступит. статьей фрагментов из платоновских произведений в монографии: Педагогические воззрения Платона и Аристотеля / пер. С. В. Меликовой и проф. С. А. Жебелева. Пг., 1916. Источником дополнит. знаний о П. и активизации интереса к его учению могло стать посещение О. М. заседаний *Религиозно-философского общества*, во время докладов и дискуссий на к-рых имя антич. философа звучало многократно (см.: Именной указатель // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907–1917: В 3 т. Т. 3: 1914–1917 / сост. и под-

гот. текста О. Т. Ермишина, О. А. Коростелева и Л. В. Хачатурян. М., 2009. С. 637).

Следы мандельшт. отношения к системе филос. взглядов П. в его худож. мире не отражены; отсутствуют и достоверные биографич. свидетельства на эту тему. Н. Я. *Мандельштам*, комментируя обращенное к ней стих. «Черепаха» («На каменных отрогах Пиэрии...», 1919), отметила: «В России даже сниженное образование начала века было довольно пристойным. Не только Мандельштам, но и я, когда он впервые прочел мне стихи про “выпуклый девичий лоб”, знала диалог Платона, где он уподобляет поэта пчеле, собирающей мед. Это диалог “Ион”, откуда прямо взяты из закромов памяти “мед и молоко”, которые черпаются прямо из рек, и мед, собираемый поэтами – “слепыми лирниками”. Почему знаток Вячеслава Иванова <...> не заметил, что в переводах Алкея и Сафо ничего не говорится о Гомере, слепом лирнике, а именно о нем идет речь в диалоге “Ион”» (Н. М. Т. 2. С. 134); на этот же диалог П. как на один из источников образного строя мандельшт. текста со ссылкой на наблюдение О. Ронена (1968) указывал К. Ф. *Тарановский* (см.: Пчелы и осы: Мандельштам и Вячеслав Иванов // Тарановский К. Ф. О поэзии и поэтике. М., 2000. С. 155). В обоих случаях речь, очевидно, идет о фрагменте: «Вакханки, когда они одержимы, черпают из рек мед и молоко, а в здравом уме не черпают; так бывает и с душою мелических поэтов, как они сами о том свидетельствуют. Говорят же нам поэты, что они летают, как пчелы, и приносят нам свои песни, собранные у медоносных источников в садах и рощах Муз» (Платон. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1 / под общ. ред. А. Ф. Лосева, примеч. А. А. Тахо-Годи. М., 1990. С. 377). В письме к В. В. *Гиппиусу* от 27.4.1908 О. М. вскользь упомянул «мэонизм» (см.: 4. С. 12) – религ.-филос. теорию Н. М. *Минского*, назв. к-рой восходит к платоновскому термину «мэон» («несуществующее»); см.: Мец А. Г. Дополнения // Камень. 1990. С. 342).

Из опосредованных «типологических» параллелей можно указать на симптоматич. ассоциативную связь обобщенного образа платоновских идей с мандельшт. стих. «Адмиралтейство» («В столице северной томится пыльный тополь...», 1913), присутствующую в мемуарной прозе Ю. А. Каменского (1929), одноклассника и, вероятно, близкого друга О. М. по *Тенишевскому училищу*: «Сел на скамейку в Летнем саду. Адмиралтейство еще не закрыто зеленью. Думал о нем и об идеях Платона. Если здание исчезнет, идея останется. И точно увидел Адмиралтейство в идее, она не отделялась от здания, а точно обволакивала его. Как Душа. <...> – А Адмиралтейство, “как плуги брошены, ржавеют якоря, и вот расторгнуты трех измерений узы и открываются священные моря”» (цит. по: Мец А. Г. Осип Мандельштам и его время. Анализ текстов. СПб., 2005. С. 247–248; фрагмент стихотворения процитирован неточно). Очевидно, аналогич. «ассоциативная» связь «художественного образа» О. М. и имени П., вряд ли подкрепляемая реальными обстоятельствами, присутствует в поздней мемуарной прозе И. В. *Одоевцевой* (1967), где содержится следующий мандельшт. комментарий обращенного к О. Н. *Арбениной* стих. «Я наравне с другими...» (1920): «Любовь всегда требует жертв. Помните, у Платона: любовь одна из трех гибельных страстей, что боги посылают смертным в наказание» (Одоевцева И. На берегах Невы: Литературные мемуары. М., 1988. С. 159). Метафорически опосредованную соотнесенность мандельшт. мировоззрения с философией П. отмечал в поздних эссеистич. мемуарах А. С. Лурье: «Как память строит форму в музыке, так история строила форму в поэзии Мандельштама: в ней – музыка чисел и образов, как у Платона и у пифагорейцев, находящаяся вне всякого личного переживания или чувства. Мандельштам жил в трепете и экстазе чужих страстей, никогда не своих, но всегда отраженных страстей» (Лурье А. Детский рай // Воздушные пути. 1963. № 3. С. 170; цит. по: Ахматова А. Поэма без героя / сост. и прим. Р. Д. Тименчика при уч. В. Я. Мордерер. М., 1989 С. 349). В развитие этого замечания А. Г. Мец (Мец А. Г. Комментарий // Камень. 1990. С. 318) видит в стих. «В смиренномудрых высотах...» (1909) отражение платоновской идеи числа как одного из начал, организующих существующий миропорядок (диалог «Числозакония»): «Во всем однообразный смысл / И совершенная свобода: / Не воплощает ли природа / Гармонию высоких чисел?» (1. С. 43). Ему же принадлежит носящее констатирующий характер утверждение о том, что содержащееся в мандельшт. докладе «Скрябин и христианство» [др. назв. – «Пушкин и Скрябин»; сохранившиеся фрагменты в наст. время публикуются как ст. <«Скрябин и христианство»>, 1917(?)] суждение: «Эллины боялись флейты и фригийского лада» (Там же. С. 203), – «восходит к “Государству” Платона и “Политике” Аристотеля» (Мец А. Г. Комментарии // Мандельштам О. ПССиП: В 3 т. Т. 2: Проза / сост. А. Г. Мец, подгот. А. Г. Мец, Ф. Лоэст, А. А. Добрицын, П. М. Нерлер, Л. Г. Степанова, Г. А. Левинтон. М., 2010. С. 493).

С. Г. Шиндин.

ПО (англ. Poe) Эдгар Аллан (19.1.1809, Бостон – 7.10.1849, Балтимор, США), амер. поэт и прозаик, автор т. н. таинственных повестей, рассказов, стихов. О. М., не знавший англ. яз. и читавший прозу П. в переводах, в первую очередь, М. А. Энгельгардта (см.: Лекманов. 2000. С. 679), а поэзию преимущ. в переводах К. Д. *Бальмонта*, воспринимал творчество П. как экзотич. и трудно усваиваемое отеч. культурой: «Россия – не Америка, к нам нет филологического ввозу: не прорастет у нас диковинный поэт вроде Эдгара Поэ, как дерево от пальмовой косточки, переплывшей океан с пароходом. Разве что Бальмонт, самый нерусский из поэтов, чужестранный переводчик эоловой арфы...» (из ст. «О природе слова», 1921–22: 1. С. 225). Отсюда – подчеркнуто загадочные реминисценции из произведений П. в стихах О. М. и частое обращение О. М. к творчеству П. не напрямую, а через посредников, прежде всего, представителей франц. культуры.

Цитаты из новеллы П. «Падение дома Эшер», возможно, присутствуют в загадочном сонете О. М. «Паденье – неизменный спутник страха...» (1912) (Лекманов. 2000. С. 477–479). В следующем году О. М. написал стих. «Мы напряженного молчанья не выносим...» (1913), где новелла «Падение дома Эшер» упоминается и где изображен «кошмарный человек» (В. А. *Пяст*), «по-английски, т. е. на языке, которого Мандельштам не понимал» (Тарановский. С. 33), декламирующий балладу П. «Улялюм» в кабаре *«Бродячая собака»*. В этом стихотворении О. М. «сближа-

Эдгар Аллан По

ет подвал “Бродячей Собаки” с подземельем дома Эшеров, чужеземную арфу пястовской английской декламации – с сердцем-лютней из французского эпиграфа к “Падению дома Эшеров”, да и самого Родерика Эшера – с потомком (по семейной легенде) польского королевского рода Пястов Владимиром Алексеевичем Пястовским» [Тименчик. С. 6; в своей рец. на «Камень» (1916) Пяст одобрительно процитировал стих. «Мы напряженного молчанья не выносим...». См.: Камень. 1990. С. 218]. В стих. О. М. «Я не слыхал рассказов Оссиана...» (1914) также можно обнаружить подтексты из П., теперь уже как знаки «чужого», ставшего «своим». Умение разрушать сложившиеся каноны и находить родственное там, где его, на первый взгляд, нет, – эти черты поэтики П. были близки О. М. (см.: Кшондзер. С. 93–94). Свидетельством того же является и стих. «Соломинка» (1916), посв. С. Н. *Андрониковой*. Источник вереницы загадочных романтич. имен («Ленор, Соломинка, Лигейя, Серафита») в этом стихотворении, по наблюдению Н. И. *Харджиева* (Харджиев Н. И. Примечания // Стих. 1973. С. 272) – французский. Это кн. Т. *Готье* «Шарль Бодлер», где встречается сравнение: «как Лигейя... и Элеонора Эдгара По и Серафита-Серафит Бальзака» [Готье Т. Шарль Бодлер. Пг., 1915. С. 34; о новелле П. «Лигейя» и о его стих. «Ворон» («Ленор» в этом стихотворении – прекрасная муза поэта) как подтекстах «Соломинки» О. М. см.: Кшондзер; Мусатов. С. 169–170; Гаспаров. 2001. С. 306–307; Semmler-Vakareliyska. P. 418–420; особенно: Сегал. С. 414–425, где с творчеством П. связывается еще целый ряд текстов О. М. кон. 1910-х гг.].

В окт. 1925 сам О. М. собирался, прибегнув к посредничеству Н. Я. *Мандельштам* или франц. переложений, перевести неустановл. произведения П. для изд-ва *«Прибой»* и разыскивал «Эдг<ара> По в пере<воде> Бальмонта» (из письма к Н. М. от 15.10.1925: 4. С. 46; см. также: Там же. С. 45, 109; изд. не состоялось).

В нач. строке «Стихов о неизвестном солдате» (1937) О. М. («Этот воздух пусть будет свидетелем») О. Ронен видит реминисценцию из «Силы слов» П. (см.: Ronen. P. 132–133).

Лит.: Тименчик Р. Д. Рыцарь-несчастье // Пяст В. А. Встречи. М., 1997; Сегал; Мусатов В. В. Лирика О. Мандельштама. К., 2000; Тарановский К. Ф. О поэзии и поэтике. М., 2000; Гаспаров М. Л. О русской поэзии. СПб., 2001; Кшондзер М. К. Реминисценции из Эдгара По в лирике О. Мандельштама // Смерть и бессмертие; Ronen O. An approach to Mandelstam. Jerusalem, 1983; Semmler-Vakareliyska C. V. Mandelstam’s «Solominka» // Slavic East Earopean Jornal. 1985. Vol. 29. P. 418–420.

О. А. Лекманов.

ПОДВОЙСКИЙ Николай Ильич [16.2.1880, с. Кунашовка (ныне Нежинского р-на Черниговской обл.) – 28.7.1948, Москва], сов. партийный и воен. деятель. О. М., вероятно, познакомился с П. в кон. марта – апр. 1930 во время пребывания в *Сухуми* на правительств. даче (см.: Нерлер П. Даты жизни и творчества <О. Э. Манндельштама> // 4. С. 452), что нашло отражение в «Путешествии в Армению» (1931–32). До этого в заметке «Магазин дешевых кукол» (1929), представляющей собой рец. на к/ф «Кукла с миллионами» (1928), П. был упомянут в иронич. контексте в связи с образом «профсоюзных юношей в трусиках, стреляющих ногами и руками за здоровье Семашки и Подвойского» (2. С. 504). Данное обстоятельство, очевидно, вызвано фактом пребывания П. в 1920–23 на должности пред. Высшего совета физич. культуры, а в 1921–27 – Спортинтерна. В идентич. контексте образ П. появится и в «Путешествии в Армению»: встреча с ним происходит в санатории, а его первая характеристика иронически вводит мотив здорового образа жизни: «Подвойский произносил нагорные проповеди о вреде курения» (3. С. 196). Одноврем. с этим передаваемый О. М. вопрос П. к нему: «Каково было настроение мелкой буржуазии в Киеве в 19-м году?» (Там же), – содержит отсылку к киевскому топосу, внетекстуально прямо связывающемуся и с рец. на «Куклу с миллионами» (Киев как место ее написания и, возможно, место просмотра фильма О. М.), и с мандельшт. биографией: сочетание Киева с 1919 не может не ассоциироваться с фактом его знакомства с Н. Я. *Мандельштам*. Последнее сближение косвенно подкрепляется дальнейшей характеристикой П., объединяющей «политическую» и «лирическую» образность: «Мне кажется, его мечтой было процитировать “Капитал” Карла Маркса в шалаше Поля и Виргинии» (Там же).

С. Г. Шиндин.

ПОДЖИОЛИ (итал. Poggioli) Ренато (16.4.1907, Флоренция, Италия – 3.5.1963, Калифорния, США), итал. славист, специалист в области рус. поэзии Серебряного века, переводчик О. М. на итал. яз., составитель антологий рус. поэзии и теоретик авангарда. С 1938 в США, где преподавал славистику и сравнит. лит-ведение в разл. ун-тах (с 1947 – в Гарварде). Составитель «Антологии русской поэзии» (Il fiore del verso russo. Torino, 1949).

Соч.: The Phoenix and the Spider. A book of essays about some Russian authors and their view on the self. Camb. Mass., 1957; The poets of Russia, 1890–1930. Camb. Mass., 1960; Teoria dell’arte d’avanguardia. Bologna, 1962.

Лит.: Béghin L. Uno slavista comparatista sotto il fascismo: gli anni di formazione di Renato Poggioli (1928–1938) // Archivio Russo-italiano. № IV. Salerno, 2005. P. 395–446.

С. Гардзонио.

ПОКРОВСКИЙ Вадим Алексеевич [14.10.1909, Торжок Тверской губ. (ныне обл.) – 26.9.1987, Воронеж], воронежский знакомый О. М., поэт, переводчик, педагог, ученый-ги-

гиенист, д-р мед. наук. Публиковался в воронежской периодике. Автор сб. стихов «Славная жизнь» (Воронеж, 1933). Был женат на Ангелине Николаевне Черечукиной, вдове Я. Гершановича, друга К. М. *Гусева*, с к-рым они вместе ходили к О. М. Дружил с Н. Е. *Штемпель* и с молодой поэтессой Ольгой Кожуховой, к-рая также бывала у О. М. Упоминается в двух шуточных стихотворениях О. М., написанных 24.2.1937 («Искусств приличных хоровода...» и «Эта книга украдена...»). В ст. «Искоренить троцкистскую агентуру в литературе и искусстве» характеризовался как поэт, «видевший одно время в стихах Мандельштама образец для своего творчества» (Коммуна. 1937. 18 мая).

П. М. Нерлер.

«**ПОСЕВ. ОДЕССА – ПОВОЛЖЬЮ**», благотворит. лит.-критич. и науч.-худож. сборник, выпущенный в 1921 в Одессе тиражом 5000 экз. Доход от продажи предназначался в помощь голодающим. Среди авторов – М. А. *Волошин*, О. М., Г. А. *Шенгели* (именно он, согласно устным рассказам В. М. Инбер и А. Борисова, составлял поэтич. раздел), Э. Г. *Багрицкий*, Ю. А. Оксман и др. О. М. был представлен в сборнике стих. «Меганон» и «Золотистого меда струя из бутылки текла...», имеющими разночтения с др. изданиями.

Источники: Посев. Одесса – Поволжью: Литературно-критический и научно-художественный сборник. Одесса: Всеукраинское Государственное издательство, 1921.

Е. М. Голубовский.

«**ПРАВДА**», ежедн. обществ.-полит. газета. Осн. в 1912 в С.-Петербурге по инициативе В. И. Ленина; в 1912–14 восемь раз закрывалась, в 1914 была запрещена. После Февр. рев-ции 1917 возобновлена; назв. менялось. После Окт. рев-ции с 27.10(9.11).1917 выходила под назв. «П.»; с 16.3.1918 – в Москве. Орган ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС.

Произведения О. М. печатались в «П.» лишь однажды – очерк «Батум» (3.2.1922). Однако имя О. М. время от времени встречалось на ее страницах: так, в рец. на кн. Б. Гусмана «100 поэтов» (Тверь, 1923), подписанной Б. А., говорилось о неоправданном отсутствии в книге лит. портрета О. М. (19.1.1923), а в анонимном отчете о Всес. совещании пролет. писателей сообщалось о чтении на совещании Г. Лелевичем стихов «попутчиков», в т. ч. и О. М. (3.1.1925). Особого упоминания заслуживает ст. С. Розенталя «Тени старого Петербурга» – обзор произведений, опубл. в № 1–7 журнала *«Звезда»* за 1933 (30.8.1933). В ней грубым нападкам была подвергнута проза О. М. «Путешествие в Армению». К этому времени публикация в «П.» разносной статьи означала высшую степень неблагонадежности критикуемого, и эта статья фактически поставила крест не только на отд. издании этой прозы, но и на публикации в Москве любых др. произведений О. М.

П. М. Нерлер.

«ПРИБОЙ», кооперативное изд-во, образованное в нояб. 1922 по решению Петрогр. комитета РКП(б) на базе изд-ва Коммунистич. ун-та. Выпускало обществ.-полит., социально-экон., уч. лит-ру, книги для самообразования, ряд периодич. изданий (напр., серии «Коммунистический университет на дому», «Народный университет на дому», «Рабфак на дому», «Крестьянская библиотека», «Библиотека для всех», «Новинки пролетарской литературы», «Книжные новинки»; журналы и газеты «Под знаменем коммунизма», «Красная деревня», «Работница и крестьянка», «Юный пролетарий», «Смена», «Ленинские искры» и др.). Являлось вторым в стране по объему выпускаемой книжной продукции после *Госиздата*. Размещалось в Петрограде – Ленинграде на Невском просп., д. 1 (затем – д. 52).

«П.» одним из первых советских и парт. изд-в обратился к выпуску худож. лит-ры, стремясь расширить ряды рабочих-читателей и создать кадры рабочих-писателей. Организованный в апр. 1926 лит.-худож. отдел (руководители В. М. Антик, М. Л. *Слонимский*) издавал гл. обр. произведения совр. писателей (Вс. Вяч. Иванова, Б. А. Лавренева, Н. Н. Никитина, В. М. Саянова, А. Н. *Тихонова*, А. Н. *Толстого*, А. А. *Фадеева*, К. А. *Федина*, О. Д. Форш, И. Г. *Эренбурга* и др.), мн. из к-рых являлись знакомыми О. М. Из переводной лит-ры в изд-ве вышли произведения А. Барбюса, И. Бехера, Э.-Л. Войнич, К. Гамсуна, Дж. Лондона, Э. Синклера и др. «П.» издал неск. сб-ков и альманахов: «Взлет», «Прибой», «Стройка» и др.

В нояб. 1927 «П.» слился в организац. и хоз. отношении с Госиздатом РСФСР (Ленгиз), сохранив при этом свою издат. марку. В дальнейшем (1930) изд-во влилось в систему ОГИЗ.

В 1924 О. М. опубликовал в «Литературно-художественном альманахе для всех», вышедшем в «П.», стих. «Париж» под заглавием «Прабабка городов». Сотрудничество О. М. с «П.» началось осенью 1925, когда поэт в беседе с Д. И. *Выгодским*, входившим в редколлегию «П.», «придумал Эдгара По» (письмо О. М. к Н. Я. *Мандельштам*, <14.10.1925>: 4. С. 44–45), т. е. издание переводов амер. писателя (см. также *По* Э. А.). На следующий день в изд-ве О. М. озвучил свое намерение, к-рое было одобрено (Там же). Еще через день разговор приобрел более предметный характер: «Вопрос с “Прибоем” почти решен: ищу Эдг<ара> По в пер<еводе> Бальмонта, чтоб п о к а з а т ь и м» (письмо О. М. к Н. М., 15.10.1925: Там же. С. 46). Изд-во приглашало поэта к активному сотрудничеству: «Сегодня мне дважды звонили из <“>Прибоя<”> и просят сделать 4 листа Рабле. Завтра ответ на мои условия: 160 р. (половина вперед)» (письмо О. М. к Н. М, 16.10.<1925>: Там же. С. 47). Перевод Ф. *Рабле*, по-видимому, выполнен не был. Между тем О. М. выполнил в 1925–26 перевод книги М. Андерсена-Нексе «“Революция женщины” и другие рассказы», вышедшей в мае 1926 (см.: Там же. С. 51, 54, 55, 58, 380). В переводах принимала участие Н. М. (см.: Там же. С. 55, 57). Также поэт перевел книгу А. Даудистеля «Das Opfer», к-рая под заглавием «Жертва» вышла в «П.» в мае 1926. 22.2.1926 О. М. писал жене: «<“>Прибою<”> очень понравился наш переводик. Они за мной немножко ухаживают, идиотушки. Просят работать» (Там же. С. 67). Гонорары за свою работу в изд-ве О. М. получал аккуратно (см.: Там же. С. 67, 68), и они являлись средством существования для О. М. и больной Н. М., находившейся на лечении. В письме к Н. М. <от 27.2.1926> О. М. констатировал: «Не скрою: я эти дни с л и ш к о м м н о г о р а б о т а л – сделал из работы с п о р т. 2 книги параллельно для Гиза и <“>Прибоя<”> ... Все откладывал на вечер, на “спешное”, а вечером у с т а в а л. ...Этот курьез-

ный <“>Прибой<”> стал для меня вторым Гизом...» (Там же. С. 69). Изд-во гарантировало поэту постоянную работу (Там же. С. 78). «С ними очень легко. Они немудреные», – отмечал О. М. (Там же). В янв. 1927 в «П.» вышел «Тартарен из Тараскона» А. Доде (на титульном листе: Додэ) в переводе О. М.

Известие о назначении Слонимского редактором «П.» внушило О. М. большую уверенность в постоянстве лит. заработков и стабильности отношений с изд-вом (см.: Там же С. 84). Разговор шел даже о постоянной рабочей ставке для О. М. «У меня большая перемена в работе: в Прибое назначен Слонимский, он предлагает мне fixe... Но я хочу... сделать иначе: взять работу от <“>Прибоя<”>... и приехать к тебе», – сообщал поэт жене 3.10.1926 (Там же. С. 85). По обстановке в изд-ве для О. М. «П.» «стал земным раем» (Там же. С. 87). О своих планах сотрудничества с изд-вом О. М. писал Н. М. в нач. нояб. 1926 (Там же. С. 92–93).

В 1928 «П.» выпустил книгу О. М. «Египетская марка». 21.4.1928 был заключен договор с «П.» на издание романа «Похождения Валентина Гаркова» – очевидно, замысел будущей «Египетской марки» (см.: Там же. С. 449). Подготовка изд. отражена в письме О. М. к редактору «П.» Коробовой от 25.6.1928 (Там же. С. 97–98, 390). В нач. сент. книга вышла из печати. В связи с подготовкой книги, затем с ситуацией в «*Земле и Фабрике*», болезнью Н. М., разъездами и переездом в Москву сотрудничество О. М. в «П.» было прекращено.

О. М. написал для «П.» ряд внутр. рецензий. Роман Дудистеля «Закрыто по случаю траура» О. М. квалифицировал как абсолютно не приемлемый для печати: «Болезненная, надрывная книжка, сработанная почти халтурно... Все держится на уголовном романе с патологическим убийством. Тон истерический. <...> Автор явно изменил себе в погоне за остротой и пикантностью» (2. С. 585). Также по рец. О. М. в «П.» была отклонена книга А. Люнеля «Николо-Пеккави»: «В книге много очаровательной выдумки... но тенденция ее... сугубо националистическая. Антикварное, археологическое и фольклорное кружево сплетено тонко и умно. Литературные достоинства блестящи, но решительно не достает объективности в изображении еврейско-провансальской буржуазии... О целеустремленности автора спорить не приходится: он фантазирует на тему о воскресении из мертвых и предлагает чтить, как реликвию – благородную желтую шляпу еврейского гетто. Для “Прибоя” – даже для “Книжных новинок” – не годится» (Там же. С. 586, 648). То же касается и книг К. Ане «Конец одного мира», Ф. Тиса «Врата в мир», А. Машара «Пробуждение пола», романа Л. Перуца и П. Франка «Чудо мангового дерева», книги «Вагонное чтение» (Там же. С. 588, 589, 591). Напротив, социальный памфлет П. Ла Мазьера «Меня похоронят с почетом» заслужил высокую оценку О. М.: «Блестящая, цельная книга. Читается с увлеченьем» (Там же. С. 587, 649), – и был выпущен в «П.» (1927). То же касается и «Открытий» Ш. *Вильдрака*: «Несмотря на свою примитивную бесфабульность <...> эти очерки читаются чрезвычайно легко. Они увлекательны потому, что построены на принципе нарастающего удивления обыденным вещам. <...> Книжка Вильдрака чрезвычайно ценна своим органически культурным подходом к обнаженной проблеме социального общения» (Там же. С. 592–593). Книга вышла в «П.» в 1927, и одно время О. М. сам собирался ее переводить (см.: 4. С. 92–93). После внутр. рец. О. М. был опубл. и роман А. Пулая «Заключение мира», к-рый поэт охарактеризовал весьма однозначно: «Эту книгу следует горячо рекомендовать к переводу, для самого широкого круга читателей, потому что автор обладает редким искусством чисто житейского подхода к людям и обстоятельствам, сохраняя при этом глубину далеко не обывательской мысли» (2. С. 595). Роман вышел в «П.» в том же году. Увидел свет и сб. рассказов «Латинская Америка» (1927). Положит. рец. дал О. М. на перевод романа Р. Коген «Американская ночь», переведенный для «П.» Н. М. (обозначена как Хазина).

В редакции «П.» произошел знаменитый эпизод, когда О. М. отказался подписать коллективное письмо писателей в защиту критиков от нападок РАППа. Письмо основывалось на резолюции ЦК РКП(б) от 18.6.1925 «О политике партии в области художественной литературы», анализирующей ситуацию развития классовой борьбы и положения на «литературном фронте» на тот момент, но одноврем. содержавшей призыв к «мирноорганизаторской работе» между представителями разных писат. группировок (см.: Морозов А. А. Примечания // Н. Я. Мандельштам 1989. С. 411). О. М. решительно воспротивился возможности основывать к.-л. писат. заявление на парт. постановлении. «“В вопросах литературы они должны спрашивать у нас, а не мы у них”, – сказал О. М. в редакции “Прибоя”... В редакции, как всегда, толпилось много народу. Они окружили О. М. Мотивировка отказа, как мы заметили, вызвала самое искреннее недоумение. Для присутствовавших слова О. М. были ветошью из сундуков прошлого, признаком несовременности и отсталости. В искренности их недоумения сомневаться не стоит: я помню удивленное лицо Каверина, собиравшего подписи», – писала Н. М. (Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 246).

Источники: Каталог рабочего издательства Прибой. [Л., 1926]; То же. Л., 1927; Н. Я. Мандельштам 1989.

Лит.: Шомракова И. А. Ленинградское рабочее кооперативное издательство «Прибой» (1922–1927 гг.) // Тр. Ленинградского государственного института культуры им. Н. К. Крупской. Л., 1967. Т. 17. С. 247–63; Зубкова Н. А. Рабочее партийно-кооперативное издательство «Прибой» (1922–1927 гг.) // Книга: Исследования и материалы. М., 1977. Вып. 34; Баренбаум И. Е. Книжный Петербург: Три века истории: Очерки издательского дела и книжной торговли. СПб., 2003. С. 296–298, 362–364.

В. В. Калмыкова.

«ПРИВАЛ КОМЕДИАНТОВ» (первонач. вариант назв. – «Звездочет»), лит.-артистич. кабаре в Петрограде, при Петрогр. худож. об-ве. Организован Б. К. Прониным, стал преемником кабаре *«Бродячая собака»*. Открылся 18.4.1916 (первые объявления в печати – янв. и февр. 1916) в подвале дома Адамини (Марсово поле, 7). Прекратил существование в апр. 1919 (последний спектакль кукольного театра – 3.5.1916). Руководителями «П. к.», помимо Пронина, являлись В. Э. *Мейерхольд* (псевд. «Доктор Дапертутто») и Н. В. Петров (псевд. «Коля Петер»), позднее место Мей-

ерхольда занял Н. Н. *Евреинов*. Роспись на стенах принадлежала Б. Д. Григорьеву, С. Ю. *Судейкину*, А. Е. Яковлеву.

В отличие от «Б. с.», где театр и лит-ра занимали равные позиции, «П. к.» уделял гл. внимание театру, причем «П. к.» – скорее не «кабачок», а театр с регулярными постановками и программой. Здесь ставились представления, близкие эстетике нар. балагана, «театра улиц». «П. к.» «был лабораторией нарождающихся форм театрального искусства начала 1920-х гг.» (Конечный, Мордерер, Парнис, Тименчик. С. 100). О. М. входил в круг завсегдатаев «П. к.», включавший в себя Ю. П. *Анненкова*, А. Н. Бенуа, М. В. Добужинского, Н. А. *Клюева*, М. А. *Кузмина*, В. В. Лебедева, А. В. *Луначарского* и др. Однако поэтич. начало присутствовало: в «П. к.» выступали А. А. *Ахматова*, С. М. *Городецкий*, Н. С. *Гумилёв*, О. М., В. В. *Маяковский*, И. *Северянин* и др. 28.4.1916 в «П. к.» состоялся первый вечер поэзии. Участвовали Г. В. *Адамович*, Ахматова, Г. В. *Иванов*, Р. *Ивнев*, О. М., Кузмин, Тэффи, В. А. Юнгер (см.: Там же. С. 120). О выступлении О. М. 31.12.1916 Е. М. Тагер вспоминала: «Поблизости от нас... обозначился острый профиль Мандельштама, его высокий лоб. Пронин наклонился к Мандельштаму, что-то ему прошептал. Мандельштам сердито закинул голову, его длинные густые ресницы дрогнули, – он упорствовал, – но обе соседки, справа и слева, взяли его под руки и заставили встать. Пронин своим приятным певучим голосом поздравил гостей с Новым годом и объявил, что сейчас мы услышим новые стихи Осипа Мандельштама. И мы услышали их. В то время все поэты, читая стихи, более или менее соблюдали законы ритма, но чтение Мандельштама было больше, чем ритмично. Он не скандировал, не произносил стихи, он пел, как шаман, одержимый видениями. Мандельштам пел, не сдерживая сил, он вскрикивал на ударениях – и, вероятно, эти донельзя насыщенные, эти предельно эмоциональные стихи невозможно было бы донести до слушателей иными средствами. Прочитанные обветшавшим “выразительным” способом, эти стихи выглядели бы как пародия. У Мандельштама они звучали как заклинание» (Тагер. С. 151). Здесь идет речь о ранней редакции стих. О. М. «Зверинец»: «Стихи были фантастичны, страшны, неотразимы. Они, кажется, никогда не появились в печати. Было в “Tristia” нечто похожее (“Зверинец”), но не то. Впрочем, он не раз переделывал стихи до неузнаваемости; нередко возвращался и к прежним замыслам. Он пропел до конца: горящие глаза погасли, темные ресницы почти сомкнулись. Экстаз кончился. Осип Эмильевич сел рядом со мной – уже будничный, уже не вдохновленный. Я спросила, будут ли опубликованы эти стихи. Он ответил: “Во всяком случае, не теперь. Может быть – после войны”. И добавил: “Боюсь, что мы все долго не будем появляться в печати. Идут времена безмолвия”» (Там же. С. 152). Сохранился рисунок С. А. Полякова, на к-ром изображены гости «П. к.», слушающие выступление О. М. (см.: Алексеева Л. К., Савин В. А. Государственный Литературный музей в годы «большого террора» // Источниковедение и краеведение в культуре Росси. М., 2000. С. 185–189).

Между февр. и мартом 1917 О. М. написал шуточное стих. «Актеру, игравшему испанца», посв. С. И. Антимонову, игравшему в театре «Кривое зеркало»; он исполнял роль матадора Фернандо Поганеца в спектакле по пьесе В. Г. Трахтенберга «Загадка и разгадка», к-рая шла в «П. к.» в февр.–апр. 1917.

Позднейшая оценка О. М., данная «П. к.» в ст. «Гротеск», значительно более критична по сравнению с мнением о «Бродячей собаке». Поэтич. уровень кабаре О. М. измерял по успеху в нем выступлений Н. Я. Агнивцева, драматурга, поэта и куплетиста: «...Изысканный Агнивцев с браслетами, щеночками и собачками, этот Кузмин на сахарине с маргариновым старым Петербургом, где стилизация не прячется в углах губ, а прет из каждой строчки, как лошадиное дышло» (2. С. 244).

Архивы: ГЛМ. Изобразительные фонды. С. А. Поляков. Шарж (набросок панно или росписи?). Литературно-артистическое кафе «Привал комедиантов». 1918. КП 10264 (Дом В. Я. Брюсова). 68,8 x 106,6 см.

Лит.: Конечный А. М., Мордерер В. Я., Парнис А. Е., Тименчик Р. Д. Артистическое кабаре «Привал комедиантов» // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник 1988. М., 1989; Тагер Е. М. О Мандельштаме // ЛУ. 1991. № 1; Тихвинская Л. И. Кабаре и театры миниатюр в России, 1908–1917. М., 1995; Она же. Повседневная жизнь театральной богемы Серебряного века. М., 2005.

В. В. Калмыкова.

ПРИШВИН Михаил Михайлович (23.1.1873, имение Хрущево близ г. Елец Орловской губ. – 16.1.1954, Москва), прозаик, очеркист. В заметке «Литературная Москва. Рождение фабулы» (1922) О. М. парадоксально зачислил П., писателя старой школы, в ряд «серапионовцев», «все различия» к-рых «следует простить за объединяющий их общий фольклорный признак, залог жизненности. Все они, как подлинные дети фольклора, сбиваются на анекдот» (2. С. 264). В апр. 1922 – авг. 1923 П. – сосед О. М. по Дому Герцена, о чем с анекдотич. подробностями поведал в рассказе «Сопка Маира» (впервые в газ. «Накануне» ([Берлин], 1923. 28 мая. С. 2–3); написан в форме обращения к А. М. *Ремизову*; ср.: Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 274–275). Совр. исследователь усматривает в рассказе «фальшиво-панибратское отношение к Мандельштаму и эдакое ощущение своего превосходства перед поэтом» (Сегал. С. 692).

9.5.1924, в числе группы писателей-«попутчиков», О. М. и П. обратились в отд. печати ЦК РКП(б) с коллективным письмом-заявлением об их лояльности советской власти (см.: 4. С. 202–203).

Соч.: Сопка Маира [фрагменты] // Мандельштам и его время. С. 206–210.

О. А. Лекманов.

ПРОСТРАНСТВО, одна из фундамент. категорий худож. мира О. М. и одна из безусловных доминант его мировосприятия. Пространств. символика устойчиво присутствует на протяжении всего творчества. О. М. в авторских худож. произведениях и переводах, лит.-критич. текстах, дет. стихах и переписке и формируется как комбинация собственно топографич., культурно-ист. и личностно-экзистенц. начал.

Широта и смысловое многообразие отражающей П. образности значительно превосходят аналогич. содержат. модели, выражающие категорию *времени*, вследствие чего можно утверждать, что для худож. сознания О. М. пространств. начало универсума преобладает над временны́м.

На это как на индивидуальную особенность мандельшт. мировосприятия указывала Н. Я. *Мандельштам*, отмечая, что О. М. «ощущал пространство даже сильнее, чем время» (Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 809). В качестве специфич. составляющей поэтики О. М. выдели подобное доминирование и совр. исследователи; см. утверждение о том, что О. М. – «поэт, остро чувствующий пространство и враждебно сопротивляющийся времени» (Г а с п а р о в. С. 93).

Прямых свидетельств о влиянии конкретных науч. систем на формирование натурфилос. воззрений О. М. не зафиксировано. Исследователи высказывали предположения о его знакомстве с разл. источниками представлений о пространств.-временно́м строении мира – от науч.-популярных взглядов К. Фламмариона (см.: Р о н е н О. К сюжету «Стихов о неизвестном солдате» // Slavica Hierosolymitana. 1979. Vol. IV), излож. в его кн. «Рассказы о бесконечном» (1872; рус. изд: По волнам бесконечности: Астрономическая фантазия К. Фламмариона / пер. с франц. В. Ранцева. СПб., 1894), до открытых лекций советского физика Л. И. Мандельштама, прочитанных в Москве в 1932–34 (см.: Р е й ф и л д Д. Мандельштам и звезды // Филологические записки: Вест. литературоведения и языкознания. Воронеж, 1994. Вып. 2). Неоднократно упоминается в мандельшт. прозе А. *Эйнштейн* и теория относительности, однако сведений о прямом знакомстве О. М. с его трудами нет. Ряд биогр. деталей позволяет допускать, что О. М. был осведомлен о последних достижениях в физике, астрономии и математике – именно по этим науч. дисциплинам он предполагал продолжить обучение после окончания *Тенишевского училища*: 13.8.1907 им было подано прошение о зачислении вольнослушателем на естеств. отд. физ.-матем. ф-та *Санкт-Петербургского Императорского университета*, отозванное 8.10.1907 (см.: М е ц А. Г. Избранные даты жизни О. Э. Мандельштама // Камень. 1990. С. 366). В данной связи интересно письмо О. М. к В. И. *Иванову* (13.8.1909), использующее и астрономич., и матем. образность: «Ваша книга прекрасна красотой великих <...> астрономических систем. <...> И только дыхание Космоса обвевает вашу книгу, сообщая ей прелесть <...>. У вас в книге есть одно место, откуда открываются две великих перспективы, как из постулата о параллельных две геометрии – Эвклида и Лобачевского» (4. С. 14–15).

Влияние на формирование натурфилос. взглядов О. М. могли оказать прослушанные им в период обучения в *Гейдельбергском университете* (1909–10) лекции нем. философов Г. В. Виндельбанда и Э. *Ласка*, посв. истории философии и, в частности, учению И. *Канта* (см.: Н е р л е р. 1994 (1). С. 36–38, 72–73). Косв. подтверждением этого может служить появляющийся в акмеистич. манифесте О. М. «Утро акмеизма» (1912; 1913? 1914?) образ «мировой клети, которую с помощью своих категорий построил Кант» (1. С. 179). Также немаловажно, что Ласк считается учителем М. Хайдеггера – автора одной из самых глубоких и оригинальных филос.-культурологич. концепций П. в 20 в. В это же время значит. влияние на мировоззрение О. М. оказала теория творч. эволюции А. *Бергсона*, однако в большей степени это касается не столько П., сколько категории времени. Источником совр. науч. представлений о П. могло быть для О. М. в 1-й пол. 1910-х гг. общение с С. П. *Каблуковым*, к-рый после окончания матем. отд. физ.-матем. ф-та С.-Петерб. ун-та (1906) был оставлен для науч. работы на кафедре астрономии и геодезии и одноврем. с этим преподавал математику и астрономию (см.: М е ц А. Г. Комментарий // Камень. 1990. С. 356). Возможно, в нач. 1930-х гг. мандельшт. взгляды на П. испытали опред. воздействие со стороны А. *Белого*: по свидетельству современника, в это время О. М. упоминал «о Коперниковом видении мира, связывал свои новые постижения с Коктебелем. Мне показалось, что многое из его слов было навеяно на этот раз беседами с Андреем Белым», – писала Э. Г. *Герштейн* (Г е р ш т е й н. С. 46).

Независимо от конкретных науч. воззрений на пространств.-временно́е строение универсума, на протяжении своего творч. пути О. М. последовательно создает глубоко индивидуальный образ П., с одной стороны, возникающий, развивающийся и функционирующий в соответствии с мифопоэтич. представлениями о нем и, с др. стороны, в полной мере отражающий худож. и биогр. опыт самого автора. Как метафорически отметил Н. С. *Гумилёв* в письме к С. М. *Городецкому* (опубл. в 1920), О. М. – «свой во всех временах и пространствах» [цит. по: М е ц А. Г. Комментарий. С. 298); ср. рец. Г. О. Гершенкройна на 2-е изд. «Камня» (1915), где об О. М. говорится, что «он уже обнаруживает уверенную власть над пространством» (цит. по: Камень. 1990. С. 223)]. Совр. исследователь так отразил эту особенность поэтики раннего О. М.: «Хронотоп первой книги Мандельштама устроен следующим образом: “Камень” (1913) состоит из четырех последовательно расположенных групп стихотворений, которые весьма и весьма условно можно обозначить как пространственно-временные циклы. Это “комнатный”, “пригородный” (он же “природный”), “петербургский” и “евроазиатский” циклы» (Лекманов О. О трех акмеистических книгах: М. Зенкевич, В. Нарбут, О. Мандельштам. М., 2006. С. 82).

Важнейшим качеством П. в мандельшт. модели мира выступает его динамизм, способность к пребыванию в постоянном движении, изменяющемся состоянии, что отражено в «Путешествии в Армению» (1931–32) в образе «живой грозы, перманентно бушующей в мироздании» (3. С. 194). Представления о динамич. свойствах П. формируются в худож. сознании О. М. с нач. 1920-х гг. и достигают максимального проявления в 1930-е гг. Гл. проявлением динамизма П. является его способность к пребыванию в сжатом, свернутом состоянии. Характерный пример реалистич. изображения компрессир. П. содержит описание в «Путешествии в Армению» Аштаракской церкви, где «север, запад, юг, восток <...> не находят себе места. Кому же пришла идея заключить пространство в этот жалкий погребец, в эту нищую темницу» (Там же. С. 207). Значительно чаще описания свернутых форм П. у О. М. предельно метафоричны, как, напр., в очерке «Яхонтов» (1927): «...Предмет, с которым Яхонтов ни за что не расстанется, – это пространство, которое он носит с собой, словно увязанным в носовой платок портного Петровича, или вынимает его, как фокусник яйцо из цилиндра» (2. С. 460); близким образом описывается восприятие Крыма начальником Феодосийского порта в мемуарных заметках «Феодосия» (1923–24), Каменноостровского просп. в «Египетской марке» (1927) и др. Специфич. худож. особенностью смысловых конструкций, отображающих компрессир. состояние П., выступает

их предельная визуализация, обязат. присутствие зрит. образности, – как, напр., в метафорич. восприятия геогр. карты героем «Египетской марки», к-рый «полагал, что аквамариновые и охряные полушария <...> заключают в себе сгущенное пространство и расстояние» (Там же. С. 467). Исключительно способным к наделению признаком компрессированности выступает образ *города* – один из гл. пространств. элементов мандельшт. модели мира: «Все города русские смешались в моей памяти и слиплись в один большой небывалый город» (Там же. С. 246).

В равной степени П. в худож. мире О. М. оказывается способным и к расширению, разворачиванию вовне: «Я <...> гордился пространством за то, что росло на дрожжах»; «И висят городами украденными <...> / Растяжимых созвездий шатры», – однако изображения процесса разрастания П. встречаются значительно реже и в более метафорич. формах, чем состояние свернутости; ср.: «Хорошо из тюрьмы перейти прямо на корабль, в раздвижную палатку пространства» (3. С. 92, 124; 2. С. 318). Способность П. к «расширению» предопределена свойств. ему качеством избыточности, что прямо отражено в мандельшт. текстах: «И тянется глухой недоразвиток <...> / Понять пространства внутренний избыток»; ср. в «Разговоре о Данте» (1933): «Пространство как бы выходит из себя самого» (3. С. 78, 228). Как и в случае с компрессир. моделями, максимальной способностью к расширению, разрастанию обладает образ города; именно так представлен в поэзии О. М. Рим: «Природа – тот же Рим и отразилась в нем. / Мы видим образы его гражданской мощи / В прозрачном воздухе, как в цирке голубом, / На форуме полей и в колоннаде рощи» (1. С. 102). Наиб. полным отображением подобных представлений становится урбанистич. пассаж в «Разговоре о Данте», где город практически полностью уравнивается с космосом, становится равновелик ему: «Для изгнанника свой единственный, запрещенный и безвозвратно утраченный город развеян всюду – он им окружен. <...> Итальянские города у Данта <...> – эти милые гражданские планеты – вытянуты в чудовищные кольца, растянуты в пояса, возвращены в туманное, газообразное состояние» (3. С. 250).

Важной содержат. особенностью худож. мира О. М. является повыш. степень антропоморфизации П., наделения его признаками и качествами, присущими человеку, вплоть до включения в набор собственно пространств. координат одной из самых сильных человеч. эмоций: «Страх <...> координата времени и пространства» (2. С. 494). Семантич. конструкции, проводящие идею определ. тождественности человека и универсума, впервые появляются в творчестве О. М. в нач. 1920-х гг., а с нач. 1930-х гг. становятся устойчивыми и широко представл. мотивами. Чаще всего антропоморфизация затрагивает образ города, к-рый может прямо именоваться человеком: «морщинистых лестниц уступки <...> / Поднял медленный Рим-человек» (3. С. 131). Развернутые случаи полного отождествления П. и человека встречаются довольно редко – см., напр., характеристику Каменноостровского просп. в «Египетской марке»: «Это легкомысленный красавец, накрахмаливший свои две единственные каменные рубашки, и ветер с моря свистит в его трамвайной голове. Это молодой и безработный хлыщ, несущий под мышкой свои дома, как бедный щеголь свой воздушный пакет от прачки»; ср. развертывание уже хронотопич. моделей в предельно метафорич. описании в «Восьмистишиях» (1933–35): «И там, где сцепились бирюльки, / Ребенок молчанье хранит, / Большая вселенная в люльке / У маленькой вечности спит», – и: «Играет пространство спросонок – / Не знавшее люльки дитя» (2. С. 473; 3. С. 79, 76). К этому же смысловому ряду принадлежат и характерные для творчества О. М. 1930-х гг. случаи «метонимической» антропоморфизации: «Я говорю за всех с такою силой, / Чтоб небо стало нёбом»; «Мир, который как череп глубок» (3. С. 57, 132) и др.

Значительно чаще уподобление пространств. форм человеку происходит по сходству «осуществляемых» этими формами действий; напр.: <Армения> «отвернулась со стыдом и скорбью / От городов бородатых востока»; ср. обращение к Франции: «Наклони свою шею, безбожница» (3. С. 37, 127). Еще один тип антропоморфизации – определение форм П. через характеристики, устойчиво применяемые только по отношению к человеку: «И с христианских гор в пространстве изумленном / <...> нисходит благодать»; см. о С.-Петербурге: «Самолюбивый, проклятый, пустой, моложавый!», – и о Москве: «расходятся улицы в чоботах узких железных»; ср. образы: «холод пространства бесполого»; «уста вселенной»; «ученичество вселенной» (1. С. 140; 3. С. 43, 52, 50, 107; 2. С. 532) и подобное. Здесь же может быть назван такой специфич. для мандельшт. модели мира семантич. элемент, как образ слепого неба (см.: Л е в и н Ю. Заметки о поэзии О. Мандельштама тридцатых годов. I // Slavica Hierosolymitana. 1978. Vol. III. P. 149; B r o y d e S. Osip Mandelstam and His Age: A Commentary on the Themes of War and Revolution in the Poetry 1913–1923. Cambridge, Mass. – L., 1975. P. 148): «О небо, <...> / Не может быть, чтоб ты совсем ослепло»; «жертвы не хотят слепые небеса»; «близорукое шахское небо – / Слепорожденная бирюза»; ср.: «Близорукое армянское небо» (1. С. 70, 127; 3. С. 41, 39). В то же время в худож. сознании О. М. прослеживается и противоположная ситуация – «наделение» пространств. признаками и качествами человека, оказывающегося способным «наполняться» П., вмещать его в себя: «Одиссей возвратился, пространством и временем полный»; «И когда я наполнился морем – / Мором стала мне мера моя»; «О, этот медленный, одышливый простор! – / Я им пресыщен до отказа» (1. С. 128; 3. С. 135, 111). Возможен и крайний случай, когда человек полностью «трансформируется» в пространств. формы: «Я хочу, чтоб мыслящее тело / Превратилось в улицу, в страну»; см. более метафорич. и относящееся, скорее, к П. культуры: «в книгах ласковых <...> / Воскресну я сказать, что солнце светит», – и «зеркальное» ему: «И много прежде, чем я смел родиться, / <...> Я книгой был» (3. С. 88, 114, 70). Предельно явно представления о взаимосвязи П. и человека выражены О. М. в «Разговоре о Данте» при характеристике «Одиссеевой песни»: «Эта песнь о составе человеческой крови, содержащей в себе океанскую соль. Начало путешествия заложено в системе кровеносных сосудов. Кровь планетарна, солярна, солона... <...> Обмен веществ самой планеты осуществляется в крови (Там же. С. 238). Сближение П. и человека получает максимальное выражение и в «Стихах о неизвестном солдате» (1937), где индивидуум и космос не только оказываются взаимопроницаемы, но и в определ. смысле последова-

тельно уравниваются, становятся абсолютно тождественны друг другу.

Прямым следствием антропоморфизации П. является наделение его статусом своеобр. участника диалога с лирич. героем текста: «Ты, горловой Урал, плечистое Поволжье»; «Я молю <...>, / Франция, твоей земли и жимолости» (Там же. С. 120, 126) и мн. др.; максимальной степени актуализации данное качество, особенно характерное для образа города, достигает в цикле «Армения» (1930). Такого рода содержат. конструкции связаны еще с одним индивид. признаком, к-рым обладает П. в худож. мире О. М., – семантизацией, наличием смысла и, как следствие, собств. «языка» – см. метафорич.: «Язык булыжника мне голубя понятней, / <...> течет рассказ подков / По звучным мостовым»; «И вы, часов кремлевские бои, – / Язык пространства, сжатого до точки», – вплоть до совершенно явного: «Моя страна со мною говорила» (2. С. 47; 3. С. 90, 95). Наиб. широко данная характеристика проявляется по отношению к Армении, становясь своего рода ее «дифференциальным признаком»: «Как люб мне язык твой зловещий, / <...> Где буквы – кузнечные клещи / И каждое слово – скоба...» (ср. метафорич. антропоморфизацию: «Закутав рот, как влажную розу, / <...> Ты простояла, глотая слезы»); «Колючая речь араратской долины»; как метафорич. «детализацию» см. в черновых набросках к «Путешествию в Армению»: «Горизонт дан в форме герундивума»; особенно показательна в данном контексте «космологическая» образность: «Я <...> уже никогда не раскрою / В библиотеке авторов гончарных / Прекрасной земли пустотелую книгу, / По которой учились первые люди»; «Скорей глаза сощурь <...> / Над книгой звонких глин, над книжною землей, / <...> Которой мучимся, как музыкой и словом» (3. С. 36, 37, 41, 387, 39, 39–40). Семантизация П. м. б. связана с его определ. зависимостью от творч. начала – см. программное: «И, если подлинно поется / И полной грудью, наконец, / Все исчезает – остается / Пространство, звезды и певец!»; ср.: «Воздух дрожит от сравнений. / Ни одно слово не лучше другого. / Земля гудит метафорой»; как образную автопроекцию см.: «То, что я сейчас говорю, говорю не я, / А вырыто из земли» (1. С. 97; 2. С. 43, 44) [своеобразной «типологической параллелью» последней цитате выступает рец. О. М. (1935) на сборник стихов поэтов-метростроевцев (Стихи о метро: Сб. литкружковцев Метростроя. М., 1935); см.: 3. С. 264–269].

В свою очередь, в мандельшт. модели мира и сам худож. текст способен быть равнозначным универсуму – см. характеристику япон. танки: «Она не миниатюрна, и было бы грубой ошибкой благодаря ее краткости смешивать ее с миниатюрой. <...> Она никак не относится к миру, потому что есть сама мир и постоянное внутреннее вихревое движение внутри атома»; ср. о «Божественной Комедии» *Данте Алигьери*: «Вся поэма представляет собой <...> кристаллографическую фигуру, то есть тело. <...> Немыслимо объять глазом или наглядно себе вообразить этот чудовищный по своей правильности тринадцатитысячегранник» (2. С. 269; 3. С. 227).

Последнее обстоятельство позволяет говорить еще об одной специфич. черте мандельшт. мира – наличии вербального П., что прямо выражено в связи с фигурой В. Н. *Яхонтова*, для к-рого слово – «это второе пространство» (2. С. 460). Формирование образа вербального П. приходится, вероятно, на сер. 1920-х гг.; так, на выступлении 8.3.1926 на семинаре в Гос. ин-те истории искусств О. М. рассуждал о замкнутости П. в стихотв. тексте (см.: Гинзбург Л. Человек за письменным столом: Эссе. Из воспоминаний. Четыре повести. Л., 1989. С. 7–9); ср. замечание о поэмах Г. А. *Санникова*, к-рые «похожи на ранние географические карты с неосвоенными пространствами» (3. С. 273). Представления о вербальном П. наиб. отчетливо выражены самим автором при описании творчества Данте: «Задолго до Баха <...> Алигьери построил в словесном пространстве бесконечно могучий орган и уже наслаждался всеми его мыслимыми регистрами»; в неоконч. заметке <«О Чехове»> (1935) соединяются вербальный и космич. аспекты текста: «воронкообразный чертеж дантовской Комедии, с ее кругами, маршрутами и сферической астрономией» (3. С. 225, 414). В результате в худож. мире О. М. процесс семантизации П. оказывается двунаправлен – не только текст может наделяться пространств. характеристиками, но и само П. способно приобретать структурно-семантич. качества и признаки вербального текста; ср. редуцированное: «Подобно тому, как существуют две геометрии – Эвклида и Лобачевского, возможны две истории литературы» (1. С. 219). Такого рода содержат. модель характерна для широкой мифопоэтич. традиции (см., в т. ч. и в связи с мандельшт. поэтикой: Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983) и достигает у О. М. максимальной степени актуализации.

В наборе универсальных координат П. (стороны света, горизонталь и вертикаль и т. п.), представл. в мандельшт. мире, выделяется специфически изображаемое расстояние: особая роль отводится ему уже 1910-е гг. и сохраняется на протяжении всего творч. пути О. М. С одной стороны, расстояние может восприниматься как некая величина, самостоят. по отношению к П., «внеположная» ему – см. о геогр. карте: «Уважение к ильинской карте осталось в крови Парнока еще с баснословных лет, когда он полагал, что аквамариновые и охряные полушария <...> заключают в себе сгущенное пространство и расстояние» (2. С. 467). Семантич. самостоятельность расстояния сохраняется и при указании на отсутствие этой координаты, причем как для компрессир. худож. форм П.: «Весь Батум, как на ладони. Не чувствуется концов-расстояний», – так и для развернутых: «Тамерланова завоевательная даль стирает всякие обычные понятия о близком и далеком» (2. С. 227; 3. С. 387). С др. стороны, расстояние способно выступать в качестве эквивалента П. – ср. метафорич.: «Я без пропуска в Кремль вошел, / Разорвав расстояний холстину» (2. С. 118). Наконец, в ряде случаев расстояние, сохраняя свою пространств. основу, становится не только метафорой, но и прямым заместителем времени, необходимого культурной традиции для освоения творч. наследия художника: в ст. «О собеседнике» [1913 (1912?), 1927] О. М. так определяет поэтич. произведение: «Этим строкам, чтобы дойти по адресу, требуется астрономическое время, как планете, пересылающей свой свет на другую», – и там же говорится: «Не об акустике следует заботиться: она придет сама. Скорее о расстоянии» (1. С. 188, 187). В этом же значении О. М. использует расстояние при характеристике творчества И. Ф. *Анненского*: «Всю мировую поэзию Анненский воспринимал как сноп лучей, брошенный Элладой. Он знал расстояние, чувство-

вал его пафос и холод» (Там же. С. 226). Образ расстояния метафорически переносится и в экзистенц. план – см. его появление в черновых редакциях к «Египетской марке» в ситуации познания расстояния «от себя до чужих глухариных миров», – и в сферу межличностного общения, сохраняя свое положит. значение, – см. письмо О. М. к В. В. *Гиппиусу* от 14.4.1908: «С давнего времени я чувствовал к вам особенное притяжение и в то же время чувствовал какое-то особенное расстояние, отделявшее меня от вас» (2. С. 576; 4. С. 11).

Еще одной важной индивидуальной характеристикой П. в мандельшт. мире выступает пустота, образ к-рой, как и в случае с расстоянием, устойчиво присутствует во все периоды творчества О. М. Одним из источников появления этой характеристики могли послужить воззрения Бергсона, в частности в работе «Творческая эволюция» определявшего П. как однородную пустую среду, бесконечную и бесконечно делимую; др. вероятным источником данного образа могли стать «Философические письма» П. Я. *Чаадаева*. Образ пустоты неоднократно появляется уже в ранних стихах О. М. в сюжетно обусловл. ситуациях, как, напр.: «Пустует место. Вечер длится, / Твоим отсутствием томим» (1. С. 43) и мн. др. Тогда же пустота становится устойчивой характеристикой образа неба – прямой («Напрасно вечером зияла / Небес златая пустота») и метафорич. («немая вышина, / Как пустая башня белая») (Там же. С. 43, 62), сохраняющейся на протяжении всего творчества О. М., вплоть до изображения неба в «Стихах о неизвестном солдате»: «Миллионы убитых задешево / Протоптали тропу в пустоте», – и: «Для того ль заготовлена тара / Обаянья в пространстве пустом, / Чтобы белые звезды обратно / Чуть-чуть красные мчались в свой дом?» (3. С. 124, 125–126). Пустота может осознаваться и как некая форма существования универсума: «Твой мир, болезненный и странный, / Я принимаю, пустота!» – и как его прямой эквивалент: «Строить – значит бороться с пустотой, гипнотизировать пространство» (1. С. 51, 179). Пространств. природа пустоты для О. М. столь значительна, что она ощущается даже при характеристике психологич. состояния лирич. героя текста: «Паденье – неизменный спутник страха, / И самый страх есть чувство пустоты» (Там же. С. 75). Одноврем. с этим, как проявление абсолютной пустоты, принимающей непространств. форму, воспринимал О. М. образ ада в «Божественной комедии»: «Неправильно мыслить inferno как нечто объемное, как некое соединение огромных цирков, пустынь с горящими песками, смердящих болот, вавилонских столиц и докрасна раскаленных мечетей. Ад ничего в себе не заключает и не имеет объема, подобно тому как эпидемия, поветрие язвы или чумы, – подобно тому как всякая зараза лишь распространяется, не будучи пространственной» (3. С. 250).

Предельных смысловых границ эта категория достигает в ситуации «отсутствия» П. как такового; семантич. модель своего рода «минус»-П. встречается в варианте стих. «Что делать нам с убитостью равнин...» (1937), где фигурирует образ «Пространств несозданных Иуда» [3. С. 344; по свидетельству Н. М., это – «цензурный вариант строчки “Народов будущих Иуда”» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 787)]. В известном смысле в этом семантич. ряду как форма транспозиции данной образности в личностный план может рассматриваться 11-е из «Восьмистиший» (1933, 1935): «И я выхожу из пространства / В запущенный сад величин»; ср. как метафорич. перенос близкой смысловой модели в экзистенциальную сферу в стих. «Адмиралтейство» («В столице северной томится пыльный тополь...», 1913): «Нам четырех стихий приязненно господство, / Но создал пятую свободный человек: / Не отрицает ли пространства превосходство / Сей целомудренно построенный ковчег? // <...> И вот разорваны трех измерений узы / И открываются всемирные моря» (3. С. 79; 1. С. 84).

Лит.: Левин Ю. И. Заметки о «крымско-эллинских» стихах О. Мандельштама // RL. 1975. № 10/11 (= Мандельштам и античность); Топоров В. Н. О «психофизиологич.» компоненте поэзии Мандельштама // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995; Петрова Н. А. Литература в неатропоцентрическую эпоху. Опыт О. Мандельштама. Пермь, 2001; Панова Л. Г. «Мир», «пространство», «время» в поэзии О. Мандельштама. М., 2003; Черашняя Д. И. Частотный словарь лирики О. Мандельштама: субъектная дифференциация словоформ. Ижевск, 2003; Шапир М. И. Время и пространство в поэтическом языке раннего Мандельштама // Евразийское пространство: Звук, слово, образ. М., 2003.

С. Г. Шиндин.

ПРУСТ (франц. Proust) Марсель (10.7.1871, Париж – 18.11.1922, там же), франц. прозаик. Дебютировал в литре сб. новелл «Утехи и дни» (1896), а 7-томный цикл романов «В поисках утраченного времени» начал публиковаться в 1913. Первые рус. переводы П. осуществлены в кон. 1920-х гг. В течение 1927–29 вышли сразу неск. советских изданий (хотя О. М., разумеется, мог читать П. и по-французски). Э. Г. *Герштейн* свидетельствует, что она привезла О. М. изд. ром. П. «Под сенью девушек в цвету» в рус. переводе в Узкое в нояб. 1928 (Герштейн. С. 12). О. М. благодарил ее за это («Спасибо за Пруста») в дарств. надписи на своей кн. «Стихотворения» (1928) (экз. не сохр.) (Там же. С. 13). Однако еще до этого, в сент. 1928, когда О. М. с Н. Я. *Мандельштам* и Герштейн жили в санатории в Узком, «оживленные расспросы Мандельштама навели» Герштейн «на сравнение его с некоей тетушкой <...> Мандельштам охотно откликнулся на мои слова, и мы <...> играли в тетю Леонию и Франсуазу» (Там же. С. 9).

О. М. не всегда однозначно, но очень остро реагировал на прозу П. Так, в 1928 он «процитировал законченную фразу из Пруста и воскликнул с отвращением: “Только француз мог так сказать!” Речь шла о натуралистическом описании пробуждения сексуального чувства у юного героя романа» (Там же. С. 13). Герштейн сообщает и о том, что чтением П. была спровоцирована «волна воспоминаний» О. М. «о собственном детстве» (Там же).

О. М. всегда ценил мастерство П.-прозаика, хотя из сиюминутных идеологич. соображений он и назвал его «писателем-снобом» в газетной заметке 1929 (2. С. 521). Ср. также в рец. О. М. на книгу Ж. Жироду «Elphenor» (1926): «Такой прозы Франция не видала со времен лучших вещей Франса. Даже Пруст и Радиге бледнеют рядом с Жироду» (Там же. С. 591). А заметка О. М. «Веер герцогини» (опубл. 5.1.1929) открывается иронич. пересказом эпизода из 2-й ч. ром. П. «По направлению к Свану»: прустовский образ, давший тексту О. М. назв., становится и его стержнем. Статья посв. методам лит. критики тех лет, к-рую О. М.

сравнил с персонажем П. – высокомерной, снисходительной, «независимой» герцогиней, нарочито отбивавшей «такт» исполняемой музыки вразнобой (Там же. С. 498). По мнению А. Д. Михайлова, «это написано по памяти, ибо Мандельштам позволил себе маленькие, совершенно микроскопические неточности. Но это была память не о когда-то читанной французской книге, а о прочитанной, даже просмотренной недавно – русской» (Михайлов. С. 241).

В 1933 самого О. М. шутливо уподобил П. в шуточном стихотворении П. Н. *Васильев* (см.: 3. С. 442). Пребывая в воронежской ссылке, в кон. февр. 1936, О. М. упомянул имя П. в беседе с С. Б. *Рудаковым*, обсуждая «Спекторского» Б. Л. *Пастернака*: «Вот многословие. И все это вместо того, чтобы кашлянуть, потянуться. И это не Пруст, не Джойс, не анализ» (Мандельштам в письмах Рудакова. С. 154).

Типологич. сходство между произведениями О. М. и П., не обусловленное знакомством рус. поэта с творчеством франц. прозаика, обнаруживает О. А. Лекманов. Им отмечен целый ряд параллельных образов и идей у П. и О. М.: церк. шпиль, пронзающий небо; невозможность прогресса в иск-ве; обращение поэзии прежде всего к потомкам, а не к современникам (Лекманов. 2000. С. 677; см. также С. 467).

Источники: Герштейн.

Лит.: Михайлов А. Д. Восприятие творчества Марселя Пруста в России: От пантеона к антипантеону // Литературный пантеон: национальный и зарубежный. М., 1999; Лекманов. 2000.

А. Н. Анисова.

ПРУТ Иосиф Леонидович (7.11.1900, Таганрог – 16.7.1996, Брест), киносценарист и драматург; знакомый Е. Э. *Мандельштама*, по просьбе к-рого в кон. 1930-х гг. помогал О. М. деньгами. С самим поэтом П. был поверхностно знаком еще с сер. 1920-х гг. Об аресте О. М. в 1934 узнал от С. И. *Кирсанова*. В письме-доносе к Н. И. *Ежову* от 16.3.1938 В. П. *Ставский* назвал П. среди тех литераторов, к-рые «открыто выступали» «в защиту» вернувшегося из воронежской ссылки О. М., «выступали остро» [см.: Нерлер. 1994 (2). С. 13; сам П. в разговоре с П. М. Нерлером предположений о выступлениях или обращениях в поддержку О. М. не подтверждал и не опровергал (Там же. С. 69)]. 14.8.1987, в связи с реабилитацией О. М., П. письменно ответил на ряд вопросов Прокуратуры СССР об О. М. (см.: ЦА ФСБ. Следственное дело Р–33487. Л. 76–81).

О. А. Лекманов, П. М. Нерлер.

ПУДОВКИН Всеволод Илларионович [16(28).2.1893, Пенза – 30.6.1953, Москва], кинорежиссер, один из основоположников советского кино, актер, теоретик кино. По свидетельству Э. Г. *Герштейн*, О. М., очевидно, в кон. 1929 был на просмотре к/ф П. «Потомок Чингисхана» (Межрабпомфильм, 1928; вышел на экраны 10.11.1929): «Мы отправились в кино смотреть “Потомок Чингиз-хана (так в источнике. – *Ред.*)”. <...> Но знаменитый фильм Пудовкина вовсе не понравился Осипу Эмильевичу. <...> Мандельштам пожимал плечами: “Гравюра...”. Он объяснял недовольно: кинематографу нужно движение, а не статика. Зачем брать предметы из другой области искусства? Какая-то увеличенная гравюра» (Герштейн. С. 17). Можно предположить, что заключит. пассаж заметки «Шпигун» О. М. (1929): «...Все сценарии выходят похожими один на другого. Получается какой-то общесоветский Пудовкин – мать всех российских фильмов» (2. С. 508), – содержит иронич. аллюзию на самый известный фильм П. «Мать» (Межрабпом-Русь, 1926); данный факт позволяет включить эту кинокартину в число фильмов, предположительно знакомых О. М. [Интересно то обстоятельство, что режиссер рецензируемой в «Шпигуне» кинокартины «Знакомое лицо» (1929) Н. Г. *Шпиковский* был соавт. П. по известному фильму «Шахматная горячка» (1925).] В восп. Н. Я. *Мандельштам* есть фрагмент о *кинематографе*, представляющий собой своего рода «сборную цитату» из ранней советской киноклассики, где, в частности, упомянут «бесславный конец Санкт-Петербурга»; см.: Н. М.-2. С. 281–282. Данное обстоятельство прямо отсылает к одноименному фильму П. «Конец Санкт-Петербурга» (Межрабпом-Русь; 1927) и позволяет предположить, что Мандельштамы смотрели его вместе. С мандельшт. характеристикой П. как родоначальника советского кино ср. его оценку В. Б. *Шкловским* в ст. с говорящим назв. «Итоги» (1927): «Пудовкин – хороший теоретик русского кино, и это помогает ему стать первым классиком советской кинематографии, использовавшим достижения своего времени и нашедшим работу для всех инструментов» (Шкловский В. За сорок лет. М., 1965. С. 94).

С. Г. Шиндин.

ПУНИН Николай Николаевич [28.10.1888, Гельсингфорс (ныне Хельсинки, Финляндия) – 21.8.1953, п. Абезь, Коми АССР], иск-вед, критик, теоретик рус. авангарда, автор книг «Японская гравюра» (1915), «Андрей Рублев» (1916), «Современное искусство» (1920), «Татлин» (1921), «Новейшие течения в русском искусстве» (1927–28). В 1918–1921 один из руководителей Отд. изобразит. иск-в (ИЗО) Нар. комиссариата просвещения (Наркомпроса), один из организаторов системы худож. образования и музейного дела в СССР. Ок. 30 лет сотрудничал с Рус. музеем, 40 лет читал курс истории зап.-европ. иск-ва в Ленингр. ун-те и др. уч. заведениях.

Познакомившись в нач. 1910-х гг. с О. М., П. сразу же чрезвычайно высоко оценил его личность и творчество: «В “Цехе <поэтов>” я познакомился с Мандельштамом, одним из лучших поэтов моего поколения. Это тоже было существо более совершенное, чем люди» (цит. по: Герштейн. И позже, по словам Н. Я. *Мандельштам*, П. повторял: «Я не вытягиваю за Мандельштамом» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 246). Тем не менее, на экз. «Камня» (1913), принадлежавшем П., сохранилась его пометка: «Анин жидок» (частное собр.). Д. М. Сегал отметил значимые переклички между стих. О. М. «Айя-София» (1912) и ст. П. «К проблеме византийского искусства» (1913) (Сегал. С. 161–163). В 1913–16 П. входил в левый лит.-худож. кружок, собиравшийся в т. н. квартире № 5 в С.-Петерб. (Петрогр.) АХ, где бывал и О. М. (Парнис. С. 187). В этот и чуть более поздний период П. считал, что О. М. увлечен экспрессионизмом. Ср.: «...Экспрессионизмом больны многие мои современники», в т. ч. и «Мандельштам, когда он напрасно проходил свой “пастернаковский

период"» (Пунин Н. Н. Квартира № 5: Глава из воспоминаний. С. 177).

На книгу О. М. «Tristia» П. отозвался рец. (1922), где О. М. назван поэтом с «жестокой судьбой», на чей голос «не может ответить фактически ни один литературный резонатор» (Жизнь искусства. 1922. № 41. С. 3; цит. по: Пунин Н. Н. Мир светел любовью. Дневники. Письма. С. 157). Называя в этой рец. О. М. «самым удивительным» поэтом из тех, что, уходя, «оставил нам старый мир» (Там же. С. 158), П. характеризует «Tristia» как книгу принципиально нового типа: «Я уже не знаю за чтением "Tristia", где кончается старая форма, где начинается новая, но я изменяю всему: новому искусству, динамике, боевым товарищам и пр. перед лицом человека, так глубоко владеющим искусством» (Там же. С. 157).

В 1923–38 П. был мужем А. А. *Ахматовой*, что способствовало его дружескому сближению с О. М. Об этом свидетельствуют дневниковые записи самого П., а также П. Н. *Лукницкого*. Так, 12.1.1923 П. записал в своем дневнике: «На вопрос, почему же хочет расстаться», Ахматова «отвечала, что не может, что запуталась, стихами Мандельштама сказала: "Эта (показала на себя) ночь непоправима, а у Вас (показала на меня) еще светло"» (Там же. С. 168; цитируется стих. О. М. «Эта ночь непоправима...», 1916). В дневнике Лукницкого в записи от 19.4.1925 сохранилась своего рода «жанровая сценка»: «А. А. встает с постели, надевает шубу и садится к столу. Я размалываю кофе, Н. Я. заваривает его, и мы пьем кофе, с куличами. А. А. пасху нельзя, она немножко досадует на это. До кофе еще я, Мандельштам и Пунин сидели на диване втроем. Царило молчание полное и безутешное. Вдруг О. Э. с самых задворок тишины громко произнес – про нас – "Как фамильный портрет..." Это было неожиданно смешно. О. Э. сказал А. А.: "Нет на вас Николая Николаевича» (Пунина)", – когда А. А. делала что-то незаконное: не то слишком долго стояла в церкви, до утомления, не то что-то другое...» (Мандельштам в архиве П. Н. Лукницкого. С. 123).

Позже отношения П. и О. М. были омрачены т. н. «рыбаковской» историей (1927), о к-рой подробно рассказал в своих дневниках Лукницкий. О. М. попросил Ахматову и Пунина «познакомить его с Рыбаковым» (И. И. Рыбаков – юрист и коллекционер, приятель Ахматовой) «для того, чтобы он смог занять у Рыбакова денег» (Там же. С. 128–129). Отражение этой ситуации см. также в переписке Н. М. и О. М. (напр., в письме О. М. от 9–10.2.1926): «Родненькая, знай, что я *могу* достать для тебя денег. Здесь Рыбаковы: Пунин попробует занять мне под <">Прибой<">. Я еще не просил» (4. С. 59; см. также: Там же. С. 61–68). Денег О. М. не отдал, чем поставил Ахматову и П. в неловкое положение (см.: Мандельштам в архиве П. Н. Лукницкого. С. 129). Свидетельство Лукницкого: «Все это, конечно, легло очень темным пятном на отношения А. А. и Мандельштама (а об отношениях Пунина и Мандельштама я и не говорю: самая прозрачная внешность осталась)» (Там же). В дальнейшем, однако, отношения были восстановлены.

В 1936, в Воронеже, О. М. ошибочно принял на свой счет стих. Ахматовой «Уводили тебя на рассвете...», обращенное к П. (Ахматова. С. 137).

П. репрессирован. Реабилитирован посмертно.

Соч.: «Tristia» // Жизнь искусства. 1922. № 41; Квартира № 5: Глава из воспоминаний // Панорама искусств. М., 1989. Вып. 12; Мир светел любовью. Дневники. Письма / сост., предисл. и коммент. Л. А. Зыкова. М., 2000.

Источники: Герштейн (по именному ук.); Томашевская З. Б. Рассказ о Н. Н. Пунине // Петербург Ахматовой: Семейные хроники. З. Б. Томашевская рассказывает. СПб., 2000. С. 79–85.

Лит.: Мандельштам в архиве П. Н. Лукницкого // Слово и судьба; Парнис А. Е. Штрихи к футуристическому портрету О. Э. Мандельштама // Там же. С. 183–202; Пунина И. Н. Н. Н. Пунин (1888–1953) // Тайны ремесла: Ахматовские чтения. М., 1992. Вып. 2.

Л. Г. Кихней, О. А. Лекманов.

«ПУТИ ТВОРЧЕСТВА» (Харьков, 1918–20), лит.-худож. и театр. журнал, близкий эстетике футуризма, супрематизма, конструктивизма. Инициатор и издатель – Г. Н. Петников. Члены редакции общались с Н. Н. *Асеевым*, С. П. *Бобровым* и др. участниками футуристич. группы «Центрифуга», нек-рые учились в Моск. уч-ще живописи, ваяния и зодчества, в студии И. И. Машкова и П. П. Кончаловского. Среди сотрудников – В. В. Бобрицкий (псевд. Бобри), Б. П. Гордеев (псевд. Божидар), В. Д. Ермилов, Б. Косарев, В. И. Пичета и др. Особым почитанием в «П. т.» пользовался В. В. *Хлебников*.

О. М. опубликовал в «П. т.» стихотворения «Tristia», «Черепаха», ст. «Государство и ритм».

Источники: Мандельштам О. Э. Tristia // Пути творчества. 1919. № 4. С. 11; Он же. Черепаха // Там же. 1920. № 6–7. С. 13; Он же. Государство и ритм // Там же. С. 74–76.

В. В. Калмыкова.

ПУШКИН Александр Сергеевич (26.5.1799, Москва – 29.1.1837, С.-Петербург), поэт, прозаик, драматург, критик и теоретик лит-ры, публицист. Занимал центр. место в системе культурно-эстетич. ценностей О. М., играл исключит. роль в его личном самосознании. Пушкинское слово, прочно вошедшее в генетич. память О. М., живет в его стихах, прозе, статьях на всем протяжении творчества.

Любовно описав в «Шуме времени» (1923) старое «исаковское» издание П. из материнского «книжного шкапа», О. М. определил особое место П. в составе принимаемого им по материнской линии наследства рус. культуры (в противовес отторгнутому наследству иудаизма): «...Духовная затрапезная красота, почти физическая прелесть моего материнского Пушкина так явственно мною ощущается» (Собр. соч.-2. Т. 2. С. 356). В дальнейшем темы матери и П. оказались связаны общей фигурой умолчания: О. М. «скупо высказывался о самых дорогих для него вещах и людях, о матери, например, и о Пушкине... Иначе говоря, у него была область, касаться которой ему казалось почти святотатством...» (Мандельштам Н. (1). 1999. С. 78). В поэзии О. М., изобилующей пушкинскими реминисценциями, умолчание имени П. приобретало подчеркнутый характер («Дайте Тютчеву стрекозу...», «Стихи о русской поэзии», 1932); ср. суждение А. А. *Ахматовой*: «К Пушкину у Мандельштама было какое-то небывалое, почти грозное отношение – в нем мне чудился какой-то венец сверхчеловеческого целомудрия. Всякий пушкинизм был ему про-

тивен. О том, что “Вчерашнее солнце на черных носилках несут...” – Пушкин, ни я, ни даже Надя (Н. Я. *Мандельштам. – Ред.*) не знали, и это выяснилось только теперь из черновиков (50-е гг.) <...> “Сияло солнце Александра, / Сто лет тому назад сияло всем” (дек. 1917), – конечно, тоже Пушкин. (Так он передает мои слова.)» (Ахматова А. А. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 209–210).

Первый известный факт обращения О. М. к П. – гимназич. сочинение «Преступление и наказание в “Борисе Годунове”» (1906), в к-ром юный О. М. возражал против «теологического взгляда» на жесткую причинную связь между преступлением и наказанием в пушкинской трагедии (см.: Собр. соч.-2. Т. 1. С. 166). В университетские годы О. М. нек-рое время посещал Пушкинский семинарий С. А. *Венгерова* (участниками к-рого были выдающиеся пушкинисты С. М. Бонди, Ю. Н. *Тынянов*, В. М. *Жирмунский*, Ю. Г. Оксман, Б. М. *Эйхенбаум*).

Живая личная связь и определ. самоидентификация О. М. с П., в юности носившая характер биогр. игры (педалирование внеш. сходства отмечено в мемуарах Г. В. *Иванова*, Н. К. *Чуковского*), получили развитие в жизни и поэзии О. М.: в совпадении поворотов судьбы (дуэльные ситуации, кавк. путешествие, сложные персональные отношения с верховной властью, ссылка, насильств. смерть), в полноте присутствия П. в его худож. мире.

Концептуальное осмысление фигуры П. в контексте большой культурной истории содержится в частично сохранившемся тексте доклада «<Скрябин и христианство>» (1915–16[?]): на фоне развернутой апологии христ. иск-ва как «радостного богообщения» художника П. предстает выразителем «русского эллинства», ступенью в «раскрытии эллинистической природы русского духа» («Эллинство, оплодотворенное смертью, и есть христианство» – Там же. Т. 1. С. 202, 205). Себя О. М. считал «последним христианско-эллинским поэтом в России» (Мандельштам Н. (1). С. 300, со слов Н. И. *Харджиева*), а значит, завершителем пушкинского пути в рус. поэзии. В тексте доклада сопоставлены смерти А. Н. *Скрябина* и П.: «Они явили пример соборной русской кончины, умерли *полной* смертью, как живут полной жизнью, их личность, умирая, расширилась до символа целого народа, и солнце-сердце умирающего остановилось навеки в зените страдания и славы» (Собр. соч.-2. Т. 1. С. 201). Из картины ночных похорон П. («Ночью положили солнце в гроб...» – Там же) вырастает индивид. ист.-культурный миф, воплощенный в поэзии и прозе О. М. 1916–24 и объединяющий своей образностью («ночное солнце», «черное солнце», похороны солнца) судьбу П., смерть матери, распятие Христа, похороны В. И. Ленина, смерть любого человека.

Между стих. на смерть матери «Эта ночь непоправима...» (1916) и стих. «Люблю под сводами седыя тишины...» (1921–22) заключены метаморфозы уникального лирич. метасюжета похорон солнца («Кассандре», 1917; «Когда в теплой ночи замирает...», 1918; «Сестры тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы...», 1920; «В Петербурге мы сойдемся снова...», 1920), в к-ром скрыто присутствует тема смерти П. как центр. события не только рос. истории, но и большой мистерии духа. Тема приобретает эсхатологич. звучание, при этом худож. моделью для восприятия ист. катастрофы и описания отношений иск-ва и современности оказывается пушкинский «Пир во время чумы». Его универсальная метафора входит в подтекст стих. «От легкой жизни мы сошли с ума...» (1913), «Когда в теплой ночи замирает...», «Сумерки свободы» (1918), «В Петербурге мы сойдемся снова...», «Я скажу тебе с последней прямотой...» (1931), «Фаэтонщик» (1931), «К немецкой речи» (1932), «В игольчатых чумных бокалах...» (1933, 1935); та же метафора развернута в финале «Шума времени», в описании лит-ры 19 в.

Прощание с пушкинской культурной эпохой зафиксировано в стих. «Концерт на вокзале» (1921), написанном под впечатлением траурных пушкинских вечеров в февр. 1921 в Петрограде и содержащем отсылки к П. («пенье Аонид» – Там же. Т. 2. С. 35) и к пушкинской речи А. А. *Блока* (темы музыки и удушья). Организованная О. М. 14.2.1921 панихида по П. в Исаакиевском соборе (см. об этом восп. Н. А. Павлович в: О. и Н. Мандельштамы. С. 122–123) стала знаковым поступком, к-рым он осуществил несостоявшееся там отпевание 1837 и одноврем. закрыл сюжет похорон пушкинского солнца (с этого момента «ночное солнце», «черное солнце» больше в его творчестве не появляется).

Не наследуя пушкинский стиховой канон, О. М. свободно включал пушкинские мотивы и образы в поэтич. ткань своих стихов. По преимуществу «пушкинскими» оказываются у него темы С.-Петербурга, поэзии, осени, моря. Петерб. тема в «Камне» и «Tristia» сопровождается плотно спрессованными цитатами и реминисценциями из П. – на пространстве одного стихотворения пересекаются множеств. пушкинские контексты. В «Петербургских строфах» («Над желтизной правительственных зданий...», 1913) одноврем. есть отсылки к «Евгению Онегину» («И правовед опять садится в сани» – Собр. соч.-2. Т. 1. С. 82; «Онегина старинная тоска» – Там же. С. 81), к «Бесам» и «Метели» («Кружилась долго мутная метель» – Там же), к «Медному Всаднику» – гл. смыслообразующему пратексту петерб. стихов О. М. – и «Пиру Петра Первого» («А над Невой – посольства полумира» – Там же) и снова к «Медному Всаднику» («Чудак Евгений – бедности стыдится» – Там же. С. 82). В стих. «Дев полуночных отвага...» (1913) подобным образом совмещаются контексты «Медного Всадника», «Пира Петра Первого» и стих. «Город пышный, город бедный...» («Петра созданье, / Медный всадник и гранит», «Слышу с крепости сигналы» – Там же. С. 82–83), что подчеркнуто ритмич. зависимостью от названных пушкинских стихов (4-стопный хорей). Пушкинский С.-Петербург проступает сквозь совр. О. М. реалии, для его описания используются элементы пушкинского поэтич. языка, герои совр. города оказываются тенями пушкинских героев. И пушкинский Петр живет в мандельшт. С.-Петербурге – в стих. «Адмиралтейство» (1913) его образ воскрешается реминисценциями из пушкинских «Стансов» («А хищный глазомер простого столяра» – Там же. С. 83) и «Медного Всадника» («И открываются всемирные моря» – Там же. С. 84). Пушкинская тема петерб. наводнения всплывает в стих. «Дворцовая площадь» (1915), пушкинское имя города – «Петрополь» – фигурирует в стих. «На страшной высоте блуждающий огонь!» (1918), как и в более раннем «Мне холодно. Прозрачная весна...» (1916), где оно соединяется с реминисценциями из «Евгения Онегина» («зеленый пух» – Там же. С. 122) и пушкинского «Брожу ли я вдоль улиц

Александр Сергеевич Пушкин

шумных...» («И каждый час нам смертная година» – Там же) и с отсылкой к пушкинскому стих. «Прозерпина» («Где властвует над нами Прозерпина» – Там же). Мандельшт. тема умирания города-призрака благодаря пушкинским контекстам расширяется до темы гибели пушкинской культурной эпохи, пушкинская петерб. история продолжается и завершается в петерб. стихах «Камня» и «Tristia».

С П. связана и державно-патриотич. тема, пример – стих. «Polaci!» (1914), обращенное к польским легионерам, воевавшим против рос. армии. В идейном и интонац.-синтаксич. плане стихотворение впрямую ориентировано на пушкинские «Клеветникам России» и «Бородинскую годовщину» – «единственный у Мандельштама случай столь простых и демонстративных отношений с пушкинским материалом» (Тоддес. С. 93); к «Клеветникам России» восходит и фраза из ст. «Пшеница человеческая» (1922): «Ни один мессианствующий и витийствующий народ никогда не был услышан другим» (Собр. соч.-2. Т. 2. С. 248). Имперская тема облекается в пушкинские мотивы и в стих. «С миром державным я был лишь ребячески связан...» (1931): «Чуя грядущие казни, от рева событий мятежных...» (Там же. Т. 3. С. 43) – отзвук пушкинских «Стансов» (на фоне более глухих аллюзий пушкинских стих. «К морю» и «Нереида» в той же строфе).

В моск. стихах цветаевского цикла проступает допетровский пласт рус. истории – в реминисценциях из пушкинского «Бориса Годунова»: «А в Угличе играют дети в бабки» (здесь же – отсылка к пушкинскому «На статую играющего в бабки»); «Царевича везут, немеет страшно тело» (Там же. Т. 1. С. 121). Лирич. герой стих. «На розвальнях, уложенных соломой...» отчасти совмещается с пушкинским ист. героем и т. о. берет на себя груз истории; одноврем. через пушкинские реминисценции мерцает и любовная тема стихотворения, остающаяся при этом в глубоком подтексте. Самоидентификация поэта с царевичем, возможно, находит продолжение в стих. «Куда мне деться в этом январе?» (1937; при одноврем. и более явной самоидентификации с П. в дни столетия его смерти) – настойчивое созвучие в стихах «И прячутся поспешно в уголки, / И выбегают из углов угланы...» (Там же. Т. 3. С. 119) с ист. и пушкинским Угличем, местом убийства царевича Димитрия, обнажает тему насильств. смерти, к-рой страшится герой стихотворения.

О. М. воспринял от П. тему высшего призвания и жертв. служения поэта, мотивы пушкинского «Пророка» варьируются в его стихах от декларативно-витийственного «Как облаком сердце одето...» (1910) до стих. «Ах, ничего я не вижу, и бедное ухо оглохло...» (1930) из цикла «Армения» и «Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья и дыма...» (1931). Кульминация темы – отрывок «Я больше не ребенок! Ты, могила...», подписанного «6 июня 1931», днем рождения П.: в нем личное душевное пространство поэта раздвигается до размеров вселенной; как в пушкинском «Пророке», поэт говорит за всех как имущий власть и знающий истину, и слово его обжигает, как солнце обжигает глину. У пушкинского пророка «сердце трепетное» заменяется на «угль, пылающий огнем», у О. М. этому соответствуют обожженные губы поэта, постоянный у него атрибут поэтич. творчества.

Традиц.-поэтич. тему «Памятника» О. М. унаследовал в пушкинской интерпретации; вариации этой темы появляются у него, с предчувствием смерти, в стихах 1935–37: «Это какая улица?» (1935), «Да, я лежу в земле, губами шевеля...» (1935), «Не мучнистою бабочкой белой...» (1935, 1936), «Я нынче в паутине световой...» (1937), «<Ода>» (1937), «Заблудился я в небе – что делать?» (1937). Тему могилы поэта, скрытую в пушкинском «Памятнике», О. М. развертывает в контрастных вариантах; поэтич. пространство его надгробного монумента колеблется между «ямой» «имени Мандельштама» и царств. могилой в центре земли, на Красной площади, где поэт оказывается похороненным заживо, – «Да, я лежу в земле, губами шевеля...» (Там же. С. 91). Посмертная судьба поэтич. слова увязана в этом стихотворении с социальной геополитикой («Покуда на земле последний жив невольник» – Там же), тогда как в пушкинском «Памятнике» судьба слова сливается с посмертной судьбой души. О. М. продолжил и тему «Поэт и царь», пережив ее по-своему: в противоположность пушкинскому «Вознесся выше он главою непокорной / Александрийского столпа» поэт в оде И. В. *Сталину*, воспевает властителя и уходит с царской площади в небытие, отдавая тезке-«близнецу» (Там же. С. 112) свою посмертную славу. Последняя реминисценция из «Памятника» появляется в черновиках «Стихов о неизвестном солдате» (1937) – «Всяк живущий меня назовет» (Там же. С. 360), – но не попадает в окончат. текст, т. к. вступает в противоречие с гл. темой – гибели поэта как неизвестного солдата, «с гурьбой и гуртом» (Там же. С. 126).

Из ряда лирич. пушкинских тем у О. М. выделяется тема моря. В стих. «Бессонница. Гомер. Тугие паруса» (1915) «море черное», к-рое «шумит» (Там же. Т. 1. С. 115), связано с темой всевластия любви и восходит непосредственно к финалу «Путешествия Онегина», но одноврем. и к морю романтич. пушкинской лирики («Погасло дневное светило...», «К морю»); в стих. «С миром державным я был лишь ребячески связан...» «Черное море» (Там же. Т. 3. С. 43) как стихия свободы и любви также восходит к П. – к антологич. элегии «Нереида» и к стих. «К морю», в к-ром поэт предпочитает море земле, как миру насилия и тирании. Позже романтич. Черное море вытесняется в поэзии О. М. морем другим – сказочным и тоже пушкинским: в стих. «День стоял о пяти головах...» (1935) «синее море» (Там же. С. 93) пушкинских сказок символизирует отнятую свободу, П., поэзию вообще и собственно море, ставшее сказочной мечтой.

Образы пушкинской сказочной поэзии присутствуют и в др. произведениях О. М.: «комариный князь» («Я не знаю, с каких пор...», 1922 – Там же. Т. 2. С. 39; то же – в «Египетской марке» – Там же. С. 492) и Черномор («И по-звериному воет людье...», 1930) из «Сказки о царе Салтане...» (впрочем, смешанный с Черномором из «Руслана и Людмилы»), «черноморье» как вариант «лукоморья» и пушкинская сказочная концовка в «Ариосте» (1933) («...И мы бывали там. И мы там пили мед...» – Там же. Т. 3. С. 71). К этому ряду примыкает и сравнение из «Четвертой прозы»: «Здесь, как в пушкинской сказке, жида с лягушкою венчают...» (Там же. С. 170; на самом деле, это цитата из пушкинской баллады «Гусар»). Пример восприятия фольк. образов через посредство пушкинского текста – стих. «Мы живем, под собою не чуя страны...» (1933), в к-ром просматривается эпизод сна Татьяны из «Евгения Онегина» (пир «хозяина» с нечистью в лесной избушке).

Жизнь пушкинского слова принимает разные формы в стихах О. М.: от единичного и, м. б., бессознат. использования, до прорастания пушкинских образов в цельные лирич. сюжеты – это истории таких образов, как «прозрачный лес», «зеленый пух», «пунша пламень голубой», «птичка», пушкинского выражения «печаль моя светла» и др. В ряде произведений О. М. пушкинские реминисценции плотно сгущаются, перекрывая друг друга, как в стих. «В разноголосице девического хора...» (1916) – реминисценции из «Ты вянешь и молчишь; печаль тебя снедает...», «Зимнего утра», «Зима. Что делать нам в деревне?», «Вертоград моей сестры...», или в стих. «10 января 1834» – отсылки к «Моцарту и Сальери», «На холмах Грузии лежит ночная мгла...», «Медному Всаднику», «Евгению Онегину».

Античность и антич. традиц.-поэтич. пантеон у О. М. отчасти опосредованы П., в ряде стихов антич. тема и антич. образы сопровождаются у него отголосками пушкинской южной и конкретно крымской поэзии, с «традиционным для русского интеллигента восприятием Крыма как субститута Греции» (Аверинцев. С. 18) – «Бессонница. Гомер. Тугие паруса», «С миром державным я был лишь ребячески связан...». В стих. «С веселым ржанием пасутся табуны...» (1915) О. М. вослед П. отождествляет себя с *Овидием*, и при этом вводит в стихи, написанные от лица Овидия, реминисценции из пушкинских стих. «Осень» и «На холмах Грузии лежит ночная мгла...», а также подхватывает пушкинский каламбур с именем римского императора – «И – месяц Цезаря – мне август улыбнулся» (Собр. соч.-2. Т. 1. С. 116). Пушкинское посредничество обнаруживается в истории с Аонидами: они дважды появляются в стихах О. М. («Ласточка», 1920; «Концерт на вокзале»), и при этом он, согласно мемуарам И. В. *Одоевцевой* и Павлович, помнил этих муз не по антич. мифологии, а по поэзии П., и даже предполагал, что «их просто-напросто гениально выдумал Пушкин» (Одоевцева. С. 354).

В переломном для О. М. 1935 П. помогал ему определиться в отношениях с современностью. По впечатлениям от пути под конвоем в *Чердынь* написано стих. «День стоял о пяти головах» – здесь П., прямо названный (редчайший в поэзии О. М. случай), возникает как высшая ценность, к-рой поэт и хочет, и до конца не может поделиться с новым советским «племенем пушкиноведов», с «молодыми любителями белозубых стишков» (Собр. соч.-2. Т. 3. С. 93), отбирающими у него свободу. «Стансы» (1935), в к-рых выразилось стремление О. М. найти свое место в советском строю, «жить, дыша и большевея» (Там же. С. 96), ориентированы на пушкинские «Стансы» как ист. и поэтич. прецедент лояльности к власти («О. М. говорил, что “стансы” всегда примирительно настроены», – свидетельствовала Н. М., см.: Мандельштам Н. (3). С. 348). Пушкинский подтекст в этих стихах возникает также за счет ряда реминисценций и отдаленных, как будто не мотивир. общим смыслом аллюзий: «И ты, Москва, сестра моя, легка...» (Собр. соч.-2. Т. 3. С. 95; ср.: «Мне грустно и легко; печаль моя светла...» у П.), «Я слышу в Арктике машин советских стук...» (Там же. С. 96; ср.: «И внял я неба содроганье / И горний ангелов полет...» у П.), «Клевещущих козлов не досмотрел я драки...» (Там же. С. 95; ср.: «Перед окном возникшей дракой / Козла с дворовою собакой...» у П.). Нек-рая парадоксальность пушкинских реминисценций связана с общим характером мандельшт. цитатной поэтики: чужое слово, в т. ч. и пушкинское, как правило, полностью им присваивается, отрывается от «родного» контекста, органично растворяется в поэтич. ткани его стихов.

В 1937 О. М. остро переживал столетие смерти П. как момент завершения послепушкинского века – отсюда сгущение пушкинских мотивов в стихах зимы 1937: «Люблю морозное дыханье...» (реминисценция из «Евгения Онегина»), «Пою, когда гортань сыра, душа – суха...» (отзвуки «Осени» и «Поэта»), «Если б меня наши враги взяли...» (аллюзия на «Не дай мне Бог сойти с ума»); в стих. «Куда мне деться в этом январе?» страх смерти сопровождается мотивами пушкинских похорон («какой-то мерзлый деревянный короб» – Там же. С. 119) (см.: Рейнольдс. С. 200–214). Так обнажаются биогр. параллели, к-рые на протяжении всей жизни ощущал О. М., – параллели между судьбой П. и его собств. судьбой.

Те же параллели ложатся в подтекст мандельшт. «Путешествия в Армению» (1931–32): О. М. воспринимал свою поездку 1930 по *Армении* как последование пушкинскому кавк. путешествию, совершенному на 100 лет раньше. Сочетание путевых заметок с публицистикой, лаконичность, свободные отступления – таков стилеобразующий пушкинский субстрат «Путешествия в Армению», поддержанный упоминаниями П. («Уже сейчас молодые люди читают Пушкина на эсперанто» – Собр. соч.-2. Т. 3. С. 195) и пушкинских героев («рыцарственный Мазепа, одними губами ласкающий Марию» – Там же. С. 182). Виртуальное присутствие П. в армян. поездке О. М. сказалось и в стихах армян. цикла; «Чудный чиновник без подорожной, / Командированный к тачке острожной...» (Там же. С. 42; «И по-звериному воет людье...») и «Эрзерумская кисть винограда...» (Там же) как метафора поэзии («Дикая кошка – армянская речь...», 1930) – знаки этого присутствия.

В худож. прозе О. М., как и в поэзии, пушкинское слово полностью интегрируется в текст, в его муз.-метафорич. ткань; так, в «Шуме времени» растворяются мотивы «Медного Всадника» (гл. «Бунты и француженки»), «Пира во время чумы» (гл. «В не по чину барственной шубе»), «Евгения Онегина» (гл. «Эрфуртская программа»: «В тот год в Зегевольде, на курляндской реке Аа стояла ясная осень с паутинкой на ячменных полях» – Там же. Т. 2. С. 376, ср. с пушкинским: «В тот год осенняя погода / Стояла долго

на дворе...»). В статьях О. М. П. никогда не является непосредств. предметом речи, но всегда – точкой отсчета, центром системы координат, камертоном, по к-рому настраиваются мысли и оценки явлений. Пушкинская поэзия (и только поэзия) цитируется в статьях много и по б. ч. открыто, в кавычках, с указанием источника, без такого присвоения, как в стихах. О. М. прибегает к авторитету П. при анализе отношений поэта с читателем («О собеседнике», 1913), в докладе о смерти Скрябина и о сути христ. иск-ва (<«Скрябин и христианство»>), в «Заметках о Шенье» (1915[?]), в характеристике поэзии Ахматовой («О современной поэзии», 1916), В. Хлебникова («Буря и натиск», 1923) и груз. иск-ва («Кое-что о грузинском искусстве», 1922), в мыслях о цикличности культуры («Слово и культура», 1921), о «гениальном чтении» (Там же. Т. 1. С. 230; «О природе слова», 1921–22), об источниках и влияниях в поэзии Блока («А. Блок», 1921–22). Принципиально важной для О. М. оказалась пушкинская парадигма двух типов художника – В.-А. *Моцарта* и А. Сальери, из к-рых О. М. выбирает, как более продуктивный, актуальный и более близкий ему, тип Сальери: «На место романтика, идеалиста, аристократического мечтателя о чистом символе, об отвлеченной эстетике слова, на место символизма, футуризма и имажинизма пришла живая поэзия слова-предмета, и ее творец не идеалист-мечтатель Моцарт, а суровый и строгий ремесленник мастер Сальери, протягивающий руку мастеру вещей и материальных ценностей, строителю и производителю вещественного мира» (Там же. С. 231; «О природе слова»); ср. «Заметки о поэзии» (1923, 1927) и стих. «Адмиралтейство»: «...красота – не прихоть полубога, / А хищный глазомер простого столяра» (Там же. С. 83); ср. также высказывание О. М. в передаче Н. М.: «В каждом поэте есть и Моцарт, и Сальери» (Мандельштам Н. (3). С. 24).

В ст. «Выпад» (1923) О. М. резко высказался по поводу произвольного чтения и искаж. восприятия П.: «...Легче провести в России электрификацию, чем научить всех грамотных читателей читать Пушкина так, как он был написан, а не так, как того требуют их душевные потребности и позволяют их умственные способности» (2. С. 411). Сам он своим творчеством явил случай «гениального чтения» П., глубокого родства и творч. восприятия одного поэта другим поверх времени и традиций.

Источники: Мандельштам Н. (1) 1999; Мандельштам Н. (3).

Лит.: Нерлер П. О. Мандельштам – читатель Пушкина // ЛУ. 1987. № 3; Таборисская Е. М. Петербург в лирике Мандельштама // ЖиТМ; Черашняя Д. И. Этюды о Мандельштаме. Ижевск, 1992; Балашова И. А. Творчество А. С. Пушкина в восприятии О. Э. Мандельштама // Филология. 1993. № 2; Аверинцев С. С. «Золотистого меда струя из бутылки текла...» // Столетие Мандельштама; Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы // Очерки русской литературы XX в. М., 1994; Тоддес Е. А. К теме: Мандельштам и Пушкин // Philologia: Рижский филологический сб. Рига, 1994. Вып. 1; Шарапова А. В. «На языке цикад пленительная смесь...»: О пушкинском подтексте в стихах Мандельштама // Мандельштамовские дни в Воронеже. Воронеж, 1994; Гаспаров М. Л. Избр. статьи. М., 1995. С. 327–70; Рейнольдс Э. Смерть автора или смерть поэта? Интертекстуальность в стихотворении «Куда мне деться в этом январе?» // «Отдай меня, Воронеж...»; Мусатов В. В. Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX в. М., 1998. С. 241–320; Одоевцева И. Избранное. М., 1998; Сегал Дм. О. Мандельштам: История и поэтика. Ч. I. Кн. 1–2 // Slavica Hierusolymitana. Vol. VIII–IX. Jerusalem; Berkeley, 1998; Месс - Бейер И. Мандельштам и Пушкин: Уроки свободы // Russian Language Journal. Michigan, 1999. Vol. 53. № 174–176; Кузьмина С. Ф. В поисках традиции: Пушкин – Мандельштам – Набоков. Минск, 2000. С. 92–121; Лекманов. 2000. С. 508–510; Тарановский К. Ф. О поэзии и поэтике. М., 2000. С. 13–209; Ронен О. Поэтика О. Мандельштама. СПб., 2002 (по ук.); Алленов М. М. Тексты о текстах. М., 2003. С. 238–270; Капинос Е. В. О «Рождественской звезде» у Мандельштама // Пушкин в XXI в.: Вопросы поэтики, онтологии, историцизма. Новосибирск, 2003. С. 67–79; Сурат И. Мандельштам и Пушкин. М., 2009; Ronen O. An approach to Mandelstam. Jerusalem, 1983 (по ук.); Dutly R. «Wunderbarer Stoff»: O. Mandelstam und A. Puschkin // Zeitschrift für Kulturaustausch. 1987. № 1; Freidin G. A coat of many colors: O. Mandelstam and his mythologies of self-presentation. Berkeley, 1987.

И. З. Сурат.

«ПЬЯНЫЕ ВИШНИ», поэтич. сборник (Севастополь, 1920, 2-е изд.). Назв., возможно, заимствовано у Н. С. *Гумилёва*, выпустившего, предположительно, в 1918 книгу стихов «П. в.». В сборнике участвовали В. Баян, О. М. (стихотворения «Американка», «На перламутровый челнок..» под заглавием «О, пальцы гибкие...»), И. *Северянин* и др.

Архивы: Гумилёв Н. С. Пьяные вишни. Б. м., кн-во «Сатурн», (И. Л. и Р. Д.), [б. г.] // ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Шифр 66–6/7418. Микрофильм: шифр Мф 10830.

Лит.: Эльзон М. Д. Из архивно-библиографических разысканий // Николай Гумилев: Материалы научной конференции. 17–19 сентября 1991 года. Санкт-Петербург, 1992.

В. В. Калмыкова.

ПЯСТ Владимир (наст. фам. и имя Пестовский Владимир Алексеевич) (7.6.1886, С.-Петербург – нояб. 1940, пос. Голицыно Моск. обл.), поэт, переводчик, филолог-стиховед, мемуарист. Единств. среди символистов безоговорочно высоко оценивал человеч. качества О. М. и его поэтич. дарование. Познакомился с О. М. 16.5.1909 на «башне» В. И. *Иванова*, на 8-м, последнем, заседании «ПроАкадемии» (см.: Зап. ОР ГБЛ. М., 1974. Вып. 34. С. 258), где О. М. читал свои стихи, к-рые «чрезвычайно понравились» П. (Пяст Вл. Встречи. С. 101). О. М. и П. дружески сблизились весной 1911, когда С. М. *Городецкий*, Н. С. *Гумилёв*, О. М. и П. собирались совм. продолжить изд. журнала «Остров» (прекращено в 1909). В журнале «Gaudeamus» (1911. № 4, 5) П. с энтузиазмом откликнулся на 1-ю публикацию стихов О. М. (Аполлон. 1910. № 9). 29.10.1911 А. А. *Блок* внес в свой дневник запись, свидетельствующую о постоянных дружеских контактах между О. М. и П. (см.: Блок А. А. Дневник. М., 1989. С. 72; см. также: С. 89, 130). В окт. 1911 П. присоединился к *«Цеху поэтов»*, но в дальнейшем в его деятельности активно не участвовал.

В строке «Земную разрушь клеть» из стих. О. М. «Сегодня дурной день...» (1911) использован образ из стих. П. «Двойник»: «И я, взойдя в земную клеть, / Стал плотью, кровью, костью» [реминисценции из стих. П. «Здесь на этом мшистом холму...» также содержатся в стих. О. М. «Я по лесенке приставной...» (1922) (см.: Тоддес Е. А. Наблюде-

ния над текстами Мандельштама // Тыняновский сборник. Шестые – Седьмые – Восьмые Тыняновские чтения. М., 1998. С. 328)]. П. – страстный поклонник и пропагандист творчества Э. *По* – послужил реальным прототипом «кошмарного человека», к-рый «читает Улялюм» из стих. О. М. «Мы напряженного молчанья не выносим...» (1913) (Харджиев Н. И. Примечания // Стих. 1973. С. 260).

Выход «Камня» (1913) П. отметил среди «литературных событий» 1913 (Отклики [Прилож. к газ. «День»]. 1914. № 1. С. 3–4). 7.12.1913 в своем докладе «Поэзия вне групп» П. утверждал, что «Мандельштам – ясновидящий» (согласно возмущенному пересказу Вл. В. *Гиппиуса*; см.: Мец А. Г. Комментарий // Камень. 1990. С. 351), а также «упорно противопоставлял А. Блоку Мандельштама, и было видно, что Пяст считает Мандельштама поэтом гораздо крупнейшим, чем А. Блок» [негодующий пересказ И. В. Евдокимова; см.: ЛН. Т. 94. Кн. 3. М., 1982. С. 426; см. также реплику П., обращенную к О. М. в 1921 и цитируемую в беллетризованных мемуарах И. В. *Одоевцевой*: «Вы маг и волшебник» (Одоевцева И. В. На берегах Невы: Литературные мемуары. М., 1989. С. 193)].

О. М. подарил П. 2-е изд. «Камня» (1916) со следующим инскриптом: «В. Пясту с любовью Осип Мандельштам. 21 дек. 1915» (Слово и судьба. С. 111). На выход этой книги П. откликнулся рец., в к-рой признание безусловности недюжинного дарования О. М. («...Живая изобразительность языка, живое проникновение в эстетическую сущность изображаемого с легким юмором, прозаичного, будничного предмета» [День. 1916. 21 янв. С. 5; цит. по: Камень. 1990. С. 218]) сочеталось с требовательными пожеланиями к О. М. оттачивать свое мастерство.

Поэтич. отклики О. М. на Окт. рев-цию 1917, печатавшиеся в газете «Воля народа», перекликаются с «поэтическими инвективами» П., посв. этому же событию и публиковавшимися в этом же изд. (см.: Сегал. С. 483–486). В окт. 1920 – февр. 1921 О. М. и П. – соседи по *Дому искусств*. Именно в это время в сознании современников складывается устойчивое представление об О. М. и П. как о гротескной паре поэтов-чудаков, что нашло отражение в мемуарах, дневниках и др. документах эпохи (см.: Лекманов. С. 556–560). Это представление болезненно переживалось обоими поэтами и многое предопределило в их дальнейших личных отношениях. Творч. следствием такого представления стал, в частности, мандельшт. выбор П. на роль одного из прототипов гл. героя пов. «Египетская марка» (1927) – Парнока (см.: Тименчик. С. 5, примеч. № 5).

В марте 1928 О. М. добился от Е. И. *Замятина* и Л. Н. Замятиной приглашения П. на юбилейный вечер «Поэты читают стихи Федора Сологуба»: «...Мне кажется, что совершенно необходимо пригласить В. А. Пяста – одного из самых близких по духу и поколенью к Ф<едору> К<узьмичу>, кровного поэта. Короткая память в отношении к Пясту наш общий грех» (из письма О. М. к Замятину от 2.3.1928: 4. С. 97).

6.2.1930 П. арестован в Москве по обвинению в контррев. агитации и участии в контррев. организации, сослан на 3 года: сначала в Архангельск, затем в г. Кадников Вологодской обл. В нач. 1933 О. М. пытался собрать для отправки ему туда 2 посылки с вещами и продуктами. «Горячо и тепло он относится к Вам», – сообщал Б. М. *Зубакин* в письме к П. в февр. 1933 (см.: Новое о Мандельштаме // Филологические зап. [Воронеж], 1994. Вып. 3. С. 161). В квартире О. М. и Н. Я. *Мандельштам* в Нащокинском пер. вернувшийся из ссылки П. в 1934 хранил рукописи своих неопубл. поэм. Свидетельством дружеского общения О. М. и П. в это время могут послужить два шуточных стих. О. М., изображающих П., – «Плещут воды Флеготона...» и «Слышу на лестнице шум быстро идущего Пяста...» (оба 1934; см.: Герштейн. С. 41).

Владимир Пяст

В свою очередь, П. включил стихи О. М. в составленную им совм. с Н. С. Омельянович хрестоматию «Современный декламатор» (1926). П. не только доброжелательно изобразил О. М. в книге своих мемуаров «Встречи» (1928), но и подарил ему эту книгу с инскриптом: «Соавтору, Осипу Мандельштаму, от любящего автора. В. Пяст. 25/ IX 1929» (см.: Фрейдин Ю. Л. «Остаток книг»: Библиотека О. Э. Мандельштама // Слово и судьба. С. 236; подразумевались, вероятно, многочисл. цитаты из стихов О. М. в книге П.). 28.5.1929 П., наряду с двадцатью др. литераторами, подписал коллективное обращение в ред. газеты *«Известия»* или «Комсомольская правда», протестующее против шельмования О. М. Д. И. *Заславским* в *«Литературной газете»* (см.: Слово и судьба. С. 138; ранее П. защищал О. М. в разговоре с А. А. Кипеном, о чем последний не преминул сразу же сообщить А. Г. *Горнфельду*; см.: Лекманов. 2000. С. 693). Свою кн. «Современное стиховедение. Ритмика» (1931) П. густо насытил цитатами из О. М. (Л., 1931. С. 78–79, 85, 102–105, 165, 290, 295, 296, 301, 320–322, 324–326, 355–356).

В мае–июне 1935, находясь в воронежской ссылке, О. М. вместе с С. Б. *Рудаковым* перечитывал «Встречи» П. (см.: Мандельштам в письмах Рудакова. С. 58).

Соч.: Встречи / сост., вступ. ст. «Рыцарь-несчастье», подгот. текста, коммент. Р. Тименчика. М., 1997 (по именному ук.).

Источники: Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 84, 88, 94–95, 427.

Лит.: Лекманов О. А. Два поэта: (Из набросков к биографии Мандельштама) // Лекманов. 2000.

О. А. Лекманов.

Р

«RUSSIAN LITERATURE», филол. журнал. Издается с 1971 в Нидерландах, сначала изд-вом «Mouton» (Гаага; Париж), затем изд-вом «Elsevier Science» (Амстердам). Первонач выходил нерегулярно, по мере накопления материала (№ 1–12); в 1976–78 – 4 номера в год, в 1979–80 – 6 номеров в год, с 1981 выходит ежегодно – 2 т. по 4 номера каждый; всего к 2005 вышло 104 номера. Инициаторы, организаторы и первые гл. редакторы «R. L.» – слависты Я. ван дер Энг (Нидерланды) и Н. О. Нильссен (Швеция), среди членов ред. коллегии – К. Ф. *Тарановский* (США). С 1987 гл. ред. – В. Г. Вестстейн (Нидерланды). «R. L.» имеет постоянную интернет-страницу на веб-сайте изд-ва «Elsevier Science»: http:// www.elsevier.com.

Посв. первонач. изучению рус. лит-ры на протяжении всей истории ее существования, со временем журнал начал публиковать материалы и о др. слав. лит-рах. В «R. L.» представлены исследования биографич., ист.-лит., структурно-семантич. и иных направлений. С первых выпусков журнал стал своего рода науч. альтернативой офиц. советскому лит-ведению. В нем публиковались работы отеч. и заруб. ученых, затрагивающие те проблемы или их аспекты, к-рые по разным причинам не могли быть затронуты в СССР. И хотя ред. коллегия «R. L.» не декларировала явных тематич. или методологич. предпочтений, в целом журнал на нач. этапе оказался ориентирован в осн. на «московско-тартускую структурно-семиотическую школу», а также восприятие и развитие идей М. М. Бахтина.

Одним из гл. науч. направлений в деятельности «R. L.» стало изучение *акмеизма* и, в частности, худож. наследия О. М. В 1974 в «R. L.» (№ 7/8) Н. И. *Харджиев* впервые опубликовал рец. О. М. «К выходу "Альманаха муз"» (1916), а в 1977 (Vol. V. № 2) Ю. Л. Фрейдин – мандельшт. кинорец. «Шпигун» (1929) и (также впервые) заметку <«О Чехове»> (1935). Тогда же А. Г. Мец и В. Н. Сажин опубликовали неск. шуточных мандельшт. стихотворений (Там же), а в 1984 (Vol. XV. № 1) – ряд материалов (часть из них – впервые), связанных с переводч. деятельностью О. М. В 1977 в «R. L.» (Vol. 5. № 3) Б. Янгфельдт впервые напечатал два поздних мандельшт. текста – «Мир начинался страшен и велик...» и «С примесью ворона голуби...».

К сер. 1970-х гг. в журнале вышли посв. мандельшт. творчеству работы Вяч. Вс. Иванова, Ю. И. Левина, Г. А. Левинтона, Д. Мальмстада, Нильссена, Д. М. Сегала, Тарановского, Р. Д. Тименчика, В. Н. Топорова, Т. В. Цивьян и др. За время существования «R. L.» было выпущено 2 тематич. номера, посв. акмеизму (1974. № 7/8; 1975. № 10/11), и 7 – посв. О. М. (1972. № 2; 1977. Vol. V. № 2, 3; 1984. Vol. XV. № 1; 1991. Vol. XXIX. № 3, 4; 1997. Vol. XLII. № 2). Деятельность ред. коллегии журнала и его авторов во мн. способствовала формированию совр. науч. *мандельштамоведения*.

Лит.: RL. 1972. № 2, 3; 1974. № 7/8; 1975. № 10/11; 1977. Vol. V. № 2, 3; 1978. Vol. VI. № 2; 1979. Vol. VII. № 5; 1980. Vol. VIII. № 2; 1984. Vol. XV. № 1; 1985. Vol. XVIII. № 3; 1986. Vol. XIX. № 4; 1987. Vol. XXI. № 3; Vol. XXII. № 4; 1988. Vol. XXIV. № 2; 1991. Vol. XXIX. № 1, 3; Vol. XXX. № 3, 4; 1993. Vol. XXXIII. № 2/3; 1997. Vol. XLI. № 4; Vol. XLII. № 2, 3/4; 1999 Vol. XLV. № 2; 2000. Vol. XLVII. № 3/4; 2001. Vol. XLIX. № 1; Vol. L. № 2; 2004. Vol. LVI. № 4.

С. Г. Шиндин.

РАБИНОВИЧ Исаак Моисеевич [27.2(11.3).1894, Киев – 4.10.1961, Москва], театр. художник. Учился в Киевском худож. уч-ще (1906–12) и в студии А. А. Мурашко (1912–15). В 1917–19 работал в полит. отделе Красной армии и в Киевском отделе иск-в. В дек. 1918 совм. с А. А. *Экстер* открыл Киевскую мастерскую декорац. иск-ва, к-рая брала подряды на театр. и оформит. работы; здесь же давались уроки живописи, рисунка и театр.-декорац. иск-ва; Н. Я. *Мандельштам*, очевидно, входила в число «учеников» мастерской. Вместе с А. Г. *Тышлером* Р. готовил праздничное оформление Киева к 1.5.1919; тогда же выступил художником поставленного К. А. *Марджановым* к первомайским праздникам спектакля «Фуэнте овехуна» по пьесе Лопе де Вега «Овечий источник». Н. М. позднее вспоминала о своем участии в оформлении постановки: «Для апофеоза художник Исаак Рабинович придумал неслыханное изобилие: через всю сцену протягивалась гирлянда бутафорских фруктов, овощей, рыбьих и птичьих тушек подозрительно фаллического вида. Овация нарастала. Исаак выходил раскланиваться. Он вел за руку двух своих помощниц: одна была я, другая – моя подруга Витя <...>. Это мы с Витей раскрашивали фруктообразные фаллосы...» (Н. М. Т. 2. С. 39); ср.: «Любил, но изредка чуть-чуть изменял»: Заметки Н. Я. Мандельштам на полях американского «Собрания сочинений» Мандельштама / Подготовка текста, публ. и вступит. заметка Т. М. Левиной // Philologica. 1997. № 4. С. 173. [Сцена принесения даров крестьянами стала одним из самых эффектных моментов спектакля; ср. восп. А. И. *Дейча*: «...Во время пиршества через сцену протянулась веревка, по которой безостановочно "плыли" гуси, утки, окорока, корзины фруктов, бурдюки с вином» (Дейч А. По ступеням времени: Воспоминания и статьи. К., 1988. С. 113).] Искушенный современник, близкий кругу Р., оставил свидетельство об одной из его прикладных работ – «визитной карточке» артистич. кафе *«ХЛАМ»* того времени, столь значимого для личной биографии О. М.: «ХЛАМ... Квадратную эту вывеску с изображением куда-то летящего, как Икар, человека в ультрамариново-синем и розово-серебряном пространстве написал И. Рабинович» (Юткевич С. Из ненаписанных воспоминаний // Панорама искусств. Вып. 11. М., 1988. С. 78). В нач. 1920-х гг. Р. сотрудничал с Моск. гос. евр. театром, с

соавторами принимал участие в оформлении популярных кинофильмов Я. А. Протазанова «Аэлита» (1924) и «Процесс о трех миллионах» (1926). В 1926–30 проф. живописного факультета Вхутеина. В этот же период Р. активно работал в качестве театр. художника и, в частности, принимал участие в постановке В. И. Немировичем-Данченко для Муз. студии МХАТа (1923) комедии Аристофана «Лисистрата»; очевидно, именно она упоминается О. М. в ст. «Художественный театр и слово» (1923). Оформление спектакля, принятого современниками, стало своего рода вершиной творч. пути Р.

С. Г. Шиндин.

РАБЛЕ (франц. Rabelais) Франсуа (ок. 1494, близ г. Шинон, Турень, Франция – 9.4.1553, Париж), франц. писатель, один из крупнейших представителей лит-ры Возрождения, автор ром. «Гаргантюа и Пантагрюэль», входящего в число величайших текстов мировой лит-ры. В творчестве Р., представлявшем собой своеобразную энциклопедию совр. ему Франции, особенно важна связь с низовым, карнавальным сознанием. Именно это качество романа оказало исключит. влияние на формирование категории комического во всей европ. культуре.

В теоретич. построениях *акмеизма* Р. отводилось существенное место: в манифесте Н. С. *Гумилёва* «Наследие символизма и акмеизм» (1913) он назван среди «краеугольных камней» акмеизма – У. *Шекспира*, Ф. *Вийона* и Т. *Готье* – и охарактеризован как автор, показавший «тело и его радости, мудрую физиологичность» (Гумилёв Н. Собр. соч.: В 3 т. Т. 3: Письма о русской поэзии. М., 1991. С. 19). Творчество Р., очевидно, было одной из основ «адамистической» составляющей акмеизма (ср., напр.: Баскер М. Гумилёв, Рабле и «Путешествие в Китай»: К прочтению одного прото-акмеистического мифа // Н. Гумилев и русский Парнас: Материалы научной конференции. СПб., 1992). Гумилёв, говоря о Готье, отмечал, что «он могуч, <...> как Рабле, <...> как большой и смелый лесной зверь» (Там же. С. 186).

О. М. также впервые упомянул имя Р. в своей программной «неоакмеистической» ст. «О природе слова» (1920–22), и именно в связи с системой ценностей акмеизма: «...В России, в начале столетия, возник новый вкус, такие громады, как Рабле, Шекспир, Расин, снялись с места и двинулись к нам в гости» (Собр. соч-2. Т. 1. С. 229). Осенью 1925 изд-во *«Прибой»* предлагало О. М. перевести «4 листа Рабле», но перевод не был осуществлен; вероятно, в 1928 О. М. и Б. К. *Лившиц* отказались от перевода для изда *«Земля и фабрика»* [см. мандельшт. письма Н. Я. *Мандельштам* от 16.10.1925 и И. И. Ионову в кон. янв. – нач. фев. 1929 (4. С. 47, 108)].

О. М., безусловно, высоко ценил творчество Р., используя его в качестве своеобразного «термина сравнения» для произведений иных авторов. В ст. «Литературная Москва. Рождение фабулы» (1922), говоря о великих прозаиках – эклектиках и собирателях, он сопоставил «Гаргантюа и Пантагрюэля» Р. и «Войну и мир» Л. Н. *Толстого*, охарактеризовав их как грандиозные словесные замыслы, превращающиеся в легенду, миф. Тогда же в «Заметках о Шенье» (1922) в связи с Р. и Вийоном О. М. отметил синтаксич. свободу поэтов *Средневековья*, что в известном смысле может выступать как автохарактеристика самого О. М., отводившего исключительно высокую роль синтактике худож. текста, понимаемой им как один из гл. смыслообразующих факторов. Вместе с тем О. М. отчетливо осознавал «низовой» характер творчества Р.: в его переводе сер. 1920-х гг. из пов. «Автобиография бродяги» Д. Тулли фигурируют «непристойные босяцкие песни, от которых Раблэ (так в источнике. – *Ред.*) пришел бы в восторг» (2. С. 220), а в заметке «Новые произведения Жюля Ромэна» (1924) О. М. упоминал «здоровую грубость Рабле» (Там же. С. 220, 413). Об этом же он пишет в неоконч. фрагменте <«А. Серафимович. “Город в степи”»> (нач. 1930-х гг.), где иронически характеризует свой лит. «слух», к-рый «далеко не такой нежный: принимает же он <...> Рабле» (3. С. 373). Встречаются в текстах О. М. и прямые отсылки к персонажам Р., как, напр., при метафорич. передаче начала XXXII песни «Божественной Комедии» *Данте Алигьери*: «Кто эти молодцы, эти губошлепствующие гиганты? Это целый взвод Гаргантюа твердит взрывчатую азбуку. Какие-то великаньи младенцы обучаются на губной гребенке» (Там же. С. 406).

Франсуа Рабле

С. Г. Шиндин.

«РАБОЧАЯ ГАЗЕТА» (первонач. назв. – «Рабочий»), ежедн. издание (Москва, 1922–32; в 1932 преобразована и переименована в «Водный транспорт»). Ред. – К. С. Еремеев. Для усиления связи с читателями при редакции была создана широкая рабочая редколлегия, в к-рую входили представители от крупных фабрик, заводов, рудников. Члены редколлегии участвовали в заседаниях редакц. советов, в обсуждении вышедших номеров, в составлении планов следующих. Это делало тиражи огромными (тираж к 1923 возрос в 25 раз и превысил 100 тыс. экз.). «Р. г.» постоянно проводила рабселькоровские собрания и конференции читателей в провинциальных городах (Луганск, Златоуст, Горловка и др.), вела активнейшую переписку с читателями, публикуя их письма.

О. М. опубликовал здесь стих. «В лазури месяц новый...» под заглавием «Кузнец», очерк «“Генеральская”».

Источники: Мандельштам О. Э. Кузнец («В лазури месяц новый...») // Рабочая газета. 1922. 31 дек.; Он же. «“Генеральская”» // Там же. 1923. 14 июля.

В. В. Калмыкова

РАДЛОВ Сергей Эрнестович [23.9.1892, С.-Петербург – 27.10.1958, Рига (ныне Латвия)], театр. режиссер, теоретик и историк театра, драматург, чл. группы эмоционалистов (1922); ему посвящена пьеса М. А. *Кузмина* «Смерть Нерона» (1929). В 1910–16 учился на классич. отделении ист.-филол. ф-та С.-Петерб. (Петрогр.) ун-та, где занимался в семинаре Ф. Ф. Зелинского. Печатал стихи, переводы (Плавт «Близнецы»), рецензии (см.: Дмитриев П. В. Пред. и прим. к публ.: Радлов С. Э. Воспоминания о Театре Народной комедии // Минувшее: Исторический альманах. М., СПб., 1994. [Вып.] 16. С. 92). В 1911 был приглашен в «Старинный театр» «сочинять прологи для испанских спектаклей» (Казароза. [Памяти Бэлы Георгиевны Казарозы]. М., 1930. С. 61). С 1914 муж А. Д. *Радловой*. В нояб. 1919 по предложению Петрогр. театр. отдела Нар. комиссариата просвещения (Наркомпроса) вместе с В. Н. Соловьевым создал Театр худож. дивертисмента, вскоре переименованный в Театр Нар. комедии. Среди самых известных спектаклей Р. 1930-х гг. – «Отелло» (1935) в моск. Малом театре и «Король Лир» (1935) в Госете. В 1930-е гг. Р. возглавлял Театр им. Ленингр. Совета. Эвакуированный в Пятигорск, театр в авг. 1942 оказался в оккупации, фашисты переименовали его в «Петроградский театр под руководством Радлова» и позволили давать представления. В нач. февр. 1943 года оккупанты вывезли труппу в Запорожье, потом, в сент. 1943, – в Берлин. Театром занялась организация Europäischer Kunstlerdienst, ведавшая «культурным обслуживанием рабочих, угнанных из СССР в рейх» (Гайдабура В. «И наша первая любовь горит последнею любовью» // Театр. 1992. № 10. С. 107). Вскоре труппа была разделена на три части: одна осталась в Германии, другую отправили на север Франции, третья (22 чел. во главе с Р.) оказалась на юге Франции, неподалеку от Тулона. Актеры выезжали в лагеря для рус. военнопленных и давали там спектакли. После освобождения Парижа и возобновления деятельности посольства СССР во Франции Р. сообщил туда о своей труппе. Последовал ответ: добираться до посольства собств. силами. Под Марселем были созданы многолюдные лагеря рос. репатриантов, здесь радловцы и «гастролировали» ок. 2,5 мес. 15.1.1945 Р. со своими актерами приехал наконец в Париж. Там, по предположению Р. Д. Тименчика (см.: Тименчик Р. Д. Что вдруг. Иерусалим; М., 2008. С. 553), Р. дал интервью парижской газете «Русский патриот», где упомянул о гибели О. М. 22.2.1945 Р. вылетел в Москву, где был арестован. До 1953 находился в лагере. Реабилитирован в 1957.

Знакомство О. М. и Р. могло состояться во время обучения в ун-те (см. косвенное свидетельство: Жирмунский В. М. Вопросы теории литературы. Л., 1928. С. 8), вероятно, они встречались в артистич. кабаре «*Бродячая собака*» и «*Привал комедиантов*»; виделись на заседаниях второго «*Цеха поэтов*» [см. отрывок из восп. И. А. Оксенова о собраниях у Р. (Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана: Аннотированный каталог публикаций. М., 1989. С. 370)]. Свидетельством их общения в этот период служит мандельшт. инскрипт Р. на 2-м изд. «Камня» (1915): «Дорогому Сергею Эрнестовичу // дружески // Осип Мандельштам // 28 дек. 1915г.» (РНБ. Шифр 37.59.7.337а; см.: Парнис А. Е. Штрихи к футуристическому портрету О. Э. Мандельштама // Слово и судьба. С. 202). 15.12.1916 и 13.1.1917 в «Обществе изучения современной поэзии» при редакции журнала «*Аполлон*» О. М. и Р. приняли участие в обсуждении двух докладов В. М. *Жирмунского* об эротич. балладах В. Я. *Брюсова* из сб. «Urbi et Orbi» (1903) (см.: Кофейня разбитых сердец: Коллективная шуточная пьеса в стихах при участии О. Э. Мандельштама / публ. Т. Л. Никольской, Р. Д. Тименчика и А. Г. Меца. Stanford Slavic Studies. Vol. 12. Stanford, 1997. С. 33). Эти доклады представляли собой первую главу из книги Жирмунского «Валерий Брюсов и наследие Пушкина» (1922). Вторая глава – о «Египетских ночах» Брюсова – была прочитана ученым летом 1917 в Алуште (см.: Жирмунская Н. А. Прим. к сб. статей В. М. Жирмунского «Теория литературы. Поэтика. Стилистика». Л., 1977. С. 381), где О. М. и Р. в ту пору были соседями.

В 1919 Е. Э. *Мандельштам* женился на свояченице Р., Н. Д. Дармолатовой [1895(?)–1922]. В 1920-е гг. О. М. часто жил у брата, виделся с Радловыми. В своих восп. Е. Э. пишет о лит. салоне Радловых, к-рые были шаферами на его свадьбе, об их помощи ему во время ареста: «Сестра Надюши Анна и ее муж Сергей Радлов обратились за помощью к М. Горькому. Благодаря его заступничеству и поручительству следствие было ускорено. В результате меня приговорили только к шести месяцам принудительных работ, обвинив в контрреволюционной агитации, которой я, естественно, никогда не занимался». (Мандельштам Е. Э. Воспоминания // НМ. 1995. № 10. С. 154). Н. Я. *Мандельштам* вспоминала, как в 1922 Мандельштамы пришли к «Радловой. Там собрались Кузмин с Юркуном <...> художник Лебедев <...> и еще несколько человек», они уговаривали О. М. присоединиться к их группе эмоционалистов, связанных с эстетикой зап. экспрессионизма, приглашали в союз «синтеза всех искусств – поэзии, театра, живописи... Сергей Радлов, режиссер, с полной откровенностью объяснил Мандельштаму, что все лучшее в искусстве собрано за его чайным столом. <...> Юркун шел за прозаика. Материальная база – театр, который обеспечит и Мандельштама, как и других членов объединения. Имя Мандельштама необходимо для укрепления художественной ценности союза, он же получит поддержку группы во всех смыслах и во всех отношениях» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 143). Когда Радловы спросили, «согласен ли Мандельштам позабыть устаревший и смешной акмеизм и присоединиться к ним, активным деятелям современного искусства <...> Мандельштам сказал, что по-прежнему считает себя акмеистом <...>» (Там же. С. 106). В ОР РНБ, в фонде С. Э. Радлова, хранятся автографы двух мандельштамовских стихотворений («Я по лесенке приставной...» и «Я не знаю, с каких пор...», оба 1922) (см.: ОР РНБ. Ф. 625. Ед. хр. 755. Л. 1, 2). В альманахе группы эмоционалистов «*Абраксас*» (1922. Вып. 2) напечатаны два стихотворения О. М. («Как растет хлебов опара...» и «Ветер нам утешенье принес...», оба 1921) и пьеса Р. («Убийство Арчи Брейтона»; 1922). В 1923 О. М. перевел драму Э. *Толлера* «Человек-масса», а Р. на сцене Акдрамы (быв. Александринский театр) поставил пьесу Толлера «Эуген Несчастный», музыку к спектаклю написал Кузмин, у к-рого О. М. также мог встречать Р. 17.3.1924 Кузмин писал Я. Н. Блоху: «Видаюсь все с теми же: Радловы, Покровские, Дмитриев, Вагинов etc. Впрочем <,> есть и новые друзья». [Letter of M. A. Kuzmin to Ja. N. Blox /

Publ. of J. E. Malmstad // Studies in the Life and Works of Mixail Kuzmin (Wiener Slawistischer Almanach. S–Band 24). Wien, 1989. S. 175]. Публикатор письма Дж. Е. Малмстад в качестве примера к этому месту приводит цитату из восп. Н. И. *Харджиева:* «Вспоминали об уютнейших встречах – музыкально-стихотворных и разговорных – у Михаила Кузмина. <...> В качестве causeur'а Кузмин имел единственного соперника – Осипа Мандельштама. Но, в отличие от конвульсивно-яростного спорщика Мандельштама, Кузмин изрекал свои "приговоры" бесстрастным "белым" голосом» (Ibid. S. 180).

Единств. раз Р. вскользь упомянут в мандельшт. письме Н. М. от 26.2.1926: «Дома никого нет. <...> Бабушка (М. Н. Дармолатова. – *М. С.*) ушла к Радловым» (4. С. 71).

Лит.: Золотницкий Д. И. Сергей Радлов: Режиссура судьбы. СПб., 1999; Сальман М. Г. Сергей Радлов и Осип Мандельштам // Миры Осипа Мандельштама: IV Мандельштамовские чтения: материалы международного научного семинара, 31 мая – 4 июня 2009 г. Пермь – Чердынь. Пермь, 2009. С. 292–304.

М. Г. Сальман.

РАДЛОВА (урожд. Дармолатова) Анна Дмитриевна (22.1.1891, С.-Петербург – 23.2.1949, с. Переборы Ярославской обл.), поэтесса, прозаик, переводчик, жена реж. С. Э. *Радлова*. Знакомство О. М. и Р. произошло в сер.1910-х гг., в петерб. (петрогр.) лит. кругах (так, в 1916–1919 О. М. и Р. встречались в артистич. кабаре *«Привал комедиантов»*, бывшем «вотчиной» 2-го «Цеха поэтов», куда входила и Р. (см.: Конечный А. М., Мордерер В. Я., Парнис А. Е., Тименчик Р. Д. Артистическое кабаре «Привал комедиантов» // Памятники культуры: Новые открытия. 1988. М., 1989. С. 99), а с 1918, после женитьбы Е. Э. *Мандельштама* на мл. сестре Р., Надежде [1895(?)–1922], оказались связаны и родств. узами. Опровергая слухи об иных отношениях О. М. и Р., А. А. *Ахматова* сочла нужным заметить, что «легенда о его увлечении Анной Радловой ни на чем не основана» (Ахматова. С. 128). В альбоме Р. (ИРЛИ) – автографы трех стихотворений О. М. (1916) (см.: Мец А. Г. Комментарий // Полн. собр. стих. С. 543).

Летом–осенью 1917 О. М. и Р. с мужем соседствовали в Алуште, где была написана коллективная шуточная пьеса в стихах «Кофейня разбитых сердец», одним из авторов к-рой стал О. М., а прообразом одного из персонажей – Р.: мотивы ее произведений угадываются в речах Деметрики (Кофейня разбитых сердец: Коллективная шуточная пьеса в стихах при участии О. Э. Мандельштама / публ. Т. Л. Никольской, Р. Д. Тименчика и А. Г. Меца // Stanford Slavic Studies. 1997. Vol. 12. С. 15). Отзвук написанного по крымским впечатлениям стих. Р. «Не море, милый, нет, не говори...» (1917) слышен в мандельшт. «ностальгии по Крыму» – «Разрывы круглых букв, и хрящ, и синева...» (1937). В стих. Р. «Ничего нет страшного на свете...» (1921) образ «серого асфоделевого сада» является прямой аллюзией на нач. строки написанного в Алуште стих. О. М. «Меганом» (1917): «Еще далеко асфоделей / Прозрачно-серая весна» (1. С. 183).

В нач. 1920-х гг. Р. была участником объединения эмоционалистов; тогда же О. М. и Р. одноврем. публиковались в альм. *«Абраксас»* (Вып. 2. 1922).

В 1920-е гг. О. М. подолгу жил в петрогр. квартире родителей Р. (Васильевский о-в, 8-я линия, д. 31, кв. 5), бывал и в «литературном салоне» Радловых. В нач. 1920-х гг., во время одного из таких «"родственных" визитов», отвечая на вопрос Р., согласен ли он «позабыть устаревший и смешной акмеизм и присоединиться к ним, активным деятелям современного искусства», О. М. объявил, «что по-прежнему считает себя акмеистом» (Т. 2. С. 143).

Поэтич. манеру Р. О. М. в ст. «Литературная Москва» (1922) назвал проникнутой «сомнительной торжественностью» и перекликающейся с «богородичным рукоделием» М. И. *Цветаевой* (2. С. 257). В такой оценке можно усмотреть намек на тему хлыстовской Богородицы не только у Цветаевой, но и в пьесе Р. «Богородицын корабль» (1922) (Ронен О. «Бедные Изиды»: Об одной вольной шутке О. Мандельштама // ЛО. 1991. № 11. С. 92). Ср. этот отзыв с рец. М. А. *Кузмина* на кн. стихов Р. «Соты»: «Некоторая торжественность тона и эпитетов (Мандельштам?) не смешна, но кажется скорее поэтическим приемом, от которого поэт избавится, чем врожденным свойством». По словам Кузмина, «поэтическое самоопределение» Р. «лежит где-то по соседству с Ахматовой и Мандельштамом, отличаясь от первой большею резкостью и крепостью и от второго большей простотою и выразительностью» (Кузмин М. Библиография: Радлова А. Соты. Книга стихов // Жизнь искусства. 1918. № 16. 18 нояб. С. 4. Сравнение поэтич. приемов О. М. и Р. см. также в: Он же. Голос поэта: Радлова А. Корабли // Жизнь искусства. 1921. № 702–705. 26–29 марта. С. 1).

Сохранились мемуары, свидетельства о «смешном стишке <...> про архистратига, который входит в иконостас» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 460), сочиненном О. М. как пародия на стихи Р. – «из веселого зловредства, а не par dépit», по замечанию Ахматовой, процитировавшей в «Листках из дневника» неск. строк этого текста (Ахматова. С. 128). Однако отзвуки характерных для Р. словесных образов можно услышать в стих. О. М. «Сестры тяжесть и нежность...» (1920): «тяжелые соты» напоминают не только о заглавии поэтич. сб. Р. «Соты» (1918; сопоставлено Р. Д. Тименчиком; см: Barnstead J. A. Mandel'stam and Kuzmin // Wiener Slawistischer Almanach. Bd. 18, 1986, S. 56; Левинтон Г. А. «Ахматовой уколы» // А. Ахматова и русская культура начала XX века: Тезисы конференции. М., 1989. С. 44), но и о назв. части ее сб. «Корабли» (1920) – «Новые Соты», а строка «Время вспахано плугом, и роза землею была» (Собр. соч.-2. С. 142–143) – о фрагменте стих. Р. «18 октября 1919 г.»: «Не плугом вспахана, не дождями полита, <...> Земля теплая, нежная, черная. <...> – Какие цветы вырастут здесь весной?» По-видимому, имело влияние на О. М. и многолетнее увлечение Р. историей рус. сектантства, следы чего можно обнаружить, напр., в его стих. «Какая вещая Кассандра...» (1915), очерке «Слово и культура» (1921) (см.: Эткинд. С. 30–31, 39), заметке «Сухаревка» (1923), где базарный торг сравнивается с «хлыстовским ритуалом» (2. С. 311).

В 1935 в Воронеже О. М. пришлось «исправлять для Большого театра» перевод Р. трагедии У. *Шекспира* «Отел-

ло» (премьера состоялась в февр. 1936) (см.: Мандельштам в письмах Рудакова. С. 98).

Источники: Мандельштам Е. Э. Воспоминания // НМ. 1995. № 10. С. 146–148.

Лит.: Ронен О. «Бедные Изиды»: Об одной вольной шутке О. Мандельштама // ЛО. 1991. № 11. С. 92; Эткинд А. М. Предисловие // Радлова А. Богородицын корабль. Крылатый гость. Повесть о Татариновой. М., 1997. С. 30–31, 39; Левина К. Н., Дмитренко А. Л. Предисловие к публ.: Радлова А. Путешествие по Франции. 1925 // Минувшее: Исторический альманах. СПб., 1998. Вып. 23. С. 533–534.

С. В. Друговейко-Должанская.

РАСИН (франц. Racine) Жан (21.12.1639, Ферте-Мелон, Франция – 26.4.1699, Париж), франц. драматург и поэт, с 1677 придворный историограф короля Людовика XIV. Автор прославленных трагедий, Р. в значит. степени определил драм. канон классицизма (так, именно во времена Р. в театре установилось правило «трех единств» – места, времени и действия) и предвосхитил все дальнейшее развитие европ. драмы.

О. М. видел в Р. одного из гл. архитекторов всего здания франц. поэзии, отца александрийского стиха. Так, в ст. «Заметки о Шенье» (1914) О. М. писал: «Шенье принадлежал к поколению французских поэтов, для которых синтаксис был золотой клеткой, откуда не мечталось выпрыгнуть. Эта золотая клетка была окончательно построена Расином и оборудована, как великолепный дворец» (1. С. 278). Р. важен для О. М. не только как знаковая фигура франц. классицизма (наряду с Н. Буало и Мольером), но и как один из первых трагиков Нового времени, в творчестве к-рого сохранилась «прямая связь с нравственным сознаньем античного мира» (Там же. С. 279). В ст. «О природе слова» (1921–22), говоря о «новом вкусе», привитом *акмеизмом* рус. культуре, именно Р.-ном О. М. дополнил «программный» перечень классиков мировой лит-ры, обладающих особой актуальностью и притягательностью для акмеистов, содержащийся в ст. Н. С. *Гумилёва* «Наследие символизма и акмеизм» (1913) – Ф. *Рабле*, Ф. *Вийона*, Т. *Готье* и У. *Шекспира* (см.: Гумилёв Н. С. Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. М., 1991. С. 19). «Благодаря тому, что в России, в начале столетия, возник новый вкус, такие громады, как Рабле, Шекспир, Расин, снялись с места и двинулись к нам в гости <...> Акмеистический ветер перевернул страницы классиков и романтиков, и они раскрылись на том самом месте, которое всего нужнее было для эпохи. Расин раскрылся на “Федре”» (Собр. соч-2. Т. 1 С. 229–300). Действительно, для О. М. «Федра» олицетворяет собой «театр Расина», а ее гл. героиня предстательствует за всех остальных персонажей его трагедий. В сезон 1922/23 «Федра» Р. шла в Моск. Камерном театре. Роль Федры в этом спектакле стала одной из самых знаменитых ролей А. Г. Коонен. В своих восп. Коонен писала: «В постановке “Федры” Таиров резко порвал со старыми традициями. Он искал новые пути возрождения трагедии, чтобы, не уступая ее высот, сделать ее волнующей и близкой для современного зрителя. В первую очередь он хотел оспорить ту ложноклассическую манеру исполнения трагедии, которая столетиями держалась на французской сцене, а потом перешла в русский театр: напевность речи, статичность внешнего рисунка, торжественность актерской игры» (Коонен А. Г. Страницы жизни. М., 1985. С. 267). Для О. М., напротив, важны были «ложноклассическая манера исполнения» и торжественная возвышенность актерской игры. «Празднество Расина» – лишь одно из воплощений патетики в его поэзии (М. *Волошин*. Камень. 1990. С. 275).

С именами Р. и Федры, самой известной его героини, напрямую связаны семь текстов О. М.: четыре поэтических (кроме вышеупомянутого фрагмента перевода, стихотворения «Вполоборота, о, печаль...» [«Ахматова»] (1914), «Я не увижу знаменитой “Федры”...» (1915), «Как этих покрывал...» (1915, 1916)) и три прозаических [кроме уже цитированных статей «Заметки о Шенье» (1914) и «О природе слова» (1922), ст. «Скрябин и христианство» (вариант заглавия – «Пушкин и Скрябин» (1916)]. Т. о., Р. обретает особую актуальность для О. М. дважды – в 1914–16 и в 1922–23 – и оба раза оказывается тесно связан с темой *времени* (ср.: «...Связанные между собой явления образуют как бы веер, створки которого можно развернуть во времени, но в то же время он поддается умопостигаемому свертыванию» [«О природе слова» (1922) (Собр. соч.-2. Т. 1. С. 230)]. Подобное отношение ко времени, восприятие настоящего как одной из ипостасей прошлого, «ретроспективная направленность воображения» характерны и для творчества Р. (Барт Р. О Расине. С. 162). В обращении О. М. к Р. и к его героине присутствуют, то совмещаясь, то расходясь, как минимум четыре временных пласта – *античность* – общее прошлое, вдохновившее обоих поэтов; франц. театр 17 в. – настоящее Р. и безвозвратно утраченное для О. М. прошлое; сер. 19 в. – время славы Рашели, – разнонаправленное «некогда» О. М. и Р. – и, наконец, 1910–20-е гг. – актуальная реальность для О. М., возвращающая к жизни Р. («Снова Федра кличет кормилицу...»). В ст. «Скрябин и христианство» (1922) О. М. пишет: «Время может идти обратно...» (Собр. соч.-2. Т. 1. С. 201). Так, от современников и современности (в А. А. *Ахматовой* поэту видится «негодующая Федра»; в связи со смертью А. Н. *Скрябина* возникает сложная метафора «Федры-России»), О. М. переходит к сценич. воплощению «Федры» («празднеству Расина», на к-рое он «опоздал»); от опыта адаптации расиновского текста («Как этих покрывал...») – к попытке перевода («Решенье принято...»). В то же время можно говорить о едином «расиновском тексте» у О. М.: перечисленные статьи и стихотворения, как это свойственно всей поэзии О. М., связаны друг с другом нитями словесных перекличек и «подхватывающих» друг друга образов. Окаменевшая «ложноклассическая шаль» Ахматовой вновь появляется (теперь уже во множественном числе и без приставки «ложно-») – в стих. «Я не увижу знаменитой “Федры”...» («Спадают с плеч классические шали»), а единств. реплика героини: «Как эти покрывала мне постылы...» – в слегка измененном виде открывает диалог Федры и хора в следующем стихотворении – первом в цикле «Tristia» («Как этих покрывал и этого убора / Мне пышность тяжела...»); образ ночного, черного солнца из этого стихотворения развивается в самостоят. символич. тему в ст. «Скрябин и христианство»: «В роковые часы очищения и бури мы вознесли над собой Скрябина, чье солнце-сердце горит над нами, но – увы – это не солнце искупления, а солнце вины. Утверждая Скряби-

на своим символом в час мировой войны, Федра-Россия...» (Соч.-2. Т. 1. С. 203). Н. Я. *Мандельштам* скептически относилась к образу Федры-России: «Смерть Пушкина все же была осознана людьми, а Федра-Россия и не подумала полюбить Скрябина по той простой причине, что ни греховной, ни чистой любовью еще не снизошла ни к одному из своих сыновей. Для этой Федры существуют пока одни только пасынки, которых, как заправская мачеха, она умеет только мордовать <...> Федра – мать, родина, она же мачеха, полюбившая пасынка грешной любовью. Художник всегда пасынок» (Н. М.-2. С. 95).

Р. входит в эстетич. мир О. М. в 1914 стих. «Ахматова». Федра – лишь один из антич. «двойников» Ахматовой (см.: Ц и в ь я н Т. В. Кассандра, Дидона, Федра: Античные героини – зеркала Ахматовой // Литературный обоз. 1989. № 5). Интерес к мифу о Федре был общим для О. М. и Ахматовой. Широко известен анекдот, связанный с этим первым упоминанием Ф. в поэзии О. М.: его воспроизводит в своих восп. Г. В. *Адамович*: «Вспоминаю забавную мелочь, едва ли кому-нибудь теперь известную: предпоследней строчкой этого стихотворения сначала была не “так негодующая Федра”, а “так отравительница Федра”. Кто-то, если не ошибаюсь, Валериан Чудовский, спросил поэта: “Осип Эмильевич, почему отравительница Федра? Уверяю Вас, Федра никогда никого не отравляла, ни у Еврипида, ни у Расина”. Мандельштам растерялся, не мог ничего ответить: в самом деле, Федра отравительницей не была! Он упустил это из виду, напутал, очевидно, по рассеянности, так как Расина он, во всяком случае, знал» (А д а м о в и ч Г. Мои встречи с Анной Ахматовой // Воздушные пути. Альманах 5. Нью-Йорк, 1967. С. 104–105); в др. вариантах этого рассказа фигурирует не В. А. *Чудовский*, а знаменитый переводчик М. Л. *Лозинский* (см.: А х м а т о в а. С. 702).

В стих. «Ахматова» О. М. обращается не к образу Федры вообще, а к его конкретному сценич. воплощению: появление молодой Ахматовой на вечере в артистич. кабаре *«Бродячая собака»* ассоциируется у него с Федрой в исполнении Рашели.

В рец. на «Камень» Н. Лернер писал: «Как и большинство имен собственных, наполняющих поэзию О. М., – Батюшкова, Баха, Эдгара По, Диккенса и др., имя Расина принадлежит к области “прекрасных, неопровержимых конкретностей, говорящих поэту о реальности мира и, тем самым, его собственной души”» (цит. по: Камень. 1990. С. 231). Но само расположение «расиновских текстов» внутри циклов О. М. говорит об исключит. месте, отведенном Р. в его поэтич. мире: Р. заключается «Камень» и открывается «Trisitia», на него ложится миссия продемонстрировать сходство и различие этих циклов. Стих. «Как этих покрывал и этого убора...», начинающееся с цитаты (или как бы цитаты), можно считать «стилистическим ключом» ко всему многоголосию цитат в сб. «Tristia», гл. тема к-рого – реактуализация культуры прошлого, прежде всего – античности (A u c o u t u r i e r. P. 219). Полуигровая эмфаза «Я не увижу знаменитой “Федры”...» ставит «театр Расина» в ряд символов «мощи и величественности творческого духа», утраченных современностью, – наряду с образом исчезнувшего Рима и отзвуком не услышанных поэтом «рассказов Оссиана» [такое мнение было высказано еще Н. С. *Гумилёвым* в рец. на 2-е изд. «Камня». При этом в круг текстов, посв. той же тематике, включались стихотворения «Отравлен хлеб и воздух выпит» (1913), а также раннее «Отчего душа так певуча» (1911) (см.: Камень. 1990. С. 222)].

Жан Расин

Вертикальная доминанта «многоярусного» барочного театра из 1-й строфы определяет собой весь композиционный строй стихотворения. Мир делит на две неравные половины вертикальная плоскость тяжелого занавеса – главного для О. М. элемента театр. пространства, гораздо более реального и осязаемого, чем сцена (ср. «Чуть мерцает призрачная сцена...», 1920; перекличка двух стихотворений подчеркивается упоминанием в обоих Мельпомены – музы трагедии). О. М., неоднократно полемизировавший с В. И. *Ивановым* и Ф. *Ницше* и самой концепцией дионисийства (см.: Н. М.-2. С. 96, 330), не стремится «отдернуть завесу». «Мощная завеса», разделяющая эпохи, не допускает стилизации. «Вокруг него изображали стилизованных маркиз XVII и XVIII вв., он же создает стихотворение о театре Расина, в котором напряженный лиризм сочетается с археологичностью деталей» (Г и н з б у р г Л. Я. «Камень» // Камень. 1990. С. 270).

Одно из наиб. ярких проявлений культуры рус. модернизма – театр 1910–20-х гг., навеки вписавший в историю мирового театр. Иск-ва имена А. Я. Таирова и В. Э. *Мейерхольда*, привлекавший к себе самых разных деятелей иск-ва, в целом оставлял О. М. равнодушным. В театре, увлеченном биомеханикой и пантомимой, О. М. не доставало внимания и доверия к Слову. Об этом он писал в заметке «Художественный театр и слово» (1923): «Вся деятельность Художественного театра прошла под знаком недоверия к слову и жажды внешнего осязания литературы <...> В театре для того, чтобы двигаться, нужно говорить, потому что он весь дан в слове» (Соч.-2. Т. 2. С. 335). Трагедия для О. М. – царство диалога, воплощение театра слова. Недоверие к слову ведет к упадку трагедии [«Дух отказа, проникающий поэзию Анненского, питается сознанием невозможности трагедии в современном русском искусстве» («Письмо о русской поэзии», 1922)]. «Что делать нам в театре полуслова / И полумаск, герои и цари? / И для меня явленье Озерова – / Последний луч трагической зари», – писал О. М. в стих. «Есть ценностей незыблемая скала» (1914). Если во Вл. Озерове, – полузабытом, а некогда прославленном рус. драматурге нач. 19 в. – О. М. видел «последний луч трагической зари», то первым ее лучом, несомненно, был для него Р. (См. также ст. *Театральные мотивы*.)

Лит. Адамович Г. «Расин и Россия» // НРС. 1952. 9 марта; Иванов В. В. Современность античности. «Черное солнце» Федры // Иностранная литература. 1997. № 1; Эткинд Е. Г. «Рассудочная пропасть»: О мандельштамовской «Федре» // «Отдай меня, Воронеж...». С. 43–59; Freidin G. Ossip Mandelshtam.: The Poetry of Time (1908–1916) // California Slavic Studies. 1979. 11; Ronen O. An Approach to Mandelstam. Jerusalem, 1983 (по именному ук.); Aucouturier M. Mandelstam traducteur et Racine acmeiste // Revue de la littérature comparée.

Т. И. Смолярова.

РАФАЛОВИЧ Сергей Львович (Зеликович) (4.8.1875, Одесса – 15.11.1944, Бро, департамент Орн, Франция), поэт, прозаик, драматург, худож. и театр. критик. В 1910-е гг. Р. и О. М. посещали лит.-худож. салон С. Н. *Андрониковой*. Летом 1917 Р. и О. М. нек-рое время жили в «Профессорском уголке» в Алуште и вместе с нек-рыми др. жильцами этого пансиона сочинили и разыграли шуточную пьесу «Кофейня разбитых сердец, или Савонарола в Тавриде» ко дню именин Андрониковой (3 авг.). О. М. выведен в этой пьесе под именем Тиж Д'Аманд, Р. – Сержан Рафаль (подробнее см.: Кофейня разбитых сердец; здесь же, в предисл. Р. Д. Тименчика, приводятся переклички между стихами О. М. и Р., см.: Там же. С. 22–23, 27).

Тогда же, в авг. 1917, в Алуште О. М. подарил Р. автографы двух своих стихотворений (см.: Нерлер П. М. Комментарии // 1. С. 476, 477): «Не веря воскресенья чуду...» и «На погребение матери» («Эта ночь непоправима»). Текстовые переклички между произведениями О. М. и Р. не ограничиваются определ. временным периодом, являясь свидетельством того, что первонач. импульсом их сближения была общность худож. мировидения, а не только возникшее соседство в Крыму. Ср. персонифицированные образы: «Сестры тяжесть и нежность...» (1920) у О. М. и аллегорию Нежности у Р.: «В нас кровь одна. В одной утробе / Созрели тайно два зерна. / Мы не уснем в едином гробе, / Но в нас двоих душа одна. <...> От колыбели до могилы / Сестрой останешься моей...» (Рафалович С. [Л.] «Нежность» // Рафалович С. [Л.] Speculum Animae. [СПб., 1911]. С. 13–14).

Дальнейшие взаимоотношения О. М. и Р. носят эпизодич. характер и связаны с пребыванием О. М. в Грузии. Так, в кон. сент. 1920 О. М., бежавший из Феодосии через Батум, оказался в Тифлисе, где на 2 недели (см.: Эренбург И. Г. Люди, годы, жизнь. Т. 1. Кн. 2. Гл. 16) окунулся в царившую там бурную лит.-худож. жизнь (ср. впечатления от первой встречи с Грузией в стих. «Мне Тифлис горбатый снится...», 1920), связанную, в т. ч., и с деятельностью местного «Цеха поэтов», руководителем к-рого после отъезда С. М. *Городецкого* в 1919 стал Р., учредивший также и тифлисскую «Академию изящных искусств». Можно предположить, что Р. был инициатором двух выступлений О. М. на вечерах в тифлисском «Цехе поэтов» и театр. студии Н. Н. Ходотова (26.9.1919).

Во второй свой приезд в Тифлис, летом (июль–авг.) и осенью (окт.–нояб.) 1921 (в составе служебного поезда «Центроэвака»), О. М. был зачислен в действит. члены Союза рус. писателей Грузии (на заседании коллегии 5 окт.), пред. к-рого 28.5.1921 был избран Р. Сохранилась расписка о получении О. М. денежного пособия от Союза (27.9.1921 – см.: Нерлер. С. 383). О. М. и Р. в этот период (дек. 1921) сотрудничали в газете «Фигаро», где печатались их переводы из груз. поэтов (оба, напр., переводили Н. И. *Мицишвили*, редактировавшего «Фигаро»).

В 1922 Р. эмигрировал в Париж.

Источники: Кофейня разбитых сердец: Коллективная шуточная пьеса при участии О. Э Мандельштама / под ред. Никольской Т. Л., Меца А. Г., Тименчика Р. Д. Stranford, 1997. С. 10, 12–14, 24–25, 61–62, 72–76, 83–84.

Лит.: Нерлер П. М. «Мне Тифлис горбатый снится...»: Осип Мандельштам и Грузия // Мандельштам О. Э. Стихотворения. Переводы. Очерки. Статьи. Тбилиси, 1990. С. 376, 379, 383; Гаспаров М. Л. Русские стихи 1890-х – 1926-го годов в комментариях. М., 1993. С. 266; Литературная энциклопедия Русского зарубежья. 1918–1940. Т. 1. Писатели Русского зарубежья. М., 1997. С. 330; Словарь поэтов Русского зарубежья / под. ред. В. П. Крейда. СПб., 1999. С. 200.

Е. Л. Куранда.

РЕЙСНЕР Лариса Михайловна [1.5.1895, Люблин (ныне Польша) – 9.2.1926, Москва], поэтесса, драматург, лит. критик, полит. деятельница. По свидетельству Н. И. *Харджиева*, к ней обращено стих. О. М. «Мадригал» [1913; опубл. в издаваемом семьей Рейснеров журнале «Рудин» (1916. № 7)] (Харджиев Н. И. Примечания // Стих. 1973. С. 308). По предположению Д. М. Сегала, внешностью и стилем поведения Р., служившей для О. М. воплощением «современной, американизированной западной культуры спортивного типа», навеяны также его стих. «Американ бар» (1913) и «Теннис» (1913) [Сегал. С. 169–173]. В ст. «Краткий обзор нашей современной поэзии (Акмеизм)» (1916; опубл. в 1989) Р. очень высоко оценила стихи, вошедшие в «Камень» (1916) О. М.: «Взгляд необычайно зоркий, способность освещать мир не снаружи, а всегда изнутри, невесомым душевным светом, – все это редкий дар, который сопровождает только большие дарования» (День поэзии. 1989. Л., 1989. С. 243).

10.7.1918 О. М. при посредничестве Р. встретился с Ф. Э. *Дзержинским* и сообщил ему о бесчинствах, творимых Я. Г. *Блюмкиным*. В окт.–февр. 1920 Р. и О. М. регулярно виделись в Петрограде (см.: Арбенина. С. 555; Тагер. С. 237); в частности, в дек. 1920 О. М. посетил Р. и выслушал ее доверит. рассказ о взаимоотношениях с Н. С. *Гумилёвым* (см.: Арбенина. С. 555; [Она же] Гильдебрандт-Арбенина. С. 457).

В 1920-х гг. у О. М. «были приятельские отношения» с Р., она «была готова как угодно баловать» его «за стихи» (Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 188). В нач. июня 1921 Р. предприняла неудачную попытку устроить для О. М. и Н. Я. *Мандельштам* поездку в Афганистан, где в составе дипломатич. миссии служили Р. и ее тогдашний муж Ф. Ф. Раскольников (см.: Там же. Т. 2. С. 56–57). Весной 1923, после возвращения Р. из Кабула в Москву, О. М. и Н. М. один раз были у нее в гостях (см.: Там же. Т. 1. С. 187). «Узнав о ее смерти» от брюшного тифа, О. М. «вздохнул, а в 37 году как-то заметил, что Ларисе повезло: она вовремя умерла. В те годы уничтожали массами людей ее круга» (Там же. С. 132).

В нояб. 1928 О. М. иронически рассказывал Э. Г. *Герштейн* о Р. [см.: Герштейн. С. 10–11; ср. со сходной оценкой Р. в реплике М. Л. *Лозинского*, относящейся к янв. 1925 (Лукницкий П. Н. Встречи с А. Ахматовой. Т. 1. 1924–1925 гг. Р., 1991. С. 28)].

Источники: Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 125, 184, 187–190; Т. 2. С. 57, 953.

Лит.: Никулин Л. В. Л. Рейснер // Нева. 1957. № 10. С. 176; Гильдебрандт-Арбенина О. Н. Гумилёв // Николай Гумилев: Исследования и материалы. Библиография. СПб., 1994; [Она же] Арбенина О. Н. О Мандельштаме // Тыняновский сб. Шестые – Седьмые – Восьмые Тыняновские чтения. М., 1998. С. 555; Тагер Е. М. О Мандельштаме // Мандельштам и его время; Богомолов Н. А. Русская литература первой трети XX в.: Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск, 1999. С. 586–588 [Письмо Е. А. Рейснер к Л. М. Рейснер от 28.12.1922].

О. А. Лекманов.

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО (РФО) существовало в С.-Петербурге – Петрограде в 1907–17 и имело целью обсуждение исторически актуальных религ.-филос. и общекультурных проблем рос. интеллигенции, в частности роли Церкви в обществ. жизни, полемики отеч. интеллигенции с Церковью и необходимости церк. обновления, мессианской задачи России, проблем нации и национализма, смысла христианства и др. РФО объединяло виднейших религ., филос. и обществ. деятелей, а также далеких от сугубо религ.-правосл. сферы писателей, лит. критиков и поэтов. Идея создания РФО принадлежала Н. А. *Бердяеву*. На заседаниях выступали такие известные писатели и философы, как С. Н. *Булгаков*, В. В. *Розанов*, А. В. *Карташев*, П. Б. Струве, С. А. Аскольдов, А. И. Введенский, С. Л. Франк, Вяч. И. *Иванов*, Д. С. *Мережковский*, З. Н. *Гиппиус* и др.

О. М. посещал заседания РФО начиная, предположительно, с 1910, встречался с Карташевым, был хорошо знаком с Вяч. И. Ивановым, дружил с С. П. *Каблуковым* (секр. РФО в 1909–13), к-рый явился связующим звеном между О. М. и религ.-филос. кругами С.-Петербурга. Следует отметить, что О. М. не был активным участником заседаний РФО. Показательно, что дневниковые записи Каблукова, являющиеся важным биографич. источником, отразившим мн. важные события жизни О. М. указанного периода, не содержат упоминаний о выступлениях О. М. на собраниях РФО, а всего лишь фиксируют факт его присутствия, напр.: «Вторник, 26 октября 1910 г. Сегодня собрание скучное. <...> Я не досидел до конца, сбежав... в исходе 12-го часа. Епископ Михаил, Максин, Мережковский, М. Франк, И. Мандельштам сбежали раньше» (Каблуков С. П. Дневник. О. Э. Мандельштам в записях дневника и переписке С. П. Каблукова // Осип Мандельштам. Камень. Л., 1990. С. 243). Однако, предположительно, в 1915 О. М. все же выступил в РФО с докладом <»Скрябин и христианство»>. Н. Я. *Мандельштам* указывает, что эта статья «нигде не печаталась», О. М. «прочел ее в виде доклада в каком-то петербургском обществе – не религиозно-философском ли?» (Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 254). По словам Н. М., О. М. с особенной серьезностью относился к этой работе: «Это самое главное из написанного» им в ранний период (Там же). В ней отражен ряд позиций, близких к духовной проблематике РФО.

Лит.: Русская философия: Малый энциклопедический словарь. М., 1995. С. 442–443.

О. Г. Самойлова.

РЕМБО (франц. Rimbaud) Артюр (20.10.1854, Шарлевиль, Франция – 10.11.1891, Марсель), франц. поэт, формировавшийся под влиянием творчества В. Гюго и особенно Ш. *Бодлера*. Находился в дружеских отношениях с П. *Верленом*. Одно время был близок *символизму*, от чего вскоре отошел, став своего рода предтечей поэтич. авангарда 20 в. Творчество Р. входило в круг интересов И. Ф. *Анненского*, В. Я. *Брюсова*, Н. С. *Гумилёва*, Б. К. *Лившица*, И. Г. *Эренбурга* и мн. др. Согласно концепции совр. исследователя, О. М. всецело принадлежит «к течению новой европейской поэзии, отмеченной именами Рембо и Маллармэ», продолжая «богатую традицию <...> новейших “заумных” поэтов, великих колебателей и разрушителей смысла, Рембо и Маллармэ» (Лапн Ж.-К. Мандельштам и футуризм: Вопрос о зауми в поэтической системе Мандельштама // Столетие Мандельштама. С. 217, 223).

Упоминания Р. у О. М. нечасты и носят характер своеобразного «термина сравнения». Критикуя в ст. «Кое-что о грузинском искусстве» (1922) подражательность груз. поэтов группы «Голубые Роги», он, в частности, определяет их следующим образом: «Воспитанные на раболепном преклонении перед французским модернизмом, <...> они ублажают себя и своих читателей <...> настойкой на бодлэрианстве (так в источнике. – *Ред.*), дерзаниях Артура Рэмбо (так в источнике. – *Ред.*)» (2. С. 236). Нельзя не учитывать, что в текстах груз. поэтов, переводившихся О. М., Р. упоминается постоянно: у Г. Н. *Леонидзе*: «Люблю, близнец Рембо, я сумасбродство злое», – и у Т. Ю. *Табидзе*: «Черти Рембо взвалили на плечи» (Там же. С. 101, 103). В гл. «Книжный шкап» «Шума времени» (1923–24) применительно к «цвету» А. С. *Пушкина* упоминается «идиотская цветовая азбука Рембо» (Там же. С. 356): имеется в виду знаменитый сонет Р. «Гласные», к-рый О. М., помимо прочего, мог знать в переводе Гумилёва. Эта же «азбука» будет упомянута в «Разговоре о Данте» (1933) в более положит. контексте, когда *Данте Алигьери* определяется как автор, к-рый задолго до Р. «сопряг краску с полногласием членораздельной речи», причем там же будет отмечено, что худож. дантовскому методу «наиболее близок во всей французской поэзии Артур Рэмбо (так в источнике. – *Ред.*)» (3. С. 254, 235). По свидетельству Н. Я. *Мандельштам*, в нач. 1930-х гг. О. М., пытаясь частично восстановить свою б-ку, приобрел и соч. Р. (см.: Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 329).

С. Г. Шиндин

РЕМБРАНДТ (Rembrandt) Харменс ван Рейн (15.7.1606, Лейден, Голландия, Республика Соединенных Провинций Нидерландов – 4.10.1669, Амстердам, там же), голл. живописец и график; автор ок. 600 картин, 300 офортов и св. 1400 рисунков. Рос. собрание живописных работ Р., представл. в коллекциях Гос. Эрмитажа (ГЭ) и Гос. музей изобразит. иск-в (ГМИИ) им. А. С. Пушкина, является одним из луч-

Рембрандт

ших в мире (см.: Рембрандт Гарменс ван Рейн: Картины художника в музеях Советского Союза. Л., 1971).

Ценностный статус фигуры Р. в худож. мире О. М. исключительно высок. По свидетельству Н. Я. Мандельштам, каждый поход О. М. в ГЭ включал в себя посещение экспозиции Р.: «Живя в Ленинграде, мы постоянно ходили в Эрмитаж и первым делом навещали рембрандтовского старца, протянувшего руки к коленопреклоненному сыну... И как-то Мандельштам сказал <...>: “У него добрые руки”» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 551); неск. иначе об этом см. ее «Комментарий к стихам 1930–1937 гг.» (Там же. С. 721). Можно предположить, что определ. влияние на интерес О. М. к творчеству Р. оказало общение с Б. С. *Кузиным*, исключительно высоко ценившим живопись Р., что нашло прямое отражение в его филос. прозе. По восп. Н. Е. *Штемпель*, во время пребывания в Воронеже О. М. «восторгался Рембрандтом, <...> часто посещал воронежский Музей изобразительных искусств <...>. Запомнила, что он стоял перед полотнами Дюрера и Рембрандта» (Штемпель Н. Е. <Встречи с О. Мандельштамом> // О. и Н. Мандельштамы. С. 261–262); в действительности работа «Шествие на Голгофу», находившаяся в воронежском музее, автором к-рой считался Р., принадлежит кисти его ученика Якоба Виллемса де Вета (1610 – ок. 1671), что было установлено позднее; см.: Лангерак Т. «Как светотени мученик Рембрандт...»: (Разговор поэта с художником) // Поэтика и текстология. С. 84.

Несмотря на свидетельства о столь высокой оценке творчества Р., в своих произведениях О. М. упоминал его вскользь и, как правило, в некоем символич. (точнее, даже «семиотическом») аспекте. Так, в «Египетской марке» (1927) Р. назван в исключительно метафорич. контексте: «Наскоро приготовив коктейль из Рембрандта, козлиной испанской живописи и лепета цикад <...> Парнок помчался дальше» (2. С. 477); совр. исследователь связывает этот фрагмент с неопубл. монографией А. Л. *Волынского* «Рембрандт» (1924; РГАЛИ. Ф. 95. Оп. 1. Ед. хр. 91; см.: Толстая Е. Аким Волынский в литературных «Зеркалах»: Двадцатые годы // ЛО. 1996. № 5/6. С. 157–158), но биогр. и прямых текстуальных свидетельств знакомства О. М. с этим сочинением не существует. Дважды упоминается Р. в «московских» стихах весны–осени 1931: «Шумят сады зеленым телеграфом, / К Рембрандту в гости входит Рафаэль», – и: «Вхожу в вертепы чудные музеев, / Где пучатся кащеевы Рембрандты, / Достигнув блеска кордованской кожи» (3. С. 53, 55). По предположению Н. М., стих. этого же периода «Канцона» («Неужели я увижу завтра...», 1931) связано с впечатлениями от картины Р. «Возвращение блудного сына» (см.: Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 550–552, 721–722). С учетом приводимой ею аргументации эта интерпретация представляется как неопровержимой, так и недоказуемой; ср., напр., мнение совр. исследователя о том, что «нет достаточных оснований говорить о связи “Канцоны” с рембрандтовским “Возвращением блудного сына”» [Видгоф Л. М. О «начальнике евреев» и «малиновой ласке» (два шага на пути к пониманию «Канцоны» О. Мандельштама) // Видгоф Л. М. Статьи о Мандельштаме. М., 2010. С. 46]; см. еще более категоричное в: Мусатов. С. 345–347. Возможно, эта картина Р. имплицитно отражена в «Путешествии в Армению» (1931–32) при метафорич. оценке теории К. Линнея: «Раскрашенные портреты зверей из линнеевской “Системы природы” могли висеть рядом с <...> олеографией блудного сына» (3. С. 204). В «исторически обоснованном» контексте Р. упомянут в черновых набросках к радиокомпозиции «Молодость Гёте» (1935), где И. В. *Гёте* говорит о том, что приехал в Дрезден «посмотреть, как Рембрандт управлялся с кистью» (Там же. С. 417).

Произведение, к-рое можно считать полностью ориентированным на рембрандтовскую тему, – стих. «Как светотени мученик Рембрандт...» (1937), однако в совр. *мандельштамоведении* не сформировалось единой точки зрения на смысловой строй этого произведения. Так, Н. М. связывала его с упоминавшейся работой «Шествие на Голгофу»: «Картина Рембрандта находилась в Воронеже <...>». О. М. «часто ходил ее смотреть» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 791); при этом она «считала, что в “Рембрандте” Мандельштам говорит о себе <...> и о своей голгофе, лишенной всякого величия» (Штемпель Н. Мандельштам в Воронеже // «Ясная Наташа»: Осип Мандельштам и Наталья Штемпель: К 100-летию со дня рождения Н. Е. Штемпель / составит. П. Нерлер, Н. Гордин. М.; Воронеж, 2008. С. 45). Трактовки, при к-рой образ автора соединяется (вплоть до полного самоотождествления) как с образом Р., так и с образом Христа, придерживается ряд совр. исследователей – О. Ронен, Н. А. Струве, М. С. Павлов, С. В. Полякова; обобщение этих взглядов см. в: Гаспаров. С. 98–99. В противоположность такой точке зрения, Т. Лангерак предлагает видеть в этом стихотворении отражение не отдельного библейского сюжета и одной картины Р., а некоей суммы ветхо- и новозаветных сюжетов и ряда рембрандтовских произведений, что представляется более правдоподобным; ср.: «“Шествие на Голгофу”, увиденное в Воронеже, вызвало в памяти эрмитажные полотна Рембрандта, в т. ч. “Снятие с креста”» (Мусатов. С. 509). В качестве источника таинственных образов «око соколиного пера» и «жаркие ларцы у полночи в гареме» О. Ронен называет картину Р. «Артаксеркс, Аман и Эсфирь», с 1924 находившуюся в ГМИИ им. А. С. Пушкина (в 1922–48 – Гос. музей нового зап. иск-ва); см.: Ronen. P. 225; ср.: Лангерак. P. 294. В любом случае, можно утверждать, что единств. текст О. М., прямо обращенный к личности и творчеству Р., относится к числу его наиб. труд-

но интерпретируемых произведений, что прямо свидетельствует об особом глубинном отношении поэта к фигуре Р.

Лит.: Павлов М. С. О. Мандельштам. «Как светотени мученик Рембрандт»: (Анализ одного стихотворения) // Филологические науки. 1991. № 6; Полякова С. В. О. Мандельштам: Наблюдения, интерпретации, неопубликованное и забытое. Ann Arbor, 1992. С. 31–35 (=Разбор стихотворения «Как светотени мученик Рембрандт» // Полякова С. В. «Олейников и об Олейникове» и другие работы по русской литературе. СПб., 1997); Лангерак Т. Анализ одного стихотворения Мандельштама («Как светотени мученик Рембрандт...») // RL. 1993. Vol. XXXIII. № 2–3; Амелин Г., Мордерер В. Философия и литература // Постскриптум. [СПб.; М.,] 1998. № 3; Мусатов В. В. Лирика О. Мандельштама. К., 2000. С. 508–511; Ronen O. Mandel'stam's «Кащей» // Studies Presented to Professor Roman Jakobson by his Students. Camb. (Mass.), 1968.

С. Г. Шиндин.

РЕМИЗОВ Алексей Михайлович (24.6.1877, Москва – 26.11.1957, Париж, Франция), прозаик, мемуарист. В 1919 рисовал О. М. (см.: 1. С. 356). 28.6.1949 вспоминал внешний облик поэта в письме к Н. В. Зарецкому: «...Он был весь движущийся, не костяной, а пружинный. Последнее наше свидание: стоит у двери и развинчивается, слов не разбираю» (цит. по: Нерлер. С. 98).

В кон. 5-й гл. «Египетской марки» (1927) О. М. «пассаж о галошах восходит, вероятно», «к запомнившейся современникам (см., напр., “Курсив мой” Н. Берберовой, ссылающейся на Чулкова и Ходасевича) игре Ремизова с галошами редакционной коллегии журнала “Вопросы жизни”» (Ронен. С. 148). «Биографическим “подтекстом”» сюжетообразующего эпизода «Четвертой прозы» (1930) О. М. (обвинение О. М. в плагиате у А. Г. *Горнфельда*) послужило обвинение Р. в плагиате из фольклора в 1909, причем О. М. «сходство биографических ситуаций» осознавал, и это привело к многочисленным скрытым цитатам из Р. в «Четвертой прозе» (см.: Левинтон; в этой работе выявлен еще целый ряд возможных реминисценций у О. М. из произведений Р.).

Лит.: Левинтон Г. А. Ремизовский подтекст в «Четвертой прозе» // Лотмановский сборник. М., 1994. С. 596–610; Нерлер П. М. Материалы об О. Э. Мандельштаме в американских архивах // Россика в США: 50летию Бахметьевского архива Колумбийского университета посвящается. М., 2001; Ронен О. Поэтика О. Мандельштама. СПб., 2002.

О. А. Лекманов.

РИГА, город, столица Республики Латвии; расположен на р. Даугаве (Зап. Двина), у места ее впадения в Рижский залив Балтийского моря. О. М. был прямо связан с Р. биографически: там жили его ближайшие родственники; Е. Э. *Мандельштам* позднее вспоминал: «...В школьные годы мать неоднократно вывозила нас, ребят, в Ригу, на “штранд” в Майоренгоф (Майори) и в другие места побережья. В Риге мы виделись с родителями отца. Жил там и его брат Герман, занимавшийся коммерцией. <...> Нас привлекало взморье с его бесконечным песчаным пляжем, поросшими соснами дюнами» (Мандельштам Е. Э. С. 126). Вероятно, «индивидуальный», личностно-биографич. ореол окружал Р. в мандельшт. семье; Н. Я. *Мандельштам* с иронией вспоминала, что отец О. М. сожалел о самостоят. женитьбе сына: Э. В. *Мандельштам*, по ее словам, «поехал бы с ним в Ригу и подобрал бы там настоящую жену» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 508). В мандельшт. письмах к Н. М. сер. 1920-х гг. нашло фактич. отражение желание его отца переехать в Р.; 28.2.1926 О. М. сообщал: «Папу серьезно зовут в Ригу. Виза и проезд теперь необычайно доступны и дешевы. Мы решили обязательно его весной отправить», – а 10.3.1926 конкретизировал: «Сегодня я писал деде анкету в Ригу» (4. С. 71, 77); однако переезд не состоялся.

Образ Р. опосредованно присутствует и в собственно худож. составляющей мандельшт. мира, ее упоминания встречаются в «Шуме времени» (1923–24) и приходятся на детские воспоминания. Первая реакция О. М. была предельно негативной: «Когда меня везли в город Ригу, к рижским дедушке и бабушке, я сопротивлялся и чуть не плакал. Мне казалось, что меня везут на родину непонятной отцовской философии. <...> Невеселыми казались мне сборы на Рижское взморье» (2. С. 362). Как следствие, и первые впечатления от посещения Р. были окрашены в соответствующие тона: «До сих пор помню, как меня обдало <...> приторным еврейским запахом в деревянном доме на Ключевой улице, в немецкой Риге, у дедушки и бабушки» (Там же. С. 354). Можно только предполагать, что восп. О. М. о культурноист. и архитектурном облике Р. прямо или ассоциативно связаны с формированием в его худож. сознании категории *готики* и, в частности, нашли соответствующее отображение в радиокомпозиции «Юность Гёте» (1935).

Источники: Мандельштам Е. Э. Воспоминания / публ. Е. П. Зенкевич, пред. А. Г. Меца // НМ. 1995. № 10. С. 126–127.

Лит.: Морозов А. История – биография – образ: Заметки читателя // Даугава. 1988. № 2 («Сохрани мою речь»-5); Тименчик Р. Мандельштам и Латвия // Там же.

С. Г. Шиндин.

РИД (англ. Reid) Томас Майн (4.4.1818, Баллирони, Ирландия – 22.10.1883, Лондон, Великобритания), англ. писатель. Известность получил как автор приключенч. и авантюрно-детективных романов. В России издавался с кон. 19 в. (в рус. традиции – Майн Рид).

Обращение О. М. к творчеству Р. связано с одним из эпизодов его переводч. деятельности 2-й пол. 1920-х гг., к-рая проходила при самом активном участии Н. Я. *Мандельштам*, владевшей англ. яз.; см. письмо О. М. отцу от сер. февр. 1929: «В Киеве <...> мы работали над М<айн>-Ридом (так в источнике. – *Ред.*), <...> Надя <...> помогала мне: составляла примечания, рылась в научных книгах, переводила. Вот это помощница!» (4. С. 111). Всего в обширном собрании сочинений Р. в 1929–30 вышло 8 томов под ред. и с примечаниями О. М., из них 3 – с участием Б. К. *Лившица*; событийную канву см. в: Мандельштам О. Полное собрание сочинений и писем: В 3 томах. Приложение: Летопись жизни и творчества / сост. А. Г. Мец при участи С. В. Василенко, Л. М. Видгофа, Д. И. Зубарева, Е. И. Лубянниковой. М., 2014 (по именному ук.). Худож.-мировоззренч. характеристика Р. дана в ст. О. М. «О переводах» (1929): «Живучесть Майн-Рида (так в источнике. – *Ред.*) объясняется тем, что он учел великую жадность молодежи к познанию географического пространственного мира. Он – блестящий

педагог, сочетавший в своих образовательных путешествиях научные сведения своего времени с бесхитростной фабулой»; как следствие – предложение сформировать из числа прозаиков-современников лит. «альтернативу» самого высокого худож. и, в определ. смысле, науч. уровня: «За создание “советского Майн-Рида (так в источнике. – *Ред.*)”!» (2. С. 520).

Иная, абсолютно уничижит. характеристика Р. содержится в мандельшт. письме И. И. Ионову (кон. янв. – нач. февр. 1929) в связи с конфликтной ситуацией, возникшей из-за обвинения его и Лившица в «лингвистической недобросовестности» как переводчиков, что, в частности, было связано с использованием в качестве источников франкоязычных изданий Р. и В. Скотта. Определяя Р. как «автора с нулевым литературным значением, лишенного намека на самостоятельный стиль или форму, утопающего на каждом шагу в слащавости и банальной красивости», О. М. иронически замечает: «...Мои и вообще современные представления о прозе, даже для юношества, несколько расходятся с Майн-Ридом (так в источнике. – *Ред.*)» (4. С. 109). Подобная негативная оценка Р. едва ли не дословно совпадает с точкой зрения Вл. В. *Гиппиуса*, представленной в его докладе (речи) «К вопросу о роли чтения в современном воспитании», прочитанном 8.9.1907 в *Тенишевском училище* (опубл. в: Русская школа. 1907. № 11); см.: «Автор книги для детей младшего или старшего возраста в целях педагогического воздействия <...> пользуется средствами художественной литературы и упраздняет тем самым жизненное значение слова как органического проявления душевного переживания писателя. Потому-то так низок, по большей части, литературный уровень этих педагогических изделий. И кого, в самом деле, из эстетически развитых людей не возмущали в этом отношении сочинения Майн-Рида (так в источнике. – *Ред.*) или Жюля-Верна (так в источнике. – *Ред.*)? Разумеется, по литературному качеству они равны лубочным романам и всякой рыночной беллетристике <...>. Душевное содержание таких писателей ничтожно, форма выражения – ремесленная, культурно-педагогическое влияние поверхностно» (цит. по: М е ц А. Г. Осип Мандельштам и его время: Анализ текста. СПб., 2005. С. 214–215).

С. Г. Шиндин.

РИПЕЛЛИНО (итал. Ripellino) Анджело Мариа (1923, Палермо – 1978, Рим), итал. поэт, писатель, переводчик, критик, филолог-славист, проф. Римского ун-та «Ла Сапиенца», активный пропагандист рус. и др. слав. лит-р в Италии. Составленная им антология «Poesia russa del Novecento» (1954, 1960) является вехой в истории восприятия рус. поэзии в Италии. В нее включены 11 переводов Р. из О. М. Р. издавал также прозу О. М. (в пер. М. В. Олсуфьевой).

С. Гардзонио.

РОГИНСКИЙ Яков Яковлевич [9.5.1895, Могилев – 28.5.1986, Москва], антрополог, д-р биологич. наук (1949), проф. (с 1950) и зав. кафедрой антропологии МГУ (с 1964). В нач. 1930-х гг. «был хорошо знаком с Осипом Эмильевичем», поскольку «дружил с братом Надежды Яковлевны» Е. Я. *Хазиным* (Г е р ш т е й н. С. 119). Зимой 1934 присутствовал на чтении О. М. «Разговора о Данте» у Хазина (Там же. С. 409). Весной–летом 1935 часто встречался с О. М. в Воронеже, куда Р. был командирован от МГУ для чтения лекций на биологич. ф-те Воронежского ун-та. В частности, 31.5.1935 Р. дал О. М. и С. Б. *Рудакову* почитать «2 тома Хлебникова, “Гамбургский счет”» В. Б. *Шкловского* и «Встречи» В. А. *Пяста* (см.: Мандельштам в письмах Рудакова. С. 58). Возможно, именно Р., поклонник дарования амер. негритянской певицы Мариан Андерсон (1902–1993) (см.: Р о г и н с к а я Е. Я. Страницы жизни моего отца // Яков Яковлевич Рогинский: Человек и ученый. М., 1997. С. 32) способствовал лучшему знакомству О. М. с ее творчеством (что впоследствии нашло отражение в стих. О. М. «Я в львиный ров и в крепость погружен...»). Н. Я. *Мандельштам* «использовала приезд» в Воронеж «Рогинского, чтобы съездить в Москву» – с 8.5 по 14.6.1935 (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 258). В письме к Н. М. от 30.11.1967 Р. сообщил о том, что 3 стихотворения на смерть О. А. *Ваксель* были написаны О. М. в июне 1935 (см.: Princeton University. Coll. 539. Box 3. Folder 102). Память Р. сохранила также текст стих. «Мир начинался, страшен и велик...». В 1980 Р. надиктовал С. М. Марголиной короткие восп. об О. М.

С о ч.: Встречи в Воронеже / публ. С. Марголиной // ЖиТМ.

О. А. Лекманов.

РОДЧЕНКО Александр Михайлович (23.11.1891, Москва – 3.12.1956, там же), живописец и график, мастер фотоиск-ва, художник театра и кино, дизайнер. Учился в Казанской худож. школе (1910–14), после нее поступил в Строгановское уч-ще (Москва), откуда был призван на воен. службу. В сер. 1910-х гг. испытал влияние супрематизма К. С. Малевича, следствием чего стало формирование мировоззренч. и эстетич. основ конструктивизма. Широкую известность получила работа Р. по оформлению кафе «Питтореск», выполненная в 1917 совм. с В. Е. *Татлиным*, Г. Б. Якуловым и др. (не сохр.). Р. последовательно примыкал к объединениям конструктивистов, Ин-та худож. культуры, ЛЕФа (одним из самых активных участников к-рого являлся) и др. В 1918–21 служил в ИЗО (Коллегия по делам изобразит. иск-в) Нар. комиссариата просвещения (*Наркомпроса*), где в тот же период работал О. М. (см.: Н е р л е р П. Осип Мандельштам в Наркомпросе в 1918–1919 гг. // ВЛ. 1989. № 9), в 1920–30 преподавал во Вхутемасе. Автор обложки 3-го (1923) изд. «Камня», выполненной в традиционной конструктивистской манере. В нач. 1920-х гг. О. М. публиковался в сборнике «авиа-стихов» (Лёт: Авиа-стихи. М., 1923), куда были включены и фотоработы Р. (о специфич. семантич. «ореоле» этого издания см.: Видгоф Л. М. «В кругу Москвы» // В и д г о ф Л. М. Москва Мандельштама: Книга-экскурсия. М., 2006. С. 459–462).

Отношение О. М. к худож. опытам Р. неизвестно; единств. отклик на его творчество содержится в мандельшт. кинорец. <«Магазин дешевых кукол»> (1929), где среди создателей фильма «Кукла с миллионами» (Межрабпомфильм, 1928; авторы сценария О. Л. Леонидов, Ф. А. Оцеп, реж. С. П. Комаров, операторы К. А. Кузнецов, Е. Ф. Алексеев), к-рые «сжигают Москву», иронически упомянут выступавший в качестве одного из его художников Р., «сбежавший из Лефа» (2. С. 503, 504); видимо, речь идет о

Александр Михайлович Родченко

переходе Р. в 1928 из «Нового ЛЕФа» в Объединение новых видов худож. труда «Октябрь». Вместе с тем, в связи с периодом 1-й пол. 1920-х гг. современник свидетельствовал о позиции О. М.: «“Пафоса” борьбы с ЛЕФом и “конструктивистами” у него не было» (Горнунг Б. Заметки к биографии О. Э. Мандельштама / публ., пред. и прим. М. Горнунга // «Сохрани мою речь»-3(2). С. 156).

С. Г. Шиндин.

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ Всеволод Александрович (29.3.1895, Царское Село С.-Петерб. губ. – 30.8.1977, Ленинград), поэт, мемуарист, переводчик, лит-вед. По собств. позднейшему свидетельству, с О. М. познакомился в окт. 1916, в *Санкт-Петербургском Императорском университете*: «...Я впервые усомнился в непогрешимости своей поэтической работы, и это было для меня началом новой, раскрывающей необычные горизонты дороги» (Рождественский. 1962. С. 131; ранее Р., так же как О. М., посещал университетский «Пушкинский семинар» С. А. *Венгерова*). В б-ке Р. имелись книги О. М. с его инскриптами – «Камень» (1916; с надписью О. М.: «С дружеским приветом Всеволоду Рождественскому О. Мандельштам. Петербург, 5 ноября 1920 г.») и «Вторая книга» (1923; с надписью: «Дорогому Всеволоду Александровичу с любовью. О. Мандельштам. 1/IV/1928»).

Тяготение Р. к *акмеизму* отразилось в его заметках «“Грозовый” день» (Жизнь искусства. 1919. 17 июля; положит. оценка эссе О. М. «О собеседнике») и «Литературная жизнь Киева» (Там же. 1920. 16 сент.; рассказ о пребывании О. М. в Киеве в 1919), а еще отчетливее – в решении Р. в 1920 вступить в 3-й «Цех поэтов», возглавлявшийся Н. С. *Гумилёвым* (туда также входил и О. М.; подробнее об этом см.: Рождественский. 1994. С. 422–424). 14.3.1921 Р. и О. М. выступали на вечере «Цеха поэтов» в *Доме искусств* (Афиша – см.: ГБЛ. Ф. 620. Оп. 41. Д. 31. Л. 6). Последователя О. М. и др. акмеистов видели в Р. немногочисл. доброжелат. критики, в частности В. А. *Пяст*, к-рый в 17.2.1921, в присутствии Р. и О. М. в лекции «Новые побеги» провозгласил, что Р. «превзойдет Мандельштама», от чего Р. потом публично, «мило, молодо и напрасно отказывался» (Оношкович-Яцына. С. 405); позднее Пяст отчасти изменил свою точку зрения (см.: Москва. 1922. № 7. С. 15). Эпигона О. М. и др. акмеистов видели в Р. рецензенты его ранних поэтич. книг: «Золотое веретено» (1921; Бобров С. П. [Рец.] // Печать и революция. 1922. № 2. С. 366) и «Большая Медведица» (1926; Зенкевич М. А. [Рец.] // Там же. 1927. № 3. С. 193). Много позднее уже сам Р. неодобрительно писал об определяющем влиянии О. М. на поэзию В. А. Лифшица (Звезда. 1936. № 3. С. 168).

Наиб. интенсивное личное общение О. М. и Р. пришлось на окт. 1920 – февр. 1921, когда оба поэта жили в Доме иск-в. В этот период О. М. написал обращенное к Р. шуточное стих. «Пушкин имеет проспект, пламенный Лермонтов тоже...». Тогда же О. М. и Р. вместе участвовали в многочисл. мероприятиях, в частности в состоявшемся 11.1.1921 маскараде на Миллионной ул. в Петрограде (см.: Павлович Н. А. Воспоминания // Осип Мандельштам и его время. С. 64).

В 1925 Р. приехал к О. М. и Н. Я. *Мандельштам* в Царское (Детское) Село, где они тогда временно жили. «Он явился предупредить О. М., что следователь – Рождественский только что вышел после небольшой отсидки – очень интересовался О. М. Сказать, о чем его допрашивали относительно Мандельштама, Рождественский отказался наотрез: “Я дал слово, а меня с детства приучили свое слово держать...” О. М. выгнал этого паиньку, а потом мы сообразили, что его попросту прислали припугнуть О. М.» (Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 248). Этот инцидент существенно повлиял на последующее отношение Н. М. к Р. и его восп. об О. М. (см.: Рождественский. 1962 – впервые), к-рые Н. М. определила как «брехню зловредную» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 64). Сходно в эти годы относилась к Р. и А. А. *Ахматова*, писавшая, что О. М. «люто ненавидел так называемый царскосельский сюсюк Голлербаха и Рождественского» (Ахматова. С. 132–133; Р. не только родился в Царском Селе, но и учился в гимназии, где директорствовал И. Ф. *Анненский* и где законоучителем служил отец Р.). Такую же позицию занимал Ю. Г. *Оксман*, жестко критиковавший Г. П. *Струве* за его слишком сочувств. отклик на мемуары Р. (см.: Флейшман Л. С. Из архива Гуверовского института: Письма Ю. Г. Оксмана к Г. П. Струве // Stanford Slavic Studies. Vol. 1. Stanford, 1987. P. 26–31).

Соч.: Страницы жизни: Из литературных воспоминаний. М.; Л., 1962 (2-е изд. – 1974); Н. С. Гумилёв: (Из запасов памяти) // Н. Гумилёв: Исследования и материалы. Библиография. СПб., 1994.

Источники: Оношкович-Яцына А. И. Дневник 1919–1927 // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1993. Вып. 13.

Лит.: Амстердам А. В. Путь поэта. М.; Л., 1965. С. 14, 21, 26, 30; Микешин А. М. Пути и перепутья поэзии В. Рождественского 30-х годов: (От акмеизма к реализму нового типа) // Жанрово-композиционное своеобразие реалистического повествования. Вологда, 1982. С. 43, 50–57.

О. А. Лекманов.

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ Роберт Иванович (20.6.1932, с. Косиха Алтайского края – 19.8.1994, Москва), поэт, публицист, автор многочисл. поэтич. сборников и книг, представитель плеяды «шестидесятников»; секр. правления СП СССР (с 1969); Гос. премия СССР (1979). С 1986 пред. комиссии по лит. наследию О. М. при СП СССР, чл. Совета

МО (с 1991). Посвятил О. М. стих. «Мандельштам» (впервые – в кн. “Пересечение”, 1992).

Лит.: Нерлер П. Председатель Мандельштамовской комиссии // Роберт Рождественский: Удостоверение личности. М., 2002. С. 407–414.

П. М. Нерлер.

РОЗЕНТАЛЬ Лазарь Владимирович (1894–1990), музейный работник, иск-вед. Соученик О. М. по *Тенишевскому училищу* и ист.-филол. ф-ту *Санкт-Петербургского Императорского университета*. Работал в Нижегородском худож. музее, в Музее фарфора в Кусково (ныне в черте г. Москвы), в Гос. Третьяковской галерее, а также во Всесоюзном обществе культурных связей с заграницей. Преподавал историю иск-в в ряде худож. вузов Москвы. С 1954 на пенсии.

Автор неопубл. восп. «Свидетельские показания любителя стихов начала XX века» (1931) и «Непримечательные древности» (1969). Два фрагмента из этих восп., посв. О. М. («Мандельштам» и «Бородатый Мандельштам»), опубл. в сб. «Сохрани мою речь...» (Сохрани мою речь-1. С. 29–38).

П. М. Нерлер.

РОЗЕНТАЛЬ Юлий Матвеевич (ок. 1840 – не ранее 1916, Лесной, Петроград), старинный друг семьи отца О. М., финансист, «принимавший деятельное участие в строительстве одной из юго-западных железных дорог». По восп. брата (Е. Э. *Мандельштама*), О. М. называл его «добрым домовым нашей семьи» (Там же). В «Шуме времени» ему посв. одноим. гл. «Юлий Матвеич».

Источники: Мандельштам Е. Э. Воспоминания / публ. Е. П. Зенкевич. Предисл. А. Г. Меца // НМ. 1995. № 10.

П. М. Нерлер.

РОЛЛАН (франц. Rolland) Ромен (29.1.1866, Кламси, Франция – 30.12.1944, Везеле, там же), франц. писатель, музыковед, обществ. деятель. По свидетельству Н. Я. *Мандельштам*, во время воронежской ссылки, в 1935 «надежда в безысходном положении воплотилась у» О. М. «в имени Ромена Роллана» (Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 473). О. М. был хорошо знаком с М. П. *Кудашевой* – женой Р. Узнав о приезде Р. в Москву, О. М. «вздыхал: “Майя бегает по Москве. Наверное, ей рассказали про меня. Что ему стоит поговорить обо мне со Сталиным, чтобы он меня отпустил”». О. М. «...никак не мог поверить, что профессиональные гуманисты не интересуются отдельными судьбами, а только человечеством в целом» [Там же. В лагере, в 1938, О. М. питал надежду, «что ему облегчат жизнь, потому что Ромен Роллан напишет о нем Сталину» (Там же)].

В качестве «профессионального гуманиста» Р. упоминается в статьях и рецензиях О. М., см., напр.: «Благодарное поколение, воспитанное на Толстом, Ромене Роллане и Ганди, не хочет идти за коммивояжером политики господства» (2. С. 412). Характеризуя творчество Р., О. М. соотносил его с произведениями И.-В. *Гёте*, причисляя обоих писателей к творцам синтетич. романа: «Особый вид синтетической слепоты к индивидуальным явлениям: Гете и Ромен Роллан живописуют психологические ландшафты <...>, но они не могут или не хотят дать диалога, им претит подойти вплотную к индивидуальности, а тем более им чужда эстетическая попытка психологического анализа» (Там же. С. 188). Синтез герм. и лат. рас видел О. М. в «Жане Кристофе» Р., «приводящем на память “Вильгельма Мейстера” Гете: Для того, чтобы создать последний роман, понадобилось две расы. Но и этого было мало. Все-таки “Жан Кристоф” приводится в действие так же мощным толчком наполеоновского революционного удара, как весь европейский роман, через бетховенскую биографию Кристофа, через соприкосновение с мощной фигурой музыкального мифа, рожденного тем же наполеоновским половодьем личности в истории» (Там же. С. 189).

Источники: Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 457, 473, 482.

А. Н. Шестакова.

РОМЕН (франц. Romains) Жюль [псевд.; наст. имя и фам. – Луи Фаригуль (Farigoule)] (26.8.1885, Сен-Жюльен-Шаптёй, департамент Верхняя Луара, Франция – 14.8.1972, Париж), франц. поэт и прозаик, чл. Франц. академии (1946). Участник лит. группы «Аббатство» и представитель унанимизма – лит. течения во франц. лит-ре, автор манифеста «Унанимистские чувства и поэзия» (1905).

Унанимисты (Ш. *Вильдрак*, Ж. *Дюамель* и др.) выступали как противники *символизма*, противопоставляя его принципам правдивость изображения жизни и стилистич. простоту. Филос. основой унанимизма стали труды Э. Дюркгейма, а лит. образцами – поэзия У. Уитмена и П. Верхарна. На теоретич. и худож. постулаты унанимизма, не слишком широко известные в России, возможно, ориентировался Н. С. *Гумилёв* (лично знакомый с нек-рыми унанимистами), создавая программу *акмеизма*: в ст. «Анатомия стихотворения» (1921) он прямо сопоставил практику обоих течений; ср.: Пак Сун Юн. Органическая поэтика Осипа Мандельштама. СПб., 2008. С. 46. Подобную близость отмечали и современники; так, Б. В. *Горнунг* в заметке «Hermes» [вступ. ст. к машинописному изданию (журналу): Гермес. 1922. № 1 (июль)] упомянул «связь с современной философией новых течений в искусстве: <...> возрождаемого классицизма с его стремлением к логической ясности – кларизму и к усовершенствованию всех сторон художественного произведения (русский акмеизм и новейшие французские поэтические течения, начиная с группы L’Abbaye)» (Горнунг. С. 208). Творчество Р. имело широкий резонанс в России, стихи его переводили на рус. яз. мн. поэты, в т. ч. В. Я. *Брюсов*, Б. К. *Лившиц*.

В целом О. М. сочувственно относился к унанимистам, во всех упоминаниях о них подчеркивая коллективность, «цеховость» этой лит. группы и отдавая первенство именно Р.: «Ж. Ромэн (так в источнике. – *Ред.*) в современной французской поэзии не одиночка: он центральная фигура целой литературной школы, именующейся унанимизмом. <...> Жюль Ромэн, Рене Аркос, Дюамель, Вильдрак – вот писатели, делающие одну работу, идущие в одном ярме. – На редкость дружное литературное единение. Литературные братья – унанимисты не боятся совпадений и сходства, как бы стараются походить друг на друга, работают одним материалом; их голоса и походки, характер их усилия – схожи» (2. С. 415). В личной б-ке О. М. хранился экземпляр

книги Р. на франц. яз. «Армия в городе» (1911); см.: Ф р е й д и н Ю. Л. «Остаток книг»: Библиотека О. Э. Мандельштама // Слово и судьба. С. 234; в архиве – черновой набросок перевода фрагмента этого произведения; см.: Ф р е й д и н. С. 186–189. В 1-й пол. 1920-х гг. О. М. перевел пьесу Р. в стихах «Кромдейр-старый» (Л.; М., 1925) и пов. «Обормоты» (Л., 1925) (см.: Нерлер П., Никитаев А. Комментарии // 2. С. 633–634); перевод пьесы, сделанный для изд-ва *«Всемирная литература»*, высоко оценил А. В. *Луначарский*. В 1924 В. И. Немирович-Данченко предполагал включить пьесу «Кромдейр-старый» в переводе О. М. в репертуарный план МХАТа на сезон 1924/25 (не осуществлено); в 1925 пьеса была принята к постановке Ленингр. Большим драм. театром (работа не завершена); совр. комментаторы (см.: 4. С. 424–425) отмечают, что перевод роменовской пьесы О. М. оценивал выше, чем др. свои переводы для театра.

О. М. отозвался на творчество Р. заметкой «Новые произведения Ж. Ромэна (так в источнике. – *Ред.*)» (1924) и двумя предисловиями к собственным переводам. Из всех членов группы унанимистов Р. удостоился наивысшей оценки О. М., назвавшего его в своей заметке «реформатором французского стиха» и уподобившего «Армию в городе» «высокой эсхиловской трагедии»; в ней же появляется «геометрическо-кристаллографическая» метафорика, используемая О. М. при характеристике пов. «Обормоты», где группа гл. героев «вычислена и вычерчена писателем с правильностью геометрической фигуры. Это – <...> едва ли не лучший опыт социальной кристаллографии Жюля Ромэна (так в источнике. – *Ред.*)» [эта же образность возникнет позднее при определении «Божественной Комедии» *Данте Алигьери*, к-рая «представляет собой <...> кристаллографическую фигуру, <...> строжайшее стереометрическое тело, одно сплошное развитие кристаллографической темы» (2. С. 412–413, 420; 3. С. 227)]. Заметка о новых произведениях Р. обнаруживает и ряд смысловых параллелей с мандельшт. текстами, связанными с путешествием в Армению. В предисловии к рус. изд. «Кромдейра-старого» О. М. употребил образ «сгущенных людей», ведущий к такому специфич. для его худож. мира явлению, как семантич. компрессия. С известным кинороманом Р. «Доногоо-Тонка» (1920, постановка 1930) может быть связан мандельшт. мотив кинопрозы (см. в ст. *Кинематограф*). Пов. «Обормоты» оценена О. М. как «несомненно, книга весьма значительная», завершающая во франц. лит-ре «длинную цепь студенческих буйств и мистификаций, начинающуюся еще в пятнадцатом веке подменой вывесок и глумлением над городской стражей, о которых рассказывает мэтр Франсуа Вийон» (2. С. 419).

Лит.: Ш и н д и н С. Г. Фрагмент поэтического диалога Мандельштама и Гумилева... // В. Я. Брюсов и русский модернизм. М., 2004; О н ж е. Мандельштам и творчество французских унанимистов // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 64. № 6. 2005; Фрейдин Ю. К проблемам переводческой работы О. Мандельштама: черновой набросок перевода 27 строк из пьесы Жюля Ромена «Армия в городе» // «Сохрани мою речь»-5(1).

С. Г. Шиндин.

РОМАНО-ГЕРМАНСКИЙ КРУЖОК (РГК; Кружок романо-германистов), студенч. науч. общество при романо-герм. отделении ист.-филол. ф-та *Санкт-Петербургского Императорского университета* (1910-е гг.). Образован в дек. 1909; его целью было «изучение истории, литературы и искусства западноевропейских народов. <...> Система занятий реферативная; <...> предположено устраивать собрания, на которых члены кружка могли бы читать свои собственные литературные произведения. Из представителей кафедры романо-германской филологии, кроме профессора-руководителя <,> собрания кружка посещали»: профессор Ф. А. Браун, приват-доцент К. Ф. Тиандер, приват-доцент В. Ф. *Шишмарёв*» (см.: С а л ь м а н. С. 459).

Кроме О. М. участниками РГК были С. М. Боткин, А. А. Гвоздев, Вас. В. *Гиппиус*, А. И. Гершенкройн, Н. С. *Гумилёв*, В. М. *Жирмунский*, М. А. Жирмунский, Ю. К. Зейдлер, Б. А. Кржевский, А. Я. Левинсон, К. В. *Мочульский*, Л. В. Пумпянский, В. *Пяст* (В. А. Пестовский), Б. Г. Тереня, Вл. Б. *Шкловский*, Б. М. *Эйхенбаум* и др.; руководил кружком проф. Д. К. Петров. На заседания в качестве гостей допускались преподаватели, выпускники романо-герм. отделения, студенты-филологи др. отделений и курсистки Высших женских (Бестужевских) курсов. В. М. Жирмунский, состоявший в 1911 пом. руководителя (см.: Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1911 год. СПб., 1912. С. 214), вспоминал позднее, что в ун-те «средоточием новых идей» был «романо-германский кружок проф. Д. К. Петрова» (Ж и р м у н с к и й В. М. Вопросы теории литературы. Л., 1928. С. 8).

По-видимому, деятельность РГК носила несистематич. характер; в частности, 22.10.1912 Мочульский сообщал В. М. Жирмунскому: «Второе собрание нашего кружка все откладывается, так как Мандельштам оказался очень неаккуратным лицом – все пишет свой реферат, все жмет мне руку, прося отсрочки» (М о ч у л ь с к и й. С. 146). В 1912/13 уч. г. прошло 3 заседания (см.: Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1912 год. СПб., 1913. С. 85), одно из них, состоявшееся 28.11.1912, было посв. 350-летию со дня рождения Лопе де Вега. Иронич. изображение этого собрания сохранилось в письме Мочульского В. М. Жирмунскому: «Торжественное заседание Лопе-де-Вега было обставлено всей возможной помпой; портрет сего гения был увенчан огромным лавровым венком и повешен на стене <...>; собрание было многолюдно (30 душ) и почтенно; <...> блистали такие фигуры, как Левинсон, <Вл. Б.> Шкловский, Пяст, Гумилев, Мандельштам, <Вас. В.> Гиппиус, <Г. Л. и М. Л.> Лозинские <...> и прочая, многая» (М о ч у л ь с к и й. С. 153). В 1913/14 уч. г. состоялось 8 заседаний (см.: Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1913 год. СПб., 1914. С. 384), на одном из к-рых в нач. февр. 1913 выступил Гумилёв с докладом о сборнике Т. *Готье* «Эмали и камеи» [см.: А з а д о в с к и й К. М., Т и м е н ч и к Р. Д. К биографии Н. С. Гумилёва (вокруг дневников и альбомов Ф. Ф. Фидлера) // РЛ. 1988. № 2. С. 182)]. Вероятно, в марте 1913 на заседании РГК О. М. читал свой реферат о Ф. *Вийоне* (см.: Там же. С. 183), а Гумилёв – собственный перевод из вийоновского «Большого завещания» (см.: Камень. 1990. С. 332) 13.11.1913 состоялся «Вечер стихов» РГК, на к-ром выступили О. М., Н. М. Бахтин, Вас. В. Гиппиус, Гумилев, Г. В. *Иванов*, В. Я. *Парнах*, Пяст (см.: Отчет о состоянии и

деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1913 год. С. 384). 9.12.1915 О. М. мог слышать в РГК доклад Эйхенбаума «О поэзии Анны Ахматовой» (см.: Эйхенбаум Б. М. О литературе / сост. О. Б. Эйхенбаум, Е. А. Тоддеса; вступ. ст. М. О. Чудаковой, Е. А Тоддеса; комм. Е. А Тоддеса, М. О. Чудаковой, А. П. Чудакова. М., 1987. С. 499). В 1915 «два заседания были посвящены чтению стихов членами Кружка и другими студентами университета. Во время этих собраний, 28 января и 25 ноября, был произведен по инициативе проф. Д. К. Петрова сбор в пользу раненых университетского лазарета, давший, в общей сложности, около 170 р.» (см.: Сальман. С. 461). О вечере 28.1.1915 сохранилась дневниковая запись Эйхенбаума: «Романо-германский кружок устроил вечер стихов. Я прочитал стих<отворение> В.<ас> Гиппиуса и два <своих?>. Читал Гумилев – в форме улана, с Георгиевским крестом. Его стихи прекрасны <неразборчиво.> – “Золотое сердце России / Мерно бьется в моей груди“ – и многое другое. Он в своей стихии» (Эйхенбаум Б. М. Страницы дневника. Материалы к биографии Б. М. Эйхенбаума / предисл., публ. и прим. А. С. Крюкова // Филологические зап. (Воронеж). 1997. Вып. 8. С. 237). 16.3.1916 Пяст прочел в РГК свой перевод комедии Тирсо де Молина «Дон Хиль – зеленые штаны» (см.: Отчет о состоянии и деятельности Императорского Петроградского университета за весеннее полугодие 1916 года. Пг., 1916. С. 160). Ю. Г. *Оксман* в письме к К. И. *Чуковскому* от 1–3.7.1961 вспоминал о «студенческих вечерах поэтов, где <...> читали свои стихи Гумилёв, Осип Мандельштам, М. Лозинский, В. Гиппиус, а из сокурсников Георгий Маслов, Всеволод Рождественский, Лариса Рейснер (бестужевка, часто у нас бывавшая) (см. о ней ст. – *Ред.*), <...> Д. Выгодский» (Оксман Ю. Г. – Чуковский К. И. Переписка. 1949–1969. М., 2001. С. 112).

Источники: Мочульский К. В. Письма к В. М. Жирмунскому / вступ. ст., публ. и комм. А. В. Лаврова // НЛО. 1999. № 35.

Лит.: Сальман М. Г. Осип Мандельштам: годы учения в Санкт-Петербургском университете (по материалам Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга) // RL. 2010. Vol. LXVIII. Iss. III/IV.

М. Г. Сальман.

РУДЕРМАН Михаил Исаакович [22.4(5.5).1905, Харьков – 30.5.1984, Москва], рус. советский поэт, детский писатель, критик. Окончил Харьковский ин-т нар. образования; принимал участие в лаборатории поэтич. творчества «Цех поэтов» (см.: Червоний шлях. [Х.], 1923. № 8. С. 280), опубликовал рец. на посмертное изд. «Писем о русской поэзии» Н. С. *Гумилёва* (Студент революции. [Х.], 1923. № 6. С. 123–124). Переехал в Москву в 1925, работал в газете «Комсомольская правда».

В 1927 Р. упомянул О. М. в рец. на сб. «Август» Е. Д. Эркина (НМ. 1927. № 7. С. 204). В авг. 1928 напечатал рецензию на С.: «В первом разделе отчетливо выступает лицо поэта-акмеиста, пропагандирующего “осязаемость”, “предметность” явлений. <...> Особого искусства достигает поэт в стихах последних лет, совпадающих с периодом увлечения четким пушкинским стихом и появлением группы “неоклассиков”. <...> Мандельштам – несомненный мастер стиха. В его торжественных и медлительных строфах, в конкретных и смелых эпитетах, в зрительных образах, в тонкой мелодической инструментовке – та сложная простота, о которой мечтают многие современные эпигоны классиков. Но значение Мандельштама для нового читателя и роль его в современной поэзии не пропорциональны его большой поэтической культуре. Не переставая совершенствоваться как художник, он перестал ощущать динамику жизни, перестал быть современником. <...> Поэтому рецензируемая книга воспринимается как интересное, значительное, но уже минувшее явление русской поэзии» (НМ. 1928. № 8. С. 223). В 1932 Р. сочувственно цитировал «Выпад» О. М. (о «поэтической грамотности») в ст. «Поэт и читатель» (ЛГ. 1932. № 42. 17 сент. С. 2).

С лета 1932 до осени 1933 Р. был соседом О. М. по Дому Герцена в Москве (Тверской бульв., д. 25, кв. 6). О. М. подписал (совм. с М. А. Светловым, И. П. Уткиным и др.) ходатайство Р. о получении пайка от 25.7.1932: «Считаем снятие тов. Рудермана талантливого поэта со снабжения ошибкой, которую надо срочно исправить» (см.: Видгоф. С. 53). Р. упомянут в письме Н. Я. *Мандельштам* к Н. Н. *Грин* от 3.3.1933: «Вернулся ли Рудерман? Научился ли топить печку?» (цит. по: Нерлер П. Con amore: Этюды о Мандельштаме. М., 2014. С. 572). Ср.: «Мне вспоминается сестра Ленина, которая настояла, чтобы Мандельштаму не дали вторую комнату в трущобном флигеле Дома Герцена (дело происходило в начале тридцатых годов), но предоставили ее некоему Рудерману. У нее был один довод, который она произносила с убежденностью старой подпольщицы: “Нехорошо, если у одного писателя две комнаты, а у другого ни одной”» (Н. М. Т. 2. С. 119; см. также: Жить подальше от литературы: К 115-летию со дня рождения Н. Я. Мандельштам / публ. и примеч. С. В. Василенко и П. М. Нерлера // Октябрь. 2014. № 7. С. 141). Этот же эпизод отразился в мемуарах Э. Г. *Герштейн*: Р. «был женат, у них был ребенок <Нинель (Елена), 1930–2007; в 1932 род. младшая дочь Татьяна. – *Авт.*>, и жена <Екатерина Дмитриевна, урожд. Безгина, 1900–1991. – *Авт.*> возмущалась, почему им троим дали маленькую, а Мандельштамам – большую комнату. “Рудерман, – кричала она в коридоре, – молодой поэт, активно работающий, а Мандельштам – старик, уже не пишущий, а если и пишет иногда, все равно он – бывший поэт, устаревший”» (Герштейн. С. 29). Ср.: «Тихий и серьезный Миша Рудерман приехал в Москву изучать высший пилотаж поэтического мастерства у Иосифа Уткина, жившего в том же доме, но не в комнатке, а в приличной квартире, так как был он в то время в почете. Миша сообразил, что и у Мандельштама можно кой-чему поучиться. Не раз я заставал его у О. Э. Он выучился, чему хотел» (Кузин – Н. Мандельштам. С. 167).

В 1932–33 Р. выпустил 2 книги для детей – «На крейсере» и «Северный май» – и поэтич. сб. «Звездный пробег». Широкую известность ему принесла «Песня о тачанке» (1936; положена на музыку К. Я. Листовым).

Архивы: ОР ИМЛИ РАН. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 958. Л. 46 об.

Лит.: Поберезкина П. Е. Об одной рецензии на «Письма о русской поэзии» Н. Гумилёва // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский научный

сб. Вып. 4. Симферополь, 2006. С. 200–204; Она же. Михаил Рудерман и Осип Мандельштам // СМР. Вып. 5. С. 272–283; Видгоф Л. М. «Квартирный вопрос»: Как Осип Мандельштам жил в Доме Герцена (по архивным материалам) // Кормановские чтения. Вып. 15: Статьи и материалы Межвузовской научной конференции (апрель, 2016). Ижевск, 2016. С. 50–57.

П. Е. Поберезкина.

«**РУССКАЯ МЫСЛЬ**» (Париж, 1947. № 1. 19 апр. – изд. продолжается), ведущая общеевроп. русскоязычная (преим. еженед.) газета в Европе, отражающая интересы рус. эмиграции. В 1948 выходила 2 раза в неделю, с окт. 1955 – 3 раза в неделю, с 1968 – вновь еженедельно. Осн. как орган рус. секций франц. конфедераций дружинников-христиан (первые 2 года назв. этого органа печаталось в выходных данных на титульном листе издания). Редакторы: В. А. Лазаревский, затем С. А. Водов (1954–68), З. А. Шаховская (1968–78), И. А. Иловайская-Альберти (1979–2000), И. В. Кривова (2000–06), В. Лупан (с 2006).

В «Р. м.» была опубл. рец. Г. П. *Струве* на книгу О. М. «Tristia» (Берлин, 1922). Первое упоминание имени О. М. на страницах послевоен. «Р. м.» появилось уже 5.7.1947: в своем мемуарном очерке «Дни. Братья писатели» Б. К. Зайцев назвал О. М. в ряду поэтов, погибших в Советской России. Затем в краткой рец. на «Антологию русской поэзии» на франц. яз. (Corbeil, изд-во «Bordas», 1947) Н. Н. Берберова упрекнула составителей Э. Рейса и Ж. Робера в том, что в биографич. справках, предпосланных переводам, умалчивается факт гибели О. М. (24.1.1948). С нач. 1950-х гг. материалы, посв. полностью или частично О. М., появляются в «Р. м.» практически регулярно. Значительную их часть долгое время составляли рецензии и отзывы на заруб. издания О. М., в первую очередь статьи постоянного критика газеты Ю. К. *Терапиано*, принявшего на себя в 1954 роль штатного лит. критика и выполнявшего эту роль без малого четверть века. В ст. «Осип Мандельштам» в номере «Р. м.» от 19.11.1955 – отклике на первое собрание сочинений поэта (Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1955) – он писал: «Полное собрание произведений О. Э. Мандельштама, – даже странно как-то, – в Париже, в 1955 году, иметь возможность прочесть в *первый раз* многие стихотворения и прозаические стихотворения Мандельштама послереволюционного времени, не дошедшие до нас в эмиграции!» «Любимейший поэт ряда поколений», подчеркивал далее критик, О. М. обладал «совершенно исключительным чувством слова», а «магия его слова и сила воздействия на читателя были основаны на его глубочайшем проникновении в словесную стихию». Часть рец. была посв. прозе О. М., к-рая «внутренне столь же музыкальна, столь же замечательна своим сочетанием самых неожиданных образов, как его стихи... В чем-то она перекликается с воспоминаниями М. Цветаевой... Создает какую-то свою, особую форму повествования, – не о себе, а вокруг себя и обо всем, что его окружает». Статья заканчивалась словами: «Спор ОМ с веком – одно из самых значительных событий в послереволюционной литературе, и он за него заплатил жизнью». Впервые появившуюся в эмиграции биографию поэта, написанную Г. П. Струве как вступит. ст. к сборнику, автор рец. привел в виде ее краткого резюме. В 1961 вышел Вып. 2 альм. *«Воздушные пути»* (Нью-Йорк), значительная часть материалов к-рого была посв. О. М. Свой очередной «подвал» в «Р. м.» Терапиано отвел именно этой части альманаха. «Сенсационной публикацией явились 57 нигде до этого не опубликованных стихотворений Осипа Мандельштама, написанных большей частью во время его ссылки в Воронеже... Благодаря ему (альманаху. – *Л. М.*) мы имеем возможность ознакомиться с последним периодом творчества Мандельштама, дополнить и пересмотреть те выводы, какие были сделаны раньше...» – писал критик. Разбор стихов О. М. был дополнен оценками помещенных вслед за собранием стихотворений статей Г. Адамовича, В. Вейдле и Ю. Марголина об О. М. «как о человеке и как о поэте» (см.: РМ. 1961. 24 июня). Среди откликов в «Р. м.» на тома второго эмигрантского собрания сочинений О. М. (Ваш.; П., 1964–81) выделяются статьи Терапиано (16.10.1965, 6.11.1969, 24.6.1971), Е. Г. Эткинда (7.5.1981) и А. Бахраха (7.5.1981). Не оставались без внимания на страницах газеты и советские издания. Так, напр., при рассмотрении вышедшего в СССР 1-го тома «Антологии русской советской поэзии 1917–1957», Терапиано заметил, что в изд. не соблюдена беспристрастность, а отсутствие произведений Н. С. *Гумилёва*, О. М., Н. А. *Клюева* лишает его права действительно представлять всю рус. поэзию указанного периода (15.3.1958). С именем О. М. связано большое число публикаций Г. П. Струве. Более 25 лет (с 1952) вел он на страницах «Р. м.» рубрику «Дневник читателя» (и одноврем. такой же раздел в «Новом русском слове»). Имя О. М. появляется в «Дневнике...» уже на первых его страницах и не сходит с них в течение 20 с лишним лет. В рец. на антологию рус. поэзии «Приглушенные голоса», составленную В. Марковым (Нью-Йорк, 1952), он указывает на погрешности, связанные с публикацией стихов О. М. (напр., в датировке одного из них), на ошибочный, по мнению критика, принцип отбора стихов и т. д. (4.3.1953). В заметке «О судьбе Осипа Мандельштама» впервые в рус. заруб. печати была сообщена точная дата гибели О. М. (9.2.1961). К вопросу об этой дате гибели поэта Г. П. Струве вернулся в своем «Дневнике читателя» в заметке «О дате смерти О. Мандельштама» (24.2.1966). Поводом ее написания стали публикации И. Бушман, Э. Триоле, К. Померанцева (рец. на «Антологию русской поэзии», составленную Триоле, см.: РМ. 1966. 10 февр.), в к-рых присутствуют «упорные разговоры» о неустановленной дате смерти О. М. В «Р. м.» имели место упоминания в связи с «полузапретной» литературой в Советском Союзе (см: Там же. 1962. 31 марта); о неточностях в биографич. сведениях об О. М., приведенных в книге А. Лясковского «Мартиролог русских писателей» (Т. 2. Мюнх., 1963) и Бушман «Поэтическое искусство Мандельштама» (Мюнх., 1964) (см.: РМ. 1965. 26 окт.). В 1962 в СССР начала выходить «Краткая литературная энциклопедия» (КЛЭ). Выход каждого очередного тома КЛЭ отмечался в «Дневнике...» публикацией обстоятельного разбора его содержания. Г. П. Струве анализировал изд. с точки зрения включения в него, во-первых, репрессированных писателей советского периода, а во-вторых, писателей, принадлежащих к заруб. рус. лит-ре. В рецензии на 4-й том КЛЭ он писал: «Среди фигурирующих в томе репрессированных писателей на первое место надо поставить О. Э. Мандельштама. К тому, что стало после реабилитации известно о его жизни и смерти, статья в КЛЭ ничего не добавляет... подпи-

санная А. Морозовым, она выдержана в объективном тоне». Далее автор «Дневника...» с удовлетворением отмечает, что в библиографии указаны тома собрания сочинений О. М., вышедшие в Нью-Йорке [«Имена редакторов, правда, не указаны» (РМ. 1967. 3 авг.)].

Подробное изложение, с большим количеством цитируемых отрывков, главы об О. М. из книги Э. Л. *Миндлина* «Необыкновенные собеседники» (М., 1969) нашло свое отражение в очередной публикации Г. П. Струве (29.1.1970). Отмечая наиб. интересные места в этих восп., тем не менее в заключение автор статьи констатировал, что о трагич. конце О. М. у Миндлина «ни слова», «как ни слова и том, что после 1938 года не было издано ни одной книги Мандельштама...». О стих. «Поэт» («Эту книгу мне когда-то...») было написано в ст. «Стихи А. Тарковского о М. Цветаевой и О. Мандельштаме» (11.6.1970). Подчеркивался отраженный в стихотворении биографич. факт встречи А. А. *Тарковского* и О. М. В ст. «Об одной ошибке Марины Цветаевой» Г. П. Струве посвятил всю очередную страницу «Дневника...» попытке раскрыть причину высказанного М. И. *Цветаевой* в письме к Д. А. Шаховскому (впоследствии архиепископ Сан-Францисский Иоанн) негодования после прочтения ею «Шума времени» О. М. и ошибки Цветаевой в дате написания этого письма (1917 вместо 1926) (6.12.1973).

В заметке «Вечер поэтов» Ю. П. *Анненков* рассказал о взглядах на задачу поэта и на значение «музыки» в поэзии поэтов Серебряного века, в т. ч. в стихах О. М. (4.5.1963). И. В. *Одоевцева* в очерке «Еще о поэзии» привела с небольшими разночтениями фрагмент из будущей книги «На берегах Невы», где есть текст об О. М.: «Первое чтение “Тристии” в С.-Петербурге» (29.6.1961). Последующие главы этой книги, где были строки о О. М., печатались на страницах следующих выпусков газеты (26.9.1964, 21.1, 18 и 25.2, 4, 13 и 18.3.1965, 29.3.1966).

Ст. (за подписью «Н. Лужин») «Две судьбы» была посв. сопоставлению трагич. судеб Ф. Г. Лорки и О. М. (4.5.1972). Анатолий Юлиус свою работу «Миссия поэтов» б. ч. посвятил судьбе О. М. – человека и поэта, «его безрассудной смелости», его «поэтической и человеческой ценности», обратил внимание на мемуары Н. Я. *Мандельштам* и Одоевцевой (22.3.1973).

С сер. 1970-х гг. количество авторов, пишущих об О. М. и публикующихся на страницах «Р. м.», заметно увеличилось. Вот перечень наиб. важных, на наш взгляд, публикаций за период до нач. 2000-х гг.: И. Игнатьев. «Неизвестный отзыв Твардовского о Мандельштаме» (о верстке сб. «Стихотворения» в Большой серии «Библиотеки поэта») (15.7.1976); А. Бахрах. «“Египетская марка” и ее герой» (о книге О. М. и В. Я. *Парнахе*) (5.4.1979); В. Бетаки. «“Тоска по мировой культуре”, или “Блаженное бессмысленное слово”» (попытка анализа отд. стихотворений О. М.) (19.1.1984); М. М у р а в н и к «Новый Мандельштам» [рец. на книгу Э. Герштейн «Новое о Мандельштаме» (Paris, 1986)]; Р. Дутли. «Рецензия на: Семенко И. Поэтика позднего Мандельштама: (От черновых редакций к окончательному тексту)» (5.6.1987. Литературное приложение. № 3/4); И. Серман. «Мандельштам глазами друзей» (публикация о восп. Б. С. *Кузина*, Н. Е. *Штемпель* и С. Б. *Рудакова* об О. М., отрывки из них) (18.3.1988); М. Гольдштейн. «Мандельштам и музыка» (о публикации Я. Платека в журнале «Музыкальная жизнь») (12.8.1988).

В преддверье открытия в Бари (Италия) Междунар. симпозиума, посв. 50-летию со дня смерти О. М. (см. ниже), на страницах очередного «Литературного приложения» (№ 6) к «Р. м.» под рубрикой «Памяти Осипа Мандельштама» были напечатаны статьи: Ж.-К. Ланна «В поисках нового классицизма: Хлебников и Мандельштам», Н. А. *Струве* «К возвращению Мандельштама» (о только что вышедшей в Москве книге О. М. «Слово и культура: (О поэзии – Разговор о Данте – Статьи. Рецензии»), Н. Г.<орбаневской> «Чаадаев, Мандельштам, Милош», Э. Анри о книге Н. Струве «Осип Мандельштам» (24.6.1988), а также: В. Кривулин. «От немоты к немотству» (В. В. *Маяковский* и О. М.) (3 и 10.2.1989), В. Сажин. «Дом Мандельштама» (16.7.1991), А. Найман. «Воздух. Задыхание. Немота» (о творч. соприкосновениях и перекличках «четверки» – А. А. *Ахматовой*, Цветаевой, О. М., Б. Л. *Пастернака*) (15, 22 и 29.11.1991). История «литературной реабилитации» О. М. достаточно обстоятельно была изложена в ст. «Кенотаф. Посмертная судьба Осипа Мандельштама», напечатанной в двух номерах газеты за 1992 П. Нерлером (28 авг. и 4 сент.). Эпизоду из биографии юного О. М., находившегося на лечении в Финляндии, посвятили свое исследование (по документам Департамента полиции) под назв. «Некий еврей Мандельштам...» Д. Зубарев и П. Нерлер; в нем приведены фотокопии документов (4–10 и 11–17.6.1993). Др. публикации, посв. О. М.: Нерлер и Н. Поболь. «Поезд шел на Урал...» (арест О. М., его отправка в лагерь, смерть) (12–18.11.1998); В. Александров. «Куда как страшно нам с тобой...» (о сонете и О. М.) (24.2–1.3.2000); С. Лурье. «Миндальное дерево, железный колпак. Стиль как овеществленное время»; часть публикации отведена доносу П. Павленко (31.8–6.9 и 7–13.9.2000); О. Лекманов. «Студент: (Эпизод биографии Осипа Мандельштама)» (об изучении О. М. классич. филологии в ун-те) (28.9–4.10.2000); священник Г. Чистяков. «Я изучил науку расставанья...» (эссе об О. М. и *античности*) (12–18 и 19–25.10.2000); О. Лекманов. «Мандельштам – баснописец» (16–22.11.2000). Перспективам применения совр. технологий посв. ст. Нерлера «Русские литературные сайты в Интернете и дигитальный проект “Воссоединенный архив Осипа Мандельштама”» (18–24.5.2000).

2000-й г. стал последним в газете, когда поэту в ней отводилось достойное место. Далее имя О. М. практически исчезло со страниц «Р. м.». Можно упомянуть лишь рец. И. Толстого на книгу Г. Г. Амелина и В. Я. Мордерера «Миры и столкновения Осипа Мандельштама» (15–21.2.2001) и ст. Лекманова «Осип Мандельштам в Париже в 1907–1908 гг.» (1–16.4.2003).

Библиография публикаций в «Р. м.» произведений О. М. небольшая и выглядит следующим образом. Г. Стуков. «Неизвестное стихотворение Осипа Мандельштама» («Квартира тиха как бумага...»; впервые, без двух строф) (21.2.1963). Последним дням поэта посвящена заметка Стукова «Еще о судьбе Осипа Мандельштама» (5.2.1963). Здесь же приведено письмо О. М. 1938 из лагеря брату Александру. В заметке «Стихи “Оттуда”» Терапиано приводит текст стих. «После полуночи сердце ворует...», ошибочно отметив, что оно ранее в эмиграции не публиковалось

(было напечатано в газете «Новое русское слово» 3.2.1963) (14.3.1964). Стуков в «Варианте стихотворения О. Э. Мандельштама о Сталине» («Мы живем, под собою не чуя страны...») указывает на разночтения по сравнению с первой публикацией стихотворения в журнале «Мосты» (Мюнх., 1963. № 10) (6.3.1965). «Осип Мандельштам о христианском искусстве» Г. П. Струве – это впервые публикуемый отрывок из ст. О. М. «Пушкин и Скрябин» со вступит. заметкой публикатора (28.11.1963). Опубл. стих. «О, как мы любим лицемерить...» и в переводе на нем.яз., выполненном Р. Дутли (26.12.1986). Неизвестный очерк О. М. «Пивные» был опубл. Нерлером (27.1–2.2.1994).

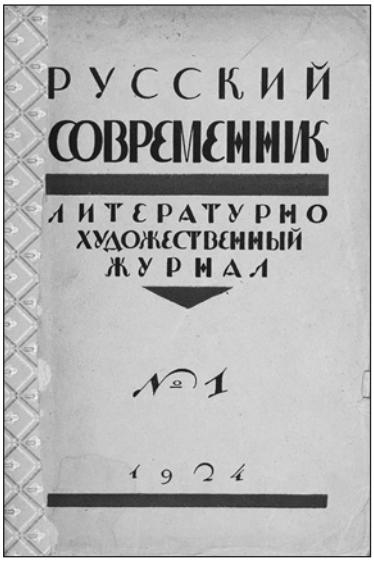
В числе др. публикаций – стихи, обращенные к О. М.: А. Угрюмов «Судьба поэта» (13.7.1963); Странник (архиепископ Сан-Францисский Иоанн) «Стихи о поэте» («Мандельштам», «Воскресение поэта») (30.11.1972), Я. Рымкевич «Улица Мандельштама» (пер. с польского Н. Горбаневской) (12.7.1985), Р. Бужбецкий «Памяти О. Э. Мандельштама» (29.1.1993), рассказ В. Т. *Шаламова* «Шерри-бренди» (о последних днях поэта) (28.10.1982).

В «Р. м.» публиковались также «Воспоминания» Н. Я.: «Из “Воспоминаний”» (31.12.1970), «Вторая книга» (отрывки) (апр.–июнь 1972). Из откликов на «Воспоминания» опубл.: Д. Олсоп. «Торжество человеческого духа» (на англ. изд.) (10.12.1970); Б. Филиппов «Большая книга» (14.1.1971); Н. Татищев. «Страх» (25.2.1971); на «Вторую книгу»: К. Померанцев (30.11.1972); Терапиано (14.12.1972); на «Мое завещание»: Р. Зернова. «Провода под током...» (рец. на: Надежда Мандельштам. «Мое завещание и другие эссе». Нью-Йорк, 1985). (11.4.1986); Н. Струве. «По поводу издания сборника Надежды Мандельштам “Мое завещание”» (11.4.1986); З. Шаховская. «О Надежде Яковлевне Мандельштам: (Из писем Веры Рек Зинаиде Шаховской с приложением трех писем Н. Я. Мандельштам <1979> и отрывка из письма архиеп. Иоанна)» (23–29.3.1995); С. Шумихин. «“Мандельштам был не по плечу современникам...”: Письмо Надежды Мандельштам к Александру Гладкову (1964)» (12–18.6.1997).

Раздел «Осип Мандельштам и о нем на иностранных языках» состоит из целого ряда публикаций: Е. Каннак. «Жан Бло: Осип Мандельштам» (рец. на: Ossip Mandelstam. Par Jean Blot. «Poètes d'aujourd'hui», Paris, 1972) (книга во франц. серии «Современные поэты» включает в себя эссе Ж. Бло об О. М. и переводы стихов О. М., выполненные Бло и О. Андреевой) (8.6.1972); Ю. Иваск. «Мандельштам по-английски и по-бродски» [о переводах О. М. на англ. яз. и о ст. И. А. Бродского в еженедельнике «New York Review of Books» (7.2.1974)] (25.4.1974); Г. Гиффорд. «Осип Мандельштам – образ мученичества» (рец. на: Nikita Struve. Ossip Mandelstam. Paris, 1982; пер. с англ.) (8.3.1984); «Мандельштам – победитель истории» – интервью Н. Горбаневской с польск. поэтом и переводчиком Я. Рымкевичем (о поэзии О. М. в Польше) (12.7.1985); Б. Вайль. «Осип Мандельштам издан в Дании» (о книге: Мандельштам О. Век мой, зверь мой. Стихотворения. Копенгаген, 1985; двуязычное изд.; сост. и пер. И. Малиновского) (20.6.1986); С. Дедюлин. «Швейцарский Мандельштам» (об издании книг О. М. и о нем в Швейцарии) (26.12.1986); П. Нерлер. «На веселой ноте» (к выходу последнего тома 10-томного собрания сочинений О. М. на нем. яз.) (23–29.11.2000).

Раздел хроники (конференции, вечера, юбилеи и т. п.) составляют публикации: Андрей Луганов (И. Одоевцева). «Вечер памяти Осипа Мандельштама» (о вечере в Рус. консерватории в Париже) (29.6.1961); А. Горская. «Памяти Осипа Мандельштама» (о докладе Н. Струве в Союзе рус. писателей и журналистов в Париже) (2.3.1967); Аноним. «Мандельштамовский симпозиум в Монжероне» (1–2.12.1982, Монжерон, под Парижем; краткое содержание докладов) (28.10.1982); В. Швейцер. «К дискуссии о Мандельштаме в Монжероне» (возражения по существу отд. высказываний в докладах Р. Дутли, Е. Эткинда и Н. Струве) (23.12.1982); «Международный Мандельштамовский симпозиум в Бари (Италия): Говорят участники симпозиума: Ж.-К. Ланн, Вяч. Иванов, Ф. Мальковати, А. Кушнер, С. Шварцбанд, А. Жолковский» (материал подготовил С. Дедюлин) (29.7.1988); В. Швейцер. «Мандельштам после Воронежа» (фрагмент доклада) (здесь же); И. Серман. «О Мандельштамовском симпозиуме» (здесь же); П. Нерлер. «Мандельштамовские дни в Москве и Ленинграде. 14–22 января 1991 г.» (11.1.1991); «Юбилей старейшины мировой славистики» (о заседании Мандельштамовского общества, к-рое было посв. 80-летию проф. К. Ф. *Тарановского* и прошло 30.3.1991 в филиале Гос. лит. музея в Москве, рассказал в газете Ю. Фрейдин; докладчиками выступили Ю. Левин, Фрейдин и М. Л. *Гаспаров*) (28.6.1991); «Мандельштамовская конференция в Воронеже» (16–18.5.1991; публикация О. Лекманова) (здесь же); Г. Зобин, А. Рудник. «Судьба Мандельштама» (о выставке в Моск. Лит. музее); А. Сотсков. «Поэт. Город. Культура» (о выставке в Музее Анны Ахматовой в Ленинграде, посв. 100-летию со дня рождения О. М.) (здесь же); Л. Кацис. «“О том, что сильнее нас...”: (Несколько слов о верстках книг, не вышедших к юбилею Осипа Мандельштама)» [аннотированное содержание подготовленных к печати сборников материалов: «Слово и судьба. Осип Мандельштам» и «Сохрани мою речь...» (Вып. 1)] (здесь же); С. Дедюлин. «Международная конференция в Лондоне: (К столетию со дня рождения Осипа Мандельштама)» (26.7.1991); Ю. Левин. «Почему я не буду делать доклад о Мандельштаме» (здесь же); Ив. Толстой. «Мандельштам и Франция» (о «круглом столе» в Сорбонне и установке мемориальной доски на ул. Сорбонны, 12) (7.2.1992); П. Н<ерлер>. «Мандельштамовская выставка в Германии» (показанная в неск. городах) (27.1–2.2.1994); Б. п. «Мандельштамовские дни в Воронеже» (Программа Третьих Мандельштамовских чтений) (8–14.7.1993); А. Рогачевский. «И столетие мы лелеем...» [рец. на: сб. «Столетие Мандельштама: материалы симпозиума» (ред.-сост. Р. Айзелвуд и Д. Майерс. Тенафлай, 1994)] (2–8.6.1994); П. Нерлер. «Во Владивостоке открыли “черновик” памятника Осипу Мандельштаму» (12–18.11.1998); П. Нерлер. «Мандельштам и вандалы» (о разрушении вандалами памятника О. М. во Владивостоке) (27.5–2.6.1999); П. Нерлер. «Мандельштамовские дни в Принстоне» (Междунар. конференция «Наследие Осипа Мандельштама», посв. 25-летию передачи архива поэта в *Принстонский университет*) (1–7.11.2001).

Л. А. Мнухин.



Обложка журнала «Руский современник»

«РУССКИЙ СОВРЕМЕННИК» (Москва и Ленинград, май–дек. 1924), лит.-худож. журнал. Вышло 4 номера. Инициаторами изд. стали К. И. *Чуковский* (идея создания журнала «для интеллигенции», к-рый, по его словам, «может воспитать поколение, как в былые времена – “Современник”», появилась у него в 1920; см.: Примочкина. С. 233–234) и поддержавший его А. Н. Тихонов (осенью 1923 также задумал издавать лит. журнал). Ред. коллегия: М. *Горький*, Е. И. *Замятин*, Тихонов (ответств. ред.), Чуковский, А. М. *Эфрос*. Издавал «Р. с.» на свои средства Н. И. Магарам, до рев-ции 1917 работавший с И. Д. Сытиным.

Журнал состоял из отделов: «Художественная проза, стихи, литературный архив», «Статьи. Обзоры. Библиография», «Паноптикум». Особенностью «Р. с.» был декларированный редакторами сознат. уход от политики в сферу беллетристики, при этом журнал не избежал нападок критики и цензурных запретов. Отсутствие ясной программы журнала дало повод Б. М. *Эйхенбауму* в дневнике неоднократно отмечать: «Журнал снова представляется мне совершенно мертвым. Собрались “спецы”, модные люди и быт “Всем. лит.”, никакого ядра, никакой линии» (1.3.1924) (РГАЛИ. Ф. 1527. Оп. 1. Ед. хр. 245. Л. 39 об., 40). Об этом Эйхенбаум предупреждал и Замятина (см.: Примочкина. С. 249).

В № 1 «Р. с.» напечатаны произведения А. А. *Ахматовой*, И. Э. *Бабеля*, Замятина, Ю. Н. *Тынянова*, В. Б. *Шкловского*, Эйхенбаума и др. Журнал вызвал целый ряд негативных отзывов критики. Отмечалось, что «журналу на мертвого писателя повезло, несомненно, больше, чем на живого» [Лежнев А. З. Заметки о журналах // Печать и революция. № 6 (нояб.–дек.). С. 127; см. также: Он же. Среди журналов // Красная новь. 1924. № 4. С. 303–316], что «Р. с.» является «органом остатков буржуазии, органом реакции» (С. А. [Рец. на кн. 1. «Р. с.»] // Октябрь. 1924. № 2. С. 216), а также что «и “Россия” и “Русский современник” являются выразителями определенных враждебных нам настроений» ([Ред. ст.] // Октябрь. 1924. № 4. С. 186; см. также: Лелевич Г. Несовременный «Современник» // Большевик. 1924. № 5–6 (июнь). С. 146–151).

В № 2 «Р. с.» (нач. авг.), опубл. стих. О. М. «1-ое января 1924 г.». В одной из первых рец. на № 2 «Р. с.» это стихотворение процитировано критиком как доказательство реакционности журнала: «По соседству» с С. Я. *Парнок* «издает ямбические стоны торжественный осколок акмеизма Мандельштам, – тот самый, которого “Красный перец” метко прозвал: “Кай Юлий Осип Мандельштам”. Этот “больной сын” умирающего века вздыхает над старым миром <...>. Насквозь пропитана кровь Мандельштама известью старого мира, и не веришь ему, когда он в конце начинает с сомнением рассуждать о “присяге чудной четвертому сословью”. Никакая присяга не возродит мертвеца» (Лелевич Г. По журнальным окопам // Молодая гвардия. 1924. № 7–8. С. 262; о прозвище О. М. см. юмористич. стихотворение Л. В. Никулина в: Красный перец. 1924. № 1. С. 9).

В № 3 «Р. с.» (нач. окт.) опубл. произведения Горького, С. А. *Есенина*, А. Н. *Толстого* и др. В рец. на журнал К. Розенталь, в частности, писал: «В “Русском современнике” неповская литература показала свое подлинное лицо» (Розенталь К. [Рец. на «Р. с.»] // Правда. 1924. № 253. 5 нояб. С. 8).

Несмотря на усилившееся давление цензуры, Чуковскому удалось издать № 4 «Р. с.», в к-ром напечатаны Г. О. Винокур, Л. И. *Добычин*, Замятин, В. *Хлебников* и др. (подробнее о выпуске № 4 журнала см.: Чуковский. С. 336, 338–342, 348).

Изд. прекращено в связи с цензурным запретом и последовавшим за ним арестом Тихонова в ночь с 27 на 28.2.1925. Попытки возродить журнал весной–летом 1925 окончились неудачей.

Источники: Чуковский К. И. Дневник. 1901–1969: В 2 т. М., 2003. Т. 1. С. 309–349.

Лит.: Примочкина Н. Н. Писатель и власть: М. Горький в литературном движении 20-х годов. 2-е изд., доп. М., 1998. С. 233–295.

Ук.: Ук. содержания журнала «Русский современник» / сост. М. А. Николаева // НЛО. 1997. № 26. С. 371–377.

М. А. Котова.

РУССО (франц. Rousseau) Жан Жак (28.6.1712, Женева – 2.7.1778, Эрменонвиль, близ Парижа, Франция), франц. философ-просветитель, писатель, композитор; один из гл. представителей сентиментализма. Определенное влияние на формирование отношения О. М. к фигуре Р. мог оказать биографич. фактор: его филос. взгляды входили в своеобразную мировоззренч. систему отца О. М. – Э. В. *Мандельштама*, что позднее нашло отражение в мемуарном компоненте пов. «Шум времени» (1923–24): «Просветительная философия претворилась в замысловатый талмудический пантеизм. Где-то поблизости Спиноза разводит в банках своих пауков. Предчувствуется – Руссо и его естественный человек. Все донельзя отвлечено, замысловато и схематично» (2. С. 362); ср. свидетельство Н. Я. *Мандельштам*: «Он цитировал Спинозу, Руссо и Шиллера, но в таких невероятных сочетаниях, что все только ахали...» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 509).

Жан Жак Руссо

Реальное знакомство О. М. с мировоззрением Р. и его присутствием в рус. культуре, очевидно, носило глубокий характер и было связано с обучением в *Тенишевском училище*: «В семейном архиве Синани сохранилась тетрадь с конспектами Мандельштама по истории русской литературы <...>: они соответствуют программе 7 и первой половины 8 класса, т. е. писались со второй половины 1905 года. Тетрадь включает конспекты: “Сентиментализм и романтизм”, “Жан-Жак Руссо”, <...> “Идеи Руссо у Карамзина”, “Идеализм Жуковского”, <...> “Идеи Руссо у Пушкина” <...>. Согласно помете Мандельштама, один из источников: Гефдинг Георг. Ж. Ж. Руссо и его философия. СПб. <...> (первое издание – 1898, второе издание – 1902?)»; программа 12-го семестра (6-й класс, 2-е полугодие) включала в себя курс «Умственная жизнь в Екатерининскую эпоху (личность императрицы. Комиссия депутатов, идеи Вольтера, Монтескье и Руссо)» (см.: М е ц А. Г. Осип Мандельштам и его время: Анализ текста. СПб., 2005. С. 223, 226). Именно на социально-филос. взглядах Р., отраженных в его трактатах «Рассуждение о науках и искусствах» (1750), «Об общественном договоре» (1762) и др. и представляющих собой идеализацию «естественного состояния» общества с доминированием идей свободы и равенства, основано его упоминание во внутр. рец. О. М. 1926(?) для изд-ва *«Прибой»* при характеристике рассказа «Поездка на остров Робинзона» аргентинского писателя Д. Ф. Сармьенто: «посещение колонии островитян; фрегатно-парусная эпоха; проблема цивилизации с отзвуками Руссо; чудесный ландшафт»; незадолго до этого в очерке «Нюэн Ай Как. В гостях у коминтернщика» (1923) О. М. опосредованно связал с мировоззрением Р. фигуру Хо Ши Мина (см.: 2. С. 596, 343). В этой связи интересен тот факт, что еще в 1923 Б. В. *Горнунг* в рец. на выход первых двух номеров альм. *«Гостиница для путешествующих в прекрасном»* полемически отметил определ. «руссоистскую» направленность опубл. там мандельшт. ст. «Девятнадцатый век» (1922) и микроцикла «Сеновал» («Я по лесенке приставной...» и «Я не знаю, с каких пор...», оба – 1922); см.: Горнунг Б. В. Поход времени: В 2 кн. Кн. 2: Статьи и эссе / состав. и примеч. М. Воробьева. М., 2001. С. 221, 224. Рецензент подразумевает, в частности, финальный вывод О. М.: «Элементарные формулы, общие понятия восемнадцатого столетия могут снова пригодиться. “Энциклопедии скептический причет”, правовой дух естественного договора, столь высокомерно осмеянный наивный материализм, схематический разум, друг целесообразности – еще послужат человечеству. Теперь не время бояться рационализма» (2. С. 271). В нач. 1932 Г. А. *Шенгели*, после чтения «Четвертой прозы» (1930), в разговоре с О. М. сопоставил произведенный ею эффект с воздействием «Исповеди» Р. (см.: Г е р ш т е й н. С. 29–37).

С. Г. Шиндин.

РЯБИНИН Евгений Иванович (1892, с. Маргуш Нижегородской губ. – 21.4.1938, расстрелян), советский и партийный руководитель Воронежской (Центрально-Черноземной) обл. (ЦЧО) во время воронежской ссылки О. М. Чл. ВКП(б) с 1917. В 1930–34 пред. облисполкома ЦЧО, в 1934–35 – Воронежского облисполкома. С марта 1935 по июль 1937 1-й секр. Воронежского обкома ВКП(б). После Июньского пленума ЦК ВКП(б), состоявшегося в Москве 23–29.6.1937, оповестившего о раскрытии очередного заговора с участием видных деятелей партии и страны, 46 членов ЦК были выведены из ЦК и из кандидатов в ЦК, в т. ч. Д. Е. Сулимов, Г. Н. Каминский, И. П. Румянцев и др., – в связях с к-рыми вскоре был обвинен Р. 10.7.1937 в Воронеж прибыл чл. Политбюро и секр. ЦК ВКП(б) А. А. Андреев, сообщивший на открывшемся 2-м пленуме Воронежского обкома ВКП(б) о решении ЦК об освобождении Р. от обязанностей 1-го секр. обкома «за слабую работу по разоблачению троцкистов и вредителей», а также о его отзыве в распоряжение ЦК. 11.7.1937 пленум признал правильным решение ЦК, указав на то, что Р. «оказался бессильным в раскрытии троцкистов и правых, которые, безусловно, продолжали орудовать на ряде участков сельского хозяйства, промышленности, городского хозяйства и на идеологическом фронте», и вывел Р. из состава бюро и пленума обкома. Р. отозван в распоряжение ЦК ВКП(б). Арестован 14.8.1937 в Москве, 16.8.1937 доставлен в Воронеж.

Р. обвинялся в том, что являлся кадровым троцкистом с 1921; в 1933–34 примкнул к антисоветскому блоку: являлся одним из организаторов и руководителей антисоветской правотроцкистской диверсионно-террористич. организации в Воронеже, связанной через А. И. Рыкова, Сулимова, Каминского с Центром правых и проводившей свою контррев. деятельность совм. с агентами иностр. фашистских разведок; организовывал повстанч. группы для вооруж. борьбы против советской власти; подготавливал террористич. акты против руководителей ВКП(б) и советской власти, для чего организовал ряд террористич. групп. Осужден 21.4.1938 Воен. коллегией Верховного суда СССР по ст. 58–7, 58–8, 58–11. Реабилитирован 11.8.1956.

Лит.: Б и т ю ц к и й В. Государственный заказчик // Воронежский курьер. 2007. 11 окт. С. 2–3; ВСС. Т. 1 С. 210; Т. 2. С. 149–159.

В. И. Битюцкий, П. М. Нерлер.

РЯХОВСКИЙ Василий Дмитриевич (9.10.1897, с. Перехваль Данковского у. Рязанской губ. – 16.9.1951, Москва), воронежский прозаик. Чл. Союза крест. писателей и ССП.

П. М. Нерлер.

С

САВОЕВА (Савоева-Гокинаева) Нина Владимировна (15.8.1916, с. Христиановское Владикавказского округа Терской обл., ныне г. Дигора – 13.3.2003, Москва), врач. По окончании Моск. мед. ин-та им. И. М. Сеченова (1940) распределена на Колыму и направлена в распоряжение Управления Сев.-Вост. исправит.-трудовых лагерей НКВД. Во *Владивостоке* посетила пересыльный лагерь, где умер О. М. Ее рассказ об этом лег в основу рассказа В. Т. *Шаламова* «Шерри-бренди». На Колыме работала в санчастях и больницах: на прииске им. В. П. Чкалова, в поселках Беличья, Н. Сеймчан и Сусуман, на приисках «Ударник» и др. Врач-подвижник, спасла жизнь и здоровье мн. заключенным, в т. ч. Шаламову и Б. Н. Лесняку, своему будущему мужу. Благодарные больные называли ее «мама Черная». С 1953 хирург Магаданской обл. больницы и 2-й гор. поликлиники. С 1972 вместе с мужем жила в Москве.

Соч.: Место назначения – Магадан // Мед. бюллетень. Магадан, 1991. Вып. 31. С. 61–94; Я выбрала Колыму // Архивы памяти. Магадан, 1996. Вып. 1.

Лит.: Кузина Н. Мама Черная: на Колыме она спасала людей, уже не хотевших жить // Мед. газета. 4.2.1990; Памяти Н. В. Савоевой-Гокинаевой // Магаданская правда. 28.3.2003.

П. М. Нерлер.

САДКОВОЙ Николай Павлович (22.5.1912, Воронеж – 10.7.2004, Москва), воронежский знакомый О. М., журналист, театр. критик и деятель. В 1933–41 репортер, а позднее зав. отделом культуры и искусства газеты *«Коммуна»*. Специализировался на муз. и концертной тематике.

П. М. Нерлер.

«САМАТИХА», дом отдыха треста по управлению курортами и санаториями Мособлздравотдела при Мособлисполкоме (пос. Саматиха Шатурского р-на Моск. обл.). Открыт в сер. 1920-х гг. в быв. загородной усадьбе владельцев Егорьевской бумагопрядильной ф-ки Найденовых – Хлудовых. Усадьба «С.» построена в 1888 под рук. И. В. Дашкова (1857–1918), управлявшего принадлежавшими наследникам Хлудовых лесами. В 1905 Дашков выкупил «С.» и жил там до ее национализации в 1918. 2.3.1938 О. М. и Н. М. получили от Литфонда путевки в «С.», куда приехали 8.3.1938. В письмах из «С.» О. М. отмечал: «Здесь очень простое, скромное и глухое место. 4 $^{1}/_{2}$ часа по Казанской железной дороге [до ст. Черусти. – *О. Т.*]. Потом 24 километра на лошадях... так или иначе – мы получили глубокий отдых, покой... Глушь такая, что хочется определить широту и долготу». О. М. и Н. М. жили в гл. здании санатория, а затем были переселены в избу-читальню (ныне на ее месте кирпичный больничный корпус). В ночь на 2.5.1938 О. М. был арестован в «С.» опергруппой НКВД и доставлен в Москву.

В 1940–42 в «С.» размещался дет. госпиталь (пансионат), с 1942 психиатрич. больница (ныне Шатурская психиатрич. больница № 11). Сохр. гл. здание усадьбы, подсобные помещения (ныне один из корпусов больницы и хоз. блоки), баня-прачечная, посаженные Дашковым липовая аллея (1889), сосновая роща, пруд (кон. 19 в.), еловая аллея. К 100-летию О. М. на быв. гл. здании санатория установлена мемориальная доска (1991).

О. Д. Трошин.

САМИЗДАТ.

Согласно Г. Суперфину, С. – независимая от гос-ва внемонопольная издат. деятельность граждан, идущая вразрез с официально провозглашенными идеологич. или худож. установками. Изготовителями и распространителями С. могут быть как сами авторы, так и их друзья и незнакомые им читатели. Получил особое распространение в 1950–1980-е гг. в СССР, к-рый справедливо считался страной С. Исторически начинался именно со стихов: «В конце 50-х и начале 60-х в самиздате циркулировали и эссе, и рассказы, и статьи, но господствовали там стихи» (Алексеева Л. М. История инакомыслия в СССР. Новейший период. Вильнюс; М., 1992, С. 196). Ср.: «Казалось, никто никогда не прорвется сквозь толщу самого настоящего забвения, как вдруг все изменилось и заработал Самиздат. Кто пустил его в ход, неизвестно, как он работает, понять нельзя, но он есть, существует и учитывает реальный читательский спрос», писала Н. М. Читательский вакуум, вызванный гос. политикой «неиздания» произведений О. М., заполнялся без участия гос-ва. Между поэтом и читателем устанавливалась неофициальная, но весьма прочная связь. Распространение произведений О. М. в С. впервые отмечается в нач. 1930-х гг. Вернувшись осенью 1930, после пятилетнего перерыва, к поэтич. творчеству, поэт предлагал советским газетам и журналам почти все новые стихи (их было более 250), однако при жизни О. М. было опубликовано лишь 22 из них, ни одно из стихотворений, написанных после ареста в 1934, в печать при его жизни не попало. Стихи, не принятые к печати, оставались в редакциях, их сотрудники нередко забирали присланные списки или автографы себе либо снимали с них копии (напр., М. А. Зенкевич в *«Новом мире»*, А. К. Тарасенков в «Знамени», Н. С. Тихонов, В. А. Лифшиц в «Звезде»). Иногда неопубл. стихи даже цитировались в критич. статьях для характеристики творчества О. М. последних лет, как, напр., стих. «Я пью за военные астры...», в ст. А. П. Селивановского «Распад акмеизма» (Литературная учеба. 1934. № 8. С. 33). С наиб. политически заостренными произведениями (послужившее поводом для ареста стих. «Мы живем, под собою не чуя страны...», «Старый Крым», очерк-памфлет «Четвертая

проза» (их тексты Н. М. выучила наизусть) О. М. знакомил лишь ближайших друзей (не более 10–15 чел.). Освободившись из воронежской ссылки в мае 1937, О. М. в течение года (вплоть до нового ареста) предпринимал энергичные усилия для возвращения в список действующих литераторов, добивался от руководства СП СССР оценки своего творчества. Его стихи продолжали расходиться по стране. Известны случаи, когда уже в кон. 1930-х гг. они фигурировали в альбомах любителей поэзии (возможно, без указания фамилии автора; такой альбом послужил источником для плагиата В. Э. *Багрицким* – стих. «Щегол»). После смерти О. М. его архив был разрознен и значительно пострадал. За границу в этот период (1938–56) попали списки только двух стих.: «За гремучую доблесть грядущих веков...» (опубл. в: Маковский С. К. Портреты современников. Нью-Йорк, 1955. С. 398) и «Жил Александр Герцевич» (Опыты. Альманах. Нью-Йорк, 1956. Т. 6). Только после XX съезда КПСС и частичной реабилитации О. М. в 1956 Н. М. начала знакомить редакции лит. журналов с его неопубл. произведениями. Даже стих. «Мы живем, под собою не чуя страны...» перестает ощущаться «преступным» и начинает широко распространяться в С. (молодой ленингр. математик и историк Р. И. Пименов читал его вслух своим гостям в феврале 1957, незадолго до своего ареста, однако интереса у следователей этот факт и текст не вызвали (Пименов Р. И. Воспоминания. Т. 1. М., 1996, С. 144, 146, 187). Работа по подготовке сборника О. М. для серии «Библиотека поэта» и циркуляция его стихов в С. начались практически одновременно – в 1956–57. Относительно массовое хождение произведений О. М. в списках началось, по-видимому, с 1958. Ю. Г. *Оксман* в нелегальных письмах за рубеж к проф. Г. П. Струве датирует это событие сер. 1958 и указывает на Н. М. как на его источник. Др. источниками раннего распространения текстов О. М. в С. была А. А. *Ахматова* и ленингр. писатель Л. Н. *Рахманов*. Среди распространителей неизданного наследия О. М. известны В. С. Муравьев, Л. П. Эйзенгард, Г. С. Померанц, С. И. Чудаков, С. Я. Красовицкий, А. А. Морозов (подготовленный им самиздатский список 1959 он передал в Принстон). Публикация стихотворений О. М. в 1960–70-е гг. в отеч. периодике (как правило, в провинциальной – Алма-Ате, Воронеже, Ереване, Тбилиси, Одессе) носила случайный, разрозненный и ненауч. характер, вместе с тем являясь легализацией «диких» списков, распространявшихся в С. В 1960–63 при посредничестве Оксмана, Г. А. *Лесника* и др. осн. массив неопубл. произведений О. М., в т. ч. и самых острых, попал за границу и увидел там свет [альманахи «*Воздушные пути*» (Нью-Йорк), «*Мосты*» (Мюнхен) и др., а также в собр. соч., 1-е изд.]. Их источниками также являлся С. Публикации на Западе (тогда же возникло название «Тамиздат»), тайно ввозимые в СССР, многократно усилили циркуляцию С. в стране. Попадавшие в СССР тома [широко было распространено собр. соч О. М. (1-е изд.), отличавшееся полнотой и систематичностью], как правило, размножались самиздатчиками фотоспособом, перепечатывались на машинках, а позднее ксерокопировались. С нач. 1960-х гг. машинописные сборники стихов О. М., включавшие как ранее опубл., так и неопубл. произведения, становятся одними из самых популярных текстов С. и атрибутом почти каждой интеллигентской квартиры не только в столице, но и в провинции. Общий «тираж» О. М. в С. не поддается точному подсчету, но примерно насчитывал сотни тысяч экз. В С. распространялись неизданные воспоминания о поэте (Ахматовой, Е. М. Тагер, с 1970 – Н. М.) и подробная запись вечера памяти О. М., состоявшегося на мех.-мат. ф-те МГУ в мае 1965 под пред. И. Г. *Эренбурга* (через пять лет она была опубликована за рубежом в: Грани. 1970. № 77. С. 82–88). Широчайшую известность получили в С. худож. произведения, полностью или частично посвященные О. М. (рассказ В. Т. *Шаламова* «Шерри-бренди», песни А. А. Галича «Возвращение на Итаку» и Юза Алешковского «Товарищ Сталин, Вы большой ученый») В сатирич. песне Ю. Ч. Кима «Шабаш стукачей» (1967) в перечне культовых персонажей инакомыслящей интеллигенции О. М. занимает центр. место («А Мандельштам – сам архиерей»). Примечательно, что среда С. выдвинула не только распространителей творчества О. М., но и своих текстологов, составителей, редакторов и издателей (Ю. М. Гельперина, Е. С. Левитина, Г. А. Лесника и др.) и даже мандельштамоведов (Морозов, Ю. Л. Фрейдин, А. Г. Мец, М. Я. Шейнкер) и переводчиков (в частности, на польский и чешский языки, напр. песня на стих. «Жил Александр Герцевич...» в пер. Е. Помяновского и в исполнении Э. Дымарчик). Отд. тексты О. М. впервые были зафиксированы в составе самиздатских изданий, откуда попали со временем и в науч. оборот [напр., случай с ростовским поэтом Л. Г. Григорьяном и стих. «Где ночь бросает якоря...» (1917), считавшимся утерянным]. Немало места уделяли биографии и творчеству О. М. самиздатские периодич. издания. В издававшемся в Москве под ред. Р. А. Медведева информационном бюллетене «Политический дневник» (1964–71, частично переиздан за границей в 1972–75), в № 7 (апрель 1965) помещена анонимная заметка «История одного из стихотворений О. Мандельштама», где подробно, хотя и неточно, излагается история написания антисталинского памфлета «Мы живем, под собою не чуя страны...» и дальнейшая биография поэта вплоть до смерти в лагере в Магадане). Неск. ценных документов и исследований по биографии О. М. появилось в ист. сб. «Память», выпускавшихся в С. в 1976–81 группой молодых моск. и ленингр. исследователей во гл. с А. Б. Рогинским (переизданы за рубежом в 1978–82). В вып. № 1 (М., 1976; Нью-Йорк, 1978) опубл. два письма (1930) Н. М. председателю Совнаркома СССР В. М. *Молотову* и секретарю Н. И. *Бухарина* А. П. Коротковой, касающиеся безвыходного положения, в к-ром О. М. оказался тогда (публ. не подписана). В вып. № 2 (М., 1977; Париж, 1979) помещены три материала к биографии О. М.: письмо ленингр. писателей А. Н. *Толстому* (1934) в связи с получением им пощечины от поэта и переписка (1933–34) О. М. с директором Центр. лит. музея В. Д. *Бонч-Бруевичем* о предполагавшейся, но не состоявшейся продаже архива поэта в этот музей (обе публ. подписаны «И. Флаттеров», псевд. А. И. Добкина), а также запись рассказа вдовы Б. Л. *Пастернака*, З. Н. Пастернак, об известном телефонном разговоре Пастернака со И. В. *Сталиным* (подписана «Н. Селюцкий», псевд.). В вып. № 4 (М., 1979; Париж, 1981) помещена (анонимно) ст. Е. Б. Пастернака «Заметки о пересечении биографий Осипа Мандельштама и Бориса Пастернака». В «Свободном московском журнале “Поиски”», выпускавшемся в 1978–80 (в 1979–84 переиз-

дан за границей), спец. публикаций, посв. О. М., не было, однако в вып. № 3 (1978) помещена запись дискуссии «Классика и мы», состоявшейся в Центр. доме литераторов (Москва) в декабре 1977. В острейшей полемике между либералами и почвенниками неоднократно упоминалось имя О. М., и те, и другие пытались присвоить себе право быть его духовными наследниками. В вып. № 6 (1980) помещены ст. Г. О. Павловского «Что у кого почва?» (под псевд. И. Понырев) и «О классике и сапожной ваксе» с анализом этой дискуссии, в к-рых тоже присутствовали апелляции к творчеству О. М. Материалы об О. М. регулярно появлялись на страницах самиздатского журнала «Евреи в СССР», издававшегося в Москве в 1972–79 (полностью репринтно переиздан Евр. ун-том в Иерусалиме в серии «Еврейский самиздат»). В № 7 (1974) помещена гл. «Хаос иудейский» из книги воспоминаний О. М. «Шум времени», в № 8 (1974) – эссе «Петр Чаадаев». В № 10 (1975) перепечатаны три стих. О. М. на евр. темы: «Эта ночь непоправима...», «Вернись в смесительное лоно...», «Среди священников левитом молодым...» с комментарием А. Волина (псевд.?). В № 8 один из редакторов журнала, моск. поэт И. Д. Рубин, поместил ст. «Пушкин и Мандельштам». В № 13 (1976) впервые опубл. письмо М. А. *Волошина* (1920) в защиту О. М., арестованного врангелевской контрразведкой. В № 14 (1976) опубл. «Неаполитанские песенки» О. М., в № 16 (1977) напечатана ст. Г. Медового «Генезис Мандельштама». Серия публикаций об О. М. появилась и в самиздатской лит. периодике Ленинграда. В издававшемся кружком студентов хим. ф-та ЛГУ журнале «ЛОБ» (Ленингр. об-во библиофилов) под ред. С. В. Дедюлина и В. П. Петрановского (1972) в качестве приложения был выпущен сборник стихов поэта, посв. теме Петербурга – Ленинграда (сост. Добкин). В журнале «37» № 7/8 (1976) появилась статья молодого поэта и филолога С. Г. Стратановского (под псевд. Н. Голубев) «Об одном стихотворении О. Мандельштама». В журнале «Часы» № 19 (1979) опубл. ст. «Осип Мандельштам» ленингр. филолога, многолетнего узника сталинских лагерей и ссылок С. В. Петрова (под псевд. П. Каменев). В «журнале стихов и критики» «Северная почта», издававшемся в 1979–81 под ред. Дедюлина и В. Б. Кривулина, в подборке «Непопулярные стихи Николая Заболоцкого и Осипа Мандельштама» (№ 4, 1980) впервые в СССР опубл. «Ода» (публикация, принадлежащая Дедюлину, была подписана псевд. «К. Кириллов»). Питерские инженеры, работавшие истопниками, Г. И. Беневич и А. М. Шуфрин – активисты неформальной культурной жизни города, совместно написали исследование «Введение в поэзию О. Мандельштама», частично опубл. в журналах «Обводный канал» (1985, № 7) и «Часы» (1985, № 52). С т. зр. советской власти феномен С. являлся уголовно наказуемым деянием и мог подпадать под действие ст. 190–1 («Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй») и реже ст. 70 («Антисоветская агитация и пропаганда») УК РСФСР и аналогичных статей уголовных кодексов др. союзных республик. Имя О. М. постоянно фигурирует на страницах самиздатского информационного правозащитного бюллетеня «Хроника текущих событий» (№ 1–65, 1968–82), печатавшегося на машинке в Москве и типографски переиздававшегося за границей (кроме № 59, 65). За это время в бюллетене появилось 54 сообщения с упоминанием имени О. М. Так, постоянно сообщалось об изъятии текстов О. М. на обысках: у Т. Хромовой (Москва, 1969, № 11), Р. Палатник (Одесса, 1970, № 17), М. Ланды (Красногорск Моск. обл., 1971, № 25), Н. Бокова (Москва, 1974, № 32; при этом зафиксирована фраза, произнесенная руководившим обыском майором КГБ: «Я бы порол за чтение Мандельштама»), О. Курса (Одесса, 1974, №34), Ю. Гастева (Москва, 1974, № 34), П. Башкирова (Якутск, 1975, № 42), супругов Д. Каминской и К. Симиса (Москва, 1976, № 43), родителей арестованного правозащитника А. Щаранского (Истра, 1977, № 45), И. Каплун (Москва, 1977, № 47), И. Зисельса (Черновцы, 1978, № 51), В. Малинковича (Киев, 1979, № 54), у В. Рыжова-Давыдова и его жены Л. Давыдовой (Куйбышев, 1979, № 55), В. Томачинского (Москва, 1980, № 56), А. Кобака (Ленинград, 1980, № 56), А. Меца (Гатчина, 1980, № 56), политссыльного Г. Суперфина (с. Тургай, 1980, № 56), Г. Алтуняна (Харьков, 1980, № 57), Ф. Сучкова (Москва, 1980, № 60), В. Кривулина (Ленинград, 1980, № 60), Л. Галиновского (Киев, 1981, № 62), О. Попова (Москва, 1981, № 63), М. Гефтера (Москва, 1982, № 64), В. Головача (Москва, 1982, № 64), В. Тимачева (Москва, 1982, № 65). Изъятие при обысках мемуаров Н. М. зафиксировано у «одного из пассажиров московского аэропорта» (1975, № 35), А. Рогинского (Ленинград, 1977, № 45), Т. Лебедевой (Москва, 1979, № 54), Н. Кравченко (Москва, 1980, № 56), Р. Федякиной (Москва, 1980, № 60), Е. Санниковой (ст. Нелидово Моск. обл., 1981, № 62). Однако на полит. процессах подсудимым инкриминировалось, как правило, распространение не самих произведений О. М. и воспоминаний о нем, а «антисоветских» предисловий и комментариев эмигрантских литературоведов (процесс В. Марамзина, Ленингр. горсуд, 1975, № 35). Известны два случая, когда стихи О. М. были квалифицированы как «клеветнические», а их распространение объявлено уголовным преступлением (дело Рейзы Палатник, Одесский горсуд, 1971, № 20) и дело Г. О. Алтуняна (стих. «Квартира», Харьковский облсуд, 1981, авторство криминального стихотворения, «в котором охаивается конституционное право советских граждан на получение жилья», следствие и суд не установили, см.: Алтунян Г. Цена свободы. Х., 2000, С. 292). Литературоведу Суперфину среди других обвинений было инкриминировано (Орловский облсуд, 1974, № 32) написание и опубликование за рубежом (за подписью Г. Дальний) рецензии на собр. соч. О. М. (2-е изд.); он же сообщил в «Хронику» своеобразную «рецензию» КГБ на воспоминания Н. М., содержащуюся в его следственном деле: «Повествует о “гонениях” и “репрессиях”, которым якобы подвергались О. М. и его жена в период культа личности <...> Автор тенденциозно освещает советскую действительность довоенного периода, пытается утверждать, что в то время всяческим репрессиям со стороны партийных и административных органов подвергалась большая часть талантливой и прогрессивной интеллигенции, и прежде всего поэты и писатели», 1975, № 36). Написание и исполнение песен на стихи поэтов Серебряного века (в т. ч. О. М.) послужило причиной помещения моск. барда П. П. Старчика в психиатрич. больницу (1975, № 42). После прекращения издания «Хроники текущих событий» упоминания о «репрессировании» текстов О. М. и их распространителей продолжали появляться на страницах пра-

возащитного бюллетеня «Вести из СССР», издававшегося в Мюнхене быв. политзаключенным К. А. Любарским в 1978–91. Там сообщалось об изъятии при обысках книг, ксерокопий и перепечаток текстов О. М.: у М. Мейлаха (Ленинград, 1983, № 13/14), Л. Кононова (Киев, 1984, № 5; в отличие от прошлых лет, ему была инкриминирована не полит. статья, а «занятие запрещенным промыслом»), Н. Рябовой (Москва, 1984, № 19/20), об изъятии у Фрейдина части архива О. М., переданного ему вдовой поэта (1983, № 17). «Вести из СССР» сообщили и о двух последних случаях осуждения за распространение книг О. М.: дела А. Шилкова (Петрозаводск, 1985, № 21) и Б. Митяшина (Ленинград, 1985, № 5; 1986, № 5/6). С сер. 1986 в связи с общим пересмотром политики по отношению к инакомыслию и, в частности, к С. изъятие произведений О. М. на обысках прекращается, при этом начинают появляться в советской офиц. печати его ранее запрещенные произведения. К 1990 все осн. произведения О. М. были опубликованы на Родине.

Лит.: Алексеева Л. История инакомыслия в СССР. Новейший период. Вильнюс; М., 1992. (ук.); Долинин В. Э., Иванов Б. И. и др. Самиздат Ленинграда. 1950-е – 1980-е. Москва: НЛО, 2003; [Зубарев Д. И., Кузовкин Г. В. Вступ. заметка к публ. подборки стих. О. М.] // Антология Самиздата. Т. 1. Кн. 1. М., 2005. С. 61–63; [Они же. Вступ. заметка к публ. «Четвертой прозы»] // Там же. Т. 1. Кн. 2. С. 198; Чудакова М. «Когда погребают эпоху» (вокруг филологических мемуаров) // Тыняновский сб. Вып. 11. С. 963–988; Суперфин Г. Путеводитель по Историческому архиву Центра по изучению Восточной Европы при Бременском ун-те. Бремен (готовится к печати).

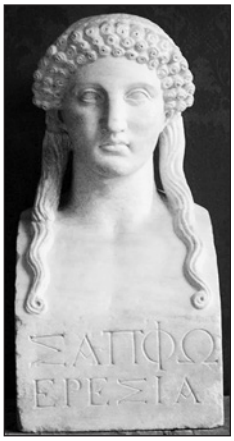
Д. И. Зубарев, Г. В. Кузовкин,

при участии П. М. Нерлера и Г. Г. Суперфина

САННИКОВ Григорий Александрович (11.9.1899, Яранск Вятской губ. – 16.1.1969, Москва), поэт, в нач. 1930-х гг. входил в ближайшее окружение А. *Белого*. Н. М. полагала, что С. «не любил» О. М. и его стихов. В сер. июня 1935, в Воронеже, О. М. написал рец. на кн. стихов С. «Восток» (1935). Эта рец., над к-рой О. М. работал с увлечением, позднее была напечатана в воронежском журнале *«Подъем»* (1935. № 5). По мнению С. Б. *Рудакова*, О. М. одобрительно отзывался о С. «из уважения к Белому, к-рый его хвалил» (Приведенная т. зр. не может быть признана объективной, поскольку стихи самого Рудакова О. М. в этот же период резко критиковал; ср. с репликой Рудакова, обращенной к О. М. и сопоставляющей стихи Рудакова со стихами С.: «Вы обычно ругаете хорошее, а это первый случай, что хвалите плохое»). Ни разу не упомянув имя Белого в своей рец. на «Восток», О. М. искал и цитировал здесь удачные, на его взгляд, строки С. Он отмечал, что С. «стремится расширить область поэзии и чувствует огромную ответственность перед нашей современностью», «однако нельзя передоверять своей поэтической работы даже рожденному в коллективных усилиях жизненному факту, нельзя украшаться этим фактом, только регистрируя его».

Лит.: Мандельштам в письмах Рудакова. С. 64–67, 69; Кацис Л. Ф. Мандельштам и Байрон (к анализу «Стихов о неизвестном солдате») // Слово и судьба. М., 1991. С. 450–451.

О. А. Лекманов.



Сапфо

САПФО (Сафо; Sappho) (1-я пол. 6 в. до н. э., Лесбос), др.-греч. поэтесса, писавшая на эолийском диалекте, автор женских культовых гимнов, свадебных песен, лирич. посланий и др.

О. М., очевидно, близко познакомился с творчеством С. в период обучения в 1913–14 на ист.-филол. ф-те *Санкт-Петербургского университета*. Он, безусловно, высоко ценил ее поэзию, как вспоминал современник, летом 1935 в Воронеже на вопрос об А. А. *Ахматовой* О. М. ответил: «Величайшая в мире поэтесса после Сафо» (Рогинский Я. Я. Встречи в Воронеже // ЖиТМ. С. 44). По свидетельству самой Ахматовой, О. М. упоминал имя С. в исключит. ценностном ряду в ситуации, когда он «выгнал молодого человека, который пришел жаловаться, что его не печатают <...> и кричал вслед: “А Андрея Шенье печатали? А Сафо печатали? А Иисуса Христа печатали?”» (Ахматова А. Листки из дневника // Ахматова А. Победа над Судьбой. I: Автобиографическая и мемуарная проза. Бег времени. Поэмы. М., 2005. С. 118); иное отражение этого эпизода (относящегося, вероятно, к 1-й пол. 1930) см. в мемуарах его свидетеля: Липкин С. «Угль, пылающий огнем...». Воспоминания // Липкин С. «Угль, пылающий огнем...»: Воспоминания о Мандельштаме. Стихи, статьи, переписка. Материалы о Семене Липкине. М., 2008. С. 15–16. Одновременно С., вероятно, осознавалась О. М. как глубоко лирич. образ, в период увлечения в кон. 1920 О. Н. *Арбениной* та метафорически представлялась ему как «самая младшая из подруг Сафо» (Арбенина-Гильдебрандт О. Н. О Мандельштаме // Арбенина-Гильдебрандт О. «Девочка, катящая серсо...»: Мемуарные записи. Дневники. М., 2007. С. 162).

Имя С. упоминается в мандельш. стих. «Черепаха» («На каменных отрогах Пиэрии...», 1919): «Бежит весна топтать луга Эллады, / Обула Сафо пестрый сапожок», к-рое, по свидетельству Н. М., восходит, в частности, к переводам С.: «Перед тем, как написать стихи о свадьбе и черепахе, Мандельштам перелистал <...> томик переводов Вячеслава Иванова из Алкея и Сафо в милом Сабашниковском издании». Речь идет об издании: Алкей и Сафо. Песни и лирические отрывки / пер., вступ. ст. Вяч. Иванова. М., 1914 (О. М. мог быть знаком и с др. вариантом перевода: Сафо. Стихотворения и фрагменты / пер. В. Вересаева. М., 1915). Возможно, 23.1.1914 О. М. присутствовал в «Обществе по-

этов» («Физе»), где Вяч. И. *Иванов* прочел доклад об Алкее и С. и собств. переводы их стихотворений; см.: Мандельштам О. ПССиП: В 3 т. Приложение: Летопись жизни и творчества / сост. А. Г. Мец при участи С. В. Василенко и др. М., 2014. С. 76–77. К. Ф. *Тарановский*, анализируя мандельшт. текст, отметил, что «вся вторая строфа является искусным монтажом из поэзии Сафо, из ее фрагментов, часто объединяемых издателями под общим заглавием “Свадебные песни”» (Тарановский. С. 127); «каталог» вероятных реминисценций из стихов С. см. в: Taranovsky. P. 84–97. Он же конкретизировал, что знакомство О. М. с лирикой С. происходило именно на основе переводов Иванова. Эти наблюдения были развиты в исследовании Г. А. Левинтона, значительно расширившим смысловой контекст, к-рый образуется «цитатным слоем», соотносимым с текстами С.

Совр. исследователи рассматривают творчество С. как источник и др. подтекстов у О. М. Так, по мнению О. Ронена, с «птичьим» сравнением из лирики С. связаны мандельшт. строки: «Мы в легионы боевые / Связали ласточек» из стих. «Сумерки свободы» («Прославим, братья, сумерки свободы...», 1918); см.: Ронен О. Поэтика Осипа Мандельштама. СПб., 2002. С. 138. Менее убедительной представляется т. зр. Р. Дутли, к-рый видит в стих. О. М. «С розовой пеной усталости у мягких губ...» (1922) «намек на Сафо, первую поэтессу европейского мира» (Дутли Р. Век мой, зверь мой: Осип Мандельштам. Биография. СПб., 2005. С. 160). По предположению комментаторов, образ «Эолийский чудесный строй» из стих. «Я по лесенке приставной...» (1922) ассоциативно связан с двумя самыми известными эолийцами – жителями о-ва Лесбос – С. и Алкеем; см.: Михайлов А. Д., Нерлер П. М. Комментарии // Соч. Т. 1. С. 494. Опосредованно соотнесены с образом С. и со сформировавшимся в культурной традиции ее семантич. «ореолом» шуточные стихотворения О. М. – первый и третий дистихи в «Антологии античной глупости» (1910-е гг.) и «Песнь вольного казака» («Я мужчина-лесбиянец...», кон. 1920-х гг.).

Лит. Левинтон Г. А. «На каменных отрогах Пиэрии»: материалы к анализу // RL. 1977. Vol. 2–3; Тарановский К. Ф. О поэзии и поэтике. М., 2000; Przybylski R. Arkadia Osipa Mandelsztama // Slavia Orientalis. 1964. P. XIII. № 3. 1964. P. 243–262; Taranovsky K. Essays on Mandel’stam. Cambridge, Mass.; L., 1976. P. 84–97.

О. А. Лекманов, С. Г. Шиндин.

СВИРСКИЙ Алексей Иванович (имя, полученное при крещении; наст. имя и фам. Шимон-Довид Вигдорос) (8.10.1865, Петербург, по др. данным Житомир Волынской губ. – 6.11 или 27.1.1942, Москва], прозаик, драматург, очеркист, первый комендант писательского *«Дома Герцена»* (с 1922). Опред. читательским успехом пользовались окрашенная сильным влиянием М. *Горького* кн. очерков С. «По тюрьмам и вертепам» (1895), его драма «Тюрьма» (1901), а также повесть «Рыжик» (1901–02), рассказывающая о скитаниях маленького беспризорника. В апреле 1922 «ведавший “Домом Герцена” Алексей Иванович Свирский предоставил комнату» О. М. и Н. М. во флигеле этого помещения (Миндлин Э. Л. Необыкновенные собеседники: Книга воспоминаний. М., 1968. С. 91). 23.10.1922 О. М. участвовал в юбилейном вечере, посв. 30-летию лит. деятельности С. Тем не менее в своем заявлении «В правление Всероссийского Союза писателей» (23.8.1923), спровоцированном известием о «порицаньи», к-рое правление по ходатайству С. вынесло О. М., поэт охарактеризовал С. как человека «совершенно не приспособленного для сожительства с работниками пера, отдающ[его] весь свой день шумному и назойливому личному домашнему хозяйству»: «Гр[ажданин] Свирский <...> не пригоден не только как доверенное лицо Союза, но не годится по своей бестактности и малокультурности даже как простой ответственный съемщик квартиры». «Свирский, как потом выяснилось, никакой жалобы не подавал» (Н. М.).

Лит. Либединский Ю. Н. Незабвенный создатель «Рыжика» // Либединский Ю. Н. Воспитание души. Поездка в Крым. Современники. М., 1969.

О. А. Лекманов.

СВОБОДНЫЙ СТИХ, верлибр (франц. vers libre), особая система стихосложения; по определению М. Л. Гаспарова, это «стих без метра и рифмы, отличающийся от прозы только членением на строки» (Гаспаров М. Л. Примечания // Пиндар. Вакхилид: Оды. Фрагменты. М., 1980. С. 389), или, в более поздней формулировке, «нерифмованный акцентный стих». Термин «верлибр» введен франц. писателем Г. Канном в 1884, но становление его наблюдается в новоевроп. поэзии со 2-й пол. 18 в. В России у его истоков стоял А. П. Сумароков, единичные опыты встречаются в нач. и сер. 19 в.; окончательно сформировался и получил распространение в рус. поэзии на рубеже 19–20 вв. С. с. написано два оригинальных стихотворения О. М.: «пиндарический отрывок» «Нашедший подкову» (1923), в структуре к-рого содержится множество метрич. строк и полустиший, и представляющее собой образец «чистого» свободного стиха седьмое стих. цикла «Армения» («Не развалины, нет...», 1930). Кроме того, О. М. использовал С. с. в целом ряде переводов с франц. и нем. языков, в число к-рых входят: «Ода нескольким людям» Ж. *Дюамеля* (1923), стих. М. *Бартеля* «Поруганный лес» (фактически, нерифмованный дольник в сочетании с отд. строчками тактовика и правильных метров), «Ворота распахнули и вышли на улицу мощной походкой...», «Перед битвой», «Мученики», «Весна» (1925) и Р. Шикеле «Троица», «Три тысячи людей стояли плечом к плечу...», «Мальчик в саду» (1924). К С. с. близок также стих ряда др. стихотворных переводов, в к-рых нерифмованные фрагменты урегулированного разными способами стиха чередуются со строчками верлибра (напр., переводы старофранц. эпоса).

Фактически С. с. представлен и в отд. фрагментах «Египетской марки» (1927), к-рая почти вся написана «ритмизованной прозой», отчасти напоминающей «Петербург» А. *Белого*. К этим фрагментам (в издании они разбиты на короткие предложения, каждое из к-рых начинается с новой строки) относятся прежде всего «Скрипичные человечки пьют молоко бумаги» (7 строк), «Я не боюсь бессвязности и разрывов» (10 строк), «Юдифь Джорджоне улизнула от евнухов Эрмитажа» (4 строки) и, возможно, ряд других.

В критич. прозе О. М. понятие С. с. употреблено только однажды: в рец. на кн. «Дагестанская антология» (1935): «Махмуда (старого аварского поэта. – *Ю. О.*) Дзахо Гатуев

излагает частью свободным стихом, частью рифмованной прозой».

Ю. Б. Орлицкий.

СЕВЕРЯНИН Игорь, Игорь-Северянин (наст. имя и фам. Игорь Васильевич Лотарев) (4.5.1887, С.-Петербург – 22.12.1941, Таллин), поэт, переводчик, мемуарист, очеркист, лидер группы эгофутуристов. В 1912–14 С. и О. М. наряду с др. стихотворцами-модернистами иногда совм. выступали на поэтич. вечерах в С.-Петербурге (напр., 16.11.1913 на вечеринке вологодского землячества и 25.1.1915 на вечере в пользу лазарета деятелей исккссств в Александровском зале Гордумы).

О. М. откликнулся краткой рец. на выход кн. стихов С. «Громокипящий кубок: Поэзы» (1913). Полагая, что «поэтическое лицо Игоря Северянина определяется гл. обр. его недостатками» (основные среди к-рых – пристрастие к «чудовищным неологизмам» и «экзотически обаятельным для автора иностранным словам»), О. М. тем не менее отмечал, что «легкая восторженность и сухая жизнерадостность делают Северянина поэтом. Стих его отличается сильной мускулатурой кузнечика» (Гиперборей. 1913. № 6. С. 28. В 1914 О. М. написал собств. вариацию на тему программного стих. С. «Мороженое из сирени!» (1912) – стих. «“Мороженно!” Солнце. Воздушный бисквит...» (Лекманов). Пристрастие С. к экзотизмам О. М. высмеял в пародийном 4-стишии «Кушает сено корова...», 1913(?).

С., в 1910-х – нач. 1920-х гг. утрированно негативно относившийся к творчеству младших акмеистов и участников *«Цеха поэтов»*, обнародовал свое мнение об О. М. в 6-й строфе поэтич. инвективы «Стихи Ахматовой» (1918): «И так же тягостен для слуха / Поэт (как он зовется там?!) / Ах, вспомнил: “мраморная муха” / И он же – Осип Мандельштам». К словосочетанию «мраморная муха» С. сделал примечание: «Честь этого обозначения принадлежит кубофутуристам» (стих. впервые напечатано: Северянин И. Соловей: Поэмы. Берлин; М., 1923. С. 131–132).

Соч.: Соловей: Поэмы. Берлин; М., 1923.

Лит.: Тименчик Р. Д. Заметки об акмеизме // RL. 1974. № 7/8; Лекманов. 2000. С. 511–513.

О. А. Лекманов.

СЕЛИВАНОВСКИЙ Алексей Павлович (23.3.1900, г. Ольгополь Подольской губ. – 21.4.1938), лит. критик, чл. Союза советских писателей, один из рук. *Российской ассоциации пролетарских писателей*, ред. *«Литературной газеты»*, чл. ВКП(б). 11.11.1932 в «Лит. газете» была напечатана ст. С. «Разговор о поэзии», где автор упрекал О. М. (а также Б. Л. *Пастернака*, П. Г. Антокольского и *А. Белого*) в том, что они живут вдалеке от интересов социалистической рев-ции. Подобный упрек в адрес О. М. повторится во мн. статьях С. В кн. «Очерки по истории русской советской поэзии» (сост. из ранее опубл. работ), в гл. «Октябрь и дорев. поэтич. направления» С. писал об О. М. как о лидере *акмеизма* (наряду с Н. С. *Гумилевым и* С. М. *Городецким*). С. видел в поэзии О. М. пример того, насколько «условным» был декларируемый акмеистами реализм. По мнению С., внимание О. М. привлекает не реальная жизнь, а жизнь, преображенная иск-вом. Эту особенность мышления поэта С. объяснял тем, что О. М. «боится жизни», боится изменений. Сравнивая отношение О. М. к современности с лейтмотивами стих. Ф. И. *Тютчева* «Блажен, кто посетил сей мир...», С. отмечал, что О. М. чужда роль «собеседника», он – «соглядатай», посторонний наблюдатель. В заключение С. писал, что в отличие от др. акмеистов (Городецкий, В. И. *Нарбут*, М. А. *Зенкевич*) О. М. остался «чужим для социализма» (Селивановский А. Очерки по истории русской советской поэзии. М., 1936. С. 62). Об О. М. упоминается также в главе, посв. творчеству Э. Г. *Багрицкого*. Н. М. вспоминала о ссоре С. с О. М. Критик сожалел о том, что у поэта нет новых стихотворений, в к-рых отразилось бы его «положительное» отношение к советской действительности. Реакция О. М. была неожиданно резкой, поэта возмутила попытка вмешательства в процесс творчества.

15.11.1937 С. арестован по обвинению в участии в контррев. деятельности; расстрелян. Реабилитирован в 1956.

О. Ю. Казмирчук.

СЕЛЬВИНСКИЙ Илья (Элий Карл) Львович (12.10.1889, Симферополь – 22.3.1968, Москва), поэт, драматург, прозаик, лидер конструктивизма. В нач. 1920-х гг. встречался с О. М. на собраниях лит. об-ва *«Литературный особняк»*, в *Доме Герцена*. По свидетельству современницы, О. М. «с удовольствием» цитировал «“знаменитый”, по его словам, каламбур» «о “пастернакипи и мандельштампе”» из «Записок поэта» (1928) С. [Герштейн. С. 29; ср. у А. А. *Коваленкова* об О. М., оказавшем «настолько заметное влияния на литературные течения тридцатых годов», «что даже появился термин “мандельштамп”» (Коваленков. С. 12)]. В заметке «Веер герцогини» (1929) О. М. упоминает имя С. и имя героя его романа в стихах «Пушторг» (1928) Полуярова. Наряду с четырнадцатью др. литераторами, С. подписал коллективное «Письмо в редакцию» «Лит. газеты» с протестом против шельмования О. М. Д. И. *Заславским* (ЛГ. 1929. 7 мая). В нояб. 1932 О. М. и С. были соседями по санаторию ЦЕКУБУ *«Узкое»*. Один из своих разговоров с С. этого времени О. М. через месяц пересказал в письме к отцу. В стих. «Там, где купальни-бумагопрядильни...» (1932) О. М. ввел «строку, явно перекликающуюся со строкою Сельвинского: “У реки Оки вывернуто веко” (В “Уляляевщине” [1924] – “Уляляев був такий – выверчено віко”). Здесь “уподобление” – тонкая литературная игра отчасти пародийного характера» (Ронен. С. 32). 3.4.1933 О. М. «на вопрос провожавших его» устроителей авторского вечера поэта в Моск. клубе художников «советовал пригласить Сельвинского» (Горнунг. С. 33). В 1938 «Сельвинский, когда Мандельштам попросил у него, встретившись на бульваре, денег, дал три рубля» (Ахматова. С. 144; ср.: Левинтон. С. 603).

Лит.: Горнунг Л. В. Немного воспоминаний об О. Мандельштаме // ЖитМ; Коваленков А. А. Хорошие, разные...: Литературные портреты. М., 1966; Мандлин Э. Л. Необыкновенные собеседники: Книга воспоминаний М., 1968; Ахматова. Листки из дневника; Кацис Л. Ф. Мандельштам и Байрон (к анализу «Стихов о неизвестном солдате») // Слово и судьба. С. 450–452; Левинтон Г. А. Ремизовский подтекст в «Четвертой прозе» // Лотмановский сб. М., 1994; Ронен О. Поэтика О. Мандельштама. СПб., 2002.

О. А. Лекманов.

СЕМЕНКО Ирина Михайловна (1921–1987, Москва), филолог и текстолог, редактор книг А. С. *Пушкина*, К. Н. *Батюшкова*, В. А. *Жуковского* и др. поэтов. В 1948 защитила в ЛГУ канд. дис. «Автор в “Евгении Онегине”» (рук. Г. А. Гуковский). Участвовала в текстологич. подготовке и издании многочисл. науч. изданий рус. классиков 19 в., в частности академич. собр. соч. Пушкина (1949), собр. соч. Жуковского (1959, 1980), кн. Батюшкова «Опыты в стихах и прозе» в серии «Лит. памятники» (1977), а также сб. избранных стихотворений своего отца (на укр. яз.) и др. С 1960 по просьбе Н. М. С. разбирала архив О. М., одновременно работая над текстологией ряда его произведений («Грифельная ода», цикл «Армения», «За гремучую доблесть грядущих веков...» переводы Петрарки, стихи Андрею *Белому*, «Стихи о неизвестном солдате», а также записные книжки и наброски к «Путешествию в Армению»). Текстологич. реконструкции С. и статьи по истории указанных текстов выходили в советских и заруб. изданиях начиная с 1968. Часть из них составила вышедшую в 1986 малым тиражом в Риме книгу «Поэтика позднего Мандельштама», ставшую, по мнению Л. Я. *Гинзбург*, высшим достижением С.-филолога. В дополненном виде эта же книга была переиздана в 1997 в серии «Записки Мандельштамовского общества»: исправления в текст внесены в соответствии с авторскими поправками, проиллюстрирована фотокопиями разбираемых в ней автографов О. М., предисл. написано Гинзбург – многолетним другом С.

Соч.: [Вступ. заметка] / В составе публикации: О. Мандельштам. Записные книжки. Заметки // ВЛ. 1968. № 4. С. 180–181; О. Мандельштам. 1. Записные книжки 1931–1932 годов. 2. [Читая Палласа] 3. Литературный стиль Дарвина / О. Мандельштам. Записные книжки. Заметки // Там же. С. 181–199; Мандельштам – переводчик Петрарки // Там же. 1970. № 10. С. 153–169; Предварительное примечание // Wiener Slawistischer Almanach. 1985. Bd. 15. P. 75–76; Ранние редакции и варианты цикла “Армения” О. Мандельштама // Ibid. P. 77–96; Творческая история «Стихов о неизвестном солдате» О. Мандельштама // Ibid. P. 97–121; Развитие метафор в «Грифельной оде» О. Мандельштама (от черновых вариантов к окончательному тексту) // УЗ Тартуского ун-та. 1985. Вып. 680 (Блоковский сб. № 6). С. 117–136; Поэтика позднего Мандельштама (От черновых редакций к окончательному тексту) // Carucci editore Roma, 1986. Eurasiatica. Qusderni del Dipartamento di Studi Euroasitici. Universita degli Studi di Venezia. 126 с.; Мандельштам О. Э. Стихи о неизвестном солдате // НМ. 1987. № 10. С. 196–199; Ранние редакции и варианты цикла «Армения» О. Мандельштама // ЛА. 1988. № 8. С. 92–103; Мандельштам О. Э. Новые стихи // Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама. Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Комментарии. Исследования. Воронеж, 1990. С. 81–188 (подготовка к публ. С. В. Василенко); «За гремучую доблесть грядущих веков...» // Вестник Удмуртского ун-та. Спец. выпуск. 1992. С. 68–82; Мандельштам в работе над переводами сонетов Петрарки (по черновикам) // Там же. С. 82–102; Стихи Андрею Белому // Там же. С. 102–106; Поэтика позднего Мандельштама (От черновых редакций к окончательному тексту); Поэтика позднего Мандельштама (От черновых редакций к окончательному тексту) // Записки Мандельшт. об-ва. Т. 8 / сост. С. Василенко и П. Нерлера. М., 1997. 144 с.

Лит.: Дутли Р. Ирина Семенко. Поэтика позднего Мандельштама // Русская мысль. 1987. 5 июня. Лит. приложение, № 3/4, С. VII; Некролог // Вечерняя Москва. 1987. 29 июня (подписано: Секретариат правления Моск. отд. СП СССР); Слово прощания // Литературная Россия. 1987. 17 июля. С. 23 (подписано: Группа товарищей); Гинзбург Л., Григорьев А. Памяти Ирины Михайловны Семенко // Russian Literature. 1987. Vol. XXII. Iss.4. С. 491–492; Irina Michajlovna Semenko, 1921–1987. Europe Orientalis. Vol. VIII. 1989; [Аноним]. Преамбула к публ.: Мандельштам О. Э. Новые стихи // Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама. Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Комментарии. Исследования. Воронеж, 1990, С. 80; Гинзбург Л. Я. Ирина Михайловна Семенко. [Предисловие] // Семенко И. М. Поэтика позднего Мандельштама (От черновых редакций к окончательному тексту). М., 1997.

П. М. Нерлер.

СЕМЕНКО Михаил (Михайль) Васильевич (31.12.1892, с. Кибинцы Миргородского у. Полтавской губ. – 24.12.1937, Киев), укр. поэт, прозаик, драматург, киносценарист, лидер и теоретик укр. футуризма; отец И. С. Семенко. Автор св. 30 поэтич. книг, в т. ч. «Кобзаря» (1924; 2-е изд.: 1925), а также «Повної збірки творів» (у: 3 т. 1929–1931). В киевский газете «Більшовик», в к-рой работал С., была опубл. заметка «Самопохорон (Вечірка роспоета Мандельштама, будинок Преси)» [Вечер роспоэта Мандельштама, дом Прессы] (Більшовик № 8. 1924. 10 янв. С. 6). Её автор, подписавшийся криптонимом АЧУ [за ним, очевидно, скрывался поэт Андрей Чужой (А. А. Сторожук; 1897–1989], в футуристич. манере рассказал о том, что происходило на вечере. О. М. говорил о себе, о том, что ему нельзя подражать, он читал свои произведения, в т. ч. «Нашедший подкову (Пиндарический отрывок)», «Грифельною оду». Укр. исследователь М. Н. Москаленко указал на сходство стихотворений С. «Дні» (1–2. I. 1920, Киев) и «Как по улицам Киева–Вия...» М. (апрель 1937): «...Не пишаються магазини вивісками, / Не біліють веранди наметами. / Позбивали брук грізні коні...» [стих. вошло в сб. С.: Проміння погроз. К., 1921; Кобзар. Повний збірник поетичних творів в одному томі (1910–1922). К., 1924. С. 536; подстр. пер.: «...Не гордятся магазины вывесками, Не белеют веранды навесами. Посбивали мостовую грозные кони...»], что может свидетельствовать о знакомстве О. М. с творчеством С. во время пребывания в Киеве в 1924.

Лит.: Кригер Лео [Семенко И.]. Михаил Семенко (1892–1937) – основоположник украинского футуризма // Семенко М. Вибрані твори. Т. I. Wurzburg, 1979. P. 15–118; Адельгейм Є. Г. Михайль Семенко: доля, творчість, поетика (З історії українського поетичного авангарду) // Адельгейм Є. Г. Крізь роки. Вибрані праці. К., 1987. С. 47–135; Москаленко М. Грядущий день поета. Україна. 1986. С. 18.

Н. М. Сулыма.

«СЕРАПИОНОВЫ БРАТЬЯ», лит. группа, сформировавшаяся в 1921 в петрогр. *Доме искусств* (ДИ) гл. обр. из слушателей лит. студии, созданной по инициативе А. М. *Горького* и Н. С. *Гумилева*. Сами «С. б.» датой рождения группы считали 1.2.1921, а точным адресом – комнату М. Л. Слонимского в писат. общежитии ДИ. Гл. инициаторами создания группы были Слонимский, Л. Н. Лунц, Н. Н. Никитин и В. С. Познер. Первонач. состав группы не был фиксиро-

ванным, а «С. б.» считались все посетители еженедельных Серапионовских собраний в ДИ. Собрания посещали мн. петрогр. литераторы, включая почти всех, кто жил в то время в писательском общежитии ДИ, в т. ч. и О. М. Примерно в 1922 состав группы строго зафиксировали; «С. б.» стали считаться 10 литераторов: прозаики М. М. Зощенко, Слонимский, К. А. Федин, Вс. В. Иванов, Никитин, В. А. *Каверин*, драматург и прозаик Лунц, поэты Н. С. Тихонов и Е. Г. Полонская, критик И. А. Груздев (первоначально, в 1921, реальными участниками Серапионова братства были также В. Б. *Шкловский*, Н. К. Чуковский и Познер). «С. б.» названы по одноименному роману Э. Т. А. Гофмана, в к-ром описаны собрания группы молодых литераторов, читающих друг другу поочередно свои произведения. Автором названия группы разл. источники считали одного из трех ее участников: Лунца, Каверина, Слонимского.

Нек-рые из членов группы имели прозвища: Лунц – Брат-Скоморох, Груздев – Брат-Настоятель, Никитин – Брат-Ритор, Слонимский – Брат-Виночерпий, Каверин – Брат-Алхимик, Иванов – Брат-Алеут, Шкловский – Брат-Скандалист.

«С. б.» имели заметно различавшиеся лит. вкусы и взгляды; недаром Лунц выделял в группе три фракции: «западников», ориентировавшихся на зап. литературу (Лунц, Каверин); «восточников», считавших себя самодостаточными (Вс. Иванов, Никитин, Федин), и «центр», полагавший, что учиться надо только у рус. классиков (Слонимский, Зощенко). На первых порах всех «С. б.» объединяло высокое требование к качеству и честности их произведений.

«С. б.» принципиально не желали никакой бюрократизации своего сооб-ва, потому группа не имела ни устава, ни манифеста, протокольные записи ее заседаний не велись. Когда в «Лит. записках» (1922, № 3) Лунц вместо своей биографии, как это сделали остальные «С. б.», опубл. ст. «Почему мы Серапионовы братья», читающей публикой она была воспринята как декларация и вызвала полемику (в частности, и в самой группе «С. б.»).

В статье провозглашалось: «Мы не школа, не направление, не студия подражания Гофману <...> Мы назвались Серапионовыми Братьями потому, что не хотим принуждения и скуки, не хотим, чтобы все писали одинаково, хотя бы и в подражание Гофману...

В феврале 1921, в период величайших регламентаций, регистраций и казарменного упорядочения, когда всем был дан один железный устав, – мы решили собираться без уставов и председателей, без выборов и голосований <...> У *каждого* из нас есть идеология, есть политические убеждения, каждый свою хату красит в свой цвет. Так и в жизни. И так в рассказах, повестях, драмах. Мы же вместе, мы – братство, требуем одного: чтобы голос не был фальшив. Чтобы мы верили в реальность произведения, какого бы цвета оно ни было. Слишком долго и мучительно истязала русскую литературу общественная и политическая критика. Пора сказать, что “Бесы” лучше романов Чернышевского. Что некоммунистический рассказ может быть гениальным, а коммунистический – бездарным. Мы верим, что литературные химеры – особая реальность, и мы не хотим утилитаризма. Мы пишем не для пропаганды. Искусство реально, как сама жизнь. И как сама жизнь, оно без цели и без смысла: существует, потому что не может не существовать» (цит. по чистовой рукописи Лунца, хранившейся у Полонской, впервые опубл. в: ВЛ. 1995. Вып IV. С. 321, 322, 324).

Группа предпринимала попытки начать систематическое издание альманаха «Серапионовы Браться»; выпустить удалось лишь Альманах первый (Петербург 1922, 128 с.), содержавший только 7 рассказов (в чуть измен. виде он вскоре был переиздан в Берлине). Второй и третий выпуски были подготовлены, но не изданы.

О. М. считал «С. б.» не столько группой, сколько лит. движением, и причислял к ним, помимо собственно «С. б.», лит. близких им авторов: Е. И. Замятина, Б. А. Пильняка, М. Я. Козырева, В. Г. Лидина... [Литературная Москва (Рождение фабулы)].

Из всех Серапионовых братьев ближе всего О. М. были взгляды серапионов-западников, поскольку он считал, что серьезному читателю нужна проза фабульная, а вовсе не бытовая. Признавая [в ст. «Литературная Москва (Рождение фабулы)»], что рев-ция благоприятствует возрождению рус. прозы, О. М. вместе с тем опасался, что «С. б.» возвращают прозу обратно в лоно беллетристики, т. е. к прозе бытовой, при этом признавал, что психологизм «С. б.» прикован все-таки не к быту, а к фольклору. А фольклорные признаки прозы О. М. полагал залогом ее жизненности.

За прозой «С. б.» О. М. следил неизменно и заинтересованно, писал о ней (Зощенко, Каверин, Вс. Иванов); личные отношения связывали О. М. с Зощенко, Тихоновым, Груздевым, Слонимским, Кавериным, Фединым (с нек-рыми из них О. М. переписывался); с членами группы, занятыми издат. деятельностью, он поддерживал вполне деловые отношения.

9.5.1924 группа из 36 писателей подписала письмо в Отдел печати ЦК РКП, созвавшим совещание, посв. проблемам лит. политики, где было заявлено: «Мы считаем, что пути современной русской литературы, – а стало быть, и наши судьбы, – связаны с путями Советской пооктябрьской России», но при этом выражен протест против огульных нападок напостовцев, против их заведомо предвзятого и неверного подхода к литературе: «Мы считаем нужным заявить, что такое отношение к литературе не достойно ни литературы, ни революции и деморализует писательские и читательские массы». Наряду с О. М. это письмо подписали Тихонов, Зощенко, Полонская, Слонимский, Каверин, Вс. Иванов и Никитин (Вопросы литературы при диктатуре пролетариата. М.; Л., 1925. С. 137–138).

Ортодоксальная критика, особенно после публикации ст. Лунца «Почему мы Серапионовы братья», отнеслась к группе враждебно; авторами серьезных и доброжелат. статей о «С. б.» были Шкловский, Замятин, М. С. Шагинян, Эренбург, Ю. Н. *Тынянов*, А. К. *Воронский*, Л. Д. Троцкий, М. *Горький*.

Отъезды из Петрограда Горького (1921), Шкловского (1922), Лунца (1923) и Вс. Иванова (1924) способствовали постеп. распаду группы; систематич. собрания ее участников прекратились, хотя встречи и продолжались до 1929, после чего «С. б.» вплоть до 1950-х гг. собирались лишь 1 февр. (и зачастую не в полном составе), чтобы отметить Серапионовскую годовщину.

Абсолютно разгромной «критике» группа задним числом была подвергнута в 1946 в докладе А. Жданова, после

чего ее название в СССР перестало употребляться в сколько-нибудь положит.контексте.

Лит.: Серапионовы братья. Альманах первый. Репринтное издание. СПб., 2001; Серапионовы братья. Антология. М., 1998; «Серапионовы братья». Материалы. Исследования. Публикации. СПб.; ИРЛИ, 1998; Фрезинский Б. Судьбы Серапионов. (Портреты и сюжеты). СПб., 2003; «Серапионовы братья» в зеркалах переписки. М., 2004.

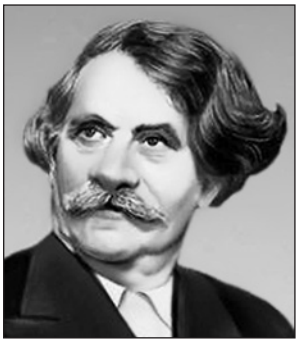
Б. Я. Фрезинский.

СЕРАФИМОВИЧ (псевд., наст. фам. Попов) Александр Серафимович (7.1.1863, ст. Нижне-Курмоярская Обл. Войска Донского – 19.1.1949, Москва), прозаик, публицист. В нач. 1930-х гг. О. М. готовил резко отрицат. рец. на переизд. (М., 1932) романа С. «Город в степи» (1906–11). Возвращение О. М. к работе над этой рец., вероятно, было спровоцировано очередным стандартным переизд. романа С. (М., 1935). В рец. С. назван «носителем мрачной литературной биологии реакционнейших на перешейке двух революций годов, когда бытовики, втайне завидуя широкому культурному горизонту символистов, созидали свой канон “мистики для широкого употребления”, искали в жизни лицо зверя и, сами того не замечая, писали “по-свински бытовые рассказики” в тональности реквиема или панихидного воя». При жизни О. М. и С. эта рец. не была напечатана, ее сохранившиеся черновики полностью впервые опубл. в 1991.

Лит.: Василенко С. В., Фрейдин Ю. Л. Рецензия О. Мандельштама на книгу Серафимовича: Датировка и мотивы написания // СМР. Вып. 1. С. 23–25.

О. А. Лекманов.

СЕРГЕЕВ-ЦЕНСКИЙ (псевд., наст. фам. Сергеев) Сергей Николаевич (18.9.1875, с. Преображенское Тамбовской губ. – 3.12.1958, Алушта), писатель-прозаик. Мемуарные свидетельства о возможном знакомстве и общении О. М. с С.-Ц. отсутствуют; его имя упоминается в ст. «Литературная Москва. Рождение фабулы» (1922) в значимом для О. М. контексте, посв. содержат. и формальным проблемам становления «новой прозы»: «С тех пор, как язва психологического эксперимента проникла в литературное сознание, прозаик стал оператором, проза – клинической катастрофой, на наш вкус весьма неприятной, и тысячу раз я брошу беллетристику с психологией Андреева, Горького, Шмелева, Сергеева-Ценского, Замятина ради великолепного Бret-Гарта». В еще более уничижит. форме это положение сформулировано в очерке о периодич. изданиях изд-ва *«Земля и фабрика»*, написанном О. М., очевидно, в кон. 1929 – нач. 1930 совм. с В. И. *Нарбутом* (см.: Нерлер П. Предисловие / О. Мандельштам. В. Нарбут. Коминтерн Зифовской периодики: этнография, колониальный быт // СМР. Вып. 2. С. 12–13), где так характеризуется отрывок из романа С.-Ц. о М. Ю. *Лермонтове*: «“Скандальное” приключение. <...> Вульгаризация биографий знаменитых людей, заменяющая у нас бульварные романы. Отрывок выбран “пикантный” и со смаком преподносится советскому читателю». В обоих случаях в построении прозаич. текста О. М. отводит существ. место сюжету, фабульному строю, что получило развернутое продолжение в относящейся к



Сергей Николаевич Сергеев-Ценский

нач. 1930-х гг. неоконченной заметке о романе А. *Серафимовича* «Город в степи» (1912); см.: Нерлер П. Примечания // Слово и культура. 1987. С. 304. И хотя С.-Ц. в ней не упоминается, материалом для мандельшт. выводов о неприемлемости приложения приемов т. н. дорев. «психологической прозы» («бытовиков») к совр. литературе послужили именно типологически близкие произведения нач. 1910-х гг.; см.: «Серафимович в своей книге культивирует ползучую прозу, облюбованную всей плеядой бытописателей пятого года. Неуклюжим посредником между [ними] и русским модернизмом был Л. Андреев. <...> Мне кажется, что всякому позволено отказаться от поисков марксистского критерия в книге, не содержащей в себе даже намека на исторический кругозор»; симптоматично, что аналогичные взгляды высказаны О. М. в хронологически близком письме М. С. *Шагинян* 5.4.1933: «Большинство наших писателей думают, что идеология – это дрожжи, которые завернуты в пакетик и без которых никак нельзя. Им бы хоть сотую долю Энгельсовой бурности и познавательной страсти молодого марксизма».

С. Г. Шиндин.

СЕРГЕЕНКО Михаил Михайлович (12.6.1905, с. Гусево Суджанского у. Курской обл. – 4.6.1964, Воронеж), воронежский знакомый О. М., прозаик, очеркист и публицист, чл. СП СССР, преподаватель Воронежского ун-та. Публиковался в воронежской периодике.

Архивы: ГАВО. Р-3065.

П. М. Нерлер.

«СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК» («Silver age publishing»), амер. изд-во, создано в 1979 в Нью-Йорке. Владелец и редактор – Григорий Давидович Поляк (1943–98). Выпустило ок. 30 книг, в т. ч. «Мое завещание» Н. М. (1982) и два выпуска журнала *«Часть речи»* с целым рядом публ. О. М.

Лит.: Крейд В. Григорий Давидович Поляк. 2 июня 1943 – 24 октября 1998 // НЖ. 1999. № 214. С. 328–330.

П. М. Нерлер.

СИМВОЛИЗМ, лит.-худож. направление в рус. литературе 20 в., возникшее в кон. 19 в. под доминирующим влиянием франц. С. как реакция на реализм и позитивистские тенденции в искусстве и постулировавшее необходимость обращения рус. литературы к общеевроп. лит. и эстетич. контексту. Мировоззренч. основы С. сформировались на

основе отказа его представителей от признания приоритета позитивизма в мировоззрении 2-й пол. – кон. 19 в., а также от утилитаристских эстетич. установок, господствовавших в народнич. идеологии. С. не признавал также и конкретных проявлений позитивизма, влияющих на человеч. сознание (имеются в виду атеизм, чрезмерная вера в техн. прогресс в ущерб индивидуальному внутр. развитию личности, преобладание материального начала над духовным, пренебрежение к собственно поэтич. качествам искусства, не подчиненным социальным задачам). Вместо этого эстетика С. предлагала поиск и обнаружение соответствий между явлениями бытия вне зависимости от их положения в обыденной иерархии ценностей, утверждала концепцию рыцарского долга и служения поэта, приоритет мечты, фантазии в создании худож. мира. Легализуя ранее не принятое как в русской, так и в европ. культуре изображение чувств. радостей, наслаждения чувственностью, С. расширял сферу внутр. мира личности. Огромную роль в теории и практике С. играло муз. начало, вообще связь и взаимодействие разл. видов искусства. На творчество младшего поколения рус. символистов оказала влияние философия В. С. *Соловьева*. Рус. С. опирался также на творч. открытия представителей отеч. и зап. романтизма. Значит. влияние оказало на С. творчество А. С. *Пушкина*, М. Ю. *Лермонтова*, Е. А. *Баратынского*, Ф. И. *Тютчева* и А. А. *Фета*. Независимость искусства от прикладных нужд прозаич. действительности, его высокое самостоят. значение как источника «звуков сладких и молитв», идея творца-демиурга, создающего миры, законам к-рых только и подчиняется художник, восстановление единства рус. и европ. поэзии и литературы, – все это символисты отстаивали, опираясь на идейно-эстетич. установки названных поэтов 19 в.

О. М. начинал свое поэтич. творчество в эпоху расцвета С. Неформальные отношения с преподавателем литературы в *Тенишевском училище* Вл. В. *Гиппиусом*, одним из петерб. литераторов-символистов, посещения «башни» Вяч. И. *Иванова*, на к-рых происходили своеобразные уроки символист. поэзии, отразились и на его собств. раннем творчестве, и на эстетич. пристрастиях. 27(14).4.1908 О. М. писал Гиппиусу из Парижа о чтении авторов, близких адресату: это прежде всего В. Я. *Брюсов* и Ф. *Сологуб*, а также Г. Ибсен, Г. *Гауптман*, П. *Верлен*, К. Гамсун. Масштаб влияния, оказанного на него Ивановым, идеологом и теоретиком С., О. М. понимал очень хорошо, и характерна подпись под его письмом Иванову от 20.6/3.7.1909: «Почти испорченный Вами, но... исправленный Осип Мандельштам». Однако несмотря на видимую близость, ни О. М., ни поэты-символисты (за исключением, по-видимому, Иванова, к-рый хранил письма молодого поэта и, вероятно, отвечал на них, хотя его письма не сохранились) не ощущали сущностного родства между творчеством О. М. и символист. поэтикой. «Символисты никогда его не приняли» (А х м а т о в а. Листки из дневника. С. 127).

При этом ок. 80 дошедших до нас «символистских» стихотворений О. М., составляющих значит. часть его творч. наследия, иллюстрируют 4-летний период его символист. ученичества (1908–12). Лишь после этого он встал в ряды тех, кто шел на смену С., однако это ученичество, равно как и неприятие его творчества в среде старших современников, стало хорошей школой самостоятельности и творч. независимости.

Т. о., для О. М. стал насущным вопрос о поэтич. самоопределении, необходимость к-рого была им осознана во время загран. путешествия (кон. 1900-х гг.), повлекшего за собой естеств. отдаление от русскоязычной лит. среды. Об этом О. М. писал М. А. *Волошину* осенью 1909: «Оторванный от стихии русского языка <...> я вынужден составить сам о себе ясное суждение. Те, кто отказывают мне во внимании (имеются в виду, в частности, Д. С. *Мережковский* и З. Н. *Гиппиус*. – *В. К.*), только помогают мне в этом».

Ряд положений С. оказал существ. влияние на поэтику О. М. как в начальный, так и в зрелый период. Так, общая для всех символистов идея книги стихов как единого целого, как высказывания, доносящего до читателя опред. образом структурир. мысли и жизн. ощущения, стали для него определяющими при формировании поэтич. книг и менее крупных стихотворных единств. Свойств. символистам трактовка мироздания как «голубой тюрьмы», в свою очередь, заимствованная ими в поэзии Тютчева, вынужденность человеч. предстояния вечности и принудительность существования нашли отражение в тематике произведений О. М. (см.: Б р о й т м а н. С. 55). Переживание собств. тела как путь к осознанию жизн. начала и вещества жизни в целом был отчасти навеян О. М. символист. концепциями (см.: Т о п о р о в. С. 430–431).

Заявив свою концепцию искусства как пересоздания действительности, символисты предложили также и иные пространств.-временные законы, по к-рым существуют жизн. реалии в худож. произв. В своем раннем творчестве О. М. доводит эту идею до абсолюта: в его мире грани *пространства* и *времени* не присущи вещам объективно, а меняются в зависимости от их взаимного расположения, порой искажая не только очертания, но и самое существо предметов (см.: Ж и р м у н с к и й. С. 387). Но если в произведениях символистов есть пост. величина – личность художника, претендующая на абсолютную полноту воплощения в каждом отд. случае, то для О. М. его творч. личность растворяется в общей лирич. интонации, понимаемой им самим как величина, эквивалентная единому потоку нерасчленимого бытия.

Символисты говорили, в частности, о ценности отд. мига, способного воплотить в себе цельность бытия и транслировать ее в вечность. Такая позиция свойственна и О. М., к-рый развивает ее далее – остановивший мгновение и воплотивший его в слове художник обладает чувством поэтич. правоты, а «настоящее мгновение может выдержать напор столетий и сохранить свою цельность, остаться тем же “сейчас”. Нужно только уметь вырвать его из почвы времени, не повредив его корней, – иначе оно завянет».

Для символистов музыка стиха являлась проводником идеи автора в сознание читателя; роль муз. начала служебна. Ритмико-мелодич. принцип привел к созданию словесной ткани, в к-рой отд. слово играло роль выразителя смысла целого. Наиб. значение имела не столько семантика слова, сколько его лексич. значение и общая эмоц. наполненность стихотворения. О. М., напротив, «с самого начала отказывается от принципа “эмоционального нагнетания” образов, раскачиваемых ритмом» (Г о ф м а н. С. 176). О. М. настойчиво вводил в свою поэзию идею звука («шорох смутный»,

«дивный шелест шелковых завес»: «Мой тихий сон, мой сон ежеминутный...», 1908–09; «Звук осторожный и глухой...», 1908, и даже тишины, к-рую можно слушать, как звук: «Я слушаю моих пенатов / Всегда восторженную тишь», 1909). В дальнейшем «звук» вырастает в идею «музыки», близкую «музыке сфер» символистов (стих. «В холодных переливах лир...», 1909: «Она [осень] поет в церковных хорах / И в монастырских вечерах...»). Музыка связывает земное и небесное бытие («Что музыка нежных...», 1909: «Когда мне оттуда / Протянуты руки, / Откуда и звуки, / И волны откуда...»). Наконец, музыка становится так же, как и в С., символом жизн. первоосновы («Silentium», 1910; 1935). Близка О. М. и общесимволист. идея «исчисленности» хода и проявлений бытия (здесь причина использования им такой любимой символистами рифмы, как «мысли-числа» («Листьев сочувственный шорох...», 1910).

Но в противовес символистам, рассматривавшим музыку как абстракцию, существующую абсолютно, вне человеч. восприятия, О. М. сделал акцент на человеч. слух как способ восприятия мира точно так же, как и на др. физиологич. способы, активно действующие в его творчестве (зрение, осязание). Физиологич. основы взаимоотношения поэта с миром впоследствии привели к созданию О. М. концепции «физиологически гениального средневековья».

Освобождая слово от его иносказат. функции и рационализируя его, т. е. лишая связанности с к.-л. отд. значением, О. М. возвращал словам многоуровневое смысловое разнообразие: воскрешалось более широкое предметное значение и одноврем. возникала бесконечная возможность ассоциирования и интерпретации. Если у символистов преобладает условный язык с устойчивыми значениями отд. лексем, согласно к-рым ведется кодировка смысла, то коды в поэзии О. М. при отсутствии в ней второго, нарочито «сакрализованного» плана обладают иной природой: это культурные коды с бесконечными возможностями «отгадывания» семантич. решений.

В стихах периода ранних публикаций О. М. в журнале *«Аполлон»* и в 1-м изд. кн. «Камень» (1913) поэт соединял «огромную трагичность темы с нежностью и хрупкостью интонации» (Г а с п а р о в. С. 41), причем контраст темы, традиционно символистской, и способа ее воплощения умышлен. Сталкивая в стих. «Не говорите мне о вечности...» (1909) мотивы «вечности» (характерный для поэзии Тютчева и широко разрабатываемый символистами) и «беспечности» (отсылающий к творчеству Верлена), О. М. в др. стихотворениях продолжал развивать идею противопоставления страха смерти, естественного при ощущении человеком своей ничтожности в мироздании, и человеч. способности прожить краткий миг во всей его полноте, в т. ч. и полноте смысла. Этот смысл, в терминологии статей О. М., есть Логос: «И я слежу – со всем живым / Меня связующие нити...» («Мне стало страшно жизнь отжить...», 1910). «С одной стороны – вечность, смерть и рок (маятник душ, жребии в урне, чаши весов Судьбы...). С другой стороны – “милое и ничтожное”, необычные стихи-натюрморты о том, как “бирюзовая вуаль небрежно брошена на стуле”, как “цветочная проснулась ваза” и “напиток на столе дымится”... Это земное и близкое настойчиво окрашивается детскостью <...> игрушечны даже боги-пенаты, роза – искусственная, и даже весь окружающий мир – искусственный, как гобелен».

После сближения с Н. С. *Гумилевым* (вскоре разорвавшим отношения с Ивановым), А. А. *Ахматовой* и поэтами близкого Гумилеву круга произошло открыто декларируемое отторжение О. М. от С. как в теоретич. плане, так, правда, несколько позже и в поэтич. практике. Уже в ст. «Франсуа Виллон» (1910–12; 1927) О. М. отзывался о С. как об «искусственной, оранжерейной поэзии». Приемы С., по аналогии с поэзией 15 в., О. М. объявлял риторическими и аллегоричными, отдаляющими художника от реальности и направленными на желание «продлить литературный сон в действительности». При всем несходстве индивидуальных манер акмеистов можно отметить их общую черту, объединяющую их в полемике с С.: если для С. все существующее в действительности есть лишь отражение божеств. смысла, то для акмеистов божеств. смысл априори присущ любому явлению бытия (см.: К и х н е й. С. 23).

Кризис С. обозначился в 1910 и последующие нападки младших современников велись на лит. направление, осознавшее к тому времени собств. конечность и конец своей эпохи, ограниченность своих возможностей. Уход С. из собственно эстетич. области в сферы «жизнетворческие», его попытка влиться в общую «учительную» линию рус. литературы, предложить собств. рецепты возрождения человеч. духа (что обусловливает увлечение мистико-религ. и филос. доктринами последователей Соловьева и Иванова) отчасти послужил причиной кризиса лит. направления в целом. Обращаясь к живой конкретности бытия, акмеисты, и в частности О. М., воскрешали эстетич. установки Брюсова, всегда выступавшего против подчинения искусства к.-л. внехудож. задачам и стоявшего в этом смысле значительно ближе к И. Ф. *Анненскому*, чем к Иванову или Соловьеву, чья философия в значит. мере определила поэтич. идеологию А. *Белого* или А. А. *Блока*. Желание акмеистов – «вернуться к земному источнику поэтич. ценностей» (Г и н з б у р г. С. 264).

В одном русле со ст. Гумилева «Наследие символизма и акмеизм» и С. М. *Городецкого* «Некоторые течения в современной русской поэзии» (обе: Аполлон. 1913. № 1) написана ст. О. М. «Утро акмеизма», к-рая, однако, не была опубл. в момент создания. В ней О. М. говорил о небывалой уплотненности поэтич. слова, к-рое есть не просто «знак», выражающий неизменный смысл, но соединение многих содержат. элементов (см. *Поэтический язык*). Слово становится материалом для строительства содержания произведения, а поэт – зодчий, возводящий здание из слов. Роль слова в стихотворении подобна роли камня в готич. здании, благодаря этому слово приобретает легкость конструктивного элемента. Строить можно только в наличных условиях времени и пространства. Пренебрегая действительностью и создавая эстетич. концепции в надмирных сферах, символисты тем самым пренебрегают своим земным домом. Вот почему О. М. говорит: «Символисты были плохими домоседами...» Вернуть внимание человека к земной жизни поможет изучение Средневековья с его вниманием к физиологии бытия. Поскольку с этой т. зр. бытие обладает объективной структурой, постольку и мировоззрение, опирающееся на законы физиологии в понимании О. М., является структурным. «Любовь к организму и организа-

ции акмеисты разделяют с физиологически-гениальным средневековьем». Актуализируя один из смыслов понятия «Логос» (имеется в виду трактовка «Логоса» как всеобщей связи явлений), важный для символистов, О. М. трактовал его как поэтич. форму и одноврем. как «сообщество сущих в заговоре против пустоты и небытия»: «Логическая связь <...> симфония с органом и пением...». Смешение планов бытия – «здешнего» и «потустороннего» – приводит, с т. зр. О. М., в конечном итоге к неспособности воспринимать логич. законы пребывания человека в мире как внимат. гостя мироздания.

Подтверждением идей, высказанных в «Утре акмеизма», являются стихи О. М. 1912–14, написанные на темы *архитектуры*. Это прежде всего «Notre-Dame» (1912), в к-ром «готический храм представлен как сопряжение тяжести и легкости, хаоса и гармонии, природы и культуры, интуиции и расчета, язычества и христианства» (см.: Э т к и н д. С. 473). Текстологически ряд положений ст. «Утро акмеизма» выглядит как развернутый филос.-искусствоведч. автокомментарий О. М. к «Notre-Dame», напр., стих. «Души готической рассудочная пропасть» в статье соответствует пассаж о равновесии рассудочности и мистики в мировоззрении Средневековья (Там же). Аналогию между готич. зодчеством и поэзией О. М. продолжает и в стих. «Я ненавижу свет...» (1912), в к-ром говорит о способности человеч. создания («стрела готической колокольни» в «Утре акмеизма» – «Мысли живой стрела» в «Я ненавижу свет...») бросить вызов пустоте не очеловеченного мироздания (см.: Х а р д ж и е в. С. 258–259).

К моменту публикации 1-го изд. кн. «Камень» (1913) О. М. выступал и как последователь эстетико-поэтич. системы С., что было неизбежно в лит. контексте 1910-х гг., и одноврем. как автор, работающий в иной поэтич. системе. Первым стих., манифестировавшим отход О. М. от С., явилось «Нет, не луна, а светлый циферблат...» (1912), в образной системе к-рого реалии обыденного мира преобладают над условно-символистскими: «светлый циферблат» противопоставлен «луне», осязание доминирует над традиционно-символист. созерцанием «звезд» и «млечности», обычный «час» – над «вечностью». С этого момента началось превращение О. М. «из утонченнейшего символиста в правоверного акмеиста» (Г и п п и у с. С. 85), к-рое пришлось на сер. 1912. К образу «циферблата» О. М. возвратился чуть позже, в стих. «Адмиралтейство» (1913), в к-ром выражены «поэтические определения <...> акмеистических принципов, позволивших избрать для объединения поэтов слово “цех”» (см.: Э т к и н д. С. 473).

Манифестный антисимволистский характер имеют также и стих. О. М. «Пешеход», «Казино», «Золотой», «Лютеранин» (все 1912); «Дев полуночных отвага...», «Летают Валькирии, поют смычки...» (оба 1913), напечатанные во 2-м изд. «Камня».

Выступая против символист. «девальвации» слова как священной величины и осн. ценности (стих. «Золотой»), О. М. тем не менее использовал в собств. произведениях традиционно символист. слова-«знаки», не отказываясь от словаря символистов. Так, он работал с цветовой палитрой, используя традиционно-символистские «белый» – «синий» – «голубой» – «бирюзовый» – «лазоревый», «серый», «сиреневый», «золотой» и др. (см.: Л е к м а н о в. С. 581).

Преодоление символист. наследия в творчестве О. М. шло в неск. направлениях. Это, во-первых, особая позиция поэта как постороннего наблюдателя (стих. «Кинематограф», 1913), при к-рой внешняя обстановка изображаемого воспроизводится с помощью неск. словесных деталей («Домби и сын», 1913), одноврем. передающих психологич. смысл происходящего. О. М. «не подсказывает словами-намеками смутного настроения воспроизводимой картины, он дает своеобразную и точную словесную формулу ее» (Ж и р м у н с к и й. С. 390). Поэт стремится сделать окончание стихотворений афористичным, подчинить общее содержание завершающей словесной формуле. Идея стихотворений рациональна, т. е. не передает личное эмоц. состояние и взволнованное наблюдение заинтересованного зрителя-соучастника, а воссоздает картину происходящего вне человеч. участия, но при высокой степени эстетич. вчувствования. Поэтому и словесная схема, т. е., по Жирмунскому, распределение акцентов и значащих слов, в стихах О. М. абстрактна. Выбор деталей подчинен осн. задаче поэта – воссозданию впечатления от той или иной худож. культуры как целого. Зыбкость предметных границ, свойственная начальному этапу его творчества, в дальнейшем оборачивается отсутствием иерархич. соотношений между реалиями бытия. Их объективные характеристики по-прежнему не важны для О. М., он сталкивает традиционно «высокие» величины с «низкими», намеренно лишая их иерархич. соотнесенности. Так, в стих. «Домби и сын» введена худож. деталь из нарочито «низкого» (с традиционно-классицистич. т. зр.) стиля, подчеркивающая контраст между ситуацией самоубийства отца, рыданиями дочери и клетчатыми панталонами: «Подмеченные в <...> трагическую минуту “клетчатые панталоны” представляют намеренное искажение художественного равновесия стихотворения в пользу фантастически преувеличенной подробности» (Там же. С. 392).

В целом «Камень» О. М. можно охарактеризовать как книгу формального ученика символистов, лишенную их поэтич. идеологии – «потусторонности», идеи оправдания земного небесным и подчиненности «мира дольнего» «миру горнему», при к-ром земное имеет только служебно-проективный характер. Хотя О. М. и писал о мире туманном, ненастоящем, призрачном, но этот мир осязаем и наполнен вещностью. Символист. приемы создания образной системы, к-рые О. М. применял весьма широко («Я вздрагиваю от холода...», «Образ твой, мучительный и зыбкий...»; оба 1912), служат для него способами отображения предметного трехмерного мира. С символист. реалиями (напр., «звезда») поэт вступает в сложные отношения, ср.: «Что, если, вздрогнув неправильно, / Мерцающая всегда, / Своей булавкой заржавленной / Достанет меня звезда?» («Я вздрагиваю от холода...»). Представители «таинственных высот», в присутствии к-рых лирич. «я» автора чувствует «непобедимый страх», навязывают поэту непонятные и жестокие законы, к-рым не может соответствовать реальное живое человеч. тело, отвечающее сопротивлением и неприятием. Так же сопротивляется подчинению надмирным законам и реальная земная вещь, быт: «Для символистов предмет был иносказанием; за ним стояло другое, отвлеченное, сверхчувственное. У Мандельштама же вещь остается вещью.

Совершается не подстановка значения, а его безмерное ассоциативное расширение» (Г и н з б у р г. С. 268).

Возвращение вещи ее бытийного статуса, точность словесной детали, выбранной без учета ее положения во внепоэтич. иерархии ценностей, широкие семантич. возможности слова в тексте привели к созданию О. М. поэтич. системы, к-рая стала «поэзией поэзии» в противовес поэзии жизни, непосредственно воспринятой поэтом. «Художественное восприятие жизни», вчувствование в «своеобразие чужих поэтических индивидуальностей и чужих художественных культур» (Ж и р м у н с к и й. С. 388) посредством собств. воображения являются для О. М. приоритетным.

В 1910-е гг. О. М. обратился к осмыслению С. в русле своих размышлений о культуре как средоточии смысла человеч. жизни. Поскольку искусство для О. М. – «радостное богообщение, как бы игра Отца с детьми, жмурки и прятки духа» ([«Скрябин и христианство»], 1915), то символист. концепция искусства как теургич. акта, а поэта как жреца, вскрывающего тайны и владеющего этими тайнами, а значит, владеющего и душами тех, кто через него оказывается причастен к этим тайнам (читателями), – для О. М. неправомочна и неприемлема. Осознавая искусство как жреч. акт, а поэта как жреца, С., т. о., отнимал у искусства его имманентную свободу, а у поэта – возможность индивидуального развития.

Концептуализацию рус. С. как явления культуры О. М. осуществил в статьях 1920-х гг. В ст. «Слово и культура» (1921) О. М. разграничил символизм и декадентство, понимая последнее как мучительное переживание распада. «Распад, гниение, тление», мучительно переживаемые художниками-декадентами (недаром О. М. сравнивал их с христ. мучениками), противопоставляются в статье сознат. разрушению формы, к-рая, как Логос, нуждается, с т. зр. О. М., в особом внимании художника. Форма, мастерство есть гарантия существования произв. искусства в области культуры. Это же обусловливает победу художника над хаосом и его способность к бессмертию в собеседнике (ср. ст. «О собеседнике», 1913; 1927) (см.: Г а с п а р о в. С. 40–47).

В ст. «О природе слова» (1920–22) О. М. возвратился к идеям, намеченным в «Утре акмеизма», углубляя и детализируя их. Структура и организация чужды С., поскольку он ограничивает сферу существования набором символов в ущерб широкому разнообразию мира. Вещь, как часть реальности, С. не интересна, ее равенство самой себе не рассматривается как ценность: ценностью провозглашается навязанный вещи «высший смысл» ее.

Если для С. ключевое понятие «символа» рассматривается как культурная заданность, устойчивая в своем значении и потому связывающая разные планы бытия (вечное и незыблемое «там» и преходящее, зависимое «здесь»), то для О. М. «знак» является динамич. единством, подвижность к-рого не отменяет его присутствия в мире. О. М., рассматривая поэтич. культуру и культуру вообще как «эллинистическую» в основе своей, апеллирует к эллинистич. пониманию любой вещи как потенциального или реального символа, но символа с размытыми границами, меняющими свои очертания в зависимости от контекста, в к-рый помещен символ. Это, в свою очередь, означает онтологич. присутствие символич. элемента в языке, а значит, отменяет необходимость «символизма» и делает его специфику мнимой, а существование в культуре – тавтологическим. В этом смысле рус. С. О. М. называет «лжесимволизмом», т. к. он ошибочно обособляет образную, символич. компоненту слова, предполагает ее отд. реализацию, хотя эта компонента принципиально не вычленяема из структуры слова как целостности. Более того: в символизме О. М. видел отпадение от мировой христ. культуры как от одноврем. этич. и эстетич. системы.

О. М. не видел в поэтике и философии С. постановки и худож. решения проблемы связи, темы связанности человеч. сознания с мирозданием как целостностью, хотя для самих символистов эта проблема была одной из наиб. актуальных. То, что для символистов есть «связь», О. М. интерпретирует как механизм уподобления и причинности, «рабски» подчиненную «мышленью во времени». В результате возникает «страшный конкорданс “соответствий”», когда «ни один из <...> образов сам по себе не интересен <...> роза – подобие солнца, солнце – подобие розы, голубка – подобие девушки, а девушка – подобие голубки. Образы выпотрошены, как чучела, и набиты чужим содержанием». Мир утрачивает вещи как утварь и вещи как подвижные знаки-символы, приобретая вместо них лишь бесконечное количество взаимозависимых подобий. В более поздних «Заметках о поэзии» (1922–23) О. М. говорил о крайней ограниченности словаря символистов, причина к-рой заключается в их понимании символа.

Возникновение акмеизма О. М. в статье «О природе слова» объяснял именно как попытку отменить «неорганическую» поэтику С. и утвердить новую – органическую, биологическую (ср. ранее определение «физиологическое» по отношению к Средневековью), действующую под девизом: «Прочь от символизма, да здравствует живая роза!». Органич. поэтика, по мысли О. М., обращает внимание поэта на равный статус всех предметов «утвари» и на имманентную образную природу любого слова. Будучи замешана на биологии человека и его способности непосредственно воспринимать мир, такая поэтика приносит с собой «ряд новых вкусовых ощущений, гораздо более ценных, чем идея, а главным образом вкус к целостному словесному представлению, образу в новом органич. понимании». Интересно связать это заявление О. М. с его собств. ранней поэтич. практикой, актуализовавшей органы восприятия человека (см. выше). Т. о., создание поэтич. языка при всей своей возможной причудливости (с т. зр. внепоэтич. языка и утилитаристич. сознания) воплощает прямой и непосредств. взгляд художника в мир, увиденный в совокупности своих связей и отношений.

«Письмо о русской поэзии» (1922) содержит частую у О. М. метафору С. как колоссального здания, покоящегося на непрочном основании. Выражение «грандиозные создания русского символизма» является автореминисценцией О. М., ср.: «Ваша книга прекрасна красотой великих архитектурных созданий и астрономич. систем» (из письма Вяч. Иванову 13/26.8.1909).

Связывая рус. С. с мировоззрением 1890-х гг., О. М. отмечал также его связь с кругом «интересов европейской мысли». Обращение к зап. культуре, открытие ее достижений и возможностей заставило символистов забыть о потребностях специфически рус. культурной почвы: «Вселенская мысль <...> шумным половодьем смыла домашнюю

рухлядь». С. – это реакция поэтич. сознания на попытку самоотождествления рус. культуры с западной, на двойств. ощущение себя ее органич. (или стремящейся стать органической) частью и одновременно – понимание и чувствование своей внеположности ей. Наивное западничество рус. символистов в сочетании с влюбленностью в новооткрытый мир и пафосом первооткрывателей привели к перерождению «чувства личности», гипертрофии «творческого “я”, которое смешало свои границы с границами вновь открытого увлекательного мира, потеряло твердые очертания и уже не ощущает ни одной клетки как своей...». Процесс роста поэтич. личности был нарушен, индивидуальный голос поэта (понимаемый О. М. и в метафорич., и в природно-акустич. смысле) со своей потенцией органич. развития не был использован символистами.

К идее «западничества» рус. С. О. М. возвращается в ст. «Буря и натиск» (1922–23), считая, что обращенность С. к зап. культуре имела ограниченно «внешнекультурный смысл», и вновь употребляя понятие «лжесимволизма». С. для рус. культуры был явлением внешнего порядка, носившим «культуртрегерский» характер перенесения «поэтич. культуры с одной почвы на другую». Этим О. М. объясняет пристрастие С. к глобальным темам, к-рые перерастают в неподвижные знаковые величины, непосредственно заимствованные у представителей зап. романтизма и С. Эти темы оказались недолговечны: творчество гипертрофированного «я» поражено «болезненной водянкой мировых тем».

Показательно, что в этой статье О. М. говорил об акмеистах как о младших символистах, к-рые не повторяют ошибки предшественников в построении собств. поэтики: им прежде всего чужда идея грандиозности поэтич. построений. Вопрос преемственности акмеизма и символизма, вероятнее всего, обсуждался на собр. *«Цеха поэтов»*, и формальное наследование С. принималось акмеистами как данность, ср.: «В поэтике – принимаются все технические нововведения символистов, но все излишества сглаживаются: ритм, стиль и композиция должны быть в равновесии...» (Г и п п и у с. С. 83).

Ошибочно было бы считать отношение О. М. к С. огульно отрицательным. Идею отсутствия индивидуального начала в творчестве рус. символистов О. М. развил в ст. «Выпад» (1924). Но здесь само это отсутствие трактовалось скорее как положит. тенденция, приводящая к созданию общекультурного сознания и единого поэтич. контекста, из к-рого возникают поэты с ярко выраженным творч. «я». О. М. определенно заявлял, что «вся современная русская поэзия вышла из родового символического лона». В этом смысле в «учительстве» С. заключалась правомерность его культурной позиции, благодаря к-рой он умел воспитывать совр. читателя (ср. позицию читателя, предъявляющего к поэту свои требования, в ст. О. М. «О собеседнике»).

В статьях 1920-х гг. О. М. называл основоположниками рус. С. Брюсова, К. Д. *Бальмонта*, А. Белого и Вяч. Иванова, причем отдаление во времени эпохи С. и неактуальность борьбы между акмеизмом и С. сказывалась на оценке О. М. творчества предшественников: уже в «Буре и натиске» эта оценка высока, особенно по сравнению с более ранними статьями. Поэты, чье творчество приходится на тот же ист. отрезок времени, причисленные к символистам, но тем не менее далекие, по его мнению, от С. – Сологуб и Анненский. Поэтами, воплощавшими символист. лирику в узком смысле, О. М. считал М. А. Кузмина и В. Ф. *Ходасевича* («Буря и натиск»).

В зрелом творчестве О. М. использовал ряд приемов С. Так, он создал систему опорных понятий (семантич. единиц), в опред. смысле подобных «символам». Эти семантич. единицы могут появляться в опред. период творчества (ср. «Петрополь» в ранний период, «щегол» – в более поздний), пропадая впоследствии, или пронизывать поэзию О. М. в целом (ср. «ласточка»; «звезда»; «твердь»; «век»; семантика «черного» и «желтого»; образы, связанные с «овечьими» мотивами; «ночь»; «время» и др.). Опорные понятия играют роль основы системы индивидуального поэтич. кода. Их семантика не статична, как в системе С., но обогащается в плане содержания понятия в зависимости от контекста употребления. Также О. М. обратился к образной системе С. в целях воссоздания опред. предмета. В стих. памяти Белого специфически символист. символика является знаком стихотв. диалога, разговора с поэтом-символистом на его языке. Если сам Белый использовал черно-голубой цветовой мотив в своем некрологе о Блоке, то О. М. ввел тот же мотив в поэтич. некролог о самом Белом (см.: Т о д д е с. С. 52–54).

В 1930-е гг. поэтика О. М. развивалась по своим собств. законам, в к-рых лит. влияния оказывались в целом менее существенными, чем в ранние периоды. Однако, продолжая развитие системы собств. тем и опорных понятий, О. М. широко использовал прием метафоризации мира, свойств. С. Поэтика О. М. разрабатывает собств. систему соответствий, говоря собств. языком О. М. – «конкордансов», цель к-рых – связать воедино разл. планы бытия: не «горний» и «дольний», как в С., но «прошедший», «исторический» с «настоящим» и «будущим» (стих. «Разрывы круглых бухт, и хрящ, и синева...», «Еще он помнит башмаков износ...», «Я в львиный ров и в крепость погружен...», все 1937). Др. принцип построения линии соответствий – соположение в пространстве величин, реально в нем разделенных (ср.: «От молодых еще воронежских холмов / К всечеловеческим, яснеющим в Тоскане»: «Не сравнивай: живущий несравним...», 1937).

Лит.: М е н ь ш у т и н А. Н., С и н я в с к и й А. Д. Поэзия первых лет революции. М., 1964; Г р о м о в П. П. А. А. Блок, его предшественники и современники. М.; Л., 1966; Х а р д ж и е в Н. И. Примеч. // Стих. 1973; О р л о в В. Л. Перепутья: Из истории русской поэзии начала XX в. М., 1976; М а р г о л и н а С. М. Мировоззрение О. Мандельштама. Марбург, 1988; А х м а т о в а А. А. Листки из дневника; Г и п п и у с Вас. В. Цех поэтов // Ахматова А. А. Десятые годы. М., 1989; А в е р и н ц е в С. С. Ранний Мандельштам // Знамя. 1990. № 4; Г и н з б у р г Л. Я. «Камень» // Камень. 1990; Г о ф м а н В. В. О Мандельштаме // Звезда. 1991. № 12; П а п е р н о И. О природе поэтического слова: богословские источники спора Мандельштама с символизмом // ЛО. 1991. № 1; Т о д д е с Е. А. Заметки о Мандельштаме // Шестые тыняновские чтения. Рига; Москва, 1992; Б р о й т м а н С. Н. Ранний О. Мандельштам и Ф. Сологуб // Художественный текст и культура: Тезисы докладов на Всерос. науч. конференции. Владимир, 1993; Г а с п а р о в М. Л. Три поэтики О. Мандельштама // De visu. 1993. № 10; Е с а у л о в И. А. Постсимволизм и соборность // Постсимволизм как явление культуры: Материалы междунар. конференции. М., 1995; Т о п о р о в В. Н. О «психофизиологическом» компоненте

поэзии Мандельштама // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избр. М., 1995; Эткинд Е. Г. Кризис символизма и акмеизм // История русской литературы: XX в.: Серебряный век / под ред. Ж. Нива, И. Сермана, В. Страда и Е. Эткинда. М., 1995; Лекманов О. А. Мандельштам и символизм: Статья из невышедшего словаря // Лекманов. 2000; Тарановский К. О поэзии и поэтике. М., 2000; Жирмунский В. М. Преодолевшие символизм // Жирмунский В. М. Поэтика русской поэзии. СПб., 2001; Кихней Л. Г. Акмеиз: Миропонимание и поэтика. М., 2001; Broun C. Mandelstam. Camb., 1973.

В. В. Калмыкова.

СИМОНОВ Константин (Кирилл) Михайлович (28.11.1915, Петроград – 28.8.1979, Москва), рус. сов. прозаик, поэт, военный журналист, киносценарист и общественный деятель. В 1965 охотно одолжил Н. М. деньги на приобретение кооперативной квартиры в Москве. С 11.6.1968 и до смерти – председатель Комиссии по литературному наследию О. М. при СП СССР. В последние годы и месяцы жизни активно добивался переиздания книги критической прозы О. М., вышедшей только в 1987 (Мандельштам О. Слово и культура. М.: Советский писатель, 1987).

СИНАНИ Борис Наумович (1850, с. Армянский Базар Перекопского у. Таврической губ., ныне г. Армянск, – 1922, Симферополь), психиатр. Известен как врач и душеприказчик Г. И. Успенского. В 1902 переехал из г. Колмова в Петербург и открыл частную практику. Среди его пациентов – писатели, ученые, артисты, художники. Отдал сына, Б. Б. *Синани,* в *Тенишевское училище*, где тот познакомился с О. М. Дружба юношей, а также посещения дома С. (Пушкинская ул., 17) описаны О. М. в «Шуме времени» (гл. «Семья Синани»). Именно в этой «могучей по силе интеллектуального характера» семье О. М. впервые почувствовал «бескорыстную гордость и радость умственных движений». Однако круг интересов в семье С. был ограничен спорами эсдеков и эсеров (см. *Социалистов-революционеров партия*). О. М. вспоминает «восторженный трепет и гордую радость», к-рая охватывала молодое поколение при встрече с лидерами эсеров, посещавших С. Разумеется, «традиции крепкой и чрезвычайно интересной семьи» – врожденная духовность, благородство, бескорыстие, высокий и строгий душевный строй, а также личность самого «старика Синани», чей порог «никто без трепета не переступал», повлияли на становление подростка. Характеристика С., данная А. Б. Дерманом: «Это был гордый, несгибающийся человек, с громадным чувством собственного достоинства, при малейшей попытке посягнуть на которое готовый дать отпор в то же мгновение» (Дерман. С. 609), соотносима со многими мемуарными изображениями О. М. Тот факт, что С. был «трезвым позитивистом-семидесятником», «с презрительной усмешкой и резкими эпитетами отзывался о всякой метафизике, мистике, религии», также сказался на мировоззрении юного О. М.: «...В скудных партийных полемиках было больше жизни и больше музыки, чем во всех писаниях Леонида Андреева». Но уже в Тенишевском уч-ще, по словам Н. М., О. М. «получил противоядие от позитивизма старика Синани» благодаря В. В. *Гиппиусу*.

Как отмечают те, кто знал С., в его портрете, созданном О. М., «слишком много шаржированного, почти карикатурного» (Некрасова. С. 63); допущены «многочисленные искажения <...> неточности переходят границы допустимого», что «оскорбляет образ крупнейшей личности с трагической судьбой» (Синани. С. 180). Однако О. М. не ставил себе целью дать стереоскопически точные объективные портреты эпохи и своих современников: «память моя не любовна, а враждебна, и работает она не над воспроизведением, а над остранением прошлого», «между мной и веком провал, ров, наполненный шумящим временем». Память поэта избирательна, метафорична, нередко с людьми и вещами происходят метаморфозы: так, младшая дочь С. «маленькая горбунья Леночка» была не горбатой, а просто низкорослой.

Лит.: Дерман А. Б. Б. Н. Синани // Летописи Гослитмузея. Кн. 4. М., 1939; Некрасова В. Б. О семье Синани // СМР. Вып. 1; Синани И. Б. Б. Н. Синани // Там же. Вып. 3/2.

С. Ф. Данилова.

Обложка журнала «Сирена»

«**СИРЕНА**», двухнедельный журнал Воронежского горсовета. Всего вышло 3 выпуска, в т. ч. 2 сдвоенных: № 1 (7.12.1918), № 2–3 (30.12.1918) и № 4–5 (30.1.1919). В «С.» сотрудничали А. М. *Ремизов*, М. А. *Зенкевич* и др. В № 4–5 был напечатан акмеистич. манифест О. М. – «Утро акмеизма».

Лит.: Крюков А. Редактор Владимир Нарбут // Подъем (Воронеж). 1987. № 11. С. 111–120.

П. М. Нерлер.

СКАЛДИН Алексей Дмитриевич (15.10.1889, д. Корыхново Новгородской губ. – 18.7 или 28.8.1943, Карлаг), поэт, прозаик. Ученик и близкий друг В. И. *Иванова* (с 1909), приятель М. А. *Зенкевича*, Г. В. *Иванова*, С. П. Каблукова, В. А. *Комаровского*, М. А. Кузмина, Н. В. *Недоброво* и мн.

других, так или иначе связанных с О. М. участников поэтич. жизни 1910-х гг. Его единств. сб. «Стихотворения» (1912) был встречен акмеистами резко неодобрительно [см. отрицат. рец. С. М. *Городецкого* (Гиперборей. 1913. № 4) и Н. С. *Гумилева* (Аполлон. 1913. № 3)], что, по-видимому, следует считать своеобр. местью В. И. Иванову и самому С. за неприятие *акмеизма* (см.: Царькова Т. С. Комментарии // Скалдин А. С. Стихи. Проза. Статьи. Материалы к биографии. СПб., 2004. С. 463–464). Сохранилось и опубл. короткое письмо О. М. к С. от 8.1.1917, содержащее, между прочим, «привет Ел[изавете] Конст[антиновне]» Скалдиной – жене поэта.

О. А. Лекманов.

СКОТТ (Scott) Вальтер (15.8.1771, Эдинбург – 21.9.1832, Абботсфорд), англ. писатель, один из создателей жанра ист. романа. В России стал известен с 1-й четв. 1820-х гг., его произв. переводили и о нем писали В. А. *Жуковский*, А. С. *Пушкин*, В. Г. *Белинский* и др. Обращение О. М. к творчеству С. относится к кон. 1920-х гг. и связано с активизацией его переводч. деятельности, в т. ч. и совм. с Б. К. *Лившицем*. Из переписки и критич. статей этого периода нетрудно заметить, что О. М. относил произв. С. к массовой, «низовой» литературе. В письме И. И. Ионову (кон. января – нач. февраля 1929) он дал развернутое описание причин и сопутствующих обстоятельств своего обращения к переводам романов С.: «В Зифе я впервые столкнулся <...> с механизированным выпуском полных собраний сочинений иностранных авторов в до смешного маленькие “военные” сроки методом обработки или правки старых переводов <...>. К чести моей и Лившица, нужно сказать, что мы не соблазнились Рабле и Дантом, а занялись несравненно более скромным <...> делом – обработкой для юношества устаревших по форме авторов, но сохранивших крупное историческое значение, как Вальтер-Скотт». Основой для достаточно уничижительной мандельшт. оценки стал конфликт, вызванный использованием им и Лившицем при работе над текстами С. и Т. М. *Рида* франкоязычных переводов из-за незнания англ. языка; событийную канву см. в: Мандельштам О. ПССиП: В 3 т. Приложение: Летопись жизни и творчества / сост. А. Г. Мец при участи С. В. Василенко и др. М., 2014 (по им. ук.). Соответственно, О. М. выразил сомнение в том, что «блестящие по точности, авторизованные французские переводы <...> могли дать худший результат, чем случайная стряпня с английского». Вместе с тем в своих комментариях к собр. соч. О. М. (1- изд.) Н. М. обозначила переводы ряда романов С. как собственные; см.: «Любил, но изредка чуть-чуть изменял»: Заметки Н. Я. Мандельштам на полях американского «Собрания сочинений» Мандельштама / подгот. текста, публ. и вступ.. заметка Т. М. Левиной // Philologica. 1997. № 4. С. 188. Свой личный опыт О. М. отразил в ряде полемич. публикаций о переводч. деятельности, использовав в качестве примера именно творчество С.: в ст. «О переводах» (1929) он отметил, что «старые переводы Вальтер-Скотта <...> сделаны полицейским языком паспортистов, и это хамское клеймо нельзя смыть никакими усилиями». В заметке [«Потоки халтуры»] (1929) О. М. назвал С. среди авторов, к к-рым «массовый читатель потянулся навстречу <...> и они двинулись ему навстречу», тем самым повторив форму перечисления значимых для системы ценностей *акмеизма* имен европ. авторов, присутствующую в программной «неоакмеистической» ст. «О природе слова» (1920–22). В то же время в черновых вариантах повести «Египетская марка» (1927) в трудно идентифицируемом контексте упоминаются «романтические руины <...> Вальтер-Скотта».

С. Г. Шиндин.

СКРЯБИН Александр Николаевич (25.12.1871, Москва – 14.4.1915, там же), композитор и пианист. К 1-й пол. 1910-х гг. от фортепианной и симфонич. музыки С. пришел к идее создания некоего худож.-литургич. действа, объединяющего все виды искусства, что нашло воплощение в одночастных симфонич. поэмах «Поэма экстаза» (1907) и «Прометей» («Поэма огня», 1910). Для этих произв. С. увеличил состав оркестра, введя орган и колокола, а в «Прометее» – хор без слов и спец. партию света (первая попытка синтеза худож. средств).

Вспоминая о юношеских муз. предпочтениях О. М., его младший брат отмечал: «Много значил для брата и Скрябин, быстро завоевавший сердца музыкального Петербурга, особенно молодежи» (Мандельштам Е. Э. Воспоминания / публ. Е. П. Зенкевич, предисл. А. Г. Меца // НМ. 1995. № 10. С. 124). Свидетельства о прослушивании О. М. исполнения произведений С. немногочисленны. Очевидно, он посетил одно из премьерных исполнений «поэмы» С. «Прометей» (см.: Тименчик. С. 53; 1-е авт. исполнение: 9.3.1911, С.-Петербург): в «Шуме времени» (1923–24) О. М. упомянул приходящие ему на память «первины скрябинского “Прометея”», и там же чуть раньше изобразил С., к-рый «вот-вот сейчас будет раздавлен обступившим его со всех сторон еще немым полукружием певцов и скрипичным лесом “Прометея”, над которым высится, как щит, звукоприемник – странный стеклянный прибор». Насколько можно судить по дневниковой записи Ф. Ф. Фидлера, предельно дискуссионное обсуждение этой премьеры предшествовало чтению стихов начинающих авторов на «башне» у Вяч. И. *Иванова* 14.3.1911 (см.: Фидлер Ф. Ф. Из мира литераторов: Характеры и суждения / вступ. ст., пер. с нем., примеч. К. М. Азадовского. СПб., 2008. С. 551–552), когда состоялось знакомство О. М. с А. А. *Ахматовой* (см.: Суперфин Г. Г., Тименчик Р. Д. Письма А. А. Ахматовой к В. Я. Брюсову // Записки ОР ГБЛ. М., 1972. Т. 33. С. 274). По предположению Р. Д. Тименчика, О. М. мог присутствовать в редакции журнала *«Аполлон»* на состоявшемся незадолго до смерти композитора вечере, где тот исполнял свои ранние сочинения и фрагменты «Прометея»; он же считает, что известие о смерти С. стало поводом для посещения О. М. 14.4.1915 А. А. *Блока* и разговора о скрябинском творчестве (см.: Тименчик. С. 53, 54). Возможно, 18.11.1915 О. М. был на концерте, посв. памяти С., где исполнялись его Третья симфония («Божественная поэма») и «Прометей»; см.: Мандельштам в записях дневника Каблукова. С. 251. Как вспоминала позднее И. Д. *Ханцын*, во 2-й пол. 1920-х гг. она нередко исполняла для О. М. «его любимые скрябинские вещи – еще ранние, в шопеновском духе опусы 16-й и 37-й» (Нерлер П. Послесловие к публ.: «Ханцын И. О Мандельштаме» // СМР. Вып. 3/2. С. 70). [Вряд ли не имеет личностных коннотаций и иронич. фрагмент «Египетской марки» (1927), когда «парикмахер, держа над го-

Александр Николаевич Скрябин

ловой Парнока пирамидальную фиоль с пиксафоном, лил ему прямо на макушку, облысевшую в концертах Скрябина, холодную коричневую жижу».]

Развернутую оценку скрябинскому творчеству О. М. дал в докладе «Скрябин и христианство» (др. назв. «Пушкин и Скрябин»; сохранившиеся фрагменты в наст. время публикуются как [«Скрябин и христианство»], 1917; датировка условна), состоявшемся в 1915 или 1916 в С.-Петербургском *Религиозно-философском обществе* или в Скрябинском об-ве. По предположению А. Г. Меца, эпизод чтения доклада в иронич. освещении метафорически зафиксирован в «Египетской марке» (1927) и черновых набросках к ней; см.: Мец. С. 65–66. Сам О. М. исключительно высоко оценивал данный текст, по свидетельству Н. М., он говорил: «это основная моя статья». Как считает совр. исследователь (см.: Мец. С. 67–69), на формирование мандельшт. концепции скрябинского искусства могли повлиять некролог Б. В. Асафьева (Музыка. 1915. № 220), ряд публ. выступлений Вяч. *Иванова* (С.-Петербург, Москва, декабрь 1915, январь, апрель 1916; переклички между текстами Вяч. Иванова и О. М. отмечены в: Лекманов. 2000. С. 125–126) и труды Н. А. *Бердяева*, а также некролог С. П. Каблукова (см.: С-ий К-в. А. Н. Скрябин // Голос жизни. 1915. № 18. С. 16) и личное общение с ним, служившее для О. М. источником религ.-филос. интерпретации музыки вообще (см.: Мец, Василенко, Фрейдин, Никитин. С. 76). Статья О. М., очевидно, была вызвана потрясшей все рус. общество трагич. смертью С.; это событие прямо сопоставлено со смертью А. С. *Пушкина*: «Пушкин и Скрябин – два превращения одного солнца, два перебоя одного сердца. Дважды смерть художника собирала русский народ и зажигала над ним свое солнце. Они явили пример соборной, русской кончины, умерли полной смертью, как живут полной жизнью, их личность, умирая, расширилась до символа целого народа, и солнце-сердце умирающего остановилось навеки в зените страдания и славы». (Интересно то обстоятельство, что более поздняя интерпретация этой ст., принадлежащая Н. М., представляет собой редкий случай ее явной полемики с О. М., лежащей в экзистенциально-метафизич. плоскости: «Смерть Пушкина все же была осознана людьми, а Федра-Россия и не подумала полюбить Скрябина по той простой причине, что ни греховной, ни чистой любовью еще не снизошла ни к одному из своих сыновей».) Именно в связи со смертью С. формируется в творчестве О. М. принципиально значимый для него мотив достойной, высокой смерти художника, являющейся логич. завершением жизн. пути: «Я хочу говорить о смерти Скрябина как о высшем акте его творчества. Мне кажется, смерть художника не следует выключать из цепи его творческих достижений, а рассматривать как последнее, заключительное звено. С этой вполне христианской точки зрения смерть Скрябина удивительна. Она не только замечательна как сказочный посмертный рост художника в глазах массы, но и служит как бы источником этого творчества, его телеологической причиной».

В качестве гл. специфич. признака в скрябинском творчестве О. М. выделял дистанцирование в музыке от христ. начала, к-рое он видел, в частности, в отказе от хорового исполнения, в свою очередь, выступавшего для него «синонимом» христианства; ср. свидетельство Н. М.: «Он мне рассказывал <...> про одноголосые католические хоры, которые когда-то потрясли его. Где он их слышал, не знаю. Скорее всего, за границей»; речь, возможно, идет о григорианских хоралах. Именно поэтому О. М. противопоставляет бессловесный хор «Прометея» С. финальному хору Девятой симфонии Л. ван *Бетховена*: «Голос – это личность. Фортопияно – это сирена. Разрыв Скрябина с голосом, его великое увлечение сиреной пианизма знаменует утрату христианского ощущения личности <...>. Бессловный, странно немотствующий хор “Прометея” – все та же соблазнительная сирена. – Эта радость Бетховена, синтез Девятой симфонии <...> недоступно Скрябину. В этом смысле он оторвался от христианской музыки» (в варианте ст. прямо фигурирует «католическая радость Бетховена»). Вместе с тем в своей ст. О. М. ввел понятие «русского эллинизма», следующей после Пушкина ступенью к-рого назвал С. – «дальнейшее закономерное раскрытие эллинистической природы русского духа. Огромная ценность Скрябина для России и для христианства обусловлена тем, что он безумствующий эллин. Через него Эллада породнилась с русскими раскольниками, сожигавшими себя в гробах. <...> Его хилиазм – чисто русская жажда спасения; античного в нем – то безумие, с которым он выразил эту жажду». Понятие эллинизма О. М. наполняет индивидуальным смыслом, вследствие чего оно парадоксальным образом становится началом, не антитетичным христианству; более того, через категорию смерти эти религ.-культурные модели оказываются генетически связаны: «Покуда в мире существует смерть, эллинизм будет творческой силой, ибо христианство эллинизирует смерть <...> Эллинство, оплодотворенное смертью, и есть христианство. Семя смерти, упав на почву Эллады, чудесно расцвело: вся наша культура выросла из этого семени». В результате, творчество С., дионисийское по своей «природе», по словам О. М., «имеет самое прямое отношение к той исторической задаче христианства, которую я называю эллинизацией смерти, и через это получает глубокий смысл...».

Лит: Тименчик Р. Музыка и музыканты на жизненном пути Ахматовой (Заметки к теме) // Кац Б., Тименчик Р. Анна Ахматова и музыка: Исследовательские очерки. Л., 1989. С. 52–54; Мец А. Г. Предисл. к публикации: О. Мандельштам. «Скрябин и христианство» // РЛ. 1991. № 1; Мец А. Г., Василенко С. В., Фрейдин Ю. Л., Никитин В. А. Примеч. к публикации: О. Мандельштам. «Скрябин и христианство» // Там же.

С. Г. Шиндин.

СЛОНИМСКИЙ Михаил Леонидович (псевд. Ив. Радугин, Мими, Мих. Сл-ский) (20.7.1897, Павловск – 8.10.1972, Ленинград), прозаик, мемуарист, участник группы *«Серапионовы братья»* (с 1921). Именно в комнате С. в петрогр. *«Доме искусств»* собирались «серапионы», причем О. М., бывший нек-рое время ближайшим соседом С. (в октябре 1920 – феврале 1921), иногда присутствовал на их сходках (Шкловская-Корди). О своем общении с О. М. в это время С. в нач. 1960-х гг. рассказал в мемуарном очерке «Старшие и младшие» (Слонимский. С. 61–63). Во 2-й пол. 1920-х гг. С. в качестве ведущего сотрудника ленингр. изд-ва *«Прибой»* регулярно снабжал О. М. переводч. работой. «Миша Слонимский зав. в Прибое! С 15 окт[ября]! Уже одного этого достаточно! Мы спасены!», – 1.10.1926 писал О. М. жене. 28.5.1929 С. наряду с двадцатью др. литераторами подписал коллективное обращение в ред. газеты «Известия» или «Комсомольская правда», протестующее против шельмования О. М. Д. И. *Заславским* в «Лит. газете» (см.: Слово и судьба. С. 138).

Соч.: Книга воспоминаний. Л., 1966.

Лит.: Шкловская-Корди В. Г. [Устные воспоминания об О. Мандельштаме] // О. и Н. Мандельштамы. С. 104–105.

О. А. Лекманов.

СЛУЧЕВСКИЙ Константин Константинович (26.7.1837, С.-Петербург – 25.9.1904, Усть-Нарва Везенбергского у. Эстляндской губ.), поэт, прозаик, публицист. Вниманию к творчеству С. могло способствовать юношеское увлечение О. М. В. Я. *Брюсовым*, испытавшим на себе влияние поэзии С., а затем знакомство с В. И. *Ивановым*, ценившим творчество С. О. М. в отличие от нек-рых др. участников 1-го *«Цеха поэтов»* (Н. С. *Гумилев*, А. А. *Ахматова*) не входил в организованный после смерти С. поэтич. кружок «Вечера памяти К. К. Случевского». Однако, по свидетельству Н. М., О. М. держал у себя первоиздания С. Из того же источника известно, что О. М. «оценивал удачей» стих. С. «Ты не гонись за рифмой своенравной...» из кн. С. «Песни из Уголка» (СПб., 1902), послужившее в 1898 толчком к созданию В. С. *Соловьевым* стих. «Ответ на “Плачь Ярославны”», а также стих. «После казни в Женеве», опубл. впервые в сб. С. «Стихотворения» (1881), а затем вошедшее в «Сочинения» поэта 1898. Возможно, что эти два стих. С. О. М. отобрал бы для антологии рус. стиха, к-рую в 1930-е гг. мечтал составить, но к-рая не осуществилась, как и антология 1922.

Зафиксированное Н. М. мнение поэта о том, что в стих. С. «После казни в Женеве» «строчки про старуху звучат, почти как Анненский», позволяет утверждать, что поэзия С. могла привлекать О. М. не только тем, что в ней учитывались значимые для него традиции, восходившие к *Данте Алигьери* или наследию Г. Р. *Державина* и Ф. И. *Тютчева*, но также ее близостью к творчеству И. Ф. *Анненского*. Несмотря на то что присущие Анненскому эстетизм и техн. совершенство формы были несвойственны поэзии С., внутр. общность С. и Анненского, дающую себя знать через общность тематич. репертуара (темы двойника, шарманки, злой издевки жизни, мучительности бытия, тоски, безумия и т. д.), ощущали и др. современники О. М., напр. М. А. *Волошин*.

То, что знакомство О. М. с поэзией С. не было ограничено исключительно его лирикой, подтверждается свидетельством Н. М., отметившей, что О. М., обсуждая с Ахматовой роман в стихах Б. Л. *Пастернака* «Спекторский» (1931), находил в нем сходство со стихами-рассказами не только Я. П. Полонского, но и С. Возможно, помимо самого жанра «рассказ в стихах», толчком для такого сравнения могло послужить сплетение автобиогр. и ист. событий в таких поэмах-хрониках С., как «Бывший князь».

При очевидных отличиях поэтики О. М. и С. тем не менее именно О. М. в 1915–20 продолжал восходящую к 1820–30-м гг., реализующуюся в поэзии Тютчева и дающую о себе знать в творчестве С. тенденцию к 3-частной структуре 6-стопного ямба («ямбического гекзаметра») (см.: Bailey J. The metrical and rhythmical typology of K. K. Slucevskij's poetry. Lisse, 1975. P. 9). Центральный в эти годы для поэтики О. М. образ камня, внимание к готич. *архитектуре*, попытка «диалога» с собором человека, к-рому внятен «язык булыжника» («Notre Dame», «Айя-София», «Реймс и Кельн») коррелируют с аналогич. мотивами «ожившего» камня в лирике С. (стих. «Что камни не живут? Не может быть! Смотри...», «Страсбургский собор»), убежденного, что «Все на свете, все бесспорно <...> может петь и будет петь. / Камни, мхи, любовь и злоба, Время, море, луч луны, / Смерть и сон – и врозь, и оба – / Будут петь и петь должны». Образ Рима, в ранней лирике С. связанный в опред. мере с этим мотивом (стих. «Monte Pincio»), также дает основание для сопоставлений с творчеством О. М. Однако сатирич. выпады против нынешних недостойных обладателей Вечного города у О. М. («И в руках у недоноска / Рима ржавые ключи?» – стих. «Ни триумфа, ни войны!..»), характерные и для С. («Риму»), возникают скорее благодаря сходству ист. ситуации, т. к. вряд ли возможно предположить, что О. М. мог знать журнальную публикацию этого стих. С. 1857.

Зато стихотворения-картины О. М., где, часто с элементами гротеска, воссоздаются образы культуры и совр. действительности, как в стих. «Кинематограф», дают значительно больше оснований для сопоставления с аналогич. опытами С. из цикла «Думы» («В лаборатории», «В больнице всех скорбящих», «На публичном чтении», «В этнографическом музее», «На судоговоренье», «В костеле», «На рауте», «В театре»). Поэтика кошмара, образ ужасного возничего в стих. О. М. «На высоком перевале...» также позволяет провести нек-рые параллели со стих. С. «Обезьяна», где герою видится мчащаяся на дрогах «ведьма-болтунья».

Обращает на себя внимание своеобр. зеркальность «Петербургских строф» О. М. по отношению к стих. С. «Утро над Невою». Солнечной петерб. картинке у С., предельно вещной, с множеством конкретно-зримых деталей, полной блеска и праздничности, напоминающей что-то «восточное, южное», у О. М. противостоит будничность, скука и сев. холод. Юж. «пыль перламутра, сиянье жемчужное» у С. сменяется круженьем «мутной метели» у О. М. Однако ряд ключевых образов стих. С. (Нева, солнце, шпиль Петропавловской крепости, ялики – «Ялики веслами машут, как крыльями», чайки – «Чайка заденет плывучую глыбь») сохраняют значимость и у О. М.: «Черпали воду ялики, и чайки...». При этом у О. М. действие также происходит «над Невой», хотя место наблюдателя переносится с одного ее

берега на другой, отчего Петропавловскую крепость с ее шпилем сменяет во мн. схожий вид на др. петерб. шпиль – на Адмиралтейство.

Лит.: Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 1 80, 328; Она же. Т. 2. С. 431, 733.

Е. А. Тахо-Годи.

«СМЕХАЧ», еженедельный илл. сатирич. журнал (Москва, Петроград – Ленинград, 1924–28), сменивший журнал для железнодорожников «Дрезина». Название взято из стих. В. В. *Хлебникова*. Издатель – газета «Гудок»; с № 40, 1928 – акционерное издат. об-во «Огонек». Редактор с № 40 за 1928 – М. Е. Кольцов. В 1927 специально для железнодорожников печатался «журнал в журнале» «"С." на рельсах» и «газета в журнале» «"С." ускоренный». На № 48 за 1928 издание прекратилось и было заменено с декабря 1928 журналом «Чудак».

Среди сотрудников – В. В. *Маяковский*, А. И. Безыменский, В. И. Лебедев-Кумач, М. А. Черемных, А. А. Радаков и др. В «С.» печатались лучшие советские сатирики и карикатуристы 1920-х гг.

О. М. опубликовал в «С.» басню «Лжец и ксендзы» (1924. № 19. С. 7).

В. В. Калмыкова.

«СОВЕТСКИЙ ЮГ», ежедневная газета, издавалась в Ростове-на-Дону с 1.10.1920 по 31.12.1927. Учреждена Кавбюро ЦК РКП(б). В 1922–23 выпускала бесплатное лит..-худож. приложение. С февраля 1924 на базе «С. ю.» организовано одноименное изд-во. В 1925 начался выпуск лит. журнала «Лава» и детской газеты «Ленинские внучата». В связи с объединением в 1927 всех краевых изданий в об-во «Севкавиздат» существование «С. ю.» прекращается.

Рост популярности «С. ю.» приходится на время руководства газетой историком и критиком Н. Л. Янчевским – гл. редактор в 1922–24. В «С. ю.» печатались А. Фадеев, Н. Погодин.

По свидетельству Н. М., во время посещения Ростова-на-Дону в 1922 О. М. написал «ряд статеек в местные газеты»; в «С. ю». опубл. «Кое-что о грузинском искусстве» (1922, 19 янв.), «Письмо о русской поэзии» (1922, 21 янв.), «Кровавая мистерия 9-го февраля» (1922, 22 янв.), «Шуба» (1922, 1 фев.).

Лит.: Л а м о с о в а Н. В. «Советский Юг» (северо-кавказская краевая общественно-политическая газета и одноименное издательство): страницы истории // Книжное дело на Северном Кавказе: методы, источники, опыт исследований. Краснодар. 2010. Вып. 6. С. 283–292.

М. Б. Иткин.

«СОВРЕМЕННИК», журнал рус. культуры и нац. мысли, один из «тонких» журналов рус. эмиграции. Издавался в 1960–80 в Торонто (Канада). Всего вышло 48 номеров. Основатель и гл. ред. – проф. Л. И. *Страховский*. Обложка (с правосторонним профилем А. С. *Пушкина* в медальоне) – худ. Л. Балевич-Шоу. Единств. публикацией об О. М. стали воспоминания И. В. *Одоевцевой* «Осип Мандельштам» (1964. № 9. Май. С. 24–31). Эта журнальная версия во многом написана со слов ее мужа, Г. В. *Иванова*, и полна неточностей и фальсификаций, как, напр., «сведения» о родившейся в 1923 Липочке-Олимпиаде – дочери О. М. и Н. М., ради к-рой О. М. якобы бросил писать стихи и начал переводить. В то же время дата обыска и ареста О. М. в 1934 (13 мая) названа, в отличие от самой Н. М., правильно. В воспоминаниях А. Биска «Русский Париж. 1906–1908» упоминаний об О. М. не содержится (1963. № 7. Апрель. С. 59–68).

П. М. Нерлер.

СОКОЛОВА (урожд. Гинзбург) Наталья Викторовна (псевд. Ата Типот) (12.8.1916, Одесса – 25.9.2002, Москва), журналист, лит. критик, писатель-фантаст, автор воспоминаний об О. М. 1-я жена К. М. *Симонова*, племянница Л. Я. *Гинзбург*. Выпускница Лит. ин-та им. М. Горького (1938, 2-й набор). Воспоминания С., написанные в 1980-е гг., посвящены вечеру О. М. в Политехн. музее 14.3.1933 и периоду работы О. М. в газете «Моск. комсомолец»; содержат шуточные стихи О. М. и дарительную надпись Р. *Ивнева*, а также воспоминания ее матери, Н. Г. Блюменфельд, об О. М. и Л. И. *Канегиссере* в 1910-х гг.

С о ч.: 14 марта 1933: Вечер О. Мандельштама // «...И ты, Москва...». С. 438–443; Особняк в стиле барокко // Столица. 1992. № 5. С. 54–55; Из старых тетрадей 1935–1937 // ВЛ. 1997. № 2; Кое-что вокруг Мандельштама: Разрозненные странички // СМР. Вып. 3/1. С. 74–96.

Лит.: Краткая литературная энциклопедия. Т. 7. М., 1972. С. 47. Писатели Москвы: Биобиблиогр. справочник. М., 1987. С. 435; Ш т у т С. Энциклопедия фантастики: Кто есть кто? Минск, 1995. С. 527; Энциклопедия фантастики / под ред. Вл. Гакова. М., 1997.

П. П. Соколов.

СОКОЛОВСКИЙ Александр Саулович (4.2.1897, Одесса – дата и место смерти не установлены), поэт. Учился на мед. ф-те Новороссийского ун-та, публиковал стихи с 1914. Автор поэтич. сб-ков «Зеленые глаза» (1916, Одесса), «Покойник с гитарой» (Симферополь, 1920), повести в стихах «Роман благословенный» (1921, эмиграция), печатался в «Сполохах» (Берлин, 1922) и «Русской мысли» (Париж). В январе 1920 С. вместе с родителями приехал в Феодосию, куда привез стихи одесских поэтов. Впоследствии они вошли в альманах «*Ковчег*», одним из составителей к-рого являлся С. Пропагандировал творчество одесского «Юго-Запада» во ФЛАК. 24.1.1920 произнес вступительное слово на поэтич. вечере О. М. Неоднократно принимал участие в вечерах ФЛАКа вместе с О. М. В 1920 году эмигрировал из России.

Лит.: Возвращение «Ковчега». Одесса, 2002 / сост. Е. Голубовский, коммент. В. Купченко; С. Гардзонио // The Real Life of Pierre Delalande. Studies in Russian and Comparative Literature to Honor Alexander Dolinin. Stanford. Part I. 2007. P. 220–232.

Е. М. Голубовский.

СОЛЖЕНИЦЫН Александр Исаевич (11.12.1918, Кисловодск – 3.8.2008, Москва), писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе (1970). Точных данных о начале знакомства С. с сочинениями О. М. нет. Не исключено, что имя поэта и какие-то сведения о его судьбе стали известны С. в тюрьмах, лагерях и ссылке (февраль 1943 – июнь 1956).

Несомненно, что в 1956–62 С. прочел какие-то стихотворения О. М., однако нет сведений ни о корпусе открывшихся С. текстов, ни об источниках информации. (В поле зрения могли попасть как самиздатские публикации, так и прижизн. издания, если ими располагали старшие знакомые С., напр. Н. И. Кобозев или В. Л. Теуш. Вскоре после встречи С. с А. А. *Ахматовой* (29.10.1962; см. Солженицын А. Анна Ахматова // Солженицынские тетради: Материалы и исследования. М., 2016. [Вып.] 5. С. 7) происходит разговор С. с Л. З. Копелевым: «Что ты думаешь о Мандельштаме? Его некоторые очень хвалят. Не потому ли, что он погиб в лагере? – Нет, не потому. Он – великий поэт. – А по-моему, Мандельштам не русская поэзия, а скорее – переводная, иностранная...» (Орлова Р., Копелев Л. Мы жили в Москве. М., 1990. С. 273). Зимой–весной 1963 намечалась встреча С. и Н. М. в Пскове. В письмах к Н. Е. Штемпель от 9 и 21.12.1962 и 6.1.1963 Н. М. обращает внимание корреспондентки на публ. рассказа С. «Один день Ивана Денисовича» (НМ. 1962. № 11): «Это большое событие. Мы его давно ждали» (6 янв.), 22 марта пишет ей же: «Хотелось бы, чтобы приехал Солж., хотя сейчас мне не так хочется, как в какую-то минутку раньше... Он вроде бы собирался, но, боюсь, ему сейчас не до меня». С. не удалось добраться до Пскова ни тогда, ни годом позже: «Мне звонил Солженицын – сказал, что приедет в апреле в Псков» (письмо Штемпель от 20.2.1964). В кон. июня или нач. июля 1964 С., направляясь на автомобиле в Эстонию, останавливался в Пскове (см.: Сараскина Л. Солженицын. М., 2009. С. 533), но Н. М. уже переехала в *Москву*; 9 июля она писала С. М. Глускиной: «Жаль мне, что пропустила Солженицына. Есть о чем поговорить» («Посмотрим, кто кого переупрямит...»: Надежда Яковлевна Мандельштам в письмах, воспоминаниях, свидетельствах. М., 2015. С. 224). Встреча состоялась в Москве, видимо, в декабре 1964; 21 дек. Н. М. сообщает Глускиной: «Был у меня Александр Исаевич и произвел большое впечатление».

«Опыт художественного исследования» «Архипелаг ГУЛАГ» (завершен в мае 1968) свидетельствует о знакомстве С. с «Воспоминаниями» Н. М. до их издания (1970). В гл. 9 («Закон мужает») части первой говорится о судьбе Блюмкина, «в его чекистском всемогуществе когда-то бесстрашно осаженного Мандельштамом». В гл. 3 («Замордованная воля») части четвёртой С. отсылает к «Воспоминаниям» Н. М. дважды: «Верно замечает Н. Я. Мандельштам: наша жизнь так пропиталась тюрьмою, что многозначные слова “взяли”, “посадили”, “сидит”, “выпустили”, даже без текста у нас каждый понимает в одном смысле!» и «Н. Я. Мандельштам правильно заключает: кроме цели ослабить связь между людьми тут (речь идет о тотальной вербовке стукачей. – *А. Н.*) была и другая – поддавшиеся на вербовку, стыдясь общественного разоблачения, будут заинтересованы в незыблемости режима». В гл. 1 («Ссылка первых лет свободы») части шестой С. пишет: «В начале 30-х годов Н. М. Мандельштам отмечает у чердынских ссыльных социалистов полный отказ от сопротивления. Даже – ощущение неизбежной гибели»; (см.: Солженицын А. Собр. соч.: В 30 т. М., 2006. Т. 4. С. 340; Т. 5. С. 510, 512; Т. 6. С. 308). В «Письме IV Всесоюзному съезду Союза советских писателей (Вместо выступления)» (16.5.1967) С. упоминает О. М. трижды: «неотвратимо стоят в череду (публикаций в отечестве. – *А. Н.*) Мандельштам...»; «были писатели 20-х годов – Пильняк, Платонов, Мандельштам, которые очень рано указывали и на зарождение культа личности и на особые свойства Сталина – однако их уничтожили и заглушили, вместо того, чтобы к ним прислушаться»; «руководство Союза малодушно покидало в беде тех, чьё преследование окончилось ссылкой, лагерем и смертью (Павел Васильев, Мандельштам, Артём Веселый, Пильняк, Бабель, Табидзе, Заболоцкий и другие)». Есть основания полагать, что в «Нобелевской лекции» (написана на рубеже 1971–72, опубл. в Швеции в 1972), С. напомнил и о судьбе О. М.: «На эту кафедру <...> я поднялся <...> из тьмы и холода, где было мне суждено уцелеть, а другие – может быть с бо льшим даром, сильнее меня – погибли <...> Целая национальная литература осталась там, погребённая не только без гроба, но даже без нижнего белья, голая, с биркой на пальце ноги». Н. М. получила приглашение на церемонию вручения С. нобелевских знаков, сорванную отказом советских инстанций в визе секретарю Шведской академии К. Р. Гирову (апрель 1972); о приглашении см.: Щербакова И. Свободный человек // «Посмотрим, кто кого переупрямит...». С. 576; о попытке провести церемонию в моск. квартире Н. Д. Светловой (с апреля 1973 Солженицыной) см.: Солженицын А. Бодался телёнок с дубом. С. 301, 304–306; 638–640; 651.

Не располагая точными данными о том, как развивалось знакомство С. с наследием О. М., можно предположить, что тому способствовало сближение с будущей женой (осень 1968), располагавшей большим корпусом сочинений О. М. По свидетельству Н. Д. Солженицыной, С. ценил «Вторую книгу» Н. М., хотя и меньше, чем «Воспоминания». 16.12.1984 С. пишет из Вермонта Л. К. Чуковской: «Мне бы хотелось, чтобы Вы закончили книгу, толчком к которой послужили воспоминания Н. Я. Мандельштам. С некоторых пор я немало задумываюсь над литературой 20–30-х годов – и, мне кажется, там много ещё не выясненного и не сказанного» (Солженицынские тетради. С. 69). Это единств. отклик на многократные упоминания в письмах Л. К. Чуковской к С. (1972–84) о ее резко полемич. работе.

В 1987 С. пишет конспективное эссе «И немного из Мандельштама» (ок. 7 с.; текст не опубл.). В первой части заметок характеризуется проза О. М.: почти безоговорочно восхищенно «Шум времени»; не без раздражения модернистскими приемами и неясностью, но с постоянными замечаниями о «яркости» описаний и эпизодов «Египетская марка» и «Феодосия» (здесь говорится и о непонимании О. М. деятельности П. Н. Врангеля в Крыму). Сложную реакцию вызывает у С. «Четвертая проза»: «Очень произвольное построение. Главки состоят из разрозненных, не очень-то связанных абзацев. (Вернулся к манере «Египетской марки»?) Почти – фрагменты из записной книжки. Много отрывков, требующих расшифровки. Иные – размышления о чём-то случайном (бритва «жиллет»). Общее настроение автора – большая раздражённость против советской литературной номенклатуры, уже сильно задавившей его, – но это переносится как-то и на литературу в целом <...> Есть уже и прямо против режима (что в стихах обнаруживается у Мандельштама лишь в 1933)». Во второй части речь идет о судьбе поэта, его внутр. противоречиях. «Мандельштам извлёк из сердца – гневное, беспощадное стихотворение о

Сталине, как истинный поэт, верный чувству, а не осмотрительности (и углядел главное палачество Сталина – “мужикоборец”). <...> Но, изойдя нервами, и ещё надеясь, что гибель может быть отвратима? – он пишет “Оду” Сталину (март 1937, какое времечко!) и цикл стихотворений, восхваляющих Сталина <...> И так он чувствовал, ссыльный: “Я должен жить, дыша и большевея”. От густеющей угрозы, от безвыходности – да, но и тут помогла Мандельштаму его искренняя расположенность понять и полюбить советское, да вот – и самого Сталина? Ведь “Ода” написана не на уровне тысяч советских халтур, а с большим поэтическим мастерством (тщетным уровнем для сталинского бревна), такого не напишешь без искреннего чувства <...> Простимое пятно этой ссыльной слабости однако не омрачает облика Мандельштама – выдающегося поэта XX века». Третья часть заметок открывается признанием: «Поэзия Осипа Мандельштама столь пронизана зарифмованными смыслами и ассоциациями, что я не решаюсь углубиться в неё». Исчислены с краткими эмоциональными комментариями трагические стихотворения нач. 1930-х гг. – от «Ленинграда» до «Мы живем, под собою не чуя страны...»: «В этом стихе Мандельштам далеко оставил и свою сдержанность и иносказательность, единственный раз в жизни высказался так несвойственно – и о *Ком*?! И поплатился». Указав на сгущающуюся в «Воронежских тетрадях» «ребусность», С. замечает: «...Если что ещё можно понять, то это тоску автора по южному морю – Чёрному или Средиземному, зачарованность им. Остальное всё зашифровано, почти недоступно. Нагромождение непонятностей создаёт впечатление человека как бы с полуотнятой от горя речью, слова которого умеют разбирать только самые близкие». Завершаются заметки на высокой ноте: «А восхищает, что он – из совсем немногих – подхватил прекрасные русские слова: глыбкий, по излогам, проливень, переуважить, зазябливать, чужелюбый, шепоть, черноречивый, многодонный, вёрсткий, промельк, изветливый. Если б его не гнали – это могло бы обещающе развиться. А есть ли стихотворения у него, которые хотелось бы заучить? Пожалуй так: “Вот дароносица”; “На розвальнях, уложенных соломой”; “На страшной высоте блуждающий огонь”. И все они *до* 1921 года!».

Евр. происхождение О. М. и евр. мотивы его сочинений, видимо, С. не занимали. В исследовании «Двести лет вместе» (опубл. в 2002) поэт упоминается дважды и оба раза – «попутно»: при аттестации бывшего бундовца «неуцепимого» Давида Заславского («ему поручат бичевать и Мандельштама, и Пастернака») и в цитате автокомментария А. А. Галича к «Воспоминанию об Одессе» («хотелось соединить Мандельштама и Шагала»).

А. С. Немзер.

СОЛОВЬЁВ Владимир Сергеевич (16.1.1853 – 1.8.1900), рус. философ, основатель метафизики всеединства, поэт, худож. критик.

Влияние филос. взглядов С. на поэтич. творчество Серебряного века проходило по двум направлениям: символисты восприняли в большей степени эсхатологию С., а акмеисты, в частности О. М., учение о Софии (см. об этом: К и х н е й Л. Г. Акмеизм. Миропонимание и поэтика. М., 2001). В ранний период творчества О. М. испытал влияние идей С., к-рое было не строго философским или эстетическим, а скорее мировоззренческим. О. М. непосредственно воспринял концепт всеединства как религиозно окрашенную культурно-ист. личностную установку; идею Софии, посредницы и провозвестницы универсально-ист. гармонии; историософские взгляды С., во многом продиктованные заботой философа о судьбах России. Опосредованно же влияние С. просматривается в критич. реакции О. М. на худож.-теоретич. построения рус. символистов. Часто подобная критика приобретала характер полемики с самим С.

Так, в заимствованной у С. идее теургич. сущности искусства (искусство размыкает собств. границы и лишь в аспекте грядущего единства истины, добра и красоты обретает религ.-филос. смысл: см. С. «Общий смысл искусства»), символисты, с т. зр. О. М., нивелируют личностное начало. «Для того, чтобы успешно строить, первое условие – искренний пиетет к трём измерениям пространства <...> Строить можно только во имя “трёх измерений”... Строить – значит бороться с пустотой, гипнотизировать пространство», а не стремиться выйти за его пределы. Здесь проявляется скрытая полемика с С., использующим понятие «материя» в той позиции, в к-рой О. М. использует понятие «пустота».

С др. стороны, находясь под влиянием идей Ф. *Ницше*, символисты чрезмерно возвеличивают пафос индивидуальности, делая «сверх-человека» проводником «сверх-искусства». В таком понимании искажается одна из важнейших для С. идея соборности. Все эти явления О. М. квалифицирует как проявления утопизма (см. об этом: А в е р и н ц е в С. С. Поэты. М., 1996. С. 216–217).

Символисты восприняли от С. принцип метафорич. семантики, при к-рой слово обладает двойной природой и к-рая провоцирует двойную тематику: вещь утрачивает единств. значение среди соприродных ей вещей и обретает соответствие среди метафизич. величин («стол оказывается не только столом»: см.: Г о ф м а н В. В. О Мандельштаме. Звезда. № 12. 1991. С. 176). В ст. «О природе слова» О. М. критикует эту позицию: «Метла просится на шабаш, печной горшок не хочет больше варить, а требует себе абсолютного значения». Т. о., символисты вслед за С. принимают за абсолют не первичную, т. е. худож., значимость слова, а идеальный и идеологич. его аспекты, не связанные с эстетич. значимостью. Для О. М., напротив, значение слова понимается как целостный худож., и только худож. организм и всегда абсолютно (см. «О природе слова»).

Восприняв идею всеединства во многом сходно с Вяч. И. *Ивановым* (особенно это проявилось в реакции обоих поэтов на события 1914) и позиционируя мистич. роль восприемницы духовного всеединства, России (Третьего Рима), О. М. тем не менее подчеркивал приоритет личности по отношению к всеединству, понимаемому как духовное и народное (см. об этом: Т о д д е с Е. А. Поэтическая идеология // ЛО. М., 1991. С. 31: Л е к м а н о в О. А. Кто исчез в «священном сумраке»? // Книга об акмеизме и другие работы. Томск, 2000. С. 523–525). Для О. М. и С. характерно двойств. понимание судьбы России: она изолирована, удалена от Запада и одновременно реализует мессианскую задачу (см. С. «Великий спор», «Христианская политика», «Русская идея», «Византизм и Россия»). Характерно, что скрытым персонажем стих. «Не три свечи горели, а три встречи», возможно, является С. (см. об этом: Р а н-

ч и н А. М. Византия и «Третий Рим» в поэзии О. Мандельштама // Смерть и бессмертие поэта. М., 2001. С. 206–214).

Задача личности для С. и О. М. – заботы об ист. и культурных судьбах мира, к-рые естеств. образом распространяются на судьбы универсума. К С. восходит важная для О. М. тема ответственности личности за своё пребывание в мире (см. об этом: Семенко И. М. Поэтика позднего Мандельштама. М., 1997).

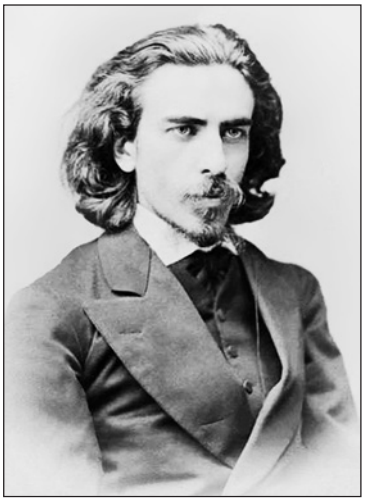
Если С., исходя из идеи софийности, не может развивать идею историчности и внутр. становления человека, то для О. М. личность находится в непрерывном процессе проецирования себя в истории и реальности. Человеч. душа, по С., обязана опустошаться, освобождаясь от сиюминутных стремлений, чтобы стать идеальным сосудом для самовоплощения красоты. Для О. М. опустошение, «пустота» не являются орудием достижения божеств. цели, а ценны сами по себе, поскольку в пустоте «Слух чуткий парус напрягает»: «Твой зов, болезненный и странный, // Я принимаю, пустота!»

Тема индивидуальности, личностного начала, неповторимости культурного лика и телесности рассматривается О. М. как составляющая ист. развития. Для него история дискретна, ее движение осуществляется через разломы, культурно-ист. пласты накладываются один на другой, эпохи уникальны, но отсылают как к прошлому, так и к будущему, не рационально-логически, а мистически и эстетически. Характерен в этом отношении образ «века»: «Но разбит твой позвоночник, // Мой прекрасный жалкий век!» (1922).

Концепция христианства у С. строится на идее его синтетичности. С., как и О. М., понимал христианство как синтетич. религию. В ст. [«Скрябин и христианство»] христианский мир, споря с дионисийством, говорит о себе: «Я весь цельность, весь – личность, весь – спаянное единство!» (Мандельштам О. Э. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. С. 203). Неслучайно и «синонимом культуры для Мандельштама было единство» (см. об этом: Г а с п а р о в М. Л. Избр. статьи. М., 1995. С. 328). В поэзии О. М. тема христианства воплощается в категории софийности: «православная» тема <...> опосредованно возвращается в стихотворении “Как растет хлебов опара” через упоминание о Софии» (А в е р и н ц е в С. Хорей у Мандельштама // СМР. Вып. 3/1. С. 44).

Общей для О. М. и С. является невозможность принять позитивизм и утилитаризм. Но С. критикует эти культурно-филос. установки с позиций идеализма, а О. М. – скорее с точки зрения феноменологич. и экзистенциальной. Если О. М. и свойствен идеализм (в отношении к слову как абсолютной ценности, независимой от материального мира), то в большей степени платоновский и плотиновский, в нем. же идеализме О. М. ближе кантовское, нежели гегелевское направление (см. об этом: T e r r a s V. Осип Мандельштам и его философия слова // Slavic poetics. Essays in honor of Kiril Taranovsky. P., 1973).

Воспринятые у С. и переосмысленные акмеистами, в частности О. М., темы теургии, приводят к концепции самого *акмеизма* как мужеств., активного, строительного начала, что прямо противоположно пониманию поэзии у С. как начала софийного, женственного (см. об этом: М а р г о л и н а С. М. Мировоззрение Осипа Мандельштама. Марбург, 1988) Если С. понимает поэзию через категорию красоты,



Владимир Сергеевич Соловьев

а поэта как пророка, т. е. пассивного проводника красоты, истины и добра в мир, то О. М. концептуализирует поэзию, задействуя иную общекультурную и христианскую категорию – концепт слова-логоса. Это начало активное и формообразующее. Поэт в такой интерпретации представлен как устроитель, зодчий, не сводимая ни к каким ценностным ориентациям личность.

Сама тема женственности, также присутствующая у О. М., двойственна: с одной стороны, женств. начало даёт жизнь, с др. стороны, оно профанно. Тесно связанная с темой женственности эротич. проблематика у С. рассматривается через двойственность любви: это платоновско-христианский эрос (любовь восходящая) и греческо-христианский образ агапе (любви нисходящей). Обе составляющие пары синтезируются в понимании любви теургийной, преодолевающей эгоизм, восстанавливающей нарушенное единство мужского и женского начал и созидающей всеединство. Тема любви у О. М. – тема Эроса и Танатоса. Образы Прозерпины, «черного пламени», «черного солнца» воплощают иную, не созидающую, но ничтожáщую составляющую диады. Т. о., диалектич. восприятие любовной тематики у О. М. является более напряженным и трагедийным. Характерно худож. использование образа солнца у С.: «Бесконечно лишь солнце любви» («Милый друг, иль ты не видишь...»). В большой степени одним из источников эротич. темы и близко связанной с ней темы красоты и для С., и для О. М. явилось творчество Ф. М. *Достоевского*, однако О. М. воспринял антиномическое содержание этой проблематики, тогда как для С. оно осталась незамеченным. При этом метафизич. происхождение любви сближает ее с поэзией. Подобная идея, по мнению Н. М., была почерпнута О. М. у С. Оба проявления творчества человека мистичны и надындивидуальны, но сама личность, жизнь художника как продукт и свидетельство его авторства ведут к пониманию им любви и поэзии в их двойственной – как половой, так и духовной – природе (см. об этом: Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 260–261).

В стих. «Золотой» поэт, спускаясь в ресторан, как в преисподнюю, подобно легендарному Орфею, действует в двух планах – «бытовом» и «сакральном» (См. об этом:

Лекманов О. А. Белым по белому. О стихотворении Мандельштама «Золотой» // Книга об акмеизме. С. 480). В свою очередь, тема смертного человека и сверхчеловеч. пафоса преодоления смертности, отсылающая к творч. проблематике Ницше и Лермонтова, с одной стороны, и Н. С. *Гумилева*, с другой, может быть навеяна эссе С. «Лермонтов» (См. об этом: Он же. К истолкованию двух строк «Концерта на вокзале» // Там же. С. 537–538).

Фигура С. связывалась для О. М. с образом Финляндии (см. «Утро акмеизма») и с метафорой «камня», упоминаемого в ряде стихотворений С. (Мандельштам О. Э. Камень. Л., 1990. С. 336), причём понимаемой им как мёртвая материя, хаос, к-рый должен быть «*убежден*», а не «*побежден*» (Соловьев В. С. Общий смысл искусства // Философия искусства и литературная критика. М., 1991. С. 76). Для О. М., как и для Ф. И. *Тютчева*, напротив, «камень» есть форма, структурирующее начало, Логос-слово. В «Письме о русской поэзии» (1922) О. М. неслучайно ставит имя С. рядом со знаковым для себя именем Тютчева.

С., исследуя смысл поэтич. творчества, обращается к произведениям А. С. *Пушкина* как наиб. яркого представителя «чистого», т. е. нетенденциозного искусства («Значение поэзии в стихотворениях Пушкина»). В этой связи даже Тютчев для С. слишком «глубокомыслен». Причем С. интересны свидетельства Пушкина и как теоретика, эксплицируемые из его стихотворений, и как собственно художника, создающего поэтич. продукт. Характерно, что О. М. в том же, что и С. контексте, обращается к пушкинской «Птичке» («О собеседнике»). Для обоих исследователей поэт, как и птичка, «гласу Бога внемлет». Однако, по С., это накладывает на поэта особую, этич. ответственность не только перед Богом, но и перед людьми («Судьба Пушкина»). Наличие подобной ответственности ставит особый вопрос о читателе-собеседнике, к-рый понимается С. как собеседник ист.-конкретный, независимо от того, к какой эпохе он принадлежит. Ибо вопрос нравственности предполагает воздействие индивидуально-конкретное и также ответную индивидуально-активную позицию. Т. о., смысл поэтич. творчества сводится к тому, чтобы «убеждая», структурировать хаос социальный. Для О. М. задача поэта исчерпывается эстетич. ответственностью. В свою очередь, художник, обращающийся к конкретному собеседнику, «бросает звук в архитектуру души и, со свойственной ему самовлюбленностью, следит за блужданиями его под сводами чужой психики» («О собеседнике»). Поэт, т. о., слышит только отраженный звук, т. е. занимается эгоистич. продуцированием самого себя. Для С. конфликт между поэтом и обществом либо преувеличен (как в случае с Пушкиным), либо должен быть в конечном счете преодолен. По О. М., этот конфликт органичен и вечен, ибо «обращение к конкретному собеседнику обескрыливает стих <...> Поэт связан только с провиденциальным собеседником». Здесь О. М. близок с *Ницше*, для к-рого любить нужно не «ближнего», но «дальнего». Только в такой перспективе поэт может строить, созидать нечто большее, чем он сам, творчески-свободно взаимодействовать с худож. словом.

О. Г. Самойлова.

СОЛОГУБ Федор (наст. фам., имя и отчество Тетерников Федор Кузьмич) (1.3.1863, С.-Петербург – 5.12.1927, Ленинград), поэт, прозаик. О. М. в письме Вл. В. *Гиппиусу* 14.4.1908 упоминал о том, что «написал о Роденбахе и Сологубе» (тексты не сохр.). Гиппиус, по выражению О. М., «отравленный Сологубом» («Шум времени»), повлиял на увлечение О. М. поэзией С. Знакомство О. М. и С. состоялось предположительно весной–летом 1909, причем С. «на первых порах отнесся к начинающему поэту весьма приязненно», о чем косвенно свидетельствуют позднейшие слова О. М.: «Федор Кузьмич Сологуб – как немногие – любит все подлинно новое в русской поэзии» (см. об этом: Лекманов. 2003. С. 32). В доме С. и А. Н. Чеботаревской на «собрании поэтов» О. М. выступал совм. с А. А. *Ахматовой* и читал, в частности, стих. «Реймс и Кельн» (Камень. 1990. С. 348). Это выступление вызвало неудовольствие А. А. *Блока*. В целом участники *«Цеха поэтов»*, направившие свои эстетич. искания «в область “земного” и “приземленного”», находились под влиянием С., как и др. поэтов символизма (Лекманов. 2000. С. 35).

Отношения между О. М. и С. испортились на рубеже 1912–13, после того как в кабаре *«Бродячая собака»* 19.12.1912 была прочитана лекция С. М. *Городецкого* «Символизм и акмеизм», в к-рой говорилось о неудаче опытов С. и его пороках. Положения доклада были поддержаны Н. С. *Гумилевым*, Ахматовой, О. М. и вызвали резкое неприятие в символистской среде. Еще одной причиной послужило поведение представителей *акмеизма*, расцененное как попытка саморекламы (см. в ст. А. А. *Блок*, В. Я. *Брюсов*). В письме Вяч. И. *Иванову* Чеботаревская высказывалась о причине своей антипатии к О. М. еще более определенно: «Мандельштам ходит и говорит: “Отныне ни одна строчка Сологуба, Брюсова, Иванова или Блока не будет напечатана в «Аполлоне»”».

При этом О. М. добивался встречи с С., чтобы прочитать ему свои стихи, но С. ему отказал (Лекманов. 2003. С. 48). 1.3.1913 О. М. предположительно присутствовал на лекции С. «Искусство наших дней» (Камень. 1990. С. 367). 22.9.1913 С. написал стих. «Продукты сельского хозяйства», обращенное к молодым поэтам (на автографе рукой Чеботаревской сделана приписка «Акмеистам»: см.: Лавров. С. 297; Лекманов. 2000. С. 54).

Весной 1915 в Гор. думе Петрограда О. М. и С. участвовали в благотворит. вечере «Писатели – воинам» (в пользу Лазарета деятелей искусств), одним из организаторов к-рого был С. 27.4.1915 О. М. написал резкое письмо С. в связи с его отказом участвовать в организованном О. М. поэтич. вечере в *Тенишевском училище*: здесь, в частности, в ответ на высказанное С. намерение «держаться подальше от футуристов, акмеистов и к ним примыкающих» О. М. напомнил адресату, что «инициатива Вашего отчуждения от акмеистов всецело принадлежала последним», и заявил, что с его стороны было ошибкой посещать дом С. и Чеботаревской. Вероятно, резкое взаимное неприятие поэтов продлилось недолго. 15.4.1916 они оба участвовали в «Вечере совр. поэзии и музыки» в Тенишевском уч-ще.

Мн. положения статей С. были созвучны настроениям и мнениям О. М.: это прежде всего относится к сологубовской концепции искусства, согласно к-рой сознание превалирует над бытием, искусство придает жизни движение, заставляя ее развиваться, вырывая из-под власти окостенелых ценностей, мифов и форм существования. Обновление жизни для С. происходит благодаря тому, что «некто, размышляющий

и мечтающий, придумывает новую форму жизни, и внушает людям желание воплотить его творч. замысел» (Сологуб Ф. Поэты – ваятели жизни // Сологуб Ф. Творимая легенда. М., 1991. Кн. 2. С. 209). В жизни осуществляется лишь то, о чем «некто» к.-л. грезил в своей одинокой мечте. Этот «некто» – поэт. Выделяясь из множества, из толпы, он соединяет явления, чья схожесть незаметна обыденному взгляду, в тот момент, когда еще «увидеть ничего нельзя, – надо создать то, что потом мы привыкнем видеть» (Там же. С. 211). В результате в момент крушения прежнего строя жизни лишь поэт, но никак не обществ. деятель, в состоянии провидеть будущее: «Рушится вся наша цивилизация, и мы вступим в совсем новую жизнь. Какая она будет? Не спрашивайте об этом у политиков, спросите у поэтов» (Там же. С. 213). По тому же принципу рассуждал О. М. в своих статьях и устных высказываниях, ср. его слова: «В вопросах литературы они должны спрашивать у нас, а не мы у них», сказанные в редакции изд-ва *«Прибой»* о представителях власти.

В ст. С. «Поэты – ваятели жизни» выстроена модель взаимоотношений поэта и жизни, близкая О. М. и осуществившаяся в его поэзии: имеется в виду насыщенность жизн., бытового пространства культурой и ценностями искусства, благодаря к-рой поэт имеет возможность откликаться на жизн. явления: «...Жизнь была в достаточной степени проникнута элементами сотворенного былым искусством, была культурным бытом».

В 1920-е гг. О. М. неоднократно встречался с С., однажды привел к нему свою жену, к-рой С. сказал: «На вас уже виден зуб времени» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 104). 11.2.1924 в газете «Последние новости» был помещен отчет О. М. «К юбилею Ф. К. Сологуба» о вечере С. в быв. Александринском театре. Весной 1925, когда О. М. и Н. М. вместе с Ахматовой жили в Детском (Царском) Селе, к последней часто приходил С.: «Мандельштаму он кивал головой, а на меня раз долго кричал за то, что у входной двери был неисправный звонок <...> Старик был полон причуд и воркотни» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 104). При этом О. М. удивлялся, что С. сменил свою наст. фамилию «на нелепый и претенциозный псевдоним» (Там же. С. 453). В 1925 С., припомнив шутку О. М. о В. В. *Маяковском* («[Маяковскому] грозит опасность стать поэтессой...»), говорил об О. М. и о Маяковском: «Не поэты, а поэтессы» (Лекманов. 2000. С. 570).

5.3.1928 О. М. принимал участие в закрытом поэтич. вечере памяти С. в Ленингр. отд. Всерос. СП. Относительно этого вечера 2.3.1928 О. М. направил его организатору Е. И. *Замятину* письмо, где высказал намерение читать стихи из кн. С. «Пламенный круг» (1908), к-рую считал одной из лучших у С. (см.: Тоддес. С. 33), и протест против чтения др. поэтами только неизд. стихов С.: «В <...> повторении давно всем знакомого – единственное оправданье участия поэтов в предполагаемом вечере».

В пору работы в газете «Московский комсомолец» О. М. говорил о преобладании индивидуальности творца над социальными и семейными обстоятельствами, приводя в пример С.: «Сологуб, пессимист и отшельник, был сыном неграмотной бабы и ремесленника: откуда эти настроения?» (Кочин. С. 319). О всегдашней приязни О. М. к С. вспоминал и С. Я. *Липкин*. О. М. говорил о С. в воронежской ссылке, рассказывая, что тот «продавал стихи по разным ценам – если получше, то подороже, – разделив их на три, что ли, сорта» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 104). Разговоры О. М. о С. велись в присутствии С. Б. *Рудакова* (Герштейн).

В одном из вариантов ст. «О собеседнике» (1913–27) О. М. противопоставляет С. и К. Д. *Бальмонта* как поэтов, принадлежащих к противоположным типам творчества. С., по мнению О. М., свойственны «любовь и уважение к собеседнику и сознание своей поэтич. правоты». Поэтич. философия С. в интерпретации О. М. – это «спокойный солипсизм, ни для кого не оскорбительный» (Камень. 1990. С. 178, 180). «В результате стихи Сологуба продолжают жить, после того как они написаны, как события, а не только как знаки переживаний» (Там же. С. 181). В этом же варианте текста статьи О. М. цитирует стих. С. «Друг мой тихий...».

Слова М. А. *Волошина* о поэзии С. из рец. на «Камень» О. М. (Речь. 1917. 4 июня. С. 3; под загл.: «Голоса поэтов»): «...со старческими придыханиями и полынною горечью на дне – голос Ф. Сологуба» (Камень. 1990. С. 238) отозвались в ст. О. М. «О природе слова» (1920–22) в отрывке, посвященном И. Ф. *Анненскому*: «...Готовил настой таких горьких, полынно-крепких стихов...».

Цитируя перевод П. *Верлена*, сделанный С., в ст. «Девятнадцатый век» (1922), О. М. подготавливал обозначенный в ст. «Буря и натиск» параллелизм: «Мандельштам объединяет Анненского и Сологуба в пару, “параллельную” Вергилию и Овидию» (Лекманов. 2000. С. 690). В ст. «Буря и натиск» (1923) О. М. писал о творчестве С. как о стоящем вне гл. течения рус. символизма. Положения этой статьи предвосхищали оценки, данные О. М. в газетном отчете «К юбилею Ф. К. Сологуба». О. М. говорил о влиянии С. на следующие поколения поэтов. С., «доведя до крайней простоты и совершенства <...> приемы старой русской лирики упадочного периода», исчерпал тем самым поэтику 19 в. и «сделал невозможными всякие попытки возвращения к прошлому». С. оживил для читательского восприятия поэтич. банальности прошедшей лит. эпохи, причем «ранние стихи Сологуба и “Пламенный круг” – циническая и жестокая расправа над поэтическим трафаретом».

В ст. «К юбилею Ф. К. Сологуба» О. М. связывал творчество С. не только с эпохой 1880–90, но и «с отдаленнейшим будущим». Показательно, что О. М. не говорил о «декадентстве» С., ставшем общим местом в прижизн. и посмертных оценках творчества С. Поскольку личность и мировоззрение этого поэта являются цельными, постольку его творчество есть «воля к бытию» и несомненна его связь с миром. Отмечая скудость словаря и образов С., О. М. писал, что она не мешает С. выражать «свою свободу, это бесстрашие, эту нежность и утешительную сладость, эту ясность духа и в самом отчаяньи...». В косноязычье С. заключается специфика его языка, его своеобразие и будущее его поэзии. О. М. видел уникальность поэзии С. в том, что С. «поднял современность до значенья эпохи», дав бесцветным, с т. зр. О. М. (ср. «Шум времени»), десятилетиям обобщенность «вечных, классических формул». Сравнивая С. с Ф. И. *Тютчевым*, О. М. говорит, что поэзия С. «есть наука действия, наука воли, наука мужества и любви».

Поэзия раннего О. М. обнаруживает общие мотивы с С. Так, образ мира как метафизич. тюрьмы, принудительная заданность существования и предстояние вечности, равно как и мотивы «тела», «стыда», «зависти» и «обиды», образуют общую для обоих поэтов в то время концепцию творч. «я». У О. М. благодаря этой общности, а также влиянию С. «творческая рефлексия оказывается направленной на само творчество...» (см.: Бройтман. Ранний О. Мандельштам и Ф. Сологуб. С. 55). О. М. в стихах 1930-х гг. наследовал трагич. иронию С. и переосмыслил его теургич. принципы. «Сологубовский дух, присутствовавший при сотворении мира, превращается у О. Мандельштама в “дыхание”» (Там же. С. 56). Если самоопределение «я» у С. по отношению к вечности многократно, то у О. М. оно, напротив, однократно и неповторимо. «Я» у С. неразрывно связано с миром и не смотрит на него со стороны, тогда как у О. М. оно личностно и заявлено как «я» художника. Одноврем. С. гипертрофирует худож. мир, к-рый поглощает внехудож. реальность, совершает экспансию вовне. У О. М. не стихотворение «хочет стать внехудож. реальностью, а внехудож. реальность уходит внутрь стиха» (Там же; Смирнов. С. 47). «У О. Мандельштама теургич. интенция направлена именно на создание худож. мира, а не на непосредственное теургич. преобразование самой жизни» (Бройтман. Ранний О. Мандельштам и Ф. Сологуб С. 57). Начинающий О. М. опирался не столько на последователей В. С. *Соловьева*, сколько на концепцию «призрачного мира» С. (Гинзбург Л. Я. «Камень» // Камень. 1990. С. 262). В целом можно сказать, что С. «до известной меры являлся для раннего Мандельштама образцом» (Аверинцев. С. 204), хотя в поэзии О. М. нет стремлений объявить войну миру, как это происходит в поэзии С. Облик лирич. «я», маленького и слабого, «но в то же время равновеликого миру», восходит к поэтике С. (Бройтман. «В Петербурге мы сойдемся снова...» С. 149). Язык поэзии С., с его связью с поэтикой Н. А. *Некрасова* и поздненароднич. традицией в целом, использовался О. М. в момент освоения им высокого рус. просторечия» (Ронен. С. 47).

Вместе с тем природа поэзии С. значительно менее спонтанна, чем это наблюдается у О. М.: у старшего поэта «преобладающее значение... имеет подчинение конкретности филос. заданию» (Громов. С. 383). Изображаемая конкретность воплощается в тех тонах и в той лексике, к-рая обусловлена авт. концепцией.

В стих. «Сусальным золотом горят...» (1908) О. М. строит образ игрушечных волков, опираясь на строки стих. С. «Ветер в трубе...» (ср.: «Очи голодных волков // Между дерев замаячут») (Лекманов. 2000. С. 681). Строка стих. «Только детские книги читать...» (1908): «Но люблю мою бедную землю...» – реминисценция стих. С. «Я люблю мою темную землю» (Гинзбург Л. Я., Мец А. Г., Василенко С. В., Фрейдин Ю. Л. С. 310). Строки стих. О. М. «На бледно-голубой эмали...» (1909): «Березы ветви поднимали // И незаметно вечерели» – реминисценция из стих. С. «Качели» (строки: «Березы в нем угомонились // И неподвижно пламенели»; см. об этом: Лекманов. 2000. С. 675). Стих. О. М. «Дано мне тело – что мне делать с ним...» (1909) опирается на стих. С. «Больному сердцу любо...» (ср.: «Кто дал мне это тело // И с ним так мало сил?» – см.: Там же. С. 455). Строка «Я и садовник, я же и цветок...» соотносима со строкой С. «Я сам – творец и сам – свое творенье» («Преодолев тяжелое косненье...»). Строка стих. «Из омута злого и вязкого...» (1910) стихи 9-й, 11-й («Я счастлив жестокой обидою. <...> // Я каждому тайно завидую...») отсылают к строкам стих. С. «Люблю блуждать я над трясиною...» (ср.: «Но он томит больной обидою <...> Всем во всем завидую») (см. об этом: Ronen. P. 130). Стих. О. М. «Змей» (1910) содержит обращение ко Всевышнему «в духе раннего Сологуба»: «Что весь соблазн и все богатства Креза // Пред лезвием твоей тоски, Господь?» (Лекманов. 2000. С. 114). В стих. «Довольно лукавить: я знаю...» (1911) 3-я строфа – реминисценция стих. Верлена «Un grand sommeil noir...» в пер. С. (Гинзбург Л. Я., Мец А. Г., Василенко С. В., Фрейдин Ю. Л. С. 324). Лирич. ситуация стих. О. М. «Дождик ласковый, мелкий и тонкий...» (1911) отсылает к стих. С. «Ирина»: повторяя на иных, внеличностных, реалиях снятие конфликта «жестокости» («горделивости» у С.) и «кротости», О. М. обращается к фону описываемой С. бытовой ситуации («Дождик мелкий и упорный // Словно сетью заволок...»), разворачивая служебную для С. метафору и делая метафоричность лейтмотивом своего произведения.

«Московский дождик» (1922) О. М. связан с «Все было беспокойно и стройно, как всегда...» С. выбором лексики: «песчинок», «пылинок» у С. – «чаинок» у О. М.; также «И, пачкающий лапки играющих детей...» у С. и «...в лапчатой Москве» у О. М. Первая строфа стих. С. «Продукты сельского хозяйства...» («Продукты сельского хозяйства / Не хуже поместятся в стих / Чем описанья негодяйства / Нарядных леди и франтих») впоследствии отразилась на лексике стих. О. М. «Увы, растаяла свеча...» (1932), ср., например: «...И в спальню, видя в этом толк, // Пускали негодяев».

В целом поэтика С. с ее опорой на многократно повторенное в произведениях разных авторов слово-знак, ритмически, фонетически и метрически обновляемое и благодаря этому воспринимаемое читателем без автоматизма, повлияла на понимание поэтич. слова, свойственное О. М.

Лит.: Громов П. П. А. Блок, его предшественники и современники. М.; Л., 1966; Валерий Брюсов // ЛН. Т. 85. М., 1976; Смирнов И. П. Художественный смысл и эволюция поэтических систем. М., 1977; Александр Блок: Новые материалы и исследования // ЛН. М., 1980–1992. Т. 92. Кн. 3; Кочин Н. И. Мандельштам в «Московском комсомольце» // «И ты, Москва...»; Н. Я. Мандельштам. Т. 1–2; Гинзбург Л. Я. «Камень» // Камень. 1990; Тоддес Е. А. Поэтич. идеология // ЛО. 1991. № 3; Бройтман С. Н. Ранний О. Мандельштам и Ф. Сологуб // Художественный текст и культура. Владимир, 1993; Он же. «В Петербурге мы сойдемся снова...»: О. Мандельштама в свете исторической поэтики // СМР. Вып. 3/1; Лавров А. В. Ф. Сологуб и А. Чеботаревская // Неизданный Ф. Сологуб. М., 1997; Аверинцев С. С. Поэты. М., 1996; Герштейн; Лекманов. 2000; Он же. 2003; Ронен О. Поэтика О. Мандельштама. СПБ., 2002; Ronen O. An Approach to Mandel tam. Jerusalem. 1983.

В. В. Калмыкова.

СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ ПАРТИЯ (ПСР, партия эсеров), крупнейшая социалистич. партия России. Возникла в 1901–02 в результате объединения

ряда неонароднических организаций; до февраля 1917 находилась на нелег. положении. Среди лидеров – В. М. Чернов (автор программы партии), Е. К. Брешко-Брешковская, Г. А. Гершуни, М. Р. Гоц, М. А. Натансон, Е. Ф. Азеф (провокатор, агент охранного отделения), Б. В. Савинков и др. Целью ПСР провозглашалось переустройство об-ва рев. путем на социалистич. началах, ликвидация частной собственности и деления об-ва на классы. Программа-минимум партии предусматривала свержение самодержавия, социализацию земли, введение всеобщего избират. права, свободы слова, печати, совести, собраний, союзов, создание демократич. республики, основанной на принципе федерации автономных областей и общин; отделение церкви от гос-ва; всеобщее бесплатное образование; уничтожение регулярной армии; введение 8-час. рабочего дня, гос. социального страхования и др. В программе-максимум предусматривалась социализация производства. (В 1906 из ПСР выделился Союз эсеров-максималистов, выступавший за немедленную социализацию и провозглашение т. н. «Трудовой республики»). Согласно эсеровской программе, необходимо поддерживать капитализм в городах и в пром-сти, где он выполняет прогрессивную роль, и препятствовать его проникновению в земледелие, где он, разрушая традиционную земледельч. культуру, ничего положительного взамен создать не сможет. Эсеры доказывали, что повсеместная концентрация производства в земледелии по образцу промсти – это утопия, не учитывающая специфики сельского хозяйства, и что будущее в сельском хозяйстве за семейными трудовыми хозяйствами и кооперацией. Именно агр. программу, предусматривавшую сохранение принципов традиционной земледельч. культуры и развитие семейных трудовых хозяйств и кооперации, эсеры считали душой партии и ключевой для рев-ции. Они были уверены, что базовые ценности зап. цивилизации, ставшие ценностями и европ. социализма, как то свобода личности, демократия и самоуправление – будут восприняты рус. общинным крест-вом, в течение мн. веков решавшим все вопросы на общинных (мирских) сходах. Такая идеология ПСР находила неравнодушный отклик и среди рабочих, не утративших связь с деревней, и в разночинных слоях интеллигенции, к к-рым принадлежал и О. М., и даже в нек-рых рафинированных слоях «образованного общества». Основные печатные органы ПСР – газеты «Революционная Россия» (до 1917), «*Воля народа*», «Дело народа», левоэсеровское «*Знамя труда*» (1917–18).

Одним из тактич. средств борьбы ПСР признавала индивидуальный террор. Руководство т. н. «центральным террором» осуществляла Боевая организация (БО) во гл. с Гершуни, а затем Азефом и Савинковым. Наиб. громкими актами, вызвавшими большой обществ. резонанс, стали убийства министра внутр. дел В. К. Плеве (1904) и моск. ген.-губернатора вел. князя Сергея Александровича (1905). После поражения рев-ции 1905–07 и разоблачения провокаторской деятельности Азефа ПСР переживала кризис и обострение борьбы внутрипартийных группировок. После распада полит. руководства к 1914 оно возникает вновь, через дискуссию, на 3-м съезде ПСР в мае–июне 1917. После Февральской рев-ции 1917 ПСР становится самой многочисл. (ок. 1 млн членов) и популярной партией в России. Представители ПСР входили во Врем. пр-во и руководство ЦИК, возглавляли Всерос. Совет крест. депутатов.

В ноябре 1917 произошел раскол ПСР: ее левое крыло, поддержавшее большевист. переворот, образовало самостоят. Партию левых социалистов-революционеров (ПЛСР), представители к-рой вошли в Воен.-рев. комитет и СНК. 4-й съезд ПСР, состоявшийся в ноябре 1917, закрепляет победу левоцентристского направления в партии, возглавляемого Черновым. На выборах в Учредит. собрание, проходивших местами после захвата власти большевиками, всеми способами пытавшимися повлиять на ход и результаты этих выборов, эсеры по стране в целом получили 58 % голосов, тогда как большевики – 24 %, меньшевики – 2,3 %, кадеты – 4,7 % голосов (Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 82, 270, 358, 442). После разгона Учредит. собрания ПСР искала место, где его можно было бы созвать вновь. На 5-м Совете партии в мае 1918 было решено начать вооруж. борьбу с большевистским режимом. 8.6.1918 в Самаре после переворота, совершенного совм. усилиями восставшего эсеровского подполья и чехословацких подразделений, возникает эсеровское пр-во – Комитет членов Всерос. учредит. собрания (Комуч), к-рый объявил себя врем. властью до созыва Учредит. собрания на территории Поволжья, Урала и Сибири, восстановил демократич. свободы и нормализовал экономику, введя «смешанные формы собственности». Созданная Комучем «Народная Армия» держала «Восточный фронт». Эсеровское пр-во было арестовано 19.11.1918 после гос. переворота адмирала А. В. Колчака в Омске. После декрета ВЦИК от 14.6.1918 правые эсеры и меньшевики подверглись изгнанию из Советов.

Представители левых эсеров, напротив, продолжали повсеместно входить в Советы (кое-где их возглавляя) и все советские органы, вплоть до ВЧК. Их лидерами были М. А. Спиридонова, Б. Д. Камков и др. С подачи левых эсеров 3-й Всерос. съезд Советов принял Основной закон о социализации земли. После ратификации Брестского мира 4-м Всерос. съездом Советов левые эсеры ушли из центр. Совнаркома, сохранив свое представительство в региональных пр-вах, ВЦИК и продолжая возглавлять Исполком его Крест. секции. Однако 2-й съезд ПЛСР (апрель 1918) и особенно 3-й съезд взяли линию на противопоставление РКП(б) в вопросах внеш. и внутр. политики (прежде всего по вопросу о комбедах и продовольств. диктатуре). Вследствие попытки неудачного выступления в Москве 6–7 июля в дни работы 5-го Всерос. съезда Советов левые эсеры также были изгнаны из Советов и постепенно превратились в нелегальную партию.

Тактическая линия ПСР в годы Гражд. войны колебалась, но в целом исходила из рассмотрения себя в качестве «третьей силы», противостоявшей антидемократич. белым и красным режимам – «большевизму справа» и «большевизму слева». В 1922 большевистские власти, в ситуации системного кризиса, опасаясь возрождения симпатий масс к ПСР, устроили показат. процесс социалистов-революционеров, на к-ром б. ч. подсудимых была приговорена к смертной казни (приостановленной исполнением). (Янсен М. Суд без суда. 1922 год. Показательный процесс социалистов-революционеров. М., 1993; Бабина Б. А. Февраль

1922 / публ. В. Захарова // Минувшее. М., 1990. Вып. 2.). Фактически ПСР и ПЛСР прекратили свое существование примерно на рубеже 1925–26. И левые, и правые эсеры систематически подвергались репрессиям все 1920–30-е гг., вплоть до поголовного физич. уничтожения в кон. 1930-х (уцелело всего неск. человек).

Первоначально О. М. был связан с ПСР через семью своего соученика Б. Б. *Синани*. Его отец, врач-психиатр Б. Н. *Синани*, был близко знаком со мн. членами ЦК партии («Шум времени», гл. «Семья Синани»). Влияние на молодого О. М. оказал также один из его репетиторов – чл. Петерб. комитета ПСР Б. В. *Бабин-Корень*. В доме Синани в Петербурге О. М. встречался с деятелями партии (М. А. Натансоном и др.). В 1906 О. М. вместе с Б. Б. Синани примкнул к ПСР, выступал агитатором на митингах (Писатели современной эпохи: Биобиблиографический словарь русских писателей XX века / ред. Б. П. Козьмин. М., 1928. С. 178), участвовал в охране нелег. собрания (Егип. марка. Л., 1928. С. 149), выпускал в Тенишевском училище оппозиц. журнал «Пробужденная мысль». После 1907 О. М. от рев.-полит. деятельности отошел. Позднее, рассказывая о ней С. П. Каблукову, О. М. упоминал свою речь перед рабочими по поводу обрушения потолка в зале заседаний Гос. думы в Таврическом дворце. Весной 1908, находясь в Париже, О. М. вместе с М. М. *Карповичем* побывал на крупном эсеровском собрании, посв. памяти Гершуни, гл. оратором на к-ром выступал Савинков (К а р п о в и ч М. Мое знакомство с Мандельштамом. // НЖ. 1957. № 49. С. 259–260). В *Гейдельберге*, куда О. М. приехал учиться в 1909, среди учившихся вместе с ним рос. студентов было два будущих левоэсеровских лидера – член президиума ВЦИК Камков (Кац) и министр юстиции в первом коалиционном послеоктябрьском пр-ве И. З. Штейнберг. Отношение О. М. к деятельности Боевой организации ПСР и к террору в целом изменилось в нач. 1910-х гг.: одной из ярчайших черт его мировоззрения стало категорич. отрицание террора, физич. насилия во всех его проявлениях. Ко времени знакомства с Каблуковым О. М. стыдился прежней полит. активности и считал своим призванием «поприще лирического поэта». По свидетельству Н. М., Иванов-Разумник, выразивший в сер. 1920-х гг. радость по поводу одного из террористич. актов, был удивлен, узнав, что О. М. в принципе отвергает террор.

В первые порев. годы сотрудничество О. М. с эсерами свелось к тому, что он, как и представители лит. объединения «Скифы» (А. А. *Блок*, А. *Белый*, Н. А. *Клюев*, С. А. *Есенин* и др.) и группы «Центрифуга» (Н. А. *Асеев*, С. П. *Бобров*, Б. Л. *Пастернак* и др.), достаточно систематично печатался в левоэсеровской прессе, в частности в одном из осн. их изданий – газете «Знамя труда». Б. А. Бабина передавала слова одного из эсеровских лидеров об О. М.: «наш поэт» (сообщено Ю. Л. Фрейдиным). 6.7.1918 два левых эсера (и одновременно чекиста), Я. Г. *Блюмкин* и Н. А. Андреев, убили герм. посла Мирбаха и спровоцировали вооруж. конфликт между недавними союзниками – большевиками и ПЛСР. Следствием этого стал разгром партии, в тот же день начались крупномасштабные аресты левых эсеров в Москве, Петрограде и др. рос. городах (среди задержанных позднее в Петрограде оказались Иванов-Разумник, Блок, Штейнберг и др.).

Не исключено, что опасениями ареста был вызван и стремит. отъезд из Москвы на Украину самого О. М. в феврале 1919. Весной 1919 в Киеве О. М. продолжил сотрудничество в легально существовавшей на Украине (в отличие от Советской России) левоэсеровской периодике (в частности, в журнале «*Борьба*»). В Киеве, как и ранее в Москве, О. М. неоднократно встречался с Блюмкиным.

«Шум времени» передает двойственность отношения О. М. к эсерам: с одной стороны, интерес к их программе, в частности, к агр. вопросу, и громкой деятельности («Слава была в ц[ентральном] к[омитете], слава была в б[оевой] о[рганизации], и подвиг начинался с пропагандистского искуса», с другой – понимание противоречивости их идеологии. О. М. описал поездку вместе с Б. Б. Синани на одну из конспират. квартир эсеров в Финляндии, где он мельком видел Гершуни. При этом О. М. отмечал культурную укорененность программы ПСР в рус. истории: «Здесь, в глубокой страстной распре с[оциалистов]-р[еволюционеров] и с[оциал]-д[емократов], чувствовалось продолжение старинного раздора славянофилов и западников». Революционность О. М. исходила из общих народнич. убеждений, а преемниками народников были именно эсеры. Можно сказать, что ПСР была полит. выразителем определ. части широких и изменчивых полит. взглядов и сложного мировоззрения О. М., к-рые, в свою очередь, очень непросто отразились в его творчестве. Иными словами, «политические» взгляды зрелого О. М. были в основе своей «поэтическими», но и в его поэтич. произведениях достаточно много политич. подтекстов. При этом признания былой юношеской близости к эсерам в «Шуме времени» (1923, опубл. 1925), т. е. уже после процесса над ними в 1922, оставались рискованными.

Ряд особенностей идеологич. программы ПСР, в частности, связь эсеров с крест-вом, важны для понимания творчества и биографии О. М. Крест. восстания 1922 считались «эсеровскими», и в этом смысле «голодные крестьяне» («Холодная земля. Бесхлебный, робкий Крым...», 1933) на следствии 1934 «законно» трактовались в русле былых эсеровских увлечений О. М. Отсюда же образ Сталина-«мужикоборца» в одной из редакций стих. «Мы живем, под собою не чуя страны...» (1933).

В июне 1934, в период ссылки в Чердынь, О. М. и Н. М. попали в окружение ссыльных эсеров, к-рые оказывали им поддержку (с сер. 1920-х гг. в Чердыни была крепкая эсеровская колония). О. М. отмечал неизменность их отношения к «народу»: по свидетельству Н. М., одна из ссыльных говорила, что готова пожертвовать жизнью ради этих мужиков, и по этой реплике О. М. определил, кто она (т. е. то она – эсерка) (Воспоминания. М., 1989. С. 55). В Воронеже О. М. вспоминает о «Земле и воле» («Чернозём») – организации, исторически предшествовавшей ПСР. При аресте в мае 1938 О. М. указал в анкетных данных, что он «эсер», – обстоятельство, отразившееся и на приговоре.

Лит.: Б а б и н а Б. А. Февраль 1922 / публ. В. Захарова // Минувшее. М., 1990. Вып. 2; Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996;

Янсен М. Суд без суда. 1922 год. Показательный процесс социалистов-революционеров. М., 1993.

В. В. Калмыкова, Я. В. Леонтьев, К. Н. Морозов.

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ, в худож. мире О. М., период европ. истории 5–15 вв., выступающий как совокупность ист., соц., культурных и психологич. признаков и качеств.

Импульсом к формированию индивидуальной концепции С. послужили, очевидно, впечатления О. М. от посещения во 2-й пол. 1900-х гг. Франции, Швейцарии, Германии и, возможно, Италии и знакомства со ср.-вековой, готич. составляющей культуры этих стран. Вместе с тем теоретич. знания о литературе данного периода О. М., несомненно, получил во время обучения в *Сорбонне* (где он посещал лекции одного из ведущих медиевистов Европы Ж. *Бедье*), *Гейдельбергском университете* (где прослушал три курса Г. *Неймана* по истории ср.-вековой франц. поэзии) и *Санкт-Петербургском университете* (где занимался романистикой в семинаре В. Ф. Шишмарева и являлся членом студенч. романо-герм. кружка). Несомненно, что формирование мандельшт. концепции С. находилось и под сильнейшим воздействием филос. наследия П. Я. *Чаадаева*. Можно предположить, что в кон. 1920-х – нач. 1930-х гг. О. М. были известны исследования Н. Я. *Марра* и представителей т. н. «яфетической» школы в сфере индоевроп. фольклорно-мифологич. реконструкций, коснувшихся, в частности, сюжета о Тристане и Изольде в контексте рассмотрения структурно-семантич. трансформаций образа «богини любви матриархальной Афроевразии»; см.: Яфетический сб. V. Л., 1927.

О высокой степени знакомства О. М. со ср.-вековой европ. лит. традицией можно, в частности, судить по его относящимся к нач. 1920-х гг. переводам старофранц. героич. эпоса [фрагменты «Песни о Роланде» (кон. 11 в.), поэм «Коронование Людовика» (сер. 12 в.) и «Алисканс» (2-я пол. 12 в.) и др.; см.: Михайлов. С. 63–65]. Дополнит. свидетельствами знания ср.-вековой эпич. традиции является встречающееся в мандельш. текстах регулярное обращение к ее наиб. ярким памятникам и авторам. К их числу относятся краткий пересказ в ст. «Франсуа Виллон» [1910 (1912?), 1927] старофранц. «Романа о Розе» Гильома де Лориса и Жана де Мёна (13 в.), включение в первонач. ред. стих. «Реймс и Кельн» («Шатались башни, колокол звучал...», 1914) эпизода из «Песни о Роланде» (см.: Мец А. Г. Комментарий // Камень. 1990. С. 328–329), упоминание в ст. «О природе слова» (1920–22) и цитирование при подготовке ее к переизд. (1928) «Кантилены Св. Евлалии» (9 в.) (см.: Нерлер П. Примечания // Слово и судьба. 1987. С. 281) и прямая отсылка в рец. на кн. А. Э. Свентицкого «Книга сказания о короле Артуре и о рыцарях круглого стола» (1923) к сюжетам о короле Артуре, Тристане и Изольде и литературно зафиксировавшим их ср.-вековым авторам Кретьену де Труа и Гальфриду Монмутскому (12 в.). Осмысление С. как самостоят. ист.-культурного феномена пришлось у О. М. на сер. 1910-х гг. и прямо и разнообразно отразилось в его программных статьях и наиб. заметных стихотворениях этого периода. Более того, работа над переводами ряда фрагментов ср.-векового франц. эпоса («Четыре сына Аймона», «Алисканс», «Жизнь святого Алексея») практически привела едва ли не к созданию самостоят. лит. произведений, в к-рых, по словам Н. М., О. М. «выразил себя и свои мысли о нашем будущем. Он хотел напечатать все три вещи в одной из книг 22 года» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 138), т. е. придал им статус традиционного жанра «подражания» (см.: Михайлов. С. 71–72). Специфич. степень мандельшт. «погружения» в С. как в уникальную социокультурную среду осознавалась и его современниками; так, В. Я. *Парнах*, характеризуя О. М., отметил, что он – «дитя Санкт-Петербурга – весь принадлежит 19 в., а иногда и средневековью» (Parnach V. In the Russian World of Letters // The Menorah Journal. 1926. Vol. 12. №. 3. P. 304).

Доминирующим фактором восприятия С. для О. М. выступало его метафизич. начало; в «Заметках о Шенье» (1922) он отмечал: «У средневековья была своя душа и было подлинное знанье античности, и не только по грамотности, но и по любовному воспроизведенью классического мира, оно оставляет далеко позади век Просвещенья»; значительно позднее, в «Разговоре о Данте» (1933), О. М. перевел это положение в собственно филос. сферу: «Средневековье не помещалось в системе Птоломея – оно прикрывалось ею. – К библейской генетике прибавили физику Аристотеля. Эти две плохо соединяемые вещи не хотели сращиваться». Вероятно, именно филос.-метафизич. аспектом восприятия С. в худож. мире О. М. обусловлено функционирование категории *готики* в качестве и его содержат. эквивалента (связанного с конкретным социально-ист. периодом) и определ. культурной парадигмы, проецируемой на современность. Гл. дифференциальным признаком С. в мандельшт. концепции является его связь с физиологич. началом, выступающим как одна из наиб. адекватных метафорич. форм отражения его формальной и содержат. специфики: «средние века именно физиологически гениальная эпоха». Это же качество в мандельшт. представлении необходимо и для понимания ср.-вековой культуры: «Для восприятия бесконечной сложности средневековья необходима физиологическая изощренность», и именно по этому признаку О. М. неожиданно сближает С. с *акмеизмом*: «Любовь к организму и организации акмеисты разделяют с физиологически-гениальным средневековьем». Очевидно, творчество авторов С. входило в круг актуальных для акмеизма тем вообще, в акмеистич. манифесте Н. С. *Гумилева* «Наследие символизма и акмеизм» (1913) среди четырех «краеугольных камней для здания акмеизма» (Гумилев Н. С. Собр. соч.: В 3 т. Т. 3: Письма о русской поэзии. М., 1991. С. 19) названы Ф. *Рабле* (к-рого и Гумилев, и О. М. относили к числу ср.-вековых поэтов) и Ф. *Вийон*. При этом гумилевская оценка Рабле использует понятие физиологизма (что свидетельствует о смысловой взаимосвязанности этой категории у О. М. и Гумилева): он назван автором, к-рый показал «тело и его радости, мудрую физиологичность» (Там же). Аналогичным образом О. М. характеризовал Вийона: «Кровь подлинного средневековья текла в жилах Виллона. <...> Физиология готики <...> заменила Виллону мировоззрение и с избытком вознаградила его за отсутствие традиционной связи с прошлым». Максимальное проявление физиологич. начала С. О. М. видел в готич. *архитектуре*: «То, что в XIII (веке. – *С. Ш.*) казалось логическим развитием понятия организма – готический собор, – ныне эстетически действует как чудовищное: Notre Dame есть праздник физиологии, ее дионисийский разгул».

Др. принципиальным аспектом мандельшт. концепции С. становится отношение к человеч. личности, акцентирующее ее индивидуальность: «Средневековье, определяя посвоему удельный вес человека, чувствовало и признавало его за каждым, совершенно независимо от его заслуг. <...> Европа прошла сквозь лабиринт ажурно-тонкой культуры, когда абстрактное бытие, ничем не прикрашенное личное существование ценилось как подвиг»; ср.: «Жесток XV век к личным судьбам». Данное положение могло находиться в смысловой зависимости от мировоззрения Чаадаева, филос. наследие к-рого О. М. прямо соотносил с европ. культурой и ее «готич.» составляющей, см. в ст. «Петр Чаадаев» (1914): «Или Чаадаев устал? Или его готическая мысль смирилась и перестала возносить к небу свои стрельчатые башни?»; ср. о влиянии Чаадаева на мандельшт. трактовку ср.-векового искусства в: Ронен О. Лексический повтор, подтекст и смысл в поэтике О. Мандельштама // СМР. Вып. 3/1. С. 261. Вместе с тем мандельшт. понимание ср.-векового восприятия человеч. индивидуальности не соответствует ист. реальности [см. принадлежащее совр. исследователю определение С. как «культуры безмолвствующего большинства» (Гуревич А. Я. Средневековый мир: Культура безмолвствующего большинства. М., 1990)], поскольку в большей мере должно быть отнесено к культуре Ренессанса. В то же время сам О. М. явно разделял эти культурно-ист. эпохи именно по их отношению к человеку: «Средневековье цепко держалось за своих детей и добровольно не уступало их Возрождению». Близкие представления о гуманистич. ориентированности С. отражены и в надиктованной Н. М. во время работы над радиокомпозицией «Молодость Гете» (1935) заметке об У. *Шекспире*, где О. М. вновь противопоставляет С. Просвещению, сближая его с античностью: «Дездемона <...> идеал средневековой женщины-жены. Этот идеал никогда не обрабатывался в литературе. Но он в ней присутствовал. Жена по образу какого-то средневекового Домостроя, лишенного восточной <...> жестокости». Непосредственно со взаимоотношениями человека и срелневекового общества связан и социальный аспект мандельшт. восприятия Средних веков. О. М. прямо отмечает активную включенность человека С. в социум: «Средневековые люди любили считать себя детьми города, церкви, университета», причем такая включенность распространяется не только на отд. социальные группы и институты, но и на общество в целом: «Средневековый человек считал себя в мировом здании столь же необходимым и связанным, как любой камень в готической постройке <...>. Служить не только значило быть деятельным для общего блага. Бессознательно средневековый человек считал службой, своего рода подвигом, неприкрашенный факт своего существования». Позднее в ст. «Гуманизм и современность» (1922) О. М. воспользовался понятием «социальная готика», к-рую он увидел в совр. ему эпохе: «Не новая социальная пирамида соблазняет нас, а социальная готика: <...> человеческое общество, задуманное как сложный и дремучий архитектурный лес, где все целесообразно, индивидуально и каждая частность аукается с громадой».

В «акмеистич.» контексте ст. «Утро акмеизма» О. М. выделил еще одну отличит. черту ср.-векового общества: «Средневековье дорого нам потому, что обладало в высокой степени чувством граней и перегородок. Оно никогда не смешивало различных планов и к потустороннему относилось с огромной сдержанностью»; близкая оценка повторится и в черновых набросках к «Разговору о Данте»: «Сила культуры – в непонимании смерти – одно из основных качеств гомеровской поэзии. Вот почему средневековье льнуло к Гомеру и боялось Овидия». Данное положение не соответствует реальному мировоззрению С.; по мнению совр. науки, для человека Ср. веков «оба мира, земной и потусторонний <...> тесно соприкасаются и находятся в интенсивном общении. <...> Насколько можно судить <...> понятие “тот свет” или “потусторонний мир”, “мир иной” отсутствовало. Перед нами скорее всеобъемлющий иерархизированный универсум, включавший как мир живых, так и мир мертвых» (Гуревич А. Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. М., 1989. С. 93). Вместе с тем сдержанность С. в отношении к «потустороннему» находит для О. М. параллели в худож. практике акмеизма: «Благородная смесь рассудочности и мистики и ощущение мира как живого равновесия роднит нас с этой эпохой и побуждает черпать силы в произведениях, возникших на романской почве около 1200 года», и м. б. сопоставлено со ст. «Наследие символизма и акмеизм» Гумилева, в частности писавшего: «Всегда помнить о непознаваемом, но не оскорблять своей мысли о нем более или менее вероятными догадками – вот принцип акмеизма. <...> Что же касается ангелов, демонов, стихийных и прочих духов, то они входят в состав материала художников и не должны больше земной тяжестью перевешивать другие взятые им образы» (Гумилев Н. С. Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. С. 19).

В целом О. М. высоко оценивал средневековую (в его индивидуальном понимании) поэзию; развернутое историколит. и теоретич. обоснование этого содержится в ст. «Франсуа Виллон» (в основе к-рой, очевидно, лежит мандельшт. реферат, подготовленный для романо-герм. кружка осенью 1912 и прочитанный в марте 1913; см.: Мец А. Г. Комментарий. С. 332). В трактовке О. М. ее гл. культурно-ист. признаком выступает абсолютная изолированность от социальной действительности: «Поэзия и жизнь в XV веке – два самостоятельных, абсолютно враждебных измерения. <...> Поэзия XV века автономна; она занимает место в тогдашней культуре, как государство в государстве». Как пример наиб. яркого проявления «гипноза литературы» этого периода О. М. приводит Двор Любви Карла VI, участники к-рого были ориентированы на «пренебрежение к сословным перегородкам <...> желая продлить литературный сон в действительности». Уподобляя средневековую поэзию «могущественной риторической школе, которую с полным правом можно читать символизмом XV века», О. М. как ее основополагающий худож. метод определяет аллегоричность, чье явное преобладание в литературе С. в качестве формы абсолютного дистанцирования от реальности оценивается как явно негативное начало: «Знаменитый Роман о Розе впервые построил непроницаемую ограду, внутри которой продолжала сгущаться тепличная атмосфера, необходимая для дыхания аллегорий, созданных этим романом. Любовь, Опасность, Ненависть, Коварство – не мертвые отвлеченности. <...> Средневековая поэзия дает этим призракам как бы астральное тело и нежно заботится об искусственном воздухе, столь нужном для поддержания их хрупкого существования». Одновременно с этим к числу гл.

достижений средневековой поэзии О. М. относил ее формальную организацию, в более поздних «Заметках о Шенье» он отметил синтаксич. свободу «поэтов средневековья – Виллона, Рабле», что в известном смысле может выступать как автохарактеристика самого О. М., отводившего исключительно высокую роль синтактике худож. текста, осознаваемой им как гл. смыслообразующий фактор. Это положение получило развернутое отражение в ст. «Франсуа Виллон», где «оба завещания Виллона, и большое и малое» охарактеризованы как «праздник великолепных ритмов, которого до сих пор не знает французская поэзия», при том что в черновом наброске статьи содержится определение: «Французский стих по природе своей, как никакой другой, приспособлен к тончайшим ритмическим нюансам», и там же говорится о поэзии Вийона: «Ритм всегда в строгом соответствии с содержанием».

Именно в наследовании традиций средневековой культуры О. М. видел одну из отличит. черт совр. ему франц. литературы: «XIX век франц. поэзии черпал свою силу из <...> национальной сокровищницы – готики»; см. характеристику Ш. *Гюисманса* в рец. на его кн. «Парижские арабески» (1913): «Не в воображаемом средневековье, а в подлинном – он нашел великое противоядие современности»; ср. упоминание В. *Гюго* в заметке «Огюст Барбье» (1923), где он метафорически связан с образом Собора Парижской Богоматери и группой «молодых писателей романтического толка, горячих театралов, восхищенных Гюго, поклонников живописной средневековой старины». Как своего рода культурного продолжателя С., утратившего связь с античной традицией, в «Заметках о Шенье» О. М. определял 18 в., для к-рого «гораздо сильнее была связь с омертвевшими формами схоластической казуистики, так что век Разума является прямым наследником схоластики со своим рационализмом, аллегорическим мышлением, персонификацией идей, совершенно во вкусе старофранцузской поэтики». В противоположность подобной позитивной в культурологич. плане оценке в рец. на кн. Свентицкого О. М. подверг уничижит. критике рус. переложение средневекового эпоса: «Подлинным средневековьем, филологич. духом здесь и не пахнет <...> вся эта никчемная “работа”, одинаково ненужная и филологу и читателю, – еще один поклеп на средневековье с его здоровым и утонченным худож. организмом, изумительно гибким каноном форм». В то же время в позднем варианте ст. «О природе слова» именно рус. язык противопоставлен О. М. лингвистич. тенденциям европ. С. как вместилище эллинистич. традиции: «Живые силы эллинской культуры, уступив Запад латинским влияниям <...> устремились в лоно русской речи <...> западные культуры и истории замыкают язык извне, огораживают его стенами государственности и церковности и пропитываются им, чтобы медленно гнить и зацветать в должный час его распада» (Слово и судьба. 1987. С. 58). Но прогнозируемая О. М. социокультурная языковая ситуация в своей негативной оценке дана в «терминах» С.: «и для нас прозвучит наша кухонная латынь и на могучем теле языка взойдут бледные молодые побеги нашей жизни, подобно древнефранцузской песенке о св. Евлалии».

В мандельшт. мире можно установить ряд и более частных и гипотетич. содержательных параллелей, прямо или опосредованно связанных с культурой С., в первую очередь с ее лит. составляющей. Так, в ст. «О собеседнике» [1913 (1912?), 1927] О. М. использовал образность средневекового *фольклора*, метафорически изобразив говорящего, к-рый «обратил свое внимание исключительно на акустику. Он бросает звук в архитектуру чужой души и <...> следит за блужданиями его под сводами психики. <...> В этом отношении он будет похож на “prestre Martin” средневековой французской пословицы, который сам служит мессу и слушает ее». Как считают совр. комментаторы, в сохранившихся фрагментах доклада [«Скрябин и христианство»] (1917; датировка условна) отражено мандельшт. знакомство со средневековым трактатом «О подражании Христу» (15 в.), авторство к-рого приписывается Фоме Кемпийскому; см.: Мец А. Г., Василенко С. В., Фрейдин Ю. Л., Никитин В. А. Примечания к публикации: О. Мандельштам. «Скрябин и христианство» // РЛ. 1991. № 1. С. 76. Трудно предположить, чтобы О. М. не был известен гл. труд Бедье – вольная реконструкция относящегося к 12 в. романа о Тристане и Изольде (1903), одного из самых известных произведений средневековой литературы; по мандельшт. оценке, высказанной в рец. на «Книгу сказания о короле Артуре и о рыцарях круглого стола», «“Тристан и Изольда” Бедье – настоящее чудо реконструкции, почти подлинник». Там же он упоминает «знаменитые стихотворные романы-повести» Кретьена де Труа и так характеризует его: «француз XIII века. Отличный авантюрный рассказчик, мастер стихотворного повествования» (совр. исследователи уже отмечали хронологич. неточность О. М., относящего автора 12 в. к 13; см.: Левинтон Г. А. Романия и романистика у Мандельштама // Res philological – 2: Сб. статей памяти академика Георгия Владимировича Степанова. К 80-летию со дня рождения (1919–1989). СПб., 2000. С. 204). В числе опосредованных смысловых элементов может быть назван средневековый «Роман о Лисе», являющийся одним из самых ранних больших произведений гор. литературы: сюжетная схема этого текста, по мнению М. Л. Гаспарова, отражена в мандельшт. стих. «Реймс – Лаон» («Я видел озеро, стоявшее отвесно...», 1937); см.: Гаспаров М. Л. Поэт и общество: Две готики и два Египта в поэзии О. Мандельштама // СМР. Вып. 3/1. С. 33.

Лит.: Мандельштам О. Переводы из старофранцузского эпоса / подг. текста, публ. и вступ. заметка В. Швейцер // Slavica Hierosolymitana. 1979. Vol. IV. С. 304–06; Михайлов А. «Сыновья Аймона» // СМР. Вып. 3/1.

С. Г. Шиндин.

СТЕНИЧ (наст. фам. Сметанич) Валентин Осипович (Иосифович) (8.11.1897, по др. данным, 1898, С.-Петербург – 21.9.1938, Ленинград), переводчик, критик, поэт, герой очерка А. А. *Блока* «Русские дэнди» (1918). Чл. ВКП(б) в 1917, по др. свед., 1918–20 (исключен). Член ССП. Четырежды подвергался аресту (1921, 1930, 1931, 1937). Н. М. знала С. с 1919, когда он, поэт-комиссар, в киевском «литературном подвале “ХЛАМ” <...> читал острые стихи, из которых многие запомнили “Заседание Совнаркома”, где звучала не заказная, а подлинная современность» (Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 407; о С. в «ХЛАМе» см. также: Эренбург И. Л. Люди, годы, жизнь: Воспоминания: В 3 т. М. 1990. Т. 1. С. 248; Юткевич С. Ю. Собр. соч.:

В 3 т. М., 1990. Т. 1. С. 38–39; Лившиц Е. К. Воспоминания о В. О. Стениче // РНБ. Ф. 1315. Ед. хр. 9. Л. 1). По всей вероятности, тогда же со С. познакомился и О. М.

В немногих опубл. поэтич. текстах С. (1921; 1934; см. также: Стенич В. О. Стихи «русского дэнди» / вступ. ст. и примеч. Л. Ф. Кациса // ЛО. 1996. № 5–6. С. 62–75) есть отдаленные тематич. переклички со стихами О. М. Вслед за О. М. («Петербургские строфы», 1913), С. использует в своем стих. «Мы никогда не позабудем...» (1918) прием «оживления» героев «Медного Всадника». Но, в противоположность О. М., для С. важна не фигура «чудака-Евгения», а новая ист. параллель: оживший «Медный государь» у С. призывает: «Мой вскормленник – Владимир Ленин – / Великий подвиг заверши!» (Соло: Первый сб. стихов. [М., 1921]. С. 24). Совр. звучание важной для О. М. эллинистич. темы травестировано в шутливой поэме о 1-м съезде сов. писателей, сочиненной С. вместе с Ю. К. *Олешей*: «Москва в те дни была Элладой, / Помноженной на коммунизм» (Олеша Ю., Стенич Вал. «Москва в те дни была элладой» / Литературный Ленинград. 1934. 8 окт.).

Бросивший уже в нач. 1920-х гг. писать серьезные стихи, С. «остался одним из самых глубоких стихолюбов» (Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 407), «выше всего ставил Блока и любил, впрочем, значительно меньше – Сологуба, Ахматову, Маяковского и Мандельштама» (Чуковский Н. К. С. 213), но среди современников слыл «циником». «Он помнил наизусть огромное количество стихов, чуть ли не всю новую русскую поэзию. К некоторым стихотворениям <...> подобрал подходящую музыку и пел их на мотив разных танцев. Какие-то, впрочем, очень хорошие стихи Мандельштама он пел, например, под матчиш. Получалась пародия. Или, во всяком случае, снижение» (Петров. С. 103).

Когда на глазах у С., в помещении ленингр. «Изд-ва писателей» (Гостиный двор) О. М. дал пощечину А. Н. *Толстому* в нач. мая 1934, С. убеждал свидетелей этой сцены не обращаться в нар. суд. (Тагер. С. 104). Н. М. называет имя С. как одного из немногих людей в 1930-х гг., «которые сохраняли трезвую голову да еще при этом упоминали Мандельштама» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 318).

Приехав в Ленинград в 1937, чтобы раздобыть денег, О. М. и Н. М. провели у С. (кан. Грибоедова, д. 9, кв. 126) целый день. Здесь они виделись с А. А. *Ахматовой*, Ц. С. *Вольпе*, Н. К. *Чуковским*, жена С. принесла собранные у писателей деньги и одежду (Выступление Н. К. Чуковского на вечере О. М. 15.5.1965 в Мехмате МГУ. Запись неустановл. лица / Шаламов В. Т. Воспоминания. М., 2003. С. 307).

14.11.1937 С. был арестован, обвинялся по ст. 58–8, 58–11 УК РСФСР. Расстрелян вместе с Б. К. *Лившицем*, Ю. И. *Юркуном*, В. А. *Зоргенфреем*. Этот расстрел – звено в цепи «ленинградского писательского дела» 1937–38. 4.10.1957 реабилитирован. В 1958 К. И. *Чуковский* ставит в своем дневнике имена О. М. и С. рядом, перечисляя «задушенные, убитые таланты» – «все раздавлены одним и тем же сапогом» (Чуковский К. И. Дневник 1930–1969. М., 1995. С. 268).

Лит.: Королева Н. К. 1919 // Встречи с прошлым. М. 1982. Вып. 4. С. 197–198; Петров В. Н. Калиостро: Воспоминания о М. А. Кузмине // НЖ. 1986. Кн. 163; Тагер Е. М. Из воспоминаний // Наше наследие. 1988. № 6; Чуковский Н. К. Литературные воспоминания. М. 1989; Вахитова Т. М. «Русский дэнди» в эпоху социализма: Валентин Стенич // РЛ. 1998 № 4; То же // Михаил Зощенко: Материалы к творческой биографии. СПб., 2001. Кн. 2. С. 169–201; Лекманов. 2003. С. 173, 207; О. и Н. Мандельштамы. С. 190–191.

Т. Ф. Нешумова.

«СТИХИ О МЕТРО», сб. литкружковцев Метростроя (М.: Гослитиздат, 1935, 87 с.), отрецензированный О. М. Впервые рец. опубл. в журнале *«Подъем»* (Воронеж, 1935. № 5. С. 76–78; подпись: «М.»; перепеч.: ВЛ. 1980. № 12. / публ. Э. Г. *Герштейн*; Собр. соч. Т. 3. С. 264–269. Рукопись, иная редакция или наброски рец. не сохр.). Сборнику предшествовал альманах «Литературное творчество рабочих авторов Союза железнодорожного строительства и метрополитена» (отв. ред. Г. Цырлин. М.: ЦК Союза железнодорожного строительства и метрополитена. [Вып. 1]. 1935, январь; [Вып. 2].1935, май). Вып. 1, судя по всему, О. М. не был известен. Рец. написана в Воронеже, предположительно, между 20 и 23.6.1935. Еще в апреле того же года в стих. «Наушники, наушничики мои...» О. М. как бы спрашивал у метростроевцев: «Ну как метро?..» Ответом стало офиц. открытие Моск. метрополитена 15.5.1935, к чему, видимо, был приурочен выход рецензируемого О. М. издания.

Даже в газетном описании станции-дворцы потрясали воображение и сразу стали символом успешного соревнования социализма с капитализмом. Пуск метро означал прорыв СССР в число технически развитых стран и давал мощный импульс для новых суперпроектов, к-рые требовали от страны не усилий, а сверхусилий. Называя в рец. Метрострой университетом социалистич. труда, О. М. уловил проводимую в сборнике между строк идею несостоятельности индивид. труда: лирич. героем стихов сборника служит не отд. человек, а бригада (ср. пафос коллективизма в театр. утопии «Человек-масса» Эрнста Толлера, о к-рой О. М. писал в статье «Революционер в театре», 1922).

По поводу стих. Г. *Кострова* «Да здравствуют товарищи мои», к-рое О. М. считал лучшим в сборнике, между ним и С. Б. *Рудаковым* состоялся спор. Рудаков усмотрел в этом стихотворении ритмич. заимствование у Э. Г. *Багрицкого* («Так, вытерев ладони об штаны, / Встречаются работники страны») и В. А. Луговского («Да здравствуют работники страны» из вышедшей в 1934 кн. «Большевикам пустыни и весны»): «Вы, О[сип] Э[мильевич], действовали “на вкус”, без запаса знаний (скучных и нудных, но объективных) и попались – нашли свежее там, где лежат копии с копий. Люди, стоящие близко к метро, должны в стихи переносить новый живой опыт, а не подражать старшим однополчанам. <...> А они – люди благополучные (авторы те) и пишут политически и еще как хотите, но не поэтически». На это О. М. возражал: «Нет... тут... ритм неподдельный», «Подлинная поэзия перестраивает жизнь, и ее боятся» [ИРЛИ. Ф. 803. Оп. 1. Д. 6–13; цит. в: О. Э. Мандельштам в письмах С. Б. Рудакова к жене (1935–1936) // Ежегодник РО ПД на 1993. СПб., 1997. С. 68–70; там же : набросок рец. Рудакова на ту же книгу].

П. М. Нерлер.

СТОИЧЕВ Степан Антонович (17.5.1891, Кишинев – 15.1.1938), воронежский знакомый О. М. Упоминается в шуточном стихотворении О. М., написанном 24.2.1937 («Искусств приличных хоровода...»). Выпускник ист.-филол. ф-та Моск. ун-та (1916). Член ВКП(б) с 1918. Директор Воронежского пед. ин-та, проф. В 1935–36 секр. Воронежского отделения ССП. Арестован 23.8.1937 по обвинению в активном участии с 1935 в антисов. правотроцкистской диверсионно-террористич. организации. Осужден 15.1.1938 выездной сессией Воен. коллегии ВС СССР в Воронеже по статьям 58–7, 58–11; расстрелян. Реабилитирован 16.5.1957.

Архивы: Военная коллегия Верховного суда СССР. П–9598.

П. М. Нерлер.

СТОЛЕТОВ (по отцу Семенов) Андрей Александрович [1907(?) – ок. 1980], воронежский знакомый О. М., лит. и театр. критик. В нач. 1930-х гг. выслан в Воронеж из Ленинграда. В 1931–35 регулярно печатался в журнале *«Подъем»* и газете *«Коммуна»*, писал репризы для цирка. В Воронеже общался с О. М. и В. А. *Покровским*.

Лит.: Штемпель.

П. М. Нерлер.

СТРАХОВСКИЙ (Strakhovsky) Леонид Иванович (псевд. Леонид Чацкий) (1898, Оренбург – 1963, Торонто, Канада), историк, поэт, издатель. Окончил Александровский, лицей (1917), после окончания к-рого поступил в Петрогр. ун-т. Участник Белого движения на Севере и Юге России. С 1920 в эмиграции, в Берлине, затем в Бельгии, где окончил Луванский ун-т Брюсселя (1928), после защиты докт. диссертации по ист. наукам проф. совр. истории Вашингтонского ун-та, в 1937–42 проф. европ. истории ун-та Мериленд (США), в 1943–48 проф. Гарвардского ун-та, в 1948–63 проф. слав. отд. Торонтского ун-та. Как историк занимался исследованием интервенции в Россию стран Антанты во время Гражд. войны. Основатель и гл. ред. журнала *«Современник»* (Торонто, Канада, 1960–80), соред. «Американского славянского и восточно-европейского обозрения», президент Канадской ассоциации славян. Автор 13 книг, в т. ч. трех поэтич. сб-ков, в к-рых предстал последователем *акмеизма* («Ладья», 1922; «У антиквара», 1927; «Долг жизни», 1955, все Торонто). По нек-рым сведениям, С. послужил прототипом гл. героя романа В. В. Набокова «Пнин». В 1947 С. опубликовал на англ. яз. ст. «Осип Мандельштам – архитектор слов», обозначив ее как главу из будущей кн. «Акмеисты – поэты России». В 1949 статья была перепечатана в выпущенной изд-вом Гарвардского ун-та кн. С. «Мастера слова: три поэта современной России. Гумилев, Ахматова, Мандельштам» (переизд. в 1969). Этой книге суждено было стать первым книжным изданием критич. толка с именем О. М. на обложке, а профилю О. М. на шмуцтитуле (работы пражского худ. Н. В. Зарецкого) – своего рода логотипом будущего первого собр соч. О. М. под ред. Г. П. *Струве* и Б. А. *Филиппова*. Согласно С., «я» О. М., его alter ego. может вовсе и не быть самим О. М., а лишь спровоцированной воображением «саморефлексией поэта». Нарисованный им слащавый образ О. М. был полон неточностей (как, напр., «переход О. М. в католичество в 1913») и передержек: «Хотя сборник его стихов и вышел в 1928, но он не содержал ни одной новой вещи. С той поры его имя исчезает из реестра писателей в СССР. И смерть настигла его, отныне простого переводчика, в 1945. Но как поэт Мандельштам умер уже за 20 лет до этого...» (Р. 70). В кон. 1950-х гг. книга С. попалась на глаза А. А. *Ахматовой* и вызвала ее гневную отповедь в «Листках из дневника» (июнь 1958; самого С. она уничижительно именует, искажая псевдоним, Шацким): «Все, что пишет о Мандельштаме в своих бульварных мемуарах “Петербургские зимы” Георгий Иванов, который уехал из России в самом начале 20-х годов и зрелого Мандельштама вовсе не знал, – мелко, пусто и несущественно. Сочинение таких мемуаров – дело немудреное. Не надо ни памяти, ни внимания, ни любви, ни чувства эпохи. Все годится и все приемлется невзыскательными потребителями. Хуже, конечно, что это иногда попадает в серьезные литературоведческие труды. Вот что сделал Леонид Шацкий (Страховский) с Мандельштамом: у автора под рукой две-три книги достаточно “пикантных” мемуаров (“Петербургские зимы” Г. Иванова, “Полуторо-глазый стрелец” Бенедикта Лившица, “Портреты русских поэтов” Эренбурга, 1922). Эти книги использованы полностью. Материальная часть черпается из очень раннего справочника Козьмина “Писатели современной эпохи”, Москва, 1928. Затем из сборника Мандельштама “Стихотворения” (1928) извлекается стихотворение “Музыка на вокзале” – даже не последнее по времени в этой книге. Оно объявляется произвольно последним произведением поэта. Дата смерти устанавливается произвольно 1945 г. (на семь лет позже действительной смерти – 27 декабря 1938 года). То, что в ряде журналов и газет печатались стихи Мандельштама – хотя бы великолепный цикл “Армения” в Новом мире в 1930 г., Шацкого нисколько не интересует. Он очень развязно объявляет, что, на стихотворении “Музыка на вокзале” Мандельштам кончился, перестал быть поэтом, сделался жалким переводчиком, опустился, бродил по кабакам и т. д. Это уже, вероятно, устная информация какого-нибудь парижского Георгия Иванова. И вместо трагической фигуры редкостного поэта, который и в годы воронежской ссылки продолжал писать вещи неизреченной красоты и мощи, мы имеем “городского сумасшедшего”, проходимца, опустившееся существо. И все это в книге, вышедшей под эгидой лучшего, старейшего и т. п. Университета Америки (Гарвардского), с чем и поздравляем от всей души лучший, старейший университет Америки» (Ахматова А. Листики из дневника // Ахматова А. Собр. соч.: В 6 т. М., 2001. С. 47–48).

Соч.: Osip Mandelstam – the Architect of Words // RR. Autumn, 1947. No 1. P. 61–70; Craftsmen of the Word: Three Poets of Modern Russia: Gumilyov, Akhmatova, Mandelstam. Camb. (Mass.), 1949 (Review: Deutsch, Babette. Three Russian Poets. Rev. of L. Strakhovsky, Craftsmen of the Word // NYTBR, August 28, 1949). Перепеч.: Westport, Connecticut, 1969.

П. М. Нерлер.

СТРУВЕ Глеб Петрович (19.4.1898, С.-Петербург – 4.6.1985, Беркли, США), историк литературы, критик, публицист, поэт. Старший сын известного рос. политика и

мыслителя П. Б. Струве. Окончил Выборгское коммерч. уч-ще (1916). Весной 1917 отправился добровольцем на фронт. В 1918 поступил в Добровольч. армию; в декабре с фальшивым паспортом пересек границу Финляндии и в 1919 переехал в Англию. С 1918 в эмиграции. Закончив ист. отделение Оксфордского ун-та (1922), переехал в Берлин, а позже в Париж, где помогал отцу в издании журналов и газет – «Русской мысли» (1921–24), «Возрождения» (1925–27), «России» и «России и славянства» (1927–32). В нач. 1920-х гг. в статьях и рецензиях неск. раз давал отзывы о стихах и статьях О. М. Рецензируя альманах «Дракон», спорил со ст. О. М. «Слово и культура» (РМ. 1922. Кн. VI–VII. С. 321–322), хотя позже и включил О. М. в список «лучших критиков» России (Струве Г. П. Русская литаратура в изгнании. Нью-Йорк, 1956. С. 181). В обзоре поэзии нач. 1920-х гг. особо выделил «Tristia», назвав ее книгой «очень цельной и нужной, с одной стороны, возвращающей к старым, вечным образцам, с другой – открывающей новые перспективы» (РМ. 1923. Кн. I–II. С. 299). «Слухом обращенный в глубь, в века, Мандельштам зрением остро воспринимает современность» (Там же). В 1932 получил в Лондонском ун-те место лектора в Высшей школе славистики, сменив на этом посту Д. Святополка-Мирского, уехавшего в СССР. В 1935 издал свою первую книгу, посв. советской литературе («25 Years of Soviet Russian Literature»). В 1947 стал профессором славянской литературы Калифорнийского ун-та в Беркли. В 1950–70-е гг. С. опубликовал в эмигрантской, а также славистской периодике св. 20 статей о судьбе и творчестве О. М., впервые напечатал ряд стихов и писем О. М., а также воспоминания Е. М. *Тагер* о нем (НЖ. 1965. № 81. С. 172–199), фрагменты мемуаров Н. М. (Зарубежье. Мюнхен, 1970).

В 1955 по заказу *Издательства им. Чехова* (Нью-Йорк) выпустил первое посмертное однотомное собрание сочинений О. М. (совм. с Б. А. *Филипповым*), в 1956 – книгу «Русская литература в изгнании» (1956; 2-е изд.: Paris, 1984; 3-е изд., испр. и доп. Париж; Москва, 1996; вступ. ст. К. Ю. Лаппо-Данилевского «Глеб Струве – историк литературы»; переведена на мн. языки). В однотомник О. М. вошли произведения, опубл. до 1932, каждый из составителей предпослал книге свое предисловие. С. всегда был большим поклонником О. М. и, по рассказам, однажды присутствовал на вечере его поэзии (вероятно, в 1916). В 1960–80-е гг. С. и Филиппов продолжили работу по изданию О. М. за границей, выпустив первое собр. соч. поэта (Ваш; Париж, 1962–80, в конечном счете в 4 т.).

В т. 1 этого издания был помещен новый, значительно более полный очерк С. об О. М., биографический и литературоведческий, учитывавший многочисл. отклики современников и уточняющий вклад О. М. в рус. литературу. Если в предисловии 1955 С. представлял О. М. как поэта преим. акмеистич. школы, то теперь его взгляд расширяется: О. М. видится ему как «как наиболее полно синтезировавший три главных течения новейшей русской поэзии: символизм, акмеизм и футуризм».

Соч.: Итальянские образы и мотивы в поэзии О. Мандельштама // Studi in onore di Ettore Lo Gatto e Giovanni Maver. Roma; Firenze; Sansoni, 1962. P. 601–614; Новое о судьбе О. Мандельштама // Мосты. 1963. № 10. С. 150–159 (подп.: Георгий Стуков); О четырех поэтах: Блок, Сологуб, Гумилев, Мандельштам. Лондон, 1981; The Fate of O. M. // Survey (L.). 1963. № 46; O. M. and Auguste Barbier: Some Notes on Mandelstam's Versions of ambes // California Slavic Studies. 1975. VIII.

Лит.: Лаппо-Данилевский К. Ю. Глеб Струве – историк литературы // РЛ. 1990. № 1; Нерлер П. М. Материалы об О. Э. Мандельштаме в американских архивах // Россика в США: 50-летию Бахметьевского архива Колумбийского ун-та посвящается. М., 2001; Письма Глеба Струве Владимиру и Вере Набоковым 1942–1985 годов / вступ. ст., подгот. текста, коммент. М. Э. Маликовой // РЛ. 2007. № 1. С. 220–222; Gleb Struve: A Bibliography / comp. by Robert P. Hughes // California Slavic Studies. 1980. Vol. XI. P. 269–317.

О. А. Коростелев, Н. А. Струве.

СТРУВЕ Никита Алексеевич (16.2.1931, Булонь-Биянкур, Франция – 7.5.2016, Булонь-Биянкур, Франция), рус. и франц. литературовед, издат. и церк. деятель. Выпускник (1955) и преподаватель (1959–65) Сорбонны. В 1979 защитил диссертацию об О. М. (Ossip Mandelstam: la voix, l'idie, le destin"), профессор Ун-та Нантер (1966–99). Сотрудник (с 1956), затем директор (с 1981) изд-ва YMCA–Press, Париж, гл. ред. изд-ва «Русский путь» (М., 1995), гл. ред. журналов «Вестник» (в 1960-х гг.) и "Le Messager Orthodoxe" (с 1959), соучредитель библиотеки фонда «Русское зарубежье» (Москва). Авторский перевод дис. на рус. языке издан в Лондоне (1988) и Томске (1992). Автор более чем 200 статей, в т. ч. по церк. вопросам, литературы рус. эмиграции, а также начиная с 1961 об О. М. С. – редактор-сост. т. 3 и 4 его собр. соч. Вскоре после установления письм. контакта с Н. М., С. стал ее доверенным лицом, в нач. 1970-х гг. и душеприказчиком. Занимался изданием «Второй книги» Н. М., переизданием первой («Воспоминания») и составлением третьей. В 1974 получил от Н. М. на хранение Архив О. М. Часть архивных материалов С. опубликовал на страницах «Вестника», а также в т. 4 собр. соч. О. М. (1981). Исполняя волю Н. М., в 1976 передал представителю Принстонского ун-та архив Э. Моссману. Как франц. славист составлял антологии с включением стихов О. М., переводил стихи О. М. на франц. яз., писал предисловия к франц. изданиям прозы поэта. Так, в 1970 появилась составленная С. двуязычная хрестоматия, включавшая в т. ч. и 11 стих. О. М. (в переводе С.) (Anthologie de la po sie russe: la renaissance du XXe si cle. P.: Ed. Aubier-Flammarion, 1970). В 1972 с предисловием С. вышел «Шум времени» (в пер. Э. Шерер). В 1975 С. публикует работу о христианских темах в творчестве О. М. Крупным событием в «академическом» восприятии О. М. во Франции и во всем мире стала защита С. в 1979 диссертации об О. М., имевшей подзаголовок «Поэзия и религия перед лицом государства». Изданная в 1982 под заглавием «Осип Мандельштам», эта работа была позднее переведена на рус. язык, а затем и переиздана в России (Томск, 1992), став, по сути, одним из первых монографич. исследований жизни и творчества О. М. С. – член Совета *Мандельштамовского общества*. Инициатор и организатор открытия мемориальной доски О. М. в Париже в 1992.

Соч.: Рец. О воспоминаниях Эренбурга // ВРСХД. 1961. № 60. Т. 4, Антология, 3 книги Н. М. Судьба Мандельштама. // Мандельштам О. Собр. соч. Т. 3. С. xxii-xxxiy. (Перепеч.: Ман-

дельштам О. Стихотворения. / сост. и вступ. ст. Н. А. Струве. P.: YMCA–Press, 1993.) (Перепеч.: Струве Н. Православие и культура. М.: Русский путь, 2000. С. 408–418); Mandelstam O. Le bruit du temps. Tr. et annotation Edith Scherrer. Préface de Nikita Struve. Lausanne: Ed. L'Age d'Homme (Serie slave.), 1972, 127 p.; Les themes chretiens dans l'oeuvre d'Osip Mandelstam // Essays in honor of Georges Florovsky. Vol. 2 (The religion world of russian culture: Russia and Orthodoxy), ed. Mouton. The Hague; P., 1975. P. 305–313); Ossip Mandelstam 1891–1938; poésie et religion face à l'Etat. These de doctorat, P., 1979); Ossip Mandelstam. Ed. Institut d'études slaves (Bibliotheque Russe de l'Inst. d'études slaves. Vol. 60. P., 1982. 302 p.; Осип Мандельштам. L.: Ed. Interlanguage, 1990; Анкета 1990 г.; Христианское мировоззрение Мандельштама // Столетие Мандельштама: Материалы симпозиума. Тенафли: Эрмитаж, 1994. (Перепеч.: Православие и культура. М.: Русский путь, 2000. С. 430–435); Н. Мандельштам в Париже. // Вестник российского христианского движения. Париж, 1990. № 160. С. 255–257.

Лит.: Нерлер П. Доска в честь О. Мандельштама в Париже // ВРХД. 1991. № 2–3. С. 339–341; О н ж е. В честь Осипа Мандельштама [Об открытии мемориальной доски в Париже] // НРС. 18.2.1992. С. 15.

П. М. Нерлер.

СУДАК, пос. в Крыму Таврической губ. на берегу Черного моря, в 55 км от Феодосии; приморский климатич. курорт. В 4 в. до н. э. на его территории возникло поселение тавров, затем (3 – нач. 13 в.) находился греч. г. Сугдея (изв. вост. славянам как Сурож) – крупный центр междунар. торговли, в 13 в. разрушенный монголо-татарами. С нач. 13 в. С. принадлежал Венецианской республике, с 1365 – Генуэзской, входил в провинцию Газария под назв. Солдайя. В 1475 разрушен турками, в 16–18 вв. окружной город Крымского ханства, в 1771 захвачен рус. войсками, в 1783 присоединен к Рос. империи под назв. Кирилловской крепости. Гл. достопримечательность С. – остатки Генуэзской крепости 14–15 вв.

По воспоминаниям современницы, в 1915 или 1916 О. М. участвовал в коллективной поездке в С. в группе обитателей *Коктебеля* (см.: Т а р а х о в с к а я Е. О. Э. Мандельштам // СМР. Вып. 2. С. 24); возможно, он бывал в С. на даче у сестер Герцык (см. в ст. Е. К. *Герцык*). По свидетельству др. мемуариста, находясь в сер. 1910-х гг. в Алуште, О. М. «любил смотреть на далекие Судакские горы, на туманный мыс Меганом» (Мочульский К. О. Э. Мандельштам / публ. Р. Д. Тименчика // Мандельштам и античность: Сб. статей. М. 1995. С. 9). Этот мыс, расположенный между С. и Коктебелем, упомянут в мандельшт. стих. «Меганом» («Еще далеко асфоделей...», 1917): «Туда душа моя стремится, / За мыс туманный Меганом», связанном с рядом актуальных для *акмеизма* мотивов и образов (см.: Ш и н д и н С. Г. О некоторых смысловых составляющих мотива полета в художественном мире Мандельштама // Концепт движения в языке и культуре. М., 1996. С. 366–367). Впечатления от развалин Генуэзской крепости, возможно, отразились в стих. О. М. «Бежит волна-волной, волне хребет ломая...» (1935): «А через воздух сумрачно-хлопчатый / Неначатой стены мерещатся зубцы»; косвенно это подтверждается появляющимся далее образом солдат: «А с пенных лестниц падают солдаты», сопоставимым с генуэзским именованием С. и крепости – Солдайя. Этот же образ метафорически использован в хронологически близком стих. «Исполню дымчатый обряд...» (1935), причем оба текста навеяны коктебельскими реалиями; см.: Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 765.

С. Г. Шиндин.

СУДЕЙКИН Сергей Юрьевич (Георгиевич) (7.3.1882, С.-Петербург – 12.8.1946, Нью-Йорк), живописец, график, иллюстратор, театр. художник, сценограф. Учился в Моск. уч-ще живописи, ваяния и зодчества (1897–1909) у К. А. Коровина и В. А. Серова, в Академии художеств (1909–11). Один их создателей худож. объединения «Голубая роза», с 1911 постоянный участник выставок объединения «Мир искусства». С 1920 за рубежом (Франция, США). Спутницами его жизни были О. А. *Глебова-Судейкина* (1907–15), В. А. *Судейкина* (1915–22) и др. представительницы артистич. среды Петербурга 1910-х гг. [Близко знавшая его современница «вспоминала Судейкина с восхищением – "Дон-Жуан № 1"» (Г и л ь д е б р а н д т - А р б е н и н а О. Н. О. А. Глебова-Судейкина [1978] // Гильдебрандт-Арбенина О. «Девочка, катящая серсо...»: Мемуарные записи. Дневники / сост. А. Дмитриенко. М., 2007. С. 154).] Как поэт однажды выступил на страницах альманаха *«Гиперборей»* (1913. Вып. 6. С. 25) – печатного органа *«Цеха поэтов»* и акмеистов: единств. опубл. четверостишие было вписано в наборную рукопись рукой С. М. *Городецкого* (см.: Т и м е н ч и к Р. Д. Круг авторов «Гиперборея» // Тыняновский сб.: Пятые Тыняновские чтения. Рига; М., 1994. С. 278): «Сильнее ненавижу, чем люблю, / Но в ненависти нежность чую / И в душу темную, чужую / Смотрю, как в милую свою».

С. был одним из наиб. активных организаторов и оформителей худож.-артистич. кабаре *«Бродячая собака»*, что нашло прямое отражение в «гимне», фрагмент к-рого, посв. художникам, констатировал: «Словно ротой гренадерской / Предводительствует дерзкий / Сам Судейкин (3 раза) господин» (цит. по: Л и в ш и ц Б. Полутороглазый стрелец: Стихотворения, переводы, воспоминания / сост. Е. К. Лившиц и П. М. Нерлера, подгот. текстов П. М. Нерлера и А. Е. Парниса. Л., 1989. С. 511); С. исполнил и обложку к отд. изданию этого текста (см.: Там же. Ил. между с. 544 и 545). Именно в «Бродячей собаке» могло состояться знакомство С. с О. М., к-рый 31.12.1911 присутствовал на открытии кабаре и прочел неск. шуточных стихотворений; см.: Мандельштам О. ПССиП: В 3 т. Приложение: Летопись жизни и творчества / сост. А. Г. Мец при участи С. В. Василенко и др. М., 2014. С. 42. Наиб. активное общение О. М. с С. и его женой происходило, очевидно, летом 1917 в Алуште и явно отличалось взаимной симпатией, в своих неоконч. воспоминаниях Судейкина написала: «Мы наслаждались его визитом. <...> И опять мы хотели увидеть его, увидеть его воодушевленное выражение». Вскоре после этого посещения появилось стих. «Золотистого меда струя из бутылки текла...» (1917), к-рое 11.8.1917 О. М. с посвящением Судейкиным записал в их альбом [8.8.1917 он записал туда же обращенное к М. И. *Цветаевой* стих. «В разноголосице девического хора...» (1916)]; см.: П а р н и с А. Е. Штрихи к футуристическому портрету О. Э. Мандельштама // Слово и судьба. С. 197. Позднее Судейкина вспоминала эпизод прогулки с О. М., к-рый мог отразиться в тексте: «Мы по-

вели его на виноградники: “Ничего другого не можем Вам показать. Да и угостить можем только чаем и медом. Хлеба нет”», – а в дневнике она зафиксировала впечатление С. от мандельшт. посвящения, к-рое «не особенно нравится ему, оно очень умно, но сухо» (Судейкина. С. 392, 151). Вместе с тем именно при содействии Судейкиных состоялась первая публикация этого стих. в издававшемся в *Тифлисе* в апреле–декабре 1919 журнале «Орион» (№ 6, сентябрь), редколлегию к-рого составляли С. Л. *Рафалович*, С. М. *Городецкий* и С. Н. *Андроникова*; см.: Парнис А. Е. Штрихи к футуристическому портрету О. Э. Мандельштама. С. 198. Из мемуаров Судейкиной следует, что в данный период О. М. с интересом и вниманием относился к творчеству С.: «Он долго стоял перед комодом, рассматривая эскизы, пришпиленные к стене» (Судейкина. С. 392).

Лит.: Судейкина В. А. Дневник: 1917–1919 (Петроград – Крым – Тифлис) / подгот. текста, вступ. ст., коммент. И. А. Меньшовой. М., 2006 (по им. ук.); Казарин В. П., Новикова М. А., Криштоф Е. Г. Стихотворение О. Э. Мандельштама «Золотистого меда струя из бутылки текла...» // Знамя. 2012. № 5.

Вакана Коно, С. Г. Шиндин.

СУДЕЙКИНА (урожд. де Боссе,, позднее Судейкина-Шиллинг и Стравинская) Вера Артуровна (1883, С.-Петербург – 17.9.1982, Нью-Йорк), художница, актриса, танцовщица, жена художника С. Ю. *Судейкина*, адресат стих. О. М. «Золотистого меду струя из бутылки текла...». В августе 1917 О. М. во время отдыха в «профессорском уголке» в Алуште прочитал К. В. *Мочульскому* это стихотворение, а затем вписал его в альбом С. с посвящением: «Вере Артуровне и Сергею Юрьевичу С[удейкиным]». Обстоятельства написания стихотворения изложены в дневнике С.: «...Появился Осип Мандельштам <...> Как рады мы были ему <...> Мы повели его на виноградники – “ничего другого не можем Вам показать. Да и угостить можем только чаем и медом. Хлеба нет”. Но разговор был оживленный, не политический, а об искусстве, о литературе, о живописи. Остроумный, веселый, очаровательный собеседник. Мы наслаждались его визитом» (Кофейня разбитых сердец: Коллективная шуточная пьеса в стихах при участии О. Э. Мандельштама // Stanford Slavic Studies. Vol. 12. [1997]. С. 19). По наблюдению А. Е. Парниса, «стихотворение – своеобразная парафраза «Чужой поэмы» (1916)» М. А. Кузмина, вписанная в тот же альбом и посвященная тем же адресатам (Парнис. С. 197). По предположению И. А. *Бродского*, с С. также связан финальный образ («леди Годивы») стих. О. М. «С миром державным я был лишь ребячески связан...» (1931) (Бродский И. А. «С миром державным я был лишь ребячески связан...» // Столетие Мандельштама. С. 16).

Соч.: Дневник. Петроград, Крым, Тифлис. М., 2006.

Лит.: Парнис А. Е. Штрихи к футуристич. портрету О. Мандельштама // Слово и судьба; Stravinsky V., McCaffrey R. Igor and Vera Stravinsky: A Photograph Album, 1921 to 1971. L., 1982. P. 44; The Salon Album of Vera Sudeikin-Stravinsky / ed. and transl. by John Bowlt. Princeton, 1995. P. 39.

О. Я. Алексеева.

СУДЕЙКИНОЙ АЛЬБОМ, салонный альбом В. А. *Судейкиной*, содержащий автографы и рисунки мн. известных писателей и художников. Охватывает период апреля 1916 – лета 1923, однако наиб. интенсивно он заполнялся в 1918–20, когда Судейкина была в Крыму, Тифлисе и Баку. Точное совр. местонахождение альбома, обозначенное как «Частное собрание в Нью-Йорке», в С. а. не указано. По сообщению Д. Болта, С. а. принадлежит Р. Крафту (Robert Craft; Нью-Йорк). О. М. представлен в С. а. автографами двух стихов – «Золотистого меда струя...» (№ 510, с датой: «11 августа 1917, Алушта» и посвящением: «Вере Артуровне и Сергею Юрьевичу С.») и «В разноголосице девического хора...» (№ 111а, с датой: «8 августа 1917 г. Профессорский уголок – Алушта») и переводом стих. «Прощание» Н. И. Мицишвили (№ 111б, автограф Мицишвили).

Лит.: The Salon Album of Vera Sudeikin-Stravinsky / ed. and transl. by John Bowlt. Princeton, 1995.

П. М. Нерлер.

СУРКОВ Алексей Александрович (1.10.1899, дер. Середнево Рыбинского у. Ярославской губ. – 14.6.1983, Москва), поэт, в разное время канд. в чл. ЦК КПСС, депутат ВС СССР и РСФСР, Герой социалистич. труда (1969); Сталинские премии (1946, 1951). Будучи 1-м секр. правления СП СССР (1953–59) инициировал создание *Комиссии по литературному наследству О. Э. Мандельштама* при СП СССР, еще не реабилитированного по делу, возбужденному в 1934. Несмотря на то что 31.7.1956 было закрыто лишь дело О. М., возбужденное в 1938 (по первому делу О. М. был реабилитирован в 1987), 28.2.1957 Секретариат СП назначил Комиссию.

Никаких личных связей с О. М. при жизни поэта С. не имел. Однако, когда зимой 1937/38 некто в коридоре СП незаметно подложил О. М. в карман пиджака 300 руб. (это была месячная плата за частную комнату), О. М. решил, что это сделал С. В 1955–59 С. как 1-й секр. СП принимал участие в судьбе вдовы поэта: помог устроиться на преподават. работу в Чувашский пед. ин-т, а также получить в Гослитиздате заказ на перевод; хлопотал о предоставлении жилья в Москве. Его хлопоты о жилплощади в Москве оказались безрезультатными, вместо прописки Н. М. получила от Литфонда материальную помощь в размере 200 руб. В состав созданной и в течение ряда лет возглавлявшейся С. Комиссии по лит. наследству О. М. кроме него вошли А. А. *Ахматова*, Н. М., З. С. Паперный, Е. Я. *Хазин*, Н. И. *Харджиев*, И. Г. *Эренбург*. В своем желании способствовать изданию стихов О. М., а также помочь в преодолении житейских трудностей его вдове С. сталкивался с серьезными препятствиями. Преодоление их было связано с риском, на к-рый С. пойти не отважился.

Лит.: Мушатаев В. П. Неумолимое время // ЛО. 1989. № 10.

Л. Л. Горелик.

США, см. Америка

ТАЛОВ Марк Владимирович (1.3.1892, Одесса – 10.6.1969, Москва), поэт и переводчик европ. поэзии (С. Малларме, П. Верлен и мн. др.). Осенью 1913, испытав унижения в армии во время прохождения срочной службы, нелегально перешел границу в Бессарабии и добрался до Парижа, не зная в то время ни одного иностр. языка. В 1913–21 жил в Париже, где познакомился и подружился с М. Жакобом, А. Модильяни, О. Цадкиным, С. И. Шаршуном и др. поэтами и художниками из разных стран; завсегдатай «Ротонды» и др. кафе Монпарнаса. Франц. яз. вскоре стал для Т. вторым родным. В 1914 Т. ушел во францисканский монастырь в Турени, где принял католичество, получив при этом тройное имя: Марк-Мария-Людовик. Весной 1921, вместе с А. С. Гингером и В. Я. *Парнахом*, создал первое рус. лит. содружество «Гатарапак» (аббревиатура имен пяти ее основателей), базировавшееся при кафе «Хамелеон» (бульв. Монпарнас, 146), а в кон. лета 1921 – «Палату поэтов», первый вечер к-рой состоялся 7.8.1921. Весной 1922, вместе с Парнахом, Т. покинул Париж и через Берлин вернулся в Москву, где спустя 9 лет разлуки женился на своей невесте Э. С. Ловенгард (1894–1944).

В Москве Парнах познакомил Т. с О. М. На своем вечере в Доме Герцена Т. постоянно пересыпал свою рус. речь франц. словами и фразами, на что О. М. заметил: «Э, да вы могли бы с таким парижским произношением выступать в качестве конферансье».

С 1927 Т. – чл. Всерос. союза поэтов. В 1930-е гг. работал литсотрудником, выпускающим ред. в газетах «Гудок», «Железнодорожный пролетарий», «На страже» и др., но после знакомства, по рекомендации О. М., с И. С. *Поступальским* занялся худож. переводами (Т. владел восемью европ. языками). После переезда О. М. в Москву Т. и О. М. изредка встречались, обменивались семейными визитами. В один из таких вечеров, после разговора о франц. поэтах и о жизни богемы, О. М. надписал Т. экземпляр «Стихотворений» (1928). В 1963 Т. посредством переписки возобновил знакомство с Н. М., в 1967 работал над стихотворением, посв. О. М. (не завершено).

Соч.: Осип Мандельштам: [Выдержки из дневника] // Талов М. Воспоминания. Стихи. Переводы / сост. и коммент. М. А. Таловой, Т. М. Таловой, А. Д. Чулковой. Предисл. Р. Герра. М.; П., 2005 (2-е изд. – 2006). С. 69–72 (на вклейке – факсимиле инскрипта О. М.).

Архивы: Собрание Р. Герра (Париж).

Источники: [Талова М.] Мандельштамовские материалы в архиве М. Талова / публ. М.Таловой при участии А. Чулковой. Предисл. и комм. Л. Видгофа // ВЛ. 2007. № 6. С. 330–338.

Лит.: Герра Р. Марк Талов – «менестрель России» // Талов М. Воспоминания. Стихи. Переводы. М.; П., 2005 (2-е изд. – 2006). С. 5–9; Витковский Е. В. Марк Талов // http://www.vekperevoda.com/1887/talov.htm

П. М. Нерлер.

ТАРАНОВСКИЙ (англ. Taranovsky) Кирилл Федорович [19.3.1911, г. Юрьев (ныне Тарту, Эстония) – 18.1.1993, Арлингтон близ Бостона, США], лит-вед, стиховед. Свою первую работу об О. М. «Стихосложение Осипа Мандельштама (с 1908 по 1925 год)» опубликовал в 1962 (IJSLP. 1962. Vol. V. P. 97–123; об этой «очень хорошей статье», заложившей основы изучения стиха О. М., см.: Гаспаров. Эволюция. С. 336). В весеннем семестре 1968 Т. провел со студентами, аспирантами и докторантами, среди к-рых были Х. Баран, Д. Бейли, С. Бройд, П. Бэбби, О. Ронен, Г. М. Фрейдин и др., Гарвардского ун-та семинар по творчеству О. М., где изложил и обсудил гл. идеи и положения своих будущих работ о поэтике О. М. (подробнее см.: Ронен. С. 420–421; Бейли, Баран. С. 11). Анализируя произведения О. М., Т. исходил «из предположения о мотивированности всех элементов его стихов Мандельштама, причем мотивация может лежать вне текста, прежде всего – в ином тексте. Этот мотивирующий текст и является *подтекстом* данного, анализируемого текста» (Левинтон, Тименчик. С. 404). Тем самым Т. сумел придать давно известному наблюдению о насыщенности стихов О. М. явными и скрытыми цитатами из его собств. произведений и из произведений др. авторов (ср., напр., идею В. М. *Жирмунского* о стихотворениях О. М. как о «поэзии для поэзии») новый семиотич. смысл. Семантику стихотворений О. М., согласно подходу, предложенному Т., оказалось возможным обогащать, уточнять, а нередко и раскрывать путем расширения контекста за счет привлечения его собств. произведений («context», или «контекст», в первонач. терминологии Т.) или произведений др. авторов («subtext», или «подтекст») [см.: Тарановский К. Ф. О замкнутой и открытой интерпретации поэтического текста // American Contributions to the Seventh International Congress of Slavists, I: Linguistics and Poetics. 1973. P. 333–360). Позднейшие исследователи в обоих случаях предпочли использовать термин «подтекст». В качестве подтекстов стали привлекаться не только лит. произведения, но и философские, публицистические (Д. М. Сегал, Л. С. Флейшман), а также музыкальные (Б. А. Кац).

Первую работу об О. М., посв. выявлению подтекстов в его стихотворениях, «Пчелы и Осы в поэзии Мандельштама: К вопросу о влиянии Вячеслава Иванова на Мандельштама» Т. опубликовал в 1967 (Taranovsky K. To Honor Roman Jakobson. III. Hague; P., 1967. P. 1973–1995). У вдовы поэта, Н. Я. *Мандельштам*, эта работа вызвала неприятие, связанное с ее негативным отношением к

В. И. *Иванову*, хотя сама идея о полной мотивированности смысловых компонентов поэзии О. М. ранее высказывалась самой Н. М. и поиск подтекстов привлекал ее (Н. Я. Мандельштам. Т. 2.; ср.: Морозов А. А. Примечания // Мандельштам Н. Я. Вторая книга / предисл. и примеч. А. А. Морозова; Подгот. текста С. В. Василенко. М., 1999; ср.: Бейли, Баран. С. 11). Англоязычный вариант сборника дополненных и переработанных статей Т. об О. М. вышел в 1976 (Taranovsky K. Essays on Mandel'stam. Cambridge, Mass., 1976), затем в переводе с английского эта книга была выпущена в Белграде (Knjiga o Mandeljštamu. Beograd, 1982). В 2000 был издан «русский вариант, значительно расширенный и дополненный по сравнению с английской книгой» (Гаспаров. От составителя // Тарановский. С. 8; «очерки о поэзии» О. М. составили здесь первый, самый обширный раздел). В рус. издание книги вошла также работа 1963 «О взаимоотношении стихотворного ритма и тематики», основополагающая для изучения проблемы «семантических ореолов» метра (Тарановский. С. 372–403); предложенный в ней подход применительно к решению мандельштамоведч. проблем использовал М. Л. *Гаспаров* при анализе стихотворений О. М. последнего года ссылки (Гаспаров М. Л. Метрическое соседство «Оды Сталину» Мандельштама // Здесь и теперь. 1992. № 1. С. 63–75; Он же. О. Мандельштам. Гражданская лирика 1937 года. М., 1996).

Труды Т. о поэтике О. М. сыграли основополагающую роль в становлении и развитии отеч. и зарубежного *мандельштамоведения* в 1970–90-е гг. (ср.: Бейли, Баран; Гаспаров. От составителя; Левинтон, Тименчик; Ронен; Фрейдин. 1995; Фрейдин. 1991).

История написания нек-рых статей Т. об О. М. прослежена в мемуарном очерке: Левин.

Часть личной б-ки Т. поступила в б-ку кафедры славистики в Баркерском центре гуманитарных исследований Гарвардского ун-та; его архив хранится в его семье.

Соч.: О поэзии и поэтике. М., 2000.

Лит.: Гаспаров М. Л. К 60-летию К. Ф. Тарановского // Тр. по знаковым системам. Вып. 5. Тарту, 1971. С. 545–546; Он же. Эволюция метрики Мандельштама // Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама. Воронеж, 1990; Он же. Кирилл Федорович Тарановский: (К 80-летию со дня рождения). // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1991. Т. 50. Вып. 5. С. 491–492; Он же. От составителя // Тарановский К. Ф. О поэзии и поэтике. М., 2000; Фрейдин Ю. Л. Юбилей старейшины мировой славистики // ЛО. 1991. № 12; Он же. Античная тема в «Опытах о Мандельштаме» К. Ф. Тарановского (попытка запоздалой рецензии) // Мандельштам и античность; Левин Ю. И. Памяти К. Ф. Тарановского // НЛО. № 3 (1993); Бейли Дж., Баран Х. Об авторе // Тарановский К. Ф. О поэзии и поэтике. М., 2000; Левинтон Г. А., Тименчик Р. Д. Книга К. Ф. Тарановского о поэзии Мандельштама // Там же; Ронен О. К. Ф. Тарановский и «раскрытие подтекста» в филологии // Там же; Јовановић М., Одлазак В. Поводом смрти Кирила Тарановског, највећег филолога и који је икад живео у нашој средини. // Политика. 30.1.1993. С. 19; Терзић Б. Научно-наставни рад К. Ф. Тарановског у области лингвистике // Lunt, H. G., Malmstad J. E., Setchkarev, Vs., Striedner, Ju., Fanger, D. Faculty of Arts and Sciences Memorial Minute // Harvard Gazette. February 16, 1995. P. 14; 100 Years of Slavic Languages and Literatures at Harvard. 1896–1996. An Exhibitions of Books and Abstracts, November-December 1996.

О. А. Лекманов, П. М. Нерлер, Ю. Л. Фрейдин.

ТАРАСЕНКОВ Анатолий Кузьмич (13.3.1909, Москва – 14.2.1956, там же), критик, библиофил, библиограф, поэт. По словам Н. М., О. М. «называл Тарасенкова "падшим ангелом". Это был хорошенький юнец, жадный читатель стихов, сходу взявшийся исполнять "социальный заказ" на уничтожение поэзии и тщательно коллекционировавший в рукописи все стихи, печатанию которых он так энергично препятствовал» (Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 251). В 1929, будучи студентом Моск. ун-та, Т. опубликовал рецензию на кн. О. М. «Египетская марка» в рапповском журнале «На литературном посту» (№ 3. С. 72–73). Называя О. М. «бесконечно далеким от нашей эпохи... бывшим поэтом», Т. увидел в книге, с одной стороны, «идейную пустоту», «сгусток горечи по поводу ушедшего прошлого, злую, издевательскую иронию над самим собой, над своим поэтическим стилем», «сознание своей идейной и психологической смерти», а с другой – «тончайшую, именно поэтическую наблюдательность». Статья Т. об О. М. в 1-й «Литературной энциклопедии» (1932) фиксирует не только его собств. отношение к О. М., но и отношение советской критики 1930-х гг. в целом как к выразителю «контрреволюционного... сознания крупной буржуазии», «фаталистически» приемлющему послеокт. действительность, но настроенному к ней «враждебно». Вместе с тем в статье сделана попытка описания поэтич. стиля О. М., в к-ром выделены такие черты, как «тяга к классическим образам», «полнозвучным словам», «классическим метрам», «велеречивая строгость», «культ исторических мотивов», в позднейшем творчестве разбавленные «бредовым иррационализмом» (Т. 6. М., 1932. С. 756–759). Заведуя отделом критики журнала *«Знамя»* (1932–41), Т. внимательно следил за публикациями О. М. и отзывался о нем по-прежнему как о представителе «старого» буржуазного поколения поэтов», умеющем в «очень утонченных и "приятных" формах» преподносить непонятный поэтич. «туман» (Графоманское косноязычие // Знамя. 1935. № 1. С. 193).

В собрании Т. оказался экземпляр стих. «Квартира» с теми же купюрами, к-рые были сделаны О. М. при его записи во время допроса в мае 1934. Н. М. не исключала получения Т. копии из этого источника: «Где получил Тарасенков текст "Квартиры"? Может, и там» (Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 509).

Т. собрал уникальную б-ку (включавшую и неизд. рукописи) поэзии 1-й пол. 20 в., на основе к-рой составил библиографич. труд «Русские поэты XX века. 1900–1955» (опубл. посмертно: М., 1966). Здесь учтены поэтич. книги О. М., вышедшие не только в России и СССР, но и за рубежом. Т. мечтал издать сборник стихотворений О. М., «собирал его тексты, выверял их, готовил» (Белкина. 1975. С. 39). У Т. брал почитать О. М. сын М. И. *Цветаевой* Г. С. Эфрон (Она же. 1999. С. 145).

Источники: Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 163, 251, 509, 659–670.

Лит.: Белкина М. И. Дождь перестал. 2-е изд. М., 1975; Она же. Скрещение судеб. М., 1999.

Библиография: Захаренко, Мец. (по ук.).

Т. Ф. Нешумова.

ТАРКОВСКИЙ Арсений Александрович [24.5.1907, Елисаветград (ныне Кропивни́цкий (укр. Кропивни́цький), Украина) – 27.5.1989, Москва], поэт и переводчик; младший современник О. М., в течение всего творческого пути поддерживавший диалог с ним на уровне поэтики, переходивший от ученичества к рефлексии о лирике О. М. и о его взглядах на поэзию. Согласно позднему (1969) указанию Т., в его б-ке имелись все осн. сборники О. М.: «...Мандельштамовский “Камень” у меня был в трех изданиях: 1913, 1916 и 1922 годов. <...> В моей библиотеке, наряду с “Камнем”, был и второй сборник поэта, называвшийся “Tristia”, далее: книга переводов, выполненных им (предположительно, книга М. Бартеля “Завоюем мир!”. – *Авт.*), и так называемая “Вторая книга”, вышедшая в издательстве “Круг”, а также “Стихотворения” издания 1928 года и небольшая книга, объединившая статьи Мандельштама о поэзии» (Тарковский А. А. Держава книги / Беседу вел А. Хворощан // Альманах библиофила. Вып. VII. М., 1979. С. 20, 21).

С 1925 Т. в Москве, учился на Высших гос. лит. курсах (до их закрытия в 1929). В узкий круг его поэтич. общения входили А. А. *Штейнберг*, С. И. *Липкин* и М. С. *Петровых*, вместе с Т. составлявшие т. н. «Квадригу»: В. А. Бугаевский называл их поэтами «философского направления», ощущавшими себя «младшими современниками Серебряного века» (Бугаевский А. В. Библия Акимыча // Воспоминания об Аркадии Штейнберге: «Он между нами жил...» / сост. В. Перельмутер. М., 2008. С. 51). Из литераторов, близких к кругу О. М. в 1920-е гг., в творч. становлении Т. большую роль сыграли Г. А. *Шенгели* – проф. Высших лит. курсов и наставник Т. в деле худож. перевода – и Л. В. *Горнунг*. Более широкий круг Т. – Ю. М. Нейман, Бугаевский, В. В. Державин, а также «старшие» – Ф. *Сологуб*, Ю. Н. *Верховский* и Арсений Альвинг (Смирнов), основатель изд-ва «Жатва» и литобъединения «Кифара», пропагандировавшего творчество И. Ф. *Анненского* (в него, в частности, входили Е. Я. Архиппов, Д. С. *Усов*). Многочисл. позднейшие ист.-лит. построения, связывавшие поэтику Т. с Серебряным веком и с О. М., по б. ч. были основаны не на прямых наблюдениях над текстами (тем более что мн. стихотворения Т. 1925–1930-х гг. увидели свет намного позже, а нек-рые до сих остаются неопубл.), но обусловлены косвенными сближениями между бытовавшими в те годы представлениями о поэтич. принципах О. М. и первыми попытками обозначить «направление» Т. и «Квадриги».

В ранних (1925–29) стихах Т. постоянно встречаются многочисл. реминисценции лирики О. М., регулярно присутствуют неск. мотивных рядов, очевидно восходящих к лирике О. М.: таинственная встреча, утраченное и искомое имя, С.-Петербург, антич. реалии и персонажи, зодчество; имеются также случаи прямого перифрастич. воспроизведения целых стихотворений О. М. Одна из самых ранних отсылок к О. М. – стих. «Видел то, что услышать мог...» (1.7.1926, не публиковалось), эпиграф к к-рому – «Звезд в ковше медведицы семь, // Добрых чувств на земле пять» – был взят Т. из стих. О. М. «Я по лесенке приставной...» (1922). Еще пример – стих. Т. «Silentium» (7.6.1927), заглавие к-рого, безусловно, отсылает не только к тютчевскому, но и к мандельштамовскому одноим. произведениям. Др. примером переклички топики целых стихотворений служат, напр., стихотворения О. М. и Т. о Макферсоне («Я не слыхал рассказов Оссиана...», 1914, и «Макферсон», 1929). Многочисленны в стихах Т. и «античные» реалии, прямо либо косвенно отсылающие к поэтике О. М. Напр., в стих. «Финикиянка» («Ты возникаешь не напрасно...», 5.3.1928) помимо прямой связи со стих. О. М. «С розовой пеной усталости у мягких губ...» (1922), в к-ром речь идет о похищении Европы – дочери финикийского царя, присутствуют традиционно мандельштамовские мотивы, связанные с *античностью* и зодчеством.

Сближающими с поэтикой О. М. в 1920-е гг. были и традиционность стилистики, и уход от «общественных» доминант творч. поведения. В написанном в 1945 предисловии к поэтич. книге «Стихотворения разных лет» [предполагавшейся к изданию в «Советском писателе», но так и не вышедшей после «ждановского» постановления ЦК ВКП(б) 1946], Т., имея в виду поэтов «Квадриги», выдвигает как объединяющее понятие «поэтической правды»: «Года с 1928-го несколько молодых поэтов, не заботясь о печатании своих стихов, подняли почти никем не замеченное знамя. На нем было написано: “Поэтическая правда” <...>. Наша поэзия не должна быть нарочита, сказали мы. В этой естественности и увидели мы правду. Так, подспудно, каждый из нас начал свободно дышать, по камню складывая жилище реализма, в котором можно было бы не только, носясь из угла в угол, предлагать свою программу переоборудования мира, но и жить. “Что такое реализм?” – спросили мы – и тут не могли согласиться друг с другом. Тогда мы выдвинули общую гипотезу: это – система творчества, где художник правдив наедине с собой. // Наши стихи между собой не имели ничего общего, потому что, подойдя к правде с семи концов, мы увидели ее с семи сторон. Наши как бы моральные нормы были нормами и эстетическими» (Тарковский А. А. От автора <Предисловие к сборнику «Стихотворения разных лет»> // Тарковский А. А. Стихотворения. Поэмы / сост. М. А. Тарковская, В. С. Амирханян. М., 2003. С. 3–4). В более позднем очерке «Мой Шенгели» (1958), не называя О. М., Т. сформулировал осн. коллизию времени более внятно и без оговорок: «В те времена существовало два рода поэтов: одни были революционные (Демьян Бедный, Кириллов, Гастев, Александровский, Герасимов). Другие поэты влетели в РСФСР из бывшей империи и были просто поэты (Кузмин, Сологуб, Андрей Белый, Василий Каменский)» (Он же. Мой Шенгели // Тарковский А. А. Стихотворения разных лет. Статьи. Заметки. Интервью. Сер. «Тарковские. Из наследия»/ отв. ред. Д. П. Бак. М., 2017. С. 384).

Подобные самоопределения Т., начиная с 1960-х гг., вызвали к жизни ист.-лит. построения, согласно к-рым Т. был причислен к сторонникам «неоклассицизма» (см. полемику: Нерлер П. Высокая нота [рец. на сборники Т. «Волшебные горы» (1978) и «Зимний день» (1980)] // Юность. 1980. № 9. С. 94–95; Кожинов В. Поэтическая традиция и молодые критики: (Полемические заметки) // День поэзии. 1981. С. 154–157) и т. о. косвенно сближен с О. М. нач. 1920-х гг., к-рый (наряду с А. А. *Ахматовой*, В. Ф. *Ходасевичем*, С. Я. *Парнок* и др.) напечатал подборку стихов в эклектичном по составу сб. «*Лирический круг*»

(Лирический круг: Страницы поэзии и критики. М., 1922. [№] 1), собранном автором манифеста «Дух классики» А. М. *Эфросом* (см.: Н е р л е р П. М. Мандельштам и Эфрос: о превратностях нетворческих пересечений // Наше наследие. 2016. № 114).

Нек-рые основания для отнесения Т. к широко понятому «неоклассицизму» существуют – близость к Шенгели, известному своими выпадами против ломающей традицию поэзии В. В. *Маяковского*, а также к Верховскому (ср.: М у р а ш о в А. Н. Проблема неоклассицизма в русской поэзии 10–20-х годов XX века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003; З в о н о в а С. А. Творчество Ю. Н. Верховского в историко-культурном контексте первой трети XX века: Дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2006). Во многом подобным ему является и др. обозначение поэтич. кредо Т. и др. участников «Квадриги» – «неореализм»: согласно восп. Липкина, в 1929 «под водительством Штейнберга мы вчетвером устроили вечер в Доме печати. Докладчик А. Миних [поэт, псевд. А. В. Маслова (1903–1941?); одессит по происхождению, как и Штейнберг с Липкиным. – *Авт.*] назвал нас неореалистами. Мы имели успех. Это неудивительно – половину зала составляли знакомые Штейнберга» (Л и п к и н С. И. Вторая дорога // Липкин С. И. Квадрига: Повесть. Мемуары. М., 1997. С. 433). В целом же надо признать, что отнесение Т. к «неоклассикам» или «неореалистам» имеет скорее метафорический, а не строго-науч. характер.

В 1960-е гг. Т. во многом пересмотрел свое отношение к «неоклассическим» особенностям поэтики О. М., занял позицию еще более консервативную, по сравнению с принципами неоклассицизма. В «Заметках к пятидесятилетию “Чёток” Анны Ахматовой» (1964) Т. подчеркивал: «Ахматовой не коснулся тот великий соблазн разрушения формы, который был обусловлен деятельностью Пикассо, Эйнштейна, Чаплина и других основоположников нового, пересмотренного европейского мироощущения. Есть еще одна черта новой поэзии, не вовлеченная Ахматовой в сферу своего искусства: способ разрушения поэтической формы “изнутри”, когда “классичность” средств выражения пребывает в состоянии неустойчивого равновесия относительно “сдвинутого”, разделенного на отдельные плоскости самосознания художника. Так, Мандельштам, оставив у себя на вооружении классические стихотворные размеры, строфику, влагает в них новую “подформу”, порожденную словесно-ассоциативным мышлением, вероятно, предположив, что каждое слово, даже в обособленном виде – метафора (особенно в нашем языке) и работает само за себя и на себя. Говоря это, я отнюдь не хочу унизить исключительно важное значение поэзии одного из величайших поэтов мира и эпохи, столь трагически погибшего в расцвете творческих сил» (Т а р к о в с к и й А. А. Стихотворения разных лет, статьи, эссе, заметки, интервью. М., 2017. С. 402–403). Следует отметить, что данное суждение основано гл. обр. на поэтике и теоретич. высказываниях «раннего» О. М. и не учитывает дальнейшую эволюцию его поэтики, зафиксированную в стихах последних лет жизни, к-рые в 1960-е гг. постепенно становились доступными для читателей «самиздата».

Помимо общего влияния поэтики О. М. на лирику молодого Т. на рубеже 1920–30-х гг., имело место и личное общение Т. с О. М. Л. В. *Горнунг* вспоминал: «21 мая 1931 г. я встретил Арсения Тарковского. Мы разговорились о Мандельштаме, и он рассказал, что на днях он с Аркадием Штейнбергом и Николаем Берендгофом [поэт Н. С. Берендгоф (1900–1990). – *Авт.*] были у Рюрика Ивнева. Там оказался и Осип Мандельштам. По просьбе хозяина они читали свои стихи, после чего Осип Эмильевич так их всех разругал, что они долго не могли опомниться» (Г о р н у н г Л. В. Немного воспоминаний об Осипе Мандельштаме: По дневниковым записям // ЖиТМ. С. 31). Та же версия единств. встречи Т. с О. М. с вариациями (напр., четвертым участником вместо Берендгофа оказывается А. Б. Мариенгоф) повторяется в др. источниках, напр., в передаче И. Л. Лиснянской: «Мандельштама я видел всего однажды, в полуподвальной квартире у Рюрика Ивнева. Мы пришли вместе с Кадиком Штейнбергом. <...> Я боготворил Осипа Эмильевича, но и, стыдясь, все-таки отважился прочесть свои стихи. Как же он меня раздраконил, вообразил, что я ему подражаю» (Л и с н я н с к а я И. Л. Отдельный: Воспоминательная повесть // Знамя. 2005. № 1. С. 106). Вот слова Липкина: «Он (О. М. – *Авт.*) ко мне относился хорошо, приветливо <...>, происходило это, возможно, потому, что я ему не подражал, а это было редкостью среди того сравнительно небольшого круга стихотворцев, молодых и не очень молодых, с которыми он общался» (Л и п к и н С. И. Угль, пылающий огнем // Липкин С. И. Квадрига: Повесть. Мемуары. М., 1997. С. 385). В др. публикации Липкин датирует встречу 1928: «Тарковский видел Мандельштама только один раз в жизни. Встреча произошла в 1928 году в квартире на Арбате довольно известного тогда поэта-имажиниста. Выслушав стихи Тарковского, Мандельштам ему сказал: “Давайте разделим землю на две части: в одной будете вы, в другой останусь я”» (О н ж е. Трагизм без крика: Сегодня Арсению Тарковскому исполнилось бы 90 лет // ЛГ. 1997. 25 июня. С. 12). По предположению Л. М. Видгофа, могли иметь место и др. встречи Т. и О. М., в частности в 1933–34 у М. С. Петровых в Гранатном переулке (см.: В и д г о ф Л. М. «Но люблю мою курву-Москву»: Осип Мандельштам: поэт и город: Книга-экскурсия. М., 2012. С. 468). Видгоф также полагает достоверным свидетельство Н. К. Бруни о визитах Т. в комнату Мандельштамов во флигеле Дома Герцена в 1933–34: «Потом мы бывали у него в большой компании молодежной, вот Левушка Гумилев приезжал, Арсений Тарковский, Тедди Гриц, Харджиев... Мы приходили к Мандельштаму, когда он жил в дворницкой Дома Герцена» (Б р у н и Н. К. [Устные воспоминания из Архива фонодокументов МГУ (фонд В. Д. Дувакина). Кассета № 84. Запись от 3.4.1969] // О. и Н. Мандельштамы. С. 72).

Новый период освоения наследия О. М. наступил у Т. в период «оттепели», во многом это связано с двумя обстоятельствами – тесным общением с Ахматовой и расширением корпуса доступных для чтения текстов О. М. [«Начало 60-х годов было временем посмертной славы Мандельштама. “Воронежские тетради” мы прочли году в 55-м переписанными от руки» (Н а й м а н А. Рассказы о Анне Ахматовой. М., 1989. С. 81)]. В это время мотив «встречи с поэтом» приобретает не только и не столько биографический, но и более широкий смысл: осознание многолетнего взаимодействия с О. М. (ученичества, сменяющегося творч. диалогом) становится для Т. особой лирич. темой. С наиб. полнотой

эта тема зафиксирована в известном стих. Т. «Поэт» («Эту книжку мне когда-то...», 30.1.1963). Оно породило целый корпус ист.-лит. и комментаторских работ, посв. трем осн. вопросам: какой именно сборник стихов имеется в виду, насколько достоверен факт такой случайной встречи Т. с О. М. и, наконец, какое влияние на создание стихотворения оказал событийный фон нач. 1960-х гг., связанный и с взаимоотношениями Т. с Ахматовой в последние годы ее жизни.

Несмотря на то что в позднем интервью О. Хлебникову Т. прямо отвечает на первый вопрос: «Мандельштам действительно подарил мне когда-то свою книгу. Второе издание “Камня”. А стихи эти я написал спустя годы» (Тарковский А. «И повторится всё [Интервью О. Хлебникову] // Комсомольская правда. 1987. 16 янв.), бытуют и др. мнения. Так, М. В. Сеславинский полагает, что из трех изданий «Камня» с наиб. вероятностью было подарено «третье, то самое госиздатовское 1923 года с обложкой Александра Родченко, напечатанное довольно большим тиражом в 3000 экземпляров и, конечно же, имевшееся у Осипа Эмильевича в каком-то количестве. А может, речь и вовсе идет о “Стихотворениях” 1928 года, что более соответствует годам начала сотрудничества молодого Тарковского с Госиздатом» (Сеславинский М. В. Мой друг Осип Мандельштам: избранная иллюстрированная библиография и автографы. М., 2016. С. 13–14). Достоверность встречи в большинстве свидетельств и исследований ставится под сомнение. По словам Липкина, «в стихотворении “Поэт” он (Т. – *Авт.*) рисует Мандельштама. Читателю неважно, что он не видел Мандельштама в коридорах Госиздата, не дарил Мандельштам ему свою книгу, но как точно, как правдиво нарисован несчастный поэт» (Липкин С. И. Трагизм без крика). По словам Видгофа, «стихотворение Арсения Тарковского – не пересказ биографического эпизода (и маловероятно, что он мог видеть, как поэт получал гонорар “в диком приступе жеманства”, – эта строка вообще с Мандельштамом не вяжется, он нередко бывал капризен, но не жеманен), это попытка нарисовать образ поэта, опираясь на сохранившийся в памяти образ поэта Мандельштама» (Видгоф Л. М. Указ. соч. С. 468–469). Вероятнее всего, корректно говорить лишь о метафорически переработанном и творчески освоенном ист. и творч. контексте, отраженном в стих. «Поэт». Прямая экспликация мандельштамовской темы в этом стихотворении стала знаком новой эпохи раздумий Т. о судьбе и о поэтике О. М. Здесь на первом плане не просто преклонение перед мастером, образцово приверженным поэтич. традиции, но попытка глубже понять его место в рус. и мировой поэзии с учетом всех выпавших на долю О. М. испытаний (см. специальную работу о стих. «Поэт»: Скворцов А. Э. «Поэт» Арсения Тарковского: от реального – к идеальному // ВЛ. 2011. № 5. С. 263–284).

Стих. «Поэт» впервые было опубл. в альманахе «День поэзии. 1965» (М., 1965) и вызвало остро негативную реакцию Н. Я. *Мандельштам*. Во «Второй книге» она подчеркивает в О. М. «спонтанность, резкие реакции на любую фальшь. <...> Иногда я сочувствовала его реакциям, но чаще мне хотелось привить ему немножко хитрости, маршаковской вкрадчивости, чуточку игры в домового медведя, озабоченного тем, чтобы обворожить собеседника» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 326). К этой фразе автор дает примечание: «Поэтому меня так рассердило стихотворение “Поэт” Тарковского: В диком приступе жеманства принимал свой гонорар» (Там же. С. 673). Возможно, что именно этим спровоцирована негативная реакция Н. М. на выступление Т. на самом резонансном из первых публич. мандельштамовских вечеров, состоявшемся 13.5.1965 на механико-матем. ф-те МГУ [см.: Нерлер П. М. Мандельштамовский вечер на Мехмате (1965): реконструкция // Корни, побеги, плоды...: Мандельштамовские дни в Варшаве: В 2 т. М., 2015. С. 587–616]. Возможно, что той же обидой вызвано и нежелание Н. М. доверить Т. составление и написание статьи к сборнику произведений О. М. об Армении, к-рый в 1967 готовился к печати в Ереване (см. подробнее: Он же. Мандельштам и Армения: Об одной несостоявшейся книге Осипа Эмильевича // Независимая газета. Ex Libris. 2014. 27 нояб.). Л. М. Мкртчян вспоминал: «Я хотел издать в Ереване отдельной книгой стихи и прозу Мандельштама об Армении. Тарковского попросил написать предисловие. Он с радостью согласился. Он сообщил Надежде Мандельштам о наших намерениях. Она, как можно предположить, ему не ответила, она почему-то не хотела, чтобы предисловие писал Тарковский. 16 октября 1967 года Надежда Мандельштам писала мне, что книгу Мандельштама об Армении могла бы составить И. М. Семенко, а “статья (вступительная), разумеется, принадлежит тем из армянских литературоведов, которые в этом заинтересованы”» (Мкртчян Л. М. «Так и надо жить поэту...» // «Я жил и пел когда-то...»: Воспоминания о поэте Арсении Тарковском / сост. М. Тарковская. Томск, 1999. С. 168).

Д. П. Бак.

ТАССО (итал. Tasso) Торквато (11.3.1544, Сорренто – 25.4.1595, Рим), итал. поэт. Итал. классиков О. М. читал в оригинале весной 1933, в Крыму, во время работы над «Разговором о Данте». Он, безусловно, хорошо знал поэзию Т., хотя воспринимал ее, в первую очередь, сквозь призму стихов К. Н. *Батюшкова* и в паре с творчеством *Ариосто*. Имя Т. встречается в стихах О. М. трижды: в стих. «Батюшков» (1932), где упоминается батюшковская элегия «Умирающий Тасс» (О. М. определил Батюшкова как «оплакавшего Тасса»; о цитации эпиграфа из Т. к элегии Батюшкова в «Грифельной оде» О. М. см.: Ronen. P. 108); в стих. «Не искушай чужих наречий, но постарайся их забыть...» (1933), посв. трудному процессу изучения итал. яз.: Ариосто и Т., «обворожающие нас», сравниваются здесь с образом «чудовищ с лазурным мозгом и чешуей из влажных глаз» (в этом стихотворении также присутствуют аллюзии на Батюшкова); и в четверостишии «Друг Ариоста, друг Петрарки, Тасса друг...» (1933–35), где О. М. определяет худож. природу итал. речи. Кроме того, на Ариосто и на Т. содержится намек в 6-й строфе стих. О. М. «Ариост» (1935): «О город ящериц, в котором нет души, – / От ведьмы и судьи таких сынов рожала / Феррара черствая и на цепи держала – / И солнце рыжего ума взошло в глуши». Т. упоминается также в материалах, сопровождающих «Разговор о Данте» О. М. и содержащих, в частности, проницат. замечания о Батюшкове и Т. и о преемственности А. С. *Пушкина* от великих итальянцев, в т. ч. и в связи с тассовой октавой (см.: 3. С. 400–401). Т. посвящен и отрывок в радиокомпозиции О. М. «Молодость Гёте» (1935), где перечислены нек-рые общие места романтич. восприятия итал. поэта: лодочники,

Торквато Тассо

поющие стихи Т., безумие поэта, увенчание его лаврами в Капитолии и т. д. (Там же. С. 298; об образе Т. в этом отрывке и о «Путешествии в Италию» И. В. *Гёте* как источнике для мандельшт. фрагмента см.: Майерс. С. 96, 98). Включение отрывка о Т. в «Молодость Гёте», по-видимому, было спровоцировано тем, что О. М. перечитывал произведений Т. в Воронеже. См. в письме С. Б. *Рудакова* к жене от 7.8.1935: упоминается книга Т. «1818 г<ода>. Ося клянчит – а он спец <...> Придется уступить. Перевод прозою» (Мандельштам в письмах Рудакова. С. 85; речь идет об изд.: Освобожденный Иерусалим, поэма Т. Тасса / пер. с итал. подлинника А. Ш. Ч. 1–2. СПб., 1818–19). Кроме того, сохранилось франц. изд. «Освобожденного Иерусалима» Т. [Le Tasse. La Jérusalem délivrée suivie de L'Aminte / Trad. Nouvelle par Auguste Desplaces. P., 1865. (Bibliothéque – Charpentier)] с дарств. надписью Д. И. *Выгодского*: «Осипу Эмильевичу Мандельштаму с самыми лучшими чувствами и с приказом: написать статью о Тассо. Д. Выгодский. 4/III 33» (Фрейдин Ю. Л. «Остаток книг»: Библиотека О. Э. Мандельштама // Слово и судьба. С. 233, 238).

Лит.: Струве Г. П. Итальянские образы и мотивы в поэзии О. Мандельштама // Studi in onore di Ettore Lo Gatto e Giovanni Maver. Roma, 1962. P. 601–614; Майерс Д. Гёте и Мандельштам: Два эпизода из «Молодости Гёте» // Столетие Мандельштама; Ronen O. An approach to Mandelstam. Jerusalem, 1983.

С. Гардзонио, при участии О. А. Лекманова.

ТАТИЩЕВ Степан Николаевич (7.2.1935, Париж – 14.7.1985, юг Франции), франц. славист, сын рус. эмигранта – писателя и эссеиста Н. Д. Татищева. С 1947 гражданин Франции. Выпускник Сорбонны, преподаватель рус. яз. и рус. лит-ры – сначала в Руане и Марселе, а начиная с 1969 – в Париже, в Нац. ин-те вост. языков и цивилизаций. В юности недолгое время был коммунистом, но затем порвал с коммунистич. идеологией и даже боролся с ней. В 1960 Т. совершил поездку в Москву, к-рая дала ему первые личные впечатления о советской действительности. В 1971–73 культур-атташе Посольства Франции в Москве, где Т. познакомился с неск. писателями, др. деятелями советской культуры, а также диссидентами. Нек-рым из них он помогал, в частности содействуя работе созданного А. И. Солженицыным Фонда помощи полит. заключенным (об отношениях с Т. Солженицын пишет в «Пятом дополнении» к книге «Бодался теленок с дубом»).

В 1971 Н. И. *Столярова* познакомила Т. с Н. Я. *Мандельштам*, к-рую он регулярно навещал. В 1973 Н. М. вручила ему сохранившийся *Архив О. Э. Мандельштама* и попросила перевезти его на Запад и обеспечить его сохранность. Эта просьба Н. М. была выполнена в 1973: архив был вывезен в Париж его женой (А. Татищевой) и передан, согласно воле Н. М., в руки Н. А. *Струве*. Вернувшись во Францию, Т. возобновил свою преподават. работу и в то же время продолжал помогать советским диссидентам и др. гонимым людям.

А. Татищева.

ТАТЛИН Владимир Евграфович (28(16).12.1885, Москва – 31.5.1953, там же), живописец, график, художник-конструктор, театр. художник. Обучался в Моск. уч-ще живописи, ваяния и зодчества (1902–03 и 1909–10) у В. А. Серова и К. А. Коровина, в Пензенском худож. уч-ще (1904–09). Преподавал в моск. Вхутемасе (1918–21) и Вхутеине (1927–30), петрогр. АХ (1921–25), Киевском худож. ин-те (1925–27). Т. – одна из самых ярких и глубоких фигур рус. худож. авангарда; как живописец первонач. был близок к кубизму и футуризму, позднее – к конструктивизму и т. н. «производственному искусству», став одним из основоположников худож. конструирования.

О. М. и Т. моглипознакомиться в 1913–16 во время встреч молодых представителей «левого» иск-ва у братьев Л. А. *Бруни* и Н. А. *Бруни* в т. н. «квартире № 5» в АХ (где О. М. часто выступал по «четвергам» с чтением своих стихов) (см.: Пунин Н. Н. Квартира № 5: Глава из воспоминаний / предисл., публ. и коммент. И. Н. Пуниной // Панорама искусств 12. М., 1989. С. 181). В 1918–19 О. М. мог общаться с Т., когда тот руководил Моск. отделом ИЗО (Коллегия по делам изобразит. иск-в) Наркомпроса. В 1925 Т. должен был выступить художником постановки ленингр. Большим драм. театром пьесы Ж. *Ромена* «Кромдейр-старый» в мандельшт. переводе, но работа прервалась на нач. этапе (см.: Нерлер П., Никитаев А. Комментарии // 4. С. 425). К нач. 1920-х гг., вероятно, относится сохранившийся фрагмент искусствоведч. ст. Н. М. «Установка на чистую форму», содержащий характеристику экспериментальных опытов Т. и практики супрематизма [и, возможно, учитывающий монографию Н. Н. *Пунина* «Татлин» (1921)] (см.: Н. М. Т. 1). Несомненно ее близкое личное знакомство с Т.: он скрыт за литерой «Т.» в восп. Н. М. об эпизоде весны 1925, связанном с мандельшт. увлеченностью О. А. *Ваксель*; см. одну из редакций ее восп.: «В середине марта я сложила чемодан и ждала Т., чтобы он забрал меня к себе. – В этот момент случайно пришел О. М. <...> Он сразу заметил чемодан и встал на дыбы... [Пришел Т., и О. М. выпроводил его, не сердито, почти дружественно. Они хорошо относились друг к другу <...>]»; описывая эту ситуацию, Н. М. отметила, что Т. «меньше всех был в ней заинтересован и втянут в нее почти случайно <...>, мы оба сохранили с ним хорошие отношения» (Там же. С. 648, 655; см., очевидно, более ранний вариант изложения этих событий: Там же. Т. 2. С. 228–229). Намного позднее в личной переписке Н. М. отобразила происшедшее совершенно открыто и прямоли-

нейно [см.: Нерлер П. Лютик из заресничной страны (Ольга Ваксель) // Нерлер П. Con amore: Этюды о Мандельштаме. М., 2014. С. 620–623]. [От повторения аналогич. ситуации, уже после смерти О. М. (о к-рой еще не было известно), Н. М., пытаясь не уезжать из *Москвы*, все-таки решительно уклонилась – 18.1.1939 в письме Б. С. *Кузину* она рассказала: «Мелькнула возможность остаться, но неподходящая, и я от нее отказалась: Татлин вдруг предложил свое гостеприимство. Признаться, меня это тронуло. (Я его случайно встретила: у него квартира, и, конечно, все бы устроилось.) Но без соседства хозяина было бы лучше, а с ним рядом что-то не хочется» (Кузин – Н. М. С. 560).] По свидетельству Н. М. (1966), зимой 1933 Т. был среди тех, кому О. М. читал «Разговор о Данте» (1933) [см.: Вокруг «Разговора о Данте» (из архива Л. Е. Пинского) / публ. Е. М. Лысенко, прим. П. М. Нерлера // Слово и судьба. С. 151].

Вакана Коно, С. Г. Шиндин.

ТЕАТРАЛЬНЫЕ МОТИВЫ возникают во всем корпусе произведений О. М.: в стихах, худож. и критич. прозе. Они связаны как с биогр. обстоятельствами, в к-рых поэт являлся то зрителем, то сотрудником театра, так и с его размышлениями о театр. культуре современности и прошлого. В результате взаимодействия разнообразных жизн. впечатлений формировались отд. слагаемые мандельшт. концепции театра.

В юности О. М. воспринял разл. формы театральности. Огромное впечатление произвела на него игра актрисы В. Ф. *Комиссаржевской*, образ к-рой повлиял на возникновение темы трагического и трагедии в мандельшт. творчестве. Интерес к театру и драматургии эпохи *античности* был вызван переводч. деятельностью И. Ф. *Анненского*. В ст. О. М. «Иннокентий Анненский. Фамира-Кифаред» (1913) намечено осн. направление интереса поэта к драм. театру, проявлявшееся на разл. этапах его творчества независимо от смены приемов и поэтик (Гаспаров). Имеется в виду отношение к лит., поэтич. слову в театре: «“Фамира-Кифаред” прежде всего произведение словесного творчества. Вера Анненского в могущество слова безгранична... Театральность пьесы весьма сомнительна. Она написана поэтом, питавшим глубокое отвращение к театральной феерии... Пляски и хоры Анненского воспринимаются как уже воплощенные...» (1. С. 192). Для О. М. в поэтич. слове, написанном автором текста, уже воплощено представление, и наглядность, выраженная актерским исполнением этого слова, оказывается избыточной. Совсем др. дело – опера и балет (ср. «пляски и хоры») как театр. жанры: в них главенствующая роль принадлежит не слову, а голосу и пластике, они условны и не стремятся к реалистич. воспроизведению жизни.

В связи с постановкой (1914) в Театре им. В. Ф. Комиссаржевской трагедии В. А. Озерова «Дмитрий Донской» О. М. пишет стих. «Есть ценностей незыблемая ска́ла...» (1914). В нем поэт раздумывает о природе трагического. Высокие страсти героев и царей, требующие определ. силы сценич. воплощения, не могут быть выражены в совр. О. М. театре «полуслова и полумаск», к-рый не имеет актерских средств, человеч. эмоций для их выражения. При этом под театром «полуслова» О. М., возможно, подразумевает Московский Художественный театр (МХТ), а под театром «полумаск» – театр. эксперименты В. Э. *Мейерхольда* и впоследствии его театра ГОСТИМ (см.: Микушевич. С. 23–33). В связи с этим поэт сожалеет: «Я не увижу знаменитой “Федры” / В старинном многоярусном театре...» («Я не увижу знаменитой “Федры”...» 1915). В эпоху Ж. *Расина* было возможно выражение эмоций и страстей, к-рых О. М. ждет от театра: «Расплавленный страданьем крепнет голос. / И достигает скорбного накала / Негодованьем раскаленный слог...».

Театральный – оперный – образ О. М. избирает для метафоризации «конца символизма» как лит. течения в стих. «Валкирии» (1914) (см.: Лекманов. С. 505–507). Под «громоздкой оперой» здесь подразумевается «Валькирия» Р. Вагнера (2-я ч. муз.-драм. тетралогии «Кольцо Нибелунга»).

Посещая в С.-Петербурге – Петрограде кабаре *«Бродячая собака»*, *«Привал комедиантов»* и др. подобные, поэт оказывался погруженным в атмосферу смешения разл. видов иск-ва в синкретич. действо (см. об этом: Парнис, Тименчик. С. 160–257) и воспринимает иные, чем в драм. театре, опере или балете, формы театральности. 31.3.1914 О. М. участвовал в диспуте по поводу доклада В. А. *Пяста* «Театр слова и театр движения» в «Бродячей собаке». 7.4.1914 был на представлении «Балаганчика» А. А. *Блока* в *Тенишевском училище*. 20.2.1917 присутствовал на спектакле театра «Кривое зеркало» по пьесе В. А. Трахтенберга «Загадка и разгадка». Тогда же написано шуточное стих. «Актеру, игравшему испанца», обращенное к С. И. Антимонову, исполнявшему роль матадора Фернандо Поганеца (Соч. Т. 1. С. 596).

Стих. «Когда в теплой ночи замирает...» (1918) соединяет ряд театр. мотивов с внетеатральными, важными для О. М. в сер. 1910-х гг.: это ночные похороны, черное солнце, пышность и мрачность, чернь и площадь. С др. стороны, стихотворение близко и к корпусу более поздних, написанных в 1920.

В 1919 в Киеве О. М. посещал кафе *«ХЛАМ»*, относившееся к тому же типу увеселит. заведений, что и петрогр. кабаре. Выступление поэта в Киеве на театр. сцене уже тогда выявило специфику его дарования, отмеченную Н. Я. *Мандельштам* и так или иначе проявлявшуюся в течение жизни: «Он был до ужаса нетеатрален, противопоказан театру и широкой сцене, по которой прошел совершенно один, не спеша, словно по улице» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 322; описанное вдовой поэта выступление имело место в киевском быв. Соловцовском театре, тогда носившем имя В. И. Ленина). С этой точки зрения особенно интересны романы О. М. с театр. актрисами О. Н. *Арбениной* и О. А. *Ваксель*.

В янв.–февр. 1920, находясь в *Феодосии*, О. М. посещал *Феодосийский литературно-артистический кружок* (ФЛАК), где творч. жизнь протекала по тем же принципам, что в др. кабаре, и выступал там. В сент. того же года в Тифлисе на вечере в консерватории петрогр. актер Н. Н. Ходотов читал стихи О. М. и И. Г. *Эренбурга*. В театр. студии, руководимой Ходотовым в Тифлисе, О. М. провел занятие с актерами (см.: Ходотов. С. 267).

В кон. окт. 1920 в Петрограде состоялось знакомство О. М. с актрисой Александринского театра и художницей Арбениной, к-рой посвящены, среди прочих, стих. «В Пе-

тербурге мы сойдемся снова...» и «Чуть мерцает призрачная сцена...» [навеяно впечатлениями от оперы К. В. *Глюка* «Орфей и Эвридика», к-рую О. М. видел в нач. 1910-х гг. (постановка Мейерхольда, хореография М. М. Фокина, декорации А. Я. Головина)]. У Арбениной как у актрисы был ночной пропуск, и это сделало возможным для О. М. совершать ночные прогулки по С.-Петрограду – Петербургу (см.: М е ц А. Г. Примечания // Полн. собр. стих 1995. С. 558). В стихотворениях О. М. «уловил карнавально-театральную сторону революционного “действа”, начавшегося с мейерхольдовской постановки “Маскарада” и продолженного опытами Анненкова, Евреинова и других» (Г а с п а р о в, Р о н е н. С. 207). Два «театральных» стихотворения связывают между собой неск. групп произведений. Во-первых, стих. «Валкирии» и «Венецейской жизни, мрачной и бесплодной...»; во-вторых, также посв. Арбениной «нетеатральные» «Возьми на радость из моих ладоней...», «За то, что я руки твои не сумел удержать...», «Когда городская выходит на стогны луна...», «Мне жалко, что теперь зима...», «Я наравне с другими...» (1920); в-третьих, стих. «Когда Психея-жизнь спускается к теням...», «Ласточка» («Я слово позабыл, что я хотел сказать...»), «Я в хоровод теней, топтавших нежный луг...». Во всех стихах присутствует мотив театрализации жизни и одноврем. – ее мифологизации с помощью образов античности. Тема театра в стих. «В Петербурге мы сойдемся снова...» и «Чуть мерцает призрачная сцена...» служит способом соединения «тем любви и искусства, вместе противостоящих черноте и пустоте “советской ночи” как проявления “всемирной пустоты”» (Там же. С. 210). В обоих стихотворениях театр. действо – похороны «ночного солнца», к-рое для О. М. является одним из наиб. важных и многозначных образов: это и Дионис, противостоящий Аполлону, и А. С. *Пушкин*, и А. Н. *Скрябин*, и мифологич. Орфей, и Орфей – персонаж оперы Глюка, в финале к-рой герою удается вывести Эвридику из ада. Т. о., намечается еще одно противопоставление – «трагического конца» и «хорошего конца» произведения.

Обобщенный образ театра наряду с образами антич. культуры создает систему культурных кодов, служащих для поэта своеобразным способом предотвратить разрушения, неизбежные в условиях краха старой культуры. Недаром Петроград 1920-х гг. для О. М. предстает как «полу-Венеция и полу-театр» (Там же. С. 207).

Приблизительно 8.12.1920 О. М. и Арбенина посетили балет И. Ф. Стравинского «Петрушка» (Мариинский театр, Петроград), поставленный в 1911 хореографом Фокиным в декорациях А. Н. Бенуа и возобновленный в нояб. 1920. «Голодная труппа в полузамерзшем театре сотворила чудо. Как выразился один современник, “Петербург тонул уже почти блаженно”. Ноябрьское стихотворение Мандельштама “Чуть мерцает призрачная сцена...” роднит с этим осуществленным чудом характер ностальгического воспроизведения, но воспроизведения, приснившегося поэту (сон во сне!), ибо постановка глюковского “Орфея” 1911 г. в сезон 1920/21 г. не возобновлялась» (Записка О. Н. Арбениной / публ. А. А. Морозова // «Сохрани мою речь»-3(1). С. 17–18).

В мандельшт. идее главенства слова в театре много общего с позицией Глюка, писавшего: «Я мечтал свести музыку к ее подлинному назначению: усиливать выразительность текста и подчеркивать положения драмы... Я думаю, что музыка должна относиться к тексту как раскраска... к правильному и прекрасному рисунку, т. е. оживляя фигуры, но не портя их контуров» (цит. по: К у з м и н М. А. Проза и эссеистика: В 3 т. Т. 3. С. 543). Слова композитора помещены в начале ст. М. А. *Кузмина* «“Орфей и Эвридика” кавалера Глюка» и отражают нек-рую общую для писателей эпохи 1900–10 идею. Для Кузмина опера Глюка превращалась в театр как «обрядовое чередование символических формул, за которыми скрыто медленное, но настоящее действие» (Там же С. 549). Такое понимание близко О. М. и формировалось в общении с Кузминым и поэтами его круга. Недаром в стих. «В Петербурге мы сойдемся снова...» и «Чуть мерцает призрачная сцена...» Глюк предстает в качестве своеобразного «водителя душ» в трагич. момент истории культуры (см.: Г а с п а р о в, Р о н е н. С. 219).

Совершенно в иной стилистике выдержано стих. О. М. «Актер и рабочий», патетич. интонация к-рого наряду с нек-рыми приемами (диалог персонажей, обилие восклицат. знаков, стилистика призыва к созидат. деятельности) сближает его с поэзией В. Я. *Брюсова*. Оно написано летом 1920 в связи с открытием артистич. кафе-кабаре в Феодосии (см.: М и н д л и н. С. 97–98). Мотивы «сруба», морского похода, лиры, важные для О. М., объединены идеей строительства театра как модели нового мира, труд приравнен к иск-ву: «Что сказал художник, сказал и работник: / – Воистину, правда у нас одна! / Единым духом жив и плотник, / И поэт, вкусивший святого вина!»

В июне 1921 и в дек. 1921 – февр. 1922 О. М. вместе с Н. М. находился в Ростове-на-Дону, где посетил представления сатирич. театра малых форм «Гротеск» (см.: А л е к с е е в. С. 99–114; К о р н и л о в. С. 164–167). О нем написана ст. «Гротеск» (1922). Здесь О. М. вспоминает «Бродячую собаку» и др. театры малых форм и кабаре С.-Петербурга – Петрограда – Ленинграда: «Дом интермедий» – театр малых форм в С.-Петербурге (1910–11), «Кривое зеркало» (театр Буфф) – пародийно-сатирич. театр малых форм в С.-Петербурге – Петрограде – Ленинграде (1908–31; рук. А. Р. Кугель), петрогр. кабаре «Би-ба-бо» (1917–18), а также путешествующий театр «Кривой Джимми» (отсюда «джиммисты»), к-рый поэт мог видеть в Киеве или Тифлисе. В отличие от «Бродячей собаки», «Гротеск», по мнению О. М., не создает специфич. атмосферы, побуждающей зрителя к ответному творчеству: если после представлений «Бродячей собаки» «взглянешь на небо, и даже звезды покажутся сомнительными; остроумничают: ехидничают, мерцают с подмигиванием» («Гротеск» // 2. С. 243), то, «когда выходишь из “Гротеска”, звезды не ехидствуют и снег не хрустит с усмешкой» (Там же. С. 245). Вместе с тем деятельность «Гротеска» продолжала традицию культа нелепого, выработанную участниками петерб. (петрогр.) гротесковых представлений, «у которых было что терять и которых толкала на путь сокрушительного творчества из нелепого внутренняя опустошенность – предчувствие конца» (Там же. С. 244). В этом контексте создатели «Гротеска» действуют уже «после конца», из-за чего «иррациональный, нерассудочный элемент, заключенный в эстетической категории нелепого» выветривается, уступая место «простому остроумничанью» (Там же). Для О. М. нелепость и творчество из нелепого есть знак «иррационального, гротескного юмо-

ра тонкого упадочного театра, стоящего на грани пустоты» (Там же С. 245). По своему эмоц. и духовному содержанию эстетика нелепого перекликается с эстетикой трагического.

Поселившись в апр. 1922 в *Москве* в писательском общежитии на Тверском бульв., О. М. и Н. М. посетили ряд спектаклей. «Мы жили рядом с Камерным театром, и туда нас зазывали художники, ходили и на постановки Мейерхольда, иногда с отвращением, иногда с интересом смотря одну за другой невероятно разные постановки. Театралами мы не стали. И театр был внутренне пуст и страшен, несмотря на внешний блеск. Все твердили одно слово “биомеханика”. Это было модно и пышно» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 142). Между тем нельзя сказать, что О. М. не любил театр. «Впечатлительный, он легко попадал под обаяние зрелищных моментов и театральных эффектов. Ему понравились длинный стол и немая сцена в “Ревизоре” у Мейерхольда и палуба баржи, наклоненная, словно от качки, в сторону зрительного зала – только чуть косяком, в опере Шостаковича “Леди Макбет”» (Там же. С. 326).

Поднятые в ранние годы и в порев. творчестве темы получили дальнейшее развитие в статьях О. М. 1920-х гг. По его мнению, трагическое как элемент творчества возникает, когда театр. автор способен непосредственно ощутить «пафос» (ст. «Революционер в театре», 1922) своего времени как диалектику противоречивых страстей и жизн. порывов, обусловливающих его движение (см. *Бергсон* А). «Мандельштам часто говорил о трагедии, но не как о литературном жанре, а об ее сути. <...> Причина конца трагедии в несовместимости трагедийности с теми, к кому обращаются с подмостков...» (Там же. С. 357). Вне узко театр. сферы трагич. художниками являются Пушкин и Скрябин. Трагич. пафос как формальный и содержат. компонент присущ пьесам, написанным в стиле экспрессионизма, и может, как в пьесе Э. Толлера «Человек-масса» (О. М. перевел драму Толлера, к-рая была поставлена в «Театре революционной сатиры» реж. А. Б. Велижевым при участии Мейерхольда), компенсировать их чисто сценич. недостатки – отсутствие драм. характеристики персонажа, приверженность к канонизированным стилистич. образцам, банальность драматургич. действия, основанного на освещении социальных проблем эпохи, стремление драматурга пользоваться театром лишь как средством обозначения социальных проблем, приспосабливая его «для своих боевых целей» (Мандельштам О. Э. Революционер в театре <1923> // 2. С. 283). Пьеса «Человек-масса» понятна каждому зрителю «независимо от своих художественных и театральных достоинств <...> благодаря ясной схематичности действия и грубой, но яркой символике сценического воплощения» (Там же).

Также эта пьеса была поставлена в театре *«Березиль»*, о к-ром О. М. писал позже, в 1926. В постановке «Березиля» обозначились все недостатки пьесы Толлера, «толлеровщина», обусловленные близостью автора к *символизму*.

В 1923 О. М. подвел своеобразный итог деятельности и истории МХТ (ст. «Художественный театр и слово»). С одной стороны, это театр поколения «русской интеллигенции» (Он же. Художественный театр и слово // Там же. С. 333). С др. стороны, само поколение глухо к иск-ву. Оно требовало от иск-ва литературности, причем превратно, нехудожественно понятой как руководство к практич. целенаправл. деятельности на благо народа. «Читательское поколение девяностых годов выпадает как несостоятельное, совершенно некомпетентное в поэзии» (Там же. С. 410). Поэтому худож. слово понимается не как художественное, а как обыденное, и специфика иск-ва проходит мимо восприятия зрителей и читателей.

С точки зрения О. М., пафос драмы в сочетании с ритмич. началом (см. «Государство и ритм», 1918) лежат в основе сценич. действия и составляют необходимую основу для худож. слова: «Истинный и праведный путь к театральному осязанию лежит через слово, в слове скрыта режиссура. В строении речи, стиха или прозы дана высшая выразительность». «В театре для того, чтобы двигаться, нужно говорить, потому что он весь дан в слове» (Там же. С. 335). Такое отношение к худож. слову, при к-ром не утрачивается его специальное, только в данном произведении возникающее значение, О. М. видел в иск-ве классицизма. Если схематизм действия оправдывается пафосом пьесы, то художественность слова, несущего как сюжетную (поступки персонажей), так и эмоц. (патетика) нагрузку, в театре не заменяется ничем. Театр не может являться средством истолкования лит. произведения и должен восприниматься как особый вид иск-ва со своими законами выразительности и восприятия. Произнесенное слово имеет свою «акустику», оно не тождественно слову обыденно бытовому (см. статьи: «Утро акмеизма», 1912–14; «Слово и культура», 1921; «О природе слова», 1920–22). С этой точки зрения бытовое правдоподобие постановок МХТ приводит не к сценич. реализму, а к условности, что проявляется в постановках этого театра. Театр. реальность для О. М. – не в воспроизведении жестов и речевой манеры «как в жизни», а в создании особого рода атмосферы, целостно влияющей на человека. Такие пьесы, как «Человек-масса» Толлера, или такие режиссеры, как Мейерхольд, при отсутствии реалистич. приемов создания сценич. произведения являлись для О. М. своего рода проводниками сценич. реализма. Примененные «условные» приемы способствовали созданию спектаклей с помощью средств, присущих театру как иск-ву, и поэтому актеры и режиссер добивались сценич. правды. Напротив, формально «реалистические» постановки пьес А. П. *Чехова*, равно как спектакли «Царь Федор Иоаннович» (А. К. Толстой), «На дне» (М. *Горький*), «Месяц в деревне» (И. С. Тургенев), «Лизистрата» (Аристофан) в МХТ искажали изнач. замысел авторов: «Никогда не читали текст. Всегда свои домыслы. <...> Несколько раз переделывали актерскую “азбуку чувств” и все-таки играли не правду, а актерский шифр» (Там же).

О. М. близки идеи площадного, нар. театра, «театра улиц», в к-ром передаются «волнообразные движения толпы, ее органические приливы и отливы» (Он же. «Березиль» // Собр. соч.-1. Т. 2. С. 442), жизн. порыв (Бергсон), а закон действия провозглашает хор, подобный хору в пьесах античности. С точки зрения поэта, в театре индивидуальность противопоставляется коллективу – недаром в ст. «Новые произведения Жюля Ромэна» (1924) О. М. цитировал его слова: «В театре нет места обособленной личности, которая царит в лирической поэзии. В драматическом произведении, на протяжении любой сцены все сводится к пламенной и текучей жизни группы. Драматический акт – взаимодействие групповых сил. Зритель наблюдает их смену,

их борьбу, их взаимное проникновение» (О н ж е. Новые произведения Жюля Ромэна // Там же. С. 412).

Пьеса Ж. *Ромена* была написана в 1911–18 и в мае 1920 поставлена в парижском театре «Старая голубятня». Ее перевод был поручен О. М. изд-вом *«Всемирная литература»*, закончен не позднее осени 1923 и принят МХТ. В 1925–26 на заседании репертуарно-худож. комиссии театра постановка пьесы была признана желательной, но осуществлена так и не была (см: 2. С. 633–634).

Находясь с кон. марта 1926 в Киеве, О. М. посещал спектакли укр. театра «Березиль» и Гос. евр. театра (ГОСЕТ). Осн. в 1922 «Березиль» в 1920-е гг. выдвинулся в число наиб. известных и оригинальгых театров страны (см.: Там же. С. 636). Двигаясь в одном русле с исканиями моск. театров, в частности, Камерного и ГОСТИМа (театр Мейерхольда), «Березиль» обнаруживал, с точки зрения О. М., и близость к ГОСЕТу. Деятельность «Березиля» О. М. оценивал с позиции театр. реализма как сценич. выражения и впечатления особого рода: «Главный упор театра: коллективное, массовое действие» (О н ж е. «Березиль» <1926> // Там же. С. 441). Это совершенно не исключает присутствия и активной роли яркой театр. личности, актерской индивидуальности – так, упоминаются актер-трагик А. М. Бучма, «играющий так, что мороз пробегает по коже», и комик М. М. Крушельницкий (Там же. С. 442).

В ст. «Березіль» (1926) О. М. писал о том, что театру как иск-ву вреден излишний психологизм и погружение в социальную проблематику. Зрелищность и средства примитивной балаганной театральности сами по себе могут породить нар. комедию и драму, предоставить актеру возможность развития и мастерства, и темперамента. В этом смысле «литературность» может лишь повредить театру, предоставляя ему нек-рые готовые штампы под видом существующей традиции. Существуя вне традиции, понятой образом, «Березиль» дает спектакли разл. жанров: «Жакерия» (П. Мериме; постановка 1925 подобным), «Коммуна в степях» (М. Г. Кулиш; 1925), «Гайдамаки» (Т. Г. *Шевченко*; пост. 1920, 1924) и др. постановки определяют типы будущего укр. театра. Природа возникновения «Березиля» определяет его сценич. специфику: «Он родился в эпоху летучих, перегорающих как порох постановок в прифронтовой полосе, окруженный армейскими и клубными театриками; он родился в эпоху подневольной театральности...» (Там же. С. 439). Театр «Березиль» тяготеет к массовому зрителю, характеризуется четкостью, «скелетообразностью» сценич. конструкций и живописностью декораций, в нем «пробиваются воспоминания о “нутряном” театре», «он все время не теряет связи с революционным уличным карнавалом» (Там же. С. 440). В этом смысле возникновение театра из глубины нар. театральной потребности подобно возникновению «Бродячей собаки» и подобных образований из потребности постнароднич. поколения. Так, кабаре породили формы театральности, способные противостоять давлению эстетики МХТ.

В статьях О. М., затрагивающих театр. проблематику, видно, насколько глубоко в его понимании подлинно худож. слово отличалось от «литературы», к-рую поэт ненавидел (см. «Четвертая проза»).

В следующей ст. «Березиль» (1926) поэт вновь подчеркивает демократизм и народность данного театра, к-рому чужда конструктивистская эстетика совр. ему постановок. Поэтому спектакль «Джимми Хиггинс», где проявился диктат режиссера, оказывается лишен непосредственности и искренности актерского исполнения: «Рядовой актер угнетен и превращен и сомнамбулу. Сомнамбулы в прозодежде говорят нараспев, протягивают руки, шарахаются, мечутся, карабкаются на ящики, изображающие Америку, и на лестницы; все по строжайшему, обдуманнейшему плану» (Там же. С. 441). То же самое случается и в случае постановки «Человека-массы» Толлера: в эстетике Толлера театр задыхается, поскольку все искусственное, лежащее вне «нутряных», нар. театр. средств, убивает его иск-во. Интуитивно «Березиль» развивается по законам площадного театра, одноврем. – по законам театра классицизма, Ж.-Б. Мольера, Д. Дидро: «В жилах его течет рассудочная, но солнечная мольеровская кровь» (Там же. С. 441). Меж тем «этот молодой и глубоко рассудочный театр, осторожно увлекающийся биомеханикой, никак не может, однако, освободиться от обезьяньих лап экспрессионизма и театрального лжесимволизма, от толлеровщины» (Там же). Успех спектакля «Шпана» [«...ревет Бессарабка, ринулись в театры евреи с Подола» (Там же С. 442)] связан с тем, что укр. актеры словно бы сами написали пьесу, а в советчицы взяли «хоть курьершу, хоть зеленщицу с Бессарабки» (Там же. С. 443).

Для О. М. важно, чтобы театр рождался из психологии данного народа, из нар. души, коллективного бессознательного. Так возник и работает ГОСЕТ (ст. «<Михоэльс>», 1926), к-рый О. М. впервые увидел на гастролях в Киеве (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 330–331), – «этот парадоксальный театр...» (2. С. 447), передающий в своей пластике внутр. ощущение формы и движения, присущее еврейству. Это ощущение – огромная худож. сила евр. народа, переживающая ист. вехи его судьбы и связывающая евреев с античностью. В спектаклях ГОСЕТа «пляшущий еврей подобен водителю античного хора. Вся сила юдаизма, весь ритм отвлеченной пляшущей мысли, вся гордость пляски, единственным побуждением которой, в конечном счете, является сострадание к земле, – все это уходит в дрожание рук, в вибрацию мыслящих пальцев, одухотворенных, как членораздельная речь» (Там же. С. 448). Здесь имеется в виду спектакль «2000» по пьесе Шолом-Алейхема «Крупный выигрыш». Худож. слово отступает на второй план перед театр. пластикой, сближающей в представлении О. М. драм. театр ГОСЕТ с балетным театром. ГОСЕТом и игрой С. М. *Михоэлса* О. М. «по-настоящему увлекался», а А. А. *Ахматова* в беседах противопоставляла его театру Чехова, к-рый О. М., напротив, оценивал как «литературный» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 330–331).

Летом 1927 состоялось важное для О. М. знакомство с артистом В. Н. *Яхонтовым*, впоследствии считавшим поэта своим учителем. Актер сумел воспринять от О. М. понимание того, что худож. произведение, текст, слово – основа театр. действа, и вследствие этого создать на сцене идеальный для О. М. «театр слова», где любая интонация и движение были продиктованы текстом (ст. «Яхонтов», 1927). Специфика творч. организации О. М. [«никакой публики, перед которой что-то разыгрывается, он знать не желал. Он жил и действовал независимо, писал то, что рвалось без удержу, а если мог удержать, то не писал, говорил, что думал, и “ра-

ботал речь, не слушаясь, сам-друг”». (Там же. С. 324–325)] обусловливала полную противоположность его дарования и актерской профессии. О. М. считал актера антиподом поэта именно из-за присутствия в любом актерском исполнении элемента декламации, убивающего своеобразие худож. слова (Там же. С. 327–328). Занимаясь с Яхонтовым, О. М. целенаправленно убирал из его сценич. речи все специфич. актерские штампы, к-рые в полной мере присутствовали в исполнит. манере В. И. Качалова (Там же. С. 329).

Худож. мир *«Египетской марки»* (1927) во многом строится на основе балетных и оперных метафор. Гл. герой произведения Парнок сочетает интерес к балету со стремлением к дипломатич. карьере. Балетная аналогия наделяется широким смыслом, «вырастая в метонимический символ и литературного быта, и общественного строя, и государственности» (Р о н е н. С. 148). Сцена самосуда, в к-рой «затылочные граждане, сохраняя церемониальный порядок, как шииты в день Шахсе-Вахсе, неумолимо продвигались к Фонтанке» (2. С. 476), возникла из реальных жизн. впечатлений О. М., описанных Н. М. Имеется в виду виденная О. М. в Тифлисе ритуальная процессия «шахсе-вахсе»: «Это было бы похоже на балет, если бы не струйки крови, сочившиеся из ран. ... Все участники выкликали хором два каких-то коротеньких слова, и эти выклики служили единственным регулятором ритма всего сложнейшего и кровавого балета» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 91). Идея трагич. балета заимствуется О. М. из контекста творчества М. Ю. *Лермонтова* (ср: «<...>Без кровожадного волненья, / Как на трагический балет» – «Валерик», 1840). Так же и смерть оперной певицы А. *Бозио* в «Египетской марке» метафоризирует гибель старой культуры в целом. Наполнена театр. ассоциациями и фигура портного Мервиса, связывающая образы Пушкина, Ф. М. *Достоевского*, Михоэлса, Анненского: «В моем восприятии Мервиса просвечивают образы: греческого сатира, несчастного певца-кифареда, временами маска еврипидовского актера, временами голая грудь и покрытое испариной тело растерзанного каторжанина, русского ночлежника или эпилептика» (2. С. 488). Так создается целостный образ единой иудео-христ. культуры, в основе к-рого лежит идея театрализации (Б а р з а х. С. 183–210).

Сотрудничая в кон. 1920-х гг. в газ. *«Московский комсомолец»*, существовавшей при изд-ве «Рабочая Москва», О. М. вместе с женой часто посещал Театр обозрений «Рабочей Москвы» (Тверская, 5, в здании бывшего Пассажа; ныне Театр им. М. Н. Ермоловой). Он был основан как полит.-сатирич. Театр Обозрений Дома Печати в 1928, хотя для привлечения широкой публики должен был периодически выпускать спектакли в более легком жанре эстрадных миниатюр. Второй сезон, 1929/30, театр играл в большом, хорошо оборудованном зале на 800 зрит. мест, являвшемся клубом газеты и изд-ва «Рабочая Москва», и взял назв. изд-ва. «Это был острый политический театр, смело берущийся за современную тематику, откликающийся на злобу дня» (С о к о л о в а. С. 85), выпускавший постановки с критикой партаппарата и имевший конфликты с цензурой. Однажды О. М. и Н. М. «видели забавный спектакль про мясника, страшного кавказца с усами, который рубил мясо и отпускал шутки в стиле эпохи» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 531), – возможно, это была реприза актера Хонели, к-рый «любил в эпизодах появляться в кавказском обличии, надевал черкеску с газырями, бурку, папаху, говорил... с грузинским акцентом» (С о к о л о в а. С. 87). Э. Г. *Герштейн* вспоминала: «Ничего увлекательного в этом театре миниатюр мы не видели. Актрисы со специфическими признаками тех лет: пусть красивые и хорошо сложенные, но с холодными улыбками и пустыми глазами...» (Г е р ш т е й н. С. 17–18). По мнению О. М., мещанская публика театра ничем не отличалась от дореволюционной (Там же).

Любовь О. М. к классич. балету проявлялась в 1930-е гг. Будучи в Ленинграде зимой 1930/31, поэт посетил спектакль студии худож. движения Гептахор, сочетавшей традиции ритмич. школы Э. Жака-Далькроза и школы антич. танца А. Дункан. На вопрос, нравится ли ему представление, О. М. ответил: «...В искусстве танца, как и во всех искусствах, есть первая ступень изучения, есть азбука, алфавит. И вот, если Гептахор усвоил пять-шесть первых знаков этого алфавита, то классический балет – и особенно русская школа балетного танца – знает все тридцать или тридцать пять знаков. Судите сами, кто же свободнее и за кем мне больше хочется идти» (Т а г е р. С. 21).

Оказавшись в воронежской ссылке, О. М. в сент.–окт. 1934 ездил вместе с группой воронежских писателей и журналистов в один из р-нов Воронежской обл. на открытие там первого советского театра. 6 или 7.7.1935 в гостях у О. М. в Воронеже побывали артисты Камерного театра. После письма представителей моск. интеллигенции, обеспокоенных участью поэта, он был принят (10 или, по др. данным, 7.10.1935) в Воронежский обл. драм. (Большой Советский) театр на должность «консультанта». 16.10.1935 по заданию театра О. М. готовил сокращение пьесы А. Корнейчука «Платон Кречет» для передачи по радио. Вечером с Н. М. и С. Б. *Рудаковым* был в театре на премьере спектакля «Слуга двух господ». О. М. и Н. М. посещали воронежский театр и тогда, «когда приезжали москвичи». Там они «сходили даже на “Сверчка на печи”, а в Москве на такой подвиг никогда бы не отважились» (Там же. С. 326).

В воронежском театре к О. М. отнеслись «доверчиво и дружелюбно» (Там же. С. 539). В то время должности «зав. лит. частью» в театрах не существовало, однако О. М., по сути, выполнял именно обязанности «завлита». «...Скоро все само собой определилось. Он делал то, что мог делать и что дело требовало от него» (А н ч и п о л ь с к и й. С. 28). О. М. присутствовал на репетициях, а также при читках принятых к постановке пьес (в частности, «Врагов» М. Горького), писал программки и брошюры, разъяснявшие зрителю пьесу и особенности постановки. Один из актеров, В. И. Шкурский, запомнил, что обычно на репетициях поэт стоял «в крайней ложе бенуара, справа от сцены» (Там же). «Видно, театр дал ему нечто важное. Может быть, ощущение нужности, утраченное им давным-давно... Заполненности общим (и потому подгоняющим, обязывающим, заставляющим держаться) делом...» (Там же). О работе О. М. в Большом Советском театре он сам и Н. М. писали Рудакову. 17.12.1935 О. М., в частности, писал: «Настроение твердое, хорошее. Сдружился с Театром. Кое-что там делаю (не канцелярия)» (цит. по: Г е р ш т е й н. С. 100). С 1.8.1936 О. М. был уволен из воронежского Большого Советского театра.

О. М. неслучайно предлагал описывать ист. ситуации с помощью балетных ассоциаций (см. *Тынянов* Ю. Н.), в «Шуме времени» и в «Египетской марке» воссоздавал реальность 1900–10-х гг. как театрализованную, в 1936 в Воронеже (29 марта) работал над вводным словом к опере Глюка «Орфей и Эвридика» для радиофестиваля. В течение всей творч. жизни поэт много раздумывал и писал о природе трагич. начала в иск-ве. Видя драм. театр в осн. как явление, враждебное худож. слову благодаря специфич. театр. штампам и типовым приемам театрализации, О. М. отдавал предпочтение балету и опере, как жанрам условным, но отвечающим требованиям особой сценич. правды.

Источники: Ходотов Н. Н. Близкое – далекое. Л.; М., 1962; Тагер Е. М. О Мандельштаме: Воспоминания // НЖ. 1965. Декабрь; Алексеев А. Г. Серьезное и смешное. М., 1967; Миндлин Э. Л. Необыкновенные собеседники. М., 1979; Герштейн; Н. Я. Мандельштам. Т. 2; Морозов А. А. Записка О. Н. Арбениной. <Публикация> // «Сохрани мою речь»-3(1); Соколова Н. В. Кое-что вокруг Мандельштама: Разрозненные странички // «Сохрани мою речь»-3(2).

Лит.: Корнилов Е. Г. Новое лицо российского театрального Сатирикона // Дон. 1982. № 9; Парнис А. Е., Тименчик Р. Д. Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры: Новые открытия. 1983. Л., 1985; Анчипольский З. Я. Особенный завлит // Театральная жизнь. 1992. № 11–12; Микушевич В. Б. «Ценностей незыблемая скáла»: Трагическое в поэзии О. Мандельштама // Филологические зап.: Вестник литературоведения и языкознания. Воронеж, 1994. Вып. 2; Барзах А. Е. ...Без фабулы. Вблизи «Египетской марки» О. Мандельштама // Постскриптум: Литературный журнал. СПб., 1998. Вып. 2(10); Гаспаров М. Л. Поэт и культура: Три поэтики Осипа Мандельштама // De visu. 1993. № 10(11); Лекманов О. А. Вечер символизма. О стихотворении Мандельштама «Валкирии» // Лекманов. 2000; Ронен О. Поэтика Осипа Мандельштама. СПб., 2002; Гаспаров М. Л., Ронен О. Похороны солнца в Петербурге: О двух театральных стихотворениях Мандельштама // Звезда. 2003. № 5.

В. В. Калмыкова.

ТЕНИШЕВСКОЕ УЧИЛИЩЕ, частное среднее уч. заведение, коммерч. уч-ще. Предшественник – частная Общеобразоват. школа князя В. Н. Тенишева (1898–1900), располагавшаяся по адресу: Москва, Загородный просп., 17. Т. у. открыто 8.9.1900, в 1918 преобразовано в 15-ю Советскую трудовую школу; адрес: Моховая ул., 33–35 (позднее – 35). Здание построено архитектором Р. А. Берзеном в 1899–1900. Комплекс включал лицевое здание и дворовой флигель, соединенные крытым (по 2-му этажу) переходом. В лицевом здании имелась аудитория, спроектированная как амфитеатр. В 1903 лицевое здание частично перестроено: на месте квартиры архитектора создан театр. зал.

Продолжительность обучения в Т. у. составляла 8 лет. При окончании выдавался аттестат, к-рый подписывался председателем Попечит. совета и директором. Первый выпуск состоялся в 1905. В 1906 права выпускников в отношении поступления в высшие уч. заведения приравнены к правам выпускников реальных уч-щ. После смерти Тенишева в 1903 управление делами Т. у. перешло к Товариществу педагогов. С этого времени была неск. повышена плата за обучение; для покрытия расходов, кроме того, использовались средства, получаемые от сдачи в аренду театр. зала и аудитории для проведения разл. мероприятий. Высокая плата за обучение определяла состав учащихся – из состоят. семей.

Тенишевское училище. Санкт-Петербург, ул. Моховая

Т. у. основано Тенишевым при участии А. Я. Острогорского. Замысел возник ок. 1896, предусматривалась реализация идеи основания «новой», «свободной» средней школы, где преподавание «ставит себе главною целью не подготовление своих учеников к известной профессии, а естественное развитие их природных способностей» и будет вестись «без всяких поощрительных и принудительных мер» (Я. Г<уревич>. Освящение нового здания Тенишевского училища // Русская школа. 1900. № 9. С. 84–86, паг. 2яя). Благоприятные обстоятельства для основания школы с такой программой создались в 1896, когда в ведение Министерства финансов перешли коммерч. уч-ща (под эгидой Министерства нар. просвещения учредить такую школу было невозможно) и обусловили создание школы как коммерч. уч-ща. Программа основателей реализовалась в отказе от текущих оценок (экзаменац. оценки, необходимые для аттестата, выставлялись), ведения кондуитных журналов, переводных из класса в класс экзаменов, стиле общения педагогов с учениками («обучающих» и «обучаемых») – как с равными. Пед. и воспитат. процесс был пересмотрен в 1906 под влиянием событий Рус. рев-ции 1905–07. В том же году вместо годового цикла обучения был введен семестровый (полугодовой), в связи с чем с 1910 по 1916 в Т. у. было по 2 выпуска в год – в январе и в мае. Сведения о кадровом составе, целях и задачах уч-ща, программы по предметам содержатся в изданиях Т. у.: Памятная книжка Тенишевского училища за 1900/1901 учебный год. СПб., 1902; Памятная книжка Тенишевского училища за 1901/1902 и 1902/1903 учебные годы. Годы II и III. СПб., 1905; Памятная книжка Тенишевского училища за 1903/1904 и 1904/1905 учебные годы. Годы IV и V. СПб., 1907; Справочная книжка Тенишевского училища. Пг., 1915. Данные об экскурсиях отражены преподавателем географии Н. И. Березиным: Географические экскурсии Тенишевского училища. СПб., 1906; Образовательные поездки в средней школе. СПб., 1912.

О. М. обучался в Общеобразоват. школе В. Н. Тенишева с 1899, с 1900 – в Т. у. 4–13.5.1903 вместе с классом совершил экскурсию на Валдай. В 1903–04 принимал участие в издании школьных журналов «Досуг» и «Юные силы».

В третьем номере издававшегося в 1906–07 журнала «Пробужденная мысль» (1907. Вып. 1) поместил стих. «Тянется лесом дороженька пыльная...» и «Среди лесов, унылых и заброшенных...», навеянные событиями Рус. рев-ции 1905–07 (одно из них подписано псевд. «Фитиль»). На становление поэтич. дарования О. М. оказал влияние преподаватель рус. лит-ры Вл. В. *Гиппиус*. О. М. окончил Т. у. 15.5.1907, получив аттестат (подписан председателем Попечит. совета И. Р. Тархановым и директором Острогорским) со следующими оценками: рус. яз. и словесность – 4; нем. яз. – 4; франц. яз. – 5; рус. и всеобщая история – 5; география – 4; зоология, физиология, ботаника – 5; химия – 5; геология и физич. география – 5; космография (астрономия) – 5; арифметика – 5; геометрия – 4; алгебра – 4; тригонометрия – 3; физика – 3; коммерч. арифметика – 3; счетоводство – 3; история торговли – 5; полит. экономия – 5; законоведение – 4; гражд. и торговое право – 4; товароведение – 3; коммерч. география – 4; рисование – 3. В архивных делах Т. у. (ЦГИА СПб. Ф. 176) имеются сведения об успеваемости О. М. по отд. предметам, экзаменац. оценки, адреса проживания, биометрич. показатели; в протоколе заседания Педагогич. комитета от 18.11.1906 – данные о поведении О. М. (косвенно связанные с его участием в организации социалистов-революционеров, см.: Мец А. Г. Тенишевское училище: Взгляд на архив сквозь стекла «Шума времени» // Мец А. Г. Осип Мандельштам и его время: Анализ текстов. СПб., 2005. С. 47–49).

Вскоре после окончания уч-ща, 14.9.1907, О. М. выступил с чтением стих. «Колесница» (до наст. времени не разыскано) на школьной вечеринке (см.: Тенишевец. 1907. № 1. 15 окт.). В дальнейшем неоднократно бывал в актовом зале уч-ща на поэтич. вечерах, выступал на них с чтением стихов, в частности 18.4.1915 (в качестве выпускника Т. у. был одним из организаторов этого вечера, см. письмо Ф. К. *Сологубу* от 27.4. 1915 и коммент.: Камень. 1990. С. 211, 348) и 15.4.1916; поддерживал связи с одноклассниками Б. Б. *Синани* и Ю. А. Каменским (см.: Из рукописей Ю. А. Каменского / предисл. и коммент. А. Г. Меца // Мец А. Г. Осип Мандельштам и его время).

Годы обучения отразились в *«Шуме времени»* (главы «Тенишевское училище», «Эрфуртская программа», «Семья Синани», «В не по чину барственной шубе») и в стих. «Когда в далекую Корею...» (1932). В главах «Шума времени» описываются эпизоды школьной жизни: обучение в Общеобразоват. школе князя В. Н. Тенишева, торжеств. акт освящения здания Т. у., уроки пения, ручного труда и др.; упоминаются штатный врач уч-ща Александр Самойлович Вирениус (1832–1910), преподаватель физиологии Иван Романович (Рамазович) Тарханов (Тархан-Моурави; 1846–1908), дир. Острогорский; преподаватель истории рус. лит-ры Вл. В. Гиппиус и соученики О. М. в 1904–07: С. Н. Воеводский, И. П. Корсаков, В. С. Барац, Л. К. Зарубин, А. И. Пржисецкий (по «Шуму времени» – Пржесецкий), С. Н. Слободзинский, А. А. Надежин (по «Шуму времени» – Надеждин), братья Крупенские (Иларион и Николай), Синани (см. также: Выпускники Тенишевского училища, 1905–1912 // Мец А. Г. Осип Мандельштам и его время).

Источники: Александру Яковлевичу Острогорскому, Учителю и другу – Тенишевцы. СПб., 1908; Рубакин А. Н. Над рекой времени. М., 1966; Розенталь Л. В. Затея князя Тенишева // Наше наследие. 1991. № 1; Мандельштам Е. Э. Воспоминания // НМ. 1995. № 10.

Лит.: Гуревич Я. Открытие Общеобразовательной школы князя В. Н. Тенишева // Русская школа. 1898. № 9; Зенченко Н. С. Воспитательная работа в общественных средних школах России начала XX века (по материалам петербургских общеобразовательных коммерческих училищ) // УЗ Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена. Кафедра педагогики. Л., 1958. Т. 182. Вып. 3; Зенченко Н. С. Внеклассная работа в общественных средних заведениях России в начале XX века // Там же. Л., 1959. Т. 193. Вып. 4; Журавлева Л. С. Тенишевы и русская школа // Советская педагогика. 1990. № 12; Морозов А. А. Примеч. // Мандельштам О. Шум времени. М., 2002. С. 241–260.

А. Б. Викентьев.

ТЕРАПИАНО (наст. фам. Торопьяно) Юрий Константинович (9.10.1892, Керчь – 3.7.1980, Ганьи, Париж, Франция), поэт, эссеист, лит. критик. В Киеве принимал активное участие в деятельности лит.-худож. объединения *«ХЛАМ»*, где и познакомился с О. М. весной 1919. По словам Т., в день их знакомства В. Н. *Маккавейский* предложил О. М., работавшему в «ХЛАМе» над финальной строфой стих. «На каменных отрогах Пиэрии...», заключит. строки, к-рые и были приняты (см.: Грани. 1961. № 50; см. также «мемуарное» стих. Т. «Девятнадцатый год. “Вечера, посвященные Музе”...»). Н. М. датировала написание этого стих. 2 мая. По восп. И. В. *Одоевцевой*, именно Т. подарил О. М. банку варенья, о к-рой тот много рассказывал друзьям в Петрограде (см.: Одоевцева И. В. Избранное. М., 1998. С. 344).

С 1920 в эмиграции. Неск. раз выступал на эмигрантских вечерах с докладами, посв. О. М., опубликовал ряд статей о нем, в своих критич. обзорах часто отмечал влияние О. М. на стихи эмигрантских поэтов. 3.10.1955 Т. писал В. Ф. Маркову: «Здесь получены “сведения”, что будто бы М<андельштам> жив, ослеп и оглох почти совсем, ничего не пишет и живет где-то в “доме отдыха” (?) – вероятнее всего, “миф”, хотя до сих пор точно о нем мы ничего не знаем» (Минувшее. 1998. № 24. С. 279).

Т. всегда очень высоко оценивал поэзию О. М. как в печати, так и в частных письмах; так, 21.6.1961 он писал Маркову: «Мандельштам перевешивает “на весах” Пастернака – и на много» (Там же. С. 354).

Соч.: Неизвестные в эмиграции стихи О. Мандельштама // Опыты. 1953. № 1; Спор символистов с акмеистами и наше время // Современник. 1960. № 2; О. Мандельштам // Грани. 1961. № 50; Памяти Мандельштама // Современник. 1964. № 10.

О. А. Коростелев.

ТИХОН (в миру – Беллавин или Белавин Василий Иванович) (31.1.1865, погост Клин Торопецкого у. Псковской губ. – 7.4.1925, Москва; погребен в Донском монастыре в Москве), Патриарх Московский и всея Руси (с 18.1.1917). Выступал против незаконной узурпации власти, против отделения церкви от гос-ва, против большевистского кощунства над церковью и верующими, против изъятия новой властью церк. ценностей, за что был репрессирован.

О. М. упоминает имя Т. в стих. «Кто знает, может быть, не хватит мне свечи...» (нояб. 1917, опубл.: Страна. Пг.,

1918. № 21. 21 апр. С. 2). В стихотворении заявлена тема трагич. переживания лирич. героя по поводу того, что мир погружается во «мрак». Роль поэта, несущего «на голове» «неосвященный мир», мир, «чреватый слепотой и муками раздора», уподобляется роли духовного архипастыря: «Как Тихон – ставленник последнего собора!» (Т. 1. С. 303; см. также: Струве Н. А. Осип Мандельштам. Томск, 1992. С. 113).

В стих. «Еще далёко мне до патриарха...» (май – 19 сент. 1931), где лейтмотивом служит неадекватность совр. советской реальности, слово «патриарх» обозначает не только почтенный возраст, но и указывает на мученич. судьбу Т. 9.10.1989 Т. причислен Архиерейским собором Рос. Правосл. Церкви к лику святых.

Е. П. Беренштейн.

ТИХОНОВ Александр Николаевич (псевд.: А. Серебров; Н. Серебров) (20.10.1880, Верхне-Сергинский завод Екатеринбургского у. Пермской губ. – 27.8.1956, Москва), издат. работник, писатель, близкий друг и соратник М. *Горького*. Ред. журнала «Летопись» (1915–17), где под псевд. «А. С.» опубликовал не слишком одобрительную рец. на 2-е изд. *«Камня»* (1916) О. М. (1916. № 5): «“Камень” О. Мандельштама – тверд, холоден, прекрасно огранен самыми изысканными стихотворными размерами, хорошо оправлен рифмами, но все же блеск его мертвый, тет’овский» (цит. по: Камень. 1990. С. 233). Ред. журнала «*Русский современник*», в к-ром печатался О. М. В 1923 Т. отказался принять в альм. «Круг» «Шум времени» О. М., сообщив автору, что ждал «от него большего» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 348–349). Тем не менее, в нач. февр. 1926 О. М. предпринял неудачную попытку переиздать «Шум времени» в изд-ве *«Круг»*, возглавлявшемся Т. (Мандельштам в архиве П. Н. Лукницкого // Слово и судьба. С. 124).

О. А. Лекманов.

ТИХОНОВ Николай Семенович (22.11.1896, С.-Петербург – 8.2.1979, Москва), поэт, прозаик, лит. и обществ. деятель; Герой Социалистич. Труда (1966). Секр. СП СССР (с 1944); Сталинская премия (1942, 1949, 1952), Ленинская премия (1970). Участник лит. группы *«Серапионовы братья»* (с 1921). В двух дебютных книгах Т. «Орда: Стихи. 1920–21» и «Брага: Вторая книга стихов. 1921–22», вышедших в 1922, критики и позднейшие исследователи обнаруживали влияние *акмеизма*: «Ясность, скупую четкость, обдуманную полновесность сурового и мужественного стиха Гумилева он на первых порах синтезирует с торжественной плавностью Мандельштама» (Горбачев Г. Е. Современная русская литература. Л., 1929. С. 270; ср.: Оксёнов И. А. Николай Тихонов // Звезда. 1925. № 5. С. 262–263; Друзин В. П. О поэзии Николая Тихонова // Там же. 1928. № 10. С. 164; Поступальский И. С. По прямой дороге // На литературном посту. 1929. № 23. С. 68. См. также сближение О. М. и Т. в рец. Д. И. *Выгодского* на «Островитян» и «Брагу» Т.: Фатхуллина Р. Материалы к биографии Давида Выгодского // Лица: Биографический альманах. 1. М.; СПб., 1992. С. 91–92). В «Орде» весьма многочисленны реминисценции из стихов О. М., чередующиеся со скрытыми цитатами из стихов др. акмеистов. Так, фрагмент строки «...качаясь, мир плывет» из стих. Т. «Наследие» восходит к фрагменту строки («Земля плывет») из стих. О. М. «Прославим, братья, сумерки свободы...» (1918); в стих. Т. «Свифт» целый ряд образов («подбитый глаз», «дерзостный старик», «слепая голытьба») перекликается с соответствующими мотивами «Старика» (1913) О. М.; строка «Хохочет кожаный шкипер, румяный, манит» из «Северной идиллии» Т. представляет собой перифраз строки «Румяный шкипер бросил мяч тяжелый» из «Спорта» [1914(?)] О. М. Приблизительно в это же время Т. написал, посвятил О. М., но не печатал стих. «Почти на взморье дом Цирцеи...», густо насыщенное ключевыми образами из стихов О. М. нач. 1920-х гг. (см.: Тихонов Н. С. Перекресток утопий. Стихотворения. Эссе. 1913–1929. М., 2002. С. 192). В свою очередь, в стих. О. М. «1 января 1921» строка «И губы оловом зальют» восходит к строкам «А в горле бьется горячее олово / Остановившихся слов» из «Медиума» Т. (см.: Ronen. P. 254).

В дек. 1922 Т. впервые посетил О. М. и читал ему свои стихи (см.: Богомолов Н. А. Русская литература первой трети XX века: Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск, 1999. С. 586–587). О. М., по свидетельству Н. Я. *Мандельштам*, «попал под очарование Коли Тихонова, но это длилось недолго» (Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 322). Уже «Орду» в сер. 1920-х гг. О. М. в разговоре охарактеризовал, прибегнув к иронич. формуле: «Здравия желаю акмеизм» (Бербер ова. С. 166). 6.4.1924 О. М. участвовал в обсуждении поэмы Т. «Лицом к лицу» и цикла «Юг» в Инте совр. лит-ры Гос. ин-та иск-в (см. отчет И. А. *Груздева*: РГАЛИ. Ф. 1527. Оп. 1. Ед. хр. 36). 9.5.1924 в числе группы писателей-попутчиков О. М. и Т. обратились в отдел печати ЦК РКП(б) с коллективным письмом-заявлением об их лояльности советской власти (см.: Собр. соч.-2. Т. 4. С. 202–203). В 1926, в телефонном разговоре с Б. М. *Эйхенбаумом*, О. М. отдал решит. предпочтение стихам К. К. *Вагинова* перед стихами Т. (см.: Гинзбург. С. 16). Публич. дискуссия О. М. и Т. о допустимости описательности в поэзии состоялась 8.3.1926, после чтения Т. своих стихов на семинаре в ленингр. Гос. ин-те иск-в (см.: Собр. соч.-2. Т. 4. С. 76; Гинзбург. С. 14–15; Каверин. С. 301–303).

В 1928 Т. преподнес О. М. сб. своих стихов «Поиски героя» (1927) с дарств. надписью: «Осипу Эмильевичу Мандельштаму – с любовью. Н. Тихонов. 1928» [см.: Фрейдин. С. 235; по предположению Ю. Л. Фрейдина, этот подарок мог быть сделан в ответ на «Стихотворения» (1928) О. М.]. 28.5.1929 Т. участвовал в собрании писателей в редакции «Звезды» и наряду с двадцатью др. литераторами подписал коллективное обращение в ред. газеты «Известия» или «Комсомольская правда», протестующее против шельмования О. М. Д. И. *Заславским* в *«Литературной газете»* (см.: Слово и судьба. С. 137–38; тем не менее именно в письме к Т. от 14.6.1929 Б. Л. *Пастернак* счел возможным негативно высказаться о поведении О. М. во всей этой истории; см.: Пастернак Б. Л. Собр. соч.: В 5 т. Т. 5. М., 1992. С. 217). 24.8.1929 О. М. как сотр. газеты *«Московский комсомолец»* просил В. М. Саянова в письме: «...Переговорите с Тихоновым. Ваши стихи и его нам необходимы, кроме того, необходима проза Тихонова» [4. С. 123; в своей книге «От классиков к современности» (1929) Саянов сближал стихи Т. с поэзией акмеистов].

По свидетельству Н. М., Т. в янв. 1931, после приезда О. М. и Н. М. из Армении, неожиданно воспротивился поселению О. М. в Ленинграде (Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 322), но это кардинально не ухудшило отношений между поэтами. В февр. 1933 Т. после вечера О. М. в ленингр. Академич. капелле прилюдно провозгласил позднее творчество О. М. «настоящими стихами» (Басалаева. С. 108). При поддержке Т. (как члена редколлегии) в «Звезде» было напечатано «Путешествие в Армению» (1933. № 5). Это не помешало Т. вступить в заочную полемику со ст. О. М. «Слово и культура» (1921) в своем выступлении на 1-м съезде советских писателей в 1934 (см.: Первый Всесоюзный съезд советских писателей: Стенографический отчет. М., 1934; репринт – М., 1990. С. 504–505; О. М. здесь не назван по имени, он фигурировал как «один старый поэт»).

В 1935, пребывая в воронежской ссылке, в рецензии на поэтич. книгу Г. А. *Санникова*, О. М. назвал ранние стихи Т. «романтическими выпадами» (Собр. соч.-2. Т. 3. С. 269). В дек. 1936 – апр. 1937 О. М. послал Т. (лично или в редакцию «Звезды», к-рую Т. тогда возглавлял) как минимум 5 писем с новыми стихами и просьбами о содействии в их опубликовании и оказании материальной помощи (см.: 4. С. 173–174, 176–177, 181, 186). На первое из этих писем Т. «немедленно ответил телеграммой, что сделает для» О. М. «все, что сможет» (Мандельштам Н. (1). С. 323). Выполняя свое обещание, 20.1.1937 Т. переслал отчаянное письмо О. М. от 31.12.1936 зав. отделом худож. лит-ры ЦК КПСС В. Я. Кирпотину с просьбой принять решение о целесообразности или нецелесообразности публикации стихов О. М. (см.: Слово и судьба. С. 30). Однако ни к какому практич. результату это не привело.

Вместе с тем в нач. 1960-х гг. Т. «наотрез отказался» стать автором предисловия к изданию стихов О. М. в серии «Библиотека поэта», несмотря на то что его авторство могло бы многократно ускорить выход книги (см.: Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 323–324).

Соч.: Устная книга: Двадцатые годы // Тихонов Н. С. Собр. соч. Т. 6. М., 1986. С. 18.

Источники: Берберова Н. Н. Из петербургских воспоминаний: Три дружбы // Опыты. [Н.-Й.], 1953. Кн. I; Басалаев И. М. Записки для себя // ЛО. 1989. № 8; Каверин В. А. Счастье таланта: Воспоминания и встречи, портреты и размышления. М., 1989; Мандельштам Н. (1). 1999 (Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 321–324, 398, 409, 426; Гинзбург Л. Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб., 2002.

Лит.: Слово и судьба; Фрейдин Ю. Л. «Остаток книг»: Библиотека О. Э. Мандельштама // Слово и судьба. С. 235; Ronen O. An approach to Mandelstam. Jerusalem, 1983.

О. А. Лекманов.

ТОДДЕС Евгений Абрамович (31.10.1941, Кузнецк Пензенской обл. – 29.3.2014, Москва) – филолог, историк лит-ры и лит. теории 19–20 вв., мандельштамовед. После Великой Отеч. войны 1941–45 семья жила в Риге. В 1959/60 Т. учился на ист.-филол. ф-те Калининградского пед. ин-та, в 1961–66 – на отделении рус. яз. и лит-ры Латвийского ун-та (тогда – им. П. Стучки), где занимался пушкиноведением под руководством проф. Л. С. Сидякова и был связан с молодыми рижскими и тартускими филологами, позднее – с моск. кругом А. П. и М. О. Чудаковых. После 1966 Т. корректор в рижских газетах, затем перешел на лит. заработки. В 1980-х гг. жил на два города (Рига – Москва), помогая В. А. *Каверину* в обработке его архива. В 1990-х гг. окончательно переехал в Москву, где сочетал занятия филологией с обществ.-полит. публицистикой. Чл. редколлегии журнала НЛО и бессменный ред. «Тыняновских сборников».

С творчеством О. М. Т. впервые познакомился в нач. 1960-х гг. в *«самиздате»*, в 1963 выбрал себе тему «Мандельштам» для занятий в Рижском кружке советской лит-ры (вместе с Р. Д. Тименчиком, Л. С. Флейшманом и др.). Любимые стихотворения О. М. – «1 января 1924 года» и «Батюшков». Как мандельштамовед Т. специфичен широтой и универсальностью, но при этом специализировался на поэтике О. М. В окт. 1987 Т. заключил с изд-вом «Книга» договор на подготовку (составление, написание послесловия и комментариев) тома стихотворений О. М., для к-рого к лету 1990 написал под видом послесловия целую книгу «Смыслы Мандельштама» – опыт «идеологической биографии» поэта.

Кроме творчества О. М., Т. занимался изучением творчества Ю. Н. *Тынянова*, Б. М *Эйхенбаума* и др. литературоведов. В последние годы жил у М. О. Чудаковой и тяжело болел.

Архивы: Архив Тоддеса в собр. М. О. Чудаковой.

Лит.: In Memorium. Евгений Абрамович Тоддес (31 октября 1941–29 марта 2014) // НЛО. 2014. № 6. С. 174–215.

М. О. Чудакова.

ТОДЕ (нем. Thode) Генри Роберт (13.1.1857, Дрезден, Германия – 9.11.1920, Копенгаген, Дания), нем. иск-вед, чл. Гейдельбергской АН (1909). Учился в Лейпциге, Вене, Берлине, Мюнхене; защитил диссертации по истории иск-в в Вене (1880) и Бонне (1886). Дир. Франкфуртского ин-та иск-в (1889–91). В 1893–1911 проф. новейшей истории иск-в *Гейдельбергского университета*, его публич. лекции собирали переполненные аудитории. Осн. труды: «Франциск Ассизский и зачинатели искусства Ренессанса в Италии» (1885), «Нюрнбергская школа живописи 14 и 15 столетий» (1891), «Микеланджело и конец Ренессанса» (в 2 т., 1902–03), «Беклин и Фома» (1905).

В зимнем семестре 1909/10 О. М. слушал курсы Т. «Основы истории искусства» и «Великие венецианские художники 16 в.». Глубокий интерес О. М. к Джорджоне (см.: «Письмо о русской поэзии», «Египетская марка»), Тициану и Тинторетто (стих. «Еще далеко мне до патриарха...»), очевидно, связан с влиянием лекций и личности Т., как и поездка О. М. в Италию весной 1910 (Т. не представлял себе изучение истории иск-в без экскурсий и путешествий по Европе; каникулы, в его понимании, были созданы единственно для того, чтобы направить стопы в Италию).

Лит.: Нерлер П. О. Мандельштам в Гейдельберге. М., 1994; Paatz W. Henry Thode – einst und jetzt. // Ruperto-Carola. 1956. Bd. 20. S. 54–55; Prüll D. Heidelberger Gelehrtenlexikon. 1803–1932. Bd. 1–3. B., 1986. S. 268.

П. М. Нерлер.

ТОЛСТОЙ Алексей Николаевич (10.1.1883, Николаевск Самарской губ. – 23.2.1945, санаторий «Барвиха» под Москвой; похоронен в Москве на Новодевичьем кладб.), прозаик, драматург, поэт. Автор романов «Похождения Невзорова, или Ибикус» (1924–25), «Гиперболоид инженера Гарина» (1925–26), «Петр Первый» (1929–34); повестей «Голубые города» (1925), «Гадюка» (1928); и др.

Личное знакомство Т. с О. М. состоялось, предположительно, 23.4.1909, когда они вместе слушали лекцию В. И. *Иванова* о рифме на 5-м заседании Поэтич. академии, по окончании к-рой читали свои стихи, и лекцию о строфе (6-е заседание) 29.4.1909 [см.: Г а с п а р о в. С. 94, 97; К у п ч е н к о. С. 220; ср. также у А. А. *Ахматовой* о ее встрече с О. М. и Т. на «Башне» у Иванова (Листки из дневника. С. 123)]. С тех пор О. М. и Т., вращавшиеся в одних и тех же лит. кругах (редакция журнала *«Аполлон»*, «Башня» Иванова и др.), встречались достаточно часто. С 1912 нередки были встречи Т. и О. М. в открывшемся кабаре *«Бродячая собака»*. Т., являвшийся близким другом Б. К. Пронина, организатора и дир. «Бродячей собаки», принимал активное участие в создании кабаре, хотя вскоре «демонстративно вышел из этого предприятия» (П а р н и с, Т и м е н ч и к. С. 165). О встречах Т. и завсегдатая кафе О. М. свидетельствуют сохранившиеся программы вечеров «Бродячей собаки». Напр., 13.1.1912 состоялся вечер, посв. 25-летию поэтич. деятельности К. Д. *Бальмонта*, на к-ром присутствовал Т., а О. М. в качестве участника *«Цеха поэтов»* читал свои стихи. Т. мог посещать поэтич. вечера, в к-рых О. М. принимал самое активное участие, – 19.12.1912, 27.11.1913, 26.1, 23.2, 31.3 и 21.11.1914, 27.1.1915. Известно, что Т. был приглашен на 1-е заседание «Цеха поэтов» 20.10.1911, на к-ром О. М. не присутствовал (см.: П я с т. С. 143; 4. С. 433), а также посетил заседание «Цеха...» 1.2.1912 (см.: П я с т. С. 340). Отношения Т. и О. М. этого периода можно назвать дружескими, о чем свидетельствуют не только частые встречи, но и совм. ужины Т. с О. М., приехавшим 30.6.1915 на месяц в Коктебель (см.: 4. С. 437). 29.4.1916 М. А. *Волошин* в письме к М. С. Цетлиной жаловался на О. М. и Т., к-рые «варварски хозяйничали» в его мастерской и б-ке (К у п ч е н к о. С. 396).

После рев-ции 1917, в 1918, Т. уехал из Москвы на Украину. В 1919 эмигрировал: сначала в Стамбул, затем в Париж, а потом в Берлин. Вернулся в Петроград летом 1923. В марте 1922 в Берлине начала выходить сменовеховская газета *«Накануне»*, рус. отделение газеты открылось 1.6.1922. О. М. значился среди постоянных сотрудников газеты на рекламной афише, выпущенной в первые дни издания «Накануне» (см.: М и н д л и н. С. 136). Лит. приложением к газете заведовал Т., и О. М. часто помещал там свои стихи и статьи: 28.5.1922 напечатано стих. «Люблю под сводами седыя тишины...», 25.6.1922 – стих. «Я в хоровод теней, топтавших нежный луг...», 30.7.1922 – стих. «С розовой пеной усталости у мягких губ...» (под назв. «Европа»), 21.1.1923 – ст. О. М. «Гуманизм и современность», 7.10.1923 – стих. «Нашедший подкову» (историю публикации этого стих. см.: М и н д л и н. С. 103–104) и др. О. М. иногда обращался к творчеству Т. и упоминал его в своих статьях. Так, в ст. «Конец романа» (1922) О. М. писал о попытках А. *Белого* и Т. в эпоху кризиса «современного романа» остаться верными этому жанру (2. С. 275). Почти 10-летие после работы в «Накануне» О. М. и Т. встречались нечасто и без особой симпатии.

В сент. 1932, в связи с тем, что Т. председательствовал на товарищеском суде между О. М. и Саргиджаном, разразился скандал, упоминавшийся во мн. воспоминаниях об О. М. «Ненависть его сконцентрировалась на личности Алексея Толстого» (Г е р ш т е й н. С. 39). Возмущенный О. М. написал заявление о выходе из Горкома писателей, «как из организации, допустившей столь беспримерное безобразие» (4. С. 147). Герштейн в своих мемуарах рассказала о том, как О. М. вместе с Л. Н. *Гумилевым* караулили Т. в столовой или забегаловке неподалеку от его дома, с тем чтобы по сигналу Гумилева О. М. мог появиться перед Т. и дать ему пощечину (см.: Г е р ш т е й н. С. 49–50). В дневниковых записях 1933 Л. Я. *Гинзбург* описала следующую реакцию О. М. на пародирование И. Л. Андрониковым облика и манеры поведения Т.: «...Это так похоже, что все время хочется дать в морду» (Г и н з б у р г. С. 419). Вскоре такая возможность О. М. представилась. В сер. апр. 1934 он с женой приехал в Ленинград и 6.5.1934 в «Издательстве писателей в Ленинграде» дал пощечину своему обидчику. Е. М. Тагер так описала эту сцену со слов В. И. *Стенича*: «Мандельштам, увидев Толстого, пошел к нему с протянутой рукой <...> Мандельштам, дотянувшись до него, шлепнул слегка, будто потрепал по щеке, и произнес в своей патетической манере: Я наказал палача, выдавшего ордер на избиение моей жены» (Т а г е р. С. 165). Несмотря на требования писателя М. Э. Козакова привлечь О. М. к ответственности, Т. отказался подавать в суд на поэта. В мемуарах Ф. Ф. Волькенштейна рассказано о том, что Т. в ответ на пощечину пригрозил уничтожить О. М., и это дало пищу для слухов о причастности Т. к аресту О. М. в ночь с 13 на 14.5.1934 (В о л ь к е н ш т е й н. С. 57). Н. Я. *Мандельштам* в восп. писала, что после пощечины Т. «во весь голос при свидетелях кричал, что закроет для Мандельштама все издательства, не даст ему печататься, вышлет его из Москвы», и в тот же день поехал в Москву жаловаться М. *Горькому* на О. М. (Н. Я. Мандельштам. Т. 1 С. 87). Ахматова причиной гибели О. М, называла именно месть Т., не простившего поэту пощечины (О. и Н. Мандельштамы. С. 192). В восп. Е. С. Петровых (сестры М. С. *Петровых*) трактовка истории с пощечиной тесно связана с влюбленностью поэта в М. С. Петровых – якобы О. М., «обезумевший от горя» после отказа М. С. Петровых, бросился на Ленингр. вокзал и там дал пощечину уезжавшему Т. (Там же. С. 167). Еще одна искаженная версия случившегося изложена Н. К. *Чуковским* (см.: Ч у к о в с к и й Н. К. С. 166). Никаких прямых свидетельств, указывающих на причастность Т. к аресту О. М., обнаружено не было. Хотя этой причастности, судя по всему, не исключал Н. И. *Бухарин*, писавший И. В. *Сталину* в связи с делом арестованного О. М.: «До ареста он приходил со своей женой ко мне и высказывал свои опасения на сей предмет в связи с тем, что он подрался (!) с А[лексеем] Толстым, которому нанес “символический удар” за то, что тот несправедливо якобы решил его дело, когда другой писатель побил его жену. Я говорил с Аграновым, но он мне ничего конкретного не сказал» (цит. по: М а к с и м е н к о в. С. 239).

О неприязненном отношении Т. к О. М. говорит отзыв писателя об акмеистах, прозвучавший в речи Т. на 1-м Всесоюзном съезде советских писателей в авг. 1934: «Ложью была и попытка акмеистов (Гумилева, Городецкого, Осипа Мандельштама) пересадить ледяные цветочки французского Парнаса в российские дебри. Сложным эпитетом, накладыванием образа на образ акмеисты подменяли огонь подлинного поэтического чувства. Усложненный эпитет, накладывание образа на образ – очень широко распространенное явление в советской литературе» (Первый Всесоюзный съезд советских писателей: Стенографический отчет. М., 1990. С. 416).

В февр. 1935 О. М. написал статью о спектаклях Большого советского театра в Воронеже, в к-рой упомянул Т. и его пьесу «Смерть Иоанна Грозного»: «На клетчатых своих коленках он (актер в роли Лопахина. – *М. К.*) тихонько укачивал <...> боярина из пьесы Алексея Толстого, из той самой, которую написал полицейский пристав в сотрудничестве с Аполлоном Бельведерским» (Собр. соч. Т. 3. С. 415).

Источники: Липкин С. И. «Угль, пылающий огнем...» // З.; Чуковский Н. К. Литературные воспоминания. М., 1989; Тагер Е. М. О Мандельштаме // Звезда. 1991. № 1; Волькенштейн Ф. Ф. Товарищеский суд по иску О. Мандельштама // «Сохрани мою речь»-1; Пяст В. А. Встречи. М., 1997; Герштейн; Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 37, 79, 87–88, 97, 168, 170, 409, 452; Гинзбург Л. Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб., 2002;

Лит.: Парнис А. Е., Тименчик Р. Д. Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник, 1983. М., 1985; Гаспаров М. Л. Лекции Вяч. Иванова о стихе в Поэтической академии 1909 г. // НЛО. 1994. № 10; Купченко В. П. Труды и дни М. Волошина: Летопись жизни и творчества, 1877–1916. СПб., 2002; Максименков Л. Очерки номенклатурной истории советской литературы (1932–1946): Сталин, Бухарин, Жданов, Щербаков и другие // ВЛ. 2003. Июль–август; Лекманов. 2004.

М. А. Котова.

ТОЛСТОЙ Лев Николаевич (28.8.1828, Ясная Поляна Крапивинского у. Тульской губ. – 7.11.1910, ст. Астапово Рязано-Уральской ж. д.), писатель; во вторую половину своей жизни выступал также как обществ. деятель, публицист и религ. проповедник. Преим. в этом качестве О. М. и воспринимал Т. в детстве («Я помню <...> туманные споры о какой-то “Крейцеровой сонате”» – см.: Мандельштам О. Э. Шум времени // 2. С. 347), а также в юности [«Толстой и Гауптман – два величайших апостола любви к людям», – из письма О. М. к Вл. В. *Гиппиусу* от 19.4.1908 (4. С. 12)]. Подобное восприятие много позднее спровоцировало О. М. описать юношеские попытки обществ. служения, собственные и своих сверстников, именно через сравнение с соответствующими фрагментами «Войны и мира» Т.: «Мальчики девятьсот пятого года шли в революцию с тем же чувством, с каким Николенька Ростов шел в гусары: то был вопрос влюбленности и чести. И тем, и другим казалось невозможным дышать без доблести. “Война и мир” продолжалась – только слава переехала» (Он же. Шум времени. С. 382). Строки «Сияло солнце Александра, // Сто лет тому назад сияло всем» из стих. О. М. «Кассандре» (1917) находят соответствие в портрете имп. Александра I, увиденного восторженными глазами Николая Ростова: «Все ближе и ближе подвигалось это солнце для Ростова <...> Лицо Александра было еще прекраснее, чем на смотру три дня тому назад. Оно сияло <...> веселостью» (Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22 т. Т. 4. М., 1981. С. 344). Ср. далее в «Шуме времени» о юном Б. Б. *Синани*: «...лежа на финских покосах, он любил глядеть на простые небеса холодно удивленными глазами князя Андрея» (2. С. 382–83).

Но уже в 1914 в ст. «Петр Чаадаев» О. М. оценил проповедь Т. как великое, но заблуждение: «Еще недавно сам Толстой обращался к человечеству с призывом прекратить лживую и ненужную комедию истории и начать “просто” жить. В “простоте” – искушение идеи “мира”» [1. С. 198; ср. со свидетельством Н. Я. *Мандельштам* о зрелом О. М.: «Мандельштам тяготел скорее к Толстому, чем к Достоевскому, но в общем был свободен от обоих, потому что чувствовал в них ересиархов» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 297)].

Краткая характеристика прозы Т. дана О. М. в заметке «Девятнадцатый век» (1922): «Романы Толстого – чистый эпос и вполне здоровая европейская форма искусства» [2. С. 270. Эту характеристику произведений писателя правомерно соотнести с восхищением О. М. долголетием и физич. крепостью Т.: «У тебя замечательно сильный организм, редчайшее в наше время здоровье – здоровье Льва Толстого», – из письма О. М. к Э. В. *Мандельштаму* 1933 (4. С. 154)].

Роман Т. «Анна Каренина» О. М. числил в ряду произведений, оказавших существ. влияние на рус. лит-ру 20 в. С этим романом он сопоставлял такие разнородные явления, как лирика А. А. *Ахматовой*, проза Н. И. *Кочина* и Д. А. *Фурманова*. См. об Ахматовой: «Не было бы Ахматовой, не будь Толстого с “Анной Карениной”» [«Письмо о русской поэзии», 1922 (2. С. 239); ср. с шутливым сопоставлением О. М. этих же имен в передаче Ахматовой: «Однажды Надя привезла Осипа встречать меня на вокзал <...> Когда я вышла из вагона, сказал мне: “Вы приехали со скоростью Анны Карениной”» (Ахматова. С. 143)]. См. также в рец. О. М. 1929 на роман Кочина «Девки»: «Кажется, будто сам Толстой мысленно превратился в ту женщину, с которой писал портрет» (Собр. соч.-2. Т. 2. С. 529). См. также высказывание О. М. о фурмановском романе: «“Чапаев” Фурманова – замечательное произведение. Все события, все персонажи романа вращаются в страстной стремительности вокруг одного стержня – Чапаева <...> Так бывает только в романах о любви. Вот Толстой в “Анне Карениной” группирует вокруг Анны весь ход событий, даже если они и не имеют прямой связи с ее судьбой”» [Осмеркина-Гальперина. С. 313; см. здесь же высказывание О. М. о «Войне и мире»: «Как-то Осмеркин сказал в беседе о Толстом, что в романе “Война и мир” все-таки не передается образ России тогдашнего времени. “Большой писатель, да и большой поэт, – сказал Мандельштам, – никогда не пишет о прошлом, он пишет о будущем» (Там же)]. Сам О. М. завершил отсылкой к «Анне Карениной» пов. «Египетская марка» (1927) (2. С. 495; подробнее о толстовских мотивах в «Египетской марке» см.: Багратиони-Мухранели; Кацис).

Вместе с тем О. М. имел в виду Т. наряду с С. Т. Аксаковым, а также А. Н. *Толстым*, когда в «Шуме времени» противопоставлял собств. автобиогр. прозу соответствующим отеч. образцам 19 – нач. 20 в.: «Никогда я не мог понять Толстых и Аксаковых, Багровых-внуков, влюбленных в семейственные архивы с эпическими домашними воспоминаниями» (2. С. 384).

Выявленные исследователями у О. М. подтексты из произведений Т. весьма многообразны и свидетельствуют о хорошей осведомленности поэта в творчестве и биографии писателя. Архит. образы стих. О. М. «Я ненавижу свет...» (1912) навеяны «зданием, воздвигающимся из иголок, которым бредит князь Андрей» из «Войны и мира» (Ронен. С. 17). К охотничьей песне из этого же романа восходит зачин стих. О. М. «Как растет хлебов опара...» (1922) (Там же. С. 48–49). Именование наркома просвещения Армении А. А. Мравьяна «муравьиным наркомом» в «Путешествии в Армению» (1931–32) О. М. (3. С. 172) «заставляет вспомнить детскую мечту Толстого о “зеленой палочке” и “муравьиных братьях”» (Мусатов. С. 324). Рассказ о срубленном дереве из этого же произведения (3. С. 187–188), возможно, отсылает к «Трем смертям» и «Не могу молчать» Т. (Гаспаров. С. 293). А словосочетание «зеленая могила» из финальной строфы «Ламарка» (1932) О. М. «может относиться» «к могиле Толстого в Ясной Поляне» (Там же. С. 199).

Источники: Ахматова; Осмеркина-Гальперина Е. К. Мои встречи // Мандельштам и его время.

Лит.: Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы. М., 1993; Багратиони-Мухранели И. Л. О некоторых источниках исторической концепции «Египетской марки»: Мандельштам, Толстой и масонство // «Отдай меня, Воронеж...»; Мусатов В. В. Лирика О. Мандельштама. К., 2000; Кацис Л. Ф. О. Мандельштам: Мускус иудейства. М., 2002; Ронен О. Поэтика О. Мандельштама. СПб., 2002.

О. А. Лекманов.

ТОМАШЕВСКИЙ Борис Викторович (17.11.1890, С.-Петербург – 24.8.1957, Гурзуф), филолог, историк лит-ры, текстолог, стиховед. Свидетельств о каких бы то ни было встречах О. М. с Т. не сохр., несмотря на близкое знакомство О. М. с соратниками Т. по «формальной школе» – Ю. Н. *Тыняновым*, Б. М. *Эйхенбаумом* и В. Б. *Шкловским*. Н. Я. *Мандельштам* указывала, что личного знакомства с Т. не было: «Я не видела людей мысли вокруг Ахматовой. Она называла Энгельгардта и уважала Томашевского. Их я не знала...» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 247). Вероятно, О. М. был неплохо знаком с науч. трудами Т., в т. ч. и через своего близкого знакомого С. Б. *Рудакова*, в науч. работе к-рого Т. «принимал особое участие» (ЕРО ПД на 1993 г. СПб., 1997. С. 200). Также возможно, что Т. в 1936–37 инициировал переговоры о покупке архива О. М. для Пушкинского Дома, «в те же годы приобретшего материалы М. А. Булгакова» (Там же. С. 141). Единств. прямая отсылка к творчеству О. М. – в кн. Т. «Теория литературы. Поэтика». Здесь стихи О. М. приводятся в качестве примера «суггестивной лирики», дающей «возможность поэту путем разрушения обычных связей создавать впечатление возможного значения, которое бы примирило все несвязные моменты построения», а также вызывающей в нас «представления не называя их» [Томашевский Б. В. Теория литературы: (Поэтика). Л., 1925. С. 193; 5-е изд. – М.; Л., 1930. С. 189; М., 1996. С. 240–241].

М. А. Панарина.

ТРОЦКИЙ (наст. фам. Бронштейн) Лев Давидович (26.10.1879, с. Яновка Елизаветградского у. Херсонской губ. – 28.5.1940, Мехико, Мексика), советский полит. деятель, один из организаторов прихода большевиков к власти в окт. 1917, пред. Реввоенсовета Советской республики. Т. появляется на страницах прозы О. М. дважды. Упоминание о Т., к-рый ходит по Ильинке с константинопольской удочкой и ведрышком в руке «в обнимку» с В. И. Лениным, находим в «Четвертой прозе»: «Ходят два еврея, неразлучные двое – один вопрошающий, другой отвечающий, и один все спрашивает, все спрашивает, а другой все крутит, все крутит, и никак им не разойтись» (С–2. Т. 3. С. 179). О. А. Лекманов указывает на соединение в этом эпизоде обрывков неск. анекдотов: традиционная схема построения евр. анекдотов с двумя персонажами (вопрос-ответ) накладывается на анекдот об изгнаннике Т., коротающем время на рыбалке (см.: http://www.russ.ru/politics/lyudi/pro_trockogo_mandel_shtama_i_konstantinopol_skuyu_udochku). Во внутр. рец. на не вышедшую в СССР книгу Ж.-Р. Блока «Судьба века» («Jean-Richard Bloch. Destin du siècle») О. М. не без иронии говорит о трактовке Блоком полит. фигуры Т.: «О Троцком – нежная страничка: он хранитель вечного перманентного пламени» рев-ции (СС.-2. Т. 3. С. 368). По предположению О. Ронена, метафоры из речи Т. в ЦКК в июне 1927 были использованы в стих. О. М. «Фаэтонщик» (1931) (Ронен О. Поэтика Осипа Мандельштама. СПб., 2002. С. 173). О несостоявшейся встрече О. М. с Т. вспоминала Н. Я. *Мандельштам*: О. М. бежит из кремлевской столовой, куда должен прийти Т., «пожертвовав единственной возможностью поесть в голодном городе. Объяснить этот импульс он не мог никак: “Да ну его... Чтобы не завтракать с ним...”» (Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 182).

Н. В. Сарафанова, О. А. Лекманов.

ТЫНЯНОВ Юрий Николаевич [6.10.1894, Режица Витебской губ. (ныне Резекне, Латвия) – 20.12.1943, Москва], лит-вед, теоретик формальной школы, прозаик. Познакомился с О. М. в *Санкт-Петербургском университете*, где Т., в частности, с 1914 работал в семинаре С. А. *Венгерова* (см.: Шкловский В. Б. Университет // Воспоминания о Тынянове. С. 8). В кон. сент. 1915 Т. был свидетелем неудачной попытки О. М. сдать экзамен по классич. лит-ре (лат. авторы) А. И. Малеину. Позднее Т. пересказал этот эпизод В. А. *Каверину*, к-рый беллетризировал его в своей мемуарной прозе (см.: Каверин В. А. Встречи с Мандельштамом // Каверин В. А. Счастье таланта. М., 1989. С. 300–301; ср.: Лекманов. 2003. С. 64–65). В 1910–20 О. М. и Т. неоднократно встречались в писат. организациях. 6.4.1924 они вместе присутствовали на обсуждении произведений Н. С. *Тихонова* в отделе совр. лит-ры Гос. ин-та истории иск-в в Петрограде (см.:4. С. 446; Тынянов Ю. Н. С. 481). В сер. 1920-х гг., когда Т. преподавал на Высших гос. курсах иск-ведения при Ин-те истории иск-в, он цитировал в

своих лекциях произведения О. М., в частности, стих. «Нет, никогда, ничей я не был современник» (1924) (см.: Голицына В. Г. Наш институт, наши учителя // Воспоминания о Тынянове. С. 81), и приглашал О. М. выступать перед студенч. аудиторией. 8.3.1926 О. М. разбирал на лекции Т. произведения Тихонова (см.: 4. С. 448). В 1926–28 Т. старался обеспечить О. М. лит. заработком, зная о его финанс. затруднениях, горячо поддерживал издание кн. «О поэзии» (1928) (см.: Нерлер П. М. Примечания // Соч. Т. 2. С. 435). Узнав о наложенном секвестре на заработок О. М., Т. вместе с К. И. *Чуковским* протестовали против деятельности фининспекции [см. Чуковский. Дневник (1901–1929). С. 349].

Вероятно, не без влияния Т. возник и сформировался интерес О. М. к поэзии К. Н. *Батюшкова* (см.: Лекманов. 2003. С. 156), равно как и к творч. методу Н. В. *Гоголя*. В ст. «Промежуток» (1924) Т. сопоставляет О. М. и Батюшкова, затем, значительно позже, в письме к Чуковскому от 15.1.1934, еще раз подтверждает это сопоставление: «Завидую Вам, что слышали мандельштамовского Петрарку. У него даже вкусы батюшковские» (Тынянов. С. 480).

Влияние историософии О. М. (стих. «Декабрист», 1917) на творчество Т. нашло отражение в ром. последнего «Кюхля» (1925). Поэтич. код, данный в последней строке стих. («Россия, Лета, Лорелея»), символизирует культурную установку и ориентацию героя: в одном случае – обобщенного «декабриста», во втором – конкретного «Кюхли» – В. К. Кюхельбекера (см.: Меньшутин А. Н., Синявский А. Д. Поэзия первых лет революции: 1917–1920. М., 1964. С. 399).

В сер. 1920-х гг. (вероятно, в 1926 или 1927) Т. читал в своей квартире (Греческий просп., 15, кв. 18) отрывки из ром. «Смерть Вазир-Мухтара», а именно сцену приема имп. Николаем I А. С. Грибоедова в Зимнем дворце. «Когда главка была прочитана, Мандельштам заметил, что ему это напоминает исторические балеты. Юрий Николаевич не согласился с этим сравнением, которое и в самом деле было искусственным, оно ему явно не понравилось, и он как-то потерял интерес» (Федоров А. В. Фрагменты воспоминаний // Воспоминания о Тынянове. С. 98–99; на уровне «слуха» сообщено в: Гинзбург Л. Я. О старом и новом. Л., 1982. С. 373 – где датируется 1927; см. также: Левинтон. С. 21–23).

Однако вряд ли Т. замолк из-за потери интереса к ассоциации О. М. Скорее, как видно из анализа дальнейшей авторской работы над рукописью, это замечание дало толчок к разработке в «Смерти Вазир-Мухтара» бальной и балетной темы. «Танцевальные» сравнения сопровождают героя романа по ходу развития сюжета, подкрепляя и задавая дополнит. мотивировки его поворотам, служа повествоват. ходами и эмоц.-экспрессивными лейтмотивами. Так, перед смертью Грибоедов-Вазир-Мухтар вспоминает рев театр. партера, приветствовавшего петерб. танцовщицу (см.: Ронен О. Устное высказывание Мандельштама о «Смерти Вазир-Мухтара»... // Ронен. С. 149; о реминисценциях из О. М. в романе Т. см. также: Мошинская).

В свою очередь, подтексты из «Смерти Вазир-Мухтара» выявляются в «Египетской марке» О. М., где «балетная» тема в сочетании со стремлением героя к дипломатич. карьере придает Парноку карикатурное сходство с Вазир-Мухтаром. Описывая толпу, равно как и сцену самосуда над «человечком», О. М. вводит второй план, напоминающий о сценах спасения воришки и заключит. резни в романе Т. Затем балетная аналогия, в целом свойств. ряду писателей и поэтов кон. 19 – нач. 20 в., в частности А. А. *Ахматовой* и Д. С. *Мережковскому*, превращается в символ государственности, социальной и лит. жизни. (см.: Ронен О. Указ. соч. С. 149; ср.: Лекманов. 2000. С. 245). Создавая образ Парнока, О. М. применяет прием «пародичности», о к-ром говорил Т. в своей работе «Стиховые формы Некрасова» (1921) и в дальнейших статьях: в полном соответствии с определением пародичности, данным Т., Парнок не вводится для осмеяния Грибоедова, но своим появлением демонстрирует совр. О. М. сдвиг романной формы и фабульного повествования. Вполне возможно, что сама аналогия с ист. балетами была навеяна О. М. восп. о постановке «Маскарада» М. Ю. *Лермонтова* В. Э. *Мейерхольдом* (Александринский театр, 1917).

В нач. 1931 Т. задумал роман о П. А. Катенине, поэте, драматурге, лит. критике и переводчике 1-й пол. 19 в., современнике, друге и отчасти оппоненте А. С. *Пушкина*. Сложный и противоречивый характер героя Т. намеревался воссоздать методом соединения разл. черт характера О. М., В. Б. *Шкловского* и себя самого. Замыслом он делился, в частности, с Н. И. *Харджиевым*, к-рый 11.3.1931 обратился к Т. с шуточным стихотворением-вопросом о ходе работы над романом: «Когда ж сей нелюбимец славы, // Сей монстр ужасный и трехглавый // (Тынянов, Шкловский, Мандельштам) // Три языка покажет нам <?>» (см.: Воспоминания о Тынянове. С. 259).

Восторженное отношение Т. к поэзии О. М. отметила Ахматова: описывая приезд О. М. в Ленинград в 1933, она называет имя Т. в числе тех литераторов, к-рые ходили к нему в «Европейскую» гостиницу «на поклон» (Ахматова. С. 135). При этом Т. говорил, что «для него существуют только те стихи, которые заставляют его двигаться в каких-то новых семантических разрезах. Что так он движется у Мандельштама и Пастернака» (Гинзбург Л. Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб., 2002. С. 17). Т. был одним из слушателей чтения О. М. «Разговора о Данте» (4. С. 456). Тем не менее в 1934, в момент неудачи с фильмом по рассказу Т. «Подпоручик Киже» и сильного раздражения Т., он отзывался об О. М. в уничижит. ключе, описывая по ассоциации с его личностью номер берлинского мюзик-холла: на сцену выходили «два совершенно бесцветных человечка, вместо пола у них под ногами была резиновая подушка, и они подскакивали и улетали в потолок» [Чуковский. Дневник (1930–69). С. 102]. «Мюзик-холльная» метафора Т. значимо перекликается с «балетной» О. М. в применении к ром. «Смерть Вазир-Мухтара».

Т. адресовано одно из важнейших в эпистолярном наследии О. М. писем (от 21.1.1937), в к-ром О. М. говорит о будущем своей поэзии: «Пожалуйста, не считайте меня тенью. Я еще отбрасываю тень. <...> Вот уже четверть века, как я, мешая важное с пустяками, наплываю на русскую поэзию, но вскоре стихи мои с ней сольются и растворятся в ней, кое-что изменив в ее строении и составе» (4. С. 177). На это письмо адресат не ответил.

Творч. отношения О. М. и Т. интерпретированы О. Роненом как постоянное взаимообогащение и взаимовлияние

(Ронен О. Указ. соч. С. 143–149). Отмечается связь поэтики О. М. с понятием «тесноты стихового ряда», введенным Т. в кн. «Проблема стихотворного языка» (Он же. Поэтика Мандельштама. С. 14–15, 46). Поэт мотивирует каждый элемент поэтич. высказывания, гл. обр. семантич. явления, но и др. элементы структуры поэтич. произведения [см.: Сегал Д. М. Наблюдения над семантической структурой поэтического произведения // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. Vol. XI (1968). P. 159–171]. В целом теоретич. построения Т. оказываются одним из стимулов к поиску О. М. новых путей индивид. творч. развития.

Однако Т., в интерпретации Н. М., профессионально занимался лишь «мелким изобретательством» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 193). В силу этого к.-л. взаимовлияние Т. и О. М. мемуаристка отрицает, а Т. причисляет, ссылаясь на слова О. М., к людям, к-рые «просто не любят стихов». Соответственно, ст. Т. «Промежуток» трактуется ею как демонстрация этой нелюбви и непонимания поэзии, а следовательно, произведение невнятное: «Даже люди, которые втайне любили стихи, как Тынянов, начинали заикаться и увиливать, говоря о них (пример – ст. “Промежуток”)» (Там же). Т., в изображении Н. М., не способен ни к диалогу, ни просто к человеч. разговору, а лишь пересказывает написанное в своих книгах, говорить с ним О. М. было не о чем (Там же. Н. М. приписывает Т. создание лит.-ведч. теории, уподобляющей поэтич. творчество актерскому и связанную, в ее понимании, с процессом «умаления и уничтожения личности» (Там же.) Приписывая Т. идеи наивного эволюционизма в лит-ре и говоря: «Для Тынянова поэт не личность. Его интересует только место поэта в “эволюционном ряду”», – Н. М. упрощает не только теоретико-лит. взгляды Т., но и эстетич. воззрения самого О. М.

Тем не менее Н. М. все же признает Т. принадлежащим к «лучшим и самым чистым людям из наших современников» (Там же). Резко критикуя Т. за его теорию лит. героя и за идею трансформации биографии писателя вследствие трансформации его стиля (такова ее интерпретация теории Т., на к-рой Н. М. концептуально настаивает), вдова О. М., однако же, вполне следует совету Т. отбирать эпизоды биографии О. М. в согласии со своим представлением о его лит. личности (см.: Лекманов. 2003. С. 9).

Среди общих знакомых О. М. и Т. был С. Б. *Рудаков*. По-видимому, человеч. и проф. симпатия Т. к Рудакову повлияла на хорошее отношение к нему О. М. и дружбу с ним в Воронеже, хотя О. М. говорил о своем несогласии с положениями теории Т. Кн. Т. «Пушкин» О. М. обсуждал с И. Л. Фейнбергом в 1937 после возвращения из Воронежа (см.: Герштейн).

Сравнит. анализ теоретич. взглядов Т. и О. М. обнаруживает скорее сходство, чем различие теоретико-лит. установок (см. об этом: Тоддес). Родственность исходных позиций способствует глубинному пониманию Т. творчества О. М. Так, в ст. «Промежуток» Т. выстраивает целостный образ О. М. как поэта, дает характеристику его индивид. поэтики как явления (см.: Тынянов. С. 187–191). В этой ст. Т. отмечает поверхностную близость О. М. к поэзии Б. Л. *Пастернака*, говорит о небольшом кол-ве написанного О. М. как о типологич. черте, присущей нек-рым рус. поэтам. Сопоставление О. М. и Ф. И. *Тютчева* по этому критерию (Там же. С. 187) дополняет мнение Н. С. *Гумилёва* о том, что О. М. пришлось специально осваивать рус. лит. язык.

О. М., по мнению Т., «решает одну из труднейших задач стихового языка» (Там же. С. 187), к-рая заключается в индивид. способе согласования муз. (мелодич.) и смысловой (семантич.) компонент слова. Мелодически стих О. М. «помогает спаивать, конструировать особым образом смысловые оттенки» (Там же. С. 188) в его собств. поэзии. Муз. связь слов играет роль их эмоц. связи, обеспечивает возможность семантич. сближения единиц разл. смысловых рядов, способствует образованию индивид. поэтич. иерархии предметного мира в поэзии О. М. Перестройка мелодии в стихе приводит к смене смыслового строя. В нем всегда существует доминирующий образ, ключевой для всей системы образов стих. Они задают определ. код, к-рый обеспечивает ассоциативную цепочку от вещи к вещи (примеры у Т. – ассоциативная связь «ундервуд» и «щучья косточка» из ст. «1 января 1924»). Задействуя мельчайшие оттенки смысла слова, О. М. создает систему чисто поэтич. словесных значений, явных и обязат. только в поэтич. произведении (ср. слова А. А. *Блока* о снах О. М., лежащих «в области искусства только»). Отсюда – его любовь к собств. именам, являющимся для него словесными оттенками, и включение в стихотворения слов иных культурно-языковых систем. Именно поэтому у О. М. в поэзии «вещь становится стиховой абстракцией» (Там же. С. 189). Это утверждение согласуется с утверждением самого О. М. «слово – Психея» и, возможно, навеяно им (Там же. С. 481). В целом поэзия О. М. носит характер работы над чужим языком, а его произведения схожи с поэтич. переводами (ср. слова О. М. о К. Д. *Бальмонте* как переводчике с неизвестного яз.). В момент, современный работе Т. над «Промежутком», слово у О. М. в осн. служило передаче оттенков смысла из строки в строку; следующий этап, как предсказывал Т. и показало развитие поэтики О. М., – путь к слову как к аналогии «звонкой монеты» (Там же. С. 191).

Текст этой статьи содержит ряд перекличек с творчеством О. М. Ср. у Т.: «Читатель недавней формации тщательно обходит стихи...» (Там же. С. 169), – и у О. М., в заметке «Выпад» (1924): «Читатель приучается чувствовать себя зрителем в партере» (2. С. 410). [Ср. также высказывания Т. и О. М. о поэзии В. В. *Маяковского* в контексте стремления поэта к общедоступности его произведений (Тынянов Ю. Н. Промежуток // Тынянов. С. 176; Мандельштам О. Э. Литературная Москва // 2. С. 258–259). Ср. также у Т.: «В период “промежутка” нам ценны вовсе не “удачи” и не “готовые вещи”» (Тынянов. С. 195), – и у О. М. в «Разговоре о Данте» (1933): «В поэзии, в пластике и вообще в искусстве нет готовых вещей» (3. С. 234).]

Различия во взглядах О. М. и Т. на сущность лит. произведения выявляются при сопоставлении узловых моментов их теоретич. положений (см.: Тоддес). Так, к представлению о лит. процессе как механич. смене одного стиля, метода или направления другим и Т., и О. М. относились одинаково скептически. Ср. у О. М. в ст. «О природе слова» (1922): «Если послушать историков литературы... то получается, что писатели только и думают, как бы расчистить дорогу идущим впереди себя» (1. С. 219). Роль «предтечи»

в лит. процессе, по мысли О. М., навязывают писателю приверженцы теории механич. преемственности в лит-ре. Ср. у Т.: «...Историки литературы должны были и явления исторической смены рассматривать как явления мирной преемственности... Получалась стройная картина: Ломоносов роди Державина, Державин роди Жуковского, Жуковский роди Пушкина, Пушкин роди Лермонтова» (Тынянов в. С. 258). При этом О. М. говорит об опасности и убийственности теории эволюции и прогресса для лит-ры и заостряет внимание на том, что «каждая смена, каждое... приобретение сопровождается утратой, потерей» (1. С. 219), понимая развивающуюся т. о. лит-ру с помощью метафоры машины, механизма. Т. считает, что никакой «утраты и потери» не происходит, поскольку то, что перестает быть методологич. или стилистич. и др. доминантой, вытесняется на периферию лит. процесса и продолжает существовать там, быть может, в измененном виде (Тынянов в. С. 256–259). Если для О. М. движение культуры происходит болезненными рывками, то для Т. динамика органична.

Ощущение собств. погруженности в лит. и культурный процесс, с точки зрения О. М., приводит к перерождению «чувства личности» у самого поэта (ст. «Письмо о русской поэзии», 1923: 2. С. 238). Т. стоит на противоположной точке зрения (см.: Тынянов в. С. 259).

В отличие от Т., О. М. не различает двух явлений – «литературную индивидуальность» и «индивидуальность литератора». Здесь, несомненно, проявляется глубинное влияние на О. М. «жизнетворческой» позиции поэтов рус. *символизма*. При этом единств. критерием «единства литературы данного народа» для О. М. является язык (см. в ст. *Поэтический язык*), к-рый, исторически изменяясь, «в пределах всех своих изменений остается постоянной величиной» (ст. «О природе слова»: 1. С. 219–220). Если для Т. лит. процесс развивается благодаря динамике жанров, то для О. М. лит. развитие – результат внутриязыковых процессов. Именно поэтому любая единица стихотв. речи (строка, строфа и др.) рассматривается О. М. как «слово» (см. в ст. *Поэтическая речь*), а Т. – как часть динамич. целого.

При этом взгляды О. М. и Т. на семантику поэтич. слова сходны, если не тождественны. Это заметно на материале произведений «Проблема стихотворного языка» Т. и «Разговор о Данте» О. М. Сходство касается: 1) многозначности поэтич. слова, 2) возникновения многозначности вследствие помещения слова в поэтич. строку, 3) вопросов концентрированности словесного ряда в стихе, 4) отличия поэтич. слова от слова обыденной речи и др. (ср.: 3. С. 226; Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка. Л., 1924. С. 83).

Ряд сходных положений высказан и в др. статьях О. М. и Т., хотя каждый из параметров дается в контексте системы взглядов авторов. Так, важнейшим для теоретич. построений О. М. и Т. является вопрос о поэтич. теме. Для О. М. личность поэта определена самостоятельностью его поэтич. темы. У Т. тема трактуется с точки зрения лит. динамики, связана одноврем. и с жизн. процессами, и со спецификой поэзии как иск-ва.

Ряд совпадений в теоретич. построениях Т. и в теоретич. построениях, а также в худож. практике О. М. касается понимания фабулы. Для Т. фабула в совр. ему сюжетной прозе может при определ. условиях быть «мотивировкой стиля или способа развертывания материала» (Тынянов. С. 274). Произведением с фабулой такого типа можно назвать «Египетскую марку» О. М. Для О. М. фабула есть личность, действующая «в принадлежащем ей времени» (2. С. 275). Более того: по Т., «фабула может быть просто загадана, а не дана; по развертывающемуся сюжету зритель может о ней только догадываться – и эта загадка будет еще большим сюжетным двигателем, чем та фабула, которая воочию развертывается перед зрителем» (Тынянов. С. 325). Способность О. М. мыслить «опущенными звеньями» побуждает его к созданию произведений с фабулой-загадкой так же, как и с тропами-загадками.

Соч.: Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.

Источники: Воспоминания о Тынянове: Портреты и встречи: Сб. М., 1983; Чуковский К. И. Дневник (1901–29). М., 1991 (по именному ук.); Он же. Дневник (1930–69). М., 1994 (по именному ук.); Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 17, 193, 204–205, 246, 317, 337–341, 347–348, 354, 419, 547;

Лит.: Тоддес Е. А. Мандельштам и опоязовская филология // Тыняновский сб. Вторые Тыняновские чтения. Рига, 1986; Мошинская Р. П. Мандельштамовский подтекст романа Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара» // Поэтика и текстология; Левинтон Г. А. Мандельштам и Тынянов // Четвертые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига, 1988; Ронен О. Устное высказывание Мандельштама о «Смерти Вазир-Мухтара» и тыняновский подтекст «Египетской марки» // Ронен О. Поэтика О. Мандельштама. СПб., 2002; Лекманов в. 2003.

В. В. Калмыкова.

ТЮТЧЕВ Федор Иванович (23.11.1803, Овстуг Брянского у. Орловской губ. –15.7.1873, Царское Село С.-Петерб. губ.), поэт, публицист. На протяжении всей жизни Т. оставался поэтом «для немногих» – тех, кого О. М. в «Шуме времени» противопоставлял господствующим утилитарным вкусам «общественнической» интеллигенции: «Высокомерные оставались в стороне с Тютчевым и Фетом» (Собр. Соч.). Положение меняется в кон. 19 в., с появлением символистов, вернувших поэзии доминирующее значение. Т. для них – предтеча, учитель поэтич. ясновидения. Эту рефлексию вокруг Т. уже застал О. М. Он не мог не быть в курсе тютчеведческих штудий В. Я. *Брюсова*, как и высказываний о Т. и цитат из него в стихах и статьях Вяч. *Иванова*. В свою мемуарную книгу он включил специальный эпизод, показывающий своеобразную экспансию Т. в культурный быт нач. 20 в. благодаря усилиям молодого поэта и филолога Н. В. *Недоброво*: «<...> Недоброво появлялся всюду читать Тютчева, как бы предстательствовать за него. Речь его, и без того чрезмерно ясная, с широко открытыми гласными, как бы записанная на серебряных пластинках, прояснялась на удивленье, когда доходило до Тютчева, особенно до альпийских стихов: “А который год белеет” <вместо тютчевского: “А который век белеет”> и – “А заря и ныне сеет”. Тогда начинался настоящий разлив открытых “а”: казалось, чтец только что прополоскал горло холодной альпийской водой». Текстуальные пересечения с Т. и высказывания о нем прослеживаются с первых лет работы О. М. Ранняя стихотв. декларация «В непринужденности творящего обмена...» (1909?) мыслит Т. как необходимый источник

Федор Иванович Тютчев

совр. поэзии, а работу с этим источником – как актуальную творч. задачу. Тогда же О. М. начинает непосредственно использовать тютчевскую речь для конструирования собств. лирич. текста – как в стих. «На влажный камень возведенный...», откликающемся на послание Т. к С. Е. Раичу «На камень жизни роковой...»; при этом О. М. стремится строить взаимодействие с учетом цитируемой декларации, где на почетном месте рядом с Т. – «ребячество Верлена» [Осповат А., Ронен О. Камень веры: (Тютчев, Гоголь и Мандельштам) // Тютчевский сб. II. Тарту, 1999. С. 48–49]. Функционально схожий случай, хотя иной по выбору материала и композиционному его использованию, – «На темном небе, как узор...», с инкорпорированным сюда излюбленным тютчевским квазидиалогич. оборотом «ты скажешь» (Тынянов, Гудзий): «Ты скажешь – время опрокинула / <...> / Холмов холодная черта». В одном случае О. М. снабжает свой текст прямым указанием на источник, давая в стих. «В изголовьи черное распятье...» подстрочное примечание к цитате (с перестановкой слов) из «Наполеона» Т. – «Страшен мне “подводный камень веры”...». Эта цитата образует концовку стихотворения, подчеркивающую неразрешимость, даже безысходность лирич. коллизии, переживаемой как граница веры и отречения. В плане религ. рефлексии это то, что именуется сомнением, и оно может доходить в совр. сознании до той точки, когда вера оказывается страшна. Последняя (следующая за цитатой) строка отходит от Тютчева – младший поэт заканчивает стихотворение мыслью, в корне отличной от только что указанного им источника, акцентировавшего неизменность и прочность веры. Весь этот узел (сюда относятся также «Когда укор колоколов...», «Мне стало страшно жизнь отжить...», «Убиты медью вечерней...», «Змей» и др.) следует связывать с проблематикой религ. поисков, как она освещена в известном письме к В. В. *Гиппиусу* от 14(27).4.1908.

Допустимо предположительно включить в рассматриваемый ряд и стих. «Единственной отрадой...», в к-ром можно усмотреть вариацию на тему тютчевского «Фонтана», причем предметно-колористич. детали, выдвинутые к 1-й строфе источника, естественным для О. М. образом редуцированы, тогда как само уподобление («О смертной мысли водомет, / О водомет неистощимый!») положено в основу стихотворения, развернутого в направлении некой личной программы, принимающей эстафету «смертной мысли», с «думой важной» в центре; сходные мотивы – в стих. «Листьев сочувственный шорох...», где, в частности, намечена коллизия прерванного движения вверх, а финальный вопрос вторит вопросам заключит. строфы «Фонтана» («Какой закон непостижимый <...>», и т. д.). Возможно, что таинственный фонтан предшествует тому месту, где сказано, что «акмеисты с благодарностью поднимают *таинственный тютчевский камень* и кладут его в основание своего здания»: в обоих случаях О. М. стремится включить Т. в актуальную творч. стратегию, индивидуальную или – позднее – групповую.

Гл. факт ранних доакмеистич. отношений О. М. с Т. – «Silentium», стихотворение, вошедшее в дебютную подборку текстов (1910), причем в журнальной публикации – без заглавия, к-рое появилось лишь в книжном издании («Камень», 1912) и подчеркнуло опору на Т., а тем самым и отличия от него. Но и вторая опора – мифологическая (рождение Афродиты) – сделана при посредстве Т., а именно – стих. «Давно ль, давно ль, о Юг блаженный...», где О. М. нашел связку «море – музыка (пение)» и «слово (говор)», с к-рой он начинает, и где есть ссылка на мифологич. событие: «И песнь их <Средиземных волн>, как *во время оно* (курсив Тютчева. – *Е. Т.*), / Полна гармонии была, / Когда из их родного лона / Киприда светлая всплыла...» Это «описание», по-видимому, легло в основу мандельштамовского (в обоих текстах – во 2-й строфе) и определило светлый и дневной колорит в противоположность ночному колориту сокровенного душевного мира в «Silentium!» Т.

Но осн. различие глубже: О. М. тяготел не к неоромантической, а к экзистенциальной трактовке личности; ее противопоставление толпе, с ее «пошлостью», воспринималось им как архаичное, даже старомодное, принадлежащее минувшему столетию. Вместо призыва тогдашнего поэта «Молчи, скрывайся и таи» у О. М. рефлексия (уже ранее выраженная) над некоммуникабельностью собственного «я»: «Не говори со мной – что я тебе отвечу?» («В морозном воздухе растаял легкий дым...»). Поэтому, вводя в «Камень» заголовок, совпадающий с тютчевским, О. М. лишает его статуса лирич. императива (с этой целью убран восклицательный знак). В таком виде «Silentium» отдаляется от Т., приближается к излюбленной категории раннего О. М.: звучащая тишина. По крайней мере, трижды О. М. обращался – по-разному – к «О вещая душа моя...». Так конструируется концовка в «Сусальным золотом горят...»; тютчевское «как бы двойное бытие» получает в этом стихотворении особое контекстуальное значение: одна строфа дает фрагмент некоего детского мира, другая резко уходит в совершенно иной лирич. план, связанный с первым через мотив нежи вого. Возможно, это решение вызывало сомнения автора, и он отложил публикацию строфы до книжного издания 1916. Др. ход – деспиритуализация – был испробован в «Воздух пасмурный влажен и гулок...»: «И двойным бытием отраженным / Одурманены сосен стволы». Еще одна реминисценция: пара эпитетов, к-рыми Т. описывает дневную часть «двойного бытия», – «болезненный и страстный» (т. е. подверженный страстям), превращается у О. М. в «болезненный и *странный*» и характеризует единый монистич. мир, в к-ром существует «я» («Слух чуткий парус напрягает...»). Если, отвлекаясь от того, что мир Т. принципиально дуален, искать у него хотя бы нек-рые соответствия к этим определениям, к экзистенциальному минору раннего О. М., то следует, видимо, указать на 2-ю строфу в «Как над горя-

чею золой...», с ее признанием: «Так грустно тлится жизнь моя / И с каждым днем уходит дымом, / Так постепенно гасну я / В однообразье нестерпимом!..»

С тютчевским определением переходит к О. М. категория свободы (в философич. и «натурфилософском» смысле, а не в гражданском), причем он прямо относит эту характеристику к «я». У Т.: «Лишь в нашей *призрачной свободе* / Разлад мы с нею <природой> сознаем» («Певучесть есть в морских волнах...»). У О. М.: «И *призрачна моя свобода*, / Как птиц полночных голоса» («Слух чуткий парус напрягает...»). Картина мира О. М. не допускает ничего подобного пантеистской апологии в духе «Не то, что мните вы, природа...», как не принимала она др. романтич. соблазн – противопоставление личности и «толпы» («Silentium»). Скорее можно думать, что О. М. буквально воспринял и по-своему разработал (в сторону отождествления человеч. и природного начал) позднюю тютчевскую максиму «Природа – сфинкс. И тем она верней...». Ср. в том же «Слух чуткий...» перед цитируемыми строками: «Я так же беден, как природа, / Я так же прост, как небеса».

Т. постоянно в поле внимания и работы О. М. Иногда не вполне ясно, какой именно текст он имеет в виду в первую очередь. Так, «Вечер нежный, сумрак важный...» ориентирован, как кажется, сквозь Вяч. Иванова (от к-рого здесь «дионисийский» колорит) на знаменитые «Сумерки» («Тени сизые смесились...»), но М. Л. *Гаспаров* усматривал в подтексте этого стихотворения «Сон на море» (Гаспаров. 2001. С. 730).

В 1911, при появлении слухов о находке новых текстов Т., О. М. предвкушал знакомство с этими, как он писал Вяч. Иванову 21 авг. (3 сент.), «сокровищами» (о том же он говорил С. П. *Каблукову*, к-рый отметил это в дневнике за 16 сент.). Позднее он стремился привлечь произведения Т. к рассуждениям, обосновывающим *акмеизм*. В «Утре акмеизма» это не только ссылка на «Probléme» в пассаже о строительстве и архитектуре, но и «идеологическое» заключение статьи, к-рое принято считать измененной цитатой из стихов С. М. *Городецкого*, но именно изменение существенно приближает слова Городецкого к тютчевскому «Летнему вечеру»: «Грудь дышит *легче и вольней*, / Освобожденная от *зною*». Если учесть, что О. М. ставил в вину *символизму*, что «там всегда жарко из-за пристрастия к “мировым темам” и “понятиям с большой буквы”» («Письмо о русской поэзии»), казус не покажется только случайным совпадением.

Акмеистич. поворот в нек-рой мере питался давней мечтой о сочетании Т. и П. М. *Верлена*, «суровости» и «ребячества». Во всяком случае, вторая часть этой формулы вполне может быть отнесена к многочисленным «не-лирическим», сниженно-комическим текстам 1912–14, подчеркнуто, в т. ч. автопародийно, противопоставленным прежней лирике [в одном из них и появляется «старик, похожий на Верлена» («Старик»)]. Но первонач. лирич. мир преобразовывался не только «снизу». Появилось и до конца оставалось в числе главнейших то структурное свойство, к-рое В. М. *Жирмунский* в 1916 охарактеризовал с помощью термина Ф. Шлегеля – «поэзия поэзии», подчеркнув глубоко присущее О. М. стремление к «претворению чужих художественных культур» (Жирмунский. 1977. С. 123). Если сниженная серия открывала мир объектов, в противовес замкнутому и анемичному личному существованию, то лит. и культурно-ист. реалии строили реформируемую поэтич. систему «сверху».

Яркое участие Т. в этом процессе обнаруживает «Ода Бетховену»: «Полнеба охватил костер». Здесь О. М. подхватывает излюбленную формулу ст. поэта: «Полнеба обхватив бессмертною зарею» («Прекрасный день его на западе исчез...»); «Она <радуга> полнеба обхватила» («Как неожиданно и ярко...»); «Полнеба обхватила тень» («Последняя любовь»). Иногда же, напротив, цитата подается как «незаметная» – напр., в начале одного из самых замысловатых, с двоящимся субъектом, стихотворений второго «Камня», где она к тому же составляет часть подчеркнуто колористич. (в осенних красках) описания: «С веселым ржанием пасутся табуны» (см. у Т. «Конь морской»).

В сер. 1910-х гг. «поэзия поэзии» не оставляет у О. М. места для пейзажной и любовной лирики. Природа, традиционная универсалия лирич. творчества, теряет у него самодовлеющее значение. Она оказывается неотделима от культуры; каждое из двух начал, отмечают исследователи акмеизма, может выступать в качестве метафоры другого (ср., напр., «Природа – тот же Рим и отразилась в нем...»). При этом «поэзия поэзии» для О. М. – не только «блаженное наследство» европ. лит-ры («Я не слыхал рассказов Оссиана...»), но и большие культурно-ист. комплексы, будь то зап. или вост. христианство либо разделение зап. вероисповеданий. Т. оказывается ему нужен всегда. В «Поговорим о Риме – дивный град...» он применяет признаки, взятые из «Весенней грозы»: «Послушаем апостольское credo: / Несется пыль, и радуги висят!»; в источнике: «<...> пыль летит, / Повисли перлы дождевые, / И солнце нити золотит». В последней строфе О. М. луна над форумом неизбежно должна восприниматься на фоне тютчевского «Рим ночью».

«Лютеранин» написан на основе изучения двух стих. Т. – «Я лютеран люблю богослуженье...» и «И гроб опущен уж в могилу...». Во втором, в отличие от первого, есть ирония (над привычной обрядностью) и есть апофеоз природного начала; но то и другое далеко от О. М., и он оставляет в стороне второй текст (впрочем, учитывая его в концовке – запретом на витийство перед лицом смерти), однако и к первому не приближается слишком близко, чтобы не натолкнуться снова на «подводный “камень веры”» и остаться в пределах худож. мира – вне «рокового круговорота» конфессиональных коллизий. (Ср. в позднейшем «Концерте на вокзале» замену тютчевской фразы из первого «лютеранского» стихотворения: «В последний раз вам Вера предстоит», – на: «В последний раз нам музыка звучит» (Ronen. P. XVIII–XIX).

Отношения с Т. иногда высвечивают черты индивидуальной эволюции О. М., как было в случае «Silentium». Сопоставление тютчевского «Полдня» с «Есть иволги в лесах, и гласных долгота...» не менее показательно: «первооснова жизни» на границе природы и культуры – тема не Т., а именно О. М., еще осложненная в стихотворении 1914 возможностью читать такое направление поэтич. рефлексии как реализацию финального призыва стих. «Silentium» («Останься пеной, Афродита»), тем более что, как и там, поэт фокусирует момент, предшествующий рождению искра, – она (т. е. нота) «еще не родилась», грань не перейдена, и, следуя формуле «Природа – тот же Рим», можно сказать,

что природа здесь – «тот же Тютчев», какой он оставил ее в «Полдне».

Для периода «Tristia» следует назвать раньше всего «На страшной высоте блуждающий огонь...» – стихотворение, написанное «вплотную» к тютчевскому ноктюрну «Как океан объемлет шар земной...», что специально продемонстрировано цитатой 5-го стиха, передающего исходную мысль космич. фантазии Т. Цитация варьирует зачин: «На страшной высоте земные сны горят» (возможные коннотаты – сожжение прошлого, в т. ч. ист. предания и мифологии города) – и этот феномен включается в ряд симптомов происходящей катастрофы – гибели С.-Петербурга. В то же время трагедия облечена здесь покровом фантасмагории, сновидения. Следующий ход, соотносящий текст с источником, целиком выдержан в том же ключе: «волшебный челн» из 3-й строфы Т. превращается в «чудовищный корабль» (также в 3-й строфе).

Но должен быть принят во внимание и еще один текст – «Цицерон» Т., стихотворение, в к-ром «оратор римский» говорит о «закате звезды» своего Города.

Едва ли не самый неожиданный и труднообъяснимый эпизод из всего спектра рассматриваемых отношений – цитация и варьирование в «Сумерках свободы». Слова из интимно лирич. стих. «Есть и в моем страдальческом застое...» – синтагмы «бремя роковое», «их тяжкий гнет» – О. М. вправляет в сугубо гражд. текст, притом резко меняющий обществ. позицию поэта в пользу «революционной космогонии» (не соотнес ли он именно с этим своим изменением тютчевское опасение: «Не выскажет, не выразит мой стих»?). Однако не столько «революционная космогония» определяет специфику стихотворения, сколько тот алармистский ореол, к-рый создан с помощью цитирования, в т. ч. и вокруг власти, насилием насаждающей «новый мир». «Ее невыносимый гнет» мыслится двусторонне: власть угнетает (во имя совершенного будущего социума) и сама страдает под «сумрачным бременем» своей жестокой миссии. Собирательный адресат текста – б р а т ь я, т. е. все без исключения участники начавшейся гражд. войны, независимо от полит. ориентации. Ср. позднее упрощенную коминтерновскую риторику в духе мифа о мировой рев-ции в переводе из М. *Бартеля*: «И народ, как вождь старинный, / Поднимает власти бремя» («Петербург»).

Стихотворение, к-рым открывается следующий период творчества О. М. (1921–25, согласно авторскому обозначению), – «Концерт на вокзале» – говорит об уже утвердившемся в «сумерках свободы» новом мире, где оказались теперь и субъект с его реминисценциями классичю поэзии, и еще существующие реалии прошлого. Если сначала в тексте доминирует лермонтовская реминисценция (в травматич. соседстве с транслирующим эстетику безобразного полустихом в футуристически-имажинистском духе), то со 2-й строфы нарастают реминисценции тютчевские. «Элизиум туманный» ведет к «Душа моя, Элизиум теней...» (к тому же в источнике противопоставление «годин<е> буйной сей»), не менее неизбежно, чем строка «И ни одна звезда не говорит» отсылает к М. Ю. *Лермонтову*; надо при этом учитывать хронологич. глубину данной поэтич. темы, восходящей в рус. традиции к «Элизиуму» В. А. *Жуковского* (опубл. в 1813) – переводу стих. Ф. фон Маттисона «Elisium», где душа «летит в дол туманный к тайной Лете»; в совр. поэзии ср. у Вяч. Иванова: «И безотзывное – в Элизии тумана» [сонет «Печаль полдня» (этот текст легко связывается с «Полднем» Т.) в кн. «Прозрачность» (1904)]. Пугающее смешение прошлого и настоящего, яви и сновидения (особенно 12-й стих), по сути дела, продолжает мотив «горящих снов» из «На страшной высоте...». Эта линия еще поддержана в 3–4-й строфах противопоставлением «родная *тень*» vs т о л п а; общераспространенный, казалось бы, поэтизм – т е н ь (в значении: умерший человек и память о нем) – имеет здесь в виду целый ряд тютчевских текстов: «Она сидела полу...», «Графине Растопчиной» («О, в эти дни – дни роковые...»), «Тебе, болящая в далекой стороне...».

Наконец, в финальной строфе после вопроса (возможно, родственного обороту «Ты скажешь») следует скачок к тютчевской п о с л е д н е й м о л и т в е из первого «лютеранского» стихотворения (см. выше), замененной здесь п о с л е д н е й м у з ы к о й, широкое символич. значение к-рой, несомненно, согласуется с понятием «церкви-культуры», важнейшим в поэтич. идеологии О. М. нач. 1920-х гг.

Соотнесение лермонтовских и тютчевских реминисценций для организации лирич. речи вскоре нашло применение в наиб. сложном произведении О. М. этого десятилетия – «Грифельной оде».

На фоне социокультурного катаклизма для О. М. обострилась рефлексия о природе и культуре – в частности, в плане мыслей Т. о внеист. жизни природы, существующей целиком в настоящем («Через ливонские я проезжал поля...», «Как ни гнетет рука судьбины...»), – отсюда «беспамятство природы» в «Где ночь бросает якоря...» и особенно природное «безразличье» (перекличка, конечно, с пушкинской «равнодушной природой») в последней строфе «Века», где оно «льется» от «лазурных влажных глыб», т. е., видимо, от тютчевских строк «Блестят и тают глыбы снега, / Блестит лазурь, играет кровь» («Еще земли печален вид...»); ср. также: «Гром живет своим накатом – / Что ему до наших бед?» – в «Стихах о русской поэзии». С др. стороны, после падения собственно культуры социокультурный универсум в его порев. состоянии мыслится у О. М. именно по аналогии с природным миром. Позднее, и особенно в нач. 1930-х гг., уже в связи с естествознанием, п р и р о д а приобретает у него значение новой специфич. темы, с помощью к-рой он наводил мосты с окружающей «материалистической» идеологией, провозгласившей не только «воспитание нового человека», но и «преобразование природы», и в то же время стремился активировать нек-рые стороны акмеистич. наследия (ср. декларативную концовку «О природе слова»). В этом ряду статья о Ч. Дарвине, гл. «Вокруг натуралистов» из «Путешествия в Армению», наконец – «Ламарк», с заметной реминисценцией: «И от нас природа отступила / Так, как будто мы ей больше не нужны», – при тютчевском: «И мы, в борьбе, природой целой / Покинуты на нас самих» («Бессонница»).

Однако рефлексия такого рода не могла предупредить вопросов о реальных отношениях поэта с «новым миром», и уже чисто социальная медитация возникает опять-таки в разительной близости к Т., у к-рого: «Как грустно полусонной тенью, / С изнеможением в кости, / Навстречу солнцу и движенью / За новым племенем брести!..» («Как птичка с раннею зарей...»), а у О. М.: «Какая боль – искать потерянное слово, / Больные веки поднимать / И с известью

в крови для племени чужого / Ночные травы собирать» («1 января 1924»). Прочтению этих фрагментов в их связи друг с другом помогает фраза из «Шума времени» о поэтич. впечатлениях школьных лет: «Тютчев ранним склерозом, известковым слоем ложился в жилах» (2. С. 388).

Специфика социальной позиции «я» провоцирующим образом сфокусирована в «Я пью за военные астры...». Стихотворение построено на перечислении бытовых и культурных атрибутов «старого мира», относительно к-рых подразумевается негативная оценка по шкале ценностей внетекстового оппонента, представляющего не столько даже власть, сколько ее идеологич. компаньона – советскую «литературную общественность». Это вызов, но не гражданственный, каким будут потом антисталинские стихи, а камерный и личный. Возможно, поэтому в число «буржуазных» атрибутов попала явно неведомая воображаемому адресату, да и сочувственному читателю вряд ли внятная, «музыка сосен савойских». Только в 1950-х гг., в пору первонач. собирания и комментирования О. М., И. Чиннов указал на стихотворение Т. о А. де Ламартине: «Как он любил родные ели / Своей Савойи дорогой! / Как мелодически шумели / Их ветви над его главой!..» Этот «принцип загадки» встречаем вскоре в стихах, примыкающих к циклу о рус. поэзии: «Дайте Тютчеву стрекóзу – / Догадайтесь, почему». В хронологически близком экфрасисе, воспевающем снова (как в «Я пью за...») «масло парижских картин», – случай более простой: повторение приема, заимствованного у Т. еще в 1900-х гг.: «*Ты скажешь*: повара на кухне / Готовят жирных голубей» («Импрессионизм»).

Лит.: Тынянов Ю. Н. Пушкин и Тютчев // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1968; Он же. Вопрос о Тютчеве // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977; Тоддес Е. Мандельштам и Тютчев // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1974. Vol. XVII; Он же. К прочтению «Silentium'a» // Vademecum: К 65-летию Лазаря Флейшмана. М., 2009; Осповат А. Л. «Как слово наше отзовется...»: О первом сборнике Ф. И. Тютчева. М., 1980; Тютчевский сборник / под общей ред. Ю. М. Лотмана. Таллинн, 1990; Тютчевский сборник. II. Тарту, 1999; Мусатов В. Лирика Осипа Мандельштама. К., 2000 (по именному ук.); Сегал Д. Литература как охранная грамота. М., 2006. С. 253–301, 302–321; Тюпа В. И. Два «Silentium'a»: К разграничению поэтики и риторики художественного письма // Поэтика русской литературы: Сб. статей к 75-летию проф. Ю. В. Манна. М., 2006; Malmstad J. Mandel'stam's «Silentium»: A poet's response to Ivanov // Vjacheslav Ivanov: Poet, Critic and Philosopher. New Heaven, 1980; Ronen O. An approach to Mandel'štam. Jerusalem, 1983 (по именному ук.).

Е. А. Тоддес.

ТЫШЛЕР Александр Григорьевич (14.7.1898, Мелитополь – 5.7.1980, Москва), живописец, график, театр. художник, скульптор. Учился в Киевском худож. уч-ще (1912–17), затем посещал студию А. А. *Экстер* (1917–19) и мастерскую В. А. *Фаворского* во Вхутемасе (1921–23). Участвовал в худож. объединениях: Культур-лиге, группе «проекционистов» «Метод» (Москва, 1922–25), с 1925 в Обществе художников-станковистов (ОСТ), одним из основателей к-рого являлся. С сер. 1920-х гг. Т. принимал активное участие в выставках, в т. ч. и международных: его работы экспонировались в Дрездене и Харбине (1926), Лейпциге (1927), Венеции (1928), Риге (1929) и др.; с 1932 живопись Т. практически не выставлялась. В 1943 в Ташкенте во время эвакуации выполнил значительный (не менее 10 работ) цикл графич. портретов А. А. *Ахматовой*, высоко оцененный ею (см.: Сыркина Ф. Без котурнов: Ахматова и Тышлер // ЛУ. 1989. № 3).

О. М. мог познакомиться с Т. весной 1919 в Киеве, когда общался со мн. художниками и литераторами, так или иначе входившими в окружение Экстер (ср.: Дейч А. И. Две дневниковые записи // «Сохрани мою речь»-3(2). С. 145–146). По свидетельству Н. Я. *Мандельштам*, О. М. творчество Т. «оценил очень рано, увидав на первой выставке ОСТа серию рисунков “Директор погоды”... “Ты не знаешь, какой твой Тышлер”, – сказал он мне, приехав в Ялту» (Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 305). Как было отмечено А. А. Морозовым, речь может идти о серии иллюстраций Т. к пьесе А. Б. Мариенгофа «Директор погоды»; вместе с картиной маслом на ту же тему они «выставлялись на 2-й выставке Общества станковистов в мае 1926» (Морозов А. Примечания // Мандельштам Н. Я. Воспоминания. М., 1999. С. 503). [Возможно, в восп. Н. М. содержится хронологич. или фактич. неточность: О. М., согласно точке зрения его совр. биографов, приехал в Ялту в кон. апр. 1926, перед этим пробыв в Москве 16–19 марта (см.: Нерлер П. Даты жизни и творчества <О. Э. Мандельштама> // 4. С. 448), выставка же была открыта 3.5.1926 в помещении Гос. Центр. музея; в ней приняли участие 26 художников, экспонировалось 280 произведений, был издан иллюстрированный каталог: Каталог второй выставки Московского Общества художников-станковистов (О. С.Т.). М., 1926. Можно предположить, что в мемуарах Н. М. речь идет о первой выставке ОСТа, в к-рой Т. также принимал участие (Москва, 1925); см.: Костин В. ОСТ (Общество станковистов). Л., 1976); О. М. же первый раз приехал в Ялту в сер. нояб. 1925.]

Более фактографично общение О. М. с Т. в 1930-е гг. Так, именно Т. председательствовал 3.4.1933 в Моск. клубе художников на мандельшт. вечере, когда им был прочитан фрагмент «Путешествия в Армению» (1931–32) и ряд стихотворений; см.: Горнунг Л. В. Немного воспоминаний об О. Мандельштаме // ЖиТМ. С. 32–33. Е. К. Осмеркина зафиксировала свидетельство Т. о чтении О. М. «антисталинских» стихов, вероятно, «Мы живем, под собою не чуя страны...» (1933): «Когда я рассказала художнику Тышлеру, что была в Нащокинском переулке, он ответил: “Я тоже там был недавно. Было несколько человек. Осип Эмильевич нам читал свои стихи о Сталине. Страшно... Разве он так уверен во всех, кто был у него в доме?”» (Осмеркина-Гальперн Е. К.); это событие могло произойти не ранее нояб. 1933. Н. М., описывая первые дни пребывания в Москве после возвращения в сер. мая 1937 из Воронежа, вспоминала: «Собирался О. М. сходить и к Тышлеру; “Надо насмотреться, пока еще чего-нибудь не случилось...”» – и отметила: «В последний раз он был у Тышлера и смотрел его вещи перед самым концом – в марте 38 года» (Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 305); очевидно, это произошло до отъезда 8.5.1938(?) в дом отдыха *«Саматиха»*.

С. Г. Шиндин.

У

УСОВ Дмитрий Сергеевич (18.7.1896, Москва – 29.4.1943, Ташкент), поэт, переводчик, критик, лит-вед. Отозвавшийся одним из первых лит. критиков на сб. А. А. *Ахматовой* «Четки», У. намеревался написать рец. и на 2-е изд. «*Камня*» (1915) О. М., о чем сообщал ред.-издателю журнала «Млечный путь» А. М. Чернышеву: «О Мандельштаме (“Камень” книга стихов) напишу с удовольствием» (ОР ГЛМ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 21. Л. 1). Неизвестно, было ли осуществлено это намерение, но в печати статья не появлялась. Творчество О. М. интересовало У., всегда следившего за поэтич. новинками. В письмах У. к его другу, поэту и библиографу Е. Я. Архиппову, от 2.6.1925 он отзывался о книге переводов О. М. из М. *Бартеля* «Завоюем мир» как об «очень интересной... Это, собственно, новая книга стихов Мандельштама» (РГАЛИ. Ф. 1458. Оп.1. Д. 78. Л. 80 об.). В письме от 18.6.1926 констатировал: «В Петербурге видел... О. Мандельштама (который больше совсем не пишет, а только переводит разные случайные книги и мечтает открыть ларек» (Там же. Л. 103). Тогда же, в июне 1926, У. общался с О. М. с целью написания статьи о нем в биобиблиографич. словарь «Писатели современной эпохи» (Т. I. М., 1928. С. 178), к-рый У. готовил вместе с др. сотрудниками Гос. академии худож. наук (ГАХН). Статья У., согласованная с О. М., воспринималась такими осведомленными в биографии и творчестве О. М. людьми, как Ахматова, в качестве безусловно достоверного источника. Вероятно, имя О. М. звучало или подразумевалось в прочитанном в ГАХНе 19.2.1927 докладе У. «Ленинградские поэты-попутчики» (сохранившаяся конспективная запись тезисов доклада формальна и не содержит указаний на конкретные имена, см.: РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 2. Ед. хр. 18. Л. 106). В письме У. к Архиппову от 15.7.1927 пересказываются как «новость» слова В. А. *Рождественского* об О. М., «который живет в Царскосельском флигеле и пишет повесть, так странно перекликающуюся с Гоголем “Портрета”» (Там же. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 78. Л. 118 об.).

Отвечая на лит. анкету Архиппова, 4.3.1932, У. называл О. М. в числе своих любимых поэтов, замечая: «Нельзя не любить того, у кого учился и учишься. Он – “контрапункт строгого письма”, и в то же время он живее многих живых» (Там же. Ед. хр. 46. Л. 35 об.). В том же году У. писал Архиппову: «“Tristia” Мандельштама – хороши. Многое из них (но не все хорошее вошло во 2-ю книгу (изд. “Круг”), где совершенно изумительна “Грифельная ода” и еще многое, многое» (Там же. Ед. хр. 78. Л. 168). Можно почти наверняка утверждать, что новости об О. М. У., узнавал, в частности, от своих друзей и хороших знакомых О. М. – Л. В. *Горнунга* и А. В. *Звенигородского*. О «беспредельной» любви У. к О. М. и своеобразном «культе» О. М. в семье У. вспоминает Н. М., подружившаяся с У. и его женой, А. Г. Усовой

Дмитрий Сергеевич Усов

(«Гуговной»), во время эвакуации в Ташкенте, где У. оказался после 5 лет, проведенных на строительстве Беломорканала, и разделенной с женой ссылки в Киргизию: «Любимую кружку они... прозвали “щеглом” и позволяли пить из нее только тем, кто знал наизусть мандельштамовские стихи» (Мандельштам Н. (1). 1999. С. 430; см. также рассказы о Н. М. в письмах А. Г. Усовой к Л. В. Горнунгу: РГАЛИ. Ф. 2813. Оп. 1. Ед. хр. 18). Ко времени знакомства с Н. М., У. был, по ее словам, как О. М., «тоже ничего не боящийся и всем напуганный» (Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 457).

У.-поэт предпочитал для выражения своих мыслей и чувств изящество классич. форм. Его стихотворения 1920-х гг., опубл. лишь частично, в значит. мере опираются на достижения акмеистич. линии рус. поэзии. Тематич. пересечений с творчеством О. М. в сохранившихся стихотворениях У. (гл. обр. 1910–20-х гг.) немного. Имена Г. Р. *Державина*, Е. А. *Баратынского* и *Данте Алигьери* как эталоны, ориентиры, точки отталкивания значимы и для О. М., и для У. Стих. «Дант» (последняя ред. – 1926) из венка сонетов «Любимые поэты» (1921) свидетельствует, что диалог с итал. поэтом для У., как и для О. М. и др. акмеистов, – одна из важнейших составляющих поэтич. сознания: «Наставник строгий, Данте Алигьери, / Твоих терцин безжалостный рассказ / Понятен будет в самой полной мере / Не юности, не знающей потери, / А в напоенный жизнью поздний час» (Тыняновский сборник. М. 1998. Вып. 10. С. 522; др. сонеты в этом венке посвящены Г. Х. Андерсену, Ф. *Рабле*, Л. Стерну, В. С. *Соловьеву*, Э. Мерике, И. Ф. *Анненскому*, Черубине де Габриак, У. *Шекспиру*, Э. *По*, Э.-Т.-А. *Гофману*, Ф. *Вийону*, Р. М. Рильке, А. Ренье; см. список произведений У. 1921–22, составленный Архиповым: РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 78 об.).

Две заключит. строки стих. О. М. «Декабрист» («Все перепуталось, и сладко повторять: / Россия, Лета, Лорелея») взяты У. в качестве эпиграфа к стих., посв. Н. В. Волькенау, – «Стрела вонзилась в дивную мишень...» (см.:

РГАЛИ. Ф. 1364. Оп. 3. Ед. хр. 695. Л. 5). Возникающий в этом стихотворении царскосельский топос, совершенно иначе обозначенный в поэзии молодого О. М., – отзвук серьезного увлечения У. поэзией Анненского. Также и др. тематич. переклички в творчестве О. М. и У. при ближайшем рассмотрении оказываются чисто номинальными и скорее говорят о пересечении интересов в области культуры, чем о влиянии ст. поэта на младшего. Это относится к вниманию обоих поэтов к старофранц., классицистич. и новейшей франц. поэзии, творчеству Анненского, В. *Хлебникова* (сведения о к-ром У. собирал в разговорах с отцом поэта в 1922; а позже, 2.1.1928, сочувственно цитировал характеристику Хлебникова, данную О. М. в ст. «О внутреннем эллинизме в русской литературе» в письме к Архиппову, см.: РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 78. Л. 129), жизни П. Я. *Чаадаева* (стих. У. «Из семейного архива», см.: Новобасманная, 19. М., 1990. С. 78), фигуре А. Н. *Скрябина* (стих. У. «Памяти А. Н. Скрябина», см.: Утро России. 1915. № 1031. 6 апр.), петерб. теме (стих. У. «Петербург»). Возникший было в создаваемых почти одноврем. «московских» стихах У. и О. М. (1924–26) общий ракурс: взгляд ощутившего ход времени человека, память к-рого соотносит реалии старой и новой Москвы, – подчеркивает различие позиций: отчуждение, уход от новой эпохи в воспоминания о прежнем у У.: «И э т о т Май не станет н а ш и м маем» («Московская весна», <1924>), – и трагич. готовность О. М. «своею кровью склеить двух столетий позвонки» («Век», 1922). «Школа» О. М. «учтена» У., в частности, при отборе эпитетов в стих. «Московский март» (1926): «Оттаявшая, постная Москва... / Доколе воробьи, как роспуск школы / Черкнут, что месяц мартовский щербат, И что под шапкой-гречником Николы / Ореховый счищается Арбат».

Т. о., увлечение У.-читателя поэзией О. М. в его собств. творчестве проявилось не столько в тематич. или стилистич. влияниях, сколько в оттачивании общей культуры стиха.

С о ч.: Сб. стихотворений и переводов Д. Усова, сост. Е. Я. Архипповым // РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 2. Ед. хр. 9; Стихотворения / Вступит. заметка и подгот. текста Н. Алексеева [Н. А. Богомолова] // Ново-Басманная, 19. М., 1990. С. 75–83.

Источники: К у з и н – Н. М а н д е л ь ш т а м (по ук.); Г о р н у н г Б. В. Поход времени: В 2 т. М., 2001 (по ук.); Е ф р о н Г. С. Дневники. М., 2004. Т. 2. С. 203, 248.

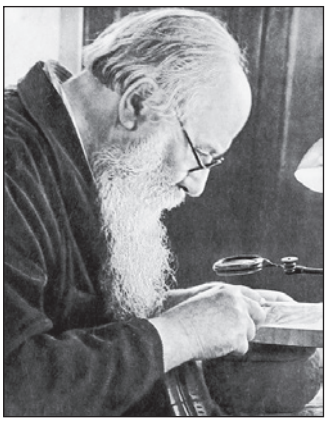
Лит.: Писатели современной эпохи. М., 1928. Т. I. С. 254 (репринт: 1991. Т. 1. С. 251; и др. по ук.); С т е п а н о в а Л. Г., Л е в и н т о н Г. А. Из истории дантоведения: статья Д. С. Усова о переводе «Новой жизни» в «Гермесе» // Тыняновский сборник. Вып. 10. М., 1998. С. 514–547; Н е ш у м о в а Т. Ф. Из комментариев к поэтическим текстам 1920–1930-х годов (О. Мандельштам, Вл. Ходасевич, Дм. Усов, Б. Пастернак) // РЛ. 2007. № 3. С. 193.

Т. Ф. Нешумова.

ФАВОРСКИЙ Владимир Андреевич (15.3.1886, Москва — 29.12.1964, там же) — график, живописец, сценограф, скульптор, теоретик искусства, педагог. Ректор ВХУТЕМАСа (1923–26), вел там с 1921 по 1926 пропедевтический курс «Теория композиции» (основной теоретический труд Ф., опубликован в 1988 году). Ф. — едва ли не единственный из художников-современников, о ком О. М. высказывался в своих ст-ниях — и даже дважды: в 1934 («10 января 1934», с вариантом: «А посреди толпы задумчивый, брадатый уже стоял гравёр ...») и в 1937 («Как дерево и медь Фаворского полёт...»). У Ф. и О. М. было немало общих друзей, в т. ч. *Л. А. Бруни,* в 1923, по приглашению Ф., переехавший в Москву и преподававший во ВХУТЕМАСе (первое время после переезда из Петербурга Л. А. Бруни жил у Ф., а потом переселился в служебную квартиру в дом на Мясницкой, где жили *В. Е. Татлин, А. М. Родченко, А. А. Осьмеркин* и др., с которыми О. М. был коротко знаком («Холодное лето»). В 1923 О. М. сотрудничает с журн. «Русское искусство», где в № 1 помещена иллюстрированная ст. *А. М. Эфроса* о Ф., названном в ней «Сезанном отечественной ксилографии». 20.7.1932, в день своего рождения, Л. А.Бруни пишет *Н. Н. Пунину*, о том, что вечером ждет в гости, среди прочих, и О. М., и Ф. (Пунин Н. Мир светел любовью. Дневники. Письма. М., 2000. С. 215). Тем не менее однозначных свидетельств о личном знакомстве Ф. и О. М. не выявлено.

В интеллектуальном плане О. М. и Ф. объединял живой интерес к истокам и закономерностям художественной формы, оба неоднократно высказывались об этом. В 1914 Ф. перевел книгу одного из основателей формального метода в искусствознании А. Гильдебранда «Проблема формы в изобразительном искусстве» (1893). Одна из главных мыслей художественной теории Ф. — о формообразующей роли взаимоотношений предмета с пространством, о необходимости борьбы художника с иллюзорным изображением «предмета в пустоте», вне пространства. Книгу Ф. считал единым организмом, сравнивал её с архитектурой и метафорически называл «пространственным изображением литературного произведения» (Фаворский В. А. Литературно-теоретическое наследие.М.,1988, 319). Это пересекается с ранней мыслью О. М. о созидании и строительстве как «борьбе с пустотой» и «гипнотизированием пространства» («Утро акмеизма»; 1, 179).

На похоронах А. Белого 10.1.1934 О. М. выделил «посреди толпы» именно Ф. как будущего «гравировальщика» (еще одно свидетельство в пользу их личного знакомства; рисунок Ф. с этих похорон не сохранился). «А посреди толпы стоял гравировальщик, / Готовясь перенесть на истинную медь, То, что обугливший бумагу рисовальщик/ Лишь крохоборствуя успел запечатлеть» (3, 84). Ему же посвящен отдельный фрагмент: «А посреди толпы, задумчивый, брадатый,/ Уже стоял гравер, друг меднохвойных доск,/ Трехъярой окисью облитых в лоск покатый,/ Накатом истины сияющих сквозь воск./Как будто я повис на собственных ресницах/ В толпокрылатом воздухе картин/ Тех мастеров что насаждают в лицах/ Порядок зрения и многолюдства чин!» (Там же)



Владимир Андреевич Фаворский

Ст-ние «Как дерево и медь Фаворского полёт...» написано в Воронеже 11.2.1937 в преддверии освобождения из ссылки, когда поэт ищет возможности для компромисса с реальностью. В ст-нии, предположительно, отразились впечатления от фрески Ф. «Авиационный парад» с изображенной демонстрацией и на Красной площади — росписи потолка зрительного зала московского Дома пионеров и школьников (1936; позднее властями уничтожена). В рец. А. Чегодаева (Архитектура СССР. 1936. № 10) эта фреска не только подробно описывается, но дается и ее воспроизведение. В изображении Ф. парада О. М., словно после сеанса самовнушения, уловил как бы некую «формулу счастья»: «не может народное ликование быть только ложью, а единство с народом — иллюзией!».

Лит. Фаворский В. А. Воспоминания о художнике. М,1990; Загянская Г. А. Мандельштам и Фаворский // Осип Мандельштам и XXI век. М., 2016. С. 74–88.

Г. А. Загянская

ФЕДИН Константин Александрович (12.2.1892, Саратов – 15.7.1977, Москва), прозаик, лит. и обществ. деятель. Участник лит. группы *«Серапионовы братья»* (с 1921). В заметке «Литературная Москва. Рождение фабулы» (1922) О. М. отнес Ф. к тем писателям, в чьих произведениях «фабулы, т. е. большого повествовательного дыхания, нет и в помине», а подменяет ее анекдот, к-рый «щекочет усиками из каждой щели» (2. С. 263). Свою кн. «Шум времени» О. М.

подарил Ф. со следующей дарств. надписью: «Константину Федину дружески. О. Мандельштам. 13.04.1925» (инскрипт не публиковался; экз. с дарств. надписью О. М. хранится в музее Ф. в Саратове). В 1933, в разговоре с самим Ф., О. М. охарактеризовал его роман «Похищение Европы» как «голландское какао на резиновой подошве, а резина-то советская» (см.: Ахматова. С. 147).

В февр. 1926 Ф. в качестве работника *Госиздата* пытался включить в план изд-ва книгу стихов О. М. Заполняя вместе с И. А. *Груздевым* бланк предложений по изданию книг, он назвал О. М. «одним из лучших совр<еменных> поэтов» (4. С. 65). Наряду с 14 др. советскими литераторами Ф. подписал коллективное «Письмо в редакцию» *«Литературной газеты»*, протестующее против шельмования О. М. Д. И. *Заславским* (ЛГ. 1929. 7 мая). 24.3.1930 Ф. зафиксировал в своем дневнике распространившийся среди писателей обеих столиц слух об итоге конфликта О. М. с А. Г. *Горнфельдом* и Заславским: «Новое из Москвы: сошел с ума Осип Мандельштам (мания преследования)» (РЛ. 1992. № 4. С. 173).

О. А. Лекманов.

ФЕДОРЧЕНКО София Захаровна (19.9.1880, С.-Петербург – 12.7.1959, Москва), прозаик, поэтесса, дет. писательница, приятельница М. А. *Волошина*. Пригласив к себе в гости О. М. и Н. Я. *Мандельштам* 8.7.1924, Ф., опираясь на устные рассказы Волошина об О. М., в разговоре назвала О. М. «немного жуликом» (см.: 4. С. 43). На следующий день О. М. отправил Ф. возмущенное письмо: «...Настойчиво прошу Вас указать мне источник гнусных сплетен, которым Вы, очевидно, поверили и чего не скрыли от меня (считая, что это не повредит нашей приязни)» (Там же. С. 43). В мае 1926 Ф. в беседе с А. А. *Ахматовой* расценила это письмо как «глупое», а о самом инциденте сообщила «со смехом, издеваясь над Мандельштамом» (Мандельштам в архиве П. Н. Лукницкого // Слово и судьба. С. 127).

Лит.: Глоцер В. [И]. [Федорченко Софья Захаровна] // Русские писатели 20 в.: Биографиечкий словарь. М., 2000.

О. А. Лекманов.

ФЕОДОСИЙСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-АРТИСТИЧЕСКИЙ КРУЖОК (ФЛАК) создан в Феодосии осенью 1919 по инициативе артиста А. М. Самарина-Волжского (1878–1949), работавшего во мн. театрах Крыма. Собрания кружка проходили в т. н. «кафе поэтов» в подвале дома Рогальского (на углу ул. Земской и ул. Новой; здание не сохр.), в к-ром собирались артисты, художники и литераторы, в т. ч. О. М., М. А. *Волошин*, М. И. *Цветаева*, А. К. *Герцык*, С. Я. *Парнок*, Д. Д. *Благой*, Я. М. Цвибак, Вадим Баян и др. 22.1.1920 во ФЛАКе состоялся персональный вечер О. М. Вступит. слово о нем произнес одесский поэт А. С. *Соколовский*. 27.2.1920 О. М. читал во ФЛАКе новое стихотворение (предположительно, «Сестры – тяжесть и нежность...»). В 1919–20 кружок выпустил 2 вып. *«К искусству»*. Группа поэтов во главе с О. М. устроила во ФЛАКе вечер «Богема» с участием Волошина, О. М., скрипача Бориса Сибора, пианистки Лифшиц-Туриной. На вырученные деньги поэты ФЛАКа поручили Э. Л. *Миндлину* и Соколовскому издать альманах *«Ковчег»*, в к-ром участвовал и О. М.

Перед вступлением в Феодосию 14.11.1920 частей Красной армии и установления советской власти ФЛАК самораспустился.

Источники: Миндлин Э. Л. Необыкновенные собеседники. М., 1968. С. 81–84.

Лит.: Купченко В. П. Феодосийский литературно-артистический кружок // ВЛ. 1976. № 4. С. 311–314.

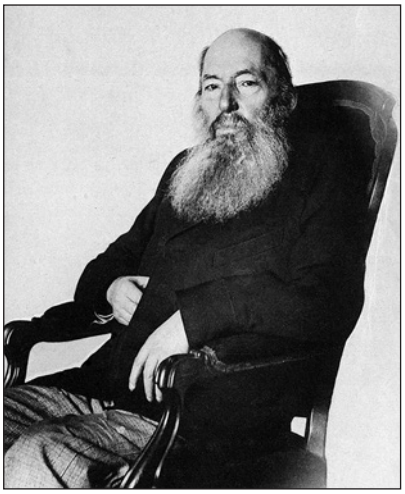
Е. М. Голубовский.

ФЕРРЕРО (итал. Ferrero) Вилли (21.5.1906, Портленд, США – 23.3.1954, Рим, Италия), итал. оперный и симфонич. дирижер и композитор. Чл. Всемирного Совета Мира. Концертировал с дет. лет (с 1912) как вундеркинд-дирижер. Работал преим. в Милане (оперный и симфонич. дирижер), много гастролировал, производя неизгладимое впечатление на публику.

В 1913 и янв.–февр. 1914 выступал в России, в 1935 и 1952 – в СССР. Гастроли 1935 начались в Воронеже и продолжились в Москве, Одессе и Ленинграде. В программе двух концертов в зале Большого Советского театра в Воронеже, состоявшихся 12–13.10.1935, – 7-я симфония Л. ван *Бетховена* и «Дон Жуан» Р. Штрауса, исполнявшиеся вместе с Воронежским симфонич. оркестром (см.: Коммуна. 1935. 12 окт.). О. М. присутствовал на обоих выступлениях, а также на репетиции 11.10.1935.

П. М. Нерлер.

ФЕТ (наст. фам. Шеншин) Афанасий Афанасьевич (29.10 или 23.11.1820, с. Новоселки Орловской губ. – 21.11.1892, Москва), поэт, один из представителей эстетики «чистого искусства». Будучи студентом Моск. ун-та (1838–1844), сблизился с А. А. Григорьевым, поэтом и будущим лит. критиком. Входил в кружок молодых литераторов, среди к-рых, помимо Григорьева, – Я. П. Полонский, С. М. Соловьев, К. Д. Кавелин и др. В кружке господствовали филос. и поэтич. интересы. В 1840 выпустил сб. стихов «Лирический пантеон», с 1841 сотрудничал в журнале «Москвитянин», позже – в журналах «Отечественные записки», «Современник». Вторая книга стихов, «Стихотворения А. Фета», вышла в 1850 (2-е изд. – 1856). С кон. 1850-х гг. Ф. – яростный и последоват. идейный противник демократич., разночинского направления в лит-ре. Исповедовал принципы свободы иск-ва от злободневных запросов современности, борьбы за перестройку общества и прогресс человечества, проповедовал идею «чистого искусства», важную для рус. декадентства и *символизма*. В 1860-е гг. Ф. изучал философию А. Шопенгауэра, переводил его соч. «Мир как воля и представление», проникся идеями органич., биологич. природы бытия и иск-ва, антиисторизмом Шопенгауэра. В 1863 вышло в свет «Собрание сочинений» Ф. (в 2 т.). В 1880-е гг. Ф. познакомился с философией В. С. *Соловьева*. С 1883 выпустил с интервалами в неск. лет 4 сборника стихов под общим назв. «Вечерние огни», опубликовал стихотв. перевод всех соч. Горация, много работал над переводами рим. классиков, также перевел «Фауста» И.-В. *Гёте* и др. В «Вечерних огнях» проявилась тенденция



Афанасий Афанасьевич Фет

к созданию книги стихов как целостного текста (см.: Л е к м а н о в. С. 267). В 1890 вышли «Мои воспоминания» Ф., в 1993 – кн. «Ранние годы моей жизни».

Поэтика Ф. формировалась в эпоху расцвета рус. реализма, противореча его манифестированным установкам и тем не менее вбирая в себя мн. свойственные реалистич. поэтике черты. Одна из них – внимание к конкретности, к детали, воплощение в поэзии знаний, раньше не становившихся ее достоянием. Это стало одним из признаков оригинальной манеры Ф. (недаром его описания природы всегда фиксируют определ. пору суток, конкретное время года). Однако характерное для реализма доверие к возможностям и достижениям разума чуждо поэту, несмотря на его человеч. интерес к достижениям и открытиям разума и науки (см.: Б л а г о й). Наиб. творческими становятся для него состояния неясного сознания, позволяющие проникнуться ощущением целостности мира. Воспринимая отд. особенности поэтики Ф. (напр., внимание к конкретной детали), О. М. в собств. творчестве снимает противоречие иррационального и рационального, романтизма и реализма. Так же как и Ф., О. М. воспринимал мир как целое, объединенное собств. вѝдением и настроением, зафиксированным в мелочах, тонких оттенках и нюансах. Особенно это характерно для ранней поэзии О. М., осн. эмоц. лейтмотив к-рой – неопределенность, недосказанность, смутность чувств (см.: А в е р и н ц е в; Г и н з б у р г Л. Я. «Камень» // Камень. 1990).

Миропонимание определяет фетовскую философию слова и обусловливает характерную для него тему «бедности слова», ср.: «О, если б без слова / Сказаться душой было можно!» («Как мошки зарею...», 1844; «Людские так грубы слова...», 1889). Слова не тождественны «звукам», к-рые по своему воздействию значительно сильнее слов: «Что сказалось в них – не знаю, / И не нужно мне <...> / Тихо шепчет лист печальный, / Шепчет не слова <...>» («Нет, не жди ты песни страстной», 1858). Подбор звуков в стихах Ф. вызывает эстетич. впечатление, и эта особенность его лирики оказалась воспринята и концептуализирована рус. символистами: впечатление оказывается важнее вещи, вызвавшей его. О. М., прошедший духовный опыт символизма, идет дальше: само слово для него значительно важнее и весомее вещи, им обозначенной (см. *Поэтический язык*). И если для Ф. точное слово принципиально ненаходимо, то для О. М. задача поэта – «искать потерянное слово» и находить в его в единстве звука, смысла и пучка значений, к-рые оно потенциально может иметь (см. там же).

Обоих поэтов роднит муз. начало в творчестве. Если для Ф. *музыка* – во многом заменитель информац. наполнения и смысла в стихах, то для О. М. она – проводник поэтич. информации и поле реализации потенциальных лексич. значений. Словесное выражение для Ф. в идеале уходит в чистое звучание, ср.: «Тургенев говаривал, что ждет от меня стихотворения, в котором окончательный куплет надо будет передавать безмолвным шевелением губ» (Ф е т А. А. Стихотворения. Л., 1956. С. 20). «Шевеление губ» для О. М. – синоним словесного творчества, обозначение жизн. силы, атрибут живого существа («Холодок щекочет темя...», 1922; «Да, я лежу в земле, губами шевеля...», 1935; «Лишив меня морей, разбега и разлета...», 1935).

Общая музыкальность, стремление организовать стихотворение как муз. произведение, соответственно структурировав его тему, подобрав ритмич. и звуковой рисунок, позволяют Ф. создать в ряде стихотворений поэтику, чрезвычайно близкую к «поэтике ассоциаций» О. М. Так, стих. Ф. «На кресле отвалясь, гляжу на потолок...» (1890) построено на ряде метафор-загадок, отталкивающихся от тени горящей лампы на потолке. Двигаясь от конкретного явления, метафоризуя его, поэт выходит к лирич. обобщению своего эмоц. состояния. Тот же прием находим в стихах О. М.; ср., напр., «Золотистого меда струя из бутылки текла...» (1917). Эпитеты, выбираемые Ф. (в словосочетаниях типа «звонкий сад», «тающая скрипка», «румяная скромность», «мертвые грезы», «благовонные речи»: см. Б у х ш т а б. 1956. С. 22), не столько характеризуют сами явления и предметы, сколько передают их ощущение поэтом и обозначают его индивидуальные ассоциации. То же касается человеч. чувств, приписываемых явлениям природы без к.-л. связи с их свойствами (см.: О н ж е. 1990). Осн. обыденно языковое и словарное значение существительного благодаря подобным эпитетам нейтрализуется за счет эмоц. окраски. У Ф. встречаются и типичные для О. М. случаи «метафоризации метафоры» (С е м е н к о. С. 11), напр., в стих. «Когда читала ты мучительные строки...» (1887). Грань между внеш. миром и душевной жизнью стирается, равно как и грань между прямым и метафорич. значением слова. На утрате словом прямого значения построено, в частности, стих. Ф. «Прости! Во мгле воспоминанья...» (1890). Это важное свойство поэтики Ф. в числе прочих явлений послужило базой для формирования О. М. понятия иск-ва как особой реальности, не тождественной предметному миру.

Часто для обозначения своего эмоц. состояния оба поэта используют топосы классич. (др.-греч. и рим.) поэзии, в частности – «театр жизни», «жизнь есть сон», «корабль государства», «пустыня моря» и др. (Т е р р а с. С. 17). В стих. О. М. «Сестры –тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы...», с первого взгляда лишенном антич. эмблематики,

очевидна перекличка со стих. Ф. «Моего тот безумства желал, кто смежал...» (Б р о й т м а н. С. 33–34).

В отличие от А. С. *Пушкина* и М. Ю. *Лермонтова*, Ф. в своих произведениях не воспринимал проблематику пространства – времени в согласии с естеств. законами природы. «Своего героя Фет не помещает в какое-либо определенное физическое окружение и поэтому легко переносит его из одного временного периода в другой, преодолевая расстояние между прошлым, настоящим и будущим. Этот герой свободен от временных границ, он вглядывается из настоящего в вечность» (Ш е н ш и н а. С. 33). Сходным образом понимал проблему времени и О. М., распространяя свое понимание и шире – на историю культуры и человечества (см. статьи: *Время*; *Эстетика*).

Приступая в 1912 к работе над ст. «О собеседнике» (1913, 1927), О. М., помимо указанного в статье Е. А. *Боратынского*, обращался и к Ф. – см. его стих. «Теперь» (1883), в к-ром также использован образ читателя-потомка, сосуществующего с поэтом во «вневременной» жизни. Размышляя о христианстве в статьях «Петр Чаадаев» (1914) и «<Скрябин и христианство>» (1917), О. М. высказывал сходные с Ф. мысли об универсальности христианства как религии.

О. М. и Ф. близки и по типу творчества. Построение собств. поэтич. мифа, при всей его важности, у обоих отходило на задний план перед др. задачей – прочитать смысл мира посредством поэтич. творчества, используя для этого ресурсы мифопоэтики. Благодаря такому прочтению поэт находит себе место в мироздании, в Космосе, средствами поэзии восстанавливая утраченную человечеством органич. связь с природой. Отсюда – тенденция к мифологизации ключевых поэтич. образов [ср. ласточки, звезды, ночь, музыка, смерть, воздух и др. у Ф. и О. М.; причем, «как кажется, первыми среди поэтов, “разглядевших” воздух, были Тютчев и Фет»; «в поэзии Фета и вслед за ним в поэзии символизма звезды концептуализировались как “окно в вечность”» (П а н о в а. С. 138, 165)]. Отчасти эти свойства фетовской поэзии О. М., как это часто бывает в его поэтике, воспринял сквозь призму худож. открытий символизма (см.: К а ш и н а).

Но и поэтика самого Ф., его ключевые образы в др. ситуации служили своего рода «передаточным звеном» между текстами О. М. (в данном случае – ст. «О собеседнике», 1912, 1913, 1927, и «Стихи о неизвестном солдате», 1937) и подтекстом – соч. К. Фламмариона «Рассказы о бесконечном» (очередное изд. этого произведение вышло в Париже в 1892, а рус. перевод – в С.-Петербурге в 1894). «Посредником» является стих. Ф. «Угасшим звездам» (1890). Вполне возможно, что размышления Ф. по поводу науч. положения о свете угасших звезд, к-рый человек видит вопреки исчезновению источника света, также навеяно чтением Фламмариона (Р о н е н. С. 98–104).

О. М. относит Ф. к «домашним» рус. поэтам, к-рым не присущ широкий круг интересов европ. мысли (М а н д е л ь ш т а м О. Э. Письмо о русской поэзии. <1922> // 2 С. 237), и причисляет его к поэтам романтизма (Там же. С. 238). «Домашняя» поэзия не устаревает, поскольку ее звуковой облик укоренен в звуках родной речи, и по этой же причине никогда не бывает «новаторской» (достаточно сказать, что поэзию В. *Хлебникова* О. М. никогда не квалифицирует как «домашнюю»). Поэзию Ф. О. М. называет одним из источников образной системы лирики А. А. *Блока* и Б. Л. *Пастернака*. Цитируя слова Ф.: «Серебро и колыханье / сонного ручья» («Шепот, робкое дыханье...», 1850), – О. М. тем самым акцентирует внимание на такой особенности поэтич. метода Ф., как метафоризация мира. Звуковые образы поэзии Ф. – «этот посвист, щелканье, шелестение, сверкание, плеск, полнота звука, полнота жизни, половодье образа и чувства», – прочитываются в контексте важнейшей роли, к-рую О. М. отводил согласным звукам языка и речи (см. *Поэтический язык*): здесь видно, как звуковой облик поэзии порождает своеобразие ее образного и эмоц. облика (О н ж е. Борис Пастернак. <1922–23> // 2. С. 301). Ср.: «Впервые я почувствовал радость внешнего неблагоразумия русской речи, когда В. В. (Вл. В. *Гиппиусу*. – *В. К.*) вздумалось прочесть детям “Жар-птицу” («Фантазия». – *В. К.*) Фета – “На суку извилистом и чудном”: словно змеи повисли над партами, целый лес шевелящихся змей» (О н ж е. Шум времени. <1923–24> // 2. С. 390). Кстати сказать, это чтение вскоре отозвалось в стих. О. М. «Медленно урна пустая...» (1911), ср. у Ф.: «Миг еще – и нет волшебной сказки, / И душа опять полна возможным»; у О. М.: «...Непонят, невынут, нетронут – / Жребий, – и небо обманет, / И взоры в возможном потонут» (Г и н з б у р г, М е ц, В а с и л е н к о, Ф р е й д и н. С. 322).

Для поэзии О. М. оказывается важным отрывок из Ф., приведенный в ст. «Борис Пастернак», а именно слова «И горящею солью нетленных речей...» (неточная цитата из стих. Ф. «С бородою седою верховный я жрец...», 1884, – у Ф.: «И нетленною солью горячих речей...»). Характерная ошибка, сделанная О. М. и, судя по оговорке «каких-то речей» (Там же. С. 301), вполне осознанная им самим, вводит строку Ф. в таком виде в число подтекстов стих. «Умывался ночью на дворе» (1921), в к-ром образ «соли» связан с мотивом холода.

В «Шуме времени» читательское пристрастие к поэзии Ф. для О. М. – знак отказа от желания «разделить судьбу поколенья вплоть до гибели» (2. С. 358), свойств. разночинцам 1890–1900-х гг., любителям поэзии С. Я. *Надсона*. «Фетовские соловьи» (Там же. С. 387–388), с одной стороны, воспринимаются таким читателем как «чужая барская затея», а с другой – вызывают зависть. О. М. цитирует стихи Ф. «Облаком волнистым...» (1843), «Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали...» (1877), «С бородою седою верховный я жрец...». Меж тем в русле постепенно формирующейся в сер. 1920-х гг. органич. поэтики О. М. прибегает к метонимии, чтобы с ее помощью передать близость худож. взгляда Ф. на мир взгляду читателя его поэзии: «Больные воспаленные веки Фета мешали спать» (Там же. С. 388). Важно, что фетовская проповедь «чистого искусства» у О. М. в советских условиях трансформировалась в идею внеположности иск-ва постановлениям и декретам гос-ва.

В стих. «Дайте Тютчеву стрекозу...» (1932) О. М., по сути дела, развил ту же самую идею, выстраивая ряд метонимич. и метафорич. загадок, к-рые фиксируют принадлежность рус. культуре как живому организму ряда черт, свойственных тому или иному рус. поэту. Эти черты могут носить как культурный, так и биогр. или даже физиологич. характер. Строки «И всегда одышкой болен / Фета жирный карандаш», возможно, вызваны карандашными пометами,

к-рые умирающий Ф., страдавший астмой, делал на своем последнем стих. «Когда дыханье множит муки...» (то же касается и больных воспаленных век Ф.: долгие годы он страдал воспалением век). О. М. мог видеть тетрадь Ф. с последним стихотворением у Б. А. Садовского или слышать доклад Садовского (23.3.1914) о предсмертных стихах Ф. в «Обществе поэтов» (см.: Р о н е н. С. 37). Эпитет «жирный», возможно, возник благодаря прочтению О. М. фамилии Ф. через ее внутр. форму в нем. яз. (Foeth / Fett) (Там же; см. также: Л е в и н т о н).

Однако «жирный» и «одышка» вписываются в ряд отрицат. символов поэтики О. М. И тогда через эти образы выражается скорее негативное отношение О. М. к Ф., чем положительное. При этом возможно и др. прочтение: «одышка», приводящая к короткому, болезненному дыханию [мотив такого дыхания находим в стих. О. М. «Концерт на вокзале», «Я по лесенке приставной...» и в стих. Ф. «Измучен жизнью, коварством надежды...» (1864), «Среди звезд» (1876), см.: Р о н е н. С. 37; Ф а р ы н о. С. 185)], продолжает идею «домашности», т. е. также в каком-то смысле «короткости» как «ограниченности воздействия» поэзии Ф.

Позже, в «Стихах памяти Андрея Белого» (1934), вновь встречается словосочетание «жирный карандаш», ср.: «Налетели на мертвого жирные карандаши» (Т о д д е с. С. 49–50).

В третьем стих. «Стихов о русской поэзии» «Полюбил я лес прекрасный...» (1932) звуковой лейтмотив, заявленный шипящими звуками в словах «одышка», «карандаш», «жирный», продолжен строками «Тычут шпагами шишиги, / В треуголках носачи...», что отсылает еще и к родовой фам. Ф. – Шеншин. Гипотетич. евр. происхождение Ф., от к-рого поэт отказывался, всю жизнь добиваясь законного права носить дворянскую фам. Шеншин, каламбурно, иронически осмысливается О. М. в образе носачей в треуголках (см.: Г а с п а р о в. С. 156–158).

В последнем четверостишии стих. О. М. «Медлительнее снежный улей...» (1910) своеобразно преломлены сложные эпитеты Ф. (напр., «бесслезный», «беспечальный»), его символика смерти, воспринятая О. М. через призму поэтики А. *Белого*, в частности стих. «Зима» (T a r a n o v s k y. P. 136).

Стих. О. М. «Казино» (1912) содержит подтекст из фетовского стих. «Ласточки» (1844), ср. у Ф.: «Люблю, забывши все кругом, / Следить за ласточкой стрельчатой» – и у О. М.: «Но я люблю на дюнах казино, / ...И тонкий луч на скатерти измятой; / ...Люблю следить за чайкою крылатой» (Т а р а н о в с к и й. С. 121). Тот же самый мотив – в стих. О. М. «Пешеход» (1912): «Я ласточкой доволен в небесах...». Эпитет «стрельча́той», с тем же ударением, что и у Ф., встречается и в более раннем стих. О. М. «Я ненавижу свет...» (1912).

С апр. 1912 в поэзии О. М. появился ряд стихотворений, написанных ямбом, – одним из любимых размеров Ф. Характер рифмовки в нек-рых из них (жен. рифма -атой или, как вариант, -аты) также связан с рифмовкой Ф.

С «Ласточками» Ф. перекликаются и «Ласточка» («Я слово позабыл, что я хотел сказать...», 1920), «Когда Психея-жизнь спускается к теням...» (1920, 1937), «Я в хоровод теней, топтавших нежный луг...» (1920) О. М. (см.: Там же). Ср. у Ф.: «Не так ли я, сосуд скудельный, / Дерзаю на запретный путь, / Стихии чудной, запредельной, / Стремясь хоть каплю зачерпнуть?» Полет ласточки у Ф. – аллегория творчества, вдохновения, к-рое разрушает неподвижный покой мироздания. Для О. М. прозревшая ласточка – найденное слово, слепота же означает поэтич. немоту, при к-рой слово-ласточка падает к ногам, полет невозможен.

Ситуация, лежащая в основе фабулы стих. О. М. «Лютеранин» (1912) («Я на прогулке похороны встретил...»), сходна с ситуацией, описанной Ф. в «Был чудный майский день в Москве...» (1857), заключит. строки к-рого – «Но мне казалось, что легко / И самое страданье» – развернуты О. М. в нек-рое подобие психологич. кредо: «Кто б ни был ты, покойный лютеранин, / Тебя легко и просто хоронили <...> Не любим рая, не боимся ада, / И в полдень матовый горим, как свечи».

Фабульная обстановка стих. О. М. «Сеновал» («Я не знаю, с каких пор...» и «Я по лесенке приставной...», 1922) вызывает в памяти «На стоге сена ночью южной...» (1857) Ф. Неск. значит. слов-сигналов встречается у обоих поэтов: это – стог сена (стог, сеновал), сон, ночь, звезды. Однако, если Ф. создает в своем стихотворении образ гармонич. вселенной, то «мандельштамовское чувство космоса совершенно иное» (Т а р а н о в с к и й. С. 41): О. М. ближе к картине мира, созданной в поэзии Ф. И. *Тютчева*, и противопоставляет гармонии хаос. В «Я не знаю, с каких пор...» строки «<...> Распороть, разорвать мешок, / В котором тмин зашит», обладающие богатейшим набором подтекстов, содержат и фетовский – из перевода Ф. одной из од Горация (см.: Там же. С. 53). Перевод Ф. элегий *Овидия* отразился и в строках стих. «Я по лесенке приставной...» «Не своей чешуей шуршим, / Против шерсти мира поем» (Там же. С. 65, 75) О. М. Отсюда же – и образ грубых времен в стих. «О временах простых и грубых...» (1914).

В «Стихах о неизвестном солдате» строка «До чего эти звезды изветливы...» отсылает к строке «Синего неба пытливые очи» стих. Ф. «Угасшим звездам», а также к строкам «От людей утаиться возможно, / Но от звезд ничего не сокрыть» стих. «От огней, от толпы беспощадной...» (1889) (см.: Р о н е н. С. 106). Также строки «И союза ее гражданином / Становлюсь на призыв и учет», – имеют подтекст из стих. Ф. «Кричат перепела, трещат коростели...» (1859), ср.: «И мира юного, покоен, примирен / Я стану вечным гражданином».

В целом следует отметить, что творчество Ф. для О. М. выступало и как самостоят. банк подтекстов, и как призма, сквозь к-рую О. М. воспринимал иные тексты, более отдаленные во времени, и как объект, воспринимавшийся сквозь др. призму – именно: поэзию рус. символизма. Такую же неоднозначную роль играли для поэта как отд. представители символизма, так и Тютчев.

С о ч.: Стихотворения. Л., 1956; Вечерние огни. М., 1971.

Лит.: Б у х ш т а б Б. Я. А. А. Фет // Фет А. А. Стихотворения. Л., 1956; О н ж е. А. А. Фет: Очерк жизни и творчества. Л., 1990; Б л а г о й Д. Д. Мир как красота // Фет А. А. Вечерние огни. М., 1971; Л е в и н т о н Г. А. Поэтический билингвизм и межъязыковые влияния: (Язык как подтекст) // Вторичные моделирующие системы. Тарту, 1979; Б р о й т м а н С. Н. К проблеме диалога в лирике: (Опыт анализа стихотворения О. Мандельштама «Сестры – тяжесть и нежность...») // Ху-

дожественное целое как предмет типологического анализа: Межвузовский сборник научных трудов. Кемерово, 1981; Лотман Л. М. К вопросу об адаптации поэзии Фета художественным сознанием конца XIX – начала XX в. // Классическое наследие и современность. М., 1981; Гинзбург Л. Я., Мец А. Г., Василенко С. В., Фрейдин Ю. Л. Комментарии // Камень. 1990; Тоддес Е. А. Заметки о Мандельштаме // Шестые Тыняновские чтения. Рига; М., 1992; Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы: Очерки русской литературы XX в. М., 1994; Фарыно Е. Архепоэтика Осипа Мандельштама: (На примере «Концерта на вокзале») // Столетие Мандельштама; Террас В. И. Классические мотивы в поэзии Осипа Мандельштама // Мандельштам и античность; Аверинцев С. С. Судьба и весть Осипа Мандельштама // Аверинцев С. С. Поэты. М., 1996; Семенко; Кашина Н. К. Еще раз о фетовских реминисценциях в поэзии русских символистов // А. А. Фет: Поэт и мыслитель: Сб. научных трудов М., 1999; Шеншина В. А. А. А. Фет как метафизический поэт // Там же; Лекманов О. А. Книга стихов: «Единство, ничего о себе не знавшее» // Лекманов. 2000; Тарановский К. О поэзии и поэтике. М., 2000; Ронен О. Поэтика Осипа Мандельштама. СПб., 2002; Панова Л. Г. «Мир», «пространство», «время» в поэзии Осипа Мандельштама. М., 2003; Ronen O. Mandel'štam's «Кащей» // Studies Presented to Professor Roman Jakobson by His Studients. Camb., Mass., 1968; Taranovsky R. Essays on Mandel'štam. Camb., Mass.; L., 1976.

В. В. Калмыкова.

ФИЛИППОВ (наст. фам. Филистинский) Борис Андреевич (6.8.1905, Ставрополь – 3.5.1991, Университи Хиллз, штат Мэриленд, США), востоковед, издатель, редактор, литератор, журналист, книжный иллюстратор, представитель «второй» волны рус. эмиграции. Выходец из офицерской семьи. В 1920 организовал в Ставрополе лит.-филос. кружок. В 1924–28 учился в Ленингр. ин-те живых вост. языков (у акад. Ф. И. Щербатского), специализировался по монголоведению (Ф. – племянник ученого-монголоведа акад. С. А. Козина), интересовался буддизмом и индуизмом. В 1928–33 учился в Ленингр. ин-те пром. строительства (вечернее отделение). В 1925–29 ученик философа С. А. Аскольдова (Алексеева), участник и организатор подпольных филос. кружков, за что был арестован весной 1927 и в течение 2 мес находился под следствием в тюрьме на ул. Шпалерной; вторично арестован в 1929. Работал в строит. организациях Ленинграда. В 1935 с иллюстрациями Ф. был издан монг. эпос «Гэсэриада». В 1936 Ф. окончил Ленингр. вечерний ин-т пром. строительства. В том же 1936 по статье «антисоветская пропаганда» осужден на 5 лет, срок отбывал в Ухто-Печерском лагере. После освобождения в февр. 1941 поселился в Новгороде, где попал под оккупацию. Начиная с авг. 1941 работал в разл. герм. адм. учреждениях и организациях в Новгороде (в гор. управе, с сент. – в гестапо), Пскове (в Рус. комитете) и Риге (весной и летом 1944 – зам. гл. ред. газеты «За Родину» и лектор в школе пропагандистов Рус. освободит. армии), много печатался в оккупац. прессе (под псевд. Б. Ф. и Б. Эрдени). В оккупации выпустил книги стихов (Филистинский Б. Град невидимый: Поэма в шести фрагментах. Рига, 1944) и прозы («Юность: Повесть», 1944 – см. в: Литературное зарубежье: Сб.-антология. Мюнх., 1958). Летом 1944 переехал в Берлин, где работал в Министерстве нар. просвещения и пропаганды. В 1945–50 жил в амер. оккупац. зоне в Германии – в Касселе и Мюнхене, был женат на И. Н. Бушман, сохранившей его поэтич. архив тех лет. Печатался в изд-ве «Посев», журналах «Грани», «Новое русское слово», «Новом журнале» и др. (под псевд.: Филипп Борисов, Фабий Зверев, Андрей Козин, Георгий Петров, Сергей Петров и Л. Теннер).

В 1950 эмигрировал в США, где, в период брака с поэтессой О. Ю. Анстей (1951–54), жил в Нью-Йорке; с 1954 – в Вашингтоне. Занимался редакц.-издат., а также журналистской и преподават. деятельностью (читал лекции в Нью-Йоркском, Канзасском, Йельском и Вандербильдском ун-тах, проф. Амер. ун-та в Вашингтоне). В частности, Ф. редактировал 1-е изд. романа «Доктор Живаго» Б. Л. *Пастернака* (1957) и, вместе с Г. П. *Струве*, «Собрания сочинений» Пастернака (1961) и Н. С. *Гумилева* (1962–68). В 1964–70 (по др. данным, до 1969) возглавлял изд-во «Inter-Language Literary Associates» («Межъязыковое литературное содружество») в Вашингтоне, специализировавшееся на выпуске собраний сочинений лучших советских писателей, не издававшихся у себя на родине. Всего под ред. Ф. выпущено св. 70 разл. изданий, в т. ч. сочинения А. А. *Ахматовой*, М. А. *Волошина*, Гумилева, Н. А. *Заболоцкого*, Н. А. *Клюева* и др. Вместе со Струве, к к-рому Ф. впервые обратился с предложением о сотрудничестве в 1952, редактировал первые однотомное и многотомное «Собрания сочинений» О. М. Эта работа подробно задокументирована в переписке Ф. с Г. П. Струве и Н. А. *Струве* (см.: Beinecke Rare Book and Manuscript Library, Yale University, USA, Boris Filippov Papers. Box 7–9. Folder 218–257; Hoover Institution Archives. Collection G. Struve. Box 83. Folder 13–15; Box 84. Folder 1–10); именно Ф. принадлежит б. ч. технич., библиогр. и редакторского труда, им же написаны две статьи, посв. прозе О. М. В 1970–92 вместе с Е. Ф. Жиглевич (своей 3-й женой) редактировал «Полное собрание сочинений» Е. И. *Замятина*. Выпустил 31 авторскую книгу – от дебютного поэтич. сб. «Град невидимый» (Рига, 1944) до тома прозы «Избранное» (Лондон, 1990). Уже после смерти Ф. вышли 3 кассеты с записями его бесед с Жиглевич на лит. темы.

Соч.: Борисов Ф. Россия и революция // Грани. 1946. № 2. С. 33; Петров Г. Ленинградский Петербург // Там же. 1953. № 18. С. 40–49; «А небо будущим беременно...»: Вступ. ст. // Мандельштам О. Собр. соч. / под ред. и со вступ. статьями Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. Нью-Йорк, 1955; Письмо в редакцию // НРС. 1955. 9 нояб. (совм. с Г. П. Струве); Еще о сочинениях Мандельштама: Письмо в редакцию. // Там же. 24 нояб. (совм. с Г. П. Струве); О рецензии Г. Иванова на собрание сочинений О. Мандельштама // НЖ. 1956. № 45. С. 296–300; Советская потаенная муза. Мюнх., 1961. С. 6–9; От редакторов: Заметка Г. П. Струве и Б. А. Филиппова // Мандельштам О. Собр. соч.: В 2 т. Т. 1: Стихотворения / под ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. Ваш., 1964 (2-е испр. и доп. изд. – 1967); Проза Мандельштама // Мандельштам О. Собр. соч.: В 2 т. Т. 2: Стихотворения. Проза / под ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. Ваш., 1966 (2-е испр. и доп. изд. – 1971); Неизвестный Мандельштам; От редакторов: Заметка Г. П. Струве и Б. А. Филиппова // Мандельштам О. Собр. соч.: В 3 т. Т. 3: Очерки. Письма / под ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. Ваш., 1969; Г. П. Струве, Н. А. Струве и Б. А. Филиппов (ред.) // Мандельштам О. Собр. соч. Т. 4 (дополнит.). П., 1981; Ленинградский

Петербург в русской поэзии и прозе. [Б. м.], 1974. С. 32, 33, 39, 42.

Архивы: Гуверовский институт войны и революции (Стэндфордский университет, США. Собрание Б. Николаевского); Исторический архив Центра восточно-европейских исследований Бременского университета, Бремен, ФРГ. Ф. 33 (И. Н. Бушман). Рукописный сб. стихотворений Б. А. Филиппова. 1941–47 (?); Beinecke Rare Book and Manuscript Library, Yale University, USA, Boris Filippov Papers. Gen. MSS 334.

Лит.: Иващенко А. Подсадная утка // Комсомольская правда. 1968. 9 июня; Седых А. Б. А. Филиппову – 75 лет. // НРС. 1980. 3 авг.; Голлербах С. Памяти Бориса Филиппова // НЖ. 1991. № 184–185; Он же. Борис Андреевич Филиппов (1905–1991) // Записки Русской Академической Группы в США. 1992–1993. Т. XXV. С. 345–346; Витковский Е. В. «Мы жили тогда на планете другой»: Антология поэзии Русского Зарубежья: Кн. 3. М., 1994. С. 371; Вильданова Р. И., Кудрявцев В. Б., Лаппо-Данилевский К. Ю. Краткий биографический словарь Русского зарубежья // Струве Г. Русская литература в изгнании. П.; М., 1996. С. 371; Синкевич В. Самый разносторонний литератор Зарубежья // НЖ. 2002. № 226; Ковалев Б. Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941–1944. М., 2004. С. 39, 121–122, 327, 342–346, 378–382; Равдин Б. На подмостках войны: Русская культурная жизнь Латвии времен нацистской оккупации (1941–1944). Stanford, 2005 (Stanford Slavic Stadies 26). С. 69; Сорокина М. Ю. Снова востоковеды...: Материалы для биобиблиографического словаря «Российское научное зарубежье» // Диаспора-VII. П.; СПб., 2005.

П. М. Нерлер.

«ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ: Вестник литературоведения и языкознания», продолжающееся издание (Воронеж, с 1993). Редколлегия подчеркивает преемственность «Ф. з.» и одноименного журнала, основанного А. А. Хованским и выходившего в Воронеже в 1860–1917. Совр. версия «Ф. з.» (основатель и 1-й гл. ред. – проф. Воронежского гос. ун-та О. Г. Ласунский) ориентируется на широкую профессиональную среду как в России, так и за ее пределами.

В «Ф. з.» регулярно печатаются исследования, посв. жизни и творчеству О. М. Специальные подборки материалов были приурочены к Мандельштамовским дням в Воронеже (1994, вып. 2; работы В. М. Акаткина, В. С. Баевского, М. Л. Гаспарова, В. Д. Добромирова, О. А. Лекманова, В. Б. Микушевича, Д. Рейфилда, С. Симонека, А. А. Фаустова, мемуарный этюд В. А. *Милашевского*), вышли к 60-летию со дня гибели О. М. (1998, вып. 11; работы С. Л. Голлербаха, Л. Л. Горелик, Е. А. Иваньшиной, Лекманова, Е. Е. Топильской, В. М. Топоровой, М. Г. Харькова), к 110-летию О. М. и 10-летию Мандельштамовского общества (2001, вып. 16; работы Т. Лангерака, М. Н. Недосейкина, два стихотворения С. Калашникова «Из воронежского цикла»). Составленная В. Н. Гыдовым и П. М. Нерлером хроника «Последние годы Осипа Мандельштама» опубл. в 1994–95 (вып. 2, 3, 5). В 20-м вып. (2003) помещены подготовленные В. А. Свительским краткие материалы о Н. Е. *Штемпель* и посв. мандельштамовской теме стихотворения Д. И. *Заславского*, Л. Коськова, А. Пресмана, А. Слуцкого. Среди авторов материалов об О. М. – Э. Труммер (1993, вып. 1), А. И. Немировский (1994, вып. 3), В. Ш. Кривонос (1995, вып. 4, 5), Лекманов (1995, вып. 5; 1996, вып. 7; 1997, вып. 9), Б. С. Острер (1997, вып. 9), В. А. Свительский (1999, вып. 13), А. А. Житенев (2004, вып. 21, 22), А. А. Фаустов (2004, вып. 22), Т. Лангерак (2006, вып. 25).

В. В. Калмыкова, О. Г. Ласунский.

ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ О. Э. Мандельштама определяются спецификой его мышления, в к-ром эмоц. и чувственная составляющая порождает процесс теоретич. осмысления явлений мира и, в свою очередь, порождается им. Эмоц.-чувственное восприятие, в традиц. понимании собственно поэтическое, подразумевает мгновенный охват постигаемого явления как целого, минуя его разнообразные частные проявления и свойства. Теоретизирование и анализ возникают под влиянием концепций философов и собств. рефлексии по поводу этих концепций. Все это побуждает не только к фиксации внимания автора и читателя на свойствах явления, но и к созиданию новых явлений (произведений иск-ва) как занятию «совершенно мужественному» (см. об этом: Ронен. С. 151). Т. о., Ф. в. О. М. есть поиск поэтом истины в универсальном смысле, с одной стороны, и гуманистич. смысла культуры – с другой. Индивидуальный путь в культуре и иск-ве является для О. М. константой, связующей оба начала. Поскольку О. М. – поэт, а не философ, постольку он освобожден от обязанности вырабатывать и постулировать собств. методологию, осн. на принципах науч. (собственно философского) исследования. Его Ф. в. имплицируются из текстов, созданных поэтом.

Филос. контекст, свойств. эпохе 1900–10-х гг., был воспринят О. М. при посещении собраний *Религиозно-философского общества*. Также оказали влияние и беседы участников *«Цеха поэтов»*, Нового общества поэтов («Физы»), личные, хотя и мимолетные, контакты с Вяч. И. *Ивановым*, тесная дружба с С. П. *Каблуковым*, Н. В. *Недоброво*.

Поэтич. составляющая творч. процесса воспринимается О. М. как «свое», «мое» и носит ярко выраженную личностную окраску. Филос. начало при всей его важности и соотнесенности с «высокими» ценностями культуры, является «чужим», т. е. привнесенным со стороны. Отчасти усвоение О. М. филос. идей и формирование его Ф. в. происходило по аналогии с усвоением «чужой речи» и расширением с ее помощью возможностей собств. оригинальной поэтики (см.: Кобринский).

В своем единстве оба типа восприятия – «интуитивное» и «рациональное» – приводят поэта к постижению мира и выстраиванию его картины, в к-рой творч. интуиция автора преодолевает различие и между типами познания – образным и теоретическим. При такой целостности философия как наука, претендующая на универсализм в области постижения истины, и как система концептов, парадигм и методов, порожденных разл. философами в разл. эпохи, для поэта оказывалась неважной. Напротив, концептуальное значение приобретали те из этих парадигм, к-рые эмоционально близки О. М. и разделялись им именно с этой точки зрения. Важно при этом, что поэт не следовал ни одной из филос. систем, а брал в каждой лишь то, что удовлетворяло его субъективному выбору – с точки зрения красоты мысли, внимания к личности автора и др. вненауч. факторов. Картина мира у О. М., или его Ф. в., существующие как культурная целостность, не основываются на тех или иных

филос. постулатах. Постулаты выступают лишь как элементы, к-рые сами по себе не образуют системы и между собой не вступают в системные отношения.

Наглядным примером одноврем. действия двух типов восприятия и интерпретации явлений служит стих. О. М. «Грифельная ода» (1923) с характерной автохарактеристикой «<я...> с двойной душой», в к-ром О. М. излагает свои Ф. в. в свойств. ему поэтич. форме, подразумевающей наличие ряда «опущенных звеньев», благодаря к-рому стихотворение нуждается в исследоват. дешифровке. Оно исполнено образов из философии И.-В. *Гёте*, нем. романтиков (в частности, Новалиса), Ж.-Б. *Ламарка*, а также из филос. практики разл. эзотерич. сект. В результате перед нами – «цепь загадок, ни одну из которых, впрочем, не разгадаешь, не разгадав остальных, так что главная загадка – именно соотнесенность каждой из них со всеми остальными и всех остальных с каждой, то есть сама их цепь» (М и к у ш е в и ч. С. 55).

Та же ситуация – в стих. «Айя-София» (1912), где Византия возникает и как символ культурной непрерывности, и как универс. топос, отчасти подобный христ. небесному Иерусалиму, где сходятся все возможные противоположности – Запад и Восток, христианство и мусульманство, *время* и *пространство*, история и миф, прошлое и будущее и др. (Р а н ч и н). Отчасти те же черты приобретает и Москва в сер. 1910-х гг. и С.-Петербург (Петроград) в кон. 1910 – нач. 1920-х гг.

В разное время внимание О. М. привлекали разл. философы: Н. А. *Бердяев*, С. Н. *Булгаков*, Вяч. И. Иванов, А. В. *Карташев*, В. В. *Розанов*, В. С. *Соловьев*, П. А. *Флоренский*, П. Я. *Чаадаев*, отчасти представители нем. классич. философии, А. *Бергсон*, Гёте, Ламарк, Г. Лейбниц, Ф. *Ницше*, Ж. П. Сартр, Б. Спиноза, З. Фрейд, Ф. Шеллинг, А. Шопенгауэр, О. *Шпенглер* и др. О. М. свойственно прослеживать путь в культуре к.-л. отд. идеи того или иного философа. Через эту идею поэт схватывал целостный образ и ее автора как культурную константу, при этом не реконструируя ни этот образ, ни учение как целое и как систему, ср.: «Мысль Чаадаева – строгий отвес к традиционному русскому мышлению» [ст. «Петр Чаадаев» (1. С. 198)]. Из отд. черт и свойств складывались Ф. в. поэта. Философы для О. М. – не столько деятели науки, сколько свободные, не скованные индивидуальной методологией мыслители, действующие культурные единицы, энергийные сгустки, узлы напряжения, в к-рых переплетаются чувственное и интеллектуальное, поэтическое и философское, мифическое и историческое (см. в ст. *Ницше* Ф.).

В филос. творчестве О. М. воспринимал не столько концептуальную, сколько поэтич. составляющую. Его вдохновляли, «заражали» те идеи, к-рые обретали в его сознании образный эквивалент и вследствие этого могли быть восприняты эмоционально и выражены поэтически, напр., «сомнение» у Флоренского, «вечное возвращение» у Ницше, «длительность» у Бергсона, «лестница видов» у Ламарка. Логич. дедуцирование мысли интересовало О. М. значительно реже, как, напр., при чтении «Столпа и утверждения истины» Флоренского: в этом случае О. М. поэтизировал сам ход мысли философа.

Подобная независимость от логики строгого науч. мышления давала О. М. в процессе формирования его Ф. в. возможность опережать современников, напр., М. Хайдеггера с его философией существования, или Э. Гуссерля с его феноменологией. Так, хайдеггеровское «бытие-как-сущее» предвосхищается открытием акмеистов и, в частности, О. М., что бытие не есть абстрактная бесконечность, а представляет собой живую целостность человеч. существования. Говоря о «вещи», о предмете, О. М. ставил проблему бытия и сознания в феноменологич. ключе: путь к бытию лежит через данную человеку вещь, феномен, к-рый единственный может указывать на истину (см. К и х н е й). «Интересно, что Мандельштам, толком почти и не читавший философов, за вычетом Владимира Соловьева, Бергсона и Флоренского, так близко подошел к важнейшей теме зап. философии 30–50-х годов» (А в е р и н ц е в. Судьба и весть Осипа Мандельштама. С. 207).

Определ. аналогию своего понимания целостности О. М. нашел в философии Гете, у к-рого воспринял идею единства вселенной как культуры и природы, внимание к архитектуре, естеств. наукам и культурному синтезу (см.: Т р и б л. С. 103). Благодаря единству всех этих начал «творческий процесс изображается как результат могучей деятельности бесконечных вселенских сил, как синтез (м о г у ч и й с т ы к) и чисто материального, и чисто духовного процессов» (Там же. С. 107).

При этом поэт и философ для О. М. имели общую природу – оба они разгадывают тайну своего «я» и тайну мира: поэт-«дешифровщик» находит в мире истинные имена явлений (см.: К и х н е й. С. 42). В поиске этих истинных имен О. М. «вычитывал» у философов то, что помогало ему найти «истинные имена» и поэтому было близко и его личности.

Ф. в. на природу творчества у О. М. имеют следующие черты. Во-первых, это цельность, в случае худож. творчества эквивалентная науч. системности (см. об этом: Г а с п а р о в). Во-вторых, поэту свойственны размышления о себе, о своей жизни и жизни вообще в соотнесении с бытием культуры как целого, определяющего ход развития человечества как личности (Бердяев). В-третьих, цельность мировоззрения О. М. проявилась в «росте» его собств. личности и творчества как ее проекции: «Ненавистному “развитию” Мандельштам противопоставлял “рост” как процесс, при котором человек, меняясь, сохраняет единство личности и лишь переходит из одного этапа (или возраста) в другой, причем путь остается единым... Отношение к любому вопросу, хотя бы к смерти, изменяется на различных этапах жизни Мандельштама, но в то же время едино и целостно на всем пути» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 273). С этим же связана неразделимость в его творчестве поэзии и прозы.

Целостность для О. М. может восприниматься как конкретное расширение человеч. личности до объема целого поколения [см. о Розанове: «Тяжело человеку быть целым поколением...», – в «О природе слова» (1. С. 223)], как персонификация европ. континента в метафорич. Европу (см. об этом: Д у т л и. С. 19) или как метафоризация науки. Так, он уподобляет филологию – семье, придавая науч. содружеству людей генетич. и онтологич. статус (Там же). Поскольку филология – семья, постольку слово есть то, в чем концентрируются «семейные» ценности.

Слово для О. М. являлось, по-видимому, безусловным собственно филос. концептом. Поскольку гл. делом челове-

чества, с одной стороны, и его подлинным бытием – с другой, является культура как нерасчленимая и целостная преемственность (см. об этом: Гаспаров), постольку поиск истины (собственно философия, филос. способ познания) возможен именно как философствование на темы культуры. Ф. в. О. М. концептуализируются осн. понятием «слово». Слово для поэта имело двойную природу: оно и «Логос», и «Психея». В первом случае Логос способствует поиску истины в первичном гераклитовском смысле, когда открытие истинного имени способствует бесконечному приращению знания. Во втором случае Психея делает это знание живым, непосредственным, душевным, как семейный контакт близких людей, и обеспечивает знанию и именам человечность. В кризисных ситуациях, когда происходит слом жизн. и культурных норм, слово со всем комплексом его значений оказывается связующим звеном между культурными эпохами и обеспечивает жизн. процессу как процессу осмысленному и априори, для О. М., «окультуренному» непрерывность.

Такое понимание приводит к запрету на употребление в поэзии «случайных», «проходных» слов: ведь за каждое свое произведение поэт, по О. М., отвечает собств. жизнью. Идея слова становится аналогичной идее Софии в творчестве философов всеединства (Булгаков, Соловьев, Флоренский). София в их понимании и слово в трактовке О. М. – животворящее, творч. начало, органично связанное с идеей красоты, радости бытия и любви, скрепляющей мировую целостность. «Слово, по Мандельштаму, и есть экспликация образа, эйдоса предмета, существующего в сознании» (Кихней. С. 45). Так, в стих. «И поныне на Афоне...» (1915) «имябожцы-мужики» обретают «Слово – чистое веселье, / Исцеленье от тоски!» В случае когда истинное, хотя и существующее имя не открыто, явление гибнет: «Безымянную мы губим / Вместе с именем, любовь». Профанация ценности слова приводит к разрушению гармонии, и отсюда – метафизич. страх О. М. перед его «потерей», с одной стороны, и реальные особенности его творч. процесса (см.: Аверинцев С. С. Страх как инициация; Он же. Судьба и весть Осипа Мандельштама). Найденное, обретенное слово может быть «блаженным», «бессмысленным» с обыденной точки зрения, но выражающим глубинные бытийные связи явлений в космич. проекции. Напротив, ложное, «пустое» слово разрушает структуру мироздания: исчезает посредник между вещью и сознанием, и человек перестает данным ему Богом способом воспринимать мир.

Т. о., Ф. в. О. М. имеют поэтизированную, а не строго филос. форму. Напр. концептуализируя иск-во, он обходится без концепта «красоты» – центрального для мировой философии иск-ва начиная с античности. Рассуждая в русле «софиологии», стержня философии всеединства, поэт ничего не говорит о синтезе истины, добра и красоты. Создавая свой аналог христ. антропологии, О. М. не задействует идею богочеловечества. Тема апокалипсиса, для поэта выражающаяся в образе «утраченного города» и «потерянного слова», дается вне контекста христ. эсхатологии.

Лит.: Гаспаров М. Л. Поэт и культура: Три поэтики Осипа Мандельштама // De visu. 1993. № 10; Дутли Р. «Нежные руки Европы»: о европейской идее Осипа Мандельштама // «Отдай меня, Воронеж...»; Кобринский А. А. «То, что я сейчас говорю, говорю не я»: К проблеме соотношения «своей» и «чужой» речи в поэзии О. Мандельштама // Там же; Трибл К. Поиски единства и цельности у Гёте и Мандельштама // Там же; Аверинцев С. С. Судьба и весть Осипа Мандельштама // Аверинцев С. С. Поэты. М., 1996; Он же. Страх как инициация: Одна тематическая константа поэзии Мандельштама // Смерть и бессмертие; Микушевич В. Б. Двойная душа поэта в «Грифельной оде» Мандельштама // «Сохрани мою речь»-3(1); Кихней Л. Г. Акмеизм: Миропонимание и поэтика. М., 2001; Ранчин А. М. Византия и «Третий Рим» в поэзии Осипа Мандельштама (к интерпретации стихотворений «Айя-София» и «На розвальнях, уложенных соломой...») // Смерть и бессмертие; Ронен О. Поэтика Осипа Мандельштама. СПб., 2002.

О. Г. Самойлова.

ФИРДОУСИ Абулькасим (ок. 940, г. Туе – 1020 или 1030, там же), перс. и тадж. поэт, чью поэтич. эпопею «Шахнаме» («Книга о царях») О. М. штудировал в Армении весной–летом 1930: «Вчера читал Фирдусси, и мне показалось, будто на книге сидит шмель и сосет ее <...> цари из династии Джемджидов долговечны, как попугаи. Будучи добрыми неимоверно долгое время, любимцы Фирдусси внезапно и ни с того ни с сего делаются злыднями, повинуясь единственно роскошному произволу вымысла. Земля и небо в книге “Шах-намэ” больны базедовой болезнью – они восхитительно пучеглазы <...> Мне принесли целую стопку синих томиков – числом, кажется, восемь. Слова благородного прозаического перевода – это было французское издание Молля – благоухали розовым маслом» [Мандельштам О. Э. Путешествие в Армению // 3. С. 204–205; подразумевается изд.: Le Livre des Rois par Abou'l-Kasim Firdousi. P., 1838–76. T. 1–7]. Позднее О. М., вероятно, читал Ф. по изд.: Фирдоуси А. Книга царей Шах-намэ / Пер. М. Л. Лозинского. М.; Л., 1934 [поскольку в рец. 1935 на кн. Г. А. Санникова «Восток» он транскрибировал фамилию перс. поэта как «Фирдоуси» (3. С. 270)]. В дневнике Д. И. *Выгодского* от 16.4.1934 пересказан монолог О. М. о Ф. на встрече исследователей вост. лит-ры с ленингр. писателями, состоявшейся 15.4.1934: «Заговорил о тревоге, которая есть в Фирдоуси, о пиршественной роскоши, богатстве, об изобилии, которое во всем мире и над миром, о “выморочном изобилии”, которое никому не принадлежит» (Памятные книжные даты. 1991. М., 1991. С. 139).

О. А. Лекманов.

ФЛОБЕР (франц. Flaubert) Гюстав (12.12.1821, Руан – 8.5.1880, имение Круассе близ Руана), франц. писатель-романист. Творчество Ф., с одной стороны, продолжает и развивает традиции психологич. реализма 1-й пол. 19 в. (О. Бальзак, Стендаль), а с другой – предвосхищает некрые положения «натуралистической» эстетики. Первый перевод Ф. на рус. яз. появился в 1858 – почти одноврем. с публикацией ром. «Госпожа Бовари» во Франции. Романы Ф. были очень популярны в России в 1910-х гг. Так, по признанию А. А. *Ахматовой*, перед поездкой в Париж Н. С. *Гумилев* купил «Мадам Бовари», чтобы Ахматова читала роман в поезде, но она прочла книгу залпом еще до отъезда (Ахматова А. А. Собр. соч.: В 6 т. М., 1998. Т. 1. С. 944).

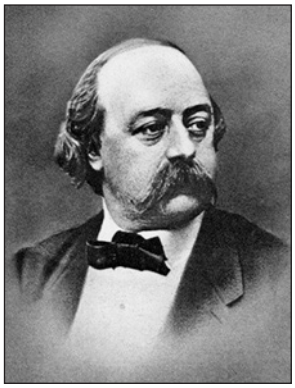
Имя Ф. встречается у О. М. впервые в 1913, в последний раз – в 1929. Как правило, это беглые упоминания, служащие для сопоставления или сравнения с объектом описания. Напр., в ст. «О природе слова»: «Где у Толстого, усвоившего в “Анне Карениной” психологическую мощь и конструктивность флоберовского романа...» (1. С. 219); в ст. «Меньшевики в Грузии»: «Мне вспомнился Флобер, мадам Бовари и департаментский праздник земледелия, классическое красноречие префектуры, запечатленное Флобером в этих провинциальных речах с завыванием, театральными повышениями и понижениями голоса...» (2. С. 317); в ст. «Потоки халтуры»: «За бульварный роман и за Флобера платят почти одинаково» (Там же. С. 511).

В рец. на «Парижские арабески» Ж. К. *Гюисманса* (1913) впервые появился мотив «столпничества»: «Не будучи Симеоном Столпником стиля, вроде Флобера, Гюисманс имел органический стиль» (1. С. 191).

В предисловии к рус. изданию «Кромдейра-старого» Ж. *Ромэна* на оппозицию «унанимисты – Флобер / Гонкуры» неявно проецируется одна из самых значимых для О. М. лит. оппозиций 1910-х гг. – «акмеисты – символисты». Характеризуя пару «Флобер / Гонкуры», О. М. акцентировал детали, к-рые акмеисты обычно соотносили с символистами: «Но мощные романисты девятнадцатого века совершали свою увлекательную работу, как хирурги-анатомы, с некоторым высокомерием: артистической брезгливостью, смешанной с любопытством» (Там же).

В «Письме тов. Кочину» (1929) О. М. в «доступной» форме разъяснял крест. писателю недостатки его романа – отсутствие фабулы, психологич. и соц. мотивировки героев, неразработанность образной системы, противопоставляя ему «два знаменитых романа: “Анну Каренину” Л. Н. Толстого и “Госпожу Бовари” французского писателя Флобера» (2. С. 528). Об этих же проблемах О. М. писал ранее – в ст. «Конец романа» (1922), причем также в связи с именем Ф.: «Романисты-психологи вроде Флобера и Гонкуров за счет фабулы уделяли все внимание психологическому обоснованию и блестяще справились с этой задачей, превратив вспомогательный прием в самодовлеющее искусство» (Там же. С. 272). Т. о., Ф., Л. Н. *Толстой* (как своего рода «русский Флобер») и Гонкуры (как франц. аналоги Ф.) отвечали в «упоминательной клавиатуре» О. М. за «искусство психологической мотивировки» (Там же) и «хорошую, интересную фабулу» (Там же. С. 530).

Др. важнейшую характеристику творчества Ф. – стиль – О. М. рассматривал в ст. «Девятнадцатый век» (1922), одно из гл. положений к-рой – «буддийское» влияние в европ. культуре. Вершиной западнич. «буддизма» в иск-ве, по мнению О. М., является аналитич. роман Гонкуров и Ф. Стиль Ф. – объективный, бесстрастный, безоценочный, внеличный – О. М. сравнивал с «поверхностью палисандрового дерева»: и то, и другое «может отобразить любой предмет» (Там же. С. 270). Ср. у Ф.: «...Форма сама по себе, отвлеченная от предмета <...> Душа художника должна быть как море – <...> чтобы звезды небесные отражались до самого ее дна» (Флобер Г. О литературе. С. 208). Внутр. форма «Госпожи Бовари», по О. М., – «японско-флоберовская аналитическая танка», т. е. «совершенная и замкнутая в себе и неподвижная композиция» (2. С. 269, 270). О. М. полагал,



Гюстав Флобер

что мучительно долгая (более 4,5 лет) работа над созданием романа связана с тем, что Ф. «через каждые пять слов <...> должен был начинать сначала» (Там же. С. 269). Косвенное подтверждение правоты О. М. находим в письмах Ф.: «Хорошая фраза в прозе должна быть, как хороший стих, – ее нельзя изменить, она столь же ритмична, столь же звучна <...> никто никогда не держал в уме более совершенный тип прозы...» (Флобер Г. О литературе. С. 201); «Я люблю фразу четкую и крепкую, такую, чтоб сама по себе стояла и в то же время двигалась...» (Там же. С. 193). Ср. замечание Гонкуров: «О книге он судит только после того, как читает ее вслух: есть в ней ритм или нет?» (Гонкуры Э. и Ж. Дневник: В 2 т. М., 1964. Т. 1. С. 306–307) – и Т. *Готье*: «Он слышит концы еще не написанных фраз, у него готовы интонации...» (Там же. С. 333). «Область совпадений» в статье О. М. и самопризнаниях Ф. действительно велика: так, называя танку «атомистическим искусством», О. М. продолжает эту мысль: «Она никак не относится к миру, потому что есть сама мир и постоянное внутреннее вихревое движение внутри атома» (2. С. 269). При этом можно говорить с достаточной долей уверенности, что О. М. не читал писем Ф. к Луизе Коле, где также возникал образ атома: «Автор в своем произведении должен быть подобен Богу во вселенной – вездесущ и невидим <...> Пусть во всех атомах <...> чувствуется скрытое беспредельное бесстрастие» (Флобер Г. О литературе. С. 235).

Имя Ф. появляется не только в прозе, но и в стихах О. М. Стих. «Аббат» [1915(1914?)] существует в двух вариантах (см.: 1. С. 110–12), совершенно самостоятельных и разительно непохожих. «Аббат» в своем печатном 3-строфном варианте («О, спутник вечного романа...») – это, предположительно, «Госпожа Бовари», сжатая до моносюжета про аббата Бурнизьена.

Зафиксировано и одно устное высказывание О. М. по поводу романа Ф. в 1925: «Как меня понял Флобер, ведь мадам Бовари – это я!» (Мандельштам в архиве Э. Ф. Голлербаха. С. 109). Прежде всего, нужно учитывать определ. «каламбурный» эффект, т. к. О. М. перефразировал приписываемые Ф. слова «Эмма Бовари – это я» [ср.: «“Бовари” <...> будет <...> итогом моих психологических исследований, и только с этой стороны будет иметь оригинальную ценность» (Флобер Г. О литературе. С. 197)]. Однако О. М., несомненно, вкладывал в это высказывание и самоценное содержание. Комментарий к нему м. б. следующим:

по-настоящему Эмма Бовари живет в мире своих иллюзий, там она верна, искренна, щедра, самоотверженна, прекрасна и т. д.; израсходовав все душевные и физич. силы на мечты, в реальном мире Эмма – плохая мать, неверная жена, расточительная хозяйка, лицемерная мещанка. Ср. записи Л. Я. *Гинзбург* об О. М.: «Он переместился туда (т. е. в свой труд. – *С. Д.*) всем, чем мог, – и в остатке оказалось черт знает что: скандалы, общественные суды. Люди жертвовали делу жизнью, здоровьем, свободой, карьерой, имуществом. Мандельштамовское юродство – жертва бытовым обликом человека. Это значит – ни одна частица волевого напряжения не истрачена вне поэтической работы. <...> Все ушло туда; и в быту остался чудак с неурегулированными желаниями, "сумасшедший"» (Гинзбург Л. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб., 2002. С. 120).

Наконец, имя Ф. встречается в стих. Ахматовой «Тень» (1940), обращенном к С. Н. Андрониковой-Гальперн (см. *Андроникова* С. Н.) и выстроенном как диалог с О. М., к-рый также посвятил Андрониковой стих. «Соломинка» (1916). Не называя имени героини, Ахматова отсылает к нему с помощью эпиграфа из черновой редакции стихотворения О. М. и ряда слов-знаков, одно из к-рых – «Флобер»: «Флобер, бессонница и поздняя сирень...» (Ахматова А. А. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 202), – они напоминают ей Андроникову-Гальперн. Ф. – автор «Иродиады», гл. героиней к-рой является Саломея. «Бессонница» – атрибут Саломеи-Соломинки у О. М.: «Когда, Соломинка, не спишь в огромной спальне / И ждешь, бессонная <...> В часы бессонницы предметы тяжелее». Т. о., имеет место градация намеков на имя – от более явного («Флобер») к менее явному («бессонница»).

Источники: Мандельштам в архиве Э. Ф. Голлербаха / публ. и предисл. Е. А. Голлербаха // Слово и судьба; Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой: В 3 т. М., 1997. Т. 3.

С. Ф. Данилова.

ФЛОРЕНСКИЙ Павел Александрович (о. Павел Флоренский) (9.1.1882, местечко Евлах Елизаветпольской губ. – 8.12.1937, Соловецкий лагерь особого назначения, Соловецкий о-в в Белом м.), религ. философ, богослов, ученый-математик. Окончил Моск. духовную академию (1908). Принял священство в 1911. С 1914 проф. Моск. духовной академии по кафедре истории философии, с 1921 преподавал во ВХУТЕМАСе, занимался науч.-исследоват. работой в системе Главэлектро ВСНХ, редактировал Технич. энциклопедию. В 1928 выслан в Ниж. Новгород, по ходатайству Е. П. Пешковой освобожден; в февр. 1933 вновь арестован и в июле осужден на 10 лет по ст. 58 п. 10 и 11 («Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти... а равно и распространение или изготовление литературы того же содержания») и отправлен в вост.-сибирский лагерь «Свободный» (БАМЛАГ). В 1933–34 работал на мерзлотной науч.-исследоват. станции, где получил ценные результаты. Ходатайство пр-ва Чехословакии в 1934 об освобождении Ф. и переезде его с семьей в Чехословакию пр-во СССР отклонило. В 1935 Ф. был отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН), где сделал ряд науч. открытий на Соловецком заводе йодной промышленности. В нояб. вторично осужден «тройкой» УНКВД по Ленингр. обл. и расстрелян. Реабилитирован посмертно в 1958.

Наиб значит. труды Ф. – «Столп и утверждение истины» (1913), «Очерки философии культа» (1918–22), «Иконостас» (1922), «Мнимости в геометрии» (1922) и др. В своих воззрениях близок по ряду вопросов к философии всеединства. В области христ. филос. апологетики разработал систему теодицеи (оправдание Бога) и антроподицеи (оправдание человека). Одной из центральных в философии Ф. является идея Софии – Премудрости Божией, понятой как особый многозначный символ, позволяющий раскрыть связь целостного бытия с Христом.

О. М. глубоко чтил не только философию, но и личность Ф. Так, по восп. Н. Я. *Мандельштам*, «в Киев в девятнадцатом году он приехал с Флоренским ("Столп и утверждение Истины"). Видимо, там его поразили страницы о сомнении, потому что он не раз именно так говорил о сомнении, не называя, впрочем, источника» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 319). По-видимому, имеется в виду концепция сомнения как остановки в суждении (греч. принцип «эпохе́»), выраженная в: «Письмо второе: Сомнение» («Столп и утверждение истины»), – ср. у О. М.: «Звук острожный и глухой...» (1908), «Есть целомудренные чары...» (1909), «Silentium» (1910), «Слух чуткий парус напрягает...» (1910). Образы «тишины», «пустоты», найденные в ранней поэзии О. М., при чтении Ф. получили для поэта филос. обоснование. «Закон тождества есть дух смерти, пустоты и ничтожества», – писал Ф. [Флоренский. Столп и утверждение истины (I). С. 27], утверждая при этом, что жизнь не является тождественной сама себе и поэтому не укладывается в рамки разума.

Важно также, что свое понимание Ф. основывал, в частности, на принципе др.-греч. философии, близкой О. М. Однако философ сообщил термину, прежде всего, христ. окраску, лишь подтверждая его греч. аналогом, – это также не могло не остаться без внимания О. М., принявшего христианство. В этом контексте «интеллектуальные кризисы, борьба веры и безверия, сомнения, которые Мандельштам называл адом (по Флоренскому?), таили в себе больше опасности для Мандельштама, чем жизненные коллизии» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 271).

Для *акмеизма* как худож. явления и, в частности, для О. М. важна трактовка Ф. осн. понятия «акме», к-рое применимо к жизни человека, культуре и выражает «наибольшую полноту сил, телесных и душевных... наибольшую гармонию личности, наиболее пышное и цельное раскрытие ее возможностей» (Флоренский П. А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. М., 1993. С. 200; см. об этом: Кихней Л. Г. Акмеизм: Миропонимание и поэтика. М., 2001). Вообще же понимание энергийной природы слова (ср.: «Слово-Логос», «Слово-Психея») у О. М. близко к трактовке Ф.

«Столп и утверждение истины» Ф. построен как ряд обращений к ушедшему другу, близость с к-рым подчеркивается неизменным «ты» и утверждением, что любящие друг друга люди сливаются в Одном (во Христе). Это проявляется в требовании О. М. к жене говорить ему «ты», что демонстрировало особую близость между ними и расходилось с принятым в нач. 20 в. обычаем; ср.: «Девчонок, кото-

Павел Александрович Флоренский

рым я говорю “ты”, а они мне “вы”, будет сколько угодно, а ты – мое “ты”... Сейчас я думаю, что “мое ты” появилось не без Флоренского» (Н. М. С. 145).

Важность концепта «тела», «телесного», «телесности» для О. М. (ср. «Дано мне тело – что мне делать с ним...», 1909) также находит отражение в тексте «Столпа и утверждения истины» (ср. «Письмо Девятое: Тварь»). С этим связана в поэтике О. М. «ориентация на зрение или осязание в качестве первичного... языка переживания», к-рая «определяет глубинные особенности поэтической реальности» (Ф а у с т о в. С. 234).

Личность Ф. воспринималась О. М. не столько как воплощение филос. знания, сколько как символ принадлежности к высокой культуре и интеллигенции, «четвертому сословью» [ср., напр., «Полночь в Москве» («Роскошно буддийское лето...»), 1931, и др.]. «Последним “мужем совета” для Мандельштама был Флоренский, и весть об его аресте и последующем уничтожении он принял как полное крушение и катастрофу» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 88). Слово «последний» здесь употреблено в букв. Смысле: к 1937 ни А. А. *Блока*, ни Н. С. *Гумилёва*, ни др. знаковых для поэта людей не осталось в живых.

Мн. совр. ему проблемы еврейства О. М. осмысливал сквозь призму понимания как Ф., так и В. В. *Розанова*, писавших о прилипчивом, устойчивом влиянии иудейства. Возможно, именно с этим связаны определения «юдаизма» в «Шуме времени» О. М. (см.: К а ц и с. С. 267, 333). Также в «Шуме времени» и в «Египетской марке» оказывается актуальной и тема зависимости христ. культуры от евр. традиции (см.: Там же. С. 56).

В «Стихах о неизвестном солдате» образ «Океан без окна – вещество» также является отсылкой к миропониманию Ф., а именно – критики Ф. Лейбница. «Вещество» в «земляных крепостях» (фортификациях, ставших братскими могилами) представлено как некий океан отравляющих газов, использованных для массового уничтожения, и в то же время как океан бесчисленных человеч. «я», монад, несших в своем внутр. существе «яд Вердена» и павших жертвой его. Для Лейбница, по Ф., «“монады не имеют окон или дверей”, через которые бы совершалось реальное взаимодействие в любви; поэтому, обреченные на самозамкнутость онтологического эгоизма и чисто-внутренние состояния, они любят только иллюзорно, не выходя из себя посредством любви» [Ф л о р е н с к и й П. А. Столп и утверждение истины (I). С. 76]. Образ землянки «без окон, без дверей» у О. М. сходен как с монадой Лейбница, так и с избушкой на курьих ножках в «Руслане и Людмиле» (см.: Р о н е н О. Поэтика Осипа Мандельштама. СПб., 2002. С. 109) и с рус. нар. загадкой.

Влияние Ф. на О. М. в целом может быть охарактеризовано не как религиозное, а как культурное и даже специфически философское. Т. о., осн. идея Ф. – религ. слияния человека с Христом («столп») – оказывается для поэта значительно менее актуальной, чем процесс «утверждения», мышления и сомнения. Переживая в нач. 1910-х гг. увлечение проблематикой зап. культуры, О. М. воспринял философию Ф. как связующее звено с зап. философией (Лейбниц).

С о ч.: Столп и утверждение истины (I). М., 1990.

Источники: Н. Я. Мандельштам. Т. 1–2.

Лит.: Ф а у с т о в А. А. Миф как зрение и осязание: Введение в художественную онтологию Мандельштама // «Отдай меня, Воронеж...»; Ш и к м а н А. П. Деятели отечественной истории: Биографический справочник. М., 1997; К а ц и с Л. Ф. Осип Мандельштам: мускус иудейства. Иерусалим; М., 2002; Р о н е н О. Поэтика Осипа Мандельштама. СПб., 2002.

О. Г. Самойлова.

ФОЛЬКЛОР, в индивидуальном худож. мире О. М. видовая и жанровая система, формируемая посредством комбинации собственно фольк. и маргинальных лит. (в широком смысле слова) текстов и их структурно-семантич. признаков.

Первые науч. сведения о зап.-европ. Ф. О. М. мог получить во 2-й пол. 1900-х гг. во время обучения в *Сорбонне* (где он посещал лекции одного из ведущих европ. медиевистов Ж. *Бедье*) и *Гейдельбергском университете* (где О. М., в частности, прослушал 3 курса Г. *Неймана* по истории ср.-век. франц. поэзии). Эти знания, несомненно, сказались позднее, когда О. М. в нач. 1920-х гг. переводил фрагменты старо-франц. эпоса (см. ст. *Переводы*). Близкое знакомство О. М. с рус. (вост.-слав., слав.) Ф. могло состояться во время его обучения в *Санкт-Петербургском университете*, но свидетельств теоретич. или худож. обращения О. М. к Ф. в этот период не существует. По свидетельству Н. Я. *Мандельштам* известно о мандельшт. обращении в 1930-е гг. к «русским и славянским песням в разных собраниях – Киреевского, Рыбникова» (Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 330). Определ. интерес О. М. к Ф. в воронежский период мог стимулировать общавшийся с ним моск. филолог П. И. *Калецкий*, преподававший в это время в Воронежском пед. ин-те, в частности, Ф. и работавший над дис., посв. рус. ист. песням 16–18 вв. По письмам С. Б. *Рудакова* известно о мандельшт. планах написания книги о Ф.: 27.9.1935 он в связи с О. М. упоминал «писание проспекта к фольклорной книге (для аванса)», а 30.9.1935 сообщал жене, что О. М. «все пытается писать проспект фольклорной книги – у меня советы выспрашивает» (Мандельштам в письмах Рудакова. С. 87, 88).

Разрозненные замечания в самых разных текстах позволяют отчасти реконструировать отд. аспекты мандельшт. представлений о Ф.

Гл. дифференц. признаком Ф. для О. М., безусловно, являлась его фабульность, сюжетность, что явно выражено в полемич. заметке «Веер герцогини» (1928–29), где он от-

мечал сюжетно-фабульное строение, к-рому «учит еще народная сказка об Иване-дураке» (Собр. соч.-2. Т. 2. С. 500). Эта характеристика в развернутой форме повторилась в ст. «Литературная Москва. Рождение фабулы» (1922), где О. М. применительно к совр. ему прозаикам писал: «Водораздел быта и фольклора очень серьезный. <...> Быт – куриная слепота к вещам. Фольклор – сознательное закрепление, накопление языкового и этнографического материала <...>, рождение сюжета <...>, и во всякой фольклорной записи фабула присутствует утробно» (Там же. С. 263). Понятие Ф. распространялось О. М. (с сохранением фиксации фабульного начала) и на «малые», маргинальные жанры лит-ры: «На нас идет фольклор прожорливой гусеницей. Кишащими стаями ползет саранча наблюдений, замет, примечаний, словечек, кавычек, <...> в литературе узаконен черед фабулы и фольклора, и фольклор родит фабулу <...>. Но как период накопления <...>, он предшествовал расцвету всякой фабулы. И <...> оставался в частных письмах, в преданиях домашних рассказчиков, в отчасти опубликованных дневниках и мемуарах, в прошениях и канцелярских реляциях, в судебных протоколах и вывесках» (Там же. С. 264). Предельно отчетливо включение в понятие Ф. маргинальных лит. текстов выражено в одном из неоконч. набросков к документальной книге о деревне (1935), где О. М. акцентирует устную и, как следствие, трансформационную природу Ф.: «Мы привыкли называть фольклором – установившееся и отстоявшееся и до сих пор почти не фиксировали <...> подвижных изустных форм рассказа о современности...» (3. С. 424).

В своих критич. работах О. М. постоянно использовал жанровые и формальные признаки фольк. текстов для характеристики текстов художественных. Так, уже в рец. 1913 на кн. стихов П. М. Кокорина «Музыка рифмы» (1913) он отметил, что поэтич. ритм автора «находится в полном согласии с дыханием, как народная песня»; ср. в ст. «Письмо о русской поэзии» (1922): «Клюев народен потому, что в нем сживается ямбический дух Боратынского с вещим напевом неграмотного олонецкого сказителя» (1. С. 194; 2. С. 238–239). В ст. «А. Блок» (1922) О. М. определил поэму А. А. *Блока* «Двенадцать» как «применение <...> ранее существовавшего литературного канона, а именно частушки», и отметил, что «сила “Двенадцати” <...> в самом материале, почерпнутом непосредственно из фольклора <...>, поэма “Двенадцать” бессмертна, как фольклор» (2. С. 255). При этом и здесь прослеживается связь мандельшт. представлений о Ф. с лит. текстами: «Фольклористическая ценность “Двенадцати” напоминает разговоры младших персонажей в “Войне и мире”» (Там же). В ст. «Буря и натиск» (1922–1923), характеризуя поэтику А. А. *Ахматовой*, О. М. использовал специфич. фольк. прием параллелизма (подразумевая его «контрастный» вариант), связываемый им с нар. песней: «В ее стихах отнюдь не психологическая изломанность, а типический параллелизм народной песни с его яркой асимметрией двух смежных тезисов <...>. Стихи ее близки к народной песне <...>, являясь всегда, неизменно “причитаниями”» (Там же. С. 295). В этой же статье отмечено и фольк. начало в рус. футуризме и «крестьянской поэзии»: «Футуризм весь в провинциализмах, в удельном буйстве, в фольклорной и этнографической разноголосице. <...> Сила и меткость языка сближают Маяковского с традиционным балаганным раешником. И Хлебников, и Маяковский настолько народны, что, казалось бы, народничеству, то есть грубо подслащенному фольклору, рядом с ними нет места. Однако он продолжает существовать в поэзии Есенина и отчасти Клюева» (Там же. С. 295–297). В заметке «Литературная Москва. Рождение фабулы» О. М напрямую связывает с Ф. творчество *«Серапионовых братьев»*: «Все различия серапионовцев – Пильняка, Замятина, Пришвина, Козырева и Никитина следует простить за объединяющий их общий фольклорный признак, залог жизненности. Все они, как подлинные дети фольклора, сбиваются на анекдот» (Там же. С. 264). В кинорец. «Шпигун» (1929) упомянута «фольклорная троичность» – три ряда повторений, к-рые определены как осн. закон сказочности. По мнению О. М., автор рецензируемого к/ф «сам не заметил, как вступил на путь сказки, <...> он находится на несомненной фольклорной дорожке, с ее кружением вокруг одной неподвижной точки, с ее повторами, с ее здоровым лукавством» (Там же. С. 506). В черновых набросках к «Путешествию в Армению» (1931–32) фигурирует «“Рост” – <...> фольклорный дурень, плачущий на свадьбе и смеющийся на похоронах» (3. С. 381).

Хотя современники (в частности, Ахматова; см.: Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 734–735) отмечали в творчестве О. М. активное использование Ф., произведений, прямо ориентированных на воспроизведение фольк. стилистики или явно использующих фольк. сюжеты и мотивы, в мандельшт. худож. мире нет. Исключением лишь отчасти можно считать стихи «Сегодня ночью, не солгу...» (1925) и «Неправда» («Я с дымящей лучиной вхожу...», 1931), сюжетный строй к-рых сопоставим с ситуацией посещения «лесного дома» (избушки яги) в волшебной сказке: см. как, возможно, опосредующее: «В стеклянные дворцы на курьих ножках / Я даже тенью легкой не войду» (Собр.соч.-2. Т. 3. С. 60); ср.: Струве Н. Осип Мандельштам. Томск, 1992. С. 56. По наблюдению О. Ронена, 2-я строфа стих. «Возьми на радость из моих ладоней...» (1920), построенная на троекратном отрицании, обнаруживает сходство с 3-членными рус. загадками, основывающимися на аналогич. лексико-семантич. конструкциях (см.: Р о н е н О. Лексический повтор, подтекст и смысл в поэтике О. Мандельштама // «Сохрани мою речь»-3(1). С. 250). Редуцированные фольк. мотивы прослеживаются в стих. «День стоял о пяти головах. Сплошные пять суток...» (1935), нач. строка к-рого ассоциируется со сказочным образом Змея-Горыныча, а далее появляется образ сухомятной рус. сказки; по свидетельству Рудакова, известен мандельшт. комментарий этого текста, к-рый, в частности, «говорит о русском фольклоре, о сказке» (Мандельштам в письмах Рудакова. С. 56–57). Можно только предполагать, что мотив «войны деревьев» в третьем из «Стихов о русской поэзии» («Полюбил я лес прекрасный...», 1932) является переосмысл. формой известного сказочного сюжета о войне грибов.

Значительно чаще речь может идти об использовании О. М. отд. фразеологич. формул, связанных с Ф. [типа: «Тянули жилы, жили-были»; «обиженный хозяин / Ходит-бродит в русских сапогах» (3. С. 87, 88) и т. п.], и имен собственных, к-рые в большей степени наследуются из культурной, нежели непосредственно из фольк. традиции: Ванька-встанька и Степка-растрепка (в кинорец. «Шпигун»), Иван-дурак (в «Веере герцогини», «Путешествии в Армению»), Садко (в стих. «Из-за домов, из-за лесов...»,

1935), Кащей (в стих. «Оттого все неудачи...», 1936), Ванька-ключник [в стих. «Я живу на важных огородах...», 1935; ср.: «варианты “Ваньки-ключника” Мандельштам знал и помнил по собранию Киреевского» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 758)]. Встречаются в мандельшт. текстах и отд. «анонимные» фольк. персонажи (но их присутствие не носит систематич. характера): «Время – царственный подпасок – / Ловит слово-колобок» (при этом для данного образа нельзя не учитывать потенциальные ассоциативные связи с мандельшт. псевдонимом 1920-х гг. «Колобов»); «русалка <...> / Зеленоглазая в морской траве» (с учетом возможных лит. источников ср.: «в гости водяная дева / К часовщику подземному пришла»); «бесенок в мокрой шерстке» (2. С. 38; 1. С. 81; 3. С. 39, 109) [последний образ, впрочем, может относиться и к «Сказке о попе и о работнике его Балде» А. С. *Пушкина*; см.: Ronen O. An Approach to Mandel'stam. Jerusalem, 1983. P. 80; близкая ситуация присутствует в стих. «Рояль» («Как парламент, жующий фронду...», 1931), где фигурирует образ Конька-горбунка (см.: 3. С. 49), ассоциирующийся и с одноим. сказкой П. П. Ершова].

Еще один аспект восприятия Ф. связан с его специфич. вост.-слав. формой – *лубком*, причем О. М. упоминает все его типы: лубочный роман («лубочный / Роман красавицы графини»; «роман лубка выше Свентицкого»), лубочный театр (при характеристике спектакля театра *«Березиль»*, в к-ром «есть “живые картины”, великолепные, как старый украинский лубок») и лубочные изображения («веялка, <...> размалеванная, как обклеенный лубками органчик») (1. С. 91; 2. С. 329, 440; 3. С. 427).

В худож. мире О. М. устойчиво прослеживается прямое и косв. обращение к Ф. кавк. народов. В 1921 он перевел фрагменты основанных на груз. фольк. материале поэм В. Пшавелы, при этом мандельшт. перевод совершенно явно использует нек-рые формальные признаки рус. былины; ср.: «Образность его поэм, почти средневековых в своем эпическом величии, почти стихийна» (2. С. 235); ср.: Фрейдин Ю. Л. От подстрочника к окончательному тексту // Поэтика и текстология. С. 113; более широкий контекст см. в: Нерлер П., Никитаев А. Комментарии // Собр. соч.-2. Т. 2. С. 611. Финал главы «Аштарак» «Путешествия в Армению» воспроизводит заключит. формулу армян. сказок: «С неба упало три яблока: первое тому, кто рассказывал, второе тому, кто слушал, третье тому, кто понял. Так кончается большинство армянских сказок» (Собр. соч.-2. Т. 3. С. 208); в действительности финальная часть формулы обращена «ко всему свету» (сказка «Гранатовое зернышко»), «ко всем остальным» (сказка «Сестра и семеро братьев»). В черновых набросках к этому же произведению О. М. упоминает поразивший его «древний обряд погребального плача» и образно описывает абхазские народные песни, к-рые «удивительно передают верховую езду» (Там же. С. 382). С. И. *Липкин* (Липкин С. И. «Угль, пылающий огнем...» // 3. С. 11) в своих достоверных мемуарах воспроизвел со слов О. М. рассказанную ему в Армении легенду о гончаре. В рец. на «Дагестанскую антологию» (1935) дана метафорич. характеристика дагест. нар. творчества, к-рому «свойственна энергия и узорность, сближающая поэтов с златокузнецами – оружейниками. – Каждой насечке узора соответствует удар, искра. Слово в горской песне берется в тиски для выпрямления, скребком очищается от окалины, куется на подвижной наковальне»; ср. предвосхищающее эту образность определение армян. языка в «обращении» к Армении: «язык твой зловещий, / <...> Где буквы – кузнечные клещи / И каждое слово – скоба...» (Там же. С. 261, 36).

Переднеазиат. и закавк. мифологич. и фольк. параллели были предложены в качестве подтекстов для стих. «Внутри горы бездействует кумир...» (1937) [см.: Мейлах М. Б. «Внутри горы бездействует кумир...»: (К сталинской теме в поэзии Мандельштама) // ЖиТМ]. В аналогич. этнокультурном контексте проявляется ближневост. Ф., как, напр., в «Разговоре о Данте» (1933) при характеристике XVII песни «Inferno», когда О. М. метафорически оперирует «восточным орнаментом, поворачивающим материю песни к арабской сказке с ее техникой летающего ковра»; близкая метафорика используется там же при «органическом комментировании» дантовской поэтики: «Камень – <...> алладинова лампа, проницающая геологический сумрак будущих времен» (Там же. С. 233, 256). В данном контексте, очевидно, должна рассматриваться и «соната джина» из стих. «Рояль» (см.: Там же. С. 50).

Отд. линией выделяется в мандельшт. творчестве восприятие евр. Ф., как правило, фиксируемого на стыке с иными традициями – русской [как в изображении одного из героев «Шума времени» (1923–24), к-рый «совмещал в себе еврейского фольклориста с Глебом Успенским и Чеховым. <...> Русско-еврейский фольклор Семена Акимыча <...> лился густой медовой струей»] или французской [при характеристике во внутр. рец. книги А. Люнеля «Николо-Пеккави (1926–27)»: «Начало книги <...> увлекает интересным еврейско-провансальским фольклором» (2. С. 381, 585)]. Симптоматично, что в набросках к «Путешествию в Армению» для метафорич. передачи межнац. этнокультурного «синтеза» О. М. использовал именно фольк. начало и так писал «о собирателе абхазских народных песен» К. В. Коваче: «Еврей по происхождению и совсем не горец, не кавказец, он обстругал себя <...> под головореза. <...> Я полюбил его за хвастливую языческую свежесть» (3. С. 382). [Возможно, его своеобразным худож. «продолжением» стал фигурирующий в радиокомпозиции «Молодость Гёте» (1935) второстепенный персонаж – «собиратель народных песен – поэт и мыслитель Гердер», формулирующий важнейший для О. М. тезис о единстве содержат. и выразит. уровней поэтич. текста (что возвращает к положению об определ. близости Ф. и лит-ры): «Мысль и слово, чувство и выражение неотделимы друг от друга при расторжении» (Там же. С. 295).]

Лит.: Шиндин С. Г. Стихотворение Мандельштама «Сегодня ночью, не солгу...»: опыт «культурологической» интерпретации // Натура и культура: Славянский мир. М., 1997; Ronen O. Mandel'stam's «Кащей» // Studies Presented to Professor Roman Jakobson by his Students. Camb. (Mass.), 1968.

С. Г. Шиндин.

ФРАНС (франц. France) Анатоль [наст. фам. и имя Тибо (франц. Thibault) Анатоль Франсуа] (16.4.1844, Париж – 12.10.1924, Сен-Сир-сюр-Луар), франц. прозаик, критик, публицист. Неоднократно упоминается в статьях, рецензиях, прозе О. М. [внутр. рец. на книгу Ж. *Дюамеля* «Сердечная география Европы» (3. С. 370; предисл. к кн. Лефевра Сент-Огана «Тудиш» (2. С. 424–27); <«Потоки халтуры»> (Там же. С. 509); рец. на перевод кн. Ж. Жироду «Эльпе-

нор» (Там же. С. 591); письмо к Н. М. от 9.3.1926 (4. С. 76); «Египетская марка» (2. С. 476)] как блестящий стилист, непревзойденный прозаик, один из «перворазрядных творцов и законодателей французской литературы» (3. С. 370), у к-рого учились лучшие писатели-реалисты следующего поколения: «Воссоздавать прошедшее не путем ложной идеализации, а глазами и устами подлинного современника, изнутри его сознания, его средствами, психикой и языком, Лефевра Сент-Огана научил Анатоль Франс» (2. С. 424). Или: «Такой прозы Франция не видела со времен лучших вещей Франса» (Там же. С. 591). В письмах и прозе О. М. имя Ф., даже упомянутое вскользь, как часть сравнения, всегда обозначает высшую степень мастерства, заслуживающую глубочайшего уважения. На оценку О. М. прозы Ф., вероятно, повлияло высокое мнение о ней Н. С. *Гумилева*, известное О. М. (см.: Л у к н и ц к и й П. Н. Встречи с Анной Ахматовой. Т. 1. Р., 1991. С. 106).

Имя Ф. встречается в «Четвертой прозе» О. М. (3. С. 168) в связи с тем, что персонаж «Четвертой прозы», И. Б. *Мандельштам*, перевел книгу секретаря франц. писателя – Жана-Жака Бруссона «Анатоль Франс в туфлях и халате» (Л., 1925; и др.). Назв. этой книги обыгрывается также в шуточном стих. О. М., адресованном М. М. Шкапской, «Из антологии античной глупости»: «Кто бы мог угадать – как легковерна Мария? // Пяста в Бруссоны возьми – Франс без халата сбежит» (Собр. соч.-2. Т. 1. С. 158).

Лит.: Б р у с с о н Ж.-Ж. Анатоль Франс в туфлях и халате / пер. с франц. И. Б. Мандельштама. Л., 1925 (издавалась неоднократно).

А. Н. Анисова.

ФРАНЦУЗСКАЯ ЖИВОПИСЬ конца 19 – начала 20 в., условное назв., объединяющее в восприятии О. М. творчество ряда франц. художников последней четверти 19–1-й четверти 20 в., к-рое поэт и его современники осознавали как новаторское и во многом единое в стилистич. и мировоззренч. отношении направление, антитетичное традиционной европ. реалистич. живописи. В круг Ф. ж. для О. М. входили представители импрессионизма (К. Моне, К. Писсарро, О. Ренуар), нео- и постимпрессионизма, художники, генетически связанные с этими течениями (В. ван Гог, П. Гоген, А. Матисс, П. Сезанн, П. Синьяк), а также представители кубизма и пуризма и др. (П. Пикассо, А. Озанфан).

В России работы представителей Ф. ж. получили широкую известность на рубеже 19–20 вв. благодаря частным собраниям И. А. Морозова и С. И. Щукина. В кон. 1918 обе коллекции были национализированы гос-вом и на их основе открылись 1-й и 2-й Музеи новой зап. живописи (Москва), в 1922–28 постепенно объединенные в Гос. музей нового зап. иск-ва (ГМНЗИ) (см.: Каталог Государственного музея нового западного искусства. М., 1928). Богатейшее собрание музея после его ликвидации в 1948 было поделено между Гос. Эрмитажем (ГЭ) и Гос. музеем изобразит. иск-в им. А. С. Пушкина (ГМИИ).

Активными популяризаторами разл. направлений Ф. ж. в отеч. культуре были представители разнообр. худож. направлений, с к-рыми в разные периоды жизни общался О. М., – Н. И. *Альтман*, М. А. *Волошин*, А. В. *Луначарский*, Н. Н. *Пунин* и др.

Близкое знакомство О. М. с Ф. ж. могло состояться еще во время его пребывания в *Париже* осенью 1907 – весной 1908. Гипотетич. подтверждением этого может служить стих. «Я пью за военные астры...» (1931), где в соответствующем контексте упоминается «масло парижских картин» (Собр. соч-2. Т. 3. С. 49), однако прямые и косв. следы интереса О. М. к франц. художникам обнаруживаются только с нач. 1930-х гг. Текстуально они отразились в главе с характерным назв. «Французы» и ряде фрагментов (в т. ч. и черновых) «Путешествия в Армению» (1931–32) и стих. «Импрессионизм» (1932); реальной основой этих текстов стали впечатления от обширной коллекции Ф. ж. в ГМНЗИ. Как вспоминал современник, именно в этот период на выступлении 3.4.1933 в Моск. клубе художников О. М. упомянул «свою любовь к французским художникам» (Г о р н у н г Л. В. Немного воспоминаний об О. Мандельштаме // ЖиТМ. С. 32). Устойчивый интерес О. М. к Ф. ж. характерен для времени его пребывания в *Воронеже*, что отразилось в его письме Н. Я. *Мандельштам* от 26.4.1937: «Надик, ты кроме дел в Москве живи. Смотри картины. Все, что я хочу видеть, – ты смотри» (Собр. соч-2. Т. 4. С. 188). В своих мемуарах Н. М. отмечала: «“Если мне суждено вернуться, – часто повторял в Воронеже О. М., – я сразу пойду к «французам»”»; оказавшись после возвращения из Воронежа в Москве, они с О. М. «свалили среди комнаты вещи и сразу пошли к “французам”, в маленький музей на улице Кропоткина» (Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 305).

По свидетельству мемуариста, среди книг, «привезенных из Москвы, были альбомы импрессионистов» (Ш т е м п е л ь Н. Е. <Встречи с О. Мандельштамом> // О. и Н. Мандельштамы. С. 261); речь, вероятно, идет об издании: Музей нового западного искусства. М., б. г. <не ранее 1935>, – хранившемся в б-ке О. М.; см.: Ф р е й д и н Ю. Л. «Остаток книг»: Библиотека О. Э. Мандельштама // Слово и судьба. С. 238. По мнению совр. исследователей (см.: Л е к м а н о в О. А., М е ц А. Г., Т о д е с Е. А. Комментарии // Материалы о Мандельштаме. С. 137), возможно, этот альбом был 5.2.1936 привезен А. А. *Ахматовой* в Воронеж в подарок О. М. от Л. К. Наппельбаум (художницы, жены М. С. *Наппельбаума*). Такое же издание, очевидно, было прислано М. В. *Юдиной*; однако О. М. отчетливо ощущал «вторичный» характер репродукций по отношению к их живописным источникам: «Марья Вениаминовна Юдина заметила, как О. М. скучает по французской живописи: когда она приезжала в Воронеж, он не забывал о них, даже когда она ему играла. Чтобы утешить его, она прислала ему только что выпущенный музеем альбом. Все же репродукции, да еще довольно дрянные, это не подлинники, и они только раздразнили О. М.» (Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 305).

Интерес О. М. к Ф. ж. мог быть стимулирован и худож. интересами Н. М. – в своих мемуарах она вспоминала: «Мою любовь к живописи, очевидно неискоренимую, он сразу забрал себе» (Там же. Т. 2. С. 251). По свидетельству С. Б. *Рудакова* в письме к жене от 2.11.1935, во время беседы с его знакомым художником-любителем Л. И. Богомоловым Н. М. «стала ему показывать Ван-Гогов и говорить, что нужно этакое в кончиках пальцев иметь» (Мандельштам в письмах Рудакова. С. 100). Во время первого визита Н. Е. *Штемпель* к О. М. в нач. сент. 1936 Н. М. «подарила

альбом французских импрессионистов». «Перед этим мы разговаривали о них, и оказалось, что и я и она их очень любим», – вспоминала Штемпель (Штемпель. С. 26). Др. вероятным источником активизации интереса к Ф. ж. могло стать знакомство и общение О. М. с Б. С. *Кузиным*: «импрессионистическая тема» впервые вводится в связанной с ним гл. «Москва» «Путешествия в Армению», где О. М. упоминал «оборванную книжку Синьяка в защиту импрессионизма», в к-рой автор «трубил в кавалерийский рожок последний зрелый сбор импрессионистов» (3. С. 185–186) – кн. «От Эж. Делакруа к неоимпрессионизму» (1899; рус. пер.: М., 1913). Эту книгу О. М. прямо ассоциировал с науч. занятиями Кузина: «При первых же звуках этой <...> теории я почувствовал дрожь новизны <...> За всю мою долгую жизнь я видел не больше, чем шелковичный червь» (Собр. соч.-2. Т. 3. С. 186), – а восприятие живописных полотен далее изображал в «биологических» терминах (аккомодация, апперцепция, внутр. секреция, кислотные реакции). Характерно, что неоднократные упоминания о Ф. ж. в прямом соположении с личностью О. М. присутствуют в переписке Н. М. с Кузиным (к-рому она регулярно посылала издания, посв. Ф. ж.); см., напр., ее письмо от 18.1.1939: «Я успела выслать вам маленького Матисса. <...> Сезанна – увы – не достать. Марке, по-моему, хороший. А Моне (и Мане) сколько бы ни было – всегда мало» (Кузин – Н. М. С. 559).

Содержащееся в гл. «Французы» «Путешествия в Армению» описание просмотра экспозиции Ф. ж. в ГМНЗИ позволяет с достаточной степенью достоверности определить картины, оказавшие наиб. сильное впечатление на О. М. и нашедшие свое худож. отражение в его творчестве. Ряд работ были атрибутированы совр. комментаторами абсолютно точно (см.: Харджиев Н. И. Примечания // Стих. 1973. С. 292; Михайлов А. Д., Нерлер П. М. Комментарии // Соч. Т. 1. С. 522; 2. С. 430–431) – это «Сирень на солнце» Моне (1873, ГМИИ), три полотна Писсарро, «Ночное кафе» ван Гога (1888; продана за рубеж в 1933, в наст. время – Музей Йельского ун-та, США), работы Пикассо «Старый еврей с мальчиком» (1903, ГМИИ) и Озанфана «Графика на черном фоне» (1928, ГМИИ). Значительно большее количество картин скрыто за предельно эмоц. образным описанием (атрибуция нек-рых из них, построенная в осн. на метафорич. осмыслении мандельшт. текста, была предложена А. Флакером).

Так, именование Сезанна: «Лучший желудь французских лесов» (3. С. 198), – может быть связано с его полотнами 1875–90, центр. место на к-рых занимает изображение деревьев, фрагментов лесов, парков и аллей: «Дорога в Понтуазе», «Деревья в парке (Жа де Буффан)», «Акведук», «Берега Марны», «Мост над прудом» (все – ГМИИ); «Берега Марны (Вилла на берегу реки)» (ГЭ). Метафорич. упоминание в связи с Сезанном образа стола [«Его живопись заверена у деревенского нотариуса на дубовом столе» (Там же)], возможно, мотивировано картинами 1895–1900 «Мужчина, курящий трубку» (ГМИИ) и, в меньшей степени, «Курильщик» (ГЭ), герои к-рых опираются на простой массивный стол. Описываемый О. М. натюрморт: «Розы, плотные и укатанные, особенно молодые чайные <...> – катышки желтоватого сливочного мороженого» (Там же), – явно подразумевает картину Сезанна «Цветы» (ок. 1900, ГМИИ; ср.: Флакер. С. 172), композиц. основу правой части к-рой составляет изображение нераскрытых (круглых) бутонов чайных роз.

Характеристика живописи Матисса основана на фиксации колористич. доминанты его произведений: «Красная краска его холстов шипит содой. <...> Его могущественная кисть не исцеляет зрения, но бычью силу ему придает, так что глаз наливается кровью» (3. С. 198). Основой для такого восприятия могли стать как картины с исключит. преобладанием красного колорита [«Вид Коллиура» (ок. 1905, ГЭ) и «Красная комната» («Гармония в красном. Десерт», 1908–09, ГЭ)], так и работы, фрагменты к-рых, выполненные в красных тонах, составляют композиц. каркас картины (в частности, «Семейный портрет», 1911, ГЭ, и два декоративных панно «Танец» и «Музыка», оба – 1910, ГЭ). Употребляемое в адрес Матисса восклицание: «Уж эти мне ковровые шахматы и одалиски! – Шахские прихоти парижского мэтра!» (Там же), – навеяно, вероятно, работой «Семейный портрет», на к-рой, в частности, изображена игра в шашки (причем в перспективе картины шахматная доска расположена ближе всего к зрителю), а композиц. «фундаментом» в целом выступает персидский ковер. [Ср.: «основную часть картины занимает ковер, но и все остальное трактуется как ковер» (Терновец Б. Н. <Аннотации> // Музей нового западного искусства. М., б. г. Репр. XXIII). Ковер является основой и др. работы Матисса – натюрморта «Статуэтка и ваза на восточном ковре» (1908, ГМИИ), также выдержанного в доминирующих красных цветах; см.: Флакер. С. 173]. Именование Матисса «художником богачей» может подразумевать как особую любовь к его живописи Щукина, так и довольно высокую, по сравнению с работами др. совр. художников, цену произведений Матисса.

Фрагмент о живописи ван Гога: «А его огородные кондукторские пейзажи! С них только что смахнули мокрой тряпкой сажу пригородных поездов» (3. С. 199), – мотивирован, очевидно, работой «Пейзаж в Овере после дождя» (1890, ГМИИ; см.: Флакер. С. 173), на заднем плане к-рой за ярким сел. пейзажем изображен ж.-д. состав, моделирующий горизонтальную композиц. основу полотна. [Интересна в этой связи явная метафорич. контаминация изобразит. ряда данной картины с содержат. строем одной из подглавок мандельшт. пов. «Египетская марка» (1927) в письме В. Н. *Яхонтова* к Е. Е. *Поповой* от 6.6.1937: «Кланяюсь <...> Ван-Гоговскому “Полю после дождя” и поездам, бегущим в город Малинов-Мандельштам Египетский» (РГАЛИ. Ф. 2440. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 154–155; цит. по: Видгоф. С. 131).]

Единств. работа, к-рая могла подразумеваться при характеристике Ренуара: «Глядя на воду Ренуара, чувствуешь волдыри на ладонях, как бы натертые греблей» (3. С. 199), – это «Купанье на Сене (“Лягушатник”)» (ок. 1869, ГМИИ; см.: Флакер. С. 173). Вместе с тем в черновых набросках к гл. «Французы» о Моне говорится: «В комнате Клода Моне [и Ренуара] воздух речной. [Входишь в картину по скользким подводным ступеням дачной купальни <...>]» (3. С. 384), – что может быть ассоциативно связано с неоднократным обращением Моне к изображению самых разнообразных водных источников в картинах «Уголок сада в Монжероне» (1876–77, ГЭ), «Пруд в Монжероне» (1876–77, ГМИИ), «Белые кувшинки» (1899, ГМИИ), «Городок Ветей» (1901, ГМИИ). При этом, по

предположению совр. комментатора (см.: К а н т о р. С. 66), картина Моне «Завтрак на траве» (1866, ГМИИ) подразумевается уже в одном из фрагментов «Египетской марки»: «Эрмитажные воробьи щебетали о барбизонском солнце, о пленэрной живописи, о колорите <...>, – одним словом, обо всем, чего не хватает мрачно-фламандскому Эрмитажу. – А я не получу приглашения на барбизонский завтрак <...>. Барбизонское воскресенье шло <...> к зенитному завтраку <...>. К барбизонским зонтам стекались гости в широких панталонах» (2. С. 478–479).

Передача впечатлений О. М. от творчества представителей Ф. ж. содержит ряд контаминаций и, возможно, фактич. неточностей. Так, он определяет Синьяка как художника, к-рый «придумал кукурузное солнце» (Там же. С. 199); вероятно, появление этого образа обусловила картина ван Гога «Красные виноградники в Арле» (1888, ГМИИ), где образ солнца является гл. цветовым элементом композиции, а манера его изображения короткими прерывистыми мазками вполне сопоставима с пуанталистской техникой Синьяка. Упоминая «серо-малиновые бульвары Писсарро» (Там же), О. М., очевидно, имел в виду и сходную по сюжету картину Моне «Бульвар Капуцинок в Париже» (1873, ГМИИ), т. к. только она, в отличие от трех парижских пейзажей Писсарро, входивших в собрание ГМНЗИ, соответствует обозначенной гамме. Вместе с тем, описывая «бульвары Писсарро, текущие как колеса огромной лотереи, с <...> лоскутьями разбрызганного мозга на киосках и каштанах» (Там же), – О. М., видимо, соединил картину «Оперный проезд в Париже» (1890, ГМИИ), на переднем плане к-рой изображены два круглых «колесообразных» фонтана и такие же основания двух уличных фонарей, и полотно «Площадь Французского театра в Париже» (1898, ГЭ), б. ч. к-рого занимает изображение двух цветущих каштанов. Можно предположить, что в гл. «Москва» «Путешествия в Армению» нашли отражение впечатления от двух др. работ Моне – с описанием: «Еще в прошлом году на острове Севане, в Армении, гуляя в высокой поясной траве, я восхищался безбожным горением маков» (Там же. С. 191), – ср. картины «Поле маков» (ок. 1887, ГЭ) и «Стог сена в Живерни» (1886, ГЭ).

Характеристики франц. художников, к-рые дает О. М., демонстрируют его глубокое проникновение в сущность Ф. ж.; ср., напр., тот факт, что В. Б. *Шкловский* в рец. на «Путешествие в Армению» («Конец барокко», 1932) высоко отозвался именно о гл. «Французы»: «Я никогда не читал лучшего описания картин Ван Гога, Сезанна, Гогена, Синьяка» (Ш к л о в с к и й. С. 451). При этом мандельшт. взгляд не является научным, искусствоведческим, а формируется по глубоко индивидуальным эмоц. законам. Но при всей своей исключит. метафоричности и ассоциативности осмысление произведений Ф. ж. основывается на ее гл. дифференциальных признаках: индивидуальная манера наложения мазка, колористич. специфика каждого автора, особенности композиц. строения (в т. ч. и нового, нелинейного типа перспективы), закономерности зрительского восприятия нереалистич. живописи. Четыре этих характеристики отчетливо проявляются при передаче впечатлений от картин ван Гога: «Дешевые овощные краски Ван-Гога куплены по несчастному случаю по двадцать су. – Ван-Гог харкает кровью, как самоубийца из меблированных комнат. Доски пола в ночном кафе наклонены и струятся как желоб <...>. И узкое корыто биллиарда напоминает колоду гроба. – Я никогда не видел такого лающего колорита. <...> – Его холсты, на которых размазана яичница катастрофы, наглядны, как зрительные пособия» (3. С. 198–199). Неск. иначе дает О. М. характеристику собственно импрессионистич. манеры письма, говоря о «живой импрессионистской среде в храме воздуха и света и славы Эдуарда Манэ и Клода Монэ» (Там же. С. 194). [Подобный «описательный» подход был спроецирован О. М. в «Разговоре о Данте» (1933) на худож. стилистику «Божественной комедии» *Данте Алигьери*: «Импрессионистская подготовка встречается в целом ряде дантовских песен. <...> В песни явно различимы две основных части: световая, импрессионистская подготовка и стройный драматический рассказ Одиссея»; ср. там же при прямых смысловых ассоциациях с назв. первого поэтич. сборника О. М. – *«Камень»* (1913): «Камень – импрессионистский дневник погоды, накопленный миллионами лихолетий» (Там же. С. 237, 256).]

На этих же признаках основаны живописные ассоциации и в стих. «Импрессионизм», навеянном, прежде всего, картиной Моне «Сирень на солнце». О. М. отметил пастозную манеру письма («Художник <...> красок звучные ступени / На холст, как струпья, положил. // Он понял масла густоту»), цветовую специфику («А тень-то, тень все лиловей») и импрессионистич. особенности «расплывчатой» композиции («Угадывается качель, / Недомалеваны вуали»), передал индивидуальное зрительское восприятие, строящееся на предельно ассоциативной основе («Глубокий обморок сирени <...>, – / Ты скажешь: повара на кухне / Готовят жирных голубей») (Там же. С. 64–65). Совр. комментаторы (см.: М и х а й л о в А. Д., Н е р л е р П. М. Комментарии. С. 522) видят в данном стихотворении отражение и работ Писсарро, основываясь, видимо, на присутствии в тексте составляющих парижского гор. пейзажа (омнибусов, повозок, кэбов): «свисток иль хлыст». Однако эти же пейзажные элементы присутствуют в картине Моне «Бульвар Капуцинок в Париже», лиловый колорит к-рой совпадает с двукратным упоминанием этого оттенка в стихотворении; ср.: «длинная лиловая тень падает на середину бульвара» (см. Т е р н о в е ц Б. Н. <Аннотации>. Репр. II). Т. о., представляется возможным предположить, что в тексте О. М. отражены впечатления от двух разных работ Моне; на расхождение содержат. и формального строя реальной работы Моне и мандельшт. образности обращал внимание Т. Лангерак; см.: L a n g e r a k. P. 139–147. [Нельзя не отметить, что и И. А. *Аксенов* – постоянный собеседник О. М. – иначе воспринимал данный текст: по свидетельству Н. М., он «сказал, что это русский художник, потому что французы пишут тонко, лессировками»; она, однако, с ним не согласилась: «Это не совсем так: масло и у них сохраняет свою специфику» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 732).]

В целом О. М. исключительно высоко оценивал тех представителей Ф. ж., чье творчество связано с импрессионизмом и постимпрессионизмом, – Моне, ван Гога и Сезанна; более сдержанна его оценка Матисса, Писсарро и Ренуара. Отношение О. М. к более поздним течениям Ф. ж. практически нейтрально: в гл. «Французы» лишь вскользь

упомянуты «синий еврей Пикассо» и Озанфан, к-рый «сработал нечто удивительное – красным мелом и грифельными белками на черном аспидном фоне, – модулируя формы стеклянного литья и хрупкой лабораторной посуды» (3. С. 199). Вместе с тем уже в заметке «Кое-что о грузинском искусстве» (1922) О. М. говорит о старой груз. живописи, перед к-рой ничтожны «танцующие осколки скрипки, некогда разбитой Пикассо <...>: скрипка была одна, ее разбили один раз, но нет такого города, где бы не показывали щепочки – вот кусочек от Пикассо!» (2. С. 234–235). В данном пассаже О. М., очевидно, подразумевает хранившиеся в Москве знаменитые картины Пикассо аналитич. периода «Скрипка» (1911–12, ГМИИ), «Гитара и скрипка» (ок. 1912, ГЭ), «Кларнет и скрипка» (1913, с 1930 – ГЭ). Эти работы, вероятно, послужили переосмысл. основой и для метафорич. описания в «Путешествии в Армению» села Аштарак: «скрипка, расхищенная на сады и дома, разбитая на систему этажерок, – с распорками, перехватами, жердочками, мостиками» (3. С. 205). Можно предположить, что дополнит. сведения о художнике О. М. мог получить от В. Я. *Парнаха*, в круг общения к-рого в период проживания в Париже в 1910-е гг. входил и Пикассо; см.: Соколова Н. Кое-что вокруг Мандельштама. Разрозненные странички // «Сохрани мою речь»-3 (2). С. 93.

Творчество представителей Ф. ж. становилось предметом худож. рефлексии О. М. и позднее, но уже в не столь явных формах. По предположению совр. исследователя [см.: Лангерак Т. Поэт о музыке: («Я в львиный ров и в крепость погружен...» О. Мандельштама) // Смерть и бессмертие. С. 102, 108], образ таитянок в стих. «Я в львиный ров и в крепость погружен...» (1937): «И таитянок кроткие корзины» (3. С. 122), – навеян живописью Гогена и, прежде всего, возможно, находившейся в ГМНЗИ картиной «Материнство (Женщина на берегу моря)» (1899, ГЭ). При этом в черновых набросках к «Путешествию в Армению» дана высокая метафорич. оценка гогеновской худож. манеры при характеристике музейных залов, к-рые «так отличаются, что глаз, переходя от Гогена к Сезанну, может простудиться <...>, надует ему ячмень от живописных сквозняков» (Там же. С. 384). Согласно др. точке зрения (см.: Кантор. С. 67), в стих. «Реймс-Лаон» (1937) отражены впечатления не столько от реальных архит. памятников, сколько от одного из вариантов «Руанского собора» Моне; две работы из этого цикла входили в собрание ГМНЗИ. Это предположение отчасти подтверждает свидетельство Штемпель о совм. просмотре книг о живописи и архитектуре: «Как-то под впечатлением готических соборов Реймса и Лаона Мандельштам написал стихотворение: “Я видел озеро, стоявшее отвесно <...>...”» (Штемпель. С. 31); ср.: Гаспаров М. Л. Поэт и общество: Две готики и два Египта в поэзии О. Мандельштама // «Сохрани мою речь»-3(1). С. 30–33). [Симтоматично, что Н. М. в письме к Кузину от 21.1.1939 соединила упоминания об альбоме архит. репродукций и Ф. ж.: «Как много он доставил когда-то радости Осе, точно так, как эти бедные французы» (Кузин – Н. М. С. 561)]. Если принимать данную точку зрения (а ее косвенно подтверждает и устойчиво проходящая в стихах февр.–марта 1937 «живописная» тема, строящаяся на предельно широкой «упоминательной клавиатуре»), то «вторичное» отражение Ф. ж. можно увидеть и в хронологически близком стих. «Я молю, как жалости и милости...» (1937), обращенном к Франции, – с образом готич. соборов, ср.: «с розой на груди в двубашенной испарине / Паутины каменеет шаль» (3. С. 127). В таком случае с восприятием импрессионистич. гор. пейзажей может быть связан образ воздушной карусели, к-рая «оборачивается, городом дыша» (Там же), а образ «скаредных роз» может возвращать к описанию роз на картине Сезанна «Цветы» в «Путешествии в Армению».

Лит.: Флакер А. Путешествие в страну живописи: (Мандельштам о французской живописи) // Wiener Slawistischer Almanach. 1984. Bd. 14; Шкловский В. Б. Конец барокко [1932] // Шкловский В. Гамбургский счет: Статьи – воспоминания – эссе (1914–1933). М., 1990; Кантор Е. В толпокрылатом воздухе картин: Искусство и архитектура в творчестве О. Э. Мандельштама // ЛО. 1991. № 1. С. 66–68; Харрис Д. Мандельштам, Синьяк и «Московские тетради» // Русская литература XX века: направления и течения. Вып. 3. Екатеринбург, 1996; Видгоф Л. М. Москва Мандельштама: Книга-экскурсия. М., 2006. С. 158–162; Meijer J. M. Pictures in Mandel'stams Oeuvre // Dutch Contributions to the Eight International Congress of Slavist. Lisse, 1979; Langerak T. Mandel'stams «Impressionizm» // Возьми на радость: To Honor Jeanne van der Eng-Liedmeier. Amst., 1980.

С. Г. Шиндин.

ФУРМАНОВ Дмитрий Андреевич [26.10.1891, с. Середа Нерехтского у. Костромской губ. (ныне г. Фурманов Ивановской обл.) – 15.3.1926, Москва], прозаик, публицист, лит. и обществ. деятель. Мемуарные свидетельства о возможном знакомстве и общении О. М. с Ф. отсутствуют [по свидетельству Н. М. известно лишь об общении О. М. летом 1928 в Ялте с его братом-чекистом А. А. Фурмановым, от к-рого он узнал о бытовании «эпохальной» поговорки «Был бы человек, а дело найдется» (см.: Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 89, 409; Т. 2. С. 572)]. Единств. прямое упоминание Ф. содержится в относящейся к нач. 1930-х гг. неоконченной заметке о ром. А. *Серафимовича* «Город в степи» (1912), где О. М. иронически определяет свой лит. «слух» как «далеко не такой нежный: принимает же он и Маяковского, и Фурманова, и Шекспира, и Рабле» (Собр. Соч.-2. Т. 3. С. 373). Включение Ф. в подобный набор авторов отчасти напоминает близкий акмеистич. прием, использовавшийся Н. С. *Гумилевым* (ст. «Наследие символизма и акмеизм», 1913) и самим О. М. (ст. «О природе слова», 1920–22) и содержавший в «ценностном ряду», в частности, имена У. *Шекспира* и Ф. *Рабле*; данный факт, очевидно, можно рассматривать как положит. оценку худож. метода Ф. Это косвенно подтверждается и мандельшт. характеристикой его ром. «Чапаев» (1923), относящейся, возможно, ко 2-й пол. 1930-х гг. и зафиксированной Е. К. Гальпериной-Осмеркиной: «Читаю Фурманова – замечательное произведение: все события, все персонажи романа вращаются в страшной стремительности вокруг одного стержня – Чапаева. <...> Так было только в романах о любви. Вот Толстой в “Анне Карениной” группирует вокруг Анны весь ход событий» (О. и Н. Мандельштамы. С. 154); вероятно, именно это самое известное произведение Ф. во многом послужило основой для метафорич. восприятия О. М. фигуры В. И. *Чапаева.*

С. Г. Шиндин.

Х

ХАЗИН Евгений Яковлевич (1893, Умань Киевской губ. Росс. Империи – 26.6.1974, Москва) – рус. писатель, автор книг на исторические и литературные темы, а также книг для детей и юношества. Старший брат Н. М. В его квартире (Страстной б-р, 6, кв. 34) Н. М. и О. М. часто останавливались в 1920-е и 1930-е гг. Находясь во время войны в эвакуации в Ташкенте, помог Н. М. перебраться из Муйнака в Ташкент. Один из хранителей архива О. М., в 1957–1974 – первый секретарь *Комиссии по литературному наследию О. М.* при СП СССР.

П. М. Нерлер.

ХАРДЖИЕВ Николай Иванович (13.7.1903, Каховка Херсонской губ. – 10.6.1996, Амстердам, Нидерланды), иск-вед и лит-вед, коллекционер и пропагандист рус. авангарда. Был дружен со мн. художниками и поэтами, в т. ч. с А. А. *Ахматовой* и О. М. В 1921–25 учился на юрид. ф-те Одесского ин-та нар. хозяйства (окончил, не защитив диплома), сотрудничал в одесской газете «Станок». В 1925–28 преподавал в Одесском техникуме кинематографии, лектор Одесского губполитпросвета. С осени 1928 по инициативе Э. Г. *Багрицкого* и Л. Я. *Гинзбург* переехал в Москву (первое время жил у Багрицкого в Кунцеве), где он полностью отдался лит. труду. Гл. областью его интересов стало исследование рус. худож. и лит. авангарда, в особенности рус. футуризма (его ближайшими сотрудниками в этих занятиях стали В. В. Тренин и Т. С. Гриц); вместе с тем для заработка Х. писал науч.-популярные книги и брошюры. С 1934 канд. в члены, с 1940 чл. СП СССР. Ред. и комментатор «Полного собрания сочинений» В. В. *Маяковского* в 13 тт. (Т. 1–2. М., 1935–36), собиратель и текстолог произведений В. *Хлебникова* [сб. «Неизданные произведения» Хлебникова (М., 1940, совм. с Грицем)], автор книг о П. А. Федотове («Судьба художника. Повесть о Павле Федотове», 1954), Маяковском («Поэтическая культура Маяковского», 1970, совм. с Трениным) и др. В сер. 1960-х гг. устраивал в Музее Маяковского в Москве летучие выставки рус. авангардистов из своего собрания. Его работы выходили как в советских, так и заруб. изданиях; однако поездки для чтения лекций и докладов в зап. ун-ты, куда Х. неоднократно приглашали, ни разу не были разрешены властями.

Знакомство Х. с О. М. состоялось в 1932 в доме Багрицкого в Кунцеве. Х. не раз проявил себя верным и надежным другом О. М. и Н. М. Перед их отъездом в *«Саматиху»* подарил О. М. только что вышедший том произведений Хлебникова. Именно Х. приютил и утешал Н. М. 5.2.1939 после того, как она узнала о смерти О. М.

С июня 1941 Х. – чл. Сценарной студии Комитета по делам кинематографии, в окт. эвакуировался со студией в Алма-Ату. В дек. 1942 вернулся в Москву, где обратился вновь к занятиям собранием соч. Маяковского и откуда переписывался с Ахматовой и Н. М., находившимися в Ташкенте. Чл. Комиссий СП СССР по лит. наследию О. М., конституированных в 1957 (пред. А. А. *Сурков*) и 1968 (пред. К. М. *Симонов*). В 1957 Х. заключил договор на составление и комментирование тома стихов О. М. для Большой серии «Библиотеки поэта» и получил для этого от Н. М. *Архив О. Э. Мандельштама*, хранившийся к этому времени у В. И. Бернштейна (А. И. *Ивича*) (см.: Стих. 1973). Попытки оттянуть возвращение архива в 1967 и обнаружившиеся по ходу дела серьезные текстологич. разногласия между Х. и Н. М. привели к краху их 35-летней дружбы, а затем и к открытой вражде. Во время работы над изданием О. М. в архиве самого Х. отложился ряд ценных материалов (подлинных и копийных) о поэте. Будучи сосредоточен на подготовке этого издания, Х. практически не участвовал в процессе опубликования отд. произведений О. М. в периодике, презрительно отзывался практически о каждой новой публикации такого рода. Единств. исключением стала незавершенная рец. О. М. на *«Альманах муз»* (1916).

8.11.1993 Х. и его жена, Л. В. Чага (1907–1995), эмигрировали в Нидерланды, сумев вывезти с собой часть своей коллекции (св. 1350 произведений одной только живописи). Поселившись в Амстердаме, Х. основал Фонд «Культурный центр Харджиева – Чаги», к-рый передал коллекцию Гор. музею Амстердама [см. ст. *Собрание Харджиева Н. И. (Амстердам и Москва)* (Амстердамская коллекция)]. Др. (вдвое большая) часть его коллекции была задержана и изъята на таможне в аэропорту «Шереметьево», после чего поступила в РГАЛИ [об истории этой части коллекции и о ней самой см. ст. Собрание Харджиева Н. И. (Амстердам и Москва) (Московская коллекция)]. Собрание Х. (его Амстердамская и Московская коллекции) содержит ценные материалы о жизни и творчестве О. М., значит. часть к-рых еще не введена в науч. оборот.

Источники: Мандельштам О. Стихотворения / сост., подгот. текста и примеч. Н. И. Харджиева. Л., 1973; Восстановленный Мандельштам / [Вступ. заметка к публ. рец. О. Мандельштама на «Альманах муз»] // RL. 1974. Vol. 7/8. P. 19–22.

Лит.: Акинша К., Козлов Г. Поле битвы достается мародерам: Судьба уникального собрания Николая Харджиева: пять лет вне закона // Итоги. 1998. 19 мая. С. 52–65; Поэзия и Живопись: Сборник трудов памяти Н. И. Харджиева / сост. и общ. ред. М. Б. Мейлаха и Д. В. Сарабьянова. М., 2000 (Язык. Семиотика. Культура); Николаша [Переписка Х. и Н. М.] // Мандельштам Н. Об Ахматовой. 2008. С. 260–305; A Legacy regained: Nikolai Khardzhiev and the Russian Avant-Garde. Palace Editions, 2002.

П. М. Нерлер.

ХАРДЖИЕВА Н. И. СОБРАНИЕ (Амстердам и Москва), см. *Собрание Харджиева Н. И. (Амстердам и Москва)*. Т. 2.

«ХЛАМ» («Художники, Литераторы, Артисты, Музыканты»), лит. кафе в Киеве. Открылось 29.3.1919 в подвале гостиницы «Континенталь» (ул. Николаевская, затем ул. К. Маркса), где ранее располагался Киевский лит.-артистич. клуб (КЛАК). Прилегающий к гостинице «Континенталь» район называли киевским «Монмартром», киевским «Пикадилли», «маленькой Флоренцией», т. к. он считался центром обитания киевской богемы. «ХЛАМ» был центром встреч и выступлений молодых сил лит. Киева того времени – «штаб-квартирой киевских литераторов» (Терапиано Ю. Встречи. Нью-Йорк, 1953. С. 13); ср. восп. Н. Н. Ушакова: «Эренбург читал по институтскому альбомчику о детях, играющих в революцию. Читал здесь также Лев Никулин, Лившиц, Натан Венгров, Маккавейский» (Ветер Украины. Кн. 1. К., 1929. С. 122).

Приехав в Киев в кон. марта – нач. апр. 1919, О. М. поселился в «Континентале» (в то время – Первый киевский Дом Советов; см. ст. *Киев*) и стал завсегдатаем «ХЛАМа» вплоть до его закрытия в мае 1919: «Ему понравился “Хлам” – почти как “Собака” (имеется в виду кабаре *«Бродячая собака». – Ред.*), люди хорошие и кофе хороший. “Хлам” вскоре закрылся <...> и мы перекочевали в греческую кофейню на Софиевской улице», – писала Н. М. [Н. Мандельштам (2). С. 29]. Мемуаристы оставили восп. об О. М. в свободной, многоязычной обстановке «ХЛАМа», см. напр.: «Кого только не встречал я в этом кафе, где на мраморных столиках гостили только стаканы с чаем, эти же столики гораздо чаще сдвигались, образуя импровизированную эстраду для выступлений поэтов – Осипа Мандельштама, Юрия Смолича, Эммануила Германа, Павло Тычины...» (Юткевич С. Из ненаписанных воспоминаний // Панорама искусств. 1988. Вып. 11. С. 78). Именно в «ХЛАМе» на дне рождении А. И. *Дейча* 1.5.1919 произошло знакомство О. М. с Н. Я. Хазиной (см. *Мандельштам* Н. Я.) – будущей женой поэта: «После премьеры в Соловцовском (“Овеч[ий] ист[очник]”) пошли с Верой Юреневой и Г. Крыжицким в ХЛАМ. Составили столики, к нам присоединились Тычина, Альшванг, Терапиано, Петрицкий, Г. Нарбут, Н. Хазина, И. Эренбург. <...> Неожиданно вошел О[сип] Манд[ельштам] и сразу направился к нам. <...> Попросили его почитать стихи – охотно согласился. Читал с закрытыми глазами, плыл по ритмам... Открывая глаза, смотрел только на Надю Х.[азину]» (Дейч А. Две дневниковые записи / публ. Е. Дейч // «Сохрани мою речь...». Вып. 3. Ч. 2. М., 2000. С. 146). В стихотворении Ю. К. *Терапиано* также запечатлено чтение О. М. своих стихов в «ХЛАМе»: «Девятнадцатый год. “Вечера, посвященные Музе”. / Огромный прокуренный зал, под названием “Хлам”. / Вот Лившиц читает стихи о “Болотной Медузе” / И строфы из “Камня” и “Tristia“ – сам Мандельштам» (Терапиано Ю. Паруса. Ваш., 1965. С. 17).

На остатках гостиницы «Континенталь», разрушенной в 1941, было построено помещение консерватории; теперь здесь размещается Национальная муз. академия Украины им. П. И. Чайковского (ул. Архитектора Городецкого, 1–3/11).

Э. С. Вайсбанд, М. И. Назаренко.

ХЛЕБНИКОВ Велимир (наст. имя Виктор Владимирович) (28.10.1885, Зимняя Ставка Малодербетовского улуса Астраханской губ. – 28.6.1922 д. Санталово Новгородской обл.), поэт, один из инициаторов и идейный вдохновитель рус. футуризма.

Х. принадлежал к кругу петерб. знакомых О. М. по *Санкт-Петербургскому университету* и по «Башне» Вяч. И. *Иванова*. 3.11.1913 О. М., предположительно, присутствовал на лекции Д. Д. *Бурлюка* «Пушкин и Хлебников» в *Тенишевском училище* (4. С. 435). 27.11.1913 в подвале кабаре «*Бродячая собака*», где оба поэта были завсегдатаями, произошел конфликт Х. с О. М. в связи с обсуждением «дела Бейлиса»: Х. высказался неоднозначно, что вызвало негативную реакцию А. А. *Ахматовой*, П. Н. Филонова и О. М., к-рый был особенно резок. Меж тем слова Х. вовсе не носили негативного характера, и он, в свою очередь, возмутился, особенно ответом О. М., к-рого раскритиковал как поэта и порекомендовал «отправить обратно к дяде в Ригу». Х. ничего не знал о действительно живших в Риге родственниках О. М. и, по словам О. М., «угадал это только силой ненависти» (Харджиев. 1992. С. 6). В результате О. М. вызвал Х. на дуэль. В примирении поэтов участвовал, в частности, В. Б. *Шкловский* (см. об этом: Парнис, Тименчик. С. 217). В нач. 1920-х гг. О. М. и Х. встречались в ростовском Кафе поэтов (см.: Ханцын. С. 67). Тогда фигура Х. приобрела в среде акмеистов культовый характер (Харджиев. 1992. С. 6).

Весной 1922 О. М. случайно встретил Х. в моск. Госиздате. Х. был лишен жилья и средств к существованию, раздражителен, мнителен, говорил о своих пропавших рукописях, не хотел уезжать из Москвы. О. М. предложил ему пообедать у уборщицы Дома Герцена. Уборщица приняла его за странника, называла «батюшкой», что чрезвычайно импонировало Х. (Там же). Весной 1922 Х. сделал запись о посещении Мандельштамов (см.: РГАЛИ. Ф. 572. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 78). Воспоминание об этой встрече отразилось в более позднем письме О. М. к Н. Я. Мандельштам: в связи с открытием ресторана в Доме Герцена он вспоминал подвал, «где наша старушка-сторожиха Хлебникова угощала» (4. С. 70). Затем Х. стал ежедневно посещать О. М. в Доме Герцена. Н. М. описала Х. как неспособного к диалогу, погруженного в себя человека с неподвижным лицом и шевелящимися губами. Х. внешне являл собой полную противоположность О. М.: «Закрытый и запечатанный, молчащий, кивающий и непрерывно ворочающий в уме ритмические строки» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 115). Впечатление Н. М. от личности Х. не совпадает с тем, как отзывались о поэте др. его собеседники (см. Райт), запомнившие беседы с ним на полит. и поэтич. темы. В разговорах, возможно, «ориентиры... были хлебниковскими – и по старшинству, и потому, что “нехлебниковское” не очень-то Хл<ебникова> интересовало» (Григорьев. 1994. С. 39).

О. М. предпринял неудавшуюся попытку решить жилищную проблему Х. при посредничестве Н. А. *Бердяева* и В. Л. Львова-Рогачевского. В разговоре с Бердяевым и Львовым-Рогачевским О. М. квалифицировал Х. как величайшего поэта мира, «перед которым блекнет вся мировая поэзия» (Мандельштам Н. (2). С. 101), однако Х. не являлся членом писат. организации, и поэтому помощь ему

Велимир Хлебников

оказана не была. Отъезд Х. из Москвы в связи с отсутствием жилья, по мнению Н. М., привел его к гибели. Перед отъездом Х. и О. М. встречались дважды (Г е р ш т е й н. С. 147).

В 1920-х гг. О. М. возмущался сложившейся репутацией Х. как «полуидиота-шамана». С его точки зрения, Х. был «открыватель, ученый, провидец, целитель», человек «с особым устройством сознания» (Х а р д ж и е в. 1992. С. 6), для О. М. подобный в этом Б. Л. *Пастернаку* и В. В. *Маяковскому*. О. М. читал произведения Х. в воронежской ссылке. Поэт говорил о Х. с С. Б. *Рудаковым* (см.: Г е р ш т е й н. С. 106, 170), давая неоднозначные отзывы о творчестве Х., однако контекст этих бесед позволил Рудакову сделать вывод, что «у Мандельштама к Хлебникову огромное почтение», при том, что О. М. говорил о неумении Х. вовремя обрывать стихи, композиционно завершать их (<Письмо от 26.5.1935> // Мандельштам в письмах Рудакова. С. 55). В этих разговорах, в связи со стих. «Да, я лежу в земле, губами шевеля...» (1935), звучала, в частности, среди мн. других тема близости поэзии Х. и О. М. (Г е р ш т е й н. С. 125).

10.3.1938 в письме Б. С. *Кузину* О. М. сообщил, что взял с собой в санаторий сочинения Х., 1-й том собрания произведений (поэмы), подаренный ему Н. И. *Харджиевым* (4. С. 199). Получив подарок, О. М. «был чрезвычайно этим обрадован и воскликнул властным голосом: В Хлебникове есть все!» (Х а р д ж и е в. 1992. С. 6). В *«Саматихе»* О. М. «листал и выискивал удачи» в книге, высоко оценивая в произведениях Х. «кусочки, а не цельные вещи» (М а н д е л ь ш т а м. Н. (2). С. 100).

О. М. касался вопросов творчества Х. в ряде статей. Так, в ст. «О природе слова» (1920–22) он отметил особенность поэтики Х. – работу с корнями слов и с однокоренными словами как соответствующую структуре рус. яз., его морфологич. системе. Подобный подход к слову представлялся О. М. перспективным для следующих поэтич. поколений: «Хлебников возился со словами, как крот, – между тем он прорыл в земле ходы для будущего на целое столетие» (1. С. 222). Моск. бездомность и смерть Х. упомянута в ст. «Литературная Москва» (1922). «Корнесловие» Х., открывающее семантич. возможности слова через его морфологич. превращения, О. М. уподоблял развитию фабулы в прозаич. произведении. Изменения, происходящие с частью слова, для О. М. настолько же событийно насыщенны, насколько может быть богато событиями повествование о приключениях героя (2. С. 263).

В нач. 1920-х гг. О. М. регулярно соединял имя Х. «с научным наследием Эйнштейна и “железнодорожной” образностью» (Ш и н д и н. 2001. С. 254), а также с характерной для Х. зооморфной символикой, с мотивами др.-рус. литры, в частности – «Слова о полку Игореве», с новгородской темой. Связь личности Х. с мотивом железной дороги мотивируется разработанностью этого образа в творчестве самого Х. Так, в 1913, когда О. М. и Х. активно общались, Х. был занят идеей соединения рек ж.-д. путями (Там же. С. 255), и впоследствии Х. не раз обращался к «железнодорожной» метафорике.

Языковые приемы Х. при их активном, бросающемся в глаза формальном новаторстве полны для О. М. содержательности, нуждающейся в читательском анализе, проникновении в суть сказанного. Смещение временных пластов, «ощущение прошлого как будущего» (Там же. С. 292) сближает философию времени Х. и концепцию лит. развития О. М., согласно к-рой лит. произведения сосуществуют в едином пространстве и не разделяются разными эпохами их создания (см. *Эстетика*). Сравнивая Х. с А. А. *Блоком*, О. М. говорил о представлении языка как особой автономной области, «государства», имеющего протяженность не столько в пространстве, сколько во *времени*, – это подтверждает собств. мысль О. М. о единстве языка в его развитии (см. ст. *Поэтический язык*) и отчасти объясняет своеобразный «культ» Х. в восприятии О. М. в 1920-х гг. Х. существует в истории языка, взятой в ее цельности, в синхронизации всех периодов его развития: «Хлебников не знает, что такое современник. Он гражданин всей истории, всей системы языка и поэзии» (Там же. С. 296). Для него явления, по традиц. хронологии возникающие и функционирующие в разные эпохи, существуют одноврем. и действуют, развиваются параллельно. Для сопоставления того, как портрет Х.-поэта у О. М. соотносится с портретом Х.-человека у Н. М., ср.: «Каков же должен быть ужас, когда этот человек, совершенно не видящий собеседника, ничем не выделяющий своего времени из тысячелетий, оказался к тому же необычайно общительным и в высокой степени наделенным чисто пушкинским даром поэтической беседы-болтовни» (Там же). Общительность Х. реализуется в области слов и их преобразований, осуществляемых в его поэзии.

«Болтовню» Х. следует понимать в том же ключе – а именно как сопоставление слов, эксперименты с ними, смысловые приращения, возникающие благодаря паронимии, ассонансам, аллитерациям. Проза Х. творится в такой же манере: ее язык подобен языку ребенка, содержит поток образов и понятий, «вытесняющих друг друга из сознания» читателя и самого поэта (Там же). Стиль Х. афористичен, и «каждая его строчка – начало новой поэмы» (Там же). Образность Х. так же продуктивна для будущего поэзии, как и принципы его работы с языком. В этом заключается подлинная народность поэзии Х.

Х. выводит поэзию из-под крыла застывшей языковой нормы и книжности, увековечивающей эту норму [см.: М а н д е л ь ш т а м О. Э. Vulgata: (Заметки о поэзии)

<1922–23> // 2.]. О. М. сопоставлял Х. и *Данте Алигьери*, характеризуя язык обоих как простонародный, «вульгарный», мирской: «Если принять такой взгляд, отпадает необходимость считать Хлебникова каким-то колдуном и шаманом. Он наметил пути развития языка, переходные, промежуточные, и этот исторически не бывший путь российской речевой судьбы, осуществленный только в Хлебникове, закрепился в его зауми, которая есть не что иное, как переходные формы, не успевшие затянуться смысловой корой правильно и праведно развивающегося языка» (Там же. С. 301). Поскольку О. М. понимал борьбу против устойчивой нормы как гл. особенность языка поэзии, постольку перманентное движение словесных единиц в произведениях Х., исключающее образование конечного, однозначно понимаемого смысла, трактуется им как один из залогов жизнеспособности рус. поэзии в целом. Данные О. М. характеристики Х. как создателя «поэтического сырья» в равной степени могут быть отнесены и к нему самому (см.: Т е р р а с. С. 12) и, напр., к поэтам типа Бурлюка или В. И. *Нарбута*.

Реминисценции из поэзии Х., тематич. переклички, употребление сходных с хлебниковскими образов и мотивов характерно для поэзии О. М. с нач. 1910-х гг. Х. присуще понимание худож. формы как органически возникающей, прорастающей, подобно живому телу. При этом в теоретич. плане О. М. сначала придерживался взгляда на поэтику футуризма в целом и Х., в частности как на попытку уйти от прямого контакта со смыслом слова (см. «Утро акмеизма», 1912, 1913, 1914). Вполне возможно, что слово-Логос в этой статье О. М., манифестировавшей программу *акмеизма*, полемически связано с образом трехногого человеч. ума, усилиями футуристов встающего на четвереньки, в «Трубе марсиан» Х. (1916) (см.: Р о н е н. 2002. С. 15–16).

Разрабатывая приемы собств. поэтики, О. М. опирался на реализовавшийся в творчестве Х. прием подтекста как «цитатности», опоры на тексты, написанные прежде др. авторами и активно работающие в создаваемом тексте. Стих. О. М. «Раковина» (1911) разрабатывает образ больной раковины, заимствованный у Х. [«Мне видны – Рак, Овен, / И мир лишь раковина, / В которой жемчужиной / То, чем недужен я», – из стих. «Мне видны – Рак, Овен...» (1908); «В ракушке сердца жемчуг выношу...» – из стих. «Вербное воскресенье» (1916); также «И жемчуг около занозы / Безумьем запылавшей мысли, / Страдающей четко зари, / Двух раковин, небесной и земной – / Нитью выдуманных слез» – из стих. «Синие оковы» (1922) (Там же. С. 112)].

Написанные в кон. 1916 стих. «Когда, соломинка, не спишь в огромной спальне...» и «Я научился вам, блаженные слова...» («Соломинка») соотнесены – посредством образа «выпитой до дна смерти» – с трагич. буффонадой Х. «Ошибка смерти» (1915). В ней 12 посетителей «Харчевни веселых мертвецов» пьют через соломинку из кубка смерти. Об этом произведении Х. речь пойдет и позже, в ст. «Буря и натиск» и «Vulgata (Заметки о поэзии)» О. М. (Х а р д ж и е в. 1973. С. 272). После рев. событий 1917 О. М. особенно остро воспринимал связанность мотивов катастрофы, истории, судьбы в их космогонич. масштабе, что изначально присуще мировоззрению Х. В стих. О. М. «Сумерки свободы» сплетены образы ласточек, времени, человеч. путешествия-плавания во времени, восходящие к корпусу стихов Х. предрев. лет (см.: П а р н и с). Здесь полет связанных ласточек содержит, помимо пр. образов, и хлебниковский подтекст, ср.: «Стая ласточек воздушных / Тонких тел сплетает сеть», – в стих. «Стая ласточек воздушных...» (1907–1908) (см.: Р о н е н. 2002. С. 139).

Образы грубых, жестоких звезд, негативно влияющих на судьбу человека, в стихах О. М. 1921–22 «Умывался ночью на дворе...», «Концерт на вокзале», «Кому зима – арак и пунш голубоглазый...» и др., восходят к звездному комплексу Х. (см.: Г р и г о р ь е в. 1994. С. 39), равно как и к «звездному ужасу» Н. С. *Гумилева*, с гибелью к-рого связано, в частности, первое из перечисл. здесь стихов. Строка стих. О. М. «Я не знаю, с каких пор...» («Сеновал»-1, 1922): «Растолкать ночь, разбудить», – содержит подтекст из «Морского берега» (1908) Х.; ср.: «И сумрак времен растолкать / Ночная промчалася кать...» (см.: Т а р а н о в с к и й. С. 51). Строка Х.: «Песенка – лесенка в сердце другое...» – из черновиков и отрывков 1921, равно как и сам отрывок в целом (ср.: «За волосами пастушьей соломы...», «...на дороге Батыя...»), повлияли на образную структуру обоих стихотворений «Сеновал» («Я не знаю, с каких пор...» и «Я по лесенке приставной...») (Там же. С 68): особенно характерна здесь лексич. перекличка зачинов стихов, в одном из к-рых «...эта песенка началась...», а в другом возникает приставная лесенка.

«Грифельная ода» (1923) О. М. характеризуется внедрением в предметную структуру стиха принципа сложных смысловых ходов, отчасти идущих от Х. и проанализированных в ст. О. М. «О природе слова», «Буря и натиск», «Vulgata (Заметки о поэзии)». В этом контексте 1-я строфа «Грифельной оды» в сочетании с концовкой стих. «Нашедший подкову» (1923; «И мне уже не хватает меня самого...») прочитывается, по мнению В. П. Григорьева, как заявление об «ученичестве» у Х. (в таком случае Х. попадает в достаточно широкий контекст «учителей» О. М., к-рый составляют поэты 18–20 вв.). Стих. «А небо будущим беременно...» («Опять войны разноголосица...», 1923) находится в некрой зависимости от социально-утопич. поэмы Х. «Ладомир» (1920, 1921): здесь О. М. перекликается с Х. общим синтаксич. напряжением стиха, «космической» образностью, утопичной обращенностью в будущее, неологизмом «земляне» (Х а р д ж и е в. 1973. С. 284, 312).

Стих. «Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето...» (1931) создавалось О. М. с учетом приема зауми, широко применявшимся в поэзии Х. (см.: Кравец. С. 83–84). Элементы зауми относятся к мотиву бытового существования человека (ср.: «...разве / Душа у нас пеньковая, и разве / Она у нас постыдно прижилась, / Как сморщенный зверек в тибетском храме: / Почешется и в цинковую ванну. / – Изобрази еще нам, Марь Иванна»), элементы афористичности, языковой ясности, также свойств. Х. (ср.: «Когда сам бог на цепь похож, / Холоп богатых, где твой нож?» – «Ладомир») – к области оценок прожитой жизни и приобретенного нравств. опыта (ср.: «Попробуйте меня от века оторвать, – / Ручаюсь вам – себе свернете шею!»; «Пусть это оскорбительно – поймите: / Есть блуд труда и он у нас в крови»). Существует связь между этим стихотворением О. М. и хлебниковским «Одетый в плащ летучих рыб...» (1916), в к-ром встречается также и такой важный для О. М. образ, как ласточка. «Оглупевший зверек» из

текста Х., в свою очередь, также созвучен «сморщенному зверьку» О. М.

В 1932 исполнилось 10 лет со дня смерти Х. Публикуя в июньском номере журнала «Новый мир» написанное 7–9 мая стих. «Ламарк», О. М. заменил ранее написанный и считавшийся окончат. вариант заключит. строфы, введя строки: «У кого зеленая могила, / Красное дыханье, гибкий смех». За 10 лет до этого, говоря в «Литературной Москве» о смерти Х., О. М. упоминал его «зеленую... могилу». Две др. составляющие образа имеют подтексты в произведениях Х.: в прозаич. произведении Х. «Ховун» (1908) образ смеха, пластически охватывающего людей, место, где они находятся, и время, в к-ром они существуют, несомненно, может быть трактован как «гибкий», а «красное дыханье» соотносимо с образностью пов. Х. «Ка» (1915), в к-рой действует «красная гора». Эпитет «красный» вообще характерен для Х. и может быть прочитан как «живой». Более того: общая концепция «Ламарка» соотносима с концепцией пьесы Х. «Мирсконца» (1912), поскольку оба произведения говорят об обратимости процессов биологич. или человеч. жизни. В обоих произведениях ведется подспудная полемика с Ч. Дарвином. Ж.-Б. *Ламарк* в изображении О. М. обладает чертами, к-рыми мемуаристы характеризуют Х. («застенчивый, как мальчик», «неуклюжий», «робкий», «пламенный»). «Фехтовальщик» за честь природы у О. М. перекликается с Х.-«рыцарем» из некролога, написанного Маяковским Х. (см.: Л е к м а н о в).

Загадочный перстень, к-рый в стих. О. М. «Дайте Тютчеву стрекозу...» (1932) «никому» не отдается, скорее всего, является метафорич. и неназванным перстнем Х. из стих. «Ты же, чей разум стекал...» (1917, 1922), ср.: «Я, носящий весь земной шар / На мизинце правой руки...». Вероятно, это – снова дань памяти Х. в первое 10-летие со дня его гибели. «Восьмистишия» О. М. (1933–35) также связаны и с «Ладомиром», и с комплексом ключевых хлебниковских образов ткани, пространства, толпы и ее пульса. Строка: «И дугами парусных гонок...» («Люблю появление ткани...») – отсылает к образу «кривых Лобачевского» у Х. («Ладомир»). Обилие математич. мотивов в «Восьмистишиях» вызвано вниманием Х. к математике и его словам о важности математики для поэта (Там же). Неологизмы О. М. «жизняночка», «умиранка», «кусава» созданы с учетом поэтич. словообразования Х. Тема «пульса толпы» была чрезвычайно важна для обоих поэтов (см.: Г р и г о р ь е в. 1994. С. 41).

«Стихи о неизвестном солдате» отчасти являют собой читательскую реакцию О. М. на посмертные издания Х. при том, что в них активно используются мотивы и контексты из творчества ряда др. авторов – в частности, Г. Р. *Державина*, М. В. *Ломоносова*, М. Ю. *Лермонтова* (см.: С е м е н к о. С. 106). Здесь также проявилась и «непосредственно продолжающаяся его беседа с Хлебниковым и о Хлебникове» (Г р и г о р ь е в. 1994. С. 40). По сути дела, это произведение – послание от пострадавших в войне к хлебниковскому гос-ву двадцатидвухлетних, ср.: «Я рожден в девяносто четвертом, / Я рожден в девяносто втором...» у О. М. и «И устрою из черепа брызги, / И забуду о милом государстве двадцатидвухлетних» у Х. («Печальная новость. 8 апреля 1916», 1916; см. также «В пеший полк 93-ий, / Я погиб, как гибнут дети», – из стих. «Где, как волосы девицыны...», 1916, и др. стихи 1915–16; см.: Р о н е н. 2002. С. 105). «Стихи о неизвестном солдате», равно как и более ранее «Не мучнистой бабочкою белой...» (1935–36), тематически и образно родственны с хлебниковским «Моих друзей летели сонмы...» (1916), в к-ром рассматривается магич. полет, заканчивающийся земной катастрофой, а также с «Только мы, свернув ваши три года войны...» (1917), в к-ром «двадцатидвухлетние» предъявляют счет гос-ву, возникает мотивы людских «стад», пересечения путей прошлого и будущего и делается заявка на то, чтобы стать «председателем» Земного шара. Образ братской могилы, присутствующий у О. М. не только в «Стихах о неизвестном солдате», но и во мн. др. произведениях, также соотносим со словами Х. «Нет, я из братского гроба» («Не чертиком масленичным...», 1922). Учитывая последнее автометапризнание Х., становится понятным, что образ «неизвестного солдата» мог быть навеян личностью Х. и его судьбой. В «Стихах о неизвестном солдате» создается памятник человеку будущего, «будетлянину» (Г р и г о р ь е в. 1994. С. 41), др. ипостась к-рого – «гений могил» (Г р и г о р ь е в. 2000. С. 646, 684), вводится важнейший атрибут поэзии Х. – воздух как живое существо, «свидетель». Рифма «крошево – подошвами» восходит к «Вы помните? Я щеткам сапожным...» (1915) Х., ср.: «Малую Медведицу повелел отставить от ног подошвы, // Гривенник бросил вселенной и после тревожно / Из старых слов сделал крошево. / Где конницей столетий ораны / Лохматые пашни белой зари...». Стихи «И стучит по околицам века / Костылей деревянных семейка...» перекликаются со строками из «Ладомира»: «Вам войны оторвали ноги – / В Сибири много костылей – / И, может быть, пособят боги / Пересекать простор полей. Гуляйте ночью костяки». Появление в «Стихах о неизвестном солдате» Лермонтова отчасти мотивируется стих. Х. «На родине красивой смерти – Машуке...» (1921), в к-ром вводится описание метафорич. лица и глаз поэта. Метафора черепа также связана с трактовкой этого образа у Х., ср.: «Поставим лестницы / К замку звезд, / Прибьем, как воины свои щиты, пробьем / Стены умного черепа вселенной, / Ворвемся бурно, как муравьи в гнилой пень, с песней смерти к рычагам мозга...» («Взлом вселенной», 1920). Важно, что «череп» у Х. отождествляется с Москвой, ср.: «Москва – старинный череп / Глагольно-глазых зданий...» («Москва – старинный череп...», 1917). Чаша-череп и череп-Вселенная – формула героев «Детей Выдры» Х. (1911–13), и в «Стихах о неизвестном солдате» этот актуальнейший для О. М. мотив содержится в стихе «Мир, который как череп глубок». Более того, впоследствии, в стих. «Чтоб, приятель и ветра и капель...» вновь появляется «мир, который как череп глубок».

Образ звездного пути (О. М.: «Чтобы белые звезды обратно / Чуть-чуть красные мчались в свой дом...») дан в противовес сходному образу Х., ср.: «И на путь меж звезд морозный / Полечу я не с молитвой, / Полечу я мертвый, грозный, / С окровавленною бритвой» («Памяти И. В. Игнатьева», 1914). Образ числа в произведении восходит к пифагорейской теме в «Зангези» (1920–22) Х., ср.: «Начинает число, опрозрачненный / Светлой болью и молью нулей...» у О. М. и «Пыльца снята, крылья увяли и стали прозрачны и жестки. / Бьюсь я устало в окно человека. / Вечные числа стучатся оттуда / Призывом на родину, число зовут к числам вернуться» у Х. Также см. у Х.: «Там море и горе и боль, /

И мешенства с смертию дол / – Земля, где господствует моль» («Ангелы», 2, 1919). (Р о н е н. 2002. С. 112, 113, 107, 115).

Круг чтения текстов Х. во время работы О. М. над «Стихами о неизвестном солдате» – «Война – смерть» (1913), «Война в мышеловке» (1915–19–22), «Зангези» и др. прижизн. и посмертные сборники и публикации поэта (см.: Г р и г о р ь е в. 1994. С. 46, 47).

Поэтич. метод познания О. М. в «Стихах о неизвестном солдате» расширялся под влиянием хлебниковской системы ценностей, обретая больший объем и более глубокую гносеологию. Мифология «сверхповестей» (см. «Дети Выдры», 1911–13) и поздних эпич. произведений Х. повлияли на формирование у О. М. концепции смерти и бессмертия, во многом пересекающейся с историософией Х. «Хлебниковская гностика зиждется на представлениях об абсолютном Зле и абсолютном Добре, переносимых на события всемирной истории и личных судеб» (К р а в е ц. С. 84). Циклич. понимание истории Х., наличность и достоверность ист. законов – проблематика, волновавшая О. М. в связи с волей и судьбой личности, ее правом на самостоят. бытие вне контекста ист. необходимости: «Еще слышен твой скрежет зубовный, / Беззаботного права истец... / Рядом с готикой жил озоруючи / И плевал на паучьи права / Наглый школьник и ангел ворующий, / Несравненный Виллон Франсуа» («Чтоб, приятель и ветра и капель...», 1937).

В стих. О. М. «Как по улицам Киева-Вия...» «Вий», если привлечь хлебниковские подтексты, – не просто приложение, созвучие, усиливающее звуковую насыщенность гл. слова, даже не только второе имя города. В мифопоэтике Х. Вий – мировой сумрак, небытие и безумие, одноврем. – момент истины, «поднимающий веки»-века, открытие мирового зла, слом того, что было укоренено ранее. Вий смотрит в глаза Войне-Смерти, и их встреча знаменует конец истории и начало будущего. В таком значении Киев-Вий – город-порог, граница между бытием и небытием, жизнью и смертью (см.: Там же. С. 84–85). Однако следует учитывать здесь и подтексты из корпуса произведений Гумилева Ахматовой, равно как и самостоят. интерес О. М. к творчеству Н. В. *Гоголя*.

Среди ряда лит-ведов, изучающих поэзию Х., в последнее 10-летие распространилась тенденция сопоставлять поэзию Х. и О. М., рассматривая при этом О. М. почти как ученика Х. С др. стороны, несомненно, что «смысловые ряды, возникающие в связи с личностью Хлебникова, ведут к таким важнейшим для творчества Мандельштама темам, как метатекстуальность, “теория” новой прозы, акмеистическая линия, натурфилософская проблематика и др., оказываясь семантически соотнесенными... с именами и творчеством Пушкина, Толстого, Крылова, Эйнштейна, Ламарка, Ахматовой, Гумилева, Зощенко и т. д., т. е. с тем фрагментом “упоминательной клавиатуры” Мандельштама, который непосредственно связан с миром культуры и науки» (Ш и н д и н. 2001. С. 261).

Источники: Р а й т Р. «Все лучшие воспоминания...» // УЗ Тартуского университета. Вып. 184 // Тр. по русской и славянской филологии. Тарту, 1966. Т. IX; Н. Я. Мандельштам. Т. 1–2; Г е р ш т е й н.

Лит.: Х а р д ж и е в Н. И. Примечания // Стих. 1973; О н ж е. «В Хлебникове есть все!» // ЛГ. 1992. № 7; Л е в и н Ю. И. Заметки о поэзии О. Мандельштама тридцатых годов: II. «Стихи о неизвестном солдате» // Slavica Hierosolymitana. Vol. IV. Jerusalem, 1979; Р о н е н О. К сюжету «Стихов о неизвестном солдате» Мандельштама // Там же; О н ж е. Поэтика О. Мандельштама. СПб., 2002; П а р н и с А. Е., Т и м е н ч и к Р. Д. Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник, 1983. Л., 1985; П а р н и с А. Е. Мандельштам: «Весь корабль сколочен из чужих досок»: (О хлебниковском подтексте стихотворения «Сумерки свободы») // О. Мандельштам: К 100-летию со дня рождения. М., 1991; О н ж е. Штрихи к футуристическому портрету О. Э. Мандельштама // Слово и судьба; Г р и г о р ь е в В. П. От самовитого слова к самовитому словосочетанию / А. Белый, В. Хлебников, О. Мандельштам // Материалы IV Хлебниковских чтений. Астрахань, 1992; О н ж е. «Впереди не провал, а промер...»: (Два идиостиля: Хлебников и Мандельштам) // Русистика сегодня. 1994. № 1; О н ж е. Поздний Мандельштам: Хитрые углы («Ода» Сталину или Хлебникову? // Будетлянин. М., 2000; Ш и н д и н С. Г. О метатекстуальном аспекте «Стихов о неизвестном солдате» Мандельштама // Русский авангард в кругу европейской культуры. М., 1993; О н ж е. Фрагмент поэтического диалога Мандельштама и Хлебникова // Смерть и бессмертие; Т е р р а с В. И. Классические мотивы в поэзии О. Мандельштама // Мандельштам и античность; ЕРО ПД на 1992 год. СПб., 1997; Л е к м а н о в О. А. У кого зеленая могила...// Л е к м а н о в. 2000; Т а р а н о в с к и й К. Сеновал // Тарановский К. О поэзии и поэтике. М., 2000; Х а н ц ы н И. Д. О Мандельштаме // «Сохрани мою речь...»-3(2); К р а в е ц В. В. Мандельштам и хлебниковское понимание смерти и бессмертия (к истолкованию «Как по улицам Киева-Вия...») // Смерть и бессмертие.

В. В. Калмыкова.

ХОДАСЕВИЧ (урожд. Ч у л к о в а, в первом браке Г р н е ц и о н) Анна Ивановна [1887 (?) – 19.10.1964, Москва], вторая жена В. Ф. *Ходасевича*, сестра Г. И. *Чулкова*. Публиковала (под псевд. Софья Бекетова) стихи, занималась переводами. Начало тесного общения Х. с О. М. относится к периоду ее жизни в петрогр. *Доме искусств* (ДИСК), куда В. Ф. Ходасевич с женой перебрались из Москвы в кон. 1920. Как и мн. др. соседи Ходасевичей по ДИСКу, О. М. был у них частым гостем. В небольших по объему, но насыщенных восп. Х. о том времени его имя идет одним их первых: «В нашей комнате бывало много людей: к нам заходила Ольга Форш, Михаил Зощенко, художник Миклашевский, Осип Мандельштам, художница Щекочихина, Владимир Пяст, Сергей Нельдихен, Михаил Слонимский, Вениамин Каверин, Николай Тихонов, Надежда Павлович, Николай Гумилев, художница Валентина Ходасевич, племянница Влади – дочь его старшего брата Михаила, – которая жила в одной квартире с М. Горьким, где мы с Владей бывали» (Х о д а с е в и ч А. И. Воспоминания о В. Ф. Ходасевиче. С. 402–403).

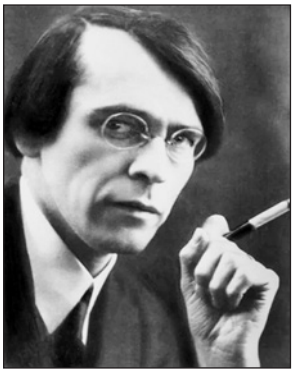
Позже, когда В. Ф. Ходасевич выехал за границу, О. М. регулярно помогал Х., оставшейся без работы и практически без средств к существованию. В частности, он вместе с Б. К. *Лившицем* отредактировал сделанный ею перевод двух франц. романов (см.: Там же. С. 406).

Во «Второй книге» Н. Я. *Мандельштам* дана вполне уничижит. характеристика Х. как «легкомысленного и до ужаса преданного существа»: «Она щебетала, как птичка,

жалела Владека, объясняла, какие у них были отношения (“Владек такой больной – ему все вредно”), огорчалась, что он скрыл от нее свой отъезд, и всем показывала новые, полученные из-за границы стихи. Дурного слова она о Владеке не сказала и уверяла, что любит только его» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 162). Там же Н. М. раскрывает и причину обострения отношений между Х. и О. М.: «В трудную минуту моей жизни она уговаривала меня бросить Мандельштама, а он, узнав об этом, взбесился и больше меня к ней не пускал» (Там же).

С о ч.: Воспоминания о В. Ф. Ходасевиче // Ново-Басманная, 19. М., 1990.

К. В. Яковлева.



Владислав Фелицианович Ходасевич

ХОДАСЕВИЧ Владислав Фелицианович (16.5.1886, Москва – 14.6.1939, Париж, Франция), поэт, критик, историк лит-ры, мемуарист. Отношение Х. к творчеству О. М. претерпело существ. эволюцию. Достаточно высоко оценивая в своей рец. на «Камень» (1916) ранние, символистские опыты поэта («Silentium», «Слух чуткий – парус напрягает...», «Образ твой, мучительный и зыбкий...»), Х. далее отмечал, что «в позднейших стихотворениях г. Мандельштама маска петроградского сноба слишком скрывает лицо поэта; его отлично сделанные стихи становятся досадно комическими, когда за их “прекрасными” словами кроется глубоко ничтожное содержание» [Утро России. 1916. 30 янв. С. 5; цит. по: Камень. 1990. С. 219; об отношении Х. к стихам О. М. в это время см. также в мемуарах Г. В. *Иванова*: «В Москве один Ходасевич признавал Мандельштама “хорошим поэтом”. Брюсов в ответ на эту скромную оценку иронически пожимал плечами» (И в а н о в Г. В. Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. М., 1994. С. 621)]. Личное знакомство Х. и О. М., состоявшееся не позднее лета 1916, когда оба жили в Коктебеле у М. А. *Волошина*, не изменило отношения Х. к О. М. 18.7.1916, после провала О. М. и Х. на поэтич. вечере в Феодосии, на к-ром Х. и актеру Н. О. Массалитинову «кричали: “Довольно этих Мандельштамов”» (РМ. 1996. 25 апр. – 1 мая. С. 13), Х. в письме к Б. А. Диатроптову назвал О. М. «посмешищем всекоктебельским» (Х о д а с е в и ч В. Ф. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1997. С. 404). В письме к С. Я. *Парнок*, отправленном через 4 дня (22.7.1916), Х. дал не менее уничтожающую, но более развернутую характеристику О. М.: «Мандельштам не умен, Ваша правда. Но он несчастный, его жаль. У него ущемление литературного самолюбьица. Петербург его загубил. Ну какой он поэт? <...> Т. е. я хочу сказать, что стихи-то хорошие он напишет, как посидит, – а вот все-таки не поэт» [Там же. С. 405; ср. с вариацией в письме Х. к жене: «Мандельштам дурень: София Яковлевна» Парнок «права. ПРОСТО глуп. Без всяких особенностей» (О н ж е . Собр. соч.: В 2 т. Т. 2. [Ann Arbor]. 1990. С. 512–513). Эти и сходные с ними суждения Х. о личности и творчестве О. М. подробно проанализированы в исследовании: Б о г о м о л о в. С. 456–60].

В окт. 1920 – февр. 1921 Х. был соседом О. М. по петрогр. *Дому искусств*, о чем оставил восп., где О. М. изображается как «странное и обаятельное существо, в котором податливость уживалась с упрямством, ум с легкомыслием, замечательные способности с невозможностью сдать хотя бы один университетский экзамен, леность с прилежностью, заставлявшей его буквально месяцами трудиться над одним не удающимся стихом, заячья трусость с мужеством почти героическим – и т. д. Не любить его было невозможно» (Х о д а с е в и ч В. Ф. «Диск» (1939) // Ходасевич В. Ф. Собр. соч.: : В 4 т. Т. 4. С. 280–281). Это потепление оценок, как и при описании своего с О. М. недолгого членства в 3-м «Цехе поэтов» Н. С. *Гумилева* в 1921 (Там же. С. 86–89), – без сомнения, ретроспективное, поскольку еще 27.8.1921 Х. писал В. Г. *Лидину*, что «Липскеровы, Г. Ивановы, Мандельштамы, Лозинские и т. д. – все это “маленькие собачки”, которые, по пословице, “до старости щенки”» [Там же. С. 435; тем не менее, перед своим отъездом в эмиграцию в 1922, Х. «два-три раза заходил» к О. М. и Н. М. в Москве (Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 162]. О. М. откликнулся на поэтич. вечер Х., состоявшийся тогда в столице, в заметке «Литературная Москва» (1922): «Жажда поэтического дыхания через воспоминанья сказалась в том повышенном интересе, с которым Москва встретила приезд Ходасевича, слава богу, уже лет двадцать пять пишущего стихи, но внезапно оказавшегося в положении молодого, только начинающего поэта» (2. С. 258).

Благосклонный отзыв Х. заслужила вторая кн. стихов О. М. «Tristia» (1921), хотя свое общее мнение о поэте Х., судя по всему, не переменил: «...поэзия Мандельштама – благородный образчик чистого метафоризма. Подобно Адаму поэт ставит главной целью – узнавать и называть вещи. Талант зоркого метафориста позволяет ему тешиться этой игрой <...> Думаем, что самому Мандельштаму не удалось бы объяснить многое из им написанного» (Дни. [Берлин,] 1922. 13 нояб. С. 11).

В эмиграции Х. неск. раз отзывался на произведения О. М. под псевд. Гулливер: «Из самых последних стихотворений его особенно интересно “1 января 1924 года”. Издание стихов Мандельштама, – последних или нет – особая радость для поклонников поэта. В советских журналах Мандельштам почти не печатается, и в России, где сейчас так мало подлинных поэтов, книга его в некотором роде событие» [из отзыва на «Стихотворения» (1928) О. М. (Возрождение. [Париж,] 1928. 16 авг.)]; «Стихи его, может быть, не столь хороши, как в прежние годы, однако всегда чем-то радуют. Жаль, что этим поэтом не издана книга стихов последнего периода, мы бы увидели проделанный им путь» [из отзыва на поэтич. подборку О. М. (Звезда. 1931. № 4) (Возрождение. [Париж,] 1931. 2 июля].

Интерес О. М. к поэтич. творчеству Х. был устойчивым и ровным. Уже программное стих. О. М. «Быть может, я тебе не нужен...» (1911) содержит значимые переклички со стих. Х. «Душа» (см.: Сегал. С. 83–84). В мемуарном очерке «Шуба» (1922) О. М. вспоминал своего «соседа по камчатке бывших меблированных комнат <...> поэта Владислава Ходасевича, автора “Счастливого домика”, чей негромкий, старческий, серебряный голос за двадцатилетие его поэтического труда подарил нам всего несколько стихотворений, пленительных, как цоканье соловья» (2. С. 247). В заметке «Выпад» (1923) О. М. назвал Х. в ряду «русских поэтов не на вчера, не на сегодня, а навсегда» (Там же. С. 409). В «Буре и натиске» (1923) О. М. писал, что Х. и М. А. *Кузмин* – это «типичные младшие поэты со всей свойственной младшим поэтам чистотой и прелестью звука <...> Ходасевич культивировал тему Боратынского: “Мой дар убог, и голос мой негромок” – и всячески варьировал тему недоноска. Его младшая линия – стихи второстепенных поэтов пушкинской и послепушкинской поры – домашние поэты-любители, вроде графини Ростопчиной, Вяземского и др. <...> Ходасевич донес даже до двадцатого века замысловатость и нежную грубость простонародного московского говорка, каким пользовались в барских литературных кругах прошлого века. Стихи его очень народны, очень литературны и очень изысканны» [Там же. С. 293; нек-рые из этих оценок О. М. были учтены и полемически обыграны Ю. Н. *Тыняновым* в § 3 его ст. «Промежуток» (1924)].

По свидетельству Э. Г. *Герштейн*, ассоциацию со стихами Х. вызвало у Е. Я. *Хазина* стих. О. М. «Холодная весна. Бесхлебный робкий Крым...» (1933) (см.: Герштейн. С. 46). А в стих. О. М. того же года «Квартира тиха, как бумага...» исследователи находят многочисл. и структурно значимые переклички с «Балладой» Х. (Ронен. С. 40–42; см. также: Кушнер, где встречаем также сопоставление стих. О. М. «Мы с тобой на кухне посидим...» 1931 со стих. Х. 1927 «Сквозь ненастный зимний денек...»).

Соч.: Собр. соч.: в 2 т. [Ann Arbor]. 1990.

Источники: Герштейн.

Лит.: Кушнер А. С. Мандельштам и Ходасевич // Столетие Мандельштама; Сегал; Богомолов Н. А. Мандельштам и Ходасевич: Неявные оценки и их следствия // Богомолов Н. А. Русская литература первой трети XX века: Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск, 1999; Ронен О. Поэтика О. Мандельштама. СПб., 2002.

О. А. Лекманов.

ХОЛОМКИ, имение князей Гагариных в Псковской губ., недалеко от г. Порхова. Его последний владелец – князь Андрей Григорьевич Гагарин (1855–1921), математик и инженер, 1-й ректор Политехнич. ин-та в С.-Петербурге. В 1905 он спас от ареста группу студентов-революционеров, за что, по-видимому, Х. были оставлены ему во владение.

В 1920 в Х. образовалась колония (Дом отдыха) петрогр. худож. интеллигенции – Дом искусств (зав. – худ. Б. П. Попов, управляющий хозяйством – Е. О. Добужинский). С весны до зимы здесь жили Добужинские, Радловы, Чуковские, Е. И. *Замятин*, В. А. *Милашевский*, В. А. *Пяст*, М. Л. *Слонимский*, В. Ф. *Ходасевич* и др. По сообщению Милашевского, в Х. нек-рое время находился и О. М.

Источники: Милашевский В. А. Вчера, позавчера...: Воспоминания художника. 2-е изд., испр. и доп. М., 1989. С. 114–115, 213–215, 227, 231, 235; Чуковский Н. Холомки // Чуковский Н. Литературные воспоминания. М., 1989. С. 93–99; Корней Чуковский – Николай Чуковский: «Мы очень разные литераторы»: Переписка (1921–1963) / вступление, подг. текста и примеч. Е. Н. Никитина // Знамя. 2004. № 1. С. 141–163.

П. М. Нерлер.

ХУБЕР (Huber) Клаус (род. 30.11.1924, Берн, Швейцария), швейц. композитор и муз. педагог. Работа Х. над текстами О. М. началась в 1989 во Фрайбурге (Германия). Автор струнного трио памяти О. М., вокальных миниатюр на стихи О. М. из «Воронежских тетрадей» в переводе на нем. яз., хоровых произведений на стихи О. М. на рус. яз. и оперы *«Чернозем»* («Schwarzerde»). Особую утонченность музыке Х. придает найденный им прием деления тона на 3 части, а не на 2, как это принято. Живет в Бремене (Германия) и Паникале (Италия).

Лит.: Ганчикова Е. «Чернозем» в Базеле: Опера Клауса Хубера о Мандельштаме // РМ. № 4396. 2002. 14–20 февр. С. 10; Schwarzerde: Oper von Klaus Huber. Theater Basel. 2001. S. 60–64, 72–74.

П. М. Нерлер.

Ц

ЦВЕТАЕВА Анастасия Ивановна (14.9.1894, Москва – 5.9.1993, там же), писательница. Родилась в семье дир. Румянцевского музея, основателя Музея изящных иск-в им. Александра III, проф. И. В. Цветаева. Младшая сестра М. И. *Цветаевой*. В юности писала филос. прозу: «Королевские размышления» (1915), «Дым, дым, дым» (1916). В круг общения Ц. входили философы В. В. *Розанов*, Л. Шестов, Н. А. *Бердяев*; она была дружна с М. *Горьким*, благодаря заступничеству к-рого (а также Е. Пешковой и Б. Л. *Пастернака*) была освобождена вскоре после ареста в апр. 1933. Вторично арестована по надуманному обвинению в 1937 и через 5 месяцев отправлена в лагерь Д. Восток. Освобождена из лагеря в 1947. В 1948 вновь арестована и сослана на вечное поселение в дер. Пихтовка Новосибирской обл. Освобождена в 1953, реабилитирована в 1959. Тогда же вернулась в Москву. Ее возвращение в лит-ру произошло в 1966 после начала публикации отрывков из кн. «Воспоминания» в *«Новом мире»* (в 1971–2002 – 5 изд.). Ц. – автор автобиогр. прозы: пов. «Моя Сибирь» (1988), роман «Amor» (1991; обе книги написаны в лагере), кн. рассказов «О чудесах и чудесном» (1991) В 1995 вышла кн. стихов Ц. «Мой единственный сборник»

Первая встреча Ц. и О. М., положившая начало их многолетней дружбе, произошла летом 1915 в Коктебеле, куда она приехала по приглашению М. А. *Волошина* вместе с сестрой Мариной. О. М. приезжал в Крым со своим братом А. Э. *Мандельштамом*. Впечатления от этой встречи Ц. пронесла через всю жизнь и подробно ее описала в своих «Воспоминаниях» (Цветаева. С. 555–562). Внешность поэта воссоздана Ц. ярко и образно, с удивительной чуткостью, остроумием, вниманием к деталям портрета: посадке головы, глазам, улыбке: «Чаще всего он стоял, подняв голову, опустив веки на ласковые в шутливой беседе, грустно-высокомерные глаза. Казалось, опустив веки, ему легче жить». Ц. уловила сходство с птицей, отмечавшееся и др. знакомыми О. М.: «Горбатость носа давала ему что-то орлиное. <…> И была в нем жалобность брошенного птенца».

Ц. описывает трогательную, шутливую игру в «сеструнью», роль, к-рую она взяла на себя, поскольку О. М. был слаб здоровьем и беспомощен в быту: «Осип стал в смысле каш и спиртовок моим вторым сыном», «моим терзаньем и утехой». Заботу о себе он принимал благосклонно, как должное: «Осип был величаво-шутлив, свысока любезен – и всегда на краю обиды, так как никакая заботливость не казалась ему достаточной». Невыносимый, по мнению окружающих, характер О. М. (капризы, раздражительность, постоянное беспокойство о своем самочувствии) Ц. переносила миролюбиво, защищая его от нападок друзей, иронизировавших над ним. Увлекшись, по ее словам, образом О. М., Ц. охотно играла свою роль, жалела его и была терпелива с ним, как с ребенком, восхищаясь им как поэтом. Часто она любовалась О. М., ее внимание привлекало сочетание в нем холодности и «какой-то детской ласковости».

Анастасия Ивановна Цветаева

Ц. поражала манера О. М. читать стихи, «даря слушателям <...> ритмическую струю гипнотически повелительной интонации». Его голос, по словам мемуаристки, был убедительнее слов и остался навсегда в ее памяти, «рождающий в воздух, в слух эти колдовские слова». О. М. охотно читал свои стихи по просьбам друзей, однако был высокомерен и к своим слушателям «снисходил», не верил пониманию и не искал отклика. По признанию Ц., роль наивного слушателя была нова ей, выросшей среди поэтов; с О. М. она забывала о своих мыслях и чувствах, позволяла своему собеседнику «быть причудливым» и «сложным».

Свидетельством общения Ц. и О. М. в 1920-е гг. служит письмо О. М., адресованное литератору С. А. Полякову, в то время казначею профессионального СП. В этом письме О. М. ходатайствовал о выдаче пособия Ц. (к-рая стала чл. СП в 1927 (см.: /www.krugosvet.ru/; http://ewiki.info; antology.igrunov.ru/ – принята в СП по рекомендации М. О. *Гершензона* и Бердяева) по ее просьбе (4. С. 28).

Еще одну встречу с О. М., состоявшуюся 22.2.1933, Ц. вспоминает в беседе с В. Д. Дувакиным (О. и Н. Мандельштамы. С. 159–161) В этот день состоялся поэтич. вечер О. М. в Ленингр. академич. капелле. Ц. рассказывает, как О. М. вышел, уперся руками в стул и начал читать, не поднимая головы, не обращая внимания на несмолкающие аплодисменты («Мы аплодировали, чтобы заставить его поднять голову все больше, все больше.»). Ц. поразило в О. М. сочетание презрения к слушателям («Это выглядело так: “Мне вы не нужны, я пришел читать, так замолчите!” Это было очень погано, но... великолепно»), злости и нежности. Она сравнивает его выступление, полное достоинства, с выступлением А. *Белого* (скорее всего, в февр. 1924),

вернувшегося в Россию унижающимся, «несчастным паяцем»: «Достоинства не было ни малейшего! И вот: этот русский вернулся в свою страну, но достоинство потерял, а еврей, который по внутренним причинам не читал десять лет, а потом выступил, – как он себя вел, с каким достоинством!»

Во вступит. статье к опубл. записи беседы Ц. с Дувакиным О. С. и М. В. Фигурновы высказывают мнение, что Ц. мыслила себя собеседником О. М., ссылаясь на ее слова в «Воспоминаниях» (С. 556–557). Ц. считала, что «он не нашел человека, с кем бы мог встать вровень <...> Ну Ахматову он высоко ставил, а про не-поэтов считал, что это вообще – так».

С о ч.: Воспоминания. Изд. 3-е, доп. М., 1983, С. 555–562.

Источники: О. и Н. Мандельштамы. С. 159–161.

А. А. Блокина.

ЦВЕТАЕВА Марина Ивановна (8.10.1892, Москва – 31.8.1941, Елабуга), поэтесса, эссеист, мемуарист. Ц. и О. М. познакомились летом 1915 в Коктебеле в пансионе Е. О. Кириенко-Волошиной (мать М. А. *Волошина*). Знакомство было поверхностным. Затем, на Рождество 1916, Ц. приехала в Петроград, где читала свои стихи на вечере у бр. Л. и С. Каннегисеров (см. Л. И. *Каннегисер*) в присутствии С. А. *Есенина*, Г. В. *Иванова*, Р. *Ивнева*, М. А. *Кузмина*, О. М., Н. А. *Оцупа* и др. поэтов, также читавших свои произв. [позднее Ц. вспоминала своеобразие манеры О. М. читать стихи, «полузакрыв верблюжьи глаза» (Ц в е т а е в а М. Нездешний вечер // Ц в е т а е в а. Проза. С. 272)]. В тот день О. М. подарил Ц. свою кн. «Камень» (2-е изд.) с дарств. надписью: «Марине Цветаевой – камень-памятка. Осип Мандельштам. Петербург, 10 янв аря 1916 г.». До отъезда Ц. из Петрограда О. М. и Ц. неоднократно встречались. 20.1.1916 Ц. возвратилась в Москву. В письме к Кузмину Ц. рассказала о продолжении знакомства (Ц в е т а е в а. Собр. соч. Т. 6. С. 210; подробнее см.: Л е к м а н о в. 2003. С. 70–73). С этого момента начались недолгие близкие отношения поэтов, продуктивные для творчества обоих. В это время О. М. очень высоко ценил стихи Ц., противопоставляя ее поэзию творчеству тогдашней подруги Ц. С. Я. *Парнок*. Коллизия «О. М. – Ц. – С. Парнок» затрагивается в комм. Т. Л. Никольской и Г. А. Левинтона к ст. Волошина «Голоса поэтов» (М. Волошин. Лики творчества. Л., 1988. С. 772; см. также: Б у р г и н Д. Л. София Парнок: Жизнь и творчество русской Сафо. СПб., 1999. С. 164–165).

Весной 1916 О. М. подолгу бывал в Москве, куда приезжал специально, чтобы видеться с Ц. Несмотря на влюбленность в Ц., О. М. находился в приятельских отношениях с ее мужем, С. Я. Эфроном (Т а г е р). Отношение О. М. к Ц. – юношеская влюбленность, вспышка чувства. Ц. же, во-первых, скорее, отвечала на чувство другого, чем любила сама, во-вторых, ее рождественский приезд в Петроград ею самой трактовался не только как своеобр. миссия «московского» поэта по отношению к «петербургским» и миротворч. реплика в традиц. культурном противостоянии обеих столиц. Для самой Ц. это – жест, непосредственно обращенный к А. А. *Ахматовой*, поэзию и личность к-рой Ц. боготворила. Горячее желание Ц. – подарить не только моск. поэзию, но и саму Москву Ахматовой, причем это касается и стихов, написанных после возвращения в родной город и относящихся к периоду близости с О. М. Позже О. М. рассказал Ц., что Ахматова всюду носила с собой рукопись посв. ей стихов Ц. вплоть до полного обветшания бумаги; этот рассказ был особенно дорог Ц. Помимо этого, Ахматова была посвящена самим О. М. в подробности романа с Ц. (А х м а т о в а. С. 127), что позволило ей сделать выводы относительно влияния Ц. на поэзию О. М. Т. о., слова Ц. о том, что она дарила О. М. Москву, следует понимать и в контексте тогдашней «невстречи» с Ахматовой: «подарок» как бы предназначен и для «личного пользования», и для «передаривания». Отношения с О. М. приобрели, помимо личного, еще и культурно-поэтич. значение, к-рое лишь «разбавлялось» искренним непосредств. чувством О. М. Все эти нюансы бросают свет на причину раздражения Ц. по отношению к О. М., явного из письма к П. И. Юркевичу от 21.6.1916, в к-ром есть признание: «Я могу любить только человека, который в весенний день предпочтет мне березу. – Это моя формула» (Ц в е т а е в а. Соч. 1988. Т. 2. С. 466). Раскрытая в письме ситуация отношений с О. М. дается как пример несовпадения взглядов на природу любви (Там же). Через 7 лет, в письме к А. В. Бахраху (1923), Ц. возвратилась к этой ситуации, вновь наглядно иллюстрировавшей расстановку приоритетов в ее внутр. мире (Там же. С. 609).

Поэтич. диалог Ц. и О. М. начался в февр. 1916. Он включает в себя как отд. произведения, посв. поэтами друг другу, так и межтекстовые переклички. Ц. очень любила стих. О. М. «Бессонница. Гомер. Тугие паруса...» (лето 1915, Крым), так же, как стих. «Обиженно уходят на холмы...» и «С веселым ржанием пасутся табуны...» (Соч. Т. 1. С. 472). О. М. особенно внимательно относился к «чужому» слову в своей поэзии, допуская замены отд. слов на более удачные, подсказанные слушателями. На принадлежавшем Ц. экз. кн. «Tristia», подаренном ею А. Е. *Крученых* 3.5.1941, ее рукой сделана помета к слову «водились» в стих. «Зверинец» и дана сноска, свидетельствующая о первонач. варианте – «плодились», измененном благодаря ей (Там же. С. 473–474). Текстологич. история стих. «На розвальнях, уложенных соломой...», непосредственно обращенного к Ц., и «Не веря воскресенья чуду...» также связана с ней.

Прямо и непосредственно обращены обоими поэтами друг к другу следующие стихи (1916): у О. М. – «В разноголосице девического хора...», «На розвальнях, уложенных соломой...», «О, этот воздух, смутой пьяный...», «Не веря воскресенья чуду...»; у Ц. – «Никто ничего не отнял...» (стихотворение касается ситуации отъезда О. М. в Петроград из Москвы), «Собирая любимых в путь...», «Ты запрокидываешь голову...», «Откуда такая нежность...», «Разлетелось в серебряные дребезги...» (на экз. кн. «Версты» из собрания М. С. *Лесмана* рукой Ц. сделана помета: «О. Мандельштаму и еще нескольким» (Книги и рукописи в собрания М. С. Лесмана. С. 225), «Приключилась с ним странная хворь...», «Из рук моих нерукотворный град...», «Мимо ночных башен...», «Гибель от женщины. Вот знак...».

В стихах О. М., посв. Ц., впервые и во всей полноте проявилась характерная черта его поэтики – соединение и сращивание в худож. целое разл. эпох со всеми отличит. ист. и культурными чертами, помещение их в единое культурно-историософ. пространство и как результат – создание

Марина Ивановна Цветаева

поэтич. худож. *времени*. В «В разноголосице девического хора...» (в одном из списков стихотворение носило назв. «Москва», прямо отсылавшее к историософ. проблематике) взаимодействуют три эпохи: рус. правосл. средневековье, Др. Греция и итал. Возрождение. Именно такая совокупность характерна для зрелого творчества О. М. Метафоризация мира, свойственная О. М. («И в дугах каменных Успенского собора / Мне брови чудятся, высокие, дугой»), привела к возникновению особого рода оптики, при к-рой разл. объекты сливаются и наплывают друг на друга; создается образ «города-женщины», а в нем реализуется и любовная, и чрезвычайно важная для О. М. архитектурная темы. Образ «города-женщины» своеобразно преломлял идею «Москва – третий Рим», ранее чуждую историософии О. М. и поэтике «Камня». Москва входила в его сознание в качестве иного, чем С.-Петербург, центра рус. истории, неся в себе чувство неясной тревоги. В своих стихах и Ц., и О. М. утверждали свою творч. позицию, опираясь на образную систему А. С. *Пушкина* (М у с а т о в). Неслучайно Ц., погруженная в образы рус. фольклора, уподобляла себя в стихах пушкинской Царевне Лебеди (ср.: «Из рук моих – нерукотворный град...»), сказочным героиням, способным создать для возлюбленного «град» мановением руки.

Эффект смещения временных границ и вследствие этого – неподвижность ист. времени и свойство исторически отдаленных друг от друга событий происходить в поэтич. произведении одноврем. составляет основу стих. О. М. «На розвальнях, уложенных соломой...», в к-ром трагич. интонация рождается из смешения неск. сюжетов рос. истории. Трагедийное начало возникает в стихотворении и ощущается читателем именно за счет выстраивания подобного знакового ряда.

Поэтич. обращения Ц. к О. М. – характерные для нее лирич. произведения романтич. плана, предельно субъективные, передающие непосредственность чувства. Вместе с тем они изобилуют конкретными деталями: точным обозначением месяца, в к-рый происходили прогулки по Москве («Какого спутника веселого / Привел мне нынешний февраль!» – «Ты запрокидываешь голову...»), маршрута прогулки (там же; ср:. «Из рук моих – нерукотворный град...» и др.). В первом из посвящений – «Никто ничего не отнял» – Ц. сравнивает О. М. с Г. Р. *Державиным* («Что вам, молодой Державин, / Мой невоспитанный стих!») (Ц в е т а е в а. Соч. 1988. Т. 2. С. 413). Ц., чья поэтика также генетически связана с 18 в. (З у б о в а), особенно остро почувствовала эту особенность творчества О. М.

Лексич. строй стихов Ц. включает в себя элементы архаич., церк.-правосл. и фольк. семантики (последняя особенно ярко проявилась в синтаксисе и акцентуации стихов): «отрок», «очи», «покров», «град», «це́рковка», «ворота́», «червонный» и др. Образная система опирается и на фольк., и на апокрифич. мотивы (ср.: «Разлетелось в серебряные дребезги...» и «Из рук моих – нерукотворный град...»). Вместе с тем задействуются пророч. элементы и элементы индивидуальной цветаевской мифологии – ср.: «На страшный полет крещу вас: / – Лети, молодой орел!» («Никто ничего не отнял...») с увлечением «Орленком» Ростана. Трагич. интонация создается переживанием чужой судьбы, помещенной в контекст истории лит-ры.

В нач. июня 1916 О. М. приехал в г. Александров, где в тот момент находилась Ц. Однодневный визит О. М. подробно описан самой Ц. в ее письме к Е. Я. Эфрон от 12.6.1916 (Ц в е т а е в а. Соч. 1984. Т. 2. С. 466–468), а к-ром воссоздан вполне прозаич. и бытовой облик О. М., причем Ц. не скрывала своей иронии и не ставила перед собой задачи поэтически возвысить его личность. Во время своего визита О. М. жаловался на «страшную пустоту» в душе, одиночество и необходимость чьей-либо заботы, сообщал о своем намерении работать служащим в банке. О. М., под впечатлением поездки в Александров, написал стих. «Не веря воскресенья чуду...», где вновь смещал реальные границы: на сей раз – разл. геогр. областей (Александров, средняя Россия и Крым). Здесь подводился также худож. итог взаимоотношений с Ц. Стихотворение интонационно близко кн. «Камень» и является связующим звеном между ней и «Tristia». Последние стихи («Прими ж ладонями моими / Пересыпаемый песок») одноврем. и отсылали к реальной бытовой ситуации общения, и выводили в символич. пространство (песок как уходящее время). Строки «С такой монашкою туманной / Остаться – значит, быть беде» позже, в «Истории одного посвящения» (1931), трактованы Ц. как относящиеся к описанию монахини, торговавшей рукоделием; однако контекст стихотворения показывает, что образ монашки впрямую соотнесен с Ц. О том же свидетельствуют и строки одного из стихотворений Ц., обращенных к О. М.: «Мой – рот – разгарчив, / Даром что свят – вид» («Мимо ночных башен...»). По-видимому, в реальном общении Ц. настаивала на своей отрешенности от конкретных проявлений отношений между мужчиной и женщиной.

Увидев Москву сквозь призму восприятия Ц., О. М. обогатился и человечески, и творчески. О влиянии Ц. на поэтич. возмужание О. М. не раз определенно высказывалась Ахматова. По мнению Н. М., «дикая и яркая Марина» «расковала в нем жизнелюбие и способность к спонтанной и необузданной любви» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 469); Н. М. подчеркивала роль Ц. как женщины, научившей его любить (Л о с с к а я. С. 146). Душевная щедрость, богатство, бескорыстие и своеобразие чувств, необузданность и своеволие Ц., высокий порыв ее души послужили своеобразным катализатором, выявившим в душе О. М. и в его поэзии черты и свойства, не присущие ему ранее. Вместе с тем впоследствии, критически переосмысливая эмоциональный опыт 1910-х гг., О. М., по свидетельству Н. М., недвусмысленно

негативно отзывался о своеволии Ц. [М а н д е л ь ш т а м Н. (2). С. 372–380;].

Несмотря на разницу индивидуальных манер обоих поэтов, сравнит. анализ их творчества уже в 1910-е гг. давал основания для их объединения под знаком общей манеры письма. В 1917 Волошин поставил их в один ряд: «...Слияние стиха и голоса зазвучало непринужденно и свободно в поэзии Ахматовой, М. Цветаевой, О. Мандельштама, С. Парнок. В их стихах все стало голосом» (Камень. 1990. С. 238).

Взаимоотношения с Ц. оставили глубокий след, заметный окружающим: так, С. П. *Каблукову* вторжение жен. начала в жизнь и поэзию О. М., возникшая и утвердившаяся связь религии и эротики в его творч. организме представлялись своего рода кощунством (Там же. С. 256–257). Жен. начало, выявившееся при соприкосновении с личностью Ц., действительно, входит в поэзию О. М. и активно действует в ней до конца его творч. пути, хотя в теоретич. выступлениях предпочтение явно и однозначно отдается мужскому. В пору близости Ц. подарила О. М. серебряное кольцо с изображением Адама и Евы под древом добра и зла (Ц в е т а е в а. Неизданное... Т. 1). Роман с Ц. выявил специфич. черту личности О. М. – способность обновляться под воздействием др. личности (ср.: «Я дружбой был, как выстрелом, разбужен» – отношения с Б. С. *Кузиным*). Связь религ. и эротич. начал, очень важная для поэзии О. М. (см. в ст. *Эстетика* об идее «бесполого» мира как обреченного на деградацию и исчезновение), в целом характерна для поэтики 1-й трети 20 в. И в стихах Ц., обращенных к О. М., эта связь прослеживается, хотя для ее поэзии в целом она не вполне характерна. Здесь – одна из осн. черт отличия лирики 20 в. от лирики предшествовавшего столетия, когда эротизм, скорее, уподоблялся природным явлениям.

После отъезда из Александрова и по 1922 О. М. и Ц. общались эпизодически: непродолжит. встречи в Феодосии в нач. окт. 1917 (Л е к м а н о в. 2003. С. 79) и в 1918, когда Ц. не подала руки О. М. (что могло быть связано или с его отношением к «дому Волошина», или с негативным высказыванием по поводу деятельности Добровольч. армии – оба явления были чрезвычайно дороги Ц. и являлись объектами ее мифотворчества; см.: Ц в е т а е в а. Мой ответ О. Мандельштаму // Цветаева. Собр. соч. Т. 5. С. 305–317; То же / публ. Е. Б. Коркиной // Марина Цветаева. 1892–1992. С. 249–263). Однако диалог – или, во всяком случае, перекличка – продолжался в их произведениях не на уровне непосредств. обращений, а в плане межтекстовых связей. Так, в стих. Ц. «После бессонной ночи слабеет тело...» (19.7.1916) стих 8: «И на морозе Флоренцией пахнет вдруг», – отсылает к зимним прогулкам по Москве и к упоминанию Флоренции в стихах О. М. Контраст между только что увиденной и поэтически воспринятой Москвой и С.-Петербургом – Петроградом – Петрополем, в к-ром О. М. видел сферу самоотождествления, прослеживается в стих. О. М. «Мне холодно. Прозрачная весна...» и «В Петрополе прозрачном мы умрем...», написанных сразу после «московских» стихов. Роднит поэтов и общность поэтич. тем: Н. М. заметила, что у обоих присутствует тема «мать и музыка» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 83).

Ряд межтекстовых связей содержится в стих. О. М. «С веселым ржанием пасутся табуны...», «Я пью за военные астры...» и Ц. «Искательница приключений...» (24.7.1916), «Август – астры...» (7.2.1917). Сходство произведений обоих поэтов отмечается не только на уровне тематич. переклички, но и на уровне смыслового строя: в стихотворениях проявляется «присущая акмеистам интерпретация воображаемого через возведение к историко-культурным архетипам» и «множественность интерпретирующих кодов» (М и н ц. С. 106–110). Концептуально значимый для О. М. образ «ласточки-души-Психеи» (см., напр., «Когда Психея-жизнь спускается к теням...», 1912) перекликается со стих. Ц. «Психея» (13.5.1918). Выявляются и более широкие связи – между «Стихами о неизвестном солдате» О. М. и «Поэмой воздуха» Ц. посредством мотива воздушной катастрофы (Г е р ш т е й н. С. 127–128). Возможно, продолжает стихотворный диалог обоих поэтов и стих. О. М. «Ленинград» (В о л ь ф. С. 40–46).

В дневниковых записях Ц. обращалась к творчеству О. М. для иллюстрации своего внутр. состояния и психологич. черт, цитируя (не вполне точно) строки из стих. «Образ твой, мучительный и зыбкий...» и прибавляя: «Но я никогда не дерзну назвать себя верующей, и это – молитвой» (Ц в е т а е в а. Соч. 1988. Т. 2. С. 304). Ц., в отличие от О. М., не была религиозной. Отсутствие внутр. потребности в религии отражалось и на характере отношения к поэтич. слову, к-рое интересовало Ц. как самоценность, а не как вместилище одноврем. божественного и земного смысла. О. М. вместе с Н. С. *Гумилевым* относится в этом контексте к противоположному типу творчества (Л о с с к а я. С. 298).

Неудачный визит Мандельштамов к Ц. в 1922 в ее моск. квартиру (Борисоглебский пер., 6, кв. 3) и нарочито холодный, по словам Н. М., прием, оказанный ей хозяйкой, надолго испортили отношения поэтов, несмотря на попытки Ц. строить дальнейшие отношения (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 462–465, 469–470). Ц. приписала несостоявшееся общение ревности Н. М. – жены, «недавней и ревнивой» (Ц в е т а е в а. Собр. соч. Т. 6. С. 579; письмо Ц. А. В. Бахраху от 25.7.1923 // Там же. С. 574).

Сразу же после отъезда Ц. за границу в печати появилась ст. О. М. «Литературная Москва», в к-рой поэзия Ц. определена как лженародная, лжемосковская, исторически фальшивая – «богородичное рукоделие» и «самый печальный знак» моск. поэзии; противопоставлялись «мужская поэзия» как средоточие «силы и правды» и «женская поэзия» как пародия (употребление термина восходит к терминологич. системе формальной школы, упомянутой в статье) на стиховедч. новаторство и пережитый человеч. опыт. Прерогатива жен. поэзии – «пророчество как домашнее рукоделие». Статья О. М. в этой части соотносится с цитированными выше словами Волошина о приоритете голоса в поэзии нач. 20 в. (Литературная Москва // 2. С. 257–258). Резкость отзыва О. М., безусловно, была связана с недавней человеч. обидой, однако мотивирована не только ею, но и спецификой периода лит. развития личности поэта: ср. его слова о поэзии Ахматовой: «паркетное столпничество» из «Заметок о поэзии» (нач. 1923). В эстетике О. М. «мужское» и «женское» противопоставлены. «Женское» начало в типологии культуры то окрашивалось негативно, то, напротив, начинало присутствовать в творчестве поэта и в качестве импульса к созданию произведений, и в качестве

стилистич. характеристики (Ронен О. Бедные Изиды // Ронен. С. 152).

Подлинная переоценка поэтич. ценностей произошла для Ц. при восприятии поэзии Б. Л. *Пастернака*. Отныне для нее иные поэты (в т. ч. О. М.) – художники, не сопоставимые с Пастернаком. В одном из писем к нему она упоминала О. М. в числе поэтов, от к-рых не ждет ничего, кроме выражения их внутр. личностного содержания, тогда как Пастернак говорит с иной, общечеловеч., точки зрения (Цветаева. Соч. 1988. Т. 2. С. 483).

О. М. также усматривал в индивидуалистич. лирике Ц. преобладание «личного» над важным для него самого «надличным», общемировым и общечеловеческим, и именно это представлялось ему враждебным. Противостояние эстетич. позиций двух поэтов видно на примере резко негативной реакции Ц. на «Шум времени», к-рый она в 1926 прочитала в Лондоне. Метод О. М.-прозаика она иронически квалифицировала как «натюрмортизм» (письмо Пастернака Ц. от 23.5.1926: ДН. 1987. № 7. С. 260; Мандельштам О. Соч. Т. 2. С. 385). Ц. усмотрела «подлость» «Шума времени» [«Сижу и рву в клоки подлую книгу М<андельшта>ма “Шум времени”» (письмо Ц. от 18.3.1926 князю Д. А. Шаховскому // Цветаева. Собр. соч. Т. 7. С. 35; см. о том же в письме П. П. Сувчинскому: Там же. Т. 6. С. 317)], гл. обр., в «феодосийской» части книги, в к-рой упоминается деятельность Добровольч. армии. В одной из рабочих тетрадей Ц. сохранилась черновая рукопись ее «отповеди» – «Мой ответ О. Мандельштаму». Беловой текст, по предположению Е. Б. Коркиной, мог входить в состав одной из пропавших частей заруб. архива Ц. (Цветаева. Мой ответ О. Мандельштаму // Марина Цветаева. 1892–1992. С. 249–263). Ц. восприняла авторскую позицию О. М. как местами пошлую, исполненную оценочности и предвзятости (То же // Цветаева. Собр. соч. Т. 5. С. 305–317); «Это книга презреннейшей из всех людских особей – эстета, вся до мозга кости... гниль, вся подтасовка, без сердцевины, без сердца, без крови, – только глаза, только нюх, только слух, – да и то предвзятые, с поправкой на 1925 год» (Там же. С. 256). Ц. не была одинока в своей оценке произведения О. М.: в лит. обзоре И. Г. Лежнева (Печать и революция. 1925. № 4. С. 151–153) нек-рые характеристики «Шума времени» раздражали рецензента «своей барски-эстетской поверхностностью».

А. С. Эфрон, комментируя «Мой ответ...», ставший, по ее словам, результатом обиды Ц. на «иронию или промахи» О. М., утверждала, что мать «никогда не собиралась <...> печатать» его (Лосская. С. 51–52). По др. сведениям, Ц. была готова опубликовать свою «отповедь» (Цветаева. Соч. 1984. Т. 2. С. 465–466), предполагая для публикации пражский журнал «Воля России», от чего ее отговорил С. Я. Эфрон (чл. редколлегии), считавший интонацию очерка необоснованно резкой (Там же. С. 502). Об этом же ее просил и В. В. Сосинский (Мандельштам О. Соч. Т. 2. С. 385). Также текст Ц. был отклонен П. П. Сувчинским, ред. журнала «Версты», и проэсеровски ориентированными редакторами журнала «Современные записки». Формальное основание отказа – слишком «обличительный» тон отповеди, однако, по существу, вероятно, причиной послужила защита добровольчества, ставшая лейтмотивом произв. Ц.

Реакция Ц. на «Шум времени» помогает понять разницу типов творчества, к к-рым принадлежали она и О. М. Для него, по собств. признанию, память работала «не над воспроизведением, а над отстранением прошлого» (Шум времени. Комиссаржевская // Собр. соч.-2. Т. 2. С. 384; см. также: Ахматова. С. 122; Герштейн. С. 414; Мандельштам Н. (2). С. 25). Для Ц. память – арсенал личного мифотворчества, откуда она черпала образы людей из прошлого, воплощая их преображенными, заведомо прекрасными (Ахматова А. А. <М. Цветаева> // Ахматова А. А. Узнают голос мой...: Стихотворения. Поэмы. Проза. Образ поэта. М., 1989. С. 350). При всей оценочности, с к-рой Ц. отнеслась к прозе О. М., она не могла не попасть под воздействие ее стилистики: поэтика монтажа фрагментов, свойственная О. М.-прозаику, отсутствие жесткой фабулы, импрессионизм – все это вполне выразилось в прозаич. произведениях самой Ц., и «Мой ответ...» – тому подтверждение.

Пример цветаевского мифотворчества – прозаич. произведение «История одного посвящения» (1931), выполненное в авторском жанре худож. мемуаристики; непосредств. поводом к его созданию послужило чтение Ц. восп. Иванова «Китайские тени» (оценены ею однозначно негативно). «История...», в к-рой Ц. использовала поэтич. вымысел, незначительно изменяя нек-рые фактич. детали, – пример двойной полемики: и с Ивановым, и с самим О. М. Худож. работа Ц. с памятью и человеч. образом имела конкретную цель – фиксацию для читателя облика поэта, преломл. под совершенно опред. углом зрения, обращение к самому портретируемому со словесным «зеркалом», побуждающим его также вспомнить бывшее, и одноврем. – по отношению к «Китайским теням» – ответ легендой на «антилегенду». Ц. читала «Историю...» и посв. ей стихи О. М. на лит. вечере в Париже 30.5.1931. По ее словам: «...По залу – непрерывный шепот: “Он! Он! Он – живой! Как похоже”» (Цветаева. Соч. 1984. Т. 2. С. 465–466).

Стих. «О поэте не подумал...» (1934) Ц. вписала в экз. кн. «Версты» из собрания Лесмана в качестве одного из обращений к О. М. (Мандельштам О. Соч. Т. 2. С. 385). В очерке «Поэт-альпинист» (1934) Ц. упомянула о своем давнем сущностном сравнении поэзии О. М. с творчеством Державина: «...Мандельштам еще, по времени своему, в ненарушенной классической традиции, между ним и Державиным нет разрыва и разлива российской и словесной революции...» (Цветаева. Соч. 1988. Т. 2. С. 413). В этом контексте вряд ли полностью оправданно заявление Н. М. о том, что Ц. «с полным равнодушием относилась к стихам Мандельштама» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 462).

Отношение О. М. к поэзии Ц. с 1922, по ряду свидетельств, было, скорее, негативным. Слова «Я антицветаевец» он произносил и в присутствии Ахматовой (Ахматова. С. 122), и в присутствии С. И. *Липкина*, к-рый вспоминал также мотивировку этого заявления: «Ее переносы утомительны. Они выходят не в прозу – признак высокой поэзии, а в стилизацию. Она слышит ритм, но лишь слуховым аппаратом, ухом, а этого мало» (Липкин С. И. «Угль, пылающий огнем...» // З. С. 30). Однако, по свидетельству С. Б. *Рудакова*, О. М. все же квалифицировал поэзию Ц. как явление значительное: в дневниковых записях, фиксирующих разговоры с О. М., она поставлена в ряд по-

этов, к-рых О. М. в разной степени «побаивался», вместе с Гумилевым и К. К. Вагиновым (Герштейн. С. 147); Рудаков упоминал о желании О. М. перечитать произведения Ц. (Там же. С. 166). Ко времени воронежской ссылки относится и концерт скрипачки Г. В. *Бариновой*, напомнившей Рудакову Ц., виденную на фотографиях; О. М. также подтвердил сходство (Там же. С. 136). Концерт и его обсуждение с Рудаковым побудили О. М. к написанию стих. «За Паганини длиннопалым...», где вновь возник образ Ц.: стихи «На голове твоей, полячка, / Марины Мнишек холм кудрей» рисуют ее портрет и задействуют культурный элемент ее самоописания («Марина Мнишек»).

Оба поэта оказали друг на друга значит. влияние, хотя их взгляд на творчество друг друга менялся в зависимости от развития личных отношений, с одной стороны, и индивид. творч. эволюции – с другой. Для О. М. творчество Ц. и ее личность оказались включены в круг историософ. размышлений.

Соч.: Соч.: В 2 т. М., 1980, 1984, 1988; Проза / сост., авт. предисл. и коммент. А. А. Саакянц. М., 1989; Мой ответ О. Мандельштаму / публ. Е. Б. Коркиной // Норвичские симпозиумы по русской литературе и культуре. Т. II: М. Цветаева. 1892–1992 / под ред. С. Ельницкой и Е. Эткинда. Норфилд, Вермонт, 1992; Собр. соч.: В 7 т. М., 1994–95; Неизданное: Записные книжки: В 2 т. / сост., подгот. текста, предисл. и примеч. Е. Б. Коркиной, М. Г. Крутиковой. М., 2000. Т. 1: 1913–1919.

Источники: Герштейн; Тагер Е. М. О Мандельштаме: Воспоминания / публ. Г. П. Струве // НЖ. 1965. Декабрь; Н. Я. Мандельштам. Т. 2; Лосская В. М. Цветаева в жизни. М., 1992.

Лит.: Эфрон А. С., Саакянц А. А. Примеч. // Цветаева М. Избр. произв. М.; Л., 1965; Гинзбург Л. Я. Поэтика О. Мандельштама // Изв. ОЛЯ АН СССР. 1972. № 4; Харджиев Н. И. Примечания // Стих. 1973; Минц З. Г. «Военные астры» // Вторичные моделирующие системы. Тарту, 1979; Мусатов В. В. Об одном пушкинском сюжете в «диалоге» М. Цветаевой и О. Мандельштама // Проблемы современного пушкиноведения: Межвузовский сборник научных трудов. Л., 1986; Зубова Л. В. Поэзия М. Цветаевой: Лингвистический аспект. Л., 1989; Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана. М., 1989; Вольф И. «Ленинград» как продолжение стихотворного диалога О. Мандельштама и М. Цветаевой // Смерть и бессмертие поэта; Ронен О. Поэтика О. Мандельштама. СПб., 2002; Лекманов. 2003. С. 70–73.

В. В. Калмыкова.

ЦЕЛАН (Celan) Пауль (Песах Анчель) [23.11.1920, Черновцы, Румыния – 20(?)4.1970, Париж, Франция; покончил с собой, бросившись в Сену], австр. поэт, первый переводчик О. М. на нем. яз. Из рус. поэзии, помимо О. М., переводил также на нем. яз. А. А. *Блока*, С. А. *Есенина*, В. В. *Хлебникова*, К. К. *Случевского*, Е. А. Евтушенко. Учился медицине во Франции (1938–39), затем на отделении романистики в Черновицком ун-те (1940–41). В период оккупации Буковины Красной армией (1940–41) выучил рус. яз. В период 2-й мировой войны 1939–45 в концентрац. лагере погибли его родители, сам он находился в трудовом лагере близ Бухарест. Тема Катастрофы вост.-европ. еврейства (Холокоста) станет важнейшей темой его творчества. В апр. 1945 уехал из Черновиц в Бухарест, оттуда в дек. 1947 – в Вену, в июле 1948 – в Париж, где изучал германистику и общее языкознание. Преподавал нем. яз. в École Normale Supérieure.

Автор поэтич. сб-ков: «Песок из урн» («Der Sand aus den Urnen») (1948), «Мак и память» («Mohn und Gedächtnis») (1952), «От порога к порогу» («Von Schwelle zu Schwelle») (1955), «Решетки речи» («Sprachgitter») (1959), «Роза никому» («Die Niemandsrose») (1963), «Поворот дыхания» («Atemwende») (1967), «Нити солнца» («Fadensonnen») (1968); книги «Светопринуждение» («Lichtzwang»), «Партия снега» («Schneepart»), «Подворье времени» («Zeitgehöft») вышли посмертно. Лит. премия г. Бремена (1958), премия им. Г. Бюхнера (1960), Большая худож. премия земли Сев. Рейн – Вестфалия (Дюссельдорф, 1964).

Ц. познакомился с поэзией О. М. во 2-й пол. 1950-х гг. (см.: Райс. 1964. С. LXXXII; Он же. 2004. С. 160). В письме к В. Ф. Маркову свою «встречу» с творчеством О. М. он определил как «братство, явленное из дальнего далека» (см.: Birnbaum. P. 38). Для Ц. поэзия и судьба О. М. стали воплощением трагич. опыта европ. поэзии и европ. еврейства 20 в. В 1958 Ц. напечатал 8 стихотворений О. М. в своем переводе в журнале «Neue Rundschau». В 1959 книга переводов из О. М. вышла в изд-ве «Fischer Verlag». Переводы О. М., «брата Осипа», как Ц. назвал его в одном из своих незаконч. стихов (см.: Celan. 1997. S. 371), были для Ц. не менее важны, чем собств. стихи [см.: Террас и Вейман. (2) С. 160]. Более того, включая два новых перевода из впервые появившихся в альм. «Воздушные пути» (1961) воронежских стихов О. М. в журнальную публикацию своих стихотворений [Neue Rundschau, 74/1 (1963). P. 54–60], Ц. настаивал в письме к редактору, чтобы переводы печатались в подборке первыми (см.: Felstiner. P. 318).

Книга переводов Ц. из О. М. 1959 была высоко оценена в рец. Маркова (см.: Пауль Целан и его переводы рус. поэтов // Грани. 1959. 4. С. 227–30; перепечатано в: Найдич. С. 117–22) и нашла отклик у немецкоязычных поэтов [см., напр., письмо Нелли Закс к Ц. от 11.11.1959: «И опять Мандельштам – как удалось Вам поднять его из ночи со всем его языковым пространством, еще теплого, с каплями влаги из источника!» (Пауль Целан –Нелли Закс. Спасительный диалог: Из переписки. «Меридиан боли и утешения» // Диалог. 2003–04. Вып. 5–6. Т. 2. С. 75].

Писавшиеся во время перевода стихов О. М. книги «Решетки речи» и «Роза никому» (посвященная «памяти Мандельштама») насыщены отсылками к творчеству О. М. [уже в самом назв. кн. «Роза никому» («Die Niemandsrose») можно видеть аллюзию на стих. «Дайте Тютчеву стрекозу...»]. В это время жизн. самоидентификации с О. М. (к-рой способствовало и сходное с мандельшт. дело о плагиате, поднятое вдовой поэта И. Голля, что инициировало несправедливые нападки в прессе, омрачившие и без того нестабильное душевное состояние Ц.) окончательно формируется поэтика Ц., ориентирующаяся в своих существенных аспектах на поэзию О. М. (см.: Иванович. С. 99). Обсуждаемая О. М. в ст. «О собеседнике» (1913) коренная диалогичность поэзии легла в основу понимания Ц. собств. поэтич. творчества и прокламировалась в речи на вручении лит. премии г. Бре-

мена с использованием образности из мандельшт. статьи (см.: Целан П. 1996). Ц. выступал по радио и на поэтич. вечерах с чтением своих переводов из О. М., писал текст радиопередачи, посв. ему (см.: Celan. 1992. S. 69–81). «В поздних текстах Целана присутствие Мандельштама не менее важно, но скорее растворяется в самой поэтике и не выражается в прямых аллюзиях» (Глазова. С. 83).

Обоих поэтов роднит предпочитающий отрицат. определения «апофатический» тип письма (см: Аверинцев С. С. Судьба и весть Мандельштама // Мандельштам О. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 13), доведенный в последних книгах Ц. до эллиптич. минимализма. При этом в обоих случаях усиливается значимость внутр. ресурсов языка – как этимологических в отд. словах, так и ассоциативных внутри стихотворений. Сближает Ц. с О. М. также принцип слов-лейтмотивов (напр., «камень», «тепло», «слово», «время»), повторяющихся из стихотворения в стихотворение (см.: Найдич. 2004. С. 22). В письме 1959 к Г. П. *Струве* Ц. придает особое значение «“предельной” вещности» (Dinglichkeit) поэтич. слова О. М. [см.: Террас и Веймар. (2). С. 158]. При глубоком проникновении в поэтику О. М. это замечание предвещает также собств. поэтич. развитие в сторону все усиливающегося звукового символизма, гипостазирования слова как «вещи в себе» (Там же. С. 149). Вместе с тем Ц. постоянно подчеркивает слитность поэзии О. М. со своим временем, ее открытость ист. бытию как формы свидетельства о нем – основополагающий принцип и собственно целановского творчества.

Соч.: Бременская речь // Иностранная литература. 1996. № 12; Mandelstam O. Gedichte / Aus dem Russischen Übertragen von Paul Celan. Fr/M, 1959; Die Dichtung Ossip Mandelstams / Ausgestrahlt im Norddeutschen Rundfunk am 19. März 1960 // Mandelstam O. Im Luftgrab. Ein Lesenbuch. Mit Beiträgen von Paul Celan, Piero Paolo Pasolini, Philippe Jaccottet, Joseph Brodsky. Zürich, 1992. S. 69–81; Gesammelte Werke in fünf Bänden. Erster Band: Gedichte I. Fr/M, 1992; Die Gedichte aus dem Nachlaß. Fr/M, 1997. S. 371.

Лит.: Райс Э. М. Творчество Осипа Мандельштама // Мандельштам О. Собр. соч.: В 2 т. Ваш., 1964. Т. 1; Глазова А. Воздушно-каменный кристалл. Целан и Мандельштам // НЛО. № 63. 2003. С. 83–100; Найдич Л. (ред.). Пауль Целан: Материалы, исследования, воспоминания. Т. 1: Диалоги и переклички. М.; Иерусалим, 2004; Белорусец М. Целан и Мандельштам. Диалоги // Найдич. 2004. С. 164–175; Иванович Х. «Поэту, человеку»: Личная и поэтич. встреча Целана с Мандельштамом // Там же. С. 98–116; Лютц Ю. «Эта ночь...»: Предварит. замечания по поводу одного перевода, сделанного Целаном // Там же. С. 186–92; Марков В. Пауль Целан и его переводы русских поэтов // Там же. С. 117–22; Найдич Л. Павловск – Эден. «Концерт на вокзале»: Подлинник Мандельштама и перевод Целана // Там же. С. 193–204; Райс Э. М. Из письма Э. М. Райса к Г. П. Струве от 25.9.1975 // Там же.; Реали А. «Слух чуткий парус напрягает» – «Das horchende, das feingespannte Segel»: Реализация новизны в целановских переводах Мандельштама // Там же. С. 176–185; Террас В. и Веймар К. С. (1) Мандельштам и Целан: Черты сходства и перекличка голосов // Там же. С. 123–146; Террас В. и Веймар К. С. (2) Мандельштам и Целан: Постскриптум // Там же. С. 147–163; Леман Ю. «Роза-никому»: Введение к комментарию: Биографические и литературно-исторические основы (в печати); Gogol J. Paul Celan and Osip Mandelstam: Poetic Language as Ontological Essence // Revue des langues vivantes. 1974. 4. P. 341–354; Rexheuser A. Die poetische Technik Paul Celans in seinen Übersetzungen russischer Lyrik // Arcadia. 1975. 10. S. 273–295; Olschner L. 1985. Der feste Buchstab: Erläuterungen zu Paul Celans Gedichtübertragungen. Göttingen; Zürich: Vandenhoeck und Ruprecht (по именному ук.); Idem. Anamnesis: Paul Celan's Translation of Poetry // Studies in Twentieth Century Literature. 1988. 12/2. P. 163–197; Goltschnigg D. Intratextualität, Intertextualität und Subtextualität im modernen Gedicht – Paul Celan und Ossip Mandelstam // Sprachkunst. 1991. 22/1. S. 93–105; Birnbaum H. Parallels and Contrasts, Traces and Echoes: Further Remarks on Mandel'shtam and Celan // Reading in Russian Modernism. Moscow, 1993. P. 24–39; Felstiner J. Paul Celan: Poet, Survivor, Jew. New Haven, 1995 (по именному ук.); Ivanovič Ch. Das Gedicht im Geheimnis der Begegnung. Dichtung und Poetik Celans im Kontext seiner russischen Lektüren. Tübingen, 1996 (по именному ук.); Idem. «Im Grunde bin ich wohl ein russischer Dichter...»: Dichtung und Poetik Celans im Kontext seiner russischen Lektüren // Celan wiederlesen. Münch., 1998; Lehmann J. Nicht Triumph, nicht Krieg. Eine Mandel'štam-Übersetzung aus dem Nachlaß Celans // Lehmann J., Ivanovič Ch. (Hrsg.). Stationen. Kontinuität und Entwicklung in Paul Celans Übersetzungswerk. Heidelberg, 1997. S. 81–104; Naiditsch L. Paul Celan Gedicht Eine gauner- und Ganovenweise im Blick auf die Frage «Celan – Mandelstam» // Studes Germaniques. 1998. 4. S. 687–700; Idem. Paul Celans Mandelstam-Übersetzungen und die Gestalt Ossip Mandelstams in seinem Gedichtband «Die Niemandsrose» // Estudios Filológicos Alemanes. 2004. 5. S. 53–65; Rychlo P. Der slawische Meridian im Werk Paul Celans // Unverloren. Trotz allem. Paul Celan-Symposion Wien 2000. Wien, 2000. S. 159–176.

Э. С. Вайсбанд.

ЦЕНЗУРА, систематич., целенаправленный и всеобъемлющий контроль, устанавливаемый гос-вом (в странах со светским режимом) или офиц. церковью (в теократич. госвах) над деятельностью средств информации посредством введения системы адм. учреждений (цензурных комитетов и т. п.) с надзират. и, отчасти, карат. функциями.

Дорев. годы, на к-рые пришлось начало издат. биографии О. М., были временем относит. свободы печатного слова в России: в нач. 1906 вышли «Временные правила о печати...», отменившие наконец превентивную Ц. До 1917 вышли 2 издания кн. стихов О. М. «Камень», стихи О. М. регулярно появлялись в журналах и альманахах. Также и последующее пятилетие (1918–22), в силу ведомств. неразберихи в годы Гражд. войны и «военного коммунизма» и соперничества между собой разл. инстанций, надзиравших за печатью (Ревтрибунал печати, Воен.-рев. цензура, Политотдел Госиздата РСФСР и т. п.), было сравнительно благоприятным в плане Ц.: у О. М. 3-м изд. вышел «Камень», появились «Tristia» и «Вторая книга». Власть на первых порах занята была почти исключительно борьбой с оппозиц. «буржуазной» прессой, а с введением нэпа возникло множество частных изд-в. Тем не менее О. М. столкнулся с Ц. одним из первых – ср. запись в дневнике П. Н. Зайцева за 1.1.1922: «Говорят, в Петербурге не разрешена к изданию книга стихов Мандельштама, вероятно, его “Тристии”. Это первые плоды поездки Мещерякова в Питер...» (РГАЛИ. Ф. 1610. Оп. 1. Д. 2. Л. 24; Н. Л. Мещеряков в 1921–24 –

пред. редколлегии Госиздата). Вероятней всего, имеется в виду сб. «Аониды» (соответствующий «Tristia» и «Второй книге»), рукопись к-рого, очевидно, была направлена на отзыв внеш. полит. редактору К. Лаврову; последний, однако, не обнаружил в рукописи ничего предосудительного и 27.5.1922 дал свою санкцию на печать: «Никаких препятствий с политической стороны не встречается. [Если] Госуд. Изд. вообще печатает стихи, то, конечно, есть все основания издать книжку Мандельштама. К. Лавров 27/V 1922 г.» (ГА РФ. Ф. Р–395. Оп. 9. Д. 6. Л. 129–129а). Но книга О. М. под таким назв. так и не вышла (ср. многочисл. свидетельства Н. М. о вмешательстве Ц. в текст «Второй книги»). Это было связано, вероятно, с резким ухудшением ситуации после 6.6.1922, когда, в целях объединения всех видов Ц. было создано Гл. управление по делам лит-ры и изд-в РСФСР (Главлит; упразднен в 1991, когда именовался Гл. управлением по охране гос. тайн в печати) в качестве центр. органа всепроникающей системы тотальной предварит. и последующей цензуры.

В 1920-е гг. О. М. издал ряд книг, но ред. контроль, в т. ч. и политический, начинал играть все большую роль. Н. М. не без оснований полагала, что для писателя редактор пострашнее цензора: «У нас ведь не цензура выхолащивает книгу – ей принадлежат лишь последние штрихи, – а редактор, который со всем вниманием вгрызается в текст и перекусывает каждую ниточку» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 138). Под конец нэпа с большим трудом проходил сб. «Стихотворения» (Л.; М., 1928), первонач. запланированный ленингр. отделением Госиздата РСФСР на 3-й квартал 1927 (Договор № 423. 1927, см.: ЦГАЛИ СПб. Ф. 35. Оп. 3. Д. 92. Л. 12). Руководители отделения с тревогой сообщили моск. правлению о том, что «...Торгсектор Госиздата отверг издание этого сборника...», «против издания стихов Мандельштама и т. Бескин». «Недопустимая затяжка... привела к вмешательству тов. Бухарина и Кирова, – говорилось далее. – Такое положение дел заставляет нас обратиться с просьбой срочно дать нам особое разрешение на печатание стихов Мандельштама...» (Там же. Ф. 35. Оп. 3. Д. 87. Л. 124).

В дальнейшем произведения О. М. появлялись лишь в периодике, причем исключительно редко, каждый раз вызывая резкие нападки критики и Ц. В секретном «Бюллетене Главлита» (1932. № 1) отмечалось: «Особенно грубыми прорывами изобилует журнал “Новый мир“ <...> В стихах Мандельштама идеализируется старая Армения с ее “экзотикой и нищетой“» [РГАСПИ. Ф. 82 (личный фонд В. М. Молотова). Оп. 2. Д. 991. Л. 3]. Речь идет о цикле стихотворений «Армения», написанном осенью 1930 и опубл. в *«Новом мире»* (1931. № 3). Из 6-го номера журнала *«Звезда»*, как говорилось в «Отчете Леноблгорлита за июнь 1933 г.», «...были сняты три стихотворения Мандельштама». Вначале решено было «...ограничиться снятием одного, наиболее реакционного по содержанию стихотворения “К немецкой речи”», но затем «...редакция журнала сама сняла и остальные два стихотворения Мандельштама» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 43. Л. 289).

Не удалось осуществить в 1931–32 издание сб-ков «Новые стихи» и «Избранное», на к-рые были заключены договоры с изд-вами.

По неясным причинам и в отличие от книг др. репрессированных авторов все книги О. М. хранились в «общих фондах» крупных б-к, не попали в «спецхраны» и были доступны настойчивым читателям. Они не фигурировали ни в «Списках лиц, все произведения которых подлежат изъятию», регулярно обновлявшихся Главлитом в сотрудничестве с органами госбезопасности, ни в главлитовских проскрипционных «Сводных списках книг, подлежащих исключению из библиотек и книготорговой сети». Точнее, имя О. М. упомянуто в этих списках лишь однажды: «За кулисами французской печати / пер. О. Э. Мандельштама» (М.; Л.: Госиздат, 1926). Однако эта книга оказалась в спецхране, скорее всего, из-за того, что автором предисловия к ней был К. Б. Радек. Тем не менее в разное время запрету подверглось ок. 40 книг, в к-рых цитировался или просто упоминался О. М., причем оценка (даже сугубо негативная) и контекст не имели никакого значения. Выразит. примером является книга критика Н. А. Коварского «Н. С. Тихонов: Критический очерк» (Л.: ГИХЛ, 1935), оказавшаяся в спецхране, как можно предполагать, за такой пассаж в подстрочном примечании (С. 22): «Даже среди ранних стихотворений такого поэта, как Мандельштам, в чьем творчестве реальные интересы выступают, казалось бы, в резко мистифицированной форме, мы найдем ряд стихотворений, в которых зарифмована кадетская программа завоеваний на Ближнем Востоке». Др. пример – запрет сб. «Иркутские поэты» (Иркутск, 1927) за «скрытое цитирование» О. М. в стих. А. Мурыгина «Тредиаковский», к-рое заканчивается строфой, явно навеянной стих. О. М. «Декабрист» (1917): «Но тех поэм ему не начертать, / У пламени камина каменея... / Все перепуталось, и сладко повторять: / Россия. Лета. Лорелея». Немало изданий с участием О. М. попало в этот список только за то, что вышло в том или ином «идеологически неприемлемом» изд-ве (напр., *«Круг»*) или печатном органе *(«Цех поэтов»*, Петроград; журнал «Радуга», Полтава; сб. «Лирический круг» или «Лет», Москва; и мн. др.). Нередкими были запреты и на лит.-ведч. издания, в к-рых, наряду с др. репрессир. писателями, анализировалось творчество или хотя бы упоминалось имя О. М.

Даже после первой «реабилитации» О. М. в 1956 прошло еще неск. лет, прежде чем его произведения начали появляться в печати, при этом все публикации его произведений всегда проходили с огромными цензурными затруднениями. Начиная с 1950–60-х гг. стихотворения (в меньшей степени – проза) О. М., благодаря массовому проникновению в *«самиздат»* и «тамиздат», получили колоссальное распространение в читат. среде; рукоп. и машинописные тетрадки стихов обнаруживались при каждом обыске. Этот феномен порождал, в свою очередь, репрессивные меры со стороны соответствующих органов. Нападкам подвергся ряд изданий О. М., осуществл. в США под ред. Г. П. *Струве* и Б. А. *Филиппова* в кон. 1960-х – нач. 1980-х гг. Упоминания о них не раз встречаются в т. н. экспертных заключениях Ленгорлита, посылавшихся в ответ на запросы Следств. управления КГБ, сформулир. примерно в таком духе: «В связи с расследованием по уголовному делу прошу сообщить, подлежат ли изданию и распространению в СССР ниже перечисленные произведения» (далее следовали списки из десятков названий), или: «В связи с оперативной необходимостью просим Вас дать указание

срочно вынести заключение о содержании...» (такой-то книги). Ответы цензоров, запрограммированные уже тональностью запросов, выглядели так: «По своему содержанию эти книги являются антисоветскими, распространению в СССР не подлежат и, в случае поступления в нашу страну по каналам, подлежащим контролю Главлита СССР, нами конфискуются». К ним относятся, в частности, «...издаваемые за рубежом и засылаемые в СССР книги произведений Гумилева, Ахматовой, Клюева, Мандельштама», которые «...используются антисоветчиками в качестве ширмы идеологического проникновения и подрывной деятельности в нашей стране. В этих изданиях тенденциозно продумана подборка стихов, особенно тех, которые не издавались в СССР со дня революции и представляющих собой неверное отражение нашей действительности, а в предисловиях ко всем этим книгам злобного антисоветчика Г. П. Струве навязывается негативное отношение к советской стране и доброжелательное к Западу. За невинными порой словами Г. П. Струве делается попытка обелить и реабилитировать Гумилева, Мандельштама, Клюева, взвалить вину за их смерть на органы КГБ и создать в нашей стране так называемую внутреннюю оппозицию, что-то вроде пятой колонны». «Экспертные заключения» заканчивалось вполне закономерным выводом: «Перечисленная здесь литература не издавалась в Советском Союзе и не подлежит распространению, как идейно-ущербная, проникнутая духом ненависти к советскому государству, коммунистической партии» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 359. Оп. 2. Д. 150. Л. 3). О. М. фигурирует также в отзыве на 1-й том «Собрания сочинений» (Н.-Й., 1967): «К собранию сочинений О. Мандельштама предпослано предисловие, среди авторов которого известный антисоветчик Г. П. Струве. В подстрекательских тонах извращенно рисуется картина жизни в СССР в 30-е годы; Мандельштам изображается человеком, боровшимся за справедливость и погибшим от рук ЧК. Подборка стихов носит тенденциозный характер. Книга распространению в СССР не подлежит» (Там же. Л. 9). Само имя О. М., упоминание его письменно, устно, по телевидению нередко интерпретировалось как «прокол» Ц. и могло повлечь за собой применение адм. взысканий в отношении провинившихся (История советской политической цензуры... С. 153–155).

По свидетельству П. М. Нерлера, составителя сб. О. М. «Слово и культура» (1987), рукопись еще задолго до передачи в Главлит проходила многократную и многоступенчатую внутр. автоцензуру, этапами к-рой были внутр. рецензенты, ред., зав. редакцией, критики и лит-веды, гл. ред. и дир. изд-ва «Советский писатель» и даже автор заказной вступ. статьи. При этом «жертвами» их вмешательства являлись как тексты самого О. М. (изъятие их целиком или введение в них купюр), так и упоминания ряда «запретных» имен (напр., Н. И. *Бухарина* и В. Ф. *Ходасевича*).

Во 2-й пол. 1980-х гг., в период перестройки, Ц. в СССР постепенно смягчалась, а вскоре после распада СССР в 1991 была совсем отменена.

Источники: История советской политической цензуры: Документы и комментарии / отв. сост. Т. М. Горяева. М., 1997;

Лит.: Блюм А. В. Запрещенные книги русских писателей и литературоведов: Индекс совесткой цензуры с комментариями. СПб., 2003.

А. В. Блюм.

«ЦЕХ ПОЭТОВ» 1-й, содружество стихотворцев, образованное по инициативе С. М. *Городецкого* и Н. С. *Гумилева* в С.-Петербурге. 1-е его собрание прошло 20.10.1911; решение о роспуске «Ц. п.» было принято Городецким и Гумилевым 21.12.1914. Всего состоялось ок. 35 заседаний. В них, кроме Городецкого, Гумилева и О. М., приняли участие Г. В. *Адамович*, А. А. *Ахматова*, А. А. *Блок* (только 1-е заседание), Н. А. *Бруни*, Б. А. Верхоустинский, К. А. Вогак, В. Д. Гарднер, Вас. В. Гиппиус, Вл. В. *Гиппиус*, Граааль-Арельский, М. А. Долинов, М. А. *Зенкевич*, Б. М. Зубакин, Г. В. *Иванов*, Н. И. *Клюев*, В. А. *Комаровский*, А. А. Конге, М. А. *Кузмин*, Д. В. Кузьмин-Караваев, Е. Ю. *Кузьмина-Караваева*, В. В. Курдюмов, Л. В. Лебедев, М. Л. *Лозинский*, М. И. Лопатто, Н. В. Макридин, М. Л. Моравская, В. И. *Нарбут*, В. Я. *Парнах*, П. П. Потемкин, Н. Н. *Пунин*, В. А. *Пяст*, П. А. Радимов, С. Э. Радлов, Н. П. Рудникова, Сергей Гедройц (псевдоним В. И. *Гедройц*), А. Д. Скалдин, В. В. *Хлебников*, Д. М. Цензор, В. С. Чернявский, В. К. *Шилейко*, Б. М. *Эйхенбаум*, В. А. Юнгер и нек-рые др.

Суть деятельности объединения состояла в «обсуждении и критике своих и чужих стихов» (свидетельство Ахматовой; цит. по: Будыко. С. 26). «В Цехе были “синдики”» – Гумилев, Городецкий и Кузьмин-Караваев, «в задачу которых входило направление членов Цеха в области их творчества; к членам же предъявлялись требования известной “активности”» (Пяст. С. 142). «Новых членов цеха выбирали тайной баллотировкой, после того, как читались вслух их стихи <...> Весь круг читал каждый раз, читали по очереди, после каждого чтения – стихи обсуждались, как по существу, так и в частностях» (Гиппиус Вас. С. 82–83). «Было... правило, воспрещающее “говорить без придаточных”. То есть высказывать свое суждение по поводу прочитанных стихов без мотивировки этого суждения» (Пяст. С. 142).

В «Ц. п.» было продолжено и поставлено на широкую ногу обучение стихотворчеству как ремеслу, а также прививание авторам-дебютантам поэтич. вкуса, к-рое для Гумилева началось с переписки с В. Я. *Брюсовым* (с 1906) и регулярного посещения вечеров на «башне» Вяч. И. *Иванова* (с 1908). Соответственно, если Гумилева часто упрекали в подражательстве Брюсову [«Раз навсегда решив, что нет пророка кроме Брюсова, г. Гумилев с самодовольной упоенностью, достойной лучшего применения, слепо идет за ним» (Янтарев Е. Л. // Столичная молва. 1910. 24 мая. С. 3., подп.: Е. Я.) и т. п.], участников «Ц. п.» корили уже за эпигонство у самого Гумилева (и Городецкого): «Собранные под заботливым крылом Гумилева и Городецкого, ютятся тут юнцы, в рабских устремлениях старающиеся дать похожесть на “синдиков”» (Игнатьев И. В. // Нижегородец. 1913. 4 января. С. 2).

«Вначале многочисленный и пестрый по составу, Цех ставил своей задачей лишь совместную работу поэтов разных направлений над усовершенствованием стиха» (Редакционная коллегия <Адамович Г. В., Иванов Г. В. и др.> // Цех поэтов. Берлин, 1922. С. 7). Согласно свидетельству Городецкого, «Ц. п.» задумывался как «всеобъемлющая школа», к-рая объединит поколение стихотворцев-постсимволистов (цит. по: Тименчик. С. 26). Однако осенью 1912 Гумилев и Городецкий предприняли форсированную попытку оформить рождение новой поэтич. школы, не стре-

мившейся выйти из рамок модернистской программы, но опиравшейся в своей работе на иные идеологич. и поэтологич. основания, чем *символизм*. Эта школа получила наименование *акмеизм* (и/или адамизм). Разрабатывая программу акмеизма, Гумилев и Городецкий выделили из естеств. тенденций развития «Ц. п.» одну – внимание к «земному», противопоставленное устремлениям символизма к «небесному», – и объявили ее доминирующей. Но и в 1912–14 в «Ц. п.» «не ставился знак равенства между принадлежностью к нему и к акмеистической школе» (Пяст. С. 141).

Печатным органом «Ц. п.» был журнал *«Гиперборей»* (1912–14). Целый ряд книг участников объединения был выпущен под эгидой изд-ва «Ц. п.».

О. М. был избран чл. 1-го «Ц. п.» на его 3-м собрании – 10.11.1911 (Лукницкий. С. 263) – и «очень скоро стал первой скрипкой» в этом сообществе (Ахматова. С. 126). По мнению Ахматовой, «в этом объединении поэтов» О. М. выработал «точный вкус» (цит. по: Будыко. С. 83). Ср. с суждением самого О. М. 1922 об акмеизме: «Литературные школы живут не идеями, а вкусами: принести с собой целый ворох новых идей, но не принести новых вкусов – значит не сделать новой школы, а лишь основать полемику. Наоборот, можно создать школу одними только вкусами, без всяких идей» [1. С. 229; ср. в письме О. М. к Ф. *Сологубу* 1915 и в его черновой записи о Городецком 1921, где «Ц. п.» предстает синонимом акмеистич. группы (4. С. 22; 2. С. 550)]. Чрезвычайно важным для О. М. являлось и то обстоятельство, что большинство участников «Ц. п.» связывала между собой личная дружба. Именно в «Ц. п.» он «нашел людей, с которыми объединил себя словом “мы”» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 54). Ср. в письме О. М. к отцу (середина февраля 1929) ссылку на то, что встреченная им в Киеве В. И. Гедройц – «член “Цеха поэтов”» (4. С. 110).

В марте 1914, «после разгрома акмеизма», О. М. и Ахматова «стали тяготиться “Цехом” и даже дали Городецкому и Гумилеву составленное» ими «Прошение о закрытии “Цеха”» (Ахматова. С. 129). Тем не менее 21.10.1914 О. М. был «временно» избран синдиком 1-го «Ц. п.» (см.: Мец. 2014. С. 85).

В одной из рецензий 1935 О. М., каламбуря, посетовал на то, что поэтами, писавшими о строительстве метро, их работа не ощущалась как деятельность «литературн<ого> цех<а> Метростроя» (3. С. 268).

Источники: Пяст В. А. Встречи. М., 1997. С. 141–143.

Лит.: Тименчик Р. Д. Заметки об акмеизме // Rusian Literature. 1974. № 7/8. С. 23–46; Он же. К изучению круга авторов журнала «Гиперборей» // Тыняновский сборник: Пятые Тыняновские чтения. Рига; М., 1994. С. 275–278; Азадовский К. М. Н. А. Клюев и «Цех поэтов» // ВЛ. 1987. № 4. С. 269–278; Будыко М. Рассказы Ахматовой // Звезда. 1989. № 6; Гиппиус Вас. В. Цех поэтов // Ахматова А. А. Десятые годы. М., 1989. С. 82–86; Богомолов Н. А. Об одной фракции «Цеха поэтов» // Богомолов Н. А. Русская литература начала XX века и оккультизм: Исследования и материалы. М., 1999. С. 255–63; Лекманов О. А. Книга об акмеизме и другие работы. Томск, 2000. С. 17–50; Лукницкий П. Н. Труды и дни Н. С. Гумилева. СПб., 2010; Акмеизм в критике (1913–1917). СПб., 2014. С. 27–74.

О. А. Лекманов.

ЦЫБУЛЕВСКИЙ Александр Семенович (29.1.1928, Ростов-на-Дону – 17.6.1975, Тбилиси), рус. поэт и фотохудожник, всю сознат. жизнь прожил в Грузии**.** Посещал те же лит. кружки, что и Б. Ш. Окуджава, Э. М. Маркман и др. Его гостеприимный дом, наряду с домом Г. Г. Маргвелашвили, был своего рода «посольством» рус. поэзии в груз. столице. С 18.5.1948 по 14.6.1954 Ц. находился в заключении в Рустави (по обвинению в недоносительстве). После окончания Тбилисского ун-та и до самой смерти Ц. работал зав. Фотолабораторией Ин-та востоковедения АН ГрузССР.

Как литератор Ц. заявил о себе в 1960-е гг. С 1964 он ведет записные книжки, со временем ставшие своеобразной «визитной карточкой» Ц. как писателя и как автора особой поэтики, к-рую он называл «поэтикой доподлинности». В 1966 вышла его единств. прижизн. публикация в Москве (стихи в «ЛГ»), в 1967 – первая поэтич. книга в Тбилиси («Что сторожат ночные сторожа?», 1967). Его вторая и последняя поэтич. прижизненная книга вышла в Тбилиси в 1973 («Владелец шарманки»). В 1974 была опубл. его литературоведческая книга-дис. «Русские переводы поэм Важа Пшавела (проблемы, практика, перспектива)» – сравнит. анализ переводов поэм Важа Пшавела вел. рус. поэтами, в т. ч. и О. М. Саму дис. Ц. защитил лишь за неск. недель до смерти.

И поэзия, и проза, и записные книжки Ц. несут в себе следы сильнейшего воздействия творчества О. М. В архиве Ц. была обнаружена незаконченная работа «Разговор о Мандельштаме».

Соч.: Поэтика доподлинности: Критическая проза. Записные книжки. Фотографии / сост. и автор предисловия П. Нерлер. М., 2017.

Лит.: Нерлер П. Этюды о Владельце Шарманки // Цыбулевский А. Поэтика доподлинности: Критическая проза. Записные книжки. Фотографии / сост. и автор предисловия П. Нерлер. М., 2017. С. 11–135.

П. М. Нерлер.

ЦЫГАЛЬСКИЙ Александр Викторович (1874 – 21.9.1941, Лин, штат Массачусетс, США), воен. инженер, автор кн. стихов «Душа русского гражданина (Избранные стихи 1911–1920)» [Феодосия, 1920] (известна только по назв., упоминаемому в рецензиях); деятельный участник и чл. правления *Феодосийского литературно-артистического кружка* (ФЛАК; организован осенью 1919). Ц. также принимал участие в редактировании альм. «К искусству!», во 2-м номере к-рого (от 10.11.1919) помещено объявление о первом «исполнительном» вечере кружка. В альманахе были опубл. стихи О. М.: «Черепаха» (прочитанное, по-видимому, и на «исполнительном» вечере – см.: Мандлин. С. 81), «Феодосия» (№ 1) и «Меганом» (№ 2).

Осень 1919 – пора интенсивного общения О. М. с Ц. [см. стих. Ц. «Не верю!», посв. О. М.: «Не верю, что в смерти покой и забвенье, / Не верю. Что кладбище город былых! / Порукой – воскресшее вдруг вдохновенье, / Просящийся стих!» (К искусству! 1919. № 2. С. 8)]. В нач. 1920 Ц. – активный участник лит.-критич. вечеров ФЛАКа, где был прочитан, в частности, его доклад «Нечто из последней стадии творчества Максимилиана Волошина» (16.1.1920).

Целью этого доклада было помочь М. А. *Волошину*, не имевшему возможности выступать в Феодосии, т. к. он в то время находился под подозрением у белых. Результатом заступничества Ц. стала издевательская ст. о нем в газете «Крымская мысль» (1920. № 20. 14 янв.), вопрошавшая: «Давно ли г. Цыгальский стал выступать в роли няньки?» О. М., по-видимому, был в курсе событий и их подоплеки, использовав впоследствии провокативно-язвительный пассаж о Ц. в качестве апологетического по отношению к нему в заключит. фразе гл. «Бармы закона» в «Шуме времени»: «Полковник – нянька с бармами закона!» (2. С. 399). Именно эти слова задели М. И. *Цветаеву*: половина ее ст. «Мой ответ Осипу Мандельштаму» (1926) посвящена разбору этой небольшой главы и «реабилитации» образа Ц.

16.1.1920 Ц. «по принципиальным соображениям» вышел из правления ФЛАКа и отказался от редактирования альм. «К искусству!», но 12 февр. был избран пред. лит. секции ФЛАКа, и можно предположить, что благодаря в т. ч. и его инициативе 14 марта состоялся лит.-критич. вечер «Богема», где выступил О. М. 13 718 руб., собранные в результате этой акции, пошли на издание альм. *«Ковчег»* [Феодосия: Изд-во группы поэтов, 1920. 100 экз.], среди 19 авторов к-рого – О. М. (стихи: «Только детские книги читать...», «Когда, соломинка, ты спишь в огромной спальне...», «Я научился вам, блаженные слова...», «Среди священников левитом молодым...» «Зверинец: Ода») и сам Ц. (стих. «Храм Неопалимой Купины: Максимилиану Волошину». 20 янв. 1920). Грамматически видоизмененной цитатой из этого стихотворения – «Бармы закона» – О. М. назовет в 1924 одну из глав «Шума времени». Здесь цитируется еще одно «неловк[ое] выраженье» из стихотворения Ц.: «Мне все равно с царем или без трону». Эта глава, по мнению Н. М., является в концептуальном плане очень важной в «Шуме времени», т. к. в ней «[и]тоги событий подведены» (Н. Я. М а н д е л ь ш т а м . Т. 2. С. 435), и именно в ее перспективе видится образ того «ребенка», к-рым О. М. «находит себя на улицах и концертах рухнувшей жизни» (Там же) в первых главах своих автобиографич. рассказов.

8.8.1920 Ц. предотвратил арест О. М. в Феодосии белыми, а в кон. августа, по одной из версий, на к-рой настаивает Н. М. [«Своим освобождением он обязан полковнику Цыгальскому» (Там же. С. 78); ср. также в «Заметках Н. Я. Мандельштам на полях американского “Собрания сочинений” Мандельштама» (С. 182) – и др. версии в примеч. (С. 194)], спас О. М. из врангелевской контрразведки, где «ничего не стоило повесить человека, даже не моргнув» (М а н д е л ь ш т а м Н. Я. С. 352).

С о ч.: Общее расположение крепостей и основания устройства их подводной обороны: (Долговременная подводная минная оборона). СПб., 1913.

Лит.: М и н д л и н Э. Л. Необыкновенные собеседники. М., 1968. С. 10–11; К у п ч е н к о В. П. Феодосийский литературно-артистический кружок // ВЛ. 1976. № 4. С. 311–314; О н ж е. Крымские дни Александра Цыгальского // Даугава (Рига). 1994. № 3. С. 162–168; Ц ы г а л ь с к а я И. В. «Все судьбы трагические» // Там же. С. 154–61; Заметки Н. Я. Мандельштам на полях американского ”Собрания сочинений” Мандельштама // Philologica. 1997. № 4. С. 169–199; Возвращение «Ковчега». Одесса, 2002; Г о л у б о в с к и й Е. Возвращение «Ковчега» // Новая юность 2002. № 5.

Е. Л. Куранда.

Ч

ЧААДАЕВ Петр Яковлевич (27.5.1794, Москва – 14.4.1856, там же), мыслитель и публицист. Повыш. интерес О. М. к филос. наследию Ч. был, очевидно, вызван фактом публикации в 1-й пол. 1910-х гг. значит. свода чаадаевских текстов, подготовленных М. О. *Гершензоном*, – изд. «Сочинения и письма П. Я. Чаадаева» (Т. 1–2. М., 1913–14) (см.: Н е р л е р П. Примечания // Слово и культура. С. 287). Откликом на появление этого издания, практически впервые открывшего для широкой читат. аудитории труды Ч., вероятно, и стала мандельшт. ст. «Петр Чаадаев» (1914). Почерпнуть определ. сведения о биографии Ч. и познакомиться с его отд. сочинениями О. М. мог и ранее, обратившись, в частности, к книгам Гершензона «П. Я. Чаадаев. Жизнь и мышление» (СПб., 1908; см.: Т о д д е с Е. А. Поэтическая идеология // ЛО. 1991. № 3. С. 33) и «П. Я. Чаадаев» (СПб., 1912). Явные и скрытые следы мандельшт. интереса к чаадаевскому наследию содержатся и в др. работах 1910-х гг. – «Утро акмеизма» (1912, 1913, 1914) и «Скрябин и христианство» (1917) – и более поздних статьях. Вместе с тем предельно эмоциональное мандельшт. обращение к фигуре Ч., возможно, явилось следствием общей культурной тенденции сер. 1910-х гг.: вспоминая это время, Б. К. *Лившиц*, в частности, упомянул О. М., отдавшего «дань свирепствовавшему тогда увлечению 1830 годом, который обернулся к нему Чаадаевым» [Л и в ш и ц Б. Полутороглазый стрелец: Стихотворения, переводы, восп. Л., 1989. С. 521; источником этого пассажа у Лившица, возможно, послужил фрагмент из авториз. самим О. М. биогр. справки Б. П. Козьмина о поэте: «К 1913 г. относится увлечение католическим универсализмом и Чаадаевым» (Писатели совр. эпохи: Биобиблиогр. словарь рус. писателей XX века (1928). М., 1992. С. 177); наблюдение О. А. Лекманова]. Можно утверждать, что интерес к трудам Ч. сохранялся у О. М. на протяжении всей жизни; так, Н. М. свидетельствовала о нач. 1930-х гг.: «Из русских книг О. М. жадно покупал русских философов – Чаадаева и славянофилов» (Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 330).

Говорить об осмыслении О. М. трудов Ч. исключительно в филос. аспекте нельзя; в целом мандельшт. восприятие Ч. носит более нравственно-историософ. характер: «Трудно сказать – где кончается умственная и где начинается нравственная личность Чаадаева, до такой степени они близятся к полному слиянию» (1. С. 195). Гл. отличит. чертами личности Ч. выступали, по мысли О. М., «огромная внутренняя дисциплина, высокий интеллектуализм, нравственная архитектоника и холод маски» (Там же). Мандельшт. оценка влияния, оказанного Ч. на общество в целом, предельно высока: «След, оставленный Чаадаевым в сознании русского общества, – такой глубокий и неизгладимый, что невольно возникает вопрос: уж не алмазом ли проведен он по стеклу?» [Там же. С. 194; при этом нельзя исключить, что в своей метафорике О. М. вольно или невольно следовал чаадаевскому высказыванию о ср.-век. Европе, в истории к-рой «нет события, которое <...> не оставило бы глубоких следов в сердце человечества» (Соч. и письма. Т. 2. С. 221; Ч а а д а е в. Т. 1. С. 528)]. Можно предположить, что данная характеристика отчасти несет в себе автобиогр. начало: очевидно, филос.-историософ. и религ. взгляды Ч. оказали на О. М. значит. формообразующее воздействие, сопоставимое только с влиянием философии А. Бергсона. По мнению совр. исследователя, в «в фигуре Чаадаева Мандельштам нашел “русское” оправдание всего круга своих мыслей, связанных с интерпретацией средневековой Европы и вылившихся в “архитектурное” понимание культуры ‹…›. Не менее важно, что судьба Чаадаева могла быть интерпретирована в плане коллизии индивидуализма – общественности» (Т о д д е с Е. А. Поэтическая идеология. С. 33). Симптоматично, что в ст. «Петр Чаадаев» О. М. останавливается именно на тех смысловых составляющих чаадаевских воззрений, к-рые исключительно актуальны для его собств. худож. сознания.

Главным в личности Ч. для О. М. стало то, что он сам позднее определил как «тоску по мировой культуре» (ср.: М и к у ш е в и ч. С. 432), т. е. культуре, в широком смысле слова, европейской, включающей в себя античный и христ. компоненты: «Уроженец равнины захотел дышать воздухом альпийских вершин и ‹...› нашел его в своей груди»; этот же аспект выделил О. М. и при характеристике путешествия Ч. в Европу: «...Он пришел увидеть свой Запад, царство истории и величия, родину духа, воплощенного в церкви и архитектуре» (1. С. 195, 197). Противопоставление России и европ. цивилизации («истории в западном значении слова, как ее понимал Чаадаев») оказалось чрезвычайно актуально для самого О. М., акцентировавшего в чаадаевской концепции прежде всего оценку России, к-рая, «в глазах Чаадаева, принадлежала еще вся целиком к неорганизованному миру»; это же определение О. М. дословно повторил позднее в ст. «О природе слова» (1920–22), приведя мнение Ч. о том, что «у России нет истории, то есть что Россия принадлежит к неорганизованному, неисторическому кругу культурных явлений» (Там же. С. 198, 195, 222). Именно поэтому гл. заслугу Ч.-мыслителя О. М. видел в том, что ему «хватило мужества сказать России в глаза страшную правду, что она отрезана от всемирного единства, отлучена от истории, этого “воспитания народов Богом”» (Там же. С. 196). [Показательно, что именно этот аспект выделил тонко чувствовавший мандельшт. творчество С. П. Каблуков, так охарактеризовавший ст. «Петр Чаадаев» в своей дневниковой записи: «В изящном, стилистически изощренном и вполне безукоризненном изложении с совершенной отчетливостью и прекрасно размеренной краткостью рисуется образ первого совершенно свободного Русского, который одним фактом своего бытия оправдыва-

Петр Яковлевич Чаадаев

ет и свой народ и свою родину» (Мандельштам в записях дневника Каблукова. С. 251)].

Непосредственно с данной составляющей чаадаевского мировоззрения связана и проецируемая на Россию идея пустоты, представленная в прямой и метафорич. формах: «Чтобы понять форму и дух “Философических писем”, нужно представить, что Россия служит для них огромным и страшным грунтом. Зияние пустоты между написанными известными отрывками – это отсутствующая мысль о России» (1. С. 197); ср. первое «Философическое письмо», где применительно к рус. обществу Ч. писал о «необычайной пустоте и обособленности нашего существования» и определял Россию как «пробел в нравственном миропорядке» (Соч. и письма. Т. 2. С. 117; Чаадаев. Т. 1. С. 330, 331). При этом в худож. модели мира О. М. пустота является одной из специфич. форм существования *пространства*, тогда как Ч. метафорически наделял этим качеством и хронологич. характеристики; см. его слова о России: «Стоя как бы вне времени, мы не были затронуты всемирным воспитанием» (Соч. и письма. Т. 2. С. 109; Чаадаев. Т. 1.); ср. мандельштамовское: «...Мы вне времени вздохнули / О луговине той, где время не бежит» (Собр. соч.-2. Т. 1. С. 114).

Др. важной смысловой составляющей философии Ч. стала идея единства, остро воспринимавшаяся им и приобретшая исключит. актуальность для О. М., в ст. «Петр Чаадаев» писавшего о «потребности единства, определяющей строй избранных умов» (1. С. 195) [см.: Аверинцев С. С. Судьба и весть Осипа Мандельштама // Соч. С. 31; Микушевич. С. 432; Струве Н.]. Сам Ч. связывал эту идею с зап. цивилизацией: «В Европе все одушевлял <...> животворный принцип единства. Все исходило из него, и все сводилось к нему» (Соч. и письма. Т. 2. С. 118; Чаадаев. Т. 1. С. 331)]; ср. у О. М.: «На Западе есть единство! С тех пор, как эти слова вспыхнули в сознании Чаадаева, он уже не принадлежал себе <...>. Как очарованный, смотрел Чаадаев в одну точку – туда, где это единство стало плотью, бережно хранимой, завещаемой из поколения в поколение» (1. С. 196). Показательно, что, упомянув в ст. «О природе слова» (1920–22) Ч., О. М. далее обратился к идее единства: «Я хочу поставить один вопрос – именно: едина ли русская литература?» (Там же. С. 217). Можно предположить, что связываемый с личностью Ч. мотив единства во многом определил формирование такой индивидуальной смысловой особенности худож. сознания О. М., как содержат., семантич. компрессия (см.: Шиндин С. Г. Семантические компрессированные модели в художественном мире Мандельштама // RL. 1997. Vol. XLII. № 3).

В нач. 1910-х гг. признак единства стал для О. М. одним из гл. отличит. качеств христианства – см. «автохарактеристику» христ. мира, к-рый говорит: «Я весь цельность, весь – личность, весь – спаянное единство!» – и именно по отношению к этой «автохарактеристике» он противопоставлял А. Н. *Скрябина*: «Единства нет!» (1. С. 203, 202). Данное положение также генетически связано с философией Ч., в первом «Философическом письме» определившим христ. религию как «учение, основанное на верховном принципе единства и прямой передачи истины», к-рый «всецело сводится к идее слияния всех существующих на свете нравственных сил в одну мысль, в одно чувство» (Соч. и письма. Т. 2. С. 107; Чаадаев. Т. 1. С. 321). По этому же признаку Ч. противопоставил *католицизму* протестантизм: «Реформация снова повергла мир в языческую разъединенность <...> Сущностью всякого раскола в христианском мире является нарушение того таинственного единства, в котором заключается вся божественная идея и вся сила христианства» (Соч. и письма. Т. 2. С. 149; Чаадаев. Т. 1. С. 412–413).

Прослеживающееся с сер. 1910-х гг. мандельшт. стремление к формированию собств. натурфилос. концепции *времени* могло быть обусловлено особым отношением к этой категории Ч., наполнявшего ее моральным содержанием: «нравственное существо всецело создано временем, и время же должно завершить выработку его»; ср. в письме Ч. к А. С. *Пушкину* (март–апр. 1829): «Мое пламеннейшее желание, друг мой, видеть вас посвященным в тайну времени. Нет более огорчительного зрелища в мире нравственном, чем зрелище гениального человека, не понимающего свой век» (Соч. и письма. Т. 2. С. 143, 105; Чаадаев. Т. 1. С. 407; 2. С. 66). Очевидно, для мандельшт. худож. сознания оказались предельно близки представления о синхронии времени, отчетливо присутствующие в историософ. воззрениях Ч., в частности, определившего начало христ. эры как эпоху, «в которой сходятся все времена, в которой все оканчивается и все начинается»; ср. в неотправленном письме к А. И. Тургеневу (1838): «...Христианство нынче не должно иное что быть, как та высшая идея времени, которая заключает в себе идеи всех прошедших и будущих времен» (Соч. и письма. Т. 2. С. 132, 211; Чаадаев. Т. 1. С. 395–396; 2. С. 132). Показательно, что в ст. «Петр Чаадаев» О. М. привел чаадаевскую характеристику папы Римского, данную им в письме к Тургеневу от 20.4.1833: «Не всемогущий ли это символ времени – не того, которое идет, а того, которое неподвижно, через которое все проходит, но которое само стоит невозмутимо и в котором и посредством которого все совершается?» (Соч. и письма. Т. 2. С. 188; Чаадаев. Т. 2. С. 80). Подобные представления о существовании двух форм времени – «статичного» и эмпирически осознаваемого, «моделируемого» человеч. сознанием, – были выражены уже в первой мандельшт. ст. «Франсуа Виллон» [1910 (1912?), 1927]: «Настоящее мгновенье может выдержать напор столетий и сохранить свою цельность, остаться тем же “сейчас”. Нужно только уметь вырвать его из почвы времени, не повредив корней» (1. С. 175).

К чаадаевскому наследию может восходить и широко употребительный в мандельшт. творчестве образ вечности, выступающий одной из форм выражения категории времени. Для Ч. вечность – понятие, прежде всего, религ.-нравственное; см. симптоматичное его соединение с идеей единства: «... вечность не что иное, как жизнь праведника, жизнь, образец которой завещал нам Сын Человеческий; <...> она должна начинаться еще в этом мире»; ср. в «Отрывках»: «Мысль раздробления соединяется в уме моем с мыслью уничтожения; мысль о единстве – с вечностью», – и там же: «...есть беспредельность времени, и <...> это бесконечное последование вещей е с т ь ж и з н ь; истинное, совершенное существование» (Соч. и письма. Т. 2. С. 214; 1. С. 149; Ч а а д а е в. Т. 2. С. 125; 1.). Близкие представления отражены в мандельшт. фрагментах ст. ‹«Скрябин и христианство»›: «Метафизическая сущность гармонии теснейшим образом связана с христианским пониманием времени. Гармония – это кристаллизировавшаяся вечность, она вся в поперечном разрезе времени, в том разрезе времени, который знает только христианство» (1. С. 205).

Очевидно, определ. воздействие на мировоззрение О. М. оказал неоднократно высказывавшийся Ч. тезис об отсутствии в обществе прогресса или об ограниченности его возможностей, так переданный в ст. «Петр Чаадаев»: «Единства не создать, не выдумать, ему не научиться. Где нет его, там в лучшем случае – “прогресс”, а не история, механическое движение часовой стрелки, а не священная связь и смена событий» (1. С. 196); ср.: «ничто не свидетельствует о постоянном и непрерывном поступательном движении общества в целом»; «прогресс человеческой природы вовсе не безграничен, как это обыкновенно воображают; для него существует предел, за который он никогда не переходит»; менее всего способной к прогрессу Ч. считал рус. нацию, в крови к-рой «есть нечто, враждебное всякому истинному прогрессу» (Соч. и письма П. Я. Чаадаева. Т. 2. С. 137, 144, 117; Ч а а д а е в. Т. 1. С. 400, 408, 330). В прозаич. наброске сер. 1910-х гг. (?) О. М. определил прогресс как «умирание истории, при котором улетучивается дух события», как общее место, к-рое «представляет огромную опасность для самого существования истории» (1. С. 276), а в заметке «О современной поэзии: (К выходу “Альманаха муз”)» (1916) распространил положение о невозможности прогресса на культурную традицию; более развернутое отражение оба этих положения нашли в ст. «О природе слова» (1920–22).

С чаадаевскими воззрениями может быть связана актуальная в мандельшт. худож. мире «римская тема» (о ней см., напр.: Т о п о р о в В. Н. К исследованию анаграмматических структур (анализы) // Исследования по структуре текста. М., 1987. С. 210–211 и сл.; П ш и б ы л ь с к и й Р. Рим Осипа Мандельштама // Мандельштам и античность; непосредственно в связи с Ч. см.: С е г а л. С. 225–249); сам О. М. писал: «Мысль Чаадаева, национальная в своих истоках, национальна и там, где вливается в Рим. Только русский человек мог открыть этот Запад, который сгущеннее, конкретнее самого исторического Запада» (1. С. 199). Вслед за широкой культурной традицией Ч. придавал Риму исключит. символич. значение (ср.: R o n e n. P. 127); так, в письме к брату, М. Я. Чаадаеву, от 25.5.1825 он предельно эмоционально передал свои первые впечатления от этого города: «Рим чрезвычайная вещь – ни на что не похожая, превосходящая всякое ожидание и всякое воображение» (Соч. и письма. Т. 1. С. 55; Ч а а д а е в. Т. 2. С. 54). Столь же высока культурно-историософ. оценка Рима, содержащаяся в уже упоминавшемся письме к Тургеневу: «...Это не обычный город, <...> а безмерная идея, громадный факт. <...> Рим – это связь между древним и новым миром, так как безусловно необходимо, чтобы на земле существовала такая точка, куда каждый человек мог бы иногда обращаться с целью <...> соприкоснуться со всеми воспоминаниями человеческого рода, с чем-нибудь ощутительным, осязательным, в чем видимо воплощена вся идея веков, – и что эта точка – именно Рим» (Соч. и письма. Т. 2. С. 187–188; Ч а а д а е в. Т. 2. С. 79–80); с данной характеристикой ср. мандельшт. стих. «Пусть имена цветущих городов...» (1914): «Не город Рим живет среди веков, / А место человека во вселенной» (1. С. 102).

В таком контексте особую роль приобретает тот факт, что образ Рима, возникающий в поэзии О. М. именно с 1914, оказывается окружен неким «диалогическим ореолом»; см., напр.: «Поговорим о Риме – дивный град! / <...> Послушаем апостольское credo»; «И голубь не боится грома, / Которым церковь говорит; / В апостольском созвучьи: Roma! – / Он только сердце веселит. // Я повторяю это имя / Под вечным куполом небес»; ср.: «Здесь, Капитолия и Форума вдали, / <...> Я слышу Августа» (Там же. С. 100, 105–106, 116). Соответственно, можно предположить, что мандельшт строки: «... говоривший мне о Риме / В священном сумраке исчез!», – подразумевают Ч. (см.: М е ц А. Г. Комментарии // Камень. 1990. С. 305; др. точку зрения см. в: Л е к м а н о в О. А. Кто исчез в «священном сумраке?» // Л е к м а н о в; К а ц и с Л. Осип Мандельштам: Мускус иудейства. М.; Иерусалим, 2002. С. 92–96); ср.: «Да будет в старости печаль моя светла: / Я в Риме родился, и он ко мне вернулся» (Там же. С. 106, 116). Непосредственно с образом Рима связаны в поэзии О. М. и мессианские мотивы, отраженные в стих. «Посох» (1914): «Посох взял, развеселился / И в далекий Рим пошел. / <...> Прав народ, вручивший посох / Мне, увидевшему Рим!», – находящие прямые параллели в биографии Ч. и в мандельшт. оценке его значения для рус. общества: «...Сам он верил в свое избранничество. На нем почила гиератическая торжественность <...>. Он ощущал себя избранником и сосудом истинной народности, но народ уже был ему не судия! У России нашелся для Чаадаева только один дар: нравственная свобода, свобода выбора. <...> Чаадаев принял ее, как священный посох, и пошел в Рим» (Там же. С. 104, 200); ср.: А в е р и н ц е в С. С. Судьба и весть Осипа Мандельштама. С. 31–33; Сегал. С. 225–249 [обзор разл. точек зрения о параллелях между «Посохом» О. М. и его ст. «Петр Чаадаев» см.: Т а р а н о в с к и й К. Ф. О поэзии и поэтике. М., 2000. С. 176–177].

Совр. исследователи отмечали влияние Ч. «на архитектурную тематику Мандельштама и на его трактовку средневекового искусства» [Р о н е н О. Лексический повтор, подтекст и смысл в поэтике Осипа Мандельштама // «Сохрани мою речь»-3(1). С. 261; ср.: Я м п о л ь с к и й М. История культуры как история духа и естественная история // НЛО. 2003. № 59. С. 58–59]. Вероятно, можно говорить и о более широком воздействии чаадаевских взглядов на ман-

дельшт. концепцию *Средневековья* в целом. Сам Ч. исключительно высоко оценивал данный ист. период, считая его основой совр. европ. цивилизации: «именно в средние века человеческий ум приобрел свою наивеличайшую энергию»; ср.: «Средневековая история – это история мысли Нового времени, стремящейся воплотиться в искусстве, науке, в личной жизни и в обществе» (Соч. и письма. Т. 2. С. 199, 221; Чаадаев. Т. 2. С. 97; 1. С. 528). При этом специфич. взгляд О. М. на Средневековье как на сложный социальный («физиологический») организм находит параллели в воззрениях Ч., считавшего, что «народы Европы смотрели на себя не иначе, как на части единого социального тела, разделенного в географическом отношении на несколько государств, но в духовном отношении составляющего единое целое» (Соч. и письма. Т. 2. С. 138–139; Чаадаев. Т. 1. С. 402).

Источником формирования присутствующего на протяжении всего мандельшт. творчества представления об определ. близости др.-егип. и готич. архитектуры мог стать известный чаадаевский фрагмент ‹«Об архитектуре»› [при жизни О. М. был опубл. как четвертое «Философическое письмо (о зодчестве)»]; см.: Тоддес Е. А. Поэтическая идеология. С. 33; Гаспаров М. Поэт и общество: две готики и два Египта в поэзии О. Мандельштама // «Сохрани мою речь»-3(1). С. 26; Ямпольский М. История культуры как история духа и естественная история. С. 58; ср.: Ronen. P. 122. В нем Ч. предпринял попытку доказать «особенную связь между духом египетской архитектуры и духом архитектуры немецкой, которую обыкновенно называют готической, <...> как ни удалены друг от друга эти два фазиса искусства <...>, между ними есть разительное сходство» (Соч. и письма. Т. 2. С. 172; Чаадаев. Т. 1. С. 441). В ст. «Утро акмеизма» для выражения акмеистич. мировоззрения О. М. неоднократно употребил образ готич. башни, и этой же символикой он воспользовался для метафорич. характеристики чаадаевского мышления: «Или Чаадаев устал? Или его готическая мысль смирилась и перестала возносить к небу свои стрельчатые башни?» (1. С. 197). Данный образ, очевидно, был навеян упомянутым фрагментом, в к-ром Ч. писал, что «среди разнообразных форм, в которые попеременно облекалось искусство, есть одна, заслуживающая <...> особенного внимания, именно готическая башня <...> – сильная и прекрасная мысль, одиноко рвущаяся к небесам, не обыденная земная идея, а чудесное откровение, <...> увлекающее вас из этого мира и переносящее в лучший мир» (Соч. и письма. Т. 2. С. 173–174; Чаадаев. Т. 1. С. 442–443).

В творчестве О. М. с достаточной степенью достоверности выявляются и более частные параллели с чаадаевским наследием. Так, известное мандельшт. высказывание о Б. Л. *Пастернаке*: «Я так много думал о нем, что даже устал» (Ахматова. Листки из дневника. С. 122), – «восходит», возможно, к чаадаевскому письму к Пушкину от марта–апр. 1829, в к-ром, в частности, отмечено: «...думаю я о вас столь часто, что совсем измучился» (Соч. и письма. Т. 2. С. 105; Чаадаев. Т. 2. С. 66). Фрагмент письма Ч. к М. Ф. Орлову 1837 (?): «Если земля нам неблагоприятна, то что мешает нам взять приступом небо? Разве небо не удел тех, которые берут его силою?» (Соч. и письма. Т. 2. С. 214; Чаадаев. Т. 2. С. 124), – мог стать основой для формирования таких специфич. мандельшт. смысловых моделей, как образ «военного» неба и мотива борьбы с ним; см.: Шиндин С. Г. К интерпретации «Стихов о неизвестном солдате» Мандельштама // Поэтика и текстология. С. 95–96.

Соч.: Соч. и письма П. Я. Чаадаева. Т. 1–2. М., 1913–14; ПСС и избранные письма [В 2 т]. М., 1991.

Лит.: Микушевич В. Б. Принцип синхронии в позднем творчестве Мандельштама // ЖиТМ. С. 432–436; Искржицкая И. П. Чаадаев – О. Мандельштам – М. Бахтин: (К типологии гуманитарного мышления) // М. Бахтин и философская культура XX века: Проблемы бахтинологии. СПб., 1991. Вып. 1. Ч. 2. С. 70–77; Слинько А. О. Мандельштам о П. Чаадаеве // Воронежский край и зарубежье: А. Платонов, И. Бунин, Е. Замятин, О. Мандельштам и другие в культуре XX века: (Материалы международной научной конференции 9–10 окт. 1992 г.). Воронеж, 1992; Багратиони-Мухранели И. Л. Чаадаев и Мандельштам // П. Я. Чаадаев и русская философия: К 200-летию со дня рождения: Тезисы докладов и другие материалы научной конференции. М., 1994; Сегал. С. 123, 155, 193, 196, 216, 221–223, 225–249, 269–271, 286, 287, 289, 310, 318, 319, 338, 392–394; Ronen O. An Approach to Mandel'stam. Jerusalem, 1983. P. 205–207.

С. Г. Шиндин.

ЧАПАЕВ Василий Иванович [28.1.1887, д. Будайки, ныне в черте Чебоксар, Чувашская Республика – 5.9.1919, ок. Лбищенска (с. Лбищенск до 1939, с. Чапаево в 1939–71, г. Чапаево в 1971–92, ныне Чапаев, Республика Казахстан], участник Гражд. войны 1918–20. Род. в семье крестьянина-бедняка. В 1914–18 участвовал в 1-й мировой войне 1914–18, в 1918–19 занимал командные должности в Красной армии.

Из-за особенностей биографии и трагич. гибели фигура Ч. стала во многом легендарной, что художественно отразилось в романе Д. А. Фурманова «Чапаев» (1923) и одноим. к/ф («Ленфильм», 1934; авторы сценария и реж. С. Д. Васильев и Г. Н. Васильев). Именно на эти произведения опирался О. М. при восприятии личности Ч. Так, в относящихся, возможно, ко второй пол. 1930-х гг. рассуждениях он, по свидетельству Е. К. Гальпериной-Осмеркиной, парадоксальным образом соединил имена Ч. (как лит. героя) и Анны Карениной: «Читаю Фурманова – замечательное произведение: все события, все персонажи романа вращаются в страшной стремительности вокруг одного стержня – Чапаева. <...> Так было только в романах о любви. Вот Толстой в “Анне Карениной” группирует вокруг Анны весь ход событий» (О. и Н. Мандельштамы. С. 154). В апр. 1935 в *Воронеже* О. М. смотрел к/ф «Чапаев» (см.: Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 762, 826); ср.: «Сильное впечатление <...> произвела на Осипа Эмильевича одна из первых звуковых картин – “Чапаев”» (Штемпель. С. 43). Это нашло свое опосредованное личными обстоятельствами отражение в стих. О. М. «День стоял о пяти головах. Сплошные пять суток...» и «От сырой простыни говорящая...» (оба – 1935).

С. Г. Шиндин.

ЧАПЛИН (Chaplin) Чарлз Спенсер (16.4.1889, Лондон, Великобритания – 25.12.1977, Веве, Швейцария), амер. актер, режиссер и сценарист. По происхождению англичанин. В амер. кино дебютировал в 1914 как актер и как кинорежиссер. В своем творчестве опирался на приемы гротеска,

Чарли Чаплин

создав трагикомич. образ бродяги и неудачника. Завоевав мировую известность еще в 1910-е гг. (короткометражными фильмами), Ч. подкрепил ее в 1920-е и 1930-е гг. постановкой полнометражных картин: «Малыш» (1921), «Парижанка» (1923), «Золотая лихорадка» (1925), «Цирк» (1928), «Огни большого города» (1931) и «Новые времена» (1936).

По мнению ряда совр. исследователей, Ч. для О. М. в *кинематографе* – «самая сильная и стойкая привязанность» (Зоркая Н. «...Страшное, правдивое и мстительное искусство»: Осип Мандельштам о кинематографе // Искусство кино. 1988. № 4. С. 84), что, впрочем, не подтверждается прямыми биографическими и текстуальными свидетельствами. По свидетельству Н. Е. *Штемпель*, в *Воронеже* О. М. смотрел фильм Ч. «Огни большого города»: «С большим интересом мы смотрели картину Чарли Чаплина “Огни большого города”. Мандельштам очень любил и высоко ценил Чаплина и созданные им кинофильмы» (Штемпель. С. 43).

О. М., безусловно, осознавал место и роль Ч. в совр. ему кинематографе. Имя Ч. в характерном кинематографич. контексте упоминается в ст. «Магазин дешевых кукол» (1929) при характеристике к/ф «Кукла с миллионами» (Межрабпомфильм, 1928): «Ильинский в гостях у Макса Линдера: – Что, брат Линдер, есть о чем поговорить? Тебя, брат Линдер, скоро Чаплин покроет, а у нас, брат Линдер, еще Глупышкин семенит» (2. С. 503). При этом О. М. отмечал явное влияние творчества Ч. и на театральное искусство; так, в очерке «Березіль» (1926) он писал об одноим. театре, «который в “Шпане” показал, как театральное движение преображает сырой чаплинизм» (2. С. 440).

Имя Ч. прямо упоминается О. М. в стих. «Я молю, как жалости и милости...» и «Чарли Чаплин» (оба – 1937). В последнем тексте дана предельно эмоциональная оценка чаплинского образа: «Чарли Чаплин вышел из кино, / Две подметки, заячья губа, / Две гляделки, полные чернил / И прекрасных удивленных сил»; там же содержится мотив «переноса» Ч. в *Москву*, вероятно, имеющий для О. М. прямые личностные коннотации: «Отчего у Чаплина тюльпан, / Почему так ласкова толпа? / Потому – что это ведь Москва. / <...> А Москва так близко, хоть влюбись / В дорогую дорогу» (3. С. 139, 140). В свою очередь, первое из названных стихотворений использует образы цветочницы и роз, восходящие, вероятно, к к/ф Ч. «Огни большого города», гл. героиня к-рого – красивая слепая девушка, продающая на улице цветы: «А теперь в Париже, в Шартре, в Арле / Государит добрый Чаплин Чарли – // В океанском котелке с растерянною точностью / На шарнирах он куражится с цветочницей...»; этот же фильм, возможно, косвенно отозвался и во втором стих. О. М.: «А твоя жена – слепая тень» (Там же. С. 126, 139). Фрагмент последнего текста позволяет с высокой степенью вероятности предположить и факт знакомства О. М. с фильмами «Скетинг-ринг» (1916) и «Новые времена» – строки: «Чарли Чаплин <...> ролики надень» (Там же. С. 139), – причем финальной сценой второго фильма, очевидно, мотивированы появляющиеся в «Чарли Чаплине» образы шоссе и дороги (см.: Михайлов А. Д., Нерлер П. М. Комментарий // Собр. соч.-1. Т. 1. С. 386).

С. Г. Шиндин.

ЧАРЕНЦ Егишэ (наст. фамилия и имя Согомонян Егишэ Аюгарович) (13.3.1897, Карс, ныне Турция – 27.11.1937, Ереван, тюремная больница), армян. поэт и писатель, в 1925–36 глава армян. лит. организации «Ноембер» («Ноябрь»). В 1930 общался с О. М. в Ереване и Тифлисе. Слушая стихи об Армении, Ч. однажды сказал О. М. пророческие слова: «Из вас лезет книга» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 706).

П. М. Нерлер.

ЧЕБОТАРЕВСКАЯ Анастасия Николаевна (7.1.1877, Курск – 23.9.1921, Петроград), писательница, переводчица, автор статей по лит-ре, иск-ву, обществ. вопросам. Осенью 1908 вышла замуж за Ф. *Сологуба*. Точная дата ее знакомства с О. М. не известна. Вероятно, это произошло в 1909 или в самом нач. 1910-х гг., после возвращения О. М. из Германии и включения его в жизнь поэтич. Петербурга, что на тот момент равнялось приобщению к символистской школе. Среди мэтров *символизма*, благожелательно отнесшихся к О. М., был и Сологуб, а следовательно, и его жена, к-рая зорко следила за теми, кто «осмеливался когда-нибудь хоть чуть недоброжелательно отозваться о Сологубе» (Северянин. С. 88). О. М. же чрезвычайно ценил Сологуба.

О взаимоотношениях О. М. и его бывших учителей в 1912–13 свидетельствуют письма Ч. и ее сестры Александры Николаевны Ч. (1869–1925). 20.1.1913 Ч. писала В. Я. *Брюсову*: «Очень неприятен в последнее время “Цех поэтов”, который решил очень откровенно обратить на себя внимание и отвлечь его от “старших” (Брюсова, Сологуба, Блока, Иванова). Недавно на вечере “Бродячей собаки” вслух заявляли: “В «Аполлоне» больше не появится их ни строки”... Отвращение внушает» «саморекламирование» акмеистов «и, наконец, тенденция выдвинуться, ругая тех, по стопам которых они и выкарабкались только на свет Божий, – все эти Гумилевы... Городецкие, Мандельштамы и пр.» (Письма В. Я. Брюсова Ан. Н. Чеботаревской. 1976. С. 703).

Однако периодически у Ч. с «противниками» «намечались какие-либо точки соприкосновения», и она «с лихорадочной поспешностью стремилась использовать намечающиеся возможности» (Северянин. С. 88). Так, в янв. 1915 она предлагала А. А. *Блоку* предпринять чтение «Розы и креста» с участием О. М. (см.: Письмо А. Блока Че-

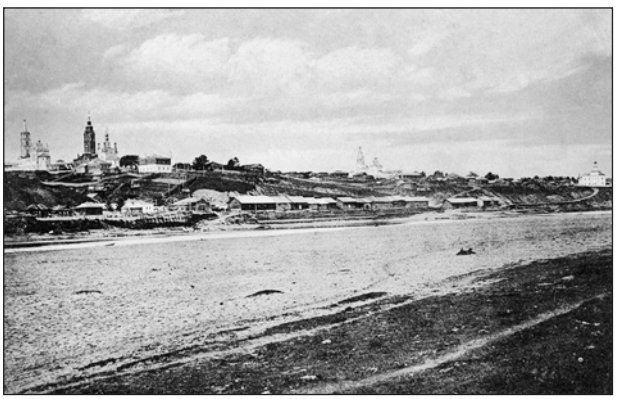
ботаревской от 9.2.1915. 1940. С. 279). Неск. раз О. М. и Сологуб вместе участвовали в поэтич. вечерах, в т. ч. и устраиваемых Ч. Из письма О. М. к Сологубу становится ясно, что акмеисты, включая самого О. М., нередко посещали званые вечера в доме Сологуба «в ответ на приглашения» его и Ч. (Письмо О. Мандельштама Ф. Сологубу от 10.5.1915. С. 27).

Тем не менее взаимоотношения О. М. и четы Сологубов продолжали оставаться напряженными, неровными: едва у Ч. и примирившихся с ней бывших «врагов» возникали новые расхождения, «она с новым пылом и подчас беспощадной, какою-то кликушеской резкостью порывала всякие отношения» (Северянин. С. 88). Возможно, именно категоричность Ч., к-рая «делила людей на две категории: приемлемых и отторгнутых» – и приходила в неистовство от нек-рых фамилий и имен (Там же), вынудила Сологуба ответить отказом в резкой форме на приглашение О. М. участвовать в благотворит. поэтич. «Вечере петроградских поэтов» 18.4.1915 в *Тенишевском училище*: «...Вы говорите о своем намерении держаться подальше от футуристов, акмеистов и к ним примыкающих» (см.: Письмо О. Мандельштама Ф. Сологубу от 10.5.1915. С. 27). В. Ф. *Ходасевич* свидетельствует, что «после женитьбы на Чеботаревской, обладавшей... неуживчивым характером... Сологубу, кажется, приходилось нередко ссориться с людьми, чтобы, справедливо или нет, вступаться за Анастасию Николаевну» (Ходасевич В. Ф. Некрополь // Ходасевич В. Ф. Собр. соч.: В 4 т. М., 1997. Т. 4. С. 115).

Источники: Северянин И. Салон Сологуба // Сегодня вечером. Рига, 1927. № 291 (Даугава. Рига, 1989. № 7); Письмо А. А. Блока Ан. Н. Чеботаревской от 9.2.1915 // Ученые записки ЛГПИ им. М. И. Покровского. Т. 4. Вып. 2. Л., 1940; Письма В. Я. Брюсова Ан. Н. Чеботаревской // ЛН. Т. 85. М., 1976; Письмо Ал. Н. Чеботаревской Вяч. Иванову от 21.1.1913 // ЛН. Т. 92. Кн. 4. М., 1982; Письмо О. Мандельштама Ф. Сологубу от 10.5.1915 // 4. 1997.

С. Ф. Данилова.

ЧЕРДЫНЬ, город-райцентр Свердловской обл. (ныне Пермского края); на р. Колве, притоке Вишеры. Место первонач. ссылки О. М. (со 2 по 14.6.1934), замененное на *Воронеж*. На здании больницы, где жили О. М. и Н. М. по приезде в Ч. (из ее окна О. М. в припадке посттюремного психоза выбросился, повредив руку), установлена мемориальная доска (первая версия – деревянная; современная – гранитная – открыта в 2009), имеется также памятный знак в честь О. М. (открыт в 2016). В Ч. дважды проходили Мандельштамовские чтения (в 2009 и 2016).



Вид г. Чердынь с берега р. Колвы

П. М. Нерлер.

ЧЕРЕЙСКИЙ Иосиф Соломонович (ок. 1910 – ?), воронежский знакомый О. М., журналист. С 1933 сотрудник отд. культуры газеты *«Коммуна»*. В беседах с П. М. Нерлером в 1981–82. Ч. отмечал, что гл. редакторы газеты (А. В. *Швер*, а позднее С. В. *Елозо*) предпочитали не давать работу в газете О. М. и др. ссыльным. О творч. вечере О. М. в редакции «Коммуны» Ч. свидетельствует, что вечер открыл Л. А. *Плоткин*, сделавший, по сути, доклад об *акмеизме*.

П. М. Нерлер.

«ЧЕРНОЗЕМ» («Schwarzerde»), опера швейцарского композитора К. *Хубера*, созданная по мотивам произведений О. М. Шла в Базельском театре в 2001 (10 представлений). Постановщик, автор либретто (в соавт. с Хубером) и, отчасти, переводчик – М. *Шиндхельм*; использованы также переводы П. *Целана*. Опера, сочетающая в себе традиц. и новаторские элементы, состоит из 9 частей, к-рые идут без перерыва (продолжительность – 110 мин.); исполняется на трех языках – русском (все поэтич. тексты), немецком (необходимые для понимания комментарии) и армянском (возвышенные и филос. мотивы).

«Ч.» – произведение о противостоянии поэта и власти, «гения и злодейства», она решена как совр. вариант антич. трагедии. На сцене – сам поэт, три героини и вестник судьбы, исполняющий баллады на арм. яз. под аккомпанемент виолы-д'амур. Еще один персонаж, на протяжении всего действия не появляющийся, но незримо присутствующий на сцене и олицетворяющий зло, – И. В. Сталин. Хор, в традициях антич. трагедии, судит и направляет сюжет: реакция одной его половины позитивна, другой – негативна. Двойственность подчеркивается, во-первых, чередованием контрастных сцен (начало – ода свету – это рождение поэта), во-вторых, повторяющимся неск. раз рефреном-пантомимой: это судороги удушья – символ деспотии и насилия. Баллада вестника о царе Аршаке, заточенном в башню до конца жизни, – предсказание судьбы О. М. Далее следует любовная сцена, прерываемая обыском, потом опять вестник с балладой-мечтой, к-рую сменяет страшная галлюцинация героя о смерти. Центр. эпизод «Ч.» – развернутая ария-монолог «Мы живем, под собою не чуя страны...». Лирич. кульминация – мелодекламация трех героинь – написана на стихи и строки писем А. А. *Ахматовой*, М. И. *Цветаевой* и Н. М. Следующая за этим ария поэта в сопровождении муж. хора и тромбона – парафраз арии Царицы ночи из «Волшебной флейты» В. А. Моцарта. Светлый образ Араратской долины, символизирующий свободу и надежду, сменяется новым трагич. катаклизмом: поэт – в застенке, многократно повторяющийся приговор – «изолировать, но сохранить» – звучит как издевательство. Гармония разрушается, но в эпилоге возникает вновь: после арии, написанной на слова последнего письма Н. М. еще живому поэту, следует дуэт поэта и вестника, повторяющего фразу

из «Путешествия в Армению» О. М.: «Я хочу, чтобы царь Аршак прожил один добавочный день».

Как отмечал муз. критик М. Нифеллер, «музыка Хубера эквивалентна точности и хрупкости поэзии Мандельштама. Эта опера – гимн жизни в эпоху, когда человечность у отдельных личностей и целых народов истаяла почти до полного исчезновения» (Nyffeller M. Am Klangforizont: Zur musikalischen Genese von «Schwarzerde» // Schwarzerde: Oper von Klaus Huber. Theater Basel. 2001. S. 67–71).

Лит. см. при ст. *Хубер* К.

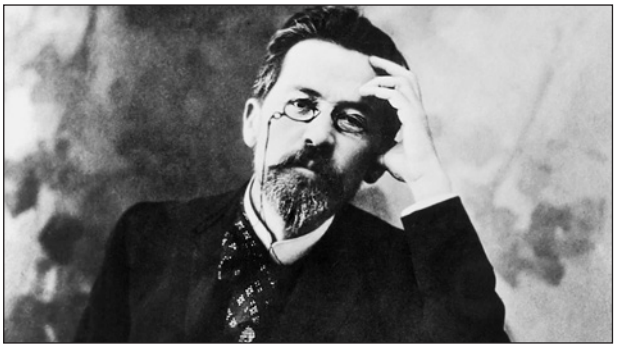
П. М. Нерлер.

ЧЕХОВ Антон Павлович (17.1.1860, Таганрог – 2.7.1904, Баденвайлер, Германия), прозаик, драматург, во многом определивший принципиально новые формальные и содержательные тенденции в рус. лит-ре кон. 19 в. Важнейшей особенностью восприятия личности Ч. современниками можно, очевидно, считать двуаспектность оценки его творчества читательской аудиторией и «сосуществование» писателя в двух ипостасях. С одной стороны, Ч. выступал как автор коротких иронич., подчас сатирич. рассказов, чем определялось наличие в лит. жизни образа «Антоши Чехонте». С др. стороны, широчайший обществ. резонанс имела драматургия Ч., ставшая одноврем. и отражением, и формообразующим началом совр. ему обществ. сознания. Если в первом качестве Ч. начал выступать практически со своего лит. дебюта, то вторая составляющая его биографии складывалась постепенно, но, безусловно, со временем стала доминирующей. В целом для рус. общества кон. 19 – нач. 20 в. творчество Ч. стало символич. олицетворением эпохи «девяностых годов», ее духовной и нравств. атмосферы и заметным импульсом для формирования в определ. социально-культурной среде образа «интеллигента» и понятия интеллигентности в самом широком смысле слова.

Именно эти факторы, несомненно, повлияли на формирование отношения О. М. к фигуре Ч. и нашли отражение в его худож. мире; при этом совершенно явно превалирует мандельшт. восприятие Ч. как драматурга. Симптоматично, что имя Ч. появляется в широком ряду рус. писателей при ассоциативной передаче О. М. своих юношеских впечатлений в «Шуме времени» (1923–24); см. в неск. иронич. описании уклада дома семьи Б. Б. *Синани*: «Родным человеком в доме семьи Синани был покойный Семен Акимыч», к-рый «совмещал в себе еврейского фольклориста с Глебом Успенским и Чеховым» (2. С. 381). В близком специфич. контексте фигура Ч. отразится и позднее, в мандельшт. письме Н. М. от 1.1.1936 из санатория в Тамбове при описании новогоднего праздника: «У нас вчера ночью <...> были разные игры: Чехов в больничном халате, удочки с кольцами» (4. С. 167). Более заметный биографич. эпизод, связанный с именем Ч., приходится на время пребывания О. М. в *Воронеже*, где в 1935–36 он работал зав. лит. частью в «Большом советском театре». В этот период в театре ставился спектакль по пьесе Ч. «Вишневый сад», чем, вероятно, вызван факт написания черновых набросков к неоконченной заметке о Ч (см.: Нерлер П., Никитаев А. Комментарии // 3. С. 463); ср.: «На днях я пришел в “Воронежский Городской Театр” к третьему действию “Вишневого сада”» (3. С. 415) [возможно, заметка не была закончена не столько из-за негативного мандельшт. отношения к драматургии Ч. или к данной театральной постановке, сколько потому, что тематически близкий текст был опубл. общавшимся в этот период с О. М. П. И. Калецким (Подъем. 1935. № 2); см.: Нерлер П. М. Павел Калецкий и Осип Мандельштам // ЖиТМ. С. 63].

[Любопытной особенностью в данном контексте выступает вероятное соприкосновение О. М. с топографич. «ориентирами», биографически связанными с фигурой Ч. Так, с большой долей вероятности, можно предположить, что в первой пол. 1920-х гг. О. М. бывал в *Москве* в доме, где прежде проживал Ч. (ул. Малая Дмитровка, д. 29). Как вспоминал современник (см.: Виленкин В. Я. В сто первом зеркале. М., 1990. С. 8–9), именно в одной из квартир этого дома собиралась в нач. 1920-х гг. университетская молодежь, в т. ч. и будущие члены Моск. лингвистич. кружка (среди них были и Б. В. *Горнунг* и Л. В. *Горнунг*). О. М. какое-то время общался с членами кружка и, в частности, в письме к Б. В. Горнунгу нач. 1924 извинялся за невозможность присутствовать на заседании, к-рое, очевидно, предполагало чтение его доклада (см.: 2. С. 42). Еще одним топографич. ориентиром, знакомым О. М., могли стать широко известные «чеховские места» в Ялте – популярные туристич. объекты. О. М. бывал в Ялте в нояб. 1925 – янв. 1926 и в июне–окт. 1928 (см.: Нерлер П. Даты жизни и творчества [О. Э. Мандельштама] // Собр. соч.-2. Т. 4. С. 448, 450) и вряд ли миновал их своим вниманием. Редуцированным подтверждением этого может служить тот факт, что в воспоминаниях Н. М. появлению «театральной линии», связанной, в частности, с Худож. театром и фигурой М. А. Чехова, предшествует именно «ялтинский» эпизод (см.: Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 327–332 и сл.)]

Мандельшт. оценка собственно творчества Ч. отличается известной непоследовательностью (что прослеживается в его худож. мире в целом ряде случаев и для др. авторов). Впервые относительно развернутая характеристика чеховской прозы дана в рец. «Письмо тов. Кочину» (1929); как отмечают комментаторы, в ней, как и во всех материалах, связанных с работой О. М. в газете «Московский комсомолец», «учтена специфика той малокультурной читательской аудитории, к которой адресовалась новая молодежная газета» (Нерлер П., Никитаев А. Комментарии // 2. С. 644), с определ. осторожностью можно предположить, что О. М. в какой-то степени следовал стилистике ранней чеховской прозы. Гл. положит. признаком худож. метода Ч., выделяемым О. М., можно считать присутствие в тексте «центральных лиц повествования», т. е., по сути, осознание значимости каждой личности, человеч. индивидуальности и «уважительного» авторского отношения к ней: «Мы знали, например, мужикобоязнь у Бунина, но для нас гораздо ценнее и интереснее подход к деревне Чехова. – Чехов одинаково бесстрашно, спокойно и тщательно изображает врача, инженера и личность крестьянина» (2. С. 531). В рец. О. М. соединяет имя Ч. с именами Л. Н. *Толстого* и Г. *Флобера* (см.: Там же. С. 528–530), что представляется особенно показательным, учитывая исключительно высокую мандельшт. оценку творчества этих авторов. Вместе с тем в неоконченной заметке «О Чехове» чеховская драматургия подвергнута исключительно уничижит. критике: «Чехов и упругость – понятия несовместимые. – [Чехов калечит людей]». Основание для подобной оценки – худож. метод Ч.: «Биолог назвал бы чеховский принцип – экологическим.



Антон Павлович Чехов

<...> Никакого действия в его драмах нет, а есть только соседство с вытекающими из него неприятностями. <...> Между театром и так называемой жизнью у Чехова соотношение простуды к здоровью» (3. С. 415, 414–415).

Обособленно стоит в мандельшт. мире восприятие театральной традиции, связанной с чеховской драматургией, что нашло развернутое отображение в заметке «Художественный театр и слово» (1923). О. М. отчетливо осознавал обществ. ориентированность Худож. театра, для к-рого важнейшей составляющей были личность и творчество Ч.: «Художественный театр – дитя русской интеллигенции, плоть от плоти ее, кость от кости. – Театр русской интеллигенции! <...> Такого театра быть не может! А между тем он был! Больше – он еще есть. С детства я помню благоговейную атмосферу, которой был окружен этот театр. – Сходить в "Художественный" для интеллигента значило почти причаститься, сходить в церковь» (2. С. 333). В таком контексте нельзя не заметить явной проекции фигуры Ч. «на ценностный ряд» целого поколения: «Пафосом поколения – и с ним Художественного театра – был пафос Фомы неверующего. У них был Чехов, но Фома-интеллигент ему не верил. Он хотел прикоснуться к Чехову, <...> увериться в нем. В сущности, это было недоверие к реальности даже любимых авторов» (Там же. С. 334); при этом следует учитывать, что категория «интеллигенция» имела для О. М. отчетливые личностные коннотации, что нашло характерное отражение в «Шуме времени»: «Слово "интеллигент" мать и особенно бабушка выговаривали с гордостью» (Там же. С. 356).

Гл. негативным качеством театральной интерпретации пьес Ч. для О. М., очевидно, выступает транспозиция собственно лит. (исключительно вербального) начала на второй план. Именно поэтому О. М. называет Худож. театр «расплатой целого поколения за словесную его немоту, за врожденное косноязычие, за недоверие к слову»; соответственно, своеобразным «эквивалентом» словесного начала становится отказ от него (ср. роль мотива молчания в мандельшт. худож. мире в целом): «Что такое знаменитые "паузы" "Чайки" и других чеховских постановок? – Не что иное, как праздник чистого осязания. Все умолкает, остается одно безмолвное осязание» (Там же. С. 335, 334). Как следствие, и формы «материализации» вербального пространства воспринимаются О. М. в иронич. ключе: «Когда художественники привезли с собой "Вишневый сад" в один большой русский провинциальный город, по городу распространилась весть, что труппа не захватила с собой "пузатого комода". С искреннем огорчением передавали друг другу обыватели эту подробность» (2. С. 334; речь идет о *Киеве*; см.: «Любил, но изредка чуть-чуть изменял»: Заметки Н. Я. Мандельштам на полях американского «Собрания сочинений» Мандельштама / Подготовка текста, публ. и вступит. заметка Т. М. Левиной // Philologica. 1997. № 4. С. 174); еще язвительнее, в афористич. форме отозвался О. М. о воронежской постановке: «<...> актеры <...> двигались, <...> словно ожидая, что кто-нибудь назовет их "ваше правдоподобие"» (3. С. 415). В противоположность этому О. М. вполне допускал гипотетич. возможность театральных экспериментов с пьесами Ч. для талантливых режиссеров; так, о С. М. *Михоэлсе*, творчество к-рого оценивал очень высоко (см., напр.: Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 330–331), он в черновых набросках к очерку «Михоэльс» (1926) метафорически писал: «... ни к кому больше, чем к М<ихоэльсу>, не применимы слова Вахтангова: "Свадьбу" и "П<ир> в<о> вр<емя> ч<умы>" надо игр<ать> в од<ном> спект<акле>: по сущ<еству,> <это> одно и то же» (2. С. 559; реальное вахтанговское высказывание и комментарий к нему и его гипотетич. источнику см. в: Нерлер П., Никитаев А. Комментарии. С. 646).

Лит.: Левин Ю. И. // RL. 1977. Vol. V; Нерлер П. Мандельштам о Чехове: притяжения и отталкивания (анализ высказываний) // Anton P. Cechov – Religiose und Ohilosophosche Dimensionen im Leben und im Werk. Zweites: Internationales Symposium. Zusammensetzungen und Thesen der Referate. Badenweiler, 20–24. 1994. Oktober. S. 39–40.

С. Г. Шиндин.

ЧЕЧАНОВСКИЙ Марк Осипович (1899–1980), редактор в Гос. изд-ве худож. литературы (ГИХЛ), публицист. В 1932–33 служил вместе с Н. М. в ред. журнала «За коммунистическое просвещение». Бывал у О. М. и Н. М. во флигеле *Дома Герцена*. «Приглашался в дом, чтобы поспорить с марксистом» (Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 311–312), потолковать о «Константине Леонтьеве или о Чаадаеве», при этом демонстрировал «свой широкий кругозор, необычный для советского редактора» (Герштейн. С. 407). Летом 1933 настоятельно советовал О. М. (в разговоре с Н. М.) отказаться от «Путешествия в Армению» и выступить с покаянным письмом в прессе (Н. М. предполагала как равновероятные две мотивировки этого поступка: по собств. инициативе Ч. и по поручению властей; см.: Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 238, 312). Осенью 1933 Ч. редактировал 1-й т. предполагавшегося 2–томника О. М. для Госиздата (изд. не состоялось) (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 420; Герштейн. 407).

Источники: Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 238, 311–312, 325; Т. 2. С. 420–424; Герштейн. (по именному ук.).

Т. Ф. Нешумова.

ЧУДОВСКИЙ Валериан Адольфович (20.4.1882, Минская губ. – Уфа, 1938?), теоретик стиха, критик; с 1917 почетный чл. петрогр. Ин-та истории иск-в. Совм. с В. И. Кривичем и М. А. *Кузминым* вел раздел «Заметки о русской беллетристике» и театральную хронику в журнале *«Аполлон»*, нек-рое время работал секр. журнала. С О. М. познакомился, по-видимому, осенью 1909 и в дальнейшем многократно

встречался с ним, в частности, на «башне» у В. И. *Иванова*, в «Обществе ревнителей художественного слова» (напр., 29.10.1911; ср.: Камень. 1990. С. 245), а также в кабаре *«Бродячая собака»* (с дек. 1912). В нач. 1910, с женитьбой Ч. на А. М. *Зельмановой*, в их доме (ул. Алексеевская, д. 5) составился лит. салон, частым посетителем к-рого стал О. М. (см.: Лившиц. С. 521). В свою очередь, Ч. посещал заседания 1-го *«Цеха поэтов»*. Ср. в мемуарах Г. В. *Адамовича*: «Вспоминаю забавную мелочь» о чтении О. М. стих. «Ахматова» (1914) на собрании «Цеха...», «едва ли кому-нибудь теперь известную <...>. Кто-то, если не ошибаюсь, Валериан Чудовский спросил поэта: “Осип Эмильевич, почему «отравительница Федра»? Уверяю вас, Федра никого не отравляла ни у Еврипида, ни у Расина”. Мандельштам растерялся <...>. На следующий же день “отравительница Федра” превратилась в “негодующую Федру”» (Адамович. С. 185–186; ср. иную версию, изложенную в ст. *Лозинский* М. Л.).

Критич. высказывания О. М. и Ч. в «Аполлоне» представлены в одном ключе – и тот, и другой пытались осмыслить логику развития культуры, приведшую к «преодолению символизма». Ст. Ч. «Футуризм и прошлое» содержит важный тезис, к-рый становится одной из эстетич. установок О. М.: «У нашего времени не может быть иной художественной цели, как выражение идеала того четвертого сословия, которое властвует с 1848 года» (А. 1913. № 6. С. 29; см. также: Постоутенко К. Ю. Из материалов по истории стихосложения в России // Тыняновский сб.: Пятые Тыняновские чтения. Рига. М., 1994. С. 305–311). Ср. также характеристику, данную В. Ф. *Комиссаржевской* в театральном обзоре Ч. (Чудовский В. А. Петербургские театры // А. 1913. № 6. С. 59) и образ актрисы в «Шуме времени» (1923) О. М. Осенью–зимой 1912 Ч. готовил для А специальную «статью о стихах» О. М. (свидетельство из дневника С. П. *Каблукова*: Камень. 1990. С. 247; ст. не была напечатана, рукопись ее не сохранилась). Манифест О. М. «Утро акмеизма» содержит важную перекличку с написанным с позиций акмеизма обзором Ч., помещенным в № 2 А за 1913 (см.: Мец. С. 337).

В окт. 1920, вернувшись в Петроград из Крыма, О. М. получил комнату в *Доме искусств*. Ч. в это время также проживал в Доме иск-в и даже входил в его Совет (см: Чуковский. С. 198, 211). Также в 1920-х гг. О. М. и Ч. встречались в кружке А. Д. *Радловой*, «верным рыцарем» к-рой был Ч. (Ахматова. Листки из дневника. С. 128; ср.: Тименчик Р. Д. Предисловие // Кофейня разбитых сердец: Коллективная шуточная пьеса в стихах при участии О. Э. Мандельштама. Stanford, 1997. С. 29). О постоянно пересекающихся сферах общения О. М. и Ч. в этот период см. также: Кузмин; Оношкович-Яцына.

В своей ст. «По поводу одного сборника стихов (“Корабли” Анны Радловой)» (1921) (см.: Начала: Летопись Дома литераторов. Пб., 1921. № 1. С. 209–210) Ч. определил О. М. в паре с В. В. *Маяковским* как поэтов, доведших модернистскую поэтику «до крайности – почти до карикатуры». Оценивая совр. лит. ситуацию, Ч. противопоставил А. А. *Ахматову*, «неизлечимо больную зарей вчерашнего “Вечера”», и Радлову, первую поэтессу, принявшую «крещение пламенем и кровью» «семи последних лет». В вопросе соперничества «двух Анн» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 144) О. М. принял сторону Ахматовой. Эти обстоятельства нашли отражения в шуточном стихотворении О. М., обращенном к Радловой: «Архистратиг вошел в иконостас...». Оно пародирует как раз то стихотворение Радловой («Ты – благодать, и ты – горчайший жребий...»), на к-рое Ч. указал в своей ст. «По поводу одного сборника...» как на образец «по-новому трагичного примитивизма», какого «Европа не знала чуть ли не со времен Данте». 2-я строка стихотворения О. М. построена на каламбурном обыгрывании имени Ч.: «В ночной тиши запахло валерьяном...»

Источники: Адамович Г. В. Мои встречи // Мандельштам и его время. С. 185–186; Чуковский К. И. Дневники. 1901–1929. М., 1991 (по именному ук.); Пяст В. А. Встречи. М., 1997 (по именному ук.); Кузмин М. А. Дневник 1921 года // Минувшее: Исторический альманах. М., 1993. Вып. 12, 13 (по именному ук.); Оношкович-Яцына А. И. Дневник 1919–1927 // Там же. Вып. 13 (по именному ук.).

Лит.: Лившиц Б. К. Полутораглазый стрелец. Л., 1989. С. 320–322; Мец А. Г. Комментарий // Камень. 1990; Острой О. С. Чудовский В. А. // Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры. СПб., 1995. Т. 1. С. 569–570 (там же – библиография); Телетова Н. К. «Дело лицеистов» 1925 года // Звезда. 1998. № 6. С. 123, 128.

Е. Л. Куранда.

ЧУКОВСКИЙ Корней Иванович (псевд.; наст. фамилия, имя, отчество Корнейчуков Николай Васильевич) [19(31).3.1882, С.-Петербург – 28.10.1969, больница в Кунцево, под Москвой], критик, литературовед, переводчик и один из создателей теории перевода, детский поэт. Упоминание о посещении О. М. в Куоккале и совместном визите к Репину содержится в дневнике Ч. за 15.7.1914 (Дневник. 1901–1921. С. 195); в тот же день в рукоп. альманах «Чукоккала» было записано стих. «Нет, не луна, а светлый циферблат» (на той же странице помещена пародия на него Б. К. *Лившица*, написанная 28.3.1926; см.: Чукоккала: Рукописный альманах Корнея Чуковского. М., 1999. С. 21). К периоду их первого знакомства относился и известный снимок, на к-ром, помимо Ч. и О. М., запечатлены Лившиц и Ю. П. *Анненков*. Впервые эту фотографию Ч. показала А. А. *Ахматова* (см.: Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. Т. 3. М., 1997. С. 54), позднее она была вклеена в «Чукоккалу». В 1968 для издания «Чукоккалы» Ч. написал восп. об О. М., где рассказал историю этой фотографии, сделанной в день, когда они с Анненковым и О. М. провожали на войну Лившица (см.: Чукоккала-1. С. 45–46). Об О. М. Ч. писал в этих восп.: «Почти все мемуаристы изображают Осипа Мандельштама тщедушным и хилым. Впалая грудь, изможденные щеки. Таким и был он в последние годы. Но мне вспоминается другой Мандельштам – сильный, красивый и стройный. Его молодая привычка: выпячивать грудь и гордо вскидывать кудрявую голову подбородком вперед – делала его похожим на драчливую птицу, готовую в любую минуту ринуться в бой на врага» (Чукоккала-2. С. 54). Ч. привел в восп. целый ряд эпиграмм и стихотворных экспромтов О. М.: «Делия, где ты была?..», «Путник, откуда идешь?..», «Сын Леонида был скуп...», а также процитировал и воронежские стихотворения, тексты к-рых были в его распоряжении.

Ч. подметил резкое изменение облика О. М. после рев-ции 1917. Ч вспоминал: до рев-ции «...Я так часто видел его бурно веселым, смеющимся, что таким он сейчас и встает в моей памяти: эпиграммист, остроумец, сочинитель смешных каламбуров, счастливец (не только по судьбе, но и по принципу, так как исповедуемый им акмеизм предписывал ему жизнелюбие и счастье). Помню, я был очень удивлен, когда узнал от него, что он хочет назвать свою вторую книгу "Tristia" (то есть, по Овидию, "Скорбные песни")» (Чукоккала-2. С. 56). После рев-ции О. М. стал другим: «В тридцатые годы, когда на него одна за другой нагрянули внезапные беды и весь его смятенный, встревоженный облик стал как бы воплощением невыносимого горя, я почти не встречался с ним. Порою он писал мне из Воронежа скорбные письма, к которым были приложены стихи, переписанные его героически преданной ему Надеждой Яковлевной» (Там же. С. 62).

В «Чукоккале» сохранились также стихотв. экспромты О. М., написанные в соавторстве с Н. С. *Гумилевым* и Г. В. *Ивановым* (баллада «Умеревший офицер» – запись от 2.4.1919, см.: Чукоккала-1. С. 520) и в соавт. с Лившицем, записанный рукой Лившица 25.12.1924, по поводу закрытия изд-ва *«Всемирная литература»* (см.: Чукоккала-1. С. 397–398). Двойное авторство Лившица и О. М. имеет и «Сонет» (запись нач. 1930-х гг., см.: Чукоккала-1. С. 452–457), обращенный к Д. И. *Выгодскому* [в первой публикации Р. Фахтуллиной авторство приписывалось одному О. М. (см.: Фахтуллина Р. Материалы к биографии Давида Выгодского // Лица: Биографический альманах. Вып. 1. СПб., 1992. С. 89)]. О. М фигурирует в ряде др. чукоккальских записей.

В изд. «Чукоккалы» 1979 упоминания о воронежских стихах не вошли, полный текст восп. опубл. впервые в комментариях к изд. «Чукоккалы» 1999.

О. М. неоднократно упоминался в дневнике Ч., где приводятся и нек-рые его стихи и лит. суждения. 30.10.1927 Ч. записал слова М. М. *Зощенко*: «Осип Мандельштам знает многие места из моих повестей наизусть, – может быть, потому, что они как стихи. Он читал мне их в Госиздате» (Дневник. 1922–1935. С. 338). 14.3.1928 Ч. записал мнение О. М. о первом изд. своей книги «Некрасов. Статьи и материалы» (Л., 1926), к-рое О. М. высказал ему во время их встречи в Госиздате: «... Осип Мандельштам, отозвав меня торжественно на диван, сказал мне дивную речь о том, как хороша моя книга "Некрасов", которую он прочитал только что. Мандельштам небрит, на подбородке и щеках у него седая щетина. Он говорит натужно, после всяких трех-четырех слов произносит *"ммм, ммм"* и даже *"эм, эм, эм"*, – но его слова так находчивы, так своеобразны, так глубоки, что вся его фигура вызвала во мне то благоговейное чувство, какое бывало в детстве по отношению к священнику, выходящему с дарами из "врат". Он говорил, что теперь, когда во всех романах кризис героя, – герой переплеснулся из романов в мою книгу, подлинный, страдающий и любимый герой, которого я не сужу тем губсудом, которым судят героев романисты нашей эпохи. И прочее очень нежное» (Там же. С. 361–362).

Еще одна запись об О. М. была сделана Ч. в Кисловодске 6.11.1928, в связи с чтением стихов О. М. обитателям санатория, где находился тогда Ч.: «Трагически упала у нас стиховая культура! Я прочитал на Минутке у Всеволода Ив. Попова чудное стихотворение О. Мандельштама "Розу кутают в меха" – и вот Манджосиха просит *после этого* прочитать ей стишки Г. Вяткина – ужасные, шарманочные, вроде надсоновских!» (Там же. С. 384).

В докладе Н. Н. *Асеева* «Политическая лирика» на Общегородском собрании поэтов 16.2.1936 приводился такой эпизод: «Я написал стихотворение о счастьи двух людей. "Двое неизвестных" <...> Иду по бульвару и встречаю Ч. <...> И вот я, встретясь с ним, с бухту-барахту прочитал этих "Двое неизвестных" <...> Корней Иванович смотрел по сторонам, смотрел на трамваи, наконец, порылся в портфеле, вынул листочек и сказал: вот послушайте, я вам стихи прочту. И начал читать стихотворение – высокое парнасское стихотворение, очень благородное, вроде розового ногтя на мизинце, очень отшлифованного и не очень нужного на руке. Когда я спросил его, чьи же это стихи, он мне сказал: вот теперь так не умеют писать, Н. Н., а написал это Осип Эмильевич. Я, конечно, не мог спорить и ушел от него не с пощечиной, а с подзатыльником» (РГАЛИ. Ф. 401. Оп. 1. Д. 7).

10.2.1934 О. М. навестил Ч. в Кремлевской больнице. Ч. записал: «Третьего дня у меня был поэт Осип Мандельштам, читал мне свои стихи о поэтах (о Державине и Языкове), переводы из Петрарки, на смерть Андрея Белого. Читает он плохо, певучим *шепотом*, но сила огромная, чувство физической сладости слова дано ему, как никому из поэтов. Борода у него седая, почти ничего не осталось от той *мраморной мухи,* которую я знал в Куоккале. Снова хвалил мою книгу о Некрасове» (Там же. С. 534).

В архиве Ч. сохранились письма О. М. и Н. М. к нему из воронежской ссылки (опубл.: Из архива Чуковского. Письма Н. Я. и О. Э. Мандельштам. Стихи. 1935–1937 / публ. и примеч. А. А. Морозова. // Слово и судьба. С. 34–49). Гл. содержание писем – просьба найти хоть к.-н. источник заработка, рассказ о бедственном положении и ухудшающемся состоянии здоровья О. М. 20.12.1935 Н. М. писала: «Помогите мне получить в Ленинграде перевод. В Москве у меня ничего не выходит. <...> Нам трудно. М. сейчас очень болен. Это лето он отчаянно работал, а вырабатывал гроши. Работой этой он себя надорвал» (Из архива Чуковского. С. 34). В ответ на открытку Ч. от 12.12.1936 Н. М. сообщала: «Я уже больше года безвыходно сижу в Воронеже при больном муже. Его состояние с января 36 г. правильно и планомерно ухудшается <...> Что я все-таки знаю о его болезни? На почве раннего (быть может, рассеянного) склероза – сильнейшее расширение аорты; полное перерождение сердечной мышцы и всех основных сосудов. Одно время был "аортит" – острая болезнь – воспаление стенок аорты, как я прочла в Энциклопедии. В прошлом году все врачи говорили о склерозе сосудов мозга. (Ему 45 лет.) С виду он дряхлый старик. Совершенно седой. Перемена за эти 2 года невероятная <...> Материальное наше положение ни на что не похоже. Вернее, вообще никакого "положения" нет. Живем на эфемерные и неосязательные посылки родных, вернее, моего брата, т. к. работы в Москве я не получила. В Воронеже у меня тоже ничего нет <...> Муж обладает даром не замечать ничего, кроме прямых лишений. <...> Последнее время (после 1 лет молчания) он снова пишет стихи. Это второй воронежский "цикл". Первым его движе-

нием было послать вам стихи. Но потому решили раньше узнать у вас – хотите ли вы этого. Самое для него тяжелое, что буквально некому прочесть стихов» (Там же. С. 36–37). В письмо вложены списки, сделанные рукой Н. М., стихотворений «Детский рот жует свою мякину...», «Внутри горы бездействует кумир...» и «Я в сердце века» (см.: Там же. С. 37–38).

О получении переводч. работы в Детгизе Н. М. писала Ч. 16 (к письму приложен ее список стих. «Пластинкой тоненькой жилета...» (см.: Там же. С. 39), 24 и 28.12.1936 [к последнему письму приложен список 14 стихотворений, к-рые затем вошли во «Вторую тетрадь» (см.: Там же. С. 43–45)].

Сохранились также три письма О. М., написанные с февр. по апр. 1937, содержание к-рых составляет вопль о помощи. 9 февр. О. М. писал: «Я больше ничего не могу сделать, кроме как обратиться за помощью к людям, которые не хотят, чтобы я физически погиб. Вы знаете, что я совсем болен, что жена напрасно искала работы. *Не только не могу лечиться, но жить не могу: не на что*» (Там же. С. 45). В последнем письме от 17.4.1937 О. М. констатировал: «...У меня безо всякой вины отняли все: право на жизнь, на труд, на лечение. Я поставлен в положение собаки, пса... Я – тень. Меня нет. У меня есть одно право – умереть» (Там же. С. 47).

Брат поэта, Е. Э. *Мандельштам* вспоминал, что в 1935 он «чуть не лишился работы, как сын купца. А найти работу после такого увольнения тогда было непросто»: «За помощью я обратился к К. Чуковскому, который хорошо знал Осипа, бывал неоднократно у нас в доме и представлял себе быт и достаток нашей семьи. Он написал мне письмо, где указал, что семья еле-еле сводила концы с концами, что у Осипа никогда не было денег и, приезжая к нему, Чуковскому, в Куоккалу или к Репину в Пенаты, он вечно занимал на обратную дорогу. А в постскриптуме добавил: “Правда, в комнате Вашего отца висело (вроде картины) свидетельство о том, что он «купец такой-то гильдии», но мы все понимали, что это – самозащита от царского пристава”» (НМ. 1995. № 10. С. 122).

В мае 1938, отвечая на вопрос следователя, зачем он приезжал в Ленинград, арестованный О. М. ответил: «В Ленинград я ездил, чтобы получить материальную поддержку от литераторов. Эту поддержку мне оказали Тынянов, Чуковский, Зощенко и Стенич» (Шенталинский В. А. Рабы свободы. М., 1995. С. 247).

О. М. сыграл свою роль в рождении одной из легенд, связанной с творчеством Ч. В стих. О. М. «Мы живем, под собою не чуя страны...» строки «<...> Тараканьи смеются усищи, / И сияют его голенища...» написаны тем же размером (анапест), что и строки написанной в 1921–22 сказки Ч. «Тараканище» [«Вот и стал Таракан победителем / И лесов и полей повелителем. / Покорились звери усатому. / (Чтоб ему провалиться, проклятому...» (Собр. соч. В 15 т. Т. 1. М., 2001. С. 26)]. О. М. высоко ценил творчество Ч., был знаком и с его детскими стихами. В «Мемуарах» Э. Герштейн упомянут написанный Н. М. для газеты «За коммунистическое просвещение» «хлесткий, критический разбор книжек» Ч., где она доказывала, что «это эпигонские стихи, и демонстрировала литературные источники, из которых он, по ее мнению, заимствовал ритм, рифмы и интонацию “Крокодила”» (Герштейн. С. 24). Переклички стихотворения О. М. о И. В. Сталине и «Тараканища» Ч. стали одной из причин восприятия этой сказки Ч. как полит. стихотворения, подразумевающего диктатора Сталина. Но такому истолкованию противоречит сама датировка «Тараканища»: вряд ли в годы, когда создавался «Тараканище», Ч., «далекий от партийных дел, даже слышал о Сталине, чье имя начало громко звучать лишь после смерти Ленина и загрохотало в сознании каждого в конце 20-х годов» (Чуковская Е. Тень будущего // Независимая газета, 1991. 9 июля. С. 7).

Корней Иванович Чуковский

Соч.: Собр. соч.: В 15 т. М., 2001–09.

Источники: Из архива Чуковского. Письма Н. Я. и О. Э. Мандельштам. Стихи. 1935–1937 / публ. и примеч. А. А. Морозова. // Слово и судьба. С. 34–49; Чукоккала-1: Чукоккала: Рукописный альманах Корнея Чуковского. М., 1999; Чукоккала-2: Чукоккала: Рукописный альманах Корнея Чуковского. М., 2006; Чуковский К. Дневник. 1901–1921 // Собр. соч.: В 15 т. Т. 11. М., 2005; Он же. Дневник. 1922–1935 // Там же. Т. 12. М., 2006.

Е. В. Иванова, при участии Е. Ц. Чуковской.

ЧУКОВСКИЙ Николай Корнеевич (20.5.1904, Одесса – 4.11.1965, Москва), писатель, поэт, переводчик, мемуарист; сын К. И. *Чуковского*. Знакомство Ч. с О. М. произошло в кон. 1920 (см.: Чуковский Н. К. С. 148): К. И. Чуковский нередко брал сына на лит. мероприятия, знакомил с литераторами (см.: Чуковский К. И. С. 67, 150 и др.). Вскоре после знакомства Ч. организовал выступление О. М. в *Тенишевском училище*. В 1922, случайно встретив оказавшегося в Москве без денег на еду и обратную дорогу юношу, О. М. серьезно помог ему (см.: Чуковский Н. К. С. 161–162). В дальнейшем встречи носили эпизодич. характер.

В 1922 Ч. опубликовал свои первые стихи и тогда же прочитал их О. М., к-рый дал им чрезвычайно низкую оценку.

В 1964 Ч. опубликовал восп. об О. М. (Москва. 1964. № 8. С. 143–152). В этих восп., писавшихся через 20 лет после смерти поэта, много неточностей, в т. ч. и в датах (см.: Мандельштам Н. (3). С. 316, 318; ср.: Лекманов. С. 7–8). Значит. часть очерка Ч. составили не личные восп., а слышанные от разных лиц анекдоты об О. М. По свидетельству Н. М., О. М. видел в Ч. доброго человека (Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 322), однако на протяжении

всей жизни Ч. оставался для О. М. «совершенно случайным знакомым» (Там же. Т. 2. С. 484–485). Это подтверждается, напр., отсутствием упоминаний Ч. в переписке О. М.

Соч.: О Мандельштаме // Чуковский Н. К. Литературные воспоминания. М., 1989. С. 146–171.

Источники: Чуковский К. И. Дневники (1901–1929). М., 1997.

Лит.: Лекманов. 2004.

Л. Л. Горелик.

ЧУЛКОВ Георгий Иванович (20.1.1879, Москва – 1.1.1939, там же), поэт, прозаик, мемуарист, критик. В газете «Утро России» от 3.12.1911 он так писал о стихах О. М.: «О. Мандельштам поражает холодным напряжением своих стихов. Становится страшно за стихотворца, когда он так мучительно старается писать как можно серьезнее. Стихи Мандельштама, обремененные натянутыми метафорами, были бы все же хорошими стихами, если бы он позволил себе хотя на миг улыбнуться и принять свою печаль не глубокомысленно и отвлеченно, а с иронией сердечной, которая одна может оправдать дарование такого склада и устремления» (цит. по: Камень. 1990. С. 291). 16.1.1914 О. М. и Н. С. *Гумилев* присутствовали на лекции Ч. «Пробуждаемся мы, мертвецы, или нет» в *Тенишевском училище* (см.: Тименчик Р. Д. Заметки об акмеизме // RL. 1974. № 7/8. С. 70).

С годами Ч. изменил свое отношение к стихам О. М.: из эпигона *символизма* О. М. в глазах Ч. превратился в подлинного мастера «старой», дорев. школы. Именно поэтому Ч., отдыхавший одноврем. с О. М. и Н. М. в Гаспре в авг. 1923 и даже сидевший с ними за одним столиком, обостренно нервно отреагировал на то, что Н. М. однажды надписала «адрес на конверте по новой орфографии – без твердых знаков. Он счел это предательством русской культуры, устроил легкий скандал и тотчас отсел за другой стол» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 211). Тем не менее в сер. 1920-х гг., выступая на дискуссии в ред. журнала «Красная новь», Ч. выразил сожаление, что «мало печатаются, а иногда совсем не печатаются такие поэты, как Ахматова, Мандельштам, Кузмин, Юрий Верховский» (цит. по: Михайлова М. В. Комментарий // Чулков. С. 742).

В февр. 1934 Ч. приходил к О. М. и Н. М. в новую квартиру в Москве, в Нащокинском пер., чтобы увидеться там с А. А. *Ахматовой*, гостившей у О. М. Сохранилась фотография, запечатлевшая Ч., М. С. *Петровых*, Ахматову и О. М. в этой квартире (см.: З. С. 484). «К брату и к Чулковым на Смоленский бульвар» Н. М. отправилась утром 17.5.1934 после ареста О. М. органами НКВД (см.: Ахматова. С. 137).

Соч.: Годы странствий. М., 1999.

О. А. Лекманов.

ЧУРИЛИН Тихон Васильевич (5.5.1885, Лебедянь Тамбовской губ. – 28.2.1946, Москва), поэт, прозаик. Автор книг «Весна после смерти» (М., 1915), «Конец Кикапу» (М., 1918), «Вторая книга стихов» (М., 1918), «Стихи Тихона Чурилина» (М., 1940). Знакомство Ч. с О. М. относится, предположительно, к 1916. По свидетельству А. А. *Ахматовой*, О. М. был «влюблен» в строчки из стих. Ч. «Ноябрь» (Ахматова. С. 122). Имя О. М. появляется у Ч. в контексте переосмысления поэзии *символизма* и противопоставления этой традиции футуристич. и советской поэзии 1920–30-х гг. В рец. на ст. «Армия поэтов», посв. стихотворцам-графоманам, Ч. отмечал, что она «содержит очень много горьких истин – но ничего действительного, интересного и оригинального не сообщает <...> некоторые отрицательные черты “поэтов”, типичны для самого Мандельштама (например, торжественная священнодейственная чистка стихов)» (Чурилин Т. Обзор еженедельников // Книгоноша. 1923. 1 декабря. № 27. С. 8).

Позднейшие упоминания О. М. в творч. наследии Ч. привязаны к фигуре В. В. *Хлебникова*. О. М. эпизодически появляется в мемуарах Ч. как один из участников «разномастной поэтической компании» 1916, к к-рой примыкал и сам автор (см.: Он же. Встречи на моей дороге. С. 459–460). В стих. Ч. «Песнь о Велемире» (1935) (из сборника «Стихи Тихона Чурилина»), приуроченном к 50-летию покойного поэта, введены образы Н. С. *Гумилева* и О. М, к-рые изображаются как антагонисты гл. героя, «смеющиеся» над поэтом, и даны в подчеркнуто фамильярных тонах: «И над ним смеялись Осип Эмильич, / Николай Степаныч и прочая шмара». Та же коллизия присутствует в стих. «Гению (1885–1935)» (см.: Тихон Чурилин. Зима. 1934. 1935. 1936 // РНБ. Ф. 1294. Ед. хр. 9. Л. 9–10). «Гений и Дурак» – центр. образ этого текста, за к-рым с легкостью угадывается Хлебников и скрыто присутствуют черты лит. автопортрета самого Ч. Его осмеивает «всесветный мещанин», персонифицированный в прозрачных криптонимах: «Смеется он, всесветный мещанин, / Он, Н. С. Г. иль О. Э. М. всегдашний». Стихотворение было написано в форме обращения к мертвому. Даты, вынесенные в заголовок текста и указывающие на общий год рождения автора и адресата, а также «юбилейный» сюжет, наполненный трагич. мотивами «переплетенных» биографий Хлебникова и Ч., раскрывали парный смысл противопоставления: Хлебников – Гумилев, Ч. – О. М. Мифологизированные черты фигуры Хлебникова, обыгрываемые здесь Ч., отсылали и к образу поэта в лит.-критич. статьях О. М. (в частности, в ст. «Буря и натиск», где Хлебников назван «идиотическим Эйнштейном»; см.: О. Мандельштам. Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 2. М. 1993. С. 296). Возможно, именно этот текст, подводящий итоги лит. взаимосвязей символизма и футуризма, послужил через много лет поводом для поэтич. инвективы Ч. Несмотря на то что оба указанных стихотворения касались лит. конфликтов ушедшей эпохи, в контексте полит. гонений 1930-х гг. они могут рассматриваться как личный выпад Ч. (в 1935 вступившего в СП СССР) против О. М.

Соч.: Встречи на моей дороге // Лица: Биографический альманах. СПб., 2004. Вып. 10.

Н. А. Яковлева.

Ш

ШАЛАМОВ Варлам Тихонович (18.6.1907, Вологда – 17.1.1982, Москва), прозаик, поэт. 17 лет (1929–32 и 1937–1951) провел в лагерях (арестован за распространение «Письма к съезду» В. И. Ленина). В своих рассказах скрупулезно описал и подверг всестороннему анализу существование заключенных на Колыме.

Лично знаком с О. М. не был. В 1953, на Колыме, основываясь не столько на свидетельствах очевидцев, сколько на собств. знании законов лагерной жизни, беллетристически изобразил смерть О. М. в рассказе «Шерри-Бренди». В 1965–68 тесно общался с Н. М. В письмах к ней с одобрением отмечал, что с годами «емкость мандельштамовских стихов» возрастала «(например “Андрею Белому”, да и не только», полагая при этом, что «“Камень” у Мандельштама, в сущности, самый простой сборник из всех собраний мандельштамовских стихов, с наименьшим показателем емкости» (из письма от 29.7.1965; см.: Переписка В. Шаламова и Н. Мандельштам. С. 162). В 1965, восхищаясь «Воспоминаниями» Н. М. в письме к Н. И. *Столяровой*, Ш. определил поздние стихи О. М. как «прощупывание нового пути» и «особенные дневники», а также объявил его стих. «Когда б я уголь взял для высшей похвалы...» «поэтическим крушением» О. М. (Там же. С. 173, 174).

С о ч.: Шерри-Бренди // Ш а л а м о в В. Т. Колымские рассказы. М., 1992. Т. I. С. 56–60; [Выступление В. Т. Шаламова на вечере памяти О. Э. Мандельштама 13.5.1965] // Ш а л а м о в В. Т. Воспоминания. М., 2003. С. 304–315.

Лит.: Переписка В. Шаламова и Н. Мандельштам // Знамя. 1992. № 2. С. 158–177.

О. А. Лекманов.

ШАХОВСКОЙ Дмитрий Михайлович (24.1.1928, Сергиев Посад – 28.7.2016, Москва), скульптор; акад. Рос. АХ. Автор памятника Н. М. на ее могиле на Старо-Кунцевском кладб. и каменного кенотафа О. М. в ограде ее могилы (1981), мемориальной доски О. М. на Тверском бульваре, д. 25 (1991), в Москве, скульптор-соавтор (вместе с Е. М. Мунц) памятника О. М. на ул. Забелина в Москве (2009).

П. М. Нерлер.

ШВАБ (Schwab) Карл Карлович (26.6.1873, г. Вильдберг, Германия – 1939), музыкант, выходец из Германии; знакомый О. М. в Воронеже. Окончил Штутгартскую консерваторию по классам композиции, флейты и фортепьяно. В России с 1896. До 1916 играл в оркестре Мариинского театра в С.-Петербурге (Петрограде). В 1918 эвакуировался в Воронеж с оркестром Преображенского полка. До 1935 флейтист Воронежского симфонич. оркестра, возглавлял его худож. совет, одноврем. преподавал в Воронежском муз. техникуме по классам композиции, теории музыки и флейты. Очень дорожил своей старинной флейтой, присланной из Германии. Часто музицировал на «пятницах» вокалиста-любителя доктора Николая Владимировича Словцова (Соловцова), для О. М. неск. раз играл произведения И. С. *Баха*, Ф. П. *Шуберта* и др. 29.12.1935 арестован оперуполномоченным В. М. Нефедовым, обвинен в принадлежности к фашистской контррев. группе из 14 чел. и в агитации против политики ВКП(б) и советской власти (следственное дело № 3654, начато 31.10.1935, окончено 11.3.1936). Осужден по ст. 58–10, 58–11 (антисоветская агитация и участие в антисоветской группе) на 8 лет тюрьмы и 5 лет поражения в правах; срок отбывал в Ельце, Усмани и Новоуглянке (близ Воронежа), Новгороде; в 1938 – в транзитном лагере УСВИТЛ под Владивостоком, куда 12.10.1938 привезли и О. М. Реабилитирован 24.10.1989.

С игрой и арестом Ш. связана тема флейты в воронежских стихах О. М. (прежде всего, в стих. «Флейты греческой тэта и йота...»).

Дочери Ш. – Герта (в замужестве Москалева) и Элеонора (училась в Ленингр. консерватории).

Источники: НМ–II. С. 217–18; Ш т е м п е л ь. С. 41–42.

Лит.: Л а с у н с к и й О. Соло на флейте для поэта // Воронежский курьер. 1991. 18 марта. С. 4.

П. М. Нерлер.

ШВЕЙЦАРИЯ, см. статьи: *Альпы*; *Монтрё*.

ШВЕР Александр Владимирович (1898, с. Базарный Карабулак Вольского у. Саратовской губ. – 14.4.1938, Хабаровск), журналист и обществ. деятель. В 1928–35 гл. ред. газеты «Коммуна» (Воронеж). В 1934–35 пред. Воронежского отд. ССП, участник 1-го съезда СП в авг. 1934. В марте 1935, вслед за И. М. *Варейкисом*, переехал в Сталинград, где в 1935–36 редактировал «Сталинградскую правду», а в 1937 – в Хабаровск, где в 1937 редактировал «Тихоокеанскую звезду». В Воронеже на посту гл. ред. «Коммуны» его сменил С. В. *Елозо*, а в СП – С. А. Стоичев.

Осенью 1934 О. М. обратился к Ш. с просьбой предоставить ему возможность принять участие в работе воронежской писательской организации; Ш. согласился, и О. М. проработал нек-рое время лит. консультантом Правления СП. По инициативе Ш. и в помещении б-ки газеты «Коммуна» О. М. прочел 3.2.1935 доклад об *акмеизме* («с целью выявления отношения Мандельштама к своему прошлому»). В докладе О. М., по мнению М. Я. Булавина, отошел от акмеизма, а по сообщению Стоичева Ставскому, – наоборот, показал, что «он ничему не научился, что он кем был, тем и остался» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 5. Д. 32. Л. 11).

Ш. был арестован в Хабаровске 3.10.1937, осужден 14.4.1938, расстрелян. Реабилитирован 18.8.1956.

Архивы: ГАОПИВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 452. Л. 117. Д. 453. Л. 86.

Лит.: Нерлер П. «Он ничему не научился...»: О. Э. Мандельштам в Воронеже: новые материалы // ЛО. 1991. № 1. С. 91–95.

П. М. Нерлер.

ШЕВЦОВ Игорь Сергеевич (род. 8.10.1935, Воронеж), сын воронежской писательницы О. К. Кретовой. В кон. 1936 О. М. встретил ее с годовалым Ш. в помещении Воронежского отд. СП СССР и, под впечатлением этой встречи, вскоре написал стих. «Рождение улыбки» («Когда заулыбается дитя...»). По профессии Ш. –экономико-географ, живет в Воронеже, работает в Воронежском ун-те.

Источники: Кретова О. К. Горькие страницы памяти // ЖТМ. С. 36–42.

А. С. Глауберман.

ШЕВЧЕНКО Тарас Григорьевич (25.2.1814, с. Моринцы Звенигородского у. Киевской губ. – 26.2.1861, С.-Петербург), укр. поэт, художник. Зарождение мандельшт. интереса к Ш., возможно, связано с высокой оценкой его И. Ф. *Анненским*, к-рый в ст. «О современном лиризме» (1909) писал, что «неэстетические романтики» – Ж. де *Нерваль*, А. С. *Пушкин*, Ш. – «никаких легенд не изображают, но они сами – легенды», тогда как вокруг совр. рус. поэтов «ни одной легенды не возникнет» (Анненский И. Ф. Книги отражений. М., 1979. С. 361). Далее в своей ст. Анненский противопоставил выстраданный, неподдельный лиризм Ш. стилизаторскому таланту М. А. *Кузмина* (см.: Там же. С. 366).

Несгибаемая антицаристская позиция, демократизм творчества и пророч. пафос Ш., вдохновлявший на насильств. борьбу за свободу, сделали его подходящим объектом офиц. прославления сразу после окт. 1917 (в 1918–19 Ш. установлены памятники в Москве, Петрограде и Киеве; последний в 1919 разрушен деникинцами). По постановлению Совнаркома Украины от 27.2.1919 юбилей Ш. отмечался 11.3.1919 (по нов. стилю Ш. род. 9 марта) как нац. праздник по всей Украине при активном участии Всеукр. Лит. комитета, чл. к-рого О. М. стал после приезда в Харьков в сер. февр. 1919, где он одно время руководил поэтич. секцией; шевченковские дни ознаменовались массовыми митингами, торжеств. вечерами, концертами [см.: Осташко Т. С. Початок формування радянської системи керівництва художнім життям у республіці (1919) // Український історичний журнал. 1987. № 5. С. 65. См. также: Папакин Г. В. Архивні джерела про вшанування пам'яті Т. Г. Шевченка у 1919 році // Арх. України. К., 1989. № 1. С. 9–13; Шевченківський словник у двох томах. К., 1976. Т. 1. С. 142; 2. С. 79]. Эта деятельность по культурному присвоению шевченковского наследия советской властью нашла свое отражение в творчестве В. И. *Нарбута*, с к-рым О. М. встречался весной 1919 в Киеве (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 63): в стих. «Кобзарь» (1920, Харьков) «солнечная коммуна», в к-рую «селянин и друг-рабочий / за красным знаменем потек», представляется воплощением чаяний Ш., выраженных в его поэтич. завещании «Заповіт».

Как сообщает А. Г. Мец, пребыванием на Украине в 1919 и чтением Ш. навеяны украинизмы («лирники», «кри-

Тарас Григорьевич Шевченко

ница») в стих. О. М. «На каменных отрогах Пиэрии» (см.: Мец. С. 553). По предположению А. А. Морозова, подтекстом 1-й строфы стих. «В Петербурге мы сойдемся снова» было стих. Ш. из его петерб. цикла «В казематі» (1847), обращенное к друзьям: «Чи ми ще зійдемося знову? / Чи вже навіки розійшлись? / І слово правди і любові / В степи і дебрі рознесли!» [Там же. С. 558; ср. реплику О. М. в ответ на вопрос Н. М., к кому обращено это стихотворение: «Он ответил вопросом, не кажется ли мне, что эти стихи обращены не к женщинам, а к мужчинам» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 82)].

В Киеве 4.5.1926 О. М. видел отрывок из инсценировки поэмы Ш. «Гайдамаки» (1839–41) театром «*Березиль*», о чем он пишет в одноим. очерке: «В "Гайдамаках" есть "живые картины", великолепные, как старый украинский лубок» (2. С. 440).

В юбилейный год – 120-летия со дня рождения Ш. – вышло новое изд. «Кобзаря» (Шевченко Т. Г. Кобзарь: Избр. стихотворения в пер. Ф. Сологуба. Л., 1934), и, судя по письмам С. Б. *Рудакова* к жене, это изд. О. М. читал вместе с ним и Н. М. одноврем. с неизвестным укр. оригиналом в Воронеже в нояб. 1935 (см.: Мандельштам в письмах Рудакова. С. 102, 107, 109, 110). О. М. был знаком также с «Дневником» Ш. 1857–58 (см.: Там же. С. 109), к-рый Ш. стал вести, узнав о предстоящем освобождении. В «Дневнике» Ш. описывал свое долгое ожидание разрешения вернуться в С.-Петербург и – после мн. проволочек – счастливое возвращение и встречи с друзьями.

В это время О. М. могло привлекать к Ш. определ. совпадение их судеб: Ш. подвергся ссылке и солдатчине, прежде всего, за сочинение антиправительств. «дерзких и возмутительных стихов» и гл. обр. «комедии» «Сон» (для О. М. мог быть существенен и ее «дантовский» код, отмеченный в примечаниях; см.: Шевченко. С. 370), на к-рую лично обиделся имп. Николай I и собственноручно дописал на приговоре Ш.: «Под строжайший надзор с запрещением рисовать и писать» (см.: Там же. С. 340; Тарас Шевченко: Док-ти і мат-ли, 1814–1963. К., 1963. С. 50).

Обращает на себя внимание сходство образности и сюжетного построения «комедии» Ш. в эпизоде посещения царского дворца с сатирой О. М. на И. В. *Сталина* («Мы живем, под собою не чуя страны...»), что связано, по-видимому, если не с прямыми аллюзиями стихотворения О. М. на этот эпизод из «Сна», то с общим источником сатирич. выразительности двух произведений во сне Татьяны из «Евгения Онегина» *Пушкина*: у Ш. царь – «мишка», затем – «котенок», царица – «цапля в стае птичьей», вдвоем они

ходят «гордыми сычами», их вельможи – «откормленные свиньи», «индюшки»; в эпизоде описывается «генеральное мордобитие» (см.: Франко І. Темне царство // Зібрання творів у п'ятдесяти томах. К., 1955. Т. 26. С. 148), имитирующее иерархич. систему царской России: царь бьет старшего сановника «в лупетку» (в оригинале: «в пику»), тот – младшего «в пузо», тот – следующего по рангу «меж плеч» и т. д. (ср.: «Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз»); затем царь «кричит», «лает», «гикает» (в оригинале: «як крикне <...> мов скажений <...> гукає <...> як зикне»; ср.: «Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет, / Он один лишь бабачит и тычет») (см.: Шевченко. С. 175, 176, 181).

Самоидентификации О. М. с Ш. отчасти способствовала тождественность их восприятия императивности поэтич. призвания [см.: «И мне понятны жалобы Шевченко – еще О. М. оценил их и показал мне – на неотвязность стихов, приносивших ему одни беды и мешавших заниматься живописным ремеслом» (Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 268), – имеется в виду запись из «Дневника» Ш. от 1.6.1857]. Схожесть с неопределенностью ситуации, в к-рой находился Ш. в Новопетровском форте перед уведомлением об освобождении от солдатчины, мотивировала, вероятно, и то, что О. М. за вечерним самоваром в Калинине вольно пересказывал записи в дневнике Ш. от 30.6 и 2.7.1857, где тот описывал, как чаепитие скрашивало ему время ожидания разрешения на возвращение в С.-Петербург [см.: «О. М. <...> рассказывал, что первое, на что тратил, получив деньги, Шевченко, был фунт чаю...» (Там же. С. 399)].

Можно предположить, что этот «острый и дружелюбный интерес» позднего О. М. к Ш. отразился и на интертекстуальном уровне (см.: Скуратівський. С. 6–7). Так, напр., назв. стих. Ш. «И мертвым, и живым, и нерожденным землякам моим, на Украине и не на Украине сущим, мое дружеское послание» (1845), в к-ром он, критикуя образованную часть укр. общества, призывает ее к единению с простым народом, могло отразиться в последней строке стих. О. М. «Где связанный и пригвожденный стон?»: «<...> Рожденных, гибельных и смерти неимущих», – с переосмыслением темы нац. возрождения в тему поэтич. бессмертия.

По свидетельству Н. М. (Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 451), в Саматиху О. М. вместе с книгами *Данте Алигьери*, В. В. *Хлебникова* и Пушкина привез также книгу Ш.

Соч.: Кобзарь: Избр. стихотворения в пер. Ф. Сологуба. Л., 1934 (переизд. – 1935).

Источники: Мандельштам в письмах Рудакова; Н. Я. Мандельштам. Т. 1–2.

Лит.: Мец А. Г. Примечания // Полн. собр. стих.; Скуратівський В. Шевченко в контексті світової літератури // Історія і культура. К., 1996.

Э. С. Вайсбанд.

ШЕКСПИР (Shakespeare) Уильям (23.4.1564, Стратфорд-он-Эйвон – 23.4.1616, там же), англ. драматург и поэт. О. М. воспринимал Ш. как близкого по духу художника, понять творчество к-рого во всей полноте О. М., не знавшему англ. яз., по его собств. ощущению, препятствовал языковой барьер. В гл. «Книжный шкап» «Шума времени» (1923), среди перечня отцовских книг нем. авторов («Шиллер, Гете, Кегнер») значимо присутствует «Шекспир по-немецки» (Собр. соч.-2. Т. 2. С. 356). А Н. М. вспоминала, как «в последние годы» она «много читала Шекспира, и» О. М. «ревновал, а под конец написал», чтобы она «выучила его своим англичанам». «Мою любовь к живописи, очевидно неискоренимую, он сразу забрал себе и так же решил поступить с Шекспиром», – писала Н. М. (НМ–2. 1999. С. 194).

В янв. 1913 имя Ш., наряду с именами Ф. *Рабле*, Ф. *Вийона* и Т. *Готье*, назвал в ряду наиб. дорогих для акмеистов имен Н. С. *Гумилев* в программной ст. «Наследие символизма и акмеизм» (см.: Гумилев Н. С. Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. М., 1991. С. 19; о «шекспировской» составляющей *акмеизма* и о роли И. Ф. *Анненского* как «посредника» между Ш. и молодыми поэтами-постсимволистами см.: Чекалов). В ст. «О природе слова» (1922), говоря о заслугах акмеизма перед рус. культурой, О. М. неск. скорректировал список Гумилева, но два имени из этого списка оставил в неприкосновенности: «Благодаря тому, что в России, в начале столетия, возник новый вкус, такие громады, как Рабле, Шекспир, Расин, снялись с места и двинулись к нам в гости» [Собр. соч-2. Т. 1. С. 229–230; ср. с неожиданной вариацией этого списка в рец. О. М. нач. 1930-х гг. на роман А. С. *Серафимовича* «Город в степи»: «Я не хочу сказать, чтобы "грубое корявое письмо" Серафимовича коробило мой нежный слух (он у меня далеко не такой нежный: принимает же он и Маяковского, и Фурманова, и Шекспира, и Рабле)» (Собр. соч.-2. Т. 3. С. 373)]. В том же 1922 О. М. написал стих. «Век», с его центр. темой связи времен, варьирующей реплику Гамлета: «...пала связь времен! // Зачем же я связать ее рожден» (Ronen. P. 223; ср.: Эткинд Е. Г. Осип Мандельштам – трилогия о веке // Слово и судьба. С. 251). Еще год спустя О. М. создал «Грифельную оду» (1923), строки к-рой: «Стереть дневные впечатленья» и «Кто я? Не каменщик прямой,// Не кровельщик, не корабельщик» – также восходят к «Гамлету» (Акт 1, сц. 5 и Акт 5, сц. 1) (Ronen. P. 147, 191–192).

Театральные впечатления от постановки «Гамлета» в МХТ Гордоном Крэгом, возможно, отразились в образе «черного бархата» из стих. О. М. «В Петербурге мы сойдемся снова...» (1920) (Сегал Д. М. Осип Мандельштам. История и поэтика. Ч. I. Кн. 2. Jerusalem – Berkeley, 1998. С. 625). Постановку др. шекспировской пьесы в МХТ («Юлий Цезарь») О. М. имел в виду, когда в заметке «Художественный театр и слово» (1923) говорил о «елизаветинском Шекспире на античный лад» (Собр. соч.-2. Т. 2. С. 334) [ср. с суждением об этом спектакле его режиссера: «...Постановку мы трактовали, как если бы трагедия называлась "Рим в эпоху Юлия Цезаря"» (Немирович-Данченко В. И. Из прошлого. М., 1936. С. 203)].

В творчестве О. М. 1930-х гг. гамлетовская тема была скрыто продолжена в стих. «Мастерица виноватых взоров...» (1934), в последней строфе к-рого возникает реминисценция из монолога Гамлета («Надо смерть предупредить, уснуть») (Акт 3, сц. 1), а в первой содержится намек на Офелию («Не звучит утопленница-речь») (см.: Лекманов О. А. На подступах к стихотворению О. Мандельштама «Когда б я уголь взял для высшей похвалы...» // Известия АН. Серия литературы и языка. 2001. Т. 60. № 1. С. 63). В стих. О. М. «И Шуберт на воде, и Моцарт в птичьем гаме...» (1933) имя Гамлета соседствует с именами

Уильям Шекспир

корифеев немецкоязычной культуры, по-прежнему остававшихся в сознании О. М. посредниками между ним и Ш.: по наблюдению Л. Ф. Кациса, в «Четвертой прозе» О. М. присутствуют подтексты из ст. Г. Гейне «Девушки и женщины Шекспира» (Кацис Л. Ф. Осип Мандельштам. Мускус иудейства. М., 2002. С. 530–531), а наиб. развернутая характеристика творчества Ш. была дана О. М. в процессе работы над радиокомпозицией «Молодость Гете» (1935): «Метод ш<експировского> творчества – случайность, превращающаяся в закономерность. Он ее обволакивает, он ее переваривает, эту случайность, но кусок остается всегда непереваренным. Отелло никогда никого не убил <...> Он скорее может вылечить рану, быть хирургом, чем убить» [Собр. соч.-2. Т. 3. С. 417; размышления О. М. об «Отелло» были спровоцированы его работой над исправлением для воронежского театра перевода этой пьесы, выполненного А. Д. *Радловой* (см.: Мандельштам в письмах Рудакова. С. 98)].

Кульминацией программных «Стихов о неизвестном солдате» (1937) О. М. стало многоступенчатое сравнение «череп» – «звёздным рубчиком шитый чепец» – «Чепчик счастья – Шекспира отец», что «видимо, значит: “могучий череп мировой культуры порождает и знаменитые речи Гамлета над ничтожными черепами кладбища”; за словом “отец” стоит также тематика “шекспирологического” эпизода джойсовского “Улисса” (замечено О. Роненом)» (Гаспаров М. Л. О. Мандельштам. Гражданская лирика 1937 года. М., 1996. С. 37; сводку иных интерпретаций этого образа см.: Там же. С. 74).

Соч.: Табидзе Т. Бирнамский лес [Перевод О. Э. Мандельштама] // Мандельштам О. Э. Стихотворения. Переводы. Очерки. Статьи. Тбилиси, 1990. С. 279.

Лит.: Чекалов И. И. Поэтика Мандельштама и русский шекспиризм XX века. М., 1994; Лекманов О. А. Мандельштам и Шекспир: опыт обобщающего сопоставления // Вестник истории литературы искусства. Т. 1. М., 2005. С. 263–268; Ronen O. An approach to Mandelstam. Jerusalem, 1983 (по именному ук.).

О. А. Лекманов.

ШЕНГЕЛИ Георгий Аркадьевич (20.4.1894, г. Темрюк Кубанской обл. – 15.11.1956, Москва), поэт, переводчик, стиховед, лит-вед; действит. чл. Гос. академии худож. наук (с 1923), пред. Всерос. Союза поэтов (1925–27). С О. М. познакомился летом 1917 в Феодосии [см.: Купченко Вл. Георгий Шенгели (Киммерийская антология) // Победа (Феодосия). 1981. № 99. 21 июня]. В 1-м изд. сб. Ш. «Раковина» (Керчь, 1918). О. М. посвящено стих. «Carmen aeternum» (во 2-м изд.: М.; Пг., 1922 – посвящение отсутствует). На рубеже 1920-х гг. О. М. и Ш. нередко печатались в одних и тех же лит. изданиях, напр.: Камена. Кн. 1. Х., 1918; Пути творчества. Х., 1919. № 4; Ковчег: Альманах поэтов. Феодосия, 1920 (об участии Ш. и О. М в этих изданих см.: Мандлин. С. 11–13, 89, 93); Страницы лирики: Избр. стихотворения современных русских поэтов. Симферополь, 1920; Пьяные вишни [Севастополь, 1920] (Ш. был участником 1-го изд. этого альманаха, а О. М. – 2-го; см. об этом: Купченко В. П. Литературная Феодосия в 1920 году // De Visu. 1994. № 3/4. С. 88; Минувшее: Исторический альманах. СПб., 1998. Вып. 23. С. 352, 355, 362, 368); Посев: Литературно-критический и научно-художественный альманах. Одесса, 1921; Кольцо: Альманах. М., 1922; Новые стихи. М., 1926. Сб. 1.

В 1919 О. М. и Ш. встречались в Харькове (см.: Лекманов. 2003. С. 86) и в Киеве, откуда вместе предприняли поездку в Крым под предлогом проведения «культработы в освобожденном Крыму» (Ивнев. С. 250–251). Восп. об аресте О. М. в Феодосии летом 1920 и участии М. А. *Волошина* в освобождении поэта отразились в стих. Ш. «Макс» (1936). В числе написанных Ш. «Стихов из тетради шуточных поздравлений М. А. Волошину к его юбилею в 1925 году» – пародия на О. М., где иронически обыгрывается, в частности, увлечение О. М. античностью и образы мандельшт. стих. «Обиженно уходят на холмы...» (1915). В 1922–24 О. М. и Ш. встречались в Москве, в *Доме Герцена*, на собраниях лит. объединения *«Литературный особняк»* (см.: Мандлин. С. 105). К О. М. обращено стих. Ш. «Прожект» (1926), в к-ром оба поэта характеризуются как «непогрешимые» парнасцы, наследники Л. де Лиля. В кон. 1920-х гг. О. М. посвятил Ш. эпиграмму «Кто Маяковского гонитель...», где упоминается не только о лит. полемике между В. В. *Маяковским* и Ш., издавшим в 1927 памфлет «Маяковский во весь рост», но и о переводч. деятельности Ш. («полномочный представитель Персидского... Лахути») и его трудах по стиховедению («Российских ямбов керченский смотритель») (2. С. 87).

По свидетельству С. И. *Липкина*, О. М. однажды заметил: «Каким прекрасным поэтом был бы Георгий Аркадьевич, если бы он умел слушать ритм» (Липкин. С. 14). Как вспоминает Н. М., Ш. «так и не примирился с поздними стихами <О. М.>, сохранив верность ранним. В зрелых стихах его особенно отвращал словарь – слова не поэтического языка» (Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 282). Однако сам Ш. называл О. М. в числе своих любимых поэтов (см.: [Шенгели Г. Письмо от 12 марта 1942] // Таллинн. 1987. № 3. С. 91). В обращенном к О. М. стих. «Ответ» (1948) (эпиграфом к к-рому стали первые слова стих. О. М. «Я пью за военные астры...», 1931) Ш. заметил, что их отношения всегда сочетали «поэтов извечную распрю с высокою дружбой мужчин».

О том, что творч. разногласия не мешали О. М. и Ш. оставаться «на дружеской ноге», свидетельствует и Липкин (Липкин. С. 22–23). Так, Ш. был одним из тех, кому О. М. читал стих. «Мы живем, под собою не чуя страны...» (1933) (см.: Мандельштам Н. (1). С. 105; Липкин. С. 14) и давал читать «Четвертую прозу» (1930), к-рую Ш.

назвал «“одной из самых мрачных исповедей, какие появлялись в литературе”, и упоминал Жан-Жака Руссо» (Герштейн. С. 37).

С 1933 Ш. – ред. в отд. «Творчество народов СССР» и одноврем. в «секторе западных классиков» Государственного издательства художественной литературы (с 1934 Гослитиздат). Об этом О. М. упоминал в шуточных стихах, обращенных к М. С. *Петровых* («Марья Сергеевна, мне ужасно хочется...», <1933–34>). По-видимому, именно благодаря Ш. появилась последняя прижизн. публикация О. М.: в книге Важа Пшавела «Поэмы» (М.: Гослитиздат, 1935) был перепечатан выполненный О. М. еще в 1921 перевод поэмы «Гоготур и Апшина» (перевод подписан инициалами).

По свидетельству С. Б. *Рудакова*, в воронежской ссылке О. М. вспоминал о стихотв. сб-ках Ш. «Норд» (1927) и «Планер» (1935) [книга «Планер» была куплена Рудаковым в Воронеже в янв. 1936 (см.: Мандельштам в письмах Рудакова. С. 123): «На коробке папирос “Норд” О. написал “Шенгели” (по имени его книги), вспомнили, что “Планер” и Шенгелевы стихи, и папиросы» (Герштейн. С. 227)].

В стихах Ш. можно обнаружить переклички с произведениями О. М.: в стих. «Анне Ахматовой» (1943) говорится о «той знаменитой шали, / Что изваял строкою Мандельштам» – ср. стих. О. М. «Ахматова» (1914); в стих. «Птичка» (1945) – аллюзии на стих. О. М. «Мой щегол, я голову закину...» и «Когда щегол в воздушной сдобе...» (оба – 1936) (Перельмутер В. Г. Полет щегла // «Отдай меня, Воронеж...». С. 193–199); имя О. М. упоминается в стих. «Он знал их всех и видел всех почти...» (1955).

В 1940-х гг. Ш. задумал книгу восп. «Элизиум теней», куда должен был войти в т. ч. и очерк об О. М., к-рый, однако, так и не был написан (Перельмутер В. Г. Комментарии // Шенгели Г. Иноходец: Собр. стихов. Повар Базилевса. Византийская повесть. Статьи. Литературные воспоминания. М., 1997. С. 524).

Соч.: Иноходец: Собр. стихов. Повар Базилевса. Византийская повесть. Статьи. Литературные воспоминания. М., 1997.

Источники: Липкин С. И. «Угль, пылающий огнем...» М., 1991.

Лит.: Миндлин Э. Л. Необыкновенные собеседники. М., 1979; Коркина Е. Г. Шенгели об И. Северянине // Таллинн. 1987. № 3. С. 90–91; Ивнев Р. О. Мандельштам // Мандельштам и его время; Перельмутер В. Г. Живущий на маяке // Шенгели Г. Иноходец. М., 1997.

С. В. Друговейко-Должанская.

ШЕРВИНСКИЙ Сергей Васильевич (28.10.1892, Москва – 30.7.1991, там же), переводчик, поэт и искусствовед. Участник альм. «*Лирический круг*», близкий знакомый А. А. *Ахматовой*. Переводил Ж. *Расина* («Федра»), И. В. *Гёте*, П. Ронсара, «Слово о полку Игореве», армян. поэтов и др., но особенной известностью пользовались его переводы из антич. авторов – Софокла (в частности, «Эдип в Колоне»), *Еврипида*, *Вергилия*, *Овидия* (в частности, «Tristia»), Катулла и Плавта. Именно они и послужили толчком к написанию О. М. шуточного стих. *«Знакомства нашего на склоне...»* (<1934>; Собр. соч.-2. Т. 3. С. 153). Этому предшествовало приглашение Ш. Ахматовой и О. М. «...послушать перевод. Вдвоем пускать их не следовало: они чего-то там натворили, пришли с хохотом, и О. М. объяснил...» (далее – текст эпиграммы; см.: Н. Мандельштам (1). С. 269).

Ни человеч., ни творч. близости между О. М. и Ш. не было. Н. М. называет Ш. даже «совершенно чужим» человеком, но, тем не менее, именно Ш., встреченному случайно на улице (предположительно, осенью 1937), О. М. горячо и доверительно прорицал: «Я у них все время на глазах. Они совершенно не знают, что со мной делать. Значит, они меня скоро посадят...» (Там же. С. 383).

В. В. Калмыкова.

ШЕРШЕНЕВИЧ Вадим Габриэлевич (25.1.1893, Казань – 18.5.1942, Барнаул), поэт, прозаик, переводчик, лит. критик. Начав как поэт-символист, Ш. последовательно прошел этапы развития – через футуризм – к имажинизму, одним из создателей к-рого в России он стал в 1918. О. М. ценил творчество Ш. Известна его дарств. надпись, обращенная к Ш. на экз. «Камня» (1913): «Вадиму Шершеневичу от ценителя его поэзии – автора. 10 окт. 1913» (Камень. 1990. С. 351). В февр. номере журнала «Новая жизнь» за 1916 Ш. опубликовал под псевд. «В. Гальский» рец. на «Камень» (1916), в к-рой, в частности, назвал О. М. «самым талантливым учеником Гумилева» (Там же. С. 219): «...Из певучего, льющегося русского языка, он сделал “медь торжественной латыни”» (Там же).

Можно говорить о влиянии Ш. на поэтику О. М. Прежде всего, это относится к кн. Ш. «Carmina» (1913). Так, напр., стих. Ш. «Н. Гумилеву посвящается», помещенное в раздел «Чужие песни» (ср.: «чужую песню» скальда в написанном через год после «Carmina» стих. О. М. «Я не слыхал рассказов Оссиана...») интонационно-ритмически предшествует стих. О. М. «На площадь выбежав, свободен...», в к-ром поэт также развил воплощенную Ш. тему творца, осуществляющего иноземную «прививку» к нац. культуре. В свою очередь, стихотворение Ш. актуализировало важную для О. М. метафору «садовник – поэт, плод – стихотворение», восходящую к стих. О. М. «Дано мне тело – что мне делать с ним...» (1909). Мотив «гниющих парников» в «Концерте на вокзале» (1921) О. М. пересекается с мотивом «теплиц», в к-рых зреет творч. плод поэта из стих. Ш. «Н. Гумилеву посвящается».

Поэтика «Камня» (1916) О. М. также повлияла на Ш. Одно из важнейших свидетельств серьезности этого влияния – заимствование базовой метафоры О. М. «слово – камень», что нашло отражение в сб. Ш. «Итак итог» (1923) (ср. в стих. Ш. «Головокружение душ»: «Любимая, кидай слова, как камни»).

4.4.1921 между Ш. и О. М. произошел инцидент в моск. Камерном театре. Подробности приведены в составленном протоколе: «В понедельник 4 апр. с. г. Осип Эмильевич Мандельштам явился в 12 ч. ночи в клуб Союза Поэтов и в присутствии Р. Ивнева, И. Грузинова и В. Ковалевского сообщил, что он сегодня в фойе Камерного театра обменялся пощечинами с Шершеневичем при следующих обстоятельствах. Во время беседы О. Мандельштама, Шершеневича и

бывших около них дам, Шершеневич все время шокировал О. Мандельштама наглыми остротами по его адресу. Кто-то из присутствующих указал Шершеневичу на то, что он ставит О. Мандельштама в неловкое положение, на что Шершеневич ответил, что ставить других в неловкое положение – его специальность. Такое поведение Шершеневича вызвало со стороны О. Мандельштама справедливые и резкие замечания вроде: “Все искусство т. Шершеневича ставить других в неловкое положение основано на трудности ударить его по лицу, но, в крайнем случае, трудность эту можно преодолеть”. Минуты две спустя Шершеневич нагнал уходившего О. Мандельштама и в присутствии гардеробных женщин ударил его по лицу. О. Мандельштам ответил ему тем же, после чего Шершеневич повалил его на землю. Поднявшись наверх, в буфет, О. Мандельштам, несмотря на протесты Таирова, заявил присутствовавшей публике о только что случившемся, прибавив, что настоящее оглашение он делает вследствие убежденности в подлости Шершеневича, благодаря которой он может скрыть возвращенную ему пощечину» (оригинал протокола в ОР ИМЛИ утрачен; цит. по копии С. В. Василенко; частично опубл. в: Нерлер П. М. Мандельштам и Шершеневич // Михаил Кузмин и русская культура XX века: Тезисы и материалы конференции 15–17 мая 1990 г. Л., 1990. С. 98–99). О. М. после инцидента неоднократно предпринимал попытки с помощью своих секундантов В. А. Ковалевского и Рюрика Рока добиться от Ш. удовлетворения, однако все эти попытки остались безуспешными из-за демонстративных отказов Ш. и его секундантов давать ход продолжению дела. В своих мемуарах (1934–36) Ш. покаянно писал, возможно рассчитывая на прощение со стороны О. М.: «Я всегда очень любил и до сих пор люблю поэта Мандельштама. Я люблю его “вкуснопахнущие” слова и редкое мастерство. Не знаю почему, но из-за какой-то легкой ссоры с Мандельштамом на вечеринке Камерного театра я разгорячился и дал ему пощечину <...> С Мандельштамом мы не кланяемся до сих пор, хотя я прекрасно сознаю вину. [Но смешно через десять лет подойти и извиниться перед человеком за глупость и грубость, которую допустил когда-то]» (Шершеневич В. Г. Великолепный очевидец: Поэтические воспоминания 1910–1925 гг. // Мой век, мои друзья и подруги: Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. М., 1990. С. 638–639).

А. А. Кобринский.

ШИВАРОВ Николай Христофорович (1898, Пештера, Болгария – 4.6.1940, Каргопольлаг, Вандыш), болг. Коммунист. С 1924 в центр. аппарате ОГПУ, сначала оперуполномоченным 4-го отд., где специализировался, прежде всего, на писателях. Именно Ш. разрабатывал и вел дело О. М. Среди писателей, чьи досье или следственные дела он вел, – М. *Горький* (1920-е гг.), И. Приблудный (1931), А. Довженко (1932), А. Платонов, Н. *Эрдман*, В. Масс и Э. Кротки (1933), Н. *Клюев* (1934). П. *Васильев* (1935), Б. Пильняк, групповое дело В. *Нарбута*, И. Поступальского, П. Шлеймана (Карабана), Б. Навроцкого и П. Зенкевича (1936). С дек. 1936 пом. начальника 4-го отд. УГБ УНКВД по Свердловской обл. Сам Ш. арестован 27.12.1937 как «перебежчик-шпион» и 4.6.1938 приговорен ОСО НКВД к 5 годам исправительно-трудового лагеря. Определением Воен. трибунала Моск. воен. округа от 27.6.1957 приговор отменен за отсутствием состава преступления, Ш. посмертно реабилитирован.

П. М. Нерлер.

ШИЛЕЙКО Владимир (Вольдемар-Георг-Анна-Мария) Казимирович [2.2.1891, С.-Петербург (по данным Т. И. Шилейко, Петергоф) – 5.10.1930, Москва], поэт, переводчик, ученый-ассиролог, специалист по вост. языкам и культуре. Проф. Петрогр. (Ленингр.) ун-та в 1922–29. В 1918–21 (формально до 1926 – см.: Шилейко В. Последняя любовь. С. 71) муж А. А. *Ахматовой*.

В поэтич. творчестве Ш. 1913–19 нашел выражение «тот плодотворный этап» поэзии постсимволизма, когда «готовился некий синтез распадающегося символизма с раннеакмеистическими конструкциями» (Топоров. С. 285). Именно в это время Ш. вошел в «тесный дружеский кружок с Н. С. Гумилевым, М. Л. Лозинским, А. А. Ахматовой, О. Э. Мандельштамом» (Мец А. Г., Кравцова И. Предисловие // Шилейко В. К. Заметки на полях. С. 3). Ш. состоял с О. М. не только в отношениях дружбы, но и, выделяя его среди своего акмеистич. «цехового» окружения, проявлял, по-видимому, глубокое понимание феномена уникальности личности О. М. [ср.: Мандельштам Н. (2). С. 57] и его худож. дара. Знакомство Ш. с О. М., по всей вероятности, относится к осени 1912, т. е. к появлению О. М. в Санкт-Петербургском Императорском университете, где Ш. учился с 1909 на ф-те вост. языков (арабо-евр.-ассирийского отделения, где был единств. учеником). См. в письме К. В. Мочульского к В. М. *Жирмунскому* от 22.10.1912 о составе задуманного Н. С. *Гумилевым* «кружка изучения поэтов»: «...достославные люди: Мандельштам, Гиппиус, Пяст, Лозинский, Шилейко» (Мочульский К. В. Письма к В. М. Жирмунскому // НЛО. 1995. № 35. С. 146).

По-видимому, Ш., как и О. М., достаточно активно посещал заседания 1-го *«Цеха поэтов»* в 1912–14. Встречались они также в редакциях журналов *«Гиперборей»* и *«Аполлон»* и (с 1912) в кабаре *«Бродячая собака»* (см.: Пяст. С. 142, 339). Печатью загадки-мистификации, герметичной для постороннего, но понятной и оцененной участниками диалога внутри «расплавленной остроумием атмосферы горячечного, тесного, шумного, как улей <...> гробик-подвала [“Бродячей собаки”]» (Гротеск // 2. С. 243), отмечены стихи Ш., связанные с влиянием личности и творч. поведения О. М.

Стих. «Смущенно думаю о нем...» было опубл. в 1917 в альм. «Тринадцать поэтов», но, созданное еще в 1914, подвергалось неоднократному редактированию в духе бытовавшей в кружковой среде практики: первонач. озаглавленное «Эврипид», при адресации О. М. оно получило назв. «Другу», затем назв. снято, но появился эпиграф: «Так вот кому летать и петь...» – строка из не опубл. в то время стих. О. М. «Автопортрет» (1914). Трехлетняя творч. история стихотворения Ш. свидетельствует о скрытом от непосвященных интенсивном общении и глубоко неравнодушном и сочувств. отношении Ш. к О. М.

Той же эстетич. установкой [ср.: «обнаженные до конца последние человеческие привязанности» как черта поэтики постсимволистов (Топоров. С. 291)] отмечено стих. «Delirium» [«Бред» (*лат.*)] (26.9.1914) со строкой в эпи-

графе, приписанной О. М., но являющейся, по-видимому, собств. стихом Ш. или имеющей источником чью-то из участников кружка устную импровизацию, приписанную О. М.: «Есть кто-то черный; он догонит». Мн. из сценариев подобных стихотв. игр «отрабатывались» в редакции «Аполлона» и «за столами» «Бродячей собаки» (см.: Иванов. Китайские тени. С. 228) и запечатлены в т. н. «жорах» – «В каждой строке должно быть сочетание слогов “жо-ра”» (Там же). Именно Ш. был «изобретателем» этого особого рода стихов, а О. М. – самым активным участником их создания (см.: Пяст. С. 191, 388; Иванов. Китайские тени. С. 228–229). К этому жанру примыкают сатирич. «Триолеты» Ш. (июль 1914), один из к-рых посв. О. М.: «...Теоретической погудке / Найдется вторить Мандельштам». См. также коллективную «Антологию античной глупости» и стих. О. М. из этой антологии «– Смертный, откуда идешь? – Я был в гостях у Шилейки...», источником к-рого, по-видимому, послужило стих. Ш. «Здесь нам миров наобещают...» (Мец А. Г. Комментарий // Полн. собр. стих. С. 663; ср.: Чуковский К. И. Мастер // Мандельштам и его время. С. 202–203). В продолжавшейся на протяжении 5-летия языковой игре этих виртуозных поэтов, отмеченной богатыми тематич. и интонац.-ритмич. перекличками, ассимиляцией целых областей поэтич. миров друг друга (ср. егип.-ассир. мотивы в творчестве О. М. и «каменные» семы в высказываниях Ш., а также нервалианский образ «черного солнца», общий для О. М., Ахматовой и Ш. – см.: Топоров, Цивьян. С. 444), могут быть установлены разнообразные текстовые пересечения. Наиб. достоверные из них основываются на указании Ахматовой, что, по-видимому, стихи О. М. «Черный ангел» («Как черный ангел на снегу...», нач. 1914, при жизни не печаталось) и «Египтянин» [два одноим. Стихотворения, 1913 и 1914] – «это результат бесед с В. К. Шилейко» (Ахматова. С. 22; ср.: Мец А. Г. Комментарий // Камень. 1990. С. 326, 327, 329).

Время интенсивного творч. и дружеского общения между О. М. и Ш. едва ли превысило 5 лет (1913–17), однако даже в 1920-х гг., когда их встречи, в осн. на улицах Ленинграда, носили эпизодич. характер, а личные отношения почти прекратились, ощущалась прочность былой привязанности. Ср. в письме О. М. к Н. М. от 17.2.1926: «Я <...> встретил Шилейку на Литейном <...> Он был в наушниках и покупал книги XVI века <...> ...слушал мудрые его речи... Я живучий, говорил я, а он сказал: да, на свою беду <...> Он понимает, что я совершенно другой человек и что со мной нельзя болтать, как прочие светские хлыщи» (4. С. 63). См. также в письме О. М. к Н. М. от 5.3.1926, из к-рого становится понятно, почему активное общение О. М. и Ш. оборвалось: «А<нна> А<ндреевна> с Пуниным уехали в Москву. Я воспользуюсь этим и зайду к Шилейке» (Там же. С. 74). В свою очередь, цитата из стих. О. М. «Паденье – неизменный спутник страха...» (1912) присутствует в письме Ш. к В. К. Андреевой-Шилейко от 2.11.1928 (Шилейко. Последняя любовь. С. 238). См. также фразу Ш. об О. М. из его письма к Андреевой-Шилейко от 16.3.1928: «...Будто мы на асфоделевых лугах сошлись <...>. Он еще больше меня приклонился долу, и говорили-то мы о мертвецах» (Там же. С. 215). Ср. с обращением О. М. к нравств. и эстетич. авторитету Ш. весной 1924 по поводу слухов о раболепстве стих. О. М. «1 января 1924 года» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 451). Ср. также с фразой О. М., зафиксированной П. Н. *Лукницким*: «Шилейко был для нас <...> бездной» ([Лукницкий]. С. 111).

Владимир Шилейко

Отголоском былой привязанности, общих неакадемич. штудий и понятных друг другу полунамеков стало стих. О. М. «Внутри горы бездействует кумир...» (Воронеж, 10–26.12.1936). См. у Н. М.: «Перед тем, как надиктовать мне этот текст, О. М. сказал: “Я догадался – это Шилейко”... Именно Шилейко “начинает жить, когда приходят гости” <...> Именно в связи с Шилейко появляется “тишайший” рот вместо первоначального: широкий рот» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 776). Однако далее О. М. «сказал, что это шире Шилейко, совсем не Шилейко» (Там же. С. 777; ср.: Мейлах. С. 416–427).

Соч.: Заметки на полях. СПб., 1999; Последняя любовь: Переписка с Анной Ахматовой и Верой Андреевой и другие материалы. М., 2003.

Источники: Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 84, 88, 241–242, 377, 449–453, 455, 776–777; [Лукницкая В. К.] Николай Гумилев: Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. Л., 1990. С. 150, 167–168, 190, 212, 214, 242; [Лукницкий П. Н.] Осип Мандельштам в дневниковых записях и материалах архива П. Н. Лукницкого // Звезда. № 2. 1991. С. 111, 121; Иванов Г. В. Китайские тени // Иванов Г. В. Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. С. 35, 229, 676; Он же: [Из воспоминаний] Магический опыт // Там же. С. 363–374, 691; Ахматова. С. 18–39; Пяст В. А. Встречи. М., 1997 (по именному ук.).

Лит.: Топоров В. Н. Об одной поэтической системе начала века: В. К. Шилейко // Две главы из истории русской поэзии начала века: 1. В. А. Комаровский. 2. В. К. Шилейко. (К соотношению поэтики символизма и акмеизма) // RL. 1979. Vol. 7. № 3. С. 284–300, 314–325; Мейлах М. Б. «Внутри горы бездействует кумир...»: К сталинской теме в поэзии Мандельштама // ЖиТМ. С. 416–426; Топоров В. Н., Цивьян Т. В. Нервалианский слой у Ахматовой и Мандельштама // Ново-Басманная, 19. М., 1990.

Е. Л. Куранда.

ШИЛОВ Лев Алексеевич (22.5.1932, Оренбург – 8.9.2004, Москва), звукоархивист, искусствовед, писатель, специалист в области истории рус. литературы 20 в. В 1954–63 сотрудник Музея В. В. Маяковского, участник подготовки к изданию собраний сочинений В. В. *Маяковского* и С. А. *Есенина*, а также организации вечеров и выставок.

С 1963 ст. лит. сотрудник Всесоюзного бюро пропаганды худож. литературы СП СССР, где создал фонотеку СП

СССР и записывал авторское чтение поэтов и писателей, писательские выступления на разл. вечерах и конференциях. Под его руководством в 1964 началась работа по перезаписи на магнитную ленту фонограмм с восковых валиков из коллекции С. И. Бернштейна (аудиозаписи 1920-х гг. авторского чтения А. *Белого*, А. А. *Блока*, В. Я. Брюсова, М. А. *Волошина*, Н. С. *Гумилева*, Есенина, О. М., Маяковского и т. д.) и дальнейшей их реставрации. В 1960–80-х гг. Ш. подготовил к изданию десятки виниловых грампластинок с записями голосов рус. писателей и поэтов. В 1975 возглавил отд. звукозаписи Гос. лит. музея (ГЛМ). По его инициативе уникальная музейная коллекция звукозаписей, пополненная сотнями редких фонограмм голосов рус. литераторов и актеров, превратилась в одну из самых значимых лит. коллекций в России. По разработанной Ш. программе в студии звукозаписи ГЛМ осуществляется перезапись фонограмм со старых магнитных лент на совр. звуковые носители, проводится реставрация старых записей. Популяризируя музейную коллекцию, Ш. подготовил неск. десятков аудиокассет, выпустил серию компакт-дисков с записями авторского чтения: «Голоса, зазвучавшие вновь», «Говорит Лев Толстой», «Анна Ахматова. Стихи и проза», «Александр Блок и его современники», «Осип Мандельштам. Звучащий альманах», «Борис Пастернак. Полное собрание звукозаписей», «Иосиф Бродский. Ранние стихотворения», «Корней Чуковский. Звучащее собрание сочинений», «Мария Петровых. Стихотворения».

Блестящий лектор, обладавший редким даром с первых же слов завоевывать внимание аудитории, Ш. в течение мн. лет выступал на радио и телевидении с циклами передач, посв. жизни и творчеству Блока, Б. Л. *Пастернака*, О. М. и др. С 1996 Ш. заведовал филиалом ГЛМ Музеем К. И. Чуковского в Переделкине. Под его руководством была проведена большая работа по сохранению и описанию коллекции К. И. *Чуковского*. Он также был одним из основателей Музея Б. Окуджавы в Переделкине.

С о ч.: Голоса, зазвучавшие вновь: Записки звукоархивиста. М., 1977 (изд. 2-е, доп. М., 1987); «Я слышал по радио голос Толстого...». М., 1989; Корней Чуковский на эстраде и на трибуне. Сб. «Мастера красноречия». М., 1991; Звучащие тексты Анны Ахматовой // Царственное слово. Ахматовские чтения. Вып. 1. М., 1992; Голоса, зазвучавшие вновь: Записки звукоархивиста-шестидесятника. М., 2004.

А. Ю. Рассанов.

ШИНДХЕЛЬМ (Schindhelm) Михаэль [род. 1.10.1960, Айзенах, ГДР (ныне ФРГ)], нем. писатель, драматург, театральный режиссер, переводчик. Соавтор либретто и постановщик оперы К. *Хубера «Чернозем»* («Schwarzerde») в Базельском театре. В 1979–84, по окончании технич. уч-ща в Мерзебурге (ГДР), учился на химич. ф-те Воронежского ун-та.

Встреча в Воронеже с Н. Е. *Штемпель* и знакомство с поэзией О. М. перевернули его жизнь: по возвращении в ГДР и 2-летней работы по специальности Ш. оставил науку и занялся лит. трудом, стал переводчиком с рус. яз. С 1990 возглавлял театры или оркестры в Нордхаузене, Зондерсхаузене и Гере; в 1996–2004 дир. Базельского театра, в 2005–06 генеральный дир. Берлинского оперного фонда, в наст. время дир. Культурных программ в Арабских Эмиратах (Дубай)

Лит. см. при ст. *Хубер* К.

П. М. Нерлер.

ШИФРИН Ниссон Абрамович (28.1892, Киев – 3.4.1961, Москва), театр. художник, живописец, иллюстратор. Учился в Киеве в школе рисования и живописи А. А. Мурашко (1912–15), студии А. А. *Экстер* (1918–19), Укр. АХ (1920–1921). Затем преподавал в Москве в Высшем худож.-технич. ин-те (ВХУТЕИН) (1929–30), Полиграфич. ин-те (1931–32), Ин-те театрального искусства им. А. В. Луначарского (1934–36). С 1925 чл. Общества станковистов (ОСТ), активно участвовал во всех четырех его выставках [см. каталоги в: К о с т и н В. ОСТ (Общество станковистов). Л., 1976. С. 149–156].

Посещая студию Экстер, Ш. был, очевидно, знаком с Н. М.; позднее она так охарактеризовала его: «Художник (плохой) из Киева» («Любил, но изредка чуть-чуть изменял»; см.: Заметки Н. Я. Мандельштам на полях американского «Собрания сочинений» Мандельштама / подгот. текста и публ. Т. М. Левиной // Philologica. 1997. № 4. С. 178). Оба работали с известным киевским театральным реж. К. А. *Марджановым*: Н. М. принимала участие в оформлении спектакля «Фуэнте овехуна» по пьесе Лопе де Вега «Овечий источник» (см.: Н. М. Т. 2. С. 39), а Ш., в частности, начинал работу над несостоявшейся постановкой пьесы «Рубашка Бланш», написанной И. Г. *Эренбургом* и А. Н. *Толстым*. О. М. мог познакомиться с Ш. весной 1919 в Киеве; видимо, их общение эпизодически продолжалось и позднее: его имя вскользь упомянуто в мандельшт. письме Н. М. из Москвы 24.2.1930: «Нигде не бываю (зашел к Шифриным)» (4. С. 134).

С. Г. Шиндин.

ШИШМАРЁВ Владимир Федорович 25.3.1875, С.-Петербург – 21.11.1957, Ленинград), филолог; акад. АН СССР (1946). Изучал поэзию позднего *Средневековья* во Франции, франц. и итал. Возрождение, в круг его науч. интересов входила лингвистич. проблематика; занимался палеографией и текстологией, теорией и историей музыки. Ближайший ученик А. Н. Веселовского, создатель отеч. школы романистики. После окончания в 1897 ист.-филол. ф-та Санкт-Петербургского Императорского университета был оставлен при кафедре для подготовки к науч. званию. В 1899–1903 готовился к званию проф. романской филологии во Франции и Италии, учился у крупнейших романистов этого времени – Г. Париса, А. Тома, К. Шабано (Париж), Э. Пародии, П. Райна (Флоренция). С 1918 проф. Петрогр. (затем Ленингр.) ун-та. Науч. интересы и методология Ш. сформировались под влиянием рус. школы сравнит. лит-ведения и зап.-европ. лингвистики 2-й пол. 19 в. с учетом практич. целей и задач преподавания иностр. языков и литератур в высшей школе. В период изучения поэзии позднего Средневековья опубликовал ряд поэтич. памятников на старо-франц. и провансальском языках, в т. ч. в 1909 вышло посв. поэту 14 в. 2-томное изд. «Гильом де Машо. Лирическая поэзия» (на франц. яз.), удостоенное премии

Сентура Франц. академии. Магистерская дис. Ш. (1911) была посвящена франц. и провансальской лирике позднего Средневековья, докторская (1915) – франц. поэту Клеману Маро (16 в.).

В период обучения на романо-герм. отд. ист.-филол. ф-та С.-Петерб. ун-та О. М. посещал семинар Ш., к-рому, очевидно, 1.5.1913 сдавал зачет по старо-франц. яз., а 5.10.1913 – по творчеству Моро (см.: Н е р л е р П. Даты жизни и творчества <О. Э. Мандельштама> // 4. С. 434–35). О. М. метафорически выразил свое отношение к пребыванию в семинаре Ш. в ст. «О природе слова» (1920–22) с исключительно положит. интонацией: *«Литература – явление общественное, филология – явление домашнее, кабинетное. Литература – это лекция, улица; филология – университетский семинарий, семья. Да, именно университетский семинарий, где пять человек студентов, знакомых друг с другом, называют друг друга по имени и отчеству, слушают своего профессора <...>. Филология – это семья, потому что всякая семья держится на интонации и на цитате, на кавычках. Самое лениво сказанное слово в семье имеет свой оттенок. И бесконечная, своеобразная, чисто филологическая нюансировка составляет фон семейной жизни»* (1. С. 223). Н. М. так прокомментировала этот фрагмент: «Он вспоминает семинар “молодого профессора” (это его слова) Шишмарева, среди слушателей и участников которого были и Гумилев и Мандельштам. Они читали старофранцузские тексты, и любовь к ним Мандельштам сохранил на всю жизнь»; она же передала шишмаревскую оценку О. М.: «Я знала Шишмарева уже стариком, и он нежно вспоминал своего ученика Осю Мандельштама, способного, но ленивого филолога» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 85).

С о ч.: Избранные статьи. Т. 1: Французская литература. М.; Л., 1965.

Лит.: Владимир Федорович Шишмарёв / АН СССР. Вступит. ст. Е. А. Реферовской и Г. В. Степанова. М., 1957; Жирмунский В. М. Академик Владимир Федорович Шишмарёв // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. 1958. Т. 17. № 1.

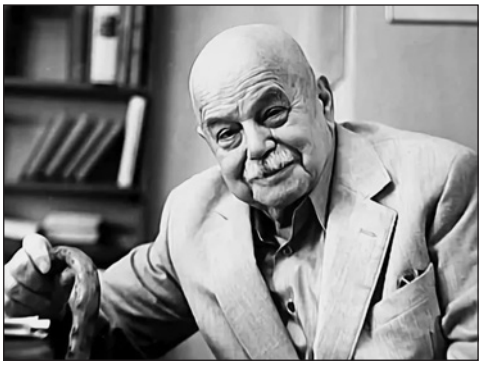
С. Г. Шиндин.

ШКЛОВСКАЯ-КОРДИ Василиса Георгиевна (1.1.1890, С.-Петербург – 22.2.1977, Москва), художница, первая жена В. Б. *Шкловского*. Ш.-К., отличавшаяся «абсолютной памятью», в беседе с В. Д. Дувакиным (сама она не оставила письм. восп.) и под его давлением засомневалась относительно того, когда и где она впервые увидела и услышала О. М. Это случилось либо «на докладе Бурлюка» (совм. выступление кубофутуристов и части акмеистов – О. М., В. И. *Нарбута* и М. А. *Зенкевича*, – решивших создать новый союз, состоялось в дек. 1913), либо «на вечере... как будто у медичек... у курсисток, которые почему-то страшно враждебно относились к молодым поэтам и чуть ли не щипали их» (вечер на Жен. мед. курсах на Петерб. стороне в С.-Петербурге) в 1913 (см.: Аудиоархив НБ МГУ. Кассета № 81–82. 1-я дорожка).

Личное знакомство Ш.-К. с О. М. состоялось зимой 1920/21, когда Шкловские и О. М. жили в петрогр. *Доме искусств*. Устные восп. Ш.-К. об этом времени были записаны ее дочерью и внуком (см.: О. и Н. Мандельштамы. С. 98–109). В них даны портреты О. М., пишущего и читающего стихи; О. М.-собеседника; О. М. – героя анекдотов. Также Ш.-К. вспоминает, как в 1933, когда Шкловские и Мандельштамы стали соседями по писат. дому в Нащокинском пер. в Москве, О. М. «собрал людей, чтобы читать этого “Горца”», и как в 1937, после воронежской ссылки, О. М. и Н. М. нелегально посещали дом Шкловских в Лаврушинском пер., куда они к тому времени переехали из Нащокинского. «В Москве был только один дом, открытый для отверженных» (Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 439; см. также главы «Шкловские» и «Марьина роща»). После смерти О. М. Ш.-К., ее сестра, Наталия Георгиевна, в квартире к-рой в Марьиной Роще нередко незаконно ночевали Мандельштамы в 1937, племянница, дочь и внук стали для Н. М. «незаконной семьей» – так обращается Н. М. к ним в письмах (О. и Н. Мандельштамы. С. 312–336). Приезжая в Москву, Н. М. жила у Ш.-К., принимая посетителей в комнатке за кухней, а в 1964 ей в порядке исключения, на правах «дальней родственницы» Ш.-К. была предоставлена моск. прописка «без права площади» в Лаврушинском пер., д. 7, кв. 47.

С. Ф. Данилова.

ШКЛОВСКИЙ Виктор Борисович (12.1.1893, С.-Петербург – 6.12.1984, Москва), теоретик лит-ры, один из основателей ОПОЯЗ, лит. критик, прозаик, кинокритик и киносценарист, мемуарист; лауреат Гос. премии СССР (1979). Близкий знакомый О. М. Общение со Ш. отразилось в мандельшт. заметках «Шуба» (1922), «Я пишу сценарий» (1927) и наброске «Виктор Шкловский» (1927[?]). Знакомство О. М. со Ш. могло состояться в кон. 1913 в артистич. кабаре *«Бродячая собака»*, где Ш. дебютировал 23.12.1913 с докладом «Место футуризма в истории языка», к-рый стал заметным событием, отмеченным мн. современниками. В личной б-ке О. М. сохранился экз. написанной на основе доклада монографии Ш. «Воскрешение слова» (СПб., 1914) с дарств. Надписью (см.: Ф р е й д и н Ю. Л. «Остаток книг»: библиотека О. Э. Мандельштама // Слово и судьба. С. 235). Ш., вспоминая посещения «Бродячей собаки», первым из поэтов упоминает именно О. М. (см.: Жили-были. С. 80). Инициатором знакомства мог стать активно вводивший Ш. в лит. круг Н. И. *Кульбин*; с ним же сблизился в это время и О. М., интересовавшийся теоретич. построениями и поэтич. практикой кубофутуризма. О. М. и Ш. могли познакомиться в Санкт-Петербургском Императорском университете, где они одноврем. учились в 1913–14 на ист.-филол. ф-те (см. в восп. Ш.: Ш к л о в с к и й В. Б. Тетива: О несходстве сходного. М., 1970. С. 163): «Здесь я увидел в первый раз хохлатого, узколицего, ходящего с закинутой головой поэта Осипа Мандельштама»; оба запечатлели в своей мемуарной прозе и семинар С. А. Венгерова. [Показательно, что позднее и Ш., и О. М. использовали образ Венгерова как символ преувеличенно-гражд. отношения к рус. лит-ре. Так, Ш. в ст. «“Уля, уля”, марсиане!» (1919), выступая против прямой связи иск-ва с полит. актуальностью, писал: «Мы, футуристы, связываем свое творчество с Третьим Интернационалом. – Товарищи, ведь это же сдача всех позиций! Это Белинский – Венгеров и “История русской интеллигенции”» (О н ж е. Гамбургский счет. С. 79). Это же специфич. отношение к лит-ре отмечал О. М: «Венгеров <...> ничего не понимал в русской литературе и по службе занимался Пушкиным, но “это” он понимал. У него “это” называлось: о



Виктор Борисович Шкловский

героическом характере русской литературы» (Собр. соч.-2. Т. 2. С. 358)]. В кон. нояб. – нач. дек. 1913 Ш., по его позднему свидетельству, должен был принять участие в несостоявшейся дуэли О. М. и В. В. *Хлебникова* в качестве секунданта обоих поэтов (см.: Парнис).

Осенью–зимой 1920–21 О. М. и Ш. были соседями по петрогр. *Дому искусств*, куда О. М. вселился, вероятно, при содействии Ш. [показательно, что незадолго до этого в ст. «Техника некрасовского стиха» (1919) Ш. назвал О. М. одним из крупнейших мастеров рус. стиха]. В очерке «Шуба», вспоминая это время, О. М. первым упомянул именно Ш., дав ему подробную характеристику: «...Молодые не унывали, особенно Виктор Борисович Шкловский, задорнейший и талантливейший литературный критик нового Петербурга, <...> настоящий литературный броневик, весь буйное пламя, острое филологическое остроумие и литурного темперамента на десятерых» (2. С. 246). Сам Ш. описал время пребывания в Доме искусств и образ О. М. в кн. «Сентиментальное путешествие» (1923; в его кн.: «Еще ничего не кончилось...». С. 229–231), причем оба текста в ряде фрагментов обнаруживают почти дословные совпадения. В ст. «Литературная Москва» (1922) О. М. положительно отозвался о «формальной школе» (т. е. ОПОЯЗ), назвав Ш. в ряду ее лидеров. В нач. 1926 Ш. предложил О. М. сотрудничество в сфере кинематографии; общение с ним в этот период, отразившееся в заметке «Я пишу сценарий» и наброске «Виктор Шкловский» , оказало существ. влияние на развитие кинематографич. взглядов О. М. (см. ст. *Кинематограф*).

Наиб. тесное общение О. М. и Ш., очевидно, началось или после переезда О. М. в Москву осенью 1929, или после его возвращения из Армении в сер. янв. 1931. Мемуаристы свидетельствуют о чрезвычайной интеллектуальной интенсивности их общения в это время, когда О. М. и Ш. «часто встречались для беседы “во весь ум”»: «Ходили по диагонали комнаты навстречу друг другу и спорили. Каждый развивал свою мысль с таким количеством “опущенных звеньев”, что трудно было что-нибудь понять в этих синкопах» (Герштейн. С. 412, 35). 4.7.1932 Ш. присутствовал в доме Н. Н. *Асеева* на мандельшт. чтении «Путешествия в Армению» (1931–32) и высоко оценил его; в письме к жене, В. Г. *Шкловской*, он писал: «Мандельштам читал свою прозу. Она очень хороша» (цит. по: Галушкин А. Ю. Комментарии // Гамбургский счет. С. 541). На это произведение Ш. отозвался рец. «Конец барокко» (1932) (расшир. вариант – «Путь к сетке», 1933), в предисловии к к-рой «Москва летом» упоминается встреча с О. М. 10.11.1932 Ш. присутствовал на закрытом вечере О. М. в редакции «Литературной газеты» и, по восп. современника, стал единственным, кто высоко оценил новые стихи О. М.: «Появился новый поэт О. Э. Мандельштам!» (Там же). В числе тех немногих самых близких людей, кому О. М. читал стих. «Мы живем, под собою не чуя страны...» (1933), был и Ш. (см.: Лекманов. 2003. С. 170). Симптоматично соединение имен О. М. и Ш. в опубл. под видом лит. критики полит. доносе (см.: Розенталь С. Тени старого Петербурга // Правда. 1933. 30 авг.), где они фигурировали в ряду идеологически неприемлемых авторов.

В воронежский период теоретич. практика «формалистов» была, очевидно, предметом частых бесед О. М с С. Б. *Рудаковым* (высоко ценившим работы Ш.: «Гениальность Шкловского, моя любовь к нему – к ученому, к прозаику – <...> издавна»): в его письме к жене от 1.6.1935 упоминается чтение О. М. кн. Ш. «Гамбургский счет» (1929); в письме от 3.11.1935 зафиксирована мандельшт. оценка журнального варианта «Марко Поло» Ш.: «<...> это начало отмены всякого чтения, вроде кино». Показательно, что 27.6.1935 в споре с Рудаковым о стих. Н. А. *Заболоцкого* «Когда минует день и освещенье...» О. М. воспользовался термином «остранение», введенным в науч. оборот Ш.: «Это капитан Лебядкин, это не стихи... В хвост и в гриву использован формалистический прозаический прием отстранения (я поправил: остранения)» (Мандельштам в письмах Рудакова. С. 161, 58, 100, 70). Вниманию О. М. к фигуре Ш. в это время могло способствовать знакомство с ссыльным моск. филологом П. И. Калецким (находившимся в Воронеже с весны 1933 по июль 1935; см.: Нерлер П. М. Павел Калецкий и Осип Мандельштам // ЖиТМ. С. 63), к-рого Рудаков называл учеником Ш.; вероятно, общение с обоими повлияло на мандельшт. планы написания книги о формализме (см.: Мандельштам в письмах Рудакова. С. 40, 42–43).

По восп. Н. Е. *Штемпель*, Ш. стал первым, с кем О. М. познакомил ее летом 1937 в Москве после воронежской ссылки (см.: Штемпель. С. 17–18). К этому же периоду относится свидетельство Е. Е. *Поповой*: 18.7.1937 она записала в дневнике: «Неожиданно приехал О. Э. и увез меня к Шкловскому. <...> Запомнился разговор Осипа Эм. со Шкловским об искусстве. Очень сложно, запутанно» (РГАЛИ. Ф. 2440. Оп. 1. Ед. хр. 425. Л. 20; цит. по: Видгоф Л. М. Москва Мандельштама: Книга-экскурсия. М., 2006. С. 147). На протяжении мн. лет Ш. оставался одним из немногих, кто активно поддерживал Мандельштамов, постоянно предоставляя им жилье и оказывая материальную помощь. Так, 27.3.1938 Н. М. констатировала в письме к Б. С. *Кузину* о 2-й пол. 1930-х гг.: «В Москве у нас есть Шкловский и его семья. Они очень хорошие – настоящие друзья, и это обнаружилось в эти трудные годы» (Кузин – Н. Мандельштам. С. 534). Позднее она вспоминала: «Дом Шкловских был единственным местом, где мы чувствовали себя людьми» (Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 441); в передаче мемуариста, известны слова Н. М., что «это была единственная семья, которая не боялась принимать ее во время воронежской ссылки» О. М. (Штемпель. С. 17).

Сопоставит. анализ текстов О. М. и Ш. выявляет значит. количество взаимоцитат из произведений обоих авторов и смысловых схождений, позволяющих предположительно реконструировать нек-рые темы, затрагивавшиеся в их общении. К нач. 1920-х гг. может относится неск. вполне вероятных случаев обмена «репликами» между О. М. и Ш. В заметке «А. Блок» (1922) О. М. писал, что А. А. *Блок* «подхватил цыганский романс и сделал его языком всенародной страсти» (2. С. 253); близкой характеристикой воспользовался и Ш. в «Сентиментальном путешествии», где о Блоке сказано, что «в основе его прежнего мастерства лежало восстание цыганского романса. <...> Тема цыганского романса, <...> формы этого романса были вновь канонизированы» (Шкловский В. Б. «Еще ничего не кончилось...». С. 232–233). При этом отмечаемая Ш. канонизация жанра предвосхищена О. М: «Блок <...> не растоптал ни одного канона» (2. С. 255). Очевидно, мандельшт. характеристика поэмы «Двенадцать»: «Поэма “Двенадцать” – монументальная драматическая частушка» (Там же), – послужила Ш. для логич. отталкивания – см.: «“Двенадцать” – ироническая вещь. Она написана даже не частушечным стилем, она сделана “блатным” стилем» (Шкловский В. Б. «Еще ничего не кончилось...». С. 233); ср.: Нерлер П. М. Примечания // Слово и культура. С. 312.

В это же время и Ш., и О. М. негативно отозвались на «Записки чудака» А. *Белого*, отметив, в частности, несопоставимость изображаемых им событий с многозначительностью их описаний; см. у Ш.: «Он может написать пять страниц о том, как человек чиркнул спичкой» (Шкловский В. Б. Гамбургский счет. С. 221); ср. у О. М.: «Получается приблизительно такая картина: человек, переходя улицу, расшибся о фонарь и написал целую книгу о том, как у него искры посыпались из глаз» (2. С. 321). Более частным совпадением может считаться общность оценки Сухаревского рынка, содержащаяся в текстах обоих авторов, – в «Письме о России и в Россию» (1922) Ш. писал: «Москва – это Сухаревка, которая слопала и революцию, и Россию» (Шкловский В. Б. Гамбургский счет. С. 146); еще негативнее изобразил Сухаревский рынок О. М. в заметке «Сухаревка» (1923). По предположению совр. исследователя, в мандельшт. статьях нач. 1920-х гг. содержится рад существ. смысловых параллелей ранним теоретич. воззрениям Ш. (см.: Тоддес. С. 81–85 и сл.).

Во второй пол. 1920-х гг. оба соотносили совр. им кинематограф с творчеством М. М. *Зощенко* и, в частности, с рассказом «Аристократка» (1923): О. М. – в рец. на фильм «Кукла с миллионами» (1929) и в заметке «Я пишу сценарий», Ш. – в ст. «О киноязыке» (1926; см. в: Шкловский В. Б. За 60 лет: Работы о кино. М., 1985). Именно с кинематографом О. М. сравнил Ш. в шуточной заметке, представив его «диктующим на театральной площади. Толпа окружает его и слушает, как фонтан. <...> Фонтан для V-го века по Р. Х. был тем же, что кинематограф для нас. <...> Шкловский поставлен на площади для развлечения современников» (2. С. 459); источником этой образности мог стать хронологически близкий иронич. отзыв Ш. о к/ф В. Р. Гардина «Поэт и царь» (1927): «Две части этой ленты заняты фонтаном. Настоящее название ленты поэтому “Поэт и фонтан”» (Шкловский В. Б. Гамбургский счет. С. 353).

Акцентирование О. М. в «Я пишу сценарий» доминантного положения монтажного принципа и особого статуса вещи в раннем киноязыке может являться следствием соответствующих теоретич. разработок Ш., строящихся и на анализе творчества самого О. М. (см. ст. *Эйзенштейн* С. М.) и отраженных в рец. «Путь к сетке». Там же Ш. упомянул стих. О. М. «Кинематограф» (1913) – «прекрасные стихи неожиданного дыхания» – и отметил «монтажную» природу пов. «Египетская марка» (1927): «Книга, составленная как будто из кусков, как будто нарочно разбитая и склеенная, обогащенная приклейками» (Там же. С. 475, 476). Эта характеристика полностью применима к прозе самого Ш.; можно предположить, что организация мандельшт. текста (в т. ч. и графическая) складывалась не без влияния происходившего в это время общения со Ш., последовательно культивировавшим монтажный принцип построения прозы. Подобная близость, видимо, ощущалась самим О. М., уже в очерке «Шуба» отметившим «монтажный» способ работы Ш. с текстом: «<...> разбросает по <...> столам и на кровати, и на стульях, и чуть ли не на полу листочки с выписками из Розанова и начнет клеить свою удивительную теорию» (2. С. 247).

Характеризуя в кн. «Их настоящее» (1927) творчество Эйзенштейна, Ш. (Шкловский В. Б. За сорок лет. М., 1965. С. 83) отмечал: «“Стачка” – это вещь без героя. <...> Попытки создавать вещь без героя связаны с общей установкой нашего времени». Мандельшт. возражение против такой позиции, возможно, содержится в одном из ключевых фрагментов «Египетской марки»: «Страшно подумать, что наша жизнь – это повесть без фабулы и героя» (2. С. 493). Др. фрагмент повести: «Мусор на площади... Самум... Арабы...» (Там же. С. 486), – мог быть мотивирован соединением этих же образов в описании Ш. впечатлений от приезда в Москву в нач. 1920-х гг. («Третья фабрика», 1926): «Самум пыли и бумажек. <...> И арабы все говорят на понятном языке» (Шкловский В. Б. «Еще ничего не кончилось...». С. 363); иной источник мандельшт. образности (поэтич. сб. «Самум» и стих. «Араб» В. Я. *Парнаха*) предложен Р. Д. Тименчиком (см.: Тименчик Р. Д. Заметки об акмеизме // RL. 1974. № 7/8. С. 37–38).

Ассоциативно связаны с прозой Ш. нек-рые смысловые и образные составляющие линии А. Г. *Горнфельда* в «Четвертой прозе» (1930); в частности, фраза: «К числу убийц русских поэтов или кандидатов в эти убийцы прибавилось тусклое имя Горнфельда» (3. С. 173), – может восходить к «Сентиментальному путешествию» Ш.: «Я ненавижу Иванова-Разумника, Горнфельда, <...> убийцу русской литературы (неудачного) Белинского» (Шкловский В. Б. «Еще ничего не кончилось...». С. 228); см.: Гаспаров Б. М. «Извиняюсь» // Readings in Russian Modernism: To Honor Vladimir Fedorovich Markov. M., 1993. С. 114–115. При этом упоминание в «Четвертой прозе» в связи с Горнфельдом его кн. «Муки слова» (1905) и газеты «Биржевые ведомости» содержится и в «Воскрешении слова» Ш., а мандельшт. уподобление фигуры Горнфельда образу попугая и его именование «попка имени <...> Короленко» (3. С. 173), возможно, мотивировано приводимой Ш. в ст. «О поэзии и заумном языке» (1916) обширной цитатой из «Истории моего современника» В. Г. Короленко, где описан урок нем. яз., построенный на многократном

скандировании слова «попугай». Можно предположить, что «программные» строки стих. О. М. «Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето...» (1931): «Мы умрем, как пехотинцы, / Но не прославим ни хищи, ни поденщины, ни лжи» (Там же. С. 53), – явились своеобразным откликом на кн. Ш. «Поденщина» (1930); к этому времени Ш. опубликовал и «покаянную» ст. «Памятник научной ошибке» (1930).

В это же время в наброске «Читая Палласа» (1931–32) к «Путешествию в Армению» О. М. дал характеристику «хорошей» прозы, к-рая, соответствуя «сплошному» характеру действительности, «всегда образует прерывистый ряд. <...> Т. о., прозаический рассказ не что иное, как прерывистый знак непрерывного» (Там же. С. 390); возможно, данный фрагмент является полемикой со Ш., писавшим в связи с кинематографом: «Человеческое движение – величина непрерывная, человеческое мышление представляет собой непрерывность в виде ряда толчков <...>. Мир непрерывный – мир видения. Мир прерывистый – мир узнавания. – Кино – дитя прерывистого мира» (Шкловский В. Б. Литература и кинематограф. Берлин, 1923. С. 24); ср. в «Конце барокко»: «Наступает непрерывное искусство» (Он же. Гамбургский счет. С. 449). Очевидно, другой, предельно откровенный набросок к «Путешествию в Армению» [«снова в Москве <...>. В январе мне стукнуло 40 лет. <...> Я сейчас нехорошо живу. Я живу, не совершенствуя себя, а выжимая из себя какие-то дожимки и остатки» (3. С. 378)] содержит аллюзию на восп. Ш. в «Третьей фабрике» о времени работы на Госкинофабрике: «Я живу плохо. Живу тускло, как в презервативе. В Москве не работаю. Ночью вижу виноватые сны. Нет у меня времени для книги» (Шкловский В. Б. «Еще ничего не кончилось...». С. 372). В свою очередь, самохарактеристика Ш.: «Тридцатитрехлетняя раковина, я сегодня болен. Я знаю тяжесть усилия на створках» (Там же. С. 349), – не может не ассоциироваться с известным мандельшт. стих. «Раковина» («Быть может, я тебе не нужен...», 1911): «<...> из пучины мировой, / Как раковина без жемчужин, / Я выброшен на берег» (Собр.соч.-2. Т. 1. С. 68). Возможно, заключит. фрагмент «Путешествия в Армению» («интекст», в центре к-рого находится образ плененного вост. царя) ассоциативно связан с точно таким же финалом «Сентиментального путешествия» Ш.

Не исключено, что мандельшт. представления о творч. порывообразовании, изложенные в «Разговоре о Данте» (1933): «Поэтическая вещь <...> существует лишь в исполнении. Готовая вещь есть не что иное, как каллиграфический продукт, неизбежно остающийся в результате исполнительского порыва» (3. С. 259), – находятся в опред. зависимости от взглядов Ш., в программной ст. «Искусство как прием» (1917) писавшего: «Целью искусства является дать ощущение вещи как видение, а не как узнавание; <...> искусство есть способ пережить деланье вещи, а сделанное в искусстве не важно» (Шкловский В. Б. Гамбургский счет. С. 63). Вместе с тем мандельшт. описание «звуковой семантики» *Данте Алигьери*: «Семантические циклы дантовских песней построены таким образом, что начинается, примерно, – “мед”, а кончается – “медь”; начинается – “лай”, а кончается – “лед”» (3. С. 226), – сопоставимо с характеристикой Асеева, данной Ш. в заметке «Золотой край»: «Преодолевая себя, плывет Асеев; у него была походка от слова к слову. <...> От “гей” к “бей”, от слова “день” к слову “Дон”»; там же содержится фрагмент, к-рый вряд ли мог быть не замечен О. М.: «Не ошибались акмеисты, ошибались символисты. Но акмеистов никогда не существовало» (Шкловский В. Б. Гамбургский счет. С. 445, 444).

Гипотетич. следы влияния критич. прозы Ш. прослеживаются и в воронежский период. Так, включенная в «Гамбургский счет» ранняя ст. Ш. «Светила, вращающиеся вокруг своих спутников, или попутчики и их тени» (1924), содержит образ тени-подражателя, вторичного лит. автора: «У каждого русского писателя есть сейчас свой попутчик. <...> Опаздывая на полчаса, тени по-своему правы в своих упреках. Неправильно только, когда они хотят руководить литературой. <...> Я не советую обращать Маяковского в тень» (Там же. С. 388–389). Возможно, в таком же значении употребляет этот образ О. М. в известном письме к Ю. Н. *Тынянову* от 21.1.1937, содержащем металит. аспект: «не считайте меня тенью. Я еще отбрасываю тень. <...> Вот уже четверть века, как я, мешая важное с пустяками, наплываю на русскую поэзию»; см. развитие темы в стих. сер. янв. 1937 «Еще не умер ты, еще ты не один...»: «<...> беден тот, кто, сам полуживой, / У тени милостыню просит» (4. С. 177; 3. С 110); ср. в автопроекции этого образа Ш. в «письме» Р. О. *Якобсону* в «Третьей фабрике»: «Нас мало. <...> Тень не хочет протянуть мне руку» (Шкловский В. Б. «Еще ничего не кончилось...». С. 361). Вместе с тем в др. «Письме к Роману Якобсону» Ш. соединил образы вех и обоза: «...вехи <мы> не меняем. Вехи нужны не для нас, а для обозов» (Он же. Гамбургский счет. С. 146); и эти же образы скомбинированы О. М. незадолго до написания письма Тынянову в первой же строке стих. кон. 1936 «Вехи дальние обоза...»; ср.: Левинтон Г. Заметки о Хлебникове // Русский авангард в кругу европейской культуры: Международная конференция: Тезисы и материалы. М., 1993. С. 134. [Образ вех О. М. употреблял и ранее, причем в предельно значимом контексте – стих. «К немецкой речи» («Себя губя, себе противореча...», 1932): «Скажите мне, друзья, <...> / Какой свободой мы располагали, / Какие вы поставили мне вехи»; ср. в писавшемся в период обращения к Тынянову стих. «Средь народного шума и спеха...» (1937): «Средь народного шума и спеха, / На вокзалах и пристанях / Смотрит века могучая веха» (3. С. 70, 117).]

Соч.: Жили-были: Воспоминания. Мемуарные записи. М., 1966; Гамбургский счет: Статьи – воспоминания – эссе (1914–1933). М., 1990; <Воспоминания> // О. и Н. Мандельштамы; «Еще ничего не кончилось...». М., 2002.

Источники: Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 439–446 и сл.; Т. 2. С. 64, 148, 204, 246, 317, 347, 350–352, 426, 508; Шкловская-Корди В. Г. <Воспоминания> // О. и Н. Мандельштамы.

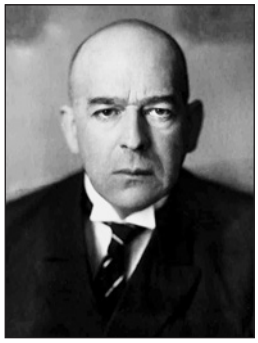
Лит.: Тоддес Е. А. Мандельштам и опоязовская филология // Тыняновский сборник: Вторые Тыняновские чтения. Рига, 1986; Пауэлл П. Мандельштам и Шкловский: одно сопоставление // Шестые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига; М., 1992; Парнис А. Е. О метаморфозах мавы, оленя и воина // Мир Велимира Хлебникова. М., 2000. С. 641–643, 846–847; Шиндин С. Г. Мандельштам и Шкловский: фрагменты диалога // Тыняновский сборник: Четырнадцатые Тыняновские чтения (в печати); Sheldon R. Shklovsky and Mandelstam // Russian and Slavic Literature. Camb. (Mass.), 1976; Sola A. Mandel'stam, poeticien formaliste? // Revue des etudes slaves. 1977. T. L. F. 1.

С. Г. Шиндин.

ШПЕНГЛЕР (Spengler) Освальд (29.5.1880, Бланкенбург, Гарц – 8.5.1936, Мюнхен, Германия), нем. историк и философ, публицист, один из основателей совр. философии культуры, философии жизни, ниспровергатель идеи сквозного поступательного прогресса. В 1908–11 преподавал математику и историю как гимназич. учитель в Гамбурге; с 1911свободный литератор в Мюнхене. Осн. труд Ш. по философии всемирной истории – «Закат Европы» («Untergang des Abendlandes»; 1918, рус. перевод заглавия искажает мысль Ш., к-рый считал понятие «Европа» не существующим в историко-культурном смысле и говорил о закате «западного мира», включающего США, но не включающего ни Балкан, ни России), после выхода к-рого он стал властителем дум целого поколения. В кон. 1920-х гг. выступал как публицист консервативно-националистич. направления, но в 1933 отклонил предложения национал-социалистов о прямом сотрудничестве и выразил свое отношение к антисемитизму и тевтонским мечтаниям гитлеровцев в книге «Годы решений» (1933), после появления к-рой его имя было запрещено в печати. В последние годы жизни был занят исследованиями по древней истории.

Как философ и публицист считается вульгаризатором мыслей И. В. *Гёте* и Ф. *Ницше*. Положенное в основу «Заката Европы» противопоставление культуры и цивилизации как «живого тела душевности его мумии» восходило, по признанию самого Ш., к гётевскому противополаганию живого и мертвого, становящегося и застывшего (Т и м е. С. 61), а также к понятию органич. жизни, лежавшему в основе онтологии Гёте. «Если у Гёте Шпенглер заимствовал метод, то Ницше дал ему главную тему <...> тему цивилизации и гибели» (С т е п у н Ф. А. Освальд Шпенглер и закат Европы // Освальд Шпенглер и закат Европы. М., 1922. С. 29). Подвергнув критике идею единого поступательного прогресса, Ш. заговорил о феномене множественности культур, каждая из к-рых обладает своей собств. жизнью, что, в свою очередь, исключает всякое их взаимодействие, поскольку воспринимающая культура немедленно подчиняет восприятие собств. ритму, такту и вкусу. Задача, к-рую ставил перед собой Ш., – схватить первофеномен каждой из культур и затем из этого первофеномена вывести все феноменологич. богатство соответствующей культуры: формы политики и тип эротики, математику и музыку, юриспруденция и лирику.

В России 1-й том «Заката Европы» появился в 1921, причем почти одноврем. в двух изданиях: под ред. Франковского в изд-ве «Academia» и в переводе Н. Ф. Горелина с предисловием А. Деборина в изд-ве Н. Д. Френкель (М.; Пг.) – и сразу же был воспринят как апокалипсис о грядущих судьбах зап. мира, вызвав бурную дискуссию, в осн. филос. характера. В 1922 в Москве был напечатан сб. статей «Освальд Шпенглер и закат Европы», в к-ром приняли участие Н. А. *Бердяев*, Я. М. Букшпан, Ф. А. Степун, С. Л. Франк. О Ш. в это же время писали также Е. М. Брауде, Б. П. Вышеславцев, В. Н. Лазарев, рассматривавшие книгу «Закат Европы» как произведение нем. мысли, тесно при этом связанное с рус. мировоззренч. проблемами. Высказывались даже суждения, что нек-рые идеи Ш. были предвосхищены рус. филос. критикой, в частности Н. Я. Данилевским (сходство, обнаруживаемое между «Закатом Европы» и книгой Данилевского «Россия и Европа», недоказуемо с точки зрения генетич. связи), Бердяевым (его ст. «Судьба Европы» вышла почти одноврем. с «Закатом Европы») и К. Н. *Леонтьевым*, чье понятие «государственного организма» оказалось сходным с идеей культуры у Ш., также организованной вокруг идеи государственности.



Освальд Шпенглер

Как и его современники, О. М. с «Закатом Европы» познакомился в нач. 1920-х гг., но с осн. выводами Ш. не согласился, о чем свидетельствуют, в частности, мемуары Н. М.: «В начале двадцатых годов шумела книжка Шпенглера о закате Европы, построенная по аналогии и напоминавшая Данилевского. Мы прочли с Мандельштамом “Закат Европы”, и он не согласился с выводами Шпенглера, считая, что они не приложимы к христианскому миру. Он был гораздо пессимистичнее Шпенглера, грозившего всегонавсего тем, что культура перейдет в цивилизацию и всем станет скучно. События показали, что ничего похожего на цивилизацию и на скуку не будет. Я обожаю цивилизацию и водопровод, но прожила жизнь без нее» (Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 502); ср.: «О. М. теорией Шпенглера не обольстился ни на миг. Прочтя “Закат Европы”, он почти мельком сказал мне, что аналогии Шпенглера, по всей вероятности, к христианской культуре не применимы. У него никогда не было чувства конца, в котором один из главных источников блоковского пессимизма. Под культурой О. М. понимал идею, лежащую в основе исторического процесса; история же для него была путем испытания, действенной проверкой добра и зла» (Там же. С. 339). Уже в 1931 или в 1932 во внутренней рец. на книгу Ж.-Р. Блока «Судьба века: второе эссе, служащее для лучшего понимания моего времени» («Destin du si cle: Seconds essays pour mieux comprendre mon temps») О. М. вновь назовет Ш. «догматиком и математиком» (Собр. соч-2. Т. 3. С. 84), что в целом совпадает с характеристикой, к-рая была дана ему в сб. «Освальд Шпенглер и закат Европы», в частности Букшпаном, писавшем о «непреодолимом рационализме» Ш.

Об интересе О. М. к Ш. косвенным образом свидетельствуют и восп. С. И. *Липкина*: «...Он с покровительственным любопытством, порою, смею сказать, с интересом выслушивал мои комментарии к газетным сообщениям, всевозможные пылкие соображения, рожденные только что прочитанными Шопенгауэром, Шпенглером, Бергсоном» (Л и п к и н С. «Угль, пылающий огнем...» // Осип Мандельштам и его время. М., 1995. С. 301).

При этом считается, что, вопреки утверждению Н. М., «чувство конца в эсхатологическом контексте конца времени преследовало» О. М. «едва ли не с начала его пути».

В стихии революционности, захватившей его в ранней юности, поэту виделась «жажда смерти и тоска размаха» (1912), в буддийско-теософских воззрениях – «бред или конец христианства» (1915); с рев-цией 1917 появились формы «финального стиля», покрывающие собой гибель христ. космоса («воск бессмертья тает», 1918; «в последний раз нам музыка звучит», 1921) [см. примечания А. А. Морозова к: Н. Мандельштам (1). С. 299]. Но и выдвинутый Ш. «императив отношения к культурной эпохе как к целостному лику» мог оказать влияние на культурно-филос. прозу О. М., в частности, на ряд статей книги «О поэзии» и на «Разговор о Данте» (см.: А в е р и н ц е в С. Освальд Шпенглер // Философская энциклопедия. Т. 6).

Вместе с тем в «Разговоре о Данте» О. М. неск. раз упоминает имя Ш., но не как автора историко-культурной концепции, а непосредственно в связи со шпенглеровской характеристикой *Данте Алигьери*: «Шпенглер, посвятивший Данту превосходные страницы, все же увидел его из ложи немецкой бург-оперы, и когда он говорит – “Дант”, сплошь и рядом нужно понимать – “Вагнер” в мюнхенской постановке» (Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. С. 379). И далее: «Мне изо всей силы хочется опровергнуть отвратительную легенду о безусловно тусклой окрашенности или пресловутой шпенглеровской коричневости Данта» (там же). Однако на самом деле характер мандельшт. упоминаний Ш. свидетельствует об очень субъективном прочтении «Заката Европы», когда О. М. вычитывает у Ш. именно то, что видит (или, наоборот, отказывается видеть) в Данте сам. Комментарий Г. П. *Струве* и Б. А. *Филиппова* к первому из приведенных упоминаний Ш. у О. М. [«Замечания о Данте рассеянны в книге О. Шпенглера “Закат Европы”» – Собр. соч.-1. Т. 2 (2-е изд.). С. 378], повторенный впоследствии во мн. изданиях, не отражает на самом деле того факта, что в «Закате Европы» специальных страниц, посвященных Данте, нет. Имя Данте, действительно, упоминается Ш. в ряде случаев, однако как входящее в конструируемые им разнообразные парадигмы: искусства, устремленного в бесконечное, понятого как таинство покаяния, – и искусства, устремленного «в собственное нутро», т. е. искусства личностного, и тогда Данте противостоит Гёте (Ш п е н г л е р. Т. 1. Кн. 2. С. 307); искусства фаустовского, с его «элитарным чувствованием и эзотеризмом» и его «католически-протестантской догматикой», – и искусства аполлонического, античного, чувственного, где Данте, в одном ряду с Г. Галилеем, У. *Шекспиром*, Гёте, *Микеланджело*, И. С. *Бахом*, Вольфрамом, Тицианом, *Рембрандтом* и Р. Вагнером, противостоит «эвклидовски-осязаемой древности» (ср.: «Но античный ваятель улавливал в камне мгновенную телесную осанку. На это фаустовский человек никак не способен. Как в любви, он ищет прежде всего не чувственного акта соединения мужчины и женщины, а великой любви Данте... Эротика Микеланджело – эротика Баха – была как нельзя более неантичной; она стояла под знаком вечности и дали, а не внешних чувств и мимолетного мгновения» (Там же. С. 453; см. также: Там же. С. 345, 405, 416–417). В иных случаях Данте трактуется Ш. как представитель Средних веков, стоящий в одном ряду с М. Лютером («Что общего у Толстого, из самой глубины своей человечности отвергающего весь идейный мир Запада как нечто чуждое и далекое, со “Средними веками”, с Данте, с Лютером» – см.: Там же. С. 154), как представитель новой зап. культуры, к-рую он называет готической (ср.: «готически-христианская душа Данте» – см.: Там же. С. 452), являющей собой живое донаучное, лишенное телеологии и каузальности мышление («Что Данте чувствует как предназначение, ученый превращает в цель жизни» – см.: Там же. С. 149, 251, 277). Вместе с тем Ш. вписывает Данте в парадигму истинных художников, рассматривающих «мир с высоты» и определяющих культуру (Эсхил, Платон, Данте, Шекспир, Гёте), «трагической морали» к-рой «знакомо и понятно бремя бытия, но она извлекает отсюда чувство гордости нести эту тяжесть». Данные художники, в свою очередь, противостоят художникам, рассматривающим мир с точки зрения житейских нужд, с «лягушачьей перспективы», что свойственно уже «нисхождению от культуры к цивилизации» (Там же. С. 541, гл. 5 «Буддизм, стоицизм, социализм»).

Соответственно, когда О. М. говорит о следе Вагнера в шпенглеровской трактовке Данте, то здесь, по всей видимости, он имеет в виду «картину мироздания... как истории искупления», на самом деле, в первую очередь, составляющую идейную основу вагнеровской тетралогии, но к-рую сам Ш. трактует как «историческое чувство фаустианской души», распространяя его в т. ч. и на Данте (ср.: «Север, еще до Данте, уплотнил здесь в мировую драму историческое чувство фаустианской души, нашедшее кульминацию своей духовной выразительности в изначальном таинстве покаяния и одновременно великую школу – в исповеди. То, что как раз к этому времени являлось взору Иоахима Флорского в его апулейском монастыре, – картина мироздания не как космоса, а как истории искупления в последовательности трех мировых эпох <...> – каждый отдельный человек чувствовал теперь, как его собственная жизнь вплеталась, подобно орнаменту, в план истории искупления» (Там же. С. 435, гл. «Обнаженная фигура и портрет»). Кроме того, сам Ш. действительно объединял Данте и Вагнера в одном ряду художников, для к-рых характерны «элитарное чувствование и эзотеризм», противостоящие демократизму антич. искусства (ср.: «Скульптура Парфенона существовала для каждого эллина, музыка Баха и его современников была музыкой для музыкантов. Среди нас есть знатоки Рембрандта, знатоки Данте, знатоки контрапунктной музыки, и Вагнеру – с полным правом – ставят в упрек то, что круг вагнерианцев мог чересчур расшириться и что слишком малая часть его музыки остается доступною только искусным музыкантам» – см.: Там же. С. 512, гл. 5: «Картина души и чувство жизни»).

Что касается «пресловутой шпенглеровской коричневости Данта», то и здесь О. М. переносит на итал. поэта то, что Ш., вслед за Ницше, говорившем о «коричневости музыки Бизе» (Н и ц ш е Ф. Соч.: В 2 т. Т. 2. С. 529), писал не конкретно о Данте, но о «символе высочайшего порядка в западноевропейской картине, коричневом цвете ателье», к-рый «начинает все больше и больше приглушать действительность всех красок» и «входит в силу лишь на исходе 16 столетия», подводя «итоги борьбы пространства против вещественного», открывая взору «чистую, насыщенную формами бесконечность» и став «отныне исконным цветом души». В становлении зап. стиля его открытие, согласно Ш., знаменует кульминационную точку: «Этот цвет в противовес предшествующему зеленому содержит в себе нечто про-

тестантское. В нем предвосхищен северный, блуждающий в безграничном пантеизм 18 в., выраженный в стихах Архангелов из Пролога гётевского Фауста. Атмосфера короля Лира и Макбета сродни ему» (Шпенглер. Т. 1. С. 426).

Еще более загадочен генезис третьего упоминания Ш. в «Разговоре о Данте»: «Вальс по преимуществу волновой танец. Даже отдаленное его подобие было бы невозможно в культуре эллинской, египетской, но мыслимо в китайской – и вполне законно в новой европейской. (Этим сопоставлением я обязан Шпенглеру)» (2. С. 390.). В прямом виде подобного сопоставления у Ш. мы нигде не находим. Возможно, что в сознании О. М. сконтаминировалось размышление Ш. об «электрических токах и волнах», магнитных силовых полях, входящих в осн. представления, «развившиеся в целокупной картине современной физики» и одноврем. являющие собой «фаустовские видения, фаустовские символы, связанные теснейшими узами родства с романской орнаментикой, со взмыванием готических построек, скитаниями викингов в неведомых морях и ностальгией Колумба и Коперника» (гл. «Фаустовское и аполлоническое познание природы») – и, с др. стороны, его же размышление о внутр. родстве новоевропейской, т. е. фаустовской, культуры с китайской и египетской (!) и их противопоставленности эллинской и индийской (ср.: «Вообще можно будет увидеть, что к в высшей степени активному жизнечувствованию фаустовской культуры ближе стоят культуры китайская и египетская, а к строго пассивному жизнечувствованию античности – индийская» – гл. «Музыка и пластика»).

Соч.: Закат Европы. М., 1993.

Лит.: Освальд Шпенглер и закат Европы. М., 1922; Аверинцев С. «Морфология культуры» Освальда Шпенглера // ВЛ. 1968. № 1; Сасьян К. А. Освальд Шпенглер и его реквием Западу // Шпенглер О. Закат Европы. М., 1993. Т. 1; Тиме Г. А. Гёте на «Закате Европы» (О. Шпенглер и русская мысль начала 1920-х годов) // РЛ. 1999. № 3. С. 58–71.

Е. Е. Дмитриева.

ШПИКОВСКИЙ Николай Григорьевич (25.8.1897, Киев – 3.12.1977, Москва), кинорежиссер, сценарист игрового, документального и науч.-популярного кино. В 1917 окончил юрид. ф-т Новороссийского ун-та (Одесса). В 1917–23 работал в сфере изучения организации труда. В 1923–25 активно сотрудничал с редакциями «Киногазеты» и журнала «Советский экран», в 1924–43 реж. и сценарист разл. киностудий страны.

На к/ф «Знакомое лицо» (др. назв.: «Шкурник», «Цыбала», «История одного обывателя», «Приключения Шмыгуева»; 1929, ВУФКУ, Киев), в к-ром Ш. выступил как реж. и соавт. сценария, О. М. отозвался рец. «Шпигун» (1929), написанной во время его попытки устроиться в кон. 1928 – нач. 1929 на работу во Всеукраинское кино-фотоуправление (ВУФКУ) в Киеве. В восп. Н. М. (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 352) содержится указание на конкретные обстоятельства работы Ш. над этим фильмом: вмешательство руководства к/ст в процесс съемок; об этом же, вероятно, пишет и О. М., упоминая «того, кто испортил Шпиковскому сценарий» (2. С. 507). [Попытки оказать воздействие на реж. не привели к ожидаемому результату – к/ф был запрещен к широкому показу на основании протокола Главреперткома РСФСР № 2/974, в к-ром было отмечено, что «гражданская война рассматривается в фильме только с точки зрения ее темных отвратительных сторон. Грабеж, грязь, тупоумие Красной Армии, местной Советской власти и т. д. Получился скверный пасквиль на действительность того времени» (РГАЛИ. Ф. 645. Оп. 1. Д. 38. Л. 15–16; цит. по: Летопись российского кино 1863–1929. М., 2004. С. 660); ср.: Советские художественные фильмы: Аннотированный каталог. Т. 1: Немые фильмы (1918–1935). М., 1961. С. 323–324.] Данный факт допускает предположение о знакомстве О. М., возможно, мимолетном, со Ш., что косвенно подтверждается мандельшт. упоминанием при характеристике совр. *кинематографа* имени В. И. *Пудовкина*, соавтором к-рого по известному фильму «Шахматная горячка» (1925) ранее был Ш.: «все сценарии выходят похожими один на другого. Получается какой-то общесоветский Пудовкин – мать всех российских фильмов» (2. С. 508).

В целом О. М. положительно оценил кинокартину Ш., определив ее как «великолепную игрушку, игрушку “социального назначения” – <...> точеную кустарную куклу с большим воспитательным смыслом», а самого автора охарактеризовал как «мастера светотени и спокойной, вдумчивой кинопрозы» (Там же. С. 508–509, 507). Одним из гл. достоинств фильма О. М. назвал присущее ему фольк., сказочное начало, по его мнению, слабо акцентированное автором, у к-рого «не было достаточно бережного, любовного отношения к анекдоту, к сказу, к малой фабуле» (Там же. С. 507). Др. аспект, выделяемый О. М. именно в связи с этим фильмом, – проблема соотнесения истории и художественно отраженной биографии: «Война, революция, фронты – это фон. Но нехорошо, когда этот фон глушит медными трубами голос рассказчика <...>, когда нет смычки между исторической тематикой и скромной повестью или сказкой. История, могучая хроника глушит органические сюжетные ростки» (Там же. С. 508). Мандельшт. определение роли ист. фона, возможно, является полемич. репликой по отношению к негативной оценке Вл. В. Недоброво снятого по сценарию Ю. Н. *Тынянова* к/ф «С. В.Д.» (1927): «историческое событие было взято не как предмет инсценировки, а как фон» (Жизнь искусства. 1927. № 36. С. 9; цит. по: Лотман Ю. М., Цивьян Ю. Г. «SVD»: жанр мелодрамы и история // Тыняновский сборник: Первые Тыняновские чтения. Рига, 1985. С. 59). Данный факт показателен для характеристики взглядов О. М. на кинематограф в контексте эпохи «тотального историзма», представленного такими «кинодокументами» 1927, как «Октябрь» С. М. *Эйзенштейна* или «Москва в Октябре» Б. В. Барнета.

Лит.: Василенко С. В., Мягков Б. С., Фрейдин Ю. Л. [Вступ. заметка к публикации]: О. Мандельштам и кинематограф // Памир. 1986. № 10; Румянцева В. Н. «От сырой простыни...»: О. Мандельштам и кино // «Отдай меня, Воронеж...». С. 37–40.

С. Г. Шиндин.

ШТЕЙМАН Исай Моисеевич (28.8.1897, Ливны Орловской губ. – 15.10.1954, Воронеж), журналист-очеркист, сотрудник газет «Новая деревня» и «Коммуна» (с 1933),

собств. корр. «Известий» по Воронежской обл., воронежский знакомый О. М.

П. М. Нерлер.

ШТЕЙНБЕРГ Аарон Захарович [1891, Динабург – 1975, Лондон, Великобритания], рус.-еврейский философ, критик, публицист и деятель междунар. еврейского движения. Обучался на филос. и юрид. ф-тах Гейдельбергского ун-та, причем в зимнем семестре 1909 – одноврем. с О. М., с к-рым общался. Оба посещали Пироговскую читальню, где 10.2.1910 О. М. принял участие в дискуссии после доклада Ш. «Искусство и критика»: О. М. отстаивал тогда право критики на принадлежность к иск-ву. В 1960-е гг. Ш. рассказывал К. *Брауну* свои впечатления от общения с О. М. и даже имитировал его манеру чтения, но ни в одной мемуарной книге Ш. имя О. М. не названо.

П. М. Нерлер.

ШТЕЙНБЕРГ Аркадий Акимович [29.11.1907, Одесса – 7.8.1984, с. Юминское Калининской (ныне Тверской) обл.], поэт, переводчик и художник. С 1921 в Москве. Вместе с М. С. *Петровых*, А. А. *Тарковским* и С. И. *Липкиным* входил в группу «Квадрига». Посещал О. М. в нач. 1930-х гг., а ок. 20.5.1931 читал у Р. *Ивнева* свои стихи в присутствии О. М., подвергшего их жесткой критике. С мая 1937 Ш. поселился в Тарусе. 1.11.1937 арестован; вскоре после этого к его матери в Москве заходили и расспрашивали о Тарусе О. М. и Н. М., искавшие новое, после Савелово, место жительства за 100-верстной зоной. О. М. входил в дуамвират любимых поэтов Ш. (вторым был И. А. Бунин).

П. М. Нерлер.

ШТЕМПЕЛЬ Наталья Евгеньевна (7.9.1908, Воронеж – 28.7.1988, там же), близкий друг О. М. и Н. М. в *Воронеже*, преподаватель рус. яз. и лит-ры. Из дворян. Жила в Воронеже с матерью, Марией Ивановной Левченко (1901–1960), учительницей, и мл. братом Виктором (1915–1985) в двух комнатах в собств. доме по ул. Каляева, д. 21, где у них бывали в 1936–37 О. М. и Н. М.; в послевоен. годы – по Купянскому пер., д. 3, кв. 7, с 1961 – по Никитинской ул., д. 38а, кв. 29, где у нее гостила Н. М. В 1915–22 Ш. болела туберкулезом тазобедренного сустава, месяцами была прикована к постели. Последствием болезни стала хромота, впрочем, не ощущавшаяся ею как физич. недостаток, и знаменитая «походка», воспетая О. М. и др. В это же время Ш. увлеклась рус. поэзией (сама стихов никогда не писала). В 1926–30 училась на лит.-лингвистич. отд. Воронежского ун-та. В студенч. годы одноврем. работала в педологич. кабинете у проф. П. Л. *Загоровского*. Автор печатных работ по педологии. С 1930 науч. сотрудник полит.-пед. станции при Воронежском облоно. С 1932 зав. психотехнич. лабораторией в Ин-те организации и охраны труда и в Ин-те гигиены и санитарии. После развенчания в 1935 педологии и психотехники как «лженаук» и закрытия лаборатории преподавала (до выхода на пенсию в 1971) лит-ру и рус. яз. в Воронежском авиатехникуме им. В. П. Чкалова. В кон. мая 1937 Ш. вышла замуж за инженера-строителя Бориса Евгеньевича Молчанова, но уже в кон. 1937 разошлась с ним. Это краткое замужество отразилось в стих. О. М. «Клейкой клятвой пахнут почки...».

В февр. 1936 Ш. познакомилась с С. Б. *Рудаковым* и впервые услышала от него о находящемся в Воронеже О. М., а в сент. состоялось личное знакомство Ш. с поэтом и Н. М. Во время их первой встречи О. М. рассердился на нее за то, что она прочитала наизусть стих. «Я потеряла нежную камею...» – самое его слабое, как он тогда полагал. Знакомство скоро перешло в дружбу, и встречи стали почти ежедневными. О. М. и Ш. часто гуляли вместе, посещали воронежские музеи и концерты. Предупредив дочь об опасности встреч с опальным и ссыльным поэтом, мать Ш. не только не запретила ей встречаться с ним, но и, единственная в это время в Воронеже, принимала его и Н. М. у себя. Ш. познакомила О. М. с Загоровским, также после этого встречавшимся с О. М. и помогавшим ему материально (последние 1,5 года Мандельштамы жили в Воронеже без заработков и практически в полной изоляции). О. М. говорил о Ш.: «Наташа владеет искусством дружбы».

У О. М. выработалась привычка каждое новое стихотворение читать Ш. К ней обращен целый ряд стихов, в т. ч. «Клейкой клятвой пахнут почки...», «На меня нацелились груша да черемуха...» и «К пустой земле невольно припадая...» (о последнем О. М. сказал: «Когда умру, отправьте их как завещание в Пушкинский Дом»), а также неск. шуточных стихов. В них отразились черты биографии и внеш. облика Ш.

Весной 1937, незадолго до отъезда из Воронежа, О. М. попросил Н. М. переписать для Ш. все воронежские стихи, а также др. ненапечатанные стихи 1930-х гг., что составило 3 больших блокнота. Под каждым стихотворением О. М. собственноручно поставил дату и букву «В» (Воронеж). После отъезда О. М. из Воронежа Ш. неск. раз посещала его и Н. М. в Савелово, Москве и Калинине. Получив от Н. М. известие о гибели поэта, Ш. поехала к ней в Калинин и, по ее просьбе, далее – в Ленинград, к А. А. *Ахматовой*, писать к-рой Н. М. боялась.

После смерти О. М. отношения Ш. с Н. М., жившей в разл. городах, не прерывались: постоянная переписка, телефонные разговоры, неск. визитов Н. М. к Ш. в Воронеж, частые встречи в каникулярное время в Москве или на дачах в Подмосковье – Тарусе, Верее, Кратове, Переделкине. В 1966 или 1967 в одну из таких встреч Н. М. подарила Ш. машинопись (141 с.) 1-й ред. 2-й книги своих мемуаров, посв. гл. обр. Ахматовой. Впоследствии Н. М. изменила их концепцию и осенью 1967 уничтожила все имевшиеся у нее экземпляры, кроме того, что подарила Ш. [см. об этом в послесловии П. М. Нерлера к публикации фрагментов этих восп. (ЛУ. 1989. № 3. С. 134–158) и особенно в его предисловии к полной их публикации: *Об Ахматовой*. С. 18, 21]. Кроме подаренных О. М. 3 блокнотов (т. н. Наташина книга), у Ш. сложился довольно большой архив поэта: автографы стихов и эпиграмм, стихи, записанные Н. М. на узких полосках ватмана, к-рые О. М. отдавал Ш. по мере написания, а также отдельно «Ода Сталину» (несмотря на просьбу О. М. уничтожить ее, сохранена Ш.). Н. М. после смерти О. М. передала Ш. подлинники всех писем поэта к ней, а также 2-й список всех ненапечатанных стихов, включая воронежские. Все это Ш. сберегла, унеся из Воронежа накану-

не занятия города гитлеровцами во время Вел. Отеч. войны 1941–45. После войны она продолжала хранить архив О. М. (за исключением 1948–51, когда пакет с архивом хранился в Киеве у М. В. *Ярцевой*). Не позднее сер. 1950-х гг. Ш. возвратила Н. М. не только доверенное ей на хранение, но и подаренное ей лично (оставив себе только книги, надписанные О. М., впоследствии переданные в *Российский государственный архив литературы и искусства*. Однако письма самого О. М. к Ш. пропали; в восп. Ш. ничего не говорится об этих письмах и никак не развивается мотив влюбленности в нее О. М. По словам А. И. *Немировского*, Ш. доверительно рассказывала ему, что в этих письмах она представала «как новая Лаура» (ср. устный рассказ С. С. *Аверинцева* о том, как во время его визита к Н. М. позвонила Ш., и это глубоко поразило его, как если бы позвонила Лаура).

В Воронеже вокруг Ш. образовался круг друзей и любителей рус. поэзии. В него входили: З. Я. Анчиполовский, А. Б. Ботникова, Р. Герцог-Бородина, Загоровский, Д. П. Заславский, В. Л. и Н. В. Гордины, Т. Л. Гурина. В. И. Исаянц, Р. С. Иткина, Л. К. Коськов, А. С. Крюков, Немировский, Е. Н. Перкон, В. А. и Н. М. Свительские, А. И. Слуцкий, Л. А. Сохненко и др. Из Москвы и др. городов к ней часто приезжали мандельштамоведы и др. исследователи (С. В. Василенко, В. Н. Гыдов, А. Г. Мец, Л. А. Мнухин, П. М. Нерлер, Ю. Л. Фрейдин и др.). Кроме того, Ш. была популярна и любима в моск. кругу друзей Н. М.: там расходились в копиях ее восп., демонстрировались и обсуждались «альбом» и «слайдфильм» – сокращенные версии ее восп., любовно скомпонованные и проиллюстрированные фотографиями или слайдами, сделанными В. Л. Гординым (наиб. поздняя версия «альбома» была переданы после ее смерти в РГАЛИ на гос. хранение; к сожалению, подаренные Ш. материалы на протяжении более чем 20 лет даже не обрабатывались). Именно Ш. попросили сказать первое поминальное слово об Н. М.

Известность Ш. принесла публикация в 1987 в «Новом мире» ее восп. об О. М., над к-рыми по просьбе Н. М. и Немировского она работала долгие годы. Ш. похоронена на Юго-Западном кладб. Воронежа (квартал 16, могила № 262; на могиле – памятник работы скульптора В. И. Циммерлинга, спонсор – В. С. Михайлович).

Соч.: Мандельштам в Воронеже // НМ. 1987. № 10. С. 207–234; Автобиография // ЖиТМ. С. 531–538; Воронежские адреса Мандельштамов // ЛУ. 1991. № 1. С. 177–180; Мандельштам в Воронеже: Воспоминания / вступ. ст. Д. И. Заславского; сост. В. Н. Гыдова и П. М. Нерлера; подгот. текста и примеч. В. Н. Гыдова // ЗМО. Т. 2. М., 1992.

Архивы: РГАЛИ. Фонд не обработан; МО. Ф. Н. Е. Штемпель; ОР РНБ. (Воспоминания).

Источники: Заславский Д. Гений дружбы // Штемпель. С. 3–14; Ярцева М. В. О моей дружбе с Н. Е. Штемпель // Там же. С. 3–14.

Лит.: Ласунский О. Под незакатной звездой Мандельштама // Независимый курьер. Воронеж, 1992. № 1. 29 нояб. С. 4; Он же. Штемпель Наталия Евгеньевна. // Воронежская историко-культурная энциклопедия. Воронеж, 2006; Мартыненко О. «Ося у Вас получился живой» // МН. 1992. № 44. 1 янв. С. 22; Мандельштам Н. 2007. Об Ахматовой. С. 71–82.

П. М. Нерлер.

Франц Петер Шуберт

ШУБЕРТ (Schubert) Франц Петер (31.1.1797, Лихтенталь, близ Вены, Австрия – 19.11.1828, Вена), австр. композитор-романтик. 30.12.1917 (установлено Р. Д. Тименчиком) О. М. был вместе с А. А. *Ахматовой* на концерте О. Н. Бутомо-Названой «в Консерватории, где она пела Шуберта» (Ахматова. С. 130). Впечатления от концерта легли в основу стих. О. М. «В тот вечер не гудел стрельчатый лес органа...» (1918, в автографе М. Чуванова под заголовком «Шуберт», см.: Мец. С. 550). В этом стихотворении использованы мотивы из песен Ш. на стихи нем. романтиков: «шумящая мельница», «родная колыбель» и «липы» пришли из песенного цикла на стихи В. Мюллера «Прекрасная мельничиха» («Die schöne Müllerin»), «лесной царь» – из одноим. баллады И. В. *Гёте* («Erlkönig») в переводе В. А. Жуковского, «Двойник» из «Der Doppelgänger» («Still ist die Nacht...») Г. Гейне (не без влияния переводов И. Ф. *Анненского* и, возможно, А. А. *Блока*). Синтезируя топику нем. романтизма и переплетая ее с образностью, разработанной в собств. стихах, касающихся романтич. темы («О, красавица Сайма...», «Я не слыхал рассказов Оссиана...», «Декабрист», «Когда на площадях и в тишине келейной...» и др.), О. М. создал метаобраз «музыкальной стихии немецкого романтизма» (Жирмунский. С. 139). В песнях Ш., в отличие от разноголосицы И. С. *Баха*, происходит искомое романтиками и О. М. гармоничное соединение слова и музыки: поэтич. слово возвращается в «родную», пусть и «дикую», песенную стихию. Поэтому песни Ш. и характеризуются как «родная колыбель». Ср. в данной связи предисловие М. Мюллера, сына В. Мюллера, к популярному изданию партитуры шубертовских песен 1885 (Schubert. S. 1), возможно, известное О. М.

В ст. «Армия поэтов» (1924) в сжатом описании «благородного духа германской романтики» присутствует «шубертовская голубая дымка в глазах», подхватывающая образ «голубоглазого хмеля» из стихотворения 1918. На этот раз она косвенно связывается с центр. символом-образом иенского романтизма – «голубым цветком» Новалиса (2. С. 340). На разработанные в шубертовском контексте сюжетно-образные ходы («голубоглазый хмель», «песни урагана») О. М. опирался, описывая свое впечатление от партитуры Ш. в «Египетской марке»: «Нотный виноградник Шуберта всегда расклеван до косточек и исхлестан бурей» (Там же. С. 480). В ненаписанной пов. «Фагот», во 2-м действии, согласно издательской заявке О. М., должны были происходить «поиски неизвестной песенки Шуберта», что дало бы возможность «дать в историческом плане

музыкальную тему (Германия)» (Там же. С. 603). В кон. «Четвертой прозы» «ходит немец-шарманщик с шубертовским лееркастеном» – шарманкой, «такой неудачник, такой шаромыжник... Ich bin arm – я беден» (3. С. 179), – подтекстуальный отсыл к шарманщику из «Зимнего путешествия» («Winterreise») Ш. и контекстуальный – к образу бродяги-неудачника в собств. стих. О. М. «Шарманка» (1912) (К а ц. 1991. С. 76).

Герой стих. «Жил Александр Герцевич...» (1931) «наверчивал» музыку Ш. Подтекстуальные ресурсы стихотворения: песня Ш. на стихи Гёте «Гретхен у прялки» («Gretchen am Spinnrade») и свое раннее стих. «Бесшумное веретено» (К а ц. 1991. С. 75). «Музыки голубоглазый хмель» из стихотворения 1918 превращается здесь в «музыку-голубу». Здесь же появляется мотив движенья-полета, подтекстуально связанный с переводом «Гретхен у прялки» Э. И. Губера (Там же), к-рый станет атрибутом Ш. в стих. О. М. «На мертвых ресницах Исакий замерз...» (1935). В стих. «Там, где купальни, бумагопрядильни...» (1932) «играют Шуберта в раструбы рупоров». Водно-речной антураж стих. (Москва-река, Ока, Клязьма), связанный с центр. водной образностью «Прекрасной мельничихи» и др. песен Ш., частично вызвал привязку Ш. к воде в «Восьмистишиях»: «И Шуберт на воде, и Моцарт в птичьем гаме...» Присутствие Ш. в списке тех, кто «считали пульс толпы и верили толпе», мотивировано общей тягой нем. романтизма, олицетворением к-рого для О. М. был Ш., к нар. стихии, и контекстуальной привязкой Ш. к моск. гуляниям (Парк культуры и отдыха, Нескучный сад). В стих. «Там, где купальни, бумагопрядильни...», в частности, Ш., по-видимому, еще и потому «на воде», что в нем. оригинале шубертовская «Баркарола» на стихи Л. Штольберга называется «Auf dem Wasser zu singen» – «Петь на воде» (К а ц. 1991. С. 69). Не менее вероятна и отсылка к рефрену песни «Das Wandern» («Скитание»), к-рым открывался цикл «Прекрасная мельничиха»: троекратно повторенное «das Wasser» – «вода». Др. рефрен из этой песни Ш. поэт использовал в стих. «На мертвых ресницах Исакий замерз...»: «Дыханье, дыханье и пенье, / И Шуберта в шубе застыл талисман – движенье, движенье, движенье». Троекратно повторенное «движенье» – ритмически точный и лексически адекватный перевод рефрена песни Ш.: «das Wandern, das Wandern, das Wandern». Написанное в тот же день (3.6.1935) стихотворение О. М. памяти О. А. *Ваксель* («Возможна ли женщине мертвой хвала?..») заканчивается образом Миньоны Гёте, озвученной Ш.: «Я тяжкую память твою берегу – Дичок, медвежонок, Миньона, – Но мельниц колеса зимуют в снегу, И стынет рожок почтальона». «Шубертовская» мельница, к-рая в 1918 («В тот вечер не гудел стрельчатый лес органа») шумела, теперь зимует в снегу. Снежный ландшафт, мельница в снегу и «рожок почтальона» – реминисценции из циклов Ш. «Прекрасная мельничиха» и «Зимнее путешествие», песни из к-рых О. М. впоследствии использовал в радиопьесе «Молодость Гёте» (1935) для создания преромантич. атмосферы юности Гёте (Собр. соч. Т. 3. С. 290, 416).

Источники: Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 258;

Лит.: Ж и р м у н с к и й В. М. Избр. труды: Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977; К а ц Б. А., Т и м е н ч и к Р. Д. Анна Ахматова и музыка. Л., 1989. С. 25–26; К а ц Б. А. [Вступит. ст. и коммент.] // М а н д е л ь ш т а м О. «Полон музыки, музы и муки...». Л., 1991; О н ж е. В сторону музыки: Из музыковедческих примеч. к стихам О. Мандельштама // ЛО. 1991. № 1. С. 68–76; К и р ш б а у м Г. Э. «Валгаллы белое вино»: Немецкая тема в поэзии О. Мандельштама. М., 2010; М е ц А. Г. Комментарии // Полн. собр. стих. С. 513–681; К а ц и с Л. Ф. Осип Мандельштам: мускус иудейства. М.; Иерусалим, 2002. С. 317–319; S c h u b e r t F. Ges nge f r eine Singstimme mit Klavierbegleitung. C. F. Peters, 1885.

Г. Э. Киршбаум.

ШУБИН Алексей Иванович (17.3.1901, Тюмень – 5.9.1966, Воронеж), воронежский прозаик. С 1925 сотрудник газ. «Коммуна». По сообщению М. Я. Булавина, выступил в прениях по докладу О. М. в редакции «Коммуны» летом 1935.

Архивы: Государственный архив Воронежской области. Р-3058.

П. М. Нерлер.

Щ

Павел Елисеевич Щеголев

ЩЕГОЛЕВ Павел Елисеевич (5.4.1877, с. Верхняя Катуховка Воронежской губ. – 22.1.1931, Ленинград), историк, лит-вед., пушкинист, архивист. В 1912–14 сотрудничал в петерб. журнале «Современник», где вел ист. и ист.-лит. отделы. По его инициативе в журнале печатались поэты-акмеисты С. М. *Городецкий*, Н. С. *Гумилев*, О. М. Сохранилось письмо О. М. к Щ., написанное, по-видимому, в 1913, на бланке конторы «Современника», где О. М. предлагал для публикации в журнале свое, не поддающееся ныне идентификации стихотворение (см.: 4. С. 21). В фонде Щ. в ИРЛИ (Ф. 627. Оп. 2. Ед. хр. 19) находятся автографы трех стих. О. М. 2-й пол. 1914: «В белом раю лежит богатырь...», «К энциклике папы Бенедикта XV» и «Polacy!», предоставленные, вероятно, для публикации в газете «День»; Щ. с дек. 1913 до весны 1917 был ред. лит. приложения к ней – «Отклики». В «Откликах» стихи О. М. не появлялись. О Щ. поэт упоминал в письме к Н. М. от 27.2.1926: «Сегодня приехал из Москвы Женя. Ихнее (так в источнике. – *Ред.*) общество как-то грандиозно оскандалилось. У них враги Кугель и Щеголев» [4. С. 70; речь идет о конфликте *Московского общества драматических писателей и композиторов*, чл. к-рого состоял Е. Э., с Драмсоюзом, в к-ром состояли А. Р. Кугель (1864–1928) и Щ.].

Е. Ю. Литвин.

ЩЕРБАКОВ Александр Сергеевич (27.9.1901, Руза Моск. губ. – 10.5.1945, Москва), гос. парт. деятель, ген.-полковник (1943). В 1938–45 1-й секр. Московского обкома ВКП(б), одноврем. с 1941 канд в чл. Политбюро ЦК, секр. ЦК ВКП(б) и нач. Совинформбюро; с 1942 нач. Гл. политуправления Красной армии и зам. наркома обороны СССР. В 1934–36 1-й секр. СП СССР.

В нач. янв. 1936 по своей инициативе и инициативе О. М. Н. М. добилась приема у Щ. в Москве, чтобы сообщить ему о бедств. положении О. М. в *Воронеже*. О. М. писал Н. М. 27.12.1935: «Я думаю, после свидания с Щербаковым не затягивай пребывания в Москве. Положение слишком простое. “Да” и “нет” обнажены» (4. С. 165; см. также: Там же. С. 163, 166, 167). Щ. никаких решительных мер по улучшению положения сосланного О. М. не принял (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 219–220).

О. А. Лекманов.

Э

ЭЙЗЕНШТЕЙН Сергей Михайлович [10.1.1898, Рига (ныне Республика Латвия) – 11.2.1948, Москва], кинорежиссер, один из основоположников сов. кино, теоретик кино, культуролог.

Личное знакомство О. М. с Э. маловероятно; по позднему свидетельству Н. М. известна негативная мандельшт. оценка эйзенштейновского творчества: «На Эйзенштейна он не клевал – всегда понимал жестокость его красивых картин» (Н. Я. Мандельштам 1987. С. 324). С уверенностью назвать те фильмы Э., к-рые видел О. М., нельзя; вместе с тем в заметке «Я пишу сценарий» (1927) имя Э. упоминалось в сочетании с точной «имитацией» его киноязыка, что позволяет предположить знакомство О. М. с уже снятыми к этому времени фильмами «Стачка» (др. назв.: «Чертово гнездо», «История стачки»; 1924) и «Броненосец “Потемкин”» (др. назв.: «1905 год»; 1925; сореж. – Г. В. Александров). В восп. Н. М. (Н. Я. Мандельштам. 2. С. 353) содержится своего рода «сборная цитата» из ранней советской киноклассики, связанной, в частности, «со знаменитой одесской лестницей, по которой катится детская коляска с младенцем, засухой, овцами, высунувшими от жажды воспаленные языки, оладьями, падающими в рот счастливому хохлу, бесславным концом Санкт-Петербурга, червями, копошащимися в говядине... Будущие поколения удивятся холодной роскоши деталей и нищете мысли в этих фильмах. В кино, может, и не нужно мысли, но пропагандистские фильмы претендовали не нее, и это оттеняет их жестокую сущность. Особенно мне запомнилась садистская коляска на лестнице и шикарный крестный ход во время засухи». В этом наборе нетрудно атрибутировать фильмы Э. «Броненосец “Потемкин”» и «Старое и новое» (1926–29; сореж. – Александров), к-рые, вероятно, Н. М. и О. М. смотрели вдвоем. [Сопровождающий приведенную цитату поздний (1977) комментарий Н. М.: «Все примеры из фильмов С. М. Эйзенштейна. Садист» (Там же. С. 677), – явная аберрация; см. ст. *Кинематограф*].

Именно в связи с творчеством Э. фиксировал О. М. в «Я пишу сценарий» доминантное положение монтажного принципа в раннем киноязыке: «Я решил написать из быта пожарных. Мне сразу померещился великолепный кадр во вкусе Эйзенштейна: распахнутый гараж и машины, как гигантские ящеры, набегающие на зрителя. – Или, например, тревога, качающийся колокол, дежурный у телефона, пожарные вскакивают с коек... <...> Вся суть в композиции кадров и в монтаже. Вещи должны играть. Примус может быть монументален. <...> Надо мыслить кадрами» (2. С. 457–458). На мандельшт. восприятие киноопытов Э. в значит. степени могла повлиять оценка В. Б. *Шкловского*, выделявшего в эйзенштейновском творчестве особую роль образа вещи (см. его заметку «5 фельетонов об Эйзенштейне», 1926, и характеристику Э. в книге «Их настоящее», 1927). Очевидно, ряд современников сближал основанные на монтажном принципе творч. методы О. М. и Э., – как, напр., и Шкловский, соединивший их имена в заметке «Путь к сетке» (1933): «Мандельштам <...>, чтобы передать вещь, кладет вокруг нее литературные ассоциации. – Он возводит ее к привычному ряду. – Так мыслит Эйзенштейн в “Октябре”, показывая ряд богов» (Шкловский В. Гамбургский счет: Статьи – воспоминания – эссе (1914–1933) / сост. А. Ю. Галушкина, А. П. Чудакова, подгот. текста, коммент. А. Ю. Галушкина. М., 1990. С. 478–479). Одноврем. с этим имеет место актуальная для мандельшт. поэтики категория вещности, при к-рой «вещь остается вещью. Совершается не подстановка значения, а его безмерное ассоциативное расширение» (Гинзбург Л. «Камень» // Камень. 1990. С. 268), находит прямые параллели взглядам Э., отчетливо осознававшим особый семантич. статус вещи и ее способность к предельному смысловому расширению своих ассоциативных границ; это, в частности, нашло отражение в незавершенной статье (очевидно, кон. 1925); см.: Эйзенштейн С. М. [Об игре предметов] // Киноведческие записки. 1997/1998. № 36/37 (наблюдение Н. И. Клеймана).

В качестве мировоззренч. параллелей у О. М. и Э. отмечался их практически одноврем. с нач. 1930-х гг. интерес к науч. изысканиям Ж.-Б. *Ламарка* в биологии и Н. Я. *Марра* в языкознании (см.: Иванов В. В. Очерки по истории семиотики в СССР. М., 1976. С. 57; Он же. Мандельштам и биология // Поэтика и текстология. С. 6–7). Здесь же может быть названо обоюдное для них внимание к теории и практике создателя системы муз.-ритмич. воспитания (ритмич. гимнастики) Ж. *Далькроза*, прямой – у О. М. и опосредованный – у Э. [см.: Цивьян Ю. «Руколикость» и «Горько!» (из новых наблюдений в области карпалистики) // Natales grate numeras? Сборник статей к 60-летию Георгия Ахилловича Левинтона. СПб., 2008. С. 582–583].

С. Г. Шиндин.

ЭЙНШТЕЙН (Einstein) Альберт (14.3.1879, Ульм, Германия – 18.4.1955, Принстон, США), физик, создатель теории относительности и один из создателей квантовой теории и статистич. физики. С 1909 проф. Цюрихского, затем Немецкого ун-та в Праге (1911–12), в 1912 возвратился в Цюрих. В 1914, после избрания в 1913 чл. Прусской и Баварской АН, переехал в Берлин, где стал дир. Физич. ин-та и проф. Берлинского ун-та и, в частности, завершил создание общей теории относительности. В 1921 за работы в области теоретич. физики Э. была присуждена Нобелевская премия. В 1933 он был вынужден покинуть Германию и переехал в Принстон (США), где разрабатывал единую теорию поля и занимался вопросами космологии. Теория относительности Э., к-рая, по существу, является общей теорией

пространства, времени и тяготения, сделала бессодержательными понятия абсолютного пространства и абсолютного времени ньютоновской физики.

Несмотря на неоднократное обращение О. М. в нач. 1920-х гг. к теоретич. воззрениям Э., оснований утверждать о его прямом знакомстве с ними нет, скорее речь может идти об их метафорич. использовании. В своей передаче науч. взглядов Э. О. М. сближает его теорию относительности с категорией *времени* и образами, связанными с худож. (лит.) творчеством. Развернутое выражение подобной семантич. близости содержится в «программной» ст. «О природе слова» (1920–22): «...Нечто вроде геометрической прогрессии, правильного и закономерного ускорения, замечается в бурной реализации накопленных и растущих потенций исторической силы, энергии. Благодаря изменению количества содержания событий, приходящихся на известный промежуток времени, заколебалось понятие единицы времени, и не случайно современная математическая наука выдвинула принцип относительности»; ср.: «...Кризис романа, то есть фабулы, насыщенной временем, совпал с провозглашением принципа относительности Эйнштейном» (1. С. 217; 2. С. 275).

С большой долей вероятности можно предположить, что интерес О. М. к личности Э. был усилен И. А. *Аксеновым*, соединившим творчество В. В. *Хлебникова* и эйнштейновскую теорию относительности в ст. «К ликвидации футуризма» (1921) и в прочитанном в июле 1922 докладе (см.: Нерлер П. Примечания // Слово и культура. С. 303). По оценке О. М., содержащейся в заметке «Литературная Москва» (1922), Аксенов «возложил на могилу ушедшего великого архаического поэта прекрасный венок аналитической критики, осветив принципом относительности Эйнштейна архаику Хлебникова» (2. 275 С. 257); вероятно, с теорией Э. метафорически связан и завершающий этот пассаж образ «языка времени». Дальнейшее развитие сближение имен Хлебникова и Э. получило в ст. «Буря и натиск» (1922–23), где оно так же соотнесено с категорией времени: «Хлебников мыслил язык как государство, но отнюдь не в пространстве, не географически, а во времени. <...> Он гражданин всей истории, всей системы языка и поэзии. Какой-то идиотический Эйнштейн» (2. С. 296); о возможном продолжении и поливариативном развитии данного семантич. комплекса см.: Иванов. С. 361–363 и сл.

По-видимому, определ. теоретич. взгляды Э. (во многом опирающиеся на понятия скоростей звука и света и новую натурфилос. концепцию мироздания) опосредованно отразились в мандельшт. «Разговоре о Данте» (1933) – см., напр.: «Поэзии Данта свойственны все виды энергии, известные современной науке. Единство света, звука и материи составляет ее внутреннюю природу. <...> Если бы физик, разложивший атомное ядро, захотел его вновь собрать, он уподобился бы сторонникам описательной и разъяснительной поэзии, для которых Дант на веки вечные чума и гроза», – и др. [отчасти эта метафора предвосхищена уже в программной ст. «О собеседнике» (1913 (1912?), 1927), где О. М. так определяет поэтич. произведение: «Этим строкам, чтобы дойти по адресу, требуется астрономическое время, как планете, пересылающей свой свет на другую»]; ср. содержащуюся в набросках к «Разговору о Данте» характеристику с совершенно явной отсылкой к квантовой теории: «Дант может быть понят лишь при помощи теории квант» (3. С. 219–221; 1. С. 188; 3. С. 402). Ряд параллелей с теорией относительности Э. предложен для «Стихов о неизвестном солдате» (1937); см.: Иванов. С. 356–357 и сл.

Лит.: Иванов Вяч. Вс. «Стихи о неизвестном солдате» в контексте мировой поэзии // ЖиТМ.

С. Г. Шиндин.

ЭЙХЕНБАУМ Борис Михайлович [4.10.1886, г. Красный Смоленской. губ (ныне Смоленской обл.) – 24.11.1959, Ленинград], лит-вед, д-р филол. наук (1918). С 1919 участник *ОПОЯЗ*а. Судя по письму Э. к А. С. Долинину от 4.7.1913, гл. фигурой среди акмеистов Э. вначале представлялся С. М. *Городецкий* (Письма Б. М. Эйхенбаума к А. С. Долинину. С. 179). Знакомство Э. с О. М. состоялось 7.1.1914, в С.-Петербурге, о чем Э. на следующий день сообщил в письме к родителям: «Вчера был в “Северных записках” и познакомился там с тремя молодыми поэтами – Гумилевым, Мандельштамом и Георгием Ивановым (совсем юный). Они пригласили меня в собрание “цеха поэтов” – пойду завтра в качестве гостя. Там, верно, увижусь с Городецким – он один из организаторов этого союза» (цит. по: Чудакова М., Тоддес Е. Наследие и путь Б. Эйхенбаума // Эйхенбаум. О литературе. С. 6). Г. В. *Иванов* вспоминал о своей и О. М. встрече с Э. в редакции акмеистич. журнала *«Гиперборей»* (см.: Иванов Г. В. Собр. соч.: В 3 т. М., 1994. Т. 3: Мемуары. Литературная критика. С. 318). По свидетельству В. Г. *Шкловской-Корди*, поэт и филолог виделись и в петрогр. *Доме искусств* (см.: О. и Н. Мандельштамы. С. 105).

Впервые в печати Э. упомянул имя О. М. в рец. на книгу молодой петерб. поэтессы Е. Г. *Полонской*. Пытаясь определить, какая поэтич. традиция повлияла на Полонскую, Э. предположил, что она «ближе всего» к О. М. По его мнению, наиб. ярко подобное сходство проявилось в «ритмической напряженности стиха» и в затрудненном синтаксисе – и то, и др. характерно для лирики О. М. (см.: Книжный угол. 1921. № 7. С. 41). Здесь же Э. впервые отметил приверженность О. М. к классич. традиции. К этому вопросу он вернулся в работе «Проблемы поэтики Пушкина» (1924). Исследователь размышлял в ней о том, что рус. поэзия всегда стремилась преодолеть пушкинский канон, ставший своего рода «классическим» образцом. Далее Э. утверждал, что в недрах *символизма* зародился «новый классицизм» (М. А. *Кузмин*, А. А. *Ахматова* и О. М.): эти поэты по-новому ощутили «классического Пушкина» (Эйхенбаум. Проблемы поэтики Пушкина // Эйхенбаум. О поэзии. С. 25). Имя О. М. неск. раз встречается в кн. Э. «Анна Ахматова: Опыт анализа» (Пг., 1923). Проводя параллели между творчеством Ахматовой и творчеством О. М., «объединяя» этих поэтов, исследователь, в противовес В. М. *Жирмунскому*, заявлял, что акмеисты не «преодолевали» символизм, а «завершали» его, тогда как стремление к «преодолению» символизма было свойственно футуристам (Он же. Анна Ахматова: Опыт анализа // Эйхенбаум. О поэзии. С. 84). Сравнивая лирику Ахматовой и О. М. с творчеством футуристов, Э. предположил, что акмеистам будет сложнее обрести учеников и последователей, поскольку О. М., «идущий своим путем», менее понятен читающей публике, чем, напр., В. В. *Маяковский* (Там же. С. 85). Обращаясь к

анализу конкретных особенностей лирики Ахматовой, Э. зафиксировал ряд худож. приемов, сближающих ее поэтику с поэтикой О. М., причем черты сходства исследователь отметил практически на всех уровнях организации поэтич. текста. Так, оба автора предпочитали использовать «строгие» метры, напр., «четкий» пятистопный ямб (Там же. С. 109). Далее Э. говорил об общем для Ахматовой и О. М. подходе к организации «фонетической», «звуковой» стороны стихотворения: они уделяли большое внимание звучанию согласных, что привело к заметному усилению «чисто речевой, произносительной энергии» стихотворений (Там же. С. 120). В заключение Э. указал, что и Ахматова, и О. М. усложнили семантику собств. стихотв. текстов за счет актуализации «побочных», «второстепенных» смыслов. Поэты создали такие словосочетания, в к-рых каждое слово «насыщается новыми смысловыми оттенками». Это особенно характерно для О. М. (Там же. С. 132–133).

Имя О. М. встречается и в ст. Э. «О камерной декламации», к-рая вошла в сб. Э. «Литература: Теория. Критика. Полемика» (Л., 1927). Рассматривая феномен публич. выступления поэтов с чтением своих стихов, Э. обнаружил у таких разных авторов, как А. А. *Блок*, Н. С. *Гумилев*, О. М., Ахматова и А. *Белый*, наличие «общей» исполнит. манеры: подчеркивание ритма, чтение нараспев (Он же. О камерной декламации // Эйхенбаум. О поэзии. С. 520).

В предисловии к сборнику стихов молодого поэта Н. М. Максимова (вышел в 1929) Э. вновь написал об О. М. как одном из ведущих поэтов акмеистич. группы. Утверждая, что творч. манера Максимова формировалась под сильным влиянием поэтики акмеистов, учителями поэта Э. назвал И. Ф. *Анненского*, Гумилева и О. М. (Он же. Стихи Николая Максимова // Эйхенбаум. Мой временник. С. 578).

В свою очередь, О. М. в заметке «А. Блок (7 августа 21 г. – 7 августа 22 г.») (1922) одобрительно противопоставил «работы, именно “работы” Эйхенбаума и Жирмунского» о Блоке «болотным испареньям русской критики» (2. С. 252; подразумевалась ст.: Эйхенбаум Б. М. Судьба Блока // Об Александре Блоке: Статьи Н. Анциферова, Ю. Верховского, В. Жирмунского, Вл. Пяста, А. Слонимского, Ю. Тынянова, Б. Эйхенбаума, Б. Энгельгардта. Пб., 1921. С. 65–105). В заметке «Литературная Москва» О. М. привел имя Э. в ряду виднейших представителей формальной школы рус. лит.-ведения (2. С. 257).

Уже после смерти Э. был опубл. найденный в его архиве конспект вступит. доклада об О. М., произнесенного на вечере поэта, состоявшемся 14.3.1933 в Политехнич. музее в Москве (см.: Эйхенбаум Б. О Мандельштаме: (Тезисы к докладу, 14 марта 1933) // День Поэзии. Л., 1967. С. 167–168). Сам жанр конспекта, предполагающий максимально сжатую форму изложения материала, не позволяет восстановить авторский замысел во всей его полноте. Однако можно предположить, что Э. стремился рассмотреть творчество О. М. в контексте той особой ситуации, к-рая сложилась в советской поэзии к нач. 1930-х гг. Внимание исследователя привлекли, прежде всего, фигуры двух поэтов – О. М. и Б. Л. *Пастернака*. В их творчестве Э. увидел реализацию двух разл. направлений, в границах к-рых в дальнейшем будет развиваться рус. поэзия. Отметив, что в данный период «соотношение» «О. М. – Пастернак» заменило «прежнее» соотношение «Маяковский – С. А. *Есенин*», исследователь попытался описать осн. особенности поэтики О. М. и Пастернака. Лирику Пастернака он охарактеризовал как «“преодоление” слова», «мускульное напряжение», необходимое для того, чтобы «вырвать из слова вещь»; у О. М., напротив, – «химия слов», «не слова, а тени слов». Оппозиция «Пастернак – О. М.» виделась Э. аналогом более давней оппозиции – «М. Ю. *Лермонтов* – Ф. И. Тютчев». Подводя итоги, исследователь уточнил: О. М. – «возрождение акмеистической линии», противостоящей футуризму; Пастернак – эклектик, соединивший в своем творчестве черты, свойств. символизму и футуризму (Он же. Конспект речи о Мандельштаме // Эйхенбаум. О литературе. С. 446–448; микроанализ этого доклада см.: Чудакова М., Тоддес Е. Комментарий // Эйхенбаум. О литературе. С. 533; Кацис. С. 38–40; здесь же см. попытку найти отклики на выступление Э. в критич. статьях О. М., писавшихся в воронежской ссылке).

Доклад Э. произвел разное впечатление на слушателей: Э. Г. *Герштейн* определила его содержание как «острое и смелое» (Герштейн. С. 34). Л. В. Розенталь вспоминал, что «доклад был несколько длинноват, прочитан вяло и особого энтузиазма не вызвал» (Розенталь Л. В. Мандельштам. Бородатый Мандельштам // «Сохрани мою речь»-1. С. 37). Сходно высказалась в своем дневнике и Н. В. *Соколова*, к-рая, тем не менее, подробно изложила осн. тезисы выступления Э. (Соколова Н. В. 14 марта 1933 г. Вечер Осипа Мандельштама // «Сохрани мою речь»-3(2). С. 87–89; см. также: Липкин С. И. «Угль, пылающий огнем» // Мандельштам и его время. С. 309). О. М., судя по всему, доклад, скорее, не понравился: «...Он напал на Эйхенбаума, речь которого слушал (по собственному его признанию) через замочную скважину <...> В речи Эйхенбаума было много спорных (и очень спорных) положений, но он не выступал против Маяковского, как говорил об этом Мандельштам» (Из газетного отчета С. Г. Гехта; цит. по: Чудакова М., Тоддес Е. Комментарий. С. 532–533).

Среди не слишком многочисл. воспоминаний современников, свидетельствующих о непосредств. общении Э. и О. М., можно особо отметить отрывок из записных книжек Л. Я. *Гинзбург* (записи 1925–26), где рассказывается о том, как О. М. ночью звонил Э., чтобы сообщить о появлении «нового» поэта, К. К. Вагинова (Гинзбург. С. 16). См. также у Ахматовой о февр. 1933: к О. М. «в Европейскую гостиницу на поклон пришел весь тогдашний литературный Ленинград (Тынянов, Эйхенбаум, Гуковский)» (Листки из дневника. С. 135).

Наезжая в Москву в 1935 по делам редактируемого им собр. соч. Лермонтова, Э. иногда останавливался в квартире О. М. и Н. М. (О. М. в это время пребывал в воронежской ссылке). Ср. в письме О. М. к С. Б. *Рудакову* от 17.12.1935: «Получил письмецо от Эйхенбаума, который остановился в Москве у нас» (4. С. 162; см. также: Герштейн. С. 71–72). Как известно, Рудаков считал себя учеником Э. (см.: Мандельштам в письмах Рудакова. С. 43).

Соч.: О поэзии. Л., 1969; О литературе: Работы разных лет / вступит. ст.: Наследие и путь Б. Эйхенбаума; коммент. М. О. Чудаковой, Е. А Тодеса. М., 1987; Мой временник: Художественная проза и избр. статьи 20–30-х годов. СПб., 2001.

Источники: Письма Б. М. Эйхенбаума к А. С. Долинину // Звезда. 1996. № 5; Герштейн; Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 204, 246, 317; Гинзбург Л. Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб., 2002.

Лит.: Кацис Л. Ф. О воронежских рецензиях О. Мандельштама // Воронежский период в жизни и творчестве О. Э. Мандельштама: Материалы. Воронеж, 1991; Jovanovič M. Борис Эйхенбаум о русской поэзии XX века: (После 1925 г.) // Revue des Etudes slaves. 1985. Т. 57. Fasc. 1. P. 114, 115, 116–20, 122.

О. Ю. Казмирчук, О. А. Лекманов.

ЭКСТЕР (урожд. Григорович) Александра Александровна [6.1.1882, Белосток Гродненской губ. – 17.3.1949, Фонтене-о-Роз, Франция], живописец, график, театр. и кинохудожник, книжный иллюстратор, модельер-дизайнер, педагог. В 1908–14 жила в Киеве, Москве, С.-Петербурге, Париже. В 1908 познакомилась в Москве с Д. Д. *Бурлюком*, Н. С. Гончаровой, М. Ф. Ларионовым, в С.-Петербурге – с Н. И. *Кульбиным*. С сер. 1910-х гг. Э. – одна из ключевых фигур рус. худож. авангарда. В кон. 1916 широкую известность ей принесло оформление в моск. Камерном театре спектакля «Фамира Кифаред» по одноим. трагедии И. Ф. *Анненского* (1913) (см.: Александра Экстер: Путь художника. Художник и время. М., 1993. С. 103–115, 199–200; репродукции сценич. оформления и костюмов: С. 53–67), на к-рую, в свою очередь, положит. рец. (1913) отозвался О. М. (см.: 1.). В кон. 1917 Э. возвратилась на Украину и до сер. 1920 жила в Киеве и Одессе, затем, до отъезда в 1925 во Францию, – в Москве.

По мнению совр. исследователей, Э., видимо, не занималась систематич. преподават. деятельностью: ее студия была местом встреч представителей самых разных творч. кругов. Киевская мастерская декорац. иск-ва, к-рая брала подряды на театр. и оформит. работы, была открыта Э. совм. с И. М. *Рабиновичем* в дек. 1918; здесь же давались уроки живописи, рисунка и театр.-декорац. иск-ва. В отеч. искведении принято считать, что наиб. влияние Э. оказала на вполне определ. узкий круг художников (Л. М. Козинцева, И. И. Нивинский, П. Г. Пастухов, К. Н. Редько, А. Г. *Тышлер*, Н. А. *Шифрин* и др.), к числу к-рых относится и Рабинович, упоминаемый Н. М. в связи с ее участием в оформлении постановки К. А. *Марджанова* «Фуэнте овехуна» в Киеве весной 1919. Н. М., ссылаясь на устное высказывание Э., называла себя ее ученицей (см.: Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 158); в своей автобиографии факт ученичества она относит к первым послерев. годам; ср.: Лившиц Е. Воспоминания // ЛО. 1991. № 1. С. 89. В кон. июля 1923 О. М. сам рассказывал Л. В. *Горнунгу* о том, что Н. М. «брала уроки у художницы Александры Экстер» (Горнунг Л. В. Немного воспоминаний об О. Мандельштаме // ЖиТМ. С. 30). Возможно, именно Э. оказала ключевое воздействие на формирование худож. взглядов Н. М., – характеризуя нач. 1920-х гг., она, в частности, отмечала: «К тому времени уже изрядно надоел и “Бубновый валет”, и все “Ослиные хвосты”, а про “Мир искусства” я и слышать не хотела» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 459).

Прямых свидетельств знакомства О. М. с Э. не существует; вместе с тем она общалась с нек-рыми из поэтов-акмеистов: по восп. А. А. *Ахматовой*, в 1910-е гг. Э. работала над ее портретом (см.: Реформатская Н. В. С Ахматовой в Музее Маяковского // Воспоминания об Анне Ахматовой. М., 1991. С. 543); тогда же Ахматова посвятила Э. стих. «Старый портрет» (1910). В кон. нояб. – нач. дек. 1911 во время поездки в Киев М. А. *Кузмин* и Н. С. *Гумилев* останавливались в доме Экстеров. На протяжении мн. лет Э. поддерживала друж. отношения с Б. К. *Лившицем* (ср.: Лившиц Е. Воспоминания. С. 88), была автором фронтисписа к сб. его стихов «Волчье Солнце» [М. (Херсон), 1914]. О. М. мог познакомиться с Э. в сер. 1910-х гг. в С.-Петербурге (Петрограде) или во время своего пребывания в Киеве весной–летом 1919, напр., при участии А. И. *Дейча* [ср.: Дейч А. И. Две дневниковые записи // «Сохрани мою речь»-3(2). С. 146].

С. Г. Шиндин.

ЭНДЕР Борис Владимирович 4.2.1893, С.-Петербург – 12.6.1960, Москва), живописец, график, иллюстратор, художник рус. авангарда. Род. в семье обрусевших немцев. В 1905–07 брал частные уроки рисования у И. Я. Билибина, в 1911 сблизился с М. В. Матюшиным и Е Г. Гуро. В 1913–15 учился на ист. ф-те С.-Петерб. (Петрогр.) ун-та. В 1915 был призван на воен. службу. После демобилизации в 1918 поступил в Петрогр. Гос. свободные худож. мастерские. Занимался у К. С. Петрова-Водкина, затем у Матюшина и после завершения обучения в 1923 продолжил работать под его началом в отделе органич. культуры Гос. ин-та худож. культуры (ГИНХУК; Петроград – Ленинград, 1923–26), вошел в созданную им группу художников «Зорвед», ориентировавшуюся на исследования и эксперименты в области цветовосприятия. В круг общения Э. входили К. С. Малевич, Н. М. Суетин, И. Г. *Эренбург*, Н. И. *Харджиев*. В кон. 1920-х гг. в творчестве Э. наметился переход от абстрактной живописи к фигуративной, стал преобладать жанр традиционного пейзажа; в 1930-х гг. он работал в области монументального иск-ва, принимал участие в оформлении павильона СССР на Междунар. выставке в Париже (1937).

Э. целиком оформил вторую книгу детских стихотворений О. М. «Два трамвая» (Л.: Госиздат, 1925) – обложка, 11 страниц текста, 1 иллюстрация. О знакомстве и общении О. М. с Э. ничего не известно.

С. Г. Шиндин.

ЭНЦИКЛОПЕДИИ И СЛОВАРИ ЛИТЕРАТУРНЫЕ.

Энциклопедия (от греч. enkyklios paideia – обучение по всему кругу знаний), вид науч. и науч.-популярной литературы, содержащей расположенные в алфавитном, тематич. (систематич.) или алфавитно-тематич. порядке осн. сведения по разл. областям знания и практич. деятельности. Как жанр зародилась еще в Др. Египте (2-я четверть 2-го тысячелетия до н. э.) и Китае (12–10 вв. до н. э.). Универсально-всеохватный характер и широкое распространение приняла в греко-римской античности (начиная со Спевзиппа, ученика Платона, 5–4 вв. до н. э., и включая римского писателя и учёного Марка Теренция Варрона, 2 в. до н. э., к-рого можно считать родоначальником жанра европ. энциклопедии).

Истоки возникновения лит. энциклопедий и словарей традиционно возводят к труду др.-греч. поэта и грамматика эпохи эллинизма Каллимаха «Таблицы тех, кто прославился во всех областях знания, и того, что они написали» (3 в. до н. э.), а периодом активного издания подобных книг стала эпоха Возрождения (14–16 вв.). Лит. энциклопедии и словари (ЛЭС) содержат биографич. и библиографич. сведения о писателях, литературоведах, критиках (а также философах, культурологах, эстетиках, занимавшихся вопросами истории и теории литературы), описание (как правило, аналитическое, – чем энциклопедич. изд. и отличается от обычного справочника) лит. явлений и процессов, связанных как с творчеством отд. писателя (литературоведа и т. п.), так и группы представителей того или иного направления или периода; разъяснение литературоведч., а также филос., культурологич., ист., мифологич., религ., языковедч., книговедч., искусствоведч. и т. п. терминов и понятий, в т. ч. дискуссионных; информацию о лит. премиях, конгрессах, музеях, геогр. пунктах, так или иначе связанных с лит. событиями и фактами. Подобные издания могут называться также лексиконами, путеводителями, гидами, вадемекумами, тезаурусами. Осн. типы таких ЛЭС: а) универсальные, включающие творч. портреты писателей, критиков, литературоведов разл. народов и стран, обзоры нац. литератур и раскрытие литературоведч. (и близких к ним) понятий и терминов (напр.: Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. М., 1962–78; Литературный энциклопедический словарь. М., 1987); б) библиографические (биобиблиографические), посв. описанию жизненного и творч. пути писателей, принадлежащих к определ. периоду и/или нац. культуре (Русские писатели 1800–1917 / под ред. П. А. Николаева. М., 1989–2007. Т. 1–5, изд. продолжается; Русские писатели XX века / под ред. П. А. Николаева. М., 2000), а также к той или иной социальной группе (например, писательницам Англии); в) проблемно-тематические (как то: энциклопедии-систематизаторы фольк. мотивов, лит. героев, определ. тем и образов – напр., темы труда, темы Сатаны в мировой или в той или иной нац. литературе; словари заглавий лит. произведений, цитат из них или др. текстов – писем, статей и т. п. – лит. деятелей; путеводители по тому или иному роду (напр., проза), жанру (напр., роман) или отд. произведению (напр.: Энциклопедия «Слово о полку Игореве»: В 5 т. СПб, 1995; Онегинская энциклопедия: В 2 т. М., 1999–2003; и др.); г) терминологические (многочисл. словари литературоведч. терминов; Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и составитель А. Н. Николюкин. М., 2002; Западное литературоведение XX века: Энциклопедия / Гл. ред. Е. А. Цурганова. М., 2004); д) региональные (Литературная энциклопедия Русского зарубежья. 1918–1940 / Гл. ред. А. Н. Николюкин: В 4 т.: Писатели Русского зарубежья. М., 1997; Периодика и литературные центры. М., 2000; Книги. М., 2002; Всемирная литература и Русское зарубежье. М., 2006); е) персональные (см.: *Энциклопедии персональные*).

Литературные (как и др. отраслевые) энциклопедич. издания могут дифференцироваться также по читательскому адресу (детская или взрослая аудитория, специалисты или широкая публика, женщины, пожилые люди), цели (краткая справка-характеристика или полное представление о предмете) и способу подготовки издания (коллегиальный или индивидуальный). Как правило, ЛЭС снабжены библиографией (пристатейной и/или общей ко всему науч.-справочному тексту), часто – иллюстрациями; новейшие – именными и предметными указателями, иногда – приложениями (хронологич. таблицами, словарями рифм и т. п.).

Общей в развитии мировой лит. энциклопедистики является вполне закономерная тенденция к усложнению ЛЭС, расширению и одноврем. углублению информации, что, в частности, явилось одной из причин вычленения из массива биобиблиографич. энциклопедич. материала сфокусированных на отд. лицах персональных энциклопедий.

Лит.: К а у ф м а н И. М. Русские биографические и биобиблиографические словари. 2-е изд. М., 1955; К а н д е л ь Б. Л. Путеводитель по иностранным библиографиям и справочникам по литературоведению и художественной литературе. Л., 1959; М у р а в ь е в В. В. Энциклопедии литературные // Краткая Литературная энциклопедия: В 9 т. / Гл. ред. А. А. Сурков. М., 1975. Т. 8; Я к у ш е в а Г. В. Пушкин в энциклопедиях Запада (XX век) // Вестник МГУ. Серия Филология. 2000. № 5; О н а ж е. Словари и энциклопедии литературные // Литературная энциклопедия понятий и терминов / под ред. А. Н. Николюкина. М., 2001.

Г. В. Якушева.

ЭНЦИКЛОПЕДИИ ПЕРСОНАЛЬНЫЕ (ЭП), издания энциклопедич. жанра, целиком посв. личности, худож., обществ. и/или гос. деятельности одного лица, в т. ч. лит. деятеля. Как правило, они подводят итог определ. этапу изучения жизни и деятельности этого лица, являясь при этом средством мобилизации коллективных или индивидуальных исследоват. усилий. Одноврем. они служат целям постижения, объективного восприятия и пропаганды результатов деятельности (творчества) этого лица. Нередко они содержат избранные тексты своих персонажей или др. приложения.

ЭП зародились в кон. 19 в. и нашли широкое распространение в 20 в., обозначив весьма продуктивную ветвь развития энциклопедистики: краткие и полные энциклопедии о *Данте Алигьери* [в т. ч. «Enciclopedia» (в 3(5?) т. Дж. Скартаццини, Милан, 1896–1905; аналогич. изд.: Рим, 1970–73], У. *Шекспире* [в т. ч. «Читательский справочник по Шекспиру» А. Кэмпбелла и Е. Дж. Куина (Нью-Йорк, 1966) и «Шекспировский лексикон» (в 2 томах, А. Шмидта; 6-е изд.: Берлин; Нью-Йорк, 1971], М. Сервантесе, И. В. *Гёте* [в т. ч. «Гётевский словарь» (в 4 томах, А. Цаштрау; 2-е изд.: Штутгарт, 1955–61], Ф. Шиллере, Р. Бернсе, У. Блейке, Ч. Диккенсе, У. М. Теккерее [«Теккереевский словарь» А. Маджа и М. Сирса (Нью-Йорк, 1962)], Стендале [«Малый Стендалевский словарь» А. Мартино (Париж, 1948)], Ф. Кафке и мн. др. Образцом мировой персоналистич. энциклопедистики в области литературоведения могут служить Гётевские энциклопедии (словари, справочники, путеводители, лексиконы), в большом количестве и разнообразном жанровом качестве выпускаемые с кон. 19 в. в Германии: от «карманных книг» в мягких обложках до солидных многотомных изданий. Если знаменитая франц. энциклопедия Д. Дидро и Ж. Л. Д'Аламбера («Толковый словарь наук, искусств и ремесел») в 18 в. утвердила способность науч.-справоч. издания быть не только источником информации,

но и своеобразной картиной мира, апологетом и проповедником определ. системы ценностей, ниспровергателем и агитатором в одно и то же время, причем не только посредством прямых характеристик, но и с помощью самого подбора фактов, их расположения и степени подробности их освещения, – то нем. энциклопедистика (с центрами в Лейпциге, а позднее в Штутгарте и Берлине) с 19 в. являла примеры наиб. адекватного воплощения принципов жанра (полнота, точность, емкость текста), при этом тактично соединяя неизбежную тенденциозность («программность») с информационной объективностью, позволяющей пользователю делать и собственные выводы. Показательными примерами нем. персоналистич. энциклопедистики последних лет могут служить труды изд-ва Й. Б. Метцлера в Штутгарте: однотомный «Метцлеровский Гётевский лексикон» (1999; составители: Б. Йессинг, Б. Лютц и И. Вильд, ред. С. Маттхес), освещающий практически все проблемы жизни и творчества Гете в написанных 37 авторами и обогащенных 150 иллюстрациями 2200 статьях о худож. и науч. произведениях поэта, осн. этапах его биографии, круге друзей, путешествиях и знакомствах, а также о влиянии Гете на современность, и 4-томный (фактически 6-томный) «Гетевский словарь» [2004; т. 1 – «Поэзия», т. 2 – «Драматургия», т. 3 – «Проза», т. 4 в 2 полутомах: «Люди. События. Понятия»; дополнит. том дает помесячную хронологию жизни Гете и обширную библиографию изданий его сочинений и литературы о нем; под ред. Б. Витте, Т. Бука, Х.-Д. Данке, Р. Отто и П. Шмидта; лексикон снабжен множеством разнообразных иллюстраций (в т. ч. репродукциями прижизненных геогр. карт Веймара – гл. города в жизни Гете, а также картой маршрута его итал. путешествия) и целым семейством указателей (упоминаемых лиц и их трудов, сочинений Гете, мифологич. и библейских имен, геогр. названий, терминов и понятий)]. «Метцлеровский Гетевский лексикон» имеет объем ок. 200 а. л., и приблизительно столько же в среднем – каждый том 4(6)-томного «Гетевского словаря». Своеобразными дополнениями к указанным фундаментальным и коллективным ЭП в Германии являются небольшие (ок. 20–25 а. л.) и авторские ЭП, отличающиеся не столько строгой научностью (хотя и не противоречащие ей), сколько оригинальностью. Это «Гетевский букварь» (Лейпциг, 1997) Г. Шури, где отправной точкой для написания статьи служит то или иное «ключевое слово» в произведениях, письмах, восп. или обстоятельствах жизни Гете, каковыми могут быть и «Двадцативосьмилетний Август» (сын Гете), и «Еврейские лавочки», заполнявшие некогда квартал во Франкфурте-на-Майне, где поэт родился и провел свое детство, и «Мировая литература» как понятие, введенное Гете в общекультурный обиход, и даже слово «Или» как знак диалектичности мировидения Гете, его способности во всех явлениях и событиях видеть альтернативу, др. сторону, иной вариант – вплоть до становящихся «черными словами» (то есть названиями энциклопедич. статей) выражений и слов, относящихся к сфере гетевского аппетита. Второе издание аналогич. типа – книга М. Лёша «Кто есть кто у Гете» (1-е изд.: 1998; 2-е изд.: 1999), рассказывающая обо всех сколько-нибудь значит. персонажах произведений Гете (от Гёца фон Берлихингена с железной рукой до Клавиго и Рейнеке-Лиса, от Вертера до Фауста и Мефистофеля). В этой связи нельзя не упомянуть и о таких своеобразных модификациях Гетевских энциклопедий, как словари и лексиконы (преим. авторские), посв. анализу в алфавитном алгоритме отд. произведений поэта («Страданий юного Вертера», «Фауста», дилогии о Вильгельме Мейстере, «Западно-восточного дивана» и др.).

Г. В. Якушева.

В России (точнее, в СССР) персональная энциклопедистика, по сравнению с мировой практикой, зародилась со значит. опозданием: начало работы над «Лермонтовской энциклопедией» датируется кон. 1950-х гг., а первые ЭП увидели свет только в 3-й четверти 20 в. Первая в СССР ЭП – «Шевченківський словник» в 2 томах, подготовленный Ин-том литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР вместе с Гл. редакцией Укр. советской энциклопедии и выпущенный на укр. яз. в 1976–77 (пред. редколлегии – Н. П. Бажан). В ее составе более 4000 статей (в их написании приняли участие ок. 500 авторов) и ок. 1000 ил. В многочисл. отзывах на изд. оно получило выразительное определение: «Все о Шевченко».

Непревзойденной в отечественной и одной из лучших в мировой энциклопедистике по праву считается «Лермонтовская энциклопедия» под ред. В. А. Мануйлова (члены редколлегии: И. Л. Андроников, В. Г. Базанов, А. С. Бушмин, В. Э. Вацуро, В. В. Жданов и М. Б. Храпченко), подготовленная в ИРЛИ (Пушкинском Доме) и выпущенная в изд-ве «Советская энциклопедия» в 1981 тиражом 150 тыс. экз. Ее подготовка началась еще в 1958 по инициативе Л. П. Семенова (1886–1959). Подытожив достижения науч. лермонтоведения от давних времен до наших дней, «Лермонтовская энциклопедия» стала наиб. полным и достоверным сводом биографич., библиографич., ист.-лит. и теоретич. материалов о М. Ю. *Лермонтове*, о его лит. и бытовом окружении, предшественниках и последователях в рус. и мировой литературе, отражении его сюжетов и образов во всех областях искусства. Эта однотомная, объемом в 90 п. л. (160 уч.-изд. п. л.), энциклопедия насчитывает более 2500 статей (написанных 271 автором) и содержит ок. 400 ил. Она сумела соединить информативную насыщенность с чисто исследовательским импульсом, поскольку сама работа над ней постоянно выявляла своего рода «лакуны» в лермонтоведении. Так, напр., в энциклопедии появилась содержательная многосоставная статья о мотивах в творчестве Лермонтова (свободы и воли, действия и подвига, странничества, изгнанничества, одиночества, памяти и забвения, сна, игры, любви, смерти, судьбы и др.). Впервые именно для данной энциклопедии были подготовлены и обобщающие статьи о планах и набросках поэта, об отражении сюжетов и мотивов его творчества в разл. видах искусства (включая кинематограф), о переводах и изучении творчества Лермонтова в литературах народов СССР и за рубежом, и др. Отд. статьи посвящены каждому, даже самому краткому и незавершенному произведению поэта, проявлено внимание к различным аспектам его связей с рус. и мировой культурой и с текущим лит. процессом, равно как и к многочисл. проблемам его поэтики; к окружению Лермонтова и связанным с ним памятным местам, к иконографии поэта и его собственному графич.-живописному наследию, а также к вопросам лермонтоведения. В раздел Приложений вошли летопись жизни и творчества

Лермонтова (В. А. Мануйлов, С. Б. Латышев), осн. литература о его жизни и творчестве, словарь рифм и частотный словарь языка Лермонтова (оба – под ред. В. В. Бородина и А. Я. Шайкевича). Колоссальный архив, отложившийся в результате работы над «Лермонтовской энциклопедией», был передан из ИРЛИ в фонды Гос. музея-заповедника М. Ю. Лермонтова в Пятигорске. В 1999 вышло 2-е изд. «Лермонтовской энциклопедии» (репринт; тираж 7000 экз.); в наст. время она размещена и в Интернете, на портале «Фундаментальной электронной библиотеки»: http://feb-web.ru/feb/lermenc/lre-abc/0.htm

Следующим после «Лермонтовской энциклопедии» крупным произведением в жанре ЭП в СССР стал выпущенный в Белоруссии энциклопедич. справочник «Франциск Скорина и его время» (1988; рус. изд.: 1990). Жизнь и творчество великого белорусского ученого и просветителя эпохи Возрождения представлена в 738 энциклопедич. статьях. Особенностью этого изд. стало сочетание статей с публикацией документальных материалов и факсимильным воспроизведением осн. трудов Ф. Скорины.

Начиная с 1973 в ИРЛИ и ИМЛИ ведется совм. подготовка фундаментальной многотомной «Пушкинской энциклопедии» (автор идеи и ее 1-й гл. ред. – Б. С. Мейлах; в наст. время гл. ред. – Н. Н. Скатов, зам. гл. ред. – И. С. Чистова; члены редколлегии: М. Н. Виролайнен, О. С. Муравьева и В. Д. Рак); ее отд. материалы время от времени публикуются (см., напр., сб.: Пушкин и мировая литература: Материалы к Пушкинской энциклопедии. СПб., 2004). Между тем в 1999, к 200-летнему юбилею А. С. *Пушкина*, изд-во «АСТ» выпустило энциклопедич. подарочное изд. «Пушкинская энциклопедия. 1799–1999» – богато иллюстрированную книгу, предназначенную для широкого круга состоятельных поклонников поэта: оно содержит его биографию, хронологию творчества, восп. современников, знакомит с окружением поэта, а также включает тексты речей, статьи и очерки знаменитых рус. писателей, раскрывающие их понимание творчества Пушкина, его значение для рус. литературы и мировой культуры. Еще одну «Пушкинскую энциклопедию», рассчитанную на учителей и старшеклассников, анонсировало моск. изд-во «Просвещение», предложившее собственные принципы ее организации с ориентацией на потребности школьного учеб. процесса.

В 1991 вышла «Краткая Ахматовская энциклопедия: от А до Я» Д. С. Умникова, носящая совершенно непрофессиональный и курьезный характер. Она открыла собой целую серию «авторских» ЭП: напр., «Булгаков» (1998; 2007) и «Гоголь» (2007) Б. В. Соколова, «Достоевский» (2007) Н. Н. Наседкина и «Достоевский и его окружение» (2001) С. В. Белова, «Шекспир» (2007) В. Николаева, «Словарь литературного окружения Игоря Северянина (1905–1941)» (2007) Д. С. Прокофьева или «Грибоедов» (2007) С. А. Фомичева. Нек-рые из них, в частности, Ахматовская и Булгаковская, вызвали ряд критич. отзывов.

Вместе с тем во 2-й пол. 1990-х гг. обозначилось появление смешанного жанра персонально-региональных энциклопедий, привязанных к жизни или пребыванию их титульных персонажей в соответствующих регионах: так, усилиями Л. Н. Большакова в Оренбурге в 1997 появились сразу три «оренбургских» ЭП – Пушкинская, Толстовская и Шевченковская. В 2003 в Москве вышла первая книга в многотомнике «Пушкинская энциклопедия “Михайловское”», а в 2004 в Ельце и Тамбове – «Замятинская энциклопедия. Лебедянский контекст». Выпуск в Барнауле первых 2 томов «Шукшинской энциклопедии», кажется, свободен от подобного местничества и представляет собой полноформатный проект.

Если не ограничиваться в сфере ЭП только областью литературы, то следует отметить и ЭП «Ломоносов» Э. П. Карпеева, центр внимания к-рой лежит как раз в сфере естеств.-науч. деятельности М. В. Ломоносова, а также первую в Азербайджане энциклопедию «Узеир Гаджибеков» (гл. ред. – Н. Ибрагимов), посв. самому известному азерб. композитору и выпущенную в 1995 на азерб. яз., а в 2003 на русском (в т. ч. и в электронном виде). К числу авторских ЭП можно отнести и краткую энциклопедию Г. В. Якушевой «Отто Юльевич Шмидт – энциклопедист» (М., 1991). Кроме того, надо обратить внимание на такие литературные ЭП, как «Розановская» (под ред. А. Н. Николюкина), «Чеховская» (под ред. В. Б. Катаева), «Есенинская», «Хлебниковская», «Пришвинская» и нек-рые др., а также ЭП, посв. Петру I и Н. И. Пирогову.

Можно констатировать, что с 1990-х гг. в рос. науке и культуре обнаружился немалый спрос на жанр ЭП, благодаря чему он пережил подлинный, хотя и условный бум; условный потому, что, несмотря на обилие задекларированных или начатых проектов, количество доведенных до завершения ЭП все же невелико (правда, массовый выход библиографий и летописей жизни и творчества классиков рус. и советской литературы можно рассматривать как важные этапы на этом пути), а значит. часть завершенных проектов, судя по вызванной ими критике, не соответствует осн. жанрообразующим критериям. В последующем следует ожидать постепенного завершения уже начатых книжных проектов ЭП и общей эволюции ЭП в сторону электронных и Интернет-версий – эволюции, предусматривающей их синтез с др. жанрами, напр., с собраниями сочинений того же автора.

П. М. Нерлер.

Библиография: Лермонтовская энциклопедия / Гл. ред. В. А. Мануйлов. М., 1981 (2-е изд.: 1999); Францыск Скарына і яго час. Мінск, 1988; Франциск Скорина и его время. М., 1990; Умников С. Д. Краткая Ахматовская энциклопедия: от А до Я. Тысяча слов – кратких справок. Л., 1991; Якушева Г. В. Отто Юльевич Шмидт – энциклопедист. М., 1991; Мамаев А. А. Жизнь и творчество Велимира Хлебникова: Библиографический справочник. Астрахань, 1995; Большаков Л. Н. Оренбургская Толстовская энциклопедия: Материалы. Поиски. Исследования. Хроника. Оренбург, 1997; Он же. Оренбургская Шевченковская энциклопедия: Тюрьма. Солдатчина. Ссылка. Энциклопедия одиннадцати лет, 1847–1858. Оренбург, 1997; Он же. Оренбургская Пушкинская энциклопедия: Путешествие-1833. Реалии «Истории Пугачева». Прототипы «Капитанской дочки». Исследователи и интерпретаторы. Оренбург, 1997; Соколов Б. Булгаков: Энциклопедия. М., 1998 (2-е изд.: 2007); Достоевский: эстетика и поэтика: Словарь-справочник. Челябинск, 1997; Карпеев Э. П. Ломоносов: Краткий энциклопедический словарь СПб., 1999; Миры братьев Стругацких: Энциклопедия в 2 т. / сост. Борисов В. М. СПб., 1999; Онегинская энциклопедия: В 2 т. Т. 1. А–К. М., 1999; Т. 2. Л–Я. М., 2003; Пушкинская эн-

циклопедия. 1799–1999. М., 1999; Квиннел П. Кто есть кто в творчестве Шекспира? М., 2000; Белов С. В. Достоевский и его окружение: Энциклопедический словарь. СПб., 2001; Михайловская Пушкиниана. Вып. 13: Пушкинская Михайловская энциклопедия (материалы). Михайловское. Тригорье. М., 2001; Пушкинская энциклопедия «Михайловское» в 3 т. / науч. рук. И. Т. Будылин. Т. 1. Ч. 1. С. Михайловское. М., 2003; Наседкин Н. Н. Достоевский: Энциклопедия. М., 2003; Замятинская энциклопедия. Лебедянский контекст / ред. Л. В. Полякова. Тамбов; Елец, 2004; Пушкин и мировая литература. Материалы к Пушкинской энциклопедии. СПб., 2004 (Серия: Пушкин. Исследования и материалы. Т. 18); Творчество В. М. Шукшина: Энциклопедический словарь-справочник в 3 т. Т. 1–2. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2005; Николаев В. Шекспир: Энциклопедия. М., 2007; Соколов Б. Гоголь: Энциклопедия. М., 2007; Прокофьев Д. С. Словарь литературного окружения Игоря Северянина (1905–1941): Биобиблиографическое издание: В 2 т. Псков, 2007; Фомичев С. А. Грибоедов: Энциклопедия. СПб., 2007; Розановская энциклопедия / составитель и гл. ред. А. Н. Николюкин. М., 2008; Узеир Хаджибеков (1885–1948): Электронная энциклопедия: http://uzeyir.musigi-dunya.az/uzeyirbook/index_ru.html; Scartazzini G. A. Enciclopedia dantesca: V. 1–3. Milano, 1896–1905; Martineau H. Petit dictionnaire Stendhalien. P., 1948; Zastrau A. (Hrsg.) Goethe-Handbuch: In 4 Bdn. 2. Aufl. Stuttgart, 1955–61; Sears M. E. A Thackeray dictionary. N. Y., 1962; Campbell O. J., Quinn E. G. The reader's encyclopedia of Shakespeare. N. Y., 1966; Enciclopedia dantesca: V. 1–3. Roma, 1970–73; Schmidt A. Shakespeare lexicon: V. 1–2. 6 ed. B.; N. Y., 1971; Losch M. Who's who bei Goethe. M chen: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1998. 2. Aufl. 1999; Schury G. Goethe – ABC. Reclam Verlag Leipzig, 1997; Metzler-Goethe-Lexikon / Hrsg. von Benedikt Jessing, Bernd Lutz und Inge Wild. Red. Sabine Matthes. Stuttgart, Weimar: Verlag J. B. Metzler, 1999; Goethe-Handbuch. Sonderausgabe / hrsg. von Bernd Witte, Theo Buck, Hans-Dietrich Dahnke, Regine Otto, Peter Schmidt. Stuttgart: Verlag J. B.Metzler, 2004;

Лит.: Мейлах Б. С. О задачах и принципах создания «Пушкинской энциклопедии» // РЛ. 1974, № 2; Михайлова Н. И. Онегинская энциклопедия: от замысла к воплощению // Октябрь. 1995. № 2. С. 162–176; Белов С. Свидетельствуют 2381 современник великого писателя // Слово. 1997. № 11/12. С. 39–43; Гудкова В. Мнимости в литературоведении, или Бориса Соколова Энциклопедия (Б. С. Э.-96) // Знамя. 1997. № 10. С. 218–220; Карум И. Л., Светлаева В. М., Земская Е. А. Письмо в редакцию // НЛО. 1997. № 25. С. 430–433; Соколов Б. В. Письмо в редакцию // Там же. № 27. С. 409–13; Он же. О Булгакове, диссертациях и мифах: Ответ В. Гудковой // Знамя. 1998. № 3. С. 229–230; Чувакин А. А. О подготовке энциклопедического словаря-справочника «Творчество В. М. Шукшина» // Творчество В. М. Шукшина: Метод. Поэтика. Стиль. Барнаул, 1997. С. 3–12; Катаев В. Б., Гитович И. Е., Чудаков А. П. Чеховская энциклопедия // Вестн. Российского гуманитарного научного фонда. М., 1999. № 4. С. 136–41; Малофеева Н. Н. Отечественные персональные литературные энциклопедии // Научная книга. 2000. № 3. С. 37–44; Полякова Л. В. Своевременное издание: Замятинская энциклопедия // Вузовская наука начала XXI в.: Гуманитарный вектор. Юридические науки. Литературоведение. Языкознание. Психология: Материалы I Всероссийской научной заочной конференции. Екатеринбург, 2002. С. 55–58; Бушин Л. Энциклопедия «Достоевский» // Патриот. 2003. № 49; Кошелев В. «Реалии жизни» и «энциклопедия мифа» // НЛО. 2004. № 68; Лавров А. «Поименно...» // Там же. 2006. № 79; Пашкин Д. А. К проблеме создания Хлебниковской энциклопедии // http://avantgarde.narod.ru/beitraege/bu/dp_enc.htm.

Г. В. Якушева, П. М. Нерлер.

ЭПИСТОЛЯРИЯ О. Э. Мандельштама.

Первое из дошедших до нас писем О. М. датируется маем 1903, когда поэту было 12 лет, оно было написано по пути из Новгорода в Старую Руссу, с традиционной экскурсии *Тенишевского училища*; последнее – октябрем 1938, за неск. месяцев до смерти.

Всего было 225 личных писем, 28 заявлений, деловых писем и коллективных писем с участием О. М.

Эпистолярное наследие О. М. см. в 4-м томе его «Собрания сочинений» в 4 т. (М., 1997).

Лит.: Фрейдин Ю. Двести сорок шесть писем Мандельштама // «Сохрани мою речь...». Вып. 3. Ч. 1. М., 2000. С. 7–13.

ЭРДМАН Николай Робертович (3.11.1900, Москва – 10.8.1970, там же), поэт, драматург, сценарист, либреттист. С О. М. встречался в Калинине. Сначала О. М. и Н. М. по совету И. Э. *Бабеля* обратились к Э. с просьбой помочь снять в городе комнату, а потом Э. довольно часто навещал их. «Услыхав об аресте О. М., Э. произнес нечто невнятное, вроде: "Если таких людей забирают..."» (Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 420).

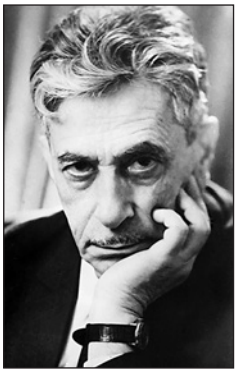
Н. М. после смерти О. М. встречала Э. у А. А. *Ахматовой*. Н. М. считала Э. «самым крупным из наших драматургов», а его пьесу «Самоубийца» назвала «вершиной советской драматургии» и дала собств. оригинальную интерпретацию пьесы (Там же. С. 133, 418–21). Она рассказывала о неосуществленных замыслах пьес Э., среди к-рых ее, по-видимому, особенно поразила одна («Гипнотизер»), о к-рой она упоминает неск. раз: пьеса должна была строиться на «двуязычье» – переходе с «языка учрежденческого и высокоидеологического на язык домашний» (Там же. С. 167, 420).

Соч.: Пьесы. Интермедии. Письма. Документы. Воспоминания современников / ред. и вступ. ст. А. Свободина. М., 1990; Письма. Николай Эрдман. Ангелина Степанова / предисл. и коммент. В. Вульфа. М., 1995.

Н. В. Сарафанова.

ЭРЕНБУРГ Илья Григорьевич (14.1.1891, Киев – 31.8.1967, Москва), поэт, переводчик, прозаик, публицист, обществ. деятель. В 1906–07, будучи гимназистом, участвовал в рев. движении, чл. с.-д. Союза учащихся Москвы, вскоре, под влиянием старших товарищей – Н. И. *Бухарина* и Г. Я. Брильянта (Сокольникова), примкнул к большевикам. В янв. 1908 арестован, в дек. отпущен под залог за границу; поселился в Париже, где, отойдя от парт. деятельности, начал писать стихи. В это же время в Париже находился и О. М., но сведений об их возможном знакомстве нет.

В 1910 в Париже вышла 1-я кн. Э. – «Стихи», отмеченная в статьях В. Я. *Брюсова*, М. А. *Волошина*, Н. С. *Гумилева* и др. Имея в виду эту книгу, М. А. *Кузмин* заметил: «Среди совсем молодых поэтов, разумеется, есть и другие, стре-



Илья Григорьевич Эренбург

мящиеся к тонкой и, мы бы сказали, хрупкой поэзии», – и следом назвал «других»: Э., О. М., М. И. *Цветаеву* (К у з м и н М. А. [Предисл.] // Ахматова А. А. Вечер. Стихи. СПб., 1912. С. 9–10). В 1912 два стихотворения Э. напечатаны в № 3 журнала *«Гиперборей»*, там же – рецензия О. М. на 3-ю кн. стихов Э. «Одуванчики» (Париж, 1912), к-рую О. М. предпочел «сказкам» 1-й книги Э. Отметив, что Э. «очень простыми средствами достигает подчас высокого впечатления беспомощности и покинутости», О. М. писал: «Приятно читать книгу поэта, взволнованного своей судьбой, и осязать небольшие, но крепкие корни неслучайных лирических настроений... Один из немногих, г. Эренбург понял, что от поэта не требуется исключительных переживаний» (1. С. 181). Сам Э. впоследствии признавал, что в «Одуванчиках» он «не вылечился от стилизации, только вместо картонных лат взял напрокат в костюмерной гимназическую форму» (Э р е н б у р г И. Собр. соч. Т. 6. С. 418). Начав в Париже издавать поэтич. журнал «Вечера», Э. декларировал в его № 1 (май 1914): «Потребность издания журнала стихов давно назрела. Лишь прекрасное начинание петербургского Цеха Поэтов “Гиперборей” отчасти заполнило этот пробел». В № 2 «Вечеров» были напечатаны стихи акмеиста М. А. *Зенкевича*. Начавшаяся 1-я мировая война 1914–18 остановила издание журнала. О *«Цехе поэтов»* Э. сочувственно писал в ст. «Заметки о русской поэзии» (Гелиос. Париж, 1913. № 1. С. 14–17). В эту пору Э. воспринимался столич. критиками как поэт, близкий акмеистам. В частности, К. И. *Чуковский* в ст. «Цветущий посох» (Журнал журналов.1915. № 1. С. 8), утверждая, что акмеисты не музыканты, но каменщики, запоздало отметил: «У акмеистов Эренбурга и Мандельштама много таких к а м е н н ы х стихов», – именно в 1915 поэтич. дороги и внеш. глобальные обстоятельства далеко увели Э. от стихов 1912. В отличие от О. М., последовательно выстраивавшего свою поэтику, Э. долго искал себя, легко бросая одну поэтич. систему ради другой.

Заочное знакомство Э. с О. М. продолжилось с выходом *«Камня»* (1913).

В 1913–15 перекличка интересов Э. и О. М. обнаруживается в работе Э. над переводами франц. поэтов Ф. *Жамма* и Ф. *Вийона*. Знакомство Э. с Жаммом состоялось в 1911 [см. в автобиографии Э. (1922): «Жамм, католицизм. Предполагал принять католичество и отправиться в бенедиктинский монастырь. Говорить об этом трудно. Не свершилось» (Новая русская книга. Берлин, 1922. № 4. С. 44)]. Влияние Жамма на поэзию и взгляды Э. было недолгим, но сильным: личные встречи, ст. Э. «У Франсиса Жамма» (Новь. 1914. 26 февр.), кн. «Детское» (Париж, 1914), посв. Жамму, наконец, переводы его стихов, включенные как в антологию Э. «Поэты Франции» (Париж, 1914), так и в первую в России кн. Жамма «Стихи и проза» (М., 1913). Свидетельством тогдашнего интереса О. М. к Жамму является вариант стих. «Аббат» («И самый скромный современник, / Как жаворонок, Жамм поет»). Вийоном О. М. увлекся раньше Э., к-рый, приступая в 1915 к переводам, уже был знаком со ст. О. М. «Франсуа Виллон» в журнале *«Аполлон»* и напечатанными там переводами (Гумилева), а также и с осн. франц. книгами о Вийоне. В 1916 книга переводов Э. из Вийона вышла в Москве; ее экз. Э. отправил О. М. с надписью: «Поэту Мандельштаму. И. Эренбург. 1916» (Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана. М., 1989. № 2629). Во вступит. статье к сборнику Вийона при упоминании разночтений в рус. написании имени поэта (Вильон – у А. С. *Пушкина*, Виллон – у «новых авторов») имелся в виду, прежде всего, несомненно О. М., т. к. Брюсов в 1913 писал «Вийон». В текстах О. М. и Э. обнаруживаются расхождения в описании убийства, совершенного Вийоном в драке, и совпадение в оценке сходства жизненных и поэтич. путей Вийона и П. *Верлена* («Бедный Лелиан» у Э.). Интерес к Вийону Э. и О. М. сохраняли всю жизнь (в 1956 Э. заново перевел любимые стихи Вийона).

Начавшаяся в 1914 1-я мировая война привела к расхождению поэтич. путей Э. и О. М., что было полемично декларировано Э. при упоминании петерб. поэтов: «Во всех этих безукоризненных ямбах и хореях сколько величайшей неправды! Вот “оранжевые” и “синие” книги, и вот скуластые пермяки, которые прямо и честно ходят в штыки <...> А на Парнасе бряцают звонкими рифмами и размахивают хоругвями наспех придуманных лозунгов» (ст. «Стилистическая ошибка», 1918; подробнее см.: Ф р е з и н с к и й Б. Я. «Из слов остались самые простые: [Жизнь и поэзия Ильи Эренбурга]» // Эренбург И. Г. Стихотворения и поэмы. С. 21–33). Став в 1915 корр. рус. газет на франко-герм. фронте, Э. увидел войну из окопов: картины варварства нем. войск во Франции, сцены бессмысленности и скуки тыла, тоска солдатских госпиталей, фразы рус. крестьян, пригнанных помогать франц. армии, наполнили его статьи, репортажи и многословные стихи («прозаизмы и истерика» – по оценке Э. в «Книге для взрослых», 1936). То, что О. М. на др. уровне осознания войны насыщал стихи погружением в контекст европ. истории, увеличивая плотность и смысловую насыщенность стиха, порождало тогда у Э. поверхностное ощущение парнасского эстетизма, ухода от реалий мирового катаклизма. В свою очередь, О. М., видимо, считал стихи Э. того периода попросту слабыми (так же высказался о них позднее и сам Э., см.: Э р е н б у р г И. Собр. соч. Т. 7. С. 93).

По возвращении в Россию в июле 1917 Э. написал публицистич. статьи и стихи. Его личное знакомство с О. М. произошло летом 1918 в Москве на выступлении О. М. в «неком небезызвестном салоне», где «безукоризненный эстет из “Аполлона” с жаром излагал свои большевистские идеи» (О н ж е. Стилистическая ошибка // Возрождение. М., 1918. 5 июня). Настроенный антибольшевистски, Э., услышав «Сумерки свободы» О. М., воспринял их как смену

полит. позиции О. М. после осени 1917, т. е. после стих. «Когда октябрьский нам готовил временщик...»: «Мандельштам, изведав прелесть службы в каком-то комиссариате, гордо возглашает: как сладостно стоять ныне у государственного руля!» – слово «руль» в этом и мн. иных высказываниях Э. неизменно отсылало к «Сумеркам свободы». Столь же воспаленно Э. воспринимал тогда позицию А. А. *Блока*, Андрея *Белого*, С. А. *Есенина*, Н. А. *Клюева*, В. В. *Маяковского*, Кузмина. Впоследствии Э., отдавая должное мудрости О. М., неоднократно цитировал «Сумерки свободы» в контекстах, позволявших судить об эволюции его собств. взглядов (подробнее см.: П а р н и с).

Дальнейшие, уже дружеские, встречи Э. и О. М. в 1919–1920 происходили в Киеве, Коктебеле, Тифлисе, Москве. В окт. 1918 Э. бежал от ареста из большевистской Москвы в Киев, где (уже при большевиках, в марте–апр. 1919) встретился с О. М. Апр.–авг. 1919 – время их постоянных встреч: в киевском клубе *«ХЛАМ»*, на мероприятиях лит. секции подотдела иск-в культ.-просветит. отделения Киевского отдела нар. образования, в Мастерской худож. слова, где Э. (ее организатор) наряду с Б. К. *Лившицем* и В. Н. *Маккавейским* вел постоянные занятия, а О. М. выступил с неск. докладами (см.: Ф р е з и н с к и й Б. Я. И. Эренбург в Киеве (1918–1919) // Минувшее. 1997. № 22. С. 248–335). Две встречи датируются по газете левых эсеров «Борьба»: 24.4.1919 (участие в диспуте о совр. иск-ве в зале быв. Купеч. собрания – см. отчет в вып. за 27.4.1919) и 28.4.1919 (участие в «Вечере искскусств» в быв. Театре Соловцова – см. отчет в вып. за 30.4.1919). Встречи в киевских кафе (обычно – на Софиевской ул.), куда случалось заходить О. М. и где Э. был завсегдатаем и читал молодым спутницам свои и чужие стихи (из стихов О. М. – «Я не слыхал рассказов Оссиана», «Декабрист» и чаще всего – «Я изучил науку расставанья...»), упоминаются мемуаристами: самим Э., Я. И. Соммер, Б. А. Букиник и др. Среди спутниц Э. были Соммер, Е. Д. Молдавская, Л. М. Козинцева (его двоюродная племянница по матери, ставшая вскоре его женой; см. *Козинцева-Эренбург* Л. М.), а также ее подруга Н. Я. Хазина (будущая жена О. М., см. *Мандельштам* Н. Я.), с к-рой Э. познакомился в 1918. Нек-рые эпизоды этих встреч содержатся в книгах восп. Н. М. [см.: Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 13, 15, 19, 33, 45, 69, 98, 100, 180, 186, 194, 218, 224, 240, 267, 367, 398–399, 409, 446, 466, 474–476; Т. 2. С. 40, 41–42, 46–48, 107–108, 110–112, 223, 233, 288, 318, 323, 327, 336, 460, 480–483, 508, 510, 555, 591–592). А. Б. Гатов вспоминал, как О. М. познакомил его в Киеве с Э. и как он посещал с ними кафе вблизи Думской пл. (РГАЛИ. Ф. 1204. Оп. 2. Ед. хр. 1413. Л. 1). Э. и О. М. (последний – накануне своего отъезда из Киева) приняли участие в лит. еженед. «Жизнь» (см. их публикации в № 1 за 1–7.9.1919).

Весной 1920 Э. встречался с О. М. в Коктебеле (в доме Волошина) и в Феодосии. В 13-й гл. 2-й книги мемуаров Э. и отчасти в 14-й гл., посв. О. М., говорится о нелегкой зиме 1920 и тягостных раздумьях над будущим («У меня позади были и стихи, и вера, и безверье, мне нужно было связать розовый отсвет Флоренции, неистовые проповеди Леона Блуа, пророчества Модильяни со всем, что я увидел», см.: Э р е н б у р г И. Собр. соч. Т. 7. С. 93). Катализатором этих раздумий стали стихи О. М, особенно – коробившие Э. в 1918 «Сумерки свободы»; строка «Ну что ж, попробуем...» стала его девизом в 1920. Прямые переклички с «Сумерками свободы» есть в стихах Э.: «Бунтом не зовите годы высокой работы» и «Боролись с ветрами, ослабли» (финал цикла «Ночи в Крыму», написанного в Коктебеле в янв.–марте 1920, см.: О н ж е. Стихотворения и поэмы. С. 409, 410). Итогом раздумий стало решение Э. о возвращении в Москву через независимую Грузию. Единственная в 1920 публикация крымских стихов Э. и О. М. появилась в феодосийском поэтич. сб. «Ковчег» (вышел 6.4.1920). 7.8.1920 О. М. отправил Э. копию своего оскорбит. ответа Волошину, с к-рым О. М. к этому времени рассорился (4. С. 26). Узнав об аресте О. М. в Феодосии, Э., несмотря на собств. бытовую ссору с Волошиным, уговорил его отправиться на выручку О. М. (см. М и н д л и н. С. 26–29). Э., вслед за О. М., баржой доплыл из Феодосии в Грузию, и в сер. сент. 1920 встретился с ним в Тифлисе, где 26.9.1920 в Консерватории состоялся вечер их поэзии [программа: вступит. слово Г. Робакидзе о новой рус. поэзии; доклад Э. «Искусство и новая эра» и стихи из книг «Огонь» (Гомель, 1919) и «Новая Зоря» (не издана; стихи вошли в «Раздумья» (Рига, 1921); «Камень» и стихи О. М. последнего времени; стихи Э. и О. М. в исполнении актера Н. И. Ходотова – см. объявление в газете «Грузия» за 24.9.1920].

Выхлопотав в Тифлисе советские паспорта для себя, Козинцевой, Соммер, О. М.. и А. Э. *Мандельштама* и получив пропуска, Э., О. М. и их спутники отправились в окт. 1920 в качестве дипкурьеров поездом из Владикавказа в Москву. Поездка описана в мемуарах Э. и упомянута в его письме к М. М. Шкапской в кон. 1920 (Э р е н б у р г И. Г. Дай оглянуться. № 73). Вскоре после приезда в Москву Э. стал свидетелем очередного столкновения Я. Г. *Блюмкина* с О. М.

Разыскав для О. М. новый киевский адрес Н. М., Э. и Козинцева помогли будущим супругам восстановить связь, что стало цементом последующих взаимоотношений Мандельштамов и Эренбургов (см.: Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 47).

В кон. окт. 1920 Э. был арестован ВЧК, затем освобожден благодаря вмешательству Бухарина. В марте 1921 отбыл за границу с советским паспортом; обосновался в Бельгии. В ст. «Русская поэзия и революция» Э. писал: «Осип Мандельштам, поэт камня и величия, соборов и Баха, не поддался вялому лиризму слез и отчаяния. Потрясенный пафосом событий, он воскликнул: “Ну что ж, попробуем...”», – и далее широко цитировались «Сумерки свободы» (Signaux de France et de Belgique. № 4. Aout 1921. Page 184–185; на франц. яз.). Возможно, это было первое упоминание о поэзии О. М. по-французски. В нояб. 1921 Э. поселился в Берлине (Германия), выпустил ок. 2 десятков книг, сотрудничал в журнале «Новая русская книга», пропагандируя совр. рус. поэзию, вместе с Л. М. Лисицким издавал конструктивистский журнал «Вещь».

Стихи О. М., опубл. в феодосийском сб. «Ковчег», Э. включил в антологию «Поэзия революционной Москвы» (Берлин, 1921), а в программной ст. «О некоторых признаках расцвета российской поэзии» (Русская книга. 1921. № 9), отметив мужественность как один из ее признаков в эпоху катастроф, назвал в качестве высших достижений рус. поэзии, в частности, и то, что осуждал еще в 1918, – «Двенадцать» Блока и «Сумерки свободы» О. М. В статье

Э., стилизованной под обзор новой рус. поэзии вымышленного франц. критика Жана Сало (см.: Вещь. 1922. № 1–2. С. 9), стихи О. М. рассматривались в контексте устойчивого противопоставления поэзии Москвы и Петрограда того времени («европейскость» и «мертвечину» Петрограда подчеркивают, по мысли Э., сборники изд-ва «Петрополис», создающие впечатление, что войны и рев-ции не было): «Если Мандельштам жил бы во Франции, он был бы комичным эпигоном (pompier), вся эта мифология, географическая звукопись и пр. нам (т. е. французам) давно ничего не говорят. Но к его работе в России я отношусь с величайшим уважением. Ваш поэтический язык еще настолько девственен, несделан (как я вам завидую!), рыхл, что упругая, конструктивная поэзия Мандельштама (при всей ее археологичности) – явление положительное». В ст. Э. «Русская литература в 1922 г.» содержится то же противопоставление поэзии Москвы и Петрограда; среди питерских стихотворцев, писал Э., «всего лишь два настоящих поэта – Анна Ахматова (Anno Domini, 1921) и Мандельштам (Tristia)» (Le disque vert. Paris; Bruxelles. 1922. № 3. Page 66; на франц. яз.). В рец. на «Tristia» (Берлин, 1922) Э. отметил своеврем. мужественность стихов О. М. в эпоху рев-ции и их неизменную патетичность: «Мандельштам патетичен всегда, везде, это не ходули, но рост, но манера, но голос» (Новая русская книга. 1922. № 2. С. 19). Именно в устах Э. было важно, что он осознал О. М. «одним из немногих строителей», углядев в «великих “Сумерках свободы”» столь ценимую «современность», но вне «юродствующих восторгов и кликушеских причитаний», на к-рые еще недавно он сам был так падок, полагая их знаком нового иск-ва: «Пусть это не постройки заново, а лишь ремонт старых ямбов (наивное и постепенно уходящее предпочтение внешне новых форм), но никто лучше его не знает тайны цемента, скрепляющего неповоротливые стопы» (Там же). Э. связывал переход от «Камня» к новой книге со всем пережитым О. М.: «Блуждая по темной России – от Киева до Тифлиса, от Петербурга до Феодосии, испытав десятки мобилизаций и расстрелов, ожидая смерти в закроме контрразведки – он заболел человеческой любовью, причастился очищающей и освобождающей потери» (Там же). Рассуждая в др. статье о конструктивизме в совр. иск-ве, Э. замечал, что часто он выявляется в творчестве поэтов, внешне якобы стоящих в стороне от т. н. «“нового искусства”, но ж и в ы х и поэтому не могущих отойти от современных орудий поэтического производства, как, например, Мандельштам и Цветаева» (Там же. № 9. С. 2).

В кн. Э. «Портреты русских поэтов» вошел написанный им в 1920 «портрет» О. М., «в котором все цельно и гармонично», но построено на последоват. контрасте «незыблемости» стихов «Камня», давящих грузом герм. ума и суетливости, даже легкомысленности их автора (Э р е н б у р г И. Портреты русских поэтов. Берлин, 1922. С. 102; О н ж е. Портреты современных поэтов. СПб., 1998. С. 28). Говоря о рев-ции, Э. отмечал прозрение О. М.: «...бедный Мандельштам, который никогда не пьет сырой воды, и, проходя мимо участка комиссариата, переходит на другую сторону, – один понял пафос событий. Мужи голосили, а маленький хлопотун петербургских и других кофеен, постигнув масштаб происходящего, величие истории, творимой после Баха готики, прославил безумие современности: “ну что ж, попробуем огромный, неуклюжий, скрипучий поворот руля”» (Там же С. 29). Этот прием, связанный и с чувством стиха, и со склонностью подмечать смешное, неизменно присутствовал в устных рассказах Э. об О. М. (как говорил Б. Г. Чухновский, Э. в 1930 настолько точно описал внешность, поведение, повадки О. М., что, случайно увидев в Сухуми незнакомого ему прежде поэта, Чухновский его сразу опознал; см.: О. и Н. Мандельштамы. С. 83); однако эти, подчас смешные, рассказы не были ироничными; как вспоминала Соммер, Э. «мог говорить и даже писать о долгах Мандельштама, но при этом он горячо любил» его (Минувшее. № 17. С. 125). Такова и глава об О. М. в мемуарах Э. «Люди, годы, жизнь», породившая впоследствии клише «эренбурговский Мандельштам» (см.: О. и Н. Мандельштамы. С. 80).

С 1920 символика «Сумерек свободы» остается для Э. знаковой (она употребляется в его текстах в диапазоне от провокативного в 1921 до едва ли не демагогического в 1965). В ром. «Необычайные похождения Хулио Хуренито» (1921) образы «сумерек свободы», «поворота руля», «корабля, идущего на дно», существенны в трех главах [в 23-й – когда герои оказываются в Петрограде, на лекции в *Тенишевском училище*, где слышны лозунги «Уберите свободу, она тяжелее всякого ярма!», и в последующем утверждении Хуренито: «Наступают как будто полные сумерки свободы»; в 25-й, с подзаголовком «Спор о свободе в ВЧК», – где великий провокатор, обсуждая лозунг «РСФСР – подлинное царство свободы» и признав, что за год рев-ции большевики «вышибли из голов... само понятие свободы», заметил: «Но мне очень обидно видеть, что в безумном повороте корабля повинен не руль, а волны»; в 27-й – где герой по имени Э. в кабинете В. И. *Ленина* представляет себе всю угрюмую Россию «диким кораблем, отчалившим в ночь» (Э р е н б у р г И. Г. Собр. соч. Т. 1. С. 378, 394, 403)].

В гл. ром. «Рвач» (1924), изображающей Киев в 1919, появляется образ «первейшего поэта», в к-ром угадываются черты О. М: «Это был вымирающий ныне тип традиционного поэта, всю свою жизнь нищенствующий и бескорыстно влюбленный в былую помпезность, веселое дитя, надоедливая птица, словом, чудак, не раз описанный нашими предшественниками. <...> Его стихи были формулами звукового блаженства» (2. С. 246, 247). Образ поэта дан через восприятие молодого ловкача, овладевшего версификацией, чтобы достичь обществ. положения; при личной встрече с ним поэт, раздосадованный формальными ухищрениями пустой души, останавливает его жестким вопросом: «Скажите, зачем вы это делаете?» (Там же. С. 248). Именно о ром. «Рвач» О. М. в февр. 1926 сообщал Н. М. из Ленинграда (4. С. 65): в ГИЗе К. А. *Федин* и И. А. *Груздев* «стараются протащить “Рвача” Эренбурга», – как оказалось, безуспешно.

Отсылки к стихам О. М. в текстах Э. 1920-х гг.: эпиграф к кн. «Белый уголь, или Слезы Вертера», куда вошли очерки 1922–27 (Л., 1928), – «В ком сердце есть, тот должен слышать, время, / Как твой корабль ко дну идет»; в предисловии к ней: «Обманчивым дневным формулам я предпочитаю несвязный бред. В стихах Осипа Мандельштама старый маниак бессмысленно повторял: “Россия, Лета, Лорелея”, соединяя в одно – время и пространство, образ своей эпохи, уютный как любовь мечтательного бурша, и хо-

лод исконного бытия» (С. 9); в очерке «Глазами проезжего» (1926; вошел в его кн. «Виза времени», 1933): «Я не осмеливаюсь прославить купол Айя-София – о нем уже написаны немецкие монографии и стихи Осипа Мандельштама» (Там же. С. 210); в очерке «Грузия» (1926): «“Горбатому Тифлису” посвящает стихи Мандельштам» (Там же. С. 113). О поддержании эпистолярных связей О. М. с Э. свидетельствует письмо О. М. Зенкевичу (1929) о проблемах с переводами М. *Рида*, где О. М. берется раздобыть необходимые франц. издания «частью в Киеве, частью через Эренбурга» (4. С. 104); 3.3.1927 в Париже Э. послал адрес О. М. («Лицей кв. 7. Детское Село») П. П. Сувчинскому в ответ на его запрос (ксерокопия; собрание Б. Я. Фрезинского).

Возможно, что еще одна личная встреча Э. и О. М. произошла в Москве в янв. 1924 (они оба были на похоронах Ленина 27.1.1924, о чем отчитались в прессе; хотя в однодневной газете «Ленин», к-рую Э. редактировал вместе с В. М. Инбер, материалов О. М. нет). По-видимому, к 1924 относится встреча с О. М., назначенная Э. в ресторане «Прага», о к-рой упоминает Миндлин (см. М и н д л и н. С. 94).

Следующую встречу (после приезда Э. в Москву 20.8.1932) упоминает Э. Г. *Герштейн*: «Эренбург пришел к Мандельштаму со Святополк-Мирским» (Г е р ш т е й н. С. 37), характеризуя состоявшийся разговор, как «острый». Решение – оставаясь в Париже, присягнуть советскому режиму – казалось Э. тогда выходом из безнадежного положения; принятая самоцензура не лишила его понимания многого из происходящего в СССР, а порожденные новой ситуацией иллюзии в 1938 в значит. мере развеялись. Именно в 1932, когда Э. совершил большую поездку по стройкам Сибири и Урала, результатом к-рой стал написанный в Париже его первый советский ром. «День второй», в кругу О. М. появились недоброжелатели Э., будущие авторы мемуаров, нуждающихся в точных комментариях, напр., Б. С. *Кузин* (см.: Борис Кузин: Восп. Произведения. Переписка. СПб., 1999 и Герштейн.

Приехав в СССР в июне 1934, Э. узнал об аресте О. М. и говорил об этом с Бухариным; тогда, по свидетельству Н. М., Бухарин сообщил Э., что Г. Г. Ягода прочел ему текст стихов О. М. о И. В. *Сталине*, после чего Бухарин, ред. газеты *«Известия»,* «отступился» (Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 98). Незапланированная поездка Э. в Воронеж (16–18.7.1934), предпринятая для маскировки совм. с начальником строительства магистрали Москва – Донбасс (между двумя заранее запланированными ознакомит. поездками на Волгу и на Север для сбора материалов к ром. «Не переводя дыхания»), внутренне мотивировалась стремлением повидать О. М. [«Летом 1934 года я искал его в Воронеже» (Э р е н б у р г И. Г. Собр. соч. Т. 7. С. 96)], но, не рискнув из осторожности спрашивать адрес ссыльного у незнакомых ему местных советских писателей, Э. разыскать О. М. не смог. Герштейн упоминает о тогдашней пылкой реакции на это Н. М. (см.: Г е р ш т е й н. С. 61); однако Н. М. допускала, что встреча была, причем О. М. надиктовал Э. свои стихи весной 1936 (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 481), хотя в 1936 Э. в СССР не приезжал. Противоречива информация об Э. и в связи со звонком Сталина Б. Л. *Пастернаку*. По свидетельству Н. М., в день разговора со Сталиным Пастернак зашел к Э. и сообщил ему о разговоре с вождем (Там же. Т. 1. С. 224); Л. С. Флейшман также подчеркивал роль Э. в распространении слуха о звонке и (с помощью А. Мальро) использовании его в предсъездовской ситуации (Ф л е й ш м а н Л. С. Пастернак и Бухарин в тридцатые годы // ДН. 1990. № 2. С. 252–254). Звонок Сталина относят обычно к 13 июня, а Э. приехал в Москву 17 июня. В авг. 1934 Э. выступил на 1-м съезде советских писателей, был избран в Президиум *Союза советских писателей*.

В 1936–39 Э. – воен. корр. газеты «Известия» в Испании; приехав на 2 нед. в Москву в дек. 1937, он был лишен заруб. паспорта и направлен 2.3.1938 на процесс Бухарина, но писать о процессе Э. отказался. После двукратного обращения к Сталину Э. в кон. апр. 1938 был отпущен в Испанию (см.: Э р е н б у р г И. Г. На цоколе историй. № 206).

В янв. 1938 Фадеев показал Э. верстку стихов О. М. в журнале *«Новый мир»* (см.: Простор. Алма-Ата, 1965. № 4. С. 58).

Последняя встреча Э. с О. М. состоялась в Москве, видимо, в февр. 1938 [утверждение Э.: «В последний раз я видел его весной 1938 года в Москве» (Э р е н б у р г И. Собр. соч. Т. 7. С. 96), – неточно]. В подаренном Э. желтом кожаном пальто О. М. был арестован и отправлен в лагерь. Его последняя, тюремная, фотография (май 1938) сделана в этом пальто [см.: Н е р л е р. 1994 (2). С. 17]. Э. узнал о смерти О. М., уже вернувшись в Москву летом 1940 (м. б., от Шкапской, знавшей об этом еще в февр. 1939). В записную книжку 1940–41 Э. записал стих. О. М. «Мне на шею кидается век-волкодав...» с пометой: «ОЭ мертв» (РГАЛИ. Ф. 1204. Оп. 2. Ед. хр. 388). Имя О. М. трижды встречается в записях Э. 1941–42 (см.: Э р е н б у р г И. Собр. соч. Т. 7. С. 767, коммент.).

В нач. дек. 1940 с Э. встретилась в Москве Н. М.; в ее «Второй книге» приведены слова Э.: «Есть только стихи: “Осы” и все, что Ося написал», – и ее комментарий: «Единственное, что осталось от того отчаяния, это отношение к Мандельштаму, который стал для него поэзией и жизнью на фоне общего безумия и гибели» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 482). С тех пор друж. связи Н. М. с Э. не прерывались до его смерти [значительны в т. ч. их встреча зимой 1953 (см.: М а н д е л ь ш т а м Н. (1). С. 137) и письмо Н. М. к Э. от 1956 в связи с портретом Э. работы П. Пикассо: «Это то, что понимал Ося в тебе, а следовательно, и я. Доказательство у тебя было – если б не это представление, он не назвал бы тебя перед смертью» (собрание Фрезинского)].

О том, что происходило с О. М. в лагере, Э. узнал в нач. 1952, когда к нему пришел солагерник О. М., биолог В. Л. *Меркулов* (см.: Э р е н б у р г И. Собр. соч. Т. 7. С. 100–101); письмо Меркулова с текстом стих. О. М. «Меня преследуют две-три случайных фразы...» отложилось в Архиве О. М. в *Принстонском университете*. В 1971 были записаны слова О. М., обращенные к Меркулову: «Вы человек сильный. Вы выживете. Разыщите Илюшу Эренбурга... Я умираю с мыслью об Илюше. У него золотое сердце», – и суждения О. М. о писателях, в частности, об Э.: «Эренбурга считал талантливым очеркистом, но слабым поэтом» (Н е р л е р. 1994 (2). С. 37, 38). Н. М. прокомментировала предсмертные слова О. М.: «Он правильно указал биологу на Эренбурга, <...> потому что никто из советских писателей, исключая Шкловского, не принял бы в те годы такого посланца» (Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 476). Др. солагерник О. М. – Ю. И. *Моисеенко* (Э. Л. Поляновский беседовал

с ним через 53 года после событий), подвергая сомнению рассказ Меркулова, привел др. слова О. М.: «Мне бы Илью Григорьевича разыскать. Если бы он знал, что я здесь, он бы меня отсюда вытянул» (Полякновский Э. Л. Гибель О. Мандельштама. СПб.; П., 1993. С. 183).

В 1955, начав борьбу за реабилитацию О. М. письмом в Генеральную прокуратуру, Н. М. назвала трех писателей, к-рые могут дать убедительно-положительную для власти характеристику О. М.: А. А. *Сурков*, К. И. *Чуковский* и Э. 28.2.1957, после реабилитации О. М. по последнему делу, была создана комиссия СП СССР по его наследию, куда вошел и Э. В 1959–65 Э. работал над подцензурными мемуарами «Люди, годы, жизнь»; 14-я гл. 2-й кн. (НМ. 1961. № 1), посвященная О. М., для большинства советских читателей оказалась первой открытой информацией о запрещенном поэте (среди девяти рус. поэтов 20 в., к-рым Э. посвятил портретные главы, лишь Маяковский, Есенин и Брюсов были тогда широко известны). В главе об О. М. полностью или фрагментарно впервые публиковались его стихи, широко цитировался «Разговор о Данте»; автор открыто признавался читателям, что многое в поэзии О. М. оценил не сразу [процитировав «Tristia», Э. написал об О. М.: «В первые годы революции его словарь, классический стих воспринимался как нечто архаическое. Мне эти строки теперь кажутся вполне современными, а стихи Бурлюка – данью сгинувшей моде... Стих Мандельштама потом раскрепостился, стал легче, прозрачнее» (Эренбург И. Собр. соч. Т. 7. С. 97)]. Задача Э. – поведать молодым читателям о неизвестном им поэте – корректировалась необходимостью не вызывать созданным в книге образом поэта сильное раздражение властей, с тем чтобы помочь выходу в СССР стихов О. М. Отсюда акцентированная ремарка: «Никогда он не отворачивался от своего века, даже когда волкодав принимал его за другого» (Там же. С. 100), – или существенное по идеологич. обстоятельствам времени признание Э.: осенью 1917 «не только я, но и многие писатели старшего поколения, да и мои сверстники не понимали масштаба событий. Но именно тогда молодой петроградский поэт, которого считали салонным, ложноклассическим, далеким от жизни, тщедушный и мнительный Осип Эмильевич Мандельштам написал замечательные строки: “Ну, что ж, попробуем: огромный, неуклюжий Скрипучий поворот руля...”» (Там же. С. 31). Ортодоксальная критика встретила главу об О. М. враждебно; пиком афронта стали статьи В. А. Назаренко (Звезда. 1961. № 6) о «буржуазной поэзии» О. М. и А. Л. Дымшица (Литература и жизнь. 1961. 19 окт.; Октябрь. 1961. № 6), где главы мемуаров Э. об О. М., Волошине, Цветаевой, Пастернаке были названы «реставрацией модернистских представлений» (Литература и жизнь. 1961. 19 мая). Положит. отклики о работе Э. тогда не публиковались. Напр., Ахматова отметила: «Удался портрет Мандельштама... В Москве это наделало шуму, потому что впервые о нем по-человечески» (см.: Фрезинский Б. Я. Эренбург и Ахматова. // ВЛ. 2002. № 2. С. 277–278); Н. М. писала: «Среди советских писателей он был и остался белой вороной. С ним единственным я поддерживала отношения все годы. Беспомощный, как все, он все же пытался что-то делать для людей. “Люди, годы, жизнь”, в сущности, единственная его книга, которая сыграла положительную роль в нашей стране. Его читатели, главным образом мелкая техническая интеллигенция, по этой книге впервые узнали десятки имен. Прочтя ее, они быстро двигались дальше и со свойственной людям неблагодарностью тут же отказывались от того, кто открыл им глаза» [Мандельштам Н. (2). С. 22; ср., впрочем, ее же суждение мимоходом о мемуарах Э. в письме к Н. А. *Струве*: «...Журналистская мура» (Н. Я. Мандельштам 1987. С. 314)]. Е. Г. Лундберг в письме к Э. от 9.3.1961 констатировал: «Я вдруг остро ощутил, что когда-то проглядел Осипа Мандельштама. Я ценил его поэзию, безотказно, по убеждению, печатал его стихи в “Знамени труда”. Он меня за что-то ненавидел, я это чувствовал, он не скрывал. В памяти остался “фантом”, а не человек, писавший эти прекрасные, отстоенные, неожиданные строки» (см.: Эренбург И. Г. На цоколе историй. № 467). О критич. замечаниях максималистов сказано в дневнике А. К. *Гладкова*: «Нашелся в стране один человек, который пишет о Цветаевой, Мандельштаме и других, и сразу на него напустились, что “не так”» (In memoriam: Исторический сборник памяти А. И. Добкина. СПб., 2000. С. 549). Именно широкий резонанс мемуаров Э. в СССР вызвал поток информативных писем к Э. от солагерников О. М. (И. Д. *Злотинского*, С. Я. *Хазина* и др.). В 1963 Э. по просьбе редакции «Краткой литературной энциклопедии» написал статью об О. М, к-рая не была опубл.; Э. использовал ее в 1965 для предисловия к публикации стихов О. М в журнале «Простор»; в этом предисловии «Воронежские тетради» рассматривались как вершина поэзии О. М.: «Стих окончательно раскрепощен, ощущение современности обостряется, слово всесильно» (Простор. Алма-Ата, 1965. № 4. С. 58). Эту публикацию 9.9.1965 осудила *«Литературная газета»* из-за «трагических стихов», создающих «одностороннее представление о поэте», особо подчеркнув, что «не исправляет, а усугубляет такое представление предисловие к подборке, написанное И. Эренбургом». В 1963 было сорвано издание стихов О. М. в «Библиотеке поэта»; 6.2.1965 Э. написал в Секретариат СП о необходимости «вынести решение об издании книги стихов Мандельштама и предельном сроке ее выхода в свет» (Эренбург И. Г. На цоколе историй. № 552). В 1963 Э. поддержал советами франц. писателя А. Лану, готовившего передачу об О. М. для франц. радио (см.: Там же. № 505). 24.4.1965 на механико-матем. ф-те МГУ состоялся первый в СССР вечер, посв. О. М., на к-ром председательствовал и выступал Э. (см. ст. *Вечера памяти О. Э. Мандельштама*). По свидетельству Б. А. Слуцкого, «всего лишь за день до смерти» Э. «назвал Цветаеву и Мандельштама как самых близких, самых личных, самых пережитых им поэтов» (Тень деревьев: Стихи зарубежных поэтов в пер. И. Эренбурга. М., 1969. С. 12).

Соч.: Собр. соч.: В 8 т. М., 1991–2000; Стихотворения и поэмы. СПб., 2000 (НБП); Дай оглянуться: Письма 1908–1930. М., 2004; На цоколе историй: Письма 1931–1967. М., 2004.

Источники: Миндлин Эм. Необыкновенные собеседники. М., 1968.

Лит.: Парнис А. Е. Мандельштам: «...Весь корабль сколочен из чужих досок...»: (О хлебниковском подтексте стихотворения «Сумерки свободы») // Поэтика и текстология. М., 1991; Попов В. В., Фрезинский Б. Я. И. Эренбург в 1891–1923 годах. СПб., 1993; Они же. И. Эренбург в 1924–

1931 годах. СПб, 2000; Они же. И Эренбург в 1932–1935 годах. СПб., 2001; Фрезинский Б. Эренбург и Мандельштам // ВЛ. 2005. № 2.

Б. Я. Фрезинский.

ЭРЕНБУРГ Л. М., см. *Козинцева-Эренбург* Л. М.

ЭРИСТОВ Георгий Захарьевич (1902, Батум – 1977, Милан, Италия), поэт, чл. тифлисского «Цеха поэтов» С. М. *Городецкого*. В эмиграции с нач. 1920-х гг., жил в разных странах и обосновался в Италии незадолго до нач. 2-й мировой войны 1939–45. После войны жил в Милане, где преподавал рус. яз. и лит-ру. Автор поэтич. сб-ков «Сонеты» (Милан, 1955), «Синий вечер» (Милан, 1956) и «Ладья» (Париж, 1966).

Оставил мемуарную запись об О. М.: «Из жизни Цеха Поэтов запомнились два исключительных события: приезд Мандельштама и получение экземпляра “Огненного Столпа” Гумилева. В течение своего краткого пребывания в Тифлисе Мандельштам дважды выступал в Цехе Поэтов. Большой поклонник этого поэта, при встрече с ним я испытал некоторое разочарование – его физический облик и манера чтения стихов – неясно, вполголоса, с монотонным “подвыванием” меня неприятно поразили. Помню, как он странно, “косноязычно” декламировал свои знаменитые: “Веницейской жизни мрачной и бесплодной...” и “Возьми на радость из моих ладоней немного солнца и немного меда...”» (Эристов Г. З. Тифлисский Цех поэтов // Современник. 1962. № 5. С. 32).

Лит.: Словарь поэтов Русского зарубежья / под общ. ред. В. П. Крейда. СПб., 1999; Pasquinelli A. Georgij Eristov. Un poeta russo a Milano (в печати).

С. Гардзонио.

ЭРЛИХ Вольф Иосифович (6.5.1902, Симбирск – 24.11.1937, Ленинград, расстрелян), поэт. В 1920-х гг. самый молодой чл. петрогр. (ленингр.) лит. группы «Воинствующий орден имажинистов». Ранние произведения Э., прежде всего сб. «Волчье солнце» (Л., 1928), зачастую воспринимались критикой как чуждые «советской действительности». Это относится и к эмигрантской (В. Ф. *Ходасевич*), и к советской критике: в ненапечатанной рец. на кн. Э. «Арсенал» (М.; Л, 1931) он назван «одним из эпигонов русского акмеизма» (РГАЛИ. Ф. 1698. Оп. 1. Ед. хр. 406). Впоследствии Э. резко изменил свою худож. позицию, и его произведения приобрели ярко выраженную риторико-идеологич. окраску. Именно в этот период преодоления Э. собств. творч. кредо 1920-х гг. в журнале «Красная новь» (1933. № 1) опубл. его стих. «Отступление в повесть», в к-ром, как показал Л. С. Флейшман, содержится не только ряд нападок на «совокупность поэтических высказываний Пастернака конца 1920-х – начала 1930-х годов о современности и революции», но и прямой выпад против стих. О. М. «Век» (1922): «“Я верю” – говорить, не веря, / Петь правильно и все же лгать, / И уподобить век свой зверю, / И умереть и не понять» (Флейшман Л. С. Борис Пастернак в двадцатые годы. СПб., 2003. С. 351).

Лит.: Карохин Л. Вольф Эрлих – друг и ученик Сергея Есенина. СПб., 2007.

А. А. Кобринский.

Абрам Маркович Эфрос

ЭФРОС Абрам Маркович (3.5.1888, Москва – 19.1.1954, там же), иск-вед, лит-вед, переводчик, поэт, издат. работник. С О. М. познакомился летом 1917 в Москве через поэтессу М. М. Тумповскую (1891–1942), к-рая привела поэта в квартиру Э. на Красной Пресне ночевать. С авг. 1922 Э. входил в правление изд-ва артели рус. писателей *«Круг»*, позднее возглавлял правление изд-ва «Узел» и отдел зап.-европ. лит-ры в изд-ве *«Academia»* и в этих своих качествах сотрудничал с О. М. (см.: Горнунг. С. 31). Как издат. работник Э. попал в шуточные стих. О. М. «Любил Гаврила папиросы...» и «Моргулис – он из Наркомпроса...». Согласно восп. Н. М., в 1922 «Мандельштама зазвал к себе Абрам Эфрос» «и предложил “союз”, нечто вроде “неоклассиков”» (Н. Я. *Мандельштам*. Т. 2. С. 142). «Мандельштам отказался наотрез <...> Эфрос никогда этой встречи не забыл, и она отозвалась в последующие годы достаточно явно – тысячами серьезных и мелких пакостей» (Там же. С. 128). Среди этих «пакостей» Н. М. упоминает участие Э. летом 1923 в вынесении О. М. «порицанья» в связи с заявлением писателя А. И. *Свирского* (Там же. С. 207) и пособничество при опубликовании в *«Литературной газете»* от 7.5.1929 порочащего О. М. фельетона Д. И. *Заславского*, «который был принесен в ночную редакцию во время дежурства Эфроса» (Там же. С. 207; в ЛГ от 22.4.1929 сообщалось о создании бюро переводчиков, чл. к-рого О. М. и Э. были избраны). На перечисленные обвинения вдовы О. М. вдова Э. отвечала, что в сб. «неоклассиков» «Лирический круг» (вып. 1) О. М. участвовал и что ссора О. М. с ее мужем произошла не на идеологич., а исключительно на бытовой почве: «Мандельштам взял у Эфроса подборку книг по русской литературе десятых-двадцатых годов» «и, несмотря на многократные напоминания, упорно не возвращал их» (Эфрос. С. 138). В воронежском письме С. Б. *Рудакова* к жене от 4.3.1936 сообщалось, что О. М. и Н. М. «ненавидят переводчика Эфроса» (Мандельштам в письмах Рудакова. С. 155). Тем не менее в Воронеже О. М. пользовался книгами, вышедшими под ред. и с предисловием Э. (Там же. С. 86), а в воронежском письме к Н. М. от 26.12.1935 О. М. ссылается на издат. «предложение Эфроса» о сотрудничестве (4. С. 163).

Источники: Горнунг Л. В. Немного воспоминаний об О. Мандельштаме // ЖитМ; Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 141–144, 148, 217–218, 348–349; Эфрос Н. Д. [Воспоминания о Мандельштаме] // О. и Н. Мандельштамы.

О. А. Лекманов.

Ю

ЮДИНА Мария Вениаминовна (28.8.1899, г. Невель Витебской губ. — 19.11.1970, Москва), пианистка, педагог, преподаватель Ленингр. (1921–30, с 1923 проф.) и Моск. (1936–51) консерваторий. Игре на фортепьяно у Ю., в частности, училась жена С. Б. *Рудакова* — Л. С. Финкельштейн (Герштейн. С. 86, 91). В 1934 Ю. «специально добилась концертов в Воронеже, чтобы повидаться с О. М., и много ему играла» (Н. Я. *Мандельштам*. Т. 1. С. 221; Мария Вениаминовна Юдина. С. 368). Позже Ю. прислала О. М. в Воронеж недавно изданный альбом франц. художников: во время их встречи зашел разговор о живописи, и Ю. поняла, что поэт скучает по Музею нового зап. иск-ва в Москве, особенно по франц. живописи (Н. Я. Мандельштам. Т. 1. С. 305). Этот музей, к-рый О. М. любил, был расформирован в 1948.

Источники: Герштейн.

Лит.: Мария Вениаминовна Юдина: Статьи, воспоминания, материалы. М., 1978.

Л. Л. Горелик.

«**ЮНОСТЬ**», лит.-худож. иллюстрированный журнал для молодежи (Москва, с 1955 года). В 1987 в «Ю.» была опубл. подборка стихотворений О. М., до этого не публиковавшихся в СССР: «Вы хотите быть игрушечной...»; «Черты лица искажены...»; «Привыкают к пчеловоду пчелы...»; «Знакомства нашего на склоне...»; из неопубл. кн. «Новые стихи»: «После полуночи сердце ворует...»; «Квартира тиха, как бумага...»; «Идут года железными полками...»; «Ты должен мной повелевать...»; «Мир должно в черном теле брать...»; «Тянули жилы, жили-были...»; «Если б меня наши враги взяли...»; «Внутри горы бездействует кумир...»; «Дрожжи мира дорогие...»; «Длинной жажды должник виноватый...» (предисл. ред.; подготовка текстов и примеч. С. В. Василенко и Ю. Л. Фрейдина: Ю. 1987. № 9. С. 74–76). Также в «Ю.» увидели свет и «Воспоминания» Н. Я. *Мандельштам*.

Лит.: Вольпин Н. Свидание с другом: [О С. Есенине] / Предисл. В. Вдовина // Юность. 1986. № 10. С. 98; Цветаева М. И. Поэт и время / подгот. текста и публ. Е. Лубянниковой // Там же. 1987. № 8. С. 56; [Б. п.]. Явление поэта: [Предисл. к публ. произведений О. М. и воспоминаний о нем] // Там же. № 9. С. 71; Ахматова А. Листки из дневника / подгот. текста и примеч. С. Василенко и Ю. Фрейдина // Там же. С. 72–74; Жуховицкий Л. Не молитва, а угроза: (Открытый ответ на открытое письмо) // Там же. 1988. № 2. С. 85, 86; Амлинский В. «На заброшенных гробницах...» // Там же. № 3. С. 52, 59; Сарнов Б. Не стрельбище, но и не кладбище! //Там же. № 5. С. 84, 85–86; Поливанов М. [Встречи с Н. Я. Мандельштам] // Там же. № 8; Мандельштам Н. Я. Воспоминания / публ. и коммент. С. Василенко и Ю. Фрейдина // Там же. С. 34–61; Она же. Воспоминания: (Заключительные главы) / Вступ. заметка, публ. и коммент. Ю. Фрейдина // Там же. 1989. № 7. С. 48–57; № 8. С. 24–47; № 9. С. 55–62; Карабчиевский Ю. Улица Мандельштама: [С сокр.]; Богуславская З. Европейки в Америке: Четыре биографии, четыре судьбы // Там же. 1991. № 1. С. 65–69, 71, 72.

В. В. Калмыкова.

ЮРКУН Юрий (псевд.; наст. фам. и имя Юркунас Осип Иванович) (17.9.1895, д. Седунцы Виленской губ. — 21.9.1938, Ленинград), писатель, график-любитель, коллекционер. С 1913 жил в С.-Петербурге (Петрограде — Ленинграде), где в 1914 опубликовал свои первые лит. опыты. С этого же времени и до конца жизни оставался самым близким другом М. А. *Кузмина*. Был женат на О. Н. *Арбениной*, к-рая именно из-за него в янв. 1921 разорвала отношения с О. М. С 1922 самостоятельно занимался рисованием, как график-акварелист входил в группу художников «13», участвовал в выставках. В нач. 1920-х гг. чл. объединения эмоционалистов; тогда же (1922) О. М. и Ю. одноврем. публиковались в альм. *«Абраксас»*. 3.2.1938 арестован и по приговору Воен. коллегии Верховного Суда СССР расстрелян вместе с В. А. *Зоргенфреем*, Б. К. *Лившицем*, В. И. (О.) *Стеничем* и др. за участие в антисоветской право-троцкистской террористич. организации (т. н. дело об антисоветской организации ленингр. писателей). 22.3.1958 реабилитирован.

Время и обстоятельства знакомства О. М. и Ю. неизвестны; вместе с тем, вероятно, оно относится к самому нач. лит. карьеры Ю.: оба запечатлены на фотографиях, снятых 31.10.1914 (см.: 1. С. 332). С весны 1913 О. М. и Ю. могли встречаться в кабаре *«Бродячая собака»* и в доме Кузмина, позднее — в салоне Радловых, у Лившица и др. По восп. Арбениной, Ю. «стихи Вагинова любил больше, чем Мандельштама» (Гильдебрандт. С. 457); по ее же свидетельству известна мандельшт. оценка Ю.: «Юрочка такой бархатный» (Гильдебрандт-Арбенина О. Н. Гумилев // Николай Гумилев: Исследования. Материалы. Библиография. Л., 1994. С. 459). 12.3.1921 О. М. записал в альбом Ю. две первых строфы стих. «Чуть мерцает призрачная сцена...» (собр. Л. А. Глезера; сообщено П. М. Нерлером). Ю. посвящен иронич. дистих О. М. «Двое влюбленных в ночи...» (?). По восп. Н. М. (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 143), в нач. лета 1921 (?) Ю. был активным проводником кузминской идеи вовлечения О. М. в новый творч. союз, вероятно, группу эмоционалистов.

Источники: Милашевский В. Вчера, позавчера...: Воспоминания художника. М., 1989; Гильдебрандт Н. О Юрочке // Юркун Юр. Дурная компания: Роман, повесть.

Лит.: Художники группы «Тринадцать» (Из истории художественной жизни 1920–1930-х гг.). М., 1985.

С. Г. Шиндин.

Я

Николай Михайлович Языков

ЯЗЫКОВ Николай Михайлович (4.3.1803, Симбирск – 26.12.1846, Москва), поэт. Отголоски поэзии Я. слышны в произв. О. М. разных лет. Так, стих. «Есть целомудренные чары» (1909) О. М. восходит, в частности, к стих. Я. «Мое уединение» (1823) (Ronen. P. XIII–XIV); «Зверинец» (1916) отсылает к стих. Я. «К Рейну» (1840) (Ibid. P. 22); языковский «Пловец» («Нелюдимо наше море») (1829) входит в число подтекстов «Сумерек свободы» (1918) (Ронен. С. 140). Связывая стих. О. М. «Возьми на радость из моих ладоней» (1920) с традиц. мотивом дара поэта, характерным для рус. романтич. поэзии, Н. О. Нильссон цитирует ряд стихотворений Я. (Nilsson. P. 70–71). В ст. «Петр Чаадаев» (1914) О. М. упоминал «гордый» ум П. Я. *Чаадаева*, «освистанный задорным Языковым» (1. С. 195), намекая на стих. Я. «К Чаадаеву» (1844) (см.: Камень. 1990. С. 338). В ст. «Vulgata (Заметки о поэзии)» (1922–23) О. М. писал: «Современная русская поэзия <...> была предсказана всем поэтическим прошлым нашей страны, – разве щелканьем и цоканием Языкова не был предсказан Пастернак <...>?» (2. С. 298). Ниже О. М. назвал Я. в числе рус. поэтов, к-рые делали «первостепенное дело»: «участвовали в великом обмирщении языка, его секуляризации». Под этим процессом О. М. понимал вытеснение бесплодных гласных монашеской речи согласными («Множитель корня – согласный звук») и характеризовал Я., боровшегося «с монашески интеллигентской Византией», как самого позднего предшественника В. В. *Хлебникова* и Б. Л. *Пастернака* (Там же. С. 299–300) (ср.: Ronen. P. 298–299). В связи со стих. О. М. «Батюшков» (1932) С. И. *Липкин* сообщал, что О. М. считал Я., наряду с Д. В. Веневитиновым, продолжателем батюшковской линии в рус. поэзии (см.: 3. С. 25). Вслед за «Батюшковым» О. М. написал цикл «Стихи о русской поэзии» (1932), первое стих. к-рого начинается обращением к Г. Р. *Державину*: «Сядь, Державин, развалися, – / Ты у нас хитрее лиса, / И татарского кумыса / Твой початок не прокис. // Дай Языкову бутылку / И подвинь ему бокал. / Я люблю его ухмылку, / Хмеля бьющуюся жилку / И стихов его накал» (Там же. С. 66). Н. И. *Харджиев* пояснял, что «характеристика стихов Языкова восходит к двум посланиям к нему – Пушкина (“Языков, кто тебе внушил...”) и Баратынского (“Языков, буйства молодого...”). Ср. также в ст. Гоголя “В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность”: “Стихи его <Языкова> точно разымчивый хмель; но в хмеле слышна сила высшая, заставляющая его подыматься кверху”» (Стих. 1973. С. 293–294), – ср. упоминание «хмельных языковских здравиц» в рец. О. М. (1935) на сб. «Стихи о метро» (Собр. соч.-2. С. 67). Как пишет Б. М. Гаспаров, «кумыс, в силу своей шипучей консистенции, ассоциируется с образом шипучего и пенящегося вина» (Гаспаров. С. 131), тогда как «тема “холостой пирушки” и пенистого вина устойчиво связывалась в поэзии 1810–20 гг. с идеей “вольности” – во всех смыслах этого слова. <...> устойчивой деталью в этих картинах является противопоставление вина <...> как благословенного напитка <...> воде <...>, предаваемой “проклятию”». Это противопоставление «присутствует в послании Пушкина к Языкову <...>» (Там же. С. 133). Переход творч. напитка от Державина к Я. подразумевает фигуру А. С. *Пушкина* как опущенное звено лит. преемственности: «Пушкин и в особенности Баратынский обращались к Языкову как к представителю другого поколения <...>. С точки зрения этого стилизованного образа сменяющихся поэтических поколений, Языков так же относится к Пушкину, как Пушкин – к Державину <...>» (Там же. С. 132). «Впоследствии этот образ <...> отразился в посмертной характеристике, данной Языкову П. А. Вяземским: “Пушкин был отец твой крестный, А Державин прадед твой”» (Там же. С. 160). В сходном контексте Державин и Я. соседствуют в стих. В. Я. *Брюсова* «Симпосион заката» (1922), на к-рое мог ориентироваться О. М. (см. Амелин, Мордерер. С. 19). О. Ронен ссылается на «Песни» (1823) Я. как один из источников, служивших О. М. «образцами неподдельной народности» при создании «Стихов о русской поэзии» (Ронен. С. 65, 231). Из письма С. Б. *Рудакова* к жене от 9.4.1935 известно, что О. М. принадлежало прижизн. изд. Я., привезенное в Воронеж из Москвы: Стихотворения Н. Языкова. СПб., 1833 (см.: Мандельштам в письмах Рудакова. С. 37).

Источники: Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 733; Мандельштам в письмах Рудакова. С. 404, след.

Лит.: Липкин С. И. «Угль, пылающий огнем...» // 3. С. 25; Гаспаров Б. М. Сон о русской поэзии // Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы. М., 1994. С. 124–161; Тоддес Е. А. К теме: «Мандельштам и Пушкин» // Philologia. Рижский филологический сборник. Вып. 1. Рига, 1994. С. 79–81; Магомедова Д. М. Мотив «пира» в поэзии О. Мандельштама // Смерть и бессмертие. С. 137–141; Амелин Г. Г., Мордe-

рер В. Я. Миры и столкновенья О. Мандельштама. М.; СПб., 2001. С. 18–20; Ронен О. Поэтика О. Мандельштама. СПб., 2002. (по именному ук.); Nilsson N. Å. O. Mandel'štam: Five Poems. Stockholm, 1974. P. 70–72; Ronen O. An Approach to Mandelstam. Jerusalem, 1983 (по именному ук.).

Е. П. Сошкин.

ЯКОБСОН Роман Осипович [11(23).10.1896, Москва – 18.7.1982, Кэмбридж, штат Массачусетс, США], филолог. С 1920 жил и работал в осн. за границей, в Европе; с 1941 – в США. Проф. Гарвардского ун-та и Массачусетского технологич. ин-та. Один из основателей Моск., Пражского, Нью-Йоркского лингвистич. кружков, один из основоположников структурализма. По свидетельству Н. М., «партийная дисциплина» обязывала Я. сохранять дистанцию по отношению к О. М.: «В 1932 году в редакции “Литературной газеты” был вечер стихов Мандельштама... На этом вечере дрогнул Шкловский, но его тут же одернул Кирсанов, напомнив, что принадлежность к группе обязывает к дисциплине и единству оценок. Шкловский отступил... К группе, о которой заботился Кирсанов Сема, принадлежит и Якобсон Роман» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 347). Ср. у М. Л. Гаспарова со слов К. Ф. *Тарановского* и О. Ронена: «Дисциплина партийная. Когда Якобсона спрашивали: кто пять лучших поэтов после Блока? – он говорил: Хлебников, Маяковский, Мандельштам, Пастернак, – а пятый? – и потуплялся: “Асеев; но кто скажет: Кузмин, не буду спорить”» (Гаспаров М. Л. Записи и выписки. М., 2000. С. 21). На вопрос Ст. Поморски о том, как Я. представляет себе иерархию рус. поэтов, ученый ответил: «Величайший русский поэт всех времен – Александр Сергеевич Пушкин, и на этот счет не может быть вопросов. За Пушкиным – большая дистанция, и в качестве номера два я бы поставил Велимира Хлебникова. После Хлебникова имеется несколько кандидатов на третье место: Ахматова, Мандельштам, Маяковский или Пастернак» (Pomorski S. Remembering Roman Osipovič Jakobson. // Р. Якобсон: Тексты, документы, исследования. М, 1999. С. 262). В частной переписке (с Х. МакЛейном) Я. сообщает о реакции О. М. на ст. «О поколении, растратившем своих поэтов»: «Дорогой Hugh, спасибо за чуткость к моим давнишним страницам, о которых Мандельштам когда-то сказал: “библейские слова”» (Из письма Р. Якобсона Х. МакЛейну // Там же. С. 165). О восприятии О. М. этой статьи см. также свидетельство Н. И. *Харджиева* (приведено в: Иванов Вяч. Вс. О статье Романа Якобсона // ВЛ. 1990. Вып. 6. Нояб.–дек. С. 71). Ср. также у О. Ронена о его намерении когда-нибудь «опубликовать по рукописям и наброскам лекцию Р. О. Якобсона о поэзии грамматики у Мандельштама» (Ронен О. Распутья // Звезда. 2004. № 11. С. 230).

М. А. Панарина.

ЯКУЛОВ Георгий Богданович (армян. Յակուլյան Գևորգ Բոգդանի) (2.1.1884, Тифлис – 28.12.1928, Эривань), живописец, график, иллюстратор, театр. художник, создатель «Теории света и происхождения стилей в искусстве», получившей назв. «Теория разноцветных солнц». С 1893 жил в Москве, обучался в Лазаревском ин-те вост. языков, откуда в 1898 исключен; в 1910 поступил в Уч-ще живописи, ваяния и зодчества, откуда отчислен в 1903. До 1905 служил в армии, участвовал в русско-японской войне 1904–05, с этого же года после демобилизации приступил к самостоят. худож. творчеству. С 1907 принимал участие в выставках Моск. товарищества художников, «Союза русских художников» и «Мира искусства», был близок кругу «Голубой розы». В этот же период занимался оформлением журнала «Золотое руно».

В связи со «вторым призывом» в 1913 участников и сторонников рус. футуризма Б. К. *Лившиц* вспоминал: «Среди живописцев у нас нашелся единомышленник в лице Якулова, незадолго перед тем приехавшего из Парижа» (Лившиц Б. Полутороглазый стрелец: Стихотворения, переводы, воспоминания / состав. Е. К. Лившиц и П. М. Нерлера, подгот. текста П. М. Нерлера и А. Е. Парниса, примеч. П. М. Нерлера, А. Е. Парниса и Е. Ф. Ковтуна. Л., 1989. С. 466). Судя по его же свидетельству (см.: Там же. С. 466–469), теоретич. взгляды Я. об одноврем. совместноцветности (теория света) были заимствованы Р. Делоне при разработке им концепции симультанного искусства. Об этом, в частности, Я. говорил в докладе «Естественный свет (архаический солнечный), искусственный свет (современный электрический)», с к-рым выступил 30.12.1913 в артистич. кабаре *«Бродячая собака»* (см.: Нерлер П. М., Парнис А. Е., Ковтун Е. Ф. Примечания // Лившиц Б. Полутороглазый стрелец. С. 678); именно там в этот период могло состояться его знакомство с О. М. Позднее Я. был автором обложки альманаха *«Весенний салон поэтов»* (М., 1918), где среди 45 авторов публиковался и О. М.; см.: Меньшова И. А. Комментарии // Судейкина В. А. Дневник: 1917–1919 (Петроград – Крым – Тифлис) / подгот. текста, вступит. ст., коммент. И. А. Меньшовой. М., 2006. С. 560. Искушенный современник свидетельствовал: «Не в пример большинству живописцев, Якулов обладал даром общения и умел связно излагать свои мысли» (Лившиц Б. Полутороглазый стрелец. С. 468). Столь же благожелат. характеристику Я., относящуюся ко времени проживания О. М. в Доме Герцена (апр. 1922 – авг. 1923; см.: Видгоф Л. М. «Но люблю мою курву-Москву»: Осип Мандельштам: поэт и город. М., 2012. С. 117–180), оставила Н. Я. *Мандельштам*: «остроумный, острый и легкий человек» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 142); из ее кратких мемуарных реплик можно заключить, что на этот период приходится довольно активное мандельшт. общение с Я. Тогда же О. М. опубликовал ст. «Девятнадцатый век» (1922) и микроцикл «Сеновал» («Я по лесенке приставной...» и «Я не знаю, с каких пор...», оба – 1922) в альм. «Гостиница для путешествующих в прекрасном» [1922. № 1 (нояб.)], ядро к-рого составили, по словам рецензента, «официальные имажинисты и всегда близкий к ним Георгий Якулов» (Горнунг Б. В. «Гостиница для путешествующих в прекрасном» // Горнунг Б. В. Поход времени: В 2 кн. Кн. 2: Статьи и эссе / состав. и примеч. М. Воробьева. М., 2001. С. 220); манифест имажинистов был подписан Я. ранее, в янв. 1919. Возможно, что с якуловской теорией света связан один из пассажей этой мандельшт. ст.: «В живописной композиции существует один вопрос, обусловливающий движение и равновесие красок: где источник света?» (2. С. 267). Когда после смерти Я. в Эривани (см. *Ереван*) ему, по распоряжению А. В. Луначарского, были организованы самые торжеств. встреча

и похороны в Москве (см.: Аладжалов С. И. Георгий Якулов. Ереван, 1971. С. 264–280), О. М. «возмущался: при жизни морят и лишают жены (ее посадили), а на мертвого не жаль и расщедриться» (Н. Я. Мандельштам. Т. 2. С. 142).

С. Г. Шиндин.

ЯЛТА, курортный город на юж. берегу Крыма. В 1923 О. М. и Н. М. отдыхали в *Гаспре* близ Я. В сер. 1920-х гг. в Я. неоднократно лечилась Н. М. Сам О. М. был с ней в Я. в нояб. 1925 – янв. 1926 и в июне–окт. 1928.

П. М. Нерлер.

ЯРЦЕВА Мария Викторовна (5.2.1909, Воронеж – 1996, Киев), воронежская знакомая О. М. и Н. М., геолог, внучатая племянница И. А. Бунина. Я. была соседкой и ближайшей, с юных лет, подругой Н. Е. *Штемпель*, к-рая и познакомила ее с О. М. и Н. М. весной 1937, незадолго до конца их воронежской ссылки. За короткое время Я. успела сдружиться с ними, брала у Н. М. уроки англ. яз. Фотограф-любитель, она сделала 2 фотографии О. М. возле их последнего дома в Воронеже на Пятницкой ул. Сохранилась и фотография, сделанная в мастерской моментального фото на воронежском базаре и запечатлевшая Я. вместе со Штемпель, О. М. и Н. М. Во время войны Я. оказалась в Воронеже под оккупацией, в 1942 немцы убили на ее глазах ее отца; в 1943 была перемещена в Киев, работала в геологич. экспедиции, базировавшейся в Каменец-Подольском. Тесная дружба со Штемпель не прекратилась и после войны. В 1948–51 часть архива О. М., находившаяся у Штемпель, временно хранилась у Я. Она часто приезжала в Воронеж, особенно летом, останавливалась у Штемпель. Переписывалась с Н. М., но увиделась с ней только однажды, весной 1967, когда Н. М. уже обосновалась в Москве.

Источники: Штемпель.

Лит.: Заславский Д. Из рода Буниных // Коммуна. 1995. 19 дек. С. 3;

Д. П. Заславский.

ЯХОНТОВ Владимир Николаевич [16.11.1899, Седлец Люблинской губ. – 16.7.1945, Москва], актер и декламатор. С 1918 учился в театр. уч-ще при МХТ, затем в студии Е. Б. Вахтангова. В 1924–26 актер Театра им. В. Э. Мейерхольда. Муж Е. Е. *Поповой*. Познакомился с О. М. и Н. М. в 1927 во время совм. проживания в здании Лицея в Детском Селе (быв. Царское Село, ныне – г. Пушкин) под Ленинградом. Незаурядный артистич. дар Я., его увлечение рус. поэзией, как классич., так и современной (В. В. *Маяковский*, В. *Хлебников*), стремление сделать само худож. слово, раскрытие богатства его содержания главным в своих театр. работах вызвали симпатию и интерес у О. М.

В 1927 Я. основал (с Поповой и С. В. Владимирским) театр одного актера «Современник» (существовал до 1935), где в первую очередь проявился его талант. Я. – создатель (в том же творч. содружестве) и исполнитель моноспектаклей «Пушкин» (1926), «Петербург» (1927), «Евгений Онегин» (1930), «Война» (1930), «Горе от ума» (1932) и др. Знакомство Я. с О. М. состоялось в то время, когда артист работал над «Петербургом», спектаклем по произведениям А. С. *Пушкина*, Н. В. *Гоголя* и Ф. М. *Достоевского*. Тема «маленького человека», разночинца-горожанина, ярко представленная в спектакле, была очень близка поэту: О. М. всегда чувствовал свое родство именно с этим социальным слоем, возводил к нему свою «родословную».

По восп. Н. М., вскоре после знакомства с артистом О. М. начал активно помогать выработке у Я. той манеры чтения стихов, к-рую поэт считал правильной, способствовал избавлению Я. от «свиного рыла декламации» (по выражению О. М.). О. М. принимал, в определ. мере, участие в работе Я. и Поповой над нек-рыми из их будущих постановок. Работу артиста поэт высоко оценил в ст. «Яхонтов» (впервые: Экран «Рабочей газеты». М., 1927. № 31. 3 июля): «На примере Яхонтова видим редкое зрелище: актер, отказавшись от декламации и отчаявшись получить нужную ему пьесу, учится у всенародно признанных словесных образцов, у великих мастеров организованной речи, чтобы дать массам графически точный и сухой рисунок движения и узор слова.

Ничего лишнего. Только самое необходимое. По напряжению и чистоте работы Яхонтов напоминает циркача на трапеции. Это работа без “сетки”. Упасть и сорваться некуда. <...> Яхонтов – единственный из современных актеров – движется в слове, как в пространстве. <...>

В работе Яхонтова и Владимирского есть нечто обязательное для всего русского театра. Это возвращение к слову, воскрешение его самобытной силы и гибкости» (Собр. соч.: В 4 т. М., 1993. Т. 2: Стихи и проза. С. 460–461).

Ср. характеристику О. М. с впечатлением филолога и лингвиста В. В. Виноградова, видевшего спектакль «Петербург» в 1927 в Гос. ин-те истории иск-в (ГИИИ) в Ленинграде (отзыв содержится в письме Виноградова жене, Н. М. Виноградовой-Малышевой, от 16.3.1927): «...Был в Институте на просмотре чтения литомонтажа “Петербург” Яхонтовым. Попурри из Гоголя, Пушкина и Достоевского. Тонкое понимание слова, условный, не всегда оправданный символизм жеста (привитый Яхонтову учеником Вахтангова – Владимирским, который и является постановщиком), гипертрофия “игры”, особенно с вещами. Менее крепко, чем его же чтение “Пушкина”, но более экспериментально и изысканно (с примесью безвкусицы)» (НМ. 1995. № 1. С. 207).

Общение Мандельштамов и Яхонтовых продолжилось в Москве, где последние жили постоянно, а О. М. и Н. М. поселились в кон. 1928. Дневниковые записи и мемуарные заметки Я. и Поповой отражают эти взаимоотношения (см. их архив: РГАЛИ. Ф. 2440). В этих материалах многократно упоминаются О. М. и Н. М., содержатся высказывания О. М. о спектаклях Я., прозе О. М. В связи с «московскими» стихами О. М. 1931 («Еще далеко мне до патриарха», «Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето...» и др.) Я. писал: «Июль 31 г. Москва. Снова Мандельштамы. Снова я потрясен этой мудростью его стихов (он читал мне новые), их зрелостью с явной печатью гениальности. Тут у него появляется горькое веселие, ирония (нет, нечто несравненно более глубокое), как будто он пытается вздохнуть глубоко и наполнить легкие пылью и испарениями обильно политых тротуаров». По словам Я., именно ему и его жене, Поповой, поэт прочел, «(кажется, впервые и первым)», «Мне на пле-

чи бросается век-волкодав, но не волк я по крови своей» (Там же. Л. 51).

В эти годы О. М. осознавал себя отщепенцем в советской действительности и лит-ре. Он принял и недвусмысленно утвердил свое отщепенство как позицию, исполненную внутр. правоты, в «Четвертой прозе» и стихах той поры. В цитируемом архиве нашла отражение разность взглядов Я. и Поповой, с одной стороны, и О. М. – с другой, на эпоху – оптимизм, хотя и не безоговорочный, первых и скептицизм последнего.

О. М. с женой бывал у Я., б. ч. на Новом ш. (в комнате Поповой; д. 1, кв. 1; ныне – Тимирязевская ул.; дом не сохр.), на Петровке (д. 19, кв. 13) и в Варсонофьевском пер. (д. 8, кв. 2), в комнате матери Я. – Натальи Ильиничны; Я. и Попова посещали О. М. в Доме Герцена и на ул. Фурманова (быв. Нащокинский пер., д. 3–5, кв. 26; дом не сохр).

Во время воронежской ссылки О. М. (1934–37), будучи в Воронеже на гастролях, Я. встречался с О. М. После возвращения О. М. из Воронежа его интенсивное общение с Я. возобновилось. Друж. отношение Я. к поэту проявилось в этот период и в непосредств. материальной помощи, к-рую артист неоднократно оказывал О. М.

Соч.: Театр одного актера. М., 1958.

Архивы: РГАЛИ. Ф. 2440.

Источники: Н. Я. Мандельштам. Т. 1–2; Штемпель Н. Е. Мандельштам в Воронеже. М., 1992; Мандельштам О. Э. Яхонтов // Мандельштам О. Э. Собр. соч.: В 4-х т. М., 1993. Т. 2: Стихи и проза.

Лит.: Крымова Н. А. В. Яхонтов. М., 1978; Швейцер В. А. Мандельштам после Воронежа // ВЛ. 1990. № 4; Видгоф Л. М. Москва Мандельштама. М., 1998.

Л. М. Видгоф.

ЯШВИЛИ Паоло Джабраэлович [17(29).6.1895, с. Аргвети Тифлисской губ. – 22.7.1937, Тбилиси, расстрелян], груз. поэт, основатель группы «Голубые роги», ближайший друг Т. Ю. *Табидзе*. О. М. был хорошо знаком с Я., но его стихов не переводил.

П. М. Нерлер.

Научное издание

МАНДЕЛЬШТАМОВСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

В двух томах

Том 1

Редакторы *Л. М. Епифанова, Е. А. Кочанова, К. В. Васильева*
Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Художественное оформление *Ю. Н. Никулин*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Компьютерная верстка *Т. Т. Богданова*
Обработка иллюстраций *А. Ю. Титова*
Корректор *Е. Л. Бородина*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 21.11.2017.
Формат 84×108/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 60,48.
Тираж 500 экз. Заказ №

Издательство «Политическая энциклопедия»
127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1
Тел.: 8 (499) 685-15-75 (общий, факс), 8 (499) 672-03-95 (отдел реализации)